РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КОМПЛЕКСНЫМ ПРОБЛЕМАМ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ, МОДЕРНИЗАЦИИ, КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ И УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ

ИНСТИТУТ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ЕВРАЗИЙСКИЙ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ КОНСОРЦИУМ

БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ: РАЗВИТИЕ, БЕЗОПАСНОСТЬ, СОТРУДНИЧЕСТВО

Ежегодник

Выпуск 2

Часть 2

Москва – 2019

ББК 66.4 (051)
66.75 (2 Рос)

Редакционный совет

А.И. Агеев – д.э.н., профессор, гендиректор Института экономических стратегий РАН, гендиректор МНИИ проблем управления, *А.А. Акаев* – иностранный член РАН, *И.А. Андреева* – директор Парламентской библиотеки ФС РФ, *С.Д. Бодрунов* – д.э.н., профессор, президент Вольного экономического общества России, Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, *Н.Н. Бордюжа* – председатель Исполкома Ассоциации «Аналитика», председатель Координационного совета Евразийского информационно-аналитического консорциума, *А.А. Быков* – д.э.н., профессор, проректор по научной работе Белорусского государственного экономического университета, *С.Ю. Глазьев* – академик РАН, советник Президента РФ, *В.В. Гончаров* – к.э.н., директор Центра системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси, *Ю.В. Гуляев* – академик РАН, член Президиума РАН, президент Российского Союза научных и инженерных общественных объединений; *В.В. Иванов* – член-корреспондент РАН, заместитель Президента РАН, председатель, *А.В. Кузнецов* – член-корреспондент РАН, врио директора ИНИОН РАН, *С.В. Кузнецов* – д.э.н., профессор, директор Института проблем региональной экономики РАН, *Ю.Г. Лаврикова* – д.э.н., врио директора Института экономики УрО РАН, *Е.Б. Ленчук* – д.э.н., директор Института экономики РАН, *И.А. Максимцев* – д.э.н., профессор, ректор СПбГЭУ, *О.С. Сабден* – д.э.н., президент Союза ученых Казахстана, *О.Н. Слоботчиков* – к.полит.н., профессор, ректор Института мировых цивилизаций, *А.В.Смирнов* – академик РАН, директор Института философии РАН.

Редакционная коллегия

А.В. Акимов – д.э.н., зав. отделом Института востоковедения РАН, *В.А. Алёшин* – профессор Академии военных наук, *С.Н. Алпысбаева* – д.э.н., профессор, директор Центра аналитических исследований и прогнозирования Института экономических исследований Министерства национальной экономики Республики Казахстан, *Е.Л. Андреева* – д.э.н., профессор, профессор РАН, зам. директора Института экономики УрО РАН, *Г.А. Ваганян* – д.э.н., к.т.н., профессор Российско-Армянского (Славянского) государственного университета, *М.Д. Валовая* – д.э.н., профессор, Российский экономический университет, *В.И. Герасимов* – к.ф.н., зав. отделом ИНИОН РАН, отв. редактор, *З.А. Дадабаева* – д.полит.н., в.н.с. Института экономики РАН, *С.М. Дедков* – к.э.н., доцент, заместитель директора по научной работе Центра системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси, *О.С. Крюкова* – д.филол.н., зав. кафедрой словесных искусств факультета искусств МГУ, *О.М.Куварзина – д.э.н., профессор РАНХиГС, В.Е. Лепский* – д.психол.н., гл.н.с. Института философии РАН, *Н.М. Межевич* – д.э.н., профессор СПбГУ, гл.н.с. Института проблем региональной экономики РАН, *А.Н. Михайленко* – д.полит.н., профессор РАНХиГС, *Дж.А. Мусаева* – д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономической теории, Международный университет Алатоо, Бишкек, *Е.А. Наумов* – к.т.н., профессор, ученый секретарь Научного совета РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию, *В.В. Перская* – д.э.н., профессор, заслуженный экономист РФ, директор института исследований МЭО Финансового университета, *А.А. Попков* – к.э.н., доцент, проректор по научной работе Института мировых цивилизаций, *С.А. Семедов* – д.филос.н., профессор, зав. кафедрой «Международное сотрудничество» РАНХиГС, *С.К. Смирнова* – д.полит.н., первый заместитель Генерального секретаря – руководитель Генерального секретариата Ассамблеи народов Евразии, *Т.Б. Уварова* – д.и.н., зав. сектором ИНИОН РАН, *М.К. Файзуллоев* – д.э.н., декан экономического факультета Российско-Таджикского (славянского) университета, *Л.В. Шемберко* – зав. сектором ИНИОН РАН, *Д.Г. Шкаев* – н.с. ИНИОН РАН, отв. секретарь, *Л.В. Шкваря – д.э.н., профессор РУДН, М.А. Шульга* – д.полит.н., профессор, Киевский Национальный университет, *И.З. Ярыгина* – д.э.н., профессор, Финансовый университет.

Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 2. Ч. 2 /
Р 76 РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2019. – 1040 с.
ISBN 978-5-248-00946-6

Рассматриваются национальные и общерегиональные интересы стран Большой Евразии, интеграционные процессы на евразийском пространстве, приоритеты и механизмы международного сотрудничества, стратегии социально-экономического и научно-технологического развития, приоритетные программы и проекты, национальная идентичность, проблемы межнациональных отношений и межкультурной коммуникации, процессы и перспективы формирования единого научно-образовательного пространства в Большой Евразии. В ежегоднике представлена часть материалов XVIII Международной научной конференции «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения», а также некоторых других мероприятий, проведенных в рамках Общественно-научного форума «Россия: ключевые проблемы и решения».

Для специалистов в области международных отношений, государственного управления, научно-технологического развития и сотрудничества, аспирантов и студентов гуманитарных вузов.

Подготовка издания проведена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Большие вызовы, научные основы прогнозирования и стратегического планирования».

ББК 66.4 (051)
66.75 (2 Рос)
ISBN 978-5-248-00946-6
© ИНИОН РАН, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Национальные интересы и стратегии развития России и других стран Большой Евразии

Абдрашев Р.М., Куатова А.Ш., Бекбасарова Т.Ж.
К концепции борьбы с терроризмом в Республике Казахстан 12
Алонци Р., Любин В.П.
Политика «желто-зеленого» правительства Италии 2018–2019 гг. и его конфликт с ЕС 15
Аникин В.И.
О роли и возможностях России, ЕАЭС, Китая в реализации проекта «Большого евразийского партнерства» 21
Арбатская М.Н.
Организация японской власти в период Мэйдзи и до окончания Второй мировой войны: Милитаризм, национализм и политическая коррупция 28
Арутюнян Г.А.
Гибридные технологии дезинтеграции 38
Асонов Н.В.
Большая Евразия: Цивилизационные перспективы России 44
Аюпова З.К., Кусаинов Д.У.
О некоторых особенностях предотвращения религиозного экстремизма и терроризма в Республике Казахстан 48
Баронов В.И.
Северный морской путь и принцип свободы мореплавания 50
Бойченко М.И.
«Мягкая сила» реальной политики и поиски новых ценностных оснований международных отношений 54
Булюктов Б.М.
Основы теории развития государства 57
Ваганян Г.А.
Принцип «свой – чужой» в кадровой политике в Армении (1921–2019 гг.) 64
Вартумян А.А.
Угрозы и опасности для России и ее южных регионов со стороны экстремических и террористических групп и организаций сетевого типа 70
Ветошкин А.П., Быков М.Ю.
Национальная идея в стратегии развития России 75
Викторов А.Ш.
Внешняя и внутренняя безопасность России в современном мире (Теоретико-методологические основы социологического исследования) 82
Вознесенский И.С.
Тайм-менеджмент часовых зон: Уроки Большой Евразии 87
Gadzhieva T.Sh.
Azerbaijan issue in great Britain-Iran relations (1914–1920) 92
Гайкин В.А.
Корейские инсургенты в Северо-Восточном Китае в борьбе против японской агрессии 95
Гордиенко Д.В.
Защищенность национальных экономик стран-членов ШОС при реализации проекта экономического пояса Шелкового пути 97
Гундаров И.А.
Либеральная и евразийская экономические модели в СНГ – опыт 25-летнего сравнения 107
Huseynli H.A.
Turkey's involvement in NATO peacekeeping operations 111
Давыденко Е.Л.
Экономические эффекты расширения ЕС на Восток 114
Денисевич А.В.
Повышение эффективности защиты интересов ЕАЭС 120
Ефременко Д.В.
Искусственный интеллект и технологии цифровой реальности: Социальные и политические вызовы безопасности государств Большой Евразии 123

Журавель В.П.
«Белая книга» Китая по Арктике: Взгляд в будущее 126
Журавель В.П.
Стратегия и политика стран-наблюдателей Арктического совета в Арктике: Проблемы и достижения 129
Захаров В.К.
Невозможность глобального природно-ресурсного прогресса, амальгамационное будущее мира и новый уровень межгосударственной эксплуатации 133
Zeynalabdinov A.A.
US-Georgia military cooperation (1992–2000) 140
Зеленков М.Ю.
Современный морской терроризм как угроза транспортной безопасности России 143
Иванова Т.Л., Городничая Е.В.
Особенности стратегического подхода к устойчивому развитию социально-экономических систем 148
Искалиев М.Д.
Место и роль Казахстана в международной экономической безопасности 155
Карманов М.В.
Реформирование Росстата: Факты и иллюзии 160
Кефели И.Ф.
Большая Евразия в контексте обеспечения глобальной безопасности 163
Колин К.К.
Большая Евразия: От экономического союза к цивилизационному проекту в целях обеспечения глобальной безопасности 167
Комлева Н.А.
Глобальное доминирование: Какая геоцивилизация сменит западную? 172
Крутько А.А.
Евразийские приоритеты России на современном этапе 178
Крылова И.А.
Роль России в обеспечении безопасности Большой Евразии 181
Купин В.Н.
Евразийская основа стабильности и безопасности мира в условиях турбулентности глобальных геополитических процессов 187
Куприков М.Ю., Куприков Н.М., Тишков А.А.
Арктика – передовой рубеж обороны 193
Лазоркина О.И.
Азиатский вектор внешней политики Республики Беларусь 202
Ларин О.Н.
Трансформация моделей социально-политического взаимодействия и создание глобальных преимуществ 206
Логвиненко В.П.
Научно-технологическое обеспечение национальных программ и проектов: Практика и социальный ресурс общества 209
Лойко А.И.
Большая Евразия в условиях конкуренции экономических парадигм глобализации 212
Марков А.П.
Мир-система эпохи глобальной турбулентности: Геополитические разломы и образы будущего 215
Митько А.В.
Гибридные войны на Евразийском пространстве Арктического региона 220
Перская В.В.
Большая Евразия – социально-формационная платформа перехода к многополярности мирового сообщества 226
Петрушак В.Г.
Большая Евразия как ядро геоцивилизаций Востока, Запада и России 233
Пещеров Г.И.
Проблема формирования единого мирового порядка в условиях доминирования отдельных стран в мировом интеграционном процессе 238
Радзиевский В.А.
Томос раскола как «Троянский конь» 240
Радовель М.Р.
Эффективность самореализации социума на примере России и других стран СНГ 245
Римский В.Л.
Суверенитет против технологий – случай России 249
Терновая Л.О.
Шахматный смысл геополитического наследия Большой Евразии 254
Узилевский Г.Я.
О процессе создания стратегий развития РФ в XXI веке в свете антропологического этапа эволюции науки 260

Фадеев В.Н.
Нерегулируемый переход к рынку – угроза национальной безопасности России 267

Сотрудничество и взаимодействие в современном мире

Агаев И.Г.
От взаимного недоверия к сотрудничеству: российско-азербайджанские отношения на фоне китайской инициативы «Один пояс, один путь» 272
Алиджанова А.Х.
Россия и Центральная Азия: Опыт межрегионального сотрудничества 277
Аристова Л.Б., Семенова Н.К.
Сопряжение ЭПШП и ЕАЭС: Анализ шансов, возможностей и гипотетические вызовы 281
Бартош А.А.
Международное сотрудничество в противодействии гибридным угрозам в зоне Большой Евразии 284
Белоусов С.Н.
Торгово-экономическое сотрудничество регионов России в рамках Большой Евразии 293
Гамидов А.Б.
О некоторых аспектах развития Азербайджанской ССР в 70–80-е годы XX века 299
Глазьев С.Ю., Наумов Е.А.
О стратегическом планировании в формировании Евразийского экономического партнерства 300
Давыденко Л.Н.
Трансграничное сотрудничество как фактор устойчивого развития регионов Евразии 303
Журавель В.П.
Итоги председательства в Арктическом совете Канады, США и Финляндии (2013–2019 гг.) 309
Журавель В.П.
Председательство Исландии (2019–2021 гг.) в Арктическом совете 313
Иванов Г.В.
Перспективы, содержание и приоритеты стратегического сотрудничества Республики Беларусь с Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС) 317
Казеннов С.Ю., Кумачев В.Н.
Российско-китайское взаимодействие: Новые обстоятельства 323
Каленова С.А.
Возможности и перспективы государственного регулирования, направленного на расширение сотрудничества Российской Федерации и Республики Казахстан в рамках ЕАЭС в области АПК 328
Калиева С.А., Амрин А.К., Альжанова Ф.Г.
Сотрудничество Казахстана и Китая в сфере трудовой миграции в рамках формирования экономического пояса «Шелкового пути» 331
Карташова А.А.
Создание проектных решений на уровне стран Большой Евразии при формировании совместной инновационной повестки 335
Коданева С.И.
Кооперация технопарков и иных территорий инновационного развития стран ЕАЭС как инструмент стимулирования экономического и научно-технологического развития 338
Кондратьева Н.Б.
Цифровая повестка: Проблемы и рекомендации для ЕАЭС 342
Костюнина Г.М.
Взаимные прямые инвестиции в странах ЕАЭС: Основные тенденции и факторы влияния 345
Кузнецова Е.В.
Гуманитарное сотрудничество молодежи ЕАЭС как ресурс евразийской интеграции 351
Ларин О.Н.
Вопросы унификации нормативно-правовой базы международных перевозок 356
Павлов П.В., Защитина Е.К.
Россия, Индия, Китай – большая тройка Большой Евразии: Партнеры или конкуренты? 360
Прокопенкова И.О.
Глобализация НИОКР и международная научно-техническая кооперация – тенденции и перспективы на пространстве Большой Евразии 366
Семенова Н.К.
Анализ и классификация существующих и потенциальных рисков и угроз реализации транспортных проектов в формате «РФ – КНР» 373
Синиченко В.В.
Поставки энергоносителей через Закавказье: Перспективы и позиция России 378
Стародубцева Е.Б.
Взаимодействие ЕС и ЕАЭС: Проблемы и перспективы развития 381

Стеценко И.П.
Анализ экспортно-импортных операций стран Юго-Восточной Азии и стран Балтии 386
Ткаченко И.Ю.
Россия и ШОС: Перспективы экономического взаимодействия 389
Турбан Г.В.
Сертификация как мера воздействия на международную торговлю 394
Чумаков В.А., Богачёв А.Э.
К 20-летию интернационального движения экономических и социальных советов и схожих институтов 401
Шугуров М.В., Шугурова И.В.
Сотрудничество в рамках СНГ как фактор интеграции ЕАЭС в сфере интеллектуальной собственности в условиях цифровизации экономики и общества 404
Явчуновская Р.А.
«Политика соседства» в интеграционных процессах Евразийского пространства 410
Ярыгина И.З., Жигляева А.В.
Торгово-экономическое сотрудничество в рамках БРИКС: Проблемы и перспективы 413

Интеграционные и дезинтеграционные процессы на Евразийском пространстве

Адилова Л.Ф.
Образ Евразийского Союза: Болевые точки, оценка эффективности 417
Анисимов А.М., Градов С.Ю.
Евразийская интеграция в представлении объективного обществоведения 420
Бобков В.А.
Интеграция интеграций: Стратегия возможности 429
Борисов М.Г.
Энергетическая составляющая инициативы «Один пояс – один путь» 435
Бундин Ю.И.
Нациестроительство, экономическое развитие и интеграционные процессы на постсоветском пространстве 440
Горбачев М.В.
Цивилизационная идентификация проекта БРИКС 443
Додонов В.Ю.
Изменение роли доллара США вследствие торговых войн в контексте интеграционных процессов на пространстве Большой Евразии 445
Доленко Д.В., Мальченков С.А.
Тенденции развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве 453
Золотарева О.А., Семенищева Л.И.
Внешняя торговля Евразийского экономического союза: Статистика достижений за пять лет 456
Калинкин Е.В.
Евразийский союз: Кадровое обеспечение интеграционных процессов 460
Козлов Д.В.
Евразийский экономический союз: Тенденции и перспективы развития – возможность появления новых членов 462
Коровникова Н.А.
Концепция современного евразийства в контексте становления Евразийского экономического союза 465
Лойко Л.Е.
Правовое пространство ЕАЭС: Поиск методологии 468
Михайленко А.Н.
Формирование нового мирового порядка и интеграционные процессы в ЕАЭС 471
Молчанова Н.П.
Приоритеты межгосударственного финансового регулирования макроэкономических процессов 476
Погосян Г.А.
Армения в поле взаимодействия двух интеграционных центров 479
Половян А.В., Лепа Р.Н., Гриневская С.Н.
Экономическая дезинтеграция: Новые аспекты развития (На примере вновь образованной территории Донбасса) 483
Радзиевская С.А.
Современное состояние регионализации глобальной экономики 488
Рафалюк Е.Е.
Многообразие интеграционных процессов: Опыт Латинской Америки и Евразии 494
Румянцев В.А., Гончарик Н.В.
Стратегическое планирование как основа социально-экономического развития Союзного государства Беларуси и России…… 497
Ситников Е.В.
Интеграция и развитие ЕАЭС: К политическому, экономическому и социально-культурному союзу 502

Тома А.Ю.
Роль гражданского общества в стратегии развития ЕАЭС 508
Харыбин А.Н.
Интеграция Восточной Украины: От ЮВУАР к Новороссии 511
Хопёрская Л.Л.
Миграционные аспекты евразийской интеграции: Региональный уровень 513
Худоренко Е.А.
Культурно-образовательный аспект интеграционного потенциала ЕАЭС 516
Цыбаков Д.Л.
Евразийский и панъевропейский дискурсы в мировых интеграционных процессах: Поиск баланса интересов 521
Ярашова В.К.
Перспективы и приоритеты развития интеграционных процессов транспортной системы Республики Узбекистан ...524
Яскевич Я.С.
Современные геополитические сценарии и риски: Национальные и интеграционные процессы и приоритеты 528

Национальная и цивилизационная идентичность в контексте интеграционных процессов

Антохонова И.В.
Туризм в Евразийском пространстве: Системный анализ домашних хозяйств в контексте цивилизационного развития 534
Багаева А.В.
Лингвокультурная компонента регионализации 536
Бахлова О.В.
Национальная идентичность и институты социальной и исторической памяти в Российской Федерации и Республике Беларусь 541
Бегалинов А.С., Бегалинова К.К.
Дискурс религиозной идентичности в светском казахстанском обществе 546
Бедрина Е.Б.
Феномен полиэтнической школы в России (На примере города Екатеринбурга) 549
Буркова (Глушенкова) Е.И.
Цивилизационная идентичность в обществе риска: Экологическое измерение концепции русской цивилизации 552
Вартаньян Э.Г.
Диалог культур и цивилизаций в иранском измерении: Трансформация и интеграционные процессы (1990-е – начало 2000-х гг.) 558
Вартумян А.А., Клименко И.С.
Национальная идентичность этносов Кавказских Минеральных вод через призму креативной организации пространства 563
Ветошкин А.П., Быков М.Ю.
Духовно-нравственный путь развития России 566
Грачёв Б.В.
Актуальные цивилизационные проекты и цивилизационная идентичность: Национальные, идеологические и культурные факторы 573
Данчай-оол А.А.
Проблемы самопознания традиционных культур в условиях глобализации 578
Зинченко В.В.
Спецификации нациотворчества vs этноцентризм в перспективах общественной и гражданской институализации: Контекст трендов глобализации и интернационализации 580
Каленова Т.С.
Межэтническое согласие в Казахстане: Ценностные основы 588
Кожагулова Г.К.
Межэтническая толерантность как духовная ценность и основа стабильности межэтнических отношений 591
Красиков В.И.
Межкультурная коммуникация и традиционалистские структуры: российский и евразийский контексты 593
Крюкова О.С.
Феномен литературного музея: Отражение национальной и региональной идентичности 596
Курбачёва О.В.
Особенности и ключевые механизмы управления этнокультурными процессами 598
Небренчин С.М.
Актуальные вопросы цивилизационной идентичности в контексте техносоциальной революции 602
Радзиевский В.А.
О законах культуры и президенте В. Зеленском 606
Раренко М.Б.
Переводческая деятельность И.А. Крылова 611

Савва Е.В.
Особенности межкультурной коммуникации в этнических конфликтах информационного общества 613
Савина Н.В.
Въездной туризм Республики Беларусь в диалоге культур стран Большой Евразии: Тенденции и перспективы 616
Селиванова З.К.
О некоторых причинах и механизмах цивилизационных трендов ценностных ориентаций современных подростков 621
Трошина Н.Н.
Языковая лояльность в контексте глобализационных процессов 625
Урмина И.А.
Проблемы актуализации архивных документов в условиях современной визуальной культуры 629
Франц В.А.
«Мягкие» технологии формирования протестных настроений в контексте проблемы идентичности российской молодежи 633
Хренов Н.А.
Между Америкой и Китаем: Кем был, кем есть и каким хотел бы себя видеть сегодня русский человек? 637
Цеханская К.В.
«Народная вера» и церковные традиции: Старые проблемы современной религиозности православных 649
Чернышева Е.Н.
Проблемы формирования глобальной культуры 656
Шапинская Е.Н.
Культурное наследие и вызовы цифровой эпохи: Трансформация культурных форм и эстетических ценностей 659
Шульга М.А.
Герберт Уэллс и «Украина во мгле» 664

Человек на перекрестках цивилизационного развития

Абдильдин Ж.М., Абдильдина Р.Ж.
Самосознание как важнейший фактор в становлении человека развитой цивилизации 670
Бобков В.А.
К вопросу об историческом опыте кадровой политики и кадровой работы 673
Бочкарева В.Г.
Самоорганизация человека как формообразующая основа гармоничной цивилизации 677
Гринченко С.Н.
«Человеко-аппаратурная интеллектуальная единица» как элемент информационного общества: Кибернетический взгляд 685
Гусейнова А.
Интеграция искусств: Восток – Запад 689
Иванов К.Ю.
Роль нравственных ценностей в профессиональной деятельности человека 695
Ирхин Ю.В.
Опыт и международное значение инновационного управленческого конкурса «Лидеры России» как генератора современных компетенций и социального лифта 699
Киракосян Н.Л.
Навыки развития личности в управлении 704
Косиченко А.Г.
Духовное состояние человека в современном мире 708
Лукина В.Б.
Формирование и поддержка развития творческой личности молодежи Арктики – государственная политика и потребность общества 713
Матюнин Л.В., Жураховский А.С., Чекан А.А., Шолотонова Е.С.
Применение инструментов конфликтологии в современной практике 715
Микайлова И.Г.
Субъекты самоопределения в частно-человеческом пространстве культур глобализующихся локальных цивилизаций 719
Парамонова С.П.
Латентность фаворитизма 724
Сарьян В.К., Назаренко А.П., Ермаков В.В.
Повышение адаптационных возможностей человека в условиях возрастающего техногенеза и увеличения риска человеческих и материальных потерь от ЧС природного и техногенного происхождения – витальная задача (задача выживания) современной цивилизации 730

Скворцов Л.В.
Реалии глобальной эволюции и феномен переформатизации цивилизационного самосознания: Проблемы и перспективы 739
Тонконогов А.В.
Кибернетическое общество и кибернетическое сознание как феномены XXI века 742
Хилтухина Е.Г.
Человек в современном мире (Эстетические аспекты современности) 745
Яковенко А.В.
Человек как исключительный источник социальных рисков 748

Модернизация экономики, научно-технологическое развитие стран Большой Евразии

Акимов А.В.
Страны Евразии в новой системе производительных сил 752
Андрианов В.Д.
Исламский Банк развития (ИБР) и особенности исламского банкинга 756
Ватыль В.Н., Ватыль Н.В.
Отдельные аспекты правового обеспечения инновационного развития цифровой экономики: Белорусский дискурс в Евразийском континууме 774
Волкова Е.В.
Разработка индикаторов и методы оценки экономического потенциала перерабатывающих предприятий АПК 777
Головина Т.А.
Управление промышленными экосистемами в условиях развития глобального цифрового пространства 782
Грущинская Н.Н.
Цифровая экономика в современных процессах глобальных трансформаций 786
Давиденко Л.М.
Технологические аспекты системной модернизации экономики 790
Yeritsyan H.
The role of International marketing in the scope of Company development 793
Ефименко А.Г.
Оценка и тенденции развития продовольственного сектора Республики Беларусь 796
Иванова Т.Л., Фучеджи А.И.
Роль человеческого капитала в технологическом развитии предприятий 801
Кандалинцев В.Г.
Китай, Индия, Япония: Соотносительная динамика экономического роста и накопленных входящих ПИИ 807
Костин Ю.Д., Костин Д.Ю., Пустовой А.Ю.
Украина: Цифровая экономика (Реалии, перспективы и приоритеты развития) 810
Котилко В.В.
Стратегии и пути поставок зерна 813
Котов Е.В.
Опыт модификации экономической системы государства с особым статусом 818
Курбанов Т.Х.
Модернизация экономики и институциональная модель научно-технического развития РФ в условиях недобросовестной конкуренции, санкций и протекционизма 822
Медведкина Е.А., Медведкин Т.С.
Научно-технологическая парадигма глобального инновационного развития 826
Мицкевич Б.
Основные этапы и стратегические направления развития агробизнеса Польши 831
Новоселова Л.В.
Автомобильная сеть как важный фактор модернизации экономики КНР 839
Романова А.А., Романов П.А.
Венчурное финансирование инновационных стартапов 843
Устинова Л.Н.
Механизмы инновационно-технологического развития 846
Франгулян М.С.
Неэффективность управленческих структур налоговой службы – результат отсутствия оценки налоговых функций в Республике Армения 852
Харченко С.Г., Дорохина Е.Ю., Харченко В.С.
О некоторых методах стратегического планирования 855
Цёхла С.Ю.
Развитие экспорта курортных услуг в условиях цифровизации российской экономики 857

Шебзухова Т.А.
Российские и зарубежные практики инновационного и технологического развития: Исторический опыт и перспективы 861

Наука и образование

Антопольский А.Б.
Информационные ресурсы управления наукой и науковедения в России 864
Ашилова М.С., Бегалинова К.К.
О некоторых аспектах национальной безопасности отечественного образования....872
Бобыло А.М.
Экспорт российского образования как инструмент «мягкой силы» России: Опыт НИЯУ МИФИ 875
Богдан Н.И.
Проблемы трансформации системы высшего образования стран ЕАЭС в цифровой экономике 880
Бражник Е.И.
Перспективы подготовки научной молодежи из других стран 883
Голоскоков Л.В.
Правовое обеспечение науки и образования: Прошлое, настоящее, будущее 885
Гордон Б.Г.
Нормативная классификация наук....890
Добрынин В.В.
Новый технологический уклад и неизбежность смены парадигмы образования 896
Жаркова Т.И.
Контроль в обучении иностранным языкам в экономическом вузе 901
Колодник Т.Д., Корнеев С.А., Лопатьевская Э.А.
Научный прогресс как фактор генерации социальных рисков 904
Кузина Л.В.
Экономическое образование в интересах устойчивого развития: Проблемы и перспективы 906
Лутовинов В.И.
Влияние современного российского образования на формирование стратегического развития и проектирования на пространстве ЕАЭС 911
Макарова М.В.
Экспорт российского образования в 2016–2018 годы 916
Мельнов С.Б., Мишаткина Т.В.
Научное сотрудничество Республики Беларусь с Таджикистаном и Узбекистаном в области экологической этики и биоэтики 918
Набибуллаева Р.З.
Ситуационный анализ развития системы образования на региональном уровне Республики Узбекистан 923
Сараф М.Я., Сараф С.М.
Защита информационных полей образовательного пространства 929
Соболевская Ю.В.
Потребности и предпосылки реализации новой модели преподавания юридической социологии в условиях Евразийского образовательного пространства 933
Титаренко Л.Г.
Приоритеты образования и задачи модернизации 938
Урсул А.Д., Урсул Т.А.
Наука и образование: Становление глобальных форм 942
Чжан Синь
Наследие образования в СССР (философская оценка) 948
Яблонский Л.И.
О научно-техническом развитии системы обеспечения пространственными данными 951
Якубов Н.А.
Международные стандарты и опыт зарубежных стран в организации обследования уровня жизни населения 954

Демографические процессы и здравоохранение

Гузенина С.В., Маршак А.Л.
Трудовая миграция и межнациональная толерантность: Эмпирические акценты конфликтогенности 958
Дудаев Г.А., Дудаева З.С.
Россия и другие страны СНГ в мировых миграционных процессах 963
Набибуллаева Р.З.
Динамика демографических процессов в Республике Узбекистан 966

Набибуллаева Р.З.
Государственная политика Республики Узбекистан в области здравоохранения 971
Самойлов В.Д.
Демографическая и миграционная безопасность России 976
Сучков С.В., Сеидов В.Г., Тилли У., Белов Ю.В., Шерман Д., Свистунов А.А., Мерфи Ш., Величковский Б.Т., Смит Д., Хироюки Абэ
Персонализированная и прецизионная медицина (ППМ) как уникальная модель охраны здоровья и как продукт широкомасштабного сотрудничества и международных стратегических альянсов 979
Уварова Т.Б., Шемберко Л.В.
Современные этнодемографические трансформации регионов России: Тенденции и прогнозы 981

Регионы и города

Белоусова А.В.
Внешнеторговое сотрудничество российского Дальнего Востока: Влияние на экономическую динамику 986
Дуреев С.П., Дуреева Н.С.
Идеи евразийства в концепции местного самоуправления 989
Косован Е.А.
Феномен «мигрирующей столицы», нациестроительство и государственность Казахстана 995
Лобикова О.М., Лобикова Н.В.
Проблемы строительства умных домов 1000
Маркин В.В., Силин А.Н.
Новый этап освоения Арктики в контексте пространственного развития России: Методология и опыт социологического сопровождения 1004
Скульмовская Л.Г.
Пространство России как фактор экономического и технологического развития (На примере Тюменской области) ...1010
Солодилов А.В.
Состояние экономической безопасности региона в условиях санкций и импортозамещения (На примере Московской области) 1016
Сукиасян А.М.
Государственно-частное партнерство в сфере образования: Региональный аспект 1021
Фомин М.В.
Инфраструктура и связанность севера Дальнего Востока России: Миграция и национальная безопасность 1024
Шаронов А.Н.
О разработке новых технических средств материального обеспечения военнослужащих в Арктике 1030

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ РОССИИ И ДРУГИХ СТРАН БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

Абдрашев Р.М.
д.ю.н., профессор Кафедры социально-гуманитарных наук Университета международного бизнеса, Алматы
rusabdr@mail.ru
Куатова А.Ш.
старший преподаватель Университета международного бизнеса, Алматы
Бекбасарова Т.Ж.
старший преподаватель Университета международного бизнеса, Алматы

К КОНЦЕПЦИИ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Ключевые слова: *терроризм; экстремизм; преступления, содержащие признаки экстремизма; террористические преступления; экстремистская организация; Республика Казахстан.*

События, имевшие место в Атырауской, Жамбылской, Актюбинской областях Казахстана, указывают на то, что в нашей республике имеет место международный терроризм. Страна столкнулась почти со всеми возможными формами антигосударственного и античеловеческого террора: это и взятие заложников, и демонстрационные убийства сотрудников правоохранительной системы. При этом совершение террористических актов против представителей правоохранительных органов является особенностью терроризма в Казахстане. Основной вклад в эти процессы внесли мировые тенденции развития терроризма как политического оружия борьбы за мировую власть.

В целях защиты национальной безопасности ведется оперативная работа по установлению лиц, причастных к экстремистской и террористической деятельности на территории Казахстана, а также скрывающихся в нашей стране от преследования правоохранительных органов иностранных государств за совершенные террористические преступления за пределами Казахстана. Вместе с тем, несмотря на принимаемые меры, с каждым годом экстремистская и террористическая деятельность становится все более организованной, и в ряды таких группировок под воздействием внешних сил вовлекаются новые лица. В частности, международные экстремистские и террористические организации, прикрывающиеся религиозной риторикой, пытаются распространять в казахстанском обществе радикальные взгляды и убеждения.

Целенаправленное воздействие этих организаций на сознание отдельных индивидов приводит к утрате ими чувства патриотизма и национального самосознания, культурно-нравственных, семейных ценностей. Для подрыва основ конституционного строя международные экстремистские и террористические организации, насаждая радикальные идеи, провоцируют антиобщественные настроения, вынашивают планы и замыслы по совершению актов терроризма на территории Казахстана[1].

Европейские страны ведут борьбу с терроризмом по четырем основным направлениям. Первое заключается в выявлении и блокировании финансовых потоков, питающих террористов. Второе связано с разработкой или обновлением законодательства и понятийной базы в этой сфере. Третье направление – улучшение взаимодействия между правоохранительными органами отдельных стран. Четвертое направление заключается в улучшении межсудебного сотрудничества[2].

На сегодняшний день борьба с терроризмом в Республике Казахстан ведется по всем четырем направлениям. При этом большое внимание уделяется правовому обеспечению борьбы с терроризмом. Вместе с тем, сравнительно-правовой анализ действующих нормативно-правовых актов свидетельствует о несовершенстве понятийной базы в этой сфере, а значит, об отсутствии концепции борьбы с терроризмом и экстремизмом.

Наиболее серьезным недостатком в борьбе с новыми вызовами и угрозами в Республике Казахстан являлось отсутствие законодательной трактовки понятия «экстремизм». Разработчик закона «О противодействии экстремизму» не видел разницы между понятием и классификацией экстремизма. Так, в п. 5 ст. 1 Закона Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» вместо определения понятия «экстремизм» была приведена классификация данного явления – политический, национальный и религиозный. Имея размытое представление об экстремизме, довольно сложно осуществлять уголовное преследование в отношении экстремистских организаций. Отсюда вывод очень простой: борьбу с экстремизмом и терроризмом надо начинать с определения того, что является терроризмом и экстремизмом[3].

---

[1] Указ Президента Республики Казахстан «О государственной программе по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2013-2019 гг.

[2] Овчинский В.С. Проблемы борьбы с терроризмом в современных условиях. – М., 2001. – 124 с.

[3] Закон Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» от 18 июля 2005 г. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 2010 г.).

В дальнейшем ситуация в некоторой степени была исправлена. Так, согласно п. 5 ст. 1 Закона Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 13 февраля 2012 г.) экстремизм имеет несколько значений. Под экстремизмом закон понимает:

1) организацию;

2) совершение:

– физическим и (или) юридическим лицом, объединением физических и (или) юридических лиц действий от имени организаций, признанных в установленном порядке экстремистскими;

– физическим и (или) юридическим лицом, объединением физических и (или) юридических лиц действий, преследующих следующие экстремистские цели:

– насильственное изменение конституционного строя, нарушение суверенитета Республики Казахстан, целостности, неприкосновенности и неотчуждаемости ее территории, подрыв национальной безопасности и обороноспособности государства, насильственный захват власти или насильственное удержание власти, создание, руководство и участие в незаконном военизированном формировании, организация вооруженного мятежа и участие в нем, разжигание социальной, сословной розни (политический экстремизм);

– разжигание расовой, национальной и родовой розни, в том числе связанной с насилием или призывами к насилию (национальный экстремизм);

– разжигание религиозной вражды или розни, в том числе связанной с насилием или призывами к насилию, а также применение любой религиозной практики, вызывающей угрозу безопасности, жизни, здоровью, нравственности или правам и свободам граждан (религиозный экстремизм)[1].

Вышеуказанное определение экстремизма является явно размытым, что вызывает определенные трудности в правоприменительной деятельности правоохранительных органов. В свою очередь, рассматриваемая дефиниция может быть причиной искажения статистических данных о рассматриваемом явлении.

Поскольку законодатель не разобрался в соотношении терминов «экстремизм» и терроризм», в УК Республики Казахстан образовался ряд коллизий. Прежде чем перейти к их рассмотрению, предварительно необходимо установить соотношение рассматриваемых понятий.

В толковом Словаре русского языка С.И. Ожегова под экстремизмом понимается приверженность к крайним взглядам и мерам[2]. Исходя из вышесказанного, экстремизм представляет собой не только преступную идеологию, но и совершение крайних мер, в качестве которых может выступать совершение террористических актов. Поэтому в некоторых ситуациях экстремизм представляет собой идеологическую основу терроризма, а также его конечную фазу. Таким образом, понятие «экстремизм» шире понятия «терроризм». Данной точки зрения также придерживается ряд ученых-правоведов.

Вместе с тем, законодатель в примечании к ст. 41 УК Республики Казахстан предусмотрел только **девять составов преступлений,** содержащих признаки экстремизма:

– ст. 164 (возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой или религиозной вражды) УК РК;

– ст. 168 (насильственный захват власти или насильственное удержание власти либо осуществление представителями иностранного государства или иностранной организации полномочий, входящих в компетенцию уполномоченных органов и должностных лиц РК) УК РК;

– ст. 169 (вооруженный мятеж) УК РК;

– ст. 170 (призывы к насильственному свержению или изменению конституционного строя либо насильственному нарушению единства территории Республики Казахстан) УК РК;

– ст. 171 (диверсия) УК РК;

– ст. 233-3 (финансирование экстремизма или террористической деятельности) УК РК;

– ст. 236 (организация незаконного военизированного формирования) УК РК;

– чч. 2, 3 ст. 337 (создание и участие в деятельности незаконных общественных и иных объединений) УК РК;

– ст. 337-1 (организация деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации после решения суда о запрете их деятельности или ликвидации) УК РК [6].

В свою очередь, к преступлениям террористического характера законодатель отнес (примечание 2 к ст. 233 УК Республики Казахстан) **12 составов преступлений:**

– ст. 162 (наемничество) УК РК;

– ст. 163 (нападение на лиц или организации, пользующиеся международной защитой) УК РК;

– ст. 166-1 (посягательство на жизнь Первого Президента РК – Лидера нации) УК РК;

– ст. 167 (посягательство на жизнь Президента Республики Казахстан) УК РК;

– ст. 171 (диверсия) УК РК;

– ст. 233 (терроризм) УК РК;

– ст. 233-1 (пропаганда терроризма или публичные призывы к совершению акта терроризма) УК РК;

– ст. 233-2 (создание, руководство террористической группой и участие в ее деятельности) УК РК;

– ст. 233.3 (финансирование экстремизма или террористической деятельности) УК РК;

– ст. 234 (захват заложника) УК РК;

– ст. 238 (нападение на здания, сооружения, средства сообщения и связи) УК РК;

---

[1] Закон Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» от 18 июля 2005 г. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 13 февраля 2012 г.).

[2] Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М., 2001. – 1012 с.

– ст. 239 (угон, а равно захват воздушного или водного судна либо железнодорожного подвижного состава) УК РК[1].

Изучение рассматриваемых составов преступлений (террористических и преступлений с признаками экстремизма) позволяет усмотреть традиционную нелогичность и отсутствие какого-либо концептуального подхода при их конструировании в части закрепления в том или ином составе признаков тех или иных видов угроз. В связи с этим представляется необходимым провести унификацию формулировок угроз в уголовном законодательстве. Термины «терроризм» и «экстремизм» весьма многоплановы, в результате чего законодательно размыта грань между этими понятиями.

В 2013 г. Сенат парламента одобрил законопроект «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Казахстана по вопросам противодействия терроризму». Предложено пересмотреть ключевое понятие термина «терроризм». Современный терроризм, по общему мнению экспертов, необходимо воспринимать не как конкретное криминальное деяние, а как сложное социальное политическое явление. Поэтому в законопроекте дается новое определение терроризму – «**как идеологии насилия** и практики воздействия на принятие решений государственными органами, органами местного самоуправления или международными организациями, путем совершения, либо угрозы совершения насильственных или иных преступных деяний, связанных с устрашением населения и направленных на причинение ущерба личности, обществу и государству»[2].

В дальнейшем, в п. 5 ст. 1 Закона Республики Казахстан от 13 июля 1999г. «О противодействии терроризму» терроризм определен, **как «идеология насилия** и практика воздействия на принятие решения государственными органами, органами местного самоуправления или международными организациями путем совершения либо угрозы совершения насильственных и (или) иных преступных действий, связанных с устрашением населения и направленных на причинение ущерба личности, обществу и государству».

На наш взгляд, исходя из анализа законодательной трактовки понятия «терроризм», следует, что на сегодняшний день рассматриваемая дефиниция полностью поглощает понятие «экстремизм». Таким образом, борьба с новыми вызовами и угрозами не имеет до сих пор надлежащего правового поля в Республике Казахстан. Другими словами, антитеррористическое законодательство Республики Казахстан имеет размытую концепцию борьбы с терроризмом.

[1] Уголовный кодекс Республики Казахстан по состоянию законодательства на 1 января 2013 г.: Учебно-практическое пособие. – Алматы: Норма-К, 2002. – 176 с.

[2] Tengrinews.kz

Алонци Р.
PhD, Сиенский ун-т, Италия; доцент РУДН
Любин В.П.
д.и.н., в.н.с. ИНИОН РАН

ПОЛИТИКА «ЖЕЛТО-ЗЕЛЕНОГО» ПРАВИТЕЛЬСТВА ИТАЛИИ 2018–2019 гг. И ЕГО КОНФЛИКТ С ЕС

***Ключевые слова**: Италия, Движение 5 звезд, партия Лига, «желто-зеленое» правительство, популизм, совранизм, конфликты с ЕС, «желто-красное» правительство.*
***Keywords:** Italy, the Five Star Movement, the League Party, the «yellow-green» government, populism, sovranism, conflicts with the EU, the «yellow-red» government.*

Вначале следует поставить два главных, на наш взгляд, вопроса: 1. Было ли имевшее парламентское большинство «желто-зеленое» правительство коалиции Движения 5 звезд и Лиги популистским? 2. Заложили ли всеобщие выборы марта 2018 г. основу для изменения европейской позиции Италии?

По мнению итальянского политолога Серджио Фабрини, популизм представляет серьезную угрозу либеральной демократии. В случае Италии он имеет три основные характеристики: 1) это движение против элит, считающихся коррумпированными от имени неподкупного народа (политическая компетентность является препятствием для утверждения власти народа), 2) нетерпимость к институциональному плюрализму, 3) нетерпимость к представительной демократии и ее наднациональной взаимозависимости[1].

Итальянский случай, безусловно, особый. Во-первых, «политическая компетентность» после окончания Первой Республики (1947–1993) выражалась прежде всего в делегировании власти элитам. Это получило максимальное выражение уже при Второй Республике при правительстве Монти, пришедшем на смену последнему правительству Берлускони в 2011 году. Монти и его кабинет стали представителями «технократической аристократии», проникнутой недоверием к политическому классу и существенно отделенной от граждан[2]. Во-вторых, институциональный баланс в Италии часто выражается в применении своих властных полномочий президентами Республики. В-третьих, идеал прямой и партисипативной демократии (или демократии «участия») может стать мощным риторическим оружием, если он применяется к небольшому числу избирателей без четких, универсальных правил, принимаемых электоратом, в сочетании с пропагандой, разжигающей ненависть к «профессиональному политику». Учитывая это, можно сказать, что Движение Пяти звезд (по-итальянски Movimento 5 Stelle или M5S), по крайней мере с формальной точки зрения, ввело популистскую градацию в систему правления в Италии. Однако концепция популизма сама по себе остается мало репрезентативной для итальянской политической сцены.

В итальянском случае «популизм» скорее скрывает стремление значительной части электората восстановить идентичность во внутренней и международной политической жизни страны после окончания биполяризма и окончания Первой Республики. Об этом свидетельствует разрыв в консенсусе между Лигой (она имела на своей стороне 36,9% избирателей) и Движением 5 звезд (снизившим поддержку с 32 до 17%) в фазе, непосредственно предшествовавшей падению первого правительства Конте в августе 2019 г.[3]

Партия Лига, до этого входившая в правительственную коалицию вместе с Движением 5 звезд, оправдала ожидания электората, который призвал к восстановлению процесса принятия политических решений и четкой идентификации национальных интересов с помощью классических механизмов представительной демократии. С другой стороны, модель прямой демократии, которая так привлекала избирателей Движения 5 звезд в самом начале, оказалась проблематичной. Несмотря на свою риторику «гипердемократии», создатели Движения 5 звезд, Казаледжо и Грилло, не в полной мере придерживались принципов прямой демократии. Стремление к усилению централизма затмило первоначальные идеалы участия в политике, заложенные в начале процесса создания Движения, хотя это позволило данной партии выживать в течение долгого времени и преодолевать риски раздробленности, получить успех на раннем этапе. Именно создание организационных структур, необходимых для повседневной политической борьбы, впоследствии способствовало появлению в партии все более профессиональной управленческой олигархии[4].

---

[1] Fabbrini S. Il populismo e il pericolo dei movimenti contro // Il Sole 24ore. 2018. – 5 agosto. – https://www.ilsole24ore.com/art/il-populismo-e-pericoli-movimenti-contro-AE0ifFXF

[2] Diamanti I. I principi del montismo // La Repubblica. 2012. – 12 novembre. – https://www.repubblica.it/politica/2012/11/12/news/i_princpi_del_montismo-46424030/

[3] Gli ultimi sondaggi prima della pausa estiva. – https://www.agi.it/blog-italia/youtrend/sondaggi_politici_partiti_elezioni-5952134/post/2019-08-02/

[4] Palano D. Nel M5S c'è più Lenin che Rousseau // Il Foglio. 2018. – 27 marzo. – https://www.ilfoglio.it/politica/2018/03/27/news/m5s-lenin-rousseau-186429/. См. также Corbetta P. M5s. Come cambia il partito di Grillo. – Bologna: Il Mulino, 2017.

В более общем плане можно отметить, что утверждение на итальянской политической сцене малоизвестных и маловлиятельных партийных сил несколько лет назад стало, с одной стороны, следствием неоднократной смены позиций в итальянской политической системе в результате эпохальных международных перемен, а с другой, – произошедшего на всем Западе[1] и в Италии сокращения влияния левых сил, связанного с дефицитом возможностей их реагирования на процессы глобализации. Кризис левых итальянских реформаторов вылился в их проигрыш на выборах 4 марта 2018 года. Реформаторские левые силы попытались реформировать капитализм, сделав его, по их мнению, социально справедливым и устойчивым, но на самом деле они пытались реформировать общество, чтобы сделать его пригодным для глобального капитализма[2].

Отвечая на второй вопрос: заложили ли всеобщие выборы в марте 2018 года основу для изменений в европейской позиции Италии, следует рассмотреть результаты правительственного кризиса, а также оценить консенсус европейских лидеров по отношению к новому «желто-красному» правительству, пришедшему к власти в сентябре 2019 года. И тогда апостериори ответ на данный вопрос должен быть положительным.

Надо сказать, что наиболее ощутимым эффектом укрепления межправительственной европейской модели в последнее время стало, прежде всего, уменьшение роли парламентов и представительной власти в целом и укрепление исполнительной ветви власти в лице правительств, точнее, переход к демократии в виде централистского правления[3]. Следовательно, суверенитет государств стал одним из параметров для определения политической идентичности Европейского союза, т.е. поиска внутреннего консенсуса в рамках Сообщества государств, определение принадлежности которых к Сообществу не возлагается теперь полностью и исключительно лишь на правовые и экономические суперструктуры.

Особенность предыдущего коалиционного «желто-зеленого» правительства (Движение 5 звезд и Лига) заключалась в различном подходе к европейским структурам, который применяли две партии.

Лига определяет себя как «нео-европейскую» партию, целью которой является создание объединенной Европы на макрорегиональной основе, т.е. территориальных макрорайонов, которые с чисто геополитической точки зрения определяются как еврорегионы[4]. Это области, которые пересекают границы стран ЕС и представляют собой пространства, характеризующиеся сильной экономической, производственной, социальной и культурной однородностью. Модель Европейского Союза, выдвинутая Сальвини, то есть «Европа регионов», может считаться довольно традиционной и даже близкой к той, которая была задумана отцами-основателями Объединенной Европы, хотя и с некоторыми отличиями от первоначальной модели.

Европейская концепция Движения 5 звезд в большей степени ориентирована на природу процессов принятия решений, чем на философию и структуру Союза. Очевидно, что оно пытается отойти от навязывания всем государствам-членам ЕС концепции «двухскоростного» Европейского союза. Политическая программа Движения 5 звезд допускает отказ от участия в некоторых структурах Союза («opt-out»), а это теоретически позволяет государствам-членам выйти, например, из валютного союза. Принцип защиты национального суверенитета выливается в положение, что любая дальнейшая передача суверенитета Европейскому Союзу должна быть ратифицирована народом посредством референдума[5].

В «европейском проекте» M5S предусмотрены демонтаж межправительственного метода управления, обеспечивающего защиту прерогативы национального государства в таких важных областях, как внешняя политика и политика безопасности. На деле в ЕС это превратилось в инструмент, используемый более сильными государствами, такими, как Германия и Франция. Принцип прямой и партисипативной демократии предполагает перевод национальных парламентов в наднациональное измерение с практически полным аннулированием в этой сфере роли национального государства.

В отличие от Лиги Движение 5 звезд пока не нашло для себя места во фракциях Европарламента[6]. Трудности 5 звезд в поиске союзников были постоянными в короткой истории их европейской политики. Движение 5 звёзд сочло необходимым поддержать кандидатуру немецкого политика Урсулы фон Лейден на пост Председателя Европейской комиссии, присоединившись к позициям консервативного блока Народных партий Европарламента. Этот выбор привел к разрыву отношений с Сальвини и падению коалиционного «желто-зеленого» правительства в августе 2019 года.

В результате премьер-министр Конте, который был главой, как считалось, самого популистского правительства в нынешнем Европейском Союзе, стал лидером, выбранным Европейским Союзом и мировыми лидерами для управления Италией, чтобы привести ее в полное соответствие с рамками Союза и чтобы, прежде всего, он смог обеспечить соблюдение правил, определенных Брюсселем. Так в сентябре 2019 года возникло второе правительство Конте, поддержанное противоречивой коалицией из Движения 5 звёзд и Демократической партии и приступившее к исполнению в основном тех директив, которые ему навязывает ЕС, не особо считаясь с суверенитетом Италии.

---

[1] Fukuyama F. Identità. La ricerca della dignità e i nuovi populismi. – Utet: Torino, 2019.

[2] Tamborini R. Crisi Pd: la geometria della sconfitta // il Mulino. 2018. – 24 maggio. – https://www.rivistailmulino.it/news/newsitem/index/Item/News:NEWS_ITEM:4371

[3] Fabbrini S. Sdoppiamento. Una prospettiva nuova per l'Europa. – Roma-Bari: Laterza, 2017. – P. 169.

[4] Costruzione della nuova Europa. – www.leganord.org/117-dipartimenti/europa-dei-popoli-rapporti-partiti-europei/integrazione-europea-europa-delle-regioni/9276-costruzione-della-nuova-europa?videoid=AFB0U2HXTX0

[5] Unione Europea – Movimento 5 Stelle. – https://www.movimento5stelle.it/programma/wp-content/uploads/2018/02/Unione-Europea.pdf

[6] Fontana S. Un mese dopo, il Movimento Cinque stelle non ha ancora trovato alleati in Europa. – https://www.wired.it/attualita/politica/2019/06/28/movimento-5-stelle-problema-alleanze-europee/

Падение «желто-зеленого» правительства и формирование правительства, имевшего за собой большинство итальянских избирателей, и приход к власти кабинета, имеющего «желто-красный» цвет, лишенного по сути дела поддержки большинства и фактически «не избранного» электоратом, показывает, что в Европе популисты превращаются в своеобразную политическую элиту, благодаря силе «политического убеждения» (а возможно, и «принуждения»), которое способен осуществлять сам ЕС, повелевая национальными правительствами[1]. В то же время, сами национальные элиты обращаются за поддержкой к популистам в надежде объединить интересы тех, кто выражает общественный протест, и истеблишмента. Таким образом, являясь движениями пост-идеологического плана, протестные движения терпят неудачу[2].

Эта реальность в Италии проявилась в переходе Движения 5 звезд от чисто пост-идеологического альянса с Лигой к союзу с Демократической партией, которая не имеет ничего антисистемного. Но как уже отмечалось, это стремление к переменам постепенно охватывает всю Европу. Это отражается не только в создании новых, необычных правительственных альянсов, но и в политическом сближении разнородных сил. Однако в настоящее время партии, добивающиеся изменений, хотя и обрели свой голос, но оказываются не в состоянии одолеть истеблишмент и навязать свои правила игры.

* * *

После теоретической политологической характеристики особенностей популистского, как считали многие эксперты, «желто-зеленого» правительства в Италии, образованного по результатам выборов 2018 года из двух партий, получивших большинство в парламенте – Движение 5 звезд и Лига, остается осветить его практические подходы и в особенности его европейскую политику и конфликты с руководством ЕС.

В Брюсселе с самого начала считали, и не без оснований, что данное правительство под руководством юриста Конте, не входящего ни в одну из партий, образовавших правительство, отличалось евроскептицизмом. Имелись в виду, конечно, прежде всего, некоторые пункты программ Лиги и Движения 5 звезд, личные взгляды и подходы их лидеров Луиджи Ди Майо и Маттео Сальвини.

Возникшее летом 2018 года как результат договоренности парламентского большинства, образовавшегося в результате парламентских выборов в марте того же года, первое правительство Конте столкнулось со сложной экономической обстановкой в стране. Для Италии остается показательным высокий уровень безработицы, особенно молодежной (она среди молодых людей доходит до 30–40%). Предыдущие, в основном левоцентристские правительства прибегали к политике жесткой экономии в связи со значительным государственным долгом. Проблемой стал и массовый приток мигрантов. Особенно страдают от него открытые для всех иностранных судов, в том числе и с грузом в виде нелегальных мигрантов, города и села южного морского побережья Италии[3].

Всё это усугубляло экономическую и социальную обстановку и способствовало получению внесистемным Движением 5 звезд во главе с молодым политиком Луиджи Ди Майо более 32% голосов на выборах в марте 2018 г.[4]. В итоге Движение заключило коалиционное соглашение с Лигой, получившей 17%. Приходу к власти этих партий помогла популистская риторика и критика в адрес истеблишмента. Их лидеры Ди Майо и Сальвини использовали получившие широкое распространение настроения евроскептицизма и отрицательное восприятие итальянцами курса брюссельских руководящих органов ЕС. В предвыборной риторике они высказывали намерения изменить отношения с ЕС, отказаться от евро и вернуть Италии суверенитет как в рамках ЕС, так и на международной арене (именно за это они и получили наименование совранисты, т.е. сторонники суверенитета).

Как напомнила российская итальянистка Т.В. Зонова, накануне выборов в Европейский парламент в мае 2019 года политика этих партий получила поддержку часто навещавшего Италию «крайне правого американского политика Стива Бэннона, стратега предвыборной кампании Дональда Трампа. Сальвини, утверждал Бэннон, это «итальянский Трамп и будущий мировой лидер», чья задача – создать «популистский интернационал». В таком же ключе выступал и приезжавший в Италию российский философ Александр Дугин, равно как и авторы основанного им совместно с Константином Малофеевым онлайн журнала Katehon на итальянском языке»[5].

В итоге выборов в Европейский парламент объединение партий с евроскептическими настроениями из стран ЕС оказалось на четвертом месте. Это не позволило им добиться желаемого успеха и претворять в жизнь в ходе данной легислатуры свои подходы в страсбургском парламенте. Но вице-премьер правительства Италии М. Сальвини, он же и министр внутренних дел, продолжал в тот момент – май-август 2019 года – пользоваться большой популярностью у итальянцев. Это подтвердил тот факт, что на выборах в Европейский парламент именно его партия стала первой в Италии по числу собранных голосов, набрав более 32%. Это вызвало большой энтузиазм в партии и привело к росту политических амбиций ее лидера. Сальвини заявил о желании взять на себя всю полноту власти и стать премьер-министром. В августе 2019 года (когда вся Италия, в том числе и политические деятели, находятся в традицион-

---

[1] Vita L. L'Europa ci vuole come la Grecia. Conte sarà il nostro Tsipras? – https://it.insideover.com/politica/leuropa-ci-vuole-come-la-grecia-conte-sara-il-nostro-tsipras.html

[2] Giangrande A. Italia allo specchio. Il dna degli italiani. Anno 2019. Prima Parte. La politica ed i partiti. Italia: Giangrande, 2019. – P. 416.

[3] Об этих проблемах см. наши доклад и статью в сборнике материалов предыдущей конференции в сентябре 2018 г.: Любин В.П., Алонци Р. Волна миграции в Европе и изменения в политике стран ЕС (на примере Германии и Италии, 2015–2018 гг.) // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2018. – Вып. 1, ч. 2. – С. 120–124.

[4] Движение 5 звезд считает себя ни правой, ни левой партией. См. например: https://www.ilfattoquotidiano.it/2019/09/22/governo-rizzo-pc-m5s-dice-di-non-essere-ne-di-destra-ne-di-sinistra-ma-in-realta-e-franza-o-spagna-purche-se-magna/5468589/

[5] Зонова Т.В. Италия отказалась от евроскептицизма. Никто не берется предсказать, как долго продержится новое правительство. – http://www.ng.ru/dipkurier/2019-09-15/10_7676_dip05.html

ных отпусках) он выразил недоверие кабинету и потребовал отставки Конте, надеясь на скорые досрочные выборы с удачным результатом для своей партии Лига.

Но всё же его непримиримая позиция по вопросу о более жестком приеме иммигрантов не находила понимания не только у оппозиции, но и у партнеров по коалиции. Росли трения между Движением 5 звезд и Лигой. Большинство политических сил Италии, в их числе было и встревоженное успехом конкурентов – партии Лига на выборах в Европейский парламент Движение 5 звезд, считало досрочные выборы не желательными и выступало против их проведения. Движение, неудачно выступив на выборах в Европейский парламент, растеряло свое большое преимущество, завоеванное на парламентских выборах в марте 2018 г. В результате спровоцированного позицией Сальвини правительственного кризиса и ухода в отставку первого кабинета Конте потребовалось вмешательство гаранта Конституции Президента Итальянской Республики С. Маттарелла. Он предложил создать новый кабинет всё тому же Конте. Партнером Движения 5 звёзд стала не Лига, а Демократическая партия во главе с Никола Дзингаретти, который поставил условием участия в коалиции отмену инициированных Сальвини жестких мер в приеме новых иммигрантов, отказ от агрессивной риторики в адрес ЕС.

На смену Сальвини на пост министра внутренних дел была назначена женщина, юрист по специальности, не состоящая в какой-либо партии Лучиана Ламорджезе, бывшая в 2003–2018 годах префектом Милана. Она выступила за более мягкий подход к иммигрантам. Пост министра иностранных дел достался Луиджи Ди Майо, и он в первом же документе министерства призвал сохранять верность «европейским и атлантическим ценностям», назвав приоритетными для Италии регионами Средиземноморье и Африку. Всё же, продолжая линию Сальвини, Ди Майо вынужден был заявить, что решение проблемы миграции также остается приоритетом и требует отказа от принятого когда-то странами ЕС Дублинского соглашения, на его взгляд, ущемляющего интересы страны.

Представляя программу своего второго правительства в парламенте, Конте призвал уделить внимание проблемам семьи и доступного образования, улучшить положение бедных слоев населения, пообещав добиться сокращения налогов и создать сеть бесплатных детских садов, установить минимум заработной платы, обеспечить рост занятости, добиться равной оплаты за равный труд. «Приоритетным становится принятие нового избирательного закона и сокращение числа депутатов парламента. На первом же заседании правительства подвергся нещадной критике дискриминационный по отношению к иммигрантам закон области Фриули-Венеция-Джулия, главой которой является член Лиги. Не в пользу Сальвини свидетельствует также ход судебного расследования, начавшегося в связи с протестом Каролы Ракете, капитана парохода «See Watch 3», спасшего тонущих мигрантов. Ракете обвинила лидера Лиги, не разрешавшего ей причалить к берегам Италии, в диффамации. Недовольство сторонников Сальвини вызвало и снятие с Миммо Лукано, мэра города Риаче[1], обвинения в незаконном приеме иммигрантов. Все это обозреватели рассматривают как своего рода пощечину Сальвини, который в течение многих месяцев проводил жесткую политику «секьюритизации» в отношении иммигрантов»[2].

И все же, возвращаясь назад и обращаясь к истории отношений страны с правящими структурами в Брюсселе, следует отметить, что первый серьезный конфликт Италии с ЕС в ходе нахождения у власти во время 14 месяцев в 2018–2019 гг. первого правительства Конте возник из-за принятия бюджета страны, не согласующегося с правилами ЕС. По ним каждое из государств-членов не должно иметь бюджет, по которому годовой дефицит бюджета не должен превышать 3% валового внутреннего продукта. В таком случае Брюссель имеет право лишить страну-виновника финансовых вливаний для поддержки проектов ЕС, осуществляемых в данной стране. И руководство ЕС было готово сурово наказать Италию, что вызвало протесты как предыдущего «желто-зеленого» правительства, так и итальянского общества.

В конце концов конфликт удалось уладить: Конте пообещал не превышать указанных рамок дефицита бюджета, а Брюссель закрыл глаза на временные неполадки. Но неприятный осадок остался. В оправдание правительства надо сказать, что экономика Италии развивается в последние годы самыми минимальными темпами, по годовому росту которых – 0,2% страна занимает последнее место в ЕС. При таком положении любому правительству пришлось бы штопать бюджетные дыры, наращивая дефицит бюджета.

Второй конфликт, еще более испортивший отношения Италии с ЕС, как отмечалось, лежал в плоскости ужесточения политики приема мигрантов, от которых страна уже не знала, куда деваться. Он был усилен избранной министром внутренних дел, лидером партии Лига Сальвини линией жесткого контроля въезда нелегальных мигрантов и беженцев в страну, которые массами в последние годы прибывали через Средиземное море на остров Лампедуза и в города итальянского Юга. Даже в правящих структурах ЕС понимали, насколько Италия вместе с Грецией и другими

---

[1] Как считалось, в Риаче благодаря особому подходу к мигрантам была создана благоприятная для них атмосфера в деле устройства на работу, они могли почувствовать себя нормальными членами общества и т.д. Но после того, как римские власти прислали комиссию с проверкой деятельности мэра Риаче Миммо Лукано, его сняли с поста мэра за найденные, по мнению проверявших, крупные злоупотребления, и эксперимент по удачному обустройству мигрантов был прекращен. В настоящее время бывший мэр находится на свободе и выступает с лекциями в Италии и в городах Европы, рассказывая о положительных, по его мнению, моментах своего эксперимента. Это на самом деле лишь одно из мнений, но некоторые итальянские политики и масс-медиа в результате осудили данный неудачный, по их мнению, эксперимент в одном из малых городов Юга Италии. Они обвиняют мэра в открытом нарушении итальянских законов, устройстве искусственных браков итальянских гражданок с мигрантами, чтобы те получили официальные разрешения на проживание в Италии, и других злоупотреблениях. См., например: Musolino L. Mimmo Lucano, in Appello di fronte al Riesame la Procura insiste: «L'ex sindaco vada ai domiciliari» // Il fatto quotidiano. – Roma, 2019. – 19 sett. – https://www.ilfattoquotidiano.it/2019/09/19/mimmo-lucano-in-appello-di-fronte-al-riesame-la-procura-insiste-lex-sindaco-vada-ai-domiciliari/5464798/

[2] Зонова Т.В. Указ. соч.

странами южного ареала Сообщества оказалась перегружена мигрантами. Однако принятые итальянским МВД запретные меры натолкнулись на их сопротивление. Особенное раздражение вызвал выдвинутый уже в конце деятельности первого правительства Конте инициированного Сальвини и Лигой проект закона, по которому капитаны судов, привозящих в Италию нелегальных мигрантов, хотя бы и по гуманитарным соображениям подобранных ими в открытом море, подвергались штрафу в один миллион евро, а само судно – конфискации итальянскими властями. Недаром новое правительство Конте, чтобы угодить Брюсселю, уже в сентябре предпочло отказаться от этого закона (не утвержденного, кстати, и итальянским Верховным судом)[1].

Конфликтов с ЕС могло бы быть и больше, если бы так называемые евроскептики из двух правящих партий – присвоившего себе желтый цвет Движения 5 звезд, и зеленый, который выбрала для себя партия Лига – привели в действие отдельные пункты своих программ, идущих вразрез с устоями ЕС. Например, сдержали бы обещание о развитии процесса дальнейшей федерализации страны и пошли на уступки так называемым сепаратистам из Венето и других регионов, добивавшихся децентрализации и большей независимости от Рима. Тогда они были бы обвинены Брюсселем в поддержке сил сепаратизма (после того, как руководство ЕС уже натерпелось неприятностей от сепаратистов в Каталонии, развернувших широкое народное движение за ее отделение от Испании, вряд ли ему хотелось бы получить подобные проблемы еще и в Италии).

Правящие партии сняли и претензии, касающиеся потенциального выхода Италии из зоны евро и возвращения к национальной валюте, что также не приветствовалось Брюсселем. Некоторые представители руководства из обеих партий считали, что нахождение в еврозоне тормозит экономическое развитие Италии, и она находится в сравнении в сопоставимыми странами членами ЕС, например, соседней Францией в более худшем положении из-за, как упоминалось, заторможенности экономического роста, сохраняющейся высокой безработицы, особенно среди молодежи, и других отрицательных, на их взгляд, последствий нахождения Италии в зоне евро. Правительство не отважилось и поднять налоги, эта обычная мера, часто принимаемая и в других странах ЕС для покрытия дефицита бюджета.

Не нравилась в Брюсселе и относительно самостоятельная политика «желто-зеленого» правительства Италии в отношении России и глухое сопротивление принятым против нее с 2014 г. за присоединение Крыма и поддержку сепаратистов на Востоке Украины экономическим санкциям и выступление за их отмену. Конте на многих саммитах ЕС высказывался за быстрейшее снятие санкций, и поддержал, например, идею Трампа о новом вхождении России в восьмерку наиболее промышленно развитых стран и участии в ее ежегодных саммитах. Обращали внимание в Брюсселе и осуждали, хотя возможно и тихой сапой, тот факт, что Сальвини и его партия имели дружественные отношения с политическими структурами РФ, а сам он был ранее нередким гостем в Москве, принимаемом на высоком уровне. Накануне падения правительства в августе 2019 года ведущая газета «Коррьере дела сера» и другие СМИ попыталась раскрутить скандал с якобы не бескорыстными связями деятелей партии Лига с Россией (скандал продолжался и осенью 2019 г)[2].

Финальный кризис «желто-зеленого» правительства в Италии возник якобы по формальному поводу расхождения между двумя правящими партиями по поводу постройки скоростного участка железной дороги Турин-Лион. Но это было лишь поверхностное расхождение. После европейских выборов мая 2019 г., когда партия Лига стала первой по поддержке избирателей, получив треть всех голосов, и последующей борьбы стран-членов ЕС за будущие посты в брюссельских руководящих структурах, главным пунктом стало расхождение позиций между Движением 5 звезд и Лигой при поддержке или нет кандидатуры немки У. фон дер Ляйен на пост главы Еврокомиссии, Движение было за, а Лига не поддержала эту кандидатуру. Разумеется, это неподчинение еэсовскому мэйнстриму еще более усилило раздражение Брюсселя против Лиги.

Это расхождение между партнерами по правящей коалиции и стало последней каплей, вызвавшей правительственный кризис августа 2019 г. и отставку «желто-зеленого» первого кабинета Конте. Тут следовало бы добавить, что накануне состоялись визиты сначала М. Сальвини, а затем сразу же М. Ренци, одного из лидеров ДП, в Вашингтон. Конечно, никто не знает, что было сказано во время того и другого визита за закрытыми дверями. Но несомненно, что это тоже связано с падением прежнего кабинета и созданием нового «желто-красного» коалиционного правительства из Движения 5 звезд и Демократической партии, охотно поддержанного Брюсселем.

Выступая 18 сентября 2019 года на встрече с прибывшим с официальным визитом в Рим президентом Франции Макроном (центральной темой переговоров стали возможные перемены в политике ЕС в отношении миграции), Конте заявил о сотрудничестве Италии с новой Комиссией ЕС. Официальный визит Макрона означает «возвращение Италии на европейскую политическую сцену», заявил международный телеканал Евроньюс[3].

Сколько просуществует второе правительство Конте, расцвеченное желто-красными тонами, возникшее в результате заключения коалиции между Движением 5 звезд и Демократической партией, ни один эксперт не рискует

---

[1] В отличие от этого Сальвини получил одобрение своих действий со стороны, например, придерживающегося тех же взглядов относительно приема мигрантов премьер-министра Венгрии. Виктора Орбана. Тот 30 августа 2019 г. поблагодарил уходящего вице-премьера Италии Сальвини за его усилия в борьбе с нелегальной миграцией и назвал его братом по оружию. «*Венгры не забудут, что вы были первым лидером в Западной Европе, который попытался остановить поток нелегальных мигрантов через Средиземное море*», – отметил Орбан в письме Сальвини. Венгерский премьер заявил, что, независимо от того, как будут складываться события в Италии, он считает Сальвини своим братом в борьбе за сохранение христианского наследия Европы. – https://russian.rt.com/inotv/2019-08-30/Moj-brat-po-oruzhiyu-Orban

[2] См., например: https://www.valigiablu.it/savoini-lega-salvini-fondi-russi/ ; https://www.corriere.it/politica/19_luglio_26/savoini-va-accreditato-ecco-mail-viminale-che-smentisce-salvini-b8ecc8ce-af64-11e9-a962-3591a4d44a20.shtml;
https://www.corriere.it/politica/19_ottobre_03/savoini-doveva-agire-fretta-il-voto-europeo-eb445f1c-e61e-11e9-b5eb-dc1ff9a38071.shtml

[3] Дрямина Н. Макрон в Риме: визит примирения. – https://ru.euronews.com/2019/09/19/macron-in-italy-visit-reconciliation

предсказать[1]. Ясно, что его европейская политика заметно изменилась по сравнению с политикой первого, «желто-зеленого» правительства Конте. Новый кабинет настроен в пользу большего признания верховенства со стороны органов ЕС и дальнейшего отказа от суверенитета Италии, который в прошлом кабинете пытались отстаивать сувернисты, более всего представители Лиги.

Однако в результате новых политических зигзагов, как это часто происходит в Италии, Лига имеет неплохие шансы после ухода в отставку второго кабинета Конте выиграть выборы и попытаться сформировать новое правительство. Возможными союзниками по новой коалиции при этом могут быть политические силы правого фланга: партия «Вперед, Италия!» Сильвио Берлускони и партия «Братья Италии», которой руководит Джорджиа Мелони. Правоцентристская коалиция совместно из Лиги и этих двух партий способна создать после новых парламентских выборов новое правительство[2].

[1] Зонова Т.В. Указ. соч.

[2] См. об этом комментарий В.П. Любина в статье Алексеева Н., Медведева А. «Enfant terrible европейской политики»: как партия «Лига» будет бороться за власть в Италии // RT на русском. 2019. – 11 сентября. – https://russian.rt.com/world/article/667299-italiya-salvini-liga-oppoziciya

Аникин В.И.
д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, гл.н.с. Дипломатической академии
v.anikin2012@yandex.ru

О РОЛИ И ВОЗМОЖНОСТЯХ РОССИИ, ЕАЭС, КИТАЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «БОЛЬШОГО ЕВРАЗИЙСКОГО ПАРТНЕРСТВА»

***Ключевые слова**: большое евразийское партнерство, взаимодействие стран Большой Евразии, экономический подъем Китая, экономика России, США, Шелковый путь.*

***Keywords:** the great Eurasian partnership and interaction of the countries of Eurasia, the economic rise of China, the economy of Russia, the USA, the Silk Road.*

В мае 2015 года, в ходе визита В.В. Путина в Шанхай[1], лидеры Китая и России Си Цзиньпин и В.В. Путин подписали документ о сопряжении конкурирующих интеграционных проектов – Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП). По общему мнению руководства, такое сопряжение стратегически выгодно не только России, но и Китаю, а также вместе с ними еще ряду стран Центральной Азии. Российско-китайская рабочая группа уже в июне в Пекине определила приоритеты стран в формате сопряжения ЕАЭС и ЭПШП, уделив особое внимание устранению различного рода барьеров в торговле, на первом этапе – налаживанию взаимодействия таможенных служб Китая и государств-членов ЕАЭС. Была обозначена и следующая группа проблем – начало формирования системы по защите взаимных инвестиций, поощрения капиталовложений и механизмов решения инвестиционных споров. Астана, 17 мая 2018 г., стала местом подписания Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и КНР с другой. Во время государственного визита В.В. Путина в Китай 10 июня 2018 года было подписано Совместное заявление о завершении совместного технико-экономического обоснования Соглашения о Евразийском экономическом партнерстве.

Оно направлено на эффективную транспортно-инфраструктурную связку Китая с Европой, и, одновременно, на социально-экономическое развитие регионов Евразии вдоль транспортно-логистических коридоров данного проекта. ЭПШП является сухопутной частью более широкой китайской инициативы «Пояса и Пути». Другой, не менее важной транспортно-инфраструктурной артерией для связки континента становится международный коридор «Север-Юг». Главными сторонниками данного проекта принято считать Индию, Иран, Пакистан. Вьетнам, Сербию. В то же время, необходимо признать, что их стратегии по продвижению данного коридора пока невнятно оформлены, а то и вовсе отсутствуют. То же самое касается и самого ЕАЭС, где пока полностью не выработана своя концепция развития транспортных коридоров по оси «Север – Юг». В Китае рассматривают проект формирования «Большой Евразии» как усиление влияния России в рамках расширения Евразийского экономического союза. «Евразийский экономический союз является механизмом интеграции стран Содружества Независимых Государств, бывшего Советского Союза. Китай же не входит в категорию этих стран. В то же время, Россия играет центральную роль, и даже если Китай захочет присоединиться, то Россия не согласится. С другой стороны, Пекин проводит политику неприсоединения к блокам. Хотя Евразийский экономический союз является экономическим союзом, но в то же время есть и некоторые политические обертоны»[2].

Выдвинутая в ответ на новые вызовы XXI века Президентом РФ В.В. Путиным инициатива по «интеграции интеграций» государств Большой Евразии получила широкий отклик и поддержку политических лидеров различных стран. При решении данной проблемы на базе полилога и партнерства цивилизаций отмечен значительный интерес к перспективам создания «многоуровневой интеграционной модели в Евразии – большого евразийского партнерства»[3],[4].

Не вдаваясь в обсуждение терминологии, достаточно подробно рассмотренную в научной литературе[5], выделим для целей анализа в исследовании только направление **«Большого евразийского партнерства» в его политэкономическом понимании.** В своем политэкономическом измерении термин «Большая Евразия» более полно характеризует определения П. Савицкого, фон Гумбольдта и Х. Маккиндера, выступая здесь как политический конструкт – проект «Большого евразийского партнерства». Данный проект подразумевает создание сети зон свободной торговли и сопряжение региональных интеграционных процессов на всем евразийском материке. В итоге должно получиться об-

[1] http://www.kremlin.ru/supplement/4971

[2] Чен Юй. Китайская академия современных международных отношений (КАСМО). – http://eurasian-studies.org/archives/3549

[3] Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ (1 декабря 2016 г.). – http://kremlin.ru/events/president/news/5337913

[4] Глазьев С. Интервью «Газете.Ru» по итогам ПМЭФ-2017. («главе государства нужна реалистичная экономическая программа»). – https://www.gazeta.ru/business/2017/06/05/10708133.html

[5] https://russiancouncil.ru/blogs/GreaterEurasia/geografiya-i-geopolitika-bolshoy-evrazii/Ю.Кофнер.10.05.2018.

щее пространство «от Лиссабона до Шанхая». Основная цель – содействие экономическому процветанию и развитию благосостояния национальных экономик ***через разные форматы и степени экономической интеграции.***

Российская внешнеэкономическая стратегия должна иметь *комплексный* характер. На сегодняшний день повестки действий многих международных организаций (и АТЭС, и ВТО, и ШОС, и Большой двадцатки, и ОЭСР, и ряда других организаций) пересекаются. Тем не менее, с российской стороны пока продвигаются в основном отдельные, разнонаправленные проекты. Этого не должно быть. Необходимо обеспечивать координацию действий на этих международных площадках.

Выдвинутая концепция Большой Евразии предполагает целый ряд связующих звеньев на всем пространстве евразийского континента – между ЕАЭС и Европейским союзом, между ЕАЭС и крупнейшими странами Евразии, такими как Китай и Индия, и между ЕАЭС и странами АСЕАН. Данный проект, на наш взгляд, может рассматриваться как один из вариантов создания Россией собственной платформы для интеграции в мировую экономику. Концептуально это попытка развить идею о евразийской интеграции до оптимального предела с изначальным ядром, которое формирует сейчас Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Но очень важно, когда мы смотрим на такой долгосрочный горизонт – 2035 год, не думать о максимизации количества стран или сфер регулирования и помнить об опыте Европейского союза, который имеет и свои негативные стороны с точки зрения чрезмерных волн расширения, подчас не всегда в должной степени учитывавших экономические реалии.

В определенной степени свой проект, собственная платформа, с помощью которой Россия может проводить интеграцию в мировую экономику, нужна, потому что, как мы видели, попытки использовать чужие платформы несут определенные издержки и требуют времени. Возможно, эта идея большого Евразийского партнерства способна стать для этого фундаментом. Очевидно, что для такой гигантской страны как Россия важно найти ***оптимальный формат***. Нельзя останавливаться на Евразийском экономическом союзе, нужно смотреть на различные форматы ЕАЭС+, которые задействуют инструменты интеграции в рамках и БРИКС, и АСЕАН, и возможных китайских альянсах. Здесь надо развивать во многом новую для нас науку – *заключение экономических альянсов* во всем их многообразии по всему миру.

В прогнозе мировой экономики от Pricewaterhouse Coopers к 2050 г. суммарный паритетный ВВП Китая и Индии, которые займут две первые строчки мирового рейтинга, достигнет 103,3 трлн. долл. США (в ценах 2014 г.), рост к 2014 г. более чем в 4 раза[1]. Это в 1,4 раза больше, чем весь прогнозируемый ВВП развитых стран большой семерки (73,8 трлн. долл.).

Большим потенциалом расширения комфортного для России импортного спроса (т.е. соответствующего ее техническим и конкурентным возможностям) обладают быстро поднимающиеся по доходам развивающиеся страны «второго эшелона», в основном это густонаселенные страны (от 30–40 млн жителей и выше) с растущей емкостью внутреннего рынка (включая Вьетнам, Индонезию, Малайзию, Мьянму, Таиланд, Филиппины, Бангладеш, Пакистан, Иран, Алжир, Египет, Марокко, Анголу, Камерун, Кению, ДР Конго, Мадагаскар, Мозамбик, Нигерию, Танзанию, Уганду, Эфиопию, Колумбию, Перу).

В вышеупомянутом докладе Pricewaterhouse Coopers (PwC) по размеру паритетного ВВП к 2050 г. Индонезия и Нигерия войдут в первую десятку стран (Индонезия поднимется с сегодняшнего 9 места на 4, Нигерия с 20 на 9), значительно усилятся Пакистан (переместится с 25 на 15 место), Египет (с 22 на 16), Филиппины (с 28 на 20), Вьетнам (с 32 на 22), Бангладеш (с 31 на 23), Малайзия (с 27 на 24). ВВП только перечисленных 8 стран из доклада PwC составит к 2050 г. 41,7 трлн. долл. США и превысит ожидаемый ВВП США (41,4 трлн. долл.)[2].

Причем при большом потенциале спрос в этих странах определенное время будет оставаться неприхотливым из-за ограниченной платежеспособности и несформировавшегося качества потребления, то есть будут приобретаться надежные, функциональные и недорогие промышленные изделия, без изысков в плане дизайна, эргономики и пр. Будет востребован широкий ассортимент базовых продовольственных товаров, услуг в сферах энергетики и инфраструктуры, ИКТ, образования, здравоохранения, борьбы с эпидемиями, природными и техногенными катастрофами. Здесь на многих направлениях российские поставщики вполне конкурентоспособны, а продукция и услуги развитых стран для данной категории импортеров еще долго будут слишком дорогими.

Вместе с тем надо иметь в виду, что рынки развивающихся стран усложняются и становятся ареной все более жесткой конкурентной борьбы между ведущими нерегиональными игроками, поэтому фактор времени очень важен. Накопленный в СНГ и ЕАЭС опыт, готовность к углубленным формам интеграции, конечно, продвигает новые формы сотрудничества. Россия, естественно, занимается их развитием и, наверное, это тоже правильно, имея в виду то, что ЕАЭС сохраняется как ***разноформатная, разноскоростная и разноуровневая площадка.***

Большое значение при анализе международных отношений между государствами имеет четкая и научно обоснованная классификация процессов, в частности в западной литературе по мировой экономике давно утвердились три ключевых понятия: *интернационализация, интеграция и глобализация.* Именно они отражают на макроэкономическом уровне существо и специфику мировой экономики. Каждое из этих явлений имеет свою экономическую нишу, сферы которых могут пересекаться.

---

[1] Назад в будущее // Российский внешнеэкономический вестник. – М., 2017. – № 5. – http://2035.media/wp-content/uploads/2017/07/spartak_table_2.jpg; http://2035.media/2017/07/05/export-new/.

[2] The World in 2050: Will the shifting global economic power continue? PwC projections for 2030 and 2050 / Pricewaterhouse Coopers LLP. – P. 3. – http://www.pwc.com/vn/en/publications/2014/world_in_2050.pdf

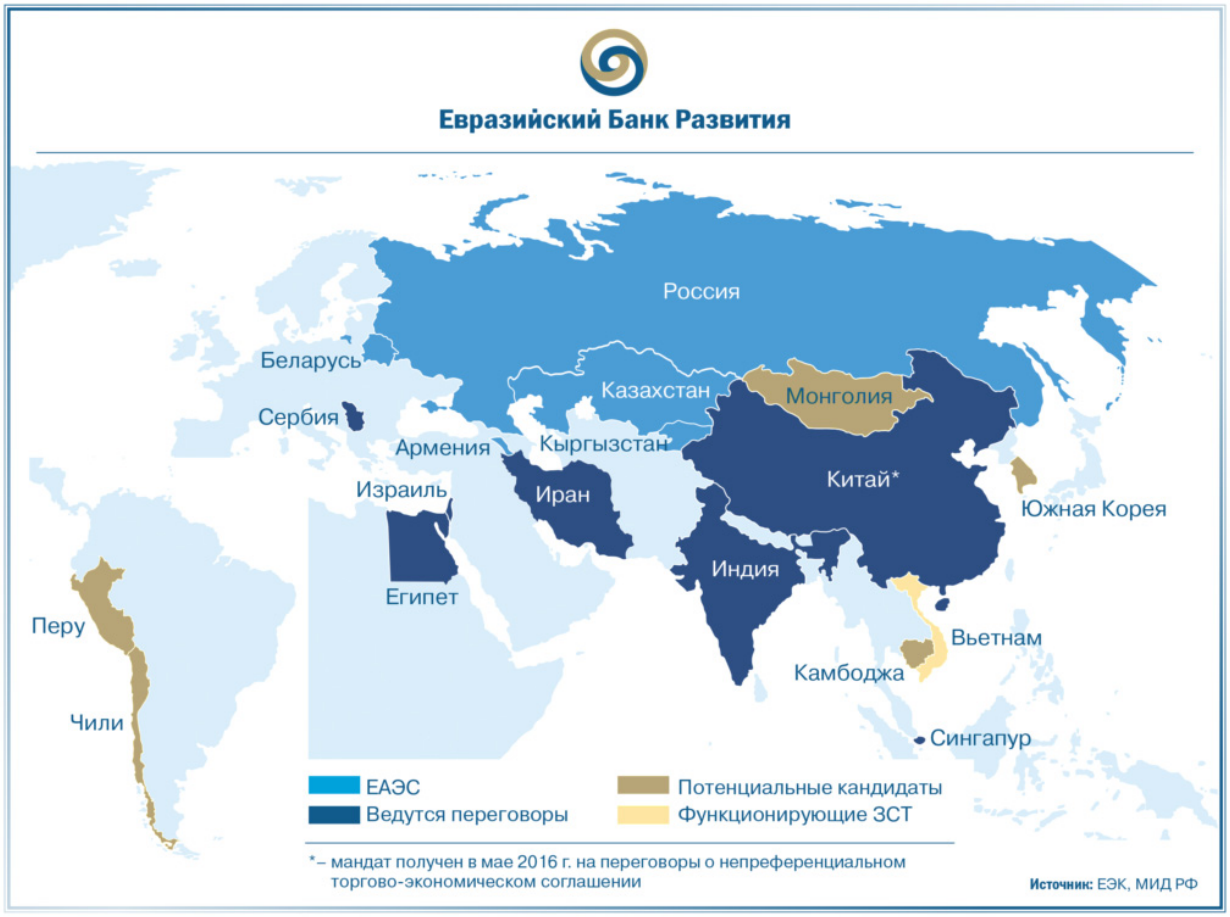


Рисунок 1.
Организационная структура ЕАЭС (по материалам ЕАБР)

Интернационализация (экономическая) – объективный процесс глобального экономического взаимодействия в сфере торговли, капиталов и финансов. Объективно данный процесс не управляем, хотя попытки упорядочивания этого процесса в рамках ВТО предпринимаются. Экономическая интеграция – высшая форма интернационализации хозяйственной жизни, достигаемой в процессе объединения различных национальных экономик в единый хозяйственный комплекс, отличающийся согласованной экономической политикой как на межгосударственном уровне, так и на наднациональной основе. Данные явления реализуются пока только на региональном уровне. Интеграция выступает по отношению к интернационализации в качестве антагониста, сужая ее рамки при существенном нарастании интенсивности и глубины взаимопроникновения, но при этом интернационализация и интеграция не могут существовать друг без друга, однако их взаимодействие протекает как объективно противоречивый процесс. Причем интеграция разъединяет хозяйственные пространства не только между разнотипными экономическими системами (социализм – капитализм), но и между однотипными системами. Примеры экономического поведения стран-участников ЕАЭС с заключением отдельных Соглашений о всеобъемлющем и расширенном сотрудничестве Армении, Казахстана с ЕС в 2017 г. лишь подтверждают эту тенденцию.

Несомненно, незаменимым элементом формирования «Большого евразийского партнерства», но пока очень далеким от реализации, является идея общего экономического пространства между ЕС и ЕАЭС. Ряд известных противоречий пока не позволяют лидерам обоих интеграционных объединений начать обсуждения на официальном уровне по поводу «интеграции интеграций». Прежде всего – украинский кризис и связанный с ним кризис в отношениях между ЕС и Россией. В то же время существует ряд убедительных предпосылок для создания общего экономического пространства «от Лиссабона до Владивостока». Европейскому союзу интересны доступ к сырьевым богатствам и к сравнительно качественному человеческому потенциалу ЕАЭС, а также расширение рынка для сбыта своей продукции. Евразийскому экономическому союзу нужны европейские инвестиции и связанный с ними трансферт высоких технологий. Обоим союзам важна стабильность спроса и предложения на рынке энергоносителей. Речь идет не только о взаимной комплементарности, но и том, что Евразийскому союзу необходимо стоять «на двух ногах», так как сотрудничество с Евросоюзом поможет сбалансировать китайское влияние на интеграционные процессы в Большой Евразии.

В последние годы заметно обострение конкуренции и подчеркивание различий между двумя формами региональной интеграции – Европейским союзом и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). Апогеем стал украинский кризис, самый опасный геополитический конфликт между Россией и Западом на постсоветском пространстве. Геополитика берет реванш с удвоенной силой, что влечет за собой серьезные геоэкономические последствия. Попытки вначале построить Общеевропейский дом или «Большую Европу от Лиссабона до Владивостока», а затем «Большую Евразию от Лиссабона до Шанхая» пока практически в тупике. Движение к сближению двух частей евразийского континента зависит ныне от прогресса в урегулировании украинского кризиса, уровня санкционного

давления на Россию со стороны США. ЕАЭС по-прежнему рассматривается в основном как российский геополитический проект. Несмотря на внутренние различия и слабости, эта структура остается пока наиболее продвинутой формой (ре)интеграции на постсоветском пространстве. Поэтому она служит важным фактором отношений не только Евросоюза и России, но и ЕС с другими странами Восточной Европы и Центральной Азии.

«Взаимосвязь как оружие» – термин, применяемый конкурирующими союзами, бросает серьезный вызов ЕС как глобальному актору в торговле и финансах, но при этом два конкурирующих союза рискуют еще больше разойтись, и возникнут преграды, сложно преодолимые, особенно в условиях явно растущего протекционизма. Государства на двух континентах между двумя объединениями, включая участников «Восточного партнерства», тоже будут страдать, поскольку окажутся геополитическим и геоэкономическим полем битвы и могут превратиться в *«стратегическое чистилище»*.

Западные исследователи (Нидерланды, Институт международных отношений Клингендаль), пытаясь определить пути возможного взаимодействия ЕС и ЕАЭС в условиях новых геополитических и геоэкономических реалий как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе предложили стратегию «пробной совместимости» ЕС и ЕАЭС. В докладе *«От конкуренции к совместимости. Достижение евразийского баланса в отношениях ЕС и России»* (From Competition to Compatibility. Striking a Eurasian balance in EU-Russia relations), выдвинут тезис о том, что для углубления Россией евразийской интеграции ряд постсоветских государств мог бы передать ей свои полномочия в сфере развития торговых отношений с третьими странами, в том числе с ЕС. Отмечая факт, что в рамках ЕАЭС ведется работа по унификации норм и стандартов. делается вывод о развитии новой региональной организации, которую Евросоюзу в любом случае придется принимать во внимание. Следует отметить, что ЕАЭС фокусируется на внутренней консолидации, прежде чем двигаться к более широкой интеграции и заключать привилегированные торговые соглашения с основными внешнеэкономическими партнерами, в частности Евросоюзом и Китаем.

В контексте *«пробной совместимости»* и согласно предложениям исследовательской службы Европарламента, страны «общего соседства» должны иметь возможность поддерживать хорошие отношения с обеими сторонами, т.е. «не выбирать и не проигрывать» в многовекторной политике, нацеленной на сбалансированные (торговые) отношения и с Россией, и с ЕС. В конце концов, Евросоюз не заставляет страны идти на соглашение об ассоциации или углубленной и всеобъемлющей зоне свободной торговли (AA/DCFTA) как высшую форму интеграции, доступную участникам «Восточного партнерства». Лишь предполагаемое членство в ЕАЭС (вступление в Таможенный союз) несовместимо с AA/DCFTA. Позитивным примером взаимного развития может служить возобновление диалога Евросоюза с Арменией. После того как Армения вступила в ЕАЭС, Брюссель предложил Еревану подумать о тех элементах проекта соглашений AA/DCFTA, которые можно было бы сохранить, полностью уважая при этом обязательства Армении как *члена ЕАЭС*. Эти переговоры – интересный пример того, как государство-член ЕАЭС может развивать отношения с Евросоюзом и сохранять максимально доступные взаимосвязи с ним. ЕС, в свою очередь, получает пространство для того, чтобы содействовать модернизации экономики и общества. Такой функции нет в ЕАЭС, поскольку организация более ограничена по мандату, к тому же ее развитию мешают геополитические и протекционистские намерения России.

«Ориентация на Азию» заставила Москву не только всерьез принять эту инициативу, но и задуматься о возможностях сопряжения Экономического пояса Шелкового пути с ЕАЭС. Россия не готова разрабатывать всеобъемлющее соглашение о свободной торговле между строящимся ЕАЭС и Китаем, предлагая лишь двусторонние непривилегированные торговые договоренности, но ситуация может измениться. Стремление Китая к взаимосвязанности *«Большой Азии»* и Большой Евразии противоречит российским протекционистским тенденциям и может дать Евросоюзу еще одну возможность продвигать широкую евразийскую интеграцию *«от Лиссабона до Шанхая»* в тандеме с Китаем.

Следует отметить неоднородность состава участников ЕАЭС в плане интегрированности в мировую экономику. К примеру, Беларусь не является членом ВТО, в то время как позиция европейского сообщества заключается в том, что ЕС не может обсуждать торговую либерализацию со страной, не являющейся членом ВТО[1]. Между тем, после украинских событий отношения крупнейшего члена ЕАЭС России и Евросоюза заметно ухудшились. Присоединение Крыма и сложная ситуация на Востоке Украины, как и введение санкций со стороны ЕС, привели к острому кризису в политических отношениях сторон. При всей актуальности дискуссий на тему перспектив сотрудничества ЕС и ЕАЭС понятно, что после Украины диалог на прежнем уровне будет невозможен еще очень долгое время из-за возникшего дефицита доверия между Россией и ЕС. А наличие доверия является необходимым условием интеграции в рамках Большой Евразии.

В данном ключе для Российской Федерации большую актуальность приобретает сопряжение потенциала Евразийского союза и китайского проекта «Экономического пояса Шелкового пути». Тесное партнерство с КНР воспринимается российской стороной и в контексте создания геополитического альянса между Пекином и Москвой с целью отстаивания концепции многополярного мира[2]. Последнее обстоятельство говорит о том, что в ближайшем будущем наиболее *перспективным* выглядит сопряжение ЕАЭС и «Экономического пояса Шелкового пути». Идея развития единого экономического пространства с ЕС становится для Москвы проектом отдаленного *будущего*, если не осталась в прошлом.

---

[1] Popescu N. Eurasian Union: the real, the imaginary and the likely // Chaillot Paper. 2014. – N 132, 9 September. – P. 41.

[2] Межевич Н. «Интеграция интеграций»: стоит ли искать чёрную кошку в тёмной комнате? – http://russiancouncil. ru/inner/?id_4=6590#top-content

Впрочем, геополитические противоречия могут стать основным сдерживающим фактором в реализации идеи Большой Евразии в целом. Приходится констатировать, что прокладка новых транспортных маршрутов, способных существенно изменить сложившийся статус-кво в геоэкономике региона, как правило, сопровождается конфликтом интересов. Несмотря на многочисленные призывы с различных международных трибун, к сожалению, никто из крупных игроков пока не проявляет готовность отказаться от *принципов игры с нулевой суммой.*

Вопросы построения и реализации мегапроектов, рассматривая проблемные тезисы «о конфедеративном будущем страны (политического образования)», должны решаться на основе законов политики и политической экономии. Конкретно политическая и экономическая структуры новых мегаобразований будут зависеть от того, какой строй утвердится в России и Китае. Если утвердится капиталистический строй с определенной системой производства, то восторжествуют идеи Зб. Бжезинского, если будут реализованы идеи коммунистического Китая с капиталистическим лицом Дэн Сяо Пина, то мир «перевернется», придя в любом случае к биполярной системе отношений центров силы. История России свидетельствует о том, что с приходом к власти в ней демократических форм правления, феодального или капиталистического типа, страна оказывалась в состоянии раскола, раздробленности, хаоса в период между X–XX веками, когда же в России утверждалась диктатура царя или императора (Иван III, Иван IV, Петр I, Екатерина II) затем «диктатура пролетариата» (И.В. Сталин), Россия расширялась и укреплялась. Успехи Советского Союза в социалистическом строительстве (до начала перестройки в 1986 г.) наглядно подтверждают данный вывод. Таков, к сожалению, исторический, психологический и политический парадокс развития России, обусловленный, вероятно, характером общности многонационального народа на территории Большой Евразии.

Рисунок 2.
Общие маршруты коридоров Большого евразийского пространства и китайского мегапроекта «Один пояс – один путь»

Нынешний выбранный капиталистический путь развития, даже в случае его успеха на территории бывшего постсоветского пространства, ведет Россию к распаду (по аналогии с СССР) или по крайней мере к экономической автономизации Сибири и Дальнего Востока, не говоря уже о все большем удалении бывших советских республик от России. Законы рынка будут диктовать регионам крепить отношения с теми, кто больше «даст». Чем может похвастать либерально-экономический блок нашего федерального правительства?! Упованием на трансформацию нынешнего режима в сторону социал-демократического капитализма с человеческим лицом (спасибо, еще не отошли от демократических идей М.С. Горбачева, и тоже с человеческим лицом).

На евразийском континенте на сегодняшний день сформировались три ключевых экономических центра – Европейский союз, Евразийский экономический союз, китайский Экономический пояс Шелкового пути. Создаются предпосылки для более тесного сближения экономик европейских стран, государств-членов ЕАЭС и Китая на основе, прежде всего, роста объемов взаимной торговли. К примеру, в последние несколько лет ежегодные объемы товарооборота между ЕС и Китаем превышают 500 млрд. и увеличились в 236 раз по сравнению с уровнем 1975 года, когда были установлены дипломатические отношения между сторонами[1]. По разным оценкам, к 2020 году объем товаро-

[1] Комментарий: Торгово-экономическое сотрудничество между Китаем и ЕС – большая игра. – http://russian.news.cn/china/2014-03/27/c_133219118.htm

оборота между Китаем и Европой может достичь более 1 трлн. долларов[1]. В данном ключе идея сотрудничества между интеграционными объединениями в рамках Большой Евразии звучит весьма актуально.

Сам термин «Большая Евразия» был предложен английским ученым М. Эмерсоном в 2013 году и его концепция «Большой Евразии» включала в себя все страны Европы и Азии в пределах евразийского суперконтинента и затрагивала вопросы совместных усилий в сфере стратегической безопасности, политических идеологий, долгосрочных социально-экономических проблем и культурных ценностей между ними[2]. В то же время роль ЕАЭС с учетом реализации проекта странами – участницами союза с учетом собственных интересов приобретает новые оттенки. В частности, идея Большой Евразии, озвученная президентом Казахстана, несколько сужает масштаб сотрудничества до уровня интеграционной тройки в лице Европейского союза, ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути. Так, в самом общем виде создание Большой Евразии в казахстанском варианте предусматривает гармонизацию интеграционных проектов, в том числе либерализацию торговых отношений между участниками, совместное развитие транспортных коридоров, диверсификацию энергетических маршрутов, расширение инвестиционного сотрудничества и другие вопросы по развитию экономического взаимодействия. Принципиальным моментом здесь становится вопрос – «Кто будет контролировать транспортный коридор между Евросоюзом и Китаем?»

Казахстан рассматривает свое участие в данном проекте в привязке к своим стратегическим интересам. Прежде всего, речь идет о перспективе соединения Тихого океана с Европой через сухопутные транспортные маршруты, что должно стать для казахстанской стороны подспорьем для реализации своего транзитного потенциала. По разным оценкам к 2020 году 10% грузоперевозок между Европой и Китаем будут проходить по автомобильным и железнодорожным магистралям. Так, объем грузовых перевозок между КНР и странами Европы может вырасти со 117 млн. тонн до 170 млн. тонн к 2020 году[3]. К этому времени Казахстан планирует привлечь на трансказахстанские маршруты не менее 10 млн. тонн грузопотока между КНР и странами Европы. Казахстан заинтересован в том, чтобы значительная часть грузопотока проходила через его территорию. Согласно расчетам, новые транспортные связи через казахстанские степи сократят более чем в два раза время перевозки товаров морским путем между Китаем и Европой. Последнее воспринимается Казахстаном как важное конкурентное преимущество с реализацией последовательных мер по повышению транзитного потенциала страны. На сегодняшний день вокруг Казахстана формируется целая сеть железнодорожных и автодорожных соединений, предоставляющих новые возможности для торговли и создания новых рынков в различных направлениях. В декабре 2014 года была запущена в эксплуатацию международная железнодорожная магистраль Иран-Туркменистан-Казахстан международного транспортного коридора Север – Юг, открывшая для Казахстана прямой путь в страны Персидского залива через сушу. В свою очередь, через территорию Казахстана ближневосточные страны получили доступ к рынкам России и Китая. Наряду с этим с 2012 года функционирует железнодорожный маршрут Хоргос-Жетыген, связавший морское побережье Китая с югом Казахстана и ставший *кратчайшим железнодорожным путем* из Китая в ЕС. Построена автомобильная трасса Западный Казахстан – Западный Китай, которая в перспективе получит продолжение через территорию России в направлении ЕС. Активно развивается портовая инфраструктура города Актау.

На сегодняшний день Казахстан видит свою задачу в реализации уникальной возможности превратиться в сухопутный мост между крупнейшим индустриальным производителем – Китаем и самым масштабным потребительским рынком в лице ЕС. В то же время развитие транспортно-логистической инфраструктуры может выступить и драйвером долгосрочного экономического роста Казахстана, когда транспортные линии станут «линиями жизни» для местных сообществ на всем пути. О серьезности намерений Астаны стать транзитным хабом свидетельствует объем национальных капиталовложений в улучшение и развитие отечественных транспортных систем в размере $9 млрд., а в целом в развитие транспортно-транзитной системы планируется привлечь до $40 млрд. Так, инфраструктурное развитие стало лейтмотивом масштабной программы «Нурлыжол». В целом можно заметить, что для казахстанской стороны в идее Большой Евразии *приоритетной является транзитная составляющая.* Как показывает статистика, ключевую роль во внешней торговле Казахстана, по-прежнему, занимают страны ЕС и Китай. Идея кооперации между интеграционными объединениями пользуется также поддержкой у казахстанских коллег по ЕАЭС, в первую очередь у руководства Белоруссии, Армении, Киргизии.

Однако, как показывают исследования, проблема «интеграции интеграций» заключается не только в теоретической части, а в первую очередь в *практической* плоскости реализации. Возникает закономерный вопрос о том, как она будет происходить. Прежде всего, следует отметить ранее упомянутую *разноформатность* трех объединений. Так, если Европейский союз представляет собой полноценный экономический союз с полной интеграцией хозяйств стран-членов, в которых унифицированы денежно-кредитная, налоговая и валютная политика и введена единая валюта, то же самое сложно сказать о Евразийском экономическом союзе. Проект же Экономического пояса Шелкового пути вовсе не предполагает создание какой-либо организационной структуры, что может привести к возникновению сложностей с гармонизацией торговых режимов.

Неясным остается также ответ на вопрос, как будет происходить сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути. Насколько известно, о создании зоны свободной торговли между ЕАЭС и Китаем речи не идет.

---

[1] Кто будет контролировать транспортный коридор между Евросоюзом и Китаем? -http://kapital.kz/economic/41564/kto-budet-kontrolirovat-transportnyj-koridor-mezhdu-evrosoyuzom-i-kitaem.html

[2] Emerson M. Towards a Greater Eurasia: Who, Why, What, and How? // Global Journal of Emerging Market Economies. 2014. – Vol. 6, N 1, January.

[3] Казахстану необходимо привлечь до 10 млн тонн грузопотока между КНР и ЕС на свои магистрали. – http://primeminister.kz/news/show/69/kazahstanu-neobhodimo-privlech-do-10-mln-tonn-gruzopotoka-mezhdu-knr-i-es-na-svoi-magistrali-ekarin-/29-06-2015

С другой стороны, в европейском дискурсе Евразийский экономический союз воспринимается через призму внешнеполитических амбиций Москвы, и в политологических кругах преобладают рассуждения о геополитическом характере организации[1]. В этой связи эксперты отмечают недостаток легитимности ЕАЭС в глазах европейского сообщества, признавая институциональную слабость ЕАЭС. Несмотря на декларированные «четыре свободы», многие нормативные документы объединения содержат отсылки к национальному законодательству стран-членов[2]. К тому же в торговле между участниками все еще сохраняются отдельные нетарифные барьеры.

Как было сказано в «Совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия», «стороны считают, что инициатива «Один пояс – один путь» и идея Большого Евразийского партнерства могут развиваться ***параллельно и скоординировано***, будут способствовать развитию региональных объединений, двусторонним и многосторонним интеграционным процессам на благо народов Евразийского континента»[3].

Одновременно была подчеркнута необходимость активизации работы по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и «Одного пояса, одного пути», содействию формирования эффективных механизмов диалога между Евразийской экономической комиссией и Правительством Китайской Народной Республики, обеспечивающих реализацию приоритетных проектов, отвечающих интересам Евразийского экономического союза, его государств – членов и Китая. Еще раз была подтверждена необходимость скорейшего вступления в силу Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны, от 17 мая 2018 года и приступить к его практической реализации. Стороны также выступили за запуск переговоров по Соглашению о Евразийском экономическом партнерстве между Россией и Китаем.

Россия и Китай намерены защищать свободу торговли и принципы ВТО[4]. По словам российского лидера, глобализация старого типа превратилась в пародию на саму себя, «когда общие международные правила будут подменяться законами, административными и судебными механизмами одной страны или группы влиятельных государств». И, наконец, как особо подчеркнул Си Цзиньпин, мировое развитие будет осуществляться на основе повестки для ООН в области устойчивого развития на период до 2030 года, которая, по его мнению, есть «максимально общий знаменатель глобального сотрудничества». Таким образом, при этом дополнительно Россия и Китай намерены обеспечить также поддержание равноправного, справедливого, рационального и цивилизованного международного энергетического порядка (учитывая, что почти 9/10 производимой в мире энергии приходится на евразийское пространство), наращивать кооперацию по глобальному управлению в сфере энергетики, продвигать ее устойчивое развитие, чтобы каждый человек получил доступ к устойчивым источникам энергии.

Это коренным образом отличается от «нового мирового порядка» под эгидой США, построенного на доминировании, получении незаконной ренты, сознательной дискриминации других государств, санкций, нерыночных методов конкуренции, запугивания, войн и препятствования развитию.

---

[1] Dragneva R., Wolczuk K. Russia, the Eurasian Customs Union and the EU: Cooperation, Stagnation or Rivalry? // Chatham House Briefing. – P. 9. – https://www.chathamhouse.org/publications/papers/view/185165; Popescu N. Op. cit., p. 7.

[2] Доклад «Геоэкономика Евразии». – http://iwep.kz/files/attachments/article/2015-11-16/doklad_geoekonomika_evrazii_.pdf#overlay-context=

[3] https://www.ritm eurasia.org/news--2019-06-07--sovmestnoe-zajavlenie-rf-i-knr-o-razvitii-otnoshenij-vseobemljuschego-partnerstva-i-strategicheskogo-vzaimodejstvija-43097

[4] Аникин В.И., Сурма И.В. О стратегических подходах и оценках экономической безопасности России в условиях геополитической и геоэкономической нестабильности // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник: материалы XV Международной научной конференции «Модернизация России: ключевые проблемы и решения». Отв. ред. Пивоваров Ю.С. – М., 2015. – С. 226–234; Аникин В.И., Сурма И.В. Национальная безопасность России: новые подходы в меняющемся мире // Вопросы безопасности. 2016. – № 3. – С. 1–18.

Арбатская М.Н.
д.геогр.н., Иркутск

ОРГАНИЗАЦИЯ ЯПОНСКОЙ ВЛАСТИ В ПЕРИОД МЭЙДЗИ И ДО ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: МИЛИТАРИЗМ, НАЦИОНАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОРРУПЦИЯ

Ключевые слова: *японская система, анонимная власть, свобода выбора, новый национализм, электоральная активность, общее число избирателей, культурно-институированный разрыв, свершившийся факт, политическая коррупция.*

Keywords: *Japanese system, anonymous power, freedom of choice, new nationalism, voter turnout, total number of voters, culturally institutionalized gap, fait accompli, political bribery.*

Японская Система и свобода выбора. Япония как субъект международных отношений появилась на политической карте одновременно со вторым германским рейхом Отто фон Бисмарка. В стране восходящего солнца не по доброй воле случилась реставрация Мэйдзи, которая повлекла за собой кардинальную перестройку всех общественных систем и институтов. При этом оба государства нового типа пошли по пути тотального милитаризма и стали внедрять у себя переход от монархии к республиканской форме формирования и воспроизводства власти. Но поводы-причины для применения выборов различались.

Отгороженная морями-океанами японская элита, пришедшая к власти вследствие демонстративного фиаско политики самоизоляции, устроенного США, реанимировала микадо. В Японии стали поощрять различные новшества, которые официальные миссии, направленные в США и Европу, посчитали полезными для строительства новой сильной страны. В список были включены массовое образование, всеобщая воинская повинность (*далее* – **ввп**) или «налог кровью» – *кэцу-эки*[1], экономика/финансы, календарь, техническое перевооружение, и в самом конце списка, выборы. Что значит «выборы» – поначалу было непонятно даже верхушке. В отличие от Германии, где понимание смысла выборов было не только в элите: введение всеобщих выборов на всей территории, не ограничиваясь Пруссией, стало, наряду с созданием регулярной массовой армии, «главным козырем» Бисмарка против монархической заграницы[2].

Исторически сложившееся устройство централизованного государства, действующее в Японии, называется японской Системой. Данная властная Система издавна функционировала без социальной группы или слоя, стоящего над всеми остальными. История показала, что до периода становления конституционных монархий, изменившего режим властвования, слабые монархи не были редкостью. Но в Японии [1, с. 339; 22, с. 27–28]: 1) безвластным был сам институт монархии: «император полностью зависит от своих подчинённых, на которых возложена вся реальная ответственность и которые решают все актуальные задачи правительства»; 2) при этом, за исключением малости территории, никогда не было «ограниченности в средствах ведения войны».

Карел Ван Вольферен [22], на которого неоднократно в данной связи ссылается Франклин Анкерсмит [1], считает, что «речь идет … о структурном феномене, не отраженном в понятийном аппарате» европейской и в целом западной политологии. «Существует, разумеется, иерархия или, вернее, комплекс взаимно перекрываемых иерархий. Но он не имеет вершины: это усеченная пирамида. Нет верховного института власти, обладающего полномочиями на принятие окончательных решений» [22, с.5]. Анкерсмит относительно феномена японской власти предложил термин «анонимность» [1, с. 340]. Однако, «анонимная власть» со снятой ответственностью, или «неуловимое государство», «которое в Японии обнаруживается повсеместно, вполне способно организовать сложный социальный и политиче-

[1] «Возбуждение крестьян часто усиливалось вследствие распространения диких слухов о том, … что фразу “налог кровью”, содержавшуюся в декрете 1873 г. о введении обязательной воинской повинности, следует понимать в прямом смысле. То есть: при зачислении в армию у рекрутов будут брать кровь и отправлять её за границу с целью изготовления красителей для одеял алого цвета; строящиеся телефонные и телеграфные линии будут служить для перекачивания крови; у детей, которых сгоняют в новые школы, также будут брать кровь» [7, с. 50]. Введение всеобщего мужского голосования в Японии стало результатом системных изменений в формате модернизации, независимым от параллельно происходившей целенаправленной милитаризации страны. Более того, «когда их суеверие было преодолено, простые люди гордились, что они “носят униформу императора”, и кланялись низко перед его подарком – магазинной винтовкой, вспоминая, что их предкам запрещалось носить какое-либо оружие, кроме заострённых кольев» [9, с. 193]. В Швеции требование всеобщего избирательного права усилилось с введением всеобщей воинской повинности, объявленной на 30 лет позже, чем в Японии (в 1901 г.). Борьбу за всеобщее мужское голосование шведы вели под лозунгом «Одна винтовка – один голос» [2].

[2] Тезис о том, что «у Германии должна быть самая сильная армия в мире», обосновал Гегель: «борьба за независимость и суверенитет государства есть самая высокая обязанность и долг власти и гражданина, тогда как вопросы сохранения собственности и даже личной жизни немцев вторичны по отношению к сохранению независимости Родины» [10, с. 64]. Какой-либо нестыковки между правом голоса (всеобщим мужским избирательным правом) и «налогом кровью» в Германии не было: в конституционном «пакете» от 4 мая 1871 г., наряду с **ввп** государственные граждане мужского пола в возрасте 25 лет и старше получили право голоса.

ский мир» [1, с. 340]. К вопросу о качестве власти и продолжая цитировать голландских исследователей [1, с. 332; 22, с. 28], добавим, что отсутствие политического центра – это не досадное островное недоразумение, а сущность Системы, которая имеет несомненный стратегический бонус самосохранения: «если источник реальной власти неясен, то неясно так же, как с ним бороться». Чем не характеристика качества власти?

«Реставрация Мэйдзи представляет собой не столько коренное изменение дореволюционной политики в области торговли, промышленности и дипломатии, сколько тщательную подготовку условий для более быстрого и эффективного вызревания тех тенденций, которые уже проявлялись в последние десятилетия периода Токугава» – переход власти от высших феодальных кругов к самураям низших рангов [7, с. 34, 35, 42]. В целом реставрация Мэйдзи была осуществлена коалицией мечи (самураи) & деньги (купечество, ростовщики).

При этом «ведение войны стало исключительной прерогативой государства, и потребности в социальном классе, специализирующемся в боевом искусстве, не стало» [9, с. 188–189]. Как написали американцы для американцев в 1958 г., «суровые и жесткие самураи, с редкой стойкостью молчаливо согласились с ликвидацией своего сословия» и «с ненавистью относились к воинской повинности, которой вначале оказывали сопротивление даже суеверные крестьяне» [9, с. 190, 193]. Олигархия Мэйдзи была одержима идеей создания сильного имперского государства. В течение трёх лет она упразднила феодальные владения, объяснив это тем, что «для поддержания равенства в отношениях с иностранными государствами *слова должны иметь на деле тот смысл, который они обозначают* (курсив – наш), и правительство страны должно стать единственным носителем власти» [22, с. 37].[1]

По мнению Ф. Анкерсмита [1, с. 240, 336] и Й. Хёйзинги [20, с. 257, 277], Япония с 1868 г. воплотила в себе самый старый и самый неограниченный милитаризм, который когда-либо был известен. Микадо, у которого «в японской истории (*реальной*) власти никогда не было, и его окружение «вполне осознавали и потому верно понимал*и*, что *императорскую* власть следует тщательно оберегать и лелеять всеми доступными … средствами»[2]. Влияние «системы служения и верности господствовало безраздельно», потому и «очень рано возникла конфигурация, которая без колебаний может быть названа милитаризмом».

Как пишет Г. Киссинджер, страна рисоводов «на протяжении 400 лет … изолировала себя от внешнего мира … и построила свою внутреннюю структуру на чувстве гордости за собственную уникальность» [8, с. 160]. В условиях открытости для внешнего мира стало необходимостью «создать новый национализм, позволяющий “любить императора и Родину”» не только феодальному самурайскому воинству, но и простым крестьянам и ремесленникам, которые массово требовались для наполнения вооруженных сил на основе всеобщей/обязательной воинской повинности. Ибо отряды фанатичных самураев, даже с двумя мечами, безнадёжно устарели и не смогли бы решить новые задачи. В связи с этим гибридный “дзассюсэй”[11, с. 20] – старый национализм усобиц традиционного общества с оборонительной доктриной, ограниченной территорией островов, выросший на почве «японской исключительности» и основанный на уникальном «иерархическом феодальном чувстве» [8, с. 161], срочно требовал замены.

Непомерные амбиции новой правящей элиты, вышедшей из самурайских низов и подпираемые демографическим давлением, требовали новых материков-островов. Для завоеваний была нужна современная технически оснащенная мощь армии и флота, а не только суровые и жесткие самураи, которые, тем временем, стали фанатичным и жестоким костяком этой самой армии (и офицерами полиции). Здесь-то и понадобились выборы. ***Национализм нового времени нуждался в новой политической системе, «в которой каждый гражданин имел бы свободу выбора.*** Свобода выбора, тем самым, должна стать неотъемлемой чертой цивилизованного правления в Японии, основой её нового национализма» (*курсив – наш*) [10, с. 68], направленного на территориальную экспансию[3].

Сравнение подводит к выводу: ***Германию и Японию в их развитии путём мобилизации преимуществ отсталости, объединяет особенность, касающаяся внедрения выборов власти главным образом как инструмента реагирования элиты на внешние факторы.*** Ван Вольферен отметил, что в Японии «единственное обстоятельство, при котором международные факторы принимаются во внимание, – это fait accompli (свершившийся факт), т.е. событие, всегда застающее страну врасплох. В русском лексическом обороте есть очень точный перевод, если угодно, данного термина: жареный клюнул. Система может живо реагировать только тогда, когда происходит всеобщее осозна-

---

[1] Олигархическое правление с самого начала подразумевало лишь временное устройство, на смену которому должна была прийти хорошо скоординированная система, сочетающая японские и европейские институты. Но боязнь ослабления собственной власти побудила политических архитекторов современной Японии пренебречь вопросом политической подотчетности, необходимой для такой координации [22, с. 38].

[2] «В результате традиционного двоевластия обстоятельства сложились так, что когда император был поднят до положения правящего монарха, он не был в состоянии должным образом выполнить свою роль. Среди ближайшего окружения его двора не было никого, кто был бы в достаточной мере способен править вместо него. Большинство номинальных руководителей кланов … были физически слабы и не блистали умом, тогда как сильное, здоровое меньшинство почти не обладало качествами политических деятелей. … глава клана Сацума… был настолько высокомерен и горд, что …лидером клана фактически стал его оруженосец Сайго. Поэтому людьми, способными руководить новым правительством, были только самураи. Они-то и осуществляли политическую власть, хотя и не занимали высших должностей в правительстве». Однако было бы ошибкой полагать, что многие из огромной армии самураев получили посты при новом правительстве [7, с. 55].

[3] Кроме всего прочего, вплоть до проигрыша во второй мировой войне, который они и по сию пору не хотят признавать (судя по отношению к «северным территориям»), «японцы считали себя не столько частью Азии, сколько нацией, призванной цивилизовать Азию» [10, с. 21]. Ведь война, развязанная японскими милитаристами, «воспринимается в сознании рядового японца как стихийное бедствие, за которое никто не несёт ответственности: (*“старая добрая”* – авт.) Япония стала жертвой обстоятельств и враждебных сил» [22, с. 37].

ние новой реальности, насквозь пронизывающее её острым ощущением кризиса» [22, с. 418]. Для Японии Токугавы таким клюнувшим жареным стала, как известно, эскадра американских черных кораблей[1].

Насущная и трудная задача, решением которой «ленивые» японцы[2] занялись без промедлений – денежная реформа (в 1867 г. в денежном обращении находилось 1694 вида денежных знаков). В 1871 г. уничтожили феодальную структуру (территориальную и иерархическую), отменили все военные и религиозные звания/привилегии. Общественно-политическая и военная модернизация масштабно были начаты новым западным календарём с 1 января 1873 г., народным образованием (обязательное начальное обучение в школах, как в Великобритании) и всеобщей воинской повинностью в январе 1873 г. (реализуя закон 1870 г. о создании национальной армии – с 20 лет, младший сын, на три года [16, с. 25]).

Двадцатилетнее опережение объявления всеобщей воинской повинности перед первым голосованием в императорский парламент объясняется не только более простой реализацией первого в сравнении со вторым. Национальная армия – это жизненно важный инструмент первой необходимости, нужный ещё «вчера». Новоиспечённый император и его приближённые боролись с многочисленным и воинственным наследием сёгуната: «большинство самураев, поднявших оружие за императора, состояло из противников, каких бы то ни было, нововведений» [6, с. 96]. Против нововведений они и выступили очень быстро с теми же мечами …из переплавленных португальских мушкетов. О судьбе разжалованных самураев далее еще будет сказано.

Общее число избирателей и численность населения. Для понимания степени включённости выборов в социальную ткань, нужна информация о численности населения, краткая сводная динамика которой за 55 лет, с 1892 по 1945 год, представлена на основе сайта популярной статистики от Jan Lahmeyer в табл. 1. В среднем численность населения Японии за этот период увеличилась с 40,5 до 72,6 млн. чел., в 1,8 раза. Однако территориальная неравномерность динамики имеет значительно больший разброс и весьма интересна.

Таблица 1

Динамика численности населения Японии по регионам и префектурам. 1892–1945 гг.

Название региона и префектуры		1892 г.	1945 г.	1945 г. / 1892 г., раз					
Япония, всего		**40507,4**	**72598,4**	**1,8**		**Кансай**	**6273,5**	**11197,6**	**1,8**
о. Хоккайдо и Тохоку (о.Хонсю)	**Хоккайдо**	**450**	**3272,7**	**7,3**	Кансай (Кинки), о. Хонсю	Миэ	901,7	1394,3	**1,5**
	Тохоку	**4245**	**8268,2**	**1,7**		Сига	661,3	860,9	**1,3**
	Аомори	523,2	1083,3	**1,9**		***Киото***	850	1603,8	**1,9**
	Ивате	652	1227,8	**1,7**		***Осака***	1250	2801	**2,2**
	Мияги	780	1461,3	**1,6**		***Хёго***	1499,7	2821,9	**1,9**
	Акита	662,9	1212	**1,6**		Нара	489,2	779,7	**1,6**
	Ямагата	732,9	1326,4	**1,5**		Вакаяма	621,6	936	**1,5**
	Фукусима	894	1957,4	**1,8**	Тюгоку, о. Хонсю	**Тюгоку**	**4319,9**	**6230,2**	**1,5**
Канто, о.Хонсю	**Канто**	**6924,2**	**14405,1**	**1,9**		**Тоттори**	390,1	563,3	**1,4**
	Ибараки	980,8	1944,6	**1,7**		Симанэ	688,1	860,3	**1,3**
	Тотиги	670	1546,4	**1,8**		Окаяма	1051,3	1564,6	**1,5**
	Гумма	690,9	1546,1	**1,9**		Хиросима	1278,5	1885,5	**1,5**
	Сайтама	1100	2047,1	**1,5**		**Ямагучи**	911,9	1356,5	**1,5**
	Тиба	1159,3	1966,9	**1,4**	Сикоку, о. Сикоку	**Сикоку**	**3663,4**	**3836,5**	**1,0**
	Токио	1400	3488,3	**5,3**		***Токусима***	894	835,8	**0,9**
	Канагава	923,2	1865,7	**2,4**		Кагава	650	863,6	**1,3**
Тюбу, о. Хонсю	**Тюбу**	**8608,1**	**14512,3**	**1,7**		***Эхиме***	1557,3	1361,5	**0,9**
	Ниигата	590,5	2389,7	**1,4**		Коти	562,1	775,6	**1,4**
	Тояма	1652,7	953,8	**1,3**	Кюсю, о-ва Кюсю и Окинава	**Кюсю**	**6023,4**	**10630,8**	**1,8**
	Исикава	726,1	887,5	**1,2**		***Фукуока***	1188,9	2746,9	**2,3**
	Фукуи	737,2	724,9	**1,2**		Сага	550	830,4	**1,5**
	Яманаси	1096	839,1	**1,9**		Нагасаки	739,8	1318,6	**1,8**
	Нагано	437,5	2121	**1,9**		Кумамото	1030,3	1556,4	**1,5**
	Гифу	899,3	1518,6	**1,7**		Оита	773,1	1124,5	**1,5**
	Сизуока	1038,9	2220,4	**2,1**		***Миядзаки***	403,8	913,7	**2,3**
	Айти	1429,9	2857,3	**2,0**		Кагосима	962,2	1538,5	**1,6**
						Окинава	375,3	601,8	**1,6**

Источник: http://www.populstat.info/Asia/japanp.htm

[1] «Паутина отношений власти в Японии настолько плотно сплетена, что в ней не остается места для учета иностранных интересов... Иностранные факторы обычно игнорируются, даже когда они входят в сферу долгосрочных национальных интересов» [22, с. 418]. Иными словами, долгосрочные национальные интересы Японии базируются на игнорировании, по крайней мере, российских законных интересов, что можно вживую увидеть на трансляциях из Владивостока пленарных заседаний Восточных форумов в 2018–2019 годах.

[2] В монографии Чанг Ха-Джуна «Злые самаритяне» [19] есть целая глава (девятая) о «ленивых японцах и вороватых немцах». Корейский автор приводит мнение довольно оригинального, на наш взгляд, американского миссионера С. Гулика, прожившего в Японии 25 лет в самый разгар реставрации, с 1888 г.: многие японцы «производят впечатление …ленивых и совершенно безразличных к течению времени» [19, с. 201].

Например, число жителей о-ва Хоккайдо увеличилось в 7,3 раза, что превышает средний показатель в 4 раза. Заселение пустынного в конце XIX века острова к северу от Хонсю произошло в соответствии с военным планом и американской помощью [9, с. 190–191]. Когда столкнулись геополитические интересы Японии Токугавы и Российской империи, основным предметом спора стали айну, и в 1869 г. центральное правительство Японии объявило земли на Хоккайдо "бесхозными" и конфисковало их в пользу государства вместе с проживавшими на них айну. Тогда же было сформировано Управление по колонизации острова Хоккайдо» [4, с.116; 10, с. 56]. Как пишет Бух, японцы спешили из боязни, что Россия может занять эти земли, пользуясь мягкой силой своей культуры и совершенно неагрессивной политикой: «***расширение русского влияния на коренных жителей пограничных областей считалось*** (*японской элитой* – авт.) ***экспансией цивилизованного народа, шествием высшей культуры, действующей через просвещение и дружелюбную политику»*** *(курсив – наш)* [4, с. 116].

Опираясь на британо-японские и российские источники [4, с.100–101; 10, с. 56], отметим, что остров и аборигены «фактически были захвачены Японией и вошли в её состав в качестве отдельной административной единицы империи и её заморской колонии. Руководство колонией осуществлялось через Управление по колонизации Хоккайдо». Безработные самураи с семьями (большинство японских переселенцев на Хоккайдо переезжали из северо-восточной части острова Хонсю) получали земли в стратегических пунктах острова и превращались в японских казаков: военнообязанные колонисты[1] зачислялись в милицию, обучались военному делу, а параллельно строили и пахали. Хотя колонизация острова «во многом проходила по американской модели заселения индейских земель, общий процесс колонизации был основан на государственном управлении заселением». Соответственно, управление островом «не отличалось от других колониальных проектов: политики и колонизаторы были столь же агрессивны и равнодушны к чаяниям и образу жизни коренного населения, что имело для него самые отрицательные последствия».

Американская опека помогала оккупационно-колонизационному процессу технологически: ускоренная «внутренняя колонизация» происходила по рекомендациям американских специалистов по сельскому хозяйству и инженеров. Начиная с 1882 года, Хоккайдо стал административной частью «большой Японии» и подпал под юрисдикцию первой японской конституции 1889 года, в отличие от более поздних колоний [4, с. 98–99]. Тем не менее, принимать участие в общеяпонских выборах небогатые колонисты стали только на втором этапе, когда снизился имущественный и налоговый ценз – с 1902 года.

Интересна в данном контексте судьба южной полуколониальной до 1870 г. оконечности Японии – префектуры Окинава, которая поддерживала «тесные отношения, как с Китаем, так и с соседней японской преф. Сацума (ныне преф. Кагосима). Жители Окинавы говорили на одном из диалектов японского языка, а японцы, проживающие на Японских островах, относились к ним …как к нечистокровным» [10, с. 739]. Количество «нечистокровных» возросло за указанный период несколько меньше, чем в среднем по Японии – в 1,6 раза, а голосовать, как «чистокровные», они стали на 10 лет позднее Хоккайдо, с 1912 года.

Численность самого населенного и урбанизированного региона, Канто, возросла за 55 лет в 1,9 раза; численность Токио увеличилась 5,3 раза[2]. Но есть префектуры и острова, где время словно бы остановилось: Токусима и Эхиме (0,9 р.) на о. Сикоку (1,0 р.).

Как видно, ***прирост численности населения Японии в территориальном разрезе происходил крайне неравномерно. Выделяются два фактора, форсирующих неравномерность: 1) урбанизация и сопутствующие ей развитие промышленности и торговли, прежде всего – на восточном побережье, а также 2) колонизация ранее не принадлежавших Японии территорий на севере и юге. Причем ускоренная «внутренняя» военная колонизация на севере происходила по американской схеме и с американской подсказкой. Колонисты Хоккайдо и жители Окинавы получили избирательные права на общеяпонских выборах на втором этапе снижения цензов, с 1902 и 1912 гг. соответственно.***

Спустя десятилетие от высочайшей декларации, с 1878 года поэтапно начинаются выборы в местные ассамблеи. Правительство «приступило к устройству местного самоуправления, надеясь, что это до некоторой степени будет служить для населения подготовкой к участию в национальном собрании, парламенте» [6, с. 97] – пока пишется конституция – «плод тринадцатимесячного путешествия по Европе наиболее могущественного японского олигарха Ито Хиробуми» [18, с. 390] и выверяются цензы избирательного закона.

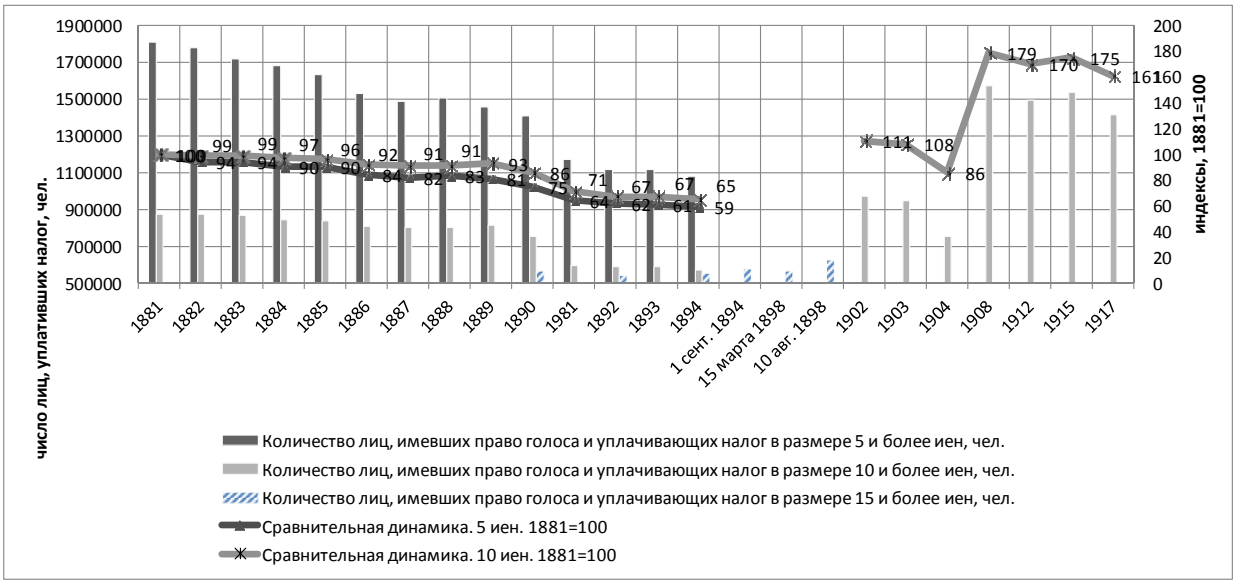
Н. Герберт приводит статистику по числу лиц, имевших активное и пассивное избирательное право на выборах во вновь созданных префектурах и уплативших соответствующие налоги, за 1881–1894 годы. Абсолютные (вплоть до человека) и относительные цифры даны в главе, посвященной аграрной реформе как свидетельство постепенного ухудшения положения крестьян-собственников и их разорения в годы реформ[3](рис.)1.

---

[1] «В 1884 году Шикотан, изначально необитаемый, был насильственно заселён жителями острова Сюмусю (Шумшу), самого северного из Курил, поскольку *правительство Мэйдзи не хотело, чтобы* ***обрусевшие айны*** *жили в непосредственной близости от северной границы империи*» (курсив – наш) [4, с. 96-97].

[2] «По численности населения город Эдо (Токио) … на рубеже XVIII в. был, пожалуй, самым крупным городом в мире. В этом городе насчитывалось от 1 300 тыс. до 1 400 тыс. жителей. Население города Осака уже в 1665 г. составляло 268 760 человек. Город Кёто (Киото) – этот людской муравейник с высокоразвитым ремесленным производством, – … в 1691 г. являлся крупнейшим производящим центром Японии с разнообразными видами промышленности и торговли» [7, с. 73].

[3] Модернизация и урбанизация сельской страны происходила, как и везде в мире, путем перекачивания ресурсов из села в город. «Новое общество создавалось правительством на развалинах старины, причем всю тяжесть расходов по выполнению этой задачи правительство переложило на плечи сельского населения, за счет которого, кроме того, было достигнуто накопление и централизация капитала» [7, с. 71]. Когда сельское население осознало данный порядок вещей, начались бунты и восстания. Только за первые десять лет эпохи Мэйдзи крестьянских восстаний произошло столько же (190), сколько в эпоху Токугава за сто лет [7, с. 49].



Источник: [7, с. 103; 17, с. 910–912].

Рисунок 1.
Численность лиц, имеющих активное и пассивное избирательное право на выборах в форматах префектур (1881-1894) и формате «вся Япония» (1890–1917)

На выборах в собрания префектур действовала более низкая налоговая шкала (5 иен для активного и 10 иен – для пассивного избирательного права), чем в 1890 г. когда выставили для выборов в парламент микадо 15 йен. Согласно избирательному закону, принятому на 10 лет, высокая 15-ти йеновая планка была снижена до 10 иен на следующее десятилетие. «Крестьянство, в особенности в переходный период эпохи Мэйдзи, не только не было освобождено от наиболее тяжелых феодальных повинностей, но должно было еще нести на своих плечах основное бремя расходов нового режима[1].

Таким образом, ***крестьяне-собственники, которые были в состоянии заплатить налог 10 иен, стали перманентным электоральным ядром цензовой избирательной системы.*** Десятийеновая планка в течение 30 лет давала право сначала голосовать и быть избранным в собрания префектур, а затем, с шестилетним перерывом, участвовать в выборах императорского парламента. В сравнении с численностью населения это означает, что, например, в 1904 г. таковыми были 16 чел. из каждой тысячи населения, и 29 чел. из каждой тысячи – в 1917 г. Конечно, говорить о каком-либо значимом влиянии на японское общество при такой пропорции не приходится.

Значимые увеличения списочного числа избирателей Японии согласуются со смягчением условий участия в голосовании (табл. 2). Но динамика общего числа между изменениями цензов подвержена не только регуляторно-экономическим факторам. Например, уменьшение в 1903 г. на 2,5% может быть объяснимо житейскими ситуациями, а уменьшение на 20,4% в 1904 г. – это мобилизация 1903 г. для нападения на российские войска в Манчжурии.

Выборы 1908 г., с которых отмечен двукратный рост численности избирательного корпуса Японии в рамках тех же цензов, стали первыми послевоенными выборами. Из исторических свидетельств известно, что кратное увеличение объёмов промышленного производства (работавшего на войну) во время русско-японской войны (и после неё) сопровождалось крайне жестокой эксплуатацией всех категорий рабочей силы (мужчин, женщин, детей). Война истощила людские и финансовые ресурсы страны-победительницы. Под итогами войны, после которой произошло двукратное увеличение общего числа избирателей, следует понимать: 1) возвращение избирателей-офицеров и 2) серьёзное увеличение невоенного слоя, разбогатевшего на военных поставках. По сравнению с предвоенными выборами 1903 г. увеличение составило 632 тыс. чел. при численности населения 48,6 млн. человек[2].

Этапы избирательного процесса и явка избирателей. После речи микадо 1868 года о намерении «созвать совещательное собрание из знатных и опытных людей» [5, с. 95] двухступенчатый государственный совет действительно был быстро созван, но без выборной процедуры. С высоты истории понятно, что более чем двадцатилетний период, с 1868 по 1890 год, был нужен для тщательной подготовки конституции и всеяпонских выборов как 1) *опасного инструмента 2) не первой необходимости*.

[1] «Япония была преимущественно сельскохозяйственной страной, а государственная казна была настолько истощена, что положение правительства с первых же дней в значительной степени зависело от займов богатых купцов. С полным основанием можно было ожидать, что правительство обратится именно к поземельному налогу – уже централизованному и унифицированному – как к главному источнику дохода» [7, с. 53].

[2] Свидетельства послевоенной эйфории: 1) бэби-бум (численность населения Японии с 1906-го (крайне неблагоприятного для рождений года Лошади и Огня) по 1907 год увеличилась в 8,3 раза (на 937,7 тыс. чел.), по сравнению с 1905/06 гг. (112,8 тыс. чел.)). *Источник*: http://www.populstat.info/Asia/japanp.htm; 2) указ императора от 13 октября 1908 г. об «эйфории», в котором «говорилось о том, что *после победы в войне с Россией японцы впали в эйфорию, стали думать только про наращивание собственного благополучия, увлеклись удовольствиями и шикарной жизнью.* И это в то время, когда следует озаботиться, прежде всего, верностью императорскому дому, трудолюбием, бережливостью и производственными делами» [13].

Очевидно, что новый и чуждый для японской Системы способ формирования власти был тщательно подготовлен сверху и стал постепенно и с опаской внедряться при соблюдении трёх базовых условий. Первое – на модернизированной социально-экономической базе, второе – исключительно для достижения милитаристских целей территориальных захватов, третье – на основе националистической идеологии.

Проведение первых общеяпонских выборов в 1890 году стало, во-первых, апробацией нового национализма (оно и выглядело как «копирование прусской общественно-политической матрицы»), и, во-вторых, – властной уступкой догоняющему социальному развитию общества, требовавшего общенациональное собрание выборных представителей. Император лично презентовал конституцию, секретно готовившуюся несколько лет[1], в день своего рождения 11 февраля 1889 г. как монарший подарок для нации, который приветствовали специально придуманным по этому случаю возгласом «банзай» (десять тысяч лет) [9, с. 211].

Этапы избирательного процесса определяются постепенным смягчением цензов для голосования:

– 1890–1898 гг., мужчины, цензовое (налог 15 йен) открытое голосование;

– 1900–1918 гг., мужчины, цензовое (налог 10 йен) тайное голосование;

– 1919–1924 гг., мужчины, цензовое (налог 3 йены) тайное голосование;

– 1928–1942 гг., мужчины, всеобщее тайное голосование.

Право участия в процедуре голосования предварительно следовало подтвердить уплатой налога. Эпоха жесткого цензового избирательного права продолжалась в Японии 35 лет, с 1889 по 1924 годы – характеристики этапов в табл. 2.

Исследователи отмечают, что первые выборы 1890 г. прошли «гладко и без насилия». Среди 300 избранных депутатов 110 человек были из упразднённого сословия самураев[2], 60 членов Общего соглашения, по 56 либералов и прогрессистов и 140 независимых [9, с. 213].

Вторые выборы в 1892 г., в отличие от первых, были признаны самыми жестокими: счёт убитым шел на десятки, пострадавшим (раненым) – на сотни. Все свидетельства отмечают репрессивность правительственного аппарата по отношению к оппозиции в 1892 году, после разгона первого парламента и пожелания микадо поощрять «добрых людей», т.е. готовых голосовать за нужный власти бюджет. «Когда же вслед за этим (*применением иностранных новшеств – авт.)* неизбежно последовало распространение подрывных идей, они увеличили строгости в контроле над мыслями и начали пропагандировать “древнюю традицию”, которую сами же и изготовили из обрывков и кусков прежней политической идеологии, прославляя императора как главу японского “семейного государства”» [22, с. 20][3].

В 1894 и 1898 годах голосования проходили дважды в год, в марте и сентябре/августе. Однако оппозиция вновь получала большинство мест в парламенте, разгоны продолжались; история закончилась указом императора о недопустимости вмешательства депутатов в его кадровые назначения [12, с. 356–357]. Вторые в течение года голосования после очередного «разгона» вызывали заметно меньший интерес выборщиков, особенно в августе 1898 г., когда средняя активность упала до 79,9% (рис. 2). За 6 голосований, состоявшихся в течение 9 лет в открытой форме, произошло значительное снижение интереса к электоральной процедуре.

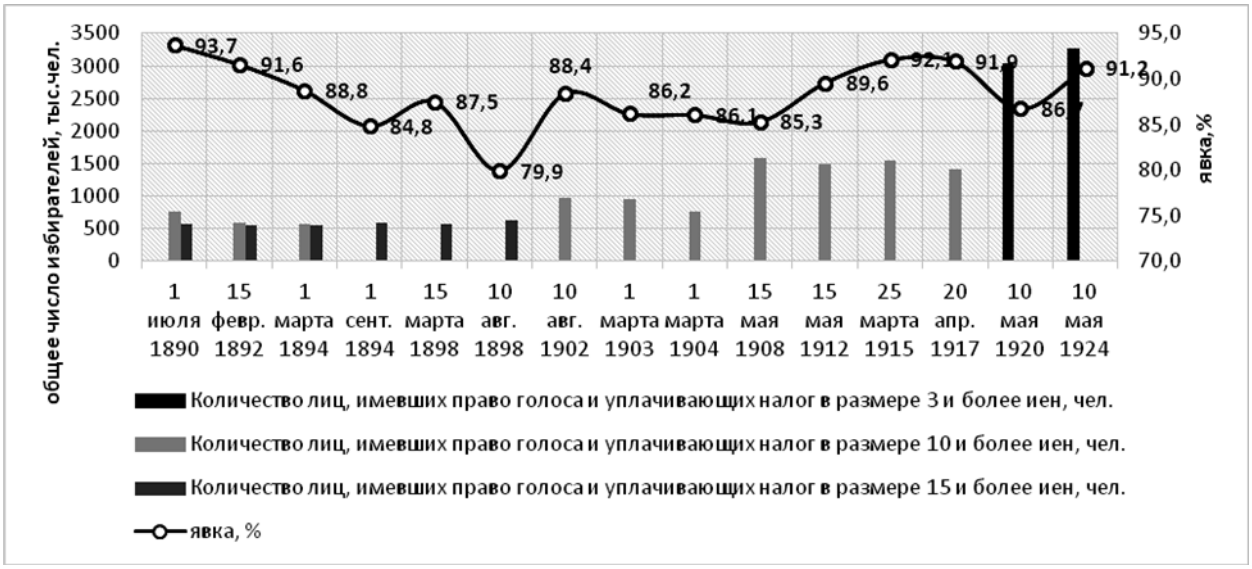


Рисунок 2.
Общее число избирателей и активность на выборах в Японии. 1890–1924 гг.

[1] Как пишет Фукуяма [18, с. 390], конституцию Мэйдзи готовили в обстановке строжайшей секретности пять человек, одним из которых был немецкий эксперт Карл Фридрих Герман Реслер.

[2] Из общей численности населения, насчитывавшего в 1870 г. 34,3 млн. человек, число простых самураев, или соцу (этот термин был упразднен), составляло 408 823 семейства, насчитывавшие 1 892 449 человек, то есть от 5 до 6% всего населения. Самураи, вовлеченные в воинское сословие, стали называться сидзоку, а самураи низших рангов сделались простолюдинами (хэймин) [7, с. 55].

[3] До 1945 г. в Японии существовали специальные полицейские силы, задачей которых было искоренение «опасных мыслей». Офицеры этой полиции после войны стали министрами просвещения, юстиции, труда, внутренних дел и социального обеспечения. В основе сохраняющегося японского национализма и поныне лежат идеи мифов, созданных олигархией Мэйдзи [22, с. 5].

В 1900 г. вследствие агитационной работы различных кругов, плановый пересмотр избирательного закона произошел в сторону его либерализации. Имущественный ценз для активного избирательного права понизили с 15 до 10 иен, для пассивного устранили; ввели тайность выбора и правило «1 избиратель – 1 голос» [15, с. 130]. Все вкупе значительно подняло интерес к выборам. Избирательный корпус увеличился до 762–1546 тыс. чел. Первое голосование по новым правилам состоялось в августе 1902 года, и активность расширенного корпуса избирателей стала существенно выше (на 8,5 п.п), чем в августе 1898 года.

В 1915–1917 гг. активность продолжала расти (91–92%), но, в отличие от первого этапа, окрепла и «сплоченность» префектур: минимаксная разница активности (= макс. – мин.) сократилась более чем вдвое и составила 6 пунктов (табл. 2). Чем больше явка, тем меньше территориальная изменчивость центров управления (префектур) по этому показателю [3].

Третий цензовый период с 1919 г., снизивший «стоимость» участия в выборах до 3 йен налога (прямых податей), позволил расширить корпус выборщиков до 3,1-3,3 млн чел. (рис. 2). По этим условиям состоялись выборы в 1920 и 1924 годах, но увеличения активности не произошло, поскольку и при 10 иенах она была запредельно высокой. В 1924 г. голосование состоялось через 8 месяцев после «Великого землетрясения Канто», средняя активность – 91,2% (в уничтоженном стихией Токио явка была 84,6%).

Всеобщее мужское избирательное право в Японии законодательно ввели в 1925 г., но голосование по этим правилам уже «как полицейская операция» состоялось только в 1928 г. [12, с. 359] – почти на 60 лет позже, чем в Германии. За 18 лет действия всеобщего мужского избирательного права в Японии (1928-1942) выборы состоялись 6 раз. Выборы 1937 г. считаются «военными», с участием единой политической партии. Голосование 1942 г. обошлось вовсе без партий – они дружно самораспустились еще в 1940 г., и действовала только фашистская Ассоциация помощи трону. Выборы 1942 года прошли в обстановке эскалации военной агрессии, крайней милитаризации и роспуска всех партий. Голосования 1937 и 1942 гг. поломали сложившуюся территориальную модель активности [2; 3] (рис. 3).

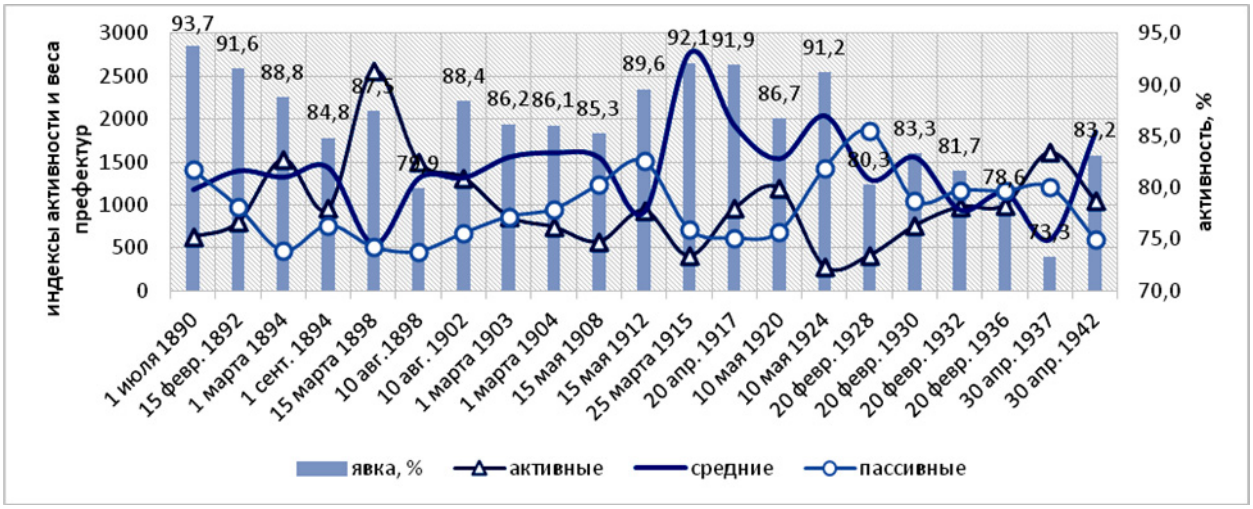


Рисунок 3.
Явка и индексы активности и электорального веса префектур. 1890–1942 гг.

Партийное меню конца XIX-начала XX века – клановые группировки. Партии, клубы, общества и религиозные секты, организованные до первых выборов, характеризуют японскую Систему как инструмент борьбы клановых группировок – либо между собой, либо с правительством.

В октябре 1881 г. на базе движения «Лига учреждения парламента» образовалась партия либеральных помещиков и землевладельцев, стремившихся к большей политической модернизации, Риккен дзиюто (Конституционно-либеральная). В том же году появилась Партия реформ (Риккен кайсинто), к которым стремились чиновники, городская интеллигенция и т.п. Через год чиновники, ориентирующиеся на правительственного лидера Ито Хиробуми, были объединены в Конституционно-императорскую партию Риккен тейсэйто. В 1890–1908 гг. в парламенте были представлены:

1) партии: Либеральная, Конституционная Прогрессивная Партия – Ортодоксальные Конституционалисты, Конституционная Реформистская и др.;

2) клубы: Красивый, Кинки Кокутай, Чуо, Докуритсу, Ямашита, Хайоши, Иинин, Кошин, Мумеи;

3) общества: Народное, Юко, Иинин и др.

В 1890–1912 гг. в парламенте доминировала Либеральная партия консервативного толка, затем произошел переход лидерства к сменившей ее Консервативной партии (запрещенной, наряду с другими, в 1938 г.). Синтоистская секта Тайсей («Учение совершенного синто»), центральный тезис доктрины которой гласит, что каждый может способствовать процветанию нации путём личного аскетизма и ублажения «ками», получила на выборах 1890 г. 12,7% голосов [17, с. 910–911].

Но «внешние признаки японской парламентской демократии не следует интерпретировать как доказательство существования реальной парламентской демократии» [1, с. 336]. Оценки автора статей по истории и государственному устройству в энциклопедии Брокгауза и Ефрона В.В. Водовозова и голландца Н. Герберта относительно японских партий эпохи Мэйдзи идентичны: олицетворение политиканства и клановой борьбы. В парламенте микадо «правиль-

ных партийных организаций не было; выработанных и ясных программ у партий также не было; партии образовывались, распадались и вновь образовывались с чрезвычайной легкостью: в действительности за принципиальными разногласиями скрывалась борьба личных честолюбий или, в лучшем случае, старинная борьба кланов» [5]. И «очень часто политические партии возникали лишь как временные группировки, имеющие своей целью поставить правительство в затруднительное положение и в интересах кучки недовольных клановых политиканов всячески мешать его работе» [7, с. 60].

Политическая коррупция как культурно-институированный разрыв между словом и делом. Развитие капитализма и сверхбыстрые общественно-политические реформы на контрасте с феодальными веками изоляции и закрытости привели к тому, что «отличительной чертой громадного большинства нынешних наших народных представителей является, по-видимому, отсутствие увлечения честными возвышенными идеями и циничная заботливость о своих личных эгоистических интересах» [5, с. 349].

По мнению американца Р. Митчелла, чертой уже первых японских выборов 1890 года были деньги и подарки, впоследствии ставшие обычной (регулярной) практикой политической жизни «страны восходящего солнца». Для кандидатов дополнительным условием участия и победы на выборах в парламент стал постоянно усиливающийся денежный прессинг со стороны «местных боссов», оптом продававших голоса избирателей. Такое давление особенно усилилось в 1908 г., что толкнуло кандидатов в руки бизнес сообщества. Р. Митчелл приводит статистику зарегистрированных взяток в избирательной сфере Японии с 1908 г. – года послевоенной эйфории: 1338 – 1908 г.; 3329 – 1912 г.; 7278 – 1915 г. [21, с. 26–27].

«Наиболее характерными чертами японских депутатов являлись невежество, тщеславие и взяточничество, которые не считали нужным даже скрывать» [6, с. 349]. Мы уже отмечали выше, что де-факто бенефециарами реставрации Мэйдзи стали самураи низших рангов. Но, при этом, «реформы … лишь *при*остановили рост могущества феодальной знати. В последующие годы этот класс, поливаемый обильным дождем денежных пенсий и обогреваемый лучами покровительства, ожил и пустил пышные побеги. Наиболее ярким проявлением этой метаморфозы прежней феодальной знати было назначение её представителей на высшие правительственные посты. И, кроме того, …знать выступила в 1884 г. в качестве сословия пэров (когда она вместе с кугэ была отнесена к категории кадзоку – “титулованной знати”) и, начиная с 1889 г., пользовалась в палате пэров широкими конституционными полномочиями» [6, с. 69]. А поскольку вся пореформенная власть через очень короткое время оказалась в руках бывших феодалов, то оппозиция собрала множество людей сомнительного образования и нравственности, готовых служить всем, кто заплатит.

Формулировку Анкерсмита: «Они представляют электорат, а не государство» [1, 243] для эпохи становления капитализма в Японии нужно переиначить: «Они, как часть японской Системы, представляют электорат на основе своих личных интересов»; ни к общественному развитию страны, ни к государству эта история и в самом деле не имеет отношения. «Усилению взяточничества способствовало также неслыханно быстрое развитие нашей промышленности и торговли. Народные представители и политические агитаторы нашли здесь для себя настоящий золотой рудник» [6, с. 349]. «Депутаты нередко оказывались продажными; нуждавшиеся в их услугах капиталисты легко покупали их голоса, чтобы добиться при их посредстве каких-либо концессий. Само правительство покупало их, когда их оппозиция делалась почему-либо особенно неудобной – покупало иногда индивидуально, иногда коллективно, такими мерами, как законопроект об увеличении жалованья депутатам с 800 до 2000 иен (1898)» [там же].

«Всё это было платой Японии за пережитое ей коренное преобразование» [6, с. 350]. Однако, реформы – реформами, но не всё можно объяснить угаром от ускоренной оборонительной модернизации, плавно перешедшей в агрессивно-наступательную. Например, коррупционные скандалы, масштабно проявившиеся на послевоенных (после русско-японской войны) выборах 1908 г., периодически сотрясают Японию до сих пор, если не сказать, что стали её визитной карточкой.

Выше отмечено, что для вхождения в имперский клуб *сильных мира сего* стран, конгломерат «мечи & деньги» был просто одержим идеей сильного государства. Первая проба штыка в поединке с русскими представителями белой расы оказалась удачной – членский билет клуба купили. Тем не менее, повторим, «слова должны иметь на деле тот смысл, который они обозначают» [22, с. 37]. «До тех пор, пока ***разрыв между официально признанной и подлинной реальностью сохраняется как институт,*** т. е. воспринимается как сам собой разумеющийся ***и используется для любых целей, действительные махинации остаются малозаметными, а значит – и заведомо безнаказанными»*** *(курсив – наш)* [22, с. 227]. Этот разрыв между словом и делом, возведённый японцами в абсолют (институт), существует и поныне, … как и коррупция.

Заключение. Произошедший в Японии в 30-х годах XX века захват власти военными был совершенно логичен при любом обосновании. Японская военщина, настоянная в течение четырёх столетий закрытости страны на фанатизме и превосходстве, вырвалась на океанский простор, как джинн из бутылки, проявляя запредельную жестокость. Взошедшее над Японией кроваво-империалистическое солнце накрыло почти весь Дальний Восток. В этой ситуации совершенно не имеет значения, какой фактор стал формальным поводом.

По Фукуяме, «как и в Германии, современная … бюрократия формирующегося милитаристского государства, возникшая в Японии после реставрации Мэйдзи, сделалась настолько автономной и самостоятельной, что привела страну к катастрофе. …японский разворот вправо в 1930-х годах связан именно с этим фактором, а не с какими-либо иными социальными причинами» [18, с. 393], хотя причины были.

И. Моррис считает [14, с. 528–529], что подлинный урок Первой мировой войны состоял в том, что англо-франко-американский альянс выиграл вопреки своему либерализму, а не благодаря ему. А потому настоящим «выходом была субконтинентальная империя, причем, чем менее либеральная – тем лучше». Иными словами – японская.

Япония получила очень много от тогдашней либерально-империалистической глобализации, но экономический бум внезапно завершился в 1920 году, с возвращением европейских держав на азиатские рынки. Гипотетический демократический путь развития страны «заблокировали японские военные, причем размещенные не в метрополии, а за пределами Японских островов….японский авторитаризм родился в Манчжурии» [18, с. 395] среди младших и средних офицеров.

Таблица 2

Эволюция этапов проведения цензовых выборов в Японии. 1890–1942

Факторы и показатели проведения выборов, необратимые события	Период проведения всеобщих выборов: 52 года (1890-1942). *21 электоральное событие*			
	1-й этап: 10 лет (1890–1899)	*2-й этап:* 19 лет (1900–1918)	*3-й этап*: 7 лет (1919–1925)	*4-й этап:* 18 лет *(1925–1942)*
1. Демографический Численность населения	40,5–42,7 млн. чел.	43,7–55,9 млн. чел.	56,7 млн. чел.	59,7–72,6 млн. чел.
2. Электоральные 2.1. Возрастной ценз для избирателей	Мужчины с 25 лет при имущественных и налоговых цензах			Всеобщее мужское избирательное право с 25 лет
2.2. Имущественные и налоговые цензы активного избирательного права, тайность голосования	налоги 15 йен, открытое голосование	Общий имущественный ценз 10 йен; Тайность голосования (с 1900); 1 избират. – 1 голос	прямой налог 3 йены;	лишены избирательных прав получатели частных/ государственных пособий
2.3. Ценз осёдлости	1,5 года,			1 год
2,4. Общее число избирателей	450–500 тыс. чел.	983–1400 тыс. чел.	2,6–2,9 млн чел.	12,5 млн.чел
2.5. Число депутатов, чел. // жалованье депутата	300 чел. // 800 иен – 2000 иен	376–379–381 чел. // с ноября 1898 г. – 2000 иен	464–466 чел. // 2000 иен	466 чел. // 2000 иен
2.6. Примерное общее число избирателей (чел.) на 1 депутата	1500–1700	2600–3700	5600–6200	26 800
2.7. Численность населения на 1 депутата	135–,3 тыс. чел.	115,6–147,9 тыс. чел.	121,9 тыс. чел.	128,1–155,8 тыс. чел.
2.8. Число и величина избирательных округов	Малые округа. 257: 214 по 1 месту, 43 по 2 места	Большие округа. 46 по 1 месту, остальные – до 13 мест	Малые округа. 374: 295 по 1 месту, 68 по 2, 11 по 3 места	Округа (средние) сведены к префектурам и городам; введены 3–5 местные округа
2.9. Интервал средней активности (мин./макс.), %	80/94=15п.п.	85/91=7п.п	86/90=5п.п.	73/83=11п.п.
3. Факторы и события 3.1. Число выборов	***6** (1890, 1892, март 1894, сент. 1894, март 1898, авг. 1898)*	*7 (1902, 1903, 1904, **1908, 1912, 1915, 1917**)*	***2** (1920, 1924)*	***6** (1928, 1930, 1932, 1936, 1937, 1942)*
3.2. Социально-экономические и военно-политические факторы и события	Коррупционные скандалы и преследования оппозиции (1892); отправка войск в Корею (1894); Роспуски (разгоны) парламента (1894,1898); Симоносекский договор и вооруженная борьба в Корее против японцев (1895); отлучение синтоизма от государства (1898); переход иены на золотой стандарт (окт.1899).	Отправка войск для подавления Боксёрского восстания (1900); **Русско-японская война (1904–1905); послевоенный разгул коррупции на выборах (с 1908г.);** смерть Муцухито и интронизация Ёсихито (1912); начало первой мировой войны (1914); инфляция, рисовые бунты и **отправка войск (72 тыс. чел.) в Сибирь (1918).**	Изменение избирательного закона и рисовые бунты (1919); экономический кризис, депрессия (1920-1922); убийство премьер-министра Хара (1921); окончание 4-х летней интервенции в **Сибири и на Дальнем Востоке России и вывод войск (1922);** катастрофическое землетрясение (1923); послевоенный либерализм антимилитариста Като (1924).	Смерть Тайсё и интронизация Хирохито (Сёва) (1926); всеобщее банкротство банков (1927); выборы как полицейская операция (1928); Лондонский морской договор (1930); убийство военными премьер министров Хамагути и Инукаи (1930 и 1932); Манчжурский инцидент и начало «освобождения» Манчжурии (1931); Великая депрессия (1932); «очищение политических рядов» как общегосударственный курс (1936); «военные выборы» и «единая политическая партия» (1937); инцидент на мосту Марко Поло и начало второй японо-китайской войны (1937); самороспуск политических партий (1940) и Ассоциация помощи трону, разгром Японии в войне (1945).

Источники: [5; 6; 7; 9; 10; 12, с. 358; 15; 18, с. 395–396].

Что касается японского парламентаризма – можно сказать, что в период Мэйдзи и до Второй мировой войны его и не было. Хотя элитарный слой очень активно участвовал в электоральных играх, но он был слишком тонок для совокупного японского социума, веками воспитанного в духе феодального поклонения, «служения и верности». Никаких «приличных» партий у рисоводов и самураев не случилось, а те, что были – перед войной самоустранились. Парламентаризм был не целью, а всего лишь инструментом «второй свежести», если не сказать – данью западной моде, изначально поставленной японцами на коррупционные рельсы. В эпоху передела мира второй конкурентной эры колонизации, начавшейся с конца XIX века, активно действующая империя микадо, вполне естественно, выбрала внешнюю агрессию и территориальные захваты методом тотальной демонстрации ненависти.

Право, белые господа, ну не демократию же?

Предварительный этап: **21 год (1868–1889).** Денежная реформа; всеобщая воинская повинность для создания регулярной армии – с января 1873 года; экономические преобразования; выборы в органы местного управления с 1878 года.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности [пер. с англ.]. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. – 432 с.
2. Арбатская М. Япония: 120 лет избирательного права. Характеристики функционирования территориальных политических систем в день голосования // ПОЛИТЭКС (Политическая экспертиза). 2013. – Т. 9, № 1. – С. 5–25.
3. Арбатская М. Организации легитимации власти в условиях цензового избирательного права в Нидерландах, Швеции и Японии // Гражданин. Выборы. Власть. 2013. – № 2. – С. 136–160.
4. Бух А. Япония: национальная идентичность и внешняя политика: Россия как Другое Японии [пер. с англ. П. Серебряного]. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 280 с.
5. Водовозов В.В. Япония (дополнение к статье) // Энциклопедический словарь [под ред. И.Е. Андреевского, К.К. Арсеньева и О.О. Петрушевского]. – СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1890–1907. – http://brockhaus-efron-encyclopedia.info/
6. Всё о Японии [сост. Царёва Г.И.]. – М.: Профит Стайл, 2013. – 608 с.
7. Герберт Н. Становление капиталистической Японии. – М.: Изд-во Иностранной лит-ры, 1952. – 245 с.
8. Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? [пер. с англ.]. – М.: АСТ, 2016. – 416 с.
9. Крофтс А.; Бьюкенен П. История Дальнего Востока. Восточная и Юго-Восточная Азия; [пер. с англ. А.И. Куприна]. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2013. – 571 с.
10. Крупянко М.И., Арешидзе Л.Г. Японский национализм (идеология и политика). – М.: Междунар. отношения, 2012. – 408 с.
11. Крупянко М.И., Арешидзе Л.Г., Крупянко И.М. Политическая энциклопедия современной Японии: в 2 т. Т. 1. – М.: Междунар. отношения, 2018. – 768 с.
12. Кузнецова Т.О. Избирательная система Японии // Современные избирательные системы. Вып. 3: Испания, США, Финляндия, Япония [научн. ред. А.В. Иванченко, В.И. Лафитский]. – М.: РЦОИТ: Типография «Новости», 2009. – С. 350–446.
13. Мещеряков А. Император Мэйдзи и его Япония. – М.: Наталис; Рипол Классик, 2009. – 950 с.
14. Моррис И. Почему властвует Запад … по крайней мере, пока ещё. Закономерности истории, и что они сообщают нам о будущем; [пер. с англ. В. Егоров]. – М.: Карьера Пресс, 2016. – 720 с.
15. Пантелеева М.В. К вопросу о становлении избирательной системы Японии // Россия и АТР. 2014. – № 3 (85). – С. 126–133. – https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-stanovlenii-izbiratelnoy-sistemy-yaponii
16. Пуляев А. В. Япония на рельсах модернизации: опыт реформирования армии и образования во второй половине XIX века // Исторические исследования: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Самара, март 2017 г.). – Самара: АСГАРД, 2017. – С. 24–27. – https://moluch.ru/conf/hist/archive/242/11939/
17. Танин-Львов А. Выборы во всем мире. Электоральная свобода и общественный прогресс: Энциклопедический справочник. – М.: РОССПЭН, 2001. – 1112 с.
18. Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка [пер. с англ. К.М. Королева]. – М.: АСТ, 2017. – 704 с.
19. Ха-Джун Чанг. Злые самаритяне. Миф о свободной торговле и секретная история капитализма; [пер. с англ. А. Коробейникова]. – М.: МИФ, 2018. – 256 с.
20. Хёйзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир: Эссе / Сост., пер. с нидерл. и предисл. Д. Сильвестрова; Коммент. Д. Харитоновича. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2017. – 456 с.
21. Mitchell R.H. Political bribery in Japan. – Honolulu: University of Hawai'i Press, 1996. – 224 p.
22. Wolferen K. Van. The Enigma of Japanese Power: People and Politics in a Stateless Nation. – L.: Macmillan, 1989. – 496 p. Реферативное изложение книги опубликовано в: Русский исторический журнал. 1999. – Т. 2, № 1. – С. 205–273.

Арутюнян Г.А.
директор Института сетевых исследований, Ереван

ГИБРИДНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ДЕЗИНТЕГРАЦИИ

***Ключевые слова**: Большая Евразия, геополитика, национальные интересы, интеграционные процессы, гибридные технологии дезинтеграции, информационные войны, цветные революции.*

1. Геополитический пейзаж Большой Евразии

Процессы сближения стран и народов имеют не только сторонников, но и противников. Поэтому успешность интеграции во многом зависит от способности данного общества адекватно воспринимать брошенные противниками вызовы и умения нейтрализовать их. В современном многополярном миропорядке эти вызовы приобрели сложный гибридный характер, и в этом контексте исследование механизмов дезинтеграции в Большой Евразии является актуальной задачей. Такая работа предполагает наличие представлений о политических реалиях и об интеграционных трендах на континенте, которые имеют место при формировании глобального многополярного миропорядка. Эти реалии существенно влияют на контент интеграции и даже на ее терминологию.

К примеру, понятие «Запад» до недавних времен ассоциировалось с тесно интегрированной идеологической, политической и экономической системой, основой которой являлись США и их союзник ЕС. Однако выход Великобритании из ЕС и избрание Д. Трампа президентом (т.н. «Брексит – 2») заметно изменили такое восприятие. Оказалось, что британцы не собираются разделять со своими союзниками по ЕС невзгоды идеологического и миграционного кризиса, который может привести к изменению этнического и политического облика континентальной Европы[1]. Практически одновременно среагировали на новые реалии и американцы – президентом был избран Дональд Трамп. Можно констатировать, что англосаксонское сообщество в очередной раз адекватно восприняло появившиеся в мире новые тренды.

Между тем и у континентальных европейцев возрастает скептицизм по отношению к англосаксонскому сообществу и реализуемой США стратегии. Ведь благодаря сотворению т.н. «управляемого хаоса» на Ближнем Востоке в ЕС возникла миграционная проблема, которая привела к противостоянию между политическими силами различной ориентации. К тому же европейцы полагают, что и «цветная революция» на Украине, с превращением ее в своеобразную «черную дыру», также преследовала цель создать проблемы для ЕС. Это сопровождается упреками со стороны США относительно скромных взносов европейцев в НАТО и усугубляется политикой санкций против России, которые бумерангом ущемляют европейские интересы.

Поэтому сегодня, впервые со времен президента де Голля, появились реальные разногласия между ЕС и англосаксонским сообществом, что проявляется, например, в политике по отношению к Ирану. Иными словами западное сообщество уже выглядит не таким сплоченным как ранее, и противоречия между его отдельными сегментами приобретают реальный характер. Более того, в самой Европе зреют сепаратистские настроения. Поэтому неудивительно, что немецкие военные эксперты сегодня рассматривают различные сценарии распада ЕС, некоторые из которых выглядят катастрофичными[2].

В свете развития событий в Евразии представим интеграционные и конфронтационные возможности в военной сфере, которая является наиболее регламентированной формой сотрудничества

НАТО, США и Европа: Военную мощь Западного сообщества представляет НАТО, военные расходы которого составляют более половины мировых – $ 1 трлн. (данные об оборонных ресурсах стран здесь и далее приведены на основе публикаций Стокгольмского института исследования проблем мира *(SIPRI)* и организации *«Global Firepower»*[3]). В основе НАТО лежат колоссальные ресурсы США, которые и диктуют союзникам свои представления о стратегии и тактике альянса во всех ситуациях. Заметим также, что англосаксонское сообщество во многих направлениях действует автономно, примером чего является структура радиоэлектронной разведки «Пять глаз», функционирующая в рамках соглашения между Австралией, Канадой, Новой Зеландией, Великобританией и США. «Пять глаз» внимательно следят не только за действиями условных противников, но и за европейскими союзниками.

В новых реалиях вовсе не случайно, что в материковой Европе появились проекты по созданию собственных вооруженных сил, но эти планы еще далеки от реализации. Не удивительно, что против идеи европейской армии выступали США и Великобритания. Но во всех случаях признаки неповиновения «военной дисциплине» в Европе в по-

[1] См., например, http://forum.syntone.ru/index.php?showtopic=14159. Заметим, что иногда художественное воображение заметно опережает научные прогнозы, примером чего является книга Елены Чудиновой «Мечеть Парижской Богоматери» (М., 2005).

[2] Дебрер С. Бундесвер: Евросоюз – не жилец, США идут к упадку. – https://svpressa.ru/politic/article/185646

[3] https://www.sipri.org; https://www.globalfirepower.com/

следнее время участились. Например, Германия отказалась по требованию Вашингтона разворачивать военный контингент в Сирии, а также участвовать в патрулировании Персидского залива, что не вписывается в каноны, которые ранее Берлин пунктуально соблюдал. Признаком «недисциплинированности» в НАТО является и закупка Турцией зенитно-ракетных комплексов у России.

ОДКБ и ШОС: Сегодня НАТО в европейской части Евразии противостоит Россия, которая занимает второе место в мире по мощи своих вооруженных сил. Россия же инициировала интеграционный проект в военной сфере, и в 1992 г. была создана Организация Договора о Коллективной Безопасности (ОДКБ), ресурсы которой, однако, не позволяют наравных конкурировать с НАТО[1].

С точки зрения формирования системы безопасности условного «Восточного блока» заслуживает внимания китайская инициатива по созданию Шанхайской организации сотрудничества, в которую сегодня входят Россия, Китай, Индия и Пакистан, Казахстан, Таджикистан, Киргизия и Узбекистан, а в качестве наблюдателей – Афганистан, Белоруссия, Иран и Монголия. Такое широкое представительство в ШОС обусловлено тем, что эта организация ассоциируется также с китайским экономическим мегапроектом «Один пояс, один путь».

ШОС юридически не является военной структурой, но свою деятельность в 2001 г. начала с подписания Конвенции о борьбе с терроризмом и экстремизмом. Мотивом Пекина для сотрудничества с Москвой в военной сфере являются его известные проблемы с соседями и, конечно, с Тайванем.

Для интеграции же в военной сфере остальных стран членов ШОС, ситуация не совсем благоприятная: взаимоотношения Индии и Пакистана иногда переходят в режим конфронтации, существуют также противоречия между Индией и Китаем. Однако глобальная нестабильная обстановка диктует странам ШОС необходимость сближения в сфере безопасности. Об этом свидетельствует тот факт, что в рамках ШОС регулярно проводятся совместные военные учения, программа которых утверждена до 2021 года.

Сценарии «Евроамерика против Евразии» и «*Большая Евразия и США*»: Если сравнить военные потенциалы ведущих стран НАТО и ШОС, то увидим, что благодаря США перевес у НАТО. Однако складывается впечатление, что перевес этот не решающий и между этими условными блоками сложился определенный военно-политический баланс, что содержит в себе как дезинтегрирующий, так и интегрирующий потенциал для «Большой Евразии». В этой ситуации возможен ряд сценариев, начиная с конфронтационного *«Евроамерика против Евразии» и интегрирующего* «Большая Евразия и США» который предполагает военно-политическую «автономизацию» ЕС и налаживание равноправных отношений по линии Пекин – Москва – Брюссель – Вашингтон. Однако даже такой оптимистический сценарий не означает прекращения «гибридных операций» против интеграционных процессов. В этом контексте относительно новый термин «гибридная война» нуждается в краткой интерпретации.

2. Перманентность «гибридных конфронтаций»

Лондонским Международным институтом стратегических исследований *«Military Balance 2015*» дается следующее определение «гибридной войны»[2]:

- «Использование военных и невоенных инструментов в интегрированной кампании, направленной на достижение внезапности, захват инициативы и получение психологических преимуществ, используемых в дипломатических действиях;
- Масштабные и стремительные информационные, электронные и кибероперации; прикрытие и сокрытие военных и разведывательных действий в сочетании с экономическим давлением».

Однако данное определение не полностью раскрывает феномен «гибридных конфронтаций». Возможно, это связано с тем, что в его основу заложены представления о войне, в которых незримо господствует классическая формула Клаузевица о том, что «цель войны состоит в том, чтобы достичь мира на благоприятных для победителя условиях». Между тем в многополярных реалиях достижение мира далеко не всегда является основополагающей идеей. Ведь для некоторых субъектов противостояний (часть которых могут и не быть государствами), состояние перманентной войны может оказаться более выгодным нежели мир, что и является отличием «гибридных конфронтаций» от войн прошлого.

Другим спорным вопросом в определениях «гибридных войн» является то, что как полагают некоторые эксперты, подобного рода конфронтации обходятся без существенных человеческих потерь. Между тем, как показывают развития «Арабской весны» на «Большом Ближнем Востоке» и «Евромайдана» на Украине, гибридная методика ведения войны может привести к массовым человеческим жертвам, по своим масштабам сравнимым с геноцидом.

Известно, что многие способы ведения гибридных войн (кроме, конечно, операций в киберпространстве) применялись и ранее, что дает повод для утверждений, что эти войны – лишь повторение старого. Однако следует учесть, что «старые способы» сегодня возведены на очень высокий технологический уровень и благодаря современным методам управления применяются комплексно. Поэтому именно научно-технологические возможности той или иной страны предопределяют ее безопасность в гибридных реалиях, так как интеллектуальный и духовный потенциал общества является «концентрированной критической инфрасферой» для остальных «критических инфраструктур» (в политической, экономической и других сферах), от которых зависит безопасность государства[3]. Именно это обстоятельство

[1] Шибутов М. ОДКБ – лишь бумажный тигр. Почему? – https://regnum.ru/news/2450511.html

[2] http://chtooznachaet.ru/gibridnaya-vojna.html

[3] Арутюнян Г. Единство духовно-интеллектуальных ресурсов как предусловие развития Критические инфраструктуры национальной безопасности. – Ереван: Нораванк, 2018. – С. 50 (на арм. языке).

позволяет американским военным стратегам утверждать, что в новых поколениях войн «главным оружием будет разум и познавательные способности противостоящих сторон,….а главной задачей войн будущего будет борьба за информацию»[1].

Одним из показателей «разума и познавательных способностей» общества является то, сколько финансовых ресурсов выделает общество на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР). По данным ЮНЕСКО[2] первое место по затратам на НИОКР занимают США, на которые приходится 27% мировых расходов в этой сфере. Но примечательно, что США тратят на НИОКР всего на $ 100 млрд. больше, чем занимающие вторую строку китайцы, тогда как в военной сфере США опережают Китай 3 раза. Более того, согласно прогнозам[3], в ближайшем будущем Китай опередит США в этой сфере. Характерно также, что занимающая второе место в рейтингах по военной мощи Россия занимает лишь десятое место по тратам на НИОКР.

Вместе с тем основой интеллектуального потенциала общества является информационная составляющая, поэтому и главным методом в гибридных конфронтациях являются информационные операции, концептуальные основы которых за последние годы качественно изменились.

3. Гибридные технологии дезинтеграции – информационные войны и «цветные революции»

В эпоху пятой информационной революции появились такие мощные источники информации, как Интернет, виртуальные социальные сети и многие другие специальные приложения, которые экспоненциально повысили роль информационного фактора. Глобальная информационная сеть стала мощным интегрирующим инструментом, благодаря чему миллионы людей находят своих единомышленников по всему миру. Но эта же сеть является средством, которое позволяет деструктивно воздействовать на целые общества[4], что позволяет сравнить поражающую способность информационного оружия с ядерным.

Ниже представим некоторые положения концепций нового поколения информационных войн *(ИВ),* разработанных в мозговых центрах США[5]:

1. Формирование безнравственной атмосферы в обществе противника, развитие негативного отношения к собственному культурному наследию и изменение цивилизационной ориентации социальных групп населения страны;

2. Внедрение посредством манипуляционных технологий собственного культурного «кода» в сознание общества противника;

3. Нанесение вреда жизненно важным интересам государства, подталкивание к разрыву сотрудничества с другими странами;

4. Способствование принятию неверных решений в сфере управления.

Обратим внимание на то, что первые два пункта приведенного списка относятся к таким важным сферам, каковыми являются культура, цивилизационные ценности и историческая память. Известно, что деформация этих категорий принципиально меняет гуманитарный вектор интеграции, и поэтому посредством массмедиа и социальных сетей проводится, к примеру, так называемая «историческая политика» двойного назначения, когда в обществе внедряются как негативная интерпретация недавней истории, так и гипертрофированные, ультранационалистические представления о происхождения собственного этноса. В этом контексте отметим, что в ситуации, когда наиболее активным и успешным актором *ИВ* являются США, вовсе неудивительно, что наиболее сплоченным в цивилизационном плане является именно «англосаксонский мир»[6]. Между тем как конкурент англосаксов Китай имеет сложные отношения с Японией, Южной Кореей и Тайванем, т.е. со странами так называемого «Мира иероглифов». Не лучше идут дела у другого конкурента США – России: сегодня в «Славянском мире» фактически идет конфронтация между Россией и Украиной, что является следствием «цветной революции» на Украине.

Другой важной задачей современных *ИВ* является снижение интеллектуальных ресурсов общества информационного воздействия, что способствует «принятию неверных решений в сфере управления». В результате государство слабеет, теряет самостоятельность и оказывается не в состоянии оказывать эффективное сопротивление информационному агрессору.

Основной целью «гибридных войн» является установление внешнего управления в подвергаемой интервенции стране и ее вывод из интегрированного на основе цивилизационной и исторической общности сообщества. Наиболее эффективным способом достижения этой цели является организация так называемых «цветных» переворотов или «революций», результаты которых имеют определяющее значение в контексте интеграционных и дезинтеграционных процессов.

В медиапространстве подобные перевороты принято называть «цветными революциями», по ходу которых происходят протесты, заканчивающие свержением политического руководства страны. В дальнейшем будем пользо-

---

[1] Иванов В. США должны готовиться к войне пятого поколения // Независимое военное обозрение. – М., 2017. – № 31 (962). – С. 25–31.

[2] UNESCO Institute for Statistics. – http://uis.unesco.org/en/topic/research-and-development

[3] Арутюнян Г., Марджанян А. Научно-технологический ландшафт в полицентричном миропорядке // 21-й век. 2017. – № 1 (42). – С. 5.

[4] Harutyunyan G. «Homo virtualicus» in the context of postdemocraticy and Information security // 21-st Century. 2011. – N 1 (9). – P. 3.

[5] Harutyunyan G., Grinyaev S., Arzumanyan H. Information Warfare of the New Formation // 21-st Century. 2016. – N 1 (19). – P. 6.

[6] Арутюнян Г., Марджанян А. Научно-технологический ландшафт в полицентричном миропорядке // 21-й век. 2017. – № 1 (42). – С. 5.

ваться этой терминологией, однако подчеркнем, что подобные «революции» – крупномасштабные стратегические операции гибридного характера. В этом контексте очень похожей на «цветную» была либеральная революция в России в 1991 году. Иностранное вмешательство в те годы носило откровенный характер, и распад СССР ознаменовал победу Запада в Холодной войне. В современных же многополярных реалиях главной задачей «революций» является ослабление позиций условного «Восточного блока» – Китая и России.

В разработке «цветных революций» принимают участие не только государственные ведомства и специальные структуры, но и транснациональные компании, неправительственные организации (НПО) и крупные медиахолдинги. Особую роль в этих разработках играют «мозговые центры (*МЦ)*, из которых отметим «Институт междисциплинарных исследований» в Санта Фе и корпорацию *«RAND»,* которая, кстати, недавно в очередной раз спрогнозировала «цветные революции» в Белоруссии и России[1]. Другой известный *МЦ* – «Стратфор», прогнозирует «цветные события» в Китае[2]. Появление подобных прогнозов свидетельствует о том, что по этим странам ведется «революционная работа». Например, в Гонконге начались очередные масштабные протесты, а в Москве проходили акции по случаю выборов в мэрию. Публикация прогнозов на тему «цветных революций» является также элементом психологического давления на общества конкретных стран, так как тем самым подчеркивается неизбежность развития «революционных» процессов.

Для совершения «революций» должны существовать серьезные проблемы в критических сферах данного общества, на которые и делается акцент при организации операции. Если же таких проблем недостаточно, то гибридные технологии позволяют их формировать и усиливать. Вкратце представим те явления в обществе, которые позволяют успешно реализовать «цветную стратегию».

Высокий уровень коррупции: Наиболее материализованным фактором, который вызывает в обществе возмущение, является высокий уровень коррупции. Не секрет, что коррупционные схемы неизбежны в потребительских обществах, однако при высоком уровне жизни коррупция воспринимается как заурядный криминал: к примеру в ЕС годовой уровень потерь от коррупции достигает €120 млрд.[3] Но если в стране экономическая ситуация неблагополучная, то люди свои материальные трудности связывают с финансовыми махинациями в эшелонах власти.

Фальсификация выборов: На фоне слабой экономики и значительной коррупции в обществе остро воспринимаются фальсификации во время выборов. Очевидно, что любые выборы как в прошлом, так и сегодня, трудно называть абсолютно свободным волеизъявлением народа, и споры по этому вопросу возникают даже в странах «победившей демократии». Между тем в некоторых странах у политической элиты отсутствуют необходимые навыки для реализации «чистых» электоральных технологий, что приводит к протестам и убеждению, что таким образом выбранная власть – нелегитимна.

НПО с целевым иностранным финансированием подготовки «революционеров». Одним из эффективных методов формирования протестных настроений является создание в стране критического количества *НПО,* которые в своей деятельности акцентируют внимание на вопросах прав человека и других атрибутов «гражданского общества», что во многом напоминает советскую эпоху, когда высшей ценностью считалось построение «коммунистического общества». На Украине, к примеру, в 2014 г. функционировало около 50 тысяч *НПО,* которые получали внешнее финансирование[4]. В Армении же функционируют более 2 тысяч *НПО,* и именно члены этих организаций (среди которых особо отличились получатели грантов из фонда «Открытое общество» Дж. Сороса) были наиболее активными исполнителями «бархатного переворота» в 2018 г.[5]

Заметим, что англосаксонское сообщество наиболее адекватно воспринимает опасность от финансируемых извне организаций: соответствующие законодательные акты действовали в Британии уже в XIX веке, а в США с 1938 г. действует закон об «иностранных агентах». Между тем в России закон об иностранных агентах был принят лишь в 2012 г. В ряде же постсоветских стран (в частности, в Армении), отсутствуют законы, регламентирующие деятельность подобных *НПО.*

Для подготовки «революционеров» основан целый ряд организаций («Институт содействия демократии в Восточной Европе», «Восточноевропейский демократический центр» и др.), которые организуют специальные учебные программы для журналистов и активистов. Любопытно, что созданы также популярные компьютерные игры, которые обучают методам изменения политической ситуации в своих странах[6].

Известно также, что в «цветных процессах» активное участие принимают некоторые религиозные – сектантские и ЛГТБ организации, которые тоже проходят соответствующую подготовку и обучение.

---

[1] Rand Corporation планирует гибридную войну против России. – http://www.iarex.ru/news/66804.html; В США анонсировали план экономической дестабилизации России. – https://rossaprimavera.ru/news/d2cc4d94?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

[2] Хубиев Р. Возможна ли «цветная» революция в Китае? Так ли уж устойчива политическая система КНР? – https://regnum.ru/news/polit/2607653.html

[3] Еврокомиссия: коррупция в ЕС «поражает воображение». – https://www.bbc.com/russian/business/2014/02/140203_europe_breathtaking_corruption_report

[4] http://novostiua.net/main/42089-v-ukraine-rastet-kolichestvo-obschestvennyh-organizaciy.html

[5] Общественные организации Армении / Институт сетевых исследований. – Ереван, 2019. – 46 с.

[6] Нарочницкая Н.А. Оранжевые сети. От Белграда до Бишкека. – М.; СПб., 2008; Гундарева Л. Как готовят цветные революции // Независимое военное обозрение. – М., 2016. – № 19 (902).

4. Сочетание «мягкой силы» с «брутальной»

Принято считать, что идеолог «цветных революций» Джин Шарп написал свои концепты под влиянием философии Махатмы Ганди – адепта политики «без насилия». Реже упоминается, что Шарп увлекался также опусами нетерпимого к «врагам революции» Льва Троцкого. Казалось бы идеи Ганди, основанные на гуманных традициях, и полярно противоположные этим заповедям подходы Троцкого несовместимы. Однако сотрудничество Шарпа с кураторами из силовых структур США[1] дало нужный результат. В его книге «Политика ненасильственных действий» представлены 198 метода ведения политической борьбы, большинство из этих которых (митинги, шествия, забастовки и голодовки) ничего нового не содержали, но есть и «новации» – демонстрантам рекомендуется совершить суицид путем самосожжения или утопления.

На практике многие «цветные революции», несмотря на декларируемую «ненасильственность», сопровождались силовыми акциями и для выполнения специальных задач формируются радикальные группировки. Классическим примером была «Арабская весна», а во время «Евромайдана» на Украине было создано множество *радикальных группировок.* В *Грузии же наследники «революции роз» объединились* вокруг ультранационалистической коалиции «Грузинского марша». *В* армянской «бархатной» революции была применена более утонченная технология – «операция, базирующаяся на достижении эффектов» (ОБДФ), которая применяется для «изменения поведения противника в желательном для воздействующего направлении»[2]. Именно в этом духе действовала в 2016 г. радикальная группировка в Ереване*,* которая убила полицейских и захватила полк патрульной полицейской службы. Эта акция, согласно канонам ОБДФ, сильно подействовала на общественность и как бы сняла «табу» на вседозволенность. После «бархатной революции» участники акции были выпущены из тюрем, а один из лидеров группировки заявил, что без того «восстания» революция 2018 года была бы невозможна, а их *целью является «борьба с российским «колониализмом», вывод российских пограничных войск из Армении и запрет трансляции российских телеканалов»*[3]. Таким образом «мягкая сила» в гибридных операциях часто сочетается с «брутальной», а «ультралиберальная» идеология – с «ультранационализмом». Более того, иногда стратеги цветных проектов вовлекают страну «победившей демократии» в «горячие конфликты». В этом контексте рассмотрим последствия таких проектов на примерах Грузии и Украины.

5. Дезинтегрирующие последствия «гибридных войн»

Как мы уже отметили ранее, одной из основных задач «цветных революций» является вывод субъекта интервенции из той интеграционной зоны, в которой доминирует «главный соперник» воздействующей стороны. В постсоветском пространстве наиболее радикальным методом решения этой задачи является создание конфликтной ситуации между страной, где произошла «цветная революция» и главным «условным противником» – Россией. К примеру, Грузия, в которой в 2003 г. произошла «революция роз» в августе 2008 г. (после визита Госсекретаря США Кондолизы Райс в Тбилиси июле того же года) начала военный конфликт с Россией по вопросу Южной Осетии[4], в результате чего отношения между Грузией и РФ были разорваны. Но даже после ухода Саакашвили в 2013 г. (что привело к относительной нормализации отношений между странами) в июне 2019 г. в Тбилиси во время заседания межпарламентской ассамблеи на улицу вышли хорошо подготовленные сторонники экс-президента и учинили беспорядки, чем в очередной раз осложнили и так не простые отношения с Россией. Характерно также, что разрыв отношений Грузии с Россией привел к тяжелым последствиям и в научно-технологической сфере: за годы правления Саакашвили (2004–2013 гг.) доля НИОКР в ВВП страны сократилась примерно в 3 раза[5].

Но если военный конфликт между Грузией и Россией продолжался 5 дней, то конфликт Украины и РФ продолжается уже 5 лет. Достаточно отметить, что в боевых действиях в Донбассе и Луганске погибли и пострадали десятки тысяч человек. Дезинтеграционный процесс, как следует из табл. 1, сильно подорвал экономику Украины: за 4 «революционных года» ВВП Украины снизился на 38,4%, по паритету покупательской способности – на 9,4%[6].

Таблица 1

ВВП Украины с 2013 г. по 2017 г.

Год	ВВП, (в млрд. долларах США)	ВВП ппс, (в млрд. долларах США)
2013	177,834	392,619
2014	130,908	371,812
2015	90,524	341,489
2016	93,812	352,339
2017	109,321	368,784

[1] Мейсан Т. Институт Альберта Эйнштейна: отказ от применения насильственных методов в версии ЦРУ. – https://www.voltairenet.org/article128880.html

[2] Гриняев С. Поле битвы – киберпространство. – М.: Харвест, 2004. – 448 с.

[3] См., например, https://gradator.ru/news/analytics/2259.html

[4] В ходе этой «пятидневной войны» потери Грузии составили около 397 человек, а число раненых – 1469. – https://ru.wikipedia.org/wiki/

[5] http://data.worldbank.org/indicator/GB.XD.RSDV.CD.ZS?end=2013&start=1998

[6] По данным https://worldtable.info/yekonomika/tablica-vvp-ukrainy-po-godam-1991-2016.html

Характерно также, что если на НИОКР в Украине в 2013 г. тратили 0,8 долю ВВП, то в 2017 г. – только 0,4[1]. По данным Государственного статистического бюро Украины в 2013 г. в научно-исследовательских институтах работали 155.4 тысяча человек, а в 2016 г. – всего 97.9 тысяч.

Таким образом, можно констатировать, что направленные против России гибридные операции в Грузии и на Украине привели к следующим дезинтеграционным последствиям:

1. В цивилизационно-духовном аспекте произошел значительный разрыв между православными народами;

2. В военно-политическом и экономическом аспектах обе страны превратились в форпост борьбы против своего бывшего союзника, но при этом не были интегрированы в военно-экономическую систему нового «централизатора»;

3. Произошла существенная потеря интеллектуально-информационных ресурсов, что затрудняет развитие этих стран и закрепляет маргинальный статус при новом «централизаторе».

[1] В Украине тратят на научные исследования и разработки менее 0,5% ВВП. – http://vybor.ua/article/economika/v-ukraine-tratyat-na-nauchnye-issledovaniya-i-razrabotki-menee-0-5-vvp.html

Асонов Н.В.[1]

БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ

Ключевые слова*: Россия, православно-славянская цивилизация, борьба цивилизаций, мировое господство, деградация цивилизаций, либерализм как разрушительная сила, декларативные интересы, латентные ценности и цели, Запад против Православия, разрыв культурных связей, нравственное оскудение, неминуемый крах.*

Keywords: *Russia, The Christian-Slavic Civilization, Civilizational Struggle, Global Leadership, The Decline of Civilizations, Destructive Force of Liberalism, Declarative and Latent Values, Interests and Goals; The West against Christianity, Discontinuity of Cultural Ties, Moral Impoverishment, Inevitable Crash.*

Политологический анализ данной темы исходит из того, что характер жизни и взаимодействия цивилизаций всегда был важной частью политической сферы общества, главной категорией которой выступает власть как её центральная организационная и контрольно-регулятивная основа. Значит, борьба за власть, создающую каркас социально-политической системы любой цивилизации и подключающую для её защиты весь арсенал ресурсов и методов управления, приобретает самый динамичный и острый характер. Он исключает в практике политической жизни принцип толерантности и ведётся до полного уничтожения противника. Более того. Такая борьба отличается самой широкой инклюзивностью. Проникая во все сферы общества, она диктует им волю побеждающей стороны и тем самым влияет на их жизнеспособность. В итоге одни цивилизации деградируют, быстрее обычного превращаясь в негативные противоположности самих себя, и покидают историческую сцену. Другие укрепляют свои позиции и расширяют зону своего присутствия за счёт побеждённых соседей.

Проблема здесь состоит в том, как долго сохранится цивилизационное многообразие и следует ли считать ту цивилизацию, которая победит все остальные, отрицательной противоположностью её начальной сути, создающей условия для гибели человечества. Если рассуждать диалектически, тогда надо признать, что жизнь победившей цивилизации, как и всех элементов земного бытия, пройдя периоды рождения, становления и расцвета, должна войти в полосу старения и смерти. Здесь старение будет синонимом перехода цивилизации-победителя в своё отрицательное состояние, соответствующее предельной нравственной деградации той господствующей политической силы, которая замкнёт на себя всю полноту власти и через неё развратит всё общество. То есть, должно случиться то, о чём пророчествовал апостол Павел, утверждая, что «в последние дни наступят времена тяжкие. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы,.. невоздержаны, жестоки, не любящие добра, предатели,.. имеющие вид благочестия»[2]. Согласимся, что такая перспектива носит куда более реалистичный характер. Ведь она соответствует всем объективным законам бытия, избавляя нас от наивной веры в бесконечную жизнь человечества, способного вечно совершенствоваться и подобно Господу Богу не иметь конца своей жизни.

Какие выводы из этого можно сделать? Во-первых, всякое движение вперёд, особенно в ускоренном темпе, провоцирует поспешное морально-этическое разложение и гибель тех, кто верит в прогресс и ради него готов разрушить сдерживающие его социально-политические шлюзы. Именно на это настроена система ценностей и целей всех новаторских доктрин, рождённых романо-германской цивилизацией. Дело в том, что она с самого начала складывалась как протест «Ветхого Рима» против «Рима Нового» (Константинополя), поднявшегося не на латинской, а на греческой почве и уже в момент своего рождения в 330 г. получившего политическое и духовное первенство в христианском мире.

Стремясь вернуть утраченное значение, бывшая столица обратилась к своему великому прошлому, но оно было замешано на меркантильном духе язычества. Прямым следствием этого стал Ренессанс. Он породил протестантизм, а уже из него на свет вышли все те светские установки, которые их идеологи предлагают нам принять в качестве «общечеловеческих ценностей». Хотя ещё Ф.И. Тютчев в середине XIX века указывал, что подобные ценности на самом деле являются чужим достоянием чужого мира. Их внедрение в качестве главной основы в других цивилизациях, только навредит остальному сообществу и обречёт его на верную гибель. Ведь ему придётся целиком менять прежнюю социально-политическую систему с её институциональными, нормативно-правовыми, культурно-идеологическими и коммуникативными элементами. Мутация их ценностно-целевых установок заставит мутировать всю социальную среду, включая Церковь с её духовно-нравственными ориентирами, создающими цивилизационный каркас материальной и духовной культуры.

Во-вторых, Большая Евразия – главный континент мира. На его территории возникли все ведущие цивилизации, дожившие до наших дней. Каждая из них при формальном миролюбии стремится доступными способами уси-

---

[1] Асонов Николай Васильевич – д.полит.н., к.и.н., академик АПН РФ, профессор кафедры политологии Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.

[2] Апостол Павел. Второе послание к Тимофею. Гл. 3. (1–5).

лить свои позиции за счёт соседей. Между тем, ресурсный потенциал у них разный, и потому все они в значительной степени зависят от степени поддержки главных участников мировой политики глобального уровня, декларативно или латентно входящих в какую-либо цивилизацию и действующих с точки зрения её интересов.

В-третьих, в этой борьбе за выживание Россия не просто играет роль «осевого региона», отличающегося от цивилизации Запада в источнике своих идеалов и продолжающей «древнее противостояние греков и римлян», как думал Х.Дж. Маккиндер. Обладание ею открывает путь к мировому господству каждому, кто навяжет её лидерам свою организационную и культурную модель. Проблема России в условиях победившего либерального стандарта состоит в том, что все цивилизации, находящиеся в её пределах, имеют духовно-политические центры в других государствах. Теперь эти государства получили уникальную возможность взглянуть на Россию как на обширное поле реализации своих интересов. Поэтому они готовы использовать либеральные идеи глобализма, открывающие им ворота во все концы страны и равняющие их с православно-славянской цивилизацией. Между тем, с 1453 г. только для этой цивилизации Россия остаётся единственным духовным, военно-политическим, экономическим и культурно-территориальным оплотом и ядром, в котором почти 90% коренных жителей, проживающих в пределах современных границ, к началу 1917 г. принадлежали к православию и видели в Москве «Третий Рим». Его падение создаст удобную среду для установления царства Антихриста, ориентированного на оправдание пороков и приоритет материальных благ.

Отвергая это как основу национальной идеи, действующая власть России предлагает её безликую либеральную трактовку, лишённую родного культурно-исторического контекста и потому в условиях глобализма пригодную для любой страны, отрёкшейся от своей цивилизационной матрицы. Например, по мнению Д.А. Медведева наша национальная идея «должна включать «набор понятных принципов и целей, которые объединяют людей, живущих в одной стране. … Это, прежде всего, свобода и справедливость. Второе – это гражданское достоинство человека. Третье – его благополучие и социальная ответственность»[1]. Верно заметив главную проблему в совмещении «наших национальных традиций» с «фундаментальным набором демократических ценностей», он не только выделил их разноречивый характер, но и дал понять, что в случае их несовместимости политическая элита России, оставаясь формально православной, не будет держаться православной старины. Более того. Она пойдёт наперекор ей, на что вполне определённо указал в очередном Послании Федеральному Собранию В.В. Путин. Он дал понять, что «широкое сближение и реальная интеграция в Европу. … это наш с вами исторический выбор. Он сделан… он последовательно реализуется»[2].

Между тем, Европа, будучи исторической основой цивилизации Запада, не приемлет восточное христианство и будет делать всё, чтобы искоренить в нас его дух, противоречащий своей ортодоксальностью её установкам, меняющимся в пользу либерализма. Примером этого служит резолюция о противодействии «враждебной Евросоюзу пропаганде», принятая Европарламентом 23 ноября 2016 года. В документе под названием «Стратегические коммуникации ЕС как противодействие пропаганде третьих сторон» впервые после средневековья среди главных врагов Запада названа Русская Православная Церковь. Ведь она «представляет опасность» для Европы именно тем, что «может посеять сомнения и рознь между странами союза, ослабить стратегическое единство ЕС и его североамериканских партнёров, парализовать процесс принятия решений, дискредитировать институты ЕС и трансатлантическое партнерство». В итоге европарламентарии приравняли борьбу с РПЦ к борьбе с «Аль-Каидой» и «Исламским государством». Тем самым духовно-культурной основе нашей цивилизации была объявлена официальная война на уничтожение, где нет места гармоничному слиянию некогда единого христианского мира в одно целое. В этом свете позиция нашей политической элиты не только не отражает цивилизационный дух России, но и вступает с ним в прямое противоречие в пользу Запада.

Попытка некоторых политиков сгладить прозападный акцент путём признания за Россией особого статуса государства-цивилизации, имеющего свою стезю развития, вообще не вписывается в научную схему, хотя бы потому, что наша страна не обладает подобающими признаками. А они включают в себя общий язык как основу культового общения, общую историю, религию, обычаи, институты и субъективную самоидентификацию людей. Кроме того, когда А.Дж. Тойнби решился рассматривать Россию именно в этом статусе, он как учёный понимал, что всякая наука не изучает исключения из правил. Она анализирует только правила, то есть доминирующую основу.

Следуя этим правилам в его понимании, титульная нация в нашей стране под руководством большевиков вовсе не собиралась встраивать себя в цивилизацию Запада, а творчески переработала марксизм под нужды своих культурно-исторических стандартов, опиравшихся на нормы православия, вошедшего в мировосприятие и язык подавляющей части советских граждан. Тем самым была создана уникальная цивилизационная модель – Советское общество, не имеющее себе аналогов. «Вот почему русскому человеку XX века, отцом которого был “славянофил” XIX века, а дедом – истый православный христианин, легко было стать убеждённым марксистом». Так как для каждого из них «Россия – всегда “Священная Россия”, а Западный мир… навсегда погряз в ереси, коррупции и разложении»[3]. Следовательно, движение в сторону романо-германского мира не может сделать нас лучше. Но если такое движение уже началось, что ждёт в таком случае Россию? Попробуем разобраться.

Приход в «горбачевский период» к власти новой политической силы, занявшей под прикрытием США и их союзников все посты управления, предусматривал очередную тотальную перестройку в пользу проамериканского стандарта либеральных идей, что и было зафиксировано в Конституции 1993 года. В глазах новой элиты и тех, кто за ней

---

[1] Медведев Д.А. Выступление на II Общероссийском гражданском форуме // Вестник Российской нации. 2008. – № 1. – С. 46.

[2] Путин В.В Послание Президента РФ Федеральному Собранию 16 мая 2003 // Путин В.В. Прямая речь: в 3 т. – М.: Звонница-МГ: Новый ключ, 2016. – Т.1. Послания Федеральному Собранию. – С.112.

[3] Тойнби Дж.А. Цивилизация перед судом истории. – М.; СПб.: Прогресс – Культура, 1996. – С. 109.

пошёл, согласно замечанию академика А.М. Панченко, все духовные накопления России со времён Владимира Святого потеряли свою ценность. Они подверглись забвению и тотальной замене, поскольку для «новых учителей» русская культура была плохой культурой, а потому они хотели всё строить заново, «как бы на пустом месте». Ведь либеральная идеология, порождённая Западом, как отмечал А.С. Панарин, принадлежит к проекту Нового времени и, будучи продуктом европейского просвещения, чужда любой традиционной системы ценностей и целей, тогда как православие нацелено на сохранение имеющегося стандарта, требуя беречь его любой ценой и не допускать всяких новаций. В данной связи уместно вспомнить письмо митрополита всея Руси святого Киприана к Сергию Радонежскому и игумену Феодору. Ссылаясь на Святое писание, он предостерегал их от всяких новаций: «Всему, что вводится вновь … или в впоследствии будет сделано в нарушение Церковного предания и учения и установления святых и приснопамятных отцов, анафема да будет»[1].

Следовательно, в современных условиях анафеме как порождению зла должны быть преданы все либеральные установки, греховную суть которых отметил ныне действующий патриарх Кирилл. Указывая на принципиальную разницу между православным и западным либеральным миром, он дал понять, что «в православии подлинная свобода обретается в освобождении от власти греха, от… злого начала. Эта свобода подразумевает нашу способность подчинять свою волю воле Господа. Либеральная же идея не призывает к освобождению от греха, ибо само понятие греха в либерализме отсутствует»[2]. Это значит, что внесение с подачи Запада всего комплекса новаций, объединённых в единый шаблон пятой Конституции под видом «общечеловеческих ценностей», позволило чужой цивилизации через норму права встроить нас по главным параметрам социально-государственной жизни в свою систему на правах периферии. Неслучайно целый ряд западных исследователей отказывает православной (византийской) цивилизации в праве на существование, считая её уже мёртвой.

Такая трактовка проблемы раскрывает транзитивный характер действующих обладателей российской власти, создавших «эффект качелей». То есть, смотря по ситуации, отклоняющихся вправо и выказывающих свою принадлежность к православию, или двигающихся в противоположную сторону, что отразилось в идеологической установке партии парламентского большинства, решившей позиционировать себя в качестве консервативно-либеральной силы. Формально её лидеры принадлежат к православно-славянской цивилизации, а в реальности они вписали себя в периферийную элиту романо-германского мира, трактуемого С. Хантингтоном как цивилизация Запада. Ведь для неё любое воскрешение реального политизированного православия, способного вернуть себе хотя бы часть ресурсов политической власти и методов правления в границах России, будет связано с усилением Москвы как мощного цивилизационного центра огромных территорий, протянувшихся широкой полосой от Кипра и Греции до берегов Дальнего Востока.

В данном случае это приведёт не только к ослаблению Запада, но и обрушит надежды его политико-экономической элиты на скорое мировое господство. Вот почему, акцентируя на этом внимание, американский русист Ф. Штаркман, предваряя решение Европарламента, прямо указал на православие в России как на «одну из величайших угроз для безопасности США. Поэтому главная задача Америки заключается в снижении этой угрозы, так как русские религиозные традиции ведут к укреплению национального чувства, что способствует сплочению русских,.. которое можно предотвратить, поощряя плюрализм во всех сферах человеческой жизни, прежде всего, в идеологической и религиозной. Таким образом, Америка заинтересована в укреплении и росте в России нерусских религий и философий».

Значит, чтобы Россия смогла противостоять этому нажиму, оттянув на неопределённый срок свою гибель, и укрепить духовно-культурные связи с единоверными странами и народами своего цивилизационного круга, ей надо выработать такую доктрину, которая могла бы работать в первую очередь на интересы титульной нации и её братьев по вере, составляющих подавляющую часть коренного населения нашей страны. Ибо спровоцированная либеральным стандартом их численная убыль и размывание в других цивилизационных средах способствует превращению России в «лоскутную империю», где каждый этно-цивилизационный элемент будет тяготеть к своему центру и обслуживать латентные интересы выживших цивилизаций. А их М. Мелко в своей «Nature of Civilizations» насчитал ровно пять: китайская, японская, индуистская, исламская и западная.

Российская доктрина должна освободить себя от всех либеральных установок, делающих нас жертвой интересов и ценностей сторонников «нового мирового порядка», насаждающих губительную мораль «человека экономического», который, как выразился И.С. Пересветов в своей челобитной на имя Ивана Грозного, «вперёд душу свою продаст, потом и товар». Только в этом случае реализация традиционных ценностей сможет работать не только на социально-политическое объединение восточных христиан, но и на восполнение утраченного, направленное на создание не «лоскутной», а целостной и жизнеспособной общественной системы со своим культурно-историческим ареалом и соответствующим местом России в нём.

Но пойдёт ли на эти преобразования действующая у нас господствующая политическая сила? Она на них не пойдёт, поскольку её с 1987 года продюссировала совершенно другая политическая сила, противостоять которой у нас нет политических, экономических, военно-технических и медийных возможностей. Не готовы к этому и потомки православных ортодоксов и славянофилов, воспитанные революционными преобразованиями Горбачёва-Ельцина и приученные думать о том, как жить, а не быть лучше. Следствием подобных реформ стало резкое падение патриотизма.

---

[1] Послание митрополита Киприана игуменам Сергию и Феодору // Памятники литературы Древней Руси. Вып. 4. – М.: Худож. лит, 1981. – С. 437.

[2] Митрополит Кирилл (Гундяев). Вызовы современной цивилизации. Как отвечает на них православная церковь? – М., 2002. – С. 6.

Согласно социологическим опросам, проведённым отечественными аналитиками, среди наших граждан, проживших более 50 лет, чувство патриотизма с большим отрывом преобладает над личными амбициями. Тогда как более 60% молодежи в возрасте от 18 до 30 лет судит иначе. Они уверены, что человек в первую очередь должен научиться любить не Бога и Родину, а себя и жить в той стране, где ему больше нравится. В итоге Россия вошла в число самых космополитизированных государств, формирующих толерантного к любым условиям «модульного человека».

Аюпова З.К.
д.ю.н., профессор КазНАУ, Алматы
Кусаинов Д.У.
д.филос.н., профессор КазНПУ, Алматы

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Ключевые слова: *свобода совести, религия, религиозные учреждения, экстремизм, терроризм.*

Согласно новому Уголовному Кодексу Республики Казахстан, «акт терроризма – это совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения, оказания воздействия на принятие решений государственными органами Республики Казахстан, иностранным государством или международной организацией, провокации войны либо осложнения международных отношений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях (ст. 255)».

За более чем 27-летнюю историю суверенизации Казахстана на нашей территории экстремисты и террористы организовали несколько террористических актов. С появлением терроризма неизбежно появляются человеческие жертвы, рушатся духовные, материальные, культурные ценности, а также возникают ненависть и недоверие между людьми. Возникла острая необходимость формирования эффективной системы борьбы с ним. Жертвами терроризма становятся мирные жители, гражданское население.

Можно привести примеры террористических актов, совершенных в Республике Казахстан (в Шубарши, Кенкияке, Таразе), свидетельствующие о готовности террористов пойти на самые жесткие действия для достижения своих преступных целей [9, с. 109].

В борьбе с терроризмом возможно применять политические, экономические и иные санкции [5, с. 23]. Терроризм – это транснациональное преступление, оно требует выработки действий со стороны государства по борьбе с ним [8, с. 120].

Граждане Казахстана имеют право на свободу совести и вероисповедания, которое зафиксировано в Конституции страны. Республика Казахстан является поликонфессиональным государством, в котором компактно проживают все мировые конфессии. Основная часть населения нашей страны, т.е. более 70% исповедуют ислам. Наряду с традиционными религиозными течениями в нашей стране встречаются и нетрадиционные релегиозные течения, которые официально запрещены. Религиозный экстремизм стал реальной угрозой религиозной толерантности не только в Казахстане, других центрально-азиатских государствах и странах СНГ, но и во всем мире [24].

Сегодня ни одна религия не застрахована от фанатизма ее приверженцев, использования её в политических целях. В Казахстане деструктивной идеологии терроризма противопоставляется идеология толерантности, согласия и диалога. Благодаря этому Казахстан продолжает вносить свой бесценный вклад и уникальный опыт в мировую практику решения межэтнических и межконфессиональных вопросов [16, с. 470].

Список литературы

1. Поличной Р.В. Соотношение террористической организации, террористического сообщества, экстремистской организации и экстремистского сообщества // Пробелы в российском законодательстве. 2017. – № 2. – С. 143–145.
2. Сипки М.В. Ответственность за организацию террористического сообщества или деятельности террористической организации и участие в них: Монография. – М., 2019. – 144 с.
3. Ульянова В.В. Террористическое сообщество и террористическая организация: проблемы квалификации // Уголовное право. 2015. – № 1. – С. 100–105.
4. Сипки М.В. Уголовная ответственность за создание террористического сообщества и участие в нем: недостатки и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2017. – № 2 (75). – С. 175–182.
5. Агапов П.В. Организация террористического сообщества и участие в нем: проблемы криминализации и правоприменения // Российская юстиция. 2015. – № 7. – С. 23–25.
6. Чемеринский К.В. Организация террористического сообщества и участие в нем: обоснованность криминализации // Актуальные проблемы российского права. 2017. – № 1 (70). – С. 263–269.
7. Нугуманов А.Р. К вопросу об организации террористического сообщества и участия в нем // Пробелы в российском законодательстве. 2015. – № 6. – С. 111–113.
8. Туганов Ю.Н., Ульянова В.В. Проблемы реализации уголовной ответственности за финансирование террористических сообществ и террористических организаций // Вестник Екатерининского института. 2015. – № 4 (32). – С. 120–125.
9. Красинский В.В. Антитеррористические усилия международного сообщества и Российской Федерации по противодействию деятельности международной террористической организации «Исламское государство» // Современное право. 2017. – № 8. – С. 109–115.

10. Левандовская М.Г. Сравнительный анализ понятий «террористическое сообщество» и «террористическая организация» // Закон и право. 2018. – № 9. – С. 93–97.
11. Иванов В.И., Лубенец Я.А. Международный терроризм как глобальная проблема в современном мире // Территория науки. 2011. – № 6. – С. 94–99.
12. Гуров В.А. Международный терроризм: некоторые аспекты проблемы в историческом контексте // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. – № 6–1. – С. 168–173.
13. Зонов Ф.А. Международный терроризм и мировой опыт борьбы с ним // Власть. – М., 2011. – № 12. – С. 103–107.
14. Конституция Республики Казахстан. – Алматы, 1995.
15. Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 14.06.2001. – kremlin.ru/supplement/3405
16. Ивакин С.В. О тенденциях международного сотрудничества в борьбе с терроризмом // NovaInfo.Ru. 2017. – Т. 2, № 59. – С. 468–472.
17. Морозова О.Г., Устрижицкая Д.О. Международный терроризм и правовые меры борьбы с ним // Евразийский юридический журнал. 2017. – № 3 (106). – С. 301–302.
18. Самович Ю.В. О понятии «международный терроризм» // Вестник Томского государственного университета. 2012. – № 361. – С. 120–124.
19. Сычев А.Н. Международный терроризм как крайне опасная угроза современному мироустройству: характер проблемы и пути международного противодействия // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2004. – № 1. – С. 35–43.
20. Хакимова Г.А. Терроризм, как реальная угроза безопасности в современном обществе // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2011. – № 2. – С. 8–14.
21. Цзинь И. Международный терроризм. Основные пути борьбы против международного терроризма на современном этапе // Молодой ученый. 2017. – № 20. – С. 389–392. – https://moluch.ru/archive/154/43564/
22. Голикова В.И. Политика Республики Казахстан в религиозной сфере. – Алматы, 2018. – 275 с.
23. Пак А.И., Бакиров Р.П. Религиозная ситуация в Жамбылской области. – www.antisekta/kz09/19/2009
24. Султангалиева А.М. Эволюция ислама в Казахстане. – http://www.ca-c.org/journal/cac-05-1999/st_06_sultangal.shtml
25. Сельцовский П.А. Современный терроризм: вызовы и ответы в условиях России. – М.: ПроСофт-М, 2003. – 384 с.
26. Симаворян А., Овян В. Религиозная толерантность в современном обществе. – http://www.noravank.am/ rus/issues/detail.php
27. Gupta S. The changing dimensions of international terrorism and the role of the United States of America: a comprehensive and multilateral approach to combat global terrorism // The Indian Journal of Political Science. 2004. – Vol. 65, N 4 (Oct.-Dec.). – P. 556–587; Herring E. Critical Terrorism Studies: an Activist Scholar Perspective / University of Bristol. 2008. – P. 1–31.
28. Herring E. Critical Terrorism Studies: an Activist Scholar Perspective / University of Bristol. 2008. – P. 1–31.
29. Blakeley R. Bringing the state back into terrorism studies // European political science. 2008. – Vol. 6, N 3. – P. 228–235.
30. Booth K. The human facts of terror: reflections in a cracked looking glass // Critical studies on terrorism. 2008. – Vol.1, N 2. – P. 64–78.
31. Philips M. Terror in academia // The Spectator. 2008. – 5 April. – http://www.spectator.co.uk/melaniephillips/612861/terror-in-academia.thtml

Баронов В.И.
к.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ, профессор МГУУ

СЕВЕРНЫЙ МОРСКОЙ ПУТЬ И ПРИНЦИП СВОБОДЫ МОРЕПЛАВАНИЯ

Ключевые слова*: Северный морской путь, СМП, Российская Федерация, США, Арктика, свобода мореплавания.*
Keywords*: Northern Sea Route, NSR, Russian Federation, Arctic, USA, freedom of navigation.*

В процессе длительного освоения Арктики постепенно сложилось фактическое территориальное размежевание сфер интересов приарктических государств. Размежевание шло от побережья к Северному полюсу. Так возникла основа концепции полярных секторов. Сущность ее заключалась в том, что все земли и острова к северу от арктического побережья государств в пределах сектора, образованного таким побережьем и сходящимися в точке полюса соответствующими меридианами, считаются входящими в территорию этого государства.

Первым государством, официально объявившим территориальные пределы своего полярного сектора, была Канада (1904 г.). Российская империя сделала аналогичное заявление в 1916 г. Советский Союз закрепил свои права на полярный сектор Постановлением Президиума ЦИК СССР от 15 апреля 1926 г.

В международно-правовом отношении линии, определяющие боковые пределы полярных секторов, не являются государственными границами, которые в соответствии с нормами международного морского права проходят по внешнему пределу территориального моря соответствующего государства.

Секторальное территориальное разграничение в Арктике просуществовало до принятия III конференцией ООН по морскому праву в 1982 г. Конвенции по морскому праву[1]. Однако особый характер и значимость арктических морей для прибрежных государств дают основание рассматривать полярные секторы как зоны их экономических и оборонных интересов, а соответствующие меридианы использовать для делимитации предусмотренных Конвенцией 1982 г. экономических зон и национальных континентальных шельфов в этом районе. Полярные сектора помогают в территориальном разграничении, если иное не будет оговорено в двустороннем соглашении соседних приарктических государств.

Северный морской путь (далее СМП или Севморпуть) находится в пределах арктического сектора Российской Федерации. СМП – кратчайший морской маршрут, проходящий между европейской частью России и Дальним Востоком[2]. Это важнейшая составная часть транспортной инфраструктуры экономического комплекса Крайнего Севера Российской Федерации. К тому же СМП объединяет в единую транспортную систему крупнейшие речные артерии Сибири и Дальнего Востока, что позволяет создать единую коммуникацию России в Артике.

Севморпуть – исторически сложившаяся национальная транспортная коммуникация. В дореволюционное время и в советский период СМП практически не использовался для международного судоходства. Моря Северного Ледовитого океана почти круглый год имеют ледовый покров значительной толщины, практически непроходимый для обычных судов без ледокольного и навигационно-гидрографического обеспечения. В силу сложных ледовых и тяжелых климатических условий каботажное плавание полностью зависело от работы отечественных полярных станций и других многочисленных служб, созданных преимущественно в советский период.

Все это предопределило особый правовой режим СМП, тесно связанного с режимом, установленным в проливах сибирских морей в пределах нашего территориального моря, проход через которые регулируется нашим законодательством. В ряде проливов[3] еще в середине 60-х гг. прошлого века установлена обязательная ледокольно-лоцманская проводка как для иностранных, так и для наших судов. В 1971 г. была создана Администрация Севморпути с основными задачами: государственный надзор за рациональным использованием СМП; организация и контроль арктического судоходства; принятие мер по обеспечению безопасности мореплавания на трассе СМП и на трассах смежных с ним районов; принятие мер по предотвращению загрязнения морской среды и северного побережья СССР, а также по ликвидации последствий такого загрязнения; осуществление надзора за судами и другими плавучими средствами, которые могут быть источниками загрязнения.

---

[1] Из всех приарктических государств до настоящего времени не ратифицировали Конвенцию по морскому праву 1982 г. только США.

[2] Длина Северного морского пути от Карских Ворот до бухты Провидения – около 5600 км. От Санкт-Петербурга до Владивостока по нему около 14,3 тысячи километров, в то время как через Суэцкий канал – 23,2 тысячи километров. Из Гамбурга (Германия) в Иокогаму (Япония) по Севморпути – 12 тысяч километров, а через Суэцкий канал – 20,5 тысяч километров. Такая разница в расстояниях экономит судам по 10–13 дней хода и обеспечивает экономию от 250 до 300 тысяч долларов на каждом рейсе.

[3] Проливы: Вилькицкого, Шокальского, Дмитрия Лаптева и Санникова.

В советский период плавание по СМП осуществлялось в соответствии с Наставлением для плавания по Северному морскому пути 1966 г.[1]. Советский Союз единственный в мире обладал атомным ледокольным флотом, и никто не оспаривал у него право на СМП. Россия, являясь приемником Советского Союза, получила в наследство и атомный ледокольный флот и право на важную для нашего государства морскую коммуникацию. И это еще не все. Мало построить ледоколы, необходимо иметь и опытные команды, и здесь Россия снова выступает на первом месте. Такого опыта в Арктической навигации, какой имеет Россия, нет ни у одной из стран, претендующих сегодня на право владения Арктикой.

В последние годы по причине таяния льдов, все большие акватории Арктики, освобождаясь ото льда[2], становятся более потенциально привлекательными для добычи полезных ископаемых. Кроме того, существенным образом повышается роль Северного морского пути, в значительной мере пролегающего в российских территориальных водах, как кратчайшего и экономически наиболее выгодного маршрута из Европы в Азию и в обратном направлении.

Отечественные и зарубежные эксперты уверены, что в ближайшие годы Арктика станет ареной противостояния: с одной стороны – противники Севморпути во главе с Вашингтоном, с другой – Россия и ее партнеры. Об этом, в частности, свидетельствует представленная Министерством обороны США конгрессу «Арктическая доктрина», направленная на блокирование российского СМП.

В подготовленном американским военным ведомством документе подчеркивается, что Арктика «имеет прямое отношение к национальной безопасности США». Главная задача Вашингтона – «развертывание более смертоносной, устойчивой, гибкой боевой группировки, способной обеспечить конкурентное преимущество в этом ключевом регионе».

В мирное время Северный морской путь важен для США и как средство давления на Россию, ведь для нее это не только международный логистический коридор, но и внутренняя транспортная артерия. Ее освоение позволит связать обширные воды восточной и северной части страны. Наконец, Северный морской путь сделает возможным формирование единой колоссальной экономической системы, которая объединит территории Крайнего Севера и Дальнего Востока. Эти регионы обладают таким потенциалом, что могут стать локомотивом развития всего государства.

Помимо Северного Ледовитого океана в доктрине речь идет о Беринговом проливе и морских коридорах в районах Гренландии, Исландии и Норвегии.

Последнее свидетельствует об очередном стремлении США не только противодействовать СМП, но и затруднить выход, а при обострении военно-политической обстановки и заблокировать выход кораблей северного флота России в Атлантический и Тихий океаны.

По оценкам большинства экспертов, «шапкозакидательские» заявления США в отношении Канады, Китая[3] и России являются обыкновенной бравадой, и не представляют собой серьёзные долгосрочные стратегические намерения и возможности. В нынешней ситуации США реально могут нарастить военное присутствие только на Аляске. Однако это в условиях отсутствия ледоколов и кораблей ледового класса не может оказать какого-либо существенного затруднения для судоходства непосредственно по СМП. Единственным районом, где могут быть предприняты реальные попытки затруднить судоходство, является акватория Берингового моря и, прежде всего, сам Берингов пролив[4]. Однако попытки «бряцать оружием» и требовать мзду за Северный морской путь и в этом районе у Америки не получится.

С точки зрения международного права все заявления, требования и даже угрозы США в отношении действий приарктических государств носят парадоксальный характер. Соединенные Штаты до настоящего времени не признали основополагающий документ по морскому праву – Конвенцию ООН по морскому праву 1982 года. Конвенция, которую подписали более 160 государств, впервые многие спорные вопросы морского права перенесла из сферы войны и политики силы в сферу мирного разрешения споров в рамках ООН. Решения стали приниматься на основе доказательств, полученных в результате научных исследований и последующего открытого обсуждения результатов по четко указанным в Конвенции критериям.

Соединённые Штаты, не ратифицировав Конвенцию ООН по морскому праву, по сути дела, предпочитают доказывать своё право в морских пространствах по старинке, с опорой на «право сильного» и «дипломатию канонерок». Это подтверждается характером заявлений должностных лиц США, носящих характер угроз и ультиматумов.

Администрация США предпочитает ссылаться на Конвенцию ООН 1958 г. об «открытом море»[5], которая была принята в 1958 году, и в 1982 году превратилась в Конвенцию ООН по морскому праву. При этом руководство ВМС, Сенат и отдельные ведомства США неоднократно поднимали вопрос о ратификации. Так, бывший Госсекретарь Дж. Керри заявил: «Ратификация позволит зафиксировать те благоприятные права навигации, от которых ежедневно зависят наши военные и судоходные интересы. Она укрепит нашу позицию в отношении Китая и других стран, кото-

---

[1] Наставление для плавания по Северному морскому пути. – М.: Изд. ГУНИО МО СССР, 1966. В настоящее время действует Руководство для сквозного плавания судов по Северному морскому пути. – СПб: Изд. ГУНИО МО РФ, 1995.

[2] По прогнозам Росгидромета, во второй половине XXI века Северный Ледовитый океан может очиститься ото льда, СМП полностью «откроется».

[3] От китайцев США потребовали закрыть станции в Исландии и Норвегии и прекратить вложения в инфраструктуру российского СМП. Россия же, по мнению Вашингтона, должна вывести войска из своих арктических регионов.

[4] Берингов пролив в длину составляет примерно 96 км. Самое узкое его место – 86 км. Наименьшая глубина, на которой могут ходить различные судна, составляет 36 м. Расстояние между российским островом Ратманова и островом Крузенштерн (США) в Беринговом проливе составляет 4 км.

[5] В 1958 году на Первой (Женевской) конференции ООН по морскому праву были приняты четыре международные конвенции: о территориальном море и прилежащей зоне; об открытом море; о континентальном шельфе; о рыболовстве и охране живых ресурсов открытого моря.

рые предъявляют территориальные претензии в Тихом океане, Арктике и других регионах. Это даст нашим нефтяным и газовым компаниям столь необходимую им определенность в принятии решений о ключевых инвестициях, обеспечивающих наше энергетическое будущее. Это также обеспечит доступ к редкоземельным минералам, которые необходимы нашим военным системам, компьютерам, сотовым телефонам и так далее». Его взгляды разделяла и Х. Клинтон.

Противники ратификации утверждают, что Конвенция по морскому праву 1982 г. подорвет суверенитет США. Одним из них является сенатор-республиканец Джеймс Инхоф. Основной его аргумент состоит в том, что «если США одобрят этот договор, мы будем переводить многомиллиардные отчисления от разработки нефти и газа на расширенном континентальном шельфе США в Международный орган ООН по морскому дну, которые потом будут уходить в развивающиеся страны. Это будет первый случай, когда ООН будет взимать налоги с нашей страны».

Подписав, но не ратифицировав Конвенцию 1982 г., и продолжая ссылаться на Конвенцию об «Открытом море» 1958 г., США демонстрируют свое несогласие с отдельными положениями Конвенции по морскому праву, но каких-либо шагов по разрешению ситуации в правовом поле не предпринимают. Так, в соответствии со ст. 312 Конвенции 1982 г. любое государство-участник может путем направления письменного сообщения на имя Генерального секретаря ООН предложить конкретные поправки к ней. Однако, как отметил бывший глава госдепартамента США Джон Керри во время выступления на Ассамблее Арктического совета, нынешняя американская администрация предпочитает не связывать себя новыми обязательствами.

Все последние действия США в сфере международных отношений свидетельствует, что команда президента США Дональда Трампа не станет заключать новые соглашения. Наоборот, она может разрушить старые договоры, которые не устраивают американские власти, чтобы развязать себе руки. При этом это не означает полного оспаривания сложившейся системы международных договорённостей об использовании Севморпути и северо-западного прохода.

В ближайшее время Россия, вероятно, столкнется с неким дополнительным «набором» шагов США, направленных на затруднение освоения Арктики и СМП. США продолжат высказывать свои протесты России и другим приарктическим государствам, утверждая, что эта территория – общечеловеческое достояние и может быть только под общемировой юрисдикцией. И пользоваться Севморпутем должны все, без каких-либо ограничений и разрешений на то. При этом всем очевидно, что будь этот регион американской территорией, они бы говорили совсем иное. А так получается, что они никак не могут доминировать в Арктике, да еще и столь удобный с точки зрения логистики маршрут принадлежит их главному конкуренту за первенство в арктическом регионе. К слову сказать, в США давным-давно (с 1920 г.) существует закон (закон Джонса[1]), не позволяющий иностранным судам перевозить грузы внутри страны, в том числе на заморские территории Штатов.

Нельзя исключать и действий явно провокационного характера. Так, командующий ВМС Штатов сообщил, что США воспользуются Севморпутем и не будут спрашивать ни у кого разрешения, ибо эта территория свободная, и она никому не принадлежит. А советник Дональда Трампа по национальной безопасности Джон Болтон пообещал, что Вашингтон в скором времени установит круглогодичное присутствие в Арктике. По его словам, это станет возможным, когда будут введены в строй новые американские ледоколы.

Троянский конь в образе «общечеловеческих ценностей» нам уже подбрасывался, и нашим обществом был воспринят, к сожалению, положительно. Что из этой идеи получилось на практике – мы уже знаем и последствия до настоящего времени ощущаем. Рано или поздно будет предпринята попытка вбить в сознание международной общественности идею «СМП – общечеловеческое достояние». Представляется, что именно через эту лазейку будут предприниматься попытки отстранить Россию от контроля над важнейшей мировой транспортной артерией. Когда именно активизируется американская сторона по этому вопросу, судить трудно. Однако уже сейчас ясно, что пропагандистская компания начата и будет только нарастать. Союзники у США по этой проблеме найдутся и в немалом количестве. Желающих получить бесплатный доступ к удобному международному транспортному коридору будет немало. Например, в вопросе по Арктике американская позиция разделяется Европейским Союзом, представители которого также настаивают на исключении Арктики из положений Конвенции по морскому праву ООН. Тем не менее, попытка вывести Арктику из рассмотрения в рамках Конвенции ООН упирается в то, что тем самым создаётся опасный прецедент избирательности международного права. Последовательная позиция России защищает не только российские интересы в Арктике – она открывает свободную дорогу заявкам Дании, Канады и Норвегии, которые также претендуют на весомые части арктического шельфа и открытого моря над ним, в том числе – основываясь на научных данных, оглашенных в российской заявке по шельфу.

При любых вариантах противодействия США будут стремиться к самой широкой информационной поддержке своих притязаний и созданию каких-либо коалиций.

Практике известны случаи, когда не все договоренности между США и иностранными государствами представляют собой юридически обязательные международные соглашения. При определенных, как правило, двусмысленных и щекотливых обстоятельствах США принимают «политические обязательства» или заключают «джентльменские соглашения» с иностранными государствами. Хотя подобные соглашения и не несут юридических последствий, тем не менее, имеют большое значение с моральной, политической и пропагандистской точки зрения. В некоторых случаях неправовое соглашение является некой «ширмой», предназначенной для сокрытия истиной цели тех или иных действий, придания им видимости широкой международной поддержки.

[1] «Закон Джонса», регулирует морскую торговлю во внутренних водах США. Согласно этому закону суда, осуществляющие торговлю между американскими портами, должны быть построены в США, принадлежать американским владельцам и комплектоваться командой из американских граждан.

Чтобы не оказаться в глухой обороне, целесообразно уже в настоящее время организовать контрпропаганду по следующим основным направлениям:

1. В основе зарождающегося международного спора о регулировании судоходства по СМП лежат экономические причины – стремление США осуществлять контроль над любыми морскими коммуникациями без учета национальных интересов всех приарктических государств. Даже ближайший союзник США Канада получила «черную метку»[1]. Цель – затормозить развитие России, заблокировав драйверы экономического роста в условиях санкций и международной напряженности[2]. Москва учла все это, понимая, что свои территории необходимо защищать от внешних угроз. США ничего не светит.

2. Северный морской путь — исторически сложившаяся российская национальная транспортная артерия, функционирующая в сложных метеоусловиях и хрупкой экологической системе, полностью проходящая в пределах российского территориального моря и прилежащей зоны, а также её исключительной экономической зоны. В этих условиях Россия в полном соответствии с международным правом отвечает за функционирование этого маршрута и будет делать все для обеспечения безопасности Севморпути и сохранения хрупкой экосистемы этого региона.

2. Ни о каком нарушении свободы мореплавания речи не идет. Четкая регламентация Российской Федерацией судоходства в российском секторе Арктики устанавливается в целях обеспечения нормального, бесперебойного и безопасного функционирования Севморпути. В этих целях Россия развивает портовую инфраструктуру, навигационную и гидрографические возможности этой транспортной артерии, совершенствует систему поиска и спасания.

3. Вводимые Россией режимные ограничения обусловлены лишь заботой о поддержании на необходимом уровне безопасности мореплавания и защитой хрупкой и ранимой природной среды Арктики; В целях сохранения экосистемы Арктики в России создаются специальные суда не только ледоколы и ледокольного типа, но и с ядерными установками или двигателями на сжиженном газе[3], дающие минимальные выбросы в атмосферу. Северный морской путь может стать международной «зеленой трассой», поскольку выбросы парниковых газов на этом маршруте будут минимальными[4]. Следует также учитывать, что Северный морской путь ориентирован, прежде всего, на экспорт СПГ, а потому будет способствовать оздоровлению энергетической сферы стран импортеров СПГ[5].

4. Россия открыта для сотрудничества в Арктике со всеми заинтересованными странами, в т.ч. и в области обустройства СМП, имеющего тенденцию к превращению в востребованный международный транспортный коридор. Глава российского МИД Сергей Лавров подчеркивал, что Москва открыта для «самого широкого» сотрудничества в Арктике, в этом регионе нет поводов для конфликтов. По его словам, Россия рассматривает Арктику как «пространство мира, стабильности и продуктивного сотрудничества».

В заключение можно сделать следующий вывод.

Исторически сложившийся правовой режим мореплавания по СМП в соответствии с установленными курсами, определяемыми Администрацией Севморпути, с обязательным обеспечением ледокольно-лоцманской проводкой, как подтверждает многолетняя практика, наилучшим образом обеспечивает безопасность судоходства и сохранение уникальной арктической природной среды. Данная практика мореплавания по СМП находится в полном соответствии с международным правом – III конференция ООН по морскому праву, принимая во внимание климатические особенности региона и повышенную экологическую опасность загрязнения Арктики, признала право прибрежных государств на законодательном уровне устанавливать и контролировать исполнение правил по предотвращению загрязнения морской среды с судов. Подобные районы могут устанавливаться приарктическими государствами не только в своих территориальных водах или прилежащих зонах, но и в пределах своих исключительных экономических зон без согласования с ИМО[6] в отличие от исключительных экономических зон прибрежных государств в других морях и океанах.

[1] В мае 2019 года на встрече с представителями стран, граничащих с Арктикой, американцы ясно дали понять официальным лицам Канады, что она «должна забыть о своем праве на северо-западный арктический коридор».

[2] Как только будет открыт Северный морской путь, который сократит морские перевозки грузов с Азии в Европу и обратно, он перехватит значительную часть мировых грузоперевозок, соответственно изменятся и финансовые потоки оплаты транспортных услуг. Такое положение не может устраивать ряд крупных международных компании, которым выгодно отправлять суда вокруг света и с непременным проходом через Суэцкий канал. Они будут стремиться либо заблокировать СМП, либо получить возможность участия в прибыльном предприятии. В противном случае они будут терять налаженную прибыль.

[3] Так, с 2020 по 2023 г. только на судостроительном заводе «Звезда» (Приморский край) будут построены пять судов «зеленой» серии, а к 2023 у Совкомфлота будет 11 танкеров на СПГ.

[4] На транспортировку товаров из Европы в Азию и обратно тратится меньше топлива и ресурсов, соответственно, углеродный след меньше, чем при транспортировке через Суэцкий канал.

[5] Западные экологи, как всегда, бьют тревогу, когда получают команду сверху, и теперь, ввиду развязавшейся борьбы за право на арктический пирог, они пытаются заблокировать СМП как опасный во всех отношениях маршрут.

[6] ИМО – Международная морская организация или ИМО (англ. International Maritime Organization, IMO) – международная межправительственная организация, является специализированным учреждением ООН, служит аппаратом для сотрудничества и обмена информацией по техническим вопросам, связанным с международным торговым судоходством.

Бойченко М.И.[1]

«МЯГКАЯ СИЛА» РЕАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И ПОИСКИ НОВЫХ ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВАНИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ключевые слова: *международные отношения, реальная политика, мягкая сила.*

Вопреки сложившемуся стереотипу «реальная политика» в современном мире, если и не отказалась вовсе от прямого применения военной силы, то во всяком случае, на первый взгляд, требует существенного дополнения элементами политики «мягкой силы». В условиях глобализма, когда все страны мира оказались не просто «в одной лодке», но в одной «подводной лодке», которую не только «не стоит раскачивать», но и «с которой некуда убежать», грубое применение военной силы приносит не столько успех, сколько гарантировано оказывается кратчайшим путем к достижению «пирровых побед», то есть тех побед, которые хуже поражения, поскольку обходятся гораздо дороже.

Автором термина «мягкая сила» (который также переводят на русский как «гибкая власть») является американский политолог Джозеф Най, который в качестве мягкой силы называет прежде всего культуру и в особенности язык[2]. Как утверждает профессор Най, ««мягкая» сила – это способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или подачек… Когда ты можешь побудить других возжелать того же, чего хочешь сам, тебе дешевле обходятся кнуты и пряники, необходимые, чтобы двинуть людей в нужном направлении. Соблазн всегда эффективнее принуждения…»[3]. То есть, нужно увлечь других своими культурными достижениями, в этом случае ты превращаешь их из врагов если не в союзников, то уже в соперников по культурному соревнованию.

Так, в свое время древние римляне, хоть и относились к древним грекам свысока, снисходительно-поблажливо, что проявлялось даже в назывании их «graeculi», то есть «гречишки», однако же берегли мир и благополучие малой Греции, то есть Пелопонесской части греческого мира. Да и сам «Римский мир» был в значительной степени «греческим миром» – хотя в какой-то степени и «карфагенским миром», а со временем стал «христианским миром», а сама Римская империя стала «священной Римской империей». Таким образом военное поражение от римлян Карфагена, Греции, Иудеи обернулось их частичной, но окончательной культурной победой – Рим выжил как республика и развернулся как империя не вопреки, а благодаря культурным заимствованиям от многих покоренных народов. Древнего Рима как государства давно уже нет, а вот культура Древней Греции, Иудеи и даже частично – Карфагена[4], по-прежнему жива.

Реальная политика – die Realpolitik – получила свое название как воплощение германского стиля прямого, прежде всего военного давления для достижения открыто декларируемых интересов в осуществлении международной политики[5]. Автор термина – Людвиг Август фон Рохау – видел в политике лишь частный случай природных процессов: «Политический организм человеческого сообщества, государство, возникает и существует согласно законам природы, которым подчиняется, сознательно или бессознательно, добровольно или нет человек… Первый шаг к пониманию ведет к выводу, что закон выживания самого сильного в жизни государств играет такую же роль, как и закон тяготения в материальном мире»[6]. Однако, понятие «самого сильного» в природе имеет довольно существенные отличия от понятия «самого сильного» в общественной жизни людей: даже принимая позицию фон Рохау, мы будем рассматривать государство как сильное благодаря одному из культурных достижений человечества – его экономической и военной мощи. Очевидно, однако, что культуру нельзя свести к этим ее проявлениям, более того, культура в более узком ее понимании скорее противостоит экономике и военной сфере. Всем известна поговорка «когда говорят пуш-

[1] Бойченко Михаил Иванович – д.филос.н., профессор, профессор кафедры теоретической и практической философии, Киевский национальный университет. Профессиональные интересы: социальная философия, политическая философия, философия образования, теория социальных систем, институциональный анализ. E-mail: boychenkomy@gmail.com

[2] Nye S.J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs, 2004. – 192 p.; Най Дж.С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике / Пер. с англ. – Новосибирск; Москва: Фонд социопрогностических исследований «Тренды», 2006. – 224 с.

[3] Най Дж. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения / Пер. с англ. // Свободная мысль. – М., 2004. – № 10. – С. 33–34.

[4] Аристотель. Политика / Пер. с гр. // Аристотель Сочинения: В 4-х тт. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – С. 375–644; Полибий. Всеобщая история в сорока книгах / Пер. с гр. Т. 1–3. – СПб.: Наука; Ювента, 1994. – Т. 1. – 496 с.; Плутарх. Сравнительные жизнеописания / Пер. с гр.: В 3-х томах. Т. 1. / Изд. подгот. С.П. Маркиш, С.И. Соболевский; Отв. ред. М.Е. Грабарь-Пассек. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 503 с.

[5] Haslam J. No Virtue Like Necessity: Realist Thought in International Relations since Machiavelli. – New Haven: Yale University Press, 2002. – 260 p.

[6] Rochau L.A. von. Grundsätze der Realpolitik angewendet auf die staatlichen Zustände Deutschlands. – Stuttgart: K. Göpel, 1853. – S. 1.

ки, музы молчат». Однако молчат не только музы: в исходном изречении, предложенном Цицероном («Речь в защиту Милона»), молчат законы – Inter arma silent leges[1]. А современная пословица гласит, что «деньги любят тишину». Поэтому военное дело, в конечном счете, покидает даже экономика. Именно война как средство достижения доминирования в международных отношениях является чистым воплощением «реальной политики». Все остальные ее вариации являются более слабыми ее версиями – подготовкой войны, ведением войны нетрадиционными средствами или просто не прямыми военными средствами (экономическая, финансовая, языковая и тому подобные) или всеми этими средствами вместе взятыми – гибридной войной. Однако рано или поздно, но всегда на поверхность выходит существо реальной политики – война. Но как было отмечено несколько выше, культура, а вместе с ней и наука, искусство, право, финансы, да и многое, многое другое плохо согласуются с классическим представлением о реальной политике как «праве сильного» по аналогии с миром дикой природы. В конечном счете, война ведется ценой потери культурных ценностей. Война, в частности, входит в существенное противоречие с ценностями демократии[2]. Все это ставит открытую дилемму: либо отказаться от свободного развития культуры – либо отказаться от ведения войны в традиционном смысле. Во всяком случае, такая ситуация требует явного пересмотра классического понимания понятия «реальная политика».

Если в древнем мире хотя бы на какое-то время агрессивные военные действия приносили не только победу, но и возможность культурного доминирования, то в современном мире агрессивный стиль ведения политики давно утратил свою эффективность. Военная агрессия дискредитирует культурные достижения агрессора. Относительно этого вопроса можно обратить внимание на довольно обширную литературу по теме постколониальных исследований, в частности на классические труды Эдварда Саида[3]. Культура и язык метрополии может, в частности, закрепляться в культуре и языке колоний в качестве суперстрата – относительно изолированного элемента, который не ассимилируется и не усваивается по своему прямому значению, но присутствует скорее в качестве чужеродного элемента, нередко в виде той или иной версии фетиша. Так было в старые добрые времена, когда глобальный мир только формировался, а европейские страны не только чувствовали себя «культуртрегерами», то есть носителями более высокой культуры, но во многом и объективно выступали в этой роли для покоренных народов. Однако времена существенно изменились: чтобы познакомиться с другой культурой, сейчас достаточно включить телевизор, а для более активного знакомства вначале достаточно войти в Интернет.

Военная агрессия в современном мире уже не может быть оправдана предыдущими более высокими культурными достижениями страны-агрессора. Передовые технологии можно просто купить или продать, а высококлассных специалистов пригласить или направить. В этом свете военная агрессия не может быть прикрыта «фиговым листочком» культурных достижений. Напротив – грубое вмешательство в дела других стран глубоко дискредитирует культуру той страны, которая позволяет себе такие действия. В самом деле, даже простое умалчивание, не-комментирование агрессивной внешней политики уже обесценивает как таковую позицию деятелей культуры страны-агрессора – что уже говорить о неуклюжих попытках оправдать, так или иначе легитимировать «право сильного» культурными аргументами. Культура страны-агрессора не только теряет лицо перед мировым сообществом, но и перед собственным народом – она получает тот надлом, который означает начало ее радикального упадка, о котором писал в свое время Арнольд Тойнби. Культура становится фальшивой, а соответственно, фальшь начинает как раковая опухоль пускать метастазы во все сферы общественной жизни страны агрессора. Не можно лгать всему миру и при этом оставаться честным перед самим собой: ложь как проказа – она не может быть локализирована, но поражает весь общественный организм.

Так какой же может быть реальная политика в современном мире? Что означает невозможность проводить реальную политику без учета требований политики «мягкой силы»? Это значит, что эффективная реальная политика сегодня возможна только на основе политики мягкой силы, а не с подручным использованием ее случайных элементов. Эксплуатация культуры и языка в военных целях приведет не к развитию, а к упадку этих культуры и языка, которые рискуют постепенно, но неотвратимо стать культурой ненависти и языком ненависти. Альтернативой является применение военной силы только в оборонительных целях – что и является официальной военной доктриной не только современных демократических государств, но и всех современных цивилизованных стран. Активная экспансия не нуждается в дополнительных средствах и искусственной стимуляции – лучшие достижения экономики и политики, науки и искусства, в целом человеческой культуры сами по себе притягивают к себе внимание и желание их перенять, купить, так или иначе приобщиться к ним.

Только для королей война является ultima ratio, последним доводом – для народов в качестве ultima ratio может выступать только развитие их культуры. Если в древнем мире это было еще не столь очевидно и проявлялось только спустя столетия, то в мире современном это становится не просто самоочевидной истиной, но и условием выживания – выживания для каждого по отдельности и для всех вместе.

---

[1] Цицерон. Речь в защиту Тита Анния Милона / Пер. с лат. // Цицерон. Речи: в 2-х тт. т. 2. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 221–252.

[2] Бойченко М. Війна за умов демократії: межі прийнятності // Великі війни, великі трансформації, 1918–2018 роки: конфлікти та мир у XX і XXI сторіччях: Матеріали IX міжнародної наук.-практ. конф. (м. Київ, 26–27 листопада 2018 р.) / Укладачі А.А. Мельниченко, П.В. Кутуєв, А.О. Хом'як. – Київ, 2018. – С. 244–247.

[3] Саид Э. Культура и империализм / Пер. с англ. А.В. Говорунова. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2012. – 736 с.; Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. – СПб.: Русский Мір, 2006. – 637 с.

Большой Евразия может быть построена только на основании культурного содружества, а не военных союзов, как и безопасным современный мир может быть благодаря защите общих ценностей, а не в результате военной диктатуры, террористических угроз или установления полицейского режима – как внутри отдельных стран, так и в международных отношениях.

Булюктов Б.М.
независимый исследователь. Юрмала
deltatehnology@narod.ru

ОСНОВЫ ТЕОРИИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА

Ключевые слова: *большая система, развитие государства, представление знаний.*

1. Введение

Проект «Дельта технология» (ДТ) – это технология развития больших систем, на основе которой можно подойти к решению проблемы глобальной оптимизации их поведения. В математике Дельта обозначает изменение, поэтому проект будем понимать как технологию проектирования изменений в окружающей среде[1].

Основное отличие предлагаемого проекта от всех существующих, заключается в наличии технологии получения информации о состоянии большой системы из всех сфер деятельности, из всех пространственных точек в реальном времен на основе концепции Электронной письменности. Модель эволюции и развития рассматривается в виде кольцевых структур самоподдержки связанных процессов, параметров и состояний объектов.

2. Человеческая логика

При анализе процессов исторического развития государств можно увидеть, что трудности глобального развития кроются в какой-то фундаментальной проблеме, которую человечество упускает из вида. Ключевым звеном является человек и от его логических способностей и возможностей во многом зависит состояние и методы развития всей среды. Тысячелетняя история дает основание сомневаться в возможности человека эффективно решить проблему развития.

Та среда, где человек логически очень комфортно чувствует себя, в Дельта технологии (ДТ) называется Субъективной сферой понимания (ССП). ССП состоит из трех разделов. Область активных знаний (ОАЗ) выполняет функции накопления знаний, – школьных, профессиональных, бытовых. ОАЗ – это знания постоянного использования, они хорошо структурированы. Однако у каждого ОАЗ своя и неповторимая.

Вторым разделом ССП является мотивационная система (МС), которая жестко связана с ОАЗ и естественно ей и определяется, поскольку у человека ничего другого нет. МС – это система желаемых изменений параметрических характеристик проблемной области, которые мы называли Дельта параметрами, МС – это его Я, его эго. Сюда включаются такие Дельта параметры, как повышение своего авторитета, уровня самоутверждения, благосостояния, Дельта параметры из профессиональной сферы, которые он считает необходимым достигать. Таким образом, если попытаться привнести в ОАЗ человека новые знания, то они будут отвергнуты, если будут угрожать структуре его МС, человек отвергает такую информацию как покушение на его Я.

Третий раздел ССП называется Индивидуальное Дельта кольцо (ИДК). Он представляет собой технологию обеспечения существования человека в материальном и духовном мире. Например, написал книгу, получил зарплату, купил колбасы, съел и опять может писать книгу. Человек долго и упорно создает свое ИДК, а потом ревностно защищает его от разрушения. Поэтому, если вы предложите кому-либо идею, которая может угрожать целостности его ИДК, то встретите яростное сопротивление. Что следует из этого? А следует то, что человеческая логика к логике не имеет никакого отношения, это всего лишь взаимодействие наших ССП.

3. Механизм эволюции и развития

Понимание, что человеческая логика не в состоянии решать задачи развития больших систем, позволило сформулировать вопрос: «Почему, несмотря на всю бессмысленность действий человека, мы до сих пор существуем?». Была выдвинута гипотеза о существовании механизма поддержки относительной стабильности функционирования сложных систем, в том числе и всей нашей жизни.

Простой наглядной иллюстрацией этого механизма является «Круговорот воды в природе»: вода в океане нагрелась – повысилась температура, увеличилось количество пара над океаном, над землей выпал дождь – увеличилось количество воды на почве, она стекала по рекам и опять попала в океан – увеличилось количество воды в океане и опять она нагревается, – так замкнулось кольцо. Эта структура представляет собой замкнутую в кольцо последова-

[1] Со структурой можно ознакомиться на сайтах http://www.deltatehnology.3nx.ru и http://viperson.ru/people/bulyuktov-boris-mihaylovich/publications

тельность процессов, когда некоторый процесс добавляет к величине значения выходящего параметра некоторое приращение, дельту, а этот выходящий параметр является входом последующего процесса, далее такую структуру будем называть Дельта кольцом, акцентируя внимание на важности приращения параметра в такой структуре. Если Дельта кольцо круговорота воды каким-то образом разорвать, то природа исчезнет. Аналогичным образом и с животными, если ДК животных разорвать, то животные исчезнут. Производство – это тоже обычное ДК, а с точки зрения экономики процессы замкнутых структур Дельта кольца его можно рассматривать как среду гарантированных инвестиций. Мы должны понять, что ДК – это не монотонная линия кольцевого вида, в ДК имеются отрицательные обратные связи для индикации поглощения ресурса в ходе реализации процесса, точки входа из других ДК и ветви связей передачи ресурсов в другие ДК.

Таким образом смысл жизни субъекта состоит в поддержке целостности его ДК. Естественно предположить, что все множества ДК тесно переплетены между собой и образуют большую и сложную структуру, которую далее будем называть Система Дельта колец (СДК). Эволюция – это просто механизм естественной реструктуризации в СДК, а развитие мы будем понимать как реструктуризацию СДК в заданном направлении.

Так функционирует механизм поддержки относительной стабильности жизни, благодаря чему человеку не удается ее разрушить, несмотря на все свои бессмысленные действия. Чтобы решить задачу развития, нам необходимо научиться описывать, наблюдать и трансформировать СДК. При разрушении одного звена разрушатся связанные звенья СДК, пока СДК ни придет в стабильное состояние на более низком уровне стабильности. Различие в существовании государств как раз и состоит в различии их СДК. Западные государства создавали свою СДК на протяжении длительного времени и использовали для этого все награбленные богатства мира. В России таких ресурсов нет, а катастрофические разрушения СДК на протяжении последних ста лет значительно ухудшили структуру ее СДК, поэтому для России актуально создание технологии эффективного проектирования СДК.

Чтобы понять проблемы проектирования развития, представим, что мы имеем текущую СДК и гипотетически сформировали структуру нового сегмента, как некоторую последовательность из пяти типов процессов, который должен соединить две точки СДК. Из тысяч существующих проектов мы будем вначале искать необходимые для сегмента проекты, а потом организовывать их в логическую последовательность. Для того, чтобы наш сегмент получил право на существование, необходимо, чтобы все его проекты были созданы одновременно, поскольку если будет предложен пятый проект, но не предложен второй, то сегмент не возникнет и не получит права на существование. При отсутствии Дельта технологии все это становится непреодолимой преградой: во-первых, вначале надо найти точки подключения сегмента в СДК, во-вторых, выбрать из тысяч проектов необходимый перечень проектов и определить состав сегмента. Это проблема гигантской сложности, что и определяет низкий уровень развития всей цивилизации. Но надо понимать, что развитие конкретного государства определяется уровнем развития его СДК – чем больше у него колец, тем больше вероятность включения в него нового сегмента.

Развитие в Дельта технологии понимается как целенаправленная реструктуризация СДК, когда либо выстраиваются новые ДК, либо разрушаются вредные ДК, либо ведется борьба с незамкнутыми сегментами в СДК. Незамкнутые в Дельта кольцо сегменты очень опасны, поскольку забирают из базового Дельта кольца ресурсы и рано или поздно его разрушат. Из списка проектов развития локальных объектов необходимо сформировать перечень проектов так, что их процессы составят структуру замкнутых колец, т.е. мы должны создать набор Дельта колец, который мы встроим в существующую СДК. Как правило, можно создать и сегмент из процессов, который может быть встроен в существующую структуру СДК. В результате вся структура СДК будет поддерживать процессы сегмента, который в свою очередь будет поддерживать исходную структуру СДК.

Поиск необходимых звеньев для сегмента осуществляется в Дельта сети в пространстве Дельта параметров, поскольку каждый проект позволяет достигнуть вполне определенных изменений параметров.

СДК это структура гигантских размеров и в настоящее время это неподвластная человеку сложность. И он, как слон в посудной лавке, может разорвать важные связи и получить очередной кризис, или вдруг у него что-то получилось, хотя в действительности он просто попал в удачную ситуацию и случайно замкнул ДК. В действительности развитие носит случайный характер, когда рвутся существующие Дельта кольца или создадутся новые, и появляется видимость развития. Практически сообщество генерирует гигантское множество задач, из которых случайным образом, приблизительно пяти процентам, удается сформировать связанную цепочку. Таким образом только пять процентов ресурсов создают жизнестойкую структуру, а остальные 95% задач, не найдя связей поддержки, разрушаются и исчезают. Именно в этом заключается низкая эффективность и устойчивость экономики, да и других компонентов жизни общества. Наша задача выйти из этого состояния бессмысленности и ступить на дорогу логического преобразования окружающей среды для сохранения и развития государства и цивилизации в целом.

4. Глобальная оптимизация

Развитие больших систем возможно только в рамках реализации механизмов глобальной оптимизации, однако в настоящее время основные усилия научной и практической деятельности направлены на решение отдельных локальных задач. В этом случае для обеспечения функционирования локального объекта резко меняются ресурсные потоки в надсистеме, слабые звенья оказываются без ресурсов и разрушаются, что приводит к разрыву многих важных связей, все это резко ухудшает качество всей надсистемы. Поэтому хотелось бы предложить вернуться к концепции глобальной оптимизации, как единственному методу развития больших систем, которым является государство. Основой глобального развития как раз и является Система дельта колец (СДК), которая реализует механизм системного подхода, как структуру Дельта колец, проходящую через проблемную область. Каждое государство в Африке, в Евро-

пе, в Азии имеет свою специфическую структуру СДК. В этом суть различия государств, народов, территорий, и для организации их развития необходимо научиться понимать эту категорию, и после этого придет понимание развития как реструктуризация СДК. Отличие западных государств и России как раз и состоит в различие их СДК. Запад шел к организации своей СДК путем длительной во времени трансформации, с расходованием большого количества ресурсов, награбленных со всего мира, поэтому для России проект Дельта технология – это возможность достигнуть эффективной СДК за разумные временные периоды, с разумной тратой ресурсов.

Естественно, что это более сложная задача, чем развитие локальных объектов, поскольку в первую очередь необходимо решить проблему получения информации о состоянии большой системы из всех сфер ее деятельности, из всех пространственных точек, в реальном времени, без искажения, узурпирования и сокрытия, а без этого развитие большой системы не возможно. Однако надо понимать, что СДК – это уже неподвластная человеку сложность, поскольку содержит тысячи связанных Дельта колец, которые опираются на еще более гигантские объемы информации описания текущего состояния проблемной области, решению этой задачи и посвящена Дельта технология.

5. Создание Электронной письменности

При построении СДК наталкиваемся на большой размер и сложность этой структуры, поскольку Дельта кольца необходимо выстраивать с самого верхнего уровня обобщения, с иерархической декомпозицией по различным классификационным признакам, до Дельта колец конкретных предприятий и конкретных субъектов. Общее количество звеньев и связей быстро превысит всякие разумные пределы, поэтому необходимо разработать концептуальные решения борьбы с размерностью и сложностью.

Поскольку Дельта кольцо включает процессы и объекты из многих сфер деятельности и в кольце нет неважных звеньев, поэтому вся структура Системы Дельта колец неизбежно должна охватить все сферы деятельности людей, государства и природы. Возникает задача создания универсальной информационной технологии, которая могла бы описывать на единой методической основе все сферы деятельности государства.

Введем понятие Электронной письменности (ЭП), которая предназначена для описания знаний экспертов об окружающей среде и может рассматриваться как следующий шаг в цепочке от клинописи, иероглифического письма и современной письменности. Синхронное развитие концепции письменности и носителей письменности от глиняных пластин, папируса и бумаги привело нас к пониманию электромагнитных носителей информации как к возможному носителю новой письменности со своими новыми свойствами. Конечно, очень трудно воспринять концепцию и технологию ЭП, это не простая вещь, однако надо помнить, что и обучение ребенка языку общения – это не одномоментный процесс, но результат все же достигается. Поэтому и обучение компьютера пониманию терминов и фраз не будет легким, но надежда есть, и в итоге мы выйдем на создание единого человеко-машинного языка представления знаний для проектирования развития, это единственный способ организовать развитие большой и сложной системы.

Основной особенностью ЭП должна быть возможность автоматической интеграции смысловых структур семантических текстов от многих авторов в единую смысловую структуру текста на стороне получателя, поскольку нам необходимо обеспечить взаимодействие миллионов экспертов с миллионами, что в рамках традиционных коммуникаций невозможно. Для простоты восприятия идеи ЭП рассмотрим пример, когда некоторые эксперты наблюдают за бабочками в разных концах мира, а информацию собирают в стандартную таблицу. В этом случае можно переслать эти таблички от миллионов экспертов некоторому эксперту, где они объединятся в одну таблицу, и этот эксперт может воспользоваться всей информацией от миллионов других специалистов для своих исследований. В этом случае получатель не будет знакомиться с информацией от каждого эксперта, но алгоритмы его задач анализа информации воспользуются всем объемом информации, это основная особенность ЭП. В реальности придется работать не с табличками, а с сетевыми структурами данных, которые будут представлены в виде семантических сетей, и нашей задачей будет найти механизм объединения сетевых структур, т.е. понять, как включить одну семантическую сеть в другую. За счет этого мы сможем осуществить коммуникацию идей миллионов экспертов с миллионами других экспертов. Объединяющим фактором информационного пространства будут мотивационные структуры в виде системы Дельта параметров – близость мотиваций, целей, Дельта параметров будет направляющей структурой для объединения информации и взаимодействия экспертов.

Основой ЭП является Фреймовый словарь понятий (ФСП), который выполняет те же функции, что и единый понятийный словарь любого естественного языка, – он у нас единый для всех, так и ФСП будет единый для всех экспертов и компьютеров Дельта сети. Фрейм представляет собой иерархическую структуру атрибутов описания понятий. На основе фрейма, по образцу и подобию, формируется описание конкретного понятия, которое назовем конкретом. Это и есть универсальный механизм представления и хранения знаний, т.е. структура фрейма может быть любой, но все идет по единой схеме, что и обеспечивает хранение любой информации. Атрибуты конкрета либо получают собственные значения, либо ссылаются на существующее значение другого атрибута из другого фрейма, например, адрес личности получим из описания населенного пункта.

Эксперты могут создавать описатели классов понятий и описания конкретных объектов, конкретов. Семантика будет отображаться на основе структуры атрибутов, набора базовых семантических отношений, присоединенных процедур и структуризации на основе морфологий состава, конструкции, процессов и еще 15 морфологий. Текущая версия языка Электронной письменности названа языком Эль.

6. Инструментальные средства для понимания проблем

Инструментальные средства для понимания проблем (ИСП) являются узлом Дельта сети и представляют собой программный комплекс, обеспечивающий накопление знаний экспертов на основе ЭП и поддерживающий обмен знаниями в Дельта сети. Создание и использование ИСП, это совсем не обидно, ведь пользуемся мы подъемным краном для поднятия тяжести, а попытка понять большие и сложные проблемы без соответствующих инструментов похожа на поднятие пятитонной бетонной плиты руками.

Дельта сеть (см. рис. 1) – это распределенная база знаний предприятий, организаций и граждан государства, содержащая информацию о состоянии государства, оценке его компонентов, описаний желательной структуры государства и проектах преобразования текущего состояния по траектории движения к желаемому состоянию. Так создается Открытое логическое информационное пространство (ОЛИП) для проектирования развития больших систем. В рамках ОЛИП формируется логическая структура проблемной области как множество согласованных, непротиворечивых информационных структур множества экспертов. В результате этого образ проблемной области строится как мозаика различных взглядов, с устранением ложных противоречивых логических структур в пространстве единой, согласованной мотивационной структуры всех экспертов. Сервисная служба обеспечивает взаимодействие экспертов в Дельта сети, поддерживает обновления Фреймового словаря понятий (ФСП) и создание среды проектирования развития государства.

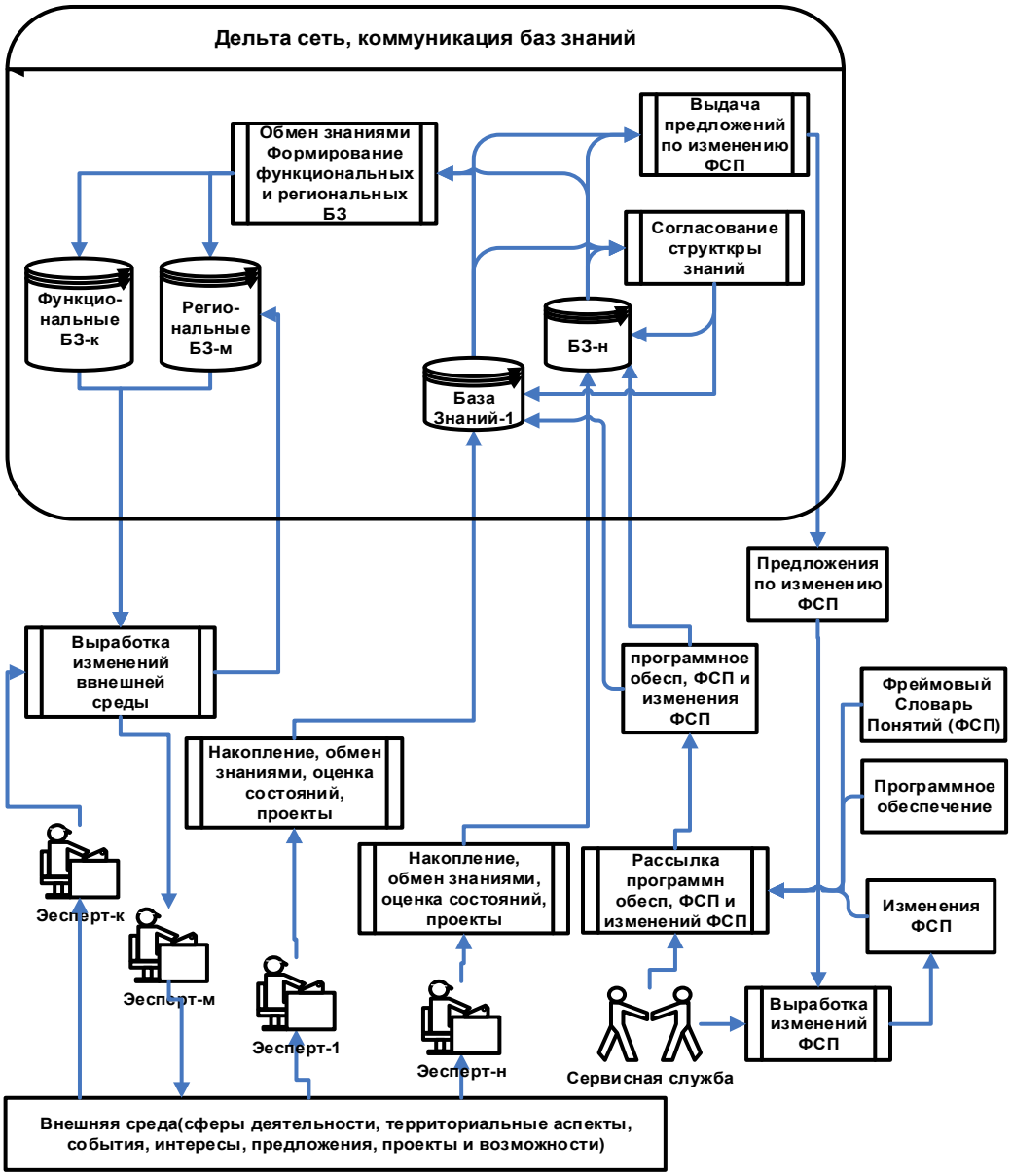


Рисунок 1.
Структура Дельта сети

7. Технология описание состояния государства

Системное описание государства основано на формализмах Электронной письменности. В результате мы будем иметь ясное и однозначное представление, что из чего состоит, как части связаны, какие процессы происходят и какими параметрами характеризуются. Каждый эксперт или организация создает в своей базе знаний описание своей предметной области и представляет свою базу знаний для общего использования в Дельта сети (см. рис. 1.). В результате в любой момент любой эксперт может получить из множества независимых узлов Дельта сети актуальную текущую информацию о процессах в государстве. Все государственные структуры управления будут иметь точное представление о текущем состоянии государства как за счет информации от госструктур, так и за счет того, что граждане, наблюдая их среду обитания, дают точное текущее ее состояние, не допуская искажения информации ни одним из участников Дельта сети (см. рис. 2.). Эта технология имеет кольцевой характер, как характеристика непрерывности этого процесса. Состояние СДК рассматривается как текущее, проектное и «что фактически получилось», это прагматически очень важно.

Первая и основная задача проектирования развития – сбор информации о текущем состоянии проблемной среды. Это надо четко понимать, поскольку если какая-либо концепция не предполагает решения данной задачи, то она может решать свою задачу только на основе «прошлогоднего снега», что позволяет усомниться в корректности такой концепции.

Созданное экспертами описание структуры и состояния компонент государства дает конструктивную основу понимания каждым гражданином как функционирует государство и дает ясное представление о точках воздействия. Это позволяет перейти к следующему этапу технологии развития, – оценке состояния проблемной области. Оценка состояния компонентов реализуется на основе указания каждым экспертом, какие параметры каких компонентов и в какую сторону необходимо изменить. На этом этапе все граждане как эксперты выступают в качестве активного преобразующего элемента развития государства. На множестве мотивационных структур субъектов в результате обобщения и агрегирования строится система мотивационных структур групп населения (МСГ), которые являются точкой опоры для оценки направления развития.

Желаемый облик – это тот облик компоненты государства, которое граждане считают наилучшим, желаемым и логически достижимым в данный период. Его структура аналогична построению описания текущего состояния на основе четырех базовых морфологий – состава, конструкции, процессов и параметров (см. рис. 2.). В отличие от описания текущего состояния, данная структура не будет такой детальной, ее задача охватить мотивационно значимые конструкции для создания проектов преобразования текущего состояния. Самое главное – любое преобразование должно удовлетворять логическим условиям существования, т.е. мы действуем и в пространстве пожеланий граждан, т.е. в пространстве мотиваций, и в пространстве логики. Такой подход можно использовать и для проектирования различных технических систем, и для формального описания предложений различных партий по развитию государства. В Интернете в настоящее время функционирует множество описаний различных проектов развития, однако они не обладают полнотой, спорны по некоторым компонентам, но многие идеи представляют интерес для обсуждения концепций функционирования государства в Дельта сети по предлагаемой технологии.

8. Технология проектирования глобального развития

Для проектирования глобального развития государства мы создали системную информационную среду, основанную на описаниях локальных точек зрения множества субъектов в виде формализованных информационных структур от предприятий, организаций, государственных органов и конкретных граждан государства. За счет автоматических механизмов анализа информации реализуется процесс слияния баз знаний, проверка на непротиворечивость и отсекания ложной информации, в результате чего и создается информационная база проектирования развития. В любой момент любые государственные органы и граждане могут получить достоверную информацию о всех процессах, происходящих в государстве.

Мотивационные структуры субъектов государства, в том числе и мотивационная структура самого государства, обобщаются в мотивационные структуры групп населения (МСГ), которые и служат основой выбора направления изменений при создании проектов трансформации компонентов государства. Проектируется идеальный облик государства, который является приемлемым с точки зрения МСГ.

Необходимо создать описание логической структуры существования государства в текущем состоянии в виде кольцевых структур самоподдержки компонентов государства, т.е. создать Систему дельта колец (СДК) текущего состояния государства.

А теперь все это необходимо привести к логически допустимой и возможной схеме трансформации СДК. Для этого из всего множества проектов выбираем такие, которые образуют цепочки связанных по ресурсам процессов и имеют возможность встроиться в существующую структуру СДК в виде сегмента так, что процессы сегмента поддерживают СДК, а СДК ресурсно поддерживает сегмент. Общее количество таких сегментов определяется ресурсной возможностью государства. Вкладывать средства в процессы, не включенные в сегменты, строго запрещается. Выделение ресурсов осуществляется последовательно посегментно.

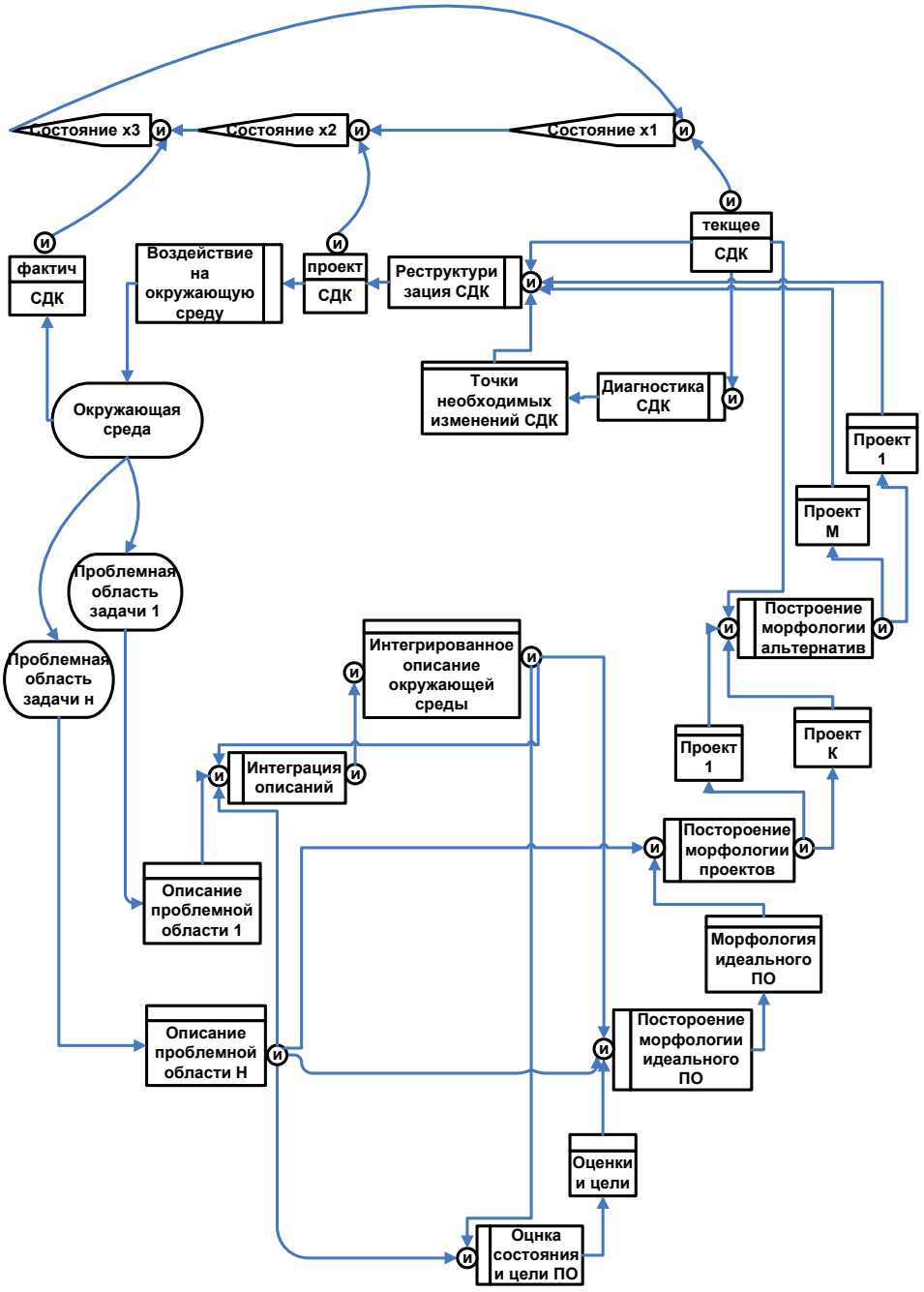


Рисунок 2.
Технология проектирования развития

Таким образом, язык Эль в Дельта сети обеспечивает формирование описания фрагментов окружающей среды на основе Фреймового словаря понятий как интегрирующей основы. Информация структурируется на основе четырех базовых морфологий: состава, конструкции, процессов и параметров, что позволяет прежде всего осуществлять семантическую структуризацию смысловых фрагментов в собственных базах знаний экспертов и облегчает обмен информацией в Дельта сети. Более значимым механизмом понимания, взаимопонимания и проектирования развития является мотивационная среда, которая представлена мотивационными структурами субъектов, мотивационными структурами групп населения, мотивационными структурами организаций, предприятий, государственных структур, а также морфологией идеального на различных уровнях общества. Понятие развития существенным образом опирается на согласованную структуру облика государства в рамках морфологии идеального.

В мотивационной среде прячутся все противоречия общества, поэтому задачей сообщества является постепенное приведение множества мотивационных структур различных групп населения к их минимальному количеству, а в конце концов, к единой мотивационной структуре граждан государства, т.е. к консолидации всего общества.

Таким образом проектирование развития базируется на трех линиях обработки информации: линии мотиваций, линии преобразования и линии стабилизации. Эти три линии тесно связаны и должны обрабатываться как единое целое при проектировании развития государства.

9. Заключение

1. Человек не в состоянии эффективно решать большие и сложные проблемы, не в состоянии взаимодействовать с миллионами людей для координации совместных действий в интересах основной массы населения, последние 100 лет яркое тому свидетельство. Электронная письменность (ЭП) предназначена для решения задачи взаимодействия миллионов с миллионами.

2. Любые государства и территориальные образования, организации и отдельные субъекты характеризуются Системой дельта колец (СДК), которая определяет специфику их жизни. Развитие есть технология трансформации СДК – построение новых колец или разрушение нежелательных.

3. Цель есть требование на изменение значения параметрической характеристики проблемной области, ничто другое целью не является.

4. Каждый участник характеризуется системой измененных в процессе его деятельности параметрических характеристик окружающей среды, т.е. структурой Дельта параметров. Ничто другое не является характеристикой деятельности субъектов.

5. Эти характеристики субъекта должны быть доступны всем другим субъектам для наблюдения, дополнения и анализа, таким образом достигается прозрачность и объективность характеристики деятельности субъектов.

6. Каждый участник на основе ЭП создает описания текущей структуры окружающей его среды. Эти частные описания интегрируются в описание текущего состояния государства, из всех сфер деятельности, из всех пространственных точек, в реальном времени, без искажения, узурпирования и сокрытия.

7. На основе ЭП создается описание технологии функционирования организаций, это позволяет сделать их взаимодействие прозрачным для субъектов в пространстве Дельта сети.

8. Оценка экспертами параметрических характеристик деятельности и состояния всех компонентов государства для понимания, что в государстве хорошо и что плохо.

9. Проектирование в рамках морфологии идеального схемы функционирования того облика отдельных компонентов государства и самого государства, который признается всеми субъектами государства как наилучший, идеальный в данных текущих условиях.

10. Создание, обсуждение и принятие к исполнению в Открытом логическом информационном пространстве проектов преобразования компонентов государства для достижения желаемого его состояния.

11. Создание структуры механизма развития государства на основе Системы Дельта колец (СДК), анализ устойчивости СДК, проектирование реструктуризации СДК – основная задача Дельта технологии.

Ваганян Г.А.
д.э.н., профессор, Ереванский филиал Российского экономического университета

ПРИНЦИП «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В КАДРОВОЙ ПОЛИТИКЕ В АРМЕНИИ (1921–2019 гг.)

***Ключевые слова**: кадровая политика, принцип "свой-чужой", управление, подбор и расстановка кадров, элита, центр, государство.*

Вместо введения

Благополучие страны, государства, общества во многом зависит от эффективности кадровой политики, от качества решения задач подбора и расстановки управленческих кадров. В Армении в период 1921–2019 гг. сложилось упрощенное понимание кадровой политики. Ее модель по настоящее время строится по принципу «свой-чужой».

Общая ситуация

После гибели царской России, пришедшая к власти в Армении революционная дашнакская партия осуществила буржуазно-демократическую революцию. К руководству независимой страны пришли новые молодые, получившие образование за рубежом, политические руководители, которые, однако, не были профессионалами в сфере управления государством. После установления советской власти кадры дашнакской партии были разгромлены, арестованы и расстреляны. Руководить страной стали малокомпетентные молодые революционеры. Их руководители переселились в республику из Грузии, Азербайджана, России, Белоруссии. Принцип формирования кадровой политики «свой-чужой» стал доминировать.

Общеизвестно, что в Закавказье соперничали армянские, грузинские и азербайджанские революционеры за доминирование в органах власти как на местах, так и в центре. Были расстреляны 26 Бакинских комиссаров во главе с С. Шаумяном. Среди комиссаров-министров, например, в Азербайджане, армяне составляли значительную часть. Многие руководители партийных, советских и хозяйственных органов районов, городов, столиц и в республиках, например, в Грузии и в Азербайджане, были армянами. Среди руководителей Армении грузин и азербайджанцев почти не было. Однако убийство С. Шаумяна, гибель А. Мясникяна и А. Ханджяна, а также других армянских лидеров, сыграли роль в формировании и развитии кадровой политики как в Армении, так и в Закавказье в целом.

Модель «свой – чужой» господствовала вплоть до 1991 г. Она управлялась Центром из Москвы (в составе политбюро и секретариата ЦК КПСС). В этот процесс были вовлечены органы безопасности, которые предоставляли соответствующие сведения партийной номенклатуре для принятия решения. После 1991 г. в Армении руководящие кадры в основном были заменены молодыми «революционерами» – педагогами, математиками, физиками, историками, филологами, доцентами, младшими и старшими научными сотрудниками, которые начали строительство новой для экономики – экономики либерального толка, экономики капиталистической. Произошла смена объекта управления (модели экономики) и соответствующей ей системы управления. В центральных органах власти, территориальных структурах, в регионах и городах к руководству пришли лица, большинство из которых не обладало навыками государственного управления. Однако руководство Армении действовало в парадигме национальных интересов.

После расстрела 27 октября 1999 г. лидеров страны в здании Парламента кадровая политика в Армении подверглась изменению. После расстрела руководства страны (кроме Президента) в кадровой политике начал доминировать принцип «свой-чужой», с доминирующим вектором кадров – выходцев из Арцаха (Нагорного Карабаха).

После бархатной революции 2018 г. принцип «свой-чужой» в Армении вновь стал доминирующим в формировании кадровой политики. Руководящие кадры, члены или сторонники бывшей правящей республиканской партии были заменены молодыми «революционерами» – педагогами, историками, филологами, артистами, журналистами, политологами, востоковедами и бизнесменами, в основном членами правящей партии.

Цена ошибок

Основной принцип кадровой политики «свой-чужой» противоречит требованию Преамбулы Конституции 1995 г., 2005 г. и 2015 г. с изменениями, особенно в контексте обеспечения общего благополучия армянского народа и гражданского согласия для будущих поколений.

В советский период Москва (Центр) на практике всегда заигрывала с местными властями и опиралась на их силу, авторитет и влияние, считая их важными рычагами управления республикой и контроля над народными массами. Колода национальных кадров тасовалась Центром всегда, и в нужный момент выбрасывались «козыри» – представители тех элит и группировок, которые могли удержать власть и продолжать политику КПСС на местах, при этом учи-

тывалась передача части распределительных функций от отраслевых хозяйств территориальным. Эту практику с некоторым видоизмененным содержанием использовало Армянское общенациональное движение, а затем Республиканская партия во главе с ее лидером – главным должностным лицом, а после бархатной революции – партия премьер-министра, который, согласно Конституции с изменениями 2015 г., не является главой государства, однако обладает его некоторыми функциями.

Армения после многих лет независимости является страной острых социальных контрастов. Ей присущи типичные пороки государств: коррумпированность госаппарата, клановость, трайбализм, непотизм и, что особенно важно, резкий разрыв между богатейшим меньшинством и беднейшим большинством населения, что противоречит основному требованию преамбулы Конституции. И хотя «земляческие» и прочие «сепаратистские» связи, конфронтации «ереванцы-карабахцы», «ширакцы-апаранцы», «ахпары-местные» публично резко критикуются, предаваясь политической анафеме, в реальной жизни они имеют политическое значение, поскольку отвечают ментальности «элит» армянского общества, ее руководящей партии, ментальности главных должностных лиц.

В республике в государственном управлении наблюдаются отношения зависимости, протежирование на основе земляческих и семейных связей, взаимной выгоды. Причем непотизм (в смысле покровительства своим людям, членам партии, находящейся у власти) для армянского общества совсем не то, что для западного. Это явление не отвергается народной моралью, а воспринимается как нечто само собой разумеющееся. В настоящее время этой практике пытается противодействовать нынешний премьер-министр, однако его усилия носят субъективный характер, а не институциональный.

Наличие принципа «свой-чужой» у родившихся в Карабахе армян обусловлено их культурой, которая свойственна месту рождения. Общеизвестно, что основы личности и ее менталитет закладываются в первые годы жизни и в дальнейшем корректируются в процессе социальной адаптации индивида к определённой среде и культуре. По данным психологов, менталитет личности, его основные личностные качества формируются по достижении человеком примерно 18 лет. На протяжении столетий карабахцы, проживая среди татар, азербайджанцев и др., укреплялись в вере, защищались от социальной тревожности и чувства политической и экономической «неполноценности».

Карабахцы, как правило, характеризуются стремлением и способностью к выживанию в любых условиях, особенно во враждебном окружении. Чем их больше критикуют и обвиняют, тем они становятся упорнее и организованнее. Они явно стараются не демонстрировать своего пренебрежительного отношения к другим. Однако иногда в словах они демонстрируют намерение поднять ценность своей личности за счет принижения личности другого.

Присущее карабахцам упорство в достижении поставленной цели вынуждает их проявлять «дерзость», «борзость», «храбрость», преданность своему лидеру или «наглость». У самих карабахцев принцип «свой-чужой» означает особую смелость и рассматривается как положительное качество, поэтому носители принципа «свой-чужой» ведут себя так, будто их не заботит возможность оказаться неправым.

Крайняя форма принципа «свой-чужой» – это когда человек может сказать заведомую ложь под клятвой, даже если от этого пострадают невинные люди (особенно проявлялась в первые годы советской власти, раскулачивания и борьбы с врагами народа, когда молодые революционеры, переехавшие в Армению из других регионов, передавали явную ложь Центру). Главные черты характера карабахца, по мнению этнопсихологов, – чувство собственного достоинства, отсутствие робости и стеснительности, особый вид гордости, побуждающий к действию, несмотря на опасность оказаться неподготовленным, неспособным или недостаточно опытным. Считают, что само существование Нагорного Карабаха во многом объясняется наличием этих черт характера.

Результаты комплексного сравнительного анализа личностных, деловых и политических качеств армянских руководителей из Нагорного Карабаха за прошедшие 100 лет показывают, что, в основном, они верой и правдой служили режиму – царскому, большевистскому (московскому), демократическому. Теперь им надоело служить чужому режиму. Они сами трансформировались в «режим». Условия враждебного окружения (внешнего и внутреннего), непризнания НКР заставляют их проявлять упорство. Именно благодаря своим, прежде всего личностным качествам, они достигли беспрецедентных успехов в жесткой, порой бескомпромиссной борьбе за политическую власть, за экономические ресурсы, за выживание. Многие из них стали известными бизнесменами не только в Армении и России, но и на Западе.

Решение главы (лидера правящей партии и одновременно главного должностного лица) или руководства (если руководит совет или другая некая группа) клана стало законом для его членов. Отличие клана от землячества в том, что клан не просто подтягивает в правительственные органы своих соплеменников/земляков, но и претендует на политическую роль, ему нужна власть в государстве и обществе, он подчиняет своей воле местное население, прибирает к себе экономические и административные рычаги влияния. Делается это, чаще всего, скрыто, незаметно, но порой прослеживается и публичность действий.

«Кланы» или «элиты» в самой Армении (Ширакская, Апаранская, Араратская, Эчмиадзинская и др.) начали интенсивно развиваться с развитием капиталистических отношений. Члены «элит» считали себя принадлежащими к каким-то группировкам, хотя их карьерное продвижение зависело от влияния земляков и соратников. Чувство землячества, однородности, сообщности очень сильно, когда выходцы одного села, города, района попадают в чуждую, конкурентную и конфликтную среду (например, в центр, в столицу Армении), именно взаимная поддержка помогает выживать, укреплять свои позиции, добиваться статуса и удерживать полномочия. Поэтому любой человек из района (марза), попавший во властные структуры центра, начинает тянуть за собой соплеменников, чтобы вместе создать «костяк» и противодействовать оппонентам и конкурентам в аппаратной борьбе. И здесь не играет особой роли профессионализм (или квалификация), главное – общность района (территории) и интересов. Чем меньше соперников в структуре, тем больше шансов стать хозяином активов.

Связи или конфликты внутри элиты, клана или между кланами непосредственно затрагивают определенный слой людей, располагающих доступом к власти, материальным ценностям, собственности. Остальная масса населения вовлекается в клановые отношения вольно или невольно по мере необходимости. Принадлежность к клану позволяет рассчитывать на продвижение по службе, получение каких-либо благ, улучшение материального положения, решение собственных проблем. Ядро клана в городе составляет группа родственников по крови и браку, одноклассников и личных друзей лидера, независимо даже от национальности, объединенных продолжительной совместной деятельностью в определенной территории. Принадлежность к элите – клану является своего рода «пожизненным наймом». Какую бы должность ни занимал человек, все понимают, что он действует исключительно в интересах элиты – клана, и все его действия рассматриваются только сквозь призму баланса отношений.

В Армении высокопоставленный чиновник, как правило, не может перейти в стан оппозиции и публично об этом объявить. Наоборот, для сохранения должности из оппозиции выходят. В основе клана (элиты) в Армении стоит чиновник (министр, прокурор, мэр, губернатор), который имеет власть, позволяющую ему распределять кадровые, природные и материально-финансовые ресурсы. Соответственно, сама природа власти, наряду с номенклатурой, как первичным его элементом, неразрывно связана с кровнородственными, местническими отношениями. По существу, режим власти в Армении представляет собой своеобразный симбиоз номенклатуры с партийными, региональными, местными элитами – кланами. Фундаментом же самих кланов (и клановости) являются личные связи, патронажные отношения.

В годы Советской власти, как было отмечено выше, Москва умела поддерживать относительный баланс интересов региональных элит. Назначая на должность представителя одного клана, она вводила в заместители представителя другого, и это было как в партийных, так и в государственных структурах. Учет велся на уровне министерств, ведомств, комитетов, профсоюзов, комсомольской организации, правоохранительных органов и т.д. Все это было направлено на то, чтобы не дать кланам «приватизировать» власть и не усилить сепаратистские тенденции, не дестабилизировать политическую ситуацию.

Особенности кадровой политики в органах советской власти Армении (1920–1991 гг.)

Из 14 председателей Верховного Совета, председателей Реввоенсовета и председателей ЦИК только один (7,14%) родился в Ереване, пятеро (35,7%) родились в Азербайджане (один в Баку, трое в городе Шуши).

Фактически, в 1920–1921 гг., 1922–1925 гг., 1925–1928 гг. главные ключевые должности в Армении занимали революционеры-армяне, родившиеся в Баку и Нагорном Карабахе. Они осуществили уничтожение дашнакских кадров, хозяйственников старой школы, раскулачивали, насаждали насильственно коллективизацию, занимались доносительством в Центр. То есть эти кадры были ставленниками Москвы, которая в формировании кадровой политики в республике действовала по принципу «свой-чужой».

Даже в науке, столь удаленной от политики «свой-чужой», некоторые товарищи умудрялись в 1960–1963 гг. в должности академика секретаря Отделения общественных наук, а в 1963–1965 гг. и.о. вице-президента Академии наук активно использовать принцип «свой-чужой» в подготовке и расстановке научных и научно-педагогических кадров. В итоге по данным за 2014 г. из 53 академиков НАН родились в Ереване 22 (41,5%), в марзах – 16 (30.2%), в Нагорном Карабахе 7 (13,2%), в РФ – 3, в Грузии – 3 и в Ширакском марзе – 5 (9,4%). Подобная картина наблюдается также среди членов-корреспондентов НАН. Например, из 58 членов-корреспондентов в Ереване родились 23 (39,7%), в Ширакском марзе – 6 (10,3%), в Грузии – 3, в РФ – 1, в марзах – 24 (41,4%), в Азербайджане – 5 (8,62%), из них два – в Нагорном Карабахе. То есть из 111 академиков и членов-корреспондентов почти каждый десятый родился в Азербайджане или Нагорном Карабахе.

Особенности кадровой политики в коммунистической партии Армении (1920–1991 гг.)

Из 16 первых секретарей ЦК КП Армении четверо (25%) родились в Грузии, трое (18,8%) – в турецкой Армении, двое (12,5%) – в Азербайджане, двое (12,5%) – в Армении (в Ереване) и один – в Нор-Нахичеване (РФ). Фактически во главе компартии Армении в 1922–1927 гг., а также в 1936–1937 гг. стояли лидеры, родившиеся в Азербайджане, в Шуши и в Гяндже (Кировабад). В 1920–1921 гг., 1922–1925 гг., 1925–1928 гг. председателями Верховного Совета, Реввоенсовета и ЦИК Армении были лица, родившиеся в Баку, Гяндже и Нагорном Карабахе. В указанный период времени Армения была в руках карабахско-бакинской «элиты», созданной по принципу «свои» Москвой. При этом при странных обстоятельствах погибают «чужие» – С. Шаумян, Камо Тер-Петросян, А. Мясникян, А. Ханджян и другие.

Премьер-министры Советской Армении (1920–1991 гг.)

Из 13 премьер-министров в Ереване родился один, в Нор-Нахиджеване (РФ) – двое (15,4%), в марзах Армении – пятеро (28,5%), в Персии – один, в Азербайджане – трое (23%), из них в Шуши – двое. В 1925–1928 гг., 1928–1935 гг., 1937–1943 гг. руководителями органа исполнительной власти были армяне, родившиеся в Азербайджане, в Шуше. Таким образом, в реализации кадровой политики в Армении господствовал принцип «свой-чужой».

Премьер-министры независимой Армении (1991–2014 гг.)

Из 13 премьер-министров независимой Армении в Ереване родились четверо (30,7%). Доля населения столицы составляла 35,1% от ее численности в республике. Результаты сравнительного анализа показали, что из 484 государственных чиновников Армении доля родившихся в Ереване – 45,5%, в Азербайджане – 6,16%, в Нагорном Карабахе – 2,06%. При этом среди руководителей высшего звена не было ни одного русского, украинца, езида, курда или еврея. В то же время индицируется рост местнических, элитных корпоративов и групп. Например, в Араратском марзе родились трое премьер-министров, в Степанакерте (Нагорном Карабахе) и в Ширакском марзе (Гюмри) – по двое. С обретением независимости, с установлением капиталистических отношений, с перераспределением собственности и ресурсов основной принцип формирования кадровой политики почти не изменился.

Депутаты Национального собрания

Из 131 депутатов парламента 58 (44,3%) – ереванцы, 13 (9,92%) родились за пределами Армении, в Грузии – 9, РФ – 1, в Азербайджане – 4, в Нагорном Карабахе – 2. В Эчмиадзине родились 6 депутатов, в Ванадзоре – 5, в Гюмри – 3.

Министры

Из 18 министров в Ереване родились 10 (55,5%), в Азербайджане – двое, из них в Нагорном Карабахе – один. Из 81 министров и их заместителей в Ереване родились 36 (44,4%), в Грузии – трое, в Азербайджане – пятеро, в Нагорном Карабахе – трое.

Из 8 руководителей министерства финансов в Ереване родились двое. Из 6 руководителей министерства энергетики в Ереване родились двое (в Грузии – двое, в Азербайджане – один). Из 5 руководителей Минздрава только один родился в Ереване. Из 6 руководителей Минсельхоза только один родился в Ереване, в Азербайджане – 2 (один из Нагорного Карабаха). Из 6 руководителей Минэкономики родились в Ереване пятеро, а из 5 руководителей министерства иностранных дел родились в Ереване – 4.

Судьи и члены Конституционного суда

Из 9 членов Конституционного суда – один родился в Ереване, в Азербайджане – трое (в Нагорном Карабахе – двое). Из 18 бывших членов суда трое по рождению из Ширакского марза, пятеро – из Еревана, шестеро из Азербайджана (из Нагорного Карабаха – четверо). Таким образом, Азербайджан и НКАО были кузницей не только высококвалифицированных кадров науки (академиков и членов-корреспондентов), военных кадров (генералов), членов Конституционного суда, но и многих руководителей органов государственной власти. Но при этом кадровая политика в Конституционном суде в целом не коррелируется с кадровой политикой в других органах судебной власти Армении.

Из 138 судей судов первой инстанции родом из Еревана 61 (44,2%), Ширака – 20, Армавира – 8, Лори – 7, Грузии – 7. В Апелляционном суде Армении из 35 судей родились в Ереване 21 (60%), в Грузии – 1, в Азербайджане – 1. В то же время в Кассационном суде из 16 судей родились в Ереване 9 (56,3%), в Азербайджане – 2 (один из Нагорного Карабаха), в Ширакском марзе – 2, в Лори – 2.

Дипломаты и Ереванская мэрия

Из 42 послов в марзах родились 8 (19%), в Грузии – двое, в Азербайджане – двое (один в Нагорном Карабахе), в РФ – один, в Ереване – 17 (40,5%).

Из 27 руководителей мэрии 15 (55.5%) ереванцы, 7 – из регионов.

Высшие должностные лица силовых структур

Из 4 генералов-руководителей министерства 1 родился в Армении (в Ереване), в Нагорном Карабахе – 2, в Казахстане – 1. Из 7 руководителей трех органов власти и силовых структур (Министерства обороны, Службы безопасности, Прокуратуры и Полиции) в марзах родились 3, в Ереване – 2 и в Нагорном Карабахе – 2. Все президенты Армении родились не в Армении. Четвертый президент родился в Армении, имел гражданство Англии, дважды принимал армянское гражданство. Из 70 членов РПА – депутатов Национального собрания (до декабря 2018 г.) родились в Ереване – 33, в марзах – 29, в Грузии – 4, в Азербайджане – 3 (в Нагорном Карабахе – 1). Из 36 членов «БА» – второй по численности партии родились в Ереване 14 депутатов, в Котайском марзе – 7.

Рекомендации

В условиях вхождения небольшой по численности населения республики в Евразийский или Европейские союзы, при свободном перемещении рабочей силы и кадров становится актуальным решение проблемы повышения «иммунитета» при формирования кадровой политики, создание методов и технологий защиты национальных интересов путем подготовки, оценки и расстановки управленческих кадров, осуществления кадровой политики, защищённой от принципа «свой-чужой».

1. В Конституции необходимо включить фильтры, формирующие механизм защиты от нежелательного внешнего проникновения в руководство органов власти «чужих своих». Руководители трех ветвей власти должны быть гражданами Армении по рождению.

2. Запретить правовыми и административными нормами формирование и реализацию кадровой политики по принципу «свой-чужой» в органах государственной власти. *(«Единственный источник права – общее сознание всего народа, общий дух его». Фердинанд Лассаль).*

3. Запретить необоснованную ротацию кадров.

4. Все высшие руководители должны иметь профессиональное образование, периодически проходить курсы повышения квалификации в ведущих образовательных центрах республики и за рубежом. Они должны обладать способностью переключаться в своей деятельности в зависимости от необходимости на функции производственника-творческого, управленца-администратора и управленца творческого. А иногда и сочетать все эти способности в решении конкретных задач, в одном деле. *(«Управление – это и наука, и искусство»).*

6. Ни один руководитель органа власти не должен (даже с перерывами) занимать одну и ту же должность в течение более чем 10 лет («*Искусство управления состоит в том, чтобы не позволять людям состариться в своей должности». Наполеон I Бонапарт*).

7. Деятельность руководителей, должностных лиц, а также критерии их оценки должны быть транспарентны.

8. Ни одно должностное лицо не может быть освобождено от должности или назначено без обоснования вышестоящего органа (должностного лица), доступного для общества. Руководители обязаны ежегодно представлять обществу отчеты о своей деятельности.

9. Все высшие должностные лица должны подписать контракты (договора), где должны быть указаны конкретные функции и обязанности, меры ответственности за свои действия или бездействия, планируемые показатели, которые должны быть достигнуты в период его деятельности.

10. Правительство (премьер-министр), президент, председатель парламента должны организовывать свою работу на основе соответствующих конституционных законов. Страной должны управлять лучшие и достойные, профессиональные, компетентные. Управлению страной нужно специально обучать, систематически и непрерывно.

11. Кадровая политика государства должна осуществляться непрерывно, только в интересах национального развития и вне зависимости от политических взглядов и места рождения. У государства должна быть только одна главная политика – это политика кадровая, так как все остальное – управление страной и ее успех, зависят от качества национальной управляющей элиты.

Список литературы

1. Ваганян Г.А. Моделирование в кадровой политике // Тезисы докладов I Всесоюзной конференции «Информатика и ВТ в партийной работе и в обучении» / Академия общественных наук при ЦК КПСС. – М., 1988.
2. Ваганян Г.А. Анализ динамики возрастной структуры партийных руководителей // Тезисы докладов I Всесоюзной конференции «Информатика и ВТ в партийной работе и в обучении» / Академия общественных наук при ЦК КПСС. – М., 1988.
3. Ваганян Г.А. Концепция моделирования технологии подготовки и оценки кадров управления // Звартноц. 1991. – № 5.
4. Ваганян Г.А. Центр оценки, выбора и консалтинга // Закон и власть. – Ереван, 1997. – № 12–13.
5. Ваганян Г., Ваганян О. Виртуальные технологии менеджмента (системотехника электронного управления): монография. – Ереван: Нжар, 2005.
6. Ваганян Г.А. Ситуационные центры – инструменты менеджмента конституционной и интеллектуальной безопасности // Научно-практическая конференция «Ситуационные центры: модели, технологии, опыт практической реализации» / Российская академия государственной службы при Президенте РФ. – М., 2006.
7. Ваганян Г.А. Концепция интерактивного менеджмента интеллектуального капитала в ситуационном центре электронного правительства // Научно-практическая конференция «Ситуационные центры и перспективные информационно-аналитические средства поддержки принятия решений» / Российская академия государственной службы при Президенте РФ. 25–27 апреля 2007. – М., 2007.
8. Ваганян Г.А. Снижение качества государственного управления – угроза национальной безопасности. (На примере Армении) // Государственная служба / Российская Академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. – М., 2007. – № 4 (48), июль-август.
9. Ваганян Г.А. Коррупция: анализ общего обзора и ее перспективы // Материалы Всероссийской научной конференции «Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России». Москва, 6 июня 2007 г. / Отделение общественных наук РАН, Академия экономической безопасности МВД РФ, Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования ООН РАН, Государственная Дума РФ.
10. Ваганян Г.А. Демократизация электронного управления (оценка деятельности руководителей и органов государственной власти в Армении). – Ереван: АркаЛер, 2008.
11. Ваганян Г.А. Незнание и бюрократизм – угроза национальной безопасности Армении, ее устойчивому и конкурентоспособному развитию. – Ереван: АркаЛер, 2009.
12. Ваганян Г., Ваганян О. Стратегия когнитивного управления государством или как превратить способности в компетентности // Научно-практическая конференция «Ситуационные центры – 2011» (ситуационные центры и «электронное правительство») / Российская академия государственной службы при Президенте РФ. Апрель 2011, Москва.
13. Ваганян Г. Кадровая политика в Армении – блеск или нищета? – Ереван: АркаЛер, 2012.
14. Ваганян Г.А. Конституционный менеджмент (методология, принципы, технологии): монография. LAP Lambert Academic Publishing, 2017.
15. Ваганян Г.А. Благосостояние Армении зависит от соотношения коэффициента умственного развития руководителей в сфере управления экономикой к коэффициенту умственного развития населения // Международная конференция «Современные проблемы управления»; Публичное управление / Академия государственного управления Республики Армения. – Ереван, 2017. – № 3–4.

16. Ваганян Г.А. Виртуальный конституционный контроль и мониторинг (системотехника конституционализма) // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2018. – Вып. 1, ч. 1.
17. Ваганян Г.А. Наука Армении и России без науки управления // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2019. – Вып. 2, ч. 1.

Вартумян А.А.[1]

УГРОЗЫ И ОПАСНОСТИ ДЛЯ РОССИИ И ЕЕ ЮЖНЫХ РЕГИОНОВ СО СТОРОНЫ ЭКСТРЕМИЧЕСКИХ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ГРУПП И ОРГАНИЗАЦИЙ СЕТЕВОГО ТИПА

Ключевые слова: *терроризм, организации сетевого типа, экстремизм народов, «подполье», профилактика насильственного экстремизма, радикализация, «бархатные не силовые меры».*

События на Большом Кавказе вызывают интерес у российских и европейских политологов. Регион остается «островом» нестабильности и перманентно возникающих конфликтов. На фоне установившегося затишья со стороны экстремистских и террористических групп продолжают исходить угрозы, дестабилизирующие ситуацию, и отдельные проявления насильственных действий.

Динамика конфликта определялась набором общих для региона факторов, а также местной спецификой, зависящей от конкретных проблем, подпитывающих насилие в каждой республике и доминирующих в ней методов борьбы с вооруженным подпольем. Годами крайне живучее подполье подпитывалось радикальными идеологиями и некоторой материальной поддержкой из-за рубежа, но в первую очередь – внутренними причинами: памятью о двух кровопролитных войнах в Чечне, жесткими практиками контртеррора, неразрешенными внутриконфессиональными и межэтническими конфликтами, политическими репрессиями, низким качеством государственного управления и отсутствием демократических процедур. Недавний массовый отток российских джихадистов в Сирию и Ирак (преимущественно выходцев с Северного Кавказа) можно трактовать как новую фазу этого неразрешенного затяжного конфликта.

По данным МВД, в марте 2016 года на стороне ИГИЛ воевали 3417 российских граждан[2]; еще сотни воевали в составе группировок, не входящих в ИГИЛ. Таким образом, российские граждане составляли один из самых многочисленных контингентов иностранных боевиков в Сирии и Ираке. В августе 2018 года Министерство обороны РФ сообщило, что в ходе его операций в Сирии было ликвидировано 4500 боевиков из России и стран СНГ[3].

В результате внутреннего кризиса и силового разгрома северокавказского вооруженного подполья, массового оттока радикалов на Ближний Восток и последующего освобождения территорий ИГИЛ в Сирии и Ираке ситуация с безопасностью на Северном Кавказе значительно улучшилась. В 2017 году жертвами вооруженного конфликта стали 175 человек (134 убиты, 41 ранен), а в 2018 году в результате вооруженного конфликта, по предварительным подсчетам, пострадали 110 человек (83 убиты, 27 ранены). Это заметное улучшение по сравнению с предыдущими годами; для сравнения: в 2011 году насчитывалось` 1378 жертв конфликта (750 убитых и 628 раненых)[4].

В этом контексте и федеральные, и региональные власти уделяют большое внимание усилению профилактики насильственного экстремизма. Однако правоохранительные органы по-прежнему выполняют свои контролирующие и репрессивные функции жесткими силовыми методами. Вместе с тем в последние годы российские власти внедряют программы по противодействию терроризму и экстремизму, обычно представляющие собой несиловые меры, и готовы их использовать в дополнение к традиционным подходам к борьбе с терроризмом. На федеральном, региональном и местном уровне к профилактической работе привлекаются различные заинтересованные стороны и факторы.

На федеральном уровне разработана сложная бюрократизированная система идеологической профилактики, в которую вовлечены разные учреждения и уровни государственного управления. На уровне страны работу по противодействию терроризму координирует Национальный антитеррористический комитет (НАК) во главе с директором ФСБ и реализует ее через региональные антитеррористические комиссии (АТК), возглавляемые руководителями регионов[5].

Для обозначения деятельности по предотвращению радикализации в России обычно используется термин «профилактика». Профилактика предполагает меры, призванные предотвратить насильственную радикализацию среди молодежи и других уязвимых групп и слоев населения за счет выработки и укрепления нетерпимости к идеологии

---

[1] Вартумян Арушан Арушанович – д.полит.н., профессор, заместитель директора по научной работе и инновационной деятельности Института сервиса, туризма и дизайна – филиала Северо-Кавказского федерального университета, г. Пятигорск. E-mail: pragpu@mail.ru

[2] Россияне против россиян в Сирии // Медуза. 2016. – 22 марта.

[3] Военная операция ВС РФ в Сирийской Арабской Республике — итоги в цифрах (видео) // YouTube. 2018. – 22 августа.

[4] В ходе вооруженного конфликта на Северном Кавказе в 2011 году погибли и были ранены 1378 человек // Кавказский узел. 2012. – 12 января; В 2017 году число жертв конфликта на Северном Кавказе снизилось на 39% // Кавказский узел. 2018. – 14 марта.

[5] В АТК входят представители правоохранительных органов, министерств (просвещения и науки, культуры и др.) и республиканских комитетов (по молодежной политике, по делам религии). Они разрабатывают и реализуют политику и планы по борьбе с терроризмом в конкретном регионе.

терроризма и экстремизма. Другой термин, который часто употребляется в соответствующих программах, — «противодействие» вышеупомянутым идеологиям. В международной практике оба эти термина обычно обозначаются понятием «противодействие насильственному экстремизму» (ПНЭ).

С идеологической точки зрения северокавказское вооруженное подполье пережило три этапа трансформации. Оно зародилось как массовое движение в Чечне в конце 1980-х годов в ответ на политику гласности и перестройки. Когда российские войска вошли в Чечню 11 декабря 1994 года, часть этого движения взяла в руки оружие и превратилась в светское националистическое сепаратистское вооруженное сопротивление. К концу победоносной для чеченских сепаратистов первой войны (1994–1996 годы) чеченское национальное движение заметно исламизировалось, что укладывалось в общую региональную тенденцию к исламизации и происходило под влиянием нескольких десятков иностранных боевиков, приехавших в регион, чтобы распространять свою идеологию, передавать боевой опыт и финансировать «джихад».

В период между войнами (1996–1999 годы) многие чеченские боевые отряды не демобилизовались, а включились во внутриполитическую борьбу, занялись теневой экономикой и криминальной деятельностью. Государственные институты де-факто независимой республики постепенно разваливались. Между тем некоторые боевые группировки все настойчивее требовали установить шариат. Пожалуй, наиболее известный в то время иностранный боевик из Саудовской Аравии Хаттаб вместе с чеченским полевым командиром Шамилем Басаевым организовали тренировочные лагеря в Сержень-Юрте, где тысячи человек прошли идеологическую обработку, а сотни молодых людей из Чечни и прилегающих северокавказских республик получили базовые боевые навыки. Пройдя обучение, эти люди разъехались по своим республикам, а часть из них затем сформировала ядро местных вооруженных группировок, стремившихся поддержать «чеченских братьев» в их борьбе с Россией.

Вторая чеченская кампания началась с вторжения боевиков Шамиля Басаева в Дагестан в августе-сентябре 1999 года. Эта война была гораздо более жестокой, чем первая. Радикальное крыло чеченских боевиков активно совершало террористические акты[1], а российские федеральные войска бомбили чеченские города и села, в том числе больницы, рынки и школы, похищали людей, широко применяли пытки в незаконных местах содержания и совершали внесудебные казни[2].

К 2002 году федеральные войска установили контроль над большей частью территории Чечни. В 2003 году был запущен политический процесс, который включил в себя референдум по конституции Чеченской Республики и выборы – скорее назначение – пророссийских кандидатов в различные чеченские органы власти, в том числе в администрацию республики под руководством Ахмата Кадырова[3]. Все эти мероприятия проходили в атмосфере продолжающегося вооруженного конфликта, запугивания и страха. Ахмат Кадыров был убит в мае 2004 года. Вскоре его пост занял его 30-летний сын Рамзан, который при поддержке Кремля превратил Чечню в государство внутри российского государства – анклав с сильным культом личности лидера, где российские законы и конституция действуют в очень ограниченном объеме[4].

В 2002 году конфликт постепенно начал расползаться за границы Чечни из-за большого количества внутренне перемещенных лиц (ВПЛ) и как реакция на жесткие действия силовых структур в регионе. Внимание вооруженного подполья постепенно переключилось с локальной борьбы в Чечне на Северный Кавказ в целом. В июне 2004 боевики совершили рейд на Ингушетию, и в течение нескольких часов фактически контролировали три ее города. В октябре 2005 года часть салафитской общины Кабардино-Балкарии взялась за оружие и напала на столицу республики Нальчик[5]. В 2006–2007 годах Ингушетия была охвачена полномасштабной партизанской войной. В 2007 году чеченское подполье официально трансформировалось в региональный джихадистский проект «Имарат Кавказ». ИК пытался апеллировать ко всем северокавказским мусульманам и ставил своей целью изгнать Россию с Кавказа и создать в регионе собственное государство, живущее по законам шариата. Имарат Кавказ состоял из пяти вилайятов (провинций) в соответствии с региональным и национально-административным делением, у каждого из которых был свой командир – военный эмир[6]. А к 2009 году центром вооруженного конфликта стал Дагестан, превратившийся также в главного поставщика террористов-смертников в Россию[7].

---

[1] Террористические акты, совершенные террористами-смертниками на территории РФ // Кавказский узел. 2018. – 22 августа.

[2] «Точечные удары»: Неизбирательное применение силы федеральными войсками. Сентябрь – октябрь 1999 г. / Правозащитный центр «Мемориал». 1999. – 3 января г.; Конфликт в Чеченской Республике – последние события»: резолюция 1240 Парламентской ассамблеи Совета Европы. 2001. – 25 января; Эмма Gilligan E. Terror in Chechnya: Russia and the Tragedy of Civilians in War. 2009. – https://www.researchgate.net/publication/290603396_Terror_in_Chechnya_Russia_and_the_tragedy_of_civilians_in_war Доклады Хьюман Райтс Вотч можно найти по ссылке https://www.hrw.org/tag/chechnya. См. также http://kniga.seluk.ru/k-yuridicheskie/1198131-1-doklad-pitki-chechne-stabilizaciya-koshmara-vvedenie-storoni-konflikta-otvetstvennie-narusheniya-prav-cheloveka-ne.php

[3] См. совместную публикацию Правозащитного центра «Мемориал», центра «Демос», Международной федерации прав человека, Международной Хельсинкской федерация и Норвежского Хельсинкского комитета «В атмосфере страха. “Политический процесс” и парламентские выборы в Чеченской Республике». 2006. – январь. – https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/85561/

[4] Rebels kill Chechen president in bomb attack on stadium // The Telegraph. 2004. – 10 May. См. также доклад Международной кризисной группы «Чечня: внутреннее зарубежье» (30 июня 2015 г.).

[5] Нападение на Нальчик 13–14 октября 2005 года // Кавказский узел. 2017. – 13 октября; Dozens die as Russian city raided // Би-би-си. 2005. – 13 октября.

[6] Вилайят Нохчийчо (Чечня), вилайят Дагестан, вилайят Галгайче (Ингушетия и Северная Осетия), объединенный вилайят Кабарды, Балкарии и Карачая (Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкессия) и вилайят Ногайская степь (Ставропольский край).

[7] ANALYSIS-Russia's Dagestan now most violent in Caucasus // Reuters. 2010. – 29 June; Ingushetia Insurgency Adds to Russia's North Caucasus Instability // World Politics Review. 2008 – 18 November.

Несмотря на то что ИК пытался воспроизвести некую государственную структуру, его сторонники всегда считали его сугубо партизанской организацией, не способной к настоящему государственному строительству. Учитывая асимметричность конфликта, не оставалось никаких сомнений, что российские силовые структуры сделают успешный сепаратистский проект на Северном Кавказе невозможным. Поэтому члены ИК относились к своей борьбе как к суицидальному проекту. Безнадежное положение ИК и его узкий региональный фокус помешали его сторонникам заручиться поддержкой радикальных мусульман за пределами Северного Кавказа, в чем ИГИЛ, наоборот, преуспело. Возможно, это и стало главной причиной, почему ИК в итоге проиграл идеологическую войну ИГИЛ уже на раннем этапе возникновения последнего.

Третий этап трансформации движения из регионального в глобальное наметился в июне 2015 года. Процесс шел постепенно и занял почти год с тех пор, как в ноябре 2014 года лидер местной группировки ИК в северном Дагестане Сулейман Зайнулабидов первым принес клятву верности (байят) ИГИЛ[1]. ИК пришлось реагировать на глобальный призыв ИГИЛ, и он чувствовал необходимость создать иллюзию сильной международной поддержки, поэтому стал подчеркивать свои прежде слабые связи с «Аль-Каидой»[2]. Однако ИГИЛ «переиграло» и ИК, и Аль-Каиду, так что в июне 2015 года, когда большинство региональных боевых группировок ИК присягнуло лидеру ИГИЛ аль-Багдади, Имарат потерпел окончательное идеологическое поражение. ИГИЛ провозгласило создание своей «провинции» – вилайята Кавказ и объявило дагестанского боевика Рустама Асильдерова его эмиром. Асильдеров, однако, никогда не стремился, да и был не способен создать новую повстанческую структуру. Он был убит в результате операции силовых структур в 2016 году и официально так и не был никем заменен.

После ребрендинга региональное подполье продолжало слабеть. Многие опытные полевые командиры и идеологи были убиты. Такой упадок был во многом связан с сокращением базы для вербовки из-за массового оттока северокавказских радикалов в Сирию и Ирак. Силовые структуры способствовали этому оттоку: на протяжении месяцев, предшествовавших зимней Олимпиаде-2014 в Сочи, они вели масштабные репрессии в отношении мирных салафитских общин, закрывая при этом глаза на массовый отъезд радикалов в Сирию и Ирак[3].

В соответствии с подходами, описанными в программных документах, все меры по ПНЭ на Северном Кавказе можно грубо разделить на идеологическую работу (с населением в целом) и репрессивно-надзорную работу (с так называемыми группами риска). Методы работы с населением включают в себя массовую информационно-просветительскую деятельность, которая ведется в формате личных встреч, лекций сотрудников правоохранительных органов, педагогов, религиозных лидеров, провластно настроенных гражданских активистов, а также через местную прессу, Интернет, листовки и брошюры. На эту тему снимаются документальные фильмы и видеоролики.

В дополнение к массовому охвату более точечная работа проводится с подростками из группы риска, особенно из социально неблагополучных, неполных и дисфункциональных семей, а также из семей бывших боевиков, отбывших сроки наказания, или действующих либо погибших боевиков (их вдовы и дети считаются особенно уязвимыми). Целенаправленная работа также ведется с гражданами, которых правоохранители считают симпатизирующими экстремистской идеологии, и с людьми, получившими религиозное образование на Ближнем Востоке. В некоторых муниципальных образованиях берут на заметку всех молодых людей, которые отсутствуют по месту постоянной прописки более 30 дней.

Научная литература о радикализации не выработала четких концептуальных рамок, а сам термин «радикализация» в контексте вступления в вооруженные группировки вызывает бурные споры среди ученых из-за своей неточности и расплывчатости. Многие эксперты считают, что радикализация как таковая – не обязательно насильственное, криминальное и даже нежелательное явление. Двигателем прогрессивных социальных изменений в истории нередко были радикалы, стоящие на самых разных идеологических позициях. Более того, большинство людей с радикальными взглядами в реальности не прибегают к насилию. Принимая во внимания эти соображения, мы, тем не менее, в настоящем докладе мы будем пользоваться термином «радикализация» за неимением лучшего. Мы рассматриваем радикализацию как комплексный нелинейный процесс эволюции сознания, а в некоторых случаях и изменения поведения, когда насилие начинает восприниматься как приемлемое и легитимное средство для достижения изменений в обществе[4].

Радикализация происходит как в процветающих демократических обществах, так и в раздираемых конфликтами бедных странах. Как показывают исследования, в государствах, не способных создать инклюзивную, эффективную и справедливую систему власти, количество завербованных выше. Радикализация часто предшествует исламизации: радикальная исламистская идеология предлагает выход уже обозленным молодым людям, которые хотят реализовать свои амбиции или повысить свой статус[5].

Существование северокавказского подполья в его разных проявлениях многие годы поддерживается многочисленными социальными, политическими и экономическими проблемами региона. Вербовщики легко манипулируют этими проблемами и преподносят их в терминах несправедливости, подчинения и унижения. Привлекательность джи-

---

[1] Выходцы с Кавказа в рядах ИГИЛ // Кавказский узел. 2018. – 21 мая.

[2] Аль-Каида – по решению суда признана террористической, ее деятельность на территории России запрещена.

[3] Джихад на экспорт? Северокавказское подполье и Сирия / Международная кризисная группа. 2016. – 16 марта; How Russia allowed homegrown radicals to go and fight in Syria // Рейтер. 2016. – 13 мая.

[4] О понятии радикализации см.: Sedgwik M. The Concept of Radicalization as a Source of Confusion // Journal of Terrorism and Political Violence. 2010; Neumann P. How Rigorous is Radicalization Research? // Journal of Democracy and Security. 2013; Bouchard M. Social Networks, Terrorism and Counter-Terrorism. 2016; Clutterbuck L. Deradicalisation programs and Counter-Terrorism: a Perspective on the Challenges and Benefits / Middle East Institute.

[5] Roy O. Jihad and Death: The Global Appeal of Islamic State. 2017.

хадизма возрастает на фоне несоблюдения принципа верховенства права, неподотчётности властей, неразрешенных межэтнических конфликтов, неудовлетворительного государственного управления, повсеместной коррупции, экономического отставания и нехватки социальных лифтов для молодежи[1].

На Северном Кавказе больше, чем где-либо еще в России, ощущается острый дефицит демократических процедур и подотчетности власти. На протяжении многих лет, за редкими исключениями на уровне сельских администраций, здесь не было свободных, честных, конкурентных выборов. Некогда беспрецедентный уровень региональной автономии в конце 1990-х годов постепенно был ограничен вплоть до введения в 2017 году в Дагестане фактического прямого внешнего управления[2].

Отчуждение между населением и республиканскими элитами, которые отвечают не перед своим избирателем, а перед федеральным центром, достигло небывалого уровня в большинстве республик. Такая неподотчетность привела к беспрецедентной коррупции и «захвату» государственных институтов неформальными сетями и кланами, которые действуют в своих интересах и блокируют меритократическую социальную мобильность.

Отсутствие демократической легитимности и подотчетности элит в сочетании с низким качеством государственного управления порождает глубокое недоверие к государственным институтам. В результате люди самоорганизуются для решения повседневных проблем. По данным наших источников, в некоторых дагестанских селах уборкой мусора, проведением газа и электричества занимаются выборные местные советы (исламские диваны), а не администрации муниципальных образований. Как нам сообщили, в одном таком селе жители в складчину купили подержанную пожарную машину, чтобы уберечь себя от возможных пожаров.

Политические репрессии в отношении светской оппозиции, правозащитников и активистов на Северном Кавказе приводят к тому, что радикальные исламисты остаются фактически единственными последовательными критиками режима. Пространство для светского общества неуклонно сокращается: молодежь интересуется религией, а в таких местах как Чечня ислам оказывает настолько всепроникающее влияние на общественную жизнь, что светский характер оказался государства почти полностью размыт. Суфийский ислам повсюду: на телевидении, в социальных сетях, на работе, в вузах и школах.

За последние несколько лет деятельность по профилактике радикализации молодежи на Северном Кавказе приобрела массовый характер. Можно выделить несколько очевидных достижений.

1. Благодаря масштабной профилактической работе молодежь хорошо усвоила, что государство и общество резко осуждают экстремизм и терроризм; что террористические преступления влекут за собой строгое наказание; что экстремистская идеология неприемлема, и у нее нет никакого политического будущего.

2. За последние несколько лет сообщество людей и проправительственных организаций, занимающихся профилактической работой в регионе, расширилось и расцвело при серьезной государственной финансовой поддержке. В эту работу включается и независимое гражданское общество. «Когда мы начинали пять лет назад, вся эта тема была епархией силовиков. За первый год [работы] к нам с проверками кто только не пришел [прокуратура, представители силовых структур и др.]. Их всех очень интересовало, почему мы занялись этой темой. Постепенно, со скрипом начали признавать потенциал НКО и пользоваться им. А теперь мы [гражданское общество] действуем практически наравне [с государством]. Силовые структуры с радостью делегируют какие-то вопросы НКО, например, образование и просвещение», – считает председатель ОФСР «Генезис» Марета Дзейтова.

3. Создан целый пул методических и видеоматериалов. Почти все они созданы в рамках государственных подходов, но их наличие упрощает распространение профилактических контрнарративов.

4. Волонтерское движение и программы малых грантов смогли направить энергию части активной молодежи в общественно-ориентированные проекты. Эти молодые люди научились подавать заявки на гранты, конкурировать за финансирование, реализовывать проекты и отчитываться за них, что представляет собой очень полезный навык гражданского активиста.

5. В Ингушетии, Дагестане и Кабардино-Балкарии идет поиск и апробация новых подходов, что открывает возможности для инноваций.

6. В нескольких республиках власти начали понимать, что альтернативный нарратив может быть эффективнее, чем прямая контрпропаганда.

Помимо сотрудников сферы образования, государство в основном доверяет профилактическую работу проправительственным патриотическим организациям и традиционному духовенству, связанному с муфтиятами. Однако эти акторы неубедительны для значительной часть молодежи, которая не слишком им доверяет. В большинстве республик официальные власти и духовенство избегают обсуждения сложных тем, касающихся общественно-политических проблем региона и геополитики, в частности, войны в Сирии. Иногда это происходит из-за отсутствия у них необходимых аргументов, иногда – из-за боязни того, как на это отреагируют силовые ведомства.

---

[1] См. доклады Международной кризисной группы: «Северный Кавказ: сложности интеграции (I), этничность и конфликт», «Северный Кавказ: сложности интеграции (II), исламский фактор, вооруженное подполье и борьба с ним, «Северный Кавказ: сложности интеграции (III): государственное управление, выборы, верховенство права»; «Северный Кавказ: сложности интеграции (IV): экономический и социальный императивы», 2012—2015 гг.

[2] 3 октября 2017 года после ареста нескольких высокопоставленных должностных лиц из дагестанского правительства впервые в постсоветской истории Северного Кавказа главой мусульманской национальной республики был назначен христианин и русский, не имеющий корней в регионе. См.: В Дагестане арестованы премьер-министр, мэр Махачкалы, главный архитектор и другие чиновники. Что там происходит // Медуза. 2018. – 5 февраля.

Сейчас профилактикой на Северном Кавказе в основном занимается государство, полагаясь преимущественно на контрпропаганду. В последние годы федеральное правительство и региональные власти также создают альтернативные каналы для самореализации активной молодежи и ее вовлечения в конструктивную деятельность: волонтерство, участие в различных мероприятиях и форумах. При помощи государства появилось целое направление деятельности по профилактике радикализации и сообщество тех, кто ею занимается – специалистов по молодежной политике, преподавателей, проправительственных НКО и волонтеров. Это сообщество получает бюджетное финансирование и реализует государственные стратегии, направленные на предотвращение распространения террористической и экстремистской идеологии. К сожалению, большая часть подобных мероприятий проводится формально, скучно и не креативно. Обычно такая профилактическая работа становится эффективной, когда за нее берутся отдельные энтузиасты из государственных учреждений или НКО, неравнодушных к самой теме.

Ветошкин А.П.
д.филос.н., профессор, Российский университет транспорта
Быков М.Ю.
к.и.н., доцент Российский университет транспорта

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ В СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Ключевые слова: *общество, кризис; национальная идея, Россия, духовность, соборность, стратегия, человек.*
Keywords: *society, crisis; strategy; spirituality; collegiality, national idea; Russia; human being.*

В исторической поступи России формировался ее духовно-нравственный путь, национально-культурный код, выражался цивилизационный выбор. **И он берется сегодня на уровень государственной политики, что укрепляет надежду в отношении великого будущего России.** Единственно правильный выбор – стратегия, основанная на укреплении цивилизационной идентичности России. Значимость и актуальность этого выбора особо подчеркнута *В.В. Путиным: «Глубоко убеждён – уверенное движение России вперёд, её суверенитет и национальная безопасность в решающей степени зависят от сохранения и укрепления духовных основ, национальной идентичности, сбережения и приумножения русского и других народов России»*[1].

Россия в геополитических и социально-экономических реалиях

Духовно-нравственный миропорядок жизненного устроения формировал и утверждал в народе национально-исторический цивилизационный код в самобытности его устоев. В российской ментальности сложилось своеобразное и чрезвычайно плодотворное восприятие мира.

В первую очередь отметим влияние природно-биологического и, шире, космического фактора. Хотя физико-географический фактор и не играет определяющей роли в экономическом развитии, но он накладывает особый и неизгладимый отпечаток на хозяйство и социальную жизнь, сам характер народа: *«Природа является колыбелью, мастерской, смертным ложем народа; пространство же есть судьба и его воспитатель, преддверие его творческого духа, его окно к Богу»*[2]. Реки и моря, равнины и горы, степи и леса – все уместилось на необозримом российском пространстве.

Россию справедливо называют моделью мира, вкладывая в это понятие различные значения. Что же касается природно-климатического компонента, то данная характеристика верна на все сто процентов. В нашей стране представлены, хотя и в разной пропорции, все климатические пояса – начиная от Арктики и кончая зоной субтропиков. Но две трети территории России располагаются в холодном и суровом приполярном климатическом поясе. Выход растительной биомассы с одного гектара у нас в 2–2,5 раза меньше, чем в Западной Европе, и в 3–3,5 раза меньше, чем в США. Среднегодовая температура в России – минус 10 градусов, а в США – плюс 6 градусов. Природные запасы сырья, энергоносители расположены в труднодоступных и суровых условиях Сибири и крайнего Севера. Приходится идти в целях хозяйственного освоения все дальше, бурить и копать, как говорится, все глубже, нести огромные расходы по благоустройству. Скажем, добыча нефти обходится нам в 6–7 раз дороже, чем в странах Персидского залива. Другой пример. В боевиках и детективах, заполнивших наш отечественный экран, мы удивляемся, с какой легкостью автомобили таранят стены домов или производственных корпусов. А «секрет» здесь в том, что, допустим, в Англии жилье строят шириной лишь в один кирпич. Нам же требуется в 3–4 раза больше. Энергетические затраты на производство любых товаров, на жизнеобеспечение в целом у нас в 2–3 раза больше, чем в странах Западной Европы. Если взять за 100% все мировое население, проживающее в неблагоприятной природно-климатической среде, то 90% из него приходится именно на Россию. Объективно для обеспечения такого же уровня и стандарта жизни приходилось раньше и приходится сейчас нести неизмеримо большие биологические, сырьевые, транспортные и энергетические издержки в производстве.

Применительно к сегодняшнему дню должно быть понятно, что экономическая политика вывода цен на энергоносители на мировой уровень без учета геополитических, климатических и социально-хозяйственных особенностей и условий нашей страны ведет к непомерному удорожанию всех видов отечественного производства. Это делает нашу продукцию неконкурентоспособной, ведет к импортной зависимости. Нельзя обменивать не возобновляемые при-

[1] Приветствие Президента РФ Владимира Путина участникам XXIII Всемирного русского народного собора 18 октября 2019 г.

[2] Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6, кн. 2. – М., 1996. – С. 374–375.

родные ресурсы на импортный «воздух», на заграничный ширпотреб[1]. *Сегодня наша потребительская корзина на 60-70% наполнена импортным товаром.* Погнавшись за ним, страна лишает себя возможности производить, и со временем нам просто не на что будет покупать эти товары, если они и станут самыми дешевыми в мире. В наших условиях недопустимо, чтобы монополии были по названию «естественными», а цены на внутреннем рынке на их продукцию были запредельно противоестественные. *Требуется государственно-общественный учет, серьезный аудит, контроль и действенное экономическое регулирование* деятельности этих монополий.

Историю заселения Руси нередко сравнивают с «историей изгнания из рая». Славяне, обитавшие первоначально в Центральной Европе, на протяжении столетий были оттеснены в Евразийское климатическое неудобье. Подсчет, произведенный *И.А. Ильиным* на исторически достоверных источниках, производит ошеломляющее впечатление. За десять веков Русь пережила 350 голодных лет. Причина тому – экстремальные метеорологические условия: засуха, возврат холодов, градобития, необычайно длительные дожди, наводнения и т.д.

Судьба поставила Россию между Востоком и Западом. Россия – это запад Азии и восток Европы. Территория России и сегодня, даже после ее усекновения на добрую четверть, составляет свыше 17 млн. кв. км. А это в 3,5 раза больше, чем все европейские государства вместе взятые. **С 1547 года и до 1917 (строго говоря, до 1914) территория России увеличивалась в среднем на 53 000 кв. километров в год. Прирост составлял «два Крыма»** ежегодно! И для Запада Россия всегда представлялась неким Левиафаном, распластавшимся и нависшим над Европой. За прошедшее тысячелетие примерно треть времени пришлась на военное лихолетье, изнурительные войны и на труднейшее восстановление порушенного хозяйства. В ушедшем в историю XX столетии Россия оказывалась в эпицентре двух самых истребительных и кровавых мировых войн. *Россия православная, Россия самодержавная, Россия советская, Россия современная… всегда оказывалась поперек мирового зла.* Вдохновители и организаторы преступного злодейства по отношению к венценосному Государю и его царственной семье, целясь в сердце императора Николая II, старались поразить сердце самой исторической России – православной по сути, монархической по государственным устоям, духовно-нравственной по строю и миропорядку народной жизни. По такой же схеме и аналогии рушили советский строй в 1991–1993 гг., когда метили в коммунизм, а попали в Россию. Далеко не случайно, что в реорганизованном ЦРУ США были созданы и укреплены отделы по борьбе с Русской Православной Церковью и … казачеством, навязывают опасный религиозный и социальный раскол: *«К нам обращаются с просьбой – устоять, не дрогнуть, продолжить эту независимую линию сохранения единства Вселенского православия. А самое главное – сохранение духовной независимости Русской православной церкви от всех этих центров мирового влияния. Поверьте, это непростая задача. У церкви нет ни армии, у церкви даже нет достаточного количества материальных средств, чтобы внешними материальными силами и средствами создавать вот эту духовную оборону. Именно поэтому мы призываем сегодня весь наш народ быть с нашей церковью»*[2].

Война против России перманентна. *«Холодная война» (1946–1991) – есть лишь антикоммунистический её этап захвата Евразийского континента, завершившийся «перестройкой».* На самом деле она означала только перенацеливание удара. Сирийское замирение было как «отложенный выстрел». И сегодня с разных сторон он направлен на Россию. Архитекторы нового мирового порядка оставляют за собой право определять, кого зачислять в разряд тоталитарных режимов, проводить по ведомству демократии и защитников прав и свобод человека, а кого объявлять изгоями, террористами и врагами человечества. Прорыв в шестую технологическую эру, плюс «перезагрузка» противника дают в сумме новую внешнеполитическую доктрину. «Пятая колонна» внутри страны стремится «опереться на Запад» (дефакто: встать под зонтик США), осуществить либеральный реванш под лозунгом «инновационного развития», а в геостратегическом плане – постепенное превращение России во «второй фронт» противоборства США с Китаем за мировое лидерство. Невозможность задушить Россию удавкой сублимируется в надежду удавить объятиями.

Россия всегда была верна союзническим обязательствам, бескорыстна в помощи и защите братских православных народов, служила гарантом европейской и международной безопасности, обеспечивала своим могуществом баланс и равновесие сил в мире. Прислушаемся к Райнер Мария Рильке (1875–1926) – одному из влиятельных поэтов-модернистов XX века, называвшим своей родиной два места: Богемию и Россию*: «Россия сделала меня таким, каким я стал, внутренне я происхожу именно оттуда, именно она – родина всех моих инстинктов, мой внутренний исток». Все страны граничат друг с другом и только одна Россия – с Богом*. Сошлемся на трезвое суждение итальянского либерального историка, социолога и государственного деятеля *Ферреро Гульельмо* (1871–1942): *«С 1815 и до 1914 годов Россия удерживала равновесие и*, не считая войн 1848 г. и 1870 г., никакая другая война не потрясла европейский континент. *Это обстоятельство позволило свободно развиваться всем европейским странам, в то время как конкуренция России с Англией в Азии способствовала сохранению спокойствия и равновесия и на этом континенте.* Падение царизма в России изолировало ее как от Запада, так и от Востока, и *это отстранение нарушило мировое равновесие».* Правдивая историческая оценка! Но с одним существенным уточнением. Это суждение было высказано в далеком уже 1933 году, когда только первые всполохи говорили о раскатах Второй Мировой войны. *И именно Советский Союз, то есть сама историческая Россия разгромила германский фашизм и сломала хребет японскому милитаризму, продиктовала послевоенное устройство мира и в течение полувека сохраняла мир в мире.* Будем благодарно помнить, что мирные инициативы вплоть до идеи и последующих предложений о разоружении принадлежат именно *императору*

[1] Поражает дальновидность и рачительность императора Николая II, когда по его Высочайшему указу вывозимое за рубеж сырье по установленной квоте не могло превышать 12,5% общей добычи. Остальной экспорт должен был быть в виде готовой продукции. Сегодня же картина выглядит с точностью наоборот.

[2] Слово Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XXIII Всемирного Русского Народного Собора 17 октября 2019 г.

Николаю II. Он был *инициатором создания Лиги Наций, прообраза современной ООН.* Указ с его подписью выставлен и хранится под стеклом в музейных залах на Ист-ривер.

Русская идея в ее истории и современности

Непреходящую значимость для понимания самобытия России, ее исторической индивидуальности имеет духовный склад народа, национальное самосознание, национальный характер, то, что выражается современным понятием менталитета. И все эти сущностные характеристики с предельной глубиной выражены в русской идее. Национальная идея в затяжные периоды смут и расколов, болезненных и трагических реформаций и трансформаций, пусть и подспудно, продолжала пульсировать в недрах народного бытия. Она подчиняла себе идеологию власти и поведения т.н. элиты. Так, доктрина западного коммунизма преобразовалась в русский, советский социализм, в государственную идеологию советской власти и социальной справедливости.

Пусть и с трудом, но рассеивается и нынешний либерально-демократический туман, вернее дурман. Явным просчетом реформаторов была и остается недооценка значимости социально-исторических, национальных особенностей России, игнорирование самобытных черт хозяйственно-экономического уклада жизни. Все упования на всесилие рынка как регулятора общественных отношений оказываются сильно преувеличенными. Дух конкуренции, частнособственнической наживы, индивидуализм были чужды образу жизни, морали, психологии русского крестьянства. Соборная личность противостоит одинокому человеку. Никто один не спасется. *Погибнем поодиночке – выживем вместе.*

Соборная традиция народной жизни и соборность как духовно-социальное системное качество наиболее полно выразилось в русской крестьянской общине и русской работничьей артели. Община на протяжении столетий была не только формой организации сельскохозяйственного производства, но и народной жизни в целом. В ее основе лежало коллективное землепользование и принципы самоуправления сельской жизнью. *Работничья артель* являлась своеобразным продолжением и развитием общины земледельческой, приложением ее принципов и формой организации хозяйственной жизни применительно к различным видам ремесленного и промышленного труда. *Артель и общинность* в той или иной степени в дополнении с сельским сходом или казачьим кругом охватывали практически не только всю хозяйственную жизнь (от производства до потребления), но и составляли прочную основу для местного самоуправления. Пожалуй, легче было найти сферу производства, где не применялся артельный труд. Артели были промысловые, промышленные, строительные, биржевые, кредитные. *Рабочая артель была аналогом и продвижением крестьянской общины из деревни – в город, из земледелия – в промышленность. Можно сказать, что в дореволюционной России дела вершились, главным образом, артельным трудом. Духовно-нравственный миропорядок артельной жизни давал высокую организацию и дисциплину труда, производительности, эффективности и качества выполнения взятых подрядов.* Сошлемся лишь на один из выдающихся примеров. Силами 7,5 тысяч артельных рабочих за 10 лет была построена Транссибирская железнодорожная магистраль протяженностью в 7,5 тысяч км, которая надежно и исправно служит России уже более ста лет! Для сравнения и сопоставления можно сослаться на строительство БАМа, на котором работал пятидесятитысячный строительный отряд, вооруженный по последнему слову техники (бульдозерами, экскаваторами, путеукладчиками и т.п.). 3144 км железнодорожный путь сооружался с 1974 г. более четверти века. И до конца он не завершен и по сей день.

Следует расстаться с хлесткими, но крайне убогими суждениями о состоянии и положении в мире Царской России периода императора Николая II. Суждения типа, что Россия была «тюрьмой народов», отсталой окраиной с темным и забитым населением, нищей и зависимой страной – не просто искажают, но кощунственно клевещут на страну, народ, государство. *Важнейший объективный показатель социально-экономического состояния народа – рост его численности, сбережение народа.* За время царствования Николая II с 1894 года по начало I мировой войны народонаселение увеличилось на 60 млн. человек. В начале его правления прирост населения был 2,4 млн. в год, а в 1914 году – 3,6 млн. в год, что и обеспечило за два десятилетия прирост в 60 млн. человек. Русские семьи были тогда многодетными, крепкими, дружными. Церковь, как мать родная, пестовала, сохраняла, окормляла и вела русскую семью по всему ее жизненному пути. Россия практически не знала бракоразводных процессов, ибо созидание семьи освящалось Церковью. На 212 браков приходился один развод. Действительно, потребовался *Лев Толстой*, чтобы запечатлеть такое исключительное явление в своем романе *«Анна Каренина»*. Со старинных фотографий и портретов на нас смотрят уверенные, открытые, спокойные лица, полные благородства и внутренней силы духа. Семья строилась на нравственных императивах чистоты и целомудрия. В своей основе она была здорова и свободна от грязи, зла, блуда и духовного уродства. Страна не знала пьянства и алкоголизма. По данным известных российских ученых-академиков Ф.И. Углова и Т.С. Мальцева, живших и творивших весь драматический XX век, потребление алкоголя на душу населения в досоветской России не превышало одного литра спирта в год.

Принципы соборности, общинности, сотрудничества и взаимопомощи органически переросли и переплавились в новых общественных условиях в уникальное социальное явление – коллективизм. Коллектив был и остается основной производственной единицей и важной социальной ячейкой общества, объединяющей людей для непосредственного решения широкого круга производственных и социально-бытовых вопросов. Реформы, проводимые в стране, изменения в отношениях собственности и социально-правовой сфере привели к тяжелейшим испытаниям коллектива на прочность, к серьезным деформациям в их ценностно-целевых основаниях. Однако общее предназначение трудовых коллективов не изменилось. На их первичном уровне сохраняются взаимоотношения товарищества, взаимопомощи и сотрудничества как конкретные проявления соборности. *И требуется всемерное сбережение, восстановление, реконструкция и актуализация этих драгоценных жизненных начал русского уклада жизни.*

В духовной сокровищнице отечественного наследия наряду со многими выдающимися достижениями, открытиями и прозрениями *особое место и все возрастающее значение принадлежит понятию и самому феномену Русской идеи*. Национальная идея имманентна нашей истории и не конструируется в угоду политической конъюнктуре. Она пульсирует в недрах общественного сознании на протяжении всей истории государства, выражает *«национальное своеобразие и историческое призвание» (И.А. Ильин), место, роль, судьбу и миссию России. Русская идея – мировоззренческий образ, связывающий воедино настоящее, прошлое и будущее народа и государства, общества и человека. Она заключает в себе осознание смысла и сопричастности индивидуальной судьбы с судьбой народа и государства в контексте исторического развития. В ней заложен цивилизационный код России, образ чаемого будущего. Это идеал, которым мы вдохновляемся и цель, которой руководствуемся. В ней определены задачи и средства ее достижения*. Без национальной идеи и связанной с ней стратегии развития страны решение большинства проблем становится бесперспективным, тупиковым. *«Если с дороги сбились, главное – воротиться на дорогу»*, – писал *И.С. Аксаков* в статье *«Русское воззрение»*. Не назад, а вперед, не к состоянию Древней Руси, а к пути Руси. Где есть движение, где есть путь, там есть и вперед. И слово «назад» не имеет здесь смысла»[1].

На каждом поворотном историческом рубеже национальная идея обретала предметность и социокультурную определенность, внутреннюю преемственность и богочеловеческую направленность в такой последовательности: 1. – *«Святая Русь»; 2. – «Москва – Третий Рим»; 3. – «Православие. Самодержавие. Народность»; 4. – «Россия советская социалистическая»*. Русская идея в своем олицетворении в итоговом голосовании по телевизионному проекту 2008 года «Имя России» получила такие результаты. Самые великие имена были названы в исторической последовательности: *Александр Невский, Петр Аркадьевич Столыпин, Иосиф Виссарионович Сталин*.

Разработка и становление русской идеи в ее духовном и социально-экономическом наполнении шла в России в двух принципиально противоположных направлениях. *Первое из них, религиозно-идеалистическое, стремилось материализовать сам дух* в хозяйственной, социальной и человеческой жизни. И оно внесло наибольший и самый плодотворный вклад в развитие русской идеи. *Второе направление пыталось не только теоретически, но и практически поставить дух (в светском, сциентистском понимании) на службу социальной материи жизни, одухотворить ее.* И оно вполне закономерно пришло к российскому варианту марксизма и социализма. Материализация социалистической идеи, к сожалению, сопровождалась не только забвением, но и отрицанием многих сущностных черт русской идеи. В целом же советский период – наиболее важный и конструктивно инновационный этап в российской истории и в судьбах русской идеи. Русская общенациональная идея обрела советскую, социалистическую форму. Она существовала и пробивала себе дорогу в новых социальных и хозяйственно-экономических условиях. В понимании *В.С. Соловьева* (1853–1900) национальный идеал выглядит так: *«Святая Русь. Вот идеал – и не консервативный, и не либеральный* (и не социалистический – А.В., М.Б.), *не политический, не эстетический, даже не формально этический, а идеал нравственно-религиозный»*[2].

Современная формула русской идеи, ее духовная основа и ценностный фонд, соответствующие исторической традиции, преемственности и нынешним реалиям, отвечает подлинно российской идеологии и политике. Ее основополагающие ценности позволяют согласовать порой несогласуемые интересы и устремления самых различных, подчас диаметрально противоположных социальных и политических сил. Поиски «золотого» века в 1157-летней истории России не должны сопровождаться унижением, тем более искажением или чрезмерным восхвалением и идеализацией любого ее этапа. Жалкими потугами выглядят попытки «Суда времени» и «Исторического процесса», затеянными нынешними фальсификаторами. Безвременье не вправе и не в состоянии правдиво судить историческое время! Резонансные теледебаты по историческому процессу всегда заканчиваются разгромным счетом не в пользу их организаторов.

При всем идейно-социальном многообразии сегодня доминируют две ключевые идеологемы общественного развития – капитализма и социализма. И люди сожалеют о распаде Советского Союза. Их число достигло максимума за последнее десятилетие, следует из опроса *«Левада – центра»*. Сейчас об этом говорят 66% респондентов, в 2017 г. – 58%, а до этого в течение 10 лет показатель не поднимался выше 61%. Большинство ностальгирующих по Союзу – люди от 55 лет, хотя в последние два года такие настроения растут и среди молодежи 18–24 лет. Основные причины, по которым народу не хватает СССР, – это разрушение единой экономической системы (52%), потеря чувства принадлежности к великой державе (36%) и рост взаимного недоверия и ожесточенности (31%). Необратимость тотального кризиса всей капиталистической системы, частью которой становится современная Россия, осознается людьми не только теоретически, но и жизненно практически. Эти базовые основы всё чаще проявляются в социальных сетях и в разговорах наших сограждан, вызывая при этом самые полярные его оценки.

Во время большой пресс-конференции 20 декабря 2018 года, которая проходила в центре международной торговли (не на заводе, допустим, и не в колхозе, заметим), президенту был задан вопрос: *можно ли восстановить СССР*? В своем вопросе журналист развернуто высказался про засилье негатива в информационном пространстве и под аплодисменты почти двух тысяч своих коллег, сидящих в зале, озвучил свое видение национальной идеи, предложив триаду: *«Природа. Родина. Народ». А вот ответ В.В. Путина*: «Я думаю, что это невозможно. Реставрация социализма невозможна. Это всегда связано с расходами. В конечном итоге это связано с тупиком в экономике. Справедливое распределение ресурсов. Справедливое отношение к людям, живущим за чертой бедности. Снизить до минимума число тех, кто живет за этой чертой. Обеспечить людей услугами образования и здравоохранения на должном уровне. Такая социализация возможна. На это направлены наши национальные проекты».

---

[1] Аксаков И.С. Русское воззрение // Русская философия: словарь / Под общ. ред. М.А. Маслина. – М.: Республика, 1995. – С. 67; 447–449.

[2] Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. – М., 1988. – Т. 2. – С. 304; 679.

Прозрения отечественной общественной мысли выражают *ключевые и содержательные приоритеты русской идеи. Они выверены и ясно сформулированы в качестве нашей духовной конституции и незыблемого суверенитета.* Духовные и смысловые конструкты Русской идеи *И.А. Ильин* называл *«огнями жизни»*:

Духовность (Православие). Приоритет духовно-нравственных целей над внешним, материальным, хозяйственным, социальным и бытовым обустройством жизни.

Самобытность и традиция. Верность своему русскому пути; своя историческая миссия, выражающая национально-историческое своеобразие и национально историческое призвание.

Патриотизм и государственность. Путь в человечество начинается с порога Отечества. Всему начало здесь – в краю моем родном. Если человек не любит, не бережет, не служит родному Отечеству, то он не обретет и Небесного Отечества.

Соборность, коллективизм и социальная справедливость. Именно там, где остро ощущается дефицит совести, святости и справедливости, вспыхивают революции, завязываются войны, бегут из родных мест миллионы истерзанных людей.

Культура, творчество и свобода. Утверждение в положительной свободе.

Созидание. Не простое уравнение и перераспределение, а утверждение в труде созидания как спасения и служения, с заботой о людях.

Беспредельно глубокая диалектика всеединства Божественного и человеческого, синтез знания и веры.

Истины веры, помноженные на разум науки, и воплощенные в духовно-нравственном миропорядке домостроительства, образования и воспитания составляют корневую основу русской идеи.

Русская идея – общенациональная идея, выражающая не узко личностные, эгоистические, местечковые, корпоративные, сословные, односторонне конфессиональные и узко национальные интересы.

В ее основе – всесословный, обще-социальный, общенациональный, общенародный, общегосударственный интерес на основе соборности, братства и справедливости. *Она должна стать стратегией социально-экономического и культурного развития России. Она является стратегией воспитания* духовности народа и человека, его образования и воспитания, преодоления общенационального кризиса. Русская идея устремлена в будущее, а будущее принадлежит молодежи. Именно в молодежи и во вступающих в жизнь новых поколениях духовно-нравственный путь России сохраняется, воспроизводится, транслируется и продолжается в новых исторических условиях. *Образование и самый строй народной жизни формирует, закрепляет, укрепляет, воспроизводит и манифестирует принципы, ценности, идеалы и смыслы понимания русской, по своему существу – общероссийской идеи.* Ее современная формула выражает духовно-нравственные императивы, религиозно-православные в своей основе, органично соединенные с нравственной правдой и принципами социалистического устроения общества. Русская идея воплощает высшие идеалы и смыслы народного само стояния, священный и незыблемый духовный суверенитет, обретение, защита и следование которому на своем пути завещано новым поколениям. Национальная идея рассматривается как наш духовно-нравственный и социальный приоритет.

Своеобразие России определяется религиозными, национальными, географическими, природными и другими факторами. Но главный фактор – духовный: *«Возвращение государства к своей исторической миссии должно происходить не в режиме постоянных дебатов и дискуссий между противоречивыми политическими силами, а посредством принятия идей, сформированных нашими великими предками, дополненных современными звучанием и проблематикой*[1]. Выдумывать Национальную Идею не нужно. Она изложена нашими великими предками. *Ее нужно лишь оформить, законодательно принять государством и следовать ею.* Россия изначально была, остается и будет особой цивилизацией в мировом пространстве. *В будущее Россия должна взять все лучшее из славной истории нашего Отечества, включая советский период с достижениями в сфере социальной справедливости в обществе, образовании и науке, плановости развития экономики и мобилизации промышленности.* В современном российском обществе, несмотря на все трансформационные и кризисные явления, сохраняется мощный культурно-образовательный, духовный и гражданский ресурс местного самоуправления, его восстановления и дальнейшего развития. *Следует иметь в виду, что такие серьезные общественные преобразования, как переход на рыночные отношения и государственное переустройство являются все же надстроечными структурами над фундаментальными и базисными основаниями жизнедеятельности российского социума, укорененными в социально-исторических глубинах народной ментальности и образа жизни.*

К образу будущего России

Страна и народ не могут бесконечно пребывать в состоянии напряженной неопределенности. *России нужна предсказуемость будущего, базирующаяся на незыблемых духовных основаниях.* Обществознание находится в поисках путей выхода из состояния экономического хаоса, социальной напряженности, политического и идеологического противостояния различных общественных сил. Поиск будет продуктивен только на своем пути, с ясным пониманием ценностей, идеалов и национальных интересов, которыми строилась, росла и жила Россия. *Период советской России является связующим и базовым звеном в непосредственном определении стратегии дальнейшего развития страны*. В нем заключены многие исходные и рубежные позиции будущей России. Советский период ждет добросовестных исследователей.

[1] Сошенко А.В. Русский Манифест: К проекту документа «Русского Собрания» // Русская народная линия. 2018. – 1 декабря.

Наука сегодня в большом долгу перед обществом, народом, страной. *В.В. Путин,* выступая на 13 Международном Валдайском Форуме 27 октября 2016 г. констатировал *дефицит стратегий и идеологий будущего: «Это создает атмосферу неуверенности, которая прямо влияет на общественные настроения».* По его словам для большинства населения планеты *«будущее не зовет – оно пугает», а люди не видят возможности что-то изменить».* Формально все элементы демократии в большинстве стран – налицо, однако в реальности у большинства граждан нет влияния на власть. И представления элит о правильном курсе развития все чаще расходятся. Как следствие – референдумы, выборы все чаще преподносят сюрпризы для власти. Люди голосуют совсем не так, как им советовали респектабельные официальные средства массовой информации, и не так, как это рекомендуют так называемые системные партии. Такие результаты сначала объявляли «аномальной случайностью», а потом заговорили, что «общество не понимает тех, кто находится на Олимпе власти». А то и вовсе доходят до истерики – мол, это следствие зарубежной, как правило, российской пропаганды[1].

Сегодня говорится, что мы строим *рынок.* Но кого это может задеть за живое и увлечь! *Гражданское общество* – тоже как-то казенно и формально. Тем более, что его строительство идет под либеральными знаменами. *Правовое государство* – но и оно не несет в себе живого самосознания народа. Возникает неправовое право, которое, однако, именуется «правом» и выдается за право, компрометируя в сознании людей саму идею и подрывая веру в нее[2]. *Социальное государство* – оно в принципе не может быть не социальным («социальное» с лат. – это и есть «общественное»). *Демократическое государство* – подлинный смысл и суть его в народовластии, но оно все больше обесценивается. *Рынок и демократия сегодня «нашли друг друга».* Рынок строится на товарно-денежных взаимосвязях. Когда все продается и покупается. *Демократия – это рынок в политике с его всеобщей продажностью. Но образование не товар, а вуз не рынок по продаже дипломов. Рынок сам по себе, как и гражданское общество, правовое государство, не могут быть вдохновляющей общенациональной идеологией. Демократия как ценность является необходимым, но не безусловным основанием в подлинно свободном и достойном самоопределении человека.* Только высшие ценности формируют образ совершенства как идеала, знание объективной и первенствующей цели, душевно-смысловой полноты жизни человека. В дискуссионном порядке выскажем свое видение и понимание перспективы *социальной организации российского общества.* По судьбоносному для будущности России вопросу обоснованные суждения содержатся в книге *А.Е. Молоткова «Миссия России. Православие и социализм в XXI веке»*[3] и в цикле его опубликованных статей. *Русская народная линия* активно включилась в этот творческий поиск. Статьи Андрея Сошенко, *Анатолия Ветошкина, Николая Сомина, Анатолия Степанова, Ольги Хадаковской, Александра Щипкова* и *Андрея Чернова* специально помещены в тематическом сборнике материалов Восьмых Международных Ильинских научно-богословских Чтений *«Духовно-нравственный путь развития России», посвященных 1150-летию российской государственности*[4].

Советская социалистическая система, научно воплощавшая христианскую правду социальных отношений, отвергнута сегодня как «безбожная». А либерально-рыночная модель, свободно попирающая христианские заповеди, принята как «естественная». Буквальна одержимость антисоветизмом. Религиозный подтекст советского социалистического строительства XX века остается не понятым, как со стороны Церкви, так и со стороны ортодоксального коммунизма. *И это «мировоззренческое и религиозное недоразумение» остается зияющим идеологическим провалом, над которым катастрофически зависла русская история.* Противоречия между социализмом и православием нет. Это две стороны исповедания христианства в русской истории – идеально-духовного и социально-практического**.** Их взаимное противостояние в XX веке имело диалектический характер (как тезис и антитезис), что дает возможность нового идеологического синтеза. Сугубая конфликтность реального процесса была политически неизбежной. «Религиозные реформации» в истории никогда не проходили мирно. При этом «богоборчество» социализма не имеет антихристианской направленности. Оно носит не внутренний, а внешний и формальный характер, как проявление материалистического взгляда на мир. В контексте модерна такой путь реализации коммунизма в России был единственно возможным, а *коммунизм стал светской религией в эпоху тотального безверия. Ключевой идеологической оппозицией нынешнего состояния русского духа, позволяющей объективно раскрыть диалектику русской истории XX века, понять парадоксальность настоящего и увидеть горизонты будущего, является проблематика православия и социализма. Именно в этом мировоззренческом диапазоне заключены главные духовно-исторические «комплексы» распавшегося русского мира. Поэтому позитивное осмысление этого отношения как органичное преодоление внутреннего конфликта национального духа способно вернуть русской истории единый смысл и перспективу реального возрождения*[5].

Духовный потенциал православия и правды социальной справедливости социализма должны быть воссоединены. Анализ советского проекта следует вести с научных и духовно-нравственных позиций, в экономических категориях в их социальном наполнении и человеческом измерении. *Социалистический выбор России – фундаментальный факт XX века.* Левый поворот наступившего столетия вновь подтверждает, что дальнейшая история открыта в этом направлении. Цивилизации или развиваются из самих себя, или становятся сырьем для других цивилизаций**.** Запад уже поглотил фактически наше настоящее (экономику, сознание, культуру). Осталось лишить нас Будущего. Чтобы этого не произошло, надо решительно восстановить стратегический выбор России на новом идеологическом уровне,

---

[1] Путин В.В. Выступление на 13 Международном Валдайском Форуме 27 октября 2016 г.

[2] Ильин И. А. О сущности правосознания // Ильин И. А. Соч. – М., 1993. – Т. 1. – С. 79.

[3] Молотков А.Е. Миссия России. Православие и социализм в XXI веке. – Санкт-Петербург, 2008. – С.6.

[4] Русский экономический вестник: научно-публицистический журнал. Тематический вып. № 9–10 / Материалы VIII Международных Ильинских научно-богословских чтений «Духовно-нравственный путь развития России» (14–15 июня 2012 г.). Научный редактор Ветошкин А.П. – Екатеринбург: Изд-во Уральского института бизнеса, 2012.

[5] Молотков А.Е. Молотков А.Е. Миссия России. Православие и социализм в XXI веке. – Санкт-Петербург, 2008. – С. 6.

соединить духовную энергию православия и социальную идею коммунизма в единую и несокрушимую общенародную силу. Истины *веры* и *правды социализма* в своих высших прозрениях и достижениях внутренне имманентны русской истории и глубинам национального самосознания.

Социализм должен быть понят и осмыслен в его духовно-нравственной основе, созидательном потенциале общественного строя жизни и в высшем социальном идеале. Он должен быть очищен и освобожден от обморока материализма и атеистических девальваций. *Светский и даже советский тип духовности в лучших своих проявлениях страдал атеистическим и материалистическим недугом в своей корневой основе. И потому оказался несостоятельным*. Так, коммунистическое воспитание молодежи впало в кому. *Без паруса святынь и духовной брони любой ветер не будет попутным, а каждое препятствие станет неодолимым.* За три десятилетия постсоветского времени нам была дана возможность до дна испить «чашу» либерализма и чужеземной демократии. Задача заключается в том, чтобы преобразовать и реализовать это внутренне единство в форме нового цивилизационного синтеза и адекватным современным реалиям способам самоорганизации народа. *В акте глубинного творческого диалектического синтеза социальной правды советского периода с незыблемыми истинами веры будут преодолены линии исторического разрыва, социокультурного раскола и конфликта поколений.*

Россия воспрянет не с поля чудес, бесчисленных и бессмысленных шоу. Страна будет возрождаться с храмов, заводских цехов и научных лабораторий, с полей и строек, со школьной парты и студенческой скамьи. Требуется возобновление и восстановление утерянной стратегии воспитания духовности, целенаправленного развития ценностного самосознания молодежи. В жизни следует свято руководствоваться принципом: Россия – наша родина и защищать её нам. У великих предков не должно быть сереньких потомков!

Россия должна развиваться в соответствии со своей имманентной идейной сущностью, т.е. стремиться стать государством социальной справедливости с приоритетными духовно-нравственными ценностями и коллективистскими нормами самоуправления и жизнедеятельности, с достижением синтеза лучшего, что было в России дореволюционной и России советской, творческих заимствований, полезного опыта, например, Китая или скандинавских стран. В полной мере следует принять такой выверенный российским и мировым опытом императив и прогностический вывод. *Народу нужны созидательные перемены. Все стоящие перед страной проблемы будут преодолены при условии духовного и социального единства народа*.

Викторов А.Ш.
д.соц.н., профессор социологического факультета МГУ
aviktorov@bk.ru

ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ (ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Ключевые слова*: внешняя, внутренняя, социальная, международная, геоэкономическая, национальная безопасность, устойчивое и неустойчивое развитие, геополитика, угрозы.*

Keywords*: external, internal, social, international, geo-economic, national security, sustainable and unsustainable development, geopolitics, threats.*

Современное научное знание о безопасности базируется на общем понимании, что усложняющийся мир быстро наполняется многочисленными угрозами для личности, общества и государства, которые становятся все более опасными и все менее предсказуемыми. В результате таких перемен обеспечение необходимого уровня безопасности окружающей социально-жизненной среды становится решающим фактором цивилизационного, индивидуального и общественного существования (развития) и является теперь необходимым условием сохранения независимости и самостоятельности национальной государственности. Исходя из анализа различных научных представлений о безопасности, рассмотрим важнейшие, на наш взгляд, теоретико-методологические основы социологического исследования различных аспектов проблемы внутренней (социальной) и внешней (международной) безопасности России в контексте неустойчивого развития.

Во-первых, безопасность отождествляется с военной мощью общества, государства (или природной силой организма). Логика такого понимания предельно проста – опасности всегда подстерегают слабого, поэтому для укрепления безопасности необходимо вооружаться. Однако сила, как правило, пренебрегает согласием, а значит, безопасность, построенная на ней, объективно нестабильна и не может быть всеобщей[1].

Отсюда в современном отечественном обществознании (социологии, экономике, политологии) основной акцент уделяется исследованию национальной безопасности, понимаемой в большинстве случаев как государственная безопасность (а иногда как этническая безопасность «титульной нации»). При этом определенное предпочтение отдается таким сторонам национальной безопасности как безопасность военная, экономическая, международная, информационная, экологическая, глобальная, а различные аспекты социальной безопасности не заслуживали пристального внимания. Однако в последние десятилетия переход к рыночной ценностной системе вызвал нарушение социального порядка, которое стало проявляться в нарастании различного рода угроз (опасностей). Поэтому в России впервые на нормативно-правовом уровне были приняты не только официальные документы: «Закон о безопасности» (1993), «Концепция национальной безопасности» (1997), «Стратегия национальной безопасности РФ» (2015), «Стратегия государственной национальной политики РФ» (2018) и др., но и созданы соответствующие институты безопасности, и значительно активизировались научные исследования различных аспектов безопасности.

В этих документах понятие «безопасность» определяется как состояние защищенности жизненно-важных интересов (ЖВИ) личности, общества и государства и выделяется два типа безопасности. Внутренняя безопасность означает защищенность ЖВИ страны от угроз, опасностей и рисков, исходящих изнутри страны вследствие нарушения устойчивости базисных характеристик общественного устройства. Внешняя безопасность заключается в защищенности ЖВИ страны от угроз, рисков, опасностей, исходящих извне, она обеспечивается главным образом политико-дипломатическими и (или) военными мерами.

На состояние национальной безопасности влияют как внутренние (демографическая ситуация, социально-экономического состояние общества, экология и др.), так и внешние (геополитическое, геостратегическое и геоэкономическое положение страны, состояние ее внешнеэкономических связей) факторы.

Во-вторых, методологически проблема безопасности России разрабатывается в контексте различных концепций устойчивого и неустойчивого развития[2]. Причем каждая из них имеет преимущества и недостатки в своей концептуальной разработанности и практической реализации, поскольку существуют как специфические принципы обес-

[1] После публикации в 1993 г. Доклада о человеческом развитии ООН появился термин «безопасность человеческая» как образ совершенного мира, цель которой можно достичь путем сотрудничества государств и народов. Иначе говоря, идея использовать понятие безопасность по отношению непосредственно к человеку, а не к государствам и нациям. Это было новое понимание безопасности как безопасности человека через его развитие, с одной стороны, а с другой – безопасность рассматривалась как защита людей от их собственных деспотических правительств. См.: Глобалистика. Энциклопедия. – М., 2003. – С. 63–64.

[2] Новое в синергетике. Взгляд в третье тысячелетие. – М., 2002; Гуманитарный стратегический маневр. – М., 2004; Тинберген Я. Пересмотр международного порядка. – М., 1980 и др.

печения безопасности для двух моделей развития, так и общие для них. Например, основные принципы обеспечения безопасности, упомянутые в Федеральном Законе «О безопасности», характерны как для модели неустойчивого развития, так и для модели устойчивого развития (законность, соблюдение баланса жизненно важных интересов личности, общества и государства, взаимная ответственность личности, общества и государства в отношении обеспечения безопасности, интеграция с международными системами безопасности). Выделение этих принципов диктовалось переходом от прежнего социалистического типа общества и государства к капиталистическому. Теперь же в свете концепции обеспечения безопасности через устойчивое развитие требуется выделение новых основных принципов.

Поэтому рассмотрим более подробно основные положения концепции устойчивого развития, поскольку ее возникновение напрямую связано с попыткой разрешения глобальных проблем человеческой цивилизации и выработкой стратегии бескризисного (безопасного) развития природы и общества. В основе возникновения концепции устойчивого развития лежал целый ряд различных научных представлений, которые условно можно подразделить на философские, социальные, экономические и экологические. Они базировались на понимании того, что: 1) человечество в процессе своего развития руководствовалось «философией потребления» и использовало окружающую природную среду в качестве источника ресурсов для удовлетворения своих возрастающих потребностей; 2) приоритетом экономической выгоды и иллюзией неисчерпаемости ресурсного потенциала; 3) истощением ресурсного потенциала и ухудшением природной среды; 4) наличием в мире двух групп государств с различным уровнем развития и возрастанием экологических кризисов и катастроф антропогенного происхождения.

Широкое употребление термин «устойчивое развитие» получил в конце прошлого века, когда ООН провозгласила курс на устойчивое развитие (всем странам мира было рекомендовано искать свою форму выхода на эту модель и было дано обобщающее определение: устойчивое развитие – «это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности»). Важно отметить, что с точки зрения содержания данное определение включало в себя два важных концепта: понятие потребностей и понятие ограничений. Главная задача устойчивого развития – это понимание того, что удовлетворение человеческих потребностей, стремлений непосредственно связано с характером безопасного социально-экономического развития общества и окружающей природной среды как единой системной целостности (социальной, экологической и экономической).

Отсюда процесс развития социо-эколого-экономической системы (СЭЭС), состоящей из трех подсистем: экологической, социальной и экономической имеет разную устойчивость. Наибольшей устойчивостью обладает экологическая система, наименьшей – экономическая. Когда мы признаем приоритетными экономические цели, мы ставим всю систему в неустойчивое состояние. И только при переходе на экологические приоритеты развития и при подчинении экономических целей социальным интересам, мы переводим систему в состояние устойчивости, т.е. устойчивого развития[1]. Ряд авторов выделяет три иерархически взаимосвязанные проблемы от решения которых связано устойчивое развитие[2]. Их основная задача сводится к поддержанию: устойчивого масштаба экономики; справедливого распределения (*distribution*) ресурсов и возможностей не только в рамках нынешнего поколения людей, но также между нынешним и будущими поколениями; эффективного распределения (*allocation*) ресурсов во времени, которое бы адекватно учитывал природный капитал.

Таким образом, концепция устойчивого развития включает в себя экономическую, экологическую и социальную составляющую, ориентированную по сути на безопасное развитие мирового сообщества, поскольку главной ее целью является достижение социального благополучия и благосостояния для всех людей планеты. При этом экономический подход является как бы стержнем концепции устойчивого развития, а социальный позиционирует важность нерешенных социальных проблем, относящихся к национальной безопасности (в широком смысле слова). С другой стороны, самоцелью устойчивого развития является не столько социальное и экономическое устойчивое развитие, сколько самосохранение и выживание человека как биологического вида.

В этой связи необходимо отметить работы отечественных ученых, которые заложили значимые научные основы в разработку стратегии устойчивого развития России в XXI веке[3]. На их взгляд, последнее столетие в истории России представляло собой непрерывную цепь различного рода глобальных катаклизмов (войны, террор, революции), в результате которых постоянно разрушались духовные, материальные и институциональные (изменялся вектор развития и постепенно исчезали институты, создающие устойчивость) ценности. Поэтому в современных небезопасных условиях Россия по-прежнему не смогла выработать четких стабилизационных механизмов ни в экономической, ни в социальной, ни в институциональной сфере. К тому же устойчивому развитию России мешает отсутствие согласия и объединенной политической воли в обществе, которая до сих пор не сумела сформировать общенациональную российскую идею развития, однако преодолеть это состояние можно с помощью политических и законодательных мер с учетом национальных традиций. Для этого у России есть все необходимые условия – наличие огромной территории (стратегический ресурс безопасности и выживаемости государства); колоссальные запасы природных ресурсов (запа-

---

[1] Гизатулин Х.Н., Троицкий В.А. Концепция устойчивого развития: новая социально-экономическая парадигма // Общественные науки и современность. – М., 1998. – № 5; Коптюг В.А., Матросов В.М., Левашов В.К., Демянко Ю.Г. Устойчивое развитие цивилизации и место в ней России: проблемы формирования национальной стратегии. – М., 1996; Новая парадигма развития России в XXI веке (комплексные исследования проблем устойчивого развития: идеи и результаты). – М., 2000.

[2] Мунасингхе М., Круз В. Экономическая политика и окружающая среда. Опыт и выводы // Публикации Всемирного банка п проблемам окружающей среды. Вып. 10. – Вашингтон, 1995 (на правах рукописи).

[3] Научная основа стратегии научного развития Российской Федерации. – М., 2002.

сы нефти, пресной воды, древесины, природного газа и др.); высокий интеллектуальный потенциал страны и высокий уровень образования населения.

За последние 20–30 лет в результате непоследовательности и противоречивости процесса социальных изменений (реформации, модернизации, трансформации) Россия вышла из определенного состояния стабильного устойчивого развития, что привело к возрастанию различного рода внешних и внутренних опасностей, угроз и существенно снизило качество безопасности (защищенность, жизнестойкость, сопротивляемость и др.) на всех уровнях системной организации российского общества – на общемировом (общесоциальном) как независимый и самостоятельный субъект в глобальной системе международных взаимоотношений; на региональном (социально-системном) как самобытный социокультурный исторический субъект особого пути развития; на локальном (внутреннем, структурно-организационном) как субъект, функционально воспроизводящий и развивающий все сферы своей жизнедеятельности и взаимоотношений между основными элементами системы.

В-третьих, в силу нарастания взаимосвязей и взаимозависимости между внутренней и внешней безопасностью основные угрозы международной безопасности стали исходить от внутренних проблем государств, среди которых нарастающее влияние на внешнюю политику оказывают социальные процессы, связанные со снижением жизненного уровня населения и усилением социального расслоения. Нынешняя идеология «нового мирового порядка», условного неравного деления мира на «цивилизованные» и «нецивилизованные» страны представляет собой по сути англо-саксонскую и евроцентристскую попытку определенных господствующих сил, трансформировавшихся в те или иные транснациональные структуры, которые все активнее начинают диктовать свою волю развивающимся странам. Так, начиная с середины прошлого века, идея «восстания масс» в социально-классовом отношении благодаря различного рода действиям (технологиям), в значительной мере была нейтрализована современной идеей восстания элит (международной элиты), которые для своего самосохранения интегрируются особым образом (экономически, политически) в процессе глобализации.

Отсюда в международной политике отражен известный концептуальный подход к проблеме национальной безопасности, суть которого в триаде: интересы – угрозы – защита[1]. Если в Новое время основой геополитики международной безопасности являлся принцип «баланса сил», то в настоящее время с изменением характера ведения войны (новые мощные «точечные» виды оружия, а также стратегия и тактика вне прямого столкновения с противником) и выдвижением информационной компоненты в качестве доминирующей в системе безопасности (духовно-идеологическая и психосоциальная деморализация противника) программируются новые принципы мировой безопасности, которые базируются на характере взаимосвязи доминирующих субъектов геополитики.

В современный период в результате региональных интеграционных процессов, в том числе и на основе развития традиций империй-цивилизаций, формируются качественно новые сообщества – цивилизации-регионы. В ходе эволюции государств-цивилизаций Франции, Италии, Германии, Британии и других стран, развивающих наследие Римской империи, сформировалась одна из наиболее значимых региональных группировок современности – Запад (Евросоюз). Одно их основных внутренних противоречий в развитии Запада связано с тем, что США, оставаясь по уровню социокультурной динамики периферийным образованием, не достигшим стадии государства-цивилизации, за счет военно-политико-экономической мощи более полувека играли роль глобального мирового лидера. В среднесрочной перспективе не исключена возможность раскола западного ареала на ряд цивилизаций-государств и формирования новой архитектуры цивилизации-региона в Европе (брекзит Великобритании как начало этого процесса).

В условиях неоднозначной направленности мирового политического процесса завершается формирование структур централизованного глобального управления, которое через активизацию деятельности международных организаций объективно способствует снижению роли государства как субъекта политики безопасности, что в конечном итоге ослабляет и сами международные организации, поскольку именно стабильный потенциал государства составляет основу деятельности надгосударственных структур. Однако политика взаимного ослабления государств и международных учреждений привела к беспрецедентному повышению значимости негосударственных организаций: транснациональных корпораций и различных клубов и комитетов, исполняющих роль «теневых правительств». На смену теряющей эффективность легитимной правительственной власти приходит основывающаяся на манипуляции торгово-финансовыми и информационно-технологическими потоками власть банкиров и биржевых магнатов, которая остается вне досягаемости общественных механизмов контроля и управления. Активно сотрудничая с официальными властями, теневые политики придают современной элите (как на глобальном, так и на региональном уровнях) преимущественно полулегальный (нетранспарентный) характер. Такая содержательная особенность формирующегося «нового мирового порядка» может спровоцировать не только глобальный хаос, но и создать условия для усиления влияния на процессы глобализации и регионализации нелегальных структур, наиболее активно функционирующих в сферах наркобизнеса и терроризма. Эти формирования транснациональной преступности воплощают в себе те силы, которые способны актуализировать деструктивный потенциал глобального хаоса.

Поэтому ходе реализации международной политики безопасности государства необходимо учитывать комплексное взаимодействие глобальных и региональных процессов и создать единый механизм реагирования, учитывающий действия всех акторов мирового процесса.

В-четвертых, одним из важнейших постулатов геополитики является то, что географическое пространство является не просто территорией государства, а значимым элементом его силы, ибо пространство само является политической силой. В геостратегическом плане Россия занимает внутреннее пространство центральной Евразии, являющей-

[1] Пашков В. К вопросу о классификации угроз национальной безопасности России // Информационный сборник «Безопасность». 2002. – № 7–8, июль-август. – С. 193.

ся своего рода «осевым» районом мировой политики. Именно это создает предпосылки для осуществления Россией геостратегической миссии держателя равновесия между Востоком и Западом в их не блоковой, а культурно-цивилизационной плоскости. Эта роль России подкрепляется ее культурной традицией, соединившей три основные мировые конфессии – христианство, ислам и буддизм. К тому же на своем обширном евразийском пространстве Россия граничит со всеми основными цивилизациями планеты: римско-католической на Западе, исламским миром на Юге и конфуцианской китайской цивилизацией на Востоке. Поэтому при правильном выборе стратегии развития и проведении соответствующей внешней политики Россия может сыграть роль необходимого «межцивилизационного буфера» и стабилизатора ситуации на региональном и глобальном уровнях.

В начале XXI века геополитическая и геостратегическая роль России заключается главным образом в сдерживании евразийского Юга в самом широком смысле. При этом только ярко выраженная роль России как сильной азиатской и тихоокеанской державы и придаст ей значимость при взаимодействии с Европой. И только сильная традиционная европейская политика позволит ей сохранить престиж в отношениях с главными партнерами в Азии, Ближнем Востоке, Латинской Америке. Укрепление исконной геополитической и геостратегической роли России как мирового цивилизационного и силового условного «балансира» является одним из главных средств предотвращения сползания Европы, да и мира в целом к геополитическому хаосу.

Причем геоэкономика как своеобразный наконечник политики во многом предопределяет зоны национальных интересов и устремлений государств, поскольку формирует основу для интеграционных подвижек и альянсов различного содержания, в том числе и военно-политического. Основополагающий тезис современной геоэкономики связан с тем, что Россия должна опередить события и успеть прийти к новому геоэкономическому равновесию в качестве сильного партнера, провозгласив свои национальные экономические интересы, через создание интеграционных альянсов и определение стратегических целей в каждом из регионов. Геоэкономическая суть новой политики безопасности и стратегического арсенала ее реализации сводится к следующему: врастание национальной экономики в геоэкономическую систему (включение в мировые интернационализированные ядра) с целью прорыва к полноправному участию России в формировании и распределении мирового дохода с опорой на высокие геоэкономические технологии и на функционирование в мировом геоэкономическом пространстве как полноправного партнера. Геоэкономический подход должен стать одним из центральных направлений формирования политики национальной безопасности. Оставаясь же на уровне сугубо геополитических подходов (без переноса центра тяжести в геоэкономическую сферу), Россия не сможет совершить маневр исторического масштаба и своевременно подойти к новому равновесному (сбалансированному) состоянию мировой системы в качестве признанного мировым сообществом ведущего участника и партнера по глобальному предпринимательству, и следовательно, будет вечно отбрасываться от мирового дохода[1].

В-пятых, в целях совершенствования существующей системы безопасности и формирования идеологии безопасного развития раскроем в самом общем плане существующие внешние и внутренние угрозы и пути их решения.

Внешние угрозы – это сокращение зоны влияния на постсоветском пространстве лояльных США локальных элит и активная игра Запада по расшатыванию существующего политического режима.

Внутренние угрозы по разным сферам (политические, социальные, экономические, духовные).

Политические угрозы: распад страны, угроза дисбаланса политического устройства, отсутствие единства внутри правящего слоя, терроризм.

Социальные угрозы: непродуманные социальные реформы, отказ государства от значительной части функций защиты населения, неуправляемая социальная протестность, массовая бедность, преступность, коррупция. Но самое главное: социальные угрозы, снижая уровень обеспечения системы социальной безопасности, подрывают основы гражданского общества, ибо социальная безопасность занимает ключевое место в обеспечении нормального функционирования гражданского общества. В ее природе имманентно заложена социальная составляющая как главная системообразующая ось развития данного социального организма. Социальная безопасность гражданского общества обеспечивает существование и развитие социальной структуры общества, социализацию человека, его образ жизни, благосостояние, права и свободы, защиту и поддержку наименее обеспеченных слоев населения. Уровень социальной безопасности гражданского общества как специфической сферы социума обеспечивается наличием юридических законов, защищающих права и свободы общественных институтов и граждан; готовностью и способностью властных структур выполнять свои обязанности перед обществом; высокой степенью организованности самого общества; отсутствием антагонистических противоречий в его социальной структуре; созданием в обществе нормально функционирующей социальной инфраструктуры и социализации личности; существованием в обществе авторитетных самостоятельных партий, общественных организаций и движений, защищающих интересы граждан страны.

Экономические угрозы: не вполне дальновидная экономическая политика правительства. Бегство национального капитала, который, по мнению экспертов, только и может обеспечивать экономическую независимость страны; противостояние административно-государственной системы управления и интересами частного капитала в сфере хозяйственного права, распределительных отношений и др.;

Духовные угрозы: негативные тенденции, связанные с деформацией ценностных основ российского общества (влияние массовой зарубежной культуры, рост религиозного экстремизма и сектантства)[2].

Отсюда и возникает целая группа противоречий:

---

[1] Кортунов С.В. Становление политики безопасности. Формирование политики национальной безопасности России в контексте проблем глобализации. – М.: Наука, 2003.

[2] Викторов А.Ш. Духовная безопасность российской цивилизации. – М., 2005.

– между декларируемым внешнеполитическим курсом России и ее реальным положением на международной арене. Россия в силу определенных обстоятельств оказалась «наиболее слабым звеном в цепи демократических государств и в мировой геополитике»;

– между острой потребностью российского общества в овладении знаниями и умениями в области безопасной жизнедеятельности и культурой безопасности и наличием небезопасной среды обитания;

– между государственной политикой в решении проблем безопасности в различных сферах общества и отсутствием одной идеологии безопасного развития России, что в конечном итоге привело к наличию реальных и потенциальных расхождений между интересами государства и общества, государства и частного капитала.

Все вышеотмеченное имеет под собой определенный исторический контекст и создает противоречивую основу для решения проблем безопасности России, от решения которой зависит будущее и российского общества, и российского народа, и российского государства[1].

В мировой практике существуют четыре основных пути решения подобного противоречия – развитие основ гражданского общества через утверждение реальных, а не декларируемых прав и свобод личности; трансформация гражданских институтов в общественные и государственные институты, которые создают среду для формирования национальных интересов, ценностей; интеграция в традиционную систему ценностей новых ценностей общественного развития под жестким контролем государства; тоталитарная модель устройства, где безопасность рассматривается как обеспечение безопасного существования режима и его институтов. Эти перечисленные формы решения противоречий между государством и обществом в контексте обеспечения безопасности его членов имеют свой определенный исторический, социально-политический и этнокультурный контекст. Вполне понятно, что Россия после распада СССР в августе 1991 года и принятия западноевропейской модели развития (рыночные отношения, либеральная демократия и др.) неизбежно столкнулась с проблемой нового отношения к безопасности в условиях изменения ценностных ориентиров и трансформации всех сфер общественной жизни.

Таким образом, существующая система внутренней и внешней безопасности России предопределена характером перехода от устойчивого развития к неустойчивому (с начала десятых годов), который вызвал следующие особенности ее современного положения в мире:

- в геополитическом отношении Россия занимает неопределенное положение, но наличие ядерного оружия и военного потенциала делает ее сверхдержавой со своими определенными геополитическими интересами как в отношении развитых стран (Европа, США), так и бывших союзных республик и стран Азии и Востока. Отсюда и возникают приоритеты государственной и национальной безопасности, что находит свое выражение в принципах доктрины национальной безопасности и характера общественного сознания россиян (этатизм);
- в социально-экономическом отношении современное положение России характеризуется противоречивостью, незавершенностью проводимых реформ и несформированностью национальной модели социально-экономического развития, что создает предпосылки для неравенства и способствует возникновению социального напряжения в обществе, т.е. потенциальных и реальных угроз и опасностей существования целостности России и защищенности границ;
- в политическом отношении: отсутствие единой общенациональной цели привело к противоборству различных элит и кланов (региональной и центральной; военной и чиновничьей; прозапад и пророссия), которые лоббируют свои частные интересы, зачастую противоречащие государственным и общественным. Сепаратистские настроения являются одной из угроз современной России. В известной мере они – почва для террористических актов;
- в этнонациональном отношении: отсутствие последовательной национальной политики создает условия для возникновения межнациональных конфликтов и связано с проблемой формирования новой национальной идентичности;
- в духовном отношении: разрыв единого социокультурного пространства на несколько частей, где доминируют взаимоисключающие ценности и которое заполняется различного рода духовной информацией, разрушающей традиционные ценности российской цивилизации.

Причем социальная безопасность становится структурообразующим элементом системы национальной безопасности, поскольку в современных условиях она предопределяет качественный уровень ее функционирования.

[1] Необходимо помнить, что еще в 1670 году немецкий философ Г. Лейбниц в возрасте 24 лет предсказал, что будущее России связано или видится только как превращение ее в колонию Швеции. Петр Великий доказывал обратное. Теперь наступило новое «смутное время», и России требуется новый сильный, умный и национально ориентированный государственный деятель.

Вознесенский И.С.
старший преподаватель МАДИ
ivoznesenski@socio.madi.ru

ТАЙМ-МЕНЕДЖМЕНТ ЧАСОВЫХ ЗОН: УРОКИ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

Ключевые слова*: экономика времени, мировая экономика, региональная интеграция, время, тайм-менеджмент, часовые зоны, летнее время.*

Keywords*: time economy, world economy, regional integration, time, time management, time zones, summer time.*

Пространство Евразии – не просто территория крупнейшего материка нашей планеты, составляющего 36% площади суши. Это еще и место проживания и экономической активности более 70% населения. Всегда, когда речь идет об обширных и сложных пространствах, в числе факторов их описания и организации одним из первых называется время, что объясняется не только единством этих категорий, представляющих пространственно-временной континуум, но и социальной целесообразностью оценки действий человека в данном пространстве с помощью единиц времени. Чем такое поведение людей продуктивнее, чем выше уровень экономического развития не отдельного домохозяйства, а всей территории, тем важнее наличие точных хронометрических оснований для оценки как общехозяйственной, так и персональной эффективности.

Для человека всегда такими основаниями выступали небо и светила. Именно свет был главным условием для осуществления работ, а темнота определяла необходимость в отдыхе от трудов. При рачительном хозяйствовании стремились как можно больше задействовать людей в светлое время суток. Поэтому в ряде древних цивилизаций летний дневной час был длиннее, чем зимний, для чего светлое время суток разделялось на 12 интервалов вне зависимости от его продолжительности[1]. Для столь непростого измерения времени были приспособлены специальные водяные часы с разными шкалами для отдельных периодов. Так, на широте Рима в зимнее солнцестояние третий час от восхода (лат. Tertia hora) продолжался 44 минуты. А в летнее солнцестояние он длился 75 минут[2]. Эти практики отграничения светлого и темного периодов суток подчеркивали важность фиксации времени труда и отдыха, сна для ранней формы хозяйствования на уже прочно обжитом или обживаемом пространстве.

Кочевые народы, которых было немало на пространствах Большой Евразии, напротив, отличались чувством открытости восприятия времени и пространства. В их представлениях время текло и приобретало бесконечность, а пространство столь же бесконечно расширялось, не имея пределов[3]. Неудивительно, что именно бесконечное и беспредельное небо служило кочевникам моделью бесконечного и беспредельного сочетания пространства и времени.

Эти два типа распределения времени прекрасно сосуществовали в разных хозяйственных системах. Экономические взаимодействия таких систем были преимущественно торговыми, потому осуществлялись профессионалами, которые умели преодолевать расстояния в караванах или на кораблях и адаптироваться к тем порядкам, которые устанавливали их контрагенты, принадлежащие к иной хронометрической культуре. Возможно, основанием для их эффективного сотрудничества служило одинаковое понимание сути времени, лежащее в основе происхождения данного понятия. Так, в старославянском языке это слово было образовано с помощью суффикса *мен* (позже перешедшего в *мя*) от той же самой основы, что и глагол «вертеть». Таким образом, время означало «нечто вращающееся». Латинское слово «tempus» берет начало в праиндоевропейских *tem- или *temp-, где отмечало некий ритм, темп. Что касается английского слова «time», то есть версия, что оно восходит к понятию «tide», то есть «приток», «отток», указывающий на и соединение двух смыслов «протяженности» и «точки».

Такой точечный подход вполне соответствовал характеру деловой активности практически до последней трети XIX столетия. Тогда с развитием промышленности, а еще с появлением более новых средств связи имеющиеся контрасты в таких культурах, которые можно условно назвать оседлыми и номадическими, стали препятствием не только для торговли, но и в целом для формирования транснациональной экономики.

Эта экономика не может не обладать едиными подходами к организации пространства и времени. Они, в частности, включают общие принципы измерения времени, делающие возможным осуществление масштабных транспортных, прежде всего, железнодорожных перевозок, контроль производственных операций независимо от их удаленности от головной компании, удобство проведения переговоров с партнерами, финансовые транзакции, позволяющие осуществлять операции вне места нахождения источников отправления платежей и т.д. Возникла потребность в

[1] Ullman B.L. Daylight saving in ancient Rome // The Classical Journal. 1918. – Vol. 13, N 6. – P. 450–451.

[2] Carcopino J. The days and hours of the Roman calendar // Carcopino J. Daily Life in Ancient Rome: The People and the City at the Height of the Empire. – London: George Routledge & sons, 1941. – P. 143–149. – https://archive.org/stream/dailylifeinancie035465mbp/dailylifeinancie035465mbp_djvu.txt

[3] Федорова Л.В. Евразийство: стремление к древнейшей или новой религиозности универсальных идей. – Якутск: Издательский дом СВФУ им. М.К. Аммосова, 2013. – С. 9.

синхронизации действий участников этих процессов, находящихся на очень далеком расстоянии друг от друга, а часто и на разных континентах.

Инициатором синхронизации и выделения разных часовых поясов или часовых зон (англ. *time zones*) можно считать английского химика Уильяма Хайда Волластона, который предложил на территории всей Британии установить единый часовой пояс, отсчитывая его координаты от Гринвичского – нулевого меридиана. Это предложение сразу же стало воплощаться в жизнь железнодорожниками, которые испытывали сложности при составлении расписания движения поездов. В начале 1880-х гг. инженером Сэндфордом Флемингом, создавшим сеть железных дорог Канады, была поддержана и реализована идея, высказанная в 1869 г. Чарльзом Ф. Даудом, директором школы американского курортного городка Саратога-Спрингс о разделении всего пространства планеты на 24 часовых пояса. В 1883 г. в Соединенных Штатах Америки был введен отсчет времени по таким поясам, а за точку отсчета также был взят Гринвичский меридиан. Поскольку площадь США намного больше британской, тогда же страну поделили на четыре зоны, время в которых отличалось от соседней зоны на один час: Тихоокеанскую, Восточную, Горную и Центральную.

В октябре 1884 г. на Международной меридианной конференции в Вашингтоне было закреплено разделение Земли на 24 административных часовых пояса[1]. Каждый из них должен был по возможности совпадать с географическим часовым поясом. Понятно, что такое кардинальное решение принималось не без бурных споров. Отдельными специалистами высказывались опасения о корректности такого подхода к измерению времени и после конференции. К ним относился директор Пулковской обсерватории О.В. Струве. Так, в статье «О решениях, принятых на Вашингтонской конференции относительно первого меридиана и вселенского времени», опубликованной в «Записках Императорской Академии наук» (Т. I. Приложение № 3. СПб, 1885), он предупреждал, что такой счет времени «необходимо должен вызывать затруднения (…) нельзя же, например, для поденных работ, зависящих от продолжительности дня, назначить одни и те же рабочие часы на дню во всех местах этой области, не разбирая, лежат ли эти места вблизи западной или близ восточной ее границы»[2]. Эти опасения были вполне понятны, ибо Струве понимал всю сложность измерения времени на обширной территории Российской империи.

И сейчас Большая Евразия является пространством с самым большим числом таких поясов. Вместе с нестандартными поясами Индии (UTC+5:30), Ирана (UTC+3:30), Афганистана (UTC+4:30), Мьянмы (UTC+6:30) и Непала (UTC+5:45) их насчитывается 17. В Российской Федерации принят Федеральный закон «Об исчислении времени»[3] от 03.06.2011 N 107-ФЗ. Понятие «часовой пояс» было признано устаревшим, и с 14 сентября 2011 г. Россия перешла на «часовые зоны», эквивалентные понятию «административный часовой пояс».

К сожалению, как научное освещение данной проблемы, так и ее отражение в справочной литературе заметно отстает от изменений в государственной политике исчисления времени. Единственный имеющийся справочник о координатах более 4200 населенных пунктов бывшего СССР, часовых поясах и изменениях исчисления времени вышел в свет в 2010 г. И тогда он фактически повторил содержание предыдущего издания[4].

Помимо внутриэкономических и социальных оснований анализа влияния смены часовых зон на экономику страны, есть причины, связанные с задачей активизации фактора времени в целях экономической интеграции на евразийском пространстве[5]. Также следует выделить причину, касающуюся раскрытия возможностей времени как резерва роста персональной эффективности, являющейся важнейшим условием перехода к шестому технологическому укладу.

Одна из главных причин, побуждающих искать именно во времени источники экономического развития, заключается в недостаточном использовании потенциала этого ресурса в имеющихся моделях хозяйствования. В процессе активизации этого потенциала сталкиваются четыре ипостаси категории «время»: «экономическое время», «социальное время», «политическое время» и «время биологическое». В принятии государственных решений об изменении исчисления времени (смены часовых поясов, введении летнего или зимнего времени) политические мотивировки, когда «время» воспринимается как категория преимущественно политическая, часто превалируют над взвешенным экономическим расчетом. Более того, видение времени как исключительно инструмента политического управления не учитывает особенностей хронобиологического ритма, к которому привыкли люди, живущие на определенных территориях, а также не анализируются социальные последствия перемен.

Эксперты пока не могут дать однозначного ответа на вопрос о пользе перехода на сезонное время и сокращения числа часовых поясов. Сомнения в рациональности перевода стрелок часов следуют из анализа даже такой области экономики, в которой позитивный результат этих действий представляется очевидным. Это – электроэнергетика. Известно, что перевод времени на летнее время происходит в 110 государствах мира. Однако экономия электроэнергии не превышает двух процентов общего годового потребления электроэнергии. В 2008 г. Энергетической комиссией американского штата Калифорния (англ. California Energy Commission) было обнародовано исследование, согласно

---

[1] International Conference Held at Washington for the Purpose of Fixing a Prime Meridian and a Universal Day. October, 1884. Protocols of the Proceedings. – Washington (D.C.): Gibson bros., printers and bookbinders, 1884.

[2] Цит. по: Апрелев В.П. Книга: Время. Стрелки часов и наше здоровье. – М.: АСТ; СПб: Астрель-СПб, 2006. – С. 23. – www.e-reading.by

[3] Федеральный закон «Об исчислении времени» от 03.06.2011 № 107-ФЗ (последняя редакция). – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_114656

[4] Координаты населенных пунктов, часовые пояса и изменения исчисления времени. Справочник / Составитель И.К. Бариев, редактор В.М. Федоров. 2-е изд., доп. – М.: Старклайт, 2010.

[5] Яруллин Р.Р. О влиянии смены часовых поясов и изменения времени на экономику России // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. – № 3 (164), март. – С. 142–147.

которому зимнее потребление электроэнергии в результате перевода стрелок снижается лишь на 0,5%, а летнее и того меньше — на 0,2%[1].

Практику перевода стрелок не поддерживали в Японии, Китае, Сингапуре, Узбекистане, Таджикистане, Туркмении, Эстонии. В 2005 г., изучив опыт перечисленных государств, а также медицинские последствия этих операций со временем, ее решили отменить в Казахстане. Перед данным решением Комитет по техническому регулированию и метрологии Министерства индустрии и торговли Казахстана организовал исследования, показавшие незначительность экономии электроэнергии, достигаемой в результате перевода стрелок часов весной, и ее расход, при возврате к зимнему времени.

С экономической точки зрения эффективной политику сезонного перевода времени можно назвать только тогда, когда она выходит за рамки простого снижения потребления электроэнергии, а оказывает позитивное воздействие на окружающую среду, увеличивает безопасность и влияет на туристическую привлекательность территорий. Также такая политика в условиях взаимозависимой мировой экономики должна быть гармонизирована с действиями соседних государств по совершенствованию систем отсчета времени.

Каждый новый этап экономического развития, даже если его идеологи провозглашают отказ от опыта прошлого, впитывает его элементы, перерабатывает и переводит в новую систему координат. Если вернуться к анализу восприятия времени на евразийском пространстве теми культурами, которые относились к номадическим, то выяснится актуальность изучения их активности. Еще 1970-х гг. теоретиками постмодернизма Ж. Делёзом и Ф. Гваттари эта идея была выражена в проекте нового видения мира, получившем название номадологии[2]. Концепция номадологии проникла в разные области, включая экономику.

А.М. Бекарев, доктор философских наук, профессор кафедры общей социологии и социальной работы НИУ ННГУ им. Н.И. Лобачевского, выделяет такие современные формы номадизма, как: сетевизм, глобальные корпорации, диаспоры[3]. Само понятие «сетевое общество», отражающее многогранный эффект модернизации, в приложении к пространственному характеру экономики стало своеобразным символом принципиально нового характера связей всех участников хозяйственных процессов. В частности, «сетевое общество» отличается мгновенной синхронизацией их общения вне зависимости от расстояния между этими акторами. Второй параметр, выделенный Бекаревым, указывает на изменившееся положение в экономике глобальных корпораций, действующих подобно кочевникам, стремящимся к достижению каждой из позиций триаде «капитал – власть – слава», заставляющей их быть в постоянном движении. С помощью Интернета меняется представление о диаспорах, благодаря развитию технологий и распространению электронных денег разрыв этнических связей из-за переезда части населения в другую этническую среду уже не воспринимается как трагедия. Он открывает некие, может быть, неосознаваемые возможности, связанные с диффузией разных хронотипических культур.

Поскольку пространство Евразии издревле служило территорией массовых перемещений людей, то можно сказать, что сама почва, с одной стороны, пропиталась духом смен на ней племен, традиций, координат, включая координаты времени. С другой стороны, это вечное движение уравновешивалось исключительной упорядоченностью отношения людей к старине, предкам, религии, обычаям, то есть тому, что было в прошлом. Все это не могло не сказаться на политике исчисления времени и отношения населения к нему.

В качестве примера можно обратиться к практике такой политики в Китае, где нарушена одна из основных закономерностей наблюдения за Солнцем, которое в полдень должно находиться в высшей точке своей траектории. Несмотря на то, что расстояние между восточной и западной границами Китая составляет около четырех тысяч километров, на всей территории Китайской народной Республики (КНР) установлен всего один часовой пояс. Следовательно, на западе Китая Солнце находится в зените в 3 часа дня, а на востоке – в 11 утра. Решение о введении единого часового пояса для всего государства было принято в 1949 г. Коммунистической партией Китая (КПК), ставшей в тот год после окончания Гражданской войны правящей. До этого в Китае было 5 часовых поясов: Куньлунь (Kunlun), Синьцзян-Тибет (Sinkiang-Tibet), Ганьсу-Сычуянь (Kansu-Szechuan), Чунгуань (Chungyuan) и Чанбайшань (Changpai). По мнению руководства КПК, общий часовой пояс мог помочь объединить страну и сплотить ее разные народности. Так, «политическое время» возобладало над астрономическим. Нельзя сказать, что это решение принесло удобство в повседневную жизнь китайцев, ведь на некоторых территориях восход Солнца наблюдается в 10 часов утра. Однако «политическое время» в КНР оказалось достаточно гибким. Есть исключения из общего порядка для территорий с особым составом населения. Так, в многонациональном Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР), площадь которого составляет почти шестую часть территории КНР, власти установили время по астрономическому времени города Урумчи. Население СУАР приступает к работе на 4 часа позже, чем в остальном Китае. Однако между Гонконгом, Макао, являющимися особыми экономическими районами, и Пекином, столицей КНР, разницы во времени нет.

Власти Китая сложности из-за синхронизации времени на большей части территории страны пытаются преодолеть увеличением скорости передвижения людей по протяженные расстояния, этим самым их сокращая. Выше отмечалось, что потребность в создании часовых поясов первыми ощутили железнодорожники. В современном Китае функционируют высокоскоростные железнодорожные магистрали, скорость движения на которых превышает

[1] California Energy Commission. – https://www.energy.ca.gov

[2] Делёз Ж., Гватари Ф. Трактат о номадологии // НК. 2005. – № 2 (92). – С. 183–187. – http://prometa.ru/lib/13

[3] Бекарев А.М. Современный номадизм: проблемы: организации и дезорганизации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. – № 4 (16). – С. 25–29.

200 км/ч. Китай является лидером по протяженности сети таких коммуникаций, превышающей длину скоростных и высокоскоростных железных дорог в Японии и Европе вместе взятых[1].

То, что раньше казалось лишь мечтаниями писателей-фантастов, в наши дни воплощается в реальности. Важно в их книгах находить те смыслы, которые предугадывают ход последующих действий людей. Можно обнаружить у писателей размышления о связи движения по железной дороге и превратностей путешествий, охватывающих в кратчайшие сроки несколько часовых поясов. Например, Жюль Верн, который в 1872 г. выпускает роман «Вокруг света за восемьдесят дней» о выигранном героем этого произведения пари благодаря пересечению линии перемены дат, в 1893 г. в романе «Клодиус Бомбарнак. Записная книжка репортера об открытии большой Трансазиатской магистрали (Из России в Пекин)» описывает открытие трансазиатского железнодорожного сообщения между Москвой и Пекином. Прошло более ста лет, но подобная магистраль так и остается в проектах.

Безусловно, развитие транспорта стало основанием для возникновения новых форм территориального передвижения людей, среди которых особую значимость приобрели деловые коммуникации. В них сформировалась такая коммуникативная культура, которая ориентирована на эффективное, бережливое отношение к времени. Долгие годы основы этой культуры рассматривались в ракурсе теории и практики организации времени, известном как тайм-менеджмент.

В современных условиях некоторыми авторами, в частности С. Калининым, высказывается предположение о необходимости перехода к пост-таймменеджменту, более точно отвечающему управленческим и самоуправленческим потребностям в навыках людей, работающих в наступающей эпохе пост-эффективности. Суть новых практик состоит в том, чтобы обучать «умению сохранять гармоничную целостность своего бытия (и своего времени, как неотъемлемого атрибута/свойства/качества этого самого Бытия». Калинин считает, что специалист по пост-таймменеджменту – «это тот, кто поможет человеку обнаружить, понять и ликвидировать “разрывы” в его жизненной целостности, найти значимые “дыры” в его бытии» (поверхностный симптом которых – проблемы с самоорганизацией во времени)[2].

Отметим, что и «разрывы» в жизненной целостности, и «дыры» в бытии, подобно любым психологическим сложностям, с которыми сталкивается человек, имеют не одну лишь субъективную природу. Они часто проецируются внутрь личности извне. Известно, что в первую очередь с ними сталкиваются те специалисты, которые по долгу службы вынуждены постоянно перемещаться на довольно далекие расстояния. Такое рассогласование циркадного ритма человека с его природным суточным ритмом получило название джетлаг (англ. jet – реактивный самолет и lag – запаздывание). Несомненно, анализ самочувствия людей после авиаперелетов помог выявить синдром смены часового пояса, вызванный быстротой их пересечения. Однако возникновение усталости, бессонницы, головной боли, потери аппетита, раздражительности и общих ощущений дискомфорта может возникать не только как следствие перемещения на самолетах, но и в результате попадания в какое-либо место, оцениваемое в объективном плане, но не в то время, в котором в нем человеку комфортно в субъективном восприятии. В обыденной жизни с этим несовпадением ожидаемых ощущений совпадения качества времени и места люди сталкиваются, когда приезжают на отдых в теплые края, а их там встречает непогода.

Но и в деловых коммуникациях один из вызовов их эффективности заключается в несовпадении представлений о единстве места и времени. Правда, не меньше рисков возникает и при их полном слиянии и превращении в устойчивую однотипную модель деловой практики. Кандидат филологических наук, писатель, сценарист О.Е. Елагина так описывает впечатления от этого однообразия мест и времен случайно встреченного ею в аэропорту Амстердама пассажира, вместе с другими застрявшего там из-за повисшего над Европой облака пепла из вулкана Эйяфьятлайокудль: «По своей работе я езжу постоянно. Два-три перелета в месяц. Я приезжаю в Париж, Прагу или в Гонконг и всегда останавливаюсь в «Марриоте», каждое утро меня ждет примерно один и тот же завтрак. Я могу пойти в итальянский ресторан в Китае или найти китайскую кухню в Париже. Мое местонахождение перестает иметь значение. Мои передвижения бессмысленны»[3].

Вместе с тем, пользуясь технологиями и тайм-менеджмента, и пост-таймменеджмента, к этому вызову можно быть готовым. Прежде всего, такая готовность заключается в понимании существования в один и тот же хронологический отрезок разных типов времени. Они по-разному ощущаются и неодинаково измеряются. Поскольку такое осознание и принятие наличия нескольких потоков времени как факта важнее всего для деловых коммуникаций, то требуется выделить среди них поток «экономического времени»[4].

У него есть конкретные показатели, во-первых, скорости (заключения сделки, оборота капитала, товарооборота, решения поставленной задачи на любой стадии производственного процесса, выполнения заказа), а, во-вторых, количества того, что организация получает за данный отрезок времени (численность контрактов, договоров, соглашений, сделок, торговых, коммерческих операций, размер полученной прибыли, количество выпускаемой и реализуемой продукции).

Но «экономическое время» – понятие исключительно широкое. Так, первооткрыватели этого направления экономической науки П. Самуэльсон и Г. Беккер видели в нем важнейший аспект функционирования человеческого ка-

---

[1] Ленский И.Л. Железные дороги: будущее за скоростями // Большая Москва. 2015. – № 28 (59). – 29 июля.

[2] Блог Сергея Калинина. – http://s-kalinin.blogspot.com/2013/10/blog-post.html

[3] Елагина О.Е. Страшное послание вулкана Эйяфьятлайокудль // Независимая газета. – М., 2019. – 30 июня.

[4] Атанов А.А. Время в современной экономике: система и функции // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2003. – № 2. – С. 119–123; Балацкий Е.В. Понятие времени в экономической науке // Вестник Российской академии наук. – М., 2005. – № 3. – С. 224–232; Бельских Е.И. Время как экономическая категория (к вопросу формирования экономики времени) // Экономический анализ: теория и практика. 2013. – № 23 (326). – С. 19–24.

питала. Исходя из этого, можно выделить в экономике времени фактор «бизнес-времени», который измеряется управленческими показателями. Оно касается продуктивности действия менеджмента в целом и каждого отдельного специалиста в определенную единицу времени.

Чаще всего такие единицы зависят от того, сколько времени требуется для проявления конкретного экономического результата. В наиболее распространенном варианте речь идет о краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных периодах. Однако реакция экономических, как правило, финансовых акторов на ситуацию вполне может быть мгновенной. Также нельзя исключать того, что многие экономические процессы подходят к своему завершению в результате сверхдлинных фаз[1].

Если в русском языке эта продолжительность связывается исключительно со временем, то в английском языке она передается через ощущение пространства, по которому осуществляется бег (англ. run). Продолжительность, как и бег, может быть на короткую дистанцию (англ. short run), а может – на длительную (англ. long run). Такие же пространственные основания есть у понимания сути времени китайцами. По-китайски понятие «время» 时间 (шыцзянь) записывается двумя иероглифами. Первый иероглиф 时 (шы), означающий время, час, сезон, эпоху, получился из двух частей – «солнце» и «направляться» (日 и 之), т.е. отразил движение солнца. Второй иероглиф 间 (цзянь) служит для указания щели, промежутка, расстояния, на что указывает его компоновка из двух частей – ворот (門) и луны в них (月). В данном случае четко выражается именно часть времени, обладающая конкретными характеристиками, а не его философский или физический смыслы, которые передаются иероглифом 岁月 (суйюэ).

Все это разнообразие смыслов, вкладывающихся в понятия «время», «экономическое время», «бизнес-время», «финансовое время», если они не разъясняются иностранным партнерам, может становиться препятствием для эффективного делового общения. Иногда провальные результаты такого непонимания обнаруживаются молниеносно. Например, на рынке Forex, который функционирует круглосуточно. На нем имеются специальные часы, в которые можно или нельзя входить со ставками. Такие интервалы зависят от конкретной биржи. Поэтому трейдеры должны знать часовые пояса Forex, разбираться в том, как они влияют на торговлю. Большая часть брокеров работает в поясе центрально-европейского времени. Но при этом активные торги начинаются не в Европе, а в Новой Зеландии (Веллингтон). Затем идет Австралия (Сидней), а потом наступает очередь других часовых поясов. Пик торгов приходится на период американской сессии (Нью-Йорк). И опытные трейдеры обычно не торгуют в тот небольшой промежуток времени, который существует между открытием новозеландской и американской сессий. Можно утверждать, что успех на Forex во многом определяется чувством времени, вернее, чувством часовых поясов.

Это чувство одинаково важно и для людей, участвующих в современной цифровой экономике, и для тех, кто сохраняет приверженность традиционному хозяйству. Недавно почти все население острова Соммарей в Норвегии, а это 400 человек, заявили, что больше не нуждаются в учете времени[2]. Полярный день там длится больше двух месяцев. Местные жители стараются использовать его как можно эффективнее. Но и зимой население Соммарея больше заботит не наступление темноты, а состояние погоды. Поэтому они и предложили объявить свою землю «зоной, свободной от времени».

Понятно, что на маленьком острове легко установить собственные порядки, даже касающиеся такой общемировой практики, как измерение времени. На обширном пространстве, каковым является Большая Евразия, надо уметь не только договариваться о времени совместных действий разных стран и народов, но и учиться чувствовать перемены времени по мере продвижения по этой территории. Все люди, по разным поводам пересекающие это пространство, знают, что чем дальше на восток они движутся, тем позже становится время. Но из астрономических правил есть политически мотивированные исключения. Например, в Японии время на два часа меньше, чем во Владивостоке, хотя он находится западнее Страны Восходящего Солнца. Поэтому деловым людям и туристам, которые едут на восток от Китая во Владивосток, необходимо переводить часы вперед. Однако в случае продолжения поездки на восток от Владивостока в Японию, надо перевести часы назад. Если и это не конечный путь маршрута, и требуется вновь отправиться на восток, то часы следует перевести вперед.

Воспитание чувства времени – процесс длительный и порой болезненный. Чтобы жить в соответствие с ритмами деловых партнеров, привыкших к другим часовым поясам, нужны специальные тренинги или длительное пребывание в местах с иным временем. Очень часто такую возможность открывает получение образования или стажировки в других странах. Поэтому чем плотнее будет на территории Евразии сеть интеллектуальных обменов, чем больше студентов будут учиться за границей, тем у большего количества людей, вовлеченных в международное деловое общение, не будет возникать проблем не из-за непонимания интересов партнера, а из-за элементарного отсутствия синхронизации действий с ним, определенной привычкой к жизни в конкретном часовом поясе.

---

[1] Кондратьев Н.Д., Опарин Д.И. Большие циклы конъюнктуры: Доклады и их обсуждение в Институте экономики. 1-е изд. – М.: Финансовое изд-во НКФ СССР, 1928; Меньшиков С.М., Клименко Л.А. Длинные волны в экономике: Когда общество меняет кожу. 2-е изд. – М.: ЛЕНАНД, 2014.

[2] Фомина Е. Зачем норвежскому острову «отказываться» от времени. – https://style.rbc.ru/life/5d0a3dff9a794746896721f0

Gadzhieva T.Sh.
Institute of history, National Academy of Sciences of Azerbaijan
h.turkan.s@gmail.com

AZERBAIJAN ISSUE IN GREAT BRITAIN-IRAN RELATIONS (1914–1920)

Keywords: *Azerbaijan, England, Iran, cooperation.*
Ключевые слова: *Азербайджан, Англия, Иран, сотрудничество.*

In the beginning of the XIX century Iran found itself in the middle of quarrels between Russia and Great Britain. Russia bordered Iran to the North. India, to the south and east, was ruled by Great Britain. At that time, the land that is now Pakistan was also part of Britain's Indian Empire. Both Russia and Great Britain vied for influence in Iran and attempted to control the country[1].

In November 1914, the war on the west Asian front escalated when the British forces marched toward Mesopotamia and landed in Basra. The British now aimed to control Mesopotamia to secure the route to Baghdad as a way station to the Russian army already stationed in northern Iran and to establish a line of defense against incursions by the Central Powers in Central and South Asia.

Additionally, the British wanted to secure the flow of oil from Persia, which had evolved as a cornerstone of their geo-political and military strategy. Khuzestan's oilfields and the Abadan Oil Refinery were a mere sixty kilometers from Basra, and only Shat al-Arab River separated Khuzestan from Ottoman Mesopotamia. From this point of view, Persia was very important for Great Britain. The great chance for Great Britain from this side appeared in the end of World War I.

The national-liberation movement in Iran in the beginning of the 1918 year resulted with the withdrawn of the Russian troops from Iran. Using this situation Britain began to replace its troops in South Azerbaijan. From this time, Britain tried to get access to Baku oil.

Since the early XIX century, Britain had sporadically involved itself in Iranian attempts at military modernization. During the years of the constitutional period and the First World War this involvement deepened and became more complex and received fundamental significance for the country's political future[2].

The principles of British policy towards Iran, despite divergence of interpretation over their definition and scope have remained generally the same for the century since enunciated by the Foreign Secretary, the Marquis of Salisbury, in February 1888, "it is to the interest of this country that the integrity of Persia should be maintained, that its resources should be developed and that its government should be strong, independent and friendly".

In the XX century, government relations with a relatively quiescent Iran were primarily conditioned by the imperial importance of India. For most of the XX century, relations have dominated politically by the modernization and revival of Iran under the stimulus of Reza shah and his son.

I would like to notice that the national liberation movement in Iran expanded in the beginning of the 1918 year. It is in turn influenced to the political situation in Iran. After this one Russian troops began to leave the territory of Iran. They considered that suitable conditions for the implementation of their plans of final enslavement of Iran and for capture of Caucasus were created.

In the fall of 1917, contradictions between ethnic groups began to aggravate the situation in the South Caucasus. The Transcaucasian Special Committee, which emerged after the February Revolution, ceased its activities. The political freedoms of the South Caucasian people, the strong tendency toward autonomy, the realization of the activities of national parties and organizations, the growing international interest in the region and other important factors have made the Southern Caucasus more manageable[3].

By collecting comprehensive information on the situation in Baku from the summer of 1918, the British mission helped to determine the political forces that the UK could cooperate with in the Caucasus. Although British intelligence, which was unable to take advantage of the Armenians' offer of favor, actually did not care about this issue, it was possible to come to Anzali from the other side and take control of the Caspian fleet together with the Armenians and the Bolsheviks. The British intelligence service was primarily engaged in preparing the ground for the arrival of the Dunsterville mission[4].

---

[1] Piddock C. Iran. – New York, 2010.

[2] Vanesssa M. Anglo-iranian relations since 1800. New York 2005

[3] Azerbaijan Democratic Republic. Great Britain archive documents.

[4] Əhmədova F. Azərbaycan Xalq Cumhuriyyətinin yaranması ərəfəsində regionda geosiyasi vəziyyət. Xalq qəzeti 2017, 27 may N 110, s. 7.

After this British government has started placement of its military forces in the Southern Azerbaijan. British government began to show its interest in Baku oil. The government of England in addition has sent to Iran new military forces under command of the general Dunsterville. He has been instructed in capture of Enzeli, Rasht and Baku.

Greater geopolitical space covering the Middle East, as well as Caucasus and Central Asia, was the coordinating center for all military-political activities in Britain at the end of March 1918, and was headed by the «Eastern Committee», chaired by Marc Cherry. The structure includes the Foreign Minister A. Balfur, his Deputy Lord Cecil, the Deputy Foreign Minister Lord Harding, the Chief of the Imperial Headquarters G. Wilson, the Minister for Indian Affairs A. Monteqyu and the Chief of Military Intelligence Major General C. McDonnell.

At the same time, it should be noted that in the British government circles in 1918-1919 years there was no consensus on the Caucasus and Iran. In December 1918, Mr. Curzon said: «As for India's defense, I think that it's not important for us to think about the Caucasus, it is beyond our interests». This was because Montague represented the British constituency that they were in favor of pursuing a more flexible policy in the East in search of allies in the face of indigenous peoples in the conditions of the struggle for independence that began in Cilicia and in British colonies.

Historian Musa Qasimli[1] states in his article titled «South Caucasus policy of Entente Countries» that in the complicated military-political and diplomatic environment formed in the region, the British moved into action to implement their plans for the South Caucasus. However, occupation of Azerbaijan had some difficulties. The author explained the difficulties in the following way.

First, it was not necessary to go to Baku during the war, but it needed a certain legal and political foundation. Such a basis was not available. The Bolsheviks in Baku regarded the British as an enemy.

Secondly, it was very difficult to move the military operations zone from Baghdad to Baku. Natural conditions were inconvenient. The 800-mile distance between Baghdad and Baku was full of difficulties. Such a distance made it difficult for Baku to produce enough army.

Third, the composition of the army units sent to Baku was difficult to complement. Because sending even smaller part of the army to Baku weakened the Mesopotamian front.

Fourth, supplying the army with food in Baku was a major challenge for the English command. In addition to Baku, a number of regions of Azerbaijan were in the hands of the Caucasus Islamic Army and there was a shortage of food in the city.

Finally, the local population in South Azerbaijan blocked the movement of the British. They favored the Turkish attack. Here Mirza Small Khan was the main obstacle. Shardini, the chief of the French military mission in the Caucasus, came to Dunsterville. Thus, the march to Baku turned into a joint plan of not only English but also of the allies as a whole.

On this ground, at the London Conference in 1918, the Antanta countries decided to divide the influence circles in Russia. The Southeastern part of Russia fell into the British influence. After that, Britain began to strengthen its position in the region. The inclusion of Azerbaijan into the UK's sphere of influence has strengthened the military-political presence of official London in the whole Caucasus-Caspian region. In particular, it should be emphasized that Baku attracted not only British politicians and economists, but also British intelligence. General Dunsterville wrote in his memoirs «it is necessary to establish a good intelligence system to secure its own security and to benefit all allies»[2].

It should be noted that, since the fate of the war was unknown in the spring of 1918, the allies had to prevent any use of the Central Powers of the Caspian Sea oil fields on the shores of the Caspian Sea. For this purpose, a special expedition was created in Mesopotamia in January 1918, under the command of Major-General Dunsterville. Officially, this army was called Dunsterforce. It was announced in London that Dunsterforce was to hinder the German-Turkish troops towards Afghanistan and India. This expedition had to arrive in Tbilisi through the Mesopotamia-Iran border.

The strengthening of the Bolsheviks in Baku in the fall of 1918 influenced the activation of Western states in the intervention in the South Caucasus. The foreign and domestic situation in the Caucasus-Caspian region allowed Britain and Azerbaijan to engage in military intervention. Dunsterville noted in his memoirs that sovereignty in the Caspian Sea is still our main goal[3].

Finally, on August 4, 1918, the first group of English expedition headed by Stokes arrived in Baku. Thus, the first military intervention of the British in Azerbaijan began and continued until September 17. On August 17, General Dunsterville arrived in Baku with a new English group. British sources note that the number of Dunsterville's brigands in Baku has not exceeded 1,000. The first English intervention lasted only 41 days and resulted in failure.

In archival documents[4], the following are the main reasons of the British occupation of the Transcaucasia:

1. Ensure the fulfillment of the conditions of peace between the Allies and Turkey;

2. Restoration and protection of the rule until the disputed territory issues are resolved at the peace conference.

However, of course, all this was actually an excuse. The main goal was to strengthen the region, to prevent the interference of other states and to restore control over the Caucasus-Caspian region.

It should be emphasized that the study of relations between Azerbaijan and Great Britain in the early XX century has revealed several features. The economic relationships that began in the Middle Ages, were continued in the independent statehood of 1918–1920.

---

[1] Qasımlı M. Antanta olkelerinin Guney Qafqaz siyaseti.

[2] Əhmədova F. Azərbaycan Xalq Cumhuriyyətinin yaranması ərəfəsində regionda geosiyasi vəziyyət // Xalq qəzeti. 2017. – 27 may, N 110. – S. 7.

[3] Юсифзаде С. Азербайджано-Британские отношения в начале XX века. – Баку, 2008. – С. 62.

[4] ARMDA f 970 siy 1, iş 80.

On the other hand, the government of Azerbaijan, which faced serious challenges in introducing itself as an independent state in the international arena, received moral support from the UK. On November 17, 1918, British troops entered Baku on behalf of the Antanta Force. Thus, the second military intervention of the British began in Azerbaijan and continued until 1919. After lengthy talks General Tomson accepted the government as the sole effective government and stated that the UK government recognized the Azerbaijani government as the only legitimate authority in the country.

In the middle of 1918, the British had seized control of all Iran. Early August in Tehran an English-speaking government was organized under the leadership of the state. The English general was sent to the Cossack brigade at the request of Ayronsaydin.

White Russian officers were replaced by English. In 1919, the rebel Iranian government submitted a memorandum to the Paris Peace Conference with territorial claims. The memorandum claimed that the Azerbaijani state, which proclaimed its independence, had never existed, and these lands historically belong to the Iranian state. According to the Treaty of Gulustan in 1813 and the Turkmenchay Treaties of 1828, the Russian state has severed these lands from Iran. This demand was so surprising that the conference refused even to look at it. The government of Vusukuddovle was preparing to sign an agreement with Britain on extremely difficult conditions for Iran. Negotiations began in the autumn of 1918, but it was very slow. The British spent a great deal of money on the handling of Iranian officials. Vusukuddovle and other members of the government had received £ 130,000. The United Kingdom-Iran agreement was signed in Tehran on August 9, 1919, without the consent of the parliament. According to the treaty, England sent consultants with extensive rights to all government agencies at the expense of Iran. Iranian Army it was supposed to create a commission consisting of English and Iranian officers for the reconstruction. For this purpose, officers, trainers, ammunition from England were to be brought. These measures would be financed by the British government's 2 million pound sterling allowance for the British government. Thus, the 1919-year treaty imposed Iran to dependence on Britain. The country's population met the signing of an extremely heavy contract for Iran with protests. The British began to implement its terms without waiting for the agreement to be approved by the Iranian Majlis[1].

After the Turkish military forces have been forced to leave the Southern Azerbaijan, British army conquered all Southern Azerbaijan, including Tabriz. Thus, the territory of Iran has completely passed under the control of the English interventionists. On 9th August 1919 under pressure of conquerors, the agreement between Iran and England has been concluded. Based on conditions of this agreement Iran turned into the country dependent on England.

Azerbaijan issue was very important in Great-Britain Iran relations. As before, mentioned Iran after World War I was under the occupation of Great Britain. From this time, England paid special attention to Azerbaijan. Baku's oil was very important for Britain government. That is why Britain government sent different missions to Azerbaijan. In the result of these missions, they tried to strength their positions in Azerbaijan.

[1] Azərbaycan Xalq Cümhuriyyəti II cild 2005

Гайкин В.А.
к.и.н., с.н.с. Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток
Unara49@mail.ru

КОРЕЙСКИЕ ИНСУРГЕНТЫ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КИТАЕ В БОРЬБЕ ПРОТИВ ЯПОНСКОЙ АГРЕССИИ

***Ключевые слова**: Маньчжурия, японская агрессия, корейские партизаны, КПК, Ким Ир Сен, Дунбяньдао.*
***Keywords**: Manchuria, the Japanese aggression, Korean guerrillas, CPC, Kim Il Sung, Dunbyandao.*

Общепринятая версия о начале 1 сентября 1939 г. глобального конфликта, получившего название Вторая мировая война, – это отражение европоцентристского взгляда на историю и мировую политику, согласно которому Европа является геополитической доминантой, «первой скрипкой» миросообщества. Если сменить «ракурс» то можно предположить, что глобальный конфликт начался с масштабных боевых действий на Дальнем Востоке – вторжения в Китай японской армии в июле 1937 г., которому в свою очередь предшествовало подписание 25 ноября 1936 г в Берлине между Германией и Японией антикоминтерновского пакта, оформившего под флагом борьбы против Коминтерна блок этих государств для завоевания мирового господства. Подписанный одновременно с пактом секретный Дополнительный протокол предусматривал, что в случае возникновения или угрозы войны между СССР и одной из договаривающихся сторон, другая сторона «не предпримет никаких мер, осуществление которых могло бы облегчить положение СССР».

Одним из ярких и действительно героических страниц антияпонского сопротивления в Китае была вооружённая борьба в районах Маньчжурии (Северо-Восточный Китай), граничащих с Кореей. Главными «действующими лицами» здесь были корейские партизаны, поскольку это была территория с преимущественно корейским населением. Их численность составляла к сентябрю 1936 г. по японским оценкам, 5520 человек. Из них в отрядах компартии сражалось 2590 бойцов, отряды националистов насчитывали 1720 человек. Численность крестьянских отрядов и хунхузов составляла 1210 человек[1].

В 1937 г. в боях с карателями погибли 740 партизан, ранены 324, взяты в плен 283, сдались 512 человек[2]. В результате карательных операций, мер, направленных на изоляцию антияпонских отрядов, проведения антияпонской пропаганды среди населения численность партизан в Дунбяньдао уменьшилось к январю 1937 г. по сравнению с сентябрём 1936 г. более чем в два раза (до 2595 бойцов). Из них в отрядах под руководством компартии воевало 1340 человек, численность националистических группировок составила 395 человек (уменьшение в 4 раза), «беспартийные» крестьянские отряды и хунхузы насчитывали 860 человек[3].

Японский автор писал: «Я слышал от чиновников корейского генерал-губернаторства о корейских коммунистических бандитах Ким Ирсене, Цао Куане…Ким Ирсен является политкомиссаром армии № 2-5 ОАА»[4]. По японским данным, на декабрь 1938 г. в приграничных с Кореей районах Маньчжурии продолжали борьбу 3400 партизан (коммунисты, националисты, крестьянские (беспартийные) отряды). Из них в отрядах компартии сражались 2825 бойцов. По свидетельству японского полицейского издания, в этом районе «главные бандиты – Ян Цзиньюй и Ким Ирсен», уничтожение их – «важнейшая цель карательных операций»[5]. В отряде Ким Ирсена насчитывалось около 500 человек[6]. Японцы продолжали операции по борьбе с партизанами в Восточной Маньчжурии. С октября 1938 г. по февраль 1939 г. в провинции Тунхуа в боях с карателями погибли 340 партизан, 106 были взяты в плен, 608 сдались. В 1938 г. в этой провинции из 900 партизан 500 были корейцами[7].

В 1940 г. в Дунбяньдао действовали корейско-китайские отряды Ян Цзиньюй, Пак Тыкпома, Ли Чхаммо, Ким Ирсена, Цао Яфана, Чэнь Ханьчжана, Вэй Чженминя, ан Санкиля, Чон Гвана, Хан Инхва, Чэхёна (Ян Цзиньюй убит в бою в феврале 1940 г., Пак Тыкпом захвачен в плен в декабре 1940 г.. Цао Яфан погиб в апреле 1940 г. Чэнь Ханьчжан убит в декабре 1940 г., Вэй Чженминь убит в марте 1941 г.). В январе 1940 г. в Юго-Восточной Маньчжурии (восточная часть провинции Цзилинь, провинции Цзяньдао, Тунхуа), по данным японским военных сводок, партизаны прове-

[1] Хокубу тохэндо тихон косаку сого хококу (Сводный доклад о работе по умиротворению северной части Дунбяньдао). Б.м. 1937. – С. 6.

[2] Тобацу гэнкё хококу (Доклад о карательных операциях) Б.м. 1937. – С. 124.

[3] Хокубу тохэндо тихон косаку сого хококу (Сводный доклад о работе по умиротворению северной части Дунбяньдао). Б. м. 1937. – С. 65–66.

[4] Нагаока титаро. Кёкуто но кэйкаку то миндзоку (Перспективы Дальнего Востока и народы). – Токио, 1938. – С. 58.

[5] The comintern's activity in Manchuria. A general survey. – Hsinking. 1940. – P. 220.

[6] Сайкин ни окэру тёсэн тиан дзёкё 1938 нэн (Общественный порядок в Корее в настоящее время 1938г.). – Токио, 1966. – С. 225

[7] Scalapino R.A., Chong-sik Lee. Communism in Korea. – Berkley; Los Angeles, 1972. – P. 224–225.

ли 37 боёв с карателями, в которых участвовало 4295 партизан[1]. В сентябре 1940 г. в Юго-Восточной Маньчжурии произошло 34 столкновения партизан с японскими частями, в которых участвовало только 385 человек[2].

В конце 1940 г. из 4–5 отрядов, действовавших на юго-востоке Маньчжурии, на первое место по значимости японцы ставили отряд Ким Ирсена. Однако реальной угрозы для японцев ни отряд Ким Ирсена, ни другие отряды этой зоны в 1940 г. уже не представляли. Японцам удалось почти полностью подавить вооружённое сопротивление корейских партизан (как и китайских) Так, общее количество инсургентов на юго-востоке Маньчжурии, принимавших участие в боях, сократилось в сентябре 1940 г. по сравнению с январём 1940 г. в 11 раз[3]. Осенью 1940 г. в Юго-Восточной Маньчжурии (основном районе действий корейских партизан) продолжало борьбу не более 400 патриотов (по всей Маньчжурии – 1600 партизан)[4]. Для сравнения только полицейских-корейцев в Цзяньдао насчитывалось 4013 человек (по всей Маньчжурии 6890 человек), членов отрядов самообороны-корейцев в Цзяньдао – 12376 человек (по всей Маньчжурии 12875 человек)[5]. С октября 1939 г. по март 1941 г. в боях в Дунбяньдао погибло 1282 партизана, захвачено в плен 896, сдались 1040 инсургентов[6].

[1] Тиан гайкё гаппо (Ежемесячный бюллетень состояния общественного порядка). Б.м. 1940. – № 1.
[2] Там же. – № 9.
[3] Там же. – № 1, 9.
[4] Сина оёби Мансю но тиан дзёкё 1941 (Общественный порядок в Китае и Маньчжурии на 1941). Б.м. 1942. – С. 26.
[5] Мансю кокунай бусо дантай тёсахё (Вооружённые формирования в Маньчжурии). Б.м. 1940. – С. 2, 8.
[6] Chong-sik Lee. Revolutionary struggle in Manchuria. – Berkley; Los Angeles; London, 1983. – P. 293.

Гордиенко Д.В.
д.в.н., профессор, РАНХиГС

ЗАЩИЩЕННОСТЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК СТРАН-ЧЛЕНОВ ШОС ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЯСА ШЕЛКОВОГО ПУТИ

Ключевые слова*: экономика, Азиатско-Тихоокеанский регион, Россия, Китай, Индия, Транстихоокеанское партнерство, Всестороннее региональное экономическое партнерство, Большое евразийское партнерство, Евразия, Шанхайская организация сотрудничества, Экономический пояс Шелкового пути, Евразийский экономический союз, мировой финансово-экономический кризис, экономическая безопасность, уровень экономической безопасности, обеспечение экономической безопасности государства.*

Keywords*: economy, Asia-Pacific region, Russia, China, India, Trans-Pacific Partnership, Regional Comprehensive Economic Partnership, Great Eurasian Partnership, Eurasia, Shanghai Cooperation Organization, Silk Road Economic Belt, Eurasian Economic Union, global financial crisis, economic security, level economic security, ensuring the economic security of the state.*

Страны-члены ШОС и другие государства, участвующие в реализации проекта «Экономического пояса Шелкового пути» и Большого Евразийского партнерства, безусловно, вовлечены и продолжают вовлекаться в процессы глобализации.

Одной из причин роста числа Региональных торговых соглашений (РТС) и Зон свободной торговли (ЗСТ) является эффект «переориентации торговли» (trade diversion), когда между странами, подписавшими преференциальное региональное торговое соглашение, упраздняются торговые барьеры, которые, тем не менее, сохраняются в торговле со странами остального мира. Это способствует расширению торговли между странами-участниками интеграционного проекта[1] за счет вытеснения импорта из третьих стран[2].

Реализация глобальных интеграционных проектов[3] позволяет формировать глубокие интеграционные экономические партнерства между странами и/или регионами, обладающие большим весом в международной торговле и мировых инвестициях.

Формирование глобальных партнерств с большим числом участников, включая крупные экономики, позволяет нивелировать эффект spaghetti bowl[4] и, тем самым, снизить транзакционные издержки компаний, ускорить развитие устоявшихся цепочек добавленной стоимости в регионе, а также сформировать новые, усиливая взаимовлияние национальных хозяйств стран-участников глобальных интеграционных проектов.

Китай постепенно берет на себя роль лидера, призванного решить задачу смены парадигмы глобализации, ориентированной на исключительное право США определять параметры развития мировой экономики.

Пока трудно комментировать то, что конкретно понимается под глобализацией по-китайски, но уже понятна суть позиции Пекина, представляющая собой стремление предложить подходы к интеграционному взаимодействию,

---

[1] И, возможно, увеличению взаимовлияния между национальными экономиками этих стран.

[2] И, как правило, снижению взаимовлияния между национальными экономиками стран-участников и третьих стран.

Потенциальные риски, связанные с потерей позиций на рынках стран, подписавших РТС или соглашение о ЗСТ, побуждает не участвующие стороны подключаться к процессу реализации глобального интеграционного проекта на различных основаниях.

[3] В некоторых источниках глобальные интеграционные проекты называются *мегарегиональными торговыми соглашениями*. См. World economic forum // Mega-regional Trade Agreements Game-Changers or Costly Distractions for the World Trading System? – http://www3.weforum.org/docs/GAC/2014/WEF_GAC_TradeFDI_MegaRegionalTradeAgreements_Report_2014.pdf

[4] Этот термин впервые был использован Джагдишом Бхагвати (Jagdish Bhagwati) в работе «U.S. Trade Policy: The Infatuation with Free Trade Agreements», опубликованной в 1995 году (http://www.columbia.edu/cu/libraries/inside/working/Econ/ldpd_econ_9495_726.pdf).

Spaghetti bowl effect представляет собой явление международной экономической политики, которое отражает осложнения, возникающие в связи с заключением соглашений о свободной торговле между странами, вызванные применением в этих странах внутренних правил происхождения товаров и услуг. Из-за резкого роста числа РТС/соглашений о ЗСТ этот эффект приводит к дискриминационной торговой политике и парадоксальным, часто противоречащим друг другу результатам двусторонних и многосторонних торговых соглашений, и в итоге негативно сказывается на взаимной торговле партнеров по соглашению. Применительно к торговле между азиатскими странами *spaghetti bowl effect* иногда называют «эффектом чаши с лапшой», или «*noodle bowl effect*».

Региональные торговые соглашения и соглашения о ЗСТ получили особо широкое распространение в АТР уже к концу 1990-х годов. Более подробно см., например, Стапаран Н.В. Основные форматы многостороннего взаимодействия в Азиатско-Тихоокеанской регионе // Индекс Безопасности. 2015. – Т. 21, № 3 (114). – С. 25–36. – https://docplayer.ru/42737367-Natalya-stapran-osnovnye-formaty-mnogostoronnego-vzaimodeystviya-v-aziatsko-tihookeanskom-regione.html

По состоянию на май 2018 года в Секретариате ВТО в общей сложности было нотифицировано 673 РТС (включая соглашения, касающиеся торговли услугами и интеллектуальной собственности, инвестиционного и инфраструктурного сотрудничества), из которых 459 вступили в силу, а 287 являются действующими «физическими» РТС.

принципиально отличному от других. Данные подходы можно рассматривать в контексте того, что азиатские государства, никогда не проявляя готовности поступиться политической властью, соглашаются при региональной интеграции делегировать соответствующим (наднациональным и международным) структурам лишь свои экономические полномочия.

При этом стратегически планируемая перестройка глобальной финансово-экономической системы, предполагающая снижение односторонних выгод для Запада, обозначает выигрыш, прежде всего, для Китая[1].

Как своеобразная альтернатива Транстихоокеанскому партнерству (ТТП) развивается проект по созданию Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП)[2]. ТТП (ВПТТП)[3] и РВЭП воплощают два во многом альтернативных подхода к преференциальным торговым соглашениям, создаваемым под эгидой США (и/или теперь Японии[4]) и Китая соответственно.

В этих условиях Россия выдвигает идею создания Большого евразийского партнерства (БЕАП) на основе Евразийского экономического союза и концепции «Один пояс и один путь» с участием Китая, Индии, Пакистана, Ирана, стран СНГ и АСЕАН, а также ряда других государств.

Поскольку ряд стран, входящих глобальные интеграционные проекты, являются крупнейшими по размеру ВВП экономиками мира, реализация тех или иных сценариев интеграции в рамках ТТП или «Экономического пояса Шелкового пути» может иметь заметное влияние на мировую экономику, и в частности на функционирование экономик стран – членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Осуществление того или иного сценария глобальной экономической интеграции может таить в себе определенные риски, но в то же время иметь потенциальные выгоды для социально-экономического развития России и других стран – членов ЕАЭС.

Инициатива Экономического пояса Шелкового пути в рамках Концепции «Один пояс и один путь», дает возможность реализовать «восточный» вектор развития нашей страны и других государств – членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

На основе продолжения и развития духа древнего Великого Шелкового пути «Один пояс и один путь» призывает к выработке новых механизмов регионального экономического партнерства, стимулированию экономического процветания вовлеченных стран, укреплению культурных обменов и связей во всех областях между разными цивилизациями, а также содействию мира и устойчивого развития.

---

[1] Полагаем, что данные об этом необходимо комментировать с особой осторожностью, поскольку внутри стратегических границ влияния Китая постепенно, естественным образом образовывается геополитическое пространство, находящееся под китайским экономическим контролем, финансовым и правовым влиянием.

[2] Всестороннее региональное экономическое партнерство (англ. Regional Comprehensive Economic Partnership, RCEP) представляет собой соглашение о «зоне свободной торговли плюс» («ЗСТ +»). ВРЭП охватывает 4 развитые и 12 развивающихся государств: десять стран АСЕАН (Бруней, Вьетнам, Индонезию, Камбоджу, Лаос, Малайзию, Мьянму, Сингапур, Таиланд и Филиппины) и шесть стран, с которыми у АСЕАН подписан ряд соглашений и свободной торговле (Австралию, Индию, Китай, Новую Зеландию, Южную Корею и Японию). Начало переговоров было положено 20 ноября 2012 г. на саммите АСЕАН в Камбодже.

[3] Когда говорят, что такая-то страна вступила в ТТП, имеется в виду, что она присоединилась к переговорам. В 2008 году данным проектом заинтересовались США, а затем Австралия, Вьетнам и Перу. В 2010 году переговоры о присоединении к ТТП начала Малайзия, в 2012 году – Канада и Мексика. В апреле 2012 г. США заявили о намерении включить в состав организации Японию, в марте 2013 Япония решила начать переговоры о вступлении в ТТП. В мае 2013 года было анонсировано начало переговоров по Японии, в предпринимательской среде Японии началось активное обсуждение перспектив вхождения в ТТП. С 2010 года по сентябрь 2013 года страны провели 19 раундов официальных переговоров по проекту соглашения о ТТП.

5 октября 2015 года в Атланте (США) было достигнуто соглашение по Транстихоокеанскому партнерству между 12 странами: США, Японией, Малайзией, Вьетнамом, Сингапуром, Брунеем, Австралией, Новой Зеландией, Канадой, Мексикой, Чили и Перу. Оно предусматривало создание зоны свободной торговли на территории этих стран. Статус ассоциированных участников или наблюдателей получили Тайвань, Южная Корея, Таиланд и Филиппины. В тот же реестр планировалось включить Индонезию, Папуа – Новую Гвинею и Фиджи. В феврале 2016 года в Окленде (Новая Зеландия) между этими странами был подписан договор о создании ТТП.

Одним из первых распоряжений Дональда Трампа на посту президента США стал указ о выходе этой страны из Соглашения о Транстихоокеанском Стратегическом Экономическом Сотрудничестве: «Presidential Memorandum Regarding Withdrawal of the United States from the Trans-Pacific Partnership Negotiations and Agreement» (https://www.whitehous.gov/the-press-office/2017/01/23/presidential-memorandum-regarding-withdrawal-united-states-trans-pacific). В ноябре 2017 года 11 министров торговли ТТП договорились о сотрудничестве без участия США. Сопредседатель переговоров, министр экономики и промышленности Японии Тосимицу Мотэги сообщил, что министры пришли к единому мнению по «претворению ТТП в реальность». По словам министра торговли Вьетнама Тран Туан Аня, министры «достигли соглашения по ряду фундаментальных элементов» (https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5aa19db99a794746eb986d24). 13 апреля 2018 г. стало известно, что Вашингтон рассматривает возможность заключения новой сделки по Транстихоокеанскому партнерству. Пересмотр соглашения Д. Трамп поручил представителю США на торговых переговорах Роберту Лайтхайзеру и руководителю Национального экономического совета при президенте Лоуренсу Кадлоу, «резко изменив направление» политики. «Мы вновь присоединимся к ТТП, если сделка будет значительно лучше, чем сделка, предложенная президенту Обаме. У нас уже есть двусторонние соглашения с шестью из 11 стран, входящих в ТТП, и мы работаем над заключением сделки с крупнейшей из этих стран, Японией, которая сильно притесняла нас в торговле на протяжении многих лет», – заявил Д. Трамп)https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5ad043db9a7947d1125fa037).

23 января 2018 года 11 стран завершили переговорный процесс по Всеобъемлющему и прогрессивному соглашению для Транстихоокеанского партнерства (ВПТТП). 8 марта 2018 г. соглашение о ТТП подписано без участия США. В разное время ряд стран АТР выразил свое желание присоединиться в ближайшем или отдаленном будущем к ТТП: Индия, Индонезия, Таиланд, а также не исключалась возможность участия в ТТП Китая.

[4] Д.Трамп считает, что многосторонние соглашения – зло для США, поскольку в таких сделках его страна противостоит пусть и более слабым игрокам, зато объединенным в коалицию.

Экономическая кооперация Индии. Реализация стратегии Экономического пояса Шелкового пути позволит увеличить долю товарооборота Индии со станами-членами ШОС к 2020 г. не менее чем на 2,16% – с 21,57% (204,96 млрд. долл.) до 23,73%. (225,46 млрд. долл.).

Очевидно, что при сохраняющихся трендах экономического развития Таджикистана и структуре его товарооборота, возможен отрицательный прирост уровня защищенности национального хозяйства Индии.

К 2025 году уровень экономической безопасности Индии, реализованный в рамках ее экономической кооперации со странами – членами ШОС, может увеличиться на 1,7 п.п. – с 16,36 до 18,05% от уровня экономической безопасности, реализованного в рамках экономического патроната со стороны Правительства и Резервного банка Индии (табл. 1).

Таблица 1

Изменения уровней защищенности национального хозяйства Индии от внешних и внутренних угроз при реализации инициативы Экономического пояса Шелкового пути, % от уровня защищенности национального хозяйства, реализованного в рамках экономического патроната

	Защищенность национальной экономики Индии в рамках экономического патроната со стороны правительства и Центрального банка Индии = 100%						
	изменение уровня защищенности экономики в рамках экономической кооперации		изменение уровня защищенности экономики в рамках экономического противоборства		изменение уровня защищенности экономики в рамках экономической кооперации и экономического противоборства		
	без учета реализации ЭПШП	прирост с учетом реализации ЭПШП	без учета реализации ЭПШП	прирост с учетом реализации ЭПШП	без учета реализации ЭПШП	прирост с учетом реализации ЭПШП	с учетом реализации ЭПШП
1	2	3	4	5	2+4	3+5	2+3+4+5
Китай	10,185	1,071	5,582	–2,273	15,767	–1,202	14,565
Казахстан	0,095	1,320	–0,0017	0,0002	0,0933	1,3202	1,4135
Киргизия	0,005	–0,003	0,025	–0,010	0,03	–0,013	0,017
Пакистан	1,078	0,110	0,023	–0,008	1,101	0,102	1,203
Россия	1,825	0,185	–0,814	0,323	1,011	0,508	1,519
Таджикистан	–0,017	–0,003	0,085	–0,036	0,068	–0,039	0,029
Узбекистан	0,013	0,003	0,094	–0,037	0,107	–0,034	0,073
Афганистан	0,006	0,000	0,175	–0,070	0,181	–0,07	0,111
Белоруссия	0,177	0,016	–0,165	0,067	0,012	0,083	0,095
Иран	0,976	0,098	–0,694	0,275	0,282	0,373	0,655
Монголия	0,035	0,006	0,015	–0,004	0,05	0,002	0,052
Азербайджан	0,029	0,000	0,011	–0,005	0,04	–0,005	0,035
Армения	0,009	0,001	0,009	–0,003	0,018	–0,002	0,016
Камбоджа	0,007	0,000	0,005	–0,002	0,012	–0,002	0,01
Непал	0,170	0,018	–0,032	0,014	0,138	0,032	0,17
Турция	1,402	0,143	–0,309	0,126	1,093	0,269	1,362
Шри-Ланка	0,365	0,039	–0,115	0,047	0,25	0,086	0,336
ИТОГО	при экономической интеграции со странами ЕАЭС в рамках реализации инициативы ЭПШП						
	2,111	1,519	-0,9467	0,3772	1,164	1,8962	3,061
	при экономической интеграции с остальными странами-членами ШОС в рамках реализации инициативы ЭПШП						
	14,248	0,181	4,8397	–1,9702	19,088	–1,7892	17,298
	при реализации инициативы ЭПШП						
	16,359	1,700	3,893	-1,593	20,252	0,107	20,359
Справочно							
США	9,868	0	–0,202	0	9,666	0	9,666
ЕС	10,88	0	–3,527	0	7,353	0	7,353

Экономическая кооперация Китая. Реализация стратегии Экономического пояса Шелкового пути позволит увеличить долю товарооборота Китая со странами-членами ШОС к 2020 г. не менее чем на 0,88% – с 8,89% (488,7 млрд. долл.) до 9,77 %. (537,57 млрд. долл.).

При сохраняющихся трендах экономического развития Афганистана и структуре его товарооборота, возможен отрицательный прирост уровня защищенности национального хозяйства Китая.

К 2025 году уровень экономической безопасности Китая, реализованный в рамках его экономической кооперации со странами-членами ШОС, может увеличиться на 0,72 п.п. – с 7,07 до 7,79% от уровня экономической безопасности, реализованного в рамках экономического патроната со стороны Правительства и Народного банка Китая (табл. 2).

Экономическая кооперация России. Реализация стратегии Экономического пояса Шелкового пути позволит увеличить долю товарооборота России со странами-членами ШОС к 2020 г. не менее, чем на 2,76% – с 27,64% (359,3 млрд. долл.) до 30,40% (395,2 млрд. долл.).

В то же время сопряжение строительства Евразийского экономического союза с Экономическим поясом Шелкового пути позволит увеличить долю товарооборота России со странами-членами ШОС к 2020 г. не менее, чем на 3,28 до 30,92% (401,9 млрд. долл.).

При сохраняющихся трендах экономического развития Киргизии и Таджикистана и страновой структуре товарооборота России, возможны отрицательные приросты уровня защищенности национального хозяйства России.

Таблица 2

Изменения уровней защищенности национального хозяйства Китая от внешних и внутренних угроз при реализации инициативы Экономического пояса Шелкового пути, % от уровня защищенности национального хозяйства, реализованного в рамках экономического патроната

	Защищенность национальной экономики Китая в рамках экономического патроната со стороны правительства и Народного Банка Китая = 100%						
	изменение уровня защищенности экономики в рамках экономической кооперации		изменение уровня защищенности экономики в рамках экономического противоборства		изменение уровня защищенности экономики в рамках экономической кооперации и экономического противоборства		
	без учета реализации ЭПШП	**прирост с учетом реализации ЭПШП**	без учета реализации ЭПШП	**прирост с учетом реализации ЭПШП**	без учета реализации ЭПШП	**прирост с учетом реализации ЭПШП**	с учетом реализации ЭПШП
1	2	3	4	5	2+4	3+5	2+3+4+5
Индия	1,711	**0,173**	–1,154	**0,463**	0,557	**0,636**	1,193
Казахстан	0,386	**0,039**	0,348	**–0,140**	0,734	**–0,101**	0,633
Киргизия	0,043	**0,003**	0,138	**–0,055**	0,181	**–0,052**	0,129
Пакистан	0,251	**0,027**	–0,204	**0,082**	0,047	**0,109**	0,156
Россия	3,258	**0,332**	1,044	**–0,981**	4,302	**–0,649**	3,653
Таджикистан	0,058	**0,006**	0,254	**–0,10063**	0,312	**–0,0946**	0,21737
Узбекистан	0,091	**0,010**	0,339	**–0,136**	0,43	**–0,126**	0,304
Афганистан	–0,039	**–0,004**	0,085	**–0,034**	0,046	**–0,038**	0,008
Белоруссия	0,123	**0,012**	0,126	**–0,050**	0,249	**–0,038**	0,211
Иран	0,202	**0,021**	0,117	**–0,047**	0,319	**–0,026**	0,293
Монголия	0,186	**0,020**	0,300	**–0,121**	0,486	**–0,101**	0,385
Азербайджан	0,086	**0,010**	0,125	**–0,050**	0,211	**–0,04**	0,171
Армения	0,015	**0,001**	0,0049	**–0,00106**	0,0199	**–0,00006**	0,01984
Камбоджа	0,296	**0,030**	0,527	**–0,213**	0,823	**–0,183**	0,64
Непал	0,003	**–0,00004**	0,0012	**–0,00066**	0,0042	**–0,0007**	0,00354
Турция	0,155	**0,014**	0,136	**–0,053**	0,291	**–0,039**	0,252
Шри-Ланка	0,252	**0,026**	0,392	**–0,158**	0,644	**–0,132**	0,512
ИТОГО	**при экономической интеграции со странами ЕАЭС в рамках реализации инициативы ЭПШП**						
	3,825	**0,387**	1,6609	**–1,2271**	5,486	**–0,84006**	4,646
	при экономической интеграции с остальными странами-членами ШОС в рамках реализации инициативы ЭПШП						
	3,253	**0,333**	0,9171	**–0,3689**	4,170	**–0,0359**	4,134
	при реализации инициативы ЭПШП						
	7,078	**0,720**	2,578	**–1,596**	9,656	**–0,876**	8,78
Справочно							
США	9,813	**0**	–3,75	**0**	6,063	**0**	6,063
ЕС	13,37	**0**	–2,73	**0**	10,64	**0**	10,64

При реализации стратегии Экономического пояса Шелкового пути к 2025 году уровень экономической безопасности России, реализованный в рамках ее экономической кооперации со странами-членами ШОС, может увеличиться на 2,67 п.п. – с 25,12 до 27,78% от уровня экономической безопасности, реализованного в рамках экономического патроната со стороны Правительства и Центрального банка России.

При сопряжении строительства ЕАЭС с Экономическим поясом Шелкового пути к 2025 году уровень экономической безопасности России, реализованный в рамках ее экономической кооперации со странами-членами ШОС, может увеличиться на 2,673 п.п. – до 27,79% от уровня экономической безопасности, реализованного в рамках экономического патроната со стороны Правительства и Центрального банка России (табл. 3).

Экономическое противоборство Индии. Реализация стратегии Экономического пояса Шелкового пути позволит сократить долю нереализованного товарооборота Индии со станами-членами ШОС к 2020 г. на 8,63% – с 21,57 до 12,94%.

При сохраняющихся трендах экономического развития Индии и структуре ее товарооборота, возможны отрицательные приросты уровня защищенности национального хозяйства этой страны при продолжающемся экономическом противоборстве с Казахстаном, Россией, Белоруссией, Ираном, Непалом, Турцией и Шри-Ланкой.

К 2025 году уровень экономической безопасности, реализованный в рамках экономического противоборства Индии со странами-членами ШОС, может уменьшиться на 1,59 п.п. – с 3,89 до 2,3% от уровня экономической безопасности, реализованного в рамках экономического патроната со стороны Правительства и Резервного банка страны (см. табл. 1).

Экономическое противоборство Китая. Реализация стратегии Экономического пояса Шелкового пути позволит сократить долю нереализованного товарооборота Китая со станами-членами ШОС к 2020 г. на 3,56% – с 8,89% (122,1 млрд. долл.) до 5,33% (73,3 млрд. долл.).

При сохраняющихся трендах экономического развития Китая и структуре его товарооборота, возможны отрицательные приросты уровня защищенности национального хозяйства этой страны при продолжающемся экономическом противоборстве с Индией и Пакистаном.

Таблица 3

Изменения уровней защищенности национального хозяйства России от внешних и внутренних угроз при реализации инициативы Экономического пояса Шелкового пути, % от уровня защищенности национального хозяйства, реализованного в рамках экономического патроната

	Защищенность национальной экономики России в рамках экономического патроната со стороны правительства и Банка России = 100%						
	изменение уровня защищенности экономики в рамках экономической кооперации		изменение уровня защищенности экономики в рамках экономического противоборства		изменение уровня защищенности экономики в рамках экономической кооперации и экономического противоборства		
	без учета реализации ЭПШП	**прирост с учетом реализации ЭПШП**	без учета реализации ЭПШП	**прирост с учетом реализации ЭПШП**	без учета реализации ЭПШП	**прирост с учетом реализации ЭПШП**	с учетом реализации ЭПШП
1	2	3	4	5	2+4	3+5	2+3+4+5
Казахстан	1,321	**0,133**	–0,21	**0,09**	1,111	**0,223**	1,334
Киргизия	–0,003	**0,000022**	0,17	**–0,07**	0,167	**–0,07**	0,097
Белоруссия	2,208	**0,223**	1,69	**–0,68**	3,898	**–0,457**	3,441
Армения	0,152	**0,015**	0,1	**–0,04**	0,252	**–0,025**	0,227
Китай	16,474	**1,789**	10,313	**–4,248**	26,787	**–2,459**	24,328
Индия	1,547	**0,158**	1,373	**–0,552**	2,92	**–0,394**	2,526
Пакистан	0,099	**0,012**	0,043	**–0,018**	0,142	**–0,006**	0,136
Таджикистан	–0,037	**–0,006**	0,123	**–0,051**	0,086	**–0,057**	0,029
Узбекистан	0,251	**0,027**	0,710	**–0,285**	0,961	**–0,258**	0,703
Афганистан	0,00049	**0,00005**	0,0011	**–0,0005**	0,00159	**–0,00045**	0,00114
Иран	0,178	**0,016**	–0,066	**0,023**	0,112	**0,039**	0,151
Монголия	0,072	**0,007**	–0,096	**0,035**	–0,024	**0,042**	0,018
Азербайджан	0,704	**0,073**	1,021	**–0,411**	1,725	**–0,338**	1,387
Камбоджа	0,000021	**0,000004**	0,000038	**–0,000015**	0,000059	**–0,000011**	0,000048
Непал	0,000002	**0,0000002**	0,000004	**–0,000002**	0,000006	**–0,0000018**	0,0000042
Турция	2,090	**0,213**	0,704	**–0,283**	2,794	**–0,07**	2,724
Шри-Ланка	0,064	**0,009**	0,114	**–0,046**	0,178	**–0,037**	0,141
ИТОГО	**при экономической интеграции со странами ЕАЭС в рамках реализации инициативы ЭПШП**						
	3,678	**0,371**	1,75	**–0,700**	5,428	**–0,329**	5,099
	при экономической интеграции с остальными странами-членами ШОС в рамках реализации инициативы ЭПШП						
	19,353	**2,085**	13,536	**–5,554**	32,889	**–3,468**	29,420
	при реализации инициативы ЭПШП						
	25,119	**2,671**	15,999	**–6,544**	41,118	**–3,873**	37,245
Справочно							
США	2,5161	**0**	3,141	**0**	5,6571	**0**	5,6571
ЕС	33,1029	**0**	3,336	**0**	36,4389	**0**	36,4389

К 2025 году уровень экономической безопасности, реализованный в рамках экономического противоборства Китая со странами-членами ШОС, может уменьшиться на 1,59 п.п. – с 2,57 до 0,98% от уровня экономической безопасности, реализованного в рамках экономического патроната со стороны Правительства и Народного банка страны (см. табл. 2).

Экономическое противоборство России. Реализация стратегии Экономического пояса Шелкового пути позволит сократить долю нереализованного товарооборота России со станами-членами ШОС к 2020 г. на 11,05% – с 27,64% (89,825 млрд. долл.) до 16,59% (53,925 млрд. долл.).

Сопряжение строительства Евразийского Экономического союза с Экономическим поясом Шелкового пути позволит уменьшить долю нереализованного товарооборота России со станами-членами ШОС к 2020 г. до 14,51% (47,15 млрд. долл.).

Очевидно, что при сохраняющихся трендах экономического развития России и структуре ее товарооборота, возможны отрицательные приросты уровня защищенности национального хозяйства нашей страны при продолжающемся экономическом противоборстве с Казахстаном, Ираном и Монголией.

При реализации стратегии Экономического пояса Шелкового пути к 2025 году уровень экономической безопасности России, реализованный в рамках ее экономического противоборства со странами-членами ШОС, может уменьшиться на 6,54 п.п. – с 15,99 до 9,45% от уровня экономической безопасности, реализованного в рамках экономического патроната со стороны Правительства и Центрального банка нашей страны.

В случае сопряжения строительства ЕАЭС с Экономическим поясом Шелкового пути к 2025 году уровень экономической безопасности России, реализованный в рамках ее экономического противоборства со странами-членами ШОС, может уменьшиться на 6,53 п.п. – до 9,46% от уровня экономической безопасности, реализованного в рамках экономического патроната со стороны Правительства и Центрального банка нашей страны (см. табл. 3).

Изменение уровня защищенности национального хозяйств России, Китая и Индии при реализации глобальных интеграционных проектов представлено на рис 1–3.

Результаты анализа этих диаграмм позволяют предположить, что:

во-первых, Инициатива Экономического пояса Шелкового пути, как и Большое Евразийское партнерство, являются для России больше внешнеполитическими, чем экономическими проектами.

Их реализация к 2025 году снизит уровень защищенности отечественного национального хозяйства от внешних и внутренних угроз (в первом случае на 3,873 п.п., а во втором – на 3,887 п.п. от уровня, реализованного в рамках экономического патроната со стороны правительства и Центрального банка России);

во-вторых, Реализация Инициативы Экономического пояса Шелкового пути обеспечит для Китая прирост уровня защищенности национального хозяйства от внешних и внутренних угроз только при распространении этой Инициативы на страны Евросоюза. Ограничение Инициативы только странами-членами ШОС к 2025 году снизит защищенность экономики этой страны на 0,876 п.п. от уровня, реализованного в рамках экономического патроната со стороны правительства и Народного банка Китая.

Аналогично, участие Китая в Большом евразийском партнерстве и реализация Всестороннего регионального экономического партнерства являются для Китая больше внешнеполитическими, чем экономическими проектами. Их реализация к 2025 году снизит уровень защищенности национального хозяйства Китая от внешних и внутренних угроз (в первом случае на 1,883 п.п., а во втором – на 3,348 п.п. от уровня, реализованного в рамках экономического патроната со стороны правительства и Народного банка Китая);

в-третьих, экономическая интеграция Индии со странами-членами ШОС в рамках реализации Инициативы Экономического пояса Шелкового пути обеспечит для Индии прирост уровня защищенности национального хозяйства от внешних и внутренних угроз на 0,107 п.п. от уровня, реализованного в рамках экономического патроната со стороны правительства и Резервного банка Индии.

Однако участие Индии в Большом евразийском партнерстве и реализация Всестороннего регионального экономического партнерства являются для Индии больше внешнеполитическими, чем экономическими проектами. Их реализация к 2025 году снизит уровень защищенности национального хозяйства Индии от внешних и внутренних угроз (в первом случае на 0,193 п.п., а во втором – на 1,277 п.п. от уровня, реализованного в рамках экономического патроната со стороны правительства и Резервного банка Индии).

* * *

На фоне медленного восстановления мировой экономики от последствий глобального финансово-экономического кризиса мировому сообществу предстоит найти новую модель взаимодействия и создать новые механизмы экономического развития. При этом ситуация с реализацией глобальных интеграционных проектов в Азиатско-Тихоокеанском регионе характеризуется следующими особенностями.

Во-первых, усложнение системы регионального и межрегионального торгового сотрудничества обусловливает необходимость пересмотра стратегий интеграционной активности ключевыми экономиками мира. Тренд по формированию двусторонних соглашений сместился в сторону заключения мегарегиональных блоков, формирующихся на основе устоявшихся кооперационных связей и цепочек добавленной стоимости.

Во-вторых, проект развития Шелкового пути важен сегодня не только для России и Китая, но и для других стран, входящих в глобальную экономику, поскольку он охватывает область, которая производит около 55% мирового ВВП и имеет около 75% разведанных запасов энергии.

В-третьих, власти США не скрывали, что, инициируя Соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП), а теперь Концепцию свободной и открытой стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе (Индо-Тихоокеанское партнерство, ИТП) они борются с возрастанием экономической мощи Китая.

В-четвертых, в настоящее время в АТР постепенно формируется устойчивый баланс сил между Китаем и Индией. Китай и Индия, безусловно, становятся локомотивами мирового экономического роста. Однако национальные интересы обеих стран во многом продолжают противостоять друг другу. Оба государства активно вкладывают средства в развитие оборонного потенциала, что обусловливает усиление конфликтности в регионе.

У Китая и Индии есть понимание того, что одного наращивания военно-экономической мощи для создания интеграционной модели недостаточно. Необходима поддержка внешних сил. В этой связи особое значение для Индии приобретает партнёрство с Китаем, в том числе и через механизмы Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС) и Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП).

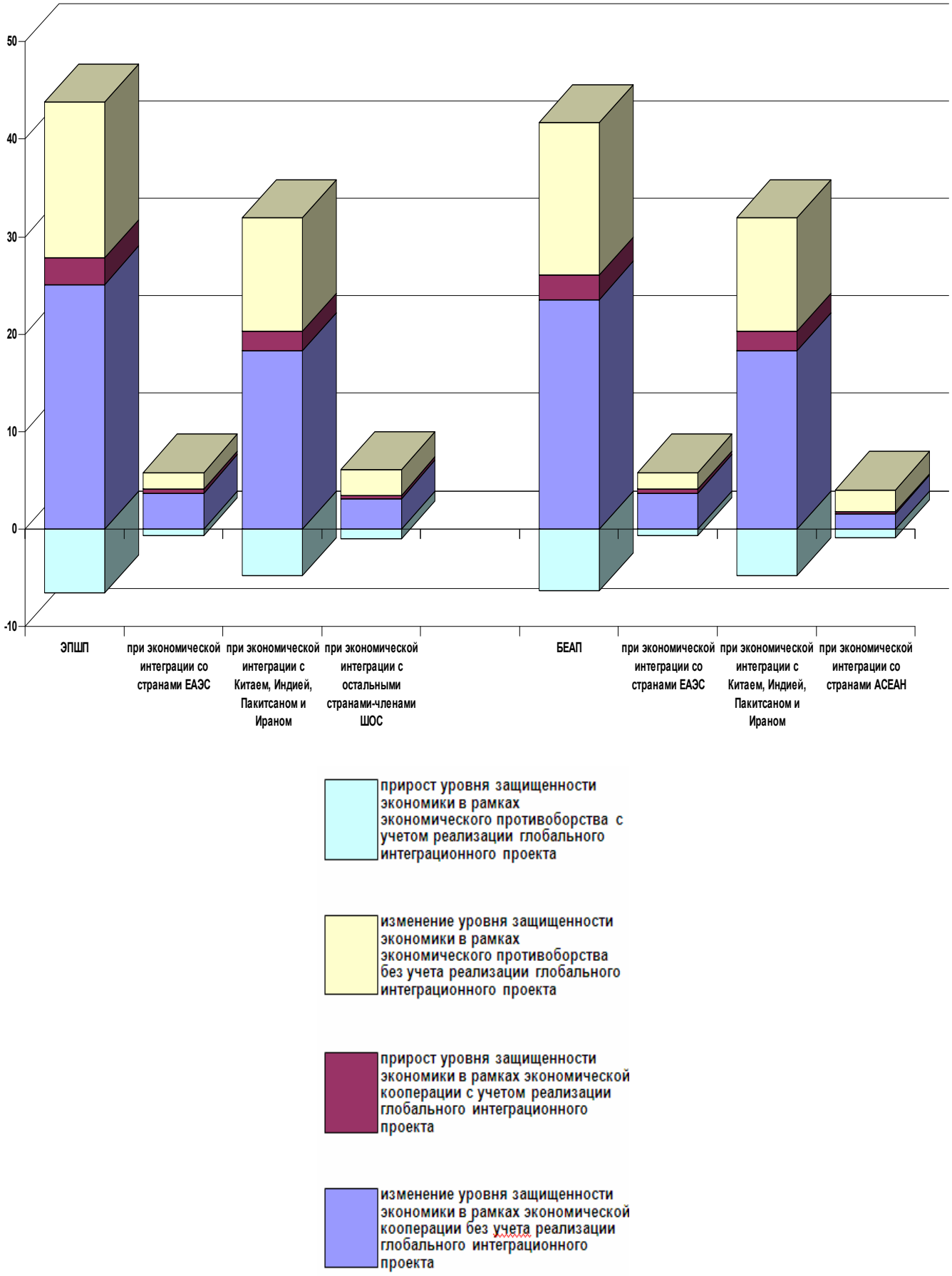


Рисунок 1.
Изменение уровня защищенности национального хозяйства России при реализации глобальных интеграционных проектов, % защищенность национальной экономики России в рамках экономического патроната со стороны правительства и Центрального Банка России = 100 %

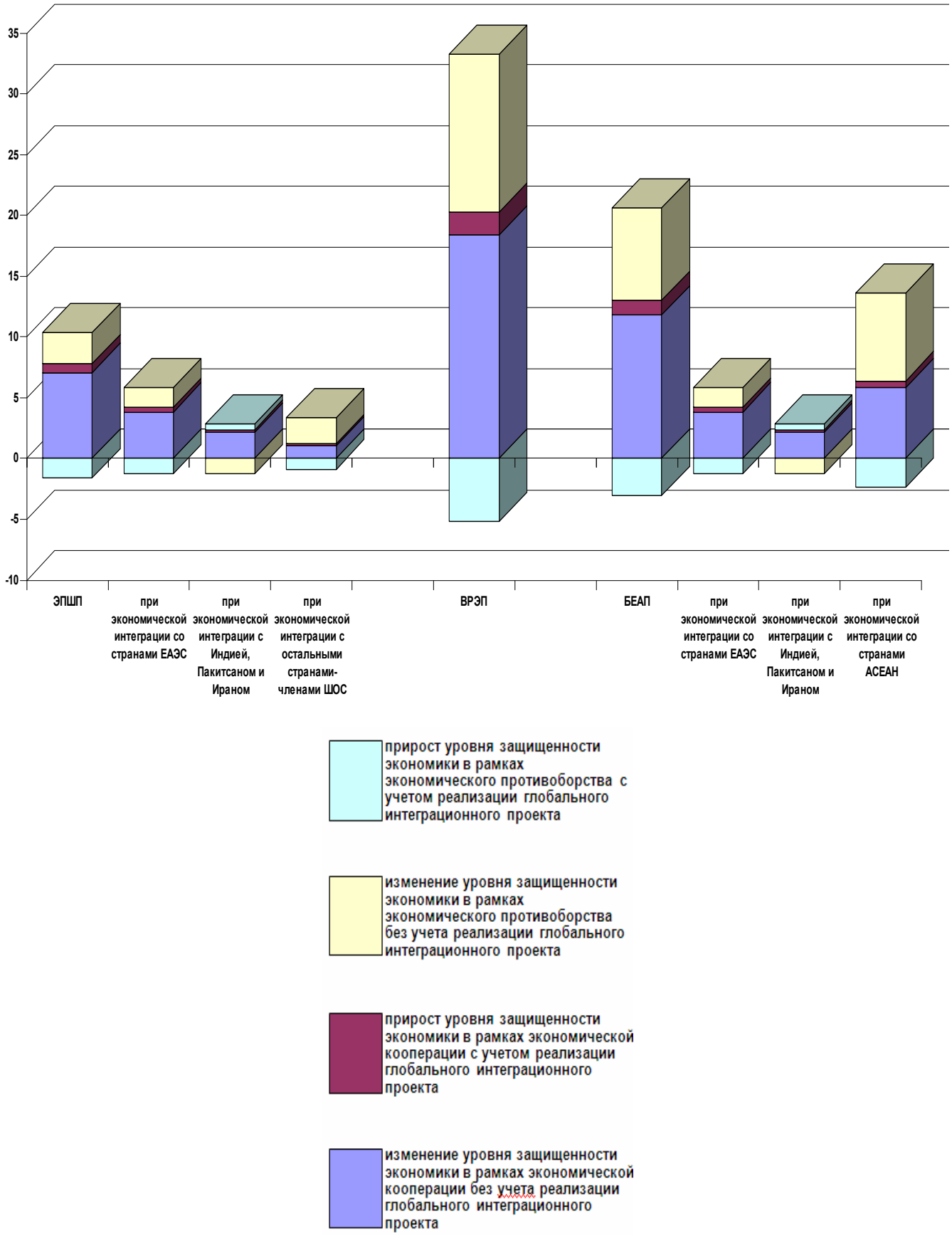


Рисунок 2.
Изменение уровня защищенности национального хозяйства Китая при реализации глобальных интеграционных проектов, %защищенность национальной экономики России в рамках экономического патроната со стороны правительства и Народного Банка Китая = 100 %

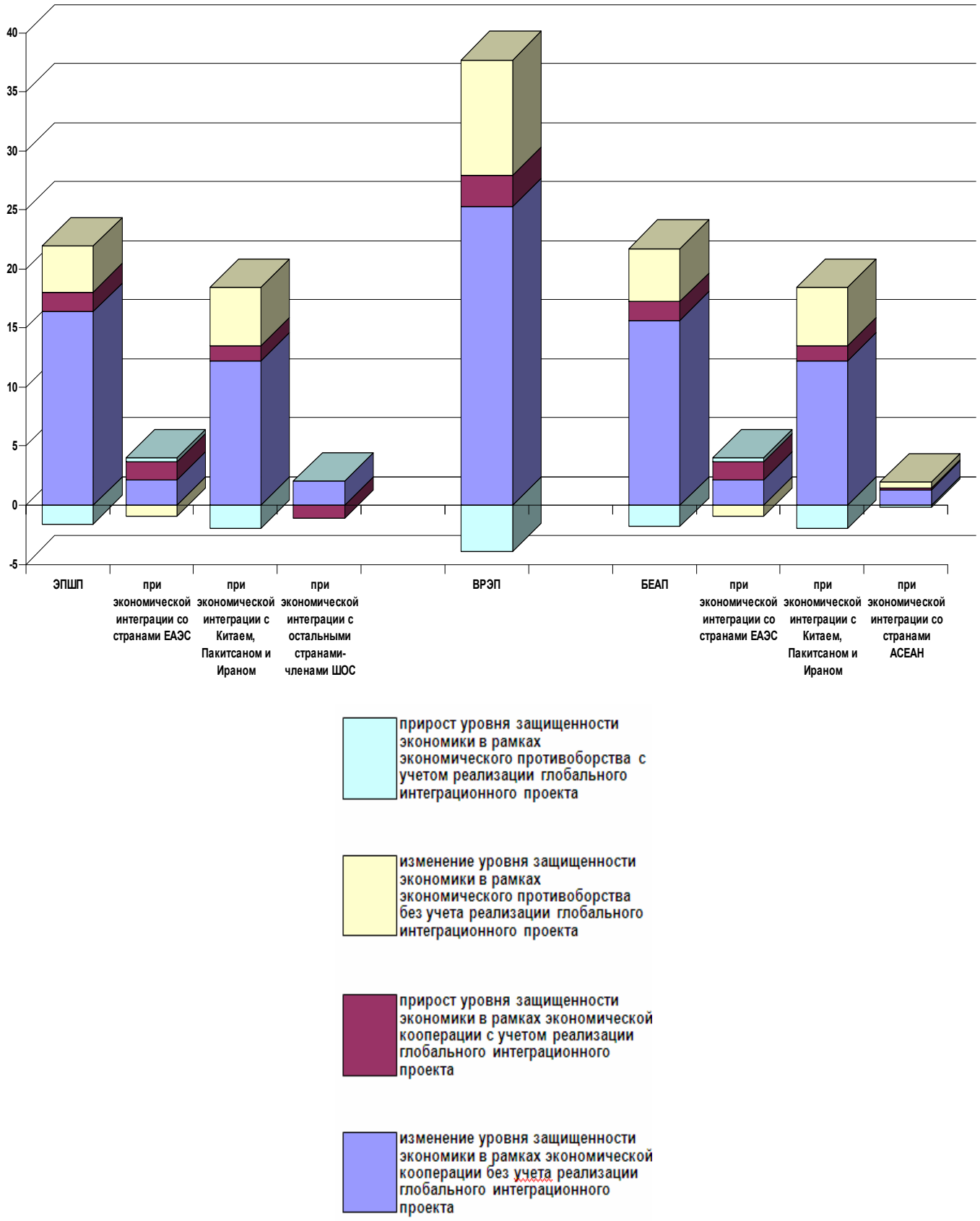


Рисунок 3.
Изменение уровня защищенности национального хозяйства Индии при реализации глобальных интеграционных проектов, % защищенность национальной экономики России в рамках экономического патроната со стороны правительства и Резервного Банка Индии = 100 %

Список литературы

1. Галищева Н.В. Экономика стран Южной Азии. – М.: МГИМО(У) МИД России, 2009. – 768 с.
2. Герасимов А.П. Экономическая безопасность российской государственности: экономико-правовые аспекты: монография. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2001. – 316 с.
3. Гордиенко Д.В. Глобальные интеграционные проекты: изменение уровня экономической безопасности государств мира при их реализации: монография – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2018. – 338 с.
4. Гордиенко Д.В., Сафонов М.С. Реинтеграция или дезинтеграция. Как защитить национальные интересы? Монография – М.: Издательский дом «Научная библиотека», 2018. – 384 с.
5. Гордиенко Д.В., Гордиенко Ю.Д. Оценка изменения уровня экономической безопасности стран-членов Шанхайской организации сотрудничества при реализации стратегии Экономического пояса Шелкового пути // Экономика и управление: проблемы и решения. 2018. – Т. 6, № 10. – С. 35–47.
6. Сенчагов В.К., Губин Б.В., Павлов В.И. и др. Глобальный финансовый кризис: безопасность финансовой сферы России. – М.: Институт экономики РАН, 2010. – 234 с.
7. Xi Jinping Chuangxin hezuo moshi gongtung jianshe sizhouzhilu jingji dai [Си Цзиньпин Обновленная модель сотрудничества: сообща проложим Экономический пояс Шелкового пути] // Веб-портал Женьмин жибао. 2013. – 9 июля.

Гундаров И.А.
д.м.н., профессор, Академия труда и социальных отношений

ЛИБЕРАЛЬНАЯ И ЕВРАЗИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В СНГ – ОПЫТ 25-ЛЕТНЕГО СРАВНЕНИЯ

Ключевые слова: *страны СНГ, модели экономического развития, промышленное производство, сельскохозяйственное производство, евразийство, социогуманизм.*

В 2009 г. президент России Д. Медведев заявил: наша экономика – это «хроническая отсталость, примитивная структура, унизительная сырьевая зависимость, коррупция». И предложил модернизацию. Однако успеха не получилось. В 2012 г. сменивший его В. Путин констатировал: «Иметь экономику, которая не гарантирует ни стабильности, ни суверенитета, ни достойного благосостояния – непозволительно... Необходимо выстроить эффективный механизм обновления экономики…». Но и к 2019 г. обновление не наступило.

Кто подскажет эффективный путь? Промышленная оппозиция (Гринберг, Бабкин, Глазьев, Титов и др.) согласны с правительством стратегически, что альтернативы рыночной экономике не существует. Нужна лишь её модернизация для обеспечения 3–4% роста. И у КПРФ нет обоснованной стратегии: разговоры об «экономическом чуде» правительства Примакова-Маслюкова не подкрепляются фактами. Экономический подъём в 1999 году после дефолта 1998 года есть лишь «эффект отскока», наступающего вслед за острым кризисом. Аналогичные спады-подъёмы были в 1994–1995 гг. и 2009–2010 гг. (рис. 1).

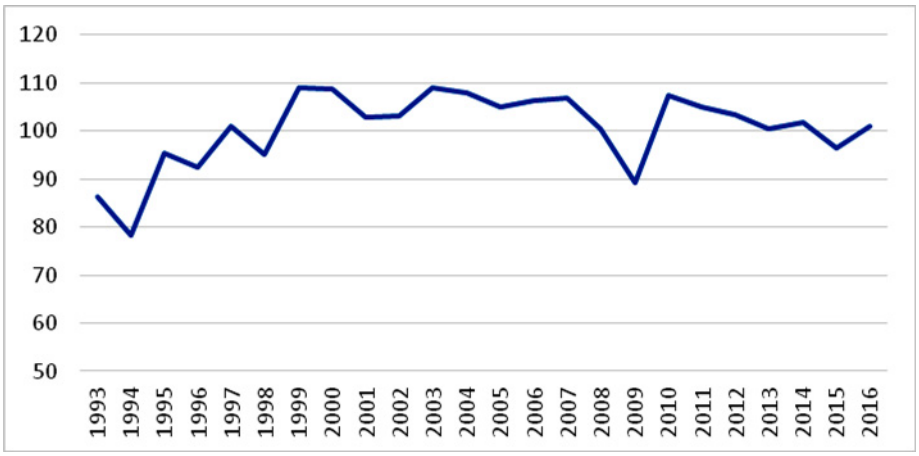


Рисунок 1.
Ежегодная динамика индекса промышленного производства в России

Поиск спасительного выхода требует обоснования стратегической цели, под которую выстраивается решение. Главная цель – обогнать экономику виртуальной РСФСР, которая во времена «застоя» развивалась со скоростью 4% в год. При таком темпе она достигла бы к 2030 г. 480%. У нас сейчас – 78%. Чтобы обогнать РСФСР, нужен ежегодный прирост не менее 17%. В противном случае, зачем были реформы? Это и есть стратегический ориентир экономического развития России.

Для изучения его достижимости изучили опыт стран с максимальными темпами экономического роста. По оценке агентства Bloomberg, в 2016 г. наибольший рост ВВП имели Индия – 7,4%, Вьетнам и Бангладеш – 6,6%, Китай – 6,5%, Шри-Ланка – 6,4%, Кения и Панама – 6,1%, Филиппины 6,0%. Однако на самом деле лидерство принадлежало Узбекистану – 7,8%. Но его высокий темп может объясняться низкой исходной базой после распада Советского Союза.

Чтобы разобраться в результатах, рассмотрим динамику промышленного производства постсоветских республик по сравнению с 1980-ми годами – высшим уровнем социалистического развития. После 1990 года их траектории отчётливо разделились на два кластера. Три республики вырвались вверх. Среди них лидирует Узбекистан, достигший 495%. Затем идут Туркменистан и Беларусь. Остальные государства находятся на уровне 100% или ниже по сравнению с дореформенным потенциалом. У России – 78% (рис. 2).

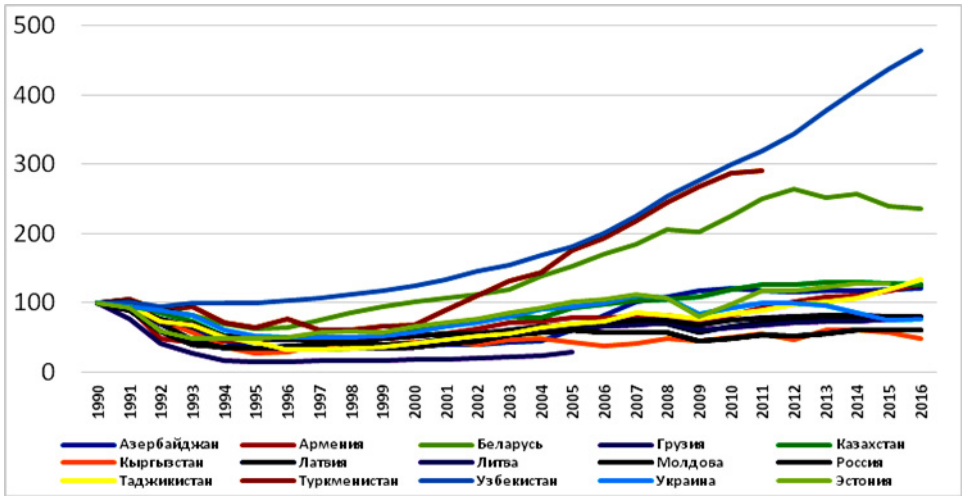


Рисунок 2.
Динамика индекса промышленного производства в странах СНГ и Прибалтики

Аналогичный анализ мы провели для сельскохозяйственного производства. Лидируют Армения и Узбекистан. Россия – среди аутсайдеров (рис. 3).

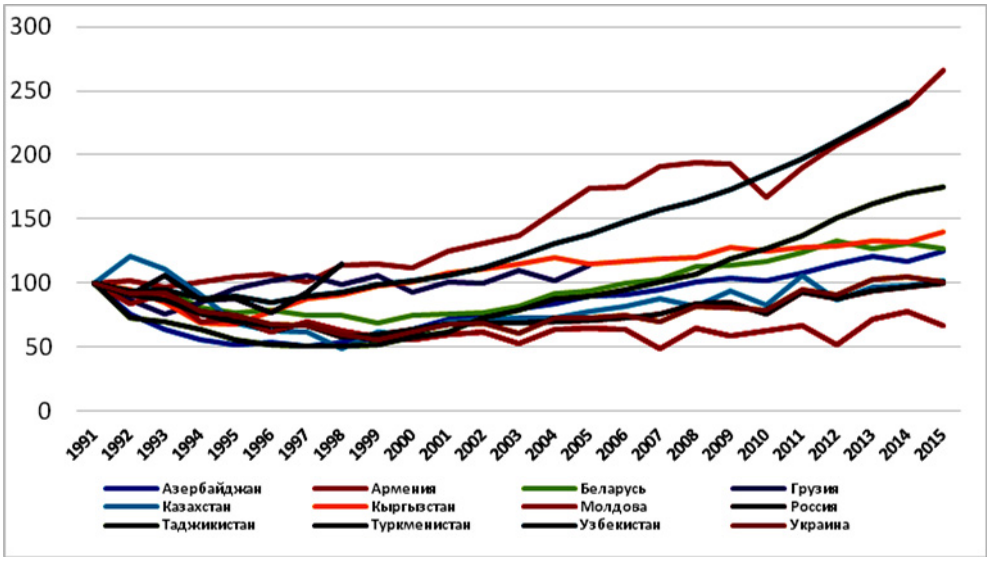


Рисунок 3.
Динамика индекса сельскохозяйственного производства в странах СНГ и Прибалтики

Логично предположить, что у лидеров действуют какие-то инновационные особенности, не известные экономической науке. Для исключения влияния территориальных и этнорелигиозных факторов мы рассмотрели по отдельности европейские республики (Беларусь – Россию) и среднеазиатские (Узбекистан – Казахстан).

У белорусской экономики скорость промышленного развития оказалась трёхкратно выше (рис. 4). Её нерыночный характер подтверждает президент А. Лукашенко: «Мы не проводим курс рыночного государства, основанного на рыночной собственности, где приоритет – частной собственности, где государственное надо всё порезать на куски, раздать, поделить». Но она не является и чисто плановой.

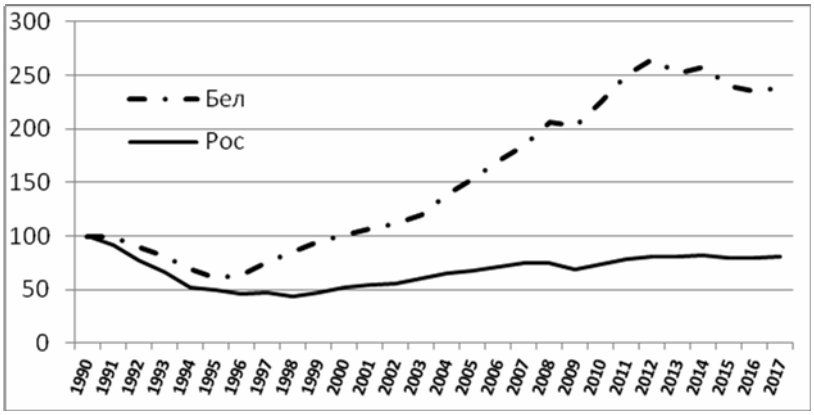


Рисунок 4.
Динамика индекса промышленного производства в Беларуси и России

Темпы роста экономики Узбекистана четырёхкратно превышали динамику либеральной экономики Казахстана.

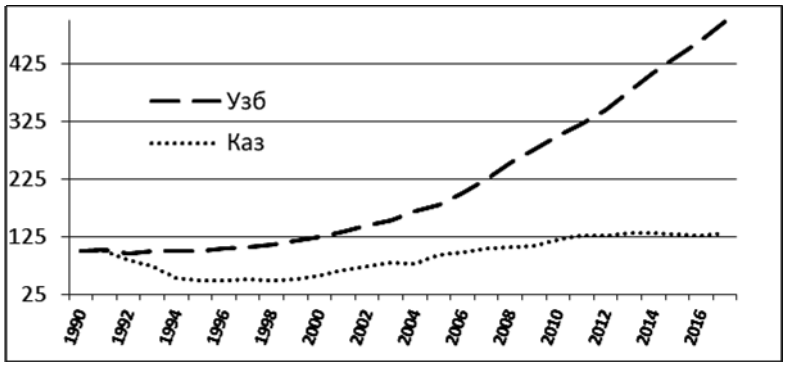


Рисунок 4.
Динамика индекса промышленного производства в Узбекистане и Казахстане

В научной среде хозяйственная модель Узбекистана-Беларуси считается переходной (транзитной) от плана к рынку. Но какой им практический смысл переходить от темпов ежегодного роста 6–10% к стагнации? Лидеры обеих стран объясняют свои успехи именно спецификой выбранного уклада, считая его национальным достижением.

Есть ли у него преимущества перед социалистической экономикой? Для ответа сравнили ежегодный экономический рост Узбекистана, Туркменистана и Беларуси в годы развитого социализма и на этапе нынешних реформ. В 1970–1986 гг. и 2003–2012 гг. промышленное производство ежегодно прирастало: в Туркменистане – на 3,8 и >10%; в Узбекистане – на 3,8 и 8,9%; в Беларуси – на 6,1 и 8,7%. Значит, современное инновационное промышленное производство у них оказалось эффективнее сугубо планового.

По сельскому хозяйству ежегодный прирост в 1970–1986 гг. и 2003–2012 гг. составил: в Туркменистане – на 2,8 и >10%; в Узбекистане – на 0,5 и 6,6%; в Беларуси – на 3,5 и 5,9%. Следовательно, и по сельскохозяйственному производству инновационная модель превышает достижения развитого социализма.

Обнаружена её удивительная устойчивость к разрушительному влиянию кризисов. В 1990-е гг. Узбекистан сумел избежать экономического провала от распада СССР, поразившего либерализуемые республики. В 2008 г. и 2014 г. его развитие непрерывно повышалось на фоне экономических потрясений у соседей. Вектор подъёма промышленного роста в 2000–2016 гг. значительно превышает вектор 1980–1990 гг. В 1990–997 гг. он оставался горизонтальным (рис. 5).

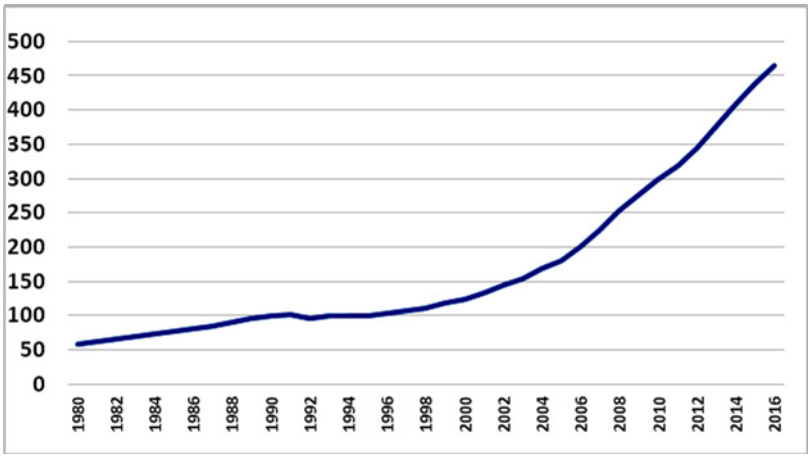


Рисунок 5.
Динамика промышленного производства в Узбекистане в 1980–2016 гг.

Из представленных фактов следует: на постсоветском пространстве появился экономический уклад, обладающий большей эффективностью по сравнению с капиталистической и коммунистической экономиками. Его основой оказался симбиоз конкурирующих форм собственности: государственной (общенародной) и частной. Частная собственность и рынок выигрывали в тактических сферах: с «короткими» деньгами, быстрой окупаемостью, лабильностью номенклатуры товаров. К ним относится розничная торговля, сфера услуг, общественное питание, ряд отраслей легкой и средней промышленности. Государственная собственность и план оказывается эффективнее в стратегических областях, требующих «длинных» денег, больших рисков, устойчивой номенклатуры товаров. В результате к рыночным 4–5% добавляются плановые 4–5%, обеспечивая 8–10% ежегодного промышленного роста.

Но и этого недостаточно для темпа в 17%. Требуется дополнительный ресурс трудовой энергии. Таковой служит третья форма собственности – народные предприятия. Это «российское ноу-хау» в виде артелей, товариществ и кооперативов появилось в конце XIX века. Изучением их механизмов занимался А. Чаянов, а значение для теории обосновал В. Ленин: «о третьем виде предприятий, которые раньше не имели самостоятельности с точки зрения принципиального значения, именно: о предприятиях кооперативных». Здесь управленческая власть и прибыль принадлежат самим работникам.

Конкуренция трёх форм собственности и трёх способов регулирования формируют экономику «здравого смысла». Здравым считается то, что способствует развитию производительных сил. Она – не «левая», не «правая» и не «центристская», а симфоническая, где есть первое, второе, третье и всё вместе; слышен каждый инструмент и мелодия в целом. В отличие от капитализма и коммунизма здесь любая собственность священна.

Новый экономический базис рождает и новую культурную надстройку: не буржуазную и не коммунистическую, а евразийскую. Евразийство – это учение об обществе как гармонии противоположностей: Европы и Азии, материального и духовного, индивида и коллектива, иерархии и свободы. Суть – соборность, где пропорции противоположностей определяются не политическими догмами, а хозяйственными потребностями. В результате возникает новая общественно-экономическая формация – «социогуманизм», сочетающая права общества (societatis) и индивида (humanitas).

Социогуманизм генерирует эффект «экономического чуда» – ежегодный рост ВВП на 20–30%. Первое «экономическое чудо» существовало в РСФСР с 1921 до 1927 года (НЭП). Крупная промышленность на 96% принадлежала государству. Мелкая и средняя промышленность на 90% находилась у кооперативного и частного капитала. В розничном товарообороте доли были примерно одинаковыми. Производство сельскохозяйственной продукции обеспечивалось на 99% крестьянскими хозяйствами, объединявшимися в товарищества по совместной обработке земли. В результате ежегодная динамика ВВП составляла в среднем 44%, в 1925 г. при восстановленном после разрухи хозяйстве – 60%. К 1927 г. уровень 1913 г. был превзойдён по многим параметрам.

Huseynli H.A.
teacher, Baku State University
huseynhuseynli@hotmail.com

TURKEY'S INVOLVEMENT IN NATO PEACEKEEPING OPERATIONS

Keywords*: Turkey, NATO, USA, cooperation, peacekeeping operations.*
Ключевые слова: *Турция, НАТО, США, сотрудничество, миротворческие операции.*

In Turkey until November 2002, the DSP-ANAP-MHP (Democratic Left Party-Motherland Party-National Movement Party) coalition was in power. After the November elections AKP (the Justice and Development Party) had the opportunity to organize the government alone. A new era in Turkey's foreign policy has begun with the Justice and Development Party's coming to power. At the beginning of 1990, the Neo-Ottomanism, which came to the political scene along with Turgut Ozal, gained the capability of doing it in the example of AKP. Ahmet Davutoglu, who was an intellectual brain behind the AKP's foreign policy in April 2001, in his book «Strategic Depth», pointed out the reason why Kemalism foreign policy was problematical and wrote, «The renewal of Ozal's Neo-Ottomanism is "inevitable"»[1]. Undoubtedly, this kind of change in the foreign policy course of Turkey could not in fact be ineffective in relations with the US in the case of NATO. Taking into consideration both Turkey's future activities and the political course of its own state, the United States has made serious strides in the case of NATO's structure, membership and function. In particular, the USA took advantage of using the term «war on terror» to legitimize aggressive steps through alliance. Therefore, what has happened also affected Turkey[2].

When the Bush administration in the United States (2001-2009) decides that the aggression policy is the key to the solution of the 11 September events, it has begun to turn NATO into an instrument for the implementation of this goal more readily[3].

This process was not merely a step towards the geography of the former East Bloc, but also encouraged NATO to launch new activities. NATO took on a mission in Afghanistan, conducted tactical exercises in Iraq, carried out patrol operations in the Mediterranean, financially supported African Union peacekeepers in Darfur, and provided humanitarian assistance to Pakistan. In the 1990s, NATO, of which the main object, is «out of area or out of business», has long turned its back on debate over the borders and has become a global organization in the early years of the 21st century. NATO developed Partnership for Peace with the countries of the former Eastern bloc. Starting from 2004, it has established organizational relationships with «Contact Countries» such as Australia, New Zealand, Japan, South Korea, and Pakistan. NATO created a mechanism of dialogue with the Mediterranean countries. It has established relations with the Gulf Cooperation Council within the framework of the Istanbul Cooperation Initiative, shared a position with Israel, which Israel could maneuver in the East Mediterranean[4].

In the 2000s, the US authorized representatives supported NATO's idea of organizing contacts with the above-mentioned countries in the form of a formal partnership, given the following:

– cooperation with the above-mentioned countries (Contact Countries) on NATO's various operations;
– performing a joint mission in areas such as the Balkans and Iraq;
– carrying out tactical exercises for some of them and so on.

Following the September 11 terrorist attack, the North Atlantic Council held a meeting as we mentioned in the previous paragraph. For the first time in the history of NATO, Article 5 on common defense has been applied to and the work concerning its fulfilment has been done. AWACS (Airborne Warning and Control System) aircraft assigned to NATO began to contribute to controlling the American airspace with a mission called the Operation Eagle Assist. Thus, for the first time in the history of NATO, it has performed an operation on the American continent. Despite all of its allied support for the United States, Washington refused to fulfill its occupation of Afghanistan through NATO, and showed the political problems faced with other allies during the Kosovo crisis in 1999 and the technical and military discrepancies with allies encountered in the implementation of joint military operations as reasons. However, the main reason was another: The United States, which defends the principle of unilateralism in foreign policy, was pleased with the support that it provided within NATO and the use of Article 5, as well as taking advantage of the «legal privileges» that September 11 events provided, decided to occupy Afghanistan alone. Turkey was also one of the allies who supported the United States in this process. Fighter aircraft belonging to NATO countries carried out a seven-month patrol flights for US airspace control from mid-October 2001 to mid-May 2002. Turkey also sent a pilot to show support[5]. The main essence of Turkey's support was the threat of terrorism. Turkey believed

[1] Balcı A. Türkiye dış politikası: ilkeler, aktörler, uygulamalar. – İstanbul: Çınar Matbaacılık və Yayıncılık, 2015. – S. 257.
[2] Türk Dış Politikası. Cilt 3. – S. 307.
[3] Siyasi Açıdan NATO'yu Bir Kere Daha Yeniden Yaratmak. – http: //www.nato.int /docu/...../html
[4] NATO ve Türkiye'nin Güncel NATO Konularına İlişkin Görüşleri. – http://www.mfa.gov.tr/ii_-nato-ve-turkiye_nin-guncel-natokonularina-iliskingorusleri.tr.mfa
[5] Справочник НАТО. – Брюссель, 2006. – С. 27.

that subsequent developments would contribute to the fight against the PKK. However, these hopes did not justify themselves. The US completed its occupation in Afghanistan in October 2001, defeated the Taliban leadership, and established control over Kabul and its surroundings[1]. Nevertheless, the main issue was to be able to continue this situation. The United States tried to secure its allies, and then attempted to include NATO into this occupation process to secure stability in the country. After a while, the forces that were established in December 2001 and called the ISAF (International Security Assistance Force) were not limited to Kabul, but expanded its activities throughout Afghanistan. Regional Restoration Groups were established in 2004. Turkey has taken on several important commitments in the Afghanistan mission, which began with ISAF and followed by the leadership of NATO. From January 2002, he joined the mission here with a force of 1,400 and led the ISAF (from June 2002 to February 2003) for eight months[2]. In February-August 2005, Turkey, which re-admits its leadership as a liability, also organized the protection of Kabul airport. Turkey, as a NATO country, did not carry out only military functions in Afghanistan, but also Turkey Regional Restoration Group supported the military exercises, health, agriculture and training of Afghan police. Another important significance Afghanistan in the framework of NATO for Turkey was the fact that former Foreign Minister Hikmet Çetin was appointed as NATO's Civilian Representative in this country since January 2004 and has been extended four times this time (2003–2006). The place of Turkey's mission in Afghanistan was different from other NATO countries, as it was a Muslim country, as well as had historical ties with Afghanistan. Hikmet Cetin's successful dialogue with the Afghan people was a significant contribution to NATO's image problem in the country. It is also known that some NATO officials have made trips to Kabul by wearing a Turkish flag on official transport, taking advantage of this positive image of Turkey[3].

After the September 11 terrorist attack, the first NATO summit was held in Prague in 2002 and the main topic of the summit was terrorism. Apart from the decision to expand the Prague Summit, which was considered as a renewal summit, the Prague Capabilities Commitment was adopted at the request of the United States and decided to take preventive measures in various technical areas. NATO's European allies have compromised their defense spending over a long period of time and were dependent on NATO-US capabilities, as clearly seen in the Kosovo intervention. The United States has been pushing other NATO members to expand their military capabilities since the 1990s. For this purpose, in the Washington summit of 1999, there was taken measure as «Defense Capabilities Initiative», but it did not yield any results. The pressure and demands of the United States to achieve greater development in the field of air transport and to take preventive measures against terrorism were of particular importance as part of the transformation of NATO into a global organization. The Republic of Turkey supported this decision because of its unanimous agreement with the United States on «capacity building». In total, Turkey has undertaken obligations in 25 fields. In Prague, the «NATO's military concept for defense against terrorism» was also adopted. NATO has also prepared a Partnership Action Plan with the countries of Partnership for Peace. For this reason, it was decided to cooperate with allied members and partner countries in the following areas:

– broader exchange of intelligence information;
– border security;
– military training and maneuvers against terrorism;
– increasing the ability to combat terrorist attacks[4].

Strengthening the possibility of US invasion of Iraq and the subsequent developments have led to the results that affected both NATO and Turkey's position in NATO. The Bush administration's stance on Iraq and the ongoing war preparations have also raised the likelihood that Iraq will attack Turkey. The position of Bush administration concerning Iraq and the ongoing war preparations also increased the probability that Iraq will attack Turkey. The same situation occurred during the Gulf War of 1991, when NATO made an immediate decision by for the delay of some European allies, including Germany. According to the decision, it was expedient to dispatch the «Patriot» missiles from the ground and to send the NATO Allied Air Forces to Turkey in order to distract them[5].

Considering this, the Turkish government has requested the use of the provision of consultations between allies prior to the case of any attack described in Article 4 of the NATO Charter in January 2003. A diplomatic crisis took place inside NATO, when France, Germany and Belgium vetoed this request USA openly supported. Even Nicholas Burns, a US representative in NATO, accused France of «gambling with the future of NATO»[6]. The French and German governments were actually afraid of the idea that «they also support the US occupation of Iraq» by accepting Turkey's request. At last, on February 19, 2003 persistent efforts of the United States bore fruit. As a result, these three countries were convinced that the decision was only about Turkey's defense, the United Nations would support the Iraqi crisis in its quest for a peaceful solution and that the Iraq war was not supported. Officially, execution of Article 4 of the NATO Charter was permitted. In this direction, according to a so-called «Stability Demonstration Operation» 4 «AWACS» early warning aircraft from the bases in Germany and five Patriot air defense batteries from the Netherlands were brought to Konya[7]. In the background of these events, the Iraq war began in 2003. The next summit in the war is scheduled to be launched in Istanbul this time. The agenda of NATO's Istanbul Summit in 2004 explicitly explains why the event took place in Istanbul: NATO would declare expanding its activities towards the Middle East in Turkey, the only member of the Middle East. In fact, Ambassador Burns, the U.S. Permanent Representa-

[1] NATO Müdahalesi ve Sonrasında Afganistan // BİLGESAM analizi/Orta Asya dergisi. 2014. – N 1176. – S. 1–8.

[2] ISAF'ın komutası Türkiye'de // «Hürriyet» gaz. 2002. – 18 haziran.

[3] https://www.nato.int/docu/review/2005/issue3/turkish/art1.html

[4] Prague Summit Declaration. – http://www.nato.int/docu/pr/2002/p02-127e.htm

[5] Molla A. Soğuk Savaş sonrası körfez krizleri ve Türkiye-ABD-NATO ilişkileri // Yönetim ve Ekonomi Araştırmaları Dergisi. 2009. – sayı 11. – S. 36.

[6] https://www.globalpolicy.org/component/content/article/167/35198.html

[7] Türkiye'nin de Awacs'ı olacak // Milliyet gazetesi. 2003. – 28 şubat.

tive to NATO spoke about this activity in his speech in Prague in October 2003. In his speech, Burns stated, «NATO's main task is to protect Europe and North America, as well as to focus on it and direct the military to the east and the south». The Secretary General of NATO also stressed the importance of expanding NATO's activity in the Mediterranean and Middle East countries at the Istanbul summit. All issues discussed at the summit were related to both Turkey and its neighbors, both geographically and in terms of the subject. When evaluating the issue differently, Turkey had a historic opportunity to become a coordinating center between Brussels and Baghdad, Kabul and the Gulf. Four important meetings were held at the Istanbul summit. 46 NATO members, including the NATO-RF Council, the NATO-Ukraine Commission, and the former Eastern Bloc and former Soviet Republics, attended the meeting of the North Atlantic Council, which is NATO's supreme decision-making body. Important decisions were taken at the Istanbul Summit to turn over NATO's military presence in the Balkans to the EU, focusing its attention to the Middle East, and expanding its activities towards the Caucasus and Central Asia. The most important aspect of the summit was the fact that it coincided with the USA's Iraqi invasion and the Greater Middle East Project. Another decision adopted at the summit was the creation of a NATO Training Mission in Iraq in 2004, with the leadership of the Netherlands initially sending a 60-member squadron[1]. This number then reached 300. The USA's act on trying to give NATO a duty in Iraq mostly pleased Turkey. Expanding its activities towards the Middle East, NATO would need Turkey more that it would increase Turkey's place and importance within NATO. In this regard, the Turkish government has also joined NATO's training mission in Iraq with two officers; in addition, more than 110 Iraqi officers have been trained in Turkey[2].

Compared to the previous century, the 21st century, which is seen by the emergence of more problems for Turkey, requires the revision of relations with NATO in recent years; the benefits of cooperation with NATO have been questionable. In any case, Turkey, without or within NATO, will continue to have problems. The reason is 13 of the world's conflicting regions are located in areas close to Turkey. There is no other way from to be more powerful state and to pursue balanced policy while put this factor in mind for today and for the future.

[1] NATO: The Istanbul Summit / House of Commons Library Research Paper 04/60. 2004. – 46 p.
[2] http://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_7932.htm

Давыденко Е.Л.
д.э.н., профессор БГУ, Минск
helen70@tut.by

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ РАСШИРЕНИЯ ЕС НА ВОСТОК

Ключевые слова: *интеграция; дезинтеграция; регионализация; ЕС; общий рынок.*
Keywords: *integration; disintegration; regionalization; EU, common market.*

ЕС – это сплоченная политическая и экономическая сила, один из главных полюсов мировой политики и экономики. Однако с начала XXI века ЕС испытывает ряд проблем и кризисных явлений, а его перспективы и успешное будущее у многих экспертов вызывают сомнения. В настоящее время большую актуальность приобрели научные попытки объяснить причины такой стагнации и даже спада и определить направления развития ЕС. Для того чтобы определить, насколько выгодным для стран стало вхождение в ЕС, проведем анализ динамики основных экономических показателей участников ЕС за 18 лет, которые для большинства из них охватывают период как до, так и после присоединения к интеграции. Таким образом, одной из целей настоящей статьи является оценка опыта создания и развития ЕС, а также выявление тех позитивных особенностей интеграционного процесса, которые могли бы быть использованы для построения интеграции на постсоветском пространстве.

На основе регионального размещения и схожести экономического развития разделим страны-участницы западноевропейской интеграции на три группы: страны Западной Европы, которые стояли у истоков интеграции и составляют ее ядро (Бельгия, Германия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Франция); страны Центральной Европы (Венгрия, Польша, Словакия, Словения, Чехия) и страны Прибалтийского региона (Литва, Латвия и Эстония), которые по своим социально-экономическим параметрам и размеру экономики сопоставимы с Республикой Беларусь. Для анализа выберем следующие показатели, которые наиболее полно характеризуют социально-экономическое развитие стран: ВВП на душу населения, валовый национальный доход на душу населения, сальдо платежного баланса по торговле товарами и услугами, уровень безработицы, уровень инфляции, индекс развития человеческого потенциала и индекс инновационной активности стран. Изучив показатели по каждой стране, выведем средний показатель по всей группе, который будет использоваться в анализе и построении графиков.

Прежде всего рассмотрим один из наиболее важных показателей – ВВП на душу населения, который значительно отличается в странах Западной Европы от центрально-европейских и прибалтийских стран. Из табл. 1 видно, что ВВП на душу населения быстрыми темпами рос в рамках ЕС вплоть до 2008 г., когда начался мировой финансовый, а позже экономический кризис. В посткризисный период можно наблюдать замедление роста и его снижение, представленные мелкими нестабильными колебаниями. По данным статистики, расширение ЕС в 2004 г. и 2007 г., вызванное присоединением Венгрии, Кипра, Латвии, Литвы, Мальты, Польши, Словакии, Словении, Чехии, Эстонии, а также Болгарии и Румынии, характеризуется увеличением среднего ВВП на душу населения стран Прибалтики и Центральной Европы в первом случае с 8220,7 долл. США до 9972 долл. США в 2004 г. и с 11 454 дол. США до 14 400,3 долл. США в 2007 г., а во втором – с 6598,9 долл. США до 7895,5 долл. США в 2004 г. и с 10 242,1 долл. США до 12 697,9 долл. США в 2007 г., это с учетом того факта, что до расширения ежегодное изменение составляло не больше 1000 долл. США[1]. Исходя из графика, можно сделать вывод, что ВВП на душу населения стран Прибалтики и Центральной Европы в 2017 г. увеличился, в то время как ВВП на душу населения в западных странах, наоборот, снизился в 2017 г. по сравнению с 2014 г.

Таблица 1

ВВП на душу населения европейских стран, долл. США[2]

Годы / Страны	Западная Европа	Центральная Европа	Прибалтика
2000	27 029,00	4927,75	4880,33
2001	25 455,50	4930,00	5492,33
2002	25 508,00	5568,63	6784,67
2003	27 404,17	6598,88	8220,67
2004	33 752,17	7895,50	9972,00
2005	41 170,50	9117,88	10 143,00
2006	44 957,50	10 242,13	11 454,00
2007	52 036,17	12 697,88	14 400,33
2008	56 702,00	15 827,38	16 379,00
2009	52 415,00	13 782,50	14 404,00

[1] GDP per capita / The World Bank. – http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?page=1
[2] Разработано автором на основе: Списки и рейтинги Nonews. – https://nonews.co/directory/lists/countries

2010	51 529,00	13 829,13	12 009,33
2011	55 893,00	15 098,63	15 110,00
2012	52 409,83	13 918,75	14 824,00
2013	54 102,17	14 421,63	15 624,33
2014	56 681,33	14 970,00	17 286,33
2015	49 111,83	15 954,40	15 028,33
2016	49 568,33	16 343,80	15 573,33
2017	51 758,33	17 921,40	17 326,67

Таблица 2 подтверждает, что уровень благосостояния стран Западной Европы закономерно возрастал с начала тысячелетия, что объясняется их взаимовыгодным сотрудничеством в рамках ЕС, однако в посткризисный период данный показатель заметно снизился – с 52 762 долл. США в 2008 г. до 46 193 долл. США в 2010 г.[1] Анализ динамики развития прибалтийских и центрально-европейских стран показывает, что с момента вступления в ЕС также наблюдается постепенное повышение уровня жизни населения, который достиг своего пика перед началом мирового экономического кризиса. А с 2015 г. прослеживается тенденция к сокращению национального дохода на душу населения в странах Прибалтики и Центральной Европы.

Таблица 2

Национальный доход на душу населения, долл. США[2]

Годы/Страны	Западная Европа	Центральная Европа	Прибалтика
2000	25 457	4520	3496
2001	25 583	4857	3780
2002	27 282	5600	4395
2003	33 226	6065	5652
2004	39 375	8318	6920
2005	40 892	9334	8096
2006	42 409	10 357	9658
2007	49 531	12 736	12 880
2008	52 762	15 383	15 029
2009	45 653	13 483	12 465
2010	46 193	13 386	11 687
2011	50 056	14 552	13 642
2012	47 353	13 919	14 700
2013	43 910	22 716	24 170
2014	44 125	22 709	23 877
2015	47 713	16 784	16 153
2016	45 890	16 304	15 730
2017	45 118	16 470	16 043

Обратимся к показателю, основанному на разнице экспорта и импорта стран, – сальдо торгового баланса товаров и услуг (табл. 3).

Таблица 3

Сальдо торгового баланса по торговле товарами и услугами, млн. долл. США[3]

Годы / Страны	Западная Европа	Центральная Европа	Прибалтика
2000	10 032,3	–2161,9	–503,3
2001	17 132,8	–2068,4	–557,3
2002	25 655,5	–1821,8	–749,7
2003	29 621,5	–2472,0	–1083,7
2004	31 012,5	–2556,5	–1060,3
2005	34 901,7	–1310,9	–1733,0
2006	34 975,0	–3666,3	–3104,7
2007	48 801,0	–5730,6	–4433,7
2008	39 267,3	–8202,0	–2361,7
2009	45 073,0	–173,6	66,0
2010	37 538,8	–494,9	170,3
2011	73 185,8	–313,0	143,5
2012	46 162,7	5253,0	416,5
2013	57 869,8	5120,1	141,3
2014	61 289,2	–958,4	347,0
2015	58 404,3	298,6	–242,0
2016	64 301,8	1765,4	107,0
2017	70 794,0	1973,4	525,3

[1] GNI, PPP (constant 2011 international $) / The World Bank. – http://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.MKTP.PP.KD.

[2] Разработано автором на основе: Списки и рейтинги Nonews. – https://nonews.co/directory/lists/countries

[3] Разработано автором на основе: Goods and services (BPM5): Trade balance indicators, annual, 1980–2019 / UNCTADESTAT. – http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=16418

Странам Западной Европы удалось удержать торговый баланс в профиците на протяжении всего исследуемого периода, даже в момент мирового кризиса. Среди стран Прибалтики также наблюдается положительная тенденция к улучшению торговой ситуации: после вступления в ЕС страны расширяют торговые отношения, получают возможность развивать экспорт и выходить на новые рынки сбыта. В странах Центральной Европы до 2013 г. наблюдается положительная тенеденция, а потом зафиксирован спад.

Однако, несмотря на ряд выявленных положительных тенденций, сущестуют и проблемы. Это прежде всего касается таких показателей, как уровень инфляции (табл. 4) и безработицы (табл. 5).

Таблица 4

Уровень безработицы, %[1]

Годы / Страны	Западная Европа	Центральная Европа	Прибалтика
2000	6,98	10,55	11,27
2001	6,38	10,77	10,89
2002	6,38	11,07	10,93
2003	7,17	10,86	10,93
2004	7,30	11,36	10,60
2005	7,52	10,76	8,80
2006	6,87	9,38	6,17
2007	6,35	7,94	5,03
2008	6,12	6,90	6,33
2009	6,93	8,56	15,00
2010	7,04	9,85	18,07
2011	6,72	10,08	14,77
2012	7,36	10,71	12,87
2013	8,22	11,21	11,67
2014	8,32	10,15	9,63
2015	8,21	9,42	8,0
2016	7,66	6,6	8,1
2017	7,16	5,44	7,66

Таблица 5

Уровень инфляции, %[2]

Годы / Страны	Западная Европа	Центральная Европа	Прибалтика
2000	2,28	13,14	2,56
2001	2,62	10,08	3,19
2002	2,13	6,20	1,93
2003	1,93	4,85	1,05
2004	1,93	5,54	3,47
2005	2,04	3,77	4,49
2006	1,83	3,97	4,91
2007	1,89	4,48	7,48
2008	3,19	6,64	12,23
2009	0,45	2,78	1,15
2010	1,65	2,66	2,57
2011	2,71	3,51	4,50
2012	2,49	3,55	3,09
2013	1,57	1,65	1,47
2014	0,52	0,1	0,47
2015	0,25	-0,18	0,06
2016	0,86	-0,04	0,36
2017	1,51	1,92	3,3

Из таблиц видно, что независимо от региона проблема безработицы продолжает оставаться актуальной в ЕС, и самые проблемные в этом отношении Греция (19,1% на 1 октября 2018 г.) и Испания (15,2% на 1 октября 2018 г.). Высокий уровень безработицы в ЕС является явным последствием кризиса, который привел к сокращению доходов и рабочих мест. В качестве причин высокой безработицы можно также выделить отсутствие опыта среди молодого населения, высокие пособия по безработице, иногда превышающие заработные платы, высокий процент найма «нелегальной» рабочей силы и трудоустройство иностранных граждан. Однако с 2015 г. прослеживается тенденция к снижению безработицы. Так, уровень безработицы в среднем по ЕС составил 6,8% на 1 октября 2018 г., что является лучшим показателем за последние десять лет.

[1] Разработано автором на основе: Списки и рейтинги Nonews. – https://nonews.co/directory/lists/countries; European Union Unemployment Rate // Trading Economics. – https://tradingeconomics.com/european-union/unemployment-rate

[2] Источники те же.

Инфляция также является одной из проблем ЕС. Несмотря на то, что в таких странах, как Ирландия, Португалия, Люксембург и Испания, зафиксирована дефляция, общая тенденция показывает рост показателя инфляции в ЕС в 2017 г. по сравнению с 2014 г, хотя данный показатель пока и остается в рамках целевого коридора. Наибольшая амплитуда колебаний уровня инфляции наблюдается в странах Прибалтики, особенно в период мирового кризиса. Рост доходов населения в Латвии привел к раскручиванию механизма инфляции, которому способствовали решения и деятельность правительства и навязываемые банковские кредиты и так называемый «кредитный перегрев» Латвии.

Рассмотрим индекс развития человеческого потенциала (табл. 6).

Таблица 6

Индекс развития человеческого потенциала[1]

Годы / Страны	Западная Европа	Центральная Европа	Прибалтика
2000	0,858	0,764	0,752
2005	0,876	0,798	0,799
2009	0,884	0,815	0,809
2010	0,886	0,818	0,813
2011	0,888	0,820	0,817
2013	0,898	0,830	0,826
2014	0,89	0,82	0,827
2015	0,896	0,853	0,839
2016	0,904	0,861	0,847
2017	0,911	0,868	0,858

Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) – это индекс развития, учитывающий уровень жизни, грамотности, образованности и долголетия населения страны. На основе данного показателя можно увидеть преимущество и большой отрыв в развитии стран Западной Европы от остальных членов ЕС, в то время как уровни развития стран Центральной Европы и Прибалтики практически совпадают. Однако после вступления в ЕС уровень ИРЧП стран Центральной Европы существенно повысился (с 0,76 до 0,86) в результате повышения доходов, интегрированности в развитую социальную европейскую сферу, возможности получения европейского образования и т.д.[2]

Последний из рассматриваемых показателей – инновационный индекс. В соответствии с Европейским инновационным табло инновационный индекс оценивает инновационный потенциал каждой из стран, его инновационную технологическую базу, финансирование и инвестирование инновационных проектов и человеческий потенциал в этой сфере (табл. 7).

Таблица 7

Динамика инновационного индекса стран[3]

Годы / Страны	Западная Европа	Центральная Европа	Прибалтика
2003	0,4833	0,24	0,247
2004	0,4800	0,2425	0,247
2005	0,4850	0,245	0,253
2006	0,544	0,289	0,268
2007	0,555	0,285	0,275
2008	0,561	0,303	0,280
2009	0,573	0,313	0,300
2010	0,583	0,364	0,303
2011	0,583	0,333	0,321
2012	0,605	0,323	0,331
2013	0,604	0,328	0,337
2014	0,538	0,449	0,457
2015	0,547	0,451	0,468
2016	0,544	0,444	0,459
2017	0,548	0,447	0,455

В период вступления в ЕС стран ЦВЕ наблюдается положительная динамика данного индекса. Это обусловлено позитивным эффектом от присоединения к интеграции: увеличение доходов и возможностей финансирования, доступ на европейские рынки высоких технологий и обмен знаниями, возможность получения европейского образования и т.д. Следует отметить, что в странах Западной Европы инновационный индекс сократился в 2017 г. по сравнению с 2012 г., в то время как в странах Прибалтики и Центральной Европы наблюдается положительная динамика.

[1] Разработано автором на основе: Списки и рейтинги Nonews. – https://nonews.co/directory/lists/countries; Индекс человеческого развития стран мира = Human Development Report 2015 / Центр гуманитарных технологий. – http://gtmarket.ru/ratings/human-development-index/human-development-index-info

[2] Индекс человеческого развития стран мира = Human Development Report 2015 / Центр гуманитарных технологий. – http://gtmarket.ru/ratings/human-development-index/human-development-index-info

[3] Разработано автором на основе: Global Innovation Index 2018. – https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/gii_2018-report-new.pdf

Таким образом, исходя из вышеизложенных данных, можно говорить о том, что основными актуальными проблемами ЕС являются:

1) безработица – «проблема № 1» в ЕС, в частности, молодежная безработица. Несмотря на то, что уровень безработицы в 2017 г. по сравнению с 2012 г. снизился, остается очень высокий уровень молодежной безработицы, который на апрель 2018 г. составил 15,9%;

2) сильное экономическое различие «новых» и «старых» участников ЕС (рейтинг глобальной конкурентоспособности на 2018 г.: Греция – 87 место, Португалия – 42, Италия – 43, Германия – 5, Франция – 22, Швеция – 7, Болгария – 49, Румыния – 68);

3) выделение страны-лидера – Германии (обладает наибольшим профицитом торгового баланса по сравнению с другими странами Западной Европы: если в 2017 г. во Франции дефицит составлял 78 млрд. долл. США, то Германия получила профицит в 36,6 млрд. долл. США, что стало рекордом с момента объединения Германии);

4) проблема миграции — ведет к старению населения, сокращению трудоспособного населения, провоцирует «утечку мозгов»;

5) кризис госдолга, особенно для стран еврозоны. Государственный долг стран еврозоны согласно данным Всемирного банка в начале 2018 г. составил более 100% совокупного ВВП. Для сравнения, в 2011 г., – 8 413 319,6 млн. евро, или 87,4% от совокупного ВВП;

6) практически во всех странах Евросоюза наблюдается тенденция к снижению или «заморозке» показателей за последние годы по сравнению с первоначальным резким ростом экономики сразу после вступления в ЕС;

7) ставится под вопрос эффективность еврозоны, т. е. экономические показатели, соответствующие критериям конвергенции, явились результатом консолидации усилий именно на момент вступления в Еврозону;

8) наблюдается тенденция к снижению влияния ЕС на решение экономических кризисов и конфликтов.

Необходимо учитывать и тот факт, что в ЕС исключительно в интересах евроатлантической политики были приняты государства со слабой экономикой. Вскоре после этого ранее успешное и многообещающее объединение стало испытывать ряд проблем, что повлекло за собой множество вопросов о будущем Союза. Нынешние проблемы ЕС вызваны возросшим влиянием политической составляющей, а разница национальных экономик постепенно отходит на второй план. Наиболее ярким примером является экономика Греции. За годы пребывания в ЕС, а особенно в зоне евро, в стране происходила быстрая деиндустриализация экономики, почти не осталось собственной промышленности, за исключением легкой индустрии, а сельское хозяйство составляет менее 5% ВВП. Основная часть продукции, потребляемая греками, – импорт из других стран ЕС. Страна практически полностью утратила экономическую самостоятельность и живет и питается за счет «общего организма» – ЕС. Если Греция уйдет от евро и вернется к драхме, этот импорт подорожает в разы. Поэтому крайне важно сохранить национальную идентичность интегрирующихся государств и учитывать особенности национальных экономик этих стран[1].

Многие эксперты прогнозируют хронические структурные проблемы в отдельных странах-членах ЕС и на данный момент подтверждают отсутствие эффективных решений значительной части долгосрочных проблем (старение населения и адаптация мигрантов, поиск модели интеграции с восточноевропейскими соседями, отсутствие баланса между Германией, другими крупными, а также малыми странами-членами ЕС). В качестве причины некоторые называют сохранение ситуативной экономической политики, в том числе наднациональной, что не дает стабильного роста.

Однако, несмотря на ряд существующих проблем, Евросоюз до сих пор является образцом построения достаточно успешной интеграции, и его опыт полезен участникам других интеграционных объединений, например, Республике Беларусь и Российской Федерации как участникам развивающейся евразийской интеграции.

[1] Панина Е.В. Социально-экономические и законодательные аспекты развития Евразийского экономического союза // Евразийская интеграция: экономика, право, политика; учредители: Межпарламентская Ассамблея Евразийского экономического общества, Северо-Западная академия государственной службы, Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права. – Санкт-Петербург, 2012. – № 12. – С. 15–20. – http://www.evrazes.spb.ru/files/Issue_12.pdf

Денисевич А.В.
к.ю.н., доцент, Белорусский государственный университет
denisevich1975@gmail.com

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ ЕАЭС

Ключевые слова: *международная интеграция, модели интегрирования, типы интеграционного объединения, интеграционные процессы, институциональный механизм, теория имплементации, стратегия защиты.*

Keywords: *international integration, models of integrating, types of integration model of unification, integration processes, institutional mechanism, the theory of the defense-in-depth strategy implementation.*

Международная интеграция (глобальная и региональная) характеризуется взаимопроникновением национальных рынков товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, созданием объединенного рыночного пространства с единой денежно-финансовой системой, унифицированными правовыми основами и согласованием внутренней и внешней политики в определенных сферах. Ее можно определить как процесс взаимного сближения национальных экономико-правовых механизмов, хозяйственных систем государств-членов, связанный с углублением их экономического взаимодействия и приобретением преимущества посредством совокупного использования географических, экономических и иных факторов.

Теория международной интеграции выделяет три основные модели интегрирования: функциональную, федеральную, транснациональную. Функционалисты (основоположник – Д. Митрани; Э. Хасс, Л. Линдберг, Я. Тинберген и др.) объединение институтов государственной власти рассматривают как следствие сближения отдельных лиц, социальных групп и государств по экономическим интересам, которое приведет к переходу от государственной власти к межрегиональной, а затем и к всемирной через постепенное отмирание суверенитетов государств[1]. Представители федералистской школы (родоначальник – А. Спинелли; Ж. Моне, Р. Шуман, А. Этциони, К. Фридрих и др.), напротив, выступают не за экономическую интеграцию, а за интеграцию посредством сближения политических институтов государств при договорном отказе от централизма и распределении полномочий между центром и субъектами федерации[2]. Суть транснационализма (основоположник – К. Дойч; Д. Пучала и др.) заключается в предложении воспринять «объединительную идею», не предъявляя при этом к субъектам интеграции жестких требований по поводу того, как себя вести при той или иной форме сближения (коммуникации)[3].

При этом в выборе конкретного механизма функционирования любого интеграционного объединения следует принимать во внимание наличие трех типов «поведения» интеграционного объединения, а именно: мягкий (когда учитываются взаимные интересы интегрируемых стран), жесткий (когда какая-либо страна доминирует и диктует свои интересы другим странам-членам интеграции), симбиозно-ситуативный (когда по некоторым вопросам применяется мягкий тип, а по другим вопросам – жесткий тип интеграционной деятельности). Отсюда выбор того или иного типа (модели) механизма интеграции и «интеграционного поведения» напрямую влияет на общую эффективность данного интеграционного объединения (союза)[4].

В различных исследованиях указывается на такие положительные аспекты интеграции как экономический рост вследствие снятия национальных торговых барьеров. В то же время основные негативные моменты интеграции связываются в основном с теориями государственного суверенитета (П.А. Клюев, М.А. Королев, Ю.М. Колосов, Е.А. Шибаева и др.) и его «размыванием» при наиболее тесной интеграции государств в рамках межгосударственного интеграционного объединения[5]. Тем не менее, сегодня в мире существует более 200 интеграционных объединений. Но экономических в полном смысле этого слова объединений или союзов среди них не так много. Одно из них – ЕАЭС.

С точки зрения современной теории международного права ЕАЭС является межгосударственным интеграционным объединением регионального уровня. Межгосударственные интеграционные объединения отличаются от классических международных организаций более тесными экономическими и политическими связями, более разветвленным механизмом международно-правовой регуляции, наличием определенного объема наднациональных полномочий, системой органов.

---

[1] Mitrany D. The Prospect of Integration : Federal or Functional // Journal of Common Market Studies. 1965. – Vol. 4, N 2. – P. 119–149.

[2] Spinelli A. The Growth of European Movement since the Second World War // European Integration. 1972. – P. 1–10.

[3] Deutsch K. The Analysis of International Relations. – New Jersey, 1978. – P. 198.

[4] Алиев У.Ж. Базовый понятийно-категориальный аппарат общей теории интеграции: введение к системному построению // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 1. Ч. 2 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2018. – С. 16–20.

[5] Hoogmoed S. Europe in the third millennium. – http://home.tiscali.nl/sylvester/iiii.htmb

Приоритетными направлениями взаимодействия в рамках ЕАЭС являются: повышение эффективности торгово-экономического сотрудничества и его дальнейшее развитие; развитие агропромышленного комплекса; развитие сотрудничества в области использования возобновляемых источников энергии и атомной энергетики; формирование объединенной транспортной системы; повышение эффективности и дальнейшее развитие межрегионального сотрудничества. Движению по пути создания совместного экономического пространства в рамках ЕАЭС способствуют: наличие емкого регионального рынка; самодостаточность и взаимодополняемость по основным видам топливно-энергетических и сырьевых ресурсов; имеющийся значительный промышленный потенциал и его технологическая общность; осознание необходимости повышения конкурентоспособности экономики государств – участников ЕАЭС и ускорения их социально-экономического развития на основе инноваций.

Тем не менее, в настоящее время существует ряд факторов, сдерживающих дальнейшее развитие интеграционных процессов в ЕАЭС: различия по экономическому потенциалу, структуре экономики, уровню экономического развития и благосостояния населения, в характере и масштабах рыночных преобразований; разноскоростной характер интеграционных процессов; невыполнение государствами отдельных принятых в рамках ЕАЭС обязательств.

В этой связи в Основных направлениях экономического развития ЕАЭС, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 16.10.2015 № 28[1], выделяются три сценария («максимальный», «фрагментарный» «инерционный»).

1. «Собственный центр силы» – реализация указанного сценария позволит государствам-членам повысить свою долю в мировой экономике за счет производства и сбыта на внутреннем рынке и рынке третьих стран конкурентоспособной продукции, диверсифицировать экспорт и нарастить объемы ненефтегазового экспорта, снизить зависимость от импортируемых из третьих стран товаров и услуг, обеспечить эффект создания торговли, экономию от эффекта масштаба, технологического эффекта, повысить качество и уровень жизни населения.

2. «Транзитно-сырьевой мост» – реализация указанного сценария предполагает существенную активизацию интеграционного сотрудничества по направлению развития транзитного потенциала, в том числе путем формирования транспортных коридоров, реализации совместных инфраструктурных проектов в целях транспортировки сырья и транзита продукции, а также стимулирования сферы соответствующих услуг.

3. «Продленный статус-кво» – указанный сценарий предполагает реализацию достигнутых интеграционных договоренностей с учетом возникающих новых изъятий, ограничений и барьеров, причем новые синергетические эффекты (экономии на масштабе, технологический эффект, создание торговли) не приобретают масштабного характера, новых системных интеграционных решений не принимается.

И как показывает практика, прошедшие годы интеграции пока не привели к динамичному увеличению интеграционных связей, дополнению вертикального построения интеграционного процесса горизонтальными каналами взаимодействия субъектов интегрирующегося рынка, к разработке и реализации крупных многосторонних проектов. Несмотря на прогресс в создании интеграционных институтов сам факт начавшейся интеграции слабо учитывается в национальных программных документах:

в Республике Беларусь – это Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь, Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, Основные направления социально-экономического развития Республики Беларусь;

в Республике Казахстан – это Стратегия развития Республики Казахстан – 2050, Стратегический план развития Республики Казахстан, Стратегия национальной безопасности Республики Казахстан;

в Российской Федерации – это Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года.

Хотя в данных документах фрагментарно учитывается то, что в долгосрочной перспективе наибольшее влияние на мировую экономику будут оказывать следующие глобальные тенденции (тренды) и вызовы: усиление международной интеграции и интернационализации производства и потребления, конкуренции на мировых рынках и глубины дифференциации стран по уровню экономического развития; ускорение научно-технологического прогресса и масштабов цифровизации экономики; усугубление экологической обстановки и т.д.

В ряду вышеуказанных документов Стратегию защиты интересов ЕАЭС можно признать базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные экономические интересы государств – участников и приоритеты ЕАЭС в целом, цели, задачи, конкретные направления деятельности и меры в области внутренней и внешней союзной политики, обеспечивающие эффективное противодействие угрозам, препятствующим ускорению совместного социально-экономического развития, а также создающим методологическую основу для совершенствования деятельности по защите интересов ЕАЭС на долгосрочную перспективу и определяющим необходимые для этого механизмы (инструменты).

Главными задачами разработки стратегии являются:

– обеспечение наиболее эффективной защиты интересов ЕАЭС, направленных на увеличение научно-технического потенциала и повышение конкурентоспособности экономики государств-участников;

[1] Об основных направления экономического развития Евразийского экономического союза: Решение Высшего Евразийского экономического совета, 16 окт. 2015 г., № 28 // ЭТАЛОН. Законодательство Российской Федерации / Нац. центр прав. информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

– усиление системности мероприятий, планируемых субъектами обеспечения защиты интересов ЕАЭС, и их нацеленности на защиту приоритетных интересов, главным (доминирующим) из которых является устойчивое развитие экономики ЕАЭС (обеспечение постоянного экономического роста).

Разработку стратегии возможно осуществлять в следующей последовательности:

– анализ текущего состояния экономик государств-участников, действующих мер государственной политики и оценка их влияния на экономику ЕАЭС в целом;

– определение направлений и сценариев развития экономики ЕАЭС с учетом способов решения проблем и ограничений устойчивого развития, выявленных в ходе анализа состояния экономик государств-участников;

– выявление угроз интересам ЕАЭС;

– определение возможных направлений (способов) защиты интересов ЕАЭС и выбор оптимального направления, оценка рисков и ожидаемого результата;

– определение перечня конкретных мероприятий по минимизации воздействия угроз ЕАЭС на долгосрочную перспективу.

При проведении анализа текущего состояния экономик государств-участников необходимо выделять следующие аспекты:

– оценка финансово-экономического состояния (конкурентоспособности) ведущих компаний на внутреннем и внешнем рынках с учетом анализа потенциала импортозамещения, наращивания доли на внешних рынках (инвестиционной активности) и налоговой нагрузки (доля налоговых отчислений в себестоимости продукции);

– оценка влияния макроэкономических показателей, зависимости от мировых экономических процессов с учетом анализа положения на мировом рынке, возможности повышения конкурентоспособности выпускаемых продуктов/услуг на внешнем рынке, а также снижения зависимости внутреннего рынка от продуктов/услуг импортного производства;

– оценка эффекта реализации (влияния на экономику) мер и механизмов защиты интересов ЕАЭС.

Выявление угроз интересам ЕАЭС предполагает определение: уровня их опасности и реальности воздействия на интересы; объективных и субъективных причин (условий и факторов) появления угроз; вероятных последствий непринятия мер по нейтрализации угроз (инерционный прогноз).

Главными стратегическими угрозами являются низкая конкурентоспособность экономики, отставание в разработке и внедрении перспективных технологий, дестабилизация финансовой системы, критическое состояние с продовольственным обеспечением, критическая зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры на фоне усиления глобальной недобросовестной конкуренции с введением ограничительных экономических мер, опасное возрастание доли иностранного капитала в стратегических отраслях экономики, глобальные и региональные экономические кризисы.

При этом необходимо иметь в виду, что в основном законодательство стран ЕАЭС ориентировано на систему запретов и построено на необходимости защиты от разовых воздействий (конфликта, правонарушения), В нем не выделяются системные угрозы, которые требует построения совсем иных правовых механизмов защиты в отличие от несистемных. В этом вопросе интересен опыт Китая, стратегия национальной безопасности которого характеризует традиционные и нетрадиционные (несистемные и системные) угрозы и предлагает уделять повышенное внимание укреплению потенциала невоенного характера для ликвидации угроз[1].

Процесс противодействия угрозе – порядок (механизм) выявления, предотвращения, нейтрализации, пресечения, локализации, отражения, уничтожения угроз (источников, субъектов-носителей) и признаков (действий, событий), свидетельствующих о возможности нанесения вреда (их способов), который можно представить в виде последовательности стадий: анализ сложившейся ситуации (установление источника и механизма (способа) реализации угрозы, уязвимостей объекта защиты); разработка вариантов противодействия угрозе; выбор оптимального варианта (принятие решения) и реализация мер по противодействию угрозе.

Следовательно, целью защиты интересов ЕАЭС является достижение и поддержание такого уровня их защищенности от внутренних и внешних угроз, который гарантирует их надлежащую реализацию и устойчивое экономическое развитие ЕАЭС в целом. Основными задачами защиты являются: разработка и реализация союзной политики защиты; определение и поддержание необходимого баланса интересов государств-участников; нейтрализация источников внутренних угроз и защита от внешних угроз; создание системы защиты и организация ее эффективного функционирования.

Основными функциями системы защиты являются: совершенствование концептуальных организационных и правовых основ защиты с определением приоритетных направлений и задач защиты; организация и проведение мониторинга, направленного на своевременное выявление возрастания уровня опасности с оценкой внутренних и внешних рисков и угроз (сбор, обработка и анализ информации о развитии ситуации (обстановки), оценка ситуации, прогнозирование ее развития и возможных негативных последствий, выработка предложений по совершенствованию оперативного реагирования на угрозы); разработка и практическая реализация комплекса оперативных и долговременных мер по предупреждению и нейтрализации рисков и угроз, недопущению нанесения вреда интересам и экономическому развитию ЕАЭС в целом.

В этой связи характеристика результата защиты должна включать оценку изменения состояния угрозы, положительные и отрицательные внешние эффекты ее влияния на приоритетные и иные интересы, а также эффекта от нейтрализации данной угрозы.

---

[1] Диченко А.А. Изучение нетрадиционных аспектов безопасности в КНР // Международное публичное и частное право. 2014. – № 4. – С. 30–34.

Соответственно направление защиты – способ противодействия угрозе, в рамках которого определяется перечень и порядок реализации задач, объем ресурсов, состав участников защиты. Выбор конкретного направления (способа) защиты возможно осуществлять в следующей последовательности:

– определение всех возможных вариантов защиты;

– анализ условий и факторов (внутренних и внешних, благоприятных и неблагоприятных, имеющихся и прогнозируемых), возникающих в рамках каждого из вариантов защиты, с оценкой соответствующих рисков;

– оценка масштаба (источников) ресурсов, необходимых для защиты данным способом;

– определение участников защиты и потенциальных форм их участия в защите;

– выбор оптимального варианта защиты из числа проанализированных.

Выбор оптимального направления защиты должен осуществляться исходя из существующей нормативной правовой базы, масштабов ее необходимых изменений; затрат ресурсов и эффективности достижения ожидаемого результата; имеющихся финансовых, организационных, кадровых и иных ограничений; наличия сопутствующих благоприятных факторов; возможности расширения числа участников мероприятий.

В рамках выбранного направления (способа) защиты необходимо четко определить последовательность (взаимоувязанность) задач, реализация которых при надлежащей концентрации усилий и экономии ресурсов обеспечивает получение ожидаемого результата (конкретной цели, которую необходимо достичь к определенному моменту времени). При этом необходимо обосновать адекватность и достаточность комплекса задач для противодействия угрозам. По каждой задаче по возможности должны быть приведены количественные целевые показатели и (или) качественные критерии ее решения.

В целях своевременного выявления угроз, оперативного реагирования на них, выработки управленческих решений и рекомендаций целесообразно формирование системы управления рисками в сфере защиты интересов ЕАЭС как системы мероприятий, направленных на своевременное выявление, оценку, предупреждение и контроль действий и событий случайного и непредсказуемого характера, формирующих угрозы, способные вызвать нарушения в нормальном функционировании непосредственного объекта защиты. Риск-ориентированный подход заключается в определении «зон риска» в деятельности субъектов обеспечения и объектов защиты. При этом процедура анализа рисков (управления рисками) включает информационно-аналитическую, идентифицирующую, оценочную и реализационную стадии.

Также механизм защиты интересов ЕАЭС следует рассматривать в следующих аспектах. В организационно-управленческом аспекте он предполагает функционирующую в рамках определенных организационных форм систему элементов оценки обстановки, планирования, организации взаимодействия и контроля, при помощи которых обеспечивается правильность его функционирования в целом, гарантируется надлежащая реализация интересов, осуществляется противодействие деструктивной деятельности субъектов (носителей) угроз. В правовом аспекте он включает нормативное регулирование (регламентация правил защиты и установление мер защиты (ответственности) за их несоблюдение), правоприменение (соблюдение правил поведения, направленных на защиту интересов от различного рода угроз, в том числе криминального характера, и применение мер защиты (ответственности) за их невыполнение) и юрисдикционную деятельность (процессуальные нормы, определяющие порядок применения мер защиты (ответственности)). В институциональном аспекте он состоит из системы уполномоченных субъектов. В функционально-технологическом аспекте он подразумевает совокупность правовых, организационно-управленческих, социально-экономических и силовых методов воздействия на субъектов (носителей) угроз.

С учетом изложенного все обозначенные моменты необходимо учесть в Стратегии защиты интересов ЕАЭС, в которой должны быть определены приоритетные интересы, подлежащие защите, риски и угрозы интересам, цели и задачи защиты, основные направления и меры противодействия угрозам интересам, сконцентрированные на предотвращении дестабилизирующих (кризисных) ситуаций в экономической сфере, а также:

– базовые положения теории защиты интересов, их существенные (отличительные) признаки в качестве объекта защиты с правовой характеристики современных угроз данным интересам, оценкой их реальности (отличиями от рисков и вызовов);

– структура (основные элементы) механизма защиты интересов, включая: определение всех возможных вариантов защиты; анализ условий и факторов (внутренних и внешних, благоприятных и неблагоприятных, имеющихся и прогнозируемых), возникающих в рамках каждого из вариантов защиты, с оценкой соответствующих рисков; оценку масштаба (источников) ресурсов, необходимых для защиты данным способом; определение участников защиты и потенциальных форм их участия в защите; выбор оптимального варианта защиты из числа проанализированных;

– специфика организации (системно-структурного построения) деятельности по защите интересов с конкретизацией компетенции всех субъектов защиты и определением направлений повышения эффективности их взаимодействия на внутригосударственном и межгосударственном уровнях;

– комплексные рекомендации (предложения) по организации эффективной защиты интересов ЕАЭС.

Актуальность и значение разработки стратегии обусловливаются необходимостью предметной и всесторонней защиты интересов ЕАЭС; надлежащего функционирования механизмов реагирования на риски и угрозы рассматриваемым интересам; интеграции ЕАЭС в систему международной экономической безопасности и т.д.

Ефременко Д.В.
д.полит.н., заместитель директора ИНИОН РАН
efdv2015@mail.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ТЕХНОЛОГИИ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ[1]

Ключевые слова: *цифровая реальность, искусственный интеллект, большие вызовы, социобиотехнические системы, национальная безопасность, Большая Евразия.*

Развитие технологий искусственного интеллекта и – в более широком смысле – технологий цифровой реальности – ставит перед российским обществом и государством ряд серьезных вызовов, которые можно ранжировать по нескольким параметрам, в частности, с точки зрения характера последствий (прямые, косвенные, кумулятивные эффекты и т.д.). Но с подобными вызовами сталкиваются и другие страны мира, а от принятых в порядке ответа на эти вызовы политических решений зависит и международная безопасность, и геополитическая динамика, в т.ч. формирование макрорегиона Большой Евразии. Соответственно резко возрастает уровень ответственности научного сообщества, которое должно обеспечить на должном уровне экспертную поддержку разработки таких политических решений.

В связи с этим попробуем, прежде всего, сформулировать рамочный концептуальный подход к данной проблематике. Суть его в следующем.

Информационная революция, становление цифровой экономики и широкое внедрение технологий искусственного интеллекта с полным основанием могут рассматриваться как проявления метатехнологического сдвига в развитии цивилизации в начале XXI века. Природные системы, социальные и технические системы уже нельзя рассматривать как изолированные друг от друга. На их дальнейшее взаимосвязанное развитие оказывает влияние множество факторов, включая инновационное развитие промышленных производств, энергетическую политику, революционные изменения средств связи и коммуникации, появление новых направлений научных исследований и технологий. Глобальные сети коммуникаций и инфраструктуры, взаимодействие государственных акторов и бизнеса в рамках глобальной экономики и т.п. являются комплексными системами с нелинейной динамикой взаимодействий, характерной особенностью которых является возникновение системных рисков. В целом взаимоотношения общества, природы и техники в современных условиях характеризуются приближением к порогу качественных изменений, сам процесс которых может оказаться неконтролируемым и необратимым. Проблема состоит не только в потенциальном революционизирующем (либо дестабилизирующем) воздействии на человека, человеческие общности и окружающую среду таких технологий как Интернет вещей, Big data, блокчейн, 3D-принтинг, нанобиосенсорика, мозговые имплантаты, искусственный фотосинтез, умные города, умные сети электроснабжения и т.д. Прежде всего, необходимо адекватное понимание тех системных взаимодействий, которые претерпевают качественные изменения в связи с бурным прогрессом технологий. Соответственно, необходимо сосредоточить внимание исследователей на социобиотехнических и социокиберфизических системах, имея в виду преодоление упрощенной дихотомии «общество – природа», поскольку общество в ходе своей эволюции сконструировало «вторую природу», искусственную. «Вторая природа» включает в себя как мир артефактов, так и виртуальный мир, в который все более «погружается» человечество. Социобиотехнические системы (СБТ-системы) являются открытыми системами с нелинейными связями и взаимодействиями, в которых «техническое», «природное» и «социальное» выступают интегральными характеристиками единого целого. Взаимодействия внутри социобиотехнических систем рассматриваются как процессы метаболической трансформации, когда инициируемые человеком изменения порождают реструктуризацию такого рода систем. Типологически можно выделить три основных состояния СБТ-систем и, соответственно, три основных типа их метаболизма: 1) устойчивое (стабильное); 2) мобилизационное; 3) критическое.

Переход к цифровой экономике и более широкий спектр трансформаций, описываемых концептом цифрового общества, означает, прежде всего, изменение характера метаболизма СБТ-систем, их переход сначала в мобилизационное состояние, а затем – либо в критическое, либо в состояние новой стабильности, условием поддержания которой станет закрепление в новой экосистеме (5G/Интернет вещей) с миллионами подключений между людьми, устройствами и вещами. При этом потребуется и существенное обновление социальных механизмов упреждения рисков/управления рисками.

[1] Статья отражает результаты работы по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Большие вызовы, научные основы прогнозирования и стратегического планирования».

Анализ изменений метаболических процессов в социобиотехнических системах под влиянием комбинаций воздействий, обусловленных развитием цифровой экономики и распространением технологий искусственного интеллекта, должен проводиться с привлечением данных естественных, технических и общественных наук. По сути дела, необходимо постоянное рефлексивное сопровождение развития цифровой экономики, предполагающее систематическое использование языка «междисциплинарных переходов» (например, «шаг» в развитии Интернета вещей (IoT) может быть интерпретирован в терминах сокращения/увеличения продолжительности жизни отдельных когорт населения, изменения характера труда и качества жизни, появления новых типов социальных конфликтов и т.д.). При этом имеет смысл особое внимание сосредоточить на совершенствовании уже существующих моделей социально-экологического метаболизма в урбанистических системах с учетом новой постановки данной проблемы (концепция «умного» города).

Обращение к исследованию социально-метаболических процессов внутри и между СБТ-системами в контексте развития цифровой экономики означает расширительную трактовку социального взаимодействия, поскольку в него вовлекаются и несоциальные объекты (природные и технические), а «катализатором» изменений выступают новые технологии связи (5G), Интернет вещей, технологии искусственного интеллекта. Такая концептуальная рамка позволит осуществить разработку теоретико-методологических оснований прогнозирования воздействий критических технологий, связанных с развитием цифровой экономики, на устойчивость социобиотехнических систем, комплексной оценки последствий и рисков. Разумеется, при этом потребуется усовершенствовать или разработать новые подходы к прогнозированию и комплексной оценке последствий развития критических технологий, учитывающие как специфику неравновесной динамики в СБТ-системах, так и потребность в рекомендациях, направленных на поддержку процесса принятия управленческих и политических решений.

Переходя от общего теоретико-методологического подхода к вопросам влияния цифровых технологий на международную политику, в том числе на политическую динамику в макрорегионе Большой Евразии, необходимо сформулировать актуальные задачи, решение которых потребует привлечения высококвалифицированных экспертов, представляющих различные научные дисциплины. В числе таких задач необходимо назвать:

– систематический сравнительный анализ процессов перехода ведущих стран мира к цифровой экономике, влияние этих процессов на укрепление позиций тех или иных стран в структуре международных отношений с точки зрения «мягкой» и «жесткой силы»;

– мониторинг использования ведущими государствами и негосударственными структурами технологий Больших данных (Big Data) и искусственного интеллекта для решения политических задач, включая их использование в целях политической дестабилизации и дезинформации либо для противостояния таким действиям;

– разработка рекомендаций относительно упреждающих действий государственных акторов по ограничению внешнего воздействия на национальные телекоммуникационные системы и медиапространство с использованием ИИ, рассмотрение позитивных и негативных сторон уже имеющегося опыта стран Большой Евразии (прежде всего, китайской «Great Firewall», а также основанной на применении технологий БД и ИИ китайской системы «внутреннего кредита», предполагающую широчайший контроль степени гражданской лояльности);

– применение методов интеллектуального анализа больших текстовых массивов (text mining) для изучения дискурсов о мировой политике, идентификации этнополитической напряженности и т.п., мониторинга динамики политических конфликтов;

– составление с использованием средств визуализации интерактивных карт угроз и проблемных объектов, обсуждаемых на высоком международном уровне;

– активизация международно-правовых исследований, связанных с регулированием и ограничением применения технологий искусственного интеллекта (в частности, в военных целях), разработка новых подходов к проблематике государственного суверенитета в условиях постоянно расширяющегося применения технологий ИИ, формирование особого правового режима массового применения роботов в самых различных сферах;

– анализ международно-политического контекста значимых проектов по переходу к цифровой экономике (например, цифровая железная дорога);

– геопространственный анализ на основе использования ГИС, исследование при его помощи культурных трендов, урбодинамики, распространения идей, поведенческих моделей и т.д.;

– изучение перспектив использования ИИ для решения задач повышения связанности территорий Большой Евразии, освоения тех пространств, которое прежде блокировалось в силу заведомой нерентабельности, развитие нового поколения транспортных систем и их включение в трансконтинентальные транспортные маршруты, создание вдоль них коридоров развития, где доминирующую роль будут играть технологии ИИ;

– изучение комплексных рисков дальнейшей конвергенции технологий, в частности, развития технологий ИИ по траектории биологического моделирования (нейросети), новейших достижений синтетической биологии и нанотехнологий.

Помимо круга проблем, напрямую связанных с мировой политикой, необходимо включать в сферу рассмотрения и макросоциальные процессы, обусловленные развитием и хозяйственным применением технологий ИИ. В конечном счете, речь идет о широком диапазоне показателей онтологической безопасности, характеризующих устойчивость взаимодействий внутри СБТ-систем и способствующих поддержанию чувства защищенности людей, участвующих в этих взаимодействиях. Перечислим некоторые, наиболее значимые проблемы онтологической безопасности в связи с развитием цифровых технологий:

1. Широкомасштабная роботизация, развитие и хозяйственное применение технологий ИИ в перспективе 5–10 лет приведут к радикальным трансформациям на рынке труда. Можно будет говорить об изменении самой структуры профессий вплоть до практически полного исчезновения ряда значимых профессий. Следствием этого станет

преобразование системы социальной стратификации и моделей социальной мобильности, усиление маргинализации низших социальных слоев, общий рост социального расслоения и неравенства внутри отдельных регионов и стран, а также в глобальном масштабе.

2. Рост безработицы, который в случае России может даже перекрыть эффекты депопуляции. В связи с этим необходим пересмотр самой идеологии реформ пенсионной системы, а также изменение миграционной политики, ограничение импорта неквалифицированной рабочей силы, ее широкое замещение с использованием технологий ИИ.

3. В свете драматических изменений на рынке труда важнейшее значение для стран Большой Евразии приобретает разработка программ переподготовки кадров на новом качественном уровне, предполагающих не только обучение безработных новым профессиям, но также профессиональную адаптацию к новым и быстро меняющимся форматам человеко-машинного взаимодействия на основе внедрения технологий ИИ.

4. Потребность в качественной переориентации всей системы образования, начиная с начальной школы. Эта система должна, прежде всего, учесть новые особенности социализации личности и изменения поведенческих паттернов, обусловленные экспансией в жизненный мир человека технологий ИИ. Но одновременно в случае России должны измениться целеполагания национальной системы образования: она должна готовить не только «квалифицированных потребителей», но в первую очередь необходимое для стратегических потребностей России количество разработчиков технологий ИИ, специалистов по анализу данных, а также управленческих специалистов, способных руководить государственными и коммерческими организациями в условиях возрастающей скорости принятия решений и других социально-экономических изменений, обусловленных развитием ИИ. Особая проблема в данном контексте – делегирование ИИ принятия управленческих решений либо ограничения в развитии ИИ, сохраняющие принятие всех значимых управленческих решений за человеком.

Некоторые рекомендации

С учетом масштабов социально-политических вызовов развития технологий ИИ, а также группы Больших Вызовов, перечисленных в Стратегии научно-технологического развития России, имеет смысл ставить вопрос о формировании при Совете Безопасности России специального информационно-аналитического подразделения. Его научно-методологическим и институциональным прообразом могут быть существующие на Западе структуры по т.н. оценке техники (Technology Assessment), задача которых состоит в обеспечении органов государственной власти информацией и предложениями относительно возможностей и комплексных угроз, связанных с развитием новейших технологий. Организационно это может быть структура численностью порядка 10–15 специалистов. На основе анализа информации по чувствительным для общества и государства проблемам научно-технического развития они могли бы инициировать углубленные исследования социально-экономических последствий развития конкретных технологий, формируя для этого проектные группы из специалистов, работающих в академических или университетских организациях. Итогом будет доклад для Совета Безопасности, предполагающий идентификацию возможностей и рисков и выявляющий диапазон (сценарии) дальнейших политических решений.

Журавель В.П.[1]

«БЕЛАЯ КНИГА» КИТАЯ ПО АРКТИКЕ: ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Ключевые слова: *Китай, Белая книга по Арктике, Арктика, Россия.*
Keywords: *China, White Paper on the Arctic, Arctic, Russia.*

Пресс-канцелярия Госсовета Китайской Народной Республики (КНР) 26 января 2018 г. опубликовала «Белую книгу» по Арктике (далее – Документ)[2]. Структурно она состоит из вступления, четырех разделов, выводов. Следует отметить, что появлению этого Документа предшествовала значительная подготовительная работа исследовательских институтов и организаций Китая, которые обобщили значительный опыт, накопленный в КНР за последние годы в этом регионе. Координатором этой большой работы стала Арктическая и Антарктической администрация Китая, которая отвечает в стране за выполнение научных программ и разработку стратегических планов государства на арктическом направлении.

Во введении констатируется, что глобальное потепление в последние годы ускорило таяние льда и снега в Арктике, и в будущем это окажет значительное влияние на глобальное судоходство, международную торговлю и энергоснабжение, приведет к значительным социально-экономическим изменениям, в том числе в условиях труда и жизни жителей Арктики, включая коренные народы.

В первом разделе Документа обсуждается нынешнее положение Арктики. Отмечается, что значение нынешней ситуации в Арктике выходит за рамки арктических государств или арктического региона как такового. Кроме того, отмечается, что внерегиональные государства, хоть и не обладают территориальным суверенитетом в Арктике, однако имеют права на научные исследования, судоходство, пролет над территорией, рыболовство, прокладку подводных кабелей и трубопроводов в открытом море и других морских районах в Северном Ледовитом океане, имеют права на разведку и эксплуатацию ресурсов в Арктическом регионе в соответствии с общим международным правом.

Во втором разделе Документа предпринята попытка представить «новый взгляд» на роль и предназначение Китая в Арктике, где он назвал себя «государством, расположенным вблизи Арктики», одним из континентальных государств, наиболее близких к полярному кругу. Понятно, что тем самым китайские власти пытаются закрепить статус КНР как заинтересованной арктической стороны. Пекин не хочет упускать этот перспективный регион из зоны своего внимания. В своей государственной политике он недвусмысленно заявляет о претензиях Китая на Арктику, где у него есть собственные интересы и цели: во что бы то ни стало наращивать темпы ее освоения, в первую очередь в интересах энергетического и транспортного развития страны. При этом, будем объективны, свои арктические амбиции руководство Китая подкрепляет соответствующей финансово-экономической и научно-технологической базой.

В «Белой книге» подчеркивается, что капитал, технологии, рынок, знания и опыт Китая будут играть важную роль в расширении сети судоходных маршрутов в Арктике, будут содействовать экономическому и социальному прогрессу прибрежных государств вдоль этих маршрутов. При этом подчеркивается, что КНР имеет в Арктике общие интересы с арктическими государствами и общее будущее с остальным миром.

Заявление о том, что Китай принимает активное участие в решении трансрегиональных и глобальных проблем в Арктике, особенно в таких областях, как изменение климата, охрана окружающей среды, научные исследования, использование морских путей, разведка и эксплуатация ресурсов, безопасность и глобальное управление, на наш взгляд, в большей степени представляется намерением этой страны на будущее, особенно с учетом того, что КНР является постоянным членом Совета Безопасности ООН и несет важную миссию совместного содействия миру и безопасности в Арктике.

В «Белой книге» перечисляются события и факты, которые указывают на роль, значение и успехи Китая в изучении и освоении Арктики. С 1998 г. Пекин проводит регулярные арктические экспедиции. К концу 2017 г. в общей сложности их осуществлено восемь. При этом стоит не забывать, что Поднебесная не является арктическим государством и что ей только недавно (в 2013 г.) удалось стать наблюдателем при Арктическом совете.

В третьем разделе Документа впервые публично сформулированы политические цели и основные принципы политики Китая в отношении Арктики. Отмечается, что политические цели Китая в отношении Арктики заключаются в понимании, защите, развитии «управления» Арктикой и участии в нем, чтобы отстаивать общие интересы всех стран и международного сообщества в Арктике и содействовать устойчивому развитию региона. Для этого планируется наращивать объем и потенциал в области научных исследований в Арктике; активно реагировать на изменение климата

[1] Журавель Валерий Петрович – к.п.н., доцент, в.н.с., руководитель Центра арктических исследований Института Европы РАН. E-mail: zhvalery@mail.ru

[2] При подготовке статьи автор использовал неофициальный перевод «Белой книги», полученный в аппарате Научно-экспертного совета Государственной комиссии по вопросам развития Арктики.

в Арктическом регионе, защищать его уникальную природную среду и экологическую систему, поощрять его климатическую и экологическую устойчивость и уважать разнообразную культуру и исторические традиции коренных народов Севера; наращивать объем и потенциал в области применения прикладных арктических технологий, укреплять инновационную технологическую базу, охрану окружающей среды, использование ресурсов и развитие судоходных путей в Арктике; вносить вклад в экономическое и социальное развитие Арктики, улучшать условия жизни местного населения и стремиться к общему развитию; участвовать в разработке планов, относящихся к Арктике, и их реализации на основе соблюдения существующих рамок международного права, уделяя должное внимание интересам других стран и широкого международного сообщества с учетом важности защиты и развития Арктики и поддержания надлежащего баланса текущих и долгосрочных интересов в целях содействия устойчивому развитию Арктики. Подчеркивается, что для достижения политических целей Китай будет участвовать в арктических делах в соответствии с принципами «уважения», «сотрудничества», «беспроигрышного результата» и «устойчивости».

Четвертый раздел Документа является наиболее содержательным, в нем подробно изложена политика и позиция Китая по участию в научных исследованиях, охране окружающей среды, рациональном правовом управлении и развитии международного сотрудничества в Арктике. При этом КНР обязуется поддерживать мирный, безопасный и стабильный порядок в этом регионе. Следует отметить, что программные вопросы в этой части (около 60% текста) прописаны тщательно и обстоятельно, с учетом национальной специфики, исторических особенностей и стремления доминировать в Арктическом регионе.

Сотрудничество Китая с Россией в Арктике

В «Белой книге» по Арктике сотрудничеству с Россией, перевозкам грузов по Северному морскому пути (СМП), освоению месторождений углеводородов придается большое значение.

Сотрудничество с Россией рассматривается как составная часть сопряжения инициативы формирования Большого евразийского партнерства и китайской инициативы «Один пояс — один путь». Китай смотрит на СМП как на потенциальную ветвь своего «Шелкового пути». Безусловным драйвером здесь выступает проект «Ямал СПГ»[1]. Крупнейшей китайской компании CNPC в этом проекте принадлежит 20%, еще 9,9% вложил Фонд Шелкового пути. По поводу отправки первого газовоза компании «Ямал СПГ» из порта Сабетта 8 декабря 2017 г. президент России В.В. Путин в ходе встречи с китайскими представителями заявил: «Шелковый путь дотянулся до самого Севера. Объединим его с Северным морским путем, и будет то, что нужно, и Северный морской путь сделаем Шелковым»[2]. Все это из года в год способствует росту грузоперевозок по Севморпути.

В 2014 г. ПАО «Роснефть» и китайская нефтегазовая корпорация CNPC договорились о совместном изучении Западно-Приновоземельского участка в Баренцевом море, а также Южно-Русского и Медынско-Варандейского участков в Печорском море. Действует соглашение CNPC с ПАО «Газпром» по разведке нефтяных и газовых месторождений в Арктике. Китайские инвесторы выразили готовность вкладывать средства в строительство нового глубоководного Архангельского морского торгового порта и железнодорожной магистрали «Белкомур» (Белое море — Коми — Урал), которая на 800 км сократит путь из Сибири до Белого моря. Грузооборот нового участка порта составит до 30 млн. тонн в год[3].

Использование СМП для КНР предполагает расширение эксплуатации своих крупнейших портов, которые оснащены современным оборудованием для погрузки и разгрузки морских грузов, а также большими складскими помещениями и хранилищами для нефти и других грузов. Это в первую очередь порты Далянь и Циндао. Согласно китайским прогнозам, к 2020 г. по Севморпути пойдет до 15% китайского внешнеторгового грузопотока, в основном в виде контейнерных перевозок, что соответствует примерно 800 млрд. евро[4].

Китай понимает, что участие в освоении Арктики, развитие СМП возможны только при взаимодействии с Россией, поэтому в рамках своей арктической доктрины заявил, что будет играть по уже существующим правилам в соответствии с требованиями международного права. Кроме того, обе страны оказываются естественными союзниками в условиях ужесточения конкуренции и сложной международной обстановки, вызванной санкциями США и Европейского Союза в отношении России. Это может обеспечить как минимум появление новых совместных инфраструктурных проектов.

Однако очевидно и то, что для Китая важнее всего многосторонний формат диалога в освоении Арктики в целом. Потеря Пекином выгоды от использования СМП, на наш взгляд, может стать пусковым механизмом для ослабления духа взаимовыгодного сотрудничества, а главной причиной здесь могут быть предстоящие глобальные решения по разделу континентального шельфа арктических морей между арктическими государствами.

---

[1] Богоявленский В.И. «ЯМАЛ СПГ»: реализован уникальный международный проект в Российской Арктике // Арктические ведомости. 2018. – № 1. – С. 24.

[2] Путин пообещал сделать Шелковым Северный морской путь. 08.12.2017. – https://riafan.ru/1005193-putin-poobeshal-sdelat-shelkovym-severnyi-morskoi-put

[3] Журавель В.П. Китай, Республика Корея и Япония в Арктике: политика, экономика, безопасность // Арктика и Север. 2016. – № 24. – С. 119–120.

[4] Гриняев С.Н. Экономическое, технологическое и морское сотрудничество в Арктике // Право и инвестиции. 2015. – № 1–2. – С. 77.

Китай рассматривает Россию в качестве одного из источников получения энергоресурсов, успешно проводя политику диверсификации поставщиков, вследствие чего ни одна из стран, включая Россию, не занимает стратегического положения на китайском энергетическом рынке.

КНР пользуется противоречиями крупных держав в регионе. При этом Пекин дает понять Москве, что перспективы взаимовыгодных проектов перед лицом угроз и экономических санкций со стороны Запада более значимы, чем ее противодействие проникновению Китая в Арктику. Поднебесная настойчиво внушает России, что она самостоятельно не сможет освоить ресурсы Арктики и предлагает инвестиции в целях создания трехсторонних совместных предприятий с привлечением передовых западных (норвежских) технологий, без которых РФ якобы не в состоянии вести добычу сырья с больших глубин.

Пекин также стремится поставлять свое геофизическое и буровое оборудование российским предприятиям. При этом китайские производители хотят осуществлять техническое сопровождение своей продукции, а также мониторинг эксплуатации буровой техники в сложных арктических условиях. Китай также намерен обзавестись постоянно действующим «полярным» флотом, ускоренные работы по его созданию уже ведутся. Кроме того, КНР рассчитывает иметь специальную авиацию, самолеты которой смогут приземляться на Северном полюсе. Таким образом, активность Китая в Арктике нарастает, поскольку научные, экономические и финансовые возможности для этого у него есть.

В этих условиях, строя отношения с Китаем, нам следует учитывать, что он не сможет самостоятельно обеспечить реализацию своих экономических интересов в Арктике, тем более не сможет претендовать на какие-либо арктические территории, не ставя под сомнение Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. России также важно осознавать, что процесс освоения российских арктических пространств в целях закрепления их статуса, развития инфраструктуры, разработки и добычи запасов природных ресурсов потребует привлечения масштабных инвестиций, в том числе и иностранных. Но здесь мы не должны переходить красную черту. Важно сохранять и соблюдать национальные интересы и соответствующий уровень национальной безопасности.

Выводы

В «Белой книге» Китая по Арктике проанализирована арктическая ситуация в мире, предложен взгляд на место и роль Китая в Арктике, впервые сформулированы политические цели и основные принципы деятельности страны в отношении Арктики, а также изложены политика и амбициозная позиция Китая на Крайнем Севере на длительный период. Она направлена на повышение глобального геополитического и экономического статуса Китая, который назвал себя «околоарктическим государством». В Документе сделан вывод о том, что состояние Арктики непосредственно влияет на все отрасли хозяйства и производства в КНР, и в будущем Арктика может стать первостепенным приоритетом внешней политики Китая.

Изучение содержания «Белой книги» важно для понимания как формальных, так и объективных устремлений Китая в Арктике. Оно указывает на изменение восприятия Китаем собственного образа на международной арене и направлено на полный или частичный пересмотр взглядов арктических государств, а также национальной элиты и бизнес-структур на место КНР в Арктике. Публичный характер Документа, на наш взгляд, направлен также на поиск союзников и партнеров на арктическом направлении, ибо в нем изложен открытый алгоритм предстоящей работы Китая, особенно на Полярном Шелковом пути.

Через Арктику КНР намерена шире использовать свои возможности для реализации региональных и глобальных политических целей. Для внешней политики Китая на арктическом направлении характерно избегание конфликтов путем выжидания благоприятных условий и создания необходимых материальных и политических предпосылок для изменения ситуацию в свою пользу.

Современная внешняя политика Пекина на арктическом треке в отношении России носит позитивный, деловой, в основном доброжелательный и долгосрочный характер. Возникающие проблемы и трудности решаются путем переговоров. Важно, что Китай подчеркивает свою приверженность принципам и нормам международного права в развитии и освоении Арктики. Это дает надежду, что Арктика останется зоной мира и конструктивного сотрудничества между государствами.

Журавель В.П.[1]

СТРАТЕГИЯ И ПОЛИТИКА СТРАН-НАБЛЮДАТЕЛЕЙ АРКТИЧЕСКОГО СОВЕТА В АРКТИКЕ: ПРОБЛЕМЫ И ДОСТИЖЕНИЯ

***Ключевые слова**: Арктический совет, Арктика, Россия, Германия, Франция, Великобритания, Италия, Испания, Нидерланды, Польша, Швейцария, Китай, Индия, Республика Корея, Япония, Сингапур, Северный морской путь, научные исследования.*

***Key words:** Arctic Council, Arctic, Russia, Germany, France, Great Britain, Italy, Spain, Netherlands, Poland, China, India, South Korea, Japan, Singapore, the Northern Sea Route, research.*

Вступление

Согласно учредительной Декларации Арктического совета, статус наблюдателя в нем могут получить неарктические страны, межправительственные и межпарламентские организации, а также организации универсального и регионального характера, включая неправительственные.

Следует также отметить, что кандидаты на получение статуса наблюдателя Арктического совета должны соответствовать строгим критериям отбора. И важнейший из них – признание суверенитета, суверенного права и юрисдикции арктических государств в Арктике. Они также обязаны признать, что на Северный Ледовитый океан распространяется обширная правовая база, включая, морское право, которая составляет прочную основу для ответственного управления этой акваторией. Им также вменяется в обязанность уважать ценности, интересы, культуру и традиции коренных народов и других жителей Арктики. Одним из критериев отбора кандидатов является их готовность вносить финансовый вклад в работу коренных народов Арктики. Примечательно, что наблюдатели Арктического совета могут максимально полно пользоваться своим статусом лишь в тесной кооперации с арктическими государствами или постоянными участниками Совета.

Арктическая стратегия и политика европейских стран-наблюдателей Арктического совета

В настоящее время статус страны-наблюдателя в Арктическом совете имеют Германия, Франция, Великобритания, Италия, Испания, Нидерланды, Польша, Швейцария, Китай, Индия, Республика Корея, Япония и Сингапур. Свою причастность к арктическим вопросам они подкрепляют научными исследованиями в Арктике, своими стратегиями и политикой в регионе.

Основой для разработки их арктической стратегии стала Конвенция ООН по морскому праву от 1982 г. К настоящему времени Конвенцию ратифицировали 168 государств, в том числе и все страны-наблюдатели в Арктическом совете.

В последнее десятилетие резко возросла активность **Германии** в арктическом регионе. Круг интересов германского государства к Арктике определяется следующими основными факторами: 1) её ролью в изменении климата на планете; 2) необходимостью защиты арктической экосистемы и среды обитания коренных народов; 3) перспективами доступа к минеральным ресурсам (в т.ч. углеводородным, а также цветным и редкоземельным металлам) с точки зрения усиления энергетической и сырьевой безопасности страны; 4) возможностью использования Северного морского пути и Северно-Западного прохода; 5) спросом на немецкие технологии, машины и оборудование при освоении Арктики. Представляется, что именно долгосрочные хозяйственно-политические интересы являются определяющими в нынешней немецкой арктической стратегии. Другие цели подчинены им и служат важными сопровождающими факторами, призванными показать особую заботу немецкого государства о защите хрупкой экосистемы Арктики и важнейшую роль в этом ФРГ, в том числе с точки зрения её уникального полутора векового потенциала научных арктических исследований[2].

Научными исследованиями Антарктического, Арктического регионов и Северного моря занимаются Институт полярных и морских научных исследований им. Альфреда Вегенера, основанный летом 1980 г. со штаб-квартирой в Бремерхафене. Кроме того, в состав Центра Гельмгольца также входят Потсдамский исследовательский центр, Биологический институт Гельголанд (ВАН) и Уоддский морской вокзал Зильт. При их проведении используется исследовательские судна Polarstern, Heincke, Uthörn, Mya II и Aade.

[1] Журавель Валерий Петрович – к.п.н., доцент, в.н.с., руководитель Центра арктических исследований Института Европы РАН. E-mail: zhvalery@mail.ru

[2] Белов В.Б. Стратегия Германии в Арктике // Арктика и Север. 2016. – № 24. – С. 96–104.

Так, Polarstern с момента его ввода в эксплуатацию 9 декабря 1982 года покрыл более 1,5 млн. морских миль (по состоянию на 2014 год). Это около 2,7 млн. км. Он по-прежнему является одним из самых мощных полярных исследовательских судов. Он функционирует в среднем 310 дней в году. В период с ноября по март исследовательское судно обычно пересекает Антарктику, а в летние месяцы ученые проводят исследования в арктических водах.

Исследовательское судно Heincke национальными и международными океанографами используется Хейнке в основном для биологических, геофизических и гидрографических исследовательских проектов, находясь в море в среднем 230 дней в году.

Результаты исследования показывают сложность процессов контроля за изменением климата в Арктике и указывают на значительные пространственные и временные различия в распределении морского льда. Чтобы противодействовать дальнейшему потеплению Арктики и потере морского льда, сокращение антропогенных выбросов CO_2 в атмосферу является непременным условием.

14 июня 2016 г. **Франция** утвердила национальную дорожную карту по Арктике. Особое место в ней занимают вопросы изучения глобального потепления, арктической атмосферы, динамики вечной мерзлоты, процессов, происходящих в морских экосистемах, жизнедеятельности коренных народов и устойчивого развития в арктическом регионе[1].

Один из разделов посвящен исследованиям и научному сотрудничеству. В дорожной карте закреплены 10 основных научных приоритетов Франции. Это: изменчивость глобальной и арктической атмосферы: амплификация, взаимодействие и последствия; гидрологический цикл и материковый лед; меняющийся океан: от физической среды до морских экосистем; геодинамика и ресурсы; динамика вечной мерзлоты в контексте глобального потепления; динамика арктических наземных экосистем в контексте глобального потепления; коренные общества и глобальные изменения; разработка комплексной программы по континууму Земля-море в Арктике; загрязнения: источники, циклы и воздействие; устойчивое развитие в Арктическом регионе: влияние, реализация, управление.

Будучи ядерной державой, Франция считает своим долгом участвовать в обеспечении безопасности Арктики. Она активно участвует в военном сотрудничестве с Данией, Канадой, Норвегией, США в проведении военных учений «Холодный ответ», организуемых каждый второй год странами-членами НАТО на территории Норвегии.

Арктическая политика Франции отличается тем, что Париж делает ставку на инструменты «мягкой силы», активно привлекает некоммерческие и общественные организации для формирования выгодного стране образа и направления международной политики в арктическом регионе. Кроме того, Париж активно выступает за расширение прав стран-наблюдателей Арктического совета, а также лоббирует продвижение ЕС в качестве наблюдателя этой региональной организации.

Президент Республики Э. Макрон 27 августа 2018 г. в обращении к послам Франции за рубежом отметил важность сотрудничества с Россией в развитии Арктического региона.

В 2013 году правительство **Великобритании** опубликовало свою первую структуру политики в области Арктики: «Адаптация к изменению». В нем излагается подход Великобритании к Арктике, основанный на трех принципах уважения, сотрудничества и надлежащего руководства. 5 апреля 2018 г. Соединенное Королевство презентовало вторую арктическую стратегию «За пределами льда. Политика Великобритании в отношении Арктики», в которой арктические проблемы рассматриваются в контексте выхода страны из Европейского союза[2]. В 2017 году Великобритания и Норвегия обновили свое Соглашение высокого уровня 2011 г. об укреплении сотрудничества в области полярных исследований и культурного наследия путем расширения и улучшения существующего двустороннего меморандума о взаимопонимании. В сентябре 2017 года с Канадой подписала 10-летний Меморандум о взаимопонимании, который расширит двустороннее сотрудничество в дополнительных областях исследований, технологий и инноваций.

Италия свои интересы в Арктике видит в области энергетики, науки, туризма, в развитии инфраструктуры добычи полезных ископаемых, судоходства и навигации[3].

В 2018 г. Россия и Италия широко отметили 90-летие спасения советским ледоколом «Красин» арктической экспедиции с участием итальянского исследователя генерала Умберто Нобиле.

Свои особые планы в Арктике имеют и другие европейские страны-наблюдатели АС: Испания, Нидерланды, Польша и Швейцария[4]. Усилия всех этих четырех стран направлены в первую очередь на изучение изменений арктического климата и состояния арктической природной среды. **Испания** стремится развивать арктический туризм. **Нидерланды** накопили богатый опыт оффшорной добычи углеводородов, который может найти применение в северных морях. **Польша** прилагает усилия по объединению вокруг себя европейских стран-наблюдателей в Арктическом совете. **Швейцария** только присматривается к своему новому статусу, определяет интерес к рабочим группам Совета[5]. Во многом благодаря учреждению Швейцарского полярного института, увеличению финансирования, росту объёмов научно-исследовательских работ в Арктике Швейцария стала страной-наблюдателем в Арктическом совете в 2017 г. Участие в его работе для швейцарцев очень важно. Деятельность в её рабочих группах будет способствовать более

---

[1] Рубинский Ю.И. Арктические интересы и политика Франции // Арктика и Север. 2016. – № 24. – С. 166-174.

[2] В Великобритании рассказали о планах по освоению Арктики. 5 апреля 2018. – https://ria.ru/world/20180405/1517963014.html

[3] Лагутина М.Л. К стратегии Итальянской республики в Арктике // Арктика и Север. 2016. – № 24. – С. 155–165; Шерифис Р.Ф. Италия в Арктике: национальная стратегия в действии // Арктические ведомости. 2016. – № 3. – С. 40–44.

[4] Антюшина Н.М. Страны-новички Арктического совета открывают для себя Крайний Север // Арктика и Север. 2016. – № 24. – С. 80–95.

[5] Журавель В.П. Арктический вектор Швейцарии // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – М., 2019. – № 1. – С. 120–125; Тодоров А.А. Интересы Швейцарии в Арктике // Российская Арктика. 2018. – № 1. – С. 4–6.

глубокому пониманию арктических проблем и улучшению взаимодействия с коллегами по АС. В статусе нейтрального государства Швейцарская конфедерация, с учётом богатого и позитивного опыта, может выступать посредником в рассмотрении проблем региональной и международной безопасности, что в условиях нынешней напряжённости, чрезвычайно важно для сохранения Арктики регионом мира и стабильности. Успех Швейцарии в арктических вопросах во многом связан с масштабом и активностью её сотрудничества с Россией. Её ежегодное с 2016 г. участие в российском научно-образовательном проекте «Арктический плавучий университет» позволил расширить тематику арктических научных исследований, установить и закрепить международное арктическое сотрудничество с целым рядом стран – Россией, Германией, Францией, Италией, Китаем, Канадой, Болгарией, Нигерией, Кубой и Нидерландами. Данный уникальный опыт может послужить основой для проведения ею крупномасштабных исследований в Арктике и Антарктике.

Для арктических европейских государств характерно значительное расширение повестки дня и форм работы на арктическом направлении. Трансформация их политики направлена значительное повышение своей роли в Арктике, на дальнейшее расширение масштабов наблюдения за климатом, проведение мониторинга и оценки состояния природной среды и экологических систем, биологического разнообразия, изменений условий жизни местных народностей, состояния арктических морей и изучения возможностей судоходства в водах с ледовым покрытием.

Арктическая стратегия и политика азиатских стран-наблюдателей Арктического совета

Возрастает роль в Арктике и азиатских стран – Китая, Индии, Республика Корея, Японии и Сингапура, которые в 2013 г. вошли в состав Арктического совета в качестве наблюдателей[1].

Присоединение к работе Совета они рассматривают как одно из ключевых достижений своей дипломатии последних лет и как символический репутационный капитал, благодаря которому они условно становятся в один ряд с такими ведущими мировыми арктическими державами как Россия, США, Канада и Норвегия.

Для азиатских стран-наблюдателей Арктического совета характерно:

– признание требований Оттавской декларации к странам наблюдателям в АС;

– стремление показать свое право на самостоятельное изучение Арктики, стать заметными игроками на арктическом поле;

– подкрепление своих арктических амбиций соответствующей финансово-экономической и научно-технологической базой;

– использование своего участия в деятельности рабочих групп Арктического совета для оценки обстановки и процессов происходящих в Арктике, расстановку сил в нем и свое место в основных направлениях его деятельности и развития;

– стремление получить доступ к богатым природным ресурсам Арктического региона. Так, Китай импортирует нефть и газ из более 30 стран: 56% китайского импорта нефти приходится на Ближний Восток, 27% – на Африку, 13,5% – на Азию и АТР, 3,5% – на Латинскую Америку. 80% нефти, которая составляет 42% первичного энергобаланса Японии, поступает с Ближнего Востока по небезопасному южному маршруту. Республика Корея импортирует более 50% углеводородов из Саудовской Аравии, Кувейта и Объединенных Арабских Эмиратов; Катара, Индонезии и Малайзии. Сингапур занимает 9 место в мире по импорту нефти.

– заинтересованность в арктических транспортных коммуникациях, стремление сократить расходы на грузоперевозки в Европу и обратно при эксплуатации Северного морского пути (СМП) по сравнению с маршрутом через Суэцкий канал;

– расширение эксплуатации своих крупнейших портов, которые оснащены современным оборудованием для погрузки и разгрузки морских грузов, а также большими складскими помещениями и хранилищами для нефти и других грузов. В Китае это Далянь, Циндао. Согласно китайским прогнозам, к 2020 г. по СМП пойдет до 15% китайского внешнеторгового грузопотока, в основном в виде контейнерных перевозок, что соответствует примерно 800 млрд. евро[2].

В Республике Корея это Пусана, Ульсана, последний располагает 59 причалами для наливных грузов. В Японии это Хоккайдо с его портами, главным портом базирования предлагается сделать Томакоман, суммарный оборот морских перевозок за год в нем составляет 43 млн. тонн грузов[3].

Сингапур является самым крупным в мире контейнерным портом, и лишь недавно он уступил первое место в мире Шанхаю в качестве ведущего мирового контейнерного терминала[4].

Из этих стран только **Китай** имеет свою арктическую стратегию. 26 января 2018 г. пресс-канцелярия Госсовета Китайской Народной Республики опубликовала «Белую книгу» по Арктике[5]. В ней Пекин сформулировал политиче-

---

[1] Журавель В.П. Россия и азиатские страны Арктического совета: проблемы взаимодействия // Арктика: история и современность: Труды Второй международной научной конференции. 19–20 апреля 2017 г., г. Санкт-Петербург. Ч. I / Отв. ред. Н.И. Диденко. – СПб.: Медиапапир, 2017. – С. 179–190.

[2] Гриняев С.Н. Экономическое, технологическое и морское сотрудничество в Арктике // Право и инвестиции. 2015. – № 1–2. – С. 77.

[3] Журавель В.П. Китай, Республика Корея, Япония в Арктике: политика, экономика, безопасность // Арктика и Север. 2016. – № 24. – С.128, 134.

[4] Журавель В.П., Данилов А.П. Сингапур на пути в Арктику// Арктика и Север. 2016. – № 24. – С. 148.

[5] Баранов В.П., Журавель В.П. Арктический вектор Китая (к выходу «Белой книги» Китая по Арктике // Вестник Академии военных наук. – М., 2018. – № 2. – С. 84–92.

ские цели и основные принципы деятельности страны в отношении арктических государств на длительный период. Предпринята попытка представить «новый взгляд» на роль и предназначение Китая в Арктике, где он назвал себя «государством, расположенным вблизи Арктики», одним из континентальных государств, наиболее близких к Полярному кругу. Понятно, что этим самым китайские власти, пытаются закрепить статус КНР как заинтересованной арктической стороны. Отмечается, что политические цели Китая в отношении Арктики заключаются в понимании, защите, развитии и участии в управлении Арктикой, с тем, чтобы защитить общие интересы всех стран и международного сообщества в Арктике и содействовать устойчивому развитию региона.

Индия приоритетными в Арктическом регионе считает для себя расширение не только экономического и научного, но и политико-стратегического сотрудничества с «северянами» на двусторонней основе[1]. Стратегия **Республики Корея** в Арктике направлена на привлечение к реализации арктических проектов широкого круга управленческих, исследовательских и деловых структур[2]. **Японию** интересует возможность использования СМП, проведение научных исследований арктических морей[3]. **Сингапур** позиционирует себя в Арктике в качестве одной из ведущих морских держав мира[4].

Как показывает анализ, азиатские страны готовы в рамках работы в рабочих группах АС предложить России, другим странам «арктической восьмёрки» передовые инновации и технологии по нефтедобыче на шельфе с большой глубины и в суровых климатических условиях, опыт организации связи в арктических условиях, планирования и создания портов, управления морскими процессами, предупреждения разливов нефти и ликвидации последствий аварий, участвовать в страховании рисков, которые, как известно, при хозяйственном освоении Арктики будут высокими. Они заинтересованы в продвижении продукции своей судостроительной промышленности, готовы поставлять морские нефтяные платформы и специальные суда, такие как ледоколы, морские суда и газовозы ледового класса. Все это и многое другое может соответствовать нашим долгосрочным интересам[5].

Пекин, Токио и Дели все активнее говорят об Арктике как «общем достоянии» человечества, выступая за интернационализацию СМП, что для нас является неприемлемым. Они выступает за создание новой международной структуры в Арктике, которая формировалась бы, на их взгляд, не по географическому принципу, а по наличию экономических интересов в регионе.

По существующему законодательству, права азиатских стран в Арктике ограничены. Они не могут претендовать на какие-либо арктические территории, не ставя под сомнение Конвенцию ООН по морскому праву. Но они вместе с Россией, на наш взгляд, могут занять передовые позиции в Арктическом экономическом совете, где будут реализовываться крупные экономические бизнес-проекты.

Заключение

Все страны-наблюдатели Арктического совета особое внимание уделяют изучению климата в Арктике, вопросам сохранения экологии в регионе, проводят работы по разработке новых технологий при добыче углеводородов на шельфе.

Большая вовлеченность стран Азии в Арктический регион может внести вклад в глобальное управление Арктикой в таких ключевых областях, как устойчивое развитие, обеспечение безопасности на море, охрана окружающей среды. На наш взгляд, нахождение в Арктическом совете крупных азиатских государств может привести к снижению общего градуса напряжённости в связи с последствиями разногласий между Россией и Западом по поводу ситуации в Сирии и Украине. Эти страны не присоединились к санкциям против России, но мы должны видеть и то, что они стремятся быстро, порой агрессивно занять освободившуюся от США и стран Европейского союза нишу.

Строя отношения с арктическими азиатскими странами, нам важно осознавать, что процесс освоения российских арктических пространств с целью закрепления их статуса, развития инфраструктуры, разработки и добычи запасов природных ресурсов потребует привлечения масштабных инвестиций, в том числе и иностранных. Но здесь мы не должны переходить красную черту, сохраняя и соблюдая свои национальные интересы.

---

[1] Шаумян Т.Л., Журавель В.П. Индия и Арктика: охрана окружающей среды, экономика и политика // Арктика и Север. 2016. – № 24. – С. 175–184.

[2] Толстокулаков И.А.Национальная арктическая стратегия Республики Корея // У карты Тихого океана. Информационно-аналитический бюллетень. 2016. – № 45 (243). – С. 25–32.

[3] Гутенев М.Ю. Арктическая политика Токио: история и современность // Вестник Забайкал. гос. ун-та. 2017. – Т. 23, № 9. – С. 75–83; Курмазов А.А. Арктическая политика Японии и интересы России // Проблемы Дальнего Востока. – М., 2015. – № 3. – С. 58–67; Стрельцов Д.В. Политика Японии в Арктике // Сравнительная политика. 2017. – Т. 8, № 1. – С. 93–103.

[4] Журавель В.П., Данилов А.П. Сингапур на пути в Арктику // Арктика и Север. 2016. – № 24. – С. 145–154.

[5] Хонг Серюн. Северо-Восточная Азия (Китай, Южная Корея, Япония) в российских проектах освоения Арктики // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2017. – № 1. – С. 189–196.

Захаров В.К.[1]

НЕВОЗМОЖНОСТЬ ГЛОБАЛЬНОГО ПРИРОДНО-РЕСУРСНОГО ПРОГРЕССА, АМАЛЬГАМАЦИОННОЕ БУДУЩЕЕ МИРА И НОВЫЙ УРОВЕНЬ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ

Ключевые слова: *ном, государство, держава, империя, макрос, амальгамация номов, интеграция номов, устроительные этапы, мальтузианство, природно-народное постоянство, межномовая и межгосударственная эксплуатация, амальгамационные уровни межгосударственной эксплуатации.*

Часть 1. Ном как субъект мирового исторического процесса и его амальгамационное развитие

(Человеческая) популяция как система

(*Человеческая*) *популяция* (*на некотором временном промежутке*) – это общество, образованное некоторой совокупностью людей, населяющих в течение этого временного промежутка определенное пространство (*ареал обитания*), имеющих возможность рожденческого скрещивания внутри этой совокупности и последующего воспитания появляющегося потомства и почти не имеющих возможности рожденческого скрещивания с людьми вне этой совокупности (на этом временном промежутке).

Из этого определения следует, что относительно рожденческого скрещивания людей (на рассматриваемом временном промежутке) популяции почти отделены друг от друга. Под ***популяционным*** (иначе, ***наследственным***) ***обществом*** (*на некотором временном промежутке*) будем понимать любую часть популяции, образованную некоторой совокупностью людей, населяющих в течение этого временного промежутка определенное пространство и имеющих возможность рожденческого скрещивания внутри этой совокупности и последующего воспитания появляющегося потомства. Можно сказать, что популяции являются **максимальными элементами** среди всех популяционных человеческих обществ, т.е. такими популяционными обществами, которые не являются частями других популяционных обществ.

У популяции как системы имеется такое внутренне необоснованное свойство как **возможность размножительного порождения и воспитания потомства**. Этим свойством люди по отдельности не обладают.

Внешним предметом, обосновывающим данное свойство, является **враждебная** содержательная среда. Действительно, при уменьшении числа особей в популяции должна возрастать враждебная нагрузка на каждую остающуюся особь, а при увеличении числа особей, наоборот, враждебная нагрузка на каждую исходную особь должна уменьшаться. Поэтому враждебная содержательная среда побуждает членов популяции к ***размножительному порождению и воспитанию потомства***, т.е. к тому, чтобы за время своего биологического проживания две особи порождали и воспитывали как можно больше (но не менее двух) детей, способных после взросления к самостоятельному порождению и воспитанию потомства.

Именно под воздействием враждебной содержательной среды в человеческой популяции выработался ***тип размножительного порождения и воспитания потомства***. Он является **насущным** архетипом бытия популяции, т.е. таким, без постоянного воспроизводства которого популяция вымирает. И поэтому обладает не засыпающей побудительной мощью.

Количественно возрастающие популяции **вынуждены** расселяться и осваивать более обширные ареалы обитания. Естественно, что популяция **может осваивать** только ту часть природного мира, которая была ***пригодна*** для её бытия (на рассматриваемом временном промежутке) и, в частности, которая может обеспечивать сохранение количества доступных жизненно необходимых природных ресурсов (целевых средств бытия) на одного члена популяции (условие ***природной ресурсной обеспеченности***) и тем самым может обеспечивать устойчивое воспроизводство архетипа размножительного порождения и воспитания потомства. Эту часть мира можно назвать ***ойкуменой данной популяции*** (на рассматриваемом временном промежутке).

У популяций под действием архетипа размножительного порождения и воспитания потомства выработался и закрепился ***архетип размножительного природно-ресурсно-обеспеченного экстенсивно-интенсивного расселения популяции по своей ойкумене***.

---

[1] Захаров Валерий Константинович – д.ф.-м.н., профессор кафедры математического анализа Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Автор многочисленных научных публикаций по вопросам общественного развития, в том числе по социальной философии и социальной психологии, философии истории, экономике, теории государства и государственного управления, геополитике, политологии, россиеведению, а также по концептуальным и математическим моделям государства и его учреждений. Лауреат Ломоносовской премии. E-mail: zakharov_valeriy@list.ru

Ясно, что ойкумена каждой популяции на каждом временном промежутке всегда ограничена и в размерах, и в доступных ресурсах. Поэтому раньше или позже, но ойкумена популяции на данном временном промежутке оказывается **исчерпанной**.

Ном как субъект мирового исторического процесса

Среди всех системных популяционных обществ современного мира выделяются такие важные общества, как *государства* (*в широком смысле*) или иначе *управляемые страны*[1]. Несмотря на разницу в размерах, все они устроены и действуют примерно одинаково.

Более того, если мы погрузимся в глубочайшую древность, когда люди жили только малыми семьями, и будем подниматься вверх по исторической лестнице, проходя этапы большой семьи, рода и племени, то мы заметим, что и эти организованные социально-исторические образования осуществляли в **тех условиях** бытие, **близкое** к бытию современных государств. И поэтому возникает естественное предположение, что современные государства **устроены и действуют по одному архетипу**, который зародился ещё на этапе малой семьи.

Этот архетип можно назвать ***архетипом номового устроения***, а все упомянутые выше социально-исторические образования, такие как малые семьи, большие семьи, роды, племена, простые государства, державы и империи, можно называть ***номами*** **(**от греческого слова «*номос*» означающего «обычность, устроенность» и, в частности, управляемую устроенность областей в Древнем Египте, Древней Греции и в современной Греции). В применении к современности этот архетип также можно именовать ***архетипом государственного устроения***.

В статьях и книгах автора[2] было показано, что каждый ***ном является трёхуровневым системным популяционным обществом***, устроенным в виде совокупности ***основных* (*под*)*систем***, связанных друг с другом в единую систему и зависящих друг от друга так, что без каждой из этих систем ном существовать не может. **Основными системами нома** являются: *содержательная, обеспечительная, учётная, совокупная распорядительная* и *верховная системы*.

Именно ном является **субъектом мирового исторического процесса**.

Этапы мирового исторического процесса

Ном, как субъект мирового исторического процесса, проходит ряд **вынужденных *устроительных этапов*** своего развития. Этапы эти не произвольны: каждый вытекает из предыдущего и влечет за собой последующий. Эти устроительные этапы мы условно обозначим так: *этап малой семьи, этап большой семьи, этап рода, этап племени, этап простого государства, этап державы, этап империи* и *этап макроса*.

Популяцию назовём ***популяцией данного устроительного этапа*** или короче ***этапной популяцией***, если её сложными деталями, как системы, являются только номы данного устроительного этапа и номы некоторых предыдущих устроительных этапов.

Археспособ номовой амальгамации состоит в том, что при исчерпании ойкумены популяции данного устроительного этапа и при сохранении враждебности содержательной среды **вынужденно** начинается достаточно кратковременное и бурное (в сравнении с длительным и спокойным предыдущим этапом размножительного экстенсивно-интенсивного расселения популяции по своей ойкумене) **восстановительно-приспособительное изменение** бытия популяции, окончательным результатом которого становится образование в новой популяции, как системе, таких более крупных и более сложных деталей, как **номы следующего устроительного этапа**, которые получаются ***амальгамацией*** (т.е. объединением с воспроизведением строения) некоторых номов старой популяции.

В результате амальгамации в появившихся более крупных номах воспроизводится в главнейших чертах прежнее, но в деталях более усложненное строение, обусловленное расщеплением и **обособлением** прежде объединенных деятельностей. Эту новую популяцию следующего устроительного этапа можно назвать ***амальгамированной популяцией***.

В применении к современности указанный археспособ также можно именовать ***археспособом государственного объединения***.

Надустроительный этап, на котором пробуждается и воспроизводится археспособ номовой амальгамации, можно назвать ***этапом номовой амальгамации***. По сравнению с предыдущим устроительным этапом он является весьма коротким. Амальгамация номов, достигнутая в конце этого этапа, во-первых, чрезвычайно расширяет **ойкумену** амальгамированной популяции и, во-вторых, приводит к новому **воспроизводству** архетипа малосемейного размножительного порождения и воспитания потомства в амальгамированной популяции и архетипа размножительного природно-ресурсно-обеспеченного экстенсивно-интенсивного расселения амальгамированной популяции по своей ойкумене, и поэтому приводит к «**засыпанию**» археспособа номовой амальгамации.

---

[1] Слово «**страна**» содержит четыре корневых согласных **с-т-р-н**. Поэтому оно находится в одном языковом кусте со словом «**строение**». Это значит, что ***страна*** – это место со строением, обустроенное место.

[2] Захаров В.К. Государственность и государственное управление как архетипы // Государственное управление. Электронный вестник. 2010. – № 24. – С. 1–18; Захаров В.К. Три представления об экономической безопасности государства в широком смысле // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. – Т. 6, № 11. – С. 45–56; Захаров В.К. Номология. Воспроизведение и обновление человеческого бытия. − М.: Onebook.ru, 2016; Захаров В.К. Этот Новый Старый Мир. Будущее из прошлого. – М.: Издательский дом «Кислород», 2017.

Таким образом, на этапе номовой амальгамации происходит *переход от данного устроительного этапа к следующему устроительному этапу*. Из-за **невосполненного разрушения самостоятельности** управленческо-устройственного (политического) бытия многих номов данного устроительного этапа переход от данного устроительного этапа к следующему устроительному этапу является **революционным**.

Археспособ номовой амальгамации в человеческой истории воспроизводился многократно, приводя к амальгамации племён в ***простые государства***, простых государств в ***державы***, держав в ***империи***.

Номы последних трех устроительных этапов: простого государства, державы и империи – обычно называются ***государствами***. Подавляющее большинство существующих сейчас номов являются государствами, а среди них подавляющее большинство является державами.

Происходящая в настоящее время ***макрорегионализация*** в свете данной теории оценивается как новый современный этап номовой амальгамации (см. часть 3).

Надустроительный переход от более мелких номов к более крупным совершается через промежуточные связующие этапы, на которых постепенно образуются разного рода **связи и объединения** номов, находящихся на предыдущих устроительных этапах. Эти связи-объединения (*квазиномы*) отличаются от амальгамы номов тем, что при последней образуются верховная и обеспечительная системы амальгамы, а при связях – разного рода приближения к таким системам. Указанное явление образования квазиномов и их укрепление, как промежуточный этап проявления номовой амальгамации, в современной литературе получило название ***номовой интеграции***.

Преодоление исчерпанности прежней ойкумены. Амальгамное специализирование и комбинирование

Как было показано выше, **враждебность содержательной среды** и вытекающее из неё **побуждение общества мемом архетипа размножительного порождения и воспитания потомства** к постоянному воспроизводству этого архетипа приводит сначала к эволюционному расширению освоенной части ойкумены популяции данного устроительного этапа. Однако, в конце концов, при эволюционной **исчерпанности** ойкумены популяции данного устроительного этапа (при сохранении враждебности содержательной среды) побуждение общества мемом архетипа размножительного порождения и воспитания потомства приводит к **необходимости использования новых, ранее недоступных природных ресурсов**. Именно эта необходимость приводит к преобразованию номовой ойкумены посредством создания более крупных номовых амальгам.

Возможность использования новых, ранее недоступных природных средств жизнедеятельности (ресурсов) обеспечивается в амальгаме следующим образом.

Б**о**льшее число людей в амальгаме позволяет посредством **обособления** прежде соединённых видов деятельности в единицах составляющих номов прежних амальгамационных этапов сузить деятельность ее единиц до меньшего числа видов на каждую и за счет развития навыков в этих узких видах деятельности добиться большей её производительности.

Это ***обособление видов бытия*** **(*специализирование*)** позволяет осуществлять последующее качественно новое ***сочетание обособленных видов бытия*** **(*комбинирование*)**. Действительно, собранные **вместе** в амальгаме носители больших мыслительных способностей способны не только открыть, придумать, выдвинуть идеи использования ранее недоступных природных ресурсов, но и организовать их практическое воплощение в рамках **качественно новых комбинаций**, которые можно составить из б**о**льшего количества разно специализированных единиц амальгамы.

Иначе говоря, для амальгамы благодаря специализированию и комбинированию расширяется сама ***совокупность доступных жизненно необходимых природных ресурсов***, и поэтому в рамках амальгам можно увеличить добычу этих ресурсов так, чтобы на одного члена популяции их количество оказалось не меньшим, чем было ранее в популяции предыдущего устроительного этапа.

Описанное **амальгамное специализирование и комбинирование** являются внутренне необоснованными свойствами амальгамы номов, как новой сложной детали амальгамированной популяции, поскольку этими свойствами старые номы по отдельности не обладают.

А внешним предметом, обосновывающим данные свойства, является **исчерпанность ойкумены прежней популяции (при сохранении враждебности внешней среды)**.

Часть 2. Невозможность глобального природно-ресурсного прогресса. Неизбывность межгосударственной эксплуатации. Иерархия амальгамационных уровней мировой межномовой эксплуатации

В предыдущей части была описана сложная временн**а**я связь между количественным ростом популяции и сохранением количества доступных жизненно необходимых природных ресурсов на одного члена возрастающей популяции, которую можно описать как ***прерывистое равновесие*** **(*постоянство*)** ***с кратковременными перерывами***. Обобщённо говоря, оно состоит в следующем. Увеличение добываемых популяцией природных ресурсов приводит к неминуемому росту числа членов популяции. А увеличение числа членов популяции требует опять увеличения добываемых природных ресурсов. В итоге, **в среднем** на одного члена популяции количество добываемых природных ресурсов оказывается постоянным.

При совокупном рассмотрении по **всему человечеству** эта внутрипопуляционная связь усредняется и сглаживается, и поэтому превращается в ***непрерывное равновесие*** **(*постоянство*)**. Ниже приводится развёрнутое описание этого предположения, непривычного для сторонников прогресса и могущества человеческого интеллекта.

Антипозитивистская концепция Т. Мальтуса и её изъян

Со времени промышленного подъёма в Европе возникла ***общая позитивистская парадигма развития человечества***, согласно которой человечество со временем переходит к всё более высоким уровням независимости от стихийных сил природы, начиная от полной зависимости от них в далёком прошлом и доходя до полного удовлетворения всех потребностей в недалёком будущем. При этом основным двигателем такого восхождения выступает разум (интеллект) человека, используемый им в процессе труда, направленного на создание дополнительной надприродной среды обитания, защищающей человека от несовершенства естественной природной среды обитания.

Одной из важнейших концепций, которая не вписывалась в указанную позитивистскую парадигму развития, была концепция Т. Мальтуса, опубликованная им ещё в 1798 году. В своем труде Мальтус выдвинул положение о том, что если размножение населения не встречает никакого препятствия, то население удваивается каждые 25 лет, и поэтому возрастает в геометрической прогрессии, а средства существования, связанные с жизненным пространством, при самых благоприятных сочетаниях и условиях для труда ни в коем случае не могут возрастать быстрее, чем в арифметической прогрессии. Поэтому **постоянно воспроизводящийся разрыв между численностью населения и объёмом средств существования** усиливает потребность в этих средствах и даёт толчок к развитию производства.

Однако в концепции Т. Мальтуса существует серьезный изъян: остается неясным, откуда берутся средства на воспроизводство указанного разрыва? За счёт каких средств существования обеспечивается обгоняющее биологическое размножение?

Антипозитивистская концепция глобального природно-народного равновесия (метамальтузианство). Невозможность глобальной обогащающей эксплуатации природы

В статье автора[1] была развита другая антипозитивистская концепция, согласно которой со времени возникновения человека воспроизводится один и тот же **архетип глобального природно-народного равновесия**.

Если посмотреть на результаты роста населения относительно роста природных средств существования, достигаемые человечеством в ходе описанного выше эволюционно-революционного развития, то можно заметить следующую закономерность.

Определим ***природный приход (ресурс) за данный год для данной группы населения*** как измеряемую в какой-либо мере (например, в килограммах) массу вещества, изымаемого человечеством из природной среды за этот год и **используемого** данной группой населения. Природный приход за данный год для всего населения планеты назовём ***глобальным природным приходом за данный год***. Глобальный природный приход за данный год, поделённый на среднее число жителей на Земле за этот год, назовём ***глобальным природным приходом на душу населения за данный год***.

С большой долей уверенности можно утверждать, что уже в глубочайшей древности возник и закрепился а***рхетип глобального природно-народного равновесия***, который состоит в том, что человечество осуществляет своё бытие в природной среде так, что годовой глобальный природный приход на душу населения планеты остается практически неизменным во времени.

Наличие архетипа природно-народного равновесия разрушает позитивистские иллюзии на увеличение «производительных сил человечества» посредством перехода к новым «более современным» способам бытия. Никакими научно-техническими революциями, новыми технологическими укладами, новыми способами бытия, социальными революциями, новыми формациями и цивилизациями человечеству не удавалось увеличить годовой глобальный природный приход на душу населения всей планеты. А значит, это и не удастся в обозримом будущем.

Если же начинать сознательно снижать население планеты в надежде, что оставшемуся населению достанется больше посредством использования уже созданной развитой искусственной среды, то в этом случае глобальный природный приход из-за уменьшения количества «добывающих» и износа искусственной добывающей среды тоже постепенно уменьшится. В итоге глобальный природный приход на душу населения планеты снова окажется прежним.

Архетип межномовой эксплуатации

Иначе говоря, из архетипа глобального природно-народного равновесия следует, что человечество в целом не могло, не может и в обозримом будущем не сможет **обогащаться за счёт ограбления (эксплуатации[2]) природы**.

Именно поэтому оно **исторически пошло по пути ограбления одних номов другими номами, как внешними, так и внутренними**. Ещё на этапе малой семьи начал создаваться ***тип межномового ограбления (межномовой эксплуатации)***. На родовом этапе он закрепился и с тех пор стал архетипом. Он является самостоятельным и не зависящим от распропагандированного и преувеличенного ***архетипа классовой внутриномовой эксплуатации***.

Вся история человечества показывает, что архетип межномовой эксплуатации оказался очень устойчивым. Поэтому в ближайшей исторической перспективе он вряд ли будет подавлен. Побуждение мемом этого архетипа является извечной и вечной принадлежностью человечества.

---

[1] Захаров В.К. Архетипический процесс глобального равновесия // Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания – М.: МАКС Пресс, 2009. – № 2. – С. 167–183.

[2] От греческих слов «έξω» и «πλούτος», означающих «наружу» и «богатство».

Выплата внешней дани, описанная в истории, является простейшим и наглядным примером межномовой эксплуатации. Ограбление Англией своих колоний является классическим примером межномовой эксплуатации внутри объемлющего нома (в данном случае внутри Британской империи).

Наблюдаемое заметное увеличение на душу населения объёма потребления природных средств существования (ресурсов) в современных государствах, осуществляющих «более современные и прогрессивные» способы бытия, проистекает не из самих новых способов бытия, а из **неравномерности распределения** глобального природного прихода, проявляющегося, в частности, в **изъятии** в свою пользу «передовыми, развитыми» государствами **посредством** новых способов бытия части природных ресурсов, добываемых «отсталыми» государствами[1].

Иерархия амальгамационных уровней мировой межномовой эксплуатации

История человечества показывает, что в основном более крупные номы и квазиномы следующего устроительного этапа оказываются более мощными игроками в мировой межномовой борьбе, чем номы и квазиномы предыдущих устроительных этапов. Поэтому они при своём закреплении начинают осуществлять упомянутую выше межгосударственную эксплуатацию номов и квазиномов предыдущих устроительных этапов.

В итоге на каждом этапе номовой амальгамации происходит надстраивание нового более высокого уровня мировой межномовой эксплуатации при сохранении всех предыдущих уровней.

Так исторически возникает ***иерархия* (*соподчинённость*) *амальгамационных уровней мировой межномовой эксплуатации***. Эта иерархия не предполагает всенепременность для каждой разноуровневой пары номов. Она существует лишь в обобщённом виде для большинства взаимодействующих разноуровневых пар номов. Например, в настоящее время некоторые простые государства эксплуатируют оставшиеся племена, некоторые державы эксплуатируют и тех, и других, а некоторые империи эксплуатируют и тех, и других, и третьих. Межномовая эксплуатация «снизу вверх» является скорее исключением.

Часть 3. Амальгамационное будущее мира и новый уровень межгосударственной эксплуатации

Исчерпание державно-имперской ойкумены и необходимость государственной амальгамации

К XX веку способы добывания ресурсов и способы сбыта произведенных товаров и отходов производства внутри держав и империй почти полностью исчерпали себя. Близящееся исчерпание многих освоенных источников сырья (в особенности энергетического) обострило борьбу за контроль над ними, приведшую к двум мировым войнам.

Более того, к концу XX века произошло замедление, и даже прекращение роста не мигрантского населения в Европе и Северной Америке. Согласно сказанному в первой части это также свидетельствует об **исчерпанности державно-имперской ойкумены европейской и метаевропейской популяции**.

В связи с исчерпанием державно-имперской ойкумены пробудился археспособ государственного объединения и наступил **постимперский надустроительный этап**. В результате этого началось достаточно быстрое (в сравнении с предыдущим эволюционным периодом экстенсивно-интенсивного расселения человечества) восстановительно-приспособительное преобразование бытия всей державно-имперской ойкумены, окончательный результат которой остается еще неизвестным. С неизбежностью стали возникать новые формы бытия междержавного и межимперского уровня, которые невозможно осуществлять даже в рамках империй.

Ускоренно развиваются различные объединительные явления, приводящие к умалению и потере сначала экономического, а затем и политического суверенитета вовлекаемых в эти явления периферийных государств. Тем самым человеческое общество как сложная бытийная система вступило в новый этап номовой амальгамации – ***этап макрорегионализации*** с образованием более крупных, чем империи, макрорегиональных номов и квазиномов, названных **макросами**.

Яркие подробности этого этапа даны в книге[2].

Создание первичных мировых макросов

Механизм амальгамации объективно предполагает целенаправленное разрушение некоторыми более **сильными** номами и квазиномами других номов и квазиномов на части, так или иначе связанные с исторически унаследованными номами и квазиномами, и последующее присоединение возникших «осколков».

---

[1] Захаров В.К. Перспективы глобального перехода к постиндустриальному обществу // Международный научный конгресс «Глобалистика – 2009: пути выхода из глобального кризиса и модели нового мироустройства» (20–23 мая 2009 г.): материалы. Т. 2. – М.: МАКС Пресс, 2009. – С 402–405; Захаров В.К. Деньги как средство государственного и межгосударственного управления. Об одной модели кризисов // Всероссийская научная конференция «Национальная безопасность: научное и государственное управленческое содержание» (4 декабря 2009 г.): материалы. – М.: Научный эксперт, 2010. – С. 523–537; Захаров В.К. Финансово-кризисные способы государственного и межгосударственного управления // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. – № 11. – С. 9–16; Захаров В.К. Территория России как периферийный сырьевой ресурс для геополитических макросов // Всероссийская научная конференция «Россия в мире: гуманитарное, политическое и экономическое измерение» (19 марта 2010 г.): материалы. – М.: Научный эксперт, 2010. – С. 203–217; Захаров В.К. Межклассовая напряжённость в капиталистическом государстве и способы её снятия // Всероссийская научная конференция «Глобальные тенденции развития мира (14 июня 2012 г.): материалы. – М.: Научный эксперт, 2013. – С. 123–138.

[2] Зиновьев А.А. Запад. – М.: Центрполиграф, 2000.

Данный механизм амальгамации проявился в разрушении сначала Совета экономической взаимопомощи и далее СССР в основном силами двух начальных макросов: первый с центром в США, второй – Европейское экономическое сообщество (ЕЭС). При этом они преследовали достаточно разные цели. США стремились разрушить биполярный мир, свести его к однополярному миру с центром в США и, тем самым, извлечь ресурсы СЭВ и овладеть его рынками сбыта. ЕЭС стремилось «втянуть» в себя не только ресурсы, но и соседние государства или их «осколки».

В результате, на европейской территории вместо ЕЭС возник более крупный **первичный *Европейский макрос*** – Европейский Союз (ЕС), который продолжает амальгамировать в себя осколки СЭВ и СССР.

Другой мировой первичный макрос создаётся иначе. Разыгрывая экономическое соревнование с СССР в 60-х годах прошлого века[1], США свернули научно-техническое развитие в добывающих и производящих отраслях, вынесенных постепенно после Второй мировой войны в Германию, Италию, Японию, Южную Корею, Тайвань, Турцию, Испанию, страны Юго-Восточной Азии, Китай, Индию и т.д., и сконцентрировались на научно-техническом развитии в информационной сфере и в сфере воздействия на массовое сознание, совершив там научно-техническую революцию.

Опираясь на достижения этой революции, США создали мировую долларовую систему и вменили в мировое сознание нужную им ***теорию*** (якобы) ***объективной глобализации***, основанной на глобальной валюте и глобальном информационном пространстве. Однако на создание глобального «либерального» макроса у США и Великобритании не хватило сил, а ставка на глобализм стала приводить к деиндустриализации самих этих государств. В результате возник ***Северо-Американский макрос***, имеющий в качестве центра США и включающий в себя Канаду, Мексику, Японию, Южную Корею, Тайвань и пр.

Ещё один макрос пытается создать имперская КНР посредством своего геополитического проекта «Пояс и путь».

Борьба между северо-американским и европейским макросами за Великобританию

В 1887 году Британская империя, как настоящий ном, была вынуждена преобразоваться снова в квазином – Британское содружество наций (с 1946 года просто Содружество наций). Этот квазином является исторически самым первым надрегиональным макросом.

При определении «правильности» изменения Европы нужно учитывать наличие **материкового** геономоса Германии и **островного** геономоса Великобритании[2]. Извечное противостояние между материковой геоформацией и островной геоформацией показывает, что одновременное существование Великобритании в Европейском Союзе и в Содружестве наций (как неотип бытия мирового общества) противоречит **мему стереотипа указанного противостояния**. Естественнее для Великобритании было бы продолжать строить свой собственный надсодружественный макрос, включающий в себя и вторую конкурирующую метрополию – США.

Поэтому знать Великобритании и поддерживающий её глубинный народ, состоящий из WASP'ов (White Anglo-Saxon Protestants), поддерживает устремление WASP'ов США вырвать Великобританию из ЕС и создать сверхмощный ***Британо-Американский макрос***, расширив Северо-Американский макрос путём объединения с Содружеством наций.

Накопленное в веках Британское политическое умение «управлять миром» путём создания, вменения и воплощения мировых проектов[3], а также экономическое умение быть финансовым центром мира может уравновесить экономическое и военное превосходство США в этом (на первый взгляд подчинительном) возможном объединении.

Поэтому в США и в Великобритании развернулась ожесточённая борьба между финансово-информационными глобалистами и сторонниками создания собственного макрорегионального ***Американо-Британского макроса*** с центром в США и с опорой на (Британское) Содружество наций. Именно этой цели служит начатый выход Великобритании из Европейского макроса.

Современная межгосударственная эксплуатация и макросы

Во второй части было описано, как исторически возникает соподчинённость амальгамационных уровней мировой межномовой эксплуатации.

В настоящее время самыми мощными действующими лицами среди всех государств и квазигосударств современного мира становятся описанные выше **макросы**. Поэтому именно они будут самыми большими бенефициарами в будущей мировой многоуровневой межгосударственной эксплуатации. А для современных государств и квазигосударств державного и имперского устроительных этапов **возникает принципиально новое геополитическое положение**, в котором они ещё никогда не находились.

---

[1] Кобяков А.Б., Хазин М.Л. Закат империи доллара и конец «Pax Americana». – М.: Вече, 2003.

[2] Захаров В.К. Общие исторические данности как императивы государственной политики современной России // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2016. – Вып. 11, ч. 3. – С. 18–24.

[3] Захаров В.К. Историческая инерционность самосознания и самоустроения общества // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2018. – Вып. 1, ч. 2. – С. 615–617; Захаров В.К. Мегатенденции современного мира: Избавление от навязанных изменений // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2019. – Вып. 2, ч. 1. – С. 32–38; Захаров В.К. Закат глобального прогрессизма и проектная неопределённость мира // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2019. – Вып. 14, ч. 2. – С. 184–190.

И **новой** задачей для них в этом **тяжёлом** геополитическом положении является **занятие и отстаивание** своего более успешного (и желательно более справедливого) места в современной **иерархии мировой межгосударственной эксплуатации**.

Возможности для России при новом уровне межгосударственной эксплуатации

Напомним, что страны социалистического лагеря образовали в 1949 году ***Восточно-Европейский макрос*** – Совет экономической взаимопомощи. Однако совместными усилиями Северо-Американского и Европейского макросов при прямом содействии предательской части Коммунистической партии СССР этот макрос был разрушен, а затем была разрушен и его центр – европейско-азиатская империя в виде СССР.

Историческим преемником имперского Советского Союза стала Российская Федерация – европейско-азиатская **империя меньшего размера**. В настоящее время в результате разрушения большой империи Россия оказалась по совокупной государственной **«мощи»** сравнимой с такими усилившимися азиатскими **империями**, как КНР и Индия, которые сами стремятся стать центрами современной интеграции. Поэтому слабая Россия, чрезвычайно растянутая в широтном направлении, зажатая между такими экономическими гигантами, как ЕС и КНР, разрезаемая надвое в меридиональном направлении поясом российских мусульманских республик и поджимаемая с юга такими крупными мусульманскими державами, как Иран и Турция, рискует повторить судьбу СССР и послужить дальнейшим осколочно-амальгамационным материалом для упомянутых геополитических центров происходящей региональной и макрорегиональной интеграции.

С учётом всех указанных обстоятельств у современной ослабленной России имеются, по крайней мере, две возможности для сохранения своей территориальной целостности и для отстаивания своего более успешного места в современной многоуровневой межгосударственной эксплуатации.

Первая, хотя и ограниченная, возможность – это самой **стать центром интеграции и дальнейшей амальгамации** и притягивать к себе некоторые, в том числе соседние государства. Создание в 2014 году Евразийского экономического союза является хорошим шагом в этом направлении.

Вторая возможность − это **вступать в тактические политические или экономические союзы** с КНР, Индией, Ираном, Турцией и пр., которые сами являются объектами эксплуатации со стороны указанных могущественных макросов. Сближение с Турцией, Китаем и Индией являются хорошими шагами в этом направлении.

Zeynalabdinov A.A.
teacher, Baku State University
zeynalabdinov86@mail.ru

US-GEORGIA MILITARY COOPERATION (1992–2000)

Keywords: *USA, Georgia, military, Russia, cooperation.*
Ключевые слова: *США, Грузия, военный, Россия, сотрудничество*

Introduction

Since the beginning of the 90th years of XX century, official Washington began to give special priority to the issues of cooperation in the military sphere as in many spheres with the South Caucasus countries. On the one hand, it was important for the weakening of Russian influence over the new independent republics, on the other hand in order to strengthen its military and political interests in the region.

From the point of these realities The White House began to implement an active policy especially since 1994. The formation of military cooperation with the Republic of Georgia has become a priority for the US.

Although the South Caucasus Republics, especially Azerbaijan and Georgia give priority to cooperation with NATO since the beginning of the nineties years of the XX century, the foreign policy strategy of the authorities in these republics at that time did not create conditions of the development of relations with NATO.

The coming of Eduard Shevardnadze to power in Georgia resulted in the beginning of a new phase in the relations with the US. So, joining of Georgia to the Partnership for Peace Program of NATO opened opportunities for expansion of cooperation with official Washington in the military field.

US-Georgia military cooperation

The military cooperation didn't prevail in the relations between US and Georgia until the second half of the 90s of XX century. It was associated with the Russian batter policy of the authorities at that time in most spheres including the military sphere. However the subsequent events showed the pursuing the wrong policy of current government in this direction. The main reasons are as follows:

- The strengthening of existing military bases in Georgia, throughout policy of official Moscow from these for control of Tbilisi.
- Not the conciliatory stance, but the firebrand position of Moscow in the conflicts which happened in Georgia.

That is why the official Tbilisi began to give preference to the military cooperation with US. From the military term, as the result of the rapprochement with the US, official Washington assisted to Georgia in this sphere. In 1994, with the joining of Georgia to «Partnership for Peace» programmer, the bilateral cooperation between Tbilisi and Washington expanded in NATO sphere. In our opinion, the causes which bring closer the Georgia with US in military field are as follows:

To form an army able to suppress the conflicts taken place inside the country (Adjara, Abkhazia and South Ossetia).

To provide the army with modern equipment by means of the military aid from US.

The official Washington was interested in military aid to Tbilisi in order to strengthen its positions and form the army which is able to protect Georgia from Russian threats. As an example, in 1998, giving back the control of the Black Sea coast from Russia with the assistance of US, Georgia could give it to its border controllers[1]. In 1999, US allocated 12,3 million dollars for the protection of Georgia coast[2].

In April 2002, the US gave help to Georgia for border security and the modernization of the armed forces in the frame of Train and Equip Program with the budget of 64 million dollars. The other important step in this field was the signing of military agreement, which gives the right of passing without visa and passports and the freedom to bear arms to American soldiers between Georgia and US in April 2003.

All of these mentioned facts show the development of military cooperation between US and Georgia[3].

[1] Cemilli E. ABD'nin Güney Kafkasya politikası. – Istanbul: IQ Kültur Sanat Yayıncılık, 2007. – 192 s.

[2] Nəsibov E.M. ABŞ və Türkiyənin Qafqaz geosiyasi regionunda strateji maraqları və Azərbaycan Respublikası. – Bakı: Azərnəşr, 2006. – 312 s.

[3] Karabayram F. Rusya Federasyonunun Güney Kafkasya politikası. – Ankara: Lalezar kitabevi, 2007. – 357 s.

The position of USA on Abkhazia and South Ossetia conflicts

Next time after the second half of 90s years of XX century US began to intervene more actively in the processes taking place in the region. In this regard, the current conflicts of Abkhazia and South Ossetia in Georgia didn't stay out of the lime-light of Washington. But what were the changes associated with the position of US?

In our opinion, Georgia's growing importance as a transit country for the transportation of energy resources after the signing of «Contract of the Century» caused to have a more active stance of Washington in the process of adjustment of the problems regarding Abkhazia and South Ossetia.

According to our notes, from the mid-90th of the twentieth century official Tbilisi began a rapprochement with the United States associated with conflict resolution. What were the reasons that necessitated it? We think it can be explained by the following factors:

First, holding the non-constructive position of Russia in the resolution of existing conflicts. So, after the collapse of the Soviet Union, Moscow began to use the conflicts in these region as means of pressure for the increasing its influence in the Caucasus. After Georgia refused to enter CIS, using the issue of Abkhazia, Russia supported Abkhazians in this fight.

Therefore, after the Georgians failed operation in Abkhazia, E. Shevardnadze accepted the entering of Georgia into the CIS, as well as he agreed with the location of peacekeeping forces in the conflict zones and Russian troops in the country[1].

In subsequent years, the political process taken place in Abkhazia and South Ossetia was supported by Russia. Finally, Moscow recognized the independence of Abkhazia and South Ossetia. The United States noted that Russia's decision would increase tension[2].

In addition, during Prime Minister Vladimir Putin's visit to Abkhazia he promised to allocate 470 billion dollar for strengthen the border which separates Georgia with Abkhazia[3]. All these facts show the tendentious position of Russia in Abkhazia and South Ossetia conflicts.

Second, USA supports the territorial integrity of Georgia. One of the facts showing official Washington's support for Georgia is that the United States does not recognize the elections in conflict zones and adopts the internationally recognized borders of Georgia.

Third, Russia uses these problems to strengthen its own interests and does not take into account the interests of official Tbilisi.

Fourth, Russia military bases are in Abkhazia and South Ossetia.

Fifth, USA's preference cooperation, not political, economic and military pressures in the establishment of bilateral relations unlike Russia.

On the other hand it should be noted that there are special interests of Washington in trying to solve these conflicts within the framework of international integrity of Georgia. In our opinion, these goals can be noted as follows:

1. To rid the region from Russia's influence
2. To deprive Russia of military bases in the region
3. To expand its military-political and economic influence in the South Caucasia
4. To achieve the establishment of US military bases in the region.

[1] Gieler W., Inat K., Kullmann C. Foreign policy of States. A handbook on World Affairs. – Istanbul: Tasam, 2005. – 576 s.
[2] New York Times 26 August 2008.
[3] New York Times 12 August 2009.

Russian military bases in Georgia

One of the most important issues for USA is the presence of Russian military bases in the Caucasus. The presence of Russian military bases in the Caucasus creates a serious obstacle for Washington to strengthen its military-political interests in the region. That is why after the republics gained independence US began to intensify its activity in this direction.

From the 90th years XX century US paid a special attention to the creation of military cooperation with Georgia. It should be noted that after independence the presence of Russian military bases in Georgia continued. This is in turn in addition to being an obstacle to military cooperation of Georgia with US, also created conditions to expansion of conflicts.

It is important to note that from the end of 1993 till 1995 Russia and Georgia signed several agreements, military ones included. On the February 3 1994, a separate agreement was signed on the Russian bodyguard troops staying in Georgia. But in 1996 October Shevardnadze issued a decree on preparations for maritime border control by Georgia alone[1].

According to some calculations, after the breakup of the Soviet Union, the Russian Armed Forces inherited about 1,600 bases and facilities in Georgia. In 1995, the two countries signed an agreement on their withdrawal, although the document was never ratified by the Russian Duma. Nevertheless, in the second half of the 1990s, the Ministry of Defense accelerated the withdrawal, closure of bases, and the transfer of facilities to Georgia. The vast majority of the facilities were closed between 1997 and 1999; in 1998 the Russian Navy completed the withdrawal, and in 1999 the border guards left as well.

After this only four bases remained in Georgia – Vaziani, Gudauta, Akhalkalaki and Batumi. Russia agreed to Georgia's demand that the bases be closed in the summer of 2001, but Tbilisi had to concede the Russian military the right to use the military airport at Vaziani[2].

Military base in Akhalkalaki, in the south, was closed in June 2007. The equipment was moved to Russia and its military base in Gyumri, Armenia[3].

Result

It should be noted US – Georgian military cooperation is developing at a high level in modern times. The official military aid to Tbilisi by Washington and including the conducting joint military training are good example for it. We think in terms of the realities that we have noted the dynamics of the growing bilateral cooperation in the military sphere will play an important role in the strengthening the military capabilities of the Republic of Georgian in future.

Conclusion

In order to expand military cooperation with Georgis and by this way to strengthened its military interests USA must

- Help Georgia to solve the Abkhazian and South Ossetian conflicts
- Expand military tranings between two countries
- Provide the Georgian army to develop its capabilities.

[1] Darchiashvili D. The army-building and security problems in Georgia. – http://www.nato.int/acad/fellow/95-97/darchias.pdf

[2] Sokov N. The Withdrawal of Russian Military Bases from Georgia: Not Solving Anything. – http://www.gwu.edu/~ieresgwu/assets/docs/ponars/pm_0363.pdf

[3] Russia closes last military base in Georgia. – http://www.reuters.com/article/2007/11/13/us-georgia-russia-bases-idUSL13876052 20071113

Зеленков М.Ю.[1]

СОВРЕМЕННЫЙ МОРСКОЙ ТЕРРОРИЗМ КАК УГРОЗА ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Ключевые слова: *управление, морская логистика, транспортная безопасность, морской терроризм, коммерческая эксплуатация, водный транспорт.*

Keywords: *management, maritime logistics, transport security, maritime terrorism, commercial exploitation, water transport.*

Терроризм – это структурированный и глубоко рациональный подход. Его теория и практика изложена во многих научных трудах и нормативных правовых документах. Т. Коади, исследовав более чем 100 научных определений терроризма, пришел к выводу, что «практически все из них признают, что терроризм является или использует политическое насилие как инструмент оказания давления на обывателя, которое практически ничем не отличается от обычного уголовно-наказуемого насилия»[2]. С. Кара-Мурза считает, что «терроризм – средство психологического воздействия. Его главный объект – не те, кто стал жертвой, а те, кто остался жив. Его цель – не убийство, а устрашение и деморализация живых. Жертвы – инструмент, убийство – метод. Этим терроризм отличается от диверсионных действий, цель которых – разрушить объект (мост, электростанцию) или ликвидировать противника. Иногда цели совпадают (например, в покушениях на политических деятелей)»[3]. Известные советско-российские юристы Н.Б. Крылов и Ю.А. Решетов под «терроризмом» в самом широком значении этого термина понимают «акты насилия или угрозы насилием, цель которых – внушить страх и заставить действовать или воздержаться от действий в нужном террористам направлении»[4].

Морской терроризм является разновидностью терроризма и имеет некоторые свои особенности. В совместном сообщении Европейской комиссии, Европейского парламента и Совета, озаглавленном «За открытую и безопасную глобальную морскую зону: элементы стратегии Европейского союза в области безопасности на море», морской терроризм определяется как «любой насильственный акт с политическими целями против судов, грузов и пассажиров, портов и портовых сооружений и критически важной морской инфраструктуры»[5]. Рабочая группа Азиатско-Тихоокеанского региона (CSCAP) предложила более широкое определение морского терроризма: «совершение террористических актов и действий в морской среде с использованием или против судов или стационарных платформ в море или в порту, или против любого из их пассажиров или персонала, против прибрежных сооружений или поселений, включая туристические курорты, портовые зоны и портовые города»[6]. Эти определения ни в коем случае не являются исключительными, они не охватывают все возможные сценарии и как таковые не являются ни общепринятыми, ни панацеей.

Применив системный подход, можно сделать вывод, что *морской терроризм* – это форма политического насилия, которая реализует стратегию, предназначенную для дестабилизации процесса обеспечения морской транспортной безопасности во имя достижения целей. Океаны из-за их огромности, преобладающей там свободы судоходства и их первостепенной важности для мировой экономики представляют собой поле действий, идеально приспособленное к тайным операциям терроризма, который в последнее время развивается с учетом увеличения коммерческой деятельности на море. Так, в мае 2009 г. «Аль-Каида» выпустила глобальное коммюнике, призывающее джихадистов по всему миру атаковать стратегические морские противодействующие точки в рамках более широкой экономической войны против Запада[7].

Проведенное исследование показало, что сегодня своими действиями террористические группы продемонстрировали, что они обучены использованию морской среды для нападения на технические, военные и коммерческие объекты на шельфе и на берегу, а также на суда и для получения конфиденциальной информации. Ключевыми факторами, способствующими морскому терроризму, являются открытые реестры и удобные флаги. Флаги удобства – мор-

[1] Зеленков Михаил Юрьевич – к.в.н., д.полит.н., доцент, зав. кафедрой управления, логистики и эксплуатации водного транспорта, Московская государственная академия водного транспорта; профессор МГТУ имени Н.Э. Баумана. E-mail: mz60@mail.ru

[2] Coady C.A.J. Defining Terrorism. – www.palgrave.com/pdfs/1403918171.pdf

[3] Кара-Мурза С. Тезисы о терроризме // Завтра. – М., 1999. – 5 октября, № 40 (305).

[4] Крылов Н.Б., Решетов Ю.А. Государственный терроризм-угроза международной безопасности // Советское государство и право. 1987. – № 2. – С. 78–84.

[5] Maritime terrorism history, typology and contemporary threats. – https://www.aspis-superyachts.com/maritime-security/maritime-terrorism-history-typology-and-contemporary-threats.html

[6] Ibid.

[7] Maritime Terrorism in the Eyes of Al-Qaeda / International Institute for Counter-Terrorism, November 2009. The communiqué was posted in Jihad Press, an electronic newspaper.

ская сфера оффшорных финансовых центров и банковская тайна. Призрачные корабли являются активом террористических организаций и составляют определенный флот, действующий по всему миру.

Например, ранним утром 6 июля 1984 г. небольшое торговое судно вышло из ливийского порта и направилось к Суэцкому каналу. Находясь на маршруте, команда подверглась нападению и исчезла, а ее заменили моряки, отобранные лидером Ливийской Джамахирии М. Каддафи. Спустя несколько дней новая команда спустила смертоносные мины в Красное море. Через некоторое время 19 судов сообщили о минных угрозах возле Суэцкого канала. В дальнейшем события приняли предсказуемый характер, – паника по всему региону. Глобальная торговля вздрогнула, ее агенты из-за хрупкости системы стали более послушными.

Лучшее понимание реальных угроз морского терроризма – это анализ потенциальных объектов террористических атак, тактики и методов, которые используются террористическими организациями. Результаты нашего анализа показывают, что сегодня морской терроризм несет угрозу для судов, портов, портовых сооружений, пассажирских терминалов, национальных и международных водных путей, включая их шлюзы и подходы; международных проливов и многонациональных рек; средствам навигации; береговым и прибрежным причалам; движению людей и мультимодальным транспортным средствам; перевозкам на гидросамолетах и, наконец, мобильным морским буровым установкам. Сгруппируем данные объекты и раскроем их особенности с точки зрения цели морского терроризма.

Морские порты и их инфраструктура. Порты являются одним из основных объектов морского терроризма. Связано это с тем, что порты строятся так, чтобы они были широко доступны как по суше, так и по морю в интересах облегчения перемещения через них большого количества грузов и пассажиров. Их инфраструктура часто взаимосвязана с инфраструктурой соседних городов, а хранилища опасных грузов строятся в соответствии с учетом финансовых затрат и выгод для бизнеса, а не в соответствии с соображениями транспортной безопасности. Более того, тысячи рабочих и моряков ежедневно находятся на их территории или прибывают туда. Наиболее уязвимыми объектами в портах можно считать навигационную инфраструктуру, краны, причалы, трубопроводы, железные дороги, мосты, дороги, системы водоснабжения, хранилища топлива и опасные грузы, контейнерные терминалы и корабли. Мосты особенно уязвимы для атаки с использованием взрывчатых веществ. Например, известен случай, когда Аль-Каида в качестве одной из своих целей планировала Бруклинский мост в Нью-Йорке и мост Золотые Ворота в Сан-Франциско[1].

Корабли. Все типы кораблей могут быть террористическими целями, наиболее проблемными из которых являются военные корабли, супертанкеры и пассажирские суда, поскольку наибольший урон может быть нанесен террористическими атаками на корабли этих типов. Так, атака, проведенная двумя террористами-смертниками на военно-морской корабль США «USS Cole» в морском порту Аден, Йемен в 2000 г., привела к гибели 17 членов экипажа, а 42 человека получили ранения. 7 ноября 2000 г. террорист-смертник ХАМАС на борту рыбацкой лодки попытался атаковать израильский патрульный корабль, выходящий из сектора Газа. Однако команда своевременно обнаружила угрозу и потопила лодку, прежде чем террорист начал атаку. Тамильские тигры также предпринимали ряд импровизированных морских атак в Шри-Ланке. Следующей уязвимой категорией морских судов, представляющих привлекательные цели для террористов, являются супертанкеры. Нападая на них, террористы могут достичь более высоких для себя целей: нанести и человеческий, и материальный ущерб, привести к перебоям в энергоснабжении, а также загрязнить морскую среду. Пассажирские суда и паромы также уязвимы для террористов, потому что в отдельном небольшом месте сразу собрано много людей. Атакуя подобные объекты, террористические организации, как правило, достигают своих целей, поскольку их действия приводят к большому количеству человеческих жертв, что естественно попадает на первые полосы и строки средств массовой информации. Подобное нападение было совершено 14 февраля 2004 г. организованной террористической группой Абу Сайяф, целью которой стал филиппинский корабль SuperFerry 14. В результате этого теракта погибло 116 чел. и 300 чел. получили ранения.

Нефтегазовые платформы. Данный вид морских объектов является одним из основных объектов террористических атак, так как его поражение приводит к большому количеству человеческих жертв и наносит большой материальный и экологический ущерб, а также нарушает энергоснабжение. Например, на нефтяной платформе Piper Alpha, находящейся в Северном море, в 200 км от северо-восточного побережья Шотландии 6 июля 1988 г. произошла целая серия подготовленных террористами взрывов и пожаров. Трагедия привела к 167 жертвам и полному разрушению платформы.

Критически важная инфраструктура. К данным видам объектов следует отнести склады топлива и опасные грузы, регулярно размещаемые в морских портах или вблизи них. Террористические атаки на эти склады могут нанести значительный человеческий, материальный и экологический ущерб. Чтобы проиллюстрировать возможные последствия таких атак, приведем пример взрыва, затопления и последующего пожара танкера В-125 длиной 60 м на причале Exxon Mobile в канале Артур-Килл (Нью-Йорк, США). Во время взрывов на судне было чуть более 7,5 млн л топлива. В результате взрыва 2 члена экипажа погибли, а 1 человек получил ранение. Только быстрое вмешательство пожарных служб предотвратило дальнейшие взрывы и пожары, которые достигли близлежащих больших резервуаров на нефтяном терминале, вместимостью около 380 млн. л. жидких нефтепродуктов. Эффект волны от взрыва распространился в радиусе почти 5 км от его эпицентра. Взрыв также привел к панике.

Анализ террористической практики показывает, что сегодня в мире насчитывается более 30 000 боевиков в 100 странах мира, объединенных в различные террористические организации. Однако не все из них, к счастью, способны проводить террористические атаки на море. Наиболее активно в этой сфере действуют египетская «Аль-Гамаа аль-Исламия»; палестинские «Абу Нидаль» и «ХАМАС», индонезийская «Свободный Ачех»; «Тигры освобождения

[1] Гослин С. Морская и портовая безопасность. Белая книга. – Джексонвилл: Duos Technologies, Inc. – С. 2–16.

Тамил-Илама» из Шри-Ланки; филиппинская «Абу Сайяф»; ливанская «Хэзбалла»; пакистанская «Лашкар-и-Тайба»; международная организация «Аль-Каида» и ее филиалы.

Обобщение результатов научных трудов и практики позволило сформулировать пять основных форм морского терроризма, основанных на критериях использования морского пространства и выборе целей.

1. Использование морского пространства в качестве средства, с помощью которого террористические атаки могут быть совершены в отношении наземных целей. Так, 30 сентября 1978 г. израильский флот перехватил и потопил груженый ракетами грузовой корабль Agius Demetrius у побережья Синая, недалеко от Дахаба. Это сорвало заговор, разработанный ФАТХом для нападения на южный прибрежный город Израиля и морской порт Эйлат. Террористы намеревались уничтожить нефтяные резервуары и насосные станции трубопровода Эйлат-Ашелон, выпустив 42 ракеты «Катюша» в порт Эйлата, а затем направить 600-тонное судно, заполненное 5–6 тоннами взрывчатых веществ, на пляж, который был полон туристов. Киль корабля был предназначен для взрыва при ударе с песком. По словам высокопоставленного офицера израильского военно-морского флота, Agius Demetrius был оснащен ракетными пусковыми установками в Сирии и взрывчаткой в ливанском порту. Находясь под наблюдением израильских сил безопасности, корабль проплыл через Суэцкий канал и Суэцкий залив, где он был перехвачен под кипрским флагом. Семь террористов на борту судна были обезврежены, а тяжелые вооружения захвачены до того, как корабль был потоплен[1]. Показательным примером такой формы морского терроризма внутри страны являются взрывы в Мумбаи (Индия), которые произошли 26 ноября 2008 г. Десять террористов на надувных скоростных катерах высадились в порту и провели серию из двенадцати скоординированных атак.

2. Использование кораблей, перевозящих вооружение, военную технику и боеприпасы для поддержки наращивания потенциала террористических групп. Например, 3 января 2002 г. в Красном море было захвачено судно «Каринэ А», которое перевозило оружие для ударов по Израилю.

3. Захват террористами морских судов и пассажиров для переговоров и достижения своих политических целей. В качестве примеров можно привести несколько инцидентов такого рода. Самым известным является событие, произошедшее 7 октября 1985 г. в Средиземном море у побережья Египта, когда террористы из фронта освобождения Палестины захватили итальянский круизный лайнер «Акилле Лауро» (Achille Lauro) с 511 пассажирами, требуя освобождения палестинских боевиков из израильских тюрем. Пассажир-еврей, прикованный к инвалидной коляске, был убит, а затем выброшен за борт во время инцидента. В аналогичном инциденте 11 июля 1988 г. палестинские террористы, принадлежащие организации Абу-Нидаль, совершили нападение на греческий круизный лайнер «Сити оф Порос» (City of Poros), приведшее к 11 жертвам и 98 раненым пассажирам. В январе 1996 г. девять прочеченских боевиков захватили турецкий паром в Черном море и удерживали 255 пассажиров и членов экипажа в течение трех дней. Угонщики угрожали взорвать судно и его заложников, но суровое испытание для них закончилось у Стамбула после затянувшихся переговоров между угонщиками и турецкими властями. Источники в турецкой разведке считают, что для привлечения внимания к чеченскому делу угонщики ранее рассматривали возможность взорвать один из двух висячих мостов через Босфор, чтобы закрыть пролив для движения транспорта.

4. Террористические атаки против морских объектов критической инфраструктуры, уничтожение которых может означать попытку оспорить и нанести ущерб престижу и господству великих держав, а через него и западному восприятию жизни. Например, 6 октября 2002 г. французский нефтяной танкер «Люмбург» (Limburg) был атакован на траверсе порта Даба в Аденском заливе. Это было символическое предупреждение Аль-Каиды Западу на его безраздельное господство в использовании природных ресурсов и в экономике. В процессе террористического акта погиб один член экипажа, а также произошла огромная экологическая катастрофа. Вследствие разлива почти 100 000 тонн сырой нефти в море было загрязнено более 500 кв. км воды.

5. *Использование в качестве средства осуществления террористической атаки водных беспилотников*. Водные беспилотники – это беспилотные морские транспортные средства, которые способны работать автономно или дистанционно. Они разработаны для промышленного применения, обеспечения безопасности, бытового применения и работают либо на поверхности воды, либо под ней. Водные беспилотники не передвигаются со скоростью воздушных беспилотников, однако в случае попадания в руки террористов они способны нанести значительный ущерб объектам транспортной безопасности. Эксперты отмечают, что водные беспилотники могут изменить ландшафт морского терроризма и повысить способность террористов предпринимать морские атаки[2].

Возможны несколько сценариев применения террористами водных беспилотников. Во-первых, водные беспилотники могут быть модифицированы, чтобы функционировать как дистанционно управляемые или автономные самодельные взрывные устройства. Эти беспилотники можно было бы затем незаметно запустить против гражданского населения в море (например, во время морских спортивных соревнований) или против важных портовых и прибрежных сооружений. Во-вторых, водные беспилотники могут быть использованы для наблюдения за критически важной морской инфраструктурой: морские транспортные сети, военные и правоохранительные объекты и опреснительные установки. В-третьих, водные беспилотники могут представлять угрозы для важнейших водных ресурсов, расположенных внутри страны: водохранилища, зоны водоотбора и водосбора. Они могут быть использованы для рассеивания вредных химических и биологических веществ, загрязняющих водоснабжение, или для нанесения физического ущерба плотинам. Воздействие таких угроз может быть фатальным и поставить под угрозу психологическую и социальную устойчивость пострадавших сообществ.

---

[1] Akiva L. The Threat of Maritime Terrorism to Israel. – https://www.ict.org.il/Article.aspx?ID=983#gsc.tab=0

[2] Aquatic drone terror attacks a growing possibility. – https://www.todayonline.com/commentary/aquatic-drone-terror-attacks-growing-possibility

Обобщив вышеизложенное, можно сделать вывод, что на морских транспортных коридорах террористами наиболее часто применяются следующие тактические приемы и методы:

подрыв кораблей, начиненных взрывчаткой, вблизи военных, торговых и пассажирских судов, а также внутри морских портов;

использование больших лодок, в том числе танкеров, для атаки таранным ударом судов меньшего класса;

применение подводных групп террористов для уничтожения кораблей;

затопление судов в узких каналах;

нападение на уязвимые корабли в море;

атака уязвимых крупных грузовых судов (супертанкеры) с воздуха с помощью небольших самолетов-камикадзе.

Существует также обеспокоенность по поводу того, что террористы могут преодолеть оперативные барьеры, заключая «субподряды» с морскими преступниками, однако пока нет никаких достоверных доказательств того, что такая связь имеет место. Исследования показывают, что с высокой долей вероятности в ближайшей перспективе террористы могут использовать тщательно откалиброванную систему торговли грузоперевозками, чтобы спровоцировать глобальный экономический кризис, или на базе цепочки контейнерных поставок осуществлять перевозку оружия массового уничтожения.

Таким образом, реальная обеспокоенность заключается не столько в том, что морской террористический акт может быть, а может и не быть неминуемым. Террористическая морская угроза в XXI веке заключается в том, что существует вероятность причинения ущерба даже в случае незначительного морского террористического события в крупном порту или морском объекте. Угон и использование корабля в качестве оружия или для того, чтобы потопить и перекрыть трафик через узкое горлышко таких перегруженных морских коридоров, как Малаккский пролив или Суэцкий канал, могут иметь серьезные экономические последствия для мировой экономики. Аналогичным образом самодельное взрывное устройство, химическое или биологическое оружие или другое оружие массового уничтожения, обнаруженное в контейнере, может нести серьезную экономическую угрозу.

Что же могут противопоставить органы управления транспортной безопасности морским террористам? Анализ международной и отечественной практики позволил выделить три основных направления этой сферы деятельности: технические меры, антикризисное управление, идентификация и аккредитация.

Технические меры по борьбе с морским терроризмом. Существует ряд технических решений, которые целесообразно использовать для повышения уровня безопасности на судах, в портах, на нефтегазовых платформах, других критически важных объектах морской инфраструктуры и в целом на объектах морского транспорта. Раскроем некоторые из них.

Во-первых, использование защитных экранов для судов военного, грузового и пассажирского типа. Повреждения корпуса корабля, нанесенные террористами, или другие аварии приводят, в первую очередь, к ухудшению или полной потере мореходных качеств и, как следствие, – к потере движения или затоплению.

Во-вторых, создание системы раннего обнаружения несанкционированного проникновения на объекты транспортной безопасности (система коридоров безопасности, интеллектуальная система цифрового видеонаблюдения, система «друг или враг» и др.). Это позволит своевременно обнаружить проникновение посторонних лиц в портовую зону или на судно; обнаружить несанкционированные транспортные средства, приближающиеся к судну или работающие в районе порта; контролировать большие специфические районы охраняемой территории; предупреждать об угрозах для объекта инфраструктуры порта или корабля; регистрировать подозрительные действия или работу в районе порта; отслеживать и классифицировать людей, транспортные средства и низколетящие самолеты; иметь панорамное живое изображение объекта на 360 градусов.

В-третьих, внедрение в контейнерных терминалах специальной интермодальной защиты, а также специально разработанных систем безопасности для опасных грузов и мест хранения топлива.

Разработка системы антикризисного управления на море. Антикризисное управление является очень чувствительным и сложным, а террористические акты и пиратские нападения на объекты морского транспорта вызывают ряд кризисных ситуаций. Чтобы этого не допустить, целесообразно использовать заранее разработанные и реализованные на практике концепции, основанные на международном и национальном межведомственном подходе и поддерживающие принятие антитеррористических решений. Одним из направлений такой концепции может быть разработка веб-приложения для разрешения кризисных ситуаций на море. Данное приложение должно поддерживать принятие решений в различных форс-мажорных ситуациях, иметь различные инструменты и алгоритмы поддержки лиц, принимающих решения в кризисных ситуациях.

Создание системы идентификации и аккредитации. Данное направление предполагает создание новых режимов регулирования технической и коммерческой эксплуатации водного транспорта и его инфраструктуры, требующих дополнительных условий для: лицензирования отдельных логистических операторов и судов; оповещения заинтересованных субъектов транспортной безопасности об утере лицензионных документов; выработки более современных требований к транспондерам, позволяющим идентифицировать и отслеживать все виды судов, особенно малоразмерные лодки.

Для практической реализации данных направлений целесообразно применять следующие формы, методы и средства деятельности по обеспечению транспортной безопасности:

дальнейшее расширение режима безопасности на море с учетом региональных условий и обстановки;

взаимное информирование субъектов транспортной безопасности о сотрудничестве в области ее обеспечения на море путем проведения регулярных и целенаправленных оценок угроз;

пересмотр мандатов многосторонних соглашений в области транспортной безопасности с тем, чтобы они могли играть более активную роль в противодействии морскому терроризму;

дальнейшее развитие коммерческой морской отрасли на основе использования передовых коммуникационных и защитных технологий и обеспечения большей прозрачности корпоративных структур;

расширение возможностей государств по мониторингу систем обеспечения транспортной безопасности прибрежных зон в стратегически важных областях;

совершенствование систем управления безопасностью портов и спонсирование исследований рентабельных инициатив по улучшению безопасности судов и морских перевозок.

При этом базовыми атрибутами, способствующими реализации вышеперечисленных направлений должны стать модернизация существующих механизмов сотрудничества, гибкость, чувствительность к суверенитету, сосредоточение внимания на практических идеях и обязательствах, экономически доступное и истинное партнерство.

Таким образом, несмотря на огромную сложность решения проблем управления транспортной безопасностью в условиях нарастания угроз морского терроризма правительства и бизнес-сообщество предпринимают необходимые меры, чтобы снизить количество актов незаконного проникновения на суда и объекты морской инфраструктуры. Результаты проведенного исследования дают возможность сделать вывод, что это приносит свои плоды и позволит наращивать уровень эффективности функционирования системы обеспечения объектов транспортной безопасности России от угроз морского терроризма.

Иванова Т.Л.,
Городничая Е.В.[1]

ОСОБЕННОСТИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Ключевые слова: *стратегическая устойчивость, стратегическое планирование, социально-экономическая система, социо-экономико-экологическое устойчивое развитие, социокультурный феномен, стратегия социокультурного развития, дерево целей, междисциплинарный подход, мультипарадигма устойчивого развития, социоэкономическое, техногенно-инновационное и социокультурное развитие.*

Keywords: *strategic sustainability, strategic planning, socio-economic system, socio-economic-environmental sustainable development, sociocultural phenomenon, sociocultural development strategy, goal tree, multidisciplinary approach, multi-paradigm of sustainable development, socioeconomic, socioeconomic, technological-innovative and sociocultural development.*

Комплексный анализ процессов трансформации отдельных экономик, изменения конфигурации политических и экономических отношений стран на международной арене со всей остротой ставят вопрос о необходимости модификации парадигмы цивилизационного развития. Современные конфликтные ситуации и кризисные явления возникают в различных странах и сферах жизнедеятельности человека, создавая высокий уровень турбулентности внешней среды социально-экономических систем (СЭС). Возрастающие риски и вызовы обретают угрожающий общепланетарный масштаб и подчас ставят цивилизацию на грань выживания. В их основе лежит ряд явных антагонизмов, ведущим из которых, на наш взгляд, является «противоречие между пространственной и ресурсной ограниченностью Земли и необходимостью сохранения развития человечества в неограниченной перспективе»[2].

Неоднозначные, неупорядоченные нелинейные изменения проявляются в усложнении глобальных состояний экологии, возникновении затяжных локальных кризисов различного уровня и происхождения, значительных катастроф антропогенного характера, непредсказуемых вызовов и угроз для выживания человечества, и рост их числа закономерно подводит к идее создания некой общепланетарной парадигмы развития.

Проблемы экономической динамики и баланса сил, экономической устойчивости и экономического равновесия как доминант, определяющих перспективы сохранения и качественного роста СЭС, на уровне стран и территорий требуют исследований в контексте целостности и единства, сходства черт и характеристик систем, а также их отличительных признаков и имеющихся противоречий. Эффективность решения данных проблем зависит от основополагающих принципов и научных подходов, заложенных в современной парадигме устойчивого развития, которая в современных условиях нераздельно связана с концепцией стратегического планирования и управления экономикой. Одновременные проявления процессов глобализации и регионализма усиливают значение концепции стратегического управления устойчивым развитием и актуализируют его роль как на уровне мировой хозяйственной системы (метасистемы), так и национальной экономики (макросистемы), а также предприятий как отдельных сложных самоорганизуемых систем в их общей иерархической структуре. Парадигма устойчивого развития в условиях переплетения межнациональных, этнических, религиозных, экономических, политических, социальных конфликтов, построенная и реализуемая на основе постулатов стратегического планирования и управления, должна обеспечить их последовательное преодоление и прогрессивное поступательное движение цивилизации. Ее отличительным преимуществом должна стать направленность на позитивное изменение мировой политической и экономической конъюнктуры, четкая ориентация на международное сотрудничество и возможность достижения баланса интересов на основе согласия и компромиссов между странами, которые являются крайне необходимыми в сложившихся условиях обострения противоречий[3].

Небольшой экскурс в историю становления парадигмы устойчивого развития позволяет обобщить основные вехи ее эволюции, обратившись к истокам возникновения самой научной идеи. В целом основы теории экономического развития и экономической динамики системы были заложены в XVIII–-XIX вв. А. де Монкретьеном, У. Петти,

---

[1] Иванова Татьяна Леонидовна – д.э.н., профессор, профессор кафедры экономики предприятия ГОУ ВПО «ДонАУиГС». E-mail: 3264223@gmail.com

Городничая Екатерина Владимировна – ассистент кафедры экономики предприятия ГОУ ВПО «ДонАУиГС». E-mail: gorodnichaya7@mail.ru

[2] Большаков Б.Е. Мировой кризис и стратегия устойчивого развития // Вести. РАЕН. 2009. – № 3. – С. 1–23. – http://www.xn--80adbkckdfac8cd1ahpld0f.xn--p1ai/files/articles/Mirovoi_krizis_i_strategia.pdf

[3] Рябкова С.А. Возникновение и основные проблемы вхождения концепции устойчивого развития в мировую политику и науку // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. – С. 47–50. – https://cyberleninka.ru/article/n/vozniknovenie-i-osnovnye-problemy-vhozhdeniya-kontseptsii-ustoychivogo-razvitiya-v-mirovuyu-politiku-i-nauku

А. Смитом, развиты К. Марксом и затем трансформировались в статическую теорию общего экономического равновесия А. Маршалла, Л. Вальраса, Ст. Парето. Благодаря работам Н. Кондратьева, Й. Шумпетера, М. Касселя, В. Митчелла, С. Кузнеца, Э. Хансена, Р. Харрода, Р. Солоу и др. первичная концепция торгово-промышленного цикла в конце XIX века и в течение XX века превратилась в теорию экономической динамики, которая в настоящее время совместно с теорией экономического равновесия может стать надежным базисом построения современных модифицированных моделей развития экономики и общества.

Необходимость смены парадигмы развития цивилизации в течение последних 100 лет заявлялась в трудах большого количества ученых: В.И. Вернадского, Н.Н. Моисеева, В.А. Коптюга, Д. Медоуза и многих других. Современные ученые – В.И. Данилов-Данильян, К.С. Лосев, Т.А. Акимова, В.В. Батонян, О.В. Моисеенков, В.В. Хаскин и др. – рассматривали концепцию устойчивого развития с упором на то, что в экономической деятельности следует обратить особое внимание на возможное деструктивное влияние экологического фактора и учесть тот факт, что научно-технический прогресс не всегда обеспечивает общественно-социальный эффект.

В частности известно, что термин «устойчивое развитие» впервые был использован на заседании Римского клуба в 1972 г. в классическом докладе на тему «Пределы роста», представленном группой ученых во главе с Д. Медоузом[1]. Авторы применили слово «устойчивый» для характеристики желаемого состояния глобального равновесия следующим образом: «Мы ищем формирование модели, которая составляет мировую систему, является устойчивой без внезапного и неконтролируемого распада и способна к удовлетворению основных материальных потребностей всего населения»[2].

Несмотря на заложенное, на первый взгляд, очевидное противоречие в постулате устойчивого развития, обусловленное тем, что «устойчивость» – атрибут стабильности и являет противоположность процессу развития, научное сообщество воодушевленно приняло данную модель, которая первоначально рассматривалась в плоскости разработки стратегических решений по обеспечению *равновесия экологической системы*. Понятие «устойчивое развитие» в 80-х годах XX в. в рамках деятельности Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) под председательством экс-премьера Норвегии Г.Х. Брундтланд (1987 г.) впервые получило свое законченное выражение на грани исследования взаимосвязи двух сфер – *развитие* и *экология*. В документе комиссии под названием «Наше общее будущее» понятие «устойчивое развитие», которое впоследствии стало классическим, было сформулировано как «длительное непрерывное развитие, обеспечивающее потребности людей, проживающих в настоящее время, без ущерба обеспечения потребностей будущих поколений»[3].

В постановке проблемы устойчивого развития ученые и практики ощутили широту подхода и заложенный большой научный потенциал, в связи с чем она получила значительный импульс как весьма злободневная и актуальная на Всемирной конференции ООН по окружающей среде и развитию, состоявшейся в Бразилии в Рио-де-Жанейро в 1992 году. Программу действий на XXI в., принятую на конференции, в которой были заложены краеугольные камни концепции развития экологии, экономики и социальной безопасности в их диалектическом единстве и взаимодействии, поддержали представители почти 180 стран мира. На конференции понятие «устойчивое развитие» обрело новый смысл – постепенного, но неуклонного повышения уровня социально-экономического развития общества, однако с учетом необходимости максимального сохранения окружающей среды[4]. Именно сохранение и рациональное использование природной среды как среды обитания человека и общества стало его отличительной чертой.

Резолюции конференции Организации Объединенных Наций по устойчивому развитию, принятые в Рио-де-Жанейро (1992 г.), а в последующем – Йоханнесбургский план (2002 г.), решения Комиссии ООН по устойчивому развитию Рио+20 (2012 г.) отталкивались от достигнутого прогресса и представляли более целенаправленный подход, с конкретными шагами, количественной оценкой, сроками для реализации целей и задач. В дальнейшем они нашли воплощение в документах Декларации тысячелетия ООН в восьми международных целях развития тысячелетия, которые 193 государства-члена ООН и по меньшей мере 23 международных организации договорились достичь к 2015 году. Цели включали в себя главные императивы развития цивилизации – сокращение масштабов крайней нищеты, снижение детской смертности, борьбу с эпидемическими заболеваниями, такими как СПИД, а также расширение всемирного сотрудничества с целью развития, которые являются общими для всех стран мира. На 70-й сессии Генассамблеи ООН 25 сентября 2015 г. были приняты новые Цели устойчивого развития, пришедшие на смену Целям развития тысячелетия 2000–2015 гг., и они будут определять повестку дня в следующие пятнадцать лет – до 2030 года. В принятой на Саммите Повестке дня до 2030 г. рекомендуется всем государствам-членам как можно скорее подготовить национальные программы с амбициозными целями, охватывающими все аспекты перехода к устойчивому развитию.

Парадигму устойчивого развития можно по праву считать самой популярной и всеобъемлющей концепцией XX и XXI столетий. Эту же мысль проводит член-корреспондент РАН Н.С. Касимов, утверждая, что «пожалуй, никакая другая научная идея ни в естественных, ни в социальных дисциплинах не имела ранее столь широкого общественного

---

[1] Meadows D.H. The Limits to Growth / D.H. Meadows, J. Randers, and W.W. Behrens. – New York, 1972. – 161 p.; Стокгольмская Декларация 1972 г. – http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=995_454

[2] Зеркалов Д.Б. Проблемы устойчивого социального развития: монография. – К.: Основа, 2013. – 610 с.

[3] Brundtland G.H. Club de Madrid. – http://www.clubmadrid.org/en/miembro/gro_harlem_brundtland/articulos

[4] Авдеева Т.Г. Конференция ООН по устойчивому развитию «Рио+20»: год спустя // Междисциплинарный научный и прикладной журнал «Биосфера». 2013. – Т. 5, № 2. – С. 237–245. – https://cyberleninka.ru/article/n/konferentsiya-oon-po-ustoychivomu-razvitiyu-rio-20-god-spustya

резонанса»[1]. При этом не следует считать, что идея устойчивого развития носит исключительно научный характер. Более того, можно даже сказать, что эта идея пока не может быть в полной степени аргументирована наукой, если увязывать ее с практикой. По состоянию концепции и ее практического воплощения, устойчивое развитие – это скорее *ориентир проектного процесса*, нежели собственно механизм. В то же время она является не тенденцией, а именно *вектором развития*, *системой научных принципов и подходов, проектной парадигмой*, которая наилучшим образом укладывается в рамки национальных стратегий развития стран.

На общенациональном и внутристрановом уровнях она обрела многовекторное воплощение и актуальна в намного большем числе составляющих, чем триединство «социо-экономико-экологическое развитие», которое заложено в парадигму общепланетарного масштаба, в силу чего требует комплексного системного подхода к разработке ее механизма, эффективно реализуемого с помощью стратегического планирования и управления.

Обращение даже к незначительному перечислению авторов, которые занимались данной проблемой, свидетельствует о том, что существует множество научных подходов к пониманию существа устойчивого развития, в связи с чем ряд из них целесообразно привести в рамках данной работы. Дословно, английский термин «*sustainable development*» переводится как жизнеспособное развитие, которое в расширенном толковании означает всесторонне сбалансированное развитие, или «устойчивое развитие». Заслуживает интереса некоторый обобщенный подход к устойчивому развитию, представленный в словаре С.И. Ожегова: «Развитие – это процесс закономерного изменения, перехода из одного состояния в другое, более совершенный; переход от старого качественного состояния к новому, от простого к сложному, от низшего к высшему»[2]. Он является весьма широким и актуальным, поскольку рассматривает понятие «развитие» с позиций теории сложных систем управления, самоорганизации, синергетики, философского контекста, органическое единство которых может составить содержание направления современной прогрессивной экономической мысли.

Концепцию устойчивого развития исследователи возводят в ранг идеологии третьего тысячелетия, которая, на их взгляд, является основательной и способной преодолеть фрагментарность, непоследовательность и несостоятельность других мировоззренческих теорий, обеспечить сбалансированное цивилизационное развитие. Однако акцент в ней сделан прежде всего на необходимости длительного перспективного развития, которое не ухудшает нормативов жизнеобеспечения людей и баланса прежде всего экологической системы, а социально-экономические, социально-политические, правовые, культурные и др. аспекты, которые являются детерминантами, определяющими экологические, не нашли должного отражения. Требуют конкретизации их методологические аспекты, важнейшие направления исследований, цели, задачи, параметры и измерители для создания отвечающего современным требованиям комплексного механизма разработки целостной концепции устойчивого развития и реализации ее в рамках теории стратегического управления.

В данной работе *устойчивое развитие* в контексте системно-структурного анализа рассматривается как *процесс равномерных, сбалансированных, гармоничных изменений в триаде социо-экономико-экологического развития, обеспечивающих стратегическую динамическую устойчивость национальной экономики в долгосрочном периоде*. Устойчивое развитие должно быть управляемым, выбранным на основе *сценарного системно-стратегического подхода*, использования современных информационных технологий для построения *набора альтернативных прогнозных сценариев*, позволяющих применять широкий арсенал компьютерных программ и экономико-математических моделей для выбора *оптимального варианта* развития СЭС из множества альтернатив. Прогнозные сценарии необходимо развернуть в поле стратегических матриц «экзогенные и эндогенные факторы – сила их влияния на СЭС – вероятность осуществления». В чисто экономическом смысле, рассматривая устойчивое развитие в контексте стратегического планирования и управления, с одной стороны, категорию «устойчивость» следует трактовать как оптимальное воспроизводство ограниченного стратегического потенциала систем, в результате чего возникает определенная идентификация понятий устойчивости и устойчивого развития, а с другой – как прочность и надежность элементов, вертикальных, горизонтальных и других связей внутри системы, их способность выдерживать внутренние и внешние воздействия.

Как следует из анализа эволюции развития парадигмы устойчивого развития, общество восприняло парадигму как руководство к действию и воплотило ее идеи в форме целого ряда актов международных конференций, саммитов, форумов, конгрессов. Однако сложность, неоднозначность и множественность воплощения парадигмы устойчивого развития приводят к тому, что с момента появления и до настоящего времени лишь растет градус интереса политической и научной общественности к ее предназначению и основам, а их обсуждение носит глубоко дискуссионный характер. Несмотря на значительные научные наработки в этой области, их достойной имплементации в практику функционирования СЭС не произошло. На сегодня принцип устойчивого развития находится в состоянии обсуждения, высказывается гипотеза о возможности его реализации в перспективе, при условии, что будут осуществлены соответствующие общественные трансформации. Доказательство состоятельности идеи устойчивого развития находится в плоскости будущей, или ноосферной, науки, которая является закономерным продолжением науки постнеклассиче-

[1] Рябкова С.А. Возникновение и основные проблемы вхождения концепции устойчивого развития в мировую политику и науку // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. – С. 47–50. – https://cyberleninka.ru/article/n/vozniknovenie-i-osnovnye-problemy-vhozhdeniya-kontseptsii-ustoychivogo-razvitiya-v-mirovuyu-politiku-i-nauku

[2] Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1998. – 944 с.

ской[1]. В то же время исследование стратегии и механизма устойчивого развития, причем, на всех уровнях управления экономикой, а также попытки их обоснования в настоящее время активно осуществляются[2].

В этой связи целесообразно проанализировать цепочку взаимосвязи понятий «устойчивость равновесия» и «устойчивость движения» в контексте их реализации в экономической и социальной сферах развития общества, а также «стратегическую устойчивость динамического равновесия», «стратегическую устойчивость функционирования» и «стратегическую устойчивость развития», поскольку именно они демонстрируют приоритеты стратегического управления СЭС, представленные на рис. 1.

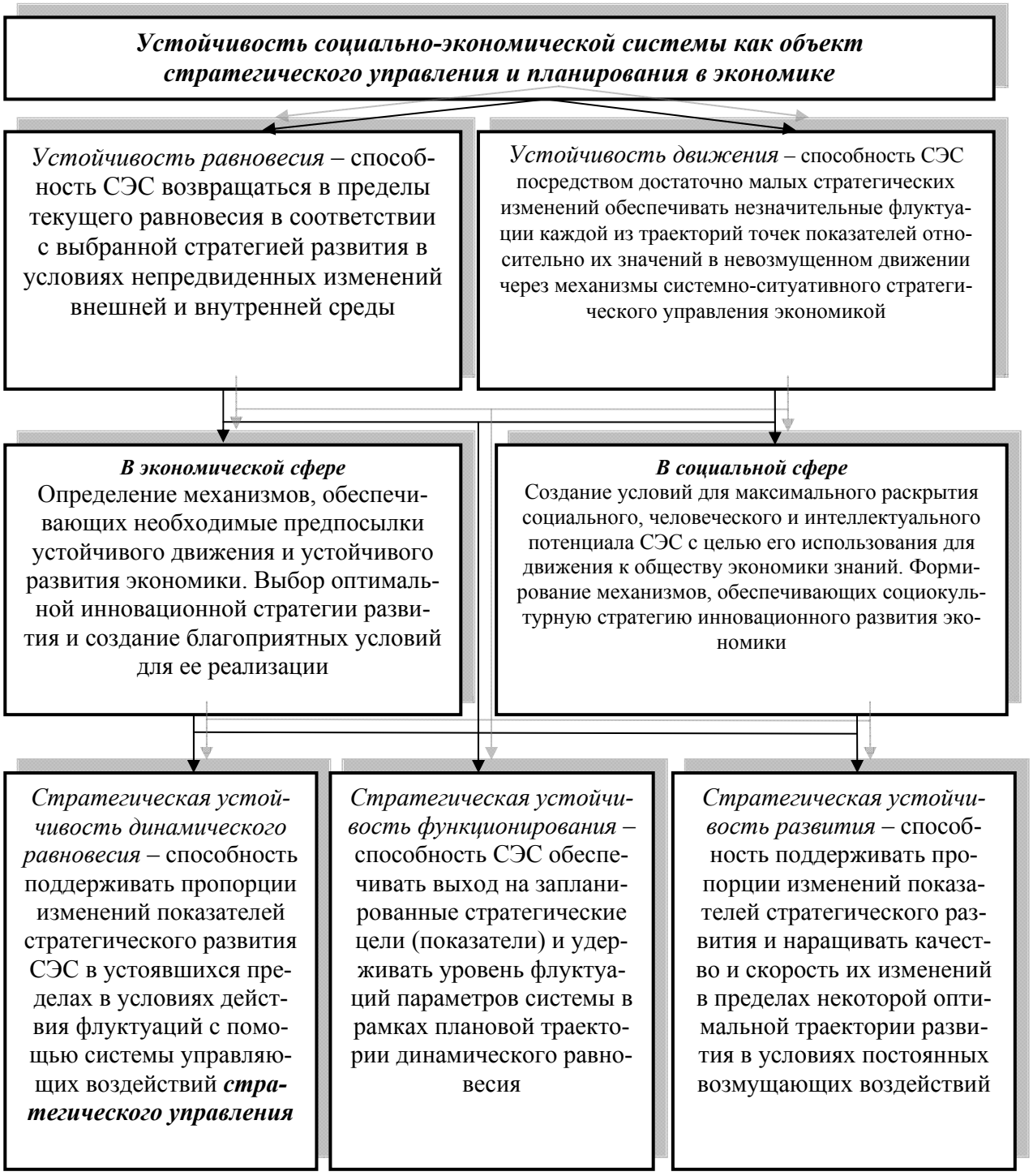


Рисунок 1.
Взаимосвязь разновидностей устойчивости во взаимосвязи с приоритетами стратегического управления СЭС

[1] Рябкова С.А. Возникновение и основные проблемы вхождения концепции устойчивого развития в мировую политику и науку // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. – С. 47–50. – https://cyberleninka.ru/article/n/vozniknovenie-i-osnovnye-problemy-vhozhdeniya-kontseptsii-ustoychivogo-razvitiya-v-mirovuyu-politiku-i-nauku; Meadows D.H. The Limits to Growth / D. H. Meadows, J. Randers, and W. W. Behrens. – New York, 1972. – 161 p.

[2] Стокгольмская Декларация 1972. – http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=995_454; Зеркалов Д.Б. Проблемы устойчивого социального развития: монография. – К.: Основа, 2013. – 610 с.; Brundtland G.H. Club de Madrid. – http://www.clubmadrid.org/en/miembro/gro_harlem_brundtland/articulos

Разведение и синтез данных понятий чрезвычайно важны с точки зрения стратегических императивов статического и динамического устойчивого развития, а также стратегического управления их осуществлением в настоящем и будущих периодах.

В настоящее время возникло понимание того, что создание идеала устойчивой национальной экономики в соответствии со стратегическими целями и задачами развития может быть органично дополнено постулатами социологии, политологии, философии, истории, культуры, религиоведения и др., которые вписываются в экономическую проблематику[1] и актуальны в контексте *мультипарадигмы* стратегического управления устойчивым общественным развитием. Еще Й. Шумпетер говорил о существовании четырех способов изучения и описания экономики: через теорию, через статистику, через социологию и через историю[2]. В то же время в современных реалиях стремительного увеличения конфликтного потенциала на международном уровне значительно возрастает роль других составляющих устойчивого развития, в частности, такой важной, как *социокультурная компонента* и соответствующая ей стратегия устойчивого развития, которая в значительной мере способна благотворно повлиять на духовно-нравственное возрождение человеческого общества и прочие компоненты парадигмы.

Главным отличием устойчивого развития является то, что оно предназначено гармонизировать его органические составляющие, к которым на сегодня относят прежде всего экологическую, социальную и экономическую. Однако, на наш взгляд, причинно-следственная связь заключена в последовательности социо-экономико-экологическое триединство, поскольку базисными в этой цепочке являются общество и экономика, и их состояние должно быть таким, чтобы обеспечить решение производной от них проблемы экологизации. Симбиоз и сбалансирование данных составляющих способны уравновесить *стратегическую устойчивость динамического равновесия*, *стратегическую устойчивость функционирования и стратегическую устойчивость развития* как компонент парадигмы устойчивого развития и реализовать их в рамках стратегического и тактического, динамического и статического, долгосрочного и текущего управления социально-экономическими системами.

Итак, конкретизация характеристик стратегической устойчивости СЭС позволяет сделать ряд обобщений:

- стратегическая устойчивость – это стержневая основа парадигмы устойчивого развития, которую детерминируют экзогенные и эндогенные факторы рыночной среды СЭС, а также степень и вероятность их воздействия на системы;
- определение уровня стратегической устойчивости тесно связано с принятием стратегических и тактических решений по воссозданию и расширению потенциала СЭС;
- обоснование стратегических целей экономической динамики для достижения стратегической устойчивости СЭС является методологической основой долгосрочной стратегии их функционирования и реализации в рамках стратегических планов и программ;
- критерии и методы обеспечения стратегической устойчивости должны определяться исходя из стратегических целей и стратегического потенциала системы и предусматривать разработку интегральных показателей уровня стратегической устойчивости, которые сводят воедино оценки по отдельным составляющим и критериям;
- необходим такой механизм обеспечения социоэкономической, социоэкологической и социокультурной устойчивости СЭС, который создает режим долгосрочного стратегического развития в условиях динамического равновесия, сохранения окружающей среды и баланса сил во внешней и внутренней средах системы.

Социокультурный подход – это методологический подход на базе системного, сущность которого состоит в попытке рассмотрения общества как единства культуры и социальности, образуемых и преобразуемых деятельностью человека. Это единство, согласно принципам системного подхода, образует целое, свойства которого не выводимы из характеристик его частей. Личность при социокультурном подходе рассматривается как связанная с обществом системой отношений и совокупностью ценностей и норм. Вектор единого стратегического подхода к обеспечению устойчивого развития требует не только инвестиций в экологию или использования экологосберегающих технологий, но прежде всего социальных инвестиций в новации, смещения приоритетов цивилизации в сторону постановки и реализации гуманитарно-духовных и нравственных целей, которые актуализируют социокультурный контекст парадигмы развития.

Генеральная цель разработки долгосрочной стратегии социокультурного устойчивого развития – *духовное возрождение общества и социализация каждого отдельного человека в контексте устойчивого развития экономики.* Важнейший постулат концепции устойчивого развития на метауровне функционирования СЭС – обеспечение международного сотрудничества стран для достижения баланса целей устойчивого развития, их интересов на основе компромиссов и согласия, достижимых в значительной мере за счет социокультурного вектора развития социально-экономических систем.

Построение «дерева целей» для формирования стратегии социокультурного развития в системе стратегического планирования и управления в первом приближении можно рассмотреть с позиций важнейших *агрегированных стратегических целях* трех иерархических уровней, представленных на рис. 2.

---

[1] Якунин В.И. Цивилизационно-ценностные основания экономических решений: монография / В.И. Якунин, В.Э. Багдасарян, С.С. Сулакшин. – М.: Научный эксперт, 2008. – 160 с.

[2] Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. – М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. – 401 с.

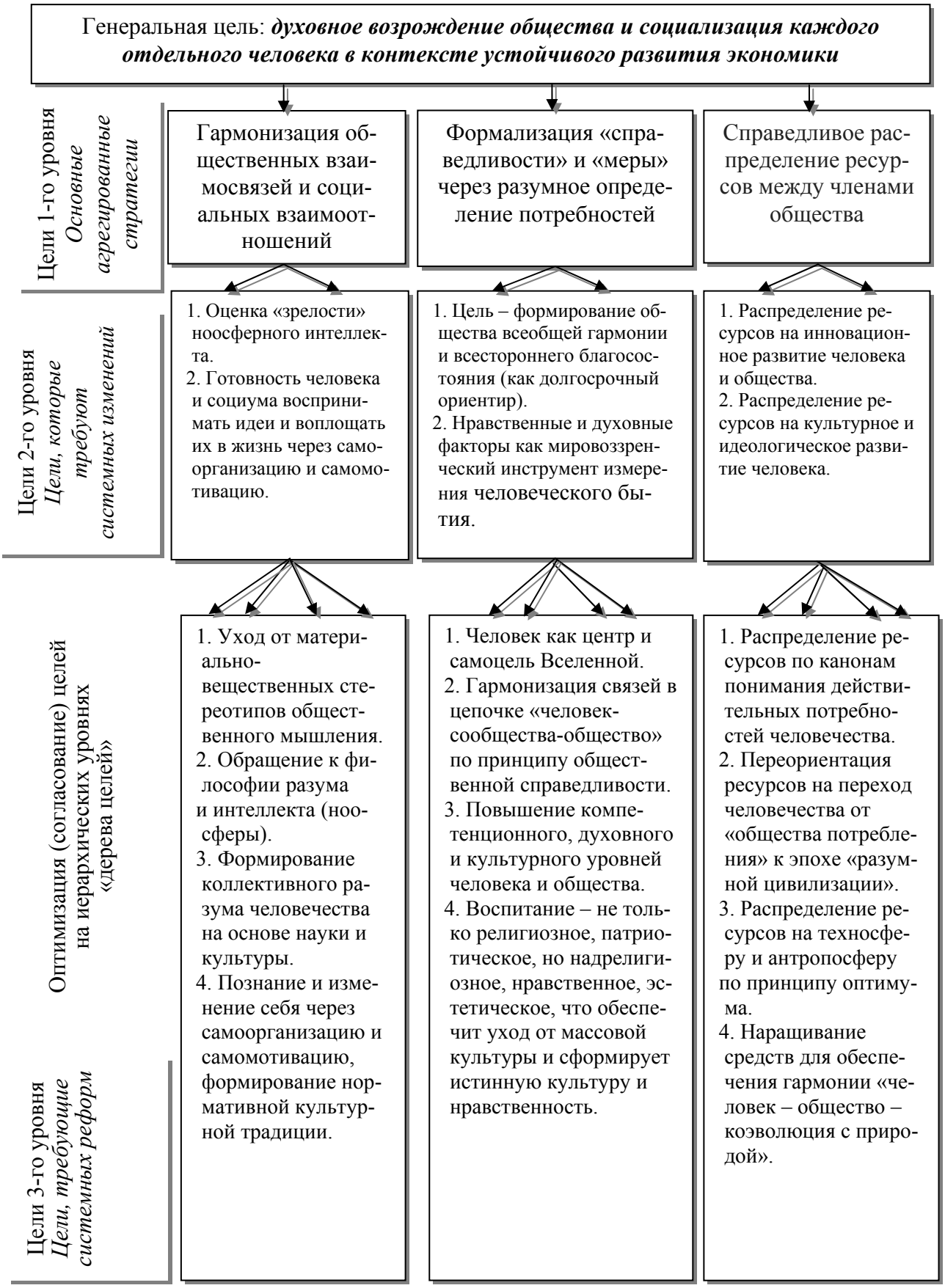


Рисунок 2.
«Дерево целей» в системе стратегического планирования и управления социокультурным потенциалом экономики

Речь идет о переходе от упрощенной модели человека *homo economicus*, или экономического, рационального человека, ориентированной на удовлетворение прежде всего узко материальных потребностей и целей, к *homo socialogicus*, или социального человека, который вписывается в глобальную систему национальной экономики и метаэкономики знаний, общественной стратификации и социального самоопределения. В этой связи уместно привести

афоризм американского экономиста Джеймса Дьюзенбери, который метко заметил: «Вся экономическая теория посвящена тому, как люди делают выбор, а вся социология посвящена тому, почему люди не имеют никакого выбора»[1]. Преодоление этого парадокса лежит в идее гармоничного симбиоза социальной, экономической и экологической компонент устойчивого развития и придания особого статуса социокультурному фактору, который на сегодня в большой степени остается за рамками внимания исследователей, практиков и государственных деятелей, которые работают в области вопросов устойчивого развития.

Они должны быть реализованы на принципах ноосферного подхода к устойчивому развитию, гармонизации общественных взаимосвязей и социальных взаимоотношений, формализации «справедливости» и «меры» через разумное определение потребностей, а также справедливого распределения ресурсов между членами общества. По сути, речь идет о том, что тремя ведущими целями парадигмы устойчивого развития являются социоэкономическое, техногенно-инновационное и социокультурное развитие, что ставит проблему рациональной аллокации ограниченных ресурсов общества между ними. Необходима глубокая научная проработка вопросов переориентации ресурсов в свете концепции перехода человечества от «общества потребления» к эпохе «разумной цивилизации», рационального распределения ресурсного потенциала на техносферу и антропосферу по принципу Парето-оптимума, что в последующем создаст предпосылки для наращивания и обеспечения гармонии «человек – общество – коэволюция с природой».

Формирование концепции стратегического управления устойчивым развитием требует разработки ее принципиальных ориентиров, целей и задач с учетом реализации на общемировом и национальном уровнях, а также на уровне отдельных предприятий как СЭС, способных к самоорганизации и самоуправлению. Каждый из названных уровней управления имеет свои специфические особенности, отличия и акценты, однако целостность и единство теоретико-методологического подхода к построению универсальной парадигмы устойчивого развития предполагает пересечение их императивов, которое состоит в направленности векторов развития всех уровней на единую глобальную цель – удовлетворение потребностей существующих поколений без нанесения ущерба интересам будущих поколений, что непосредственно связано с решением проблем экологизации.

В нашей статье отдается предпочтение многомерному подходу к построению парадигмы устойчивого развития, который интегрирует общепризнанные на сегодня три составляющих (социальную, экономическую и экологическую) и с учетом значимости и весомости каждой из них детерминирует следующую причинно-следственную связь: «социум – экономика – экология». Данная последовательность отражает идею о том, что для успешного решения проблемы экологизации необходимо прежде всего значительно улучшить состояние социума и экономики.

Также авторы полагают, что с позиций сегодняшнего дня и обострения международных политических и экономических отношений в модель устойчивого развития необходимо встроить еще один важный элемент – социокультурный фактор, который выступает как социокультурный феномен, достойный возведения в ранг одного из наиболее значимых в этой модели. Социокультурный аспект – организмический элемент, который имеет масштабное измерение и глубокий экзистенциальный смысл в парадигме мирового уровня и специфическое воплощение в корпоративной культуре, социальном и человеческом капитале для всех уровней управления экономикой. Возникает междисциплинарный и многоотраслевой взгляд на развитие цивилизации, реализуемый в многовекторном мультипарадигмальном подходе, обеспечивающем синергетический эффект его использования на практике.

Парадигма наднационального уровня, или метасистемы, отличается от таковой на макроэкономическом уровне или на уровне отдельного предприятия прежде всего границами целевого пространства, которое конкретизирует и детализирует стратегические направления их развития, предполагает использование различного современного методического инструментария, специфических совокупностей оценочных индикаторов и показателей.

Принципы, постулаты и методы мультипарадигмы устойчивого развития должны быть объединены в рамках единого стратегического подхода – концепции стратегического управления и разработки долгосрочных стратегий, но разъединены в пространстве и во времени.

Резюмируя, сделаем следующие выводы.

1. В концепции устойчивого развития должен быть отражен мультипарадигмальный подход к решению вопросов социо-экономико-экологического развития, построенный на симбиозе постулатов ряда наук: социологии, экономики, философии, политологии, права и других.

2. Наряду с глобальными целями социоэкономического, техногенно-инновационного, экологического характера должны быть поставлены и решены задачи социокультурного развития, эффективная реализация которых возможна посредством использования теории стратегического планирования и управления экономикой.

3. Достижение ведущих стратегических целей развития социально-экономических систем на мета-, макро- и внутринациональном уровне управления предполагает разработку стратегических планов и программ, а также координацию усилий государства по установлению оптимальных межотраслевых пропорций аллокации ресурсов между стратегиями социоэкономического, инновационно-технологического и социокультурного развития.

Дальнейшие исследования в контексте междисциплинарного мультипарадигмального подхода к устойчивому развитию как всеобъемлющей концепции, формируемой с позиций стратегического планирования, должны быть направлены на выбор стратегий ее индивидуализации на мета-, макро- и внутринациональном уровнях, разработку теоретико-методологических основ и методических рекомендаций по определению императивов, целей, задач, совокупности индикаторов и показателей оценки эффективности их реализации для конкретных социально-экономических систем.

[1] Brundtland G.H. Club de Madrid. – http://www.clubmadrid.org/en/miembro/gro_harlem_brundtland/articulos

Искалиев М.Д.
д.э.н., профессор, Казахский университет международных отношений и мировых языков, г. Алматы

МЕСТО И РОЛЬ КАЗАХСТАНА В МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ключевые слова: *безопасность, национальная безопасность, понятие экономической безопасности, объекты и субъекты экономической безопасности, концепция и стратегия экономической безопасности, критерии и основные показатели экономической безопасности, угрозы, внешние и внутренние угрозы, реальные и потенциальные угрозы, защищенность национальных интересов, основные задачи и меры обеспечения экономической безопасности.*

Keywords: *national security, the concept of economic security, objects and subjects of economic security, the concept and strategy of economic security, criteria and main indicators of economic security, threats, external and internal threats, real and potential threats, the protection of national interests, the main tasks and measures to ensure economic safety.*

Экономическая безопасность – часть общей системы национальной безопасности страны. Она затрагивает практически все стороны жизни государства, общества, экономики. Ее развитие необходимо рассматривать в общем контексте формирования системы национальной безопасности государства.

Понятие «экономическая безопасность страны» отражает способность соответствующих политических, правовых и экономических институтов государства защищать интересы своих ключевых субъектов в рамках национальных хозяйственных традиций и ценностей.

Проблемы обеспечения экономической безопасности Казахстана как непременного условия его возрождения привлекают к себе все более пристальное внимание ученых, самых широких слоев населения. Такое внимание отнюдь не случайно. Масштабы угрозы и даже реальный урон, нанесенный экономической безопасности страны, выдвигают названные проблемы на авансцену общественной жизни.

Здесь недопустимы легкомыслие и попытки преуменьшить грозящие опасности. Весьма велика и ответственна роль науки в разработке концепции экономической безопасности. Причем речь идет не просто о словесных упражнениях и не о поиске красивых формул, различного рода классификаций опасностей – внешних и внутренних, долговременных и текущих. Принципиально важно раскрыть саму суть проблемы, выявить реальные угрозы, предложить надежные и эффективные методы их отражения.

Как показывает мировой опыт, обеспечение экономической безопасности – это гарантия независимости страны, условие стабильной и эффективной жизнедеятельности общества, достижения успеха. Поэтому обеспечение экономической безопасности относится к числу важнейших национальных приоритетов.

Концепция национальной безопасности нового демократического суверенного государства начала складываться сразу после распада СССР. Однако закон о национальной безопасности был принят только в 1998 году. В нем были сформулированы понятия безопасности, жизненно важных интересов, выявлена триада основных объектов безопасности (личность, общество, государство). В качестве основного субъекта обеспечения безопасности названо государство, действующее в этой области через органы законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти. Угрозы безопасности определены как совокупность условий и факторов, создающих опасность жизненно важным интересам личности, общества, государства. Разделены реальные и потенциальные угрозы объектам безопасности, исходящие от внутренних и внешних источников опасности. В законе определено, что безопасность обеспечивается проведением единой государственной политики в этой области, системой мер экономического, политического, организационного и иного характера, адекватно отражающих угрозы жизненно важным интересам личности, общества, государства в целом.

Необходимо отметить, что попытки сформировать новую парадигму государственной безопасности в первые годы становления Казахстана как суверенного государства базировались на в некоторой степени примитивных представлениях об отсутствии реальных вызовов и угроз в современном мире. Игнорировались факты ожесточенной международной экономической конкуренции, конфликтность и противоречивость современной мировой системы, где столкновение сил и интересов не затухает, но меняет свои конфигурации. Попытки выстроить реальную политику на основе концепции баланса интересов, моделей партнерства и международного сотрудничества, принципов защиты прав человека и безопасности личности при идеализации данных положений и отсутствии необходимых ресурсов и механизмов для защиты собственных национальных интересов привели к серьезной сдаче геополитических и геоэкономических позиций страны.

В то же время возник целый шлейф принципиально новых и опасных угроз как в политической, так и экономической сферах. Поэтому работа над формированием новой парадигмы национальной безопасности Казахстана не прекращалась. Результатом является закон о национальной безопасности Республики Казахстан[1].

Угрозы экономической безопасности страны образуются совокупностью условий и факторов, создающих опасность жизненно важным интересам личности, обществу, предприятию, государству, которые затрудняют или делают невозможным реализацию национальных экономических интересов.

Выделяют внутренние и внешние угрозы экономической безопасности страны. Основными внутренними угрозами в экономической сфере являются сокращение объемов производства в ведущих отраслях, разрыв хозяйственных связей, монополизация экономики, криминализация общества, большой внутренний долг, высокий уровень изношенности основных фондов, энергетический кризис, низкий уровень производительности труда и инвестиционной деятельности.

К внешним угрозам экономической безопасности страны относятся экономическая зависимость от импорта, отрицательное внешнеторговое сальдо, нерациональная структура экспорта – чрезмерный вывоз сырьевых ресурсов; потеря позиций на внешних рынках; рост внешней задолженности, нерациональное использование иностранных кредитов; неконтролируемый отток ресурсов за границу, размещение их в зарубежных банках.

По данным Global Financial Integrity из Казахстана ежегодно нелегально выводят 16,7 миллиардов долларов. Это сопоставимо с двойным бюджетом национального фонда страны.

По данным Госкомстата Министерство Национальной экономики на 1 января 2019 года внешний долг госсектора РК сложился на отметке 35,1 млрд. долларов (22,0% к ВВП), и это как бы немного по сравнению с общим долгом в 160 млрд. долларов. Однако на обслуживание такого минимального долга из бюджета в 2019 году придется изъять (прямо или косвенно) более 2 трлн. тенге, чтобы конвертировать их в 3,9 млрд. долларов выплат по самому долгу и 1,4 млрд. долларов по процентам. А 2 трлн. тенге, это почти одна пятая всей доходной (10,4 трлн. тенге) части республиканского бюджета. И это больше, чем все образование (635 млрд. тенге) и здравоохранение (1189 млрд. тенге) в том же республиканском бюджете, вместе взятые.

Общий объем ВВП РК в 2018 г. составил 171 млрд. долларов, это больше достигнутого в 2010 г. (148 млрд. долларов), но не дотягивает до результатов 2011 г. (192 млрд. долларов). По экспорту 2018 г. вывел РК на 61 млрд. долларов и это уровень 2010 года (60 млрд. долларов). Точно также и импорт 2018 г. – 33 млрд. долларов – это повторение 2010 года (31 млрд. долларов). Между тем в наилучшем для экспортно-сырьевой модели в 2013 г. ВВП достигал 237 млрд. долларов, экспорт – 85 млрд. долларов, а импорт – 49 млрд. долларов[2].

Да, в тенге показатели ВВП неизменно растут, но следует отметить: в том самом 2010 г., когда мы уже имели сегодняшние показатели экспорта-импорта, курс тенге к доллару был 147,4 и к рекордному в 2013 г. он почти не меняется, полегчал только чуть-чуть до 152,1 тенге за доллар. Тогда как в 2018 г. доллар в среднем стоил уже 344,7 тенге, а на сегодня (2019 г.) доллар достиг 384,2 тенге.

По итогам 2018 г. инвестиции в основной капитал составили – 11,13 трлн. тенге. Это чуть меньше 19% от ВВП РК. Из них львиная доля – 8,14 трлн. тенге, или 73% всех инвестиций – это собственные средства предприятий. На второй позиции, максимально напрягаясь, находится бюджеты республиканский и местные – 1,4 трлн. тенге, или 12,6%. Для бюджетов это фактически предел возможностей для инвестиций в несырьевую модернизацию экономики.

А где же наша мощная банковская система, на которой и должен строиться инвестиционный процесс? У нее тоже есть свое место – это 0,8 трлн. тенге, или целых 7% от инвестиций 2018 г. столько же – 0,8 трлн. тенге заемных средств инвестировали в экономику.

По инвестициям за 2018 г. расклад по банковскому кредитованию выглядит следующим образом: всего выдано 13,1 трлн. тенге, из них физическим лицам, то есть отнюдь не на развитие экономики – 5,3 трлн. тенге. Итого, какие-никакие кредиты экономике – это всего 7,8 трлн. тенге, или 13,2% от ВВП РК, прямо скажем маловато. Но еще обиднее расклад этих кредитов по направлениям: на промышленность – лишь 2 трлн. тенге, торговлю – 1,8 трлн. тенге, строительство – 0,7 трлн. тенге, транспорт – 0,6 трлн. тенге, сельское хозяйство – 0,5 трлн. тенге.

Об опасности этой закредитованности надо сказать отдельно: совокупная задолженность граждан перед кредитными организациями к концу 2018 г. превысила 6 трлн. тенге.

В то же время в самой банковской системе своя проблема – огромная накопленная ликвидность – около 5 трлн. тенге, в т.ч. по оценке специалистов, 1,5-2 трлн. тенге – это «длинные» средства, вполне пригодные для кредитования и инвестирования экономической модернизации.

По итогам 2018 г. валовой приток прямых иностранных инвестиций вырос на 15,8% и составил 22,4 млрд. долларов. По данным Национального банка РК те самые 22,4 млрд. долларов иностранных инвестиций распределены по отраслям экономики следующим образом:

– нефть и металлургия – 16,2 млрд. долларов;

– торговля – 3,3 млрд. долларов;

– финансы и консультации – 1,7 млрд. долларов;

– трубопроводы – 0,8 млрд. долларов.

На все сельское хозяйство, например, прямых иностранных инвестиций в 2018 г. направлено – 0,012 млрд. долларов. Как видно из данных, вложения идут лишь в сырьевой экспорт и торгово-финансовую инфраструктуру.

---

[1] Закон Республики Казахстан от 26 июня 1998 г. №233-1 «О национальной безопасности Республики Казахстан» // Казахстанская правда. 1998. – № 165. – С. 2.

[2] Время. 2019. – 25 апреля.

Общий объем инвестиций в основной капитал (и иностранных, и казахстанских) по отчету за 2018 г. составил – 11,13 трлн. тенге, или 32,3 млрд. долларов по среднегодовому курсу. То есть мы видим следующую картину: на иностранное инвестирование приходится примерно 2/3, на местные – 1/3, причем сам уровень инвестирования составляет лишь 2/3 от желаемого.

Вывод таков: держать курс не на закрепление экспортно-сырьевой зависимости, а наоборот. В целях укрепления экономической безопасности страны, необходимо такое инвестиционное пространство, которое будет не иностранным, а отечественным[1].

В Стратегии учитывается, что в настоящее время обостряется международная конкуренция за обладание природными, технологическими, информационными ресурсами, рынками сбыта. При этом баланс позитивных и негативных сторон нынешней фазы становления многополярного мира подвижен, что повышает уровень требований к здравому смыслу в политике и экономике.

В Стратегии признано, что страна имеет все предпосылки для того, чтобы поддержать и упрочить свои позиции на евроазиатском континенте и обеспечить процветание своего народа, играть важную роль в мировых процессах. Об этом свидетельствует мощный ресурсный, культурный и интеллектуальный потенциал Казахстана, ее уникальное геостратегическое положение в Евразии, усиление основ демократической государственности и многоукладной экономики. Несмотря на все политические и социально-экономические потрясения последних 10 лет, Казахстан сохраняется как многоукладное государство, имеющее многовековую историю и культуру, четко очерченные интересы и традиции. Стратегия впервые ввела в лексикон официальных документов понятие национальных интересов, предложила их достаточно полное определение, дала комплексную систематизацию возможных и реальных угроз, определила основные контуры, институты и механизмы защиты национальной безопасности страны.

В Стратегии подчеркивается, что национальные интересы Казахстана в области экономики являются ключевыми. В связи с этим комплексное решение проблем, связанных с реализацией национальных интересов Казахстана, возможно только на основе устойчивого функционирования многоотраслевого хозяйства высокотехнологичного, способного обеспечить ведущие отрасли экономики качественным сырьем, армию – вооружением, население и социальную сферу – предметами потребления и услугами, внешнюю торговлю – конкурентоспособными товарами.

В новой редакции Стратегии национальной безопасности[2] учтены последние веяния времени, определение национальных интересов развернуто по их основным направлениям, более современно и подробно прописаны угрозы и механизмы защиты национальной безопасности. В частности, отмечается, что в сфере экономики угрозы носят комплексный характер и обусловлены существенным сокращением внутреннего и валового продукта, снижением инвестиционной, инновационной активности и научно-технического потенциала, стагнацией аграрного сектора, разбалансированием банковской системы, ростом внешнего и внутреннего государственного долга, тенденцией к преобладанию в экспортных поставках топливно-сырьевой и энергетической составляющих, а в импортных поставках – продовольствия и предметов потребления, включая предметы первой необходимости и медикаменты, т.е. страна потребляет в основном то, что ее экономика не производит. Негативные процессы в экономике ведут к усилению политико-экономической нестабильности и ослаблению его важнейших составляющих – производственно-технологических и транспортных связей, финансово-банковской, кредитной и налоговой систем.

Основными задачами в области обеспечения национальной экономической безопасности Республики Казахстан в настоящее время признаны:

– своевременное прогнозирование и выявление внешних и внутренних угроз национальной безопасности;

– реализация оперативных и долгосрочных мер по предупреждению нейтрализации внутренних и внешних угроз;

– обеспечение суверенитета и территориальной целостности страны, безопасности ее приграничного пространства;

– подъем экономики и уровня жизни населения, проведение независимого и социально-ориентированного экономического курса;

– преодоление научно-технической и технологической зависимости страны от внешних источников;

– обеспечение на всей территории государства личной безопасности человека и гражданина, соблюдение его конституционных прав и свобод;

– совершенствование системы государственной власти и местного самоуправления, законодательства всех уровней; формирование гармоничных межнациональных отношений; укрепление правопорядка; сохранение социально-политической стабильности общества;

– неукоснительное соблюдение законодательства всеми гражданами, должностными лицами, государственными органами, политическими партиями, общественными и религиозными организациями;

– равноправие и взаимовыгодное сотрудничество со всеми государствами мира;

– подъем и поддержание на достаточно высоком уровне оборонного потенциала государства.

Важнейшими задачами во внешнеэкономической деятельности являются:

– создание благоприятных условий для международной интеграции Казахстанской экономики;

– расширение рынков сбыта казахстанской продукции.

---

[1] Время. 2019. – 2 мая.

[2] Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 г. №527-IV «Стратегия национальной безопасности Республики Казахстан». – Астана, 2012.

В условиях либерализации внешней торговли и обострения конкуренции на мировом рынке товаров и услуг необходимо усилить защиту интересов отечественных товаропроизводителей. Важнейшее значение приобретает проведение сбалансированной кредитно-финансовой политики, нацеленной на поэтапное сокращение зависимости страны от внешних кредитных заимствований и укрепление ее позиций в международных финансово-экономических организациях. В целях усиления роли государства в регулировании деятельности иностранных банковских, страховых и инвестиционных компаний следует ввести определённые и обоснованные ограничения на передачу в эксплуатацию зарубежным компаниям месторождений стратегических природных ресурсов, телекоммуникаций, транспортных и товаропроводящих сетей. Эффективные меры должны быть приняты также в сфере валютного регулирования и контроля в целях создания условий для прекращения расчетов в иностранной валюте на внутреннем рынке и предотвращения бесконтрольного вывоза капитала.

Основными направлениями обеспечения национальной безопасности Республики Казахстан во внутриэкономической деятельности следует считать:

– правовую поддержку реформ и создание эффективного механизма контроля за соблюдением законодательства страны;

– усиление государственного регулирования в экономике;

– принятие необходимых мер по преодолению последствий экономического кризиса, сохранение и развитие научно-технического, технологического и производственного потенциалов, переход к экономическому росту при снижении вероятности техногенных катастроф, повышение конкурентоспособности отечественной промышленной продукции, подъем благосостояния населения.

На первый план выдвигаются задачи, связанные с устранением деформаций в структуре казахстанской экономики, с обеспечением опережающего роста производства наукоемкой продукции высокой степени переработки, с поддержкой отраслей, составляющих основу расширенного воспроизводства, обеспечением полной занятости населения.

Существенное значение имеют усиление государственной поддержки инвестиционной и инновационной активности; принятие мер по созданию устойчивой банковской системы, отвечающей интересам реальной экономики; облегчение доступа предприятий к долгосрочным кредитам на финансирование капитальных вложений, реальная помощь государства, реализация целевых программ структурной перестройки промышленности. Как никогда ранее, самыми приоритетными становятся задачи по опережающему развитию конкурентоспособных отраслей и производств, расширению рынка наукоемкой продукции. В целях их решения должны быть приняты меры, стимулирующие передачу новых технологий в производство, введен механизм выявления и развития прогрессивных технологий, повышающих конкурентоспособность казахстанских предприятий на мировом рынке.

Важное значение имеет концентрация финансовых и материальных ресурсов на приоритетных направлениях науки и техники, оказание поддержки ведущим научным школам, ускоренное формирование научно-технического задела и национальной технологической базы, привлечение для этих целей частного капитала, в том числе путем организации фондов и использования грантов, реализация программ первоочередного развития территорий, обладающих высоким научно-техническим потенциалом, защита государством интеллектуальной собственности внутри страны и за рубежом, расширение общедоступной сети научно-технической информации, создание равных условий для роста и повышения конкурентоспособности предприятий независимо от формы собственности, в том числе поощрение частного предпринимательства во всех сферах, где это способствует росту общественного благосостояния, прогрессу науки и образования, духовному и нравственному развитию членов общества, защите прав потребителя.

Таким образом, обеспечение экономической безопасности является принципиально важным в целях укрепления государства, реального обеспечения социальных гарантий, развития механизмов коллективной ответственности и демократического, социального партнерства.

Для того, чтобы государство развивалось быстро и динамично, необходимо четко и конкретно сформировывать принципы и подходы в обеспечении безопасности государства. Обеспечение экономической безопасности, как мы отметили выше, принадлежит к числу важнейших национальных приоритетов Казахстана. И немаловажно рассматривать систему обеспечения экономической безопасности в рамках Таможенного союза, созданного недавно. Став участником Таможенного союза, Республика Казахстан создала условия для обеспечения свободного перемещения товаров во взаимной торговле и благоприятные условия торговли с третьими странами. Безусловно, существуют как положительные, так и отрицательные стороны данного союза. В условиях Таможенного союза приоритетным вопросом остается на сегодняшний день обеспечение экономической безопасности Республики Казахстан.

Ситуация на мировых рынках влияет на экономической положение Казахстана. Наблюдается снижение цен на основное сырье – нефть и газ. Имеет место снижение торговли с ближайшими соседями. Также необходимо учесть и девальвацию тенге, которая была 11 февраля 2014 года и падение рубля в России.

Эти все факторы негативно сказываются на экономическом развитии государства. Ведь девальвация – это процесс снижения курса национальной валюты относительно валют других государств. И в результате девальвации снижается покупательная способность. Все это связано с влиянием мировых экономических процессов.

На тот момент, когда рубль претерпел девальвацию, и годовая инфляция в Казахстане за 2014 г. достигла уровня 7,4%, а инфляция за январь-февраль 2015 г. составила 0,6-0,4% несомненным остается факт, что спрос на товары российского производства будет увеличиваться быстрее, чем на товары казахстанского производства. Казахстану необходимо обеспечить жизнеспособность производительности, ведь если нет спроса, нет предложения.

Для Казахстана – это проблема, решаемая поэтапно. Кроме того, в странах Таможенного союза существенно различается механизм налогового администрирования. Так, НДС в Казахстане – это налог с оборота, и это в свою очередь ставит казахстанских товаропроизводителей в менее выгодные условия по сравнению с российскими и белорус-

скими товаропроизводителями. Безусловно, это влияет на конкурентоспособность казахстанской промышленности. Необходимо учитывать, что в государствах Таможенного союза существенно различаются ставки НДС. Так, в Казахстане НДС составляет 12%, в России и Беларуси – 18%. Также серьезной проблемой в обеспечении экономической безопасности Казахстана является введение единого таможенного тарифа. В Казахстане таможенные тарифы значительно ниже российских и белорусских. И это в свою очередь приводит к повышению цен на импортные товары, а следовательно, и к снижению товарооборота с третьими странами. Эта проблема имеет существенное значение, поскольку в бюджете Республики Казахстан таможенные сборы в среднем составляют 30%. В этой связи особую роль в обеспечении экономической безопасности Казахстана играет таможенное регулирование. Таможенное регулирование включает в себя целый комплекс правовых, экономических, организационных и иных мероприятий и программ, применяемых с целью защиты экономических интересов государства, оптимизировать процессы развития и обеспечения эффективности торгово-экономических отношений, стимулировать развитие отечественной экономики и оградить эту экономику от проникновения извне разрушающих ее деструктивных элементов. Необходимо улучшить работу в данной сфере, а именно внедрять новые стандарты, проводить мониторинги, усилить требования к участникам ВЭД. Очень часто участники ВЭД стремятся снизить расходы, связанные с реализацией товаров, которые они приобретают в других странах. Это зачастую связано с получением максимальной прибыли. Здесь роль таможенных органов несомненна, и именно для них встает проблема правильного определения и контроля таможенной стоимости товара. Для того, чтобы правильно определять таможенную стоимость товара, необходимо проанализировать импорт товаров и на основе полученных результатов установить пороговую цену на ввозимые товары.

На сегодняшний день в результате проведенных таможенными органами мероприятий повысилась финансовая дисциплина со стороны участников ВЭД, сократилось время денежного обращения при осуществлении валютных сделок. Сократились сроки оплаты по экспортным контрактам, наметились положительные тенденции в сроках поставки товаров против авансовых платежей. Все это указывает на то, что таможенное регулирование в Республике Казахстан планомерно улучшается и унифицируется в зависимости от уровня развития государства.

Также необходимо отметить, что одной из серьезных проблем в обеспечении экономической безопасности является коррупция. Главная опасность коррупции заключается в ее разрушительной функции, которая воздействует на государственное устройство и на правовую основу жизнедеятельности. Если не предпринимать меры по пресечению коррупционной деятельности, то это может привести к снижению эффективности работы государственных органов. В свою очередь, в обеспечении экономической безопасности государства, коррупция оказывает негативное влияние и ведет к распаду экономики, и борьба с коррупцией сопровождается определенными трудностями. Для того, чтобы экономика развивалась динамично и успешно, необходимо устранять такие проблемы как коррупция.

Правительству Республики Казахстан совместно с Правительствами РФ и Беларуси необходимо рассмотреть вопрос о внедрении нового метода борьбы с коррупцией на территории стран Евразийского сообщества на примере Гонконга. Опыт Гонконга показал, что за 26 лет показатель коррупционной деятельности снизился на 84%, и на сегодняшний день составляет 3%.

На сегодня, когда усиливаются угрозы и усиливаются давления со стороны кризисных явлений, важно совершенствовать систему государственного управления и правильно проводить различные мероприятия по устранению негативных факторов.

Подводя итог, следует отметить, что обеспечение экономической безопасности страны – исключительная прерогатива государства. Для нормального функционирования национальной экономической системы нужна стратегия экономической безопасности, причем как на краткосрочный, так и на долгосрочный период.

Для приведения в жизнь государственной стратегии экономической безопасности необходимо разработка механизма ее реализации. Механизм обеспечения экономической безопасности страны – это система организационно-экономических и правовых мер по предотвращению экономических угроз. Он включает в себя следующие элементы:

– мониторинг экономики и общества;

– выработку пороговых, предельно допустимых значений социально-экономических показателей;

– деятельность государства по выявлению внутренних и внешних угроз безопасности экономики;

– создание материальных запасов производственного и непроизводственного назначения, которые могут быть использованы в экстремальных случаях.

Итак, основными задачами экономической безопасности являются: обеспечение пропорционального и непрерывного экономического роста, обуздание инфляции и безработицы, формирование эффективной структуры экономики и развитого фондового рынка, сокращение дефицита бюджета и государственного долга, обеспечение социальной защиты и повышения качества жизни населения, поддержание устойчивости национальной валюты. Исходя из приоритетных национальных интересов и угроз экономической безопасности страны меры государственной политики и экономической безопасности должны ориентироваться на научно-техническую, экономическую, социальную сферы, а также на военную, экологическую, информативную сферы для обеспечения в целом национальной безопасности страны в системе международной экономической безопасности.

Карманов М.В.
д.э.н., профессор, Российский экономический университет
Karmanov.MV@rea.ru

РЕФОРМИРОВАНИЕ РОССТАТА: ФАКТЫ И ИЛЛЮЗИИ

Ключевые слова: *статистика, статистический учет, информатизация государственного управления, статистическое обеспечение управления, международные методики.*

Keywords: *statistics, statistical accounting, informatization of public administration, statistical support of management, international methods.*

В декабре 2018 г. в жизни российской статистики произошло примечательное событие, мимо которого сложно пройти всем тем, кому не безразлична судьба Росстата [1]. Его содержание свелось , казалось бы, к обыкновенной смене руководителя статистического ведомства нашей страны, нашедшей определенные комментарии со стороны заметных креатур действующей власти.

Так, например, первый вице-премьер российского правительства А. Силуанов заявил: «Там, конечно, нужно говорить об обновлении команды, об обновлении принципов и методов работы. Там пришли новые люди из министерства экономики. Росстат на самом деле важнейшее ведомство, которое пользуется устаревшими технологиями и старейшими инструментами. Сейчас совершенно другие требования к Росстату, потому что реализуем нацпроекты, другая отчетность» [2].

Заявления подобного рода, несомненно, являются составной частью общественной жизни, но явно нуждаются в определенном осмыслении, сопоставлении фактов и иллюзий, что, с нашей точки зрения, может быть представлено следующим образом.

Факт № 1. В декабре 2018 года произошла смена руководителя Федеральной службы государственной статистики, которая в комментариях представителей власти в средствах массовой информации была заявлена как решительная реформа статистического ведомства нашей страны. На первый взгляд, казалось бы, в этом нет ничего необычного. Те или иные реформы в России накрывают те или иные сферы деятельности достаточно часто и анонсируются как панацея от всех возможных бед. Правда, потом далеко не все из них приносят пользу и так же быстро забываются, возвращая жизнь на круги своя. Не хотелось бы ошибиться, но применительно к Росстату озвученное реформирование выглядит достаточно странно. Никто и нигде не озвучивал цель, задачи и хотя бы общее содержание предполагаемой программы реформ. Она не обсуждалась ни в профессиональной среде, ни среди представителей гражданского сообщества. Поэтому возникает предчувствие, что, скорее всего, никакой реальной программы реформирования государственной статистики пока нет, а просто есть движение в заданном направлении. И это направление, по большей своей части, видимо, связано с тем, что количественные оценки отечественного статистического ведомства по целому ряду причин не совпадают с ощущениями власти от происходящего, которая в глазах общества активно перекладывает свои недоработки на плечи Росстата, ставя под сомнение не только его репутацию, но и свою собственную.

Факт № 2. Правительство Российской Федерации осознанно и по доброй воле произвело замену профессионального руководителя Федеральной службы государственной статистики на молодого эффективного менеджера. Чтобы подтвердить это, достаточно обратиться к фактическим характеристикам кандидатур. Прежний руководитель Росстата имел базовое профильное статистическое образование, ученую степень доктора экономических наук по статистике. После студенческой скамьи он прошел все ступени карьерного роста внутри статистической системы, а поэтому имел огромный практический опыт организации и проведения разнообразных статистических работ, в том числе и по международным методикам, которые широко применяются в других странах мира. Новый руководитель Росстата, вышедший из недр Минэкономразвития, где занимался информатизацией государственного управления, имеет профильное образование по программному обеспечению вычислительной техники и автоматизированных систем, обладает степенью MBA по информационному менеджменту, но не имеет профильного статистического образования и пока испытывает острый дефицит знаний системы статистического учета и опыта руководства статистическим ведомством. То есть на лицо замена профессионала на человека, видимо, достойного, но пока мало разбирающегося в том, чем ему придется заниматься в ближайшей перспективе.

Факт № 3. На горизонте маячит перепись населения России 2020 г. – мероприятие не только важное, но и чрезвычайно сложное, особенно с учетом напряженной внутренней социально-экономической ситуации и организационных и технических новаций, заявленных к практической апробации (использование Интернета и др.). Совершенно очевидно, что в таких условиях смена руководителя Росстата вряд ли может вести за собой широкомасштабное замещение ключевых позиций внутри статистического ведомства на новых людей. Вернее, на это можно пойти, но тогда результаты переписи населения 2020 г. и особенно все вытекающие для управления страной последствия будут такими, что вполне может встать вопрос о поиске следующего нового руководителя Росстата. Поэтому, чтобы не прова-

лить ближайшую перепись населения до ее проведения лучше не заниматься принципиальными кадровыми перестановками как на федеральном, так и на региональном уровне. С другой стороны, если приходит новый начальник (или новая метла, как принято говорить в кругу обывателей), а никаких заметных кадровых решений не наблюдается, то это явно не реформа отечественной статистики, а простая смена одного руководителя на другого. При этом закономерно возникает вопрос, а зачем, чего такого нельзя было добиться с прежним руководителем Росстата, чтобы ставить на его место нового человека, не очень-то пока разбирающегося в сложных перипетиях статистического хозяйства.

Факт № 4. К сожалению, на поверхности лежит и тот факт, что предлагаемая реформа статистики является мероприятием с никем не просчитанными последствиями. Самый свежий опыт свидетельствует о том, что модернизация российской экономики, ее перевод на инновационные рельсы, создание миллионов высокотехнологичных рабочих мест и много чего еще так и осталось на бумаге, хотя и позиционировалось как прорыв в будущее. По непонятным причинам вообще никто не говорит о сути реформы статистического ведомства, так как для ее успешного осуществления надо было бы начать с обеспечения полной независимости статистики и ее вывода из лона Минэкономразвития. В противном случае все попытки создать что-то новое обречены на провал. Также не ясно, зачем надо привлекать менеджеров извне, если внутри самой системы можно найти достойные и профессиональные кандидатуры, имеющие профильное образование, чтобы не терять ценное время на получение соответствующих знаний, навыков и выстраивание множества отношений, в том числе и с территориальными органами статистики. Все это попахивает конъюнктурщиной, стремлением достижения определенных (по преимуществу политических) целей, а не искренним желанием превратить Росстат в современный инструмент управления обществом, который позволяет увидеть то, что есть на самом деле, а не то, что очень хочется. В сухом остатке сложно не согласиться с мнением многих экспертов, которые уже сегодня предрекают отечественной статистике не выход на передовые рубежи, а превращение в сильно зависимую организацию, занимающуюся обслуживанием политических потребностей [3].

Иллюзия № 1. Если любой представитель власти, тем более такой известный и влиятельный, как А. Силуанов, говорит об обновлении команды Росстата извне, то, видимо, для этого есть серьезные основания. Они, наверное, сводятся к тому, что внутри самого статистического ведомства работают кадры, которые почему-то не соответствуют требованиям времени. Правда, с этим трудно согласиться. Внутри центрального аппарата Федеральной службы государственной статистики сегодня трудится много профессионалов, имеющих профильное образование и большой опыт практической деятельности. На кого же их хотят заменить? На эффективных менеджеров или мастеров оптимизации чего угодно? Очень хотелось бы спросить у А. Силуанова, а знает ли он, что любые менеджеры (даже самые эффективные), чтобы не опозориться должны опираться на профессионалов. А вот где министр финансов намерен взять новую команду профессиональных статистиков, видимо, знает только он один. После фактического закрытия Московского государственного университета экономики, статистики и информатики (МЭСИ), повсеместной «успешной» оптимизации кафедр, учебных планов, аспирантуры, диссертационных советов и т.п. статистическое образование в России сжалось наподобие шагреневой кожи. Найти не только молодых, а вообще профессиональных статистиков, особенно в регионах, невозможно днем даже с огнем. Так что откуда возьмется новая и боеспособная статистическая «дружина», известно только волшебникам.

Иллюзия № 2. Предлагаемое А. Силуановым обновление принципов и методов работы вызывает недоумение. Росстат давно уже работает по многим международным методикам, которые также используются в развитых странах и почему-то не вызывают там такого недоумения по поводу полученных результатов как в России. С другой стороны, нельзя не понимать, что любые новые принципы и методы всегда упираются в финансирование. Причем финансирование не только этих принципов и методов, но и подготовки соответствующих кадров, закупки новой техники и оборудования, а также достойной заработной платы сотрудников статистического ведомства. Ведь за те гроши, что там сейчас платят, толковая молодежь работать не будет. Вот и спрашивается, а куда раньше смотрел министр финансов, почему не финансировал развитие статистической системы должным образом. Получается, что со всех сторон зависимый Росстат сам еще и виноват в том, что ему не давали денег на задуманный кем-то прорыв в области статистического обеспечения управления с заведомо положительными результатами.

Иллюзия № 3. Обвинение Росстата А. Силуановым в использовании устаревших технологий и старейших инструментов из того же ряда. Давайте денежки, и будут новые технологии и инструменты, которые, как известно, с неба не падают, а требуют должного и систематического финансирования соответствующих разработок. Правда, и здесь есть один подвох. Он сводится к тому, что применение более тонких, чутких и современных технологий и инструментов может выявить еще более серьезные противоречия и проблемы социально-экономического развития общества. В результате может получиться не подтверждение в недостоверном или лукавом [4] расчете чего-либо (например, реальных доходов населения), а наоборот, ухудшение даже тех оценок, которые были получены традиционно используемыми методами.

Иллюзия № 4. Официальная увязка требований к Росстату, связанных с реализаций национальных проектов, выглядит не просто сомнительной, а еще и дурно пахнущей. Получается, что если не надо показывать, естественно, успешное шествие национальных проектов по широким российским просторам, то и статистику можно оставить в покое. Пусть себе использует те методы, технологии и т.д., что имеет, и сопит потихоньку в две дырочки. А вот национальные проекты – это да. Это то, что в кратчайшие сроки сделает всех без исключения россиян такими же счастливыми как чиновников. Статистика – это зеркало, которое отражает то, что есть. И если мы желаем улучшать качества этого зеркала только по определенному поводу, то это явная подтасовка или имитация действительности. А почему бы А. Силуанову не подумать об улучшении технологий учета аварийного и ветхого жилья. Или это не так интересно и привлекательно, и здесь много очков не наберешь. Тогда не надо делать непродуманных заявлений, которые изначально ставят под сомнение те результаты, которые планируется достигнуть.

В заключение, хотелось бы отметить, что только комплексный анализ фактов и иллюзий, касающихся возможных направлений реформирования отечественной статистики, может поспособствовать реальному изменению ситуации и выводу Росстата на новую орбиту деятельности, где политические и прочие пристрастия не имеют никакого значения.

Список литературы

1. Колесников А. Как государство добивается от статистиков «правильных» цифр. – https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2018/12/25/790382-statistikov-tsifr
2. Хачатуров А. Решительная реформа статистики. – https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/12/25/79057-reshitelnaya-reforma-statistiki
3. Трушин А. Пересчеты к лучшему. – https://www.kommersant.ru/doc/3859851
4. Карманов М.В. Стереотип лукавой статистики: содержание, причины, последствия // Статистика и экономика. – М., 2019. – № 1. – С. 4–10.

Кефели И.Ф.[1]

БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ключевые слова: *Большая Евразия, евразийство, глобальные риски, геополитические риски, экологические риски, глобальная безопасность, геополитическая экспертиза, асфатроника, ОДКБ, Циндаоская декларация.*

Keywords: *Great Eurasia, Eurasianism, global risks, geopolitical risks, environmental risks, global security, geopolitical expertise, asfatroniks, CSTO, The Qingdao Declaration.*

1. Дискуссии по поводу геополитических контуров Большой Евразии

П.Н. Савицкий, выступая на Международном съезде историков в 1933 г. в Варшаве, достаточно четко определил эти контуры следующим образом: «Евразийцы… считают необходимым русскую историю расширить до рамок истории Евразии как особого исторического и географического мира, простирающегося от границ Польши до Великой китайской стены. Евразийцы уделили исключительно большое внимание определению географических особенностей этого мира – срединного мира старого материка – в их отличие от географической природы его западных (Европа) и южных (Азия) окраин… Устанавливая связь исторических факторов с географическими (которая отнюдь не сводится, однако, к односторонней зависимости первых от вторых), евразийцы являются обоснователями в русской науке геополитического подхода к русской истории»[2].

Осмысление феномена Большой Евразии как цивилизационного пространства по-прежнему остается дискуссионным, что подтверждается, к примеру, недавними заявлениями двух наших известных ученых-международников – В.Л. Иноземцева и А.В. Кортунова. Дело в том, что и тот, и другой предлагают рассматривать всю евразийскую тематику не в рамках транзита классического евразийства в неоевразийство, а с позиций совсем иного драйвера – не идеализировать евразийство как проявление его российского вектора, а воспринимать его с позиций глобальной трансформации политэкономической карты мира в целом. Так, один из ключевых тезисов Иноземцева звучит следующим образом: «мир начала XXI века начал вновь «инстинктивно» стремиться к биполярности: одним полюсом по-прежнему выступают Соединённые Штаты и Европейский союз (в котором более проатлантическими оказываются его восточные члены), другим – Китай и примыкающая к нему Россия… отмеченные обстоятельства привели к радикальному пересмотру если не внешнеполитических доктрин России, то, как минимум, их «идеологических» оснований и теоретических рамок, в которых принято вести обсуждение современных геополитических вызовов». По мнению Иноземцева, концепция «Большой Евразии» уязвима, поскольку она не исчерпывается только Россией и Китаем (допуская сходство их геополитических интересов) и не опирается на значимые культурно-исторические основы, тогда как концепция «Большой Европы» имеет прочный ценностно-культурный и исторический фундамент, но ей недостаёт геополитического и организационного оформления. Обе концепции, продолжает далее Иноземцев, по-своему «перекошены» в пространственном отношении: «в первом случае «Большая Европа» гипертрофированно перекашивается на Восток, так как бóльшая часть России находится в Азии; во втором – «Большая Евразия» практически не имеет ничего от Европы, коль скоро Россия объявляется наследницей монголов, а Западная Европа – «малозначимой оконечностью» этой самой Евразии». «Большая стратегия», по Иноземцеву, это:

– развитие тихоокеанского побережья России, а не пресмыкательство перед Китаем;

– сближение с Европой и Соединёнными Штатами;

– утверждение нашей исторической идентичности, культурной и цивилизационной близости России к основным геополитическим игрокам, указанным в предыдущим пункте;

Сегодня ни теория «большой Европы», ни концепт «большой Евразии» не могут являться действенными платформами для позиционирования России в глобальной политике XXI века и потому «будет печально, – завершает Иноземцев, – если оно (время утверждения идеи всестороннего союза с Западом ради того, чтобы само это понятие исчезло за ненадобностью, никогда не ставилась в центр российских «больших стратегий») придёт и застанет российских интеллектуалов внешней политики за собиранием новых конструкций из тех же кубиков, какими баловались ещё их деды»[3]. Что же касается кубиков, какими баловались «деды российских интеллектуалов», то к ним, надо полагать, Иноземцев относит основателей отечественного евразийства – упомянутого выше П.Н. Савицкого, а также С.Н. Трубецкого, Г.В. Вернадского, Н.Н. Алексеева и др. Здесь, как говорится, комментарии излишни…

---

[1] Кефели Игорь Федорович – д.филос.н., профессор, директор Центра геополитической экспертизы, Северо-Западный институт управления РАНХиГС. E-mail: geokefeli@mail.ru

[2] Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. – С. 126.

[3] https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozvrashchenie-bolshikh-strategiy/

Не менее категоричен А.В. Кортунов, который, пытаясь упредить «праведный гнев нынешних ортодоксов геополитики», заявляет: евразийский Хартленд XXI века находится там, где Макиндер видел «Внутренний полумесяц» – на территориях Китая и Индии, «по отношению к которым остальные части евразийского массива – Россия, Центральная Азия, Юго-Восточная Азия, Ближний Восток и даже протяженный европейский полуостров азиатского материка – выступают в роли континентальных лимитрофов». А раз так, то «судьбы Евразии зависят, в первую очередь, от того, как сложатся отношения в новом Хартленде – между Китаем и Индией»[1]. Однако сам Макиндер, развивая свои взгляды, сформулированные в статье «Географическая ось истории» (1904), в работе «Круглая Земля и обретение мира» («The Round World and the Winning of Peace», 1943), упоминал, что если еще в 70-х годах XIX века «Британская морская мощь и российская сухопутная мощь твердо владели центром международно-политической сцены», то уже в начале XX века появилась необходимость найти формулу для обозначения некоторых аспектов географической обусловленности хода всемирной истории с целью определения перспектив некоторых «из соревнующихся сил текущей международной политики»[2]. Макиндер упоминает, что тогда, в 1904 г., слово «хартленд» [«средоточие»] появилось впервые, «но лишь мимоходом и на правах описательного выражения, а не в качестве термина: «замена внутреннего контроля России каким-то новым его видом не вела бы к уменьшению географической значимости осевого местоположения. Если бы, к примеру, китайцы, организованные японцами, вознамерились бы разгромить Российскую империю и завоевать ее территорию, они могли бы представить «желтую опасность» для мировой свободы именно тем, что присоединили бы выход на океан к ресурсам великого континента». И далее автор четко определяет границы Хартленда: это северная и внутренняя часть Евразии (здесь она звучит как Евро-Азия), которая простирается на юг от арктического побережья до срединных пустынь, а широкий перешеек между Балтийским и Черным морями образует его западные пределы. Причем территория СССР, уточняет Макиндер, эквивалентна хартленду во всех направлениях, кроме одного – на восток от Лены («земля Лены», «Леналенд»). Эта земля не входит в Россию-хартленд [«Россию-Средоточие», Heartland, Russia]. Макиндер, полагая, что Советский Союз выйдет победителем из Второй мировой войны, однозначно заявил: «Хартленд – огромнейшая естественная крепость на земле. Впервые в истории она обеспечена гарнизоном, адекватным ей и численно, и качественно». Явным показателем способности геополитики теоретически предсказывать и обосновывать внешнюю политику и военную стратегию государств служат слова Макиндера (а речь об этом идет в 1943 г.) о необходимости открытия второго, западного фронта на основе взаимодействия Америки, Великобритании и Франции, в рамках которого первая обеспечивала бы глубину обороны, вторая служила окруженным водой передовым оплотом, а третья – удобным для обороны плацдармом, поскольку «морская мощь в своем финальном применении должна быть земноводной, если она призвана уравновесить мощь сухопутную». Более того, «необходимо, чтобы эти три победительницы [геополитик тогда об этом заявлял вполне уверенно, хотя до открытия второго фронта пришлось ждать еще целый год. – *И.К.*] и четвертая – Россия – заручились обязательством выступить сообща и немедля, если обозначится любая угроза нарушения мира». После такого посыла Макиндер впервые высказывает суждение еще об одной великой черте всемирной географии – о некоем подобии «пояса, как бы обвитого вокруг тяготеющих к Северному полюсу регионов. Он начинается с пустыни Сахара, затем, если двигаться на восток, обретает свое продолжение в арабских, иранских, тибетских и монгольских пустынях и через пустоши «земли Лены», Аляски и Лаврентийской возвышенности в Канаде дотягивается до засушливой зоны на западе Соединенных Штатов. Этот пояс пустынь и пустошей – черта первостепенной важности во всемирной географии. Внутри него обретаются два взаимно соотнесенных явления почти равной значимости: хартленд и бассейн Средиземного океана (Северная Атлантика) с его четырьмя придатками (Средиземным, Балтийским, Арктическим и Карибским морями). За пределами этого пояса – Великий океан (Тихий, Индийский и Южно-Атлантический) и земли, отдающие ему свою речную влагу (азиатские муссонные края, Австралия, Южная Америка и Африка к югу от Сахары)». Это прозрение Макиндера положило начало обоснованию геополитической концепции Римленда (Rimlend) – «Внешнего полумесяца», преемницы стратегии «Анаконды», а ныне трактуемой как «Евразийский пояс нестабильности»[3]. Поэтому предлагаемый Кортуновым «перенос Хартленда» из своего исконного ареала в новый – «между Китаем и Индией» – вряд ли может быть оправдан.

Подтверждением того, что историософские воззрения основателей евразийства, пройдя через горнило идеолого-политических ристалищ, вполне органично включаются в русло российской внешней политики и в систему международных отношений, могут служить три официальных документа последних лет. Так, в «Стратегии коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года» (от 14 октября 2016 г.) четко определена «зона ответственности ОДКБ» – это «территории государств – членов Организации, ограниченные участками государственной границы с другими государствами, не являющимися членами ОДКБ (внешними границами), включая внутренние воды, территориальное море и воздушное пространство над ними, в пределах которых обеспечиваются интересы национальной и коллективной безопасности государств – членов ОДКБ»[4].

В Концепции внешней политики Российской Федерации (от 30 ноября 2016 г.) четко различаются три региона евразийского континента – Евро-Атлантический, Евразийский и Азиатско-Тихоокеанский. В концепции стратегиче-

---

[1] http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vossoedinenie-khartlenda-geopoliticheskaya-khimera-ili-istoricheskiy-shans/

[2] Макиндер Х. Круглая Земля и обретение мира // Космополис. 2006/2007. – № 2 (16). – С. 56–69.

[3] См. подробнее: Колотов В.Н. (гл. ред.) Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки. Итоги 2016 г. – СПб.: ИПК НП-Принт, 2017. – 833 с.; Кефели И.Ф., Кузнецов Д.И. Евразийский вектор глобальной геополитики. – М.: ЮРАЙТ, 2018. – 274 с.; Кефели И.Ф. Евразийская дуга нестабильности // Армейский сборник. 2018. – № 5 (май). – С. 22–28.

[4] http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php

ской задачей в отношениях с Европейским союзом определено «формирование общего экономического и гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана на основе гармонизации и сопряжения процессов европейской и евразийской интеграции» (ст. 63). В данной концепции также закреплено следующее положение: «Россия рассматривает укрепление своих позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе и активизацию отношений с расположенными в нем государствами как стратегически важное направление своей внешней политики, что обусловлено принадлежностью России к этому динамично развивающемуся геополитическому региону, <…> и настроена на формирование… пространства совместного развития государств – членов АСЕАН, ШОС и ЕАЭС в целях обеспечения взаимодополняемости интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском и Евразийском регионах» (ст. 78, 82)[1]. Примером программного документа стратегического порядка может служить «Циндаоская декларация Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества» (от 10 июня 2018 г.), в которой, в частности, отмечается, что «государства-члены ШОС будут последовательно развивать сотрудничество в сферах политики, безопасности, торговли и экономики,… способствовать строительству международных отношений нового типа, воплощающих взаимное уважение, справедливость, равенство, взаимовыгодное сотрудничество, а также *формированию общего видения идеи создания сообщества единой судьбы человечества* (выделено автором. – *И.К.*)»[2].

2. Глобальная безопасность – область междисциплинарных исследований и стратегических разработок

Реализация рассмотренных выше проблем совместной реализации проектов «Большая Евразия» и «Большое Евразийское партнёрство» выдвигает на первый план необходимость решения двух ключевых проблем, связанных с глобальными рисками, в частности, – экологическими и геополитическими[3].

Рисунок 1.
Кольцо глобальных рисков

Что касается экологических рисков, еще предстоит осознание неизбежности перехода от концепции устойчивого развития к утверждению концепции «кризисного управления эволюцией биосферы», которая предлагает осуществление следующих первоочередных мер:

– увеличение площади биомов и водосборных бассейнов, необходимых для обеспечения управляемой эволюции биосферы, на более чем 50% поверхности суши;

– восстановление биоразнообразия на основе принципа сохранения биогеоценозов и биомов;

– деурбанизация «запечатанных» территорий (экологически упорядоченное использование пространства городов – «умные города»);

– снижение популяционного груза путём ограничения выбросов и сбросов загрязняющих биосферу веществ природного и антропогенного происхождения[4].

В свою очередь, геополитические риски в контексте обеспечения глобальной безопасности необходимо учитывать при осуществлении геополитической экспертизы различных проектов освоения евразийского пространства. Экспертизу регионов и государственных образований предваряет геополитическая экспертиза статуса государства и их коалиций. Экспертиза предполагает учет и анализ баланса потенциала и интересов государственных образований, ин-

[1] http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/ id/2542248

[2] http://www.kremlin.ru/supplement/5315

[3] The Global Risks Report 2017, 12th Edition is published by the World Economic Forum within the framework of The Global Competitiveness and Risks Team. World Economic Forum. – Geneva. – 70 p.

[4] Яблоков А.В., Левченко В.Ф., Керженцев А.С. Очерки биосферологии 1. Выход есть: переход к управляемой эволюции биосферы // Philosophy & Cosmology. 2015. – Vol. 14. – С. 92–118; Яблоков А.В., Левченко В.Ф., Керженцев А.С. Очерки биосферологии. 2. Биосфера как живая система. Об особенностях эволюционного процесса на биосферном уровне // Philosophy & Cosmology. 2016. – Vol. 17. – С. 152–175; Яблоков А.В., Левченко В.Ф., Керженцев А.С. О концепции «управляемой эволюции» как альтернативе концепции «устойчивого развития» // Теоретическая и прикладная экология. 2017. – № 2. – С. 4–8.

тегрированных в геополитические интересы коалиции. Геополитический статус *S(t)* определяется следующим соотношением:

$$S(t) = FA(t) \cdot G(t),$$

где

S(t) – статус в определенный период времени *t*

FA – «функция влияния» факторов цивилизационного, политического, идеологического порядка, не связанных непосредственно с геополитическим потенциалом.

Геополитический статус *G(t)*:

$$G(t) = 0{,}5(1 + X_м^{0{,}43})X_T^{0{,}11} X_D^{0{,}19} X_E^{0{,}27},$$

где

X_i *(i = T, D, E, M)* – доли государства (и коалиций) в общемировых показателях соответственно в территориальной, демографической, экономической и военной сферах[1].

Совместное рассмотрение экологических и геополитических рисков, имеющих непосредственное отношение к реализации грандиозных проектов построения Большой Евразии, приводит нас к необходимости признать актуальность разработки единой теории глобальной безопасности. Новая научно-технологическая картина мира, рационализирующая представления о фундаментальной принадлежности любым сложноорганизованным системам функций и структур, обеспечивающих их саморазвитие, устойчивость и надежность, должна включать и представления о *безопасности их существования, развития и функционирования*. Трансляция этих представлений в русло сугубо научных рассуждений и обоснований предполагает формирование нового научного направления в исследовании проблем глобальной безопасности – безопасности существования, развития и функционирования биологических (биосферных), социальных и больших технических систем, которым присущи общие закономерности и, соответственно, аналогичные технологические решения. Тем самым мы неизбежно подходим к разработке целостного научно-технологического знания о безопасности как атрибуте живых, социальных и технических систем. Данную область знания определим как **асфатроника** (от *греч.* ασφάλεια – безопасность и ηλεκτρόνιο – электрон). Асфатроника – научное направление в изучении феномена безопасности, основой которого выступают энерго-информационные процессы в биологических (биосферных), социальных и больших технических системах. Сюда же мы должны относить психическую, когнитивную и эмоциональную деятельность человека, для которой проблема обеспечения безопасности не менее актуальна; в таком случае видовой детализацией родового определения асфатроники предстает **асфацефатроника** (от *греч.* ασφάλεια – безопасность, τό κεφάλι – голова, ο εγκέφαλος – головной мозг, ηλεκτρόνιο – электрон). Объектом асфатроники выступает безопасность, определяемая в предельном плане как отсутствие опасности, недопустимого риска, а предметом – энерго-информационные процессы обеспечения безопасности, охватывающие все уровни организации биологических, социальных и технических систем управления (от нано- до макроуровня). Область исследований асфатроники – экологическая, военная, геополитическая, техногенная, экономическая, социальная, информационно-психологическая, когнитивная и другие виды безопасности. Глобальную безопасность следует рассматривать, не ограничиваясь только экологической проблематикой и международными отношениями. Она охватывает все многообразие функций и структур обеспечения саморазвития, устойчивости, надежности, безопасности существования био-, социо-, когно- и техносферы[2]. В систематизации представлений о Большой Евразии как цивилизационном пространстве ключевыми вопросами являются, во-первых, геополитическая экспертиза разрабатываемых проектов «Большая Евразия» и «Большое Евразийское партнёрство», во-вторых, включение государственной идеологии в сферу конституционного права как ответ на вызов гибридным войнам на пространстве создаваемой Большой Евразии и, в-третьих, разработка стратегии глобальной безопасности в условиях антропоцена как новой эпохи в геологической истории Земли[3] и разворачивающейся промышленной революции 4.0.

[1] См. подробнее: Кефели И.Ф., Малафеев О.А. Математические начала глобальной геополитики. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2013. – 204 с.

[2] См. подробнее: Кефели И.Ф., Колбанев М.О. К вопросу о становлении науки глобальной безопасности // Геополитика и безопасность. 2017. – № 4. – С. 15–21; Васильев Ю.С., Кефели И.Ф., Колбанев М.О. Роль критических технологий в обеспечении глобальной безопасности // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. 2019. – № 2. – С. 34–41.

[3] Васильев Ю.С., Кефели И.Ф., Колбанев М.О. Антропоцен и глобальная безопасность: научный прогноз В.И. Вернадского // Материалы международной научно-практической конференции «В.И. Вернадский и перспективы развития российской науки» (к 155-летию со дня рождения В.И. Вернадского), Санкт-Петербург, 12–13 марта 2018 г. / СЗИУ РАНХиГС. – СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2018. – С. 30–38.

Колин К.К.
д.т.н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ, гл.н.с. Института проблем информатики ФИЦ «Информатика и управление» РАН

БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ: ОТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА К ЦИВИЛИЗАЦИОННОМУ ПРОЕКТУ В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

***Ключевые слова**: Большая Евразия, вызовы и угрозы XXI века, глобальная безопасность, партнерство цивилизаций, системный кризис, технологическая революция, стратегия глобального развития, мировоззрение интеллектуальной элиты, научное просвещение.*

1. Актуальность проблемы

Исследования показывают, что ключевой проблемой развития цивилизации в XXI веке является *проблема обеспечения глобальной безопасности*. В последние годы эта проблема существенным образом обостряется и становится приоритетной, отодвигая на второй план все другие проблемы развития современной цивилизации[1]. Анализируя причины этой ситуации, нужно, прежде всего, указать на синергетический эффект, который обусловлен одновременным нарастанием нескольких глобальных процессов:

1. *Усиливается геополитическая напряженность между странами Востока и Запада*, что происходит одновременно в нескольких регионах мира: на Ближнем Востоке, на Украине, в Восточной и Западной Европе, на Корейском полуострове. Главной причиной этого является агрессивная геополитика США и их союзников в странах Запада, а также расширение сферы деятельности НАТО к границам России. При этом уровень геополитической напряженности сегодня очень высок и, по оценкам специалистов, может стать причиной новой мировой войны с применением оружия массового поражения[2].

2. Быстро нарастает *комплекс экологических и биосферных угроз* глобального характера, обусловленных все более масштабной техногенной деятельностью человека[3]. Их результатом становится разрушение жизненно важных экосистем планеты, а также изменение глобального климата и деструктивные экологические процессы в мировом океане.

3. В *демографической сфере общества* происходят серьезные перемены, обусловленные ростом численности населения, особенно в странах Азии и Африки, которые сегодня являются экономически наименее развитыми и имеют низкий уровень образования. Потоки мигрантов из этих стран в Европу существенно повышают уровень социальной напряженности в этом важнейшем регионе мира.

4. Усиливается *социальное расслоение общества*, которое происходит повсеместно, даже в экономически развитых странах. При этом средний класс сокращается, а уровень бедности возрастает, что является одной из основных причин социальных потрясений во многих странах.

5. Нарастают *негативные тенденции* в *гуманитарной сфере* общества, связанные с деградацией базовых духовных ценностей, потребительской ориентацией общественного сознания, а также утратой многих достижений мировой культуры, которая сегодня переживает системный кризис[4].

6. Тревожные явления стали наблюдаться также и в *духовно-нравственном, интеллектуальном и биологическом развитии человека.* Под натиском происходящих в мире глобальных перемен, он все больше утрачивает свои подлинно человеческие качества. По имеющимся прогнозам, эти перемены могут привести к такому изменению человека, которые в будущем не позволят признать представителей этого вида людьми в первоначальном смысле этого слова[5].

7. *Новая технологическая революция* создает беспрецедентные возможности для решения многих глобальных проблем развития цивилизации и самого человека. Однако современное общество оказалось не готовым для использо-

[1] Колин К.К. Новая стратегия ООН в области устойчивого развития и глобальная безопасность // Стратегические приоритеты. 2018. – № 3. – С. 22–27.

[2] Кошкин Р.П. Геополитическая обстановка и вопросы глобальной безопасности // Стратегические приоритеты. 2018. – № 2. – С. 12-24.

[3] Колин К.К. Глобальные угрозы развитию цивилизации в XXI веке // Стратегические приоритеты. 2014. – № 1. – С. 6–30.

[4] Колин К.К. Системный кризис культуры: структура и содержание проблемы //Стратегические приоритеты. 2014. – № 3. – С. 6–38.

[5] Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. – М.: АСТ, 2004. – 349 с.

вания этих возможностей по причине доминирующего мировоззрения, а также в результате снижения общего уровня образования и культуры[1].

Таким образом, в настоящее время человечество находится перед лицом целого комплекса глобальных проблем, вызовов и угроз, многие из которых представляют собой серьезную опасность для дальнейшего развития мировой цивилизации. Масштабы этих вызовов и угроз таковы, что ни одна, даже самая могущественная держава, противостоять им не может. Именно поэтому сегодня и возникает настоятельная потребность в партнерском сотрудничестве различных стран в решении общих для них проблем обеспечения национальной и глобальной безопасности. Большая Евразия является наглядным примером формирования одного из таких новых цивилизационных союзов, образование которого означает конец эпохи однополярного мира, которая уходит в прошлое.

В настоящее время процесс интеграции стран Большой Евразии ориентирован, главным образом, на установление между ними торгово-экономических связей. В то же время процессы научно-технологического взаимодействия и сотрудничества в гуманитарной сфере еще находятся в начальной стадии и не имеют системного характера. Это не позволяет объединить и эффективно использовать потенциал стран Большой Евразии для решения общих проблем, а также для противодействия глобальным вызовам и угрозам XXI века, которые все более активно проявляют себя в сфере геополитики, экологии, демографии и безопасности.

Структура этих угроз в сжатом виде представлена в табл. 1, а более подробно она рассмотрена в одной из наших публикаций[2].

Таблица 1

Современная структура угроз для глобальной безопасности

Области проявления угроз	Источники и причины угроз
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ГЕОПОЛИТИКА	Агрессивная геополитика США и стран Запада
	Милитаризация экономики и торговля оружием
	Новые виды оружия, милитаризация космоса
	Международный терроризм и экстремизм
	Информационные и гибридные войны, кибертерроризм
	Региональные военные конфликты
	Возрождение идеологии фашизма
СРЕДА ОБИТАНИЯ ЧЕЛОВЕКА	Истощение запасов природных ресурсов и жизненно важных экосистем
	Либеральная капиталистическая экономика и концепция непрерывного экономического роста
	Низкая экологическая культура обществ
	Антропоцентрическое мировоззрение
ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО	Быстрый демографический рост и миграция
	Социальное расслоение, бедность и голод
	Системный кризис культуры
	Манипуляции общественным сознанием
	Нравственная и интеллектуальная деградация личности
	Биологические изменения организма человека
	Отсутствие глобальной системы управления развитием цивилизации

2. Стратегия обеспечения глобальной безопасности

Исследования показывают, что для дальнейшего безопасного развития цивилизации в XXI веке мировому сообществу крайне необходима комплексная ***Стратегия глобальной безопасности***. Именно *стратегия безопасности*, а не стратегия устойчивого развития, как это принято считать в настоящее время, так как задачи развития можно эффективно решать лишь в условиях, когда обеспечена безопасность. Основными направлениями реализации этой Стратегии являются следующие:

1. Обеспечение глобальной военной безопасности.
2. Создание глобальной системы управления развитием цивилизации.
3. Преодоление глобального экологического кризиса.
4. Преодоление системного кризиса современной культуры.
5. Предупреждение прогнозируемого антропологического кризиса.

Анализ показал, что каждое из этих направлений является комплексным и включает в себя целый ряд достаточно сложных задач, из числа которых должны быть выделены приоритетные. Пример такого подхода для обеспечения глобальной военной безопасности представлен в табл. 2.

[1] Колин К.К. Мир в XXI веке: становление новой цивилизации // Researcher. European journal of Humanities & Social Science. 2019. – N 2.

[2] Колин К.К. Глобальные угрозы развитию цивилизации в XXI веке // Стратегические приоритеты. 2014. – № 1. С. 6–30.

Таблица 2

Структура и приоритеты глобальной военной безопасности

№ пп	Основные угрозы	Приоритетные задачи военной безопасности
1	Агрессивная геополитика США и стран НАТО	Многополярный мир и военное геополитическое равновесие. Вывод войск США из Европы и других стран. Отвод войск НАТО от границ России. Сокращение военного потенциала НАТО.
2	Распространение оружия массового поражения	Сокращение мировых запасов ядерного оружия Международный запрет оружия массового поражения Уничтожение оружия массового поражения
3	Избыточный военный потенциал армий	Сокращение армий и вооружений Запрет торговли оружием Демилитаризация экономики
4	Международный терроризм и экстремизм	Создание международной коалиции для борьбы с терроризмом. Искоренение терроризма.
5	Информационная война и кибертерроризм	Международная стратегия информационной безопасности и противодействия кибертерроризму. Культура информационной безопасности.
6	Новые виды оружия, милитаризация космоса	Международный запрет на разработку новых видов оружия и милитаризации космического пространства
7	Региональные войны и вооруженные конфликты	Международная стратегия искоренения войн. Уголовная ответственность за военную агрессию. Создание Международного трибунала для военных преступников.

3. Проблема консолидации мирового сообщества для решения проблем глобальной безопасности

Анализ проблем глобальной безопасности показывает, что их значимость, масштабы и сложность требуют безотлагательных, и эффективных действий по их решению со стороны всего мирового сообщества. К сожалению, таких действий пока не наблюдается. Анализ новой Стратегии в области устойчивого развития на период до 2030 г., принятой ООН в 2015 г., показал, что она не охватывает целого ряда важнейших проблем и угроз природного, гуманитарного и информационного характера и, кроме того, подготовлена на весьма низком научно-методологическом уровне. Поэтому надеяться, что 17 глобальных целей этой Стратегии к 2030 г. будут достигнуты, просто не приходится. Тем более что она носит рекомендательный характер, и поэтому конкретных планов и программ по ее практической реализации пока не осуществляется ни на международном, ни на национальном уровне.

Главными преградами на пути решения проблем глобальной безопасности сегодня являются следующие:

- *Разобщенность мирового сообщества*, при котором отдельные государства и их региональные сообщества озабочены лишь собственными текущими проблемами, главным образом, социально-экономического характера;
- *Потребительская ориентация стратегии развития современного общества*, в которой доминирует либеральная концепция экономического роста рыночной экономики, основанной на эксплуатации человека и природных ресурсов;
- *Отсутствие системы глобального прогнозирования*, *планирования и управления*, которая могла бы дать мировому сообществу адекватное представление о том, что его ожидает в ближайшем будущем, уже в первой половине текущего века, если существующая стратегия развития глобальной цивилизации сохранится;
- *Низкий интеллектуальный и духовно-нравственный уровень* многих современных национальных лидеров, а также руководителей крупных промышленных корпораций и международных организаций.

К сожалению, эффективных мер для преодоления указанных выше преград на международном уровне пока не предпринимается. Поэтому, не только Стратегия, но даже Концепция обеспечения глобальной безопасности мировым сообществом до сих пор не разработаны[1].

В то же время, учеными России в последние годы предпринимаются конкретные шаги для того, чтобы привлечь внимание мировой общественности к этим проблемам и предлагаются пути их решения. Так, например, в 2015 г. в России создан *Ялтинский цивилизационный клуб* – новая общественная организация, главная цель которой состоит в том, чтобы содействовать искоренению войн и международного терроризма, а также формированию партнерства цивилизаций для решения общих проблем безопасности и становления многополярного мироустройства.

Подготовлены два доклада этого Клуба, в которых представлены результаты анализа современной геополитической и экономической ситуации и сформулированы конкретные предложения по консолидации мирового сообщества для решения проблем глобальной безопасности. Основные положения первого из этих докладов были представлены на Международном конгрессе «Глобалистика-2017» (Москва, 25–30 сентября 2017 г.). С этой целью в рамках данного Конгресса состоялся XII Цивилизационный форум «Стратегия становления устойчивого многополярного мироустройства на базе партнерства цивилизаций»[2].

---

[1] Колин К.К. Стратегическое управление как фактор национальной и глобальной безопасности // Стратегические приоритеты. 2017. – № 1. – С. 6–30.

[2] Стратегия становления устойчивого многополярного мироустройства на базе партнерства цивилизаций: доклад Ялтинского цивилизационного клуба. Электронное научное издание / Научный редактор Ю.В. Яковец, редактор Е.Е. Растворцев. – М.: МИСК, 2017. – 825 с.

Второй Доклад Ялтинского цивилизационного клуба посвящен проблематике интеграционных процессов на пространстве Евразии. Его содержание обсуждалось на VI Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы глобальных исследований» (Москва, 5–6 июня 2019 г.).

4. Стимулы и факторы интеграции стран Большой Евразии

Специалисты в области психологии утверждают, что лучше всего людей объединяет общая беда, общая радость и общее дело. Наглядными примерами здесь являются процессы объединения людей перед лицом общей опасности в период природных и социальных катаклизмов, войн и революций, которые происходили ранее в мировой истории и которые мы можем наблюдать и в настоящее время.

На уровне стран и народов важными стимулами для интеграции являются их общая судьба, т.е. историческое прошлое и прогнозируемое совместное будущее. История показывает, что ключевым фактором, который определяет тот или иной выбор пути дальнейшего исторического развития каждой страны или ее народа, являются те базовые духовные ценности, которые в них доминируют на уровне коллективного подсознания. Именно это и стимулирует сегодня процесс объединения и сотрудничества государств Большой Евразии, имеющих различную культуру, религии, языки и традиции.

В современной геополитической ситуации главным стимулом для интеграции стран Большой Евразии является стремление их народов к сохранению своей национальной идентичности, которая в последние годы целенаправленно разрушается апологетами концепции неоглобализма с использованием экономических, геополитических, информационных и военных средств воздействия[1]. Именно этот фактор, а не развитие торгово-экономических связей, будет определять в XXI веке магистральное направление развития интеграционных процессов в многополярном мире, который уже формируется.

Можно уверенно прогнозировать, что эти процессы будут развиваться в направлении перехода от экономических связей к геополитическим и далее – к цивилизационному партнерству, основанному на общности глобальных целей развития и базовых духовных ценностей[2].

В ближайшей и среднесрочной перспективе главной целью евразийской интеграции должно стать противодействие тем угрозам для военной безопасности, которые были рассмотрены выше и приведены в табл. 2. Здесь очень важно не допустить вооруженных конфликтов с применением ядерного оружия, опасность которых в последние годы нарастает на уровне региональных обострений геополитической ситуации на Ближнем Востоке[3].

Для радикального решения этой проблемы, учитывая низкую дееспособность Совета Безопасности ООН, представляется целесообразным создание геополитического союза стран Большой Евразии (например, путем расширения состава стран ШОС), а также создание Оборонительного военного союза четырех ядерных держав – России, Китая, Индии и Пакистана. Этот Союз должен стать мощным сдерживающим фактором для любых потенциальных агрессоров и, прежде всего, для воинствующих политических лидеров с США, Великобритании и других странах НАТО.

5. Гуманитарные и информационные аспекты интеграции стран Большой Евразии

Главным необходимым условием успешности процесса более углубленной цивилизационной интеграции стран Большой Евразии, которая уже сегодня необходима для решения многих глобальных проблем, включая предотвращение глобальной экологической катастрофы, является *доверие между народами этих стран*, которые имеют различные языки, религии и культуру и в настоящее время еще плохо знают друг друга[4].

Для решения этой проблемы необходимо энергично развивать широкомасштабное гуманитарное сотрудничество между этими странами в самых различных сферах жизнедеятельности общества. Приоритетными направлениями здесь могут стать здравоохранение, образование, наука и культура, проблемы воспитания нового поколения людей в условиях становления глобального информационного общества[5].

Для этого необходимо будет найти решение проблемы многоязычия в информационном обществе, а также снизить уровень информационного и образовательного неравенства, которое сегодня нарастает во многих странах и становится острой глобальной проблемой. Научно-методологический и технологический потенциал для решения этой проблемы сегодня имеется в России, Китае и Индии. Так, например, существующая в Индии система из 13 информационных технопарков, в сочетании с 75 зонами технологического развития Китая и уже создаваемыми новыми научно-технологическими и образовательными центрами России – все это может и должно стать базой для решения многих проблем социально-экономического и информационного развития стран Большой Евразии. При этом будет обес-

---

[1] Колин К.К. Неоглобализм и культура: новые угрозы для национальной безопасности // Знание. Понимание. Умение. 2005. – № 2. – С. 104–111.

[2] Астафьева О.Н., Колин К.К. Концептуальные основы государственной политики в области духовной культуры для обеспечения единства российского народа и национальной безопасности Российской Федерации. – Челябинск, 2010. – 67 с.

[3] Колин К.К. Предотвратить новую мировую войну – главная задача человечества в XXI веке // Стратегические приоритеты. 2017. – № 2. – С. 4–8.

[4] Кошкин Р.П. Парадигма доверия в геополитике как фактор глобальной безопасности // Стратегические приоритеты. 2017. – № 3. – С. 16–32.

[5] Соколов И.А., Колин К.К. Новый этап информатизации общества и актуальные проблемы образования // Информатика и ее применения. 2008. – Т. 2, № 1. – С. 67–76.

печена не только технологическая самодостаточность этих стран, но также их безопасность перед лицом глобальных вызовов и угроз XXI века.

6. Гуманитарные аспекты новой технологической революции

Исследования показывают, что использование достижений новой технологической революции может радикальным образом содействовать решению многих проблем глобальной безопасности[1]. Одной из них является сокращение природных запасов углеводородов, на использовании которых основана вся современная энергетика. Борьба за доступ к этим ресурсам и является сегодня главной причиной геополитической напряженности в нескольких регионах современного мира, в особенности, на Ближнем Востоке.

Массовый переход к *«зеленой энергетике»*, основанной на использовании альтернативных источников энергии и, прежде всего, солнечной энергии, может навсегда снять эту проблему с повестки дня и, таким образом, устранить одну из важнейших причин геополитического противоборства в современном мире. Сегодня наиболее активно практические работы в этой области ведутся в Западной Европе, а их лидером является Германия, которая планирует уже к 2020 году обеспечить за счет *«зеленой энергетики»* около 30% своих энергетических потребностей[2].

В ближайшие годы мировым лидером в области альтернативной энергетики может стать Китай. За последние четыре года он увеличил производство солнечной энергии в 20 раз, а к середине XXI века планирует получать 80% энергии из возобновляемых источников. Современный уровень технологических решений в области «зеленой энергетики» позволяет создавать распределенные интеллектуальные энергетические системы муниципального и регионального уровня. Генерация электроэнергии в них осуществляется на основе использования солнечной энергии непосредственно в местах ее потребления, т.е. в жилых домах, на промышленных предприятиях и т.п. Это создает технологическую основу для перехода к *«горизонтальной» структуре экономики,* радикально изменяет всю систему организации промышленного производства, создает новые стимулы для развития малого и среднего бизнеса и сельского хозяйства.

Естественно, это повлечет за собой и очень важные социальные перемены. Так, можно ожидать *снижение уровня урбанизации общества*, которая является сегодня одной из доминирующих тенденций развития цивилизации и представляет одну из глобальных проблем этого развития. Кроме того, широкий доступ к неисчерпаемым энергетическим ресурсам создает принципиально новые возможности для решения *экологических проблем*, повышения качества жизни людей, сокращения безработицы и восстановления жизненно важных экосистем нашей планеты.

Гуманитарная проблема состоит в том, сумеет ли человек использовать эти новые возможности или же, как и ранее, направит их для военных целей.

Заключение

Для решения общих глобальных проблем странам Большой Евразии необходимо безотлагательно перейти к формированию и реализации нового цивилизационного проекта *«Большая Евразия – партнерство цивилизаций для глобальной безопасности».*

Первоочередными шагами на пути реализации этого Проекта должны стать:

– Формирование и реализация Евразийского научно-образовательного проекта *«Новое мировоззрение»*, инициатором которого может стать Россия;

– Создание Евразийского телевизионного канала *«Голос Евразии»* (при головной роли Китая, России и Индии);

– Создание системы *Евразийских аналитических центров* и *Евразийских гуманитарных университетов*, ориентированных на изучение проблем глобальной безопасности и подготовку лидеров интеллектуальной элиты стран Большой Евразии.

Реализация этих мероприятий позволит создать основу системы научно-методологической и экспертной поддержки процесса интеграции стран Большой Евразии как нового цивилизационного образования многополярного мира.

[1] Колин К.К. Структура и приоритеты глобальной безопасности // Стратегические приоритеты. 2017. – № 4. – С. 13–33.

[2] Рифкин Дж. Третья промышленная революция. Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом. – М.: Альпина нон-фикшн, 2015. – 410 с.

Комлева Н.А.
д.полит.н., профессор, директор Центра геополитического анализа, г. Екатеринбург
komleva1@yandex.ru

ГЛОБАЛЬНОЕ ДОМИНИРОВАНИЕ: КАКАЯ ГЕОЦИВИЛИЗАЦИЯ СМЕНИТ ЗАПАДНУЮ?

Ключевые слова*: цивилизация, геоцивилизация, глобальное доминирование, доминирующая цивилизация, единоличное глобальное доминирование, дисперсное глобальное доминирование.*

Keywords*: civilization, geocivilization, global dominance, dominant civilization, the sole global dominance, dispersed global dominance.*

Внятного определения понятия «геоцивилизация», на наш взгляд, в научной литературе на сегодняшний день нет, хотя само это понятие и попытки определения его содержания присутствуют в научных публикациях таких авторов, как И.Ф. Кефели, О.Г. Леонова, А.Н. Харин, О.Н. Плебанек, С.В. Васильев. В «Философской энциклопедии» находим: «ЦИВИЛИЗАЦИЯ (от лат. civilis – гражданский, государственный) – одна из основных единиц исторического времени, обозначающая длительно существующее, самодостаточное сообщество стран и народов, своеобразие которого обусловлено социокультурными причинами»[1]. Исходя из данного определения цивилизации, геоцивилизация может быть позиционирована как цивилизация, взятая в единстве с географическими условиями её становления, развития и функционирования. Таким образом, конечная дефиниция понятия «геоцивилизация» может быть представлена следующим образом: **ГЕОЦИВИЛИЗАЦИЯ – это совокупность социумов, имеющих общие географические параметры формирования и функционирования, единую в своих основных характеристиках экономическую и политическую систему, а также общие базовые ментальные ценности.** Говоря другими словами, основные геополитические пространства конкретной геоцивилизации имеют единые базовые параметры.

В институционально-политическом смысле геоцивилизация представляет собой совокупность государств различной степени развитости и влиятельности. Закон геополитического дуализма предполагает деление государств на две больших группы, противостоящих друг другу в рамках геополитического процесса: это государства Моря и государства Суши. Основанием такого деления служит тот факт, что геополитические пространства государств с доминированием «закрытого» объёма суши и с преобладающей открытостью морям и океанам – различны по своей структуре и по технологиям их освоения. Стержень геоцивилизации, согласно данному закону, составляют не одна, а две сверхдержавы: сверхдержава Моря и сверхдержава Суши, выражающие её основные параметры в наибольшей мере и потому определяющие способы и результаты взаимодействия государств внутри данной геоцивилизации, а также основные характеристики коммуникаций данной геоцивилизации с другими геоцивилизациями данной эпохи. При этом феномен мирового господства, или глобального доминирования, может быть определён как абсолютный контроль всех геополитических пространств[2] со стороны одного и того же актора – в данном случае со стороны одной и той же геоцивилизации, которую мы будем называть доминантной.

Итак, **доминантной является геоцивилизация, осуществляющая абсолютный контроль всех геополитических пространств в глобальном масштабе.**

Важно подчеркнуть, что глобальное доминирование определённой геоцивилизации базируется на её превосходящей совокупной экономической, военной и идеологической мощи, что подкрепляется укоренённой в информационно-идеологическом пространстве данной геоцивилизации идеей её избранности (исключительности). Идея избранности продуцирует доктрину и практику мессианства данной геоцивилизации и является психологической базой формирования её пан-идеи[3], создавая тем самым ментальную базу осуществления геополитической экспансии.

Относительно западной геоцивилизации можно сказать, что идея её избранности сформировалась прежде всего на основе христианского мессианизма и в наиболее полной форме выражена в геополитических практиках англосаксов. «Когда читаешь книги западноевропейских путешественников, отважно бросившихся покорять континенты, то поражает прежде всего … стальная, несокрушимая уверенность пилигрима в себе, взгляд на все эти необозримые цар-

[1] Философская энциклопедия. Статья «Цивилизация» // Академик. Словари и энциклопедии на Академике. – http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1354

[2] Автор выделяет четыре основных геополитических пространства: географическое, экономическое, информационно-идеологическое и информационно-кибернетическое.

[3] Ключевым институтом глобального доминирования в идеологическом пространстве является так называемая пан-идея (термин К. Хаусхофера), т.е. мировоззренческая система, представляемая в качестве универсальной. Пан-идея, по нашему мнению, определяет систему принципов, на базе которой сверхдержава строит соответствующую ее интересам систему международных отношений. При этом важно подчеркнуть, что пан-идея не будет эффективно исполнять свою роль инструмента обеспечения мирового господства без редуцирования к простому и даже простейшему своему варианту.

ства … как на своего рода миражи, которым ещё предстоит знакомство с подлинно значимым миром – западноевропейским»[1].

В настоящее время доминантной геоцивилизацией является геоцивилизация, которая по классификации С. Хантингтона[2] именуется западной. Её сверхдержавой являются США, и эта сверхдержава Моря на данный исторический момент не имеет противостоящей ей сверхдержавы Суши.

В институционально-политическом аспекте рассмотрения в разные исторические эпохи сверхдержавами западной цивилизации были различные государства: Испания – Нидерланды – Великобритания – США (Море), Франция – Германия – Россия/СССР (Суша). Но неизменным оставалось одно: именно данная геоцивилизация превратила ойкумену в глобальный мир, формировавшийся с эпохи Великих географических открытий до так называемой глобализации рубежа XX–XXI веков, и именно она положила начало феномену глобального доминирования как такового, а пары глобальных сверхдержав Моря и Суши сменялись лишь внутри данной геоцивилизации, и никогда за более чем 500 лет её глобального доминирования геополитический дуализм сверхдержав не выходил за эти рамки. Противостояние США (сверхдержава Моря) и СССР (сверхдержава Суши) во второй половине прошлого века, на наш взгляд, происходило внутри западной цивилизации, поскольку марксистский проект общественного переустройства, реализованный в СССР и государствах мировой системы социализма, являлся западноевропейским по своему происхождению и содержанию и был дополнен ценностями восточно-христианского (православного) варианта доминирующей европейской религии. «Советский Союз был настолько же продуктом западной цивилизации, насколько и Соединённые Штаты. Его основная идеология имела во многом то же викторианское происхождение, как и национализм, неприятие рабства, избирательное право для женщин – она родилась в старом круглом читальном зале Британской библиотеки. И её географическое распространение было продуктом европейской экспансии и колонизации не в меньшей степени, чем колонизация Америки»[3].

Глобальное доминирование, или мировое господство, западной цивилизации, длится уже более 500 лет, если отсчитывать его от 1492 г. (открытие Колумбом Америки и вследствие этого постепенное превращение западной цивилизации в глобальную). Но сегодня этому доминированию приходит конец, точнее – «начало конца». Западная геоцивилизация 1) исчерпала собственные ресурсы развития и «занимает» их в других регионах мира; 2) её базовые ценности – христианская парадигма – активно замещаются нормами гедонистического потребления и политкорректной толерантности. В начале 2000-х годов П. Бьюкенен указал «точки краха» западной цивилизации[4]. Говоря обобщённо, это: 1) упадок общественной морали и вымывание высших культурных ценностей из структуры массового сознания, что сопровождается разрушением основ христианской культуры, базовой для геоцивилизации Запада; 2) гедонистическое потребление как цель и смысл жизни индивида; 3) растущее недоверие и даже презрение к правящему классу и олицетворяющим его власть политическим институтам; 4) возрастающий этнический, а значит, и культурный, раскол в западных обществах, в том числе по причине большого числа мигрантов, не старающихся вписаться в культурный код принимающих западных стран, постепенная утрата реального государственного суверенитета под напором массовой миграции; 5) крах традиционной семьи, низкая рождаемость в сочетании с ростом продолжительности жизни (старением западных наций).

Однако **главный аспект упадка западной геоцивилизации – потеря ценностного доминирования, т.е. размывание того системного ценностного базиса, который лежит в основе западной пан-идеи** открытых конкурентных социальных систем, обеспечивающих высокий уровень политического участия, социальной защиты и вертикальной социальной мобильности.

К тому же современная западная цивилизация в буквальном смысле стала опасной для человека как биологического вида и как социального актора. Разработка технологий прямого контроля поведения индивида посредством вживлённых чипов и даже перенесения личности на электронный носитель[5], проекты создания «гипновидения» (передача образов непосредственно в мозг, создание виртуальной реальности, неотличимой от действительной[6]), целенаправленное формирование «служебного класса людей»[7] – это упразднение созданного в рамках западной же цивилизации феномена и понятия прав человека, во всяком случае, так называемых естественных прав, вытекающих из базового в данном случае понятия/феномена природы человека. Активизируется возможность создания абсолютно контролируемой эволюции человека[8]. Постулируется возможность любых форм социального поведения, даже девиантных. А что же религия, нормы которой являются базой нравственности как индивида, так и общества в целом и определяют границы допустимого и недопустимого? Религия признаётся разновидностью психического заболевания – на

---

[1] Уткин А.И. Подъём и падение Запада. – М.: АСТ: АСТ Москва, 2008. – С. 33.

[2] См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций; [пер. с англ. Т. Велимеева] – М.: АСТ, 2015. – 571 с.

[3] Ferguson N. Civilization. The West and the Rest. – L., 2011. – P. 15.

[4] См.: Бьюкенен П. Смерть Запада [перевод с англ. А. Башкирова; послесловие А. Столярова]. – Москва; Санкт-Петербург: АСТ Terra fantastica, 2003. – 444 с.

[5] FAQ по трансгуманизму. // Официальный сайт Российского трансгуманистического движения. – http://transhuman.ru/faq#transhuman

[6] Третьяков В.Т. Коммунизм не утопия, он будет построен. Но каким он будет? // Свободная пресса. 12 апреля 2016 г. – http://svpressa.ru/society/article/146455/

[7] Ковальчук М.В. «Некая элита пытается поработить планету и вывести новую “породу” людей». Выступление на заседании Совета Федерации 30 сентября 2015 г. (полный текст) // AfterShock. Информационный центр. – http://aftershock.news/?q=node%2F370841#.VsMK2HAUq4E

[8] См.: Эстулин Д. Трансэволюция. Эпоха разрушения человека. – М.: Книжный мир, 2015. – 352 с.

уровне Американской психиатрической ассоциации[1]. Запад, повторимся, стал опасен для общепланетарной цивилизации в целом и для каждого индивида в отдельности.

С. Хантингтон утверждает: «Запад есть и еще долгие годы будет оставаться самой могущественной цивилизацией. И все же его могущество по отношению к другим цивилизациям сейчас снижается»[2].

Если предсказания и прогнозы ведущих аналитиков современной западной геоцивилизации верны, и её упадок в конечном итоге приведёт к разложению и гибельному снижению уровня её глобального влияния, а затем и к его утрате, тогда какая же геоцивилизация придёт на смену западной и станет новой доминантной глобальной геоцивилизацией?

Представляется, что доминантные геоцивилизации, как и лидеры в любых других сферах, появляются тогда, когда формируется чётко выраженный социальный запрос – в данном случае глобального характера – который может реализоваться только посредством актора, обладающего соответствующими имманентными качествами и необходимым объёмом совокупной мощи. Запрос на смену доминантной геоцивилизации в настоящее время сформировался, и это запрос на бОльшую меру справедливости в социуме и в глобальной системе международных отношений, а также запрос на новые, более высокие ценности, укоренённые в массовом сознании. Геоцивилизация, отвечающая данным требованиям уже сейчас или постепенно формирующая их системно на уже имеющейся прочной основе, и будет следующей глобальной доминантой.

По нашему мнению, **следующей доминантной геоцивилизацией будет исламская.** Однако её доминирование наступит не непосредственно вслед за доминированием Запада, но после довольно длительного исторического периода «дисперсного глобального доминирования» нескольких геоцивилизаций одновременно, или, по другой терминологии, после стадии «многополярного мира». История, в том числе и история геоцивилизаций, циклична: вслед за циклом дисперсного глобального доминирования (ДГД), когда глобальные в точном смысле слова геополитические пространства не сформировались, и сверхдержавы «ойкумены» Древнего мира и Средневековья вплоть до начала эпохи Великих географических открытий имели фактически региональный статус («цивилизации были разделены временем и пространством»[3], пришёл этап собственно глобального доминирования одной геоцивилизации – западной, которая и сформировала мир как глобальный (ЕГД), затем наступит третий этап – вновь дисперсный (ДГД-2)[4], а за ним, на четвёртом этапе, вновь установится единоличное глобальное доминирование (ЕГД-2). Впоследствии циклы дисперсного и единоличного глобального доминирования вновь будут сменять друг друга на протяжении всего периода времени, которое будет отпущено человечеству для жизни. Примерное время существования указанных этапов: ДГД-1 – рубеж IV–III вв. до н.э. – конец XV в. н.э., ЕГД-1 – конец XV в. н э.- конец XXI в. н.э., ДГД-2 – конец XXI в. н.э. – середина XXIV в. / начало XXV н.э., ЕГД-2 – середина XXIV в. / начало XXV н.э. – XXVII/XXVIII в. н.э. Третий этап, т.е. ДГД-2, будет кратко охарактеризован ниже. Что касается четвёртого этапа, т.е. ЕГД-2, то «ключи от будущего развития человечества лежат в мусульманских странах»[5].

Вначале охарактеризуем отличительные черты исламской геоцивилизации, а затем изложим свои доводы в пользу прогноза о её грядущем глобальном доминировании.

Первое. Исламская цивилизация – вторая после христианской по признаку присутствия в глобальном географическом пространстве (географической распространённости). Мусульманские общины имеются более чем в 120 странах мира и объединяют до 1,8 млрд. человек. В 35 странах мусульманами является большая часть населения, а в 29 странах последователи ислама представляют собой влиятельные меньшинства. В 28 странах ислам признан государственной или официальной религией. 18% мусульман живёт в арабских странах. Ислам является второй по численности религией в мире (после христианства), а также самой быстро распространяющейся религией планеты[6].

Второе. В экономическом пространстве исламской геоцивилизации, с точки зрения западного человека, действуют весьма своеобразные принципы. Подавляющая их часть так или иначе базируется на требованиях религии и морали в отличие от распространённой на современном Западе и в глобализированной экономике в целом практики циничного использования человеческих пороков и слабостей для получения как можно большей прибыли в процессе производства материальных и духовных благ, а также в сфере торгового обмена.

В так называемой «исламской экономике», т.е. в экономической системе, формирующейся и функционирующей на основе особого раздела шариатского права, общественное благо доминирует над частным. Природные ресурсы могут быть только общенациональным богатством.

Третье. В информационно-идеологическом пространстве современный ислам постепенно выигрывает соревнование с сегодняшней западной геоцивилизацией, опираясь на ценности социальной справедливости, приоритета общественного блага и традиционной семейной морали, в значительной мере утраченные западными социумами. В частности, именно на этой системе ценностей строится пропаганда Исламского государства, или ДАИШ, и прочих радикальных организаций в рамках так называемого «исламского экстремизма». Вербовка в ряды боевиков запрещённой в

---

[1] American Psychological Association to Classify Belief in God as a Mental Illness // The NewsNerd. – http://www.thenewsnerd.com/health/apa-to-classify-belief-in-god-as-a-mental-illness/

[2] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций; [пер. с англ. Т. Велимеева]. – М.: АСТ, 2015. – С. 24.

[3] Там же, с. 59.

[4] В данном случае дисперсное глобальное доминирование, в условиях уже сформированных глобальных геополитических пространств, будет вызвано недостаточностью совокупной мощи каждой геоцивилизации для осуществления ею единоличного глобального доминирования.

[5] Ивашов Л.Г. Россия в геополитическом контексте XXI века. // Геополитика и безопасность. 2010. – № 4 (12). – С. 24.

[6] Мусульманство (Ислам) // Мечеть Мукарама [сайт]. – http://mukarama.ru/islam.php

России и ряде других стран экстремистской группировки Исламское государство граждан государств, принадлежащих к западной геоцивилизации, имеет первопричиной, как утверждается в аналитическом материале Российского совета по международным делам (2016 г.), «духовный кризис секулярной культуры эпохи постиндустриализма». Современная западная цивилизация не может дать ответ на вопрос о смысле жизни индивида, если только это не гедонистическое потребление разнообразных благ, преимущественно благ материального характера. В отличие от этого «фундаменталистская идеология строго определяет цель в жизни, создает ощущение сопричастности чему-то большему, чем индивид», при этом «молодые радикалы обретают в идее джихада стройную систему ценностей, которую они не смогли найти в своей родной стране», в том числе «романтику исламского братства»[1].

Не забудем при этом, что в исламе в качестве одного из базовых понятий существует понятие «умма», т.е. единая общность мусульман вне их этнической принадлежности и имущественного статуса. Это не означает, что все мусульмане мира живут без разногласий и даже конфликтов, в том числе вооружённых, но это значит, что понятие и феномен уммы являются базовым фактором обеспечения единства исламской геоцивилизации. Для мусульманина первостепенное значение имеет его религиозная принадлежность, его умма, а уже затем – этнические, имущественные, образовательные и иные социальные характеристики.

В религиозно-идеологическом смысле, тем не менее, исламская геоцивилизация является разделённой. Религиозный раскол на шиитов и суннитов, произошедший в VIII в. внутри идеологического пространства исламского мира, можно сравнить с Великой схизмой XI в. внутри мира христианского. Но если христианский мир в данный момент своего существования эту схизму преодолевает (снятие взаимных анафем в 1965 г., встреча Патриарха Московского и всея Руси Кирилла с Папой Римским Франциском в феврале 2016 г. и подписание Совместного заявления по итогам встречи, где были впервые сформулированы принципы взаимодействия двух ветвей христианской Церкви в современный период[2]), то сунниты и шииты пока непримиримы. Эта непримиримость целенаправленно и очень успешно поддерживается специальными геополитическими технологиями, применяемыми Западом.

Несмотря ни на что, на наш взгляд, **пан-идея исламской геоцивилизации вполне сформирована, причём эта идея в своей основе едина для суннитов и шиитов: это идея всеобщей социальной справедливости и соблюдения традиционных норм нравственности.** Нельзя сказать, что официальная пан-идея западной геоцивилизации (экономическая свобода, демократия, соблюдение прав человека) противоречит данным принципам. Однако практика глобального доминирования Запада содержит в себе явления, которые нельзя оправдать с точки зрения им же провозглашённых идеалов. Это политические практики колониализма, захватнических войн, а в современный период – практики «гуманитарных интервенций», «цветных революций» и информационно-психологической войны.

Выработка пан-идеи весьма важна по следующим причинам: 1) в современный период информационно-идеологическое пространство является основным среди четырёх основных геополитических пространств, и в обозримом будущем это положение усугубится; 2) пан-идея легитимизирует доминирование геоцивилизации во всех геополитических пространствах, являясь притягательным ментальным стимулом развития не только для данной геоцивилизации, но и для других геоцивилизаций; 3) пан-идея определяет систему принципов, на базе которой сверхдержава строит соответствующую ее интересам систему международных отношений. Следовательно, пан-идея не может быть «какой угодно» или отвечать ментальным трендам только матричной для неё геоцивилизации. Она должна быть привлекательна для большинства геоцивилизаций данной эпохи, а в идеале – для всех их. Для этого пан-идея восходящей геоцивилизации должна обладать следующими чертами: 1) являться ментальным стимулом преодоления существующих экономических и политических практик наличной доминантной геоцивилизации и замещения их на практики, базирующиеся на иных принципах; 2) представлять собой ментальную базу глобального морального консенсуса.

Для обретения глобального доминирования исламская геоцивилизация должна завершить циклы, предшествующие стадии глобального доминирования, которые в своё время прошла геоцивилизация Запада: 1) формирование единого варианта религиозной доктрины и выработка на ее основе светской ценностной парадигмы, приемлемой для глобальной экспансии, а также соответствующей этой парадигме пан-идеи (некий исторический аналог Реформации, Контрреформации и Просвещения как механизмов выработки доктрин либерализма, консерватизма и социал-демократии с их новыми и новейшими вариантами и превращения этого «концерта идей» в интегральную пан-идею Запада); 2) на этой ментальной основе складывание единых норм производства и торговли (экономического уклада), впоследствии – регионального, а затем и глобального экономического пространства, построенного на данных принципах; 3) войны между государствами исламской геоцивилизации[3], как и войны между основными державами Запада в XV–XX веках, в результате должны установить долговременно существующую иерархию государств внутри исламского мира – с двумя сверхдержавами: Суши (вероятнее всего – шиитский Иран) и Моря (вероятнее всего – суннитская Турция) с их собственными лимитрофами. Т.е. исламская геоцивилизация, как и любая иная, должна обрести своеобразный экономический и идеологический консенсус, прежде чем перейти к этапу глобального доминирования.

---

[1] Иностранные боевики в Исламском государстве. Проблема вербовки и возврата / Российский совет по международным делам. – http://russiancouncil.ru/isfighters

[2] В частности, в пункте 24 Совместного заявления говорится: «Мы не соперники, а братья: из этого понимания мы должны исходить во всех наших действиях по отношению друг к другу и к внешнему миру» // Совместное заявление Папы Римского Франциска и Святейшего Патриарха Кирилла / Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. – http://www.patriarchia.ru/db/text/4372074.html

[3] Войны эти, по нашему мнению, будут носить гибридный характер, т.е. осуществляться во всех геополитических пространствах, но в географическом – минимально, а в экономическом и информационно-идеологическом – с высокой интенсивностью.

Если западная геоцивилизация проходила эти стадии в отсутствие внешнего давления со стороны какой-либо иной геоцивилизации, то исламской будет гораздо труднее отвоёвывать свою самостоятельность в условиях сопротивления со стороны западной цивилизации, не желающей уступать глобальное первенство, а также со стороны Бразилии, Китая, Индии и России, ведущих борьбу за установление нового варианта глобального доминирования – «многополярного». Многополярный мир, так же как период феодальной раздробленности в Европе разграничивал время существования унитарных государств античного мира и период существования унитарных государств позднего Средневековья и Нового времени, будет разграничивать геополитические периоды глобального господства западной и исламской геоцивилизаций. При этом, как указывалось выше, сама по себе исламская цивилизация в процессе своего превращения в доминантную геоцивилизацию будет претерпевать качественные изменения на каждом конкретном этапе данного процесса. Исламская геоцивилизация, в отличие от западной, не только существует в данное время под значительным внешним давлением, но и в течение последних трёхсот лет развивалась под гнётом. В данном случае имеется в виду колониальный гнёт со стороны Запада в XVIII–XX веках. Не забудем также современные попытки торможения развития исламского мира с применением технологий «цветных революций» и «бесконтактных войн», стимулирование формирования и курирование функционирования экстремистских международных организаций исламистского толка (в том числе для целенаправленной дискредитации исламской геоцивилизации), публикация и пропагандирование обвинительных в отношении ислама концепций типа теории С. Хантингтона («кровавые границы ислама»[1]); поощрение раскола исламского мира на суннитов и шиитов; провоцирование войн между исламскими государствами; прямая вооруженная агрессия в ключевые страны исламского мира; стирание исторической памяти мусульманских народов с помощью «археологической войны», т.е. целенаправленного разрушения культурных артефактов в ходе инициированных Западом локальных войн (Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия). Террористическая организация Исламское государство, запрещённая в ряде стран мира именно как экстремистская, по мнению ряда исследователей, возникла при значительной поддержке некоторых стран Запада[2]. «Политический проект в лице ИГИЛ предстал не только диким, варварским, но и выступил против всех основных миротворческих и гуманистических традиций ислама. Видимо, это и была цель закулисных геополитических игроков»[3].

Процесс становления новой доминантной геоцивилизации, исламской, будет идти около 350–400 лет, учитывая как степень активности самой по себе исламской цивилизации, так и активное ей противостояние со стороны западной цивилизации, а также – в относительно недалёком будущем, лет через 70–80, когда «многополярный мир» станет реальностью – противодействие со стороны сверхдержав этого мира в течение 200–250 лет как минимум. При этом надо отметить, что в период становления и господства глобальной исламской геоцивилизации современная нам политическая карта сильно изменится. Изменится и ислам как религиозная доктрина и мировоззренческая конструкция. Он смягчится и приобретёт черты в большей степени ориентира, чем директивы.

В эпоху господства исламской геоцивилизации технический прогресс и гедонистическое потребление будут ограничены нормами исламского быта и исламского права. Мир глобального доминирования Ислама будет отличаться от мира глобального доминирования Запада «заморозкой» безудержного темпа развития технологий преобразования мира и – особенно – преобразования человеческой природы посредством так называемой «гуманитарии» в рамках теории постчеловечества (постгуманизма). Если планетарная цивилизация начала XXI в. резко отличается от мира XVI в. (четыреста лет тому назад) по всем техническим параметрам, а также по многим факторам экономического и информационного пространств, то планетарная цивилизация века XXV (ещё через четыреста лет) не будет составлять такого кардинального контраста с цивилизацией нашего времени. Единственное, но поистине кардинальное отличие: будущие сверхдержавы нового «однополярного» мира, т.е. мира с глобальным доминированием одной геоцивилизации, будут «работать» не только на Земле, но и на планетах Солнечной системы, скорее всего – на Луне и Марсе. Вряд ли исламская геоцивилизация станет здесь «первопроходцем», но она с неизбежностью должна будет стать доминантной и на этом поле деятельности.

Где же в период подъёма и доминирования тюрок и персов будут арабы? Не забудем, что основные святыни ислама, его ментальное сердце, находятся всё же не в Турции или Иране, но в Мекке и Медине, т.е. на территории современной Саудовской Аравии. Ответ, на наш взгляд, кроется в положении современного Ватикана, сердца католического мира. Ватикан находится на территории столицы Италии, которая, конечно, является значимой страной западного мира, но отнюдь не Италия и, шире, не романские народы определяют направление и перспективы развития Запада в целом. Это – прерогатива англосаксов и немцев. То же, по нашему мнению, случится и с Саудовской Аравией, с её Меккой и Мединой. Святыни останутся святынями, но арабы как этнос будут раздроблены по лимитрофам суннитской Турции и шиитского Ирана, и в чьём лимитрофе окажутся эти святые города, предугадать не так сложно. Это будет суннитская Турция. При этом значение шиитских Кербелы и Неджефа (Ирак) в лимитрофе шиитского Ирана как сверхдержавы Суши не только сохранится, но и значительно усилится. Повторимся: суперэтносы англосаксов, германских и романских народов веками боролись за первенство в рамках западной геоцивилизации, и выигравшие эту битву англосаксы и немцы теперь определяют развитие мира в целом (англосаксы) и Европы (немцы), а романские народы со своими государствами играют важную, но не определяющую роль в современном мире господства Запада. Так же и суперэтносы тюрок, персов и арабов будут бороться за первенство в рамках глобальной исламской геоцивилизации, выиграют эту битву тюрки и персы, а арабские государства, изменившие свои границы в ходе этой борьбы,

[1] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций; [пер. с англ. Т. Велимеева]. – М.: АСТ, 2015. – С. 410–417.

[2] См.: ИГИЛ как угроза международной безопасности: моногр. / коллектив авт.; под ред. А.В. Глазовой; Росс. Ин-т стратег. исслед. – М.: РИСИ, 2015. – 188 с.

[3] Курбанов Х. Ловушки для мусульманина // Свободная пресса. – http://svpressa.ru/society/article/145038/?cbt=1

как их изменили в своё время романские государства Европы, будут играть значимую, но всё же в большой степени подчинённую роль в будущем мире глобального ислама.

Каким же будет мир в период «междуцарствия», т.е. при переходе от эпохи господства Запада к эпохе исламской глобальной гегемонии? По нашему мнению, осуществится «дисперсное глобальное доминирование» – «многополярный мир» с господством региональных сверхдержав: на континенте Северной Америки – США, на континенте Южной Америки – Бразилии, в Европе – Германии, в Северной Евразии – России, в южной Евразии – Индии, в Восточной – Китая, в Северной Африке – Египта, в Южной Африке – ЮАР. В регионе ББВ будут бороться за доминирование Турция, Иран и Саудовская Аравия. Это будет мир «концерта» региональных сверхдержав без явного доминирования определённой геоцивилизации и без явного противостояния по схеме Море-Суша. Подчеркнём, что названные региональные сверхдержавы это представители РАЗНЫХ геоцивилизаций, а также РАЗНЫХ полюсов в рамках геополитического дуализма. США (Море) и Германия (Суша) принадлежат к западной геоцивилизации, Бразилия (Суша) – к латиноамериканской, Россия (Суша) – к православно-славянской (на наш взгляд, это форма существования западной цивилизации), Индия (Море) – это индуистская цивилизация, Китай (Суша) – синская (конфуцианская), Египет (Суша), Турция (Море), Иран (Суша), Саудовская Аравия (Море) – исламская, ЮАР (Море) – африканская. По нашему мнению, ни одна из них, кроме исламской геоцивилизации, не сможет предложить свой вариант глобальной системы ценностей (пан-идею) и систему принципов устройства экономического пространства, которая бы прочно привязала к себе весь мир или, по крайней мере, подавляющее большинство стран. Цивилизация Запада, как мы постарались показать выше, в упадке, её принципы, прежде всего моральные, дискредитированы, её пан-идея теряет влияние. Большинство авторов согласны в том, что будущий «многополярный мир» будут представлять пять «глобальных супердержав» (по нашей терминологии – скромнее, региональные сверхдержавы) – Бразилия, Индия, Китай, Россия и Южно-Африканская Республика. Бразилия – это страна западного цивилизационного проекта[1], правда, соединившая с ним своеобразие креольско-африканской культуры. Её пан-идея, которая в данный момент не сформулирована в чёткой форме, это, всего вероятнее, гармония культур, этносов и социальных слоёв, и если это так, то это слишком аморфная идея. Индия – это кастовое общество, и кастовость является не просто его историческим и религиозным своеобразием, но формой выживания в бурном мире нынешнего и последующих веков, каркасом, поддерживающим значительное этническое и конфессиональное разнообразие в рамках единого социума. Но кастовость не сможет преобразиться в модель, пригодную для всех. Китай в качестве пан-идеи может предложить либо редуцированное конфуцианство (но это не идеология, а философское мировоззрение, не годящееся для формирования пан-идеи), либо специфический вариант коммунистической идеологии, мало применимый после масштабной дискредитации мирового коммунистического проекта в конце XX века. «В силу своей культурно-цивилизационной автономии Китай может стать экономическим, может быть, даже военным лидером, но духовным лидером и объединителем цивилизаций он быть не может. У него не прочитывается концепция и стратегия такого лидерства»[2]. Африканская цивилизация, лидером которой выступает ЮАР, ещё формируется как отдельная от западного цивилизационного проекта и не создала ни общего экономического, ни общего идеологического пространства, тем более она не готова предложить миру свой собственный вариант пан-идеи. Россия, при всём своеобразии, вестернизированная страна, включённая, как и Бразилия, всё же в западный цивилизационный проект. К тому же, необходимой для глобального доминирования идеи исключительности в русском этосе нет. Пан-идея русской цивилизации схожа с пан-идеей ислама: это идея социальной справедливости и устремления к высоким духовным идеалам, сохранения традиционных социальных ценностей (только – ценностей христианства), но без «мотора» исключительности эта идея не претворится в фактор глобального доминирования[3].

Н. Фергюсон опасается, что «многополярный мир» вовсе не будет устойчивой конструкцией, но опасным и конфликтным «а-полярным» миром, формой «мирового беспорядка»[4]. Основанием этой точки зрения нам представляется указанное выше кардинальное различие цивилизационной базы будущих центров «многополярного мира», которые в данный исторический момент «дружат против» США и Запада из-за того, что США и Запад являются препятствием собственному цивилизационному развитию данных центров силы. Однако в условиях, когда – лет через 80–100 – Запад перестанет быть глобальной цивилизационной доминантой, различия этих цивилизаций возобладают, поскольку общая задача противостояния единому неприятелю исчезнет. Надо будет как-то соотноситься друг с другом, и окажется, что интересы расходятся, а едины эти цивилизации только в одном – в стремлении к собственному глобальному доминированию, за которое придётся бороться уже друг с другом.

Мир «многополярный» или «а-полярный» будет настолько опаснее ныне существующего «однополярного», что исламская цивилизация с её внутренним стержнем единой уммы и единых строгих правил функционирования общества, государства и индивида явится упорядочивающим и стабилизирующим фактором, превращаясь постепенно в глобальную доминанту именно вследствие своей внутренней мировоззренческой и религиозной цельности – каркаса сохранения общепланетарного социума.

---

[1] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций; [пер. с англ. Т. Велимеева]. – М.: АСТ, 2015. – С. 54–55.

[2] Ивашов Л.Г. Россия в геополитическом контексте XXI века // Геополитика и безопасность. 2010. – № 4 (12). – С. 22.

[3] Глобальное доминирование СССР строилось на базе классовой, а не этнической, цивилизационной или религиозной исключительности. СССР выступал главным актором строительства «нового справедливого мира» для «всемирного (в пределе) пролетариата» как класса угнетённых «капиталом»: без эксплуатации, без классов, без войн и социальных конфликтов.

[4] См.: Ferguson N. Civilization. The West and the Rest. – L., 2011. – 402 p.

Крутько А.А.
к.полит.н., Чрезвычайный и Полномочный Посол

ЕВРАЗИЙСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Ключевые слова*: евразийская интеграция, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), приоритеты совместной работы стран ЕАЭС, внедрение цифровых технологий, международное сотрудничество стран ЕАЭС, стратегия евразийской интеграционной политики Российской Федерации.*

Keywords: *Eurasian integration, Eurasian economic union (EAEU), priorities of common activities of the EAEU member-countries, introduction of digital technologies, international cooperation of the EAEU, strategy of the Eurasian integration policy of the Russian Federation.*

Идея создания на пространстве СНГ качественно нового интеграционного объединения – Евразийского союза государств – была выдвинута и обнародована Президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым в марте 1994 г. Однако ее активное воплощение в жизнь произошло после публикации в 2011 г. программной статьи В.В. Путина «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня». В ней российский лидер, в частности, заявил: «Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной "связки'' между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом»[1]. Иными словами, он публично обозначил своё видение новой международной системы и определил в ней место и роль России как ядра нового интеграционного союза.

Примечательно, что В.В. Путин неоднократно акцентировал стремление к формированию полицентричного миропорядка: «два крупнейших объединения нашего континента – Евросоюз и формирующийся Евразийский союз, – основывая своё взаимодействие на правилах свободной торговли и совместимости систем регулирования, объективно, в том числе и через отношения с третьими странами и региональными структурами, способны распространить эти принципы на всё пространство – от Атлантики до Тихого океана. На пространство, которое будет гармоничным по своей экономической природе, но полицентричным с точки зрения конкретных механизмов и управленческих решений»[2].

В этом контексте им был поставлен вопрос об участии России в определении этих правил: евразийская интеграция «позволит нам не просто вписаться в глобальную экономику и систему торговли, но и реально участвовать в процессе выработки решений, задающих правила игры и определяющих контуры будущего. <...> войти в число лидеров глобального роста и цивилизационного прогресса, добиться успеха и процветания»[3].

Напомним, что интеграционная идея поэтапно воплотилась в создание в 2014 г. Евразийского экономического союза (ЕАЭС) – международной организации региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью. Практическое функционирование ЕАЭС началось 1 января 2015 г., в этом же году к нему присоединились Армения (2 января 2015 г.) и Киргизская Республика (12 августа 2015 г.). На саммите ЕАЭС в г. Бишкеке (14 апреля 2017 г.) Молдавия обратилась с просьбой о предоставлении статуса страны-наблюдателя в этом интеграционном объединении и подписала меморандум о сотрудничестве с ЕАЭС, а 14 мая 2018 г. на саммите в Сочи получила этот статус.

Своё отношение к участию в ЕАЭС Россия зафиксировала в Концепции внешней политики-2016, где ключевой задачей было названо углубление и расширение интеграции в рамках ЕАЭС в целях стабильного развития, всестороннего технологического обновления, кооперации, повышения конкурентоспособности экономик государств-членов ЕАЭС и повышения жизненного уровня их населения.

По оценке ведущих российских экспертов, за прошедшие пять лет евразийские приоритеты заняли заметное место во внешнеполитическом курсе России. Это обусловлено тем, что развитие евразийской интеграции дало нашей стране следующие результаты:

1) положительное сальдо баланса со странами ЕАЭС, причём с постоянным ростом;

2) устойчивый экспорт и высокую долю экспорта несырьевых товаров в страны ЕАЭС;

3) положительное сальдо по торговле услугами;

4) возможность для роста прямых инвестиций, причём в реальный сектор;

5) рост числа совместных предприятий;

[1] Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня (3 октября 2011). – http://izvestia.ru/news/502761

[2] Там же.

[3] Там же.

6) в целом большие перспективы по инвестициям, торговле товарами и услугами, созданию совместных предприятий для малого и среднего бизнеса;

7) положительное сальдо денежных переводов физических лиц с Белоруссией и Казахстаном;

8) рост в пять раз использования населением Казахстана российского рубля в наличной форме;

9) рост образовательной миграции, которая создаёт рост переводов физических лиц;

10) в целом сохранение научного, культурного и образовательного потенциала России, который оказывается более востребованным за счёт сотрудничества в рамках ЕАЭС[1].

Участники заседания Евразийского межправительственного совета (9 августа 2019 г. в г. Чолпон-Ате) положительно оценили динамику экономической интеграции в Союзе. Высказывалось общее мнение о том, что общий рынок Союза неуклонно совершенствуется. Населению стран ЕАЭС предоставлен широкий выбор все более качественных товаров и, что немаловажно, по конкурентоспособным ценам. Предприниматели получают доступ к передовому правовому регулированию, необходимому для раскрытия своего потенциала, выстраиванию бизнес-процессов, освоения новых рынков.

Отмечалось наличие неплохих показателей развития экономик стран Союза (в 2018 г. ВВП Союза увеличился на 2,5%). По оценке российской стороны, в этом плане необходимо приложить все усилия для поддержания темпов роста взаимной и внешней торговли ЕАЭС по всем товарным группам, особенно в том, что касается товаров с высокой добавленной стоимостью.

Российская сторона считает, что общими приоритетами совместной работы на ближайшую перспективу должны стать следующие.

1. Достраивание внутреннего контура интеграции. В этом плане налицо очевидный прогресс. Пусть и с небольшим отставанием, но на системной основе развивается процесс устранения препятствий на союзном рынке. При этом подавляющая часть дискуссионных вопросов, которые выносятся на премьерский уровень, так или иначе касается «выравнивания» в ЕАЭС условий функционирования рынков товаров, услуг и капитала, свободного движения рабочей силы. В этой сфере за последние 2,5 года странам-членам Союза совместно удалось ликвидировать 37 из 55 барьеров, причем 5 – в текущем году.

2. Одним из ключевых достижений текущего года стало признание эквивалентности системы ветеринарно-санитарного контроля Киргизии, к чему российские министерства, ведомства и хозяйствующие субъекты приложили немало усилий. Таким образом, были устранены последние препятствия для полноформатного участия киргизских производителей в рынке ЕАЭС.

3. Сохраняет свою актуальность задача защиты единого рынка от небезопасной продукции. Она решается за счет улучшения системы технического регулирования, создания единых обязательных требований к продукции и условий ее допуска на рынок. При этом превалирует мнение, что особое внимание следует уделять выстраиванию механизмов контроля за исполнением требований техрегламентов, своевременного информирования об опасной продукции и ее незамедлительного вывода из обращения.

4. Важнейшим инструментом повышения прозрачности рынка должен стать механизм прослеживаемости движения товаров по территории Союза от момента их ввоза на таможенную территорию до момента передачи потребителю. Институциональным подспорьем здесь является подписанное в этом году Соглашение о прослеживаемости товаров и вступивший в силу для всех участников рынка технический регламент, определяющий правила безопасного обращения нефти в ЕАЭС.

5. Существенное значение имеет решение задачи совместного регулирования в рамках ЕАЭС алкогольного рынка. Урегулированию этого вопроса будет содействовать препятствию во взаимной торговле и обеспечению обращения безопасной продукции. Участникам Союза при поддержке ЕЭК уже удалось согласовать большую часть текста документа.

6. Российская сторона предпринимает все меры для сохранения темпов движения к созданию общего финансового рынка Союза. В этом плане удалось значительно сблизить подходы по содержанию соответствующей концепции. Остающиеся вопросы будут согласованы на экспертном уровне. На основе Соглашения о гармонизации законодательства государств-членов ЕАЭС в сфере финансового рынка, подписанного 6 ноября 2018 г. в г. Москве, подготовлен соответствующий план с указанием этапов и сроков. Таким образом, готовится реальная «почва» для запуска общего финансового рынка в 2025 г.

7. Определяющее значение для развития сотрудничества стран ЕАЭС в промышленной сфере имеет осуществление совместных программ и проектов на инновационных направлениях. В этом контексте важен запуск проекта Евразийской сети промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий, которая позволит предпринимателям стран ЕАЭС активнее развивать новые кооперационные связи. В настоящее время завершается проработка технических параметров данного проекта.

8. Важным направлением сотрудничества стран ЕАЭС в сельскохозяйственной сфере является подготовка общего прогноза развития агропромышленного комплекса на предстоящие годы. Этот документ позволит эффективнее использовать потенциал стран ЕАЭС в контексте импортозамещения и ориентирования бизнеса на создание новых производств в сфере АПК.

9. Безусловным приоритетом для Российской Федерации является повсеместное внедрение на евразийском пространстве цифровых технологий. Это важная составляющая повышения конкурентоспособности экономик стран-

[1] Шибутов М. Евразийская интеграция для России: источник неприятностей или прибыли? (28 декабря 2017). – https://regnum.ru/news/2363476.html

членов Союза. Здесь удалось подготовить солидную базу для запуска конкретных цифровых инициатив. В первую очередь хотелось бы отметить подготовку концепции создания цифровых транспортных коридоров и «дорожной карты» по развитию торговых площадок, использующих Интернет-технологии.

10. В ближайшее время должен состояться запуск трансграничного пространства доверия. Его участниками станут не только органы государственной власти, но и физические и юридические лица государств-членов Союза. В этом плане главную роль будет играть реализация концепции трансграничного информационного обмена, которая представляет собой основу для функционирования электронного взаимообмена между юридическими лицами и уполномоченными органами власти стран ЕАЭС. На этой основе и будет осуществляться практическая реализация цифровых инициатив на территории всех государств-членов ЕАЭС.

11. Российская сторона считает, что в числе общих приоритетов должно оставаться развитие таможенного регулирования и улучшение взаимодействия таможенных служб стран Союза. Очередным важным общим достижением в этом плане станет подписание Соглашения о трансграничном перемещении опасных отходов по таможенной территории ЕАЭС, которое вводит разрешительный порядок перемещения таких товаров, регламентирует взаимодействие уполномоченных государственных органов, запускает обмен данными о выявленных злоупотреблениях хозяйствующих субъектов.

12. Российская Федерация придает огромное значение развитию международного сотрудничества ЕАЭС. В этой сфере достигнут значительный прогресс. В скором времени заработают Временное соглашение о зоне свободной торговли с Ираном и Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве с Китаем. Проводится согласование внутренних процедур, необходимых для подписания в рамках Заседания Евразийского межправительственного совета 25 октября в Москве Соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и Сербией. Успешно завершились переговоры по Рамочному соглашению о всеобъемлющем экономическом сотрудничестве и Соглашении о свободной торговле между ЕАЭС и Сингапуром. Успешно развивается переговорный процесс с Израилем и Египтом. В частности, в плане выхода на решение о тарифной либерализации. Идет подготовка к началу аналогичных переговоров с Индией. Расширяется круг партнеров ЕАЭС по диалоговому сотрудничеству из числа региональных организаций. ЕЭК уже сотрудничает с АСЕАН, МЕРКОСУР, Андским сообществом[1]. 5 июля 2019 г. подписана Декларация о партнерстве с Тихоокеанским альянсом – молодым, стремительно развивающимся интеграционным объединением. Россия поддерживает эту деятельность Комиссии.

Приоритетной задачей остается повсеместное развитие сотрудничества ЕАЭС с соседями по СНГ, которое имеет важный потенциал.

Исходя из того, что евразийский геостратегический интерес является для России долгосрочным, а также с учётом новых исторических и геополитических реалий, современных вызовов и угроз, формирующих международную повестку, докладчик в своей монографии «Внешняя политика современной России: евразийские приоритеты» предложил разработать и принять фундаментальный документ доктринального характера «Стратегия евразийской интеграционной политики Российской Федерации»[2].

По нашему убеждению, в этом документе должен быть представлен соответствующий понятийный аппарат, в частности, даны определения понятиям «евразийская интеграция», «евразийское пространство», «евразийское партнёрство», «евразийская цивилизация», «евразийская идентичность», «евразийское сообщество», «евразийское единство», «евразийское самосознание» и др. В нем следует акцентировать принципы, цели и задачи евразийской интеграции, определить сферы и инструменты её реализации. Очевидно, что Стратегия государственной евразийской политики должна быть синхронизирована с целями и задачами, которые обозначены в таких доктринальных документах, как Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, Стратегия пространственного развития России на период до 2025 года, Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества.

Также необходимо сопряжение Стратегии евразийской политики России с другими документами стратегического планирования, такими как Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года, Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, Концепция развития образования РФ до 2020 года, Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года.

Самостоятельным разделом Стратегии евразийской политики России должно стать обоснование необходимости выхода евразийской интеграции за пределы экономического сотрудничества и «объединения социокультурных капиталов» евразийских государств, потребности в создании инфраструктуры евразийской интеграции, включающей, наряду с экономическими и военно-оборонительными, информационные, научные, образовательные компоненты.

[1] Выступление Д.А.Медведева на заседании Евразийского межправительственного совета 9 августа 2019 года, г. Чолпон-Ата, Киргизская Республика. – https://premier.gov.ru

[2] © ГУУВПО КРСУ © Крутько А.А., Бишкек, 2019.

Крылова И.А.
д.филос.н., в.н.с. Института философии РАН

РОЛЬ РОССИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

Ключевые слова: *Россия, Большая Евразия, интеграция, партнерство, развитие, безопасность.*
Keywords: *Russia, Big Eurasia, integration, partnership, evolution, security.*

В условиях обострения военно-политической ситуации в мире, все большее значение приобретает формирование системы евразийской безопасности. Россия как крупнейшая евразийская держава, должна играть в этом процессе особую роль. Очевидно, что сегодня строить систему международной безопасности на евразийском континенте лишь для европейских государств без учета интересов безопасности других стран (причем не только России), чрезвычайно опасно. Это делает актуальной проблему особой роли России в обеспечении безопасности Большой Евразии.

Эволюция концепции «евразийства» в России

Евразийство представляет собой философское и идейно-политическое течение, которое возникло в 1920–1930 гг. в эмиграции после революционных событий 1917 г. в России. Некоторые исследователи связывают рождение идеологической концепции евразийства с выходом книги Н.С. Трубецкого «Европа и человечество» (София, 1920 г.). Существует и другая точка зрения, согласно которой начало евразийства связано с изданием сборника статей «Исход к Востоку», который был издан в Софии в 1921 г. (его авторами были Н.С. Трубецкой, П.П. Сувчинский, Г.В. Флоровский и П.Н. Савицкий). Среди евразийцев были известные философы, историки, филологи, экономисты, географы, литературоведы, искусствоведы, востоковеды, публицисты такие как Л.П. Карсавин, Г.В. Вернадский, Н.С. Трубецкой, Я.Д. Садовский, П.Н. Савицкий, А.В. Кожевников, П.П. Сувчинский, В.П. Никитин, Г.В. Флоровский и др.

Основатели евразийства дали, прежде всего, «новое географическое понимание России и всего того мира, который они именуют российским или “евразийским”, – подчеркивал П.Н. Савицкий, – … где прежняя география различала два материка “Европу” и “Азию”, они стали различать третий, срединный материк, “Евразию”…»[1].

Евразийцы отмечали также культурно-историческую самобытность России, отличие русской культуры как от «европейской», так и от «азиатско-азийской» культуры. «Она есть культура, сочетающая элементы одних и других, сводящая их к некоторому единству, – подчеркивал П.Н. Савицкий. – И потому, с точки зрения указанного подразделения культур, квалификация русской культуры как “евразийской” более выражает сущность явления, чем какая-либо иная»[2].

В работе Н.С. Трубецкого «Общеевразийский национализм» выражена суть евразийства: «Для того, чтобы отдельные части бывшей Российской Империи продолжали существовать как части одного государства, необходимо существование единого субстрата государственности… Прочное и постоянное объединение возможно…только при наличии этнического (национального) субстрата. *Следовательно, национальным субстратом того государства, которое прежде называлось Российской империей, а теперь называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая своим национализмом. Эту нацию мы называем евразийской, ее территорию – Евразией, ее национализм – евразийским*…(курсив источника)»[3].

Примечательно, что классики евразийства само понятие Евразия трактовали по-разному.

Во-первых, как географическое понятие. При этом евразийцы считали, что Запад и Восток разделяется на Европу (а именно, Западную Европу) и Азию (это – восток и юг Азии: а именно, Восточная Сибирь, Индия и Китай), а также Евразию (то есть, срединное пространство между Европой и Азией)[4].

Во-вторых, они рассматривали евразийство как этническое понятие. В Предисловии «Предчувствия и свершения» к сборнику «Исход к Востоку» подчеркивалось: «Русские люди и люди народов “Российского мира” не суть ни европейцы, ни азиаты…Мы не стыдимся признать себя – евразийцами»[5].

В-третьих, с экономической точки зрения отмечалось, что России-Евразии не следует ориентироваться на мировую «океаническую» политику хозяйствования: «Не в обезьяньем копировании “океанической” политики других,

[1] Савицкий П.Н. Евразийство // Основы евразийства. – М.: Арктогея-Центр, 2002. – С. 266.
[2] Там же, с. 267.
[3] Трубецкой Н.С. Общеевразийский национализм // Основы евразийства. – С. 203–204.
[4] Савицкий П.Н. Географические и геополитические основы евразийства // Там же, с. 297–304.
[5] Предчувствия и свершения (предисловие к сборнику «Исход к Востоку») // Там же, с. 106.

во многом к России неприложимой, но в осознании "континентальное" и в приспособлении к ней – писал П.Н. Савицкий, – экономическое будущее России»[1].

Отцы-основатели евразийского движения, пытаясь осмыслить произошедшие революционные события в России и возможное будущее СССР, создали, по существу, новую идеологию евразийства, интерес к которой, к сожалению, к 1930 г. был утрачен.

Вновь актуальной идеология евразийства стала в период распада Советского Союза, поскольку она соответствовала потребностям исторического времени. Показательно, что возросший интерес к евразийскому наследию возник у российской интеллигенции (Л.Н. Гумилев, А.Г. Дугин, С. Станкевич, Н.С. Михалков, С.Г. Кара-Мурза, С.Е. Кургинян и др.), кому была небезразлична дальнейшая судьба страны, что нашло отражение в новом философском, научном, геополитическом, социальном и культурном течении – «неоевразийстве». Значительный вклад в формирование теории современного евразийства внес Л.Н. Гумилев, который считал себя «последним евразийцем». Хорошо известно его пророчество, сделанное после краха Советского Союза в 1992 г. перед смертью. «Если Россия будет спасена, – говорил Л.Н. Гумилев, – то только как евразийская держава и только через евразийство»[2].

Можно утверждать, что основы современной отечественной геополитики были заложены неоевразийством. В отсутствие официальной идеологии, запрещенной п. 2 статьи 13 Конституции Российской Федерации, в российском обществе появился новый мировоззренческий ориентир. Превратившись в научную школу, неоевразийство оказало большое влияние не только на российскую философию и политологию, но и на идейно-теоретические платформы многих политических партий в нашей стране. А.Г. Дугиным было создано даже движение «Евразия». С 2012 г. начался, по выражению представителей отечественного либерализма, «откат» от идеи европейской идентичности России к «неоевразийству». Более того, во внешней политике и экономике нашей страны наметился кардинальный поворот от Европы к Азиатско-Тихоокеанскому региону. Поэтому многие международные проекты основаны ныне фактически на неоевразийской геополитике. К сожалению, политика евразийской интеграции до сих пор не подкреплена соответствующей долгосрочной национальной стратегией и идеологией.

Согласно концепции евразийства, Россия находится в центре влияния как Запада, так и Востока – двух мировых цивилизаций, а потому представляет собой особый тип цивилизации и занимает уникальное место в Евразии.

Во-первых, Россия представляет собой страну-цивилизацию, также как Китай, Индия и Япония. Таких стран в мире ни в социокультурном, ни в историческом плане практически нет, и именно в этом состоит залог сохранения национальной и государственной идентичности (как полиэтнической, так и поликонфессиональной цивилизации).

Во-вторых, она занимает уникальное место с географической точки зрения, представляя собой центр Евразии, который соединяет ее восточную, западную и южную части.

В-третьих, Россия является единственной страной в мире, которая богата огромными запасами ресурсов (минеральных и биологических), а также обширными морскими акваториями.

В-четвертых, Россия веками объединяет на своей культурно-духовной основе при главенствующей роли православия все мировые религии и существующие различные конфессии.

В-пятых, Россия представляет уникальный транспортный и информационно-коммуникационный узел мирового значения, роль которого только возрастает в условиях глобализации[3].

Из данных характеристик становится понятно, почему в течение многих десятилетий бывшие республики СССР, некоторые из которых сформировали ныне Таможенный союз (ТС), развивались как единый экономический организм. Поэтому в нынешних условиях представители евразийства исходят из того, что прогрессивное развитие стран Восточной Европы, Кавказа и Средней Азии, в значительной мере, зависит от возможности создания общего, так называемого, евразийского «коридора», расположенного от «Атлантики до Тихого океана». «В Старом свете Россия является единственной страной, расположенной "от моря до моря", – подчеркивает С. Глазьев, – по которой могут пройти коммуникации между тремя мировыми полосами экономического и технологического развития в Западной Европе, Восточной Азии и Северной Америке»[4].

Можно согласиться с С. Глазьевым, что причиной распада Советского Союза были скорее субъективные, чем объективные факторы, которые «предписывали сохранение ЕЭП (единого экономического пространства) как необходимого условия устойчивого развития новых государств, образовавшихся на территории бывшего СССР»[5], что в 1990-е гг. было проигнорировано властвующими российскими элитами. Особенно настойчиво в этот период к евразийской интеграции призывал бывший Президент Казахстана Н. Назарбаев (в чем не было заинтересовано тогдашнее политическое руководство Российской Федерации). Поэтому евразийская идея стала воплощаться на практике фактически только с избранием Президентом РФ В. Путина в 2000 г., когда был создан ЕврАзЭС (Евразийское экономическое сообщество). К сожалению, исторически сложилось так, что отделившиеся от постсоветского пространства республики Прибалтики вместе с бывшими странами СЭВ были интегрированы в Евросоюз. Наряду с этим произошла самоизоляция от интеграции Туркменистана и Азербайджана, политика которых основана на экспорте нефти и газа. Узбекистан также занял нейтральную позицию. Лишь в 2003 г. активизировался процесс создания единого экономического пространства (ЕЭП) России, Белоруссии, Казахстана и Украины (которая впоследствии вышла из него, стремясь войти

---

[1] Савицкий П.Н. Континент-океан (Россия и мировой рынок) // Там же, с. 323.

[2] Гумилев Л.Н. Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава // Основы евразийства. – С. 482.

[3] Подберезкин А.И., Боришполец К.П., Подберезкина О.А. Евразия и Россия. – М., 2013. – С. 77.

[4] Глазьев С. Указ. соч. – С. 300.

[5] Там же, с. 303.

в ЕС и НАТО). Сложность и длительность процесса интеграции объясняется тем, что идеям воссоединения экономических ресурсов государств СНГ в новых рыночных условиях и интеграционным инициативам («собиранию» евразийского пространства) В. Путина долгое время противодействовали отечественные либералы и резко выступали оппоненты на Западе.

Роль России в «собирании» пространства Евразии

Ныне очевидно, что распад СССР был самой большой геополитической катастрофой XX столетия. Думается, что в связи с предстоящим новым «переделом» в мире, России следует готовиться к «геополитическому реваншу». Современная действительность свидетельствует о том, что после крушения Советского Союза «большое пространство» вновь активизируется, «приходит в движение», и именно России предстоит его новое «обобщение». Если мировые центры находятся ныне в фазе сокращения «подконтрольного» пространства, то Российская Федерация должна быть в фазе его восстановления и расширения, чтобы вновь обрести «пространственное» преимущество. Это в значительной мере позволит России вместе с нынешним ядерным превосходством (которое вынуждены признать даже США), компенсировать наше экономическое и технологическое отставание от высокоразвитых стран. Представляется, что основой для «собирания» пространства в Евразии, должно стать, прежде всего, православное русское ядро, а именно Белоруссия, следом за которой возможно последуют другие православные страны, а также некоторые бывшие советские республики. Это следует непосредственно из многонациональной и полирелигиозной природы нашей страны, а также многовекового опыта совместного мирного существования и проживания разных народов на одной территории. Такой опыт отсутствует у остального мира, что ведет не только к росту напряженности, но, в конечном счете, к «войне всех против всех». Поэтому думается, что новый «геополитический реванш» будет представлять фактически смену фаз развития человеческой цивилизации в целом. Это означает, что от периода «деления» мир вновь переходит в так называемую фазу «собирания». И лидером данного процесса «собирания» территорий на евразийском континенте должна стать Россия.

Евразийская интеграция является для Российской Федерации, по существу, региональным экономическим объединением. «Под евразийской экономической интеграцией… понимается конкретная геополитическая форма объединения ряда постсоветских государств в Таможенный союз и единое экономическое пространство (ЕЭП), – пишет С. Глазьев, – которая приняла в настоящее время формат ЕАЭС (Евразийский экономический союз – И.К.) в составе России, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и Армении»[1]. Россия является лидером в евразийской интеграции. И это определяется как исторически, так и объективным экономическим и политическим доминированием, поскольку на ее долю приходится 87,6% экономического потенциала, 78,4 населения и 83,9% территории ЕАЭС[2]. Причем данный союз открыт и для других заинтересованных государств.

Представляется, что география евразийской интеграции не должна быть ограничена только «постсоветским» пространством. Кроме того, понимание интеграции лишь как экономической, лишает Россию будущего. «Необходим более широкий геополитический подход, иная пространственная концепция политической, экономической, военно-технической интеграции, от реализации которой зависит не только будущее страны, но и само существование России. И прежде всего ее безопасность и суверенитет»[3]. Поэтому существует другая, более широкая трактовка евразийской интеграции как «диалога цивилизаций и партнерства». И именно такую евразийскую интеграцию предлагает Президент РФ, который рассматривает ее гораздо шире, чем лишь создание ЕАЭС. В. Путин заявляет о евразийской интеграции как о новом интеграционном мега-проекте: «Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной “связки” между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом»[4]. Речь идет о возможном включении в него Китая, Индии, а также ШОС и Большой Европы. Фактически миру предлагается «интеграция интеграций». То есть, проект создания общеконтинентального евразийского экономического пространства не только развития, но и безопасности «от Лиссабона до Токио». «В этом плане всеобъемлющее партнерство Большой Евразии, – считает И.Н. Щербак, – открывает для России новые возможности для проецирования ее влияния на Азиатско-Тихоокеанский регион и создание будущего мирового порядка, нацеленного на политическое, социально-экономическое и культурное возрождение Евразии как центра мировой политики и экономики и региональной безопасности»[5].

На наш взгляд, проект создания общеконтинентального евразийского пространства можно сравнить с общеевропейской системой безопасности, но только применительно к Большой Евразии, и с той разницей, что данный проект открыт для участия в нем всех заинтересованных в мире государств.

Россия и проблема обеспечения безопасности Большой Евразии

Проблема обеспечения безопасности Большой Евразии становится особо актуальной в связи с ростом военно-политической напряженности, являющейся следствием кардинальных изменений в балансе сил на мировой арене и

[1] Глазьев С. Указ. соч. – С. 295–296.

[2] Там же, с. 307–308.

[3] Подберезкин А.И., Боришполец К.П., Подберезкина О.А. Указ. соч. – С. 78.

[4] Путин В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. – М., 2011. – 3 октября.

[5] Щербак И.Н. Возможная роль ЕС и ЕАЭС в контексте обеспечения региональной безопасности в Большой Евразии // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2018. – № 1. – С. 21.

беспрецедентным снижением уровня управляемости системой международных отношений. Опасность состоит в том, что в обстановке стратегической нестабильности многочисленные «спящие» конфликты, вновь активизируются. Раньше их развитие сдерживалось механизмами двух полярного мира. Ныне же в результате отсутствия «стратегического диалога» между ведущими странами практически по всему спектру новых угроз международной безопасности (включая Большую Евразию) возрастает риск возникновения глобальных кризисных ситуаций, в том числе связанных с неуправляемым распространением ядерного оружия и даже возможностью несанкционированного возникновения мировой ядерной войны.

Надо сказать, что долгое время определенная часть российских экспертов полностью отрицала возможность возникновения крупных военных конфликтов в век глобализации. В частности, руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, академик А. Арбатов в 2013 г. не раз писал о том, что «вероятность вооруженных конфликтов и войн между великими державами сейчас мала, как никогда ранее... Углубляющаяся в процессе глобализации… взаимозависимость… сделает ущерб в таком конфликте несоизмеримым с любыми политическими и иными выигрышами»[1]. Некоторые эксперты до сих пор считают весьма маловероятным сценарий преднамеренного нападения США на Россию (хотя против нашей страны разрабатываются сценарии «ограниченной ядерной войны» и «быстрого глобального удара»)[2], как и России на США. При этом исходят из того, что ни одна страна не рискнет «развязать» ядерную войну, так как известно, что она приведет к планетарной климатической и экологической катастрофе[3]. Однако приходится констатировать, что Россия ныне столкнулась с очень серьезным вызовом – «реальной угрозой войны и в прежних, и в новых форматах»[4].

Современная действительность свидетельствует о том, что ситуация в сфере стратегической стабильности продолжает стремительно ухудшаться. Причем возрастает риск несанкционированного возникновения ядерной войны по двум причинам. Во-первых, из-за технического сбоя систем предупреждения о ракетном нападении, которые периодически выдают ложную тревогу. Сегодня А. Арбатов считает, что, «если на эту тревогу в условиях кризиса вдруг среагирует одна или другая сторона очень резко, тогда может произойти ядерная война»[5]. Причем срабатывание ложной тревоги может быть связано как с технической неисправностью, так и с провокацией со стороны ядерных террористов. Вторая причина – это эскалация, то есть возможное перерастание локального конфликта в глобальный. «Может возникнуть вооруженный конфликт где-либо: в Черном море, в Балтийском, на Севере, в Прибалтике, на Украине – где столкнутся наши вооруженные силы. И та сторона, которая начнет проигрывать, может решиться на ограниченное применение ядерного оружия, чтобы остановить конфликт, провести так называемую деэскалацию. Но в ответ на это применение другая сторона тоже применит ядерное оружие, и так по лестнице эскалации будет нарастать обмен ударами: сначала с уровня тактического, потом средней дальности, а потом стратегического»[6]. Причем ныне эти риски значительно усиливает прекращение действия ДРСМД и перспектива развертывания систем средней дальности. Ситуация такова, что «для России американские системы средней дальности в Европе и Азии будут иметь стратегический характер и в ответ на любое их применение Москва будет отвечать не только зеркально, но и на стратегическом уровне, что, в свою очередь, повлечет уже ответ США на стратегическом уровне»[7].

Представляется, что основой глобальной и российской безопасности в новом столетии должно стать обеспечение безопасности Большой Евразии, поскольку как свидетельствует история, две мировые и многие другие войны XX столетия зарождались и произошли именно на евразийском континенте. Авторы книги «Россия и Евразия» справедливо отмечают, что в последние годы именно здесь стремительно нарастает активность США и Китая, в том числе военная, что делает проблему конкуренции этносов и цивилизаций в Евразии весьма острой: «Если не состоится евразийского интеграционного центра с «российским ядром», то два других центра силы несомненно станут доминировать в Евразии. Это доминирование неизбежно перейдет в цивилизационно-ценностные формы соперничества, которые могут “разорвать” постсоветское пространство, либо поставить его под контроль чуждых им этносов»[8]. Поэтому России необходимо перенести внимание с европейской части России и сотрудничества с европейскими государствами в азиатскую часть и сотрудничество с азиатскими странами. Так, по мнению экспертов, Россия сможет вернуть себе роль «центра» на евразийском континенте, особенно в сфере безопасности. «Адаптация российской военной политики к евразийским реалиям – наиболее сложный процесс, который неизбежно должен учитывать как приоритетность Евразии в политике США, так и растущую мощь Китая, ядерные проблемы КНДР, Ирака, Пакистана и Индии. Эти проблемы не решаются только созданием систем ВКО в Евразии или Сил специальных операций (ССО): их масштаб и комплексность требуют от России единой евразийской стратегии как в области внешней и военной политики, так и экономической и социальной областях»[9]. Поэтому идея евразийской безопасности должна быть неотъемлемой частью

---

[1] Арбатов А. Угрозы реальные и мнимые // Россия в глобальной политике. – М., 2013. – Т.11, № 1. – С. 27.

[2] Крылова И.А. Военная безопасность России: актуальные проблемы // Знание. Понимание. Умение. 2018. – № 3. – С. 57–60.

[3] Впервые это было доказано за двадцать лет до разработки концепции «ядерной зимы» советскими и американскими учеными в книге военного философа Крылова А.И. «Ядерная опасность и философия марксизма (некоторые аспекты идеологической борьбы по проблеме войны и мира в век ракетно-ядерного оружия)». – М., 1964.

[4] Иванов В., Малинецкий Г. Наука и войны будущего // Изборский клуб. 2015. – № 5 (29). – С. 36.

[5] Академик рассказал, что может стать причиной начала ядерной войны // РИА-Новости. 12. 09. 2019. – https://ria.ru/20190912/1558611735.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews

[6] Там же.

[7] Там же.

[8] Подберезкин А.И., Боришполец К.П., Подберезкина О.А. Указ. соч. – С. 40.

[9] Там же, с. 72.

стратегии евразийской интеграции. Причем принцип «нераздельной безопасности» может найти конкретное воплощение в создании евразийской воздушно-космической обороны (ЕвразВКО)[1] (как известно, в декабре 2012 г. произошло объединение ВКО СНГ и ОДКБ). То есть, в основе евразийской интеграции должны быть не только единое экономическое и таможенное пространство, научная, техническая, промышленная, образовательная, культурная и пр. кооперация, но главное – единая евразийская безопасность (что предполагает создание политических и военно-технических средств ее обеспечения).

По существу, от того, какое место Россия займет в Большой Евразии, зависит не только ее экономическое развитие, но и безопасность, суверенитет и само выживание нации. К сожалению, ныне не принимаются во внимание многие факторы, которые уже в ближайшее время будут определять место России в мире. Очевидно, что при выработке перспективной политики России в Азиатско-Тихоокеанском регионе должны учитываться: не только развертывание США региональных систем ПРО на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, а также размещение высокоточного неядерного оружия в прибрежных водах – от севера Европы до юга Азии; планирование Китаем строительства мощных ударных авианосных соединений и выделение странами АТР огромных средств на военные цели, но и многие другие вызовы. «В этом смысле разделение восточных регионов предполагает и развертывание там дополнительных средств ВКО. От этого во многом будет зависеть сохранение российского суверенитета на восточном направлении и мировой политики»[2].

Таким образом, обеспечение безопасности Большой Евразии представляет для России чрезвычайную важность по ряду причин. Во-первых, из-за нестабильной ситуации вокруг окружения России в связи с расширением НАТО, на которую влияют четыре основных фактора: «украинский фактор», «кавказский фактор», «сирийский фактор», а также фактор «концентрации» в прибалтийских государствах и Польше[3]. Во-вторых, в связи с попытками ряда государств, как Запада, так и Востока оказать давление на нашу страну. Как известно, США и ЕС продолжают ужесточать антироссийские санкции. В-третьих, в связи с необходимостью создания условий для национальной стратегии опережающего экономического и технологического развития России в XXI в. (прежде всего, ее восточных регионов), ключевой идеей которой должна быть евразийская интеграция[4].

Между тем, следует отметить, что евразийский подход к обеспечению безопасности России упоминается лишь раз в «Концепции национальной безопасности Российской Федерации»: «Несмотря на сложную международную обстановку и трудности внутреннего характера, она в силу значительного экономического, научно-технического и военного потенциала, уникального стратегического положения на Евразийском континенте объективно продолжает играть важную роль в мировых процессах»[5]. Этот же недостаток присущ и другим нормативным документам. Это объясняется доминированием до настоящего времени односторонней ориентации России (значительной части отечественной правящей либеральной элиты) исключительно на Европу и систему европейской коллективной безопасности, при отсутствии такой же «установки» для Азиатско-Тихоокеанского региона и стремления к формированию единой системы безопасности в Большой Евразии. «России же нужна единая политика безопасности, единая внешняя политика, и в этом плане она, как евразийская держава, должна проявлять себя в первую очередь как субъект (актор) общеевразийской (континентальной) системы безопасности, – подчеркивает В.П. Зимонин, – способной обеспечить минимизацию угроз стране в целом, что не исключает ее заинтересованность в мире, безопасности и стабильности в других, особенно, соседних регионах и в целом на планете»[6].

В условиях обострения военно-политической ситуации Россия заинтересована в обеспечении безопасности Большой Евразии. Необходимо признать, что создание такой системы безопасности без России практически невозможно. Во-первых, потому, что с Россией непосредственно граничит полтора десятка государств как Европы, так и Азии, с которыми необходимо выстраивать партнерские отношения. Очевидно, что для этого требуется на пространстве Евразии единая политика безопасности. Во-вторых, все прошедшие через территорию России захватнические войны (которые оборачивались колоссальными жертвами и разрушениями) – убедительное доказательство в важности евразийского подхода к обеспечению безопасности нашей страны. Поэтому в настоящее время у России должна быть иная, а именно, особая роль в процессах миростроительства – обеспечение всестороннего сотрудничества на Евразийском пространстве и создание системы евразийской безопасности. «Национальная безопасность не может быть обеспечена вне коллективной, точнее – международной системы безопасности, основанной не только на доброй воле, но и на надежных правовых и организационных началах – пишет В. Зимонин, – Самым непреложным образом это относится к системе безопасности и соразвития Евразии»[7].

На современном этапе стратегическую безопасность Большой Евразии предполагается обеспечивать созданием благоприятных условий для социально-экономического развития всех участников-партнеров при широком использовании как формальных, так и неформальных «диалоговых» платформ различных региональных организаций (ЕС,

---

[1] См.: Подберезкин А.И. Евразийская воздушно-космическая оборона. – М.: МГИМО (У), 2013.

[2] Подберезкин А.И., Боришполец К.П., Подберезкина О.А. Указ. соч. – С. 76.

[3] Крылова И.А. Военная безопасность России: актуальные проблемы. – С. 56–57.

[4] Крылова И.А. Проблема выбора стратегии развития России в условиях глобальной нестабильности // Философские науки. – М., 2018. – № 5. – С. 31–47.

[5] Концепция национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации № 24 от 10 января 2000 г.).

[6] Зимонин В.П. Формула безопасности для России и Евразии // Наука. Общество. Оборона (noo-journal.ru). 2016. – № 1 (6). – https:www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2016-1-6/article-0055/

[7] Там же.

АСЕАН, ЕАЭС, ШОС) для предупреждения возможных конфликтных ситуаций и их мирного урегулирования. Однако, на наш взгляд, это не исключает широкой военно-технической интеграции и создания в будущем системы военно-политического сотрудничества в целях обеспечения стратегической безопасности Большой Евразии.

Высказывается мнение, что возможным ядром будущего евразийского партнерства во имя стабильности безопасности может стать связка Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Европейского союза (ЕС) (несмотря на нынешний политический кризис между Россией и Западом). Следует учитывать, что в плане реализации на практике проекта Большой Евразии, Россия и ЕАЭС представляют собой как бы «мост» между ЕС и Евразией. Очевидно, что такой проект не может быть воплощен без вовлечения в интеграционные процессы Евразийского экономического союза. Российская Федерация, имея богатый опыт взаимоотношений как с Западом, так и Востоком, «может играть важную роль наряду с США и КНР как гарант безопасности на пространстве Большой Евразии и мирного развития региона»[1].

Вполне реалистично также использование потенциалов «кризисных» механизмов ООН и ОБСЕ для решения глобальных и региональных аспектов безопасности на евразийском континенте.

Таким образом, проект Большой Евразии, (который может стать эффективным антивоенным фактором), предполагает интеграцию Европы, Китая, Индии, а также Среднего и Ближнего Востока. Поэтому в современных условиях Россия в силу ее геополитического положения «срединной» континентальной земли должна вернуть себе роль глобального объединяющего центра в создании коллективной системы безопасности на евразийском континенте как основы международной системы.

[1] Щербак И.Н. Указ. соч. – С. 22.

Купин В.Н.
д.филос.н., профессор, профессор кафедры истории, политологии и социологии, Саратовская государственная юридическая академия

ЕВРАЗИЙСКАЯ ОСНОВА СТАБИЛЬНОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ МИРА В УСЛОВИЯХ ТУРБУЛЕНТНОСТИ ГЛОБАЛЬНЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Ключевые слова: *безопасность, геополитика, глобализация, турбулентность, вызовы, угрозы, трансформация, конфликт, стабильность.*
Keywords: *safety, geopolitics, globalization, turbulence, calls, threats, transformation, conflict, stability.*

Евразия всегда была одним из важнейших факторов мировых геополитических процессов. Стабильность или напряженность в мире во многом предопределялась состоянием Евразии. Тем более эта связь стала ощутима в наше время, когда одной из ведущих тенденций развития мира стало стремительное изменение глобального геополитического пространства. Сама по себе динамика глобальных процессов – явление естественное, но опасной она становится чаще всего, когда вступает в фазу турбулентности. Именно такая опасная турбулентность начинает развиваться в современных глобальных геополитических процессах, которые нередко выходят из-под контроля национальных и международных политических институтов. Как отмечал В.В. Путин: «Мир меняется. Идущие в нем процессы глобальной трансформации, таят в себе риски самого разного, зачастую непредсказуемого характера»[1]. Россия, являясь самым крупным по площади своей территории государством мира, глубоко интегрирована в глобальное геополитическое пространство. Будучи сердцевиной Евразии, Россия сильнее других стран и народов ощущает на себе, на состоянии своей национальной безопасности любые изменения в динамике глобального мира. Остановимся на некоторых теоретико-методологических аспектах данных проблем подробнее.

1. О понятии турбулентности глобальных геополитических процессов. Смысловое значение слова «турбулентность» заимствовано из физики течения жидкости и газообразных веществ. Означает оно по своей сути такое состояние веществ, при котором их частицы «совершают неупорядоченные хаотичные движения по сложным траекториям»[2]. Что-то подобное, применительно к глобальным геополитическим процессам, происходит в наше время. Об этом свидетельствуют целый ряд признаков: резкая смена Западом курса сотрудничества на конфронтацию по многим международным вопросам; кризис и неопределенность в отношениях с ведущими западными странами; расширение силовых методов Западом в борьбе за свои интересы, провоцирующие вооруженные конфликты, рост международного терроризма, миграционного хаоса и гуманитарных катастроф. Главной причиной всплеска современной волны турбулентности в международных отношениях, на наш взгляд, является начавшийся процесс «глобальной геополитической декомпозиции»[3] однополярной архитектуры миропорядка, на вершине которой последние четверть века находились США. В свою очередь сама возможность установления более справедливой системы международных отношений, в противовес гегемонии США и Запада, возникла с ростом авторитета и влияния в мире России. Отсюда и беспрецедентный размах антироссийской риторики на Западе, развязывание санкционной, идеологической, информационной и других видов войн против России.

2. Оценивая роль и место России в глобальном геополитическом пространстве, следует отметить, что наша страна по размерам евразийского пространства и его географической морфологии есть основополагающая конструкция мироустройства, своеобразная «географическая ось истории»[4]. Отсюда и суммарная величина глобальной безопасности не может быть достоверна, оценена без учета ее неотъемлемой и весомой составляющей – безопасности России. Достаточно полное и глубокое, с геополитической точки зрения, обоснование особой евразийской природы России дал выдающийся теоретик, один из основателей евразийской геополитики П.Н. Савицкий. Его заслуга состоит в том, что он распространил базовые принципы геополитики на Россию с учетом ее евразийского географического положения и духовного культурно-исторического своеобразия. В этом смысле П.Н. Савицкого можно считать первым русским геополитиком, по масштабу и глубине геополитического мышления, не уступающим своим западным коллегам – Ф. Ратцелю, К. Хаусхоферу, Х. Маккиндеру. Он представил в обобщенном и концептуальном виде сугубо геополитический подход и позицию той реальности, которую именовали «хартдленд», «сердечная земля». П.Н. Савицкий первым представил взгляд с позиции интересов России на историческое противостояние двух полюсов, двух типов цивилизаций, предопределенных географическими категориями. Один полюс представлен талассократическими ци-

[1] Путин В.В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности России // Российская газета. – М., 2012. – 20 февраля.
[2] Иллюстрированный энциклопедический словарь. – М.:Терра,1998. – С. 583.
[3] Купин В.Н. Глобальная геополитическая декомпозиция современного мира и проблемы национальной безопасности России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. – № 6. – С. 215.
[4] Маккиндер Х. Географическая ось истории. – Лондон, 1904.

вилизациями – морские страны и народы, существование которых связано с островным или береговым типом жизни, с мореходством и торговым строем. Пример этого типа – Карфаген, Афины, Португалия, Британская Империя, США. После второй мировой войны данная геополитическая категория отождествлялась с западными либерально-демократическими, концентрирующимися вокруг НАТО странами. Второй полюс представляет теллурократические цивилизации – континентальные, сухопутные, авторитарные страны. К их числу относят – Рим, Спарту, Византию, Россию. Теллурократическая зона удалена от теплых морей, удобных для торговли, береговых земель. Это внутреннее пространство континентов, территории, которые называются также «хартленд» или «сердечная земля». П.Н. Савицкий последовательно и убедительно объяснил логику противостояния этих двух полюсов с позиций геополитического детерминизма и объективно складывающихся геополитических интересов России. «Если американец А. Мэхэн выразил основной вектор американской геополитики к превращению в "главный остров" мира, как магистральный путь к принятию полноты ответственности за мировую талассократию, англичанин Х. Маккиндер рассматривал талассократию как стратегическую судьбу Англии и всего англосаксонского мира, француз Видаль де ла Блаш полагал, что геополитическое будущее Западной Европы, в частности Франции, лежит в тесной солидарности с Англией и Америкой, немец К. Хаусхофер полагал, что будущее Германии зависит от эффективного противостояния на планетарном уровне западному талассократическому блоку, то от лица геополитических интересов России последовательно и ответственно выступал Петр Николаевич Савицкий, разработавший полноценную и развитую теорию специфически русской геополитики, осознающей свою континентальную миссию, радикально противостоящую талассократическим тенденциям, и принимающую свою материковую, сухопутную, и поэтому универсальную судьбу»[1].

3. Рассматривая безопасность России как геополитический императив глобальной безопасности, следует отметить, что Россия с геополитической точки зрения, оказывает решающее влияние на состояние системы глобальной безопасности, прежде всего через механизм взаимодействия двух глобальных геополитических полусфер – талассократической и теллурократической. История их отношений насчитывает несколько тысячелетий и восходит к Карфагену и Риму. Карфаген (талассократия) и Рим (теллурократия), были двумя полюсами цивилизации, которые претендовали на универсальность, на создание мировой империи с доминированием принципов собственного нравственно-этического видения мира. Карфаген воплощал в себе, как известно, рыночно-торговый строй, открытое общество. В нем в культ были возведены власть капитала, принцип наживы, богатства, рационализма и индивидуализма. Богатство всячески поощрялось и нравственно возвышалось. Богатый человек признавался не просто удачливым, но и эталоном святости. Пороки человеческой природы – коррумпированность, продажность и даже предательство не ставились под сомнение. Геополитическое положение Карфагена во многом предопределило его образ и нормы жизни. Эффективное использование морских коммуникаций, хорошие дороги, свободная торговля, подкуп варварских народов и их политических элит, жестокая эксплуатация колоний во имя максимальной прибыли – все это было изобретено Карфагеном и доведено до совершенства. Рим изначально опирался на противоположную геополитическую и культурно-цивилизационную основу. Хотя и он, являясь порождением своего социально-исторического времени, был жестоким и коварным, аскетичным и разрушительным, но вместе с тем ориентированным на принципиально иной культурно-исторический и нравственно-этический тип. В Риме верили в честь и достоинство человека, в героизм и дисциплину, в самоопределение и идеальное измерение человеческой личности. Военная сила предпочиталась разлагающей стихии денег. Спустя тысячелетия история поразительным образом повторяется. «В XX веке, – отмечал российский ученый А. Дугин, – борьба цивилизаций подошла к окончательной дуальной формуле. СССР воплощал в себе линию Рима. Североатлантический блок сознательно и последовательно отстаивал интересы Карфагена. Власть Суши (социализм) против власти Моря (либерализм), евразийство против атлантизма, труд против капитала. Между этими двумя законченными формулировками цивилизованных моделей болтались половинчатые варианты, фрагментарные и незаконченные… История затянулась, – как когда-то, в эпоху Пунических войн – между двумя осями, двумя ориентациями, двумя взаимоисключающими путями. Новый Рим, Евразия против Нового Карфагена (атлантизм, США). Вот единственное истинное содержание истории XX века»[2].

4. Решающее влияние России на состояние глобальной безопасности связано с тем, что геополитически именно Россия представляет собой наиболее полное выражение сущностных свойств одной из двух названных полусфер – теллурократической. В свою очередь континентальная доминанта России обусловлена несколькими весьма важными объективными обстоятельствами.

Во-первых, Россия включила в себя обширные внутренние пространства, не подверженные воздействию морских держав. Несмотря на потерю большой части геополитического пространства в связи с распадом СССР, Россия продолжает оставаться самым крупным государством мира по площади континентальной территории (около 17,5 кв. км)[3]. Совсем не случайно размышления английского геополитика Маккиндера над глобальными геополитическими проблемами подвели его к мысли назвать эти пространства «географической осью истории». Защищенная от завоевания талассократиями эта земля порождала массу кочевников, степных народов, не раз перекраивавших геополитические пространства и судьбы мира.

Во-вторых, с точки зрения естественно-природных условий российская теллурократия диалектически соединила в себе противостояние и единство Леса и Степи. Россия сумела ассимилировать Степь, сделав ее своей внутренней

[1] Савицкий П.Н. Исход к Востоку. – София, 1921; Евразийство. – Берлин. 1925; Россия – особый географический мир. – Прага, 1927.

[2] Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. – М.: АРКТОГЕЯ, 1999. – С. 664.

[3] Атлас мира. – СПБ.: ООО «СЗКЭО», 2011. – С. 8.

частью – и политически, и духовно, тем самым, создав громадный заслон для Запада от экспансии и набегов кочевых народов. Синтез Европы и Азии, Леса и Степи означал преодоление острейших культурно-исторических, социально-демографических, собственно геополитических и других противоречий. Напротив разрушение единого геополитического пространства России привело бы к их возрождению, умножению и распространению на глобальном уровне. О масштабах возможных потрясений могут свидетельствовать такие данные о потенциальных зонах напряженности – в настоящее время беднейшие слои землян составляют 3/4 населения Земли, к 2030 году по прогнозу их будет 9/10, а Россия граничит почти с 1/2 беднейшего населения Земли[1]. Очевидно, что стабильность в огромной части сопредельных с Россией государств и состояние национальной безопасности России взаимозависимые величины.

В-третьих, становление российской государственности, связанное с освоением огромных континентальных пространств Евразии, не могло естественным образом не продвигать жизненно важные интересы России к морю. Это объективное обстоятельство в свое время было отмечено К. Марксом. Он писал: «Ни одна великая нация никогда не жила и не могла прожить в таком отдалении от моря, в каком вначале находилась империя Петра Великого.… Ни одна нация никогда не мирилась с тем, чтобы ее морские берега и устья рек были оторваны от нее, что Россия не могла оставить устье Невы, этот естественный выход для продуктов ее Севера, в руках шведов… по самому своему географическому положению прибалтийские провинции являются естественным дополнением для той нации, которая владеет страной, расположенной за ними…»[2]. Неадекватная оценка намерений России в отношении моря вызывала и вызывает часто неадекватную реакцию морских держав, стремящихся противостоять естественным российским интересам всеми средствами, включая и военно-силовое давление.

В-четвертых, В силу указанных и ряда других причин, освоение Россией обширных геополитических пространств сопровождалось ведением напряженных войн, которые носили преимущественно оборонительный характер. Именно это обстоятельство, по оценке многих исследователей, наложило значительный отпечаток на политическую составляющую российской теллурократии и духовный облик русского этноса, его национальное самосознание, характер, менталитет. «В процессе движения от Карпат до Тихого океана, – подчеркивает известный историк государства российского В. Ключевский, происходило заселение, а не завоевывание края, не порабощение или вытеснение туземцев. Русские стремились не воевать с народами Леса, а продвижение Руси на северо-восток, привело к формированию великорусского народа, в котором произошло мирное объединение и ассимиляция славянских и угро-финских племен. Освоение Сибири и Дальнего Востока осуществлялось также без насилия над коренным населением. Со степными народами отношения складывались своеобразно. После победы в освободительной войне над степняками-завоевателями и разгрома Золотой Орды Россия не посягала на самобытный уклад жизни степных народов, вошедших в ее состав. Это коренное отличие русского освоения просторов Евразии от талассократических завоеваний, европейской колонизации Америки, Азии, Африки и немецких походов на Восток»[3]. Мирный характер расселения формировал и соответствующие черты русского национального характера: открытость, широту, доброту, искренность. Однако следует подчеркнуть, что мирное наступление шло в условиях обороны на два фронта: с одной стороны азиатская степь, а с другой – европейский Запад неоднократно в истории посягали на русское богатство и русские земли. Об этом свидетельствуют множество войн, сопровождающих процесс становления национально-государственной идентичности России. Двести войн и нашествий за 222 года (с 1240 по 1462 г.), с XIV по XX век (за 525 лет) – 329 лет войны; 250 лет татарского ига[4]. Как отмечал известный ученый И.А. Ильин, ни один народ в мире не имел такого бремени и такого задания, как русский народ. И.А. Ильин называет три бремени, выпавшие на долю русского народа: «бремя земли – необъятного, непокорного, разбивающегося пространства, равного трем с половиной Китаям, сорока четырем германским империям; бремя природы – суровая природа стала нашею судьбою (континентальный климат, долгая зима, скудные лесные почвы, болота); бремя народности – до ста восьмидесяти различных племен и наречий. Мы должны были принять и это бремя: не искоренить, не подавить, не поработить чужую кровь; не задушить иноплеменную и инословную жизнь, а дать всем жизнь, дыхание и великую родину»[5]. В действительности противоречивая роль геополитической доминанты в становлении российской государственности и национального самосознания объясняются, на наш взгляд, сложным переплетением объективных и субъективных противоречий в судьбе России, которые не позволили огромным потенциальным возможностям превратиться в мощный фактор движения вперед. Именно о таком состоянии «потенциальности всей русской культуры» говорил в свое время Л.П. Карсавин[6].

5. В контексте современных глобальных геополитических процессов, оказавшись в эпицентре их турбулентности, Россия призвана консолидировать евразийский полюс, продолжая традиции Рима и Византии. По существу современная Россия должна обрести новый геополитический код, символизируя собой в многополярном мире «Новый Рим» или «Третий Рим». Для такой миссии как минимум необходимы – собственная геополитическая консолидация и национальная самоидентификация. Необходимо многое сделать, чтобы изменить, прежде всего, собственное отношение к своей истории, духовной культуре, национальному самосознанию. Возрождая русский национальный характер и самосознание, нам необходимо использовать весь богатейший опыт объединения вокруг себя других народов, накопленный нашими предками, органически соединить его с достижениями современной культуры и активно двигаться

---

[1] Красная Звезда. – М., 2001. – 21 февраля.

[2] Маркс К. Разоблачение дипломатической истории XVIII века // Вопросы истории. – М., 1989. – № 4. – С. 11–12.

[3] Ключевский В.О. Курс русской истории. Т. I. – М., 1937. – С. 304.

[4] Сагатовский В.Н. Просторы Евразии: Душа и геополитика // Русская идея: продолжим ли прерванный путь? – СПб.: Петрополис,1994. – С. 52.

[5] Ильин И.А. О России. – М.: Наука, 1991. – С. 12-13.

[6] Карсавин Л.П. Восток, Запад и русская идея. – М.: Наука, 1992. – С. 159.

вперед. В этом контексте модернизация современной России является не столько красивым брендом для российской политической элиты, сколько долговременным трендом для всей страны, который обусловлен логикой информационной эпохи и императивами глобальной геополитики. Мировой экономический кризис стал своеобразным «пассионарным толчком» (Л.Н. Гумилев), стимулирующим процесс очередной декомпозиции глобального геополитического пространства. Хотя кризис еще не завершился, геополитическая демаркация глобального пространства посткризисного мира уже началась. Можно предположить с большой долей вероятности, что евразийская «географическая ось истории» подвергнется очередным испытаниям на излом. Классический набор средств планетарной дуэли Сил Моря и Сил Суши дополняется новыми технологиями, которые становятся решающим фактором глобальной геополитической конкуренции. В этих условиях модернизация России – это единственный шанс сохранить себя в качестве «географического индивидуума» (П.Н. Савицкий) и закрепить за собой статус самостоятельного геополитического полюса в посткризисной архитектуре мироустройства. Для оценки вероятных сценариев развития посткризисного мира и тех контуров его конфигурации, которые уже наметились, потребуется новое прочтение классической геополитики с учетом реалий современной эпохи. Как известно, в традиционных геополитических проектах «Больших пространств» (К. Хаусхофер), «Евразийского месторазвития» (П.Н. Савицкий), «Хартленда» (Х. Маккиндер), «Римленда» (Н. Спайкмен), «Кольца анаконды» (А. Мэхэн) и др. России отводилась особая роль. Эта роль в различных интерпретациях связывалась с ее глобальным осевым позиционированием в цивилизационно-геополитических системах «Восток-Запад», «Море – Суша». Сохраняя свою осевую роль в динамике современных глобальных тенденций, Россия активно интегрируется в большие пространства ЕАЭС, АТЭС, Таможенного союза, другие интеграционные образования на Востоке, она ведет успешный диалог с Китаем и Индией, а на Западе, несмотря на сопротивление русофобских элит, продолжает поиск взаимных интересов с ЕС и США. Однако проблема состоит в том, чтобы синхронизировать нашу модернизацию с глобальными геополитическими процессами, в том числе с теми, которые проявились в последнее время под воздействием мирового экономического кризиса. Среди них особенно ощутимо начали проявляться такие феномены как: «глокализация» и «фрагмегративность» больших пространств планеты; рост энтропии и повышение чувствительности зон соприкосновения различных цивилизаций, этносов, культур и религий; развитие новой – сетевой экспансии по линиям евразийского «Хартленда» и «Римленда»; усиление напряженности на цивилизационном лимитрофе «Мирового острова» и окружение его глобальными кольцами «Анаконды». Все эти и другие глобальные геополитические процессы выступают в качестве существенных факторов, способных помешать нашей модернизации. Вот почему нам необходимо извлечь геополитические уроки из собственной истории, в том числе из истории перестройки страны, в результате которой она исчезла с политической карты мира. Чтобы не повторить судьбу перестройки, приступая к проекту модернизации, нужно выработать взвешенную и тщательно выверенную внутрироссийскую региональную геополитику. Особое внимание следует обратить на укрепление функционально амбивалентных регионов, обеспечивающих единство и целостность геополитического пространства России. Таких регионов в современных границах нашей страны можно выделить несколько:

– Северо-запад страны, охватывающий балтийско-беломорское пространство;

– Юго-запад, включающий Нижнее Поволжье и Северный Кавказ с выходами к Черному и Каспийскому морям;

– Южное Приморье с Забайкальем, проходящим ориентировочно по линии Байкало-Амурской магистрали;

– регион, выходящий к Берингову проливу и включающий в себя Чукотку, Камчатку, Магаданскую область и Якутию;

– Юго-западная Сибирь вместе с восточной частью Урала – пространство между Екатеринбургом, Оренбургом и Кемерово, где ось с уральской вертикали переходит в широтные полосы сибирской тайги и степи, а Транссиб сетью коммуникаций вписывается в европейскую часть России.

С точки зрения геополитической конфигурации пространства, первые четыре региона – это регионы-скрепы. Они составляют внутреннюю конструкцию страны, определяя целостность ее коммуникационных артерий и создавая единый инфраструктурный контур жизнеобеспеченности государства. Эти регионы собственно и представляют Россию как морскую державу. Именно они выполняют важнейшую функцию – функцию морских ворот России в глобальном геополитическом пространстве. Через них Россия имеет морской выход в Европу, на Ближний и Средний Восток, в приморскую Восточную Азию, в Японию и Америку. Однако следует учитывать, что данные регионы содержат в себе потенциальную геополитическую уязвимость. Смысл ее состоит в возможности, при стечении определенных обстоятельств, «откусывания» России с краев по кайме ее геополитического ареала. В этих условиях особую скрепляющую роль должен играть пятый регион. Он близок, по своей композиционной роли в геополитической конструкции России, с указанными регионами, но в отличие от них такой уязвимости не подвержен, так как находится в глубине континента. Это урало-сибирское ядро, которое по своей геополитической сущности является своеобразным оплотом Великороссии. Он может и должен играть роль дополнительного геополитического упора для эффективного контроля и управления страной как единым организмом. Такая необходимость становится особенно актуальной в сложные времена кризисов, реформ, осуществления крупномасштабных проектов, таких как модернизация России. Далее следует отметить, что нынешняя модернизация России начинается в условиях исключительно сложной и многовекторной динамики глобальных экономических, геополитических, цивилизационных, этнокультурных процессов, которые подобно гигантскому цунами захватывают всю планету. В ряде регионов, геополитически прилежащих к России, прокатились волны массовых социальных и политических протестов, между ведущими центрами силы, на пересечении которых находится наша страна, разворачиваются необъявленные информационно-технологические, экономические, валютные и т.п. войны. В этих условиях однополярная архитектура мира в американском исполнении стремительно обретает новый облик. Мировая сверхдержава, сохраняя военно-силовые атрибуты прошлого века, все активнее дополняет их инновациями. Особой популярностью пользуется метод «сетевого» влияния. В отличие от ко-

лониальных завоеваний, такой метод предполагает поэтапное втягивание всего мира в сеть «свободного» рынка, единого информационного пространства, западных и, прежде всего, американских стандартов демократии и духовных ценностей. Таким образом, с помощью новых глобальных технологий происходит постепенная адаптация и превращение различных народов планеты в американскую периферию. Попав в сетевую зависимость, огромные массы людей и не догадываются, что становятся или уже стали «этнографическим материалом» (Н.Я. Данилевский) для процветания новой империи – империи постмодерна. Такой «новый миропорядок» полностью отвечал бы интересам США, и они даже согласны назвать его «многополярным», о чем все чаще стали говорить американские эксперты и политики. Совершенно очевидно, что такая версия «многополярности» мира принципиально не изменила бы мировой гегемонии США. Содержание и принципы формирования геополитической системы многополярного мира с учетом интересов глобальной и национальной безопасности рассматривались нами подробно ранее. Отметим лишь, что движение к многополярной архитектуре мироустройства должно сопровождаться наращиванием усилий мирового сообщества по формированию геополитических сдержек и противовесов тенденциям к проявлению новых форм глобальной гегемонии. Следует так же отметить, что в эпоху интенсивной глобализации мира и его геополитической турбулентности тесно переплетается множество самых разнообразных элементов национальной безопасности, активно влияющих на региональную и глобальную безопасность. В структуре геополитических факторов современной России особое место занимают такие важные элементы национальной безопасности, как естественные рубежи, границы, критические «горячие» точки, маргинальные геополитические зоны. Российская Федерация в прямом и переносном смысле стала огромной границей геополитического разлома современного мира. При этом концентрация глобальных, региональных и внутренних противоречий сосредоточилась именно в пограничном пространстве России. Огромное пространство, занимаемое Россией, и выходы в Мировой океан предоставляют ей уникальные возможности воздействовать на мировые и региональные процессы. Сегодня Россия граничит с шестнадцатью государствами. Однако у этого достоинства есть и оборотная сторона. Большая протяженность границы – это не просто внушительные размеры разграничительной линии, но и огромная площадь соприкосновения с различными государствами и регионами, не похожими друг на друга как по характеру внутреннего развития, так и по отношению к самой России. С увеличением протяженности границы и числа соседей возрастает и вероятность неблагоприятного воздействия международной обстановки на Россию. Неслучайно Чечня еще в 90-е годы прошлого века стала эпицентром экстремистских сил «черного интернационала», своеобразным полигоном для международного терроризма. В целом нарастание частоты террористических акций в мире свидетельствует о переходе международного терроризма, его тайных и явных покровителей в наступление по широкому геополитическому фронту. Можно предположить, что в этой глобальной террористической атаке российскому геополитическому вектору придается особое значение. Динамика изменения геополитического положения государства, нарушения баланса между внутренней упругостью и внешним давлением проявляются в количественных и качественных изменениях границы, и требует существенной коррекции всей системы пограничной политики. При всей неоднозначности в оценках идей известных геополитиков прошлого таких, как К. Хаусхофер или Ф. Ратцель, нельзя не согласиться с утверждением последнего о том, что «граница есть периферийный орган государства, и ее состояние может служить индикатором общих изменений в государстве»[1]. В качестве иллюстрации можно привести факты из отечественной истории. До первой мировой войны царская Россия имела на Балтийском море береговую линию протяженностью 2400 километров. Сразу после революции 1917 года она сократилась в десять раз (до 240 км). Перед Великой Отечественной войной у Советского Союза береговая линия на Балтике составляла уже 2000 км. В настоящее время Российская Федерация имеет на Балтике 618 км, в Калининградской и Ленинградской областях. Для сравнения отметим, что Германия имеет 1300 км береговой линии на Балтике, Польша – 1300, Швеция – 2460, Финляндия – 1230, Дания – 800 км[2]. Это значит, что при прочих равных условиях, а также с учетом расширения НАТО на Восток подавляющее геополитическое преимущество приобретают страны и союзы, в прошлом препятствовавшие выходу России к Балтийскому морю. А если учесть ситуацию на Черном море, то Россия отбрасывается на несколько веков назад и выдавливается на северо-восток. К тому же следует учесть важное обстоятельство, касающееся военной безопасности России. В процессе расширения военная группировка НАТО продвинулась на Восток на 650–750 км. Состав объединений ВВС НАТО увеличился по тактической авиации на 17–20%. Альянс получил в свое распоряжение около 300 первоклассных аэродромов. На них можно сосредоточить 3500 боевых самолетов. Использование этих аэродромов позволяет НАТО наносить ракетно-бомбовые удары вплоть до Волги и Урала, уничтожать позиции стратегических ракет России[3]. Но это еще не все. В силу большого геополитического периметра России современные радикальные изменения превратили ее в территорию, почти наполовину состоящую из пограничных субъектов. Стало быть, в организации экономической, политической и духовной жизни этих регионов нельзя не учитывать дыхание границы, поскольку границы некоторых субъектов Российской Федерации простираются до Северного Ледовитого океана, значит, там тоже ощущается влияние границы, которая находится южнее на сотни и даже тысячи километров. Как раз подавляющая масса населения Сибири и Дальнего Востока находится вблизи южных границ. Арктический регион тоже имеет демографическое смещение к границе, но уже к морской. Нельзя не учитывать и то, что при определенных условиях воздействие внешнего мира на приграничное население окажется сильнее, чем связи с федеральным центром. А если учесть витающий в воздухе дух сепаратизма, горький опыт недавней стремительной суверенизации и конкуренцию ряда стран и мировых центров сил с Россией и за Россию, то вероятность «откусывания» от большого геополитического пирога России нельзя относить к числу абстрактных. Подобная ситуация нужда-

[1] Ратцель Ф. Антропогеография. – Штутгард, 1882. – С. 266.

[2] Атлас мира. – СПб., 2011. – С. 9, 23, 24, 43, 51, 58.

[3] Современное международное положение и военная безопасность России // Ориентир. 2001. – № 10. – С. 56.

ется в пристальном внимании государства, она требует энергичной и хорошо продуманной региональной пограничной политики.

Если суммировать глобальные, региональные и российские геополитические изменения, а также учесть интенсивность современных пограничных споров и притязаний, то можно говорить о качественно новом геополитическом статусе России как о мировом пограничном пространстве, в котором фокусируется все многообразие противоречий. В прямом и переносном смысле Россия снова становится границей развития мира, а пограничная политика важнейшим средством геополитики, от применения которого не в последнюю очередь зависит и судьба Отечества. В данном контексте нынешний рост напряженности вокруг Сирии, Ирана, других государств Ближнего и Среднего Востока можно оценить как звенья одной цепи «цветных революций», прокатившихся по глобальному геополитическому римленду, сжимающих «кольцо анаконды» вокруг России. В этих условиях было бы оправданным более интенсивное продвижение проектов Евразийский Союз, ШОС, БРИКС не только в экономических интересах, но и как геополитических, этнокультурных и цивилизационных основ стабильности и безопасности Большой Евразии и мира в целом.

Куприков М.Ю.
д.т.н., профессор, академик АВН, зав. кафедрой МАИ
Куприков Н.М.
к.т.н., профессор АВН, доцент МАИ, председатель Технического комитета по стандартизации 187 «Проведение исследований в полярных регионах»
Тишков А.А.
д.геогр.н., член-корреспондент РАН, зав. лабораторией Института географии РАН

АРКТИКА – ПЕРЕДОВОЙ РУБЕЖ ОБОРОНЫ[1]

Ключевые слова: *Арктика, стандартизация, договора, техника, технологии, самолеты, вертолеты, Севморпуть, ГОСТ Р, стандарты, технический комитет.*

«Полярное исполнение» в широком смысле определяется как совокупность конструкционных, производственных, научно-технических и эксплуатационных мероприятий, обеспечивающих возможность применения технологий, технических средств или изделий в условиях полярных регионов. В отношении Антарктиды, где действует международный Договор об Антарктике 1959 г., обширный комплекс конвенций и договоров в его развитие, а также Федеральный закон от 05.06.2012 №50-ФЗ «О регулировании деятельности российских граждан и российский юридических лиц в Антарктике», нормативно-правовая база развивается в разных направлениях, в т.ч. и в отношении регламентации научных исследований. Государственным оператором выступает Российская антарктическая экспедиция ГНЦ «Арктический и антарктический НИИ», которая обеспечивает неукоснительное соблюдение требования международного договора и федерального закона.

В Арктике ситуация выглядит сложнее [1] – *отсутствие общепризнанного международного договора (дорожной карты) и национального законодательства, а также специализированной нормативно-правовой базы по арктическим вопросам с 1990-х гг. формирует целый комплекс задач и проблем [2–16, 18–20] требующих решения на государственном уровне, в том числе за счет* ***механизмов стандартизации и технического регулирования****. Наиболее актуальным из них в 1990–2014 гг. стало уточнение административных, экономических и физико-географических границ Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ), проведенное в 2008–2010 гг. сотрудниками Института географии РАН и других учреждений по заданию Минэкономразвития России (см. рис. 1). На основе этих и других разработок был издан Указ Президента РФ 02.05.2014 № 296, определяющий состав Арктической зоны Российской Федерации: Мурманская область, Ненецкий, Чукотский, Ямало-Ненецкий автономные округа, муниципальное образование городского округа Воркута (Республика Коми), а также городской округ Норильска, территории Таймырского и Туруханского районов Красноярского края, ряд территорий Архангельской области, некоторые из северных улусов Якутии, земли и острова в Северном Ледовитом океане. Границы морских владений РФ в Северном Ледовитом океане определяются международными правовыми нормами. Но именно в отсутствии специального законодательства и основ для нормативно-правовой поддержки разного рода деятельности в Российской Арктике актуальность сохраняет разработка подходов к ее регламентации и регулированию.*

Настоящая статья посвящена одному из аспектов этой важной работы – деятельности Технического комитета по стандартизации №187 «Проведение исследований в полярных регионах». По сути, **речь идет об алгоритме внедрения в разные сферы исследовательской деятельности представлений о «полярном исполнении» и об его нормативно-правом сопровождении при реализации проектов в Арктике[17]**.

В XXI в. Российская Арктика стала рассматриваться как стратегический регион, занимающий экономически и геополитически ключевое положение – объектом развивающейся международной конкуренции. Перспективы присутствия России в нем многогранны и связаны с геополитическими, военными, инфраструктурными аспектами хозяйственной и научной деятельности, в т.ч. исследовательской. Разработка и производство инновационной продукции для деятельности в АЗРФ и создание «полярной техники» и «полярных технологий» имеет первоочередное значение: здесь проходит самый протяженный отрезок государственной границы, арктический шельф с одними из самых крупных запасов углеводородов в мире, маршрут Северного Морского пути, использование которого со временем позволит в разы увеличить объемы мировой торговли [13, 16, 19] и возможности транспортного освоения региона.

[1] Доклад, представленный на конференции «Цивилизационные аспекты развития Арктических регионов России». В работе использованы материалы гранта РФФИ №18-05-60057.

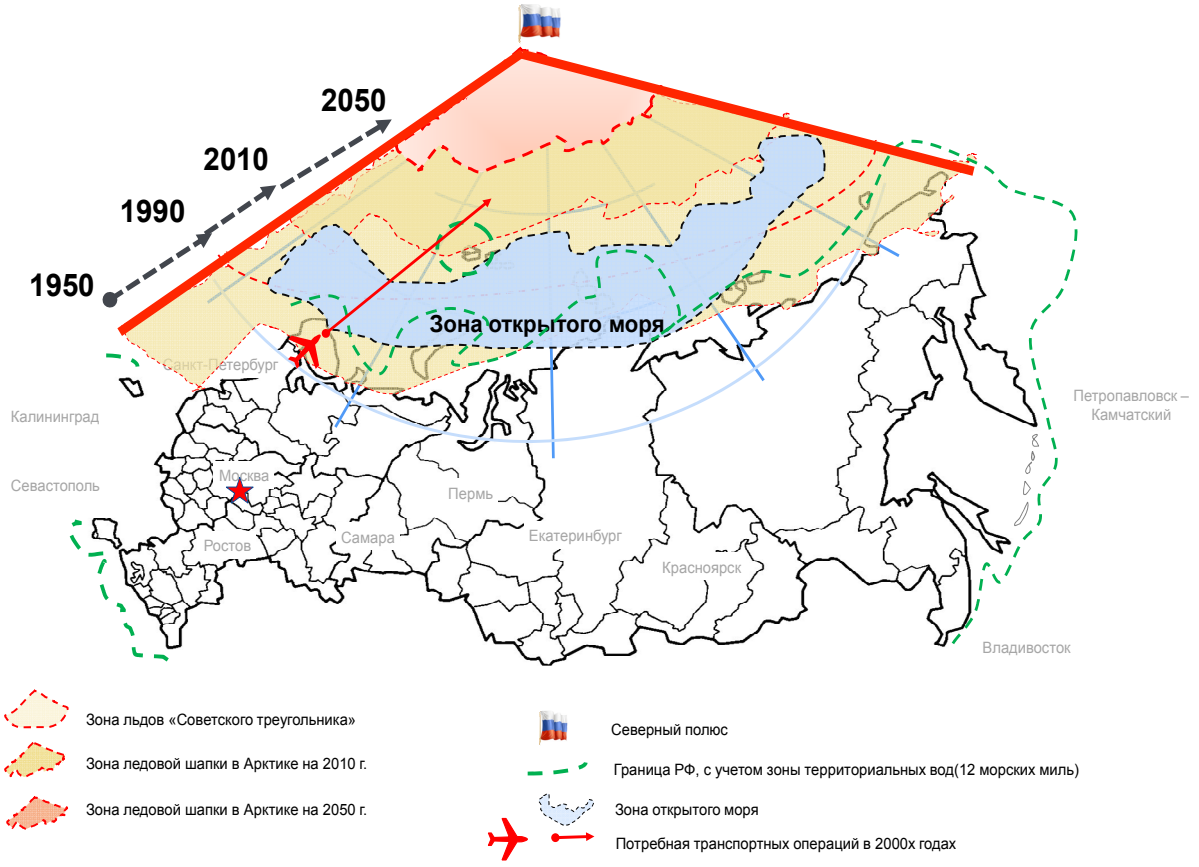


Рисунок 1.
Ретроспективный анализ и прогноз ледовой обстановки в Арктике (период 1950–2050 гг.)

Арктические страны – Российская Федерация, США, Канада, Дания, Исландия, Швеция, Финляндия, Норвегия – заинтересованы в активном участии в делах региона, и это т.н. национальный уровень управления Арктикой. США, так и не ратифицировавшие Конвенцию ООН по морскому праву в 1982 г., проявляют стойкий интерес к арктическому региону. Упор в политике страны делается на продвижение американских интересов в этом регионе всевозможными способами – путем активного участия в арктических форумах, влияние через НАТО (рис. 2), поддержка союзников [4].

Рисунок 2.
Арктика передовой рубеж обороны

Современные формы ведения хозяйственной деятельности в Арктике включают несколько направлений, в том числе: проведение научных и прикладных исследований, обеспечение безопасности и охрана границ в полярных регионах, инфраструктурная деятельность, добыча минерально-сырьевых ресурсов, обеспечение навигации вдоль Северного морского пути, трансполярные перелеты гражданских самолётов и мн. др.

Российская Федерация активно расширяет свое присутствие в полярных регионах. Поддержание ее приоритета в Арктике базируется, в т.ч. и на развитии научных исследований и образовательных инициатив академических институтов и университетов, государственных научных центров, высокотехнологичных компаний и корпораций. Для развития Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) необходимым и важным является установление «научного приоритета» в данном регионе путем разработки специальных технических регламентов, национальных стандартов и нормативных документов, регламентирующих исследования. Таким образом национальная практика технического регулирования инфраструктурной деятельности в данном регионе может послужить основанием для повышения качества жизни в АЗРФ и степени его изученности как географического объекта.

В августе 2014 г. Президент Российской Федерации Владимир Путин заявил: «Россия должна больше внимания уделить укреплению позиций в Арктике, поскольку этот регион представляет сосредоточение интересов страны во многих сферах. Арктика является важнейшим и очень перспективным регионом России, а помимо сырья, он ещё и исключительно удобен для развития транспортной инфраструктуры» [5, 15–17].

Политика России в АЗРФ осуществляется согласно двум основным документам – «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике до 2020 года и на последующий период», принятый в 2008 г., и «Стратегия развития Арктической зоны России на период до 2020 года» [2], принятой в 2013 г. К основным национальным интересам России в Арктике относятся: использование Арктической зоны в качестве стратегической ресурсной базы социально-экономического развития страны, обеспечение национальной безопасности, сохранение Арктики в качестве зоны мира и сотрудничества, сбережение уникальных экологических систем Арктики, использование Северного морского пути в качестве национальной единой транспортной коммуникации России в Арктике.

АЗРФ занимает значительные площади страны. Ее активное инфраструктурное освоение оправдано не только богатыми природными ресурсами, но и дополнительными стратегическими возможностями логистики, которые открываются для экономики России. Таким образом, разрабатываемая Техническим комитетом по стандартизации № 187 «Проведение исследований в полярных регионах» система обслуживания «арктической инфраструктуры» требует, в свою очередь, решения ряда стратегических задач, связанных с «полярным исполнением» – нормативно-правовым и техническим регулированием хозяйственной, в т.ч. исследовательской деятельности в Арктике, учитывающими ее труднодоступность и экстремальный климат.

В рамках реализации «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г.» к началу 2018 г. введено более 100 объектов капитального строительства, расположенных в Российской Арктике. Сдаваемые объекты расположены на территориях Земли Франца Иосифа, Новой Земле, острове Среднем (архипелаг Северная Земля), мысе Шмидта, островах Врангеля и Котельный [5]. МЧС России также планирует увеличить техническую оснащенность подразделений и существующих 6 арктических центров. В настоящее время безопасность помимо арктических центров также обеспечивается мощными пожарно-спасательными гарнизонами, прикрывающими населенные пункты и объекты экономики. В состав группировки МЧС России входят 98 пожарно-спасательных подразделений и 3 военизированные горноспасательные части, которые оснащены новой техникой, экипировкой для работы в северных широтах [11].

Возможность осуществления хозяйственной и инфраструктурной деятельности в полярных регионах является объектом постоянной конкуренции. В условиях глобальной конкуренции и сложных (многоуровневых) интегральных межгосударственных экономических связях, основными участниками активной деятельности в полярных регионах сегодня становятся в большей степени высокотехнологичные компании и транснациональные корпорации, и уже в меньшей степени национальные и федеральные органы исполнительной власти, министерства и национальные агентства, а также силовые ведомства.

Между участниками полярной деятельности происходит конкуренция за передовые технологии поддержания безопасности, морской и наземной геологоразведки, космических исследований и методов дистанционного зондирования Земли, новые материалы и сплавы, а также за информационно-техническую поддержку инфраструктурной деятельности на уровне создания перспективной инновационной продукции и технологий в «полярном исполнении».

Такое разнообразие игроков в полярных регионах, имеющих при этом собственные интересы, реализуемые по отдельности, ведет к тому, что система взаимоотношений становится многоуровневой и слишком сложной, запутанной и децентрализованной. Наличие международных арктических организаций и международных соглашений, созданных в первую очередь для унификации и координации действий в полярных регионах, не устраняет проблему развития нормативно-правового и технического регулирования деятельности в Арктике на национальном уровне.

Раскоординированность деятельности становится особенно явной при **проведении научных исследований и образовательных инициатив** академическими институтами и университетами, государственными научными центрами, необходимых как для социально-экономического развития регионов АЗРФ, так и для прогресса арктической науки и технологий. Главной причиной этого является **отсутствие унифицированных подходов к регламентации деятельности в Арктике, в том числе при проведении полярных исследований**, **отсутствие единых правил и стандартов, на которые могли бы равняться региональные, национальные и международные участники.** Наличие подобных стандартизированных норм, в свою очередь, послужит повышением конкурентоспособности и качества как высокотехнологической продукции, используемой при проведении полярных исследований, так и в целом положительно повлияет на развитие данного региона. Разработка арктических стандартов и регламентов на национальном и

международном уровнях будет способствовать повышению конкурентоспособности и качества высокотехнологической продукции, что также является основой повышения конкурентоспособности России.

В июне 2016 г. Государственная комиссия по вопросам развития Арктики заявила о необходимости и важности разработки специальных арктических ГОСТов. Таким образом, Арктика должна стать регионом «тестирования» для высокотехнологичной продукции, в частности – экипировки, технологий сохранения тепла, новых теплосберегающих строительных материалов, ГСМ и металлов для автомобильной, морской и авиационной техники, систем жизнеобеспечения и пр. Т.н. «полярное исполнение» должно обрести контуры системы национальных стандартов, учитывающих специфику работы и продолжительного пребывания человека в Арктике. Разработка подобных стандартов на национальном уровне позволит консолидировать подходы и механизмы межведомственного взаимодействия национальных участников полярных исследований, что благотворно скажется на дальнейшем развитии арктического региона. Более того, **разработка стандартов для Арктики – задача, которую ранее не предпринимала ни одно арктическое государство.** Этот фактор критически важен в усилении влияния в регионе, так как именно национальные стандарты могут и должны стать основами регламентации и международных исследований в Российской Арктике [5-6].

Географическая специфика и регламентация пребывания и хозяйственной деятельности в Арктике как предмет стандартизации («арктическое исполнение»)

В Сборнике информационных и нормативных материалов «Условия труда на геологосъемочных работах» (2004) представлена подробная информация об экстремальных факторах пребывания и хозяйственной деятельности в Арктике [5]. В 1991 г. были введены РД 31.89.01-89 «Правила безопасности труда при производстве гидрографических, лоцмейстерских и других работ в Арктике» [13–14], в которых в соответствии с имеющимися на тот момент государственными стандартами определен круг технической регламентации исследований в Арктике. В п. 1.1.9 «Правил …» отмечено, что этот документ не может предусмотреть «все случаи и ситуации при производстве полевых (экспедиционных) работ в Арктике» (с. 7). Но как можно видеть из сложившейся практики арктических исследований их спектр существенно более широкий [11–16, 18–20], современная практика управления комплексным развитием АЗРФ требует особых подходов к стандартизации и регламентации [14, 17].

Таблица 1

Некоторые природные факторы, определяющие требования к «арктическому исполнению» – техническому регулированию и стандартизации исследований в Арктике (значение фактора: +++ – высокое, ++ – среднее, + – незначительное, но учитываемое)

Природные факторы	Связь	Транспорт, техника	Системы жизнеобеспечения	Строительство	Технологии исследований	Пребывание вне помещения
Факторы, определяющие низкую устойчивость функционирования информационно-телекоммуникационных систем (ИТС)	+++	++	++	+	+++	+++
Сложная электромагнитная обстановка (ЭМО), высокая ионизация атмосферы, полярные сияния	+++	+++	++	+	+++	++
Низкие температуры воздуха (средние, минимальные) – до −45…−50°С (на полюсе холода – до –67,8С), длительность их воздействия на организм человека, технику и приборы	++	++	+++	+++	+++	+++
Продолжительные полярный день и полярная ночь с экстремальными условиями освещенности и солнечной инсоляции (наличие/отсутствие)	++	+++	+++	++	++	+++
Аномальные сильные ветра со скоростью до 50 м/с и более; в сочетании с высокой влажностью воздуха, а зимой – с метелью и продолжительной поземкой	++	+++	+++	+++	++	+++
Пониженное содержание кислорода в воздухе, соответствующее условиям на высотах 1500–2000 м н.у.м.	+	++	+++	++	++	+++
Наличие сезонных и многолетнемерзлых грунтов, проявление криогенеза	+	++	++	+++	++	++
Ледовитость морских акваторий, айсбергообразование (ограничения движения морского транспорта, прохождение сигнала мобильной связи)	++	+++	+	-	++	+
Современное наземное оледенение арктических архипелагов (ледники занимают около 55 тыс. км[2)]) и приарктических территорий; развитие нивально-гляциальных процессов	++	++	+	+	++	++

Российская Федерация, как одна из полярных стран, которые обеспечивают собственное присутствие в Арктике на постоянной основе, как обладающее наибольшими арктическими территориями и акваториями государство и как член Арктического совета уделяет особое внимание регламентации исследований и хозяйственной деятельности в регионе, а также используемой при этом техники и оборудования.

Подходы к стандартизации деятельности в Российской Арктике

На текущий момент, в АЗРФ, как и в большинстве арктических районах других стран, входящих в Арктический совет или претендующих на участие в полярной деятельности, не существует комплекса нормативных документов и стандартов, которые могут всесторонне регулировать деятельность в Арктике. Это приводит к определенным сложностям, когда возникает необходимость инфраструктурной деятельности или применения в полярных условиях высокотехнологичной продукции. Вся проектируемая и создаваемая техника, а также другая продукция, создаваемая в России, не является по умолчанию пригодной для использования в арктическом регионе и удовлетворяет лишь требованиям действующих внутренних СТО и ГОСТ.

По этой причине, например, когда возникает потребность в технике, которую можно применять в Арктике, уже существующие ее образцы подвергаются переоборудованию и модернизации. Это негативно сказывается на конкурентоспособности высокотехнологичных компаний в первую очередь за счет лишних затрат на разработку, внедрение, тестирование и производство необходимого «арктического исполнения».

Ещё со времен СССР отечественные стандарты, относящиеся к использованию объектов в полярных областях, воспринимались во всем мире едва ли не эталонными. Но меняются цели, технологии, активное освоение полярных территорий порождает новые запросы. В настоящее время в Российской Федерации действует ряд стандартов на продукцию, отправляемую в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности в части упаковки, маркировки, транспортирования и хранения (например, ГОСТ 15846-2002 «Продукция, отправляемая в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности. Упаковка, маркирование, транспортирование и хранение»), однако этого недостаточно. Нужны инициативы процесса создания нового полноценного комплекса арктических стандартов, необходимых для конкурентоспособной деятельности в Арктике и методики их применения на национальном и международном уровнях.

Разработка комплекса арктических стандартов является необходимым шагом при осуществлении успешной деятельности в АЗРФ. Реализовав национальный приоритет, можно перейти к формированию международного приоритета, путем интеграции национальных арктических стандартов в рамках Международной организации по стандартизации (ISO) и Международной электротехнической комиссии (МЭК). В рамках Генеральной сессии МЭК в октябре 2017 г. во Владивостоке, одной из центральных тем стала стандартизация повышенных требований к климатической стойкости электротехнических изделий – именно на основе отечественного опыта стандартизации. Еще одним доказательством того, что повестка арктической стандартизации и «полярного исполнения» выходит на первый план является создание в январе 2017 г. в целях укрепления приоритета России в области научных и прикладных исследований и расширения деятельности в полярных регионах, Технического комитета № 187 «Проведение исследований в полярных регионах» в структуре Росстандарта согласно приказу № 139 27.01.2017. Деятельность секретариата ТК187 сопровождается АНО Научно-информационный центр «Полярная инициатива». ТК187 – это экспертная площадка в области стандартизации для полярных регионов, которая на консенсусной основе вырабатывает единые технические требования и национальные стандарты, нормативно-технические документы, необходимые для развития АЗРФ. В структуре Росстандарта до 2017 г. не было профильного «полярного» комитета, который бы мог организовать и контролировать данную работу.

В состав ТК 187, перед которым была поставлена задача разработать ряд национальных стандартов, касающихся полярных исследований, вошли более 40 организаций, в том числе Государственная корпорация «Ростех», АО «Российские космические системы» (ГК «Роскосмос»), АО «Вертолеты России», АО «Росэлектроника», АО «РТ-Химкомпохит», АО «Авиационный комплекс им. С.В. Ильюшина» (ОАК), Министерство Обороны РФ, структуры МЧС РФ и Министерства природных ресурсов и экологии РФ, ГНЦ РФ «Арктический и антарктический научно-исследовательский институт», МГИМО МИД России, Географический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, САФУ имени М.В. Ломоносова, Институт наук о Земле Санкт-петербургского государственного университета, институты РАН, отделения Русского географического общества и Ассоциации полярников, ФГУП «Крыловский государственный научный центр» и др. [10–20].

В виду того, что освоение АЗРФ является одним из приоритетных направлений социально-экономического развития Российской Федерации, более десятка организаций изъявили желание участвовать в создании комплекса стандартов, который будет непосредственно влиять на их конкурентоспособность как в Арктике, так и в целом на мировом рынке.

План деятельности ТК187 по созданию новых ГОСТов до 2020 г. включает в себя большую группу базовых стандартов для полярной деятельности и специализированной полярной техники (табл. 2).

Таблица 2

Перечень основных национальных и межгосударственных стандартов, которые предполагается разработать ТК187

№№	Перечень национальных и (или) межгосударственных стандартов
1.	ГОСТ Р «Проведение исследований в полярных регионах. Общие положения. Словарь терминов и определений в области полярных исследований»
2.	ГОСТ Р «Проведение исследований в полярных регионах. Декларация деятельности участников полярных исследований. Основные принципы»
3.	ГОСТ Р «Проведение исследований в полярных регионах. Требования к участникам полярных исследований»
4.	ГОСТ Р «Проведение исследований в полярных регионах. Требования к организациям, производящим высокотехнологичную продукцию и технику для использования или эксплуатации в полярных регионах»

5.	ГОСТ Р «Проведение исследований в полярных регионах. Требования к участникам полярных исследований. Квалификационные требования к персоналу»
6.	ГОСТ Р «Проведение исследований в полярных регионах. Требования к университетам и учебным организациям по подготовке специалистов для полярных регионов»
7.	ГОСТ Р «Проведение исследований в полярных регионах. Системы менеджмента полярной деятельности. Требования и руководство по применению»
8.	ГОСТ Р Проведение исследований в полярных регионах. Системы менеджмента полярной деятельности. Руководящие указания по принципам, системам и методам обеспечения деятельности участников полярных исследований»
9.	ГОСТ Р «Проведение исследований в полярных регионах. Системы менеджмента полярной деятельности. Экологическая оценка площадок и организаций участников полярных исследований»
10.	ГОСТ Р «Проведение исследований в полярных регионах. Системы менеджмента полярной деятельности. Мониторинг окружающей среды в полярных регионах. Оценивание экологической эффективности и последствий деятельности участников полярных исследований»
11.	ГОСТ Р «Проведение исследований в полярных регионах. Системы менеджмента полярной деятельности. Управление окружающей средой при проведении полярных исследований. Оценка жизненного цикла в полярных регионах. Принципы и структура»
12.	ГОСТ Р «Проведение исследований в полярных регионах. Системы менеджмента полярной деятельности. Управление окружающей средой в полярных регионах. Общие положения. Словарь терминов и определений в области полярных исследований»
13.	ГОСТ Р «Проведение исследований в полярных регионах. Системы менеджмента полярной деятельности. Интегрирование экологических аспектов в проектирование и разработку продукции участников полярных исследований»
14.	ГОСТ Р «Проведение исследований в полярных регионах. Системы менеджмента полярной деятельности. Обмен информацией участниками полярных исследований. Рекомендации и примеры»
15.	ГОСТ Р «Проведение исследований в полярных регионах. Измерение, количественное измерение и уменьшение выбросов парниковых газов в Арктике»
16.	ГОСТ Р «Проведение исследований в полярных регионах. Использование гео-информационных систем (ГИС) в полярных регионах»
17.	ГОСТ Р «Проведение исследований в полярных регионах. Требования к транспортным средствам, используемым в полярных регионах»
18.	ГОСТ Р «Проведение исследований в полярных регионах. Требования к авиационной технике, используемой в полярных регионах»
19.	ГОСТ Р «Проведение исследований в полярных регионах. Авиационная техника, используемая в полярных регионах. Требования к беспилотным летательным аппаратам и беспилотной авиационной технике используемой в полярных регионах»
20.	ГОСТ Р «Проведение исследований в полярных регионах. Авиационная техника используемая в полярных регионах. Рекомендации по проведению ледовой авиаразведке.
21.	ГОСТ Р Проведение исследований в полярных регионах. Авиационная техника, используемая в полярных регионах. Требования к самолетам полярного базирования»
22.	ГОСТ Р «Проведение исследований в полярных регионах. Авиационная техника, используемая в полярных регионах. Требования к ремонтопригодности самолетов полярного базирования»
23.	ГОСТ Р «Проведение исследований в полярных регионах. Авиационная техника, используемая в полярных регионах. Требования к сервису самолетов полярного базирования»
24	ГОСТ Р «Проведение исследований в полярных регионах. Авиационная техника, используемая в полярных регионах. Требования к грузам и грузовым платформам для транспортных самолетов»
25.	ГОСТ Р «Проведение исследований в полярных регионах. Авиационная техника, используемая в полярных регионах. Рекомендации по подготовке снежных и ледовых взлетно-посадочных полос для самолетов полярного базирования»
26.	ГОСТ Р «Проведение исследований в полярных регионах. Требования по использования глобальных навигационных систем позиционирования в полярных регионах»
27.	ГОСТ Р «Проведение исследований в полярных регионах. Требования по обеспечению транспортной безопасности на арктических объектах инфраструктуры»
28.	ГОСТ Р «Проведение исследований в полярных регионах. Общие требования к телекоммуникационной инфраструктуре полярных регионов»
29.	ГОСТ Р «Проведение исследований в полярных регионах. Требования к организациям, осуществляющим туристическую деятельность в полярных регионах»
30.	ГОСТ Р «Проведение исследований в полярных регионах. Требования к специалистам и гидам, ведущим туристическую деятельность в полярных регионах»
31.	ГОСТ Р «Проведение исследований в полярных регионах. Требования к туристической инфраструктуре в полярных регионах»
32.	ГОСТ Р «Проведение исследований в полярных регионах. Рекомендации по организации туристической деятельности в полярных регионах»
33.	ГОСТ Р «Проведение исследований в полярных регионах. Требования по биологической безопасности при обнаружении и исследовании археолого-палеонтолических находок»
34.	ГОСТ Р «Проведение исследований в полярных регионах. Требования к аварийно-спасательным мероприятиям в полярных регионах»

В XXI в. Арктика занимает стратегическое положение и является объектом развивающейся конкуренции государств и высокотехнологичных компаний и научных организаций.

Страны и заинтересованные промышленные группы стремятся усилить здесь свое влияние и закрепить собственное физическое присутствие или инфраструктурное участие в проектах, осуществить поставку продукции или при-

менение технологий, пролоббировать внедрение узкопрофессиональных и национальных отраслевых правил, стандартов и технических регламентов.

Помимо основных арктических игроков, к региону проявляют интерес и нерегиональные игроки, среди которых КНР, Япония, Южная Корея. Они явно не претендуют на огромные запасы арктического шельфа, но при этом изучают возможные перспективы использования морских транспортных путей для улучшения собственного экономического благополучия. С каждым годом их влияние все сильнее ощущается в регионе. Так, в 2017 г. КНР официально объявила о намерении развивать инициативу Полярного Шелкового пути в Арктике, создавая морские торговые пути и укрепляя торговые отношения с разными странами региона. Использование морских путей и природных ресурсов Арктики может оказать огромное влияние на энергетическую стратегию и экономическое развитие КНР, которая входит в число мировых лидеров в сфере внешней торговли и является крупнейшим потребителем энергоносителей в мире.

Позиционирование на мировой политической арене арктических территорий как исключительной экономической зоны Российской Федерации требует развития региональной транспортной сети, в т.ч. грузовых и пассажирских авиаперевозок. В утвержденной Президентом РФ «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» отмечается дефицит самолетов и технологических возможностей по изучению, освоению и использованию арктических пространств и ресурсов, недостаточная готовность к переходу на инновационный путь развития Арктической зоны Российской Федерации (п. 4).

В целях модернизации и развития инфраструктуры арктической транспортной системы, обеспечивающей развития Северного морского пути как единой национальной транспортной магистрали согласно п. 12, предусматривается:

- совершенствование транспортной инфраструктуры в регионах освоения арктического континентального шельфа в целях диверсификации основных маршрутов поставки российских углеводородов на мировые рынки;
- формирование современных транспортно-логистических узлов обеспечения магистральных и международных перевозок на базе аэропортов федерального значения и региональных аэропортов малой интенсивности полетов;
- создание и развитие системы комплексной безопасности арктического судоходства, управления транспортными потоками в районах интенсивного движения судов, включая навигационно-гидрографическое, гидрометеорологическое, ледокольное и иные виды обеспечения, создание комплексных аварийно-спасательных центров;
- развитие эффективной системы авиационного обслуживания арктических районов, включая реконструкцию и модернизацию аэропортовой сети вдоль трассы Северного морского пути (СМП);
- развитие малой авиации с целью удовлетворения потребностей в воздушных перевозках и обеспечения их доступности в Арктической зоне Российской Федерации.

Транспортная доступность к инфраструктурным объектам и базам обеспечивается при помощи авиации полярного базирования (рис. 3–4). Развитие СМП без авиационной поддержки удаленных портов и транспортной инфраструктуры не позволяет в комплексе решить задачи «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года».

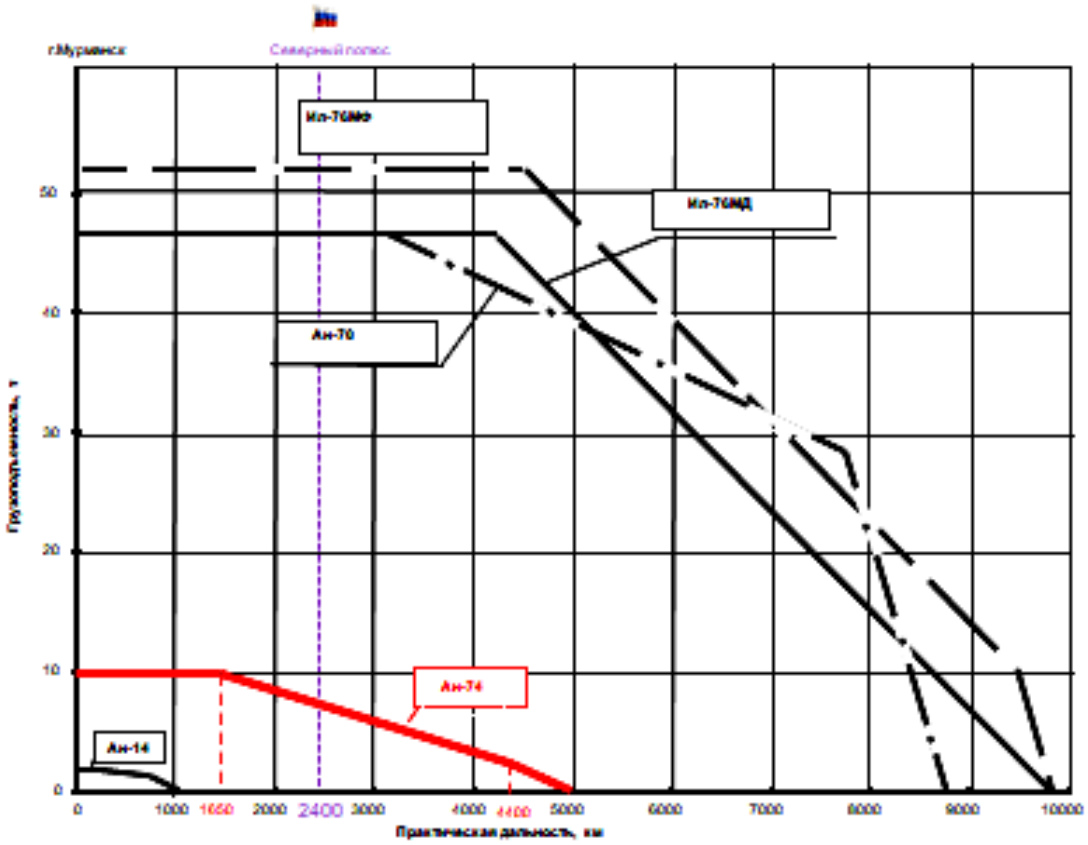


Рисунок 3.
Диаграмма груз – дальность для полярной авиации

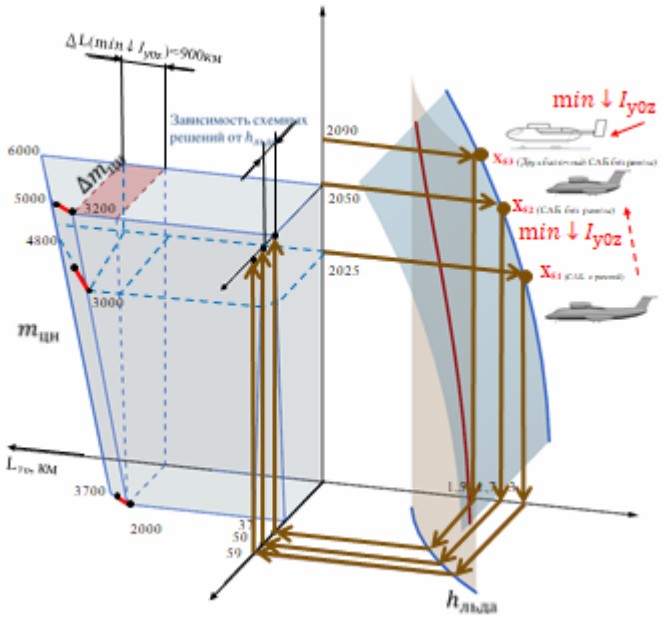


Рисунок 4.
Влияние инфраструктурных ограничений на облик самолета полярного базирования

Возрастает необходимость создания авиационной техники именно в «полярном исполнении». В разработанном ТК187 ГОСТ Р «Проведение исследований в полярных регионах. Термины и определения» само «полярное исполнение» определено, как совокупность конструкционных и технологических, производственных и эксплуатационных мероприятий, обеспечивающих возможность применения технического средства или изделия в полярных регионах. В «полярном исполнении», различают арктическое и антарктическое исполнение. Оно предполагает, что техническое средство или изделие выполнено с учетом специального технического задания для полярных условий эксплуатации и должно, как минимум, эксплуатироваться и выдерживать воздействия полярных условий окружающей среды:

– применяемые материалы, детали, узлы, их сочленения и технические средства при предусмотренных нагрузках;

– силовые агрегаты, трансмиссии и движители;

– горюче-смазочные материалы и источники электрической энергии;

– электрические, электронные, программируемые электронные, а также гидравлические и пневматические средства контроля и управления, сигнализации и связи, средства обеспечения безопасности;

– средства поддержания комфорта в кабинах и салонах транспортных средства и в кабинах подъемных кранов и погрузочно-разгрузочных средств.

Это только один из примеров отраслевого подхода в деятельности ТК 187.

Заключение

Согласно положению о ТК 187, проведение исследований в полярных регионах – комплекс работ (научно-исследовательских и опытно-конструкторских или их этапов) и мероприятий (экспедиции, научные станции и др.), направленный на изучение и научное описание полярных регионов (в т.ч. и в Российской Федерации) и создание образцов высокотехнологичной продукции, предназначенных для функционирования в условиях полярных регионов, а также изучения выработки рекомендаций по организации деятельности человека в условиях полярных регионов. ТК 187 работает над тем, чтобы поддерживать приоритетные позиции России в этих вопросах – ни в одной другой стране мира подобных компетенций на сегодняшний день нет.

На современном этапе для Российской Федерации сложились наиболее удачные условия для завоевания и удержания подобного превосходства в Арктике. Выработанная в ходе обоснования деятельности по стандартизации разных видов хозяйственной деятельности в Арктике методика позволяет уже в самой ближайшей перспективе за счет «полярного исполнения» существенно повысить конкурентоспособность и самой деятельности и высокотехнологичной продукции, техники и технологий, применяемых при освоении АЗРФ. В долгосрочной же перспективе, выступив в качестве инициатора разработки международных стандартов на основе собственных национальных стандартов, Российская Федерация имеет все шансы получить конкурентное преимущество как в научно-технической области, так и в системе мировой стандартизации, по сути предложив миру эффективную систему международных арктических стандартов, которая в идеале должна быть распространена и на деятельность в АЗРФ.

28 июня 2018 г. в Московской штаб-квартире Русского географического общества состоялось заседание Технического комитета по стандартизации № 187 «Проведение исследований в полярных регионах» Росстандарта. К участникам с приветственным словом обратился Первый вице-президент Русского географического общества А.Н. Чилингаров. Заместитель председателя ТК 187, член Полярной комиссии РГО, к.т.н. Н.М. Куприков представил окончательную редакцию национального стандарта РФ ГОСТ Р «Проведение исследований в полярных регионах. Термины и

определения». Для него членами ТК187 и российским научно-экспертным сообществом определены понятия, необходимые для нормативного правового регулирования в полярных регионах. Были определены и приняты планы деятельности ТК 187. Этим дан старт нужной и важной работы по внедрению системы новых стандартов «полярного исполнения».

Список литературы

1. Арктическое пространство России в XXI веке: факторы развития, организация управления / Под ред. акад. В.В. Ивантера. – СПб.: Изд. дом «Наука», 2016. – 1040 с.
2. Aviatsionnyye pravila. CHast’ 25 / Lëtno-issledovatel’skiy institut im. M.M. Gromova. 1994.
3. Aviatsionnyye pravil IKAO. CHast’ 34 «Okhrana okruzhayushchey sredy» / Lëtno-issledovatel’skiy institut im. M.M. Gromova. 1994.
4. Зайков К.С., Калинина М.Р., Кондратов Н.А., Тамицкий А.М. Стратегические приоритеты научных исследований России и зарубежных государств в арктическом регионе // Арктика: экология и экономика. 2016. – № 3 (23). – С. 29–37.
5. В 2017 году в российской Арктике завершится строительство более 100 объектов военной инфраструктуры. – http://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12109324@egNews
6. Kuprikov M., Rabinskiy L.N. Influence of infrastructure constraints on the geometrical layout of a long-haul aircraft // Journal of Mechanical Engineering Research and Developments. 2018. – Vol. 41(4). – P. 40–45.
7. Kuprikov M., Rabinskiy L.N. Vertical take-off and landing aircrafts: Myth or reality of modern aviation // Journal of Mechanical Engineering Research and Developments 2018. – Vol. 41(4). – P. 46–52.
8. Kuprikov M., Rabinskiy L.N. Cross-polar routes as a factor that changed the geometric layout of long-haul aircrafts flying over long distances // Journal of Mechanical Engineering Research and Developments. 2018. – Vol. 41(4). – P. 53–57.
9. Куприков Н.М., Доронин Д.О., Журавский Д.М. Перспектива разработки арктических стандартов для повышения конкурентоспособности российских компаний в полярных регионах // Изв. Тульского гос. ун-та. Технические науки. Вып. 7. 2017. – С. 227–238.
10. МЧС откроет в Арктике дополнительные центры. – https://rg.ru/2017/03/30/reg-szfo/mchs-otkroet-v-arktike-chetyre-dopolnitelnyh-centra.html
11. National Strategy For The Arctic Region May 2013. – https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/nat_arctic_strategy.pdf
12. Путин предложил новый способ использования Северного морского пути. – http://pro-arctic.ru/15/05/2017/news/26606
13. РД 31.89.01-89 «Правила безопасности труда при производстве гидрографических, лоцмейстерских и других работ в Арктике». – М.: в/о Мортехинформреклама. – 147 с.
14. Сборник информационных и нормативных материалов «Условия труда на геологосъемочных работах» / Ред. и сост. Г. Лучанский. – М.: Аэрогеология, 2004.
15. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. Утверждена Президентом РФ В. Путиным 20.02.2013 г. – М.: Правительство РФ, 2013. – 18 с.
16. ТК 187 «Проведение исследований в полярных регионах». – https://russianpolar.ru/tk187/
17. Тишков А.А. Международные научные инициативы в российской Арктике: двадцать лет позитивной деятельности в рамках Международного арктического научного комитета // Арктика: экология и экономика. 2015. – № 1 (17). – С. 86–91.
18. Указ «О сухопутных территориях Арктической Зоны Российской Федерации» – http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d4d8e8206d56fc949d.pdf
19. Хассол С.Д. Оценка климатических воздействий в Арктике // АСИА. Изд-во Кэмбриджского университета, 2004. – 144 с.

Лазоркина О.И.
к.и.н., доцент, доцент кафедры дипломатической и консульской службы факультета международных отношений, Белорусский государственный университет
lazorkina@tut.by

АЗИАТСКИЙ ВЕКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Ключевые слова: *Республика Беларусь, Китай, Индия, Индонезия, Монголия, Вьетнам, Республика Корея, Япония, внешняя политика Республики Беларусь, двустороннее сотрудничество, многосторонний формат, межрегиональное сотрудничество.*

Сегодня Азия – один из наиболее динамично развивающихся регионов мира. XXI век уже называют веком Азии. Это огромный притягательный рынок, который предоставляет практически неограниченные возможности для тех, кто сможет найти в нем свою нишу. В значительной степени такому имиджу способствуют и инициативы крупнейших азиатских государств, прежде всего Китая. Многомиллиардные проекты, наряду с умелой пропагандой создают впечатление легкости в их реализации. И кажется, что надо просто попасть в эту струю, а все остальное можно будет решить уже потом, на следующей ступени.

Республика Беларусь, как и множество других государств, оценила масштабы развития азиатских государств и возможности, которые могут быть предоставлены их рынками. Принцип многовекторности во внешней политике способствовал поиску новых партнеров. Таким образом, азиатский вектор получил значительный импульс и вошел в число приоритетных в решении внешнеэкономических задач. Беларусь стала интенсивно расширять связи с Китаем, Индией, Японией, Вьетнамом, Индонезией, Республикой Кореей и Монголией. На сегодняшний день эти страны рассматриваются как наиболее перспективные партнеры Беларуси в Азии.

Дипломатические отношения с этими государствами были установлены в основном в 1992 г. – Китай, Индия, Япония, Вьетнам, Республика Корея и Монголия. С Республикой Индонезия соглашение было подписано в 1993 г. В ряде стран Беларусь открыла дипломатические представительства, подчеркивая тем самым важность данного направления сотрудничества уже в 90-е гг. Первое посольство Республики Беларусь в данном регионе было открыто в Китае в 1993 г., затем в Японии в 1995 г., во Вьетнаме и Республике Корея в 1997 г., в Индии – в 1998 г. Открытие посольств в Республике Индонезия в 2011 г. и Монголии в 2014 г. в очередной раз подтвердило важность азиатского вектора внешней политики страны.

В двусторонних соглашениях были зафиксированы намерения сторон развивать взаимовыгодное и равноправное сотрудничество. Договорно-правовая база включала как межправительственные соглашения, так и более важные с практической точки зрения межведомственные.

Традиционно импульсом к началу полноформатного взаимодействия между государствами является обмен визитами на высшем уровне. На следующий год после избрания в качестве главы белорусского государства в 1995 г. А.Г. Лукашенко посетил Китай и выразил глубокую заинтересованность в развитии политического диалога и взаимовыгодного экономического сотрудничества. Одним из важных итогов встречи стала констатация сторонами отсутствия каких-либо разногласий по проблемам международной политики[1].

В 1997 г. белорусский Президент посетил Индию и Республику Корею[2]. Однако в 90-е гг. прорыва в этом направлении так и не произошло, так как страна избрала путь на углубленную интеграцию с Российской Федерацией.

Определенное оживление в азиатском направлении было связано с визитом Председателя КНР Цзян Цзэминя в Минск в 2001 г.[3] Беларусь высоко оценила этот шаг, был подписан ряд важных соглашений, направленных на углубление торгово-экономического сотрудничества. Однако заметные сдвиги в поставках белорусской продукции в КНР замечены не были. Это была капля в море среди поставок в Российскую Федерацию.

Следующим этапом в развитии азиатского направления стал 2005 г. Он был также непосредственно связан с Китаем. В этом году в двусторонних соглашениях впервые прозвучало предложение о стратегическом уровне отношений. Как известно, данный формат свидетельствует о глубокой заинтересованности сторон в углублении взаимодействия в самых разных сферах. Ключевой стала экономическая область. Заявления белорусской стороны были самыми оптимистичными. В ходе визита в КНР в 2005 г. Президент заявил, что «Я приехал сюда, в Китай, как к себе домой, как в Российскую Федерацию»[4]. В ходе рабочего визита в 2008 г. позиции были сформулированы более четко. Александр Григорьевич не только высказался об огромных достижениях китайского народа, но и обозначил роль Бе-

[1] Досье: К визиту Президента Беларуси в Китай // БЕЛТА. – https://www.belta.by/society/view/dose-k-vizitu-prezidenta-belarusi-v-kitaj-160977-2015/

[2] http://korea.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/political/

[3] https://www.sb.by/articles/teplyy-priem-dlya-vysokogo-gostya.html

[4] https://news.tut.by/politics/61137.html

ларуси в будущем великого Китая. «Скажу откровенно: Китай уже сегодня империя. Но завтра это будет мировой лидер, и без Европы им не обойтись. На кого будет опираться Китай в Европе? Там уже все «разобрано». И как-то случилось, что Беларусь, издавна ориентируясь на Китай, доказав преданность нашей дружбе и развитию отношений, осталась страной, на которую КНР может опереться», — отметил А.Г. Лукашенко[1].

В 2007 г. глава белорусского государства посетил Индию. Александр Лукашенко подчеркнул, что Индия является не только приоритетным партнером, но и гордостью внешней политики Беларуси. «Мы убеждены, что сотрудничество с Индией будет гордостью нашей внешней политики», – сказал Президент[2]. Вместе с тем, в ходе переговоров приоритетным было избрано сотрудничество в научно-технической сфере.

Затем были визиты в Индонезию и Вьетнам. В ходе визита в Индонезию было отмечено, что страна является ключевой для продвижения наших интересов в этом обширном регионе. Беларусь для Индонезии также может стать своего рода мостом в сопредельные государства[3].

По итогам состоявшихся переговоров с высшим руководством Вьетнама, глава белорусского государства отметил: «Вьетнам – наш стратегический партнер. Вьетнам является нашим надежным другом в Юго-Восточной Азии, если хотите – плацдармом, с которого мы готовы сотрудничать с другими государствами региона»[4].

Наряду с оптимистичными прогнозами были названы и трудности, которые могут выступить в качестве сдерживающего фактора. В частности, Александр Григорьевич отметил осторожность партнеров и сказал, что «руководство КНР очень долго «запрягает» – это менталитет»[5]. А далее заговорила статистика. Положительное сальдо в товарообороте с Китаем удалось сохранить только в 2005 г. Экспорт Беларуси в Китай в дальнейшем не превышал импорт.

Таблица 1

Динамика внешней торговли Республики Беларусь со странами Азии в 2014–2018 гг. (млн. долл. США)[6]

Страна/ Год	Китай	Япония	Республика Корея	Индия	Вьетнам	Индонезия	Монголия
2014	3013,5	244,7	186,2	399,8	169,3	215,1	22,4
2015	3182,2	102,4	155,4	445,5	149,9	193,5	23,2
2016	2602,2	124,3	119,6	402,2	121,0	195,8	9,9
2017	3106,8	138,8	160,2	454,2	135,3	158,4	13,6
2018	3640,1	145,2	170,0	472,8	115,3	257,6	19,5
Сальдо (2018 г.)	–2673,3	–111,3	– 79,0	137,4	7,9	196,9	18,8

К 2010 г. азиатский вектор внешней политики Республики Беларусь практически сложился. Он нашел свое отражение в основополагающих документах государства[7]. По итогам подписанных двусторонних соглашений были определены ключевые интересы Беларуси в Азии и выделены реальные направления сотрудничества. Главная роль была отведена экономической составляющей. Пришло и осознание того, что «азиатский дракон» отнюдь не легкая добыча.

Экспортно-ориентированная белорусская экономика требует постоянного поиска рынков сбыта. Свыше 50% производимых в стране товаров поставляется на экспорт. Беларусь активно осваивает новые ниши на внешних рынках – экспорт услуг. Кроме транспортных, в основные добавились компьютерные и строительные. В этой связи азиатский рынок стал представлять для Беларуси исключительный интерес.

Вместе с тем, конкуренция на рынках товаров и услуг настолько высока, что требует своевременной модернизации производств. Экономические условия ограничивают бюджетный канал инвестирования предприятий. Внутренние источники инвестиционных ресурсов также ограничены. Поэтому для Беларуси крайне актуальным является вопрос привлечения иностранных инвестиций для модернизации экономики. Кроме того, крайне важным является соответствия уровня развития инфраструктуры новым реалиям. Привлечение иностранных инвестиций рассматривается как один из приоритетов стратегии развития Беларуси. Сегодня кредитно-инвестиционная сфера сотрудничества – одна из наиболее динамично развивающихся в рамках азиатского вектора внешней политики страны.

Беларусь позиционирует себя как страна IT-технологий. Белорусской «Кремниевой долиной» стал созданный в 2005 году Парк высоких технологий[8]. В рейтинге Международного союза электросвязи Measuring Information Society

[1] Александр Лукашенко в рамках рабочего визита в КНР ответил на вопросы представителей белорусских и китайских СМИ // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – http://president.gov.by/ru/news_ru/view/aleksandr-lukashenko-v-ramkax-rabochego-vizita-v-knr-otvetil-na-voprosy-predstavitelej-belorusskix-i-2765/

[2] https://www.sb.by/articles/gordost-nashey-vneshney-politiki.html

[3] Александр Лукашенко встретился с Президентом Индонезии Сусило Бамбангом Юдойоно // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – http://president.gov.by/ru/news_ru/view/19-marta-aleksandr-lukashenko-vstretilsja-s-prezidentom-indonezii-susilo-bambangom-judojono-1881/

[4] Государственный визит в Социалистическую Республику Вьетнам // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – http://president.gov.by/ru/news_ru/view/gosudarstvennyj-vizit-v-sotsialisticheskuju-respubliku-vjetnam-12689/

[5] https://news.tut.by/politics/61137.html

[6] Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/vneshnyaya-torgovlya/

[7] Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь // Комитет государственной безопасности Республики Беларусь. – http://kgb.by/ru/ukaz575/

[8] Декрет Президента Республики Беларусь «О парке высоких технологий» №12 от 22.09.2005 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Pd0500012

Report, дающем оценку развития ИКТ, Беларусь занимает 32-е место (2017)[1]. Среди азиатских партнеров ПВТ парки и компании Индии, Вьетнама, Китая, Кореи. Высокотехнологичные производства – это ключевой фактор экономического успеха ряда азиатских государств. И Беларусь имеет реальные возможности занять эту нишу.

Дополнительным фактором является потенциал Беларуси в оказании образовательных услуг по подготовке специалистов в сфере информационно-коммуникационных технологий. Динамично развивающиеся рынки азиатских государств крайне нуждаются в высококвалифицированных кадрах. Они привлекают ведущих специалистов из самых разных стран.

История развития информационных технологий в Беларуси насчитывает десятилетия. Еще в советское время в стране была создана сильная школа математиков, инженеров, программистов. Сегодня Беларусь готова предложить программы обучения по самым востребованным специальностям. Среди них наибольший интерес для абитуриентов представляют «ядерная физика и технологии», «математика и информационные технологии», «механика и математическое моделирование». В настоящее время в Беларуси проходят обучение свыше 3000 студентов из Китая[2].

Нельзя обойти вниманием такую важную составляющую во внешнеполитической деятельности современных государств как взаимодействие в рамках международных и региональных организаций. Для Беларуси диалог с региональными организациями, которые играют значимую роль в регионе – возможность подключения к межрегиональным проектам сотрудничества с учётом выгодного транзитного положения между Востоком и Западом.

Азиатский вектор белорусской внешней политики воплощается во взаимодействии с партнерами по таким организациям, как ШОС и АСЕАН. Однако только в статусе государства-наблюдателя[3]. Среди приоритетных направлений можно выделить развитие общего транспортного пространства ШОС, что будет способствовать раскрытию нашего транзитного потенциала, особенно актуальным данное направление стало после начала реализации инициативы КНР «Один пояс один путь».

Одним из перспективных направлений экономического развития стран-членов АСЕАН является внедрение инновационных проектов в сфере цифрового маркетинга, электронной коммерции, информационных технологий, что в свою очередь представляет огромный экономический интерес для Беларуси.

Необходимо отметить также активную и конструктивную позицию Беларуси по вопросам безопасности. Данная проблематика является одной из ведущих в повестке дня упомянутых региональных организаций. Сегодня Беларусь рассматривает ШОС как одну из площадок для продвижения, пожалуй, самой значимой внешнеполитической инициативы страны «Хельсинки – 2». Она направлена на обеспечение регионального и глобального мира путем развития диалога и укрепления доверия между странами.

Наряду со значительными успехами Беларуси в азиатском направлении, следует выделить и ряд существенных проблем, которые сдерживают развитие полноценного сотрудничества со странами региона. Одной из самых значимых проблем для Беларуси является острая конкуренция на рынках азиатских государств, причем со странами, которые являются лидерами в этой области – Великобритания, США, Япония, Австралия и др. Сегодня произвести товар и продать товар – это две большие задачи. Причем во втором случае это определенный вызов для белорусского производителя. Наличие такой проблемы отмечают на всех уровнях, включая посла Китая в Беларуси, который в интервью отметил отсутствие инициативы со стороны руководителей белорусских предприятий[4].

Кредитно-инвестиционная сфера интенсивно развивается только в отношениях с Китаем. Причем приток прямых инвестиций, которые так необходимы Беларуси, в настоящее время ограничен. И проблема связана с невыполнением условий белорусской стороной. А именно с предложением действительно выгодных для китайской стороны проектов. Кроме того, развитие инвестиционного сотрудничества требует серьезного реформирования законодательной системы Беларуси. Среди предложений со стороны белорусских экспертов можно назвать такие как гармонизация национального законодательства с наиболее привлекательными в мире инвестиционными центрами, использование британского права при инвестиционных спорах, простой и прозрачный порядок приватизации, гарантия прав собственности, исключение риска национализации, сокращение регистрационных процедур[5].

С проблемами привлечения инвестиций напрямую связаны и проблемы межрегионального сотрудничества. Такие ключевые партнеры в Азии как КНР и Индия нацелены на развитие в большей степени межрегионального сотрудничества. Они вполне справедливо полагают, что местные власти более мобильные и, значит, финансовая отдача последует намного быстрее. Такой прагматичный подход пока не совсем согласуется с белорусским законодательством.

Сдерживающим фактором в образовательном сотрудничестве является языковая проблема. Для привлечения студентов следует предлагать программы обучения на английском языке. Однако пока в Беларуси круг специальностей на английском языке ограничен. Поэтому при наличии большого числа положительных моментов, количество иностранных студентов из стран Азии пока не впечатляет.

Подводя итог, можно констатировать, что Беларусь обладает серьезным потенциалом для продвижения своих экономических интересов в Азии. Данный вектор во внешней политике не только сложился, но и сохранит свою значимость в ближайшей перспективе. Беларусь имеет прочный положительный имидж в странах Азии и привлекательное географическое положение. Визиты глав таких крупнейших государств Азии как КНР, Индии, Вьетнама свиде-

[1] https://www.mpt.gov.by/ru/news/01-12-2017-2523

[2] http://china.mfa.gov.by/ru/bilateral/education/

[3] Беларусь и международные организации / Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – http://mfa.gov.by/mulateral/organization/

[4] http://by.china-embassy.org/rus/sbgx/t295284.htm

[5] Рудый К.В. Китай – Беларусь: каналы инвестиционного сотрудничества. – http://www.bseu.by:8080/bitstream/edoc/65798/1/Rudyy._K._V..pdf

тельствуют о заинтересованности в углублении сотрудничества. И, пожалуй, еще одна важная составляющая – отсутствие каких-либо спорных вопросов по проблемам регионального и международного характера в отношениях Беларуси со всеми странами региона. Перспективы для Республики Беларусь налицо. Насколько она сможет воспользоваться ими, покажет время.

Ларин О.Н.
д.т.н., профессор, Российский университет транспорта
larin_on@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И СОЗДАНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ

Ключевые слова: *глобализация, социально-политические системы, международные отношения, грандонизация, новый мировой порядок.*
Keywords*: globalization, socio-political systems, international relations, grandonization, a new world order.*

Процессы глобализации и региональной интеграции привели к расширению состава страт социально-политических систем на мировом и страновом уровнях. В результате естественных процессов конвергенции интересов бизнеса и политических институтов сформировался конгломерат наднациональных элит (грандов), который по своей сути является новым социальным классом. В теории заговора таким конгломератам приписывается роль «мирового правительства». По данным [9], в настоящее время происходит перераспределение ресурсов и рычагов влияния от правительств к частному сектору. Многие крупнейшие компании имеют годовой оборот, превышающий ВНП 150 из 185 членов ООН, включая такие страны, как Португалия, Израиль и Малайзия.

Основным социально-политическим интересом этого класса является расширение своего транснационального влияния, рыночного доминирования и получение неограниченного доступа к сырьевым ресурсам. Однако их амбиции зачастую создают угрозу национальным интересам государств, обладающих суверенными (монопольными) правами на распределение ресурсов. Появление новых акторов (субъектов политических процессов) на мировой арене является причиной обострения международных отношений и создаёт реальную угрозу национальным интересам России [2]. В работе [8] показано, что современные межгосударственные конфликты в большей степени обусловлены противоречивостью их геополитических интересов.

Современная модель социально-политического взаимодействия предполагает ведущую роль государства (обособленного национально-территориального образования) в регулировании процесса перераспределения общественных благ. В отдельных странах производство (добыча, переработка, реализация) важнейших природных ресурсов осуществляется национальными компаниями. В других случаях такое производство осуществляется частным бизнесом, в том числе, иностранным, но его деятельность достаточно эффективно контролируется властными структурами и исключает получение сверхдоходов. Более того, государства, в лице своих полномочных органов, с учётом своих национальных интересов могут препятствовать частному бизнесу осуществлять мероприятия по оптимизации расходов (проводить структурные изменения и т.п.), ухудшающие положение граждан. Подобное противоречие интересов создаёт фундаментальные предпосылки для изменения роли государств-наций и трансформации модели социально-политического взаимодействия с их участием.

По мнению экспертов в области мегаглобализма и трансинтеграции, современные политические и экономические кризисы в мировом масштабе и внутри отдельных государств обусловлены скорее трансформационными процессами, нежели обычными неудачами в руководстве или ошибками в принятии решений. Эти явления свидетельствуют о начале эпохального изменения существующих традиционных форм правления обществами, которое уже стали называть «Вторая реформация» или «Экономическая эпоха». Такая эпоха, по мнению американского исследователя Джея Огилви (Jay Ogilvy), приведёт к обособлению государств, а политическая эпоха сменится экономической [5].

Напомним, что в результате «Первой реформации» появились государства-нации (state-nation), основанные на конституционном порядке, правительства и граждане которых заинтересованы во взаимной лояльности и поддержке [7]. Современные индустриально развитые конституционные государства часто предоставляют своим гражданам различные меры социальной поддержки (бесплатное образование и лечение, право участвовать в выборах, пенсии по старости, пособия по безработице, по инвалидности и др.) [3]. В свою очередь население готово защищать суверенные права своих государств-наций. По мнению многих исследователей, именно государство-нация является наиболее эффективной структурой, которая способна обеспечить безопасность и благополучие своим гражданам [10].

Однако на современном этапе, несмотря на значительный экономический и технологический прогресс, государства-нации начинают терять свою социальную привлекательность для граждан. В частности отдельные государства-нации не могут эффективно контролировать свою экономику или валюту, защитить традиционную культуру и образ жизни людей, а общество в целом от транснациональных опасностей, в том числе, терроризма, глобального потепления, инфекционных эпидемий. К этому следует добавить, что на статус государств-наций также оказывают негативное влияние масштабные экономические кризисы, которые порождают проблемы с качественным и доступным образованием и лечением, пенсионным обеспечением, наличие коррумпированной и некомпетентной элиты, сомнительных по своей идеологии партий и непрофессиональных политиков, неспособных обеспечить человеку защищенность

и дать надежду на будущее. Поэтому люди вправе хотеть более ответственную форму правления, способную обеспечить рабочие места и экономическую стабильность. Так как социальные возможности любого государства в значительной степени зависят от бизнеса, соответственно у граждан возрастает доверие к бизнесу, даже больше чем к государствам-нациям [4].

В то же время создается впечатление, что в последнее время ведётся процесс активной дискредитации государств-наций. Иначе чем можно объяснить буквально искусственное нагнетание недовольства у граждан по отношению к своим государствам-нациям, в которых законодательно расширяются права отдельных социальных групп с отличающимися от традиционных взглядами. Это приводит к обострению в обществе противоречий на почве религиозных, культурных и семейных ценностей. В результате граждане начинают воспринимать свои государства-нации не как защитника от угроз, но как источник таких угроз. Когда государства-нации перестанут выполнять свои основные функции, в частности защищать граждан от насилия, обеспечивать им уверенность в будущем, тогда они начнут заменяться другой надстроечной структурой. На эту роль, как известно, претендует мировое государство, выполняющее функции глобального интегратора и регулятора [11].

Происходящие изменения в системе социально-политического взаимодействия свидетельствуют о начавшемся процессе создания такого мирового государства. В результате очередной «реформации» государства-нации уйдут на задний план и уступят место новой форме правления, которую Филип Боббит (Philip Bobbitt) называет «государство-рынок» (market-state) [4]. Подобная структура будет подконтрольна транснациональным конгломератам (грандам) и обеспечит им доступ к мировым ресурсам. Не будем пытаться предсказать возможные черты такого квазигосударства, но судя по амбициям транснациональных группировок, претендующих на мировое экономическое и политическое господство, можно предположить, что за моделью «государства-рынка» скрывается новая форма глобальной колонизации, которую можно назвать как «грандонизация» (grandization).

По мнению Джона Айкенберри (John Ikenberry), современная модель мироустройства характеризуется как «либеральный мировой порядок», который достаточно эффективно способствует развитию международной торговли, предусматривает механизмы урегулирования споров на глобальном уровне, предоставляет гарантии безопасности и обеспечивает поддержку в период кризиса посредством инструментов экономического и политического развития (ООН, ВТО, Группа двадцати, руководящие органы Бреттон-Вудских институтов) [5]. Соответственно нелиберальные модели международного взаимодействия, основанные на суверенном праве отдельных стран выстраивать взаимоотношения с мировым сообществом по отличным от «либеральных» правилам, создают угрозу глобальному доминированию ведущих держав. Хотя Айкенберри не оспаривает целесообразность сохранения государств-наций, по его мнению в перспективе любое государство-нация не сможет развиваться, если оно не будет встроено в единую систему международного экономического регулирования. В этом контексте инициативы по созданию гигантских экономических блоков (Transatlantic Trade and Investment Partnership, Trans-Pacific Partnership, Trade in Services Agreement и др.) можно рассматривать именно как инструменты формирования унифицированных «либеральных» правил экономической деятельности, которые обеспечат условия для формирования «государств-рынков» и их глобального доминирования.

На наш взгляд, одной из главных стратегических целей нового мирового порядка является предоставление небольшому количеству транснациональных группировок доступа к ресурсам всего мира и контроля их распределения, но не через открытость торговли и свободу рынков, а за счёт нивелирования суверенных прав государств-наций. Проблема истощаемости сырьевых ресурсов (воды, нефти, газа и др.) в перспективе будет только усиливаться. Уже сейчас на глобальном уровне активно поднимаются проблемы сохранения климата, снижения бедности, рационального использования ограниченных природных ресурсов. Мировое сообщество выступает за солидарную ответственность и необходимость совместного решения этих проблем на основе создания единых правил и механизмов контроля и регулирования экономической деятельности.

Соответственно создание глобального государства-рынка якобы позволит справедливо распределять ограниченные ресурсы между всеми народами мира и искоренит бедность. Но для этого страны со значительными запасами полезных ископаемых должны будут поделиться своими ресурсами, причём необязательно на рыночных условиях. Отказ от добровольного донорства естественно повлечёт всеобщее неодобрение, которое может выражаться в военной интервенции, блокаде, санкциях и пр. В этом контексте под контуром нового государства-рынка просматривается не просто неолиберальная модель регулирования экономического взаимодействия на глобальных рынках, но жесткий механизм контроля и перераспределения мировых природных ресурсов. Соответственно высказываемые идеи о необходимости передачи управления Арктикой международному сообществу уже не кажутся просто гуманистическими инициативами [1].

В заключение стоит отметить, что идеи создания грандонизированного мирового сообщества не являются новыми в историческом масштабе. Модель грандонизации подобна однополярному мироустройству и фактически имеет те же цели – контроль и распоряжение мировыми ресурсами. Россия и ряд других стран выступают за построение современного мира на многополярной основе, что является необходимым условием устойчивого и безопасного развития всех стран, а не глобальных политико-экономических конгломератов. Однако многочисленные провокации, в том числе террористические атаки, направленные на дестабилизацию обстановки в отдельных странах и ослабление их институтов, свидетельствуют о том, что сторонники всеобщей грандонизации не собираются прекращать борьбу за мировое господство.

Список литературы

1. ВШЭ дистанцировалась от идеи отдать Арктику под международный контроль // Aif.ru. 03.10.2013. – http://www.aif.ru/society/education/938228
2. Тимофеев И.Н. Мировой порядок или мировая анархия? // Современная наука о международных отношениях за рубежом: Хрестоматия: т. 1. / Под общ. ред. И.С. Иванова. – М.: НП РСМД, 2015. – С. 712–756.
3. Bobbitt Ph. Making Sense of Brexit // Stratfor.com 29.06.2016. – https://worldview.stratfor.com/article/making-sense-brexit?utm_campaign=LL_Content_Digest&utm_content=Bobbitt-Brexit-essay&utm_source=email
4. Bobbitt Ph. The Shield of Achilles: War, Peace and the Course of History. – N.Y., 2002. – 919 p.
5. Ikenberry G.J. The Future of the Liberal Word Order // Foreign Affairs. 2011. – N 90 (3). – P. 56–68.
6. Ogilvy J. The Second Reformation: Transitioning to the Economic Era // Stratfor. 25.05.2016. – https://worldview.stratfor.com/article/second-reformation-transitioning-economic-era?id=be1ddd5371&uuid=585f0d38-b2fe-4dcd-82df-447fd9e0ce8f
7. Ogilvy J. Introducing Philip Bobbitt // Stratfor. 31.05.2015. – https://worldview.stratfor.com/article/introducing-philip-bobbitt
8. Russet B.M., Oneal J.R., Cox M. Clash of Civilizations, or Realism and Liberalism Deja Vu? Some Evidence // Journal of Peace Research. 2000. – Vol. 7, N 5. – P. 583–608.
9. Treverton G.F. The Nation-State's Changing Role // cia.gov. 08.05.2007. – https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/kent-csi/vol44no2/html/v44i5a09p.htm
10. Waltz K.N. Globalization and American Power // The National Interest. 2000. – N 59. – P. 46–56.
11. Wend A. Why a Word State is Inevitable // European Journal of International Relations. 2003. – Vol. 9, N 4. – P. 491–542.

Логвиненко В.П.[1]

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ И ПРОЕКТОВ: ПРАКТИКА И СОЦИАЛЬНЫЙ РЕСУРС ОБЩЕСТВА

***Ключевые слова**: инициатива, национальные проекты, общественное здоровье, предприниматель, малый и средний бизнес, управленческие технологии, консультативный процесс, социальный ресурс, образование.*

***Keywords**: strategic initiative, national projects, public health, entrepreneur, small and medium business, management technologies, consultative process, social resource, education.*

Анализируя доступную информацию по национальным проектам с учетом практического опыта социального планирования и социального проектирования, а также используя системные принципы оценки информации, считаю возможным и важным отметить следующее.

Национальные проекты представлены гражданам как стратегическая инициатива, направленная на достижение нового качества жизни для всех поколений, которое может быть обеспечено только при динамичном развитии России. В Указе Президента РФ данная инициатива получила право на жизнь при следующей мотивации: «В целях осуществления прорывного научно-технологического и социально-экономического развития Российской Федерации, увеличения численности населения страны, повышения уровня жизни граждан, создания комфортных условий для их проживания, а также условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека»[2]. Несомненно, возможность вложения таких значительных средств на финансирование национальных проектов – это свидетельство эффективного управления страной. Вместе с тем Глава Счетной палаты Алексей Кудрин в своем комментарии отмечает: «эти национальные проекты являются скорее планами эволюционного развития, но не прорывного … По оценке разных институтов, исполнение нацпроектов добавляет к экономическому росту от 0,1 до 0,6% к ВВП»[3].

При оценке научно-технологического уровня обоснования и схему реализации национальных проектов не сложно увидеть присущие плановой экономике алгоритмы разработки мероприятий, которые без достаточного обоснования должны привести к достижению продекларированных целей. Особенно ярко указанная особенность проявляется в программе Укрепление общественного здоровья. Задачей этого проекта названо: «Формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни, включая здоровое питание и отказ от вредных привычек», а далее приведены затраты на мероприятия.

Весте с тем, обращает на себя внимание взаимосвязь и взаимообусловленность направлений: демография, здравоохранение, экология в перечне принятых нацпроектов.

Отметим, что в научно-общественной среде уже не первый год предпринимаются попытки обосновать понятие «социальное (или общественное) здоровье» как интегральное понятие, отражающее уровень развития и благополучия общества. Постановка проблемы социального (общественного) здоровья стала правомерной с момента ее включения в определение Всемирной организации здравоохранения в области здравоохранения (1947 г.). Именно тогда был сделан акцент на необходимость подходить к лечению больных как социальных существ, которые живут в сложных социальных условиях. Подтверждением важности такого подхода стали появившиеся доказательства того, что те, кто хорошо интегрирован в общество, как правило, живут дольше и быстрее восстанавливаются после болезни. С другой стороны, социальная изоляция, как было выявлено, является фактором риска целого ряда болезней. Таким образом, социальное здоровье применительно к человеку было определено с точки зрения социальной адаптации и социальной поддержки или способности выполнять повседневные функции в обществе.

В 2005 г. ВОЗом была создала Комиссия по социальным детерминантам здоровья (КСДЗ) для предоставления информации о способах уменьшения масштабов выявленных проблем. В августе 2008 г. был выпущен заключительный доклад Комиссии, содержащий три общие рекомендации:

1. Улучшить условия повседневной жизни
2. Преодолеть на несправедливое распределение власти, денег и ресурсов
3. Измерить и понять проблему и оценить воздействие принимаемых мер[4].

Именно понимание проблемы как результат теоретико-методологического обоснования и разработки системы индикаторов, по-прежнему, являются уязвимыми звеньями направления социального здоровья.

---

[1] Логвиненко Виктория Павловна – главный академический координатор образовательного направления Международной Академии Фундаментального Образования, D.Ed., профессор, академик МАФО (https://mafo.academy), генеральный директор Сетевого консорциума непрерывного образования (https://atmos-sfera.ru/skno/). E-mail: consortium@live.ru

[2] http://kremlin.ru/events/president/news/57425

[3] https://futurerussia.gov.ru/nacionalnye-proekty/1054147

[4] http://www.who.int/social_determinants/ru/

«В отличие от понятия «индивидуальное здоровье», общественное здоровье – это социально-политическая категория, характеризующаяся статистическими показателями воспроизводства населения, его физического и духовного развития, сохранностью потенциала и активности жизни популяции, обусловленных уровнем воспроизводства общественных ресурсов, качества окружающей среды и качества жизни». Автор данного определения, Соколов А.Б., к.филос.н. в контексте диссертационного исследования «Социальное здоровье населения в контексте трансформационных процессов в современном российском обществе» подчеркивает также, что наблюдается резкое ухудшение состояния здоровья и социального положения подавляющей части населения в период проведения реформ в России, которые, по мнению автора, «являются прямым следствием социальной дезадаптации и длительной стрессовой ситуации»[1].

При формировании теоретических основ проблематики социального здоровья, осуществленной нами, подчёркивается, что по системной сути это направление сопряжено с понятием устойчивого развития, концептуально выраженное Повесткой дня на 21 век (Agenda 21).

Принимая во внимание вышеприведенное, сложно воспринимать принятую государством программу «Укрепление общественного здоровья» в качестве адекватной попытки решать проблемы общественного здоровья страны. Что касается задачи создания условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека, поставленной в связи с запуском национальных проектов, то ее решение целесообразно рассматривать в процессе реализации программ устойчивого развития с учетом результатов исследований и выводов, накопленных в проблемном поле «социальное здоровье», а также в контексте других междисциплинарных и специальных исследований, которыми располагает общество, благодаря высочайшему уровню его научно-общественного потенциала.

Важно также заметить, что такие проекты, как «Производительность труда и поддержка занятости» и «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» являются составляющими одного программно-целевого блока. Известно, что предпринимательство как форма экономической самоорганизации и самозанятости населения, занимает ведущую роль в рыночной экономике. В теории организации этого рода деятельности отмечено: Предпринимательство – инициативная деятельность граждан, заключающаяся в выработке продукции и услуг, направленная на получение прибыли и осуществляемая в рамках действующего законодательства и этических норм современного общества.[2]

К сожалению, развитие малого и среднего бизнеса в РФ сопряжено с трудностями, среди которых экспертами выделяются[3]:

– отсутствие у руководителей компании знаний в области рыночной экономики;
– некомпетентный персонал;
– плохая система менеджмента;
– большие расходы на уплату налогов и сборов;
– низкая конкурентоспособность;
– отсутствие необходимых финансовых ресурсов для развития организации;
– жесткий характер и изменчивость налогового законодательства страны;
– крупные монополисты в определенных сегментах рынка;
– высокие кредитные ставки и сложности при оформлении кредитов;
– отсутствие государственной поддержки.

Государственная политика содействия развитию предпринимательства во всех его формах, включая предприятия малого и среднего бизнеса, призвана содействовать решению экономических, социальных и иных задач на основе самоорганизации граждан. Однако обращает на себя внимание понятийный аспект, заложенный в государственную политику по этому направлению. Принятием Федерального закона № 209-ФЗ от 24 июля 2007 года «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»[4] государством вводится понятие «малое предпринимательство», что на мой взгляд, ставит под сомнение достаточное понимание его авторами роли, ответственности и задач предпринимательства. Если понятие «малый и средний бизнес» определяет форму и количественные характеристики организованного предпринимателем бизнеса (от малого до крупного предприятия, в дополнение к индивидуальному предпринимательству), то понятие «малое и среднее предпринимательство» не отражает его социальной и экономической сути, и может быть оправдано с позиций стилистического приема, использованного авторами. Тогда производным от словосочетания «малое предпринимательство» должно было бы быть «малый предприниматель», которого, конечно же, не существует в теории предпринимательства, так как оно уменьшает потенциал творчества и предприимчивости у представителей этого рода деятельности, требующей экономического образа мышления и понимания экономической функции предпринимательства в системе социально-экономических отношений, а в крайнем случае характеризует самого предпринимателя.

Разделяя точку зрения, согласно которой «проблема занятости населения в условиях нестабильности экономического развития является одной из важнейших, поскольку она во многом определяет экономическую и социальную безопасность общества»[5], считаю, что целесообразна организация дополнительных консультации с привлечением лингвистов, с целью гармонизации понятийного аппарата в проблемном поле «занятость», что поможет создать адекватные подходы к оценке, измерению и управлению связанными с занятостью процессами и явлениями в нынешних

[1] https://www.dissercat.com/content/sotsialnoe-zdorove-naseleniya-v-kontekste-transformatsionnykh-protsessov-v-sovremennom-rossi

[2] Асаул А.Н., Войнаренко М.П., Ерофеев П.Ю. Организация предпринимательской деятельности: Учебник / Под ред. д.э.н., проф. А.Н. Асаула. – СПб.: Гуманистика, 2004. – 448 с. – http://www.aup.ru/books/m498/12.htm

[3] https://simplefinance.ru/problemy-razvitiya-malogo-biznesa-v-rossii/

[4] https://www.yabloko.ru/municipal/zakon/fz209

[5] https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-zanyatosti-naseleniya-kak-faktor-C-ekonomicheskoy-bezopasnosti-rossii

социально-политических реалиях. В дополнение к выделенным ранее аспектам устойчивого развития регионов[1] отмечу, что на данном этапе актуальной остается выработка моделей устойчивого развития регионов, учитывающих ресурсные особенности каждого региона и процессы самоорганизации. Эта задача может быть решена только в ходе многоуровневого междисциплинарного консультативного процесса, включающего исследования, анализ, фиксацию технологий, применяемых в ходе практической деятельности, выработку предложений по совершенствованию законодательных основ и др., что в свою очередь создаст важнейшие предпосылки для успешного развития всей страны.

Сегодня нужны управленческие технологии, ориентированные не на командно-административную парадигму, а созданные с учетом принципов демократии, устойчивого развития в условиях высокого уровня конкуренции на геополитическом уровне. Важно понимать, что профильный ученый не вправе претендовать на истину в последней инстанции при решении междисциплинарных социальных проблем. Вместе с тем экспертное мнение профильного ученого и автора научных разработок при разработке программ не просто важно, но способно повлиять на процесс принятия решений на всех его этапах. Например, мнение «Стоит отметить, что в отечественной литературе недостает исследований о природе и роли фактов в социальных науках. Между тем в этой области есть целый ряд проблем, которые заметно отличают социальную эмпирию от естественнонаучной»[2] – это тема для анализа и обсуждения, а в дальнейшем возможное направление исследований, имеющих значение для управленческой практики.

Исследования и теории не только являются неотъемлемой составляющей процесса создания социальных технологий, но и дают толчок и основу развития обществ на различных этапах исторического развития.

Учитывая, что мы живем в эпоху перемен и нестабильности, активного использования технологий манипулирования, мемов и др., важна экспертно-аналитическая составляющая в практике государственного управления, учитывающая и позиции, представленные вне контура «своих» экспертов, что технологически не затруднительно в условиях информационного общества. Невозможно пытаться решать современные социальные задачи без оценки и анализа социальных процессов и явлений. Важнейшим отличием научного взгляда на управленческую практику является опора на теории и факты, обоснование необходимости проведения модельных экспериментов. В качестве управленческой технологии, позволяющей при минимальных затратах избежать ошибочных решений, учесть имеющиеся позиции и подходы, их разброс и обеспечить моделирование недостающих для получения полной картины по заданной проблематике аспектов, можно рассматривать экспертно-консультативный процесс.

Цифровое общество – это новые возможности для организации экспертно-аналитических работ, но сегодня важно актуализировать позицию Альберта Эйнштейна: «Невозможно решить проблему на том же уровне, на котором она возникла. Нужно стать выше этой проблемы, поднявшись на следующий уровень»[3].

Помимо принятия национальных проектов, направленных на преодоление кризиса образования и науки, возможно, в структуре государственной власти целесообразно иметь подразделение интеллектуальной разведки и независимого агентства интеллектуальных технологий, что позволило бы привлекать к обсуждению и решению стратегических задач общества независимых экспертов, обеспечив при этом междисциплинарность анализа проблематики, а затем достижение практической реализуемости, благодаря взаимодействию всех секторов общества.

Анонсировав рассмотрение социального ресурса общества в связи с реализацией национальных проектов, отмечу, что в данном изложении это понятие сопряжено с понятием социального капитала, преумножение которого, «становится важным фактором инновационного процесса и конкурентоспособности»[4]. В условиях России по-прежнему основная проблема состоит не в дефиците, а в структуре и особенностях распределения социального капитала. На мой взгляд, учет достижений социальных наук в этом направлении и особенностей накопления и развития социального капитала в России, могли бы дополнить национальные программы обоснованным и актуальным содержанием.

Не требует сегодня дополнительного обоснования и необходимость выделения в качестве непротиворечивого социального ресурса развитие института непрерывного образования. Однако считаю уместным привести следующий фрагмент выступления Далай-ламы: «Самый действенный метод изменения сознания людей – это образование, а не религиозные молитвы…»[5]

Принятый национальный проект «Образование» призван решать весь комплекс проблем и задач, направленный на формирование сознания человека 21 столетия, готового принимать вызовы XXI века и обеспечивать решение проблем социально-экономического развития на новом технологическом уровне. Очевидно, что результативность усилий участников проекта, в значительной мере будет зависеть от наличия экспертно-аналитического блока на всех его этапах и использования интеллектуального ресурса общества.

Учитывая, что содержательная сторона образования на современном этапе развития не может развиваться в русле преемственности и накопленного опыта, но должна сохраниться как система научных знаний, мировоззренческих и нравственно-эстетических идей, а также элементов социального, познавательного и творческого опыта, умений и навыков, обеспечивающих постижение современного мира и реализацию потенциала каждого гражданина в изменяющейся мире, включающего в себя динамичный Мир вещей, вопрос организации экспертно-аналитической деятельности и учета экспертного потенциала межнационального научно-общественного сектора может стать определяющим.

---

[1] https://cyberleninka.ru/article/v/teoretiko-metodologicheskie-i-prakticheskie-aspekty-ustoychivogo-razvitiya-regionov

[2] https://cyberleninka.ru/article/n/obsuzhdaem-statyu-fakt

[3] https://socratify.net/quotes/albert-einshtein

[4] https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-kapital-ili-sotsialnyy-resurs

[5] https://youtu.be/EMpsW4doJEQ

Лойко А.И.[1]

БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ В УСЛОВИЯХ КОНКУРЕНЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ключевые слова*: Большая Евразия, экономика, глобализация 3.0, глобализация 4.0, четвертая промышленная революция, индустрия 3.0, индустрия 4.0, промышленный Интернет, цифровая экономика.*

Keywords*: Great Eurasia, economics, globalization 3.0, globalization 4.0, fourth industrial revolution, industry 3.0, industry 4.0, industrial Internet, digital economics.*

Основное внимание в данной статье уделяется рассмотрению механизмов конкуренции в международном экономическом пространстве двух парадигм глобализации. Одну из этих парадигм представляют США, еще одну – Большая Евразия. Соответственно они обозначаются как глобализация 4.0 и глобализация 3.0. Последовательность цифр в данном случае не играет ключевой роли, поскольку речь идет о разных моделях ведения бизнеса на индустриальной основе промышленности, аграрного комплекса, энергетических ресурсов нефти, природного газа, ядерной энергетики,

Индустриальную модификацию глобализации 3.0 инициировали транснациональные компании США, Европейского Союза, Японии. Под впечатлением энергетического (нефтяного) кризиса шестидесятых-семидесятых годов XX столетия они искали способы повышения эффективности производства. Одни компании сделали акцент на наукоемкость, энергосбережение, материалосбережение, оптимизацию рабочих мест, реструктуризацию. Эти компании остались в пределах собственных государств. В большей степени это было характерно для США, Великобритании, ФРГ, Японии.

Компании стали специализироваться на инжиниринге, высокотехнологичных производствах, делавших рентабельной их автоматизацию, роботизацию. На этом уровне возникла кооперация высокотехнологичных компаний. В структуре занятости стали доминировать белые и голубые воротнички. Размеры их доходов создали высокую емкость внутренних рынков. Доля потребления стала расти. На фоне жестких требований к темпам инфляции была создана финансовая система кредитования потребительского спроса. Возникло общество массового потребления.

При рассмотрении деталей бизнес-моделей компании США, Великобритании, ФРГ, Японии обратили внимание на возможность размещения части заказов в национальных экономиках высокой квалификации рабочей силы и более низкой оплаты труда. Сначала это были лояльные США и НАТО экономики. Примером стала Республика Корея, которая за относительно короткое время создала собственную инфраструктуру крупных компаний. Интересы инвесторов сосредоточились также на Сингапуре, Малайзии, Бразилии, Индии, Южно-Африканской Республике, Тайване, Гонконге. Аутсорсинг стал одной из основных экономических модификаций глобализации.

Во второй половине XX столетия компании США и Европейского Союза преодолели идеологический рубеж и стали активно инвестировать в экономические зоны коммунистического Китая (КНР). Привлекала политическая стабильность, дешевая рабочая сила, непосредственный выход к побережью Тихого океана. Инвестиции в экономику КНР достигли сотен миллиардов долларов. Компании США, Канады, Европейского Союза под собственными брендами стали производить в пределах КНР сотни наименований продукции товаров массового потребления. Производство этих товаров не требовало робототехнических комплексов. На конвейерах сидели, стояли тысячи рабочих, которые специализировались на отдельных операциях.

КНР получила выгоду, поскольку в экономику пришли инвесторы, была обеспечена занятость населения. Экономический рост характеризовался высокими показателями[2]. Но поскольку доходы населения оставались невысокими, то не была высокой и емкость внутреннего рынка. В результате сформировалась модель глобализации 3.0., которой КНР пользуется до настоящего времени[3].

Производимые на территории КНР товары компании США, Европейского Союза отправляют в собственные страны. Товарные потоки интегрированы в межгосударственную логистику. В результате КНР имеет высокие объемы экспорта в США. На основе модели глобализации 3.0, в КНР разработана политическая стратегия модернизации общества[4]. Вопросы модернизации китайского общества постоянно находятся в центре внимания исследователей КНР[5].

---

[1] Лойко Александр Иванович – д.филос.н., профессор, зав. кафедрой философских учений, Белорусский национальный технический университет, Минск. E-mail: alexander.loiko@tut.by

[2] Жуджунь Дин, Ковалев М.М., Новик В.В. Феномен экономического развития Китая. – Минск: Издательский центр БГУ, 2008.

[3] Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). – М.: Весь мир, 2011.

[4] Фан Нун. Новая политическая философия современного Китая. – Шанхай: Вэнь Куан, 2002.

[5] Гу Гао цзянь. Модернизация китайского общества: история и новые вызовы // New Vision. 2010. – № 3. – С. 4–6.

Во взаимном товарообороте США и КНР росло напряжение, обусловленное значительным дисбалансом. В результате США стали искать способы ограничения объемов китайского экспорта. Интенсивным политическим давлением на КНР они создали предпосылки для сближения в границах Большой Евразии национальных экономик и военно-промышленных комплексов как гарантов безопасности.

Российская Федерация инициировала региональные организации ОДКБ, ЕАЭС. КНР создала ШОС, выдвинула инициативу создания трансконтинентальной логистики «Пояс – Путь». Сближение КНР и Российской Федерации стало предметом изучения с целью выявления общих особенностей социальной эволюции[1].

Главный интерес КНР заключается в сохранении индустриальной модели глобализации 3.0, основанной на экспортной индустрии, формируемой дисбалансом емкости внутренних рынков золотого миллиарда и развивающихся экономик. Это не значит, что КНР оказалась в зависимости от сложившейся модели глобализации 3.0. Подтверждение этому тезису дают события вокруг Huawei. Данная крупная государственная компания КНР является крупнейшим производителем телекоммуникационного оборудования на мировом рынке и вторым по величине производителем смартфонов в мире. Она интегрирована в международную кооперацию высокотехнологичных компаний, пользуется операционной системой Google. Производитель чипов Broadcom пользуется ее 200 патентами.

КНР фактически уже находится в модели глобализации 4.0 и в пространстве этой бизнес-модели создает риски для лидерства США в мировой экономике. Но при этом акцент КНР делает на бизнес-модель 3.0, поскольку эта модель гарантирует занятость населения и стабильный спрос на широкий ассортимент продукции.

США пытаются выдавить из экономического пространства КНР собственные транснациональные корпорации. В рамках глобализации получил развитие внутренний конфликт экономических элит США. К управлению государством пришли сторонники национальных экономических интересов. Их в первую очередь интересуют возможности получения прибыли на предприятиях, находящихся в пределах США. До разработки парадигмы индустрии 4.0 у них не было бизнес-модели, обеспечивавшей возможность более конкурентоспособного производства, чем в экономических пространствах развивающихся стран. Но теперь, как им кажется, такие возможности появились.

Первыми разработкой бизнес-модели индустрии 4.0 занялись аналитики ФРГ в рамках одного из проектов высоких технологий. В 2011 г. на международной ярмарке в Ганновере они актуализировали концепт «индустрия 4.0». По их мнению, конвергенция информационных (кибер) и физических технологических систем создаст основу для модернизации и оптимизации производств[2].

Эта парадигма предполагает придание всем элементам производства функций искусственного интеллекта. Закладывается участие умных вещей в собственном конструировании, производстве и ремонте. Индустрия услуг трансформировалась в сетевую структуру искусственного интеллекта, оперирующую большими данными. Созданы электронные торговые системы, получили развитие технологии блокчейна.

На фоне сокращения участия человека в производственных процессах (взаимодействиях между вещами), интенсивно создаются институты и инфраструктура дополненной реальности и протоколов ее общения с девайсами. Промышленный Интернет означает интеграцию в сетевом пространстве CPS на основе единой платформы. Условием этой унификации является совместимость платформ и языков, на которых общаются корпоративные структуры.

Основной структурной единицей промышленного Интернета станет умное предприятие. Таковым по статусу предприятие может стать, если оно соответствует критериям функциональной совместимости, информационной прозрачности, технического сопровождения, способности технологических процессов (киберфизических систем) самостоятельно принимать решения[3]. Разработана методология управления промышленными предприятиями. Она сформирована программными пакетами ERP, BRM, RCM II, TRM, Lean.

Создан инструментарий управления бизнесом в новых условиях, который включает методы управления по целям, систему управления эффективностью продаж, непрерывное обслуживание оборудования, планирование производственных ресурсов, управление жизненным циклом изделия. Используется бизнес-аналитика и Data science.

Эти научные направления сформировались на основе методологии искусственного интеллекта, в рамках которой когнитивная система человека ассоциируется с машиной получения, обработки, хранения информации, принятием решений. Анализируются познавательные процессы долгосрочных и краткосрочных сценариев деятельности. Междисциплинарную основу формируют когнитивная психология, когнитивная лингвистика, нейронауки, логика, нейромаркетинг.

Особенно актуальны интегрированные человеко-машинные системы в области управления, где в процессе принятия решений существуют риски, обусловленные недостатком информации. Человеку важно иметь дело с компьютерными программами, обладающими интегрированными функциями самоконтроля и саморазвития на основе предоставленных им человеком смысловых ресурсов. Интеллектуальные системы предполагают функционирование в режиме обратной связи на основе постоянного контакта с информацией и алгоритмами принятия решений, формирующими спектр устойчивой деятельности технической инфраструктуры и коммуникаций.

---

[1] Дяо Лимин. Социальная структура современных обществ России и Китая. – Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2010.

[2] Толкачев С.А. Две модели неоиндустриализации: Германия – «Индустрия 4.0», США – «Промышленный интернет» // Экономист. – М., 2015. – № 9. – С. 12–19.

[3] Малыгин И.Г., Комашинский В.И. Информационные технологии и искусственный интеллект – основные двигатели четвертой индустриальной революции (Industry 4.0) // Теоретический и прикладной научно-технический журнал «Информационные технологии». 2016. – Т. 22, № 12. – С. 899–904.

Компании (Cisco, GE, Siemens) связывают с внедрением индустриального Интернета вещей рост рентабельности производства, оптимизацию трудозатрат персонала, рост производительности оборудования, качества конечного продукта, снижение энергетических и материальных затрат.

Роботизация конвейеров на заводах позволила Tesla развернуть производство в Калифорнии. Технологический процесс оказался дешевле труда китайских рабочих и тихоокеанской логистики. Компания Adidas по этой же причине вернула производство в ФРГ. Акции компании Harley-Davidson после перехода на новую модель бизнеса (партнерство с SAP) дали семикратный рост за шесть лет. BRP-Rotax на основе решений SAP значительно увеличила продажи персонализированных моторов для легких самолетов, снегоходов и автомобилей для картинга.

В успехах компаний многое зависит уровня SAP. Так система нового поколения SAP S/4HANA – ERP выполняет функции поддержки Интернета вещей, машинного обучения, обрабатывает большие массивы данных в оперативной памяти, решает задачи бизнеса, ранее не доступные операциональной системе. На основе S/4HANA компания производит списания компонентов в режиме реального времени без необходимости пакетной обработки в конце каждой смены. Обеспечивается актуальная информация об остатках товарно-материальных ценностей. S/4HANA обеспечивает планирование по полной логистической сети на единых основных данных и в одной системе. Повышается точность и оперативность планирования.

В экономике США индустрия 4.0 дала позитивные результаты. Валовый внутренний продукт в 2017–2018 гг. вырос на 3,1% и стал самым высоким показателем роста экономики за 13 лет. Создано более 2,6 миллиона рабочих мест. Количество свободных вакансий превысило число безработных. Показатель безработицы в 4% является лучшим за 50 лет.

Успехи в экономике усиливают геополитические амбиции США, их уверенность в том, что они могут обойтись без бизнес-моделей, созданных глобализацией 3.0. Риски понимают и в КНР. Поэтому Большая Евразия стала трендом геополитической навигации. Об этом свидетельствует интенсивность встреч лидеров КНР и Российской Федерации. США, КНР, Российская Федерация ведут борьбу за Европейский Союз. КНР реализует стратегию через морскую портовую логистику в Италии и Греции. Российская Федерация смогла интегрировать на платформе Северного потока-2 европейские компании и заручиться поддержкой ФРГ. США выступают категорически против газопровода. Они в основном опираются на бывшие советские республики Балтии, а также Украину и Польшу. Но этих аргументов явно недостаточно для прекращения строительства Северного потока-2. Большая Евразия становится интегрированным пространством энергетических ресурсов. Основной стратегией США является создание атмосферы конфликта в зоне Персидского залива с целью противостояния Саудовской Аравии и Ирана. Заодно создается уровень рентабельных мировых цен на сжиженный газ, производимый в США.

Таким образом, конкуренция экономических парадигм глобализации будет определять контуры международной политики в первой половине XXI столетия.

Марков А.П.
д.п.н., доктор культурологии, заслуженный деятель науки РФ, профессор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов
markov_2@mail.ru

МИР-СИСТЕМА ЭПОХИ ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ РАЗЛОМЫ И ОБРАЗЫ БУДУЩЕГО[1]

***Ключевые слова**: международные конфликты, стратегическая нестабильность, биполярный мир, мировой порядок, информационные войны, национальная безопасность, сценарии будущего.*
***Keywords:** international conflicts, strategic instability, bipolar world, world order, information wars, national security, future scenarios.*

Реванш хаоса

Грядущий мир становится все менее предсказуемым, а уровень глобальной неопределенности нарастает даже по сравнению с последним десятилетием холодной войны. Перманентным становится состояние стратегической нестабильности. Ускоренными темпами происходит распад неолиберального глобализированного порядка, о чем свидетельствует экспоненциальное ускорение всех процессов и растущий дисбаланс мировой системы, когда незначительные и непредсказуемые факторы могут привести к огромным, трудно прогнозируемым последствиям. Ключевыми показателями грядущих глобальных перемен являются кризис существующих политэкономических систем и растущая политическая поляризация в развитых странах; разрушение предшествующего неолиберального консенсуса системных партий относительно стратегий устойчивого экономического роста и преодоления существующего неравенства; распад неолиберализованного мирового порядка и растущие тенденции постглобализации, национализма, консерватизма; ускоренный рост социального неравенства и доминирующий отток большей части добавленной стоимости в руки глобализированного капитала; развертывание новых стратегий ведения войны, в которых существенное место отводится асимметричным методам, цифровым технологиям, экономическим и информационным войнам с прямыми военными ударами (*В. Проданов, чл.-корр. Болгарской академии наук*). С одной стороны, стремительно устаревают традиционные формы сотрудничества, размывается блоковое мироустройство, снижается англосаксонская доминанта в сложившемся геополитическом порядке, с другой – происходит уплотнение регионального сотрудничества, которое компенсирует ослабление управляемости на глобальном уровне. «Нелинейная и подвижная среда международных отношений стремительно меняет роль ключевых структур глобального управления, обнуляя вчерашние или даже сегодняшние реалии» (*д.ю.н. А.В. Яковенко, чрезвычайный и полномочный посол РФ в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии*).

Вступившее в III тысячелетие человечество оказалось в зоне экспансии международных конфликтов, порожденных экономической экспансией, культурной модернизацией и религиозным фундаментализмом. Активное разрушение Западом Ялтинско-Постдамских политических институтов переводит Мир-систему в состоянии «глобальной турбулентности». Слабеющий англосаксонский гегемон, пытаясь сохранить свой ключевой статус позицию на мировой арене, всё активнее организовывает зоны нестабильности, используя ресурсы гибридных войн и прибегая к военной силе. Биполярный мир рухнул, а 30 лет новейшей истории привели к убеждению, что мировой «монопорядок» невозможен. Провозглашенное «торжество» глобализации завершилось «глобальным» финансовым кризисом, крушением биполярного мира, возвеличиванием национальных интересов, потеснивших идеи интеграции и солидарности, ростом терроризма и вынужденного переселения, осложняющего жизнь многих народов (*д.ю.н. А.Г. Лисицын-Светланов, академик РАН*).

[1] В статье представлен анализ материалов XIX Международных Лихачевских научных чтений «Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости»», которые были подготовлены с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов в соответствии с распоряжением Президента РФ от 19 февраля 2018 г. № 32-рп. В Чтениях приняли участие выдающиеся отечественные ученые, руководители академических институтов и научно–исследовательских центров, представители высших учебных заведений, известные государственные и общественные деятели. Среди участников Чтений – члены Российской академии наук И.О. Абрамова, С.Ю. Глазьев, А.А. Гусейнов, Ал.А. Громыко, В.А. Лекторский, А.Г. Лисицын–Светланов, В.Л. Макаров, В.В. Миронов, Р.И. Нигматулин, В.Ф. Петренко, Ж.Т. Тощенко, Т.Я. Хабриева, В.А. Черешнев и др. В «интеллектуальный банк» конференции вошли тезисы крупнейших ученых–гуманитариев и выдающихся государственных и общественных деятелей Европы, США, Канады, стран Ближнего Востока. С материалами XIX Лихачевских Чтений можно ознакомиться на сайте: www.lihachev.ru/chten/2019г.

В XXI веке мир сталкивается с серьезными вызовами в области демографии, экономики, экологии и безопасности, ответы на которые выходят за рамки политического руководства отдельных государств и требуют по–настоящему глобальных действий. Кризис за кризисом обрушивается на современных землян: глобальный финансовый кризис, упадок морали, деградация экологической среды, международный терроризм, угроза новой ядерной войны и т.д. (*А.Н. Данилов*). Серьезную опасность для мировой безопасности представляет международный терроризм, который уходит корнями в этнические и религиозные конфликты (в особенности, неутихающий израильско-палестинский), питается разочарованием и неудовлетворенностью из-за бедности и дискриминации, а также идеологическими противоречиями и религиозным фанатизмом (*д.полит.н.* Е. Вятр, *Польша*). Особую напряженность создает новый тип конфликтного противостояния государств и народов.

Резкое обострение общемировой ситуации в 2018 году связано с растущим противостоянием военных блоков на фоне разрушения последних гарантий международной безопасности, появлением новых типов оружия массового поражения и беспрецедентной гонкой вооружений (*д.м.н. В.А. Черешнев, академик РАН; д.филос.н. В.Н. Расторгуев, МГУ им. М.В. Ломоносова*). Снижение уровня предсказуемости и управляемости в мире в значительной степени вызвано попытками Запада удержать свои исключительные глобальные позиции, используя для этого как силовые, так и несиловые методы. Однако такая политика, в основе которой лежит желание увековечить свою власть, «саморазрушительна и обречена на провал. …Гегемон, который нацелен сохранить статус-кво, фактически запускает процесс, который ведет к его собственной кончине» (*доктор философии Г. Кёхлер, Австрия*).

Источником угроз мировому сообществу становятся целенаправленные усилия агентов глобального пространства, исповедующих расистские цели разделения человечества на «избранных» и их «обслуживающих», в отношении которых применяются апробированные технологии, разрушающие способность народов и государств к конкуренции в геополитическом и культурном пространстве. В качестве мишеней деструктивных воздействий выступают человек как творец культуры и ее воплощение; общество как субъект культурной идентификации и хранитель культуры; экологическая культура, техносфера, включая цифровое пространство организации гибридной реальности. К сожалению, человечество пока не выработало адекватных способов и механизмов нейтрализации такого рода угроз, что неминуемо приведет к сокращению культурного разнообразия и моральной деградации. В контексте такой перспективы чрезвычайную актуальность обретает проблема поиска новой цивилизационной модели человечества, формирования новой культуры пост-техногенной цивилизации, разработка современной и эффективной методологии и культуры безопасности (*д.психол.н. В.Е. Лепский, Институт философии РАН*).

Деструктивное влияние на международную систему оказывает интернационализация и эскалация масштабов и последствий внутренних, локальных конфликтов. Современные конфликты нацелены не столько на изменение территориальной конфигурации других стран, сколько на деформацию хозяйственных связей, изменение мировоззрения и мировосприятия народов, перераспределение сфер политического влияния, навязывание более слабым странам иных культурных моделей и ценностей, разрушающих ядро национальной культуры. В глобальном плане происходит расшатывание устоявшихся правовых, политических, экономических, культурных и гуманитарных основ международных отношений, разрушение долго и трудно выстраивавшихся взаимосогласованных инструментов и институтов глобального сосуществования и взаимодействия государств. Существенные риски для общества, экономики, системы государственного управления создают политическое манипулирование, санкционное давление и правовые рестрикции в отношении национальных элит, которым Запад отводит особую роль в разрушении национальных государств. Нарастающая обстановка нестабильности чревата катастрофическими международными последствиями (*д.э.н. Л.Л. Фитуни, член-корреспондент РАН).*

Ключевым источником хаоса становится борьба за мировую гегемонию и новый мировой порядок. В авангарде этой борьбы – «глобальный капитализм», ключевым ресурсом которого является накопление избыточного капитала, многонациональные корпорации, «стержневые» государства (G7/G20), глобальные правительственные организации и научно-исследовательские центры. «Инструментами» мировой гегемонии является совокупность технологий и структур: материальных, использующих экономические ресурсы и контроль за цифровой экономикой для получения власти; дискурсивных, изображающих высшую силу благом и обеспечивающих готовность подчиняться используемыми фигурами речи (например, «сообщество», «демократия» и «справедливость»); институционных структур, формулирующих и регулирующих официальные органы власти и организации гражданского общества (фонды, научно–исследовательские центры, занимающие центральное место в создании господствующих дискурсов); перформативных техник, наращивающих силовые ресурсы мировой гегемонии с помощью определенных ритуалов и норм поведения (в том числе церемонии подъема и спуска флага, национальные праздники и военные парады, проведение конференций, вручении научных премий и церемоний вручения дипломов и т.д.) Значимым ресурсом гегемонии в мировой политике, согласно теориям постиндустриализма, является концептуализация глобального дискурса на базе «*правящей системы знания*». В рамках данной концепции верховная власть в мировом сообществе принадлежит «просвещенному знанию», определенному языку и сознанию (*доктор философии П. Дуткевич, Канада*).

Приоритетом геополитической стратегии ведущих стран Запада является Россия – вызовом и угрозой сложившемуся после развала СССР миропорядку рассматривается сам факт укрепления экономических и внешнеполитических позиций России, улучшения ее международного имиджа и влияния. Запад резко обостряет противостояние с Россией, активно используя для этого новые и совершенствуя старые инструменты давления на различные слои российского общества. Цели такого рода политики очевидны: добиться желательных Западу изменений в балансе политических сил в стране, ограничить возможности ее экономического роста и модернизации экономики, подъема жизненного уровня основной части населения (*Л.Л. Фитуни*). К сожалению, в «великой шахматной партии США» российская сто-

рона входит в состояние «политического цугцванга», все откровеннее исповедуя «демобилизационную» поведенческую стратегию (*В. Аладьин, В. Ковалев, С. Малков, Г. Малинецкий*).

Мощным источником глобальных и локальных конфликтов становятся информационные войны, осуществляющие программирование и трансляцию «модели будущего», в рамках которой столкновение цивилизаций рассматривается как неизбежное и безальтернативное. Ресурсом информационных войн становится ложь, упакованная в оболочку правды. Это существенно меняет статус независимой журналистики, ключевой функцией которой всегда было снабжение граждан объективной и достоверной информацией. Мир перестаёт быть фактоцентричным, отворачивается от морали и логики. Пессимистические настроения аналитиков усилил массовый отход от традиционной дихотомии «правда–ложь». Все острее звучит вопрос: нужна ли современному человеку и обществу правда? (*к.ю.н. Г. Резник, засл. юрист РФ*). Причинами «кризиса факта» в мировой и отечественной журналистике является переизбыток фактического материала, разнообразие форм передачи информации, приводящее к невозможности проверить надежность и неангажированность источников, коммерциализация СМИ, приоритетом которых становится погоня за высокими рейтингами, вовлечение массмедиа в политическую борьбу и информационные войны. Унижению факта способствует легитимизация «гибридности» в политике и «госзаказ на пропаганду – «задачей провластных массмедиа становится формирование образа врага – как внешнего, так и внутреннего, меняется стиль подачи информации, он становится негативной лексикой, языком ненависти» (*Г. Резник*). Экспансию лжи в информационном пространстве питает современная массовая культура, мировоззренческим стержнем которой вот уже несколько десятилетий является философия и эстетика постмодернизма, с его релятивизмом и безразличием к поиску правды.

Катастрофический модус бытия ключевых институтов в социально-культурной плоскости формирует «общество травмы», граждане которого не видят перспектив развития, демонстрируя социальную пассивность и озабоченность решением насущных и неотложных проблем, связанных с выживанием (*д.филос.н. Ж.Т. Тощенко, член-корреспондент РАН).* Инструментом программирования «катастрофического будущего» является журналистский дискурс, обеспечивающий эффект «самоисполняющегося пророчества» – ложно определенная или намеренно смоделированная ситуация формирует массовое сознание на основе внедряемых представлений и программирует человеческое поведение (*к.психол.н. Е.В. Харитонова, Институт Африки РАН*). Средства массовой информации стали одним из инструментов новых противоборств – они определяют повестку дня для масс и обладают значительными ресурсами по формированию общественного мнения, содержание и направленность которого в значительной степени определяются властью и финансово-промышленными группами, владеющими медиа-ресурсами. В современной России истоки информационной «гражданской войны», которая ведется между лже-патриотами и «фальшивыми либералами», уходят корнями в историю страны и косвенно связаны с проблемой взаимоотношений между Россией и внутренним Западом. Современные отечественные СМИ, морально поддерживаемые и хорошо оплачиваемые глобалистски ориентированными политическими кругами и их экономическими спонсорами, «не столько изображают борьбу политических и идейных противников, сколько пытаются разобщать, развращать и деморализовать широкие народные массы» (*д.филос.н. В.Ш. Сабиров, Сибирский гос. университет телекоммуникаций и информатики*).

Тупики цивилизационного прогресса

Стремительное нарастание глобальных кризисов геополитического, культурно–антропологического и экологического характера ставит под сомнение модель прогресса, реализованную на предыдущем этапе техногенного развития. Очевидно, что постоянно прогрессирующая цивилизация уничтожает высокую культуру, искажает образ человека, обращая его к низменным инстинктам; свободная рыночная экономика обостряет социальные конфликты, разделяя людей, порождая новую несправедливость, неравенство, бедность, протест; угрожающими темпами надвигается экологическая катастрофа (*д.соц.н. А.Н.Данилов, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси).* Современная цивилизация в ее духовной, технологической и геополитической ипостаси приближается к опасной границе, переход которой чреват фундаментальными изменениями и необратимой деформацией культурно–антропологических матриц бытия, сформированных эпохой «Осевого времени». Драйвером перехода цивилизации в посткапиталистическую фазу становится четвертая промышленная революция, которая приходит на смену нынешней информационной революции (3-й по счету после аграрной и индустриальной) и формирует принципиально иной технологический уклад, основанный на экспансии искусственного интеллекта, тотальной автоматизации и компьютоpо–роботизации производства. Фундаментальным трендом технологического развития является конвергенция инноваций, образующих так называемую «большую четверку» конвергентных технологий, обозначаемую аббревиатурой NBIC-технологии (нано-, био–, информационно-коммуникационные, когнитивные). Интенсивное распространение технологических инноваций детерминирует глобальные общественные трансформации человеческой цивилизации. Новые технологии меняют сферы и способ производства (не только материальных благ, но и самого человека), распределения, потребления, социальной коммуникации и управления, расширяют состав субъектов социального и правового взаимодействия. Цифровизация и Искусственный Интеллект – не просто новый технологический уклад. Это «вызов коренным условиям человеческого жизненного мира вообще, независимо от принадлежности его к той или иной культуре. Речь идёт о судьбе человека, о том, не превратится ли он в какое–то иное существо или просто погибнет» (*д.филос.н. В.А. Лекторский, академик РАН).* На базе конвергенции современных технологий энтузиасты техноглобализма воодушевленно формируют проект искусственного пост-человека. Конструируемый идеологами трансгуманизма проект «идеального» человека, отказывающегося от собственной природы и предстающего как результат движения к «высшему благу», становится символом «антропологической катастрофы», «апокалипсиса», «конца света» (*д.филос.н. В.А. Кутырев, Нижегородский гос. университета им. Н.И. Лобачевского)*.

Развитие конвергентных технологий актуализирует проблему нравственного контроля результатов человеческого разума, рождает масштабное противоречие, связанное с дисбалансом инструментальной мощи технологических инноваций и их социально-гуманитарного содержания. Экспансивный рост технологической составляющей современной цивилизации становится ключевой проблемой, грозящей существованию всего живого на земле. «Мы становимся заложниками машин, то есть человек исключается из процесса принятия решения о выживании человечества. Так называемая система «мертвой руки» обеспечивает нанесение ответного ядерного удара в случае гибели руководства страны, что представляет опасность не только для нас, но и для всех остальных» (*К.Ф. Затулин*, *первый заместитель председателя Комитета Гос. Думы Федерального собрания РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками)*. Угрозу самоистребления человечества несут возросшие возможности оружия массового поражения, экологические проблемы загрязнения воды, земли и воздуха на огромных территориях, вызванные интенсивной добычей природных ископаемых, колоссальным объемом токсичных отходов промышленности и современного сельского хозяйства.

Обреченность настоящего и вариативность сценариев будущего усиливает приближение «технологической сингулярности» – точки на кривой исторического времени, фиксирующей начало «взрывного» этапа прогресса, стремящегося к бесконечности, рождающего потенциально широкий спектр моделей развития с непредсказуемыми последствиями. «Фазовый переход» осложняет научное предвидение будущего, лишая всякого смысла традиционные методы экстраполяции: «в качественно новом состоянии системы ранее сложившиеся тенденции, механизмы, закономерности и программы уже не воспроизводятся, а развитие системы происходит согласно новой логике (*д.ю.н. Т.Я. Хабриева, академик РАН*). Процесс перехода к новому технологическому и экономическому укладу жизни общества, новой «социально-экономической формации» деформирует универсальные ценности и жизненные смыслы, «размывает» традиционные общественные институты, ослабляет социальные связи и меняет социальную структуру общества. В результате технологического прорыва человеческая цивилизация и общество как сложные саморазвивающиеся системы переходят в стадию качественных перемен, за которыми последует утверждение нового типа общественно-экономической формации и вектора цивилизационного развития. Утрачивают силу движущих мотивов общественного развития представления о социальном будущем. Данная тенденция чревата коренным изменением нравственных основ совместной жизнедеятельности – на первый план выходят плохо маскируемые сугубо прагматические интересы отдельных государств и их столь же прагматичных союзов. Предметом спора на всемирном «чемпионате» государств, стран и народов являются не проекты общеисторического развития человечества, а различные культурно-цивилизационные идентичности (*д.филос.н. А.А. Гусейнов, академик РАН*).

Хаотичность международного порядка является следствием нерешенных структурных противоречий, придающих динамику существующей системе, но вместе с тем усиливающих ее анархичную природу. Глобальным изменениям подвержены ключевые институты и структуры (государственные учреждения социального обеспечения, профсоюзы, поставщики услуг, общественные организации и т.д.), назначение которых состоит в устранение коренных причин деструктивных переживаний, вызванных социальной нестабильностью, ощущением человеческой беззащитности и беспомощности, обеспечении осмысленности и стабильности человеческого существования. «Все люди на земле в глубине души находятся на грани; кажется, что нет места, избавленного от всеобщих волнений, корни которых кроются в экономической или политической неуверенности, социальной неустроенности, а также разного рода угрозах безопасности и общей напряженности» (*П. Дуткевич*). Уходит в прошлое эпоха союзов и противостояний общественных движений и государств на основе различий идеологий, социального устройства и прокламируемых исторических целей.

Образы и сценарии будущего

Каждое государство, его политическая и финансово-экономическая элита, общество в целом ныне заново осмысливают свои национальные интересы, ищут приемлемые ответы на вызовы и угрозы, которые несет в себе мировая трансформация, порождающая глобальную неопределенность. Конструктивный сценарий эволюции миропорядка предполагает «созидательную многополярность» – более справедливую и представительную модель мироустройства, основанную на широком, неконфронтационном и равноправном сотрудничестве государств и их объединений, уважении культурно-цивилизационного многообразия современного мира, соблюдении всеми общепризнанных принципов и норм международного права как единых «правил игры» и признании за ООН роли универсального регулятора мировой политики (*С.В. Вершинин, зам. Министра иностранных дел РФ.)*

Западные гуманитарии будущее цивилизации связывают с «инклюзивным мультилатерализом», исповедующим принцип «много культур – одно человечество» (*М.А. Моратинос Куйяубе, министр иностранных дел Королевства Испания 2004–2010 гг.*). Его организационным центром является «Альянс цивилизаций» ООН – структура, развивающая связи с гражданским обществом, религиозными лидерами, женскими организациями, сообществами ученых и молодежью, утверждающая в качестве неоценимого достоинства человечества разнообразие, солидарность и взаимопомощь. Реалистичный ответ на проблему безопасности нельзя сводить к военным или полицейским мерам – требуется новый взгляд на мир, утверждаемая всеми ответственными субъектами «культура мира» (*Ежи Й. Вятр*). Долгосрочная стратегия согласованных усилий государств в области предсказуемости, управляемости и безопасности должна опираться на систему ценностей, обеспечивающих уважение прав человека и способствующих снижению градуса насилия. Серьезными аргументами в пользу философии ненасилия служат историческая память человечества, понимание ценности мирного сосуществования и принятие человеческой жизни как высшей ценности на Земле (*А.Н. Данилов*). Оптимистическое будущее связывают также с грядущей «цивилизацией интеллекта», способной соз-

дать оптимальную «социальную инфраструктуру» – общее публичное пространство взаимодействия, исключающее сдерживающие факторы творческой самореализации личности и осуществления инициатив. Однако этот переломный момент в истории ставит человечество перед глобальным выбором своей «космической миссии»: стать видом, несущим гармонию, или вирусом войны космического масштаба (*Х.А. Марк, Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в РФ в 2008–2011 гг.*)

Оптимизм по отношению к будущему внушают ростки становящегося интегрального мирохозяйственного уклада, сочетающего институты государственного планирования и рыночную самоорганизацию, государственный контроль над основными параметрами воспроизводства экономики и свободное предпринимательство, идеологию общего блага и частную инициативу. При этом формы политического устройства могут принципиально отличаться, но неизменным остается приоритет общенародных интересов над частными, выражающийся в жестких механизмах личной ответственности граждан за добросовестное поведение, четкое исполнение своих обязанностей, соблюдение законов, служение общенациональным целям. Система частно-государственного партнерства, подчиненного общественным интересам развития экономики, повышению народного благосостояния, улучшению качества жизни, строится на разделении функций и полномочий: государство осуществляет контроль над ключевыми параметрами воспроизводства капитала посредством механизмов планирования, кредитования, субсидирования, ценообразования и регулирования базовых условий предпринимательской деятельности, стимулирует расширение спектра институтов предпринимательской деятельности, ориентированных не на максимизацию прибыли, а на социально значимый результат. В свою очередь, субъекты бизнеса вписывают мотив максимизации прибыли и обогащения в этические нормы, защищающие интересы общества (*С.Ю. Глазьев*).

В качестве значимого ресурса предсказуемости мирового развития участники Чтений рассматривали конструктивные возможности транснациональных корпораций, к которым относится большинство крупных участников внешне-экономических связей, что делает их важными участниками мировой экономики. Транснациональные корпорации в качестве значимых субъектов международных отношений должны не только адаптироваться к изменчивости значимых международных процессов, но и участвовать в трансформации элементов глобального регулирования международных экономических отношений, в формирующейся системе полицентрического глобального управления. Их возможности активного воздействия на формирующуюся систему глобального полицентрического управления определяются эффективностью сетевых принципов организации и гибких форм осуществления заграничной инвестиционной экспансии, а также слабыми связями транснационального бизнеса с национальной почвой (*д.э.н. А.В. Кузнецов, член-корреспондент РАН)*.

В сегодняшней ситуации актуальным становится задача «антропологического поворота» в глобальных процессах за счет востребованности духовного опыта человечества и гуманитарных ресурсов мировой культуры. Выход за границы пост-культуры предполагает замещение «глобального» человека – маргинала с невнятной идентичностью кочевника и фланера, глобально мыслящей личностью, универсально образованной и комфортно существующей в культурных мирах Востока и Запада. Такая «культурная революция» невозможна без реабилитации статуса гуманитарного знания и образования *(д.филос.н. И.В. Малыгина, Московский гос. лингвистический университет*).

Мир начинает осознавать, что человеческая цивилизация обречена без взаимопонимания, диалога и равноправного партнерства. Это вселяет надежду, что эпоха неопределенности в итоге завершится созданием эффективных механизмов регулирования мирового развития, в основу которых будет положена историческая память человечества, понимание ценности мирного сосуществования и принятие человеческой жизни как высшей ценности на Земле. Оптимистические сценарии развития человеческой цивилизации возможны только на основе образа будущего, понятного и желаемого для большинства населения Земли. Но чтобы общество перешло в новое состояние, кто–то должен быть нравственным примером, вести к новым высотам, сознательно неся свой нелегкий крест и жертвуя собой (*А.Н. Данилов*). Выход из кризиса способно обеспечить пассионарное сообщество национальных элит, готовое и способное осуществить моральное оздоровление общества – «взять на себя миссию ниспровергателя моральной рутины, подавляющей свободное нравственное самоутверждение личности». Высшим критерием ответственности гуманитариев перед настоящим и будущим является «чувство долга», которое «уходит в онтологическую сферу, в духовную глубину морали, в «поддонный» инстинкт выживания и самосохранения человека, народа, нации» *(д.филос.н. О.С. Соина, Сибирский гос. университет*). Именно такая высокая планка моральной свободы и ответственности гуманитариев была заложена в основу проекта Лихачевских Чтений. При всем разнообразии проблемно-тематического поля конференции ее гуманистический пафос состоит в утверждении ценностей справедливости и социальной ответственности, в признании недопустимости любых форм насилия как Истины, рожденной самой Жизнью, игнорирование которой чревато закатом человеческой цивилизации (*А.А. Гусейнов*). Рассматривая диалог культур в качестве фундаментального принципа развития современной цивилизации, участники конференции, по сути, осуществляют концептуализацию в системе гуманитарного знания универсальной методологии выживания человечества, вырабатывают мировоззренческие платформы для создания новых моделей цивилизационного развития и альтернативных стратегий глобализации, формируют инновационные способы преодоления глобальных кризисов современного мира.

Митько А.В.
к.т.н., доцент, председатель Совета молодых учёных Севера; вице-президент, Арктическая общественная академия наук
amitko@arcticas.ru, arseny73@yandex.ru

ГИБРИДНЫЕ ВОЙНЫ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА[1]

***Ключевые слова**: геополитика, «гибридная война», Евразия, Арктика.*
***Keywords**: geopolitics, «hybrid war», Eurasia, the Arctic.*

Особое геополитическое положение Арктики как важнейшей коммуникационной артерии, богатство ее сырьевых месторождений, включая нефтегазовые, и биоресурсов превратили Арктику в одну из главных точек притяжения не только для арктических государств, но и для весьма отдаленных стран Северного полушария. Статус наблюдателя Арктического совета получили Китай, Япония, Южная Корея, Индия и Сингапур, Нидерланды, Испания, Великобритания, Германия, Франция, Польша, Италия, что, по их мнению, формирует символический репутационный капитал для взаимодействия с арктическими государствами. Стремясь утвердить свою институциональную причастность к арктическим делам, на статус постоянного наблюдателя в Арктическом совете претендует и ЕС. Государства и их коалиции, претендующие на участие в принятии решений по проблемам Арктики, не ставя де-юре под сомнение юрисдикцию прибрежных арктических стран, де-факто пытаются найти пути изменения существующего положения. Стремление многих государств продемонстрировать свое право на самостоятельное изучение Арктики и закрепить за собой место участника освоения арктического поля позволяет прогнозировать усиление противостояния, прежде всего, между основными мировыми геополитическими игроками: Российской Федерацией, Соединенными Штатами Америки, Китайской Народной Республикой, государствами Арктического региона и их коалициями. Противостояние может осуществляться как в рамках дипломатических переговоров заинтересованных сторон, так и с использованием широкой гаммы технологий современных конфликтов, включая создание коалиций заинтересованных государств в целях лоббирования нужных решений.

В современных конфликтах все большее использование приобретают технологии, позволяющие исподволь готовить условия для лавинообразного развития обстановки на основе стратегии непрямых действий. Стратегия включает несколько этапов и после довольно трудоёмкого и скрытного подготовительного периода рассчитана на своеобразное «заполнение» реальности искусственными событиями с расчётом на то, что затем всё должно «пойти само», без заметного непосредственного участия главного инициатора конфликта. Это сводит к минимуму вероятность провала из-за какой-либо непредвиденной настоящей случайности – она ничего не может испортить, поскольку план реализации замысла разбит по многим независимым дублирующим друг друга линиям, одновременно сходящимся в одной точке. Питательной средой для реализации подготовительного этапа стратегии непрямых действий в Арктике служит комплекс гибридных угроз, которые могут послужить катализатором для наращивания противостояния между Россией и другими игроками на арктическом поле. Это притязания Канады на хребет Ломоносова и хребет Гаккеля, притязания Дании на хребет Ломоносова, притязания Норвегии на рыбоохранную зону вокруг архипелага Шпицберген, аренда (покупка) странами АТР территорий для создания баз ВМС, активизация военной деятельности приарктических государств и их союзников и рост ее масштабов в Арктике, деятельность иностранных государств по интернационализации Северного морского пути и Северо-Западного прохода и некоторые другие действия. Угрозы реальные и их существенная антироссийская составляющая сомнений не вызывает. Понятно стремление дипломатов удержать ситуацию в русле диалога. Вместе с тем, мир уже не раз сталкивался с развитием международной обстановки, когда позиция Запада резко изменялась, подписанные договоры нарушались, что приводило к трансформации ситуаций, казалось бы, не внушавших особых опасений, в направлении решительного отрицания суверенных прав отдельных государств вплоть до использования против них военной силы. При этом нередко игнорировалась существующая международно-правовая база, а агрессия осуществлялась на основе собственных норм и правил или произвольной трактовки международных законов, как это было, например, на Балканах, в Ираке, Ливии, Сирии. С учетом изменчивости и непредсказуемости международной обстановки, ниже будет предпринята попытка показать возможности реализации стратегии непрямых действий в ходе гибридной войны, которая разворачивается против России на арктических просторах. При этом мы исходим из того, что Арктика – лишь звено в глобальной стратегии США, цель которой – установление мирового господства, формирование однополярного мира, сохранение лидирующего положения и достижение гарантированного доступа ко всем жизненно важным районам.

[1] Доклад, представленный на конференции «Цивилизационные аспекты развития Арктических регионов России».

Для Российской Федерации проблемы освоения арктических территорий имеют стратегическое значение. Арктика на длительную перспективу является не только важнейшей ресурсной базой России, опорным регионом для наращивания ее транзитного потенциала, но и узлом пересечения долгосрочных национальных интересов нашей страны и основных зарубежных стран в международной, оборонной и экологической сферах. Ключевая роль в развитии единой трансконтинентальной транспортной системы принадлежит Северному морскому пути, который служит кратчайшей трассой между европейскими и дальневосточными морскими, а также речными портами Сибири. Высокий удельный вес Арктического региона в экономике России превращает Арктику в одну из первостепенных целей гибридной войны, во многом построенной на экономических санкциях. При этом по словам секретаря Совета Безопасности РФ Николая Патрушева: «Принципиальная Российская позиция – в Арктике нет проблем, требующих военного решения».

По-иному расценивают обстановку в Арктике США и некоторые другие страны НАТО, которые координируют свои политические, военные, экономические, информационные усилия в рамках решения единой задачи – расширить экономическое присутствие в районах Севера, добиться интернационализации Северного морского пути (СМП) и в конечном итоге попытаться максимально снизить роль России в регионе. Вопрос о контроле над СМП для России имеет критическое значение, поскольку это пока единственный транспортный путь, способный интегрировать отдаленные районы Крайнего Севера страны и их ресурсный потенциал в национальную и мировую экономику. Поэтому Россия не может позволить поставить под международный контроль экономические связи между отдельными регионами страны, осуществляемые по СМП. Для России Арктика всегда была и остается стратегически важным регионом, где сосредоточены практически все сферы обеспечения национальной безопасности: это область экономических, экологических, транспортных, ресурсных и военных интересов. При этом перед Россией стоит ряд вызовов и угроз, среди которых – необходимость развития инфраструктуры Крайнего Севера, обеспечения высокого уровня жизни населения арктических регионов, сохранение уникальных экосистем Арктики и ряд других. Одним из ответов на них является широкое многостороннее взаимовыгодное сотрудничество как с арктическими, так и неарктическими государствами. Лидирующая роль в противодействии законным интересам России в Арктике принадлежит США. В докладе начальника штаба ВМС США адмирала Д. Гринерта «Дорожная карта для Арктики 2014–2030» определены конкретные цели и задачи для различных служб и ведомств ВМС США по комплексным исследованиям изменений в ледовой обстановке, оценке потребностей сил американского флота в спутниковых коммуникациях, разведке и сбору информации в регионе, оценке уровня готовности действующих портов, аэродромов и ангаров в прилежащей к арктическому театру военных действий зоне. С этой целью в Арктике уже создается и развивается военная инфраструктура США и Канады. В частности, в США принято решение о строительстве двух новых передовых баз береговой охраны на Аляске в Барроу и в Номе. Рассматриваются возможности обеспечения постоянного присутствия в Арктике авианосной группы и выделения дополнительных патрульных кораблей. Наращиваются усилия по противолодочной обороне и обеспечению глубоких десантных операций. Минобороны США уже на практике готовит подразделения сухопутных войск к действиям в Арктике, начались поставки в войска специально адаптированных для действий в суровых климатических условиях многоцелевых вертолетов «Блэк Хок». В последние годы возросла масштабность и интенсивность мероприятий оперативной и боевой подготовки ОВС НАТО в Арктике. Ежегодно в Арктику выполняется 3–4 похода многоцелевых атомных подводных лодок ВМС США и ВМС Великобритании, в том числе 1–2 в район полюса. Еженедельно совершается не менее 3 вылетов самолетов базовой патрульной авиации. Активизация военных приготовлений сопровождается наращиванием давления на Россию в дипломатической и информационной сфере. В арктическом секторе государственной границы и на приграничной территории Российской Федерации активизировалась деятельность спецслужб США и их союзников по НАТО. Кроме военных сил и средств к ведению разведки привлекаются научно-исследовательские суда Норвегии. Используются различные международные неправительственные организации, в особенности – экологические как это было, например, в 2013 году в ходе акции Гринпис Интернешнл на принадлежащей нефтяной компании «Газпром нефть» платформе «Приразломная». Организаторы акции потребовали отменить экологически опасные и, по их мнению, экономически бесперспективные планы по бурению в Арктике. Присутствие иностранных исследователей отмечается в районах архипелага Новая Земля и в горле Белого моря – там, где Россия проводит испытания своих атомных подводных лодок. В Норвегии говорят о планах изменения демилитаризованного статуса Шпицбергена, завершается разработка концепции применения национальных вооруженных сил в Арктическом регионе. Позиция НАТО по вопросам военного присутствия в Арктике пока не определена. Генсек НАТО Яап де Хооп Схеффер в 2009 году в Рейкьявике на встрече альянса по вопросам рисков и вызовов в Арктике заявил, что: «Ожидать военного конфликта в Арктике – это последнее дело, однако там будет военное присутствие». Однако генсек, по-видимому, поторопился, поскольку дальнейшего развития эта идея пока не получила. Более того, Генеральный секретарь НАТО Андерс Фог Расмуссен в 2013 году в Осло заверил, что Организация Североатлантического договора не имеет намерений по увеличению присутствия или наращиванию активности в Арктической зоне.

Таким образом, несмотря на интерес ряда стран к обширным запасам углеводородов в этом регионе, единую позицию по целесообразности военного присутствия в Арктике альянс пока не выработал. В связи с этим вопрос о политике НАТО в Арктике не нашел отражения ни в принятой в 2010 году стратегической концепции альянса, ни в решениях последующих саммитов блока. Недостаточная вовлеченность альянса в решение проблем Арктики связана с разными подходами и неодинаковой заинтересованностью союзников, альянс внутренне разделен по вопросу об Арктике и не имеет общей позиции по своей роли в регионе.

Сторонники более заметного присутствия НАТО в северных широтах не оставляют попыток изменить ситуацию, апеллируя к тому факту, что пять государств-членов НАТО (США, Канада, Норвегия, Дания и Исландия) и два важных партнера (Швеция и Финляндия) являются арктическими странами и поэтому при лидирующей роли США нужно вырабатывать общую позицию по Арктике с привлечением Великобритании и прибалтийских государств. Та-

ким образом предлагается нарастить число государств-членов НАТО, участвующих в диалоге, и привлечь к нему партнеров, что расширит возможности для экономического, дипломатического, военного и информационного «продавливания» позиций Запада в противостоянии с Россией. Наряду с этим, следует отметить, что в национальных арктических стратегиях Дании, Исландии, Канады, Норвегии и США говорится о необходимости сотрудничества с Россией и декларируется намерение обеспечивать собственные интересы в Арктике с помощью национальных вооруженных сил, а не блока НАТО. При этом подразумевается, что в рамках V статьи Североатлантического договора они в любой момент могут использовать свое членство в альянсе для формулирования солидарного ответа на возможные угрозы. В этих условиях учреждение постоянного институционального присутствия военно-политического блока в Арктике лишается смысла, хотя в современной ситуации в качестве дополнительного средства давления на Россию подобный тезис может быть пересмотрен. В целом США в диалоге с Россией как главным соперником в Арктике реализуют стратегию, направленную на расширение спектра форм и методов противостояния, осуществляют своеобразную «гибридизацию» вызовов и угроз, стремятся расширить базу для формирования возможной антироссийской коалиции для действий в Арктике с привлечением других стран. Одновременно наряду с военной деятельностью в северных широтах Вашингтон наращивает разнородные усилия в информационной сфере, использует средства традиционной и публичной дипломатии для консолидации союзников и подрыва позиций России, привлекает НПО, готовит силы специальных операций для действий в Арктических широтах. Таким образом, в Арктике против России ведется гибридная война, что требует соответствующих «гибридных» мер противодействия. Часть таких мер предусмотрена в принятом Советом безопасности Российской Федерации документе «Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу». В данном документе отражены главные цели и стратегические приоритеты государственной политики Российской Федерации в Арктике, основные задачи, меры и механизмы по её реализации. В числе задач в сфере обеспечения военной безопасности требуется «привести возможности пограничных органов в соответствие с характером угроз и вызовов Российской Федерации в Арктике», хотя сами угрозы и вызовы в самом документе отражены лишь частично. Недостаточным является и анализ угроз от непрямых действий, направленных против интересов России в Арктике.

В складывающихся условиях одной из главных целей государственной политики Российской Федерации в Арктике в сфере военной безопасности, защиты и охраны государственной границы России, пролегающей в арктической зоне Российской Федерации, является обеспечение благоприятного оперативного режима в Арктической зоне Российской Федерации, включая поддержание необходимого боевого потенциала группировок войск (сил) общего назначения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов в этом регионе. Исходя из духа и буквы «Основ», Россия планирует до 2020 года создать арктическую группировку войск для защиты своих экономических и политических интересов в этом регионе. В документе говорится об усилении пограничных войск ФСБ России и о необходимости создать береговую охрану российских арктических границ. Однако предпринимаемые шаги при всей их масштабности и необходимости лишь частично перекрывают спектр угроз национальной безопасности России в Арктике. Основные угрозы военной безопасности Российской Федерации в Арктической зоне обусловлены совокупностью следующих факторов: активизация военной деятельности приарктических государств и их союзников и рост ее масштабов в Арктике и прилегающих акваториях; попытки добиться общего и равного доступа к использованию Северного морского пути и ресурсам Арктики для всех субъектов мирового сообщества; осуществление приарктическими государствами и их союзниками, а также НАТО и ЕС скоординированных мероприятий информационного характера по дискредитации Российской Федерации; попытки Норвегии по силовому вытеснению Российской Федерации из традиционных районов промысла в Баренцевом и Норвежском морях; стремление США и их союзников установить контроль над объектами ядерного комплекса Российской Федерации в Арктике; стремление руководства стран Азиатско-Тихоокеанского региона получить для своих военно-морских сил пункты базирования в Арктической зоне за счет аренды территорий приарктических государств; деятельность, осуществляемая трансграничными террористическими и преступными группировками, занимающимися незаконным оборотом стратегического сырья, природных ресурсов, оружия, боеприпасов, взрывчатых и отравляющих веществ, наркотических средств и психотропных веществ.

Комплекс угроз носит гибридный характер и наряду с политико-дипломатическими и военно-силовыми мерами включает разнородные формы и методы информационного и кибернетического воздействия, угрозы от действий террористов и организованной преступности. Тенденция трансформации угроз обусловлена набирающим силу трендом, в соответствии с которым в условиях глобализации и бурного развития информационно-коммуникационных технологий (при сохранении в арсенале государств традиционного разрушительного потенциала, неоднократно востребованного в войнах прошлого), в альтернативных стратегиях XXI века намечается отход от стремления физически сокрушить противника и оккупировать его территорию. Такой тренд явственно просматривается в противостоянии между Россией, отстаивающей свои законные интересы в Арктике, и её соперниками, стремящимися закрепить за собой место участника освоения арктического поля и расширить масштабы своего участия. Становится очевидным многомерный характер противостояния, которое сочетает информационное, финансовое, экономическое, дипломатическое и специальное противоборство в реальном масштабе времени. Это позволяет классифицировать многомерный конфликт в Арктике как важную составляющую гибридной войны против России, которая ведется отдельными государствами и их коалициями. С учетом тенденции на расширение количества участников, претендующих на свою долю в Арктике, можно прогнозировать формирование ситуативных коалиций в составе государств, отношения между которыми далеко не всегда являют собой примеры дружбы и взаимопонимания. Но с учетом нерешенности ряда юридических аспектов применительно к проблемам Арктики, вполне реальной представляется возможность координации деятельности отдельных государств с целью ослабить позицию России и добиться выгодного для них решения международных ин-

станций. Для действий таких соперников России характерно целенаправленное, адаптивное применение как военно-силовых методов, так и согласованных шагов по экономическому ослаблению противника, использованию подрывных информационных технологий. Применение непрямых ассиметричных действий и способов ведения «гибридных» войн как против целого государства, так и в отношении отдельных его крупных районов позволяет лишить противоборствующую сторону фактического суверенитета без захвата территорий военной силой. Для гибридной войны в Арктике как крупнейшем стратегически важном регионе важно следующее: ничто не мешает каждому из участников реализовывать свои намерения без непосредственного применения вооружённых сил и даже вообще без объявления войны. Каждый из участников может применять целый комплекс разного рода политических, экономических, дипломатических акций, одновременно проводя диверсионные операции и используя кибероружие. При совпадении интересов группы участников может стать целесообразным создание их ситуативной коалиции для «продавливания» нужного решения. Для России также важно создавать и использовать в своих интересах подобные коалиции, используя при этом разногласия между различными субъектами, претендующих на место «под арктическим солнцем». С этой целью следует своевременно и продуманно реализовать потенциал ШОС и ЕАЭС, привлечь Японию, Южную Корею и некоторые другие государства к разработке природных ресурсов Сибири и Арктики. Однако ситуация может резко измениться. Поэтому, по мнению начальника Генерального штаба ВС РФ генерала армии Валерия Герасимова, «возрастание гибридных угроз обусловливает актуальность вопроса повышения эффективности территориальной обороны … что позволит в период непосредственной угрозы агрессии усилить меры по противодействию иностранным частным военным компаниям, диверсионным и террористическим актам». При этом действия России и её соперников в Арктике планируются и осуществляются с учетом общих особенностей региона как театра гибридной войны.

Стратегическая важность региона обусловливает его охват так называемой «системой дуг нестабильности», которая представляет собой основной инструмент, с помощью которого создаются наиболее важные системные проблемы безопасности Евразии в целом и РФ в частности, а также происходит торпедирование интеграционных проектов. По мнению профессора Владимира Колотова, «система дуг нестабильности формирует геополитический «климат», который всемерно способствует проведению управляемой региональной дестабилизации неподконтрольных субъектов геополитики. Эта система охватывает территорию, расположенную между 4 океанами: Тихим, Индийским, Атлантическим и Северным Ледовитым. Она состоит из 8 действующих сегментов разной степени «готовности»: восточноевропейского, ближневосточного, восточноазиатского, североафриканского, южноазиатского, арктического, кавказского и центрально-азиатского. Эти сегменты объединены в единый взаимосвязанный комплекс проецирования нестабильности внутрь «кольца», которое они в совокупности образуют. По степени «готовности» Арктический сегмент дуги нестабильности находится в процессе становления. Интересы сторон определены, делаются попытки обеспечить их совместимость на основе международно-признанной правовой базы, которая в свою очередь отличается высокой степенью неразработанности, что порождает неопределенность в отношении прав участников на использование в своих интересах различных участков арктического поля. В рамках провозглашенной США стратегии геополитического доминирования в арктическом сегменте параллельно с наращиванием сил и созданием военной инфраструктуры развертываются операции по другим направлениям подготовки и ведения гибридной войны. В рамках гибридной войны, которую Запад ведет против России, арктический театр занимает особое место, определяемое рядом объективных факторов. В их числе: экстремальные природно-климатические условия; большая протяженность береговой линии и очаговый характер размещения сил пограничной охраны; низкая плотность населения; отсутствие единого промышленно-хозяйственного комплекса на территории и удаленность от основных промышленных центров, высокая ресурсоемкость и зависимость хозяйственной деятельности и жизнеобеспечения населения от поставок топлива, продовольствия и товаров первой необходимости из других регионов России; низкая устойчивость экологических систем, определяющих биологическое равновесие и климат Земли, и их зависимость даже от незначительных антропогенных воздействий. Важным фактором субъективного характера является пока ещё недостаточно скоординированная система государственного управления в Арктической зоне Российской Федерации. Несовершенство мер государственного регулирования в экономической и социальной сферах привело к критическому состоянию базовой транспортной, промышленной, пограничной, информационной, научной и социальной инфраструктур. Нарастают диспропорции регионального развития, наблюдается отток населения из региона. Опасность осознается властями, и в результате принятых энергичных мер положение исправляется. Однако все ещё далеко не в полной мере используется конкурентный потенциал Арктической зоны России. Стратегия и цели гибридной войны формулируются с учетом уязвимости Арктической части России для применения гибридных технологий, направленных на дестабилизацию обстановки в обширных районах.

Во-первых, как уже упоминалось, важнейшей целью является подрыв экономического потенциала государства. Это предопределяет место экономических объектов России в Арктике, коммуникаций и системы управления в качестве первоочередных целей гибридной войны. Создаются силы и средства для воздействия на объекты этой группы, включая силы специальных операций, кибероружие, организуется разведка театра. Следует прогнозировать расширение применения беспилотных летательных аппаратов.

Во-вторых, протяженность береговой линии и малонаселенность обширных участков суши усложняет задачи охраны границы, предотвращения проникновения диверсионно-разведывательных групп сил специальных операций.

В-третьих, важной особенностью театра является высокая чувствительность окружающей среды в Арктике к экологическим факторам, что позволяет прогнозировать использование сил специальных операций в гибридной войне для нарушения экологического равновесия. Здесь в полной мере можно ожидать использования свойства нелинейности гибридной войны, когда последствия применения непрямых методов, связанных с воздействием на экологию региона, приводят к непропорционально высоким катастрофическим последствиям, способным вызвать лавинообразное

изменение военно-стратегической и политической обстановки. Это могут быть, например, диверсионные акты на нефтедобывающих объектах, на трубопроводах, на транспорте. Высокую степень угрозы несут кибероперации против систем управления вышеперечисленных объектов. При разработке защитных мер в арктическом регионе следует решительно отказаться от традиционного линейного видения войны, которое предполагает возможность установления прямых и пропорциональных связей между причиной и следствиями, возмущающим воздействием и результатами. В гибридной войне, построенной на нелинейной стратегии, малые воздействия могут обеспечить получение значительных результатов. Фактор нелинейности гибридной войны существенно меняет степень достоверности прогнозирования возможных последствий конфликта как в масштабе арктического региона, так и в глобальном масштабе. В гибридной войне последствия использования непрямых методов создают крайне опасную, зачастую, неподконтрольную инициаторам ситуацию. В результате нарушения прямой связи между причиной и следствиями создаются обширные зоны неопределенности, связанные с действиями разнородных акторов, а действия одного из них могут вызвать лавинообразное изменение всей военно-стратегической и политической обстановки. Эти и некоторые другие факторы создают серьезные препятствия при попытках предвидеть ход и исход гибридной войны.

В-четвертых, гибридная война нелегитимна. Все существующие законы войны разработаны, как правило, для конфликтов между двумя воюющими сторонами, обычно государствами, преследующими интересы, которые каждый из участников считает законными. Для традиционной войны ООН приняла понятие «агрессия», существуют законы, защищающие права комбатантов, военнопленных и гражданского населения, запрещающие использование определенных видов оружия. Существующая нормативно-правовая база служит инструментом для лиц, принимающих политические решения и осуществляющих руководство военными действиями. Ничего подобного для гибридной войны нет.

И, наконец, требует уточнения понятие «стороны конфликта», которые в войне выступают как носители конфликта. Гибридная война в Арктике не объявляется, стороны конфликта не определены, в то время как традиционно считается, что конфликт как фаза противоречия возможен лишь тогда, когда его стороны представлены субъектами. Где субъекта нет – не может быть конфликта. Если в гибридной войне одним из очевидных субъектов выступает государство-жертва агрессии, то определить самого агрессора как вторую сторону конфликта не просто. При этом факт гибридной агрессии становится очевидным не сразу. Этот тезис следует в первую очередь отнести к важным составляющим гибридной войны – информационной и кибернетической войнам. В обоих случаях сложно определить и субъекта агрессии. Эти и некоторые другие факторы создают серьезные препятствия при попытках предвидеть ход и исход гибридной войны в Арктике. С учетом своеобразия Арктического театра огромное значение для понимания гибридной войны как сферы неопределенного и недостоверного имеет феномен введенного К. Клаузевицем понятия «трение войны». В своих трудах военный теоретик справедливо подчеркивал, что «трение – это единственное понятие, которое, в общем, отличает действительную войну от войны бумажной». Иными словами, на войне от задуманного до реализуемого на деле может быть огромная дистанция. Справедливость этого суждения особенно верна для гибридной войны в Арктике с учетом непредсказуемости и неопределенности конфликта, особой чувствительности возможных объектов поражения к малым воздействиям, способными повлечь за собой масштабные последствия. Особенности гибридной войны как конфликта неопределенного и недостоверного, в котором участвуют разнородные силы и средства, превращают трение в источник существенных возмущающих воздействий на ход действий, которые под влиянием трения войны часто становятся малоуправляемым и даже неуправляемым процессом. Для традиционной войны можно выделить семь источников общего трения: опасность; физическое напряжение; неопределенности и недостоверность информации, на основе которой принимаются решения; случайные события, которые невозможно предсказать; физические и политические ограничения в использовании силы; непредсказуемость, являющаяся следствием взаимодействия с противником; разрывы между причинами и следствиями войны.

Для гибридной войны в Арктическом регионе список источников трения может быть расширен.

Во-первых, с учетом масштабности экономических интересов государств, претендующих на свою долю в арктическом поле, географии их размещения и специфики подхода к существующим проблемам возрастает психологическое напряжение, стрессы, что способствует повышению вероятности ошибки.

Во-вторых, мощным источником возмущающих воздействий, провоцирующих сбои в системах управления, являются действия в киберпространстве, направленные против систем управления на нефте- и газодобывающих объектах и продуктопроводов.

В-третьих, в информационной войне для манипулирования деятельностью природозащитных групп уже сегодня широко применяется дезинформация, что способствует созданию обстановки хаоса и неразберихи.

В-четвёртых, важными субъектами гибридной войны в Арктике являются США и некоторые другие страны НАТО, которые не раз уже на практике демонстрировали пренебрежение международными законами, нарушали заключенные договоры. Это предопределяет высокую степень неопределенности и непрогнозируемости развития обстановки.

И, наконец, в результате трения казалось бы незначительные явления и факты, происходящие на тактическом уровне, получают мощь и способность стратегического катализатора, способного влиять на ход всей военной кампании. Существуют каскадные механизмы усиления, которые позволяют в ходе войны малым событиям запускать совершенно неожиданные и непредсказуемые процессы, не поддающиеся количественной оценке в рамках какой-либо теории. В Арктическом секторе в гибридной войне против России каскадными механизмами-катализаторами могут быть рукотворные техногенные катастрофы на гражданских и военных объектах, теракты на коммуникациях с большим количеством жертв, нарушение поставок жизненно важных продуктов и средств в труднодоступные арктические районы. Совокупность источников трения обычно оказывается больше их простой суммы, поскольку одни виды трения взаимодействуют с другими, что еще больше наращивает их разрушительный результат. Трение в зонах неопре-

деленности в гибридной войне связано с проявлением многих случайностей и вызывает явления, которые заранее учесть невозможно. Таким образом повышается вероятность случайных инцидентов, расширяющих масштабы конфликта. Особенно это опасно в гибридной войне в Арктике, где замешаны интересы ядерных держав. Таким образом, источники трения в существенной степени определяют структурные свойства гибридной войны, эффективность операций, стратегию и тактику противодействия. Как и в любой другой войне, в гибридной войне в Арктике существуют своеобразные «смазки», которые позволяют уменьшить трение в любой военной машине, в том числе и в гибридной войне. Это наличие боевого опыта и военной подготовки у участников, рациональная дислокация сил и средств, строгая дисциплина, продуманная информационная стратегия, заблаговременное создание эффективных каналов добывания, передачи, обработки и анализа данных об обстановке и др. Для гибридной войны уникальной «смазкой» служит полное отсутствие у нее легитимности и подчиненности международным нормам и правилам, что делает допустимым на этой основе проведение самых грязных провокаций с привлечением сил специальных операций, использованием манипулируемых террористических групп и организованной преступности. Нельзя исключить и применение бактериальных средств против животных, например, возбудителей сибирской язвы, ящура, чумы, сапа, ложного бешенства и др.

Арктика представляет собой чрезвычайно «лакомый» регион для геополитических противников России, которые уже не раз демонстрировали способность нарушить любые международные договоренности, если это соответствует их национальным интересам. Это не позволяет рассчитывать на безусловное уважение закрепленных в договорах суверенных прав и юрисдикции в арктических акваториях и на шельфе. Все ещё не решенными остаются вопросы об определении внешних границ и разграничения континентального шельфа ряда прибрежных государств за пределами исключительных экономических зон, согласования с Норвегией единых мер регулирования промыслов на всей акватории Баренцева моря. Не ратифицировано соглашение 1990 года между Россией и США о линии разграничения морских пространств, не продвигается работа по подготовке российско-американского соглашения по рыболовству. Эти факторы наряду с известными проблемами с обоснованием внешних границ континентального шельфа России в Северном Ледовитом океане за пределами исключительной экономической зоны создают условия для попыток арктических, некоторых неарктических государств и их коалиций использовать для давления на Россию изощрённую стратегию непрямых действий, построенную на формировании и реализации спектра гибридных угроз. Эффективность гибридного противостояния в Арктике будет зависеть от того, насколько полно России удастся предвидеть и учесть особенности гибридной войны, придать механизмам противодействия способности адаптации к быстро изменяющейся обстановке, что позволит опередить соперников и не допустить трансформации вызовов и рисков в реальные опасности и угрозы национальным интересам Российской Федерации в жизненно важном регионе. В этом контексте следует своевременно реализовать потенциал ШОС и ЕАС, привлечь Японию, Южную Корею и некоторые другие государства к разработке природных ресурсов Сибири и Арктики.

Список литературы

1. Владимиров А.И. Гибридные войны XXI века // Труды конференции «Гибридные войны в общей теории войны». – М., 2015.
2. Митько А.В. Принципы формирования интегрированной системы мониторинга обстановки в прибрежной зоне Арктического региона // Труды Международной научно-практической конференции «Инфогео-2013». – СПб., 2013. – С. 84–89.
3. Разуваев В.В. Арктика: три сценария // Стратегия России. – М., 2016. – Вып. 3. – С. 31–40.
4. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года (Указ Президента РФ № 232 от 08.02.2013 г.).
5. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и на дальнейшую перспективу (Указ Президента РФ № 1969 от 18.09. 2008 г.).

Перская В.В.
д.э.н., профессор, заслуженный экономист России, директор Института исследований МЭО Финансового университета

БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ – СОЦИАЛЬНО-ФОРМАЦИОННАЯ ПЛАТФОРМА ПЕРЕХОДА К МНОГОПОЛЯРНОСТИ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА

Ключевые слова: *Большая Евразия, международные отношения, национальные интересы, многополярность.*

Специфика переходного периода мирового сообщества к полицентризму заключается в том, что он сопряжен с усилением сопротивления со стороны истеблишмента государств, утрачивающих свои преимущества монополярной конфигурации мирового сообщества.

Это противостояние проявляется во всех аспектах социально-политической, экономической и общественной (включая идеологию) жизни, приобретая все новые формы и требуя консолидированного взаимодействия со стороны государств, разделяющих принципы полицентризма как будущего мирового сообщества, отвечающего целям поступательности развития человечества на основе мира и безопасности, т.е. Целям устойчивого развития, определенным ООН.

Полицентризм или многополярность представляет собой систему принципов и ценностных ориентиров сосуществования стран в условиях развития экономической глобализации, их экономического, культурного и гуманитарного взаимодействия, но при этом такое партнерство базируется на соблюдении национальных интересов стран, на оптимальном согласовании стратегий национального развития и нацелен на неуклонное повышение уровня благосостояния.

Многополярность в современном мире превращается в реальность, но принципы полицентризма разделяют не все государственные лидеры и истеблишмент стран, по-прежнему пребывающих в идеологеме неолиберализма. Взаимоотношения должны строиться на принципах международного права, на равноправии волеизъявления, на уважении и признании национального суверенитета и права наций на самоидентификацию в мировом сообществе, на терпимом восприятии всех субъектов международных отношений.

Не случайно страны БРИКС на X саммите в г. Йоханнесбурге единодушно заявили о *своей приверженности к формированию более честного, справедливого и представительного многополярного мирового*[1] *порядка* в целях процветания всего человечества. Именно это устройство мирового сообщества позволит соблюдать всеобщий запрет на применение силы, когда ни одна страна не сможет укреплять свою безопасность за счет безопасности других, и исключит использование односторонних принудительных мер, осуществляемых в нарушение Устава ООН,.

Именно в таком ключе предлагается рассмотреть процесс переформатирования мирового сообщества в современных условиях и проанализировать все происходящие явления именно в аспекте их направленности на достижение реальной многополярности.

Таким образом роль Большой Евразии как платформы переформирования мирового сообщества в направлении полицентричного мира следует рассматривать по следующим направлениям.

1. Регион Большой Евразии – это не только огромная территория, но и большое число суверенных государств, формирующих свои национальные стратегии развития и приоритеты и ценностные ориентиры в мировом сообществе. Переход к полицентризму напрямую связан с усилением роли государств как институтов не только обеспечения власти и выполнения миссии защиты интересов социумов, но и обеспечивающих социальную стабильность и неуклонный рост благосостояния в стране.

Принципы многополярности в настоящее время разделяют практически все страны региона Большой Евразии, в т.ч. КНР, Индия, Пакистан, Индонезия, Вьетнам, государства ЕАЭС и др.

Однако Япония и Южная Корея, находясь в зоне влияния США, придерживаются стратегии «по умолчанию», т.е. наблюдают со стороны, как идет процесс преобразования мирового сообщества в сторону многополярного мира, и предпринимают попытки «загребать каштаны чужими руками».

Выдвигая идею «Большой Евразии» на международном форуме «Один пояс, один путь» (2017 г.) президент России В.В. Путин подчеркивал, что «Евразия способна выработать и предложить содержательную и позитивную повестку. Это касается обеспечения безопасности, развития отношений между государствами, организации экономики, социальной сферы, систем управления, поисков новых драйверов роста», Россия видит будущее евразийского партнерства не просто как налаживание новых связей между государствами и экономиками «оно должно изменить политический и экономический ландшафт континента, принести Евразии мир, стабильность, процветание, принципиально новое качество жизни… Мы должны показать мировому сообществу пример совместного, новаторского конструктив-

[1] Йоханнесбургская декларация Десятого саммита БРИКС. Йоханнесбург, ЮАР, 26 июля 2018 года., п. 16. – http://interkomitet. ru/blog/2018/07/26/johannesburgskaya-deklaratsiya-desyatogo-sammita-briks/

ного будущего, основанного на справедливости, равноправии уважении национального суверенитета, на нормах международного права и незыблемых принципах Организации Объединенных Наций»[1].

Именно принципы равноправных консультаций, взаимной выгоды, гармонии и толерантности, рыночные механизмы, сбалансированность и стабильность – пять ключевых направлений дальнейшей кооперации участников процесса взаимодействия на континенте Большой Евразии.

На территории стран Большой Евразии стороны обязались учитывать интересы, естественные и культурные различия, признавать специфику друг друга, при этом соблюдая и сохраняя роль рынка и справедливых деловых механизмов, **а также руководящей роли национальных правительств, играющих ключевую роль в осуществлении открытой, прозрачной и не дискриминационной политики.**

Именно на форуме ОПОП в 2017 г. все страны выразили единодушную готовность проявлять уважение к принципам и резолюциям Совета Безопасности ООН, нормам внутреннего законодательства, территориальной целостности и суверенитету государств-партнеров, **а также осуществлять планирование и реализовывать проекты сотрудничества исключительно путем консультаций и переговоров на уровне межгосударственных комиссий и в рамках межгосударственных договоренностей.**

2. Одним из достаточно сильных факторов, препятствующих рассмотрению Большой Евразии в качестве целостного региона, является высокая степень диспропорциональности развития территорий, социальных групп и даже уровня оценки счастья в евразийских странах. Диспропорциональность в уровнях развития и распределения доходов, по мнению западных экспертов, не позволяет государствам географического региона или континента Евразии согласованно бороться за трансформационные преобразования в мировом сообществе. В частности, например, согласно индексу ВЭФ, неравенство в доходах возросло или осталось на прежнем уровне в 20 из 29 стран с развитой экономикой, в то время как уровень бедности увеличился в 17 раз. Хотя большинство стран с развивающейся экономикой улучшили свои показатели – 84% из них зарегистрировали снижение уровня бедности – их абсолютные уровни неравенства остаются намного выше. В докладе говорится, что как в странах с развитой, так и в странах с развивающейся экономикой *богатство* распределяется более неравномерно, чем *доходы по линии государства в виде социальной поддержки или вспоможествования социально нуждающимся.* При этом неравенство в доходах росло быстрее в Северной Америке, Китае, Индии и России, чем где бы то ни было, отмечается в Докладе о мировом неравенстве за 2018 год, подготовленном Всемирной лабораторией неравенства – исследовательским центром, базирующимся в Парижской школе экономики.

Международный валютный фонд установил закономерность, что «если доля доходов (топ 20% богатых) увеличивается, то рост ВВП фактически снижается в среднесрочной перспективе, не обеспечивая роста ни ВВП, ни благосостояния населения страны», а «увеличение доли доходов в нижних (топ 20% бедных) связано с более высокими темпами роста ВВП»[2].

Западные эксперты выступают против усиления социальной роли государства, т.к. социализация национального хозяйства и подчинение целей развития страны интересам повышения благосостояния большинства – это в принципе задача, противоречащая концепции глобальной экономики, повышению роли в ней интересов ТНК и, следовательно, так называемому «Мейнстриму».

3. Характерно, что усиление роли (национальных) государств на современном этапе развития мирового сообщества рассматривается западными политологами с позиции биологического детерминизма и биологического примитивизма[3]. В частности, например, указывается, что «мозг человека… различает членов группы и посторонних в доли секунды, и это побуждает нас быть добрыми к первым, но враждебными ко вторым, что и означает стремление к самоидентификации людей»[4].

Другими словами исторические корни и память, идентичность, национальная специфика и религиозные верования – это атавизм, который свойственен неразвитым народам. Даже «детям нравится то, что им знакомо, и это часто приводит к тому, что они копируют этнические и лингвистические внутригрупповые классификации своих родителей. Иногда основы привязанности и сотрудничества также лежат в основе более темных побуждений человечества**…..** наши общие групповые идентичности – национальные идентичности и культурные принципы, которые структурируют нашу жизнь – столь же произвольны и подвержены капризам истории»[5].

Одновременно выдвигается идея прогрессивного национализма, когда идет апеллирование к врожденным групповым тенденциям людей для стимулирования сотрудничества, ответственности и заботы о своих собратьях.

Неолиберализм как мейнстрим предполагает унификацию ценностных ориентиров наций и народностей, их ассимилирование и утрату национальной идентичности и доминирование (причем в ряде случаев доведения до абсурдности) ценностей, которые якобы отражают прогресс мирового сообщества. Именно эта политика сейчас реализуется в странах Запада. И хотя мультикультурализм потерпел неудачу, политологами обосновывается идея, что националь-

---

[1] Владимир Путин: Большая Евразия – это цивилизационный проект. – http://www.stoletie.ru/na_pervuiu_polosu/v_putin_bolshaja_jevrazija__eto_ne_abstraktnaja_geopoliticheskaja_skhema_a_civilizacionnyj_projekt_864.htm

[2] Ventura L.Wealth Distribution And Income Inequality By Country 2018. November 26, 2018. https://www.gfmag.com/global-data/economic-data/wealth-distribution-income-inequality . Дата обращения – 29.8.2019

[3] Sapolsky R.This is Your Brain on Nationalism.The Biology of Us and Them. March/April 2019. – https://www. foreignaffairs.com/articles/2019-02-12/your-brain-nationalism?utm_medium=newsletters&utm_source=special_send&utm_campaign=summer_reads_2019_newsletters&utm_content=20190901&utm_term=newsletter-summer-popup-2019

[4] Ibid.

[5] Ibid.

ное самосознание и гордость – это признаки неразвитости социумов, а потому требуют «массового коллективного перевоспитания. Отсюда логичным будет обоснование создание «лагерей» или социальных общин по перевоспитанию прибывших в Европу приглашенных А. Меркель иноземцев.

Манипулирование ментальностью людей – это современный инструмент формирования социально однородной среды неолиберального порядка, т.к. «формирование идентичности – это средство побуждать людей выбирать произвольные маркеры, которые позволяют им обнаружить свою культурную семью в океане незнакомцев – отсюда и важность, которую различные сообщества придают флагам, одежде или волосам на лице. Хипстерская борода, тюрбан и шляпа «Сделай Америку снова великой» выполняют эту роль, посылая сильные сигналы принадлежности к племенам»[1].

4. Для «мейнстрима» Запада сегодня не приемлем ни национализм, ни патриотизм, причем национальная идентичность воспринимается исключительно в контексте национализма, различие между **нацизмом** и **национализмом** не проводится.

«И национализм, и патриотизм могут побудить людей платить налоги и заботиться о неимущих в своей нации, включая тех, с кем они никогда не встречались и никогда не встретятся. Но поскольку эта солидарность исторически была построена на сильных культурных признаках *псевдо-родства*, она легко дестабилизируется, особенно силами глобализации, которые могут заставить людей, которые когда-то были архетипами их культуры, чувствовать себя неуместными и приводить их в контакт с очень соседи разных сортов, чем их прародители». ….*Национализм является продуктом человеческого познания, поэтому познание должно быть способным его уничтожить*[2].

Для коллективного Запада многополярность не приемлема[3]. Перспектива видится в лучшем случае в возврате к биполярности: «Нам нужно понять, что наши привычки и данности больше не имеют смысла. Далее, мы должны задуматься о нашей собственной стратегии, потому что две страны, у которых сегодня есть настоящие карты на руках – это США и Китай»[4]. Эта система им понятна и позволяет надеяться на успех за счет вовлечения в орбиту своих интересов России, Индии и других развивающихся экономик.

«США находятся в западном лагере, но не несут в себе того же гуманизма. Они иначе относятся к вопросам климата, равенства и общественного равновесия. Существует примат свободы, который глубоко характеризует американскую цивилизацию и объясняет наши отличия, несмотря на прочные союзнические связи. У китайской цивилизации, мягко говоря, несколько иные коллективные предпочтения и ценности. Мы (Европа) – единственное геополитическое пространство, которое поставило человека с большой буквы **Ч** на центральное место в своем проекте в эпоху Возрождения, Просвещения и всякий раз, как нам приходилось переосмыслить себя… Нам нужно воссоздать на этой основе коллективный нарратив и представления. Именно поэтому я убежден, что наш проект следует признать проектом европейской цивилизации. Проект европейской цивилизации не может продвигать вперед ни католическая Венгрия, ни православная Россия. Мы же отдали инициативу двум этим лидерам. Я говорю об этом с большим уважением. Послушайте выступления в Венгрии или России: у этих проектов хватает различий, но они несут в себе культурную и цивилизационную жизненную силу, которую я лично считаю ошибочной, но вдохновляющей»[5].

Другими словами, Э. Макрон сформулировал достаточно четко – только просвещенная Европа способна возродить социальное государство, поставив во главу угла Просвещение, Возрождение и гуманизм. Большая же Евразия – это чуждая этим идеям агломерация государств.

5. Другим аргументом западных экспертов против восприятия платформы Большой Евразии как политически единообразно воспринимающей трансформационные процессы в мировом сообществе является утверждение об усилении авторитаризма и утрате демократических ценностей.

Естественно, выступая за усиление роли государства как института, выполняющего в том числе миссию социальной поддержки и защиты слабых, страны, разделяющие принципы многополярного мирового сообщества, реализуют политику внутри страны, усиливая регулирующую роль собственно государственных институтов. Часто проходящие в странах выборы выдвигают на роль первых лиц сильных, харизматичных лидеров, которым Запад приписывает установление властного авторитаризма и даже культа личности.

В этой связи страны Центральной Азии расцениваются исключительно в аспекте формирования клановоавторитарных режимов, это же относится к Индии, Китаю и России, а также к Венгрии, Филиппинам, Турции и Венесуэле. Это именно те страны, где избранные политические лидеры обладают определённой харизматичностью и авторитетом среди населения. Данная точка зрения представляется бездоказательно, просто декларируется, что в названных странах установлены антинародные режимы.

---

[1] Sapolsky R.This is Your Brain on Nationalism.The Biology of Us and Them. March/April 2019. – https://www. foreignaffairs. com/articles/2019-02-12/your-brain-nationalism?utm_medium=newsletters&utm_source=special_send&utm_campaign=summer_reads_2019_newsletters&utm_content=20190901&utm_term=newsletter-summer-popup-2019

[2] Ibid.

[3] Более детальный анализ восприятия путей развития мирового сообщества см. В кн.: Перская В.В., Эскиндаров М.А. Институты и механизма согласования национальных интересов. – М.: КноРус, 2018. – С. 201–241

[4] Макрон: «Мы определенно являемся свидетелями конца западной гегемонии в мире». 28.08.2019. – https://inosmi.ru/politic/20190828/245721003.html

[5] Там же.

Симптоматичным признаком такого восприятия являются статьи о якобы утрате плюралистической демократии Индии[1], называя победу на выборах партии BJP во главе с Н. Моди «индуистским национализмом» и авторитаризмом лидера партии.

Другими словами, налицо попытка под лозунгом демократизации общественно-политической жизни унифицировать социально-политическое устройство государств, ликвидировав их национальную историческую идентичность и самосознание, тем самым внедряя институты и идеологию демократии американского образа жизни. Это и является фактором обеспечения среды политического влияния и получения экономических дивидендов от экспансии западных ТНК в национальный хозяйственный организм этих стран, встраивая их в вертикальные кооперационные связи и де факто ликвидируя основы национальной конкурентоспособности, ее постепенного роста, культивируя монокультурность и сырьевую или отверточную специализацию.

Однако если эти демократические институты разрушаются так легко и просто, то правомерно считать, что они основаны на принципах и нормах, которые не отвечают интересам подавляющего большинства населения рассматриваемых стран. Значит, эти институты были привнесены извне и не адаптированы к национально-религиозной специфике стран и выражают де факто интересы узкой группы имущественных слоев, оказавшихся у истоков привнесенной властной системы.

Этот тезис правомерно отнести и к деятельности международных организаций, таких как ВТО, ВТамО, Группы ВБ и МВФ и даже ООН, фактически трансформировавшихся под интересы глобальных игроков – ТНК и ТМБ и США как глобального гаранта мирового правопорядка.

Западные эксперты квалифицируют стремление таких стран как Россия, Индия и Китай к самостоятельности волеизъявления на внешнем контуре и во внутренней политике как «действия популистов по превращению своих стран в конкурентные авторитарные режимы или прямые диктатуры, которые обещают вернуть власть народу, но вместо этого разрушают демократические институты»[2]. Другими словами, стремление реализовать национальные интересы и сохранить историческую и религиозную идентичность, многообразие многонациональных традиций оценивается исключительно как популизм, а политика реализации функций социального государства – как стратегия, не реализуемая в условиях роста численности населения мира.

Политика национальной идентичности и сохранения исторической памяти в развивающихся экономиках – это фактически ответ на происходящее в западных либеральных экономиках разрушение человеческого сообщества как самовоспроизводящейся системы (примерами последнего времени являются предложение профессора Стокгольмской школы экономики Магнуса Содерлунда есть умерших ради сохранения окружающей среды, его не поддержали, но единомышленники есть[3], поддержка однополых браков в Старой Европе (от 88% – Швеция до 59% – в Португалии) и др.[4]

По оценке Ф. Фукуямы «Соединенные Штаты и ЕС были главными образцами либеральной демократии, в кризисы в США и ЕС подорвали репутацию системы в целом….Авторитарные государства во главе с Китаем и Россией, стали гораздо более сильными. Некоторые страны, казавшиеся в 1990-е годы успешными либеральными демократиями, в т.ч. Венгрия, Польша, Таиланд и Турция, скатились назад к авторитаризму. Арабские восстания 2010–2011 годов разрушили диктатуру на всем Ближнем Востоке, но мало что дали в плане демократизации: после них деспотические режимы удержались у власти, а гражданские войны охватили Ирак, Ливию, Сирию и Йемен. Более удивительным и, возможно, еще более значительным был успех популистского национализма на выборах, проведенных в 2016 году в двух самых устойчивых либеральных демократиях мира: Соединенном Королевстве, где избиратели решили покинуть ЕС, и в Соединенных Штатах, где Дональд Трамп выиграл выборы»[5].

Таким образом, налицо недооценка роли государства как аппарата, способного реализовать политику социальной поддержки и защиты населения страны, одновременно проводя на внешнеполитическом контуре суверенную политику, отвечающую национальным интересам. Все это отвергается и называется «популизмом».

В частности, крен современной либеральной демократии на продвижение интересов самых разных маргинальных групп, таких как этнические меньшинства, иммигранты и беженцы, женщины и представители ЛГБТ возродили историческую память народов, в т.ч. коренных народов, населяющих те или иные территории. Все это выдвинуло на политическую арену патриотизм, защиту традиционной национальной идентичности, поставило интересы страны (и

---

[1] Kanchan Chandra.The Roots of Hindu Nationalism's Triumph in India. What the BJP Learned From the Congress Party. September 11, 2019. – https://www.foreignaffairs.com/articles/india/2019-09-11/roots-hindu-nationalisms-triumph-india?utm_medium=newsletters&utm_source=fatoday&utm_content=20190911&utm_campaign=091119%20John%20Bolton%27s%20Exit%2C%20Hindu%20Nationalism%27s%20Triumph%2C%20The%20Long%20Shadow%20of%209/11&utm_term=FA%20Today%20-%20112017; Kanchan Chandra The Triumph of Hindu Majoritarianism. A Requiem for an Old Idea of India. – https://www.foreignaffairs.com/articles/india/2018-11-23/triumph-hindu-majoritarianism?cid=nlc-fa_fatoday-20181123

[2] Mounk Y. The Dictators' Last Stand. Why the New Autocrats Are Weaker Than They Look. September/October 2019. – https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2019-08-12/dictators-last-stand?utm_medium=newsletters&utm_source=fatoday&utm_content=20190823&utm_campaign=FA%20Today%20082319%20The%20Dictators%E2%80%99%20Last%20Stand%2C%20Myth%20of%20the%20French%20Resistance%2C%20China%27s%20View%20of%20the%20Trade%20War&utm_term=FA%20Today%20-%20112017

[3] https://aif.ru/society/people/gotov_poprobovat_professor_soderlund_predlozhil_vernutsya_k_kannibalizmu

[4] https://lt.sputniknews.ru/infographics/20181219/7850841/Odnopolye-braki-v-Evrope.html)

[5] Fukuyama F. Against Identity Politics. The New Tribalism and the Crisis of Democracy. September/October 2018. – https://www.foreignaffairs.com/articles/americas/2018-08-14/against-identity-politics-tribalism-francis-fukuyama?utm_medium=newsletters&utm_source=special_send&utm_campaign=summer_reads_2019_newsletters&utm_content=20190825&utm_term=newsletter-summer-popup-2019

соответственно государства как инструмента управления страной) во главу угла. Причем патриотизм стал иметь место вопреки глобальному космополитизму[1] в странах с высоким уровнем образования и экономического развития.

Сторонники монополярности полагают, что необходимо поддерживать всеми средствами оппозиционные движения в популистских автократиях, а в качестве решающего фактора уничтожения их стремления к самоопределению, суверенитету и национально-исторической идентичности использовать такое оружие как глобальная рецессия. Именно скатывание мировой экономики к глобальной рецессии должно уничтожить переход к многополярности, в т.ч. на платформе стран БРИКС.

Большинство экономистов-международников США и ЕС исходят из того, что в современном мире люди мотивированы в подавляющем своем большинстве желанием материальных благ и услуг. Эта концепция человеческого поведения имеет глубокие исторические и ментальные корни в западной политической мысли и была имплантирована в трансформационные экономики в 90-е годы, положена в основу большинства современных социальных наук. Но это положение исключает фактор, который, как подчеркивали классические философы, имеет важное значение для современной действительности – стремление к достоинству[2], к восприятию социумом (именно в смысле коллектива многонационального сообщества того или иного государства) своего места на мировой арене.

Именно этот фактор в настоящее время обусловливает возрастание роли государств как инструментов реализации коллективной воли народов стран к повышению своей значимости для мирового развития, гордости за свою «державу», имея при этом глубокие исторически корни в процессе формирования национально-духовного, религиозного и социо-этнического развития народов отдельных стран.

6. Следует отметить, что исторически борьба между авторитаризмом, протекционизмом, защитой национальных интересов и либерализмом, фритредерством и уступкой национальных интересов и подчинении их глобальным ценностям имела место в России еще в XVIII-XIX веках.

В частности, например великий русский ученый Д.И. Менделеев указывал, что «кроме первичного протекционизма, желающего все и вся развить в своей стране и не допускающего к себе иноземных товаров, могущих производиться в своей стране, и кроме охранительного протекционизма, существует и мыслим … **возбуждающий разумный протекционизм**, который с полным расчетом всех естественных условий страны налагает соразмерно высокие таможенные пошлины на товары, имеющие все шансы развития их внутри страны»[3].

В этой связи полагаем возможным предложить рассматривать в качестве сдерживающего инструмента авторитаризма, не отвечающего национальным интересам или провозглашающего уничтожение одних наций для расцвета и благосостояния других народов, основанного на деспотизме и человеконенавистничестве при узурпации власти и провозглашении культа личности, проводимого в жизнь, клевретами харизматичного лидера, **разумную демократию**. Она не исключает роли харизматичного лидера в развитии государства в целом, но при этом вводит сдерживающие ограничения для авторитаризма и развития культа личности.

Разумная демократия – это система, не абсолютизирующая и не доводящая демократические принципы до абсолютизма и абсурда.

Ф. Фукуяма подчеркивает, что «общества должны защищать не только маргинальные и малые группы людей, идентифицирующих себя как объединенными определенными верованиями, признаками или ценностями, но они также должны достигать общих целей и консенсуса. Сдвиг в сторону защиты узкой групповой идентичности в конечном итоге угрожает развитию… Ассимилированные иммигранты вносят здоровое разнообразие в любое общество; плохо ассимилированные иммигранты тормозят государство и в некоторых случаях представляют угрозу безопасности»[4].

Разумная демократия должна основываться на сильных институтах страны и поддерживать развитие активного гражданского общества, что в настоящее время обеспечивается развитием социальных сетей и Интернета.

Попробуем сформулировать основные параметры, способные сдерживать авторитаризм государственной власти в рамках социально-либерального отношения государства к целям и задачам всемерного развития общества и повышения уровня жизни населения стран.

1. Выборность первых руководителей стран, причем не ограниченным числом делегатов или представителей партий, а на основе общенационального выбора.

2. Прозрачность процесса голосования, видео- и цифровой контроль за ним, недопущение анонимного цифрового голосования и пр.

3. Выборность избирательных комиссий, но назначение Председателей избирательных комиссий, участие в них представителей оппозиционных партий.

4. Свобода выражения мыслей и воли, конституционное закрепление этих прав за всеми гражданами странами.

5. Возможность создания информационных агентств, СМИ оппозиционными партиями, но исключительно за свой счет или за счет общественных пожертвований, исключая зарубежные инвестиции.

---

[1] См.: Перская В.В., Эскиндаров М.А. Вхождение в многополярность. Очерки переходного периода. – М.: Курс, 2019.

[2] Fukuyama F. Against Identity Politics. The New Tribalism and the Crisis of Democracy. September/October 2018. – https://www.foreignaffairs.com/articles/americas/2018-08-14/against-identity-politics-tribalism-francis-fukuyama?utm_medium=newsletters&utm_source=special_send&utm_campaign=summer_reads_2019_newsletters&utm_content=20190825&utm_term=newsletter-summer-popup-2019

[3] Берлин П.А. Русская буржуазия в старое и новое время. – Л.- М., 1925. – С. 122–123.

[4] Fukuyama F. Against Identity Politics. The New Tribalism and the Crisis of Democracy. September/October 2018. – https://www.foreignaffairs.com/articles/americas/2018-08-14/against-identity-politics-tribalism-francis-fukuyama?utm_medium=newsletters&utm_source=special_send&utm_campaign=summer_reads_2019_newsletters&utm_content=20190825&utm_term=newsletter-summer-popup-2019

6. Независимость судебной системы от государственной власти, выборность судей при сдаче квалификационных экзаменов (примерно 1 раз в 5лет) из состава юристов, подающих заявления и имеющих юридическое образование.

7. Ротация государственных служащих (каждые пять лет) при сдаче квалификационных экзаменов, исключение фактора клановости или близко родственной семейственности в рамках государственного аппарата, включая региональный и местный уровни[1]. Недопущение в государственном аппарате неконкурсной династийности и близкородственных отношений, включая региональный уровень и систему агентств или центров, сформированных как части государственного аппарата.

8. Регулярная аттестация всех госслужащих (включая региональный уровень) и их сменяемость (при положительности результатов деятельности и результатов аттестации – продвижение по служебной лестнице, в т.ч. в с возможным изменением региона, при отрицательности – понижение или увольнение).

9. Регулярный отчет избранных руководителей перед электоратом, в т.ч. в рамках встреч или публичных часов на СМИ с возможностью прямого вопроса граждан и получения ответа независимо от региона нахождения гражданина.

10. Развитие гражданского общества путем формирования движений и платформ содействия развитию социально ориентированных проектов; направлений консолидации общественных групп в части содействия развитию творческих потенциалов и интересов; проведения открытых шествий и демонстраций в различных городах и регионах, посвященных важным событиям развития народов страны и их истории; публичного обсуждения законодательных инициатив, используя Интернет-ресурсы и социальные сети как форму управления общественными интересами. При этом необходимо противодействовать разделению социума на страты, группы или подгруппы, подчас антагонистично воспринимающих друг друга или маргинализированных в силу их агрессивного навязывания спорных с позиции общепринятой морали идеалов, тщательно проверяя источники финансов для развития неформализованных движений гражданского общества, исключая использование средств из неустановленных иностранных источников. Другими словами развитие гражданского общества должно быть подчинено целям консолидации общества, ориентированной на созидательные цели развития и социальной помощи нуждающимся и незащищенным слоям, противостоя идеям разрушения и антагонизма.

11. Государство как инструмент реализации национальных интересов много/мононациональных стран должно в своей деятельности консолидировать все слои общества, способствуя сохранению исторической памяти и исторической гордости, формируя атмосферу свободы реализации личностных потенциалов граждан и их идентификации в гражданском обществе, но при этом направлять свою деятельность как института управления на всемерное повышение уровня благосостояния граждан страны и миссии защиты территории и социальной поддержки населения страны.

12. Образовательная система, в частности деятельность вузов и университетов страны должна соответствовать не международным рейтингам, а целям и задачам развития страны, подготовка кадров должна ориентироваться на национальные интересы государства, не допуская привнесения в морально-духовный и квалификационный мир образовательного учреждения задач и ценностей, противоречащих истории развития страны, идентификации страны в мировом сообществе, признающих приоритеты иностранных государств более соответствующими возможностям раскрытия личностного потенциала молодежи. Персонализация ответственности первого руководителя за обеспечение идеологической атмосферы учебного заведения позволит более четко реализовывать стоящие перед ним задачи.

13. Возможность участия в конкурсе на занятие государственного поста (любого уровня, за исключением местного) лиц, получивших высшее образование за рубежом на индивидуальной коммерческой основе (т.е. не в рамках заключенных межгосударственных соглашений по обмену или в странах, где отсутствует нострификация дипломов России) должна быть строго ограничена. Знание о таком ограничении должно быть доступным как для родителей, так и для абитуриентов. Направление на получение образования за счет хозяйствующих субъектов обусловливает последующие использование кадров исключительно в рамках коммерческой деятельности этого субъекта или его контрагентов, не исключая научно-исследовательской работы.

Это лишь общие ограничители для недопущения «расцвета авторитаризма» в условиях усиления роли государства при переходе к многополярности.

Эти ограничители должны способствовать сочетанию авторитарной силы харизматичного выборного первого лица и развития либерализации социально-политической общественной системы

Приложение № 1

Индекс инклюзивного развития Всемирного экономического форума 2018 г.

Страна	Чистый доход, Индекс Джини	Индекс богатства Джини	ВВП/душа насел. долл. США	Уровень занятости	Средний дневной доход долл. США PPP	Уровень бедности	Продолжит. жизни
Армения	36.0	58.3	3925	52.90	5.7	13.6	64.9
Австрия	33.2	65.2	53671	60.9	44.4	12.9	71.5
Азербайджан	38.6	51	5860	63.9	8.5	2.7	64.7
Бельгия	25.9	63.0	45308	49.1	43.8	9.1	71.1
Болгария	33.9	52.9	7529	49.8	15.3	3.8	66.4
Хорватия	25.3	49.8	14372	45.1	15.9	1.9	69.4
Китай	51.0	78.6	15020	58.3	14.2	3.1	70.5

[1] Переходный этап к многополярности при укреплении авторитарной власти Первого лица государства может, в порядке исключения, использовать как временно действующий инструмент в целях исключения подпитки слоя оппозиционно озлобленного и потерявшего свое рабочее место чиновников, готовых на радикальные действия вопреки интересам социума, передвижение на другие руководящие должности.

Чехия	25.6	64.8	20707	52.0	24.3	5.9	69.4
Дания	25.3	80.5	60258	58.3	44.7	5.5	71.2
Эстония	34.2	56.4	17853	52.6	22.1	12.5	69.0
Финляндия	25.6	76.7	45709	53.00	43.5	6.3	71.0
Франция	29.9	70.7	42003	49.7	44.2	8.2	72.6
Грузия	40.5	66.8	4080	59.6	5.1	25.3	66.4
Германия	29.0	79.1	45552	52.7	45.3	9.5	71.3
Греция	33.2	67.7	22736	39.4	18.4	14.8	71.5
Индия	47.5	83.0	1861	51.9	1.9	60.4	53.6
Индонезия	46.7	83.7	3974	63.6	4.6	33.8	62.0
Иран	38.8	67.3	5758	39.7	12.5	2.5	66.5
Израиль	36.5	74.2	33780	60.3	25.8	19.5	72.8
Италия	33.3	66.0	34284	42.7	34.3	19.3	72.6
Япония	25.9	60.5	47608	52.2	34.8	16.1	74.5
Киргизия	34.1	62.9	1038	58.2	4.4	23.3	63.9
Казахстан	28.8	92.6	10570	67.7	9.8	0.4	63.3
Малайзия	42.8	82.0	11028	61.3	14.0	3.1	66.5
Россия	43.9	82.6	11099	59.7	17.0	0.3	63.4
Швеция	25.7	83.4	56319	59.9	48.3	4.0	72
Таджикистан	44.7	53.5	+968	61.2	5.3	20.0	62.1
Турция	39.8	81.8	14071	54.1	13.0	2.4	66.2

Источник: Ventura L. Wealth Distribution And Income Inequality by Country 2018. November 26, 2018. – https://www.gfmag.com/global-data/economic-data/wealth-distribution-income-inequality

Петрушак В.Г.[1]

БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ КАК ЯДРО ГЕОЦИВИЛИЗАЦИЙ ВОСТОКА, ЗАПАДА И РОССИИ

Ключевые слова: *геоцивилизация, Восток, Запад, Северная Евразия, геокультура, геоэкономика, геополитика, общинно-государственная собственность, частная собственность, Большая Евразия, коллективизм, индивидуализм, Южная Евразия, Западная Евразия, Великий шёлковый путь, однополярный мир, «один пояс один путь», АСЕАН, БРИКС, Евразийский союз, национальная идея, евразийство.*

Основополагающую роль для осмысления социокультурных оснований бытия народов мира играют сформированные ими локальные культуры и цивилизации, которые образуют три более крупные межцивилизационные общности Земли, которые можно определить как геоцивилизации. Это известные в мировой истории Восток, Запад и срединный регион между ними – Северная Евразия (восточнославянская и византийско-славяно-румынская цивилизация), которые составляют триединство цивилизационного бытия, определяющие специфику мирового исторического процесса в различных регионах Земли.

Формирование представлений о геоцивилизациях заложил еще В.С. Соловьев, который, рассматривая их геополитическую роль в мире, отметил, что в истории действуют три силы. Первая, как воплощение стран Востока, заключается в формировании всеобщей системы отрицательного всеединства, тормозящего развитие. Другая сила, как проявление Запада, пытается дать везде свободу частным формам жизни, что ведет к всеобщей борьбе индивидов друг с другом. Однако в истории действует и третья сила, связанная с восточнославянским миром. Она «дает положительное содержание двум первым, освобождает их от их исключительности, примиряет единство высшего начала с свободной множественностью частных форм и элементов, созидает, таким образом, целость общечеловеческого организма и дает ему внутреннюю тихую жизнь»[2].

При этом различие Запада и Востока, возможно, – по мнению А. Панарина, – имеет для человечества то же значение, что и различие левого и правого полушарий человеческого мозга, что на социокультурном уровне бытия их народов выражается в различии ценностных оснований их бытия. «Вестернизировать мир, сделать его однополярным – то же самое, что и сделать наш мозг однополушарным, лишенным его правой, образно-интуитивной структуры. Совсем не случайно над современной западной цивилизацией нависло проклятие «одномерного» человека, утрачивающего надэмпирическое, духовное измерение»[3].

В целом, каждая **геоцивилизация** – это межцивилизационная общность как существующих, так и существовавших ранее культур и цивилизаций, которая обладает собственной *геоэкономикой, геополитикой и геокультурой*. Важную роль в развитии геоцивилизаций играют природные факторы, роль которых, наряду с экономическими, политическими и культурно-историческими возрастает по мере рассмотрения более крупных социоэтнических общностей, самими значимыми из которых являются геоцивилизации. В этой связи, под геокультурой мы понимаем способ ценностно-мировоззренческого восприятия действительности, свойственной этническим общностям, формирующимся под непосредственным воздействием природно-климатических факторов определенных субконтинентальных и континентальных пространств Земли.

Особенности геокультуры какой-либо геоцивилизации проявляются в особенностях ее геоэкономики как совокупности отношений собственности и способов техноэкономической деятельности, а также геополитики, как способов реализации политической деятельности и отражения роли геоцивилизаций в историческом процессе, которые формируются в рамках определенного климата и специфики развития производительных сил в рамках континентальных и субконтинентальных пространств Земли.

Таким образом, **геоцивилизация** – *это исторические сформированное пространственно-временное сообщество локальных культур и цивилизаций Востока, Запада и Северной Евразии, объединяющее ряд этнических общностей по фундаментальным ценностным основаниям, формирующимся под непосредственным воздействием экономических, политических, социокультурных и природно-климатических факторов определенных континентальных и субконтинентальных пространств Земли*.

Так геоцивилизация Востока уже с IV тыс. до н.э. формировала государственно-центрическую модель развития. Преобладание поливного земледелия и кочевого скотоводства в Южной Евразии, например, невозможно объяснить без учета влияния субтропического климата. Совокупность этих условий привела в свою очередь к доминированию в

[1] Петрушак Валентин Львович – к.филос.н., доцент кафедры философии педагогического факультета Гродненского государственного университета. E-mail: valentin70060@mail.ru

[2] Соловьев В.С. Три силы // Соловьев В.С. Сочинения в 2-х томах. – Т. 1. Философская публицистика; сост. и общ. ред. А.Ф. Лосев и А.В. Гулыга / АН. СССР, И-т философии. – М.: Мысль, 1988. – С. 20.

[3] Философия истории: учебное пособие / Под ред. А.С. Панарина. – М.: Гардарики, 1999. – С. 29.

экономической жизни земледельческих цивилизаций Востока коллективного труда. В результате использовался труд «больших, многотысячных масс людей для выполнения жизненно важных для этих цивилизаций ирригационно-мелиоративных работ, террасирования горных склонов и т.д.»[1]. Это обстоятельство требовало не только наличия сильных централизованных государств, но и вмешательства государственной власти в процесс производства. Это обстоятельство вызвано тем, что на Востоке нельзя было разделить оросительную систему, что делало бессмысленным владение неорошаемыми землями. В силу этого обстоятельства «та экономическая функция, которую вынуждены были выполнять все азиатские правительства… функция организации общественных работ»[2]. Поэтому, на Востоке формировалась жесткая деспотическая власть монарха, т.е. деспотия. В результате, у восточных народов утвердилась как основополагающая не частная, а общинно-государственная и корпоративная жреческая собственность. Поэтому государство, которое в большинстве стран Востока возвышается над мелкими общинами, «выступает как высший собственник или единственный собственник, в силу чего действительные общины выступают лишь как наследственные владельцы»[3].

Дело в том, что родовые коллективы «не знали понятия свободы как осознанного права на распоряжение физическими и интеллектуальными силами своей личности как общезначимого права бесконтрольного использования какого-либо объекта»[4], что снижало роль и значимость института частной собственности. Подобная закономерность государственной эксплуатации крестьянских общин, как отметил М. Восленский, привела к тому, что господствующим классом при азиатском или восточном способе производства стала *правящая бюрократия*, которая, «регламентирует всю жизнь общества и деспотически им управляет при помощи мощной государственной машины»[5].

Геоцивилизация Запада зародилась уже в античные времена (XIII в. до н.э. – V н.э.). Предшественником геоцивилизации Запада стал западный вариант восточного способа производства, который сложился в конце III−II тыс. до н.э. сначала на Крите, а затем и в Микенской Греции. Так, А.К. Захаров отметил, что «классическому античному миру предшествовал длительный период крито-микенской культуры, по всем параметрам близкой именно к восточным обществам»[6].

Формирование основ ее бытия было связано со сменой бронзового века железным, что привело к резкому росту производительности труда и расширению зоны земледелия на территории Древней Греции, а также греческой колонизации Средиземноморья и совершенствованию ее государственно-правовых форм существования в эпоху Римской империи. Так в «Греции, в ряде областей Передней Азии, в береговой части Италии и Адриатического бассейна ведение хозяйства не требовало серьезных скоординированных усилий»[7]. Западная геоцивилизация выработала геоэкономическую модель эволюцию форм частной собственности, которая прошла формы рабовладения, феодализма и капиталистического производства. Это обстоятельство послужило основанием для формирования теории общественно-экономических формаций К. Маркса и Ф. Энгельса. В этой связи Л.С. Васильев отмечает, что «в древнекитайской империи, например, было немало искусных ремесленников, торговцев и богатых горожан, но там, как и во всех иных странах Востока, не существовало европейского типа буржуа по той простой причине, что буржуа – это не просто род занятий. Буржуа – наследники античной традиции»[8].

Основой социокультурной системы Запада стала принципиальная (хотя и выступающая в разных исторических формах) автономия семейных хозяйств, обусловившая формирование социально-экономической самостоятельности хозяина-собственника. Исторически подобный тип общества оформился только там, «где еще на первобытном уровне было возможно ведение хозяйства силами отдельной семьи, а потому и не создаются с необходимостью такие социокультурные системы, которые жестко подчиняли бы домохозяйства надобщинным, в перспективе – раннегосударственным институтам»[9].

В ходе дальнейшего развития этой геоцивилизации в условиях капиталистического развития в Новое время была сформулирована модель экономоцентризма, связанного с реализацией интересов пользы и требованием рентабельности как по отношению к экономическим, так и неэкономическим сферам жизни общества, что особо проявилось в XX веке. В результате к настоящему времени всему миру вне зависимости от геоцивилизационных его особенностей, было навязана психология потребительского общества как отражение кризиса современного Запада. А. Тойнби обратил внимание на тот факт, что современный Запад имеет своей целью «включение всего человечества в единое обще-

---

[1] Кирвель Ч.С. Природные факторы и «власть пространства» в жизнедеятельности общества // Социология. 2009. – № 3. – С. 74.

[2] Маркс К. Британское владычество в Индии // Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч.: в 50 т. – 2-е изд. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – Т. 9. – С. 132.

[3] Маркс К. Формы предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч.: в 50 т. – 2-е изд. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1968. – Т. 46, ч. 1. – С. 267–268.

[4] Кузищин В.И. Античное классическое рабство как экономическая система. – М.: Издательство МГУ, 1990. – С. 129.

[5] Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – М.: Советская Россия; МП Октябрь, 1991. – С. 579.

[6] Захаров А.К. Еще раз о теории формаций // Общественные науки и современность. – М., 1992. – № 2. – С. 49.

[7] Кирвель Ч.С. Природные факторы социальной эволюции // Веснік Гродзенскага дзяржаунага універсітэта. 2005. – № 1. – С. 59.

[8] Васильев Л.С. Человек и власть в истории (Авторитаризм или свобода?) // Общественные науки и современность. – М., 2009. – № 1. – С. 32.

[9] Павленко Ю.В. Происхождение цивилизации: альтернативные пути // Альтернативные пути к цивилизации / Под ред. Н.Н. Крадина [и др.]. – М.: Логос, 2000. – С. 122.

ство и контроль над всем, что есть на земле, в воздухе и в воде и к чему можно приложить для пользы дела современную западную технологию»[1].

Реализация такой стратегии развития и попытка подавления культурно-цивилизационной специфики других цивилизаций породила глобальный цивилизационный кризис, который грозит сегодня уничтожением человечеству. Симптомы такого кризиса проявляются в реализации потребительской модели развития и росте глобальных проблем человечества. Причина кризиса состоит в действии закона рыночной экономики по увеличению максимальной прибыли и роста оборота капитала, когда, – согласно М. Веберу, – нажива мыслится как самоцель существования общества, что становится чем-то трансцендентным и даже просто иррациональным по отношению к «счастью» или «пользе» отдельного человека. «Теперь уже не приобретательство служит человеку средством удовлетворения его материальных потребностей, а все существование человека направлено на приобретательство, которое становится целью его жизни»[2].

Что же касается территории Северной Евразии, то здесь, в силу срединности положения этой геоцивилизации между Востоком и Западом, происходило сочетание этики служения обществу с созданием некоторых условий для развития индивидуализма, ориентированного на интересы общества. Особенно значимо эта тенденция проявилась на территории России. «Россия, – как отмечал А.С. Панарин, – центральное место планеты не только в геополитическом смысле, но и в историософском. Здесь находятся стяжки не только мирового западно-восточного пространства, но и формационного времени»[3].

Значимое влияние на формирование особенностей геоцивилизации Северной Евразии оказали особенности природно-климатических особенностей ведения хозяйственной деятельности на ее территории. Как считал предшественник евразийства В.И. Ламанский: «сверх земель одинакового климата с южными или средними частями собственной Европы или с умеренными странами собственной Азии, Средний мир не имеет вовсе земель с климатом жарким и тропическим, которым обладает масса южных земель собственной Азии. Напротив, он заключает в себе огромное пространство земель с суровым северным климатом, которого почти не знают вовсе, разве в самых незначительных участках, собственная Европа или собственная Азия»[4].

Благодаря особенностям своего геополитического положения, восточнославянский мир играл роль третьей уравновешивающей силы, препятствовавшей столкновению и перманентному военному противостоянию стран Востока и Запада, что приводит к сочетанию ускоренной динамики ее цикло-волнового развития с длительными периодами застоя и деградации. Благодаря такой ритмике России как евразийской стране подобные переходы от одной стадии развития общества к другой «раскалывают население на две практически равносильные части. Этим объясняется ожесточенность происходящих в ней формационно-революционных процессов»[5].

Кроме того, в силу серединного геополитического положения, она исторически заимствовала социокультурный опыт других цивилизаций. В.М. Пашинский обратил внимание на то обстоятельство, что «соперничество с сильными соседями требовало активного освоения тех технических и организационных новшеств, которые имелись у соседей-соперников и могли обеспечить сообществу способность к борьбе»[6].

Подобное обстоятельство особенно важно в том отношении, что в России в ходе исторического развития приходилось иметь дело с государствами-цивилизациями с имперской идеологией как, например, китайская империя Цинь, Оттоманская империя турок, иранская и японская империя и имперский дух католически-протестантской Европы. «Это ответ на такие исторические явления, как Священная римская империя германской нации, затем Габсбурги, поработившие и стершие с лица земли многих из западных славян, крестовые походы Ватикана и многовековая восточная экспансия Речи Посполитой, укрощенной лишь российской мощью»[7].

К этому можно добавить и Крымскую войну (1854–1856) с коалицией Британской империи, Франции, Османской империи и Сардинского королевства, русско-английское соперничество на Кавказе и Средней Азии в XIX веке. Соперничество и противоборство с имперскими державами Европы, Японии и США происходило и в XX веке. Это русско-японская война (1903–1905), две мировые войны, интервенция Антанты во время гражданской войны в России (1918–1922), холодная война (1946–1991). Однако со времен Петра I Россия страдала как раз от односторонней ориентации на западную цивилизацию, что не сочеталась с органическим дополнением ее ориентацией на восточные цивилизации. В результате не обеспечивался ее органический межцивилизационный баланс, что дополнялось разрушением ценностей собственной культуры, например, разрушением общинного строя русской деревни в ходе столыпинской реформы (1906–1910) и коллективизации (1929–1933). В силу вышеназванных причин, необходима цивилизационная переориентация восточнославянских стран на собственные культурно-исторические и духовные традиции, потерянные в прошлом.

---

[1] Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории: сборник / пер. с англ. Киселевой И.Е., Носовой М.Ф. – М.: Прогресс-Культура; СПб.: Ювента, 1996. – С. 116.

[2] Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / пер. с нем. и общ. ред. Ю.Н. Давыдова [и др.] // Вебер М. Избранные произведения. − М.: Прогресс, 1990. – С. 75.

[3] Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – С. 41.

[4] Ламанский В.И. Три мира Азийско-Европейского материка // Геополитика панславизма; сост. Ю.В. Климаков; отв. ред. О.А. Платонов. − М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 231.

[5] Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – С. 41.

[6] Пашинский В.Б. Цикличность в истории России (взгляд с позиций социальной экологии) // Политические исследования. – М., 1994. – № 4. – С. 113.

[7] Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. – М.: Международные отношения, 2005. – С. 142–143.

Социокультурное ядро геоцивилизаций Земли составляет территория Большой Евразии, которая включает в себя не только материк Евразию, но и Северную Африку, которая являлась исторической основой существования большинства древних и средневековых цивилизаций Востока, Запада и России и Западноевропейской цивилизации Нового времени.

В настоящее время на этой территории расположена Северная Евразия, где существуют государства восточнославянской цивилизации (Россия, Беларусь, Украина) и славяно-византийско-румынской цивилизации (Греция, Южный Кипр, Болгария, Сербия, Черногория, Северная Македония, Молдова, Румыния). Кроме Северной Евразии, на территории Большой Евразии располагается и Южная Евразия, включающая в себя Азиатский Восток южнее России и восточнее Греции, а также Северную Африку. В то же время можно выделить и Западную Евразию, которая охватывает территорию протестантско-католической Западной и Центральной Европы. Таким образом, Большая Евразия, – как отмечает Ю.В. Яковец и Е.Е. Растворцев, – включает в себя восемь из двенадцати локальных цивилизаций: «Западноевропейскую, Восточноевропейскую, Евразийскую, Китайскую, Индийскую, Японскую, Буддистскую, Мусульманскую»[1].

В целом, соглашаясь с такой классификацией, необходимо отметить, что так называемая восточноевропейская цивилизация искусственно отторгает Беларусь и Украину от восточнославянской цивилизации, ошибочно включая их в один ряд с католическими странами Центральной Европы (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Словения, Хорватия, Литва и Латвия) и протестантской Эстонией, которые относятся к западноевропейской цивилизации. Кроме того, к этой цивилизации относятся и православные государства Балканского полуострова (Молдова, Румыния, Сербия, Черногория, Северная Македония) и исламские Албания. При этом, православные Греция и Кипр хотя в античные времена и были колыбелью геоцивилизации Запада, искусственно присоединяются к западноевропейской цивилизации, что игнорирует их цивилизационную специфику времен Византийской империи.

Территориальные изменения между геоцивилизационными территориями различных эпох мировой истории – результат волновой динамики взаимодействия Востока и Запада как смена ценностных ориентиров цивилизационного бытия этих общностей. Так рост значимости стереотипов поведения, определяемых преобладанием коллективизма или индивидуализма, и столкновение этих принципов в ту или иную эпоху определяют и ход мировой истории. Эта тенденция особенно сильно проявилась в ареале Большой Евразии. Так с IV тыс. до н.э. – VIII в. до н.э. безальтернативно, как центр цивилизационного образа жизни, господствовал Восток, противопоставляя себя первобытным обществам других регионов Земли. С VIII в. до н.э. по VI в. н.э. относительно над Востоком доминировал античный Запад. С VI в. – XV в. в эпоху Средневековья снова преобладал Восток, что проявилось в существовании феодализма в Европе, а XV в. до конца XX в. – современный Запад. Причем, только в Средиземноморье эти импульсы взаимодействия Востока и Запада «вызывали качественные сдвиги социо-системного (формационного) порядка, которые порождали встречные циклические движения»[2], значимые для всех геоцивилизаций.

Однако с конца XX в. наметился новый переход к преобладанию Востока. Геополитически эта тенденция проявляется в экономической экспансии Востока, и обострении проблемы беженцев в странах Западной Европы с Ближнего Востока и США из региона Латинской Америки, что в перспективе грозит, как минимум, падением роли и влияния западной культуры и геоцивилизации в целом и ориентализацией Западной Европы. Такой ход событий и постепенное падение влияния США в мире, и рост влияния Востока, а также быстрое развитие КНР и стран Юго–Восточной Азии создали условия для обоснования китайской идеи «один пояс один путь». Реализация китайского проекта предполагает «создать евразийскую экономическую зону, связывающую страны Востока и Запада через регион Центральной Азии и торговый коридор для обеспечения прямых поставок товаров с Востока на Запад на льготных условиях»[3]. Причем, ведущую роль связующего звена между Западом и Востоком может взять на себя и Северная Евразия.

По существу это означает, что проект Китая по возрождению Великого шёлкового пути есть не что иное, как создание условий для экономического превосходства над США посредством приобретения союзников, в первую очередь России, Индии и стран Юго-Восточной Азии и экономических партнёров (например, ЕЭС). Более того, под его непосредственным воздействием, как отмечает Караганов: «В Азии налицо тенденция оформления регионального экономического центра – мягкого интеграционного блока, способного через десятилетия стать мощнейшим средоточием экономической силы. Такой блок может основываться на Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН)… Азиатские державы, обретающие уверенность в своих силах, стремятся сбросить идеологическое и культурное господство, которые им веками навязывал Запад»[4].

Тем не менее, реальное интеграционное единение Большой Евразии зависит от успешности интеграционных процессов Северной Евразии, которые способны обеспечить взаимодействие интеграционных процессов Западной и Южной Евразии. Но, именно такой ход событий идет в разрез со стратегией американского доминирования в регионе Евразии, основанной на геополитической модели Маккиндера: «Кто правит Восточной Европой, тот господствует над

---

[1] Яковец Ю.В., Растворцев Е.Е. Большая Евразия: стратегия партнерства цивилизаций и объединений: научный доклад. – М.: Международный институт Питирима Сорокина – Николая Кондратьева, 2017. – С. 14.

[2] Фурсов А.И. У конца «третьей эпохи» // Социум. 1992. – № 6. – С. 103.

[3] Коробкина И.А. Новый Шелковый путь: Реализация концепции китайского проекта «один пояс и один путь» // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: материалы III Международной научно-практической конференции; под ред. В.С. Белозерова [и др.]. Ставрополь 5–7 октября 2017 г. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2017. – С. 44.

[4] Караганов С.А. XXI век: контуры миропорядка // Россия в глобальной политике. – М., 2005. – Т. 3. – № 5. – С. 38.

Хартлендом; кто правит Хартлендом, господствует над Мировым островом; кто правит Мировым островом, господствует над миром»[1]. С определенной долей условности, Хартленд можно соотнести с Северной Евразией, а Мировой остров с Большой Евразией. Поэтому, как метод противодействия усилению Китая и России как конкурентов США и используется метод торговых войн и санкционной политики в отношении России, что наносит ущерб и экономическим интересам западных бизнесменов. Как отметил В.В. Путин: «По экспертным данным, в результате всех этих рестрикций, ограничений Россия за эти годы, начиная с 2014 года где-то, недополучила около 50 миллиардов долларов, а Евросоюз потерял 240 миллиардов долларов, США – 17 миллиардов долларов, у нас с ними небольшой торговый оборот, Япония – 27 миллиардов долларов»[2].

Успех интеграции Большой Евразии зависит и от геополитического взаимодействия в рамках БРИКС, политическая и экономическая значимость которого уравновешивает экономическую и политическую значимость геоцивилизации Запада, что способствует формированию многополярного мира. Как отмечает Ч.С. Кирвель, Россия, Китай и Индия, как члены БРИКС, «способны обеспечить срыв планов Запада навязать Востоку перспективу «догоняющего развития» («отсталого юга») т.е. вечной зависимости от Запада и вечного комплекса неполноценности и создать, выстроить самостоятельную стратегию развития, собственную историческую линию поведения[3].

В условиях перемещения центра глобального рынка с Запада на Восток особо остро для восточнославянских народов встает проблема сохранения собственной идентичности в условиях глобализации и наметившихся процессов регионализации мира, идущих по цивилизационному принципу в виде создания региональных центров развития и силы. Так, страны западноевропейской и подчиненной ей славяно-византийско-румынской цивилизаций создали ЕС, осознавая себя европейцами. Евразийский Союз, охватывая значительную часть Северной Евразии (кроме Украины), и большую часть Средней Азии (Казахстан, Киргизия, Таджикистан), а также частично Закавказье (Армения) все еще не обозначает население этих территорий как евразийское. Отсутствие в этом объединении Украины ввиду ее прозападной ориентации серьезно подрывает формирование восточнославянского центра развития и силы, что усилило бы значимость интеграционных процессов в рамках СНГ. Тем не менее, формирование стратегического союза России с Китаем и Индией и подключение Евразийского Союза к проекту Великого шёлкового пути может переломить эту тенденцию, так как способствует формированию восточнославянского центра развития и силы, что создает предпосылки для противодействия экономическому и культурно-цивилизационному порабощению народов Северной Евразии со стороны Запада.

Восточнославянским народам, чтобы обрести значимый геополитической статус в XXI веке, необходимо выработать и осуществить инновационную, прорывную стратегию развития. Для этого необходимо «свершить инновационный скачок в постэкономическое общество, осуществить переход от технически-потребительской к духовно-экологической цивилизации»[4].

Нужна и выработка национальной идеи, которая должна базироваться на идеологии евразийства, и экологической безопасности, которая доминировала бы над приоритетом экономической выгоды. Кроме того, необходимо решить и демографическую проблемку, которая является «ахиллесовой пятой» восточнославянского мира. Одновременно необходимо осознание культурно-цивилизационной специфики восточнославянских народ и государств как синтеза социокультурных оснований Востока и Запада, но не сводимых к ним в силу принадлежности к особой восточнославянской цивилизации, составляющей ядро геоцивилизации Северной Евразии. В этой связи еще Л.Н. Гумилев отметил: «Знаю одно и скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство»[5].

Дело в том, что «для того, чтобы ближние и дальние соседи признали крупную государственность со всеми ее геополитическими полномочиями, требуется, чтобы эта государственность имела конкурентоспособную мироустроительную идею, адресованную, в соответствии с духом мировых религий, не только собственной стране, но и всей ойкумене»[6]. Иначе восточнославянские народы рискуют пополнить кладбище народов и цивилизаций прошлого и стать придатками других цивилизационных общностей и образующих их народов.

---

[1] Mackinder H. Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. – London: Constable and Company, 1919. – P. 194.

[2] Климентьев М. Путин сравнил потери России и ЕС от санкций / РИА Новости. – https://ria.ru/20190620/1555738279.html

[3] Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов / Ч.С. Кирвель [и др.]; под ред. д-ра философ. наук, проф. Ч.С. Кирвеля. 3-е изд. перераб. и доп. – Минск: Четыре четверти, 2010. – С. 197.

[4] Там же, с. 52.

[5] Гумилев Л.Н. «Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава» (Интервью с Л.Н. Гумилевым) // Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации; сост. В. Мичурин. – СПб.: СЗКЭО, Издательский дом «Кристалл», 2003. – С. 30.

[6] Панарин А.С. О державнике Отце и либеральных носителях эдипова комплекса. – М., 2003. – С. 139.

Пещеров Г.И.
д.в.н., профессор, академик АВН, советник директора ЦИПБ РАН, с.н.с. НИИ ФСИН России
georgiy-p@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА В УСЛОВИЯХ ДОМИНИРОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН В МИРОВОМ ИНТЕГРАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ

Ключевые слова*: человеческое общество, государства, глобализация, интеграционные процессы, институты глобализации, идея отрицания суверенитета народов, проблема глобального управления.*

Keywords*: human society, states, globalization, integration processes, institutions of globalization, the idea of denying the sovereignty of peoples, the problem of global governance.*

Документально подтвержденные факты из истории человеческого общества наглядно показывают, что государства, так или иначе, в процессе своего развития стремились к постоянному сотрудничеству в различных сферах человеческой деятельности (торговля, экономика, культура и т.д.). Благодаря этим связям, повышался уровень жизни народов разных стран, развивались торговля и промышленность, расширялся кругозор населения в изучении жизнедеятельности, истории и культуры других народов. Впоследствии развитие техники и появление технических средств передвижения дали толчок к еще большему увеличению сотрудничества между народами, обмену товарами и природным сырьем, углублению экономических и культурных связей, появлению такого рода деятельности, как путешествия с целью изучения жизнедеятельности различных народов, флоры и фауны планеты. В настоящее время невозможно представить развитие человечества без взаимного сотрудничества между народами, тем более, когда это сотрудничество приобретает глобальный характер и становится целью человеческого общества.

Целеустремленное движение человечества к глобализации запечатлено в истории древних войн, где прослеживаются завоевания Александра Македонского, Наполеона Бонапарта и других правителей с целью завоевания мира и насильственного создания единого мирового порядка. Однако доминирование негативных факторов в человеческом обществе, а также незрелость самого общества для такой глобальной консолидации народов не дали возможности реализоваться этим великим целям. Дальнейшее развитие человечества, постепенно стирая существовавшие противоречия, стремительно тянулось к глобальной консолидации народов и государств мира. Однако человеческое общество в своем эволюционном развитии только в XX веке подошло непосредственно к проблеме объединения мира в одном жизненном пространстве, сформировав основные институты глобализации, которыми являются Организация объединенных наций, Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация и др. Мощнейшим толчком к дальнейшему развитию глобализации послужило создание единого информационного пространства в мире, которое стерло границы в международном общении разных народов и открыло новые перспективы сотрудничества. С каждым годом растущие в своем числе международные экономические, политические и культурные объединения вносят реальный позитивный вклад в процесс дальнейшей консолидации народов (БРИКС, ШОС, ЕАЭС и др.).

К сожалению, в настоящее время у человечества нет адекватного теоретико-методологического аппарата для дальнейшего развития процесса глобализации, что осложняет поиск путей рациональной консолидации государств и народов мира. Идея объединения мира, будоражащая умы ученых в разных областях науки и политиков многих стран, должна пройти трансформацию, освобождающую ее от государственного мышления, созреть до формирования единого восприятия реальной действительности и приобрести облик целостного геополитического механизма, способного обеспечить дальнейшую консолидацию человечества.

В настоящее время взгляды экспертов на глобализацию существенно различаются. Одни считают глобализацию новым шагом в развитии человечества, позволяющим раскрыть новые возможности человека и человечества. Другие убеждены в том, что глобализация разрушит национальную идентичность народов, и «универсальный человек» фактически утратит человечность. На самом деле, и те и другие правы. Действительно, масштабное сотрудничество в современном мире, которое мы называем глобализацией, по-своему изменит мир, предоставляя человечеству новые возможности и новые реалии жизнедеятельности. Необходимо признать, что глобализация потребует формирования нового человека – гражданина мира, родиной которого будет являться планета Земля, способного толерантно относиться к представителям других народов и народностей. Однако процесс формирования нового человека должен обеспечиваться созданием адекватной среды обитания для нового человека, в которой должны быть созданы новое международное правовое пространство, новые принципы экономических и культурных связей между народами, определен механизм (язык) международного общения, другими словами, должны быть созданы институциональные основы единого международного сообщества, обеспечивающие равноправное и гармоничное развитие всех народов мира. Исходя из этого, эволюционное развитие глобализации подразумевает формирование в мире равных социально-политических и культурно-экономических условий для каждой страны, в том числе создание систем образования

(обязательное начальное образование) и здравоохранения (защита здоровья населения), обеспечивающих равные условия получения образования и услуг здравоохранения для всех народов мира.

В то же время, немаловажным, а может быть и самым болезненным является политический фактор, определяющий уровень приоритетности каждой страны мира в процессе глобализации. По мнению специалистов, в настоящее время в мире искусственно возникла и преобладает идея отрицания суверенитета народов над их территорией и ресурсами. В результате государства, обладающие экономической и военной мощью (США, Великобритания и др.), считают возможным предъявлять другим странам свое право распоряжаться ресурсами всего мира. Манипулируя массовым сознанием населения большинства стран мира, они реализовывают свое право вмешиваться во внутренние дела других стран (Ирак, Ливия, Югославия и др.). К сожалению, подобная насильственная концепция объединения мира, в настоящее время, доминирует в мире. Противоборство государств в различных областях жизнедеятельности человеческого общества (политической, военной, экономической, информационной, спортивной и т.д.) стало нормой международного сотрудничества, что является весомым препятствием в глобализационном процессе. Конечно, насильственными способами международное жизненное пространство не создать, поскольку при наличии межгосударственных и межнациональных противоречий интеграционный консенсус невозможен, тому подтверждение исторические факты покорения мира правителями прошлых эпох человечества (Александра Македонского, Наполеона Бонапарта, Адольфа Гитлера и многих других). Поэтому повышается актуальность проблемы разработки механизма, позволяющего учитывать интересы всех народов в новом глобализирующемся мире [4, 5, 6].

Становится очевидным, что процесс многоэтапной глобализации, начатый с зарождением человеческой цивилизации, наконец, подошел к своему заключительному этапу, когда должны трансформироваться ведущие страны и союзы, найдя консенсус в политическом, экономическом и социальном переустройстве мира. На мой взгляд, наиболее сложной проблемой все же является организация процесса управления в глобальном мире. На примере таких крупных территориальных образований, как СССР, Россия и Евросоюз, можно констатировать, что рациональная методология организации управления крупными территориальными образованиями, к сожалению, в мире еще не выработана. Организация единого мирового порядка представляется процессом долгим и трудно осуществимым в силу наличия многочисленных негативных факторов. Например, сложность заключается также в понимании понятия «порядок», который у каждого народа свой, не похожий на других. А процесс формирования принципов управления в глобальном мире может столкнуться с неравенством государств в глобализационном процессе по различным причинам, например, из-за различия:

– размеров территории государств;

– количества населения государств;

– преимуществ в военной и экономической мощи и др.

Преодоление этих существующих противоречий – задача, по всей видимости, последующих поколений, которые не будут испытывать чувства ущемления их прав от принятых мировым сообществом законов, основанных на равенстве народов, справедливости к каждому жителю планеты и мира в совместном общежитии. Только такой эволюционный путь к глобализации, на мой взгляд, приведет человечество к созданию единого мирового пространства, где будут созданы необходимые условия для гармоничного развития всех народов нашей планеты.

Список литературы

1. Белоусов С.Н. Единое экономическое пространство. Свободное движение: о соглашениях короткой строкой // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2011. – № 9. – С. 198–214.
2. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: социология XXI века. Возвышение Восточной Азии, или Миро-система в XXI веке. – М.: Логос? 2004. – С. 268.
3. Иноземцев В.Л., Караганов С.А. О мировом порядке XXI века // Россия в глобальной политике. – М., 2005. – № 1.
4. Лавров С.В. Настоящее и будущее глобальной политики: взгляд из Москвы // Россия в глобальной политике. – М., 2007. – № 2.
5. Мировая экономика: прогноз до 2020 года / Под. ред. акад. А.А.Дынкина. – М., 2007.
6. Тулешов Т.Д. Евразийская интеграция. Построение будущего. – М.: Издание Вольного экономического общества России, 2013. – С. 244.

Радзиевский В.А.[1]

ТОМОС РАСКОЛА КАК «ТРОЯНСКИЙ КОНЬ»

Ключевые слова: *украинско-российские отношения, Украинская Православная церковь Московского патриархата, Православная церковь Украины, Томос, религиозная политика Украины.*

В конце 2018 г. в Киеве стараниями экс-президента П. Порошенко была учреждена Православная церковь Украины (далее – ПЦУ). Рекламируя ПЦУ, бывший министр культуры, народный депутат О. Билозир заявила: «Это Церковь прямого общения с Богом… теперь у нас есть свой Бог, своя Церковь».

В начале 2019 г. в украинском Православии существуют такие крупные религиозные структуры, как признанная мировым Православием самая многочисленная Украинская Православная Церковь Московского патриархата (далее – УПЦ МП), не признанные Киевский патриархат и УАПЦ (автокефалы), и ПЦУ созданная (якобы для объединения православия) на основании предоставленного константинопольским патриархом Варфоломеем Томоса.

На Украине греческое слово «Томос» стало очень популярным. «Слово является символом образования в Украине автокефальной поместной церкви и дальнейшего ухода от идеологического влияния Москвы», – утверждают некоторые исследователи [1].

С апреля 2018 г. П. Порошенко часто говорил о предоставлении Томоса. По версии словаря современного украинского языка и сленга «Мислово» слово «Томос» стало «словом 2018 года» на Украине. Его конкурентами были слова «военное положение», «Новичок», «безнаказанность», «агрессия» и «евробляхи» (автомобили с зарубежной регистрацией) [1]. Словом года в 2013 г. был «Евромайдан», в 2014 г. – «киборги», а в 2017 – «безвиз».

Прекращение действия Договора о дружбе с РФ, стремление войти в состав НАТО и ряд других действий Украины засвидетельствовали переход украинско-российских отношений в новое качество. Примером перехода «на новый формат» стала и религиозная политика. Происходит смена ментальной парадигмы, изменение культурно-исторической преемственности, повреждение былых (общеславянских как пример) духовно-нравственных скреп с этновыпячиванием. В контексте культурно-церковной ситуации со «стамбульским» Томосом еретичествующего, раскольствующего сепаратиста-отщепенца Варфоломея со «скрепами» (этнофилетизм, лукавство, гордыня, ненависть, ложь) и «римо-вашингтонскими предшественниками» вспомним нескольких «Константинопольских пап»: анафематствованный Несторий; отступники Иосиф II и Митрофан II; масоны Василий III, Мелетий IV Метаксакис, Афинагор I [2] и т.д. «Православные» фанариоты поменяли «византиецентризм» на «теофобию»?

Мониторинг ведущих украинских СМИ второй половины 2018 и начала 2019 г. подтверждает частое использование слова «Томос». Проведенные нами соцопросы (100 респондентов в Киеве в феврале 2019 г.) засвидетельствовали неравнодушие многих к этому слову. 86% опрошенных знали о Томосе; 9% затруднились ответить или отказались; 5% не знали. Очень одобряют принятие Томоса 13% опрошенных; одобряют в целом 26%; не одобряют 37% (верующие УПЦ МП и некоторые атеисты); не готовы ответить и (или) не определились – 15%; не интересуются этим вопросом 9%. На вопрос «часто ли они ходят в церковь?» большинство сторонников Томоса ответило отрицательно.

Данные СМИ, соцопросов и экспертные оценки в значительной степени свидетельствуют: для многих Томос – это «политический ход» и «идеологический маневр», резче – «декорация предвыборной агитации». «Порошенко эксплуатирует Томос абсолютно безбожно, – заметила вице-спикер Верховной Рады О. Сыроид. – Для украинцев было нужно оторвать церковь от Кремля для того, чтобы она служила интересам общества, а не интересам Банковой» [3]. Именно так многие заинтересованные (именно «политики и политичествующие») рассматривают ПЦУ – как «трюк»: некое средство, орудие (в своих или чужих руках) как «игрушку» или «бомбу».

Томос поддерживают разные люди, но почти все они далеки от традиционной духовности, хотя часть их и считает себя православными. Некоторые адепты Томоса занимают ярко выраженную антимосковскую позицию, ведь «Православие Московского патриархата является одним из мощнейших средств влияния российской державы вне ее границ» [4, с. 13].

Томос его апологетами порою преподносится как апелляция к Киевской Руси. Но часто поверхностные процессы противоречат глубинным, а за внешним лоском могут скрываться кощунства и святотатства с клеветой на историю и с поруганием святынь. У «томоситов» Киевская Русь становится святой, просвещённой и европейской, а Московская Русь – дикой, варварской, грубой. Из киевской элиты нелогично получились необразованные московиты. Основа культурной жизни Руси (в т.ч. и церковь с монашеством, школами, летописанием, иконописанием, храмостроительством и т.д.) формировалась в Киеве и перешла в Москву. Так называемые неодемократы Украины в широком смысле

[1] Радзиевский Виталий Александрович – кандидат культурологии, доцент Киевского национального университета культуры и искусств, член-корреспондент Международной академии креативной педагогики, член-корреспондент Международной академии фундаментальных основ бытия, академик Украинской технологической академии.

(квазидемократы, псевдопатриоты, лжелибералы и т.д.) не понимают, например, что после очередного погрома Киева в 1299 г. митрополит Киевский Максим перенёс митрополичью кафедру из Киева во Владимир-на-Клязьме. С митрополитом из Киева уехали многие (если не все) влиятельные люди. Некоторым неприятно признавать, что после татаро-монгольской экспансии и дальнейшего ига (не только азиатского) Киев на несколько столетий превратился из великого европейского центра в убогую глушь. Духовное значение Киева как второго Иерусалима с уделом Пресвятой Богородицы и великим прошлым оставалось, но по численности населения Киев даже времен Богдана Хмельницкого – это не столица Ярослава Мудрого.

Новым центром Руси стал северо-восток. В Галицию бежать становилось все опаснее: литовцы, поляки, венгры и другие неправославные братья все активнее хозяйничали на западных рубежах захваченной Руси.

Киевский владыка Максим (переехавший из Киева и правивший уже вне экс-столицы, но с устоявшимся «киевским» титулом) скончался в декабре 1303 г. и был погребён во владимирском Успенском соборе. Ранее митрополитов Киевских хоронили в Киеве. В 1328 г. митрополит Киевский и всея Руси переехал в Москву, утвердив в ней резиденцию кафедры митрополитов [5]. В Киеве оставались немногие храмы, мощи святых и знаковые могилы (среди них – и усыпальница основателя Москвы Юрия Долгорукого).

Не вдаваясь в теорию странствующей столицы Руси, отмечаем, что основные достижения культуры Киевской Руси были унаследованы Русью Московской. На Украине многие люди умудряются не видеть преемственности Киева и Москвы. Утверждают, что русские – «совсем не «восточные славяне», а… отличается эталонный украинец от русского цветом кожи, волос, глаз» [6, с. 29]. История не терпит сослагательного наклонения, и с падения Константинополя в 1453 г. его духовной преемницей стала Москва. Она восприняла всё лучшее от завоеванных Киева и Царьграда. Ранее, в ходе «римских торгов» на Ферраро-Флорентийском «соборе» греки в глазах русских «отдались латинянам».

События XV в. (конец монголо-татарского ига на Руси, захват мусульманами православных стран, экспансия исламских орд в Европе и др.) превратили Московию в единственную свободную православную страну, а ее народ – в единственный независимый православный люд. Многие православные люди из Европы, Азии и Африки стали смотреть с надеждой на Кремль. Русский царь стал для них олицетворением свободы и правды, воплощением политического могущества, моральных достоинств и христианских добродетелей. После распада Золотой Орды (1504 г.), Москва, осознавая свою миссию, укрепляла могущество. Она присоединила Казанское (1552 г.), Астраханское (1556 г.) и Сибирское (с 1581 г.) ханства, созидала духовные скрепы и «молитвенный щит». Православная самоидентификация стала основной, а Русская церковь благословляла благие дела державы. Русская православная церковь с XVI в. – самая большая и единственная (из православных церквей в течение нескольких столетий) независимая от иноверной политической, государственной власти.

С 1453 г. логично архиерея Константинополя называть по статус-кво – патриархом стамбульским. Сегодня дефакто, констатируя объективную реальность, добавить – патронат американский, де-юре – как бы человек турецкий, «подданный Анкарский» в мире исламском. Получится: патриарх стамбульский, вассал американский, в окружении мусульманском (и это показатель для «экс-царьградцев», включая их набожность, искренность, «эффективность» и т.д.). Итак, продуктивность Фанара в православной проповеди, в христианской миссии в мире ислама, мягко говоря, слабовата.

До учреждения Московской патриархии (1589) московский владыка по власти и значению в своей церкви превосходил патриархов. Киев и его православные тогда находились под польско-литовской властью и подвергались гонениям. Проявлением антиправославной политики Речи Посполитой стало и принятие Брестской унии в 1596 году. Примечательно, что наши предки-казаки, воюя с Турцией, не называли свою церковь «церковью страны-агрессора» (воюя с османами и татарами, малорусские казаки были под властью Польши, а патриарх был в турецком Стамбуле).

Долгая борьба православных вылилась в итоге в «крупное религиозно-освободительное восстание казаков и малороссиян (крестьян, купцов и мещанства), которое возглавил Б. Хмельницкий, оно логично завершилось присоединением к Российскому государству. Царь Алексей Михайлович, будучи очень религиозным человеком, предоставил православным единоплеменникам чрезвычайно льготные условия – освобождение от налогов и содержание за свой счет гарнизонов из Москвы в малороссийских городах и крепостях. Вскоре выяснилось, что казацкая старшина и гетманы больше православия, хотят иметь поместья с крепостными, а восставшие холопы и крестьяне ни в какую зависимость идти не хотят. Так почти 50 лет была «Руина», связанная с продажностью региональной, периферийной элиты (важная составляющая многих исторических процессов). Тяжко приходится народу, чья власть выбирает золотого тельца, порабощая сознание «неохолопов», навязывая чуждые идеалы и ценности. Где-то, превращая страну в колонию, а людей в неокрепостных, говорят о суверенитете, свободе и независимости.

Присоединение части западных и южных земель бывшей Киевской державы оказалось тяжким бременем для Москвы. Десятилетия кровавых противостояний с польским Краковом закончились лишь в 1686 году. Важным событием стал переход киевской митрополии из юрисдикции Константинополя под омофор патриарха Московского, что нашло отражение в Грамоте (Томосе) Вселенского патриарха Дионисия. До 1686 г. Киевский митрополит духовно властвовал над территориями, площадь которых составляла менее третьей части от современных канонических пределов нынешнего киевского владыки. Человеческий ресурс, количество приходов, их влияние и защищенность тогдашней Киевской митрополии и сегодняшней трудно сравнивать.

Множество общерусских святых было на Руси за последние столетия. Невозможно разделить Серафима Саровского и его ученика Иону Киевского. И подобных примеров – много. Нельзя сопоставить влияние Московского Кремля и Стамбульского Фанара. За последние три столетия во много раз больше было написано икон и фресок, построено храмов и монастырей, явлено чудес и прославлено святых под омофором Русской православной церкви, чем под сенью «Фанарских мудрецов».

Духовная составляющая в единстве разных частей Руси была определяющей. Ослабленная (после Смуты и польской интервенции) Москва в своих финансовых возможностях и в материальном плане не могла соперничать с агрессивными соседями. В исторической ретроспективе для единства Руси православные приоритеты, духовная стабильность и «вечное спасение» стали важнее материальных стимулов, западных «коврижек» и «европейского благополучия». Определяющей для всего русского народа (в разных местностях обитающего) была общая православная вера. Когда «цемент» духовного единства в XX в. отчасти заменили (в т.ч. коммунистической идеологией), то единство Руси было нарушено. «Украинский» вопрос, решаемый непутевыми и залгавшимися советскими коммунистами, с крахом классовых «заквасок» и партийных лозунгов оказался утопичным.

С 1686 до 2018 года в Стамбуле не думали отторгать Киевскую митрополию от Москвы и ставить под сомнение общепризнанный канонический документ патриарха Дионисия, за который Москва щедро отблагодарила – 200 золотых и 120 соболиных шкурок.

Пересмотр и аннулирование Грамоты Дионисия 1686 г. – это особый политический, юридический, церковный (в первую очередь канонический) и – шире – культурный нонсенс, абсурд. Отмена документа более чем 330-летней давности провоцирует казусы, коллизии, «пробелы» и прецеденты. Значит можно переиначить и другие акты. Итоги II Мировой войны отменить? Екатерина Великая, которую не любил Т. Шевченко, освободила Причерноморье от турецких набегов. «Навредим» Екатерине II и иным, отдав юг Украины Турции, а запад – странам ЕС? Не случайно советскую Победу в 1945 г. уже пытаются оспаривать, а «войска Бандеры» для кого-то истинные герои и освободители. «Подравнивая» историю XX в., не забывают и весь исторический процесс, а история с Томосом лишь эпизод.

Посягательство турецкого Фанара на управление храмами УПЦ МП, многие из которых были возведены по инициативе русских властей, – невиданные антикультурные действия в истории мирового православия. За этим шагом, по мнению некоторых экспертов, просматривается и так называемый «вашингтонский обком». Туда якобы за инструкциями не только из Турции ездят представители антирусских сил, жаждущие расколов и нестроений в славянской ойкумене. Выражение «навеки вместе» в контексте восточнославянской реальности было для них неприемлемым. Не соглашаясь с подобными «комунячьими» штампами и клеммами, мы четко понимаем: наши братья-американцы разные, и не все в их элите «под копирку», и не весь истеблишмент – клоны. Тем не менее, в конце XX века осуждение коммунистического выбора перешло к оклеветанию знаковых достижений и традиционных ценностей. Шутя (вспомним отдельных юмористов), развенчивали социалистический образ жизни и разваливали СССР. Оскорбительно-развлекательные «перлы» о «стране дураков» и о различных культурных пассажах (неточные слова песен, ленивые сказочные герои и др.) учили с 1980-х откровенно издевательски относиться к Родине, к Отечественной культуре и истории.

Украинские борцы за Томос обычно разделяют нелучшие проамериканские взгляды, забывая, что славянский путь культурного развития отличен от американского. США даже по возрасту младше РАН (1724) и МГУ им. М.В. Ломоносова (1755). Мощь Запада часто основывалась на колонизации, сопряжённой с воровством, грабежом и разбоем. Россия же действовала любовью, сотрудничеством, давая дотации для братских «колоний» (просвещение, от создания местных алфавитов и школ до сооружения фабрик и заводов). Разумеется, и на Западе, в том числе в США, есть множество прогрессивных, честных, добрых и отзывчивых людей.

Язык (в т.ч. русский) и общие корни, как и кровное родство, могут выступать и как средство разобщения при отсутствии общих духовных скреп. Сербы и хорваты ближайшие по крови и по языку, но разные по духу (традиционно сербы – православные, хорваты – католики). Кто-то хочет подобным образом поступить и с украинцами? Кому-то выгодно сделать их врагами русских, используя не только финансовые вливания, но и новые «западные» ценности и стереотипы.

Кто-то способствует развитию на Украине разобщения – не только греко-католиков и всевозможных сект (иеговисты, мормоны, сайентологи и др.). Если нет единой духовной основы, – то знание языка не поможет, язык способствует знакомству, общению и налаживанию отношений, но не «надежно цементирует» и не «полнокровно одухотворяет» их.

В конце 2018. г. Филарет (Денисенко) наградил орденом Андрея Первозванного экс-заместителя директора ЦРУ Джека Девайна за поддержку независимости Украины и создание поместной Украинской православной церкви. У православных основатель церкви Христос. А у кого-то Девайн? Под «Томосо-бесие» 42 архиерея из УПЦ КП и 12 из УАПЦ, без верных УПЦ МП (были 2 епископа-предателя – Александр (Драбинко) и Симеон (Шостацкий) накануне перешедшие в юрисдикцию Константинополя – из 97 архиереев УПЦ МП) избрали главу ПЦУ – «филаретовца» Епифания (Думенко). Получается, что «объединительный собор» без УПЦ МП двух псевдоправославных структур был учредительным. Президент, госчиновники и СМИ сообщили о начале новой эры в истории Украины и мирового православия. Место Порошенко на «соборе» и упоминание его в Томосе заставляло многих спросить: «метит в императоры?».

«Какая нам разница – подчиняться Москве или Константинополю?.. нам нужна независимая церковь» – сетовал ранее Филарет (Денисенко).

Поездки Порошенко с Томосом люди называли «гастролями» (обычно без икон и молитв, с флагами, песнями и пр.). Митрополит Запорожский и Мелитопольский Лука (УПЦ МП), говоря о грехе блудословия, характеризует Томос-туры как «ярмо-туры». И более того: «религиозная химера, да еще и в турецком ярме. И этому заставляют кланяться. Люди часами на морозе выстаивают, чтобы поклониться этому ярму. Кто это? Идолопоклонники… пропагандируется политическими лидерами нашей страны идолопоклонство. И они при этом говорят о православной церкви… Что делает… манекен в священнических одеждах рядом с политиком? И при этом говорит не церковные вещи… идет извращение» [7]. Отличают хозяйственный магазин от продуктового, а традиционную веру от привнесенной – нет.

За Томосом для «церкви пана президента» ездили и «православные атеисты», и греко-католики, и сектанты. Напомним этимологию слов: пан – от развратного беса (ср. древнегреческого пана), господин – от слова Господь.

Благодаря получению специфической «колбасы в золотой обертке», «стамбульского папируса» и «карт-бланша для атаки на УПЦ МП» (народные названия Томоса) «автофекальная» (по оговорке Порошенко) структура получила свой каминг-аут, саморазоблачение. Выяснилось, что турецкий Фанар не дал независимость украинским раскольникам, дерзнув «ободрать» всех, кого мог: посягнуть на имущество УПЦ МП (независимой и самостоятельной в управлении с 1990 г. – Грамота патриарха Алексия II), по-своему подчинить себе «национально-религиозное собрание» и «отжать» немало средств у заинтересованных лиц. Достаточно сравнить Уставы УПЦ МП (автономна) и ПЦУ (не автокефальна и полностью зависима; приходы должны перейти Фанару). Объем полномочий ПЦУ меньше, чем у УПЦ МП. Очень по-фанарски: ни национального патриарха, ни «определять» святых, владык, миро (все святят в Стамбуле). Хотели озабоченные русофобы свободы от Москвы – получили (говоря грубо по существу) азиатское иго. Трюк «Фанар дал фонарь» претендует на «аферу века».

Славянская душа загадочна. В судьбе России иностранцы часто видели «Руку Божью». Российский генерал-фельдмаршал немец Миних говорил: «Россия управляется непосредственно Господом Богом. Иначе невозможно представить, как это государство до сих пор существует». Знаковые «Троица» Андрея Рублева и «зрящий Пресвятую Троицу» Александр Свирский как «новый Авраам» с «чадами» – верными независимо от их рода и племени, народа и национальности.

Иностранцы констатировали: мир знает две святых мегатерритории: Святая Земля и Святая Русь [4, с. 33]. Уже не просто Русь, а таинственная: Святая, Небесная, Торжествующая – ей надо соответствовать. Конечно, Святая Русь – это более духовное понятие, нежели политическое. Святая Русь – это не конгломерат РФ, Украины и Беларуси, это намного большее ментально-духовное образование.

Говоря образно о части Святоруссии, отметим: «сон» части титульного духа священной державы (мало декларировать) как составляющей части Руси затянулся. Пора пробуждаться: через свои базовые ценности, ключевые понятия, национальные святыни, намоленные храмы, чудотворные иконы, отечественные дискурсы, реперные точки, через великую коллективную личность, глубинный народ (В. Суркова ли, И. Шафаревича ли и др.). Потому народность вместо лжедемократии, соборность вместо гиперэгоизма, патриотизм вместо ксеноэкуменизма. Русский габитус без традиционной составляющей слабоват. А пока президент присваивает звание «Герой Украины» Филарету (Денисенко), который для Порошенко является «духовным лидером украинского народа» [8].

Русский профессор Е. Месснер в середине XX в. сформулировал идею «борьбы мятежом», где психологические факторы – доминирующие. Описав разные мятежи, он указал главные – религиозные, этнографические и племенные. Война будет вестись за души, трансформируя сознание [9]. Отсюда «шестая колонна» – коллективные силы зла, и привнесенные «шестерные» стандарты – через ментальные, поведенческие и кибернетические войны – средствами ценностей постмодерна [10, с. 34–49]. Говорят: «Понятие «украинец» мимикрирует: из ленинца в бандеровца. Церковь – не церковь, герои – не герои. Фальши на фальши и что дальше? Очки – разноцветные, сны – электрошоковые. Из каждого утюга «льется» пропаганда и идет массовое «зомбирование». Не стоило удивляться нездоровым идеям разгоряченных голов по переименованию станции метро «Театральная» (бывшая «Ленинская») в «Томосную». Только украинская трагедия не театральна.

Для завоевания и порабощения общества создают контекст, позволяющий нормально или позитивно воспринимать происходящие радикальные социальные и политические трансформации. Информационным оружием разрушают как личную и коллективную память, так и созданную социокультурной жизнью общую систему координат, в которой традиционно размещены полюсы ценностей и антиценностей; происходит «смешение и сумбур» и за мудрое и великое выдают необычное «безумно-постмодерное» [10, с. 55]. Часто используют и количественные подмены («эффект копейки»: девальвация – от царской к советской и к современной).

Культура – важнейшая мягкая сила (Дж. Ная, О. Сенченко и др.). Духовная экспансия идет и в контексте сил неорелигий как структур по «перешивке сетей» (В. Коровин и др.).

Активные модуляторы пытаются адаптивными неотипами перепрограммировать общество с помощью так называемых «заинтересованных групп». У А. Тойнби «больное общество» (в состоянии дезинтеграции) ведет войну «против самого себя» – через его «вертикальные» (регионы и т.д.) и «горизонтальные» (внутри союзов, классов и соцгрупп) трещины [11]. В стратегии информационных войн индивидуальная аномия обычно обусловлена социальной (редко наоборот); происходит тотальная аномиезация [12]. За войнами смыслов, подменой понятий, подтасовкой терминов, информационными баталиями и сражениями памятей последовали духовные диверсии и религиозные брани. Христиан преследуют. Не только бескровное мученичество может стать массовым.

Советский диссидент М. Джемилев поразил борьбой за Томос в 2018 г.: «Мы системно работали и объясняли Эрдогану, как важно для... крымских татар, чтобы в Украине была независимая поместная православная церковь... сейчас Мекка для православных – Москва, а после Томоса… ею станет Стамбул, так и для вас это имеет политическое значение... Эрдоган твердо сказал, что сделает все возможное... Я об автокефалии говорил и с Эрдоганом, и с министром иностранных дел (Турции – прим. авт.)» [13]. Приняли участие в «томосизации» Украины и иные «странные силы». К примеру, доводилось слышать о поддержке Томоса не только от нескольких проповедующих свои идеи иеговистов (запрещенная в РФ секта). Среди прочих адептов «стамбульского дара», поддержали раскольничью линию дивные личности и некоторые радикальные течения. Это наводит на многие мысли, в т.ч. о широком, многоглавом антиправославном и антинародном (речь идет о территории исторической Руси) мегафронте.

Проиграл Порошенко президентские выборы – и Филарет с Епифанием начали войну. Отсюда: народные выражения – «томособесие затрещало», «раскольня завыла по-звериному и завизжала по-гадливому» и «томосятина за-

смердела как гнилятина». М. Денисенко, по сути, отверг Томос как чуждый проект. Глава ПЦУ Епифаний (С. Думенко) имеет двух братьев (живут за границей [14]) и «понимание Московской церкви»: «Сейчас церковь – последний духовный форпост государства-агрессора, щупальца, которые проникают в души православных украинцев. Мы призваны обрезать их. Когда у агрессора не будет этой поддержки в Украине, прекратится война и вернутся Донбасс и Крым. Я в это верю» [14]. Глупо верить и что Порошенко и Филарет – реинкарнации Мазепы и Иуды. Через два месяца после фиаско президента Порошенко интересы народа к Томосу, в том числе по нашему опросу июня 2014 г. очень уменьшились. Как пошутил один старичок, ему более интересен слуга барона Мюнхгаузена Томас, чем проект бывшего главы Украины Порошенко. Однако не стоит преумалять потенциал и опасности Томоса как разрушителя-разъединителя.

П. Базанов приводит слова В. Самарина: «У России никогда не было и собственно колоний – она всегда была единым целым» [15, с. 403]. Цельность, целостность, соборность, единство и взаимодействие: «Россия – государство не только восточных славян – русских, белорусов, украинцев, но и тех племен, с которыми восточные славяне, русские, исторически и географически были связаны и вместе с которыми строили русское государство» [15, с. 402].

Пора понять главное: Томос – политтехнология раскола отечественного православия. И более того, – лукаво подведенный Киеву Томос, – это троянский конь для раскола исторической Руси и мирового православия (диверсионная программа или, говоря осовремененным «сленгом», – «американский танк»). Только православные – не троянцы, и сколько бы коней (и информационных змеев) не засылали к церковному люду и на территорию Руси, – финал известен: церковь Христова вечна и непобедима, а историческая Русь славна и значима.

Новые войны (информационные и другие) ведутся новейшими методами воздействия на массы населения долгое время (из десятилетия в десятилетие) и целенаправленно на отдельные личности [10, с. 325]. Проблема смены культурных кодов и идеалов связана с социокультурным пространством, ментально-ценностным полем, территорией смыслов, географической зоной, исторической вертикалью и философской перспективой.

Создаётся впечатление, что в трансформированном виде «План Моргентау» перенесён на восток. Напомним забытого на Украине М. Лермонтова: «есть и Божий суд, наперсники разврата! Есть грозный суд: он ждёт; Он не доступен звону злата».

На Руси, в том числе на Украине, когда-то доминировали православные книги (житийная литература и т.д.) и библейские сюжеты не только в живописи, а набожная жизнь поощрялась. Тогда в народе было понимание: Европе надо учиться у нас, а не наоборот. На исторической Руси уникальная духовность так и не изучаемая, не понятая, не воспринятая и уж тем более неоцененная должным образом современной Европой. Хочется надеяться, что со временем, после освобождения от пут Томоса и цветных иллюзий сбудутся слова Н. Гоголя: «Европа придет к нам не за покупкой пеньки и сала, а за покупкой мудрости».

Список литературы

1. «Томос» стало словом 2018 года в Украине. – https://newsone.ua/news/society/tomos-nazvali-slovom-2018-hoda-v-ukraine.html
2. Масоны-патриархи. – https://rusidea.org›Библиотека› «Тайна беззакония» и «сборище сатанинское»
3. Вице-спикер Верховной Рады Оксана Сыроид раскритиковала. – https://strana.ua/.../181022-vitse-spiker-verkhovnoj-rady-oksana-syroid-raskritikovala...
4. Безансон А. «Свята Русь». – Киев: Кліо, 2018. – 113 с.
5. Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. В 2-х томах. Издательство Сретенского монастыря, 2009. – 1472 с.
6. Науково-інформаційний вісник. – Киев: АНВОУ, 2014. – № 3 (92). – 163 с.
7. Митрополит Лука встретился с журналистами. – https://hram.zp.ua/newsitem/mitropoli...
8. Порошенко Филарета наградил званием Героя Украины. – https://www.segodnya.ua/ukraine/poroshenko-prisvoil-filaretu-zvanie-geroya-ukrainy-1...
9. Хочешь мира, победи мятежевойну! – М.: Военный университет; Русский Путь, 2005. – 696 с.
10. Сенченко О.М. Інформаційно-мережеві війни: теорія, моделі, алгоритми. – Киев: КВІЦ, 2017. 332 с.
11. Тойнби А.Дж. Постижение истории: Сб. / Перевод с англ. Е. Д. Жаркова. М.: Рольф, 2001. – 640 с.
12. Радзієвський В.О. Нотатки з субкультури аномії: монографія. – Київ: Логос, 2012. – 368 с.
13. Мустафа Джемілєв: «З насолодою спостерігаю, як біситься Кремль через Томос». – https://zik.ua/zmi/bbc/2018/09/18/features-45525505_96649
14. Юркова О. Епифаний «Церква – останній форпост держави-агресора. Ми покликані обрізати її щупальця» // Країна. Тижневий журнал по-українськи. 2019. – 10 січня. – С.18–22.
15. Базанов П.Н. «Петропольский Тацит» в изгнании: Жизнь и творчество русского историка Николая Ульянова. – СПб.: Владимир Даль, 2018. – 511 с.

Радовель М.Р.
д.филос.н., профессор, независимый исследователь, г. Электросталь

ЭФФЕКТИВНОСТЬ САМОРЕАЛИЗАЦИИ СОЦИУМА НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И ДРУГИХ СТРАН СНГ

Ключевые слова: *самореализация, базовые сегменты социума, инструментальные и терминальный сегменты, корреляционные и каузальные показатели.*

Keywords: *selfrealization, basis segments of society, instrumental and terminal segments, correlation and causal indexes.*

В данной статье предпринята попытка оценить (измерить) эффективность самореализации российского социума и затем сопоставить его в этом плане с некоторыми странами, входящими в СНГ. В качестве исходной идеи здесь использована методика «Икигай», позволяющая (после определенного ее преобразования) оценить успешность жизнедеятельности человека на основе того, как распределяется его активность по четырем базовым направлениям. Эти направления можно упрощенно обозначить следующим образом: **«Хочу»** (желания, потребности души), **«Могу»** (используемые способы деятельности, «технология»), **«Получу»** (материально-экономический результат деятельности), **«Надо»** (общественно полезный результат, стратегические социальные цели).[1]

При осуществлении необходимых преобразований идея 4-векторного распределения активности человека может быть использована также для оценки и измерения эффективности деятельности различных социальных групп и социума в целом, для оценки самореализации социума. В этом случае четыре вектора, или полюса, активности получают следующие значения: 1) ***социально-психологический*** вектор («хочу»), 2) ***материально-экономический*** («получу»), 3) ***организационно-технологический*** («умею»), 4) ***социально-стратегический***, или ***демографический*** («надо»). В соответствии с этим, мы получаем возможность упорядочить бесконечное множество разнообразных, взаимодействующих между собой социальных явлений, процессов, факторов. Все это множество разделяется на ***четыре базовых сегмента*** с обозначенными выше названиями. При этом демографический сегмент социума рассматривается как ***терминальный*** по отношению ко всем остальным. Т.е. он является ***целевым***, наиболее важным, стратегически значимым. Другие сегменты по отношению к нему – ***инструментальные,*** т.е. выступают ***средствами***, ступенями, условиями для его достижения[2].

Опыт изучения вопроса о влиянии трех инструментальных сегментов на терминальный (демографический) сегмент показал, что это влияние заметно различается. Влияние материально-экономического сегмента проявляется наиболее сильно и однозначно, по сравнению с другими. Организационно-технологический сегмент в этом отношении несколько уступает. И самым трудным, неоднозначным, противоречивым в этом плане оказался социально-психологический сегмент. Работая в социально-психологическом сегменте, ведя в нем корреляционно-каузальные вычисления, мы попадаем в очень сложное поле ***неопределенности***. Это касается, в частности, понятий «социально полезные» и «социально вредные» признаки. Для сравнения: в материально-экономическом сегменте с этим вопросом всё достаточно просто. Материальная обеспеченность семьи – это хорошо, а бедность – это плохо, наличие сбережений у населения – это хорошо, а отсутствие таковых – плохо и т.д. Иначе обстоит дело в социально-психологическом сегменте. Например, «уверенность в завтрашнем дне» – это полезно или вредно? Опыт убеждает нас, что этот и другие подобные признаки, кажущиеся нам социально позитивными и полезными, во многих случаях оказываются, как сегодня принято выражаться, «контрпродуктивными». Напротив, различные «страхи», «растерянность» и т.п., которые вряд ли вызывают у нас симпатию, во многих случаях «срабатывают» в социально позитивном направлении. Т.е. в пределах социально-психологического сегмента мы со всей очевидностью наталкиваемся на сложность, обманчивость, двусмысленность понятия «социально полезный признак».

В данной статье мы сосредоточимся на влиянии материально-экономического сегмента, т.е. на том аспекте самореализации социума, который связан именно с этим сегментом. Такой выбор обусловлен тем, что в этом случае мы получаем наибольшие возможности для сопоставления (сравнения) эффективности самореализации российского и других социумов, относящихся с СНГ. Это связано с вопросом доступности необходимой информации для сопостав-

---

[1] Радовель М.Р. Самореализация человека в системе координат «Икигай» (количественный анализ) // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2019. – Вып. 14, ч. 1.

[2] Инструментальные и терминальные ценности (Милтон Рокич). Выделяется два класса ценностей: ценные сами по себе (терминальные) и используемые для достижения обычных целей (инструментальные). В качестве ***инструментальных*** ценностей обычно рассматриваются личностные черты, которыми должен обладать человек: вежливый, ответственный, интеллигентный, храбрый… ***Терминальными*** ценностями, т.е. к чему стоит стремиться в жизни, рассматриваются такие: полноценная любовь, счастье, безопасность…(см.: Rokeach M. Value Survey. – Sunnyvale, 1967; Rokeach M. The Nature of Human Values. – N.Y., 1973).

ления. В данном случае при расчетах мы будем пользоваться информацией, содержащейся в двух источниках – Российский статистический ежегодник, изданный в 2017 и 2018 гг.[1]

Поясним коротко содержание используемой здесь методики для анализа эффективности самореализации социума. Последовательность действий примерно такова:

1) Подбираются несколько (3–5) характерных факторов, относящихся к одному из базовых сегментов функционирования общества – материально-экономического, организационно-технологического, социально-психологического.

2) Каждый из этих факторов соотносится с различными демографическими показателями. Например, «материальное положение семьи» (индекс $I_{мпс}$) в течение ряда лет соотносится с показателем «рождаемости» ($I_{ржд}$) для того же периода времени.

3) Вычисляется взаимовлияние двух социальных факторов (в данном случае, между $I_{мпс}$ и $I_{ржд}$), это происходит на двух уровнях – корреляционном (показатель R) и каузальном (показатели R'_1 и R'_2)[2]. Отметим, что первый, корреляционный показатель можно считать предварительным, подготовительным – в силу его недостаточной конкретности. Показатель R отражает только «итог», сумму двух, по сути, различных индивидуальных действий, исходящих от факторов-коррелятов «А» и «В». При этом каждый из этих факторов может ***со***действовать или ***противо***действовать другому с ***разной*** интенсивностью. И, на самом деле, нам практически интереснее не столько «обобщенный» показатель R, сколько именно индивидуальные показатели R'_1 и R'_2. И все же при определенных условиях и с соответствующими оговорками может использоваться и привычный корреляционный показатель R. В данном нашем исследовании он также найдет широкое применение.

На основе вычисления корреляционного и каузального показателей определяется ***интенсивность*** и ***направление*** взаимного влияния двух соотнесенных факторов. Область значений для силы (интенсивности) влияния – от «0» до «1», направление влияния имеет два значения – «позитивное», т.е. содействие, и «негативное», т.е. противодействие. Обобщая отдельные результаты вычислений (например, путем вычисления средней величины или каким-то другим способом) можно получить некую интегральную оценку влияния конкретного сегмента социума на демографические показатели. Эта оценка, ввиду особой значимости демографического сегмента, интерпретируется как показатель эффективности самореализации социума. При этом нужно иметь в виду зависимость результатов подсчета корреляционных и каузальных показателей от: ***периода времени***, к которому принадлежат соотносимые динамические ряды, и «качества» самих рядов, достаточная их ***длительность и дробность***.

Среди характерных факторов материально-экономического сегмента общества можно выделить такие, как: реальные располагаемые денежные доходы по РФ, материальное положение семьи, наличие сбережений и др. Посмотрим, что показывают расчеты корреляционных и каузальных показателей, относящихся к этим материальным факторам, с одной стороны, и демографическим процессам, с другой.

Таблица 1

Влияние материально-экономических факторов на демографические показатели*

№	Мат.-экон. факторы	Рождаемость		Продолж. жизни		Числ. насел.	
		R_1	R'_1	R_2	R'_2	R_3	R'_3
1	Матер. полож. семьи (ВЦИОМ)	+0,80	+0,25	+0,32	+0,61	+0,05	+0,12
2	Доходы (Росстат)	+0,93	+0,48	+0,93	+0,42	+0,81	+0,49
3	Наличие сбережений (Левада-Центр)	+0,52	+0,34	+0,66	+0,35	+0,40	+0,20

* R_1,R_2,R_3 – ***показатели (коэффициенты) корреляции*** между соответствующими материальными факторами и демографическими процессами. R'_1,R'_2,R'_3 – ***каузальные показатели***, отражающие влияние материальных факторов на соответствующие демографические процессы.

Как видим по содержанию табл., три типичных материально-экономических фактора неизменно оказывают положительное влияние на демографические процессы – и в корреляционном, и в каузальном измерении. Разумеется, это относится к «социально позитивным» материальным факторам. Что касается социально негативных факторов (например, фактора «бедность», или «материальное неравенство» и пр.), то там ситуация может оказаться иной.

Но рассмотрим влияние на демографию в России еще двух материальных факторов, благодаря чему мы далее сможем сопоставить положение в нашей стране с другими странами СНГ с точки зрения эффективности самореализации социума. Этот факторы обозначаются как «индекс промышленного производства» и «среднемесячная номинальная зарплата наемных работников». В данных Росстата за 2016 и 2017 годы мы легко найдем соответствующую информацию по целому ряду стран.

Беспокойство вызывает то обстоятельство, что фактор «зарплата» находится в отрицательной корреляции с рождаемостью. В условиях России соответствующий показатель R = -0,19, в других странах СНГ эта ситуация, как мы увидим далее, намного хуже. Такое положение вещей только на первый взгляд может показаться неожиданным и непонятным. На самом деле, оно имеет свои социально-экономические и социально-психологические причины. По-

[1] Российский статистический ежегодник. – М., 2017; Российский статистический ежегодник. – М., 2018.

[2] Подробнее см.: Радовель М.Р. Новые возможности описания социума: корреляционно-каузальный анализ // Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях. – М., 2017; Радовель М.Р. Корреляционно-каузальное описание социума: от слова к числу // Современная прикладная философия: проблемы и перспективы развития. – Ростов-на-Дону, 2016; Радовель М.Р. Перспективные возможности воздействия на ценностную сферу социума: корреляционно-каузальный подход // Материалы Круглого стола «Стратегия развития страны и консолидация российского общества». Москва, 29 июня 2016 г.

видимому, существующие у нас социальные условия порождают совершенно определенный психологический «климат». В этих условиях внимание и интерес человека чрезмерно сосредоточены на «ближнем», сиюминутном, так что наиболее важное и стратегически ценное в его жизни отодвигается на дальний план. Нередко настолько далеко, что становится для него вообще недостижимым. Конкретнее говоря, стремление человека заработать сегодня побольше, необходимость и/или желание полнее обеспечить себя в материальном плане отодвигают на второй или третий план вопросы, связанные с семьей, детьми и т. д. Какая при этом может быть рождаемость?

Таблица 2

Корреляция индекса промышленного производства$I_{пром}$ и зарплаты с тремя демографическими показателями (Россия)

Факторы влияния	Рождаемость R_1	Естеств. прирост R_2	Числ. населения R_3
$I_{пром}$	+0,85	+0,93	+0,94
Зарпл.	–0,19	+0,60	+0,97

Зато в позитивном поле находится корреляция трех важных демографических показателей с таким фактором, как «численность занятого населения». Для «естественного прироста населения» соответствующий показатель R = +0,77, для «численности населения» R = +0,95 (очень высокий!), для «рождаемости» R = +0,09. Ей опять не повезло. И причина, видимо, та же, что изложена выше.

Однако перейдем к сравнительному материалу по России и другим странам СНГ, демонстрирующему эффективность самореализации этих социумов на примерах влияния материальных факторов на демографические процессы в обществе.

Одним из характерных материально-экономических факторов, существенно влияющих на демографические процессы, является индекс промышленного производства $I_{прм}$. Ниже представлены результаты расчетов влияния $I_{прм}$ на три демографические характеристики – рождаемость, естественный прирост населения и численность населения. Имеется в виду влияние – в корреляционном измерении.

Таблица 3

Корреляция индекса промышленного производства с тремя демографическими показателями (Россия, Казахстан, Украина, Беларусь)*

Страны	Рождаемость R_1	Естеств. прирост R_2	Числ. населения R_3
Россия	+0,85	+0,93	+0,94
Казахстан	+0,76	+0,98	+0,76
Украина	+0,62	+0,04	+0,85
Беларусь	+0,74	+0,68	–

* Здесь и далее: отсутствие данных в столбце «Численность населения» по Беларуси – поскольку не удалось произвести необходимые расчеты из-за специфики данных по этой позиции в стране.

Обратим внимание на близость показателей по России и Казахстану (особенно в столбцах «Рождаемость» и «Естественный прирост») и достаточную отдаленность от них показателей по Украине и Беларуси (особенно в столбце «Естественный прирост»). Это свидетельствует, в частности, о том, что даже такой мощный материально-экономический фактор самореализации, как индекс промышленного производства, не срабатывает должным образом в условиях Украины (например, показатель R_2 = +0,04 на фоне предельно высоких величин по нему для России и Казахстана: +0,93, +0,98).

Еще одним экономическим фактором влияния на демографические показатели является зарплата («среднемесячная номинальная заработная плата наемных работников»). Представим соответствующие расчеты для четырех стран СНГ.

Таблица 4

Корреляция фактора «зарплата» с тремя демографическими показателями (Россия, Казахстан, Украина, Беларусь)*

Страны	Рождаемость R_1	Естеств. прирост R_2	Числ. населения R_3
Россия	–0,19	+0,60	+0,97
Казахстан	–0,41	+0,61	+0,99
Украина	–0,93	–0,74	–0,78
Беларусь	–0,87	–0,82	–

*Заметим, что подобный расклад величин в таблице сохранится при соотнесении задействованных здесь демографических данных с еще тремя параметрами доходов из Росстата («Реальные располагаемые денежные доходы», «Реальная начисленная заработная плата работников организаций», «Денежные доходы – всего»).Поскольку все четыре вида доходов коррелируют между собой с показателями от +0,91 до +1.

Как видим, что касается показателя корреляции по рождаемости R_1, то он, к сожалению, в отрицательной зоне для всех четырех стран. Правда, по России и Казахстану он не столь велик (–0,19 и –0,41), как по Украине и Беларуси (–0,93 и –0,87). Но, как и в предыдущей таблице, здесь вновь наблюдаются очень близкие показатели самореализации по России и Казахстану, с одной стороны, и резко «выпадают» из этой диады Украина и Белоруссия, с другой.

Наконец, рассмотрим действие еще одного фактора в направлении самореализации социума. Этот фактор – «среднегодовая численность занятых».

Таблица 5

Корреляция числа занятых с тремя демографическими показателями (Россия, Казахстан, Украина, Беларусь)

Страны	Рождаемость R_1	Естеств. прирост R_2	Числ. населения R_3
Россия	+0,09	+0,77	+0,95
Казахстан	–0,65	–0,44	–0,22
Украина	+0,58	+0,32	+0,94
Беларусь	–0,90	–0,69	–

Показатели по России в приведенных данных, за исключением ожидаемо низкого коэффициента корреляции по рождаемости (R_1 = +0,09), выглядят вполне достойно. У России, в отличие от Казахстана и Беларуси, очень хорошие шансы повышать естественный прирост и численность населения за счет повышения числа «занятых» (R_2= +0,77 и R_3 = +0,95). Аналогично – и у Украины (R_2= +0,32, R_3 = +0,94). Кроме того, Украина, в отличие от всех других, получает высокие шансы получить за счет повышения количества занятых увеличение рождаемости (+0,58). Очень тревожными представляются результаты по Казахстану и Беларуси: все в отрицательной зоне. Как это объяснить? Над этим ст***о***ит поразмыслить.

В заключение хотелось бы выразить надежду, что представленные здесь результаты и суждения могут быть использованы в качестве полезной информации к размышлению при решении проблемы оптимизации российского общества и других стран СНГ, при поиске новых средств стимулирующего воздействия на нашу жизнь.

Римский В.Л.[1]

СУВЕРЕНИТЕТ ПРОТИВ ТЕХНОЛОГИЙ – СЛУЧАЙ РОССИИ

Ключевые слова: *суверенитет, технологии, рынок технологий, евразийская интеграция.*
Keywords: *sovereignty, technologies, technology market, Eurasian integration.*

Как известно, существуют различные понимания концепции суверенитета и содержания этого понятия. Общим при различных пониманиях является происхождение этого понятия: слово «суверенитет» происходит от латинского слова supraneitas (от supra – выше) и означает обладание власти свойством быть высшей, обладать верховенством [Козлова, Кутафин, 2003, с. 165]. Суверенитет государства будем понимать как возможности государства самостоятельно и независимо от власти других государств осуществлять свои функции в международной и внутренней политике, мировой и национальной экономике на своей территории и за ее пределами.

В современном глобализирующемся мире ни одно государство не может существовать полностью независимо от международного права, от двусторонних договоров с другими государствами, от экономических реалий, которые нередко вынуждают государства ради тех или иных выгод для развития национальных экономик ограничивать исполнение некоторых государственных функций. В современной мировой экономике большую власть получили транснациональные корпорации, которые нередко используют в своих интересах органы власти национальных государств, вынуждают их действовать в своих интересах, не всегда соответствующих интересам этих государств и их обществ. Кроме того, глобальные финансовые и информационные процессы в современном мире стали ограничивать возможности национальных государств в их контроле внутриполитической и внутриэкономической ситуаций.

В результате суверенитет в полной мере не может быть реализован ни одним государством современного мира, потому что ни одно из них не может быть полностью самостоятельным и независимым и от транснациональных корпораций, и от других государств в международной политике и экономике. И такие зависимости ограничивают суверенитеты национальных государств, которые должны выполнять заключённые ими договоры с другими государствами и транснациональными корпорациями, положения уставов международных организаций, в которые эти государства вступили, например, ООН, ВТО и других. С транснациональными корпорациями могут заключать договора не только государства, но и национальные коммерческие компании, и такие договоры также нередко ограничивают суверенитеты национальных государств.

По этим и многим другим причинам попытки осуществления своего суверенитета в полном объёме национальными государствами могут предприниматься, но вряд ли будут успешными. Скорее следует ставить вопрос о том, чтобы национальным государствам делегировать определённые объёмы полномочий своих суверенитетов международным или наднациональным организациям, как это осуществляют страны ЕС, или транснациональным корпорациям при осуществлении государственного контроля реализации таких полномочий в интересах национальных государств.

В последние десятилетия происходит формирование мирового рынка технологий, на котором осуществляется коммерческий обмен именно технологиями, в первую очередь, новыми и высокими. К высоким технологиям, в которых высоки доли научных разработок, можно отнести современные технологии связи и телекоммуникации, информационные технологии и технологии искусственного интеллекта, биотехнологии, технологии в сфере фармацевтики, научного обеспечения и в аэрокосмической отрасли. А успехи в развитии таких технологий во многом определяют в современном мире уровни развития национальных экономик [Любецкий, 2015, с. 159]. Рынок технологий выгоден тем, что продажи на нём позволяют покрывать полностью или частично затраты на научные работы и другие расходы на разработки и внедрение технологий. В силу высокой значимости интеллектуальной составляющей в современных технологиях, а также сложностей их внедрения и использования на рынке технологий существенное значение имеют разнообразные услуги, в первую очередь, внедренческие и консультационные [Рынок технологий, 2001]. Все страны мира защищают от несанкционированного доступа секреты своих технологий, но преимущества в развитии национальных экономик получают те страны, которые при этом осуществляют достаточно большие по объёмам их продажи и получают от этих продаж достаточно высокие доходы. Россия в настоящий период во многом является импортёром современных новых технологий [Статистика…, 2018, с. 15] потому, что в практиках деятельности российских органов власти преобладают действия по защите своих технологий и ограничения контактов с представителями зарубежных стран, владеющих новыми и высокими технологиями. Такая реализация государственного суверенитета на рынке технологий приводит к необходимости осуществлять преимущественно государственные инвестиции в развитие необходимых для нашей страны технологий. Но такие расходы бюджета слабо покрываются доходами от продаж технологий, потому что доля России на мировом рынке технологий составляет всего около 0,2%. А лидерами на этом рынке

[1] Римский Владимир Львович – в.н.с. Фонда ИНДЕМ. E-mail: rim@indem.ru

являются: Китай с долей более 27%, США – более 12%, Германия – более 9%, Тайвань – более 7%, Япония и Южная Корея каждая – более 5%, Франция и Сингапур – примерно по 5% [Любецкий, 2015, с. 160–161]. Именно эти страны являются лидерами по экономическому развитию в современном мире и сохранят в обозримой перспективе это своё лидерство во многом именно из-за достаточно активного присутствия на мировом рынке технологий.

Поэтому для развития национальной экономики и расширения позиций в мировой России необходим импорт технологий из стран-лидеров на их мировых рынках, сопровождаемый активным внедрением современных новых технологий в нашей стране. А для этого, в свою очередь, необходимо формирование внутри страны востребованности новых современных технологий и производства, и управления, и достаточно свободную среду от опасений в совершении ошибок для проявления творческой активности управленцев, технологов, производственников, программистов и, конечно, исследователей, учёных [Шуклина, 2018, с. 6].

Слабые позиции России на мировом рынке технологий во многом определяются мотивами обеспечения государственного суверенитета. В соответствии со стремлением обеспечить все его атрибуты органами государственной власти России нередко осуществляются действия, направленные на реализацию своего полного контроля развития экономики, человеческого капитала и применения современных технологий в различных сферах деятельности. Органы российской власти создают всё больше препятствий для совместных проектов и даже для контактов российских и зарубежных исследователей, ограничивают использование внутри страны информационных и некоторых других технологий, разработанных и реализуемых странами Запада, препятствуют реформированию управления на всех уровнях в направлении получения широких преимуществ от современных информационных технологий и т.п.

Так одним из последних примеров установления препятствий для развития российских Интернет-сервисов является внесённый 26 июля 2019 года в Государственную Думу РФ депутатом А.В. Горелкиным законопроект № 763517-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статью 18 Федерального закона «О персональных данных» (в части установления обязанностей владельца значимого информационного ресурса)» [Законопроект № 763517-7]. В пояснительной записке к проекту этого закона указано, что «некоторые сервисы, которые активно используют пользователи, находящиеся на территории Российской Федерации, будут признаваться значимыми для развития в Российской Федерации информационной и коммуникационной инфраструктуры, а также технологий обработки данных». Основным владельцем такого ресурса сможет быть только либо российское юридическое лицо с долей иностранного участия не более 20% голосующих акций, либо гражданин Российской Федерации [Законопроект № 763517-7]. Эти нормы российского законодательства представляются вполне логичными с позиций обеспечения государственного суверенитета. Но эти нормы приведут к существенному отставанию развития информационных технологий в нашей стране от уровней развитых стран мира. Причина в том, что «объем финансирования, который может привлечь российская технологическая компания на внутреннем рынке, ничтожен в сравнении с возможностями, которые доступны международным игрокам на глобальном фондовом рынке. Закрыть доступ к международным инвестициям – значит сильно осложнить конкуренцию с глобальными игроками и на самом деле лишить российские ИТ-компании будущего…» [Левова, 2019]. Ведь ограничение иностранных инвестиций в ведущие российские ИТ-компании затруднит развитие ими новых современных технологий и создаст им существенные препятствия для конкуренции на мировых рынках информационных услуг, что в свою очередь снизит их эффективность и качество.

В результате таких действий органов власти в современной России осуществляется противостояние мировым тенденциям ограничений государственного суверенитета, которые приводит к отказу от многих выгод экономического развития, от возможностей решения многих общественных и государственных проблем, развития науки, медицины, транспорта и связи, информационных технологий, биотехнологий и многих других современных технологий. И, тем не менее, вряд ли можно считать, что такое противостояние мировым тенденциям развития технологий позволяет реализовать государственный суверенитет России в полном объёме. Важнейшей причиной существования ограничений российского государственного суверенитета является сохранение ещё с советского периода экспортно-сырьевой направленности национальной экономики. Ведь известно, что с конца 1960-х годов, когда в Западной Сибири были найдены крупные месторождения газа и нефти и начались их поставки на экспорт, были фактически прекращены так называемые «косыгинские реформы» в СССР. Причиной стало получение доходов государственного бюджета в долларах США от экспортных поставок газа и нефти, позволявших поддерживать приемлемый для большинства граждан уровень жизни и финансировать многие проекты советского руководства. Институциональные преобразования экономики в таких условиях представлялись советскому руководству весьма рискованными по последствиям и достаточно затратными по финансовым и временным ресурсам. И потому такие преобразования – «косыгинские реформы» – были отложены на неопределённый срок. А это, в свою очередь, привело к низким темпам прироста производства в советской экономике 1974-1985 годов: они были ниже аналогичных показателей и развитых стран мира, и даже среднемировых значений [Гуриев, Сонин, 2008, с. 66–67].

Для Советского Союза того периода крупные по объёмам и доходам государственного бюджета поставки газа и нефти на экспорт привели к проявлениям так называемого «ресурсного проклятия», характерного и для многих других стран, богатых природными ресурсами. «Ресурсным проклятием» можно назвать отрицательное влияние экспортно-сырьевой направленности национальной экономики на темпы её роста, но не на уровень развития, который может быть весьма высоким за счёт импорта всего необходимого на доходы от экспорта природных ресурсов [Гуриев, Сонин, 2008, с. 62]. Именно в условиях такого «ресурсного проклятия» развивалась экономика нашей страны и в советский период 1974–1985 годов, и в постсоветские 2000-е годы.

С помощью применения адекватной макроэкономической политики постсоветской России при сохранении «ресурсного проклятия» удалось избежать нередко сопровождающей его так называемой «голландской болезни», т.е. по-

давления роста производственного сектора экономики доминированием сырьевого сектора и сектора услуг [Гуриев, Сонин, 2008, с. 63]. Это доминирование нередко развивается благодаря притоку доходов от экспорта природных ресурсов и соответствующей неэффективности получения доходов в других отраслях. Основные направления макроэкономической политики России по противодействию «голландской болезни» хорошо известны. Это сдерживание роста ресурсного сектора экономики с помощью изъятия государством большей части ресурсной ренты (нефтяной ренты изымается около 90%) [Полтерович, Попов, Тонис, 2007, с. 49–50], накопление золотовалютных резервов Центральным Банком РФ, вложение доходов от продажи нефти в Стабилизационный фонд, использование некоторой сравнительно небольшой доли этих доходов в реализации национальных проектов, технопарков, особых экономических зон, создание Банка развития, национализация нефтедобычи [Полтерович, Попов, Тонис, 2007, с. 71]. Притом, что в добыче и поставках газа в нашей стране доминирует государственная компания «Газпром».

Такие меры макрорегулирования, безусловно, позволяют снижать уровень доминирования в российской экономике сырьевых отраслей и создавать возможности для государственных инвестиций в развитие и других отраслей экономики, а также в науку и в человеческий капитал – в образование, здравоохранение, социальную защиту. Но эти меры нигде в мире, включая и Россию, не привели к приближению уровней экономического роста к уровням развития передовых стран [Полтерович, Попов, Тонис, 2007, с. 69]. Эти меры не привели и к ослаблению борьбы за ренту от экспорта газа и нефти в России [Гуриев, Сонин, 2008, с. 69], доступ к которой с советского периода остаётся доминирующим в управленческой, государственной и политической элите нашей страны.

Для российской элиты значимость ренты от экспорта нефти и газа настолько высока, что она поддерживает использование старых технологий, уже приносящих такую ренту. А внедрение новых, более современных и эффективных технологий – не поддерживает, потому что это представляется управленцам слишком рискованным и чрезмерно затратным [Римский, 2018, с. 170]. Такое отношение российской элиты к внедрению и использованию новых технологий в нефтяной и газовой отраслях можно оценить как одно из проявлений «ресурсного проклятия» в современной России. Дело в том, что по среднесрочным и тем более долгосрочным прогнозам развития этих отраслей в мировой экономике поступления в государственный бюджет от экспорта нефти и газа будут снижаться, несмотря на то, что сами эти сырьевые ресурсы в ближайшие десятилетия будут востребованы во всём мире, включая развитые и развивающиеся страны. Конкуренция на рынках нефти и газа становится всё более острой, на мировом рынке появляются и будут появляться энергоресурсы из разных источников, добытые и поставленные с помощью разных, в том числе и новых технологий. На мировых рынках нефти и газа уже сейчас выигрывает тот, кто способен обеспечить самые низкие по себестоимости разработки этих ресурсов. И эта тенденция будет только усиливаться в конкуренции на мировых рынках. Инвестиции в новые технологии на рынках нефти и газа позволили бы снизить себестоимость и повысить эффективность их добычи и поставок [Кутузова, 2018].

Но инвестиции в нефтяную и газовую отрасли России противоречат принципам макрорегулирования экономики для противодействия «голландской болезни». Кроме того, весьма вероятно, что инвестиции в новые технологии в этих отраслях дадут эффект только в относительно долгосрочной перспективе. А в краткосрочной перспективе такие инвестиции снизили бы текущие прибыли нефтяных и газовых компаний России, а как следствие – и доходы государственного бюджета. Такая ситуация в современных условиях развития России признаётся недопустимой руководством страны и руководителями нефтяных и газовых компаний.

Таким образом, рентоориентированное поведение российской элиты вынуждает нашу экономику развиваться с использованием только старых технологий, проверенных временем и долгосрочными экспортными контрактами на поставки нефти и газа. Но велика вероятность того, что найдутся страны, в первую очередь, США, которые вложат инвестиции в новые технологии на этих рынках. И тогда в очередной раз произойдёт изменение структуры этих рынков, а использование таких новых технологий даст преимущества в конкуренции с другими странам, заранее инвестировавшим в новые технологии добычи и поставок нефти и газа. С высокой вероятностью России среди этих стран не будет, а потому наша страна не сумеет вовремя адаптироваться к изменениям структуры рынков нефти и газа и будет терять доходы от их экспорта, несмотря на остающиеся территории государства немалые их запасы [Римский, 2018, с. 169].

В современном мире всё большую значимость для принятия и контроля исполнения управленческих решений на всех уровнях приобретают информационные технологии, использующие компьютеры, разнообразные мобильные электронные устройства и компьютерные сети. Такие современные информационные технологии привели, в частности, к практическому использованию искусственного интеллекта, способного собирать и обрабатывать большие массивы данных, а на этой основе решать те или иные интеллектуальные задачи, помогая человеку в принятии решений. Большинство российских граждан активно используют современные информационные технологии, предоставляемые им в качестве услуг различными информационными сервисами. И эти информационные технологии существенно меняют повседневную и профессиональную жизнь многих из них: меняются стили коммуникации и потребительского поведения, способы решений бытовых проблем и взаимодействий с органами власти, методы управления коллективами работников, ценности, интересы, приоритеты и многое другое. Но в сфере государственного управления России современные информационные технологии и технологии искусственного интеллекта не очень существенно определяют и изменяют жизнь граждан. Некоторыми исключениями являются сайты Госуслуг, Официальный портал Мэра и Правительства Москвы «mos.ru», аналогичные порталы и сайты некоторых других российских регионов, которые существенно улучшают для граждан взаимодействия с органами власти. И, тем не менее, в целом внедрение современных информационных технологий в системы управления России происходит медленнее, а их использование осуществляется менее эффективно, чем в развитых странах мира.

Причина в том, что в нашей стране управленцы всех уровней стараются, как на рынках нефти и газа, сохранить старые, привычные для них системы управления, адаптируя к этим системам современные информационные технологии. Например, в российских системах управления до сих пор больше доверяют бумажным документам, чем электронным. И потому современные информационные технологии в российских системах управления обслуживают, в первую очередь, бумажный документооборот, несколько ускоряя и уточняя его. А наибольшую эффективность современные информационные технологии показывают при существенном реформировании систем управления под их сильные стороны [Римский, 2018, с. 172–173]. Например, при переходе на полностью электронный документооборот появляются возможности коллективной и одновременной работы над документами с полным автоматическим контролем их подготовки, быстрым визированием в электронном виде и сокращением числа очных совещаний. Но такого типа реформирование систем управления в российских органах власти, организациях и предприятиях практически не осуществляется, потому что представляется их руководителям слишком рискованным, а электронный документооборот слишком незащищённым от несанкционированного доступа и краж информации. Для российских руководителей мало значат аргументы о том, что современные информационные технологии уже имеют достаточно надёжные средства защиты, не только сравнимые с уровнем защиты бумажного документооборота, но и в некоторых отношениях превосходящие его.

Современной России необходимо решить проблему соотнесения государственного суверенитета и внедрения современных технологий для развития экономики, государственного и муниципального управления, науки, медицины, образования и социальной сферы. Без адекватного решения этой проблемы Россия будет всё более отставать в развитии и от развитых, и от развивающихся стран мира. А потому будет ими использоваться как поставщик сырьевых ресурсов по всё более низким ценам или не использоваться вообще. Таковы реальные условия, на которых современная Россия оказалась встроенной в мировое разделение труда. И эти условия определяют невыгодную для нашей страны позицию в нём в сравнении с развитыми и активно развивающимися странами мира.

Такая невыгодная позиция России в мировой экономике имеет последствием и невыгодность или низкую выгоду от евразийской интеграции с нашей страной в качестве лидера. В евразийской интеграции Россия скорее будет использоваться другими странами, в первую очередь, Китаем, возможно, Тайванем, Южной Кореей и Японией в качестве поставщика сырьевых ресурсов: нефти, газа, леса, цветных металлов и др.

Необходимо также учитывать, что современные технологии, созданные и активно применяемые в США, других странах Запада, Японии, Южной Корее, Сингапуре, Китае, Тайване, для осуществления российских разработок потребуют многих лет. А за эти годы страны-лидеры в развитии современных технологий разовьют их ещё больше, если наша страна не будет активным участником мирового рынка технологий. В противном случае Россия ещё больше отстанет от стран-лидеров по уровням развитости и использования современных технологий в информатике, фармакологии, медицине, самолётостроении, автомобильном и железнодорожном транспорте, включая высокоскоростные перевозки, в туризме и других. Реализация государственного суверенитета России должна обеспечить активное освоение и массовое применение новых современных технологий в этих и других сферах, а также развитие и достаточно широкое использование соответствующей этим технологиям инфраструктуры. В такой ситуации Россия получит существенно больше возможностей встраивания национальной экономики в мировое разделение труда на более выгодных, чем в настоящий период условиях.

России для преодоления отставания в уровне развития современных технологий и соответствующей им инфраструктуры необходимо определить для себя уровень ключевых полномочий, входящих в государственный суверенитет, и эти ключевые полномочия осуществлять полностью самостоятельно. А полномочия, признанные не ключевыми, осуществлять в режиме и в направлении содействия активному участию страны в мировом разделении труда и, в частности, в мировом рынке технологий. Такое разделение полномочий государственного суверенитета по статусу и исполнению органами власти представляется необходимым для развития национальной экономики, освоения современных технологий, созданных и внедрённых в других странах, постепенного преодоления «ресурсного проклятия» и на этой основе повышения экономической привлекательности России в качестве страны-лидера евразийской интеграции.

Список литературы

1. Законопроект № 763517-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статью 18 Федерального закона «О персональных данных» (в части установления обязанностей владельца значимого информационного ресурса)» // Официальный сайт Государственной Думы РФ. – https://sozd.duma.gov.ru/bill/763517-7
2. Гуриев С.М., Сонин К.И. Экономика «ресурсного проклятия» // Вопросы экономики. – М., 2008. – № 4. – С. 61–74.
3. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2003. — 585 с.
4. Кутузова М. Мир изобилия и конкуренции от BP. О выступлении главного экономиста группы BP Спенсера Дейла 05.04.2018 в ИМЭМО РАН на заседании форума «Нефтегазовый диалог» с презентацией «Прогноза развития мировой энергетики до 2040 г.» // Нефтянка. 09.04.2018. – http://neftianka.ru/bp-energy-outlook-2018/
5. Левова И. Как «закон Горелкина» разрушит российскую ИТ-индустрию // Сайт «Forbes». 2019. – 16 октября. – https://www.forbes. ru/tehnologii/385485-kak-zakon-gorelkina-razrushit-rossiyskuyu-it-industriyu
6. Любецкий В.В. Мировой рынок технологий и место на нем России // Инновационная наука. 2015. – № 12-1. – С. 159–164. – https://cyberleninka.ru/article/n/mirovoy-rynok-tehnologiy-i-mesto-na-nem-rossii
7. Полтерович В.М., Попов В.В., Тонис А.С. Экономическая политика, качество институтов и механизмы «ресурсного проклятия» – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007. – 101 с.

8. Римский В.Л. Архаизация политических элит и государственного управления России // Власть и элиты / Гл. ред. А.В. Дука. Т.5. – СПб.: Интерсоцис, 2018. – С. 150–179.
9. Рынок технологий // Внешнеэкономический толковый словарь. — М.: ИНФРА–М, Термика. И.П. Фаминский. 2001. – https://foreign_economic.academic.ru/1435/РЫНОК_ТЕХНОЛОГИЙ
10. Статистика науки и образования. Вып. 2. Результативность научных исследований и разработок. Инф.-стат. мат. – М.: ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, 2018. – 142 с. – http://csrs.ru/archive/stat_2018_efficiency/efficiency_2018.pdf
11. Шуклина З.Н. Национальная ресурсообеспеченность: неоспоримая ценность, божественное провидение, ресурсное проклятие или потенциал развития экономики // Отходы и ресурсы. 2018. – № 3. – С. 1–10. – https://resources.today/PDF/05ECOR318.pdf

Терновая Л.О.[1]

ШАХМАТНЫЙ СМЫСЛ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

Ключевые слова*: международные отношения, геополитика, дипломатия, искусство, шахматы, история, общество.*

Keywords*: international relations, geopolitics, diplomacy, art, chess, history, society.*

Более двух десятилетий одной из настольных книг политологов служит самая известная книга американского геополитического стратега З. Бжезинского «Великая шахматная доска: главенство Америки и ее геостратегические императивы» (англ. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives). Основное внимание автора сосредоточенно на стратегии Соединенных Штатов в Евразии, пространство которой Бжезинский сравнивает с шахматной доской. «Евразия, таким образом, представляет собой шахматную доску, на которой продолжается борьба за глобальное господство. Хотя геостратегию – стратегическое управление геополитическими интересами — можно сравнить с шахматами, на евразийской шахматной доске, имеющей несколько овальную форму, играют не два, а несколько игроков, каждый из которых обладает различной степенью власти. Ведущие игроки находятся в западной, восточной, центральной и южной частях шахматной доски»[2].

В конце XX столетия эта концепция, правда, в некотором роде повторявшая идеи Х.Дж. Маккиндера о ценности контроля территории, именуемой Хартлендом, была воспринята как новация. Однако метафора шахматной доски для описания мира появилась чуть ли не сразу же с рождением этой игры.

История шахмат уходит в далекое прошлое. Источники позволяют утверждать, что эта игра существует уже более полутора тысяч лет. Вероятнее всего она появилась в Индии. И произошло это не позднее VI в. н.э. Оттуда шахматы распространились в соседние страны, а в IX–X вв. от арабов попали в Африку и Европу. Шахматы традиционно связываются с военным противостоянием. В цикле валлийских повестей «Мабиногион», датируемых некоторыми исследователями XI в., рассказывается о том, как пока два короля играли в шахматы на вершине холма, внизу сражались их войска. После того, как один из королей выиграл, из долины прискакал гонец с сообщением, что войско другого короля разбито.

В Средневековой Европе достаточно быстро шахматную метафору из военной области перевели в социальную[3]. Это было связано с развитием городов, ремесел, торговли, появлением университетов. Усложнение социальной структуры требовало логичного и наглядного объяснения правил подчинения и управления. Шахматная доска позволяла представить образ идеального общества. Во второй половине XIII в. появляется написанная доминиканским монахом Я. ди Чессоли «Книга об обязанностях и нравах знати, или о шахматной игре». Автор раскрывает причины появления шахмат, которыми стали не только отвлечение от грусти и полезный досуг, но и исправление нравов правителя Вавилона. Показывается, как с помощью шахмат можно представить идеальное социальное устройство, где каждому, независимо от того, принадлежит ли он к знати или является простолюдином, находится свое место. Книга была переведена на французский, английский, немецкий и голландский языки, разошлась по всей Европе.

Так как в шахматы люди играют очень давно, то сохранились самые разнообразные источники об этой практике, в том числе геральдические. О роли шахмат в образовании Хорватского государства говорит национальный герб. Его появление в современном виде относится к началу XVI в. Именно тогда представителями Габсбургской династии на герб было помещено изображение щита, состоящего из 25 белых и красных квадратов. Они были выстроены в пять рядов и размещены в шахматном порядке. Расшифровка рисунка предполагала, что пять зубцов короны знаменовали исторические области: Хорватию, Истрию, Далмацию, Дубровник и Славонию. Существует легенда, повествующая о связи квадратов, напоминающих шахматные клетки, на национальном символе Хорватии, с шахматной партией, в которой король Светослав Суронье из династии Трпимировичей, правивший в 997–1000 гг., победив венецианского дожа, завоевал мирным путем право на владение рядом земель.

Шахматы представляют собой поле. Его можно рассматривать как поле сражения, а возможно увидеть в нем образ пространства, разлинованного и готового к нанесению контуров территорий. Шахматы всегда ассоциировались с картой, на которой велись битвы. Поскольку шахматы являлись своеобразной моделью мира, эту же логику моделирования пространства можно было применять не только к земной поверхности, но и космической. О том, что с помощью шахмат в прошлом пытались изучать небесную сферу, говорило название игры «Астрономические шахматы» из

[1] Терновая Людмила Олеговна – д.и.н., профессор, кафедра социологии и управления, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ). E-mail: 89166272569@mail.ru

[2] Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / Пер. О.Ю. Уральской. – М.: Международные отношения, 1998. – С. 45–46.

[3] Лучицкая С.И. Метафоры средневекового общества: тело, здание, шахматы // «На меже меж Голосом и Эхом». Сб. статей в честь Т.В. Цивьян. – М.: Новое издательство, 2007. – С. 269–275.

книги Libro de los Juegos («Книга игр»), написанной при короле Альфонсе X Мудром в 1283 г. Семь игроков сражались за круглой доской с концентрическими кругами. Элементами этих шахмат выступали небо, знаки Зодиака, планеты.

Взгляды на модель мира, которую устанавливали сильнейшие страны, никогда не могли устроить всех остальных геополитических игроков. Из истории известно много примеров того, как в несправедливости обвиняли не государственных деятелей, стремящихся к экспансии, а невинную шахматную игру. Больше всего критиков шахмат было среди лиц духовного звания. Они видели в шахматах буйство страстей, которое сравнивали с «измышлениями дьявола». Одним из первых наложил запрет на эту игру для духовенства католический кардинал Петр Дамиани в 1061 г., издав указ о запрете шахмат для священнослужителей. За ним в критике шахмат последовали другие служители церкви: Ян Гус, четвертый великий магистр ордена тамплиеров Бернар де Трембле, французский епископ Аид Сюлли. Богобоязненные европейские монархи посчитали необходимым остерегаться шахматных игр. И только в 1393 г. на Регенсбургском соборе шахматы были исключены из списка запрещенных игр.

Это дало возможность европейским игрокам продолжить модификацию игры, в результате к XV в. сложились правила, которые сегодня известны как «классические». Шахматы становятся не просто игрой, помогающей занять время или дающей упражнения для ума, но и средством решения во время партии сложных вопросов, включая дипломатические. Об одной из таких попыток можно узнать из сюжета картины, принадлежащей кисти англо-американского художника Э.Х. Мэя, «Леди Хау ставит мат Бенджамину Франклину». Название картины отсылает к событиям, которые предшествовали началу Войны за независимость североамериканских колоний. Непосредственно перед развертыванием вооруженной фазы конфликта Англии с ее колониями в 1774 г. американский посланник Франклин искал связи в высших лондонских кругах для урегулирования противоречий колоний с английским правительством. Тогда он записал в дневнике, что играл в шахматы с леди Каролиной Хау, являвшейся сестрой адмирала Ричарда Хау и генерала Уильяма Хау, который впоследствии был назначен главнокомандующим английскими войсками в Северной Америке[1]. Будучи сильным игроком, Франклин считал шахматы полезным инструментом для ведения переговоров. Ему принадлежит небольшая статья о психологии шахматной игры «Нравственность игры в шахматы»[2]. Исследователи творчества Франклина, учитывая его увлеченность этой игрой, часто оценивают дипломатию американского политика в шахматных терминах.

В XVIII в. эта популярная игра перестает быть камерной, приобретает публичный характер. Наиболее удобным местом для шахматных партий стали стремительно входившие в популярность в Старом Свете кофейни. Доподлинно известно, что одна из первых кофеен в Париже, появившаяся в 1681 г, «Кафе де ля Режанс» (фр. Café de la Régence), превратилась в излюбленное место шахматистов. В нем играли в шахматы и участвовали в философских спорах Вольтер, Дидро и Руссо. В 1798 г. сыграл партию Наполеон Бонапарт. Сохранились сведения, что Наполеон играл за особым мраморным шахматным столом, но неизвестно, какими шахматными фигурами. Все дело в том, что вожди Французской революции посчитали, что шахматы являются игрой, защищающей и прославляющей короля. Это в корне противоречило их республиканским убеждениям. Вопрос стоял вообще о полном запрете шахмат, как антиреволюционной пропаганды. Игру спас химик Л.Б. Гитон де Морво, ставший политическим деятелем новой Франции. Он был депутатом Законодательного собрания и Национального конвента, голосовал за смерть короля Людовика XVI. Но являясь страстным шахматистом, никак не мог допустить, чтобы шахматы были репрессированы как другие живые и неживые монархические элементы. В защиту игры Гитон де Морво выступил на страницах газеты Le Moniteur, официального органа французского правительства, публикующего отчеты о парламентских дебатах. В его статье, которая появилась 11 ноября 1793 г., были изложены предложения реформы шахматной терминологии. Вместо короля центральной фигурой игры становилось знамя. Остальные фигуры преобразовывались так, что напоминали армию: королеву заменял старший офицер; ладьи – пушки; слонов – легкая кавалерия, драгуны и пешки – составляли пехоту. Возрастание значения пешек как шахматных фигур отражало понимание решающей роли масс в народных волнениях.

Шахматы настолько точно стали передавать нюансы геополитической обстановки, что ее выражала даже первая русская шахматная задача, придуманная первым русским шахматным мастером А.Д. Петровым. Задачу, называвшуюся «Бегство Наполеона из Москвы в Париж», он излагает в книге «Шахматная игра, приведенная в систематический порядок...»[3]. В этой игре поле «*a*1» изображает Москву, «*h*8» – Париж, черный король – Наполеона, белые кони – русскую кавалерию, диагональ *h*1-*a*8 – реку Березину, при переправе через которую русские могли бы пленить французского императора (6.Ф*a*8×). Есть легенда, что Петров показал эту задачу графу Милорадовичу, который являлся большим любителем шахматной игры. Милорадович так заинтересовался задачей, что решил продемонстрировать композицию матери императора – Марии Федоровне, также увлекавшейся шахматами. Произошел казус: граф позицию запомнил, однако, решение, построенное на маневрах конницы атамана Платова, он забыл. Поэтому Милорадовичу пришлось извиниться перед императрицей и пригласить в Павловск Петрова. Это знакомство с Высочайшей особой помогло последнему в продвижении по службе. Петров вскоре стал тайным советником. Любопытно, что задача «Бегство Наполеона из Москвы в Париж» имеет много общего с баснями И.А. Крылова. Они построены на близких

[1] Franklin B. An Account of Negotiations in London // The Works of Benjamin Franklin. Vol. 6. Letters and Miscellaneous Writings 1772–1775. – N.Y.: G.P. Putnam's Sons, 1904. – P. 443–446.

[2] Франклин Б. Нравственность игры в шахматы // Американские просветители избранные произведения в двух томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1968. – С. 23–24.

[3] Петров А.Д. Шахматная игра, приведенная в систематический порядок, с присовокуплением игор Филидора и примечаний на оные, изданная Александром Петровым. 5 частей. – СПб.: Тип. Н.И. Греча, 1824. Все 5 ч. в одной кн.

аллегориях и имеют схожую мораль: «волк ночью, думая попасть в овчарню, попал на псарню…». У Крылова Наполеон упоминается в том же контексте[1].

В XIX в. происходит стандартизация правил шахматной игры и начинают устраиваться международные турниры, с 1886 г. уже на звание чемпиона мира. Возвращаясь к кафе «Режанс», следует отметить, что именно этому месту встречи любителей шахмат игра обязана появлением своей музы Каиссы. В середине XIX в. для его посетителей была переведена на французский язык поэма английского писателя У. Джонса, написанная почти за сто лет до этого. В ней рассказывалось, как влюбленный в дриаду Каиссу бог войны Марс сумел добиться взаимности благодаря изобретению шахмат[2]. И хотя в поэме боги прославляли шахматы как бескровную войну, напоминание о том, что к ее созданию причастен бог войны, подчеркивало роль любителей шахмат в силовом установлении и поддержании мира.

Связь шахмат с войной и миром проявилась в том, что ведущие шахматисты попытались создать международную организацию накануне Первой мировой войны. Реализовать идею им помешала война. 20 июля 1924 г. была создана Международная шахматная федерация ФИДЕ (фр. Fédération Internationale des Échecs, FIDE), под эгидой которой с середины XX в. организуется большинство международных соревнований. Ежегодно, начиная с 1966 г., 20 июля проводится Международный день шахмат (англ. International Chess Day). Девиз ФИДЕ «Все мы – одна семья» (лат. Gens una sumus) отражает отсутствие в шахматном мире политических или идеологических споров. Действительно, любителями шахматной игры были и представители левых партий, убежденные революционеры, и консерваторы.

Любая революция, несмотря на кажущуюся спонтанность действий ее участников, на их энтузиазм и самоотверженность, вызревает в обществе постепенно, имеет множество объективных причин и субъективных факторов. Революция, даже вспыхивая стихийно, имеет план. Выработка ее лидерами стратегии революционных действий напоминает шахматную игру. Многие революционеры были страстными любителями шахмат. В причастности к шахматной игре представителей самых разных политических позиций позволяют убедиться фотографии. Эти свидетельства о прошедшем сохранили изображения многих известных персон за шахматной доской. Современная техника позволяет усомниться в достоверности передаваемого, но она же дает возможность восстановить то, что было заретушировано. Такие знания проливают свет на сложные отношения политиков, которые в момент фотографирования имели одни представления о своих шахматных соперниках, а через какое-то время — совсем иные. Или их политические наследники посчитали необходимым сохранить образ выдающегося человека, склонившегося над шахматной доской. Но их не устраивали те, с кем он играл или кто наблюдал за игрой. Один из таких примеров переписывания истории представлен в Государственном музее истории ГУЛАГа в Москве. В экспозиции выставлены три удивительно похожие фотографии Ленина, играющего в шахматы с А. Богдановым во время визита в апреле 1908 г. на Капри в гости к Максиму Горькому. Фотографии и тексты для выставки были взяты из альбома Д. Кинга «Пропавшие комиссары», британского дизайнера и коллекционера фотодокументов советской эпохи[3]. Кинг кропотливо собирал документы, фотографии и произведения, имевшие отношение к советской истории. Тест под этими тремя фотографиями называется «Призрачная колонна»[4]. Разница в изображении заключается в том, что на фотографии из альбома «Ленин», изданном в 1939 г., возле стола стоят Горький и жена Богданова. На такой же фотографии, но уже из альбома, изданного Институтом марксизма-ленинизма в 1960 г., к этим зрителям присоединился Зиновий Пешков, крестный сын Горького, и добавилась античная колонна. На первоначальной фотографии на месте, куда попало изображение колонны, располагался В. Базаров. Однако вскоре после встречи с Лениным на Капри он разубедился в правильности политики большевиков и примкнул к их противникам – меньшевикам, из-за чего потерял доверие партии, а с ним утратил право быть изображенным около возле вождя даже на старинных фотографиях.

Шахматы как источник ценны не только тем, что сохранились в описании задач и выдающихся партий, в живописи или фотографии. Сами шахматные фигуры, выполненные из разных материалов, в различной стилистике, с неоднозначными политическим смыслами отражают не только непосредственно язык шахмат, но и дух времени. В 2006 г. в Москве работала выставка «Дары вождям», где можно было познакомиться с уникальной работой потомственного холмогорского костореза В. Гурьева. По заказу профсоюза деревообделочников Архангельской губернии на XV съезд ВКП(б) в декабре 1927 г. был выполнен подарок – шахматный комплект из мамонтовой кости «Капиталистический мир и Советская Россия». Это – настоящее геополитическое сражение, где на шахматном поле противостоят армия «капиталистов» и армия «Советской России». Любопытно, что фигуры «капиталистов» обладают карикатурными чертами реальных исторических личностей или представляют собирательные образы внешних и внутренних врагов Страны Советов. Например, «король» – неуклюжий толстяк во фраке и пробковом шлеме, типичный «буржуй». «Слон» имеет изображение свастики на груди и облик Муссолини. Другой «слон» представлен в виде министра иностранных дел Великобритании О. Чемберлена, о чем свидетельствует характерный для того монокль. Их геополитические соперники из «шахматной Советской России», напротив, не были индивидуализированными. Они отражали революционные собирательные образы: рабочий с молотом и крестьянка с серпом представлены «королем» и «королевой», солдаты и матросы – «слонами, кавалеристы – «конями». А о вождях революции напоминают «ладьи» в виде двух книжных томов с названиями «Ленин» и «Маркс». Есть сведения, что одним из подарков рабочих Ленину были шахматы с изображением «офицеров» в виде Троцкого и Сталина. Но этот комплект шахмат был уничтожен в 1953 г.

---

[1] Линдер И.М. А.Д. Петров. Первый русский шахматный мастер. – М.: Физкультура и спорт, 1955.

[2] Шахматы: энциклопедический словарь / Гл. ред. А.Е. Карпов. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 145.

[3] Кинг Д. Пропавшие комиссары. Фальсификация фотографий и произведений искусства в Сталинскую эпоху. – М.: Контакт-Культура, 2005.

[4] Юсупова Д. Подделки с выставки // Ведомости. Пятница. 2012. – № 12, 6 апреля.

Обилие шахматных свидетельств о первых годах Советской власти указывает на то, что игра была частью геополитики СССР, в котором постоянно проводились международные шахматные турниры. В 1925 г. в одном из них участвовал кубинский шахматист, шахматный литератор, дипломат, третий чемпион мира по шахматам Х.Р. Капабланка. Во время визита в Москву Капабланка также проводил переговоры в Наркомате внешней торговли. Он дал сеанс одновременной игры высшим чиновникам, которые увлекались шахматами, включая Ворошилова, Куйбышева и Крыленко. Среди наблюдателей за партиями были Калинин и Орджоникидзе. Тогда же, видимо, выполняя дипломатическое задание, Капабланка провел краткие переговоры в Наркомвнешторге. Чемпиона мира повсюду встречали аплодисментами – на самом турнире, в театрах, на улицах. В моде были галстуки и запонки а-ля Капабланка. В следующий приезд в СССР в 1936 г. Капабланка беседовал со Сталиным[1].

Распространенность шахматной игры накануне Второй мировой войны привела к тому, что многие военачальники, планируя операции, мыслили шахматными категориями. Одна из таких операций даже получила шахматное название «Ход конем», или операция «Рёссельшпрунг» (нем. Operation Rösselsprung). Это была комбинированная операция германских войск с целью уничтожения Верховного штаба Народной освободительной Армии Югославии (НОАЮ) в 1944 г. Успеха она не имела[2].

Часто сами шахматные турниры рассматриваются как вариант геополитических сражений. Именно так оценивался поединок советского гроссмейстера Б. Спасского и американца Р. Фишера за звание чемпиона мира по шахматам в 1972 г., который проходил в Рейкьявике. Новые данные говорят о том, что Спасский проиграл во многом из-за психологического давления со стороны команды США[3]. Фишер, не стесняясь в выражениях, заявлял о своей предстоящей победе. Американцы использовали свою базу в Рейкьявике для прослушивания советской команды, почему-то отказавшейся от проживания в защищенном коттедже посла. После первых партий стало понятно, что американцам каким-то образом стали известны домашние заготовки советской команды. Когда же Спасский переехал в помещение, защищенное от прослушивания, ситуация в матче изменилась. Фишер начал заметно нервничать, уже не был таким самоуверенным. Однако в ходе матча Фишер и переносил начало партии, и требовал вывести зрителей, отвлекая Спасского. Матч в итоге закончился со счетом 12½ : 8½ в пользу Фишера.

Капабланка способствовал введению шахмат в дипломатическую практику. Примеров, когда в шахматы играют дипломаты, много. Так, Службой дипломатического сервиса МИД Узбекистана ежегодно при содействии Федерации шахмат Республики проводится турнир среди представителей дипломатического корпуса, международных организаций, иностранных фирм и компаний, аккредитованных в стране. Спортивные соревнования подобного рода не только укрепляют дружбу и взаимопонимание между народами, но и служат дальнейшему развитию и взаимовыгодному сотрудничеству между странами. Шахматами увлекались и увлекаются многие политики. Из современных государственных деятелей надо выделить президента Чехии М. Земана, который хорошо в них играет. Различие между шахматами и другими видами спорта он видит в том, что, во-первых, в шахматах не допустимы ошибки, а во-вторых, практически невозможно, чтобы игроки получили ранения. Земан считает шахматы очень миролюбивым спортом[4]. Несомненно, шахматы заставляют политиков учиться просчитывать ходы вперед, предугадывать действия соперников. Отсюда понятно название книг Г. Мурклинской «Геополитические шахматы: искусство побеждать без войны» и А. Пушкова «Глобальные шахматы. Русская партия», в которых раскрываются геополитические проблемы современного мира. Авторами представляется наглядная картина глубинных процессов и опасных глобальных и региональных противоречий[5].

Шахматная терминология широко используется для объяснения сложных ситуаций в жизни, многие из них имеют самое прямое отношение к геополитике. Китайская ничья означает резкое прекращение игры, когда размашистым движением руки смахиваются фигуры с доски. Шахматы для троих, относящиеся к коалиционным играм, вырабатывают умение преодолевать дисбаланс, причиной которого становится объединение двоих против одного, или способствуют кооперации благодаря введению специального «правила нейтралитета»: «Того, кто в предыдущем для тебя круге ходов был атакован другими и сам не атаковал тебя, нельзя атаковать». Такая кооперация необходима при реализации сложнейших проектов. Не случайно один из вариантов этой игры был запатентован Р. Зубриным основателем Марсианского общества, занятого разработкой миссии к Красной планете. «Шахматной» забастовкой называют организацию протеста по очереди в разных подразделениях предприятия.

Геополитические игры настолько сложны, что часто их загадки помогают разгадать и те шахматные ходы, которые играют важную сюжетную, композиционную роль в произведениях литературы, кинематографа и других видах художественного творчества. В «Алисе в Зазеркалье» Льюиса Кэррола, написанной, кстати, после его поездки в Россию, сказочное Зазеркалье подобно шахматной доске, многие его жители – шахматные фигуры: главная героиня начинает свое путешествие пешкой со второй горизонтали и заканчивает на восьмой, становясь королевой. В романе В. Набокова «Защита Лужина» (1929) переданы сложности мировосприятия человеком из мира шахмат – знаменитым

[1] Моисеев А. Капабланка, дипломат и шахматный гений // Международная жизнь. 21.08.2012. – https://interaffairs.ru/news/show/8698

[2] Зеленин В.В. Операция «Ход конем» // Советское славяноведение. – М., 1974. – № 3. – С. 86-98.

[3] Разведчик назвал причины проигрыша Спасского американцу Фишеру в 1972 году // Известия. – М., 2019. – 25 марта.

[4] Гусман М. Чешский гамбит // Российская газета. – М., 2017. – 16 ноября.

[5] Мурклинская Г.А. Геополитические шахматы: искусство побеждать без войны. – Махачкала: Эпоха, 2008; Пушков А.К. Глобальные шахматы. Русская партия. – М.: Эксмо, 2018.

гроссмейстером А. Лужиным, по-настоящему живущим только за шахматной доской и чуждающимся повседневной реальности. Трагичной можно назвать судьбу героя последнего произведения С. Цвейга «Шахматная новелла». Жанр утопии неравнодушен к шахматам. Британский писатель-фантаст Дж. Браннер в романе-антиутопии «Квадраты шахматного города», написанном в 1965 г., представляет вымышленную латиноамериканскую страну, где установлена тоталитарная система управления. Ее поддерживают посредством телесети, подсознательно внушая гражданам чувство «лояльности». Шахматам в этой стране отведена важнейшая роль идеологии и государственной религии. Все без исключения персонажи, в том числе главный герой, выступают фигурами игры. Они, не ведая того, своими действиями копируют ход шахматной партии, состоявшейся в 1892 г. между диктатором и его политическим оппонентом. Персонажи романа ассоциируются с шахматными фигурами, они даже наделены такой властью и такими полномочиями, что сопоставимы с игровыми возможностями данных шахматных фигур. Кроме того, каждому шахматному ходу соответствует определенное событие, происходящее в стране. Но возможны рокировки.

Шахматные партии сближают времена и пространства. Именно таким партиям, которые игрались в разное время и разными героями, принадлежащими далеким странам и культурам, уделено особое внимание в книгах испанского писателя А. Переса-Реверте: «Фламандская доска», «Осада, или Шахматы со смертью» и «Танго старой гвардии». Все это создает сложную комбинацию, часто с геополитическим подтекстом.

Многие художественные произведения на шахматные темы были экранизированы. Но есть ленты, посвященные шахматным сюжетам. В короткометражном фильме «Шахматная горячка» В. Пудовкина, снимавшемся в дни Московского международного шахматного турнира 1925 г., обыгрывается всеобщее увлечение шахматами в Советском Союзе. Это должно было говорить о достижениях СССР, несмотря на сложности первых лет социалистического строительства. В фильме снимались известные актеры. На роль одного из главных героев – Капабланки, был приглашен сам шахматный мастер. Не меньше символов в «Седьмой печати» И. Бергмана. Режиссер был вдохновлен фреской XV в. «Смерть, играющая в шахматы», где рыцарь, возвращающийся из Крестового похода, играет в шахматы со Смертью. Мирная игра может иметь далеко не мирные последствия.

То, что шахматы являются выражением искусства комбинации, делает их сюжеты привлекательными для такого жанра, как мюзикл. Один из самых известных мюзиклов по шахматной тематике – «Шахматы» (англ. «Chess») был создан в 1984 г. бывшими участниками всемирно известной шведской поп-группы ABBA Б. Ульвеусом и Б. Андерссоном. В сюжете мюзикла повествуется о поединке двух шахматистов, один из которых – русский, а другой – американец. Считается, что прототипами персонажей были Спасский и Фишер. Также предполагается, что прообразом главного героя – русского шахматиста Анатолия Сергиевского, скорее всего, был А. Карпов. В 1983 г. шведские музыканты специально приезжали в СССР, чтобы прочувствовать атмосферу государства, с которым связана жизнь героя мюзикла. К сожалению, в Советском Союзе это произведение почти сразу с момента выхода попало под запрет. Отечественному зрителю удалось познакомиться с мюзиклом значительно позже.

Это далеко не все известные произведения искусства, связанные с шахматной игрой. Шахматы и искусство взаимно притягивают друг друга. Поэтому, встречавшиеся в начале 1990-х гг. на шахматных соревнованиях в 1990-1992 гг. в качестве зрителей выдающиеся деятели культуры, науки и техники, космонавты, руководители СМИ и органов государственного выступили с идеей создания экспертного совета Леонардо-клуба и учреждения Международной Леонардо-премии.

Вместе с тем неподдельное внимание к шахматам деятелей искусства неизбежно вызывает вопрос, а являются ли они вообще спортом. У шахматной игры есть своя эстетика. Европейский шахматный союз даже ввел жесткие требования к внешнему виду участников соревнований, одежда которых должна быть гармоничной и не быть слишком яркой. Новый дресс-код впервые был применен на женском чемпионате Европы по шахматам в марте 2012 г. в Турции[1]. Важность этой проблемы состоит в том, что, во-первых, мы наблюдаем распространение спортивного дресс-кода на официальную сторону международных отношений. Во-вторых, шахматы – игра, где женщины активны не менее мужчин. Можно назвать представительниц прекрасного пола, которые всерьез увечены шахматами, но этот вид спорта не является их профессией. Принцесса Диана, посещая больницы Индии, Непала, Зимбабве, Индонезии, где лечились больные проказой, не упускала случая сыграть партию в шахматы с больными детьми. В любви к шахматам отмечены актрисы С. Лорен, О. Мути, Б. Бардо, М. Кунис. Коллекцию необычных шахматных досок имеет Э. Херли.

Двойственность шахмат как черного и белого, прошлого и настоящего спорта и искусства, мужского и женского в полной мере отвечает укрепившимся в мировой политике двойным стандартам. Это выражение принадлежит Дж. Кирпатрик, государственному деятелю США, к которой впервые был применен термин «железная леди». Ей же принадлежит фраза: «Русские играют в шахматы, пока американцы играют в монополию. Единственный вопрос, успеют ли русские поставить мат до того, как американцы их обанкротят».

Эта дилемма не выдерживает шахматной критики. В мировой политике, как и в шахматах, множество вариаций ходов, но вот то, чему мировая политика может и должна учиться у шахмат, это избегать цугцванга (нем. Zugzwang, от Zug – ход и Zwang – принуждение), то есть положения в шахматной партии, при котором соперник вынужден сделать невыгодный ход. Именно при цугцванге у одной из сторон или у обоих сразу (взаимный цугцванг) нет полезных ходов, и любой ход ведет к ухудшению собственной позиции. В сложном, взаимозависимом мире, такое положение чревато самыми неприятными и неожиданными последствиями. Одно из них также может быть выражено в шахматных терминах. Это – «армагеддон». Так называют партию, организуемую, если в предыдущих тайм-брейках не выяв-

[1] Без мини-юбок // Профиль. – М., 2012. – 23 марта. – http://www.profile.ru/article/bez-miniyubok-69621

лен победитель. В ней право выбора цвета фигур определяется жребием, а ничьей не бывает, даже когда игроки сыграли с равным результатом, потому что победителем объявляется шахматист, игравший черными фигурами. Переводя образ данной партии на геополитику, легко представить, каким будет мир после победы «черных» и как с этим будут мириться остальные геополитические акторы. И Большая Евразия оказывается пространством, где эта геополитика может апробироваться.

Узилевский Г.Я.[1]

О ПРОЦЕССЕ СОЗДАНИЯ СТРАТЕГИЙ РАЗВИТИЯ РФ В XXI ВЕКЕ В СВЕТЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ЭТАПА ЭВОЛЮЦИИ НАУКИ

Ключевые слова: *антропологический этап эволюции науки, потенциалы Человечества, процесс, стратегии развития РФ, XXI век.*

Keywords: *anthropological stage of science evolution, potentials of the Mankind, process, strategies of RF development, 21-th century.*

К настоящему времени в ряде стран разработаны Стратегии их развития до 2050 года на основе современной феноменологической науки. Мною были раскрыты истоки, детерминанты и некоторые особенности Стратегии развития РФ в XXI веке с позиции метафизической и интегральной методологий (см., например, [1]).

В задачи статьи входят:

1) раскрытие потенциалов Человечества, заложивших основу антропологического этапа эволюции науки;

2) изложение их в виде системы понятий антропологического этапа эволюции науки, выполняющих функцию отправного пункта процесса формирования указанных выше Стратегий.

1. Потенциалы Человечества как исходный момент возникновения антропологического этапа эволюции науки

Рассмотрим введенное мною в научный оборот понятие «стремительная смена общественных, политических, социальных, технологических и экономических процессов, вызванных третьей научно-технической революцией, в течение двух-пяти лет» [2, с. 56–60]. Приложение его к таким лежащим в основе мировой феноменологической науки концептам, как «настоящее» и «явление», привело к весьма неожиданным выводам. Настоящее стало краткосрочным, а явления утратили свою ноуменальную сущность быть исходным моментом современных научных исследований.

Этот неординарный результат позволил исследовать процесс разработки Стратегий развития России в XXI веке с использованием следующих понятий:

1) программное прошлое;

2) программное будущее;

3) триада «программное прошлое <—> краткосрочное настоящее <—> программное будущее» [3 , с. 129–130].

Анализ изложенных выше концептов указывает на то, что мировая феноменологическая наука оказалась в сущностном кризисе, ибо она изучает объекты чувственного мира как явления и его субъекты как текст, как самоинтерпретирующийся и самоорганизующийся тексты. Очевидна необходимость перехода к познанию субъектов и объектов умопостигаемого мира, умопостигаемого и чувственного мира, а также чувственного и умопостигаемого мира с позиции метафизической методологии.

Раскрытие присущих Homo довербальных, естественных, эволюционно развивающихся искусственных языков указало на то, что они представляют собой невидимые знаковые ноуменально-феноменальные образования, порождающие конкретные тексты как феноменально-ноуменальные образования. Присущая им универсальная двухуровневая абстрактно-конкретная структура вывела меня на познание Человека в свете всеобщего, особенного и единичного [4, с. 94–139]. Проведенные исследования содействовали выявлению потенциалов родового человека, человеческого рода (всеобщее), их видов (особенное), конкретного человека и конкретных социальных групп [5, главы 3–4][2].

Обратимся к наследию С.Н. Булгакова. Рассматривая человечество в качестве субъекта хозяйства как деятельности, он интерпретировал его как трансцендентальный умопостигаемый субъект, который выступает как исторически сформированное единство духовных сил и потенций и обнаруживается эмпирически в отдельных личностях [6, с. 303].

Это суждение привело меня не только к его осмыслению как образования, включающего в себя потенциалы родового человека, человеческого рода, их видов и их конкретных представителей[3], но и к возможности интерпретиро-

[1] Узилевский Геннадий Яковлевич – д.ф.н., профессор, г. Орел. Профессиональные интересы: фундаментальные проблемы метафизической методологии, методология научных исследований. E-mail: guzilevsky@orel.ru

[2] Полученные результаты привели к разработке ряда научных метафизических направлений, метафизической и интегральной методологий [2, с. 15–27; 3].

[3] Отмечу, что в классификации животных и растений существуют царства, классы, отряды, программно задающие роды и виды.

вать его как всеобщее понятие и представлять с большой буквы как Человечество[1]. Несомненно, его исследование приобретает системный характер.

Включим в созданную мной метафизическую модель Универсума планеты Земля [2, с. 46] концепт «Человечество» в новой интерпретации и представим понятия «Космос и Природа» на отдельном уровне. Уточненная модель примет следующий вид:

1) Духовное, ментальное, социальное, пространственно-временное и материальное метафизические начала, исследуемые в свете всеобщего, особенного и единичного (первый уровень);

2) умопостигаемый и чувственный миры (второй уровень);

3) Космос и Природа, которые задают становление, развитие и функционирование Человечества и исследуются в контексте всеобщего и единичного (третий уровень);

4) Человечество; созданные им социальный и технический миры, их компоненты и институты, интерпретируемые как типы; царства, классы, отряды, роды животных и растений (всеобщее).

5. Виды родового человека и человеческого рода, виды и разновидности животных и растений; виды и разновидности социального и технического миров, их компонентов и институтов (особенное).

6. Конкретный человек, конкретные социальные группы как совокупность представителей видов родового человека и человеческого рода; конкретные представители мира животных и мира растений; конкретные социальный и технический миры (единичное).

7. Телесная сфера конкретного человека, других представителей живого мира, её компоненты и элементы.

Рассмотрим первый уровень новой модели Универсума. Являясь сверхсложными системами, его компоненты не только взаимодействуют, дополняют и содействуют друг другу, но и находятся в потенциальной гармонии и потенциальных противоречиях в связи с наличием присущих им целей. В этой связи Духовное метафизическое начало обладает свойством управлять направляемым развитием других начал, а также объектов и субъектов других уровней.

Человечество также является сверхсложной противоречивой системой[2], которая задавала и задает направленность становления, развития и функционирования социального и технического мира, искусства литературы, науки, спорта и др. В процессе эволюции для него стало характерным отсутствие ограничений на духовную, ментальную, социальную, пространственно-временную деятельность и интимную жизнь [2, с. 71].

В отличие от животных и растений влияние Духовного начала на Человечество носит мягкий духовно-нравственный характер [4, с. 324] и проявляется на основе альтруистического, эгоистического, этического и эстетического начал [2, с. 82] и программ духовной сферы [2, с. 93–111]. По меньшей мере, оно превратилось в существо, являющееся посредником между Космосом и Природой[3] и творцом социального и технического мира. Современная наука не смогла осознать противоречивую природу Человечества.

Обратимся к видам родового человека и человеческого рода, ибо их познание весьма значимо для осмысления процесса разработки Стратегий развития РФ в XXI веке. К видам родового человека мною были отнесены:

- по гендерному признаку: мужчины и женщины;
- по возрастному признаку: поколения, живущие в одно историческое время.

Они задают ответственность за

1) взаимодействие с чувственным и умопостигаемым миром;

2) сохранение и воспроизводство населения;

3) инновации и обновленные традиции;

4) управление указанными выше процессами.

Первые два процесса вызвали появление мужчин и женщин. Другие процессы стали движущей силой, которая обусловила возникновение

- молодежи как инновационного поколения;
- представителей «золотого возраста» как поколения, отвечающего за обновление традиций;
- представителей среднего возраста как поколения, ответственного за реализацию этих четырех процессов [2, с. 71].

Рассмотрим виды человеческого рода. В их состав входят:

а) по признаку максимального содействия становлению, развитию и функционированию представителей видов родового человека и человеческого рода: семья как малая группа людей, нацеленных

– на совершенствование своей генеалогии и, тем самым, родового человека, человеческого рода и их видов;

– на формирование новых поколений, потенциально адаптированных к новым общественно-экономическим условиям;

б) по этническому признаку: этносы, народы, нации;

в) по конфессиональному признаку: конфессиональные группы;

г) по профессиональному признаку: профессиональные группы;

---

[1] Мною термин «Человечество» начинается с большой буквы, так как он представляет понятие, наполненное большим потенциалом по сравнению с концептом «Homo».

[2] Отличие сверхсложной системы от других систем состоит в том, что ее компоненты обладают целями, порождающими противоречия между ними [2, с. 44]

[3] Об этом говорят проведенные в период третьей научно-технической революции многочисленные научные исследования о выходе личности конкретного человека из его тела, о ее путешествиях в космическом пространстве с последующим возвращением в свою временную обитель [7–8]. Можно с уверенностью полагать, что Человечество является творением Космоса и Природы.

д) по общественно-экономическому признаку: классы и страты [2, с. 73–81].

Анализ признака, ставшего в процессе эволюции Человечества исходным моментом возникновения и развития семьи как вида, говорит о том, что он является архетипом, оказавшим максимальное содействие в формировании, развитии и функционировании представителей видов родового человека и других видов человеческого рода.

Развитие и функционирование семьи привело к появлению в программах мужчин и женщин потенциалов Духовного метафизического начала, самости, нравственного идеала и высших нравственных принципов, направленных на максимальное содействие друг другу в воспитании, обучении и социализации их многочисленных детей. В мужчинах стали формироваться программы будущего, нацеленные

– на развитие их семей в весьма сложных условиях;

– на прогнозирование возникновения новых жизненных ситуаций.

Одновременно в женщинах стали проявляться программы прошлого, направленные на создание благоприятных условий для духовного, ментального, социального, пространственно-временного, интимного развития подрастающего поколения. Возникновение программного будущего в мужчинах и программного прошлого у женщин содействовало выживанию людей, возникновению видов родового человека и человеческого рода.

Весьма интересны результаты исследований израильских ученых, установивших, что закон причинности проявляется на квантовом уровне не только от прошлого к будущему, но и от будущего к прошлому [9]. Напомню, что Человечеству, являющему собой творение Космоса и Природы, присуща данная закономерность.

Рассмотрим виды родового человека по возрастному признаку с учетом стремительной смены общественных, политических, социальных, технологических и экономических процессов под влиянием человеко-ориентированных-иличностно-ориентированных информационных, интеллектуальных, когнитивных, наукоемких, управленческих технологий, возникших в процессе третьей научно-технической революции. Они, стимулируя духовное, интеллектуальное и социальное развитие людей, вызвали

1) трансформацию традиций в инновации в течение двух-пяти лет с последующим их переходом в обновленные традиции [10];

2) возникновение

- новых человеко-ориентированных, личностно-ориентированных, духовных, когнитивных, социальных и производительных сил;
- новых общественных, политических, социальных, производственных, технологических и экономических отношений [2, с. 166];

3) переход от демографического развития, носящего взрывной гиперболический характер [2, с. 57–58] и обладающего **архетипом выживания** [2, с. 229], к демографическому развитию, для которого характерен **архетип духовного, ментального, социального, телесного саморазвития**[1] [2, с. 229, 300].

В процессе человеко-и-личностно-ориентированной революции появились дети индиго, которые в возрасте 3–5 лет благодаря высокому IQ начинают прилагать свой интеллектуальный потенциал к оригинальному решению разнообразных творческих задач. По сути дела, им не нужна принятая в обществе система обучения. Этот факт привел меня к интерпретации молодежи как инновационного поколения. Представителям «золотого возраста» свойственно обновление традиций. На среднее поколение следует возложить непростую задачу объединения творческих потенциалов лучших представителей молодежи и поколения «золотого возраста» для решения общих для них проблем.

Отмечу, что происходящий в мировом сообществе переход от архетипа выживания к архетипу духовного, ментального, социального и телесного саморазвития совпал с

– глобальным кризисом западного капитализма [11];

– кризисом Универсума планеты Земля [2, с. 138–147];

– кризисом Природы;

– кризисом молодежи;

– кризисом семьи как вида человеческого рода и др. [2, с. 140];

– кризисом мировой феноменологической науки, не раскрывшей эти кризисы;

– кризисом Человечества.

Рассмотрим кризис видов человеческого рода. Начнем с семьи, которой подобно мужчинам и женщинам присущи потенциальные гармонии и потенциальные противоречия. Однако в мировом сообществе семья рассматривается как социальный институт, препятствующий развитию соответствующих потенциалов мужчин и женщин, их детей и переходу на **архетип их духовного, ментального, социального, телесного саморазвития.**

Необходимо системное осмысление семьи как вида человеческого рода в РФ, ибо она может стать истоком и отправным пунктом развития представителей других видов человеческого рода в свете Стратегий развития России в новом столетии.

Обратимся к этносам, народам и нациям, конфессиональным и профессиональным группам, классам и стратам, представляющим общественно-экономический признак. Они изучаются феноменологической наукой как явления, которые перестали быть отправным пунктом познания указанных выше объектов исследования в связи со стремительной сменой основных процессов в мировом сообществе.

Она не смогла раскрыть потенциальные гармонии и потенциальные противоречия, характерные для каждого вида человеческого рода и его представителей. Между указанными выше классами и стратами и другими видами человеческого рода возникли реальные противоречия, исторически вызванные рабовладельческой, феодальной и капи-

[1] Второй период возник в 90-х годах XX века [12, с. 31–36].

талистической формациями. Отмечу, что эти противоречия присущи родовому человеку, его видам и их конкретным представителям.

В пользу этого суждения говорят постоянно развязываемые элитами войны в течение последних 4000 лет, приведших к тому, что Человечество стало разрушителем Природы, социального и технического мира и ниспровергателем духовно-нравственных потенциалов родового человека, человеческого рода и их видов.

Мною было введено в научный оборот понятие «символическая личность» родового человека и его видов. Исследование данного образования указало на то, что ему также присущи потенциальные гармонии, потенциальные и реальные противоречия. Духовное метафизическое начало представлено в символической личности альтруистическим, эгоистическим, эстетическим и этическим началами.

Это утверждение содействовало раскрытию ее состава, в который входят: духовная сфера [2, с. 91–111], анти-духовная сфера [2, с. 111–117] и ментальная сфера [2, с. 117–131]. Духовную сферу представляют:

1) самость (**Я + МЫ**), являющую собой синтез эгоистического и альтруистического начал [2, с. 91–92];

2) нравственный идеал как **вечно усложняющаяся цель**, которой свойственны этическое, эстетическое и деятельностное направления [2, с. 92–93];

3) духовность [2, с. 93–99];

4) методология деятельности, живого созерцания и общения [2, с. 93–108];

5) мудрость (синтез духовности и методологии деятельности, живого созерцания и общения) [2, с. 108–111].

В духовность входят:

- высшие нравственные принципы (благо и красота, ответственность и свобода, любовь и творчество)[1];
- нравственные характеристики, присущие альтруистическому и эгоистическому началам;
- нравственные характеристики, характерные для эгоистического и альтруистического начал;
- нравственные архетипы, эволюционно возникшие под влиянием нравственных характеристик альтруистического и эгоистического начал, а также эгоистического и этического начал;
- диада «взаимопомощь и соревнование (конкуренция)» под влиянием архетипов Духовного метафизического начала и негативной внешней среды;
- диада «доверие <—> недоверие», появившаяся под воздействием Духовного начала и негативной внешней среды;
- высший творческий половой отбор и подбор, эволюционно развивающийся под влиянием архетипов Духовного начала.

Обратимся к анти-духовной сфере. В ее состав входят:

а) вырожденный половой отбор и подбор, основанный на гиперболизации эгоистического начала и игнорировании потенциалов других архетипов Духовного начала, самости, нравственного идеала и мудрости;

б) алчность, безответственность, жажда власти, зависть, ненависть и др. [2, с. 114].

Взаимодействие духовной сферы с анти-духовной сферой привело к возникновению реального противоречия между ними. В этой связи рассматриваемое противоречие присуще также Человечеству и всем другим его образующим.

Рассмотрим теперь результаты исследований сердца, проведенных американскими учеными в 90-х годах XX века. Было установлено, что оно обладает сложной нервной системой, работает как «маленький мозг» и задает духовную, интеллектуальную, социальную, пространственно-временную деятельность мозга и других систем конкретного человека [2, с. 90; 13, с. 33–37].

Очевидно, что раскрытие состава символической личности и представления о новой направленности сердца системно расширяют наше видение Человечества.

Изложенные мною представления о нем, родовом человеке, человеческом роде, их видах, символической личности родового человека, его видах, а также о конкретном человеке, его личности и конкретных социальных группах свидетельствует о необходимости и полезности перехода на антропологический этап эволюции науки.

2. Система понятий антропологического этапа эволюции науки как отправной пункт процесса формирования Стратегий развития РФ в XXI веке

Основополагающим понятием антропологического этапа является Человечество. Будучи сверхсложной противоречивой системой, оно обладает потенциальными гармониями, потенциальными и реальными противоречиями. Особо отмечу реальные противоречия между видами человеческого рода, духовной и анти-духовной сферами символической личности видов родового человека.

Обратимся к многочисленным функциональным характеристикам исходной модели Универсума нашей планеты [2, с. 46–51]. Я полагаю, что многие из них заслуживают включения в концептуальный аппарат Стратегий развития РФ как сущностного основания ее разработки. Однако программы анти-духовной сферы и реальные противоречия не вошли в состав характеристик.

В процессе эволюции в людях, а затем в видах родового человека, человеческого рода, в них самих и в Человечестве возникли и развились шесть пар архетипов Духовного начала:

- альтруистическое и этическое начала;

[1] Первая пара представляет собой синтез программ этического и эстетического начал; вторая пара альтруистического и эгоистического начал; третья пара – альтруистического и этического начал, а также эгоистического и эстетического начал.

- альтруистическое и эстетическое начала;
- эгоистическое и этическое начала;
- эгоистическое и эстетическое начала;
- альтруистическое и эгоистическое начала;
- эстетическое и этическое начала [14, с. 90].

Конкретные наборы из этих архетипов становятся исходными моментами возникновения и функционирования самости, нравственного идеала и компонентов духовности. Их полезно прилагать к государственному управлению, общественному самоуправлению и к другим объектам социального и технического мира.

Все образующие духовной сферы задают направленность менталитета, социальной сферы и другим системам конкретного человека, видам родового человека, человеческого рода, им самим и Человечеству целом. Подчеркну особую значимость мудрости, являющей собой синтез духовности с методологией деятельности, живого созерцания и общения. Последняя тесно связана с

– трансрациональным мышлением и присущим ему методом абдукции;

– трансцендентальным мышлением и свойственным ему методом индукции;

– абстрактно-конкретным мышлением и характерным для него методом дедукции;

– разработанным мной антропо-семиотическим синтетическим подходом [5, с. 48–66, 118–126].

Раскрытие потенциалов Духовного метафизического начала свидетельствует о том, что оно намного превосходит любую идеологию в научном и практическом плане.

В Конституции РФ отсутствует как Духовное метафизическое начало, так и идеология. По сути дела, разработчики этого важного документа, не приняли во внимание исключительно противоречивую природу Человечества. Развитие новой России требует разработки новой Конституции, основанной на Духовном метафизическом начале с учетом различной духовной направленности народов и этносов.

Рассмотрим систему позитивных и негативных потенциалов Человечества. Оно одновременно является

1) посредником между Космосом и Природой;

2) созидателем социального и технического мира;

3) творцом искусства, культуры, литературы, науки, спорта и т.д.;

4) ниспровергателем духовно-нравственных потенциалов видов родового человека и человеческого рода;

5) разрушителем Природы, социального и технического миров[1].

Выявление внутренних и внешних детерминант кризиса Универсума [2, с . 41–157] привело к раскрытию факторов и истоков переосмысления природы управления [2, с. 157–169], которые содействовали его интерпретации как свойства Универсума с позиции метафизической методологии [2, с. 169–179]. Сопоставление данной модели с первыми двумя феноменологическими моделями [15] не только указало на ее сущностное преимущество [2, с. 179–190], но и привело к переосмыслению природы государственного управления [2, с. 265–277] и общественного управления [2, с. 277–324].

Рассмотрим проблему управления империями с учетом использования потенциалов Духовного начала и противоречивой природы Человечества. Анализ архетипов Духовного начала показал, что для государственного управления «сверху вниз» априорно присуща пара «эгоистическое начало <—> эстетическое начало» [2, с. 333]. Отмечу, что для капитализма характерна гиперболизация государственного управления, опирающегося лишь на эгоистическое начало.

Для общественного самоуправления «снизу вверх», возникшего в первобытнообщинном строе, характерна диада «альтруистическое <—> эгоистическое начало» [2, с. 333]. Несомненно, эти две пары архетипов будут содействовать государственному управлению и общественному самоуправлению в превращении России в сверхсложную, но весьма устойчивую систему.

РФ стала мощной военной державой, которая обеспечивает внешнюю безопасность страны. Ее внутреннюю безопасность можно обеспечить только путем создания системы общественного самоуправления при привлечении лучших представителей гражданского общества[2]. Она будет содействовать как внутренней безопасности, так и сведению к минимуму потенциалов анти-духовной сферы в российском обществе, нацеленных

– на минимизацию проявления духовно-нравственных потенциалов видов родового человека и человеческого рода;

– на деструкцию Природы, социального и технического мира.

Формирование новой системы на основе общенародных выборов полезно осуществить в пространстве гражданского общества с привлечением общероссийского народного фронта. На общественное самоуправление целесообразно возложить управление институтами социального мира, непосредственно связанными с видами родового человека и человеческого рода, с возникновением, развитием и функционированием конкретных людей и конкретных социальных групп.

В связи со стремительной сменой основных процессов в мировом сообществе возникнет потребность в создании при Всероссийском Совете общественного самоуправления (верхнего уровня рассматриваемой системы) Комитета по межпоколенческим связям, включающим в себя лучших представителей молодежи как инновационного поколения, среднего поколения и поколения «золотого возраста». Его цель: разработка и реализация Стратегии развития этих

[1] Внешняя политика США всегда была направлена на развязывание войн, дворцовых переворотов и т.д. на основе программ анти-духовной сферы для получения больших прибылей экономическими элитами.

[2] Отсутствие системы общественного самоуправления привело к развалу таких империй, как Скифия, царская Россия и СССР изнутри реакционными силами при содействии правительств других стран.

поколений. На мой взгляд, полезно подобным образом сформировать Комитет по разработке и реализации Стратегии развития народов и этносов России.

В процессе третьей научно-технической революции началось стремительное распространение новых и новейших технологий в мировом сообществе. Возникла стремительная смена общественных, политических, социальных, технических и экономических процессов в течение двух-пяти лет в XXI веке, вызвавшая использование инвестиций и кредитов для создания и продажи продукции, получения прибыли и возвращения кредитов при повышении производительности труда и роста ВВП. Этот фактор стал интенсивно использоваться в экономике развитых капиталистических стран, а также в Китае, Индии, Вьетнаме и др. стран, строящих социализм.

ЦБ и финансовый сектор экономики РФ по рекомендациям МВФ освоили иное направление развития России, направленное на сущностное сокращение денег, спроса и прибыли, которое воспрепятствовало опережающему развитию экономики, основанной на инвестициях и кредитах. Опыт зарубежных стран, многочисленные статьи академика РАН С.Ю. Глазьева, других ученых и специалистов говорят о необходимости

1) отказа от модели развития экономики, использующейся ЦБ;

2) создания новой модели развития экономики в РФ, содействующей разработке и реализации Стратегий развития РФ в новом столетии на основе

– характеристик и архетипов Универсума планеты Земля [2, с. 47–51, 190–191];

– архетипов Духовного метафизического начала;

– первичности Человечества и вторичности социального и технического мира;

– потенциалов духовной сферы родового человека и его видов, заданных Духовным началом и отображенных в личности граждан РФ;

– потенциалов родового человека, человеческого рода и их видов, представленных в гражданах РФ и в конкретных социальных группах;

– экономических исследований и позитивного опыта зарубежных стран.

С учетом позитивных и негативных потенциалов Человечества, кризиса Универсума и глобального кризиса капитализма рассмотрим обновленную модель управления направляемым развитием РФ в XXI веке в виде образующих процесса, в которые входят:

1) государственное управление «сверху вниз»;

2) общественное самоуправление «снизу вверх«;

3) инфраструктурные и базовые отрасли в собственности государства;

4) рыночная экономика с различными видами собственности; в ней отсутствует антиномия между реальным и финансовым сектором;

5) централизованное планирование и рыночная конкуренция;

6) государственная банковская система, занимающаяся недорогим кредитованием субъектов хозяйственной деятельности по повышению технического уровня производства и росту его объемов;

7) системное регулирование предпринимательской деятельности;

8) максимальное содействие развитию малого и среднего бизнеса;

9) максимальное содействие развитию искусства, культуры, науки, литературы и спорта в стране;

10) максимальное содействие нравственному развитию, профессиональному, культурному росту работающих граждан, росту их благосостояния, регулярному повышению пенсий представителям «золотого возраста», привлечению их к общественной деятельности и к занятию физической культурой;

11) сопоставление оснований русского капитализма, российского капитализма и современного капитализма.

Подводя итоги проведенному исследованию, отмечу, что его задачи, сформулированные в начале статьи, были решены. Я полагаю, что заслуживают внимания ученых и специалистов модель развития экономики, основанная на системе понятий, характерных для антропологического этапа эволюции науки, и обновленная модель управления направляемым развитием РФ в XXI веке.

Список литературы

1. Узилевский Г.Я. О некоторых особенностях разработки Стратегии развития РФ в XXI веке // Россия: Тенденции и перспективы развития. – М., 2019. – Вып. 14, ч. 1. – С. 249–254.
2. Узилевский Г.Я. Человек, третья научно-техническая революция и природа управления. – Орел: Изд-во ОФ РАНХиГС, 2016. – 364 с.
3. Узилевский Г.Я. Результаты третьей научно-технической революции и будущее России // Креативная экономика и социальные инновации. 2018. – Вып. 8, № 2. – С. 126–149. (Международный электронный журнал: www.cesi-journal)
4. Узилевский Г.Я. Начала эргономической семиотики. – Орел: ОРАГС, 2000. – 408 с.
5. Узилевский Г.Я. Человеческий род и индивид в XXI веке: метафизические и феноменологические аспекты. – Орел: ОРАГС, 2007. –328 с.
6. Булгаков С.Н. Философия хозяйства // Собрание сочинений в 2-х томах. – Т. 1. – М., 1993. – С. 49–308.
7. Гроф С. За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. Пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Изд-во Трансперсонального института, 1993. – 304 с.
8. The Soul and Quantum Physics: an Interview with F.A. Wolf // Experiencing the Soul before Birth, during Life, and after Death. – Carlsbad (C.A.): Hays House, 1998. – P. 245–252.
9. Левин А. Будущее в прошлом // Популярная механика. 2012. – № 10. – С. 58–59.
10. Инновации и традиции: метафизические и феноменологические аспекты управления. – Орел: ОРАГС, 2006. – 252 с.

11. Weizsacker von E.U. Come on Capitalism, Short-termism, Population and the destruction of the Planet – a Report of the Club of Rome. / E.U. Weizsacker, A. Wijkman. – N.-Y.: Springer Science + Business Media LLC, 2017. – 232 p.
12. Капица С.П. Парадоксы роста. Законы развития человечества. – М.: Альпина нон фикшн, 2010. – 192 с.
13. Узилевский Г.Я. Об истоках, потенциале и возможном пути построения общества мудрости в России // Общество мудрости: истоки, потенциал и возможности и возможности формирования. – Орел, 2011. – С. 15–68.
14. Узилевский Г.Я. Об исследовании культуры в контексте обновленной модели Бейеса – Налимова // Креативная экономика и социальные инновации. 2019. – № 2. – С. 81–102. (Международный электронный журнал: www.cesi-journal).
15. Василенко И.А. Что такое управление? Значение слова upravlenie // Философский словарь. – М., 1991. – http://slovarslov.ru/slovar/fil/u/upravlenie.html

Фадеев В.Н.[1]

НЕРЕГУЛИРУЕМЫЙ ПЕРЕХОД К РЫНКУ – УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Ключевые слова: *нерегулируемый рынок; теневая экономика; «шоковая терапия»; криминальные и социальные проблемы; национальная безопасность.*

Keywords*: non-regulated market; shadow economy; «shock therapy»; criminal and social problems; national security.*

Основным и быстро сложившимся механизмом социально-экономического развития России за последние десятилетия (период перестройки экономики и общественного устройства) стала частная и свободная спекулятивная торговля различными импортными товарами и валютой, предполагающая ростовщичество и развитие банковской системы. На первом месте среди товаров в магазинах – радующие глаз упаковками и формой, импортные, законсервированные на долгие годы напитки, воды и пищевые продукты второго и третьего сортов, поскольку свежее и хорошее нашему населению было не по карману, а названные товары в странах-производителях уже чуть не бросовые, так что торговец может за бесценок приобретать их в огромном количестве для продажи своим соотечественникам по спекулятивным ценам.

Само собой получается, что при таком варианте развития экономики отечественный торговец или продовольственный магазин – это практически всегда чужеземная торговая точка (филиал), которая создаётся торговыми фирмами из стран с развитой экономикой для сбыта именно лежалых, второ- и третьесортных товаров второсортным же, следовательно, покупателям, не имеющим (особенно в 90-е годы прошлого века) понятия о доброкачественных товарах и продукции [3].

«Несколько лет назад Словацкая ассоциация по защите прав потребителей по результатам специальных исследований пришла к выводу: в странах Восточной Европы продаются продукты более низкого качества, чем в Западной Европе. Причем под одними и теми же торговыми марками… «Для каждого рынка готовится соответствующее предложение, и там, где приоритетом является цена, будут присутствовать продукты более низкого качества, но и более дешевые», – пояснил президент Ассоциации торговцев» [1].

Поставка пищевых продуктов в эти «торговые точки» шла из той их части, которую в странах-производителях уже либо нельзя продать, либо даже и продавать. Поэтому в структуре «теневой экономики» образовались отдельные «лавочки» (а то и целые концерны), которые занимаются переупаковкой, датами сроков хранения (по данным комиссии ТПП, в Москве несколько тысяч аптек торговало поддельными или просроченными лекарствами , которые составляли до 70% от общей массы лекарств) [2].

Однако для того, чтобы всё это проделывать со своими соотечественниками и наживаться на их неосведомленности или потребительском бескультурье, на безразличии потребителей, глупости, иногда – чванстве, лени – отечественный торговец должен был приехать в страну-производитель этих n-сортных пищевых продуктов, имея приемлемую в ней валюту – доллары, евро и т.д.

Для таких целей банки за определённый процент от обмениваемой суммы разрешали вывозить за границу необходимую валюту, купленную за рубли – в России, «зайчики» – в Белоруссии и т.п. Главное в этом «бизнесе» состоит в том, чтобы за много своего «похуже» можно было приобрести хоть немного чужого «получше» и «отстегнуть» от последнего банку, выдающему такое разрешение для собственной таможни, которая тоже, таким образом, становится заинтересованной в развитии этой примитивной формы товарно-денежного обращения.

Именно в этой «точке» – где-то между продовольственными магазинами, «обменниками», банками и таможней зарождается весьма своеобразный механизм, который через эту примитивную «конвертацию на месте» связывал друг с другом внутреннее и внешнее товарно-денежное обращение и перекачивал собственные (национальные) деньги из государственной казны в карманы своих и иностранных торговцев валютой и чужими продуктами питания, а затем – лекарствами.

Механизм этот складывается из двух циклов – внутреннего и внешнего – и включает, помимо конечного, еще множество промежуточных звеньев. В состав внутреннего цикла входят:

[1] Фадеев Виктор Николаевич – д.ю.н., профессор, профессор, кафедры криминологии, Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя. Область научных интересов связана с исследованием проблем молодежной преступности, исламского традиционализма, фундаментализма и радикального исламизма, межэтноконфессиональных конфликтов, социально-экономических и политических последствий преступности, государственного строительства и государственного управления, сферы конституционного права, криминологических взаимосвязей и последствий мировых геополитических трансформаций, использования и адаптации потенциальных природных и социальных ресурсов в обеспечении криминологической, нано-супертехнологической и социальной безопасности России. E-mail: fadei87@mail.ru

– государственная казна, из которой выплачиваются гражданам эти самые рубли в виде заработной платы, пенсий, материальной помощи и т.д.;

– частные, акционерные и прочие предприятия, фирмы и т.п., содержащие работников за «свои» российские деньги;

– связанные друг с другом продавцы второ-, третьесортных импортных пищевых товаров и «первосортной» иностранной валюты;

– «обменники» (пункты обмена валюты), банки, выдающие разрешение на вывоз валюты, таможня, налоговые (полиция, в прошлом) и инспекция.

– армии дистрибьютеров зарубежных компаний – производителей активных пищевых добавок, витаминов и лекарств, а также прочих товаров и услуг, включая долгосрочное страхование здоровья в солидных страховых компаниях.

Внешний цикл связывает внутренний (отечественный) рынок с зарубежными торговцами пищевыми продуктами, водами, спиртосодержащими и иными напитками в странах-производителях, к которым, собственно, и уплывает через «обменники» с внутреннего рынка «первосортная» иностранная валюта[1].

Связывают внешний и внутренний циклы перекачивания национальной валюты друг с другом сами же потребители этих чужеземных пищевых продуктов, вод и напитков, в организме которых они перерабатываются с теми или иными медико-социальными и медико-экономическими последствиями и эффектами. Если эти последствия имеют негативный характер в том смысле, что затрагивают не только карман, но и здоровье потребителей, то в структуру этого товарно-денежного обращения включаются медицина и лекарственные препараты импортного производства, так что картина становится полной. *Сначала люди платят за то, чтобы быть сытыми и довольными жизнью, а затем – чтобы лечиться от связанных с этим проблем и болезней.*

Была у властных структур задача, как и во многих регионах бывшего СССР – надо, чтобы в магазинах всё было... Пусть дорого, но пусть будет... С неба упадёт, так сказать, поскольку сами сделать не можем. И они нашли её простое решение, впустив в свою страну мировой рынок готовых продуктов, пищевых добавок и лекарств с помощью этого двуглавого механизма (что-то вроде хитрой лисицы, проникшей в избу простодушного зайца, – как в известной детской сказке).

Соответственно, – из-за мощной привязки «стола» и всего потребительского рынка к красиво оформленным «объедкам» из других стран отечественная валюта до сих пор не может набрать той внутренней силы, которая должна быть присуща серьезно обеспеченной национальной валюте. Она как бы повязана чужой экономикой даже внутри страны и совершенно не воспринимается как деньги сразу же за её пределами.

Правда экономисты-профессионалы обычно полагают, что солидность национальной валюты обеспечивается ресурсной базой нации или какими-либо другими её естественными достоинствами, так что мы, например, в этом смысле вроде бы – очень богатая страна, великая держава, как говорил в своё время Евгений Примаков на первом телемосту «США – СССР».

Опыт ведущих стран мира показывает, что всё это не совсем так, и что в первую очередь нужно уметь прокормить себя своим собственным трудом, а уж затем претендовать на звание «великой державы» и пытаться входить на равных в мировое экономическое сообщество. И, наоборот, если переходящая к рынку и потому слабая пока что страна вместо налаживания собственной социально ориентированной промышленности и экономики начинает бездумно завозить готовое чужеземное и продавать его на внутреннем рынке своим гражданам по спекулятивным ценам, то вместо рынка в стране разрастается большой базар, а способность производить что-либо своё становится всё более и более проблематичной.

Если позволить раскрутить в стране именно такой товарно-денежный маховик на много лет, то кроме множества иностранных продуктов и товаров на полках многочисленных магазинов, аптек и ларьков он должен давать и даёт еще целый ряд социально-экономических следствий. Вот они-то, на наш взгляд, и представляют наибольший интерес для противников стихийно-рыночной ориентации в развитии экономики – особенно. Все эти *следствия* уже имеют место и в первую очередь, – это касается России, которая, в этом отношении занималась не просто «шоковой терапией», а настоящим самоистязанием. Основные из этих следствий таковы:

1. Несогласующееся с логикой национальных общественных ценностей сосредоточение реальной денежной массы в руках торговцев импортными товарами и валютой, аккумулирование ими все большей силы и скрытного влияния в стране по сравнению с национальной интеллигенцией, производителями и с повремённой (выборной и т.п.) администрацией, формирование примитивной по духу и малообразованной, но денежной мафии и новых форм ее коррумпированного сращивания с управленческим аппаратом власти, который сам не имеет права делать деньги, но не может обойтись без них. Таким образом, происходит вольная или невольная переуступка и усложнение внутренней структуры реальной власти по сравнению с выбранной народом и конституционально освящённой в жизни страны. Власть становится денежной кормушкой, так что страна попадает в сферу действия долларов ФРС и экономической концепции Мирового Предиктора со всеми вытекающими отсюда последствиями.

2. Многочисленные и значительные затруднения во взаимных расчётах между организациями и предпринимателями по банковским счетам, что делает необходимым появление на сцене так называемых подпольных «силовых

[1] В Россию в начале 90-х годов прошлого века фальшивые доллары ФРС завозились и «раздавались», кому они считали нужным. На Украину, в 2014 году – уже не стесняясь, – завозили самолётами и потом – для раздачи на Майдане – бронемашинами… В том числе – по прейскуранту, скажем удачный швырок «Коктейля Молотова» вознаграждался одной тысячей свеженапечатанных для финансирования этого переворота бумажных долларов ФРС. Аналогичным образом финансировался переворот в Грузии.

структур», которые сначала выколачивают эти деньги из вчерашних партнёров под процент на свои банковские счета, а затем – вкладывают этот «процент» уже в собственный, совершенно легальный бизнес, в том числе – кормят и лечат население, меценатствуют, выступают как спонсоры и т.д. При этом – поскольку *профессионально-организованная преступность*[1] [4] – это весьма «ветвистая», международная (а может быть даже – единая всемирная) структура, то названная переуступка власти в своей стране распространяется таким образом изнутри банковской системы практически на всю финансовую деятельность, так как всё большие суммы и их обращение либо находятся под негласным контролем вооружённых посторонних лиц, либо просто отчисляются им в виде процента от состоявшихся платежей и сделок. За неаккуратность в условиях временных экономических трудностей пришлось заплатить свободой национальной валюты и значительной её частью с самого начала и приходится терпеть это невольное сотрудничество банков с мафиозными структурами. Но на самом деле она проходит через каждую американскую банкноту ФРС, которая «крутится» где бы то ни было – в Польше, России, Америке, Турции и т.д. Это – международные криминальные деньги, которые местным криминальным бизнесом просто «метятся» как особые, а суть их везде одинакова и зла, поскольку они способны расти без связи с созидательным трудом и потому, как «мух на мёд», притягивают к себе «деловых» людей.

3. Постепенное разорение основной части трудоспособного и пытающегося честно трудиться населения, живущего только на заработную плату или пенсию и покупающего иностранные продукты за свои скудные деньги, а также – государства, которое эти деньги ему выплачивает; нарастание зависимости и рядового населения, и предприятий от реальных (физических) владельцев и держателей реальной денежной массы и иностранной валюты. Понятно, что помимо прочих причин сказанное в этом пункте действительно указывает на один из факторов поддержания высокого уровня денежной инфляции и дефицита госбюджета, а может быть даже – и вынужденной денежной эмиссии. Ибо из государственной казны всё время выкачиваются через «стол, клозет» и магазины практически все наличные деньги, а возвращаются в виде доходов, налогов на торговлю, таможенной пошлины и от результатов труда, но уже в значительно меньшем объёме.

4. Вся эта часть национального бюджета выкачивается из государства и населения с помощью свободной торговли импортными продуктами в два адреса и в оба необратимо: первый – это зарубежные поставщики-торговцы и производители продовольственных и прочих товаров, и тут наши «деревянные» предварительно превращаются чуть ли не в «золото» (в валюту); второй же – это обыкновенный «унитаз», так как закупленные за это золото чужеземные продукты в конечном счете превращаются в кишечнике их потребителя в то же самое, во что им и положено превращаться при переваривании вообще, – в отходы потребления. Этим «конечным звеном», собственно, и заканчивается весь описанный двухголовый цикл саморазорения страны и её граждан, раскручивающий всю эту торгово-спекулятивную державу и растягивающий её между собственным «унитазом» внутри страны и воронкой глубоких долговых ям вовне неё. Ибо на уровне индивидуального сознания, питания и здоровья всё просто и хорошо: даже не занимаясь полезным для нации или творческим трудом, каждый «бывший честный труженник» как-то приладился, минуя работу на государство, с которой не проживешь, получать или добывать для себя какие-то деньги... А соответственно – имеет возможность купить на них чужие продукты невысокого качества, проглотить их, чтобы они тоже стали своими, насколько это возможно для его организма, сходить, куда следует, и ... «практически всё...», как говорил М. Жванецкий.

5. Финансовое обескровливание и кадровое подавление многих отраслей собственных (или национальных) производства, образования, науки и культуры, занимаясь которыми в этих условиях никак не прожить. Нарастание в связи с этим безработицы и бегство более или менее квалифицированной рабочей силы либо на время, либо насовсем из своей страны в другие для работы «на дядю», откуда можно было бы к тому же (кроме основной работы) вести ещё и торговлю в своем крае через оставшихся в нём родственников и знакомых. В сущности – это подготовленное всей описываемой ситуацией «воровство» мозгов и квалифицированных кадров (Украина сегодня…).

6. Подавление собственных сельскохозяйственного производства, перерабатывающей и пищевой промышленности, которые даже на внутреннем рынке не выдерживают финансовой конкуренции с зарубежными пищевыми товарами – и из-за высокой себестоимости, и из-за более слабых коммерческих качеств местных товаров (упаковка, вкус, внешний вид и т.д.)

7. Ухудшение фактического состояния здоровья, рост короткожительства и заболеваемости среди населения как следствие массового и ничем не обуздываемого потребления «вкусных» второ- и третьесортных пищевых продуктов, законсервированных на годы, а также широко и умело рекламируемых табачных и винно-водочных изделий и т.п.

8. Усложнение доступа к медицинской помощи, удорожание медицинских услуг и рост цен на импортные лекарственные препараты, но – главное – превращение медицины из науки и практики помощи страдающему человеку при любых обстоятельствах в случае болезней, несчастий и т.д., в разновидность обыкновенного бизнеса. Это означает, в частности, что основная деятельность лучших врачей и медицинских учреждений осуществляется не только и не столько по медицинским показаниям, но в первую очередь – по коммерческим соображениям, так как практический смысл и для медиков, и для больных имеют лишь такие разговоры, события и усилия, которые можно подсчитать как вполне определённые финансовые выражения, отношения и величины.

---

[1] Это новое понятие, введённое в научный оборот автором. «Профессионально-организованная преступность – это противоправное, антиобщественное явление социально-политической, антигосударственной направленности в экономике, социальной среде и государственном управлении, развивающая преступные технологии и контролирующая уголовную среду, выступающая как основной индикатор преступного развития общества».

9. Полная коммерциализация и, следовательно, – деморализация многих форм межчеловеческих взаимоотношений и обесчеловечивание, ужесточение самих людей, становление продажности всего и вся главной чертой их сознания и быта, распространяющейся как зараза на всю общественно значимую систему человеческих ценностей, что особенно и больно бьёт по интеллигенции, носителям духовных и нравственных ценностей, сторонникам идеологической или даже экологической ориентации в жизни общества, ведёт к самоизоляции поколений друг от друга.

10. Устойчивое удержание большей части населения в состоянии относительного социального бесправия и практически полного бессилия вследствие его нового и низменного экономического положения;

11. Рост коррупции и всякой «хитрой» преступности, главным образом – в области финансов и финансовых операций, постепенное усложнение юридической стороны жизни людей, мотиваций и состава преступлений, с предпочтением таким из них, за совершение которых можно легко и долго избегать прямой материальной ответственности.

12. Нарастание, в связи с этим психологической депрессии и становление её и полного социального равнодушия наиболее типичным вариантом состояния психики и сознания среднего человека.

13. Прививание и даже искусственное культивирование под эгидой демократичности порядков и свободы личности, а на самом деле – по коммерческим соображениям вредных привычек среди населения, если следование им дает прибыль торговцам – «главным» людям среди населения (табак, алкоголь, наркотики, человеческие органы, дети, женщины, чревоугодничество, оружие и т.п.).

Уже из сказанного видно, что нерегулируемый вариант развития товарно-денежных отношений посредством массовой *спекуляции* (сегодня – это назвали узаконенным бизнесом) на внутреннем рынке импортной пищей и иностранной валютой может превратить практически любую страну в «отхожее» место для мирового рынка, а её население – слепо гордящегося этим – «потребительского робота», повинующегося модам и рекламе и послушно потребляющего даже то, что нельзя уже выгодно продать или даже продавать в нормальных, цивилизованных странах-производителях, уважающих своих граждан и живущих их трудом.

Вместо заключения

Из изложенного видно, что механизм формирования криминальных и социальных проблем России в значительной мере является политико-экономическим. Учитывая угрозу «выедания» реальной денежной массы из национальной экономики множеством спекулянтов, этот механизм имеет и обратное действие, так как может в очередной раз надорвать экономику. Возникает типичный «порочный замкнутый круг» – криминальные и социальные проблемы возникают и усугубляются вследствие проблем экономики и наоборот. В условиях его действия ни поставить толком, ни решить социальные, включая проблемы борьбы с преступностью, – нельзя. Надо менять этот механизм на новый и прежде всего, – отказаться от экспериментов типа «шоковой терапии» и изменить сам способ перехода к рынку, подчинив его интересам каждого человека, нации и государства. Делать это нужно безотлагательно, поскольку весь уголовно-правовой, парамедицинский и парасоциальный «бизнес» привносит существенный вклад в дремлющий пока «вулкан» социальных взрывов.

Все основные беды, криминогенный характер общей обстановки в стране и медико-социальные проблемы связаны с двойным денежным обращением и взаимодействием слабого рубля с сильным долларом ФРС, которое практически всегда заканчивается в пользу последнего. Это обстоятельство нужно рассматривать как важнейшую точку приложения усилий в оздоровлении нации, поскольку больной организм национальной экономики не выживет с такой, чужеродной по сути кровью, и нужно впрыскивать в его жилы совершенно новую, здоровую кровь, которая соответствует ему генетически. Только таким образом и можно реанимировать национальную экономику, вернуть людям национальное достоинство, физическое, нравственное и духовное здоровье, уверенность в будущем за себя и своих детей. И наоборот, – если за счёт конвертации такой коварной валюты, как долларовые кредиты и расчёты за наши натуральные богатства, пытаться оживлять больной организм нашей экономики, то допустившим такой способ переливания в него этих финансов как «крови экономики» нужно напомнить следующее.

В древности, когда было много войн и кровопролитий, а медицина несовершенная – у всех участников борьбы за жизнь и власть, была большая потребность в крови, в которой видели носителя жизни для смертельно раненых и умирающих… И её переливали просто потому, что она у всех была красной. Но поскольку делали это, не ведая, что творят в организме реципиента, то имели множество летальных исходов. В связи с этим возникла и вплоть до открытия групп крови ходила такая притча: «Чтобы перелить кровь, нужны три барана – баран, от которого её берут и переливают (в нашем случае – это США и мировой предиктор), баран, которому её переливают (в данном случае – больной организм экономики России), и баран (ы), который (е) её переливают». Пальцами показывать не будем, догадаются сами.

Чем больше будет иностранных инвестиций в нашу современную национальную экономику, тем меньше она будет национальной и меньше работать на нацию, поскольку такие инвестиции делаются не ради её спасения, а ради прибыли за наш общий счёт.

Список литературы

1. Аптеки, торгующие поддельными или просроченными лекарствами…: [видео] – zmdosie.ru/mir-i-chelovek/
2. Россию захлестнул поток поддельных лекарств. – zmdosie.ru/mir-i-chelovek/
3. Странам ЕС «второго сорта» – товары того же сорта. – newsland.com/user/4296735949/

4. Фадеев В.Н., Тэсс Л.В. Профессионально-организованная преступность // Вестник Мос.У МВД РФ. 2018. – № 6. – С. 173–176.
5. Фадеев В.Н. Судьба России – Судьба человечества / В.Н. Фадеев, И.А. Янушевский, С.А. Мезенцев, С.С. Ласточкин. – М., 2018. – 940 с.
6. Citofarma.ru – портал о фармации. – citofarma.ru/news/falshivye

Агаев И.Г.[1]

ОТ ВЗАИМНОГО НЕДОВЕРИЯ К СОТРУДНИЧЕСТВУ: РОССИЙСКО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА ФОНЕ КИТАЙСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»

Ключевые слова: *Китай, Россия, Азербайджан, Один пояс один путь (ОПОП), Экономический пояс Шелкового Пути (ЭПШП), сотрудничество, логистика.*

Keywords: *China, Russia, Azerbaijan, One belt one road (OBOR), Silk Road Economic Belt (SREB), cooperation, logistics.*

Введение

Идея восстановления ШП появилась в начале 90-х годов XX в. со стороны Европейского Союза (далее ЕС). Процесс формирования нового миропорядка подталкивал Европу к скорейшему решению транспортных проблем, поскольку после развала СССР появились новые независимые государства с неосвоенными рынками для сбыта и для импорта сырья. Для ЕС в это время было важно в краткие сроки обеспечить адекватную транспортную логистику для бесперебойной перевозок грузов между странами ЕС с одной стороны, и со странами Средней Азии и Кавказа с другой. При этом ЕС не хотел использовать существующую инфраструктуру, т.к. она вопреки интересам Европы служила бы связующим сегментом между постсоветскими республиками. Выступая с идеей возрождения ШП, ЕС стремился создать такую транспортную логистику, которая бесперебойно и в кратчайшие сроки обеспечила бы сельскохозяйственной продукцией Европейский рынок. Так появилась программа TASIS, разработанная ЕС в 1991 г. и проект TRACECA (Транспортный коридор Европа – Кавказ – Азия), разработанный Советом Европы и принятый в мае 1993 г. на конференции в Брюсселе. В данный проект были включены все среднеазиатские и кавказские республики, получившие независимость после распада СССР. Хотя в принятой в Брюсселе Декларации были провозглашены общепринятые цели, характерные для подобных документов, суть этой декларации состояла в оказании политической и экономической помощи новым независимым государствам для выхода на мировой и европейский рынок альтернативным транспортным маршрутом[2].

В данный проект Россия не была включена. И в дальнейшем включение в TRACECA Украины было связано со стремлением Запада отколоть эту страну от России и использовать ее как инструмент давления против России. Реализация этой программы отвечала бы не только экономическим интересам Запада, который поставил целью разработку транспортной логистики без участия России, но и его политическим интересам.

В непростой международной обстановке, когда установился однополярный мир и Азербайджан был вынужден вести прозападную политику, президент Азербайджанской Республики (далее АР) Гейдар Алиев, правильно оценив ситуацию и расклад сил внешних акторов, выступил с инициативой созвать очередной форум TRACECA в Баку.

7–8 сентября 1998 года в Баку состоялась международная конференция, посвященная восстановлению исторического ШП, с участием глав 9 государств (Азербайджана, Турции, Грузии, Украины, Молдовы, Румынии, Болгарии, Узбекистана, Кыргызстана), делегаций 13 международных организаций и 32 государств. По итогам данной конференции было подписано «Основное многостороннее соглашение о международном транспорте по развитию коридора Европа-Кавказ-Азия» и принята Бакинская декларация[3]. Бакинский форум был триумфом азербайджанской внешней политики. Цели, которые поставила перед собой азербайджанская дипломатия, практически были достигнуты: 1) форум в корне отличался от предыдущих тем, что государств-участников здесь было намного больше и большинство делегаций здесь были представлены на высоком уровне; 2) Г. Алиев смог привлечь к участию в работе Форума многие международные и региональные организации, в которых была представлена Российская Федерация. Он понимал что все глобальные проекты не могут быть осуществлены без участия или без согласия России. Участие России в работе Форума, отношение ЕС к участию России в этом проекте в те дни стало объектом дискуссии в средствах массовой информации. Даже в день прибытия разных делегаций в Баку, в аэропорту между журналистом и Г. Алиевым состоялся такой диалог:

«– Гейдар Алиевич, ТРАСЕКА фактически оставляет Россию на стороне. А это не обострит отношения?

[1] Агаев Игбал Ганбар оглы – к.и.н., зав. Кафедрой истории стран Азии и Африки, Бакинский государственный университет. E-mail: Igbal64@rambler.ru

[2] Отчеты, доклады, выступления ПС МПК ТРАСЕКА за 1993-2005 гг. – № 1.

[3] İsakov H.V. Azərbaycan Respublikasının «Böyük tpək yolu» nun bərpasında iştirakı (1991-2005-ci illər). – Bakı: «Şərq-Qərb» Nəşriyyatevi, 2011. – S. 47.

– Почему оставляет на стороне. Мы пригласили Россию, и она участвует на конференции.

– В качестве наблюдателя.

– Знаете, нет такого статуса как наблюдатель, или не наблюдатель. Все являются участниками. Мы никогда не допустим обострения отношений с Россией»[1].

Но ввиду объективных и субъективных причин в 90-е годы отношения не сложились между РФ и АР. По нашему мнению, это был период упущенных возможностей со стороны России, которая проводила «Политику уступок Западу» которая привела ее в глубокий политический кризис.

Интуитивно чувствуя, что лидерство Китая в мировой экономике не за горами, и при наличии хороших отношений с КНР Г. Алиев добился участия Китая в работе Бакинского форума. Он понимал, что рано или поздно Китай сам возьмется за более масштабный проект нежели TRACECA. Поэтому во вступительной речи Президент АР особо подчеркнул, что «Азербайджан испокон веков являлся важным пунктом в Великом ШП и мостом между Азией и Европой»[2].

Итак, благодаря усилиям азербайджанской дипломатии и Россия, и Китай были приглашены на Форум. Азербайджан настоял на этом при согласовании списка приглашенных участников с ЕС. Но интерес вызывает совсем другое – согласие Запада на участие в работе Форума России и Китая. Считаем, что и Запад преследовал далеко идущие цели. Участвуя в работе Форума и согласившись на реализацию TRACECA, Россия в лучшем случае претендовала бы на мизерную долю, так как еще до Форума крен транспортной логистики должен был произойти в сторону юга. А в случае отказа от участия в проекте TRACECA, которого не очень желали западные страны, Россия в ближайшем будущем не смогла бы воспрепятствовать реализацию проекта, так как, участвовав на Бакинском форуме, подписала два документа из трех и в дальнейшем уже с юридической точки-зрения согласилась на его осуществление. Хотя и с некоторым опозданием, но все-таки раскрыли сущность программы TRACECA и российские историки. Позже они придут к такому выводу что, «эта программа рассчитана на то, чтобы создать транспортные коммуникации «в обход России», а также усилить «центробежные тенденции среди стран СНГ»[3].

В 90-е годы Китай не воспринимался Европой в качестве конкурента, так как с геополитической точки зрения он был стратегическим партнером США. Вместе с тем, Западу по экономическом соображениям уже хотелось сотрудничать с Китаем, так как объем экспорта из Китая в Европу с каждым годом увеличивался, и поэтому нужны были дополнительные транспортные пути. Но Западу нужно было, чтобы Китай присоединился именно к их проекту, а не выступил со своим. Хотя поставленные цели азербайджанской и западной дипломатии были диаметрально противоположными, они были достигнуты – делегации России и Китая участвовали в работе Бакинского форума, и это повысило его статус. Через 2 года, принимая председателя ПК ВСНП КНР Ли Пэн в Баку, Г. Алиев в беседе отметил: «Очень важным в дальнейшем развитии нашей дружбы является восстановление Великого ШП. Это, гигантская программа XXI века и она не сможет осуществится без участия Китая... Издревле Китай открыл этот путь... Одним словом, мы вернемся к старым временам, и будем развивать наши отношения в этом контексте, осуществлять эту программу вместе»[4]. Это был фактически призыв к восстановлению ШП, но уже под эгидой Китая и с участием Азербайджана.

В это время и с Россией также политические отношения сдвинулись с мертвой точки. Этому благоприятствовала смена руководства в Кремле. Она устранила многие противоречия между Баку и Москвой. После первой же встречи Г. Алиев и В. Путин выстроили очень доверительные отношения. Это дало толчок развитию двусторонним отношениям во всех сферах между РФ и АР. В некоторых международных вопросах руководители двух стран нашли много точек соприкосновения. Так, «к началу первого десятилетия XXI века России пришлось решить проблему международно-правового статуса Каспия на трехсторонней основе (С Азербайджаном и Казахстаном)..., добившись согласия прикаспийских стран на поставки части своих углеводородных ресурсов через российскую территорию»[5]. Делегации обеих государств уже начали выступать на ПА ЕС с единой позиции. Но, к сожалению, в нулевые годы каждая из сторон исходя из своих интересов, решала проблему участия в транспортных проектах самостоятельно: Азербайджан в рамках проекта TRACECA; Россия начала укреплять отношения с КНР и в результате в 2001 г. в Москве был подписан Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР, который охватил все сферы социально-экономической и политической жизни страны, в том числе и транспортную сферу[6]. Договор стал поворотным пунктом во взаимоотношениях между двумя государствами. В это время и АР и РФ были фактически конкурентами в перевозке грузов из Дальнего Востока в Европу. Территория РФ в основном использовалось для транзита для грузов из Китая в Европу. А Азербайджан играл роль транзита в перевозках из Средней Азии в Европу.

В целях укрепления своей конкурентоспособности Азербайджан выступил с инициативой построить железную дорогу Баку-Тбилиси-Карс (далее БТК), которая была поддержана Грузией и Турцией, хотя российские политологи

---

[1] Əliyev, Heydər. Müstəqilliyimizəbədidir: çıxışlar, nitqlər, bəyanatlar, müsahibələr, məktublar, məruzələr, müraciətlər, fərmanlar. On yeddinci kitab: iyul, 1998 – oktyabr, 1998 / bur. məsul R. Mehdiyev. – Bakı: Azərnəşr, 2006. – S. –105.

[2] Там же, с. 258.

[3] Тураева М.Б. Транспортно-инфраструктурные проекты в Евразии // Мир перемен: журнал. – М., 2016. – № 1. – С. 127–137.

[4] Əliyev Heydər. Müstəqilliyimizəbədidir: çıxışlar, nitqlər, bəyanatlar, müsahibələr, məktublar, məruzələr, müraciətlər, fərmanlar. Iyirmi yeddinci kitab: iyun, 2000 – iyul, 2000 / bur. məsul R. Mehdiyev. – Bakı: Azərnəşr, 2009. – S. 128.

[5] Шихалии Дж. Роль Российской Федерации в формировании каспийского региона на современном этапе // Geostrategiya. 2018. – № 4 (46), iyul-avqust. – S. 48.

[6] Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Президент РФ. Официальный сайт. 2001. – 16 июня. – http://www.kremlin.ru/supplement/3418

отнеслись к этому скептически. Следует подчеркнуть, что Азербайджанская сторона не только сама строила свой отрезок пути, но и взялась за реставрацию грузинской части дороги. БТК в 2017 г. был сдан в эксплуатацию и стал основной ветвью уже нового – чисто китайского проекта, под названием «Один пояс, один путь» (далее ОПОП). Идея совместного строительства ОПОП принадлежит председателю КНР Си Цзиньпину, который в сентябре 2013 г., во время визита в Казахстан, обратился к странам Евразии с предложением совместно развивать проект Экономического пояса Шелкового Пути (далее – ЭПШП), а в октябре предложил странам АСЕАН совместно развивать проект Морского Шелкового пути XXI века (далее – МШП). В дальнейшем эти два проекта легли в основу программного документа «Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства ЭПШП и МШП XXI века», который разработан в 2015 г.[1]. В 2016 г. по данным Азиатского банка развития ОПОП Китая охватил более 60 стран с населением более 3,3 млрд. человек и экономику стран вдоль ШП, которая составляла более 13 триллионов долларов мирового ВВП[2].

В 2015 г. президент АР И. Алиев, по приглашению Си Цзиньпина посетил Пекин и в ходе переговоров отметил, что Азербайджан является незаменимым путем для подключения Китая к Европе в рамках ЭПШП и обладает инфраструктурными возможностями и для поставки китайских товаров в Европу. В результате визита был подписан Меморандум о взаимопонимании по созданию ЭПШП. Отношение Китая к этому визиту нашло свое отражение в выступлениях посла КНР в Азербайджане: «В декабре 2015 г. между двумя странами был подписан ряд правовых документов в транспортной сфере и Китайская сторона высоко оценивает инициативу и непосредственное участие Азербайджана в транспортных инфраструктурных проектах»[3]. Действительно в 2015 г. Азербайджан не только поддержал создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (далее АБИИ), но и стал его соучредителем[4]. А идея создания АБИИ была выдвинута председателем КНР Си Цзиньпином в целях реализации инфраструктурных проектов[5]. Вхождение Азербайджана в АБИИ показывает, что Азербайджан желает играть активную роль в реализации ЭПШП.

В июне 2016 г. **Россию и страны Южного Кавказа посетил** вице-премьер КНР Чжан Гаоли. В переговорах обсуждались перспективы реализации проекта, особое внимание было уделено координации действий в этом направлении. На встрече с И. Алиевым Чжан Гаоли отметил, что обе страны должны прилагать совместные усилия к реализации подписанного в декабре 2015 г. межправительственного протокола о взаимопонимании двух стран по продвижению «пояса», активизируя взаимовыгодное сотрудничество в таких областях как транспорт, логистика[6]. После этого Чжан отправился в Россию, и был принят В.Путиным.

С 2014 по 2016 год объем торговли Китая со странами «вдоль пути» превысил 3 триллиона долларов. Инвестиции Китая в страны «вдоль пути» превысили 50 миллиардов долларов. АБИИ уже предоставил кредит для девяти проектов в рамках «Пояса и пути» на сумму 1,7 миллиарда долларов. В 2017 г. Китай провел Первый форум ОПОП. В канун форума Стратегия ЭПШП и МП китайскими экономистами определялась примерно так: «международная инициатива Китая, направленная на совершенствование существующих и создание новых торговых, транспортных, а также экономических коридоров»[7]. 28 стран были представлены главами государств. Си Цзиньпин во вступительной речи подчеркнул, что Китай намерен создать открытую платформу сотрудничества и развивать открытую мировую экономику. В политической сфере уже удалось осуществить согласование с такими странами, как Россия, Казахстан, а также... с Турцией (сопряжение с проектом «Центральный коридор»)[8]. Как видно из речи Си Цзинпиня, Турция занимала особое место в планах Пекина.

А осуществити этот план без БТК невозможно. Роль БТК и Транскаспийского Международного Транспортного Маршрута (далее ТМТМ) получила должную оценку и в выступлениях посла КНР в Азербайджане в канун открытия форума: «в феврале 2017 года при поддержке китайской стороны Азербайджан организовал в Пекине презентацию проекта железнодорожного транзитного маршрута БТК и ТМТМ[9]. Летом 2017 г. БТК был пущен в эксплуатацию. Азербайджанской стороне понадобилось 10 лет борьбы с недругами, чтобы завершить начатое дело. Некоторые российские политологи даже предрекали плохую концовку проекту. Но благодаря усилиям заинтересованных стран и

---

[1] Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства Экономического пояса Шёлкового пути и Морского Шёлкового пути 21-го века // Посольство КНР в России. 2015. – 23 апреля. – http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/aa11/t1257296.htm

[2] Villafuerte J., Corong E., Juzhong Zhuang. The one belt, one road initiative – Impact on Trade and Growth // 19th Annual Conference on Global Economic Analysis / June 2016. – https://www.gtap.agecon.purdue.edu/resources/download/8280.pdf

[3] Китай придает огромное значение географическим преимуществам Азербайджана в важном транспортном узле в Евразии. – https://azertag.az/ru/xeber/Kitai_pridaet_ogromnoe_znachenie_geograficheskim_preimushchestvam_Azerbaidzhana_v_vazhnom_transportnom_uzle_v_Evrazii_VIDEO-1048526

[4] Посол: Товарооборот Азербайджана с Китаем больше показателей Грузии и Армении вместе взятых. Репорт.Аз. – https://report.az/ru/vneshnyaya-olitika/posol-tovarooborot-azerbajdzhana-s-kitaem-bol-she-pokazatelej-gruzii-i-armenii-vmeste-vzyatyh/

[5] Фролова И.Ю. Китайский проект «Экономический пояс Шёлкового пути»: развитие, проблемы, перспективы // Проблемы национальной стратегии. 2016. – № 5 (38). – С. 54.

[6] Китай и Закавказье связаны новым «Шелковым путем» // Синьхуа новости. 6 августа, 2016. – http://russian.news.cn/2016-06/08/c_135422210.htm

[7] Стратегия экономического развития «Один пояс один путь» // Россия сегодня. 2017. – 15 мая. – https://inosmi.ru/infographic/20170515/239348942.html

[8] «Один пояс, один путь». Основные тезисы речи Си Цзиньпина // Россия сегодня. 2017. – 17 мая. – https://inosmi.ru/politic/20170517/239368854.html

[9] Китай придает огромное значение географическим преимуществам Азербайджана в важном транспортном узле в Евразии // Азертадж. 2017. – 5 апреля. – https://azertag.az/ru/xeber/Kitai_pridaet_ogromnoe_znachenie_geograficheskim_preimushchestvam_Azerbaidzhana_v_vazhnom_transportnom_uzle_v_Evrazii_VIDEO-1048526

разумному подходу российской стороны 30 октября 2017 г. маршрут все же был открыт главами государств-участниц. Агентство Синьхуа высоко оценило значимость дороги: «Железнодорожная линия также предназначена для того, чтобы стать ключевой частью южного маршрута новой сети торговых и транспортных коридоров Шелковой пути между Китаем и Европой»[1]. Благодаря политическому взаимопониманию с Россией БТК начал функционировать. Проявленная самостоятельность со стороны Азербайджана в строительстве БТК подтвердила выводы российских политологов о том, что «Китай намеренно дает инициативу осмысления и разработки инвестиционных предложений странам-партнерам, чтобы расширить рамки ОПОП за счет максимально возможного числа»[2].

Благодаря такой активной деятельности и инициативе Китай должным образом оценил роль Азербайджана в этом проекте. Не удивительно, что накануне первого форума именно китайские политологи отводили России и Азербайджану соответственно 1 и 5 места[3]. На открытии 2-го Форума ОПОП, 24 апреля 2019 г. в Пекине Си Цзиньпин еще глубже раскрыл сущность этой инициативы: «Нам следует руководствоваться принципом совместных консультаций, придерживаться концепции открытости, продвигать вперед совместное строительство “Пояса и пути” в направлении высококачественного развития»[4].

Из содержания его выступления вытекало, что китайская инициатива в отличие от западных не основывается на ломке существующих инфраструктур. Глава КНР неоднократно подчеркивал, что Китай будет опираться на существующую основу, чтобы помочь странам согласовывать свои стратегии развития и формировать взаимодополняемость. Сущность программной речи заключается в отказе от принципа взаимного недоверия между странами, располагающимися вдоль пояса и в переходе к плодотворному сотрудничеству во благо осуществления ЭПШП. В своей речи он неоднократно призывал страны, располагающиеся вдоль ЭПШП, быть не союзниками, а партнерами.

Россия и Азербайджан в 2000-е годы (в отличие от 90-х годов, когда в двусторонних отношениях принцип взаимного недоверия превалировал) перешли на путь сотрудничества, и китайская инициатива только усилила этот процесс, так как в перевозке китайских грузов обе страны смогли сотрудничать, а не конкурировать. Для конкуренции нет и почвы, Так как во-первых: а) объем китайских товаров, экспортируемых в Европу, с каждым годом увеличивался. Торговля Китая с Евросоюзом стала значительно больше: 126 млрд. долл. в 2002 г., 521 млрд. долл. в 2015 г. При этом 2/3 товарооборота приходится на китайский экспорт в ЕС. Китай с 2005 г. – крупнейший экспортер товаров в ЕС[5]. Вдобавок а) в последние годы на фоне торговых войн с США Китай стал первым торговым партнером Европы; б) не вдаваясь в подробности в описании географической направленности ЭПШП, с уверенностью можем подтвердить, что Россия и Азербайджан находятся в разных экономических коридорах, и если Азербайджан участвует в одном из шести коридорах ЭПШП, под названием «Китай – Центральная Азия – Западная Азия», то Россия участвует в двух коридорах: «Новом Евразийском континентальном мосте» и «Китай – Монголия – Россия». Как видно, оба государства имеют достаточную долю в перевозках китайских товаров. Но есть множество точек соприкосновения для двустороннего сотрудничества в рамках китайской инициативы. Речь идет о ТМТМ.

Российские востоковеды фокусируются на интересе Китая к другому коридору, где Россия и Азербайджан тесно могут сотрудничать: «Китайские железнодорожные операторы совместно с коллегами из Казахстана, Азербайджана и Грузии участвуют в создании ТМТМ через Каспийское и Чёрное моря, который соединит Китай со странами Западной Азии, Восточной и Южной Европы»[6]. Интересен тот факт, что хотя Россия не находится в этом коридоре, но используемый маршрут Азербайджаном так же жизненно важен для России. Речь идет о вышеупомянутой ТМТМ, который является сердцевиной и другого транспортного коридора – Север-Юг (скандинавские страны, Россия, Азербайджан, Иран, страны Персидского залива). ЭПШП придал больше жизненной силы и этому проекту, где ключевую роль играют Россия и Азербайджан. Но ТМТМ является и основным сегментом коридора Восток-Запад, и поэтому Китай в рамках ЭПШП способствует расширению этого сегмента. ТМТМ пролегает от Китая (Шихэцзы) через Казахстан (Достык – Актау), Азербайджан (Алят), Грузию и Турцию в страны Европы и в обратном направлении. Это фактически цементирующая часть южного коридора ЭПШП. Китайская сторона часто предоставляет возможность Азербайджанской стороне проводить форумы в разных городах Китая для агитации транзита грузов через ТМТМ[7]. ТМТМ также играет неоценимую роль в укреплении сотрудничества между Россией и Азербайджаном в транспортном коридоре Север-Юг. Маршрут позволяет снизить и сроки доставки товаров и расходы на транспортировку. Большие возможности открылись благодаря историческому соглашению о статусе Каспийского моря, подписанному в августе 2018 г. в городе Актау лидерами прикаспийских государств. По мнению политолога И. Алиева, после подписания

---

[1] Azerbaijan, Turkey, Georgia inaugurate newly built Asia-Europe railway // New China. Source: Xinhua. 2017-10-31. – http://news.xinhuanet.com/english/2017-10/31/c_136715937.htm

[2] Звезданович-Лобанова Е., Лобанов М. Инициатива «Один пояс и один путь». Какие цели в действительности преследует Китай? // Свободная мысль. – http://svom.info/entry/765-iniciativa-odin-poyas-i-odin-put-kakie-celi-v-dejs/

[3] Стратегия экономического развития «Один пояс один путь» // Россия сегодня. 2017. – 15 мая. – https://inosmi.ru/infographic/20170515/239348942.html

[4] Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства Экономического пояса Шёлкового пути и Морского Шёлкового пути 21-го века // Посольство КНР в России. 2015. – 23 апреля. – http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/aa11/t1257296.htm

[5] Звезданович-Лобанова Е., Лобанов М. Инициатива «Один пояс и один путь». Какие цели в действительности преследует Китай? // Свободная мысль. – http://svom.info/entry/765-iniciativa-odin-poyas-i-odin-put-kakie-celi-v-dejs/

[6] Инициатива «Один пояс – один путь» – новая платформа для расширения российско-китайского сотрудничества в транспортной сфере. Доклады РИСИ // Проблемы национальной стратегии. – М., 2017. – № 6 (45). – С. 18.

[7] Азербайджан поборется за грузы из Китая // Экономика. 2017. – 1 августа. – https://az.sputniknews.ru/economy/20170301/409182109/azerbaijan-kitay-gruzi-tranzit.html

Конвенции о статусе Каспия цена планируемых Азербайджаном транспортных проектов возросла[1]. Через месяц после заключения Конвенции В. Путин, находившийся с официальным визитом в Баку, в своем выступлении акцентировал внимание российских и азербайджанских компаний на реализации перспективных проектов в каспийском регионе, прежде всего в сфере транспорта и грузоперевозок.

ЭПШП не только совпадает с международными проектами с участием Азербайджана, но и придает им больше жизненной силы. АБИИ даже предоставил кредит в размере 600 миллионов долларов на проект Трансанатолийского трубопровода (TANAP). Это важный момент в сотрудничестве между Китаем и Азербайджаном в рамках ЭПШП. По нашему мнению, поддержка Азербайджана Китаем в осуществлении проекта ТАНАП дала импульс углублению партнерства России и Азербайджана в осуществлении многих транспортных и иных проектов. Несмотря на усилия Запада столкнуть Россию и Азербайджан в такой чувствительной для обеих стран сфере, как экспорт газа на европейский рынок оба государства показывают высокий уровень доверия и согласовывают свои действия в этом направлении. Образовался даже трехсторонний формат сотрудничества «Россия-Турция-Азербайджан». Благодаря этому формату сотрудничества Южно-газовый коридор и Турецкий поток не будут конкурировать, а будут эксплуатироваться параллельно. С июня 2018 г. ТАНАП начал экспортировать азербайджанский газ на европейский рынок.

В рамках ЭПШП российско-азербайджанское сотрудничество развивается и по сей день. Это ярко проявилось в Пекине 25–27 апреля 2019 г. где проходил второй форум ОПОП и в Сочи 2–3 октября 2019 г. на пленарном заседании международного дискуссионного клуба «Валдай». В Пекине приняли участие 37 лидеров государств и правительств, в том числе президент РФ В. Путин[2] и президент АР И. Алиев. В ходе форума представители компаний подписали соглашения на сумму более 64 миллиардов долларов. Си Цзиньпин в своей речи еще раз затронул принцип открытости: «В рамках расширения открытости устранены практики, идущие вразрез со справедливой конкуренцией и рыночными правилами, предприняты меры по расширению открытости»[3]. Оценив Китайскую концепцию как соответствующую актуальным принципам построения отношений между государствами, В. Путин на полях Форума встретился с И. Алиевым и заострил внимание коллеги на развитии бизнеса и торговли, на что И. Алиев ответил, что «взаимоотношение сегодня позволяет решать многие вопросы в двусторонней повестке дня»[4].

На заключительном заседании Форума было отмечено, что стороны пришли к консенсусу по 283 проектам, в том числе были подписаны межправительственные соглашения и соглашения по практическому сотрудничеству.

Поиск форм сотрудничества в рамках ОПОП продолжался и в Сочи. В. Путин в беседе с Алиевым подчеркнул, что отношения между странами развиваются успешно. И. Алиев в своем выступлении акцентировал внимание на транспортном коридоре Север-Юг, констатируя, что «в 2018 г. по этому коридору была транспортировано в 8 раз больше грузов, чем за предыдущий год. Заработал коридор Север-Запад, по которому «грузы из России через Азербайджан направляются не только в южном направлении, но и в западном». Хотя президент Азербайджана из этических соображений особо не выделил значимую роль в этом коридоре ЖД БТК, но из контекста его выступления было ясно, что речь идет именно о том отрезке коридора Север-Запад, которому российские экономисты в свое время не придали должного значения. В заключении И. Алиев подчеркнул, что он «поддерживает тезис В. Путина о том, что «транспортные проекты…служат мостом между народами и в данном направлении проекты Север-Юг и Восток-Запад, проходя через нашу страну, расширяют международное сотрудничество и сокращают риски»[5].

Заключение

Итак, отношения между РФ и АР после развала СССР хоть и малыми темпами, но развивались по восходящей линии. В начале XXI века между нашими странами сложились доверительные отношения. Постепенно развитие этих отношений обрело необратимый характер. Сегодня укрепляется сотрудничество и в рамках ЭПШП. Инициатива КНР открыла новые возможности для сотрудничества не только в транспортной сфере, но и в других областях социально-экономической жизни. Китайская инициатива отчасти дала импульс быстрому разрешению вопросу о правовом статусе Каспийского моря.

По нашему мнению, и РФ, и АР должны:

- Опираясь на общие исторические и культурные связи, прилагать больше усилий для развития торгово-экономических и политических отношений;
- Использовать Китайскую инициативу плодотворно и разумно для развития сотрудничества не только с Китаем, но и между собой;
- искать новые точки соприкосновения в торгово-экономической и транспортной сфере в рамках ЭПШП;
- Искать новые форматы сотрудничества на двусторонней и даже трехсторонней основе.

[1] Əliyev I. Xəzərin hüquqi statusunun təsdiqi və onun regionda əhəmiyyəti // Geostrategiya. 2018. – N 4 (46). – S. 5.

[2] На форуме «Один пояс – один путь» подписали соглашения на 64 млрд. долларов // Риа.новости. 2019. – 27 апреля. – https://ria.ru/20190427/1553109201.html

[3] Пан или пропал: куда заведет Россию Шелковый путь. Китай и Россия будут строить «Один пояс, один путь» // Газета.ru. 2019. – 26 апреля. – https://www.gazeta.ru/business/2019/04/26/12324529.shtml?updated

[4] Там же.

[5] На полях заседания клуба «Валдай» в Сочи Путин и Алиев провели отдельную встречу // Независимая газета. – М., 2019. – 3 октября. – http://www.ng.ru/cis/2019-10-03/5_7693_news1.html

Алиджанова А.Х.
старший преподаватель кафедры международных отношений, Таджикский государственный университет права, бизнеса и политики, г. Худжанд

РОССИЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: ОПЫТ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

***Ключевые слова**: Россия, Центральная Азия, межрегиональное сотрудничество, приграничное сотрудничество, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан, торгово-экономическое сотрудничество.*
***Keywords**: Russia, Central Asia, interregional cooperation, cross-border cooperation, Kazakhstan, Kirgizia, Tajikistan, Uzbekistan, trade-economic cooperation.*

Россию и страны Центрально-азиатского региона связывают история и современность: установившийся режим в период Советского Союза и реальные потребности современности объединяют эти страны в рамках международных и региональных организаций.

Для России этот регион является «естественной территорией реализации ее геостратегических и экономических интересов на евразийском пространстве»[1].

Важными и приоритетными направлениями взаимодействия России со странами Центральной Азии остаются военно-политические и торгово-экономические отношения, но в последние годы в силу развития двусторонних отношений стран региона с Россией межрегиональное и приграничное сотрудничество (Казахстан) стало занимать более лидирующую позицию в их отношениях.

В первые годы независимости страны региона столкнулись с проблемами, связанными с нестабильной экономикой, с неустойчивым политическим режимом, но в лице России каждая из стран ЦАР нашла надежного партнера, в дальнейшем двусторонние отношения переросли в стратегическое партнёрства, имеющее долгосрочный характер.

Среди стран региона в области межрегионального сотрудничества с Российской Федерацией ключевую позицию занимает Казахстан, поскольку главным торгово-экономическим партнером России среди стран ЦАР является Казахстан.

Межрегиональное и приграничное сотрудничество двух стран стабильно развивается, поскольку охватывает 11 областей России, а также Алтайский и Красноярский край и две республики – Башкирию и Хакасию с российской стороны и 7 приграничных областей Казахстана.

Следует отметить, что 40% от всего товарооборота между Россией и Казахстаном приходится на приграничные регионы[2]. Во время проведения VI Форума по межрегиональному сотрудничеству России и Казахстана в сентябре 2009 года в Оренбурге главы двух государств отметили, что развитие межрегионального взаимодействия сближает страны, дает развитие регионам, создает новые рабочие места, создает доходную базу регионов, что является самым важным в двусторонних отношениях[3].

Для развития межрегионального сотрудничества Россия и Казахстан имеют солидную нормативно-правовую базу, относящуюся к вопросам использования природных ресурсов и обеспечения экологической безопасности на сопредельных территориях, развитию сотрудничества в области охраны окружающей среды, а также предупреждения катастроф и стихийных бедствий и ликвидации их последствий. На административно-территориальном уровне Челябинская, Оренбургская, Тюменская, Новосибирская и Омская области, а также Алтайский край Российской Федерации заключили двусторонние соглашения с регионами Казахстана о торгово-экономическом, научно-техническом и культурно-гуманитарном сотрудничестве.

Российско-киргизское межрегиональное сотрудничество закреплено более чем 30 нормативно-правовыми актами, охватывающими разнообразные формы сотрудничества в политических, торгово-экономических и культурных областях. С 76 субъектами Российской Федерации административно-территориальные единицы Киргизии имеют торгово-экономические связи и в этом ключе подписано 18 двусторонних соглашений. Такие регионы России как Оренбургская область, Омская область, Алтайский край, Челябинская область, Свердловская область, Новосибирская область, г. Москва и г. Санкт-Петербург имеют тесные торгово-экономические связи с регионами Киргизии, 70% двустороннего товарооборота приходится на долю этих субъектов.

---

[1] Долгов В.П. Торгово-экономическое и политическое сотрудничество РФ с государствами Центральной Азии в конце XX и начале XXI века // Самарский научный вестник. 2013. – № 3 (4). – С. 30.

[2] Чуфрин Г.И. Россия в Центральной Азии: монография. — Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2010. – С. 108–115.

[3] Там же, с. 117.

При участии российско-киргизских регионов регулярно проводятся встречи глав регионов, бизнес-кругов, которые способствуют расширению и углублению межрегионального сотрудничества. Примером таких мероприятий является двусторонняя конференция на тему «Расширение межрегионального сотрудничества Киргизии и России как фактор обеспечения устойчивого развития экономики», проведенная в г. Бишкеке и г. Оше в 2011 году. Региональные форумы являются локомотивом поступательного развития межрегиональных связей между Россией и Киргизией[1].

Межрегиональное сотрудничество Республики Таджикистан и Российской Федерации осуществляется в самых разных сферах жизнедеятельности государств. Если в начале стороны делали акцент на межрегиональное сотрудничество в торгово-экономической, научно-гуманитарной, электроэнергетической области, то в последние годы развиваются двусторонние взаимоотношения в сфере рационального и безопасного использования природных ресурсов и охраны окружающей природной среды, в правоохранительной деятельности, в области транспорта и связи и в сфере туризма. Начало и развитие межрегионального сотрудничества Российской Федерации и Республики Таджикистан активно поддерживалось парламентами обеих государств.

Для совершенствования правовой базы всего комплекса отношений между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан в марте 2014 года Республику Таджикистан с официальным визитом посетила Председатель Совета Федерации Российской Федерации В.И. Матвиенко Во время межпарламентской встречи был сделан акцент на первостепенные вопросы двустороннего взаимодействия, такие как укрепление политического партнерства и стабильное сотрудничество в экономике, социальной, гуманитарной, культурной сферах.

Важную роль в развитии и укреплении межрегионального сотрудничества между странами играет Межпарламентский Форум: «Россия – Таджикистан: потенциал межрегионального сотрудничества».

До сегодняшнего дня состоялись шесть таких форумов, поочередно в двух столицах – в Душанбе и в Москве. Первый форум был проведен в 2006 году в Республике Таджикистан, второй – в 2007 году в Москве, третий – в 2008 году в Душанбе, после трех форумов была пауза до 2014 года. Четвертый форум был проведен в октябре 2014 года в Москве, пятый – в октябре 2016 года в Душанбе, а шестой межрегиональный форум «Россия – Таджикистан: потенциал межрегионального сотрудничества» состоялся в октябре 2018 года в Москве.

Первый Межпарламентский форум между Таджикистаном и Россией под названием «Россия – Таджикистан: потенциал межрегионального сотрудничества» прошел в августе 2006 году в г. Душанбе. 25 августа 2006 года на этом форуме был подписан ряд соглашений о торгово-экономическом, научно-техническом и гуманитарно-культурном сотрудничестве между Исполнительным органом государственной власти административно-территориальных единиц Республики Таджикистан и такими регионами Российской Федерации как Москва, Санкт-Петербург, Астраханская, Саратовская, Оренбургская, Ивановская и Свердловская области, Алтайский край, которые являются примером стремления к плодотворному взаимовыгодному сотрудничеству регионов Российской Федерации с Республикой Таджикистан. Первый форум был огромным шагом для создания нормативно-правовой базы двух стран на уровне регионов.

В сентябре 2007 года в Российской Федерации прошел Второй Межпарламентский форум «Россия – Таджикистан: потенциал межрегионального сотрудничества» в г. Москве и в Оренбургской области. Под эгидой форума состоялись круглые столы, в которых обсуждались актуальные проблемы двусторонних отношений и пути их решения в межведомственном формате.

Шестой межпарламентский форум «Россия – Таджикистан: потенциал межрегионального сотрудничества» состоялся 24–26 октября 2018 года в Москве, в котором акцент был сделан на гуманитарной и торгово-экономической сфере. По инициативе президентов Владимира Путина и Эмомали Рахмона с февраля 2017 года русские преподаватели преподают на русском языке литературу, алгебру, физику, химию, информационные технологии и, естественно, сам русский язык в 15 учебных заведениях шести городов Таджикистана, включая столицу республики Душанбе. В этой связи стоит подчеркнуть, что в Таджикистане функционируют 26 русских школ, их низ 5 в Душанбе и 132 школы со смешанными языками преподавания, в том числе и русским. А в 2009 году при содействии фонда «Русский мир» таджикским школам было выделено 25 тысяч книг.

Ежегодно российские вузы предоставляют бюджетные места для таджикских студентов. В 2015–2016 учебном году по данным посольства Республики Таджикистан в Российской Федерации, в российские вузы по линии Россотрудничества поступило около 700 абитуриентов.

В 2018 году в российских вузах обучаются почти 15 тысяч студентов из Таджикистана, поскольку востребованность в российском высшем образовании в Таджикистане очень высока.

Также на данном межпарламентском форуме были обсуждены вопросы торгово-экономического характера. Поскольку на рынках России существует огромный спрос на фрукты и овощи из Таджикистана, но до российских прилавок они доходят с трудом, таджикская сторона попросила «зеленый коридор» для реализации своих сельхозпродукции на территории Российской Федерации. В ходе переговоров были обсуждены проблемы упрощения таможенного контроля на ввоз товаров из Таджикистана и создание хорошей логистической инфраструктуры.

В процессе развития межрегионального сотрудничества между РТ и РФ особую роль играют связи между городами-побратимами. На сегодня город Душанбе с Москвой и Санкт-Петербургом, Худжанд и Оренбург являются городами-побратимами.

За годы проведения межпарламентских форумов и межрегиональных конференций руководители субъектов Российской Федерации и руководство областей Республики Таджикистан неоднократно проводили встречи, конференции, симпозиумы, носивший экономический и политический характер.

[1] О российско-киргизском экономическом сотрудничестве: Доклад Российско-Киргизского Делового Совета. – М., 2012. – С. 24–27.

Именно межрегиональное сотрудничество стало вехой для развития сотрудничества между торгово-промышленными палатами двух стран.

Конечно, на современном этапе существует ряд проблем в отношении динамичного развития таджикско-российского межрегионального сотрудничества, к таковым можно отнести недостаточность двусторонней нормативно-правовой базы, существенное различие экономических потенциалов стран и др.

Отношения Российской Федерации и Республики Таджикистан характеризуются стабильностью, динамизмом, интенсивным и доверительным политическим диалогом и носят долгосрочный характер.

Дипломатические отношения России и Узбекистана были установлены 20 марта 1992 года. Базовым документом, регулирующим взаимоотношения стран в первые годы независимости, был рамочный Договор об основах межгосударственных отношений, дружбе и сотрудничестве[1].

Первые договора, которые были заключены между Россией и Узбекистаном после приобретения независимости носили военно-политический характер, поскольку: ***во-первых,*** в первой половине 1990-х годов появление экстремистского движения «талибан» в Афганистане и на южных рубежах СНГ побудило эти два государства к более тесному взаимодействию в военной области; ***во-вторых,*** возникновение межтаджикского конфликта побудило Москву и Ташкент перейти от соперничества к сотрудничеству в целях урегулирования и стабилизации конфликтных ситуаций в Таджикистане.

Для взаимного сотрудничества в сфере международной и региональной безопасности Россия и Узбекистан создали солидную нормативно-правовую базу – Договор «О дружбе и сотрудничестве» от 30 мая 1992 г.; Соглашение «О принципах взаимного технического и материального обеспечения вооруженных сил» от 2 марта 1994 г.; Договор «О дальнейшем углублении всестороннего сотрудничества в военной и военно-технической областях» от 11 декабря 1999 г.; Договор «О стратегическом партнерстве» от 16 июня 2004 г.; а также Договор «О союзнических отношениях» от 14 ноября 2005 г.

За период президентства бывшего руководителя Республики Узбекистан И.А. Каримова (с 1991 по 2016 гг.) двусторонние отношения между Москвой и Ташкентом характеризовались противоречивостью – то они находили единую «точку соприкосновения», то эти отношения «замораживалась». Исследователь Абдуллаев Е. в работе «Устойчивое неравновесие: отношения с Россией в политике Узбекистана» детально рассматривает динамику взаимоотношений двух стран в начале 2000-х годов, именуя их «приливами» и «отливами» узбекско-российских отношений[2].

Россия и Узбекистан являются военно-политическими союзниками, что удостоверяет подписанный 14 ноября 2005 года Договор о союзнических отношениях между Москвой и Ташкентом, в котором обе страны объявили, что акт агрессии против одного из государств будет рассматриваться как акт агрессии против обеих государств. С этого момента военно-политическое отношение стран вышло на новый уровень, Узбекистан и Россия передали друг другу право использования военных объектов, находящихся на их территории в целях сохранения мира и стабильности в регионе. Как отмечает генерал-майор А.А. Костюхин «это особенно было привлекательно для России, которая, как считают некоторые эксперты, сможет разместить на территории Узбекистана военную базу»[3].

Узбекистан обладает внушительным топливно-энергетическим природным ресурсом, а аграрная и сельскохозяйственная промышленность страны позволяет занимать ему играть особую роль не только в экономике стран СНГ, но и в мировой экономике:

Стоит отметить, что Республика Узбекистан занимает 11 место в мире по добыче природного газа; третье место в мире по экспорту природного газа; шестое место по производству хлопка; седьмое место в мире по запасам урана.

Как отмечает российский политолог Г.А. Рудов модель двустороннего сотрудничества России и Узбекистана на современном этапе сформировалась, хотя имеются определенные «упущения» и «недостатки». В целом взаимодействие стран характеризуется рядом особенностей:

Во-первых, Россия и Узбекистан по целом комплексу вопросов сотрудничают в двустороннем, региональном и международном формате, в том числе в плане укрепления своих позиций в диалоге с внешними силами (США и НАТО)[4];

Во-вторых, ключевое значение имеет двустороннее экономическое сотрудничество, приоритетом которого является взаимодействие сторон в нефтегазовой и топливно-энергетической отрасли;

В-третьих, кооперация России и Узбекистана в военно-промышленной области динамично расширяется, Москва и Ташкент могут на долгосрочной основе сотрудничать по вопросам урегулировании проблем Афганистана и формировании эффективной системы безопасности Центрально-азиатского региона[5].

Договорно-правовую базу экономического сотрудничества закрепляют более 200 соглашений в этой области, но фундаментальным документом, регулирующим торгово-экономическое сотрудничество является Соглашение о торговых отношениях от 13 ноября 1992 года.

---

[1] Договор об основах межгосудартсвенных отношений, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан от 30 мая 1992 г. // Бюллетень международных договоров. 1994. – № 9. – С. 19–25.

[2] Абдуллаев Е. Устойчивое неравновесие: отношения с Россией в политике Узбекистана // Россия и мусульманский мир. – М., 2005. – № 12. – С. 96–97.

[3] Костюхин А.А. К вопросу о военном сотрудничестве России с государствами Центральной Азии // Военная мысль. 2009. – № 4. – С. 22.

[4] Рудов Г.А. Россия – Узбекистан: сотрудничество в интересах мира и процветания // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. – М., 2012. – № 4 (267). – С. 36–37.

[5] Там же, с. 37.

Узбекистан является одним из основных торговых партнеров России в регионе. В настоящее время на территории Узбекистана функционируют две крупные российские компании «Газпром» и «Лукойл».

По итогам 2018 года на территории Узбекистана действуют 961 предприятий с вложением российского капитала, из них 810 предприятий – являются совместными, а 151 предприятий – полностью финансируются российской стороной.

Аристова Л.Б.,
Семенова Н.К.[1]

СОПРЯЖЕНИЕ ЭПШП И ЕАЭС: АНАЛИЗ ШАНСОВ, ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ГИПОТЕТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ[2]

Ключевые слова*: Экономический пояс Шелкового пути, евразийский экономический союз, сопряжение, перспективы, проблемы.*

Keywords*: Silk Road economic belt, Eurasian economic union, conjugation, prospects, problems.*

Китайская инициатива «Один пояс – один путь» не имеет исторических аналогов по размаху в геополитической, экономической, гуманитарной и других сферах, по планам международной кооперации. Проект охватывает обширный географический район, предварительно включающий 63 страны, на которые приходится 60 процентов населения мира и 30 процентов мирового ВВП[3]. Участие РФ в китайском проекте, в частности в его сухопутной части – Экономическом поясе Шелкового пути (ЭПШП) видится не только в двустороннем формате, но и через взаимодействие Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС) с ЭПШП[4]. ЕАЭС позиционирует себя как ядро континентальной интеграции[5] и, на наш взгляд, для этого уже есть основания. На сегодняшний день членами ЕАЭС являются пять государств: Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация[6]. В 2018 г. в качестве государства наблюдателя к организации присоединилась Республика Молдова[7]. Действуют соглашения о Зонах свободной торговли (ЗСТ) ЕАЭС с Вьетнамом (2016)[8], Ираном (2018)[9] и Сингапуром (2019)[10]. В 2018 г. подписано соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве ЕАЭС с КНР[11]. В формате меморандумов Евразийская экономическая комиссия[12] (ЕЭК) взаимодействует с правительствами более десятка стран – Чили, Перу, Монголия, Сингапур, Камбоджа, Греция, Марокко, Иордания, Фарерские острова, Молдавия, Куба, Бангладеш. Готовится к подписанию такой документ с Индонезией. ЕЭК также развивает сотрудничество с различными профильными международными структурами (заключено около 40 меморандумов о взаимодействии) и региональными интеграционными объединениями – АСЕАН, МЕРКОСУР, Андское сообщество. Обсуждается возможность формализации отношений с Тихоокеанским альянсом и Африканским союзом[13]. «В целом, заинтересованность налаживания сотрудничества с Евразийским экономическим союзом выразили порядка 50 государств», заявил глава Министерства иностранных дел России Сергей Лавров, выступая на «правительственном часе» в Государственной думе РФ[14]. За короткий срок ЕАЭС добился внушительных успехов в экономической интеграции.

---

[1] Аристова Людмила Борисовна – к.э.н., с.н.с. Отдела экономических исследований, Институт востоковедения РАН. E-mail: aristova3@gmail.com

Семенова Нелли Кимовна – к.э.н., с.н.с. Отдела экономических исследований, Институт востоковедения РАН.E-mail: semenovanelli-2011@mail.ru

[2] Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-014-00027А.

[3] García-Herrero A. China's belt and road initiative: can Europe expert trade gains? // Navigating the New Silk Road Expert Perspectives on China's Belt and Road Initiative. Oliver Wyman: 2017. – http://www.oliverwyman.com/content/dam/oliverwyman/v2/publications/2017/aug/Navigating_The_New_Silk_Road.pdf

[4] Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП: вызовы и перспективы. – https://ria.ru/20151111/1318910422.html

[5] Евразийский Экономический Союз (ЕАЭС) – международная организация региональной экономической интеграции, обладающая международной правосубъектностью и учреждённая Договором о Евразийском экономическом союзе. – http://www.eaeunion.org/#resources

[6] Евразийский Экономический Союз. – http://www.eaeunion.org/#resources

[7] Тигран Саркисян: «Мы должны идти навстречу друг другу, и каждый наш шаг должен быть выверенным и приносить пользу гражданам наших стран». – http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/3-04-2017-3.aspx; Молдавия получит статус страны-наблюдателя в ЕАЭС. – https://ria.ru/20170414/1492235482.html

[8] Зона свободной торговли ЕАЭС и Вьетнама: возможности, риски и планы. – https://ria.ru/20150529/1067199933.html; ФЗ РФ №120-ФЗ от 1 мая 2016 г. «О ратификации Соглашения о свободной торговле». – http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102396406&intelsearch=

[9] ЕАЭС и Иран начинают работу по зоне свободной торговли. https://ria.ru/20151223/1347717677.html (21.08.2019); ЕАЭС и Иран подписали временное соглашение о зоне свободной торговли. – https://ria.ru/20180517/1520730534.html

[10] ЕАЭС и Сингапур подписали соглашение о создании зоны свободной торговли. – https://ria.ru/20191001/1559323223.html

[11] ЕАЭС подписал с Китаем соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве. – https://www.interfax.ru/business/613058

[12] Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) – постоянно действующий наднациональный регулирующий орган Евразийского экономического союза (прим. Авт.)

[13] ЕАЭС и Таиланд развивают сотрудничество. – http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/25-06-2019-1.aspx

[14] Сергей Лавров: Порядка 50 стран хотят сотрудничать с ЕАЭС. – https://souzveche.ru/articles/politics/35309/

Соглашение о сопряжении ЕАЭС и ЭПШП было подписано между РФ и КНР в мае 2015 г. Согласно принятому проекту предполагается расширить торгово-инвестиционное сотрудничество, торговлю. Большое внимание будет уделено реализации инфраструктурных проектов, подготовке механизмов для увеличения объемов международной торговли, переходу на межгосударственные расчеты в национальной валюте.

Перспективным для расширения сотрудничества по сопряжению ЕАЭС и ЭПШП могут быть направления: привлечение инвестиций в развитие и модернизацию промышленных объектов, создание совместных промышленных предприятий, трансфер передовых технологий, формирование совместных производств и цифрового пространства в промышленности. Также взаимодействие ЭПШП и ЕАЭС может способствовать решению внутренних экономических проблем в становлении экономики российских регионов (Дальний Восток и Сибирь).

В рамках ЕАЭС и ЭПШП обсуждаются возможности финансирования приоритетных проектов (транспорт, энергетика) их технические параметры, финансы.

В транспортной сфере в рамках сопряжения с ЭПШП министрами транспорта государств-членов ЕАЭС уже одобрен предварительный перечень из 39 приоритетных инфраструктурных проектов. Армения предложила два проекта, Белоруссия – три, по 12 – от Киргизии и России и еще 10 – от Казахстана. При этом 20 проектов из списка относятся к сфере железнодорожного транспорта[1].

Предложения стран в целом направлены на налаживание сквозной логистики Китай – ЕАЭС – ЕС и сопутствующих маршрутов. Проекты дополняют основные транснациональные транспортные коридоры, которые проходят по территории Евразии: Западная Европа – Западный Китай, Север – Юг, Восток – Запад и Северный морской путь. В том числе предложения включают строительство новых дорог и модернизацию существующих, создание транспортно-логистических центров, развитие ключевых транспортных узлов[2].

В процессе реализации инфраструктурных проектов по сопряжению ЭПШП и ЕАЭС необходимо учитывать возможные трудности и риски, связанные с потенциальным несовпадением национальных интересов заинтересованных региональных и внешних акторов по следующим параметрам: структура интеграционных и торговых режимов, транспорт и логистика, маршруты транспортировки нефти и газа, архитектура безопасности.

Вызовы в реализации проекта сопряжения ЕАЭС и ЭПШП:

1. Конечной целью проекта сопряжения ЕАЭС и ЭПШП является создание т.н. «моста» между Азиатско-Тихоокеанским регионом и Европейским союзом (ЕС)[3]. Выстраивание отношений с последним существенно осложняют санкции по трудноразрешимому «украинскому вопросу»[4]. Диалог о гармонизации норм ЕАЭС и ЭПШП со стандартами ЕС, пределах их применения и конкретном механизме согласования позиций откладывается на долгосрочную перспективу.

2. Институциональные недоработки в ЕАЭС, а именно многие нормативные документы ЕАЭС часто имеют отсылки к национальным законодательствам стран-членов. При изменении внутренней ситуации, страны-участники могут менять правила игры без предупреждения. Пример этому – фактическое восстановление таможенного контроля на границах России с Казахстаном и Беларусью[5].

3. Ввиду молодости ЕАЭС и доминирования в нем межгосударственной[6], а не наднациональной составляющей, согласование интересов в нем происходит нерегулярно и в подавляющем большинстве случаев — только на высшем уровне[7]. В этой связи происходит торможение разработки Дорожной карты сопряжения ЕАЭС и ЭПШП.

4. Отсутствие Дорожной карты сопряжения ЕАЭС и ЭПШП и, как следствие, слабость координации между действиями стран-членов ЕАЭС в отношении сопряжения с ЭПШП, что приводит к доминированию проектов двустороннего формата.

5. Государства – члены ЕАЭС стараются сохранять контроль над такими сферами, как торговля услугами и инвестиции, что затрудняет переговоры о заключении прогрессивных соглашений о ЗСТ. Это порождает не только организационные трудности, но и разную степень готовности государств-членов принимать на себя согласованные обязательств по торговле услугами и инвестициям[8].

6. Формат ЕАЭС – Китай де-юре исключает из переговоров по сопряжению те страны Центральной Азии, которые сейчас не входят в ЕАЭС: Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Это ставит под сомнение создание единого региона Центральной Евразии, к чему сейчас стремится российское руководство[9].

---

[1] Успех сопряжения ЕАЭС и ЭПШП зависит от реализации совместных проектов в различных сферах экономики. – http://eurasianeconomic.org/news_ecco/2018/07/06/document4054.phtml

[2] Там же.

[3] Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить. – http://iz.ru/news/511884

[4] Девятков А.В. ЕАЭС между Европой и Китаем. – http://geo-politica.info/eaes-mezhdu-evropoy-i-kitaem.html

[5] Геоэкономика Евразии. Доклад / Астана клуб. 2015. – С. 10.

[6] Согласно положению о ЕАЭС, высший орган Союза — межгосударственный (Высший Евразийский экономический совет) // Договор о Евразийском экономическом союзе (с изменениями на 14 мая 2018 года) (редакция, действующая с 12 марта 2019 года). Ст.8, 10, 11. – http://docs.cntd.ru/document/420205962

[7] Скриба А.С. Сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути: интересы участников и вызовы реализации. – https://cyberleninka.ru/article/n/sopryazhenie-eaes-i-ekonomicheskogo-poyasa-shelkovogo-puti-interesy-uchastnikov-i-vyzovy-realizatsii

[8] Лаумулин М. Пределы и возможности евразийской интеграции. – http://eurasian-studies.org/archives/11916

[9] Скриба А.С. Сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути: интересы участников и вызовы реализации. – https://cyberleninka.ru/article/n/sopryazhenie-eaes-i-ekonomicheskogo-poyasa-shelkovogo-puti-interesy-uchastnikov-i-vyzovy-realizatsii

7. Перспективы создания ЗСТ между ЕАЭС и Китаем подразумевает открытие внутренних рынков ЕАЭС, что может отрицательно сказаться на местной промышленности вследствие неравной конкуренции товаров стран ЦА с китайскими.

8. Строительство инфраструктуры на евразийских пространствах требует больших объемов капиталовложений и отличается долгосрочностью. Риски заключаются в отсутствии контроля эффективности и прозрачности использования инвестиций и помощи, предоставленных КНР[1].

Несмотря на имеющиеся риски, по мнению многих экспертов, сопряжение ЭПШП и ЕАЭС является дипломатически, экономически, социально выгодным направлением взаимодействия всех участников, которые заинтересованы в длительных торгово-экономических отношениях.

Идея сопряжения ЕАЭС и ЭПШП имеет целью показать, что ни одно из обсуждаемых противоречий между Китаем, Россией и странами Центральной Азии «не является глубоким и антагонистическим», а поскольку все эти государства сталкиваются в регионе с общими внешними вызовами и схожими внутренними угрозами (религиозным экстремизмом, экологическими проблемами, дефицитом водных ресурсов, негативным воздействием политики внешних сил), их сотрудничество имеет большие перспективы[2]. С этим тезисом принципиально согласны и китайские исследователи[3].

[1] Геоэкономика Евразии. Доклад / Астана клуб. 2015. – С. 30.

[2] Караганов С.А. и др. К Великому океану-3: Создание Центральной Евразии. – М.: МДК «Валдай», 2015.

[3] Ван Ш., Вань Ц. Проекты «Экономический пояс Шелкового пути» и ЕАЭС: конкуренты или партнеры? // Обозреватель – Observer. – М., 2014. – № 10. – С. 56–68.

Бартош А.А.
к.в.н., доцент, член-корреспондент Академии военных наук России

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ГИБРИДНЫМ УГРОЗАМ В ЗОНЕ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

***Ключевые слова**: Большая Евразия, гибридная война, гибридные угрозы, хаос, интеграционные процессы.*
***Keywords**: Great Eurasia, hybrid war, hybrid threats, chaos, integration.*

Большая Евразия как новая парадигма евразийской интеграции

Хаотизация международных отношений и усиливающийся мировой беспорядок в период после распада СССР и завершения холодной войны приобрели новую угрожающую реальность в связи с обострением конкурентной борьбы между центрами силы.

В полной мере эти процессы проявляются в зоне Большой Евразии (БЕ) как новой парадигмы евразийской интеграции, требующей информационной и общественной поддержки как в России, так и в других заинтересованных странах. В противовес американскому гегемонизму евразийцы не стремятся навязать свои правила игры, не устраивают государственных переворотов и не используют террористов для решения своих геополитических проблем.

Международное сотрудничество в зоне Большой Евразии призвано способствовать формированию новой геостратегической общности – общеевразийского пространства развития, сотрудничества, мира и безопасности. Главная цель такого сотрудничества заключается в преодолении оставшихся от холодной войны расколов, предотвращении появления новых, в урегулировании разногласий и трений между участниками партнёрства.

На современном этапе локомотивом БЕ является своеобразный тандем «Китай-Россия», который создает основу для превращения Евразии в центр мировой экономики и политики. Важное место должно принадлежать Индии. В дальнейшем проект будет включать в себя как государства Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, так и, видимо, в растущей степени страны Европейского союза, настроенные на конструктивное сотрудничество.

Как сформировать единый вектор Большой Евразии

Следует отметить, что сотрудничество России и Китая в рамках проекта Большой Евразии лишь с большими допущениями соответствует понятию «тандем», поскольку каждая из стран по-разному видит смысл своего участия в проекте и преследует собственные, весьма прагматичные и нередко конкурирующие цели. Основная часть работы по выработке согласованного понимания смысла и целей проекта, определяющего будущее человечества, еще впереди.

Сегодня развитию проекта БЕ мешает атмосфера взаимного недоверия и неопределенности, что не может не оказывать существенного, а иногда решающего влияния на процессы интеграции.

Китай, например, делает упор на развитие сотрудничества с так называемыми «странами одной судьбы», являющимися потребителями китайских инвестиций, которые они обязуются использовать на условиях инвестора. Таких государств 64, среди них Италия, Греция, Венесуэла, Джибути и другие. Россия в их число не входит. Активно развиваются морская и сухопутная составляющие проекта «Один пояс – один путь», при этом доля России в китайских инвестициях на развитие сухопутной составляющей транспортной системы проекта сведена к минимуму.

Вместе с тем, важная роль в связях между Россией и Китаем отводится энергопоставкам: за истекшее десятилетие импорт электроэнергии из России в Китай вырос в 10 раз, а по поставкам газа Пекину Россия на 8 месте, наращиваются возможности по поставкам из России сжиженного природного газа, что вызывает ожесточенное противодействие США. Весьма перспективным представляется сотрудничество России и Китая в авиастроении и космосе.

США рассматривают участие в проекте БЕ России, Китая и некоторых других государств как угрозу своей национальной безопасности и благополучию Запада. При этом исходящая от РФ угроза рассматривается в краткосрочной перспективе, а КНР — в долгосрочной. Одновременно Вашингтон прилагает усилия с целью не допустить расширения связей между Индией и государствами-лидерами БЕ. Отсюда вытекает и комплекс мер по противодействию развитию проекта со стороны США и их союзников.

Важными инструментами стратегии противодействия проекту БЕ выступают гибридные войны и цветные революции, включающие в себя широкий спектр технологий управляемого хаоса, воздействующих на политико-административную, социально-экономическую и культурно-мировоззренческую сферы отдельных государств и их коалиций в ареале БЕ. При этом в арсенале политических субъектов сохраняются и совершенствуются как военные, так и невоенные способы воздействия на противника.

Расширение сфер противоборства в конфликтах современности привело к смещению противостояния в сторону комплексного применения политических, экономических, информационных и других невоенных мер, реализуемых с опорой на военную силу.

При этом к числу важных факторов, требующих всестороннего учета при разработке стратегии устойчивого развития проекта БЕ, следует отнести возрастание масштабов транснационализации субъектов международного права; развитие процессов гибридизации международных акторов; расслоение ресурсного потенциала государств; снижение возможностей организаций, призванных обеспечивать международную безопасность, по предупреждению и разрешению конфликтов; возрастающую хаотизацию международных отношений, спровоцированную незаконным применением силы Вашингтоном, а также инспирированными американцами или их союзниками государственными переворотами в ряде стран мира; активизацию военных приготовлений НАТО с четкой их ориентацией против России, наличие у альянса широкой сети партнерских программ и проектов, охватывающей ключевые регионы мира; и, наконец, в целом плохо предсказуемую динамику процесса гибридизации (и хаотизации) мировой политики.

Перечисленные и некоторые другие факторы оказывают дестабилизирующее влияние на процессы интеграции в БЕ и требуют системного изучения в рамках модели обеспечения безопасности и устойчивого развития региона.

Защитную оболочку для устойчивого развития процессов интеграции призвана создать система обеспечения региональной безопасности в зоне БЕ, основу которой составит комплекс мер по противодействию гибридным войнам, гибридным угрозам и цветным революциям.

При разработке стратегии обеспечения безопасности, стабильности и устойчивого развития проекта Большой Евразии следует учесть действие ряда факторов, среди которых:

– разрушение послевоенной системы мироустройства, основу которой составляли соглашения великих держав, принятые в Ялте и Потсдаме;

– уход в прошлое биполярной системы на фоне стремления США и консолидированного Запада к мировому доминированию;

– появление нескольких центров силы, отношения между которыми характеризуются высокой степенью глобальной конкурентности великих держав и их коалиций. США и НАТО стремятся перехватить у ООН и ОБСЕ стратегическую инициативу в сфере урегулирования конфликтов, что приводит к своеобразной гибридизации мировой политики и международных организаций за счет присвоения Вашингтоном и его союзниками широкого спектра разнообразных новых функций;

– существующие сегодня концепции, доктрины и инструменты международного взаимодействия ориентированы в первую очередь на традиционные формы конфликтов, построенные на столкновении интересов наций-государств, они рассматривают процесс разрешения конфликтов как результат взаимодействия международных институтов. Однако реальная способность международных институтов разрешать множащиеся конфликты все чаще ставится под сомнение. Ослабление авторитета организаций обеспечения международной безопасности, прежде всего ООН и ОБСЕ, а также Африканского союза, Лиги арабских государств, организаций обеспечения региональной безопасности в Латинской Америке приводит к неконтролируемому использованию военной силы в вооруженных конфликтах. Назревшей является необходимость адаптации существующих международных организаций к политическим реалиям современности;

– трансформация конфликтов современности, чему способствует изменение соотношения между силовыми и несиловыми способами межгосударственного противостояния, разработка и применение стратегий гибридных войн, гибридных угроз и технологий цветных революций;

– появление новых разрушительных высокоточных систем оружия, перенос противостояния в киберпространство и космос, развитие искусственного интеллекта;

– расширение сфер противоборства в современных конфликтах приводит к смещению противостояния в сторону комплексного применения политических, экономических, информационных и других невоенных мер, реализуемых с опорой на военную силу.

При этом к числу важных факторов, обусловливающих специфику стратегий, направленных на подрыв проекта БЕ, следует отнести:

– возрастание масштабов транснационализации субъектов международного права, которые активно действуют за пределами национальных границ одного государства или целого региона;

– процесс гибридизации международных акторов, а также переплетение их функций. В результате становится невозможно жестко разделить международные субъекты на государственные и негосударственные, а также четко определить специфику их функций. Так, в конфликтных регионах сегодня наблюдается масштабное вовлечение в военные операции и в операции по обеспечению безопасности частных военных компаний. Важными негосударственными акторами в конфликтах современности стали сетевые структуры международного терроризма и организованная преступность;

– расслоение ресурсного потенциала государств. В конфликтах современности наряду с самостоятельным военно-политическим ресурсом (силой и мощью вооруженных сил, системой военно-политических союзов) все более существенное место занимают различные виды экономического ресурса (производственный, энергетический, финансовый), научный и образовательный ресурсы, культурный и т.п., сочетание которых обусловливает баланс жесткой и мягкой силы государства;

– снижение возможностей организаций, призванных обеспечивать международную безопасность, по предупреждению и разрешению конфликтов. Этому во многом способствуют действия США по применению силы вопреки существующим нормам и правилам, создание американской стратегической системы противоракетной обороны и т.п.;

– возрастающую хаотизацию международных отношений, спровоцированную незаконным применением силы Вашингтоном, а также инспирированными американцами или их союзниками государственными переворотами в ряде стран мира;

– активизацию военных приготовлений НАТО с четкой их ориентацией против России, наличие у альянса широкой сети партнерских программ и проектов, охватывающей ключевые регионы мира;

– и, наконец, непредсказуемую динамику процесса гибридизации (и хаотизации) мировой политики, иррациональный характер некоторым процессам в сфере международной безопасности придает появление на политической арене ярких и трудно прогнозируемых политиков, способных принимать неожиданные, нередко, иррациональные с точки зрения формальной логики решения и действия.

Важным фактором трансформации современной системы обеспечения международной и региональной безопасности стало появление концептов гибридных войн и гибридных угроз, что само по себе представляет вызов международному сообществу и настоятельно требует выработки совместных мер противостояния.

Острота вызова связана с тем, что гибридная война после окончания холодной войны превратилась в новую форму межгосударственного противоборства, стала инструментом стратегического неядерного сдерживания.

Смысл и цели современных конфликтов находят адекватное отражение в стратегиях сокрушения и измора, на которых строятся стратегии и тактики цветной революции и гибридной войны.

Стратегия сокрушения в цветной революции предусматривает использование непрямых, несиловых действий, включающих систему политических, социально-экономических, информационно-идеологических и психологических мер воздействия на население страны, личный состав правоохранительных органов и вооруженных сил с целью подрыва власти.

В основе стратегии лежат несиловые технологии организации государственных переворотов в сжатые сроки за счет провоцирования акций массового гражданского неповиновения с целью свержения правительства и перевода страны под внешнее управление. Временные рамки цветной революции охватывают несколько недель.

Стратегия измора в гибридной войне нацелена на изнурение государства-жертвы, она реализуется за счет проведения по единому замыслу и плану операций по хаотизации и разрушению экономики, сферы военной безопасности, культурно-мировоззренческой сферы, осуществления кибератак. Для нанесения поражения противнику используются военные иррегулярные формирования, частные военные компании и силы специальных операций. На определенном этапе войны могут привлекаться вооруженные силы страны-агрессора. Временные рамки гибридной войны охватывают годы.

Стратегия гибридной войны преследует решительную цель: истощение, изоляцию и развал государства противника путем нанесения ему поражения на всех фронтах – идеологическом, экономическом, военном, дипломатическом. Цель стратегии цветной революции относительно менее масштабна – организация государственного переворота.

Сочетание стратегий сокрушения и измора при организации цветных революций и гибридных войн формирует своеобразный разрушительный тандем, который целенаправленно используется для подрыва фундаментальных основ существующего миропорядка, дестабилизации отдельных стран с целью добиться их капитуляции и подчинения стране-агрессору. Общей для стратегий конфликтов обоих типов является нацеленность на ослабление и развал государства с целью его перевода под внешнее управление.

Важное место в стратегии каждого конфликта отводится комплексному применению информационно-коммуникационных технологий и способов воздействия на сознание людей. Наряду с широким классом информационно-технических объектов противника, важными объектами информационно-психологического воздействия в ходе гибридной войны являются государственное и военное руководство, военнослужащие и население страны.

Стратегия информационной войны применительно к цветной революции представляет собой частный вид стратегии непрямых действий и включает систему политических, социально-экономических, информационно-идеологических и психологических мер воздействия на сознание населения страны, личного состава правоохранительных органов и вооруженных сил с целью подрыва власти за счет провоцирования акций массового гражданского неповиновения, последующего свержения правительства и перевода страны под внешнее управление.

Важной составляющей операций информационной войны является умелое использование технологий «мягкой силы» в каждой из сфер управления деятельностью государства: административно-политической, социально-экономической и культурно-мировоззренческой.

Публичная дипломатия представляет собой одну из составляющих «мягкой» силы как феномена государственной политики по взаимодействию с обществами других стран и реализуется в сфере внешнеполитической деятельности государства-субъекта с целью продвижения национальных интересов. «Мягкая сила» призвана побуждать других хотеть результатов, которые хотел бы получить источник «мягкой силы», и достигается это за счет привлечения и взаимопонимания. Механизмы публичной дипломатии используют ряд правительственных и неправительственных ведомств, которые разрабатывают и реализуют существующие программы публичной дипломатии в зарубежных странах.

Несовершенство норм современного международного права, касающихся законов и обычаев войны применительно к современным конфликтам, является одним из главных факторов, препятствующих консолидации усилий мирового сообщества по выработке совместных мер противодействия цветным революциям и гибридным войнам. Вне сферы воздействия организаций обеспечения международной безопасности остаётся мощный спектр подрывных технологий, создающих основу для стратегий гибридной войны и цветной революции.

Адекватным ответом на широкий спектр угроз и вызовов безопасности является создание мощной и всеобъемлющей сети, концептуально заменяющей ранее существовавшие модели и концепции дипломатии. В проекте Большой

Евразии концепция «сетевой дипломатии» должна опираться на гибкие формы участия в многосторонних структурах в целях эффективного поиска решений общих задач. Концепция отражает новые формы и способы руководства деятельностью внешнеполитических ведомств государств или коалиции государств в XXI веке с использованием интегрированного в рамках ареала БЕ информационного пространства (информационного поля), формируемого в масштабе времени, близком к реальному.

Сетевая дипломатия является реакцией на растущую хаотизацию в международных отношениях, на снижение качества управляемости политическими и экономическими процессами на глобальном и региональном уровнях, т.е., по сути, является деятельностью по преодолению кризиса. Перед растущей угрозой гибридных войн и цветных революций вполне логичным выглядит стремление многих стран отказаться от системы иерархических взаимоотношений и искать решение проблем безопасности на основе взаимных уступок и объединения усилий. Именно такую стратегию выбрали Россия, её союзники и партнеры по ОДКБ, СНГ, ШОС и БРИКС.

Понятие «гибридность» отражает существенные изменения характера современных военных конфликтов, которые являются многосферными и ведутся как в уже привычных средах на суше, в море и воздухе, так и в новых сферах – космической и кибернетической.

Важной характеристикой современных войн является многомерность, которая формируется за счет сочетания информационного, военного, финансового, экономического и дипломатического воздействия на противника в реальном времени. Свойством многомерности в полной мере обладают гибридные военные конфликты, в которых участвуют вооруженные формирования негосударственных субъектов, – международный терроризм, частные военные компании с размытой национальной и идеологической принадлежностью. В гибридной войне по-иному проявляют себя факторы трения и износа войны, что требует учета при разработке стратегий современных конфликтов.

Гибридная война (ГВ) представляет собой интегратор военных и невоенных форм, средств, методов и технологий борьбы, используемых в современных многомерных конфликтах для получения политических, экономических, военных, информационно-психологических преимуществ действий в период, который невозможно в чистом виде отнести ни к войне, ни к миру.

ГВ следует рассматривать как новый вид межгосударственного противостояния, основанного на использовании комбинации обычных, нерегулярных и ассиметричных средств в сочетании с постоянными манипуляциями политическим и идеологическим конфликтом.

Особенности гибридной войны:

– гибридная война не объявляется. Государство-агрессор в течение определенного времени не раскрывает себя, не проводит масштабных мобилизационных мероприятий, стремится вести войну чужими руками, использует наемников, частные военные компании, активизирует действия внутренних иррегулярных формирований, «пятой» колонны и агентов влияния;

– нет сторон конфликта, которые в традиционной войне являются носителями конфликта, в то время как в международно-правовых документах считается, что конфликт как фаза противоречия возможен лишь тогда, когда его стороны представлены субъектами. Где субъекта нет – не может быть конфликта. Размытыми и зыбкими являются линии разграничения между войной и миром, внутренними и внешними угрозами национальной безопасности, государственным переворотом и революцией, дозволенными и недозволенными формами борьбы, между защитниками и разрушителями международного права;

– ГВ не имеет фронта и тыла и охватывает всю территорию государства-мишени. Военные действия в течение длительного времени могут не проводиться;

– формально отсутствует единый руководящий центр ГВ. Планы действий по дестабилизации административно-политической, социально-экономической и культурно-мировоззренческой сфер предусматривают создание на территории противника распределенных сетевых структур с высокой степенью самостоятельности и способностью к самосинхронизации. Заранее отрабатываются каналы их обеспечения – финансового, материально-технического, информационного, кадрового. Создаются склады оружия, боеприпасов, средств связи, подбираются места для подготовки боевиков;

– для стратегии гибридной войны характерен отход от стремления физически сокрушить противника и оккупировать его территорию. Государство-агрессор воздерживается от массированного военно-силового воздействия на противника и прибегает к гибкому сочетанию экономических, информационно-психологических, дипломатических, кибернетических и других воздействий;

– информационная среда и киберпространство являются важнейшими средами, в которых разворачиваются операции гибридной войны;

– в ГВ используются катализаторы-ускорители подрывных процессов. В таком качестве выступают дипломатические демарши, экономические санкции, информационные «вбросы», успешные действия иррегулярных сил против важных объектов, масштабные террористические акты и диверсии сил специальных операций против управления и связи.

Мощным катализатором является «цветная революция», организованная на критически важном переломном этапе гибридной войны с целью ускорения процесса лавинообразной дестабилизации государства;

– использование регулярных вооруженных сил осуществляется на заключительных этапах ГВ под предлогом «гуманитарной интервенции», проведения операции по принуждению к миру. Получение мандата ООН для таких действий считается желательным, но не обязательным.

ГВ представляет собой новую форму межгосударственного противостояния для сторон которого характерно иное по сравнению с традиционным военным конфликтом соотношение военных и невоенных способов действий.

К невоенным средствам насилия в ГВ следует отнести традиционную и публичную дипломатию, правовые, экономические, идеолого-психологические, информационные, гуманитарные, экологические, разведывательные, технологические и некоторые другие инструменты воздействия. Правильно выбранная стратегия позволяет достичь кумулятивного, системного эффекта от применения совокупности таких средств.

Важную роль приобретают стратегические психологические мероприятия, направленные на достижение целей обеспечения поддержки и сотрудничества дружественных и нейтральных стран, а также ослабление воли к ведению войны и потенциала враждебных или потенциально враждебных стран.

Таким образом, действия агрессора в ГВ не укладываются в определение агрессии, которым на сегодняшний день располагает международное сообщество: «Агрессией является применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства, или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций, как это установлено в настоящем определении» (резолюция 3314 Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 года).

В ГВ к открытому применению силы нередко переходят лишь на этапе завершения конфликта, используя в этих целях существующую нормативно-правовую базу миротворческой деятельности и операций по кризисному урегулированию.

Гибридные угрозы (ГУ) представляют собой инструменты гибридной войны, используемые для нанесения ущерба государству или коалиции государств без прямого использования военной силы или с ограниченным ее использованием. ГУ в отличие от других видов угроз имеют рукотворный характер и целенаправленно используются против уязвимых мест государства-жертвы агрессии. Источником гибридных угроз являются государства, правительственные и неправительственные организации, осуществляющие подрывные действия против страны-мишени. Стратегическими объектами гибридных угроз являются административно-политическая, финансово-экономическая, культурно-мировоззренческая, военная и экологическая сферы, киберпространство.

Традиционно угроза понимается как признак непосредственной опасности нанесения ущерба неточно определенного содержания или тяжести, возможности которой точно не установлены.

Гибридная угроза — это комбинация военных и невоенных средств агрессии, сочетание скрытых и открытых операций, в ходе которых одновременно адаптивно используются традиционные и нетрадиционные средства для достижения собственных целей.

ГУ построены на использовании главным образом субъективных факторов и представляют собой комбинацию военно-силовых методов с дипломатическими, экономическими, информационными, экологическим способами воздействия на противника и применением кибероружия.

С учетом особенностей гибридных угроз статью 3 Резолюции ООН 3314 целесообразно дополнить рядом положений, в том числе:

– дать международно-правовое определение термина «агрессия в кибернетической сфере» – предумышленные действия, направленные против критически важных объектов другого государства и повлекшие за собой человеческие жертвы, разрушения, нанесение экономического ущерба;

– дать определение «агрессия в информационной сфере» – использование информационно-коммуникационных технологий в подрывных действиях, направленных на свержение законных властных структур, дестабилизацию внутренней и международной обстановки, развязывание и эскалацию вооруженных конфликтов;

– о праве государства на самооборону в случае предпринятой против него агрессии в кибернетической сфере.

Угрожающую реальность приобретает агрессия в экологической сфере, что требует изменения многих международно-политических и правовых норм. Экологическая агрессия воздействует на различные системы, функции формирования и развития человека, а основными мишенями воздействия агрессивных факторов среды являются генетический аппарат, репродуктивная функция и иммунная система.

К гибридным угрозам государству в экологической сфере следует отнести возможность трансграничного переноса вредных веществ, глобального изменения климата, включая способы целенаправленного воздействия на атмосферу с целью вызвать засуху, наводнения, лесные пожары, разрушение озонового экрана, размещения токсичных и радиоактивных отходов на территории отдельного государства и ряд других угроз. Если последнее осуществляется более сильным государством без надлежащего согласования и последующей компенсации, можно говорить об осуществлении экологической агрессии одной страны против другой.

К последствиям агрессии в экологической сфере относятся нарастающая нехватка продовольствия и питьевой воды в мире, рост заболеваемости населения в городах, возникновение новых болезней, экологическая миграция населения, возникновение локальных экологических конфликтов из-за создания экологически опасных в глазах населения предприятий, экологическая агрессия – вывоз токсичных технологических процессов и отходов в другие страны и т.д. При целенаправленном воздействии на экологическую среду, например, в весьма уязвимых районах Арктики и Крайнего Севера последствия применения экологического оружия становятся очевидными спустя продолжительное время после начала атаки.

Использование термина «гибридная война» часто носит сильную негативную политическую окраску, что позволяет США и НАТО обвинять своих противников в применении различных незаконных грязных форм и способов борьбы для достижения собственных целей. При этом именно в США зародилась и получает системное развитие кон-

цепция гибридной войны и гибридных угроз. Этому вопросу посвящены работы американской корпорации РЭНД, Центров передового опыта НАТО и отдельных крупных специалистов[1].

Так, в условиях нарастающей долгосрочной стратегической конкуренции с Россией исследователи РЭНД в апреле 2019 г. предприняли попытку систематизировать способы эскалации воздействий на Москву с целью добиться перенапряжения и чрезмерного рассредоточения сил нашего государства. В документе «Слишком большая и несбалансированная Россия» разработаны рекомендации как чрезмерно растянуть и разбалансировать российскую экономику и вооруженные силы за счет применения гибридных способов воздействия в экономической, геополитической, идеологической, информационной и военной сферах, приведены варианты действий? и дана оценка их с точки зрения преимуществ, а также рисков и издержек[2].

Надо сказать, что многие положения исследования были успешно реализованы нашими противниками еще на этапах ослабления советской экономики и последующего развала СССР, что требует самого внимательного изучения идей авторов РЭНД.

Ситуации неопределенности и своеобразного тумана вокруг ГВ во многом способствует то, что понятийный аппарат этого вида конфликта, включая гибридные угрозы, на уровне важных организаций обеспечения международной безопасности, прежде всего ООН и ОБСЕ, не разработан. Соответственно отсутствует и международная нормативно-правовая база, определяющая гибридную войну и гибридные угрозы как вид агрессии и инструменты агрессии. Нет критериев, позволяющих определить субъект и объект гибридной агрессии.

Воздействие государства-агрессора на противника в ходе ГВ предусматривает проведение комплекса подрывных операций различной степени скрытности. Например, практически невозможно скрыть использование экономических санкций и проведение ряда информационных операций. Осуществляется целенаправленное информационно-психологическое воздействия на население страны-мишени с привлечением дипломатов, разведывательных служб, внутренних экстремистских и националистических организаций, псевдорелигиозных структур, направленные на разжигание межнациональной розни, дестабилизацию и раскол государства. Наибольшую степень скрытности имеют операции в киберсреде.

Обороняющаяся сторона при прогнозировании угроз не в состоянии точно определить их содержание или тяжесть наносимого ущерба. В результате планирование действий и необходимых ресурсов для парирования ГУ связано с рядом неопределенностей.

Создание подобных неопределенностей является важным свойством гибридных угроз, использование которых основывается на способности противников – государств и негосударственных субъектов использовать сочетание различных стратегий, технологий и возможностей для получения асимметричных преимуществ.

Определяющее место в стратегии ГВ занимает искусство синхронизации ГУ, направленных на уязвимость государства в административно-политической, финансово-экономической и культурно-мировоззренческой сферах. Суть синхронизации ГУ заключается в выборе оптимальных вариантов сочетания их видов, интенсивности, последовательности, времени и места реализации в соответствии со стратегией ГВ (рис. 1).

В административно-политической сфере ГУ в широком смысле представляют собой подрывные действия по расшатыванию системы управления отдельных государств и их коалиций путем дискредитации политических лидеров и выдвигаемых концепций интеграции (на стратегическом уровне), а также региональных и местных властей, организации манипулируемых протестных выступлений против проводимых преобразований, нанесения ущерба политическому имиджу государств и их коалиций на международном уровне и др.

Особое внимание в этой сфере уделяется ослаблению оборонных возможностей ведущих государств путем проведения целенаправленных мероприятий против военно-промышленного комплекса, по обвинению властей в чрезмерных военных расходах, созданию противоречий между производителями и заказчиками военной продукции в стране и за рубежом, снижению престижа военной службы и др.

В узком смысле ГУ применительно к военной части административно-политической сферы фактически нацелены на достижение односторонних преимуществ путем введения противника в заблуждение, в том числе при сборе, обработке и использовании разведывательных данных. В этом контексте деятельность разведки и контрразведки должна рассматриваться как составная часть ГУ. Серьезную опасность представляют также угрозы, направленные на нарушение устойчивости функционирования объектов критической инфраструктуры страны и систем управления государством и вооруженными силами путем кибернетического воздействия на уязвимости.

В финансово-экономическую сферу ГУ включают незаконные экономические санкции, подрыв конкурентных возможностей продукции страны на зарубежных рынках, дезорганизацию банковской системы проведением кибернетических атак, создание препятствий в работе банков, формирование протестных настроений путем манипуляции социально-экономическими данными и многие другие подрывные мероприятия.

В культурно-мировоззренческой сфере ключевое место отводится ГУ, связанным с ведением информационной войны в целях достижения различных политических целей. В этом контексте следует отметить использование СМИ для распространения ложной информации, Интернет-троллинга против знаковых фигур в политике, бизнес-сообществе и культурной жизни. Применительно к России сюда следует отнести, например, нарастающие попытки подрыва позиций русского языка в России и мире, беспрецедентную кампанию по расколу православия как важной состав-

[1] См. например: Hoffman F.G. Conflict in the 21-st century: The rise of hybrid wars. – Arlington: Potomac Institute for policy studies, 2007. – 72 p; Mattis J.N., Hoffman F.G. Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars // US Naval Institute Proceedings Magazine. 2005. – Vol. 132, November. – P. 18-19. – http://milnewstbay.pbworks.com/f/MattisFourBlockWarUSNINov2005.pdf

[2] Overextending and Unbalancing Russia. – https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RB10014.html

ляющей обеспечения духовного единства русского, украинского и белорусского народов. Геополитические противники России все чаще использует ГУ в культурно-мировоззренческой сфере для реализации своих интересов в мире, разжигания разного рода конфликтов, которые в последующем становятся источником войн, вооруженного экстремизма и международного терроризма. В целом реализация ГУ в рамках стратегии информационной войны становится ключевой составляющей технологии «управляемого хаоса» в культурно-мировоззренческой сфере.

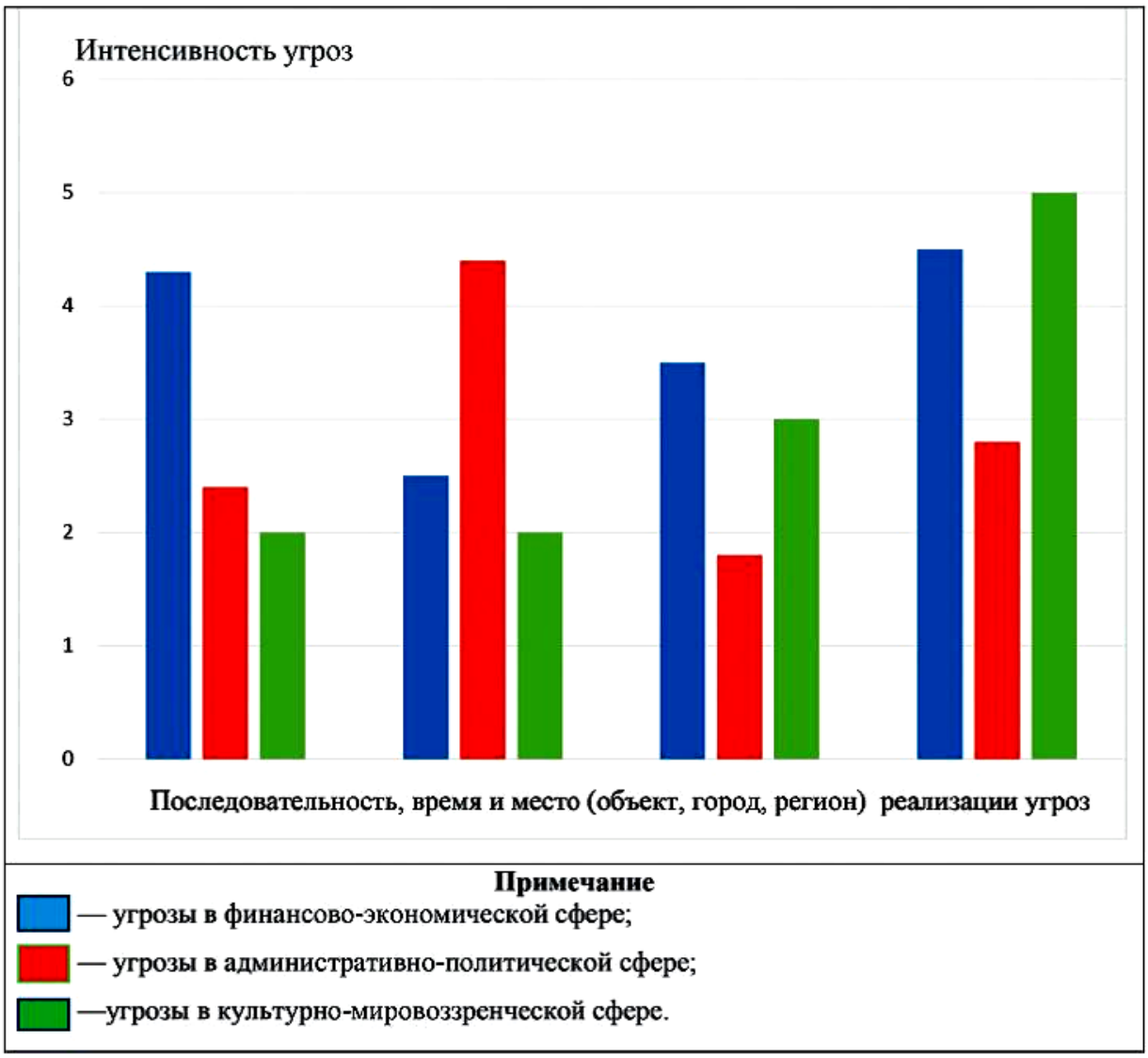


Рисунок 1.
Синхронизация гибридных угроз

Вопросы теории и практики ГВ и ГУ в течение длительного времени изучаются в США, НАТО и ЕС. Так, взгляды военной элиты США по данной тематике впервые получили отражение в статье генерала Джеймса Н. Меттиса (с 20 января 2017 по 1 января 2019 года – министр обороны США) и полковника Фрэнка Хоффмана, опубликованной в 2005 году.

В России вопросам гибридной войны посвящены работы А.А. Кокошина, А.В. Манойло, А.А. Бартоша и некоторых других авторов, по мнению которых сочетание угроз, рисков и неопределенностей формирует серьёзный вызов безопасности, а влияние факторов неопределенности превращает задачу оценки гибридных угроз в своеобразный синтез искусства и науки с преобладанием качественных оценок над количественными. В связи с этим международные и национальные оценки гибридных угроз должны разрабатываться с участием широкого круга специалистов–гуманитариев, юристов, экономистов, военных, культурологов, регионоведов и других[1].

Для организации противодействия в международном масштабе весьма существенным является консенсус в вопросе, какие действия должны считаться агрессией, например, в ходе возможного кибернападения, определения его источника и законных мер противодействия. Или как соотносятся вопросы обеспечения энергобезопасности с правом

[1] Кокошин А.А. Вопросы прикладной теории войны. – М.: НИУ ВШЭ, 2018. – 227 с.; Манойло А.В. Информационные войны и психологические операции: руководство к действию. – М.: Горячая линия-Телеком, 2018. – 496 с.; Бартош А.А. Туман гибридной войны: неопределенности и риски конфликтов XXI. – М.: Горячая линия – Телеком, 2019. – 364 с.; Он же..Конфликты XXI века. Гибридная война и цветная революция. – М.: Горячая линия – Телеком, 2019. – 274 с.; Он же. НАТО в современной мировой политике. – М.: Горячая линия-Телеком, 2019. – 364 с.

суверенного государства распоряжаться принадлежащими ему природными ресурсами. Требуется тщательное изучение угроз в экологической сфере.

С учетом многомерности гибридного военного конфликта для успешного противостояния в гибридных войнах следует объединить усилия правительств, военных, сил охраны правопорядка и разведок государств в зоне Большой Евразии в рамках всеобъемлющей межведомственной, межправительственной и международной стратегии. В рамках противодействия использовать меры политического, экономического, военного и информационно-психологического воздействия

В деле противостояния гибридным угрозам для государств Большой Евразии серьезным партнером является ОБСЕ. В этом контексте обращает на себя внимание решение Совета министров государств-членов Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в декабре 2016 года развернуть структурный диалог по поиску новых подходов к обеспечению кооперативной безопасности в Европе. Диалог охватывает комплекс вызовов и угроз современности, включая контроль над вооружениями, меры по укреплению доверия и безопасности, а также общие политико-военные вопросы.

Важное место в деятельности ОБСЕ отводится политико-военным аспектам безопасности. При этом некоторые государства-члены ОБСЕ высказали пожелание провести углубленное изучение проблематики гибридных войн и гибридных угроз, которые в существенной степени определяют многие современные тенденции в развитии мира и войны.

С этой целью в Вене 19–20 сентября 2018 года состоялась панельная дискуссия по теме «Понимание гибридных угроз и их влияние на пространстве ОБСЕ». Эта тема выносилась на обсуждение впервые. Приглашенные эксперты из стран-участниц организации (России, Италии, Норвегии и Голландии) в присутствии около 200 дипломатов и военных государств-членов ОБСЕ изложили свое видение гибридных угроз, их возможных объектов, источников и стратегий применения. Дискуссия продемонстрировала достаточно широкий разброс представлений о том, что такое гибридная война и гибридные угрозы.

Вместе с тем не вызывает сомнения наличие консенсуса по вопросу о необходимости создания действенной международной правовой базы по проблеме гибридных войн и угроз и поиску путей сотрудничества по противостоянию конфликтам XXI века.

Выводы

Современная ситуация в зоне БЕ и в мире в целом продолжает находиться в фазе высокой турбулентности. Мир стал экономически и политически многополярным. Появление новых угроз, получивших объединяющее название «гибридных», усиливает опасную неопределённость в отношениях между государствами и их объединениями. Испытаниям подвергается международное право и авторитет международных организаций. Множатся региональные конфликты, чему способствует опасная тенденция смотреть на регионы мира сквозь призму геополитической конкуренции как на «игру с нулевым результатом».

Государства вынуждены противостоять внешним и транснациональным угрозам, многие из которых имеют рукотворный характер. Значительная часть гибридных угроз зарождаются в зоне БЕ, где существуют пространства, лишенные всякой государственности и превратившиеся в территории, где хозяйничают различного рода террористические группировки. Всё это требует консолидации усилий на подлинно коллективной основе. Однако односторонние санкции, попытки демонизации политических деятелей и целых государств, навязывание образа врага еще больше углубляют конфронтацию.

В результате практически прекращено системное сотрудничество в зонах общих интересов, из-за этого простаивает важный ресурс БЕ, способный служить для укрепления доверия и безопасности.

Сегодня на первое место в зоне БЕ выходят задачи борьбы с идеологией террора и феноменом иностранных террористов-боевиков. С терроризмом тесно связана проблема наркотрафика, доходы от которого идут на финансирование терактов. Серьезным общим вызовом является проблема миграции.

На стратегию и тактики применения гибридных угроз в зоне БЕ влияют следующие факторы:

– пространственный фактор связан с обширной территорией Евразии, что позволяет использовать различные по характеру угрозы одновременно или последовательно в различных районах. Такая особенность осложняет задачу противодействия и распыляет силы обороняющейся стороны;

– государства, расположенные на территории БЕ, принадлежат к разным цивилизациям, имеют ряд существенных национальных, религиозных, культурно-мировоззренческих различий, что позволяет прогнозировать применение в пределах БЕ широкого спектра гибридных угроз;

– на территории БЕ действуют несколько организаций обеспечения международной и региональной безопасности, взаимодействие между которыми пока не налажено (это ООН, ОБСЕ, ОДКБ, по ряду функций к ним тесно примыкают ШОС и СНГ);

– нормативно-правовая основа государств БЕ, на основе которой планируется и осуществляется противодействие угрозам, существенно различается. Одной из первоочередных задач является выработка согласованных подходов к оценке угроз и способов противодействия им на коллективной основе. При этом наращивание гибридных угроз грозит сделать конфронтацию необратимой.

Взаимовлияние и взаимозависимость внешних и транснациональных гибридных угроз требует комплексного рассмотрения возможностей совершенствования имеющихся и создания новых механизмов в зоне БЕ, способствующих установлению контактов, донесению информации, проведению консультаций, разработке средств профилактики возникновения гибридных угроз не только на пространстве БЕ. Здесь следует иметь в виду, что влияние внерегио-

нальных факторов на состояние безопасности в зоне БЕ будет только возрастать, что настоятельно требует интеграции усилий по противостоянию гибридным угрозам за счет координации работы ведущих государств региона с привлечением потенциала ООН, ОДКБ, ШОС и ОБСЕ.

Белоусов С.Н.
заместитель Торгового представителя Российской Федерации в Киргизской Республике
sergbsn@yandex.ru

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РЕГИОНОВ РОССИИ В РАМКАХ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

Ключевые слова: *внешняя торговля, экспорт, субъекты Российской Федерации, регионы, межрегиональное торгово-экономическое сотрудничество, межрегиональные конференции и форумы, межправительственные комиссии, международные соглашения на региональном уровне, поддержка экспорта.*

В современный период внешнеторговая деятельность России характеризуется всё более активным участием субъектов Федерации (российских регионов) в осуществлении международных и внешнеэкономических связей. Без преувеличения можно сказать, что без участия регионов не представляется возможным решение внешнеэкономических задач Российской Федерации в том числе, по сопряжению подходов к развитию Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и китайской концепции «Один пояс, один путь» с перспективой формирования Большого евразийского партнерства.

Внешняя торговля Российской Федерации последнего десятилетия (2008–2018 гг.) сильно подвержена влиянию внешних шоков: спад мировой торговли (глобальный рост мировой торговли по итогам 2018 года замедлился на 3,2%), сохранение геополитических рисков вследствие усиления санкций в отношении Российской Федерации и сохранение высокого уровня волатильности стоимости энергосырья[1].

В период с 2013 по 2016 г. товарный экспорт России заметно снижался и в 2016 году достиг критической отметки в 285,77 млрд. долларов США, составив лишь 54,3% к объему экспорта 2013 г. (рис. 1). Последующий в 2016–2018 году рост показателей российского экспорта происходил при сохранении неблагоприятных тенденций в товарной структуре зарубежных продаж. Если в 2014 году доля России в мировом экспорте составляла 2,6%, то по итогам 2016 г. этот показатель опустился до 1,8%. По итогам 2018 года рост Россия еще не вышла на уровень 2014 года, доля российского экспорта в мировом экспорте составила 2,3%.

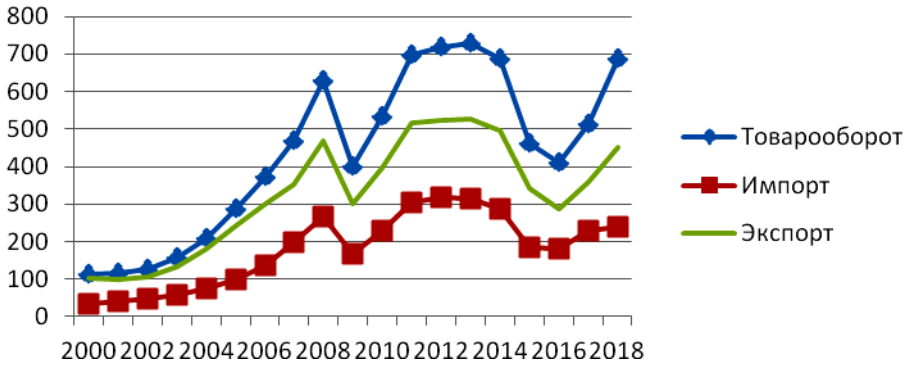


Рисунок 1.
Показатели внешней торговли России в 2000–2018 гг. (млрд. долларов США)[2]

Около 80% торговли России сосредоточено в рамках евразийского континента (максимально в 2010 году – 87,0%, в 2017 году – 81,2%). В рамках континента вследствие влияния вышеуказанных геоэкономических рисков, вектор внешней торговли России постепенно перешел от европейской к азиатской направленности. Первое, за период с 1995 по 2017 гг., изменение вектора торговли России с европейского на азиатский произошло в 2008 году, а устойчивым этот процесс стал с 2014 года после политического кризиса на Украине и последовавшего за ним резкого ухудшения отношений России с Западом.

Наглядно это проиллюстрировано на рис. 2, где изображен график разницы показателей объемов экспорта и импорта России в европейские и азиатские страны:

ЭКразн = ЭКевропа – ЭКазия;

ИМразн = ИМевропа – ИМазия.

[1] Спартак А.Н. Перестройка в российском экспорте // Российский внешнеэкономический вестник. – М., 2017. – № 4. – С. 3–13.

[2] Данные таможенной статистики, Росстат. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/ statistics/ftrade/#

Для российского экспорта максимальное превышение поставок в Европу было в 2012 году и достигало 170,4 млрд. долларов США, тогда как в 2016 году этот показатель составил 40,4 млрд. долларов США. Для импорта поставки из Европы превышали поставки из стран Азии в 2008 году на 37,9 млрд. долларов США, а в 2017 только на 6,5 млрд. долларов США.

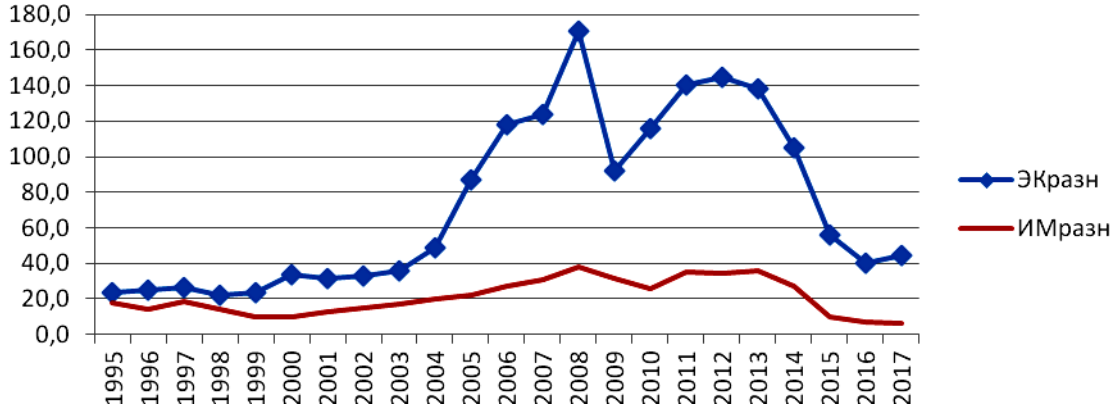


Рисунок 2.
Разница показателей объемов экспорта и импорта России в европейские и азиатские страны (млрд. долларов США)[1]

На сегодняшний день все 85 субъектов Российской Федерации в той или иной мере вовлечены во внешнеторговую деятельность. Их торговля ориентирована на различные регионы мира в зависимости от географического расположения субъекта России, размеров его экономики, характера производимой продукции. Для России характерны огромные межрегиональные различия по степени включенности в международные экономические связи. По абсолютным объемам экспорта субъекты РФ различаются в сотни раз.

В рамках Евразии торговля регионов Центрального, Северо-Западного и Приволжского федеральных округов в 2018 году была больше ориентирована на страны Европы, а торговля Южного, Сибирского, Дальневосточного, Северо-Кавказского и Уральского федеральных округов ориентирована на азиатские страны (см. табл. 1).

Таблица 1

Направления торговли федеральных округов России в рамках Евразии

	Европа			Азия		
	Стоимость, млрд. долл. США			Стоимость, млрд. долл. США		
	Импорт	Экспорт	Товарооборот	Импорт	Экспорт	Товарооборот
Федеральный округ РФ	2018 год	2018 год	2018 год	2018 год	2018 год	2018 год
01-Центральный	67,04	124,39	191,44	62,13	72,18	134,31
02-Северо-Западный	15,04	32,3	47,34	15	10,77	25,78
03-Южный	3,85	6,88	10,74	4,12	8,48	12,6
06-Сибирский	3,22	15,82	19,03	4,05	22,04	26,09
07-Дальневосточный	0,7	2,44	3,14	4,81	24,93	29,73
08-Северо-Кавказский	0,49	0,23	0,72	0,44	0,72	1,17
04-Приволжский	8,08	22,67	30,76	5,14	12,2	17,34
05-Уральский	3,74	22,16	25,89	4,48	13,99	18,47

Источник: расчеты автора по данным ФТС России. – http://stat.customs.ru

На торговлю со странами Азии полностью ориентированы дальневосточные регионы: Забайкальский край (100% от всей торговли региона), Еврейская автономная область (100%), Республика Бурятия (98,7%). Несмотря на географическое положение в европейской части страны торговля Астраханской области на 80% ориентирована на страны Азии (Иран, Китай, Туркмению), что также связано с географическим положением – близостью Каспийского моря.

Европейское направление приоритетно для торговли Мурманской области (95,8% торговли региона), Тюменской области (87,9%), Республики Татарстан (83,9%), Ямало-Ненецкого автономного округа (82,6%). Для Мурманской области это связано с наличием крупного портового города Мурманск, а для Тюменской области, Республики Татарстан, Ямало-Ненецкого автономного округа – номенклатурой экспортируемых товаров, в экспорте этих регионов преимущество составляют минеральные продукты (ТН ВЭД 27-29).

Пятерку крупнейших регионов по показателю внешнеторгового оборота составляют г. Москва, г. Санкт-Петербург, Московская область, Ханты-мансийский автономный округ (Тюменская область) и Республика Татарстан. Товарооборот этих регионов в 2018 году составлял 61,8% товарооборота России. Торговля г. Москвы, г. Санкт-Петербурга и Московской области дифференцирована по странам и равным образом имеет как европейскую, так и азиатскую направленность, а торговля Ханты-мансийского автономного округа (Тюменская область) и Республики

[1] Данные таможенной статистики / Росстат. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/ statistics/ftrade/#

Татарстан имеет преимущественно европейскую направленность (71,0 и 83,9% товарооборота соответственно), что, как уже упоминалось в отношении Татарстана, определяется сырьевой направленностью торговли регионов (нефть).

Москва является крупнейшим регионом по показателям товарооборота, экспорта и импорта, через Москву оформляется 43,7% всего товарооборота России. Почти половина товарооборота г. Москвы связана с экспортом нефти и газа (является особенностью таможенного оформления данной категорий товаров одним таможенным органов – Центральной энергетической таможней), однако даже без учета этих товаров Москва остается крупнейшим регионом России с позиции внешней торговли, что связано с сильной научной и технологической базой по производству оптико- и радиоэлектронных приборов, авиационной и космической аппаратуры, высокоточных механических приборов. Также Москва – один из крупнейших в стране инженерных центров, где проектируется значительная часть российской продукции (в частности, авиационной, космической, ядерной и вооружения), разрабатываются технологии ее изготовления, исследуются материалы.

Экспорт четырех из пяти указанных регионов также имеет значительную сырьевую направленность (исключение Московская область). Так в экспорте г. Москвы доля нефти (ТН ВЭД 2709) составляет 27,6%, в Ханты-мансийском автономном округе – 81,7%, Республике Татарстан – 38,3%, Санкт-Петербурге – 32,8%.

Информация о направлениях торговли субъектов Российской Федерации в рамках Евразии представлена в табл. 2.

Таблица 2

Направления торговли субъектов Российской Федерации в рамках Евразии

Преимущественно торговля со странами Азии (более 60% товарооборота)	Дифференцированная торговля (40–60% товарооборота со странами Европы и со странами Азии)	Преимущественно торговля со странами Европы (более 60% товарооборота)
Республика Калмыкия	Ульяновская область	Нижегородская область
Ненецкий Автономный Округ (Архангельская область)	Республика Хакасия	Калужская область
Забайкальский край	Кемеровская область	Рязанская область
Еврейская Автономная область	Омская область	Волгоградская область
Республика Бурятия	Республика Адыгея (Адыгея)	Ленинградская область
Сахалинская область	Владимирская область	Смоленская область
Хабаровский край	Республика Саха (Якутия)	Республика Крым
Камчатский край	Самарская область	Красноярский край
Амурская область	Саратовская область	Воронежская область
Приморский край	Удмуртская Республика	Республика Карелия
Чукотский Автономный Округ	Московская область	Белгородская область
Республика Тыва	Кабардино-Балкарская Республика	Брянская область
Курганская область	Пензенская область	Тамбовская область
Магаданская область	Тульская область	Ханты-Мансийский Автономный Округ (Тюменская область)
Астраханская область	Ярославская область	
Карачаево-Черкесская Республика	Пермский край	Кировская область
Республика Алтай	Ростовская область	Республика Коми
Челябинская область	Новгородская область	Псковская область
Республика Северная Осетия-Алания	Костромская область	Вологодская область
Оренбургская область	Общий Итог	Архангельская область
Иркутская область	Липецкая область	Орловская область
Алтайский край	Калининградская область	Чеченская Республика
Ивановская область	Тверская область	Курская область
Чувашская Республика Чувашия	Республика Башкортостан	Ямало-Ненецкий Автономный Округ (Тюменская область)
Республика Мордовия	г. Москва	
Томская область	г. Санкт-Петербург	Республика Марий Эл
Новосибирская область		Республика Татарстан (Татарстан)
Краснодарский край		Тюменская область
Свердловская область		Мурманская область
Республика Дагестан		Республика Ингушетия
Ставропольский край		г. Севастополь

Источник: расчеты автора по данным ФТС России. – http://stat.customs.ru

Как уже было отмечено, товарная структура торговли региона является одним из факторов, определяющих направления его торговли со странами мира. Как видно из таблицы 3, торговля России продовольственными товарами и с/х сырьем (ТН ВЭД 01-24) осуществляется преимущественно со странами Азии. Причем если из европейских стран мы больше импортируем продовольственные товары, то в азиатские страны эти товары Россия больше экспортирует.

Продовольственные товары и с/х сырье экспортируются в основном регионами Южного федерального округа. В 2018 году ими было экспортировано продукции на 8,4 млрд. долларов США. Основные экспортеры Южного федерального округа – это Ростовская область (5,4 млрд. долларов США) и Краснодарский край (2,6 млрд. долларов США). В Центральном федеральном округе основным экспортером сельхозпродукции и продуктов переработки является г. Москва (3,5 млрд. долларов США). Также значительные экспортные поставки осуществляют субъекты Дальневосточного федерального округа (3,8 млрд. долларов США) и Северо-Западного Федерального округа (3,42 млрд. долларов США).

Таблица 3

Данные о структуре торговли Российской Федерации в рамках Евразии

	Стоимость, млрд. долл. США					
	Европа			Азия		
	Импорт	Экспорт	Товарооборот	Импорт	Экспорт	Товарооборот
ТНВЭД(2 знака)	2018 год	2018 год	2018 год	2018 год	2018 год	2018 год
01-24 Продовольственные товары и с/х сырье	8,67	4,03	12,71	8,47	14,33	22,8
25-27 Минеральные продукты	1,34	173,97	175,31	2,77	96,62	99,39
28-40 Продукция химической промышленности, каучук	27,32	11,33	38,66	12,01	8,31	20,32
41-43 Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	0,37	0,15	0,51	0,84	0,07	0,91
44-49 Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	2,78	3,59	6,36	0,66	8,72	9,37
50-67 Текстиль изделия из него, обувь	3,92	0,63	4,56	11,42	0,91	12,33
68-71 Изделия из стекла и керамики	1,59	6,32	7,91	1,64	4,23	5,87
72-83 Металлы и изделия из них	7,49	21,08	28,56	8,01	15,74	23,75
84-90 Машины, оборудование и транспортные средства	44,46	4,9	49,36	51,23	11,78	63,01
91-99 Другие товары	5,17	1,22	6,39	3,98	4,98	8,96
00-всего	102,16	226,9	329,06	100,17	165,3	265,48

Источник: расчеты автора по данным ФТС России. – http://stat.customs.ru

Минеральные продукты (ТН ВЭД 25-27), куда входит нефть и газ, Россия больше поставляет в европейские страны. Экспорт России этой категории товаров в европейском направлении в два раза превышает экспорт в азиатском направлении.

На сегодняшний день все большее значение для развития экономики регионов приобретает экспорт несырьевых, неэнергетических товаров.

Продукции химической промышленности, относящаяся к несырьевым и неэнергетическим товарам (ТН ВЭД 28-37, 3801-3824, 3826, 39, 40), экспортируется субъектами Приволжского (9,9 млрд. долларов США), Центрального (7,1 млрд. долларов США) и Северо-Западного (4,4 млрд. долларов США) федеральных округов. Наиболее крупные экспортеры этой продукции: Республика Татарстан, Самарская область, г. Москва, Московская, Тульская, Ленинградская и Вологодская области. Экспорт продукции химической промышленности осуществляется в большей степени в европейские страны.

Продукция деревопереработки, относящаяся к несырьевым и неэнергетическим товарам (ТН ВЭД 440121–440139, 4402, 4404–4421, 45, 46, 4701–4706, 48, 49), экспортируется в основном регионами Северо-западного федерального округа – 4,6 млрд. долларов США (Архангельская область, г. Санкт-Петербург, республики Карелия и Коми) и Сибирского федерального округа – 3,8 млрд. долларов США (Иркутская область и красноярский край). Экспорт древесины осуществляется в основном в азиатском направлении.

Текстиль и изделия из него, обувь (ТН ВЭД 50-67) Россия преимущественно импортирует. Поставки этих товаров главным образом осуществляются из стран Азии. Незначительные экспортные поставки одежды и обуви (ТН ВЭД 50-67) осуществляются компаниями Центрального федерального округа (0,8 млрд. долларов США), в основном г. Москвы, преимущественно в страны СНГ.

Поставки металлов и изделий из них (ТН ВЭД 72-83) Россия осуществляет преимущественно с европейском направлении. Эти товары экспортируют регионы Центрального (11,6 млрд. долларов США), Сибирского (10,0 млрд. долларов США), Уральского (8,7 млрд. долларов США) и Северо-Западного (7,3 млрд. долларов США) федеральных округов.

Машины, оборудование и транспортные средства (ТН ВЭД 84-90) Россия в основном закупает. Импорт осуществляется как из азиатских стран (51,2 млрд. долларов США), так и из европейских (44,5 млрд. долларов США). Экспорт российской машиностроительной продукции осуществляется преимущественно в азиатские страны. Лидерами российского экспорта машиностроительных товаров (ТН ВЭД 84-87, 90) являются регионы Центрального и Приволжского федеральных округов. Компании Центрального округа экспортировали в 2018 году машиностроительной продукции на 10,4 млрд. долларов США. В основном экспортные поставки осуществляли компании г. Москвы (6,0 млрд. долларов США) и Московской области (2,2 млрд. долларов США). Компании Приволжского федерального округа экспортировали машиностроительной продукции на 4,4 млрд. долларов США. Наибольшие поставки осуществляли компании Нижегородской области (1,5 млрд. долларов США), Республики Башкортостан (0,7 млрд. долларов США) и Самарской области (0,5 млрд. долларов США). Наибольшие поставки машиностроительной продукции российские компании осуществляют в страны ЕАЭС и СНГ.

Практически все регионы России осуществляют торговлю со странами ЕАЭС. В 2018 году товарооборот России со странами ЕАЭС составил 56,7 млрд. долларов США. Доля товарооборота России со странами ЕАЭС по отношению к товарообороту со странами мира составила только 8,2 %. Очевидно, показатель невысокий. В то же время для отдельных регионов торговля со странами ЕАЭС имеет принципиальное значение. Доля экспорта в страны ЕАЭС для Псковской области в 2018 году составила 71,4%, а для Брянской области 60,6%, что связано с приграничным положением этих регионов и Республики Беларусь. Высокая доля импорта из стран ЕАЭС также характерна для других регионов, граничащих Беларусью: Смоленская область 74,5%, Брянская область 48,2%, а также граничащих с Казахстаном: Алтайский край – 52,9%, Оренбургская область – 43,4%, Омская область – 35,0%.

Чтобы определить регионы, имеющие значимый показатель экспорта для своей экономики, автором рассчитан размер экспортной квоты с учетом доли экспорта в ВРП. Экспортная квота является одним из показателей открытой экономики – экономики, интегрированной в мировую хозяйственную систему и участвующей в международном разделении труда. В ней минимальны или отсутствуют ограничения на перемещение товаров и услуг при экспорте и импорте. Считается, что квота в размере 10% говорит о приемлемой степени открытости экономики.

Экспортная квота для региона рассчитывается как отношение объема экспорта к объему валового регионального продукта за определенный период:

$$Эк = Э: ВРП*100\%;$$

Рейтинг по данным 2017 года возглавляют Сахалинская область с показателем экспортной квоты 79,9%, Кемеровская область – 76,6%, г. Москва – 55,3%, Республика Хакасия – 51,4%, Липецкая область – 50,7%. В общей сложности у 47 российских регионов экспортная квота превышает 10%.

Свидетельством международной активности субъектов Российской Федерации являются их международные соглашения, имеющие большое значение для экономического, культурного, научного развития регионов. По данным Министерства юстиции России регионами Российской Федерации заключено 755 соглашений со странами мира (включая соглашения, действие которых прекращено)[1]. Соглашения заключены 81 субъектом Российской Федерации. Наиболее активными регионами являются Санкт-Петербург, органами власти которого заключено 57 соглашений с 33 странами мира, Свердловская область – 34 соглашения с 19 странами, Ленинградская область – 27 соглашений с 18 странами, Нижегородская область 23 соглашения с 12 странами и г. Москва 23 соглашения с 13 странами мира.

Наибольшее число соглашений заключено с Республикой Беларусь – 142. С этой страной заключили соглашения 67 субъектов Российской Федерации. На втором месте по количеству заключенных регионами России соглашений – Китай (93 соглашения). Их заключили 43 субъекта Российской Федерации. Также значительное число соглашений регионы заключили с Украиной – 101, их заключили 35 регионов, несмотря на сложные отношения с этой страной 55 из них являются действующими. Со странами ЕАЭС российские регионы заключили 252 международных соглашения (33,4% от всех международных соглашений, заключенных на региональном уровне).

Большое значение в развитии сотрудничества регионов России со странами мира имеют межрегиональные форумы и конференции. Как правило, они проводятся под эгидой Минэкономразвития России. На постсоветском пространстве межрегиональные форумы проводятся с Абхазией, Азербайджаном, Арменией, Белоруссией, Казахстаном, Киргизией, Узбекистаном и Таджикистаном. По мнению Министра иностранных дел С.В. Лаврова, подобного рода форумы содействуют поступательному развитию субъектов Федерации, расширению их делового, культурного, гуманитарного сотрудничества с зарубежными партнерами[2]. Важно, продолжая уделять особое внимание партнерам на постсоветском пространстве, расширять географию межрегиональных форумов, в том числе за счет государств Азиатско-Тихоокеанского региона.

В 2018 году уже состоялись межрегиональные форумы с КНР и Южной Кореей. На 2019 год запланированы Второй российско-китайский, а также российско-иранский и российско-индийский форумы, которые пройдут впервые.

15 июня 2019 года в г. Харбин, КНР прошел II Российско-Китайский форум по межрегиональному сотрудничеству. В мероприятиях форума приняли участие делегации 11 российских регионов, что подтверждает высокую заинтересованность российской стороны в развитии взаимовыгодного сотрудничества с китайскими регионами. В особенности можно выделить взаимодействие в рамках Совета по сотрудничеству регионов Приволжского федерального округа Российской Федерации и Верхнего, Среднего течения реки Янцзы Китайской Народной Республики. В 2019 году главы государств России и Китая приняли решение о создании ещё двух форматов межрегионального взаимодействия: между Северо-Западным федеральным округом и приморскими провинциями юго-востока КНР, Центральным федеральным округом и севером Китая. Активно работает Межправительственная российско-китайская комиссия по сотрудничеству и развитию Дальнего Востока и Байкальского региона России и Северо-Востока Китая.

Россия также заинтересована в поддержании динамики отношений на межрегиональном уровне на европейском направлении. Сегодня это особенно важно, поскольку на межгосударственном уровне отношения России и ЕС переживают далеко не лучшие времена. В 2017–2018 гг. состоялся российско-германский «перекрестный» год региональных и муниципальных партнерств, достигнута договоренность о том, что в 2020 г. будет проводиться российско-французский год межрегионального взаимодействия. На европейском направлении активно работают Совет Баренцева/Евроарктического региона. В его составе работают 14 административно-территориальных образований России, Норвегии, Финляндии и Швеции. Сложилось сотрудничество регионов в форматах Организации субрегионального сотрудничества Балтийского моря и Союза балтийских городов.

Активная работа регионов Российской Федерации ведется в форматах межправительственных комиссий по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству.

В странах СНГ в рамках Межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству (далее – МПК) между Российской Федерацией и Республикой Армения создана совместная рабочая группа по вопросам российско-армянского межрегионального сотрудничества, в рамках МПК между Российской Федерацией и Республикой Казахстан работает подкомиссия по межрегиональному и приграничному сотрудничеству, в рамках МПК между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан – подкомиссия по торгово-экономическому, инвестиционному, межре-

[1] По данным Минюста России. – http://pravo-search.minjust.ru

[2] Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на XXXIII заседании Совета глав субъектов Российской Федерации при МИД России, Москва, 5 июня 2019 года // Сайт МИД России. – http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3672338

гиональному сотрудничеству и туризму. Регионы России и Киргизская Республика осуществляют взаимодействие в формате 4 межправительственных комиссий регионального уровня, созданных правительствами Москвы, Санкт-Петербурга, Московской и Свердловской области.

На европейском направлении работает Российско-Венгерская межправительственная комиссия по межрегиональному сотрудничеству, а также в рамках МПК созданы рабочие группы по межрегиональному сотрудничеству с Болгарией, Грецией, Латвией, Норвегией, Финляндией и др.

Рабочие группы по региональному сотрудничеству созданы в рамках МПК с Ираком, Ираном, ОАЭ, Саудовской Аравией, Турцией. Уже упоминалась Межправительственная Российско-Китайская комиссия по сотрудничеству и развитию Дальнего Востока и Байкальского региона Российской Федерации и Северо-Востока КНР. Подкомиссия по региональному и приграничному сотрудничеству создана в рамках МПК с Монголией, Подкомиссия по межрегиональному сотрудничеству создана в рамках МПК с КНДР, создана Российско-Японская комиссия по межрегиональному сотрудничеству.

В целях поддержки внешнеэкономической деятельности компаний в субъектах Российской Федерации создана сеть Региональных Центров поддержки экспорта. Обратившись к ним, можно получить консультации по вопросам ведения внешнеэкономической деятельности, информацию о коммерческих предложениях зарубежных компаний, экспертизу внешнеторговых контрактов, договоров. Центры поддержки экспорта регионов организуют для участников ВЭД деловые поездки на зарубежные выставки, конференции, семинары, оказывают помощь в организации зарубежных торгово-экономических миссий, деловых встреч и переговоров.

В целях развития системы поддержки экспортной деятельности малых и средних предприятий в регионах России 2 августа 2019 года подписан Федеральный закон от 02.08.2019 № 293-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации” в части совершенствования поддержки экспортной деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства». Документ предусматривает создание и развитие в регионах Центров поддержки экспорта, которые предоставляют широкий спектр услуг. Принятие закона позволит улучшить взаимодействие между АО «Российский экспортный центр» и региональной сетью центров поддержки экспорта, упорядочить и масштабировать поддержку экспортеров, обеспечив к ней доступ во всех регионах страны. Ожидается, что количество компаний МСП, вышедших на внешние рынки при поддержке центров поддержки экспорта, к 2024 году должно достигнуть 15,4 тысяч.

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Торгово-экономические отношения, складывающиеся со странами евразийского континента, имеют определяющее значение для внешней торговли России, поскольку здесь сосредоточено около 80% торговли. Несмотря на то, что вектор внешней торговли России постепенно перешел от европейской к азиатской направленности большая часть торговли по-прежнему осуществляется с европейскими странами. Поддержание и увеличение показателей торговли на европейском направлении являются возможным, поскольку многие европейские компании заинтересованы работать на российском рынке, так как поставки российских энергоносителей являются экономически самыми эффективными. Все это требуют от европейских партнеров России принятия политических решений, направленных на нормализацию отношений и отмену экономических санкций.

2. Практически все российские регионы вовлечены в процесс мировой торговли. Экономика более половины (47) российских регионов является открытой, их экспортная квота превышает 10%. Они широко интегрированы в мировую хозяйственную систему и участвуют в международном разделении труда. Их торговля ориентирована на различные регионы мира в зависимости от географического расположения, размеров экономики, характера производимой продукции. Для регионов характерны огромные различия по степени включенности в международные экономические связи и направлениям торговли.

3. Приграничные регионы широко включены в региональное и субрегиональное сотрудничество преимущественно с соседними странами. Вместе с тем приграничные регионы с развитым промышленным потенциалом в своей внешнеторговой деятельности в торговле тяготеют к развитым странам, не имеющим с ними общих границ. Например, товарооборот Новосибирской области с Китаем (1,6 млрд. долларов США) в три раза превышает товарооборот с соседним Казахстаном (0,5 млрд. долларов США) несмотря на то, что Казахстан и Россия входят в ЕАЭС. В десятке торговых партнеров Омской области страны, граничащей с Казахстаном, товарооборот со странами ЕАЭС составляет 40%, а остальные 60% – это товарооборот с Китаем и странами Европейского союза.

4. Низкий уровень внутрирегиональной торговли в рамках ЕАЭС свидетельствует о недостаточных производственных связях между регионами России с соседними странами ЕАЭС. В этой связи для развития регионального сотрудничества необходимо на межгосударственном, федеральном и региональном уровне большее внимание уделять созданию условий для развития производственной кооперации.

5. Большое значение для развития экспорта имеет работа региональных властей по поддержке экспортоориентированных компаний в рамках национального проекта «Международная кооперация и экспорт». Это финансовые и нефинансовые меры поддержки, координация действий с АО «РЭЦ», дипломатическая поддержка, путем заключения международных договоров на региональном уровне, проведение межрегиональных форумов и конференций, а также работа межправительственных комиссий регионального уровня.

Гамидов А.Б.
докторант исторического факультета Бакинского государственного университета
anar.hemidov.91@inbox.ru

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РАЗВИТИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР В 70–80-е ГОДЫ XX ВЕКА

Ключевые слова: *международные отношения, гуманитарные связи, история СССР, Азербайджанская ССР.*

Азербайджанская ССР, находящаяся в составе Советского Союза была активным участником международных отношений. Конечно, ее деятельность на международной арене должна была осуществляться в соответствии с целями и задачами СССР. Например, статьи 28, 30, 72, 114, 126 тогдашней Конституции Азербайджана отражали внешнюю политику страны, формы и направления участия во внешней политике Советского государства. Республика имела право принимать участие в формулировании и разработке внешнеполитической стратегии, участвовать в реализации конкретных проектов экономического, политического, гуманитарнооого и военного сотрудничества.

После того как Гейдар Алиев был назначен первым секретарем Центрального комитета Коммунистической партии Азербайджана в июле 1969 года, членом политического бюро Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза в декабре 1982 года и первым заместителем председателя Совета Министров СССР, он сделал многое в области международного сотрудничества Азербайджанской ССР. Его участие в разработке и реализации внешней политики нашей страны и Советского государства, в установлении гуманитарных отношений на международной арене было обширным и всесторонним.

С его приходом к власти позитивные изменения в социально-экономической и политической сферах также проявились и в гуманитарной сфере. Одной из важнейших областей, требовавших особого внимания, было образование, особенно высшее. Развитие высшего образования в 1969–1982 годах в Азербайджане тесно связано с именем Гейдара Алиева.

30 сентября 1969 года правительство Азербайджана приняло постановление «Об организации подготовительных отделений в высших учебных заведениях республики». В соответствии с этим решением были созданы подготовительные отделения в Азербайджанском государственном университете, Азербайджанском медицинском институте, Кировабадском (Гянджинском) педагогическом институте[1]. Г. Алиев уделяет особое внимание развитию высшего образования в Азербайджане, расширению его сети, увеличению числа студентов и заботе о преподавателях.

На заседании ЦК Компартии Азербайджана 12 августа 1969 года было принято решение улучшить работу с иностранными студентами, обучающимися в университетах страны. Несомненно, это решение служит общим целям государства, но оно направлено на укрепление отношений с Азербайджаном, укрепление международных гуманитарных связей, содействие истории, науке и культуре народа. Число иностранных студентов, обучающихся в вузах Азербайджана, год от года увеличивается. Например, в Азербайджанском государственном университете обучались представители 52 стран. В вузах Азербайджана обучались; 1 621 студент из 55 стран в 1974 году, 1 647 из 64 стран в 1974 году, 2077 из 61 страны в 1976 году, 1 746 студентов и аспирантов в 1977 году, 2417 из 70 стран в 1978 году, в 1981 году 3000 студентов из 72 стран[2].

В 70-х и начале 80-х годов прошлого века была проделана большая работа по расширению сети высших учебных заведений, укреплению материально-технической базы и подготовке высококвалифицированных кадров. Гейдар Алиев также уделял особое внимание воспитанию талантливой азербайджанской молодежи в ведущих и престижных вузах бывшего СССР, а также в высших учебных заведениях за рубежом. Более 15 000 азербайджанских молодых людей получили высшее образование по более чем одной специальности[3]. Одной из замечательных заслуг Гейдара Алиева в развитии высшего образования в Азербайджане в 70–80-х годах стало создание новых высших учебных заведений. В целом, в 1970–1982 годах в Азербайджане было создано 5 новых университетов, и было открыто много специальностей, кафедр и проблемных лабораторий[4].

В годы независимости нашей страны Национальный лидер принял важные решения относительно развития высшего образования. В 2000 году сеть университетов была оптимизирована. Введение платного образования в то время значительно улучшило финансовые возможности высших учебных заведений в сложных экономических условиях. Важные шаги были предприняты для улучшения качества преподавания, всего образовательного процесса, и особенно для улучшения духовно-психологического климата в высших учебных заведениях.

---

[1] Musa Qasımlı Heydər Əliyev İstiqlala gedən yol (1969–1982-ci illər). Bakı, 2006.

[2] Musa Qasımlı Heydər Əliyev İstiqlala gedən yol (1969–1982-ci illər). Bakı, 2006. – 608 səh.

[3] http://hurriyyet.org/xeber/adpuda_heyder_liyev_ve_azerbaycanda_intellektual_potensialin_davamli_inkisafi_respublika_elmi_konfransi_kecirilib

[4] Komunist. 1981. – № 228 (17860), 27 sentyabr.

Глазьев С.Ю.
профессор, академик РАН
Наумов Е.А.
профессор, академик РАЕН

О СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПЛАНИРОВАНИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА

Ключевые слова: *международные отношения, интеграционные процессы, ЕАЭС, стратегическое планирование.*

Укрепление Евразийского союза требует безотлагательных практических шагов по согласованию совместных стратегий, политик и программ развития на перспективу. Наличие работоспособного единого экономического пространства открывает совершенно новые возможности для промышленной кооперации, научно-технического и технологического сотрудничества, совместного продвижения на рынки третьих стран конкурентоспособной продукции. Наличие такого пространства благотворно влияет и на деятельность субъектов предпринимательства государств-членов ЕАЭС: открываются равные возможности ведения бизнеса, стимулируется полезная для потребительского рынка конкуренция.

Путь, пройденный Европейским сообществом за полвека, нами преодолен всего за четыре года. Этот отрадный факт говорит о том, что при наличии политической воли лидеров государств-членов ЕАЭС, четкой постановке задач, координации усилий на нужных направлениях совместной деятельности Союз может и должен стать полновесным игроком в Евразии. В условиях обостряющейся международной конкурентной борьбы и переформатирования глобального торгово-экономического ландшафта, оставаясь приверженцами свободной торговли и открытого международного экономического сотрудничества, мы должны защитить союзную экономику от внешних угроз. Система выстраиваемых нами внешнеэкономических отношений должна строиться на принципах взаимной выгоды, уважения суверенитета партнеров и строгого выполнения обязательств.

Для укрепления опорных конструкций ЕАЭС и достижения максимального макроэкономического эффекта евразийской интеграции (в переводе на уровень благосостояния граждан) необходимо внедрить в организацию деятельности наднационального органа программно-целевой подход с опорой на евразийские целевые программы, финансируемые из бюджета ЕЭК. Важно восстановить гуманитарное измерение интеграции, необходимое для эффективного функционирования единого рынка труда. Речь идет, прежде всего, о формировании единого образовательного пространства и гармонизации трудового законодательства. Для этого необходимо выработать единые образовательные стандарты, обеспечить взаимное признание дипломов и других квалификационно-образовательных документов.

До сих пор идеология ЕАЭС ограничивалась исключительно прагматическими соображениями взаимной выгоды устранения трансграничных барьеров между государствами постсоветского пространства, экономика которых создавалась как единый народнохозяйственный комплекс. Однако в условиях затяжного экономического кризиса эта аргументация теряет убедительность. Она проигрывает националистическим и религиозным ценностям самоидентификации государств, духовная элита которых цепляется за собственную исключительность и относится к интеграции как к угрозе суверенитету.

Как показывает практика, даже ложные мифологические образы, искусно вбитые в сознание человека, часто оказываются сильнее здравого смысла и рациональных соображений. Из этого следует необходимость разработки и внедрения идеологии евразийской интеграции, основанной не только на экономической прагматике, но и на общих духовных и культурных исторических корнях. Основой нового объединения народов на постсоветском пространстве должно стать понимание общих интересов на основе многовековой истории и опыта совместной жизни в рамках единой государственности. Нам предстоит построить такое будущее. Если угодно, выработать такую современную цивилизационную формулу, которая бы сделала евразийскую интеграцию комфортной и удобной для всех участвующих в ней народов и государств.

Следует наполнить практическим содержанием инициативу Президента России по созданию общего экономического пространства гармоничного и взаимовыгодного сотрудничества «от Лиссабона до Владивостока». Первым шагом к воплощению в жизнь этой идеи могло бы стать формирование Большого евразийского партнерства. Такой подход к выстраиванию трансконтинентальной зоны преференциальных торгово-экономических отношений кардинально отличается от практикуемого в ЕС принуждения к партнерству. Евразийский союз изначально строится на принципах исключительно добровольного участия при полном равенстве и уважении суверенитета сторон. Мы не должны стремиться «всех постричь под одну гребенку», ущемляя одних за счет других. Напротив, союзнические, доверительные отношения в рамках ЕАЭС основаны на гармонизации интересов и взаимовыгодном сотрудничестве при невмешательстве во внутренние дела друг друга.

Концепция такого широкого Евразийского партнерства могла бы включать уже имеющиеся планы развития ЕАЭС и ШОС, создания зон свободной торговли и инвестиционного сотрудничества с Вьетнамом, Китаем, Индией, Монголией, Израилем, Сирией, Египтом, Турцией, странами АСЕАН. Она должна уточнить формат преференциального режима торгово-экономического сотрудничества с Ираном, а также формы вовлечения в процесс евразийской интеграции Таджикистана, Узбекистана, Туркмении и Азербайджана. Для этого можно было бы предусмотреть специальный статус государства-партнера ЕАЭС.

Ключом к созданию широкой евразийской зоны гармоничного сотрудничества должно стать практическое насыщение соглашения между главами России и Китая о сопряжении ЕАЭС и Экономического пояса нового Великого Шелкового пути (далее – ЭПНВШП). Его составной частью может стать программа «Трансевразийский пояс Развитие» (ТЕПР). Она опирается на инструменты долгосрочных прямых инвестиций в интегральную инфраструктуру следующего поколения для создания производств нового технологического уклада и пространственной организации. Отправной точкой реализации данной программы может стать развитие сети международных транспортных коридоров Северо-Восточной Азии, транспортно-энергетического кольца вокруг Японского моря, интеграции железнодорожной инфраструктуры и Северного морского пути, создания логистических парков нового поколения в пространстве «умных» городов.

Программа и специально созданная корпорация ТЕПР призваны реализовать множество разнообразных инвестиционных проектов, для финансирования которых необходимо подключение ТЕПР к механизмам долгосрочного дешевого кредита, действующим в ЕАЭС и КНР. С нашей стороны это могут быть институты развития, фондируемые центральными банками, со стороны КНР – фондовый рынок, государственные и международные финансовые институты. В частности, для финансирования реализации программы могут быть созданы торгуемые паевые инвестиционные фонды с размещением на биржах Китая. Международные ПИФы, участниками которых станут отечественные и азиатские институты развития (межгосударственные и государственные структуры развития международного сотрудничества, инвестиционные фонды и банки), российские регионы, государственные корпорации России и стран АТР, будут созданы на паритетных началах. Взносом России могут быть информационные активы, созданные на базе геологической информации, прав на разведку и разработку минеральных ресурсов, использование лесных, сельскохозяйственных и морских биоресурсов.

Важной частью ТЕПР может стать проект «Шелковый путь инноваций 21 век», предусматривающий полный цикл инновационной деятельности – от проведения совместных исследований и разработок в области высоких технологий до их внедрения в сфере конкурентоспособного производства, обеспечивающего высокую добавленную стоимость. Базовыми структурными элементами создаваемой таким образом Евразийской инновационной системы должны стать центры науки и высоких технологий на основе национальных научных центров, университетов, индустриальных, инновационных парков и других элементов инновационной инфраструктуры, ориентированных на продвижение инноваций в ЕАЭС. В качестве моделей таких инновационных центров могут быть предложены создаваемый в настоящее время Научный парк МГУ, который будет действовать на основе специального закона Российской Федерации, проектируемый Китайско-белорусский индустриальный парк, а также евразийские центры науки и высоких технологий, создаваемые на базе технических университетов в Российской Федерации, в Армении, Казахстане, Кыргызстане, а также в Китае, Вьетнаме, Индии, Иране, Турции и других государствах, образующих большую Евразию.

Для координации совместной инновационной деятельности вузов предлагается создать ассоциацию университетов, ориентированных на реализацию проекта «Шелковый путь инноваций 21 век», на подготовку управленческих кадров и повышение квалификации персонала, участвующего в реализации евразийских инновационных проектов.

Пул приоритетных инвестиционных и инновационных проектов в рамках инициативы по сопряжению ЕАЭС и ЭПНВШП, под которые должна проводиться целеориентированная кредитная эмиссия, должен, прежде всего, включить все заявленные, но нереализованные до сих пор проекты. К их числу можно отнести проекты:

– сооружения трансконтинентальных высокоскоростных транспортных железно- и автодорожных магистралей (разработан ЕАБР);

– создания евразийского авиастроительного консорциума по выпуску авиационной техники всех типоразмеров (с максимально полным использованием потенциала инженерных школ фирм «Ильюшин», «Туполев», «Антонов»);

– строительства сети трубопроводов, формирующих каркас евразийского рынка углеводородов.

Пул инвестиционных проектов целесообразно оформлять через механизмы частно-государственного партнерства с использованием специальных инвестиционных контрактов, в которых частный инвестор берет на себя обязательства по модернизации и росту производства, а государство – по налоговым льготам, долгосрочным кредитам, стабильным макроэкономическим условиям. Сеть этих контрактов сформирует ткань индикативного планирования Большого евразийского партнерства.

Для реализации инициативы о сопряжении ЕАЭС и ЭПНВШП важно улучшение условий для разработки стратегии экономического развития и партнерства в рамках реализации проекта Шелковый путь инноваций XXI век. Указанный проект предполагает разработку совместных инициатив по созданию института стратегического планирования и управления инновационным развитием государств на евразийском пространстве, ориентированного на развитие новых технологических и мирохозяйственных укладов, включая создание условий для формирования системы финансовых механизмов инвестиций в разработку и реализации совместных инновационных проектов. В числе указанных проектов предусматривается создание совместных международных научно-образовательных центров на базе ведущих исследовательских университетов, обеспечивающих проведение совместных исследований, подготовку кадров и кооперацию в разработке инновационной продукции (услуг). Для реализации указанной задачи Научный совет РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчи-

вому развитию преступил к разработке и реализации вышеуказанного проекта. В настоящее время по инициативе Научного совета создаются научно-образовательные центры на базе университетов г. Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, г. Севастополя, а также в г. Алма-аты и Торазе в республике Казахстан, ведутся переговоры по созданию вышеуказанных Центров в Китае, Индии и других странах ЕАЭС, ШОС и БРИКС.

Создание указанных центров позволит осуществлять трансфер инновационных технологий на евразийском пространстве, подготовку кадров и обмен специалистами. Важным элементом механизма трансфера технологий является законодательное обеспечение прав на интеллектуальную собственность. Для реализации указанной цели Научный совет РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации и устойчивому развитию предполагает осуществлять мониторинг правоприменительной практики в области проведения совместных исследований и разработок, а также участвовать в рамках Постоянной комиссии МПА в разработке соответствующих модельных законопроектов.

Давыденко Л.Н.
д.э.н., профессор, профессор кафедры международного туризма Белорусского государственного университета

ТРАНСГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ ЕВРАЗИИ

Ключевые слова: *еврорегионы, институционализация, индустрия туризма, трансграничное сотрудничество, природное и культурно-историческое наследие.*

Keywords: *euroregions, institutionalisation, tourism industry, cross-border cooperation, natural, cultural and historic heritage.*

Трансграничное сотрудничество направлено на использование природного и культурно-исторического наследия, а также на установление взаимосвязи разных народов через непосредственный опыт и взаимодействие с объектами, ландшафтом, программами, достопримечательностями[1]. Выявление национальной самобытности способствует формированию культурного и экономического вклада каждой нации в современном глобальном мире.

В современных условиях интеграция Республики Беларусь в мировое сообщество рассматривается как один из факторов ее экономического роста и устойчивого развития. В решении этой задачи важная роль отводится трансграничному сотрудничеству. В силу своего регионального и одновременно международного характера этот вид международного сотрудничества сопредельных государств является одним из эффективных способов комплексного решения проблем устойчивого развития территории и способствует развитию стабильных, надежных экономических и иных связей, интегрированию в мировое хозяйство как самих регионов, так и их стран. Актуальность темы исследования также возрастает в условиях усиления интеграционных процессов на территории Беларуси, Казахстана и России – стран-участниц ЕАЭС, где большое значение отводится приграничному сотрудничеству. В соответствии с принципом многовекторности внешней политики белорусского государства сохраняется и задача нормализации и активизации отношений, приоритетов сотрудничества с Европейским союзом, в том числе в сфере трансграничного сотрудничества.

В соответствии с Национальной стратегией устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. предусматриваются мероприятия по решению рационального использования природных ресурсов, их экономии, постепенный отказ от экстенсивного развития, а также внедрение ресурсосберегающих и малоотходных технологий, модернизация производства, увеличение доли использования вторичных материальных ресурсов. Пристального внимания заслуживает *еврорегиональное сотрудничество*, которое на современном этапе признаётся высшей институциональной *формой* трансграничного сотрудничества. Специфика и проблематика этого сотрудничества весьма актуальна на приграничных территориях стран СНГ, Центральной и Восточной Европы. Особенно возросла роль тех регионов, которые имеют непосредственное соседство с Евросоюзом[2].

Возникновение еврорегионов с участием территорий Республики Беларусь было обусловлено тем, что соседние республики, такие как Польша, Литва и Латвия, присоединились к Европейскому союзу. Для осуществления прежнего межгосударственного взаимодействия и наращивания объемов сотрудничества, чтобы смягчить отрицательные последствия, нужно было использовать все возможные инструменты и механизмы традиционных ценностей общества. Самым эффективным и перспективным способом сотрудничества стало создание еврорегионов.

В настоящее время в Беларуси функционирует 5 еврорегионов: «Буг», «Неман», «Озерный край», «Днепр», «Беловежская пуща».

Это взаимодействие трансграничных территорий позволяет совершенствовать внутреннюю и внешнюю политики Беларуси в современных условиях. Кроме того, еврорегионы привлекают иностранный капитал различных фондов для решения региональных проблем, а, следовательно, местные власти получают дополнительные ресурсы для развития трансграничного туризма.

Еврорегион «Буг»

Трансграничное объединение Еврорегион Буг – приграничный регион Украина-Польша-Беларусь. Соглашение о создании Трансграничного союза было подписано в сентябре 1995 года. Украина была представлена в нем Волынской областью и несколькими районами Львовской области, Польша – Люблинским, Хелмским, Тарнобжегским и

[1] Клицунова В.А. Интерпретация наследия в туризме. Новые подходы в эпоху экономики впечатлений. – Минск: Экоперспектива, 2015. – С. 96.

[2] Development and cooperation – Europeaid / Environment and Sustainable Management of Natural Resources, 2012. – http://ec.europa.eu/europeaid/how/finance/dci/environment_en.htm; Давыденко Л.Н. Институционализация рынка природных ресурсов. – Минск: ИВЦ Минфина, 2014. – 256 с.; Литвинюк А.И. Трансграничное сотрудничество и еврорегиональная кооперация: монография / Под. науч. ред.д.э.н. Л.Н. Давыденко. – Минск: БГПУ, 2009. – С. 173.

Замостьским воеводством. После проведенной в 1999 году в Польше административной реформы членами Трансграничного объединения Еврорегион «Буг» являются: Брестская область Республики Беларусь, Люблинское воеводство Республики Польша и Волынская область Украины. В качестве ассоциированных членов в Еврорегион вошли два района Львовской области, прилегающих к границам Польши. С июня 1996 года Еврорегион «Буг» является членом Ассоциации Европейских Приграничных Регионов.

Еврорегион расположен на территории около 80 тыс. квадратных километров, население превышает 5 миллионов человек. Крупнейшие города – Люблин, Брест, Луцк, Барановичи, Пинск. Через его территорию проходят важнейшие коммуникационные пути, соединяющие страны Западной Европы с Беларусью, Россией, Украиной. Здесь находятся пассажирские, товарные пограничные переходы европейского значения.

Природный ландшафт этого региона богат большим количеством уникальных растений и животных. На территории Еврорегиона «Буг» создан ландшафтный заказник «Прибужское Полесье» (в белорусской части), а также четыре национальных парка: Беловежский (Беларусь), площадью в 87 600 гектаров, который включает в себя единственную в Европе первобытную пущу с несколькими тысячами видов во многом уникальных животных и растений; Полесский (Польша); Росточанский (Польша), с редкими пейзажами, сочетающими плоские вершины, обрывистые склоны и глубоко врезанные долины; Шацкий (Украина), включающий 22 озера карстового и послекарстового происхождения.

Структура управления трансграничным объединением состоит из Совета (по 10 членов от каждой страны), Президиума Совета (по одному представителю от каждой страны с поочередным назначением председательствующего), Секретариата, ревизионной комиссия и рабочей группы по выбранным направлениям взаимодействия.

Основным направлением деятельности Еврорегиона «Буг» является дальнейшее развитие взаимовыгодных экономических отношений, сотрудничество в социальной и культурной сферах, а также по вопросам экологии, предупреждения чрезвычайных ситуаций.

По этим направлениям образованы и работают следующие совместные рабочие группы:

- Территориального планирования, инфраструктуры, коммунальной сферы, транспорта и связи;
- Охраны и улучшения состояния окружающей среды;
- Расширения информации и создания баз данных;
- Сотрудничества между организациями и различными отраслями хозяйства; Образования, здравоохранения, культуры, спорта и туризма;
- Контактов органов местного самоуправления с населением;
- Безопасности, взаимодействия правоохранительных органов и ликвидации угрожающих ситуаций.

Для оптимизации взаимодействия между территориями Польши, Украины и Беларуси в рамках еврорегиона «Буг» были разработаны Программа добрососедства «Польша-Беларусь-Украина» 2004–2006, Программа трансграничного сотрудничества «Польша-Беларусь-Украина» на 2007–2013 годы, по которой осуществлялось более ста проектов, в том числе 34 – с участием партнеров из Брестской области. С 2014 года трансграничное сотрудничество между Польшей, Беларусью и Украиной осуществляется в рамках Программы трансграничного сотрудничества «Польша-Беларусь-Украина 2014–2020». Кроме того, в ноябре 2013 года была утверждена Стратегия трансграничного сотрудничества Люблинского воеводства, Львовской, Волынской и Брестской областей на 2014–2020 гг. Для четырех областей были сформулированы следующие цели и направления стратегических действий:

– экономическое сотрудничество;

– окружающая среда, культура и туризм;

– коммуникационная и граничная инфраструктура;

– наука и высшее образование.

В настоящее время осуществляется плодотворное сотрудничество между правительствами трех стран, в результате которого планируется достижение следующих результатов:

– улучшение экономической конкурентоспособности трансграничного региона;

– повышение туристической привлекательности трансграничного региона в национальном и европейском аспекте, с соблюдением биоразнообразия и ценностей культурного наследия;

– улучшение коммуникационной связности трансграничного региона, выражающееся в значительном и стабильном сокращении времени пересечения польско-белорусской и польско-украинской границы;

– повышение качества образования, вынесение на международный уровень предложений по образованию и межвузовских исследовательских коллективов.

На территории Брестской области расположена свободная экономическая зона «Брест», где зарегистрировано более 100 предприятий, в том числе с участием иностранного капитала. В области около 700 субъектов хозяйствования всех форм собственности осуществляют экспортно-импортные операции с партнерами из более 118 стран мира. Главными внешнеторговыми партнерами области являются Россия, Германия, Польша, Украина, Италия.

Местные органы управления приграничных территорий расширяют сеть небольших межгосударственных погранпереходов, которые упростят контакты людей по обе стороны границы. Открыты переходы «Домачево – Словатычи», «Песчатка – Половцы», на территории национального парка «Беловежская пуща» открылся пункт пропуска «Переров – Белавежа».

Развивается инфраструктура международных пограничных переходов европейского значения. В этой сфере Брестская область активно сотрудничает с программой TACIS и уже реализовано большое количество проектов.

Ежегодно проходит международная выставка-ярмарка «Брест. Содружество». Представители Брестской области с 2001 года также принимают участие в ежегодных международных выставках «Любдом».

Еврорегион «Буг» – один из перспективных еврорегионов с участием Республики Беларуси, деятельность которого направлена на всестороннее сотрудничество между приграничными территориями Беларуси, Польши и Украины с целью оптимизации взаимодействия и получения максимальных выгод для всех участников трансграничного сотрудничества.

Еврорегион «Неман»

Соглашение о создании Еврорегиона «Неман» подписано 6 июня 1997 г. Гродненской областью (Беларусь), Сувалкским воеводством (Польша), Алитусским и Мариампольским уездами (Литва), тогда же был утвержден его устав.

Еврорегион «Неман» объединяет с белорусской стороны – Гродненскую область, с польской стороны с 1998 года – Подлясское воеводство, с литовской стороны – Мариямпольский, Алитусский и Вильнюсский поветы, с российской стороны с 2002 года – Черняховский, Краснознаменский, Озерский, Гусевский и Нестеровский районы Калининградской области.

Площадь территории еврорегиона – 69 800 кв. км.

Численность населения еврорегиона – 3 600 000 человек.

По территории еврорегиона «Неман» протекает река Неман – третья по величине река в Беларуси. Её общая протяжённость – 937 км, кроме того особое внимание с точки зрения географических и ландшафтных особенностей привлекает Августовский канал, который соединил бассейны Немана и Вислы. Леса занимают более 1/3 территории еврорегиона. Сохранились такие крупные лесные массивы как Налибокская, Липичанская, Графская, частично Беловежская пущи.

Экономика еврорегиона представлена предприятиями пищевой, деревообрабатывающей, топливной промышленности, машиностроения.

Так как в состав еврорегиона входят территории четырех государств, особое значение для региона имеет развитие транспортных и телекоммуникационных систем, а также развитие инфраструктуры туризма и отдыха, придорожного сервиса. В городах Гродно и Лида функционирует свободная экономическая зона «Гродноинвест».

В культурном наследии региона ведущую роль играют его замечательные архитектурные ансамбли. В них соседствуют памятники различных эпох и стилей, в которых отражена сложная история этой территории. Еврорегион «Неман» выражает стремление к дружественному взаимовыгодному трансграничному сотрудничеству на территории Беларуси, Польши, Литвы и России.

Структура управления еврорегиона «Неман» состоит из Совета, Президиума Совета и Секретариата. Направления деятельности еврорегиона:

– совместные мероприятия в экономических отношениях;

– реализация совместных экологических проектов;

– сотрудничество в сферах образования, культуры, туризма;

– развитие приграничной инфраструктуры.

Реализованные проекты (с участием белорусской стороны): ежегодная многоотраслевая выставка-ярмарка Еврорегион «Неман», целью которой является активизация сотрудничества между субъектами хозяйствования Беларуси, Польши, Литвы, России; заключение договоров; демонстрация и продажа товаров народного потребления.

Кроме того, общественными объединениями еврорегиона «Неман» были осуществлены следующие проекты:

Инфорегион «Неман» (2001–2002), в рамках которого в г. Гродно прошел Форум общественных организаций еврорегиона «Неман», осуществлялась электронная рассылка «Неман-инфо», была создана база данных организаций еврорегиона;

«ПоЛиБелКа» (2003, 2006) – Международные молодежные школы с участием активистов общественных организаций из приграничных районов Польши, Литвы, Беларуси и Калининградской области России.

Проект в рамках программы добрососедства «Польша-Беларусь-Украина» «Биомеханическое исследование и разработка методов улучшения опорно-двигательного аппарата детей Подлясья и Гродненщины»

Кроме того, в рамках финансирования, полученного от Фонда малых проектов, управляемого Ассоциацией Еврорегион «Неман» (Польша), было реализовано несколько трансграничных мини-проектов с участием белорусских партнеров, в том числе:

– «Зеленые легкие Европы»: цикл семинаров, посвященный вопросам инвентаризации памятников исторического и культурного наследия в приграничных районах Беларуси, Польши и Украины (2007);

– издание многоязычной версии поэмы Н. Гусовского «Песнь о зубре», беларуско-польскоязычных книг «Легенды и мифы: от Немана до Буга» и «Традиционная кухня Белосточчины и Гродненщины» и др. (2007);

– «В поисках пересечения культур»: молодежные краеведческие экспедиции по Подлясью и Гродненщине (2008–2009).

Источниками финансирования являются средства местных бюджетов, программы международной технической помощи.

В целом, еврорегион «Неман» можно рассматривать как пример успешного трансграничного сотрудничества между территориями четырех государств направленного не только на совершенствование организации бизнеса и экономической кооперации в пределах трансграничного сотрудничества, но и на достижение общеобразовательных, культурно-познавательных целей и развитию туризма между регионами.

Еврорегион «Озерный край»

4 сентября 1998 г. в Браславе было подписано положение о Совете по трансграничному сотрудничеству приграничных районов трех государств. 29 января 1999 г. в г. Игналина (Литва) Совету придан статус еврорегиона, определены структура, направления сотрудничества, подписана заявка на членство в Ассоциации европейских приграничных регионов.

В состав еврорегиона входят: Браславский, Верхнедвинский, Миорский, Поставский и Глубокский районы (Беларусь); Даугавпилсский, Краславский, Прейльский и Резекненский районы, включая города Даугавпилс и Резекне (Латвия); Зарасайский, Игналинский, Утенский и Швенченский районы, включая город Висагинас (Литва).

Еврорегион «Озерный Край» обладает значительными культурно-историческими ресурсами, представленными монументальными объектами историко-культурного наследия, народными промыслами, музейными экспозициями и регулярными мероприятиями (фестивали, ярмарки, конкурсы и т.п.).

Предприятия различных форм собственности на территории еврорегиона представлены, преимущественно, предприятиями пищевой, перерабатывающей и легкой промышленности. Развитие сельского туризма в еврорегионе будет способствовать формированию устойчивого спроса на услуги местного производства, что может стать одним из факторов поддержки местного сельскохозяйственного производства и сферы услуг.

Направления деятельности еврорегиона: пространственное планирование, образование, общественные организации, спорт, социальная сфера, культура, туризм и защита окружающей среды, развитие экономики, содействие предпринимательству, развитие инфраструктуры, решение проблем пересечения границ.

Реализованные проекты: первый проект трансграничного сотрудничества реализован в рамках программы ЕС Phare CREDO – «Создание Латвийско-белорусского информационного центра»; в июне 2001 г. выполнен проект «Разработка стратегии еврорегиона»; в 2002 г. еврорегион «Озерный край» получил финансирование на выполнение проекта «Укрепление административной структуры еврорегиона».

В сотрудничестве с муниципалитетом Ландкрейс Баутзен (Германия) директорат еврорегиона «Озерный край» разработал и представил для малых проектов TACIS CBC проект «Озерный край – менеджмент и маркетинг сельского туризма». Латвийское бюро директората в сотрудничестве с Зарасайским бизнес-информационным центром с октября 2002 г. до сентября 2003 г. реализовало проект «Содействие развитию малого и среднего бизнеса на территории еврорегиона «Озерный край» с помощью мероприятий по трансграничному сотрудничеству».

В 2003–2004 гг. на всей территории еврорегиона «Озерный край» под руководством латвийского бюро в рамках программы Phare реализован проект «Улучшение сети кулинарных услуг в Латгалии на основе концепции кулинарного наследия». Проект «Кулинарное наследие как метод развития сети регионального туризма в контексте еврорегиона Озерный край» был утвержден программой INTERREG IIIA и реализован с мая 2005 до июня 2006 г.

Первый миллионный проект еврорегиона «Озерный край» – «Развитие сети веломаршрутов в Балтийском Озерном крае» был утвержден программами INTERREG IIIA и TACIS. Срок реализации проекта – с ноября 2005 г. по октябрь 2007 г. на территории Латвии и Литвы и до мая 2008 г. – на территории Беларуси.

Источники финансирования: за 15 лет существования еврорегиона реализовано совместных проектов более чем на 15 000 000 евро, и до 2020 года планируется реализовать еще несколько проектов общей стоимостью свыше 20 млн., большая часть денежных средств получена из фондов ЕС и Норвегии.

Еврорегион «Озерный край» – это развивающийся еврорегион, который включает в себя территории Беларуси, Литвы и Латвии, а также в ближайшем будущем планируется присоединение некоторых приграничных территорий Эстонии. Этот еврорегион не только имеет целью развитие туризма, но и проводит ежегодные фестивали и всевозможные мероприятия, направленные на развитие экологического, сельского туризма без нарушения естественной среды.

Еврорегион «Беловежская пуща»

Белорусско-польский еврорегион «Беловежская пуща» создан 22 мая 2002 г. в городе Хайновка (Республика Польша). В этом же году он был зарегистрирован в министерствах иностранных дел Польши и Беларуси. Еврорегион «Беловежская пуща» объединяет с белорусской стороны – Каменецкий, Пружанский, Свислочский районы, с польской – Гайновский повет. Площадь территории еврорегиона – 7 500 кв. км. Численность населения еврорегиона – 174 700 человек.

Само название еврорегиона говорит о том, что основная природная достопримечательность еврорегиона – это уникальный крупнейший массив древних лесов Европы – Беловежская пуща. Средний возраст лесов Беловежская пуща составляет более 100 лет, отдельные участки леса имеют возраст 250–350 лет. В пуще зарегистрировано более тысячи деревьев-великанов. Беловежская пуща по числу видов растений и животных не имеет себе равных в Европе.

В пуще хорошо развита туристическая инфраструктура: многочисленные места отдыха, этнографический музей-заповедник лесной дороги, смотровая площадка, смотровая башня, мостики и образовательные таблицы.

Структура управления: международный Совет Еврорегиона, секретариат еврорегиона «Беловежская пуща». Направления деятельности еврорегиона: охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов; трансграничный экологический и культурный туризм; общественно-хозяйственное, культурное и научно-образовательное сотрудничество в приграничных территориях; сохранение уникального природного комплекса Беловежской пущи, в значительной мере определяющего климат континента. С 2003 г. представители еврорегиона работают в составе белорусско-польской межправительственной координационной комиссии по трансграничному сотрудничеству. Реализованные проекты: открытие туристского перехода «Переров – Беловежа»; проект «Укрепление пози-

ций общественных экологических организаций в Беларуси»; проект региональной программы ПРООН «Экологически устойчивое развитие региона Беловежская пуща: совмещение охраны природы и устойчивого развития»; проект TACIS «Укрепление трансграничного сотрудничества с целью регионального развития территории Беловежской пущи, на основе принципов участия и устойчивости». Главная цель проекта – экологическое образование и развитие экологического и аграрного туризма; проект «Развитие трансграничного туризма в регионе Беловежской пущи» – Программа добрососедства Польша-Беларусь-Украина ИНТЕРРЕГ IIIA / ТАСИС СВС 2004–2006. Целью проекта являлась разработка трансграничных туристских маршрутов, обучение персонала гостиничных комплексов, маркетинг экотуризма; проект «Балтийская сеть Еврорегионов – Восток» – Программа добрососедства «Регион Балтийского моря» ИНТЕРРЕГ III B.

Источники финансирования: финансирование проектов осуществляется за счет привлечения средств Европейской комиссии и других доноров. Кроме того, в рамках финансирования, полученного от Фонда малых проектов, управляемого Ассоциацией самоуправлений Еврорегиона «Беловежская пуща» (Польша), польскими организациями осуществлялась реализация трансграничных мини-проектов с участием белорусских партнеров.

Еврорегион принимал участие в региональной программе ПРООН по развитию управленческого потенциала в области охраны окружающей среды в рамках проекта «Экологически устойчивое развитие региона «Беловежская пуща»: совмещение охраны природы и устойчивого развития».

Таким образом, еврорегион «Беловежская Пуща» – это пример еврорегиона, основной целью деятельности которого является не развитие экономической кооперации, а охрана окружающей среды, рациональное использование природных ресурсов, трансграничный экологический и культурный туризм, культурное и научно-образовательное сотрудничество, сохранение уникального природного комплекса беловежской пущи. Это один из примеров взаимодействия нескольких государств для сохранения и развития памятника природы, имеющего ценность для всей Европы.

Еврорегион «Днепр»

Составной частью мирового трансграничного процесса являются процессы на постсоветском пространстве. Одним из звеньев этого процесса является трансграничный еврорегион «Днепр». Еврорегион «Днепр» – приграничное сообщество, созданное в 2003 г. на территории трёх государств: Брянской области Российской Федерации, Гомельской области Беларуси и Черниговской области Украины. «Днепр» стал первым еврорегионом на постсоветском, пространстве, созданным без участия стран-членов и кандидатов на вступление в ЕС.

На территории еврорегиона имеется большое количество памятников архитектуры и историко-культурных мест. Главная цель Еврорегиона «Днепр» – содействие социально-экономическому развитию, научному и культурному сотрудничеству приграничных территорий Черниговской, Гомельской и Брянской областей. Структура еврорегиона включает в себя: Совет Приграничного сообщества еврорегиона; Президиум Сообщества; Секретариат Сообщества; Координационные бюро Секретариата в Гомеле, Брянске и Чернигове; Ревизионную комиссию; Рабочие группы.

В качестве основных направлений деятельности еврорегиона можно назвать экономику и занятость, транспорт и связь, культуру и образование, туризм, здравоохранение, социальную сферу, инфраструктуру и защиту окружающей среды. В области экологии приоритетными и первоочередными являются вопросы, связанные с последствиями Чернобыльской аварии, а также проблемы бассейнов рек Десны и Днепра.

Реализованные проекты в рамках деятельности еврорегиона – управление процессом развития территорий Еврорегиона «Днепр»; серия обучающих тренингов по вопросам управления проектами для некоммерческих организаций и НТО; приоритеты и механизмы принятия решений по территориальному развитию в сотрудничестве с общественностью, конференция по проблемам реабилитации территорий, пострадавших от аварии на ЧАЭС, кластерная модель развития туризма, проблематика утилизации бытовых отходов в Еврорегионе «Днепр», международный институт славистики.

В рамках деятельности Еврорегиона «Днепр» ежегодно проводится ряд культурных, спортивных и прочих мероприятий, в том числе ежегодные конференции по вопросам деятельности Еврорегиона; ежегодный международный молодежный фестиваль на границе 3 республик у Монумента Дружбы; международные туристические форумы; международные конкурсы «Славянская кухня»; выставки товаров «Сиверские контракты»; международные фестивали «Славянские театральные встречи» и много других мероприятий.

Еврорегион «Днепр» – это не только первый еврорегион, образованный без участия стран, входящих или готовящихся к вступлению в ЕС, но еще и регион, основными направлениями трансграничного сотрудничества которого являются популяризация туризма и экологического туризма, а также борьба с загрязнением окружающей среды и совместное решение экологических проблем.

В 2014–2020 гг. ЕС финансирует 12 программ сухопутной границы, 1 программу морского перехода, а также 4 программы морского бассейна. Для Республики Беларусь в вышеназванный период доступны три программы трансграничного сотрудничества ЕИД (табл. 1): Польша-Беларусь-Украина, Латвия-Литва-Беларусь, Регион Балтийского моря.

Таблица 1

Программы трансграничного сотрудничества Европейского инструмента Добрососедства (ЕИД) на 2014–2020 гг., которые доступны Республике Беларусь

Программа	Страны-участницы и их территориальные единицы	Источник финансирования, млн евро		
		ЕИД	ЕФРР	Общая сумма
Программы сухопутных границ				
Польша-Беларусь-Украина;	**Польша:** субрегионы Подкарпатского, Подляского, Люблинского, Мазовецкого воеводств **Беларусь:** Гродненская, Брестская, Гомельская, Минская области, г. Минск **Украина:** Львовская, Волынская, Закарпатская, Ровенская, Тернопольская и Ивано-Франковская области	37	37	74
Латвия-Литва-Беларусь;	**Латвия:** Латгальский и Земгальский регионы **Литва:** Утенский, Вильнюсский, Алитусский, Паневежский уезды **Беларусь:** Гродненская, Витебская, Минская, Могилевская области, г. Минск	87,9	87,9	175,8
Программа морского бассейна				
Регион Балтийского моря	**Финляндия, Швеция, Дания, Норвегия, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Беларусь, Германия** (Мекленбург-Передняя Померания, Шлезвиг-Гольштейн, Бранденбург, Люнебург, Берлин, Гамбург, Бремен), **Россия** (Мурманская, Ленинградская, Псковская, Калининградская, Вологодская, Новгородская, Архангельская области, Республика Карелия, Республика Коми, Ненецкий округ, Санкт-Петербург)	8,8*	263,8	8,8*

* Средства только для заявителей из Беларуси и России при подписании этими странами соответствующих соглашений о финансировании. Источник: разработка автора на основе: Совместная операционная программа Регион Балтийского моря. – http://www.interreg-baltic.eu/fileadmin/user_upload/about_programme/BSR-Cooperation-Programme.pdf

Таким образом, в Еврорегионах расширяются экспортные возможности и упрощаются условия деятельности субъектов хозяйствования. Формируются условия для рационального использования имеющихся ресурсов, снижения операционных издержек, а также совместного выхода на рынки социально-экономического и культурного сотрудничества. При этом следует предусмотреть создание финансовых и правовых условий, способствующих совместному развитию объектов социальной инфраструктуры. В туристско-рекреационном комплексе предстоит осуществить функциональное обновление малых и средних туристических комплексов, создание новых объектов агроэкотуризма, формирование и использование общей системы межгосударственных электронных услуг[1].

[1] Максимчук, А.И. Сектор малых и средних предприятий стран Восточной Европы: избранные проблемы: монография / А.И. Максимчук, Л.Н. Давыденко и др. – Сувалки: ГВПШ им. проф. Эд. Ф. Щепаника в Сувалках, 2016. – С. 262.

Журавель В.П.[1]

ИТОГИ ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВА В АРКТИЧЕСКОМ СОВЕТЕ КАНАДЫ, США И ФИНЛЯНДИИ (2013–2019 гг.)

***Ключевые слова**: Арктический совет, Арктика, Россия, Канада, США, Финляндия.*
***Keywords:** Arctic Council, Arctic, Russia, Canada, USA, Finland.*

Вступление

Функции председателя в Арктическом совете переходят от одной страны-участницы к другой на ротационной основе и выполняются ими в течение двух лет. К настоящему времени все страны прошли первый круг ротации, и Канада, приступив к выполнению роли главного организатора деятельности Арктического совета в 2013 г., открыла второй круг председательства. За ней последовали США и Финляндия.

Председательство в Арктическом совете Канады

Канада позиционирует себя как северная нация. Согласно официальной методике, основанной на административном делении страны, к канадскому Северу относят территории, расположенные к северу от 60-й параллели. Площадь северного региона – 3.9 млн. кв. км, что составляет около 40% территории Канады. Численность населения – около 100 тыс. человек. Плотность населения невысока, основная его концентрация приходится на столичные города. Коренное население (основные группы – метисы, инуиты – канадские эскимосы, индейцы дене) составляет около 53%. Канадский Север разделен на три субъекта федерации – Северо-Западные территории (СЗТ), Юкон и Нунавут (образован 1 апреля 1999 г.). Превращение трех северных территорий Канады в самодостаточные регионы определено в качестве долгосрочной северной стратегии. В первую очередь ставится задача достижения позитивной динамики в политическом развитии территорий, создания условий для извлечения территориями и местным коренным населением максимальных выгод из экономических возможностей Севера, обеспечения направляющей роли федерального центра в природоохранной сфере, содействия международному сотрудничеству в Арктике и на Севере[2].

Север является фундаментом ее национальной идентичности, приоритетным направлением внутренней и внешней политики[3]. В документе «Северная стратегия Канады: наш Север, наше наследие, наше будущее» (2009 г.) изложены ее основные положения: осуществление суверенитета Канады в Арктике; содействие социально-экономическому развитию; защита окружающей среды Севера; развитие управления в интересах прав местного населения. В своей внешней политике Канада претендует на расширение континентального шельфа в Арктике, где у неё есть спорная территория с Россией. Это вопросы о границах по хребту Ломоносова; острове Ханс, разграничительной линии в морях Линкольна и Бофорта. Статус Северо-Западного прохода Канада предпочла бы видеть под своим контролем. В вопросе о статусе Северо-Западного прохода позиция Канады совпадает с позицией России по национальному статусу Северного морского пути[4].

Председательство Канады в Арктическом совете было достаточно продуктивным[5], в частности:

– Был образован постоянный секретариат Арктического совета, согласованы все вопросы, необходимые для обеспечения его работы (кадровые, финансовые, организационные);

– Произошло дальнейшее расширение диапазона его деятельности на широкий круг практических дел, включая некоторые вопросы, связанные с добычей полезных ископаемых;

– Заключено второе в истории Арктического совета международное соглашение – Соглашение по предотвращению разливов нефти и борьбе с возможными последствиями;

– Достигнута договорённость о создании новой площадки для переговоров – Арктического экономического совета;

---

[1] Журавель Валерий Петрович – к.п.н., доцент, в.н.с., руководитель Центра арктических исследований Института Европы РАН. E-mail: zhvalery@mail.ru

[2] Тимашева Т.Н. Политика Канады в Арктике // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2012. – № 1. – С. 106.

[3] Лукин Ю.Ф. Многомерность пространства Арктики. – Архангельск: САФУ им. М.В. Ломоносова, 2017. – С. 193-198.

[4] Байерз М. Правовой статус Северо-Западного прохода и арктический суверенитет Канады: прошлое, настоящее, желаемое будущее // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2011. – № 2. – С. 92–128.

[5] Журавель В.П. Арктический совет: переход председательства от Канады к США/ В.П. Журавель, Н.М. Антюшина // Обозреватель – Observer. – М., 2015. – № 3. – С. 48.

– Принято решение об образовании коллективного фонда для совместного финансирования природоохранных проектов;

– Был расширен состав стран-наблюдателей в Совете на основе предварительно разработанных критериев для приёма новых членов в Арктический совет в качестве постоянных наблюдателей;

– Подготовлен второй доклад по человеческому измерению арктической политики, который важен для выработки социально-экономической политики в Арктике и защиты интересов коренного населения.

Председательство в Арктическом совете США

Председательство США в АС проходило с 2015 по 2017 год, в период, когда в мире резко осложнилась общественно-политическая обстановка. Все страны арктического региона установили санкции против России, которая, в свою очередь, ответила на них своими контрсанкциями. В результате чего по многим направлениям было свернуто арктическое сотрудничество, особенно по вопросам охраны окружающей среды. Но к чести США они не перенесли существующие противоречия между США и России в работу самого АС, чего не скажешь о Канаде, которая председательствовала в АС перед США.

Во-первых, в деятельности Совета был достигнут прогресс в развитии многостороннего сотрудничества береговых охран. Так, 31 октября 2015 г. в городе Нью-Лондоне (США) официальными представителями ведомств, осуществляющих функции береговых охран государств-членов Арктического совета было подписано Совместное заявление о намерении развивать многостороннее сотрудничество в формате Арктического форума береговых охран. Он имеет статус самостоятельной организации, не связанной юридически обязывающим договором. В нем приняли участие Россия, Дания, Исландия, Канада, Норвегия, США, Финляндия, Швеция. Смена председательства организована по принципу ротации с регулярностью раз в два года и взаимоувязана с председательством сторон в Арктическом совете. В Арктическом форуме береговых охран, несмотря на ряд отличий в функциях участвующих в Форуме ведомств на национальном уровне, имеется огромный потенциал для совместного решения вопросов региональной безопасности. Объединение совместных усилий позволит повысить уровень морской безопасности и безопасности каждого человека, находящегося в Арктике.

Во-вторых, плодотворно прошли консультации по вопросам международного рыболовства в Северном Ледовитом океане. В июне 2015 г. Россия, США, Норвегия, Канада и Дания подписали соглашение о запрете рыбной ловли в международных водах Арктики. Договоренность касается района открытого моря, расположенного за пределами исключительных экономических зон приарктических государств.

В-третьих, впервые за всю историю АС США изучили состояние и проблемы коммуникационных сетей в Арктическом регионе.

В-четвертых, как показал анализ, в ходе своего председательства США осознали и публично признали, что в своей деятельности страна ранее недостаточно уделяла внимания Арктике и сильно в этом плане отстала от России, Норвегии и Канады[1]. То, что Б. Обама, как первый действующий Президент США, побывал за Полярным кругом, встретился с жителями этой территории, является ярким тому подтверждением.

США отстают в строительстве ледоколов. В настоящее время у них их три, но способных действовать в арктических широтах – два. Кроме того, по мнению экспертов, существующие ледоколы не могут быстро и эффективно помочь в ликвидации возможных катастроф при добыче нефти в Северном Ледовитом океане. Президент США принял решение начать строительство еще одного тяжелого ледокола общей стоимостью до 1 млрд. долларов с вводом в строй на два года раньше – в 2020 году. 5 мая 2017 г. командующий береговой охраной США Пол Заканфт в своем заявлении[2] пожаловался на недостаточность ледоколов в стране.

В этот период был проведен ряд мероприятий по укреплению интереса граждан США внутри страны к полярным делам, информированию рядовых американцев об «арктическом статусе» Америки. Речь в первую очередь идет о подписании Конвенции ООН по морскому праву. Неучастие в ней вредит имиджу, создает нестыковку позиции США и стран-партнёров по АС и потенциальную возможность для изменения позиции государства по проблемам Арктики.

В-пятых, следует отметить, что в период председательства США рабочие органы АС продолжали функционировать в прежнем режиме, что позволило Соединенным Штатам вместе с коллегами по АС подготовить к подписанию в Фэрбанксе ряд важных документов: «Декларацию Фэрбанкса» и Соглашение о развитии международного арктического научного сотрудничества.

В «Декларации Фэрбанкса» подтверждается приверженность мирному развитию Арктики, взаимовыгодному сотрудничеству с упором на природоохранную деятельность и подчеркивается важность выработки совместных шагов по адаптации к изменениям климата.

Соглашение о развитии международного арктического научного сотрудничества[3] направлено на развитие международного арктического научного сотрудничества с целью повышения результативности и эффективности развития научных знаний об Арктике. Предусматривается облегчение проведения международных научных исследований в Арктике, активизация контактов между учёными, обмен результатами научных исследований, упрощение пересечения границы и возможности совместного использования научной инфраструктуры. В нем четко определены географиче-

[1] Журавель В.П. Арктический совет: председательство США (первые итоги) // Современная Европа. – М., 2016. – № 2. – С. 19–21.

[2] Россия не оставила шансов США в Арктике. 5 мая 2017 г. – https://www.ridus.ru/news/251741

[3] Проект данного Соглашения был одобрен распоряжением Правительства РФ от 19 апреля 2017 г. № 735-р.

ские районы, в отношении которых страны-участницы Соглашения в соответствии с национальным законодательством и международным правом будут оказывать содействие в получении разрешений на проведение исследований, в доступе в районы проведения исследований, к использованию научной инфраструктуры и др. Соглашение составлено таким образом, чтобы не наносить ущерба уже имеющимся соглашениям между арктическими и внерегиональными государствами и не сужать возможности осуществлять научные исследования в Арктике внерегиональным государствам. Разработка указанного Соглашения осуществлялась на протяжении четырех лет специально созданной целевой группой АС. Сопредседателями группы являлись Россия и США.

Председательство США в Арктическом совете завершилась встречей министров иностранных дел в Фэрбанксе, которая прошла в доброжелательной обстановке. Изначально местом встречи был выбран более крупный город Анкоридж. Однако общественность Фэрбанкса предложила провести форум именно в этом городе, так как он является самым северным населенным пунктом США с авиационным и железнодорожным сообщениями. Министр иностранных дел Канады Христя Фриланд приветствовала российскую делегацию на русском языке. Министр иностранных дел России Сергей Лавров, посол России в США Сергей Кисляк и мэр Фэрбанкса Джим Матерли по окончании встречи возложили венки к памятнику героям воздушной трассы Аляска – Сибирь. Всего с 1942 по 1945 год в рамках ленд-лиза советские и американские летчики перегнали из этого города около 8 тыс. боевых самолетов[1]. Одним из итогов прошедшего в Фэрбанксе мероприятия стало наделение статусом наблюдателя в Арктическом совете Швейцарии. Хотя данный статус не предоставляет стране права голоса, это событие в очередной раз демонстрирует повышенный интерес к Арктике со стороны широкого круга неарктических государств[2].

Председательство в Арктическом совете Финляндии

Глава МИД Финляндии на встрече в Фэрбанксе, принимая председательство в АС, в своем выступлении назвал четыре основные направления работы до 2019 года. Это:

во-первых, охрана окружающей среды, включая сохранение биоразнообразия в северной полярной зоне. Здоровые экосистемы и благополучие людей в Арктике требуют эффективных природоохранных мер. Предлагается и в дальнейшем сосредоточиться на сохранении биологического разнообразия и предотвращении загрязнений, адаптации к изменению климата, обмене информацией о передовом опыте и новых технологиях для содействия устойчивому и ответственному развитию Арктики;

во-вторых, развитие связи и коммуникационных сетей в регионе. Услуги электронной связи повышают безопасность и качество жизни тех, кто проживает или временно находится в Арктике. Доступ к широкополосной связи облегчает электронное обучение, позволяет создавать цифровые медицинские, социальные службы и подключаться к средствам массовой информации. Предлагается продолжить работу Арктического совета по телекоммуникациям и изучить возможности улучшения связи и доступности широкополосного интернета в Арктике;

в-третьих, увеличение количества метеостанций для мониторинга состояния льдов, океана и атмосферы. Это повысит общественную безопасность, принесёт пользу международному судоходству и воздушному движению и поможет в развитии науки о климате в Арктике, повысит качество работы сетей мониторинга и наблюдения, а также улучшит управление рисками, связанными с климатом и водой. Усиленный мониторинг на суше, на море, в атмосфере и в космосе поможет в получении точных данных и заполнении географических пробелов, что, в свою очередь, приведет к улучшению транспортных услуг и прогнозирования метеорологических явлений в Арктике, а также будет способствовать разработке столь необходимых сценариев климатических изменений. Предлагается развивать углублённое сотрудничество между арктическими государствами при содействии Всемирной метеорологической организации;

в-четвертых, внедрение образовательных программ для молодежи коренных народов[3].

Говоря об особенностях этого периода председательства Председатель Комитета старших арктических должностных лиц в АС Алекси Хяркёнен отметил, что несмотря на сложную международную обстановку «опыт Финляндии в качестве председателя Арктического совета с мая 2017 г. показывает, что все государства – члены Совета хотят продолжения конструктивного взаимодействия в Арктике. Кажется, что в неспокойных водах межгосударственных отношений это именно та лодка, которую арктические страны не хотят раскачивать. В качестве председателя Финляндия сделает все от нее зависящее для сохранения этого курса»[4].

Финляндия в своей деятельности на арктическом направлении выступает за сохранение стабильности и мирного характера Арктики, считает, что регион может и должен развиваться как пространство сотрудничества и безопасности.

Финляндия, как и другие страны Северной Европы, признавая успехи России в освоении и развитии Арктики[5], с беспокойством фиксирует увеличение ее военного присутствия в Арктике. Однако анализ показывает, что уровень милитаризации Арктики не выходит за пределы разумной достаточности. Всякие обвинения России в милитаризации

---

[1] Добро пожаловать в Фэрбанкс: сотрудничество в Арктике на деле, а не на словах. 12.05.2017. – http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4246374; Лавров и Кисляк возложили цветы к памятнику героям Алсиба на Аляске. 12.05.2017. – http://tass.ru/politika/4246202

[2] Тодоров А.А. На Аляске подписано третье панарктическое соглашение. Что принесёт России председательство Финляндии в Арктическом совете? 15.05.2017. – https://riss.ru/analitycs/40836/

[3] Финляндия представила программу своего председательства в Арктическом совете. 8.05.2017. – http://ru.uarctic.org/novosti/2017/5/finlyandiya-predstavila-programmu-svoego-predsedatel-stva-v-arkticheskom-sovete/

[4] Хяркёнен А. Финляндия-председатель в Арктическом совете (2017–2019) // Арктические ведомости. 2018. – № 1. – С. 13.

[5] Журавель В.П. Государственная комиссия по вопросам развития Арктики: итоги работы первых двух лет // Государственный аудит. Право. Экономика. 2017. – № 1. – С. 30–36.

Арктики беспочвенны. Принимаемые нашей страной меры по развертыванию военной инфраструктуры направлены для защиты национальных интересов России, способствуют сохранению баланса сил в регионе. Сейчас важно восстановить военные контакты, уменьшить подозрения, чтобы избежать любых недоразумений между странами НАТО и Россией.

Финляндия председательствовала в АС под девизом «В поиске совместных решений». За первый год председательства Финляндии состоялись два плановых заседания старших должностных лиц АС. Первое в городе Оулу 25–26 октября 2017 г., второе – 22–23 марта 2018 г. в городе Леви. В этот период состоялось также множество других заседаний экспертных групп и форумов.

Во время первого заседания старших должностных лиц Арктического совета образование было одной из самых главных тем обсуждения. АС ознакомился с отчетами его рабочих групп, а представитель Министерства образования и культуры Финляндии представил подходы их страны по этому вопросу. Представители стран-участниц АС 22–23 ноября 2017 г. в Санкт-Петербурге приняли участие в XVIII Международной научной конференции «Реальность этноса: роль образования в сохранении и развитии языков и культур коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации».

Так, во время второго заседания старших должностных лиц были обсуждены вопросы улучшения прогноза изменения климата и его последствий в Арктике, усиления и координации систем наблюдения и анализа полученных данных, а также разработки новых инновационных методов наблюдения за арктической атмосферой и криосферой. Всемирная метеорологическая организация 20 марта 2018 г. в г. Леви организовала Арктический метеорологический саммит[1], на котором российскую делегацию возглавил руководитель Росгидромета Яковенко М.Е. Основной темой выступлений и обсуждения были перспективы научного и метеорологического сотрудничества в Арктике[2].

В финском городе Рованиеми 10-11 сентября 2018 г. прошел Форум по жизнеспособности Арктики. С 9 по 11 октября 2018 г. прошел второй Конгресс по арктическому биоразнообразию. В ходе его работы участники рассмотрели ситуацию в Арктике с точки зрения выполнения Стратегического плана по биоразнообразию на 2011–2020 гг. 11–12 октября 2018 г. состоялась встреча Министров окружающей среды арктических государств, а 5–26 октября в Берлине прошла вторая Министерская встреча по арктической науке. С 29 октября по 2 ноября 2018 г. прошла студенческая модель Арктического совета.

12–14 марта 2019 г. в Руке (Финляндия) состоялось двухдневное пленарное заседание Комитета старших должностных лиц АС – финальное в период председательства Финляндии в этой организации в 2017–2019 гг. В ходе прошедших мероприятий были подведены итоги двух лет работы АС и в целом одобрены материалы, которые будут представлены министрам иностранных дел арктических стран на встрече в Рованиеми (Финляндия) 6–7 мая 2019 г.[3] На этой же встрече председательство в АС перейдет к Исландии. В Руке был в значительной степени согласован Стратегический план Арктического совета, первый документ подобного характера в работе АС, который позволит закрепить долгосрочные приоритеты и ключевые направления развития данной организации. Также был утвержден ряд документов для предстоящей в мае министерской сессии, предполагающих коллективные усилия по решению злободневных для арктического региона вопросов, в том числе по снижению выбросов черной сажи и метана. Кроме того, была рассмотрена работа финансового механизма АС – инструмента поддержки проектов, который содействует реализации практических действий, необходимых для устойчивого развития Арктики. Среди них – проекты по утилизации твердых бытовых отходов, сокращению и полному отказу от сжигания попутного нефтяного газа и «зеленому судоходству».

Итоги председательства Финляндии в Арктическом совете подвел Президент Финляндии, выступая площадке V Международного арктического форума «Арктика – территория диалога», который состоялся 9–10 апреля 2019 г. в Санкт-Петербурге.

С мая 2019 г. по май 2021 г. в Арктическом совете будет председательствовать Исландия.

Заключение

Проведенный анализ результатов председательства в АС Канады, США и Финляндии показывает, что они провели значительную работу по изучению Арктики, совершенствованию деятельности Арктического совета.

Главный итог арктического сотрудничества состоит в том, что взаимная заинтересованность в его укреплении и развитии не позволила заморозить его деятельность. Сотрудничество продолжает развиваться, Арктика по-прежнему остаётся зоной мира, международного сотрудничества и политической стабильности, несмотря на возникающие здесь экологические риски и военно-политические угрозы. Поэтому неслучайно в январе 2018 г. Арктический совет был номинирован учеными из 20 стран на Нобелевскую премию мира.

В 2021 г. в АС будет председательствовать Россия. Уже сейчас необходимо прорабатывать ее программу, чтобы продемонстрировать лидерство нашей страны на арктическом треке.

---

[1] Второе заседание Старших должностных лиц АС в период председательства Финляндии. – https://www.arctic-council.org/index. php/ru/our-work/news-and-events-ru/485-sao-levi-2018-01

[2] Метеорологический Арктический саммит. – http://www.meteorf.ru/press/news/16174/

[3] Старшие должностные лица Арктического совета подвели итоги работы в преддверии министерской встречи. – https://forumarctica.ru/news/starshie-dolzhnostnye-litsa-arkticheskogo-soveta-podveli-itogi-raboty-v-preddverii-ministerskoj-vstrechi/

Журавель В.П.[1]

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВО ИСЛАНДИИ (2019–2021 гг.) В АРКТИЧЕСКОМ СОВЕТЕ

Ключевые слова: *Арктический совет, Арктика, Россия, Финляндия, Исландия, экология.*
Keywords: *Arctic Council, Arctic, Russia, Finland, Iceland, ecology.*

Введение

На XI министерской встрече Арктического совета в Рованиеми (Финляндия) 7 мая 2019 г. председательство в Совете перешло от Хельсинки к Рейкьявику. Министр иностранных дел Финляндии Т. Сойни передал председательство в АС на очередной двухлетний период министру иностранных дел Исландии Г.Т. Тордарсону.

Арктическая стратегия и политика Исландии

Впервые Исландия председательствовала в АС в 2002–2004 гг. В этот период ею активно велась работа по расширению научного и образовательного сотрудничества арктических стран, интенсификации взаимодействия между Арктическим советом и Европейским союзом в рамках проекта ЕС «Северное измерение», а также по подготовке Международного полярного года (2007–2008). Среди новых тем, затронутых в период исландского председательства, можно отметить проблематику развития информационно-коммуникационных технологий в арктическом регионе. Помимо традиционных элементов повестки дня рассматривались вопросы финансирования деятельности АС. С этой целью был одобрен механизм Фонда поддержки его проектов[2].

После своего председательства Исландия начала активно заниматься разработкой своей национальной арктической стратегии и политики[3]. Исландское министерство по окружающей среде совместно с министерством по рыболовству и министерством иностранных дел опубликовало доклад «Океан – политика Исландии», в котором упор сделан на охрану окружающей среды, изменение климата, сохранение биологического разнообразия, устойчивое развитие, навигацию и туризм. В 2006 г. МИД Исландии опубликовал новый доклад – «Север встречается с Севером – навигация и будущее Арктики», посвященный судоходству и экологии. В 2009 г. внешнеполитическое министерство острова разработало доклад «Исландия на Крайнем севере», в котором затрагивается более широкий круг вопросов, включая военную безопасность, использование природных ресурсов, охрану окружающей среды, транспорт, культуру коренных народов, проведение наблюдений и осуществление научных исследований.

Данные подходы нашли свое последующее отражение в Концепции арктической стратегии Исландии, которая обсуждалась в её парламенте в начале 2011 г. Дискуссия закончилась тем, что Альтинг в своей резолюции от 28 марта 2011 г. сформулировал 12 ключевых положений (принципов) арктической политики страны, которая должна включать следующие направления:

- содействовать развитию и укреплению Арктического совета в качестве важнейшего консультативного органа по арктическим вопросам;
- обеспечивать статус Исландии в качестве арктической державы, вся территория которой находится в пределах Арктического региона;
- учитывать особенности географического положения Арктического региона, который с одной стороны простирается до Тихого океана, а с другой стороны примыкает к Атлантическому океану. То есть с точки зрения Исландии Арктику следует рассматривать как незамкнутое пространство, что влияет на её экологию, состояние которой зависит не только от арктических стран, но и от нерегиональных держав;
- строить политику, исходя из признания Конвенции ООН по морскому праву в качестве инструмента для решения всех спорных вопросов, которые возникают между странами в арктической зоне;
- укреплять сотрудничество с Гренландией и Фарерскими островами;
- поддерживать права коренных народов и содействовать их прямому участию в принятии решений, касающихся Крайнего севера;

[1] Журавель Валерий Петрович – к.п.н., доцент, в.н.с., руководитель Центра арктических исследований Института Европы РАН. E-mail: zhvalery@mail.ru

[2] Журавель В.П. Итоги председательства государств в Арктическом совете: сочетание национального и традиционного в развитии и освоении Арктики // Арктические чтения. Мат-лы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 15 февраля 2019 г. – СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2019. – С. 228–234.

[3] Антюшина Н.М. Арктика: новый формат международного сотрудничества. – М.: Ин-т Европы РАН, 2014. – С. 54–61.

• развивать международное сотрудничество с другими государствами и прочими заинтересованными сторонами с учётом исландских интересов в Арктическом регионе;

• признавать необходимость предотвращения антропогенного влияния на изменение климата и поддерживать принцип устойчивого развития;

• обеспечивать безопасность Арктического региона, противодействуя милитаризации региона. Сотрудничество Исландии с другими странами следует подчинять следующим задачам: сохранение биологических ресурсов, проведение научных исследований, организация поиска и спасания на водах, а также предотвращение загрязнения Арктики.

• развивать торговые связи между арктическими странами с учётом новых возможностей, создаваемых в результате усиления хозяйственной деятельности в Арктическом регионе;

• укреплять научный потенциал в области арктических исследований и содействовать утверждению за границей представлений об Исландии как места проведения различных заседаний, конференций и дискуссий по арктическим вопросам;

• содействовать обсуждению на национальном уровне арктической проблематики.

В последующие годы Исландия, придерживаясь этих положений[1], принимала участие в международном сотрудничестве, обеспечении безопасности региона, защите окружающей среды, разработке природных ресурсов, развитии транспорта, углублении международной кооперации в области наблюдений за окружающей средой и изучении происходящих изменений климата, сохранении традиционной культуры народов Севера. Особенностью исландской стратегии является упор на координацию участия страны в двустороннем и многостороннем сотрудничестве в Арктике. В настоящее время исландскими приоритетами являются расширение использования возобновляемых энергетических ресурсов, учёт интересов рыболовства и развитие сотрудничества в области образования и научно-технических исследований. Исландия связывает перспективы развития транспорта не только с судоходством, но и с воздушным транспортом. Страна выступает против милитаризации Арктики за пределами национальной юрисдикции, являясь участником ряда региональных организаций и соглашений, распространяющих своё действие на арктическую зону.

Основные направления председательства Исландии

На V международном форуме «Арктика – территория диалога» (г. Санкт-Петербург), президент Исландии Г. Йоуханнессон, а также на министерской встрече глава МИД Т. Сойни представили повестку председательства страны в АС на 2019–2021 гг.[2]. Было подчеркнуто, что устойчивое развитие станет центром программы председательства, при этом акцент будет сделан на экономике, на проблематике моря, окружающей среде и людях, проживающих в Арктическом регионе, а также на дальнейшем укреплении Арктического совета. Отмечено, что нынешнее правительство Исландии придаёт арктическим вопросам приоритетное значение в своей политике.

Обобщая стратегические документы Исландии по проблемам Арктики, а также учитывая заявленные предложения должностных лиц государства, можно предположить, что Рейкьявик планирует сосредоточиться на следующих темах:

– защита морской арктической среды, борьба с закислением океана;

– устойчивое развитие рыболовецкого сектора;

– снижение загрязнения океана, борьба с морским мусором, включая микропластик, разработка Регионального плана действий по сокращению объёма морского мусора и микрочастиц пластика в нём, организация по этой теме в апреле 2020 г. международного симпозиума;

– противодействие изменению климата и внедрение зелёной энергетики, продолжение работы по улучшению качества прогнозов погоды в Арктическом регионе, дальнейшее изучение возможностей повышения эффективности использования морских ресурсов. Подготовка к Министерскому заседанию в Рейкьявике в 2021 г. обновлённого доклада об изменении климата в Арктике;

– создание процветающего и устойчивого сообщества коренных народов живущих в Арктике через их социальное благополучие, качество жизни и развитие культурных и академических обменов, содействие диалогу по вопросам гендерного равноправия в Арктике;

– продолжение деятельности по усилению и повышению роли Арктического совета как эффективной площадки для диалога, укрепление сотрудничества с Арктическим экономическим советом и странами-наблюдателями.

На майской встрече в Романиеми Министр иностранных дел РФ С.В. Лавров поддержал повестку дня председательства Исландии и в очередной раз четко обозначил позицию России по деятельности Арктического совета и вопросам международного сотрудничества в Арктике на современном этапе[3]. На заседании им было отмечено, что существующее международное право позволяет надежно обеспечивать национальные интересы всех арктических государств и внерегиональных стран. Он подчеркнул, что Россия намерена содействовать повышению адаптации и ус-

[1] Арктическое пространство России в XXI веке: факторы развития, организация управления / Под ред. акад. В.В. Ивантера. – СПб.: Санкт-петербургский политехнический университет Петра Великого; Издательский Дом «Наука», 2016. – С. 383–385; Лукин Ю.Ф. Многомерность пространства Арктики. – Архангельск: САФУ им. М.В. Ломоносова, 2017. – С. 205–206.

[2] Пленарное заседание Международного арктического форума. 9 апреля 2019 г. – http://www.kremlin.ru/events/president/news/60250

[3] Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на XI Министерской сессии Арктического совета, г. Рованиеми, 7 мая 2019 г. – http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news//asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3637699

тойчивости Арктического региона к глобальным климатическим изменениям, минимизации антропогенного воздействия на окружающую среду, в том числе в русле реализации Парижского климатического соглашения и Повестки дня ООН в области устойчивого развития до 2030 г.

Анализируя первые месяцы председательства Исландии в Совете следует отметить, что она активное участие приняла в организации и проведении 10–11 июля 2019 года в Санкт-Петербурге III Международного рыбопромышленного форума и Выставки рыбной индустрии, морепродуктов и технологий[1]. Мероприятие объединило представителей более 250 компаний из 38 стран мира в количестве около 6 тысяч человек. Главным событием рыбопромышленного форума стало пленарное заседание на тему «Океан возможностей: природа, экономика, человек». Эксперты отрасли и представители официальных делегаций выступили на панельных сессиях «Цифровизация как инструмент трансформации рыбохозяйственной отрасли», «Как правильно продавать рыбу», «Арктика и Антарктика: ресурсный потенциал, запрет или рыболовство, элементы сотрудничества», «Раскрытие потенциала аквакультуры в России и мире: управление, ресурсы, рынки», «Стоимость рыбной отрасли: как оценить эффективность использования бизнесом общенационального ресурса?», «Экономика рыбного рынка: промысел, переработка, логистика, ритейл», «Рыболовство: социальное измерение как фактор развития территорий». На выставке Исландия представила свой национальный стенд.

Следует отметить, что на долю Российской Федерации приходится более 5,5% глобального объема добычи рыбы, это 4 место в мире. В 2018 году российскими рыбаками достигнут рекордный показатель вылова за последнюю четверть века – 5 млн. тонн водных биоресурсов, что почти на 5% выше уровня предыдущего года[2].

18–19 июня в Рейкьявике состоялось первое исполнительное заседание Комитета старших должностных лиц Арктическом совете. На нем также присутствовали организации коренных народов (Циркумполярная конференция инуитов, Международная ассоциация алеутов, Совет саамов, Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, Арктический совет атабасков и Международный совет гвичинов), а также представители стран и международных организаций, имеющих статус наблюдателя.

В ходе мероприятия особое внимание было уделено путям и средствам снижения угрозы засорения пластмассами морской среды Арктики. Следует отметить, что с 2016 г. страны Северной Европы проводят в мае ежегодные мероприятия по очистке побережья, в 2019 г. в рамках их инициативы только на исландских побережьях было собрано более 19 тонн мусора. Активность в этом направлении проявляет общественная организация «Сохранение океана», которая с 1986 г. проводит ежегодные мероприятия по очистке морских и океанских территорий в более чем 150 странах под общим названием «Международная *очистка побережий».* В уборке мусора с пляжей и береговой линии уже приняли участие около 14 миллионов добровольцев.

В ходе обсуждения участники подтвердили актуальность данной проблемы и отметили, что основные задачи в ее реализации будут заключаться в: уборке мусора с арктических пляжей и водных путей во всех 8 арктических государствах; определении источников замусоривания; повышении осведомлённости общества о проблемах, вызываемых морским мусором; побуждении людей к изменению поведения для решения данной проблемы.

Принято решение, что мероприятия по очистке приполярного побережья Арктики будет проводиться странами-членами в сотрудничестве с государствами-наблюдателями АС, а также с местными организациями и отдельными людьми. В процессе консультаций представители организации «Сохранение океана» предложили определить в каждом арктическом регионе сообщества, которые будут готовы участвовать в очистке побережья. Ими также обращено внимание на необходимость иметь достаточное количество средств и механизмов для работ по очистке ресурсов и материалов. Было отмечено, что проект «Международная *очистки побережий»* вполне соответствуют целям председательства Исландии в Арктическом совете, может помочь мобилизовать общественность для решения задач по защите арктической морской среды от засорения пластмассами в будущем. Предложено летом 2020 г. провести масштабную акцию «Очистка приполярного побережья Арктики».

Заключение

Завершившееся председательство Финляндии в Арктическом совете получило высокую оценку его членов, выразивших поддержку заступающей на этот пост Исландии. Не приняв совместной Декларации по итогам майской встречи, министры иностранных дел стран АС, вместе с тем, в итоговом заявлении подтвердили приверженность арктических государств поддержанию мира, стабильности и конструктивного сотрудничества в Арктике, отметили их лидирующую роль в процессах взаимодействия в Арктическом регионе.

По нашим оценкам, Республика Исландия в целом сможет реализовать заявленную программу, постарается ровно взаимодействовать со всеми странами, не будет злоупотреблять своим председательством и не станет лоббировать интересы Китая по арктическим вопросам, как это имело место в 2008–2014 гг. Однако, с учетом зависимости Исландии в своей арктической политике от США, Канады и Норвегии возможно как ослабление, так и обострение нынешней напряженности в российско-американских и российско-европейских отношениях. Для России это очень важно, так как в 2021 г. председательство в АС перейдет к ней.

---

[1] Подведены итоги III Международного рыбопромышленного форума. 12.06.2019. – http://fish.gov.ru/press-tsentr/novosti/27678

[2] Официальный сайт Международного рыбопромышленного форума. 12.06.2019. – fishexpoforum.com

На министерской встрече было отмечено, что в своей политике в Арктике Россия по-прежнему исходит из того, что актуальные проблемы региона можно решать только путем взвешенной и взаимовыгодной международной кооперации. РФ уже в настоящее время необходимо начать подготовку к своему председательству в Арктическом совете, обратив особое внимание на вопросы, которые интересуют все арктические государства.

Иванов Г.В.
к.э.н., Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск

ПЕРСПЕКТИВЫ, СОДЕРЖАНИЕ И ПРИОРИТЕТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ С ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ СОТРУДНИЧЕСТВА (ШОС)

***Ключевые слова**: Шанхайская организация сотрудничества, экспортно-импортные отношения, совместные экономические проекты, приоритетные направления сотрудничества.*
***Keywords**: Shanghai cooperation organization, export-import relations, joint economic projects, priority areas of cooperation.*

Современная мировая экономика характеризуется доминированием процессов глобализации и региональной интеграции, возникших во второй половине прошлого века и связанных, в основном, с появлением Интернета и глобальной финансовой системы. Развитие данных процессов на нынешнем этапе предоставляет каждому государству неограниченные возможности по раскрытию и эффективному использованию природно-ресурсного потенциала и задействованию на благо общественного развития всех имеющихся резервов в условиях резко усиливающейся конкуренции.

Очевидно, что в условиях глобализации и региональной интеграции становятся неэффективными, высокозатратными и соответственно неконкурентоспособными устаревшие технологии и технологические приемы, не отвечающие требованиям современности. Использование преимуществ и возможностей интеграционных объединений (по принципу «работать сообща») и освоение современных высокоинтеллектуальных технологий в сферах материального производства и услуг обеспечивают основу для дальнейшего социально-экономического развития стран-участниц интеграционных объединений.

Одним из определяющих факторов, который наиболее полно раскрывает потенциальные возможности глобализации и региональной интеграции, являются показатели и направления развития внешнеэкономической деятельности.

Главные ориентиры внешнеэкономической деятельности Республики Беларусь изложены в ряде стратегий, программ и иных документах нормативного правового характера, включая Национальную стратегию устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года; Государственную программу социально-экономического развития страны на 2016–2020 годы; Национальную программу поддержки и развития экспорта Республики Беларусь на 2016–2020 годы, утвержденную постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 1.08.2016 г. № 604; Национальную стратегию устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года, одобренную Президиумом Совета Министров Республики Беларусь (протокол от 2 мая 2017 г. №10). В перечисленных программах и стратегиях детальным образом изложена внешнеэкономическая политика Республики Беларусь в условиях глобализации и региональной интеграции.

В соответствии с Национальной стратегией устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года определено, что продвижение Республики Беларусь по пути устойчивого развития в решающей степени зависит от качественного расширения ее связей с внешним миром. Это обусловлено ориентацией важнейших отраслей производства и сферы услуг на внешний рынок и существенной зависимостью белорусского сырьевого рынка от импорта.

Углубление интеграции Республики Беларусь в мировое сообщество является стратегической задачей. Внешнеторговая политика строится на основе международных норм и демократических стандартов, соблюдения международных договоренностей, многовекторности и либерализации внешнеторговых связей.

Основная цель внешнеэкономической политики Республики Беларусь – эффективное участие в международном разделении труда на основе использования конкурентных преимуществ страны для повышения уровня и качества жизни населения посредством реализации достижений научно-технического прогресса, динамичного развития экономики и социальной сферы при сохранении воспроизводственного потенциала природного комплекса страны как части биосферы Земли в интересах нынешнего и будущих поколений.

В связи с этим важнейшими задачами являются:

- создание политических, экономических и правовых условий для закрепления позиций белорусских товаропроизводителей на имеющихся и новых рынках сбыта;
- расширение торгово-экономических связей с различными странами, региональными союзами и международными экономическими организациями;
- участие страны в международном сотрудничестве по решению проблем перехода к устойчивому развитию.

Для их решения в прогнозируемый период до 2020 г. необходимо осуществить следующий комплекс основных мероприятий:

• активизировать участие Республики Беларусь в организации международного партнерства по решению проблем перехода к устойчивому развитию и в разработке мер, способствующих снижению антропогенного воздействия на биосферу;

• продолжить курс на либерализацию внешней торговли при условии обеспечения экономической безопасности и защиты социальных, экологических и экономических интересов страны во внешнеэкономической деятельности;

• проводить в рамках общепринятых процедур политику разумного протекционизма в отношении отечественных товаропроизводителей при сохранении адекватной конкурентной среды;

• обеспечить реализацию конкурентных преимуществ страны при осуществлении внешней торговли;

• создать условия для привлечения зарубежных и отечественных инвестиций в перспективные программы и проекты, обеспечивающие выпуск конкурентоспособной наукоемкой продукции, соответствующей международным нормам и экологическим стандартам;

• способствовать приоритетному развитию тех форм международного сотрудничества, от которых зависит технико-экономический и технологический уровень экономики (промышленная кооперация, обмен технологиями, в том числе по выпуску экологически чистой продукции; экспорт услуг, совместные НИОКР, лизинг оборудования и пр.);

• разработать меры по более широкому привлечению международного сообщества к решению долгосрочных социально-экономических, научно-технологических и медицинских проблем страны, а также к участию в реализации международных проектов, направленных на развитие энергетики, транспорта, информационных и коммуникационных технологий, минимизацию последствий чернобыльской катастрофы, сохранение, защиту и восстановление экосистем.

Сотрудничество Республики Беларусь с Шанхайской организацией сотрудничества (далее – ШОС) является одним из основных направлений развития внешнеэкономической деятельности страны. В рамках реализации стратегии диверсификации внешнеэкономических связей со странами центрально-азиатского региона Республика Беларусь последовательно наращивает торгово-экономическое сотрудничество с участниками этой Организации.

Согласно учредительным документам к стратегическим направлениям деятельности ШОС относятся: укрепление взаимного доверия и добрососедства между странами-участницами; содействие их эффективному сотрудничеству в политической, торгово-экономической, научно-технической и культурной областях, а также в сфере образования, энергетики, транспорта, туризма, защиты окружающей среды и других; совместное обеспечение и поддержание мира, безопасности и стабильности в регионе; продвижение к созданию демократического, справедливого и рационального нового международного политического и экономического порядка.

В своей деятельности концентрация усилий стран-участниц ШОС направлена на решение ряда задач, включая:

– укрепление взаимодействия в области безопасности с государствами-наблюдателями и партнерами по диалогу, особенно в сферах борьбы с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом;

– противодействие незаконному обороту наркотиков и иных видов трансграничной организованной преступности;

– развитие торгово-экономической, научно-исследовательской и инновационной деятельности;

– дальнейшее укрепление взаимодействия в сферах культурного и гуманитарного сотрудничества.

Благодаря статусу наблюдателя в ШОС Республика Беларусь участвует в открытых заседаниях Совета глав государств и/или Совета глав правительств (премьер-министров) государств-членов ШОС, что в значительной степени повышает потенциальные возможности участия Беларуси в реализации совместных экономических проектов, которые могут оказать благоприятное влияние на динамику развития белорусской экономики.

В Меморандуме, предусматривающем предоставление Беларуси статуса государства-наблюдателя в ШОС, оговаривается ряд взаимовыгодных направлений для сотрудничества. Среди них: создание благоприятных условий для торговли и инвестиций, активизация взаимодействия в таможенных делах, партнерство в вопросах региональной и глобальной безопасности, развитие диалога по внешнеполитическим вопросам.

Республика Беларусь в настоящее время экспортирует в страны ШОС 49,5% своей продукции и импортирует из них 66,1% продукции в сопоставлении с общим объемом импорта. По данным Белстата с 2000 по 2017 год экспорт белорусских товаров на зарубежные рынки увеличился почти в 4 раза и составил 29 267,1 млн. долларов США, в том числе в страны ШОС – в 3,7 раза, составив 14 481,4 млн. долларов США. При этом импорт товаров за данный период как в целом по республике, так и из стран ШОС возрос почти в 4 раза и сложился в 2017 году в объемах 34 230,7 и 22 640,6 млн. долларов США соответственно. В результате по внешнеторговым операциям товарами сформировался отрицательный баланс (внешнеторговое сальдо) в размере – 4963,6 млн. долларов США (в 2000 г. отрицательный баланс составлял – 1313,8 млн. долларов США) (табл. 1).

Таблица 1

Динамика экспортно-импортных операций по товарам Республики Беларусь со странами-членами ШОС, миллионов долларов США

	Годы						
	2000	2005	2010	2014	2015	2016	2017
Баланс товаров по республике, всего	–1313,8	–728,8	–9600,9	–4421,9	–3631,1	–4072,6	–4963,6
в том числе баланс товаров со странами ШОС, всего	–1832,3	–3857,3	–8929,1	–7759,0	–7591,4	–5464,6	–8159,2
Экспорт товаров, всего	7326,4	15 979,3	25 283,5	36 080,5	26 660,4	23 537,3	29 267,1
в том числе в страны ШОС, всего	3923,1	6646,1	11 481,4	17 141,9	12 179,0	12 209,7	14 481,4
Уд. вес стран ШОС в общем объеме экспорта, %	53,5	41,6	45,4	47,5	45,7	51,9	49,5
Импорт товаров, всего	8646,2	16 708,1	34 884,4	40 502,4	30 291,5	27 609,9	34 230,7
в том числе из стран ШОС, всего	5755,4	10 503,4	20 410,5	24 900,9	19 770,4	17 674,3	22 640,6
Уд. вес стран ШОС в общем объеме импорта, %	66,6	62,9	58,5	61,5	65,3	64,0	66,1

Источник: данные Белстата.

Как видно из табл. 1, по внешнеторговым операциям товарами со странами ШОС отрицательное внешнеторговое сальдо почти в 2 раза выше, чем в целом по республике. Так, в 2017 году сформировался отрицательный баланс в размере – 8159,2 млн. долларов США (в 2000 г. отрицательный баланс составлял – 1832,3 млн. долларов США).

Колебание экспортно-импортных операций в 2015–2017 годах обусловлено как сокращением объемов производства, так и снижением мировых цен на сырьевые товары, а также сокращением доходов населения и спроса, что способствовало падению стоимостных объемов внешней торговли. Данная ситуация усугубилась и тем, что многими странами были приняты соответствующие меры по ужесточению таможенных барьеров на пути импортной продукции в целях защиты национальных производителей.

Экспорт товаров в 2018 г. увеличился по сравнению с 2017 г. на 15,2%, его объем составил 33 726 млн. долларов США. Рост экспорта был обусловлен как увеличением цен на товары, так и ростом объемов поставок продукции. К примеру, по данным Белстата только в I полугодии 2018 г. по сравнению с I полугодием 2017 г. средние цены экспорта товаров выросли на 11 процентов при росте физического объема на 7,6 процента (табл. 2).

Таблица 2

Индексы развития экспорта и импорта товаров

	Всего	В том числе		
		Россия	Остальные страны СНГ	Страны вне СНГ
1. Индексы экспорта товаров физического объема цен	111,0 107,6	102,7 102,0	107,7 112,2	112,0 120,7
2. Индексы импорта товаров физического объема цен	109,3 110,3	111,1 111,9	118,0 108,0	105,4 108,2

Источник: данные Белстата.

Одним из инструментов, который широко используется в мировой практике для анализа и прогнозирования экономической активности в экономике, является количество видов и структура экспортируемой продукции на мировые рынки. Данный метод исследования дает возможность оперативно получить соответствующие данные, которые не могут быть получены никаким другим способом. К достоинствам данного метода относится и то, что оценки некоторых показателей по экспортно-импортным операциям предваряет статистическая информация.

В сложившихся условиях по данным Белстата за 2015–2017 годы экспортно-импортные показатели Республики Беларусь со странами ШОС характеризуется следующими значениями.

1. В Индию поставлялось 10 видов продукции на сумму 307 090,0 тыс. долл. США, что составляет 96,8% к уровню 2015 г. Приоритетные позиции по экспорту товаров занимают удобрения калийные – 76,3% и подшипники – 19% от общего объема экспорта. Из Индии товары в Республику Беларусь не импортировались.

2. В Казахстан экспортировалось 23 вида продукции. Объем экспорта товаров составил 592 188,4 тыс. долл. США, что превышает уровень 2015 г. на 12,8%. Структура экспорта основных товаров: тракторы и седельные тягачи – 7,5%; автомобили грузовые – 7,4%; нефтепродукты – 5,0%; мебель прочая и ее части – 4,8%; машины и механизмы для уборки и обмолота сельскохозяйственных культур – 3,2%; сахар – 3,0%; лекарственные средства, расфасованные для розничной продажи – 2,6%; говядина замороженная – 2,5%; шины – 2,4%; масло сливочное – 2,0%; сыры и творог – 1,7%. Республикой Беларусь в Казахстане закупалось 19 наименований продукции. Объем импорта товаров составил 96 936,5 тыс. долл. США, что почти в два раза (196,4%) превышает уровень 2015 г. Структура импорта продукции: нефть сырая и нефтепродукты – 44,6% в общем объеме импорта; уголь каменный – 14,0%; алюминий необработанный – 6,3%; волокно хлопковое нечёсаное – 6,1%; прочее – 29%. В результате по внешнеторговым операциям сформировался чистый экспорт в размере 495 251,9 тыс. долл. США.

3. В КНР экспортировалось 13 наименований продукции. Объем экспорта товаров в 2017 году в КНР составил 361 487,5 тыс. долл. США, что более чем в 2 раза меньше уровня 2015 г. (46,3%). Структура экспорта продукции: удобрения калийные – 67,7%; полиамиды – 12,5%; носители информации – 1,5%; лесоматериалы необработанные – 0,9%. В КНР в 2017 г. закупалось 144 наименование продукции. Объем импорта товаров из КНР составил 2 745 016,8 тыс. долл. США, что превышает уровень 2015 г. на 114,3%. Структура импорта продукции: вычислительные машины для автоматической обработки информации – 4,1%; аппаратура связи и части к ней – 9,6%; металлоконструкции из черных металлов – 2,2%; ткани синтетические – 2,0%; антибиотики – 1,0%; фрукты замороженные – 0,6%. В результате по внешнеторговым операциям сформировалось отрицательное сальдо в размере – 2 383 529.3 тыс. долл. США.

4. В Кыргызстан экспортировался 21 вид товаров на сумму 123 455,7 тыс. долл. США, что в 2,2 раза превышает уровень 2015 г. В структуре экспорта ведущие позиции занимают: молоко и сливки сгущенные и сухие – 16,4%; масло сливочное – 15,2%; сыры и творог – 7,0%; автомобили грузовые – 6,2%; тракторы и седельные тягачи – 4,3%; плиты древесно-стружечные – 4,1%. В Кыргызстане закупалось 5 наименований продукции на сумму 6610,2 тыс. долл. США, что составляет 164,7% к уровню 2015 г. Импорт частей и принадлежности для автомобилей и тракторов в республику составил 75,4% от общего объема импорта. В результате по внешнеторговым операциям сформировался чистый экспорт в размере 116 845,5 тыс. долл. США.

5. В Пакистан поставлялось 3 вида продукции на сумму 51 875,8 тыс. долл. США, что составляет 168,0% к уровню 2015 г. Приоритетную позицию по экспорту товаров в Пакистан занимают тракторы и седельные тягачи – 89,7% от общего объема экспорта товаров в эту страну. Из Пакистана в 2017 году товары в Республику Беларусь не импортировались.

6. В Таджикистан поставлялось 10 видов продукции на сумму 39 595,2 тыс. долл. США, что составляет 189,8% к уровню 2015 г. Приоритетные позиции по экспорту товаров в Таджикистан занимают тракторы и седельные тягачи – 14% от общего объема экспорта и автомобили специального назначения – 3,1%. В Таджикистане закупалось 3 вида продукции (фрукты сушеные, волокна хлопковые, пряжа хлопчатобумажная) на сумму 3358,2 тыс. долл. США, что составляет 91,8% от уровня 2015 г. В результате по внешнеторговым операциям сформировался чистый экспорт в размере 36 237 тыс. долл. США.

7. В Российскую Федерацию экспортировалось 164 наименования продукции. Объем экспорта товаров в Российскую Федерацию составил 12 897 179,9 тыс. долл. США, что составляет 124,0% к уровню 2015 г. Структура экспорта продукции: сыры и творог – 5,9%; масло сливочное – 3,0%; молоко и сливки сгущенные и сухие – 2,9%; говядина свежая или охлажденная – 2,5%; тракторы и седельные тягачи – 2,4%; молоко и сливки несгущенные – 1,8%. Из Российской Федерации в Республику Беларусь поставлялось 126 наименований продукции. Объем импорта товаров из Российской Федерации составил 19 596 144,1 тыс. долл. США, что составляет 114,3% от уровня 2015 г. Структура импорта продукции: нефть сырая и нефтепродукты – 32,5% в общем объеме импорта; природный газ 14.2%; автомобили легковые – 2,9%. В результате по внешнеторговым операциям сформировалось отрицательное сальдо в размере -6 698 964,2 тыс. долл. США.

8. В Узбекистан экспортировалось 16 наименований продукции на общую сумму 96 141,7 тыс. долл. США, что почти в 2,6 раза превышает уровень 2015 г. Ведущие экспортные позиции занимают: шасси с двигателями для автомобилей – 7,6%; тракторы и седельные тягачи – 6,3%; полиацетали и полиэфиры простые и прочие, смолы эпоксидные – 5,2%; лекарственные средства, расфасованные для розничной продажи – 3,0%; сахар – 2,9%; мясо и пищевые субпродукты домашней птицы – 2,3%. В Узбекистане закупалось 14 наименований продуктов на общую сумму 34 797,6 тыс. долл. США, что составляет 125,3% от уровня 2015 г. Ведущие импортные позиции занимают пряжа хлопчатобумажная, виноград свежий, фрукты сушеные. В результате по внешнеторговым операциям сформировался чистый экспорт в размере 61 344.1 тыс. долл. США.

В 2017 году общий экспорт услуг по Республике Беларусь составил 7841,6 млн. долл. США, а импорт – 4797,8 млн. долл. США. Экспорт и импорт услуг по отношению к 2010 году возросли соответственно на 163,5 и 159,6%. Сальдо от экспорта услуг положительное и составило 3043,8 млн. долл. США. Экспорт услуг имел следующую структуру: транспортные услуги – 44,1%, что ниже уровня 2010 г. на 17,7 процентных пункта; компьютерные услуги – 15,4% (+10,9); строительные услуги – 11,4% (+8,2); поездки – 10,2% (+1,0). При этом структура импорта услуг имела вид: транспортные услуги – 32,3% (–13,0); поездки – 20,5% (–0,2); строительные услуги – 19,2% (+13,8).

Следует отметить, что экономическое сотрудничество является важным элементом обеспечения стабильности на пространстве ШОС, одним из инструментов достижения устойчивости самой Организации на длительную перспективу. Работа на этом направлении призвана содействовать обеспечению экономического развития государств-членов, а также улучшению условий жизни граждан. Согласно учредительным документам ШОС способствует обеспечению гармоничного развития всех государств-членов в интересах сбалансированного экономического роста в регионе. Государства-члены Организации принимают согласованные меры, направленные на дальнейшее расширение взаимовыгодного торгово-экономического взаимодействия на пространстве ШОС, в том числе путем формирования благоприятного инвестиционного и делового климата, поддержки деловых инициатив, реализации проектов в приоритетных направлениях сотрудничества и развитию инфраструктуры. С данной точки зрения установление со странами-членами ШОС более тесных торгово-экономических отношений, безусловно, выгодно для Республики Беларусь.

Так, общий объем прямых инвестиций, вложенных иностранными инвесторами в экономику Республики Беларусь только в 2016 году составил 6 928 625,3 тыс. долл. США, включая инструменты участия в капитале, доли, паи – в размере 291 238,7 тыс. долл. США (или 4,2% от общего объема), реинвестирование – 1 321 628,3 тыс. долл. США (или 19,1%), долговые инструменты, включая кредиты и займы – в размере 5 311 314,9 тыс. долл. США (76,7% от общего объема прямых инвестиций),

Прямые инвестиции, поступившие от иностранных инвесторов по странам-членам ШОС, за анализируемый период составили 3 627 614,9 тыс. долл. США, или 52,4% от общего объема прямых инвестиций за год, Прямые инвестиции стран-членов ШОС в экономику Беларуси имеют следующую структуру: 1,9% – инструменты участия в капитале, доли, паи; 18,4% – реинвестирование; 80,0% – долговые инструменты, включая кредиты и займы (табл. 3).

Таблица 3

Прямые инвестиции, поступившие от иностранных инвесторов по странам-членам ШОС за 2016 год (тыс. долл. США)

Страны	Всего	В том числе				
		инструменты участия в капитале, доли, паи	реинвестирование	долговые инструменты		Продажа недвижимости и прочие прямые инвестиции
				всего	из них кредиты и займы	
Республика Беларусь	6 928 625,3	291 238,7	1 321 628,3	5 311 314,9	428 476,7	4443,4
Страны ШОС, всего	36 276 14,9	69 483,4	658 196,5	2 897 209,8	60 572,8	1725,2
в том числе						
Индия	240,1	239,6	–	0,5	0,5	–
Казахстан	755,2	188,5	78,1	488,5	168,8	0,1
Китай	99 524,9	24 261,4	12 043,7	62 214,3	1201,2	5,5

Кыргызстан	–	–	–	–	–	–
Пакистан	–	–	–	–	–	–
Таджикистан	–	–	–	–	–	–
Российская Федерация	3 526 075,1	44 295,2	646 060,1	2 834 236,8	59 180,9	1483,0
Узбекистан	1019,6	498,7	14,6	269,7	21,4	236,6
Уд. вес стран ШОС в общем объеме	52,4	23,9	49,8	54,5	14,1	38,8

Источник: составлено автором на основании данных Белстата.

Как видно из табл. 3 наибольший объем инвестирования в 2016 году приходился на Российскую Федерацию – 97,2% от общего объема прямых инвестиций, КНР – 2,7%.

Следует отметить, что при общей тенденции снижении инвестиционной активности в 2016 году за счет уменьшения прочих инвестиций, по странам-членам ШОС одновременно возросли прямые и портфельные инвестиции соответственно на 128,6 и 105,0%.

Удельный вес прямых, портфельных и прочих инвестиций на 1 января 2017 г. стран-членов ШОС в общем объеме инвестирования составил соответственно 34,3%; 37,1; 37,5%. Объем инвестиций, направленных из Республики Беларусь за рубеж, по странам-членам ШОС за 2016 год составил 2 117 457,8 тыс. долл. США, что составляет 54,5% от общего объема направленных инвестиций (3 889 035,6 тыс. долл. США).

Наибольший объем инвестиций в 2016 г. из Республики Беларусь в страны ШОС был направлен в Российскую Федерацию (97,5%) и Казахстан (2,2%).

В плане мобилизации ресурсов ШОС в целях выработки перспективных форм сотрудничества с Республикой Беларусь можно выделить ряд приоритетных направлений:

1. Развитие сотрудничества стран ШОС в сфере энергетики. В этой области представляют интерес интенсификация работы Энергетического клуба ШОС, налаживание сотрудничества по внедрению и использованию возобновляемых источников энергии, а также по разработкам и внедрению соответствующих инновационных технологий.

2. Республика Беларусь предлагает еще одно направление – укрепление ядерной безопасности и использование мирного атома. Разделяя принципы «шанхайского духа», Беларусь активно развивает сотрудничество по вопросам укрепления ядерной безопасности, использования атомной энергии в мирных целях, закрепленных в Астанинской декларации ШОС. Республика Беларусь имеет возможность и готова углублять научное взаимодействие в сфере ядерной безопасности между ответственными за это направление учреждениями стран-членов ШОС.

3. Развитие транспортных коммуникаций, прокладка и модернизация трансазиатских шоссейных и железнодорожных магистралей, создание необходимой сопутствующей инфраструктуры, обеспечение условий для международных автомобильных перевозок, в том числе в рамках международного транспортного коридора Е-40. Возможность трансграничного движения контейнерных поездов, использования морских портов России и КНР всеми государствами ШОС, организации новых воздушных трасс и коридоров, более привлекательных для выполнения транзитных полетов.

Республика Беларусь заинтересована в реализации совместных проектов в сфере транспортных коммуникаций со странами ШОС, включая развитие сотрудничества в области транспортной и логистической инфраструктуры, в том числе поощрение участия предприятий стран-членов ШОС в проектах строительства дорог, мостов, электрификации и реконструкции участков железной дороги, энергетических, информационно-коммуникационных и других инфраструктурных объектов в Беларуси;

Также весьма актуальным для экономики Республики Беларусь является восстановление транзитных возможностей реки Припять. Данное предложение согласуется с планами государств-членов ШОС транзита в Европу экспортно-ориентированной продукции по оптимальному маршруту по водным путям, проходящим через территорию Беларуси и восстановлением водной системы Днепр-Висла-Одер. К этой транспортной системе тяготеет ряд грузопотоков Беларуси, Польши, Украины и других европейских стран, объем которых оценивается миллионами тонн (уголь, руда, металл, удобрения, соль, сахар, щебень, торф, лес, сапропели), а также грузы из стран Скандинавии. По этому водному пути возможно перевозить до 4 млн. тонн грузов в год. В направлении Германии с Украины расстояние по соединению Днепр-Висла-Одер на 1 тыс. км короче, чем по соединению Дунай-Майн. Данное водное соединение позволит снизить нагрузку на железнодорожный и автомобильный транспорт, сократить затраты на перевозки, а также уменьшить вредное воздействие транспорта на окружающую среду. Водными путями этого соединения могут осуществляться и туристические поездки на судах по Днепровско-Бугскому каналу.

Также актуальны вопросы по решению проблемы водопользования в регионе, мелиорации, совместного освоения трансграничных рек. Учитывая значительный объем нужных для этого финансовых средств, к указанным работам будут привлекаться другие международные организации, мировые финансовые центры и заинтересованные страны.

4. Наращивание сотрудничества в аграрном секторе, выработка консолидированных подходов к укреплению региональной продовольственной безопасности и стимулированию национального сельскохозяйственного производства.

Премьер-министром Республики Беларусь С. Румасом на заседании Совета глав правительств ШОС 12 октября 2018 г. в г. Душанбе было заявлено, что Беларусь готова реализовать вместе с Шанхайской организацией сотрудничества проекты по укреплению продовольственной безопасности. Беларусь как страна в географическом центре Европы рассматривает экономическое измерение ШОС в качестве приоритетного элемента организации. В этой связи Бела-

русь как инициатор идеи «интеграции интеграций» стремится к выявлению новых точек взаимодействия в Большой Евразии и развитию практической экономической и инвестиционной кооперации в ШОС.

На первый план выходит вопрос обеспечения полноценной продовольственной безопасности стран-членов ШОС. Следует отметить, что белорусское сельское хозяйство выходит на качественно новый уровень развития за счет повышения финансовой устойчивости и технологического уровня. Постоянно ведется работа по привлечению в агропромышленный комплекс частных инвесторов на принципах окупаемости и эффективности. Акцент делается на строгое соблюдение технологических требований, обеспечение производственной дисциплины и эффективной организации труда.

Достижение поставленных задач в АПК позволит увеличить рентабельность продаж с 2,4% в 2015 году до 10% в 2020 году, создать дополнительно не менее 3,5 тыс. рабочих мест в сфере агробизнеса, нарастить экспорт сельскохозяйственной продукции и продуктов питания до 7,5 млрд. долларов США.

5. Создание в рамках ШОС стабильных условий для взаимной торговли и инвестиций, укрепление рыночных механизмов, упорядочение таможенных процедур и гармонизация технических регламентов/стандартов.

Республика Беларусь заинтересована в реализации совместных проектов со странами ШОС, включая:

– продвижение на рынки стран-членов ШОС белорусского экспорта, в том числе удобрений, продукции органической химии, изделий из пластмассы, автомобилей и комплектующих к ним, сельскохозяйственной продукции;

– укрепление и поощрение всего спектра форм инвестиционного сотрудничества, включая стимулирование притока инвестиций в белорусскую экономику, покупку акций, создание совместных производств и другие формы организации совместной хозяйственной деятельности;

– стимулирование сотрудничества в области создания информационных технологий нового поколения, новых производств по выпуску высокоточного оборудования, биофармацевтической продукции и медицинского оборудования, железнодорожного транспортного оборудования, авиационно-космической техники, новых материалов, электрических автомобилей и оборудования, современных сельскохозяйственных машин, высокопроизводительного оборудования для инновационных проектов.

6. Развитие сотрудничества в банковской сфере и иных сферах финансового рынка, участие кредитно-финансовых структур и инвестиционных фондов ШОС в реализации важнейших проектов в области создания дорожной инфраструктуры, строительства объектов транспортно-логистической инфраструктуры.

7. Республика Беларусь также заинтересована и готова выступить с инициативой по взаимодействию в сфере обеспечения информационной безопасности. Вопрос не во введении ограничений и блокировки информации, а в создании конкурентной альтернативы. В этой связи Беларусь предлагает наладить сотрудничество между средствами массовой информации наших стран.

Список источников

1. Официальный сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь. – http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/otrasli-statistiki/
2. Данные о внешней торговле Республики Беларусь по отдельным странам. – http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchayasreda/vneshnyaya-torgovlya_2

Казеннов С.Ю.,
Кумачев В.Н.[1]

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ: НОВЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА[2]

Ключевые слова: *целеполагание, новые факторы развития Китая, глобальное противостояние КНР – США, сближение позиций РФ и КНР, рост заинтересованности Китая в равноправном партнерстве.*

Важнейшая задача разработки и проведения в жизнь любой политики, тем более в ее стратегическом измерении, – это правильная оценка существующих и перспективных трендов, процессов, их устойчивости во времени и пространстве, что необходимо для планирования развития, выстраивания надежных партнерских отношений, реализации собственных и участия в совместных мегапроектах, требующих значительных инвестиций. Это привязка, той или иной глубины, к определенным партнерам, взаимозависимость и зависимость от них, риски такого партнерства. И здесь нельзя допустить «результативных» ошибок – это может оказаться очень дорогим во всех отношениях.

Некоторые события последнего времени на международной арене делают возможным несколько по-иному, более конкретно взглянуть на российско-китайские отношения, расставить акценты, внести корректировки в оценку их дальнейшего развития и долгосрочных перспектив. Эти отношения проходят по нарастающей. И дело даже не в дружественных декларациях и заверениях, подписанных соглашениях – они стягиваются новыми «скрепами», внешними ограничителями, сегодня прежде всего для Китая, и значит, действительно могут наполняться новым конкретным содержанием.

Китай, будучи, безусловно, сверхдержавой, в дополнение к экономической мощи «обрастая» масштабным и высокотехнологичным силовым потенциалом, объективно проходит этап расширения пространственного круга своих экономических интересов, периметра безопасности, с освоением коридоров взаимодействия. При этом многим, в том числе реципиентам китайских инвестиций, это представляется как «новый китайский империализм», экспансия, вызывает неприятие, приводит к взаимному непониманию, поиску неких альтернативных вариантов политики. И это с учетом того, что Китай действительно инаковый – цивилизационно, ментально, поведенчески, и он не в состоянии кардинально изменить свое «естественное» для сверхдержавы поведение на международной арене. Что касается США – главного соперника КНР за роль ведущей глобальной сверхдержавы (это соперничество сегодня выходит далеко за рамки только экономических интересов), то они стремятся максимально влиять на нынешнюю ситуацию. Именно это обстоятельство, серьезная трансформация отношений КНР и США, о чем мы скажем ниже, объективно является одним из весьма существенных факторов, способствующих новому прочтению российско-китайских отношений.

Показательно, что сегодня взаимодействие РФ и КНР выходит на новый уровень в военно-политической, военной сфере. Это совместное авиапатрулирование над акваториями Японского и Восточно-Китайского морей, участие КНР в прошлом году в масштабных учениях «Восток», а в 2019 году – в учениях «Центр-2019», уже осуществляющееся тесное сотрудничество двух стран по системе раннего предупреждения о ракетном нападении (СПРН), подготовка нового масштабного, комплексного соглашения о военном сотрудничестве. В частности, планируется расширенное взаимодействие вооруженных сил двух стран в «удаленных зонах». После некоторого застоя новый импульс получило партнерство РФ и КНР в рамках военно-технического сотрудничества (ВТС), в первую очередь в области авиатехники, средств ПВО/ПРО и других. Сегодня портфель китайских заказов на российскую продукцию военного назначения (ПВН) превышает 7 млрд. долл. Подчеркнем, что, несмотря на технологические прорывы, КНР все еще отстает от РФ в сфере многих новейших разработок и вынуждена приобретать российские технологии и вооружения.

С экономикой ситуация несколько иная. Китай, безусловно, заинтересован в крупных инфраструктурных проектах на территории РФ, например, в плане реализации мегапроекта «Пояс и путь» («Один пояс – один путь», «Новый великий шелковый путь» – НВШП), в том числе в целях спрямления или диверсификации транспортно-логистических возможностей, выходов на Европу, Передний Восток. Привлекают интерес КНР и российская приполярная зона, Северный морской путь (СМП) как в плане инфраструктуры, так и ресурсного освоения. Интерес Китая к российским энергоносителям и соответствующей логистике возрастает особенно в свете возможной блокады главных поставщиков этих ресурсов (в результате политических обострений, боевых действий) из региона Ближнего Востока, Персидского залива и путей их доставки по морю.

---

[1] Казеннов Сергей Юрьевич – к.э.н., в.н.с. Отдела военно-экономических исследований безопасности ИМЭМО РАН. Кумачев Владимир Николаевич – с.н.с. Отдела военно-экономических исследований безопасности ИМЭМО РАН. E-mail: Koroleva@imemo.ru; Kumach-44@yandex.ru

[2] Статья подготовлена в рамках НИР «Формирование полицентричного миропорядка: риски и возможности для России» программы Российской академии наук КП19-268 «Большие вызовы и научные основы прогнозирования и стратегического планирования».

Однако китайский бизнес, по общему признанию, достаточно эгоистичен в стремлении навязывать свои условия, при активной поддержке государства. Так, некоторые полагают, что КНР и ее бизнес не готовы в должной степени учитывать интересы российских партнеров, даже при известной неповоротливости последних, неумении выстраивать стратегические планы и, в свою очередь, неумении видеть особенности китайского бизнеса. Яркий пример такого «недопонимания» с китайской стороны – проблемы в ходе совместной работы по проекту широкофюзеляжного пассажирского самолета. Складывается впечатление, что в Китае переоценивают «изоляцию» и нахождение под санкциями российской экономики, ее «безальтернативность» в плане выстраивания внешних связей, что должно сделать российский бизнес и государство более сговорчивыми, готовыми на любые условия. Это и очевидный расчет на коррумпированность российских властей, особенно на местах.

С другой стороны, надо отметить, что Китай предлагает России финансовое содействие в развитии инфраструктуры, например, по строительству скоростного железнодорожного маршрута Москва – Казань как части одного из сухопутных «рукавов» НВШП. Но на сегодня у РФ, по разным причинам, несколько иные приоритеты, кроме того Москва не хотела бы входить в слишком явную зависимость от Китая в качестве кредитного должника. Напомним, что, несмотря на все заявления о серьезной переориентации российской деловой активности с западного на восточное направление, торговля России с Европой значительно превышает ее торговлю с той же КНР. Что касается российских энергоносителей, то декларированное желание до половины их экспорта отправлять на восток упирается в неразвитость инфраструктуры, «длинное» логистическое плечо, проблемы с тарифами и ценообразованием (а то и просто шантажом) в отношениях с Китаем.

Из успешных совместных проектов последнего времени отметим строительство порта Сабетта на пути СМП, осуществляемое при участии китайских кредитов (10 млрд. долл.), предназначенного, в том числе, для отгрузки сжиженного природного газа (СПГ) с полярных месторождений РФ. Что касается роли РФ в качестве транзитного «моста» между Европой и Китаем по маршрутам НВШП, то, по мнению некоторых исследователей (например, А. Акимова), отнюдь не Россия будет здесь главным бенефициаром.

Что уже в ближайшей перспективе может повлиять на комплексное упрочение российско-китайского взаимодействия, так это резкая (кто-то считает, что необратимая) трансформация американо-китайских отношений. Китай действительно вышел на уровень глобальной сверхдержавы. Если оценивать ВВП по паритету покупательной способности (ППС), то в ряде аналитических материалов Китаю уже сегодня отдают первое место. По крайней мере, США и КНР сейчас оказались на тропе глобального соперничества, причем не только в экономике. По расходам на НИОКР Пекин твердо занимает второе место в мире, уступая только тем же США и на порядок опережая РФ. Как полагают, неизбежны конвертация экономической мощи КНР в военную мощь (что уже происходит сегодня) и рост соответствующих геополитических амбиций.

Многие связывают осложнения в американо-китайских отношениях с проблемами, возникающими в ходе глобализации. А именно – с попытками Вашингтона привязать данный объективный процесс к однополярному геополитическому мироустройству во главе с США. И с пониманием того, что на современном этапе отнюдь не Россия (точнее, не только Россия) является главным препятствием для этого, но именно Китай. То есть в Вашингтоне возникает совершенно реальное ощущение «двух медведей в одной глобальной берлоге», причем второго «медведя» в условиях «сжатия пространства» (shrinkage of space) – экономического, информационного, военного уже невозможно ни уничтожить, ни приручить, ни прогнать на другую «делянку». Искать новую модель глобального взаимодействия, в том числе новую «доктрину Киссинджера», в условиях турбулентного, переходного миропорядка, пока и не получается, и не хочется – для этого потребовалось бы посмотреть в глаза правде глобального развития. Значит, необходимо пока всячески тормозить развитие КНР, ее амбиций, с мечтами о «Великом Китае», причем самыми разными средствами.

Ждать, что Китай просто сам «выдохнется», потеряет пассионарность, преимущества дешевой рабочей силы, «обуржуазится», пока вряд ли реалистично. Идти на прямое военное столкновение еще более утопично. Остается делать «мелкие и большие пакости» в виде провоцирования внутренней оппозиции, дискредитации внешней политики, партнеров Китая, предъявления всякого рода претензий, введения санкций. В том числе с расчетом на то, что из Китая будут уходить инвестиции, производства, деловая активность, хотя бы в соседние азиатские страны. Это отчасти происходит, но инерция слишком велика: Китай обладает комплексной инфраструктурой, стабильностью, благоприятным деловым климатом, отлаженными партнерскими отношениями и т.д. Хотя глобальность американской финансовой, информационно-коммуникационной, политической системы может создать для Китая в этом плане достаточно проблем.

Но, и это главное, все эти «предупреждения», такие, как волнения в Гонконге, просто не работают: Китай сегодня уже «слишком большой», как у непотопляемого авианосца у него просто нет возможностей «сменить курс» по подсказке Вашингтона, нет возможностей для маневра. А потому Пекин готовится к новому жесткому раунду противостояния. Подчеркнем, что Китай имеет большой запас прочности. Впрочем, бытует мнение, что темпы ежегодного роста ВВП Китая в 6% (снижение с «привычных» ранее 8% и более) – это нижняя граница для КНР именно в качестве четко ориентированной на дальнейшее опережающее развитие сверхдержавы, обеспечивающее реализацию экономических и внешнеполитических приоритетов, внутреннюю стабильность, сочетание интересов общества и оборонной сферы.

Насколько возможна смена сегодняшней политики Вашингтона в отношении Пекина, хотя бы в целях отсрочить «окончательное» выяснение отношений? Некоторые ждут возвращения в Белый дом представителя Демократической партии и соответственно «лояльной» политики США на китайском направлении. На наш взгляд, нынешний курс США – не просто «самодурство Трампа», но систематизированный, долговременный подход к дальнейшему развитию двусторонних отношений в целях заблокировать геополитические амбиции КНР, наращивание Китаем военной

мощи в качестве силового «сопровождения» экономической экспансии Поднебесной как в Азиатско-Тихоокеанском (Индо-Тихоокеанском) регионе (АТР – ИТР), так и в других регионах, например, в Африке, Латинской Америке, на Большом Ближнем Востоке. Это и все большее беспокойство Вашингтона по поводу расширения партнерства Китая с Европой, скупки Пекином там инфраструктуры, бизнеса, технологий, производственных мощностей. За последние шесть лет прямые инвестиции Китая в Европу возросли в 20 с лишним раз. Задача недопущения совмещения европейских научно-технической мысли и потребительства с китайскими пассионарностью, порядком, человеческой энергетикой в этом плане для США – одна из главных. Отсюда – давление как на Европу, так и на транзитные страны, маршруты, коридоры по ходу НВШП.

И никаких новых проектов типа «Чимерики-Химерики» (Chimerica) с призывами к Пекину «поделить влияние в мире на двоих» из Вашингтона уже не поступит. Борьба двух гигантов неизбежна, всякого рода компромиссные «серые зоны» в их отношениях, эти своего рода демпферы, стремительно исчезают. Вопрос лишь в формах данного противоборства, выстраиваемых коалициях, средствах и методах. Например, будет ли использована военная мощь, прямо, косвенно или «заочно», в качестве средства сдерживания? Что касается возможностей «договориться», то, в отличие от времен прежнего биполярного мира, у КНР и США отсутствует тот «общий враг – гегемон» в лице СССР, сблизивший Пекин и Вашингтон, что дало, между прочим, начало современной китайской экономике. А нынешняя Россия на эту роль и не подходит, и не собирается ее играть. Повторяем, для США сегодняшний «ревизионизм» Китая является, как считают в Вашингтоне, главной угрозой национальной безопасности, существующему миропорядку, созданному с таким трудом в ходе развала СССР. Запоздалый вопрос к американским стратегам – стоило ли «ломать» СССР?

В экономике противостояние США и КНР принимает все более жесткие формы. И страны идут на этот риск, несмотря на то, что взаимная торговля составляет около 740 млрд. долл. (2018 г.). Неизбежны дальнейшие стычки в валютно-финансовой сфере (США обвинили КНР в «финансовом бандитизме» в связи со снижением курса юаня), таможенные санкции, взаимные эмбарго на поставки товаров. Так, США запретили с августа 2019 г. своим госструктурам закупать у Китая продукцию ряда ИТ-компаний, якобы «связанных с китайской разведкой», опирающихся в своей деятельности на государственную поддержку. И это с учетом того, что 1/5 китайской высокотехнологичной продукции – «американского происхождения», это комплектующие или готовые изделия от контролируемых американской стороной компаний. Есть множество других «точек возгорания» в экономических отношениях США и КНР. Это еще не война на «взаимное уничтожение», особенно в условиях глобальной взаимозависимости, до этого не дойдет, но очень серьезный знак дальнейшего развития событий. К тому же все это накладывается на несговорчивость Д. Трампа и жесткость Си Цзиньпина. Последнего даже в самом Китае несколько «журят за несвоевременность» обнаружения реальных амбиций. Но Китай сегодня уже не может прятаться за региональные и только экономические интересы, за напутствие Дэн Сяопина: не высовываться, копить силы, ждать своего часа. Кстати, в Вашингтоне полагают, что Пекин может жестоко отплатить Д. Трампу, привязав к президентским выборам в США очередные манипуляции с валютным курсом, с государственными долговыми обязательствами США, которыми располагает Китай: на войне – как на войне.

Что касается оборонной сферы, то аналитики полагают, что к началу 2030-х годов Китай фактически сравняется с США по объему годовых (не накопленных) военных расходов (сегодня, находясь на втором месте в мире, он отстает от США по этому показателю в 2,5 раза). Только за период 2003-2016 гг. объем военных расходов КНР вырос в 4 раза (в постоянных ценах). И это при резком росте качества китайских НИОКР, которые по объему финансирования к началу 2030-х годов также сравняются с американскими, причем в самых передовых областях. Китай сегодня уже не является «копировальной машиной» для утилизации чужих секретов и технических достижений.

В США не особо скрывают, что их выход из Договора по РСМД связан в первую очередь с наличием таких средств у КНР, а вовсе не с нарушением Договора со стороны России, причем этот класс ракет получил в Китае значительное развитие. Не исключено, что выход США из «большого» договора по СНВ будет связан также с необходимостью, по мнению Вашингтона, подключения к нему КНР. Что, заметим, совершенно нереально, даже если это «посоветовала бы» Китаю Россия, впрочем, она это благоразумно не станет делать. Еще в начале нынешнего десятилетия командование силами США в АТР предупредило, что без ракетного вооружения средней дальности будет невозможно сдерживание «экспансии» Китая в регионе и за его пределами. А новый министр обороны США Марк Эспер в августе 2019 года проговорился, что американское ракетное оружие средней дальности будет прежде всего размещено именно в Азии. Летом 2019 года Госдепартамент США представил доклад по ситуации в АТР. И в нем по сути впервые был сделан столь резкий акцент на критике политики КНР не только в традиционной области «прав человека». Практически было впервые отмечено, что конфронтация США и КНР принимает жесткий и необратимый характер. В последнее время США последовательно подогревают проблему Тайваня. В августе 2019 года принято решение о поставках США Тайбэю истребителей F-16, нескольких сотен единиц бронетанковой техники, противотанкового и артиллерийского вооружения.

Как можно понять из анализа нынешней ситуации, сделанного, например, А. Островским, Китай «очень серьезно» относится к изменениям отношений с США и их возможным последствиям для своей национальной безопасности и реализации долговременных интересов. Во многом поэтому – интенсификация процесса перевода части китайской экономики на обслуживание внутреннего рынка, массированный сброс американских долларовых активов в обмен на материальные ценности по всему миру, частичное перенацеливание внешнеэкономических связей (в том числе в рамках мегапроекта «Пояс и путь») на другие направления, помимо американского, наращивание военных и военно-экономических приготовлений, их высокотехнологичной составляющей, политика консолидации китайского общества, усиление социально-политического и экономического контроля, в самых разных формах. Гонконг – лишь малая

веха в данных изменениях, проба сил. Отсюда – пересмотр, уточнение Китаем приоритетов в системе угроз и вызовов, в том числе по разным векторам, территориальным направлениям, а также поиск новых надежных партнерств, активация и мобилизация некоторых прежних отношений, подзабытых в ходе «медового месяца» в отношениях КНР и США.

Среди данных приоритетов – обеспечение безопасного транзита китайских товаров и интересов, сырья и ресурсов для китайской экономики. Это, например и первую очередь, – контроль маршрутов доставки в Китай энергоносителей морским путем через Индийский океан, Малаккский и Ормузский проливы, омывающие Китай моря, проекты «спрямления» маршрута через канал по территории Таиланда и т.д. По этим маршрутам идет большая часть всего импорта потребляемой Китаем нефти. Соответственно, это создание системы базирования (сегодня это Джибути, Бангладеш, на очереди – Пакистан, Шри-Ланка, Мьянма), другой инфраструктуры, необходимой для данного контроля, сопровождения транспортных потоков при участии ВМС Китая. Также среди приоритетов – рынки ресурсов и сбыта в странах третьего мира, контроль Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей, имеющихся там ресурсов, их превращение во внутренние моря Китая. Как уже говорилось, США сами подбрасывают головешки в тлеющий конфликт вокруг Тайваня. Среди главных раздражителей для Пекина – резкое наращивание военного потенциала самими США в прилегающих к КНР зонах. Вывод, который мы делаем, – в любом случае (об этом ниже) северный, российский вектор китайской военной «экспансии» не является для Пекина приоритетом и не будет таковым в обозримой перспективе, даже с учетом нынешнего динамичного, быстро меняющегося мира. Китай не захочет, не сможет вести политику экспансии и сдерживания сразу по многим направлениям. И в этом смысле Россия является для него важнейшим «естественным тылом», дублером безопасных сухопутных маршрутов, комплексной ресурсной базой.

И это притом, что Китай, безусловно, не забыл «обид» XIX века, участия России в экспедициях против Поднебесной. На некоторых «неофициальных» китайских картах названия дальневосточных городов РФ – китайские, кое-где проскальзывают данные о «потере» Китаем 1,5 млн. кв. км, находящихся под управлением России. Китай испытывает резкое ухудшение экологической обстановки, опустынивание, дефицит водных ресурсов, уничтожение земельных угодий. КНР в перспективе обеспечена пригодной для питья водой только на 10%. Население только трех «приамурских» провинций Китая эквивалентно по численности населению всей России и в 20 раз превышает население российского Дальнего Востока. Вроде бы неизбежно расширение Китая в поисках «жизненного пространства» на север? Но в дополнение к сказанному ранее в Китае полают, что и безо всякой прямой экспансии «высосут российские ресурсы через соломинку» и «Россия никуда не денется». Тем более что с учетом военной мощи России «силовые решения» невозможны даже теоретически – Китаю сегодня самому есть, что терять. Так что этот куст вопросов в российско-китайских отношениях, на наш взгляд, можно закрыть на очень длительный период времени.

Со стороны Вашингтона, насколько можно понять, конкретных предложений Москве «дружить против Пекина» пока не поступало. Да если бы и поступило, даже в плане зондажа, после всех тех усилий США, возглавивших новый крестовый поход против России, расширения НАТО на восток, выхода из договоров, каскада самых разных санкций – веры Вашингтону нет. И, похоже, США еще не скоро созреют до подлинного понимания роли России в полицентричном мире будущего. По сути все последние как минимум двадцать лет США настойчиво подталкивали Россию в объятия Китаю – и в итоге это у них стало получаться. В Вашингтоне полагали не без оснований (об этом неоднократно писали и российские аналитики), что у КНР и РФ есть «пределы сближения» – и это действительно так. Но в нынешней ситуации эти «зазоры» между Москвой и Пекином резко сужаются. В сложившихся обстоятельствах для России (как, впрочем, и для Китая) крайне важно прояснить, насколько наши двусторонние отношения на обозримую, долгосрочную перспективу являются подлинно стратегическими, необратимыми – или же они ситуативны, пусть и достаточно взаимовыгодны, каковыми, например, сегодня являются отношения РФ и Турции. И каково в этом партнерстве будет место России – «младшего партнера», исполнителя желаний или совсем иное.

Как, например, следует выстраивать сегодня российско-китайское взаимодействие в оборонной сфере? Ждать от Китая каких-то особых проявлений партнерской солидарности? Очевидно, что случись у России проблемы на европейском театре, даже на Ближнем Востоке, Китай «не включится». Это же относится и к коалиционной поддержке Пекина Москвой в случае «очень серьезных» проблем КНР в АТР или к поддержке Пекином Москвы, скажем, условно, при американском десанте на российской Камчатке. В то же время стремительное военно-силовое сближение КНР и РФ может подорвать кропотливо выстраиваемые отношения России со своими партнерами, в том числе традиционными, в АТР, такими как Индия, ряд стран АСЕАН. О так называемом стратегическом «треугольнике Примакова» РФ-КНР-Индия тогда можно вообще забыть. «Совместное патрулирование» ВВС двух стран над Японским и Восточно-Китайским морями насторожило очень многих, заставило их бросить взгляд в сторону «спасительного» партнерства с США. Поэтому при дальнейшем военном сближении с КНР, при всей его пафосности и резонансности, России нужно оценить все вероятные комплексные плюсы и минусы.

Пожалуй, что России, с учетом долговременной стратегии, не только в АТР, но и в мире, следовало бы стараться в большей мере работать на обеспечение системы геополитического равновесия, что давало бы возможность большего маневра на международной арене в ходе реализации своих национальных интересов. Впрочем, сегодня одной из главных задач именно в рамках такого подхода является противодействие попыткам США заблокировать процесс формирования нового миропорядка, в том числе под предлогом борьбы с так называемыми «китайским ревизионизмом» и «российским реваншизмом». И уж конечно никто сегодня не говорит о возможном «глобальном триумвирате» США-Россия-Китай, в рамках которого можно было бы решать очень многие вопросы – от Кашмира до Венесуэлы. Но, подчеркиваем это, голый антиамериканизм не должен быть «путеводной звездой» российской внешней и оборонной политики, вне трезвой оценки собственных задач по обеспечению национальной безопасности РФ. Кстати, мы не исключаем того, что в позиции «мирового сообщества» в его политике в отношении РФ уже в ближайшее время могут

произойти определенные изменения. Жесткое силовое давление на Россию не сработало (и не сработает) – нужны генеральные переоценка и перестройка, включая и тему поиска противоречий между РФ и КНР. Кроме того, нельзя исключать, что КНР, находясь под большим внешним давлением, может серьезно ужесточить свою не только внутреннюю, но и внешнюю политику. И это, безусловно, будет учитывать Запад, геополитическое окружение Китая, как впрочем и Россия.

Таким образом, в настоящее время у России нет острой необходимости «сломя голову» идти на сближение с Китаем по всем вопросам (чего она, собственно, и не собирается делать). Наше новое партнерство – отчасти вынужденное, во многом естественное, но это в любом случае не дружба двух изгоев от безысходности, не «новое Рапалло» и даже не стремление продемонстрировать Западу, что «не в одном окошке свет». Хотя, на наш взгляд, экономическое партнерство с Китаем не заменит для РФ партнерства с Западом в должной мере. Что может быть важным: нынешний поворот Китая к России как к равноправному партнеру, без прежней вальяжности – это не просто стремление «напугать» Запад, а значительно большее. И если даже российско-китайское сближение не является «моментом истины», то уж во всяком случае это один из маркеров на пути генеральной перестройки существующего миропорядка.

Еще несколько слов о проблеме «младшего партнерства» России в ее отношениях с Китаем. Действительно, объем ВВП Китая в 7 раз превышает российский. Но, как справедливо указывает В. Кашин, превышение в экономике, даже кратное, вовсе не тождественно столь же кратному превышению политического и иного влияния. И Россия сегодня может вести себя в этом партнерстве очень разборчиво, в том числе в плане избрания форм, направлений, масштабов взаимодействия с КНР, не подстраиваясь под Китай, не «умиротворяя» его, например, при выборе интересующих ее проектов в рамках концепции «Пояс и путь». Не следует слишком торопиться с освоением ресурсов Востока и Севера РФ в расчете на внешнюю подпитку, в том числе со стороны КНР. У России достаточно других инструментов контроля данных территорий, с учетом задач перспективного развития страны. А следующие поколения будут обладать новыми технологиями освоения, энергообеспечения, транзита и логистики, информационного взаимодействия, новыми представлениями о комфортности, качестве жизни. Волатильность юаня требует осторожности в его использовании Россией в качестве расчетной единицы в двусторонней торговле, как и в формировании золотовалютных резервов РФ. У РФ и КНР могут возникнуть проблемы пересечения интересов, например, в постсоветской Средней (Центральной) Азии. Проявлением высочайшего взаимного доверия, координации и кооперабельности (а также определенной привязки Китая к российским интересам и военным технологиям) стало уже упомянутое сотрудничество двух стран, точнее, российская массированная помощь Китаю, по программе создания СПРН. Оно позволит КНР сэкономить, по мнению экспертов, до 100 млрд. долл. и как минимум 10 лет на создание такой собственной системы, резко повышающей уровень военно-стратегической безопасности страны.

Главный вывод, который мы в этом плане делаем: сегодня и в перспективе Китай никак не меньше, чем Россия, заинтересован в тесном, ничем не замутненном двустороннем партнерстве, в его наполнении реальным смыслом и долговременными планами. Не то чтобы России нужно пытаться этим как-то сразу воспользоваться, разменять на что-то, но разборчиво учитывать при выстраивании собственной стратегии, в качестве одного из очень существенных факторов – необходимо.

Каленова С.А.
д.э.н., профессор, Университет «Туран», Алматы

ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ, НАПРАВЛЕННОГО НА РАСШИРЕНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В РАМКАХ ЕАЭС В ОБЛАСТИ АПК

Ключевые слова: *евразийское сотрудничество, агропромышленный комплекс, ресурсный потенциал, конкурентное преимущество, национальные интересы, государственное регулирование.*
Keywords: *Eurasian cooperation, agriculture, resource potential, competitive advantage, national interests, government regulation.*

Необходимость развития и расширения связей между Российской Федерацией и Республикой Казахстан обусловлена, прежде всего, историко-географическими предпосылками, а также, безусловно, наличием огромного экономического потенциала взаимовыгодного сотрудничества в рамках ЕАЭС. Россия является стратегически важным партнером Казахстана в интеграционных взаимоотношениях в рамках ЕАЭС, поскольку многие отрасли народного хозяйства двух стран тесно переплетены между собой и объективно зависимы друг от друга, что вполне логично объясняется совместным многовековым прошлым наших стран.

Углубление взаимодействия России и Казахстана на всех его уровнях как на двустороннем, так и в рамках ЕАЭС опирается на соблюдение национальных интересов сторон и подкрепляется прочной нормативно-правовой основой.

Сферами обоюдного интереса для развития сотрудничества являются развитие промышленной кооперации, активизация торгово-инвестиционных связей, развитие инноваций, сотрудничество в агропромышленном, транспортном комплексах, высокотехнологичных областях, приграничное сотрудничество, совместные финансовые и топливно-энергетические проекты и другие направления экономического взаимодействия.

Оценка эффективности использования ресурсного потенциала и возможностей превращения естественных преимуществ в конкурентные преимущества национальных производителей выявила, в частности, необходимость решения многих конкретных задач в сотрудничестве стран в агропромышленном комплексе.

Опираясь на полученные нами результаты, обобщим проблемные вопросы в сфере АПК стран-партнеров по ЕАЭС, с целевой ориентировкой выработки предложений по совершенствованию мер государственного регулирования и воздействия на развитие сотрудничества в данной области взаимодействия Казахстана и России.

Зависимость от импорта плодовощной продукции, сырья и материалов, посевных семян, племенного скота, а также машин и оборудования для сельского хозяйства из третьих стран, то есть вне Евразийского союза, была зафиксирована нами как серьезнейшая проблема, содержащая в себе угрозу продовольственной безопасности национальных государств.

Следующий блок проблемных вопросов для развития общего аграрного рынка вытекает из потребности повышения конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции союзных государств. Оценка товарной структуры взаимной торговли стран России и Казахстана в рамках ЕАЭС подтверждает это, ведь более 90% вывозимой продукции сельского хозяйства – товары с низкой добавленной стоимостью, то есть превалирует экспорт сырья. Для ситуации с отечественными аграриями, вывозящими за пределы страны продукцию, дисбаланс показателей таков: из 100% почти 94% – это вывоз сырья и товаров с низкой добавленной стоимостью, остальная часть, а это всего лишь 3,6% приходится на экспорт продукции с высокой добавленной стоимостью.

В связи с этим мы обращали внимание ответственных структурных органов, регулирующих сельскохозяйственное развитие наших стран, на необходимость принятия системных мер в области государственной политики поддержки и развития агропромышленного комплекса стран-членов ЕАЭС. На наш взгляд, государственная политика в сфере АПК должна реализовываться с помощью всего арсенала рыночных и косвенных мер, для всемерной поддержки отечественных товаропроизводителей по выпуску конкурентоспособной, качественной, экологически чистой продукции, ориентированной, прежде всего, на внутрисоюзный рынок, ну и конечно на внешний рынок. Нужно поддержать инициативы и меры, направленные на поддержку, строительство и модернизацию заводов по переработке зерна, овощей, фруктов, это позволит сократить вывоз товаров с низкой добавленной стоимостью, отойти от сырьевой специализации и тем самым повысить свою эффективность и конкурентоспособность в АПК.

Выявление возможностей государственного регулирования, направленного на расширение сотрудничества России и Казахстана в сфере АПК, показало острую нужду в выработке предложений по финансовому обеспечению развития отрасли в наших странах, поиску мер по повышению инвестиционной привлекательности отрасли, агробизнеса в целом.

Решить указанные проблемы, среди которых самое главное – обеспечение некритичного уровня продовольственной безопасности государств ЕАЭС, и что не маловажно – извлечение социальных эффектов в виде масштабной занятости сельского населения наших стран, смогут рекомендации по углублению специализации и кооперирования в области сельхозпереработки, выход на производственные мощности, позволяющие полностью ориентироваться на национальных производителей, востребованность инновационного развития АПК.

В качестве ключевых приоритетов построения общего аграрного рынка в рамках ЕАЭС, в свое время, нами были предложены направления[1], которые мы можем также имплементировать на развитие казахстанско-российского сотрудничества в сфере АПК:

– производство товаров с высокой добавленной стоимостью и глубокая переработка сырья;

– стимулирование инвестиционной деятельности и инновационного развития отрасли;

– повышение рентабельности сельскохозяйственных товаропроизводителей и разработка механизмов повышения привлекательности работы на селе;

– развитие совместными усилиями инфраструктуры агропродовольственного рынка и современных логистических центров;

– развитие совместных кооперационных связей и проектов в области агробизнеса с целью импортозамещения;

– проведение согласованной маркетинговой политики, в том числе сбытовой для выхода на внешние рынки;

– развитие биржевых инструментов торговли сельскохозяйственной продукцией и реализация совместных мер по развитию сельскохозяйственной товарной биржи.

Для развития и расширения сотрудничества Российской Федерации и Республики Казахстан в рамках ЕАЭС в агропромышленной сфере необходимо, прежде всего, способствовать наращиванию конкурентоспособности отрасли через решение отраслевых и системных проблем, проведению согласованных мероприятий. Во всем этом процессе преобразования отрасли необходимо понимать значимость роли государства, так как отрасль является в большинстве своем дотационной с высокими рисками. Помимо этого она также является стратегически важной в целях обеспечения продовольственной безопасности стран-членов ЕАЭС, поэтому именно государство должно способствовать развитию отрасли в рамках реализации разрешенных в Союзе мер по углублению интеграции.

Например, государственная программа «О регулировании сельского хозяйства США» (Agricultural Adjustment Act), инициированная Ф. Рузвельтом, а также опыт таких региональных интеграционных объединений как ЕС, АСЕАН, МЕРКОСУР подтверждает решающую роль именно государства в поддержке и развитии интеграционных связей между странами.

Надо отметить, что руководство наших стран предпринимает меры, направленные на развитие отрасли, ежегодно растет объем государственной помощи аграриям и фермерам на селе. Однако, по мнению специалистов, агрегированные меры поддержки (АМП) АПК в России и Казахстане оцениваются на уровне 2–3% от стоимости валовой продукции сельского хозяйства, в то время как в ведущих аграрных странах мира АМП они могут составлять до 35–40%. В ЕС, например, в течение десятилетий на поддержку АПК направлялось более половины всего бюджета Союза[2].

Государственным органам России и Казахстана необходимо изменить подход к регулированию отрасли и придать мерам господдержки протекционистский характер. Однако здесь надо учитывать, что государственная поддержка различается в странах-членах ЕАЭС, и соответсвенно могут возникнуть неблагоприятные последствия от поставок субсидируемого импорта из одного государства в другое. Поэтому остается не до конца решенным вопрос унификации во всех государствах-членах ЕАЭС подходов к расчету уровней субсидирования аграрного сектора.

В свете этого надо отметить, что государственные меры органов, координирующих агропромышленную политику в России и в Казахстане, должны быть направлены на создание справедливых условий в торговле агропомышленной продукцией между собой. Кроме того, меры поддержки должны быть направлены на развитие инфраструктуры аграрного рынка, на выработку методики справедливого ценообразования на продукцию сельского хозяйства.

Требует дальнейшего развития координационная и регулирующая деятельность органов власти ЕАЭС по унифицированию требований в сфере обращения семян сельскохозяйственных растений и животноводческой племенной продукции.

Дело в том, что в странах-членах ЕАЭС в выдаваемых племенных свидетельствах отражается разный перечень показателей, характеризующих племенную продукцию, а это порождает, в свою очередь, барьеры на пути взаимной торговли племенным скотом. Поэтому необходимо направить усилия госорганов на взаимное признание племенных сертификатов на племенную продукцию для развития взаимной торговли на новом уровне.

Особого внимания требуют меры, направленные на внедрение инновационных технологий в АПК, на применение новых методов генной инженерии в растениеводстве и животноводстве, развитие биотехнологий и селекции. Так, согласно расчетам Евразийской экономической комиссии, внедрение методов геномной оценки животных будет способствовать снижению закупок импортного крупного рогатого скота молочного направления продуктивности в первые годы на 5–7%, в долгосрочной перспективе – до 30%. Кроме того, введение в сельскохозяйственное производство системы геномной селекции позволит снизить ежегодные затраты на оценку быков-производителей с 30 тыс. долл.

---

[1] Каленова С., Нурпеисова А. Оценка эффективности использования ресурсного потенциала АПК стран-участниц ЕАЭС. – http://group-global.org/ar/node/57125

[2] Самойлов А.Н. Формирование эффективного государственного регулирования агропромышленной интеграции России и Казахстана: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. – М., 2008. – http://www.dissercat.com/content/formirovanie-effektivnogo-gosudarstvennogo-regulirovaniya-agropromyshlennoi-integratsii ross?_openstat=cmVmZXJ1bi5jb207bm9kZTthZDE7#ixzz4gEBB2hEu

США (при традиционном методе оценки) в расчете на одного быка до 300 долл. США (при использовании геномной селекции)[1].

Помимо согласования действий по справедливому обращению животноводческой продукции в рамках ЕЭАС очевидно придется уделить внимание вопросам развития селекции и семеноводства сельскохозяйственных растений.

Сфера селекции и семеноводства является перспективной для казахстанско-российского сотрудничества в агроотрасли, так как она обеспечит наши рынки собственными сортами и семенами плодо-овощной продукции и удовлетворит потребности потребителей своими силами, то есть эта сфера скрывает в себе потенциал импортозамещения.

На сегодняшний день сохраняются проблемы в наличии разных трактовок в существующем законодательстве в данной области. Для того чтобы, к примеру, казахстанские сорта могли свободно обращаться на российской территории, необходимо повторно в соответствующих государственных органах проводить процедуру испытания для включения их в национальный реестр сортов России, допущенных к использованию. Тогда как, согласно мировому опыту (в частности в рамках ЕС) в ЕАЭС на основе национальных каталогов каждого члена евразийского союза необходимо создать собственный Общий каталог сортов растений. Это позволит свободно использовать и реализовать сорта семеноводства союзных государств на общем аграрном рынке во благо внутренним потребностям. Данные меры, требуют в свою очередь, создания и развития собственной интегрированной информационной системы стран-членов ЕАЭС.

Следующим важнейшим направлением казахстанско-российского сотрудничества в сфере АПК, на наш взгляд, является поддержка и развитие экспорта сельскохозяйственного продовольствия. Это обосновывается наличием спроса на продукцию наших стран во всем мире. Необходимые меры государственных органов по повышению экспортного потенциала сводятся к следующим действиям:

– разработка единой службы информационного обеспечения и сопровождения отечественных экспортеров аграрной продукции и продовольствия. Разработка подобной службы будет способствовать эффективной научно-методической основе экспорто-ориентированной стратегии агропроизводителей, выработке прогнозов, мониторингу уровня продовольственной безопасности;

– на сегодняшний день каждая страна-член ЕАЭС продвигает свою продукцию под своим брендом и логотипом, тогда как, мы считаем, необходимо проводить совместную политику по продвижению и стимулированию продаж сельхозпродукции. «Сделано в ЕАЭС» – полагаем будет способствовать укреплению конкурентных позиций производителей наших стран на внешнем рынке. Положительное отношение будет формироваться у потребителей, если мы совместными усилиями будем работать над брендовой политикой идентификации сельскохозяйственной продукции союза;

– необходимо проработать вопрос о создании отдельного агентства по продвижению сельскохозяйственной продукции и продовольствия на внешние рынки, которое будет заниматься вопросами страхования экспортных поставок, поддержки программ экспортного кредитования, в том числе предоставление гарантий.

В целом, расширение казахстанско-российского сотрудничества в сфере АПК имеет обоснованно широкие перспективы в будущем. Эти перспективы определяются необходимостью обеспечения региональной продовольственной безопасности и производства качественной сельскохозяйственной продукции с выходом на внешние рынки. Казахстан и Россия в контексте углубления интеграции ЕАЭС должны совместными усилиями проводить эффективную сельскохозяйственную политику, предпринимать меры государственного регулирования, направленные на разработку унифицированного законодательства по обеспечению фитосанитарной и ветеринарной безопасности и санитарно-эпидемиологического благополучия населения стран.

Государственные меры поддержки АПК должны однозначно опираться на инновационные разработки и технологии. Перспектива благополучного развития важнейшей отрасли как АПК требует разработки и внедрения наукоемких технологий, применения ресурсосберегающих и перерабатывающих технологий, что также требует совместной скоординированной работы наших стран. В качестве приоритетных направлений совместного сотрудничества надо отметить меры, направленные на поиск путей сокращения издержек на транспортировку, хранение, реализацию сельскохозяйственной продукции с целью повышения конкурентных возможностей сельскохозяйственных производителей в глобальном пространстве соперничества.

[1] Агропромышленная политика Евразийского экономического союза / Под ред. С.С. Сидорского. – С. 46–47. – http://www.eurasiancommission.org/ru/Pages/library.aspx

Калиева С.А.
д.э.н., гл.н.с. Института экономики КН МОН РК
Амрин А.К.
Шанхайский университет Джао Тонг
Альжанова Ф.Г.
д.э.н., гл.н.с. Института экономики КН МОН РК
Farida.alzhanova@gmail.com

СОТРУДНИЧЕСТВО КАЗАХСТАНА И КИТАЯ В СФЕРЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В РАМКАХ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЯСА «ШЕЛКОВОГО ПУТИ»[1]

Ключевые слова: *миграция, трудовые ресурсы, трудовая миграция, Шелковый путь.*

Экономический пояс «Шелкового пути» представляет собой колоссальный план экономического развития огромного количества государств Евразии. Одним из важных международных коридоров Экономического пояса «Шелкового пути» является Центральная Азия, Казахстан и Западная Азия.

Для стран региона, в том числе и Казахстана, участие в развитии пояса, с одной стороны, отрывает большие возможности, которые создаются с формированием крупного трансрегионального рынка, с привлечением китайских инвестиций, реализацией крупных инфраструктурных и промышленных проектов, сети транзитных, транспортных коридоров в субрегионах Евразии[2].

С другой стороны, с реализацией проекта «Один пояс, один путь» возникает целый ряд вызовов в разных сферах как для Китая, так и отдельных стран региона и интеграционных объединений. Рост мобильности населения становится одним из самых явных вызовов. Реализация инициативы «Один пояс, один путь» затрагивает интересы стран в сфере человеческих ресурсов и обеспечения занятости. Миграционные процессы внутри центрально-азиатского региона и между странами региона и Китаем активно развиваются в последние годы. При этом страны, объединяемые экономическим поясом, становятся странами приема регулярных мигрантов из Китая. Наряду с этим в последние годы наметилась смена миграционных потоков и в Китае. Китай становится страной приема международных мигрантов[3].

Китайская миграция рассматривается как один из важнейших факторов воздействия на социально-экономическое и демографическое развитие Казахстана в долгосрочной перспективе, поэтому наряду с количественным аспектами миграции актуальными являются качественные характеристики миграции[4]. Интерес к проблеме миграции между Китаем и Казахстаном бесспорен с учетом огромного демографического и экономического потенциала Китая, степени влияния и присутствия китайского капитала в Казахстане.

Трудовая миграция приобретает различные формы, которые трудно поддаются учету. В силу экономико-географических и этно-культурных предпосылок миграция, в том числе миграция между Китаем и странами Центральной Азии приобретает специфические черты. Широко распространены такие виды миграции как коммерческая челночная миграция в неформальном секторе, привлечение лицензированной иностранной рабочей силы, нерегулируемая миграция. Формируются каналы распространения китайского диаспорального влияния через создание «китайских» рынков в крупных городах, проблемы консолидации и структурирования в среде китайских мигрантов, адаптации мигрантов и этнических репатриантов[5].

Феномен международной трудовой миграции оказывает двоякое влияние на социально-экономическое развитие стран. С начала 2000-х годов Казахстан стал центром приема трудовых иммигрантов из Центральной Азии. Сохраняется эмиграционный поток из республики, а также транзитная миграция через Казахстан. Повышение уровня жизни в Казахстане привело к массовому притоку в страну трудовых мигрантов.

В последние годы отмечается ухудшение структуры и качества миграции в Казахстане. Сохраняется отрицательное сальдо миграции по категории мигрантов в возрастной категории 15 лет и старше с высшим образованием. С 2000 по 2017 год покинули страну 171 434 человека с высшим образованием, а прибыло 82 957 человек, таким образом накопленное сальдо составило – 88 477 человек, что представляет для такой страны как Казахстан огромные потери (рис. 1).

[1] Статья подготовлена в рамках проекта ГФ ИРН №AP05132547 «Повышение конкурентоспособности национальных кадров как условие обеспечения сбалансированности трудовых ресурсов и рабочих мест».

[2] Kassenova N. China as an emerging donor in Tajikistan and Kyrgyzstan. Russie. Nei. Visions 36. 2009. – 29 p. – https://www.ifri.org; Zhang H. Building the Silk Road Economic Belt: Challenges in Central Asia // Cambridge Journal of China Studies. 2015. – Vol. 10, N 3. – https://doi.org/10.17863/CAM.1523

[3] Annual Report on China's International Migration 2018 / Center for China and Globalization. – http://en.ccg.org.cn

[4] Кожирова С. Китайская миграция и Казахстан // Казахстан-Спектр. 2016. – № 1(75). – С. 43–62.

[5] Садовская Е. Международная миграция в Казахстане в период суверенитета // Казахстан-Спектр. 2016. – № 1(75). – С. 7–42.

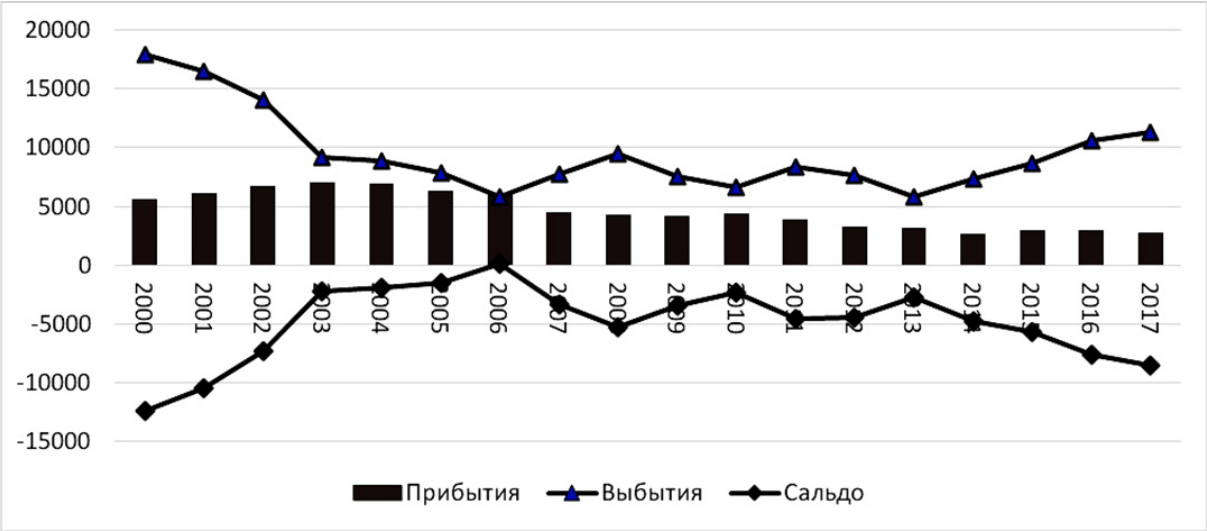


Рисунок 1.
Внешняя миграция населения с высшим образованием в Казахстане

Из Казахстана уезжают специалисты с высшим образованием, а приезжают в основном мигранты с низким уровнем квалификации и образования, преимущественно со средним образованием. Этот поток формируется из-за пределов стран СНГ. Положительное сальдо миграции населения с общим и основным средним образованием формируется за счет мигрантов из других стран (табл. 1).

Таблица 1

Миграция населения старше 15 лет по уровню образования

Уровень образования	Страны СНГ			Другие страны		
	Сальдо	Прибыли	Выбыли	Сальдо	Прибыли	Выбыли
Высшее	–8048	2125	10 173	–506	611	1117
Среднее профессиональное (специальное)	–5675	2580	8255	–552	284	836
Общее среднее	–1552	3213	4765	768	1388	620
Основное среднее	–179	2010	2189	1158	1471	313

Очевидно, что для преодоления таких негативных тенденций недостаточно обойтись лишь мерами регулирования миграционных процессов. Если в рамках квотирования рабочих мест можно установить квалификационные требования к трудовым мигрантам, то эти меры непригодны для регулирования миграции для постоянного места жительства. Поэтому структура миграционных потоков будет сильно зависеть от уровня жизни, политической стабильности и экономического развития Казахстана.

Основной целью привлечения иностранной рабочей силы (ИРС) является: восполнение нехватки квалифицированных специалистов; создание дополнительных рабочих мест на иностранных и/или совместных предприятиях; обучение и переобучение местных работников; повышение квалификации местных специалистов для последующей замены ими иностранных работников.

Основными задачам регулирования иммиграции рабочей силы в Казахстане являются: предупреждение обострения проблемы занятости посредством защиты национального рынка труда от сезонного или стихийного наплыва трудящихся-мигрантов; применение труда мигрантов только в сферах, необеспеченных внутренними трудовыми ресурсами, через их рациональное использование; привлечение высококвалифицированных иностранных специалистов.

Для защиты внутреннего рынка труда ежегодно утверждаются квоты на привлечение иностранной рабочей силы. Размер квоты для иностранной рабочей силы устанавливается с учетом численности экономически активного населения (0,7%) и состояния спроса на рынке труда Республики Казахстан. 70% от общей численности привлекаемых иностранных работников – это руководители и специалисты.

Механизм оформления разрешений на привлечение ИРС достаточно сложен. Поэтому в обход законодательства развивается нелегальная трудовая миграция. Кроме этого, регулирование состава иностранной рабочей силы осуществляется путем установления требований по местному содержанию в кадрах. В списочной численности работников руководящего состава должно быть не менее 70%, а среди специалистов и квалифицированных рабочих не менее 90% граждан Казахстана.

В последние годы миграционное законодательство адаптируется под задачи улучшения инвестиционного климата и туристического имиджа страны.

Определены сферы, на которые требования по казахстанскому содержанию в кадрах не распространяются. Это субъекты малого предпринимательства, государственные учреждения и предприятия, приоритетные проекты на территории специальных экономических зон (СЭЗ), представительства иностранных юридических лиц.

Поэтому увеличение численности китайских трудовых мигрантов вне квоты и без разрешений возможно при создании новых производств в Казахстане в рамках инвестиционных проектов.

Среди основных проблем в сфере трудовой миграции для Казахстана следует отметить высокие риски роста миграции и избытка низкоквалифицированной рабочей силы; рост оттока квалифицированных кадров и молодежи; перенаселенность крупнейших городов; сокращение численности населения трудоспособного возраста в приграничных регионах.

Сложившаяся ситуация наряду с социально-экономической ситуацией обусловлена проблемами в области управления и учета трудовой миграции. Так, система привлечения трудовых мигрантов плохо корреспондирует с миграционными потоками в целом, нет механизмов оценки спроса на квалифицированную рабочую силу, учета движения трудовых мигрантов, утечки талантов, нелегальной трудовой миграции.

В результате принимаемых мер в 2014 году из «теневого сектора» экономики выведены 72 тыс. иностранцев, в 2015 году – более 140 тыс., в 2016 году более 300 тыс. чел, а в 2017 году – более 320 тысяч нелегальных трудовых мигрантов. Только от уплаченных ими налогов в доход государства поступило свыше 3427 млн тенге (10,3 млн. долларов США).

В 2013–2017 годы из Казахстана эмигрировало 156 002 человек, из них 37% – молодежь в возрасте 15–34 года, 89,9% из них эмигрировали в страны СНГ, большая часть из них эмигрировали в Россию. Это объясняется особенностями этнической миграции, изменениями в отношении трудовой миграции в рамках ЕАЭС, миграционной политикой стран. В странах ЕАЭС миграция во многом призвана решать проблемы в области занятости. Более 50% миграционных потоков формируется между странами ЕАЭС. В пределах ЕАЭС наиболее крупными донорами рабочей силы выступают Казахстан и Россия, на них приходится 89% миграционных потоков в ЕАЭС. При этом Россия наряду с США и Канадой входит в число реципиентов трудовых мигрантов. Более 70% трудовых мигрантов в России это жители стран ЕАЭС и СНГ[1].

С созданием ЕАЭС достигнуто соглашение между странами о правовом статусе трудящихся мигрантов и членов их семей, которое предусматривает снятие ограничений допуска граждан на рынок труда стран ЕАЭС, отмену квотирования и обязательных разрешений трудовым мигрантам, более либеральный порядок миграционного учета.

Согласно данным Министерства здравоохранения и социальной защиты РК в 2016 г. основными странами трудовых мигрантов, въезжающих в Казахстан, продолжают оставаться Китай – 11 713 чел. (52,7%), Турция – 3302 чел. (11,2%), Узбекистан – 3012 чел. (10,3%), Великобритания – 1490 чел. (5%), Индия – 1274 чел. (4,3%)[2].

С трудовой миграцией, особенно нелегальной, создаются условия для распространения прекаризованной занятости, социальной уязвимости мигрантов, усиления рисков торговли людьми. Для Казахстана и Китая проблема неустойчивой занятости является достаточно серьезной. В Китае доля уязвимой занятости составляет 33%, в Казахстане – 25%.

Казахстан играет ключевую роль в «Экономическом поясе Шелкового пути», так как большая часть пути проходит именно по территории Казахстана. Это открывает новые возможности в виде встроенности в международную торговую систему, диверсификации транспортных маршрутов. Экономическая выгода для Казахстана при реализации проектов «Экономического пояса Шелкового пути» и «Нурлы жол» состоит не только в потенциальных доходах от транзита. Улучшение транспортных связей повлечет за собой развитие сервисной и производственной инфраструктуры и позволит создать рабочие места для местного населения. Последний фактор в условиях неравномерности расселения на территории Казахстана имеет особое значение. При этом со стороны Казахстана вопросы найма иностранных работников регулируются Трудовым Кодексом, Законом РК «О занятости населения», Законом РК «О правовом положении иностранцев», Законом РК «О миграции населения», Правилами установления квоты на привлечение иностранной рабочей силы в Республику Казахстан, Правилами и условиями выдачи разрешений иностранному работнику на трудоустройство и работодателям на привлечение иностранной рабочей силы.

Таким образом, привлечение рабочей силы из Китая, развитие китайского бизнеса, трансграничные перемещения граждан, а также строительство крупных инфраструктурных объектов в Казахстане и в регионах в ближайшем будущем станет основной тенденцией в сфере трудовой миграции двух стран.

В связи с этим проведение комплексного анализа развития рынка труда и обеспечения занятости населения Казахстана, определение потребностей в рабочей силе в разрезе предприятий, отраслей, регионов с учетом профессионального и квалификационного состава, разработка программы профессиональной подготовки и переобучения специалистов является актуальным и необходимым при разработке приоритетных направлений сотрудничества Казахстана и Китая в сфере трудовой миграции в рамках Экономического пояса «Шелковый путь».

В качестве приоритетных направлений сотрудничества Казахстана и Китая в области трудовой миграции и использования трудовых ресурсов выступают следующие:

– создание платформы для обмена мнениями о современном состоянии и перспективах развития на базе Казахстанско-Китайского Делового Совета и Делового Совета ШОС;

– механизм распределения обязательств Казахстана и Китая по квотированию и получению разрешений на иностранную рабочую силу, в том числе по вопросам обеспечения ввоза необходимого количества рабочей силы для реализации приоритетного проекта, которые должны быть согласованы двумя странами.

– проведение совместных казахстанско-китайских мероприятий по выявлению путей нелегальной миграции из Китая в Казахстан и из Казахстана в Китай, разработке методов их урегулирования;

---

[1] Kaliyeva S.A., Alzhanova F.G., Meldakhanova M.K., Sadykov I.M., Adilkhanov M.A. The precariousness employment in the Eurasian Economic Space: Measurement problems, factors and main forms of development // Journal of Asian Finance, Economics and Business. 2018. – Vol 5, N 3. – P. 171–181.

[2] Справка по трудовой миграции. – *https://www.enbek.gov.kz*

– обеспечение эффективной реализации Соглашения между Правительством РК и Правительством КНР о временной трудовой деятельности граждан Казахстана в Китае и граждан Китая в Казахстане;

– разработка краткосрочной и долгосрочной миграционной политики Казахстана и Китая с учетом перспектив дальнейшего экономического и социального развития Республики Казахстан, особенностей демографических процессов, а также прав местных и иностранных трудовых ресурсов на территории Казахстана;

– разработка механизмов для обмена статистическими данными по миграционному потоку, включая этнический состав, возраст, квалификацию, специализацию и др.;

– сотрудничество с казахстанскими и китайскими учеными, экспертами по проблемам трудовой миграции и проведение совместных мероприятий по обмену опытом, мнениями в решении миграционных вопросов;

– подписание соглашения по обмену данными между погранслужбами и миграционными ведомствами двух государств.

Карташова А.А.[1]

СОЗДАНИЕ ПРОЕКТНЫХ РЕШЕНИЙ НА УРОВНЕ СТРАН БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ СОВМЕСТНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ ПОВЕСТКИ

Ключевые слова: *кластер, трансфер технологий, кооперации, цифровизация, портал, платформа, инновации, коммуникация, технология, инжиниринг.*

Keywords*: cluster, technology transfer, cooperation, digitalization, portal, platform, innovation, communication, technology, engineering.*

Международная кооперация является залогом создания конкурентоспособных высокотехнологичных проектов в сфере промышленности и услуг.

В этой связи направление сотрудничества с иностранными партнерами является одним из приоритетных в рамках деятельности инновационных кластеров России. В настоящее время на федеральном уровне созданы 12 таких образований, которые включены в приоритетный проект Министерства экономического развития Российской Федерации «Развитие инновационных кластеров – лидеров инвестиционной привлекательности мирового уровня» [1]. Одним из участников этой инициативы является крупнейший в России кластер, специализирующийся в области химии, нефтехимии и автопрома, – Камский инновационный территориально-производственный кластер «Иннокам» [2].

Принципиальной позицией в реализации кластерной политики является укрепление кооперационных связей между участниками из бизнеса, государства и науки. В отношении стран Большой Евразии эти процессы еще более актуальны, в связи с ориентацией на дальнейший экономический рост и технологической лидерство в глобальном масштабе.

Формирование совместной инновационной повестки, по нашему мнению, должно проходить при условии активного внедрения цифровых решений наравне с традиционными форматами деятельности. Такой подход позволит обеспечить синергетический эффект за счет взаимодействия организаций различного профиля.

Первостепенной задачей, актуальной для стран Большой Евразии, и России в частности, является отработка вопросов управления интеллектуальной собственностью. На региональном уровне Камский кластер «Иннокам» активно сотрудничает по этому вопросу с «Татарстанским Центром научно-технической информации» – специальным институтом развития, который регулирует деятельность в данной сфере на основе реализации долгосрочной целевой программы «Развитие рынка интеллектуальной собственности в Республике Татарстан на 2013–2020 годы», которую курирует Министерство экономики Республики Татарстан [3].

Один из проектов в рамках цифровой повестки реализованных по данному направлению – портал «ТАТПАТЕНТ», который решает задачи повышения инвестиционной привлекательности Республики Татарстан за счет обеспечения функционирования площадки инвестиционных проектов, призванной наладить взаимодействие экспертов, инвесторов и авторов проектов и решить возникающие у проектов научно-технических проблемы. Реализованный на данном этапе сервис позволяет обеспечить функционирование единого окна информации (справочной, методической, информационной, научной, государственно-правовой) в сфере инноваций и реализации совместных проектов на базе уже созданного научного задела. Фактически за счет инструмента обеспечивается реализация процесса поддержки инноваторов и защиты прав на интеллектуальную собственность при дальнейшем внедрении результатов в практическую сферу [4].

Важным условием для активизации инновационной деятельности является предоставление площадок для диалога между научными, образовательными и промышленными организациями. Так, Ассоциация «Иннокам» совместно с партнерами принимает участие в проведении экспертных сессий, хакатонов и квестов, олимпиад, круглых столов, отборов проектов и других мероприятий, в том числе с международным участием партнеров кластера [5–7].

Однако, несмотря на наличие различных форматов работы проблема выстраивания связей между сектором исследований и разработок с реальным сектором экономики остается одной из ключевых при обсуждении путей активизации инновационного процесса. Необходимость работы в данном направлении закреплена во многих федеральных и международных документах.

Из этих противоречий органично возникает задача по формированию эффективной системы коммуникации в области науки, технологий и инноваций.

Решение, предложенное на базе Камского кластера «Иннокам», заключается в создании сетевого центра открытых инноваций, который запущен в 2018 году под брендом «Российский центр открытых инноваций «Инноскоп» [7-8].

[1] Карташова Александра Андреевна – к.т.н., руководитель службы развития инноваций Ассоциации «Иннокам». Профессиональные интересы: кластерное развитие, трансфер технологий, продвижение инновационных проектов. E-mail: kartashova@innokam.ru

Проект обеспечивает прямое взаимодействие между наукой и бизнесом в области внедрения инновационных технологий и разработок, а также дозагрузку оборудования вузов и инжиниринговых центров [9–10].

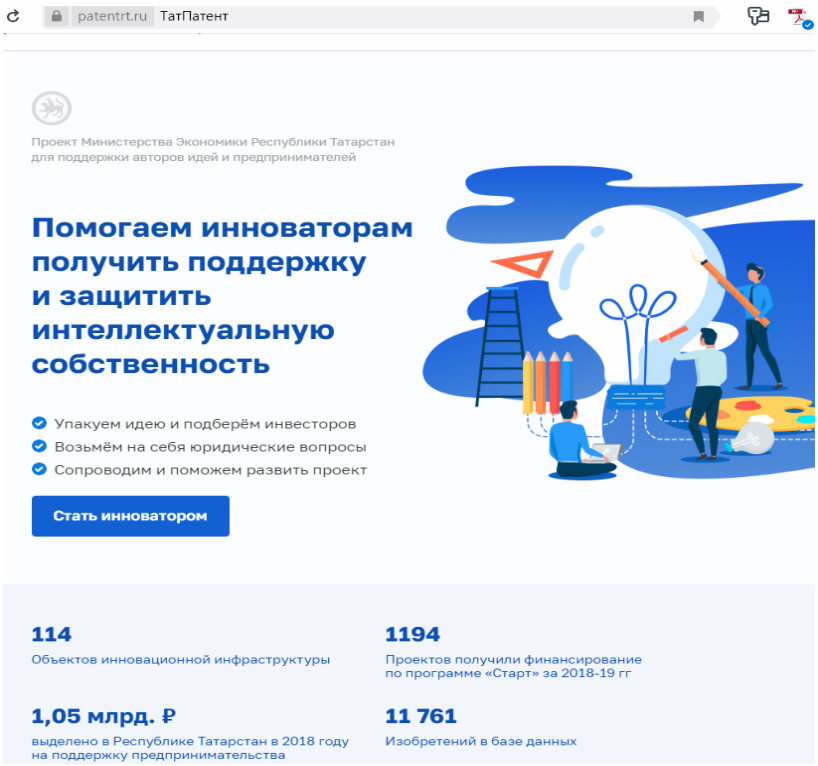


Рисунок 1.
Статистика реализации функционала цифрового решения по управлению интеллектуальной собственностью «ТатПатент»

Инноскоп включает каталог существующих технологий и разработок, возможность запроса технологий со стороны предприятий и поиска партнеров для совместных разработок, каталог инжинирингового оборудования и услуг с возможностью индивидуального запроса, а также проведение совместного обсуждения в рамках «мозгового штурма» с привлечением ведущих российских экспертов. Эта база может стать существенным подспорьем для расширения международного сотрудничества по формированию инновационной повестки на уровне стран Большой Евразии.

Уже сегодня на портале размещена крупнейшая в России база высокотехнологичного оборудования и инжиниринга, включающая более 43 тысяч единиц оборудования и около 4 тысяч услуг инжиниринга, а также представлено 11 тысяч инновационных технологий и разработок. На портале работают более 1600 организаций из 82 регионов России, в том числе 30 организаций-участников Камского кластера.

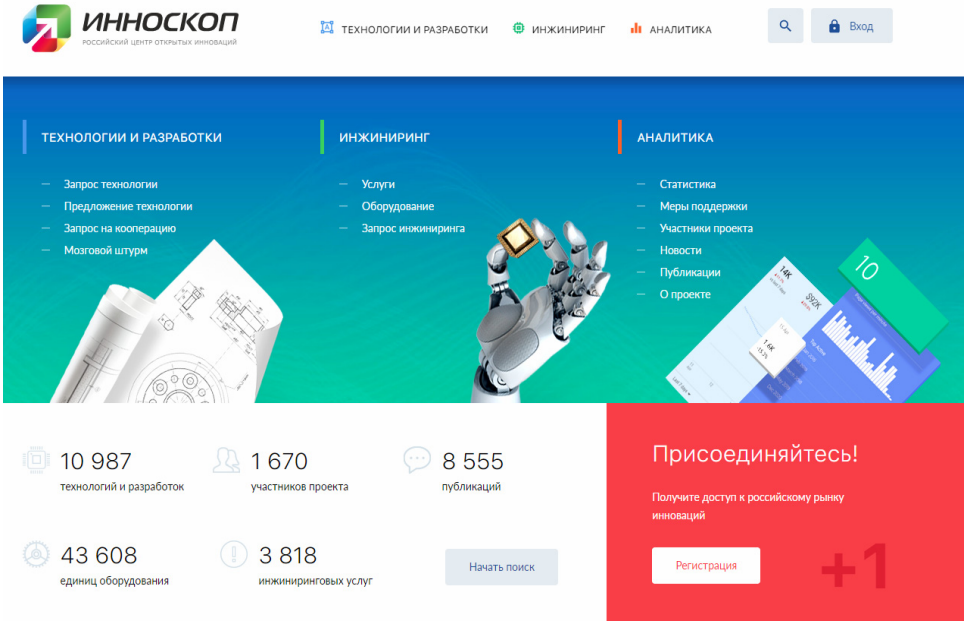


Рисунок 2.
Статистика и структура разделов Российского центра открытых инноваций «Инноскоп»

Инноскоп позволяет напрямую взаимодействовать с автором технологии или специалистом, отвечающим за лабораторное оборудование или оказание инжиниринговых услуг. С момента запуска портала поступило уже свыше 700 заявок на технологии, услуги и оборудование, в том числе и из стран ближнего зарубежья (Казахстан, Узбекистан, Беларусь, Молдова, Кыргызстан, Монголия), имеется ряд положительных примеров по межвузовскому взаимодействию, а также размещены запросы на конкретные технологии и инжиниринг.

Развитие площадки для генерации проектных решений происходит также по направлению расширения связей и контактов с международными партнерами. Одним из последних событий в данной сфере стало подписание соглашения о сотрудничестве с Российским лицензионным обществом «LES Russia», которое является структурным филиалом международной организации по кооперации в сфере управления интеллектуальной собственностью LES International. Потенциал реализованного соглашения распространяется на 33 страны мира, включая Китай, Индию, Южную Корею, Японию, Россию и др. [11].

Интерес для кластера эта организация представляет с позиции коллаборации в области формирования и развития инновационной повестки с крупнейшими компаниями в области патентования, а также наиболее активными промышленными участниками в области развития высоких технологий.

Логичным продолжением международной деятельности в сфере инновационного развития является крупное мероприятие – 23-я конференция TCI-network, которая состоится в г. Казани 14–16 октября 2020 года [12]. Тема предстоящего события, на котором соберутся более 500 международных организаций, региональных институтов поддержки конкурентоспособности и кластеров из 30 стран станет: «Сотрудничество для кластерного развития: создавая будущее». Трехдневная программа конференции сформирована под концепцией 3С: создавая города, содействуя коллаборации, созидая креативную среду. В рамках программы участники познакомятся с российским и татарстанским опытом построения кластеров и посетят объекты инновационной экономики и научные площадки Казани. Кроме того, мероприятие представит инновационный потенциал региона и страны для формирования совместной повестки и проектных решений с зарубежными партнерами.

Описанные предложения и направления по созданию проектных решений при формировании совместной инновационной повестки являются лишь частью выполняемой кластерной организацией работы. При этом все они потенциально ориентированы на страны и международные организации Большой Евразии, которых мы приглашаем к сотрудничеству и совместному взаимовыгодному партнерству.

Список литературы

1. Приказ Минэкономразвития России от 27.06.2016 № 400 «О приоритетном проекте Минэкономразвития России «Развитие инновационных кластеров – лидеров инвестиционной привлекательности мирового уровня». – https://cluster.hse.ru/mirror/pubs/share/213074518
2. Официальный сайт Ассоциации «Некоммерческое партнерство «Камский инновационный территориально-производственный кластер» (Иннокам): – http://www.innokam.ru/
3. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 15.01.2013 № 11 «Об утверждении долгосрочной целевой программы «Развитие рынка интеллектуальной собственности в Республике Татарстан на 2013–2020 годы».
4. Банк данных интеллектуального потенциала Республики Татарстан. – https://patentrt.ru
5. Карташова А.А. Опыт выстраивания эффективной системы коммуникации науки и бизнеса на примере Российского центра открытых инноваций «Инноскоп» // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 14 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2019. – Ч. 1.
6. Карташова А.А., Шамсутдинова Л.П., Лаврова О.М. Разработка кластерных форматов работы для организации практико-ориентированного обучения // Управление устойчивым развитием. 2018. – № 4 (17). – С. 108–111.
7. Российский центр открытых инноваций «Инноскоп». – https://innoscope.ru
8. «Инноскоп» – доступ к инновациям России // Эксперт Татарстан. 2019. – № 14–18 (62). – С. 11.
9. Карташова А.А., Камалиев Б.И. Модель компетенций наставника на предприятии как основа построения корпоративной системы наставничества // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. – № 4. – С. 80–85.
10. Карташова А.А., Бадреева А.М., Камалиев Б.И. Корпоративные системы кооперации в области управления инновациями: российский и международный опыт // Кооперативное движение в системе развития сельских территорий: Сборник научных трудов научно-практической конференции. 2018. – С. 52–54.
11. РОО «Лицензионное общество lES Russia. http://www.les-russia.org/about/lesi/
12. TCI-network: The global practitioners network for competitiveness, clusters and innovation. – http://www.tci-network.org/

Коданева С.И.[1]

КООПЕРАЦИЯ ТЕХНОПАРКОВ И ИНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СТРАН ЕАЭС КАК ИНСТРУМЕНТ СТИМУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова*: инновационное развитие; инновационная экономика; глобализация; регионализация; научные парки; Россия и ЕАЭС; шестой технологический уклад; цифровая экономика.*

Keywords*: innovative development; innovative economy; globalization; regionalization; science parks; Russia and the Eurasian economic Union; the sixth technological order; the digital economy.*

Последние десятилетия глобально изменили мир, привнеся в него несколько новых трендов, формирующих принципиально новую экономическую и социальную реальность, а также определяющие развитие глобальных процессов. В научной литературе эти тренды принято называть четвертой промышленной революцией или формированием шестого технологического уклада. Как бы то ни было, невозможно не признать, что за три десятка лет произошло взрывное развитие новых технологий.

При кажущейся очевидности данного тезиса не все осознают, что мы стали современниками качественного скачка в динамике нашей жизни. Во-первых, мир сталкивается с невиданными ранее глубиной и комплексностью инноваций. Новые технологии порождают качественные изменения всех сторон жизни общества. Наблюдаемые в последние годы кризисы складывавшихся на протяжении десятилетий политических систем вызваны в том числе появлением новых технологий.

Во-вторых, беспрецедентным стал темп изменений. Стало принято говорить о «современном экономическом росте», когда изменения условий жизни и производства происходят на протяжении не столетий, а десятилетий, то есть для каждого нового поколения. Но теперь такое понимание становится некорректным: инновации, меняющие жизнь человека, происходят за считанные годы, в рамках жизни одного поколения. Если этот темп обновлений сохранится, то можно будет говорить о наступлении новой фазы экономической динамики, существенно отличной от наблюдавшейся в последние 200 лет[2].

Это означает, что мир постоянно сталкивается с новыми вызовами – экономическими, технологическими, социальными, экономическими. Можно констатировать, что глобальный кризис, начавшийся в 2008 г., открыл в мире период нестабильности, быстрых, порой радикальных перемен и низкой предсказуемости[3].

При этом, с одной стороны, производительность и рост ВВП резко затормозились. С другой стороны, возник феномен «технологической дефляции» – резкого удешевления инноваций по мере ускорения их распространения. Соответственно, основная экономическая деятельность перемещается в «Сеть», становится «виртуальной», предоставляя своим потребителям возможность получать товары и услуги гораздо дешевле, существенно снижать издержки производителей.

В результате при сохранении того же или даже более высокого уровня потребления и качества жизни человека объем создаваемой в экономике добавленной стоимости сокращается, что статистически может приводить к замедлению темпов роста (и даже к снижению уровня) ВВП[4].

В то же время по данным McKinsey обеспечить заметный рост ВВП в современных экономических условиях в традиционных отраслях народного хозяйства практически невозможно. Наибольший потенциал для экономического роста России – это области научных исследований и разработок, где производительность в России составляет 21% от соответствующего показателя США, занимающих здесь первое место. Соответственно, чтобы войти в пятерку мировых экономических лидеров, России необходимо утроить размеры цифровой экономики к 2025 году[5].

Но в глобальной экономике существует и другой тренд – фундаментальный и долговременный. Речь идет о все более тесной интеграции и взаимозависимости рынков, отраслей, сегментов, наконец, продукции и услуг. Новые технологии уже начали объединять мировую экономику, которая будет становиться все более глобальной. При этом динамика процессов глобализации оказала глубокое влияние на неравномерность экономического развития отдельных

[1] Коданева Светлана Игоревна – к.ю.н., доцент кафедры инновационных технологий в государственной сфере и бизнесе Института бизнеса и делового администрирования РАНХиГС, с.н.с. ИНИОН РАН. E-mail: kodanevas@gmail.com

[2] Медведев Д.А. Россия-2024: Стратегия социально-экономического развития // Вопросы экономики. – М., 2018. – № 10. – С. 7.

[3] Там же, с. 5.

[4] Там же, с. 8.

[5] Коданева С.И. Инновационно-промышленная политика субъектов РФ как основа устойчивого развития регионов // Россия: тенденции и перспективы развития. – М.: ИНИОН РАН, 2019. – Вып. 14, ч. 1. – С. 795–799.

стран и регионов[1]. Иными словами, диспропорции возникают уже не только между странами – технологическими лидерами и технологически отстающими государствами, но и на уровне целых регионов. Соответственно, параллельно процессу глобализации нарастает тенденция к регионализации экономики.

При этом, как отмечает Т.А. Малахова, начало XXI в. характеризуется формированием многополярной системы, пришедшей на смену биполярного мира, в котором ядром противостояния СССР и США была идеология. Теперь же в основе формирования некоего «содружества» стран стоит вес и значение ядра (лидера) в глобальной экономико-политической сфере. Подобные формирования в рамках многополярной системы автор называет «геостратегическими экономическими блоками» (ГЭБ). ГЭБ – это объединение нескольких государств с целью утверждения интересов и усиления их влияния в глобальной военно-политической, экономической, валютно-финансовой сферах, что приводит к формированию многополярной системы с отдельными центрами соперничества и содружества[2]. На сегодня уже сформировались три таких блока: НАФТА (страна-доминант – США), ЕС (страна-доминант – Германия), Восточная Азия (страна-доминант – Китай).

Предложенное Т.А. Малаховой видение представляет интерес и позволяет понять всю важность и огромный потенциал интеграции стран ЕАЭС в контексте формирования геостратегического экономического блока, имеющего достаточный политический и экономический вес, для того чтобы занять достойное место в формирующемся многополярном мире.

Однако, на сегодня ни России, которая могла бы стать ядром этого блока, ни ЕАЭС пока не удается успешно встроиться в два основных тренда, превалирующих в мировой экономике (ускоренное научно-технологическое развитие, сопряженное с формированием шестого технологического уклада, и глобализация, сопровождающаяся формированием многополярного мира, опирающегося на геостратегические экономические блоки).

Для этого необходима коренная перестройка всего народного хозяйства, необходимо готовить высокопрофессиональных специалистов в цифровой сфере, способных создавать продукты, конкурентоспособные на мировом рынке, промышленность страны должна активно пользоваться передовыми технологиями, при этом необходимо наличие промышленных предприятий – мировых лидеров в области внедрения таких технологий, как Индустрия 4.0. Наконец, само государство должно стать активным проводником цифровых технологий, в том числе подавая пример в области оказания качественных цифровых государственных услуг[3].

Однако на сегодня российский бизнес демонстрирует крайне низкие показатели использования возможностей цифровых технологий. И если доступ к Интернету имеют более 80% организаций предпринимательского сектора, то техническими возможностями современных программных комплексов и баз данных пользуются не более 20% респондентов[4]. По состоянию на 2014 год удельный вес организаций в России, которые используют технологические инновации составил 8,8%, в то время как в Германии – 55%, Швеции – 45,2%, Финляндии – 44,6%, Нидерландах – 44,5%[5].

Это приводит к значительному снижению конкурентоспособности российских компаний не только в международной торговле, но и на российском рынке (вытеснение иностранными компаниями в сегментах электронной торговли, социальных сетей, поисковых систем и т.д.)[6]. При этом многие исследователи отмечают, что фактически основная доля российской промышленности базируется на четвертом технологическом укладе, в то время как страны-технологические лидеры уже активно переходят на технологии шестого технологического уклада.

Таким образом, ключевой задачей сегодня как для России, так и для всех стран ЕАЭС является формирование инновационного потенциала, включающего совокупность ресурсов, условий, институциональной готовности и способности хозяйствующих субъектов осуществлять и воспроизводить нововведения, подтвержденные патентами.

Однако устойчивое технологическое отставание в промышленном секторе по объективным причинам не может предъявлять спрос на инновации высокого уровня, поэтому они и не появляются. В то же время преобладающие в российской промышленности четвертый и даже третий технологические уклады достигли пределов экономического роста, сопровождаемого падением прибыльности в традиционном производстве[7].

При этом российское общество не готово к восприятию инноваций в силу крайне низкой инновационной культуры. Определение инновационной культуры как фактора инновационного развития общества впервые было сформулировано в ряде документов ЕС как стратегический ресурс, и связывается с развитием творческих способностей личности, формированием индивидуального мышления креативного типа. С развитием инновационной культуры тесно связана и еще одна актуальная проблема, без решения которой невозможен переход на инновационный путь развития –

---

[1] Малахова Т.С. Тенденции и противоречия кризиса глобальной экономики // Кондратьевские волны: к 125-летию Н.Д. Кондратьева. 2018. – С. 286.

[2] Там же, с. 287.

[3] Коданева С.И. Инновационно-промышленная политика субъектов РФ как основа устойчивого развития регионов // Россия: тенденции и перспективы развития. – М.: ИНИОН РАН, 2019. – Вып. 14, ч. 1. – С. 795–799.

[4] Там же.

[5] Ростанец В.Г., Жебель В.В., Зворыкина Т.И., Ардасенов Х.А. Обеспечение устойчивого развития экономики и импортозамещения путем автоматизированного поиска и выявления потребностей в новых научно-технических и технологических решениях // Управление экономическими системами. 2018. – № 9.

[6] Коданева С.И. Инновационно-промышленная политика субъектов РФ как основа устойчивого развития регионов // Россия: тенденции и перспективы развития. – М.: ИНИОН РАН, 2019. – Вып. 14, ч. 1. – С. 795–799.

[7] Усков В.С. Проблемы инновационного развития экономики регионов России // Вестник ВГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. Серия: Экономические науки. 2018. – № 4 (18). – С. 173.

это проблема создания эффективных механизмов трансфера технологий, а в широком смысле – механизмов распространения научно-технических знаний, стимулирования предпринимателей к их активному внедрению.

Традиционно решение обеих проблем связывают с совершенствованием институциональных механизмов инновационной инфраструктуры, а также с созданием сетей кооперационных исследований.[1] Прежде всего, речь идет о получивших в последние десятилетия широкое распространение в мире научных парках (технопарках) и специальных зонах инновационного развития, известных как коридоры знаний, высокотехнологичные анклавы, умные города, технополисы, даже специальные экономические зоны и т.д. (далее мы будем использовать в качестве обобщающего термин «научные парки»).

Эти эксклюзивные пространства имеют целью создание партнерства между промышленностью, наукой и государством. Следует отметить, что исторически они зачастую формировались на базе старых форм промышленных зон и кластеров. Так, даже всемирно известная Силиконовая долина основывалась на созданном в 1951 году Стэнфордском индустриальном парке, который кардинально преобразился в конце 1970-х годов, когда Стэнфордский университет установил жесткие экологические стандарты и подчеркнуто «зеленую атмосферу» с целью преобразования промышленного парка в исследовательский центр.

Желание избавиться от «ржавого пояса» устаревших (а зачастую уже и не функционирующих) производств приводит к тому, что научные парки во многих странах формируют особое городское пространство, которое тесно связано с современной технологической и информационной экономикой (умные города). Также научные парки пользуются особыми привилегиями, предоставляемыми как национальными, так и местными правительствами, но в то же время к ним предъявляются и повышенные требования (как в части экологических стандартов, уровня патентных разработок, так и в плане привлечения инвестиций и доходности). Соответственно, эти специализированные территории помимо ученых, инженеров и других специалистов, работающих в научно-исследовательских лабораториях и высокотехнологичных производственных предприятиях, привлекают бизнес, венчурный капитал, инвесторов и богатых городских жителей, которые стремятся к привилегированному образу жизни. Поэтому во многих странах, особенно развивающихся, научные парки сами по себе являются технологией правительства, которая помогает формировать городской средний класс.

Все это побуждает исследователей по-разному трактовать суть и значение научных парков для экономического развития соответствующих территорий. Так, одни рассматривают научные парки как объекты недвижимости, предназначенные для размещения инновационных компаний с целью развития инновационной экономики. Другие считают, что такая высокотехнологичная инфраструктура имеет особое значение для регионального и национального экономического роста. Представляет интерес мнение о том, что это также точки пересечения двух плоскостей – национальной и глобальной. Особенно распространен такой взгляд на научные парки в странах Восточной и Юго-Восточной Азии, таких как Китай, Индия, Япония, Сингапур, Малайзия, Тайвань и Корея. Здесь эти специализированные территории воспринимаются как национальные проекты модернизации в контексте новой экономики, основанной на знаниях, которые позволяют данным странам встроиться в глобальный миропорядок и неолиберальную экономику, а некоторым из них служат также своего рода трамплином для местных компаний, претендующих на глобальные рынки. Являясь глобальной сетью экстерриториальных пространств, система научных парков способствует эффективной передаче знаний, персонала и капитала с беспрецедентной скоростью и масштабами.

Так, эмпирические исследования подтверждают существующий эффект агломерации, выражающийся в обмене знаниями между компаниями, расположенными в границах научного парка, причем этот эффект проявляется даже между фирмами, относящимися к различным отраслям (например, биотехнологии и IT)[2].

Вместе с тем, как показывает практика многих технопарков, наилучшие результаты в развитии инновационных стартапов достигают те территории, где присутствуют либо крупные иностранные технологические компании (например, один из крупнейших научно-исследовательских центров Microsoft в научном парке Хайдарабад в Индии), либо куда активно привлекают иностранных специалистов (например, активная политика Китая по привлечению своих бывших сограждан, работающих в ведущих университетах и инновационных компаниях за рубежом, особенно в США, и ставших научной элитой в парке Чжунгуаньцунь), а также те научные парки, которые используют сетевой эффект от взаимодействия с другими специализированными территориями[3].

Это позволяет сделать вывод, что обмена знаниями в рамках одного изолированного научного парка недостаточно. Гораздо больший эффект дает взаимодействие между различными научными центрами, научными парками и специализированными промышленными и инновационными зонами, причем как в рамках одного государства, так и расположенными на территории разных стран. Управляющие организации таких специализированных территорий могут обмениваться опытом в создании инновационных экосистем, работе с резидентами, начиная с их подбора и размещения и заканчивая пакетами услуг и сервисов, им предоставляемых. Кроме того, подобное взаимодействие

[1] Ковалев С.В. Проблемы социокультурного развития инноваций и содержания научно-технического прогресса в условиях глобализации экономики // Вестник МГУКИ. – М., 2009. – № 6 (32). – С 237.

[2] Helmers Ch. Choose the neighbor before the house: agglomeration externalities in a UK science park // Journal of economic geography. 2017. – Vol. 19, N 1. – P. 31–55.

[3] Das D., Lam T. High-tech utopianism: Chinese and Indian science parks in the neo-liberal turn // British society for the history of science. 2016. – Vol. 1. – P. 221–238.

служит трансферу технологий, созданию альянсов между компаниями-резидентами научных парков и запуску новых проектов[1].

Таким образом, развитие кооперации, выстраивание партнерских отношений и создание сетей, связывающих научные парки России и стран ЕАЭС может иметь синергетический эффект, основывающихся как на расширении канала перетока знаний, так и на возможностях выстраивания производственных цепочек, а также расширения каналов сбыта инновационной продукции в рамках единого рынка.

Представляется, что подобная сеть, объединяющая инновационные центры стран ЕАЭС, могла бы стать скелетом для формирования Евразийского геостратегического экономического блока, основывающегося на внедрении современных научно-технологических разработок и конкурентоспособного в условиях шестого технологического уклада.

[1] Международная ассоциация научных парков и зон инновационного развития. – https://www.iasp.ws/html/Brochure2019/index.html#page=12

Кондратьева Н.Б.[1]

ЦИФРОВАЯ ПОВЕСТКА: ПРОБЛЕМЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ ДЛЯ ЕАЭС

Ключевые слова: *цифровая повестка дня, цифровая трансформация, единый цифровой рынок, Евразийский экономический союз.*

Keywords*: digital agenda, digital transformation, single digital market, Eurasian Economic Union.*

Строительство единого цифрового пространства – один из ключевых приоритетов ЕАЭС. Повестка формируется с 2016 г. и на сегодняшний день представляет собой обширный свод знаний о предмете и внушительный ряд задач[2]. В программе председательства Армении в Евразийском экономическом союзе в 2019 г. говорится об активизации усилий по продвижению к этой цели.

Каждая из стран ОЭСР, за исключением одной – США – имеет свою программу или стратегию цифровой трансформации. Из всех развитых стран только лидер цифровизации – США – использует децентрализованный подход в экономическом развитии и не является сторонником какого бы то ни было регулирования процессов цифровизации. Остальные же страны в плане цифровизации можно назвать догоняющими, соответственно, они вынуждены стимулировать сокращение своего отставания. Отдельно стоит отметить интеграционные группировки, две из которых – Европейский союз и Евразийский экономический союз – имеют цифровую повестку, заключающуюся в координации национальных программ. Полномочия наднациональных интеграционных институтов позволяют им глубже включиться в процессы цифровизации рынка, торговли. В гораздо меньшей мере возможна поддержка цифровизации других отраслей. Особая миссия интеграционных союзов состоит в предотвращении разрастания территориальных и социальных диспропорций в процессе цифровизации экономики государств-членов.

На сегодня самый свежий официальный документ, оценивающий мировые тенденции в рассматриваемой сфере – «Доклад о цифровой экономике 2019. Создание стоимости и получение выгод: последствия для развивающихся стран», выпущенный ЮНКТАД в сентябре 2019 г. Его авторы сконцентрированы именно на угрозе разрастания территориальных диспропорций из-за того, что работники и потребители с недостаточным уровнем знаний о цифровых технологиях оказываются в невыгодном положении. С обеспокоенностью авторы доклада отмечают также другие нежелательные явления, сопровождающие цифровизацию экономики, например, сверхконцентрация прибылей[3] и киберугрозы. В качестве ответа предлагается развивать международное сотрудничество. От себя добавим, что наиболее продвинутой формой такого сотрудничества уже стала межстрановая интеграция.

Исследования, посвященные цифровизации пространства интеграции ЕАЭС[4] как категории международных отношений, содержат взвешенное представление о базисных и проблемных сторонах феномена, непосредственно подходят к практическим вопросам строительства цифровой экономики.

Что осмыслено учеными и практиками в проблематике цифровизации интеграционного пространства?

Реализация цифровой повестки – это ***укрепление идейной основы региональной интеграции*** – облегчение внутрирегиональной торговли. Цифровизация, очевидно, будет способствовать доступу на рынки большего числа экономических акторов, развитию конкурентного порядка. Конкуренция же сегодня немыслима без цифровизации, которая дает свободный доступ к данным о ценах и ресурсах. Все частные задачи объединяет общая установка на дальнейшее расширение обменов факторами и результатами экономической деятельности.

Вместе с тем, цифровизация предполагает ***политическую и финансовую ответственность государств*** за создание цифровой инфраструктуры (сетей и платформ), подготовку нормативно-правовой базы для регулирования отношений пользователей этой инфраструктуры, наконец, повышение образовательного уровня населения. Каждая инициатива, например, такая как внедрение электронных сопроводительных документов для трансграничного перемещения грузов или создание электронной биржи труда, должна опираться на достигнутый политический консенсус между государствами, затем на подготовленное нормативное содержание и кадры высокой квалификации.

Многие издержки, как предполагается, окупятся в будущем увеличением взаимных обменов факторами и результатами экономической деятельности. Однако для этого необходимо сформировать нормативную базу налогооб-

---

[1] Кондратьева Наталия Борисовна – к.э.н., доцент, в.н.с., ученый секретарь Института Европы РАН; зав. базовой кафедрой европейских и интеграционных исследований Института мировых цивилизаций. E-mail: nkondratieva@inbox.ru

[2] В специальном разделе официального сайта Евразийской экономической комиссии собрана политико-правовая база Цифровой повестки ЕАЭС. – http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/Pages/default.aspx

[3] По данным доклада ЮНКТАД на 70 крупнейших цифровых платформ приходится 90% рыночной капитализации. Доля Европы составляет лишь 4%.

[4] Цифровая повестка Евразийского экономического союза до 2025 года: перспективы и рекомендации. Группа Всемирного банка. ЕЭК. 2017. – 30 с. – http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/SiteAssets/Обзор%20ВБ.pdf; Цифровой потенциал стран-участниц ЕАБР. 2019. – https://eabr.org/upload/iblock/0d5/EABR_Digital_Potential_06_2019.pdf

ложения цифровой экономики. Это более или менее возможно в рамках интеграционных союзов. В Европейском союзе такая база находится в процессе создания, и на его опыт можно опереться.

Издержки цифровой экономики весьма существенны и порой превышают прибыли. Разрушающее созидание в мировом экономическом развитии, без ощутимого роста, в том числе без ответного роста торговли и производительности труда и с растущими издержками – этот феномен стал известен благодаря выводу одного из ведущих экономистов современности Р. Солоу (парадокс Солоу; в конце 80-х годов Солоу сказал, что компьютеры проникли «повсюду, кроме статистических данных по эффективности»). Неоднозначные тенденции в мировой экономике, например, падение вклада мировой торговли в развитие, выявил российский экономист С. Афонцев. Возникает резонный вопрос о выгодах цифровизации интеграционного пространства, которые могли бы покрыть указанные затраты на компьютеры, программное обеспечение, подготовку IT-специалистов и менеджеров. Ясно, что обещания о повышении экономического роста несбыточны, пока бизнес и люди «не доросли» до возможностей, которые дают цифровые технологии.

На этой базе стоит формировать сдержанную и более сбалансированную оценку влияния цифровизации на развитие ЕАЭС. Дополнительно следует учитывать два специфических для региона обстоятельства: во-первых, активность значительной части экономических акторов протекает в традиционном укладе, во-вторых, большие расстояния между странами естественным образом ограничивают торговлю. Тем не менее, можно говорить об импульсах, которые открывает доступ к Интернет. Они провоцируют спрос, возникновение цифровых решений, альтернативных подходов к ведению бизнеса и качественных изменений рынка товаров и услуг. Импульсы будут тем сильнее, чем больше внимания будет уделено программам соответствующей подготовки кадров.

Не стоит преувеличивать потери занятости. В защиту цифровизации можно сказать следующее. Электронное правительство и другие цифровые услуги не отменят, а лишь дополнят традиционные услуги и их традиционное нормативное обеспечение. Цифровизация лишь упрощает связь поставщика и потребителя услуг, но не может развиваться без традиционных видов деятельности. Например, цифровизация ускоряет проверку подлинности документов для целей трудоустройства, однако соответствующая услуга предоставляется только на базе отлаженной традиционной процедуры взаимного межгосударственного признания профессиональных квалификаций. В таком контексте цифровизация создает сопутствующую занятость для создателей и технических операторов цифровых платформ, при этом не отменяет основную занятость.

Дискуссионным остается вопрос о перечне сфер, которые подлежат координации в рамках цифровой трансформации. На сегодня большинство сфер сохраняются в пределах национального регулирования для локализации киберугроз. Опыт ЕС говорит о том, что цифровая повестка все более сосредоточена на усилении контроля над цифровой экономикой с целью защиты потребителей и государственных интересов, нежели на облегчении доступа к данным и услугам. Вместе с тем, очевидно, что применение национальных законов в отношении трансграничной торговли затруднено, соответственно, насущно необходима координация правового обеспечения безопасности цифровой трансформации (в Европейском союзе развивается практика решения этой задачи, которую стоит изучить с целью применения ее элементов на пространстве ЕАЭС). Прогноз ведущего теоретика неолиберализма Дж. Ная оказался предельно точным: киберпространство усложняет существование суверенных государств.

В заключении стоит обратить внимание на вопрос о выгодоприобретателях цифровой экономики. Помимо отмеченной тенденции к концентрации прибылей, очевидно, что в догоняющих экономиках цифровизация ведет к усилению роли государств, а в интеграционных группировках – к усилению наднациональных институтов, поскольку на них держится часть обеспечивающих процессов. Отсюда очевидна необходимость принятия государствами-членами финансовых обязательств по обустройству цифровой инфраструктуры (обеспечению широкополосными сетями, национальными платформами).

Как известно, каждая из стран ЕАЭС сегодня имеет свою программу цифровизации. В частности, программа «Цифровая экономика Российской Федерации», направлена на комплексное и системное развитие и внедрение цифровых технологий во всех областях жизни. Выделены пять основных направлений на период до 2024 г.: нормативное регулирование, кадры и образование, формирование исследовательских компетенций и технических заделов, информационная инфраструктура, информационная безопасность. Без государственного финансового участия реализация таких программ нереальна; некоторые ожидаемые результаты останутся на бумаге.

Целесообразно стимулировать цифровую трансформацию в традиционных секторах экономики (на национальных платформах), например, в сельском хозяйстве[1], с расчетом на экономический эффект, а также в сфере государственных услуг.

Глобальная проблема и фундаментальная задача, которую увидели в ООН, заключается в том, чтобы переломить ***тенденцию к сверхконцентрации прибыли*** в руках очень небольшого числа цифровых гигантов и обеспечить более справедливое распределение плодов цифровизации. С опорой на мнения экспертов стоит сформулировать также ***задачу сохранения «здоровья» экономической модели***, в которой компьютеризация бизнеса направлена на извлечение реальной прибыли в традиционных сферах.

[1] Стоит отметить здесь проект цифрового сельского хозяйства, разработанный Министерством сельского хозяйства РФ. Можно было бы усилить его практическую ориентированность идеей цифрового содействия производственно-сбытовой кооперации для лучшего учета урожаев мелких фермеров, координации хранения продовольственной продукции с целью сокращения издержек сельскохозяйственного производства.

Список литературы

1. Доклад о цифровой экономике 2019. Создание стоимости и получение выгод: последствия для развивающихся стран. Обзор. – Женева: ЮНКТАД, 2019. – 31 с. – https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/der2019_overview_ru.pdf
2. Цифровая повестка Евразийского экономического союза до 2025 года: перспективы и рекомендации / Группа Всемирного банка. ЕЭК. 2017. – 30 с. – http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/SiteAssets/Обзор%20ВБ.pdf
3. Цифровой потенциал стран-участниц ЕАБР. 2019. – https://eabr.org/upload/iblock/0d5/EABR_Digital_Potential_06_2019.pdf
4. Галкин Г. Компьютерный парадокс Роберта Солоу // Intelligent interprise. 2003. – № 10 (75). https://www.iemag.ru/opinions/detail.php?ID=17721
5. Nye J. Governance.com: democracy in the information age / Ed. by Kamarck C., Nye J. – Washington. D.C.: Brookings Institution Press, 2002. – P. 62.
6. Афонцев С. Новые тенденции в развитии мировой экономики // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2019. – Т. 63, № 5. – С. 36–46.

Костюнина Г.М.
д.э.н., профессор, профессор кафедры МЭО и ВЭС МГИМО

ВЗАИМНЫЕ ПРЯМЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В СТРАНАХ ЕАЭС: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ

Ключевые слова: *Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Россия, Казахстан, Белоруссия, Армения, Кыргызстан, прямые зарубежные инвестиции (ПЗИ), взаимные прямые инвестиции.*

Keywords*: Eurasian economic union (EAEC), Russia, Kazakhstan, Belorussia, Armenia, Kyrgyzstan, foreign direct investments (FDI), mutual direct investments.*

За 2014–2017 гг. доля накопленных ПЗИ в ВВП стран ЕАЭС существенно возросла с 36 до 41% в Армении, с 23 до 36% в Белоруссии, с 62 до 99% в Казахстане, с 49 до 70% в Кыргызстане и с 18 до 34% в России[1].

Стоимостной объем накопленных ПЗИ в странах ЕАЭС в целом увеличился с 31 870 млн. долл. до 34 630 млн. долл. за 2014–2017 гг. Прирост был достигнут за счет ПЗИ из стран-нечленов, объем которых возрос с 30 110 млн. долл. до 33 508 млн. долл. (см. табл. 1).

Таблица 1

Динамика вложений накопленных ПЗИ в страны ЕАЭС, млн. долл.

Страна	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Накопленные ПЗИ, всего	31 870	16 204	51 641	34 630
Накопленные взаимные ПЗИ	1760	2139	1434	1122
Накопленные ПЗИ из стран-нечленов	30 110	14 065	50 207	33 508

Источник: Прямые инвестиции в Евразийском экономическом союзе. Статистический бюллетень 2017 г. / Евразийская комиссия. – М., 2018. – С. 7.

Как видно из табл. 1, максимальный совокупный объем накопленных ПЗИ был достигнут в 2016 г., когда сказалась благоприятная инвестиционная ситуация в мировой экономике и мировые ПЗИ выросли. Взаимные накопленные ПЗИ стран ЕАЭС сократились с 1760 млн. долл. до 1122 млн. долл. за 2014–2017 гг. В итоге, доля взаимных прямых инвестиций в совокупных ПЗИ, вложенных в экономику стран ЕАЭС, сократилась с 5,5 до 3,2% соответственно.

Ситуация по отдельным странам ЕАЭС разнится: если Армения и Белоруссия являются крупными реципиентами взаимных ПЗИ, то Россия, Казахстан и Кыргызстан – нет.

По накопленным ПЗИ в экономиках Евразийского экономического союза лидирует ***Россия***, совокупный объем инвестиций в экономику которой составил 529,6 млрд. долл. на конец 2017 г., из них 5,4 млрд. долл. приходится на инвестиции стран ЕАЭС, или 1,0%.

За 2010–2018 гг. совокупный объем притока прямых зарубежных инвестиций из государств Евразийского экономического союза в экономике России возрос с 68 млн. долл. до 177 млн. долл., или в 2,6 раза (см. табл. 2). Тенденция относительно повышательная с исключением для 2014 г. Удельный вес ЕАЭС, хотя и увеличился с 0,2 до 2,0% в совокупном импорте ПЗИ в Россию (с максимумом в 7,8% в 2015 г.), но продолжает сохраняться на низком уровне. Следует заметить, что за период существования ЕАЭС (с 2015 г.) ПЗИ государств-членов отличались более динамичными темпами роста по сравнению с их совокупным притоком.

Таблица 2

Динамика вложений прямых зарубежных инвестиций в российскую экономику в 2010–2018 гг., млн. долл.

Страна	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Всего	43 168	55 084	50 588	69 219	22 031	6853	32 539	28 557	8816
Казахстан	46	56	277	208	357	433	130	205	148
Беларусь	34	121	110	219	59	42	4	48	53
Армения	–24	–7	48	52	38	56	21	–142	–1
Кыргызстан	12	23	21	28	6	–18	–1	–20	–24
ЕАЭС, всего	68	194	576	507	311	535	414	91	177
Доля ЕАЭС, %	0,2	0,4	1,1	0,7	1,4	7,8	1,3	0,3	2,0

Источник: Составлено на основе данных ЦБ России. – http://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=svs

Основным инвестором в российскую экономику из числа стран ЕАЭС является Казахстан, ПЗИ которого возросли с 46 млн. долл. до 148 млн. долл., или в 3,2 раза за рассматриваемый период. Вторым инвестором является Бе-

[1] Прямые инвестиции в Евразийском экономическом союзе. Статистический бюллетень 2017. – М., 2018. – С. 29.

ларусь, стоимостной объем прямых инвестиций возрос с 34 млн. долл. до 53 млн. долл., или в 1,5 раза. Армянские и киргизские прямые инвестиции в РФ носят единичный характер. Низкий удельный вес взаимных инвестиций в совокупных ПЗИ в экономике России вызван высокой ролью прямых инвестиций из третьих государств, большой емкостью российского рынка и низким инвестиционным потенциалом стран ЕАЭС. Но Россия является главным реципиентом и одновременно инвестором среди стран ЕАЭС, что объясняется объективными факторами, такими как исторически сложившиеся производственно-инвестиционные связи, культурная и языковая общность, более высокий уровень экономического развития, емкость внутреннего рынка, диверсифицированная структура экономики.

Наиболее привлекательны для ПЗИ такие сферы российской экономики, как добыча полезных ископаемых (29,1%), финансовая и страховая деятельность (24,9%), обрабатывающая промышленность (10,0%), научные исследования и разработки (8,8%), строительство (7,1%).

Замедление притока инвестиций в российскую экономику, наблюдаемое после глобального финансового кризиса 2008–2009 гг., связано с исчерпанием эффекта ослабленного рубля, когда инвесторы стремились использовать возможность заработать сверхприбыли на экспорте существенно подешевевших товаров, произведенных в России. Отсутствие серьезных колебаний курса в течение последнего года остановило этот тренд, однако сохраняются возможности новых инвестиционных вложений в долгосрочные проекты. Сохраняют роль и негативные факторы – конфликт из-за событий в Украине, западные санкции, внутрироссийская экономическая ситуация. В таких условиях компании стремятся сохранить свои вложения с помощью «консервации» проектов, а не их полного закрытия.

Одной из проблем привлечения иностранных инвестиций в российскую экономику остается невысокий уровень инвестиционного климата. Так, по оценкам компании Эрнст&Янг, с 2014 г. наблюдается ухудшение экономической ситуации в России. Причинами стали западные санкции, падение цен на нефть, что, в частности, привело к сокращению количества инвестиционных проектов с иностранными капиталовложениями. В итоге иностранные инвесторы столкнулись с такими негативными моментами, как нестабильность инвестиционных мер регулирования и административные формальности; неблагоприятные макроэкономические изменения, уменьшение инвестиционной привлекательности экономики; неуверенность в отношении правильности правительственных мер поддержки экономического развития. Как определено в Investment Climate in Russia – Foreign Investors Perception, в соответствии с опросом ведущих иностранных инвесторов, 77% их числа обеспокоены принятыми мерами инвестиционного регулирования и выступают за мораторий на введенные новые законодательные меры, которые дестабилизировали инвестиционную привлекательность России. Вместе с тем, сохраняется такой благоприятный с точки зрения инвесторов фактор, как огромный экономический потенциал (90% опрошенных), а 50% респондентов заявили о готовности расширить предпринимательскую деятельность в России, а также об улучшении инвестиционного климата во многих регионах страны[1].

Еще одна проблема привлечения иностранных инвестиций – высокий политический риск для иностранных инвесторов, что связано со слабым правоприменительным механизмом инвестиционного законодательства, а именно с невысоким уровнем защиты прав и интересов иностранных инвесторов на практике. Так, по оценкам ежегодного доклада Всемирного банка Doing business-2019, Россия находится по упрощенности ведения бизнеса на 31 месте из 190 государств[2]. Хотя за последние 5 лет налицо стабильное улучшение (112 место в 2013 г.), но ситуация нуждается в дальнейшем совершенствовании. Другие слабые места инвестиционного климата – международная торговля и уплата налогов. Сохраняется и проблема коррупции. Согласно оценке Transparency International, по итогам 2017 г. Россия на 135 месте из 180 по Индексу восприятия коррупции[3].

С учетом проведенного анализа можно констатировать, что для привлечения ПЗИ в экономику России следует учитывать важность политических, экономических и регулятивных факторов. По многим зарубежным исследованиям, современная политическая обстановка свидетельствует о невозможности прорыва в привлечении существенных стоимостных объемов иностранных инвестиций из западных государств, прежде всего, Евросоюза. Одновременно возможен (и наблюдается) рост притока инвестиций из азиатских стран, включая ЕАЭС. Но их доля в совокупном объеме ПЗИ в российской экономике невысока: оптимизм внушает более высокая динамика роста.

Другим крупным реципиентом прямых инвестиций из числа стран Евразийского экономического союза является ***Казахстан***, объем накопленных ПЗИ в экономику которого на конец 2017 г. оценивается в 161,3 млрд. долл.

Таблица 3

Динамика ПЗИ в экономику Казахстана в 2010–2018 гг., млн. долл.

Страна	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Итого	22 246	26 467	28 885	24 098	23 809	15 368	21 367	20 960	24 276
Россия	951,6	1000,1	1069,5	1299,2	1583,8	533,6	872,6	1226,6	1499,2
Армения	–	–	–0,2	0,0	0,4	0,6	0,2	0,0	0,1
Беларусь	41,7	85,8	122,5	165,0	202,0	79,5	63,5	81,4	59,3
Кыргызстан	–20,3	4,7	–4,1	–59,5	–26,2	–17,6	–3,1	–0,3	4,2
ЕАЭС, всего	993,3	1085,9	1192	1464,2	1785,8	613,7	936,3	1308	1558,6
Доля ЕАЭС, %	4,5	4,1	4,1	6,1	7,5	4,0	4,4	6,2	6,4

Источник: Валовый приток иностранных прямых инвестиций в Республику Казахстан от иностранных прямых инвесторов по странам / Национальный банк Казахстана. – https://www.nationalbank.kz/?docid=680&switch=rus

[1] Investment Climate in Russia – Foreign Investors Perception. Ernst&Yang. 2018. – https://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/EY_report_-_Investment_climate_in_Russia_2015/%24FILE/EY-Investment-climate-in-Russia_eng%20EY%202015.pdf

[2] Doing Business 2019. Training for Reform / World Bank Report. 2019.

[3] https://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2017

За рассматриваемый период в казахскую экономику более динамично поступали ПЗИ из стран ЕАЭС: с 993,3 млн. долл. до 1558,6 млн. долл., или в 1,57 раза, что стимулировало рост доли членов данного интеграционного объединения в инвестиционных вложениях в Казахстан с 4,5 до 6,4% за 2010–2018 гг. Основной инвестор из стран ЕАЭС – Россия (96,2%), объем прямых инвестиций которой возрос с 951,6 млн. долл. до 1499,2 млн. долл. соответственно, или в 1,58 раза. На втором месте – Белоруссия: ПЗИ увеличились с 41,7 млн. долл. до 59,3 млн. долл. за 2010–2018 гг., максимальный объем инвестиций в 202 млн. долл. был достигнут в 2014 г. Две другие страны Евразийского союза – Армения (0,1 млн. долл.) и Кыргызстан (4,1 млн. долл.) являются минимальными инвесторами в казахскую экономику (см. табл. 3).

Что касается отраслевого разреза, то следует выделить добывающую сферу (добыча сырой нефти и природного газа) – 55,9%, а также обрабатывающую промышленность – 14,9%, прежде всего, металлургическую промышленность, производство пластмассовых и резиновых изделий, химическую промышленность. По упрощённости ведения бизнеса Казахстан занимает 28 место по оценке доклада Всемирного банка Doing business-2019[1]. Слабые места инвестиционного климата – получение разрешений на электричество (для чего необходимо потратить 98 дней), внешняя торговля, исполнение контрактов, получение кредита, уплата налогов, защита прав миноритарных инвесторов, получение разрешения на строительство. В целом, инвестиционные возможности экономики Казахстана растут, как и обостряется конкуренция за его внутренний рынок между Россией, с одной стороны, и Китаем и странами Евросоюза, с другой стороны. Главная инвестиционно-привлекательная сфера, несомненно, – топливно-энергетический комплекс.

Третьим по значению реципиентом из стран ЕАЭС является ***Белоруссия***. Накопленные ПЗИ равны 19,8 млрд. долл. по состоянию на 2017 г.

За 2010–2017 гг. совокупный приток ПЗИ в белорусскую экономику вырос с 5569,4 млн. долл. до 7634,2 млн. долл., или в 1,37 раза, тогда как ПЗИ из стран ЕАЭС сократились с 5055,56 млн. долл. до 2860,3 млн. долл., или в 1,77 раза (см. табл. 4). Доля ЕАЭС соответственно снизилась в совокупных вложениях ПЗИ в экономику Беларуси с 90,8 до 37,5% за рассматриваемый период. Главная причина связана с сокращением российских прямых инвестиций с 5055,1 млн. долл. до 2848,9 млн. долл., или в 1,78 раза. Однако Российская Федерация сохранила роль главного инвестора в белорусскую экономику как в целом, так и среди государств Евразийского экономического союза. Из группы стран ЕАЭС вторую позицию по объему вложений в Беларусь занимает Армения, прямые инвестиции которой возросли с 0,8 млн. долл. до 8,0 млн. долл., или в 10 раз. На третьем месте – Казахстан: его прямые вложения увеличились с 0,09 млн. долл. до 3,4 млн. долл., или почти в 38 раз. Кыргызские прямые инвестиции практически не вкладываются.

Таблица 4

Динамика вложений ПЗИ в экономику Беларуси в 2010–2017 гг., млн. долл.

	2010 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Всего	5569,4	11 083,4	10 168,9	7241,4	6928,6	7634,2
Россия	5055,1	5815,7	5114,8	3264,7	3526,0	2848,9
Казахстан	0,09	1,6	4,8	1,0	0,8	3 4
Армения	0,3	9,9	9,0	5,9	6,9	8,0
Кыргызстан	0,07	0,01	0	0	0	0
ЕАЭС, всего	5055,56	5827,21	5128,6	3271,6	3533,7	2860,3
Доля ЕАЭС, %	90,8	52,6	50,4	45,2	51,0	37,5

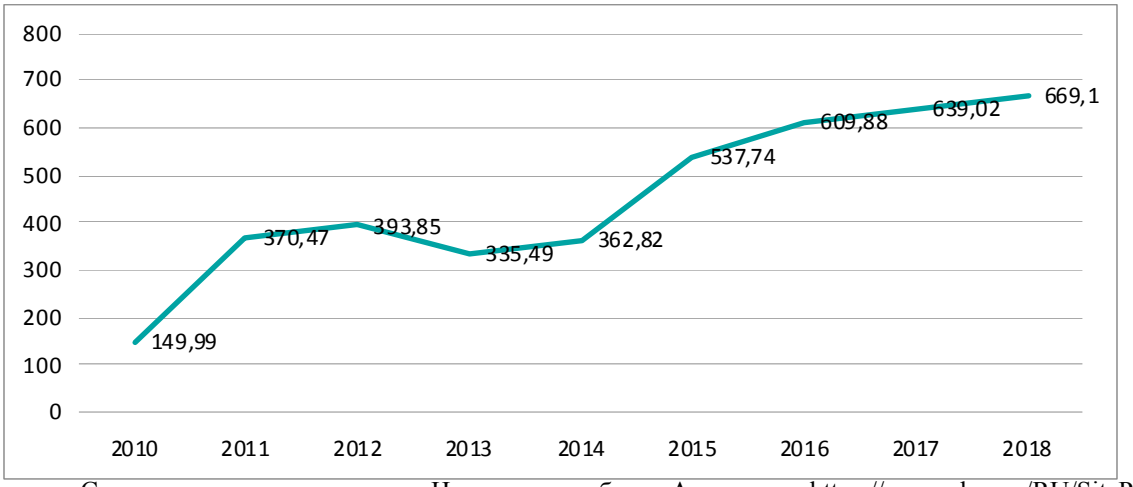
Источник: Беларусь и страны мира – 2017. Статистический справочник. – Минск, 2018. – С. 309–310.

Отраслевой разрез характеризуется ведущей ролью оптовой и розничной торговли, а также ремонтом транспортных средств и бытовой техники – 40,4%, транспорта и связи – 30,3%. Существенны ПЗИ в сфере обрабатывающей промышленности – 10,4% и недвижимости – 4,8%.

Инвестиционный климат Белоруссии отличается противоречивыми характеристиками. С одной стороны, благоприятное географическое положение, развитая транспортная и логистическая инфраструктура, а с другой стороны, слабодиверсифицированная структура национальной экономики, высокая роль государства в экономике, жесткая регламентация инвестирования, отсутствие природных ресурсов (т.е. отсутствие абсолютных преимуществ). Вместе с тем, инвестиционный климат страны постепенно улучшается. По данным Doing business-2019, Беларусь находится на 37 месте в мире по упрощенности ведения бизнеса. Сферы, которые требуют совершенствования, включают получение кредита, уплату налогов и защиту прав миноритарных инвесторов.

Объем накопленных ПЗИ в экономике ***Армении*** составил 4751 млн. долл. на конец 2017 г. За 2010–2018 гг. стоимостной объем привлеченных ПЗИ увеличился с 149,99 млн. долл. до 669,1 млн. долл., или в 4,46 раза (см. рис. 1). Тенденция, в основном, повышательная: снижение было лишь в 2013 г. и то на 58 млн. долл.

[1] Doing Business 2019. Training for Reform. World Bank Report. 2019.



Источник: Составлено на основе данных Центрального банка Армении. – https://www.cba.am/RU/SitePages/Default.aspx

Рисунок 1.
Динамика притока ПЗИ в экономику Армении в 2010–2018 гг., млн. долл.

Географическая структура ПЗИ из стран ЕАЭС отличается явным преобладанием России, на долю которой приходится 53,8% всех инвестиций и почти 100% прямых инвестиций из ЕАЭС (см. табл. 5). Благодаря российским инвестициям ЕАЭС является главным инвестором в разрезе по группам государств с удельным весом в 54,0% по итогам 2018 г. Основная причина главенствующей роли России связана с инвестициями российских инвесторов армянского происхождения.

Таблица 5

Географическое распределение вложений ПЗИ в экономику Армении из ЕАЭС в 2014–2018 гг., %

Страна	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Россия	36,4	51,8	41,9	13,0	53,8

Источник: Составлено на основе данных Центрального банка Армении. Режим доступа: https://www.cba.am/RU/SitePages/Default.aspx

Отраслевой разрез ПЗИ характеризуется преобладанием нескольких отраслей как объектов вложений: снабжение электроэнергией, газом, паром и кондиционированным воздухом (42,8%), предоставление услуг в сфере добычи полезных ископаемых (17,3%), недвижимость (12,1%), добыча прочих полезных ископаемых (10,0%). Россия является основным инвестором в сферу снабжения электроэнергией, газом, паром и кондиционированным воздухом, в добычу прочих полезных ископаемых и недвижимость.

На динамике инвестиционных потоков в армянскую экономику негативно сказываются такие факторы, как малая емкость внутреннего рынка, низкая наделенность природными ресурсами, небольшое количество крупных компаний, высокий уровень риска, преобладание агропродовольственного сектора. Но есть и положительный фактор – упрощенность ведения бизнеса, по которой Армения занимает 41 место в мире по версии Doing business-2019. Наиболее слабые места инвестиционного климата страны – получение разрешений на строительство (для чего требуется 98 дней), защита прав миноритарных инвесторов и уплата налогов.

Что касается ***Кыргызстана***, то по итогам 2017 г. объем выведенных прямых инвестиций превысил объем накопленных ПЗИ на 107,2 млн. долл. Подобная ситуация сложилась из-за вывода канадских ПЗИ. За 2013–2017 гг. стоимостной объем ПЗИ снизился с 5487,1 млн. долл. до 5219,9 млн. долл., или в 1,05 раза. (см. табл. 6).

Таблица 6

Динамика ПЗИ в экономику Кыргызстана в 2013–2017 гг., млн. долл.

Страна	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Всего	5487,1	5415,7	5615,4	5335,1	5219,9
Россия	69,8	60,4	515,5	291,5	98,6
Казахстан	52,3	30,6	20,8	23,1	47,0
Беларусь	1,8	0,1	40,7	0,1	0
Армения	–	–	–	–	–
ЕАЭС, всего	123,9	91,1	577	314,7	145,6
Доля ЕАЭС, %	2,2	1,7	10,3	5,9	2,8

Источник: Инвестиции в Кыргызской республике 2013-2017. Годовая публикация. – Бишкек, 2018. – С. 109.

ПЗИ из государств ЕАЭС возросли с 123,9 млн. долл. до 145,6 млн. долл. за 2013–2017 гг. с максимумом в 577 млн. долл. в 2015 г. Удельный вес ЕАЭС в совокупных прямых инвестициях в Кыргызстане возрос с 2,2 до 2,8% соответственно. Ведущие инвесторы – Россия и Казахстан, занимающие вторую и третью позиции в совокупных вложенных инвестициях. Но тенденции разные. Если за рассматриваемый период российские прямые инвестиции увели-

чились с 69,8 млн. долл. до 98,6 млн. долл., то казахские инвестиции, напротив, снизились с 52,3 млн. долл. до 47,0 млн. долл. Приток белорусских инвестиций крайне неравномерен: колебался от 40,7 млн. долл. в 2015 г. до 0 в 2017 г. Армянские ПЗИ отсутствуют в экономике Кыргызстана.

В отраслевом разрезе преобладают ПЗИ в обрабатывающие производства (37,6%) и финансовое посредничество и страхование (27,3%), обеспечение электроэнергией, газом и паром (13,0%). На долю добывающей сферы, в которую китайские инвесторы предпочитают вкладывать ПЗИ (нефтепереработка и золотодобыча), приходится 2,6%.

В целом, кыргызская экономика отличается невысоким уровнем благоприятности инвестиционного климата, что связано с низким уровнем экономического развития, неемким внутренним рынком, низким уровнем квалификации рабочей силы и высоким политическим риском на протяжении периода 2000-х годов. Кыргызстан намного уступает другим странам ЕАЭС по упрощенности ведения бизнеса. По данным Doing business-2019, страна находится на 70 месте в мире. В совершенствовании нуждаются такие составляющие инвестиционного климата, как получение разрешения на строительство (надо потратить 111 дней), уплата налогов и исполнение контрактов.

Таким образом, в Евразийском экономическом союзе взаимные накопленные ПЗИ несущественны в абсолютном и относительном выражении. Главные причины связаны со слабыми экономическими связями между странами и нехваткой сфер экономики, привлекательных для взаимного инвестирования. Так, в целом, отраслевая структура взаимных прямых инвестиций отличается преобладанием нефтегазовой сферы – 42,6%. С большим отрывом далее следуют цветная металлургия – 12,0%, транспорт – 8,8%, связь и ИТ – 8,2%, АПК – 6,5%[1].

Значимость взаимных инвестиций для отдельных стран-участниц ЕАЭС представлена в табл. 7.

Таблица 7

Матрица взаимных накопленных прямых инвестиций стран ЕАЭС в 2017 г., млн. долл.

Страна-реципиент	Россия	Казахстан	Беларусь	Армения	Кыргызстан	Всего, страны ЕАЭС
Россия	X	2948	2054	8	0	5010
Казахстан	8212	X	34	0	0	8246
Беларусь	8522	57	X	16	2	8597
Армения	3441	0	0	X	0	3441
Кыргызстан	858	605	3	0	X	1466
Всего, страны ЕАЭС	21 033	3610	2091	24	2	26 760

Источник: Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ / Евразийский банк развития. Центр интеграционных исследований. 2018. Доклад № 45. – 71 с.

Как видно из вышеприведенной таблицы, главный инвестор в экономику ЕАЭС – Россия (78,6%), которая является единственным нетто-экспортером во взаимных ПЗИ. Причины связаны с емкостью внутреннего рынка, когда доля РФ в совокупном ВВП ЕАЭС равна 85%, большей мощностью российских корпораций. Неслучайно отношение накопленной суммы экспортированных во все государства мира ПЗИ к ВВП страны у России по итогам 2016 года составило 26,2% против 15,5% у Казахстана, 5,3% у Армении, 1,4% у Беларуси и 0,03% у Кыргызстана[2]. С большим отрывом во взаимных ПЗИ далее следуют Казахстан (13,5%) и Беларусь (7,8%), также являющиеся заметными инвесторами прямых инвестиций во взаимных рамках. Роль Армении и Кыргызстана мала. Следует отметить крайнюю неравномерность двусторонних инвестиционных связей. Для России основные субъекты вложения прямых инвестиций – Беларусь и Казахстан (хотя по сравнению с другими странами-членами очень существенны ПЗИ в экономику Армении и Кыргызстана), для Казахстана – Россия и Кыргызстан, для Беларуси – Россия.

По данным Евразийского банка развития, в странах ЕАЭС реализуются 240 проектов взаимных ПЗИ, совокупный объем накопленных инвестиций в которые оценивается не менее 1 млн. долл., а также более 300 проектов с небольшими инвестициями[3].

Согласно методологии ЮНКТАД можно рассчитать индекс интенсивности взаимных инвестиций (III – Investment Intensity Index):

$$III = \frac{I_{rr} / I_{rw}}{I_{rw} / I_{ww}},$$

где I_{rr} – взаимные инвестиции региона;

I_{rw} – совокупные инвестиции региона;

I_{ww} – совокупные мировые инвестиции.

Приведенный показатель позволяет оценить объем вложенных ПЗИ в регион из государств-членов ЕАЭС по сравнению с ожидаемой величиной на основе доли региона в мировых ПЗИ.

[1] Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ / Евразийский банк развития. Центр интеграционных исследований. 2016. Доклад № 39. – 71 с.

[2] Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ 2017. доклад № 45 2017 / Центр интеграционных исследований ЕАБР. – Санкт-Петербург, 2017. – С. 40.

[3] Там же.

Таблица 8

Основные показатели для расчета индекса интенсивности взаимных накопленных инвестиций в ЕАЭС в 2014 и 2017 гг., млн. долл.

	2014 г.	2017 г.
Взаимные ПЗИ ЕАЭС (I_{rr})	1760	1122
Совокупные ПЗИ в ЕАЭС (I_{rw})	31 870	34 630
Совокупные ПЗИ мира (I_{ww})	25 917 816,6	32 623 557,6

Источник: Составлено на основе Прямые инвестиции в Евразийском экономическом союзе. Статистический бюллетень 2017 г. / Евразийская комиссия. – М., 2018. – С. 7.

Проведем расчеты на основе данных, представленных в табл. 8:

$III_{2014} = 0{,}055/0{,}001 = 55$

$III_{2017} = 0{,}032/0{,}001 = 32$

Из расчета видно (табл. 8), что помимо снижения совокупных стоимостных объемов ПЗИ, сокращается и индекс интенсивности взаимных инвестиций в 1,7 раза, т.е. страны ЕАЭС интенсивнее вкладывают прямые инвестиции в экономики неучаствующих государств, чем все внерегиональные страны мира. Таким образом, склонность к взаимному инвестированию сохраняется на невысоком уровне.

В целом, в инвестиционной сфере страны ЕАЭС пока не получают преимущества от участия в интеграционных процессах в евразийском регионе, что подтверждает низкая доля взаимных прямых инвестиций и сокращение индекса интенсивности взаимных инвестиций. Вместе с тем, следует заметить, что с момента начала функционирования ЕАЭС прошло несколько лет и пока рано подводить итоги. Инвестиционные связи отличаются несбалансированностью и наиболее развиты между Россией-Казахстаном и Россией-Белоруссией. Главным инвестором и реципиентом взаимных инвестиций остается Россия как самая крупная и наиболее развитая экономика ЕАЭС с учетом сложившихся еще в советский период экономических связей. Негативно сказывается невысокий уровень экономического развития стран-членов, дифференциация между ними по многим макроэкономическим показателям (объем ВВП, среднедушевые доходы, наделенность природными ресурсами и др.), слаборазвитые финансовые рынки, высокий политический риск.

Кузнецова Е.В.
к.полит.н., доцент кафедры международных отношений и внешней политики, Донецкий национальный университет

ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МОЛОДЕЖИ ЕАЭС КАК РЕСУРС ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Ключевые слова: *Евразийский экономический союз, интеграция, молодежь, гуманитарная сфера, общественное мнение.*

Keywords: *Eurasian Economic Union, integration, youth, humanitarian sphere, public opinion.*

Создание Евразийского экономического союза (ЕАЭС) было вызвано необходимостью дальнейшего укрепления и расширения, прежде всего, экономических связей между странами постсоветского пространства. Однако, развивая экономическое взаимодействие и привлекая новых членов в данный Союз, необходимо не только количественно расширяться, но и качественно углублять взаимоотношения. Определяющую роль при этом призвано сыграть гуманитарное сотрудничество, прежде всего, с вовлечением молодежи в интеграционный процесс. Подкрепление экономической составляющей социально-гуманитарными проектами между странами ЕАЭС и третьими заинтересованными в сотрудничестве государствами позволит усилить эффективность процессов евразийской интеграции. Актуальна в рамках Евразийского экономического союза и молодежная повестка, так как дальнейшая интеграция будет зависеть от того, кто будет её осуществлять, как подготовлены кадры, как сформировано общественное мнение, т.е. как формируется будущая евразийская элита сейчас.

Целью статьи является изучение взаимодействия молодежи стран-участниц ЕАЭС в гуманитарной сфере как эффективного ресурса для укрепления интеграционных тенденций на евразийском пространстве.

Без культурно-гуманитарных связей трудно выстраивать полноценные отношения между государствами. Для достижения атмосферы полного взаимного доверия необходимы контакты в сфере культуры, науки, образования. Как отметил государственный деятель и дипломат Армении Армен Смбатян: «Рано или поздно мы к этому обязательно придем. А почему не опередить события и в ближайшее время начать строить эти мосты, которые наверняка помогут развитию экономических отношений»[1]. Культурно-гуманитарные связи среди населения в этих странах держатся на советских традициях, но молодое поколение отдаляется и необходимо, не упуская и привлекая его к гуманитарному сотрудничеству, уделять этому взаимодействию должное внимание на уровне инициатив и проектов именно для молодых граждан ЕАЭС. Не следует уменьшать значимость гуманитарной сферы для сближения народов и укрепления экономического сотрудничества. Следует согласиться с точкой зрения, что идеи евразийства в 20-х годах прошлого столетия развивали не экономисты, а деятели науки и искусства, например, П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, П.П. Сувчинский и др., которые особое значение придавали вопросам культуры и общества[2]. Экономическая и гуманитарная сферы взаимодействия должны органично дополнять друг друга.

Вместе с этим, анализируя Договор о функционировании ЕАЭС и отдавая должное экономической направленности этой организации, подчеркнем, что регулирование социально-гуманитарной деятельности почти в нём не затронуто. Отчасти социально-гуманитарный характер имеют с. 61 о защите прав потребителей и ст. 97 и 98 о социальной защите трудящихся стран-членов. В Положении о Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) в ст. 1, помимо п. 18 о деятельности Комиссии в сфере трудовой миграции, также п. 20 указывает и на «иные сферы, определенные Договором и международными договорами в рамках Союза»[3]. Положение ЕЭК о Консультативном комитете по вопросам социального обеспечения дополнено соблюдением пенсионных прав, оказанием медицинской помощи и профессиональной деятельности трудящихся государств – членов Евразийского экономического союза (в редакции Решения Коллегии ЕЭК от 27 апреля 2015 года № 36 и Решения Коллегии ЕЭК от 21 ноября 2017 года № 159).

Как отмечает Л. Савин[4], в соответствии с данными правового портала ЕАЭС в 2015–2016 гг. в принятых Актах Высшего Евразийского экономического совета и Евразийского межправительственного совета социальные и гумани-

[1] Смбатян А. Невозможно представить становление Евразийского Союза без гуманитарного сотрудничества // Московский экспресс. 2016. – 20 июля. – http://moscowexpress.info/ m/item/1660-15616354.html

[2] Савин Л. ЕАЭС: социальное и гуманитарное сотрудничество. – https://www.geopolitica.ru/article/eaes-socialnoe-i-gumanitarnoe-sotrudnichestvo

[3] Положение о ЕЭК. Приложение № 1 к Договору о ЕАЭС. – http://www.eurasiancommission.org/ru/act/chairman/ad/Documents/%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%BE%20%D0%95%D0%AD%D0%9A.pdf

[4] Савин Л. ЕАЭС: социальное и гуманитарное сотрудничество. – https://www.geopolitica.ru/article/eaes-socialnoe-i-gumanitarnoe-sotrudnichestvo

тарные вопросы не рассматривались. Проанализировав принятые документы этих органов в 2017-2018 гг., мы наблюдаем аналогичную ситуацию.

Вместе с этим нами были рассмотрены проводимые, прежде всего Евразийской экономической комиссией и Евразийским банком развития (ЕАБР), мероприятия в 2018–2019 годах и выделены те, которые имеют отношение к гуманитарным проектам в рамках ЕАЭС. Следует обратить внимание на тот положительный момент, что большинство из них проводилось среди молодежи. Так, 28–31 октября 2018 года в городах Москва и Рязань прошел Фестиваль молодежи и студентов стран пояса добрососедства (евразийской молодежи) «Евразия – это мы!», на котором обсуждались вопросы межнационального сотрудничества, реализации общих проектов и молодежной политики, образования молодежи. В декабре 2018 года уже в третий раз в НИУ «Высшая школа экономики» прошла деловая игра Международная модель ЕАЭС, в которой приняли участие не только студенты, но и чиновники из ЕЭК.

ЕАБР проводятся ежегодные международные конференции «Евразийская экономическая интеграция». Так, XIII конференция прошла 22 ноября 2018 года в Москве, в работе которой, помимо руководителей ЕЭК, министерств и ведомств, национальных компаний, представителей международных финансовых организаций, научных и деловых кругов, приняли участие деятели искусства и культуры. В ходе развернувшихся дискуссий были обсуждены и актуальные вопросы формирования единого евразийского гуманитарного пространства. В апреле 2019 года ЕАБР объявил о проведении открытого творческого конкурса «Евразийская интеграция и развитие – XXI век», нацеленного на развитие и укрепление межкультурных и экономических связей между странами региона. В этом году ЕАБР добавил новую номинацию «Лучшая публикация по теме гуманитарной интеграции». В 2019 году в рамках празднования подписания 5-летия Договора о ЕАЭС с целью вовлечения молодых специалистов в разные форматы сотрудничества 8–13 августа 2019 года в Кыргызстане был проведен Чемпионат мира по бильярду «Свободная пирамида».

В качестве примера формирования позитивного имиджа ЕАЭС можно выделить работу первой евразийской молодежной медиашколы, проходившей 24–29 марта 2019 года в Минске. Данный проект был организован ЕЭК совместно с Фондом поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова, Центром исследований вопросов союзной интеграции и Центром изучения перспектив интеграции. Целью данного проекта для молодых журналистов стал поиск путей совершенствования медиапространства в странах ЕАЭС и странах-партнерах, подключение региональных СМИ к освещению евразийской интеграции. По словам заместителя Департамента развития интеграции ЕЭК Гоар Барсегян: «Евразийская интеграция открывает все больше перспектив и возможностей для граждан и бизнеса, поэтому потребность в доступной и понятной информации о Союзе растет»[1].

В рамках проведения 25–27 сентября 2019 года в г. Бишкек IV Международного выставочного форума «Евразийская неделя» будет работать «Школа молодого лидера ЕАЭС», направленностью которой станет укрепление сотрудничества молодежи стран-участниц, повышение образовательного уровня молодого поколения, презентация образовательных программ вузов ЕАЭС, а также поиск новых возможностей для реализации молодежных инициатив и перспектив обучения и трудоустройства. Проведение этой Школы направлено на расширение процессов взаимодействия молодежи и создание новых возможностей для реализации молодежных инициатив, общественной и профессиональной самореализации представителей молодого поколения. В рамках форума пройдет панельная сессия «Новые грани ЕАЭС: стратегия развития в интересах граждан», которая будет посвящена обсуждению вопросов сферы образования и науки, здравоохранения, туризма и спорта в рамках интеграционной повестки ЕАЭС. Молодежный трек мероприятий форума объединит молодежных активистов и начинающих дипломатов из стран-участниц.

Определенные мероприятия проводятся и на двустороннем уровне. Так, президентами РФ и Казахстана в рамках Форума межрегионального сотрудничества РФ и Казахстана была поддержана инициатива проведения форума молодых лидеров этих государств в ноябре 2019 года в г. Омск. Подчеркнем, что реализуемые на двусторонней основе такие шаги по укреплению гуманитарных связей, например, учреждение филиала Российского центра науки и культуры в Алматы или Казахстанского культурно-делового центра в г. Москва, должны проводится и на уровне всех стран ЕАЭС.

Для привлечения молодежи к углублению евразийской интеграции планируется создание Молодежного совета при ЕЭК, направленного на регулярное взаимодействие с объединениями молодых дипломатов министерств иностранных дел государств-членов ЕАЭС. Идет работа и по созданию Ассоциации молодых дипломатов ЕАЭС. Представляется, что взаимодействие молодых дипломатов, формирование экономической и политической элиты позволит активизировать и углубить интеграцию и на пространстве Большой Евразии. Директор Департамента протокола и организационного обеспечения ЕЭК Данияр Турусбеков на VI Форуме молодых дипломатов евразийского пространства «Интеграционные процессы на евразийском пространстве в 2014–2019 гг.: итоги и перспективы» определил важность подобных мероприятий для формирования Большого Евразийского партнерства, так как они направлены на создание среды для обмена свежими идеями и определения дальнейших направлений евразийской интеграции[2].

Членами Совета молодых дипломатов разработана концепция горизонтальной дипломатии, особенностью которой является неформальное взаимодействие молодых сотрудников внешнеполитических ведомств в возрасте до 35 лет и в должности до первого секретаря включительно, которое помогает вести диалог на профессиональном уровне и искать пути разрешения конфликтных ситуаций. Отмечается, что даже молодой дипломат может предложить

[1] Выпускники первой евразийской молодежной медиашколы и их наставники: «Проект востребован!». – http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/03-04-2019-4.aspx

[2] Объединение молодых дипломатов может внести значительный вклад в формирование Большого Евразийского партнерства. – http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/11-07-2019-3.aspx

инициативу, которая после всестороннего обсуждения может быть использована в дипломатической работе[1]. Как отметил Председатель Коллегии ЕЭК Т. Саркисян, «успех Союза зависит от того, кто будет носителем нашей идеи»[2]. Его поддерживает и министр по торговле ЕЭК В. Никишина, которая оценивая работу Форума молодых дипломатов евразийского пространства (10 июля 2019 г., Москва), заявила: «Возможность личного общения молодых представителей будущей политической и экономической элиты наших стран будет способствовать укреплению связей, повышению открытости и доверия, созданию прямого и продуктивного диалога»[3].

Однако не только дипломаты стран-участниц могли бы сыграть значительную роль и в развитии публичной дипломатии. Так, Центр поддержки и развития общественных инициатив «Креативная дипломатия» реализует проект «Курс общественного дипломата» – научно-образовательную программу повышения квалификации по вопросам «мягкой силы» и «публичной дипломатии»[4]. К данной общественной инициативе «Креативная дипломатия» следует подключать и молодых специалистов в разных сферах, что позволит не только информировать, но и активно вовлекать будущую евразийскую элиту во взаимоотношения. По оценкам «Интеграционного барометра ЕАБР[5], от 52 до 72% населения приветствовали бы создание радиовещательной компании стран, а использование новых медиа позволило бы, привлекая активную молодежь, создать общесоюзную интегрированную информационную инфраструктуру. Инициативы «снизу» могли бы дополнять и даже предвосхищать работу государственных и межгосударственных структур Союза по развитию интеграции. Лишь в этом случае возможна полноценная реализация синергетического потенциала евразийской интеграции, что будет выгодно всем, кто приложит к этому усилия[6].

Проводимые мероприятия представляются своевременными и востребованными, но, так как больше внимания всегда уделялось экономической части, то, к сожалению, информационная поддержка остается на недостаточно высоком уровне. Игнорирование популяризации этого интеграционного проекта, имиджевой и разъяснительной работы по деятельности и преимуществах ЕАЭС негативно отразилось на формировании общественного мнения. Так, по результатам Центра изучения перспектив интеграции и Института социологии НАН Беларуси был представлен Евразийский медиаиндекс, который является недостаточным в странах-участницах. В докладе отмечается, что страны ЕАЭС не занимаются активным продвижением интеграционной повестки и в целом мало внимания уделяют проблематике Союза, при этом именно государственные СМИ могут стать основным инструментом информационных кампаний[7]. В противном случае, медиапространство будет заполняться другими источниками информации, не всегда положительно настроенными по отношению к данному Союзу. Так, например, в Беларуси у молодежи (48% поддержки среди молодых людей от 18 до 34 лет) более критичное отношение, чем у старшего (от 35 до 54 лет – 62%, а в возрасте старше 55 лет – 67%)[8].

К активизации публичной дипломатии в рамках ЕАЭС необходимо привлекать посредством государственных грантов общественные организации и движения. Их активное участие и опыт могут быть использованы в рамках публичной дипломатии, что будет способствовать поиску общих взглядов и сближению граждан ЕАЭС. Выделим такие организации, занимающиеся вопросами евразийской интеграции, как Фонд социально-экономического развития «Евразийское Содружество», «Самрау», Международное «Евразийское движение». «Евразийское содружество» – международная общественная организация содействия общественной дипломатии, научно-образовательному и молодёжному сотрудничеству, в состав которой входят представители более 60 вузов и молодёжных движений как стран ЕАЭС, так и других постсоветских государств. Реализуемые проекты направлены на создание единого интеллектуального пространства с учётом запросов молодого поколения, а также и расширение возможностей координации молодёжной политики стран-участниц евразийского проекта. Евразийский центр «Самрау» стал местом конструктивного диалога ислама и православия, в рамках которого регулярно проводятся международные круглые столы, конференции и телемосты, объединяющие представителей общественных организаций, авторитетных академических и экспертных центров, а также социально активной молодёжи стран евразийского пространства. Кроме того, представители «Самрау» выступают модераторами сообществ в социальных сетях, посвящённых вопросам евразийской интеграции. Деятельность Международного «Евразийского движения» направлена на гуманитарное сотрудничество, охватывающее науку

---

[1] Глава Совета молодых дипломатов МИД России рассказал о сути горизонтальной дипломатии. – https://russian.rt.com/russia/news/573134-kolpakov-gorizontalnaya-diplomatiya

[2] Выступление Т. Саркисяна 3 апреля 2019 года в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС). – http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/03-04-2019-6.aspx

[3] Вероника Никишина: «От молодежи зависит, как будет развиваться Евразийский экономический союз». – http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/10-07-2019-4.aspx

[4] Бурлинова Н.В. Публичная дипломатия России: практика и проблемы становления // Вестник Аналитики. 2014. – № 3. – С. 28–35. – http://www.isoa.ru/docs/vestnik 2014-357.pdf

[5] Интеграционный барометр ЕАБР – 2016. Доклад № 40 / Евразийский банк развития. – СПб.: Евразийский банк развития, 2016. – http://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/integratsionnyy-barometr-eabr-2016/

[6] Перербоев В. Евразийская публичная дипломатия: новые инструменты защиты интересов ЕАЭС на мировой арене. – http://eurasian-studies.org/archives/7835

[7] Бородачева Е.М., Щекотуров А.В. Евразийский медиаиндекс. II квартал 2017 года. Москва – Минск. 2017. – 46 с. – https://eurasiamonitor.org › uploads › gffzlsnrpxne › file

[8] Евразийский или Европейский союз? Куда тяготеет общественное мнение Беларуси. – http://mirperemen.net/2017/12/evrazijskij-ili-evropejskij-soyuz-kuda-tyagoteet-obshhestvennoe-mnenie-belarusi/

и образование, культуру и искусство, межконфессиональные связи, молодежную и информационную политику, привлекая в некоторые евразийские проекты и другие государства (например, Иран, Турцию, Сербию)[1].

Имеющиеся достижения и предлагаемые инициативы должны доводиться до сведения не только экспертов, но и широкой общественности, используя возможности Интернет. Осваивая новые сферы и направления взаимодействия, необходимо информировать население, формировать положительное общественное мнение не только граждан стран-участниц, но и граждан других государств, заинтересованных в более тесном сотрудничестве, уделяя особое внимание молодежи. Гуманитарное сотрудничество предполагает взаимодействие на межгосударственном уровне и бизнеса, и науки, и культуры, и СМИ. И это не только проведение выставок или обмен студентами, современные реалии требуют применения новейших технологий, чтобы привлечь, прежде всего, молодых людей, реализуя интересные для этой возрастной группы формы сотрудничества. Для повышения интереса молодежи необходимо заинтересовать и предложить более привлекательный образ будущего этого интеграционного объединения. И, прежде всего, делать это с использованием современных технологий искусственного интеллекта, например, электронное правительство, умные города, зеленая энергетика и другие ноу-хау.

Проводимые мероприятия с участием студентов и молодых специалистов станут имиджевыми в рамках диалога с молодежью. Так, 1 декабря 2018 года в г. Гомель в Российском центре науки и культуры прошел научно-практический семинар «Публичная дипломатия в стратегии развития ЕАЭС», организаторами которого стали научно-культурное учреждение «Евразийское партнерство» при поддержке Представительства Россотрудничества в Беларуси. В его рамках были обсуждены методы формирования имиджа Союза посредством цифровой дипломатии, запуска передач о евразийской интеграции на международных СМИ, академического обмена.

Налаживание межвузовских связей и обмена студентами, совместные научные программы будут способствовать повышению академической мобильности и интересу молодых людей к Союзу. Важной при этом может стать реализация профильных образовательных программ бакалавриата и магистратуры. В связи с этим хотелось бы упомянуть совместную с вузами стран-участниц Союза магистерскую программу Томского государственного университета «Евразийская интеграция: политика, право, торгово-экономическое взаимодействие»[2], которая является частью сетевых программ двойного магистерского диплома и могла бы стать образцом и для других подобных шагов в части реализации научных и культурных проектов ЕАЭС. Предлагается создание Евразийского сетевого университета как объединение вузов государств-членов, который станет мотором сотрудничества с научным сообществом и позволит вовлечь молодых людей в исследовательские проекты в рамках ЕАЭС. Совместное научно-образовательное сотрудничество должно быть направлено на создание инновационного продукта в процессе реализации научно-технических программ среди студентов стран ЕАЭС.

Научно-техническое и инновационное сотрудничество с целью создания новейших «прорывных» технологий в рамках ЕАЭС должно проходить с привлечением молодых людей. Новому поколению людей легче освоить новейшие технологии и использовать их в новых условиях работы бизнес-субъектов и цифровизации экономики, например, при создании цифровых платформ для бизнес-проектов, что важно в условиях развития цифрового рынка ЕАЭС. Необходим переход от конкуренции стран к их взаимовыгодной кооперации и при этом полезными могут стать усилия молодых специалистов, например, посредством создания платформы ЕАЭС «Молодые промышленники и предприниматели». Новые форматы научно-образовательного взаимодействия должны включать и привлечение крупных компаний для активизации механизмов государственно-частного партнерства. Создание совместных центров научной молодежи по передовым технологиям с предоставлением им стажировок и полевых исследований в различных странах, используя возможности всех участников ЕАЭС. Для реализации таких проектов (отправить за рубеж молодых специалистов на профильные конференции, на стажировку в крупные компании и т.д.) необходимо стимулировать инвестиции бизнес-структур в молодых ученых и специалистов.

В рамках Департамента развития интеграции ЕЭК ежегодно проходят школы для молодых экспертов, ученых и журналистов, представители Комиссии принимают активное участие в различных научно-практических конференциях и форумах, проводят лекции для студентов высших учебных заведений государств Союза. Хотя, проанализировав тематику проводимых лекций, отметим, что, все они были посвящены исключительно вопросам экономики. На данных мероприятиях обсуждаются и актуальные теоретические и практические вопросы развития гражданской молодежи, а также механизмы мобилизации интеллектуального и творческого потенциала молодого поколения для решения общественно значимых задач. И для этого надо поддерживать инициативы в гуманитарной сфере и активно использовать форматы публичной дипломатии. Выступления с лекциями в вузах стран-участниц, проведение конференций, спартакиад и других мероприятий направлены на то, что молодые люди, строя свою профессиональную карьеру, связывали бы её с данным объединением. При проведении подобных мероприятий полезным, на наш взгляд, является то, что помимо повышения образовательного уровня молодежи представляется возможность поиска и реализации молодежных инициатив, а также определение перспектив по трудоустройству. В поисках работы молодые люди часто перемещаются по странам-участницам. Высокая мобильность населения зависит от защиты трудовых прав и созданных условий, в которых есть возможность быстро адаптироваться и интегрироваться в стране трудоустройства. 5 марта 2019 года на обсуждении участниками Международного диалога по миграции в штаб-квартире ООН темы «Молодежь и миграция: вовлечение молодежи в качестве ключевого партнера в управление миграцией» представителями ЕЭК было

[1] Боришполец К.П. Публичная дипломатия на пространстве ЕАЭС: осмысление феномена и тенденций развития // Вестник МГИМО-Университет. – М., 2015. – С. 42–54. – https://cyberleninka.ru/article/n/publichnaya-diplomatiya-na-prostranstve-eaes-osmyslenie-fenomena-i-tendentsiy-razvitiya

[2] Сайт Томского государственного университета. – http://education.tsu.ru/ru/msc/eurasia

отмечено, что в Союзе сняты ограничения по реализации молодыми людьми своих трудовых прав в любой стране-участнице[1]. Члены Совета ЕЭК обсуждали также разработку цифровой экосистемы для обеспечения трудоустройства и занятости граждан ЕАЭС[2]. С целью регулирования трудовой миграции предлагается инициатива по созданию Евразийской электронной биржи труда и других усилий по повышению использования потенциала молодежи. Эффективным может стать взаимодействие на уровне регионов, расширяя возможности побратимских связей и приграничных областей.

Проведенное исследование позволило сделать **ряд выводов и предложений.** Экономическое взаимодействие в рамках ЕАЭС, не подкрепленное гуманитарным сотрудничеством между странами, останется нестабильным и в зависимости от мировой конъюнктуры может произойти переориентация государств-участников на другие страны. Расширение связей в гуманитарной сфере, прежде всего, среди молодежи позволит укрепить конструкцию ЕАЭС в будущем.

К экономической направленности дополнительные возможности дает сближение построения гражданского общества в странах-участницах, сотрудничества в сфере науки и образования, проведении культурных мероприятий, реализации совместной молодежной политики. Гуманитарное взаимодействие позволит сохранить исторически сложившиеся человеческие связи народов, раскрыть новые возможности сближения образовательного, научно-технического, культурного уровней стран ЕАЭС. Вместе с этим, общеизвестно, что гуманитарное сотрудничество является чувствительной сферой, испытывающей и внутриполитические разногласия, и внешнее давление других стран, а главное – недофинансирование гуманитарных проектов из выделяемых бюджетных средств и крайне низкую заинтересованность бизнес-структур в продвижении такого рода инициатив. Тенденцией полноценного развития ЕАЭС должно стать включение гуманитарного сотрудничества в его нормативно-правовую базу.

Активное подключение молодежи, прежде всего, из стран ЕАЭС, к различным гуманитарным проектам позволит создать благоприятные условия для будущего этой организации. Гуманитарное сотрудничество способно усилить эффект кооперации и коммуникации между людьми, а использование в этих целях новейших технологий позволит заинтересовать и молодежь. Молодые специалисты могли бы стать активными участниками площадок для диалога и продвижения целей цифровой трансформации. Для молодых людей характерен перенос информационно-коммуникационных процессов из традиционного медиапространства в Интернет. Перспективным может стать запуск совместных сетевых инфраструктурных проектов с привлечением молодых специалистов.

Отметим, что гуманитарное сотрудничество, особенно с привлечением молодых граждан ЕАЭС, заложит тот необходимый фундамент, который будет способствовать эффективному интеграционному процессу. Однако различные гуманитарные проекты хоть и реализуются, но слабо освещается в СМИ. Поэтому уделить должное внимание формированию положительного общественного мнения об этой организации, в первую очередь, среди молодежи, представляется крайне важным. Дальнейшее активное проведение мероприятий, подобных выше рассмотренным, позволит укрепить интеграционные тенденции на евразийском пространстве. Информирование граждан разных стран о деятельности ЕАЭС не только, например, в сфере торговли и инвестиций, а и об образовательных или культурных программах, на наш взгляд, будет способствовать формированию позитивного общественного мнения о ЕАЭС среди населения разных стран, привлекая внимание, прежде всего, молодых людей. Необходимо проводить популяризацию идеи евразийской интеграции и активную информационную кампанию о деятельности ЕАЭС, достигнутых результатах, перспективах и ближайших проектах. Как было отмечено, положительный эффект будет достигнут на основе механизмов публичной или общественной дипломатии с вовлечением широких слоев граждан, в первую очередь, молодежь.

[1] В ЕАЭС созданы все условия для реализации трудовых прав молодежи. – http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/05-03-2019-1.aspx

[2] В ЕАЭС будет создана цифровая экосистема для обеспечения трудоустройства и занятости граждан. – http://www.eurasian commission. org/ru/nae/news/Pages/18-01-2019-2.aspx

Ларин О.Н.
д.т.н., профессор, Российский университет транспорта
larin_on@mail.ru

ВОПРОСЫ УНИФИКАЦИИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПЕРЕВОЗОК

Ключевые слова*: международные перевозки, мультимодальный транспорт, законодательство, терминология, смешанные перевозки.*
Keywords*: international transport, multimodal transport, legislation, terminology, mixed transport.*

Надежное и эффективное функционирование международных транспортных коридоров, которые используются в основном для перевозки контейнеров, является одним из основных факторов устойчивого развития мировой экономики, важным драйвером роста международной торговли и повышения конкуренции на мировых товарных рынках.

Согласно статистическим данным Конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД) высокие темпы роста международной торговли, которые наблюдаются на протяжении последних 30 лет, были достигнуты в значительной мере благодаря скоординированной работе разных видов транспорта. При этом важную роль в обслуживании международных межконтинентальных торговых грузопотоков играет морской транспорт [6].

За указанный период времени наиболее высокие темпы ежегодного роста приходились, прежде всего, на контейнерные перевозки. Причём в долгосрочной перспективе перевозки контейнерных грузов будут и дальше увеличиваться. Например, согласно прогнозу консалтинговой группы DNV GL на период до 2030 г., контейнерные грузы по среднегодовому темпу прироста объёма перевозок морским транспортом будут уступать только сжиженному природному газу. Однако в дальнейшем, в период с 2030 по 2050 гг., контейнерные перевозки будут лидерами роста как объёму, так и по грузообороту – на 1,4 и 1,2% каждый год соответственно [4].

При этом наиболее высокая доля мирового объёма контейнерных перевозок будет приходиться на страны Азии, прежде всего, на Китай и Индию, а перспективе – и на страны Юго-Восточной Азии. По данным прогноза консалтинговой компании PricewaterhouseCoopers, экономический потенциал азиатских государств, которые занимают выгодное географическое положение и обладают значительными трудовыми ресурсами, существенно вырастет к 2050 г. [8].

Успешность реализации национальных планов по наращиванию объёмов контейнерных перевозок, в том числе транзитных, во многом зависит от активной цифровизации транспортной отрасли на глобальном (межнациональном) уровне. Цифровизация должна охватить весь комплекс логистических процессов и операций на всю глубину мультимодальных цепочек поставок и интегрировать взаимоотношения транспортно-логистических компаний с их клиентами, партнёрами, посредниками, подрядчиками, государственными органами, страховыми, сервисными, финансовыми организациями. По мнению экспертов консалтинговой компании Делойт, процесс цифровизация транспорта и логистики приводит к трансформации линейных логистических цепочек поставок в интегрированные цифровые сети поставок – digital supply network (DSN) [9].

Такие сети объединяют информацию из разных источников и мест, чтобы управлять физическими процессами производства товаров и их распределения. Подобные организационные структуры закладывают основу для формирования на глобальном рынке транспортно-логистических услуг новых конкурентных взаимоотношений между транспортными компаниями (перевозчикам) и логистическими посредниками (интеграторами), которые управляют грузопотоками по международным транспортным коридорам.

В последнее время многие транспортные и логистические компании проявляют интерес к использованию технологии блокчейн для оптимизации внутренних и внешних бизнес-процессов. Международную цепочку поставок можно охарактеризовать как совокупность трех потоков – товаров, средств и данных. Товары перемещаются от экспортера к импортеру в обмен на средства, поступающие в обратном направлении. Поток товаров и средств поддерживается двунаправленным потоком данных, содержащихся в различных документах, таких как счета-фактуры, транспортные накладные, коносаменты, сертификаты происхождения, таможенные декларации и др.

Применение технологии блокчейн значительно расширяет возможности всех участников мультимодальных цепочках поставок, упрощает выполнение стандартных процедур, связанных с установлением правоотношений сторон и реализацией их полномочий, обеспечивает прозрачность транзакционных действий.

На наш взгляд, наиболее активно технология блокчейн будет применяться в международной торговле и логистике для формирования смарт-контрактов (Smart Contracts), которые автоматически выполняют прописанные алгоритмом действия при условии наступления заранее установленных событий. Например, если датчик внутри контейнера показывает, что его температура превысила допустимый уровень, смарт-контракт может отправить запрос на проверку или инициировать страховой платеж. Концепция смарт-контрактов была разработана в 1990-е годы американ-

ским учёным Ником Сабо (*Nick Szabo*), а идею запрограммировать смарт-контракты на блокчейн-платформе Ethereum предложил В. Бутерин.

Для эффективного использования «смарт-контрактов» и других цифровых технологических решений необходимо, чтобы все участники международных цепочек поставок, независимо от их отраслевой принадлежности, используемого вида транспорта и других факторов, работали по единым технологическим и информационным стандартам. Поэтому на современном этапе цифровизации транспортной отрасли необходимо обеспечить разработку глобальных стандартов бизнес-моделей мультимодальных цепочек поставок с учётом организационно-правовых и технологических особенностей взаимодействия всех участников транспортных процессов.

По мнению экспертов Центра по упрощению процедур торговли и электронным деловым операциям ООН (СЕФАКТ ООН), для принятия любого международного стандарта, под которым понимается общепринятый формат и/или процесс, необходимы значительные усилия, а для достижения консенсуса, как правило, требуется несколько лет. Согласно положениям «Белой книги о справочной (референтной) модели данных» СЕФАКТ ООН, на первоначальном этапе разработки стандартов следует сначала стандартизировать требования к самим данным, для чего предварительно необходимо стандартизировать термины и определения, используемые бизнес-сообществом [1].

Использование единого понятийного формата способствуют предоставлению более точных данных, обеспечивает их совместимость, помогает повысить качество использования данных в рамках бизнес-процессов, снижает риск ошибок, сокращая затраты и задержки, а также делает возможной взаимоприменимость данных разных участников, что дополнительно способствует упрощению процедур торговли, сокращению сроков проведения международных торговых сделок и связанных с ними затрат, так как четкие и корректные определения позволяют информационным системам с большей точностью распознавать типы используемых данных.

Применение единой терминологии по мультимодальным перевозкам обеспечивает следующие эффекты:

- семантическая совместимость данных в торговых и транспортных контрактах;
- реализация принципа «единой формы» для документов;
- формирование методологической основы для классификаторов и стандартов по мультимодальным перевозкам.

Однако на сегодняшний день отсутствует согласованная на международном уровне терминология по перевозкам, которые выполняются с участием нескольких видов транспорта. Поэтому разработка унифицированной терминологии, в комплексе с совершенствованием современной международной системы отраслевого нормативно-правового регулирования мультимодальных перевозок представляется важной и актуальной задачей.

При этом кроме выработки единого понятийного аппарата по мультимодальным перевозкам, необходимо разработать стандартизированную и гармонизированную семантическую структуру терминов, которая будет удобна для поставщиков транспортных услуг, логистических операторов, грузоотправителей и других участников международных цепочек поставок.

Понимая важность данной проблемы, коллектив сотрудников Российского университета транспорта, совместно с представителями ЭСКАТО ООН, Организации сотрудничества железных дорог (далее буду использовать аббревиатуру – ОСЖД) и других заинтересованных организаций, инициировали проведение предварительного исследования по терминологии комбинированных, интермодальных и мультимодальных перевозок. На заседаниях экспертной группы обсуждаются вопросы корректного использования дефиниций терминов мультимодальных перевозок в практической деятельности, существующие различия в теоретических и методических подходах, используемых при разработке профессиональных терминов в различных странах.

Терминология по мультимодальным перевозкам всегда привлекла внимание представителей научного, экспертного и профессионального сообщества. Однако особый интерес к данному вопросу возник после принятия «Конвенции ООН о международных смешанных перевозках грузов». Положения Конвенции нацелены на упрощение и упорядочение взаимоотношений грузоотправителей с логистическими посредниками. Как известно, грузоотправителям, товары которых перевозятся несколькими видами транспорта через разные страны, удобно иметь дело с одним субъектом – «оператором мультимодальных перевозок», а не с несколькими перевозчиками.

Поэтому в Конвенции понятие «Международной смешанной перевозки» определяется следующими признаками:

- грузы перевозятся по меньшей мере двумя разными видами транспорта;
- организатором перевозки является особым образом уполномоченное лицо – «оператор мультимодальной перевозки»;
- отношения между грузоотправителем и оператором мультимодальной перевозки определяются условиями соответствующего договора.

В дальнейшем данное определение термина «международные мультимодальные перевозки» стало часто использоваться в научной литературе и в деловом обороте в качестве стандарта.

На сегодняшний день Конвенция не вступила в силу в связи с недостаточным числом стран, ратифицировавших данный документ, несмотря на то, что отдельные положения соглашения были достаточно прогрессивными для того времени и остаются актуальными и в наши дни. Как известно, страны-участницы АСЕАН в 2005 году заключили Рамочное соглашение по мультимодальным перевозкам, в котором содержатся сходные с Конвенцией определения терминов.

Вместе с тем, в ряде других, не менее статусных документах, содержатся несколько иные определения термина мультимодальные перевозки. Например, в Глоссарии «Терминов комбинированных перевозок», который был подготовлен специалистами Европейской Экономической Комиссии ООН и Европейской комиссии, под мультимодальной

перевозкой грузов понимается перевозка, которая выполняется двумя или более видами транспорта. При этом не требуется, чтобы организацией такой перевозки занимался специальный оператор.

Недавно по линии Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) вышла публикация, в которой также исследуются вопросы терминологии перевозок с участием нескольких видов транспорта [**7**]. В данной работе рассмотрены три типа перевозок:

- интермодальные;
- мультимодальные;
- трансмодальные.

Причём понятия «интермодальные» и «мультимодальные» перевозки трактуются иначе, чем в рассмотренных выше документах – Конвенции и Глоссарии.

Под трансмодальными перевозками автор [**7**] понимает такие перевозки, которые выполняются как одним, так и несколькими видами транспорта через терминалы, логистические центры, транзитные хабы и другие промежуточные инфраструктурные объекты, где производится трансформация грузопотока. Например, в логистических центрах соединяются участки фидерных и магистральных транспортных линий для выполнения накопительно-распределительных, сортировочных, кросс-докинговых и других подобных операций. В транзитных терминалах и транспортных узлах осуществляется перегрузка грузов либо передача подвижного состава от предыдущего перевозчика к последующему.

Согласно данному определению к трансмодальному типу могут быть отнесены прямые смешанные перевозки грузов по территории двух или более государств, которые выполняются по единому документу (накладной), оформленному на весь маршрут следования. Необходимо отметить, что в отечественной нормативной и профессиональной практике сложилось традиция называть такие перевозки прямыми смешанными сообщениями.

Можно привести и другие примеры различного толкования терминов, которые содержатся во многих национальных и межнациональных документах и характеризуют отдельные организационные и технологические аспекты выполнения перевозок с участием нескольких видов транспорта.

Поэтому, на наш взгляд, целесообразно упорядочить профессиональную терминологию для рассматриваемых видов перевозок. При этом желательно не ограничиваться обобщением и корректировкой дефиниций существующих терминов. Не менее важной является задача проектирования всеобъемлющей терминологической системы на перспективу. Такая система должна отражать весь комплекс существующих и формирующихся новых способов взаимодействия разных видов транспорта при реализации мультимодальных цепочек поставок.

Например, в последнее время активно используется термин «синхромодальность», которым называется концепция гибкого планирования доставки «от двери до двери» с учётом фактических обстоятельств. Данная концепция основана на всеобщем применении цифровых технологий для информирования потенциальных клиентов о широком спектре логистических услуг, предоставляемых различными логистическими операторами [2, 3, 5].

Клиент получает онлайн-доступ к логистическому сервису через так называемые цифровые платформы, которые предоставляют ему возможность принимать рациональные решения о способе транспортировки как при планировании доставки, так и в процессе её осуществления, когда необходимо внести изменения в маршрут в связи с возникновением неблагоприятных факторов, например, плохие погодные условия, забастовки, заторы или другие причины.

Цифровые платформы интегрируют виртуальный и физический мир. Задача виртуального мира заключается в информировании субъектов и объектов физического мира, к которым относятся как люди, так и подключенные к цифровым платформам автономные устройства. Владельцем цифровой платформы может быть либо один из участников логистического процесса, либо посредник, оказывающий цифровой сервис клиентам. Вместе с тем в настоящее время вопросы организации и функционирования цифровых платформ пока еще не получили достаточного нормативного регулирования на национальном и межнациональном уровнях, что не будет способствовать внедрению данных сервисов в практику и выработке унифицированной терминологии.

Выстраивание логичной структуры терминов, применяемых для обозначения различных способов и условий осуществления перевозок с использованием нескольких видов транспорта, целесообразно начать с определения базового термина, который бы в наиболее общем виде охарактеризовал такого рода перевозки. На русском языке для характеристики всех типов перевозок, осуществляемых с использованием нескольких видов транспорта, применяется термин «смешанная перевозка». В англоязычных источниках часто используется термин «Mixed Transport» (Transport operations by Several Modes of Transport).

На наш взгляд, экспертному сообществу также следует уделить большее внимание содержательной характеристике понятия «прямое смешанное сообщение», при котором груз перевозится разными видами транспорта с использованием единого (одного) транспортного документа. Так как при дальнейшей цифровизации отрасли данный тип сообщений, скорее всего, будет активно использоваться и динамично развиваться.

Унификация терминологии по перевозкам с участием нескольких видов транспорта будет способствовать интеграции транспортных систем, прежде всего, сопредельных государств, что является важным для дальнейшего развития экономик Евразийского континента. В данном контексте представляется целесообразным обратить внимание на накопленный у России и её партнёров по различным региональным интеграционным блокам (в частности, по Евразийскому экономическому союзу, Шанхайской Организации сотрудничества и др.) опыт выстраивания эффективных механизмов международной транспортной интеграции, организации трансконтинентальных интермодальных транспортных коридоров и формирования на их основе бесшовных мультимодальных логистических цепочек. В частности, страны Евразийского экономического союза (ЕАЭС) проводят согласованную транспортную политику в целях усиления транспортной интеграции между всеми странами-участницами Союза, которая является ключевым условием уг-

лубления их экономической интеграции. Транспортная интеграция на пространстве ЕАЭС предусматривает последовательное и постепенное создание общего рынка транспортных услуг, а также общего транспортного пространства в рамках союзного образования на основе конкуренции, открытости, безопасности, надежности, доступности и экологичности транспортной деятельности.

Евразийский экономический союз имеет ряд соглашений о торгово-экономическом сотрудничестве и свободной торговле со странами Азии, в частности, с Вьетнамом, Ираном, Китаем. В настоящее время прорабатываются аналогичные соглашения с другими партнёрами из азиатского региона. Поэтому для расширения региональной экономической интеграции в интересах всеобщего устойчивого развития на Большом Евразийском пространстве необходимо углублять интеграционные процессы в транспортной сфере, продолжить активно развивать интермодальные транспортные коридоры, совершенствовать организационно-правовые условия и механизмы взаимодействия участников цепочек поставок, что в значительной мере зависит от использования корректной терминологии мультимодальных перевозок. В связи с этим представляется целесообразным активизировать процесс унификации профессиональной терминологии по перевозкам с участием нескольких видов транспорта, что является важным условием для совершенствования правовой основы регулирования мультимодальных перевозок на национальном и международном уровнях.

Список литературы

1. Белая книга о справочной модели данных / Европейская экономическая комиссия ООН. 2017. – 14 с.
2. Aman Dua, Deepankar Sinha. Quality of multimodal freight transportation: a systematic literature review // World Review of Intermodal Transportation Research. 2019. – Vol. 8, N 2. – P. 167–194.
3. Dong Ch., Boute R., McKinnon A., Verelst M. Investigating synchromodality from a supply chain perspective // Transportation Research. Part D: Transport and Environment. 2018. – Vol. 61, Pt A, June. – P. 42–57.
4. Energy transition outlook 2018: A global and regional forecast to 2050 / Det Norske Veritas group. 2018. – 332 p.
5. Pleszko J. Multi-variant configurations of supply chains in the context of sychromodal transport // LogForum, 2012. – Vol. 8, N 4. – P. 287–295.
6. Review of Maritime Transport 2018 United Nations Conference on trade and development. 2018. – 102 p.
7. Rodrigue J.P. Efficiency and Sustainability in Multimodal Supply Chains // International Transport Forum Discussion Papers, OECD Publishing. – Paris, 2018.
8. The Long View How will the global economic order change by 2050? / PricewaterhouseCoopers LLP. – 2017. – 72 p.
9. The rise of the digital supply network Industry 4.0 enables the digital transformation of supply chains / Deloitte Development LLC. 2016. – 22 p.

Павлов П.В.,
Защитина Е.К.[1]

РОССИЯ, ИНДИЯ, КИТАЙ – БОЛЬШАЯ ТРОЙКА БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ: ПАРТНЕРЫ ИЛИ КОНКУРЕНТЫ?

Ключевые слова: *внешняя торговля, сотрудничество, партнерство, конкуренция, региональное лидерство.*
Keywords*: foreign trade, cooperation, partnership, competition, regional leadership.*

В настоящее время в мире наблюдаются процессы, дестабилизирующие развитие международных отношений, нарушаются торговые связи между странами, усиливается неопределенность экономических прогнозов, возникают сложности в валютно-финансовых отношениях. В связи с этим усиление торговых отношений и увеличение объемов экспорта и импорта играют важную роль для сохранения устойчивых темпов развития самых крупных экономик Евразии – России, Индии и Китая. Поэтому выявление направлений развития внешнеторгового сотрудничества между данными странами и формирование предложений по его увеличению являются актуальными задачами на сегодняшний день.

В 2019 году среди наиболее популярных трендов в мировой экономике можно выделить следующие:

- использование краудфандинга (crowdfunding) для финансирования. В настоящее время существует большое количество онлайн-платформ, позволяющих не только привлекать дополнительное финансирование для реализации проектов через краудфандинг, но также получать мгновенную обратную связь о том, насколько предлагаемые идеи или продукты жизнеспособны и интересны для конечных потребителей;
- привлечение удаленной рабочей силы. С ростом глобализации, а также с возникновением современных технологий у компаний появилась возможность более широкого выбора талантов при подборе кадров, что позволяет не только существенно экономить на персонале за счет использования фрилансеров (freelancer), но и привлекать тех, кто больше всего подходит для конкретного вида деятельности (без дополнительных затрат на обучение);
- передача на аутсорсинг (outsourcing) ряда функций. Данная тенденция характерна для тех компаний, которые еще только развиваются на международном рынке и для экономии издержек передают часть своих функций (например, ведение налогового учета, PR и реклама и пр.) в ведение аутсорсинговых компаний.
- использование онлайн-обучения сотрудников. Данные технологии позволяют обучать персонал необходимым навыкам без отрыва от производства. Также большую популярность приобретает корпоративное обучение или привлечение ведущих университетов для разработки программ под нужды конкретной компании;
- использование в рекламе технологий дополненной (AR) и виртуальной реальности (VR), а также онлайн-трансляций. Этот тип иммерсивного контента позволяет привлекать наибольшее количество клиентов вне зависимости от их территориального нахождения.

Также одной из наиболее явных тенденций, способствующих изменению глобального экономического пространства, стало замедление экономического роста в развитых странах и ускорение в развивающихся, особенно в странах Восточной Азии, с учетом неравномерной динамики как во временном, так и региональном аспектах.

В связи с этим, *целью исследования* стало выявление роли и места России, Индии и Китая в международной торговле. *Задачами исследования* являются оценка конкурентоспособности России, Индии и Китая в части открытия и ведения бизнеса; рассмотрение внешнеторгового оборота между данными странами; анализ их взаимного влияния на экономику.

Привлекательность экономики страны для ведения бизнеса оценивается Всемирным банком в рамках ежегодного рейтинга Doing Business[2]. В 2019 году лучшей страной для ведения бизнеса была признана Новая Зеландия, при этом в Топ-20 стран с наилучшими условиями ведения бизнеса попали разнообразные экономики, 18 из которых классифицируются как страны с высокими доходами, в том числе 14 – страны Организации экономического сотрудничества и развития – ОЭСР (3 из них – из Европы и Центральной Азии и 3 из Восточной Азии и Тихоокеанского региона).

---

[1] Павлов Павел Владимирович – д.э.н., д.ю.н., доцент, директор института ИУЭС, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону. Профессиональные интересы и направления деятельности: особые экономические и офшорные зоны, специальные налоговые режимы, таможенное администрирование, глобализация мировой экономики и место России в ней, развитие форм внешнеэкономической деятельности. E-mail: pavel.pavlov20@gmail.com

Защитина Елена Константиновна – к.э.н., ассистент ИУЭС, Южный федеральный университет. Профессиональные интересы и направления деятельности: экспорт высшего образования, мировая экономика, особые экономические зоны. E-mail: elenazashitina@gmail.com

[2] Рейтинг Всемирного банка Doing Business проводится с 2003 года. Он измеряет аспекты бизнес-регулирования и их влияние на открытие и функционирование компаний в изучаемых странах. Оценивание проведено по данным 190 национальных экономик.

В рамках исследования были более детально рассмотрены показатели ведущих государств с развивающимися рынками: России, Индии и Китая, полученные в 2019 году (табл. 1).

Таблица 1

Место стран в рейтинге по показателям, рассматриваемым в рамках анализа лучших стран для ведения бизнеса, 2019 г.[1]

Страна	Общий показатель	Создание предприятий	Получение разрешений на строительство	Подключение к системе электроснабжения	Регистрация собственности	Получение кредитов	Защита миноритарных инвесторов	Налогообложение	Международная торговля	Обеспечение исполнения контрактов	Разрешение неплатежеспособности
Россия	31	32	48	12	12	22	57	53	99	18	55
Китай	46	28	121	14	27	73	64	114	65	6	61
Индия	77	137	52	24	166	22	7	121	80	163	108
Страна – лидер	Новая Зеландия		Гонконг	ОАЭ	Новая Зеландия		Казахстан	Гонконг	Дания	Сингапур	Япония

Россия в рейтинге 2019 года заняла 31 место, что на настоящий момент является лучшим показателем за все годы наблюдения. Также в 2019 году значительно улучшили свои показатели и Китай, и Индия. При этом если ранее (с 2007 по 2013 годы) Китай имел позиции выше России, то после 2014 года можно наблюдать значительное улучшение позиций России в данном рейтинге (рис. 1).

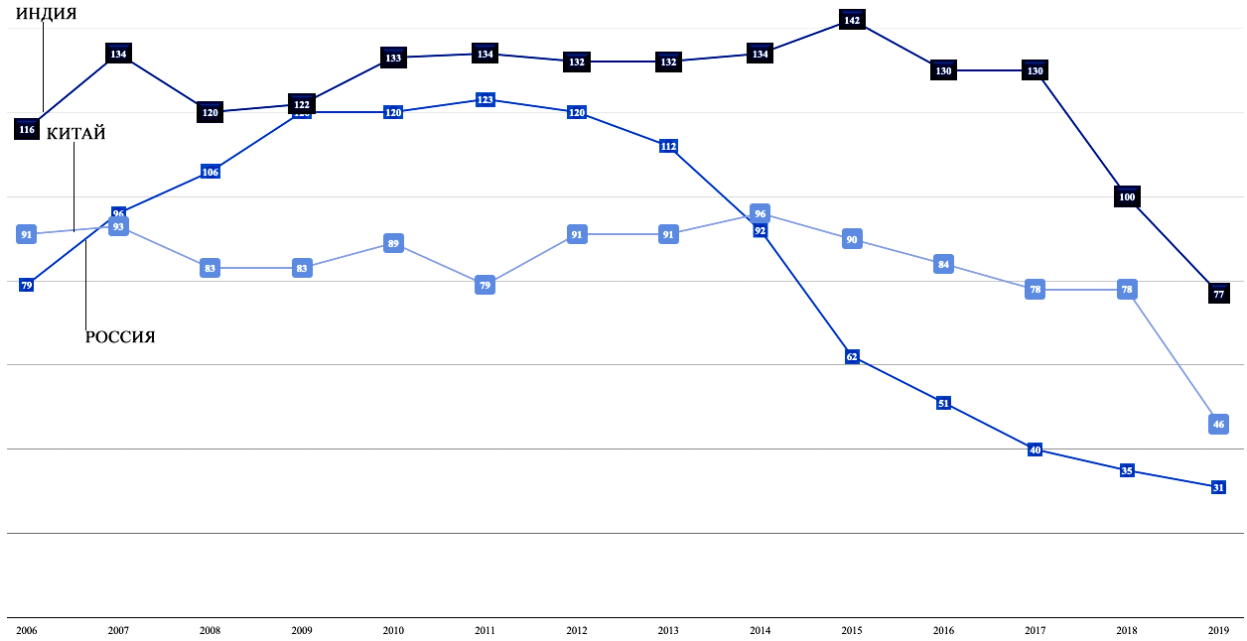


Рисунок 1.
Место России, Китая и Индии в рейтинге Doing Business (2006–2019 гг.)[2]

При этом было рассчитано сколько часов необходимо для обеспечения процедур по ведению бизнеса как в рассматриваемых странах, так и в среднем по странам Европы и Центральной Азии и странам ОЭСР с высоким уровнем дохода (рис. 2).

Было определено, что из рассматриваемых стран наибольшее количество времени на процедуры, связанные с ведением бизнеса, тратится в Индии (3270,83 часа или 137 дней), при этом среднее значение по странам Центральной Европы и Средней Азии составляет 1662,2 часа или 70 дней, а по странам ОЭСР с высоким уровнем дохода – 1216,6 часа или 51 день. Россия и Китай в данном случае занимают среднее значение с показателями – 1370,3 часа или 58 дней и 1333 часа или 56 дней.

Еще один рейтинг, который позволяет оценить уровень стран в отношении международного бизнеса – индекс Глобальной конкурентоспособности, рассчитываемый Всемирным экономическим форумом с 1979 года[3]. Россия в данном рейтинге находится на 43-м месте, Китай – на 28-м месте и Индия – на 58-м месте. При этом по сравнению с 2018 годом Россия и Индия не изменили свои показатели, а Китай улучшил их на 10 пунктов. Несмотря на достаточно высокие показатели индекса Глобальной конкурентоспособности у выбранных для анализа ведущих развитых стран также остается ряд слабых позиций (табл. 2).

[1] Составлено по данным: Doing Business / World bank group. – https://www.doingbusiness.org/en/reports/global-reports/doing-business-2019

[2] Там же.

[3] The Global Competitiveness Report 2019 / World economic forum. – http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf

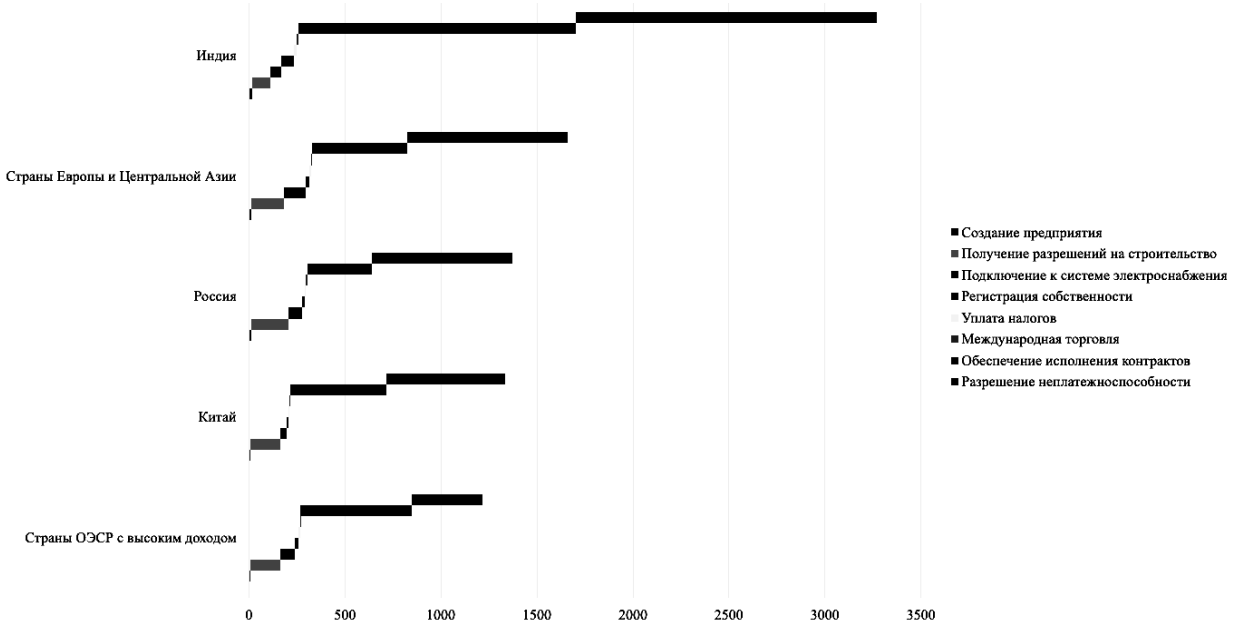


Рисунок 2.
Количество часов, которые необходимо затратить в странах для ведения бизнеса по версии Doing Business, 2019 г.[1]

На развитие международного бизнеса также влияет уровень инноваций в стране, который оценивается Корнельским университетом, Французской бизнес-школой и исследовательским институтом INSEAD и Международной организацией интеллектуальной собственности на основании анализа 130 мировых экономик. Глобальный индекс инноваций проводит оценку стран в зависимости от типа экономики: страны с высоким доходом, страны с доходами выше среднего, страны со средне-низким уровнем доходов и страны с низким доходом.

Таблица 2

Место стран в рейтинге Глобальной конкурентоспособности с учетом выделения топ-3 слабых сторон (рейтинг более 100), 2019 г.[2]

Страна	Место	Слабые позиции
Китай	28	Ставка налогов на труд; Импорт товаров и услуг; Общественный капитал / Кредитный разрыв
Россия	43	Ставка налогов на труд; Банковский показатель нормативного капитала; Импорт товаров и услуг
Индия	58	Открытость рынка; Безопасность; Распространение ИКТ

По данным анализа 2019 года можно выделить Топ-10 стран из каждой категории, в который вошли рассматриваемые нами страны. При этом Китай в рассматриваемой тройке стран является лидером, занимая 1-е место в рейтинге стран с доходами выше среднего и 14-е место в общемировом рейтинге, а Россия занимает 6 место в рейтинге стран с доходами выше среднего, значительно улучшив свои позиции по сравнению с прошлыми годами (в 2009 году – 19 место) и 46 место в общемировом рейтинге (в 2009 году – 64 место) (табл. 3).

Таблица 3

Топ-10 стран по глобальному индексу инноваций (ГИН), 2019 г.[3]

Место по группе стран	Страны с высоким доходом		Страны с доходами выше среднего		Страны со средне-низким уровнем доходов		Страны с низким доходом	
	Страна	Место в рейтинге ГИН	Страна	Место в рейтинге ГИН	Страна	Место в рейтинге ГИН	Страна	Место в рейтинге ГИН
1	Швейцария	1	**Китай**	14	Вьетнам	42	Руанда	94
2	Швеция	2	Малайзия	35	Украина	47	Сенегал	96
3	США	3	Болгария	40	Грузия	48	Танзания	97
4	Нидерланды	4	Таиланд	43	**Индия**	52	Таджикистан	100
5	Великобритания	5	Черногория	45	Монголия	53	Уганда	102
6	Финляндия	6	**Россия**	46	Филиппины	54	Непал	109
7	Дания	7	Турция	49	Молдова	58	Эфиопия	111
8	Сингапур	8	Румыния	50	Тунис	70	Мали	112
9	Германия	9	Коста-Рика	55	Марокко	74	Буркина-Фасо	117
10	Израиль	10	Мексика	56	Кения	77	Малави	118

[1] Составлено по данным: Doing Business / World bank group. – https://www.doingbusiness.org/en/reports/global-reports/doing-business-2019

[2] Составлено по данным: The Global Competitiveness Report 2019 / World economic forum. – http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf

[3] Составлено по данным: Global Innovation Index 2019. – https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/ wipo_pub_gii_2019.pdf

Также интересным для анализа международной торговли является выделение основных рисков, с которыми сталкивается международный бизнес в регионе (табл. 4).

Таблица 4

Топ-5 рисков, с которыми сталкиваются страны при ведении бизнеса, 2019 г.[1]

Страна	Риски	
Россия	1. Финансовые кризисы 2. Межгосударственные конфликты 3. Неуправляемая инфляция	4. Неудачи с механизмами финансирования / институтами 5. Зависимость от цен на энергоносители
Китай	1. Стихийные бедствия 2. Дефляция 3. Кража или мошенничество с данными	4. Незаконная торговля 5. Кибератаки
Индия	1. Кибератаки 2. Террористические атаки	3. Неудачи с механизмами финансирования / институтами 4. Проблемы безработицы и неполной занятости / Водный кризис

В целях оценки общего климата международной торговли в России, Индии и Китае были рассмотрены показатели, оценивающие деятельность международных компаний: объем выручки и прибыли, а также рыночная капитализация.

Рейтинг мировых компаний по объему выручки составляет компания Fortune. Данный рейтинг получил название Fortune Global 500 и строится на основании следующих показателей компаний: выручка, прибыль, данные бухгалтерского баланса, количество сотрудников, среднее изменение прибыли, кредитная история. В исследовании проведен динамический страновой анализ представленных в рейтинге компаний по годам нахождения в рейтинге (табл. 5).

Таблица 5

Представительство компаний из России, Индии и Китая в Fortune Global 500, 2005–2019 гг.[2]

Страны	2005 г.	2008 г.	2012 г.	2018 г.	2019 г.	Изменение (2005–2019)
Китай	16	29	73	111	119	+103
Индия	5	7	8	7	7	+2
Россия	3	5	7	4	4	+1

Данная тенденция прослеживается и том, что в 2019 году в Топ-20 компаний мира по объему выручки вошли 3 компании из Китая: Sinopec Group, China National Petroleum, State Grid (на 2, 4 и 5 местах соответственно), представляющие отрасль энергетики, а в Топ-20 компаний мира по объему прибыли – 4 компании из Китая: Industrial&Com mercial Bank of China, China Construction Bank, Agricultural Bank of China, China Development Bank (на 3, 5, 8 и 20 месте соответственно), представляющие отрасль финансов, и одна компания из России: Газпром (на 12 месте), представляющая отрасль энергетики.

Такая же ситуация наблюдается и в рейтинге по объему рыночной капитализации. Так, в 2019 году в Топ-100 компаний по оценке рейтинга Global Top 100 Companies вошли 15 компаний из Китая и 2 компании из Индии (табл. 6).

Таблица 6

Представительство компаний из отдельных стран в ТОП-100, 2019 г.[3]

Страна	2018 г.		2019 г.	
	Количество компаний	Капитализация, млрд. долл. США	Количество компаний	Капитализация, млрд. долл. США
Китай	15	3332	15	3197
Индия	–	–	2	233
Россия	–	–	–	–

При этом в 2019 году две компании из Китая – Alibaba (потребительские услуги) и Tencent Holdings (технологии) – также вошли в Топ-10 компаний мира по объему рыночной капитализации (7 и 8 место), достигнув уровня в 472 млрд. долл. США и 438 млрд. долл. США соответственно.

Рассмотрим торговые отношения между Россией, Индией и Китаем (табл. 7–8).

[1] Составлено по данным: The Regional Risks for Doing Business 2018 / World economic forum. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Regional_Risks_Doing_Business_report_2018.pdf

[2] Fortune Global 500. – https://fortune.com/global500/2019/search/?hqcountry=China

[3] Global Top 100 companies (2019). – https://www.pwc.com/gx/en/services/audit-assurance/publications/ global-top-100-companies-2019.html

Таблица 7

Валовый экспорт России, Индии в Китая, 2006, 2010, 2015 гг.[1]

Страна экспортер	Россия		Индия		Китай		Мир, млн. долл. США	Топ-5 стран – ведущих партнеров
	Млн. долл. США	Доля вмире, %	Млн. долл. США	Доля в мире,%	Млн. долл. США	Доля в мире, %		
2006 г.								
Россия	–	–	1493,9	0,5	15 589,5	5,2	300 330,0	Германия, **Китай,** США, Италия, Франция
Индия	3651,4	1,9	–	–	17 924,8	9,2	194 849,3	США, **Китай,** Австралия, Великобритания, Германия
Китай	16 608,6	1,9	9807,8	1,1	–	–	893 275,4	Япония, Корея, США, Германия, Малайзия
2010 г.								
Россия	–	–	3465,6	0,9	44 650,2	11,2	397 266,6	**Китай,** Германия, США, Италия, Франция
Индия	8835,4	2,4	–	–	55 595,5	15,4	360 127,3	**Китай,** США, Австралия, Сауд. Аравия, Индонезия
Китай	25 274,4	1,7	20 982,6	1,4	–	–	1 447 768,5	Япония, Корея, США, Германия, Австралия
2015 г.								
Россия	-	-	3 681,3	1,0	42 701,9	11,5	371 719,3	**Китай,** Германия, США, Турция, Италия
Индия	7689,6	1,9	–	–	80 907,3	19,9	406 433,1	**Китай,** США, Саудовская Аравия, Индонезия, Корея
Китай	43 079,5	2,0	27 339,7	1,2	–	–	2 198 343,8	США, Корея, Япония, Германия, Австралия

Таблица 8

Валовый импорт России, Индии в Китая, 2006, 2010, 2015 гг.[2]

Страна импортер	Россия		Индия		Китай		Мир, млн. долл. США	Топ-5 стран – ведущих партнеров
	Млн. долл. США	Доля вмире, %	Млн. долл. США	Доля в мире,%	Млн. долл. США	Доля в мире, %		
2006 г.								
Россия			3651,4	1,8	16 608,6	8,2	201 431,2	Германия, США, **Китай,** Италия, Франция
Индия	1493,9	0,7			9 807,8	4,3	227 616,6	США, Великобритания, **Китай,** Германия, Япония
Китай	15 589,5	2,2	17 924,8	2,5			718 501,7	США, Япония, Корея, Германия, Канада
2010 г.								
Россия			8835,4	2,8	25 274,4	8,0	314 204,5	Германия, США, **Китай,** Италия, Франция
Индия	3465,6	0,8			20 982,6	4,7	447 608,9	США, **Китай,** Великобритания, Корея, Германия
Китай	44 650,2	3,5	55 595,5	4,3			1 286 218,6	США, Япония, Корея, Германия, **Индия**
2015 г.								
Россия			7689,6	2,8	43 079,5	15,8	273 183,6	**Китай,** Германия, Италия, США, Япония
Индия	3681,3	0,8			27 339,7	5,8	474 977,8	США, **Китай,** Великобритания, Сауд. Аравия, Сингапур
Китай	42 701,9	2,3	80 907,3	4,3			1 892 575,8	США, Япония, Корея, **Индия,** Мексика

И в структуре экспорта, и в структуре импорта Китай является одним из наиболее активных партнеров как России, так и Индии. При этом торговые отношения между Россией и Индией развиты недостаточно активно, хотя по сравнению с 2006 годом отмечается тенденция к росту их объемов как в части экспорта, так и импорта.

По данным внешней торговли России в 2018 году товарооборот между Россией, Индией и Китаем значительно вырос. Так, товарооборот России с Китаем составил 108,283 млрд. долл. США, увеличившись на 24,51% (21,319 млрд.

[1] OECD.Stat. – https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=TISP_EBOPS2010

[2] OECD.Stat. – https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=TISP_EBOPS2010

долл. США) по сравнению с 2017 годом. В свою очередь, товарооборот России с Индией составил 10,977 млрд. долл. США, увеличившись на 17,30% (1,619 млрд. долл. США) по сравнению с 2017 годом[1].

Анализ наиболее популярных экспортируемых и импортируемых товаров в товарообороте между Россией, Индией и Китаем представлен в табл. 9.

Таблица 9

Товарооборот между Россией, Индией и Китаем (топ-5 наиболее востребованных товарных групп) 2017, 2018 гг., долл. США[2]

Страна-партнер	Экспорт России		Импорт России	
	2017 г.	2018 г.	2017 г.	2018 г.
Китай	• Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные – 64,9%; • Древесина и изделия из нее; древесный уголь – 8,4%; • Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части – 4,0%; • Секретный код – 3,6% • Рыба и ракообразные, моллюски и прочие водные беспозвоночные – 2,8%	• Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные – 73,5%; • Древесина и изделия из нее; древесный уголь – 6,3%; • Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части – 2,7%; • Рыба и ракообразные, моллюски и прочие водные беспозвоночные – 2,7%; • Руды, шлак и зола – 2,5%.	• Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части – **28,4%**; • Электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части и принадлежности – **24,6%**; • Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, и их части и принадлежности – **3,5%**; • Обувь, гетры и аналогичные изделия; их детали – **3,4%**; • Пластмассы и изделия из них – **3,1%**	• Электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части и принадлежности – 27,5%; • Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части – 23,1%; • Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, и их части и принадлежности – 3,7%; • Обувь, гетры и аналогичные изделия; их детали – 3,5%; • Пластмассы и изделия из них – 3,4%
Индия	• Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные – 23,4%; • Жемчуг природный или культивированный, драгоценные или полудрагоценные камни, драгоценные металлы, металлы, плакированные драгоценными металлами, и изделия из них; бижутерия; монеты – 16,0%; • Секретный код – 14,7%; • Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части – 10,5%; Удобрения – 4,8%	• Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные – 23,9%; • Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части – 14,2%; • Жемчуг природный или культивированный, драгоценные или полудрагоценные камни, драгоценные металлы, металлы, плакированные драгоценными металлами, и изделия из них; бижутерия; монеты – 13,9%; • Секретный код – 12,1%; • Электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части и принадлежности – 6,7%	• Фармацевтическая продукция – 19,3%; • Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части – 8,3%; • Органические химические соединения – 6,7%; • Кофе, чай, мате, или парагвайский чай, и пряности – 5,0%; • Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, и их части и принадлежности – 4,8%	• Фармацевтическая продукция – 15,9%; • Электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части и принадлежности – 9,9%; • Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части – 9,4%; • Органические химические соединения – 6,7%; • Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, и их части и принадлежности – 4,8%

Таким образом можно сделать вывод, что в настоящее время товарооборот между Россией и Китаем развит в большей степени, нежели между Россией и Индией. Несмотря на это все рассмотренные страны имеют постоянные торговые связи друг с другом и развивают новые типы сотрудничества, что отражено в том числе в структуре товарооборота. Данным отношениям способствуют не только экономически благоприятный климат между странами, но также политические, культурные и исторические предпосылки взаимодействия.

[1] Внешняя торговля России. – http://russian-trade.com

[2] Там же.

Прокопенкова И.О.
с.н.с. Российского института стратегических исследований
Irina.Prokopenkova@riss.ru, aoife@mail.ru

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ НИОКР И МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ КООПЕРАЦИЯ – ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ НА ПРОСТРАНСТВЕ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

***Ключевые слова**: торговля технологиями, научно-техническое сотрудничество, Китай, Индия, Цифровой Шелковый путь.*

Научно-технический обмен, технологическая кооперация, а также торговля наукоемкими услугами являются одним из важнейших элементов современных международных экономических отношений. Формирование экономики знаний, прогресс в области информационных технологий обусловливают растущий вклад нематериальных, интеллектуальных активов в развитие мирового хозяйства. На протяжении последних трех десятилетий показатели мирового экспорта технологий и информационно-коммуникационных услуг демонстрируют устойчивую положительную динамику.

Так, в период с 1995 г. по 2014 г. мировой объем полученных роялти и лицензионных платежей увеличился на порядок (с 37,8 млрд. дол. США до 373 млрд. долл. США), а удельный вес в мировой торговле услуг, связанных с интеллектуальной собственностью (ИС), к 2017 г. составил 13,3%. Еще более высокими темпами росла мировая торговля информационно-телекоммуникационными услугами – в среднем, на 22% в год в 2004–2014 гг. % (см. табл. 1).

Таблица 1

Показатели мировой торговли технологиями и наукоемкими услугами

Годы	1995	2000	2005	2010	2015	2016	2017
Роялти и платежи за использование ИС, млрд. долл.	37,89	75,71	173,50	263,65	373,04	375,10	403,17
Мировой объем экспорта ИКТ-услуг, млрд. долл.	–	–	175,61	313,82	410,99	431,56	536,02
Глобальные корпоративные расходы на НИОКР в зарубежных центрах (оценка)	37,08	59,13	–	107,52	124,45	124,45	127,94
Корпоративные расходы на НИОКР в зарубежных центрах – компании из США	–	20,46	27,65	39,89	–	–	–

Рассчитано на основе данных The World Bank Database, UNCTAD (2005), NSF Science & Engineering Indicators 2018.

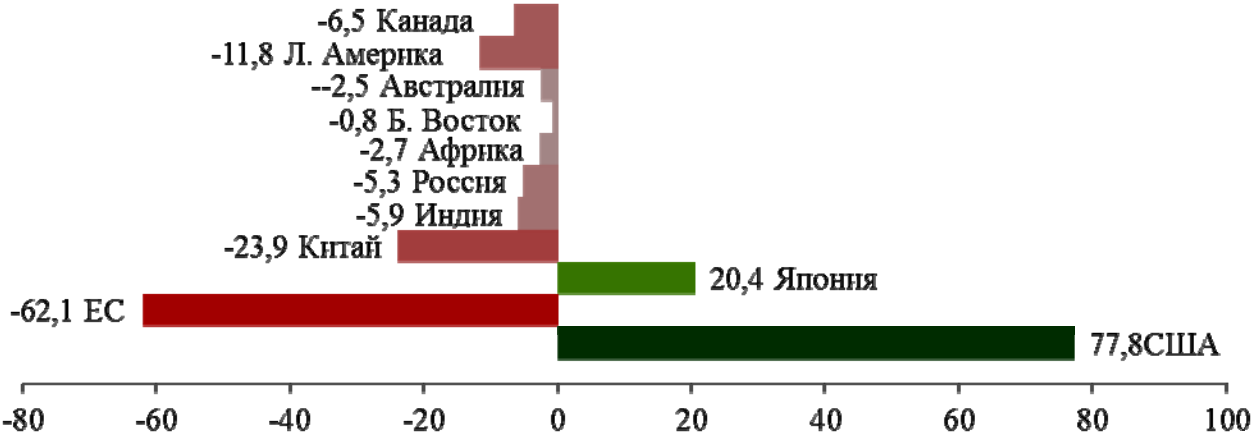
Лидирующие позиции в сфере торговли технологиями занимает Европейский Союз, который является крупнейшим мировым экспортером результатов интеллектуальной деятельности (129,02 млрд. долл. в 2017 г.), за ним следуют Соединенные Штаты (128 млрд. долл. в 2017 г.), и Япония (41,7 млрд. долл. в 2017 г.). Вместе они контролируют 85% мирового рынка экспорта технологий. Одновременно указанные страны являются и основными мировыми реципиентами услуг ИС. В 2017 г. совокупный объем импорта технологий в США, страны Евросоюза и Японию превысил 260 млрд. дол. (67% от мирового объема)[1].

В последние годы на мировой рынок интеллектуальной собственности активно выходят Израиль, Южная Корея, Сингапур, где государственная политика по развитию национальной высокотехнологичной промышленности, привлечению иностранного капитала и созданию совместных предприятий с международными лидерами в области инноваций позволили добиться ощутимых успехов. Их пути следуют Китай, Индия и Бразилия, а также другие развивающиеся экономики, со стороны которых отмечается растущий спрос на передовые технологии, увеличение патентной активности и объемов экспорта результатов интеллектуальной деятельности. В частности, за 2004-2010 гг. доходы КНР от роялти и лицензионных платежей выросли с 236 млн. долл. до 830 млн. долл. Хотя в абсолютных цифрах доходы от экспорта ИС Индии и Бразилии не столь значительны, в указанный период они также росли опережающими темпами – на 36 и 17,6% ежегодно соответственно. В результате, за первое десятилетие XXI в. доля стран с высоким уровнем доходов в общем объеме поданных патентных заявках снизилась – с 82,7% в 2004 г. до 67% в 2011 г.[2] В следующие десять лет эта тенденция продолжилась: за 2011–2018 гг. доходы Китая от экспорта ИС выросли в 7,5 раз, а Индии и Бразилии – более чем в 2,5 раза. Тем не менее, основная мировая торговля технологиями попрежнему сосредоточена между европейским и североамериканским рынками и внутри подразделений транснациональных корпораций, зарегистрированных в США и Евросоюзе (19,2 и 40% всех получаемых лицензионных платежей

[1] Данные Всемирного Банка.

[2] Кузнецова Г.В. Международная торговля объектами интеллектуальной собственности // Российский внешнеэкономический вестник. – М., 2013. – № 8. – С. 35–47.

и роялти соответственно). Следует также отметить, что только США и Япония имеют положительное сальдо торговли ИС, в то время как остальные являются нетто-импортерами. Даже в Китае, резко нарастившем в 2017–2018 гг. экспорт услуг ИС (до 4,78 и 5,56 млрд. долл. соответственно), объемы импорта технологий устойчиво растут, превысив в 2018 г. 35 млрд. долл. На рис. 1. представлено сальдо от торговли услугами ИС.



Составлено автором по данным The World Bank

Рисунок 1.
Сальдо платежей за интеллектуальную собственность в 2017 г., млрд. долл.

Одним из ведущих факторов интенсификации международного технологического обмена и расширения торговли технологиями является производственно-технологическая кооперация и интернационализация разработок. Локомотивами данных процессов являются американские, западноевропейские и японские корпорации. С конца прошлого века они начали активно размещать за рубежом исследовательские центры и лаборатории1. Например, у американских ТНК объём затрат на проводимые за рубежом НИОКР увеличился в период с 1993 г. по 2008 г. более чем в 4 раза − с 10,9 млрд. до 41,8 млрд. дол.[2] По различным оценкам в 2010 г. 90% ведущих мировых высокотехнологичных компаний имели зарубежные исследовательские центры[3], а к 2015 г. – уже 94 %4.

Во втором десятилетии XXI в. мировые процессы диверсификации и интернационализации НИОКР значительно активизировались – преимущественно за счет развивающихся стран, которые сначала превратились в новые центры притяжения разработок для западных корпораций, а затем начали открывать собственные центры НИОКР за рубежом. В 2005-2016 гг. особенности и движущие факторы данного феномена широко анализировались учеными и экспертами (см., например, M.von Zedwitz в докладе ЮНКТАД 2005 г.5), которые выделили три «волны» или этапа и четыре модели глобализации НИОКР (см. рис. 2 и рис. 4).

В соответствии с этой концепцией, на первом этапе, в 1970-1980 гг. движущим фактором интернационализации НИОКР была производственная кооперация между ТНК из США, Европы и Япони, а также процессы экономической интеграции в Европе. Вторая «волна» была связана с массовым переносом крупными западными корпорациями производств в развивающиеся страны (в первую очередь в Китай). С расширением производственной базы и началом бурного роста потребительского спроса в указанных странах западные корпорации начали открывать на их территории исследовательские центры для адаптации и локализации своих продуктов на развивающихся рынках.

После 2000-х гг. процессы смещения инновационной активности в развивающиеся страны (преимущественно в Индию и Китай) значительно усилились. В числе основных причин этого явления было стремление западных транснациональных корпораций получить доступ к новым рынкам и крупным интеллектуальным ресурсам, а также снизить издержки. Также во многом этому поспособствовала либерализация правил международной торговли в рамках ВТО. Однако решающее значение имело развитие информационно-коммуникационных технологий, открывшее новые возможности для масштабирования и локализации инноваций. Этот же фактор обусловил рост спроса на технические услуги (например, удаленная поддержка) и ИТ-сервисы для бизнеса. Важную роль также сыграл курс на ускорение национального научно-технического развития и поддержку наукоёмких отраслей, а также открытость для зарубежных инвестиций, взятый руководством развивающихся стран, в первую очередь, Китая и Индии. Данная политика, а также значительный прогресс в развитии их научно-технического потенциала в течение последнего десятилетия расширили возможности для международной кооперации и переноса разработок.

---

[1] Gerybadze A., Merk S. Globaliation of R&D an host-country patenting of multinational corporations in emerging countries // International Technology management. 2014. – Vol. 64, N 2/3/4. – P. 148–179.

[2] NSF Science and Engineering Indicators 2018 Appendix Table 4-17 R&D performed abroad by majority-owned foreign affiliates of U.S. parent companies, by region, country, or economy: 1997–2014. – https://www.nsf.gov/statistics/2018/nsb20181/assets/nsb20181_atables_pdfs.zip

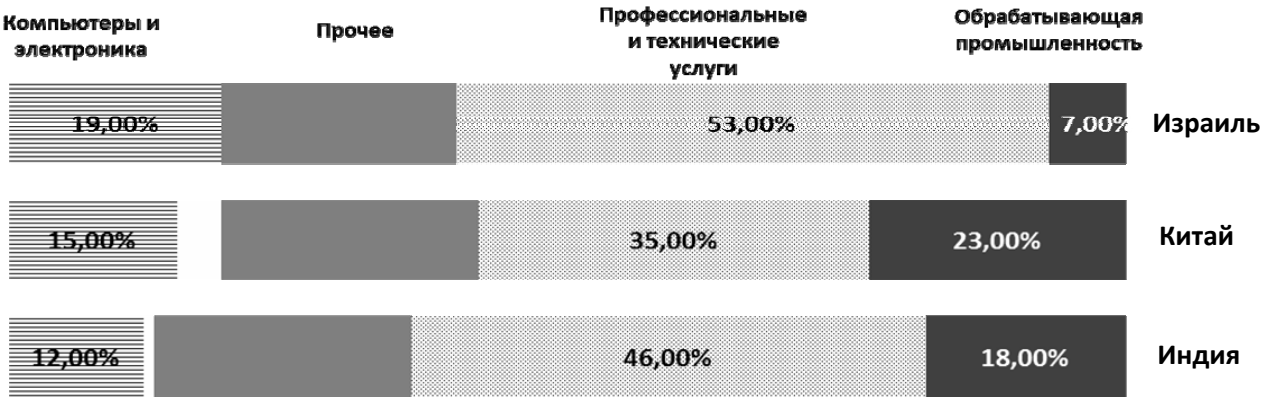
[3] Meyer T., Dyck S. International division of labour in R&D: Research follows production // Deutsche Bank Research. 2011. – February 3, N 82. – http://www.dbresearch.de/PROD/DBR_INTERNET_EN-PROD/PROD0000000000269346.pdf

[4] PwC Study: Corporate R&D spending hits record highs for the Top 1000, despite concerns on economic protectionism // PWC.com. 2017. – October 24. – https://www.strategyand.pwc.com/cn/en/press-releases/2017-global-innovation1000-cne.html

[5] Zedtwitz M. v. International R&D Strategies in Companies from Developing Countries – the Case of China / UNCTAD. 2005. – January. – https://unctad.org/sections/meetings/docs/zedtwitz_paper_en.pdf

Рисунок 2.
Три «волны глобализации» НИОКР. Источник: Max von Zedtwitz, 2016, UNCTAD Report 2005

В результате, КНР и Индия стали основными центрами притяжения для аутсорсинга разработок – как на пространстве Большой Евразии, так и на глобальном уровне. По данным ЮНКТАД, уже в 2002–2004 гг. на них приходилось ¾ заявленных новых проектов: Наряду с США и Японией они входили в число наиболее привлекательных направлений для интернационализации НИОКР. Так, только американские ТНК нарастили финансирование своих разработок в Китае в 2004–2014 г. в 4,5 раза, а в Индии – в 9 раз[1]. Важно отметить, что в отличие от традиционных партнеров в Европе, а также Японии, где значительная часть разработок связана с промышленными технологиями, «новые центры НИОКР», появившиеся в результате второго этапа глобализации НИОКР, связаны с информационно-телекоммуникационными технологиями. Так, в 2014 г. 51% центров НИОКР, открытых корпорациями из США в Германии, занимались исследованиями в области промышленного производства. В Японии, Франции и Великобритании доля зарубежных филиалов американских ТНК, специализирующихся в этой сфере, составляла 37%, 46 и 39% соответственно[2]. Напротив, основная специализация центров НИОКР, открытых американскими компаниями в Евразии: электроника и ИТ-услуги (см. рис. 3).



Составлено автором на основе данных NBER (2017), NSF (2018)

Рисунок 3.
Отраслевая структура исследований и разработок в зарубежных центрах НИОКР американских корпораций в 2014 г.

Как отмечается в исследованиях ЮНКТАД, Национального бюро экономических исследований США и PwC, технологическая кооперация и глобализация исследований и разработок способствовали повышению эффективности экономической деятельности ТНК, а также внесли значимый вклад в развитие научно-производственного потенциала развивающихся стран. В то же время следует учитывать, что этот процесс сопряжен с рядом рисков для обеих сторон,

[1] Branstetter L.G., Glennon B.M., Jensen B.J. The IT Revolution and the Globalization of R&D. Working paper National Bureau of Economic Research. NBER. 2018. – June. – P. 3–4.

[2] Рассчитано по данным NBER Working paper 24707, 2018, Science & Engineering Indicators 2018, NSF, 2018.

в первую очередь, с точки зрения утечки технологий, а также недобросовестной конкуренции[1]. Кроме того, основные преимущества от диверсификации и глобализации разработок получили крупные западные компании. Внутрикорпоративный обмен технологиями стал для них одним из средств внешнеэкономической экспансии, позволяя ТНК обходить таможенные барьеры и валютные ограничения. По оценкам ОЭСР, в настоящее время на сделки между аффилированными корпоративными структурами приходится около 2/3 совокупной стоимости международных сделок с объектами интеллектуальной собственности[2]. Как отмечается в докладе «Революция в ИТ и глобализация НИОКР», подготовленном в июне 2018 г. Национальным бюро экономических исследований США, одной из первоочередных целей в стратегии переноса разработок в Китай и Индию было получение доступа к крупнейшему в мире пулу специалистов в области математических и естественных наук (STEM). По оценкам авторов исследования, в условиях цифровизации экономики и снижения кадрового потенциала внутри США эта стратегия позволила американским ТНК закрепить лидерство в области информационных технологий[3]. В итоге, в настоящее время, США являются и мировыми лидерами в области коммерческих наукоемких услуг (объем продаж свыше 3 трлн. долл. или 31% от мирового рынка)[4] и разработки программного обеспечения. В 2018 г. в Топ-10 мирового рейтинга компаний-лидеров высоких технологий PwC 6 мест занимали американские телекоммуникационные гиганты: Apple, Amazon, Alphabet, Facebook, Intel, Netflix[5]. Данная отрасль обеспечивает свыше 1,4 трлн. долл. валовой добавленной стоимости американского ВВП, а также 2,9 млн рабочих мест напрямую и 10,5 в смежных секторах[6].

Напротив, несмотря на многочисленные успешные примеры (например, создание кластера полного производственного цикла компьютерных чипов в «Новом районе Пудон» в Шанхае в 2003–2005 гг.), в целом стратегия Китая и Индии по обеспечению доступа к передовым технологиям за счет привлечения зарубежных инвесторов оправдала себя не в полной мере. Так, в Индии в 2015–2017 гг. около 70% патентов приходилось на интеллектуальную собственность, регистрируемую иностранными резидентами. Более того, значительная часть НИОКР, осуществляемых на территории страны западными ТНК, – это адаптация готовых решений к местным особенностям. Доля собственно исследований и разработок, напрямую связанных с созданием инноваций, не превышает 32% от общего объема затрат центров иностранных резидентов на НИОКР[7].

Тем не менее, с учетом курса на модернизацию промышленного потенциала и культивирование собственных инноваций, взятого руководством Индии и Китая после 2005 г., все ярче проявляются предпосылки к постепенному изменению сложившегося технологического баланса. Поступательно придерживаясь этого курса и наращивая вложения в исследования и разработки, Китай и Индия добились впечатляющего прогресса в развитии своего технологического и производственного потенциала. Так, в 2010 г. КНР обогнала США по объему обрабатывающей промышленности, а к середине десятилетия превратилась в одного из региональных и мировых лидеров по объему экспорта высокотехнологичной продукции[8]. Опережающими темпами росла и инновационная активность – в 2017 г. Китай по числу поданных международных патентных заявок уступал только США[9]. В итоге, к настоящему времени это позволило ему вплотную приблизиться к топ-20 лидеров международного рейтинга развития инноваций и выйти на третье место в мире по уровню конкурентоспособности промышленного производства. Хотя Индия пока значительно уступает КНР с точки зрения производства и экспорта высокотехнологичных товаров и уровня развития инноваций, с учетом темпов роста ее экономики и демографического потенциала, прогнозируют, что к концу текущего десятилетия она войдет в пятерку наиболее конкурентоспособных промышленных держав мира и обеспечит формирование нового производственного и технологического центра. В 2011–2015 гг. выросли оценки инновационной активности и конкурентоспособности индийской промышленности, а также удельный вес высокотехнологичной продукции в общем объеме экспорта обрабатывающей промышленности[10]. Индийские компании вышли на передовые позиции в сфере экспорта ИТ-услуг (рост почти в 2 раза, до 107 млрд. долл., за последние 5 лет), большая часть которого направляется в США и

---

[1] World Investment Report 2005 / UNCTAD. – P. 143, 180, 190; Branstetter L.G., Glennon B.M., Jensen B.J. The IT Revolution and the Globalization of R&D. Working paper National Bureau of Economic Research. NBER. 2018. – June. – https://www.nber.org/papers/w24707

[2] Лихачев В.А. Международный трансфер технологий: основные тенденции и позиции России // Российский внешнеэкономический вестник. – М., 2017. – № 10. – С. 29–43.

[3] Branstetter L.G., Glennon B.M., Jensen B.J. The IT Revolution and the Globalization of R&D. Working paper National Bureau of Economic Research. NBER. 2018. – June. – https://www.nber.org/papers/w24707

[4] Science & Engineering Indicators 2018 / National Science Board. 2018. – January 15.

[5] PwC Study: Corporate R&D spending hits record highs for the Top 1000, despite concerns on economic protectionism // PWC.com. 2017. – October 24. – https://www.strategyand.pwc.com/cn/en/press-releases/2017-global-innovation1000-cne.html

[6] BSA The Software Alliance report for USTR, Special 301 submission 301. 07.02.2019. – http://www.bsa.org/files/policy-filings/en02082019BSAApecial301ReviewComments.pdf

[7] Pohit S. India's R&D expenditure: Composition matters // Ideas for India 18.04.2014. – http://www.ideasforindia.in/topics/productivity-innovation/india-s-rd-expenditure-composition-matters.html

[8] СМИ: Китай обошел Японию по экспорту хай-тек продукции // РИА-Новости. 08.12.2015. – https://ria.ru/20151208/1338104778.html

[9] China Drives International Patent Applications to Record Heights; Demand Rising for Trademark and Industrial Design Protection / WIPO, Geneva, March 21, 2018. – http://www.wipo.int/pressroom/en/articles/2018/article_0002.html

[10] 2016 Global Manufacturing Competitiveness Index 2016 / Deloitte. – https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/Manufacturing/gx-global-mfg-competitiveness-index-2016.pdf; https://fas.org/sgp/crs/misc/R42135.pdf

Европу[1]. Кроме того, Китай и Индия – единственные из стран со средним уровнем доходов, вошедшие в число 15 государств с самым высоким инновационным потенциалом[2].

Эти изменения нашли свое отражение не только в росте показателей экспорта технологий, но и в растущей внешнеэкономической активности индийского и китайского технологического бизнеса. В стремлении получить доступ к передовым технологиям корпорации из КНР и Индии начали постепенно продвигаться на американский и европейский рынки, наращивая инвестиции в зарубежные технологические компании, а также открывая там свои филиалы и исследовательские центры.

Новым этапом в этих процессах стал запуск в 2014–2015 гг. масштабных национальных программ «Make in India» и «Made in China-2025», целью которых является реализация в течение ближайших 10-15 лет технологического прорыва. В отличие от более ранних программ научно-технического развития, данные инициативы являются более комплексными, нацеленными на преобразование всей производственной сферы в целом, а также заметно более значимую роль цифровых технологий. Китайское и индийское руководство делает ставку на цифровизацию как на один из ключевых инструментов для качественного скачка и преодоления технологического отставания от США и Европы. Промежуточные итоги оцениваются положительно. Так, в Индии после 2015 г. отмечен почти трехкратный рост рынка потребительских товаров длительного пользования со значительной долей высокотехнологичной продукции[3], она также вырвалась вперёд по динамике роста компаний-стартапов и вошла в пятерку крупнейших стартап-сообществ в мире. На начало 2016 г. там насчитывалось свыше 19 тыс. технологических стартапов, из которых 5 тыс. были созданы в 2015 г.

Что касается Китая, то он уже сейчас значительно опередил Индию и по ряду направлений – суперкомпьютеры, скоростные поезда, возобновляемая энергетика, информационно-телекоммуникационная инфраструктура, цифровые платформы и облачные технологии, а также искусственный интеллект он выходит на передовой мировой уровень. Это сопровождается все более активной экспансией его продукции и технологии за рубеж, в первую очередь, в Азиатский регион, где сосредоточены крупнейшие потребительские рынки. В результате, уже в 2004 г. китайские компании имели свыше 30 зарубежных центров НИОКР, в том числе 11 – в развивающихся странах (например, ZTE и UTStarcom). Индийские корпорации-разработчики программного обеспечения Wipro, Birlasoft и HCL Technologies в большей степени ориентированы на США и создают исследовательские филиалы там. Тем не менее, в последние годы они также начали локализовать разработки там, где есть заказчики – в Южной и Восточной Европе, СНГ и Китае. Таким образом, со второго десятилетия XXI в. растущий технологический потенциал новых региональных лидеров обусловил начало третьего этапа глобализации НИОКР на пространстве Большой Евразии и перехода от модели догоняющего развития к новой модели экспансии НИОКР – аутсорсинг разработок из развивающихся экономик и расширение их участия в технологическом обмене (см. рис. 4). Более того, растущая активность Китая и Индии также стимулирует региональной процессы научно-технической кооперации. Например, компании из Малайзии, Южной Кореи и Сингапура и Таиланда начали открывать подразделения в Индии.

Источник: Max von Zedtwitz, 2016, UNCTAD Report 2005

Рисунок 4.
Четыре модели глобализации инноваций и технологий

[1] IT & ITeS. December 2017. – https://www.ibef.org/uploads/industry/Infrographics/large/IT-and-ITeS-December-2017.pdf; China Drives International Patent Applications to Record Heights; Demand Rising for Trademark and Industrial Design Protection / WIPO, Geneva, March 21, 2018. – http://www.wipo.int/pressroom/en/articles/2018/article_0002.html

[2] China Drives International Patent Applications to Record Heights; Demand Rising for Trademark and Industrial Design Protection / WIPO, Geneva, March 21, 2018. – http://www.wipo.int/pressroom/en/articles/2018/article_0002.html

[3] Брагина Е. Индия: замедление темпов экономического роста // webeconomy.ru. – http://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&cat=mcat&mcat=154&type=news&newsid=3961

В этом контексте особое внимание обращает на себя активность Китая в рамках стратегии «Пояс и путь», которая включает в себя не только масштабные проекты по развитию транспортной и энергетической инфраструктуры, но также кооперацию в области высоких технологий и формирование на евразийском пространстве международных информационно-телекоммуникационных коридоров «Цифровой Шелковый путь» и «Интернет+». Впервые идея создания информационного «шелкового» пути в рамках «Пояса и пути» была заявлена в 2015 г. в программном документе «Видение и совместные действия по созданию экономического и морского шелкового пути 21 века». Он содержал призыв к созданию инфраструктуры Шелкового пути через строительство и двусторонние трансграничные и подводные линии волоконно-оптической связи и развитие спутниковых систем. Затем, национальный план на 13 пятилетку (2016-2020 гг.) призвал к созданию к 2020 г. Информационной гавани Китай-АСЕАН и «шелковых» онлайн путей с Ближним Востоком и другими странами, а также строительству открытых международных коммуникационных мощностей и улучшению трансграничной ИКТ-инфраструктуры. В 2017 г. на Форуме Шелкового пути Си Цзиньпин заявил, что Китаю следует строить инновационный «Пояс и путь» и превратить его в цифровой путь XXI века. В числе направлений – цифровая экономика, ИИ, нанотехнологии, квантовые технологии, облачные вычисления и «умные» города. На 4 Мировом Интернет форуме в Пухане в 2017 г. китайская сторона объявила о партнерстве с 7 евразийскими государствами (Египтом, Лаосом, С. Аравией, Сербией, Таиландом, Турцией и ОАЭ) по «расширению широкополосного доступа, повышению его качества, продвижению цифровой трансформации, поощрению сотрудничества в электронной торговле»[1]. Упоминается также и космический шелковый путь. В 2017 г. первая зарубежная станция навигационной системы «Бэйдоу» была отрыта в Карачи. Сейчас система предоставляет региональное покрытие, ее пользователями являются 30 стран ОПОП. После 2020 г. навигационная система обеспечит глобальный охват. В отличие от американской и российской, кроме координатно-временного определения китайская система предоставляет услугу обмена короткими сообщениями[2]. Менее известны проекты создания региональных низкоорбитальных спутниковых систем для мобильной связи и Интернета вещей «Хунъян» и «Синьюнь», которые должны быть развернуты к 2021–2023 гг.[3]

От других инфраструктурных проектов «Пояса и пути», «Цифровой Шелковый путь» отличает то, что ключевые позиции здесь занимает не государственный сектор, а частные ИКТ-компании (Huawei, ZTE, Alibaba, Tencent и др.). Ведущую роль китайские Интернет-гиганты играют и в инициативе «Интернет+», которая нацелена на использование аналитики больших данных и приложений на основе облачных вычислений и платформ для дополнения традиционных отраслей китайской экономики в их продвижении на внешние рынки. Например, китайские компании для работы за рубежом активно используют центр обработки данных Alibaba. В настоящее время Alibaba планирует строительство новых дата-центров в Индии, Индонезии и Малайзии[4].

Обращает на себя внимание также масштаб инициативы «Цифрового Шелкового пути» (стоимость строительства в 2022–2023 гг. только одного технопарка в сфере технологий ИИ в Малайзии оценивается в 1 млрд. дол.[5]) и ее комплексный характер. Хотя приоритетным направлением для телекоммуникационных и цифровых компаний из КНР являются Азиатско-Тихоокеанский регион и Африка, где находятся крупнейшие потребительские рынки, китайский бизнес также заинтересован в продвижении в Европу (в том числе с точки зрения доступа к передовым технологиям и инновациям), а также в участии в проектах развития информационно-телекоммуникационной в Средней Азии, где они зачастую развиваются параллельно с транспортными проектами.

Следует также отметить, что реализация инициативs «Цифрового Шелкового пути» опирается на системное присутствие в области информационно-телекоммуникационного оборудования, сетей и технологий, которое к настоящему времени обеспечили себе на мировых рынках китайские компании. Например, мировой лидер Huawei занимает 28% на рынке мобильной инфраструктуры, а ZTE – 4 место или 13% глобального рынка[6]. В секторе беспроводной связи они входят в число мировых лидеров по объему инвестиций и уровню развития технологий. На данный момент, китайские компании являются держателями по различным оценкам от 31 до 36% ключевых патентов в сфере 5G[7]. При этом, китайские проекты выделяет готовность готовности осуществлять рискованные инвестиции и делиться технологиями. Так, соглашение о строительстве в Малайзии технопарка включает «пакет» трансферта технологий.

---

[1] Hernandez K. Achieving Complex development goals along the digital Silk Road / Institute of Developing Studies. March 2019. K4D Emerging Issues. Report. UKAid. – https://assets.piblishing.service.gov.uk/media/5c866463e5274a2a51ac0b67/Hernandez_Chinese_Belt_and_Road_Digital_-_final.pdf

[2] Siddiqui S. BRI, Beidou and the Digital Silk Road // AsiaTimes.com. 09.04.2019. – https://www.asiatimes.com/2019/04/opinion/bri-beidou-and-the-digital=silk-road

[3] Jones A. China to build 300-satellite communications constellation in low-Earth orbit // GB Times.com. 26.02.2018. – https://gbtimes.com/china-to-build-300-satellite-hongyan-communications-constellation-in-low-earth-orbit; China plans to launch 156 low Earth orbit satellites by 2025 // Жэньминьжибао-онлайн. 01.09.2017. – en.people.cn/n3/2017/0901/c202936-926322.htm

[4] Hernandez K. Achieving Complex development goals along the digital Silk Road / Institute of Developing Studies. March 2019. K4D Emerging Issues. Report. UKAid. – https://assets.piblishing.service.gov.uk/media/5c866463e5274a2a51ac0b67/Hernandez_Chinese_Belt_and_Road_Digital_-_final.pdf

[5] Ibid.

[6] Ibid.

[7] M. Quinn US Official: China's Race to 5G Raises Global Security Concerns // The VoaNews.com. 22.03.2019. – https://www.voanews.com/silicon-vlley-technology/us-official-chinas-race-5g-raises-global-security-concerns; Burkitt-Gray A. Huawei starts campaign to show mobile industry needs its patents // Capacity Media.com, 27.06.2019. – https://www.capacitymedia.com/articles/3823797/huawei-starts-campaign-to-show-mobile-industry-needs-its-patents

В перспективе китайская компания и ее малазийский партнер намерены совместно разрабатывать цифровые технологии безопасности, наблюдения, иммиграционного контроля и охраны границ[1].

[1] Hernandez K. Achieving Complex development goals along the digital Silk Road / Institute of Developing Studies. March 2019. K4D Emerging Issues. Report. UKAid. – https://assets.piblishing.service.gov.uk/media/5c866463e5274a2a51ac0b67/Hernandez_Chinese_Belt_and_Road_Digital_-_final.pdf

Семенова Н.К.[1]

АНАЛИЗ И КЛАССИФИКАЦИЯ СУЩЕСТВУЮЩИХ И ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ И УГРОЗ РЕАЛИЗАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ ПРОЕКТОВ В ФОРМАТЕ «РФ – КНР»[2]

Ключевые слова*: Россия, Китай, национальные интересы, транспорт, проблемы взаимодействия.*
Keywords*: Russia, China, national interests, transport, interaction problems.*

Китайская инициатива Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП) – это попытка распространить экономическое (в будущем и политическое) влияние Китая вдоль наземного транспортного коридора, включающего Россию, страны Центральной и Южной Азии, Ближний Восток, Восточную Европу и собственно ЕС. Это комплексный проект, который еще находится на стадии доработки, и многие детали пока не ясны. В реализации такого масштабного и дорогостоящего проекта Китай, в первую очередь, преследует свои, сугубо специфические цели, главная из которых – укрепление своего присутствия не только в Центрально-Азиатском, но и в сопредельных с ним регионах.

Известно, что на территории Китая функционирует более 420 мозговых центра, более 20 исследовательских институтов, центров и отделов, специализирующихся только на изучении Центральной Азии[3]. С выдвижением Китаем новой внешнеполитической инициативы ЭПШП с 2013 г. на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) было создано пять новых аналитических центров и образовано три института, деятельность которых направлена на непосредственное содействие практической реализации китайского стратегического проекта ЭПШП[4]. Китайцы все делают фундаментально, и нет причин полагать, что они не реализуют поставленные задачи.

Осуществляя свою внешнюю транспортную стратегию «выход за пределы», Китай делает ставку на быструю и эффективную реализацию своих транспортных, энергетических и инвестиционных проектов в двусторонних форматах. Наши политические дивиденды и высокий уровень доверия между Россией и Китаем, сложившийся к настоящему времени, не гарантируют приоритет в транспортной интеграции. На первое место ставятся экономические и технические факторы: быстрота доставки грузов (в сравнении с транспортировкой по морю); наличие работающей системы транзитных коридоров с запасом пропускной способности; минимальные издержки в правовом, технологическом (количество перегрузок) и административном поле. По этим показателям транзитный потенциал РФ имеет преимущество, по сравнению с маршрутами в обход России, но проблема видится в замедленных темпах принятия стратегических решений и реализации стратегических проектов, неподготовленности регионов к выполнению крупномасштабных задач, связанных с территориальным планированием, прежде всего на уровне территориальной организации РФ.

Отношения России и Китая в Центральной Азии часто описывают как «мягкое соперничество». То есть, обе стороны знают и понимают свои и чужие интересы в регионе, но не воспринимают их как повод к открытому соперничеству. Китай проводит «политику приспособления к изменяющейся обстановке» и всячески старается подчеркнуть тот факт, что он всегда учитывает отношение российской стороны к странам Центрально-Азиатского региона.

При этом сферами пересечения интересов стратегических партнеров в регионе являются: доступ к энергоресурсам и участие в создании инфраструктуры нефтегазовой сферы; контроль над стратегическими отраслями промышленности; перспектива расширения своих центрально-азиатских сухопутных магистралей; получение максимально благоприятных условий для инвестирования в экономику региона; получение возможности поставок вооружения центрально-азиатским государствам; усиление геополитического влияния в ЦА; создание благоприятного имиджа своей страны в общественном мнении населения региона.

Геополитический фактор здесь играет ключевую роль. Россия стремится к минимизации западного экономического и политического присутствия и возвращению в регион в качестве динамичного экономического актора. Китай тоже стремится противостоять однополярной системе и доминирующему положению США на экономическом, политическом и военном уровнях. Пекин так же озабочен вопросами безопасности и развития своих «тылов»: СУАР и других западных провинций. Борьба с наркотрафиком и терроризмом в ЦА является объединяющим фактором для РФ и КНР[5].

---

[1] Семенова Нелли Кимовна – к.полит.н., с.н.с. Отдела экономических исследований, Институт востоковедения РАН. E-mail: semenovanelli-2011@mail.ru

[2] Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-014-00027А.

[3] «Мозговые центры», где куется внешняя политика Китая для Азии. – http://asiarussia.ru/articles/10556/

[4] Chinese Think Tanks and Central Asia. A New Assessment / George Washington University. – http://centralasiaprogram.org/blog/2015/11/04/chinese-think-tanks-and-central-asia-anew- assessment/

[5] Аристова Л.Б., Семенова Н.К. Геополитический шанс России: транспортная система в формате РФ-КНР-Центральная Азия» / Отв. ред. А.И. Салицкий. ИВ РАН. – М.: Белый ветер, 2017. – 216 с.

Динамичное экономическое продвижение Китая не только в ЦА, но и в других регионах мира обусловлено не только геополитикой. В экономике Китая дела обстоят не так благополучно, как может показаться. Пресловутые провалы рынка в виде «ловушек среднего дохода»[1] выходят на первый план.

Китайская стратегия «открытости по всем азимутам» обусловлена создавшейся в Китае экономической ситуацией: завершение в КНР форсированной индустриализации; обладание значительными избыточными мощностями в тяжелой промышленности, снижение энергоемкости и материалоемкости ВВП; снижение ценовой конкурентоспособности китайских предприятий в ряде трудоемких отраслей легкой индустрии; дефицит рабочей силы в деревне; урбанизация, приводящая к нехватке сельскохозяйственных угодий; достижение капитало-избыточной стадии экономического развития. Следствием китайского «выхода в мир» является создание за рубежом производственных предприятий и активное осуществление проекта «Один пояс – один путь»[2].

Абсолютизировать конкуренцию между Россией и Китаем было бы преувеличением. Китай занимает в Центральной Азии те ниши, которые Россия не может заполнить в силу ограниченности своих экономических возможностей. Например, в плане транспорта Китай будет всячески продвигать «широтные» коридоры по направлению Восток-Запад. Но ему малоинтересны «меридиональные» коридоры по направлению Север-Юг, которые исключительно важны и для Казахстана, и для России (направления на Иран, Ближний Восток, в перспективе – на Индию)[3].

Говоря о транспортных маршрутах, идущих в обход России[4], можно выделить по крайней мере две причины их возникновения. Объективная, как фактор преодоления естественной транспортной изолированности Центрально-Азиатского региона, как инструмент интеграции ЦА в общеазиатское пространство (ЦАРЭС)[5]. И субъективная, политизированная (ТРАСЕКА)[6], ставящая целью не оптимизацию и развитие, а изоляцию РФ и переключение грузопотока стран региона, прежде всего экспорта нефти и нефтепродуктов, на маршруты, проходящие вне территории России.

Объективная реальность показывает, что многие из политизированных транспортных проектов оказались маловостребованными в транзитном плане, экономически малорентабельными и используются как субрегиональные маршруты. На текущий момент транзитный потенциал ТРАСЕКА оценивается невысоко[7], серьезной конкурентной составляющей для России нет[8].

Несмотря на то, что изначально новые транспортные проекты в обход РФ противопоставлялись маршрутам через территорию России, трудноразрешимые обстоятельства физической и нефизической силы (необходимость смены ширины колеи, преодоление морских участков на железнодорожных паромах, сложности с таможенными процедурами, недостаточная согласованность транзитных тарифов, неэффективная и несвоевременная координация между национальными железными дорогами, таможенными органами, экспедиторами и таможенными брокерами) привели к тому, что в рамках альтернативных центрально-азиатских маршрутов запланированы транспортные магистрали с выходом на российскую территорию. Это объясняется простой логикой – Россия занимает стратегическое транспортно-географическое положение, позволяющее формировать на ее территории развитую систему МТК как в меридиональном, так и в широтном направлениях. Это, в частности, позволяет сформировать на территории России логистические центры глобального уровня, связывающие между собой МТК в единую международную транзитную транспортно-логистическую сеть, что обеспечит ускорение циркуляции грузопотоков на всем экономическом пространстве Евразии. Сухопутное сочленение Китая и Европы, минуя Россию, ущербно географически.

В экспертном сообществе обсуждаются две противоположные гипотезы. Первая группа экспертов говорит, что маршруты в обход России неизбежно ослабят влияние РФ в регионе[9]. Вторая группа, напротив видит в развитии транспортных артерий Евразии новые возможности для РФ[10]. Во-первых, стимулирование совершенствования транспортной инфраструктуры на основе формирования и дальнейшего развития опорной транспортной сети РФ, повышение использования транзитного потенциала РФ и развитие экспорта транспортных услуг, интеграцию РФ в евразийскую транспортную систему, диверсификацию транспортных маршрутов, повышение экономической эффективности перевозок грузов и пассажиров, улучшение транспортной безопасности и надежности, повышение доступности транспортных услуг для населения и хозяйствующих субъектов, расширение импорта и экспорта технологий и инноваций в сфере строительства и эксплуатации транспортной и терминально-складской инфраструктуры и рост зарубежных инвестиций в экономику. При этом нельзя не видеть и косвенный экономический эффект функционирования Междуна-

---

[1] Июань Чжоу, Лильге-Штодик Р. Ослабление экономики Китая и «ловушка среднего дохода». – https://www.epochtimes.ru/oslablenie-ekonomiki-kitaya-i-lovushka-srednego-dohoda-98938915/

[2] Салицкий А.И., Семенова Н.К. Шелковое наступление Китая. – http://www.perspektivy.info/oykumena/azia/shelkovoje_nastuplenije_kitaja_2016-01-11.htm

[3] Казанцев А. Китай обеспечивает безопасность в ЦА за счет России. – http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1425374940

[4] Транспортные и инвестиционные проекты. – http://mydocx.ru/6-28856.html

[5] Сайт интеграционного проекта Центрально-Азиатского регионального экономического сотрудничества. – http://www.carecprogram. org

[6] ТРАСЕКА. – http://www.traceca-org.org

[7] Логистические процессы и морские магистрали II в Азербайджане, Армении, Грузии, Казахстане, Кыргызстане, Молдове, Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане, Украине. – http://www.traceca-org.org/fileadmin/fmdam/TAREP/65ta/Project_reports/LOGMOS_Progress_Report_IV_April_2013/Progress_Report_IV_Annex_5_Master_ Plan_ru.pdf

[8] Шайкин В. Транспортный коридор ТРАСЕКА. – http://logist.ru/articles/transportnyy-koridor-traseka

[9] Великий Шелковый путь как часть плана изоляции России. – http://asiapacific.narod.ru/countries/apr/silk_way.htm#top

[10] Салицкий А.И., Семенова Н.К. Россия и Китай на евразийском пространстве: стратегическое партнерство с элементами конкуренции // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. М.: Академический издательский центр «Наука» РАН, 2016. – № 4. – С. 151–160.

родных транспортных коридоров (МТК), заключающийся в развитии регионов страны, находящихся в зоне их транспортно-экономического тяготения. Регионы получают импульс не только транспортного, но и производственного, социально-экономического развития.

Транзитный потенциал РФ в первую очередь связывают с Транссибирским маршрутом, проходящим на 84% по российской территории. Взаимовыгодные условия транзита через территорию РФ очевидны. Для зарубежных партеров важно, что перевозка грузов осуществляется по единой таможенной территории, где действуют единые законы, снижение логистических издержек. Для России это, прежде всего, прямые денежные поступления в виде оплат транспортных и сопутствующих услуг, инвестиции на развитие транспортной инфраструктуры, внедрение современной транспортной техники и технологий, усиления влияния страны на международной арене транзитных транспортных услуг. Но необходимо учитывать, то Транссиб – наиболее грузонапряженная железная дорога России и в краткосрочной перспективе возможно достижение предельной пропускной способности. Поэтому увеличение транзитных потоков может усложнить передвижение отечественных грузов. По прогнозам экспертов на средне- и долгосрочную перспективу, Транссибирский коридор будет конкурентоспособен при выполнении следующих условий: коренная модернизация Транссиба, означающая создание на его базе с помощью применения принципиально новых технических решений высокоскоростной трансконтинентальной транзитной сверхмагистрали, обеспечивающей дешевизну перевозок, сравнимую с морскими, проведение железнодорожного соединения его с Кореей и Японией[1].

Для России экономически выгодна диверсификация маршрутов через ЦА в рамках Экономического пояса Шелкового пути. Некоторые эксперты считают, что центрально-азиатские маршруты могут стать основным конкурентом для Транссиба в транзитных перевозках уже в краткосрочной перспективе. Но надо иметь ввиду, во-первых, что, например, Северный коридор ТАЖМ на протяжении 2,7 тыс.км. проходит по российской территории и составляет 25% от длины маршрута (49% с учетом территории Таможенного союза). Активное участие в маршруте может сделать Россию ключевым партнером Великого Шелкового пути[2].

Говоря о китайских инвестициях, необходимо учитывать, что кредиты чаще всего носят связанный характер: они выделяются при условии, что осваивать их будут китайские корпорации с применением китайской рабочей силы китайскими материалами, с китайским пост-проектным обслуживанием. Возврат инвестиций (как один из вариантов) может быть предложен в виде эксплуатации возведенных в рамках инвестиционного проекта транспортного маршрута или инфраструктуры безвозмездно на определенный срок до окупаемости объектов или долгосрочную льготную аренду. В случае с китайскими инвестициями необходимо избегать утопичных центрально-азиатских сценариев: сырье, недра и территории в обмен на инвестиции и кредиты.

Необходимо учитывать, что при общей позитивно складывающейся конъюнктуре, существуют факторы, осложняющие расширение российско-китайских экономических взаимоотношений как со стороны России, так и с китайской стороны. Условно эти факторы можно разделить на пять основных групп по сферам взаимодействия: экономика, социокультурная сфера, инвестиции, рынок инновационной продукции, таможня и пограничная служба. Рассмотрим эти факторы подробнее.

В экономической сфере сдерживающими факторами сотрудничества РФ-КНР эксперты признают: общее отставание РФ по многим экономическим показателям; низкое качество продукции российского машиностроения и других наукоемких отраслей; неразвитость инфраструктуры в России, в особенности в ее азиатской части; неэффективность государственных институтов, низкий трудовой и предпринимательский потенциал населения, неэффективность структуры торгового обмена между Россией и Китаем; недостаточную самостоятельность регионов; проблема валютного регулирования, в т.ч. в части осуществления предоплаты – отсутствие системы export-insures или import-insures; непредсказуемый рост тарифов естественных монополий, в частности стоимость электроэнергии, присутствие серых схем взаимной торговли; высокие ставки налогообложения в РФ по сравнению с более низкими ставками в КНР; несовершенство и нестабильность законодательства, непредсказуемость изменений законодательства и возможность неоднозначной трактовки ряда законов и подзаконных актов[3]; сложность решения административных проблем, высокий уровень коррупции[4], чрезмерную бюрократизированность процедур создания совместных предприятий.

С китайской стороны взаимодействие в экономической сфере осложняет непрозрачная законодательная база в КНР; жесткое регулирование внутреннего рынка КНР; серые схемы внешней торговли.

Взаимодействие РФ и КНР в социокультурной сфере, по оценкам экспертов, осложняется с российской стороны языковым и культурным барьерами, низким уровнем культуры переговоров – отсутствием стратегии, знаний о ментальных особенностях партнеров, китайского рынка и китайской деловой культуры; коррупционной активностью; проблемой безопасности китайцев в России: бытовая агрессия со стороны молодежных группировок, вымогательство со стороны представителей органов правопорядка; незнанием российскими предпринимателями законодательства Китая; давлением в прессе на население по поводу т.н. «китайской угрозы».

С китайской стороны взаимодействие в социокультурной сфере осложняется следующими факторами: языковой и культурный барьеры; рост китайского национализма и китайской «национальной гордости», превосходство китайской стратегии переговоров; коррупционная активность; незнание китайскими предпринимателями законодатель-

---

[1] Аристова Л.Б., Семенова Н.К. Геополитический шанс России: транспортная система в формате РФ-КНР-Центральная Азия» / Отв.ред. А.И. Салицкий. – М.: Белый ветер, 2017. – 216 с.

[2] Там же.

[3] Кондратюк К. В. Инвестиции Китая на Дальний Восток России: проблемы привлечения и основные направления // Молодой ученый. 2016. – № 26. – С. 321–324.

[4] Статистика Коррупции в Мире. – https://vawilon.ru/statistika-korruptsii-v-mire

ства и условий деловой деятельности в России, что проявляется в чрезмерной осторожности китайских предпринимателей.

Инвестиционное российско-китайское сотрудничество, помимо объективных причин, связанных с конкуренцией проектов, осложняет: с российской стороны – неблагоприятный инвестиционный климат в РФ, отсутствие четких, прозрачных правил на законодательном уровне; с китайской стороны – высокая конкуренция с мировыми инвесторами; сложный инвестиционный климат в Китае для реализации проектов с российским капиталом; реакция на западные санкции в отношении РФ.

Формирование рынка инновационной продукции между РФ и КНР осложняют следующие факторы: с российской стороны – проблема поставок в Китай научной и технической продукции военного назначения; проблема секретности научных и инновационных разработок – отсутствие четкого правового регламента; российские фундаментальные научные заделы не являются в Китае продаваемым продуктом; слабое развитие прикладных разработок, пригодных для промышленного внедрения; отсутствие институциональных механизмов привлечения инвестиций в развитие НИОКР на базе имеющихся фундаментальных заделов; проблема создания в России конкурентоспособного инновационного сектора – отсутствие схем инвестирования таких проектов.

С китайской стороны для развития российско-китайского рынка инновационной продукции присутствуют следующие сложности: Китай обгоняет Россию по уровню своего научного развития, покровительственное отношение к пиратскому копированию чужих технологий, негативный имидж России как делового партнера в области инновационных проектов.

Китай, где возможно, использует «серые» схемы, снижающие стоимость закупок.

Инфраструктурная неразвитость российской таможни, пограничной службы и всей приграничной территории, узкая специализация российских таможенных пунктов на различных товарных группах так же замедляют развитие российско-китайского взаимодействия. Имеются данные о высоком уровне коррупции в таможенных органах РФ[1]. Особенно это чувствительно для малого и среднего российского и китайского бизнеса.

В заключение, просматриваются несколько выводов. Во-первых, транспортная стратегия России нацелена на перспективу (до 2030 г.) и предполагает, что одним из перспективных путей реализации этой инициативы является интеграция транспортной системы России в евразийское транспортное пространство. Но приходится констатировать тот факт, что действия РФ в этом направлении не носят объединенный характер (и в ЦА, и на Дальнем Востоке). И хотя они вписаны в программу модернизации экономики РФ, имеется ряд внутренних вызовов и угроз, без нивелирования которых реализация Транспортной стратегии РФ будет затруднена или отложена:

- замедленные темпы реализации экономических (в т.ч. в сфере транспорта) реформ, проводимых в стране, их недостаточная эффективность и неподготовленность регионов к выполнению крупномасштабных задач, связанных с территориальным планированием, прежде всего на уровне территориальной организации РФ.
- особенности транспортной системы (ТС) России, а именно: большая инерционность ТС, высокая капиталоемкость, продолжительные сроки строительства и реконструкции крупных транспортных объектов, продолжительные сроки создания новых типов технических средств и т.п.

В данном контексте только опережающее развитие может стать залогом успешной реализации национальных интересов в сфере международных транспортных коммуникаций. Без форсированной реализации намеченных в стратегии мероприятий РФ может упустить геополитический шанс интеграции своей транспортной системы в евразийское транспортное пространство.

Во-вторых, стратегия КНР в транспортной сфере определяется не только экономическим, но и политическим факторами. Осуществляя свою внешнюю транспортную стратегию «выход за пределы», Китай делает ставку на быструю и эффективную реализацию своих транспортных, энергетических и инвестиционных проектов в двусторонних форматах. Планомерно, в соответствии с заложенными в стратегии постулатами, используя общие межстрановые экономические интересы, с учётом особенностей собственной и тенденций развития мировой транспортной инфраструктуры, ставя и достигая цели, определяя приоритеты и модернизируя принципы развития своих транспортных коридоров и связанных с ними отраслей народного хозяйства, Китай уже сейчас добивается ускоренного развития внутреннего транспортно-логистического рынка с использованием собственных и импортных инновационных ресурсов.

В-третьих. Деятельность Китая и китайских компаний в транспортном сегменте на текущий момент можно только с натяжкой назвать конкуренцией для российских проектов, т.к. деятельность российских транспортных компаний в этом направлении минимальна. Китай занимает свою транспортную нишу, которую РФ, по разным причинам, освоить не имеет возможности.

В-четвертых. Экономическое присутствие Китая в Центральной Азии носит системный, масштабный и долгосрочный характер, преследуя как текущие коммерческие, так и стратегические цели. Формат Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС) рассматривается Китаем как в региональном центрально-азиатском, так и глобальном аспектах. Налаживая двусторонние связи с партнерами по организации, решая свои стратегические вопросы, «привязывая» страны ЦА транспортно-энергетическими проектами, КНР, по сути, выстраивает стройную коллективную интеграционную структуру. Элиты стран Центральной Азии рассматривают китайский компонент как один из важнейших – он дает возможность получения внешних инвестиций, кредитов, строительства инфраструктуры, развития торговли, реализации энергетических и транспортных проектов. Для стран региона это сотрудничество в большинстве случаев безальтернативно.

[1] О противодействии коррупции в таможне. – http://r-cg.ru/o-protivodejstvii-korrupcii-v-tamozhne

В-пятых. При общей позитивно складывающейся конъюнктуре, существуют объективные и субъективные факторы, осложняющие расширение российско-китайских экономических взаимоотношений в т.ч. транспортных проектов в ЦА. Долгосрочность действующих и осуществление перспективных энергетических проектов, находится в прямой зависимости от обеспечения их безопасности. От выбранных Россией моделей промышленно-инновационного развития и экономической ре-интеграции на постсоветском пространстве зависит форма транспортного взаимодействия РФ и КНР в евразийских транспортных проектах.

Синиченко В.В.
д.и.н., профессор, начальник кафедры, Восточно-Сибирский институт МВД РФ, Иркутск

ПОСТАВКИ ЭНЕРГОНОСИТЕЛЕЙ ЧЕРЕЗ ЗАКАВКАЗЬЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПОЗИЦИЯ РОССИИ

Ключевые слова: *транспортно-транзитные коридоры, поставки энергоносителей, Закавказский регион, ЕАЭС.*

Проект создания транспортно-транзитного коридора Каспийское море – Черное море, рассматривался США и ЕС еще с 90-х гг. XX в.

Западные страны стремились проложить альтернативные транспортные маршруты в обход России и оторвать от нее закавказский и среднеазиатский регионы. Именно в рамках этой политики и родился проект ТРАСЕКА, а также проекты строительства целой серии газо- и нефтепроводов в регионе.

Посмотрим, о каких проектах идет речь.

Во-первых, это уже реализованный **нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан,** который был построен в период с 2002 по 2006 гг. По этому нефтепроводу Туркестан, Казахстан и Азербайджан экспортируют нефть на мировые рынки. Главными спонсорами строительства нефтепровода являлись корпорации, штаб квартиры которых находятся в США и Великобритании. Цель строительства заключалась в диверсификации маршрутов экспорта энергоносителей, поставке нефти из акватории Каспийского моря в обход России. Результатом строительства должно было стать падение рентабельности нефтепровода Баку-Новороссийск. Экономические потери России от появления нового пути транзита нефти оценивались экспертами в 200 млн. долларов США в год.

Так, в результате строительства новой трассы азербайджанская госнефтекомпания SOCAR остановила прокачку своей нефти по трубопроводу Баку-Новороссийск. Предназначавшиеся для транзита через РФ объемы были перенаправлены в трубопровод Баку-Тбилиси-Джейхан (БТД). Деятельность нефтепровода Баку-Новороссийск на 2019 год обеспечивается транзитом через территорию Азербайджана нефти Туркменистана (590 000 тонн), только туркменская нефть идет к терминалам Новороссийска.

Отметим, что ранее в августе 2008 года, когда в ходе южноосетинского конфликта российские войска вошли на территорию Грузии и дошли до города Гори, на Западе возникло опасение что целью российской армии было уничтожение нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан. Потом эти опасения неоднократно транслировались в западных СМИ как геополитическая угроза России интересам США, Великобритании, Грузии, Азербайджана и Турции.

Во-вторых, **это международный транспортный коридор Карс-Ахалкалаки-Тбилиси-Баку.** Он представляет собой железнодорожную магистраль, которая позволяет перевозить через территорию Азербайджана около 3 млн. тонн грузов из Казахстана и Туркмении в порты Грузии.

В свою очередь глава ОАО «РЖД» Олег Белозёров вел переговоры в 2019 г. по включению Азербайджана в проект строительства железнодорожной линии Решт – Астара для создания прямого железнодорожного сообщения по МТК «Север – Юг» (Россия-Иран).

В-третьих, **это Транскаспийский газопровод**, который связал Туркмению и Азербайджан. Данный подводный газопровод предусматривает транспортировку природного газа из Туркменистана и Казахстана через Азербайджан в Турцию и Грузию и далее в страны – члены Европейского Союза. В Азербайджане трубопровод присоединился к Южно-Кавказскому газопроводу (Баку-Тбилиси-Эрзурум), а через Трансанатолийский газопровод и к Трансадриатическому газопроводу до Италии (т.н. Южный газовый коридор или ЮГК). 15 февраля 2018 года в Баку состоялось заседание международного Консультативного совета Южного газового коридора, на котором было отмечено, что Транскаспийский газопровод, предусматривающий транспортировку туркменского (в дальнейшем возможно также иранского) газа в Европу, также включён в проект ЮГК. В свою очередь Евросоюз выразил свою готовность обговорить внедрение иранского газа в проект трубопровода. Однако эти намерения были заморожены из-за санкций США в отношении Ирана.

В-четвертых, **это проект Набукко.** Nabucco – это нереализованный проект газопровода из Туркмении и Азербайджана в страны ЕС, прежде всего Австрию и Германию. Проектная мощность 26–32 млрд. кубометров газа в год. Прогнозировалась стоимость проекта 7,9 млрд. евро. Подготовка проекта велась с 2002 года. 28 июня 2013 года было объявлено, что проект «Набукко» закрыт, приоритетным проектом теперь является Трансадриатический газопровод. Однако не исключена возможность того, что проект «Набукко» в конце концов будет реализован в связи с запуском в июне 2018 года Трансанатолийского газопровода (TANAP) по территории Турции (от Грузии до Греции). В 2020 году будет введён в строй интерконнектор Греция — Болгария, поэтому будет несложно соединить трассу с Румынией, а дальше через Венгрию с Австрией. Если этого удастся добиться, то «Набукко» сможет функционировать, как это и планировалось и заменит собой так и не реализованный Россией «Южный поток».

Отметим, что из-за позиции Болгарии и Европейского Союза Российская Федерация отказалась от проекта «Южный поток» в пользу наращивания уже действующего «Голубого потока» и строительства газопровода «Турецкий поток» в юго-восточную и южную Европу через Турцию в обход Болгарии.

19 ноября 2018 года Россия довела обе нитки морского участка газопровода «Турецкий поток» до турецкого европейского берега у городка Кыйыкей, надеясь на поставку своего газа по Трансадриатическому газопроводу (TAP) через Грецию на Италию. Однако мощности TAP уже запланированы под турецкий Трансанатолийский газопровод (TANAP).

Причём, мощность Трансадриатического трубопровода (TAP) составляет всего 10 млрд. кубических метров в год с возможностью увеличения пропускной способности до 20 миллиардов, что недостаточно для мощностей TANAP. **Поэтому надеяться, что российский газ пустят в Италию вместо туркменского не стоит.** Единственным выходом для России на юге становится Nabucco West, с последующей транспортировкой российского газа из Турции в Болгарию, Румынию, Австрию, Венгрию, Сербию.

Исходя из вышесказанного мы можем говорить о конкуренции российского, азербайджанского и туркменского газа на турецком рынке.

Европейский Союз больше всего заинтересован в туркменском газе. Потребности в газе из-за сворачивания Германией атомной и угольной энергетики только растут. Удовлетворить их может «Газпром», который активно тянет в Европу сразу два новых «потока» – вторую очередь «Северного» и «Турецкий». Но доля «Газпрома» на европейском рынке и так слишком быстро растет, что беспокоит чиновников Евросоюза. Если в 2012 г. она составляла 26%, то по итогам 2017 г. увеличилась на треть и достигла 34,7%. Причем возможности «Газпрома» по наращиванию поставок далеко не исчерпаны. И для того, чтобы создать российскому трубопроводному газу какую-то альтернативу, Брюссель пытается стимулировать создание альтернативных газопроводов, развивая сотрудничество с Азербайджаном и Туркменией.

Однако все упирается в стоимость и рентабельность проектов. Так заморожен проект AGRI, который предполагает поставки азербайджанского сжиженного газа (LNG) через Грузию и Черное море в Румынию. Имеются два варианта реализации проекта AGRI: транспортировка до двух миллиардов кубометров газа стоимостью 1,2 миллиарда евро, другой вариант – от пяти до восьми миллиардов кубометров газа стоимостью до 4,5 миллиарда евро.

Но европейских инвесторов не заинтересовало предложение поставки туркменского сжиженного газа в специальных контейнерах из-за высокой стоимости проекта и низкой окупаемости.

Поэтому незагруженными остаются мощности румынского порта Констанца, который может обрабатывать сжиженный газ в спецконтейнерах, очевидно, что Ашхабад не сможет получить преимущества на газовом европейском рынке, торгуя сжиженным газом. Морской и железнодорожный транспорт для поставки газа в сжиженном состоянии менее рентабелен, чем трубопроводный[1].

Таким образом, на современном этапе большое значение приобретает энергетическое сотрудничество России и Турции. Последняя страна превратилась в международный «хаб» по транспортировке газа и нефти из Каспийского региона. Россия в рамках этого сотрудничества может рассчитывать на транспортировку своего газа на рынке балканских стран.

Может рассчитывать Россия и на поставку своего газа на Южный Кавказ в Армению и Грузию. Безусловно, в Грузии присутствуют порой антироссийские настроения, связанные с тем, что Россия признала в 2008 г. независимость Абхазии и Южной Осетии. Вместе с тем, с 2012-го по 2017 год грузинский экспорт в Россию увеличился на 900%. В 2018 году товарооборот между странами составил $1,35 млрд., это на четверть выше показателя предыдущего года. **Сегодня Россия – второй торговый партнер Грузии после Турции.** В Грузии работают сотни российских компаний. Россия – главный импортер грузинского вина: в 2018 году из Грузии привезли около 54 миллионов бутылок. Это 2/3 всего вина, которое производится в Грузии.

Через Грузию идет транзит российского газа в Армению. Долгое время Тбилиси получал в качестве платы за транзит 10% всего топлива. В 2016 году отношения монетизировали. И уже в этом году Грузии удалось договориться о повышении стоимости транзита. Кроме того, министр экономики Грузии Георгий Кобулия заявил, что стране не хватает газа и объявил о возможном импорте из России. Но оппозиция опасается, что это приведет к усилению влияния России.

Еще одна важная тема для российско-грузинских отношений – Евразийский экономический союз. Это один из интеграционных проектов Москвы на постсоветском пространстве. Среди целей – согласование единой политики в отраслях экономики. Сейчас в него входят пять стран: Россия, Кыргызстан, Казахстан, Беларусь и Армения. Участие же в нем Грузии обсуждается. Однако очевидно, что без интеграции позиции России и Турции по Грузии этого не произойдет.

В ходе ведения переговоров в формате Турция-Россия-Грузия становится открытым вопрос организации новых путей сообщений этих стран, в частности, железной дороги через Абхазию. Для России актуальность реального использования торговых коридоров через Южную Осетию и Абхазию возросла в связи с недавними событиями в Армении. Армения, как пишут аналитики, «по причине своей оторванности от РФ, постепенно дрейфует в сторону Запада». Это вынуждает РФ перейти к более действенным мерам по восстановлению сообщения со своим союзником в Закавказье и усилением здесь своего экономического влияния. И, конечно, ни США, ни Евросоюз не заинтересованы в уси-

[1] https://az.sputniknews.ru/news/20190304/419662578/turkmenistan-szhizhennyj-gaz-azerbaijan.html

лении влияния России на политику Армении в частности и на всё Закавказье в целом. Поэтому ни США, ни Евросоюз не будут подталкивать Грузию к открытию транзита через Южную Осетию и Абхазию[1].

Таким образом, для России на современном этапе важными задачами в Закавказье является восстановление торгового коридора из России в Армению и из России в Азербайджан. В первом случае это возможно только при принятии отдельного политического решения во взаимоотношениях с Грузией. Восстановление транспортных коммуникаций и увеличение поставок энергии в регион – ключевая внешнеполитическая задача Москвы.

[1] https://eadaily.com/ru/news/2019/02/22/tranzit-gruziya-rossiya-cherez-yuzhnuyu-osetiyu-varianty-mozhno-nayti

Стародубцева Е.Б.
д.э.н., профессор, профессор Департамента мировой экономики и мировых финансов Финансового университета

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЕС И ЕАЭС: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: *ЕС, ЕАЭС, внешняя торговля, интеграция, Большая Евразия, зона свободной торговли.*

ЕС и ЕАЭС – два крупнейших интеграционных объединения, находящихся на одной ступени развития – экономический союз. В ЕС – 28 государств, в ЕАЭС пока только 5. ЕС объединяет европейские страны, ЕАЭС в основном азиатские, поэтому в условиях растущего значения Азии в современной экономике, а ЕАЭС является соседом ведущих стран, таких как Япония, Китай, ЕС нуждается в развитии взаимных отношений между данными странами. В свою очередь и ЕАЭС стремится к этому – это серьезный рынок для экспортируемой продукции, а как показывает статистика, пока страны ЕАЭС, особенно Россия опираются больше на дальнее зарубежье, нежели на внутриинтеграционную торговлю, и возможности для импорта высокотехнологичной продукции, прежде всего обрабатывающей промышленности. В этой связи рассмотрение и анализ взаимоотношений между ЕС и ЕАЭС, что является целью исследования, является актуальным и перспективным. Кроме того, еще в 2014 году был предложен проект Большая Евразия, который предполагает развитие отношений в рамках Европы и Азии, и в этом плане достаточно интересен вопрос развития взаимоотношений ЕС и ЕАЭС через призму так называемой Большой Евразии, и главной его части – ЕС, ЕАЭС и Китая. И еще один момент, который делает данную тему актуальной, это осложнение отношений ЕС с ведущим торговым и инвестиционным партнером – США, что также приводит к необходимости поиска новых торговых партнеров в Азии и прежде всего в ЕАЭС.

Данная тема волнует обе стороны, как представителей ЕС, так и ЕАЭС. Так, выступая 22 апреля 2016 года в Астане на сессии «Будущее Европейского союза. Куда уходит конкурентоспособность Европы?» Тимур Сулейменов[1] отметил чрезвычайную важность *для Евразийского экономического союза тесного сотрудничества с Европейским союзом, поскольку ЕС является крупнейшим торговым партнером стран ЕАЭС. При этом он назвал сферы сотрудничества, которые полезны сторонам. Среди них были названы сфера технического регулирования, унификация санитарных и фитосанитарных мер, обмен опытом в сфере гармонизации финансовой политики»*[2]. По мнению В. Никишиной, качественная реализация концепции Большой Евразии невозможна без открытого и прагматичного диалога всех сторон, прежде всего ЕС и ЕАЭС. С этой целью летом 2019 года начался диалог Евразийской экономической комиссии с Европейской комиссией по техническим вопросам регулирования, представляющим интерес для бизнеса[3]. Президент и директор Wilo Group Оливер Гермес считает, что Европейскому союзу для возвращения своей геополитической значимости важно наладить формальный диалог с ЕАЭС, в ЕС не хватает государственной стратегии, а она очень важна для разработки других стратегий: цифровизации, повышения конкурентоспособности и т.д. Основным фактором роста экономической активности является промышленный сектор,

Нормативной и институциональной базы взаимодействия с Европейским союзом (ЕС) у ЕАЭС еще не существует, но в рамках обсуждения данный вопрос находит свое отражение. В частности, в решении Совета ЕЭК № 70 «Об Основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2018 год» отмечалось, что выстраивание международной деятельности на европейском направлении будет осуществляться с учетом интереса к сотрудничеству с Союзом со стороны правительств, бизнес-сообществ, экспертных кругов, а также их инициатив по организации мероприятий, посвященных взаимодействию Союза и Европейского союза, и будет направлено на содействие развитию взаимной торговли и либерализацию внешнеэкономической деятельности хозяйствующих субъектов государств-членов, создание диалоговых механизмов для урегулирования возникающих вопросов в ходе такой деятельности, а также установление контактов с представителями официальных кругов и институализацию сотрудничества с правительствами государств европейского региона[4]. В памятной записке «Евразийский экономический союз – Европейский союз: контуры сотрудничества» от 17 сентября 2015 года, указывается, что в рамках продвижения инициативы «интеграции интеграций» будет продолжена целенаправленная работа по установлению прямых контактов Евразийской экономической Комиссии с Европейской комиссией[5].

С 2014 года Международным институтом прикладного системного анализа и Евразийским банком развития (ЕАБР) в лице Центра интеграционных исследований в сотрудничестве с Евразийской экономической комиссией реа-

[1] Член Коллегии (Министр) по экономике и финансовой политике Евразийской экономической комиссии.
[2] http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/25_04_2016_1.aspx
[3] http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/13-09-2019-3.aspx
[4] http://adilet.zan.kz/rus/docs/H18B0000015
[5] http://adilet.zan.kz/rus/docs/H18B0000015

лизуется Долгосрочный международный исследовательский проект «Вызовы и возможности экономической интеграции в рамках европейского и евразийского пространств», благодаря чему создана независимая площадка регулярного диалога Еврокомиссии и ЕЭК, а также экспертного и бизнес-сообщества стран ЕС и ЕАЭС. В 2017 году начался второй этап проекта с учетом отношений с Китаем, с целью формирования повестки и аналитической базы для будущих переговоров ЕС и ЕАЭС по возможному торгово-экономическому соглашению или пакету соглашений.

Вопросы взаимоотношений ЕС и ЕАЭС рассматриваются не только на официальном уровне, проблеме торговли между странами посвящены работы отечественных и зарубежных экономистов, в частности,

Направления сотрудничества ЕС и ЕАЭС

Сотрудничество между данными интеграционными объединениями осуществляется в настоящий момент по многим каналам. Преимущественно это внешняя торговля, инвестиции, сотрудничество в области энергетики, транспорта, цифровизации, о которых пойдет речь данной статье.

Внешняя торговля ЕС и ЕАЭС, несмотря на определенные трудности, связанные как с экономическими, так и геополитическими факторами поступательно развивается. Достаточно сказать, что за небольшой период существования ЕАЭС с 2015 года по настоящее время торговля выросла на 24% с 283,4 млрд. долл. до 352,3 млрд. долл. (табл. 1) Для ЕС ЕАЭС является третьим торговым партнером по внешнеторговому обороту.

Таблица 1

Внешняя торговля ЕАЭС и ЕС (млрд. долл.)

Год	Внешнеторговый оборот	Экспорт	Импорт	Доля в общем товарообороте
2010	359,8	249,4	110,3	52,4
2011	467,9	324,6	143,4	51,58
2012	492,4	340,9	151,5	52,69
2013	493,8	340	153,8	52,93
2014	453,3	314,9	138,4	51,93
2015	283,4	199,1	84,0	48,86
2016	237,6	155,6	82,0	46,65
2017	299,1	192,7	100,5	46,23
2018	352,3	247,8	104,5	46,75

Как видно из табл. 1, для ЕАЭС ЕС является одним из основных импортеров, на которого в 2018 году приходилось 49,6% совокупного экспорта товаров[1]. ЕС в свою очередь является одним из важнейших экспортеров для ЕАЭС, на который приходится 40,6% всего импорта ЕАЭС. Ведущими импортерами среди стран Европейского союза выступают Нидерланды (11,9% всего импорта ЕС), Германия (6,5%), Италия (5,1%), Великобритания (2,9%) На страны Европейского союза приходится 37,1% импорта ЕАЭС или 46,8 млрд. долл. США. Основными экспортерами из Европейского союза в ЕАЭС выступают Германия (10,2% всего экспорта ЕС), Италия (4,7%) и Франция (3,3%).

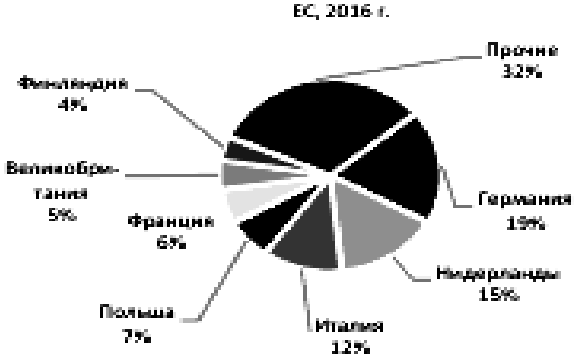


Рисунок 1.
Доля стран во внешнеторговом обороте ЕАЭС

Однако анализируя торговлю ЕС и ЕАЭС, становится очевидным, что во внешнеторговых отношениях преобладают двусторонние соглашения, а не многосторонние.

Говоря о товарной структуре товарооборота между данными объединениями, стоит отметить традиционную сырьевую направленность экспорта ЕАЭС и продукцию обрабатывающей промышленности из ЕС. Постоянно возрастает доля среднетехнологичных и высокотехнологичных товаров из ЕС (рис. 2)

Если посмотреть на индекс интенсивности двусторонних торговых потоков К. Андерсона и Х. Нордхейма, то можно увидеть, что ЕС остается лидером среди торговых партнеров для ЕАЭС – в 2010 году данный индекс был равен 2,09, а в 2017 – 1,8. При этом растет и внутриотраслевая торговля, что характеризуется индексом внутриотраслевой торговли Г. Грубеля и П. Ллойда (с 0,05 до 0,9 соответственно). Однако такое небольшое увеличение индекса говорит

[1] http://eec.eaeunion.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/2019/Analytics_E_201906.pdf

о том, что еще не в полной мере преодолены те трудности, которые возникли у экспортеров и импортеров в связи с объявленными в 2014 году и продолжающимися до сих пор санкциями со стороны ЕС.

Рисунок 2.
Структура экспорта по степени технологоемкости промышленных товаров[1]

Процедура импортозамещения, проводимая в РФ в настоящее время, сокращает возможности импорта сельскохозяйственной продукции в первую очередь из ЕС, что непосредственно сказывается на объеме совокупной торговли ЕАЭС. Кроме того, контрсанкции, которые установила РФ, повлияли и на экспорт ряда продуктов из Германии. Это коснулось обеих сторон, так как возросла внутриинтеграционная торговля в рамках РФ с другими странами, прежде всего с Республикой Беларусь и Казахстаном, а вот достойного партнера ЕС не нашел. В настоящее время многие стараются оценить потери от санкций и контрсанкций, которые оказываются достаточно велики и для ЕС, и для ЕАЭС, что приводит к пониманию того, что не всегда политические решения идут во благо экономки, что может серьезно нарушить социально-экономический баланс в обществе. Тем не менее европейский рынок – наш самый большой партнер, но он является третьим партнером по количеству барьеров, которые выстроены для отечественной продукции[2]. Поэтому именно снижение барьеров и упрощение процедуры внешнеторговой деятельности могли бы способствовать дальнейшему развитию торговли. Сегодня, как и страны ЕС, все члены ЕАЭС, кроме Беларуси, являются членами ВТО и принимают участие в Соглашении об упрощении процедур торговли (TFA). По показателям упрощения процедур торговли ВТО/ОЭСР многим из членов ЕАЭС предстоит еще очень многое сделать для имплементации Соглашения, что может являться хорошим пространством для сотрудничества с европейскими партнерами. В частности, необходимо улучшение отдельных процедур торговли, совместимости технических нормативов и стандартов по промышленной и сельскохозяйственной продукции, а также гармонизации национальных, региональных и международных стандартов[3].

Долгосрочной целью взаимодействия ЕАЭС и ЕС, которую предложил в 2014 году В.В. Путин, является создание единого экономического пространства от Атлантического до Тихого океана в виде зоны свободной торговли. Если говорить о ЕС, то, как уже было сказано, заключение зоны свободной торговли с ЕАЭС очень выгодно, т.к. ЕС сможет получить достаточно емкий рынок сбыта своей продукции. Для ЕАЭС не все так однозначно. С одной стороны, такое соглашение выгодно, так как либерализация торговли может дать дополнительный стимул для развития экономики, откроется дополнительный рынок для товаров несырьевого экспорта стран ЕАЭС, но это может произойти в будущем, а в ближайшем будущем особых положительных эффектов нет, так как сырьевой экспорт в ЕС и так облагается нулевыми и минимальными пошлинами. С другой стороны, это может привести к замедлению эффекта от импортозамещения. В 2014 году А. Кнобелем и Б. Чокаевым были представлены расчеты эффекта от создания ЗСТ, которые показали, что кумулятивный прирост российского ВВП в краткосрочной перспективе составит 0,8% и в долгосрочной – до 2%, казахстанского ВВП – 0,6 и 1,2% соответственно. А вот влияние ЗСТ на экономику Беларуси приведет в краткосрочной перспективе к снижению ВВП на 0,6%, в долгосрочной же перспективе останется неизменным. Вместе с тем стоит отметить, что подписание соглашения о ЗСТ означает не только ослабление тарифных, но и нетарифных ограничений, которые значительно серьезнее могут сказаться на развитии экономик как ЕС, так и ЕАЭС. В частности сокращение нетарифных барьеров только в ЕАЭС привело бы к увеличению ВВП Беларуси на 0,9–1,6%,

Однако после ухудшения отношений России со странами ЕС в 2014 г. и введения санкций и контрсанкций в феврале 2015 г. А. Меркель заявила, что она поддерживает возможное сотрудничество по Зоне свободной торговле, но это возможно только в долгосрочном периоде. По прогнозам, заключение соглашения о ЗСТ может произойти только в 2020-х гг.[4]

---

[1] Праневич А.А. Торгово-экономическое сотрудничество ЕАЭС с региональными и мегарегиональными интеграционными объединениями: тенденции, направления, выгоды и угрозы // Международная торговля и торговая политика. 2018. – № 1(13).

[2] https://www.ranepa.ru/sobytiya/novosti-vhky/na-gajdarovskom-forume-obsudili-puti-razvitiya-vzaimodejstviya-es-i-eaes

[3] https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/213923380

[4] https://tass.ru/info/3337239

В этом плане стоит отметить, что ЕС, как правило, устанавливает торговые отношения непосредственно с каждой страной на двусторонней основе. Это связано как с политическими, так и другими факторами, в частности, как указывается во многих источниках, недоверие к ЕАЭС, как прообразу СССР с одной стороны, а с другой стороны, так как еще не в полной мере создан единый рынок товаров – к кому обращаться и с кем заключать соглашения, в силу того, что ЕЭК этими полномочиями в полной мере не обладает. Рассмотрение возможностей создания такой зоны, например, с Арменией закончились успешно, были сняты наиболее важные торговые барьеры. В то же время с другими странами – это лишь серьезная долгосрочная перспектива. Слишком много проблем и противоречий между ними.

Еще одним серьезным направлением взаимоотношений ЕАЭС и ЕС является сотрудничество в области транспорта. В данном случае проблемы интеграции взаимоотношений ЕС и ЕАЭС стоит рассматривать через призму взаимоотношений так называемой большой Евразии или триумвирата – ЕС – ЕАЭС и Китай. Взаимоотношения между Китаем и ЕС только расширяются, но основная часть грузопотока ведется по территории ЕАЭС, и с этим должны считаться стороны в рамках налаживания соответствующих отношений. Примером этому может служить рост контейнерного грузопотока из Китая в ЕС за 2010–2017 годы с 5,6 тыс. TEU[1] до 164 тыс. TEU, и из ЕС в Китай с 1,3 тыс. TEU до более 98 тыс. TEU соответственно. Только за 2017 год взаимный объем контейнерных перевозок по территории ЕАЭС в 1,8 раза превысил показатель 2016 года[2]. Такому росту способствовало, во-первых, субсидирование китайскими властями экспортных железнодорожных перевозок, во-вторых, сокращение до минимума тарифа на транспортировку контейнеров по территории Китая, что привело к частичной замене морских грузоперевозок железнодорожными[3]. При благоприятном развитии в долгосрочной перспективе совокупный грузопоток может вырасти до 1,3 млн. TEU. При неблагоприятном сценарии рост трансъевразийского транзита может столкнуться с проблемами, среди которых стоит назвать недостаточно развитую транспортную сеть стран Восточной Европы, в частности Польши, пункты пропуска на польско-белорусской границе, требующие модернизации и развития основные евразийские транспортные коридоры, развитие общих рынков электроэнергии, необходимость решения вопросов нормативного регулирования, безопасности и капиталовложений[4].

Еще одним важнейшим направлением сотрудничества является энергетическое сотрудничество. Данный вид сотрудничества интересен обеим сторонам, если для ЕС – это вопрос стабильности и регулярности поставок, то для России и Казахстана это наличие стабильного спроса на продукцию, а для транзитных стран (прежде всего Беларуси) – вопрос постоянства доходов и поставок. При этом как ЕС, так и страны ЕАЭС заинтересованы в устойчивости энергосистемы и экологической безопасности. Подтверждением данного факта является разработанная ЕС Стратегия создания устойчивого энергетического союза, которая предполагает проведение дальнейшей диверсификации поставщиков и источников газоснабжения, а также рост энергоэффективности производства. В настоящее время доля ЕАЭС начинает снижаться в пользу новых поставщиков как природного газа (Катар, Египет, Алжир, Иран, Азербайджан), так и СПГ (Северная Африка, Ближний Восток), см. табл. 2. Тем не менее, в целом доля только российского Газпрома на рынке ЕС в 2018 году составила 36,7%, в то время как еще в 2010 году она составляла 233%, в 2014 году – 34%. Основными странами покупателями российского газа традиционно являются страны Восточной Европы, Германия, Австрия, Италия.

Таблица 2

Доля стран-производителей топливно-энергетического сырья в поставках в ЕС, %

	2001 г.	2003 г.	2005 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
ЕАЭС (ТС)	25,9	29,3	31,1	31,6	30,5	32,6	35	35,2	34	36,4	35,6
в том числе:											
Россия	24,4	27,2	27,8	28,3	27,1	29,3	31,3	31,0	29,8	32,0	30,6
Казахстан	1,5	2,1	3,3	3,3	3,4	3,3	3,7	4,3	4,1	4,4	5,0
Норвегия	15,6	16,6	14,8	13,6	12,3	12,6	11,7	11,1	10,2	9,9	10,7
Ливия	7,1	6,7	6,8	7,3	6,9	6,9	7,5	2,1	6	4,6	2,8
Нигерия	3,6	3,4	2,8	2,8	3,3	3,2	3,5	4,7	5,9	5,6	6,1
Алжир	7,1	6,7	5,6	4,4	4,4	5,7	5,3	5,5	5,8	6,3	6,4
Саудовская Аравия	6,8	6,8	6,9	4,5	4,1	3,2	3,3	4,9	5,5	5,0	5,5
США	1,4	1	1,2	1,2	2,2	2,6	2,6	3,5	3,6	3,8	3,7
Азербайджан	0,8	0,8	0,9	2,1	2,3	2,4	2,5	3	2,5	2,9	2,9
Ирак	н/д	1,0	1,3	2,0	2,0	2,1	1,9	2,0	2,3	2,1	2,6

Такая диверсификация непосредственно влияет на ЕАЭС, так как энергетические компании занимают одно из главных мест в экономике, обеспечивая высокие экспортные доходы. Это существенно может повлиять на экономику тех стран ЕАЭС, где данные компании играют значимую роль в экономике и приносят стране серьезные экспортные доходы. В этих условиях ЕАЭС также должен проводить реформирование своего энергетического рынка. В соответ-

[1] Эквивалент 20-футового контейнера.

[2] https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/transportnye-koridory-shelkovogo-puti-potentsial-rosta-gruzopotokov-cherez-eaes/

[3] https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/transportnye-koridory-shelkovogo-puti-potentsial-rosta-gruzopotokov-cherez-eaes/ЦентринтеграЦионныхисследованийдокладNo 492018Транспортные коридоры шелкового пути: потенциал роста грузопотоков через ЕАЭС

[4] https://eabr.org/upload/iblock/f28/edb_centre_2016_report_38_eu_eaeu_rus.pdf

ствии с решениями ЕЭК, которые опирались на опыт ЕС и нормативную базу ВТО, создание в ЕАЭС единого рынка электроэнергии должно завершиться в 2019 году, а работа по созданию единого рынка нефти и газа – к 2025 году. Это должно привести к повышению уровня совместимости европейского и евразийского энергетических союзов, а совместные долгосрочные вложения в инфраструктурные проекты, такие как строительство трубопроводов и совместная разведка энергетических ресурсов в Арктике, станут лучшей гарантией стабильности спроса и предложения.

Современным направлением сотрудничества ЕС и ЕАЭС является сотрудничество в цифровой области. В 2015 году в ЕС была принята «Стратегия единого цифрового рынка для Европы», направленная на создание благоприятных условий для развития цифровых услуг, облегчение доступа к Интернету, расширение потенциала цифровой экономики. В рамках данной стратегии в 2016 году была принята «Инициатива по цифровизации европейской промышленности», которая предусматривала внедрение цифровизации в различных сферах, начиная от нормативно-правового регулирования и заканчивая образованием. Реализация данной стратегии должна повысить эффективность экономики и обеспечить прирост ВВП в размере 415 млрд. евро в год[1].

В ЕАЭС в свою очередь были приняты «Основные направления реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года». В соответствии с ними в странах ЕАЭС предполагается цифровая трансформация отраслей экономики и рынков, внедрение современных технологий и инструментов управления интеграционными процессами, развитие цифровой инфраструктуры. Предполагается, что реализация данных направлений может увеличить ВВП ЕАЭС к 2025 году на 11%[2]

Развитие двух интеграционных объединений в области цифровизации не может быть обособленным. Примером тому может быть учрежденная на Петербургском международном экономическом форуме в 2017 году «Немецко-российская инициатива по цифровизации», направленная на поддержку российских компаний по реализации цифровых стратегий[3].

В рамках данных процессов продолжает развиваться и инвестиционное сотрудничество рассматриваемых объединений. Лидером в размещении прямых иностранных инвестиций в странах ЕС являются российские ТНК. В 2017 году объем накопленных российских ПИИ в ЕС составил 50.8 млрд. долл. Второй страной ЕАЭС после России по объемам экспорта капитала в страны Евразии является Казахстан. На начало 2016 года объем накопленных прямых инвестиций казахстанских ТНК в странах ЕС составил почти 5,5 млрд. долл. Осуществляют инвестиционные проекты и ТНК ЕС. Особо видны данные инвестиции в России. Среди прочего можно назвать такие проекты как строительство компанией Шнайдер Электрик второй очереди завода «ЭлектроМоноблок» в России, завода по производству фрезеровочных станков (группа НСХ), открытие линии по производству покрышек компании Nokian в Ленинградской области, строительство комбината по производству полиэфирного волокна для легкой промышленности в Иваново (Thyssen Krupp, Uhde Inventa-Fischer, Oerlikon Neumag и Unistav Construction)[4]. И таких примеров с каждым годом становится все больше.

Таким образом, взаимодействие ЕС и ЕАЭС развивается, несмотря на трудности и проблемы, которые существуют. Решение проблем, связанных с расширением торговли, а именно вопросов унификации торговых режимов, решение проблем с тарифными и нетарифными ограничениями, позволит увеличить объемы взаимной торговли между данными интеграционными объединениями. Развитие транспортной инфраструктуры, особенно в рамках триумвирата ЕС – ЕАЭС – Китай не только расширит возможности развития транспорта и перевозок, но и увеличит транзитные возможности, и в свою очередь торговые возможности ЕАЭС в двух регионах.

Кроме этого есть еще ряд областей, где взаимодействие ЕС и ЕАЭС непосредственно реализуется между странами посредством двухсторонних и многосторонних соглашений, в частности это касается вопросов образования (признание дипломов и сертификатов, образовательные программы, обмен студентами, гранты и т.д.), миграционные потоки (безвизовый режим, режим сотрудничества в приграничных территориях и т.д.). В долгосрочной перспективе предполагается применение Третьего энергетического пакета ЕС к проектам российского газового экспорта. Представляется, что соглашение об углублении экономического сотрудничества и интеграции между ЕС и ЕАЭС может стать реальностью уже к середине 2020-х годов. Нельзя забывать и о влиянии на взаимоотношения геополитических факторов, которые могут внести свои коррективы в данные предположения. Тем не менее, для решения указанных направлений и проблем необходимо наличие постоянного диалога и проектного взаимодействия между ЕС и ЕАЭС с участием органов власти, бизнеса и академического сообщества, использовать те площадки, который бизнес де факто создал за прошедшие годы.

[1] https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/213923380

[2] https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/213923380

[3] http://eurasian-studies.org/archives/10029

[4] http://eurasian-studies.org/archives/10029

Стеценко И.П.[1]

АНАЛИЗ ЭКСПОРТНО-ИМПОРТНЫХ ОПЕРАЦИЙ СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И СТРАН БАЛТИИ

Ключевые слова: *Юго-восточная Азия, страны Балтии, экспортно-импортные операции.*

1. Экономическая характеристика стран Балтии

Современные теории торговли[2] показывают, что наибольший эффект в торговле достигается между теми странами, которые находятся в территориальной близости и имеют общую культуру. Кроме того, приоритет в торговле имеют страны с большей территорией (эффект масштаба) или численностью населения.

Таблица 1

Экономические показатели стран Балтии[3]

Показатели	Эстония	Латвия	Литва
Количество жителей, млн. чел., 2018 г.	1,32	1,93	2,81
Плотность населения, чел/км², 2018 г.	28	29,95	43
ВВП на душу населения, USD, 2018 г.	18 977,39	15 553,33	16 793,25

2. Анализ экспортно-импортных операций стран Балтии и стран Азиатского региона

Рассматривая экспортно-импортные операции стран Балтии, следует отметить, что основной объем торговых операций этих стран относится к странам ЕС, он составляет 70–80%.

Вместе с тем, в последние годы немаловажную роль в торговых отношениях Эстонии, Латвии и Литвы начинают играть страны Азии – Япония, КНР, Тайвань, Гонконг, Сингапур и Южная Корея. Отметим, что доля других стран Юго-восточной Азии – таких как Малайзия, Индонезия, Вьетнам в торговых операциях со странами Балтии незначительна, поэтому в проводимый автором анализ эти страны не включены.

Проведем анализ уровня экспортно-импортных операций стран лидеров Юго-восточной Азии со странами Балтии. В анализ включены также Япония и КНР, которые в последние десятилетия удерживают первенство в международной торговле.

Данные о торговых отношениях между странами Балтии и лидерами торговли в странах Азиатского региона приведены в табл. 2.

Таблица 2

Экспортно-импортные операции стран Азии со странами Балтии, в USD[4]

Страна	Эстония		Латвия		Литва	
	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт
Китай	1,47 В	248,47 М	439,89 М	42,63М	929,4 М	203,01 М
Гонконг	6,77 М	26,16 М	15,82 М	29,9 М	18,55 М	38,44 М
Япония	258,38 М	79,65 М	22,3 М	50,5	43,73 М	133,73 М
Южная Корея	-	73,88 М	25,71 М	61,8	204,68 М	93,53 М
Сингапур	10,99 М	60,04 М	10,76 М	16,8	2,06 М	216,00 М
Тайвань	нд	нд	83,47 М	5,2	нд	Нд

В – миллиард, М – миллион, нд – нет данных.

---

[1] Стеценко Инна Петровна – д.э.н., профессор, директор докторской программы «Региональная экономика и экономическая политика», Балтийская международная академия, Рига. E-mail: Inna.stecenko@bsa.edu.lv

[2] Ср.: Linder S.B. Trade and Trade Policy for Developmen. – N.Y., 1976; Krugman P. Where in the World is the 'New Economic Geography'? // The Oxford Handbook of Economic Geography / Ed. by Clark G.L., Gertler M.S., Feldman M.P. – N.Y.: Oxford University Press, 2000. – P. 49–59.

[3] Составлено автором на основе источников: Latvijas Centrālās statistikas pārvalde. – www.csb.gov.lv/lv/statistika; The Lithuanian Department of Statistics (Statistics Lithuania). – https://www.stat.gov.lt/en*; Statistics Estonia.* – https://www.stat.ee/en

[4] Составлено автором по данным за 2017 г. на основе источников: Latvijas Centrālās statistikas pārvalde. – www.csb.gov. lv/lv/ statistika; The Lithuanian Department of Statistics (Statistics Lithuania). – https://www.stat.gov.lt/en*;* Statistics Estonia. – https:// www.stat.ee/en

Итак, как видим из представленных в таблице данных, в общем объеме импортных операций, импорт исследуемых стран составил в 2017 году – в Эстонии 3%, в Латвии и Литве доля стран «азиатских тигров» составила 4% (рис. 1).

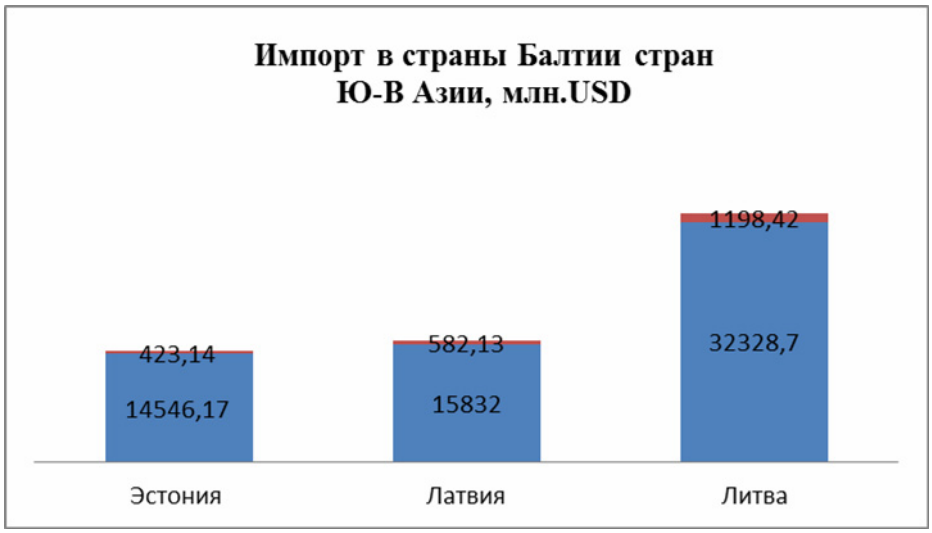


Рисунок 1.
Доля импорта КНР, Гонконга, Тайваня, Сингапура, Южной Кореи, Японии в общем объеме импорта стран Балтии в 2017 году, рассчитано автором

Объем экспорта Эстонии в 2017 году в исследуемые страны Юго-восточной Азии составил 3,4% от общего объема экспортных операций, в Латвии данный показатель составлял 2,1%, а в Литве экспорт в регион Юго-восточной Азии составил 2,5%, что уступает объему импорта из стран Юго-восточной Азии (рис. 2).

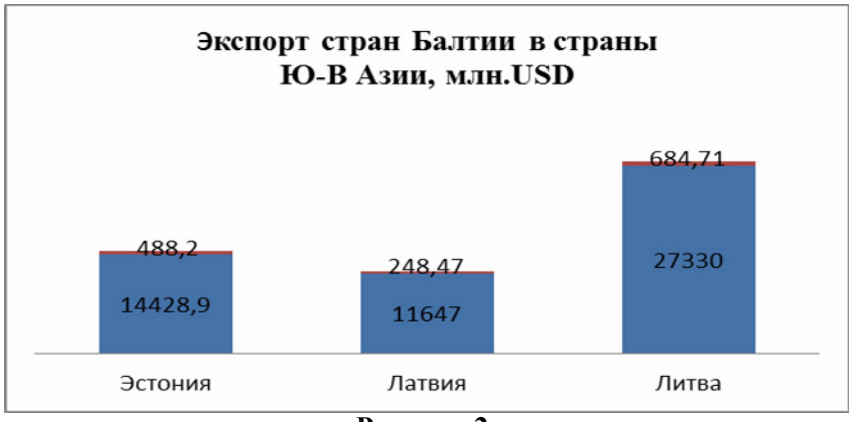


Рисунок 2.
Доля экспорта в КНР, Гонконг, Тайвань, Сингапур, Южную Корею, Японию в общем объеме экспорта стран Балтии в 2017 году, рассчитано автором

Данные табл. 2 свидетельствуют, что КНР является лидером в импортных операциях стран Балтии. Япония активно сотрудничает с Эстонией – где доля импорта в 2017 году максимальная из стран Балтии – 253,38 млн. долл., на третьем месте Сингапур – 10,99 млн. долл. (рис. 3). В Латвии второе место по объему импорта принадлежит Тайваню, третье место Южной Корее – 25,71 млн. долл., а в Литве – Южная Корея на втором месте – 204,68 млн. долл., третье место по объему импортных операций принадлежит Японии – 43,73 млн. долл. (рис. 5)

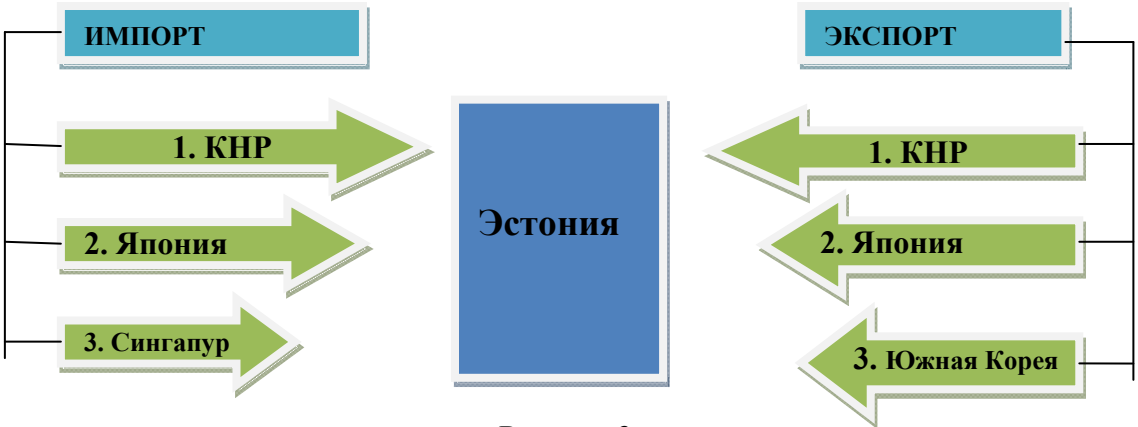


Рисунок 3.
Экспортно-импортные операции стран Юго-восточной Азии и Эстонии, составлен автором

Интересно, на наш взгляд, проследить – как распределяется рейтинг стран Юго-восточной Азии – в экспортных операциях стран Балтии. Так, в Эстонии в экспортных операциях в 2017 году ведущая роль принадлежит КНР, на втором месте по объему экспорта из анализируемых стран принадлежит Японии – 79,65 млн. долл. и третье место – Южной Корее с объемом сделок – 73,88 млн. долл. (рис. 3).

Следует отметить, что доля импорта стран Юго-восточной Азии в Эстонию составляет 3%, а доля экспорта 3,4% в 2017 году, таким образом, торговое сальдо положительное.

В Латвии в 2017 г. первое место по объему экспортных операций занимала Южная Корея – 61,8 млн. долл., второе место – Япония (50,5 млн. долл.) и только третье место КНР – 42,63 млн. долл. (рис. 4).

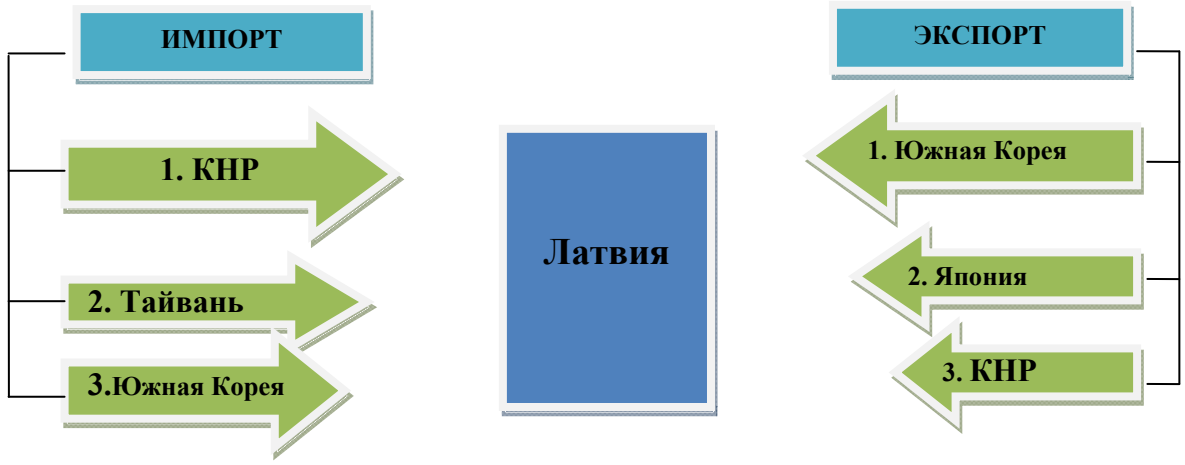


Рисунок 4.
Экспортно-импортные операции стран Юго-восточной Азии и Латвии, составлен автором

В Латвии отмечается отрицательное торговое сальдо с исследуемыми странами Юго-восточной Азии: импорт составляет 4,0%, а объем экспортных операций почти в два раза меньше – 2,1% в 2017 году.

В экспорте Литвы первое место принадлежит Сингапуру – 216 млн. долл., второе место КНР – 203.01 млн. долл. и третье место занимает Япония – 133,73 млн. долл. (рис. 5).

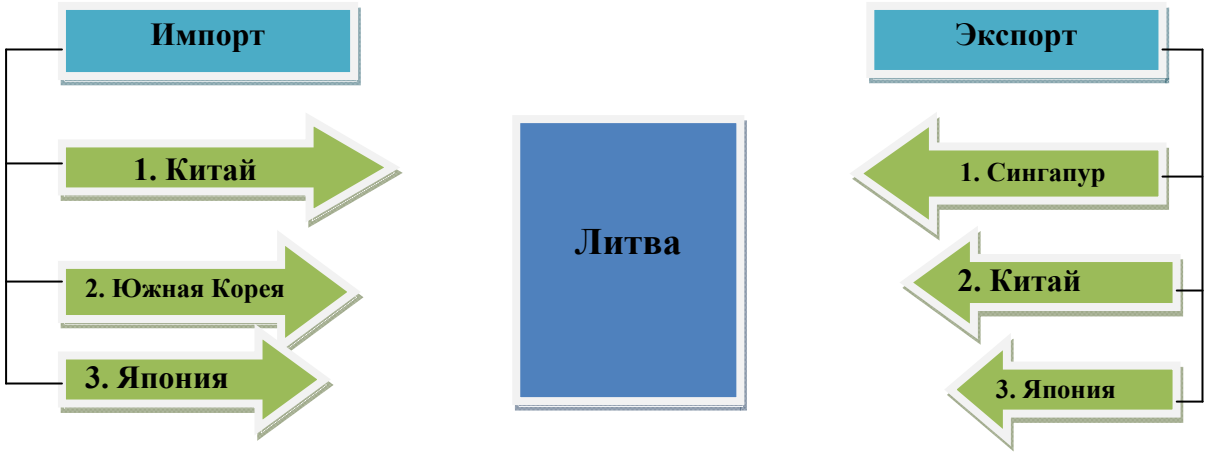


Рисунок 5.
Экспортно-импортные операции стран Юго-восточной Азии и Литвы, составлен автором

Торговое сальдо Литвы также отрицательное: при объеме импорта из стран Юго-восточной Азии в 4% от общего объема импортных операций, экспорт исследуемых государств составляет только 2,5%.

Итак, проведенное исследование показывает, что страны Юго-восточной Азии, в том числе и КНР активно участвуют в торговых сделках со странами Балтии и продолжают активно завоевывать рынки: лидерами являются КНР, Япония, Южная Корея.

Ткаченко И.Ю.
к.филос.н., профессор кафедры мировой и национальной экономики, Всероссийская академия внешней торговли

РОССИЯ И ШОС: ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Ключевые слова: *Шанхайская организация сотрудничества, национальные проекты, интеграция, кооперация, сотрудничество, цифровизация, моногорода, технологическое взаимодействие, инфраструктурные проекты.*
Keywords*: The Shanghai Cooperation Organization, national projects, integration, cooperation, digitalization, single-industry towns, technological cooperation, infrastructure projects.*

В настоящее время в России сформулированы 9 национальных целей развития и разработаны 12 национальных проектов, которые определяют вектор развития страны в среднесрочной перспективе. Национальными целями являются:

а) обеспечение устойчивого естественного роста численности населения Российской Федерации;

б) повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет (к 2030 году – до 80 лет);

в) обеспечение устойчивого роста реальных доходов граждан, а также роста уровня пенсионного обеспечения выше уровня инфляции;

г) снижение в два раза уровня бедности в Российской Федерации;

д) улучшение жилищных условий не менее 5 млн. семей ежегодно;

е) ускорение технологического развития Российской Федерации, увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации, до 50% от их общего числа;

ж) обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере;

з) вхождение Российской Федерации в число пяти крупнейших экономик мира, обеспечение темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности, в том числе инфляции на уровне, не превышающем 4%;

и) создание в базовых отраслях экономики, прежде всего в обрабатывающей промышленности и агропромышленном комплексе, высокопроизводительного экспортно-ориентированного сектора, развивающегося на основе современных технологий и обеспеченного высококвалифицированными кадрами[1].

Национальные цели развития обозначают проблемные стороны жизнедеятельности российского общества, к числу которых следует отнести:

- старение и естественную убыль населения;
- высокий уровень бедности и дальнейшее снижение уровня реальных доходов граждан;
- незначительные темпы экономического роста и низкую производительность труда;
- низкую инвестиционную привлекательность страны как со стороны внутренних, так и внешних инвесторов;
- зависимость национальной экономики от колебания цен на газ и нефть;
- недостаточный уровень развития инфраструктуры.

Преодоление или смягчение этих проблем будет означать новое качество жизни граждан Российской Федерации.

Достижение национальных целей развития должно быть реализовано через 12 национальных проектов, к числу которых относятся:

- Здравоохранение;
- Образование;
- Демография;
- Культура;
- Безопасные и качественные дороги;
- Жилье и городская среда;
- Экология;
- Наука;
- Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы;
- Цифровая экономика;
- Производительность труда и поддержка занятости;
- Международная кооперация и экспорт;

[1] Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». – http://kremlin.ru/events/president/news/57425

• Комплексная модернизация и расширение магистральной инфраструктуры[1].

Финансирование национальных проектов на общую сумму в 25,7 трлн. рублей (около 390 млрд. долл. США или 2,8–3,2% ВВП в год) рассчитано на период 2019–2024 годов. Национальные проекты разделены на 3 блока: «Человеческий капитал» (5,7 трлн. рублей или 86,2 млрд. долл. США), «Комфортная среда для жизни» (9,9 трлн. рублей или 149,9 млрд. долл. США) и «Экономический рост» (10,1 трлн. рублей или 152,8 млрд. долл. США)[2].

Национальные проекты нацелены на решение ключевых проблем экономики России, а особенностью достижений национальных целей является их межпрограммный характер и комплексная реализация национальных стратегий, т.к. любая из целей может быть достигнута в результате осуществления нескольких национальных проектов. Так, например, обеспечение устойчивого роста реальных доходов граждан, а также роста уровня пенсионного обеспечения выше уровня инфляции и снижение в два раза уровня бедности могут быть достигнуты в результате реализации программ Здравоохранение, Образование, Демография, Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы, Цифровая экономика, Производительность труда и поддержка занятости.

Сотрудничество в рамках национальных проектов со странами ШОС может стать предпосылкой экономической повестки ШОС в интересах развития российской экономики, поскольку многие задачи, решаемые российскими национальными проектами, актуальны и для стран ШОС.

С точки зрения России, кооперация с любыми странами, не поддерживающими политику ее санкционной изоляции, становится первоочередной задачей выстраивания внешнеэкономических связей нашей страны в настоящее время. Это тем более касается тех стран, с которыми у России имеется опыт давнего многостороннего сотрудничества в рамках одной страны, а также с теми, которые являются давними торговыми партнерами.

С точки зрения национальных интересов, к приоритетным отраслям сотрудничества России со странами ШОС относятся те отрасли, которые, с одной стороны, позволяют России реализовать конкурентные преимущества технологической и индустриальной державы: горнодобывающая и металлургическая промышленность, военно-технический комплекс, энергетическая промышленность. С другой стороны, – это те сферы экономики, в которых Россия испытывает потребность в импортозамещении и падение которых отрицательно сказывается на уровне жизни населения: агропромышленный комплекс, обрабатывающая промышленность, транспорт, жилищное строительство, торговля, развитие инфраструктуры.

Бесспорно, фактором, объективно способствующим укреплению сотрудничества России и ШОС, с точки зрения интересов России, является международное разделение труда, сложившееся в советский период, когда Россия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан были в составе одного экономического пространства с соответствующим размещением производительных сил, которое в некоторой степени не разрушено и в настоящее время.

С точки зрения интересов России, сотрудничество в рамках ШОС может развиваться по следующим направлениям:

1. Совместные проекты в АПК. Такие проекты могут касаться инвестиционных проектов по рынкам конкретных сельскохозяйственных товаров. Важную роль могут играть китайские проекты по выращиванию овощей на территории России. В свою очередь, Россия наращивает поставки зерна в Китай. Подписание протоколов между РФ и КНР о фитосанитарных требованиях к поставляемому из России зерну (пшенице, кукурузе, рису, сое, рапсу) в декабре 2015 года формализовало начало поставок сельхозпродукции из РФ в Китай. По итогам 2018 года поставки российского зерна в КНР составили 1,5 млн т и стали рекордными за последние годы[3]. Также положительная динамика наблюдается в росте 42% до 2,5 млрд. долл. США экспорта продовольствия в КНР. Поставки готовой сельскохозяйственной продукции и сельхозсырья могут возрасти до 3–4 млрд. долл. США в ближайшие 3–5 лет[4]. Китай и Казахстан признаны странами с растущим весом экспортных поставок российской пшеницы твердых сортов. Так, в 2018 году рост экспорта Казахстана составил + 80,2%[5].

2. Крайне актуальны для сотрудничества России в ШОС инфраструктурные проекты для агропромышленного комплекса, которые касаются создания складов и терминалов для последующей отгрузки в страны ШОС, например, в КНР, для которой дефицит пресной воды в сельхозцелях является предпосылкой налаживания импорта водоемкой продукции. Кроме того, Россия заинтересована в строительстве на своей территории производств по переработке сельскохозяйственной продукции и создании аграрной продукции с высокой степенью готовности и, соответственно, с высокой долей добавленной стоимости. Так, например, в настоящее время в двусторонней торговле России и КНР отмечается положительная динамика, особенно в части продукции животноводства и рыбы, однако ее последующая переработка происходит на территории КНР. Следует отметить, что данное явление касается сопредельных территорий, но не распространяется на всю территорию КНР и является скорее результатом точечного взаимодействия представителей бизнеса близлежащих российских территорий и носит нерегулярный характер. Например, в аэропорту го-

[1] Национальные проекты: целевые показатели и основные результаты. – http://static.government.ru/media/files/p7nn2CS0pVhvQ98OOwAt2dzCIAietQih.pdf

[2] Там же.

[3] Итоги года: вектор развития. – https://www.exportcenter.ru/press_center/news/itogi-goda-vektor-razvitiya/

[4] Ганенко И. Экспорт сельхозпродукции в Китай может достигнуть $4 млрд. – https://www.agroinvestor.ru/markets/news/31682-eksport-selkhozproduktsii-v-kitay-mozhet-dostignut-4-mlrd/

[5] 1001190000 – ПРОЧАЯ, ПШЕНИЦА ТВЕРДАЯ Справка по экспорту товара за: 2018 год. – https://www.exportcenter.ru/upload/iblock/2f7/%D0%A2%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%BA%D0%BE%D0%B4%D1%83%201001190000,%20%D0%94%D0%B5%D0%BA%D0%B0%D0%B1%D1%80%D1%8C%202018.pdf

рода Чанчунь, столицы северо-восточной провинции КНР Гилинь, представлен ассортимент конфет российского производства, чего нельзя наблюдать ни в других городах провинции, ни в аэропорту Пекина. В интересах России было бы налаживание экспортных поставок готового продовольствия, для чего требуется создание инфраструктурной сети на сопредельных территориях России, Казахстана или в рамках ЕАЭС, где было бы возможно создание готовых продуктов питания и их последующий экспорт в КНР и другие страны как продукции с высокой добавленной стоимостью. Так, вполне жизнеспособным может стать проект строительства на юге Челябинской области мультимодального транспортно-логистического комплекса, включающего в себя соответствующую железнодорожную и автомобильную инфраструктуру, строительство мощностей для хранения и перевалки грузов в интересах стран ШОС.

3. В рамках ЕАЭС, членами которого из стран ШОС в настоящее время являются Россия и Казахстан, происходит создание единого рынка сельхозтоваров и сформирована инфраструктура биржевой торговли ими[1]. Представляется перспективным создать единую биржу сельхозтоваров ШОС, торговля на которой может осуществляться в национальных валютах. Для этого требуется унифицировать стандарты в области сельхозпродукции, создать единую систему сертификации и определения качества торгуемых товаров.

4. Инвестиционная кооперация в инфраструктурных проектах. Если для стран ШОС актуальны взаимные инвестиции в инфраструктурные проекты, включенные как составляющие части маршрута нового Шелкового пути[2], то для России сотрудничество на этом треке интересно как стыковка национального проекта Северного морского пути и Морского шелкового пути. Такая стыковка, а не сопряжение, в принципе позволит создать глобальный и конкурентный маршрут, связывающий Северо-Восточную, Восточную и Юго-Восточную Азию с Европой[3]

5. Россией развивается трансконтинентальный проект международного транспортного маршрута (МТМ) «Европа – Западный Китай». Данный проект обеспечивает дальнейшее развитие ЕАЭС, поскольку создает оптимальные логистические схемы грузоперевозок между КНР, Казахстаном и Центральной Азией в целом, Россией и Западной Европой[4]. Россия может инициировать присоединение к этому проекту заинтересованных стран ШОС.

6. Во всех странах ШОС идет цифровизация национальных экономик. В контексте ШОС было бы рационально создать центр по обмену наилучшими практиками цифровизации и предложить совместные проекты в актуальных для всех стран ШОС областях. В частности, к числу таких проектов можно отнести проекты «Умных городов» в депрессивных регионах стран и в моногородах. Россия в качестве пилотного проекта создания «умного города» может предложить Челябинск, Сатку и Снежинск, которые включены в российский пилотный проект «Умный город»[5].

7. Проблемы обеспечения кибербезопасности одинаково актуальны для всех стран ШОС в процессе цифровизации национальных экономик. Используя накопленный опыт цифровизации, ШОС могла бы инициировать проект по совместному определению и предупреждению угроз развития новой цифровой реальности. Интеллектуальным центром реализации такой инициативы могли бы стать российские компании, работающие в этой сфере.

8. Одним из проектов сотрудничества, отвечающих интересам России в ШОС, может стать проект «ГЛОНАСС», который разворачивается в странах ШОС – Казахстане, Киргизии. При этом весьма существенным становится переход стран от предоставления своей территории для размещения станций ГЛОНАСС к проектам по совместному созданию модулей навигационной системы (проект России с Индией)[6] и станций слежения. Можно с уверенностью утверждать, что развертывание проекта будет способствовать технологическому и инвестиционному продвижению России в составе ШОС.

9. Энергетическое сотрудничество. В настоящее время энергетическое сотрудничество России и стран ШОС развивается на двусторонней основе. В 2019 году, как предполагает Договор о ЕАЭС, заработает общий электроэнергетический рынок — концептуальные решения по его архитектуре уже приняты[7]. К участию в нем вполне реалистично подключить страны ШОС для создания энергетического клуба стран ЕАЭС и ШОС.

10. Совместные космические проекты. Поскольку США наращивают санкционное давление на Россию и КНР, и совместные космические программы с участием США вряд ли будут развиваться, целесообразно инициировать совместный со странами ШОС проект по освоению Луны или строительству окололунной международной космической

---

[1] Обзор государственной политики в сфере агропромышленного комплекса государств-членов Евразийского экономического союза за 2012-2018 годы. http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_agroprom/agroprom/Documents/%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%20%D0%9E%D0%B1%D0%B7%D0%BE%D1%80%D0%B0%20%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B9%20%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B8%20%D0%B2%20%D1%81%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B5%20%D0%B0%D0%B3%D1%80%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BC%D1%8B%D1%88%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%20%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2-%D1%87%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B2%20%D0%95%D0%90%D0%AD%D0%A1%20(2018).pdf

[2] Шелковый путь в будущее. - http://www.kommersant.ru/doc/2730230

[3] Заседание круглого стола форума «Один пояс, один путь». – http://kremlin.ru/events/president/news/60393

[4] Международный транспортный маршрут «Европа – Западный Китай». – https://www.mintrans.ru/activities/215/217/25/28

[5] Проект цифровизации городского хозяйства «Умный город». - http://www.minstroyrf.ru/trades/gorodskaya-sreda/proekt-tsifrovizatsii-gorodskogo-khozyaystva-umnyy-gorod/

[6] «Роскосмос» разместит станцию ГЛОНАСС в Индии. – https://iz.ru/832750/2019-01-11/roskosmos-razmestit-stantciiu-glonass-v-indii

[7] ЕЭК – брошюра. Цифры и факты. – http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/%D0%95%D0%AD%D0%9A%20-%20%D0%91%D1%80%D0%BE%D1%88%D1%8E%D1%80%D0%B0%20(%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%D1%8B%20%D0%B8%20%D1%84%D0%B0%D0%BA%D1%82%D1%8B)_%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%BE%D1%82.pdf

станции с участием России, Казахстана, КНР и Индии. Сотрудничество с Казахстаном развивается в рамках аренды космодрома Байконур и совместного проекта «Байтерек»[1] Россия[2], Индия[3] и КНР[4] имеют собственные «лунные программы». Представляется очевидным, что синхронизация действий стран в рамках такого проекта позволит им заявить о технологическом лидерстве, использовать синергетический эффект от взаимодействия, в том числе, и в финансовом отношении.

11. Россия, будучи признанной космической державой, заинтересована в имплементации Руководящих принципов Комитета по использованию космического пространства в мирных целях по предупреждению образования космического мусора[5], разработанных в 2017 году. Согласно документу, каждая страна разрабатывает собственную систему практики и процедур предупреждения образования космического мусора. Так, с 1 января 2019 года в России вступил в силу Национальный стандарт по борьбе с засорением мусора «Общие требования к космическим средствам по ограничению техногенного засорения околоземного космического пространства»[6]. Россия могла бы выступить инициатором создания в рамках ШОС наднациональной системы регулирования экологического состояния околоземной орбиты, т.к. в ШОС три крупнейшие космические державы – Россия, Индия, КНР, которые производят наибольшее количество запусков ежегодно. Материальной база проекта могли бы стать разработки Роскосмоса, в том числе, созданная лазерная пушка, космический комплекс, способный захватывать и перерабатывать на орбите Земли вышедшие из строя спутники[7].

12. Создание совместных финансовых институтов в целях финансирования совместных проектов, сопряженных с Банком развития БРИКС и Валютным пулом и переход к взаиморасчетам в национальных валютах. В финансировании этих проектов может принять участие Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, в уставном капитале которого участвуют более 70 государств (региональных членов – 44, внерегиональных членов -: 25, потенциальных участников 27), в том числе, и Россия[8]. С точки зрения России, такой вариант финансирования, с одной стороны, не предполагает дополнительной нагрузки на российский бюджет. С другой стороны, рост российско–китайского товарооборота вполне позволяет России претендовать на участие национальных валют в проекте, что вполне соответствовало бы нашим национальным интересам. Однако софинансирование проекта через группу финансовых институтов, включая Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, делает модель финансирования посредством доллара США высоко рисковой, поскольку санкционное давление на Россию и КНР набирает обороты.

13. Миграция. России целесообразно привлекать для реализации своих инфраструктурных проектов, требующих значительных объемов рабочей силы, трудовые ресурсы из стран ШОС, тем более, что между Россией и членами ШОС – бывшими советскими республиками – имеются договоры по этому поводу, которые регулируют традиционные потоки трудовых мигрантов. Жизнеспособность такого подхода мог бы обеспечить единый координационный центр по трудовой миграции, который можно было бы создать в рамках ЕАЭС с перспективой включения в него заинтересованные страны ШОС. Логика функционирования такого центра управления трудовыми миграционными потоками могла бы быть основана на использовании китайского опыта реализации международных проектов, основанных на иностранных инвестициях КНР, когда китайские инвестиции реализуются китайскими рабочими и китайским оборудованием. Такой подход вполне коррелируется с позицией России по трудовой миграции в рамках ЕАЭС.

14. Рациональной стала бы инициация проектов по совместному производственному сотрудничеству. Такими проектами могли бы стать, например, проекты строительства на территории России и Киргизии технопарков по разным направлениям производства, строительства средних и малых ГЭС в Казахстане и Таджикистане[9]. В этих целях было бы рационально сформировать проектные бюро, членами которых стали представители стран-участниц, для выявления общезначимых проектов, проведения предпроектной подготовки и экспертизы, выявления источников финансирования и контроля за реализацией проектной деятельности.

Вместе с тем, в настоящее время компании из стран ШОС выступают конкурентами на рынках объединения. Так, фактически приостановлено участие России в китайской инициативе «Пояс – путь». Единственным совместным проектом в контексте этой китайской инициативы является участие китайского Фонда Шелкового пути в проекте «Ямал СПГ», которому принадлежит 9,9 % («Новатэк» – 50,1 %, Total – 20 %, CNPC -20 %)[10].

Казахстан и Таджикистан предоставили свои территории для китайских инвестиций в этот проект, в результате чего стали крупными получателями прямых иностранных инвестиций из КНР, фактически попав в зависимость от китайского финансирования.

Существует ряд ограничений для развития поступательного сотрудничества в настоящее время.

---

[1] Международные проекты РОСКОСМОСА. – https://www.roscosmos.ru/22888/

[2] Российская программа освоения Луны. – https://kosmolenta.com/index.php/project-lunar/lunar-program-overview

[3] Роскосмос: лунная миссия Индии открывает возможности для дальнейшего исследования космоса. – https://tass.ru/kosmos/6218136

[4] Китай продолжит развивать свою программу лунных исследований. – https://tass.ru/kosmos/5991965

[5] Руководящие принципы Комитета по использованию космического пространства в мирных целях по предупреждению образования космического мусора. – https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/space_debris.shtml

[6] ГОСТ Р 52925-2018 Изделия космической техники. Общие требования к космическим средствам по ограничению техногенного засорения околоземного космического пространства – https://allgosts.ru/13/020/gost_r_52925-2018

[7] В России разработали спутник-уничтожитель космического мусора. – https://tass.ru/kosmos/6262094

[8] Asian infrastructure investment bank. – https://www.aiib.org/en/index.html

[9] Экономическое сотрудничество – вторая опора Шанхайской организации сотрудничества. – http://infoshos.ru/ru/?idn=10817

[10] Проект «Ямал СПГ». – http://www.novatek.ru/ru/business/yamal-lng/

В ряде стран ШОС (Казахстан, Узбекистан) произошла смена лидеров, и преемственность внешнеэкономической стратегии этих стран не представляется очевидной.

Безусловной экономической мощью в Центральной Азии обладает Китай, ориентация на который может ограничивать позиции России в регионе.

Экономическая ситуация в России негативно сказывается на возможности расширения ее влияния в странах ШОС. Прямым конкурентом России в регионе становится Китай. Именно поэтому России жизненно необходимо не только не снижать свое присутствие в странах ШОС, но, используя имеющийся опыт и конкурентные преимущества, использовать сотрудничество в ШОС для укрепления своих внешнеэкономических связей.

Таким образом, с точки зрения национальных интересов, первостепенными задачами России являются совершенствование человеческого капитала, комфортной среды жизнедеятельности, для чего нужен экономический рост. Существенным образом достижение целей развития через реализацию национальных проектов может быть ускорено при помощи инструментов сотрудничества в рамках многосторонних объединений. России крайне актуально дополнить кооперацию в рамках ШОС экономическими инициативами, поскольку такая интеграция основывается на уже существующем международном разделении труда, пересечении взаимных интересов стран-участниц обоих объединений, использует синергетический эффект и облегчает переход к росту отечественной экономики.

Многостороннее сотрудничество России со странами ШОС делает вполне реалистичным усиление позиций России на евразийском пространстве, а ШОС в перспективе может стать центром мегарегионального проекта – «всеобъемлющего континентального партнерства»[1].

Укрепляя экономические связи рамках ШОС, Россия не только реализует свои национальные цели и интересы, но и получает потенциальные рынки вместо тех, которые оказались для нее в настоящее время закрытыми или недоступными.

[1] Доклад о реализации основных направлений интеграции в рамках Евразийского экономического союза 2018 год. – http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%D0%BE%20%D1%80%D0%B5%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%BE%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D0%BD%D0%B0%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9%20%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8-2018.pdf

Турбан Г.В.
к.э.н., доцент, зав. кафедрой международного бизнеса, Белорусский государственный экономический университет, г. Минск
TurbanGV@mail.ru

СЕРТИФИКАЦИЯ КАК МЕРА ВОЗДЕЙСТВИЯ НА МЕЖДУНАРОДНУЮ ТОРГОВЛЮ

Ключевые слова: *сертификация, международная торговля, технические барьеры, санитарные и фитосанитарные меры, нетарифное регулирование.*

Keywords: *certification, international trade, technical barriers, sanitary and phytosanitary measures, non-tariff regulation.*

Сертификация продукции все активнее используется странами для регулирования международной торговли. Её применение как меры нетарифного регулирования, с одной стороны, объясняется соображениями национальной безопасности, заботой о здоровье и благополучии населения страны, обеспечением высокого уровня качества производимой продукции, что повышает конкурентоспособность товаров на мировом рынке, а с другой стороны становится препятствиям для их реализации на отдельных национальных рынках.

Если рассматривать более детально значение сертификации для экономики страны, то можно отметить, что основные цели её применения определенным образом пересекаются в целом со значением и основными целями мер нетарифного регулирования, вводимыми государством. Однако следует отметить основные моменты, связанные со значением именно сертификации для экономики страны.

Во-первых, сертификация служит средством, предупреждающим на рынке появление товаров, угрожающих здоровью людей или окружающей среде.

Во-вторых, для потребителя это гарантия высокого качества, а для изготовителя – одно из действенных средств рекламы, выделяющих его продукцию среди аналогичных конкурирующих товаров.

В-третьих, сертификация является действенным средством защиты национальных рынков от импортных товаров. Фирмы-экспортеры стремятся максимизировать количество поставляемого на зарубежные рынки товара, что приводит к снижению себестоимости за счет эффекта масштаба и увеличивает прибыль организации. Покупатель же стремится приобрести товары лучшего качества и дешевле. Отсюда возникает необходимость регулировать процесс импорта на государственном уровне, так как производство ряда изделий из-за отсутствия спроса на «свою» продукцию может быть поставлено под угрозу. Сертификация повышает конкурентоспособность «своей» продукции.

В-четвертых, сертификация создает условия (и/или задает правила) для участия производителей в международной торговле.

В-пятых, сертификация способствует ускорению научно-технического прогресса. Стремление расширить рынки сбыта вынуждает предприятия непрерывно заниматься разработкой новых видов продукции, внедрять прогрессивные технологии, оборудование, материалы, совершенствовать организацию производства и активно использовать добровольную сертификацию, заявляя высокие стандарты продукции, что повышает конкурентоспособность предприятия на национальном и на международных рынках.

Также в последнее время сертификационные меры связывают с целями устойчивого развития. Это объясняется тем, что они влияют непосредственно на состояние торговли, которая ведет к экономическому развитию. Состояние торговли страны влияет на уровень занятости, повышение доходов населения, снижение издержек производства и потребления, стимулирование предпринимательской активности, а также на инвестиционную привлекательность страны и уровень привлеченных инвестиций.

Статистика причин введения технических мер нетарифного регулирования представлена на рис. 1[1].

Однако иногда на практике довольно сложно отличить сертификацию как нетарифный барьер от защиты прав потребителей. Как отмечалось в докладе Всемирной торговой организации (ВТО) за 2012 год: «В отдельных случаях использование нетарифных мер может содействовать торговле, но в большинстве случаев они ограничивают ее. То обстоятельство, что нетарифные меры, применяющиеся для защиты интересов общества, могут также использоваться в протекционистских целях показывает, как трудно провести разграничительную линию между ними и идентифицировать те случаи, когда нетарифные меры создают излишние препятствия в международной торговле»[2].

[1] Twenty-second annual review of the implementation and operation of the TBT Agreement / WTO. – https://www.wto.org/english/news_e/news17_e/g20_wto_report_november17_e.pdf

[2] World Trade Organization. Trade and development. Report 2012. – https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/its2015_e/its2015_e.pdf

Следует отметить, что определение термина «нетарифная мера» мало изменилось с конца 40-х годов прошлого столетия (другие меры помимо таможенных тарифов). Однако их перечень продолжает увеличиваться, на практике вырабатывается множество специфических особенностей воздействия методов нетарифного регулирования на внешнюю торговлю.

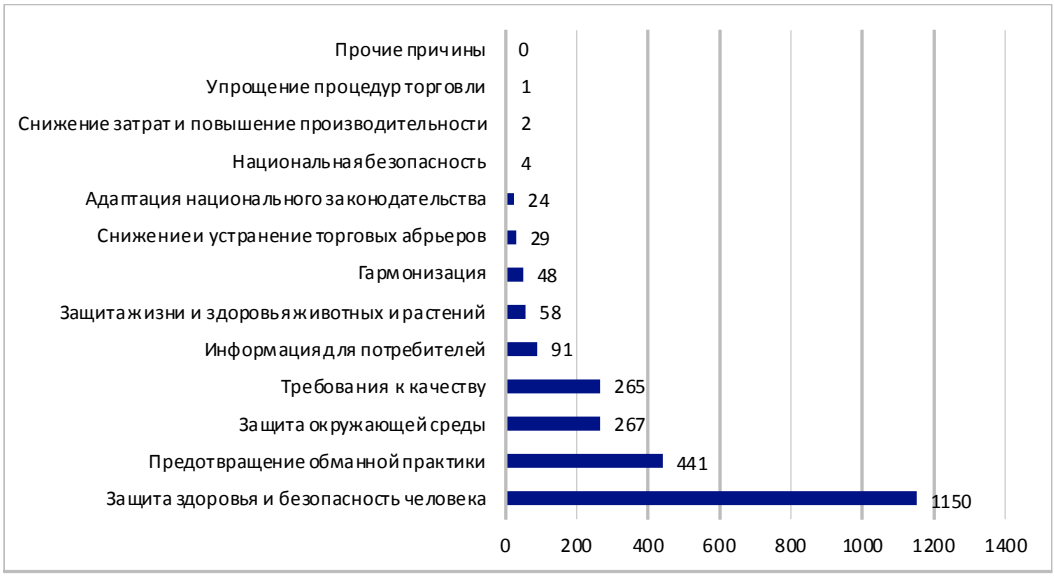


Рисунок 1.
Статистика причин для введения технических мер нетарифного регулирования

Действующая на сегодняшний день классификация нетарифных мер в редакции 2012 г. разработана совместными усилиями ЮНКТАД, ВТО, Всемирного банка и Международного торгового центра[1]. Она включает 16 групп нетарифных мер. Группы представлены в 3 категориях: в отношении импорта – технические меры (три подгруппы), нетехнические (двенадцать подгрупп) и экспортные меры (одна группа). Сертификация относится к техническим мерам нетарифного регулирования, которая включает разделы, основанные на соглашениях ВТО:

1) Санитарные и фитосанитарные меры.

2) Технические барьеры в торговле.

3) Предотгрузочная инспекция и другие формальности.

Санитарные и фитосанитарные меры устанавливаются санитарно-ветеринарными службами и органами здравоохранения различных государств в отношении сельскохозяйственных продуктов, продовольствия, медикаментов, косметики и других товаров. Они призваны защищать здоровье людей и животных от болезней, вредителей, а также рисков, возникающих из-за добавок, загрязняющих веществ и токсинов в пищевых продуктах. Фитосанитарные меры защищают здоровье растений и территории от вредителей.

К санитарным и фитосанитарным мерам относятся различные законы, постановления, правила, инструкции и процедуры, охватывающие ветеринарные, карантинные и санитарно-эпидемиологические требования к конечному продукту (например, допустимый уровень содержания пестицидов в кормах), к процессу производства и обработки продукции, процедуры инспектирования и сертификации и т. д.

Соглашение ВТО по санитарным и фитосанитарным мерам содержит следующие правила:

– применение санитарных и фитосанитарных мер должно быть ***научно обоснованным***, они не должны использоваться в качестве скрытых барьеров в международной торговле;

– меры по защите здоровья людей, животных или растений следует ***основывать на международных стандартах***;

– допускается применение более высоких национальных стандартов, чем международные, в случае, если это научно оправдано на основе соответствующей ***оценки риска*** угрозе здоровью людей, животных, растений и территорий;

– ***разрешается вводить меры на временной основе*** для срочного предотвращения распространения болезней и вредителей сельского хозяйства, даже если необходимое научное обоснование отсутствует;

– санитарные и фитосанитарные меры должны применяться на недискриминационной основе, но ***могут применяться в отношении отдельных стран*** (например, где распространены конкретные болезни или вредители сельскохозяйственного производства).

В соглашениях ВТО не приводится перечень международных стандартов, но перечисляются организации, стандарты которых автоматически считаются международными. К ним относятся:

– ***Кодекс Алиментариус*** – принят Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН (ФАО) и Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) как свод пищевых международных стандартов.

[1] Классификация мер нетарифного регулирования / ЮНКТАД. – Женева, 2012. – http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/ditctab20122_ru.pdf

– ***Международное эпизоотическое бюро*** – межправительственная организация, ответственная за здоровье животных. Разрабатывает нормативные документы, касающиеся охраны здоровья животных, безопасности производства кормов, рекомендации по диагностике, профилактике и мерам борьбы с инфекционными болезнями животных.

– ***Международная конвенция по защите (карантину) растений*** – координируется ФАО, основной целью деятельности является защита как культивируемых, так и дикорастущих растений от вредных организмов, разрабатывает Международные стандарты по фитосанитарным мерам

Соответствие продукции техническим регламентам и нормам предусматривает техническую совместимость товаров, производимых в разных странах мира, учитывает климатические и географические особенности рынков, обеспечивает безопасность продукции для жизни людей, животных и растений.

В соответствии с правилами ВТО, заложенными в Соглашении по техническим барьерам в торговле, использование технических норм и соответствие стандартам не должно на практике выступать в качестве торговых барьеров.

В Соглашении используется два термина:

– «***технические регламенты***», требования которых являются обязательными для исполнения;

– «***стандарты***», которые носят добровольный характер.

Технические регламенты направлены на выполнение требований безопасности и *имеют силу закона*. Они устанавливают характеристики товара, методы его производства, включают требования к упаковке, маркировке, этикетированию и процедурам оценки соответствия определенным стандартам.

Стандарты могут быть национальными, международными или организаций. Их выполнение должны соблюдаться добровольно.

Право на разработку стандартов имеют как государственные, так и негосударственные органы. Соглашение *рекомендует разработку национальных стандартов, регламентов, процедур в соответствии с международными*, за исключением случаев, когда это неэффективно, например, вследствие климатических или географических факторов. Наибольшее распространение в международной практике получили стандарты систем управления качеством – ИСО-9000 и стандарты системы экологического менеджмента и аудита – ИСО-14000.

Использование стандартов может быть бесплатным и платным. Стандарты, которые разрабатываются за счет государственных средств, должны быть в открытом доступе.

Орган по сертификации при соответствии товара обязательным требованиям выдает подтверждающий документ – *сертификат соответствия*. ВТО рекомендует странам заключать соглашения *о взаимном признании* сертификатов и процедур сертификации.

Для того, чтобы выявить тенденции, которые сложились в отношении применения мер по сертификации необходимо рассмотреть динамику применения санитарных и фитосанитарных норм и технических барьеров в торговле в сравнении с использованием других мер нетарифного регулирования. В табл. 1 представлена динамика использования мер нетарифного регулирования за период 2009–2018 гг.

Таблица 1

Динамика мер нетарифного регулирования в 2009–2018 гг.

Группа мер	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Санитарные и фитосанитарные нормы	8451	9453	10438	11 292	12 243	13 375	14 634	15 665	16 729	18 047
Технические барьеры в торговле	11 520	12 943	14 162	15 711	17 333	18 834	20 311	21 904	23 690	25 738
Антидемпинговые меры	1537	1562	1531	1547	1686	1711	1776	1942	2034	2106
Компенсационные меры	86	88	101	103	119	140	146	167	184	218
Обусловленные меры торговой защиты	50	51	55	64	65	71	74	58	56	652
Специальные защитные меры	593	599	614	625	629	632	633	633	633	77
Количественные ограничения	402	441	452	927	963	1178	1190	1634	1635	1636
Тарифное квотирование	1268	1268	1268	1270	1274	1274	1274	1274	1274	1274
Экспортные субсидии	429	429	429	429	429	429	429	429	429	429
Итого	24 336	26 834	29 050	31 968	34 741	37 644	40 467	43 706	46 664	50 177

Как видно из таблицы, санитарные и фитосанитарные меры, а также технические барьеры в торговле расширили свое влияние на торговлю, поскольку их доля среди всех мер нетарифного регулирования, применяемых странами, значительно возросла. Так, еще в 2009 г. на их долю среди всех используемых мер нетарифного регулирования приходилось порядка 82%, к 2018 г. она составила уже 87,3%. Это связано с тем, что темпы роста количества используемых технических мер значительно выше, чем темпы роста количества используемых мер нетарифного регулирования. Так, количество используемых мер нетарифного регулирования возросло на 106,2%, в то время как количество используемых технических мер – на 119%[1].

В 2009 г. на технические барьеры в торговле приходилось 46%, в то время как на санитарные и фитосанитарные меры 35%. За период 2009-2018 гг. ситуация существенно не изменилась. В 2018 г. на санитарные и фитосанитарные меры приходилось 36%, в то время как на технические барьеры в торговле около 51%. Таким образом, использование технических барьеров в торговле является более привлекательным способом по сравнению с использованием санитарных и фитосанитарных норм. Однако в целом все вышеуказанные тенденции говорят об усилении протекционистских тенденций.

[1] Integrated trade intelligence portal / UNCTAD. – Geneva, 2018. – https://i-tip.wto.org/goods/Forms/GraphView.aspx

В мировой экономике популярными являются идеи глобализации, декларирование снятия торговых барьеров, активное сотрудничество, направленное на создание единых правил мировой торговли в рамках системы ВТО, однако, несмотря на это страны в меньшей или большей мере используют протекционистские меры для того, чтобы поддержать национального производителя[1]. Такие тенденции были отмечены еще в 2013 г. на конференции в Женеве генеральным директором ВТО Роберто Азеведу: «Мы наблюдаем дальнейшее развитие протекционистских тенденций. Этот процесс идет медленно, но верно, страны стремятся поддерживать своих производителей»[2].

В этих условиях протекционистские меры сдвигаются в сторону санитарных и фитосанитарных мер, технических барьеров в торговле. Будучи более завуалированными, чем таможенные пошлины, нетарифные меры дают больше возможностей правительствам разных стран для их введения.

Об активном применении технических мер свидетельствуют данные, представленные на рис. 2. Ежегодный рост числа введенных технических барьеров в торговле в мире в среднем составляет 14%, и значительно возрастает год от года. Например, общее количество уведомлений о технических барьерах в торговле в 2016 г. превысило общее количество уведомлений за 2015 г. уже на 17,5%[3].

Если рассматривать применение сертификационных и других технических мер по группам стран, информация по которым представлена в таблице 2, то больше всего технических мер приходится на страны Азии (25,6%), страны Латинской Америки (20,4%) и Северной Америки (18%).

Азиатские страны как регион находятся на первом месте по количеству технических мер нетарифного регулирования, а также по их доле в общем числе технических мер: в 2014 г. она составляла 25,9%, к концу 2018 г. незначительно снизилась – на 0,3%. При этом количество применяемых технических мер за период 2014–2018 гг. увеличилось на 35,2%. Санитарные и фитосанитарные нормы преобладают над техническими барьерами в торговле. Их превышение на конец 2018 г. составляет около 3,7%[4].

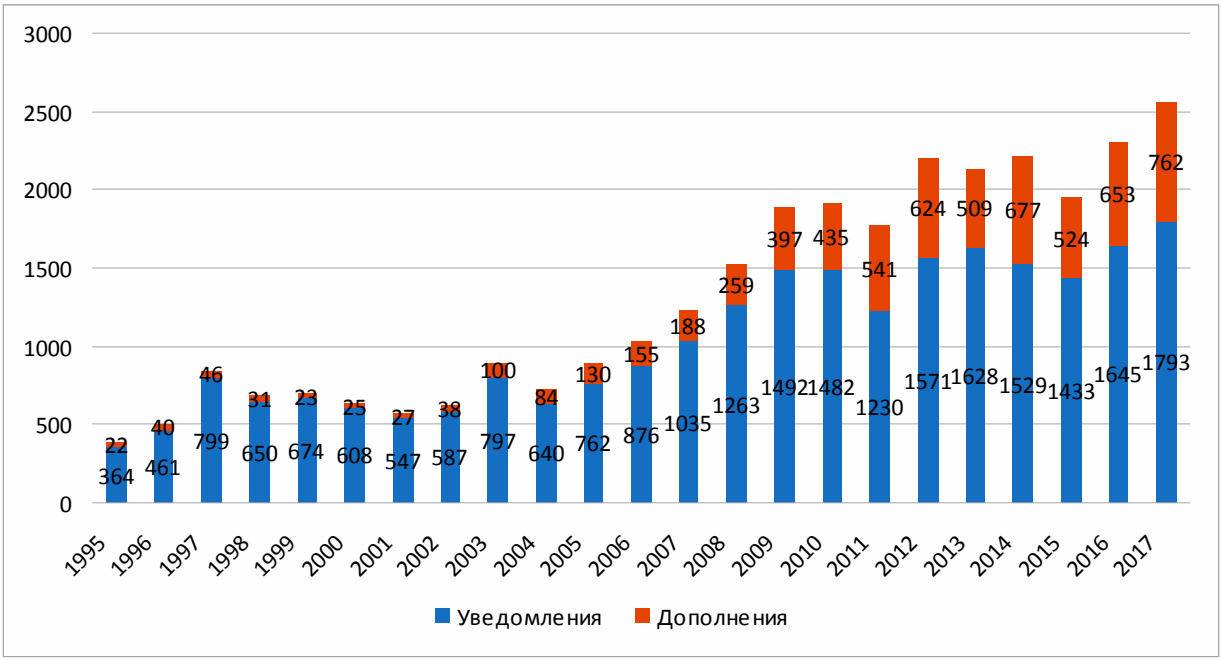


Рисунок 2.
Динамика уведомлений по Соглашению ВТО по техническим барьерам в торговле

Страны Латинской Америки входят в тройку лидеров по количеству применяемых технических мер. Так, на конец 2018 г. число применяемых странами региона мер составило 8245. За период 2014-2018 гг. количество используемых мер увеличилось на 31%. В регионе наблюдается примерный паритет в использовании технических барьеров в торговле и санитарных и фитосанитарных мер.

Группа стран Северной Америки в целом стоит особняком, поскольку несмотря на то, что туда входит только 3 страны, на них приходится около 18% всех существующих и применяемых в мире технических мер. Лидирующие позиции в данном регионе занимают США. По состоянию на конец 2018 г. на них приходилось порядка 62% всех технических мер региона. Средние темпы роста числа сертификационных мер в регионе за период 2014–2018 гг. составляли 6% в год, что ниже среднемирового показателя. Также отличительной особенностью региона является то, что в большей мере используются технические барьеры в торговле, а не санитарные и фитосанитарные нормы как в боль-

[1] Турбан Г.В. Протекционизм в современной международной торговле // Белорусский экономический журнал. 2011. – № 4 (57). – С. 6–9.

[2] ВТО снижает прогноз по мировой торговле / Вести экономики. – М., 2018. – http://www.vestifinance.ru/articles/32287

[3] Twenty-second annual review of the implementation and operation of the TBT Agreement / WTO. –https://www.wto.org/english/news_e/news17_e/g20_wto_report_november17_e.pdf

[4] Integrated trade intelligence portal / UNCTAD. – Geneva, 2018. – https://i-tip.wto.org/goods/Forms/GraphView.aspx

шинстве стран: на конец 2018 г. разрыв составлял 1,6 раза. Однако наблюдается устойчивая тенденция к уменьшению данного разрыва, когда введение дополнительных санитарных и фитосанитарных норм идет более быстрыми темпами[1].

Таблица 2

Применение технических мер нетарифного регулирования по регионам в 2014–2018 гг.

Год	2014		2018	
	Технические барьеры в торговле	Санитарные и фитосанитарные нормы	Технические барьеры в торговле	Санитарные и фитосанитарные нормы
Африка	239	1 360	434	2364
Азия	3575	4090	5085	5275
СНГ	184	322	338	506
Европа	1129	3619	1 405	4247
Наименее развитые страны	82	583	204	1 281
Страны Ближнего Востока	370	2 700	925	4407
Северная Америка	3643	2061	4445	2758
Страны Латинской Америки и Карибского моря	3106	3181	4106	4139

Страны Европы входят в пятерку лидеров по использованию сертификационных мер в качестве защиты. По состоянию на конец 2018 г. данными странами применялось 5652 технические меры. Количество применяемых мер за период 2014–2018 гг. увеличилось, однако темпы роста значительно ниже, чем в среднем по миру – 19%. Наблюдается значительное смещение равновесия в сторону использования санитарных и фитосанитарных мер: на конец 2018 г. их количество превысило число используемых технических барьеров в торговле в 3 раза. Однако следует отметить, что наблюдается тенденция к сокращению данного разрыва[2].

Анализ данных по африканским странам позволяет сделать вывод о том, что на такой крупный регион на конец 2018 г. приходится менее 7% всех сертификационных и других технических мер нетарифного регулирования, в 2014 г. их доля была 5,4%. Количество используемых технических мер в 2018 г. по сравнению с 2014 г. увеличилось на 74%, что в 2 раза превышает рост числа используемых такого рода мер в среднем по миру[3].

При рассмотрении сертификационных мер, используемых странами СНГ, следует отметить, что по количеству и по доле в общем числе технических мер, данный регион занимает последнее место. По состоянию на конец 2018 г. на него приходилось около 2% всех технических мер. Динамика увеличения использования сертификационных мер в данном регионе также положительная, и темпы роста наблюдаются довольно большие: за период 2014–2018 гг. количество используемых странами мер увеличилось на 67%. Таким образом, темпы увеличения количества используемых странами СНГ технических мер превышают среднемировые в 1,8 раза. Санитарные и фитосанитарные нормы преобладают значительно над техническими барьерами в торговле: на конец 2018 г. превышение составляло около 50%[4].

Наименее развитые страны очень активно применяют сертификационные защитные меры. Так, только за период 2014–2018 гг. количество технических барьеров в торговле увеличилось в 2,5 раза, число применяемых санитарных и фитосанитарных норм – в 2,2 раза. Среди данных стран наблюдается значительное превышение использования санитарных норм над техническими барьерами в торговле. В 2014 г. данное превышение составляло 7,1 раза, на конец 2018 г. – в 6,3 раза. Наблюдается тенденция в сторону сокращения разрыва между использованием санитарных и фитосанитарных норм и технических барьеров в торговле[5].

Если рассматривать динамику в разрезе товаров, в отношении которых применяются сертификационные меры, то можно отметить, что количество товаров, в отношении которых применяются санитарные и фитосанитарные нормы и технические барьеры, в торговле увеличилось за период 2014–2018 гг. на 37%. Наибольшей группой мер являются те, в которых точно не определен код товара по товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности. Это положение вещей создает серьезные проблемы для торговли между странами, снижая прозрачность вводимых мер, поскольку у субъектов хозяйствования, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность, при выходе на зарубежный рынок отсутствует полная информация в отношении мер, применяемых к товару в той или иной стране.

Чаще всего сертификационные меры применяются в отношении такой группы товаров как живые животные и продукты животного происхождения. На конец 2018 г. в отношении данной группы всеми странами ВТО применялось 6386 технических мер. Несмотря на то, что данная группа товаров занимает наибольшую долю среди всех сертификационных мер, темпы роста количества применяемых мер в их отношении оказываются ниже, чем в среднем, а именно 33% .

Также часто сертификационные меры применяются в отношении такой группы товаров, как овощи и фрукты: на конец 2018 г. в отношении этих товаров было введено порядка 6382 мер со стороны всех стран-членов ВТО, увеличившись за период 2014–2018 гг. на 44,3%. Следует отметить, что число технических барьеров в торговле для данной группы растет более быстрыми темпами по сравнению с санитарными и фитосанитарными нормами.

[1] Integrated trade intelligence portal / UNCTAD. – Geneva, 2018. – https://i-tip.wto.org/goods/Forms/GraphView.aspx

[2] Ibid.

[3] Ibid.

[4] Ibid.

[5] Ibid.

Среди групп, которые показали наибольший рост количества сертификационных мер, применяемых в их отношении, такие как жемчуг, драгоценные металлы и камни (увеличение числа применяемых мер составило 70%), а также оружие и боеприпасы (увеличение порядка 60%).

На практике решение о принятии технических барьеров в торговле находится в полной компетенции соответствующих правительств, и достаточно сложно оспорить право государства на применение технических регламентов, содержащих правила и нормы безопасности, требования к сертификации, маркировке и др.

Введение сертификационных мер в целях импортозамещения наиболее эффективно тогда, когда они в большей степени затрагивают ввозимые товары, нежели продукцию национального производителя, то есть являются ***селективными***. Для отдельных секторов рынка при определенных условиях неселективная мера в области сертификации и стандартизации может быть преобразована в селективную меру. Это возможно в случае, если нормирование требований к продукции или процедуры оценки соответствия будут учитывать технические, технологические, климатические или географические факторы, что не противоречит Соглашению ВТО по техническим барьерам в торговле.

В ЕАЭС примером такой селективной меры является требование стандарта ГОСТ 31447-2012 «Трубы стальные сварные для магистральных газопроводов, нефтепроводов и нефтепродуктопроводов. Технические условия», относящееся к диапазону рабочих температур «до – 60□ С», которое отсутствует в ряде стандартов европейских государств[1].

Однако следует отметить, что наряду с усилением протекционистских тенденций есть и обратная тенденция, которая связана с сотрудничеством между странами по поводу унификации технического регулирования. Примером данной тенденции может стать сотрудничество между США и Канадой по вопросам нормативного регулирования и регулирования в области сертификации. Несмотря на то, что канадская и американская экономики максимально интегрированы друг с другом, они обладают абсолютно независимыми системами регулирования, что приводит к сдерживанию торговли между странами. Примером того, как различные системы регулирования негативно влияют на торговлю, является тот факт, что независимые и несогласованные стандарты для детских автокресел привели к тому, что производителям приходилось менять спецификации для крупных ритейлеров, работающих в США и Канаде.

Для того, чтобы изменить данную ситуацию, странами был создан Совет по сотрудничеству в области нормативного регулирования, который выполняет роль форума для обсуждения вопросов технического регулирования. Он ответственен за масштабную синхронизацию работы между странами в данном направлении. Также следует отметить, что к работе Совета помимо регулирующих органов США и Канады была приглашена Мексика. При этом корректировка национального режима регулирования является для Мексики не обязательной, ей будет достаточно просто привести производство в соответствии со стандартами, согласованными США и Канадой. Особенно актуальным это является для автомобильной отрасли, поскольку Мексика – полноправный участник производства автомобилей в Северной Америке[2].

Среди других тенденций можно также отметить, что международные организации, которые связаны с защитой жизни и здоровья населения, все чаще становятся на сторону ужесточения международных и национальных стандартов и требований сертификации. Примером может служить тот факт, что Всемирная организация здравоохранения обратила внимание стран-членов на необходимость разработать национальные законодательства, запрещающие использовать свинец в красках. Подобные нормативно-правовые акты уже разработаны в 64 странах мира, однако, например, в ЕАЭС не существует подобного технического регламента. Введение такого рода технического регламента существенно повлияет на торговлю между странами, поскольку многие производители несмотря на наличие технологий и возможностей замены данного компонента все еще используют свинец при производстве красок. Что касается, например, Республики Беларусь, то санитарные нормы допускают наличие свинца в красках, и допустимые значения существенно выше тех, которые установлены, например, в ЕС и США, что в ближайшей перспективе может ограничить доступ белорусской продукции на зарубежные рынки.

Среди тенденций в применении сертификации как меры нетарифного регулирования можно отметить также тот факт, что в технических барьерах в торговле стали преобладать так называемые «зеленые» стандарты. Первым по этому пути пошел Евросоюз: в 1993 г. Европейский чайный комитет предложил с 1996 г. ввести новые стандарты качества чайных листьев, что привело к ограничению ввоза китайского чая в Европу[3].

Как правило, чем жестче требования сертификации или технических барьеров в торговле, тем больше требуется затрат для их преодоления и, следовательно, тем эффективнее мера с точки зрения импортозамещения. Доля таких затрат в общей стоимости товара называется адвалорным эквивалентом. Очевидно, что чем выше адвалорный эквивалент, тем жестче техническая мера, тем сложнее ее преодолеть и получить доступ на зарубежный рынок.

Если рассматривать сертификацию и техническое регулирование Республики Беларусь, то можно отметить, что к 2016 г. законодательная база была практически полностью приведена в соответствие с нормами и принципами ЕАЭС, ВТО, а также ЕС. Несмотря на непродолжительность существования единой системы сертификации и технического регулирования ЕАЭС, она имеет значительные успехи, поскольку законодательная база хорошо разработана и покрывает регулированием большую часть товаров. Все еще остается ряд вопросов, связанных с односторонним дискриминационным регулированием стран-членов ЕАЭС по отношении друг к другу, однако существуют положитель-

[1] Техническое регулирование и политика импортозамещения / Международный центр торговли и устойчивого развития. – Женева, 2019. – https://www.ictsd.org/bridges-news

[2] Создание возможностей с помощью сотрудничества по вопросам нормативного регулирования / Международный центр торговли и устойчивого развития. – Женева, 2019. – https://www.ictsd.org/bridges-news

[3] Аронов И.З. Краткий обзор мер технического регулирования в рамках политики импортозамещения // Стандарты и качество. – М., 2015. – № 1. – С. 28–30.

ные тенденции, которые связаны с налаживанием диалога между странами и важной ролью Евразийской экономической комиссии в данном вопросе. Перспективными направлениями, в отношении которых странам необходимо двигаться совместно, является создание инфраструктуры качества, повышение эффективности системы сертификации и технического регулирования ЕАЭС для создания безбарьерного движения товаров, а также совершенствование системы технического регулирования при использовании цифровых технологий.

Чумаков В.А.
к.полит.н., помощник руководителя Аппарата Общественной палаты РФ
Богачёв А.Э.
сотрудник отдела международных связей Аппарата Общественной палаты РФ

К 20-ЛЕТИЮ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ СОВЕТОВ И СХОЖИХ ИНСТИТУТОВ

Ключевые слова: *экономические и социальные советы, некоммерческие организации, трехсторонние отношения, международное сотрудничество, публичная дипломатия.*

В июле 1999 года в Париже была учреждена Международная ассоциация экономических и социальных советов и схожих институтов (МАЭССИ). Эта необычная наднациональная неправительственная структура создана по инициативе Экономического, социального и экологического совета (ЭСЭС) Франции.

Действующий сегодня во Франции Экономический, социальный и экологический совет (далее – Совет) является наследником аналогичного органа, созданного в 1925 году и ликвидированного режимом Виши, правившим страной во время немецко-фашистской оккупации. Работа Совета была восстановлена в 1946 году [5]. Раздел 11 Конституции Пятой Республики посвящен работе Совета: здесь указаны его полномочия по вынесению заключений на проекты законов, право на избрание представителя Совета в парламенте во время голосования по законопроекту, рассмотренному советом. Отдельно отмечена обязательность предоставления Совету на экспертизу всех законопроектов экономического характера [2]. Кроме того, Совет по собственной инициативе может рассмотреть законопроекты из других сфер. Вместе с тем, все его решения носят рекомендательный характер. Таким образом, Совет призван консультировать правительство и участвовать в выработке экономической и социальной политики, привлекать общественные и профессиональные объединения к выработке государственной политики, способствовать установлению диалога между различными социальными и профессиональными группами [3].

В состав Совета входит 231 человек. Члены Совета распределены в 18 секций. Мандат члена Совета (советника) длится 5 лет. 163 советника назначаются общественными и профессиональными организациями, в том числе профсоюзами, объединениями работников промышленности, торговли, сельского хозяйства, ремесленного производства, сельского хозяйства. 68 советников назначаются правительством из числа наиболее компетентных экспертов в своей профессиональной области. Кроме того, 72 человека, назначенных премьер-министром, участвуют в работе секций, не являясь членами Совета. Закон запрещает совмещать членство в Совете с мандатом депутата французского или европейского парламента. Члены Совета избирают Бюро, являющееся его руководящим органом. В состав Бюро входит Президент Совета и 18 человек [8].

Во второй половине XX века динамика создания подобных организаций была весьма высокой. Национальные власти ориентировались, в том числе, на учреждение летом 1945 года в структуре Организации Объединенных Наций Экономического и социального совета (ЭКОСОС ООН), который призван координировать международное сотрудничество под эгидой ООН и её специализированных учреждений в экономической и социальной областях.

Так, в 1957 году согласно Главе III Римского договора об учреждении Европейского Сообщества в целях обеспечения представительства интересов разных экономических и социальных групп был создан Европейский экономический и социальный комитет (ЕЭСК), объединяющий в настоящее время экономические и социальные советы всех стран, входящих в состав Европейского союза после всех волн его расширения [6].

ЕЭСК, как и национальные советы европейских стран, сформирован из трех равных по численности групп представителей: работодателей (включая государство), работников, а также профессиональные объединения (союзы) тех и других [1]. В нашей стране по схожему принципу функционирует Российская трёхсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений при Правительстве Российской Федерации.

Практически полностью способ формирования и структура французского Совета воспроизведены в Федеральном законе об Общественной палате Российской Федерации, созданной в 2005 году [4]. Согласно ему, 40 человек назначаются членами Общественной палаты Президентом Российской Федерации, 85 членов делегируются от региональных общественных палат и 43 человека избираются от общероссийских общественных объединений и иных некоммерческих организаций. Постоянно действующим органом Палаты является совет, в который входят секретарь Общественной палаты, его заместители, руководитель Аппарата Палаты и председатели Комиссий Общественной палаты, число и направления деятельности которых определяются на первом пленарном заседании Палаты.

С годами Международная ассоциация расширялась за счёт новых членов – преимущественно из тех восточноевропейских стран, которые недавно вошли в состав Европейского Союза и стали участниками ЕЭСК, который, в свою очередь, вступил в Ассоциацию в коллективном качестве. В то же время в МАЭССИ вошла и группа азиатских «тигров»: Китай, Вьетнам, Республика Корея, Камбоджа, Таиланд, Лаос. Кстати, несмотря на то, что в Китае, Вьетна-

ме и Камбодже национальные экономические и социальные советы чётко встроены в строгую структуру правящей партии, они признаются Международной ассоциацией в качестве высших репрезентативных институтов гражданского общества.

С точки зрения организации работы своеобразный интерес представляет собой Экономический и социальный совет Китая (ЭССК). Учитывая особую роль главенствующей Коммунистической партии, высший орган общественного представительства КНР формируется под эгидой Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК). Это организация Патриотического единого фронта китайского народа, совещательный орган при руководстве КНР, в который входят как представители КПК, так и лица, не имеющие коммунистического партийного членства: представители восьми «партий-сателлитов» КПК, общественных организаций, деловых кругов Гонконга, Макао, Тайваня и китайских диаспор за рубежом, видные общественные деятели. Всекитайский комитет НПКСК и ЭССК — постоянно действующие органы Народного политического консультативного совета Китая. Здесь можно проследить некоторое родовое сходство между Народным политическим консультативным советом Китая и Общероссийским общественным движением Народный фронт «За Россию» (ОНФ).

В то же время до 2007 года у отечественного аналога вообще не было полномочий осуществлять международную деятельность. Как только российский законодатель исправил свой недосмотр, Общественная палата была принята в МАЭССИ без каких-либо дополнительных подтверждений соответствия критериям членства в этой Ассоциации.

Конечно, нужно отдать должное Почетному секретарю Общественной палаты академику Евгению Велихову, который благодаря удивительной работоспособности и своей всемирной известности добился дальнейшего продвижения и признания Общественной палаты не только как клуба отечественных знаменитостей, но и как полноценного организованного института гражданского общества. Стоит напомнить, что в 2009 году в Москве впервые было проведено заседание Президиума Ассоциации, в 2011 году ОПРФ была избрана в его состав, а в 2013–2015 годах возглавляла МАЭССИ. Министр иностранных дел России Сергей Лавров тогда отметил, что «сам факт избрания – большой успех, который свидетельствует о высокой оценке деятельности Общественной палаты в качестве члена Ассоциации. Считаем это важным шагом, который позволяет расширить возможности нашего гражданского общества участвовать не просто в международном движении общественности, но и содействовать формированию его повестки дня» [7].

В течение председательского мандата Общественной палаты практически ежемесячно Россия принимала многочисленные зарубежные делегации представителей гражданского общества, в том числе Летнюю школу МАЭССИ в 2014 году в Нальчике и Генеральную ассамблею Ассоциации в 2015 году в Москве. За это время существенно расширилось сотрудничество с международными организациями, прежде всего по линии ООН и МОТ, а также объединениями государств, включая СНГ, БРИКС, «Группу двадцати». Это вполне естественно, учитывая сходство тех вопросов, которые решаются в рамках этих институтов и продвижению которых стремится содействовать МАЭССИ. Так, если базовой темой председательства ОПРФ в Ассоциации стало тогда развитие человеческого капитала, то действующее сейчас председательство посвящает свою каденцию цифровой экономике.

В настоящее время насчитывается свыше семи десятков стран мира, в которых функционируют экономические и социальные советы и схожие институты. Больше всего таких структур имеется в государствах Европы, Африки (постколониальные отголоски французских порядков), Азии и Латинской Америки. В странах с англо-саксонской системой права подобные органы отсутствуют, т.к. выполнение их функций возложено на органы местного самоуправления. На пространстве бывшего Советского Союза общественные палаты и их аналоги созданы в России, Абхазии, Армении, Азербайджане, Казахстане, Киргизии, Приднестровье, Украине и Узбекистане.

В нынешних условиях кризиса доверия, когда у многих опускаются руки и теряется надежда на перемены к лучшему, конструктивный и деловой настрой на сотрудничество общественных деятелей приобретает особую ценность. Непрекращающийся неформальный диалог и обмен информацией позволяет сблизить позиции стран, разработать общие приоритеты и принципы взаимодействия. В дальнейшем настойчивое развитие такого диалога может разморозить старые и открыть дорогу к новым практическим проектам.

Очевидно, что Общественная палата России придаёт большое значение сотрудничеству с зарубежными институтами гражданского общества, что отвечает интересам формирования оптимального внешнеполитического курса нашей страны, среди прочего предполагающего повышение роли публичной дипломатии. Одной из важнейших задач российского гражданского общества является содействие усилиям по обеспечению межцивилизационного, межрелигиозного согласия, продвижение общественных проектов и инициатив, которые призваны объединять различные страны, народы, традиции, культуры и цивилизации, противостоять созданию искусственных барьеров в международном и межчеловеческом общении.

20 лет назад МАЭССИ зародилась в Европе, но сейчас без Африки, Азии и Латинской Америки это движение немыслимо (в настоящее время Ассоциация объединяет 76 стран на 4 континентах). В сфере продвижения идеалов гражданского общества ни у кого уже нет монополии. Поиск общих знаменателей, схожих ценностей, отображающих всё многообразие и богатство культур, традиций и истории народов всего мира, продолжается.

Список литературы.

1. (Римский) Договор от 25 марта 1957 года, учреждающий Европейское Сообщество / В кн.: Европа: проблемы интеграции и развития. В 2 т. Т. 1 (в 2-х частях): История объединения Европы и теория европейской интеграции; Т. 2: Документы / Хохлышева О.О., Чумаков В.А. и др., под общ. ред. акад. О.А.Колобова. – Нижний Новгород: ФМО/ИСИ ННГУ; Изд-во АГПИ им. А.П.Гайдара, 2008. – С. 63–84.
2. Конституция Французской Республики от 4 октября 1958 г. // Конституции зарубежных государств: Учебное пособие / Сост. проф. В.В. Маклаков. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2003.

3. Ордонанс № 58–1360 от 29 декабря 1958 г., содержащий Органический закон об Экономическом и социальном совете (с дополнением, внесенным Органическим законом № 84–499 от 27 июня 1984 г.). – http://worldconstitutions.ru/?p=867
4. Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Сборник нормативных правовых актов Общественной палаты Российской Федерации. – Авт.-сост.: Ваннер В.П., Гусева М.А. – М., 2015. – 290 с.
5. Покладок Е.Б. Экономический и социальный совет Франции // Современная Европа. – М., 2005. – № 4 (24). – С. 51–63.
6. Чумаков В.А. Расширение Европы и государственные интересы России. Монография / Под общ. ред. акад. О.А. Колобова. – Арзамас; Нижний Новгород: АГПИ – ИСИ ННГУ, 2006. – 160 с.
7. http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/89294
8. https://studexpo.ru/53853/konstitutsionnoe_pravo/ekonomicheskiy_sotsialnyy_sovet

Шугуров М.В.
д.филос.н., доцент, профессор кафедры международного права Саратовской государственной юридической академии
shugurovs@mail.ru
Шугурова И.В.
к.ю.н., профессор кафедры международного права Саратовской государственной юридической академии
ivshugurova@mail.ru

СОТРУДНИЧЕСТВО В РАМКАХ СНГ КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ ЕАЭС В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ И ОБЩЕСТВА[1]

Ключевые слова: *СНГ, цифровая экономика, право интеллектуальной собственности, интеграционные процессы, общее инновационное пространство, ЕАЭС.*

Keywords: *Commonwealth of Independent States, digital economy, intellectual property law, integrative processes, single innovation space, Eurasian Economic Union.*

Одним из важнейших направлений интеграционных процессов в рамках ЕАЭС является охрана и защита прав интеллектуальной собственности. Данное направление является особенно актуальным в условиях реализации общей цифровой повестки, которая в перспективе будет предполагать формирование единого цифрового рынка интеллектуальной собственности, как это имеет место, например, в ЕС. Однако в процессе исследования данного направления интеграции, а тем более в процессе выдвижения и реализации мер по ее осуществлению следует исходить из специфики указанных процессов. В ЕС данной специфики нет. Особенностью интеграции государств-членов ЕАЭС является то, что она имеет предысторию, а также сопряжена с интеграцией, осуществляющейся в формате СНГ. Несмотря на то, что ЕАЭС не является правопреемником ЕврАзЭс, все же имевшая в рамках последнего интеграция в сфере интеллектуальной собственности – важная исходная предпосылка процессов интеграции в рамках данного интеграционного объединения государств.

На сегодняшний день наиболее интересным фактором, который можно рассматривать в качестве вспомогательного, является участие государств ЕАЭС в интеграционных процессах в рамках СНГ. Отсюда развитие права и системы интеллектуальной собственности ЕАЭС рассматривается как изначально включенное в более широкие интеграционные процессы. При этом следует учитывать, что если в ЕАЭС сформировались основы интеграционного права в сфере интеллектуальной собственности, то применительно к СНГ следует говорить о системе международно-правового регулирования сотрудничества государств в сфере охраны, защиты и коммерциализации прав интеллектуальной собственности. Сходной задачей, решаемой в данных форматах интеграционных процессов, является формирование рынка интеллектуальной собственности. Данная задача весьма актуальна как для ЕАЭС, так и для СНГ. Более того укажем, что меры по формированию данного рынка ЕАЭС коррелируют с мерами по формированию рынка в рамках СНГ. Причем данные рынки с некоторой долей условности можно рассматривать как часть и целое.

Средой развития данного рынка является цифровая экономика, что означает перспективную цифровизацию данного рынка. По мнению В.Н. Лопатина, с которым трудно не согласиться, отсутствие рынка – это один из рисков интеллектуальной собственности в цифровой экономике[2]. С нашей точки зрения, в этом заключается и риск для самой цифровой экономики, в основе которой находится генерирование и использование знаний и охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, ибо, как отмечается в литературе, в условиях Индустрии 4.0 оборот интеллектуальной собственности будет приобретать еще большее значение[3].

К одному из известных барьеров в формировании единого рынка интеллектуальной собственности в ЕАЭС, как, впрочем, и в СНГ, относится барьер, который относится к сфере мотивации экономического поведения. Здесь следует указать на дисбаланс между значительным количеством разработок, например, в РФ и Беларуси, с одной стороны, и низким уровнем их коммерциализации – с другой. Причина этого во многом заключается в низком спросе на инновации со стороны бизнеса, либо в том, что он отдает предпочтение зарубежным разработкам. Но, коммерциализация, как известно, – это движение с двух сторон. Отсюда перед странами ЕАЭС стоит задача по формированию

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-011-00805 «Развитие права интеллектуальной собственности ЕАЭС и ЕС в рамках региональных моделей цифровой трансформации экономики: сравнительно-правовой анализ»).

[2] См.: Лопатин В.Н. Проблемы информационного права в цифровой экономике // Право и государство. 2019. – № 1. – С. 51.

[3] См.: Оморов Р.О. Интеллектуальная собственность в условиях Четвертой промышленной революции и показатели инновационного индекса Кыргызской Республики по данным // Вестник Кыргызского государственного технологического университета им. И. Раззакова. 2017. – № 4. – С. 374.

спроса на отечественные технологии с перспективой развития высокотехнологичного экспорта. В этом случае актуализируется необходимость координации усилий по повышению степени интенсивности использования охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и прав на них. Это означает расширение производства продукции на основе новых технологий, права на которые принадлежат отечественным или зарубежным правообладателям. Одновременно все это является условием повышения уровня охраны и защиты прав интеллектуальной собственности на национальном уровне, что направлено на создание более предсказуемой деловой среды для ведения бизнеса и привлечения инвестиций в высокотехнологичные отрасли.

Данные задачи являются общими для всего СНГ. На их решение направлена Межгосударственная программа инновационного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2020 г. Основной целью Программы является создание условий для повышения глобальной конкурентоспособности экономики государств-участников СНГ, реализация приоритетов экономического развития в инновационной сфере, утверждение международного авторитета Содружества как одного из мировых центров технологического лидерства, введение объектов интеллектуальной собственности в хозяйственный оборот, создание современной инфраструктуры инновационного процесса.

В Решении об утверждении данной Программы обращается внимание на статистику, согласно которой государства-участники СНГ остаются пассивными в патентовании своих разработок, а доля успешных предприятий на рынках результатов инновационной деятельности пока не превышает 4%. Поэтому в числе основных мероприятий названо совершенствование нормативно-правовой базы, обеспечивающей формирование и унификацию национальных механизмов коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности, а также разработка программ подготовки кадров в области менеджмента инноваций, управления интеллектуальной собственностью, организации высокотехнологичного бизнеса. Отсюда можно сделать вывод о том, что межгосударственная интеграция становится характерной тенденцией в процессе управления инновационной деятельностью.

В современных условиях СНГ начал динамично включать в свою повестку вопросы цифровой трансформации, что начинает привлекать внимание исследовательских кругов[1]. Ключевым событием здесь стал международный экономический форум «СНГ: цифровая экономика – платформа интеграции» (15 марта 2019 г.). Конечно, в отличие от ЕАЭС подобного рода повестка здесь еще не выработана и не прошла формализацию и институционализацию. Однако имеются серьезные основы стратегического регулирования сотрудничества в данной области. Достаточно указать на п. 4.3. «Сотрудничество в сфере развития “цифровой экономики” и “промышленного Интернета”» Стратегии сотрудничества в построении и развитии информационного общества на период до 2025 г.[2] В целом здесь предусматриваются такие направления, как электронное правительство, электронная торговля, электронная наука, электронное здравоохранение, электронное обучение, электронная культура, электронная занятость, электронное сельское хозяйство, электронная охрана окружающей среды, электронный регион, электронный нотариат, электронная биржа, электронная логистика.

В качестве «опоры» цифровизации в рамках СНГ выступает также и указанная выше Межгосударственная программа в сфере инновационного сотрудничества, которая вошла в стадию обновления и вполне может рассматриваться как элемент программного регулирования сотрудничества в цифровой сфере. Думается, что данная программа является важным инструментом по обеспечению цифровизации и имеет вспомогательный характер для интеграции в сфере цифровизации в рамках ЕАЭС. Программно-стратегическими рамками сотрудничества в сфере цифровизации также являются ориентиры, характерные для третьего этапа реализации Стратегии экономического развития СНГ на период до 2020 г. (углубление торгово-экономических отношений в рамках зоны свободной торговли, взаимодействие в сфере энергетики, транспорта, промышленности и т.д.)[3]. В свете обеспечения процессов цифровизации возникает настоятельная необходимость гармонизации законодательства в сфере разработки и внедрения ИКТ. Вопросы цифровой трансформации, безусловно, войдут и в разрабатываемую Стратегию экономического развития Содружества на период до 2030 г.[4] В качестве основы цифровой интеграции выступит также Концепция сотрудничества государств в сфере цифрового развития.

В настоящее время те или иные направления сотрудничества СНГ в сфере цифровых трансформаций заявляют о себе как в практике торгово-экономических связей, так и на уровне научно-технологического и инновационного сотрудничества. Более интенсивно данное сотрудничество, а впоследствии и координация будет развиваться в случае успешных разработок и воплощения инфраструктурных решений. Как правильно указывается в литературе, «только создавая интегрированную общую цифровую инфраструктуру стран СНГ, можно обеспечить технологическую совместимость цифровых платформ для торгово-экономических связей»[5]. В дополнение к этому для СНГ большое значение приобретает опыт ЕАЭС по формированию и развитию единой информационной системы. Все это означает, что цифровизация рассматривается как «сквозное» направление сотрудничества. Но, кстати говоря, по ряду направлений

---

[1] Шведов В.В. Сущность цифровой экономики в России и странах СНГ // Московский экономический журнал. 2018. – № 5(2). – С. 17–21.

[2] Стратегия сотрудничества в построении и развитии информационного общества на период до 2025 г. (Утв. Решением СГП СНГ от 28 октября 2016 г.). – http://rco.org.ru/uploads/20180628/strategiya_sng-infobshestvo-2025.pdf

[3] Стратегия экономического развития Содружества на период до 2020 года. (Утверждена решением СГП СНГ от 14 ноября 2008 г.). – http://www.e-cis.info/page.php?id=20063

[4] В Исполкоме СНГ обсудили проект Стратегии экономического развития СНГ на период до 2030 года (27.07.2019). – https://e-cis.info/news/564/82410/

[5] Ступаков Н.В. Цифровая интеграция стран ЕАЭС и СНГ: политико-правовые основы развития интегрированной информационной системы евразийского сотрудничества // Международное сотрудничеств евразийских государств: политика, экономика, право. 2019. – № 1. – С. 18.

сотрудничество в СНГ опережает сотрудничество в ЕАЭС. Большими возможностями отличается Цифровая платформа инновационного сотрудничества государств-участников СНГ, позволяющая использовать цифровые технологии для продвижения и распространения инновационных решений[1].

Переход к цифровой экономике, специфика инновационности которой заключается в беспрецедентном использовании цифровых решений во всех звеньях инновационного цикла, в рамках СНГ предполагает новый виток усилий по формированию и развитию евразийского рынка интеллектуальной собственности, представляющего собой пространство оборота высокотехнологичной продукции и прав на них. Кстати говоря, вопросы антимонопольного регулирования и защиты от недобросовестной конкуренции, таможенной защиты интеллектуальной собственности и противодействия контрафакту включены в реализацию третьего этапа Стратегии экономического развития СНГ до 2020 г., а также предусмотрены Концепцией формирования и развития рынка интеллектуальной собственности государств-участников СНГ[2].

Здесь же отметим, что при анализе формирования рынка интеллектуальной собственности необходимо учитывать специфику интеграции в ЕАЭС. Она заключается во включении в данные процессы интеграционных процессов в рамках Союзного государства России и Беларуси, и в свою очередь – включенность в более широкий масштаб – интеграционных процессов в рамках СНГ. «Такая стратегия интеграции требует не только нового качества работы внутри каждого круга интеграции, но и новых механизмов взаимодействия между ними (пример: Меморандум о сотрудничестве и новом взаимопонимании механизмов сотрудничества между СНГ и ЕЭК)»[3].

Итак, создание цивилизованного рынка интеллектуальной собственности – одно из направлений экономической интеграции в рамках СНГ. Необходимым условием его «запуска» является сближение соответствующего законодательства. Гармонизация национальных законодательств в рамках СНГ в сфере интеллектуальной собственности столь же важна, как и в ЕАЭС. Причем методы осуществления данной гармонизации, характерные для СНГ, а именно координации законопроектной работы, принятия новых согласованных актов национального законодательства, проведения предварительной экспертизы законопроектов на соответствие их нормам международного права, а также договорам и решениям, принятым в рамках объединения[4], релевантны и для ЕАЭС.

Предпосылками эффективного сотрудничества по гармонизации правового регулирования и создания единых принципов в сфере охраны и защиты интеллектуальной собственности являются схожие системы внутригосударственного законодательства в государствах-участниках СНГ. Основные положения по охране интеллектуальной собственности содержатся в специальных разделах гражданских кодексов. Кроме того, в большинстве государств-участников интеграционного образования принят ряд специальных законов (об авторском праве и смежных правах, патентные законы и др.). При этом многие положения национальных законов были заимствованы из рекомендательного акта – Модельного гражданского кодекса для государств (Раздел V «Интеллектуальная собственность»). Как отмечает А. Никитина, в условиях развития процессов глобализации и построения информационного общества возрастает необходимость в применении единых подходов к созданию, учету и использованию результатов интеллектуальной деятельности, правовой охране, коммерциализации и защите прав на них[5].

Документы, принятые в СНГ в 2000-е годы, в значительной степени модернизировали предыдущие договоренности. В частности, была принята Концепция формирования национальных баз данных и организации межгосударственного обмена информацией по предупреждению и пресечению правонарушений в области интеллектуальной собственности (2006 г.). В рамках реализации Концепции в 2009 г. было принято Соглашение о сотрудничестве по организации межгосударственного обмена информацией и формированию национальных баз данных авторского права и смежных прав[6]. Рассматриваемое Соглашение нацелено на создание условий для межгосударственного обмена информацией об объектах авторского права, смежных прав и правообладателях. Предусматривается разработка механизма, обеспечивающего получение такой информации, содержащейся в национальных базах данных, органами внутренних дел, судебными органами, прокуратурой, таможенными, а также другими органами государств-участников Соглашения.

Вполне понятно, что ни общее научно-техническое пространство СНГ, ни общее инновационное пространство ЕАЭС не возможны не только без эффективной системы охраны, но и защиты прав интеллектуальной собственности. Поэтому не случайно в п. в) ст. 1 Соглашения СНГ о сотрудничестве в области правовой охраны и защиты интеллектуальной собственности и создании Межгосударственного совета по вопросам правовой охраны и защиты интеллек-

---

[1] Брычеев А.В. Цифровая платформа инновационного сотрудничества в СНГ // XI Международный Форум «Инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности» (23 апреля 2019 г.). Сборник докладов, документов и материалов / Под науч. ред. проф. Лопатина В.Н. – М.: РНИИИС, 2019. – С. 275–277.

[2] Решение СГП СНГ «О Концепции формирования и развития рынка ИС государств-участников СНГ и Плане по ее реализации» от 28 октября 2019 г. – https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34735773#pos=0;0

[3] Лопатин В.Н. Проблемы формирования евразийского рынка ИС в 2018 г. и приоритеты на перспективу до 2025 как условие конкурентоспособности в цифровой экономике» // XI Международный Форум «Инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности» (23 апреля 2019 г.). Сборник докладов, документов и материалов / Под науч. ред. проф. Лопатина В.Н. – М.: РНИИИС, 2019. – С. 191.

[4] Барков А.В. Проблемы гармонизации в Евразийском экономическом сообществе // Журнал российского права. 2003. – № 8. – С. 137.

[5] Никитина А. Пути гармонизации законодательства государств-участников СНГ в инновационной сфере // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2011. – № 2. – С. 48.

[6] Соглашение о сотрудничестве по организации межгосударственного обмена информацией и формированию национальных баз данных авторского права и смежных прав (Ялта, 20 ноября 2009 г.) // Бюллетень международных договоров. 2011. – № 5.

туальной собственности[1] предусмотрено сотрудничество по согласованию вопросов, связанных с охраной и защитой интеллектуальной собственности, при осуществлении сотрудничества в таких сферах, как экономика, торговля, наука, техника, культура и т.д. Таким образом, предусмотренные в двусторонних соглашениях государств-членов ЕАЭС в области охраны промышленной собственности, а также аналогичных соглашениях, заключенных ими с другими государствами СНГ, не входящими в ЕАЭС[2].

В 2011 г. начал свою работу Межгосударственный совет по вопросам правовой охраны и защиты интеллектуальной собственности, чья деятельность распространяется не только на вопросы промышленной собственности, но и на вопросы авторского права и смежных прав. К функциям Совета относится, прежде всего, координация совместной деятельности государств-участников Соглашения по совершенствованию механизмов правовой охраны и защиты интеллектуальной собственности, развитию научно-технического сотрудничества, осуществлению совместных действий по предупреждению, выявлению и пресечению правонарушений в сфере интеллектуальной собственности. Кроме этого предусматривается обмен законодательной, нормативной, методической и другой информацией.

Но не будем забывать и о двухсторонних соглашениях о защите и охране прав интеллектуальной собственности, на которые обращается недостаточное внимание в литературе. Однако они внесли свой вклад в укрепление режима сотрудничества между государствами СНГ в сфере интеллектуальной собственности. Самым первым из них является Соглашение между патентными ведомствами Беларуси и Армении 1993 года[3], тогда как между другими государства в дальнейшем были заключены межправительственные соглашения. К числу данного рода соглашений относится Соглашение между Россией и Казахстаном о сотрудничестве в области охраны промышленной собственности[4]. Оно интересно в том плане, что нацелено на обеспечение как торгово-экономического, так и научно-технического сотрудничества, развитие которого в равной степени зависит от эффективной и адекватной правовой охраны промышленной собственности. В силу этого обстоятельства Стороны признали необходимость включать в двусторонние соглашения об экономическом, промышленном, научном и техническом сотрудничестве положения об охране промышленной собственности.

В положениях ст. 2 были закреплены весьма перспективные с точки зрения развертывания интеграционных процессов положения о том, что сотрудничество будет развиваться по направлению регулирования вопросов не только охраны, но и использования прав на объекты промышленной собственности. Тем более значимо положение о направленности усилий Сторон на гармонизацию национального законодательства в области охраны промышленной собственности. Помимо проанализированных достаточно общих обязательств Соглашение включает достаточно конкретное обязательство, связанное с предоставлением благоприятных условий для охраны и защиты прав и интересов правообладателей. По сути, в ст. 3 речь идет о предоставлении правообладателям национального режима охраны объектов промышленной собственности, дополненного обязательством по обеспечению сотрудничества патентных ведомств.

Аналогичные двусторонние соглашения были заключены между другими государствами, являющимися сегодня членами ЕАЭС. Во многом данные соглашения создают главным образом обязательства по сотрудничеству в сфере охраны промышленной собственности в форме патентной кооперации. Так, в Соглашении Беларуси и России о сотрудничестве в области охраны промышленной собственности[5] эффективная и адекватная охрана промышленной собственности рассматривается в качестве необходимого условия торгово-экономического, промышленного и научно-технического сотрудничества. Однако помимо положения преамбулы, сходного с положением преамбулы Соглашения между Россией и Казахстаном, о необходимости создания взаимных благоприятных условий для охраны прав авторов и владельцев промышленной собственности, здесь также содержится очень значимое положение о проведении в свете признания выгоды патентной кооперации согласованной политики в области охраны и использования промышленной собственности.

К направлениям сотрудничества отнесено решение вопросов, связанных с охраной и использованием прав на изобретения, промышленные образцы, товарные знаки и другие объекты промышленной собственности; упрощение процедуры подачи и рассмотрения заявок на выдачу охранных документов заявителей Республики Беларусь в Российской Федерации и заявителей Российской Федерации в Республике Беларусь; обмен информацией, нормативными и иными документами, а также опытом в области охраны промышленной собственности.

---

[1] Соглашение СНГ о сотрудничестве в области правовой охраны и защиты интеллектуальной собственности и создании Межгосударственного совета по вопросам правовой охраны и защиты интеллектуальной собственности (Санкт-Петербург, 19 ноября 2010 г.). – http://www.wipo.int/wipolex/ru/other_treaties/details.jsp?group_id=21&treaty_id=928

[2] Например, Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Азербайджанской Республики о сотрудничестве в области охраны промышленной собственности (5 ноября 2004 года), Соглашение между Правительством Республики Узбекистан и Правительством Кыргызской Республики о сотрудничестве в области охраны промышленной собственности (24 декабря 1996 г.) и др.

[3] Соглашение между Государственным патентным ведомством Республики Беларусь при совете Министров республики Беларусь и Патентным управлением при Правительстве республики Армения о сотрудничестве в области охраны промышленной собственности (17 декабря 1993 г.). – http://www.belgospatent.org.

[4] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о сотрудничестве в области охраны промышленной собственности (Москва, 28 марта 1994 года). – http://www.rupto.ru/docs/interdocs/CIS_agreem_kazah?starblind=100

[5] Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в области охраны промышленной собственности (20 июля 1994 г.). – http://www.belgospatent.org

Также, как и в ст. 7 Соглашения между Россией и Казахстаном, ст. 9 данного Соглашения предусматривает обязательство по включению в двусторонние соглашения о торгово-экономическом, промышленном и научно-техническом сотрудничестве положения об обеспечении охраны объектов промышленной собственности. В качестве дополнительного обязательства по данному направлению межгосударственного сотрудничества указано содействие со стороны России в присоединении Беларуси к многосторонним соглашениям в области охраны промышленной собственности, участником которых является Россия, но участником которых еще не является Белорусская Сторона. Одновременно, как и в Соглашении между Россией и Казахстаном специально оговаривается, что сотрудничество по охране прав на объекты промышленной собственности будет соответствовать международным договорам, участниками которыми они являются или будут являться. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в обоих соглашения говорится также и о сотрудничестве в использовании объектов промышленной собственности, что, однако, не нашло своего подкрепления в виде конкретных обязательств.

В более позднем Соглашении, заключенном между Беларусью и Киргизией о сотрудничестве в области охраны промышленной собственности[1], содержится много сходных положений. Это дает основание сделать вывод о гармонизированности двухсторонних соглашений государств-членов ЕАЭС по вопросам охраны промышленной собственности, что позволяет им проводить согласованную политику по данному направлению сотрудничества в условиях их членства в ЕАЭС. Вместе с тем, нельзя не отметить, что предусматриваемые в данных межправительственных соглашениях соглашения между патентными ведомствами, в которых нашло бы свое отражение порядок и условия такого сотрудничества, за редким исключением отсутствуют.

Следует констатировать, что, по сути, именно типовые соглашения об охране промышленной собственности стали содержательным каркасом Соглашения СНГ о сотрудничестве в области правовой охраны и защиты интеллектуальной собственности и создании Межгосударственного совета по вопросам правовой охраны и защиты интеллектуальной собственности 2010 г., в преамбуле которого повторяется фраза о том, что правительства государств-участников данного Соглашения признают эффективную охрану и защиту интеллектуальной собственности в качестве обязательного условия развития научно-технического, торгово-экономического и социально-культурного сотрудничества.

Одновременно обращает на себя внимание то, что в Соглашении говорится о необходимости эффективной защиты интеллектуальной собственности в целом. Действительно, для экономики знаний, а также для развития инновационного общества значение имеет не только промышленная собственность, но и авторское право, и смежные права. С учетом логики развития интеграционных проектов вполне понятно, что общее экономическое и инновационное пространство, пересекающееся с общим научно-образовательных пространством, требует дополнения двусторонних мер мерами многосторонними, которые находятся в прямой и обратной связи. Данное Соглашение находится в отношении содержательной преемственности с многосторонним правом ЕАЭС в сфере интеллектуальной собственности и может быть рассмотрено в качестве его составной части, если данное право понимать в широком смысле слова.

Особая роль в процессе гармонизации законодательства принадлежит Межпарламентской Ассамблее государств-участников СНГ (далее – МПА), под эгидой которой разрабатываются, в первую очередь, модельные законодательные акты. Модельные (типовые) законы и рекомендации являются эффективным инструментом интеграции, обеспечивающим гармонизацию, а в ряде случаев и унификацию законодательств государств СНГ. В разработке модельных законов МПА сотрудничает с международными организациями (ООН, ЮНЕСКО, ВОИС и др.), правительствами отдельных иностранных государств. Опосредованное отношение к рассматриваемой тематике имеют положения модельных законов о научно-технической информации, о научной и научно-технической деятельности, о статусе ученого и научного работника, об инновационной деятельности, о защите высоких технологий.

В связи с этим, в целях повышения конкурентоспособности национальной промышленности и экономики государств-участников СНГ был разработан Модельный закон о реализации прав государства на объекты интеллектуальной собственности в сфере науки и технологий. Закон определяет организационные и правовые основы отношений между научными организациями, предприятиями различных форм собственности и органами государственной власти, органами местного самоуправления в области разработки, распространения и использования объектов интеллектуальной собственности. При этом имеются в виду новые результаты научно-технической деятельности, полученные при финансовой поддержке государства.

Еще одним модельным актом, направленным на гармонизацию национального законодательства в сфере интеллектуальной собственности, является Модельный кодекс интеллектуальной собственности для государств-участников СНГ 2010 г. Модельный кодекс призван обеспечить единообразное регулирование имущественных и связанных с ними личных неимущественных отношений, возникающих в связи с созданием и использованием объектов интеллектуальной собственности, распоряжением правами интеллектуальной собственности, а также с охраной и защитой прав.

В целях унификации законодательства в 2012 г. был принят Глоссарий модельного законодательства для государств-участников СНГ в области интеллектуальной собственности. Глоссарий, включающий современный понятийный аппарат, прежде всего, может служить основой юридической терминологии для модельного законодательства. Вместе с тем, легальные и доктринальные дефиниции, сформулированные в документе, послужат задаче сближения национальных законов государств СНГ. В глоссарии приводятся понятия, термины и определения, содержащиеся в международных соглашениях, актах модельного законодательства МПА, в национальном законодательстве государств-участников СНГ, а также в отдельных Директивах Европейского союза.

[1] Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Кыргызской Республики о сотрудничестве в области охраны промышленной собственности (27 ноября 2006 г.). – http://www.belgospatent.org

Продолжая сотрудничество, направленное на гармонизацию законодательства в области интеллектуальной собственности и инновационной деятельности, государства-участники СНГ разрабатывают не только модельные акты, но также различные рекомендации и межгосударственные программы, реализация которых станет основой для дальнейшего развития региональной экономической интеграции.

Важным событием в данной сфере стало вступление в силу в феврале 2019 г. специального международного договора, а именно Соглашения о формировании и развитии рынка интеллектуальной собственности государств-участников СНГ (Душанбе, 1.06.2018 г.)[1]. Соглашение предусматривает создание условий для формирования и развития рынка интеллектуальной собственности государств-участников СНГ. С этой целью намечен ряд направлений сотрудничества, начиная от совершенствования законодательства и заканчивая формированием системы кадрового обеспечения (ст. 2), а также построение межгосударственной системы правовых, финансовых, организационных механизмов коммерциализации прав на объекты интеллектуальной собственности и использование объектов интеллектуальной собственности. Государства-члены ЕАЭС, являющиеся одновременно участниками СНГ, приняли обязательства по выполнению положений данного Соглашения.

В заключение подчеркнем, что речь о создании единого рынка интеллектуальной собственности в СНГ пока не идет. Но можно заметить нацеленность на достижение открытости национальных рынков друг другу. Об этом говорит, например, такое направление сотрудничества, как построение межгосударственной системы правовых, финансовых, организационных механизмов коммерциализации прав на объекты интеллектуальной собственности, использования объектов интеллектуальной собственности и распространение наилучших практик в данной области. Поэтому рынок интеллектуальной собственности ЕАЭС при такой интерпретации – это всего лишь возможный сегмент, причем очень весомый, рынка интеллектуальной собственности СНГ, который возможен в весьма отдаленной перспективе. Однако это не умаляет важности мер по формированию единого рынка именно на уровне ЕАЭС как формата углубленной интеграции с учетом активной реализации Цифровой повестки. Причем, это будет проистекать не только из обязательств по данному Соглашению, но и из обязательств, предусмотренных в международно-договорной базе ЕАЭС в сфере интеллектуальной собственности.

[1] Соглашение о формировании и развитии рынка интеллектуальной собственности государств – участников СНГ (Душанбе, 01.06.2018 г.). – https://government.ru/docs/32695

Явчуновская Р.А.
д.полит.н., профессор РАНХиГС
reguina10@mail.ru

«ПОЛИТИКА СОСЕДСТВА» В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Ключевые слова: *международные отношения, интеграционные процессы, «политика соседства», ЕАЭС, евразийское пространство.*

Начало XXI в. характеризуется новыми фундаментальными процессами в области международных отношений и межгосударственных образований, особое место среди которых, несомненно, занимают европейская и евразийская интеграция.

В основе евразийской региональной интеграции лежат объективные процессы, и прежде всего тяжелый кризис, истоки которого лежали в предшествующем периоде развития евразийского пространства. Этот кризис, с одной стороны, предполагал объективную необходимость минимального объема сотрудничества евразийских государств на основе сохранения и поддержания ранее сложившихся экономических, политических связей и коммуникаций, а с другой стороны – поиск собственных внутригосударственных путей становления и развития, что создало предпосылки для последующего сближения образовавшихся государств.

Интеграционное объединение Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС, 2001–2014 гг.) было сформировано по экономическим и политическим мотивам из государств, имеющих как значимую, исторически сложившуюся общность, так и значительные, реально существующие различия социально-экономических, политических и культурно-этнических условий. Каждое государство-участник ЕврАзЭС (Россия, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан) вступало в это интеграционное объединение со своей заинтересованностью в участии. Это были соображения геополитического плана либо экономические мотивы. Формирование ЕврАзЭС явилось толчком для поэтапного развития экономического интеграционного строительства от зоны свободной торговли через таможенный союз к общему рынку.

Значительная активизация взаимодействия государств-членов ЕврАзЭС в экономической сфере, подписание и реализация ряда многосторонних договоров и соглашений, увеличение темпов взаимной торговли позволяют говорить о Сообществе как об эффективной и развитой организации.

Речь идет о создании новой региональной интеграционной организации, объединяющей таможенные территории государств-участников, в рамках которой предполагалось обеспечить свободу перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы и проводить единую внешнеторговую и согласованную налоговую, денежно-кредитную и валютно-финансовую политику.

Другим интеграционным объединением на постсоветском пространстве была организация «Центрально-Азиатское Сотрудничество» (ЦАС, 2002-2005), впоследствии объединившаяся с ЕврАзЭС. Развитие многоуровневого торгово-экономического сотрудничества провозглашалось приоритетным направлением деятельности ЦАС.

Большой акцент делался на обеспечение безопасности и экономической стабильности, использование водно-энергетических ресурсов в Центральной Азии, формирование общего транспортного пространства, развитие агропромышленного комплекса и приграничной торговли.

Без сомнения, ЕврАзЭС столкнулось со множеством проблем, характерных для СНГ, в то же время оно смогло воспользоваться позитивным опытом взаимодействия в рамках данной организации для углубления экономического, гуманитарного и приграничного сотрудничества.

Для евразийской цивилизации характерны свои особенности: общинность, идеократия, сильное государство, высокая способность к социальной мобилизации, но в то же время склонность к правовому нигилизму и авторитарному прессингу со стороны государства.

Н.С. Трубецкой, раскрывая содержание концепции евразийства, подчеркивает, что та Россия, в которой единственным хозяином всей государственной территории был русский народ – эта Россия отошла в историческое прошлое. Отныне русский народ есть и будет только одним из равноправных народов, населяющих государственную территорию и принимающих участие в управлении ею.

Таким образом, евразийская идея выгодно отличается от других, прежде всего, тем, что она выступает в качестве объединительной для всех без исключения народов евразийского пространства. Современная евразийская идея должна учитывать вызовы нового тысячелетия, содержанием которого будет конкурентная борьба между цивилизациями.

При всей вариативности евразийских идей в различные периоды общим для них базовым концептуальным основанием является мультилинейный подход к оценке исторического процесса, отрицание единой общечеловеческой

цивилизации и единой культуры; восприятие Евразии как особой географической, социально-исторической и социально-культурной целостности; признание единственно перспективным для Евразии самостоятельного развития, опирающегося на национально-культурные традиции, нормы ценности и опыт многовекового взаимодействия евразийских народов.

Отсутствие природных границ на территории Евразии – естественная причина, исторически провоцирующая народы, её населяющие к объединению всех её территорий. Вся история Евразии есть последовательная цепь попыток создания единого всеевразийского государства. Попытки эти предпринимались с разных сторон – с Востока и Запада Евразии. На протяжении всей известной нам истории, позволяющей проследить взаимодействие евразийских народов, наблюдается одна и та же закономерность: пульсирующее чередование двух периодически сменяющих друг друга геополитических форм организации евразийского пространства. Это чередование единой государственности и системы государств.

Диалог народов и цивилизаций невозможен без информационных, культурных, финансовых, транспортных и другого рода связей. Благодаря развитию коммуникаций национальные границы государств становятся все более прозрачными, обеспечивая свободу перемещения информации, людей и товаров. В то же время коммуникации, проходящие по территории конкретной страны, повышают её значимость в международном сообществе, заставляют соседей, заинтересованных в бесперебойной работе коммуникационных коридоров любого типа, считаться с её интересами и потребностями. Контроль над транспортными системами, служит рычагом управления экономикой, а значит, и судьбой целого государства. Поэтому транспортные артерии давно стали целью экономических войн и веским аргументом в любом из политических споров. Особенно актуально это звучит в эпоху глобального передела сфер влияния, начавшегося с дезинтеграции большого советского пространства.

В XXI веке у ряда стран появилось стремление превратить восстанавливаемый Великий Шелковый путь в мощный рычаг геополитики. Так, некоторые политики стран Запада и США, пытаются установить «контроль» и усилить свое присутствие в странах Шелкового пути путем вложения крупных инвестиций в транспортные магистрали.

Другие стремятся извлекать преимущества в одностороннем порядке, диктовать свои условия соседям с помощью регулирования совместного использования транспортных путей, проходящих по территории их государства (например, Украина, Грузия, Азербайджан).

Вопросам геополитических интересов различных стран в Центральной Азии и влиянию геополитики на возрождаемые транспортные артерии Великого Шелкового пути посвящен целый ряд исследований отечественных и зарубежных авторов. В частности, казахстанский исследователь С. Акимбеков, цитируя Зб. Бжезинского – «контроль над Центральной Азией позволяет оказывать влияние на всю Евразию», констатирует, что «геополитическая борьба за влияние в Центрально-азиатском регионе сегодня во многом сводится к проблеме транспортных коридоров. Интересы Запада заключаются в том, чтобы проложить их, минуя Россию и Иран».

Международное сообщество зачастую «преследует такие цели возрождения Великого Шелкового пути, которые не совпадают с целями Центрально-азиатских государств, у которых имеются свои национальные интересы».

Возрожденный Великий Шелковый путь должен включить в себя линии связи, в том числе самые современные, волоконно-оптические, способные передавать огромные объемы информации; воздушные пути сообщения (пассажирские и грузовые); нефте- и газопроводы, по которым сотни млн. тонн нефти и сотни млрд. кубометров газа богатых прикаспийских месторождений потекут в Пакистан, Индию, Китай, Корею и, возможно, в Японию; линии электропередач высокого напряжения, которые, подкрепив национальные энергосистемы, обеспечат широкий маневр в снабжении электроэнергией, позволят им работать в наиболее благоприятном режиме.

Дальнейшее укрепление экономической независимости республик Центральной Азии диктует необходимость развития транспортных коммуникаций, способных обеспечить выход к мировым морским портам. Географическое расположение государств региона таково, что для сообщения с морскими портами в любом направлении необходимо пересечь территорию как минимум одной страны.

Сегодня основные потоки транзитных железнодорожных грузов из стран Центральной Азии во внешний мир проходят по трем маршрутам: Центральная Азия – черноморские порты России и Украины; Центральная Азия – Россия – порты Прибалтийских стран; Центральная Азия – дальневосточные российские порты. Все три направления достаточно отработаны и находятся в режиме эксплуатации, однако новые реалии экономического развития республик Центральной Азии потребовали также наличия выходов к западным портам Черного и Средиземного морей, к южным и восточным морским портам бассейна Индийского и Тихого океанов (Бенгальский залив, Желтое и Южно-Китайское море).

Не случайно проводятся определенные параллели между Европейским союзом, имеющий огромный интеграционный опыт, и Евразийским союзом, делающим первые шаги к объединению. Сравнивать, конечно же, пока нечего. Должно пройти определенное время для того, чтобы Евразийский союз твердо «встал на ноги» и стал играть определенную роль в экономической и политической жизни хотя бы на региональном уровне. Но есть одно обстоятельство, которое объединяет эти Союзы – это идея создания союза единомышленников, стремящихся объединиться, в первую очередь, ради эффективного экономического развития своих стран. Немаловажным обстоятельством, конечно же, являются и определенные геополитические и геостратегические интересы, которые побуждают страны согласиться на создание некоторых наднациональных органов.

Здравомыслящие политики понимают, что возврата в советское прошлое не будет, это объединение, но уже на новых принципах и идеологии.

Евразийский союз должен изначально создаваться как конкурентоспособное глобальное экономическое объединение. Для этого необходимо членам ЕАЭС наращивать свою технологическую мощь, которая поможет уйти как

можно скорее от участи сырьевого придатка мировой экономики. Во-вторых, Евразийский союз должен формироваться как прочное звено, сцепляющее евроатлантический и азиатский ареалы развития, то есть в экономическом плане мы можем стать мостом, соединяющим динамичные экономики Евросоюза, Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. В-третьих, Евразийский союз должен формироваться как самодостаточное региональное финансовое объединение, которое будет частью новой глобальной валютно-финансовой системы.

Народы Центральной Азии и России имеют давнюю историю культурно-цивилизационной интеграции. В результате исторических событий на просторах евразийского пространства шло смешение наций, происходило взаимопроникновение различных культур. Формировалось универсальное мировоззрение, общие духовные ценности, русский язык стал языком межнационального общения. Эту идентичность мы и должны культивировать, именно она и является культурным звеном, объединяющим центрально-азиатские государства в единое целое. В этом контексте речь идет об укреплении уже исторически сложившегося единого культурного пространства, той модели интеграции, которая опиралась бы не только на экономический фундамент, но и на социальный, духовный факторы.

Ситуация в Евразийском регионе в целом характеризуется радикализацией общественно-политической жизни, развитием острых политических процессов, активным вмешательством в региональные события со стороны внерегиональных государств, что создает дополнительные трудности как в обеспечении экономической, так и политической стабильности и безопасности региона.

За последнее десятилетие Евразийский регион стал рассматриваться в качестве источника богатейших природных ресурсов, прежде всего углеводородного сырья, и оказался в центре соперничества различных стран и политических сил. Он также постепенно становится ключевой «точкой отсчета» в соперничестве и конкуренции различных сил мировой политики и международных отношений.

Ярыгина И.З.,
Жигляева А.В.[1]

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В РАМКАХ БРИКС: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: *БРИКС; многостороннее сотрудничество; торговые отношения; электронная торговля; государственно-частное партнерство.*
Key words: *BRICS; multilateral cooperation; foreign trade relations; e-commerce; public-private partnership.*

Введение

В настоящее время в международных экономических отношениях сохраняется конфронтация стран на геополитическом уровне. Действия США и их партнеров оказывают негативное влияние на экономику развивающихся стран и затрудняют международное сотрудничество. В этих условиях важным направлением деятельности является развитие отношений со странами-членами межгосударственного объединения БРИКС, основанное на открытых недискриминационных экономических отношениях, опирающихся на принципы ВТО.

Правовые основы торгово-экономического сотрудничества БРИКС

Торгово-экономическое сотрудничество БРИКС (Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР) является одним из приоритетных направлений Стратегии экономического партнерства стран-членов, определившим необходимость содействия развитию рынков стран-членов и диверсификации экономического сотрудничества. Активное торговое сотрудничество, наряду с другими направлениями, призвано укрепить сбалансированный и инклюзивный экономический рост, а также повысить уровень международной конкурентоспособности экономик стран БРИКС, на долю которых приходится 17,3% мировой торговли товарами, 12,7% мировой торговли услугами, и которые формируют в совокупности 21% мирового валового внутреннего продукта (ВВП), по паритету покупательной способности национальных валют – порядка 30% мирового ВВП.

Целенаправленное стремление к расширению и упрочению связей в сфере торговли приобретает все более четкие ориентиры и находит отражение во всех основных документах БРИКС. Так, актуальная проблема многостороннего торгового взаимодействия в формате БРИКС представлена в Декларации от 16 октября 2016 года, принятой по итогам VIII саммита БРИКС в Индии, Гоа. Лидеры стран выразили уверенность в необходимости дальнейшего стимулирования роста региональной интеграции с обязательным соблюдением принципов открытости и равенства в целях обеспечения развития инвестиционных, торговых и коммерческих связей. В Декларации Гоа подчеркивается особая важность государственных и частных инфраструктурных инвестиций, укрепления многосторонней и недискриминационной торговой системы, последовательного осуществления ключевых экономических инициатив, в числе которых развитие межстрановой торговли и поддержка малого и среднего бизнеса. В Сямэньской декларации БРИКС от 4 сентября 2017 года внимание стран сфокусировано на формировании Рабочей группы государств БРИКС в сфере электронной торговли, поэтапной реализации рамочных программ сотрудничества, дорожных карт и основных принципов содействия торговле и инвестициям. Важно отметить, что странами-партнерами взят курс на активизацию сотрудничества в сфере государственно-частного партнерства (ГЧП). Подчеркивается необходимость развития потенциала межбанковского сотрудничества БРИКС, совместного решения вопросов кредитования в национальных валютах и обмена данными кредитных рейтингов.

Важность активного использования потенциала сотрудничества в сфере сельского хозяйства, развития промышленных прибрежных зон, повышения безопасности внешнеторговых отношений подчеркивается в Йоханнесбургской декларации Десятого саммита БРИКС, принятой 26 июля 2018 года. В целях обеспечения промышленного развития, признано целесообразным решение инфраструктурных проблем, что связано с расширением торгово-экономического сотрудничества. В указанной декларации акцент сделан на перспективе технологий распределенного реестра в стремительно развивающейся Интернет-экономике.

Вопросы, связанные с целями и задачами, стимулами и препятствиями в сфере торгового сотрудничества БРИКС обсуждаются на встречах министров, рабочих групп и экспертов. Например, по итогам восьмой встречи министров экономики и внешней торговли БРИКС в Магалисбурге (ЮАР) 5 июля 2018 года, обозначены приоритетные

[1] Ярыгина Ирина Зотовна – д.э.н., профессор, научный руководитель магистерской программы «Международные финансы и банки», профессор Департамента Мировой экономики и мировых финансов Финансового университета. E–mail: jiz4@yandex.ru
Жигляева Анастасия Викторовна – магистрант Финансового университета. E–mail: anastasia.zhiglyaeva@gmail.com

направления многостороннего сотрудничества: изучение перспектив торговли товарами с добавленной стоимостью в рамках БРИКС, электронная торговля, разработка единого подхода стран к развитию торговли услугами. Использование национальных валют в обеспечении торгового сотрудничества стран отражено в материалах встречи министров финансов и управляющих центральными банками БРИКС.

Современное состояние торгового сотрудничества БРИКС

Современные статистические данные международных организаций, подтверждают положительную тенденцию торгового сотрудничества БРИКС. По данным Делового совета БРИКС, за период 2001–2017 гг. произошло увеличение внутригрупповой торговли БРИКС в общем объеме внешнеторгового оборота стран-членов с 6,2 до 10%. В 1990–2016 гг. увеличилась доля БРИКС в мировом объеме производства с 5,4 до 22,2% Рост доли стран без учета КНР был менее значительным (с 3,7 до 7,4%) [UNCTAD, 2018].

Состояние внешнеторгового сотрудничества стран в формате БРИКС представляется возможным проанализировать с применением данных Международного центра торговли (International Trade Center). Анализ данных за 2014–2018 гг. показал, что в настоящее время имеет место доминирующее положение Китая в торговых отношениях БРИКС, доля в импорте которого варьирует от 15 до 22%, а в экспорте – от 5 до 27%. Отметим, что Китай выступает преимущественно в качестве экспортера БРИКС, а доля экспорта из стран-партнеров по БРИКС в Китай значительно меньше. Темпы прироста за 2014–2018 гг. для Китая по экспорту также существенно выше темпов прироста по импорту за аналогичный период, за исключением двусторонней торговой связи «ЮАР – Китай». Главным торговым партнером КНР по импорту является Бразилия (доля импорта Китая из Бразилии – 4%). Второе место занимает Российская Федерация с долей в общем импорте Китая, равной 3%. Наибольшая доля среди стран-партнеров Китая по экспорту в 2018 году принадлежит Индии и составляет 3%, на втором месте – Россия (доля в экспорте равна 2%). Основным торговым партнером Бразилии по экспорту и импорту в рамках БРИКС является Индия. Значения доли Бразилии как в экспорте, так и в импорте БРИКС составляют 1–2%, за исключением доли в импорте Китая – 4% и доли в экспорте ЮАР – 0%, что фактически означает отсутствие экспортных поставок из Южно-Африканской Республики в Бразилию. В качестве важнейшего торгового партнера России в БРИКС выступает Китай, на втором месте – Республика Индия. Из Российской Федерации экспорт осуществляется в основном в Китай – 2%, на Бразилию и Индию приходится по 1%, на ЮАР – 0%. Доли всех государств-партнеров Индии в БРИКС по экспорту и импорту, кроме Китая, одинаковы – 1%. Наибольшие доли зафиксированы для Индии в экспорте ЮАР – 5% и Китая – 3%. Наименее активным участником торговых отношений БРИКС в настоящее время является ЮАР – доли этого государства как партнера в двусторонних торговых связях незначительны и составляют 0–1% по импорту и по экспорту. Отметим, что данные свидетельствуют о наличии важных тенденций в торговых отношениях БРИКС. В настоящее время структура торгового сотрудничества БРИКС является «звездообразной», поскольку центральное место занимает КНР [Арапова, Чкония, 2016]. В то же время, следует выделить тенденцию ускоренного роста двусторонней торговли между партнерами, обладающими меньшей долей во взаимном товарообороте, что характерно для таких пар стран, как Индия-Россия по импорту и Россия-Индия по экспорту.

В целях исследования представляется важным осуществить анализ товарной структуры взаимной торговли БРИКС. Такой подход позволит оценить стремление стран-партнеров к реализации собственного отраслевого потенциала. Анализ данных ITC (International Trade Center) показал, что в 2018 году, Бразилия экспортировала в Россию разные пищевые продукты. Их доля в экспорте составляет 8%, белковые вещества/модифицированные крахмалы/клеи/ферменты – 3%, табак и промышленные заменители табака – 4%. Основными статьями импорта из России для Бразилии являются: удобрения – 22% или 1,895,897 тыс. долл., никель и изделия из него – 19%, алюминий и изделия из него – 16%. В экспорте из Бразилии в Индию преобладают следующие группы товаров: жиры и масла животного и растительного происхождения и продукты их расщепления – 38%, овощи и некоторые съедобные корнеплоды/клубнеплоды – 33%. В структуре импорта Бразилии из Индии наибольшую долю занимают нити и изделия из текстильных материалов – 22%. Бразилия поставляет в Китай массу из древесины или из других волокнистых целлюлозных материалов, мясо и пищевые мясные субпродукты, семена и плоды прочих масличных культур, а импортирует из КНР электрические машины и оборудование, реакторы ядерные/котлы/оборудование и механические устройства. Из ЮАР Бразилия импортирует жемчуг природный или культивированный/драгоценные или полудрагоценные камни/драгоценные металлы – 23%, экспортирует в ЮАР – цинк и изделия из него – 20%. Основными статьями экспорта из России являются: в Индию – инструменты и аппараты (оптические, измерительные, медицинские и т.п.), электрические машины и оборудование, в Китай – минеральное топливо, древесина и изделия из нее/древесный уголь, рыба и ракообразные/моллюски. Импортирует Российская Федерация пластмассы и изделия из них, игрушки, механические устройства, предметы одежды – из Китая, кофе/чай/пряности, лекарственные препараты – из Индии. В структуре импорта Индии из Китая доминируют такие товарные группы: электрические машины и оборудование (прирост за 2014–2018 гг. – 12%), органические химические соединения, изделия из железа или стали. Южно-Африканская Республика в 2018 году из Китая импортировала преимущественно машины и оборудование, химические соединения, обувь, предметы одежды, однако в 2014–2018 гг. для большинства товарных групп характерен сравнительно невысокий (2–4%) и отрицательный средний темп прироста. Наибольший рост отмечен для минерального топлива – 40%, алюминия и изделий из него – 12%, химических соединений – 10%. В номенклатуре экспорта из ЮАР в КНР лидирующие позиции занимают руды, железо и сталь, медь, лес и лесоматериалы. Таким образом, для взаимной торговли БРИКС на современном этапе характерны относительно небольшие объемы в стоимостном и натуральном выражении. Тем не менее, есть тенденция к росту. Каждая из стран-участниц демонстрирует стремление к реализации отраслевого потен-

циала, которым она располагает. В целом более 30 товарных позиций в двусторонней торговле между странами являются статистически значимыми. В этой связи товарная структура взаимной торговли в рамках БРИКС является относительно диверсифицированной.

Выводы и рекомендации

По результатам проведенного анализа торговых связей стран БРИКС представляется возможным сделать следующие основные выводы. Во-первых, центральное место в торговых связях в формате БРИКС занимает КНР, доли остальных стран несопоставимо малы, в особенности – по экспорту. Наиболее диверсифицированная структура также характерна для китайского экспорта, в то же время, в товарообороте в рамках БРИКС, по-прежнему, преобладает сырьевой и низкотехнологичный экспорт, а доля товаров с высокой добавленной стоимостью невелика, что связано со спецификой отраслевого потенциала стран-участниц, их стремлением обеспечить в первую очередь продовольственную безопасность, реализовать возможности богатого природно-ресурсного потенциала. Тем не менее, уже к 2025 году страны БРИКС в качестве целей выделяют развитие «экономики знаний», интенсивное развитие инфраструктуры, обеспечение роста за счет новых высокотехнологичных секторов. Во-вторых, страны БРИКС удалены друг от друга, что затрудняет транспортировки товаров, увеличивает транзакционные издержки. Изменения внешней конъюнктуры, колебаний валютных курсов усложняют условия сотрудничества. Происходят изменения в цепочках добавленной стоимости, в соотношениях цен, что отражается непосредственно на объеме товарооборота. В-третьих, по итогам Саммитов БРИКС внимание фокусируется на объективной необходимости развития инфраструктуры, главным образом, транспортно-логистической. Кроме того, в официальных документах БРИКС отмечается недостаточное финансирование указанной сферы. В этой связи важно отметить расширение финансирования инфраструктурных проектов Новым Банком Развития БРИКС (НБР), объем которого в 2018 году составил 4,991 млн. долларов США. Получение инвестиционного рейтинга НБР в 2018 году создаст благоприятные условий для привлечения ресурсов мировых рынков капиталов в целях формирования специальных фондов и финансирования программ развития инфраструктуры БРИКС. Участие банков развития стран-партнеров также способно оптимизировать использование финансовых ресурсов и инструментов финансирования в интересах БРИКС. В целях развития инфраструктуры представляется важным применять механизмы инвестиционного кредитования, проектного финансирования с учетом существенной капиталоемкости и долгосрочности проектов. Наряду с потребностью в финансировании возникает необходимость высококвалифицированного юридического и иного сопровождения крупных проектов. В данном контексте целесообразно подчеркнуть организующую роль банков-посредников, от эффективной деятельности которых зависит реализация стратегических задач участников межгосударственного объединения БРИКС.

Важное значение для развития торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества БРИКС имеет государственно-частное партнерство (ГЧП) как фактор минимизации рисков участников проектов [Ярыгина, 2013]. В формате ГЧП одной из важнейших характеристик является многостороннее взаимодействие, в ходе которого проблемы и поиск решений обсуждаются открыто всеми участниками, формируются совместные задачи на базе благоприятных условий взаимодействия заинтересованных сторон, которые формируют правительства стран-партнеров. Нерешенные проблемы в сфере многостороннего торгового сотрудничества БРИКС требуют межгосударственных решений, прежде всего, в сфере таможенного взаимодействия, промышленного развития, инвестиционного сотрудничества и пр. Несмотря на доминирование в БРИКС двустороннего сотрудничества, проблемы многосторонних проектов целесообразно решать совместно с учетом степени сложности задач и их значимости. Представляется важным в качестве одного из наиболее перспективных путей решения проблемы географической удаленности стран выделить развитие электронной торговли, В целях полноценного взаимодействия институтов управления и участников торговых связей целесообразно идти по пути развития бизнес-модели «правительство – бизнесу» (G2B). Важную роль может играть также расширение использования бизнес-моделей B2B, B2C, C2C. Потенциал для сотрудничества в сфере электронной коммерции имеется. Так, например, с помощью российской платформы трансграничной электронной торговли GRT (Global Rus Trade) осуществляется поддержка экспорта строительных материалов и промышленного оборудования в страны БРИКС [Гусарова, 2017]. По данным BRICS E-commerce Cooperation Initiative (China, 2017), в Китае развиваются услуги сервиса облачных вычислений данных, поисковой системы, электронных платежей. Важнейшую роль в росте электронной коммерции играет Группа Алибаба (Alibaba Group), в частности, в использовании моделей B2B и B2C. Содействие развитию бизнеса оказывает онлайн-площадка в Индии (IndiaMart). Кроме того, совместно с ICICI Bank разрабатывается программа защиты от рисков неплатежей и неполучения товаров. Важным результатами использования новых технологий будет снижение транзакционных издержек торгового взаимодействия, а также развитие прямого (без посредников) торгового сотрудничества участников хозяйственных связей. Важно оптимизировать такой формат реализации программ развития в целях развития торговли как ключевого фактора устойчивого развития БРИКС.

Список литературы

1. Арапова Е.Я., Чкония А.Е. Торговый потенциал БРИКС: проблемы и перспективы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2016. – № 7. – С. 152–164.
2. Банк России: Встреча министров финансов и управляющих центральными банками стран БРИКС. 2017. – https://www.cbr.ru/today/ms/inf_2017-03-20/
3. БРИКС. Декларация лидеров. 2016. – http://www.kremlin.ru/supplement/5139
4. БРИКС. Декларация лидеров. 2017. – http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/09/2017-09-05_BRICS_Declaration.pdf

5. БРИКС. Декларация лидеров. 2018. – http://www.kremlin.ru/supplement/5323
6. Гусарова С.А. Развитие электронной торговли в странах БРИКС // Экономические науки. 2017. – № 11 (156). – С. 34–42.
7. Национальный комитет по исследованию БРИКС (НКИ БРИКС). Министры экономики и внешней торговли БРИКС определили вектор дальнейшего развития объединения. 2018. – http://nkibrics.ru/posts/show/5b4f5a986272690531750000
8. ЮНИДО. Дорожная карта торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества БРИКС на период до 2020 года. 2015. – http://www.unido.ru/upload/files/d/dorohznaja_karta_briks.pdf
9. Ярыгина И.З. Государственно-частное партнерство стран-членов БРИКС как фактор уменьшения рисков для мировой экономики // Экономика. Налоги. Право. – М., 2013. – № 4. – С. 56–59.

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ И ДЕЗИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Адилова Л.Ф.
д.полит.н., профессор РГГУ

ОБРАЗ ЕВРАЗИЙСКОГО СОЮЗА: БОЛЕВЫЕ ТОЧКИ, ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ

Ключевые слова: *внешнеполитические образы, имидж Евразийского союза, образ будущего Евразийского проекта, динамика формирования имиджа Евразийского проекта, конфликтующие ценности.*

Анализ «формирования внешнеполитических образов» выявил существующие в массовом сознании противоречивые ценности, которые объясняют состояние и тенденции развития, социально-политические изменения, противоречивые трансформационные процессы.

Характер представлений о себе на постсоветском пространстве и восприятие другими влияет на процесс конструирования картины внешнего мира, имиджа Евразийского союза. Неслучайно наибольшую известность получили исследования, учитывающие совокупность факторов, объясняющих специфику национального развития.

Динамика характерных представлений отражает образ России и других стран-участниц Евразийского проекта в представлениях внешнего окружения, позволяет проанализировать восприятие не только внешнего, но и внутреннего образа. Сосредоточив внимание на анализе восприятия внешнего образа можно скорректировать восприятие общественностью самих стран-участниц, выявить внутренний образ. Россия, с ее особой культурной и национальной самобытностью, слабо использует постмодернистские и традиционные ценности, а также фундаментальные обоснования своей цивилизационной привлекательности. Острота проблемы заключается в слабом изучении комплекса конфликтующих ценностей на основе компаративистского подхода. Компаративные проекты позволяют увидеть в исследуемых процессах общее и особенное, выявить специфические особенности национального развития, определить взаимосвязи изменений, происходящих в евразийских государствах. Так следует отметить «мягкие трансферы власти» в странах, где демократические институты были только имитационными и укрепились авторитарные модели власти, а политические лидеры, ограниченные физическими ресурсами собственного организма, столкнулись с необходимостью передачи власти даже при «фасадных» заменах[1]. Проблема соотношения процессов модернизации традиционалистских образов стран постсоветского пространства указывает на отсутствие зрелых социокультурных и демократических оснований власти. С точки зрения логики следует изучить персоналистские режимы, семейно-династические и автократические, за которыми стоит корпоративная организация властной элиты – правящая партия. Однако при изучении интеграционных процессов и тенденций, фиксируемых в рамках Евразийского пространства, акцент делается не на специфике политической динамики, а на взаимообусловленности интеграции.

Несомненно, что проблемы современной России и стран-участниц Евразийского проекта связаны не только с особенностями трансформации и институционализации государств Евразийского проекта, но и с реконструкцией традиционных основ и ценностей, укреплением гуманитарных, информационных и культурных обменов. «Коммуникационная культура как часть американского гегемонизма окрепла на дрожжах глобализации, довела до совершенства теорию и практику информационных войн и цветных революций ради социальных конфликтов и смены режимов, что произошло в ряде постсоветских государств»[2].

На этапе формирования Евразийского проекта целенаправленно действуют представители политических элит, лидеры мнений, СМИ, создавая репрезентативную реальность. Образ Евразийского союза в общественном мнении отождествляется с представлениями о роли государств-участников данного проекта в информационном пространстве. Для продвижения позитивных представлений о Евразийском союзе важен механизм продвижения позитивного образа, символы успеха в политических, социальных, экономических сферах. Законы динамики моды, образцы поведения в пространстве массовых коммуникаций позволят внедрить культуру Евразийства. Однако базисные факторы и ценности, составляющие основу функционирования Евразийского союза, не следует подвергать ситуационным изменениям.

Владимир Путин и Нурсултан Назарбаев являются лидерами и драйверами Евразийского проекта, формируют новые представления о нем, определяют его политику.

Идеи и символы евразийской интеграции оказывают существенное воздействие на процессы развития и коммуникацию постсоветских государств. Исключительная важность символической коммуникации осознается такими ис-

[1] Царь горы: Недемократический трансфер власти на постсоветском пространстве / Г. Хейл, Е. Иванов, А. Искандарян и др.; под ред. К. Рогова. – М.: Либеральная Миссия, 2019. – С. 20.

[2] Макаревич Э.Ф. Блеск и нищета массовых коммуникаций.– М.: Парламентская газета, 2016. – С. 397.

следователями информационного общества, как Уэбстер Ф.[1], Кастельс М.[2]. Массовое сознание претерпело смену приоритетов – от экономических и политических до ценностных, имея в виду, что динамика информационных процессов зависит от имиджевой брендинговой проработки Евразийского проекта, испытывающего на себе одновременное воздействие трансформационных и кризисных процессов. Таким образом, недемократические трансферы власти на постсоветском пространстве являются не случайными, а закономерными, регулярно повторяющимися сюжетами функционирования сложившихся институтов, характеризуются неспособностью выстроить систему гражданского общества, слабостью электоральных процессов. Всё это обнаруживает конфликт формальных и неформальных институтов. Эти институты тесно связаны со спецификой персоналистских режимов гипертрофированно раздутой исполнительной властью.

Нужна целевая программа по корректировке образа России и стран, входящих в ЕАЭС, нацеленная на внешнюю и на внутреннюю общественность. СМИ на конкретных примерах повседневной жизни рядовых граждан могут дать почувствовать читателям и зрителям, что вместе мы можем, используя наши конкурентные преимущества, сильные стороны, осмысленно подойти к позиционированию собственной уникальности.

Стратегический проект Евразийского союза может стать интеграционной основой национального возрождения России в глобализирующемся мире, способствовать положительной идентификации, создавать ориентиры для нового поколения россиян, предлагать реалистический образ многонационального Евразийского союза. Так как мир стал более зависим от массовых коммуникаций, статус таких институтов как Евразийский союз стал определяться местом, которое они занимают в стране и мире. Ценностные ориентации евразийской интеграции, которые репрезентируют СМИ, во многом определяют современные модели поведения, создают значимые образцы – эталоны, которые сопровождают человека всю жизнь и оказывают основополагающее влияние на его мировоззрение. Граждане стран-участниц Евразийского проекта часто перенимают те нормы поведения, которые транслируются СМИ.

На наш взгляд, следует изменить знаково-символическую политику и, в частности, провести трансформацию евразийского информационного пространства, создать механизм целенаправленного продвижения евразийских ценностей.

Новый способ интеграции Евразийского союза, который заключается в генерировании знаний, качественных изменений в экономических, социальных, культурных, духовных сферах стран-участниц проекта, пока не освоен. Поскольку Евразийский союз не получил широкой информационной и экспертной поддержки, разъяснение ценностей и реальных выгод интеграции ЕАЭС в СМИ продвигается медленно. Экспертное сообщество не успевает отреагировать на форсированное вступление в Евразийское сообщество новых членов и происходящие в связи с этим изменения в виртуально символической среде. Более того, Евразийский союз еще не заработал, не выработаны его визуальные содержательные составляющие, а у рядовых граждан складывается впечатление, что проект является «верхушечным».

Следует отметить, что в то время как в сознании участников Евразийского проекта наблюдается разрыв между желаемым и реальным имиджем, международный имидж укрепляет положение государств-участниц проекта на международной арене, способствует повышению национального самосознания, формирует национальную идентичность и тем самым представляет конкурентные преимущества, ставит участников проекта в заведомо выгодное положение. При этом усиливая положительное впечатление о ЕАЭС, брендинг государства является инструментом создания и поддержания конкурентных преимуществ взаимодействия участников проекта[3].

В этой связи профессиональная информационная, имиджевая политика государства способна изменить ситуацию. Создание структур для поддержания информационного рациона, меню, почвы для взаимопонимания, адекватного восприятия друг друга и содержательное сотрудничество в образовательной сфере, гуманитарной сфере позволят позиционировать ЕАЭС как пространство общих ценностей, механизм защиты от цветных революций, актуализирует саму проблему управления и корректировки восприятия, продвижения позитивного имиджа стран-участниц Евразийского проекта.

На фоне дестабилизации и внешних угроз объединительные процессы стратегически важны для всех стран евразийского пространства. В рамках исследовательского проекта было выявлено, что в СМИ, в том числе и на постсоветском пространстве ведется массовая антироссийская пропаганда. Широко задействованы информационные «вбросы», дезинформация. Более того, СМИ превратились из источника информации в рупор политических элит, границы между ложью и истиной размываются, а информация становится дезинформацией. Информационное воздействие содержит искажение фактов, навязывает народам ложное, эмоциональное восприятие России.

В то же время впервые за весь постсоветский период реально заработали институты международной интеграции, наделенные наднациональными функциями регулирования интеграционного процесса. Учитывая научный интерес к проблеме институционализации Евразийского экономического союза и формирования его позитивного образа и бренда, довольно неожиданным оказалось, что диалектика представлений о нем как в самой России, так и в странах-участницах проекта, слабо изучается. В массовом сознании на незавершенность евразийской интеграции накладывается неясность ее статуса в международной иерархии.

Высокая динамика и растущее многообразие евразийских интеграционных процессов требует интенсификации экспертной работы, расширения научных, публичных площадок, обсуждения, диагностики форматов взаимодействия, дискуссии о России и странах Евразии.

---

[1] Уэбстер Ф. Теории информационного общества. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 96–97.

[2] Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – С. 39.

[3] Василенко И.А. Имидж России: концепция национального и территориального брендинга. – М.: Экономика, 2014. – С. 16–17.

Эксперты констатируют, что включение евразийской проблематики в актуальную повестку для национальных СМИ, носит в значительной степени ситуативный характер, зависит от календаря событий – проведения саммитов, встреч на высшем уровне. Поэтому возникает закономерный вопрос: насколько корректно оценивать активность и эффективность представленности евразийской повестки только по количеству публикаций государственных СМИ в период саммитов или встреч на высшем уровне? Между тем, именно по таким критериям часто определяется востребованность евразийской тематики в исследованиях, посвященных информационному сопровождению ЕАЭС в национальных СМИ.

Эта тема требует системного осмысления через привлечение инструментов многофакторного анализа, а не формального ответа в рамках исследовательских презентаций, когда оценка эффективности выводится только из количества публикаций по определенной проблематике. Данное обстоятельство существенно затрудняет систематизацию материалов, отражающих проблемное поле евразийской интеграции в национальных СМИ. Требуются методы настройки более глубокого, системного анализа, тонкие механизмы «настройки». Неоднозначность сюжета связана с отсутствием четких критериев оценки информационной активности национальных медиа в сфере евразийской интеграции.

Социальная стабильность и ценностное единство зависят от приверженности к интеграции, которая идет активно, однако, это не относится к культурно-гуманитарной сфере, а значит, и к формированию объединяющих смыслов и ценностей евразийской идентичности. А это система духовных и нравственных ценностей, уважение к личности, взаимообогащение культур, единый вектор массовых представлений.

В то же время отражение в СМИ экспертных и аналитических материалов по данной проблематике заметно снизилось за последние три-четыре года.

Кроме того, тональность информационной повестки в отношении интеграционных процессов даже в Казахстане за последние годы существенно изменилась. В начале нулевых годов вопросы интеграции были актуальным трендом: проводился Евразийский Форум под патронажем Дариги Назарбаевой, создавались экспертные тематические передачи, информационные агентства («Казинформ»), были открыты специальные рубрики, посвященные различным аспектам евразийского интеграционного проекта.

При этом доминирующими темами, отражающими интерес страны к евразийской проблематике, были сюжеты, связанные с особой ролью Н.А. Назарбаева в создании и развитии идеи практического Евразийства. Именно эта тема была базовым сюжетом как в научном дискурсе, так и в публикациях ведущих казахстанских СМИ. В массовой аудитории закреплялся образ Первого президента Казахстана как «Отца» Евразийской интеграции, политика, наиболее глубоко чувствующего и понимающего интеграционный тренд.

В настоящий момент ситуация носит ярко выраженный стагнационный характер. Информационные сообщения по тематике евразийской интеграции либо формируются в виде стандартного дайджеста о состоявшихся на высоком или высшем уровнях мероприятиях, либо отображают статистику макроэкономических показателей. В результате такого подхода происходит смещение приоритетов при оценке населением Казахстана выгод и недостатков от интеграции. Нейтральная или отстраненная оценка ведущих СМИ страны перспектив евразийского интеграционного проекта непосредственно влияет и на общественное восприятие ЕАЭС. Практический опыт евразийской интеграции, по сути, выпал из информационного пространства Казахстана.

В этой связи не менее важно в формировании евразийской идентичности создание единого образовательного и информационного пространства, наличие объединяющих мировоззренческих и ценностных предпочтений, не разрывающих символические параметры исторической памяти, ценностно-нормативную систему, характерную для обществ Евразии.

В российских СМИ публикации об ЕАЭС носят эпизодический характер. В этом случае можно провести определенные параллели с ситуацией по Казахстану. Тематика ЕАЭС была упомянута в заголовках в первом абзаце лишь в 36,5% случаев. По мнению автора исследования, в медийном пространстве России ЕАЭС всё ещё продолжает выступать в качестве информационного фона при освещении событий в странах-партнерах по Союзу.

Одной из главных проблем следует признать дефицит качественных информационных поводов, интересных деловым СМИ и бизнес-сообществу в целом. В России ощущается острый недостаток качественной аналитики по евразийской проблематике, которая могла бы заинтересовать СМИ и массового читателя. Новостные повестки включений также носят спорадический характер.

На фоне активизации антиевразийской риторики давление Запада на союзников России усиливается. Содержательным наполнением информационной кампании против ЕАЭС является угроза реинкарнации СССР, «союза диктаторов», авторитарный характер евразийской интеграции, отсутствие образа будущего евразийского проекта. В этих условиях очевидна потребность формирования новой мотивации на создание стратегического проекта освещений интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Образ будущего Евразийского проекта должен получить четкое смысловое наполнение, снять проблемные противоречия между консервативными старыми моделями управления обществом и попытками создания новых.

Анисимов А.М.
научный руководитель НИИ Человеческого общества, Санкт-Петербург
Градов С.Ю.
директор НИИ Человеческого общества, Санкт-Петербург

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ОБЪЕКТИВНОГО ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ

Ключевые слова: евразийская интеграция, научно-образовательная модель Человек Сознательный, сознательный реализм, объективное обществоведение, экономика общественных резервов, структурно-топологический подход, торо-координатный подход, теория и механика Наблюдателя, пространство состояний и пространство учтённых событий хозяйственного субъекта.

Keywords: Eurasian integration, the scientific and educational model Homo Conscious, conscious realism, objective social science, economy of public reserves, structural-topological approach, toro-coordinate approach, Observer theory and mechanics, the area of recorded events and the area of states of undertakings.

1. Экономика общественных резервов – способ усиления хозяйственных эффектов Евразийской интеграции

Евразийская интеграция (ЕАИ) в формате ЕАЭС служит для РФ в большей степени технологией экономического развития, и в меньшей степени – общей политикой развития, коль скоро данному объединению пока что заказана пятая, высшая его стадия – политический союз (четвёртая стадия – экономический и валютный союз).

В то же время интеграция стран, их хозяйственных механизмов, как политэкономический процесс, общественное и социальное явление, должны обусловливаться общей целью и смыслом – обеспечение благополучия людей.

Данное обстоятельство, внешние и внутренние условия управления народнохозяйственной динамикой для России в период 2020–2025 гг. выдвигают задачу формирования действительной долгосрочной экономической и хозяйственной политики страны, старт которой приходится на третье десятилетие текущего столетия (2020–2030 гг.), а первые результаты планируются во второй его половине, после 2050 г.

Такая экономическая политика должна начинаться в собственном народном хозяйстве, в каждом домашнем хозяйстве – и идти от него, в каждом поселении, городе, охватывать всю экономику страны, всю её территорию, и продолжаться в едином экономическом пространстве ЕАЭС, и в Большой Евразии. Более того, служить вызывающим потенциалом хозяйственного развития и для себя, и для ЕАЭС, и для Большого Евразийского партнерства.

То есть, экономическая политика должна не только стремиться, но и обладать свойствами, и решаться правилами, постулатами и уравнениями,– непрерывности[1], однородности[2], и единства[3] [16, 15, 5] интересов и потенциалов хозяйственного и экономического развития участников.

Мы назвали подобное целеполагание для народнохозяйственного развития, а также принципы, способы, решения, планирование и управление, его составляющие, экономикой общественных резервов [5]. Российской Федерации для полноценного участия в мирохозяйственных процессах XXI века, следует реализовать [экономическую] политику общественных резервов.

Формирование, сохранение, и обновление общественных резервов, или социально-экономическая политика общественного резервирования, объединяет социо-экономико-политические (СЭП-) народнохозяйственные возможности и государственные способности страны с её совокупным общественным (О-) потенциалом, в который демографические, образовательные, культурные и другие параметры [сферы развития] входят как составляющие.

---

[1] Для математического измерения *непрерывности* (непрерывных величин) введены вещественные (действительные) числа. [Натуральные числа введены для простого счёта, а рациональные числа, или – отношения, простые дроби, для операций с частями целого, например, с *квадрантами окружности*]. Так, числовая прямая – синоним множества вещественных чисел, которое, в свою очередь, для современной математики есть *непрерывное упорядоченное поле*.

[2] Оператор гиперкомплексного отображения во внешнее и во внутренние пространства объекта удовлетворяет условию *непротиворечивости*. Математически, *непротиворечивость* – свойство формальной системы, которое заключается в *невыводимости из неё противоречия*.

[3] Нижняя граница – удовлетворение условиям *полноты* и *достаточности* [16]. Собственный интервал определённости: *горизонт управления – горизонт состояния* [9, 2]. Класс математических объектов (чисел, множества, пространства и др.), удовлетворяющий *теории управления событиями* (ТУС), в т.ч. *пространству управления событиями* (ПУС: $\{x^3; t^3; p^3\}$) [16], *пространству состояний Наблюдателя* [9, 1], *теории* и *механике Наблюдателя* [15], в том числе *механике Наблюдателя в тензорной форме* [1, 5]: $\{A_0, A, A^2, A^3, A^4\}$.

Таким образом, экономическая политика общественных резервов служит задачам – СЭП и О объединения потенциалов и факторов развития и в этом своём качестве является новацией по выходу из последствий многостороннего мирового экономического кризиса, длящегося уже более 10 лет (с 2008 г.).

Евразийская [экономическая] интеграция, в условиях реализации политики общественного резервирования процессов экономического роста и развития в российской экономике, и с партнерами по ЕАЭС в интересах развития их национальных экономик и единого экономического пространства ЕАЭС служит акселератором экономического роста на пространстве ЕАЭС. При этом политика и институциональное укрепление общественного резервирования призваны служить средствами долгосрочного обеспечения экономического (и другого) роста темпами выше общемировых [4, 5].

Для объединения интеграционной работы в экономике и формирования экономики общественных резервов нами предлагается [5] создание второй институциональной вертикали евразийской интеграции, которая укрепит научное, технологическое и проектное развитие участников Евразийского Союза, и самого ЕАЭС в его экономических связях с соседями по Евразии, и другими мирохозяйственными регионами.

Важной задачей управления, при формировании политики и экономики общественных резервов, является формулирование соответствующих моделей и методов управления и планирования [5] (см. далее структурно-топологический [6, 7] и торо-координатный подходы).

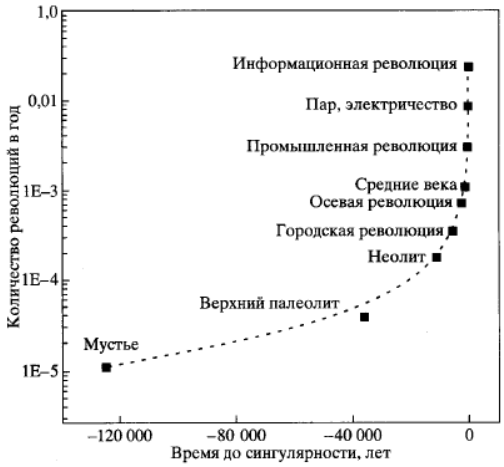
2. Роль научно-образовательной модели Человек Сознательный в изменении взгляда на социо-экономико-политическое пространство и интеграцию

Масштабный кризис мирохозяйственной системы и управления мирохозяйственными отношениями начала XXI века, факторами которого, в том числе, выступают такие процессы и события как:

– увеличение плотности планетарных революций, по Панову [21], см. рис. 1,

– мировой демографический переход, по Капице [17, 18], см. рис. 2,

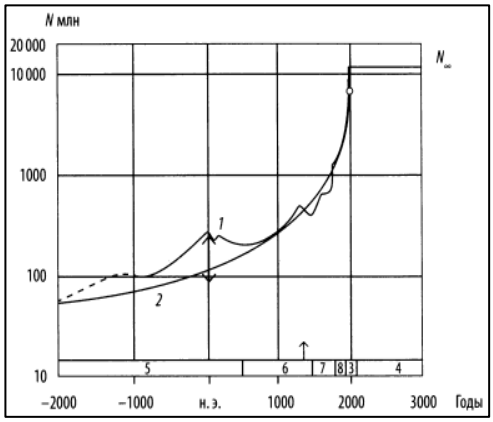
– кризис познания [2, 23] и науки при переходе к VI технологическому укладу по Глазьеву [12, 13] должен найти своё разрешение в теории и представлениях о Человеке и Обществе в наступающую эпоху – Человечества большой численности [17, 18, 2].



Источник: Панов, 2006.

Рисунок 1.
Увеличение плотности планетарных революций в режиме с обострением

Пунктирная кривая – результат сглаживания экспериментальной зависимости.



Источник: Капица, 2008.

Рисунок 2.
Население мира от 2000г. по Р.Х. до 3000 г.

Перспективная научная модель Человека (Бехтерева, Давитая, и др.), последовательно развиваемая российской школой по пути преемственности (Мечников, Сеченов о рефлексологии, Бехтерев о бессмертии человеческой личности как научной проблеме, Павлов о ВНД, 1 и 2 сигнальных системах), названа нами – Человек Сознательный [10, 11, 16, 2, 15, 20].

Формируемые воспитанием, образованием, и другими сознательными средствами свойства [согласно модели Человек Сознательный], называемые в представлениях о Человеке и Обществе – человечностью, сознательностью, и т.п., проявляются через особые величины — смыслы происхождения, существования, жизни и деятельности каждого Человека, всех людей вместе — Человечества. Смыслы, как понимаемые и думаемые Человеком причины действия, определяющие – цели и задачи жизни из будущего и в будущем, решаются[1] [всей] жизнью и сознательностью [15] Человека данной эпохи и других (всех) предыдущих эпох Человечества.

Главенство смысла как руководства к действию [15], а не только цели (целей) и задачи, отличает Человека Сознательного. Введение сознательности в модель (действия) Человека и описание взаимодействия Человека с Человеком, с Обществом, и с Человечеством на данной основе, сменяет постулат разумного эгоизма (Homo Sapiens, и Человек экономический) на правило сознательного реализма [3] Человек Сознательный, Homo Consciens [Conscientious].

Полагаем, что состояние дел с научно-образовательной моделью Человека, в условиях кризиса мировой хозяйственной системы, усиливаемого мировым демографическим популяционным переходом, становится критичным условием и для полноты оценки событий и состояний Человечества и мира текущих десятилетий, и для формулирования положительного плана и управления по преодолению мирохозяйственной раскоординированности, наблюдаемой в первой четверти XXI века на системном уровне [5].

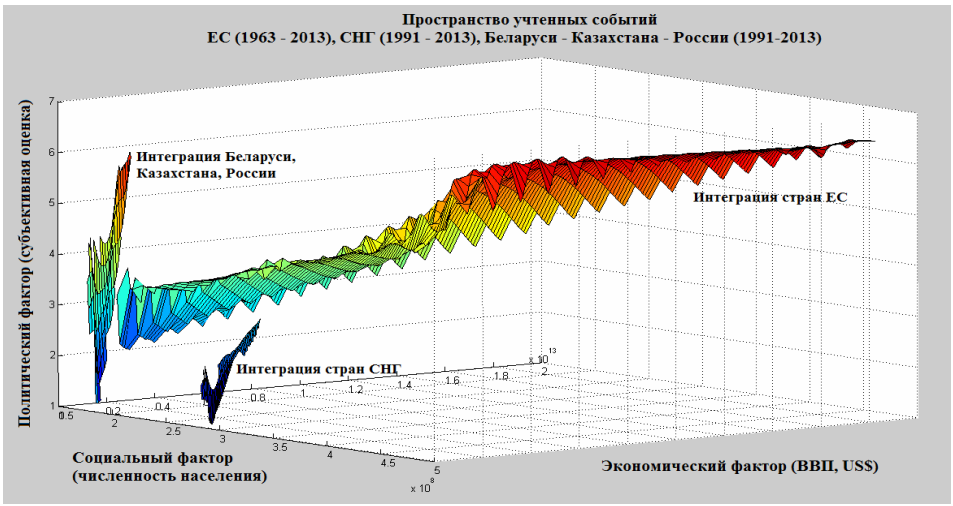
3. Исследование Евразийской интеграции и моделирование управления ЕАИ

Изучая явление интеграции с позиций теории состояний [9, 6, 7, 22], можно сказать, что интеграция – это процесс, заключающийся в последовательной смене и иной динамике состояний разного рода мирохозяйственных субъектов интеграции, рассматриваемых в интеграционных исследованиях в качестве наблюдаемых объектов интеграции.

Под объектами интеграции понимаются экономики интегрирующихся регионов и стран по отдельности, мировая экономика, на которую неизбежно оказывает влияние каждое интеграционное объединение, поскольку, как минимум, происходят изменения в поле мировой конкуренции, и экономике самого интеграционного объединения как нового объекта (и субъекта отношений), формирование и развитие которого в поле мировых интеграционных процессов происходит одновременно с процессом интеграции [5].

Поле интеграции[2] и плотность поля интеграции, формируемые взаимодействием любых (миро) хозяйственных субъектов, обозначает их в качестве делателей, производящих отношения, то есть тех, кто обладает действием, — не только механическим, производящим в узком смысле [знания, продукты, товары, услуги, и т.п.], а и организационным, и управленческим, и культурным. Таким же порядком следует рассчитывать поле и плотность отдельных хозяйственных, социальных, экономических, политических (управленческих) функций.

Поэтапный практический структурно-топологический анализ (СТА) интеграционных процессов в указанном цикле работ [6, 7, 22] построен с соответствующим определением характеристик состояний мирохозяйственных субъектов, а также характеристик реализованных событий мирового хозяйства и интеграции.



Источник: Анисимов, Попова, 2015.

Рисунок 3.
Пространство учтённых событий ЕС (1963–2013), СНГ (1991–2013), Белоруссии – Казахстана – России (1991–2013): интеграционная поверхность (облако событий/состояний и поверхность событий/состояний)

[1] Непрерывно, однородно, и единственным образом, согласно **Аксиомам (живого) Наблюдателя**, по Давитая [16].

[2] Как показано в рамках структурно-топологического исследования ЕАИ [6, 7, 22], поле интеграции образуется на пересечении пространства учтенных событий интеграции и пространства состояний субъектов интеграционных процессов, субъектов интеграционного взаимодействия.

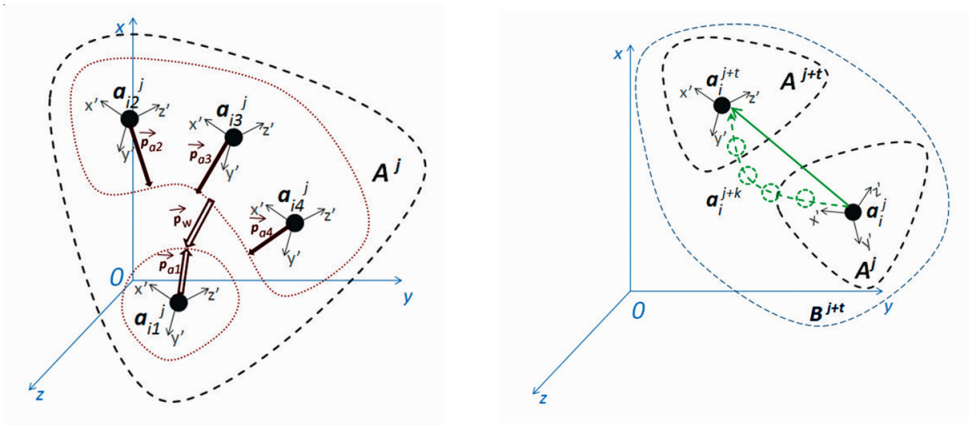
На рис. 3 показано соотношение (социо-экономико-политического) пространства учтённых событий интеграции на территории стран Европейского союза, СНГ и ЕЭП – как региональные плотности интеграции в пространстве мирохозяйственных (учтённых) событий. Используемые при моделировании данные являются трансформационными [6, 7], поэтому идентичность временных периодов не соблюдена. Однако график корректно отображает скорость развития трёх интеграционных процессов, а также глубину трансформации мировых субъектов при переходе от одного состояния к другому.

Универсальность представленного структурно-топологического подхода позволяет рассматривать как интеграционное, так и дезинтеграционное взаимодействие на различных интеграционных уровнях от начала функционирования интеграционного объединения до его деструкции.

В точках пересечения пространства учтённых событий и пространства состояний находятся непосредственно сами анализируемые субъекты, являющиеся связующим звеном указанных двух пространств.

Подобное распределение не является исключительным отнесением данных исследования к какому-либо одному из двух типов пространств, но представляет собой понимание об [аналитически формулируемой] погруженности исследуемых субъектов, объектов и процессов в оба типа пространств: событий и состояний.

Пространство учтённых событий – это, по сути, пространство реализации заранее спланированных мероприятий (допустим, с учётом отклонений). Таким образом, если на пространство учтённых событий смотреть в момент времени в настоящем, то это будет пространство планирования.

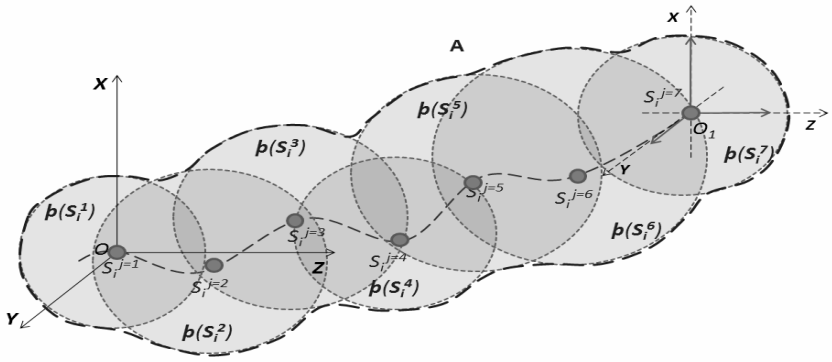


СЭП-пространство состояний субъектов мирового хозяйства и их вызванные и вызывающие потенциалы действия

СЭП-пространство состояний и СЭП-пространство учтенных событий субъектов мирового хозяйства

Источник: Анисимов, Попова, 2015.

Рисунок 4.
Графическая интерпретация пространства событий и пространства состояний хозяйствующего субъекта для формирования структурно-топологической поверхности



Источник: Попова, 2015.

Рисунок 5.
Графическая интерпретация пространства событий и пространства состояний СЭП-объективизированного субъекта

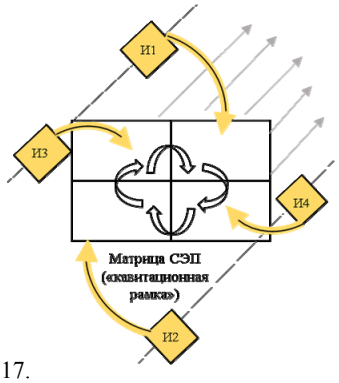
Пространство состояний мирохозяйственных субъектов описывает смену состояний субъектов, рассматриваемых в качестве объектов наблюдения, под воздействием управления (внешнего/внутреннего). Если смотреть на пространство состояний [наблюдаемого объекта] в момент времени в настоящем, то это будет пространство управления (как функции).

Отсюда получаем, что «точка» соприкосновения пространства учтенных событий и пространства состояний является точкой соприкосновения пространства планирования и пространства управления, и это одна и та же «синтетическая точка», характеризующая состояние интеграционного субъекта, или его аспект, свойство. Качественная граница, горизонт, который разделяет два пространства (планирования и управления), и который, собственно, формирует «точки» соприкосновения пространств, называется горизонтом управления (или события) [5].

С позиций структурно-топологического подхода, с учетом действия поля и плотности интеграции, можно говорить о том, что интеграция без [опережающего] институционального дополнения переходит к упадку – дезинтеграции. Глобализация, в СТА рассмотрении, отвечает условию монополизации в поле интеграции, а не фазовому повышению институционального состояния [плотности] интеграционного субъекта, что говорит о конечности и ограничении явления глобализации по параметру «С» (социальный), для условий рассматриваемого социо-экономико-политического (СЭП) пространства [5].

В поле интеграции осуществляется взаимодействие стран и народов, и происходит интенсификация движения людей. Само поле интеграции вложено в поле мирохозяйственных процессов, которое, в свою очередь, вложено в поле (живого, одушевлённого) Наблюдателя, представление и теория которого формируются с целью объяснения взаимосвязанности (миро)хозяйственной деятельности с другими видами деятельности Человека и Общества в научно-образовательной модели Человек Сознательный.

Первый шаг[1] в данном направлении, с точки зрения экономики, хозяйства, системы денежного обращения, – состоит в обсуждении и экономическом анализе концепции общественного резервирования, с последующим рассмотрением общественных резервов – как комплекса имущественных и производственных отношений, имеющих самостоятельный эмиссионный и денежный контур, конвертируемый в общую денежную систему. В пилотном варианте такой подход рассмотрен в [4][2]: общественные резервы как объект исследований, при практической реализации в горизонте планирования и управления от 20 лет.

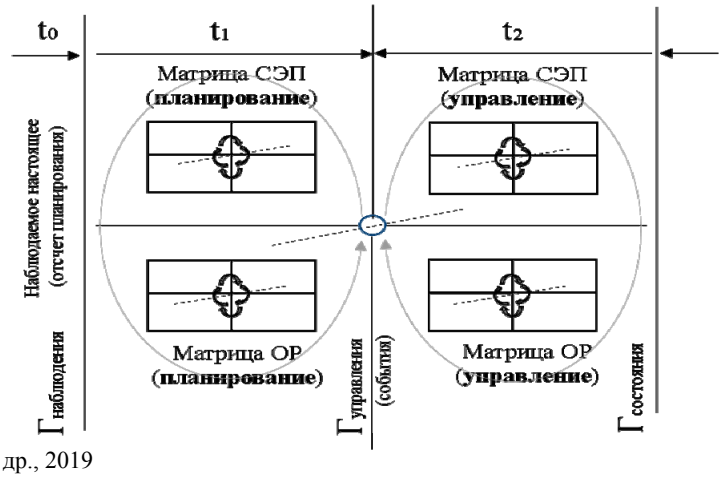


Источник: Анисимов, Градов, Руденко, 2017.

Рисунок 6.
Схематическое изображение реализации стратегии долгосрочного экономического роста (в матрице *СЭП*) в условиях возобновления социального оптимизма (*общественного резервирования*)

4. Гуманитарный интервал определенности мирового развития: интеграция – общественные резервы

В модели координатной системы с ненулевым началом (рис. 6) пространство планирования и пространство управления, сочетаясь с пространством учтённых событий и пространством состояний, вместе образуют совокупность измерения социо-экономико-политической и общественной реальности в четырёх пространствах – пространстве СЭП и О событий, пространстве СЭП и О состояний, пространстве СЭП и О планирования, и пространстве СЭП и О управления, дополняющих друг друга до единой системы, модель которой авторы данного подхода в дальнейшем называют октантной (торо-координатной) моделью, рис. 7.



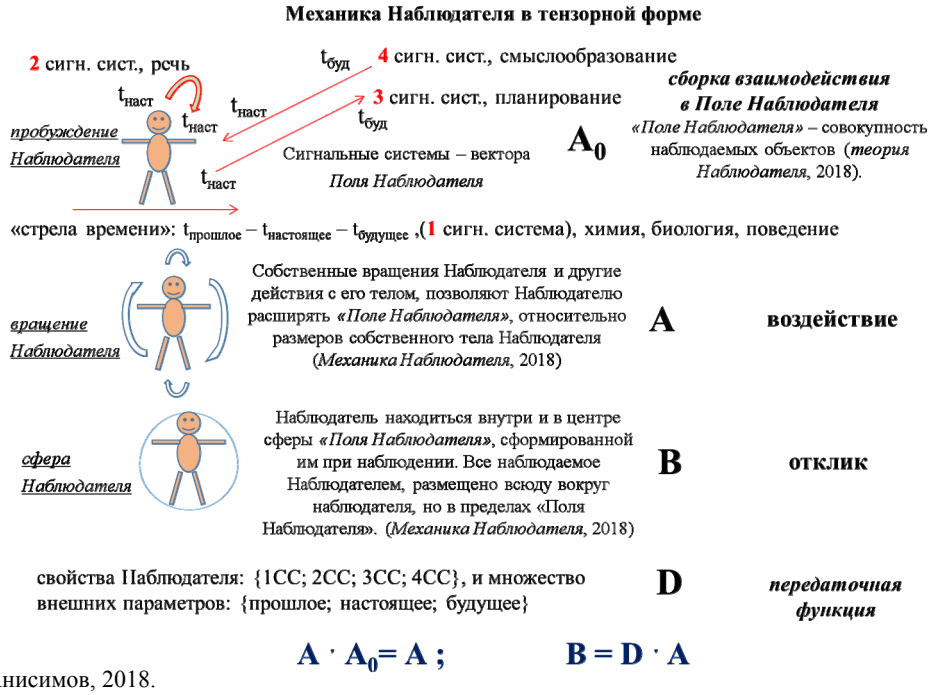
Источник: Анисимов и др., 2019

Рисунок 7.
Октантная (торо-координатная) модель планирования и управления (плоское изображение)
(t – параметр времени. Время рассматривается как учтенное действие Наблюдателя на наблюдаемый объект согласно теории и механике Наблюдателя)

[1] В новых исторических условиях, на рубеже первой четверти XXI века.
[2] Ранее, в Счёт (1999), Отсчёт (2001), Анисимов и др. (2002).

На рисунке 7 представлена принципиальная схема октантной модели планирования и управления социо-экономико-политическими процессами и общественным развитием [резервированием] с использованием механики общественных резервов [5].

Для сформирования методов общественного резервирования и планирования нами задействованы алгоритмы научно-образовательной модели Человек Сознательный, включая теорию и механику Наблюдателя. Структурно и схематично механика Наблюдателя в простой тензорной форме представлена на рис. 8.



Источник; Анисимов, 2018.

Рисунок 8.
Механика Наблюдателя в простой тензорной форме

Согласно научной модели Человек Сознательный, Наблюдатель находится внутри и в центре (сферы) Поля Наблюдателя, сформированного им при наблюдении, и поэтому отсчёт в координатной системе Наблюдателя ведётся от самого Наблюдателя: взгляд, вращение Наблюдателя, сформированное поле и движение (торирование) Наблюдателя,– образуют четыре момента формирования и раскрытия Поля Наблюдателя, и системы координат, в которой Наблюдатель является её началом (ненулевым)[1].

Теория и механика Наблюдателя позволили нам предложить теоретический модельный подход, с помощью которого мы предлагаем исследовать процессы формирования общественных резервов (связь будущее-настоящее), и общественного планирования (связь настоящее-будущее), в контур (спектр) которых являются вложенными конъюнктурные (включая финансовые и фискальные), технологические и логистические (включая торговые) параметры мирохозяйственной системы и мирохозяйственных отношений, а производство развивается в соответствии с указанными выше принципами гармонизации [производства и общественных резервов].

В тороидально-координатной или торо-координатной (ТК) системе измерения возможным становится, в интересах исследования, в том числе мирохозяйственных связей и отношений, непрерывно, однородно, единообразно и взаимосвязно определять, в интервале [определённости] внешних, к началу координат, параметров [свойств], прошлое, настоящее, будущее[2] наблюдаемых объектов (исследования), к которым приложено, соответственно:

– личное действие Человека (А),
– коллективное действие Людей (A^2), и
– общественное действие (общее дело, A^3).

На данном историческом этапе вступил в действие масштабный фактор мирохозяйственной системы – демографический популяционный переход Человечества ($\mathbf{N^2}$ по Капице, [17, 18]), который, по нашему мнению, как $\mathbf{A^2}$, является источником следующего за ним перехода – общественного, $\mathbf{A^3}$.

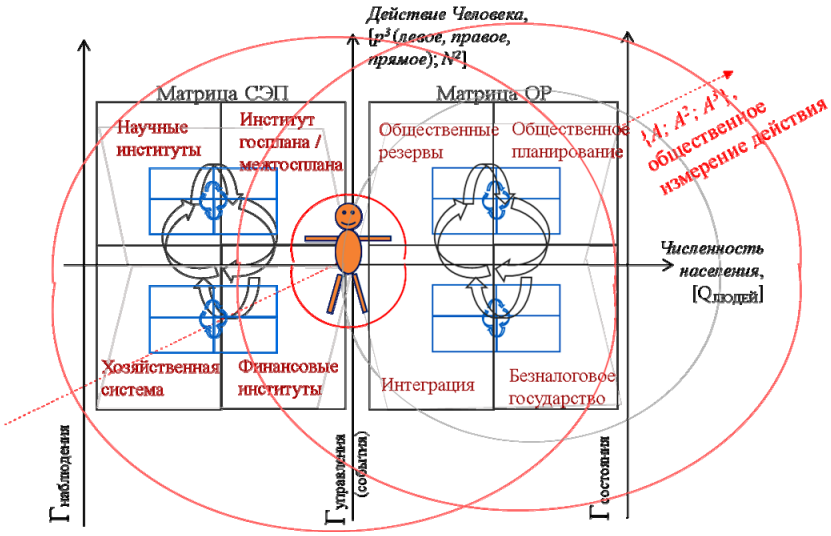
Тогда модель воспроизводства общественных резервов концептуально будет выглядеть так, как показано на рис. 9.

Концептуальные подходы к пониманию [принципа формирования] общественных резервов как дополняющего современную кризисную хозяйственную организацию способа хозяйствования – Обществом, предложены нами в виде теоретической модели соответствующего [принципа] общественного планирования – торо-координатный подход, модель и анализ, которые призваны позволить решать исследовательскую задачу о полноте и достаточности мирохозяй-

[1] При этом, собственная размерность такой системы, согласно теории управления событиями (Давитая, 1996, 2015) = {x^3; t^3; d^3}, время, место, действие кубические.

[2] См. рис. 8 Механика Наблюдателя в простой тензорной форме, – множество внешних параметров *D*, передаточной функции.

ственной системы и мирохозяйственных отношений, в условиях формирования и последующего существования Человечества большой численности [5].



Источник: Анисимов и др., 2019.

Рисунок 9.
Концептуальная схема [модель] воспроизводства общественных резервов (в т.ч. общественной (О)-поддержки реализации программ и планов СЭП-развития субъектом управления)

5. Вторая (инновационная) вертикаль Евразийской интеграции

Пространство интеграционных процессов, интеграционное строительство, погружено и в социо-экономико-политическое (СЭП) пространство, реализуясь, например, Евразийским экономическим союзом, или проектом «Один пояс – один путь», и в общественное (О) пространство, реализуясь связями и взаимодействием Людей, и согласием участвующих стран и регионов. В этом смысле институциями общественных отношений, формирующими и евразийскую интеграцию, являются и, собственно, экономическая интеграция, и общественные резервы и общественное планирование как главные формы наполнения интеграционных СЭП-процессов, и [потенциальный, будущий формат] безналоговое государство как форма согласования (даже если и сугубо декларативная) общественного договора о будущем,– о присутствии и участии в будущем – и Общества, и государства.

Собственная, в сравнении с другими интеграционными группировками, топология ЕА-интеграции[1] позволяет политико-экономически установить дополнительную, вторую интеграционную вертикаль, с целью синхронизации ее деятельности с первой, базовой вертикалью (ЕАЭС), и формировать вторую вертикаль как институционально самодостаточную, интегрально встроенную в единую (общую) систему Евразийской интеграции, в качестве инварианта,– собственного правила, что позволяет расшить не только текущее интеграционное затруднение, качественно сбалансировав и укрепив ЕА интеграцию в целом, но и применять данную управленческую новацию интеграционного строительства и в будущем.

Вторая вертикаль [8, 4] евразийской интеграции содержательно должна включать следующие квадранты, формирующие матрицу евразийского интеграционного управленческого маневра (СЭП-пространство Евразийской интеграции):

– платформа Евразийских научных лабораторий (ЕАН-лаб), создаваемая в форме совместных научно-исследовательских центров (лабораторий) фундаментальных исследований по согласованному участниками ЕАЭС спектру научных направлений, содействующих развитию интеграционного пространства;

– Евразийский межгосударственный план как наднациональный орган и интеграционный институт второй вертикали евразийской интеграции, который ведёт стратегическое (долгосрочное и сверхдолгосрочное) планирование, в том числе консолидированный и интегрированный динамический МОБ (межотраслевой баланс) ЕАЭС и его анализ;

– Банк развития евразийской интеграции как центр (возможно, что с зачётной функцией) эмиссии наднациональной валюты развития, в рамках небольшого, относительно размеров совокупного ВВП стран ЕАЭС, и ограниченного расчетной ёмкостью утверждённых и принятых в перспективную реализацию проектов ЕАЭС, в том числе для ЕАН лабораторий;

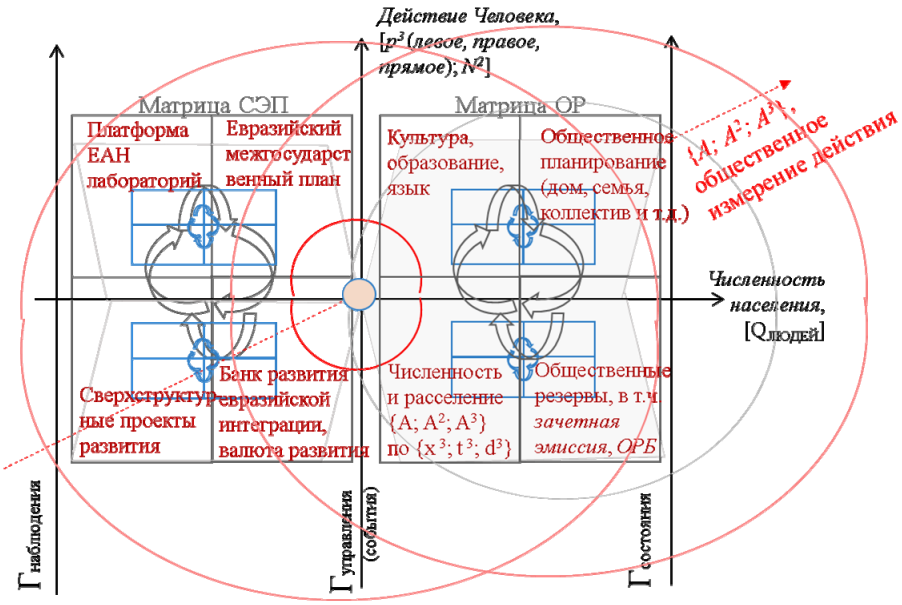
– Сверхструктурные проекты развития [8] как содержательное наполнение четвертого квадранта матрицы интеграционного маневра. Институционально они могут сформироваться и в виде Евразийских корпораций развития [9]. Расширение евразийской рамки сверхструктурных проектов возможно рассматривать и при сопряжении проектов ЕАЭС и «Один пояс – один путь», например, в качестве инструментария сотрудничества Север – Юг, ЕАЭС – Монголия – КНР и др.

[1] Многообразная многомерная форма топологического семантического объекта *Евразийская интеграция*, обладающего *множеством* внешних, внутренних, собственных, самостоятельных, и иного рода *потенциалов развития*.

Создание второй вертикали ЕА-интеграции как политико-экономическое действие и долгосрочная интеграционная политика согласуется с социальными и общественными интересами (сопряжение с социальным и общественным векторами развития, «С» и «О») посредством долгосрочного стратегического планирования, для чего, в том числе, и создается соответствующий евразийский интеграционный институт – Евразийский межгосударственный план (ЕА-межгосплан), которому поручается вести рамку согласованного долгосрочного планирования, не заменяя, а дополняя собственное национальное планирование, бюджетирование и развитие государствами-участниками ЕАЭС, ведущееся ими по выбранным национальным приоритетам.

Подобная евразийская интеграционная структура, то есть метрика интеграции, и такая её топология, из двух вертикалей (в дальнейшем возможно из 3-х и даже 4-х), как двух инвариантов развития, создает дополнительные возможности согласования интересов государств-участников интеграционных процессов, включая отношения ряда третьих стран с ЕАЭС, что позволит создать и более устойчивую и гибкую систему ЕА интеграционных процессов в XXI веке.

Матрица СЭП-пространства интеграции (2 вертикаль) вместе с матрицей О (общественных резервов) интеграции вместе станут дополнять друг друга до единой системы, описываемой 8-октантной моделью планирования и управления евразийской интеграцией. Её концептуальная схема представлена на рис. 10.



Источник: Анисимов и др., 2019.

Рисунок 10.
Концептуальная схема октантной ТК-модели для общественного развития евразийской интеграции (плоское изображение)

На схеме изображены две сферические (торо)-координатные плоскости: 4 квадранта слева– вторая интеграционная вертикаль; 4 квадранта справа– формирование общественных резервов ЕА интеграции).

При этом базовая матрица СЭП-пространства ЕА-интеграции, для 1 интеграционной вертикали, [допустим, включающая – структурный маневр в экономике ЕАЭС], с её сводным показателем– [динамики] совокупным ВВП, и отображением кооперации отраслей – интегрированным МОБом ЕАЭС, будет располагаться на такой схеме в дополнительной рамке – третьей сферической координатной плоскости, слева от левой рамки схемы на рис. 10.

Список литературы

1. Анисимов А.М. Механика Наблюдателя в тензорной форме (к математизации научной модели Человек Сознательный): доклад на симпозиуме «Научно-образовательная модель Человек Сознательный – в развитии вопросов экологии общества и культуры». Великий Новгород. Октябрь 2018.
2. Анисимов А.М., Градов С.Ю. Итоги роста Человечества и задачи Человека Сознательного. – СПб.: СИНЭЛ, 2015. – С. 171.
3. Анисимов А.М., Градов С.Ю. Научно-образовательная модель Человек Сознательный: гуманитарное измерение евразийской интеграции. Сознательный реализм: доклад на X Евразийском научном форуме. – СПб., ноябрь 2018.
4. Анисимов А.М., Градов С.Ю., Руденко Е.А. Предложения по структурному маневру в экономике Российской Федерации в 2018–2040 годах: доклад. – СПб.: СИНЭЛ, 2017. – С. 88.
5. Анисимов А.М., Градов С.Ю., Горбатых О.С., Лаумулин Ч.Т., Руденко Е.А., Саксена С. Евразийская интеграция: развитие представлений объективного обществоведения: доклад. – СПб.: СИНЭЛ, 2019. – С. 176.
6. Анисимов А.М., Попова А.А. Применение структурно-топологического подхода при исследовании процессов развития мирового хозяйства: на примере интеграции стран Европейского союза и Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая интеграция. 2015. – № 2. – С. 69–93.
7. Анисимов А.М., Попова А.А. Структурно-топологический анализ взаимодействия акторов мирохозяйственной системы: на примере исследования интеграции стран ЕС и ЕАЭС // Вестник международных организаций.– М., 2016. –Т. 11, № 2.– С. 140–157.

8. Анисимов А.М., Руденко Е.А. К вопросу о планировании и управлении реализацией сверхструктурных проектов в экономике на примере актуальной задачи нефтегазового комплекса // Проблемы современной экономики. – СПб., 2016. – № 2 (58). – С. 162–167.
9. Анисимов И.М., Кокнаева Н.Н., Нижникова Е.С., Ольховая Н.В., Руденко Е.А. Счетные представления объективного обществоведения. – СПб.: МСТ, 2002.– С. 458.
10. Бехтерева Н.П. Мозг человека. Сверхвозможности и запреты: доклад на Конгрессе «Итоги тысячелетия». СПб., Таврический дворец. 23.11.2000.
11. Бехтерева Н.П. Мозг человека – сверхвозможности и запреты // Наука и жизнь. – М., 2001. – № 7.
12. Глазьев С.Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития: доклад. – М.: Институт экономических стратегий; Русский биографический институт, 2015. – С. 60.
13. Глазьев С.Ю. Экономика будущего. Есть ли у России шанс? – М.: Книжный мир, 2017. – 640 с.
14. Градов С.Ю. Россия в III тысячелетии // Научно-информационный вестник «Академия». 1997. – № 2. – С. 4–6.
15. Градов С.Ю., Анисимов А.М., Горбатых О.С. Научно-образовательная модель Человек Сознательный. Теория институтов, теория Наблюдателя, теория сознательности. – СПб.: СИНЭЛ, 2018. – С. 144.
16. Давитая С.Ж. Человек Сознательный. – СПб.: СИНЭЛ, 2015. – С. 272.
17. Капица С.П. Очерк теории роста человечества. – М.: URSS, 2008, 2014. – С. 123.
18. Капица С.П. Парадоксы роста. Законы глобального развития человечества. – М.: АНФ, 2012. – С. 204.
19. Львова М. Объективное обществоведение // Мост. 2001. – № 46. – С. 82–84.
20. Манифест Гуманитарного Общества // Федеральная газета. Специальный выпуск. 2000. – № 13–14. – С. 2–3. Авторский коллектив: Давитая С.Ж., Кожемяков А.С., Градов С.Ю. и др.
21. Панов А.Д. (2006) Сингулярная точка эволюции?– http://noogen.su/singular
22. Попова А.А. Применение структурно-топологического анализа в управлении мирохозяйственной деятельностью стран Евразийского экономического союза // Проблемы современной экономики. 2015. – № 4 (56). – С. 247–252.
23. Weizsaecke E. von, Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. 2018. – 220 p.

Бобков В.А.
д.и.н., профессор, Заслуженный деятель науки Республики Беларусь, член-корреспондент НАН Беларуси,
Председатель Белорусской ассоциации политических наук
375kpss@gmail.com

ИНТЕГРАЦИЯ ИНТЕГРАЦИЙ: СТРАТЕГИЯ ВОЗМОЖНОСТИ

Ключевые слова: *интеграция; дезинтеграция; интеграционный потенциал; Европейский союз; Евразийский экономический союз; брексит; национальные интересы; многополярный мир; глобализация.*

Keywords*: integration, disintegration, integration potential, European Union, Eurasian Economic Union, Brexit, national interests, multipolar world, globalization.*

Еще три-четыре года назад никто не мог и подумать о том, что в наше время Европейский союз может забурлить дебатами о своем выживании. А сегодня это уже нежелательная реальность. Английский брексит, резкий рост евроскептицизма и национальных интересов в странах Евросоюза в определенной мере ведет к созданию новой геополитической ситуации на европейском континенте и ставит вопрос о необходимости повышения роли и значения Европы как единой мощной опоры в современном бурном мире. Но как создать эту единую и Большую Европу в условиях идеологического противостояния или недопонимания государств, санкционных и торговых войн, иного образа мышления? В этом ракурсе попытаемся поискать ответы на поставленные вопросы, опираясь на великие идеи в нашем прошлом.

Одна из них– создание единого экономического пространства от Лиссабона до Владивостока. Она занимала умы многих политических лидеров, имеет большую историю, а впервые была выдвинута еще в середине прошлого века французским президентом Шарлем де Голлем, который называл свою идею созданием Большой Европы от Атлантики до Урала. Сторонником этой идеи был и другой французский лидер– Николя Саркози. Он на саммите Россия – ЕС в 2010 году говорил о реальной возможности Евросоюза и России сформировать общее экономическое пространство протяженностью в десятки тысяч километров.

Более пятнадцати лет назад итальянец Романо Проди, будучи председателем Европейской комиссии, тоже предложил создать единое экономическое пространство от Португалии (западной границы Европы) до российского Владивостока (восточной границы Европы). Канцлер ФРГ Ангела Меркель в своем выступлении на форуме в Штральзунде в 2015 году также заявила, что не исключает образования крупной зоны свободной торговли, в том числе с Россией.

О возможности совместного экономического развития России, Евразийского экономического союза и ЕС неоднократно говорили президент России Владимир Путин, президент Беларуси Александр Лукашенко. На саммите Шанхайской организации сотрудничества в июне 2019 года Владимир Путин подчеркнул: «Весьма перспективно сопряжение ЕАЭС с реализацией китайской программы «Пояс и путь», формирование большого евразийского партнерства и построение пространства открытого, равноправного и созидательного сотрудничества, основанного на принципах и нормах международного права, без всякого политического и экономического эгоизма, а с учетом законных интересов друг друга»[1].

На международном форуме приграничных регионов, который состоялся в г. Пскове 17-19 мая 2017 года, Госсекретарь Союзного государства Беларуси и России Григорий Рапота так конкретизировал эту идею: «Евросоюз, Евразийское сообщество, ШОС, Союзное государство – все они могут стать элементом большой конструкции под рабочим названием «От Лиссабона до Владивостока»[2].

Интересно, что к вопросу Большой Европы обращался и лидер российских социал-демократов (большевиков) В.И. Ленин. До 1915 года марксисты-ленинцы считали, что социалистическая революция может победить одновременно в ряде передовых капиталистических государств, но в августе 1915 года В.И. Ленин в статье «О лозунге Соединенных Штатов Европы» делает вывод о возможности победы социализма первоначально в одной отдельно взятой стране или в немногих.

Такой вывод позволял социал-демократам не дожидаться, пока созреет мировая социалистическая революция, а готовить ее в Европе, ожидая революционный успех в той стране, которая явится наиболее слабым звеном в капиталистическом мире.

Однако ленинскому выводу в определенной мере противоречил лозунг российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) – «Соединенные Штаты Европы», выдвинутый ранее, под условия одновременной мировой революции. Ленин поясняет это следующим образом: «Но, если лозунг республиканских Соединенных Штатов Евро-

[1] Саруханова О. Партнерство без политического и экономического эгоизма.// Союзное вече. 2019. – 21 июня, № 27. – С. 2.
[2] Рапота Г. Устраним барьеры на пути интеграции // Союзное вече. 2017. – 26 мая, № 22. – С. 6.

пы, поставленный в связи с революционным низвержением трех реакционнейших монархий Европы, с русской во главе, совершенно неуязвим, как политический лозунг, то остается еще важнейший вопрос об экономическом содержании и значении этого лозунга. С точки зрения экономических условий империализма, т.е. вывоза капитала и раздела мира «передовыми» и «цивилизованными» колониальными державами, Соединенные Штаты Европы, при капитализме либо невозможны, либо реакционны[1].

То есть лозунг «Соединенные Штаты Европы» в условиях капитализма, по мнению Ленина, был равен соглашению о дележе колоний. А в политическом плане такой лозунг мог бы породить неправильное толкование по вопросу о невозможности победы социализма в одной стране.

Все это свидетельствует о значимости идеи и ее положительном восприятии высокими представителями как Запада, так и Востока Европы. Однако дальше понимания дело не продвинулось со времен президентства Шарля де Голля. Пока политические лидеры говорят лишь о возможности, а не о практической реализации судьбоносной идеи в жизнь. При этом лидеров ЕС все же держит за полы блоковое мышление и Америка.

Но когда-то же должна меняться ситуация в отношении сближения Запада и Востока. И, на наш взгляд, как раз современная ситуация противоречий между государствами и дезинтеграции в Евросоюзе может явиться началом сближения двух союзов – ЕС и ЕАЭС: устранение разногласий, отказ от заблуждений, поиск согласия. Понятно, это не однодневный процесс при наличии таких противоречий, как ПРО, санкции, Украина, Крым, Сирия и др. Но важно сделать первые конкретные шаги навстречу друг другу.

Такие конкретные шаги со стороны ЕАЭС сделаны. В последнее время ЕС направлено официальное предложение о возобновлении взаимных деловых контактов, о необходимости начать диалог по созданию единых правил экономического сотрудничества на пространстве Большой Европы[2]. Разве есть альтернатива в современных условиях переформатирования глобальной политики? Однако Евразийский экономической союз пока не дождался ответных шагов со стороны Европейского союза. Это можно расценивать по-разному: горделивость и амбициозность объединения, которому перевалило за 50 лет; его политическая и экономическая близорукость; а скорее всего неспособность его лидеров преодолеть блоковое мышление, повернуть свое мышление к реалиям сегодняшнего дня, а также остатки страха услышать окрик из-за океана.

Зная это, ряд государств Евросоюза самостоятельно, в обход Брюсселя, налаживают с ЕАЭС, Россией, Беларусью прямые контакты. Пример такого сотрудничества успешно демонстрируют Сербия, Германия, Австрия.

Но вот, наконец, по весне прилетела «первая ласточка»– в марте 2019 года в Брюсселе состоялся первый диалог под названием «Соединяя Евразию – от Атлантики до Тихого океана». Жаль, что инициаторами форума стали не политики, а бизнес, но и то хорошо. Положено начало диалогу. Этот экспертный форум организовали фонд «Росконгресс», Ассоциация «Познаем Евразию», Ассоциация европейского бизнеса и Бельгийско-люксембургская торговая палата. Главы корпораций, представители деловых ассоциаций из двадцати стран, общественные деятели и международные эксперты обсуждали ведение бизнеса в сложившихся условиях и пути сотрудничества между странами Евросоюза и Евразийского экономического союза, в том числе Союзного государства Беларуси и России.

На форуме отмечалось, в частности, что ЕАЭС для Европейского союза становится крупнейшим торговым и экономическим партнером. В 2015 году взаимная торговля составляла около 500 миллиардов долларов. В 2018 году она упала до 350 миллиардов. Разрыв продолжает увеличиваться. Кто от этого выигрывает? Китай, который активно занимает высвободившиеся ниши. Кроме того, и в России, и в Беларуси активно взялись за создание новых торговых и логистических маршрутов, новых инвестиционных возможностей. Их активно использует КНР.

В выступлениях европейских бизнесменов звучали идеи, что Европейскому союзу и Евразийскому экономическому союзу необходимо все-таки приступать к выработке общих стандартов и проектов, которые помогали бы решать торговые и экономические вопросы. На наш взгляд, одним из «неполитизированных» проектов могло бы стать участие стран обоих союзов в китайской международной инициативе «Один пояс и один путь». Известно, что в эту инициативу включилась уже Италия, подписав с Китаем целый ряд межгосударственных документов. О данной инициативе впервые было заявлено Председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 году во время государственного визита в Казахстан. Цель проекта – значительно сократить путь контейнерных перевозок из Китая в Западную Европу и наоборот. Пока они доставляются морским путем, что занимает от 45 до 60 суток. Доставка грузов железнодорожным путем может сократить срок до 10 суток.

Китайская концепция масштабна и перспективна, она предусматривает совершенствование существующих и создание новых торговых и транспортных коридоров между более чем 60 странами Центральной Азии, Европы и Африки. В ней особое внимание придается транспортному коридору, который проходит через Казахстан, Россию, Беларусь и далее в Европу. И этот путь действительно самый короткий.

Важно заметить, что проект «Шелкового пути» – не розовая мечта. Россия уже приступила к строительству своей части, отдельных участков пути. В 2015 году Владимир Путин и Си Цзиньпин подписали меморандум о сотрудничестве. На основании его высокоскоростной магистрали Москва-Казань присвоен статус приоритетного участка евразийского транспортного коридора.

Беларусь, естественно, больше всего интересует западно-европейский участок транспортной логистики. По сообщениям в печати, на уровне правительств активно обсуждается тема улучшения логистики между Москвой и Минском, Минском и Санкт-Петербургом, с выходом на Берлин[3]. Двери входа сюда европейского бизнеса открыты.

---

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 26. – С. 353.

[2] ЕАЭС должен набрать политический вес // Союзное вече. 2015. – 30 октября, № 47. – С. 4.

[3] Аракелян Е. Дороги ведут через Минск // Союзное вече. 2019. – 22 марта, № 11. – С. 5.

Определенную лепту в налаживание конструктивного диалога между ЕС и ЕАЭС, выработку общих интегративных экономических, социокультурных, да и политических ценностей сегодня способна внести и Беларусь, которой добавляет возможностей и доверия участие в проекте «Восточного партнерства». Не секрет, на Западе скрытый подтекст этого проекта видели в выведении из-под влияния Российской Федерации ряда бывших советских республик. Но, полагаем, рассматривать проект только в такой плоскости было бы и прямолинейно, и односторонне. Он является своего рода напоминанием о незавершенности геополитической конфигурации европейского пространства, о возможности новых изменений. А с точки зрения национальной безопасности он дает Беларуси как малой стране, находящейся в центре Европы, шанс налаживания более тесных контактов с ней, укрепления имиджа, выхода в глобальный мир.

В таких условиях Беларусь могла бы стать участником более тесного экономического и социально-культурного сотрудничества государств по всему периметру белорусской границы. Обладая солидным геополитическим потенциалом, она способна выполнять и более заметную роль в объединенной Европе, например, как мост между Востоком и Западом, как транзитное государство. Эти вопросы приобретают особую актуальность в современных условиях дезинтеграции в Европе и мировой нестабильности.

Это наше видение ситуации. А как ее видят в самих странах Европейского союза?

Такой посыл подтолкнул нас к идее изучения наиболее заметных трудов европейских ученых и политиков, вышедших в последние годы. Один из таких трудов – исследование германского политика Тило Саррацина под говорящим названием «Германия: самоликвидация». В своей книге он задает сверхактуальные для Европы вопросы:

– стремится ли мусульманское сообщество в Германии к интеграции в немецкую жизнь?

– как взаимодействует потенциал, который заложен в генах, с влиянием окружающей среды?

– насколько проблематичны демографические проекции, переброшенные через несколько поколений?

– какими должны быть пути выхода из миграционного кризиса, в котором оказалась Европа?

– признаки упадка государства и общества.

В целом Тило Саррацин видит корень всех евросоюзовских бед в деградации Германии как ведущей державы Запада, ее политиков и общества. За публикацию своих взглядов и выводов он уволен с работы в Совете директоров Немецкого федерального банка[1].

Вторая работа: книга профессора по европейской политике и исследованию вопросов демократии Ульрике Геро из Дунайского университета г. Кремса (Австрия). Название книги тоже говорит само за себя: «Европейская гражданская война – Европа меж зловещим духом и гуманизмом». Профессор Геро перечисляет события общеевропейской жизни, начиная с 1998 года, и приходит к выводу о том, что «с Евросоюзом было покончено в 2012 году, если не раньше»[2], но верить в это, как и слышать это, никто не хотел.

У. Геро никак нельзя причислить к числу марксистов, тем не менее, она обращает внимание на классовую подоплеку происходящего в Евросоюзе: европейскую гражданскую войну ведут не страны, а верхи и низы, богатые и бедные. Профессор утверждает: «То, что сегодня многие переходят на сторону правых популистов Орбана, Вилдерса, Ле Пен, является лишь логическим следствием социальных разочарований последних десятилетий».

Геро, как и Саррацин, не обходит стороной и миграционный кризис, который добавил немало трещин в здание Евросоюза. Здесь она как бы читает мысли и снимает с языка политиков и простых граждан: «Европа – это когда Германия определяет, как будут решаться вопросы» (в частности, и миграции – автор). Тем самым подчеркивается глубокое недовольство и Ангелой Меркель, и Германией в целом, так как одна страна определяет другим странам квоты на беженцев и пытается решать все за них и без них.

Обратимся еще к одному научному труду под названием «За Европу!». Его автор – Даниэль Кон-Бендит. Он являлся депутатом Европарламента от партии «зеленых» с 1994 по 2014 год. Автор, в отличие от двух предыдущих, не верит в развал Евросоюза, в победу националистов на выборах и в будущем видит во главе Евросоюза «президента, избранного европейцами…Настоящее европейское правительство. С совместной армией, внешней политикой и единым мнением»[3].

Зыбкость почвы под ногами ЕС активизировала западных политиков. Поиск выхода из ситуации некоторые из них повели в организационно-политическом плане. В январе 2016 года председатель комитета по внешним отношениям Э. Брок и член комитета по региональному развитию Европейского парламента М. Брессо представили доклад под названием «Улучшение функционирования Европейского союза посредством исчерпания потенциала Лиссабонского договора». Они внесли 95 предложений по интенсификации интеграции. В частности, предложили ограничить влияние Европейского совета (глав государств и правительств стран-членов ЕС) на процедуру законодательства, а функции президента Европейского совета объединить с функциями президента Европейской комиссии, перейти от единогласного принятия решений к квалифицированному большинству. В докладе предлагается Европейский совет преобразовать в подлинную законодательную палату, создав настоящую двухпалатную систему из Совета и Парламента с Комиссией как исполнительным органом, а также учредить должность европейского министра финансов.

В целях достижения эффективности и сплоченности докладчики большую роль отводят принципу принятия решений, настаивают на принятии решений квалифицированным большинством, отвергая действующий принцип вето. И вот как они об этом пишут: «Европейскому союзу с 28 странами и принципом вето пришел конец… Принцип вето – это принцип тотального отрицания, принцип шантажа. Решение большинства– это способ побудить каждую

[1] Саррацин Т. Германия: самоликвидация [пер. с нем. Т.А. Набатниковой]. – М.: АСТ, 2016. – 560 с. – (Политика).

[2] Кариг Ф. ЕС нуждается во втором дыхании // Беларусь сегодня. 2017. – 17 марта, № 51. – С. 6.

[3] Там же.

сторону к готовности к компромиссу. Значит решение большинства – это не одностороннее осуществление интересов, а форма возможных компромиссов в данном европейском контексте[1].

Немного ранее будущим Евросоюза озаботился бывший германский министр иностранных дел Й. Фишер. Это будущее он видит только в его федеративном устройстве. В качестве модельного образца Фишер рассматривает Швейцарию, состоящую в этническом и языковом отношении из немцев, французов, итальянцев и ретороманцев и в то же время представляющую единое национальное государство – «государство разума» с четырьмя языками. По Фишеру, это как бы Европа в миниатюре. Такая Европа уходит от «тяги соответствующих национализмов к политической, языковой и этнической гомогенизации…».

Своего рода промежуточным шагом к сплочению ЕС Фишер предлагает дальнейшее развитие той группы глав государств и правительств стран, где введен евро. Он считает полезным даже создание «правительства зоны евро». Фактически это концепция «ядра Европы» или Европы разных скоростей: во-первых, члены ЕС, которые ввели у себя евро и входят в Шенгенскую зону. Во-вторых, страны, которые не ввели евро. В-третьих, те, кто не входит в Шенгенскую зону и не использует евро в качестве национальной валюты (Великобритания, Румыния, Болгария, Хорватия).

И, тем не менее, окончательный вывод Фишера малоутешителен: «Без полной политической интеграции хотя бы группы Еврозоны в ближайшем десятилетии все образование по имени ЕС будет находиться под угрозой опасной слабости, распада и неудачи и дальше терять свою привлекательность[2].

Как видим, единого мнения нет у всех рассмотренных нами авторов. Наоборот, выявляется множественность мнений и взглядов на Европу будущего. Но в этой множественности мнений все же главной является идея Соединенных Штатов Европы разных скоростей. При этом пока ее авторы видят задачей укрепление, развитие Европы и не ставят, например, таких вопросов: а как отнесется к сплочению и укреплению Европы Америка? Будет ли она мешать этому процессу, если параллельно с НАТО, полностью контролируемым американцами, появится структура европейской безопасности – без Вашингтона и не под контролем Вашингтона.

И еще одна важная позиция. Вся эта множественность мнений аккумулируется в основном вокруг старых европейских взглядов и представлений периода «холодной войны». Потому членами Евросоюза видятся только классические западные европейцы. Давно нет Советского Союза как главного «врага» ЕС. За счет бывших республик СССР и других стран соцлагеря Евросоюз значительно расширил свое членство. Вместе с тем, архитекторы обновляемого Евросоюза допускают те же ошибки, что и их предшественники: они не видят вокруг себя других стран и особенно – Россию.

А теперь давайте задумаемся: будет ли устойчивым и долговременным новое здание Европы, если при строительстве его забыть возвести одну из несущих стен? В данном случае такой прочной несущей стеной может стать Россия, а вместе с ней Беларусь и другие страны СНГ.

Сразу же возникает еще один вопрос: а возможно ли это в современных условиях, когда идет волнообразное обострение отношений между Западом и Россией, Западом и Беларусью? На наш взгляд, вполне возможно. Но для этого необходимо глубокое понимание важности проблемы и желание ее решить, как, например, решалась она во время Карибского кризиса в процессе противостояния СССР и США. Понимание и желание помогут снять с глаз Запада шоры устаревшего блокового мышления, помогут убрать из голов европейских политиков и ученых привычное наличие разделительных линий на европейском континенте. Дело в том, что за десятилетия противостояния (еще со времен Советского Союза) и европейские политики, и ученые настолько свыклись с этими линиями, что мысль о включении России в состав новой, современной модели Европы, такая мысль их попросту не посещает.

Вместе с тем, данное утверждение, возможно, и не совсем верное. Есть в наличии один пример. Это был самый начальный период разногласий между Россией и Евросоюзом, возникших по поводу заманивания Украины в процесс ассоциации ее с Европейским Союзом. Тогда, выступая на пленарной сессии Европарламента 11 сентября 2013 года, тогдашний европейский комиссар Штефан Фюле высказал в данном отношении очень обнадеживающие идеи. Он заявил о том, что Евросоюз не только не будет помехой в традиционных связях стран «Восточного партнерства» с Россией, но и готов помочь им в этом. Вторая важная идея – активное сотрудничество с Россией по унификации норм и стандартов ЕС и Таможенного союза[3].

Согласитесь, что эти идеи довольно широко раздвигали рамки сотрудничества Запада с Россией, убирали с его пути противостояние и прозрачно намекали на сближение и расширение взаимовыгодной торговли между ЕС и Таможенным союзом. Однако были ли эти прогрессивные идеи восприняты широким кругом руководства Евросоюза? Да и вообще, насколько они отражали мировоззрение руководящих кругов Европейского союза? Жизнь показала, что вследствие углубления украинского кризиса и нарастания противостояния между Западом и Россией данные идеи вообще оказались отброшенными и забытыми.

Проецирование создания новой модели Европы без России определенно обрекает проект на неудачу. Здесь барометром могут служить настроения людей во Франции, Италии, Греции, Испании, а также местных органов власти, многие из которых хотят сближения с Россией. А ведь в случае вовлечения России в такую модель сразу решаются многие острые проблемы, включая безопасность и украинский кризис. Поэтому разворот научной и политической

---

[1] Шнайдер Э. Эффект брексита для Европейского союза: демонтаж интеграции или ее углубление? // Мир перемен. – М., 2016. – № 3. – С. 179–180.

[2] Там же.

[3] Бобков В.А. Белорусский путь интеграции в контексте геополитики и суверенитета // Беларусь в условиях глобализации и интеграции. – Минск: БНТУ, 2013. – С. 8–9.

мысли в Евросоюзе в русло современных реалий, ожиданий граждан интеграционного объединения, избирателей, многие из которых хотят сближения с Россией, не просто желателен, а жизненно необходим.

Такое сближение и тесное сотрудничество возможно, если в современные отношения ЕС и России закладывать не зерна раздора, а зерна разума. Не секрет ведь, что пока ЕС ищет лишь пути, которые бы приводили к нанесению поражения России (взять хотя бы санкции), а не оказание помощи. Вынужденно не оставалась в долгу и Россия. Но если сломать стереотипы – тогда открывается совершенно иной простор для взаимодействия и в экономике, и в политике. А главное – выиграют граждане Европы, на нужды которых пойдут те большие финансовые потоки, которые тратят сегодня и Россия, и Евросоюз, и Беларусь на военные цели. Граждане выиграют не только материально, но и морально – отбросив в прошлое образ врага. Разве этого мало?

Потеплевшие в последние время отношения Европейского союза с Беларусью являются очевидным и убедительным аргументом. При этом налаживание отношений сотрудничества с Россией крайне необходимо сегодня Евросоюзу для укрепления своих позиций перед лицом Америки. Это уже не только геополитическая аксиома, но и чисто жизненная необходимость. Только в союзе с Россией и Меркель, и Макрон могут противостоять Америке во главе с Трампом.

Вместе с тем, можно высказать предположение, что разум все же восторжествует: украинский кризис в обозримом будущем постепенно уйдет в прошлое и в перспективе 20–30 ближайших лет противостояние (конкуренция) двух интеграционных моделей – Европейского союза и Евразийского экономического союза постепенно уступит место росту доверия, поиску путей их сближения и пользования общей выгодой. То есть, произойдет интеграция интеграций, о которой говорят как в странах Евразийского экономического союза, так и в странах ЕС.

На чем основывается такой прогноз? Во-первых, осуществление его возможно при условии отсутствия крупных военных конфликтов в Европе. Во-вторых, при учете того, что в России все сильнее набирает обороты негосударственный сектор экономики (капитализм), который «роднее» и понятнее в странах Европейского союза и не вызывает такого отторжения, как государственный сектор, ассоциируемый на Западе с советским, коммунистическим прошлым. Данный фактор способен стать важным экономическим связующим звеном для интеграционных моделей.

В-третьих, чем сильнее будет крепнуть Россия (главный интегратор в ЕАЭС), чем привлекательнее будет ее образ и уровень жизни граждан, чем лучше будет жизнь людей во всех странах Евразийского экономического союза, то можно предположить, что эти две модели станут постепенно сближаться. Для Беларуси это выгодно во всех отношениях и прежде всего экономическом: Европа принимает более 30% белорусского экспорта. Примерно столько же – Россия. Но самое главное достояние – это моральное единение европейских народов, формирование Европы как единого политико-экономического пространства.

В-четвертых, такое возможно при сохранении Евросоюза как единой и прочной европейской структуры, при победе сил разума над силами зла, при серьезных изменениях в мышлении европейских чиновников, при становлении самостоятельности Евросоюза и отказа от ручного управления им из-за океана.

В-пятых, интеграция народов Европы будет идти успешнее при условии ослабления противодействия со стороны США.

В последнее время серьезным фактором, обнадеживающим наш прогноз, является заявка Молдовы стать наблюдателем при ЕАЭС. Желание Молдовы поддержано Высшим Евразийским экономическим советом, состоявшимся в Кыргызстане в апреле 2017 года и в том же году этот процесс запущен официально[1]. Данный факт свидетельствует о том, что, несмотря на сложности в развитии, Евразийский экономический союз становится все более привлекательным интеграционным объединением для других государств. Это особенно примечательно на фоне выхода из Евросоюза Великобритании и антиинтеграционных настроений в Греции, Италии, Испании, Франции.

Расширение и укрепление Евразийского экономического союза правомерно рассматривать как укрепление Россией своего «полюса силы» на постсоветском пространстве (пусть пока только экономической) в рамках ЕАЭС. Если будет продемонстрирована привлекательность интеграционного объединения, то в условиях внутренних и внешних угроз государств СНГ в скором времени может встать на повестку дня и вопрос политической интеграции.

Таким образом, создание нового европейского проекта – Большой Европы без включения в него Российской Федерации (а вместе с ней и Беларуси) обрекает этот проект на неминуемый крах – если не сегодня, то в обозримом будущем. Как ни страшно сегодня авторам такого проекта видеть в нем Россию полноправным членом, но иного выхода нет, надо избавляться от политической темноты. Только тесное экономическое и политическое сотрудничество с Россией и в целом с ЕАЭС делают проект построения новой модели большой Европы логически завершенным, нормируют его как проект мира и благополучия народов. В этом случае единая Европа в экономическом плане получит немало шансов на совместное использование богатейших природных ресурсов России, а в военно-политическом плане НАТО, как традиционный инструмент сдерживания России, – само по себе уйдет из жизни, оставаясь в памяти европейцев как неприятное воспоминание. Можно и по-другому сказать. В конце концов, что для европейцев лучше: смерть НАТО или смерть ЕС?

Что касается внутреннего развития России, то включение ее в состав Большой новой Европы будет означать ускоренный уход от сырьевой зависимости, более успешную модернизацию экономики, укрепление политической стабильности внутри страны. Особенно значимым будет внешнеполитический результат: Европа получит долгожданное сплочение своих народов, сил и ресурсов. Америка утратит способность с помощью Евросоюза склонять и спрягать Россию в своих корыстных интересах.

[1] Кононович Е. ЕАЭС: пятерка по взаимопониманию // Рэспубліка. 2017. – 15 красавіка, № 71. – С. 2.

В целом такое развитие событий создаст новую геополитическую ситуацию на европейском континенте, неизмеримо повышая роль единой мощной Европы в сложном современном мире. И тогда не придется европейским лидерам прислушиваться к указаниям из-за океана, а также заниматься растаскиванием постсоветских государств в духе блокового мышления, рисуя им в теории райскую жизнь, а на деле ввергая в водоворот гражданской войны и нищего существования. Не эти ли «стимулы» подвигли в сторону Евразийского экономического союза Молдову, бросившуюся ранее в объятия ассоциации с ЕС?

Борисов М.Г.
к.э.н., с.н.с. Института востоковедения РАН

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ»

***Ключевые слова**: энергетическая безопасность, Один пояс – один путь, Морской шелковый путь XXI века, Экономический пояс шелкового пути.*

В настоящее время на долю КНР приходится почти четверть мирового потребления энергии и этот показатель растёт[1]. Несмотря на то, что Китай обеспечивает 46,1% мировой добычи угля, 4,8% нефти, 3,7% газа, 29,1% выработки электроэнергии на ГЭС, 8,5% на АЭС, 20,2% на основе ВИЭ, степень самообеспеченности энергией составляет лишь 84% и продолжает снижаться[2]. Масштабы потребления таковы, что собственных запасов нефти хватит лишь на 1 месяц[3]. На долю Китая приходится одна четверть потребляемой в мире нефти и половина потребления годового мирового прироста её добычи[4].

Стремительно растущий дефицит энергии покрывается импортом. КНР – крупнейший в мире нетто-импортер первичной энергии. Несмотря на то, что по добыче нефти Китай занимает пятое место в мире (при том, что соотношение запасы/добыча нефти составляет лишь 11,9 при среднемировом показателе 80,1), 60% потребляемой нефти импортируется (в 1993 г. – 6%, в 2020 г. – прогнозируется 73%)[5]. При гигантской добыче не хватает даже угля. Уровень самообеспеченности этим ресурсом составляет только 86 %[6]. При этом разведанные запасы угля на душу населения составляют лишь 41% среднемирового уровня, нефти – 11%, газа – 4%. Зависимость от импорта газа составляет 32%[7].

Ввиду нестабильности мировых рынков энергоносителей (повышение цены барреля нефти только на 1 долл. «стоит» Китаю дополнительно 0,5 млрд. долл.[8]) и некоторого географического перекоса энергетического импорта в сторону Персидского залива (более 30% нефтегазового импорта в КНР идет из этого неспокойного региона), огромной стоимости энергетического импорта (он обходится стране в 270 млрд. долл. в год[9]) резко обострилась проблема энергетической (и экономической) безопасности страны. Её решение китайские власти справедливо видят в диверсификации источников снабжения на основе крупных инвестиций в энергетические и инфраструктурные проекты в возможно большем количестве стран, укрепляя в них экономические позиции, авторитет и способность влиять на устойчивость поставок и ценообразование.

Возрастающую угрозу энергетической безопасности в значительной степени призван разрешить начавший реализоваться на основе китайских инвестиций беспрецедентный по масштабам комплексный международный проект «Один пояс – один путь». Поскольку он осуществляется, в основном, на китайские средства китайскими подрядчиками, о своём участии немедленно заявили более 80 стран и международных организаций, концентрирующие 63,1% населения мира, 58,1% мировых запасов нефти, 79,9% – природного газа и 54,2% – угля[10].

Таблица 1

Охваченные проектом «Один пояс – один путь» страны и их доля на мировом ранке нефти (% в 2015 г.)

Регион	Страна (%)
АСЕАН	Малайзия (0,7%), Индонезия (0,9%), Таиланд (0,4%), Бруней (0,2%)
Западная Азия	Иран (4,2%), Ирак (4,5%), Саудовская Аравия (13,1%), Оман (1,1%), ОАЭ 4,1%), Катар (1,8%), Кувейт (3,4%), АРЕ (0,8%)
Центральная Азия	Казахстан (1,8%), Узбекистан (0,1%), Туркменистан (0,3%)
Европа	Россия (12,4%)
Африка	Ангола (1,6%), Южный Судан (0,1%), Эфиопия (0,1%), Нигерия (1,8%)

Источник: BP Statistic Review of World Energy. 2018. – June.

[1] BP Statistical Review of World Energy. June 2018. – https://www.bp.com/.../bp/energy.../statistical-review/bp-stats-review-2018-full-report...

[2] Рассчитано по тому же источнику.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] Там же.

[10] Ma Yinging. Energy Going Out Leads China's «Belt & Road Initiative» // China Petroleum Newspaper. 2015. – March 11.

За первые четыре года существования проекта (2013–2017 гг.) китайские энергетические компании заключили по его маршруту 497 проектов, в рамках которых было «освоено» 92,1 млрд. долл.[1] Общий объём инвестиций на период до 2030 г. оценивается в 1 трлн. долл.[2] Одни государственные нефтегазовые компании КНР только за 2017 г. инвестировали в энергетическую часть проекта 38 млрд. долл.[3] Рискованные, зачастую, инвестиции осуществляются при мощной государственной поддержке (табл. 2).

Таблица 2

Государственный капитал проекта «Один пояс – один путь»

Организация	Капитал (млрд. долл.)
Промышленно-торговый банк КНР	159
CITIC	133
Банк Китая	100
Фонд "Шелкового пути"	40
Китайский банк развития	36
Экспортно-импортный банк Китая	19

Источник: Asia's Energy Security: NBR Special Report # 68. – www.nbr.org/publications/issue.aspx?id=353

Инициатива «Один пояс – один путь» объединяет две составляющие: сухопутную – «Экономический пояс шелкового пути» (ЭПШП) и морскую – «Морской шелковый путь 21 века» (МШП). В обеих составляющих резко доминируют энергетические инвестиционные проекты, призванные, помимо коммерческой выгоды, повысить энергетическую безопасность КНР, диверсифицировать источники снабжения энергоресурсами, сделав их более надежными и управляемыми.

Наибольшее практическое значение для китайской энергетики имеет морская составляющая проекта. В настоящее время 90% всех нефтегазовых поставок в страну идут морем, что делает их уязвимыми и небезопасными, имея в ввиду напряженную ситуацию в Южно-Китайском море, пиратство в Аденском заливе и Малаккском проливе, контроль военно-морского флота США над коммуникациями в Индийском океане и возможность их блокирования в свете обострившихся торговых отношений между КНР и США, необходимость прохождения ненадежными геополитически «узкостями» – Ормузским и Малаккским проливами. Через Ормузский и Малаккский проливы проходит более 80% китайского нефтяного импорта.

Ключевым звеном Морского шелкового пути является находящийся в Аравийском море у входа в Ормузский пролив, сооруженный и контролируемый Китаем, глубоководный порт Гвадар (Пакистан, провинция Белуджистан). Он является началом Пакистано-китайского экономического коридора (ПКЭК), включающего в себя нефтепровод, газопровод, железную и автомобильную дороги, несколько электростанций. Общий объём инвестиций в ПКЭК составит 62 млрд. долл., из них 48 млрд. долл. – в энергетические проекты[4].

Нефтепровод Гвадар – Кашгар – Урумчи, строительство которого будет осуществляться в 2017-2021 гг., имеет запроектированную пропускную способность в 1 млн. баррелей нефти в сутки и будет обеспечивать 13% нефтяного импорта КНР. По ПКЭК нефть с Ближнего Востока, минуя Малаккский пролив, будет проходить до потребителя 2,5 тыс. км. за одну неделю вместо нынешних 10 тыс. км. за 3 месяца[5].

Дополнением к ПКЭК, выгодным как для Пакистана, так и для Китая, является введенный в эксплуатацию в декабре 2017 г. «Газопровод мира» из Ирана в Пакистан (минуя Ормузский пролив). Китай на 85% профинансировал строительство при условии, что часть иранского газа будет отбираться и сжижаться в Гвадаре для последующего экспорта в КНР[6]. В том же 2017 г. китайская национальная нефтегазовая корпорация обеспечила себе контрольный пакет акций в перспективном газовом проекте Южный Парс.

Как стремление избежать прохождения Ормузского пролива следует расценивать модернизацию Китаем расположенного на побережье Оманского залива порта Корфаккан (эмират Фуджейра, ОАЭ). Контейнерный терминал уже эксплуатируется, на очереди – строительство нефтяного причала и нефтепровода стоимостью 3,3 млрд. долл. и мощностью 25 млн. т. от месторождения в Абу-Даби[7].

В рамках МШП Китай уже построил и модернизировал большое число нефтегазовых портов в бассейне Индийского океана. Как единственный инвестор он получил эксклюзивные права на их эксплуатацию (табл. 3).

Избежать прохождения танкерами Малаккского пролива позволит строящийся нефтепровод из построенного Китаем порта Кьяпью (Мьянма), где танкерам предстоит разгружаться, до г. Куньмин (провинция Юньнань). Кроме того, этот маршрут на 2 тыс. км сократит расстояния, преодолеваемые танкерами и на 3 недели время доставки нефти потребителю. Для увеличения пропускной способности этого крайне экономичного и безопасного маршрута Китай приступил в 2016 г. к строительству параллельной железнодорожной магистрали. Формирование энергетического коридора Мьянма-Китай завершит газопровод пропускной способностью в 20 млрд. куб. м. мьянманского газа в год[8].

[1] Asia's Energy Security: NBR Special Report # 68. – www.nbr.org/publications/issue.aspx?id=353
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] https://tribune.com.pk/story/1381733/cpec-investment-pushed-55b-62b
[5] Там же.
[6] https://vk.com/muslim_military?w=wall-55205927_4076
[7] http://finance.sina.com/2017-02-24/doc-ifyavwwcv8679279.shtml
[8] New China – Myanmar oil pipeline bypasses. – https://www.forbusiness.com/markets/2...oil-to-china/

Таблица 3

Порты в долгосрочной аренде КНР

Год постройки или модернизации	Регион	Страна	Порт	Период аренды (лет)
2015	Индийский океан	Пакистан	Гвадар	40
2015	Индийский океан	Мьянма	Кьяпью	50
2015	Южно-китайское море	Малайзия	Куантан	60
2016	Индийский океан	Джибути	Обок	10
2016	Южно-Китайское море	Малайзия	Малакка	99
2017	Индийский океан	Шри-Ланка	Хамбантота	99
2017	Южно-Китайское море	Бруней	Муара	60
2017	Индийский океан	Мальдивы	Фидху Финолу	50

Источник: Составлено по данным: Asia's Energy Security: NBR Special Report # 68. – www.nbr.org/publications/issue.aspx?id=353

Чрезвычайно перспективным для обеспечения бесперебойной транспортировки углеводородов в Китай может стать канал Кра Истмус (или Тайский канал), который соединит Андаманское море с Сиамским заливом, минуя Малаккский пролив и, соответственно, порт Сингапур. Он сократит путь до китайских портов Южно-Китайского моря на 1200 км и на 3 суток. Единственным потенциальным инвестором является Китай. Строительство пока что не началось, несмотря на наличие китайско-тайского меморандума от 2015 г. о его начале, так как на тайское правительство оказывается давление со стороны сил, не заинтересованных в реализации этого проекта и в приобретении Китаем контроля над объектом масштаба Панамского или Суэцкого каналов. У Китая же имеется готовый проект стоимостью в 25 млрд. долл., рассчитанный на 10 лет с привлечением 30 тыс. китайских рабочих[1]. Строительство канала не представляет технических трудностей: его проектная длина 102 км. (Панамского канала – 82 км.), ширина – 160 м. (Панамского канала – 150 м.), глубина – 16 м (Панамского канала – 14 м) Как и Суэцкий канал, канал Кра Истмус будет безшлюзовым[2].

Китай стал ключевым инвестором и исполнителем второй линии Суэцкого канала, способной пропускать крупнотоннажные танкеры и газовозы. Это дало возможность удешевить и расширить поставки углеводородов из Алжира и многократно сократить их маршруты. В развитие этого проекта Китай ведет строительство в Алжире крупнейшего в Средиземноморье порта СПГ в Шаршеле[3].

Возрастающее значение будет приобретать африканское ответвление МШП. В 2018 г. введен в эксплуатацию построенный китайскими компаниями глубоководный порт Ламу (Кения) с железной дорогой и трубопроводами для транспортировки нефти из Южного Судана и Эфиопии с общим объёмом инвестиций в 25 млрд. долл.[4] В 2018 г. начала работу первая очередь порта Багамойо (Танзания), который станет крупнейшим хабом (в том числе энергетическим), обеспечивающим всю Восточную Африку[5]. Китайские компании получили эксклюзивные права на разведку и последующую эксплуатацию нефтяных месторождений на шельфе Гамбии, Сенегала и Гвинеи-Бисау а также на озере Альберт в Уганде[6].

Важным элементом МШП является его арктическая часть под названием «Ледяной шелковый путь». Ожидается, что к 2020 г. через Северный морской путь будет идти от 5% до 15% всей китайской внешней торговли, причем около одной четверти этого объёма будет приходиться на транспортировку сжиженного газа проекта «Ямал СПГ», 20% финансирования которого осуществляется Китайской национальной нефтегазовой корпорацией и ещё 10% – Фондом Шелкового пути[7].

Успешное участие в проекте «Ямал СПГ» способствовало расширению программы МШП в Арктике. В конце 2017 г. та же Китайская национальная нефтегазовая корпорация подписала со штатом Аляска контракт на строительство в Арктике гигантского производственно-логистического СПГ-комплекса с общим объёмом инвестиций в 20 млрд. долл. с перспективой экспорта 80% добываемого газа в Китай[8].

Важное место в энергетической стратегии МШП занимает акватория Малайского архипелага. В 2014 г. индонезийские власти выступили с инициативой «Индонезия – морская ось мира», предусматривающей превращение Индонезии, находящейся на стыке двух океанов, в транспортно-логистический и торговый узел мирового значения. Поскольку столь масштабный проект требует огромных вложений средств, индонезийское правительство призвало к сотрудничеству международных инвесторов. Так как эта индонезийская инициатива охватывает ту же акваторию, что и МШП, Китай немедленно призвал Индонезию к совместной реализации этих, во многом совпадающих и дополняю-

[1] Thailand, China to team up on long-proposed Kra Istmus canal. 18/05.2015. – https://www.wantchinatimes.com/news-subclass-cnt.aspx?id=20150518000069&cid=1101

[2] Там же.

[3] https://tribune.com.pk/story/1381733/cpec-investment-pushed-55b-62b

[4] http://www.reuters.com/article/Kenya-port-lamu-idUSLSNOCX38D20130411

[5] www.cnpc.com.cn

[6] www.cnpc.com.cn

[7] China Stakes in the Russian Arctic // The Diplomat. 2018. – January.

[8] Там же.

щих друг друга, проектов. Индонезия с готовностью приняла это предложение, так как рассчитывает получить от сотрудничества немалые выгоды[1].

МШП проходит Зондским проливом между богатым энергоресурсами островом Суматра и экономически развитым и концентрирующим 2/3 населения страны островом Ява. Китай намерен построить в этом регионе 24 порта (из этого числа 4 угольных и 2 газовых терминала), 8,7 тыс. километров подъездных и магистральных железнодорожных путей, 1 тыс. км шоссейных дорог и объекты электроэнергетики суммарной мощностью 35 Мвт[2]. Параллельно идет наращивание объёмов китайских инвестиций в угледобычу Индонезии (о. Суматра), которая является главным поставщиком угля в КНР (и ведущим мировым экспортером), превращенным в таковой китайскими инвестициями.

Масштабные инвестиции в портовую инфраструктуру стран бассейна Индийского океана сопровождаются в качестве необходимой уступки заключением с принимающими государствами соглашений о долгосрочной аренде части портов для обустройства военно-морской объектов с целью обеспечения безопасного функционирования и сохранности построенных сооружений. Первое подобного рода соглашение было заключено в 2015 г. с Джибути для обеспечения устойчивого и безопасного судоходства в Аденском заливе и Баб-эль-Мандебском проливе. Фактически речь идет о первой военно-морской базе КНР за пределами страны. В 2017 г. было принято решение об увеличении численности морской пехоты КНР с 20 тыс. чел. до 100 тыс. чел. с размещением части в портах Джибути и Гвадар для обеспечения безопасности судоходства[3]. В последующем КНР получила территорию под военно-морские базы на Мальдивах, Кокосовых островах, в порту Кьяпью, на архипелаге Мергуи (Мьянма)[4].

Не менее важной для обеспечения энергетической безопасности Китая, чем «Морской шелковый путь 21 века», представляется сухопутная составляющая инициативы «Один пояс, один путь» – программа «Экономический пояс Шелкового пути». Его стратегия предполагает, прежде всего, создание надёжного коридора поставок энергоресурсов из Центральной Азии в Китай. КНР рассматривает Центральную Азию в качестве надёжного и «покладистого» поставщика нефти и газа (поскольку других вариантов сбыта энергетического сырья для континентальных стран региона, не обладающих необходимыми инвестиционными ресурсами и материальной базой, не существует) в удалённые от побережья западные районы страны, а также в качестве альтернативного поставщика на случай блокирования морских маршрутов.

В энергетику Центральной Азии Китаем вложены огромные ресурсы. Объём накопленных китайских инвестиций в нефтегазовую отрасль Казахстана в 2017 г. оценивался в 45 млрд. долл., в добычу и транспортировку природного газа в Туркменистане – в 15 млрд. долл., нефтегазовые проекты КНР в Узбекистане оцениваются в 2 млрд. долл.[5] Кроме того, около 5 млрд. долл. планируется инвестировать в центрально-азиатские гидроэнергетические проекты и 2 млрд. долл. в сырьевую базу атомной энергетики[6].

Главным инфраструктурным энергетическим проектом в регионе является один из крупнейших в мире газопровод Центральная Азия – Китай, способный перекачивать по состоянию на 2018 г. 85 млрд. куб. м. туркменского и узбекского газа в год, что может обеспечить до 40% импортных потребностей КНР. К 2018 г. на полную мощность функционировали нитки A, B и C, обеспечивавшие 24% годовой потребности Китая в импорте газа. К 2020 г. будет введена нитка D Туркменистан – Узбекистан – Таджикистан – Кыргызстан – Китай с пропускной способностью в 10% текущего годового потребления КНР[7].

Китайские компании активно инвестируют также в расширение ресурсной базы и без того богатых природным газом Туркменистана и Узбекистана (соответственно 5-е и 9-е места в мире по разведанным запасам) с целью повышения надежности долгосрочных поставок и частичного контроля над ресурсами. Национальная нефтегазовая компания КНР ведет разведку и обустройство перспективных месторождений в районе бывшего Аральского моря и на правобережье Аму-Дарьи[8].

Ключевой страной энергетической части ЭПШП становится Казахстан, обладающий перспективными запасами нефти и газа, соизмеримыми с ближневосточными, и непосредственно граничащий с территорией КНР. Под контролем китайских компаний находится около 80% добываемой в стране нефти[9]. Вышедший на запроектированную пропускную способность нефтепровод Западный Казахстан – Китай обеспечивает около 5% потребления нефти в КНР[10].

Не обойдены вниманием Китая и не обладающие крупными топливными запасами, зато изобилующие гидроэнергоресурсами (в первой мировой «десятке» по гидроэнергетическим ресурсам), используемыми пока что лишь на 5%, Таджикистан и Кыргызстан. В стадии завершения находятся переговоры и строительстве каскадов ГЭС на реках Вахш и Нырын[11]. Серьёзным препятствием в реализации проектов являлась жесткая позиция Узбекистана по жизнен-

---

[1] https://www.jokowinomics.com/2015/04/24/berita/antara-jalur-sutra-china-dan-procktinfrastruktur-indonesia

[2] Там же.

[3] Minnic Chan. Overseas Ambitions // South China Morning Post. 2017. – March. – http://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2078275/overseas-ambitions-expand-china-plans-400pc-increase

[4] Там же.

[5] http://www.haiguan.info/CustomData/MonthReport.aspx?guid=2288

[6] Там же.

[7] www.cnpc.com.cn

[8] Там же.

[9] www.newskaz.ru/economy/201105/148126.html

[10] Рассчитано по: BP Statistical Review of World Energy. 2018. – June. – https://www.bp.com/.../bp/energy.../statistical-review/bp-stats-review-2018-full-report..

[11] sputnic-tj.com/economy/2016042010193/9682.html

но важному для страны вопросу водопользования этих трансграничных рек, однако огромные инвестиционные возможности КНР в состоянии решить и эту проблему.

Масштабный план импорта в Китай «чистой» энергии касается также Казахстана. Проект (который, правда, то закрывают, то реанимируют, так как еще не решен вопрос тарифов) включает строительство в Экибастузе 12 энергоблоков одной из крупнейших в мире угольных ТЭС мощностью 7200 МВт и экспортной ЛЭП Экибастуз – Урумчи. Общая смета проекта – 9,5 млрд. долл. Годовая выработка должна составить 40 млрд. Квт (4% потребления электроэнергии КНР)[1].

Возрастает роль Казахстана как сырьевой базы китайской атомной энергетики. Доля Казахстана в китайском импорте урана составляет 62% и быстрыми темпами возрастает[2]. КНР развивает свою атомную энергетику темпами, опережающими развитие национальной сырьевой базы. Казахстан, доля которого на мировом рынке урана составляет 40% (и продолжает расти), а запасы разведаны далеко на полностью, является для Китая практически безальтернативным долгосрочным поставщиком[3]. Китайские компании не только ведут разведку, разработку и обогащение урана, но и наладили производство тепловыделяющих элементов. Казахстанские власти заявили, что страна готова к возведению первой атомной электростанции с китайскими инвестициями и технологиями с частичной поставкой электроэнергии в Китай[4]. Разведка урана ведется также на территории Узбекистана.

В Центральной Азии, таким образом, обозначились основные контуры реализуемой энергетической составляющей ЭПШП. Речь идет о создании подконтрольного Китаю коридора доставки энергоносителей либо электроэнергии, обеспечивающего порядка 15% потребности КНР в энергии[5].

В энергетической стратегии ЭПШП большую роль играет Россия. Импортируемые из РФ энергоресурсы оказываются для Китая самыми дешевыми, поскольку их поставки предполагают минимальные инвестиции на территории России, а ресурсы покупаются непосредственно на государственной границе.

За период 2001–2017 гг. импорт нефти в КНР из РФ вырос в 40 раз, что не потребовало от Китая никаких инвестиций в зарубежную инфраструктуру[6]. Россия в 2015 г. вышла на первое место среди стран-импортеров нефти в КНР (12% импорта)[7]. Импорт осуществляется от экспортного нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан через ответвления Сковородино – Дацин (мощностью 15 млн. т в год) и ВСТО – Мохэ (мощностью 30 млн. т в год) а также по упоминавшемуся нефтепроводу Западный Казахстан – Китай (10 млн. т). Поставки ведутся на основе долгосрочного (на 25 лет) соглашения, предусматривающего импорт в 2013–2038 гг. 365 млн. т нефти[8].

Россия быстро превращается в основного поставщика газа в Китай (еще в начале XXI века газ из РФ в КНР практически не поставлялся). Начало реализации упоминавшегося проекта «Ямал СПГ» а также проект «Сахалин – 2» вывели Россию на 8 место среди поставщиков СПГ в Китай. Однако настоящий прорыв ожидается с введением в эксплуатацию в декабре 2018 г. газопровода «Сила Сибири» мощностью 38 млрд. куб. м. газа в год. С выходом его на проектную мощность Китай, на основе соглашения, рассчитанного на 30 лет, будет удовлетворять свои потребности по импорту почти на 20%. Кроме этого, запроектирован газопровод «Сила Сибири – 2» (через Алтай) мощностью 30 млрд. куб. м[9].

За период 2004–2014 гг. импорт электроэнергии в Китай из России вырос в 10 раз. На Россию приходится 50% китайского импорта электроэнергии и эта цифра должна значительно возрасти. Совместный проект предполагает строительство нескольких ТЭС суммарной мощностью 7100 МВт на базе Ерковецкого угольного разреза а также ЛЭП до Пекина, что увеличит поставки электроэнергии из РФ в КНР еще в 2 раза[10].

Вовлекая большое число стран в орбиту своей беспрецедентной инициативы «Один пояс – один путь», Китай не только обеспечивает безопасность и устойчивость поставок энергетических ресурсов в страну, но и сообщает через инвестиции мощный импульс энергетике стран-реципиентов (которая, как правило, является основой их экономик), во многом замыкая их на свою экономику. Их экономическая динамика во многом увязывается с состоянием китайской экономики. Обеспечивая, таким образом, свою энергетическую безопасность, Китай превращается в мощный центр влияния не только на мировую энергетику, но и всю экономику.

---

[1] Рассчитано по: BP Statistical Review of World Energy. 2018. – June. – https://www.bp.com/.../bp/energy.../statistical-review/bp-stats-review-2018-full-report..

[2] https://eenergy.media/2017/08/09/atomnaya-energetika/

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Рассчитано по: BP Statistical Review of World Energy. 2018. – June. – https://www.bp.com/.../bp/energy.../statistical-review/bp-stats-review-2018-full-report..

[6] www.forbes.ru>Бизнес>ПМЭФ-2018

[7] www.newsruss.ru/doc/index.php/

[8] Там же.

[9] www.forbes.ru>Бизнес>ПМЭФ-2018

[10] www.newsruss.ru/doc/index.php/

Бундин Ю.И.
к.ю.н., доцент, Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия
yibundin@yandex.ru

НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

***Ключевые слова**: нация, нациостроительство, интеграционные процессы, идентичность, постэтногенез.*

Самоликвидация СССР и образование на его пространстве новых независимых государств обусловили интенсивные процессы нациестроительства как в бывших союзных республиках, так и в республиках собственно Российской Федерации. Эти процессы протекали в условиях доставшейся в наследство от СССР развитой экономики и социокультурной сферы и, увы, без учета возможных негативных последствий.

На месте и на основе «исторической общности – советского народа» стали интенсивно формироваться новые нации. В качестве отправной точки повсеместно использовался принцип этнической идентичности, заложенный в качестве этнонима в название республики. Особое место в этом ряду занял Дагестан, в названии которого не было этнонимов населяющих его народов, что и предопределило своеобразие региональных органов государственной власти. Народное художественное творчество – фольклор, доселе влачивший существование историко-культурного артефакта, оказался востребованным как в своем аутентичном виде, так и в формах различных переработок в качестве средства идеологической солидаризации и политической мобилизации населения.

Однако, процессы нациестроительства, базирующиеся на агрессивной монополии этнической культуры в целом ряде бывших союзных и автономных республик довольно быстро продемонстрировали свою несостоятельность и порочность, вошли в глубокое необратимое противоречие с задачами современного социально-экономического развития. В условиях экономического кризиса и нарастающей масштабной безработицы произошла спонтанная этнизация правящих элит, аппаратов государственной власти и управления, кадрового состава бюджетных учреждений и предприятий, градообразующих и ведущих бизнес-структур. Представители нетитульных народов в одночасье де-факто превратились в маргиналов, людей второго сорта, фактически пораженных в правах и, прежде всего, в основополагающем праве человека, закрепленном во Всемирной Декларации прав человека – праве на труд.

Не имея возможности качественного трудоустройства и испытывая духовное давление, а подчас и угрозы прямого физического уничтожения, значительная часть наиболее квалифицированного, активного и трудоспособного нетитульного населения вынужденно мигрировала в другие регионы, преимущественно в Россию. Позднее вслед за ними потянулись и потекли в поисках лучшей доли огромные массы люмпенизированного и пролетариатизированного собственно титульного населения. В миг обезлюдели и обнажились в своем кризисном состоянии ключевые, жизненно важные социальные сферы здравоохранения и образования. Ввиду массовой утечки профессиональных кадров самоликвидировались наука, наукоемкие и высокотехнологические производства. Достигнутый невероятным трудом советских людей уровень индустриального и научно-технологического развития в целом ряде республик оказался утраченным. Существенно увеличилась доля сельского населения. В структуре экономик начал доминировать низкорентабельный аграрный сектор. Стала очевидной неспособность самостоятельной конкуренции на мировых рынках товаров и услуг.

Единственным, относительно процветающим оазисом осталась национальная художественная культура, ориентированная на традиционное искусство, для которой экономический кризис оказался питательной средой роста этнонационального самосознания, граничащего с национализмом и этнически окрашенным политическим экстремизмом. Лидерами такого рода движений стали представители творческой интеллигенции, ориентированные на этнокультурные образцы творчества, заявившие о себе как о совести нации. Однако данное обстоятельство только усугубило социально-экономический кризис, ибо постоянно продуцировало атмосферу нетерпимости к инородцам. Обострение криминогенной обстановки, рост коррупции, политического экстремизма и терроризма стали непреодолимым барьером на пути притока иностранных инвестиций.

На фоне экономического кризиса и ввиду финансового дефицита обострилась борьба за власть уже собственно внутри этнических элит, которая приобрела кланово-территориальный характер. В результате значительная часть их активного ядра рассредоточилась вне территории традиционного проживания, что, в свою очередь, ослабило основополагающий ресурс развития – человеческий потенциал. Романтическая эпоха первых лет перестройки, пронизанная верой в чудесное преображение социализма в развитой капитализм «национальных квартир» быстро канула в лету, и ей на смену пришла унылая повседневность текущих забот и тревог.

В условиях агрессивной политики США по построению однополярного мира, в борьбе за мировые ресурсы и политическое влияние на постсоветском пространстве проявились интересы иностранных государств, транснациональных корпораций и международных экстремистских движений, которые провоцировали и стимулировали рост

социальной напряженности, череду государственных переворотов и так называемых «цветных революций». У целого ряда бывших союзных республик возникли безутешные перспективы превращения в сателлитов ведущих мировых держав, находящихся под внешним управлением, сопровождаемых перманентным экономическим кризисом, раздираемых внутренними противоречиями, с марионеточными правительствами и компрадорской буржуазией.

Самое любопытное в том, что последней на такие «этнические грабли» наступила Украина, некогда самая процветающая союзная республика, запаса прочности которой в виде «советского жирка» хватило на два с половиной десятка лет. И именно поэтому, ввиду целого ряда критериев, украинский кризис оказался самым разрушительным, ибо окончательно развинтил формирующуюся украинскую нацию на этнические колесики и фактически запустил процесс самоликвидации территориальной целостности государства.

Возведение идеи этнической идентичности в абсолют превратило ее в силу, разрушившую единство украинских народов. Здесь самое время сделать актуальное философское отступление. Известный отечественный историк философии П.П. Гайденко, разбирая спор Фихте с йенскими романтиками, очень точно заметила, что «сознательное стремление к своеобразию одинаково пагубно сказывается как на отдельной личности, так и на целом культурном или национальным движении, если оно проходит под этим знаком». «Всякое подлинно своеобразное явление – как самобытный человек, так и самобытный народ, и самобытное произведение – может существовать лишь до тех пор, пока самобытность не становится проблемой, не делается предметом сознательной заботы, т.е. пока оно живет стремлением к чему-то более важному и высокому, чем оно само» [1, с. 172].

Сказанное прекрасно иллюстрируется действиями украинских националистов, которые возвели украинскую самобытность в самоцель, поставив во главу угла этническую идентичность украинцев. Их показной романтизм уже сыграл злую шутку, превратив решение насущных социально-экономических проблем в стилизацию и моду, некий тусовочный тренд, за которым «король то голый!».

Общие проблемы ряда новообразованных государств состоят в том, что, с одной стороны, по уровню социально-экономического и, прежде всего, научно-технологического развития и ресурсной базе они оказались не в состоянии самостоятельно конкурировать на международных рынках. А, с другой стороны, вопрос формирования классического гражданского общества в духе либерального демократизма как корпорации автономных индивидуумов в бывших советских республиках оказался крайне сложен. Более того, в ближайшее время он не имеет перспективы как в силу перманентного экономического кризиса, в который они попали сразу после ликвидации СССР, так и ввиду действия историко-духовных традиций совместной жизни и деятельности полиэтнического общества.

Экономический кризис привел к существенному имущественному расслоению собственно титульного населения и отсутствию так называемого третьего класса – мелких и средних собственников как социальной базы либеральной демократии. В этих условиях классические демократические институты власти либо отсутствуют, либо профанируют. Реально же страны находятся на так называемом «ручном управлении», когда основные рычаги власти сосредоточены в руках небольшой группы лиц, представленных первым руководителем, с широким применением командно-административных методов и приемов власти.

Изложенные выше обстоятельства обусловили пересмотр подходов к вопросам социально-экономического будущего новоявленных независимых государств. Поиск механизмов развития оказался возможным только на путях реинтеграции на постсоветском пространстве. Данное обстоятельство, в свою очередь, побуждает этнические элиты к пересмотру подходов в вопросах нациестроительства, фактическому отказу от политического доминирования и запуску механизмов формирования новой этничности, призванной выступить аттрактором строительства новых наций, востребованию, в этой связи, уникального в своем роде исторического опыта СССР.

По сути, речь идет о процессах постэногенеза, формирования новой идентичности как потребности в принадлежности к социальной группе в качестве условия выживаемости индивидуума в пределах ареала традиционного проживания. Такие процессы, направленные на построение новой, наднациональной общности – советского народа, по нашему мнению, имели место в СССР.

Здесь необходимо обратить внимание на принципиальное отличие советского общества, основанного на принципах коллективизма, приоритета интересов общества над частными интересами, от евро-американской гражданской общественной модели, базирующейся на принципах индивидуализма, приоритета частных интересов автономной личности над интересами общества и государства.

В отличие от Западной Европы и США, преодоление межэтнических и внутриэтнических противоречий и формирование населения Советского Союза как целостного суверенного субъекта социального развития осуществлялось на путях формирования новой, постэтнической идентичности, построения целостного суперэтноса как системного социокультурного феномена, включающего в качестве своих элементов-субэтносов населяющие страну народы. Именно в этом и заключался уникальный исторический опыт СССР, в котором советский народ выступал в качестве нового суперэтноса. В противоположность буржуазному гражданскому обществу, он строился на коллективных началах, юридическом и фактическом равенстве всех наций и народностей, их братском сотрудничестве и на основе презумпции публичных интересов, что и было зафиксировано советской конституцией 1977 года [2]. Именно советская культура совместного проживания и деятельности различных народов, взращиваемая путем расцвета и сближения этнических культур, по сути, была квинтэссенцией глубинных начал общечеловеческой культуры, и стала выражением процессов постэтногенеза.

Качественное отличие советского постэтногенеза заключается в его социогуманитарной природе, в осознанном целеполагании формирования культурной самобытности – идентичности саморазвивающейся полиэтнической средой, выступающей на исторической арене с претензиями суверенного актора в границах определенной территории, как правило, но и не обязательно в границах национального государства. Его причина связана с реализацией потребности

сохранения суверенитета целостного социального субъекта в условиях глобализации в качестве ответа на ее вызовы и угрозы.

Постэтногенез не следует путать ни с американской теорией «плавильного тигля», предусматривающей полное стирание этнических различий на путях формирования гражданской нации, ни с европейской теорией «мультикультурализма», основанной на идее толерантности – автономном сосуществовании различных культур.

В востребовании советского опыта национальной политики, формирующей социокультурные, альтернативные моноэтничности основания новых наций, видится путь современного развития стран постсоветского пространства. Существенную роль в ее реализации играет трудовая миграция на постсоветском пространстве, которая приобрела массовый характер и актуализирует общую историческую память и единые культурные коды, зафиксированные в местных обычаях, верованиях и традиционной художественной культуре.

В данном контексте, в противоположность Украине и ряду других постсоветских республик наиболее прагматично поступила Беларусь. Не имея высоколиквидных активов в виде запасов полезных ископаемых, Беларусь сделала ставку на человеческий капитал, развитие производства, науки, наукоемких технологий и агропромышленного сектора народного хозяйства. И именно эти, экономические причины, стимулировали процессы просвещенного постэтногенеза как основы нациестроительства. А востребованная фольклорная традиция выступила в качестве глубинных основ данных процессов. Одежда, орнамент, декоративно-прикладное искусство, повседневный быт – все стало работать на общую задачу нациестроительства. Важно отметить в этом роль сравнительных искусствоведческих исследований, показавших органическую близость по этнокультурным характеристикам населяющих республику славянских народов – белорусов, литовцев, поляков, русских и украинцев. Так, один из ведущих ученых в этой области И.В. Мациевский в результате многолетних исследований доказывает, что музыкальная традиция проживающих в Беларуси этногрупп связана со всей белорусской культурой и ее этническими традициями, а также хранит элементы балтского и финно-угорского субстратов ее этнической истории [3].

Другим показательным примером является последовательная научная работа Центра правовых исследований Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации по тематике «Системы власти и права автохтонных народов Кавказа» в разрезе изучения основ кавказской цивилизации как историко-теоретической базы целостного развития региона [4]. Как отмечал один из ведущих отечественных ученых С.С. Алексеев, право, возникнув как институт цивилизации в соответствии с ее требованиями, стало носителем этих требований, механизмом претворения их в жизнь, обеспечивающим «самоподдержание» общества. Право как уникальный феномен культуры стало мощной общественной силой по всеобщему упорядочению общественных отношений, их умиротворению, гарантирующей стабильность и устойчивость общественных связей, введение в необходимые рамки поведения людей, справедливое и разумное решение конфликтов [5].

Особое значение приобретают исследования обычного права как квинтэссенции этнической культуры, выраженной в формах устного народного творчества, обращенного к архетипам коллективного бессознательного совместной жизни и деятельности, которые являются богатейшим источником знаний об историческом опыте совместного проживания различных этнических групп в качестве целостных социальных субъектов в рамках единого цивилизационного поля.

Внимательный анализ обнаруживает в такого рода памятниках обычного права аксиомы человеческого бытия, раскрывающие основополагающие ценности цивилизации, ее высшие гуманистические начала и глубинные смыслы. В них мы находим ответы на вызовы и угрозы человечеству со стороны техногенной цивилизации. Историко-правовые исследования создают надежный фундамент осознанного и целеустремленного подхода к формированию современных наций на постсоветском пространстве.

Список литературы

1. Гайденко П.П. Философия Фихте и современность. – М.: Мысль, 1979. – 288 с.
2. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. Принята на внеочередной VII сессии Верховного Совета СССР IX созыва 7 октября 1977 года. – http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm
3. Мациевский И.В. Инструментальная музыкальная традиция и этническое самоопределение: белорусский феномен // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2009. – № 4 (24). – С. 78–86.
4. Системы власти и права автохтонных народов Кавказа, Российской империи, Советов (XVIII – XX вв.): сравнительный анализ // Материалы VI Международной научно-практической конференции / Отв. ред. и сост. Д.Ю. Шапсугов. – Ростов-на-Дону: Альтаир, 2016. – 520 с.
5. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. – М.: Статус, 1999. – 712 с.

Горбачев М.В.
д.полит.н., доцент кафедры российской политики МГУ

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПРОЕКТА БРИКС

Ключевые слова: *БРИКС, международные отношения. цивилизационная идентичность, интеграционные процессы, ценности многополярного мира.*

За период 2009–2019 гг. страны БРИКС провели X саммитов, приняв множество документов политического, экономического и социального характера, которые координируют их совместную деятельность в системе современных международных отношений. Усилиями России, Китая и Индии саммиты БРИКС превратились из дискуссионных площадок для решения ключевых экономических вопросов в авторитетный дипломатический клуб глобального уровня. Его участники представляют политические интересы не только отдельных стран и регионов мира, но и крупных цивилизаций, которые обладают уникальными социокультурными характеристиками. Это сделало БРИКС центром политического, экономического, социокультурного притяжения для многих государств и обществ современного мира. Постоянно растет число заинтересованных участников, которые присутствуют в качестве неформальных представителей на саммитах ассоциации.

Наряду с ростом интеграционного потенциала и политических возможностей, ассоциация БРИКС имеет серьезные внутренние проблемы. А именно: ЮАР с 2011 года не прекращает испытывать трудности, которые связаны с ее позиционированием как органичной части ассоциации (ЮАР, в отличие от других участников БРИК, стала частью ассоциации на основании территориального, а не экономического фактора[1]). Сохраняют актуальность территориально-политические споры между Индией и Китаем (один из них стал причиной противостояния на плато Доклам в 2017 г., которое практически переросло в вооруженный конфликт между странами[2]). Современная Бразилия испытывает мощнейшие экономические и политические вызовы (кризис доверия к президентской власти, проблемы с исполнением государством социальных обязательств)[3], которые затрудняют реализацию данной страной устойчивой стратегии в рамках БРИКС. Россия и Китай имеют разногласия по ряду ключевых экономических и политических вопросов, связанных с дальнейшей эволюцией БРИКС (Россия ориентирована на усиление политической составляющей ассоциации, китайское руководство стремится продвигать экономические проекты БРИКС[4]).

В условиях наличия возможностей для дальнейшего роста и одновременно серьезных ограничений, которые сдерживают этот рост, обостряется проблема цивилизационной идентификации БРИКС, определения социокультурных оснований, относительно которых может осуществляться эта идентификация. Цель настоящей работы состоит в выявлении идентификационных оснований БРИКС как цивилизационного проекта. Думается, что обращение к цивилизационно-проектной концепции объяснения политики позволит выделить и дать описание этим идентификационным основаниям. Цивилизационно-проектная концепция интерпретации политики основана на следующих методологических принципах. Во-первых, цивилизационный проект конструируется определенным государством. При этом данное государство должно обладать достаточным социокультурным потенциалом. Его высвобождение не становится причиной кризиса государства, а напротив, позволяет ему выйти на новый уровень организации политических процессов. Думается, что такое государство можно обозначить как «стержневое». Во-вторых, «стержневое государство» цивилизационного проекта всегда аффилировано с определенной цивилизацией. Ценности этой цивилизации оно пытается распространить на остальных участников проекта. От успешности реализации подобной стратегии зависит механизм взаимодействия между всеми участниками проекта. В-третьих, результатом деятельности «стержневого государства» становится формирование двухуровневой структуры цивилизационного политического проекта. Первый уровень составляет социокультурный фундамент цивилизационного проекта. Он содержит набор ценностей, которые формируют идейную направленность проекта. Второй уровень образуется институциональной надстройкой проекта – политическими институтами различных уровней[5].

Исходя из методологических принципов цивилизационно-проектной концепции объяснения политики, выделим идентификационные основания БРИКС как цивилизационного проекта. Страны, входящие в ассоциацию, представляют собой принципиально разные социально-экономические системы. В них реализуются отличные друг от друга

[1] ЮАР была не единственной в (неофициальном) списке кандидатов. Некоторые из них представляли более сильные экономики. Например, объем ВВП Индонезии составлял в то время 847 млрд. долл. США, Мексики – 1155 млрд., Турции – 773 млрд., Южной Кореи – 1116 млрд., а ЮАР – только 508 млрд.

[2] Чем опасен Доклам? Маленький конфликт с большими последствиями. – https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chem-opasen-doklam-malenkiy-konf--likt-s-bolsh-imi-posledstviyami/

[3] Бразилия будет неуправляемой, если Лулу да Силву не допустят к выборам. – https://tass.ru/politicheskiy-krizis-v-brazilii

[4] Барбашин А. Призрачное сотрудничество. Почему в БРИКС почти не осталось смысла // Forbes. 2017. – Сентябрь.

[5] Более подробно см.: Горбачев М.В. Цивилизационная методология в политической компаративистике. – С.: СГЮА, 2015.

модели политического развития. Более того, они относятся к разным цивилизационным традициям. Их объединение в БРИКС, дальнейшее позиционирование ассоциации как цивилизационного проекта – требует выделение круга ценностей, которые будут составлять содержание его социокультурного фундамента. Католические ценности латиноамериканской цивилизации (Бразилия), евразийские ценности российской цивилизации, религиозные и нравственные ценности индийской и китайской цивилизаций, традиционные африканские ценности ЮАР – безусловно имеют определенные возможности для взаимопроникновения и формирования устойчивой культурной системы. Однако в краткосрочной перспективе они могут успешно сочетаться друг только в рамках концептуальной модели «альянса цивилизаций». Ценности «альянса цивилизаций» основаны на двух императивах: императив диалога, императив консенсуса. Оба из них являются характерными для стран-участников БРИКС. Как показывает анализ документов ассоциации – стенограмм саммитов, организационных документов, проектных моделей – в рамках БРИКС большинство ключевых решений принимаются на основании консенсуса[1]. Страны стремятся учесть интересы всех субъектов объединения. При этом происходит согласование не только политико-экономических, но и цивилизационных интересов.

Наряду с ценностями «альянса цивилизаций», не менее важными основаниями БРИКС, как цивилизационного проекта, являются ценности теории «нового развития незападных цивилизаций»[2]. Ее общие контуры были обозначены в работах А. Тойнби и С. Хантингтона. Ученые выдвинули предположение о том, что к концу XX века ведущие роли в мировой экономике, политике и культуре будут принадлежать незападным цивилизациям, которые благодаря своему постоянно растущему демографическому и экономическому потенциалу станут новыми центрами системы международных отношений XXI века[3]. При этом многообразие незападных цивилизаций противопоставляется двум западным цивилизациям: европейской и североамериканской. Ценности моноцивилизационного мира и связанного с ним глобального порядка противопоставляются ценностям полицивилизационного мира, где политическая и экономическая роль западных цивилизаций будет постепенно снижаться.

Комплиментарными по отношению к ценностям полицивилизационного мира являются ценности полирелигиозного мира, которые активно инкорпорируются в социокультурный фундамент БРИКС. Ассоциация включает в свой состав цивилизации, которые аффилированы с большинством мировых религий. Исключением является только исламская макрокультура. Потенциальное присоединение стран данной макрокультуры к БРИКС позволит значительно усилить социокультурный потенциал ассоциации. Решения, принимаемые в рамках БРИКС, будут учитывать интересы не только всех стран участниц ассоциации, но и соответствовать ценностям религиозных систем крупнейших мировых цивилизаций. В результате полирелигиозные и полицивилизационные ценности, как основы социокультурного фундамента БРИКС, позволят позиционировать ассоциацию как один из самых масштабных проектов современности, который претендует на трансконтинентальный статус.

Таким образом, идентификация БРИКС как цивилизационного политического проекта осуществляется в рамках следующей системы ценностных координат. Во-первых, ценности альянса цивилизаций, которые подразумевают трансконтинентальное объединение крупных макрокультур на уровне политических и экономических надстроек. Во-вторых, ценности незападного цивилизационного вектора развития, которые основаны на идеях смены цивилизационных лидеров в XXI веке. В-третьих, ценности диалога религий, которые связаны с построением гармоничного мироустройства, учитывающего интересы всех субъектов. Необходимо отметить, что большинство ценностей, которые составляют социокультурный фундамент БРИКС, являются достаточно абстрактными. В результате констелляция БРИКС относительно других масштабных проектов современности является непостоянной. Это, в свою очередь, затрудняет цивилизационную идентификацию ассоциации как цивилизационного политического проекта. В целом, БРИКС позиционируется как незападный цивилизационный политический проект, который основан на децентрализованных механизмах управления глобальными процессами, и является альтернативой централизованным цивилизационно-политическим проектам «западного мира».

---

[1] Более подробно см.: Горбачев М.В. Проект БРИКС и Бреттон-Вудская система: поиск цивилизационной идентичности вне «традиционного» макрокультурного пространства // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2015. – № 2 (56). – С. 114–117.

[2] Айвазов А.Э., Пантин В.И. От столкновения к партнерству цивилизаций: новое мироустройство и проблема реформирования ООН // История и современность. 2018. – № 1. – С. 88–108.

[3] Более подробно см.: Тойнби А. Цивилизация перед судом истории: Сборник / Пер. с англ. — М.: Рольф, 2002; Шпенглер О. Закат Европы. – М.: Наука, 1993.

Додонов В.Ю.
д.э.н., гл.н.с., Казахстанский институт стратегических исследований
dodonovv@mail.ru

ИЗМЕНЕНИЕ РОЛИ ДОЛЛАРА США ВСЛЕДСТВИЕ ТОРГОВЫХ ВОЙН В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ПРОСТРАНСТВЕ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

Ключевые слова: *торговые войны, мировые валюты, резервная валюта, международные расчеты, государственный долг.*

Одним из важнейших компонентов интеграционных процессов на евразийском пространстве как в отдельных его частях и объединениях, так и в рамках гипотетических проектов Большой Евразии, является финансовая интеграция, которая в отдельных случаях может достигать уровня монетарного союза (как в еврозоне), либо ограничиваться менее жесткими форматами общего рынка финансовых услуг (планируется в ЕАЭС) или просто многосторонних соглашений, направленных на решение отдельных задач (Инициатива Чианг Мая, форум рынка капитала АСЕАН (ACMF), Инициатива азиатских рынков облигаций (ABMI) в Восточной Азии[1]). Какой бы формат ни был избран для реализации потенциальных проектов в области финансовой интеграции на пространстве Большой Евразии, одной из ключевых проблем в этом процессе станет отход участвующих в нем стран от долларовой зависимости, в связи с чем целесообразно рассмотреть текущие тенденции в изменении роли доллара США[2] в мировой экономике, которые могут существенно повлиять на будущее этой валюты, в том числе на евразийском пространстве.

Доминирующее положение доллара в мировой финансовой системе, сформировавшееся по итогам Бреттон-Вудской конференции и значительно упрочившееся после распада социалистической системы, в настоящее время подвергается испытанию на прочность, причинами которого стали последствия политики самих США в различных сферах. Долларизация мировой экономики, происходившая по различным причинам – от объективной необходимости организации международных расчетов до проблем субъективного характера в слаборазвитых странах, где доллар вытеснял местные валюты вследствие кризисов и девальваций – с началом XXI века начала сменяться обратной тенденцией.

Многие исследователи отмечали снижение роли доллара в качестве мировой валюты в первом десятилетии XXI века, в частности, «выявляя широкий глобальный тренд на дедолларизацию финансового сектора с начала 2000-х годов»[3]. На наш взгляд, на этом этапе основной вызов для доминирования доллара в качестве мировой валюты представляло появление евро на рубеже веков (1 января 1999 г. был введен в обращение безналичный евро, 1 января 2002 г. – наличный). Европейская валюта стала ранее отсутствовавшей альтернативой доллару и начала теснить его в качестве мировой резервной валюты – доля мировых резервов, размещенных в евро, со стартового уровня в 17,9% в 1999 году выросла до 27,7% в 2009 году, и именно этот фактор обусловил заметное сокращение доли доллара с 71 до 61,8% за эти же годы[4].

Однако глобальный финансовый кризис 2008–2009 годов развернул тенденцию снижения роли доллара и в качестве резервной валюты (поскольку в кризисные времена долларовые активы традиционно выступают в роли убежища для инвесторов) и в целом процессы дедолларизации, «которые обратились вспять во многих экономиках»[5], особенно развивающихся, под влиянием новой волны неустойчивости и девальвации их национальных валют. Аналогичные тенденции наблюдались в этот период и в странах СНГ, в том числе в тех, которые в настоящее время входят в Евразийский экономический союз. Так, в Беларуси в начале 2009 года доля валютных вкладов выросла с 40 до 55%[6], в России с конца 2007 по конец 2009 года она увеличилась с 12,9 до 26,4%[7], в Казахстане (за аналогичный период) – с 37,6 до 51,1%[8].

---

[1] Ноздрёв С.В. Восточная Азия – региональная или глобальная финансовая интеграция? // Вестник МГИМО-Университета. – М., 2018. – № 5(62). – С. 49–70.

[2] Далее по тексту – просто «доллара».

[3] Catão L.A.V., Terrones M.E. Financial De-Dollarization: A Global Perspective and the Peruvian Experience: IMF Working Paper. WP/16/97. April 2016.

[4] Додонов В.Ю. Изменение роли США в мировой экономике: тенденции и влияние на глобальную стабильность. – Астана: КИСИ при Президенте РК, 2016. – С. 21.

[5] Catão L.A.V., Terrones M.E. Financial De-Dollarization: A Global Perspective and the Peruvian Experience: IMF Working Paper. WP/16/97. April 2016.

[6] Демиденко М., Мирончик Н., Кузнецов А. Долларизация: причины и пути решения проблемы // Банкаўскі веснік. – Минск, 2016. – снежань. – С. 4.

[7] Миркин Я.М. Финансовое будущее России: экстремумы, бумы, системные риски.— М.: GELEOS Publishing House; Кэпитал Трейд Компани, 2011. – С. 34.

[8] Вклады населения в банках Казахстана / Национальный банк Республики Казахстан. – https://nationalbank.kz/?finalDate=5.12.2007&finalDate2=25.12.2019&dates=+%D0%92%D1%8B%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B8+%D0%B8%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8E&tab_id=4&lang=rus&docid=351&ch_date=on&switch=russian

Глобальный финансовый кризис упрочил положение доллара как мировой резервной валюты – его доля постепенно росла, и к концу 2015 года достигла 65,7% размещенных мировых резервов, тогда как доля евро сжалась до 19,1%, почти вернувшись на исходные позиции. Однако затем, с 2016 года доля доллара в мировых резервах вновь стала сокращаться, и этот процесс продолжается до настоящего времени, вновь актуализируя дискурс глобальной дедолларизации. Причины очередного снижения роли доллара многочисленны. В их числе можно назвать становление новых валют, оттягивающих на себя часть международных резервов и расчетов – так, совокупная доля юаня, австралийского доллара, канадского доллара и остальных валют, в которые размещаются мировые резервы в XXI веке выросла в 6,2 раза – с 1,3% в 2001 году до 8% в первом квартале 2019 г. Внутренние проблемы американской экономики и финансовой системы (особенно в части государственных финансов) также обусловливали снижение интересов инвесторов к вложениям в активы США, равно как и ряд особенностей ситуации на мировых финансовых рынках в эти годы. Однако в течение последних лет предпосылки к дедолларизации существенно увеличились, прежде всего, за счет резкого обострения отношений США с ключевыми экономическими партнерами.

Негативное влияние конфликтов США на внешнеполитическом и экономическом поле на привлекательность долларовых активов и самого доллара в течение последних двух-трех лет стало общепризнанным со стороны широкого круга исследователей. Так, К. Хемке считает, что «на использование системы долларовых резервов в качестве оружия в торговых войнах остальной мир отвечает ускорением движения от долларовой гегемонии»[1]. М. Романовски отмечает, что не только «агрессивная торговая политика США, но и экономические санкции Вашингтона стали триггером изменения глобального валютного ландшафта и постепенного ухода от долларовой системы»[2]. Тезис о негативном влиянии американской политики на роль доллара является не умозрительным: он основывается на реальных проблемах, которые в течение последних нескольких лет испытывают отдельные сектора экономики и компании стран, попавших под давление разного рода ограничений со стороны США. Так, около трети расчетов в долларах российских компаний с иностранными партнерами задерживается до 3-х месяцев из-за согласования с управлением Казначейства США OFAC (Office of foreign assets control)[3], причем в данном случае речь идет о расчетах с третьими странами компаний, не входящих в санкционные списки. Широко распространена практика блокирования и заморозки активов попавших под санкции физических и юридических лиц. Под различными предлогами – от политических мотивов до процессуальных действий в рамках хозяйственных судебных исков – США в разные годы замораживали активы более двадцати стран, а максимальный объем блокированных иностранных активов пришелся на Ливию в 2011 году (34 млрд. долл.[4]).

Санкции США политического характера в отдельных случаях привели к ограничению использования доллара попавшими под их действие странами. Мотивами в данном случае являлись как стремление застраховаться от возможных агрессивных действий американской администрации в отношении долларовых активов (их заморозки), так и нанесение ответного ущерба США. Наиболее ярким примером такого рода действий стала распродажа Россией государственных долговых обязательств США весной 2018 года, когда их объем снизился с 96,1 до 14,9 млрд. долл.[5] Эта мера оказала определенное влияние на рынок долговых обязательств Казначейства США. По нашим оценкам, продажа бумаг в размере 1,5% от общего их объема, находящегося у иностранных держателей, или 0,5% от общего объема у инвесторов, повысила текущую рыночную доходность с 2,82 до 3,06% годовых, или на 8%. Это привело к ухудшению условий новых заимствований и в определенной степени обусловило выход бюджетных параметров США за запланированные рамки за счет роста расходов на обслуживание госдолга[6].

Еще более выраженными негативные эффекты для доллара стали после инициирования администрацией Д. Трампа экономических ограничений в отношении большинства крупнейших торговых партнеров США в начале 2018 года, которые впоследствии получили название торговых войн. Торговые войны, которые постепенно перешли и на другие сферы двусторонних экономических отношений США, влияют на роль доллара по нескольким направлениям. Во-первых, ряд стран, считая эти действия неправомерными и не всегда имея возможность ответить на них аналогично (повышением таможенных пошлин), ищут другие ответные меры, в том числе, связанные с отказом от использования доллара. Во-вторых, США быстро вывели применяемые в ходе данного конфликта меры за пределы торговли и расширили их на сферу технологического и инвестиционного сотрудничества (прежде всего, в отношении КНР), что привело к резкому снижению инвестиций в США и, как следствие, – спроса на долларовые активы и сами доллары. В-третьих, по мере обострения торговых и иных противоречий, ключевые партнеры США стали заявлять о необходимости ухода от долларовой основы мировой финансовой системы, причем эти заявления звучат не только со стороны традиционных геополитических соперников – таких, как Китай и Россия, но уже и от американских союзников в Европе.

---

[1] The Trend Toward De-dollarization Accelerates – Craig Hemke. SpottMoney. 28/08/2018. – https://www.sprottmoney. com/Blog/the-trend-toward-de-dollarization-accelerates-craig-hemke-28-082018.html

[2] Romanowski M. New Players in a Dollarized World // YaleGlobal Online. – https://yaleglobal.yale.edu/content/new-players-dollarized-world

[3] Минфин РФ: компаниям задерживают расчеты в долларах // Вести Экономика, 25.12. 2018. – https://www.vestifinance.ru/articles/112385

[4] США заморозили 34 миллиарда долларов на счетах Каддафи // Вести, 7.04.2011. – https://www.vesti.ru/doc.html?id=443136

[5] Major foreign holders of treasury securities. Securities (B): Portfolio Holdings of U.S. and Foreign Securities // U.S. Department of the treasury website. – https://www.treasury.gov/resource-center/data-chartcenter/tic/Pages/ticsec2.aspx

[6] Додонов В.Ю. Последствия продажи Россией казначейских обязательств США – оценка влияния на стабильность американских государственных финансов // Территория науки. 2018. – № 5. – С. 67.

Так, Председатель Еврокомиссии Ж.-К. Юнкер в сентябре 2018 года заявил о необходимости увеличить долю евро в расчетах ЕС, сократив тем самым долю американского доллара[1]. А глава Банка Англии М. Карни в августе 2019 года отметил необходимость замены доллара в качестве мировой резервной валюты, предложив центральным банкам рассмотреть возможность создания виртуальной валюты и заявил, что доминирующее положение доллара создает проблемы для регуляторов за пределами США в управлении инфляцией и обеспечении финансовой стабильности[2]. Что же касается стран, которые давно выступают за дедолларизацию, то они активно переходят от такого рода заявлений к практическим действиям, выводя доллар как из своих резервов, так и из внешнеторгового оборота. При этом используются как переход к расчетам в национальных валютах, так и замещение доллара в них конкурирующей мировой валютой – евро.

Так, Россия весьма активно использует оба эти направления. По данным Банка России, доля евро растет уже четыре квартала подряд и превысила долю доллара в расчетах со странами ЕС, Китаем и Индией. Евро уже занял место доллара в качестве главной валюты для российского экспорта в Европейский союз (доля евро выросла до 42% в I квартале 2019 г. с 32% годом ранее); в расчетах с КНР она почти достигла 30%, хотя в прошлом году она была близка к нулю. Что же касается расчетов в национальных валютах, то в течение года рубль стал основной валютой расчета с Индией после того, как лидеры двух стран в 2017 г. договорились о внедрении взаиморасчетов в национальных валютах в торговле, а центральные банки заключили соглашение о переходе на рубли и рупии по оборонным контрактам[3]. В июне 2019 года Россия и КНР также заключили межправительственное соглашение о переходе на расчеты в национальных валютах, которое предполагает, что все платежи по сделкам между странами будут проводиться без участия американского доллара. Характерно, что одним из основных мотивов этого соглашения названо «укрепление экономической безопасности страны»[4], то есть, влияние американской финансовой системы при использовании доллара признано угрозой национальной безопасности на официальном уровне.

Действия и заявления, направленные на необходимость отказа от ведущей роли доллара как мировой валюты, резко активизировавшиеся в период торговых войн, не способствуют сохранению этой роли. В то же время, необходимо отметить, что именно торговые войны создали ряд факторов, работающих на укрепление позиций доллара в отдельных сферах. Напряженность, возникшая на фоне эскалации взаимных ограничительных мер, прежде всего, США и КНР, обусловила ухудшение ситуации в экономике, негативные ожидания инвесторов и снижение цен на многих сегментах финансовых рынков. Как следствие, вырос спрос на так называемые активы-убежища, к которым относятся, главным образом, государственные облигации, имеющие максимальный кредитный рейтинг. Поскольку крупнейшим сегментом этого рынка являются государственные облигации США, именно на них пришелся основной приток средств, выводимых инвесторами из более рисковых активов. Как следствие, резко выросли цены государственных обязательств США и котировки доллара (рис. 1).

Таким образом, торговые войны, а также иные причины для недовольства многих стран доминированием доллара создали два разнонаправленных вектора, влияющих на позиции американской валюты в глобальной финансовой системе – стремление избавиться от доллара как валюты резервирования и расчетов, с одной стороны, и бегство в долларовые активы в условиях ухудшения конъюнктуры финансовых рынков – с другой. Оценить баланс влияния этих сил на позиции доллара в период торговый войн можно на основе анализа показателей использования доллара как мировой валюты в таких основных сферах, как мировые резервы, международные расчеты и внешнее кредитование.

Основной функцией доллара как мировой валюты, на которой базируется и его привлекательность в остальных сферах, является резервная. На начало XXI века на доллар приходилось 71,5% мировых размещенных резервов, однако этот показатель постепенно снижался. В период торговых войн, которые начались в январе 2018 года[5], объем размещенных в долларовых активах резервов не снижался и даже продемонстрировал небольшое увеличение (рис. 2) на 3,2%. Однако этот рост был меньшим по сравнению с ростом общего объема размещенных резервов, который составил 4,7%.

[1] Глава Еврокомиссии выступил за сокращение долларовых расчетов в ЕС // РБК. 12.09.2019. – https://www.rbc.ru/economics/12/09/2018/5b98cca39a79471a6553e7ef

[2] Глава Банка Англии выдвинул идею создания виртуальной резервной валюты // Вести Экономика. 26.08.2019. – https://www.vestifinance.ru/articles/123953

[3] Как попытки России сокрушить доллар становятся реальностью // Вести Экономика. 5.08.2019. – https://www.vestifinance.ru/articles/122946

[4] Шелковый курс: Россия и Китай договорились о расчетах в рублях и юанях // Известия. 28.06. 2019. – https://iz.ru/893613/dmitrii-grinkevich/shelkovyi-kurs-rossiia-i-kitai-dogovorilis-o-raschetakh-v-rubliakh-i-iuaniakh

[5] 22 января США были введены пошлины на ввоз стиральных машин (40-50%) и элементов солнечных батарей (15-30%), ставшие отправной точкой торговый войн.

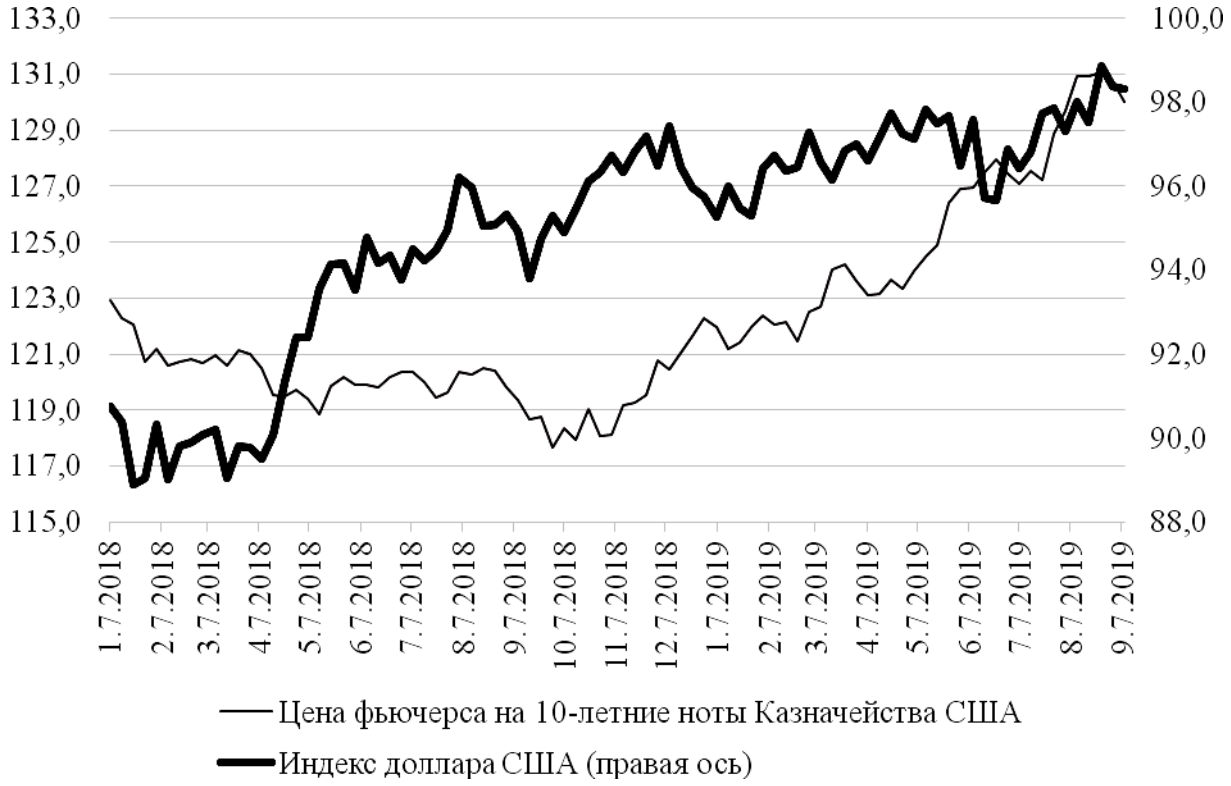


Рисунок 1.
Динамика индекса доллара США и котировок 10-летних казначейских обязательств в период торговых войн США

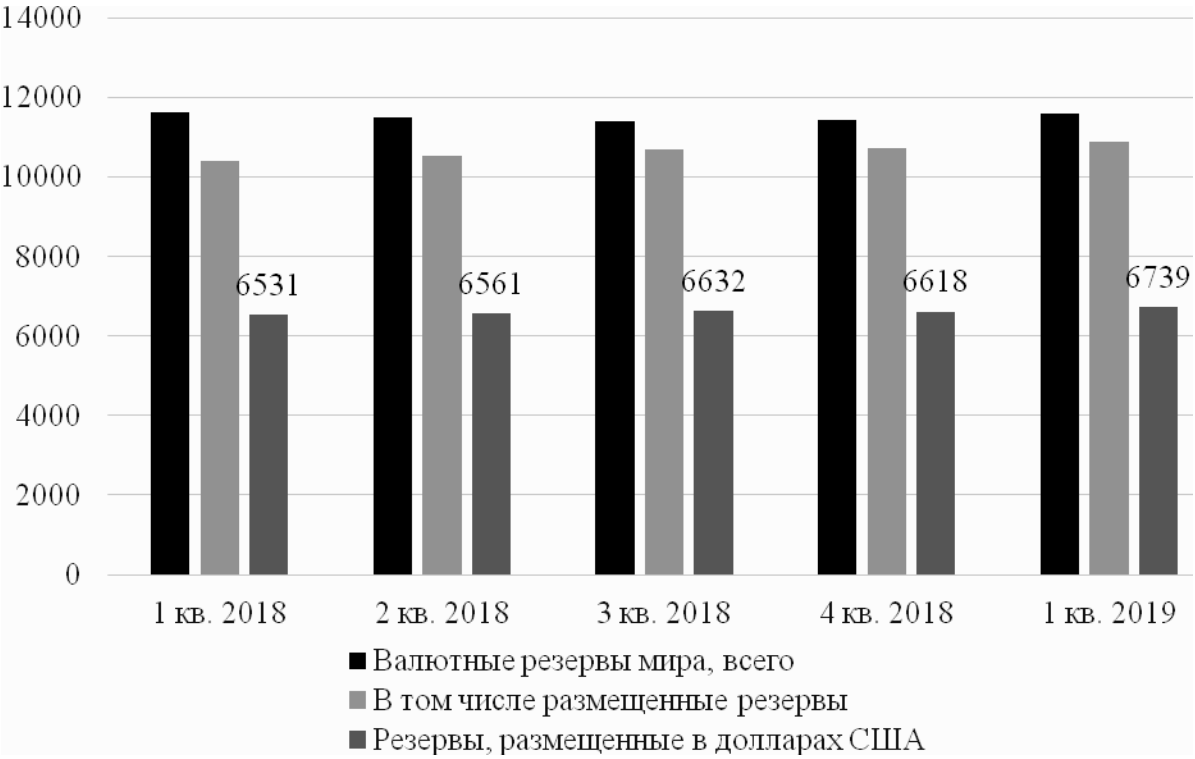


Рисунок 2.
Динамика валютных резервов мира и резервов в долларах США в период торговых войн, млрд. долл. США[1]

[1] Рассчитано по данным Международного валютного фонда: World Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves. IMF Data // International Monetary Fund website. – https://data.imf.org/?sk=E6A5F467-C14B-4AA8-9F6D-5A09EC4E62A4&sId=1408243036575

В результате доля доллара в мировых размещенных резервах сократилась. По сравнению с «довоенным» 4 кварталом 2017 года она снизилась с 62,7 до 61,8% по итогам первого квартала 2019 года. При этом можно особенно отметить, что другие ведущие валюты, используемые для размещения в них резервов – евро, иена и британский фунт – не только не снизили свой удельный вес в мировых резервах, но и увеличили его (табл. 1).

Таблица 1

Изменение удельного веса различных валют в структуре размещенных валютных резервов мира в период торговых войн, %.

	4 кв. 2017	1 кв. 2018	2 кв. 2018	3 кв. 2018	4 кв. 2018	1 кв. 2019
доллары США	62,7	62,8	62,4	61,9	61,7	61,8
евро	20,2	20,4	20,3	20,5	20,7	20,2
иены	4,9	4,6	4,9	5,0	5,2	5,2
фунты стерлингов	4,5	4,7	4,5	4,5	4,4	4,5
юани	1,2	1,4	1,8	1,8	1,9	2,0
австралийские доллары	1,8	1,7	1,7	1,7	1,6	1,7
канадские доллары	2,0	1,9	1,9	1,9	1,8	1,9
швейцарские франки	0,2	0,2	0,2	0,2	0,1	0,1
другие валюты	2,4	2,5	2,4	2,5	2,5	2,5

Другой заслуживающей внимания особенностью изменения структуры мировых валютных резервов в этот период является резкий рост доли в них юаня – валюты главного противника США в торговых войнах – которая увеличилась на 58% (рис. 3), в результате чего юань по итогам 1 квартала 2019 года вышел на пятое место среди валют, в которых размещаются мировые резервы, тогда как в конце 2017 года он располагался только на седьмой позиции.

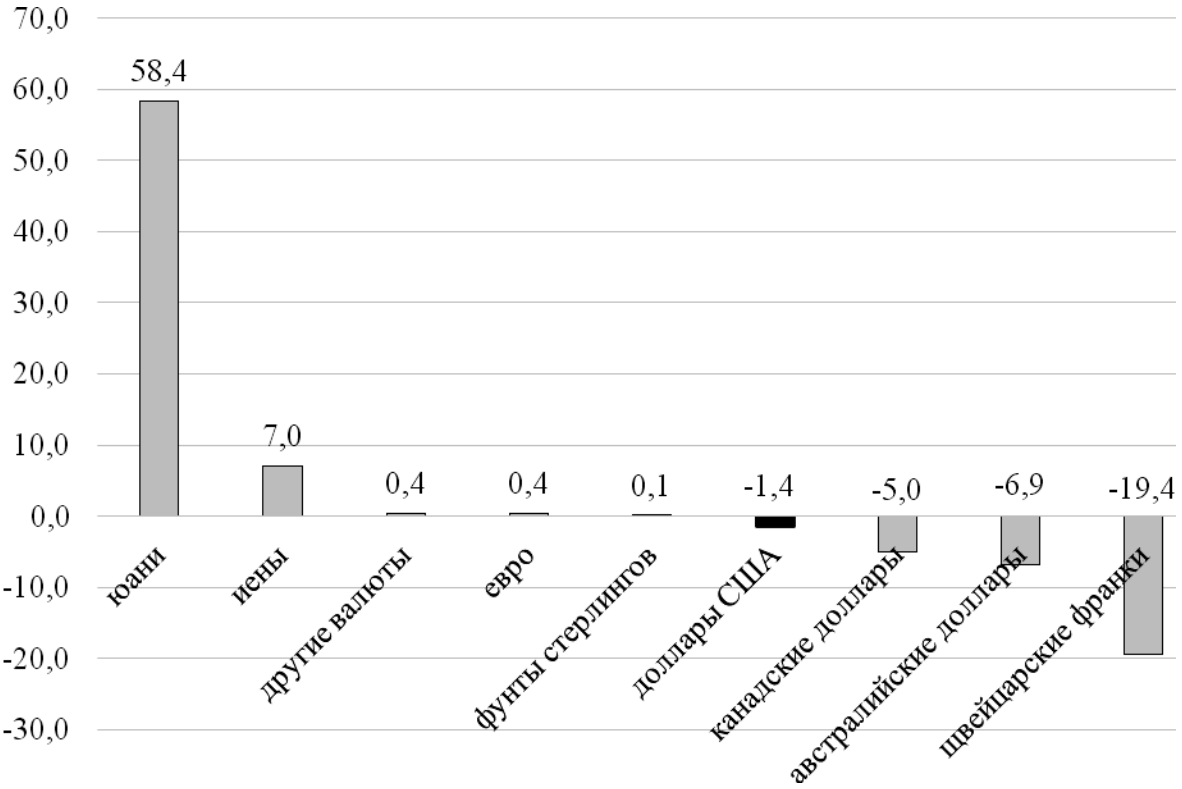


Рисунок 3.
Изменение удельного веса мировых резервных валют в структуре размещенных резервов мира в период с четвертого квартала 2017 года по первый квартал 2019 года, %[1]

Таким образом, рассматривая итоги торговой войны США с Китаем в сфере позиций валют на мировом рынке резервов, можно сделать вывод, что первый год этой войны был проигран долларом, и экономическое противостояние США с остальным миром негативно отразилось на позициях американской валюты.

Резервные позиции доллара непосредственно зависят от вложений зарубежных государств в долговые обязательства США, которые и являются основным средством аллокации валютных резервов. Чем большие объемы американского госдолга покупаются иностранными инвесторами, тем выше доля доллара США среди мировых резервов.

[1] Рассчитано по данным Международного валютного фонда: World Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves. IMF Data // International Monetary Fund website. – https://data.imf.org/?sk=E6A5F467-C14B-4AA8-9F6D-5A09EC4E62A4&sId=1408243036575

Поэтому в контексте анализа причин снижения этой доли целесообразно рассмотреть также и ситуацию с вложениями в долговые бумаги США иностранных инвесторов.

В период торговых войн абсолютные объемы зарубежных вложений в госдолг США росли, но относительные снижались (табл. 2). При этом надо особенно отметить, что вложения в госдолг США со стороны государственных зарубежных институтов выросли крайне незначительно, а их доля в федеральном долге снизилась более выраженно, чем доля всех зарубежных вложений. В период с четвертого квартала 2017 года по второй квартал 2019 года общий объем федерального долга США увеличился на 7,5%, тогда как его доля у зарубежных государственных держателей сократилась на 4,2%.

Таблица 2

Изменение удельного веса зарубежных держателей федерального долга США в период торговых войн, млрд. долл. США, если не указано иное[1]

	4 кв. 2017	1 кв. 2018	2 кв. 2018	3 кв. 2018	4 кв. 2018	1 кв. 2019	2 кв. 2019
Федеральный долг США	20 492,7	21 089,6	21 195,1	21 516,1	21 974,1	22 027,9	22 023,3
Зарубежные вложения в федеральный долг США	6211,3	6223,4	6225,0	6225,9	6256,0	6473,3	6636,3
Доля зарубежных инвесторов, %	30,3	29,5	29,4	28,9	28,5	29,4	30,1
В том числе вложения зарубежных государственных институтов	4024	4052	3989	4010	3951	4073	4142
Доля зарубежных государственных держателей федерального долга, %	19,6	19,2	18,8	18,6	18,0	18,5	18,8

Также при оценке динамики объема госдолга США у иностранных держателей надо принимать во внимание тот факт, что соответствующие ценные бумаги учитываются по рыночной стоимости, а не по номиналу[2], а эта стоимость в рассматриваемый период существенно выросла, как отмечалось выше (см. рис. 1). С учетом этого аспекта рост вложений в данные бумаги со стороны иностранных государственных держателей может оказаться отрицательным, если учитывать не их рыночную оценку, а номинал.

В значительной мере стагнация зарубежных вложений в американский госдолг (а в отдельные периоды – и их спад) вызвана действиями стран, являющихся крупными его держателями, с которыми у США в последние годы сложились напряженные отношения. Так, упоминавшийся выше выход России из казначейских обязательств США весной 2018 года стал одним из заметных факторов снижения объема этих бумаг у зарубежных государственных держателей, которое было зафиксировано по итогам второго. А в течение последнего года, после начала активного противостояния с США Китая в ходе торговых войн заметно сокращаются и китайские вложения в американский долг (рис. 4).

С июня 2018 года по июнь 2019 года они уменьшились на 78 млрд. долл., или на 6,5%, а доля Китая сократилась с 19,1 до 16,8%. Таким образом, торговая война с КНР также непосредственно отразилась на привлекательности долларовых активов как средства размещения резервов, а США стали испытывать возросшие сложности с привлечением внешних инвесторов к финансированию своего бюджетного дефицита.

Второй, помимо резервной, ключевой функцией американской валюты, обеспечивающей ее доминирование в мировой финансовой системе, является расчетная. На доллар традиционно приходится максимальный объем расчетов, особенно международных, хотя доля этой валюты в последние годы демонстрирует снижение. Так, если в декабре 2015 года на доллар приходилось 47,9% трансграничных платежей, то в марте 2016 года – 46,9%, а в декабре 2017 года – 41,3%[3]. Можно предположить, что снижение доли доллара в последние годы было отчасти связано и с активизацией ряда стран по организации взаимных расчетов в национальных валютах и в евро на фоне усиления конфронтации с США. Оценить изменения этого показателя, произошедшие именно в период торговых войн в настоящее время не представляется возможным, так как единственным источником информации о доле отдельных валют в общем объеме платежей является обзор SWIFT «RMB Tracker», а последний из этих обзоров датирован апрелем 2018 года и содержит данные за март, то есть, до начала «горячей фазы» торговых войн. Поэтому оценить изменение роли доллара в международных расчетах можно только по другому доступному индикатору, характеризующему платежи в системе SWIFT – количеству сообщений в долларах США (соответствующая статистика имеется в отчетах Банка международных расчетов, BIS). Динамика абсолютных и относительных значений этого показателя в период торговых войн приведена на графиках рис. 4.

Эта динамика также демонстрирует небольшое снижение доли долларовых сообщений в их общем количестве в течение 2018 года, с 50,3 до 49,6%, равно как и количества самих сообщений, хотя в данном случае нельзя говорить о выраженной тенденции. Тем не менее, приведенные данные позволяют сделать формальный вывод о том, что в течение первого года торговых войн доля доллара в финансовых сообщениях в системе SWIFT все же продемонстрировала снижение, продолжив, тем самым, тенденцию последних нескольких лет и еще больше ослабив позиции американской валюты как ведущего мирового платежного средства.

---

[1] Составлено по данным из следующих источников: Federal Debt: Total Public Debt. FRED® Economic Data / Federal Reserve Bank of St. Louis. – https://fred.stlouisfed.org/series/GFDEBTN; Federal Debt Held by Foreign and International Investors. FRED® Economic Data/ Federal Reserve Bank of St. Louis. – https://fred.stlouisfed.org/series/FDHBFIN; Securities (B): Portfolio Holdings of U.S. and Foreign Securities // U.S. Department of The Treasury website. – https://www.treasury.gov/resource-center/data-chart-center/tic/Pages/ticsec2.aspx

[2] Estimating Holdings of Treasury Securities // U.S. Department of The Treasury website. – https://www.treasury.gov/resource-center/data-chart-center/tic/Pages/method-mfh.aspx

[3] RMB Tracker. April 2018. SWIFT, 2018, p. 29; RMB Tracker. January 2018. SWIFT, 2018, p.9.

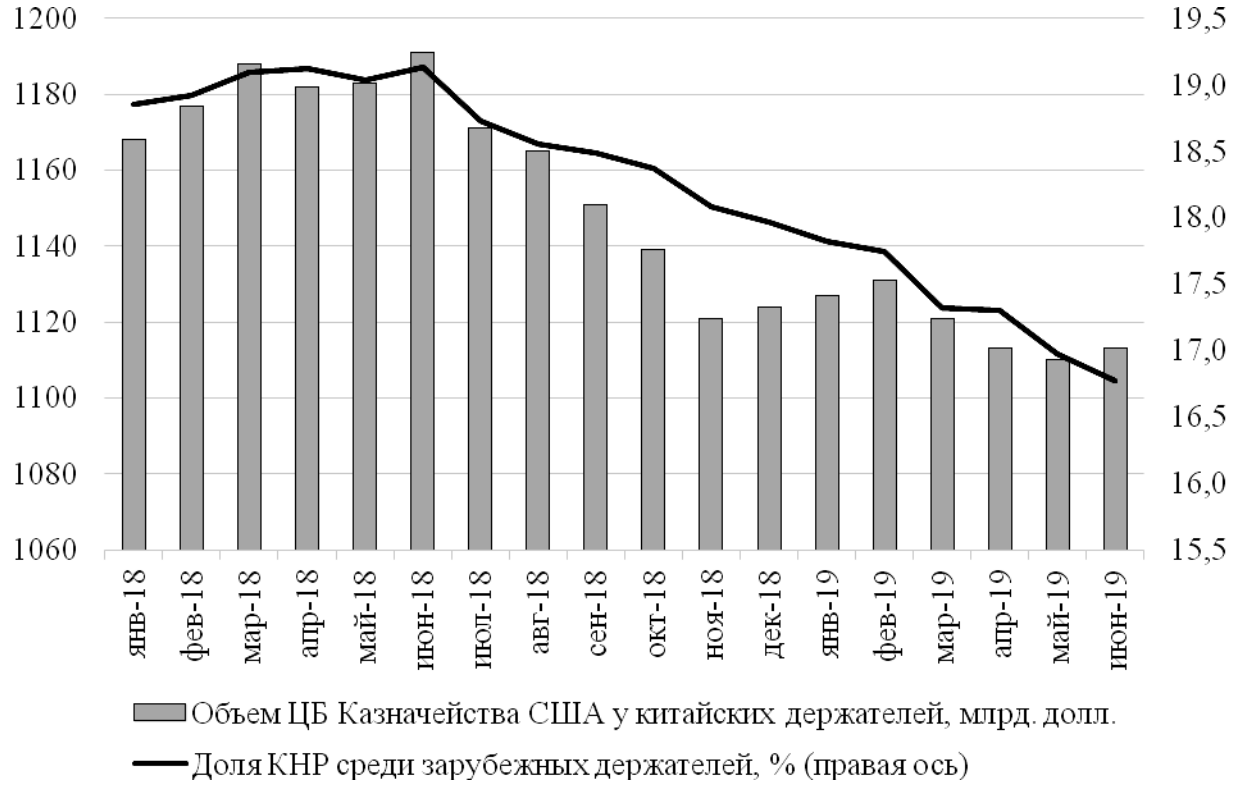


Рисунок 4.
Объем долговых обязательств США у китайских держателей и его доля в общем объеме данных обязательств у зарубежных держателей[1]

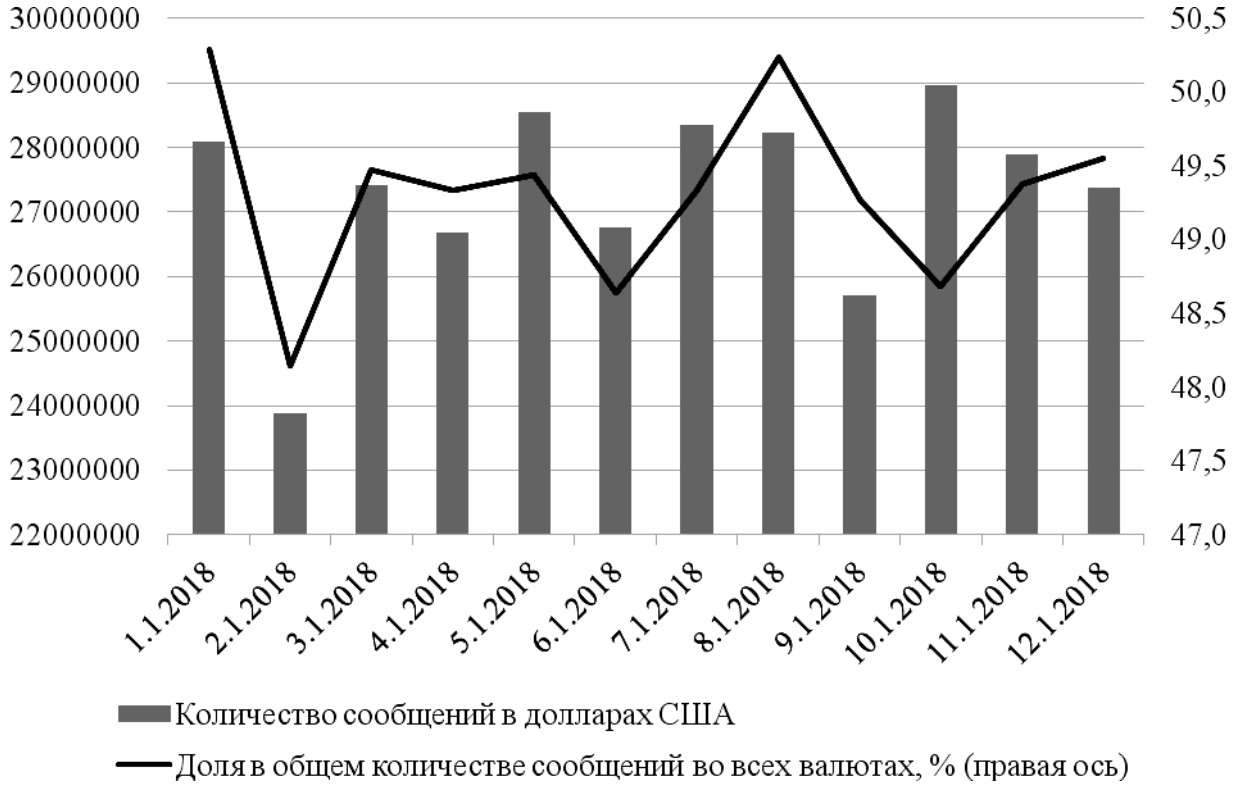


Рисунок 4.
Количество трансграничных финансовых сообщений в долларах США и их доля в системе SWIFT в 2018 году[2]

[1] Рассчитано по данным Казначейства США: Securities (B): Portfolio Holdings of U.S. and Foreign Securities. U.S. Department of The Treasury website. URL: https://www.treasury.gov/resource-center/data-chart-center/tic/Pages/ticsec2.aspx

[2] Источник: CPMI quantitative review of correspondent banking data // BIS website. – https://www.bis.org/cpmi/paysysinfo/corr_bank_data.htm

Наконец, важнейшим фактором функционирования доллара как глобальной валюты является мощный потенциал финансовой системы США, который предоставляет ресурсы зарубежным пользователям – от эмитентов акций и депозитарных расписок на американском фондовом рынке до зарубежных заемщиков, получающих долговое финансирование. Последний фактор особенно значим для развивающихся стран, где в силу высокой потребности в недорогом фондировании и отсутствии развитых фондовых рынков компании практикуют обращение к финансовым ресурсам американского и европейского долговых рынков. Поэтому тенденции, произошедшие в период торговых войн на этом направлении, также представляют интерес в контексте их влияния на роль доллара как мировой валюты.

Оценить роль доллара как валюты фондирования для внешних заемщиков можно по статистике объемов действующих кредитов и эмиссий долговых ценных бумаг. При этом для уточнения характера наблюдаемых тенденций мы сопоставили данные по долларовым заимствованиям с аналогичными показателями в евро, а также выделили динамику соответствующих показателей для заемщиков, представляющих развивающиеся рынки и страны, с которыми США наиболее активно конфликтуют – КНР и Россию (табл. 3).

Таблица 3

Объемы заимствований (банковские кредиты и долговые ценные бумаги) нерезидентов США и еврозоны в долларах США и евро[1]

	1 кв. 2018 г.	2 кв. 2018 г.	3 кв. 2018 г.	4 кв. 2018 г.	1 кв. 2019 г.	Изменение, 1 кв. 2019 г. к 1 кв. 2018 г., %
заемщики из-за пределов США, млрд. долл.	11 412	11 479	11 489	11 530	11 812	3,5
в том числе развивающиеся рынки	3663	3679	3660	3656	3707	1,2
в том числе Китай	546	533	509	493	501	–8,2
в том числе Россия	189	176	168	152	148	–21,7
заемщики из-за пределов еврозоны, млрд. евро	3080	3121	3196	3219	3282	6,6
в том числе развивающиеся рынки	650	659	683	694	709	9,1
в том числе Китай	27	26	28	28	31	14,8
в том числе Россия	43	44	47	50	53	23,3

Рассматривая динамику долларовых заимствований неамериканскими компаниями, можно отметить несколько моментов. Во-первых, она характеризуется меньшим ростом (3,5%) по сравнению с ростом объемов у американских заемщиков, который в рассматриваемый период составил 5,1%[2]. При этом еще меньшим был прирост объема заимствований развивающимися рынками – 1,2%, и стагнация этого показателя была обусловлена сокращением в указанный период заимствований из КНР и России соответственно, на 8,2 и 21,7%. В абсолютном выражении это сокращение составило 45 млрд. долл. для Китая и 41 млрд. долл. для России, а совокупный объем снижения объемов долларовых заимствований двух стран (86 млрд. долл.) был эквивалентен 2,3% общего объема заимствований развивающихся рынков.

В данном случае так же, как и в других ситуациях с замещением доллара, значительная часть трансакций, ушедших из долларового оборота, перешла к европейской валюте. В период торговых войн рост объема заимствований в евро компаниями из-за пределов еврозоны вырос гораздо интенсивнее, чем аналогичный долларовый показатель и составил 6,6% при том, что резиденты еврозоны увеличили объем своих заимствований всего на 1,8%. Еще более впечатляющим был рост займов в евро со стороны развивающихся рынков, который составил 9,1%, а поспособствовали этой выдающейся динамике взрывные показатели роста России и КНР – 23,3% и 14,8% соответственно. Совокупный объем прироста объема заимствований этих двух стран за период составил 14 млрд. евро. Таким образом, в сфере займов внешних участников на долговых рынках США и еврозоны в период торговых войн произошло явно выраженное замещение американского источника фондирования на европейский как минимум для КНР и России, что обусловило и снижение объемов привлекаемых долларовых средств развивающимися рынками в целом при резком росте их заимствований в евро. Иными словами, долговый рынок США в результате торговых войн существенно снизил свою привлекательность в пользу европейского, а доллар, соответственно, ухудшил свои позиции и в качестве мировой валюты долгового финансирования.

Подводя итог проведенному анализу, можно сделать вывод, что торговые войны, инициированные США, отрицательно отразились на позициях доллара в качестве мировой валюты, что выразилось в снижении его роли как средства резервирования, инструмента международных расчетов и валюты внешнего фондирования. Кроме того, конфликты США с крупными держателями американских долговых обязательств обусловили сокращение вложений ряда стран в данные ценные бумаги, что создало дополнительные сложности в бюджетном процессе и в системе государственных финансов в целом. Продолжение тенденции снижения роли доллара в мировой экономике создает как дополнительные риски, так и возможности в процессе выстраивания финансовой архитектуры Большой Евразии, которую целесообразно избавить от долларовой составляющей в целях минимизации ряда рисков, повышения надежности функционирования и обеспечения стратегического суверенитета евразийских государств.

[1] Составлено по данным BIS: Total credit to non-bank borrowers by currency of denomination: US dollar. Bank loans and debt securities issues, by residence of non-bank borrower // BIS website. – https://stats.bis.org/statx/srs/table/E2?c=&p=20183&m=USD; Total credit to non-bank borrowers by currency of denomination: Euro. Bank loans and debt securities issues, by residence of non-bank borrower // BIS website. – https://stats.bis.org/statx/srs/table/E2?c=&p=20183&m=EUR

[2] Total credit to non-bank borrowers by currency of denomination: Euro. Bank loans and debt securities issues, by residence of non-bank borrower // BIS website. – https://stats.bis.org/statx/srs/table/E2?c=&p=20183&m=EUR

Доленко Д.В.
д.п.н., профессор Мордовского государственного университета
Мальченков С.А.
к.и.н., доцент Мордовского государственного университета

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ключевые слова: *Содружество Независимых Государств, интеграция, Россия, Союзное государство России и Беларуси, Евразийский экономический союз.*

Развитие интеграционных процессов и объединений в Содружестве Независимых Государств является важнейшим региональным приоритетом российской внешней политики. Это обусловлено ее национальными интересами, прежде всего в сфере безопасности, экономики, культуры в новых исторических условиях, когда вместо единого союзного государства – СССР – существует так называемое постсоветское пространство.

Это пространство за время своего существования подвергалось процессам дезинтеграции и региональной дифференциации. Одна его часть – страны Балтии, первыми покинувшие Советский Союз, сегодня стали членами Европейского Союза и НАТО, то есть участниками европейской и евро-атлантической интеграции. Грузия, последней вступившая в СНГ, первой вышла из его состава и взяла курс на вступление в ЕС и НАТО. Такой же политический курс проводит сегодня Украина.

СНГ изначально стало и поныне остается объединением большей части постсоветского пространства, охватывающем уникальный по своей геополитической, географической природе и размерам евразийский регион.

Уникальность Содружества заключается и в том, что оно является не результатом интеграционного процесса суверенных государств, а, напротив, результатом дезинтеграции и распада единого государства – Советского Союза. Причем институциональная структура этого объединения, очевидно, также не была результатом реализации тщательно разработанного проекта, а формировалась в самом процессе его создания. Проект, который в условиях перестройки и начавшейся дезинтеграции, был предложен союзной властью, предусматривал трансформацию СССР в результате подписания нового союзного договора в Союз Советских Суверенных Республик – суверенное федеративное государство, где союзные республики являлись бы также суверенными государствами[1]. Позже, после того, как подписание вышеназванного договора не состоялось, был разработан новый проект союзного договора о Союзе Суверенных Государств как конфедеративного государства[2].

Другими словами, в этих проектах предполагались максимальная децентрализация и суверенитет республик, но с сохранением и суверенитета союзного государства. Что же касается созданного в конечном счете Содружества, то в его Уставе зафиксировано, что оно не является государством и не обладает наднациональными полномочиями[3]. В то же время в так называемом Минском (Беловежском) соглашении, в котором было учреждено Содружество, в качестве его задач говорилось о сохранении общего экономического, военно-стратегического пространства, координации внешнеполитической деятельности и т.д.[4] Таким образом, изначально, очевидно, предполагалось, что СНГ станет межгосударственным объединением, которое в новых геополитических условиях позволит сохранить единство постсоветского пространства, а также существующие экономические, политические и военные связи.

Однако все вышеназванные цели не были достигнуты. Уже в первые годы существования происходил распад общего экономического и военного пространства: вводились национальные валюты, разрывались кооперационные связи, создавались национальные армии, происходил раздел военного имущества и т.д. Эффективной координации внешнеполитической деятельности СНГ также не смогло обеспечить, о чем наглядно свидетельствуют и оставшиеся неурегулированными конфликты, связанные с самопровозглашенными республиками, и более поздние конфликты России с Грузией и Украиной.

Одним из наиболее явных проявлений неудачного развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве стал фактический раскол СНГ на два противоборствующих лагеря. Один из них в целом поддерживал идею российского лидерства в регионе, в то время как другие государства придерживались идеи нескольких центров влияния. В 1999 году была создана организация ГУАМ, получившая свое название по первым буквам стран-основательниц: Грузии, Украины, Азербайджана и Молдовы. К началу 2010-х годов казалось, что потенциал этого объединения

[1] Союз можно было сохранить. Белая книга: Документы и факты о политике М.С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. – М., 2007. – С. 269.

[2] Там же, с. 395.

[3] Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002. Хрестоматия в 4 т. т 4. – М., 2002. – С. 314.

[4] Там же, с. 14–15.

сошел на нет. Однако после резкого ухудшения российско-украинских отношений на фоне событий 2014 года интерес к деятельности ГУАМ вернулся на прежний уровень. В 2017 году в Киеве был проведён саммит, главной темой которого стала подготовка договора о зоне свободной торговли и создании транспортного коридора[1]. Примерно в те же годы Украиной и Молдовой были подписаны соглашения об ассоциации с Европейским Союзом, которые к настоящему моменту уже вступили в силу. Все эти события фактически поставили крест на идее развития полномасштабного партнерства между всеми 11 государствами, подписавшими в 1991 году Беловежские соглашения и Алма-Атинскую декларацию.

С аналогичными проблемами столкнулись и другие объединения постсоветского пространства «первой интеграционной волны», которая пришлась на 1990-е годы и самое начало XXI века. Так Организация Договора о коллективной безопасности окончательно оформилась в 2002 году, однако единственным серьезным успехом в ее деятельности стало создание Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР). В то же время ОДКБ пока никак не проявила себя в урегулировании конфликтов, оставаясь в стороне от проявлений насилия в Киргизии и в Армении.

Другими словами, СНГ не стало эффективным механизмом обеспечения единства постсоветского пространства и его дальнейшей интеграции. Более того, уже к середине 1990-х стали очевидны существенные различия в интересах новых независимых государств в отношении единства этого пространства, укрепления связей с Россией и готовности к интеграции.

В этих условиях наиболее реалистичной и прагматичной была внешнеполитическая стратегия России, основанная на концепции разноскоростной и разноуровневой интеграции, которая предполагала выстраивание отношений с независимыми государствами как в СНГ в целом, так и в более узких интеграционных объединениях[2]. Другими словами, интеграционные процессы могли идти с разной скоростью и выходить на разные уровни интеграционных объединений с теми государствами, которые были к этому готовы.

Самая высокая скорость интеграционного процесса и выход на самый высокий уровень интеграционного объединения были продемонстрированы в 1990-е годы в отношениях России и Беларуси. В этот период были подписаны договоры о Сообществе, Союзе и Союзном государстве России и Беларуси[3]. Последний договор предполагал создание общего демократического правового государства с соответствующими политическими и экономическими институтами (парламентом, единой валютой и др.)[4]. Однако именно политическая часть этого договора, очевидно, оказалась самой сложной. Создание общих государственных институтов, которое планировалось осуществить к 2010 году, реализовать в полном объеме пока не удалось.

Также, разумеется, предстоит решить немало острых проблем экономического характера в отношениях России и Беларуси. Так, например, в 2016 году между ними вспыхнула очередная «молочная война», а в 2017 году Россия создала пограничную зону со стороны Смоленской области.

Впрочем, процесс российско-белорусской интеграции движется вперед, несмотря на все препятствия, возникающие на пути. В 2019 году в преддверии двадцатилетия договора о создании Союзного государства было объявлено о планах принять единый Налоговый и Гражданский кодексы, а также ускорить оформление Валютного союза[5]. Также стороны намерены договориться об объединении платежных систем и едином режиме защиты инвестиций. Механизмы сотрудничества становятся всё более конкретными, что проявилось в высказывании председателя Совета Федерации Валентины Матвиенко: «мы строим дальше реальное Союзное государство – никто в России никогда не говорил о создании единого государства – это союз»[6].

Второй успешный проект экономической интеграции был реализован в рамках Евразийского экономического сообщества, в котором помимо России и Беларуси участвовали Армения, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан. В рамках этого интеграционного процесса были последовательно созданы Таможенный союз, Единое экономическое пространство и, наконец, в 2015 г. – Евразийский экономический союз – организация, обладающая международной правосубъективностью, в которую вошли Россия, Беларусь, Казахстан, а затем Армения и Киргизия. В 2016 году были ратифицированы соглашения и протоколы о свободной торговле между членами ЕАЭС и Вьетнамом, а в 2017 году Молдова стала первым государством-наблюдателем в Евразийском экономическом союзе.

Интеграция в рамках Евразийского экономического союза охватывает сферу экономики, предполагает свободу передвижения товаров, услуг, капиталов, рабочей силы и, более того, проведение «скоординированной, согласованной или единой политики» в области экономики[7]. Для реализации этих целей выстроена система институтов управления союзом, включающая Высший Евразийский экономический совет, Евразийский межправительственный совет, Комиссию и суд ЕАЭС. 1 января 2018 года вступил в силу Таможенный кодекс ЕАЭС. Таким образом, Евразийский экономический союз является результатом успешного процесса экономической интеграции в рамках СНГ, который имеет перспективы для дальнейшего углубления и расширения числа участников.

Еще одним вектором взаимодействия остается продолжающееся становление Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), в которую помимо стран постсоветского пространства (России, Казахстана, Киргизии, Узбекистана,

[1] ГУАМ создает зону свободной торговли. – http://www.ng.ru/cis/2017-03-28/6_6959_ukraina.html

[2] Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002. Хрестоматия в 4 т. т 4. – М., 2002. – С. 116.

[3] Бахлова О.В. Россия и Белоруссия: теоретические основы и политические механизмы интеграции. – Саранск, 2006.

[4] Договор о Евразийском экономическом союзе. – www.consultant.ru/document.com.LAW1702641

[5] Одна страна? Что готовят Россия и Белоруссия. – https://www.gazeta.ru/business/2019/09/16/12654061.shtml

[6] Россия-Белоруссия: валютный союз. – https://expert.ru/2019/09/17/rossiya-belorussiya-valyutnyij-soyuz/

[7] Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.consultant.ru/document.com. LAW1702641.

Таджикистана) входят такие крупнейшие государства мира как Китай, Индия и Пакистан. Присоединение двух последних стран в 2017 году, а также наделение статусом наблюдателей Афганистана, Ирана и Монголии показало, что страны СНГ не ограничивают пределы своего сотрудничества границами бывшего СССР. А значит, рассматриваемые интеграционные объединения более не несут в себе «ностальгических» аспектов, характерных для 1990-х годов, а направлены в будущее и ориентированы на развитие реальных и потенциальных интересов.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что в Содружестве Независимых Государств имеют место две противоположные тенденции. С одной стороны, налицо тенденция дезинтеграции, обусловленная, в том числе, и стремлением ряда государств к участию в интеграционных объединениях за пределами СНГ. С другой стороны, налицо наращивание интеграционных процессов, которое происходит, прежде всего, в рамках Евразийского экономического союза и Союзного государства России и Беларуси.

Золотарева О.А.
к.э.н., доцент, Российский экономический университет
Zolotareva.OA@rea.ru
Семенищева Л.И.
студент, Российский экономический университет

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: СТАТИСТИКА ДОСТИЖЕНИЙ ЗА ПЯТЬ ЛЕТ

Ключевые слова: *Евразийский экономический союз, торгово-экономическое сотрудничество, китайская инициатива «Один пояс – один путь», внешняя торговля ЕАЭС, экспорт, импорт.*

Keywords: *Eurasian Economic Union, trade and economic cooperation, the Chinese initiative «One Belt – One Way», EAEU foreign trade, export, import.*

Евразийский экономический союз (ЕАЭС), в который в настоящее время входят Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россия, является первой, относительно успешной попыткой создания сильной системы многосторонних институтов для постсоветской региональной интеграции. В 2019 году – евразийской интеграции пять лет.

Международная организация региональной экономической интеграции – Евразийский экономический союз, обладающая международной правосубъектностью, учреждена Договором о Евразийском экономическом союзе, подписанным 29 мая 2014 г., президентами Беларуси, Казахстана и России. В ЕАЭС обеспечивается свобода движения товаров, а также услуг, капитала и рабочей силы, и проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики.

ЕАЭС создан в целях всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик и создания условий для стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения государств-членов.

Одним из приоритетных направлений для Евразийского экономического союза является укрепление торговых отношений со странами-партнерами, представляющее на сегодняшний день важнейший индикатор развития интеграционных процессов. За последние годы масштабы свободного обмена товарами между странами Евразии существенно увеличились, что свидетельствует об интенсивности экономической интеграции и построении единого экономического пространства. Это становится особенно актуально в связи с сопряжением ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс – один путь», которая охватывает большую часть Евразии, соединяя развивающиеся страны, в том числе «новые экономики», и развитые страны. Проект охватывает огромную территорию, на которой сосредоточены 4,4 млрд. населения, при этом ВВП достигает 21 трлн. долларов США, что составляет 63 и 29% в мире соответственно[1]. При этом стоит отметить, что транзитные маршруты в рамках проекта «Один пояс – один путь», в частности, в форме «Ледяного Шелкового пути», представляющего интеграционный проект и предусматривающего соединение арктических транспортных маршрутов с Китаем и странами Северо-Восточной и Центральной Азии, открывают в Арктической зоне новые ресурсные и логистические возможности. Главным стимулом развития интеграционных инициатив в Арктике являются успешные проекты на Севере России: «Ямал СПГ», «Арктик СПГ-2».

Особо необходимо акцентировать внимание на выступлении В.В. Путина на заседании Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества в расширенном составе, в котором Президент России отметил: «Весьма перспективным полагаем сопряжение строительства Евразийского экономического союза и реализации китайской программы «Один пояс – один путь» с прицелом на формирование в будущем большого евразийского партнёрства и построения в его рамках пространства открытого и равноправного созидательного сотрудничества, основанного на принципах и нормах международного права, без всякого политического и экономического эгоизма, а с учётом законных интересов друг друга»[2].

Характеризуя динамику внешней торговли ЕАЭС с третьими странам с 2014 по 2018 гг., с целью определения масштабов рынка и темпов его роста, необходимо понимать, что развитие происходило при внешних шоках для евразийской интеграции в целом – таких как режим санкций Запада против России и украинский кризис. Санкции Запада, помимо прочего, спровоцировали рост напряженности во взаимодействии стран ЕАЭС. Хотя формально страны ЕАЭС поддержали Россию в ее ответных действиях на западные санкции, они чаще других стран нарушали соответствующие ограничения, введенные Российской Федерацией.

[1] CRI. – http://news.cri.cn/gb/42071/2014/10/10/882s4720906.htm

[2] Выступление В.В. Путина на заседании Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества в расширенном составе от 14 июня 2019 года. – http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/60750

Объемы внешней торговли ЕАЭС с третьими странами с 2014 по 2018 гг. уменьшились на 13,2% (внешнеторговый оборот в 2014 г. был равен 868,7 млрд. долл. США, в 2018 г. составил 753,8 млрд. долл. США). Стоит отметить, что в течение двух лет, с 2015 по 2016 гг., значение показателя от года к году уменьшалось, достигнув минимального значения в 509,4 млрд. долларов США в 2016 г.. При этом в последующие годы зафиксирован рост внешнеторгового оборота, на 24,5% в 2017 г. и на 18,9% в 2018 г., который был обусловлен более высокой скоростью роста экспорта (соответственно на 25,49 и 26,83%), чем импорта (соответственно на 22,97 и 6,39%).

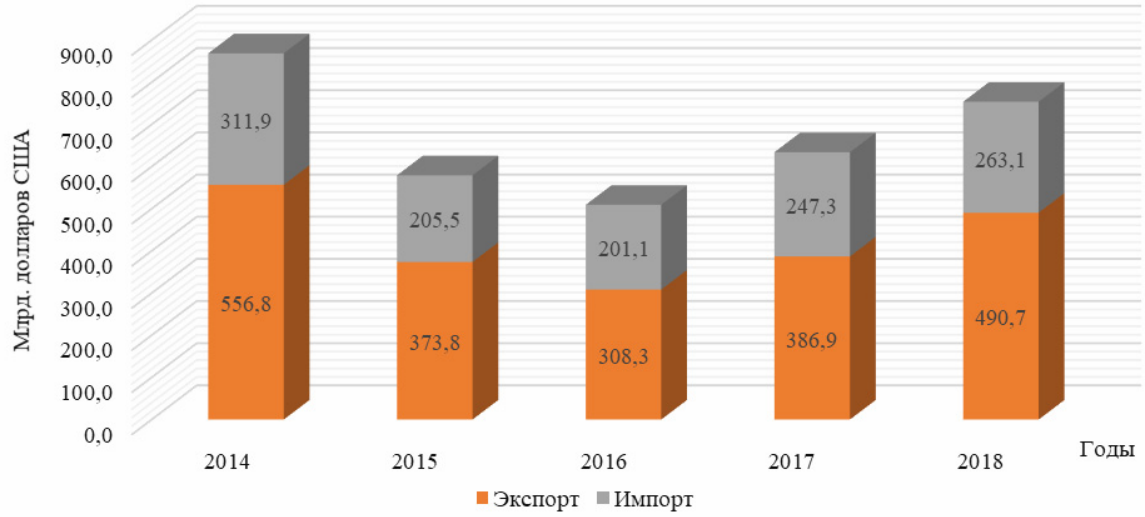


Рисунок 1.
Динамика внешней торговли ЕАЭС с третьими странами за 2014–2018 гг., млрд. долл. США

В 2018 г. на каждую 1000 долл. США импорта приходилось 1865 долл. США экспорта. Профицит внешней торговли составлял 227,6 млрд. долл. США против 139,6 млрд. долл. США в 2017 году (на 1000 долл. США импорта приходилось 1564 долл. США экспорта). Говоря о более существенной скорости роста экспорта ЕАЭС с третьими странами в 2018 г. в сравнении с 2017 г. (на 26,8%), отметим, что увеличение, прежде всего, связано с повышением средних цен на экспортируемые товары (на 21,1%), а также с увеличением объемов вывоза (на 4,7%).

В товарной структуре экспорта государств ЕАЭС в третьи страны преобладают минеральные продукты, металлы, продукция химической промышленности. Особое внимание обратим на изменение удельного веса в экспорте топливно-энергетических товаров, которое связано, прежде всего, с существенными изменениями мировых цен на нефть. В 2014 г. он составлял 72,22% от всего экспорта, затем зафиксировано снижение. С минимального значения в 2016 г. – 59,53% удельный вес топливно-энергетических товаров в экспорте ЕАЭС к 2018 г. поднялся до уровня 65,91%, но даже не приблизился к уровню 2014 г. Экспорт ЕАЭС характеризуется высокой концентрацией и неравномерностью по товарной структуре.

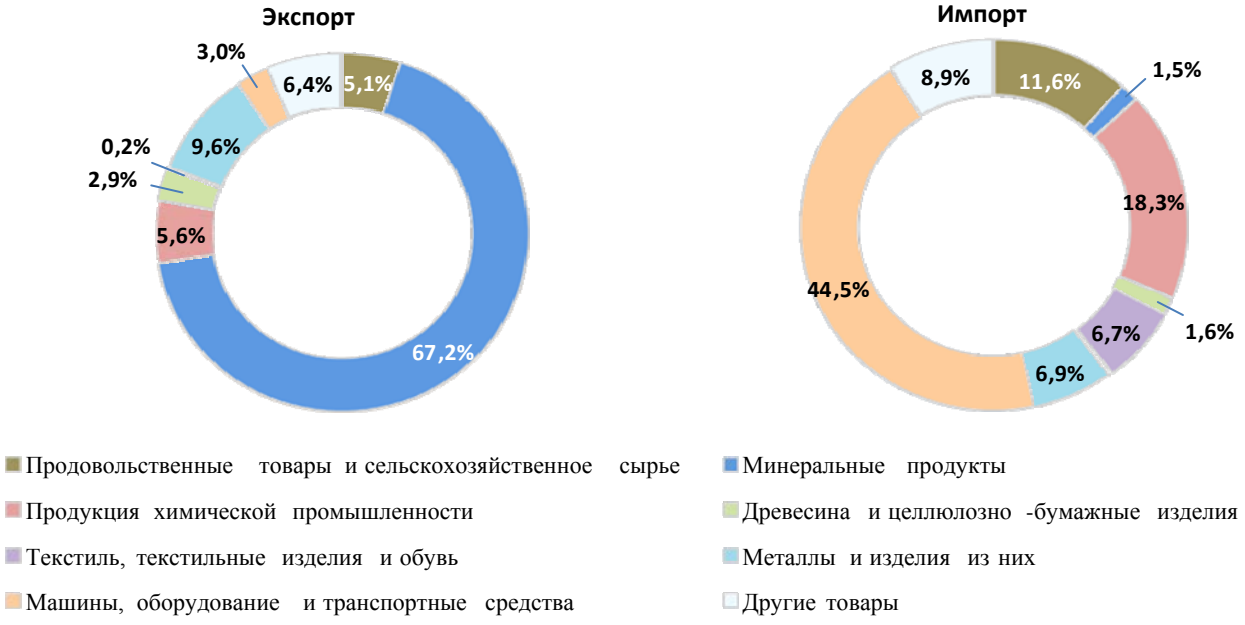


Рисунок 2.
Товарная структура экспорта и импорта ЕАЭС с третьими странами в 2018 г., %

В 2014 г. среди основных импортируемых категорий товаров были минеральные продукты (44,52%), металлы и изделия из них (18,25%) и продукция химической промышленности (11,61%). За пять лет структура импорта значимо изменилась, о чем свидетельствуют рассчитанные коэффициенты структурных сдвигов Гатеева и Салаи, значения которых соответственно составили 0,8 и 0,5. В объемы импорта в 2018 г. основной вклад вносит ввоз машин, оборудования и транспортных средств (44,5 %), продукции химической промышленности (18,25 %), продовольственных товаров и с/х сырья (11,63%).

В 2018 г. среди основных покупателей, экспортируемых государствами-участниками ЕАЭС товаров, следует выделить:

- страны Европейского союза (50,5% совокупного экспорта), в которые осуществлялись большие поставки товаров: Нидерланды (10,4%), Германия (7,4%), Италия (5,8%), Польша (3,8%);
- страны АТЭС (26,7% совокупного экспорта), в которые реализовано экспортированных товаров: Китай (12,8%), Южная Корея (4,2%), Япония и Соединенные Штаты (по 2,8%);
- странам СНГ 5,2% продано всей совокупности экспортированных товаров.

Наибольшие импортные закупки в 2018 г. были сосредоточены в странах:

- АТЭС (43,2% совокупного импорта товаров): Китай (24,1%), Соединенные Штаты (5,5%), Япония (3,7%), Южная Корея (3,1%);
- Европейского союза (39,8%): Германия (11,2%), Италия (5%), Франция (4,1%);
- поставки из СНГ составили 4,3% от всей совокупности импортированных товаров.

Таким образом, сегодня Китай является одним из ключевых торговых партнеров ЕАЭС, удельный вес в общем объеме внешней торговли за 2018 г. составляет 16,19%. Уступает Китай лишь ЕС, доля в торговле с которым составляет 46,73%. Основные импортируемые товары – это электроника, машины (оборудование), бытовая техника, а также такие товары легкой промышленности, как обувь, одежда.

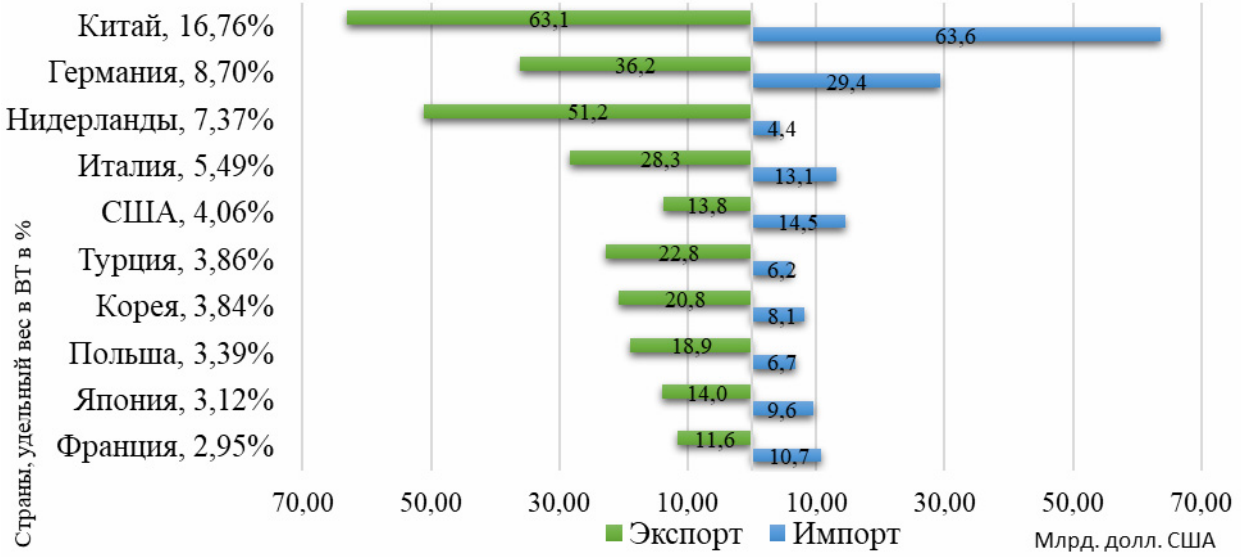


Рисунок 3.
ТОП 10 стран по максимальному вкладу во внешнюю торговлю ЕАЭС, объемы экспорта и импорта между ЕАЭС и каждой из рассматриваемых стран за 2018г., (млрд. долл. США)

Внешнеторговый оборот ЕАЭС и Китая в 2014 г. был равен 112 млрд. долл. США: экспорт – 48,1 млрд. долл. США (42,91% от общего объема торговли); импорт – 63,9 млрд. долл. США (57,09% от общего объема торговли). В 2015 г. в связи с замедлением роста мировой экономики, снижением внутреннего спроса, а также волатильностью на финансовых рынках внешнеторговый оборот ЕАЭС и Китая снизился на 28,53% и составил 80,1 млрд. долл. США. При этом с примерно одинаковой скоростью сократились как объемы экспорта, так и импорта (структура валовой торговли значимо не поменялась). В 2016 г. цены на мировом рынке сырья начали частично восстанавливаться, и в результате был вновь зафиксирован рост внешнеторгового оборота у стран ЕАЭС и Китая (на 0,62% по сравнению с 2015 г.). Однако этот рост основан на увеличении импорта ЕАЭС с Китаем (на 5,35%), при этом скорость сокращения объемов экспорта существенно снизилась по сравнению с предыдущим годом (лишь на 5,53%). Данные изменения повлияли на структуру внешней торговли между ЕАЭС и Китаем в 2016 г.: удельный вес импорта составил 59,13% удельный вес экспорта – 40,87%. Начиная с 2017 г., объемы торговли ЕАЭС с Китаем начали расти быстрыми темпами. Одна из причин – заключение соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем, подписанное с целью «создать среду и условия для развития взаимных торговых связей и продвижения экономического сотрудничества». Так, в 2017 г. объем экспорта возрос на 33,55%, импорта – на 23,20%, сократив при этом различия в структуре внешнеторгового оборота. Увеличения в 2018 г. объемов экспорта на 43,47% и импорта – на 23,20% привели к примерному равенству их весов в структуре внешнеторгового оборота. Внешнеторговый оборот ЕАЭС и Китая составил 126,7 млрд. долл. США: экспорт – 63,1 млрд. долл. США (49,80%); импорт – 63,6 млрд. долл. США (50,20%). Соответственно изменилось соотношение экспорта и импорта, на каждую на 1000 долл. США импорта приходилось: в 2017 г. – 749 долл. США экспорта; в 2018 г. – 992 долл. США.

Таблица 1

Внешняя торговля товарами между странами ЕАЭС и Китаем за 2014-2018 гг.

Страны	2014 год					2018 год					Темп прироста внешне-торгового оборота (2018/2014), %
	Объемы внешней торговли, млн. долл. США			Структура внешней торговли, %		Объемы внешней торговли, млн. долл. США			Структура внешней торговли, %		
	Экспорт	Импорт	Внешне-торговый оборот	Удельный вес экспорта	Удельный вес импорта	Экспорт	Импорт	Внешне-торговый оборот	Удельный вес экспорта	Удельный вес импорта	
Армения	169,3	288,5	457,8	36,98	63,02	211,40	479,10	690,5	30,62	69,38	50,83
Беларусь	639	948	1587	40,26	59,74	467,90	3002,00	3469,9	13,48	86,52	118,65
Казахстан	9799,4	9653,4	19452,8	50,38	49,62	6272,90	6983,00	13255,9	47,32	52,68	-31,86
Киргизия	49,8	1200,3	1250,1	3,98	96,02	105,20	1715,00	1820,2	5,78	94,22	45,60
Россия	37 414,6	51 866,2	89 280,8	41,91	58,09	56 019,90	51 396,90	107 417	52,15	47,85	20,31
ЕАЭС	**48 072,1**	**63 956,4**	**112 029**	**42,91**	**57,09**	**63 077,30**	**63 576,00**	**126 653**	**49,80**	**50,20**	**13,05**

Основной торговый партнер Китая из стран Союза – Россия. На Российскую Федерацию в 2018 г. приходится около 89% от всего объема экспорта ЕАЭС и Китая и около 81% – от всего объема импорта. Следующий ключевой партнер – Казахстан, его экспорт в Китай составлял 6,3 млрд. долл. США (10% от общего объема экспорта ЕАЭС), в свою очередь импорт Китая в Казахстан был равен 7,0 млрд. долл. США (11% от всего импорта ЕАЭС). Наименьшие объемы экспорта и импорта у Армении – 211,4 млн. долл. США и 479,1 млн. долл. США соответственно.

В целом следует заключить, что Китай в настоящее время оказывает существенное воздействие на интеграционную динамику ЕАЭС и других объединений в мире. При этом отметим, что, по-видимому, Китай считает наиболее эффективным сотрудничество с каждым из членов Союза на двусторонней основе, что подтверждается уже заключенными Китаем соглашениями с отдельными странами ЕАЭС.

Также отметим, что важным вопросом для развития ЕАЭС является торгово-экономическое сотрудничество стран-партнеров ЕАЭС, помимо Китая, с иными третьими странами. В этом контексте оптимальным механизмом взаимодействия сторон представляется участие стран-партнеров в многосторонних проектах, зонах свободной торговли (ЗСТ). Например, соглашение о ЗСТ ЕАЭС – Вьетнам вступило в силу в 2016 г. Оно предусматривает обнуление для поставщиков из стран ЕАЭС ввозных таможенных пошлин на 60% тарифных линий от общей товарной номенклатуры. Один из главных плюсов этой ЗСТ заключается в том, что ключевые экспортные товары ЕАЭС и Вьетнама дополняют друг друга. В отношении ряда чувствительных товаров, производимых на территории ЕАЭС, сохраняется тарифная защита. В некоторых отраслях предусмотрен триггерный механизм: если резкий рост вьетнамских поставок поставит под удар евразийские предприятия, на ввоз могут быть установлены пошлины на уровне единого тарифа ЕАЭС.

ЕАЭС вступает в новый этап своего развития. В этой связи особенно важно понимание того, что Союз (при всех имеющихся уникальных сложностях и противоречиях развития) обладает огромной силой и отличительной спецификой по сравнению с другими региональными объединениями в мире.

Список литературы

1. Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года вступил в силу с 1 января 2018 года. – https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01413569/itia_12042017
2. Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС. – https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01420213/ms_10122018
3. Евразийская экономическая комиссия. – http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/union_stat/Pages/default.aspx
4. UNCTAD. – https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en
5. Росстат. – https://www.gks.ru/incomparisons

Калинкин Е.В.
д.э.н., Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор, Российский экономический университет
evkalinkin@gmail.com

ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ: КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Ключевые слова: *Евразийский союз, интеграционные процессы, кадровое обеспечение.*

Эффективность международного сотрудничества определяется не только его масштабами. Большое значение имеет содержание такого сотрудничества и его перспективы. Последнее предопределяет дальнейшее развитие интеграционных процессов, которые подразумевают реализацию совместных соглашений по разработке и внедрению конкретных мероприятий. При этом в этих соглашениях не всегда учитывается в полной мере уровень необходимого соответствия кадрового обеспечения принятых решений. Между тем эффективность интеграционных процессов во многом зависит от наличия соответствующих специалистов на всех этапах и уровнях международного сотрудничества. Их подготовка должна базироваться на существующей практике международного сотрудничества в сфере профессионального образования и направлений его развитии в соответствии с внедрением новых форм международной интеграции.

В первом случае о наличии такой практики свидетельствуют элементы международного сотрудничества по подготовке кадров в рамках Евразийского союза. Это подтверждает координация совместной работы по подготовке специалистов с высшим образованием России и Белоруссии, что позволило создать Ассоциацию вузов двух стран, принять решение о взаимном признании дипломов о высшем образовании. Вместе с тем, в проекте Программы экономической интеграции России и Белоруссии уделено мало внимание кадровому обеспечению предстоящей работы. Например, в перечне мероприятий по созданию единых Налогового и Гражданского кодексов, Таможенной комиссии, Регулятора энергетического рынка не предусмотрена соответствующая целевая подготовка специалистов. Между тем, она необходима в целом в рамках Евразийского союза, поскольку имеются существенные различия как в масштабах национальных экономик, так и в их структуре и государственных инструментах управления экономикой. ВВП Белоруссии в 2018 г. составлял 3,4% ВВП России, Казахстана – 10%. Различается структура бюджетных систем (в Белоруссии два уровня, в России – три) и величина налогов. Подобные различия существенно затрудняют интеграционные процессы и требуют особого внимания к их кадровому обеспечению. При этом следует учитывать и различия в системах профессионального образования. Так, в Белоруссии два уровня высшего образования, в России – три. Это существенно затрудняет создание единого рынка труда в двух странах Евразийского союза. О сложностях организации интеграционных процессов свидетельствует 20 летнее существование Союзного государства. Намечаемые мероприятия по экономической интеграции России и Белоруссии, в частности, объединение банковского надзора с двумя центробанками, создание унифицированного учета собственности подтверждают необходимость целевой подготовки специалистов, способных работать в специфических условиях.

Качество кадровой основы интеграции в рамках Евразийского союза существенно влияет на расширение международных связей отдельных его участников. Так, в августе 2019 г. Россия участвовала в работе Первого каспийского экономического форума, где была подписана Конвенция о правовом статусе сотрудничества прикаспийских стран в регионе. Среди основных направлений этого сотрудничества особое внимание уделено совместному развитию нефтегазового сектора и защите природной среды. Для кадрового обеспечения этих и других направлений совместной работы следует учитывать опасность и технологическую сложность нефтегазового производства. В этой связи опыт целевой профильной подготовки специалистов в российских вузах для российских нефтегазовых компаний следует расширить для обеспечения совместной работы по освоению ресурсов Прикаспийского региона. При этом компании стран-партнёров должны участвовать в договорных отношениях, обеспечивающих целевую подготовку специалистов. Такая подготовка предусматривает заключение трехсторонних договоров: вуз – студент – потенциальный работодатель. В соответствии с договором определяются обязанности, обусловленные финансовой ответственностью студента работать на конкретном предприятии, а работодателю предоставить место работы с условиями заключенного договора. Такая практика существует в России и регламентируется соответствующим постановлением правительства. Компании прикаспийских стран могут заключать также договоры с российскими студентами или направлять на таких условиях своих граждан в российские вузы, ориентированные на подготовку специалистов для нефтегазового производства.

Кадровое обеспечение интеграционных процессов необходимо не только на уровне межправительственных соглашений, предусматривающих решение общих задач государственного уровня. Конкретная реализация интеграционных процессов осуществляется на уровне предприятий и организаций, где эффективность связей с зарубежными партнерами во многом зависит от уровня взаимопонимания национальных интересов и с учетом специфики правового регулирования внешних связей в отдельных странах. Это влияет на организацию кадрового обеспечения при реализации иностранных инвестиций. Так, иностранные инвестиции в Восточной Сибири и на Дальнем востоке РФ постоян-

но увеличиваются и в 2019 году составляли порядка 30% от общего объема таких инвестиций в России. При этом их основная часть принадлежит Китаю, который уделяет большое внимание кадровому сопровождению своих инвестиций. Об этом свидетельствует число китайских граждан, обучающихся в России. В 2018 г. в 305 российских вузах обучалось 30 тыс. китайских студентов. В целом количество обучающихся граждан Китая в России увеличилось с 48 тыс. в 2016 г. до 77 тыс. в 2018 г. Роль кадрового обеспечения интеграционных процессов была отмечена на Восточном Экономическом форуме 2019 г., поскольку интенсивное расширение экономических связей и последующая интеграция требуют специалистов, способных оперативно внедрять передовые зарубежные технологии, осуществлять финансовые операции с различными валютами, учитывать особенности налоговых систем. Их подготовка возможна при условии совместного определения учебных программ, организации зарубежных стажировок.

Заслуживает внимание практика кадрового обеспечения сотрудничества с членами Евразийского союза со стороны Узбекистана. В 2019 г. доля стран этого союза во внешнеэкономическом обороте Узбекистана составляла тридцать процентов. При решении строительства АЭС правительство республики предусмотрело подготовку необходимых специалистов. В этих целях открыт филиал российского МИФИ в Ташкенте, и одновременно организована целевая подготовка граждан Узбекистана по ядерным специальностям в головном вузе. Высокое качество профессиональной подготовки специалистов в Ташкентском филиале базируется на участии в учебном процессе специалистов «Росатома» и сотрудников Национального института ядерной физики Узбекистана. При этом были согласованы учебные программы, определены условия набора студентов для обучения в филиале и головном вузе. Особое внимание было обращено на формирование преподавательского состава и участие преподавателей МИФИ в учебном процессе в Ташкентском филиале. Этот пример опережающего формирования кадровой основы межгосударственного сотрудничества с участием академического института имеет право на широкое использование. Это позволит развивать внешнеэкономических связей Евразийского союза с другими странами, в перспективе увеличить число стран, заинтересованных во взаимном сотрудничестве. Это весьма важно в условиях региональной международной напряженности.

Скорость и масштабы интеграции в рамках Евразийского союза и расширение связей его участников с другими странами во многом зависят от внедрения цифровых технологий во все составляющие внешнеэкономические отношения. Именно поэтому в феврале 2019 г. на Евразийском правительственном совете было принято решение о снижении различий в цифровизации экономик стран, входящих в Евразийский союз, на основе соответствующих конкретных проектов. При их разработке необходимо предусмотреть создание кадровой основы, обеспечивающей внедрение и реализацию цифровых технологий в международном сотрудничестве. Именно цифровые технологии позволят создать единый рынок товаров, услуг и финансов, организовать цифровые транспортные коридоры, совершенствовать миграционную политику. Для этого необходимы соответствующие специалисты, подготовка которых может осуществляться только на основе кооперации в рамках Евразийского союза. Это позволит нивелировать различия в цифровизации национальных экономик и самостоятельно развивать двухсторонние связи с другими странами, где цифровые технологии используются на высоком уровне.

Для целевой подготовки кадров по цифровым технологиям и цифровой составляющей в профессиональной подготовке других специалистов в рамках Евразийского союза целесообразно использовать опыт и возможности Казахстана. В этой республике создан Национальный университет по подготовке кадров для цифровизации экономики, где широкого используется практика стажировок студентов в западных компаниях. Последнее особенно важно для процесса сближения Евразийского союза с Евросоюзом, которое уже наблюдается на примере роста внешней торговли России с ЕС. По данным Федеральной таможенной службы России даже в условиях экономических санкций ее объем в 2016 г. составил 200,5 млрд. долларов, в 2018 г. – 294,2 млрд. долларов. Сохранение внешнеэкономических связей России с Евросоюзом позволит более реально оценивать намерения Евразийского союза, ориентироваться на уровень интеграции в Западной Европе.

Роль специалистов по цифровым технологиям будет возрастать по мере организации свободных зон Евразийского союза с другими странами, создания наднациональных компаний. Для их подготовки расширяются возможности в российских вузах, где увеличиваются масштабы подготовки по ИТ специальностям, развиваются связи с компаниями-потенциальными работодателями. Заключение межправительственных и межвузовских договоров по совместной подготовке специалистов по цифровым технологиям позволит создать в Евразийском союзе кадровую основу для цифровизации интеграции с учетом различий национальных экономик. Цифровизация будет способствовать снижению различий относительно содержания и управления внешнеэкономическими связями. Более того, позволит гармонизировать законодательство, нормативные акты для бизнеса, которые должны быть совместимыми и прозрачными. При этом не следует рассматривать кадровую основу интеграции только на уровне бакалавриата. Необходима целевая подготовка магистров на базе международных межвузовских связей с использованием опыта совместной подготовки специалистов российскими и белорусскими вузами с выдачей двойных дипломов. Повышение эффективности такой формы подготовки специалистов зависит от ее целевой направленности и участия в подготовке потенциальных работодателей, связанных с внешнеэкономической деятельностью. Следовательно, формирование кадровой основы интеграции в Евразийском союзе должно осуществляться на национальном и наднациональном уровнях, носить системный характер с учетом уровня развития национальных экономик и систем профессионального образования.

Козлов Д.В.[1]

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ – ВОЗМОЖНОСТЬ ПОЯВЛЕНИЯ НОВЫХ ЧЛЕНОВ

Ключевые слова*: Евразийский экономический союз, Таджикистан, Россия, инвестиции, трудовая миграция.*
Keywords*: Eurasian Economic Union, Tajikistan, Russia, investments, labor migration.*

1 января 2020 года будет отмечаться пятилетие существования Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС). Пройденный промежуток времени позволяет подводить определённые итоги и делать прогнозы на будущее. Не пытаясь охватить все вопросы целиком, остановимся в рамках настоящей статьи на проблеме возможного расширения Евразийского экономического союза. Насколько реалистично вступление в ЕАЭС новых государств-членов?

Сразу следует оговориться, что речь идет исключительно о полноправном членстве. Возможность появления государств-наблюдателей, а также перспективы заключения соглашений о зонах свободной торговли рассматриваться не будут, так как это тема достойна специального исследования.

Исходя из прежней истории и заявленных целей круг потенциальных участников ограничивается только постсоветскими государствами, еще недавно входившими в состав СССР, а до этого и Российской империи. Из них в краткосрочной перспективе только одно государство может рассматриваться как кандидат на вступление в ЕАЭС. Это – республика Таджикистан.

Причин этого несколько, но главное – это тесная связь Таджикистана с российской и казахстанской экономиками. Следствием этого является активное участие Таджикистана в ряде параллельных интеграционных образований на евразийском пространстве, включая ОДКБ и Евразийский банк развития. В 1998 году Таджикистан присоединился к Договору об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях.

При этом несмотря на то, что вопрос присоединения к ЕАЭС прорабатывался правительством республики Таджикистан еще в 2017 году, положительного решения еще не принято. Для понимания происходящего необходимо проанализировать ситуацию в данном государстве и возможные последствия от его вхождения в новую евразийскую организацию интеграционного характера и экономической направленности.

Таджикистан — небольшая страна с населением около 8.6 млн. человек. После гражданской войны в 1990-х годах, в государстве установился достаточно устойчивый мир, что позволяет строить долгосрочные планы. Основу экономики формируют сельское хозяйство, горнодобывающая промышленность и денежные переводы трудовых мигрантов. География республики выглядит неблагоприятно – изолированность от сложившейся мировой транспортной инфраструктуры, отсутствие выхода к морю, высокогорный рельеф и удаленность от основных рынков. В результате построение новых коммуникаций и в принципе развитие транспортных артерий – это с одной стороны насущная необходимость, а с другой – ахиллесова пята, поскольку все это требует колоссальных вложений, которых просто нет. ВВП составляет немногим более 8 млрд. долларов США, что составляет меньше $1000 на душу населения и около $2700 на душу населения по паритету покупательной способности.

Вступление Таджикистана в ЕАЭС должно принести два основных плюса – это рост иностранных инвестиций и увеличение переводов трудовых мигрантов.

1. Иностранные инвестиции. Согласно данным Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития потенциал роста ВВП за счет инвестиций даст дополнительные 1.6 процентного пункта роста валового продукта в год. Инвестиционный потенциал денежных переводов из-за границы добавит еще 1 процентный пункт роста ВВП в год. Привлечение прямых иностранных инвестиций может повлиять на изменение совокупной производительности в экономике через трансфер технологий и повышение конкуренции, что даст дополнительный ресурс роста на 0.5 процентного пункта.

Увеличение капитала будет способствовать росту ВВП на 0.4 процентного пункта благодаря вовлечению новых трудовых ресурсов. Таким образом, суммарный эффект составит до 3.5 процентного пункта в год. Он не имеет автоматического характера – это потенциал, который следует реализовать[2].

Однако в любом случае расширение сферы применения российских и казахстанских инвестиций в Таджикистане (эти две страны крупнейшие инвесторы в рамках СНГ), повлечет за собой увеличение доходной части государственного бюджета нового члена и дополнительные рабочие места.

[1] Козлов Денис Валерьевич – к.ю.н., доцент кафедры международного права ЮФУ, г. Ростов-на-Дону. E-mail: DVKozlov @sfedu.ru

[2] Евразийский экономический союз. – СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. – С. 171.

Возможно, для плавного и максимально безболезненного вступления понадобится задействовать ряд механизмов внешней поддержки таджикской экономики. Одним из них является поддержка инвестиционных проектов на территории Таджикистана ради наполнения госбюджета и создания рабочих мест.

2. Рост переводов трудовых мигрантов. Население Республики Таджикистан быстро увеличивается, в то время как количество рабочих мест растет недостаточными темпами. Занятость в неаграрных секторах растет очень медленно или вовсе стагнирует. В настоящий момент в аграрном секторе занято до 66% рабочей силы. Для сравнения: в России и Беларуси – 10%.

При этом формирование единого рынка труда в рамках ЕАЭС идет бурными темпами и принят целый ряд документов, регулирующих вопросы использования иностранной рабочей силы, а летом этого года государства-участники ЕАЭС согласовали введение единого пенсионного учета и социальных выплат.

Таким образом, практически все барьеры для трудящихся из соседних стран-участниц ЕАЭС устранены, а социальные гарантии, предоставляемые гражданам, теперь в значительной степени распространены и на трудовых мигрантов и членов их семей. Работодатели вправе нанимать трудящихся из других государств-членов без учета ограничений по защите национального рынка труда. Каких-либо обязательств по лицензированию и квотированию не возникает.

При этом мигрантам не требуется получать разрешение на работу в государстве трудоустройства. Официальное трудоустройство подразумевает, что их дети идут в детские сады и школы, все члены семьи получают обязательное медицинское страхование. Процесс внедрения этих норм не обходится без проблем, но в целом общий рынок труда уже работает. Данный факт подтверждается стабильным ростом количества трудовых мигрантов в России из Киргизии и падение аналогичных рабочих из Таджикистана. Это прямое следствие того, что Кыргызстан входит в ЕАЭС, а Таджикистан – нет.

Вступление Таджикистана в ЕАЭС изменит данную ситуацию. Таджикские трудовые мигранты вольются в общий рынок труда, а объем денежных переводов снова возрастет. Для республики это, пожалуй, главный канал получения преимуществ от вступления в ЕАЭС, который быстро приведет к положительным результатам за год-два. Заработная плата мигрантов частично подтянется к заработной плате граждан России и Казахстана. Оценки роста заработной платы мигрантов после вступления Республики Таджикистан в ЕАЭС находятся в диапазоне от 9 до 28%, а рост денежных переводов на 15–25%.

При этом масштабный «исход» населения из Таджикистана вряд ли обрадует местное руководство и может быть также неприемлем для России и Казахстана, поэтому необходима также поддержка созданию рабочих мест в республике. Оптимальной стратегией представляется поощрение инвестиций крупных российских и казахстанских корпораций, что связывает оба плюса от вступления Таджикистана в ЕАЭС воедино.

Подобный подход тем более важен, что при расширении сферы трудовой миграции без улучшения инвестиционного климата рост денежных переводов от мигрантов не пойдет на пользу Таджикистану, поскольку денежные средства не будут задерживаться в местной экономике. Это приведет к кратковременному росту ВВП и снижению бедности, но не к потенциальному устойчивому росту в долгосрочной перспективе.

Кроме того, не следует забывать, что с 2013 года Таджикистан – член ВТО, а это для государств-членов ЕАЭС является важным фактором для эффективного выстраивания сети зон свободной торговли, а в долгосрочной перспективе – для выстраивания отношений Союза с КНР и Евросоюзом.

Во внешней торговле понадобится переходный период по сближению со ставками единого таможенного тарифа ЕАЭС, а также введение новых подходов в таможенном контроле и администрировании в соответствии с новым Таможенным Кодексом ЕАЭС. Около трети тарифного расписания Республики Таджикистан совпадает с тарифами ЕАЭС, для трети тарифных линий евразийские ставки выше ставок республики Таджикистан, еще для трети наоборот ниже.

В общем и целом для Таджикистана баланс выгод и издержек при вступлении в ЕАЭС будет положительным, и это мнение разделяется его населением, где более половины стабильно поддерживают вхождение в состав нового евразийского образования. Теперь осталось понять, какие плюсы в свою очередь при подобном развитии событий намечаются для России.

Во-первых, инвестиционные возможности. Они присутствуют в четырех секторах: горнодобывающем, гидроэнергетике, агропроме и легкой промышленности. Объем инвестиционных ресурсов, которые вполне способна абсорбировать таджикская экономика, в настоящее время превышает $ 2,5 млрд. в год. Вероятно, вхождение Таджикистана в общий евразийский рынок может повлечь и новые перспективы, особенно в агропроме и легкой промышленности. Низкая стоимость трудовых ресурсов создает возможности для более высокой доходности инвестиций.

Во-вторых, преференциальный торговый режим, закрепляющий комфортные условия для российского экспорта – продукции машиностроительного и иных секторов.

В-третьих, для долгосрочного устойчивого роста российской экономики необходим прирост трудовых ресурсов, который представляется затруднительным в силу демографической ситуации в России. Более организованный режим использования трудовых ресурсов в российской экономике будет работать на российский ВВП.

В-четвертых, и это самое существенное, вступление Таджикистана в ЕАЭС благотворно повлияет на политическую стабильность в стране и регионе в целом. Альтернатива – дестабилизация в стране и регионе, особенно с учетом соседства с Афганистаном, – может оказаться чрезвычайно дорогостоящей для ЕАЭС, особенно для Кыргызстана, Казахстана и России. Страны ЕАЭС заинтересованы в стабильном и процветающем Таджикистане.

Рассматривая вопрос о вступлении Таджикистана в ЕАЭС, и России, и Казахстану, и самому Таджикистану необходимо исходить из понимания экономической природы Евразийского союза. ЕАЭС – один из инструментов вы-

страивания стратегии долгосрочного устойчивого роста. Политические и военно-политические вопросы по-прежнему будут решаться на двусторонней основе и в рамках ОДКБ.

Таким образом, вступление Таджикистана в ЕАЭС будет носить в целом позитивный характер для республики. Напоследок можно и нужно оценить в первом приближении возможность появления иных кандидатов на вступление в среднесрочном периоде.

Прямо скажем здесь ситуация неясная. Из двух оставшихся государств Средней Азии, небольшой интерес проявлял Узбекистан, но строго неофициально, на уровне аналитических центров, проводивших оценку возможных эффектов такого политического решения. У Узбекистана сложная история взаимодействия с евразийскими интеграционными структурами (в 2004 году страна вступила в ЕврАзЭС, но вышла в 2006 г.). Добавляют негатива и конфликтные отношения Узбекистана с Кыргызстаном и Таджикистаном по вопросам управления водно-энергетическими ресурсами в регионе, а также по проблемам территориального урегулирования, в том числе в анклавах Ферганской долины. В то же время смена руководства в стране вновь оживила интерес к этой проблеме и наблюдается усиление заинтересованности Узбекистана в евразийских структурах.

Туркмения постоянно заявляет о своем нейтралитете и до последнего времени не проявляла никакого интереса к ЕАЭС. Однако усиление китайского проникновения в туркменскую экономику вынуждает местное руководство искать этому противовес.

В отношении Закавказья ситуация более ясная. Азербайджан, несмотря на сложные отношения с Арменией, экономически все более втягивается в отношения с ЕАЭС. Еще более показательная ситуация с Грузией. Несмотря на отчаянные усилия по освобождению от «советской тирании и проклятого наследия» экономическая зависимость Грузии от России с каждым годом только усиливается. Следовательно, все упирается только в срок, когда политика будет вынуждена уступить экономике.

Наибольший интерес для ЕАЭС представляет, конечно, включение в свой состав Украины, тем более что это практически автоматически подтянет и Молдову, которая и так серьезно страдает из-за разрыва связей с Россией. Однако для Украины мало того, что все упирается в политику, так еще и явная потеря суверенитета не позволяет принимать её руководству самостоятельные решения. Вместе с тем очередной провал ускоренного вхождения в Европу, истощение терпения у России и потеря ряда важных экономических козырей ставят Украину в среднесрочной перспективе перед простым и очень неприятным (для её нынешнего истеблишмента) выбором – вступить в ЕАЭС либо целиком как единое государство либо по частям (возможное исключение – Галиция и Закарпатье).

При этом следует оговориться, что расширение ЕАЭС ни в коем случае нельзя воспринимать как самоцель. Каждая новая страна должна стать объектом тщательного анализа на предмет экономических и политических эффектов (баланс выгод и издержек для ЕАЭС и самого кандидата), а также устойчивости такого решения. Слишком поспешное или безграничное расширение региональных организаций, как правило, негативно влияет на их эффективность.

Коровникова Н.А.[1]

КОНЦЕПЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ЕВРАЗИЙСТВА[2] В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА[3]

Ключевые слова*: евразийство, современное евразийство, международная экономическая интеграция, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Евразия, Россия.*

Keywords*: eurasianism, modern eurasianism, international economic integration, Eurasian Economic Union (EAEU), Eurasia, Russia.*

В настоящее время все акторы мировой экономики в той или иной форме включены в процессы международной экономической интеграции (МЭИ)[4], которая опирается на скоординированную политику национальных экономик; основана на инновационном, финансовом, материальном и трудовом обменах; обеспечивает странам-участницам как отрицательные (возникновение конфликтов, отток капитала, монополистические/олигополистические сговоры и др.), так и положительные (новые рынки, доступ к дешевой рабочей силе и энергоресурсам, усиление конкурентных преимуществ и др.) экономические эффекты[5].

Особую актуальность и геостратегическую значимость процессы МЭИ приобрели в современном евразийском пространстве, цивилизационные ресурсы которого необходимы для плодотворного развития евразийских «народов, государств, экономик, промышленности, сельского хозяйства, развития высоких технологий и т.д.»[6]. При этом МЭИ евразийского региона в постсоветский период[7] основывается на богатом историческом наследии совместного развития и имеет важное государственное значение для стран-участниц, поскольку укрепляет их позиции на глобальном уровне, способствуя повышению конкурентоспособности на мировых рынках и обеспечивая совместное противостояние экономическим угрозам и кризисам.

По выражению Р.Н. Пархоменко, происходит «реинкарнация» концепции евразийства в современной социально-философской и экономической мысли в формате *«академического неоевразийства»*[8], которое содержит в себе как элементы западного либерализма, так и отечественные культурные традиции «нового консерватизма» (в т.ч. православные ценности, историческое наследие, патриотизм) и представляется некоторым отечественным ученым (А.Г. Дугину, Н.Н. Моисееву, А.С. Панарину, В.Я. Пащенко, Б.С. Ерасову и др.) наиболее перспективным вектором[9] совместного развития России и других государств постсоциалистического ареала.

Основополагающие *принципы нового евразийства* включают как исторически традиционные ориентиры, так и новейшие тренды региональной интеграции, в том числе: соборность, духовность, коллективизм, антиевропоцентризм, традиционность, концепция «симфонической личности», «цементирующая» роль государства, экономический прагматизм, добровольность, поликультурность, полицентризм, политический суверенитет, международная правосубъектность, мультилинейность социально-исторического процесса, социальный и политический реализм[10]. При том,

---

[1] Коровникова Наталья Александровна – к.полит.н., с.н.с. ИНИОН РАН, доцент МИЭПП. Сфера научных интересов: экономическая история, история экономической мысли, экономика культуры; идеологии в современной политике; роль «идеальных» факторов в социально-экономических процессах; идентичность; социальная психология; патриотизм: патриотическое воспитание как основа ментальной безопасности; лидерство: современные инструменты диагностики, развития и коррекции лидерских качеств, моделей и стилей; информационное обеспечение управленческой деятельности. E-mail: natalia.kor@list.ru.

[2] В выбранном ракурсе понятия «концепция современного евразийства», «неоевразийство», «академическое неоевразийство», «новое евразийство» синонимичны. С определенными оговорками автор разделяет исследовательскую позицию, согласно которой «современное евразийство» представляет собой разновидность «прагматического евразийства» ввиду прагматического подхода к интеграции современного евразийского пространства. Более подробно см. Кофнер Ю.Ю. Теория современной евразийской интеграции: II. Прагматическое евразийство: четыре подхода чтобы лучше понять ЕАЭС // Евразийские исследования. Аналитический портал. – http://eurasian-studies.org/archives/11144

[3] Далее по тексту – ЕАЭС.

[4] Специалисты выделяют пять фаз МЭИ: зона свободной торговли, таможенный союз, общий (единый) рынок, экономический союз, политический и валютный союз.

[5] Гибадуллин А.А., Пуляева В.Н., Ерыгин Ю.В. Концептуальные направления устойчивого развития Евразийского экономического союза. – М.: Издательский дом ГУУ, 2018. – С. 11, 18–19.

[6] Яшкова Т.А. Становление и развитие современного евразийского пространства. // Коммуникология. 2018. – Т. 6, № 2. – С. 91.

[7] К наиболее знаковым событиям МЭИ евразийского пространства в постсоветский период относят создание СНГ, Таможенного союза и Единого экономического пространства ЕАЭС.

[8] Пархоменко Р.Н. Евразийство в современной российской социально-философской мысли: реинкарнация одного понятия. // Философская мысль. 2016. – № 3. – С. 33–45. – https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=16491

[9] Там же.

[10] Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение / Под общ. ред. Г.И. Осадчей. – М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2018. – С. 30–33.

что концепция современного евразийства синтезирует *четыре исследовательские парадигмы* в области постсоветской евразийской интеграции, а именно[1]:

– *скрепляющая интеграция* – региональная интеграция, инициированная группой стран, которые до недавнего времени входили в единое государство или колониальную империю и поддерживают высокий уровень экономических, политических и культурных взаимосвязей (англ. holding-together integration);

– *кооперативная гегемония* – тип регионального устройства, в рамках которого осуществляется «мягкая» форма контроля со стороны доминирующего государства посредством соглашений о сотрудничестве, основанных на долгосрочной стратегии (англ. coopertative hegemony);

– *либеральный межправительственный подход* представляет собой развитие межправительственной теории европейской интеграции и предполагает ограниченное значение наднациональных институтов, а также либеральную модель формирования преференций (англ. liberal intergovermentalism);

– *геоэкономический детерминизм* – условие обеспечения доступа всех стран-членов на международные рынки посредством снижения таможенных пошлин и нетарифных барьеров, развития транспортной «связанности» и формирования общего транспортного пространства (англ. geo-economic determinism).

На сегодняшний день практическая реализация основ современного евразийства происходит в рамках становления ЕАЭС, который с одной стороны представляет собой «мощный *геополитический, экономический, идеологический проект*»[2], а, с другой, *юридическое лицо* (международную организацию региональной экономической интеграции), обладающее *международной правосубъектностью*[3]. ЕАЭС, как открытый макроинтеграционный проект, содержит в себе концептуальное обоснование процессов реинтеграции исторически связанных и родственных народов, а также опирается на основы славянофильской теории локальных цивилизаций, социально-культурной цивилизационно-гуманистической миссии евразийской идеи и «антиэксплуататорского» мировоззрения[4].

Преимущества МЭИ в формате ЕАЭС обусловлены значительными успехами и богатой историей евразийской интеграции стран-участниц, а также устойчивыми конкурентными преимуществами (УКП) стран ЕАЭС, в их числе общий язык (русский), единая транспортная инфраструктура, глубокий уровень кооперации в производственной, социально-экономической, политико-культурной и научно-образовательной сферах.

Перспективность евразийской МЭИ также подкрепляется результатами сравнительного анализа ключевых экономических показателей членов ЕАЭС (численность населения, ВВП на душу населения, объемы промышленной продукции по видам экономической деятельности, добыча угля и нефти, производство газа и электроэнергии) за 2013–2017 гг., которые показали тенденцию экономического роста в ключевых областях всех государств-участников ЕАЭС (за исключением значений, измеряемых в долларах США)[5]. К тому же на современном этапе МЭИ страны Союза демонстрируют положительную динамику по большинству показателей конкурентоспособности (Индекс глобальной конкурентоспособности, Глобальный индекс инноваций, Индекс глобализации, Индекс человеческого развития), которая означает их способность к обеспечению самостоятельного политического развития и удержанию устойчивых позиций в экономическом соперничестве[6].

В то же время большинство отечественных исследователей отмечают трудности формирования концепции современного евразийства и ее воплощения в формате ЕАЭС, объясняя это следующими *негативными факторами*:

– снижение объемов внешней и взаимной торговли стран-участниц ввиду ценового фактора (падение цен на нефть и газ), сокращения общемировых темпов роста, экономического кризиса и однотипной структуры экспорта;

– преобладание краткосрочных инвестиций в добывающие и сырьевые отрасли и инфраструктуру, не способствующие производственной кооперации;

– стратегия импортозамещения, направленная преимущественно на внутренние национальные рынки;

– влияние внешней мировой политической среды, в том числе политический конфликт на Украине, новый вектор внешней политики США и стран Евросоюза[7];

– высокий уровень инфляции, долларизация экономик, разные режимы монетарной политики, высокая волатильность взаимных обменных курсов государств-членов[8];

– высокая экономическая, социальная и институциональная дивергенция участников при экономическом доминировании России;

– топливно-сырьевая специализация экономик;

---

[1] Кофнер Ю.Ю. Теория современной евразийской интеграции: II. Прагматическое евразийство: четыре подхода чтобы лучше понять ЕАЭС // Евразийские исследования. Аналитический портал. – http://eurasian-studies.org/archives/11144

[2] Саблина Ю.В. Евразийский союз: инструменты управления и интеграции // Управленческое консультирование. 2018. – № 12. – С. 157. – https://cyberleninka.ru/article/n/evraziyskiy-soyuz-instrumenty-upravleniya-i-integratsii

[3] Там же.

[4] Более подробно см. Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение / Под общ. ред. Г.И. Осадчей. – М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2018. – С. 11–34.

[5] Гибадуллин А.А., Пуляева В.Н., Ерыгин Ю.В. Концептуальные направления устойчивого развития Евразийского экономического союза. – М.: Издательский дом ГУУ, 2018. – С. 48–58.

[6] Формирование устойчивых конкурентных преимуществ государств-участников Евразийского экономического союза в условиях нестабильности мировой экономики / Под науч. ред. Абрамова В.Л. – М.: Научные технологии, 2018. – С. 17.

[7] Мельников А.Б., Фалина Н.В. Проблемы и перспективы развития экономического сотрудничества стран-участниц Евразийского экономического союза. – Краснодар: Эпомен, 2018. – С. 114–116.

[8] Гибадуллин А.А., Пуляева В.Н., Ерыгин Ю.В. Концептуальные направления устойчивого развития Евразийского экономического союза – М.: Издательский дом ГУУ, 2018. – С. 59–60.

– бюрократизация экономических преобразований, деструктивные установки (религиозный экстремизм и терроризм) и угроза самодостаточности государств-участников;

– отсутствие общей антисанкционной политики, реэкспорт в Россию запрещенных товаров[1] и т.п.

Однако современная евразийская интеграция приносит существенные *макроэкономические выгоды* членам союза, например: стабильное увеличение ВВП (совокупный макроэкономический эффект от устранения всех нетарифных препятствий может составить порядка 1,5% ВВП Союза)[2]; рост объемов взаимной внешней торговли, при том, что страны ЕАЭС являются странами с открытой экономикой (внешнеторговая квота превышает 10%)[3]; выравнивание уровней экономического развития; снижение цен и увеличение спроса на товары, а также стимулирование «здоровой» конкуренции на общем рынке ЕАЭС; рост средней заработной платы и увеличение благосостояния всех народов ЕАЭС; интенсификация инвестиционного взаимодействия и повышение инвестиционной привлекательности стран-участниц[4].

К числу достижений и *позитивных примеров* МЭИ в формате ЕАЭС на основах концепции современного евразийства можно отнести:

– *агропромышленный комплекс (АПК) ЕАЭС*, где сложились позитивные тенденции самообеспечения агропродовольственной продукцией и увеличения объемов экспорта на зарубежные рынки (в частности, ведутся переговоры по заключению соглашений о зонах свободной торговли ЕАЭС с Индией, Ираном, Египтом и Израилем[5]);

– *новые виды рынков*, в том числе лекарственных препаратов и медицинских изделий, финансовых услуг и топливных ресурсов, которые предположительно начнут функционировать с 2019 по 2025 гг.[6];

– *общий рынок электрической энергии*, опыт формирования которого продемонстрировал необходимость реализации следующих мероприятий: создание соответствующего наднационального органа, формирование правил функционирования с учетом отраслевой специфики, гармонизация национального законодательства, урегулирование общих технических регламентов, анализ технического состояния объектов отрасли, разработка механизмов ценообразования и формирование концепции по повышению технологической устойчивости национальных отраслей[7].

ЕАЭС обладает достаточным потенциалом, чтобы в будущем существенно расширить сферу влияния: интерес к сотрудничеству с ЕАЭС проявляют около 50 стран Европы, Азии и Латинской Америки[8]. Но развитие концепции современного евразийства в рамках ЕАЭС может пойти по *трем сценариям*: 1) дальнейшее углубление экономической интеграции и повышение конкурентоспособности экономик государств-участников; 2) «транзитно-сырьевой мост» – максимально возможное использование географического положения и сырьевой базы стран союза; 3) развитие членов ЕАЭС преимущественно на базе собственных традиционных источников роста при сохранении инфраструктурных ограничений[9].

Успешность реализации первого сценария всецело зависит от своевременного согласования общей валютной, таможенной и финансовой политики; формирования единого механизма рыночного регулирования; модернизации ведущих отраслей экономики и повышения уровня конкурентоспособности; развития регионального и международного сотрудничества с другими странами, регионами и международными альянсами; а также от уровня научной разработки и всесторонней практической реализации принципов социально-политического реализма с помощью методов «проектологии», которые позволят России в качестве геополитического центра Евразии стать одним из «стержней новой архитектоники мира»[10]. Своевременное решение вышеперечисленных стратегических задач позволит актуализировать основы концепции современного евразийства и воплотить их в формате ЕАЭС, который имеет потенциал стать одним из наиболее влиятельных экономико-политических блоков на мировой арене XXI века.

---

[1] Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение: монография / Под общ. ред. Г.И. Осадчей. – М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2018. – С. 91, 215.

[2] Там же, с. 183.

[3] Там же, с. 201.

[4] Эффективность инвестиционного евразийского пространства зависит от определенного ряда *факторов*, как то: своевременное создание системы взаимных приоритетов и стимулов; унификация законодательства; дополнения инвестиционного сотрудничества промышленной, научно-технологической и другими направлениями кооперации; формирование общего подхода к развитию кадрового потенциала путем введения единых требований к компетенциям выпускников и унификации условий трудовой миграции для граждан государств-членов ЕАЭС. Более подробно см.: Мельников А.Б., Фалина Н.В. Проблемы и перспективы развития экономического сотрудничества стран-участниц Евразийского экономического союза. – Краснодар: Эпомен, 2018. – С. 59–76.

[5] Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение: монография / Под общ. ред. Г.И. Осадчей. – М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2018. – С. 236.

[6] Мельников А.Б., Фалина Н.В. Проблемы и перспективы развития экономического сотрудничества стран-участниц Евразийского экономического союза. – Краснодар: Эпомен, 2018. – С. 81–85.

[7] Гибадуллин А.А., Пуляева В.Н., Ерыгин Ю.В. Концептуальные направления устойчивого развития Евразийского экономического союза. – М. : Издательский дом ГУУ, 2018. – С. 119–120.

[8] Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение: монография / Под общ. ред. Г.И. Осадчей. – М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2018. – С. 283.

[9] Формирование устойчивых конкурентных преимуществ государств-участников Евразийского экономического союза в условиях нестабильности мировой экономики / Под науч. ред. Абрамова В.Л. – М.: Научные технологии, 2018. – С. 222.

[10] Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение: монография / Под общ. ред. Г.И. Осадчей. – М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2018. – С. 341.

Лойко Л.Е.[1]

ПРАВОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ЕАЭС: ПОИСК МЕТОДОЛОГИИ

Ключевые слова: *евразийское экономическое пространство, право, методология, суд Евразийского экономического союза, интеграция через право.*

Keywords*: Eurasian economic space, law, methodology, court of the Eurasian Economic Union, integration through law.*

Институциональная структура правового поля евразийского экономического союза формируется на основе поиска региональной модели, интегрирующей национальные особенности законодательных актов членов Союза[2]. Обсуждаются вопросы топонимики этого пространства. Оно должно иметь наднациональные структуры, а приоритетное внимание следует уделять процессу унификации национальных законодательств по основным видам экономической деятельности и сопутствующим им секторам информационного пространства, экологии[3]. На практическом уровне участников экономического пространства интересуют правовые гарантии равных возможностей, свободного перемещения капиталов и рабочей силы, трансграничного пространства доверия, отсутствия барьеров[4].

В формировании единого правового поля Евразийского экономического союза имеют место два параллельных процесса. Один из них связан с формированием институциональной инфраструктуры. Создан Суд евразийского экономического союза. Его работа ориентирована на интеграцию ЕАЭС в пространство международного права. Особенно актуальным является уголовное право, поскольку теневая экономика оказывает значительное давление на Евразийский экономический союз.

Поскольку экономические интересы членов Евразийского экономического союза совмещаются поэтапно в разных сегментах кооперации, то правовое обеспечение этой эволюции в виде нормативных документов и согласований стало важным элементом работы экспертов[5]. Сформулированы принципы создания единого правового пространства.

Ставится цель обеспечить качественное развитие интеграционного объединения без ущемления интересов его членов и без двойных стандартов. Это предполагает соблюдение суверенного равенства государств-членов, их территориальной целостности, особенностей политического устройства, равноправия, национальных интересов, верховенства закона. На этой задаче сосредоточена Евразийская организация экономического сотрудничества (ЕОЭС). Организация правового пространства предполагает создание стандартов, способствующих экономическому развитию ЕАЭС. Одним из элементов является гармонизация судебной практики.

За основу формирования единого правового поля ЕАЭС взята теория пропорциональности[6]. Она объясняет существование между политикой и правом третьего пространства, которое обеспечивает основу интеграции ЕАЭС. Пропорциональность в данном контексте заключается в осуществлении правоприменителем оценки, согласовании конкурирующих интересов, поиске баланса интересов. Правовые решения вырабатываются исходя из политической реальности.

Пропорциональность положена в основу решений Суда ЕАЭС. Третье пространство регулирует политические процессы правовыми механизмами. На фоне конструктивной методологии поддержки молодой евразийской интеграции не совсем правомерной представляется методология критических правовых исследований. Эта методология игнорирует право интеграторов на ошибки.

Конструктивная методология евразийской интеграции предполагает создание механизмов имплементации актов ЕАЭС, включение в евразийское правовое пространство граждан и организаций отдельных государств.

Шестая статья Договора о ЕАЭС ввела концепт «право ЕАЭС». Из него следует перечисление источников права ЕАЭС, описание порядка исполнения отдельных источников в национальных правовых системах государств-членов, коллизионных ситуаций. Договор не признает прямое действие права ЕАЭС. В спорных ситуациях не приво-

---

[1] Лойко Лариса Егоровна – к.филос.н., доцент, кафедра философии и идеологической работы, Академия МВД Республики Беларусь, Минск. E-mail: larisa.loiko@tut.by

[2] Бекяшев К.А. ЕАЭС: международная (межгосударственная) организация или международное (межгосударственное) интеграционное объединение? // Евразийский юридический журнал. 2014. – № 11. – С. 10–16.

[3] Нешатаева Т.Н. К вопросу о создании Евразийского союза: интеграция и наднационализм // Международное правосудие. 2014 – № 2 – С. 57–71.

[4] Соколова Н.А. Евразийский экономический союз: правовая природа и природа права // Lex Russica. 2017. – № 11. – С. 47–50.

[5] Андриянов Д.В. Евразийский экономический союз: борьба за «третье пространство» и интеграция через право // Актуальные проблемы российского права. 2018. – № 3. – С. 163–165.

[6] Вайпан Г.В. Принцип пропорциональности в современном международном праве. – М., 2017.

дится случай возникновения противоречий между Договором о ЕАЭС и национальным законодательством государств-участников.

Построение единого правового пространства в ЕАЭС должно опираться на интеграционную теорию, одной из прикладных модификаций которой является метод «второго режима»[1]. Он придает значение субсидиарному применению национального права. Субъекту интеграции предоставляется правовой выбор между национальным и региональным приоритетами институциональной деятельности.

Реализацией метода стал Протокол об охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности (Приложение № 26 к Договору о ЕАЭС). Наряду с товарными знаками, знаками обслуживания и наименованиями места происхождения товаров, установлено право на единые товарные знаки, знаки обслуживания и наименования места происхождения товаров ЕАЭС.

Особую сферу правовых исследований составляет тема цифровой экономики. Разработчики программного обеспечения цифровой экономики ЕАЭС сталкиваются с проблемами, имеющими выход в правовую сферу. Среди них – защита уязвимых групп пользователей, потребность граждан и корпоративных структур в обеспечении конфиденциальности, свободы выбора. Требуется сотрудничество разработчиков программного обеспечения с законодателями и социологами.

Социальные сети связывают людей, но они же служат средством манипулирования. Высокий уровень доступа к частной информации в основном обеспечивается пользователями Интернета, которые раскрывают конфиденциальную информацию о себе, не задумываясь о возможных последствиях.

Развитие правового поля технологий бизнес-процессов мотивирует организации передавать часть своих IT-процессов сторонним исполнителям. В результате формируются сложные глобальные сети, в которых больше доверяют сетям стороннего бизнеса, чем собственным сетям. Мобильные устройства обеспечивают доступ к данным. Интеллектуальные дома оборудуются микрочипами, общающимися между собой и со своей штаб-квартирой.

При использовании облачной инфраструктуры организации арендуют персональные компьютеры на почасовой основе. Методика формирует сложные системы, которые перекрывают границы нескольких участвующих сторон, пересекают периметры их безопасности. Исчезают границы между системами и организациями, которые становятся одновременно связанными и фрагментированными[2].

Существует потребность в изменении подходов к обеспечению безопасности, поскольку размываются границы ответственности IT-инфраструктуры. Если компания передает сторонним исполнителям обработку своих данных, то остается открытым вопрос: кто конкретно отвечает за поддержку конфиденциальности ее заказчиков?

Проблема размытой ответственности связана с философией разработки программных продуктов на основе сервис-ориентированной архитектуры. Общая функциональность системы определяется сервисами, которые могут объединяться в более крупные приложения, выполняющие функции конечного пользователя. В результате сетевая организация и технологическая структура затрудняют определение субъекта ответственности за недостоверность окончательных результатов.

В условиях конвергенции информационного пространства ответственность организации и характер последствий ее действий теряют ясность. Растут правовые риски ее деятельности. В подобных условиях в поле правовых проблем необходима точная классификация рисков. Разработана методика управления рисками. Она основана на принципе предосторожности. Принцип гласит: если неизвестны последствия каких-либо действий, то эти действия производить не следует.

При разработке программного обеспечения в дезпериметризованном пространстве риски не определены. Приходиться полагаться на этические механизмы. Принцип предосторожности актуален при создании сетевых сервисов. Категории этики интегрированы не во все индивидуальные сознания, поэтому некоторые субъекты деятельности используют виртуальные симулякры в виде правдоподобных легенд.

Легенды и мифологемы заставляют пользователей устанавливать личные плагины, расширяющие возможности компьютерной программы. С этой целью используются методы социальной инженерии. Выделяются три класса атак, которые хакер может произвести на стороне клиента. Это атаки с кражей полномочий, атаки с обрывом канала, атаки с манипулированием контентом. Для противодействия каждому из классов атак необходимы средства и методы защиты.

Исследования на стыке проблематики Интернета и СМИ проводит А.А. Градюшко[3]. В поле его научных интересов оказались вопросы конвергенции, гибридизации СМИ в условиях индустрии 4.0. Значительное внимание исследователь уделяет правовому регулированию новой реальности. Он указывает на прямую связь между наличием законодательной базы в области интернет СМИ и информационной безопасностью. Такой же позиции придерживается С.В. Венидиктов[4].

---

[1] Четвериков А.О. Метод «второго режима» в современном интеграционном праве: практика ЕС, перспективы Евразийского экономического союза // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. – № 1. – С. 75–84.

[2] Лойко Л.Е. Правовое регулирование Интернет-журналистики // Мультимедийная журналистика: медиакоммуникации и медиаиндустрия. – Минск: БГУ, 2019. – С. 75–79.

[3] Градюшко А.А. СМИ и Интернет: проблемы правового регулирования // Личность – слово – социум: материалы 6-ой Международной научно-практической конференции, 19-20 апреля 2006 г. / Отв. ред. В.В. Фалалеев. – Минск: Паркус плюс, 2006. – С. 23–28.

[4] Венидиктов С.В. Медиакоммуникация в развитии евразийского пространства: стратегический ресурс интеграции. – Минск, 2018.

Эффективность в решении данных проблем предполагает дискурсивную работу над определением ключевых понятий, в первую очередь, понятия цифровой экономики. Ее медийную часть представляют постоянно обновляемые новостные сайты, веб-ресурсы, актуальные информационно-аналитические материалы, гипертекстовые технологии, онлайн-интервью, Интернет-конференции.

Таким образом, формирование единого правового поля ЕАЭС совпало с бурным развитием конвергентных технологий и необходимостью правовых исследований информационных процессов.

Михайленко А.Н.[1]

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЕАЭС

Ключевые слова: *анархия, многополярность, полицентричность, многосторонность, интеграция, Евразийский экономический союз, ЕАЭС.*

Keywords*: anarchy, multipolarity, polycentricity, multilateralism, integration, Eurasian Economic Union, EAEU.*

Введение

В настоящее время мы является свидетелями формирования нового мирового порядка. В необходимости новых подходов в мировой политике уже нет сомнений ни у кого из руководителей крупных держав мира. Канцлер Германии А. Меркель, например, в начале сентября 2019 года говорит: «Нет сомнений в том, что Европе необходимо изменить свое положение в изменившемся мире. Старые правила послевоенного порядка больше не подходят… Они [Китай, Россия и США] заставляют нас снова и снова находить общие позиции. Это часто бывает трудно, учитывая наши разные интересы. Но мы это делаем…»[2]. Нужно обратить внимание на страны, которые руководитель Германии противопоставила Европе. Оказывается, что Москва, Пекин и Вашингтон находятся в одной упряжке в соревновании с Европой. Для первых двух это привычная позиция, но вот место США в этой тройке из ряда вон выходящее.

Процесс формирования нового мироустройства находится на начальном этапе. В литературе рассматриваются различные варианты упорядоченного формирования нового мироустройства, среди которых многополярность, полицентричность и многосторонность[3]. На данный момент эти вариации зачастую не дифференцируются, используются как синонимы. В одном из недавних выступлений министр иностранных дел России С.В. Лавров использует все эти слова так: «Их (изменений. – *А.М.*) общий вектор задает укрепление многосторонности, полицентричного миропорядка... Понятно, что многополярность, появление новых центров силы для поддержания стабильности в мире требуют поиска баланса интересов и компромиссов»[4]. В этом же русле отечественные исследователи пишут, что «в XXI в., как считают многие эксперты, наиболее вероятным будет сценарий медленного движения к многополярному полицентричному миру»[5].

Многие американские исследователи в своих работах также используют термины «полюс» и «центр силы» как равнозначные[6]. В докладе Национального Совета по разведке США «Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры» при описании будущего мирового порядка авторы применяют термин «многополярность»[7]. Четкого его определения авторы не дают, но можно предположить, что имеется в виду такая мировая система, в рамках которой существуют различные центры силы, влияющие на развитие международных отношений, на решение глобальных проблем, а также имеющие доступ к военным инструментам и способные применять силу. В качестве таких центров могут выступать не только традиционные государства, но и негосударственные, наднациональные субъекты, неправительственные организации и другие субъекты.

Наряду с этой терминологической неразберихой постепенно выявляются и контуры видения ведущими странами будущего мироустройства. Их политика выстраивается таким образом, чтобы способствовать мировому порядку, который, по их мнению, будет наиболее полно отвечать их национальным интересам. В связи с этим существует потребность провести инвентаризацию этих подходов, уточнить содержание стоящих за ними понятий. В науке нет синонимов, поэтому представляется существенным более четко определить эти три понятия – многополярный, полицен-

---

[1] Михайленко Александр Николаевич – д.полит.н., профессор, профессор кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Факультета национальной безопасности Института права и национальной безопасности РАНХиГС.

[2] Maza C. Angela Merkel identifies U.S. as global rival that, along with China and Russia, Europe must unite against // Newsweek. 2019. – September 5.

[3] Михайленко А.Н. Контуры нового мирового порядка // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. – № 8 (134). – С. 143–158.

[4] Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе встречи со студентами, слушателями и профессорско-преподавательским составом Дипломатической академии МИД России, Москва, 12 апреля 2019 года. – http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3613586

[5] Ильин И.В., Леонова О.Г. Тенденции развития глобализационных политических процессов // Век глобализации. 2015. – № 1. – С. 21–35.

[6] Солянова М.В. Американские концепции полярности в международных отношениях. Автореф. дисс... канд. полит. наук. – М., 2017. – С. 7.

[7] Global Trends 2030: Alternative Worlds. – http://www.dni.gov/files/documents/GlobalTrends_2030.pdf

тричный и многосторонний мир. Методологической основой такой их классификации может служить степень неопределенности в мировой политике. В соответствии с такой градацией рассмотрим указанные варианты нового мирового порядка от самого неопределенного до наиболее определенного.

Многополярность

Концепция многополярности является предметом изучения многих ученых[1]. Многополярный мир – это такой миропорядок, при котором мир разделён на сферы влияния между великими державами. Воздействие на «чужую» сферу влияния возможно только при сотрудничестве с другими великими державами. Коалиции будут носить временный характер, распадаться при достижении конкретной задачи по переделу сфер влияния. Средние и малые страны будут следовать политике примыкания к великим державам в соответствии со своими национальными интересами. Будут возникать временные буферные зоны между сферами влияния великих держав с примерно одинаковой силой[2]. Эта концепция продолжает теоретическую линию концепции великих держав, или империй[3].

Полярность подчеркивает разницу в интересах, ее реализацию с помощью силы. М.О. Гузикова и Д.И. Победаш считают, что вскоре «мир будет разделён на большие регионы с одним центром силы внутри каждого»[4]. В этом значении центры силы больше похожи на силовые полюса, чем на центры притяжения. Упомянутые авторы указывают, однако, что на данный момент пока не имеется концепции, как эти регионы будут взаимодействовать между собой. Можно предположить, что в силу закона неравномерности общественного развития полюса не будут вечными, между ними будут существовать периодически обостряющиеся противоречия. Противодействие между полюсами будет способствовать росту неопределенности, конфликтности, нестабильности и неустойчивости в мире.

Как это обычно бывает в науке и политике, концепция многополярности имеет и критиков. Так, Китай, который продолжает идентифицировать себя как развивающуюся страну, учитывает распространенное в «третьем мире» убеждение, что многополярность, точно так же, как и биполярность и однополярность, есть не что иное, как «разборки» великих держав между собой, при которых игнорируются интересы большинства других государств[5]. Позиция Китая понятна: развивающихся стран в мире в разы больше, чем т.н. развитых, добиться лидерской позиции среди них было бы крупной политической победой. Именно к такой позиции и стремится сегодня Пекин.

Вариант многополярного мира имеет достаточно высокую вероятность воплощения.

Полицентричность

Более стабильным, предсказуемым является вариант полицентричного мира. В нем противодействие уравновешивается сотрудничеством и благодаря этому степень неопределенности в мировой политике снижается. О полицентричном мире довольно часто говорится в литературе, однако теоретические позиции этого подхода недостаточно разработаны. Тем не менее, концепция полицентричного мира не нова[6]. Центральным понятием в ней, очевидно, должно стать понятие мирового центра силы. Одно из предложений в этом смысле состоит в том, что «центр силы – это государство или группа государств с развитым культурным, социально-экономическим, военно-политическим потенциалом и пассионарной энергией, оказывающий наивысшее влияние на международную жизнь на глобальном и региональном уровне. При этом обязательными условиями динамики центров силы должны быть открытость системы и стремление к разнообразию и многополярности»[7].

Предлагаются различные факторы, лежащие в основе развития центров силы. К ним относятся географический, демографический, экономический, военный, информационный и другие факторы. По каждому из них можно определить лидеров, которые и являются мировыми центрами по этому фактору. Выявить их не так сложно, достаточно изучить статистику по показателям площади стран, их населению, объему валового внутреннего продукта, военным расходам и другим критериям. Очевидно, потенциальными центрами современного мира могут явиться Россия, США, Бразилия, Германия, Франция, Китай, Индия, Япония и некоторые другие страны. Для реализации своего потенциала им следует к таким «кинетическим» показателям добавить креативные, направленные на решение основных проблем мирового сообщества.

В чем же разница между полюсом и центром? На наш взгляд, полюс более конфликтен и изолирован, а центр более притягателен и демократичен. Полюса – это система оппозиций, плюс – минус, север – юг, изначально их может быть всего два, и они противоречат друг другу. Центр же можно рассматривать как элемент системы притяжения.

---

[1] Портяков В.Я. Видение многополярности в России и Китае и международные вызовы // Сравнительная политика. 2013. – № 1 (1). – С. 4–29.

[2] Муса кызы А. Глобализация и тенденция развития современного мира, политика великих держав – центры силы в многополярном мире // Вестник СВФУ. Серия «История. Политология. Право. 2017. – № 4 (08). – С. 55.

[3] Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. – М.: Ладомир, 2004.

[4] Гузикова М.О., Победаш Д.И. «World Order», «миропорядок» и «European Disorder»: конкуренция концептов // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2015. – Т. 13. – С. 41.

[5] 王逸舟。世界多极化的几件小事。全球政治和中国外交。北京：世界知识出版社。2003 年。第 206–207 页 (Ван Ичжоу. Небольшой рассказ о «многополярности». Глобальная политика и внешнеполитический курс Китая. – Пекин: Изд-во всемирного знания. 2003. – С. 206–207.)

[6] Россия в полицентричном мире / Под. ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. – М.: Весь Мир, 2011. – 580 с.

[7] Музяков С.И., Ситников А.Д. Трансформация основных центров силы в современном геополитическом пространстве // Военный академический журнал. 2016. – № 4 (12). – С. 100–107.

Очевидно, в ней гораздо более значимой станет политика привлекательности, стремление к нахождению компромиссных решений самых острых проблем современного мира[1].

Вероятность формирования нового мирового порядка в виде полицентричного мира довольно велика.

Многосторонность

Наконец, наиболее определенным мог бы стать многосторонний мир. Концепция многостороннего мира также не нова. В западной политологии ее предтечей можно считать концепцию мультилатерализма, основы которой заложили Р. Кеохейн[2], Дж. Рагги[3] и другие ученые. Первый обратил особое внимание на функционирование многосторонних институтов и их взаимодействие с государствами. Второй изучал мультилатерализм как институциональную форму, в рамках которой государства выстраивают свои отношения. Различные аспекты многосторонности изучаются политологами, экономистами, представителями других наук. В ЮНКТАД и Всемирной торговой организации, например, исследуются теоретические и практические аспекты соотношения многосторонности и регионализма (multilateralism vs regionalism)[4].

Мультилатерализм как особая институциональная форма взаимодействия акторов мировой политики претерпевает сегодня серьезные изменения. Западные исследователи мультилатерализма отмечают такие новые его черты, как диверсификация многосторонних организаций, растущее значение негосударственных субъектов, усиление взаимосвязей между областями политики и возросшие возможности для участия граждан в мировой политике[5]. Многосторонний мир – наименее конфронтационная и наиболее демократичная концепция мирового порядка. Для того чтобы эта концепция реализовалась, должна присутствовать ответственность народов мира и политиков за судьбы своих стран и всего мира в целом.

В случае формирования многосторонности очень важно, какими будут лежащие в ее основе законы. Позиция России, Китая, ШОС, БРИКС и ряда других стран и международных организаций состоит в том, чтобы усилилась центральная роль ООН в мировом порядке. Западные же страны все чаще говорят о «порядке, основанном на правилах». Подразумевается, что правила эти будут устанавливать западные страны, а выполнять их должен весь мир. Позицию России в отношении этой концепции министр иностранных дел России С.В. Лавров выразил следующим образом: следует «посмотреть, насколько она соответствует универсальным, общепризнанным, коллективно согласованным нормам международного права. По нашей оценке, соответствует не очень, а в целом ряде случаев даже противоречит. Поэтому мы будем добиваться того, чтобы все страны вернулись к уважению Устава ООН, других норм и принципов универсального международного права»[6].

Позиции ведущих стран мира по вопросу о новом мировом порядке

Крупные державы рассматривают различные варианты будущего мироустройства с позиций наибольшего их соответствия собственным национальным интересам. Позицию Китая мы уже отразили выше. США исходят из того, что они по-прежнему являются единственной супердержавой, поэтому они – единственная страна в мире, которая может определять траекторию развития целых регионов мира, будь то Латинская Америка, «Индо-Тихоокеанский регион», как они переименовали Азиатско-Тихоокеанский регион или Африка.

Франция является явной сторонницей многосторонности в международных отношениях. Об этом свидетельствует, например, следующая мысль Президента Э. Макрона, которую он высказал в конце августа 2019 года на совещании с французскими послами. По его мнению, один из французских приоритетов состоит в том, чтобы «утвердить с помощью результатов дипломатию общего блага и попытаться в многосторонних рамках внести наш вклад в поиск решения для урегулирования дисбаланса и неравенства в мире… Прежде всего, нам следует самим проявить больше усилий в многосторонних рамках. Мы уже не раз упоминали прочный многосторонний подход. Некоторые хотят сегодня выстраивать вещи вне многосторонних рамок и говорят: «Я могу все сделать и решить сам». Я считаю, что это не в наших интересах»[7]. Позиция Франции объяснима, ведь Париж является лидером в Франкофонии, которая объединяет около 60 стран мира. Кроме того, в последнее время усиливаются позиции Франции в Европе.

Россия придерживается позиции, в соответствии с которой «современный мир переживает период глубоких перемен, сущность которых заключается в формировании полицентричной международной системы»[8]. Вместе с тем, как

---

[1] Михайленко А.Н. Политика привлекательности в структуре внешнеполитической деятельности России // Дискурс-Пи. 2017. – № 1 (26). – С. 86–92.

[2] Keohane R.O. Multilateralism: An Agenda for Research // International Journal. 1990. – Vol. 45. – P. 732.

[3] Ruggie J.G. Multilateralism Matters: The Theory and Praxis of an Institutional Form. – N.Y.: Columbia University Press, 1993. – P. 11.

[4] Multilateralism and Regionalism: The New Interface / United Nations. – New York; Geneva, 2005.

[5] Van Langenhove L. The Transformation of Multilateralism: Mode 1.0 to Mode 2.0 // Global Policy. 2010. – Vol. 1, N 3, October. – P. 263–264.

[6] Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам недели высокого уровня 74-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Нью-Йорк, 27 сентября 2019 года. – http://www.mid.ru/web/guest/general_assembly/-/asset_publisher/lrzZMhfoyRUj/content/id/3822554

[7] Discours du Président de la République à la conférence des ambassadeurs et des ambassadrices de 2019. – https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/08/27/discours-du-president-de-la-republique-a-la-conference-des-des-ambassadeurs-et-des-ambassadrices

[8] Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г.). – http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248

мы показали выше, полицентризм нередко приравнивается как в документах стратегического планирования, так и в выступлениях руководства страны и в теоретических работах, к многополярности и многосторонности. Это свидетельствует о слабой теоретической разработке данной проблемы и необходимости дальнейших научных исследований проблематики формирования нового мирового порядка.

Новое мироустройство и евразийская интеграция

Какие же последствия могут принести подобные изменения, которые были бы значимы для евразийской интеграции? В условиях неопределенности нужно быть готовыми к любому из этих мироустройств. Тем не менее, следует определиться, какое из них наиболее соответствует национальным интересам стран-участниц ЕАЭС. На наш взгляд, таковым является полицентричный мир. Полицентризм связан с развитием лидерских качеств крупнейшего государства региона. Еще одна важная черта полицентризма – открытость, довольно существенные связи с другими регионами мира. Практическим воплощением этой черты могли бы стать соглашения о зоне свободной торговли ЕАЭС с внерегиональными странами и объединениями. В качестве примера можно привести Европейский союз, который к настоящему моменту заключил соглашения о зоне свободной торговли с 35 странами, включая такие далекие географически, как Чили, ЮАР и Южная Корея. На фоне общей тенденции активного участия стран мира в РТС Россия занимала до недавних пор скромную позицию, участвуя только в 8 соглашениях, тогда как ЕС (мировой лидер в данной сфере) участвует в 43 соглашениях, Исландия и Норвегия – более чем в 30-ти, Чили, Турция и Сингапур – более чем в 20-ти, Перу, Южная Корея, Индия, Япония и Китай – более чем в 15-ти[1].

Одновременно следует быть готовым и к другим возможным формам будущего мироустройства. В случае многополярности странам будет сложнее выйти за пределы своего региона. Поэтому Россия в этом случае будет находиться в привилегированном положении, поскольку она занимает огромную территорию с богатейшими природными ресурсами. Эта ресурсная база дает возможность соблюдать определенную автономию, и она же будет привлекательной для тех стран, которые притянутся к Московскому полюсу. Вместе с тем, Москве не следует полагаться только на богатые природные ресурсы, потому что истинным богатством сегодня является информация и инновации, высокие технологии. В случае многополярности усилится противодействие между регионами мира, все чаще будут практиковаться торговые и гибридные войны. Поэтому императивом станет преобразование Евразийского экономического союза в политический союз, в рамках которого будет осуществляться внешнеполитическое и политико-военное, а при необходимости и военно-политическое взаимодействие.

Наряду с этими формами будущего мироустройства России следует быть готовой и к многосторонности. При многосторонности противодействие между странами будет минимальным, общие интересы будут превалировать над частными. Шагом в этом направлении должна стать деятельность по резкому повышению эффективности международных организаций. На примере Всемирной торговой организации можно сказать, что у России есть в этом отношении большие резервы. В.П. Оболенский пишет по этому поводу: «В рамках ВТО сложилась инициативная группа, которая разрабатывает предложения по реформе организации. В нее вошли Австралия, Бразилия, Чили, ЕС, Япония, Кения, Республика Корея, Мексика, Новая Зеландия, Норвегия, Сингапур и Швейцария, рассмотревшие в сентябре 2018 г. первые наработки. Вопросы реформирования деятельности ВТО прорабатываются и в других форматах… Свои предложения по реформе ВТО выработала также Канада»[2]. При этом ученый продолжает: «Россия, к сожалению, активности в продвижении вопросов, связанных с реформой ВТО, не проявляет, хотя с учетом заметной зависимости отечественной экономики от внешней торговли присоединение к их обсуждению как нельзя лучше отвечало бы ее интересам»[3]. А ведь ВТО – это тот самый многосторонний формат, который при некоторых обстоятельствам может стать основным в будущем мироустройстве.

Пример в этом плане подает Китай. Китайская инициатива Пояса и пути – лучшее тому подтверждение. Этот инфраструктурный проект связывает несколько континентов, в нем участвует почти треть стран мира. Прошедший в мае 2017 г. Первый Форум Пояса и пути стал ключевым внешнеполитическим событием, на котором присутствовали представители более 100 государств, в том числе 30 глав государств, было объявлено о 270 конкретных результатах реализации инициативы, о текущих проектах на сумму 900 млрд. долларов и 113 млрд. долларов дополнительного финансирования[4]. Состоявшийся в апреле 2019 года Второй Форум вызвал еще больший интерес мировой общественности. Эту Инициативу вполне можно назвать китайским ответом на вызов многосторонности. У России нет таких гигантских финансовых средств, но есть креативный потенциал для развития многосторонности в мировой политике.

Заключение

Таким образом, существует несколько вариантов будущего мироустройства. К ним можно отнести многополярность, полицентричность и многосторонность. Этими вариантами будущее не ограничивается. В начале октября 2019 года на пленарном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» было озвучено мнение, что вре-

---

[1] Participation in Regional Trade Agreements. – https://www.wto.org/english/tratop_e/region_e/rta_participation_map_e.htm

[2] Оболенский В.П. Рост напряженности в международной торговле: риски для России // Вестник Института экономики Российской академии наук. – М., 2019. – № 3. – С. 104.

[3] Там же.

[4] Киреева А.А. «Инициатива пояса и пути»: содержание, цели и значение // Сравнительная политика. 2018. – Т. 9, № 3. – С. 61–74.

мя каких-либо порядков в мире прошло, а наступило время анархии, и заботиться следует не о «восстановлении управляемости», а о способах выживания каждого государства самого за себя[1]. Мы же придерживаемся мнения, которое высказал в этом отношении Президент России В.В. Путин: «мировой порядок, основанный на ключевой роли международного права, будет трансформироваться, но сохранится. Мы все будем работать над тем, чтобы его защитить. Другой путь, безусловно, чреват глобальными катастрофами практически для всего человечества»[2].

Каждая из трех указанных форм будущего мироустройства имеет свои особенности. В интересах национальной безопасности России необходимо быть готовой к любой из этих трех форм. Наиболее вероятна полицентричная форма миропорядка. Она требует большей гибкости, учета интересов партнеров, привлекательных методов сотрудничества. Вместе с тем, Россия должна быть готова к многополярному миру, в котором будет больше противостояния, требующего способности жестко отстаивать свои национальные интересы, в том числе за счет укрепления военно-политического сотрудничества с евразийскими союзниками. Наконец, в случае формирования многостороннего мира евразийские страны должны существенно усилить свое присутствие в основных международных организациях, в которых будут решаться приоритетные проблемы мирового развития.

[1] Время взрослеть, или оправдание анархии. Как отсутствие мирового порядка может способствовать ответственному поведению государств. – М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2019. – 24 с.

[2] Заседание дискуссионного клуба «Валдай». Владимир Путин выступил на итоговой пленарной сессии XVI заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». 3 октября 2019 года. – http://kremlin.ru/events/president/news/61719

Молчанова Н.П.
д.э.н., доцент, профессор Департамента общественных финансов Финансового университета

ПРИОРИТЕТЫ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Ключевые слова*: межгосударственное сотрудничество; Евразийский экономический союз; правовое регулирование; макроэкономические приоритеты; процесс цифровизации; единый финансовый рынок; сбалансированное развитие.*

Keywords*: interstate cooperation; Eurasian Economic Union; legal regulation; macroeconomic priorities; digitalization process; common financial market; balanced development.*

Евразийский экономический союз (ЕАЭС)[1] создан в целях всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик входящих в него государств и создания условий для стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения. В рамках ЕАЭС для стран-участников создаются преференции по поддержанию свободного передвижения товаров и услуг, капитала и рабочей силы, скоординированного, согласованного проведения мер экономического и финансового регулирования, а по ряду направлений сотрудничества – единой политики в отраслях национального хозяйства. Приоритеты межгосударственного регулирования макроэкономических процессов государств-членов ЕАЭС складываются по влиянием активно развивающегося процесса цифровизации, на который оказывают влияние различные ограничения правового характера, препятствующие развитию цифровой экономики: как общие правовые, так и специфические отраслевые. Во всей совокупности объективно существующих ограничений ведущее место принадлежит общим правовым ограничениям для развития цифровых экономик соседствующих стран. В официальных документах отмечаются некоторые принципиальные моменты.

Во-первых, регулирование отношений в государствах-членах ЕАЭС основывается на применении цифровых технологий и осуществляется в ходе создания цифровой инфраструктуры. Этот процесс, согласно экспертным заключениям, отличается «неоднородностью и непропорциональностью», а национальные юрисдикции «усиливают свою конкурентную привлекательность для учреждения и ведения цифрового бизнеса на их территории посредством резкого ослабления регулирования, контрастного предложения преимуществ и льгот для ведения такого бизнеса на своей территории»[2].

Во-вторых, медленно продвигается принятие мер по обеспечению должного уровня гармонизации и синхронизации правового регулирования. В этой связи Президент В.В. Путин в Обращении к главам государств-членов в связи с принятым Россией с 1 января 2018 года председательством в органах ЕАЭС обратил внимание на необходимость внутренней «донастройки» совместной работы в целях выполнения всеми участниками «союзных норм и взятых на себя обязательств, даже если это предполагает корректировку национальных законодательств»[3]. В официальных документах ЕАЭС особо подчеркивается, что «только посредством унификации нормативно-правовых баз государства-члены могут обеспечить правильное и эффективное функционирование единых рынков, гарантировать свободу передвижения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы»[4].

В-третьих, многие вопросы развития цифровой экономики не относятся к компетенции ЕАЭС, вследствие чего предполагается автономное регулирование соответствующих правоотношений государствами-членами[5].

Документом «Основные направления реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года»[6] определено, что государства-члены ЕАЭС обладают широкими полномочиями в *самостоятельной* разра-

---

[1] ЕАЭС – международная организация региональной экономической интеграции, обладающая международной правосубъектностью и учрежденная Договором о Евразийском экономическом союзе. Члены ЕАЭС – Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация.

[2] Аналитический отчет о проведенных консультациях с бизнес-сообществом по приоритетным инициативам в рамках реализации цифровой повестки ЕАЭС, а также по проекту «дорожной карты» по гармонизации в рамках законодательства государств-членов ЕАЭС в цифровой сфере, выявлению существующих правовых ограничений для развития цифровых экономик государств-членов в праве ЕАЭС, потребностей на урегулирование (дерегулирование) на наднациональном уровне соответствующих правоотношений // Сайт Евразийской экономической комиссии. – http://www.eurasiancommission.org

[3] Обращение Президента России к главам государств-членов Евразийского экономического союза (18 января 2018 года). – http://kremlin.ru/events/president/news/56663

[4] Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 15.03. 2018). (Статьи 3 и 5). – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/

[5] Цифровая экономика как часть экономики, в которой процессы производства, распределения, обмена и потребления прошли цифровые преобразования с использованием информационно-коммуникационных технологий, не отнесена к компетенции ЕАЭС.

[6] Основные направления реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года. Утверждены Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 // Сайт Евразийской экономической комиссии. – http://www.eurasiancommission.org

ботке, формировании и реализации собственной национальной политики в различных сферах цифровой экономики. Круг приоритетов данной деятельности распространяется в первую очередь на сферы связи и информатизации. Ведущая роль отводится созданию условий для безопасного функционирования информации в рамках единого экономического пространства; повышается значимость работ по формированию инновационной инфраструктуры связи. Данные ответственные сферы приложения капитала и труда являются ключевыми компонентами в общем комплексном плане реализации национальных мероприятий по развитию цифровой экономики в целом.

Осуществляемый в рамках ЕАЭС процесс гармонизации правового регулирования не является тождественным гармонизации законодательства государств-членов и осуществляется с учетом различий сложившихся систем хозяйствования. Прежде всего, создаются условия для обеспечения максимального благоприятствования соблюдению национальных интересов каждого из государств-членов, с учетом уровней их экономического развития, приоритетов функционирования национальных рынков, существующих технологических особенностей и состояния цифровой инфраструктуры. Далее, достигается соответствие проводимых мер сложившимся системам государственного регулирования секторов и отраслей экономики, а также сохранение специфики отраслей экономики каждого из государств-членов ЕАЭС. И, наконец, достигается соблюдение обязательств государств-членов в рамках международных договоров. Данная рекомендация предполагает повышение заинтересованности всех участников, поскольку включает также и обязательства, принятые в соответствии с международными договорами с третьими странами.

Сохраняют актуальность наличествующие отраслевые правовые ограничения, на которые обращают внимание предприниматели. В частности, представителями бизнес-сообщества подчеркивается необходимость совершенствования применяемой терминологии, важность работы по формированию соответствующего понятийного аппарата. Например, в аналитических отчетах в качестве недостатка указывается, что в действующем таможенном законодательстве крайне редко, эпизодически используется термин (понятие) «данные». Более того, в таможенном законодательстве не представлено само определение данного понятия. Основным объектом регулирования в таможенных правоотношениях выступает «информация». Однако при этом наблюдается отсутствие четкого указания на то, каким образом при обмене и обработке информационных источников следует применять международные стандарты. В качестве следующего важного обстоятельства, затрудняющего экономическое и финансовое регулирование, подчеркивается наличие пробела в правовой базе ЕАЭС в отношении нормативной регламентации понятия «цифровые финансовые услуги», а также отсутствие методического описания общих подходов к их предоставлению[1].

Согласно экспертным мнениям и результатам выполненного анализа, необходимо задействовать все имеющиеся потенциальные возможности для дальнейших согласований в целях выработки общей методологии финансового и денежно-кредитного регулирования. Например, в сфере оборота электронных денежных средств в национальных правовых системах государств-членов ЕАЭС имеют место ограничения, препятствующие построению единой системы расчетов; не создаются возможности для привлечения лиц, осуществляющих деятельность на территории государств-членов ЕАЭС к проведению идентификации, а также в качестве банковских платежных агентов. Актуальной задачей является разработка правовых оснований, на которых будет базироваться создание, а затем функционирование и последующее развитие интегрированной на макроэкономическом (национальном) уровне цифровой платформы (хаба), координирующей операции электронной коммерции (как внешней, так и внутренней).

Помимо названного выше, имеют место проблемы, связанные с регулированием потребностей бизнеса в цифровых услугах на наднациональном уровне, что обусловлено различиями в законодательной базе государств-членов ЕАЭС. Вместе с тем, позитивные сдвиги наблюдаются в отношении финансовой сферы: к 2025 году предполагается завершить создание общего финансового рынка ЕАЭС. В этой связи предусматривается принятие обязательств государствами-членами по гармонизации собственного (внутреннего) законодательства в отношении регулирования финансового рынка на межстрановом уровне. Данная работа проводится в соответствии с международным договором в рамках ЕАЭС и Протоколом по финансовым услугам[2]. Значение имеют выработка общих подходов к методам и инструментам государственного регулирования финансового рынка, а также общих позиций в отношении технологии саморегулирования финансового рынка и состава его участников – институтов и саморегулируемых организаций. Однако, сохраняют актуальность и вопросы оперативного управления и планирования, например, о включении соответствующих мероприятий в «дорожную карту» по гармонизации законодательства государств-членов.

Сложность и разноплановость всей совокупности актуальных для дальнейшего развития ЕАЭС вопросов требуют глубокой проработки инициатив (предложений), инициаторами которых выступают организации (представители бизнес-сообщества), Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) и органы государственной власти стран-членов, заинтересованные в развитии международного сотрудничества. В Основных направлениях определены критерии проработки инициатив, которым должны соответствовать предложения инициаторов различных новшеств в сферах сотрудничества ЕАЭС. В их состав входят: представление интереса для государств-членов; обеспечение достижения целей цифровой повестки; использование инновационных бизнес-моделей; обеспечение связности евразийских цифровых инфраструктур; опора на достаточно зрелые разработки; получение по результатам разработок модернизационных

[1] Аналитический отчет о проведенных консультациях с бизнес-сообществом по приоритетным инициативам в рамках реализации цифровой повестки ЕАЭС, а также по проекту «дорожной карты» по гармонизации в рамках законодательства государств-членов ЕАЭС в цифровой сфере, выявлению существующих правовых ограничений для развития цифровых экономик государств-членов в праве ЕАЭС, потребностей на урегулирование (дерегулирование) на наднациональном уровне соответствующих правоотношений // Сайт Евразийской экономической комиссии. – http://www.eurasiancommission.org

[2] Договор о Евразийском экономическом союзе. Протокол по финансовым услугам (Приложение № 17 к Договору). (Статьи 70 и 103). – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/

эффектов; направленность на обеспечение экономического роста и поддержку конкурентоспособности экономик государств-членов в ходе цифровых трансформаций[1].

Характерной чертой сотрудничества государств-членов ЕАЭС является ограничение сферы взаимодействия исключительно экономическими вопросами. При этом сотрудничество разрешается не во всех отраслях экономики (видах экономической деятельности), а только по ряду из них. Например, «экономическая политика в сфере технологического развития и космоса, налоговая политика, социальная политика, экономическое, социальное и территориальное сплочение, окружающая среда, здравоохранение и образование не отнесены к сферам экономического сотрудничества ЕАЭС»[2]. Из этого следует, что для рассмотрения и реализации различных инициативных проектов и мероприятий, выходящих за пределы общей, согласованной или скоординированной политики в рамках ЕАЭС, необходимо применять уже разработанные определенные юридические процедуры. В частности, рекомендуется предусматривать внесение изменений в Договор о ЕАЭС, а также в заключенные в рамках ЕАЭС международные договоры. Одним из путей также является заключение новых международных договоров.

Важным направлением перспективного сотрудничества в рамках ЕАЭС может стать подготовка кадров для работы в цифровой экономике. Данная сфера деятельности требует существенных по объему вложений финансовых ресурсов. Актуальность данного направления деятельности обусловлена определенной Президентом России В.В. Путиным задачей: больше внимания уделять социально-гуманитарной сфере государств-членов ЕАЭС посредством «оказания содействия высшим учебным заведениям в налаживании межвузовских связей, реализации совместных учебных и научных программ, расширении студенческих обменов, повышении академической мобильности». Эта задача сформулирована в Обращении Президента России к главам государств-членов ЕАЭС в связи с принятым Российской Федерацией с 1 января 2018 года председательством в органах ЕАЭС: Высшем Евразийском экономическом совете, Евразийском межправительственном совете и Совете Евразийской экономической комиссии[3].

Сотрудничество в образовательной деятельности, как одно из направлений межгосударственного сотрудничества, рассчитано на недопущение снижения качества человеческого потенциала, о чем прямо указывается в Стратегии экономической безопасности России[4]. Данная концептуальная установка ориентирована на долгосрочную перспективу и непосредственно связана с решением актуальной задачи по повышению качества и доступности образования. Происходящие новации в программно-целевом управлении обусловливают изменения в порядке разработки и практике финансирования государственных и целевых программ развития образования[5]. Приоритеты образовательной деятельности трансформируются: в сфере профессионально-технического образования – в направлении обеспечения равного доступа мужчин и женщин к недорогому и качественному образованию; применительно к высшей школе – в направлении повышения качества обучения в разрезе направлений и профилей подготовки специалистов в целях достижения соответствия полученной квалификации нуждам инновационной экономики и формирующегося нового технологического уклада[6]. В рамках ЕАЭС целенаправленно предпринимаются действия по формированию общего финансового рынка и единого рынка услуг, координации налоговой и валютной политики, созданию условий для свободного перемещения рабочей силы, продуктивной занятости населения и развития предпринимательства, принятию мер по поощрению и защите инвестиций, защите прав интеллектуальной собственности.

Исследование процессов сближения механизмов отраслевого и территориального государственного межстранового регулирования в России и других странах-членах ЕАЭС является актуальным вопросом и имеет широкий общественный резонанс. В современных условиях макроэкономической нестабильности, обусловленных комплексом различных причин, формы и методы регулирования развития стран-участников ЕАЭС отличаются высокой степенью сложности. Вследствие этого заслуживает внимания стремление к сближению законодательной и нормативной правовой базы сопредельных с Россией государств как участников интеграционных объединений. Унификация применяемых в хозяйственной практике методологических положений и инструкций позволит повысить согласованность действий всех участников: организаций, представителей бизнес-сообщества, органов государственной власти стран-членов ЕАЭС и координационного центра, в качестве которого выступает Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК). Заинтересованность в развитии международного сотрудничества поможет лучше сбалансировать экономическую деятельность. Это в конечном итоге будет способствовать повышению конкурентоспособности хозяйствующих субъектов стран-участников ЕАЭС.

---

[1] Основные направления реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года. Утверждены Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 // Сайт Евразийской экономической комиссии. – http://www.eurasiancommission.org

[2] Аналитический отчет о проведенных консультациях с бизнес-сообществом по приоритетным инициативам в рамках реализации цифровой повестки ЕАЭС, а также по проекту «дорожной карты» по гармонизации в рамках законодательства государств-членов ЕАЭС в цифровой сфере, выявлению существующих правовых ограничений для развития цифровых экономик государств-членов в праве ЕАЭС, потребностей на урегулирование (дерегулирование) на наднациональном уровне соответствующих правоотношений // Сайт Евразийской экономической комиссии. – http://www.eurasiancommission.org

[3] Обращение Президента России к главам государств-членов Евразийского экономического союза (18 января 2018 года). – http://kremlin.ru/events/president/news/56663

[4] Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 года № 208. – http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201705150001.pdf

[5] Молчанов И.Н. Развитие российской высшей школы: экономико-финансовый аспект // Социально-экономические проблемы развития отдельных отраслей сферы услуг. – М.: Издательство МГУ, 2017. – С. 54–62.

[6] Молчанов И.Н. Развитие профессионального образования и цифровая экономика // Цифровая трансформация: образование, наука, общество: монография. 2019. – С. 225–242.

Погосян Г.А.
академик НАН Республики Армении, научный руководитель Института философии, социологии и права НАН РА
gevork@sci.am

АРМЕНИЯ В ПОЛЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДВУХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ЦЕНТРОВ

***Ключевые слова**: ЕАЭС, Армения, экономика, развитие, интеграционные центры, сотрудничество, молодое поколение.*

***Keywords**: Eurasian Economic Union, Armenia, economy, development, integration centers, cooperation, young generation.*

Периодические встречи глав государств-участниц ЕАЭС, недавние саммиты в Ереване и Бишкеке, как и ежегодный Валдайский форум, а также экономические форумы в Санкт-Петербурге и многие другие международные мероприятия совершенно однозначно свидетельствуют о том, что мировое сообщество проявляет нескрываемый интерес ко всему, что связано с ЕАЭС. С полной уверенностью можно сказать, что ЕАЭС вполне состоялся как экономический союз и как полноценное интеграционное объединение. Как участник мировых экономических отношений, он обладает определенной привлекательностью даже для стран, не входящих в его состав. Так, например, уже подготовлено к подписанию торгово-экономическое соглашение о сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем, а также Ираном. Ведутся переговоры с Индией, Сингапуром, Израилем, Сербией и Египтом.

Особое внимание стали уделять созданию благоприятного бизнес-климата внутри Союза, укреплению производственных связей и развитию экспортного потенциала Союза под общим названием – «ЕАЭС – пространство для бизнеса». Сегодня объем внутреннего продовольственного рынка ЕАЭС составляет около 8 млрд. долларов. Понятно, что этого совсем не достаточно. Необходимо проработать ключевые вопросы, связанные с усилением интеграционных процессов по пути создания более благоприятных условий для ведения бизнеса. По мнению экспертов ЕАЭС, необходимо уделить особое внимание возможностям проводить мониторинг национальных законодательств и обратить внимание на антиинтеграционные инициативы, возникающие на национальном уровне.

По данным Евразийского экспертного клуба, результаты недавно проведенных соцопросов продемонстрировали, что 74% населения Армении поддерживают евразийскую интеграцию. Положительная динамика в экономической и в ряде других сфер за годы членства Армении в ЕАЭС очевидна. Экспортные показатели Армении в евразийском направлении увеличились вдвое. Так, 85% трудовых мигрантов из Армении работают в странах ЕАЭС, при этом большинство – в России. Ежегодный объем трансфертов из стран ЕАЭС в Армению составляет $1,2 млрд., что составляет порядка 15% ВВП республики. Из 1,8 млн. туристов, ежегодно посещающих Армению, 40% являются туристами из России.

До конца 2019 года в ЕАЭС планируется создать единый электроэнергетический рынок, а до 2025 года – единый рынок газа, нефти и нефтепродуктов. В идеале должен быть создан единый цифровой рынок ЕАЭС и общая цифровая повестка. В этом плане у Армении огромный потенциал, и важно использовать его на нашей интеграционной площадке, особенно в год председательствования нашей страны в ЕАЭС.

Интеграционный барометр ЕАБР за 2017 год (Доклад № 46)[1] отмечает, что Евразийский экономический союз (ЕАЭС) по-прежнему пользуется значительным уровнем доверия и поддержки со стороны населения его 5 государств-членов (от 50 до 83%). Но вместе с тем, позитивное отношение граждан к евразийской интеграции плавно снижается. В течение первых лет существования ЕАЭС (2015–2017) наиболее значимое снижение общественной поддержки участия в Союзе происходило в России (с 78 до 68% населения) и в Армении (с 56% до 50% в 2017 г.). В остальных странах ЕАЭС общественная поддержка евразийской интеграции снижалась умеренными темпами: в Казахстане – с 80 до 76%, в Беларуси – с 60 до 56%. В Кыргызстане население с 2015 года демонстрирует наиболее позитивное отношение к членству в ЕАЭС, которое за это время изменилось незначительно — с 86 до 83%[2]. В России наиболее дружественными внешнеполитическими партнерами граждане считают Беларусь (61%) и Казахстан (54%). Третье место перешло от Китая к Армении (почти 40%). От 51 до 80% населения заявили о наличии постоянно поддерживаемых связей с родственниками, друзьями, коллегами из стран региона СНГ. Это самый высокий уровень социальных связей в мире. Наиболее высокие показатели в 2017 году были зафиксированы в Кыргызстане (80%), Армении (79%) и Таджикистане (66%)[3].

Наибольший рост доли «безразличных» к ЕАЭС в 2015–2017 годах отмечен в России (с 15 до 25%). А наиболее высокий уровень негативного отношения населения к ЕАЭС сохраняется в Армении: если в 2012 году против евра-

[1] https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/integratsionnyy-barometr-eabr-2017/

[2] Таковы некоторые результаты исследования «Интеграционный барометр ЕАБР – 2017», в ходе которого опрошено население 5 стран ЕАЭС, Таджикистана и Молдовы (не менее 1000 человек в каждом государстве).

[3] Там же.

зийской интеграции высказались 3% граждан, то в 2015 и 2017 годах – 10 и 13% соответственно. Кстати, именно в Армении и Беларуси преобладает доля скептиков (по 40%), считающих, что в ближайшие пять лет в отношениях стран СНГ не произойдет изменений. Респондентов, ожидающих улучшения отношений стран региона СНГ, меньше – 35% в Беларуси и 25% в Армении, при этом велика доля тех, кто ожидает скорее взаимного отдаления стран региона СНГ (9 и 15% соответственно). В целом в странах ЕАЭС наблюдается постепенный рост инерционных настроений – то есть доли тех, кто считает, что в отношениях стран региона СНГ в ближайшие годы ничего не изменится. Все это приводит к отрицательной динамике общественных настроений. Вместе с тем, доля тех, кто верит в ЕАЭС, заметно превышает долю относящихся к Союзу безразлично или отрицательно.

Мы со своей стороны провели несколько социологических исследований, в которых затрагивался вопрос присоединения Армении к ЕАЭС. Так, в социологическом опросе в августе 2018 года, проведенном совместно с Gallup/Baltic Survey для IRI, 73% наших опрошенных указали, что присоединение Армении к Евразийскому Союзу вместе с Россией, Казахстаном, Беларусью и Киргизстаном было положительным для Армении. Тогда же 87% опрошенных оценивали отношения между Арменией и Россией как хорошие. Подавляющее большинство считало Россию наиболее важным политическим (84%) и экономическим (76%) партнером Армении. По результатам такого же социологического исследования в октябре 2018 года эти показатели даже несколько улучшились. Так, присоединение Армении к ЕАЭС положительно оценили уже 79% опрошенных. Отношения между Арменией и Россией 92% опрошенных оценили как хорошие. Россию в качестве самого важного политического партнера Армении оценили уже 78% опрошенных, а в качестве самого важного экономического партнера – 67%. Как видим, здесь произошло некоторое снижение оценок. Для сравнения отметим, что подписание Арменией договора о всеобъемлющем и расширенном партнерстве с Европейским Союзом в ноябре 2017 года, положительно оценили 79% наших опрошенных.

Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития (ЦИИ ЕАБР) в своем аналитическом докладе «Эффекты интеграции Армении и Кыргызстана в рамках ЕАЭС»[1] пришел к выводу, что решение Армении и Кыргызстана присоединиться к Евразийскому союзу показало на практике свою перспективность. По мнению экспертов, «прошло еще слишком мало времени для всеобъемлющей оценки эффективности вступления этих стран в Союз». Но даже за этот короткий и сложный отрезок времени имеются ощутимые результаты.

Так, после присоединения к ЕАЭС, армянская экономика развивалась достаточно динамично. Несмотря на неблагоприятные внешние условия, Ереван сумел компенсировать потери за счет увеличения физического объема продаж медных руд и концентратов. В итоге падение денежных переводов из РФ, низкий потребительский и инвестиционный спрос внутри страны не помешал ВВП Армении вырасти в кризисном 2015 году на 3%[2].

В 2016 г. серьезный спад сельскохозяйственного производства (–5,2%) и строительства (–11,3%) был уравновешен ростом промышленности и сферой услуг (туризм). А в 2017 г. ВВП Армении и вовсе продемонстрировал самый высокий рост среди всех стран ЕАЭС (+7,5%). В прошлом году рост экономики вновь опустился до 5,3%, что связано с плохим урожаем и падением добычи металлических руд[3].

Если посмотреть на изменение структуры ВВП, то за последние три года доля сельского хозяйства в экономике Армении снижалась, промышленность оставалась на стабильном уровне, а услуги росли (до 51,3% в 2017 году). Во внешней торговле основные партнеры Армении находятся вне Союза, что обусловлено структурой товарооборота, где преобладает сырье. Однако, за первые два года интеграции оборот со странами ЕАЭС вырос с $1,2 млрд. в 2015 до $1,9 млрд. в 2017 г.

В условиях блокады со стороны азербайджанской и турецкой границ армянские перевозчики получили возможность льготного проезда через Грузию в международный автомобильный пункт пропуска Верхний Ларс, благодаря чему количество товара, перемещаемого автомобильным транспортом по итогам 2017 года, увеличилось на 41%. Кроме того, участие в Союзе позволило снизить цену на российский газ, от которой значительно зависит бюджет страны. В 2017-2018 гг. стоимость голубого топлива для Еревана упала до $150 за 1 тыс. м³, но в 2019 г. снова вернулась до уровня в $165[4].

Евразийский фонд стабилизации и развития (ЕФСР) выделил $150 млн. на строительство четвертого участка коридора Север – Юг, который начинается от границы с Ираном до армянского города Каджаран. Этот проект имеет для Армении большое значение, поскольку облегчает транспортные коммуникации с Ираном и обеспечивает выход к Черному морю. Параллельно реализуются трансграничные проекты строительства высоковольтных ЛЭП с Грузией и Ираном, что не только даст Еревану возможность участвовать в формировании единого рынка электроэнергии ЕАЭС, но и сделает его мостом между ЕАЭС и Тегераном.

Конечно, следует учесть, что многие проблемы внутри ЕАЭС существуют также по той причине, что решения и соглашения, принятые высоким политическим руководством государств-участниц, зачастую не подкрепляются должным образом соответствующими национальными законами или решениями правительств. Получается так, что «сверху» все хорошо и отрегулировано, но на местах как всегда возникают сотни больших и мелких препятствий и препон, которые иногда носят откровенно антиинтеграционный характер. Вот это свойство, которое мы называем эффектом «большого слоеного пирога», и является главной помехой, антиинтеграционной силой, препятствующей углублению и развитию реальной интеграции. Внизу, на местах, зачастую идет если не саботаж, то своего рода вялотекущее сопротивление интеграционным инициативам, с подчеркнутой коррупционной составляющей.

[1] http://eurasianinfoleague.com/ekonomika/item/36968-chto-poluchili-erevan-i-bishkek-ot-vstupleniya-v-eaes.html

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же.

Ни для кого не секрет, что Европейский Союз образовался после Второй мировой войны как своего рода противовес Советскому Союзу и странам Варшавского Договора. Спустя полвека после войны Советский Союз не без помощи Запада распался, вместе с ним распался и Варшавский Договор и весь социалистический лагерь, в который входили страны Восточной Европы. Всего через несколько лет все они оказались в ЕС и в НАТО. Таким образом, объединенная Европа при полной поддержке США перетягивала и продолжает перетягивать на свою орбиту страны, которые ранее были в пространстве влияния СССР, а затем России (РФ). Сегодня фактически эти две большие интеграционные системы – ЕАЭС и ЕС – продолжают соперничество по привлечению стран Евразийского континента в орбиту своего влияния. На сегодняшний день гравитационное поле ЕС уже расширилось настолько, что включает в себя не только всю Прибалтику, не только все восточно-европейские страны, но также Грузию и Украину. Ведется активная работа по привлечению Молдовы, Беларуси и Армении. А затем возможно и некоторых среднеазиатских республик. Иначе говоря, ЕС обладает таким сильным гравитационным полем и потенциалом, что одну за другой вырывает страны из около-российской орбиты и перетягивает их на свою орбиту.

Две крупные интеграционные системы работают по жесткой конфронтационной схеме. И чем дальше, тем более явной она становится. Безусловно, свою особую, специальную роль в этом играют США и НАТО. Исторический факт для нас заключается в том, что интеграционные процессы внутри ЕАЭС протекают при наличии и под воздействием сильного внешнего поля гравитации ЕС. Складываются условия жесткой конкуренции и даже конфронтации между ЕАЭС и ЕС. Пока в этой конкуренции выигрывает ЕС. Санкции против России, введенные США и под их давлением также и со стороны Европы, конечно, этому способствуют. Цель Запада – ослабить Россию настолько, чтобы она как интеграционный центр и ведущая страна ЕАЭС не смогла выдержать конкуренцию с ЕС. Учитывая эти обстоятельства, Армения как стратегический партнер России в рамках своей многовекторной внешней политики пытается внедрить новую парадигму в международные политические отношения, суть которой заключается в переформатировании существующей конфронтационной модели взаимодействия между двумя интеграционными системами (ЕАЭС и ЕС), в более гибкую модель сотрудничества или даже в консолидационную модель взаимодействия. На сегодняшний день Армения является единственной страной ЕАЭС, которая подписала также новое ассоциативное соглашение с ЕС.

Таким образом, вместо сил перетягивания, работающих на разрыв, мы предлагаем применить новую «восьмеричную» модель траектории, которая объединяет оба центра интеграции. Она позволяет странам не перескакивать с одной орбиты на другую, а наоборот, охватывать восьмеричной орбитой оба центра интеграции. Если таких восьмеричных орбит будет больше, то оба интеграционных центра из конфронтационной модели постепенно могут перейти в консолидационную модель взаимодействия. Она, кстати, обеспечивает большую стабильность и устойчивость всей системе по отношению к внешним воздействиям. Внешнеполитический курс Еревана долгие годы был сбалансированным, без перекосов в ту или иную сторону. И пока он остается таким, комплементарная политика лежит в основе внешнеполитического курса страны. Армения пытается поднять уровень взаимоотношений с Россией, со странами-членами ЕАЭС, а также с Ираном, с Грузией, с ЕС и США.

Исторически Армении было присуще умение поддерживать существование между двумя противостоящими сверхдержавами еще в античном мире. Так, немалая по площади и своим возможностям Великая Армения, находясь под частыми набегами между Восточной Римской империй (Византией) и Сасанидским государством, просуществовала до 387 года, т.е. фактически 700 лет своего исторического существования. Борьба за влияние на армянское царство не прекращалась ни на год, и цари Великой Армении вынуждены были считаться с таким положением вещей. В зависимости от обстоятельств поддерживая ту или иную сторону, они вели «двухвекторную» политику и, как правило, не были в подчинении ни у одной из «сверхдержав» того времени. Нередко именно от армянского фактора зависел решающий перевес одной из этих сторон. Таким образом, на протяжении достаточно длительного исторического периода Великая Армения была третьим по мощи государством Средиземноморья и Передней Азии[1].

Сегодня в условиях, когда однополярный мир фактически разрушился, и мировой порядок двигается в сторону многополярности, подобные сочетания двухполюсных или двухядерных интеграционных систем нам представляются весьма перспективными. Несомненно, предложенную теоретическую модель еще следует обсудить в деталях, со всех сторон, и конкретизировать. Необходимо будет взвесить все плюсы и минусы, рассмотреть все нюансы и перспективы развития. Всё это, естественно, еще предстоит серьезно обсудить экспертному сообществу. В нашу задачу сегодня входило лишь контурное представление «восьмеричной» модели взаимодействия стран между двумя крупными интеграционными центрами, на огромном пространстве от Лиссабона до Владивостока и дальше до Шанхая.

Вовлеченность молодежи наших стран в процессы Евразийской интеграции приобретают как никогда весьма важное значение для будущего нашего Союза. Совершенно очевидно, что поколение сегодняшних молодых людей будет определять наше будущее в ближайшей перспективе. И в этом смысле отношение нашей молодежи к ЕАЭС, их вовлеченность и нацеленность на сотрудничество и интеграцию в рамках экономического союза, не могут не привлекать внимания политиков, ученых и всего экспертного сообщества. Проблема здесь заключается в том, что у современной молодежи заметны значительные изменения в системе жизненных ценностей и, в частности, в системе политических и геополитических ориентаций. Социологические исследования последних лет свидетельствуют о том, что на историческую арену выходит новое поколение молодых людей, не имеющих опыта общения, который имелся в рамках советского общества. Параллельно возрастает неудовлетворенность существующим социально-экономическим положением и неопределенностью своего будущего.

[1] Аракелян Г. К юбилею образования Великой Армении. 2019. – 5 с.

Еще несколько лет назад, 2013 году мы отмечали, что на авансцену в Армении выходит новое поколение. Так в интервью *ИА REGNUM* от 29 июля 2013 г. под названием «Протесты в Ереване: общество трансформируется, а власти должны успевать за ним», я отмечал, что активное участие молодежи в акциях протеста против подорожания проезда в общественном транспорте свидетельствует о том, что в Армении постепенно «поднимает голову» поколение, не жившее при СССР, мыслящее более непринужденно и свободно. Армянское общество трансформируется и активизируется молодежь, которая не жила при социализме, лишена многих комплексов и мыслит свободно. Она активно пользуется Интернетом и возможностями социальных сетей для самоорганизации. Она показала, что готова бороться за свои права, за свой город и добиться успеха. Таким образом, в обществе формируется прослойка, которая выражает свой протест конкретными действиями внутри страны, вместо того, чтобы паковать чемоданы и эмигрировать, как поступали прежде многие представители старшего поколения. Однако активная молодежь может сыграть роль локомотива общества, встряхнуть другие слои и втянуть в процесс также и старшее поколение.

Мы видим, как на первый план выходит новое поколение. Это первое поколение «несоветских» молодых людей, родившихся и выросших в независимой Армении. Сегодня им по 22–23 года. Это другие армяне, и они будут строить другую Армению. Хотя и в акциях протеста и на митингах присутствовали и представители старшего поколения, но активность и инициатива исходили от молодых людей – нового поколения независимой Армении.

У нас все началось как чисто социальный протест, но ведь всегда находятся силы, которые хотят «оседлать» его. Сегодня меняется очень многое, причем меняется и в контексте глобального мирового развития, и мы не можем держаться в стороне от этих перемен. Во всем мире идет радикализация отношений и процессов, резкая дифференциация на пресловутый «золотой миллиард» и нищенствующую остальную часть населения планеты.

Как показали наши социологические опросы, людей больше всего волновали социально-экономическое положение семьи, общества и страны в целом. Так, результаты наших соцопросов фиксируют изменения, касающиеся взглядов населения на будущее. Как правило, люди сегодня склонны планировать свою жизнь только на короткие сроки. Мало кто планирует на 10–15 лет вперед. Сегодня горизонт планирования сократился до ближайших 2–3 лет. То же самое касается вопросов относительно планирования бизнеса. По результатам исследований мы видим, что ставка делается не на долгосрочное планирование, а на полгода, максимум год. И суть здесь не только в угрозе войны, но и в экономической блокаде, которая сказывается и на бизнесе, и на социально-психологической атмосфере в обществе, и даже на атмосфере в рамках отдельно взятой семьи. Мы входим в некий исторический период, который можно назвать **зоной турбулентности**. Думаю, что нам всем надо сплотить ряды, укрепить национальное единство. Любые попытки раскола в такой ситуации чреваты необратимыми историческими потерями[1].

Мы стоим на пороге серьезных событий, развитие которых пока видится в негативном плане. И в этой ситуации нужны люди, способные предлагать новые идеи, модели. Процесс радикализации армянского общества шел давно. Успешно бороться с радикализмом и экстремизмом можно только укореняя толерантность, поддерживая межкультурный, межрелигиозный (или межконфессиональный) и межнациональный диалог в обществе. Нельзя не согласиться с мнением Генерального Секретаря ООН, который в своем докладе заявил, что «создание открытого, справедливого, инклюзивного и плюралистического общества, основанного на полном уважении прав человека и обеспечивающего экономические возможности для всех, представляет собой наиболее весомую и реальную альтернативу воинствующему экстремизму и наиболее перспективную стратегию, направленную на то, чтобы лишить его привлекательности»[2].

Из сказанного выше можно извлечь уроки и сделать судьбоносные выводы. Первый вывод: новое поколение, совершенно другое, вступило на политическую авансцену. И второй: во взаимоотношения между властью и обществом привнесена новая культура. Это та модель, при которой общество начинает понимать, что до тех пор, пока оно не предпримет резких шагов, власть не отступит. Для властей это, конечно, плохо. Потому что ресурс отступления будет все меньше и меньше. Но это уже и есть новая реальность.

[1] Погосян Г.А., Зона турбулентности // Социологический демоскоп. Армения в зеркале общественного мнения. – Ереван, 2016. – Т. 2. – С. 670–675.

[2] План действий по предупреждению воинствующего экстремизма. Доклад Генерального секретаря ООН. Декабрь 2015 г. Документ ООН A/70/674. – С. 4.

Половян А.В.,
Лепа Р.Н.,
Гриневская С.Н.[1]

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ: НОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ВНОВЬ ОБРАЗОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ ДОНБАССА)

Ключевые слова*: экономическая дезинтеграция, Донбасс, мобилизационная экономика, экономическая изоляция территории.*

Keywords*: economic disintegration, Donbass, mobilization economy, economic isolation of the territory.*

Формирование экономической политики в новейших условиях хозяйствования требует постоянной корректировки системы управления экономикой для сохранения или улучшения ее состояния на основе осуществления контроля экономической ситуации, необходимой для принятия неотложных управленческих решений при непрогнозированных изменениях внутренней и внешней среды, что является важным в условиях мобилизационной экономики автономного Донбасса в период с 2014 г. по настоящее время (Донецкая Народная Республика, ДНР). Под мобилизационной экономикой подразумевается экономика, целью которой является сосредоточение и использование собственных ресурсов для эффективного противодействия угрозам безопасности территории. Это экономика с мобилизационным типом развития, ориентированного на достижение чрезвычайных целей, отличительной чертой которого является то, что оно происходит под влиянием внешних, экстремальных факторов, угрожающих целостности и жизнеспособности системы[2]. Характеризуя интеграционные и дезинтеграционные процессы, нужно отметить, что успешная работа системы зависит от способности правительства принимать превентивные меры, а также видеть перспективу и осуществлять необходимые действия в случае появления угроз достижению цели[3]. В наше время решение научной проблемы создания устойчивой системы управления экономикой региона с учетом процессов экономической дезинтеграции является новой и актуальной задачей, учитывая множественные факты появления таких территорий/регионов в последнее столетие. Соответственно, изучение закономерностей дезинтеграционных процессов позволит выявить более точные верные управленческие решения таких экономических проблем и принимать необходимые меры по их реализации.

Процессы экономической дезинтеграции[4] исследуются достаточно широко только в последнее десятилетие, большее внимание ученых и специалистов получила политическая направленность дезинтеграции[5]. Выявлены модели экономической дезинтеграции, проведена типология дезинтеграционных процессов[6] и описана их логика. Определены силовые, экономические, политические причины и факторы, которые могут привести к дезинтеграции[7]:

---

[1] Половян Алексей Владимирович – д.э.н., профессор, гл.н.с. Института экономических исследований, г. Донецк. E-mail: polovyan@yandex.ru

Лепа Роман Николаевич – д.э.н., профессор, гл.н.с. Института экономических исследований, г. Донецк. E-mail: roman.lepa@gmail.com

Гриневская Светлана Николаевна – к.э.н., с.н.с., в.н.с. Института экономических исследований, г. Донецк. E-mail:grinsv-13@rambler.ru

[2] Половян А.В., Лепа Р.Н., Гриневская С.Н. Трансформации экономического пространства Донбасса // Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития: Материалы Международного форума. – Москва: ИПР РАН, 2019. – С.299-306.

[3] Deutsch K.W. et. al. Political Community and the North Atlantic area: International Organization in the light of Historical Experience. Princeton University Press, 1957. – P. 51.

[4] Young R. Secession as Revolution // Homo Oeconomicus. 2004. – Vol. 21, N 2; Демьяненко А.Н. Российское экономическое пространство: диалектика процессов интеграции и дезинтеграции // Регионалистика. 2017. – Т. 4, № 2. – С. 5–10; Паньков В. Интеграция и дезинтеграция на постсоветском пространстве // Мир перемен. – М., 2007. – № 3; Минакир П.А., Демьяненко А.Н., Прокапало О.М., Горюнов А.П. Интеграция и дезинтеграция в экономическом пространстве России: методологический аспект // Регионоведческие исследования. 2018. – № 4 (47). – С. 43–54; Фадеева И.А. Экономические причины дезинтеграционных процессов на примере ЕС и СССР. Предпосылки создания единой экономической теории дезинтеграции // Экономические науки. 2017. – № 146. – С. 7–10; Тернавщенко К.О., Малашенко Н.Л., Остапенко О.А. Процессы дезинтеграции и дифференциации развития регионов как угроза экономической безопасности РФ // Фундаментальные исследования. 2018. – № 10. – С. 107–111 и др.

[5] Bednar J. Valuing Exit Options // Publius: Journal of Federalism. 2007. – Vol. 37, N 2; Bolton P., Roland G. The Break-up of Nations: A Political Economy Analysis // Quarterly Journal of Economics. 1997. Vol. 112, N 4; Eerola E., Maattanen N., Poutvaara P. Citizen Should Vote on Secession // Topics in Economic Analysis and Policy. 2004. – Vol. 4, N 1; Ruta M. Economic Theories of Political (Dis)integration // Journal of Economic Surveys. 2005. – Vol. 19, N 1 и др.

[6] Либман А.М., Хейфец Б.А. Модели экономической дезинтеграции: Интеграция и дезинтеграция // Евразийская экономическая интеграция. 2011. – № 2 (11), май. – С. 4-18.

[7] Deutsch K.W. et. al. Political Community and the North Atlantic area: International Organization in the light of Historical Experience. Princeton University Press, 1957.

– рост напряжения в экономической, военной или политической сферах для всего сообщества или какой-либо его составляющей;

– ускоренная социальная мобилизация и политическая активность, более быстрые, чем процесс гражданской ассимиляции и получения общей политической культуры общества.

– резкое усиление региональной, экономической, культурной, социальной, лингвистической или этнической дифференциации, более быстрое, чем любой процесс, компенсирующий интеграционный.

– кризис политических и административных возможностей правительства.

– неспособность правительства и элиты вовремя проводить необходимые реформы.

В данной статье экономическая дезинтеграция, вышеуказанные причины и факторы[1] возникновения которой справедливы для вновь образованной территории Донбасса, рассматривается, как следствие функционирования экономики Донецкого региона в последние пять лет, в контексте необходимости рассмотрения вопросов формирования новых постоянных взаимосвязей (взамен утерянных) между ранее территориально обособленными рынками в виде «потоков благ и факторов производства»[2].

Экономическая дезинтеграция Донбасса в период 2014–2019 гг., обусловлена происходящими геополитическими, и как следствие, экономическими трансформациями, приведшими к фактической изолированности региона, с учетом возникших всемерных ограничений, продолжающихся пятый год военных действий[3] и возникших в связи с этим проблем функционирования экономики автономного Донбасса[4]. Экономическая дезинтеграция Донбасса объясняется как кризисом, прежде всего, внутреннего управления, так и отсутствием гарантий о сроках и статусе функционирования нового государственного образования в Донбассе от сторон внешних факторов влияния. Существуют системные проблемы, присущие мобилизационной экономике, которые ограничивают экономическое развитие ДНР и ЛНР, на территории которых по данным на март 2019 г. официально проживают 3,73 млн. человек, из них в ДНР – 2,28 млн. человек, в ЛНР – 1,45 млн. человек[5],в том числе проблемы экономического взаимодействия республик с граничащими государствами (РФ, Украина), что мешает их эффективному сотрудничеству и полноценному восстановлению хозяйственных связей, что обусловлено такими факторами:

– усложнением межотраслевых и хозяйственных связей из-за экономической блокады территории, приведшей к критическому разрушению сложившихся связей по источникам и поставкам сырья, рынкам сбыта и прочего, и до этого времени вновь не сформированных; политической изоляцией, препятствующей формированию таких новых связей;

– преимущественно общественным характером производства на территории;

– неспособностью действующей до этого на территории Донбасса рыночной экономики к саморегулированию в связи с нахождением на кризисной стадии воспроизводственных циклов из-за военных действий непосредственно на территории ДНР, а также уничтожением, разрушением промышленных объектов;

– необходимостью поддержания рациональных народнохозяйственных пропорций для обеспечения экономической безопасности территории;

– невозможностью использования потенциала территории, расположенного на «линии соприкосновения»;

– деятельностью государства как субъекта экономических отношений и гаранта обеспечения экономической безопасности своей территории. Под фактором экономической безопасности ДНР в данном контексте, подразумевается достижение баланса различных групп интересов, например, территориальных и национальных (государств, граничащих с ДНР). Достижение баланса экономических интересов с наименьшими потерями возможно при соблюдении каждой из сторон экономических отношений следующих принципов: стабильность, надежность и предсказуемость. Нестабильность, непредсказуемость и ненадѐжность экономической политики при взаимодействии территорий/государств нарушают баланс интересов и приводят к отказу от сотрудничества (экономическая блокада, отказ от инвестирования капитала и пр.).

Данные проблемы обусловливают экономическую дезинтеграцию Донбасса. Экономика Донецкой Народной Республики в период 2014–2019 гг. функционирует в обстоятельствах, осложненных геополитическими факторами: отложенным политическим статусом территории[6], продолжающимися позиционными военными действиями, экономической изолированностью. ДНР с 2014 г. имеет все признаки государственного образования с собственными Конституцией, государственными органами власти, судебной системой, прокуратурой, народным советом, министерствами, республиканским банком с отделениями, платежной системой.

---

[1] Deutsch K.W. et. al. Political Community and the North Atlantic area: International Organization in the light of Historical Experience. Princeton University Press, 1957.

[2] Barrett Ch.B. Spatial Market Integration // The New Palgrave Dictionary of Economics. *2nd Edition.* – London: Palgrave Macmillan, 2008. Living reference work entry. First Online: 23 December 2016. DOI: https://doi.org/10.1057/978-1-349-95121-5_2500-1; https://link.springer.com/referenceworkentry/10.1057%2F978-1-349-95121-5_2500-1

[3] Официально территория вдоль линии соприкосновения объявлена районом боевых действий. Распоряжение об особом порядке в зоне вооруженного конфликта на Донбассе / Пресс-центр Операции Объединенных сил. 3.05.2018. // Диалог.UA. – https://www.dialog.ua/ukraine/150367_1525084213; Закон Украины «Про особливості державної політики із забезпечення державного суверенітету України на тимчасово окупованих територіях у Донецькій та Луганській областях» // Відомості Верховної Ради. 2018. – № 10, ст.54. – http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/2268-19

[4] Половян А.В., Лепа Р.Н., Гриневская С.Н. Экономика территорий с вновь образованной государственностью – Донецкая Народная Республика // Проблемы прогнозирования. – М., 2018. – № 1. – С. 99–107.

[5] РБК: Экономика. 2019. – 25 апреля. – https://www.rbc.ru/economics/25/04/2019/ 5cc18b1f9a79473be2b1a1d4

[6] Половян А.В., Лепа Р.Н., Гриневская С.Н. Экономика территорий с вновь образованной государственностью – Донецкая Народная Республика // Проблемы прогнозирования. – М., 2018. – № 1. – С. 99–107.

На 2019 г. экономика Республики показывает некоторый рост показателей, несмотря на имеющиеся существенные риски. Так, по итогам 2018 г. в структуре экономики наибольший удельный вес приходился на перерабатывающую промышленность – около 40%, 29% – на оптовую и розничную торговлю, 18% – на поставку электроэнергии, газа, пара и кондиционированного воздуха, 6% – на добывающую промышленность, 2% – на транспорт, складское хозяйство, почтовую деятельность. В общем объёме реализации продукции всех отраслей экономики ДНР, промышленность занимает 63,4%. Промышленные предприятия в 2018 г. реализовали продукции (товаров, услуг) в действующих ценах на 47,1% больше, чем в 2017 г. Данные изменения обусловлены значительным ростом металлургического производства, доля которого в общем объеме реализации промышленной продукции занимает 37%. Увеличение объемов реализации также обусловлено ростом показателей таких отраслей, как электроэнергетика и энергоснабжение, пищевая промышленность, угледобывающая промышленность и коксохимическая промышленность.

В структуре реализованной промышленной продукции 60% приходилось на продукцию перерабатывающей промышленности; 28% – на предприятия по поставке электроэнергии, газа, пара и кондиционированного воздуха; 10% – на добывающую промышленность и разработку карьеров; 2% – на водоснабжение, канализацию, обращение с отходами.

Доля перерабатывающей промышленности повысилась на 10,2 п.п. – в основном за счёт роста доли объёмов реализации в металлургическом производстве на 11,2 п.п., снизилась доля добывающей промышленности на 1,1 п.п. и предприятий по поставке электроэнергии, газа, пара и кондиционированного воздуха – на 8,7 п.п.

В общей структуре экономики внутренняя торговля занимала 29%. Объём оптового товарооборота увеличился на 13,8%, объём розничного товарооборота – на 16,8%. В структуре внутреннего товарооборота 40% занимал розничный товарооборот, оптовый – 60%. Товарооборот между ДНР и РФ в 2018 г. вырос в два раза в сравнении с 2017 г. и составил около 160 млрд. руб. Востребованным остается уголь, металл, холодильное оборудование, кондитерские изделия[1].

Негативным фактором является снижение эффективности использования трудовых ресурсов в 2018 г., по сравнению с 2017 г. Так, ВВП в расчете на 1 час отработанного времени всеми работниками снизился на 6,2%, что свидетельствует об экстенсивном характере экономического роста и проблемах с загрузкой производственных мощностей.

Положительным фактором является то, что индекс реальной заработной платы (с учетом изменения потребительских цен), составил 107,8%. Средняя заработная плата штатных работников составила почти 11 тыс. руб. и увеличилась на 12,3%, в т.ч. в промышленности – рост на 16,9%, в сельском, лесном и рыбном хозяйстве – рост на 16,3%, в строительстве – рост на 3,6%, в сфере оптовой и розничной торговли – рост на 6,9%, в сфере транспорта, складского хозяйства, почтовой и курьерской деятельности – рост на 32,1%[2].

По итогам 2018 г. предприятиями ДНР за счет всех источников финансирования освоено почти на 37% больше капитальных инвестиций, чем за прошлый период, при этом значительная часть инвестиций была направлена в материальные активы. Следует отметить, что по сравнению с 2017 г. удельный вес инвестиций в нематериальные активы вырос на 6,3 п.п. Источниками финансирования в основном являлись сами предприятия и организации – 87%, за счет средств республиканского и местных бюджетов финансировалось 7,7 и 2,2% активов соответственно. Капитальных инвестиций иностранных инвесторов освоено на 1,6% больше, чем в 2017 г.

За пять лет самостоятельности Донбасса, экономика ДНР демонстрирует на 2019 г. *рост показателей ключевых отраслей экономики*[3]*, наблюдается положительная динамика производства важнейших видов промышленной продукции, увеличились темпы роста объема реализованных услуг и товарооборота, произошло увеличение среднемесячной заработной платы. Данные положительные тенденции обусловлены* наличием значительной концентрации экономического, инфраструктурного, инновационного и интеллектуального потенциала, что расширяет возможности привлечения инвестиций. При наличии некоторых общих положительных тенденций в социально-экономическом развитии ДНР остается ряд серьезных проблем:

– при росте общего объема реализации промышленной продукции – снижение доли основных промышленных производств Республики. Конечно, это объясняется, прежде всего, *внешним*, геополитическим фактором, влияющим на возникновение юридических, экономических и политических противоречий, и замедляющим происходящие процессы восстановления экономики Республики.

– кроме внешнего фактора, присутствует и *внутренний* – ряд государственных промышленных предприятий, имея перспективы работы, то есть соответствующие производственные мощности и реальных потребителей своей продукции, не загружены, реальный сектор экономики задействован не полностью. Отсутствуют оборотные средства, а следовательно, при обязательном авансировании работ такие предприятия не могут сформировать портфель заказов, не могут набрать персонал, имеют задолженности по заработной плате, не могут выплатить дивиденды Республике (часть чистой прибыли, направляемой в бюджет); отмечается слабая деловая активность населения – незначительная доля малого и среднего бизнеса в производстве (большая доля торговли), что способствует отчуждению населения от инициативного участия в экономических процессах (кроме потребления минимальных благ).

---

[1] Информация в рамках Экономического форума г. Санкт-Петербург руководства ДНР. Июнь 2019 / Донецкое агентство новостей. ДАН. – https://dan-news.info/russia/tovarooborot-mezhdu-dnr-i-rf-v-2018-godu-vyros-vdvoe-i-sostavil-okolo-160-mlrd-rublej-pushilin.html

[2] Итоги работы Минэкономразвития за 2018 год. Февраль 2019. – http://mer.govdnr.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=6403:itogi-raboty-minekonomrazvitiya-za-2018-god&catid=8&Itemid=141

[3] От восстановления к развитию экономики: Минэкономразвития представило экономический портрет Республики на выставке достижений ДНР. Май 2019. – http://mer.govdnr.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=6759:ot-vosstanovleniya-k-razvitiyu-ekonomiki-minekonomrazvitiya-predstavilo-ekonomicheskij-portret-respubliki-na-vystavke-dostizhenij-dnr&catid=8&Itemid=141

И если внешний фактор вне сферы влияния руководства региона на решение данных проблем, то внутренний решается с применением общеизвестных методов и инструментов государственного регулирования и планирования экономики.

На данный момент можно выделить укрупненные позиции внутренних и внешних основных угроз экономической безопасности ДНР, под которой мы подразумеваем способность Республики обеспечить устойчивость развития территории в условиях экономической самостоятельности и интеграции с национальными экономиками граничащих государств[1] (в нашем случае, РФ, в дальнейшем, возможно, Украины). Таким образом, тенденции и прогнозы развития экономики ДНР, а также угрозы по отраслям экономики, а также потенциальные возможности их развития непосредственно влияют на экономическую безопасность нашего региона, как факторы риска, так и возможности их нивелирования. Угрозы экономической безопасности региона выступают результатом развивающихся противоречий, как на внутреннем пространстве региона, так и за его пределами. К внешним угрозам в ДНР можно отнести:

– незавершенность военного конфликта;

– политическое противостояние с Украиной;

– юридически не урегулированный статус территории, отстроченный на неопределенное время;

– утрата имевшихся позиций на внешних рынках;

– нарушение финансового обеспечения территории;

– экономическая блокада со стороны Украины, неурегулированность экономических отношений с РФ;

– отсутствие инвестиционных средств.

К внутренним угрозам относятся:

– разрушения промышленных и социальных объектов вследствие боевых действий;

– экономически жесткие условия хозяйствования;

– разрушение сложившихся экономических связей внутри территории;

– спад производства и частичная потеря внутреннего рынка;

– преобладание сырьевых отраслей в экономике;

– неполная занятость экономически активного населения;

– технологическая недостаточность производства (технико-экономическое отставание), ресурсоемкость производства;

– погрешности в определении «точек роста» экономического развития на стратегическую перспективу;

– нечеткое определение использования законодательной базы (собственной базы – недостаточно, частичный отказ от имевшейся);

– кадровые проблемы управления территорией;

– коррумпированность экономического сектора.

Действие угроз на локальные хозяйственные процессы провоцирует нарушение сбалансированного функционирования экономики региона, в результате которого аппарат управления региональной системы в силу различных факторов теряет контроль над стадиями воспроизводства совокупного общественного продукта. В связи с чем важна защита экономических интересов территории, что предполагает развитие тех отраслей промышленности, которые определяют процессы развития экономики региона[2].

Таким образом, можно сделать вывод, что развитию экономики автономного Донбасса препятствует экономическая изолированность территории, что привело в сфере экономики к критическому разрушению сложившихся связей по источникам сырья, рынкам сбыта и пр. Экономическая изолированность ДНР с 2014 г., введенная экономическая блокада со стороны Украины с 2017 г. привели к резкому сокращению промышленного производства ДНР по отношению к предыдущему периоду (2013)[3], снижению всех экономических показателей[4]. Анализируя функционирование экономики ДНР на основе официальной информации и отчетов Министерств Республики с 2015 по 2019 гг., можно сделать вывод о том, что экономическая дезинтеграция характеризуется следующим:

– реальный сектор экономики задействован из официальных источников предыдущего правительства ДНР не более чем на 30%, по косвенным признакам – не более 10–20%. Кроме внешнего фактора, присутствует и внутренний – ряд государственных промышленных предприятий, имея перспективы работы, то есть соответствующие производственные мощности и реальных потребителей своей продукции, не загружены. Отсутствуют оборотные средства, а сле-

---

[1] Гриневская С.Н. Инновационные процессы в экономике территорий с ограниченными возможностями // Инновационное развитие российской экономики: матер. X Междунар. научн.-практ. конф. 25–27.10. 2017 г.: в 5 т. – Т. 2. – М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2017. – С. 39–41

[2] Чувилова О., Романюта И. Методика и оценка геоэкономической безопасности регионов. 2017. – 78 с.; Филимоненко И.В. Моделирование оценки состояния локальных рынков региона (на примере Красноярского края): монография. 2015. – 106 с.

[3] До 2014 г. Донецкая область была одним из самых развитых промышленных регионов Украины – производила 20% продукции обрабатывающей промышленности Украины. Донецкая область в структуре промышленного производства Украины обеспечивала 19% общего объема производства. Экономика Донецкой области была представлена 150 отраслями, на её территории находилось более 2000 промышленных предприятий, 800 из которых обеспечивали 23% поступлений от экспорта Украины (сейчас около 200). В состав хозяйственного комплекса Донецкой области до 2014 г. входили: угольная промышленность (балансовые промышленные запасы угля – 14 млрд. т); электроэнергетика (общая мощность 10,2 тыс. МВт); черная и цветная металлургия; химическая промышленность; машиностроение; пищевая промышленность; сельское хозяйство области.

[4] Экономика Донецкой Народной Республики: состояние, проблемы, пути решения: научный доклад / Коллектив авторов ГУ «Институт экономических исследований»; под науч. ред. А.В. Половяна, Р.Н. Лепы; ГУ «Институт экономических исследований». – Донецк, 2018. – 360 с. – http://econri.org/download/monographs/2018/2018%20Научный%20доклад%20Экономика%20ДНР.pdf

довательно, при обязательном авансировании работ такие предприятия не могут сформировать портфель заказов, не могут набрать персонал, имеют задолженности по заработной плате, не могут выплатить дивиденды Республике (часть чистой прибыли, направляемой в бюджет);

– отмечается слабая деловая активность населения – незначительная доля малого и среднего бизнеса в производстве (большая доля торговли), что способствует отчуждению населения от инициативного участия в экономических процессах (кроме потребления минимальных благ).

Экономическая дезинтеграция Донбасса исходя из темпов проводимых преобразований и структурных изменений экономики Республики за период 2014–2019 гг., позволяет предположить, что имеется вероятность инерционного прогноза развития, когда при продолжающихся сложившихся тенденциях развития экономики ДНР, при сохранении существующих условий будут продолжены критически незначительные темпы роста, ухудшение конкурентоспособности производимой в Республике продукции и замещение ее импортной. То есть, инерционное развитие будет фактически означать имитацию развития экономики при условии отсутствия управляющих воздействий властей Республики или их неэффективности и сохранении имеющихся тенденций развития.

В современных условиях развития интеграционных взаимодействий на Донбассе необходимо учитывать процессы, происходящих на сопредельных приграничных территориях соседних стран (РФ, Украина). На данный момент Донбасс является фактически приграничной территорией (РФ, Украина), которые всегда определялись как места потенциального военного противостояния, либо как зоны экономической и культурной интеграции стран, и всегда были заложниками геополитики, так как направление развития таких регионов, в большинстве случаев обусловливалось взаимоотношениями между странами[1]. При этом региональная политика таких территорий нередко полярно меняла свою направленность «от войны до мира»[2]. Политические, экономические и экологические вопросы на трансграничных территориях тесно связаны между собой, и их решение возможно только на основе системных исследований, учитывающих общие интересы сторон. В заключение отметим, что дезинтеграция может стать эволюцией экономических отношений, серьезной предпосылкой интеграции на новых условиях, вполне вероятно и то, что интеграция и дезинтеграция как два разнонаправленных процесса могут развиваться асинхронно одновременно, что сейчас и наблюдается в действующих условиях развития экономики самостоятельного Донбасса.

[1] Колосов В.А., Туровский Р.Ф. Современные государственные границы: новые функции в условиях интеграции и приграничное сотрудничество // Изв. РАН. Сер. геогр. – М., 1997. – № 5. – С. 106–113; Косикова Л.С. Экономические связи России с Украиной на фоне неурегулированного политического конфликта // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2018. – № 3 (25). – С. 44–53; Себенцов А.Б., Колосов В.А. Феномен неконтролируемых территорий в современном мире / Институт географии РАН. – М., 2012. – № 2. – С. 31–46; Южная Осетия: бремя признания. 2010. – Доклад Крайсис Групп № 205 Европа, 07.06. – http://www.crisisgroup.org/~/media/Files/europe/caucasus/georgia/ 205%20South%20Ossetia%20-%20the%20Burden%20of%20Recognition%20RUSSIAN.ashx; Окунев И.Ю. Геополитика микрогосударств: монография. – М.: Московский государственный институт международных отношений (университет), 2014. – 243 с.; Jackson R.H. Quasi-states: Sovereignty, International Relations and the Third World. Cambridge, 1990; Jones M., Jones R., Woods M. An introduction to political geography: space, place and politics. – L.: Routledge, 2004.

[2] Приграничные и трансграничные территории азиатской России и сопредельных стран // Тулохонов А.К., Бакланов П.Я., Макаров А.В., Раднаев Б.Л. и др. (проблемы и предпосылки устойчивого развития): монография / Гл. ред. В.М. Фомин. – Новосибирск, 2010. – 368 с.; Барыгин И.Н. Трансграничные регионы в контексте измерений циклов политической активности государств // Регионалистика и этнология / Отв. ред. Р.Ф. Туровский. – М., 2008. – С. 110–127.

Радзиевская С.А.[1]

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: *интеграция, региональные интеграционные объединения, трансрегиональные объединения, трансконтинентальные объединения, зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, экономический и валютный союз, глобальное регулирование.*

Целью статьи является анализ основных региональных объединений, выявление наиболее экономически сильных из них для определения перспектив регионализации глобальной экономики.

Конец XX в. – начало XXI в. характеризуется ускорением процессов глобализации и регионализации мировой экономики.

Началом активизации глобализационных процессов, на наш взгляд, можно считать годы формирования таких организаций, как Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк (ВБ), а также Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ), на основе которого была создана Всемирная торговая организация (ВТО). Следует, однако, подчеркнуть, что функционирование этих учреждений глобального уровня в последние годы активно критикуется как отечественными, так и зарубежными учеными[2].

К основным факторам развития региональных объединений относятся, во-первых, окончание Великой отечественной войны; во-вторых, внедрение информационно-коммуникационных технологий; в-третьих, завершение Холодной войны между капиталистическими и социалистическими странами. Так, в 1948 г. шестнадцать европейских государств решили воспользоваться помощью, предложенной США, самой сильной страной в мире после окончания Второй мировой войны, получив в течение четырех лет более 12 млрд. дол. США, из которых Великобритания получила 26%, Франция – 18%, Федеративная Республика Германия – 11%[3].

СССР отказался от участия в «Плане Маршалла», в то время как западноевропейские страны начали восстанавливать свою экономику, активно сотрудничая как с США, так и между собой. Долларовые кредиты многим странам сделали национальную валюту США основной валютой международных расчетов. Одновременно «План Маршалла» решил проблему повышения спроса на американскую продукцию за рубежом.

Можно констатировать, что геополитическая ситуация в мире стала основной причиной зарождения интеграционных процессов в Европе, ключевую роль сыграли США[4], им также принадлежит инициатива активизации интеграционных процессов в Азии, сопровождающаяся предоставлением финансовой помощи. Например, Япония, бывший враг и пострадавшая сторона во Второй мировой войне, превратилась в союзника США, стала лидером в регионе, а также играла роль одного из трех центров мировой экономики достаточно долгий период времени. Япония, как и страны Европы, участвовавшие в «Плане Маршалла», получила соответствующую экономическую помощь[5].

При этом если в Западном мире инициатором региональных интеграционных процессов были США, то в странах социализма – СССР. В 1949 г. был создан Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) с целью восстановления народного хозяйства и развития многостороннего экономического сотрудничества, участниками которого стали СССР, Польская Народная Республика, Чехословацкая Социалистическая Республика, Венгерская Народная Республика, Социалистическая Республика Румыния, Народная Республика Болгария, Народная Социалистическая Республика Албания. Со временем членами СЭВ стали Германская Демократическая Республика, Вьетнам, Куба, Монголия. Так, если в 1938 г. из общего внешнеторгового оборота Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии и Чехословакии на Западную Европу приходилось 73%, на взаимный обмен – 15, на СССР – 1, то в 1958 г. соответственно – 18, 27 и 40. Албания в 1961 г. покинула объединение. СЭВ функционировала до 1991 г., обеспечивая организацию социалистической экономической интеграции[6].

---

[1] Радзиевская Светлана Александровна – к.э.н., доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной экономики, Государственный университет инфраструктуры и технологий, г.Киев. E-mail: svitrad98@ukr.net

[2] Trade and development report 2017. Beyond austerity: towards a global new deal. Overview / UNCTAD. – New York; Geneva, 2017. – P. 23–29.

[3] The Marshall Plan and the establishment of the Organization for European Economic Cooperation // Historical events in the European integration process (1945–2014). – http://www.cvce.eu

[4] The European idea // Historical events in the European integration process (1945-2014). – http://www.cvce.eu

[5] Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition? A Long-Term View of the Trajectory of the World-System // Globalization and Economy. Vol. 1. Globalizing Markets and Capitalism / Ed. by P. James, B.K. Gills. – Los Angeles: Sage publications, 2007 (Central currents in globalization). – P. 403.

[6] Европейская интеграция. Учебник для вузов / Под ред. О.В. Буториной (отв. ред.), Н.Ю. Кавешникова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2017. – С. 612–613.

Необходимо подытожить, что формирование двух конкурирующих блоков стран послужило причиной инициирования региональных интеграционных связей. Первостепенное значение приобрели интеграционные процессы в Евразии, на том континенте, где начались обе мировые войны. При этом осложнялась ситуация и на Востоке Азии, где усиливали свой суверенитет и становились социалистическими Китай, Монголия, Северная Корея, Вьетнам. США поддерживали Японию, Южную Корею и Тайвань.

Из-за потери западноевропейскими странами своих колоний значительно усилилось влияние США и на страны Латинской Америки, Африки, Западной Азии. В результате национально-освободительной борьбы бывших колоний значительная их часть получила статус стран третьего мира, став объектом воздействия обоих блоков государств – как во главе с СССР, так и во главе с США.

С проигрышем СССР и его союзниками Холодной войны группа стран – бывших колоний получила статус развивающихся стран, или стран Юга, а бывшие социалистические страны получили статус транзитивных стран, т.е. стран, переходящих к рыночной капиталистической экономике. После завершения Холодной войны в мире воцарилась глобальная капиталистическая система, а национальные государства мира разделились на: развитые капиталистические страны, транзитивные страны и развивающиеся страны. Мир получил название постбиполярного однополюсного, став глобальным капиталистическим с гегемоном США.

Одной из структурных трансформаций международных отношений на данном этапе является конструирование новых форм межрегионального сотрудничества. Так, современный регионализм представлен не только государствами как основными системообразующими участниками этого процесса, но и большим количеством различных институтов, организаций, бизнес-элит. В условиях глобализации регионализм охватывает взаимодействием два и более региона, характеризуется обоснованием целесообразности сочетания партнерства нескольких группировок, приобретая форму интеррегионализма или трансрегионализма[1].

Основные региональные объединения нами выбраны на основании статистической информации в справочниках, в научных публикациях, а также с учетом необходимости охвата всех континентов и выбора важнейших из них. Таким образом, выбрано девятнадцать региональных объединений: тринадцать являются интеграционными (данные по которым приведены в табл. 1 и 2), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС, The Shanghai Cooperation Organization – SCO) является региональным объединением; трансрегиональные интеграционные объединения – Транстихоокеанское партнерство (ТТП, Trans-Pacific Partnership – TPP), Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП, Regional Comprehensive Economic Partnership – RCEP) и Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП, Transatlantic Trade and Investment Partnership – TTIP); трансконтинентальные объединения: Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС, Asia-Pacific Economic Cooperation – APEC), БРИКС.

Таблица 1

Характеристика основных региональных объединений, 2015-2017 гг.

	Год основания / количество стран	Форма интеграции	Население			Номинальный ВВП региона, 2015 г., млн. долл.	Удельный вес номинального ВВП региона в мировом ВВП, 2015 г., %	Номинальный региональный ВВП на душу населения, 2015 г., долл. США
			2015, тыс. чел.	2016, млн. чел.	2017, млн. чел.			
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Европейский Союз (*ЕС, The European Union – EU*)	1957 – Римский договор, 6 1992 – Договор про ЕС, 28	Экономический и валютный союз	507 085	510	510	16 067 827	21,49	31686,7
2. Евразийский экономический союз (*ЕАЭС, Eurasian Economic Union – EEU*	2015 5	Экономический союз	179 536	180	180	1 550 510	2,07	8636,2
3. Ассоциация стран Юго-Восточной Азии *(АСЕАН, Association of Southeast Asian Nations – ASEAN)*	1967 10	ЗСТ	632 305	641	648	2 453 031	3,28	3879,5
4. Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии *(СААРК, South Asian Association for Regional Cooperation – SAARC)*	1983 8	ЗСТ	1 743867	1766	1788	2 802 915	3,75	1607,3

[1] Розвиток новітніх форм міжнародної економічної інтеграції на початку XXI століття: монографія / О.І.Шнирков, А.С.Філіпенко та ін.; за ред. О.І.Шниркова. – К.: Київський університет, 2016. – С.74.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
5. Совет сотрудничества арабских стран Персидского залива (*ССАСПЗ, The Cooperation Council for the Arab States of the Gulf, originally known as the Gulf Cooperation Council – GCC*)	1981 6	ТС	52 692	53	55	1 725 744	2,31	32751,5
6. Североамериканская зона свободной торговли *(НАФТА, North American Free Trade Agreement – NAFTA)*	1994 3	ЗСТ	488 520	490	494	20 648 136	27,62	42266,7
7. МЕРКОСУР – Общий рынок стран Южного конуса или Южноамериканский общий рынок, *(з ісп. El Mercado Comun del Sur – MERCOSUR)*	1991 5	ТС	292 444	294	295	3 504 079	4,69	11982,1
8.Андское сообщество наций (*АСН, Andean Community of Nations – ACN*)	1969 4	ТС	106 475	108	109	632 204	0,85	5937,6
9. Тихоокеанский альянс (*ТА, Alianza del Pacifico, AP*)	2011 4	ЗСТ	224 571	227	228	1 874 041	2,51	8344,9
10. Восточноафриканское сообщество *(ВАС, East African Community – EAC)*	2004 6	ТС	173 681	180	186	154 208	0,21	887,9
11. Общий рынок стран Восточной и Южной Африки *(КОМЕСА, Common Market for Eastern and Southern Africa – COMESA)*	1994 / 19 (с 18.07.2018 – 21)	ТС	432 728	446	459	613 884	0,82	1418,6
12. Южноафриканское сообщество развития / Сообщество развития Юга Африки / *(САДК, Southern African Development Community – SADC)*	1992 16	ЗСТ	249 145	260	268	608 983	0,81	2444,3
13. Экономическое сообщество стран Западной Африки / Экономическое сообщество западноафриканских стран *(ЭКОВАС, Economic Community of West African States – ECOWAS)*	1975 15	ТС	349 154	359	369	663 670	0,09	1900,8

***** ВВП мира 2015 – 74 753 058 млн. долл. США

Источник: UNCTAD Handbook of Statistics 2016. United Nations. – New York; Geneva, 2017; UNCTAD Handbook of Statistics 2017. United Nations. – New York; Geneva, 2018; UNCTAD Handbook of Statistics 2018. United Nations. – New York; Geneva, 2019.

Анализируемые объединения формируют основу глобальной экономической системы. Проанализируем тринадцать основных интеграционных объединений.

Данные табл. 1 свидетельствуют, что в 2015 г. по региональному номинальному ВВП первое место занимает НАФТА (20 648 136 млн. долл.), второе – ЕС (16 067 827), третье – МЕРКОСУР (3 504 079 млн. долл.).

По удельному весу производства регионального ВВП в мировом ВВП в 2015 среди интеграционных объединений первое место занимает НАФТА – 27,62%; второе ЕС – 21,49; третье – МЕРКОСУР (4,69); четвертое – СААРК (3,75) и пятое – АСЕАН с 3,28; ЕАЭС – на восьмом месте (2,07); ЭКОВАС – на двенадцатом (0,09%).

По размеру ВВП на душу населения в 2015 г. первое место занимает НАФТА (42266,7 долл.; второе – ССАСПЗ (32 751,5); третье – ЕС (31 686,7); МЕРКОСУР на четвертом месте (11982,1); на пятом – ЕАЭС (8636,2); на шестом – ТА (8344,9 долл. США). АСЕАН занимает восьмое место – 3879,5 дол. США, ЭКОВАС – десятое (1900,8 долл. США).

По численности населения в 2017 г. первое место занимает СААРК (South Asian FTA – SAFTA) – 1788 млн. людей, второе – АСЕАН (648), третье – ЕС (510), на последнем – ССАСПЗ с 55 млн. людей.

Приведенные в табл. 2 данные экспорта и импорта товаров в 2015–2017 гг. показывают, что НАФТА демонстрирует близкий к ЕС уровень стабильности экспорта и импорта товаров. Относительно экспорта товаров лучшие показатели у АСН, АСЕАН, СААРК, ЕС, что нельзя сказать о ВАС. Значительно сократился импорт МЕРКОСУР.

Таблица 2

Динамика экспорта и импорта товаров основных региональных объединений, 2015–2017 гг.

Региональные объединения	Экспорт товаров, млн. долл. США				Импорт товаров, млн. долл. США			
	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2017/ 2015 гг.,%	2015 г.	2016 г.	2017 г	2017/ 2015 гг.,%
1. ЕС	5 387 313	5 375 796	5 900 580	109,53	5 213 104	5 253 105	5 804 310	111,34
2. ЕАЭС	415 914	345 167	435 101	104,61	261 909	251 856	310 312	118,48
3. АСЕАН	1 168 340	962 416	1 314 595	112,52	1 094 088	1 085 700	1 258 181	114,99
4. СААРК	334 133	332 191	370 431	110,86	512 087	489 471	599 377	117,05
5. ССАСПЗ	691 198	588 256	704 173	101,88	471 081	455 734	507 966	107,83
6. НАФТА	2 294 161	2 218 877	2 376 775	103,6	3 148 698	3 065 469	3 282 813	104,26
7. МЕРКОСУР	300 549	282 397	324 130	107,85	291 105	230 523	255 239	87,68
8. АСН	96 440	92 212	110 030	114,09	123 028	105 954	115 273	93,7
9. ТА	513 982	502 950	561 787	109,3	560 227	537 496	583 174	104,09
10. ВАС	14 812	14 262	14 353	96,9	35 634	31 602	35 033	98,3
11. КОМЕСА	70 974	65 566	78 638	110,8	172 566	140 894	158 860	92,06
12. САДК	158 101	143 028	169 806	107,4	180 855	161 569	179 094	99,03
13. ЭКОВАС	87 915	70 803	91 643	104,24	98 132	87 591	96 316	98,15

Источник: UNCTAD Handbook of Statistics 2016. United Nations. – New York; Geneva, 2017; UNCTAD Handbook of Statistics 2017. United Nations. – New York; Geneva, 2018; UNCTAD Handbook of Statistics 2018. United Nations. – New York; Geneva, 2019.

Анализ показателей свидетельствует, что экономически мощной ЗСТ является НАФТА, которая включает США. С точки зрения интеграционных процессов развитым региональным объединением является ЕС – он имеет развитую наднациональную систему органов регулирования, общее гражданство, собственную валюту, которая получила статус мировой резервной валюты. Вторым по степени интеграции является ЕАЭС – экономический союз.

АСЕАН – самое развитое в Азии интеграционное объединение, которое функционирует в форме ЗСТ. Получают распространение новые интеграционные инициативы АСЕАН (+3, +6, +8) с привлечением восточноазиатских и других тихоокеанских партнеров, включающих Китай и Индию. СААРК функционирует в форме ЗСТ (SAFTA), планируется трансформация в общий рынок Южной Азии.

ВАС, КОМЕСА, САДК и ЭКОВАС – основные объединения Африки. В 2015 г. подписали Трехстороннюю ЗСТ (COMESA-EAC-SADC Tripartite Free Trade Area – TFTA) при прогнозируемом усилении в ней роли САДК, членом которого является Южно-Африканская Республика (ЮАР), которая вместе с Индией, КНР входит в БРИКС. TFTA уже охватывает 27 африканских стран.

АСН, МЕРКОСУР, ТА представляют процессы создания региональных объединений Латинской Америки. МЕРКОСУР является центром интеграции в Латинской Америке. МЕРКОСУР проводит политику диверсификации внешних связей, особенно по направлению Юг-Юг, противодействует монопольному господству США как на континенте, так и в мире. Считается, что инициатива США, направленная на создание панамериканской ЗСТ, которая должна была охватывать 34 страны Северной, Центральной и Южной Америки, переговоры относительно которой длились в течение 1994–2005 гг. потерпела неудачу именно из-за активности МЕРКОСУР.

МЕРКОСУР позиционирует себя как один из перспективных полюсов международного экономического и политического влияния на глобальном уровне.

Таким образом, данные табл. 1 демонстрируют лидерские позиции объединений НАФТА и ЕС. ЕС и экономически более слабый ЕАЭС достигли формы экономического союза и образовали наднациональные органы, остальные объединения функционируют в форме ЗСТ и ТС.

В Азии и Латинской Америке АСЕАН, СААРК, МЕРКОСУР способствуют усилению роли КНР, Индии, Бразилии. Особое место среди региональных объединений занимает ШОС, БРИКС тоже играет важную роль, ключевой страной является набирающий силу Китай.

В конце XX – начале XXI в. новые большие трансрегиональные альянсы ТТП, ВРЭП, ТТИП получили название партнерств. Экономические партнерства можно отнести к первой интеграционной стадии, которая содержит элементы третьей стадии – создание зон, регулируемых в соответствии с общими правилами движения товаров, услуг, частично капиталов, в первую очередь – инвестиций. Партнерства не ставят целью создание ТС, т.е. введение единой таможенной политики в отношении третьих стран, оставляя возможности для третьих стран устанавливать отношения разного уровня и различные по формату с отдельными участниками партнерств[1].

[1] Хейфец Б.А. Трансрегиональное переформатирование глобального экономического пространства. – М.: Институт экономики РАН, 2016. – С. 12–13.

Переговоры о создании ТТП начались в 2006 г., однако значительный вес для мировой торговой системы партнерство приобрело в 2008 г., когда к переговорному процессу присоединились США. В октябре 2015 г. в Атланте был завершен переговорный процесс по согласованию положений ТТП между 12 странами. Китай не был включен в это партнерство, На ТТП приходится 42% мирового ВВП по номинальному валютному курсу (и 28% мирового ВВП по ПКС), 23% мирового экспорта товаров, 25% мирового экспорта услуг и 33% мирового объема прямых иностранных инвестиций[1]. ТТП является результатом усиления лидерства США в АТР. Поскольку континентальный массив Восточной Азии находится под контролем КНР, США и Япония делают ставку на укрепление военно-морского потенциала[2]. В АТР развернулась борьба между США и КНР, в то же время, пытаются реализовать свои интересы Япония, ЕС и БРИКС.

ВРЭП следует рассматривать, во-первых, как своеобразный компромисс между EAFTA (Восточноазиатская ЗСТ) и СЕРЕА (Всестороннее восточноазиатское экономическое партнерство), во-вторых, как альтернативу ТТП, в которой принимают участие не все члены АСЕАН, в-третьих, как инструмент сохранения АСЕАН в роли локомотива региональных интеграционных процессов. На страны ВРЭП приходится 70% всех соглашений о свободной торговле в Азии. Если учесть, что ВРЭП может охватить страны мира, где проживает почти половина человечества (более 3 млрд. чел), производится 33% мирового ВВП и реализуется около 40% мировой торговли, потенциально ВРЭП может стать крупнейшей интеграционной группировкой мира[3]. ТТИП предусматривает создание ЗСТ, которая охватит США и ЕС.

ТТП и ТТИП направлены на укрепление США, ВРЭП на усиление роли КНР.

Особое внимание следует уделить объединениям, расположенным в АТР, где сформировалась самая большая в мире по объему ресурсов и пространству организация – АТЭС[4]. Основные показатели представлены в табл. 3. АТЭС формируют страны Евразии (Россия), Азии (Бруней, Вьетнам, Индонезия, Китай, Республика Корея, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Филиппины, Япония), Северной (США, Канада, Мексика) и Южной Америки (Перу, Чили), Австралии, Новой Зеландии и Папуа-Новой Гвинеи, т.е. 19 стран четырех континентов, и территории Гонконга и Тайваня.

АТЭС условно (ввиду отсутствия статуса ЗСТ) можно считать первым в мире трансконтинентальным сотрудничеством, созданным в 1989 г. В Канберре по инициативе Австралии и Новой Зеландии.

Подытожим, что в 40-х гг. XX в. США начали усиливать свою позицию на мировой арене введением интеграционных процессов в Европе, а также путем создания международных институтов, и в начале XXI в. укреплению их могущества способствуют инициативы ТТП, ТТИП, АТЭС, где США играют ключевую роль, используя свое влияние для формирования не только торговой политики, но и решения широкого круга вопросов как в пределах евроатлантического, так и глобального пространства[5].

Таблица 3

Основные показатели АТЭС

Показатель	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
ВВП, млн. долл.	42,614,873.2	43,555,316.2	44,683,187.4	44,076,701.0	45,108,718.2
ВВП на душу населения, долл.	15,268.4	15,498.5	15,789.7	15,512.7	15,767.9
Общее количество населения, тыс. чел.	2,791,049.3	2,810,297.8	2,829,889.1	2,849,246.9	2,868,871.1
Уровень безработицы, %	4.9	4.9	4.7	4.6	4.5
Импорт товаров и услуг, млн. долл.	10,960,253.9	11,210,513.6	11,386,484.6	10,243,030.2	9,965,854.8
Экспорт товаров и услуг, млн. долл.	10,478,415.8	10,757,886.5	11,043,154.1	10,205,880.6	9,882,769.9

Источник: StatsAPEC, Key indicators database: http://statistics.apec.org/index.php/apec_psu/index_noflash

Итак, во-первых, регионализация мировой экономики как формирование блоков национальных государств в той или иной форме всегда была присуща человечеству. Особенно актуальной она стала после окончания Второй мировой войны. Активизация интеграции в послевоенной Европе связана с «Планом Маршалла», на основе которого США помогали странам Европы восстанавливать экономику и в ходе реализации которого усилилось взаимодействие европейских государств между собой и с США. В блоке социалистических стран процессы регионализации развивались путем создания Совета экономической взаимопомощи. Фактором усиления интеграционных процессов было национально-освободительное движение бывших колониальных стран, которые в результате приобретения независимости от бывших метрополий укрепили отношения с США.

Во-вторых, Северная Америка последовательно интегрируется с ЕС путем образования ТТИП. Мексика взаимодействует с США и Канадой, входит в Тихоокеанский альянс, ее интеграционное будущее неопределенное в связи с пересмотром соглашения НАФТА. В Латинской Америке формируются объединения, которые ориентируются в своем развитии на США, Китай или ЕС. Ведущая страна континента Бразилия является членом БРИКС, который формиру-

[1] Хейфец Б. Транрегионализация глобального экономического пространства // Общество и экономика. – М., 2016. – № 6. – С. 21.

[2] Шергін С.О. Дилема Азійсько-Тихоокеанського регіоналізму // Науковий вісник Дипломатичної академії України. 2015. – Вип. 22 (2). – С. 36–49.

[3] Розвиток новітніх форм міжнародної економічної інтеграції на початку XXI століття: монографія / О.І.Шнирков, А.С.Філіпенко, Р.О.Заблоцька та ін.; за ред. О.І.Шниркова. – К.: ВПЦ "Київський університет", 2016. – С. 313.

[4] Asia-Pacific Economic Cooperation Available at: www.apec.org

[5] Радзієвська С.О. Регіоналізація і глобалізація: взаємозв'язки та перспективи безконфронтаційного розвитку. – К.: СІК ГРУП Україна, 2018. – 376 с.

ется как блок стран, противостоящий блоку США+ЕС. За влияние на Африку конкурируют ЕС, КНР, США. Ведущая страна ЮАР является членом БРИКС.

В-третьих, процессы развития как региональных, так и трансрегиональных объединений приводят к острой конкуренции США и КНР. Объединения США и ЕС является блоком стран Западной цивилизации, а БРИКС – блоком стран незападных цивилизаций. Развитие региональных интеграционных процессов позволяет сделать вывод, что с целью предотвращения конфликтов и противостояний, следует создать систему консенсусного регулирования глобальной экономики. Будущее требует формирования полицентрической и многоцивилизационной глобальной системы.

Рафалюк Е.Е.[1]

МНОГООБРАЗИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ: ОПЫТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ И ЕВРАЗИИ

Ключевые слова: *интеграция, интеграционное объединение, Евразийский экономический союз, Меркосур, Андское сообщество, разрешение споров, Суд Евразийского экономического союза, Суд Андского сообщества, Постоянный апелляционный суд, единый рынок, формы интеграционного сотрудничества, межконтинентальный диалог, сравнительно-правовой анализ в изучении интеграции.*

Keywords: *integration, integration association, Eurasian economic Union, MERCOSUR, Andean community, dispute resolution, Court of the Eurasian economic Union, Court of the Andean community, Permanent court of appeal, single market, forms of integration cooperation, intercontinental dialogue, comparative legal analysis in the study of integration.*

Интеграционные процессы характерны для всех регионов мира – Европы, Азии, Латинской Америки, Африки. Каждый опыт объединения государств в интеграционный союз уникален, поэтому на юридической карте мира мы видим многообразие форм интеграционных соглашений и типов интеграционных объединений.

Современные интеграционные объединения, под которыми понимаются группы государств, объединенных на основе международного договора для достижения целей интеграции, могут быть классифицированы (в зависимости от типа сотрудничества государств) на союзы координационного и наднационального типов. Так, например, в Меркосур преобладают черты интеграционного объединения координационного типа, тогда как в Андском сообществе воплощена наднациональная модель интеграции. Евразийский экономический союз может быть определен как интеграционное объединение наднационального типа[2].

Основными формами латиноамериканской интеграции (в зависимости от степени экономического сближения государств) являются зона свободной торговли и таможенный союз, в то время как общий рынок – формирующееся явление. Евразийская экономическая интеграция осуществляется в формах экономического союза и обеспечения функционирования общего рынка.

В 2019 году исполняется 5 лет с момента заключения Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, заложившем правовую и институциональную основу Евразийского экономического союза (ЕАЭС) как международной организации региональной экономической интеграции.

Постоянный апелляционный суд Меркосур в 2019 году отмечает 15-летнюю годовщину со дня размещения в штаб-квартире Суда в городе Асунсьон, Республика Парагвай[3].

Суд Андского сообщества в 2019 году празднует свой 40-летний юбилей. По мнению Председателя Суда Hugo R. Gómez Apac, «Прецедентное право Суда послужило ориентиром и центростремительной силой процесса андской интеграции. Этот судебный орган через свои решения и посредством толкования права определил понятие наднациональности как неотъемлемого элемента субрегионального процесса экономической и социальной интеграции, объединяющего Боливию, Колумбию, Эквадор и Перу, которому в этом же году исполняется полвека с момента подписания Картахенского соглашения, основополагающего документа Андского сообщества»[4].

Символический рубеж, ознаменованный «юбилейными» датами интеграции, доказывает, что интеграционные процессы в различных регионах мира развиваются, преодолевая сопровождающие их противоречия, связанные с экономическими кризисами, асимметриями в национальном законодательстве государств-участников интеграционных объединений, разноскоростным и разноуровневым развитием интеграции[5].

Сравнительно-правовой анализ евразийской и латиноамериканской интеграции показывает, что интеграционные процессы имеют схожие цели: повышение экономического благосостояния населения, обеспечение свободы движения товаров, услуг, рабочей силы, капитала.

Общим в развитии интеграции двух континентов является также то, что в рамках интеграционных объединений созданы органы разрешения споров. В Евразийском экономическом союзе – это Суд Евразийского экономического союза, постоянный судебный орган, начавший свое функционирование с 1 января 2015 года. В Андском сообществе –

---

[1] Рафалюк Елена Евгеньевна – к.ю.н., советник экспертно-аналитического отдела Секретариата Суда ЕАЭС. Профессиональные интересы: международное публичное и частное право, теория государства и права, сравнительное правоведение, разрешение споров в международных судах, интеграция в Евразии и Латинской Америке. E-mail: rafaliuk_e@mail.ru

[2] См.: Рафалюк Е.Е., Залоило М.В., Власова Н.В. Понятия, виды и формы евразийского и латиноамериканского интеграционных объединений (сравнительно-правовой анализ) // Журнал российского права. 2016. – № 1. – С. 154–168.

[3] http://www.tprmercosur.org/es/index.htm

[4] https://www.tribunalandino.org.ec/index.php/2019/05/28/40-aniversario-del-tribunal-de-justicia-de-la-comunidad-andina/

[5] См.: Общее и особенное в развитии латиноамериканской и евразийской интеграции // Региональная интеграции государств Евразии и Латинской Америки: компаративный анализ: Сб. науч. статей. – М.: РИОР; ИНФРА-М, 2015. – С. 166–175.

Суд Андского сообщества, учрежденный 28 мая 1979 года, действующий с 1 января 1984 года[1]. В Меркосур – система разрешения споров, включающая в себя переговоры, арбитраж ad hoc, Постоянный апелляционный суд (создан в 2001 году с подписанием Протокола де Оливос)[2].

Несмотря на различную компетенцию и организацию вышеуказанных судебных органов, целью их деятельности является обеспечение единообразного применения права интеграционного объединения. Так, в пункте 2 Статута Суда ЕАЭС (приложение № 2 к Договору о ЕАЭС) записано, что «Целью деятельности Суда является обеспечение […] единообразного применения государствами-членами и органами Союза Договора, международных договоров в рамках Союза, международных договоров Союза с третьей стороной и решений органов Союза».

Согласно статье 4 Статута Суда Андского сообщества от 22 июня 2001 года, «Суд является юрисдикционным органом Андского сообщества, наднационального и коммунитарного характера, образованный с целью провозглашения андского права и обеспечения его единообразного применения и толкования во всех государствах-членах. Суд, во исполнение своих полномочий, действует в защиту интересов сообщества и прав, которыми обладают государства-члены в рамках правопорядка андского сообщества»[3].

Система разрешения споров в Меркосур создана с целью гарантирования правильного толкования, применения и исполнения фундаментальных документов интеграционного процесса и нормативного комплекса Меркосур в систематической и последовательной форме[4].

Обеспечение функционирования внутреннего рынка и исключения из общих правил – предметы обращения в Суд ЕАЭС[5], Суд Андского сообщества[6], к системе разрешения споров в Меркосур[7].

Сфера конкуренции не раз становилась предметом консультативных заключений Суда ЕАЭС, в которых сформулированы важнейшие выводы относительно правового регулирования и защиты конкуренции в ЕАЭС, в том числе, прямого действия и непосредственного применения государствами-членами Союза общих правил конкуренции[8], критериев разграничения «вертикальных» соглашений и координации экономической деятельности как самостоятельных составов нарушений общих правил конкуренции[9].

В июне 2019 года Суд ЕАЭС предоставил Консультативное заключение о разъяснении положений Договора о ЕАЭС, касающихся правил конкуренции, в том числе, разграничения компетенции наднациональных и национальных органов при осуществлении ими контроля за соблюдением общих правил конкуренции, применения принципа «non bis in idem» при привлечении к ответственности за нарушение правил конкуренции[10].

Суд Андского сообщества вынес решение по запросу о преюдициальном толковании, в котором также рассмотрен вопрос о применении принципа «non bis in idem» в области защиты конкуренции[11].

Важным аспектом в развитии интеграции стало обращение к вопросам обеспечения трудовых и социальных гарантий международных служащих в органах Союза. Так, Судом ЕАЭС было предоставлено Консультативное заключение от 20 декабря 2018 года о разъяснении положений пунктов 53 и 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору о ЕАЭС)[12]. Согласно одному из выводов Суда, пункт 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в ЕАЭС предусматривает включение периода работы должностных лиц и сотрудников в Комиссии и Суде в стаж государственной службы для установления социальных гарантий, в том числе для назначения пенсии за выслугу лет[13].

В 2018 году Судом ЕАЭС было предоставлено Консультативное заключение, касающееся разъяснения положений Договора о ЕАЭС в отношении осуществления трудовой деятельности профессиональными спортсменами, являющимися гражданами государств-членов ЕАЭС. Суд пришел к выводу о том, что не допускается установление в законодательстве государств-членов и локальных актах организаций количественных ограничений к профессиональ-

---

[1] Официальный сайт Суда Андского сообщества. – https://www.tribunalandino.org.ec/index.php/nosotros/resena/

[2] Официальный сайт Постоянного апелляционного суда. – http://www.tprmercosur.org/es/hist_controv.htm

[3] Статут Суда Андского сообщества от 22 июня 2001 года. – https://www.tribunalandino.org.ec/wp-content/uploads/2019/06/EstatutoTJCA.pdf

[4] Протокол де Оливос о разрешении споров в Меркосур от 18 февраля 2002 года. – http://www.tprmercosur.org/es/docum/Protocolo_de_Olivos_es.pdf

[5] Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 30 октября 2017 года. – http://courteurasian.org/page-24731

[6] Решение Суда Андского сообщества от 14 апреля 2005 года, дело 118-AI-2003, производство по иску о неисполнении обязательств; Решение Суда Андского сообщества от 8 июня 1998 года, дело 5-AN-97, производство по делу об аннулировании актов; Решение Суда Андского сообщества от 24 марта 1997 года, дело 3-AI-96, производство по делу о неисполнении обязательств.

[7] Решение Суда Ad Hoc, учрежденного для рассмотрения спора между Восточной Республикой Уругвай и Республикой Аргентина по поводу запрета на импорт шин с восстановленным протектором, принято 25 октября 2005 года (http://www.tprmercosur.org/es/sol_contr_laudos.htm). Решение Суда Ad Hoc отменено решением Постоянного апелляционного суда Меркосур (Tribunal Permanente de Revisión) от 20 декабря 2005 года (http://www.tprmercosur.org/es/docum/laudos/Laudo_01_2005_es.pdf).

[8] Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 4 апреля 2017 года. – http://courteurasian.org/page-24731

[9] Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 17 декабря 2018 года. – http://courteurasian.org/page-25501

[10] Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 18 июня 2019 года. – http://courteurasian.org/page-26361

[11] Решение Суда Андского сообщества о преюдициальном толковании права от 7 сентября 2018 года. – https://www.tribunalandino.org.ec/decisiones/IP/78-IP-2018.pdf

[12] http://courteurasian.org/page-25501

[13] Пункт 2 Выводов Суда Консультативного заключения Суда ЕАЭС от 20 декабря 2018 года. – http://courteurasian.org/page-25501

ным спортсменам, являющимся гражданами государств-членов Союза, в отношении осуществляемой ими трудовой деятельности, рода занятий и территории пребывания[1].

Данный вопрос обсуждался и в Меркосур, на уровне Парламента интеграционного объединения (Парласур), который выработал Рекомендацию от 29 мая 2018 года «Об устранении квоты иностранных игроков в том случае, когда профессиональные спортсмены являются гражданами государств-членов Меркосур» (MERCOSUR/PM/SO/REC/07/2018)[2].

Сравнительно-правовой анализ указанных выше интеграционных объединений, обладающих уникальными и самобытными чертами, позволяет выделить сходные направления, необходимые для дальнейшего развития интеграции: эффективное разрешение споров, унификация законодательства, единые принципы правового регулирования, уважение достигнутых договоренностей и соблюдение международно-правовых обязательств.

В условиях глобализации и интеграции национальные правовые системы взаимодействуют все более тесно. Как верно отмечает О.Д. Третьякова, «юридическая конвергенция – есть процесс взаимодействия элементов внутри системы права, права и иных регуляторов отношений в обществе, а также правовых систем различных государств, характеризующийся сближением, увеличением количества связей между элементами сближающихся объектов и определенной степенью согласованности воздействия этих элементов на общественные отношения»[3].

Сближение правовых систем различных государств в рамках интеграционных объединений происходит в различных формах, например, юридической аккультурации, гармонизации, комплементарности, присоединения и других[4].

В качестве государственно-правового, социокультурного[5] и международно-правового феноменов характеризуются правовые пространства[6] интеграционных объединений.

С позиции синергетического подхода «региональное правовое пространство», согласно Т.Л. Южаковой, представляет собой «компонент (элемент) правового пространства государства или глобального правового пространства, занимающий иерархически определенное место в правовой организации мира и представляющий собой сложную самоорганизующуюся систему […]». С точки зрения структурно-функционального подхода, по мнению автора, «региональное правовое пространство есть правовая организация регионально организованного общества, которая действует пределах определенной территории и нацелена на удовлетворение социальных интересов посредством правотворчества, праворегулирования, правореализации и др. функций». Интересную позицию выдвигает Т.Л. Южакова об определении регионального правового пространства в динамике в условиях подвижной среды «как совокупности правовых явлений, правоотношений, процессов, развивающихся в территориальных границах региона и детерминированных различными условиями социальной жизни, зачастую выражающимися в процессуальной форме»[7].

Актуален вопрос о формировании правовых систем интеграционных объединений (ЕАЭС, Андское сообщество, Меркосур), образуемых тремя элементами: нормативным (совокупность правовых актов), организационным (учреждения и институты), идеологическим (правовые идеи, взгляды, традиции, правовая культура).

Следует отметить, что правовое регулирование в интеграционных объединениях характеризуется взаимодействием правовых регуляторов в силу одновременного действия в правовом пространстве норм международного, наднационального, национального права, а также возникающими в связи с этим юридическими коллизиями различных видов: между нормами международного права и наднационального права; национальным, международным и наднациональным правом, между различными наднациональными нормами. Подходы к преодолению подобного рода коллизий, как правило, вырабатываются в практике судов интеграционных объединений. Решая конкретные споры и осуществляя толкование права, суды вырабатывают правовые позиции, касающиеся принципов действия правовых систем интеграционных объединений.

Представляется, что одной из главных задач правового обеспечения интеграции на современном этапе является гармонизация правового регулирования в рамках интеграционных объединений, а также гармонизированное применение норм национального, международного и наднационального права, что может быть обеспечено, в том числе, посредством преодоления судами юридических коллизий, судебного толкования правовых актов интеграционных объединений, эффективного решения юридических конфликтов.

---

[1] Абз. 2 раздела «Выводы» Консультативного заключения Суда ЕАЭС от 7 декабря 2018 года. – http://courteurasian.org/page-25501

[2] Официальный сайт Парламента Меркосур. – https://www.parlamentomercosur.org/innovaportal/file/15087/1/rec.-07-2018.pdf

[3] Третьякова О.Д. Юридическая конвергенция. Автореф. … докт. юрид. наук. – Владимир, 2012. – С. 8.

[4] Там же, с. 9.

[5] Южакова Т.Л. Региональное правовое пространство: теоретико-правовой аспект. Автореферат дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2007. – С. 3.

[6] См.: Власова Н.В., Грачева С.А., Мещерякова М.А. и др. Правовое пространство и человек: монография / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Е.В. Пуляева, Н.И. Хлуденева. – М., 2012.

[7] Южакова Т.Л. Указ. соч., с. 7.

Румянцев В.А.,
Гончарик Н.В.[1]

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ КАК ОСНОВА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Ключевые слова: *Союзное государство, Беларусь, Россия, социально-экономическое развитие, стратегическое планирование, региональное интеграционное объединение.*

Keywords: *the Union State, Belarus, Russia, economic and social development, strategic planning, regional integration association.*

В декабре 2019 г. Беларусь и Россия отметят 20-летие подписания Договора о создании Союзного государства. За прошедший период удалось многого добиться: установить и укрепить торгово-инвестиционное, научно-технологическое, культурное, гуманитарное сотрудничество, договорно-правовую базу во всех областях. Тем не менее, периодически возникающие экономические противоречия между Беларусью и Россией привели к возникновению мнения у некоторых политиков и экономистов о нецелесообразности функционирования Союзного государства в нынешних условиях. Актуальность исследования возможных путей решения проблем Союзного государства Беларуси и России подтверждает наличие большого количества научных работ в данной сфере. Различные аспекты развития интеграционного сотрудничества в рамках Союзного государства исследовали многие белорусские и российские ученые, среди которых Е.Ф. Авдокушин, О.В. Буторина, Л.Б. Вардомский, Р.С. Гринберг, А.Е. Дайнеко, М.В. Мясникович, П.Г. Никитенко, И.Э. Точицкая, А.В. Шурубович и другие. На наш взгляд, одним из оснований для возникновения экономических противоречий, является отсутствие стратегического планирования развития Союзного государства, что и определило проведение данного исследования.

Стратегическое планирование в региональных интеграционных объединениях

Время играет огромную роль в решении межгосударственных интеграционных проблем в целях дальнейшего функционировании региональных объединений. С одной стороны, стремительность международных интеграционных процессов вызывает необходимость быстрого принятия и выполнения скоординированных решений, особенно учитывая современную динамику ведения переговоров в рамках региональных объединений.

С другой стороны, скорость углубления интеграционного сотрудничества и возможные политические преимущества не должны преобладать над экономическим практицизмом. В мировом сообществе распространенным инструментом деятельности, определяющим вектор развития международной региональной организации, является стратегическое планирование.

Так, в Европейском союзе (ЕС) стратегическое планирование осуществляется на 10 лет. Развитие интеграционных процессов в настоящее время происходит на основе сформированной и одобренной в марте 2010 г. европейской стратегии экономического развития – «Европа 2020: стратегия разумного, устойчивого и всеобъемлющего роста». Европейская Комиссия (ЕК) предложила пять основных направлений деятельности руководству европейским государствам: занятость; исследования и инновации; изменение климата и энергетика; образование; борьба с бедностью. По словам Председателя ЕК в 2004–2014 гг. Жозе Мануэль Баррозу, цели стратегии «Европа 2020» амбициозны, но достижимы. Они подкреплены конкретными предложениями, которые будут способствовать их достижению. Флагманские инициативы, обозначенные в стратегии «Европа 2020», показывают, какой вклад ЕС готов внести в мировой экономический порядок. У ЕС есть все необходимые инструменты для управления новым экономическим порядком, который будет поддерживаться с помощью внутреннего рынка, бюджета, предпринимательства, внешней политики, а также силами Экономического и Валютного Союза. Новый экономический курс требует скоординированных действий государств-членов ЕС, включая социальное партнерство и кооперацию в сфере вопросов гражданского общества.[2] При этом ежегодно проводится мониторинг результатов реализации стратегии, обзоры которого появляются на сайте ЕС. ЕК предложила государствам – членам ЕС разработать свои национальные стратегии развития в соответствии со стратегией «Европа 2020».

Региональные интеграционные объединения на евразийском пространстве с участием Беларуси и России имеют достаточный опыт стратегического планирования. Планирование интеграционных процессов на постсоветском про-

[1] Румянцев Вячеслав Александрович – с.н.с. Института экономики НАН Беларуси, г. Минск. Сфера научных интересов: внешнеэкономическая интеграция на постсоветском пространстве. E-mail: rumyantsev61@mail.ru

Гончарик Наталья Викторовна – с.н.с. НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск. Сфера научных интересов: внешнеэкономическая интеграция на постсоветском пространстве. E-mail: natagoncharik@mail.ru

[2] Арабей Е. Новая европейская стратегия «Европа 2020». – https://eulaw.ru/content/novaya-evropejskaya-strategiya-evropa-2020/

странстве в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ) и Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) соответствует мировым тенденциям.

В СНГ Решением Совета глав правительств стран-участниц 14 ноября 2008 г. утверждена «Стратегия экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2020 года»[1]. Это комплексный документ, представляющий собой систему согласованных государствами-участниками СНГ взглядов на общие цели, приоритеты и перспективы социально-экономического развития для углубления межгосударственных экономических отношений и превращения объединения в полноправного значимого участника системы международных экономических отношений.

Цель Стратегии – придание дополнительных импульсов экономическому взаимодействию государств-участников СНГ, обеспечение устойчивого развития, экономической безопасности, повышение благосостояния и качества жизни населения на основе синергетического эффекта и эффекта масштаба, конкурентоспособности национальной экономики государств-участников СНГ и укрепления их позиций в мировой хозяйственной системе.

В Стратегии рассмотрены место СНГ в мировой хозяйственной системе; экономическая ситуация в СНГ; факторы, влияющие на развитие экономического взаимодействия государств-участников СНГ; цели, задачи и этапы экономического развития; приоритетные направления развития взаимодействия; системообразующие аспекты экономического сотрудничества; основные сферы экономического сотрудничества. С учетом специфики функционирования СНГ Стратегией предусмотрено, что ее основой являются добровольность и самостоятельность государств-участников в определении направлений и глубины участия в интеграционных процессах, последовательность и этапность реализации мероприятий по развитию экономического сотрудничества.

В связи с тем, что срок действия данной Стратегии истекает через год, в настоящее время идет разработка Стратегии экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2030 года.

Договор о Евразийском экономического союзе[2], подписанный президентами Беларуси, Казахстана и России 29 мая 2014 г., является не только институциональной основой ЕАЭС. Он стал стратегией развития объединения на ближайшие 10 лет в связи с тем, что в документе отражены обозримые перспективы интеграции: до 2025 г. определены «контрольные точки» интеграционного процесса, представляющие собой даты завершения формирования единых рынков, а также требования к координации, согласованию ключевых государственных политик. Договором о ЕАЭС также предусмотрена разработка целого ряда стратегических, концептуальных и программных документов в разных сферах.

В развитие Договора о ЕАЭС 16 октября 2015 г. Решением Высшего Евразийского экономического совета (ВЕЭС) утвержден стратегический документ на уровне ЕАЭС – «Основные направления экономического развития Союза»[3] (Основные направления). Основные направления – документ рекомендательного характера, определяющий перспективные направления социально-экономического развития, к реализации которых стремятся государства-члены ЕАЭС путем использования интеграционного потенциала объединения и конкурентных преимуществ государств-членов в целях получения дополнительного экономического эффекта каждым государством-членом. В ходе разработки Основных направлений были поставлены и решены следующие задачи: определены общая цель и задачи экономического развития ЕАЭС; сформированы возможные сценарии экономического развития ЕАЭС; разработаны направления, которые, исходя из национальных стратегий, актуальны для всех государств-членов и сотрудничество по которым обеспечит дополнительный интеграционный эффект для национальных экономик и рост их конкурентоспособности; выработаны критерии выбора сфер экономик (отраслей, секторов) с позиции результативности интеграционного сотрудничества; оценен экономический потенциал ЕАЭС через систему макроэкономических показателей.

К долгосрочному планированию в рамках ЕАЭС относится Долгосрочный прогноз экономического развития Евразийского экономического союза до 2030 г., разработанный Евразийской экономической комиссией (ЕЭК) при поддержке научного сообщества[4]. Во всех государствах-членах ТС и ЕЭП приняты документы, определяющие перспективы социально-экономического развития на долгосрочную перспективу.

В развитие долгосрочного планирования ЕЭК совместно со странами-участницами ЕАЭС в тесном взаимодействии с научным и экспертным сообществом, а также бизнесом разработала Декларацию о дальнейшем развитии интеграционных процессов в ЕАЭС[5], которую 6 декабря 2018 г. подписали главы стран-участниц по итогам заседания ВЕЭС. Документ стал базовым для государств-участников на долгосрочную перспективу.

Целью долгосрочных документов по социально-экономическому развитию ЕАЭС является повышение благосостояния граждан, развитие экономической, социальной, политической сфер, укрепление позиций в мировом сообществе.

Таким образом, работа в региональных интеграционных объединениях, в том числе и с участием Беларуси и России, строится на основе долгосрочного планирования и богатого опыта по разработке и реализации долгосрочных документов.

---

[1] Стратегия экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2020 года. – http://cis.minsk.by/page.php?id=18764

[2] Договор о Евразийском экономическом союзе. – https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014

[3] Решение ВЕЭС от «16» октября 2015 г. № 28 «Об основных направлениях экономического развития Евразийского экономического союза». – https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0148763/scd_19102015_28

[4] Долгосрочный прогноз экономического развития Евразийского экономического союза до 2030 года. – http://www.eurasiancommission.org

[5] Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза. – https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01420213/ms_10122018

Планирование социально-экономического развития в Союзном государстве Беларуси и России

В Беларуси и России придается существенное значение необходимости развития интеграционных процессов в рамках Союзного государства, что и отражается в национальных стратегических документах.

Так, в «Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года» (Протокол заседания Президиума Совета Министров Республики Беларусь от 2 мая 2017 г. № 10) указывается, что стратегической целью устойчивого развития Республики Беларусь является обеспечение высоких жизненных стандартов населения и условий для гармоничного развития личности на основе перехода к высокоэффективной экономике, основанной на знаниях и инновациях, при сохранении благоприятной окружающей среды для нынешних и будущих поколений. К задачам по реализации целей развития международного сотрудничества и внешнеэкономических отношений отнесены расширение и диверсификация торгово-экономических связей с региональными союзами, а также поддержание добрососедских отношений и тесного сотрудничества с Российской Федерацией[1].

В «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р) указывается, что стратегической целью является достижение уровня экономического и социального развития, соответствующего статусу России как ведущей мировой державы XXI века, занимающей передовые позиции в глобальной экономической конкуренции и надежно обеспечивающей национальную безопасность и реализацию конституционных прав граждан. Одним из приоритетных направлений внешнеэкономической политики определено формирование интегрированного евразийского экономического пространства, включая укрепление Союзного государства[2].

В «Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года» к безусловным приоритетам институциональных преобразований во внешнеэкономической сфере России отнесено обеспечение эффективной интеграции на постсоветском пространстве[3].

Таким образом, развитие интеграционных процессов в рамках Союзного государства предусматривается в стратегических документах обеих стран-участниц и цели, задекларированные в них и в Договоре о создании Союзного государства, имеют много общих аспектов – приоритетность повышения уровня жизни населения и благосостояния граждан.

Планирование в рамках Союзного государства в настоящее время осуществляется только на кратко- и среднесрочный периоды. С 2001 г. ежегодно разрабатываются и одобряются Советом Министров Союзного государства прогнозы социально-экономического развития Союзного государства на очередной год и параметры прогноза на последующие два года. В основу его разработки положены национальные прогнозы социально-экономического развития Беларуси и России на очередной год. При подготовке данного прогноза основное внимание уделяется проблемам максимально эффективной реализации совместных мероприятий в области социально-экономического сотрудничества государств-участников, координации и активизации интеграционных процессов. Прогноз отражает основные направления формирования единого экономического пространства Союзного государства, а также меры по обеспечению устойчивого экономического роста в обеих странах.

Основанием для функционирования Союзного государства является Договор о создании Союзного государства, в котором определены цели Союзного государства: обеспечение мирного и демократического развития братских народов государств-участников, укрепление дружбы, повышение благосостояния и уровня жизни; создание единого экономического пространства для обеспечения социально-экономического развития на основе объединения материального и интеллектуального потенциалов государств-участников и использования рыночных механизмов функционирования экономики; неуклонное соблюдение основных прав и свобод человека и гражданина в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права; проведение согласованной внешней политики и политики в области обороны; формирование единой правовой системы демократического государства; проведение согласованной социальной политики, направленной на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека; обеспечение безопасности Союзного государства и борьба с преступностью; укрепление мира, безопасности и взаимовыгодного сотрудничества в Европе и во всем мире, развитие Содружества Независимых Государств[4].

В области социально-экономического развития Союзного государства Беларуси и России объектом планирования на среднесрочную перспективу в начальный период своей деятельности было только социальное направление, т.е. разрабатывались и принимались концепции социального развития Союзного государства пятилетний период. Постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства (ВГС СГ) № 3 от 20 января 2003 г. была утверждена Концепция социального развития Союзного государства до 2005 года. Совету Министров Беларуси и Правительству России было предложено руководствоваться положениями данной Концепции при разработке и проведении

---

[1] Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года. – http://www.economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf

[2] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. – http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=308069&fld=134&dst=100007,0&rnd=0.06202855832607068#07301959317065398

[3] «Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/

[4] Договор о создании Союзного государства // Союзное государство. Сборник основных нормативных правовых документов (ч. 1). – М.: Постоянный Комитет Союзного государства, 2012. – С. 4–28.

согласованной социальной политики. Постановлением ВГС СГ № 5 от 22 апреля 2005 г. действие Концепции было продлено на период до 2010 года. 25 ноября 2011 г. была утверждена Концепция социального развития Союзного государства на 2011–2015 годы (постановление ВГС СГ № 5 от 3 февраля 2009 г.).

Одним из инструментов планирования социально-экономического развития на среднесрочную перспективу в рамках Союзного государства с 2014 г. можно считать разработку и принятие приоритетных направлений и первоочередных задач дальнейшего развития Союзного государства на среднесрочную перспективу. Особенностью данного документа является то, что в нем охвачены практически все направления развития двустороннего сотрудничества. Положительными моментами данного документа также является и то, что в нем определяются задачи, варианты решения, сроки выполнения и его ответственные исполнители.

Первый такой документ был принят Постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства 3 марта 2015 г. № 3 на период 2014–2017 годы[1]. В нем были определены 18 основных направлений: проведение согласованной внешней политики; формирование единого научно-технологического пространства; повышение эффективности торгово-экономического сотрудничества и его дальнейшее развитие; развитие агропромышленного комплекса; развитие сотрудничества в области использования возобновляемых источников энергии; сотрудничество в области атомной энергетики; формирование объединенной транспортной системы; повышение эффективности и дальнейшее развитие межрегионального сотрудничества; углубление военного и военно-технического сотрудничества и взаимодействие в сфере защиты информационных ресурсов; формирование единого миграционного пространства; формирование общего рынка труда и обеспечение социальной защиты граждан; развитие сотрудничества в сфере здравоохранения и совершенствование его нормативной правовой базы; формирование общего образовательного пространства и молодежной политики; формирование общего культурно-информационного пространства; сотрудничество в сфере физической культуры и спорта; формирование конкурентоспособного рынка туристических услуг; преодоление последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС; развитие сотрудничества в области охраны окружающей среды и гидрометеорологии.

Необходимо отметить, что данный документ имеет рабочий, а не декларативный характер. Подтверждением этому является проведение постоянного мониторинга хода его реализации, а по окончании срока его действия принято Постановление Высшего Государственного Совета от 19 июня 2018 г. № 3 о результатах его выполнения. Данным постановлением также утверждены приоритетные направления и первоочередные задачи дальнейшего развития Союзного государства на 2018–2022 годы[2].

В новом документе определено 19 основных направлений. Значительная часть сформулированных направлений была взята в исходном или немного отредактированном варианте из предыдущего документа, предусматривается продолжение их дальнейшего развития. Вместе с тем, в новом документе появились и новые основные направления, которые актуализировались в последнее время и сформировалась потребность в их реализации. Среди таких направлений определены: формирование единого правового пространства Союзного государства; проведение согласованной макроэкономической политики; совершенствование бюджетной политики Союзного государства; реализация согласованной промышленной политики; формирование единого топливно-энергетического рынка; экологическая, ядерная, радиационная безопасность.

В данном документе также определены задачи, варианты решения, сроки выполнения и его ответственные исполнители[3].

Тем не менее, в конце 2018 г. поднят вопрос о более тесной интеграции России и Беларуси в Союзном государстве. В декабре президенты Беларуси и России А. Лукашенко и В. Путин договорились о создании рабочих групп для решения вопросов в рамках дальнейшей интеграции двух стран. По данным СМИ рабочие группы разрабатывают дорожные карты максимум на среднесрочный период.

Резюме. Исследование влияния стратегического планирования на социально-экономическое развитие Союзного государства Беларуси и России привело к следующим выводам:

- стратегическое планирование является одной из основ дальнейшего социально-экономического развития Союзного государства Беларуси и России и его следует рассматривать как дополнительный инструмент в целях социально-экономического развития каждого государства-члена Союзного государства;
- стратегия дальнейшего социально-экономического развития Союзного государства должна определить цели, направления и механизмы реализации Договора о создании Союзного государства Беларуси и России, реализация которых будет способствовать формированию дополнительных источников развития Беларуси и России путем использования интеграционного потенциала, а также выполнению национальных задач;

---

[1] Постановление Высшего Государственного Совета Союзного государства N 3 «О Приоритетных направлениях и первоочередных задачах дальнейшего развития Союзного государства на среднесрочную перспективу (2014–2017 годы)». – http://www.pravoby.info/bel/03/717.htm

[2] Приоритетные направления и первоочередные задачи дальнейшего развития Союзного государства на 2018–2022 годы. – https://postkomsg.com

[3] Румянцев В.А., Гончарик Н.В. Реализация приоритетных направлений и первоочередных задач дальнейшего развития Союзного государства – один из основных инструментов углубления сотрудничества Беларуси и России // Современные проблемы социально-экономических систем в условиях глобализации: сборник научных трудов XII Международной научно-практической конференции, г. Белгород, 1 марта 2019 г. / Под науч. ред. Е.Н. Камышанченко, Н.А. Саприкиной. – Белгород: ИД «Белгород»; НИУ «БелГУ», 2019. – С. 13–18.

- цели и задачи стратегии дальнейшего социально-экономического развития Союзного государства должны быть сопряжены с национальными интересами, определенными в стратегических документах Беларуси и России, и дополнены предложениями по эффективным мерам и инструментам функционирования Союзного государства;
- стратегия дальнейшего социально-экономического развития Союзного государства должна быть максимально реальной и подробной. На ее основе должны разрабатываться средне- и краткосрочные планы и программы действий с конкретными мероприятиями;
- в формировании стратегии дальнейшего социально-экономического развития Союзного государства необходимо активное использование возможностей научного сообщества объединения, Постоянного комитета и других органов Союзного государства.

Ситников Е.В.
к.э.н., доцент, Российский химико-технологический университет

ИНТЕГРАЦИЯ И РАЗВИТИЕ ЕАЭС: К ПОЛИТИЧЕСКОМУ, ЭКОНОМИЧЕСКОМУ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМУ СОЮЗУ

***Ключевые слова**: политическая, экономическая и социально-культурная интеграция, инновационно-технологическое развитие, многовекторная внешнеэкономическая деятельность, показатели эффективности интеграционных процессов и качества жизни.*

***Keywords:** political, economic and socio-cultural integration, innovative-technological development, multivector foreign economic activity, performance indicators of integration processes and quality of life.*

В Евразийский экономический союз (ЕАЭС), деятельность которого началась с 1.01.2015 года, входят Россия, Казахстан, Беларусь, Армения и Киргизия. Республика Молдавия присутствует как наблюдатель. В соответствии с Договором о создании содружества в нем должна быть обеспечена свобода движения товаров, услуг и рабочей силы, проводиться скоординированная, согласованная или единая политика в отраслях экономики. Целями Союза являются: экономическое развитие, всесторонняя модернизация, кооперация, повышение конкурентоспособности национальных экономик и создание условий для стабильного развития в интересах повышения жизни уровня населения государств-участников[1]. Основные показатели ЕАЭС в 2018 году приведены в табл. 1.

Таблица 1

Основные показатели, характеризующие состояние государств-членов и ЕАЭС

	Территория, тыс. кв. км	Население, млн. чел.	ВВП по ППС, млрд. $ / $ на душу населения.	Глобальный индекс инноваций	Индекс человеческого развития	Индекс глобальной конкурентоспособности (место в мире)
Россия	17125	146,88	4213,4/ 29267	37,9	0,816	43
Белоруссия	208	9,5	189,18/ 20003	29,35	0,808	Страна не включена в индекс
Казахстан	2725	18,4	508,6/27 550	31,42	0,8	59
Армения	28,5	2,97	30,44/10 176	32,81	0,755	70
Киргизия	200	6,39	24,53/3844	27,56	0,672	97
Итого	20 286,5	184,14	4966,15			

Источники: http://ru.wikipedia.org, gks.ru, http://knoema.ru // атлас по каждой республике.

ЕАЭС является первым в мире региональным объединением по территории, восьмым в мире по численности населения, пятым в мире по ВВП, доля содружества в мировом ВВП по ППС в 2018 году составила около 3,6%[2].

По показателю глобального индекса инноваций, который рассчитывается по 82 переменным, а оценка осуществляется через соотношение затрат и эффекта, страны содружества занимают следующие места в мире: Россия – 46, Армения – 68,Казахстан – 74, Беларусь – 86, Киргизия – 94. В целом ЕАЭС находится на 50 месте.

К числу наиболее общих и популярных показателей качества жизни и уровня развития стран мира относится индекс человеческого развития (ИЧР), который зависит от ожидаемой продолжительности жизни при рождении, грамотности и достигнутого уровня образования, а также уровня жизни, оцениваемому по валовому национальному доходу на душу населения по ППС. Для развитых стран он оценивается на уровне 0.8-0,95. Как видно из таблицы 1, для трех из пяти стран содружества это достойный уровень, определяемый в основном грамотностью и уровнем образования.

Индекс глобальной конкурентоспособности рассчитывается на основании 114 показателей и учитывает качество институтов, состояние инфраструктуры, макроэкономическую стабильность, проникновение IT и современных коммуникаций, рынки потребления и труда, финансовую систему, размер внутреннего рынка, здоровье, образование и навыки, динамику бизнес развития и способность к инновациям. В целом ЕАЭС занимает 45 место из 139 стран, по которым рассчитывался этот индекс в 2018 г.

Из представленных в табл. 1 данных виден заметный разброс показателей, характеризующих экономический уровень и место отдельных стран и ЕАЭС в целом в мире. Это связано с рядом обстоятельств. На стадии объединения государства находились на разных стадиях развития, имели отличающиеся структуру собственности, экономические

[1] http://ru.wikipedia.org

[2] Хейфец Б.А. Перспективы создания зоны свободной торговли между ЕАЭС и АСЕАН // Вестник Института экономики Российской академии наук. – М., 2018. – № 5. – С. 107–120.

модели развития, законодательство и многое другое, что является характерной чертой создаваемых новых сообществ. В дальнейшем стало проявляться все заметнее следствие сохранения структурных проблем в национальных экономиках. В структуре ВВП ЕАЭС доля обрабатывающей промышленности, являющейся основой независимости стран и их конкурентоспособности, находится на уровне 12%, она имеет заметный разброс по странам и не повышается, что сказывается на кооперационных связях в содружестве и эффективности его внешнеэкономической деятельности. Также следует отметить недостаточную инвестиционно-инновационную активность и нацеленность на формирование общего внутреннего рынка Содружества с учетом специализации стран по отдельным видам продукции.

Вместе с тем следует констатировать за прошедший период после объединения прогресс по макроэкономической стабилизации, деловому климату и инвестиционной привлекательности отдельных сфер экономики, эффективности логистики и цифровизации. Продолжается умеренный рост объемов взаимной и внешней торговли, при этом сохраняется ориентация в большей степени на внешнюю торговлю. По итогам 2018 года оборот внешней торговли государств-членов ЕАЭС с третьими странами в 13 раз превысил оборот взаимной торговли. Объем внешней торговли товарами в 4 раза превысил объем внешней торговли услугами. Продолжался небольшой рост объема промышленной кооперации, на 4% увеличился рост инвестиций в основной капитал ЕАЭС[1].

На государства-члены и на Содружество оказывают воздействие разнонаправленные общемировые векторы развития: глобализация мировой экономики, политическая нестабильность в отдельных регионах, стремление к открытости национальных экономик, усиление роли государственного регулирования, включая протекционизм, усложнение системы связей и ограничений в мировой экономике, мировых рынках и др. С учетом дальнейшего развития Союза, реализации имеющихся конкурентных преимуществ, способных повысить качественный и устойчивый экономический рост, приняты «Основные направления развития ЕАЭС до 2030 года»[2] и «Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС»[3], разработан «Долгосрочный прогноз экономического развития Евразийского экономического союза до 2030 года»[4]. Исходя из поставленных целей интеграцию и развитие сообщества намечено осуществлять прежде всего в экономической области – как основе ЕАЭС.

Состояние и перспективы экономической интеграции

Реализуемая в ЕАЭС экономическая модель направлена на интеграцию и повышение эффективности взаимодействия, построенного на новых принципах и новых связях. Целью экономической модели является обеспечение более высоких темпов экономического роста, повышение производительности труда и качества жизни в каждой из республик, входящих в ЕАЭС, и объединения в целом, а также решение других актуальных проблем в каждой республике.

Несмотря на то, что подписан Таможенный кодекс, создан Таможенный союз, сформирована основа Единого экономического пространства, принята Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов и ряд других документов, реальная экономическая интеграция находится на начальном этапе. Функционирует рынок услуг в 43 секторах, к 2025 году намечено расширить интеграцию еще в 21 секторе. Работает общий рынок лекарственных средств и медицинских изделий, к концу 2019 года предполагается создание общего энергетического рынка, а в дальнейшем рынка нефти, газа и нефтепродуктов, агропромышленной и другой продукции. Для этого приняты концепция согласованной агропромышленной политики, основные направления и этапы реализации скоординированной транспортной политики. Продолжается проработка концепции общего финансового рынка и других направлений деятельности, определенных Договором о Союзе. Всеми странами признаны приоритетными отраслями агропромышленный сектор, транспорт, промышленность, туризм, цифровые технологии и электронные площадки.

В центре внимания остаются вопросы планирования, координации макроэкономической политики и контроля за деятельностью, кооперации и создания совместных производств, технического регулирования и единых правил безопасности, экспорта и импорта, повышения доли расчетов в национальных валютах, соответствия торговых правил требованиям ВТО, интеллектуальной собственности, санитарного и фитосанитарного контроля, ликвидации и унификации нетарифных барьеров, цифровизации и др.

Исключительное значение имеет общественное восприятие не только идей и целей евразийской интеграции, но достижений и проблем данного проекта. Реализуемые цели и направления интеграции в ЕАЭС в настоящее время базируются в основном на кооперации продукции с сохранением обширных изъятий из режима свободной торговли и развитии предприятий добывающей, пищевой, легкой промышленности, первичной переработки сырья, производителей сельскохозяйственной продукции. То есть режим свободной торговли и ее сфера внутри ЕАЭС весьма ограничены. Возможности углубления интеграции связаны с отходом от инерционного развития существующей экономической базы, независимости и замкнутости национальных экономик, базирующихся на собственных источниках роста и инфраструктурных ограничениях, сохранения изъятий и ограничений, и развития преимущественно как транзитной территории для сильных региональных блоков. Главным должно стать существенное усиление координации действий по ключевым направлениям в реальном, в том числе несырьевом секторе и сфере услуг, определяющим конкурентоспособность и заметное повышение эффективности экономики. Современное состояние межгосударственных отношений, а также медленная реализация ряда переходных положений, предусмотренных Договором о Союзе, не способствуют ускорению реализации углубленного интеграционного сотрудничества.

[1] http://www/eabr.org

[2] http://www.eurasiancommission.org

[3] http://www.mineconom.gov.kg

[4] http://www.eurasiancommision.org

В ЕАЭС также продолжается поиск наиболее эффективных способов внешнеэкономической деятельности и ее регулирования. Первым примером региональных соглашений для ЕАЭС в сфере торговли товарами стало соглашение о зоне свободной торговли между ЕАЭС и его государствами-членами и Социалистической Республикой Вьетнам, вступившее в силу в конце 2016 г. В нем получили развитие механизмы торговой интеграции, основанные на стандартном формате ВТО-плюс, то есть оно выходит за рамки ВТО и включает взаимное упрощение доступа на товарные рынки, а также положения об инвестировании, конкуренции, интеллектуальной собственности, а в отношении России оно охватывает сферу услуг, взаимные инвестиции, передвижение трудовых ресурсов, обмен технологиями и информацией. В рамках соглашения предоставлены тарифные преференции для отдельных видов товаров, фиксируются условия предоставления режима свободной торговли и перечень изъятия из данного режима, поэтапного снижения таможенных пошлин и возможность ускоренной либерализации в сфере торговли товарами в течение переходных периодов. Предусматриваются тарифные обязательства и тарифные квоты, охватывающие незначительное число товаров, регулируются правила происхождения товаров и вводятся два новых инструмента защиты – двухсторонние и триггерные защитные меры. Двухсторонняя защитная мера применяется в случае, если в результате снижения или отмены таможенной пошлины импортируемый в больших количествах товар может нанести серьезный ущерб отечественной экономике, производящей аналогичный или конкурирующий товар на территории импортирующей стороны. Триггерные защитные механизмы применяются в отношении особо чувствительных товаров при превышении объемов импорта выше уровня, прописанного в Соглашении. В Соглашение не включены санитарные и фитосанитарные меры защиты в связи с различными интересами партнеров. Однако данное Соглашение позволяет в целом осуществить либерализацию в определенных рамках в торговле по правилам ВТО-плюс для всех стран ЕАЭС, что особенно важно для Республики Беларусь, еще не присоединившейся к ВТО[1]. По расчетам Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) средний уровень импортного тарифа стран ЕАЭК к 2025 году сократится с 9,7 до 2%,а Вьетнама с 9,7 до 1%. Опыт проработки и реализации этого соглашения очень важен при подготовке подобных соглашений с другими странами, ведь Вьетнам является быстро развивающимся членом другого объединения – Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Поэтому другим важным примером создания зоны свободной торговли может стать соглашение между ЕАЭС и АСЕАН или другими странами-членами этого объединения, в первую очередь с Сингапуром, с правительством которого ЕЭК подписан Меморандум о взаимопонимании и отмечается положительный торговый баланс в последние годы. В ряде государств АСЕАН имеется в наличии неплохой платежеспособный спрос, и это особенно важно для экспорта продукции не самых передовых технологий. Это соглашение может быть интересно для всех стран-членов ЕАЭС, как попытка оживления торговой политики в Тихоокеанском регионе. В настоящее время начата проработка создания зоны свободной торговли ЕАЭС с Израилем, а также рядом других государств.

Важным фактором повышения эффективности производства и обеспечения более высоких конкурентных позиций является укрепление взаимоотношений между ЕАЭС и другими интеграционными объединениям по наиболее выгодным направлениям развития. При этом необходимо учитывать, что на пространстве Большой Евразии придется конкурировать с инициативами других объединений и стран, прежде всего с КНР на востоке, а на западе с ЕС.

Основные направления углубления интеграционных процессов

Для всех стран-членов ЕАЭС характерен выпуск преимущественно сырьевой продукции низкой добавленной стоимости и поиск оптимальных способов торговли этими товарами. Во внутренней торговле РФ, Казахстан и частично Киргизия продают минеральные продукты, Беларусь и Армения – продукцию пищевой промышленности и сельского хозяйства, Киргизии и Армении – товары легкой промышленности. Только Белоруссия, Казахстан и частично Россия выходят на рынки с продукцией машиностроения, электромашиностроения и средствами транспорта. Это серьезно ограничивает темпы экономического роста каждой страны и объединения в целом.

Устойчивое социально-экономическое развитие становится возможным лишь в условиях реализации инвестиционных проектов и расширения производства в соответствии с программами инновационного индустриального развития. Для того, чтобы перейти от низких темпов, характерных для простого воспроизводства, необходимо принять и реализовать программу нового индустриального развития. Конкретная форма наиболее эффективных интеграционных процессов в производстве и торговле должна определяться с учетом объективных тенденций в области воспроизводства товаров и технологий, в сфере технологического применения достижений науки, а также капитала, направляемого на эти цели. Развитие и применение новой техники и технологий с целью получения товаров большей добавленной стоимости в дальнейшем приводит к принципиально новым кооперационным и торговым отношениям, к более высокому их уровню, что подтверждается тенденциями в мировой торговле товарами. Нужен выбор: двигаться дальше на условиях простых форм кооперации с низким уровнем и небольшой эффективностью или углубить взаимоотношения на новых принципах с тесными производственно-технологическими, социально-экономическими и инфраструктурно-коммуникационными связями и обязательствами по ним. Следует учитывать, что на современном этапе изменяются представления о традиционном производстве продукции и рынках:

– на стадии разработки продукта осуществляется переход к расширению цифрового моделирования, масштабирования и проектирования, требующих банков данных по свойствам веществ, компьютерных программ и многого другого;

[1] Ушкалова Д.И. Соглашение о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом: механизмы торговой интеграции // Вестник Института экономики Российской академии наук. – М., 2018. – № 6. – С. 24–34.

– производства используют в качестве сырья не просто природные ресурсы, а конструкционные материалы с комплексами новых, чаще всего заданных свойств;

– в процессах производства все больше используются непрерывные процессы, оборудование и аппараты большой единичной мощности, характеризующиеся высокой производительностью, а для их функционирования требуется необходимая производственная инфраструктура;

– дальнейшее использование нового продукта, в отличие от традиционного, требует дополнительного программного, информационного и коммуникационного обеспечения и соответствующего оборудование для него;

– для выхода нового товара на рынок используются электронные торги, а для его эксплуатации у потребителя сервисное обслуживание;

– новый товар создает новые рынки и в большей степени, чем ранее, должен отвечать повышенным требованиям по окончании использования (не просто утилизироваться на полигонах, а эффективно перерабатываться в другие продукты).

В условиях научно-технологической революции идет конкуренция за обладание современными технологиями, отвечающими вышеперечисленным требованиям, и поэтому необходим переход на новые организационно-технологические и методологические принципы и формы взаимодействия. Должна осуществляться цифровая трансформация во взаимоувязанном комплексе: образование – наука – производство – торговля – финансы – информация – правовые и кадровые вопросы. Естественный процесс реализации этого тренда может занимать длительное время, а для его ускорения требуются новые общие политические, экономические цели и решения, другие формы и форматы координации и взаимодействия, а также показатели эффективности интеграции. При решении проблемы углубления интеграции и развития содружества необходимо исходить из целесообразности перехода к производственной специализации и кооперации, инновационному расширенному воспроизводству как наиболее эффективным формам сотрудничества, осуществлять централизованное стратегическое планирование, регулирование и контроль этого процесса. Решение об этом должно быть принято главами государств на Высшем евразийском экономическом совете, т.е. на политическом уровне, а это требует также наличия общих политических целей и политической координации.

Необходимо также принимать во внимание соперничество и конкуренцию между странами в период установления нового миропорядка, когда решение экономических вопросов принимается с учетом внешнеполитических, а в отдельных случаях даже внутриполитических, а также военных, экологических и др. отношений, санкционной борьбы не просто отдельных государств, а союзов и стран-партнеров. То есть экономическая конкуренция зависит все в большей и большей степени от неэкономических решений и воздействий. А в этих условиях внутренняя и внешняя политика отдельных государств не в состоянии обеспечить национальный и экономический суверенитет и вынуждена допускать на определенных условиях вмешательство иностранных государств и международных сил влияния на политическую, экономическую и военную безопасность, т.е сознательно идти на ограничение своего государственного суверенитета. Специалисты в этой области отмечают, что оценка международного измерения государственного суверенитета по существующим методикам и рейтингам показывает значительный разброс по степени и уровням суверенитета отдельных государств, в которых в различной степени наиболее уязвимы информационные, финансово-экономические и организационно-концептуальные институты власти[1].

Принципы независимости, суверенитета и равенства, декларируемые в объединении, прежде всего являются политическими. Для ряда стран, входящих в ЕАЭС, которые недавно пробрели независимость, а вместе с ней ответственность и понимание ограниченности своих возможностей для дальнейшего развития, некоторое ограничение независимости и суверенитета это непростой вопрос, который каждая страна должна решать самостоятельно. Но при этом, на наш взгляд, должны соблюдаться принципы равенства, справедливости и свободы при принятии всех основополагающих решений по проектам и программам развития, механизмам их реализации, источникам финансирования и компенсационным выплатам за ущерб в случае невыполнения достигнутых соглашений и договоров.

К основным направлениям работы в социально-экономической сфере в новых условиях следует отнести:

– обеспечение безопасности нефтяных, газовых и других стратегических сырьевых месторождений Каспия, Центральной Азии, Арктического шельфа, топливных и энергетических ресурсов как основы будущего социально-экономического развития и национальной безопасности стран сообщества;

– создание совместными усилиями транспортных коридоров, других производственных объектов и инфраструктуры переработки нефти и газа в продукты высокой добавленной стоимости, развитие расширенного их воспроизводства инновационными методами;

– углубление сотрудничества в макроэкономической и валютно-финансовой сферах;

– формирование и реализацию продовольственных программ не по существующим стандартам потребления, а по базовым или физиологическим нормам, увеличение экспортного потенциала сельскохозяйственной и пищевой продукции;

– углубление в сфере технического регулирования, укрепление научно-технического потенциала, инновационных возможностей, развитие производственной специализации внутри содружества, тесную связь науки и производства;

– расширение образовательного, гуманитарного и культурного сотрудничества;

– постепенное решение региональных экологических и демографических проблем.

[1] Небренчин С.М. Международное измерение государственного суверенитета // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2019. – Вып. 2, ч. 1. – С. 97–100.

Совершенствование форматов сотрудничества

Большинство вопросов в социально-экономической и гуманитарной сферах связано с принятием политических решений на уровне глав государств и правительств в наднациональном органе – Высшем евразийском экономическом совете, принятие новых экономических документов – на Межправительственном совете ЕАЭС, обеспечение условий функционирования ЕАЭС, Таможенного союза и Единого экономического пространства – на Евразийской экономической комиссии. В отдельных случаях это требует согласования со всеми ветвями государственной власти стран-участников.

Ряд региональных международных объединений выбрал иной формат взаимодействия. К примеру, в договоре о создании Европейского Союза сразу указано на политические ограничения вступающих в Объединение государств, и существует ряд наднациональных органов управления (Европейский парламент, Европейский совет, Совет Европейского союза, Европейская комиссия, Суд Европейского союза, Европейская счетная палата, Европейский Центробанк и др.)[1].

В уставе АСЕАН зафиксировано, что углубление экономической интеграции осуществляется в рамках ассоциации путем создания трех сообществ – экономического, политического и социально-культурного без наднационального органа. Причем в рамках формирования экономического сообщества было запланировано достижение четырех свобод: свободного перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы (лиц квалифицированного труда). Политическое сообщество создавалось с целью укрепления безопасности, демократии и мира в регионе, поддержки верховенства законов и прав человека. Социально-культурное сообщество направлено на укрепление солидарности и единства народов АСЕАН, на формирование социально ориентированных государств, способных успешно решать социально-экономические проблемы населения стран-участниц. Даже из этих примеров можно видеть, что форматы многостороннего экономического сотрудничества и экономической интеграции могут быть многообразны, также могут быть различны направления их трансформации с учетом особенностей стран-участников сообществ.

Следует также учитывать, что две страны – Россия и Белоруссия – находятся на более высокой форме сотрудничества и являются членами Союзного государства. В рамках взаимоотношений между этими странами могут быть приняты решения о более глубокой производственной, научно-технологической, экономической и культурной интеграции, что позволит повысить внутрихозяйственную и внешнеэкономическую деятельность этих стран и уровень жизни в них. В принципе не исключается расширение союзного государства и ЕАЭС за счет включения в их состав других стран.

Поэтому вышеуказанные факторы и тенденции должны в полной мере учитываться при принятии решений о наиболее эффективных форматах сотрудничества в ЕАЭС при переходе на новый этап развития. В этой связи следует отметить, что региональная форма и форматы сотрудничества, принятые при образовании Европейского Союза и АСЕАН, в ряде вопросов, по нашему мнению, в большей степени отвечают требованиям сегодняшнего дня, надежности и эффективности всех форм отношений в политической, социально-экономической и культурной сферах, что следует учесть при развитии ЕАЭС. В то же время желательно избежать проблем, затрудняющих консолидацию Сообщества по ключевым политическим, социально-экономическим и гуманитарным вопросам, которые отмечаются в Европейском Союзе.

В современных условиях перестройки международных отношений, борьбы за мировое политическое, экономическое лидерство и построение нового миропорядка ЕАЭС будет вынужден осуществлять трансформацию в направлении создания соответствующей системы органов управления в политической, экономической, и социально-культурной сферах с сохранением единой транспортно-коммуникационной инфраструктуры и общим гуманитарным пространством. Это обусловлено тем, что в настоящее время развитие и углубление интеграционных процессов, исходя из национальных интересов стран-членов ЕАЭС, нужно рассматривать не только в рамках международных экономических, но также геополитических аспектов и вопросов международной безопасности. То есть, если раньше политические институциональные инициативы (создание единого парламента, рассмотрение политических вопросов в наднациональных органах ЕАЭС) странами-учредителями Союза не рассматривались, то теперь это становится необходимостью. Это требует приближения структуры наднациональных органов ЕАЭС к ЕС как объединению наиболее близкому к эталону региональной интеграции. При этом мировые торговые войны, снижение темпов роста промышленного производства и валового внутреннего продукта, экономические кризисы могут стать только катализатором углубления всесторонней интеграции ЕАЭС при тесных связях и доброй воле стран. Этому может способствовать общее историческое прошлое, единое пространство, объединяющее страны и народы, взаимопроникновение языков и культур в недавнем времени.

Критерии и показатели эффективности интеграционных процессов и качества жизни

В настоящее время основными показателями, характеризующими экономический рост, в макроэкономике являются валовой внутренний продукт (ВВП), валовой национальный доход (ВНД), производительность труда и др. Наиболее широкое распространение в мире получил показатель ВВП, характеризующий стоимость конечных товаров и услуг, произведенных резидентами страны за определенный период времени, за вычетом стоимости промежуточного потребления. В последние годы отечественными учеными все больше и больше ставится вопрос о смене главных

[1] http:// wikipidia.org

ориентиров развития и использовании для этой цели показателя качества жизни[1]. Показатели ВВП, ВНД, производительности труда и другие отражают только создаваемые экономические возможности для улучшения уровня и критериев качества жизни.

Качество жизни на макроэкономическом уровне как степень удовлетворения материальных, духовных и социальных потребностей человека – это широкое и многоаспектное понятие, оно имеет специфические особенности в каждой стране и трудно поддается количественной оценке даже по степени удовлетворения научно-обоснованных потребностей, не говоря уже об удовлетворении качеством жизни самих людей. В российской науке центральное место занимают разработки методологии оценки качества жизни, выбор оптимального числа экономических и социальных показателей, их значений, носящих объективный и субъективный характер, а также научно-обоснованных нормативов. Есть ряд методик и систем оценки уровня качества жизни для отдельных сфер использования и расчета интегрального, агрегатного макроэкономического показателя, но ни одну из методик и статистических систем нельзя признать универсальной и общепринятой, отвечающей современным требованиям. К числу наиболее полных и реально применяющихся систем относится набор статистических показателей «Основные показатели уровня жизни населения в условиях рыночной экономики», разработанный еще в 1992 году в Центре экономической конъюнктуры и прогнозирования при Министерстве экономики РФ. В ней представлено 7 разделов, охватывающих 40 показателей (обобщенные показатели, доходы населения, потребление и расходы населения, денежные сбережения населения, накопления имущества и жилище, социальная дифференциация населения, малообеспеченные слои населения).

Позже предложено несколько систем, различающихся структурой и набором показателей. Отметим только систему, разработанную Министерством экономического развития РФ и Госстатом России, согласованную с заинтересованными министерствами и ведомствами, администрацией регионов, и введенную в действие в 1993 году. Наиболее важные 12 показателей, принятые для реализации национальных и федеральных проектов и для оценки хода экономических реформ, включены в раздел 10 «Социальная сфера, жизненный уровень населения» и подраздел 10.3 «Уровень жизни». Они скорее относятся к степени обеспечения населения материальными и социальными и духовными благами, а не к степени удовлетворения научно-обоснованных потребностей человека.

Известны зарубежные системы, разработанные Европейской комиссией ООН, в США и других странах, в которых применяются различные подходы в зависимости от социальных ориентиров, образа и уровня жизни, различных важнейших жизненных ценностей, окружающей среды, индексы человеческого развития, счастья, здоровья и т.п. Поэтому в Российской Федерации необходимы комплексные фундаментальные и прикладные междисциплинарные исследования медиков, биологов, экологов, технологов и экономистов-социологов для детального рассмотрения биологических, технико-технологических, экологических и социально-экономических факторов, влияющих на этот сложный интегральный показатель, определения научно-обоснованных показателей, критериев и степени удовлетворения граждан качеством жизни.

[1] Иванов В.В. Проблемы перехода к политике технологического лидерства // Итоговый сборник докладов «Технодоктрина 2014». – М., 2014. – С. 25; Бодрунов С.Д. Ноономика. Будущее: четвертая технологическая революция / Санкт-Петербургский международный экономический конгресса – СПЭК-2018. Сборник пленарных докладов. – СПб., 2018. – С. 20.

Тома А.Ю.
председатель правления научно-культурного учреждения «Евразийское партнёрство», Минск

РОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ЕАЭС

Ключевые слова*: гражданское общество, евразийская интеграция, право ЕАЭС.*
Keywords*: civil society, Eurasian integration, law of the EAEU.*

Процесс демократизации постсоветских стран привёл к созданию в них целого ряда структур – общественных объединений и организаций, политических партий и движений, негосударственных СМИ, профсоюзов, правозащитных и религиозных организаций. Совокупность таких структур принято называть институтами гражданского общества. Данные институты поддерживают отношения с государственными учреждениями и имеют международные связи с подобными институтами из других стран. В связи с этим гражданское общество способно влиять не только на политические процессы отдельно взятой страны, но и на интеграционные проекты и объединения, такие как Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

В конце 2018 года Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) выпустила Доклад о реализации основных направлений интеграции в рамках Евразийского экономического союза. В Докладе отмечается «снижение общественной поддержки евразийской интеграции из-за недостаточного уровня популяризации в государствах-членах процессов евразийской интеграции» [1, с. 52].

По официальным данным снижение общественной поддержки участия в ЕАЭС в 2017 году по сравнению с 2016 годом происходило в России (с 69 до 68% опрошенного населения) и в Беларуси (с 63 до 56%) [2, с. 21]. В остальных странах-участницах ЕАЭС общественная поддержка евразийской интеграции увеличилась.

Падение общественной поддержки евразийской интеграции на 7% за год в Республике Беларусь – это результат действия ряда внешних и внутренних факторов. Среди внешних факторов можно выделить комплексное воздействие со стороны оппозиционных структур – некоммерческих организаций, независимых СМИ, социальных медиа и мозговых центров. Работа данных структур ведётся по технологиям мягкой силы и направлена на переориентацию внешнеполитического курса Республики Беларусь.

Среди внутренних факторов, влияющих на снижение общественной поддержки евразийской интеграции, можно выделить следующие:

Первый фактор. В информационном пространстве Республики Беларусь существует проблема недостаточного освещения процессов евразийской интеграции. На сегодняшний день среди белорусских СМИ нет ни одной передачи, посвящённой исключительно евразийской интеграции. В связи с этим, у части населения Беларуси существуют определённые стереотипы и скептическое отношение к таким интеграционных проектам как ЕАЭС и ОДКБ.

Для решения данной проблемы целесообразно запустить передачу на одном из национальных каналов, которая будет посвящена теории и практике евразийской интеграции.

Второй фактор – это отсутствие необходимого финансирования со стороны государства и национального бизнеса. В Республике Беларусь на сегодняшний день отсутствует фонд поддержки публичной дипломатии и институтов гражданского общества. Подобные фонды, активно работающие в России (Фонд Горчакова) и в Германии (Фонд Аденауэра), доказали свою эффективность. Благодаря работе таких фондов осуществляется выявление и обучение талантливой молодёжи, которая в будущем занимает ответственные государственные должности. Мероприятия, которые организуются при поддержке подобных фондов, помогают развивать связи между институтами гражданского общества различных стран и формируют притягательный имидж государства.

Отсутствие в Республике Беларусь фонда поддержки публичной дипломатии и институтов гражданского общества может иметь ряд стратегических последствий. Поэтому решение данной проблемы – это вопрос времени. Автор предлагает следующую инициативу.

С 1 января 2020 года Республика Беларусь будет председательствовать в ЕАЭС. Также в 2020 году представитель белорусской стороны займёт пост Председателя коллегии Евразийской экономической комиссии. Это откроет уникальную возможность для нашей республики внести свой вклад не только в развитие ЕАЭС, но и в сопряжение интеграционных проектов от Лиссабона до Шанхая.

Во время председательства в ЕАЭС в 2020 году руководство Беларуси может выступить с инициативой создания Фонда поддержки общественных инициатив. Соучредителями фонда выступят 5 стран-участниц ЕАЭС: Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россия. Гранты, выделяемые данным фондом, пойдут на укрепление гражданского общества стран-участниц ЕАЭС и реализацию совместных гуманитарных проектов по популяризации и поддержке евразийской интеграции.

Третий фактор – это недостаток подготовки руководителей институтов гражданского общества, которые часто бывают некомпетентны в организации и проведении международных мероприятий. Для решения данной проблемы

необходимо разработать образовательные курсы для руководителей общественных организаций по повышению их квалификации.

Четвёртый фактор – это правовые трудности при привлечении и оформлении новых сторонников на добровольных (общественных) началах. В большинстве развитых государств этот вопрос регулируется законами о волонтёрской деятельности. Детальный анализ Законодательства Республики Беларусь показывает, что вопросы регламентации волонтёрской деятельности косвенно упоминаются лишь в отдельных нормативно-правовых актах – в Законе Республики Беларусь от 7 декабря 2009 г. № 65-З «Об основах государственной молодежной политики», Законе Республики Беларусь от 22 мая 2000 г. № 395-З «О социальном обслуживании», в Инструкции об оказании паллиативной помощи детям, утвержденной приказом Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 29 октября 2008 г. № 1010.

Из перечисленных нормативно-правовых актов юридическое определение понятия «волонтерская деятельность» содержит лишь Закон Республики Беларусь от 7 декабря 2009 г. № 65-З «Об основах государственной молодежной политики».

Полноценный закон, регулирующий отношения в сфере волонтёрской деятельности (не только молодежной), в Законодательстве Республики Беларусь отсутствует. Актуальность разработки подобного Закона напрямую связана с организацией и проведением в Беларуси международных мероприятий, в работе которых участвуют волонтёры (например, II Европейские игры, которые прошли летом 2019 г.). Также подобный Закон необходим и в работе общественных организаций, которые задействуют волонтёров при организации и проведении международных мероприятий в сфере публичной дипломатии.

Россия и Казахстан уже приняли необходимые меры по разработке законов о статусе волонтёров. В Казахстане был принят Закон от 30 декабря 2016 года № 42-VI «О волонтерской деятельности». 1 мая 2018 года вступил в силу Закон Российской Федерации «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)». Данный Закон является наиболее проработанным Законом о волонтёрстве на постсоветском пространстве и может быть взят за основу в разработке наднационального нормативно-правового акта о волонтёрской деятельности в странах-участницах ЕАЭС.

Актуальность разработки подобного закона связана с тем, что принижение роли гражданского общества ведёт к застою и неэффективному развитию общественно-государственной системы. К тому же игнорирование или подавление институтов гражданского общества может расцениваться как отход от принципов демократии. Поэтому следует исходить из представления о том, что идея гражданского общества является позитивной, призванной гармонизировать отношения между властью и обществом, т.к. «мир политики – это поле взаимодействий, центростремительной силой которых выступает власть. Взаимодействие эффективно только тогда, когда властвующий имеет с подвластными общий язык, который способствует конструктивному диалогу, приводящему к консенсусу. Публичная политика, таким образом, предстаёт как коммуникация, в ходе которой осуществляется открытое согласование интересов, охватывающих всё общество» [3, с. 63–64].

Согласование интересов структур гражданского общества с интересами органов государственной власти обеспечивает выполнение жизненно важных системных функций. В то же время, как показывает общественно-политическая практика, конфликт интересов органов власти и гражданского общества может привести к дестабилизации социально-политической ситуации, кризису власти и смене элит.

Возможность эффективного влияния на государственную политику в некоторых случаях делает институты гражданского общества инструментом политики иностранных государств. Оказывая моральную, информационную и материальную помощь институтам гражданского общества, обеспечивая им внешнее прикрытие, иностранные государства, союзы и международные организации могут стремиться превратить их в механизм влияния на власть, а если понадобится, то и её смены. «Еще в 1964 г. в докладе Комитета по международным делам США отмечалось: …посредством использования современных инструментов и коммуникационных технологий сегодня возможно достичь больших или влиятельных сегментов населений государств, чтобы информировать их, воздействовать на их позиции и временами даже мотивировать их к следованию определенному курсу действий. Эти группы, в свою очередь, обладают способностью к осуществлению заметного, иногда решающего, давления на свои правительства» [4, с. 224].

Технологию смены власти с использованием институтов гражданского общества и комплексного внешнего воздействия принято называть технологией управляемых кризисов. С помощью технологии управляемых кризисов решается целый ряд геополитических задач – контроль над жизненно важными транспортными коммуникациями, рынками, источниками сырья, срыв экономических проектов, формирование буферных зон, изменение баланса сил в регионе, ослабление геополитических противников, сохранение лидирующей роли в мировых процессах и т.д.

Эти технологии имеют прямое отношение к государствам-участницам ЕАЭС. Некоторые государства рассматривают ЕАЭС как серьёзного конкурента в борьбе за мировое лидерство и контроль над природными ресурсами. Паритет в ядерных силах сдерживания и способность нанести неприемлемый ущерб обычным вооружением делает технологию управляемого кризиса с использованием институтов гражданского общества основным инструментом геополитической борьбы.

«В наше же время даже возникновение таких понятий как информационная война, медиа-агрессия, информационная безопасность свидетельствует не только о тесной связи масс-медиа с конфликтными ситуациями, но и о том, что в вооруженных конфликтах современности борьба на информационном поле не менее важна, чем непосредственно военные действия. Если до недавнего времени война влияла большей частью на информационную сферу, в частности, на журналистику (например, первая мировая война стала стимулом для появления и развития в США аналитиче-

ской журналистики, так как американцы не могли понять, каким образом убийство эрцгерцога Фердинанда послужило причиной такого конфликта), то в последнее время наблюдается обратная связь, причем как на макро- так и на микроуровне» [5, с. 427].

На общую угрозу странам-участницам ЕАЭС целесообразно дать и общий ответ. И этот ответ важно найти, прежде всего, в технологиях «мягкой силы». «Как считают эксперты, сегодня технологии “мягкой силы” применяются в рамках комплекса гибридных акций, скоординировано по месту и времени, целям и задачам, формам и методам, содержанию, объектам и каналам воздействия. Целенаправленное влияние оказывается сразу на все основные механизмы и институты управления обществом, призванные обеспечить суверенитет, территориальную целостность, национальную безопасность страны» [6, с. 9].

Приоритетной задачей также является разработка стратегии развития ЕАЭС, которая будет проецироваться на идеологию, управленческие решения, интересы и цели стран-участниц. Если эта стратегия будет выражать глубинные потребности народов стран-участниц ЕАЭС, то она способна стать движущей силой социально-политических процессов в масштабах континента.

Одним из эффективных механизмов, позволяющих направить эту творческую энергию масс на развитие ЕАЭС, являются институты гражданского общества. От того, в какой мере удастся согласовать деятельность институтов гражданского общества со стратегией развития ЕАЭС, будет зависеть реализация всего геополитического проекта.

Стратегия развития ЕАЭС должна формироваться в диалоге общества, бизнеса и государства. Она должна быть соотнесена с духовно-нравственными ценностями и культурно-историческими традициями народов ЕАЭС, отражающими их глубинные представления о справедливом обществе, в котором и отдельная личность и целые народы имели бы возможность для духовного, интеллектуального и материального развития.

Особую актуальность стратегия развития ЕАЭС приобретает в условиях проведения реформ, охватывающих многие сферы жизнедеятельности общества и государства. Очевидно, что такие реформы назрели во всех странах-участницах ЕАЭС. Однако данные реформы не будут иметь результат, если не будет общественной поддержки «снизу». Эту поддержку власть может получить через диалог, посредством которого согласуются интересы государственных учреждений и институтов гражданского общества.

Процесс строительства геополитического проекта, сопровождающийся комплексом реформ – это длительный процесс. Поэтому механизмы диалога должны создаваться на долгосрочную перспективу и действовать на постоянной основе. В этом случае процесс строительства геополитического проекта и «сверху» и «снизу» может быть согласованным, а выработанные решения – адекватными.

Список литературы

1. Доклад о реализации основных направлений интеграции в рамках Евразийского экономического союза. – М.: ЕЭК, 2018. – 154 с.
2. Интеграционный барометр ЕАБР 2017. – СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. – 111 с.
3. Кокшарова А.М. Политическая коммуникация как фактор публичной политики // Власть. 2009. – № 7. – С. 63–65.
4. Кизима С.А. Информатизация и национальное государство: геополитический аспект // Проблемы управления. – М., 2010. – № 1. – С. 223–228.
5. Утяшев И.Р. Роль коммуникаций в военно-политических конфликтах современности // Вестник Казанского технологического университета. 2012. – № 10. – С. 427–430.
6. Небренчин С.М. Информационное измерение «мягкой силы». – М.: АНО ЦСОиП, 2017. – 228 с.

Харыбин А.Н.
старший преподаватель, Волгоградский государственный аграрный университет
xahaleksandr@mail.ru

ИНТЕГРАЦИЯ ВОСТОЧНОЙ УКРАИНЫ: ОТ ЮВУАР К НОВОРОССИИ

Ключевые слова*: Украина, государство, Россия, Президент Украины, оранжевая революция, территориальное устройство государства, Крым, Автономная республика, Евромайдан, выборы.*

Keywords*: Euromaidan, Autonomous Republic, Crimea, territorial structure of the state, Orange revolution, President of Ukraine, Russia, State, Ukraine, elections.*

С момента образования суверенного государства в 1991 после подписания Беловежских соглашений, украинское общество является, как отмечает С. Хантингтон, расколотым на две части по территориальному признаку: западная Украина ориентируется на Европу, Восточная на Россию, так как население страны, по мнению ученого, принадлежит к двум различным цивилизационным категориям: Восточная часть – Православная, Западная Украина – составная часть цивилиззации Запада[1].

После того как прошел второй тур президентских выборов 2004 года и по его итогам победителем был объявлен В. Янукович, сторонники его противника – В. Ющенко начали массовые акции протеста против официальных итогов выборов, обвиняя власть в масштабных фальсификациях, давление изнутри сопровождалось давлением извне: все европейские государства отказались признать итоги выборов и вследствии этого отозвали своих послов. Представители восточной Украины предприняли ряд попыток провести митинги в поддержку В. Януковича. Однако Синий Майдан не был успешен: неудачей закончился подвоз жителей восточных регионов в Киев, активность местного населения в большинстве городов Восточной Украины практически отсутствовала. Можно выделить три ключевых фактора неудачи акций, поддерживающих В. Януковича: 1. отсутствие заинтересованности среди населения Восточной Украины; 2. Уверенная победа Ющенко в Киеве, и соответственно готовая база для протестов в столице; 3. сложность мобилизации людей для политической активности в защиту позитивной повестки.

Результаты выборов вызвали политичесские процессы, которые стали угрожать самому существованию государства в качестве единого целого: депутаты региональных парламентов Западной и Восточной Украины призывали местную власть взять на себя полномочия суверенитета, некоторые области заявили о приостановлении выплат в бюджет Украины, пока происходит противостояние. В подобных действиях видится историческая параллель с восстаниями местного дворянства (шляхты) в Польше (большая часть Украины длительный период была ее составной частью): местные дворяне, если они считали, что власть ущемляет их права, поднимали восстания и создавали конфедерации.

Депутаты Восточной Украины встретились в Северодонецке на Первом Всеукраинском съезде народных депутатов всех уровней 28 ноября 2004 года. Из политиков, присутствовавших на съезде следует отметить победителя второго тура выборов В. Януковича, мэра Москвы Ю. Лужкова, губернатора Донецкой области А. Близнюка и губернатора Харьковской области Е. Кушнарева (за его деятельность на съезде в дальнейшем против него было возбуждено уголовное дело). Результатом деятельности съезда стало провозглашение Юго-Восточной Украинской Автономной Республики. Ее проект предполагал трансформацию Украины в конфедерацию или отделение восточной Украины, в случае победы Ющенко, со столицей в Харькове. По итогам създа были назначены референдумы о суверенитете в случае победы Ющенко на 5 и 12 декабря 2014 года. Представители республик отправили обращение к В. Путину с просьбой оказать поддержку, однако в Кремле запрос был проигнорирован. В итоге, не получив поддержки, проект был заморожен, референдумы о независимости не состоялись. Следует отметить, что население регионов не проявляло политической активности и не участвовало в разработке проекта. Результатом «оранжевой революции» для российской внешней политики, как отмечает И. В. Грецкий, стала смена тактики в отношении Украины и других государств СНГ, а также изменение отношения России к инициативам ЕС на постсоветском пространстве[2].

Во время Евромайдана повторились события оранжевой революции, при этом, несмотря на низкую политическую активность на первом этапе, после замены восточноукраинской элиты западной, начались народные выступления на территории Восточной Украины. При этом регионы, где на выборах 2004 победил Янукович, и которые должны были войти в Юго-Восточной автономную республику совпали с территориями «Русской Весны», а Президент Украины попытался вновь разыграть карту сепаратизма: после того как В. Янукович покинул Киев, он отправился в Харьков с целью провести съезд, ключевым вопросом которого было бы отделение Восточной Украины, однако В. Янукович не пользовался той популярностью, которая была у него в 2004 году, что позволило сторонникам Евро-

[1] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2006. – 573 с.

[2] Грецкий И.В. Внешнеполитические факторы президентских выборов 2004 года в Украине. – СПб., 2010. – С. 190–191.

майдана сорвать проведение съезда. Следует указать на ключевые отличия 2014 от 2004 года, которые предопределили отделение Крыма и Новороссии:

– Поддержка сторонников отделения Россией. В 2004 году, Россия не оказала поддержки Восточным регионам, сделав ставку на победу В. Януковича в третьем туре, и установление лояльного режима на всей территории Украины. В 2014 году, в местах, где Россия оказала поддержку повстанцы имели успех (ДНР, ЛНР, Крым), а где нет потерпели неудачу (Одесса, Харьков).

– Вооруженный характер событий. Протесты 2004 года были мирными, а в 2014 конфликт быстро милитаризировался.

– В 2004 году процессом руководили выбранные губернаторы и депутаты, однако их идеи не пользовались поддержкой населения. В 2014 процесс возглавили либо представители действующий власти (в Крыму), либо так называемые народные губернаторы, что дополнительно легитимировало их власть.

В результате столкновений на Юго-востоке Украины, были подписаны Первые и Вторые минские соглашения, согласно которым Украина остаётся в границах 2014 года, при этом территориальное устройство государства переходит от унитаризма к федерализму, то есть по сути реализуется проект 2004 года.

Прогноз развития кризиса на территории Украины: проект ЮВАУР формально нереализованный и закрытый, по сути, является основанием Минских соглашений, однако находящаяся у власти западноукраинская элита, имеющая активную поддержку политических лидеров западных стран[1], не заинтересована в их выполнении, поэтому более вероятным представляется сценарий сохранения статус-кво на среднесрочную перспективу и продолжение существования зоны нестабильности на границах с Россией. Кризис на юго-востоке Украины привел к свертыванию двухсторонних российско-украинских проектов, что привело к зависимости Украины от помощи западных государств[2]. Существование ДНР и ЛНР зависит, как и при их создании в первую очередь от позиции России и ее поддержки.

[1] Морозов И.Л. Новая Стратегия национальной безопасности России и меняющийся мир // Общество: политика, экономика, право. 2016. – № 4. – https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-strategiya-natsionalnoy-bezopasnosti-rossii-i-menyayuschiysya-mir

[2] Шишкина О. В. Внешняя помощь развитию Украины после 2014 г: масштабы, проекты и мотивация доноров // Вестник МГИМО Университета. – М., 2018. – № 5 (62). – С. 92–133.

Хопёрская Л.Л.
д.полит.н., профессор кафедры международных отношений, Киргизско-Российский славянский университет
larkhop@gmail.com

МИГРАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ

Ключевые слова*: Евразийский экономический союз, трудовая миграция, миграционная политика, национальная политика, Республика Саха (Якутия), Киргизская Республика.*

Keywords*: Eurasian Economic Union, labor migration, migration policy, national policy, Republic of Sakha (Yakutia), Kyrgyz Republic.*

Евразийский экономический союз (ЕАЭС), целью образования которого является проведение общей экономической политики и формирование общего рынка товаров, услуг, труда и капитала, функционирует с 2015 г. Его участниками являются Россия, Казахстан, Белоруссия, Армения и Киргизия. Самостоятельный раздел Договора о ЕАЭС посвящен трудовой миграции[1].

В соответствии с Договором «трудящимся государств-членов не требуется получение разрешения на осуществление трудовой деятельности в государстве трудоустройства» (ст. 97), в отличие от граждан Азербайджана, Молдавии, Таджикистана, Узбекистана и Украины не требуется приобретение патента, а также трудовым мигрантам из государств-членов ЕАЭС не требуется сдача экзамена по истории и основам права РФ, что существенно сокращает их финансовые затраты и организационные усилия.

В то же время Договор о ЕАЭС констатирует, что «трудящиеся государства-члена и члены семей обязаны соблюдать законодательство государства трудоустройства, уважать культуру и традиции народов государства трудоустройства, нести ответственность за совершенные правонарушения в соответствии с законодательством государства трудоустройства». В случае административных правонарушений или нарушения миграционных требований мигранты из государств ЕАЭС попадают в «чёрный список» граждан, которым запрещён или ограничен въезд на территорию России.

Наибольший процент миграционного притока из государств-членов ЕАЭС составляют граждане Киргизской Республики. Главное управление по миграции МВД РФ сообщает, что в 2018 г. на миграционный учет было поставлено 876 795 граждан Киргизии, 8793 чел. получили российское гражданство[2]. Еще 211 тыс. граждан Киргизии, нарушившие по тем или иным причинам миграционное законодательство РФ, но проживающие в РФ, в октябре–декабре 2018 г. попали под миграционную амнистию, которая в марте 2019 г. была продлена до конца апреля т.г. Решение было принято в преддверии государственного визита президента РФ В.В. Путина в Бишкек с целью подчёркивания особого характера отношений между членами ЕАЭС.

Очевидно, что и новые граждане России, и прибывшие на заработки киргизские трудовые мигранты, особенно подвергшиеся миграционной амнистии, должны пройти определенную адаптацию и интегрироваться в принявшее их российское общество. В свою очередь, с целью избегания и предотвращения рисков межэтнических конфликтов само российское общество должно создать институты и инструменты адаптации с учетом предоставляемых преференций гражданам государств – геополитических союзников России.

И здесь возникает вопрос – готовы ли российские регионы жить в евразийской реальности? Ответ на него показал конфликт в марте 2019 г. в одном из крупнейших субъектов Российской Федерации – Республике Саха (Якутия), где проживают представители более 130 национальностей.

Конфликт начался с того, что в ночь с 16 на 17 марта была изнасилована местная жительница. Подозреваемого с сообщниками задержали и арестовали 17 марта. Следствие официально ничего не сообщало о национальности подозреваемых, но сразу пошли слухи о причастности к преступлению мигрантов из Киргизии.

В социальных сетях 17 марта был распространен призыв выйти на митинг, куда вечером прибыли несколько сотен человек. В этот же вечер в Якутске начались выступления против мигрантов. По информации агентства Sakha News, неизвестные «врывались в торговые точки, требуя прекращения торговли и открыто угрожая тем, кто стоял за прилавком, лишь только потому, что они по национальности киргизы»[3]. **EADaily** сообщило, что полиция Якутска оце-

[1] Договор о Евразийском экономическом союзе (с изменениями на 14 мая 2018 года) (редакция, действующая с 12 марта 2019 года). – http://docs.cntd.ru/document/420205962

[2] Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – декабрь 2018 года с распределением по странам и регионам. 24.01.2019. – https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/ migracionnaya/item/15851053/

[3] В Якутске сегодня неспокойно... 18.03.2019. – http://www. 1sn.ru/225622.html

пила местную мечеть и саму площадь, чтобы предотвратить возможные конфликты[1]. Глава Якутии А. Николаев написал в Фэйсбуке и Одноклассниках: «Понимаю мотивы жителей Якутска, собравшихся вчера вечером на стихийный митинг. Особый общественный резонанс дело вызвало именно потому, что наглую выходку совершили мигранты, граждане Киргизии»[2].

Руководитель Администрации Главы Республики Саха (Якутия) и Правительства Республики Ф. Борисов призвал собравшихся прийти на встречу с чиновниками в спорткомплекс «Триумф». 18 марта там собралось около 7 тыс. человек, жители Якутска и приезжие из соседних районов республики. На митинге выступили глава республики А. Николаев, мэр города С. Авксентьева и депутаты Государственного собрания Республики Саха. А. Николаев произнес на якутском языке речь о недопустимости пребывания в Якутии нелегальных мигрантов. Аудитория одобрила главу республики выкриками: «Иль саха!» («Якутия – земля якутов!»)[3]. В этом же ключе выступила мэр Якутска: «Я вижу, что якутяне долго терпели, и вот сегодня эта чаша переполнена. Объединившись, нам нужно навести порядок, показать, кто в нашем родном городе настоящий хозяин»[4].

Журналист В. Нифонтов в Facebook высказал своё впечатление: «глава республики и некоторые депутаты Ил Тумэна (Государственного собрания Республики Саха) своими заявлениями в “Триумфе” провели легитимацию этого бардака и увели разговор в национальную плоскость»[5].

Продолжая свою линию, глава республики А. Николаев написал в Фейсбуке, Одноклассниках, Instagram, что власти Якутии ответят на «наглую выходку» граждан Киргизии ужесточением миграционной политики. Он пообещал провести проверки предпринимателей, депортировать незаконных мигрантов, при необходимости ввести новые «ограничительные и запретительные меры в отношении трудовых мигрантов», а также жестче работать с руководителями национальных общин.

Пользователи соцсетей дали следующие оценки: «Что-то очень националистично. Власти этого НЕ поняли?»[6]. Но помимо публичных оценок существует Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части определения полномочий и ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и их должностных лиц в сфере межнациональных отношений» (22 октября 2013 г.), который, с нашей точки зрения, вполне применим к данному случаю.

На разрядку ситуации повлиял оперативный визит 18 марта официальной делегации из Киргизстана, которая публично принесла по местным телеканалам извинения за поступок соотечественника. В составе делегации прибыли сотрудники посольства, представительств Государственной службы миграции КР и МВД КР в России. Ими были проведены встречи с руководителем Администрации Главы и Правительства Республики Якутии, министром по внешним связям и делам народов Республики, с руководителем Следственного управления Следственного комитета РФ по Республике, министром внутренних дел Республики, мэром Якутска и имамом Соборной мечети Якутска.

Киргизской стороной были выражены сожаление о случившемся, а также благодарность за сдержанную позицию с надеждой на то, что совместными усилиями удастся урегулировать сложившуюся ситуацию. Отмечено, что всякое преступление должно быть наказуемым в рамках правового поля[7]. В свою очередь, официальными лицами Республики Саха (Якутия) высказана благодарность за проявленную реакцию киргизской стороны на государственном уровне[8].

20 марта 2019 г. на заседании Государственного Собрания (Ил Тумэн) были приняты постановление «О консолидации усилий по вопросам реализации государственной миграционной политики в Республике Саха (Якутия)», решение о создании постоянно действующей парламентско-общественной комиссии и проведении парламентских слушаний по миграционной тематике. 25 марта 2019 г. внесены изменения в Государственную программу «Развитие гражданского общества и гармонизация межэтнических отношений в Республике Саха (Якутия) на 2018–2022 годы»[9], в которой упор сделан на коренные народы и казачество. Подраздел «Социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов», в задачи которого входит «Создание условий, способствующих социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов в Республике Саха (Якутия)» никак не изменен, он ориентирован на работу с иностранными работниками, под которыми понимаются иностранные граждане, прибывающие в Российскую Федерацию на основании визы.

Показателями эффективности Госпрограммы по-прежнему являются:

---

[1] В Якутске полиция оцепила мечеть, чтобы защитить от разгневанной толпы. 18.03.2019. – https://eadaily.com/ru/news/2019/03/18/v-yakutske-policiya-ocepila-mechet-chtoby-zashchitit-ot-razgnevannoy-tolpy

[2] Николаев А. 18.03.2019. – https://www.ok.ru/profile/576618790554/statuses/ 69446323563418

[3] «Год без мигрантов» в Якутии не коснется граждан Киргизии. 28.03.2019. – https://eadaily.com/ru/news/2019/03/28/god-bez-migrantov-v-yakutii- ne-kosnetsya-grazhdan-kirgizii

[4] Зотова Н. «Не заставляй нас собрать ружья»: почему жители Якутска поднялись против мигрантов. 28.03.2019. – https://www.bbc.com/russian/features-47731433

[5] Нифонтов В. 19.03.2019. – https://www.facebook.com/vladimir.nifontov.7/posts/1234009980057003

[6] Триумфальный дебют новой политической силы в Якутии? 19.03.2019. Комментарии. – http://www.1sn.ru/225639.html

[7] МИД КР просит компетентные органы Якутии обеспечить безопасность законопослушных кыргызстанцев. – http://www.kabar.kg/news/mid-kr-prosit-kompetentnye-organy-iakutii-obespechit-bezopasnost-zakonoposlushnykh-kyrgyzstantcev/

[8] Делегация Кыргызстана и министр по внешним связям Якутии обсудили ситуацию с «антимигрантскими» митингами. – https://kg.akipress.org/news:1501163

[9] Указ Главы РС(Я) от 25 октября 2017 г. № 2166 «О государственной программе Республики Саха (Якутия) «Развитие гражданского общества и гармонизация межэтнических отношений в Республике Саха (Якутия) на 2018–2022 годы». – http://docs.cntd.ru/document/446588866

– увеличение доли иностранных граждан, успешно сдавших экзамен по русскому языку, истории России и основам законодательства Российской Федерации, в общем количестве иностранных граждан, сдававших экзамен, до 60% (к гражданам государств ЕАЭС не применимо);

– увеличение количества участников мероприятий, направленных на социальную и культурную адаптацию и интеграцию мигрантов, до 515 человек в 2022 г. (численность трудовых мигрантов в республике составляет несколько десятков тыс. человек, только в 2018 г. в Якутию прибыли более 34 тыс. трудовых мигрантов, в основном из Таджикистана, Узбекистана, Украины, Киргизстана и Армении), при том, что в самой Программе отмечены риски и угрозы, связанные «с осложнением ситуации в сфере межнациональных отношений в связи с увеличением трудовой миграции из стран ближнего и дальнего зарубежья».

Таким образом, Республиканская Госпрограмма не отражает новой евразийской реальности.

27 марта 2019 г. глава Республики Саха (Якутия) **А. Николаев** подписал указ о запрете в течение всего 2019 г. принимать на работу трудовых мигрантов, включая обладателей трудовых патентов[1]. В Указе содержится ссылка на пункт 6 статьи 18.1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». К указу приложен список 33 экономических отраслей, где запрещено принимать на работу иностранцев. Правда, уже после опубликования указа председатель правительства Якутии **В. Солодов** заявил, что указ не распространяется на граждан Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и иностранных граждан, пребывающих в визовом порядке[2].

Но общий контекст мер, предпринимаемых органами власти Якутии, например, объявление республиканского «года без мигрантов»[3], свидетельствует о том, что понимания принципиально изменившего статуса граждан Киргизии и Армении как граждан государств-членов ЕАЭС нет. К появлению этнических групп, обладающих новым правовым статусом, власть Якутии оказалась не готова.

В то же время нельзя не отметить, что в Якутии есть определенная инфраструктура национальной и миграционной политики – в структуру правительства входит министр по внешним связям и делам народов Республики Саха (Якутия), действуют Межведомственная комиссия по вопросам реализации миграционной политики Российской Федерации в Республике Саха (Якутия), Республиканская межведомственная комиссия по вопросам привлечения и использования иностранных работников, при Главе Республики Саха (Якутия) созданы Совет по вопросам государственной национальной политики, Совет по вопросам коренных малочисленных народов Севера, Совет по делам казачества, Совет некоммерческих организаций.

В республике зарегистрированы 57 национально-культурных объединений, 13 казачьих общества. 158 религиозных организаций[4]. Республика Саха (Якутия) – единственный субъект, в котором реализуется региональный закон об этнологической экспертизе в целях защиты исконной среды обитания коренных малочисленных народов Севера. Но этнологическая экспертиза других проблем не осуществляется.

В муниципальных образованиях действуют 13 отделений общественного движения «Ассамблея народов Республики Саха (Якутия)». Однако их потенциал не используется для «евразийского» просвещения населения, а сама Ассамблея не взаимодействует с Ассамблеей народов Евразии и Ассамблеей народа Киргизстана.

Выводы

В настоящее время миграционная политика и этническая политика России тесно переплелась с защитой её геополитических интересов, с реализацией евразийского интеграционного проекта. Эта новая ситуация требует серьезного теоретического осмысления, но один вывод очевиден – успешность геополитических устремлений России на евразийском пространстве, укрепление и развитие ЕАЭС во многом зависит от способности власти обеспечить снижение уровня ксенофобии и мигрантофобии, т.е. от степени эффективности осуществления государственной национальной политики РФ.

На примере Якутии видно, что это требует усиления ответственности должностных лиц, доработки Программ национальной и миграционной политики на республиканском уровне, включения в решение проблем объединений гражданского общества международной направленности, в частности, Ассамблеи народов Евразии, а также активизации уже существующих институтов.

---

[1] Указ Главы Республики Саха (Якутия) № 442 от 27.03.2019 «Об установлении на 2019 год запрета на привлечение хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность на территории Республики Саха (Якутия), иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, по отдельным видам экономической деятельности». – http://sakha.gov.ru/news/front/view/id/3007753

[2] Связывать указ о мигрантах в Якутии с недавними событиями ошибочно. 28.03.2019. – http://www.1sn.ru/226140.html

[3] Принимать на работу должны в первую очередь якутян. 03.04.2019. – http://www.1sn.ru/226387.html

[4] Общественно-политическая ситуация РС(Я). – https://www.sakha.gov.ru/obschestvo/obshtestvenno-politicheskaya-situatsiya-rs

Худоренко Е.А.[1]

КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИНТЕГРАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ЕАЭС

Ключевые слова: *евразийская интеграция, ключевые показатели интеграции, культурно-образовательный потенциал, роль университетов, сокращение российского культурно-образовательного присутствия, мягкая сила, продвижение русского языка, меры по усилению интеграционных процессов.*

Keywords: *Eurasian integration, key integration indicators, cultural and educational potential, the role of universities, a decrease in the Russian cultural and educational presence, soft power, promotion of the Russian language, measures to strengthen integration processes.*

С момента начала процесса интеграции на постсоветском пространстве прошло двадцать пять лет и пять лет после создания Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Подводя итоги развития интеграции, на заседании Высшего евразийского экономического совета (ВЕЭС) в мае 2019 г. в Нур-Султане президенты стран-членов ЕАЭС отметили, что, несмотря на наличие определенных трудностей, объединенным усилиям всех участников интеграции удалось продвинуться в реализации всех приоритетов ЕАЭС и добиться серьезных успехов.

Так, за пять лет функционирования Союза интеграция углубилась во всех направлениях, улучшились многие ключевые для экономик государств-членов показатели. Произошел рост взаимной и увеличение объема внешней торговли, возросли темпы прироста объемов производства и продукции сельского хозяйства. Наблюдается увеличение объема ВВП по ЕАЭС в целом и по каждому из государств-членов в отдельности[2].

Общий рынок, сформированный в рамках Евразийского экономического союза, охватил более 180 миллионов потребителей. Повсеместно обеспечивается свобода движения товаров, услуг, рабочей силы и капитала[3].

Чрезвычайно высок интерес к деятельности ЕАЭС в международном пространстве. Наиболее приоритетными партнерами для ЕАЭС являются страны Содружества независимых государств, Европейского союза, Китай, а также Сингапур, Камбоджа, Таиланд, Куба, Чили, Перу, Иордания, Марокко, Фарерские острова, Молдова – страны, с которыми заключены или проходят переговоры по заключению меморандума о сотрудничестве и такие страны, как Иран, Вьетнам, Сингапур, Израиль, Египет, Индия, Сербия, с которыми заключены или проходят переговоры по зонам свободной торговли.

Включены в этот список и международные организации, и региональные экономические объединения такие как: Организация объединенных наций (ООН) и ее региональные экономические комиссии, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), форум «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС), а также Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Андское сообщество, МЕРКОСУР и т.п.[4]

ЕАЭС является эффективным интеграционным объединением, деятельность которого строится на принципах равноправия, взаимной выгоды и уважения интересов друг друга, – убежден Президент России В.В. Путин[5]. Подтверждением этому служат динамично развивающиеся процессы сотрудничества стран-участниц Союза.

Между тем, следует признать, что несмотря на значительные успехи и весомые достижения развитие интеграционных процессов в евразийском регионе в настоящее время происходит в период достаточно сложной международной обстановки, сильнейших геополитических потрясений, наличия кризисных явлений и снижения темпов роста мировой экономики. Одновременное наличие разно-векторных процессов: интеграции и сил ей противодействующих, осложняют деятельность ЕАЭС, способствуют формированию внешних и внутренних проблем и противоречий. Более того, некоторые внутренние противоречия, имеющиеся в ЕАЭС, зачастую определяются сиюминутными экономиче-

[1] . Худоренко Елена Александровна – к.полит.н., доцент кафедры Международных отношений и интеграционных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: khudorenko@gmail.com

[2] Доклад о реализации основных направлений интеграции в рамках Евразийского экономического союза (2018). – http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_razv_integr/Pages/%D0%90%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D1%8B.aspx

[3] Заседание Высшего Евразийского экономического совета. – http://kremlin.ru/events/president/news/60597

[4] Итоги ВЕЭС: одобрены программы формирования общих рынков газа, нефти и нефтепродуктов, подписана Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС. – http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/07_12_2018_1.aspx

[5] Владимир Путин: Евразийский союз – эффективное объединение. – http://evrazesnews.ru/index.php/news/article/view/13/33712/

скими императивами, которые ставятся выше общесоюзных интересов[1]. Существуют и вполне объективные барьеры экономического плана, которые периодически возникают в работе интеграционного объединения. Так, к примеру, по данным Евразийской экономической комиссии на конец марта 2019 г. насчитывалось 71 препятствие, так или иначе затрудняющее работу общего рынка ЕАЭС[2]. Таковые проблемы, если они есть, широко обсуждаются и решаются совместными усилиями стран-участниц объединения.

В то же время хотелось бы подчеркнуть, что некоторым проблемам вне экономической сферы деятельности придается слишком мало внимания. Не всегда учитывается их негативное влияние на прохождение интеграционных процессов в регионе. И это в свою очередь не только способствует появлению определенных трудностей в осуществлении объединительных тенденций в евразийском пространстве, но может существенно повлиять на качество и результативность интеграции в целом.

Одной из таких самых серьезных проблем является сужение области применения русского языка. Начиная с 1990-х годов в «ближнем зарубежье» наметилась тенденция к сокращению количества русскоязычных школ. Так, к примеру, вместо 20 тысяч русскоязычных школ на постсоветском пространстве в настоящее время действуют около 7 тысяч. Число детей, обучающихся на русском языке, сократилось более чем на 2 млн. человек, опустившись до 3,1 млн[3].

Сокращение количества русскоязычных школ одновременно с сокращением количества русскоговорящего населения, а также преподавания на русском языке и преподавания русского языка в школах, ведет к уменьшению владеющих русским языком, количество которых в «ближнем зарубежье», начиная с 1990-х годов, сократилось вдвое.

Пропорционально этому идет сокращение российского культурно-образовательного присутствия в государствах постсоветского пространства и странах-членах ЕАЭС, что ведет к уменьшению русскоговорящего населения на территории стран, вовлеченных в интеграционное взаимодействие. Данная тенденция прослеживается во всех без исключения государствах СНГ, но особенно она показательна для Казахстана как страны, имевшей наибольшее количество русскоязычного населения на своей территории сразу после распада СССР.

Начиная с 1991 года, Казахстан покинули почти 2,5 миллиона русских. Цифра эта является самой большой для стран постсоветского пространства. Доля русскоговорящего населения в составе населения Казахстана снизилась с 51 до 23,7% на 2015 г.[4] По прогнозам исследователей к 2025 г. она достигнет уровня 10% от количества населения страны[5].

Объясняется это разными причинами, в числе которых присутствуют как естественные, такие как – возвращение казахов-репатриантов, так и искусственно созданные причины – усиление националистического дискурса в Казахстане и тотальное снижение привлекательности местного гражданства для части населения, говорящего на русском языке[6].

Так, к примеру, проводимые в стране языковые реформы, переход с кириллицы на латиницу, перевод документооборота к 2020 году на государственный язык и внедрение в образовательный процесс концепции трехъязычия, предполагающей использование английского языка в качестве языка преподавания ряда дисциплин в старших классах, могут привести к ослаблению позиций русского языка в республике и появлению «чемоданного настроения» у русскоязычной части населения республики.

Занимающиеся исследованием данной проблематики казахские эксперты полагают, что в результате введения последних нормативных актов русский язык постепенно вытесняется из общественно-политической, хозяйственной жизни, из системы образования, области культуры и средств массовой информации[7].

Ситуация с сокращением русскоязычного населения, наблюдается и в других государствах постсоветского пространства. Так, по данным Национального статистического комитета Киргизии, в 1979 году в стране было 25,9% русских, в 1989 – 21,5%, в 1999 – 12,5%. На конец 2015 года в стране осталось лишь 364 571 русских, или 6,2% от общего количества населения. Русскоязычное население, в основном, живет в крупных городах: Бишкеке, Оше и Караколе[8].

Проблема снижения значимости русского языка является общей для всех стран евразийского пространства. Это комплексная проблема, имеющая далеко идущие гуманитарные и политические последствия. Сокращение числа русскоязычных школ, использования русского языка в национальных школах, падение значимости, а следовательно, и престижности русского языка серьезно обостряет ситуацию с развитием и продвижением российской культуры и образования на русском языке, сводит на нет социально-гуманитарное присутствие России в регионе, последствия чего могут оказаться не только катастрофическими, но и попросту необратимыми.

---

[1] Борисов Е. Евразийский экономический союз в зоне турбулентности // Мужская работа. – М., 2017. – № 60.

[2] Евразийский союз описал мечту об интеграции. ЕЭК разработала план снятия барьеров на пути к общему рынку // Коммерсантъ. – М., 2019. – № 114, 3 июля. – С. 2.

[3] Немчинова Т.С., Музалев А.А. Экспорт образования как инструмент интеграции стран-участников Евразийского экономического союза // Евразийский юридический журнал. – М., 2016. – № 1 (92). – С. 52.

[4] Кречетников А. Русские в Казахстане: жить можно, но проблемы есть. – http://www.bbc.com/russian/international/2015/04/150424_kazakhstan_russians

[5] Лихачёв М.А.«Великий и могучий» в языковой политике Казахстана. – https://riss.ru/analitycs/17172/

[6] Русский исход. Станет ли Казахстан моноэтническим государством? // Демоскоп. – М., 2017. – № 725-726, 17–30 апреля.

[7] Сандыбаева Н.А., Абдыханов У.К. Полиязычие в Казахстане: проблемы и перспективы // Язык; история и современность. 2017. – № 4. – С. 105–115.

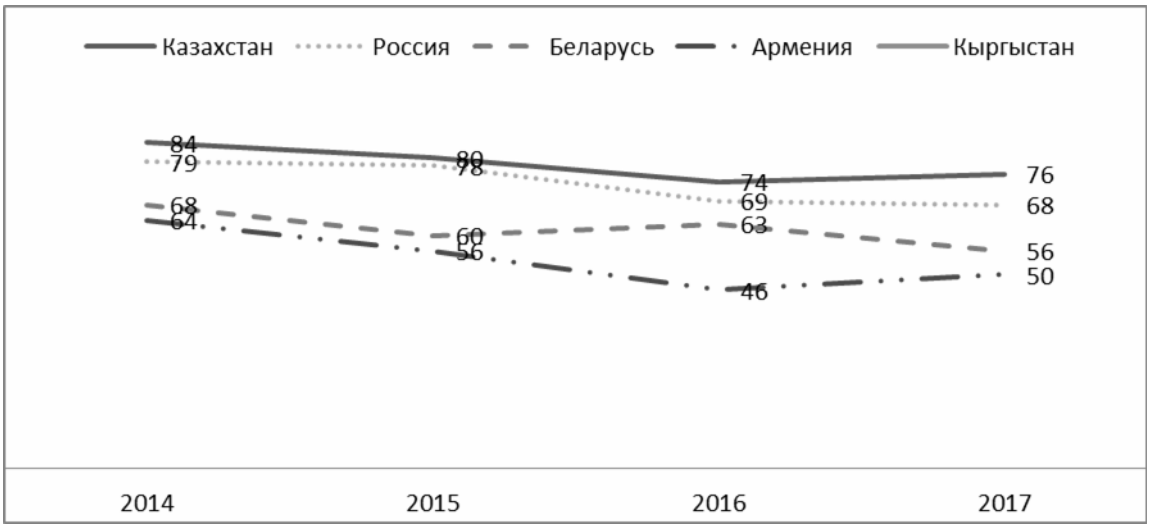
[8] Иващенко Е. Где мой дом родной? Русские в Кыргызстане рассказывают о себе и своей жизни. – http://www.fergananews.com/articles/9018

Ведь наряду с этим происходит отторжение ценностей российской культуры, падение ее значимости и привлекательности. Так, к примеру, величайшие произведения российской художественной, в том числе детской литературы практически не переводятся на европейские и государственные языки народов, населяющих евразийский регион[1].

Между тем, по мнению директора международных программ Института национальной стратегии России Юрия Солозобова, именно общность культурного пространства была одним из трех китов наряду с энергетикой, оборонным пространством, которые связывали незримыми узами все страны СНГ. То, что этот блок подвергается эрозии, очень серьезный сигнал – считает ученый[2].

В этих условиях возможно формирование весьма опасной тенденции, дальнейшее углубление которой может чрезвычайно негативно сказаться на результатах и эффективности интеграционных процессов в регионе и развитии ЕАЭС – снижении привлекательности проекта интеграции для населения постсоветского пространства.

Так, согласно исследованиям Евразийского банка развития, представленным в докладе «Интеграционный барометр ЕАБР – 2017», уровень поддержки евразийской интеграции в большинстве стран-участниц Евразийского экономического союза снижается уже четвертый год подряд. В России – с 78 до 68% населения; в Казахстане – с 80 до 76%; в Белоруссии – с 60 до 56%; в Армении – с 56 до 46% в 2015–2016 годах и с корректировкой вверх до 50% в 2017 году. Наиболее позитивное отношение к членству в ЕАЭС наблюдается в Киргизии – от 86 до 83% одобрения в 2016 и 2017 годах соответственно[3].



Источник: данные ежегодных докладов «Интеграционный барометр» Центра интеграционных исследований ИБР ЕАЭС за 2014–2017 гг.

Рисунок 1.
Уровень поддержки ЕАЭС со стороны населения стран-участниц (в процентах)

Несмотря на то, что большинство реципиентов поддерживают евразийскую интеграцию, интеграционный проект все чаще наталкивается на скептическое отношение населения стран ЕАЭС и региона СНГ и постепенный рост доли граждан, симпатизирующих Евросоюзу и другим странам дальнего зарубежья. Это особенно касается таких сфер, как научно-техническое и образовательное сотрудничество[4].

Начиная с 2017 года, Евразийский банк развития перестал выпускать результаты ежегодного социального опроса интеграционных ориентаций граждан стран постсоветского пространства «Интеграционный барометр». В связи с этим в настоящее время, к сожалению, отсутствует надежный и объективный инструмент оценки успешности евразийской интеграции и интеграционных предпочтений населения стран региона.

Наличие вышеизложенных и иных проблем, связанных с развитием интеграционных процессов в регионе, а также изменение соотношения сил между мировыми центрами развития, формирование новых геополитических реальностей, необходимость отстаивания своих интересов, все усиливающийся экономический кризис побуждают Россию и государства-члены Евразийского экономического союза искать новые действенные инструменты воздействия на результативность интеграционных процессов в ответ на вызовы внешней среды. В силу этого одной из главных задач, поставленных перед ЕАЭС и озвученных в апреле 2017 года на ВЕЭС в Бишкеке, стало «укрепление союза изнутри»[5].

---

[1] В СФ призвали поменять методику преподавания русского языка. – https://ria.ru/society/20150204/1045884065.html

[2] Соколай О. «Латинизация» в Казахстане: Alea jacta est! – https://www.ritmeurasia.org/news--2018-03-16--latinizacija-v-kazahstane-alea-jacta-est-ii-35433

[3] Интеграционный барометр ЕАБР – 2017. Доклад Евразийского банка развития. – СПб.: Евразийский банк развития. Центр интеграционных исследований, 2017. – № 46.

[4] Перебоев В. Общественное восприятие евразийской экономической интеграции в странах региона СНГ, доклад на XVII апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. – https://eabr.org/press/news/rukovoditel-napravleniya-tsii-eabr-vladimir-pereboev-vystupil-s-dokladom-obshchestvennoe-vospriyatie/?sphrase_id=2169

[5] Заседание Высшего Евразийского экономического совета в расширенном составе. – http://kremlin.ru/events/president/transcripts/54293

Между тем, для дальнейшего эффективного развития интеграции и «укрепления союза» нужны в первую очередь такие инструменты, которые смогут наполнить смыслом идеологию интеграционных процессов, обеспечат формирование единых ценностных ориентиров, будут способны воздействовать на самоопределение и идентичность личности, сумеют воспитать потребность в реализации в том числе самореализации в рамках единого союза, создадут духовное единство народов его населяющих.

«Если мы не будем сопровождать крупные сырьевые, инфраструктурные, горнопромышленные и другие проекты одушевлением, гуманитарной составляющей, то, конечно, будет проблематично достичь успеха, – заявил, выступая на ежегодном докладе Интеграционного клуба при Председателе Совета Федерации на тему «Разноуровневая и разноскоростная интеграция: контуры большого Евразийского партнерства» в 2018 г., известный политик и дипломат, второй президент Республики Северная Осетия, А.С. Дзасохов, далее отметив, – Вообще, логика такая: если культура, история и доверие идут впереди, то приходят и экономические успехи[1]».

И, действительно, определяющее значение в формировании интеграционного потенциала, способного объединить народы разных государств, должно принадлежать развитию культурного потенциала стран-участниц ЕАЭС. «Не империя, а культурное продвижение; не пушки, не импорт политических режимов, а экспорт образования и культуры помогут создать благоприятные условия для российских товаров, услуг и идей», – написал в одной из своих программных статей В.В. Путин[2].

И на первом месте по продвижению культурного потенциала в регионе должно находиться образование. Именно оно может и должно стать одним из ведущих инструментов мягкой силы внешней политики России на постсоветском пространстве. Определяется это и общим опытом совместного образовательного пространства, которое существовало в СССР и наличием все еще существующих перекрестных связей между учебными заведениями региона, и общностью технологической базы и прочими вполне реально и объективно существующими условиями.

Особую роль образования в налаживании взаимодействия между странами отмечает и министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии С.Ю. Глазьев. Он полагает, что общее образовательное и шире – гуманитарное пространство – это и действенный способ для эффективного диалога между представителями различных культур. В силу чего залогом успешного сотрудничества в международной сфере, функционирования единых рынков товаров, услуг и капитала является консенсус между государствами на основе эффективного сопряжения образовательных и научно-технических политик[3].

Вот почему с самого начала развития евразийской интеграции образованию отводится отдельная и вполне определенная роль. Существует целый ряд стратегических преимуществ, которыми обладают образовательные учреждения постсоветского пространства при взаимодействии друг с другом.

В первую очередь следует подчеркнуть, что база, ставшая основой для формирования национальных образовательных систем государств постсоветского пространства – общая для всех стран без исключения. Высшие учебные заведения евразийского пространства не только обладают общими корнями, но и до сих пор располагают профессорско-преподавательскими кадрами, имеющими «перекрестные» связи с образовательными и научными центрами друг друга.

Наличие единых базовых ресурсов определяет уникальную возможность максимально эффективного взаимодействия образовательных учреждений для подготовки кадров высшей квалификации и реализации научно-исследовательской деятельности в регионе.

Активно развиваются процессы, связанные с созданием единого образовательного пространства и сетевого университета стран ЕАЭС. Создаются ассоциации, центры, лаборатории, различные объединения, включающие в себя представителей ведущих вузов России, других стран СНГ и стран-членов ЕАЭС. Работа эта осуществляется как сверху – при поддержке руководства России, так и в виде инициатив снизу – на межвузовском уровне со стороны образовательных учреждений региона.

В этом плане показателен опыт Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. МГУ имеет филиалы в Астане, Ташкенте, Баку, Душанбе и Ереване. Каждый год 400 профессоров Московского университета выезжают в эти филиалы с тем, чтобы вести занятия, проводить лекции и семинары[4].

Еще одной особенностью современного состояния высшей профессиональной школы в Российской Федерации стала отмечаемая многими исследователями возросшая самостоятельность российских университетов. Так, ректор МГИМО (У) МИД РФ А.В. Торкунов отмечает, что современные университеты, включенные в процессы глобализации и интернационализации образования, играют значительно более важные роли, чем ранее. Они выполняют не только образовательные, но и социальные, экономические и политические функции[5]. По сути, они становятся центрами распространения знаний, российской культуры, науки и иных гуманитарных ценностей на зарубежье.

---

[1] Ежегодный доклад Интеграционного клуба при Председателе Совета Федерации «Разноуровневая и разноскоростная интеграция: контуры большого Евразийского партнерства» под общей редакцией начальника Аналитического управления Аппарата Совета Федерации, ответственного секретаря Интеграционного клуба, д.э.н. В.Д. Кривова / Аналитическое управление Аппарата Совета Федерации. 2019.

[2] Путин В.В. Россия и меняющийся мир. – http://www.mn.ru/politics/78738

[3] Общее образовательное пространство ЕАЭС как залог успеха евразийской экономической интеграции. – http://news.vcepro.ru/obshee-obrazovatelnoe-prostranstvo-eaes-kak-zalog-yspeha-evraziiskoi-ekonomicheskoi-integracii-migranty-v-rossii-mk/

[4] Интеграция в научно-образовательной сфере на пространстве ЕАЭС. – http://viperson.ru/articles/integratsiya-v-nauchno-obrazovatelnoy-sfere-na-prostranstve-eaes

[5] Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО Университета. – М., 2012. – № 4 (25). – С. 85–93.

Заключение

Развитие такого дееспособного, эффективного и устойчивого интеграционного объединения, как ЕАЭС, в котором гарантируются свободы перемещения не только товаров, услуг, капитала, но и интеллектуальных и трудовых ресурсов, взаимосвязь и взаимодействие культур, народов его населяющих, необходимо осуществлять через принятие ряда мер по усилению культурно-образовательной интеграции в регионе.

Во-первых, необходимо осуществить гармонизацию политик в области образования, культуры и развития человеческого капитала. Осознание такой необходимости, понимание важности проблемы в настоящее время присутствует на всех уровнях интеграции. Более того, на высоком уровне неоднократно озвучивались инициативы по созданию структур, которые способствовали бы формированию единого образовательного, гуманитарного и информационного пространства ЕАЭС.

Но, поскольку к компетенции Евразийской экономической комиссии эти вопросы, согласно Договору о ЕАЭС, не могут относиться, необходимо развивать сотрудничество в тех форматах, которые доступны общественной дипломатии – расширять и наполнять актуальным содержанием горизонтальные и вертикальные связи на уровне научных и профессиональных коммуникаций с вузами ближнего зарубежья.

Во-вторых, необходимо поэтапно работать над созданием и развитием совместной инновационной инфраструктуры университетов, разработке и реализации совместных научно-исследовательских программ и проектов в науке, культуре, образовании.

В-третьих, необходимо создать условия для формирования системы грантов различного уровня. Стимулирующая роль грантов должна быть нацелена на реализацию научно-образовательных и культурных проектов, направленных на совершенствование развития образовательной и культурной политики в ЕАЭС.

В четвертых, в области научной политики необходимо создавать экспертные советы из ученых разных стран, объединенных желанием способствовать укреплению тесных и дружественных связей в рамках ЕАЭС.

Особую значимость (и это – в пятых) представляет молодежное научно-образовательное сотрудничество на евразийском пространстве, направленное на содействие профессиональному росту молодых научных кадров на всем евразийском пространстве и обеспечение дальнейшего становления молодежи в качестве движущей силы развития современной науки, культуры и высшей школы во всех странах интеграции.

Анализируя перспективы интеграции, наращивание культурно-образовательного потенциала, эффективность развития ЕАЭС в целом, следует понимать, что формирование объединительных тенденций на постсоветском пространстве ни в коем случае нельзя рассматривать в отрыве от проблем сохранения, укрепления и продвижения русского языка в регионе, решение которых должно проходить через адекватный анализ и принятие мер, направленных на устранение существующих вызовов и продвижение интересов российского государства.

В заключении хотелось бы привести слова премьер-министра Армении Никола Пашиняна: «Интеграция наших стран в конечном итоге должна служить созданию комфортных условий для ведения бизнеса и полноценной реализации человеческого потенциала… Результаты интеграции должны быть ощутимы для всех. Интеграция примет необратимый характер, если в ней будут заинтересованы простые люди»[1].

[1] Никол Пашинян принял участие в заседании Высшего Евразийского экономического совета: председательство в ЕАЭС перешло Армении // https://www.primeminister.am/ru/press-release/item/2018/12/06/EAEU-meeting/ (дата обращения: 13.10.19)

Цыбаков Д.Л.[1]

ЕВРАЗИЙСКИЙ И ПАНЪЕВРОПЕЙСКИЙ ДИСКУРСЫ В МИРОВЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ: ПОИСК БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ

Ключевые слова*: международные отношения, интеграционный проект, постсоветское пространство, интеграционная конкуренция, евразийский дискурс интеграции, панъевропейский дискурс интеграции.*

Keywords*: international relations, integration projects, post-Soviet space, integration project, integration competition, Eurasian integration discourse, pan-European integration discourse.*

В системе международных отношений конкуренция между государствами и межгосударственными объединениями и союзами в сфере выбора интеграционных предпочтений представляет собой один из ведущих векторов мировой политики. Проявляясь как в рамках дискуссий и доктринальных положений, так и в форме информационной и дипломатической борьбы, она вовлекает в свою орбиту национальные государства и транснациональные организации. В обозримой перспективе весьма актуальной темой для научных исследований будет оставаться конкуренция интеграционных стратегий Европейского союза и Российской Федерации, продвигающей проект Евразийского экономического союза.

Отметим, что конкуренция интеграционных дискурсов государств и их коалиций остается универсальной тенденций международного политического процесса. Известно, что формирование Европейского союза в 1950–1970 гг. проходило на фоне интенсивного идейного, информационно-идеологического и дипломатического противоборства между различными группировками панъевропейских политических элит и выдвигаемыми ими проектами межгосударственного союзного объединения. В указанный период соперничали между собой дискурсы континентальной и трансатлантической интеграции. «Континентальный» проект предусматривал формат наднационального управления для будущего Европейского экономического сообщества, тогда как «трансатлантический» вариант интеграции сводился к проекту Европейской ассоциации свободной торговли, включавшей к тому времени одиннадцать европейских государств.

Не вызывает сомнения, что опыт наработки конкурентного соперничества и поиска баланса интересов в этой области, обретенный европейским «политическим классом» на этапе институционализации «единой Европы», мог оказаться востребован и в наши дни – в деле стратегического переустройства постсоветского пространства. Соперничество полярных стратегий и дискурсов в отношении дальнейшего развития евроинтеграции актуально и на современном этапе деятельности Европейского союза.

Тем более что конкурентная борьба интеграционных проектов проецируется с регионального на глобальный уровень. В качестве примера назовем дискурсы Трансатлантического торгово-инвестиционного партнёрства и Транстихоокеанского партнёрства, реализация которых в период 2010–2016 гг., составила прямую конкуренцию стратегии создания «Большой Европы», положения которой изначально разделялись и российским руководством.

Весьма противоречива ситуация в области межгосударственной интеграции в Азиатско-тихоокеанском регионе и в ареале Юго-Восточной Азии. Ее особенность заключается в сосуществовании конкурирующих дискурсов межгосударственной интеграции в рамках Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Формальное членство в АТЭС сочетается с формированием в его структуре субрегиональных группировок, продвигающих противоположные интеграционные устремления. К наиболее известным из них относятся АСЕАН, НАФТА, АНЗСЕРТА (союз Австралии и Новой Зеландии).

Заметная активность отмечается в последние годы со стороны «Сообщества АСЕАН», которое стало платформой для региональной интеграционной организации – Восточноазиатского сообщества. При этом Австралия и Новая Зеландия были ограничены в обретении полноправного членства в указанном объединении, приоритетной целью которого является постепенный выход из-под преобладающего влияния США и Японии, которые претендуют на роль лидера в процессах интеграции в рамках АТЭС[2]. Отметим, что в реализации американо-японской интеграционной стратегии не используются прямые формы давления на страны Юго-Восточной Азии в стремлении добиться легального членства во вновь учреждаемых межгосударственных объединениях.

Перечисленные примеры доказывают актуальность проблемы борьбы за геополитическое доминирование в ближнем зарубежье России, регионе ее традиционных национально-государственных интересов. В этой связи закономерными представляются выводы И.Ф. Кефели, обосновывающие преобразование роли России из восточного фланга

---

[1] Цыбаков Дмитрий Леонидович – д.полит.н., профессор кафедры политологии и государственной политики Среднерусского института управления-филиала РАНХиГС.

[2] Гладченко Л.В. Проект «Сообщество АСЕАН»: проблемы региональной интеграции на современном этапе // Проблемы национальной стратегии. 2016. – № 4 (37). – С. 121–137.

иллюзорной «Большой Европы» в западный рубеж гипотетической «Большой Евразии»[1]. Значительную ценность в данном контексте имеют работы, рассматривающие соперничество концептов интеграционных процессов на Евразийском пространстве, – проекта Евразийского экономического союза, «Экономического пояса на Новом Шелковом пути» (КНР), «Стратегии Нового Шелкового пути» (США)[2].

Согласно авторской позиции, наиболее последовательным дискурсом межгосударственной интеграции на пространстве СНГ и Балтии в последние десятилетия следует признать концепцию «единой Европы». Ее конкретные проявления, выраженные в программах «Европейской политики соседства» и «Восточного партнерства», со всей очевидностью заявили о себе как конкурирующие проекты по отношению к стратегиям сотрудничества, инициатором которых выступала Российская Федерация. Создается впечатление о наличии существенных преимуществ панъевропейского дискурса интеграции по сравнению с концептом евразийской интеграции пространства СНГ. Главный его вектор – это ориентация евробюрократии на вовлечение постсоветских элит и правительств в сферу политико-правового влияния Брюсселя. Указанный замысел проявляется в долговременном, но последовательном ограничение национального суверенитета стран «Новой Европы», а также стран СНГ. Например, согласно мнению Д.А. Пахолкина, руководство Европейского союза требует от новых независимых государств постсоветского региона легализации политических норм, закрепляющих их приверженность панъевропейскому дискурсу интеграции[3].

Со своей стороны, российское руководство изначально декларировало создание Евразийского экономического сообщества/союза как этапа формирования пространства «Большой Европы». Исходя из этого модель Евразийского союза позиционировалась как близкая вариация концепта «единой Европы». Стратегическая цель евразийской интеграции представлялась как формирование единого политико-экономического пространства «от Лиссабона до Владивостока», а структурирование Евразийского экономического сообщества преподносилось в качестве этапа интеграции постсоветских элит с трансъевропейским политическим пространством. Однако политическая дестабилизация Восточной Европы, инициированная кризисами 2004 и 2014 годов на Украине, разрушила непрочный баланс между евразийским и панъевропейским интеграционными дискурсами. Несмотря на продолжающийся кризис отношений Москва-Киев, среди аналитиков и экспертов сохраняется убеждение в перспективах восстановления отношений ЕС-Россия, что поможет поиску равновесия между проектами европейской и евразийской интеграции пространства СНГ.

Нельзя не отметить, что конфликтность взаимоотношений между ЕС и ЕАЭС сегодня пытаются представить как субъективный, ограниченный по времени фактор, обусловленный текущей геополитической конъюнктурой. По нашему мнению, российское руководство изначально стремилось совместить принципы евразийского интеграционного проекта с концептом панъевропейской интеграции. Однако политика российской стороны не была поддержана Брюсселем. Для теоретико-идеологического дискурса «единой Европы» присуще использование разнородных интеграционных форматов. Причем они реализуются по директивным стандартам под прямым или опосредованном контролем высшей европейской бюрократии. Именно Евросоюзу отводится, по сути, авторитарная роль лидера в интеграционных процессах, происходящих в Центральной и Восточной Европе и на постсоветском пространстве.

Противоборство интеграционных стратегий Европейского союза и Евразийского экономического союза воспринимается исследователями в качестве одного из направлений глобальной конкурентной борьбы за геополитическое доминирование на пространстве Евразии. Весьма обоснованной представляется аргументация М.Л. Лагутиной относительно трактовки евразийского дискурса интеграции в качестве ответного шага России на прямой вызов со стороны панъевропейского гегемонизма, что привело к эскалации конфронтации отношениях между Российской Федерацией и Европейским союзом[4].

К факторам, благоприятствующим укреплению позиций России в отношениях с государствами ее ближнего зарубежья в 1990-е гг., относятся: потенциал вооруженных сил Российской Федерации, общность мировоззрения, культурных и образовательных стандартов, единство информационных коммуникаций и популярность СМИ Российской Федерации среди гражданских сообществ новых независимых государств СНГ. Решающее значение имела и продолжает иметь экономическая взаимозависимость стран постсоветского региона, в силу которой их народнохозяйственные комплексы, в отличие от политических систем, остаются тесно связаны с экономической сферой Российской Федерации.

Отметим, что в начале 2000-х гг. европейский вектор постсоветских элит еще не был четко сформулирован и доктринально закреплен, при этом он не воспринимался как противоречащий интеграционным проектам Российской Федерации. Дискурс формирования «единой Европы» в тот период не был эксклюзивно привязан к формату Европейского союза. Последний еще не включал в себя страны Балтии и не реализовывал гегемонистских по своей природе доктрин «продвижения на Восток».

Основной целью политики России на международной арене в тот период являлось приобщение к формирующемуся «новому мировому порядку» на правах фактического «младшего партнера».

---

[1] Кефели И.Ф. Геополитическая экспертиза проекта «Большая Евразия»: теоретико-методологические аспекты // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник / ИНИОН РАН. – М., 2018. – С. 92–93.

[2] Никулина А.А., Торопыгин А.В. К вопросу о концептуальной основе развития Евразийской интеграции // Управленческое консультирование. 2017. – № 3. – С. 60–67.

[3] Пахолкин Д.А. Нормативная сила в конкуренции евразийского и европейского интеграционных проектов на постсоветском пространстве // Среднерусский вестник общественных наук. – Орел, 2017. – Т. 12, № 6. – С. 171–186.

[4] Лагутина М.Л. ЕС и ЕАЭС: проблемы и перспективы сотрудничества в современных геополитических реалиях // Управленческое консультирование. 2015. – № 11 (83). – С. 124–136.

Однако панъевропейский дискурс континентальной интеграции изначально формулировался в нормативных, директивных по смыслу категориях. Европейские институты камуфлировали свою политику «мягкой» экспансии необходимостью содействия «демократическому транзиту» посткоммунистических стран Восточной Европы и новых независимых государств СНГ. Тем более что руководство Российской Федерации периода 1990-х гг., примерно до времени начала агрессии НАТО против Югославии, публично признавало за Европейским сообществом и его институтами право продвижения демократических норм и «общечеловеческих ценностей» и по факту соглашалось с основными положениями панъевропейского подхода, предполагающего совмещение процессов «демократизации» и интеграции стран постсоветского региона.

Примером позитивного сдвига в балансе панъевропейского и евразийского интеграционных дискурсов может служить возвращение Российской Федерации полноценного членства в ПАСЕ в июне 2019 г., а также проведение эпизодических консультаций между Еврокомиссией и институтами ЕАЭС по вопросам практического характера. Однако пока не наблюдаются весомые предпосылки для принципиального отказа от конфронтационных практик в отношениях РФ-ЕС в условиях воспроизводства санкционного режима со стороны Евросоюза и США.

В то же время отмечается поверхностное снижение конфликтогенного потенциала в сфере взаимодействия России и Европейского союза. Однако противоречия, обусловившие конфронтацию в Восточной Европе, не нашли принципиального и последовательного разрешения, что должно быть учтено при реализации внешнеполитической стратегии России на постсоветском пространстве. В первую очередь нуждается в корректировке подход к реализации доктрины «Большой Европы», привлекающей сторонников российско-европейского сближения. Нельзя забывать, что европейские лидеры прямо увязывают успех нормализации отношений с Российской Федерации с ее односторонними уступками в решении «украинского вопроса». По нашему мнению, возвращение европейских правительств к дискурсу «Общего экономического пространства от Лиссабона до Владивостока» – предтечи «Большой Европы», имеет скорее конъюнктурный характер.

Указанное обстоятельство не позволяет однозначно прогнозировать преодоление конфронтационной фазы отношений Россия-ЕС и ЕАЭС-ЕС, прогнозируемое рядом экспертов, в среднесрочной перспективе. Наоборот, скорее следует предвидеть нарастание противоречий между интеграционными проектами России и ЕС, которые будут дополняться противоречиями, обусловленными созданием Евразийского экономического союза и Союзного государства России и Белоруссии. Более масштабным выглядит во втором десятилетии XXI века соперничество евразийских стратегий РФ («Большое евразийское партнерство»), ЕС («Объединяя Европу и Азию») и КНР (инициатива «Пояс и путь»). Ввиду вышеизложенного перспективы превращения Евразийского экономического союза из элемента «Большой Европы» в стержневой компонент пространства «Большой Евразии» требуют весьма сдержанных оценок. По нашему мнению, указанная цель требует формирования идеологической основы для равноправного диалога с Европейским союзом, готовности к которому в настоящее время со стороны ЕС не наблюдается.

Отметим, что избрание российской стороной в качестве символического ментального стержня и пропагандистского шаблона термина «евразийская интеграция» имеет весьма противоречивый идейно-политический эффект. Понятие «евразийское пространство» употребляется для обозначения географического ареала без чётко выраженных контуров и организационно-политического оформления. Популяризация термина «Евразия» в отечественной экспертной среде и в масс-медиа стран СНГ не предполагает наличия единого политического субъекта, результатом деятельности которого является евразийская интеграция. За концептом «евразийства» не прослеживается сколь-нибудь длительной исторической традиции, которая бы находила непосредственный отклик в обществах государств-членов ЕАЭС. В отличие от него, общее советское прошлое продолжает оставаться ценностью для массового сознания народов новых независимых государств постсоветского региона, что должно учитываться российской стороной в ее политике по продвижению национальных интересов страны на геополитическом пространстве СНГ и Балтии.

В свою очередь, глобальные проекты «Большая Европа», «Большая Евразия» представляются в большей степени идеологическими декларациями или теоретическими конструктами, которые пока еще не воплотились в конкретные интеграционные стратегии, в практическом плане конкурирующие по отношению друг к другу. Поэтому и на пути становления в качестве связующего звена «Большой Евразии» Евразийскому экономическому союзу придётся и далее участвовать в интеграционной конкуренции, причём не только на своём западном секторе, но и на восточном.

Ярашова В.К.
докторант Института прогнозирования и макроэкономических исследований Министерства экономики и промышленности РУз

ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Ключевые слова: *транспортно-логистическая система, транспортные коридоры, интеграционные объединения, транзит, геополитическое положение.*
Keywords: *transport and logistics system, transport corridors, integration associations, transit, geopolitical position.*

В условиях формирования новой инновационной модели развития экономики транспорт является инструментом реализации национальных интересов Узбекистана, обеспечения ему достойного места в мировой хозяйственной системе. Основными направлениями международной интеграции в области транспорта являются формирование и развитие общего транспортного пространства стран СНГ и ШОС, участие Узбекистана в международных транспортных проектах, комплексное развитие и взаимодействие в Центрально-азиатском регионе.

Транспортный сектор Республики Узбекистан, в силу географических, исторических геополитических и ряда других факторов играет особую роль в экономике страны. Узбекистан является одной из двух стран в мире (второй является Лихтенштейн), который отдален от международных морских путей территориями двух и более государств (double landlocked country), поэтому затраты на транспортировку экспортных и импортных грузов, а также провоз транзитного потока становятся критически важным фактором конкурентоспособности.

Активная политика развития транспортных коридоров расширила и диверсифицировала схемы международных транспортных маршрутов для экспорта и импорта товаров. Так, в 2018 г. внешнеторговый оборот страны составил $33,8 млрд. и вырос по сравнению с 2010 г. в 1,5 раза, в том числе объем экспорта – $14,3 млрд., рост составил 9,4%, импорта – $19,6 млрд. и увеличение в 2,1 раза. Отрицательное сальдо внешней торговли составило $ 5301,3 млн.

Основными внешнеторговыми партнерами Узбекистана по-прежнему остаются Китай с долей в общем товарообороте (2018 г.) 19%, Российская Федерация (16,9%), Казахстан (8,9%), Турция (6,4%) и Южная Корея (6,3%). Что касается торговли со странами Евросоюза, то сегодня внешнеторговые грузоперевозки Узбекистана с этими государствами в основном осуществляются в направлениях портов Риги, Лиепая, Вентспилса (Латвия) транзитом через Казахстан и Россию.

Узбекистан заинтересован в экономической интеграции и вовлечении во взаимовыгодные экономические процессы всех стран Евразии. Особенно такие процессы выгодны для транспортной отрасли: рост как внутренних, так и международных и транзитных перевозок. В рамках Стратегии действий Узбекистана на 2017-2021 гг. Ташкент выразил готовность способствовать созданию пояса добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества в регионе Центральной Азии. При этом в рамках этой политики представлены как геополитические аспекты, связанные с вопросами обеспечения региональной безопасности, так и экономические. Ориентированность на экспорт, поддержка национальных экспортёров и расширение их рынков сбыта включены в политику государства по реализации стратегии развития страны, и именно эти аспекты остаются главными трендами во внешней политике.

На деле поведение нового руководства Узбекистана в отношении экономической интеграции пока существенно не изменилось, более того вступать в ЕАЭС Узбекистан пока не планирует. В июле 2017 г. министр иностранных дел А. Камилов подтвердил, что вопрос о вступлении Узбекистана в ОДКБ не стоит[1], так как это противоречит Концепции внешней политики, принятой еще при первом президенте страны Исламе Каримове. Узбекистан все также не готов к членству в тех интеграционных образованиях, которые предполагают передачу этому образованию полномочий, касающихся урегулирования таможенно-тарифных вопросов. Приоритетом для руководства Узбекистана в экономике по-прежнему остается защита отечественного производителя и внутренней экономики.

Узбекистан является одним из основателей ШОС и наравне с другими государствами-членами определяет стратегию сотрудничества в рамках этой организации. Ташкент считает необходимым концентрацию усилий в рамках ШОС на таких направлениях, как поддержание региональной стабильности и развитие экономического и инвестиционного сотрудничества.

Узбекистан еще в самом начале интеграционного пути присоединился к зоне свободной торговли СНГ и пока удовлетворен преимуществами, которые дает СНГ. В обозримом будущем, руководство Узбекистана нацелено на со-

[1] https://regnum.ru/news/polit/2297084.html

трудничество со странами ЕАЭС, но не на членство в ней. Таким образом, создается впечатление, что политические принципы теперь превалируют над вопросами экономической целесообразности в вопросах участия в ЕАЭС[1].

Узбекистан является участником более 70 международных конвенций, соглашений и двухсторонних договоров по вопросам транспортных коммуникаций, принимает участие в ряде международных программ по интеграции транспортных коммуникаций. Большинство реализуемых транспортных проектов ориентированы на увеличение транзитного потенциала страны. В настоящее время по территории Узбекистана проходят 99 маршрутов, предназначенных для транзитного передвижения иностранных перевозчиков на территории Республики Узбекистан.

Однако Узбекистан не ратифицировал Соглашение «О введении международного сертификата взвешивания грузовых транспортных средств на территории государств-участников СНГ» (Чолпон-Ата, 2004 г.), и Соглашение «О массах и габаритах транспортных средств, осуществляющих межгосударственные перевозки по автомобильным дорогам государств-участников СНГ» (Минск, 1999 г.).

Полное присоединение (ратификация) Республики Узбекистан к указанным Соглашениям создало бы более оптимальные условия для национальных перевозчиков, снизило издержки от простоев и непроизводственных затрат при осуществлении международных грузовых перевозок автотранспортом. Одновременно это облегчило бы транзит иностранных автоперевозчиков по территории Узбекистана, и как следствие, рост валютных поступлений за счет транзита[2].

На эффективность перевозок негативно воздействует усложненный характер процедурного оформления внешнеторговых операций. Так, количество процедурных документов на экспорт и импорт соответственно составляет: Китай – 8 и 5 процедурных документов, Иран – 7 и 11, Казахстан – 10 и 12, Кыргызстан – 9 и 10, Россия – 9 и 11, Таджикистан – 11 и 12, а Узбекистан – 11 и 13. Все это приводит к растягиванию по времени таможенных процедур и задержек при экспорте, импорте и транзите.

Основное внимание в годы независимости было уделено решению вопросов обеспечения транспортно-коммуникационной, пространственной связанности регионов страны и формированию транспортных коридоров, которые бы обеспечивали для узбекских грузов выходы к морским портам на юге, востоке и западе Евразийского материка.

Несмотря на ряд позитивных сдвигов в создании и совершенствовании транспортной системы Узбекистана, имеется ряд проблем, снижающих ее общую эффективность.

Без их решения транспортный сектор будет пока не способен удовлетворить растущий спрос со стороны экономики и населения на сравнительно низкие по стоимости, но при этом оперативные и надежные по срокам, диверсифицированные по географическим направлениям грузо- и пассажирские перевозки.

Ключевой проблемой транспортного сектора являются серьезные пробелы институционального характера, проявляющиеся в слабости системы долгосрочного прогнозирования и планирования транспортной отрасли, тарифообразования на транспорте, кадровой политики в системе подготовки и переподготовки кадров.

До 2019 года отсутствовал единый полномочный орган государственного управления в лице Министерства транспорта, ответственного за разработку и реализацию единой транспортной политики страны. Это вело к тому, что не была сформулирована единая комплексная стратегия развития транспортной системы на основе анализа потребностей растущей экономики страны, необходимости обеспечения пространственной связанности регионов страны и доступности качественных транспортных услуг для населения и экономики. Виды транспорта развивались во многом обособленно друг от друга, ориентируясь на узковедомственные цели и задачи развития.

В стране пока ещё только формируются практические механизмы эффективного взаимодействия между Минтрансом и отраслевыми транспортными структурами по вопросам тарифо- и ценообразования, формирования системы мультимодальных грузовых и пассажирских перевозок, формирования единой политики в вопросах международных перевозок и ряд других.

Узбекистан, находясь в центре Центрально-азиатского региона, имеет возможность стать одной из важных составляющих формирующихся трансконтинентальных транспортных коридоров. Необходим достаточно широкий комплекс мер по развитию его транзитного потенциала с учетом роста трансконтинентальной торговли, развития ключевых грузообразующих и грузоприемных центров Евразии в долгосрочной перспективе, а также необходимости формирования целостной транспортно-логистической системы страны. Для достижения этой цели необходимо обеспечить: создание рынка конкурентоспособных интегрированных транспортно-логистических услуг; создание конкурентоспособных транспортных коридоров внутри страны; интеграцию в международное транспортное пространство; создание условий для развития экспорта транспортных услуг.

Глобальные тренды на современном этапе, воздействующие на транспортную политику, следующие:

- Рост конкуренции стран и экономик мира в период перехода к новому технологическому укладу.
- Появление новых центров геополитического и геоэкономического влияния как глобальных (Китай, Индия, Россия), так и региональных (Иран, Турция, Пакистан, Индонезия).

Исходя из этих трендов, транспортный сектор страны, наряду с усилением конкуренции с транспортниками соседних стран, должен исходить из необходимости активной интеграции в мировую транспортную систему, должна быть реализована политика сближения транспортно-коммуникационных систем стран-соседей. Это будет обеспечивать повышение эффективности реализации её транспортно-транзитного потенциала через более активное участие в

[1] Ахмедов Х.Т., Смолик Н.Г. Республика Узбекистан в интеграционных процессах на постсоветском пространстве // Постсоветские исследования. 2019. – Т. 2, № 1.

[2] Стратегия развития транспортной системы Республики Узбекистан на период до 2035 года (проект).

реализации и функционировании проектов международных транспортных коридоров, идущих как по территории Узбекистана, так и в обход него.

Транспортный сектор Узбекистана к 2035 году станет системообразующей отраслью, растущей опережающими темпами. Отрасль выйдет на конкурентные позиции по уровню удельных транспортных издержек, безопасности, экологичности и качеству транспортных услуг. Будет достигнуто увеличение коммерческой скорости и своевременности доставки товаров, доступности транспортных услуг для населения и грузоклиентов. Формирование единой транспортной системы страны, ее интеграция в мировые транспортные коммуникации обеспечат повышение эффективности транспортных услуг внутри страны, рост их экспорта, более полную реализацию транзитного потенциала, удовлетворение потребностей экономики и общества в качественных и конкурентоспособных транспортных услугах.

За последние десятилетия Республика Узбекистан вложила существенные инвестиции в автомобильную, железнодорожную и авиационную транспортную инфраструктуру, развитие международных транспортных коридоров. До независимости страны созданные ранее схемы транспортных коммуникаций не предусматривали возможность транзитного использования. Это потребовало формирования и развития собственных транспортных маршрутов различными видами транспорта для диверсификации внешнеэкономических связей страны, в том числе для снижения транспортных издержек.

В развитие транспортного сектора в период с 2010–2018 гг. было вложено более 42 трлн. сум инвестиций, в т.ч. на развитие скоростного и высокоскоростного движения Общий объем экспорта транспортных услуг в 2018 году составил 1,7 млрд. долл. США.

Развитие транзитного потенциала Узбекистана в перспективе до 2035 г. требует принятия во внимание целого ряда факторов, среди которых ключевое место занимает оценка потенциала трансконтинентальной торговли с учетом перспектив развития ведущих грузоформирующих и грузопринимающих центров Евразии – КНР, ЕС, Россия, Индия, регион Ближнего Востока. Эти центры являются ключевыми драйверами трансконтинентальной торговли. Для извлечения Узбекистаном максимальных долгосрочных дивидендов из торговли между этими центрами, а также региональной торговли представляется необходимым рассмотреть риски и перспективы развития четырех групп трансконтинентальных и региональных коридоров.

1. Трансконтинентальный коридор «Восток – Запад», основными центрами формирования грузов в котором являются Китай и Европейский Союз;

2. Трансконтинентальный коридор «Восток – Юг» с центрами формирования грузов в лице Китая и стран Персидского залива;

3. Трансконтинентальный коридор «Север – Юг» с Индией в роли ключевого грузоформирующего центра;

4. Региональные и трансконтинентальные коридоры в рамках торговли стран Центральной Азии с Европейским Союзом, Китаем, Россией, Афганистаном, Ираном, Турцией и Индией с транзитом через Узбекистан[1].

Экспорт транспортных услуг рассматривается как важная составляющая национального продукта. Он должен развиваться в следующих основных направлениях:

- развитие использования транзитного потенциала транспортной системы Узбекистана;
- увеличение доли участия узбекских транспортных организаций в поставке отечественных экспортных грузов на мировые рынки, в доставке импортных грузов и перевозках грузов третьих стран.

Государственная поддержка отечественных транспортных организаций**,** работающих на международных рынках транспортных услуг, осуществляется в следующих направлениях:

- проведение согласованной политики в международных организациях, осуществляющих допуск национальных операторов на международные рынки транспортных услуг;
- создание для узбекских перевозчиков благоприятных экономических условий ведения бизнеса на тех сегментах рынка, где они работают, прежде всего, по уровню налогообложения операторов;
- создание для отечественных международных перевозчиков не менее благоприятных режимов при выполнении таможенных и пограничных процедур, чем для перевозчиков других стран;
- разработка механизмов оперативного принятия ответных мер в случаях, когда узбекские перевозчики подвергаются дискриминации за рубежом;
- создание условий для приобретения отечественными перевозчиками современной транспортной техники, обеспечивающей им не только конкурентоспособность на международных рынках, но и принципиальную доступность этих рынков для отечественных операторов;
- разработка и реализация мер, стимулирующих отечественных грузоотправителей к заключению договоров поставки на базисных условиях, предусматривающих перевозку экспортных грузов отечественными перевозчиками;
- повышение эффективности механизмов регулирования национальных сегментов рынка международных перевозок, на которых действует двусторонняя разрешительная система.

Использование транзитного потенциала Узбекистана должно быть не только приоритетом развития транспортной системы, но и самостоятельным направлением роста экономики. Для повышения уровня реализации транзитного потенциала страны необходимы:

- активная государственная поддержка транзитных проектов Республики Узбекистан на международной арене, формирование выгодных для страны международных альянсов;
- разработка экономических и правовых механизмов, позволяющих извлекать выгоды транзитного положения субъектов Республики Узбекистан;

[1] Стратегия развития транспортной системы Республики Узбекистан на период до 2035 года (проект).

- реализация программ модернизации транспортной инфраструктуры с учетом приоритетного развития международных транзитных коридоров (МТК);
- дальнейшее развитие транспортно-таможенных технологий, всей инфраструктуры транзитных перевозок, а также информационных систем, ускоряющих доставку и пограничную обработку транзитных грузов;
- техническая модернизация и совершенствование экономических режимов в воздушных транзитных коридорах, проходящих через воздушное пространство Узбекистана;
- участие в разработке общей стратегии развития сети международных транспортных коридоров (МТК), проходящих по европейским и азиатским направлениям в рамках формирования новых транзитных коридоров континентального значения;
- разработка при участии транспортных ведомств и других заинтересованных организаций страны проектов создания и развития транзитных коридоров, дополняющих базовые МТК;
- поддержка инвестиционных проектов, в том числе международных, направленных на развитие транзитных перевозок.

Подход, ярко демонстрируемый руководством Узбекистана в развитии внешней торговли в Центрально-азиатском экономическом регионе в последние два года, уже доказывает свою эффективность. Улаживаются спорные моменты в отношениях, динамично растет торговля между странами региона, запускаются совместные проекты. Как упоминалось выше, геополитические, культурные, экономические предпосылки предопределяют, что страны региона будут динамично развиваться и экономически процветать только в тесных взаимовыгодных отношениях друг с другом по всем направлениям. И новый этап регионального сближения стран Центральной Азии и Евразии только начался. И его перспективы весьма оптимистичны.

Решение поднятых в настоящей работе актуальных проблем невозможно без формирования научно-образовательной базы сферы транспорта. Здесь речь идет о создании в стране национального Научно-исследовательского института транспорта и Ташкентского Государственного университета транспорта на базе ТашИИТа, повышении роли и подъеме статуса региональных колледжей в сфере транспорта до уровня высшего образования. Это позволит коренным образом пересмотреть систему подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров, по-новому создать новые более прогрессивные схемы интеграции сфер науки, образования и транспортного производства, нацелив в итоге всю их деятельность на улучшение качества жизни и повышение эффективности транспортного обслуживания населения и грузоклиентов регионов.

В конечном счете, именно такой подход к решению интеграционных проблем в сфере транспорта ориентирован не только на повышение конкурентных позиций отечественных транспортных компаний, но и в целом на рост конкурентоспособности национальных товаропроизводителей.

Яскевич Я.С.[1]

СОВРЕМЕННЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ СЦЕНАРИИ И РИСКИ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ПРИОРИТЕТЫ

Ключевые слова: *геополитические сценарии, геостратегии, рискогенность общества постмодерна, интеграционные процессы, национальная безопасность, суверенитет.*

От классической к постклассической глобальной геополитике

Философско-ретроспективный взгляд на исторический процесс во всем его многообразии позволяет зафиксировать, что за очевидными межгосударственными конфликтами и противостояниями скрываются более фундаментальные, сущностные детерминанты, нарушающие состояние мирового равновесия и, как правило, приводящие к геополитическим потрясениям, перманентному хаосу и реализации трагических сценариев.

Радикальные трансформации, характерные для современной мировой экономики, политики, социокультурного пространства увеличивают степень социально-политического риска, повышают вероятность непредвиденных событий, инициируют рост *геополитического риска* с такими его угрожающими компонентами и последствиями, как риск завоевания государства, риск распада государства под воздействием внешних сил, по крайней мере – риск снижения суверенитета государства как его способности отстаивать свои интересы на международной арене, запуская механизмы внутреннего риска **(**4, с. 212). Глобализация мировой истории, сопровождающаяся обострением социально-политических рисков, кризисных ситуаций в экономической, финансовой, социально-политической, экологической и социально-духовной сферах современного цивилизационного развития выдвигает на передний план проблему регулирования стихийных процессов в целях выживания человечества в новых условиях существования (12, с. 6–7).

Такого рода процессы сопровождаются глубокими качественными изменениями в содержании и структуре аналитико-методологической рефлексии по сравнению с ее предшествующими формами, требуя выявления философских оснований и механизмов геополитических и страновых рисков в различных сферах и состояниях глобальной культуры, фундаментальных жизненных смыслов ее универсалий, осуществления междисциплинарного синтеза различных знаний, чтобы затем представить в сжатом виде философско-категориальную матрицу человеческого бытия на изломе, позволяющую прогнозировать возможные риски и управлять ими.

Будучи междисциплинарной областью, *классическая геополитика зафиксировала ряд закономерностей, ставящих перед субъектами государственной власти вопросы как теоретического, так и практического плана, обусловливая тем самым необходимость вдумчивости и сдержанности в принятии политических решений и рисковом поведении* (14, с. 153–154). Геополитика как наука в ее отношении к власти установила, что иногда преимущества получает тот субъект, который *контролирует геостратегически ключевые точки пространства, а сила и слабость геостратегического субъекта зависит от его склонности к риску, от степени его самодостаточности и умения контролировать ключевые точки*. Было показано, что потеря контроля над пространством одним геополитическим субъектом всегда означает его приобретение другими; стабильность, устойчивость и безопасность геополитического субъекта обеспечивается некоторым оптимумом подконтрольного пространства, в силу того, что чем шире пространство, тем труднее оно поддается управлению со стороны субъекта. *Контроль же над пространством теряют те геополитические субъекты, которые не обладают необходимыми и достаточными возможностями для завоевания и удержания территории, не демонстрируют необходимые признаки самодостаточности* (9, с. 63–680).

Геополитика исследует географическое пространство исключительно с целью политического проектирования, связывая проектность или с формулировкой и обслуживанием пространственных запросов государств (О. Мауль) или – с усмотрением возможных политических и географических целостностей более высокого уровня, чем государства (Дж. Паркер). *Технологии геополитики опираются как на способы преобразования географических регионов в явления политические – государства, союзы, буферные зоны и т.п., так и на методы низведения политических образований до уровня «чистой географии», типа переработки государств в «населенные территории», «проблемные зоны».*

В рамках современных геополитических исследований классическая, например, тойнбианская модель цивилизационного развития в виде пяти локальных цивилизаций (индо-буддийская, китайско-конфуцианская, арабо-мусульманская, западно-христианская, славяно-православная) с присущим им миром духовной культуры, равным положением перед лицом истории, правом на рождение, жизнь и смерть не оставляет места европоцентризму и дополняется идеей взаимодействия, взаимозависимости, единства современного мира в контексте глобализационных процессов. Вместе с тем формируются и концепции о доминировании, подчинении, установлении мирового порядка, кон-

[1] Яскевич Ядвига Станиславовна – д.филос.н., профессор, профессор кафедры социальной коммуникации, Белорусский государственный университет.

троле со стороны крупных геополитических центров по отношению к современному миру. Концепция, например, мир-системного анализа В. Валлерстайна отталкивается от того, что в XVI веке борьба мир-империй, основанных на политическом властвовании, и мир-экономик, основанных на торговле, завершилась в Европе победой последних, становлением современной мир-капиталистической системы и поэтапным перемещением центров силы из Испании в Голландию, далее в Великобританию и, наконец, в США. Приверженность однополюсному миру, европоцентристский дух данной модели во многом компенсируется за счет прогностического ее компонента, фиксирующего перемещения мирового центра силы в XXI веке в азиатско-тихоокеанский регион (АТР).

Согласно концепции цивилизационно-культурологического синтеза американского исследователя С. Хантингтона, мир после конца холодной войны и развала Советского Союза будет определяться уже не идеологическим противостоянием, а взаимодействием (конкуренцией и борьбой) 7–8 различных цивилизаций (к пяти основным Хантингтон добавил еще три – японскую, латиноамериканскую и африканскую) (11, с. 33–57). Как видим, автор концепции придерживается идеи множественности центров силы, конфликты между которыми, вплоть до войны (возможно, мировой), будут осуществляться на стыках цивилизаций, по линиям цивилизационных разломов. Между Западом и остальным миром будет проходить главная ось международных отношений, западные страны при этом будут играть все меньшую роль. Цивилизационный разлом проходит и через США, результатом которого может быть «разрушение Америки». Отмечая разрешающие механизмы цивилизационного подхода, Хантингтон подчеркивает важную роль религиозных идей и национальных политических культур в современном мире. В отношении России он предостерегает от попыток восстановления бывшего Советского Союза, отталкиваясь от традиционных идей геополитики о роли континентальной Евразии. Идеи Хантингтона относительно того, что страны тихоокеанской цивилизации в ближайшее время потеснят США, которые за последние 30 лет «постоянно снижали свою долю на рынке машиностроения» и ничего нового, кроме микропроцессора, не изобрели, придерживается и Ж. Аттали (1, с. 64).

С точки зрения философско-методологической рефлексии *классическую геополитику* не случайно называют *силовой геополитикой,* поскольку она зародилась в эпоху передела мира между империалистическими государствами. Имея это в виду, Хантингтон образно подмечает, что Запад завоевал мир не из-за превосходства своих идей, ценностей или религии, но скорее превосходством в применении организационного насилия. В противовес доктрине установления нового миропорядка и концепции «управляемого хаоса», провозглашенной Вашингтоном после трагических событий 11 сентября 2001 г., неклассическая геополитика трансформируется на современном этапе в *глобальную геополитику (цивилизационную)*. В ее основу должны быть положены постулаты о едином историко-культурном пространстве, многообразии геоцивилизаций, толерантности идеологий, политических культур, конфессий, переход от логики конфронтаций и представлений о войне как продолжении политических отношений к логике компромисса и сотрудничества.

В рамках глобальной политики осуществляется антропологический поворот, в соответствии с которым человек выступает как один из важнейших географических факторов геополитики, гуманизм здесь оборачивается к вопрошаемому мыслителю новой гранью – это уже не прометеевский гуманизм единого дома на Земле. В пространстве глобальной геополитики человек не может и не желает оставаться слепым исполнителем геополитических законов, человек – это и носитель локального цивилизационного генотипа, и выразитель социокультурной доминанты в хозяйственной деятельности, языке, образе мыслей, и исполнитель политической воли (3, с. 11–15).

Цивилизационно-антропологическая матрица геополитики формируется в ответ на региональные ритмы, являясь основой кооперативного согласованного взаимодействия социальных, политических, экономических и социокультурных институтов суперсистемы. Пришедшая на смену *вестфальской геополитической эпохе* мировой истории (1648–1814), основанной на принципах баланса сил и национального суверенитета, *Венской* (1814–1914), приведшей к утверждению многополярного мира на евразийском континенте, *Версальско-Вашингтонской* (1919–1939), в рамках которой реализовались итоги Первой мировой войны и возникло первое в мире социалистическое государство, *Ялтино-Потсдамской* (1945–1991), связанной с победой СССР в Великой Отечественной войне, коалиции СССР, США и Великобритании во Второй мировой войне, зарождением мировой системы социализма и установлением биполярного мира, так называемая *Беловежская геополитическая эпоха* (1991, Post-Cold-War Era), наступившая после распада Советского Союза и мировой системы социализма, ознаменовала завершение «холодной войны», с претензией США на утверждение однополярного мира. Сегодня эта эпоха должна во имя сохранения и выживания человечества трансформироваться в *глобально-коммуникативную геополитическую эпоху мировой истории* с моделями диалога культур и цивилизаций, народов и религий, несиловой моделью принятия решений на национальном и глобальном уровнях, несмотря на пока еще реальные сценарии и прогнозы относительно конфигурации современного многополярного мира с экономическими, политическими, военными и цивилизационными «полюсами» и «центрами силы» (5, с. 112).

Синергетическая модель рисков в условиях глобализации: специфика, виды, рейтинги

Постклассические геополитические сценарии основываются в своих подходах на том, чтобы геополитический субъект сочетал при создании различных моделей мирового развития универсальный (мировой), региональный (цивилизационный) и страновой (государственный) вектор безопасности.

Гармоничное сочетание глобального и национального особенно необходимо в современных ситуациях глобализации и перманентных рисков. В этом плане заслуживают внимания рассуждения современных аналитиков, которые подчеркивают радикальные изменения в системе международных отношений, связанные с возвышением Китая, порождая тем самым своего рода «разломы» по линии Восток-Запад, актуализируя феномен так называемой «дипломатической революции». Поводом для нее становится экономический подъем Китая, а причиной – его военное возвыше-

ние, начавшееся в последние годы и неконтролируемое даже самим политическим руководством Китая. На протяжении последних лет, отмечает Эдвард Люттваг, американский историк и политолог, специалист по политической и военной стратегии, по теории международных отношений, старший советник Центра стратегических и международных исследований США, китайцы инициировали не только серьезные споры и размолвки с Индией, Вьетнамом и Японией, но и стратегически противопоставили себя США, начав строительство военного флота. Вместе с тем, Китаю следовало бы принять в расчет, что три азиатских государства – Япония, Индия и Вьетнам, вместе взятые, имеют больше жителей, чем Китай, больше финансовых ресурсов, чем Китай, и больше современных технологий, чем Китай, и ничто им не мешает через очень короткое время иметь вооруженные силы вдвое более сильные, чем Китайская народная армия (6, с. 5–180), отмечает Люттваг Эдвард.

«Разломы» по линии Восток-Запад обнаруживают себя и в трансформации других стран. Так, модернизация Индии в первой половине XX века осуществлялась в основном по модели западных артефактов при значительном сохранении традиционных структур, формирования местной буржуазии и становления демократических институтов. Однако вестернизация Индии не приводила к прерыванию традиции. Неведомые ранее индийской цивилизации формы и ценности демократии, за которые выступал конгресс «вписывались» через архетипы национального сознания в индийское религиозно-философское наследие, и в частности, благодаря концепции ненасилия Махатма Ганди.

Конец второй мировой войны явился определенным рубежом в трансформации Востока. Авторитарно-военная модель Японии потерпела под ударами союзников крах, модернизация Японии стала развиваться под контролем американцев. В Китае же нашли отражение две модели: первая, ориентированная на агрессивное отторжение традиционных структур с последующей борьбой за торжество западных, победила с установлением Китайской Народной Республики, вторая, связанная с усвоением западных артефактов при значительном сохранении традиционных структур, утвердилась на Тайване. Обе модели, родившиеся в результате смуты, в 1949 году появились на свет в качестве определенных осей координат государственности. Индия приобрела независимость именно в рамках национальной модели, заимствующей западные артефакты.

Панорамная картина трансформации Востока показывает, что для первого этапа, начала 50-х – рубежа 80–90-х годов XX в., характерны три группы цивилизационных переломов и феноменов. Одна из групп – *строительство небывалой, невиданной цивилизации на основах коммунистического эсхатологизма*. Экономический скачок Японии, Южной Кореи, Сингапура объясняется не только волшебной силой рынка, но и абсолютной подчиненностью личности интересам высших структур. *Третья группа феноменов, вовсе не обозначавшая отдельную группу стран, но практически присутствовавшая во всех странах Азии, может быть названа поисками своего традиционного лица в новом цивилизационном потоке*. Ни одна страна не осталась в стороне от процессов поиска своего нового «Я» в контексте периода трансформации под влиянием Запада, определенной фрустрации, ущербности национальных азиатских «Я», мучительной деперсонализации, вызванной новой цивилизационной волной.

Второй этап трансформации Азии завершился вместе с послевоенным миропорядком в целом, главнейшим фактором которого стал планетарный распад социализма. Демократическое движение в Китае, реформы во Вьетнаме, Лаосе, дальнейшее обострение кризиса в Северной Корее знаменовали конец революционного социалистического эсхатологизма и социалистической флуктуации, как это произошло в Восточной Европе и Советском Союзе. (6, с. 12).

Сохранение традиционных ценностей, своего образа жизни, культурных и религиозных приоритетов, несовместимых с глобализмом, массовой культурой, подвергается сегодня реальному риску. Об этом свидетельствуют региональные конфликты в Корее, Вьетнаме, Афганистане и др. (во время холодной войны), вооруженные интервенции США под эгидой НАТО в Югославии, Ираке, Афганистане, Ливии (после распада СССР), «цветные революции» и подобные сценарии «смены режимов» в Грузии, Кыргызстане, Украине (на постсоветском пространстве), события времен «Арабской весны» (на Ближнем Востоке), в ходе протестных движений в Венесуэле, Аргентине (в Латинской Америке) и т.д. Для минимизации глобальных и локальных рисков, их регулирования и обеспечения безопасности в обществе риска, прежде всего, важно признание невозможности полного отсутствия рисков в обществе; необходимо организованное социальное взаимодействие управляющих и управляемых субъектов, опосредованное социальными нормами, ценностными регулятивами и конкретными социальными условиями; формирование механизмов управления и нивелирования рисков, экспертной оценки рискогенности конкретного общества и обеспечения его безопасности (2, с. 4–9).

Основополагающий момент в исследовании риска – неопределенность, которую нельзя элиминировать, устранить полностью, однако можно существенно снизить, привлекая различные средства – от всестороннего информационного обеспечения, до соответствующей нравственной и психологической подготовки лидеров в экономической политике, субъектов принятия решений в различных социальных сферах.

Рискогенные ситуации, создаваемые на современном этапе геополитическими стратегиями США, дают импульс для построения различных моделей будущего мироустройства. Однополярному вектору мирового развития в таких моделях уже нет места. Совершенно четко это констатируется в докладе «Глобальные тенденции 2030: Альтернативные миры», подготовленном Национальным советом по разведке, где отмечается: «В связи с бурным ростом других государств «однополярный момент» закончился и эпоха Pax-Americana – эра американского доминирования в мировой политике, которая началась в 1945 году – стремительно движется к своему завершению» (15). Создание фундаментальной концепции будущего мирового развития в условиях риска предполагает междисциплинарный синтез различных теоретических моделей, отражающих закономерности и механизмы формирования рискового мышления и поведения в различных сферах. В соответствии с этим *методология геополитических рисков должна строиться по типу открытой рациональности*, предполагающей поливариантность, многовекторность, отход от концепций жесткого детерминизма, отличающихся строго заданным характером всех без исключения связей и зависимостей и исклю-

чающих выбор альтернативы. Целью прикладных исследований риска не является полное устранение неопределенности, а, по крайней мере, снижение ее остроты, прогнозирование возможных негативных последствий развития этой неопределенности и стратегии деятельности, что особенно необходимо в современных условиях.

В международной практике апробирован подход, заключающийся в выделении трех основных уровней при анализе природы политического риска: мега-, макро-, микрориски. Внешний, международный или глобальный риск – *«мегариск»*, особенно остро заявляет о себе в эпоху глобальных финансовых и экономических кризисов, влияя на финансово-экономическую и социально-политическую деятельность всех стран. Экономическая глобализация в лице транснациональных компаний, Всемирной торговой организации, Международного валютного фонда, Всемирного банка и других структур оказывает сильнейшее влияние на национальные экономики и внутренний, страновой – *«макрориск»*, под которым следует понимать нестабильность внутриполитической обстановки страны, оказывающей влияние на результаты экономической деятельности в бизнесе, предпринимательских фирмах и структурах, в связи с чем возникает риск ухудшения их финансового состояния, вплоть до банкротства.

Философско-методологический анализ рискогенности современного общества показывает, что культурно-исторические, социально-политические, экономические, этнорелигиозные отношения внутри страны являются важнейшими компонентами мирового экономического и политического риска, т.е. макрориск является составной частью мегариска. Принятие стратегических решений, обеспечение государственной безопасности на уровне макрориска нацелено на увеличение предсказуемости развития внешнеэкономических связей и гарантирование стабильности внешних операций отдельных национальных корпораций. Размещение капитала за границей, торговые операции отдельных национальных фирм и предприятий на уровне микрориска требуют от лидеров, осуществляющих политическую власть в государстве, выработки системы гарантий от политического риска, *элиминации неблагоприятных политических факторов в стране, где размещаются инвестиции, т.е. анализ микрориска всегда должен упреждаться анализом и оценкой макрориска* (13, с. 9).

Поскольку *политический риск* – это возможность возникновения убытков или сокращения размеров прибыли, являющихся следствием глобальной и национальной политики, он связан с возможными изменениями в курсе правительства, переменами в приоритетных направлениях его деятельности. Учет рискогенности отдельных стран и регионов особенно важен в странах с неустоявшимся законодательством, с отсутствием прочных традиций и культуры предпринимательства. В современном мире возникновение и проецирование макрорисков осуществляется в контексте геостратегии ведущих стран. Так, концепция Большого Ближнего Востока, закрепленная в геостратегии 1990-х Вашингтона, включает в сферы влияния богатейшие в энергетическом отношении государства Каспийского бассейна, Аравийского полуострова, Иран, Турцию, Ирак, по периметру которого размещены военные базы, и на экономическое и политическое развитие которых оказывается значительное влияние.

В этом контексте исследователи обращают внимание на четыре группы рисков: риск национализации и экспроприации без адекватной компенсации; риск трансферта, связанный с возможными ограничениями на конвертирование местной валюты; риск разрыва контракта из-за действий властей страны, в которой находится компания-контрагент; риск военных действий и гражданских беспорядков (8). *Риск национализации* на практике интерпретируется предпринимателями очень широко – от экспроприации до принудительного выкупа властями имущества компании или просто ограничения доступа инвесторов к управлению активами. При определении риска национализации сложность состоит в том, что в любой стране власти никогда не рекламируют возможность экспроприации или национализации. Как следствие, ни в одном документе юридически точно не определяется, чем, например, отличается национализация от конфискации. *Риск трансферта* связан с переводами местной валюты в иностранную. Примером может служить ситуация, когда предприятие работает рентабельно, получая прибыль в национальной валюте, но не в состоянии перевести ее в валюту инвестора, чтобы рассчитаться за кредит. Причин может быть множество – например, принудительно длинная очередь на конвертацию. *Риск разрыва контракта* предусматривает ситуации, когда не помогают ни предусмотренные в договоре штрафные санкции, ни арбитраж: контракт разрывается по не зависящим от партнера причинам, например, в связи с изменением национального законодательства. *Риск военных действий и гражданских беспорядков – это риски*, в результате которых национальные государства и экономики могут понести большие потери и даже утратить свой суверенитет.

В качестве факторов геополитических и локальных рисков при этом заявляют о себе *экономические факторы,* связанные с тем, что причиной политических рисков может стать отсутствие необходимых денежных ресурсов для проведения тех или иных реформ, отсутствие развитой и стабильной экономической инфраструктуры, неликвидность государственных акций предприятий, отсутствие четкой экономической программы, отсутствие прямых инвестиций в страну, непродуманная валютно-кредитная политика и т.д. Сюда относятся и *информационные факторы*, которые выражаются в отсутствии четкой и полной информации о всех текущих политических процессах, в недостаточности анализа политической ситуации в целом, в неадекватном реагировании властей на нее, в отсутствии четкого определения приобретений и утрат, в непонимании и игнорировании интересов других участников политических действий, в борьбе за доминирование в информационном пространстве, в «кибер-войнах» и т.д. *Социальные факторы инициируются* нестабильностью, агрессивностью и радикализмом проводимого политического курса, деятельностью отдельных политических институтов, низкой поддержкой населения проводимой политики, политическими, этническими и другими конфликтами, безработицей, тяжелым экономическим положением, наличием множества нерешенных социальных проблем и др., что может служить «детонатором» для эскалации национальных рисков и конфликтов в геополитические (как это происходит в современной Украине).

Предупреждение нежелательных событий на уровне микрориска требует от субъектов политической и экономической деятельности глубоких знаний относительно тенденций развития отдельной страны и мирового сообщества

в целом. Междисциплинарные и трансдисциплинарные стратегии современной науки, ее ценностные и антропологические повороты, переосмысление сути, принципов и моральных устоев демократии, диалог либеральных и традиционных ценностей, национальных и глобальных приоритетов оказывают фундаментальное влияние на понимание природы риска в современном мире.

В рамках построения современных рискогенных геостратегий, межцивилизационных моделей управления миром вряд ли уместны доктрины сдерживания роста мощи и влияния отдельных стран, например, Китая в Юго-Восточной Азии, выдвинутой администрацией Б. Обамы, противодействие евразийскому интеграционному процессу, деятельности БРИКС, сценарии «смены режима» и гражданских войн в отдельных странах.

Исследование закономерностей геополитических рисков является междисциплинарной проблемой, имеющей не только теоретическую, но и практическую, прикладную значимость в самых различных сферах. Для анализа оценки политического риска в международной деловой практике разработаны *различные прикладные модели*, отличающиеся друг от друга по уровню исследования (мега- макро- и микориск), по направленности (ориентированные в большей или меньшей степени на экономическую или политическую среду) и т.д. Задача прикладных исследований риска состоит в том, чтобы снизить остроту неопределенности, предусмотреть возможные негативные и позитивные последствия. Мониторинг политического риска нацелен на защиту зарубежных инвестиций компаний путем прогнозирования возможных рисков, возникающих в социально-политическом пространстве.

Составление временных рядов экономического, демографического, связанных с внешней торговлей, внешним долгом страны и других индикаторов или индексов характерны для *количественного подхода*. Сравнимость и объективность используемых индикаторов – несомненная заслуга данного подхода. Среди факторов, влияющих на оценку рисков, выделяют: *материальные ресурсы* (капитал; трудовые ресурсы; профессиональные навыки; культура управления; технологии; природные ресурсы); *социально-политические факторы* (социальная неоднородность; расслоение общества; распределение дохода; политическая система; внутренние конфликты; легитимность правящей элиты; роль военных); *политику правительства, входящую в состав социально-политических факторов* (цели; финансовая политика; денежная политика; промышленная политика; политика занятости; торговая политика; инвестиционная политика; структурная политика; внешняя политика; политика доходов); *международные факторы (*геополитические; цены на нефть; цены на товары; валютные курсы; процентные ставки; инфляция; торговые тенденции) (10). Смешанный (комбинированный) подход синтезирует информацию экспертов и объективные данные, обеспечивая тем самым формирование наиболее оптимальной модели к исследованию политического риска.

Сравнительные рейтинговые системы, использующие схожие методологии, разрабатываются консалтинговыми фирмами Frost & Sullivan (the World Political Risk Forecast), Business International and Data Resources Inc. (Policon). Большинство из них доступны в режиме on-line и, как в случае с Policon, пользователи могут исключать вес различных переменных, либо включать свою собственную оценочную информацию. Большим шагом вперед стало создание банков политических данных (World Handbook of Political and Social Indicators). На поле "экспертного" рейтинга известна Futures Group, отчеты которой – Political Stability Prospects сочетают данные наблюдений в формальных моделях с экспертными оценками для создания индексов стабильности по вероятностному распределению. Подколзина И.А. указывает и на две финансово ориентированные рейтинговые системы: Institutional Investor's Country Credit Rating и Euromoney's Country Risk Index, охватывающие 109 и 116 стран соответственно. В модели Euromoney рейтинг странового риска составляется путем комбинирования набора индикаторов типа Лондонской ставки предложений по межбанковским кредитам (LIBOR), первичного ценообразования, межбанковских кредитов и т.д. (7).

Методологический анализ современных геополитических сценариев и рисков следует проводить в контексте интеграции национальных государств в мировое экономическое и политическое пространство, в механизмы мирового разделения труда, в тесной неразрывной связи со стратегией экономической политики, развитием рыночных отношений, действием национальных правительств, а также различных политических сил как внутри страны, так и за ее пределами, оказывающих воздействие на деятельность экономических субъектов.

Выводы

В настоящее время в поисках новых геополитических сценариев развития современного рискогенного общества настойчиво ищутся способы преодоления негативных тенденций западной цивилизации и реализации геополитической стратегии однополярного мира, осуществляется обоснование путей гуманизации мира и человека, предпринимаются попытки объединения усилий общественности в предотвращении третьей мировой войны, прекращении национальных распрей, сохранении окружающей среды, преодолении отчуждения человеческой личности, ее сохранении.

Решение этих проблем, характерных как для современного Запада, так и Востока, возможно только на пути признания *целостности и взаимозависимости современного мира,* необходимости диалога культур, их взаимообогащения, признания приоритета за поведением, ориентированным на коммуникацию и понимание, национальную безопасность и суверенитет отдельных стран, ответственность за принимаемые решения на глобальном и национальном уровнях.

Список литературы

1. Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. – М: Международные отношения, 1993. – 135 с.
2. Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Весь мир, 2004. – 120 с.
3. Глобальная геополитика / Под ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина, И.Ф. Кефели. – М.: МГУ, 2010. – 312 с.

4. Глущенко В.В. Теория государства и права: системно-управленческий подход. – Железнодорожный: ООО НПЦ «Крылья», 2000. – 416 с.
5. Ильин В.В. Мир GLOBO: Вариант России. – Калуга: Полиграф-Информ, 2007. – 252 с.
6. Люттваг Э. В политике самое важное – знать, когда нужно остановиться // Свободная мысль. – М., 2011. – № 3 (1622). – С. 5–18.
7. Подколзина И.А. Проблемы оценки политического риска. -http://consulting.ru/econs_art_845354567/cons_printview
8. Политические риски. – http://www.risk24.ru\politriski.htm
9. Семенов В. Геополитика как наука // Власть. – М., 1994. – № 8. – С. 63–68.
10. Страновой риск и методы его оценки // Методический журнал Международные банковские операции. 2008. – № 2. http://www.reglament.net/bank/mbo/2008_2_article.htm
11. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. – М., 1994. – № 1. – С. 35–57.
12. Чумаков А.Н. Глобальный мир: проблемы управления // Век глобализации. 2010.– № 2. – С. 3–15.
13. Шимов В.Н. Экономика Беларуси: современное состояние и вектор перспективного развития // Социология. 2014. – № 3. – С. 7–16.
14. Яскевич Я.С. Политический риск и психология власти. – Минск: Право и экономика, 2011. – 298 с.
15. Global Trends 2030: Alternative Worlds / A report of U.S. National Intelligence Council. 2012. – https://public intelligence.net/global-trends-2030/

НАЦИОНАЛЬНАЯ И ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Антохонова И.В.
д.э.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ
iv.antokhonova@gmail.com

ТУРИЗМ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: *Туризм, домашние хозяйства, евразийское пространство, системный анализ.*
Keywords: *tourism, households, Eurasian space, systems analysis.*

История туризма берет начало в античные времена – торговля, паломничество, образование, лечение, спорт. Мощный импульс дальнейшему развитию туризма дали географические открытия, научные экспедиции и их результаты. Элитарный и массовый туризм зародились в Европе в условиях политической стабильности во второй половине XIX века. В течение XX века, особенно в его конце с началом рыночных преобразований туризм приобрел глобальный характер.

Посткризисный период в России сформировал стратегию коррекции экономического поведения домохозяйств и индивидов. Геополитические события, санкции, пенсионная реформа, резкий рост стоимости валют, доступность товаров на потребительском рынке оказали отрезвляющее влияние на поведение домохозяйств. Можно отметить, что по данным анализа социально-экономического поведения домашних хозяйств на основе панельных данных RLMS HSE даже снизился разрыв потребительских расходов в квинтилях домашних хозяйств [4].

В условиях непрекращающегося кризиса экономия на потреблении различных товаров и услуг стала одной из наиболее распространенных стратегий адаптации россиян к экономическим шокам. Одни из них предпочитали сохранять объемы потребления, сокращая расходы; другие отдавали предпочтение экономии на потребляемых объемах при сохранении качества. При этом большинство россиян выбирали первый подход. Главными объектами экономии оставались развлечения, одежда и обувь. Гораздо реже семьи экономили на оплате медицинских услуг и приобретении лекарств.

Экономические санкции, начиная с 2014 года и кризис 2015 года в значительной степени ограничили туристские потоки в привычном европейском направлении – Турция, Испания, Италия, Потругалия и другие популярные направления. К тому же жизненный цикл традиционных дестинаций вступает в такой период, который характеризуется термином «overtourism», когда туристов становится слишком много, качество жизни местного населения и самих туристов начинает ухудшаться. Смена дестинаций отчасти вызвана запретом на посещение некоторых стран для многих категорий госслужащих, военнослужащих, введенным в 2016 году [2].

Таблица 1

Дестинации с высокой туристской нагрузкой

Город/страна	Население, чел.	Число посетителей и экскурсантов в год, чел
Венеция (Италия)	55 тыс.	20 млн.
Барселона (Испания)	1,6 млн.	32 млн.
Дубровник (Хорватия)	28,4 тыс.	932,6 тыс.
Исландия	350 тыс.	1,6 млн.
Нью-Йорк (США)	8,5 млн.	12,8 млн.
Париж (Франция)	2,2 млн.	18 млн.
Прага (Чехия)	1,4 млн.	5,8 млн.

На смену прежним приходят новые направления: Китай и острова Тайвань, Хайнань, Чунмин, Вьетнам и острова (Фукуок, Хон Там, Кондау, Биньба и т.д.), Япония (Токио, Киото, Саппоро, Йокогама, Окинава), Корея, Гонконг, Макао.

В связи со снижением платежеспособного спроса намечаются новые тренды туризма в страны СНГ: Казахстан, Узбекистан, Армению, Белоруссию, связанные с доступностью туров. Спрос на туризм эластичен по доходам, т.к. практика туристов показывает, что отдыхать на кредитные деньги может только безумный человек. Восстановление ликвидности бюджетов после туристических поездок представляет большую проблему. В связи с этим формируются новые тенденции комплементарного туризма, преследующего несколько целей, в процессе которого удовлетворяются дополнительные потребности. В нулевые годы возникли новые тренды медицинского туризма (Корея, Израиль, Китай), религиозного туризма (Израиль, Индия, Тибет, Бутан, государства влияния Тибета), научного туризма с локали-

зацией форумов в привлекательных туристических зонах, сезонного туризма с удаленным образованием 3 месяца и более, медиа-туризма, гастрономического туризма. Имеет место трансформация туризма в жительство, от 3 месяцев до года с дистанционной работой и дистационным обучением детей. Приведенные факты свидетельствуют об углублении знаний и изменении образа жизни в иных цивилизационных условиях.

Основная мотивация российских домохозяйств носит характер психологической компенсации. Выбор конкретной потребительской модели поведения во многом зависел от уровня материальной обеспеченности и состава семьи. Домохозяйства со средними и высокими доходами старались больше сберегать, чем тратить. Если большие по размеру домохозяйства чаще экономили на развлечениях и образовании, то небольшие семьи, состоящие в большинстве случаев из пенсионеров – на оплате медицинских услуг и покупке лекарств. Сэкономленные таким образом деньги стали уходить на покупку дешевых продуктов питания. Семьи с низкими доходами, исчерпавшие ресурс для экономии, наращивали долги, в том числе за счет микрозаймов. Но в целом россияне стали более практичными, приземленными, начали осторожнее относиться к кредитам из□за неуверенности в завтрашнем дне.

К наиболее затратным статьям бюджета российских домохозяйств относятся также расходы на услуги и отдых. Среди статей бюджета домохозяйств нижнего, второго, четвертого и верхнего квинтилей они занимают по своей величине второе место, а в бюджете домохозяйств третьего квинтиля они стоят на первом месте. Но в то же время разрыв в расходах на услуги и отдых между домохозяйствами противоположных квинтилей постепенно сокращается. С 2012 г. по 2016 г. этот разрыв поступательно снизился с 13 до 10 раз. В 2016 г. домохозяйства верхнего квинтиля тратили на услуги и отдых больше, чем домохозяйства второго квинтиля в 6,5 раза, домохозяйства третьего квинтиля – в 4,4 раза, домохозяйства четвертого квинтиля – в 3 раза [5].

Со стороны предложения также возникли новые тенденции, это изменение вектора туристских направлений, вовлечение домашних хозяйств в сферу гостеприимства, формирование в сети Интернет самостоятельных групп, маршрутов и т.п. [3].

Государства Юго-Восточной Азии вполне осознанно используют природную ренту в виде тропического климата, морей, тропических фруктов, морепродуктов, островной экзотики. Китай, открывший в 90-е годы доходный коммерческий туризм россиянам и населению СНГ, завершил этот этап вследствие изменений в паритете валют и росте доходов населения.

Основная гипотеза, которая требует исследования: потенциал смены экономической мотивации на цивилизационную зарождается в жизненном цикле домохозяйств. Потенциал цивилизационного развития генерируется в локальных, региональных, профессиональных подсистемах. Потенциал цивилизационного ответа на внешние и внутренние вызовы свидетельствует о зрелости гражданского общества.

Список литературы

1. Antokhonova I.V. Mental bases of national security of the Baikal subregion in the Euroasian space // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. – Т. 9, № 11. – С. 2756–2764.
2. Аигина Е.В. Сверхтуризм или туризмофобия: новые явления или старые проблемы? // Современные проблемы сервиса и туризма.2018. – Т. 12, № 4. – С. 41–55.
3. Корюхина В., Куклина И. О гетеротопии коммодифицированного жилого пространства (случай Байкальска) // Социологическое обозрение. 2019. – Т. 18, № 1. – С. 36–55.
4. Рощина Я.М. Основы моделирования экономического поведения домохозяйств на базе данных RLMS-HSE. Лекции для социологов. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 351 с.
5. Федеральная служба государственной статистики. – http://www.gks.ru/

Багаева А.В.
к.соц.н., доцент, Социологический факультет МГУ
dagny35@gmail.com

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ КОМПОНЕНТА РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: *политическая лингвистика, социолингвистика, лингвистическая география, регионализация, интеграция, коренные народы, региональные языки.*

Keywords*: political linguistics, sociolinguistics, linguistic geography, regionalization, integration, indigenous peoples, regional languages.*

Регионализация является выражением лингвокультурной общности населения пространства, обладающего признаками, позволяющими его характеризовать как регион (лат. *regio*), то есть пространство, отличающееся на основе устойчивого набора признаков от других территорий. Лингвокультурный подход, как пишет Е.Н. Азначеева во введении к монографии «Лингвистические аспекты исследования идентичности личности в изменяющемся мире», «предполагает изучение лингвистических аспектов репрезентации социальных, психических и культурно обусловленных явлений, связанных с самореференцией человека, — ритуалов, стереотипов социально-группового поведения, архетипов, соответствующей мифологии, символики, прецедентных феноменов и др.»[1].

Понятие идентичности означает «основополагающие и устойчивые черты, составляющие своеобразие личности или группы, а также осознание принадлежности к группе, основанное на географической, лингвистической, культурной общности»[2]. В данной трактовке принадлежность человека к группе базируется на триединстве географических, лингвистических и культурных признаков. Именно такой подход представляется наиболее продуктивным для исследования лингвокультурной компоненты регионализации, которая выражается не только в географическом, экономическом, политическом единстве территории, понимаемой как регион, но и в наличии такого особого качества населяющих его людей, которое может быть названо региональной идентичностью[3].

За устоявшейся дефиницией «региональная идентичность» необходимо скрывается множество достаточно далеких друг от друга критериев, показывающих не только сложность данного понятия, но и его динамику, отражаемую в разночтениях смыслов, мотивах, инструментах самоидентификации, моделях взаимодействия субъектов различных региональных общностей. Поскольку весь этот комплекс идей и действий получает выражение в языке, то именно лингвокультурные критерии позволяют не только давать оценку справедливости или ошибочности отнесения того или иного пространства к определенному региону, но и по лингвистическому наполнению региональной идентичности судить о достигнутом уровне и глубине региональной интеграции и даже о конкурентоспособности региона[4].

Лингвокультурное измерение регионализации можно рассматривать и в историческом разрезе. Развитие крупных пространств было немыслимо без интенсивного взаимодействия населяющих их людей. Общие связи отражались в сближении языков или выборе какого-либо одного из них в качестве языка межэтнического общения.

Современные исследования, которые основываются на анализе влияния языкового общения между гражданами различных стран в самых разных сферах, от производственных до бытовых, проведенные с использованием фрагментов из книг на различных языках, постов из Твиттера и других социальных сетей, статей из Википедии, указывают на то, что степень влияния на других людей во многом зависит от того, на каком языке ведется общение. Лидером среди мировых языков был признан английский, вторым в табеле о рангах идет французский, а на третьем месте находится немецкий. Четвертую строку занял испанский язык, русский язык оказался на пятом месте, а на шестом — португальский[5].

Язык издревле был не просто способом общения людей, но и являлся уникальным средством генерации и передачи смыслов. Поскольку большинство таких смыслов касалось места проживания человека, обеспечения его безопасности в конкретном пространстве, выражения его идентичности, то значительная часть лингвистических усилий была направлена на то, чтобы сделать эту среду комфортной, защищенной от врагов и эффективной с точки зрения

---

[1] Лингвистические аспекты исследования идентичности личности в изменяющемся мире: коллективная монография / Под ред. Е.Н. Азначеевой. – Челябинск: Энциклопедия, 2012. – С. 5.

[2] Целищев Н.Н. Язык, этническая идентичность и национальное самосознание // Аграрное образование и наука. 2014. – С. 14.

[3] Левочкина Н.А. Региональная идентичность: понятие и сущность // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. – № 1–3. – С. 446–453.

[4] Галазова С.С. Региональная идентичность экономического пространства // Экономические науки. 2014. – № 6 (115). – С. 64–69.

[5] Ученые выяснили, на каком языке нужно говорить, чтобы влиять на людей. – http://www.trkterra.ru/news/news_world/uchenye-vyyasnili-na-kakom-yazyke-nuzhno-govorit-chtoby-vliyat-na-lyudey/17122014

взаимодействия соседей, которые должны были понимать и принимать друг друга. Там, где хозяйственные, культурные, религиозные и иные контакты отдельных этносов были налажены достаточно продуктивно, появлялись свои правила лингвистического взаимодействия. Порой один язык, принадлежащий более активному и предприимчивому народу, становился вспомогательным средством межэтнического общения. Так рождались лингва франка, койне, пиджины[1].

Отголоски этой практики проявляются и на международном уровне, когда с появлением универсальных международных организаций — сначала Лии Наций, а затем Организации Объединенных Наций (ООН) — возникла потребность в выделении группы официальных языков. В Лиге Наций это были английский, французский и с 1920 г. испанский языки. А в ООН: английский, арабский, испанский, китайский, русский и французский языки. Эти языки являются родными почти для трех миллиардов человек, их употребляют в около ста государствах мира.

На поддержание баланса официальных языков ООН направлены мероприятия, отмечаемые в их дни: День арабского языка: 18 декабря, в память о дате, когда в 1973 г. Генеральной Ассамблей ООН был установлен арабский язык как шестой официальный язык; День китайского языка: 20 апреля, день почитания одного из создателей китайской письменности Цан Цзе; День английского языка: 23 апреля, предполагаемый день рождения Уильяма Шекспира; День французского языка: 20 марта соответствует международному дню франкофонии; День русского языка: 6 июня, день рождения Александра Пушкина; День испанского языка: 12 октября, который отмечается в испаноязычном мире как «День всех говорящих на испанском». Подчеркнем, что в формулировке оснований для установления празднования этих дней отразились как лингвистические, так и региональные параметры.

Лингвистической проблематике в ООН уделяется серьезное внимание. Так, в декабре 1999 г. Генеральная Ассамблея Организации призвала уделять большее внимание многоязычию. Доклад Генерального секретаря ООН на 58-й сессии Генассамблеи в 2003 г. был посвящен мерам по защите, распространению и сохранению всех языков мира. Осенью 2010 г. был опубликован доклад Генерального Секретаря о языковом разнообразии. В ответ на этот доклад Генассамблея приняла резолюцию о языковом разнообразии, в которой вновь призвала Генерального секретаря обеспечить то, чтобы все шесть официальных языков получили одинаково равные и адекватные условия. В резолюции отмечалось, что разработка многоязычного информационного сайта ООН шла гораздо медленнее, чем ожидалось.

Усиление противоречий социального развития, вызванное сложностью реализации глобальных процессов на региональном уровне, стало одной из причин объявления ООН 2019 г. Международным годом языков коренных народов (англ. *International Year of Indigenous Languages*) на основании Резолюции 71/178 Генассамблеи. Главная задача самых разных мероприятий, проводимых в данный период, сводится к повышению осведомленности мировой общественности о состоянии автохтонных языков, находящихся под угрозой вымирания, установлению связи между языком, развитием социума, мирным существованием и урегулированием конфликтов.

Во многом повестка дня Года языков коренных народов перекликается с тематическими областями целей устойчивого развития. И это не случайно. Сегодня в мире насчитывается порядка 7 тысяч языков, каждые две недели умирает один из них. 96% лингвистического разнообразия составляют именно языки коренных народов, на которых говорит всего 4% населения нашей планеты. В соответствии с Атласом языков мира, находящихся под угрозой исчезновения, составленном ЮНЕСКО, 90% всех языков попали в зону опасности.

Есть и еще один пласт политико-лингвистических проблем, который появился в связи с резким уплотнением сети международный деловой коммуникации, увеличением числа повседневных бытовых связей между гражданами разных стран и континентов. Этот пласт прямо относится к сохранению лингвокультурного компонента региональной идентичности. Оказалось, что в ряду вопросов, возникающих в связи с необходимостью адаптации сотен тысяч мигрантов в странах Запада, регулирования неконтролируемого потока мигрантов лингвистическая проблематика занимает заметное место[2].

Чем на более высокий уровень поднималось экономическое, политическое и социальное взаимодействие государств региона, тем важнее становилась задача обеспечить социолингвистическую базу этих контактов. Естественно, Европа, которая стала лидером регионализации, одной из первых была поставлена перед необходимостью сформулировать региональную лингвистическую политику. В 1958 г. появился первый Регламент, обозначивший официальные языки Европейского Экономического Сообщества (ЕЭС). Согласно этому документу, официальными и рабочими языками этой интеграционной структуры стали голландский, французский, немецкий и итальянский языки. Сейчас официальные языки Евросоюза — это языки, являющиеся официальными в деятельности Европейского союза (ЕС). Как отмечается на сайте Еврокомиссии, существуют две основные характеристики языков, имеющих статус официальных и рабочих: документы в какой-либо институт Евросоюза направляют на любом из этих языков, ответ оформляют также на любом из них; регламенты ЕС и другие законодательные акты, такие как Официальный бюллетень, публикуют на официальных и рабочих языках.

В 2013 г. Европейский Союз в очередной раз увеличил количество официальных языков. На сегодняшний день в ЕС есть 24 официальных языка и 28 государств-членов. В европейских институтах официально равноправно используются все 24 языка. На первый взгляд может показаться, что внутри Евросоюза установилась полная лингвистическая идиллия и достигнуто равенство всех национальных языков. Но это не так. В частности, не являются официаль-

[1] Вайнрайх У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования / Пер. с англ. и комментарии Ю.А. Жлуктенко; вступит. ст. В.Н. Ярцевой. – Киев: Вища школа, 1979.

[2] Марусенко М.А. Языковая политика Европейского союза. Институциональный, образовательный и экономический аспекты. – СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2014.

ными языками ЕС, несмотря на то, что являются государственными языками стран-членов Евросоюза на государственном уровне: люксембургский язык – официальный язык Люксембурга; турецкий язык – официальный язык Кипра.

Все решения, принимаемые официальными органами ЕС, переводятся на все официальные языки, и граждане Евросоюза вправе обращаться в органы ЕС и получать ответ на свои запросы на любом из официальных языков. На мероприятиях на высшем уровне предпринимаются меры по осуществлению перевода выступлений участников на все официальные языки (по необходимости). Синхронный перевод на все официальные языки, в частности, всегда осуществляется на сессиях Европарламента и Совета Евросоюза.

Несмотря на декларируемое равноправие всех языков Союза в ЕС наблюдается «европейское трехязычие», когда фактически в работе инстанций (за исключением официальных мероприятий) используются в основном немецкий, французский и английский (три рабочих языка Комиссии) — при этом какие-либо иные языки используются в зависимости от ситуации. В связи с расширением ЕС и вступлением в него стран, где французский менее распространен, укрепились позиции английского и немецкого языков. В любом случае, все окончательные нормативные документы переводятся на остальные официальные языки Евросоюза.

В руководящих структурах ЕС имеется несколько специализированных органов, занимающихся вопросами перевода[1]: два Генеральных Директората по переводу (от Европейской комиссии и от Европейского парламента), а также расположенный в Люксембурге Центр переводов для органов Евросоюза, который обслуживает агентства ЕС. На данный момент в Центре насчитывается более ста штатных переводчиков. Другие институты ЕС имеют собственные переводческие подразделения. Почти треть всех сотрудников учреждений ЕС составляют устные и письменные переводчики, на оплату труда которых идет немалая часть бюджета.

Помимо точности передачи смысла документа переводчик должен отвечать за верность юридической трактовки переводимого материала. Поскольку квалификации переводчика для этого часто недостаточно, то появилось новое направление деятельности и соответствующая ему наука «правовая лингвистика», которая занимается изучением соотношения языка и права. Она возникла в немецкой научной среде и получила название *Rechtslinguistik*. Впервые этот термин был употреблен Адальбертом Подлехом в 1976 г.[2] Так он обозначил совокупность всех методов и результатов исследований, которые касаются вопросов связи языка и правовых норм, и отвечают требованиям современной лингвистики. С тех пор понимание правовой лингвистики значительно расширилось.

Выделяются четыре основных характеристики правовой лингвистики: междисциплинарность, межкультурность, контрастивность (от англ. *contrastive* – сопоставительный, сравнительный) и открытость. Для Европейского союза проблемы правовой лингвистики связаны с расширением перечня правовых понятий и норм, которые могут быть выражены только посредством языка. Язык обеспечивает единство внутри правовой системы. В институтах ЕС юристы проверяют тексты, созданные переводчиками, а в Суде Европейского союза в качестве переводчиков работают только юристы. Качество перевода заключается в его точности, понятности и хорошем стиле. Толкование законов и других юридических актов Евросоюза требует обязательного сравнения их текстов на разных официальных языках. Но, например, Европейское Патентное Бюро в Мюнхене использует только три рабочих языка – английский, французский и немецкий, однако в прошлом документы переводились на все официальные языки ЕС. Именно из-за перевода стоимость патента в Европе выше, чем в США.

В Евросоюзе стимулируется распространение многоязычия среди жителей стран-членов. Это делается не только ради обеспечения взаимопонимания, но и для развития толерантного и уважительного отношения к языковому и культурному разнообразию в ЕС. Среди мер по распространению многоязычия – ежегодный Европейский день языков (26 сентября), введенный по решению Совета Европы, а также доступные языковые курсы, пропаганда изучения более чем одного иностранного языка и изучения языков в зрелом возрасте.

Вместе с тем в Европейском союзе периодически возникают лингвистические проблемы. Так, когда в июле 1999 г. во время заседания министров, под председательством Финляндии, было решено применять только финский, английский и французский, то в знак протеста представители Германии и Австрии покинули заседание. В 2005 г. Испания, Италия и Португалия бойкотировали встречу министров труда стран ЕС из-за того, что перевод документации о встрече был подготовлен лишь на английском, французском и немецком языках, хотя по регламенту должны были быть переведены на все языки Евросоюза. Представители Испании, Италии и Португалии заявили, что они не могут обсуждать документы, которые не понимают. До этого послы Италии и Испании уже направили официальные протесты на имя председателя Европейской Комиссии. В посланиях, в частности, говорилось, что европейские структуры движутся к трехъязычию – со все большим усилением роли английского, немецкого и французского. Послы потребовали, чтобы этот отход от политики языкового равноправия был прекращен. 20 марта 2018 г. на Международном дне франкофонии в Париже президент Франции Э. Макрон выдвинул 33 предложения по усилению роли национального языка, в том числе продвижение французских медиа в мире и усовершенствование системы образования. В апреле того же года представитель Франции в Евросоюзе Ф. Леглиз-Коста демонстративно покинул заседание постпредов стран ЕС в Брюсселе из-за того, что сессия велась без перевода.

С новым политико-лингвистическими сложностями Европейский союз обязательно столкнется после выхода из него Великобритании, хотя специалисты уверены, что английский останется ключевым языком ЕС. До того, как в 1973 г. Соединенное Королевство стало полноправным участником европейской интеграции, доминирующую роль в интеграционном процессе играл французский язык. В 1990-е гг. английский язык оказался самым распространенным в

[1] Убин И.И., Пушнов И.А. Перевод в странах Европейского Союза. Обзорная информация. – М.: Всероссийский центр переводов научно-технической литературы и документации, 2011.

[2] Podlech A. Rechtslinguistik // Rechtswissenschaft und Nachbarwissenschaften. Bd. 2. – München: Beck, 1976. – S. 105-–116.

Евросоюзе. По данным The Wall Street Journal, подготовка 81% черновых документов ЕС идет на английском, 5% – на французском, 2% – на немецком, а 12% – на других официальных языках. По информации Евростата на октябрь 2017 г., в качестве иностранного в государствах ЕС 96% студентов изучают английский, 23% – французский, 22% – испанский, 19% – итальянский, 2% – русский[1].

Перечисленные и многие другие примеры указывают на значимость анализа теории и практики региональной интеграции и формирования региональной идентичности с точки зрения лингвистической регионалистики. Эта новая область знаний анализирует состояние не только национальных литературных языков, но и просторечий, социальных и территориальных диалектов. Она изучает специфические явления и вариации языка, которые обусловлены этнической картиной региона. Для наличия региональной идентичности важно иметь устойчивые общие лингвистические образы и символы, не изменяемые под влиянием территориального диалекта, а также из-за особенностей их использования различными социальными группами в зависимости от целей и условий коммуникации[2].

Без этого лингвокультурная картина региона будет представляться обедненной красками, а в случае непонимания государственных деятелей, политиков, да и обычных граждан одной части региона жителями другой его части могут возникать проблемы, имеющие не только культурологический, но и политический смысл.

Необходимо, чтобы региональный язык, официальный статус которого закреплен в законодательстве одного или нескольких административно-территориальных субъектов государства, пользовался не меньшим уважением, чем общегосударственный язык, не только в своей стране, но и на всем региональном пространстве. Сейчас к региональным и малочисленным языкам относятся те, которые традиционно используются на определенной территории гражданами данного государства, признанными принадлежащими к национальному меньшинству. Оказывается, что это признание получить не очень просто. Например, каталанский язык треть населения Андорры считают родным, но он является единственным официальным в этом государстве. А в испанской автономной области Каталонии, где живет основная масса носителей этого языка, он сначала был лишь региональным. Что касается Франции, то, несмотря на наличие носителей каталанского языка в этом государстве он становится исчезающим.

Примером бережного отношения к языкам малых народов может служить политика Норвегии, Финляндии и Швеции, где саамский язык является официальным в некоторых муниципалитетах, коммунах, общинах. Так, согласно § 17 Конституции Финляндии, саамское население этого государства имеет право на сохранение и развитие своего языка и своей культуры. В том же параграфе Конституции закреплено право саамов пользоваться родным языком в органах власти. В северной части Финляндии есть особое территориальное образование, Саамский регион Финляндии, на территории которого саамы, согласно § 121 Конституции, имеют культурную и языковую автономию[3].

Для того чтобы разрешать все сложности формирования и закрепления европейской лингвокультурной идентичности 5 ноября 1992 г. в Страсбурге Советом Европы была принята Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств (англ. *European Charter for Regional or Minority Languages*, фр. *Charte européenne des langues régionales ou minoritaires*). Любопытно, что текст хартии, утвержденный на английском и французском языках (оба текста являются одинаково аутентичными) в одном экземпляре, хранится в архиве Совета Европы[4]. Подписание и ратификация Хартии столкнулись со сложностями во многих европейских государствах, в частности, во Франции, Греции, Ирландии, Латвии, Исландии, Мальте, Италии, Грузии, Украине. 16 июля 2019 г. Совет Безопасности ООН обсудил вступивший на Украине в силу закон об исключительном статусе украинского языка и то, как это соотносится с Минскими соглашениями. В ходе своего выступления постоянный представитель Российской Федерации в ООН В. Небензя подчеркнул, что принятие закона о языке на Украине не является внутренним делом Киева. Этот закон противоречит всем конвенциям по защите интересов национальных меньшинств и базовым правам человека.

Сохраняющиеся лингво-политические дискуссии в этих государствах можно считать своеобразным зеркалом отношения к национальным меньшинствам и их культуре. Поэтому тематика Года языков коренных народов актуальна еще и с точки зрения мониторинга выполнения государствами обязывающих положений Хартии.

Постепенно процессы регионализации будут разворачиваться и в других частях нашей планеты, продвигаясь к модели региональной интеграции. С одной стороны, экономических проблем может становиться меньше, но культурологические аспекты интеграции будут требовать к себе большего внимания. Решать возникающие коллизии в международном общении, которые имеют в том числе лингвистическую природу, станет невозможным без углубления научных разработок в сфере лингвистической географии. Это относительно новая наука, насчитывающая чуть более полутора веков. Потребность в ней появилась тогда, когда ученые занялись составлением больших национальных языковых атласов[5].

---

[1] Постникова Е. Британия оставила ЕС с языком // Известия. – М., 2018. – 3 июля.

[2] Опыт аспектного анализа регионального языкового материала (на примере Белгородской области): коллективная монография / Под ред. Т.Ф. Новиковой. – Белгород: ИПК НИУ «БелГУ», 2011. – С. 36.

[3] Конституция Финляндии. № 731/1999, с поправками до № 802/2007 включительно: Неофициальный перевод // Сайт Министерства юстиции Финляндии. – http://www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/1999/ru19990731.pdf

[4] От теории к практике. Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств. 2003. Европейская языковая Хартия и Россия / Под ред. С.В. Соколовского и В.А. Тишкова / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М.: ИЭА РАН, 2010. – Вып. 218.

[5] Нерознак В.П. Ареальная лингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. редактор В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 43–44; Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. 3-е изд., доп. – М.: Просвещение, 1964. – С. 301–302.

Учитывая, что карта мира сначала формируется в языке, важно, чтобы эта картина была не только красочной, отражающей все лингвистическое многообразие региона, но еще и бесконфликтной. Тогда не только специалисты-международники[1], но и обычные граждане сумеют договориться в самых непростых ситуациях, найдя общий язык.

[1] Воевода Е.В. Регионализация профессиональной языковой подготовки специалистов-международников // Актуальные вопросы филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. Сборник научных трудов. Вып. 1 / Под ред. В.Г. Шадурского. – Минск: БГУ, 2013. – С. 22–28.

Бахлова О.В.[1]

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ИНСТИТУТЫ СОЦИАЛЬНОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ[2]

Ключевые слова*: гражданская идентичность, гражданско-патриотическое воспитание, интеграционные процессы, историческая память, нациестроительство, национальная идентичность, социальная память, Союзное государство Беларуси и России.*

Keywords*: civil identity, civil-Patriotic education, integration processes, historical memory, nation-building, national identity, social memory, Union State of Belarus and Russia.*

В объединительных процессах, каковыми являются и процесс нациестроительства, и интеграционный процесс, актуальны нахождение и поддержка общих фундаментальных принципов, установок и пр., важных для общества и государства, разделяемых представителями различных социальных и политических групп, населением страны (стран) в целом, выполняющих консолидирующую роль. Таковыми могут быть традиции, ценности, символически значимые события, в том числе исторические, образующие смысловую основу гражданской идентичности; во многих исследовательских оценках циркулирующие в обществе представления о прошлом признаются ключевыми в структуре идентичности[3]. При этом историческая память зачастую подвергается политическим манипуляциям, ориентированным на продвижение необходимых власти или внешним игрокам образов прошлого. В дискурсивных практиках политических акторов некоторые сюжеты иногда выступают как генерализирующие, хотя в социальной памяти они могут фиксироваться иначе. Встречается и обратная тенденция. Однако если на деле руководствоваться стремлением к укреплению общегражданского единства или осознанием сложности перспектив «состыковки» национальных идентичностей интегрирующихся стран и их восприятия как вероятной базы нового уровня идентичности – коммунитарного (наднационального, союзного), – необходимо помнить о пределах подобных искажений и ограниченности по времени и масштабам социального эффекта навязанных стереотипов и «картинок». Справедливо замечание: историческая память пластична, «человека можно принудить поверить в смыслы, полезные в конкретной политической ситуации. Но ситуативность исторической памяти не разрушает незыблемость социальной памяти»[4].

Объективизация исторической памяти в сопряжении с социальной памятью возможна только благодаря постоянным согласованным усилиям разнообразных институтов – официальных и неофициальных (негосударственных). Неслучайно акцентирование законодательства, позволяющего передавать новым поколениям присущие российской цивилизации систему ценностей, понятия о морали и нравственности, реагировать на угрозу деформации исторической памяти[5]. Несмотря на промедление с принятием Федерального закона «О культуре», в России, наряду с «Основами законодательства Российской Федерации о культуре» 1992 г., имеется ряд нормативных правовых актов и концептуальных документов, регулирующих функционирование институтов социальной и исторической памяти, – федеральные законы «О библиотечном деле» (1994), «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной Войне 1941–1945 годов» (1995), «О днях воинской славы и памятных датах России» (1995), «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (1996), «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (2002) и др. Вместе с тем многие из них, будучи принятыми достаточно давно, не отвечают вызовам современности и нуждаются в более серьезной корректировке либо замене (как, например, Закон РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей» (1993)). Хотя следует заметить, что законодатель учитывает определенные изменения и вносит новации в действующие акты: так, в ФЗ «О библиотечном деле» появи-

[1] Бахлова Ольга Владимировна – д.полит.н., доцент, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва. Профессиональные интересы: теория и практика региональной интеграции, российско-белорусские отношения, государственная национальная политика и пространственное развитие Российской Федерации E-mail: olga.bahlova@gmail.com, olga.bahlova@mail.ru

[2] Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект «Пространственное развитие России как фактор нациестроительства и формирования национальной идеи» № 18-011-00364 А.

[3] Коряковцева О.А., Бугайчук Т.В. Социальная реальность и историческая память в формировании гражданской идентичности россиян // Наука в современном информационном обществе: материалы XVIII международной научно-практической конференции. – М., 2019. – С. 77–78.

[4] Логунова Л.Ю. Историческая и социальная память: парадоксы и смыслы // Идеи и идеалы. 2019. – Т. 11, № 1, ч. 2. – С. 228–229.

[5] Концепция проекта Федерального закона «О культуре». – https://www.mkrf.ru/press/current/kontseptsiya_proekta_federalnogo_zakona_o_kulture/

лась, в частности, статья 18.1 «Национальная электронная библиотека»[1]. Субъекты права законодательной инициативы обнаруживают активность в профильных комитетах обеих палат Федерального Собрания РФ. Например, по состоянию на сентябрь 2019 г. на рассмотрении думского Комитета по культуре находятся 13 законопроектов, предполагающих внесение изменений в различные нормативные правовые акты, затрагивающие вопросы государственной культурной политики в плоскости обеспечения исторической памяти (касающиеся поисковых работ, военно-мемориальных памятников и сооружений и др.); за период текущей легислатуры завершена работа над 46 законопроектами[2]. В концептуальных документах РФ выражена нацеленность на укрепление гражданской идентичности, сохранение исторического и культурного наследия и его использование для воспитания и образования, этнокультурного разнообразия как важной составляющей этнонациональной идентичности, на противодействие угрозам национальной безопасности в области культуры, в том числе попыткам фальсификации российской и мировой истории, на возрождение и развитие массового краеведческого движения в стране, а также деятельности по историческому просвещению граждан. С точки зрения взаимодополняемости усилий различных институтов намечаются многие направления деятельности во внутреннем и внешнем измерениях: расширение сотрудничества профессиональных научных и культурных сообществ, институтов и организаций в сфере реализации совместных проектов по изучению и представлению в иностранных государствах российской культуры, истории, литературы; создание условий для вовлечения молодежи в волонтерские движения, приобщения к отечественной истории, культуре, увековечению памяти погибших в годы Великой Отечественной войны; осуществление просветительской, патриотической и военно-патриотической работы среди молодежи и др.[3].

Сложность формы устройства России, ее пространственной организации и состава населения побуждают при разработке комплекса мероприятий и направлений их реализации соответствующими институтами особо учитывать корреляцию различных сфер государственной политики – культурной, молодежной, научно-образовательной, национальной, регионального развития и ряда других. В исследуемом ракурсе можно упомянуть, например, меры в увязке с вопросами многоуровневой национальной идентичности и российской гражданской идентичности – по сохранению исторической среды («Историческая многослойность и визуальный образ являются качествами, определяющими идентичность места»), поддержке участия молодежи в деятельности по реставрации исторических памятников, патриотическому воспитанию и пр., конкретные программы, проекты и инициативы («100 книг» по истории, культуре и литературе народов Российской Федерации, «Единый учебник истории», «Память сильнее времени», «Чтим! Помним! Возродим!», «Российский архив» и др.), внедряемые при участии и поддержке политических акторов, правительственных структур и общественных объединений («Боевое братство», «Российское военно-историческое общество» (РВИО), «Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту» (ДОСААФ), «Бессмертный полк России» и др.)[4]. Обобщая, констатируем складывание на данный момент обширного многоуровневого институционального механизма в рассматриваемой области, объединяющего государственные ведомства (Минпросвещения, Минкультуры, Минобороны и др.), консультативные органы при Президенте РФ (Совет по науке и образованию, Совет по русскому языку, Совет по межнациональным отношениям и пр.), учреждения образования и культуры (система мультимедийных исторических парков «Россия – моя история», музеи (Государственный исторический музей, Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. («Музей Победы»), музей-заповедник «Бородинское поле» и др.), библиотеки, театры, академические и другие научно-исследовательские институты, университеты, школы, в том числе кадетские, и пр.), некоммерческие общественные организации и движения («Российский фонд культуры», «Федеральный фонд социальной и экономической поддержки отечественной кинематографии» («Фонд кино»), РВИО и др.). В последнее время артикулируется значимость углубления государственно-частного партнерства и коммуникаций различных институтов по вертикали и горизонтали.

В Республике Беларусь (РБ) также осуществляется комплексный подход к решению задач в области укрепления национальной идентичности и сохранения исторической и социальной памяти. Вследствие специфики атрибутивных признаков (прежде всего унитарной формы, относительных компактности территории и однородности этнического и религиозного состава населения) здесь не акцентируются некоторые направления государственной политики, актуальные для России. Однако исторический и геополитический факторы (вхождение в прежние столетия в состав других государств, огромные жертвы белорусского народа, понесенные в ходе войн, соседство с великими державами, центрами силы) для республики весьма значимы при выстраивании стратегий позиционирования в сферах внутренней и внешней политики, общенационального развития в целом и обусловливают пристальное внимание руководства страны к гражданско-патриотическому и военно-патриотическому воспитанию, а также особенности исторической политики в целом. Причем в данном измерении переплетаются как объективные потребности общества и государства, так и политические спекуляции и конъюнктурные тенденции. В итоге в стране, как и в России, нет полной солидарности

[1] Федеральный закон от 29.12.1994 № 78-ФЗ «О библиотечном деле» (ред. от 01.05.2019). – https://base.garant.ru/103585/

[2] Работа Комитета. – http://komitet2-3.km.duma.gov.ru/

[3] Основы государственной культурной политики: утв. Указом Президента РФ от 24.12.2014 № 808. – https://base.garant.ru/70828330/; Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.02.2016 № 326-р. – http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf

[4] Концепция по развитию исторических поселений, поддержке и популяризации культурных и туристских возможностей, развитию экономики культурного наследия на период до 2030 года: утв. Минкультуры России. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282149/; Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 № 2403-р. – http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=171835&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.24836568711239027#09871399200923177 и др.

по данным вопросам; по словам В.Г. Шадурского, «коллективная память и историческая наука превратились в арену борьбы не только представителей исторических школ и направлений, но и политических сил, власти и оппозиции»[1].

Отметим также существование по сути официального нарратива «идеологии белорусского государства». Так, применительно к воспитательным задачам говорится о формировании гражданских и патриотических качеств и национального самосознания детей и учащейся молодежи на основе государственной идеологии[2]. Ее базовыми принципами признаются единство нации, социальная справедливость, солидарность, нравственность[3].

Среди направлений военно-патриотического воспитания молодежи в образовательных учреждениях РБ (в том числе в кадетских училищах, создаваемых с 2010 г.), как и в РФ, – туристско-краеведческая и поисковая работа, шефство над участниками Великой Отечественной войны, тружениками тыла и семьями погибших военнослужащих, уход за памятниками и воинскими захоронениями, участие в торжественно-праздничных мероприятиях, вахтах памяти, героико-патриотических акциях и др.[4]. Сближает Беларусь с РФ внимание к проблеме ущемления законных прав и интересов соотечественников; в Концепции национальной безопасности РБ ослабление национально-культурной идентичности белорусской диаспоры названо одним из основных внешних источников угроз в социальной сфере[5].

Фундаментом системы нормативных источников, положения которых так или иначе затрагивают исследуемые вопросы, в Беларуси выступает Кодекс Республики Беларусь о культуре (2016), с принятием которого утратили силу некоторые прежние законы («О культуре», «О музеях и Музейном фонде Республики Беларусь», «О библиотечном деле в Республике Беларусь»). В Кодексе 2016 г. культура понимается в качестве одного из главных факторов самобытности белорусского народа, национальных сообществ, проживающих в Республике Беларусь, преемственности поколений; предусматриваются сбережение и умножение историко-культурного и археологического наследия и пр. (ст. 2); сохранение национально-культурной идентичности белорусов зарубежья (ст. 26)[6]. Продолжают действовать законы «Об охране историко-культурного наследия Республики Беларусь» (2006), «Об архивном деле и делопроизводстве в Республике Беларусь» (2011). В последнем, в частности, предполагаются меры государства по возвращению документов исторического прошлого белорусского народа, оказавшихся за пределами республики (ст. 11)[7].

Непосредственно в плоскости исторической памяти достаточно отчетливо выделяются 2 ключевых индикатора, один из которых более выпукло демонстрирует различия в подходах РФ и РБ, а другой, напротив, – общность их позиций, способствующую координации внешнеполитических линий и продвижению общественно и политически значимых проектов в рамках Союзного государства. Это истоки белорусской государственности и ключевые события в истории Беларуси. По первому индикатору в исторической науке, системе образования и общественных настроениях нередко фиксируется увязка белорусской государственности с Полоцким княжеством и Великим Княжеством Литовским, хотя в официальном дискурсе власти присутствуют скорее советские исторические мифологемы («БССР как первое белорусское государство»)[8]. Анализ содержания белорусских учебников истории приводит исследователей порой к противоположным выводам: либо об артикуляции в них единства всего древнерусского государства (Киевской Руси), причастности древнерусских земель, на территории которых расположена современная Беларусь, к общерусским процессам[9], либо – о своеобразной «мобилизации Средневековья» как исходной точки исторической памяти, где были заложены основные параметры будущей национальной государственности. При этом медиевальный дискурс оценивается как позволяющий влиять на формирование национальной идентичности в первую очередь у молодежи и детей[10]. По второму индикатору утверждается, что комплекс представлений о Великой Отечественной войне является наиболее существенным для становления белорусской национальной идентичности, а наиболее близкие параллели в памяти о ней корреспондируют с российским обществом. С другой стороны, обоснованным представляется мнение, что в целом советская история в РБ не может быть объединяющим фактором целостной исторической памяти[11]. Среди наиболее сложных и дискуссионных здесь остаются события 1918–1919 гг.[12]. Таким образом, во многом споры или

---

[1] Шадурский В.Г. Историческая политика в Республике Беларусь: этапы развития и версии интерпретации прошлого // Труды факультета международных отношений БГУ. – Минск, 2014. – № 5. – С. 9.

[2] Программа непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь на 2016–2020 гг.: утв. постановлением Министерства образования Республики Беларусь 22.02.2016 № 9. – http://www.bseu.by/russian/general/uvr/prog_vospit2016-2020.pdf

[3] Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: утв. Указом Президента Республики Беларусь 09.11.2010 № 575 (ред. от 24.01.2014). – http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000575

[4] Царик И.А., Василевич С.В. Гражданско-патриотическое воспитание подрастающего поколения в условиях информатизации общества / Репозитарий БГПУ. http://elib.bspu.by/handle/doc/33532

[5] Концепция национальной безопасности…

[6] Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры: 20 ліпеня 2016 № 413-З. – http://www.pravo.by/document/?guid=12551&p0=Hk1600413

[7] Об архивном деле и делопроизводстве: Закон Республики Беларусь от 25.11.2011 № 323-З (ред. от 17.07.2018). – https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=48277

[8] Ластовский А.Л. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. – № 4. – С. 90–91.

[9] Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. «Войны учебников»: средневековые сюжеты в постсоветском образовательном пространстве // Клио. 2016. – № 11 (119). – С. 210, 212.

[10] Филюшкин А.И. «Мобилизация Средневековья» как поиск идентичности: какими путями Белоруссия хочет уйти от исторического наследия Российской империи и СССР // Quaestio Rossica. 2017. – Т. 5, № 2. – С. 583.

[11] Ластовский А.Л. Указ. соч., с. 92, 99.

[12] Баринов И.И. Белоруссия в тисках памяти: историческое наследие и национальная государственность // История и современность. 2019. – № 2 (32). – С. 107–123.

даже «войны памяти» в Беларуси ведутся вокруг интерпретации начального этапа становления национальной государственности. Следовательно, в исторической политике возникает вопрос о длительности традиции государственности и ее преемственности. Собственно, и в российском общественно-политическом дискурсе наблюдается некий разрыв в обосновании исторической преемственности, когда отдельные периоды отечественной истории подвергаются критике, сводящей на нет последующие достижения и делающей сомнительной непрерывность более чем тысячелетней истории России. Подобного рода разрывы опасны и во внутриполитическом, и во внешнеполитическом ракурсах. Неслучайно в официальных документах появляются соответствующие сюжеты, хотя в дискурсивных практиках политических акторов они не столь артикулированы.

В интеграционной плоскости России и Беларуси важно сосредоточиться на непротиворечивых трактовках исторической памяти с безусловной ценностью для народов обоих государств. Подобное единение проявляется вокруг темы памяти о Великой Отечественной войне. Так, представители РФ и РБ солидарны в акцентировании важности сохранения исторической правды и исторической памяти, размышляя об опасности фальсификации истории – приуменьшения вклада Красной Армии в разгром фашистской Германии, дегероизации воинского подвига советского народа, дискредитации освободительной миссии Красной Армии в Европе и на Дальнем Востоке и др.[1]. Особый вклад в решение насущных задач в этой области вносят с белорусской стороны Институт истории Национальной академии наук Беларуси (НАНБ) (в качестве примера плодотворной совместной работы можно назвать трехтомное издание «Страна в огне 1941–1945», авторский коллектив которой в 2018 г. был удостоен совместной премии РАН и НАНБ в области гуманитарных и социальных наук; планируется подготовка пособия для учителей истории Союзного государства с акцентом на уроки Второй мировой войны и значение Великой Победы 1945 года)[2], Военно-научное общество при Центральном Доме офицеров Вооруженных Сил Республики Беларусь, Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны, мемориальные комплексы («Брестская крепость-герой», «Тростенец», «Хатынь» и др. Отметим, что из бюджета Союзного государства финансируется проект «Капитальный ремонт, реставрация и музеефикация сооружений Брестской крепости в мемориальном комплексе “Брестская крепость-герой”»), общественные объединения (например, Белорусский республиканский союз молодежи, инициирующий патриотические проекты («Летом 44-го…» и др.), Военно-историческое общественное объединение «Минский пехотный полк», общественное объединение «Белорусский союз суворовцев и кадет» и др.). В Республике Беларусь с июля 2019 г. функционирует представительство Российского военно-исторического общества, в планах которого – совместная подготовка к празднованию 75-летия Победы в Великой Отечественной войне. В Беларуси реализуется общенациональная (республиканская) патриотическая акция «Беларусь помнит», хотя в СМИ встречаются утверждения о ее противопоставлении «Бессмертному полку».

Один из наиболее масштабных проектов при поддержке Союзного государства – Ржевский мемориал Советскому солдату, признаваемый одной из точек единения Беларуси и России. Отрадно заметить, что в рамках Союзного государства осуществляется много мероприятий в контексте темы Великой Победы и в целом исторического наследия обеих стран с участием школьников и студенчества (Гражданско-патриотическая кадетская смена учащихся Союзного государства «За честь Отчизны», Спартакиада студенческой молодежи, посвященная 75-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков, Олимпиада школьников Союзного государства «Россия и Беларусь: историческая и духовная общность» и др.).

Таким образом, в плоскости осмысления исторической памяти и отношения к ней России и Беларуси мы можем видеть гораздо больше позитивных моментов, несмотря на отдельные расхождения. Последние стимулируются преимущественно политическими интересами, которые требуют применения манипулятивных технологий. Опыт и современная практика формирования национальной идентичности в обеих странах свидетельствуют об определенных уязвимостях в этой области, в том числе об отсутствии полномасштабного социально-политического консенсуса. В РФ в силу ее размеров и большей внутренней неоднородности, а также негативных последствий так называемой оптимизации проблематичными остаются местный (муниципальный) и региональный уровни системы институтов социальной и исторической памяти. Сохраняются увлечение «рыночным подходом» к культуре, науке и образованию, противоречивость интерпретации идеологии нациестроительства. В Беларуси, как и в других постсоветских государствах, повышенная чувствительность к проблематике суверенитета и независимости и фактор оппозиции, во многом евроатлантически ориентированной, определяют специфические маневры руководства, которые сказываются на корректировке интеграционных векторов и предпочтений и восприятии проектов «мягкой силы» России («Бессмертный полк», «Русский мир»). И для РФ, и для Беларуси важно прежде всего не допустить разрывов в исторической преемственности, что не всегда возможно вследствие особенностей государственно-политического развития, прохождения через травму распада единого государства и радикальных трансформаций общественного устройства, которые привели, помимо прочего, к сужению культурно-исторического горизонта ряда групп населения и падению уровня исторических компетенций, снижению интенсивности коллективной памяти. На этом фоне формулируются настораживающие прогнозные оценки о вероятности отрыва идентичности от исторической памяти, угрожающего перспективам именно общегражданской российской идентичности[3]. Несомненно актуальной представляется и задача предотвраще-

[1] Международная военно-историческая конференция «Правда и ложь о Великой Отечественной войне». – https://www.mil.by/ru/vno/action/conf/

[2] Ученые Союзного государства готовят пособие для учителей истории. – https://www.postkomsg.com/activities/events/222282/

[3] Андреев А.Л. Российское общество постсоветской эпохи: социальное самочувствие, историческая память, идеалы и ценности // Россия реформирующаяся. 2018. – № 16. – С. 335.

ния негативизации деятельности институтов исторической памяти и политики исторической памяти, что произошло в Польше, Украине и прибалтийских республиках. В большей степени все же, на наш взгляд, в анализируемом ракурсе нациестроительства в России и Беларуси и их интеграционном взаимодействии как минимум в гуманитарном измерении доминируют проинтеграционные факторы, которые, впрочем, не следует абсолютизировать и полагаться исключительно на их аксиологические параметры.

Бегалинов А.С.
к.филос.н., PhD, старший преподаватель кафедры медиа коммуникации и истории Казахстана, Международный университет информационных технологий, г. Алматы
Бегалинова К.К.
д.филос.н., профессор, профессор кафедры религиоведения и культурологии, Казахский национальный университет, г. Алматы

ДИСКУРС РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СВЕТСКОМ КАЗАХСТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Ключевые слова: *светское общество, религия, поликонфессиональное общество, межконфессиональные отношения, ислам, христианство, этнорелигиозная идентичность, политическая стабильность, духовное согласие, межрелигиозная терпимость.*
Keywords: *secular society, religion, multiconfessional society, interfaith relations, Islam, Christianity, ethno-religious identity, political stability, spiritual harmony, inter-religious tolerance.*

В девяностые годы XX столетия, когда происходило становление современного независимого суверенного Казахстана, на территории всего постсоветского пространства, социально-политическое, экономическое, духовно-культурное положение отличалось необычайной сложностью, многообразием различных мировоззрений, идеологий, различных религиозных направлений. Эта ситуация была настолько серьёзной, казалась неуправляемой, иногда представлялось невозможным решить этот вопрос в плане конструктивного развития социально-экономической и духовной ситуации в республике, что она вызывала определённую растерянность не только среди руководства, но и широких слоёв населения. В этих условиях возникла необходимость решения её двояким способом: или принять эту ситуацию как статус кво, или кардинально, решительно сделать поворот к новому направлению в развитии для того, чтобы овладеть этой ситуацией и построить действительно суверенное светское государство. В эти же годы Республика Казахстан принимает Декларацию прав человека и новую редакцию Закона о свободе совести и вероисповедания. В Конституции Республики Казахстан 1995 года провозглашается право гражданина на свободу выбора религии, свободу вероисповедания. Это сразу же способствовало становлению государства как светского, что нашло отражение в Конституции независимого Казахстана.

Отдельные силы на Западе и Востоке надеялись, что Казахстан провозгласит себя исламским государством, установит господство одной религии и, тем самым, изначально создаст условия для развития нестабильного многоконфессионального, полиэтнического общества. С другой стороны, православие, как мощное течение христианства, могло также теоретически желать, чтобы в Казахстане православная религия была доминирующей. Однако, понимая утопичность такого желания, сторонники теистического развития нашей страны надеялись, что Казахстан станет государством, в котором будут доминировать две религии – ислам и православие. Все остальные религиозные направления будут или полностью подчинены им, или запрещены. Уже в 1993 году Первый президент страны Н.А. Назарбаев представил своё видение социально ориентированного государства, базирующегося на основах рыночной экономики, идущего по пути демократического, правового, унитарного, светского государства, принимающего общечеловеческие ценности. В идеологическом плане эта концепция ставила вопрос о том, какой должна быть идеология нашего государства, будет ли она придерживаться основ социально-марксистской идеологии или же она коренным образом будет отличаться от неё. Прежде всего, эта концепция подчёркивала невозможность существования государства без идеологии. Во-вторых, данная идеология обязательно должна сочетаться с национальной идеей.

Следует отметить, что идеология современного Казахстана представлена как такая идея государства, которая основана и на национальной идее, и на общечеловеческих достижениях. Эта государственная идеология выступает в виде единства трёх положений: общечеловеческих ценностей, межнационального согласия и всеказахстанского патриотизма. Общечеловеческие ценности, как стержень нашей идеологии, качественно отличают её от моноидеологии советской эпохи. Идеология прошлого носила классовый характер и отсюда гуманизм, человечность распространялись только на тех, кто был сторонником социализма, его идей. Эта идеология чётко делила людей на своих и чужих, знаменитые слова известного советского писателя Максима Горького – «если враг не сдаётся, то его убивают» – продолжают функционировать и во второй половине XX столетия.

Общечеловеческие ценности, в отличие от классовых, имеют более глубокое, гуманистическое содержание. Они признают любого человека независимо от его социальной, классовой принадлежности как носителя этих ценностей. И уже этот момент делает казахстанскую идеологию более приемлемой для человечества, подчёркивает, что Казахстан действительно является одним из звеньев большого мирового сообщества. Признание этих ценностей означает, прежде всего, провозглашение того, что первым правом граждан Республики Казахстан является право на жизнь. Подобной статьи ни в одной Конституции Советского государства не было.

Межнациональное согласие как вторая компонента идеологии означает признание де-юре и де-факто равенства всех наций и этносов в нашей республике без различия расовых, социальных и других особенностей. Именно тот факт, что это не только провозглашается, но и фактически существует, создаёт замечательную ауру для жизни всех людей на территории Казахстана. Многие представители некоренного населения рассматривают Казахстан как островок спокойствия и надёжности в межнациональном отношении в море терроризма, экстремизма, межнациональных конфликтов, локальных войн.

Известно, что патриотизм – важнейшее качество и человека, и общества в целом. Философия способствует сохранению единства этого общества, стабильности государства. По вопросу о патриотизме имело место дискуссия в нашем обществе. Некоторые дискутанты считали, что этот патриотизм надо назвать казахским, поскольку казахи выступают автохтонной нацией. Но это всё-таки односторонний подход к патриотизму. И поскольку наша страна многонациональна, то любой гражданин, проживающий на территории Казахстана, а тем более родившийся на ней, принимает эту страну как свою родину, как своё отечество, хотя историческая родина многих из них находится далеко за пределами Республики Казахстан.

Духовная ситуация современного Казахстана является квинтэссированным отражением тех социальных и социально-политических сил, которые сформировались в условиях независимого Казахстана. Религия становится своеобразным нравственным стержнем в духовной жизни казахстанского общества. А поскольку Казахстан является полиэтническим государством по своему составу, то и религия как социально-духовное явление имеет поликонфессиональный характер. Подобное существование, полиэтническое и поликонфессиональное, делает особо важной проблему сосуществования религий и этносов-наций. Для решения данной проблемы в свою очередь необходимо определение проблем религиозной идентичности в светском обществе.

Этническая и религиозная идентичность выступают в единстве. Этнорелигиозная идентичность в светском обществе является важнейшим механизмом личностного освоения социальной действительности, состоящий из нескольких уровней. Первый уровень – классификация и собственно идентификация, на ее основе формируется идентификационная дихотомия «мы» – «они». Второй – создание этнических и религиозных образов – выражается в приписывании этническим общностям определенных культурных, статусных и других характеристик. Третий – базируется на этнической и религиозной идеологии, которая представляет собой общий взгляд на прошлое, настоящее и будущее, своей группы в отношении с иными этнорелигиозными группами. Этнорелигиозная идентичность выполняет важную роль в организации, являясь специфическим «ответом» общности на внешние «вызовы» через самотождественность и установление контроля над значимыми социально-культурными ресурсами и политическими институтами. Благодаря этому происходит воссоздание и конструирование отдельными личностями принадлежности к этносу, традициям, обычаям, символам, языку.

Для поликонфессионального светского Казахстана, в котором исторически сложилось большое количество религиозных верований, направлений, объединений, важно определение религиозной идентичности, необходимость их тесного сотрудничества. И одним из основных приоритетов его политики в духовно-культурной сфере является межэтническое и межконфессиональное согласие, в основе которого лежит развитие конструктивного диалога между государством и религиозными организациями. Этот диалог строится на законодательно-правовой основе, регулирующей все стороны их взаимоотношений, что способствует укреплению стабильности общества.

Эта стабильность необходима не только для государства, она важна и для религиозных объединений. Только вместе можно прийти к истинной толерантности. Жан Жак Руссо отмечал: «Государству важно, чтобы каждый гражданин имел религию, которая заставляла бы его любить свои обязанности». Одной из обязанностей верующего, кроме любви к Богу, должна быть любовь к Родине, казахстанский патриотизм.

Немаловажная роль в укреплении межконфессионального согласия в Казахстане зависит от диалога взаимоотношения ислама ханафитского мазхаба (большинство жителей идентифицируют себя с этим мазхабом) и православия, их взаимоотношения, которые представляют вероисповедание двух важных этносов нашей страны. Их мирное сосуществование является гарантом стабильности социальной и духовной жизни. Это взаимопонимание основано на важнейших заповедях ислама и христианства, проповедующих любовь, милосердие, доверие, открытость, уважение к ближним и дальним, достойное поведение. Как признание их роли в формировании истории и культуры народов в официальном календаре праздничных дат нашей страны появились Курбан-айт и православное Рождество.

Наряду с исламом и православием, в Казахстане действуют религиозные объединения иудеев, католиков, лютеран и других направлений, включая и нетрадиционные. Наша страна поддерживает тесные контакты с центрами ведущих мировых религий. Примеры тому – хадж казахстанцев к святыням в Мекке и Медине. Казахстан внёс лепту в восстановление православной святыни – Храма Христа Спасителя в Москве. В 1999 году мы передали в дар еврейской общине Нью-Йорка священные рукописи Любавического ребе. Подобных мероприятий за годы независимого существования у нас в стране проведено немало.

18 октября, начиная с 1992 года, объявлен в Казахстане Днем духовного согласия. В этот день отмечается большой вклад каждой религиозной конфессии в укрепление духовного согласия в нашей стране. Проходившие по инициативе Первого Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева международные симпозиумы по мировым религиям, съезды руководителей мировых религий показали, что именно Казахстан является лидером в решении данной проблемы. Действительно, в нашей стране складывается своя собственная модель отношений государства и религиозных организаций, которая основывается на принципах партнерства, взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела друг друга, если они основаны на Конституции страны и не нарушают законы.

Анализ мировой религиозной ситуации и опыта многих зарубежных стран показывает, что такая модель является наиболее оптимальной и приемлемой. Это можно назвать серьёзным достижением и важнейшим условием для

дальнейшего прогресса. В одном из Посланий народу Казахстана Елбасы подчеркнул, что за годы Независимости «мы реализовали собственную модель обеспечения общественной стабильности, межнационального согласия, формирования казахстанской идентичности и общеказахстанского патриотизма. Это наше казахстанское «ноу-хау», которым мы по праву гордимся и обязаны бережно охранять».

В настоящее время в нашей стране действует более 3600 религиозных объединений и их филиалов, представляющих 18 конфессий. Всего по республике на сегодня имеется 3464 культовых зданий, из них 2550 мечетей, 294 православных и 109 католических церквей, 495 протестантских храмов и молитвенных домов, 7 иудейских синагог, 2 буддистских храма, 7 молитвенных домов «Общество сознания Кришны» и Бахаи. В Казахстане действует 15 религиозных организаций образования, 400 начальных курсов при мечетях и воскресных школах, 383 помещения для проведения религиозных мероприятий за пределами культовых зданий, в том числе намазхана, молельные комнаты и часовни, 257 специальных стационарных помещений для распространения религиозной литературы и иных информационных материалов религиозного содержания, предметов религиозного назначения [1].

С момента утверждения независимости принципом нашей идентичности является казахстанский патриотизм, поэтому неоспоримым фактом эффективности патриотического воспитания является знание истории Казахстана, обычаев, традиции, языка, религии народов нашей Республики. Ни национальность, ни социальные и религиозные отличия не были и не должны стать для казахстанцев препятствиями для того, чтобы понимать друг друга.

Казахстану повезло в том, что благодаря старшим поколениям в обществе сформировался моральный стержень, который помог всем нам выстоять в нелегких кризисных ситуациях. Имя ему казахстанский патриотизм.

Он имеет свое лицо и свою ментальность, среди основных черт которых любовь к Казахстану как к своей Родине, гостеприимство и бескорыстие, взаимопомощь, интернационализм отмечаемых в стране праздников.

Именно патриотизм народа помог сделать Казахстан одной из динамично развивающихся стран в мире.

Население, прежде всего, молодежь, должно знать, что патриотизм – это вовсе не прославление лишь одной нации, не ее агрессия по отношению к другой, а глубокое осознание того, что мирное взаимодействие культур, религий, традиций является мощным ресурсом развития Казахстана.

Сегодня, благодаря миротворческому видению Первого Президента Н.А. Назарбаева, Казахстан становится гарантом сохранения режима безопасности в Центральной Азии. Именно его статус как государственного апологета мирного диалога в духе Евразийства, региональной державы-стабилизатора безопасности и лидера экономических реформ, позволяет ему играть весомую роль во всех евразийских глобальных и региональных структурах геополитического, геоэкономического и геоинформационного характера, включая такие ключевые системы сотрудничества и безопасности, как ШОС, ДКБ и Единое Экономическое пространство. Это стало возможным благодаря нашей модели межэтнического и межконфессионального согласия. Это вклад Казахстана в общемировой процесс борьбы с дискриминацией, религиозным экстремизмом и терроризмом, поощрения взаимного уважения, понимания и поддержания глобальной безопасности. «Мы гарантируем и обеспечиваем полное равноправие всех религий и межконфессиональное согласие в Казахстане. Мы уважаем и развиваем лучшие традиции Ислама, других мировых и традиционных религий, но строим современное светское государство», – справедливо отмечал Первый Президент [2].

Следовательно, объективно сама современная ситуация суверенного Казахстана показывает, что все религии должны существовать во взаимосвязи, взаимоподдержке. Они вносят значительный вклад в проблему духовного согласия, для того, чтобы люди различных конфессий, различных этнических принадлежностей чувствовали себя комфортно, понимали, осознавали, что представители различных религий – это такие же люди, имеющие единую праматерь, единое начало. Следовательно, они должны поддерживать друг друга, помогать распространению этой духовности в обществе, способствовать укреплению духовных начал как самого человека, так и общества в целом. И ислам, и православие являются двумя мощными столпами, на которых держится всё здание духовного согласия в нашем обществе. Многое сделано и религиозными объединениями, и наукой, и самими гражданами Республики Казахстан в этом плане, но многое ещё предстоит сделать. Для этого, в частности, необходимо «способствовать распространению межрелигиозной терпимости среди молодёжи и её динамичного восприятия общечеловеческих ценностей; интегрировать практику диалога между цивилизациями и религиями в учебные планы на всех образовательных уровнях, чтобы помочь молодым людям уважать и воспринимать религиозные и культурные различия без враждебности» [3]. В современном глобализирующемся мире межрелигиозная терпимость, толерантность, духовное согласие являются важнейшими компонентами поддержания и сохранения мира и стабильности между народами, государствами.

Список литературы

1. https://www.zakon.kz/4871654-v-kazahstane-deystvuet-bolee-3600.html
2. Назарбаев Н.А. Дружба и доверие наше – главное богатство // Казахстанская правда. 2002. – 16 ноября.
3. Религиоведение: учебник для академического бакалавриата / Под ред. М.М. Шахнович. – М.: Юрайт, 2018. – 381 с.

Бедрина Е.Б.
к.э.н., доцент, с.н.с. Института экономики УрО РАН, г. Екатеринбург

ФЕНОМЕН ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ЕКАТЕРИНБУРГА)[1]

Ключевые слова: *полиэтническая школа, поликультурная школа, образование в полиэтнической школе, миграционные процессы, международная миграция, дети мигрантов.*

Keywords*: multi-ethnic school, multi-cultural school, education in a multi-ethnic school, migration processes, international migration, children of the migrants.*

Понятие «полиэтническая школа» отсутствует в нормативных документах, регулирующих процесс образования в Российской Федерации. Однако, в связи с тем, что Российская Федерация сформировалась как многонациональное государство, а закон «Об образовании в Российской Федерации» гарантирует право на образование «независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного, социального и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям»[2], на практике полиэтнические школы в России существуют. Как пишет Т.Ю. Уша, в широком смысле любую школу в России можно назвать полиэтнической или поликультурной[3]. Это могут быть как общеобразовательные, так и специализированные школы.

Признак «полиэтническая» означает, что контингент учащихся школы состоит из лиц различной этнической принадлежности. Но, понятие «этноса» в современном обществе размыто. В силу преобладания межэтнических браков, а также частичного устранения государства в России от проведения национальной политики, этническая идентификация все больше и больше переходит в разряд семейного или личного выбора. В связи с чем, конечно же, говорить о наличии поликультурной школы, полагаясь лишь на визуализацию учащихся, не приходится. Необходимым остается выявление культурного компонента, важным элементом которого выступает знание родного (не русского) языка. В связи с чем «полиэтническую школу» можно также назвать «поликультурной», а критерием ее выделения становится наличие в ней детей инофонов, так как знание или незнание языка является основой для изучения культуры, обычаев и традиций.

С нашей точки зрения, наиболее точное определение «поликультурной школе» дает Т.Ю. Уша. Она пишет: «название «полиэтническая школа» (а затем – «поликультурная школа») закрепилось за таким видом национальной российской школы, контингент которой до 15% составили иноэтнические учащиеся, владеющие русским языком на уровне не достаточном, чтобы он стал языком обучения в школе»[4].

В Российской Федерации накоплен значительный опыт обучения лиц, чей родной язык не является русским языком. Дело в том, что в состав Российской Федерации входят национальные республики, в связи с чем в нормативных документах, регулирующих образовательную деятельность, отмечается, что при разработке государственных образовательных стандартов должны удовлетворятся этнокультурные потребности и языковые права обучающихся посредством включения в образовательную программу национально-регионального компонента[5]. Реализация данного требования осуществляется в школах, имеющих статус школ с русским (неродным) и родным (нерусским) языком обучения. Чаще всего такие школы встречаются в национальных республиках. Располагаются они обычно в сельской местности, где проживают лица той или иной национальности. В Свердловской области такие школы были созданы в Ачитском, Артинском, Красноуфимском и Нижнесергинском районах. Основная особенность этих школ состоит в том, что в них преподаются национальные языки населения, проживающего вблизи этих школ – татар и башкир, а также ряд предметов преподаются на национальных языках.

---

[1] Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-010-01049 «Методология и методика системной оценки взаимосвязи средовых факторов и здоровья населения в задаче устойчивого развития регионов России».

[2] Федеральный закон от 29.12.201 (ред. 26.07.2019) «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ. Статья 5. / Консультант плюс. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

[3] Уша Т.Ю. Национальная российская школа – полиэтническая и поликультурная // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2012. – № 148. – С. 127.

[4] Уша Т.Ю. Опыт языковой адаптации инофонов как отражение миграционной политики // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2014. – № 170. – С. 30.

[5] Письмо Минобрнауки РФ от 28.04.2008 № 03-848 «О мерах по обеспечению прав граждан на образование с учетом норм Федерального закона от 1 декабря 2007 года № 309-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта"» / Консультант плюс. – www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=77249&fld=134&dst=100001,0&rnd=0.7172080542429393#0856485999412429

В соответствии с докладом Н.Р. Гильманова, ситуация в школах с русским (неродным) и родным (нерусским) языком обучения в настоящее время неблагополучная. В частности, в большинстве случаев реализация национально-регионального компонента обучения ограничивается национальным языком и литературой на национальном языке, количество часов обучения национальному языку сокращается, иногда обучение национальному языку осуществляется только на факультативных занятиях, а в силу того, что эти школы малокомплектные (обычно менее 100 учеников) существует угроза из закрытия[1]. Молодежь, проживающая в сельской местности и обучающаяся в подобных школах, часто стремится переехать в крупные города, в которых, как правило, не соблюдаются национальные традиции и обычаи. Таким образом, происходит утрата национальной самоидентичности, национальные языки оказываются невостребованными. В самих национальных селениях население все меньше и меньше общается на национальных языках, заменяя его русским языком. Таким образом, национальные языки «малых народов» постепенно переходят в разряд «мертвых».

В результате роста миграционных процессов на смену школ с русским (неродным) и родным (нерусским) языком обучения приходят полиэтнические школы «мигрантского» типа. Можно согласиться с Е.А. Железняковой, что в настоящее время в России в результате международной миграции формируется особый вид полиэтнической школы – поликультурная школа. Это особая школа, целью которой должно быть создание условий для полноценного и гармоничного развития всех учащихся с учётом их культурной принадлежности[2].

По нашему мнению, выделение полиэтнической школы «мигрантского» типа необходимо также и в связи с трудностями, возникающими в процессе образования у учителей и учеников данных школ. Социологический опрос педагогов и административных сотрудников общеобразовательных учреждений (школ и детских садов) Свердловской области, работающих с детьми мигрантами, проведенный нами в 2017 г. (n=160) выявил такие проблемы образования детей мигрантов, как «плохое знание русского языка у учеников» – 74%; «низкий уровень подготовки и невысокие результаты в учебе» – 70%; «плохие знания или их отсутствие по отдельным предметам образовательной программы» – 69%; «необходимость введения дополнительных (факультативных) занятий для того, чтобы подтянуть приехавших детей» – 61%; «сложности общения с родителями детей мигрантов, в том числе, в связи с незнанием родителями (чаще всего матерями) русского языка» – 51%; «недостаточные знания о национальных религиозных и культурных нормах приезжих у учителей» – 43%; «незнание детьми местных традиций, общепринятых правил поведения» – 39% и другие[3].

С нашей точки зрения, в случае полиэтнических школ «мигрантского» типа, подход к их выделению по критерию – доля детей инофонов в 15% и более от общей численности учащихся не совсем верен, так как дети мигрантов, как правило, неравномерно распределяются в параллелях классов. В классах начальной школы и среднего звена их обычно больше, чем в старших классах. Дело в том, что родители детей мигрантов часто не стремятся дать ребенку высокий уровень образования (обычно это касается девочек), забирают их из старших классов и увозят на родину. Рассматривая детей в качестве помощников, родители устраивают их на работу для получения дополнительного семейного дохода, либо заставляют их вместо школьных занятий присматривать за младшими детьми. В связи с этим численность детей мигрантов в целом в школе может оказаться ниже 15%, а в определенных классах значительно превысить данный рубеж.

В соответствии с нашим исследованием 77% учителей считают, что приемлемое количество детей мигрантов 2–3 человека в классе, т.е. не более 10% от общего количества учеников. В этих условиях, ребенок-инофон не будет чрезмерно отвлекать внимание учителя и быстрее пройдет процесс адаптации. Исходя из вышесказанного, мы предлагаем дополнительный подход к определению «полиэтнической» школы, а именно, относить к ним школы, где доля детей мигрантов составляет 5%, но при этом в отдельных классах она равняется 15% и выше.

Необходимо понимать, что доля детей-инофонов в классе в районе 25% и выше является критической, так как принцип инклюзивности образования в этом случае будет нарушен. Учителям придется много внимания уделять не носителям русского языка, а у русскоязычных детей, оказавшихся в иноязычной среде, могут возникнуть проблемы с усвоением родного языка, что особенно свойственно для младших возрастов.

В связи с тем, что контингент учащихся в полиэтнических школах все больше и больше начинают составлять лица некоренных этносов, прибывшие из зарубежных стран и плохо владеющих русским языком, подходы к обучению должны трансформироваться. В частности, с нашей точки зрения, процесс обучения в таких школах должен в обязательном порядке включать национально-региональный компонент. При его реализации упор должен делаться на интеграцию учащихся, как наиболее правильную форму их адаптации к новым условиям, и развитие межкультурных коммуникаций. Именно школа может внести (и вносит) в этот процесс значительный вклад.

Полиэтнические школы «мигрантского» типа складываются в местах компактного проживания мигрантов. Часто они встречаются в крупных российских городах, особенно привлекательных для трудовых мигрантов. Так, полиэт-

---

[1] Гильманов Н.Р. Доклад о состоянии изучения национальных языков в школах республик Поволжья и Урала: результаты выборочных исследований и оценка ситуации. 2018–2019 гг. – https://mariuver.files.wordpress.com/2019/08/o_sostoqnii_izuchenija_nac_jazykov_v_resp_povolzhja_i_urala.pdf

[2] Железнякова Е.А. Поликультурная школа как новый тип образовательного учреждения // Проблемы современного педагогического образования. 2019. – № 63–1. – С. 109.

[3] Региональные аспекты международной трудовой миграции в современной России: оценка факторов и эффектов / РАН, Урал. отд-е, Ин-т экономики; авт. колл.: Бедрина Е.Б., Вандышев М.Н., Куприна Т.В., Лифшиц М.Л., Мельникова А.С., Неклюдова Н.П., Паньшина Д.А., Смирнова Н.Л., Струин Н.Л., Трушкова Е.А., Тухтарова Е.Х., Чернова К.В. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. – С. 56.

нические школы формируются в настоящее время в г. Екатеринбурге, который привлекает трудовых мигрантов наличием вакансий на рынке труда и относительно высокой оплатой труда.

В соответствии с данными официальной статистики, которая с 2011 г. ведет учет численности детей от 0 до 17 лет, прибывших на территорию того или иного региона вместе с родителями, численность детей мигрантов в Свердловской области постоянно увеличивается[1]. Дело в том, что миграция из чисто трудовой становится все более семейной миграцией. Подавляющее большинство мигрантов, прибывших вместе с семьями в Свердловскую область, селятся в г. Екатеринбурге.

Рост семейной миграции меняет концепт миграционной политики, так как прибывшим требуется доступ к социальной инфраструктуре. Так, по данным Департамента образования г. Екатеринбурга в ряде административных районов города сложились полиэтнические школы «мигрантского» типа[2]. Самая большая численность детей мигрантов в 2017 г. обучалась в Железнодорожном районе – более 44%. Основанием для отождествления детей, чьи родители являются иностранными гражданами, с детьми-инофонами являются результаты экспериментального исследования, проведенного Н.Л. Смирновой в 4-х школах г. Екатеринбурга, отличающихся большой численностью детей мигрантов, в 2018 г. и подтвердившим данное допущение. В данном исследовании к детям-инофонам были отнесены не только дети мигрантов, но и дети, чья национальность соответствовала национальностям народов, проживающих в России, среди них были, например, кумыки[3]. В соответствии с данным исследованием 34% опрошенных детей были не готовы к обучению на русском языке, а 43% нуждались в коррекции отдельных видов речевой деятельности. При этом большинство опрошенных находились в ситуации постепенной утраты родного языка, а относительно сбалансированный билингвизм сформировался лишь у 5% школьников из семей с более высоким социальным статусом и уровнем образования родителей[4].

В соответствии с данными Департамента образования г. Екатеринбурга полиэтнические школы с долей учащихся предполагаемых инофонов в 15% и более от общей численности учащихся расположены в следующих микрорайонах города: Новая и Старая Сортировка и Вокзальный. Таких школ не так много, но доля детей-инофонов в них критическая и составляет от 28 до 44%. Кроме того, можно предположить, что реальная численность детей-инофонов, обучающихся в образовательных учреждениях города, значительно выше, чем было выявлено. К примеру, в данную группу не вошла 149 школа, которую в народе называют «киргизкой школой», из-за большой доли детей киргизкой национальности. Кроме того, наше исследование, проведенное в 2015 г. в 112 школе, расположенной в микрорайоне Эльмаш, которая также по данному критерию не вошла в группу «полиэтнических» школ, показало, что на момент исследования, численность детей мигрантов, являющихся инофонами, составила более 30%. Объяснить данный феномен можно тем, что официальная статистика по детям-инофонам органами образования не ведется. А родители (или один из них) такого ребенка могут получить российское гражданство. Однако ребенок при этом остается инофоном и это не снимает проблемы образования.

Использование более мягкого критерия (5% и более) для выделения полиэтнической школы «мигрантского» типа расширяет географию микрорайонов, где формируются полиэтнические школы. А именно, к ним добавляются Шарташ, Втузгородок, ЖБИ, Уралмаш, Эльмаш, Семь ключей, Садовый, Вторчермет и Химмаш.

Таким образом, наши исследования, проведенные в школах г. Екатеринбурга в 2017–2018 гг., подтвердили наличие тенденции на формирование полиэтнических школ «мигрантского» типа, в качестве полиэтнической школы нового образца. С нашей точки зрения, именно такие школы замещают сегодня школы с русским (неродным) и родным (нерусским) языком обучения, имеющие тенденцию к сокращению. Полиэтнические школы в России играют важную роль в процессе налаживания межкультурных коммуникаций, они могут стать важными центрами интеграции детей мигрантов и их родителей при условии добавления в образовательную программу национально-регионального компонента. Появление школ с критической численностью детей инофонов требует разработки механизмов, регулирующих и ограничивающих данные процессы.

---

[1] Региональные аспекты международной трудовой миграции в современной России: оценка факторов и эффектов. Указ. соч., с. 49–58.

[2] Вывод сделан на основе информации о численности детей, обучающихся в школах г. Екатеринбурга, чьи родители являются иностранными гражданами. Выбор школ производился по количеству детей иностранцев, обучающихся в школе: если в их более 10, то данные предоставляются. Информация представлена за декабрь 2017 г.

[3] Кумыки – тюркский народ, один из коренных народов сегодняшних Дагестана, Чечни и Северной Осетии.

[4] Международная трудовая миграция в современной России: от мониторинга к принятию управленческих решений / РАН, Урал. отд-е, Ин-т экономики; авт. колл.: Бедрина Е.Б., Бекетова А.П., Вандышев М.Н., Мельникова А.С., Куприна Т.В., Неклюдова Н.П., Смирнова Н.Л., Трушкова Е.А., Тухтарова Е.Х., Чернова К.В., Чепель С.В. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2018. – С. 50–61

Буркова (Глушенкова) Е.И.[1]

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ОБЩЕСТВЕ РИСКА: ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

***Ключевые слова**: глобальный экологический кризис; цивилизация; общество риска; экологическая политика, цивилизационная матрица, цивилизационная идентичность; межцивилизационные отношения; русская цивилизация, Русская идея.*

Громада двинулась и рассекает волны.
Плывет. Куда ж нам плыть?
А.С. Пушкин

Современный мир как общество риска

Нынешний этап развития человечества находит отображение в целом ряде теорий, некоторые из которых, кажется, знакомы абсолютно всем. Постиндустриальное общество, посткапиталистическое и постэкономическое общество, «третья волна» и такой-то уклад, постмодерн – за этими и многими другими названиями скрываются концепции, порой незавершенные, лишенные конкретики, четкого ви́дения и контуров будущего. Теория общества риска – счастливое исключение из этого ряда. Впрочем, ее содержание вызывает у многих смущение, и даже – отторжение. (Верно это и для России.) О чем же она?

Теория общества риска предложена немецким философом У. Беком, и являет собой интегральную концепцию развития современного социума в условиях новых и новейших глобальных угроз и опасностей. По мнению Бека, современный мир так и не вышел за рамки модерна, и не перешел к постмодерну. Вместо этого, из классической, индустриальной стадии он перешел к стадии позднего модерна, названной Беком обществом риска. С одной стороны, в нем сохраняются очень многие черты модерна. Но появляется и новое. Новое – это возникновение рисков, причем, рисков доселе невиданных, опасностей уровня и порядка, которых прежде никогда не существовало. В отличие от традиционных общественных рисков и рисков модерна, эти не привязаны жестко ни к конкретному месту в пространстве, ни ко времени. Риски (особенно это верно в отношении экологических рисков), способны нанести одинаковый ущерб – и бедным, и богатым, и людям среднего дохода, одинаково, во всех странах и среди всех народов. Самые обычные, рядовые решения, которые принимаются повседневно, по всему миру, имеют долгосрочные негативные, даже, катастрофические, планетарные последствия. С этими последствиями соприкоснутся нынешние, но, в еще большей степени, столкнутся будущие поколения, и те, кто будет жить в самом отдаленном будущем. Вероятность наступления их с течением времени все более растет, и уже сегодня в любой момент может произойти масштабная (и даже полная) катастрофа. Так что угрозы быстро политизируются. Значит, нужны сверхусилия на всех уровнях политики. И эти усилия, скорее всего, не позволят нынешним правящим элитам удержаться «на плаву». Это будут усилия, которые, вероятно (с учетом нынешнего уровня развития знания, но, быть может, – и нет!), позволят сохранить человеческую цивилизацию на том этапе ее развития, на котором она ныне находится, не исключено, что ценой миллионов жертв. Современные демократии и рыночные экономики совершенно не приспособлены к таким условиям, и политическим мыслителям видится лишь один выход: движение к обществу всеобщего контроля, «заточенного» под постоянное пребывание общественной системы в чрезвычайной ситуации, движение, фактически, к тоталитаризму. (И неслучайно, что повсеместно статус министерств по чрезвычайным ситуациям неуклонно растет!) В любом случае, общество будущего – это общество, которое, несомненно, будет очень сильно отличаться от знакомого нам. И отличия эти вряд ли способны у кого-то вызвать благодушные ожидания или вселить уверенность в завтрашнем дне.

Глобальный экологический кризис и экологическая политика общества риска

Насколько верна или адекватна теория общества риска, можно спорить. Одно несомненно. Глобальный экологический кризис, суть которого в том, что средства, обеспечивающие жизнедеятельность людей, неотвратимо обращаются в средства их уничтожения, все более ожесточенная политическая борьба вокруг гегемонии в самых разных сферах (включая область экологической политики), реализации глобальных и национальных программ экологически безопасного, устойчивого, развития, и проблемы вокруг установления нового мирового порядка, в т.ч., экологическо-

[1] Буркова (Глушенкова) Елена Ивановна – к.полит.н., с.н.с. ИМЭМО РАН Сфера профессиональных интересов: философия политики и природы (в т.ч. философия развития, включая политическое развитие), философия экологического кризиса, а также: экополитология (environmental politics), глобалистика, мировые исследования (world studies), проблемы миропорядка и геополитики, цивилизационные исследования, футурология и русский космизм. E-mail: lenchen007@rambler.ru

го, – все это требует немедленного реагирования. Реагирования на всех уровнях принятия политических решений. В первую очередь, экологической политики.

Экологическая политика – это политическая деятельность, направленная на снижение риска необратимых и долгосрочных негативных экологических последствий деятельности людей. Фактически, экологическая политика – это политика уменьшения экологического риска, т.е. политика экологической безопасности. Безопасности, не просто как эффективной экологической политики сегодня. Безопасности как безопасности общественного развития, отражения внешних и внутренних опасностей и угроз сейчас, и предвидение, предугадывание и предотвращение будущих угроз. (Методологической основой для этого и является концепция устойчивого развития, sustainable development) Теория безопасности как безопасности развития для России подразумевает бессрочное выживание нации россиян на территории нашей страны с сохранением всех ее этносов, а также культурного своеобразия, включая языки, традиции, верования[1]. Разумеется, потеря территории, а также – утрата ее ресурсов и деградация среды, гибель видов животных и растений – все это противоречит решению данной задачи и недопустимо! Осуществляет политику экологической безопасности, в первую очередь, государство, и в ходе этого процесса находят свое отображение общественные противоречия и интересы разных групп людей.

Таким образом, проблематика экологической политики, с одной стороны, высоко политизирована, а, с другой, в нынешнем обществе риска экологическая политика – не второстепенное направление политики, наоборот, данная деятельность является ключевой в деле обеспечения выживания и безопасности конкретного национального государства. Тогда почему же такой вывод нельзя сделать, анализируя российскую политическую повестку дня? Конечно, не потому, что Россия отстает в развитии или не достигла стадии позднего модерна. Россия, самая большая страна мира, пребывает на самом переднем крае развития нашей глобализирующейся планеты, на которой самые незначительные политические события на локальном уровне приобретают глобальные последствия. Ее экологическая политика имеет планетарные последствия. Увы, анализируя ход осуществления экологической политики в России в последние десятилетия, приходится констатировать: отечественную систему природопользования как на качелях раскачивает в разные стороны; под воздействием стремительных перемен в окружающей политической среде рождаются, пытаются функционировать, а затем бесславно исчезают все новые органы природоохраны. Декларируемая сверху государственная система экологического регулирования существует чисто номинально, не разработаны рычаги и механизмы реализации даже той политики, какая есть. Политики, характеризующейся закрытостью, эгалитарностью, технократическим характером и бюрократизмом. Мы убеждены: многолетняя неудача экологической политики России есть неудача именно государственной политики, то, что в западной политологии называют «government failure» (неудача, т.е. неэффективность, государственной власти), которую следует отличать от «market failure» (неудача рынка). Но – не неудача каждодневной работы по охране среды обитания, трудной работы сотен, тысяч экологов-подвижников, за символические деньги каждый день спасающих природу своей страны. В стране, находящейся в плену неолиберальной парадигмы развития как бессрочного экономического роста, где бюджет «накачан» нефтедолларами, статус экологической политики властями искусственно занижен. Как лакмусовая бумага, эта сфера государственного регулирования показывает настоящее качество управления ими страной. И, какие бы не происходили события (наводнения ли, пожары ли…), проблемы природоохранной отрасли власти продуманно предпочитают не замечать. Не потому ли, что вся их политическая активность есть деятельность, противоположная целям оптимизации экологической политики?

А, между тем, по мнению ряда российских философов, человеческая цивилизация имеет только один шанс побороть умножающиеся глобальные опасности: обратиться за помощью… к России! Зачем? С целью посодействовать в разрешении экологического кризиса. Конечно, для этого потребуется совокупное планетарное усилие, но это должно быть усилие, которое будет обеспечено лидерством нашей страны, вернее – русской цивилизации. Итогом этого станет иной, экологически дружественный, миропорядок, при котором средства жизнеобеспечения общества не будут уже создавать риски для его дальнейшего выживания. И это будет модель новая глобального управления, с Россией во главе. Очевидно, что сегодня ничего похожего никому – ни у нас, ни за рубежом – на ум не приходит. Конечно, не потому, что Россия «более не сверхдержава», так как «проиграла в холодной войне», или, она есть всего лишь – «Верхняя Вольта с ракетами». Просто, за последние десятилетия Россия ничего принципиально нового миру не показала. Нет никаких абсолютно новых, инновационных политик, которые Россия применила бы у себя в политической или хозяйственной практике так, чтобы они принципиально решали стоящие перед ней проблемы, обеспечивали бы более безопасное развитие, открывали бы новые горизонты для движения вперед.

Но тогда как возможен такой вывод? Советский и российский ученый, философ, академик Н.Н. Моисеев (1917–2000), разделявший данный подход, категорически настаивал на том, чтобы властями нашей страны пестовались, а в ткань политического процесса непрерывно закладывались – глубинные цивилизационные особенности России, исторические культурные коды нашего народа. И лишь тогда будет возможна реализация соответствующего сценария. Эти цивилизационные особенности, эти черты – ключ к России завтрашнего дня и, одновременно, выход из планетарного тупика. Впрочем, чтобы понять, о чем речь, следует пристально рассмотреть новейшие цивилизационные теории, выдвинутые российскими мыслителями.

Экологические концепции цивилизации

Затруднения, с которыми сталкиваются нынешние теоретики цивилизации, заключаются в том, что сегодня уровень развития науки о природе и обществе кардинально отличается от того, что было 100–150 лет назад. В те, ка-

[1] См.: Глушенкова Е.И. Экополитология. – М.: МНЭПУ, 2010.

залось бы, недалекие еще времена была предложена теория эволюции человека и естественного отбора, мира природы как борьбы всех против всех. Соответственно, коммунистическая мысль была немыслима некогда без идеи классовой борьбы, революционного насильственного захвата власти, диктатуры пролетариата. Из этого же круга базирующиеся на тех же методологических основах произрастали теории национальной исключительности, евгеника, социал-дарвинизм. Увы, это явление весьма затронуло разработки первых теоретиков геополитики, впрочем, как и теоретиков международных отношений, если мы говорим о политическом реализме, а так же теоретиков цивилизации. Именно с тех пор мы имеем представления о национальной безопасности в понятиях игры win-loose, полностью противоположной нынешнему характеру развития глобальной цивилизации, в рамках которого безопасность мира есть сумма безопасностей находящихся на планете государств. Огромные перемены произошли и в науке: сегодня ученые-биологи делают новые и небезынтересные для теоретиков политической культуры и политического поведения выводы. В частности, этологи отмечают: у высших, приматов лидерами групп всегда становятся вовсе не самые крупные, сильные, наглые и т.д. особи. Лидерами становятся те, кто имеет наибольший социальный, «жизненный» опыт и навыки, которые они при этом способны транслировать в высокий социальный ранг и поддержку членов их сообщества. Лидерами становятся и те, кто является авторами инноваций. Лидерство как репрессивное доминирование (господство, связанное с подавлением, вплоть до геноцида) не является распространенным явлением в обычных условиях. Более типично заботливое лидерство доминанта в данной группе (популяции), жертвенное служение своей группе, в том числе связанное с потерями, действие в интересах коллектива, группы, умение жертвовать своими интересами ради других. Не выживание в вечной борьбе одних за счет других, а сотрудничество и кооперация – основа повседневного существования в животном мире. С другой стороны, большую роль играет распределение особей (видов) в пространстве. Чем свободнее они живут, тем «демократичнее» сообщества. Чем скученнее – тем выше вероятность репрессивного доминирования[1].

Еще одной спорной сегодня чертой старых концептов цивилизации является та, что все они неизменно подчеркивают культурные, духовные и религиозные аспекты цивилизации, именно через них определяя цивилизационный тип. Это касается и А. Тойнби, и Н.Я. Данилевского с его теорией культурно-исторических типов, и О. Шпенглера, с его развитыми культурами, и Питирима Сорокина. Наиболее хрестоматиен здесь А. Тойнби. Для него цивилизация есть достигшая пределов самоидентификации культура, наименьший блок исторического материала, к которому обращается тот, кто пытается изучить историю, блок, который задает средоточие цивилизации, ее матрицу, т.е. базовые, наиболее древние основы, ядро, стержень существования цивилизации, запечатленные в сознании людей на уровне генетической памяти и архетипов сознания, смысловых кодов. Религия дает ей язык и общие правила описания окружающего мира, Высший Смысл существования, поднимает на высоту Богообщения[2]. То же самое в целом предполагал ранее и Данилевский в применении к России. Он видел ее как цивилизацию с четырехосновной культурой, включающей в себя уникальную русскую христианскую религию, своеобразную политическую систему, науку, искусство. И особый русский дух, с отсутствием в нем насильственности, превалирования общих интересов над частными, близостью к природе, с единством разума и чувств[3].

Н.Н. Моисеев, Э.С. Кульпин и ряд других наших современников, солидаризируясь с некоторыми самыми общими взглядами классиков на цивилизации, с высоты XXI века видят их иначе. Представитель естественнонаучного крыла русского космизма, Моисеев ставит вопрос о соотношении религии и цивилизации, делая упор на окружающую *природную* среду. «Цивилизацией... мы условимся называть всю совокупность форм существования человека на Земле, всю совокупность его активной деятельности и главное – его духовного мира, его взаимоотношений с природой и другими людьми»[4]. Духовный мир здесь неразрывно связан с воздействием среды на человека, цивилизация предстает перед нами как осуществляемая через техносферу модель адаптации данной общности к окружающей ее природной среде. Религия здесь находится на периферии идентификации цивилизационного типа. Это все относится и к локальной цивилизации, например, русской. У Моисеева не религия выбирает цивилизацию «под себя», а уже зародившаяся и растущая цивилизация подбирает, выбирает религию, которая родственна ей с точки зрения основ ее культуры[5]. Религия, которую она примет, будет ею преобразована, переработана в целях дальнейшего приведения в соответствие со своим цивилизационным ядром. И скоро перед нами предстают разные, скажем, христианства: православное христианство русских есть нечто совсем иное, чем христианство германцев, итальянцев, англичан. Это же верно в отношении ислама, буддизма и так далее.

Цивилизация, у современных российских мыслителей данного направления – это единая социоприродная система, общество людей, погруженных в некие природные ландшафты и климатические условия. Выживание цивилизации идет в условиях, прежде всего, экологического равновесия, и когда наступает нарушение этого равновесия, то и цивилизация теряет свою стабильность. Когда мы говорим о воздействии среды на систему-государство и обратную ситуацию, мы имеем в виду иную социальную систему. У Моисеева, Кульпина и других авторов этой школы есть призыв обратить внимание на то, что внешней по отношению к цивилизации является ее собственная природная среда. Цивилизации как системы, стремящиеся к равновесию, гомеостазу, но с соблюдением неизменности их цивилизационного ядра, матрицы, осуществляют это в непрерывном чередовании стадий устойчивости и изменчивости под влия-

---

[1] Олескин А.В. Биополитика: Политический потенциал современной биологии. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2001.

2 См., например, Тойнби А.Дж. Исследование истории. – СПб., 2006. – Т. 2. – С. 448–450.

3 См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Древнее и современное, 2002.

4 Моисеев Н.Н. Размышления о современной политологии. – М.: МНЭПУ, 1999. – С. 41.

5 Моисеев Н.Н., Львов Д.С., Петров А.А., Питерский В.М. Укрепление российской государственности: экономика, ресурсы, геополитика. – М.: Геоинформмарк, 2000. – С. 17.

нием своей среды обитания, под воздействием вызовов со стороны окружающей природной среды. Выживают из них лишь те, которые оказываются полностью приспособленными, в первую очередь, к своей природной, а уж затем – к социальной, среде.

Россия и Запад – самые эффективно приспособившиеся, успешные, техногенные (в Моисеевском смысле слова, т.е. умеющие адаптироваться, в т.ч. – путем инноваций), цивилизации. Но у Запада это проявляется в развитии вширь, в активности, направленной из системы-цивилизации в среду данной системы. Запад адаптируется, подчиняя себе системы-государства в своей окружающей среде, стремится к распространению, к экспансии, воспринимая среду вокруг как враждебную, из которой нужно изъять все ресурсы, а Россия сама меняется под влиянием среды. Когда в силу этого обстоятельства среда делается, становится вокруг России все более дружественной, цивилизация Россия плавно расширяется, распространяется вокруг самой себя, не отбрасывая, а вмещая в себя других. (Так сказать, «мягкая власть»…) Русская цивилизация предельно терпима поэтому к иным цивилизационным проявлениям, распахнута вовне. Для Моисеева пресловутое смирение русских характеризует их адаптационный потенциал, смирение русских – не покорность, а мирный дух, который проявляется и по отношению к природе.

Специфика развития мира сегодня, нынешний миропорядок, связана с многолетним лидерством западного общества. Именно западная цивилизация виновна в том, что с началом Нового Времени начинается особо жестокая, чудовищная эксплуатация природы человеком. В ходе Реформации «происходит, по сути, иудаизация христианства»[1]. Согласно протестантизму, человек уже спасен и волен делать что хочет. Модель со-творчества в согласии с волей Божественного Провидения, окончательно заменяет версия господства-подчинения окружающей среды воле человека. Разумеется, не христианство как таковое стало идейной основой экологического кризиса. Это сделало рожденное цивилизационно на Западе католическое христианство, но особенно – протестантизм, с его полностью нетерпимым отношением к окружающей среде. «Западное христианство несет ответственность за экологический кризис как следствие духовного разложения и развития техногенной цивилизации»[2].

Таким образом, мировые цивилизации не борются с неизбежностью между собой, данный алгоритм поведения – явление относительно недавнее и связано с тем, что в пору своего расцвета вошла западная цивилизация. Время показало, что ее модель взаимодействия со своей средой в форме господства – это тупиковый путь развития социума. Но Запад увлек за собой и иные цивилизационные миры, подвергшиеся его подавлению и попыткам подменить их собственные цивилизационные матрицы западной. Не обошло это искушение и Россию. Всем вместе нам грозит теперь экоцид.

Но русская цивилизация не находится в состоянии кризиса, ее ресурс не исчерпан. Россия – экологически дружественная цивилизация, не разрушающая среду вне себя. Ни социальную, ни природную. Неспособность русской цивилизации дать ответ на глобальные вызовы не связана с ее пороками, а проистекает из того, что ей не дают этого сделать. Фактор русской цивилизации, фактически, не включен в политический процесс, замечает российский мыслитель. Сама политическая конституция и модели принятия решения разработаны так, что оставляют эту ипостась социальной жизни в стороне. Но, для того, чтобы это стало возможно, надо четко представлять себе контуры русской цивилизационной матрицы.

Русская цивилизация и Русская идея в эпоху позднего модерна

Ключевое своеобразие России – это размещение людей в пространстве. Неслучайно, а исторически люди размещены у нас на огромных малонаселенных территориях. Именно здесь надо искать корни терпимости и миролюбия русских. В частности, Моисееву Русская идея всецело виделась как идея не имперская, и не как идея духовного господства, а как идея взаимодействия с пространством.

«Русское» чувство пространства есть не столько природно-климатическая или социальная среда, а **пространство бытия**. Оно порождает структуру сознания ее русского носителя, и тот неповторимый менталитет, широту взглядов, систему ценностей, которая заложена в нашем цивилизационном ядре. Отсюда вытекает трепетное отношение к природе, взаимное уважение и терпимость русских, стремление держаться поодиночке и в то же время общинный дух, солидарность, высокая цена человеческой жизни, высокий статус человека и многое другое. Внутренняя свобода русской души – свобода б*о*льшая, чем у человека Запада, скованного пространственными ограничениями. И чувство, что надо быть «всем вместе», в смысле – постулирование мира, где «все ответственны за всех»[3]. С тем, что русский любит природу, согласится каждый, но русские живут в особого рода единстве с природой: они вынуждены интенсивно ее видоизменять, но и сами меняться, так как именно среда, а не они сами, часто определяет характер их бытия, в т.ч. заставляя держаться вместе. Во главе хозяйственной жизни на Руси исторически была ключевая для локальной самоорганизации восточнославянских народов община, которую назвали некогда единственным уцелевшим гражданским учреждением русской истории. С приходом христианства появилась не менее мощная, а, впоследствии, единственная сохранившаяся община, совмещающая функции прихода-сообщества и производственного предприятия – монастырь, сестричество и братство.

Впрочем, взаимодействие русского с пространством тоже нужно рассматривать исторически. До некоторых пор Русь могла похвастаться свободными пространствами и свободой перемещений. Но вот остался позади домонгольский период, борьба за независимость и формирование централизованного государства; в русском государстве XV–

[1] Евдокимов А. Русская цивилизация: экологический аспект. – М.: Институт русской цивилизации, 2012. – С. 87.

[2] Там же, с. 91.

3 См. Бердяев Н.А. Русская идея. – Париж, 1971; Iljin I. Wesen und Eigenart der russischen Kultur. – Zuerich, 1944.

XVI вв., в тех границах, в которых мы его сейчас знаем, пустой, свободной земли больше не было. Из смуты Россия вышла, по гипотезе Э.С. Кульпина, на стадии глубочайшего социально-экологического кризиса. Русской семье для выживания в условиях подсечно-огневого земледелия нужна была большая территория. В одном населенном пункте могло жить 1–2 семьи, причем – временно. После окончания малого ледникового периода и с началом Нового времени в России почти не осталось … лесов, леса в основном вырубили, начался повсеместный переход от подсечно-огневого земледелия к трехполью, который произошел несмотря на то, что климат в России не благоприятствует этой форме ведения хозяйства. Произошедшее в XVII в. в стране закрепощение крестьян, резкое усиление государственной власти и ее давления на гражданское общество – есть не дуновение западных ветров, а, прежде всего, попытка известными проверенными методами решить проблему экологического кризиса. Попытка успешная, но – на время.

Естественно, цивилизационная матрица претерпела изменения. Есть мнение, что в целом «на Москве», ставшей новым центром государства (в отличие от остальной территории страны), локальная самоорганизация и самоуправление были слабы, вечевая культура на землях бывшего племенного союза вятичей развита мало. В целом русичи привыкли к инициативе, хозяйственной самостоятельности, самоуправлению. А вот частной собственности, здесь, можно сказать, не было. Не было феодальной вотчины, даже, первоначально, принципа майората, преобладали сеньорат и лествичное право.

Закрепощение крестьян знаменовало углубляющийся разрыв между государством и складывающимся национальным гражданским сообществом, со все более усиливающейся социальной напряженностью, итогом чего стал (помимо нового витка экологического кризиса с 1861 года) неконтролируемый распад страны в 1917 году. (Чего базовая, так сказать, матрица, как будто никак не предвещала.) Борьба старой и новой стратегии развития цивилизации шла ожесточенная – всем известное движение старообрядцев свидетельствует именно об этом. Во главе нового встал наиболее пострадавший от кризиса регион – Нечерноземье, бедное, но многочисленное московское княжество. В новых сельскохозяйственных условиях были нужны большие поселения людей, поэтому повсеместно увеличилась плотность населения, именно в эти времена зародилась нынешняя картина – огромные подавляющие воображение пустые пространства, а население живет скученно, маленькие поселения плотно населены. В тяжелейших природно-климатических условиях России государственная собственность на землю закрепилась за государством, как за третьей силой и верховным судьей, единственным эффективным менеджером, могущим эффективно управлять данным социумом. Трехполье требовало большого числа людей в хозяйстве и полной мобилизации их усилий. А людей в России всегда не хватало. Государство ограничивало работников в передвижении, давление на локальное гражданское общество возросло. Люди, носители прежней цивилизационной матрицы, стали уходить. Процесс движения от государства, из центра – на границы, на фронтиры, в поисках свободной земли, закончился на Тихом океане, Россия вышла осваивать Аляску и даже западное побережье США… Противостояние старой и новой версии развития русской цивилизации идет и по сей день.

Таким образом, русская цивилизация имеет сложную цивилизационную матрицу, матрицу, не просто видоизмененную и поврежденную, а сложную по своему составу. Пространство, идея которого лежит в ее основе, отношение к нему русских, исторически менялось и меняется до сих пор. Именно поэтому она трудна и неудобна для следования ей в практической политике.

И все-таки Русская идея остается неизменной и относительно устойчивой ее компонентой. В чем же конкретно она состоит? Если абстрагироваться от отдельных работ, то приходится констатировать, что она все-таки связана с сакральным и идеациональным (термин П. Сорокина) в русской культуре. С идеей святой Руси как категории космической, «в которой проявляются космические масштабы, в некотором смысле «быть всем миром», т.е. пространственно-космические масштабы и «большое время»»[1]. И русский человек имеет на это право, но не потому, что он носитель особой духовности или какого-то «самого-самого чистого» христианства, а потому, что он предлагает выживать и развиваться не вместо, а вместе с остальным миром. Уметь жить, уметь быть и оставаться человеком среди других людей планеты Земля. Модель адаптации к среде – вот что здесь самое главное. Конечно, к глобальному господству современного российского государства как сверхдержавы, и ее торжеству над США, так же, как к победе СССР в планетарной гонке-соревновании систем, в сражении за миросистемное лидерство, это не имеет прямого отношения. (Вышеназванная логика – отрыжка западной цивилизационной мыслительной парадигмы!) И С.С. Аверинцев, и Н.Н. Моисеев, и А.С. Панарин считали, что речь о торжестве России в грядущем веке идет как о господстве не в буквальном смысле слова, на некоем ином уровне, отличном от уровня государственной политики и институтов социальной организации. Почему?

Вспоминаются слова Н.А. Бердяева: русские в мире политическом ищут «не столько организованного общества, сколько общности», государство и святая Русь не просто не одно и то же, а находятся в разных измерениях, государство у русских десакрализировано, им готовы жертвовать. Временная дезорганизация, исчезновение государства ради сохранения цивилизации и ее ядра – это тоже порядок, он ведет к укреплению цивилизационного ядра, а вовсе не к всеобщей гибели. Само ядро к институту государства прямого отношения не имеет. И без государства есть неантагонистическое внутреннее единство в рамках самой цивилизации, то ядро, что поддерживает и воспроизводит ее, создает предпосылки к дальнейшему выживанию, ищет лучшие пути выхода из кризиса. Торжество матрицы, следовательно, не есть торжество и могущество института государства как такового. В том числе потому, что государство России сегодняшнего дня связано с тем самым переломом, который случился в недрах русской цивилизации три века назад. Таким образом, речь идет не о торжестве государства в системе государств, а о том, чтобы другим перенимать нормы общежития. Сами формы. Но для этого надо их сначала у себя иметь. То, что сегодня никто из российских по-

[1] Аверинцев С. Православие и космизм // Новый мир. – М., 1988. – № 7.

литиков, на самом деле, не обращается к национальным основам ее организации, и даже не пытается узнать, в чем она состоит, неслучайно. То, что правящие элиты правят в России и Россией, не означает, что они имеют какое-то отношение к нашей цивилизации или русской цивилизационной матрице. Даже поверхностный анализ их идейных систем показывает, что все совершенно наоборот. Российское общество, все еще не растерявшее свой цивилизационный потенциал, развивается в одном направлении, а российское государство – в другом. С властями, прежде всего, мыслящими цивилизационно чуждым образом, российскому государству вряд ли предстоит успех в выживании и спасении России, не говоря уже о всей планете. И то, что происходит с отраслью экологической политики – лишь одна из иллюстраций в этом длинном ряду свидетельств. Вряд ли найдется некто, кто станет отрицать – парадигма развития России сегодня имеет западное происхождение и цивилизационно России чужда. Вот поэтому-то, а не из-за отсутствия денег, иных ресурсов и благоприятной глобальной среды нет эффективных политических практик и политик. В целом Россия, как социум, в котором общество и государство находятся в конфликте между собой, сегодня практически… никуда не движется. Эволюция социума обращается в инволюцию. И все потому, что у нее как у цивилизации нет вектора развития. Он не просто не провозглашен. Он неизвестен. О нем даже не поставлен вопрос. Будет ясно куда идти – все встанет на свои места и найдется. А понять, куда нам двигаться, можно лишь поняв, кто мы есть…

У покойного академика Моисеева, подлинного вдохновителя теории ядерной зимы, как у русского космиста, синтезировалась теория цивилизации, которая нацеливала на то, чтобы изменить не институты общества, а основы мышления людей. В чем основы нашего мышления – на этот вопрос принято отвечать упрощенно, порой, вульгарно-упрощенно. Вечно женственное в русской душе, смирение, покорность... Нет! Русские – техногенная цивилизация, цивилизация покорителей Вселенной, но прежде нее, и этого нельзя забывать – покорителей самих себя. Русский Космизм, в отношении мира природы, – это всегда активность человека, направленная на себя, сопрягающая самого человека, всех людей всех поколений и сам космос. «Мысли глобально, действуй локально» – в этом лозунге экологического движения XX века есть и от русского космизма. Мыслить – космически, творить новый мир – начав с себя. Думается, в этом и есть подлинная Русская идея, лежащая в основе русской цивилизации.

Вартаньян Э.Г.
д.и.н., профессор, Кубанский государственный университет, г. Краснодар

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ИРАНСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ (1990-е – НАЧАЛО 2000-х гг.)

Ключевые слова: *диалог культур и цивилизаций, традиционная культура, культурное наследие, фарси, сотрудничество, модернизация, интеграция, Иран, Россия, Запад.*

Keywords: *dialogue culture and civilizations, traditional culture, cultural heritage, farsi, cooperation, modernization, integration, Iran, Russia, West.*

Диалог и взаимодействие культур и цивилизаций на протяжении тысячелетий осуществлялись в разных областях – экономической, политической, технологической, культурной. Огромный толчок усилению взаимодействия культур и цивилизаций дало создание мировых империй – Ахеменидов, Александра Македонского, Китайской, Индийской, Греческой, Римской и т.д. Сотрудничество, взаимодействие, взаимовлияние народов и культур подтверждает, что человечество является единым целым с общей историей, культурой и судьбой, что растущее разнообразие культур и цивилизаций лишь выражает это единство. Ушли в прошлое слова Р. Киплинга в «Балладе о Западе и Востоке» о том, что Запад и Восток никогда не сойдутся:

«О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, не встретиться им никогда,
Пока будут Небо с Землей таковы, какими их Бог создал…»

По словам Н.А. Бердяева, «судьба мировой истории зависит от соединения Востока и Запада, но для этого соединения Восток и Запад должны отречься от своей ограниченности, должны учиться друг у друга, каждая из частей света должна осуществить свое призвание в целом»[1].

На рубеже XX–XXI вв. в мире возникла новая ситуация. Её первопричина – процесс глобализации, который отражает характер узловых проблем, от решения которых зависит будущее всего человечества. В числе этих проблем – эколого-демографическая, технолого-экономическая, геополитическая, социокультурная. Не секрет, что в XIX–XX вв. взаимодействие цивилизаций происходило под доминирующим воздействием Запада. Западная идеология и культура активно навязывались иным цивилизациям. В этой связи А. Тойнби писал: «По мере того, как через новые века и поколения объединенный мир постепенно будет находить путь к равновесию между различными составляющими его культурами, западная составляющая со временем займет то скромное место, на которое она и может рассчитывать в соответствии с ее истинной ценностью в сравнении с … другими культурами»[2]. В контексте этого трудно согласиться с прогнозом С. Хантингтона: «Страны с западнохристианскими корнями добиваются успеха в экономическом развитии и установлении демократии; перспективы экономического и политического развития в православных странах туманны; перспективы мусульманских стран и вовсе безрадостны»[3]. И дело не только в непродуктивности европоцентристского подхода. Возможно, что при смене модели развития перспективы незападных государств могут оказаться успешными. В XXI в. перед ними открывается возможность избрания иной модели развития, более соответствующей их традициям и отвечающей их месту в мировой системе. А чем более прочное место они займут в мировой системе, тем легче будет продвигаться процесс диалога культур и цивилизаций. Важнейшим направлением взаимодействия между цивилизациями является формирование многополярного мира на началах диалога и партнерства.

В настоящее время проблема мира и гармонии между людьми и государствами является одной из приоритетных проблем. Все большее значение приобретают гуманитарные факторы: культура, религия, традиции. В начале XXI в., после «ярких взлетов технического гения человека XX столетия», как пишет А. Яковлев, определились два основных подхода к осмыслению действительности: естественно-научный и гуманитарный[4]. И в этом тандеме гуманитарный не уступает естественно-научному. Ключевую роль в диалоге и взаимодействии цивилизаций играет плодотворное сотрудничество в гуманитарной сфере, прежде всего в области культуры, в формировании новой глобальной парадигмы развития и взаимообогащения культур, ориентированной на сохранение культурного разнообразия, всемирного культурного наследия, на замещение культа войн и насилия культурой мира и терпимости.

---

[1] Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции. – М.: КАНН, 1998. – С. 132.

[2] Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. – М.: Прогресс–Культура; СПб.: Ювента, 1996. – С. 101.

[3] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003. – С. 26.

[4] Яковлев А. Страны Востока: конец модернизации и выбор цели развития // Азия и Африка сегодня. – М., 2008. – № 6. – С. 36.

Начало XXI в. ознаменовано следующими решениями Генеральной Ассамблеи ООН: 2000-й год был провозглашен Годом культуры мира, 2001 год – международным Годом диалога между цивилизациями, а период 2001–2010 гг. – международным Десятилетием культуры мира и ненасилия [1].

Идея диалога культур и цивилизаций была впервые высказана президентом Исламской Республики Иран (ИРИ), вступившим в должность в 1997 г. Эта идея прозвучала уже в его предвыборной программе. Новый президент ИРИ не только продолжил реформы в стране, которые позволили говорить об эволюции исламского режима в Иране, но, будучи разносторонним ученым, сформулировал новую программу культурного диалога с западным миром на пороге третьего тысячелетия. Программа эта была обсуждена и вошла в текст резолюции тегеранского саммита Организации исламская конференция в декабре 1997 г. Идея культурного диалога, высказанная М. Хатами, получила международный резонанс и в 1998 г. Генеральная Ассамблея ООН единогласно приняла предложение президента ИРИ, объявив 2001 год Годом диалога культур и цивилизаций[2]. В соответствии с этим решением правительство Ирана создало в Тегеране Международный центр диалога цивилизаций. В его задачи входило содействие диалогу народов на международном и региональном уровнях с целью воплощения в жизнь идей мирного сосуществования государств, защиты прав человека, расширения обмена культурными и научными достижениями, осуществление научно-исследовательских проектов в области культуры, публикации на указанные темы книг и периодических изданий.

В понимании сути диалога цивилизаций М. Хатами отталкивался от таких понятий, как «культура», «цивилизация», «человек» и отмечал, что необходимо делать акцент на социальной природе человека, широком и всеобъемлющем понимании культуры и цивилизации, а также на том обстоятельстве, что ни одна великая культура, на одна цивилизация не создавались в изоляции, в отрыве от других культур и цивилизаций, т.е. лишь те культуры и цивилизации смогли выжить и развиться, которые способны обмениваться с другими цивилизациями своими достижениями, обладают умением говорить и слушать[3].

Потребность осмысления своего места в мире и основ культурного взаимодействия с Западом возникла в истории Ирана в период вступления страны на путь модернизации. Так было в конце XIX в., в эпоху Каджаров, когда иранские правители впервые ощутили свое отставание от Запада и осознали необходимость реформ. Так было и в эпоху «Белой революции» шаха Мухаммада Реза Пехлеви в 1960–1970-е гг. Но нельзя забывать, что ориентация страны на Запад сочеталась с апелляцией к сохранению национальных традиций и культурного наследия страны[4]. Т.е. страны Востока, в частности, Иран, стали понимать, что без истинной культурной независимости не смогут добиться политической и экономической самостоятельности и в контексте диалога цивилизаций стремились сохранить свои исторические и социокультурные традиции.

В выступлениях иранских политологов конца 1990-х гг. все заметней стала прослеживаться тенденция рассматривать страну в широком мировом культурном и политическом контексте. Показателен в этом смысле доклад доктора Пируза Моджтахезаде на международном симпозиуме «Ислам и Запад – диалог между культурами и цивилизациями», состоявшемся в Лондоне в июне 1996 г. Рисуя новую картину мирового порядка, автор призывал к отказу от ряда устаревших геополитических понятий и терминов: «Теперь уже нельзя классифицировать мир по принципу промышленного развития на первый, второй, третий». Автор отмечал, что мир отныне не может больше делиться на «Север» и «Юг», эти геополитические термины устарели и должны быть заменены, а термин «Запад» отныне может быть использован только в чисто географическом значении, в одном ряду с такими понятиями, как «Ближний Восток», «Дальний Восток»[5].

Беспрецедентным по новизне и глубине подхода было обращение президента ИРИ М. Хатами к США в январе 1998 г. с призывом пересмотреть американскую внешнеполитическую доктрину в отношении Ирана и мусульманских стран и начать диалог между культурами и цивилизациями на основе принципа взаимопонимания[6]. Таким образом, президент Ирана выступил как участник актуального межцивилизационного диалога, продемонстрировал конструктивный подход к истолкованию понятия «диалог культур и цивилизаций» в общемировой дискуссии по этому вопросу и показал, что диалог культур является активным инструментом развития взаимодействия стран и народов в будущем.

М. Хатами в своем выступлении на годичном заседании ЮНЕСКО в Париже 29 октября 1999 г., посвященном проблеме диалога цивилизаций отметил, что диалог культур и цивилизаций предполагает помимо разговора, еще и умение слушать. Президент ИРИ остановился также на таком важном аспекте как соотношение морали и политики. Важнейшими условиями налаживания диалога, подчеркнул он, – являются выдержка, верность обязательствам и сотрудничество в политике и международных отношениях. Правительства, которые, опираясь на свою экономическую и военную мощь, признают лишь язык силы, прибегая к насилию и лжи ради обеспечения своих интересов, должны пе-

---

[1] Зимин Д. Призыв к миру и согласию // Азия и Африка сегодня. – М., 2000. – № 6. – С. 70; Майор Фредерико. «Мы готовы развернуть всемирное движение за культуру мира, вовлекая в него максимально большое число участников» // Азия и Африка сегодня. – М., 1999. – № 8. – С. 40.

[2] Кляшторина В. Вклад Ирана в развитие мирового диалога культур // Персия. 2000. – № 3. – С. 11.

[3] Президент ИРИ Сайед Мохаммад Хатами. Диалог цивилизаций – путь к взаимопониманию и сотрудничеству // Персия. 2000. – № 3. – С. 3.

[4] Вартаньян Э.Г. Пути модернизации традиционной культуры Ирана (конец XX – начало XXI в.) // Грани. – Краснодар: КубГУ, 2005. – С. 38–45.

[5] Кляшторина В. Интегрирующая роль культуры // Азия и Африка сегодня. – М., 1998. – № 4. – С. 48–49.

[6] Там же, с. 11.

рейти на язык диалога, проявлять взаимную толерантность. «Мир, который будет создан через диалог, станет триумфом разума, доброты и лучших душевных качеств человека, – заявил М. Хатами[1].

Модернизацию Ирана ее лидеры в 1990-е гг. стали увязывать с цивилизационными принципами развития страны. Культурная компонента стала активной частью внешней политики ИРИ, в этот же период начала оформляться ее культурно-политическая доктрина в регионе. Основные постулаты – объединяющая роль языка фарси в исторических судьбах и нынешних контактах таких стран, как Индия, Пакистан, Турция, Афганистан, государства Центральной Азии. Таким образом, иранцы важным фактором культурной интеграции страны и фундаментом национального менталитета объявили персидский язык. По выражению аятоллы Али Хаменеи, «персидский язык – это величественное и чрезвычайно ценное наследие прошлого, предмет гордости и источник культурных достижений»[2]. Действительно, изучение персидского языка имеет огромное значение для обстоятельного ознакомления не только с многовековой историей и культурой Ирана, но и для понимания реальной ситуации в современном Иране.

Язык фарси был провозглашен «вторым языком ислама», а знание и изучение классической поэзии и философии суфизма признавались важным средством консолидации мусульман региона. Такая культурная политика способствовала преодолению международной изоляции страны и расширению сферы регионального сотрудничества. Иранские политики для убедительности своих доводов в пользу осознания общности культурных традиций во имя экономического сотрудничества часто обращаются к опыту Японии и стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Экономический взлет АТР, считали иранцы, обусловлен культурными проектами, объединившими население входящих в него стран на основе принципов конфуцианской этики. Иранцы полагают (проводя параллели с конфуцианским культурным ареалом), что именно специфика и нормы древней иранской культуры помогут им эффективнее интегрироваться в культурно-политическую и экономическую общность сопредельных стран[3].

Как фактор культурной интеграции персидский язык имеет два аспекта – внутренний и внешний. Известно, что на территории современного Ирана проживает более 40 малых народов, отдельных племен, этнических групп, которые относятся к различным языковым семьям (тюркской, семитской и др.) и персидский язык активно используется как важный инструмент культурной интеграции народов, населяющих страну (внутренний аспект). Если обратиться к внешнему аспекту, то среди стран, где развернута широкая пропаганда персидского языка, можно выделить несколько групп: страны мусульманского мира (Пакистан, ОАЭ, Малайзия, Ливия, Сирия, Ливан, Турция Бангладеш и др.); страны, возрождающие ислам (бывшие республики Советского Союза – Азербайджан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Казахстан); страны, имеющие общие исторические корни с Ираном (Индия); страны традиционного изучения Ирана (Россия, Германия, Англия). Персидский язык проник даже в такие совершенно несхожие между собой и отличающиеся по многим параметрам от Ирана страны, как Япония и Финляндия, Испания и Китай, Румыния и Украина[4]. В России сейчас функционирует около двух десятков вузов, в которых преподается персидский язык – государственный язык ИРИ[5]. Можно констатировать, что в настоящее время в Исламской республике Иран персидский язык активно используется как важный инструмент культурной интеграции народов.

В феврале 1994 г. в Тегеране состоялась конференция иранистов и преподавателей персидского языка и литературы России и стран СНГ, приуроченная к 15-й годовщине исламской революции в Иране. С докладами по вопросам культуры выступили главы всех основных министерств и видные иранские деятели науки. Участники форума говорили о роли языка фарси в исторических связях и общении стран региона – Индии, Пакистана, Турции, Афганистана, а также Синьцзяна. Докладчики подчеркивали высокое значение классической поэзии на фарси – творчества персоязычных поэтов Индии, Пакистана, Таджикистана. Особое значение отводилось трактовке роли классического эпоса «Шахнаме» Фирдоуси для народов Центральной Азии и всего региона[6].

В сентябре 1995 г. в Исфаганском университете министр иностранных дел ИРИ Али Абкар Велаяти открыл научную конференцию по проблемам «Шелкового пути», в котором участвовали представители 30 иранских и зарубежных университетов[7]. Эта конференция шла в контексте диалога цивилизаций и охватывала не только научные и культурные, но и экономические проблемы взаимодействия государств.

Несомненно, перечисленные факторы должны способствовать созданию почвы для интегрирования упомянутых стран в регион с общими культурными и экономическими предпосылками.

Интенсивные поиски путей модернизации Ирана в контексте диалога культур и цивилизаций, позитивные тенденции связей и укорененность национальных традиций в памяти соседних народов определяют отношения ИРИ с Россией. Есть основания полагать, что руководители ИРИ признают и уважают интересы России в регионе и сами проявляют стремление к развитию связей с ней. Для Ирана, признающего приоритетность культуры в процессе трансформации общества, притягательность России в немалой степени определяется высокой оценкой российской культу-

---

[1] Президент ИРИ Сайед Мохаммад Хатами. Диалог цивилизаций – путь к взаимопониманию и сотрудничеству // Персия. 2000. – № 3. – С. 3–5.

[2] Каменева М. Персидский язык как фактор культурной интеграции // Персия. 2001. – № 1 (4). – С. 18.

[3] Кляшторина В. Вклад Ирана в развитие мирового диалога культур // Персия. 2000. – № 3. – С. 8.

[4] Каменева М. О трансформации понятия «культура» в Исламской Республике Иран. – https://cyberleninka.ru/article/n/o-transformatsii-ponyatiya-kultura-v-islamskoy-respublike-iran

[5] Иванов В.Б. Перспективы исследований иранских языков в РФ // Россия – Иран: диалог культур. Международная научная конференция. 8 апреля 2016 года. – СПб.: СПбГУП, 2017. – С. 93.

[6] Кляшторина В. Интегрирующая роль культуры // Азия и Африка сегодня. – М., 1998. – № 4. – С. 50.

[7] Там же.

ры, ее науки и технического потенциала. Действительно, Россия и Иран, находящиеся на перекрестке цивилизаций и их интенсивного взаимодействия, накопили большой опыт межцивилизационного диалога.

В 1990-е гг. в массовых и литературно-публицистических изданиях Ирана наблюдалось стремление дать более широкую в сравнении с предыдущим десятилетием информацию о литературе и искусстве западного и восточного миров. Отчетливо был заметен пиетет иранцев перед русской культурой. Начиная с 1992 г. в ИРИ осуществлялись переводы стихов А. Ахматовой, О. Мандельштама, Л. Толстого, Ф. Достоевского, Н. Гоголя, В. Маяковского и др. Переводились труды литературоведческого характера, например, книги В. Набокова «Лекции по русской литературе», Л. Гроссмана «Достоевский – жизнь и творчество». Широкое освещение нашла в Иране литературная жизнь Таджикистана, Турции, Афганистана, Пакистана, Египта, Ирака, произведения писателей Латинской Америки и др.

1999 год был отмечен рядом значительных событий в развитии российско-иранских культурных связей. В Москве состоялась выставка произведений современных иранских художников. Ее организовал Центр изобразительных искусств министерства культуры и исламской ориентации Ирана при содействии Посольства Исламской Республики Иран в России[1]. Характерная черта выставки заключалась в том, что на ней впервые в Москве были представлены работы иранских художников нетрадиционных школ – импрессионизма, кубизма, сюрреализма и абстракционизма, т.е. тех модернистских художественных направлений, которые получили развитие в Иране только в 1990-е гг. Россияне впервые познакомились с новыми высокохудожественными школами современного Ирана.

1999 год был отмечен также выставкой иранской книги и миниатюры, проходившей в Москве во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы им. М.И. Рудомино (в 1996 г. прошла первая аналогичная выставка в Москве)[2]. Экспозиция познакомила россиян с богатой культурой, искусством и литературой Ирана, с иллюстрированными изданиями классиков персидской литературы – Рудаки, Фирдоуси, Саади, Хафиза, Насири Хосрова, Джеляледдина Руми, Омара Хайяма, Фаррохи, Санаи и др. Изяществом и тонкостью линий рисунка поразили прекрасные миниатюры Реза Аббаси, Бехзада и многих других мастеров Ирана.

В 1999 г. в Институте философии РАН был открыт Кабинет иранской культуры. Выступая на церемонии его учреждения, посол ИРИ в РФ доктор Мехди Сафари заявил: «Мы рады, что число иранистов в России постоянно растет. Отрадно, что молодежь проявляет склонность к иранистике»[3].

В 2002 г. в Москве состоялась XV Международная книжная выставка-ярмарка, проходившая под девизом «Книга на службе мира и прогресса!». В числе книжных экспозиций 82 стран мира был и Иран. Представленные на выставке книги познакомили посетителей с достижениями ИРИ в развитии экономики, науки, культуры, социальной сферы[4].

Радуют успехи иранских кинематографистов. На фестивале нового иранского кино в Москве в мае 2000 г., проведенным Культурным представительством Ирана в России и Музеем кино на Красной Пресне, были представлены интересные фильмы, свидетельствующие о новых мастерах экрана ИРИ, высоком профессиональном уровне фильмов, их жанровом, тематическом диапазоне, самобытности. Исполненные человечности, актуального общественного и нравственного содержания, киноленты Ирана завоевали множество престижных призов, самый значительный из которых – «Золотая пальмовая ветвь» 50-го юбилейного Каннского международного фестиваля 1997 г., присужденный фильму Аббаса Кияростами «Вкус вишни»[5]. Профессиональный уровень картин и глубина решения художественными средствами социальных и морально-этических проблем позволяют говорить о явном прогрессе иранского кино. За 1980–1990-е гг. в ИРИ вышло около 900 полнометражных игровых фильмов. Силу, глубину и жизнеспособность иранскому национальному кинематографу придает интерес к отечественной истории и современной действительности, стремление служить своему народу и идеалам гуманизма.

В 2001 г. в историю иранистики была вписана новая содержательная страница – в Москве состоялась Международная конференция по фундаментальным проблемам науки. Организаторами выступили культурное представительство при Посольстве ИРИ, Институт философии и Институт востоковедения РАН, Общество российско-иранских связей, Центр культурных и международных исследований Ирана. В форуме приняли участие ученые-иранисты России, стран СНГ, представители государств Балтии. Приветствуя участников конференции, посол ИРИ в России доктор Мехди Сафари напомнил, что «форум проходит в Год диалога культур и цивилизаций, объявленного ООН по инициативе Ирана и поэтому дискуссии по проблемам культурного населения Ирана будут способствовать расширению знаний в области иранистики, делу взаимообогащения и развития всесторонних связей между странами и народами»[6].

Примером двустороннего сотрудничества и диалога культур является организованный в 2005 г. Культурным представительством при посольстве ИРИ в России и кафедрой иранской филологии Института стран Азии и Африки (ИСАА) при МГУ им. М.В. Ломоносова Третьего Международного семинара по вопросам преподавания персидского языка и литературы. В нем приняли участие ученые и преподаватели персидского языка и литературы из вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Саратова, Новосибирска, Махачкалы, а также зарубежных стран – Ирана и Латвии. Открывая работу семинара, директор ИСАА М.С. Мейер отметил, что успешно развивающееся политическое, эконо-

[1] Касаткин Д. Художники новой волны // Азия и Африка сегодня. – М., 2000. – № 1. – С. 63.

[2] Касаткин Д. Выставка иранской книги и миниатюры в Москве // Азия и Африка сегодня. – М., 1999. – № 9. – С. 76.

[3] Касаткин Д. Плодотворное сотрудничество // Азия и Африка сегодня. – М., 1999. – № 8. – С. 47.

[4] Павлов Д. Мир иранской книги // Персия. 2002. – № 3(8). – С. 27.

[5] Шахов А. Новое иранское кино в Москве // Персия. 2000. – № 3. – С. 30.

[6] Мамедова Н. Российская иранистика вчера и сегодня. Международный форум иранистов // Персия. 2001. – № 1 (4). – С. 27.

мическое и культурное сотрудничество между Россией и Ираном обусловливает все возрастающий интерес россиян к иранской культуре, изучению персидского языка и богатейшей персидской классической и современной литературе[1].

В феврале 2005 г. иранскую столицу посетила делегация Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского. По приглашению Тегеранской консерватории в Иран на неделю приехали молодые музыканты. Впервые за много лет любители европейской классической музыки в Тегеране могли услышать исполнение произведений русских и западноевропейских композиторов – Чайковского, Прокофьева, Рахманинова, Моцарта, Гайдна, Шопена, Крейслера, Массне. Приезд делегации Московской консерватории в ИРИ стал возможен благодаря договору, заключенному в 2004 г. между Министерством культуры Российской Федерации и Исламской Республикой Иран. В дар своим тегеранским коллегам Московская консерватория привезла большое количество нот, дисков с записями классической и русской народной музыки[2]. В то же время, московские гости открыли для себя удивительный мир иранской традиционной музыки.

В 2007 г. в Институте востоковедения РАН состоялась встреча с делегацией женщин-представителей научного мира ИРИ. Это была первая за последние несколько десятков лет встреча в Москве с женщинами-учеными Ирана, что явилось новым шагом в развитии сотрудничества между двумя странами. Заведующая сектором Ирана Института востоковедения РАН Н. Мамедова рассказала о научной работе российских ученых-иранистов, об их опубликованных и готовящихся к печати научных трудах, отметив большие успехи женщин Ирана в научной и общественной жизни[3].

В 2018 г. в России прошла Неделя иранской культуры, а в 2019 г. в Иране – Неделя российской культуры, прорабатывается возможность проведения в 2020 г. перекрестного Года культуры и туризма между Россией и Ираном[4].

Российские ученые-иранисты периодически проводят международные научные конференции, посвященные диалогу цивилизаций, сохранению культурного наследия и проблемам сотрудничества с ИРИ. Так, в 2001 г. Институт востоковедения РАН совместно с культурным представительством при посольстве ИРИ организовал научную конференцию «Иран: диалог цивилизаций»[5], а в 2016 г. Санкт-Петербургский гуманитарный университет провел международную научную конференцию «Россия – Иран: диалог культур»[6]. В феврале 2019 г. был проведен Первый международный конгресс Евразийской ассоциации иранистов, организованный Институтом восточных рукописей РАН Санкт-Петербурга, Государственным Эрмитажем при поддержке Посольства Исламской Республики Иран и Культурного представительства при Посольстве ИРИ в РФ[7]. Всё это – примеры практической реализации концепций «культурного наследия» и «диалога цивилизаций» ИРИ.

Диалог цивилизаций и культур дает стимул для формирования универсальной модели оздоровления международных отношений. В этом контексте «необходимо исключить односторонние подходы и монолог в сфере политики и культуры», – отмечал ученый-политолог ИРИ Мехди Санаи на XII Международной конференции памяти протоиерея Александра Меня «Христианство и ислам. XXI в.», состоявшейся в Москве в 2002 г.[8].

Даже такой небольшой перечень мероприятий, связанных с российско-иранским сотрудничеством в области культуры, свидетельствует о нарастании взаимных связей, взаимодействии двух народов и диалоге культур и цивилизаций.

Человечество все более четко осознает, что существующие в современном мире цивилизации, в том числе христианская и исламская, способны, должны и могут сосуществовать и по возможности дополнять друг друга. Вступление современного мира в новое качество, расширение процесса глобализации своеобразно отзываются в Азии и Африке. Страны Востока, несмотря на различия по многим параметрам, едины в стремлении к устойчивому и гармоничному развитию.

---

[1] Дорри Дж., Касаткин Д. Международный форум иранистов-филологов // Иран сегодня. 2005. – № 1. – С. 30–31.

[2] Соболева А. Дни Московской консерватории в Тегеране // Иран сегодня. 2005. – № 1. – С. 28–29.

[3] Касаткин Д. Россия – Иран: новые ориентиры научного и культурного сотрудничества // Азия и Африка сегодня. – М., 2007. – № 12. – С. 53.

[4] Неделя иранской культуры пройдет в РФ в 2018 году. – URL: http://tass.ru/kultura/5008003

[5] Иванов В.Б. Перспективы исследований иранских языков в РФ // Россия – Иран: диалог культур. Международная научная конференция. 8 апреля 2016 года. – СПб.: СПбГУП, 2017. – С. 93–101.

[6] Россия – Иран. Диалог культур. Международная научная конференция 8 апреля 2016 года. Сборник. – https://publications.hse.ru/books/210966828

[7] Первый Международный конгресс Евразийской ассоциации иранистов. Тезисы. – https://publications.hse.ru/books/243623166

[8] Касаткин Д. Научиться слышать и понимать друг друга // Персия. 2002. – № 3 (8). – С. 20.

Вартумян А.А.,
Клименко И.С.[1]

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЭТНОСОВ КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КРЕАТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА

Ключевые слова: *национальная идентичность, этнокультура, этнопарк, инвестиционная привлекательность региона, туризм, Кавказские минеральные воды.*

Кавказские минеральные воды (КМВ) традиционно являются одним из «центров» туризма как внутреннего, так и въездного. За последнее время регион активно развивается в самых разных направлениях: выстраивается общественно-политическое сотрудничество с регионами РФ, разрабатываются новые варианты туризма, ориентированные на специфические запросы населения: экологический туризм, восстановительный, гастрономический и т.п. Появились новые форматы взаимодействия – фестивали, конференции, пленэры, выставки, семинары.

Богатая культура народов КМВ, несомненно, является самоценной и неотъемлемой частью как российской, так и мировой культуры, поэтому одна из основных задач, которые стоят перед представителями власти, бизнеса и гражданского общества – сохранение этнической самобытности, национального «лица» народов КМВ, возрождение, сохранение и развитие языков и культур посредством их эффективной интеграции в международную палитру народов мира.

Проблема сохранения национальной идентичности народов, населяющих Кавказские минеральные воды всегда была и будет находиться под пристальным вниманием государства и гражданского общества[2]. Не отрицая значимости традиционных подходов к процессам формирования национального самосознания, авторы полагают, что необходимы инновационные подходы, которые приостановят процессы разобщения поколений и утраты традиционных этнокультурных ценностей, создадут условия для формирования национального сознания и самосознания.

В качестве такого инновационного подхода предлагается проект креативной организации пространства, в основе которого лежит идея создания этнопарка народов КМВ, территория которого имеет инфраструктуру, позволяющую проводить мероприятия, направленные на взаимопонимание и дружбу между народами, проживающими на данной территории.

Креативная организация пространства на основе естественного (или искусственно воссозданного) ландшафта, характерного для традиционного образа жизни этносов, населяющих КМВ, предоставит посетителям возможность взаимодействия с полным набором аспектов этнической культуры в разных формах (от пассивного созерцания до активного вовлечения и погружения в этносреду), обеспечит преемственность в сохранении и развитии уникальной самобытной культуры этносов, населяющих КМВ, воспитании уважения к ее разнообразным достижениям, а также к богатому историческому наследию народов Кавказа.

Считая основной задачей при сохранении национальной идентичности народов КМВ идею интеграции этносов, внутреннего и международного сотрудничества можно утверждать, что этнопарк как креативно организованная территория предоставит соответствующие условия для развития этнотуризма на КМВ и активного отдыха различных слоев населения.

Требуется формирование на территории КМВ ресурса, на основе которого регион сможет завоевать и сохранить в стратегически обозримом периоде статус лидера этнокультурного движения региона. Лидерский статус даст доступ к политическим и экономическим ресурсам, позволит занимать определяющую позицию в формировании будущего, в выборе путей развития этнокультурного движения. Поэтому чрезвычайно важно объективно оценивать и осознавать вызовы и угрозы внешней среды в деле сохранения целостности этнокультуры, наиболее существенными из которых являются следующие факторы: глобализация, разобщенность, коммерциализация.

Глобализация – объективный процесс радикального изменения существования человека в мире, обусловленный глубинными сдвигами в способах и типах деятельного и межличностного общения в общепланетарном масштабе как реакция на тотальную стандартизацию культурного поля, формирует ощущение необходимости сохранения собственной уникальности и самобытности у народов и регионов, при этом не отрицает необходимости интеграционных про-

[1] Вартумян Арушан Арушанович – д.полит.н., профессор, заместитель директора по научной работе и инновационной деятельности Института сервиса, туризма и дизайна – филиала Северо-Кавказского федерального университета, г. Пятигорск. E-mail: pragpu@mail.ru

Клименко Ирина Сергеевна – д.т.н., начальник отдела организации проектно-грантовой деятельности Института сервиса, туризма и дизайна – филиала Северо-Кавказского федерального университета, г. Пятигорск. E-mail: iskl@bk.ru

[2] Вартумян А.А. Проекты и практики территориального управления: федерализм в политико-географическом развитии Северного Кавказа // Материалы всероссийской научно-практической конференции «Школа кавказского гостеприимства: перспективы развития и кадровое обеспечение» (20–21 апреля, 2018г.). – Пятигорск, 2018. – Т. 1. – С. 87–91.

цессов. Защита местных национальных традиций и особенностей является глобальным феноменом. Каждый народ сейчас стремится выразить свое национальное достоинство, чувство национальной гордости, сохранить духовные ценности и возродить их, если они были частично утрачены, сохраняя при этом тенденцию к объединению как на бытовом, так и на более высоком, политическом уровне. Именно интеграция народов и культур, объединение народов, населяющих КМВ в единый блок в борьбе за сохранение своей уникальности, было бы весьма логичным ответом глобализации.

Коммерциализация. Национальные особенности жизни, национальное сознание и самосознание стали играть в жизни современного человека более важную роль, чем это было 10-15 лет назад. Вместе с тем, как показывают социологические исследования, происходит разрыв между поколениями в усвоении и осмыслении своей национальной традиционной этнокультуры, которая формировалась веками, исходя из образа жизни. Утрата национальной психологии – это негативное явление, имеющее стратегические последствия.

Преодолеть разобщенность народов можно за счет объединения усилий против общей угрозы – глобализации и тотальной коммерциализации культуры. Принципиальная способность к самосохранению специфических культур возможна, но реализуется только при определенных условиях. Важнейшим из них является безусловная значимость национальной культуры для мирового сообщества; для этого данная культура должна быть не только внутренне богатой, но и воспринимаемой миром, нужной миру. Огромное влияние на основы этнической культуры и формирование национального характера оказывает своеобразие того или иного сочетания природных ресурсов и климатических условий территории традиционного проживания этноса[1].

Креативный проект по организации этнопарка предлагает создать современный многофункциональный этнокультурный комплекс, осуществляющий функции межнационального общения, ориентированный на сохранение, рациональное использование, популяризацию и развитие этнокультурного наследия народов Кавказа, а также на развитие культурно-познавательного и этнографического туризма. На территории этнопарка предполагается создание мест летнего и зимнего активного отдыха, детских развлекательных программ, отдыха «выходного дня» в экологически чистом районе, площадок для проведения разноформатных республиканских мероприятий, форумов. Безусловная трудоемкость проекта и его социальная значимость диктуют особые условия реализации проекта: определение очередности выполнения работ, поиск источников финансирования, анализ возможностей государственного и частного партнерства, Только общие усилия смогут создать креативно организованное пространство на КМВ, которое станет своеобразной территорией возможностей, этнокультурным подиумом.

Ожидаемые результаты реализации плана креативной организации пространств можно разделить на две группы: результаты по обеспечению возрождения национальных традиций и культуры народов Кавказа и результаты социально-экономического плана.

К первой группе относим:

– решение задачи по передаче народных традиций подрастающему поколению, возрождение и дальнейшее развитие национальных достижений;

– формирование у населения интереса к популярной и этнической музыке, к национальным ремёслам и национальной кухне;

– формирование позитивных установок на этническое многообразие и повышение интереса к традициям, обычаям и культуре различных этносов.

Ко второй группе относим:

– развитие межрегионального и международного сотрудничества в рамках деятельности этнопарка;

– укрепление и развитие культурных и экономических связей между этносами КМВ и народами России;

– возможность организации и проведения республиканских, межрегиональных и международных мероприятий различной направленности, в том числе создание на базе хостела и палаточного лагеря круглогодичного международного молодежного лагеря;

– организация новых информационных и иных каналов взаимодействия с мировым сообществом, а также акцентирование внимания на идее этнопарка в рамках существующих программ регионального, федерального и международного сотрудничества;

– организация научных исследований по вопросам развития сотрудничества, внутреннего и въездного туризма, в том числе по вопросам деятельности этнопарка;

– создание эффективной системы управления развитием этнопарка, соответствующих механизмов контроля;

– продвижение туристских брендов КМВ и этнопарка;

– формирование системы маркетинга, охватывающего все стадии выявления потребительских запросов и продвижения услуг до потребителя; содействие обеспечению этнопарка необходимыми кадровыми ресурсами;

– популяризация наследия, а также современных достижений материальной и духовной народов КМВ в сочетании с различными формами отдыха и развлечений[2].

Идея креативной организации пространства, по мнению авторов, служит залогом гармоничных межэтнических отношений народов Кавказа и позволяет создать равные условия для духовного развития населения региона. Высокий

---

[1] Вартумян А.А. К вопросу о динамике этносоциальных процессов в Российском социуме // Материалы международной научно-практической конференции «Этносоциальные процессы на Юге России: способы регулирования» (21–22 ноября, 2017 г.) АГУ, г. Майкоп.

[2] Шебзухова Т.А., Клименко И.С. Современные подходы к подготовке кадров для туриндустрии: сравнительный анализ // Материалы XI научно-практической конференции «Твердовские чтения» (1–2 марта, 2019 г.). – Краснодар, 2019.

уровень профессиональной и социокоммуникативной культуры населения – это гарантия успеха в процессе формирования человеческого капитала Северного Кавказа. Проект креативной организации пространства, реализованный на КМВ, позволит решать сложные и ответственные задачи по усилению инвестиционной привлекательности региона, возрождению и развитию народных промыслов, упрочению культурных традиций этноса и, как следствие, будет содействовать росту межрегиональных экономических связей, вдохнет новые возможности в систему подготовки кадров с высшим профессиональным образованием в области туристического бизнеса и гостиничного сервиса.

Резюме. Россия – многонациональное государство, проекты креативной организации пространства позволяют изучать и пропагандировать многонациональную историю и культуру народов, проживающих в регионе. Идея «в многообразии – наше богатство, в единстве – наша сила», реализация которой отражается в проектах, позволяющих сохранить национальную идентичность народов, позволит активно содействовать укреплению гражданского мира и межнационального согласия в регионе, проект «этнопарк» должен стать одним из современных инфраструктурных центров для реализации целей и задач этнотуризма.

Ветошкин А.П.
д.филос.н., профессор, Российский университет транспорта
Быков М.Ю.
к.и.н., доцент Российский университет транспорта

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Ключевые слова*: Россия, константы, сквозные линии, духовность, совесть, вера, цивилизация, культура, идентификация.*

Keywords*: constants, cross-cutting lines, essential features and the civilizational codes of Russia's, historical self-being, conscience, person, spirituality, human, faith.*

Духовно-нравственный путь развития России. Под таким высоким девизом издательство «Проспект» выпускает в свет нашу совместную работу. Авторы задаются основополагающими вопросами: как заложить духовно-нравственный вектор в образование и воспитание, в труд и хозяйство, во все сферы жизнедеятельности общества и человека? Как преодолеть дефицит совести – самый блокирующий фактор социального и экономического развития? Они осмыслены в аспекте *узловых проблем в актуальности их истории и современности.* Достаточно внимательно вчитаться и вдуматься в поставленные вопросы, станет предельно ясным: *все они выстроены по осевой линии восстановления и актуализации духовно-нравственного пути развития России. Поиск ответов на эти фундаментальные и злободневные вопросы определил мировоззренческий и социально-практический диапазон наших духовно-нравственных размышлений*[1].

Идеал-реализм – методология постижения судьбы России

В современном методологическом и цивилизационном противостоянии требуется разворот на восстановление, реконструкцию и актуализацию творческого наследия отечественной мысли в разработке и практическом воплощении выверенной диалектики духовного и социального в развитии общества, становлении и самоопределении полноценной личности**.** «*Свойства русского национального духа указывают на то, что мы призваны творить в области религиозной философии… Конкретный идеализм, связанный с реалистическим отношением к бытию, мог бы стать основой нашего национального философского творчества и мог бы создать национальную философскую традицию, в которой мы так нуждаемся*» – декларировали авторы «Вех» еще в 1908 году[2]. Понадобился век трагических и героических испытаний, взлета и упадка, созидательных свершений и социальных катаклизмов, чтобы приблизиться к осознанию этого пророческого напутствия. И, пожалуй, никто из русских мыслителей, как *Иван Александрович Ильин* (1883–1954), с такой глубиной и полнотой не выразил обоснования теоретического и практического первенства духовной жизни над внешними формами социальности и быта. Имя великого сына России, его творческое наследие и продуманные заветы с полным основанием и по праву занимают особое место в нашей духовной сокровищнице. *Они единят все нравственные здоровые силы нашего общества духовным, социальным и общегражданским согласием в верности историческому духовно-нравственному пути развития России. В самом центре философского, религиозного, социально-хозяйственного и государственно-правоведческого духовного наследия И.А. Ильина находятся русский народ и Россия в их историческом своеобразии и национальном призвании.* Он сформулировал и раскрыл путь духовного обновления как путь к очевидности в *«Аксиомах религиозного опыта»,* убедительно обосновал линию духовного возрождения в предметной структуре и содержании творческого акта веры, любви, совести и свободы – в философском созерцании, правосознании, художественном творчестве, политике, образовании и воспитании, культуре, социальном служении и хозяйственно-трудовом поприще. И выразил ее в ясном до душевной достоверности и духовной очевидности прозрении, дарующем полноту мироперевживания и понимания самых главных для человека жизненных вопросов[3].

Идеал-реализм – это не одно из течений и школ в многообразии русской мысли. Это – главное и ведущее направление всей духовной культуры. Это ее вершинное достижение в духовном осмыслении и постижении нашего национально-исторического своеобразия и призвания. И он должен быть положен в основу постижения общества и человека, государства, экономического и социального устроения жизни, ее одухотворения. Ценностные основы бытия человека и общества, все формы общения и социального устроения, хозяйственной жизни, семьи и Родины, труда и

[1] Ветошкин А.П., Быков М.Ю. Духовно-нравственный путь развития России: монография. – М.: Проспект, 2019. – 245 с.

[2] Вехи. Интеллигенция в России: Сб. статей 1909–1910. – М.: Молодая гвардия, 1991. – С. 39–40.

[3] Ветошкин А.П., Гончаров С.З. Духовная актология Ивана Ильина // Духовно-нравственный путь развития России // Материалы V Всероссийских Ильинских научно-богословских Чтений 9–13 мая 2007 г. – Екатеринбург; Ярославль; Санкт-Петербург, 2007. – С. 18–19.

собственности, культуры и цивилизации, образования и воспитания представлены и осмыслены в нем как концентрированное выражение и проявление наличного уровня духовности.

Вместо мертвенной, схоластической и догматической интерпретации внешней, поверхностной и видимой материальной стороны бытия мира и человека идеал-реализм выступает как метод духовного постижения жизни в ее внутреннем, глубинном и сокровенном смысле и существе. Творческое наследие *Ивана Ильина* можно кратко и емко выразить как православную и философскую формулу *Совершенства.*

Основные вызовы и угрозы, как и упреждающие ответы на них сегодня, как и всегда, лежат в сфере духовного, идеального, внутреннего состояния мира и человека. Кризис, переживаемый нашим народом, беспрецедентный по своей длительности, системности, глубине и остроте своих проявлений, достигающих пороговых значений в различных сферах жизни общества и человека, непомерности социальной и человеческой платы за так называемое реформирование – *в основе своей духовный.* И только поверхностный взгляд на его экономические проявления, социальные нестроения, политические и даже идеологические выражения не замечает принципиально духовную природу кризиса.

На фундаменте духовно-нравственного понимания человека и общества может быть осуществлено прорывное научно-технологическое и социально-экономическое развитие России. Решены задачи увеличения численности населения, повышения уровня жизни людей, создания комфортных условий их проживания, возможностей самореализации и раскрытия таланта каждого человека[1].

Человек есть духовно-нравственное, верующее, «религиозное существо». Таким он воспринимал себя уже на заре истории. Взор с вершины блокирует тупики редукции и релятивизма, снимает ценностно-смысловую слепоту в подходе к человеку. С позиций вертикали «божественное – духовное – социальное – природное» ясным становится понимание удельного веса основных компонентов бытия человека в постановке и решении узловых вопросов образования и воспитания молодежи.

Что такое дух, духовность? Духовность – одна! Нет ее мирской или монашеской, светской или религиозной. Дух, по Аристотелю, «энтелехия, или душа души». Платон видел в духе «крылья души». Всякое знание, по ап. Павлу, вне справедливости и других добродетелей и, прежде всего, любви, представляется не мудростью, а плутовством. *«Тому, кто не постиг науки добра, всякая наука приносит лишь вред»,* – считал *М. Монтень*[2]. *«Истина не дается нравственно ущербному человеку»,* – утверждал *И.В. Киреевский*. *Вера есть взор сердца к Богу*. А *«из отвлеченного ума»,* – писал он, – *нельзя получить ни истинной веры, ни совести, ни любви. Это было бы... странное рождение живого из мертвого».* Разум, отрешенный от святости, был бы слеп, как сама материя[3]. Красотой и волей к совершенству, глубиной и широтой захвата характеризуется определение духа в трудах *И.А. Ильина.* Он раскрывает *дух как то, что значимо в душе*. Дух предстает *«как потребность священного и как радость верного ранга…как дар молитвы, как силу поющего сердца и как жилище совести…как месторождение художественного искусства, как источник правосознания, истинного патриотизма и национализма, как главную основу здоровой государственности и великой культуры. В действительности дух есть – все это сразу»*[4].

В своей субстанциональной основе и социально-исторической определенности *духовность характеризуется как пред-стояние человека перед совершенством высшими и предельными состояниями сознания, всеми внутренними силами и устремлениями личности.* Главное для *Ильина* – проникнуть в религиозный, философский, нравственный и художественный смысл тех или иных проблем, чтобы постигнуть их как состояние человеческой души и человеческого духа. Значимость веры для человека он выразил чеканной формулой: *«Скажи мне, за что ты хотел бы отдать свою жизнь, а я скажу тебе, во что ты веришь. Ибо вера ставит каждого из нас перед высшей ценностью жизни, перед последним вопросом бытия, перед нашим существованием в целом: когда смерть вопрошает душу, то душа вопрошает верою»*[5]. Россия – страна многих конфессий. *В религии культивируется сам дух совершенства в его чистом, свободном от внешних воплощений виде, форме. Это Бог как Абсолют и как Идеал, объективно лучший и объективно сущий. И не только для меня, не только субъективно, но и для всех, объективно, как абсолютное совершенство.* При высоко уважительном отношении ко всем вероисповеданиям следует особо подчеркнуть роль православия в национально-историческом бытии русского народа, составляющего четыре пятых населения России. Один из самых глубинных истоков русской мысли и, прежде всего, в ее религиозной идеалистической традиции, коренится в восприятии христианства в православной форме его вселенскости и полноты. Доминантная линия образа жизни и осмысления социально-хозяйственного опыта русского народа проходит в русле *антропо-социо-этицизма и теоцентризма. Духовность, соборность, общинность, коллективизм* и *социальная солидарность* выражали народные формы самоорганизации жизни. *Манифестация русской культуры, науки и техники, прозрения философской мысли* поражают воображение и захватывают дух. Вера есть воля и стремление к совершенству во всей его полноте. Она вселяет во все деяния человека и в первую очередь в хозяйственные дела и социальные заботы дух мастерства, художества, творчества, доброты, совестливости, любви и щедрости. Поистине, *религия, как солнце, освещает и освящает поле культуры, хозяйственной и социальной жизни. Меркнет солнце религии — меркнет и сама культура. Пустеет хозяйство. Разнуздываются инстинкты. Высшее подменяется ничтожным.*

---

[1] «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г.

[2] Монтень М. Опыты: Избранные главы / Пер. с фр.; сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Правда, 1991.

[3] Киреевский И.В. Полн. Собр. Соч.: в 2 т. Т. 1. – М., 1911. – С. 274–275.

[4] Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Собр. Соч. в 10 т. – М.: Русская книга, 1996. – Т. 1. – С. 39–280.

[5] Там же, с. 43, 54.

Развитие общества определяется духовным состоянием социума и человека. Важно понять суть *общества,* к которому мы стремимся, как духовно-социальное образование. Какая бы проблема общества и человека ни была в фокусе гуманитарных наук, в каких бы направлениях и формах познания ни ставилась и ни решалась, она завершается выходом в идеологию, в общественные теории, в социальную практику, в жизнь людей. Место, предметное поле, роль и функции каждой гуманитарной дисциплины, линии ее взаимодействия с другими обществоведческими науками можно схематически изобразить в виде *«древа социального познания».* Они выполняют свое предназначение в тесных взаимосвязях с историей, философией, теоретической социологией, политологией, экономической теорией, антропологией, психологией, культурологией и другими конкретными областями научного знания об обществе и человеке. Обращение к такой схеме позволяет *поставить методологические и мировоззренческие вопросы: Каковы наши идеалы, цели и ценности? что составляет в нем «корень общественной жизни», ее «ствол», «побеги», «крону» и что представляют собой «цветы и плоды»?* В своей истинности и полноте дух предстает как осмысляющее основание всякого бытия и что социальная жизнь общества по существу своему зиждется на духовности. В отличие от секулярно-философской линии продуктивно решение проблемы абсолютного основания духовного и ценностного единения людей из определенной методологии.

Человек, конечно, соткан из природного материала, из «остывшей звездной пыли». Но природное снято в надприродном, в социальном. Социальное содержание в человеке снято в его духовности. Бог говорит в человеке голосом совести. *Единение логики и аксиологии предполагает целостный духовный акт в единстве основных творческих сил.* Такой акт составляет креативно-антропологический базис для успешной самореализации человека в личной, профессиональной и гражданской сфере жизнедеятельности[1]. *Проблема формирования духовности должна быть поставлена, осмыслена и решена на общегосударственном уровне в рамках восстановления и обновления содержания и форм воспитания подрастающего поколения как особого и важнейшего социального института общества.*

Людвиг Семенович Франк (1877–1950) главную проблему социального познания усматривает в вопросе: *Что такое, собственно, есть общество, какое значение оно имеет в жизни человека, в чем его истинное существо и к чему оно нас обязывает?* Выдающийся русский мыслитель задается при этом обширным кругом вопросов: *Что такое есть собственно общественная жизнь? Какова та общая ее природа, которая скрывается за всем многообразием ее конкретных проявлений в пространстве и времени, начиная с примитивной семейно-родовой ячейки, с какой-нибудь орды диких кочевников и кончая сложными и обширными современными государствами? Какое место занимает общественная жизнь в жизни человека, каково ее истинное назначение и к чему, собственно, стремится человек, и чего он может достичь, строя формы своего общественного бытия? И наконец, какое место занимает общественная жизнь в мировом, космическом бытии вообще, к какой области бытия она относится, каков ее подлинный смысл, каково ее отношение к последним, абсолютным началам и ценностям, лежащим в основе жизни вообще?*[2]

Категория «общество» служит для обозначения не простой арифметической совокупности индивидов, живущих вместе, а тех связей, отношений, институциональных форм, в которых они находятся по отношению друг к другу. С одной стороны, *общество предстает как система связей и отношений, в структуре которой и посредством которой люди, взаимодействуя между собой и природой, между собой и обществом в целом, осуществляют свою жизнедеятельность.* Общество выступает как *сам человек в его общественных отношениях (К. Маркс),* как *непосредственный мир социального бытия человек*а. По *В.С. Соловьеву*, *человек – это свернутое общество, общество в его миниатюре.* А общество можно *рассматривать как раскрытого в своей сущности, развернутого человека.* С другой стороны, *общество представляет собой особую форму интеграции жизнедеятельности людей, целостную и системную качественную определенность.* По отношению к индивидам общество приобретает относительную самостоятельность, выполняет регулятивную функцию.

Общество в качестве интегрированной целостности выступает как особый самостоятельный субъект и носитель всеобщих, надындивидуальных потребностей, реализация которых обеспечивает условия жизнедеятельности социума в целом и всех его составляющих. *На каждом крупном историческом этапе общество в качестве субъекта социальной деятельности принимает конкретные, исторически обусловленные социокультурные формы, характеризуется присущим ему способом производства, спецификой социальной структуры и общественно-политической организации, особенностями духовной жизни, преемственностью и изменениями в своем развитии.* Весьма затруднительно квалифицировать *сущность современного российского общества,* характеризовать его социально-экономический и государственно-политический строй, идеологию. *Формационный, цивилизационный, технико-технологический, информационный, культурологический подходы в понимании общества должны быть осмыслены в их диалектическом перекрестии с духовно-нравственных позиций.* Сердцевиной, внутренней и сущностной стороной жизни социума на всех его уровнях и формах структурной организации, начиная от первичного звена и непосредственных общностей людей (семья, производственно-трудовые ячейки и т.д.) и завершая обществом как единым социальным организмом в целом, является духовно-нравственный миропорядок. *Внешние отношения социальности* – в экономике, в общественно-государственном устройстве и политике, в любой другой сфере – предполагают внутреннюю связь между людьми, духовную в своей основе. Именно *духовный нерв животворит ткань общественных отношений, деятельности, организационно-структурных форм и институтов общества.* Без учета этого определяющего фактора невозможны человеческие контакты и нормальное функционирование любой сферы общественной жизни.

---

[1] Ветошкин А.П., Гончаров С.З. Духовная актология Ивана Ильина // Русский экономический вестник: Научно-публицистический журнал. Тематический выпуск № 6. Материалы V Всероссийских Ильинских научно-богословских чтений «Духовно-нравственный путь развития России» 8–13 мая 2007 г. – Екатеринбург; Ярославль; Санкт-Петербург, 2007. – С. 13–36.

[2] Франк С.Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию. – Париж, 1930. – С. 126.

Диалектика цивилизации и культуры в современности

В трудах Гончарова Сергея Захаровича предметно раскрыты установки и тупики техно-рационалистической цивилизации в ее отрыве от христианских святынь[1]. В его проницательной оценке цель цивилизации – производство средств жизни людей на основе техники, товарно-денежных связей, правового регулирования и науки, разрабатывающей технологии**.** Техника, деньги, право, наука – таковы устои западной цивилизации. Ограниченность ее состоит в редукции ценностей.

В сведении духа к материи.

Духовной жизни – к душевной и телесно чувственной.

Ценностного сознания – к научному познанию.

Культуры – к социальным технологиям.

Нравственности – к праву.

Искусства – к коммерческим зрелищам и нервирующим «шоу».

Человеческого общения – к «социальным ролям».

Воспитания всеобщих продуктивно-творческих сил человека – к формированию профессиональных знаний и умений.

Полноты национальной жизни и культуры – к интернациональным стандартам мышления, потребления и поведения.

Человеческих индикаторов экономики и управления – к материальным и вещным фантомам.

Цивилизация превратила технику жизни в самоцель и низвела самоцельность человека до средства. Она вселяет без-вдохновенный, техно-рационалистический «дух» всеобщего упрощения, опошления и усреднения по единым стандартам внешней жизни и превращает людей в однородные кубики для внешнего манипулирования. Она подменила «аристократию» (власть лучших) «демократией» (качество – количеством)[2].

В огне и крови войн, ужасов терроризма и социальной обездоленности, социальных катаклизмов творится всемирно-исторический суд над современной цивилизацией, ее антихристианским стремлением освободить человека от всяких уз идеала.

Выявлению причин и условий обрушения императорской России И.А. Ильин посвятил немало работ. Особое значение в этом плане имеет цикл из семи последних предсмертных статей мыслителя, написанных в 1953 году[3]. И он приходит к выводу, что всякий общественный строй разумен, социально справедлив, прочен и эффективен, когда держится на соответствующем ему духовном основании. Шаткость веры, духовное помрачение и слабость, шатание в умах. Не произвол и угнетение, не так называемый конфликт между производительными силами и производственными отношениями, и не самое слабое звено в цепи империализма, и не пресловутый пломбированный вагон, и не масонский заговор. Все это сопутствующие, производные и вторичные факторы, усиливающие болезненный и трагический духовный надлом, ставший прологом революций 1917 года[4].

Чтобы выйти из нарастающих коллизий разорванности исторического процесса и современности следует обратиться к фундаментальной и конструктивной идее русской цивилизации. Она воплощает в себе непреходящие константы, сквозные линии, сущностные черты и цивилизационный код исторического само бытия России. Их понимание необходимо закрепить в ясных позициях, транслировать и воспроизводить через систему гуманитарного образования. И самое главное – восстановить сердцевину образования и воспитания, соответствующую духовно-нравственному миропорядку, традициям и выверенному историческим опытом России социокультурному строю жизни, определиться в ценностных основаниях, целевых установках и содержательном поле образования, приступить к разработке и изданию нового поколения отечественной литературы, отвечающей этим требованиям[5].

Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (1929–1994), характеризуя состояние современной академической историографии, отмечал, что ей присуще странное сочетание фактологической полноты, тщательности и мышиной кропотливости с удивительной концептуальной бескрылостью, беспомощностью, своеобразным «мировоззренческим инфантилизмом», неумело скрываемым за обилием специальной научной терминологии**.** События здесь происходят почти всегда вопреки «объективным закономерностям». Они свидетельствуют о том, что историю определяют не земные, привычные и, казалось бы, незыблемые законы, а мановения Божии, сокрушающие «чин естества» и недалекий человеческий расчет. Ключ к пониманию русской жизни лежит в области духовного постижения[6].

Общественное развитие определяется духовным состоянием человека, его души, его совести. Если вникнуть в глубину и корень практически каждого значимого социального явления, в потребности, интересы и самую мотивацию поведения людей, то можно усмотреть, что именно духовное выступает его базисным и первичным основанием. Религиозный смысл русской истории имеет не только национальное, но и всемирное значение. Такое понимание следует

---

[1] См.: Гончаров С.З. Философия совершенства Ивана Ильина. – Екатеринбург, 2007. – 551 с.

[2] См.: Гончаров С.З. Логика мышления и аксиология сердца / Рос. филос. о-во и др. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. – С. 188.

[3] См.: Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Кн. 2. / Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. – М., 1993. – С. 92–108, 230–240.

[4] Ветошкин А.П. Скрепы России // Революция в России: реальна ли угроза 1917–2017. Сборник материалов / Сост. А.Д. Степанов. – М.: ИД «Достоинство», 2018. – С. 486–496.

[5] Подробнее см.: Ветошкин А.П. Духовная основа развития Российской школы XXI века. Проект концептуальных и базисных положений. – Екатеринбург; Москва, 2007.

[6] См.: Митр. Иоанн. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. – СПб., 1994. – С. 11.

отнести к постижению государственности в ее истоках, сути и назначению. Апостол Павел в своем послании к римлянам пишет: «Несть власть, аще не от Бога: все же сущие власти от Бога учинены суть»[1]. Это означает, что подлинная, истинная государственность и власть (не существующие, а сущие!) должны соответствовать по своей сути Божественным установлениям и повелениям русской истории, отвечать высшим духовно-нравственным смыслам служения Богу, своему народу и Отечеству. Такая власть зиждется на духовной основе, на «камне» святости. И тогда вертикаль власти не будет уходить в зыбкую топь административно-бюрократического построения, тупики прагматизма и ситуативного реагирования. Вся история российской государственности, начиная с рождения Древнерусского государства 21 сентября 862 года, по сути своей и форме является монархической. За исключением кратких исторических периодов и отдельных социально-территориальных лакун, Россия, собственно, никогда не уходила от монархического типа правления – великокняжеского, царского или императорского. Только в «смутные» времена начала XVII века, или периода гражданской войны, а также в лихие 90-е годы ушедшего столетия были кратковременные сроки всевластия то «семибоярщины», то «семи-банкирщины», охлократического или анархического разлива. И все они заканчивались, как правило, потрясением устоев государственности, распадом, расчленением страны, непомерной социальной и человеческой платой за свое беспамятство, за свое буйство, как говорится в народе «без царя в голове». Но и монархи нередко оказывались не на высоте богоданного им высокого положения, что приводило к вырождению или пресечению династии. Вокруг трона всегда плелись интриги, свершались кровавые дворцовые перевороты, дела в государстве вершили фавориты и чужеземцы. Монархия была чревата тираническим началом, и другими изъянами. И в своей исторической канве отступала и изменяла идеалу, сути и принципу своего назначения. Скажем так: самодержавием и корневым самоуправлением Россия строилась, а самовластием абсолютизма страна болела.

Духовно-нравственные устои искони определяли развитие русского уклада жизни и быта многих народов. И любое отступление от них, забвение или небрежение приводили к тяжким испытаниям. Возобладал приоритет культуры над цивилизацией как техникой и «тактикой жизни». Утвердилась идея приоритета целостности над какой-либо частью или стороной жизни, утвердилось функционально-служебное назначение тех или иных форм и институтов социальной деятельности. Так, к примеру, утвердилось духовно-нравственное смысловое предназначение собственности и богатства в отношении человека, их трудовое, труженическое наполнение. Сам горизонт видения жизни расширяется до предельных оснований и незыблемых основ божественного миропорядка. И такой анализ наиболее продуктивен в русле русской идеи.

Сквозные линии и связующие скрепы исторической поступи России

Классики обоснованно полагали *историю единственной наукой.* Поэтому так важно формирование исторического сознания и самосознания народа, особенно, вступающих в жизнь новых поколений. *Историческое сознание сегодня зыбко, шатко, рыхло, путано, разорвано.* Все временно, условно, когда оно не вечно, безосновно! *Духовно-нравственный вектор развития страны требует воссоздать ее образ не только в зеркале нашей героической и драматической истории, но и в фокусе узловых проблем современности.* Нашей государственности и самобытным гражданским структурам общества не тридцать «перестроечных» и «суверенных демократических» лет, и не хронологическое послеоктябрьское столетие. И даже более четырех веков, прошедших с 4-го ноября 1612 года, отмечаемые ныне как День народного единства, не являются точкой отсчета российской государственности. *Приближающийся 1160-летний юбилей – почтенный и достойный самого серьезного внимания и высокого уважения возраст русского государства.* Следует глубоко осознать, что сорок пять поколений наших пращуров выковывали национально-историческое бытие нашего народа, хозяйственный и социальный уклад жизни, нашу государственность, науку, образование и культуру.

За этот огромный исторический период накоплен уникальный и бесценный исторический опыт становления самобытных институтов гражданского общества, формирования самоуправленческих начал на основе общинных и православных ценностей. По достоинству и историческому рангу должен быть оценен советский период строительства государственности и становления самоуправления на местном уровне, в том числе и в рамках городского сообщества. *Все этапы героического, созидательного и одновременно драматического исторического пути (всех семи «Русей» – от языческого и мифологического периода – до современной постсоветской России) должны быть поняты, оценены и осмыслены. Наибольший интерес вызывают исходный рубеж и современный этап нашей истории.* Постижение будет продуктивно с позиции их внутреннего единства и сохранения само идентичности, глубокой преемственности и взаимной дополнительности, творческого синтеза и актуализации выверенного опыта в социально-исторической практике народа.

С.М. Соловьев (1820–1879) считал, что *народ немыслим без государства, ибо оно является наиболее необходимой формой, обеспечивающей его существование.* Свое гражданское кредо он сформулировал в предисловии к *«Истории России с древнейших времен»*: *«Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их. Следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм. Не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии. Стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи и подчинить внешнему влиянию. Вот обязанность историка в настоящее время, как понимает ее автор предлагаемого труда»*[2].

---

[1] Рим. 13:1.

[2] Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. 1. – М., 1988. – С. 51.

Исторически процесс перехода от родового строя к государственному порядку завершился призванием на новгородское княжение Рюрика. *Древнерусское государство* начало устраиваться по достаточно достоверному сообщению Повести временных лет в 862 году. Тогда славянские и финские племена по общему решению, на добровольной основе пригласили «во власть» заморского выходца то ли скандинава, то ли полускандинава – полуславянина *Рюрика* с братьями *Синеусом* и *Трувором.* Государство не мог создать герой, кем бы он ни был, в один день. У славян Восточной Европы к середине IX в. сложилась ранняя государственность в виде племенных княжений. Надо было уловить созревшую идею, которая быстро овладела бы умами людей – идею о необходимости принятия общего земельного государственного устройства. Историки до сих пор спорят, зачем и откуда приехал *Рюрик* с братьями на Русь. А если он был скандинавом, то получается, государство не русское, а норманнское. Развернулась острая борьба между т.н. норманистами и антинорманистами. Не вдаваясь в подробности дискуссии, *скажем кратко. Был призван и, конечно, не случайно, человек, способный остановить не только внутренние раздоры, но и внешних врагов.* Политический выбор оказался дальновидным, верным. Викинги – разбойники, терроризировавшие почти всю Европу, не покушались на страну, где правил, а не служил наёмником, возможно, их соотечественник – судя по всему, опытный полководец и политик. Он возвел в Ладоге крепость и посадил по городам своих мужей-управителей.

Постепенно сложилось ядро первоначальной Руси, образовалась, утвердилась и обустроилась могущественная держава в Европе, где наряду со славянами-русскими жили финны, скандинавы, группы кочевников, представители других племен и народов. *Всего в сложении Руси IX–X вв. приняли участие 22 племени и этнических образований.* Уместно сказать, что на Куликовскую битву собралась рать из 36 городов различных и разрозненных еще княжеств, преодолевая пути в 750–900 км, а вышли с Поля Куликова**,** по глубокой исторической оценке *В.О. Ключевского* (1841–1911), *уже русским народом.*

Период феодальной раздробленности в XII – начале XIII вв. нередко характеризовался как время ослабления и упадка страны, погрязшей в междоусобных войнах отдельных княжеств и их владетелей. В действительности же это был период экономического подъема, умножения населения, заселения пустующих пространств, перехода к серийному выпуску различных изделий, повышения уровня сельской и городской культуры. Упрочился класс вольных торговцев и ремесленников, а смерды отличались относительной свободой и благосостоянием. По уровню своего развития Русь находилась в ряду передовых стран Центральной и Западной Европы. Что же касается внутренних войн, то они обычно велись группировками элиты и не задевали основные слои общества. Временами нарушался покой тех или иных русских земель, но эти военные эпизоды не могли остановить поступательное развитие Русского государства.

Следует со всей определенностью подчеркнуть, что становление и расширение страны в границах российского государства носило, в основном, защитный и оборонительный, естественно исторический характер. Оно протекало в формах мирной хозяйственно-экономической и социокультурной колонизации и освоения новых земель и территорий. Сформировалось и окрепло уникальное содружество почти 200 народов, наций и этнических групп. От стомиллионного русского народа – до этнических образований, насчитывающих несколько тысяч или даже сот человек (ульчи, орочи, нанайцы, юкагиры, ительмены, ханты, манси и другие малочисленные народы). *И все они вместе образовали единый российский народ. Российский народ* не есть конгломерат механического соединения различных этносов и национальных групп. По своему существу, *он представляет собой исторически сложившуюся и развивающуюся суперэтническую и межнациональную общность.* Органическая целостность и единство российского народа скрепляется узами территориально-природной жизни и хозяйственно-экономической взаимозависимости. Он сохраняет общность социальной структуры и государственно-гражданской форм самоорганизации. Общность черт социальной психологии и культурно-языковая близость связаны и предопределены единством исторического пути, самой судьбой России. *«Россия с самого начала, кстати говоря, её создания, формирования – это многонациональная, многоконфессиональная страна. В известном смысле это страна-цивилизация, которая органично впитала многие традиции и культуры, сберегла их своеобразие, уникальность и при этом сохранила единство, что очень важно, – единство живущих в ней народов. Мы этой гармонией самобытности и общности судьбы народов Российской Федерации очень гордимся и очень этим дорожим»*[1].

С полным основанием *Новгород можно считать колыбелью русской государственности. Великокняжеский Стол отошел Киеву в 882 году. Для вящей убедительности скажем, что новгородцы пять раз захватывали Киев, сажали там угодных им князей.* Новгород – это народная вольница, республика, демократия, вечевой колокол, это особо значимое место на Руси. Историческая роль Древнего Новгорода и в царский период и в советское время искусственно принижалась. Так, что-то не припомнится празднование в 1962 году 1100-летия Руси. Зато в 1982 году торжественно было отмечено 1500 лет Киеву. В постсоветский период, когда Киев стал столицей «нэзалэжней» Украины, началась «приватизация» истории Киевской Руси, приведшая к глубокому церковному расколу и противостоянию с Россией. А современная Россия оказалась как бы без исторических корней на своей территории. Поэтому скажем так: *если Киев – это «мать городов русских», то Новгород по историческому праву государственного первородства остается отцом русских городов,* всей, так называемой, русской Гардарики – страны городов.

1157 государственно оформленных лет нашему Отечеству! Таков масштаб, такова историческая дистанция государственного самостояния России. А с учётом войн и бедствий, нередко ставивших страну на край гибели, согласитесь, это является своеобразным чудом – и сакральным и рукотворным. Осмысливая и постигая ее, мы лучше видим настоящее и собственный, выверенный духовно-нравственный путь к будущему. С такой исторической высоты становится ясным каждому непредубежденному человеку, что в действительности история подспудно движет народом и укрепляет его. Пусть неосознанно, но *мы, наследники великих традиций, генетически несём в себе влияние веками сложившегося культурно-исторического кода и национального характера.* Это память об этапах истории, заве-

[1] Путин В.В. Выступление на 16 Международном Валдайском Форуме 4 октября 2019 г.

щанных Древнерусской державой народам России, Украины и Белоруссии. *Ныне Россия вместе с Украиной и Белоруссией являются прямыми наследниками Древнерусской державы.* Рождение Древнерусской государственности остается общим праздником трех братских равноправных народов этих стран, взращенных от общеславянского корня и в единой православной вере. *Следует задуматься о совместной подготовке к исходной знаменательной дате и грядущим важнейшим памятным событиям нашей общей истории, выработкой слаженной международной межправительственной программы их общего празднования.* В сущности, это огромное богатство, которое ждет, чтобы им исторически верно распорядились. Русское государство, рожденное и выпестованное нашими славными, великими и мудрыми пращурами существует непрерывно (вдумаемся!) одиннадцать с половиной веков и грядет 1160-летний юбилей. *Когда Россия определится и станет на свой собственный духовно-нравственный путь развития, вопрос с Донбассом решится. И не только с Донбассом, а на всем историческом постсоветском пространстве.*

Тысячелетний юбилей России был отмечен величественным сооружением и торжественным открытием 8 сентября 1862 года в Великом Новгороде памятника *«Тысячелетие России»*, призванного *«благовестить потомкам о героическом прошлом России»***.** Скульптурное художественное сооружение высотой в 15,7 м и окружностью горельефа 26,5 м по праву занесено во Всемирное наследие ЮНЕСКО. На барельефе памятного монумента, выполненного в форме Колокола Славы, по его среднему и нижнему ярусам отлиты фигуры ста двадцати девяти великих сынов государства Российского. Их имена составили славу и *величие шести истекших периодов исторического само стояния России, начиная от языческой Руси, Новгородско-Киевской Руси, Руси периода княжеско-удельной раздробленности и татаро-монгольского ига, Московской Руси, Московского царства и вплоть до Петербургской императорской Руси.* По нижнему фризу Колокола Славы расположены четыре скульптурные группы: *просветители – 31 фигура, государственные люди – 26 фигур, военные люди и герои – 36 фигур, писатели и художники – 16 фигур.* Сквозные линии и связующие скрепы исторической поступи России представлены в скульптурных образах: *1. Первого князя Рюрика (призвание варягов, 862 г.); 2. Великого князя Киевского Владимира Святославовича (крещение Руси, 988 г.); 3. Дмитрия Донского (начало изгнания татар и Куликовская битва, 1380 г.); 4. Ивана III (основание самодержавного царства Русского, 1491 г.); 5. Михаила Романова, князя Дмитрия Пожарского и Козьмы Минина (начало династии Романовых, 1613 г.); 6. Петра I (образование Российской империи, 1721 г.).*

Если обратиться к величественному и наглядному символу-образу России открывается подлинное величие Родины, ее лицо. В статье *Г.П. Федотова* (1886–1951) *«Лицо России»***,** написанной в 1918 г., когда процесс деформации национального самосознания исторической России только начинался, мы находим проницательные и проникновенные мысли*: «У всякого народа есть родина, но только у нас – Россия... Лицо России не может открыться в одном поколении, современном нам* (добавим от себя – и в одном, даже самом выдающемся и великом сыне, чтобы сполна выразить имя России – авт.*). Оно – в живой связи всех отживших родов как музыкальная мелодия – в чередовании умирающих звуков. Падение, оскудение одной эпохи – пусть нашей эпохи – только гримаса, на мгновение исказившая прекрасное лицо, если будущее сомкнется с прошлым в живую цепь»*[1]*. Оно везде вокруг нас, в настоящем и прошлом – скажем твердо: и в будущем. В годину величайших всенародных унижений мы созерцаем образ нетленной красоты и древней славы: лицо России. Пусть для других звучат насмешкой слова о ее славе. Пусть озлобленные маловеры ругаются над Россией как страной без будущего, без чести и самосознания. Мы знаем, мы помним. Она была Великая Россия. И она будет!»*[2]

Сто пятьдесят семь лет, отделяющие и соединяющие нас с тысячелетней Россией, не были потерянным временем. *Это был период великих освободительных реформ Александра II (1861 год) и мощного социально-экономического подъема, развития науки и серебряного века культуры, ставших завершающим аккордом императорской России в царствование Николая II (1894–1917 гг.).* И страна не была на обочине исторического прогресса.

Три четверти века приходится на период советской социалистической России, бывшей Советским Союзом (1917–1991 гг.). Исторически он стал временем небывалых социальных переломов в жизни народа, трагических испытаний и великих свершений. Священна победа советского народа и не померкнет в веках его подвиг в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Космический прорыв и полет первого космонавта Земли Юрия Алексеевича Гагарина 12 апреля 1961 года по решению ООН стал отныне Международным днем полета человека в космос. СССР достиг военного паритета с США. Страна стала второй державой мира в экономическом отношении. Темпы хозяйственного развития начала XX века и ряда последующих десятилетий советского периода не знали себе равных. В советский период манифестация русской культуры, науки и техники явила всему миру свои выдающиеся достижения. *Русская идея выражена в музыке, национальных мелодиях Глинки, Бородина, Мусоргского и Свиридова,* в духовных песнопениях и молитве. Музыка русских гениев, знающая столько истинных шедевров, завоевывала концертные залы всех континентов. Живым родником русского языка и слова она струится в поэзии и литературе *Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Некрасова, Есенина, Маяковского, Ахматовой и Пастернака.* Мы создали самобытную и богатейшую культуру мирового уровня. Русской литературой зачитывался весь белый свет. Наша живопись всегда жила жизнью народа. Русская наука и техника, наша философская мысль изумляли прозрениями и прорывами в будущее.

Россия дала миру несравненные образцы мужества и великих свершений в ратном деле и трудовом созидании, гражданском и государственном строительстве, на интеллектуальном и духовном поприще. *Сегодня Россия вновь пребывает в состоянии исторического выбора, переживает мучительный этап общественных преобразований, восстановления своего цивилизационного духовно-нравственного пути развития.*

---

[1] Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Т. 1. – СПб., 1991. – С. 44.

[2] Там же. – С. 45, 46.

Грачёв Б.В.
к.полит.н., Институт философии РАН
Bogdangrachev@gmail.com

АКТУАЛЬНЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ И ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ, ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ

Ключевые слова: *цивилизационный проект, цивилизационная идентичность, культура в международных отношениях, внешняя политики Китая, внешняя политика США, внешняя политика России, неоколониализм, Один пояс – один путь, глобальное противостояние.*

Keywords: *civilizational project, civilization identity, cultural factor in international relations, China's foreign policy, USA's foreign policy, Russia's foreign policy, neocolonialism, The Belt and Road Initiative, global competition.*

Спустя три десятилетия после распада СССР дебаты относительно российской идентичности так и не утихли, но сегодня осознание этого феномена усложняется, поскольку мир предлагает новые вызовы. В частности, в политико-философском дискурсе все чаще возникают вопросы относительно интеграции и формирования Большой Евразии, месте и позиции России в происходящих масштабных трансформациях социально-политического пространства, связанных как с кризисными явлениями западной политической модели, так и с возрастающим, в глобальном понимании, влиянием Китая.

Несмотря на продолжительность дискуссии, восходящей к спору славянофилов и западников и получившей развитие в учении евразийцев, актуальность вопроса о месте России в системе глобального миропорядка в последнее десятилетие кратно приумножилась. Связано это с целым рядом событий, произошедших в международных отношениях и внутренней политике страны в последнее время.

Во-первых, это – отход от тотального принятия примата либеральной модели политико-экономического общественного устройства, переросший в открытое противостояние с Западом. Начиная с 2000-х годов Россия в качестве основного вектора приняла модель укрепления государственной вертикали власти. Постепенное охлаждение отношений с США переросло в практически открытое (хотя и не горячее) противостояние в Грузии, на Украине, на Ближнем Востоке. Даже в Европе последствия этого противодействия проявляются самым очевидным образом, например, как в случае со строительством новых газопроводов («Южный поток», «Северный поток – 2»)[1].

Во-вторых, как следствие первого, в России активно ведется популяризация разнообразных идей реализации собственного российского пути, что находит выражение в следующих концептах: строительство «моста» между Востоком и Западом[2], «собирание земель»[3], евразийская интеграция (Евразийский экономический союз) – все это является попыткой прикрыть отсутствие долгосрочной стратегии относительно развития страны.

Таким образом, третьим, обобщающим и наиболее глубоким и важным свидетельством актуальности вопроса является конкуренция предлагаемых ведущими державами стратегий, которые условно можно назвать «проектами цивилизационного развития».

Западному проекту на данный момент удалось накопить наибольший вес. Глобальное распространение западных ценностей берет свое начало в эпоху колонизации. Постепенно возникает феномен «белого человека», сущность которого сводится к тому, что целью колонизации является включение отсталых народов в цивилизованный мир, причем эта благородная миссия реализуется ценой огромных человеческих жертв представителей развитых, «белых», наций, что нашло отражение в хрестоматийном литературном произведении Р. Киплинга «Бремя белого человек».

Миссия белого человека – быть проводником прогресса по всему миру. «С самого начала американцам очень не хотелось считать, что их переселение, их территориальные захваты, их дипломатия и их войны не имели высшей цели, и они определили эту цель как миссию»[4] – указывал американский исследователь Д. Бурстин. Такая установка имеет твердые культурно-психологические и религиозные основания. Историк Т. Бейли характеризовал мессианизм Нового света следующим образом: «Убеждение в том, что мы являемся избранным богом народом и обладаем божественным мандатом распространить наши благородные демократические институты по всему остальному погруженному во мрак миру, поощряло нас нести на себе бремя белого человека <…>. Мы, американцы, продолжаем верить, что явля-

[1] Бирюков А.П., Грачёв Б.В. Управление мегапроектами в России: оценка политических рисков // Экономика и предпринимательство. – М., 2019. – № 4. – С. 901–905.

[2] Кореневский А.В., Сень Д.В. Восток и Запад: «...Вместе им не сойтись»? // Новое прошлое / The new past. 2018. – № 1. – С. 214–222.

[3] Сурков В. Долгое государство Путина // Независимая газета. – http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html

[4] Бурстин Д. Американцы: Демократический опыт. – М., 1993. – С. 700.

емся могущественной нацией <…> потому, что в наших генах было что-то <…> давшее нам возможность стать великими»[1].

Не последнюю роль в формировании «особого» отношения к себе играет церковь. «Протестанты XVII столетия, – писал американский исследователь К.С. Гаджиев, – считали себя наследниками договора Авраама, согласно которому Америка завершает собой длинную цепь поколений, восходящих к Аврааму, современным «избранным народом» или «новым Израилем»[2]. Другими словами, протестантизм стал означать если не возврат, то поворот к Ветхому Завету. В результате идея избранности и превосходства (а, следовательно, и права на господство) начинает формироваться посредством религии. Как писал А. Тойнби «Американцы считают, что они ведут крестовый поход – в средневековом западном значении этого слова – от имени Всемирной Капиталистической Демократии»[3].

Отметим важность религии и в становлении массового сознания американцев. М. Вебер показал, что протестантская этика во многом определила «дух капитализма», в котором критерием святости являются власть и деньги. Им были выделены некоторые особенные черты капиталистической системы, которые оказались наиболее проявлены в западных, особенно протестантских странах, таких как Англия, Германия и Голландия[4].

Этическая система, базирующаяся на ценности капитала, ощущении превосходства и мессианских устремлениях (активной позиции по отношению к миру) и стала опорой распространения западного проекта. Используя сначала риторику «приобщения к цивилизации и просвещения» и методы колонизации Запад сформировал свои позиции в Южной Америке. Африке, Австралии, Юго-Восточной Азии, обеспечив формирование и закрепление неравенства международного масштаба, формирование центра и периферии. Впоследствии, когда колониальная система изжила себя, значение «цивилизационного» (культурного, психологического) фактора, «мягкой силы» только возросло.

Распространение неоколониальной системы – системы сохранения контроля, основанной на владении средствами производства, технологиями, правами на разработку полезных ископаемых, неравноценном торговом обмене – оказалось возможно лишь при формировании соответствующего мировоззрения у колонизированных народов. Базовыми паттернами этого мировоззрения стали индивидуализм и индивидуальная свобода, либерализм, демократия, неприкосновенность частной собственности, верховенство закона. Данные ценности с успехом закрепились во многих регионах. По мнению Д. Бурстина, создание Корпуса мира и глобальных неправительственных организаций коренятся в практике американского миссионерства, апофеоз которого пришелся на XIX век[5].

Таким образом, можно констатировать, что Запад и, в частности, США имеют позитивный (с точки зрения повестки), цивилизационный проект в отношении других стран, направленный на культурную и экономическую экспансию, основанный на национальных особенностях. Данный проект находит практическое выражение в распространении массовой культуры, демократических и либеральных ценностей, капитализма, власти корпораций, а также создания позитивного наукоемкого и технологически продвинутого мультикультурного образа США как страны возможностей.

Долгое время доминированию США и их цивилизационного проекта противостояла идея построения коммунистических и социалистических обществ. Распад СССР и крах биполярной системы определил доминирование одного проекта. Однако по историческим меркам данная модель просуществовала недолго. Первые сомнения в тотальном успехе западной модели прозвучали в связи с террористическими атаками[6], усилением исламского фактора[7]. Сегодня целый ряд экспертов отмечает кризис этой системы[8]. Ближний Восток достаточно активно противостоит трансформации исламской идентичности[9], а Китай, демонстрируя эффективность собственной цивилизационной матрицы, расширяет сферы влияния по всему миру. Если исламские страны так и не смогли консолидироваться, преодолеть внутренние разногласия и предложить единый цивилизационный проект, то последовательность действий Китая на международной арене представляется весьма стройной.

Так, крупнейшая инициатива «Один пояс – один путь» (ОПОП) воспринимается как альтернатива экономической гегемонии США, попытка выстраивания новой системы экономического и политического взаимодействия, изменения мирового порядка. Базисом реализации проекта является многолетнее применение Китаем «мягкой силы» по всему миру: развитие диаспоры и создание мощного лобби в различных странах, тиражирование программ образования, колоссальные инвестиции в развивающиеся страны[10], расширенные системы кредитования.

Идея «Один пояс – один путь» была предложена для продвижения экономического и инфраструктурного сотрудничества. Фактически под этим скрывается выбранная Китаем комплексная стратегия, затрагивающий как внутренние процессы, так и внешнюю политику. В пользу этого говорит отсутствие конкретики: изначально были выделе-

---

[1] Baily Th. The mythmakers of American history // Myth and American experience. – N.Y., 1973. – Vol. 1. – P. 4.

[2] Гаджиев К.С. Американская нация: национальное самосознание и культура. – М., 1990. – С. 105.

[3] Тойнби А. Пережитое. Мои встречи. – М., 2003. – С. 233.

[4] Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // М. Вебер. Избранные произведения. – М., 1990.

[5] Бурстин Д. Американцы: Демократический опыт. – М., 1993. – 882 с.

[6] Богданов А.Н. Американская гегемония и факторы системной нестабильности в XXI веке // Международные процессы. – М., 2014. – Т. 12, № 38. – С. 8–22.

[7] Abdelkader D., Adiong N., Mauriello R. Islam and International Relations: Contributions to Theory and Practice. – N.Y., 2016. – 232 p. DOI: 10.1007/978-1-137-49932-5.

[8] Яковлев А.И. Цивилизационное измерение мировой политики: проблемы и возможности // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – М., 2018. – № 4. – https://cyberleninka.ru/ article/n/tsivilizatsionnoe-izmerenie-mirovoy-politiki-problemy-i-vozmozhnosti

[9] Poirson T. Caliphates and Islamic Global Politics // Caliphates and Islamic Global Politic. 2014. – P. 8-14.

[10] Du J., Zhang Y. Does One Belt One Road initiative promote Chinese overseas direct investment // Journal of Eurasian Studies. 2018. – Vol. 47. – P. 189–205.

ны лишь пять общих направлений, без фиксации целей и желаемых результатов, несмотря на то, что за реализацию проекта отвечает Госкомитет по реформам и развитию (инициатива сразу стала национальным императивом, скорректировавшим работу национальных министерств)[1].

Такая подача уже давно является традиционной для китайской внешней политики, разительно отличающейся от действий США, также активно скупающих производственные и добывающие мощности в развивающихся странах, при этом, однако, продвигающих и навязывающих ценности демократии и общества потребления. Именно через инвестиционно-производственное сотрудничество укреплял Китай свои позиции в Африке[2]. В качестве результатов Китай декларирует итоги реализации старых проектов, таких как, например, пакистанский порт Гвадар[3].

При очевидном желании Китая создать вокруг себя стратегически безопасное пространство с учетом стабильного энергетического баланса, дружественных пограничных режимов, беспрепятственного доступа к внешним рынкам, существенным отличием от традиционных схем регионального сотрудничества является то, что ОПОП не подразумевает создания наднациональных институтов. При этом Китай заявляет о своей готовности вкладывать десятки миллиардов долларов в развитие промышленной и транспортной инфраструктуры других стран.

В чем же заключаются сильные стороны китайского подхода? Во-первых, в отличие от Запада, Китай не ставит политических ультиматумов своим партнерам, и выражает готовность сотрудничества со странами с различными политическими режимами. Более того, оперативность рассмотрения и одобрения льготных кредитов сильно повышает позиции Китая на фоне неповоротливых организаций, в которых ведущую скрипку играют США (иногда такие переговоры могли занимать несколько лет).

Во-вторых, (и это еще более сильная сторона китайского подхода), это – схема взаимодействия. Страны, получившие деньги, не должны были их возвращать в прямом смысле слова. Китай обязался реализовывать инфраструктурные проекты, а собственные расходы компенсировать выборкой натурального продукта – т.е. нефтью (или другими ресурсами)[4].

Методы, применяемые сегодня Китаем внутри страны и на мировой арене, основаны не только на выбранной модели социально-экономического развития, но и учитывают культурно-цивилизационный код. Китай является древнейшей империей, на протяжении тысячелетий поддерживавшей свой суверенитет и могущество на обширной территории. «Духовной скрепой» китайской государственности является конфуцианство, отводящее государству роль «большой семьи», где во главе стоят мудрейшие, а все общество подчинено жесткой иерархии, каждому отведено определённое место.

Разумеется, элита отстоит от народа на большом расстоянии, но образ, выстраиваемый в массовом сознании китайцев, весьма специфичен. Если политические лидеры Запада – победители в конкурентной борьбе, то в отношении китайских чиновников сам термин «политики» едва ли употребим. Административное управление обществом подчинено традиции и ритуалу. Поэтому жесткие наказания за отступления от обычая (проявлением которого выступает закон) воспринимаются обществом относительно спокойно, а сами граждане жертвуют политическими правами (о которых они и не задумываются) в обмен на экономическую стабильность и благополучие всей нации.

Важно отметить, что понятие «нация» для Китая не тождественно западному «nation» – страна, государство. Для Китая сегодняшние границы – некоторая условность, но если взглянуть на картину шире, то оказывается, что «Все под небесами» – под небесами Поднебесной империи, где границы условны (ближний круг, то есть китайские провинции и дальний круг – государства-сателлиты), а власть императора – абсолютна. «Настоящий владыка ничто не считает внешним»[5]. Поэтому вождизм не мог не проявиться в Китае. Как отмечает В.А. Корсун, отношение с «дальним кругом» не отличалось от отношений с «ближним кругом» слишком сильно[6]. Поэтому сегодня в стратегии Китая мы не встречаем агрессивных действий. Главным инструментом в перспективе станет (а, возможно, и уже стала) демографическая политика.

Китайцы с успехом образуют устойчивые, с культурной точки зрения, сообщества в тех регионах мира, куда уже доходит могущество Компартии. Конкретными же рычагами этого механизма является экономическая экспансия, но если Запад стремиться выкачать ресурсы за счет неравноценного обмена, то Китай предпочитает создать двусторонние отношения, напоминающие отношения собственных провинций с центром. Термин «внешнеполитический», равно как и понятие «международные отношения», не очень подходят к традиционным воззрениям китайцев на окружающий мир[7].

Китайцам в этом отношении свойственна некоторая двойственность в единстве: благородный муж – правитель и народ – дети; начало «Инь» в государственном управлении – экономическая и культурная мощь, «Ян» – военная и

---

[1] Bondaz A., Godement F., Kratz A. (2015) One Belt, One Road': China's Great Leap Outward. June 2015. Asia Centre of European Council on Foreign Relations. – http://www.ecfr.eu/page/-/ China_analysis_belt_road.pdf

[2] Donou-Adonsou F., Lim S. On the importance of Chinese investment in Africa // Rev. Dev. Finance (2018). – https://doi.org/10.1016/j.rdf.2018.05.003

[3] Габуев А. Шелковый путь в никуда // Ведомости. – https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/05/15/689763-shelkovii-put

[4] Burnay M., Raube K. China's foreign policy and external relations. 2015. – 62 p. DOI:10.2861/92688.

[5] Переломов Л.С. Традиционная китайская философия и её роль в современном Китае // Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу). – М., 1993. – С. 367–379.

[6] Корсун В.А. Внешнеполитический механизм «с китайской спецификой» // Вестник МГИМО-Университет. – М., 2010. – № 1 (10). – С. 221–236.

[7] Салицкий А., Семенова Н. Китайские представления о мироустройстве: традиция и современность. – http://www.perspektivy.info/oykumena/azia/kitajskije_predstavlenija_o_miroustrojstve_tradicija_i_sovremennost_2019-06-04.htm DOI 10.32726/2411-3417-2019-2-50-60. – С. 50-60.

политическая мощь; идея мирового подъема Поднебесной и использование мягкой силы для сохранения других культур. Поэтому там, где Запад предлагает либеральную, индивидуалистическую демократию, Китай предлагает демократию совещательную; там, где Запад предлагает массовую культуру потребления, Китай предлагает сохранение уникальности культур всех участников и многосторонность сотрудничества – такова суть принципа единства «Хэ»[1].

Выгодные позиции достигаются за счет создания благоприятных экономических условий (также, как для собственных граждан). КНР выдает огромные кредиты и делает это быстро (по сравнению с международными финансовыми организациями), в обмен получая доступ к ресурсам и, зачастую, право на создание рабочих мест для китайцев. При этом не происходят попытки разрушить местные традиции и навязать какую-то определенную модель отношений. Но китайцы хорошо сохраняют собственную идентичность и не ассимилируются в местных традициях, а адаптируются, находя мирные формы сосуществования.

Одной из важнейших, с политической точки зрения, цивилизационной особенностью китайцев является умение мыслить на длительные временные отрезки, создавать стратегии, сложные многовариантные планы взаимодействия с миром. Такие стратегии допускают «тактические» поражения, периоды выжидания и отступлений, превращение вчерашних союзников в противников и наоборот. Но остается идентичность народа – исторически обусловленная вера в то, что противник будет побежден мирно – через включение в общее пространство.

Таким образом, очевидно, что две сильнейшие экономические державы сегодня демонстрируют не только достижения в науке и производстве, но и, активно расширяя свое присутствие в разных уголках мира, предлагают некие императивы в отношении модели международного взаимодействия и мирового развития. Обе державы опираются на ряд цивилизационно-культурных паттернов, сформированных в процессе становления национального самосознания.

Каково же место России в этих процессах? Какую повестку она может предложить мировому сообществу и какие рычаги для ее продвижения способна использовать? Если попробовать проанализировать, почему Советскому Союзу на определенном этапе удалось добиться некоторых успехов на этом поприще, то сразу бросается в глаза одно важное сходство с современным Китаем и Соединенными Штатами – вложения в экономику развивающихся государств. Однако культурная основа политического влияния страны Советов лежала не в плоскости национальной культуры, а в идеологии. Идеи социализма не только сплачивали республики в составе СССР, но и являлись важнейшим средством идейной пропаганды за рубежом[2]. Остались ли какие-то из этих ресурсов у России сегодня? Ответ, к сожалению, очевиден.

России приходится искать другие пути формирования своего образа в мире. Кратко рассмотрим, какие действия России на международной арене в последнее время повлияли на ее восприятие другими странами. Во-первых, в рамках позитивной повестки, стоит упомянуть формирование Евразийского экономического союза – организации, в своих основах, опирающейся на интеграционные идеи Европейского союза. Стратегические (долгосрочные) внешнеполитические цели Союза были весьма двусмысленны: с одной стороны, озвучивалась идея «создания пространства от Лиссабона до Владивостока», с другой – построение объединения способного на равных вести диалог с ЕС[3].

Действительность же такова, что России требуется обеспечивать безопасность рядом со своими границами, поэтому интеграция является скорее попыткой противодействия активной борьбе за влияние в Средней Азии и Закавказье, в которой участвуют страны Европы, Турция, США и Китай. Проблема безопасности актуальна и для других стран-участниц интеграционного процесса – большинство из них стараются вести многовекторную политику во избежание попадания в зависимость от внешних сил.

Эти установки понятны – ни одной из постсоветских стран не удается выстраивать в полной мере равноправный диалог с ведущими державами в силу как научно-технологического, экономического отставания, так и из политических соображений. Как же идея интеграции была воспринята на Западе? Бурной реакции не последовало, но были сделаны заявления относительно ресоветизации пространства[4]. Соответственно, делается попытка поддержать образ России-агрессора, образ, существовавший на протяжении многих десятилетий[5].

Существуют ли реальные основания для формирования подобного образа? К сожалению, приходится констатировать, что действия России в последние годы немало этому способствовали. Так, присоединение Крыма – воспринимается как аннексия территории – экстраординарное событие в новейшей истории. Конфликт на Украине, Грузии, ввод войск в Сирию, скандалы, связанные с «устранением нежелательных элементов» – все это заставляет чувствовать мировое сообщество постоянно исходящую от России угрозу.

Более того, даже в российском информационном поле ощущается неприятный контраст. Развитые страны и Китай демонстрируют свои успехи в сфере электроники, роботостроении, космонавтике, биотехнологиях и медицине – именно эти передовые технологии вызывают интерес общества, формируя позитивный образ восприятия нации. В то

---

[1] Поповкин А.В. О чём мы можем подумать вместе с Китаем: к вопросу об этике государственной службы в перспективе нравственного идеала человека в культурах России и Китая // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. – № 1 (16). – С. 82–90.

[2] Трегубов Н.А. Советское агитационное воздействие на целевую аудиторию в социалистических, развивающихся и капиталистических странах (вторая половина 1940-х – середина 1960-х гг.) // Управление в современных системах. 2017. – № 4 (15). – https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskoe-agitatsionnoe-vozdeystvie-na-tselevuyu-auditoriyu-v-sotsialisticheskih-razvivayuschihsya-i-kapitalisticheskih-stranah

[3] Холкина А.А. Преимущества и недостатки вступления стран-участниц в Евразийский экономический союз // Актуальные вопросы экономических наук. 2015. – № 46. – С. 12–21.

[4] Hartwell C. A Eurasian (or a Soviet) Union? Consequences of further economic integration in the Commonwealth of Independent States // Business Horizons. 2013. 56. 411–420.10.1016/j.bushor. 2013.03.003.

[5] Образ России в мире: становление, восприятие, трансформация / Отв. редактор И.С. Семененко. – М., 2008. – 152 с.

же время Россия с каждым неудачным запуском ракеты-носителя стремительно утрачивает позиции в космонавтике, сталкивается с неудачами в развитии гражданской авиации, афишируя при этом свои успехи в танкостроении, разработках стратегического наступательного вооружения – тех сферах, которые у общества вызывают страх. Причем структура российского бюджета вполне соответствует этим результатам[1]. Данный агрессивный образ дополняется и политической системой России. Безусловно, для многих культур сильная власть – это привлекательно. Но отсутствие системы сдержек и противовесов при высоком военном потенциале рождает страх и недоверие.

Что касается многократно описанных цивилизационных преимуществ срединного положения, таких как: способность соединить в себе Восток и Запад, опыт построения гармоничного целостного многонационального общества, то существуют вопросы, во-первых, об уникальности этого феномена, а, во-вторых, относительно истинности такого позиционирования.

Действительно, на чем основано мнение о способности объединить разные народы? На том, что несколько веков многочисленные народы проживают на одной территории. Но, как известно, в последние годы существования СССР национальный вопрос оказался весьма чувствительным, и, потеряв идеологическую идентичность, советский человек не приобрел российской идентичности, напротив, наблюдался подъем национализма. Если за 70 лет союзного государства народы не стали ближе, можно ли говорить о какой-то особенной сплачивающей способности России? Или эта способность заканчивается патронажем над захваченными территориями и веками сложившейся системой отношений?

Даже если признать, что такая способность присутствует, уникальна ли она? Если взглянуть, как изменилось американское общество за последние десятилетия, то сразу бросается в глаза, что концепция «Melting pot» («плавильный котел») сменилась на «Mixed bowl» («Салатница»)[2]. Принятие «иного» все время усиливается, а в основе общественного строя лежит право. Китайская концепция Поднебесной также не подразумевает жесткого противостояния. Таким образом, существование цивилизационного преимущества России оказывается под вопросом.

Подытоживая вышеизложенное, следует сделать следующие выводы. На данный момент цивилизационный проект Запада занимает прочные позиции за счет сформированной системы отношений и широкого распространения, но в то же время испытывает множество вызовов из-за жесткого доминирования в системе миропорядка и несправедливом распределении ресурсов. Цивилизационный проект Китая предлагает альтернативный подход и получает все большее распространение за счет экономической мощи и политики культурного и политического индетерминизма. Оба проекта имеют глубокие национальные основания. Россия испытывает проблемы с формулировкой собственного цивилизационного проекта, что усугубляется низким потенциалом экономики, отсутствием сформулированного и выведенного на стратегический уровень культурного кода, а большинство попыток изменений в этой сфере являются ответом на сиюминутные вызовы.

[1] Ежегодная информация об исполнении федерального бюджета. – https://www.minfin.ru/ru/statistics/fedbud/?id_65=80041&page_id=3847&popup=Y&area_id=65

[2] Hu M., Lee A. (2016). Melting Pot or Salad Bowl: Culture Distance and Housing Investments. – https://www.researchgate.net/publication/291336981_Melting_Pot_or_Salad_Bowl_Culture_Distance_and_Housing_Investments

Данчай-оол А.А.
к.филос.н., ст. преподаватель кафедры глобалистики и геополитики СФУ
dayas@inbox.ru

ПРОБЛЕМЫ САМОПОЗНАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ключевые слова*: традиционные культуры, культура, народ, глобализация, методология, человек, рациональность, идеология, цивилизация.*
Keywords*: traditional cultures, culture, people, globalization, methodology, people, rationality, ideology, civilization.*

Традиционная культура народов Сибири заключает в себе уникальный потенциал адаптации к своим климатическим, политическим и социальным условиям. Но глобализация приводит к кардинальному изменению культурного пространства. Культуры различных этнических групп исчезают пугающими темпами, потому что кардинально меняются условия их существования. Формируются новые вызовы, на которые традиционные культуры не могут адекватно ответить. Происходит процесс отрыва народа от своих культурных корней, потому что экономика глобализации требует использования предопределенных корпоративными системами методов производства и организации всех процессов. Успешное функционирование коллективного субъекта, основанного на культуре конкретного народа, в этом мировом пространстве требует использования условно мировых стандартов, которые по своей сути не учитывают локальных характеристик.

До процессов насильственной культурной ассимиляции западными государствами колониальных стран народы не стремились жестко отстаивать свою культурную самобытность, потому что основы культурной идентичности[1], такие как культурные паттерны, язык и национальный характер, не подвергались жесткой трансформации. Но в XX веке при навязывании другой культурной парадигмы обнаруживается, что в ситуации космополитичного принятия чужих ценностей и культурных феноменов происходит быстрая культурная деградация, приводящая к ускоренной ассимиляции и исчезновению народов. По этой причине сохранение традиционной культуры видится народам как жизненно-необходимая деятельность, способная сохранить свое лицо. Наиболее доступным методом сохранения культуры кажется традиционализм, который иногда трансформируется в неотрадиционализм. Однако адекватность ценностей и феноменов традиционной культуры современным носителям сомнительна, что в свою очередь усиливает кризисность культурного пространства и встречает непонимание как со стороны модернистов («архаизация» с их точки зрения), так и со стороны традиционалистов (искажение устоявшихся обычаев, ритуалов).

Пассионарные представители народов приходят к выводу, что наиболее доступным методом самосохранения является сохранение культурной идентичности внутри народа. Методы экономического и политического развития не дают должного эффекта по причине ограниченности ресурсов и отсутствия аутентичности новой экономической реальности самим народам. Методология формационного подхода в раскрытии сущности глобализации приводит к мысли, что изменение базиса меняет надстройку. Но народы направляют усилия на сохранение имевшейся надстройки при изменившемся базисе. Элементарная смена процессов и методов производства, на первый взгляд, сулит покорным народам определенные дивиденды, но, в конце концов, происходит добровольная ассимиляция и превращение этих народов в абстрактную массу.

На многоплановость процесса глобализации указывает разнонаправленность методов воздействия на различные стороны жизнедеятельности народов. Очевидно, что в эпоху компьютеров и телекоммуникационных систем на культуру оказывается давление, происходит ее подмена медиа-культурой, в которой необходимо проявлять приверженность мировым ценностям, сформированным на основе западных (демократия, индивидуализм, потребление). Происходит мировой кризис культуры[2], который затрагивает не только малые национальные культуры, но и географически распространенные – такие как немецкая, французская, русская, английская. В результате культура народов Европы в большей степени страдает от побочных эффектов глобализации. Но в угоду материальному развитию данная жертва совершается практически осознанно.

Также аксиологически определенная и ограниченная методология, сформированная в русле европейской школы и далее трансформированная в идеологии европейского прагматизма, приводит к противоречиям в самопознании незападных народов. Культурологические, этнографические, исторические исследования используют методологические установки западного сциентистского мировоззрения. Попытка аналитического построения картины становления и

[1] Вятр Е.Й. Диалог культур в условиях глобализации // Диалог культур в условиях глобализации: XII Международные Лихачевские научные чтения, Т. 2: Материалы. — СПб.: СПбГУП, 2012. – С. 53.

[2] Кукарников Д.Г., Гаршин Н.А. Трансформации идеологии в современном обществе // Новые идеи в философии. 2019. – № 6 (27). – С. 150–161.

развития народа приводит к мысли о несоответствии критериев культурности, развитости, гуманности, целостности и экономической эффективности его историческим примерам. В результате со всех сторон возникает непонимание и представление об отсталости[1] исследуемой культуры. Здесь необходимо отметить, что релятивизм присущ современной западной научной методологии, но он не касается мировоззренческих установок, а формирует только систему «двойных стандартов». Исторически с конца XIX века с позиций культурной антропологии утвердилось мнение о многообразии человеческого бытия и субъектности. Но прогресс как сущность исторического развития стал основой глобализированного мировоззрения, по этой причине молодежь прониклась западно-европейской системой мировоззрения как наиболее прогрессивной. Предположительно это и стало причиной столкновения христианской и мусульманской цивилизаций, исходно близких, но имеющих определенные уникальные черты. Картина мира молодого человека эпохи глобализации построена на линейной концепции восприятия времени, и поэтому он не может адекватно понять феномены традиционной культуры, которая опиралась на цикличность природных процессов. Строгая детерминированность рационального мировоззрения в анализе процессов развития общества и культуры подталкивает к поиску единообразия во всем, происходит постоянная редукция мышления и познания. Многообразие как основа природных процессов заменяется логической последовательностью и рациональностью. Важным является замечание М.П. Яценко о том, что «глобализация предполагает особое отношение к прошлому»[2].

Абсолютное большинство западных экспертов стремятся включить незападные государства в центробежный процесс развития Европы и Северной Америки, потому что экономическая мощь этих регионов требует все большего количества потребителей, рынков сбыта и рабочей силы. На основе западных концепций стали формироваться незападные концепции международных отношений[3], но и они вобрали в себя их отрицательные черты и противоречия.

Дегуманизация в современном обществе приводит к разрыву социальных связей[4]. Отрыв от коренных природных условий приводит к утрате понимания природных процессов, навыков «чтения и видения» природы. В совокупности данные процессы приводят к усилению миграции из нестабильных «развивающихся» регионов и стран в стабильные и «развитые».

Народы с сильной традиционной культурой не разделяли процессы общественного развития на политические, социальные, культурные и т.д. Синкретизм мировоззрения традиционной культуры заключался в едином и целостном взгляде на развитие бытия. Кроме того, общество и человек в синкретичной картине мира рассматривались как неотрывная и естественная часть бытия. В отличие от этого политическая мысль Европы разделяет народ, общество и государство, что впоследствии было усвоено и менталитетом других народов. Аналитический метод приводит к абстрактному разделению человека на индивида, личность и субъекта. Утрачивается целостность человека, его противоречивость и метаморфизм. Система синкретичного мировоззрения заменяется в сознании людей на рационально-техницистское, основанное на строго логической структуре мира. В такой системе невозможно выстраивание целостной картины мира, включающей в себя не только рациональное, но и иррациональное, играющее такую важную роль в жизни человека.

Процессы глобализации выявляют необходимость кардинальной смены мировоззрения, на основе которого можно будет выстраивать целостный взгляд на бытие, мир, общество и человека. В обществах государств незападного типа все больше усиливается понимание необходимости кардинальной смены мировоззрения и кризиса западно-рационального типа мышления.

Очевидно, что механический возврат культур и традиционного мировоззрения в общество невозможен. Но необходимо выработать новые подходы к определению человека, общества, культуры, государства, которые бы учитывали специфику глобализированного мира и особенности и уникальные черты традиционных мировоззренческих установок национальных культур. И.А. Пфаненштиль подчеркивает, что такой подход заложен в русском космизме, потенциально устремленном «к будущему, к раскрытию смысла предназначения человека и человечества»[5]. На рубеже веков в русской философской мысли возникли уникальные концепции, предполагающие бережное отношение к духовно-ценностным основам культуры и усматривающие перспективы их дальнейшего развития в условиях усиливавшегося кризиса. Традиционная культура переживает множество трансформаций, которые приводят к тому, что она теряет свою актуальность и не может быть понята адекватно. Необходима трезвая оценка данных противоречий и адаптация к современным условиям. Частично на этот вызов отвечают этноэкономика, неотрадиционализм, нью-эйдж, цифровой традиционализм, цифровой консерватизм, политики развития национальных культур и т.д.

---

[1] Мякинников С.П. Специфика западного типа мировоззрения общества как препятствие для глобальной экологизации // Вестник ОГУ. 2015. – № 7 (182). – https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-zapadnogo-tipa-mirovozzreniya-obschestva-kak-prepyatstvie-dlya-globalnoy-ekologizatsii

[2] Яценко М.П. Исторические аспекты глобализации как управляемого процесса // Известия Российского государственного педагогического университета. – СПб., 2009. – № 110. – С. 1010–108.

[3] Кузнецов А.М., Козинец А.И. Незападные теории международных отношений – от маргинальности к признанию // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016. – № 4 (39). – https://cyberleninka.ru/article/n/nezapadnye-teorii-mezhdunarodnyh-otnosheniy-ot-marginalnosti-k-priznaniyu

[4] Семененко И.С., Лапкин В.В., В.И. Пантин Идентичность в системе координат мирового развития // Полис. – М., 2010. – № 3. – С. 40–59.

[5] Пфаненштиль И.А. Геополитические аспекты глобализации в контексте цивилизационных перспектив человечества // Профессиональное образование в современном мире. 2016. – Т., № 1. – С. 40–47.

Зинченко В.В.[1]

СПЕЦИФИКАЦИИ НАЦИОТВОРЧЕСТВА VS ЭТНОЦЕНТРИЗМ В ПЕРСПЕКТИВАХ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ИНСТИТУАЛИЗАЦИИ: КОНТЕКСТ ТРЕНДОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: *нация, гражданское общество, элита, государство, демократия, тоталитаризм, идеология.*
Keywords: *nation, civil society, the elite, state, democracy, totalitarianism, ideology.*

Нациотворчество и специфика этно– и психоидентичности

Человечество и человек развивают свою психику в течение многих веков. И этот процесс продолжается, оставаясь, однако, неоднородным как на уровне отдельных этносов, наций, так и на уровне отдельных людей. Этнос кроме общности происхождения, географического положения, единства языка и религиозно мировоззренческих представлений является прежде всего объединенным стереотипом традиций мировосприятия и поведения. В внутренней неоднородности и исторически культурной «неодновременности» отдельных членов этноса, в период государственнических созидательных общественно-политических процессов, стремления создать национальное единство благодаря мифологизированным стереотипам, призывом к кровно-эмоциональному единению (ситуация т.н. ***этнонационализма***) являются, по меньшей мере наивными, а с точки зрения развития нации – тормозящими. Апелляция к эмоциональной сфере обязательно будет находить отзыв лишь у определенной социальной и культурной группы, чьему уровню психики, а соответственно, и запросов она соответствует.

На уровне психотипа отдельный человек идентифицирует себя лишь на ступени единства взглядов, мировосприятия, ценностной составляющей, которые вызывают отзыв в окружающих благодаря вкладыванию в них общего смысла. Но контекст смысла является отличным для людей с разным социальным, политическим и духовно-культурным опытом. Каждое понятие имеет в индивидуальной психике разные ассоциации.

Коллективный опыт предыдущих поколений, их *образы мира* составляютоснову психики каждого из нас. Эмоциональные проявления, импульсы достаточно часто отображают их коллективно родовое бессознательное начало.

Личные же образы, суждения являются достижением именно индивидуального опыта определенного человека. Но в основе их лежат системы мифов, представлений, мироотношения целых народов, которые отображают прожитые ими исторические эпохи. *Мифы* – это, прежде всего, психические явления *коллективной истории*, к которым социальным сообществом адаптируются все внешние явления реальности. Индивидуальная история является частицей исторической жизни того или другого сообщества, а уж затем этноса или человечества.

Различные социальные слои реально существуют на разных *стадиях мировосприятия*, которое отображает этапы восприятия мира человечеством, этносом на последовательно сменяющихся ступенях общественно-исторического развития. Каждый общественный стабильный социально-исторический слой (группа, класс) имеет своеобразный и отличающийся от другого тип психики и сознания, соответствующий определенному этапу развития истории и культуры.

Чем больше этническое преобладает над национальным и общечеловеческим в человеке, тем большей будет вероятность его «внутреннего» пребывания где-то во времена палеолита, мезолита, неолита или, в лучшем случае, в эпоху Средневековья. В результате этого повседневное бытовое, а тем более, общественно-политическое поведение человека в основном определяется тем внутренним исторически культурным этапом, на котором находится данное лицо и ценностными критериями которого оно руководствуется[2].

Человек находится под воздействием сфер психики. Пока человек существует как стадное существо, *самосознание* ему совершенно не нужно, поскольку его жизнь полностью регламентируется родом, племенем, коллективом, то есть на уровне *подсознательной системы ритуалов и традиций предков*. Человек, который находится на уровне мифологических архетипичных образов, не отделяет себя от родового сообщества и не воспринимает себя как самобытную, своеобразную индивидуальность и неповторимое существо, способное к творчеству и свободе. И, тем более, он не способен к пониманию себя в качестве политически ответственного, наделенного правами и общественно-государственной ответственностью лица (то есть ***гражданина***).

---

[1] Зинченко Виктор Викторович – д.филос.н., профессор, с.н.с., зав. отделом интернационализации высшего образования, Институт высшего образования НАПНУ, Киев. E-mail: vvzinchenko@ukr.net

[2] См.: Зинченко В.В. Императивы развития нациотворчества в эпоху глобализации: деструктивные идеологемы и гражданская институализация // От фрагмента к целому: парадигмы культурных изменений / From Fragment to Wholeness: Paradigms of Cultural Changes. – Самара: ООО «Поволжская научная корпорация», 2017. – С. 32–91.

Поэтому чем более богатым, более развитым является внутренний мир человека, тем дальше он отдаляется за ограниченные локальные рамки коллективного мифологического бессознательного, переходя на уровень личного сознания, идентификации с самим собой.

Без сильных эмоциональных связей с окружающими, с миром человек не может существовать, он страдает от своего одиночества и заброшенности. Вследствие этого он нуждается в установлении различного типа связей с другими людьми, становится частицей того или другого сообщества, группы. Он может или полностью раствориться в них, бесповоротно идентифицировать себя с ними, или оставаться в системе межличностной коммуникации, храня и развивая собственную неповторимую личность. Именно эту последнюю возможность и предоставляет развитие ***государственно созидательного сообщества*** людей – **нация**[1].

В отличие от этноса, нация объединяет людей как определенная социокультурная и политическая общность, которая связана, но не всегда и не обязательно, с определенным этносом. Если к этнической культуре люди привлекаются пассивно, коллективно и по факту рождения, то подключение к национальному, культурному и политическому достоянию требует личностного действия.

Нация противостоит кровно-родовой и региональной структуризации людей, их существованию на общинно-племенном уровне и неиндивидуальному мифологизированному мышлению.

Нация, которая ориентирована на «внутренний» тип развития, то есть консервирование существующих мифов, традиций, ритуалов, типов действий и поведения, экономических взаимоотношений, превращается в так называемую «***этническую химеру»***. *Химера*, как явление этнической истории фактически не может стать ***нацией-государственником***, поскольку выпадая из реального исторического развития других народов, переходит в пространство мифа, или мифического мировосприятия, которое не допускает существования никакого другого опыта, кроме переданного и освященного предками.

Пребывание в пространстве мифа позволяет воспринимать исторические события сквозь призму «раз и навсегда» установленного типа опыта и действий. Такой подход по своей сути является вневременн*ы*м. И общество, как человеческое сообщество, и государство, как общественный механизм в таком случае выпадают из общемирового и надэтносного культурного и цивилизационного процесса. Состояние вневременности, замкнутости на себе, в индивидуальных случаях является психической патологией – ***нарциссизмом***. И подобное же восприятие действительности, распространенное на уровень общества, формирует ***общественный нарциссизм*** (или же ***этнический нарциссизм)***, который не воспринимает ничего, кроме собственного мифотворения в противовес созданию государства.

В истории человечества народы, функционирование которых происходило «внутри» мифа, оставались на том же уровне, когда мифология превратилась в господствующий фактор развития. Самый яркий пример этого – австралийские аборигены, которые за несколько тысячелетий не смогли вырваться из каменного века. И подобный – уже европейский – пример: Испания, которая в средние века была искусственно отгорожена правителями от «еретического влияния» близлежащих государств. Испания того времени, выбрав навязанный инквизицией путь «закрытого» от «еретического» окружения общества и очутившись вследствие этого вне общеевропейского развития, расплатилась за это многосотлетней культурной отсталостью, поголовной неграмотностью всех слоев населения, неконкурентной экономикой, хозяйственным упадком и политической рутиной. Понадобилось несколько гражданских войн в XIX–XX веках, масштабные многоэтапные политико-экономические и общественные реформы, чтобы это государство стало вровень со своими европейскими соседями.

Идеология как деструктивный для социальной и национальной идентичности феномен

XX–XXI вв. иногда называют временами господства ***идеологий***. Идеологий, которые почти всегда рассматривали человека в качестве средства к установлению того или другого типа господства – этнического, расового, или же классового, бюрократического – но обязательного такого, которое противостояло бы человеческой свободе, а следовательно и справедливости. Идеология отучает человека свободно мыслить и сознательно принимать решения. Она стремится приучить его покорно приспосабливаться к существующим политическим и экономическим условиям, сформировать поверхностное восприятие пропагандируемой действительности как наилучшей и неизменной. Не случайно Гитлер отмечал, что лучше всего вести пропаганду среди *«общественных лунатиков»* – морально утомленных, умственно опустошенных, духовно «сонных» людей. Идеология стремится превратить человека в т.н. «общественного лунатика», самовлюбленного и всем довольного обывателя, безразличного к духовным запросам. Для этого часто используются и пропагандируются разнообразные эгоистичные и никчемные интересы, которые позволяют каждому без особого труда почувствовать собственное величие.

Господствующая идеология – любого сорта – всегда стремится к уничтожению самосознания личности, навязывая фальшивые ценности на индивидуальном и общественном уровне и по самой своей сути противостоит истине, добру и культуре. «Господство опирается в значительной степени на реальный аппарат власти, а идеология создает цементирующий фактор разрушительного общественного здания, который нельзя недооценивать»[2].

Многогранность человеческой личности открывает многовариантность общественно-исторического процесса в развитии человека, общества и нации. Но любая их общая интеграция может оформиться лишь на фоне преодоления идеологических процессов манипуляции массовым сознанием, которые глубинно деформируют процессы социальной

[1] Zinchenko V. Humanistic Values and Enlightenment Strategies of Global Society in the Potential of the Sustainable Development of Democracy//American Research Journal of Humanities and Social Sciences. 2018. – Vol 4, N 1. – P. 1–13.

[2] Horkheimer M. Traditionelle und kritische Theorie. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 1999. – S. 51.

и национальной коммуникации. Эти процессы приводят к появлению, по словам Г. Маркузе, *«одномерного сознания»*, которое является глубинной предпосылкой разрушения субъективности в процессе отчуждения. «*Одномерный человек* отождествляет мир "*того, что должно быть"*(***Sollen***) с "миром *бытия"* (***Sein***)»[1]. Происходит явление непосредственной идентификации индивида с условиями его существования, которое перечеркивает сам факт существования его свободного внутреннего мира. Он соотносит свое существование лишь с нынешним моментом, тем самым выпадая из истории. Одномерное сознание также ограничивает контакт с миром, не затрагивая его глубинные структуры и закономерности.

Проявлением и одной из причин этого и есть идеология**,** которая в XX-XXI вв. становится всепроникающей. Она перестала быть лишь явлением из сферы отношения «люди-люди» или межгрупповых отношений; она вышла и на арену отношений «люди-природа» в масштабе всей цивилизации. На это обращают внимание Макс Хоркхаймер и Теодор Адорно в «Диалектике Просвещения»[2], отмечая, что антагонистические и эксплуататорские отношения изначально развиваются из самопротиворечивого акта расщепления бытия на «субъект-объект». Идеология поглощает социальную и природную действительность, формируя одномерное сознание.

Идеологизация всех сфер действительности связана с манипулированием сознанием масс средствами массовой коммуникации. Человек, замкнутый в структуре одномерности обречен на неистинное сознание и не способен противостоять навязываемому порядку мышления и действий, поскольку всякое сопротивление предусматривает наличие свободного внутреннего мира. Между тем, идеология, преобразованная в действительность, поглощает человека как личность. В этой ситуации «нас просто все еще нет, поскольку лишь внутри нас есть возможность встретить что-либо более истинное и вечное, откуда мы отправляемся по пути строительства собственного дома»[3], – пишет по этому поводу великий мыслитель и ученый Э. Блох.

Доминирование ритуала над духом, сущностью идей, ценностей, ведет к господству той же тоталитарной идеологии, другой лишь по форме: «Это фальшивое сознание В сущности она является завесой, которая находится между обществом и взглядом на него»[4]. Еще К. Маркс обратил внимание на то, что главной чертой идеологий является отстаивание и пропаганда интересов исключительно одной из общественных групп и классов как бы в качестве общих, общечеловеческих[5].

Таким образом, ***идеология*** – *это система идей и представлений, которая служит человеку, или определенной группе, общественной и государственной системе в качестве абсолютной истины, на основе которой строится концепция мира и своего положения в нем таким образом, что этими действиями осуществляется обман, необходимый для маскировки своих действительных стремлений и действий для достижения собственной антиобщественной выгоды.*

Идеология выступает как постоянное обоснование господства, уничтожая самосознание и свободу личности. Господство идеологии навязывает фальшивое сознание не только на уровне личности, но и по своей сути противостоит культуре, науке, истине. Идеология стремится стать функцией управления индивидуальным и общественным поведением и, противостоит любому критическому анализу, является способной к быстрому изменению направления и форм деятельности. «Идеологией называют реальную и исторически эффективно действующую абстракцию. Идеология является существующей антиистиной, которая обосновывается практическими целями»[6].

Большой опасностью для личности, общества и государства является ***идеологический тоталитаризм***, который формирует и навязывает на государственном уровне стиль мышления и действий через манипуляцию массовым сознанием. Несправедливое ***репрессивное общество*** пытается превратить сущность человека в его экономическое состояние, этнонациональную принадлежность, привести его в соответствие с господствующей идеологической системой. Тем самым человек превращается в определенную рыночную цену, в ту прибыль, которую он может принести или же получает от других людей (*«экономический фетишизм»*), в определенные языковые высказывания или этнические, идеологические традиции. Это приводит к идентификации личности с теми стандартами, которые пропагандируются правящей верхушкой в качестве как бы наилучших. Идеология как явление стремится стать всепроникающей и самодостаточной, перечеркивая возможность существования не контролируемого ею внутреннего мира личности и осознания человеком себя в качестве гражданина. С помощью подвластных средств массовой информации происходит идеологизация всех сфер действительности.

В тоталитарном государстве, ориентированном на конформизм, на борьбу со всем иным, такие человеческие качества как «отказ от всяческой жестокости, клановости, неповиновение тирании большинства, чувствительная интеллигентность, – кажутся асоциальными и непатриотичными»[7].

Тоталитарные тенденции опасны тем, что, «влезая в душу», они стремятся к тотальному контролю над мыслями и деятельностью человека и очень гибко видоизменяются. Контролируя мышление ***тоталитаризм*** не фиксирует его все время на чем-то одном. Выдвигаются догмы, которые пропагандой представляются в качестве не подлежа-

---

[1] Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества. – М.: REFL-book, 1994. – С. 302.

[2] Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика просвещения. – М.; СПб.: Медиум; Ювента, 1997. – 312 с.

[3] Bloch E. Das Prinzip Hoffnung. Bd I. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1993. – S. 31.

[4] Reichelt H. Neue Marx-Lektüre. Zur Kritik sozialwissenschaftlicher Logik. – Hamburg, 2008. – S. 175.

[5] Маркс К. До критики гегелівської філософії права // Маркс К., Енгельс Ф. Твори. – К.: Держполітвидав УРСР, 1958. – Т. 1. – С. 207–342.

[6] Habermas J. Technik und Wissenschaft als «Ideologie». – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1999. – S. 31.

[7] Horkheimer M. Traditionelle und kritische Theorie. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 1999. – S. 11.

щих сомнению; но в свое время их форма изменяется, неизменной оставляя лишь догматизирующую «безошибочность». *Догмы* же обязательно нужны для тоталитаризма, поскольку требуется абсолютная покорность подданных, однако невозможно обойтись и без определенных корректив, которые диктуются новыми потребностями властителей. Идеология проявляется, таким образом, в постоянном обосновании *господства* и она всегда и во всех случаях является «ошибочным сознанием которое имеет для себя различные защитные функции»[1]. Тотализирующая идеология является противоположностью морали и ценностям, науке, истине и потому она должна быть отброшена в целом и, тем более, в сфере государственной региональной политики и нациотворчества. Мышление не перестает быть идеологическим, то есть неистинным в своей основе, если оно ориентировано на какое-либо определенное социальное действие и оправдывание его.

Идеологии стабилизируют не систему, а отношения господства, однако их стабилизирующая сила все больше и больше ослабляется, сокращается. Чем более демократическими и плюралистичными становятся государственная и общественная системы. Но они все-таки стараются поддержать свое существование благодаря планомерному и систематическому контролю с их стороны над средствами массовой информации[2]. Идеологии всегда играли в истории негативную роль, и эта роль остается за ними и в наше время. **Нужно не создавать новую идеологию в виде системно структурной теории, а всячески разрушать существующие идеологические системы**.

Идеология представляет интересы тех групп, которым она служит, в качестве универсальных, это т.н. *«иллюзия универсальности»*[3]. Автократичные и тоталитарные режимы заинтересованы в господстве идеологии в противовес *мировоззренческому и общественному плюрализму*, потому что человек, который замкнут в структурах тотальной идеологии не способен противостоять навязываемому порядку, поскольку возможность любого сопротивления предусматривает наличие свободного внутреннего мира. А идеология, захватывая общественную жизнь, поглощает и раздавливает человеческую личность. Идеология развивает нетерпимость, шовинизм, национальную мегаломанию, ксенофобию и ненависть ко всему иному.

Противостоит этим деформациям прежде всего ***принцип плюрализма***, взятый в самом широком значении, как возможность для личности, группы, этноса, нации иметь собственные убеждения, систему ценностей, возможность их исповедовать в духовном плане и реализовать в общественном и политическом. Основным требованием к идеям и действиям в рамках плюрализма является ***толерантность***, отказ от насилия и навязывания собственной системы ценностей в качестве единственно возможных. Порождая возможность к самому широкому духовному, политическому, профессиональному самовыражению, ***плюралистическое общество и государство*** предоставляют возможность полного самовыражения личности и группы в любой сфере, возможности идентификации и солидаризации себя с другими людьми, государством и обществом. Плюрализм является гарантией построения правового государства и гражданского общества, трансформации государственной власти **из власти силы во власть права**.

Человеческое сотрудничество и коммуникация в условиях регионального, этнического, социального, мировоззренческого, культурного, политического и другого многообразия возможны лишь на основе целиком определенной этики, а именно – ***этики толерантности***, которая признает за людьми право на собственную жизненную и интеллектуальную позицию, которая именно духовное и культурное своеобразие рассматривает как высшее достоинство, утверждает ценность плюрализма и плюрализм как ценность[4].

Европейская политико-правовая традиция понимания национальной и региональной идентичности

Тоталитарная идеология в своем подходе к нации как к ***этнически органичному сообществу*** делает акцент в вопросе о народе на общность происхождения. Это является устаревшим ***определением нации*** – в противовес феномену ***цивилизованности*** (civitas) – как общности негосударственной и не объединенной политически, а интегрированной лишь географически и культурно.

В современной Европе же, наоборот, начиная с Нового времени, **нация понимается как носитель суверенитета**, а с XVIII в. понятия 1) ***нация как родовое сообщество*** (античное понимание) и нация как ***народ государства*** (новоевропейское) переплетаются.

Место сугубо этнической связи начинает занимать ***содружество демократической воли*** – вместо понимания нации как родовой связи и дополитического единства она начинает пониматься как ***нация граждан***, которая конститутивна для политического гражданского сообщества. То есть происходит сочетание национальной идентичности и демократически конституированного гражданства. Нация граждан приобретает свою идентичность не в этнически культурном подобии, но в *практике граждан*, которые активно используют свои демократические права на участие в политико-общественной жизни и различные формы коммуникаций.

Этносы, которые создали национальную государственность, достигли этого в ситуации сочетания родового сообщества и политико-правового единства.

Нация в таком случае выступает в качестве народа-государства, как носитель наднационального государственного суверенитета. Нация, как политическое и гражданское сообщество приобретает свою идентичность не

---

[1] Habermas J. Technik und Wissenschaft als «Ideologie». – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1999. – S.341.

[2] Habermas J. Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie. Was leistet die Sistemforschung? Von Jürgen Habermas und Niklas Luhmann. – Frankfurt a.M., 1971. – S. 347.

[3] Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Прогресс, 1995. – С. 9.

[4] Зинченко В.В. Стратегии и перспективы устойчивого развития: европейский опыт и глобальные дилеммы современности: моногр. – П.: ПГУАС, 2017. – С. 79–83.

в этнически культурном подобии, но в практике граждан, независимо от их родовой, расово-этнической, социальной или классовой принадлежности. Тем самым носителем государственного суверенитета становится каждый человек, а не какой-то социальный слой. Человек как гражданин, осознает собственную самоценность и ценность своего государства благодаря возможности личной самореализации, которую предоставляют ему таким образом объединенные общество и государство[1].

Нация, как более высшая ступень существования этноса, изменяет форму мышления людей с мифологического на политическое. Национализм в таком случае наоборот свидетельствует о своеобразной «болезни роста», об определенной политической и государственной незрелости нации, или тех, кто считает себя национальной элитой, – об их ***социальном инфантилизме***. Особенно важным для национального создания государства является развитие политико-правовой культуры, которая во всем мире подтвердила свое универсальное значение и использование.

Национальная культура, формируя особые принципы мышления, переживания и постижения мира, обычаи и традиции, связанные с общественно-историческим развитием, тем не менее имеет общий с другими культурами источник.

Мы принадлежим к тому культурному кругу этические понятия которого сформировало христианство. Верующие и неверующие, политики и обыватели – все мы сформированы христианской заповедью уважения и любви к ближнему – основным моральным ориентиром христианской культуры: «Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто»[2]. Поэтому невзирая на все этнические, региональные, национальные отличия и спецификации регионально-этнических культур, является возможным констатировать, что воспитало и сформировало нас прежде всего христианство. В таком случае национальную культуру можно безоговорочно отнести к европейскому типу культуры и цивилизации.

История показала, что сохранение и развитие культурного достояния во всем его объеме является возможным при ситуации открытости национальной культуры, развития ее в общенациональном контексте.

Например, Украина всегда была полем взаимодействия и центром встречи культур Запада и Востока. Не растворяясь ни в одной из них, она использовала их наилучшие достижения, органически вплетая в собственную культуру, в то же время внося украинскую часть в культуры других народов. И, напротив, можно наблюдать, что как только то ли в результате объективных обстоятельств или же субъективных факторов, украинская культура поддавалась консервированию, выпадая из системы межкультурной коммуникации, развитие ее, а следовательно, и политической сферы, – замедлялось, впадая в *стагнацию*. Происходила акцентация исключительно на бытовых, фольклорных традициях, что приводило с одной стороны к агрессивному постулированию собственной отличности от других («*окремішності*»), а с другой, в результате культурного отставания – к ассимиляции со стороны более открытой и поэтому более мобильной политико-культурной системы.

Желание сохранить отечественное наследие нередко выливается во вражду ко всему «чужому». Ксенофобия и национальное самовосхваление (***национальная мегаломания***) всегда взаимно подпитывают друг друга. Одной из опасностей для развития нации является некритическое восхваление «своего» в противовес всему иному, что, в конце концов, приводит к изоляции. Нация всегда расцветает в симбиотическом взаимодействии с культурным достоянием других народов, заимствуя чужие достижения и творя собственные оригинальные ценности.

Любая духовная и политическая культура может и должна стать аккумулирующим явлением для всего народа, его ***национальной идеей***, которая объединила бы на самом деле, а не формально, разные слои и национальные группы общества, сформировала бы истинный – ***патриотизм*** – а не псевдопатриотизм (наподобие русского «квасного» или украинского «шароварного»).

Это может быть достигнуто при условии, что ***в основу общественного развития будет положена прежде всего личностная, а не этническая идентификация человека***. Отнесение к нации должно происходить не по кровно-этническому признаку, а по единству духовно-моральных ценностей и признания сформированных гражданским обществом правовой системы и политической культуры. Началом такого подхода является понимание того, что Отчизна – это прежде всего духовные блага и ценности, а не только факт той или иной этнической, региональной принадлежности.

Определяющей для идей гражданской демократии и социальной справедливости является идея *индивидуальной личной свободы*, защищенной юридическим правом. Идея фундаментальной свободы человека как наделенного неотъемлемыми правами гражданина образуется параллельно Великой Французской революцией и английским либерализмом, реализованной ими в конституционной, правовой и парламентской системах[3].

Разнообразные гражданско-демократические учения, несмотря на определенные идейные разногласия между собой, однозначно указывают на необходимость дополнения ценности ***индивидуальной свободы*** настолько же фундаментальными ценностями ***социальной справедливости*** и ***межчеловеческой солидарности***. Экономическое неравенство, социальное притеснение при наличии формально-юридических свобод и национальной государственности, согласно гражданской демократии, являются разрушительными факторами по отношению к последним, стимулируя межклассовую вражду и распад нации на враждующие сословные группировки, поскольку государство, которое не обеспечивает равной защиты всей совокупности прав для всех, – не представляет в своей деятельности интересы

[1] Sintschenko V.V. Globale Transformationen der Gegenwart. – Bd 1. Systemischen globale Transformation: Monographie. – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2017. – 244 s.

[2] Євангеліє. І-е Коринфянам, 13:2.

[3] Habermas J. Faktizität und Geltung. Beitrage zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaat. – Fr.a.M.: Suhrkamp, 2003. – 312 S.

большинства имеющихся социальных групп и не может быть консолидирующим общественным и национальным фактором.

Гражданская демократия своим историческим и политико-правовым опытом и достижениями непосредственно демонстрирует и констатирует, что свобода как отдельного человека, так и сообщества сохраняется до тех пор, пока она не отрицает и не стоит на пути свободы других. В то же время свобода, которая не сопровождается солидарностью, пониманием взаимозависимости благосостояния каждого от благоустройства другого, в конце концов превращается в разрушительное явление индивидуального эгоизма, тотального господства ничем не ограниченного индивидуального частного интереса над общественным.

Гражданская демократия в процессе нациотворчества является реальной альтернативой как тоталитарности олигархического коллективизма государственно-бюрократического «социализма», так и безграничному эгоистичному индивидуализму неолиберальных систем. В общественном сожительстве гражданская демократия считает главной *ситуацию компромисса,* как между отдельными индивидами, общественными группами, так и в отношениях общества и личности. Именно терпимость к мыслям и идеям другого человека, группы, общее взаимоуважение и взаимоподдержка помогают избежать конфликтов как в индивидуальных межчеловеческих отношениях, так и в обществе. Сущностью *солидарности* являются прежде всего идеи примирения, прощения, поиск того, что объединяет, а не разделяет людей. Она не может существовать лишь как «карманная» солидарность определенного этноса, класса, партии или региональной группировки, потому что это уже – ***клановая корпоративность***.

Обязательным условием существования и развития свободы, солидарности и справедливости, согласно модели и концепциям гражданского нациотворчества является ***демократия*** – реальное участие народа в управлении обществом и государством.

Античные греки, основатели демократии, выделяли три базовых принципа ее существования. Это: «*изономия»* (*равенство всех перед законом*), «*изотимия»* (*равенство прав для всех граждан выполнять государственные функции*) и «*изегория»* (*свобода слова для всех граждан*). Участник и сотворец демократического режима получил название «*гражданин»* (*политес*), – то есть политически активного и общественно ответственного лица.

Демократия как политическое воплощение общественной воли предусматривает всеобъемлющее «втягивание» всего народа в решение общественно-политических проблем, общее формирование политических ценностей и политической культуры. По своей сути она противостоит закреплению сферы политического управления за определенной группой, она является отрицанием деполитизированности народа.

«Гражданин» в демократической традиции изначально мыслится как феномен, неразрывно связанный с феноменом нации и укорененный в ее истории, современности и будущем. В отличие от автономного, неполитизированного индивидуума, которыйв греческой традиции носит название «*идиотес»* (негражданин), гражданин является частью народного целого, соединенным с ним социальной, политической и культурно-духовной традицией. Таким образом, демократия – это не только форма государственного строя, но и факт соучастия нации в деятельности государства.

В связи с этим важным фактором является превращение человека из подданного определенного государственного строя в реального участника политического сообщества[1]. *Статус гражданина* фиксирует демократические права человека. ***Политическое сообщество нации*** находит свое правовое отображение в том, что каждый в своей неприкосновенности должен найти равную защиту и равное же уважение ксебе как к личности независимо от этнической, региональной, социальной или культурной принадлежности, а именно как гражданин, то есть как член общественно-политического сообщества.

В традиции европейской культуры и цивилизации это связано с утверждением ***права как механизма осуществления демократической власти***, как совокупности норм, которые регулируют социальную жизнь. Гражданское легитимизующее право формирует свободный характер человеческой свободы и действия, в то же время ограничивая эгоистичный и коллективистский произвол. Гражданско-правовые нормы в государстве должны складываться в результате компромисса и *консенсуса* между заинтересованными группами, что обеспечит жизнеспособность общества, и сделает невозможными деструктивные проявления. Свободным и демократическим является то общество, в котором все общественно-политические и культурные традиции имеют равные права и свободный доступ к власти. В то же время такое общество исключает избыточное давление со стороны какой-либо одной традиции или группы, не предоставляя никому особенного привилегированного места в обществе и приоритетный доступ к власти[2]. Такое общество объединено тем, что граждане регламентируют свою общую жизнь в соответствии с теми принципами, которые, поскольку они учреждаются на интересах каждого, могут найти обоснованное одобрение всех. Оно структурировано отношениями взаимного признания, в которых каждый может рассчитывать на уважение к себе в качестве свободного и равного со стороны всех.

Эта модель исходит из того, что современное государство – это *демократия обсуждения, компромисса и консенсуса*, что человек готов к осознанию себя гражданином. То есть от тех, кто относит себя к данной нации ожидается готовность и способность быть членами данного политического сообщества, его прошлого и будущего, форм его ин-

[1] Wartenberg T. The Situated Conception of Social Power // Social Theory and Practice. 1988. – Vol 14, N 3. – P. 327.

[2] Зінченко В.В. Інституціалізація місцевого народовладдя і перспективи реформ системи самоврядування // Розвиток громадянського суспільства в Україні: минуле, сучасність, перспективи: [колективна монографія]. – Острог: ІГСУ, Видавництво Національного університету «Острозька академія», 2014. – С. 181.

ститутов, в рамках которых мыслят и действуют его члены[1]. Это требование признания языка, культуры, ценностей и институтов общества, которые способствуют формированию и воспроизводству граждан.

Таким образом, **идентичность общественно-политического сообщества скрепляется и основывается прежде всего на укорененных в политической культуре этических правовых принципах, а не на особенной этнической форме жизни**.

Национальная идентичность, нация, демократические права и патриотизм

Мировая демократия рассматривает гражданскую и социально-политическую идентичность в качестве основного нацио- и государственно-созидательного фактора[2]. *Либеральный подход* основное значение придает *принципу индивидуальной свободы* за счет принципов справедливости и солидарности, коммунисты же, напротив, стремятся создать общественное и национальное единство благодаря утверждению *принципов равенства и справедливости* за счет ограничения свободы, которая в обоих случаях в конце концов разрушает общественную и ***национальную солидарность***[3].

Единство нации возможно лишь в гражданском обществе, которое руководствуется демократическими принципами.

Нация рассматривается нами прежде всего как политическое сообщество, объединенное общими политическими ценностями, нормами и культурой, национальное единство на основе этих принципов обеспечивается сочетанием в государственной политике базовых гражданско-демократических ценностей свободы, справедливости, солидарности. Эти ценности имеют одинаковое фундаментальное значение и неразрывно взаимосвязаны.

Согласно концепции гражданской демократии, нация, как политическая целостность окончательно формируется лишь при условии эффективного функционирования демократии, поскольку именно она во всех своих разновидностях (как политических так и производственных) является необходимой основой создания и развития гражданского общества, формирования в нем широкой системы социально-политических взаимосвязей, которые цементируют национальное единство.

Прекрасные мечты о свободе сопровождали человечество в течение всей его истории. В то же время ***феномен свободы*** (индивидуальной, общественно-политической, национальной) должен быть не только целью, но и показателем качественного развития общества и государства, положения человека в них.

История государственнического, национально-патриотического, демократического движений показывает, что акцент исключительно на национальном освобождении, без экономической и правовой эмансипации, духовно-интеллектуального развития приводит к политической самоизоляции и прекращению поддержки со стороны народа, а также к моральной и общественной деградации политиков и политических групп. Нынешним политикам лучше учиться на ошибках предшественников и делать соответствующие выводы, чем компрометировать себя конфликтами и отсутствием реальных дел. Следует понять, что любые прекрасные лозунги являются абстрактными для населения, которое вынуждено быть рабом собственного желудка, балансирующим на грани элементарного выживания.

Если нациотворцы, патриоты, государственники-политики смогут предложить и осуществить реальные конкретные дела, заложить настоящий фундамент общественной справедливости, экономического суверенитета и личного благосостояния граждан всех регионов – большинство народа автоматически станет патриотами по глубинно личным предпочтениям и политическому выбору. Не смогут – исчезнут из политического ландшафта общества, превратятся в карманные бизнес-корпоративные клубы по интересам.

Ни один человек не рождается с заранее определенной принадлежностью к определенной нации или государству и врожденной подозрительностью и враждебностью к другим. Корни ***ксенофобского национализма,*** нетерпимости и, напротив, толерантности и взаимопонимания задаются «культурной программой» общества.

Патриотизм, *как особый вид уважения и любви к членам того же национального или политического сообщества, его культуры сформировался в европейский традиции на принципах христианской заповеди любви и уважения к ближнему.* Патриотизм возникает из любви и к любви должен вести; любая другая его форма – это моральная и общественная деформация. Расцвет ксенофобии, мировоззренческой нетерпимости и ***национальной мегаломании*** обязательно приводят к манипулированию массами за счет корыстного подогревания со стороны правящих кланов не в меру раздутой «национальной гордости».

Идентичность общественно-политического сообщества, на которое не должны посягать различные *меньшинства* (в том числе – региональные и этнические), держится прежде всего на укорененных в политической культуре правовых принципах, а не на особой этнической форме жизни. По отношению к разного роду меньшинствам ***гражданское плюралистичное общество***, построенное по демократическим принципам, ожидает от них готовности усвоить культуру, в том числе политическую, страны, не отказываясь при этом от культурных форм, в которых они выросли[4].

---

[1] Turner J. The experimental social psychology of intcrgroup behaviour // Intergroup Behaviour / Eds. J.Turner, 11. Giles. – Oxford, 1981. – P. 68.

[2] Wrong D.H. Some Problems in Defining Power // Power Critical Concepts / Ed. by J. Scott. – Vol. 1. – London: Routledge, 1994. – P. 65.

[3] Reichelt H. Neue Marx-Lektüre. Zur Kritik sozialwissenschaftlicher Logik. – Hamburg, 2008. – S. 91.

[4] Zinchenko V. Institutional trends globalization and transformation of socio-economic development // Mokslas ir praktika: aktualijos ir perspektyvos. Mokslinių straipsnių rinkinys. – Kaunas: LSU, 2017. – P. 257–265.

Меньшинства обязательно должны воспринимать и воспроизводить принципы гражданского общества и сформированных им правовой системы и политической культуры. Форма функционирования любых меньшинств должна совпадать с принципами функционирования общества. То есть ожидается готовность и способность быть членами данного исторического содружества, его прошлого и будущего, форм его жизни и институтов, в рамках которых мыслят и действуют его члены. Это требование признания языка и культуры и требование признания тех институтов общества и гражданско-политических ценностей, которые способствуют формированию и воспроизведению граждан.

В государствах, которые самоопределяются по *национально-этническому признаку* и ставят интересы коренной нации выше интересов личности, нет места ни для демократии, ни для права. Тоталитаризм рождается тогда, когда в построении государственности за основу берется исключительно этнонациональный или классовый признак. Если что-то и спасло Европу от всеобщего тоталитаризма, – так это именно победа ***правового начала*** над этнонациональным, осознание наднациональной ценности демократии как условия для постоянного нациотворения, нациотворчества и общественно значимой государственности.

Никакиемасштабные и глобальные проекты совершенно ничего не стоят, если они не учитывают интересы каждого человека. Ведь *«народ»*, *«нация»*, *«сообщество»* – это не какие-то абстрактные величины. Они состоят из отдельных личностей и их радость и горе, счастье и отчаяние, обязательно отображаются и на общеобщественном уровне[1].

Гражданская демократия исповедует ***патриотизм***, который является чувством ответственности за собственную свободу и обязательно предусматривает свободное мышление человека. Патриотизм как особый вид любви к общим духовным ценностям членов национально политического сообщества одинаково противостоит как национализму, так и денационализации. Нациотворческая государственническая политика и гражданская демократия должны ставить себе в качестве основной цели комплексное построение такого государства, в котором каждый член общества и гражданин, независимо от своей этнической и региональной идентичности, видел бы олицетворение собственных интересов и, в то же время олицетворял бы в своей личности саму страну и нацию.

Для нации является губителен путь дегуманизации, тотального огосударствления человека, который превращает ее в средство для построения того или другого типа государства. Цель, ради которой являются оправданными любые средства, всегда противостоит человечности и развитию личности, то есть тем факторам, без которых невозможно ***национальное единство***.

Наилучшая ***национальная идея*** – это построение такого государства, которое бы обеспечивало счастье и благосостояние каждому человеку, где бы каждый имел самые широкие возможности для саморазвития. Ведь страна, государство, отчизна – это не какой-то политический режим или этническое сообщество. Это, прежде всего, – Родина, которая предоставляет возможность человеку достойно жить и развиваться.

[1] Zinchenko V. Global institutional transformation strategies of self-management systems // Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Humanitas. Zarządzanie.2015. – N 4. – P. 174.

Каленова Т.С.
к.и.н., доцент, Евразийский национальный университет

МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ СОГЛАСИЕ В КАЗАХСТАНЕ: ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВЫ

Ключевые слова: *Казахстан, этнос, диаспора, конфессия, межэтнические отношения, казахстанская модель межэтнического согласия, Ассамблея народа Казахстана.*

Казахстанская модель межэтнической толерантности и общественного согласия создавалась на исторически сложившейся основе, традициях и менталитете казахов как государствообразующей нации, консолидирующей все казахстанские этносы в единый народ.

К главным национальным ценностям казахского народа относятся единство и согласие. Казахская народная мудрость гласит: «Бірлік болмай тірлік болмас – Без единства не будет и жизни».

Казахская толерантность – это черта национального характера, элемент менталитета, выражающий терпимость к образу жизни других этносов, их поведению, традициям, обычаям, чувствам, мнениям, идеям, верованиям. Поэтому казахская толерантность, ставшая в наше время чертой характера всех этносов, проживающих в Казахстане, это толерантность не просто мирного сосуществования, а уровня единства и согласия[1].

Несмотря на этническое, культурное и религиозное многообразие в Казахстане сохранили в стране мир и политическую стабильность. Казахстан стал родным домом для представителей 140 этносов и 17 конфессий.

На протяжении очень длительного времени в Казахстане сложилась особая традиция взаимоотношений между народами. Во всем мире стали говорить о казахстанской модели межэтнического согласия. В его основе лежит толерантное и терпимое отношение казахов ко всем этническим диаспорам, которые по воле судьбы оказались на территории нашей общей родины.

Так, значительная часть славянского населения оказалась в Казахстане в годы массового переселения крестьян с европейской части России на рубеже XIX–XX веков.

В годы сталинского тоталитарного режима на просторах Казахстана оказались десятки тысяч политических заключенных. Казахстан превратился в лагерную республику. В 30–40-е годы минувшего века началась невиданная ранее массовая депортация в край целых народов с Дальнего Востока, Закавказья, Северного Кавказа, Крыма, Поволжья и т.д.

В годы освоения целинных и залежных земель, массовых индустриальных советских строек сотни тысяч молодых людей в лице Казахстана обрели себе новую родину. На любом из этих этапов казахи встречали переселенцев с особой теплотой и радушием.

90-е гг. прошлого столетия ознаменовались распадом СССР, развалом мировой социалистической системы, в результате чего многие бывшие советские республики столкнулись с угрозами межнациональных конфликтов. Ряд новых независимых государств их пережили, причем в самой тяжелой, кровопролитной форме. В те годы многие прочили негативные сценарии и для нашей страны. Однако взвешенная, осторожная государственная политика, направленная на учет мнений и интересов всех народов Казахстана, позволила нам безболезненно избежать серьезных потрясений.

Когда Казахстан встал на путь независимого, суверенного развития, сразу же возник жизненно важный вопрос определения модели межэтнических отношений.

Казахстанская модель межэтнических отношений должна была учитывать следующие особенности казахстанского общества:

– общество живет и развивается на исконно казахской земле;

– государствообразующая нация, давшая название государству – казахи;

– государство унитарное, консолидирующая нация – казахи;

– государство полиэтническое, в нем проживает свыше 140 этносов;

– большинство этносов появилось в Казахстане в результате различных форм вынужденной и принидутильной миграции, включая депортацию;

– большинство в обществе составляли казахи и русские;

– государственный язык-казахский;

– большинство общества говорило на русском языке, который на практике являлся языком межнационального общения;

– потребность в развитии национальных языков всех этносов Казахстана;

– общество многоконфессинальное – 17 конфессий;

[1] Ассамблея народа Казахстана: история двух десятилетий. – Алматы: КАЗакпарат, 2015. – 326 с.

– в обществе глубоки традиции межэтнической, межконфессиональной толерантности. Они присущи прежде всего менталитету казахов, воспринимаются как общее достояние и ценность всеми этносами Казахстана;

– ключевые ценности общественного развития: гражданское общество, демократия, рыночные отношения, идеологический плюрализм;

– Казахстан – страна-миротворец, которая отказалась от ядерного оружия, предложила мировому сообществу СВМДА, евразийскую интеграцию (ЕврАзЭС, ОДКБ, ШОС), председательствовала в ОБСЕ.

– Оригинальность и сложность казахстанской модели межэтнических отношений заключается в гармонизации всех этих особенностей[1].

В самом начале становления суверенитета и независимости Казахстана национальная политика Первого Президента Н.А. Назарбаева позволила избежать ошибок и правильно оценить приоритеты внешней и внутренней политики. Среди них было особо выделены вопросы укрепления стабильности, гражданского мира и межэтнического согласия.

Национальная политика последовательно строилась на принципах поиска согласия, общественной стабильности, верховенства закона и активной интеграции.

Отличительной чертой казахстанского варианта становления государственности в постсоветский период было сохранение мира и согласия. Воспитание культуры межэтнического согласия в многонациональном обществе возводилось в ранг государственной политики.

На современном этапе развития нашей государственности консолидация казахстанского общества на основе межэтнического и конфессионального мира и спокойствия является одной из жизненно важных задач. Конституция Республики Казахстан гласит: «Все казахстанцы независимо от национальной принадлежности вносят свой вклад в обустройство родного Отечества». Тем самым она продекларировала равенство всех сограждан независимо от их профессиональной, национальной, конфессиональной принадлежности. Культура всех наций, народностей и этнических групп у нас в стране рассматривается как общенациональное достояние. Всем гражданам конституционно гарантируются равные права в отстаивании и реализации своих этнокультурных интересов.

В основе казахстанской модели лежит государственная политика. Ее целью является консолидация общества. Достижение этой цели обеспечивается законодательством в сфере межэтнических отношений. Модель учитывает стандарты в сфере межэтнических отношений. Практическое воплощение модели осуществляет Ассамблея народа Казахстана.

Ассамблея народа Казахстана была образована в соответствии с Указом Президента Республики Казахстан от 1 марта 1995 года как консультативно-совещательный орган при Главе государства.

Идея создания Ассамблеи народа Казахстана была впервые высказана Президентом страны Н.А. Назарбаевым в 1992 году на Первом Форуме народов Казахстана, посвященном первой годовщине Независимости.

Деятельность Ассамблеи направлена на решение следующих задач:

– содействие сохранению в республике межнационального и межконфессионального согласия, стабильности в обществе;

– выработка предложений по проведению государственной политики, способствующей развитию дружественных отношений между представителями национальностей, проживающими на территории Казахстана, содействие их духовно-культурному возрождению и развитию на основе соблюдения принципа равноправия;

– формирование политической культуры граждан, опирающейся на цивилизованные и демократические нормы;

– обеспечение учета многообразных национальных интересов в проводимой государством национальной политике;

– поиск компромиссов для разрешения возникающих в обществе социальных противоречий.

Состав Ассамблеи формируется из числа представителей государственных органов, национально-культурных и других общественных объединений, а также иных лиц с учетом их авторитета в обществе, общественно-политической активности. Рабочим органом Ассамблеи является Секретариат, структурно входящий в состав Администрации Президента РК.

Необходимо отметить, что Ассамблея в своей работе тесно взаимодействует с малыми ассамблеями, которые созданы во всех областных центрах и в городах Астане и Алматы.

Также одной из особенностей казахстанской модели полиэтнического государства является механизм сохранения в стране межконфессионального мира. В Казахстане, учитывая многообразие этнической и конфессиональной структуры населения, государство выбрало светский характер взаимоотношений религии и государства, они отделены друг от друга.

Казахстан в настоящее время входит в число стран, отличающихся огромным конфессиональным разнообразием, где действуют около 3 тысяч религиозных объединений, представляющих более 17 конфессий. Все они существуют на основе постоянного диалога, инициированного и поддерживаемого государством.

Казахстанская модель предлагает миру следующие основные константы межэтнических отношений. Во-первых, межэтническое согласие невозможно без конструктивного творческого взаимодействия институтов гражданского общества в лице этнокультурных и общественных объединений и государства, движение общественной инициативы «снизу» должно встречать адекватный ответ государства. В Казахстане таким ответом стало создание Ассамблеи народа Казахстана, ставшей широкой площадкой диалога общества и государства.

[1] Ассамблея народа Казахстана. Исторический очерк. – Алматы: Раритет, 2010. – 304 с.

Во-вторых, все этнические группы должны иметь чрезвычайно высокий гражданско-правовой и общественный статус. Их представители выступают не в качестве национальных меньшинств, а рассматриваются как обладающие всей полнотой прав граждане единого народа.

В-третьих, представительство и политическая реализация интересов казахстанских этносов осуществляется на высшем государственном уровне. Председателем ассамблеи является Президент Казахстана – гарант Конституции, и этим определен высокий статус АНК. Решения ее высшего органа – ежегодной сессии – выполняются всеми госорганами. Ежегодно на должность заместителя председателя ассамблеи назначаются два представителя от этнокультурных объединений, которые представляют интересы всех этносов.

В-четвертых, интересы этнических групп обеспечиваются через парламентское гарантированное представительство ассамблеи, в результате которого избираемые от АНК 9 депутатов Мажилиса представляют ее интересы как совокупность интересов всех этносов страны. Представительство осуществляется также на основе прямого участия в представительных органах через политические партии.

В-пятых, в казахстанской модели заложен консолидирующий принцип «Единство – через многообразие».

В-шестых, не допускается политизация межэтнических отношений. Запрещаются создание и деятельность политических партий, действия которых направлены на разжигание социальной, расовой, национальной, религиозной, сословной и родовой розни. Конституция РК признает неконституционными любые действия, способные нарушить межнациональное согласие[1].

На сегодняшний день вместе с казахами проживают представители множества национальных диаспор (общин). В связи с этим оптимальная модель межэтнического согласия и развития, на наш взгляд, формулируется следующим образом: Казахстан – это общность граждан разных национальностей, а не новая этническая общность. Интеграция наших народов основана на сохранении этнической уникальности нашей страны. Формирование принципиально новой модели этносоциальной структуры общества востребовало к жизни и создание каких-то новых социальных институтов, способных адекватно реагировать на запросы всего спектра полиэтнического социума республики. Объясняется это тем, что возрождение этничности и поиск своей идентичности сами по себе являются частью модернизации и взятые вместе ведут к процессам демократизации как в политической, так и в социальной структурах.

Казахстанская модель межнационального и межконфессионального согласия стала реальностью наших дней и отвечает требованиям развития мирового сообщества. Казахстанская модель стала феноменом современной культуры Евразии[2]. Политическая структура Казахстана, дружба народов дают уникальную возможность построения демократического, то есть правового гражданского общества, гарантирующего всестороннее развитие всех наций и граждан, создания всем им достойных условий жизни. Опыт всех полиэтничных стран мира свидетельствует, что межэтнические отношения и межэтническое согласие могут базироваться лишь на основе равностатусности всех этнических групп.

[1] Тугжанов Е. Ассамблея народа Казахстана: «Доверие, Традиции, Транспарентность, Толерантность» // Казахстанская правда. 2010. – 25 ноября.

[2] Бурханов К. Межэтническое согласие: Казахстанская модель. 17.12.2014. – http://ia-centr.ru www.cisnews.org

Кожагулова Г.К.
к.ф.н., профессор, Казахский университет технологии и бизнеса, г. Нур-Султан
gaziza58@mail.ru

МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ДУХОВНАЯ ЦЕННОСТЬ И ОСНОВА СТАБИЛЬНОСТИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Ключевые слова: *толерантность, межэтнические отношения, национальный характер, духовные ценности, многонациональное государство, национальное единство, консолидация, стабильность.*
Keywords: *tolerance, interethnic relations, national character, spiritual values, multinational state, national unity, consolidation, stability.*

«Не может быть и речи о том, чтобы нации думали одинаково;
они должны только, осознавая себя, видеть одна другую,
и, если, не могут взаимно любить друг друга, то, по
меньшей мере, должны учиться быть терпимыми».
Гёте

На территории Республики Казахстан проживает более 130 национальностей, представителей разных религий и народностей, 40 конфессий и деноминаций, которые мирно живут и трудятся на благо страны. И все они различны по величине и интенсивности внутренних связей, экономическим и социальным характеристикам, уровню политической организации, языку и культуре, духовному складу и национальному характеру. Однако, несмотря на различия, согласно модели межэтнической толерантности все национальности в Казахстане развиваются в гармоничном единстве и взаимопонимании. «Наше единство основано на высоких нравственных идеалах, призывающих к терпению, миролюбию, милосердию. Наш общий долг, долг каждого, кто любит Казахстан, – сохранять духовные и культурные ценности, беречь и укреплять единство народа и стабильность в стране»,- сказал в одном из обращений к народу Первый Президент Республики Казахстан Н. Назарбаев.

Толерантность, терпимость – способность терпеть что-то или кого-то (быть выдержанным, выносливым, стойким, уметь мириться с существованием чего-либо или кого-либо), то есть допускать, принимать существование чего-то или кого-то, считаться с мнением других, быть снисходительным к чему-либо, кому-либо.

Вместе с тем каждое определение выражает сущность толерантности: требование уважать права других, «иных», быть такими, какие они есть, не допускать причинения им вреда, поскольку причинение вреда другому – это причинение вреда всем, в том числе и себе самому.

Еще мыслители-гуманисты подчеркивали значение терпимости. Формирование межэтнической толерантности в условиях многонационального государства – не данность, а длительный и сложный процесс, начинающийся в раннем детстве и протекающий в течение всей жизни человека. Образование должно содействовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми народами, расовыми и религиозными группами. От того, какие установки на процесс общения личности с миром, окружающими людьми будут заложены в сознании молодых, зависит наше будущее.

Толерантность, сформированная в школьные и студенческие годы, является одним из важнейших условий снижения напряженности в социуме и отражает моральное качество личности, способствующее успешности ведения культурного диалога и избегания межкультурных конфликтов с различными социальными, культурными группами или их представителями, терпимость и уважительное отношение к мнениям других людей, не совпадающим с собственными. На этих установках и должен осуществляться процесс формирования межэтнической толерантности у молодежи. Отсюда главная педагогическая задача в формировании межэтнической толерантности нам видится в том, чтобы помочь молодым людям обрести уважение к чести и достоинству каждого народа, доказать, что нет народа лучше или хуже другого.

2019 год объявлен в Казахстане годом молодежи. Проводимые международные праздники – такие как Всемирный день молодежи и международный день студентов объединяют молодежь, стирая границы культурных различий и даря массу положительных эмоций и хорошего настроения. Традиционными в стране стали международные форумы учащейся и студенческой молодежи «Мы – будущее Казахстана». В текущем году в Кордае состоится такой форум, который объединит молодежь Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана, Таджикистана и Монголии.

Нам, педагогам, в процессе обучения молодёжи необходимо дать им полное представление о национальной культуре, о культуре других народов, что должно сформировать у них чувство национального достоинства, дать им основу для полноценной жизни в условиях полиэтнического, поликультурного государства, региона, образовательного учреждения.

Выбор средств формирования межэтнической толерантности должен основываться на принципах их соответствия специфике качества, возможности их использования в учебно-воспитательном процессе образовательных учреж-

дений, адекватности структуре и содержанию исследуемого качества. К таким средствам можно отнести информирование молодёжи о культуре и быте национальностей, населяющих Казахстан, проведение совместных коллективных дел по сбору, изучению материалов о культуре и быте народа, проживающих в стране, сотрудничество с национальными культурными центрами: проведение национальных праздников, фестивалей, олимпиад, выставок национальных культур, народных игр, фольклорных концертов; вовлечение обучающихся в процесс принятия решений в реальных жизненных ситуациях, связанных с проблемой межэтнического взаимодействия, проведение круглых столов, дискуссий; организация краеведческих экскурсий и фольклорных экспедиций и т.д.

Государственная позиция в отношении формирования межэтнической толерантности особо отражена в создании Ассамблеи народа Казахстана, областных национальных культурных центров. Примером этому может служить активная деятельность студенческой Ассамблеи в учебных заведениях Северного Казахстана, которая ведет кропотливую работу над укреплением национального единства. За период работы Ассамблея народа Казахстана превратилась в общественный институт гармонизации межэтнических отношений. Деятельность Ассамблеи направлена на решение таких задач, как:

– содействие сохранению межэтнического и межконфессионального согласия, стабильности в обществе,

– выработка предложений по проведению государственной политики, способствующей развитию дружественных отношений между представителями этносов, проживающими на территории Казахстана, содействие их духовно-культурному возрождению и развитию на основе соблюдения принципа равноправия;

– обеспечение учета многообразных национальных интересов в проводимой государством национальной политике и т.д.

Кроме того, деятельность Ассамблеи народа Казахстана способствует росту международного авторитета Республики Казахстан как страны, эффективно решающей проблемы межэтнических отношений. Общество и граждане должны знать, что мир, стабильность не складываются сами по себе. Государство твердо держит руку на пульсе межэтнических и межконфессиональных процессов.

Первый Президент Республики Казахстан, Председатель Ассамблеи народа Казахстана Н. Назарбаев определил ряд задач перед обществом: формировать общественное сознание, отвечающее задачам системной модернизации. В этот процесс должны быть вовлечены все – государство и гражданское общество, образование и социальная сфера, частный бизнес и масс-медиа.

Создаваемая электронная карта наглядно и детально покажет процесс консолидации всех национальностей на древней казахской земле – с учетом особой, государствообразующей миссии казахской нации. Поэтому в настоящее время одной из важнейших проблем воспитания является формирование личности человека как носителя гуманистических, толерантных идей в системе межэтнических отношений.

Список литературы

1. Назарбаев Н. Взгляд в будущее: направления модернизации общественного сознания // Егемен Қазақстан. – Астана, 2017.
2. Концепция развития Ассамблеи народа Казахстана (до 2020 года) // Собрание актов Президента РК и Правительства РК, 2013. – № 25. – С. 160.
3. Гаппасова Л.А. Роль Ассамблеи народа Казахстана в межэтнической интеграции казахстанского общества// Евразийское сообщество. 2017. – № 3. – С. 65–68.
4. Жолдасбеков А.А., Кабылбекова З.Б., Дюсупова Р.А., Межэтническая толерантность как духовная ценность и основа стабильности межэтнических отношений // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2013. – № 10–2. – С. 237–239.
5. Джакупов С.М. Экспериментальные исследования этнических предубеждении // Теоретические и прикладные проблемы социализации личности: Межвузовский сборник научных трудов. – Алматы, 2015. – Ч. 4. – С. 25–45.

Красиков В.И.
д.филос.н., профессор, гл.н.с. Всероссийского государственного университета юстиции
KrasVladIv@gmail.com

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ТРАДИЦИОНАЛИСТСКИЕ СТРУКТУРЫ: РОССИЙСКИЙ И ЕВРАЗИЙСКИЙ КОНТЕКСТЫ

Ключевые слова*: межкультурная коммуникация, неоархаика, толерантность, мультикультурность, идентичность, трансляция, трансмутация, традиция.*

Keywords*: intercultural communication, neoarchaic, tolerance, multiculturalism, identity, translation, transmutation, tradition.*

Современное общество чересчур футуристично, нацелено на полагание целей, проектов, устремлено в будущее, живет им. Темпы обновления взвинчены до такой степени, что не только среднее, но уже и молодое поколение не успевает переобучаться в соответствии с быстро меняющейся технологической действительностью, адаптироваться к мечущимся синусоидам политической и экономической жизни. Прежняя матрица существования, ориентированная на пролонгацию традиции, поддерживаемой исторической памятью, как кажется, канула в Лету. Однако это, скорее, результат поверхностных впечатлений и поспешных обобщений, ярким примером которых является теория и практика мультикультурализма. Казалось бы, вот оно, наступает интернациональное гомогенное общество (будь то в виде либерального всемирного правового государства или же коллективистско-коммунистического «всемирного общежития»). Но оба проекта потерпели обвальный крах, констатированный европейскими лидерами как конец проекта «мультикультурализма». Этнические, кровнородственные, семейные связи оказались неустранимым естественным видовым фундаментом homo sapiens.

Различные аспекты проблемы исторического наследия и межкультурной коммуникации уже давно являются объектом научного внимания как зарубежных, так и отечественных ученых социально-гуманитарных дисциплин.

В научный дискурс концепт «межкультурная коммуникация» вошел в 1954 г. с выходом в свет книги Э. Холла и Д. Трагера «Культура как коммуникация: модель и анализ», где межкультурная коммуникация рассматривалась как особая область человеческих отношений[1].

В первое время исследования в русле межкультурной коммуникации концентрировались на проблемах межкультурных различий и характерном поведении носителей разных культур (Р. Бенедикт, Д. Горер, М. Мид и др.). Соответственно, методологической основой для межкультурных исследований долгое время служили идеи культурного релятивизма: каждая культура формирует определенный тип личности, а также уникальную систему ценностей, приоритетов моделей поведения.

Онтологической основой для всей проблематики межкультурных различий служит то или иное решение фундаментального вопроса о соотношении культуры и коммуникации, их взаимосвязи и взаимодействия. Сегодня оно имеет три разные методологические решения[2].

Первое базируется на классической позитивистской методологии субъектно-объектных отношений и представлено концепцией структурного функционализма, использует системный метод, концепцию информационного общества и др.[3] Онтология коммуникации здесь основывается на системных связях и функциях. Основой культуры и всех культурных ценностей выступает информация.

Второе (неклассическое) решение[4] основывается на когнитивной модели, где коммуникация выделяется в качестве особой самодостаточной реальности общающихся разумов, а его изучение основано на методах герменевтической интерпретации смыслов, критической рефлексии, рациональной реконструкции.

Третье (постнеклассическое) решение сводит природу социального к интерсубъективности, субстанциализирует саму коммуникацию. Общество рассматривается как сеть коммуникаций, а коммуникации создают возможность для самоописания общества и его самовоспроизводства. Коммуникация предстает не как послушный объект управленческих решений, а как активная самоорганизующаяся среда[5]. Такое рассмотрение природы коммуникации выводит ее на новый уровень и придает ей социетальную роль.

---

[1] Hamid Reza Yousefi. Interkulturelle Kommunikation. Eine praxisorientierte Einführung. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2013.

[2] Наместникова И.В. Межкультурная коммуникация как социальный феномен. Диссертация на соискание степени доктора философских наук по специальности 09.00.11. – М., 2003. – 330 с.

[3] Toffler A. War and anti-war. Survival at the dawn of the 21-st century. – London, 1993.

[4] Habermas J. The Theory of Communicative Action. – Boston, 1984.

[5] Luhmann N. Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie. – F. a. M., 1971.

Как мы видим, объединяющим моментом концепций западных ученых в исследовании проблем межкультурной коммуникации, исторического наследия и устойчивости социального организма является их преимущественно социологический характер. Пространством межкультурной коммуникации оказывается сфера взаимоотношений по преимуществу социальных групп, а сама коммуникация рассматривается как сугубо межгрупповое и социальное явление, причем связи этнического, конфессионального и культурного прошлого оказываются вне исследовательского фокуса, выступая, в лучшем случае, как второстепенные дополнительные факторы.

В отечественных исследованиях межкультурной коммуникации в основном сохраняются те же западные научные традиции в подходах к этому сложному и многогранному феномену. Проблема межкультурной коммуникации как фактор стабильности общества в отечественной социально-гуманитарной науке исследуется в основном с позиции мультикультурализма и глобализации.[1]

Таким образом, в отечественных исследованиях проблема межкультурной коммуникации решается, как правило, вне акцентирования ее генетической связи с историческим наследием. Нечасто встречается мысль об органичности образования мультикультурного российского общества, лишь абстрактно-комплиментарно упоминается историческое наследие, архетипы этнических культур и конфессиональные идеалы.

Между тем вполне естественна мысль о том, что мультиэтнические сообщества, к которым относятся большинство евразийских, не представимы вне межкультурных коммуникаций. Межкультурные процессы определяют появление в них новых элементов и форм культурной активности, корректируют ценностные ориентации. Межкультурная коммуникация, по сути, есть механизм взаимодействия, способствующий не только сохранению особенностей собственной культуры, но и выявлению универсальности общечеловеческих ценностей.

Российская цивилизация также является полиэтническим и поликультурным образованием, в котором на протяжении истории ведущую роль играла этатистская доминанта, в качестве основного социокода выступал русский язык, а доминирующим интегратором был социоцентризм. И в настоящее время она остается воплощением цивилизационного и культурного разнообразия на глобальном уровне – именно в силу симбиотического характера процессов интеграции и идентификации, циркулирующих на ее необъятных просторах. Особо следует подчеркнуть, что основной набор культурных и социальных кодов, представленных в матрице российского социума, в значительной мере остается традиционалистским, что и определяет главное условие его стабильности.

Вместе с тем, особенностью последних десятилетий конца прошлого и начала нынешнего веков, является новое серьезное обстоятельство в процессах самоконструирования российского сообщества – оно сопровождается прорывом ряда российских этносов к статусу наций. Соответственно, в наших этнических культурах должна произойти трансформация, которая позволит, не теряя своей идентичности, существовать в условиях высокой социальной динамики и модернизации. Это имманентно формирующееся противоречие между усилением изменчивости и традиционной идентичностью может быть позитивировано лишь через принятие принципа толерантности в социальных отношениях[2].

Пространство культурных ценностей, в котором мы можем ожидать установление режима толерантности – как межличностных, так и межэтнических отношений – должно конструироваться (целенаправленно формироваться соответствующими социально-идеологическими структурами) как доминирование смыслов «равенства», «свободы», «диалога», «взаимозависимости» и «взаимопонимания». В российских полиэтнических условиях вряд ли стоит акцентировать нивелирующую общегражданскую идентичность. Напротив, принимая во внимание этническую доминанту, культурный диалог скорее должен строиться с учетом архетипических образцов, которые закреплены в традиционных нравственных кодексах российских народов. Веками множество этносов сосуществовали на естественно-врожденной основе «позитивной идентичности»: «живешь, дай жить и другим». Тенденцию же идентичности негативной, которая также имманентно присутствует как сторона необходимого самоотличения («другой-чужой»), следует минимизировать, но не через конструкции западного абстрактного права (общей гражданственности), а через апелляцию к традициям многовековых практик успешных интеграций, совместных решений, преодолений и побед.

Конечно, такие изобретения западной цивилизации как правовое государство и рынок важно учитывать и с осторожностью применять, они могут стать новыми факторами социальной интеграции. Проблема в том, что когда новшества «внедряются» в режиме «манкуртизации», то они могут стать раковыми новообразованиями, которые стремительно заменят здоровые культурные ткани и этнос просто переродится, т.е. по сути, исчезнет как культурная реальность. Будут жить по крови вроде бы те же люди, да уже не те.

Поэтому в российских этнических культурах должна произойти трансформация, позволяющая им не терять свою идентичность и в то же время быть способными к высокой социальной динамике и модернизации, а может быть и трансформации основных кодов идентичности на основах сетевого общества. Российские этносы обладают большим потенциалом пассионарных личностей, энергия которых должна быть переориентирована в позитивные направления коммуникации. Должны быть выработаны и внедрены модели толерантного купирования этнорелигиозных и социальных конфликтов, учитывая условия актуализации культурного и цивилизационного соперничества на глобальном уровне, которые не могут не транслироваться – в том или ином виде – и на российский уровень сосуществования этносов и религий. В противном случае российские народы могут превратиться в периферийную зону столкновения глобальных цивилизаций.

Вместо «количественной» безликости западной «юридической» общегражданственности следует выработать основания качественного (смыслового) единства или основания новой «русской (российской) идеи» – идентичности

[1] Глобализация и мультикультурализм / Отв. ред. Н.С. Кирабаев. – М.: РУДН, 2005.

[2] Верховская Ж.А. Межкультурная коммуникация как фактор социокультурных изменений. Диссертация на соискание степени кандидата культурологии по специальности 24.00.01. – М., 2006. – 174 с.

на началах идеологии органичной взаимодополняемости этносов. Национальная идея может быть лишь тогда плодотворной, не превращаясь в националистическую, если она необходимым образом включает в себя общекультурные универсалии. Назначение культуры межнациональных отношений – способствовать более углубленному познанию этносами друг друга на основе формирования позитивной идентичности. И вот здесь велика роль исторического наследия в культуре этноса.

Известно, что в основе межпоколенной передачи информации лежит механизм преемственности, посредством которого историческое наследие актуализируется в двух формах: трансляции и трансмутации.

На непрестанном возобновлении человеческих нужд и забот, их благополучном разрешении основано наше существование, которое не может быть каждый раз новым решением, а лишь повтором самых удачных апробированных моделей поведения. Потому наша деятельность – смолоду и до седин – основана на великом повторе: постижении, освоении и углублении исторического наследия, которое транслируется от одного поколения к другому в форме знаковых связей (символов, метафор). Трансмутация же, представляющая специфические коррекции среды обитания и исторического процесса, возможна в двух вариантах: появления в поле социальной памяти новых видов взаимодействия или изменения уже существующих.

Подобный механизм преемственности, объединяющий трансляцию и трансмутацию, – традиция. Вплоть до 60-х годов прошлого века ее интерпретация определялась веберовским противопоставлением категорий традиционного и рационального. Традиционные институты, обычаи и способ мышления рассматривались как нецелерациональное и поведенческое, как рутина и препятствия общественному развитию. В дальнейшем же, однако, осмысление традиции в рамках процесса модернизации и составляющих ее концепций аккультурации поставило под сомнение веберовскую дихотомию. Также расширились представления о пределах устойчивости традиций. Начиная с 70-х гг. XX века, традиция стала рассматриваться как категория, призванная охватить все способы фиксации, передачи и воспроизводства культуры. Человек – это не рутинное или же творческое существо, он запрограммирован на то, чтобы улучшать и совершенствовать образцы прошлого. Традиция – не монолит, противостоящий изменениям. Традиция сформировалась в прошлом, которое сегодня рассматривается сепаратно, символизируется, предлагается в качестве чего-то рекомендуемого, и вместе с этим коммуникация получает право его принимать или отклонять.

В настоящее время, в период радикального нарастания изменений в евразийских сообществах, темп которых к тому же часто форсируется и поддерживается извне, возникают так сказать «иммунные» реакции со стороны культурных организмов – на катастрофические новообразования. Это неархаические или же неотрадиционные явления. Понятно, что с точки зрения либерального мейнстрима они рассматриваются как безусловно негативное, отжившее, вредное для общественного прогресса и светлого будущего (либерального) человечества. Однако мы полагаем, что все вовсе не так однозначно.

Наша рабочая гипотеза состоит в том, что в евразийских сообществах процесс социальной индивидуализации, неизбежно разрушающий традиционную солидарность, пока не приводит к появлению новой. Заимствованные повсеместно западные институты (экономические, политические, правовые) подобной роли не играют, а носят зачастую имитационный характер. В число неотрадиционных явлений мы включаем: формирование локальных идентичностей и локального патриотизма; актуализацию моноэтнических браков; рост популярности малых языков и этноспецифических имён; возрождение (изобретение) этноспецифических религиозных практик; появление в массовой культуре онимов (брендов, названий учреждений), апеллирующих к традиционной культуре и проч.; клановость среди политических элит; акцентирование «социокультурного неотрадиционализма» в воспроизводстве этничности.

Наблюдаемые в условиях глобализации схемы выстраивания связей, как правило, являются репликами традиционных общинных отношений, поскольку консервативность традиционной социальной среды ощущается как фактор безопасности, противовес неструктурированным стихиям современного макросоциума. При отсутствии действительно внутренне-органичных морально-нравственных регуляторов в евразийских сообществах большие массы людей, особенно в городах, ориентированы в своем поведении на достижение благ («богатства» и «власти») любой ценой. Поэтому роль «социальных и духовных скреп» в таких сообществах объективно, т.е. вынужденно-необходимым образом, выполняет, во-первых, властная вертикаль, которая повсеместно реально цементирует социум (включая «демократии»), во-вторых, «архаика», конструируемая образованным классом и властью, состоящей также из его представителей.

Таким образом, проведенный анализ показывает необходимость актуализации анализа традиционных структур – на новых, объективных, не сегрегированных либеральными ценностями, методологических основаниях. Предположительно, это может открыть новые перспективы исследования латентных специфических закономерностей общественного развития евразийских сообществ, которые вовсе не повторяют или же «извращенно» воспроизводят «столбовую дорогу» мировой (западной) цивилизации, а торят свой, хотя и в чем-то перекликающийся с прочими вариантами, путь социальных изменений.

Крюкова О.С.
д.ф.н., зав. кафедрой словесных искусств, Факультет искусств МГУ
florin2002@yandex.ru

ФЕНОМЕН ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ: ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ключевые слова: *культура, литературный музей, литературный регион, литературная география, региональная идентичность.*
Keywords*: culture, literary museum, literary region, literary geography, regional identity.*

Литературный музей – социокультурный феномен, транслирующий культурный опыт; это один из институтов памяти, призванный увековечить наследие писателя в истории того или иного региона. Мемориальная функция – основная, но не единственная для литературного музея, который сохраняет и показывает «не столько то, что литература есть, сколько «быт писателя», в котором она рождается» [4, с. 181]. В России история создания собственно литературных музеев начинается со второй половины XIX в.: «Литературные музеи, появившиеся в конце XIX – начале XX в., хотя и были единичны, но могли служить подтверждением начинавшего набирать силу процесса мемориализации. На начальном этапе он не был напрямую связан с созданием музеев, а скорее означал признание права на память и почитание» [5, с. 108]. Так, при Александровском Лицее в Царском Селе в 1879 г. была открыта Biblioteka Pushkiniana, которая через десять лет была преобразована в музей. То есть увековечение памяти писателя начиналось с его мемориализации, что вначале не всегда принимало форму музея. Мемориальная доска, библиотека, именная стипендия, бюст писателя (барельеф, памятник – в некоторой перспективе) – все это первичные формы мемориализации, а собственно литературный музей – уже следующий этап ее: «Становление литературных музеев началось со стремления увековечить память о человеке, сохранив в неприкосновенности обстановку и атмосферу его дома или рабочего пространства, т.е. с мемориального музея» [7, с. 20]. Принцип аутентичности в литературном музее не всегда возможно соблюсти: как правило, подлинность личных вещей писателя, дома, квартиры, утвари и т.п. сохраняется при том условии, если музей был создан «сразу после события или жизни персоналии» [7, с. 20], как в случае Ясной Поляны или Дома Гёте в Веймаре.

В конце XX – начале XXI в. литературные музеи могут отходить от мемориальной составляющей и становиться музеями-метафорами (музей В.В. Маяковского в Москве) или музеями, посвященными литературному произведению (музей романа «Братья Карамазовы» в Старой Руссе). Исследователи выделяют также особый тип музея, посвященный «общему процессу развития литературы в историческом контексте», – историко-литературный [7, с. 20].

Функции музея (и, в частности, литературного музея) постоянно расширяются: «В настоящее время музей выступает в роли не только традиционного «хранителя» культурного наследия, непосредственно коммуницирующего с обществом, но и важного элемента изменяющейся социокультурной среды современного города, региона» [8, с. 194]. В этом качестве литературный музей становится одним из компонентов региональной идентичности. Так, Нижний Новгород, в период с 1932 по 1990 гг. именовавшийся городом Горьким, и сегодня воспринимается прежде всего как город, связанный с жизнью и творчеством Максима Горького. Помимо былого названия, памятников Горькому, мемориальных досок в его честь, а также горьковской топонимики, репрезентации региональной идентичности способствует Государственный ордена Почета музей А.М. Горького в Нижнем Новгороде, включающий три музейных объекта: Музей-квартиру, где реализуется историко-бытовой подход, Литературный музей (открыт в 1928 г.), который, задуманный и успешно функционировавший как историко-литературный, в настоящее время концептуально тяготеет к типу музея-метафоры, и Домик Каширина, музей детства М. Горького (открыт в 1938 г.), соединяющий историко-бытовой принцип с концепцией музея литературного произведения (первой части автобиографической трилогии М. Горького – «Детство»). Помимо музейного комплекса в Нижнем Новгороде, существуют также два музея М. Горького в Москве (музей в ИМЛИ РАН и музей-квартира А.М. Горького), а также литературно-мемориальный музей М. Горького в Казани, что, отражая реальные факты биографии писателя, свидетельствует и о репрезентации национальной идентичности, поскольку масштаб личности и творчества Горького не ограничивается Нижним Новгородом. Максим Горький – это писатель общенационального и мирового уровня, чье 150-летие было ознаменовано весьма представительной по составу отечественных и зарубежных участников конференцией «Мировое значение М. Горького» (27–30 марта 2018 г.). Его связи с Италией, мемориализация и музеефикация памяти о его пребывании в Неаполе и Сорренто являются рецепцией общеевропейской идентичности. Аналогичным могут быть рассуждения о литературных музеях И.С. Тургенева в Орле, в усадьбе Спасское-Лутовиново, в Москве и Буживиле (Франция); о музеях Ф.М. Достоевского в Москве, Санкт-Петербурге, Даровом, Старой Руссе, Семипалатинске (Казахстан) и т.п.

Вернемся к литературной географии Нижнего Новгорода и Нижегородской области. Биография писателя – фактор, меняющий как границы литературного региона [1], так и рамки регионального туризма. Например, при участии

Государственного ордена Почета Музея М. Горького в Нижнем Новгороде был разработан новый туристический межрегиональный маршрут, частично повторяющий странствия писателя «по Руси».

Литературный регион не всегда совпадает с административными границами географического региона, но преобразует региональную идентичность в общенациональную. Нижегородский край связан не только с писателем Максимом Горьким, но и с А.С. Пушкиным. Музей-заповедник «Большое Болдино» находится на территории Нижегородской области, в самом Нижнем Новгороде есть его филиал – память о посещении Пушкиным Нижнего Новгорода. Географические истоки «всемирной человечности» Пушкина – в Болдине, где были написаны «Маленькие трагедии» и «Повести Белкина», персонажам которых посвящен специальный музей – музей литературных героев «Повестей Белкина», открытый в селе Львовка (9 км от Большого Болдина) в 2005 г.

Таким образом, музеи Горького и Пушкина в Нижнем Новгороде и Нижегородской области выполняют не только функцию мемориализации и музеефикации памяти о великих писателях – они являются средством репрезентации и региональной, и национальной, и даже общеевропейской идентичности.

Однако литературная география Нижегородского края не ограничивается именами Пушкина и Горького. В Нижнем Новгороде родился и учился в духовной семинарии будущий литературный критик Н.А. Добролюбов, которому посвящен литературный музей историко-бытового плана, в городе Арзамасе Нижегородской области прошло детство советского писателя Аркадия Гайдара, а в районном центре Семенове Нижегородской области родился советский поэт Борис Корнилов. Память об этих писателях также увековечена в литературных музеях, которые являются маркерами региональной идентичности. На очереди – создание в Нижнем Новгороде музея писателя Е.Н. Чирикова, который пока не имеет постоянного адреса и существует благодаря усилиям потомков писателя.

Литературные музеи, дополняя свои социокультурные функции, вносят определенный вклад и в региональную экономику, становятся субъектом и объектом событийного туризма (Блоковский день поэзии в Шахматове, фестиваль искусств «Над миром Болдинская осень» в Нижегородской области и т.п.): «отвечая на вызовы современности, музею приходится изменяться, встраиваться в динамику развития региона, расширять свои границы за пределы экспозиционных форм работы, предоставлять свои ресурсы для креативного самовыражения современных людей с учетом региональной специфики» [8, с. 194].

Маркером региональной идентичности в конце XX в. стало также создание «новых музеев, посвященных истории литературы определенного региона» [5, с. 110]. В качестве примера музеев подобного типа можно привести Музей писателей-орловцев (1957) и Объединенный музей писателей Урала (1980). Их созданию способствовали «расцвет литературного краеведения, инициативы деятелей культуры на местах» [5: с. 110]. Литературное краеведение оперирует такими понятиями, как «провинциальный текст», «нижегородский текст», «орловский текст» и т.п., что восходит к «петербургскому» и «московскому» текстам в русле идей московско-тартуской семиотической школы. Подобные литературоведческие исследования провинциального текста русской литературы подводят научный фундамент к существованию различных литературных музеев.

Итак, литературные музеи выполняют не только мемориальные, социокультурные, воспитательные, просветительские, рекреационные, но и экономические функции, являясь маркером региональной идентичности, которая может, в зависимости от масштаба личности и творчества того или иного писателя, сочетаться с национальной и даже общеевропейской идентичностью.

Список литературы

1. Калуцков В.Н., Морозова М.М. Литературный регион и вопросы его изучения // География искусства: расширение горизонтов: сборник статей. – М.: ГИТР, 2019. – С. 15–25.
2. Климов Л.А. Воображение как припоминание: феномен прошлого в литературном музее // Вопросы музеологии. 2010. – № 1(1). – С. 9–18.
3. Кузькин Д.С. История создания литературных музеев в России // ACTUALSCIENCE. 2016. – Т. 2, № 2. – С. 12–13.
4. Майоров А.В., Климов А.В. Литературные музеи – хранители нематериального культурного наследия // Вестник СПбГУ. Сер 2: История. 2011. – Вып. 4. – С. 181–182.
5. Мастеница Е.Н. Литературные музеи России: генезис и эволюция // Вестник СПбГУКИ. 2017. – № 2 (31), июнь. – С. 108–111.
6. Мастеница Е.Н. Литературный музей как модус современной культуры // Вестник СПбГУКИ. 2017. – № 3 (32), сентябрь. – С. 88–90.
7. Новохатько К.И. Художественно-экспозиционные концепции российских литературных музеев: формирование и эволюция // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГАХА. 2014. – № 1. – С. 19–32.
8. Родина И.В. Литературный музей как способ описания социокультурного пространства // Человек в мире культуры: культурологическое описание территории. Материалы X Международного философско-культурологического симпозиума / Отв. ред. А.В. Соловьев. 2015. – С. 194–197.

Курбачёва О.В.[1]

ОСОБЕННОСТИ И КЛЮЧЕВЫЕ МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫМИ ПРОЦЕССАМИ[2]

Ключевые слова*: этнос, этноренессанс, этногенетические процессы, этноэволюционные процессы, этнотрансформация, этнодоминирование, субэтнос.*

Keywords: *ethnos, ethno-renaissance, ethnogenetic processes, ethno-evolutionary processes, ethno-transformation, ethnic domination, subethnos.*

Как известно, в начале XX века на карте научных интересов и актуальных исследований в социогуманитарной сфере преимущественно отмечались антропологические и лингвистические темы, проявившиеся в настоящем парадигмальном повороте. Однако уже спустя столетие в академическом пространстве превалирует новый тренд – социокультурная тематика. Это обусловлено тем, что глобализационные процессы интенсифицировали и актуализировали формирование новых геополитических конструкций и создали беспрецедентное поле транскультурного взаимодействия. Встреча различных культур, мировоззренческих установок, религиозных представлений – это всегда вызов для всех участников межкультурного диалога. Особенно остро этот вызов проявляется в контексте этнокультурного взаимодействия: этнические стереотипы и предубеждения, различные уровни этносознания, варьирующие от этнофобии до культурного расизма, а также интенсивный миграционный процесс, возрастающий уровень конфликтогенности в обществе – всё это стало основанием для массированного академического и общественного внимания к проблемам этнокультурного взаимодействия.

Действительно тенденция к универсализации и открытости культурных границ стала определенным импульсом к постановке вопроса о этнокультурном и языковом самоопределении этнических общностей. Это ситуацию можно обозначить как этнокультурный парадокс, в рамках которого обнаруживается одновременно возрождение интереса к этническому и приобщение к глобальному. Так в условиях социальных реформ, кризисных ситуаций социальной динамики актуализируется возрождение базовых ценностных установок и усиление роли этнокультурных механизмов социальной регуляции. И в контексте защитной установки локального культурного капитала происходит так называемый этноренессанс – интерес к историческому и этнокультурному наследию, состаривание собственной истории, конструирование этнокультурных мифов, героизация определенных исторических персонажей, использование прошлого для легитимизации настоящего и т.д. При этом этноренессанс может проявляться в разной степени – от попыток реанимирования обычаев и традиций, популяризации национального языка, идеализация этнонациональных героев, до восстановления или построения государственных границ. Активизируется защитная реакция – сформировать «мы-образ», свою этническую отличительность. Этнические доминанты выступают своеобразным противовесом кардинальных социокультурных изменений, поэтому они могут быть представлены на уровне национальной идеи. Опасность заключается в том, что этнический национализм становится весьма популярным объектом манипуляции и мобилизации элит для конструирования необходимого образа культуры.

С другой стороны, интерес к этническому и актуализация этноцентризма сегодня связаны с миграционным процессом. В глобальном открытом пространстве проблема этнокультурного самоопределения играет важнейшую роль, выполняя функции как социально-психологические, так и духовно-мировоззренческие. Мигрант, переживая социокультурный и психологический шок при смене привычной среды и встрече с Другим, пытается психологически защитить себя привычными и известными ему ценностями, практиками поведения и нормами. Этим объясняется актуализация этнической и конфессиональной идентичности. То есть обращение к этнокультурной идентичности может быть связано с необходимостью формирования устойчивой, психологически комфортной зоны самокатегоризации. Вопросы миграции непосредственно связаны с такими проблемами как социально-культурная, психологическая и экономическая адаптация, проблема идентичности мигрантов, наличие этностереотипов и формирование релевантного образа мигранта, выстраивание конструктивного диалога с другими этнокультурными общностями, преодоление ксенофобии и многими другими.

В связи с этими особенностями сегодня перед учеными стоит особо сложная и актуальная проблема – разработка конструктивных моделей взаимодействия этнокультур и управления этнокультурными процессами на современном этапе их развития. Поэтому в данной статье осуществлена попытка выявления и анализа основных особенностей и ключевых механизмов управления этнокультурными процессами в глобализирующемся мире.

---

[1] Курбачёва Ольга Владиславовна – к.ф.н., доцент кафедры философии и методологии науки, Белорусский государственный университет, Минск Сфера интересов: культурна антропология, социальная философия: этнокультурная идентичность, социальный конфликт, миграция. E-mail: Kurbach.ova@gmail.com

[2] Исследование проведено при финансовой поддержке БРФФИ (№ Г19М-100)/

В первую очередь, следует отметить, что этнический процесс представляет собой достаточно сложный, динамически развивающийся феномен. И для того, чтобы разобраться с тем, как им управлять, важно обозначить семантические границы интерпретации самого процесса. В широком смысле этнические процессы – это процессы, которые приводят к изменению этнических общностей [1, с. 257]. Однако сами изменения могут принципиально отличаться друг от друга и развиваться по различным сценариям. Различаются этноэволюционные и этнотрансформационные этнические процессы. Этноэволюционные изменения чаще всего обусловлены социально-экономическими особенностями развития этносов и выражаются в изменении какого-либо признака или компонента этноса – культуры, языка или быта общности. Однако они не оказывают прямого воздействия на изменения этнического сознания. Например, эволюционные изменения могут проявляться через изменения словарного состава языка или появление неологизмов, новых фразеологизмов, двуязычия. Внутри эволюционных процессов, в свою очередь, можно выделить различные уровни проявления: внутриэтнические, межэтнические и надэтнические процессы [1, с. 260]. Внутриэтнические процессы связаны с усилением или ослаблением этнических признаков или черт в связи изменением локальных условий, например, природно-климатических условий. Межэтнические эволюционные процессы проявляются через этнокультурную диффузию и обусловлены этнокультурным взаимодействием с иноэтнической общностью. А вот надэтнические эволюционные процессы возникают в условиях глобального транскультурного пространства, в рамках которого традиционные элементы культуры вытесняются и замещаются более универсальными, унифицирующими локальные этнокультурные признаки. Важно отметить, что именно надэтнические эволюционные процессы, ориентированные на создание внеэтнической глобальной культуры космополитизма, стали определенным катализатором этноренессанса, что можно обозначить как «этнокультурный парадокс».

Этнотрансформационные процессы, в свою очередь, протекают на более глубинном уровне и затрагивают непосредственно этническое сознание общности и проявляются в изменении статуса самого этноса. Так итогом этнотрансформационных процессов является измененное этническое сознание, а затем и самоназвание. Как можно заметить, этнотрасформационные процессы в отличие от эволюционных, протекают медленнее, тем не менее, если обратить внимание на этническую карту, то за последние даже 200 лет произошли существенные изменения и на карте мира появились множества новых этнических общностей (например, в Восточной и Западной Европе, Америки, Африке) [1, с. 261]. Трансформационные этнические процессы также не представляют собой однородный процесс. В широком смысле можно выделить процессы конвергенции и дивергенции этнических общностей. Однако представляется возможным в качестве основных моделей этнотрансформационного изменения привести стратегии аккультурации, описанные Дж. Бери: ассимиляция (естественная или принудительная), интеграция, сепарация, маргинализация [2, с. 187].

Следует отметить, что сам термин «этнический процесс» появился сравнительно недавно и до середины XX века как в русскоязычной, так и зарубежной литературе почти не употреблялся. Чаще всего весь спектр этнических процессов сводился к процессу ассимиляции и трактовался термин достаточно узко. Начиная с 60 гг. XX в. благодаря работам В.И. Козлова термин «ассимиляция» и «этнический процесс» разводятся и приобретают автономное концептуальное оформление, в результате чего ассимиляция рассматривается как одна из стратегий этнотрансформационных процессов [1]. Интерпретация этнических процессов, в свою очередь, наиболее часто сводится к моменту возникновения и происхождения этноса, игнорируя тот факт, что этнодинамические, этнообразующие и этнодифференцирующие процессы не заканчиваются лишь на этапе становления этнической общности. Очень важный аспект – этнос всегда находится в динамическом состоянии: переходя из одного состояния в другое, этнос обретает относительно устойчивую форму. Более того, о «конце истории» для этноса говорить достаточно сложно, так как любой завершающий процесс может стать основанием для возникновения нового. В этом смысле об исчезновении одного этноса можно говорить только формально, так как даже если была полная ассимиляция с доминантным этносом, его опосредованное влияние или деградация представляет собой достаточно длительный процесс [3, с. 10] .

Говоря о процессуальности, важно отметить, что этнотрансформационный процесс имеет свое продолжение в нациогенезе и проявляется в формировании этнокультурного и национального самосознания. Однако важно оговорить, что о прямой линейной эволюции этноса и его трансформации в нацию говорить, по меньшей мере, некорректно.

Следующим важным шагом в осмыслении сущности и специфики этнических процессов являются рассмотрение их мотивов и механизмов осуществления. Что является основанием, причиной, под влиянием которой начинаются сложные этнопсихологические и этносоциальные процессы этногенеза? Безусловно, однозначные и четкие хронологические рамки возникновения какого-либо этноса сегодня установить весьма сложно и практически невозможно. Вместе с тем можно выявить и проанализировать причины, которые стали толчком для активизации этнодинамических процессов. Более того, важно отметить, что этногенез всегда обусловлен одновременно двумя факторами: внутренними мотивами и внешними условиями [3, с. 81]. Среди наиболее распространенных внутренних мотивов можно отметить несколько. Например, таким мотивом может выступить позитивная форма самоидентификации этнофоров, выражающаяся в этноцентризме или даже этнодоминировании. То есть представители/носители этнической общности ориентированы на укрепление и развитие своей культуры с акцентом на самоутверждение и поэтому готовы на этнокультурную экспансию по отношению к другим общностям. Другим мотивом могут послужить внутриэтнические конфликты и связанные с ними механизмы адаптации, этнозащиты или соперничества. Каким бы не был мотив, важно отметить, что на ранней стадии возникновения этноса сам процесс этногенеза подразумевает этническую метисацию. Поэтому установка на элитарность и «чистоту» этносов, а тем более народностей является абсолютно непрофессиональным подходом, в котором некомпетентность тесно переплетается с элементами ксенофобии.

Конечно, любой современный этнос представляет собой результат сложнейших и длительных трансформационных и эволюционных процессов. И несмотря на особое внимание к проблемам этноса и даже своеобразный процесс этноренессанса, на сегодняшний день тема этногенеза и его основных механизмов и стратегий изучена достаточно слабо. Среди основных стратегий, выполняющих ключевую роль в процессе развития этноса, можно выделить ассимиляцию и дифференциацию. Это диаметрально противоположные стратегии, которые тесно взаимосвязаны. Ассимиляция, конечно, является наиболее распространенной стратегией возникновения этноса. При этом важно отличать в самой стратегии ассимиляции различные её версии: естественный и самопроизвольный процесс, имеющий достаточно большую длительность и естественный характер; планируемый и принимаемый процесс (например, при наличии общего врага малые этносы объединяются), а также версию насильственной ассимиляции (более сильный и больший этнос поглощает малый), которая потенциально является основанием для дифференциации межэтнической агрессии в дальнейшем развитии этнической общности.

Что же касается дифференциации, то важно отметить, что это всегда попытка сформировать отличительный «мы-образ» через актуализацию локальных ценностных представлений и метаэлементов культуры и отграничения своего от чужого. Чаще всего этнодифференциация носит этнополитический характер и ориентирована на получение автономии от доминирующего субъекта.

В истории становления и развития этноса всегда присутствуют одновременно две стратегии: разграничения и консолидации. Интегративные процессы чаще всего обусловлены активизацией взаимодействия между племенами, близостью культуры и религии, а также стремлением создать территориально-политическое объединение. Например, активное стремление создать единый суперэтнос пантюркистами на основании общей культуры и религии. Однако важно отметить, что эти же факторы могут послужить и основанием для дифференциации этносов: стремление обрести территориальную и политическую независимость может быть мотивировано различиями исторического опыта, культурными и религиозными особенностями (например, национальная освободительная борьба курдов против турецкого владычества). То есть факторы, влияющие на процесс консолидации и дифференциации, могут быть схожими. Более того, любая интеграция подразумевает определенный уровень самосознания и возможность разграничения своей и чужой культуры, то есть символической, ценностной дифференциации от другой общности. И чем более крупное объединение, ассимилировавшее большое количество этнических общностей в единый организм, тем более возрастает потенциальная опасность дифференциации на основании культурной уникальности каждого этносубъекта. И тогда в одной этнической общности могут параллельно проявляться как тенденции к интеграции, поддержания единства и этноцентризма, так и элементы этнодифференциации, проявляющиеся как в латентной, так и явной форме.

Учитывая все особенности и сложности этнических процессов, а также особую актуальность их изучения в связи с нарастающим уровнем конфликтогенности в обществе, следует акцентировать внимание на возможных механизмах управления этническим процессами. Для этого необходимо определить этническую общность как феномен в его чистом виде, абстрагируясь от различных внешних психологических, социокультурных характеристик. Обратимся к феноменологическому методу, в рамках которого осуществим редукцию множества второстепенных характеристик и создадим идеализированную модель этнической общности. Это позволит нам выявить алгоритм наиболее часто повторяющихся процессов и основных сценариев развития этнической общности, ведущих к тем или иным сюжетам. В качестве второстепенных характеристик выберем этнодифференцирующие черты, так как на этапе конструирования идеализированного объекта нам не так важны отличительные языковые, культурные, бытовые, природно-климатические особенности этнической общности. Они являются неотъемлемой характеристикой любого этноса, однако их локальные отличия не имеют здесь принципиального значения. В «чистом» виде этническая общность – это группа людей, отличающаяся культурными, языковыми, природно-климатическими, территориальными, социально-бытовыми и психоэмоциональными характеристиками (этническим самосознанием, уровнем толерантности). Содержательный аспект символического капитала этнической общности оставляем за скобками и концентрируемся на принципиальных механизмах развития, выявляя его реперные точки: этническая общность состоит из множества субэтнических и социальных групп, которые претерпевают этногенетические изменения (этноэволюционные, этнотрансфармационные и этносоциальные). Важно отметить, что необходимо разделять сами уровни этнических процессов. Ведь этнические процессы могут не совпадать на индивидуальном и групповом уровнях: на индивидуальном может проявляться агрессивная самозащита или самооправдание в виде рационализации агрессии по отношению к иной группе, а на коллективном проходить объединительные этнические процессы [3, 10]. Более того, один и тот же этнический процесс может протекать на разных уровнях и отличаться уровнем интенсивности (индивидуальный, субэтнический, межэтнический, надэтнический). Эти особенности крайне значимы для управления этническими процессами. Редуцируя локальные культурно-языковые отличия, которые, безусловно, характерны для любой этнической общности, мы способны обнаружить и проанализировать происходящие этнические процессы. Однако говорить о непосредственном управлении этническими процессами можно только с большой долей условности. Ведь обозначив схематично этногенетические процессы, определив иерархические уровни протекания этих процессов, необходимо вновь обратиться к локальным культурно-языковым, бытовым и природно-климатическим особенностям и отличиям каждой этнической общности – только зная их, мы можем содержательно осмыслить причины тех или иных процессов, а также спрогнозировать возможные сценарии дальнейшего развития. То есть управление этническими процессами подразумевает не прямое воздействие на этнос, а глубинное содержательное понимание этнических процессов, с возможностью определить разновидности и уровни этих процессов. И только на основе этой сложнейшей работы можно конструировать дальнейшие варианты развития с выявлением опасных дивергентных или конвергентных сценариев, предотвращая всплеск потенциальных конфликтогенных процессов.

Список литературы

1. Козлов В.И. Этнос. Нация. Национализм. – М.: Старый сад, 1999. – 341 с.
2. Berry J.W., Kim U., Power S., Young M., Bujaki M. Acculturation attitudes in plural societies // Applied Psychology. 1999. – Vol. 38. – P. 185–206.
3. Налчаджян А.А. Этногенез и ассимиляция. – М.: Когито-Центр, 2004. – 216 с.

Небренчин С.М.
д.и.н., профессор, Военный университет

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ТЕХНОСОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ключевые слова: *техносоциальная революция, киберугрозы, ложь, технотронная среда, суверенитет, безопасность, цивилизационная идентичность.*

Keywords: *techno-social revolution, cyber threats, lies, technotronic environment, sovereignty, security, civilizational identity, governance.*

Как считают эксперты, мировая психотронная война почти сразу пришла на смену «холодной войны», которая подошла к концу с распадом СССР и мировой системы социализма. По мнению Этьена Кассе: «Она словно айсберг: основная часть скрыта от любопытных глаз, и лишь временами на поверхность выступают отдельные локальные конфликты. Третья мировая не похожа ни на одну из предыдущих войн ведь это война психотронная, в которой борются не за территории, а за ресурсы и власть над умами людей»[1]. Сегодня нет необходимости покорять государства, важнее контролировать сознание и завоевывать человеческие души, устранять неугодных правителей и расставлять повсеместно своих марионеток, манипулируя общественным мнение в международном плане и на региональном уровне. Международные силы влияния в лице «глубинных государств» и их «агентуры влияния» в странах мира к настоящему времени в своем стремлении переформатировать мир, радикально сократить растущее народонаселение Земли (около 7,5 млрд. чел.), сформировать новый мировой порядок добились немалого в подчинении своему полному или частичному влиянию государства и народы.

Глобальную угрозу судьбам мира и прежде всего национальным государствам, их безопасности, суверенитету и целостности, представляет тотальная интернетизация и цифровизация мира. Они становятся заложниками сложных внешних компьютерных систем, которые способны параллельно встраиваться в управление государством и обществом. Ситуация усугубляется тем, что повсеместная компьютеризация и роботизация общества ведет к тому, что «технологические подручные» человека могут выйти на первый план и начать принимать решения в критически важных сферах жизнедеятельности[2]. Появление мировой паутины Интернет, которая охватывает большую половину человечества планеты Земля, культивирует в мировом общественном сознании принципиально иные образы, посылы и мифы, символы и знаки, формирует новые психологические и поведенческие алгоритмы поведения.

В результате ускорился процесс потери своей идентичности цивилизациями и народами. В частности, среди мировых цивилизаций все меньше упоминается православно-славянская цивилизация. Одновременно идут процессы утраты признаков самостийности и независимости на государственном уровне. В настоящее время правом на суверенную внешнюю и внутреннюю политику обладает небольшое количество государств и, в частности, Израиль, КНР, РФ, Ватикан, ИРИ, Белоруссия, КНДР[3]. В данном контексте Китай, который претендует на статус сверхдержавы XXI века, располагает большим суверенитетом, нежели его нынешние геополитические конкуренты США и страны ЕС[4].

Мифологию искусственного трансгуманизма и прогрессизма, транслируемого в глобальном психотронном формате, составляют «идеалы и ценности» массовой культуры, тотального потребления, конформизма и измышлений, экологизма, толерантности, экуменизма и магии сектантства. На смену храмам и церквям пришли фешенебельные здания транснациональных корпораций, банков, торговых центров, офисов медиа-гигантов. Проповедниками трансгуманизма выступают информационные генералы, продажные информационные генералы, ньюсмейкеры и блогеры. Мировая паутина с ее многочисленными сетями, поисковыми системами и блогами, разного рода девайсы (смартфоны, ноутбуки и т.п.) взяли в виртуальный плен не один миллиард землян по всему мире.

В эпоху тотальной интернетизации всемирного информационного пространства возможности манипулирования международным общественным мнением и программирования сознания возрастают кратно. По словам Владислава Суркова, влиятельного кремлевского чиновника, «некогда вольное виртуальное пространство, разрекламированное как прообраз грядущего рая, захвачено и разграничено киберполицией и киберпреступностью, кибервойсками и кибершпионами, кибертеррористами и киберморалистами»[5]. Современный Интернет позволяет навязывать не только

[1] Подробнее см.: Кассе Э. Третья психотронная война. – СПб.: Невский проспект; Вектор, 2007. – С. 1.

[2] Хаос цифрового правительства // Аргументы недели. 2019. – 31 января, № 4 (648). – С. 3.

[3] См.: Небренчин С.М. Русский язык безопасности. – М.: Международная славянская академия наук, образования, искусств и культуры, 2019. – С. 142

[4] Подробнее см.: Небренчин А.С., Небренчин С.М. КНР-сверхдержава XXI века: российско-китайское сотрудничество. – М.: ЦСОиП, 2017. – С. 7–27.

[5] Сурков В. Долгое государство Путина. – http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html

ложные виртуальные представления и идеалы обогащения и потребления. Нынешняя техносоциальная революция XXI века активно формирует принципиально новую мифологическую систему технотронного происхождения. Она нацелена на трансформацию мирового общественного мнения, его подчинение и управление в интересах международных сил влияния. Стремительное разрастание мировой паутины, компьютеризация общественных отношений особую опасность представляет для существования ведущих мировых цивилизаций, том числе иудо-христианской, индуистской, мусульманской, конфуцианской и православно-славянской, которые в большей или меньшей степени сохранили свои мифологические системы управления международными и национальными институтами.

В наши дни утрата здоровой логики и смыслов, подрыв коммуникативной среды ведет к тому, что человеческое логическое мышление вытесняется на периферию глобального виртуального контента, происходит исчезновение единого универсального языка взаимодействия разных типов сознания на основе мифологических систем. Алгоритм и закладки сетевого информационного пространства программируют разрыв причинно-следственных связей, неспособность и нежелание их выстраивать, фрагментарность и ограниченность восприятия, отсутствие критического мышления, внушаемость и рабскую зависимость от авторитетов, потребность в бесконечных «кликах» образов и эмоций, а также «биофизиологическую алгоритмизацию». По мнению Михаила Делягина, специфика формирующегося сетевого «клипово-кликового» сознания ведет не только к психологическому и поведенческому программированию Homo sapiens (человек разумный), но и к трансформации его в Homo programmable (человек программируемый). Возврат пользователей Интернет к сугубо биологическим (животным) формам регулирования жизни и деятельности «преимущественно железами внутренней секреции» (гормонами) неизбежно превратит их в людей-трансформеров[1].

В новой Национальной киберстратегии США (2018 г.) особо подчеркивается, что «открытый общедоступный Интернет – это средство продвижения американских ценностей» на планете Земля[2]. Согласно киберстратегии США намерены: «продвигать процветание Америки», совершенствуя безопасную, развивающуюся цифровую экономику и поощряя отечественные инновации; расширять влияние США за рубежом, чтобы укреплять ключевые принципы открытого, функционального, надежного и безопасного Интернета; защищать сети, системы, функции и данные. США, имея превосходство в новейших технологиях, как ключевой элемент доминирования в киберпространстве, нацелены на то, чтобы сохранить лидерство и помочь американским компаниям использовать его на ИТ-рынке. США существенно расширили понятийный аппарат киберстратегии: «государства-противники» (adversaries), «государства-единомышленники» (like-minded states), «наказывать» (punish), «заставлять заплатить» (impose costs),«налагать последствия» (impose consequences), «безответственное поведение» (reckless activity) и др.

Западная стратегия по цифровизации мира преподносится как данность и эволюция. Она внедряется не только через игры и продвижение программного обеспечения. В целом, среди киберугроз[3], которые нацелены на инфраструктурные активы, обеспечивающие жизнедеятельность государства, его суверенитет, целостность и безопасность, выделяют следующие:

– Кибервойна – это масштабная международная атака, скоординированная по месту и времени, целям и задачам, формам и методам, содержанию и каналам воздействия. Проникновения в стратегически важные информационные системы другой страны, с целью, скомпрометировать конфиденциальные данные, нанести ущерб инфраструктуре, нарушить связь и т.п. осуществляется высококвалифицированными специалистами (хакерами), работающими под эгидой государства.

– Кибертерроризм – это комплекс незаконных действий, создающих угрозу государственной безопасности, личности и обществу.

– Кибершпионаж – вид атаки на информационные технологии, выполняемый путем взлома и вредоносного программного обеспечения (ПО) в интересах для получения секретной государственной, стратегической, политической, экономической и военной информации

– киберигры – компьютерные программы, служащие для организации игрового процесса (геймплея), взаимосвязи с партнёрами по игре, или с программами, выступающими в качестве партнёра.

Навязывая свою киберстратегию, Вашингтон отказывает в праве другим странам отстаивать свой информационный суверенитет и для их наказания готов прибегнуть не только к кибер-средствам воздействия, но и к мерам политического, экономического и даже военного принуждения. Вашингтон намерен продвигать американские ценности (свобода, безопасность, процветание) и стандарты жизни, не обращая внимания на суверенитет и национальную безопасность других государств. Таким образом, идеологическая экспансия и агрессия английского языка в киберпространстве все больше напрямую угрожает лингвокультурной безопасности государств и народов мира, в том числе российскому обществу.

Серьезную угрозу для общества представляют программы цифровизации экономики и жизни, навязываемые извне. Наряду с втягиванием пользователей Интернета в разного рода сомнительные проекты быстрого обогащения, происходят установление тотального контроля над людьми и манипулирование их мыслями и действиями. Примером такого опасного проекта является внедрение в мировую паутину и продвижение разного рода криптовалют. По оценкам экспертов, в частности, Игоря Ашманова, небезызвестный биткоин – «это разработка спецслужб для быстрого перебрасывания денег между дружественными разведками разных стран»[4]. Его выпустили в публичную сферу, чтобы

---

[1] Делягин М. Человек-трансформер: техносоциальная эволюция XXI века // Завтра. – М., 2019. – январь, № 3 (1310). – С. 3.

[2] Ашманов И. Цифровая оккупация // Завтра. – М., 2019. – январь, № 1 (1308).

[3] Кибербезопасность: Вопросы, проблемы, угрозы безопасности. – http://withsecurity.ru/kiberbezopasnost-voprosy-problemy-i-ugrozy-bezopasnosti

[4] Ашманов И. Цифровая оккупация // Завтра. – М., 2019. – январь, № 1 (1308). – С. 6.

втянуть в проект активных деятельных людей, в том числе из конкурирующих стран (Китай, Россия и др.), установить за ними наблюдение, а заодно помочь обогатиться «своим людям» в зарубежных государствах.

В информационную эпоху русскому, как и другим языкам народов мира, приходится выдерживать жесткую конкуренцию не только с невербальными средствами коммуникации. В настоящее время стремительно возрастает роль новых инфотехнологий общения (компьютерная техника, Интернет, мобильная связь, робототехника, видео и др.), других автоматизированных систем информационного обмена. Они служат дополнением и замещением речи, репрезентацией эмоциональных состояний партнеров по коммуникативному процессу. В новых средствах коммуникации в качестве основного кода передачи сообщения используется язык и речевые сообщения на цифровой основе. При этом использование того или иного средства коммуникации накладывает свой отпечаток на использование языка.

В настоящее время практически из единого координационного центра и с помощью универсального киберязыка для более чем половины граждан нашей планеты формируется фактически параллельная виртуальная картина мира, все чаще не совпадающая с объективной реальностью. При этом идет ускоряется разрушение логического мышления, одновременно достигается цель манипулирования мотивацией, словами и поступками юзеров. Современная Россия и ее граждане, несмотря на предпринимаемые меры в законодательном, технологическом и информационно-психологическом плане тоже остаются в крайне уязвимом положении.

По данным We Are Social и Hootsuite, с января 2017 года российских пользователей в Интернете стало больше на 5 миллионов – прирост 4%, а социальными сетями теперь пользуются на 9 миллионов больше людей (+15%). Мобильным Интернетом активно пользуются около 90 млн. человек. Почти половина (47%) населения России зарегистрирована в соцсетях и активно ими пользуется. 55,9 миллионов человек заходят туда с мобильных устройств. Среди опрошенных россиян 63% пользуются YouTube, 61% – ВКонтакте, 35% – Facebook, 42% – Одноклассники[1]. Между тем, по экспертным оценкам, в настоящее время уникальный, неповторяющийся контент всемирной паутины не превышает 5–7%[2].

Информационный хаос, вызванный тотальной дезинформацией, ведет к тому, что население воспринимает мир искаженно, но при этом абсолютно убеждено в адекватности своего восприятия. В результате люди реагируют не на подлинные события, а на виртуальные представления, а ирреальность становится важнее самой реальности. По мнению Б. Кригер, «недостоверные сведения вызывают у нас неверную реакцию, мы теряем веру в свои способности понимания и собственные навыки адаптации в определенных жизненных ситуациях и в целом в обществе»[3]. Обилие разнородной дезинформации ведет к дестабилизации мышления и интуиции, появляется смысловая размытость, вербальная и визуальная диссоциация, регресс памяти, а также организация информации в «особые, компактные системы в полях визуальной и понятийной гнозии в коре головного мозга»[4]. По оценкам экспертов, навязывание агрессивной русофобии, густо замешанной на лжи и извращениях, чуждых стереотипах и симулякрах, противоестественных звуках и мелодиях, искусственных символах и знаках, а также игнорирование и извращение традиционной архаики, противодействие традиционному укладу жизни, испытанным временем правилам выживания во времена суровых испытаний неизбежно ведет к подрыву основ национальной безопасности, суверенитета и территориальной целостности страны.

Засилье массовой фальши, ложных смыслов и ценностей ведет к потере собственных ориентиров, возникновению нового асоциального явления – всепроникающей тотальной лжи. Между тем, кривда, в отличие от правды, во все времена больно ранила человека, причиняя непоправимый вред физическому и духовному здоровью. «В ногах правды нет», гласит известная русская пословица. По преданию, люди страдают от болезней ног и других недугов, потому что кривда, кривит душу, по телу, разрушая человеческую энергетику, спускается вниз. В отличие от старшего поколения, которое во многом ориентируется в жизни благодаря глубинным архи- и генотипам, технотронное изменение человеческой жизнедеятельности глубоко меняет личность индивида, и прежде всего, молодого человека. Формирование человеческой личности происходит уже не на основе глубоких переживаний событий и явлений собственной жизни, восприятия литературы, искусства, кино, театра и т.п.

В условиях, когда без опоры на текст человеку сложно сформировать устойчивое логическое мышление, массовым и приоритетным становится тотальное потребление готовых виртуальных образов и мифов всемирной паутины. Как пишет Михаил Делягин: «Создаваемая информационными технологиями личность отличается от традиционной, как правило, отсутствием жесткой структуры (глубоких убеждений, устоявшейся системы ценностей) и пластичностью»[5]. Ситуация усугубляется тем, что в странах, где население оказалось наиболее вовлеченным в Интернет, в том числе в России, стремительно растет число граждан, легко меняющих свои взгляды и пристрастия под воздействием внешних раздражителей и информационных сигналов. При этом многие просто не замечают происходящих с ними глубинных ментальных и лингвокультурных деформаций, неизбежно возникающих под влиянием огромных массивов непроверенной информации.

В контексте нарастания пагубных последствий происходящей техносоциальной эволюции в мире и России на первый план выходит задача предотвращения утверждения в мире «технотронного сознания нового типа» на основе «косноязычного и неосмысленного плагиата» всемирной паутины. В случае с Россией крайне важно в долгосрочном плане обезопасить общество посредством укрепления иммунной системы народа, которую подпитывают уникальные природная идентичность, мифология и лингвокультура.

---

[1] Интернет 2017–2018 в мире и в России: статистика и тренды. – https://www.web-canape.ru

[2] Там же.

[3] См.: Кригер Б. В информационной ловушке // Славяне. 2018. – № 2. – С. 33.

[4] Там же.

[5] Делягин М. Человек-трансформер // Завтра. – М., 2019. – № 3 (1310). – С. 3.

В настоящее время в наибольшей степени устойчивость к техносоциальному нашествию проявляют китайские власти, которые стараются в своих национальных интересах использовать возможности новые возможности технотронной среды. В частности, речь идет о внедрении к 2020 г. «Системы социального рейтинга»[1] КНР, направленной на определение потенциала и ценности своих граждан, трансформацию китайского общества в цифровую «этическую систему с абсолютным приоритетом коллективизма. Эта система имеет целью не допустить дальнейшего распространения в Китае западной системы индивидуализма, наследования сословных привилегий, в том числе финансово-экономических активов[2]. В России также ведутся разговоры о создании подобного цифрового инструмента, однако сохраняющаяся технологическая зависимость не позволяет оперативно найти эффективное решение.

[1] Китайская «система социального рейтинга» будет определять ценность людей. – https://inosmi.ru/social/20180220/241513806.html

[2] Девятов А. Как Китай хоронит либерализм в России и во всем мире. – https://aurora.network/articles/251-nebopolitika/65254-kak-kitay-khoronit-liberalizm-v-rossii-i-vo-vsem-mire

Радзиевский В.А.[1]

О ЗАКОНАХ КУЛЬТУРЫ И ПРЕЗИДЕНТЕ В. ЗЕЛЕНСКОМ

Ключевые слова: *культура, законы культуры, В.А. Зеленский, культурное пространство Украины, культурный код, культурная политика, деонтология, субкультуры.*

Keywords*: culture, laws of culture, V.A. Zelensky, the cultural space of Ukraine, cultural code, cultural policy, deontology, subcultures.*

На Украине в XX в. возникла некая «неотипная» эписистема бытия, где задавали тон имитации правды и справедливости. Будто популярный в США жанр мокьюментари (как псевдодокументалистика) с обилием латентной и явной лжи перенесли в жизнь. Получались наукообразные субсказки и неомифы в стиле пеплум, изощренные «кадры древней жизни великих украинцев» с эрзац-реминисценциями. Это не Vanitas vanitatum, а матрица украинской трагедии.

Часто революции делаются с надеждой на лучшее, но порождают насилие, озлобление и гибель людей. Конечно, иногда и революции способствуют прогрессу и развитию, но большинство смен власти и строя несут беды, разорения и разочарования, являясь драмами для стран и народов.

Через события 1917 и 1918 гг. и Майданы 2004 и 2014 гг., углубляясь в историю, узрев культурно-системные закономерности, причинно-следственные связи событий можно понять гидру революции. Завуалированная «алхимия неостереотипов» (например, «страсти по языку») становится «эквивалентом» «миражной» справедливости. Люди, не идущие к совершенству, вынужденно деградируют. Романтизация и героизация негуманного и античеловеческого, эстетизация безобразного и оправдание людоненавистичества – это во все времена и на любых землях признаки упадка и вырождения. Украиноцентристам надо помнить эти аксиомы.

Сон разума, как известно, рождает чудовищ. Отсюда маньяки и гиперзлодеи, оправдание бескультурья, социальных аномалий, промискуитета и иных непотребств и извращений, реальность подменяемая фантастикой, а история – наукообразными заказными нарративами и фиглярством «культуры зазеркалья» с «вынужденными заигрываниями», пропагандирующими зло и ненависть.

Многие в XX в. вследствие «воспаления мозгов», «духовных склерозов», «солнечных ударов» и иных факторов умопомрачения пытались заигрывать с неким «своим» прошлым (древние германцы у Гитлера, викинги у Квислинга, ветхие римляне у Муссолини и т.д.). Но кому удавалось придумать историю почти «с нуля»? Это не просто метаморфозы сознания, а особый «зазеркальный» «талант», игнорирующий истинное прошлое, ампутируя его как «пустое» и «плоское».

Разве интоксицированные идеологемы, вычеркивающие сотни лет минувшего (и до неузнаваемости переиначивающие тысячелетие), «модернизируя» некое «древнее многотысячелетнее прошлое» – не беспрецедентный фальсификационный шаг в мировой истории и культуре? Разве мистификационный порыв, «рубящий» преемственность и связь поколений, имеет аналоги по степени забвения и надругательства над памятью, чувствами и сознанием?

Говоря о законах, люди обычно имеют в виду конституционные, уголовные, гражданские, административные и иные юридические нормы. Многие юристы (А. Хвыля-Олинтер, С. Лукьянов, В.Шакун и др.) отмечают, что люди больше руководствуются моральными законами (которые лежат в основе права и имеют религиозные истоки), нежели юридическими [1, с. 334]. По подсчетам американского юриста, человечество, пытаясь выполнить 10 заповедей, придумало более 35 000 000 законов [2, с. 375]. Существуют иерархии социальных законов, ценностей и норм (не только юридических, политических или корпоративных). Законы культуры часто вбирают в себя не только юридические и нравственные законы. Это понятно, ведь, например, поле правовой культуры – это часть пространства культуры.

Юнг, анализируя некоторые психические заболевания, говорит о «понижении ментального уровня». Людей часто характеризует потеря ориентиров и векторов, клиповое мышление, деструктивный нигилизм, фрагментарные знания, движение в ризоматическое состояние (А. Дугин) [3].

Д. Лихачев считал, что есть «уровни законов: физический, выше физического – биологический, еще выше – социологический, самый высший – культурный. Основа всего – в первых степенях, объединяющая сила – в культурном уровне» [4, с. 376].

Социальные нормы, как и отмечал Д. Лихачев [4], не просто стоят над биологическими, но и взаимосвязаны. Не вдаваясь в объемную и многоуровневую проблему «всеобщих временных и вечных законов», заметим, что в целом законы обусловлены «народным фундаментом»: нравами, традициями, обычаями, обрядами и др. Шире – скрепами, архетипами и лифосами («λίθος», греч. «камень»).

[1] Радзиевский Виталий Александрович – кандидат культурологии, доцент Киевского национального университета культуры и искусств, член-корреспондент Международной академии креативной педагогики, член-корреспондент Международной академии фундаментальных основ бытия, академик Украинской технологической академии.

Законы культуры тесно связаны с законами истории, психологии и рядом иных. Психоаналитические и постпсихоаналитические концепции (Фрейд, Адлер, Юнг, Хорни, Салливен, Фромм и др.) часто напоминают «католичество навыворот». Последствия грехопадения подменяется чем-то иным (сублимация сексуального и т.д.). Сублимацию в подобном смысле впервые предложил Ф. Ницше. Религия важна для понимания законов истории и культуры. Вспомним связь протестантизма и капитализма [5], культурообразующую и государствообразующую роль православия в истории России и путь христианства как историю святости. Католицизм – основа западного средневековья (и не только, но и великая мировая религия). Соотносят постпротестантизм и империализм, неорелигии (тоталитарные секты, деструктивные культы вплоть до проявлений откровенного сатанизма) и «новый дикий капитализм» – с глобализацией и трансамериканизацией.

Вчерашняя аномия все чаще рассматривается как новая норма. В постхристианском мире модерновую свободу вуалируют рабством, справедливость – пристрастностью, моду – непотребством. На место правды приходит постправда, на место христианства – псевдохристианство. В психорелигиозном и культурфилософских дискурсах – современный синдром квазихристианства.

Л. Суетов вывел 7 «законов истории» [6, с. 35–37].

1) В центре истории люди с их мотивами поведения и целями (есть и инстинкты, свойственные и зверям, например, самосохранения). Это верно и может быть рассмотрено и шире. К примеру, в психологии (социальной, юридической, криминальной и т.д.), криминологии, даже в уголовном праве. Субъективная сторона преступления включает мотив и цель, и, по сути, намерения, установки, смысловые «подтексты», «значимые побуждения» и т.д. [1]. Чтобы понять мотивы Л. Суетов обращается к учению Святых Отцов о 7 грехах смертных (гордыня, сребролюбие, гнев, зависть, блуд, чревоугодие, уныние) и 7 добродетелях (смирение, нелюбостяжание, кротость, доброжелательство, целомудрие, воздержание, упование). Степень греховности и добродетельности у людей различны. Анализ показывает, что поведение большинства политиков разного времени определяют в той или иной степени страсти, пороки и похоти.

2) Закон иронии истории Гегеля: благие намерения при их реализации превращаются в их противоположность. Властолюбцы обычно честолюбивы, беспринципны, лживы. Ш. Талейран говорил: «Если бы народ узнал, какие ничтожества ими управляют, он пришел бы в ужас» [6, с. 36]. Пример этого закона – и революции.

3) История ничему не учит – поскольку мотивы и поведение (можно и шире – психология и деятельность) политических фигурантов разных времен одни и те же.

4) Роль отдельной личности в истории огромна.

5) Закон (не абсолютный) усталости от власти: «чем дольше у власти находится правитель, тем больше он делает ошибок» [6, с. 36]. Правитель слушает похвалы и все более гордится, совершая промахи.

6) Важны причинно-следственные связи. Любое событие является следствием комплекса причин. Новое следствие становится причиной грядущих (отсюда и связь «следствий-причин» [1]).

7) Важно историческое время, не совпадающее с физическим: «у него своя шкала отсчет. Единицей измерения исторического времени служит частота, интенсивность событий» [6, с. 37].

Можно вывести часть законов культуры: культуру созидают люди с их недостатками и успехами, роль личности в культуре важна, причинно-следственные связи объективны, существенны взаимовлияния и воздействия (в большом многообразии), фактор «культурной активности и продуктивность».

Вопросы естественных законов и противоестественных состояний человека становятся все острее. Можно обдумывать таблицу культуры [8] и шире – схему законов в виде «системы вывернутых кругов» (один в другом, но так что с разных позиций и с разных точек зрения круги будут меняться в зависимости от того, откуда и как смотреть на данную схему). При одной позиции [4], внешняя схема законов будет такая: общеприродный круг, в нем физический, внутри – биологический, затем – социологический и в нём – культурный. Если мы расширим эту модель, заимствуя логику и иных ученых (Л. Суетов и др.) то мы получим более углубленный (в схожем взгляде): Божественный (сверхъестественный) Закон, далее – естественные (космический, вселенский, в нем внутри «подраздел» галактический и планетарный). Законы космоса, как обычные и привычные нам, влияют не только на разные ритмы – приливы, состояния, самочувствия и т.д. Затем земные круги – общеприродный, в нем физический, потом геологический и биологический, далее – «человеческие» психологический и социологический (с их производными – юридическими и политическим), и, наконец, – исторический и культурный (шире – культурфилософский, куда входят и законы духовной жизни, которые связаны с Вечными законами). Под иным углом зрения все выглядит наоборот – от «человеческого» измерения через природный и космический к Божественному. Подобная схема может не только «скакать» (у конкретных лиц) при разных субъективных точках зрения, но не меняется при стабильно-объективных культурно-исторических и иных научных «глазомерах». Условно некоторые «круги законов» для кого-то могут субъективно «выпадать», существуя объективно (не все знает каждый и т.д.). При всем временном и субъектно-субъективном многообразии получается «фигура» куда более сложная, чем усложненный «Квадратный круг» Гаспара Монжа и ему подобные.

Надо отличать законы от правил, феноменов, эффектов, уроков и иных явлений. Так, уроки революционных потрясений, социальной справедливости, грозящей катастрофы, здравого смысла, национальной самобытности, исторической преемственности, большой лжи, двойных стандартов [9]. Один из уроков – русофобия часто сочеталась со славянофобией. На Украине не принято вспоминать, как украинцев выживали, например, из Средней Азии. В Киргизии праздником объявили День истории и памяти предков, связанный с погромами славян в 1916 году. Формальным поводом стал указ Николая II о привлечении мужского инородческого населения империи от 19 до 43 лет для оборонительных работ – на рытье окопов до 8% их мужчин с оплатой по рублю в сутки. Провокаторы (с участием иностранных спецслужб) начали распространять слухи о том, что азиатов хотят отправить «на убой», а русские (славяне, евреи

и др. «пришельцы») заберут их имущество. Автохтоны начали громить православные храмы и убивать соотечественников «просто за то, что они русские, не щадя ни женщин, ни детей… причем, самым изуверским образом» [10]. Священник Евстафий Малаховский скорбел: «книгу можно написать о зверствах киргиз. Времена Батыя, пожалуй, уступят» [10]. В некогда почти славянском Казахстане не только переводят алфавит на латиницу.

Для кого-то баварцы – это немцы со знаком качества или «белорус – это русский со знаком качества» (А. Лукашенко). Тогда, может, украинец – «высший белорус и русский с отметкой отличия и особой мудростью: мы, украинцы, – лучшие из лучших». Кто только и где не пытался выхолащивать историю и, обедняя, искажать гуманитаристику в целом, создавая свой «культ карго» для мнимого «евросчастья» на базе не только «передовых чайников», «возбужденных чашек» и «свідомих кострюль» (О. Трофимов).

Недавний протест беженцев-мигрантов с лозунгом «французы из Франции убирайтесь прочь» – это следствие провалов и в мировой гуманитаристике.

Согласно А. Мухину, о гуманитарном знании как научном вспоминают в последнюю очередь [11, с. 17]. Среди проблем – конфликт «представлений о науке и самой наукой как таковой… Элиминация труда: гуманитарное знание – легкое, само по себе должно усваиваться» [11, с. 19–20]. «Элиминация энтузиазма («бескорыстного служения»)». Потому система высшего гуманитарного образования «рискует перейти границу, отделяющую подлинное образование от симулякра. Среди причин, способствующих кризису культурологического знания… общее снисходительное отношение в обществе к гуманитарным наукам, их невысокая репутация в социуме. Это проявляется в уверенности, что историей, философией, историей и теорией культуры может заниматься любой сколько-нибудь грамотный (даже не образованный) человек. Другая причина постепенного упадка культурологического образования заключается в поверхностном отношении к гуманитарным наукам… На этом фоне, по сути, редуцируется традиция глубокого и вдумчивого чтения научных текстов» [11, с. 25]. Концепт «клерка» [11, с. 25] или «служки» не только от культурологии заменяет ученого-эрудита.

Вспомним популярное выражение о культуре: «Вопросы культуры – не только многогранные и сложные. Они имеют определяющее значение практически для всей нашей жизни: для экономики, образования, технологического развития, обеспечения суверенитета. Не буду повторять общих фраз, тем не менее, не могу не сказать. Некоторые из них – культура – это мировоззрение, прежде всего, универсальный инструмент сохранения и передачи традиционных моральных, духовных, эстетических ценностей и основа гармоничного, свободного общества, способного сберечь свою самобытность и при этом быть открытым, восприимчивым к глобальным тенденциям развития цивилизации» [12]. Труд, мудрость, откровенность, благородство, чистота, правда, доброта, честность не только входят в понятийно-категориальную аксиосферу законов культуры. Законы культуры творят людей, формируя основы социокультурного бытия. Важны моральные константы.

Субкультура молодеет, «подростковый стандарт интеллекта» стареет, распространяются эйджисты, инфанты часто духовно не взрослеют. Потому в определенных условиях группы типа «Поющие трусы» (весьма талантливая и популярная) или «Расстегнутый лифчик» определенно воздействуют на новых недорослей и на разновозрастных людей с подростковым мышлением. Психологические рефлексии и «исторические» нарративы «неокультурных» групп для лиц с несформированным (или вывернутом наизнанку) сознанием понятны.

Плюрализм необходим, но антикультурные рефлексии опасны. Для конструктивного развития культуры в ключевом нужно позитивное единомыслие, полезные дела и лозунги («Да здравствует соборная Украина!» и т.д.). Альтернатива – «лебедь, рак и щука» И. Крылова или «кто в лес, кто по дрова».

Синдром «искушения выборами» на Украине в 2019 напоминает 2012 г., но в заостренном и ожесточенном виде. Некоторые депутаты живут по тезису Николая I: «Представительство республиканского образа правления я постигнуть не могу. Это правительство лжи, обмана, подкупа. Я предпочел бы отступать до самого Китая, чем согласился бы на подобный образ правления. Подкупать голоса, подкупать совесть, соблазнять одних, чтобы обманывать других. Я никогда не соглашусь управлять каким-либо народом при помощи хитрости и интриг».

На выборах 2019 г. чувствовались симптомы многих синдромов (Майдана и т.д.).

Порохоботы активно выступали против харизматичного В. Зеленского. Д. Корчинский, говоря об «антихристе Зеленском», не столько вспоминал чипизацию и цифровое общество, сколько «сепарню» и «москалей» [13]. (Ср.: «Зеленский хочет чипировать украинцев… с целью осуществлять контроль» [14]). Почти 30 интеллигентов в ходе президентских гонок припомнили В. Зеленскому смех «над святыми вещами и самой державой Украиной, представляя ее в образе порноактрисы, самих украинцев как «глупых гуцулов» и «хохлов-салоедов» [15], а «лозунг «Слава Украине» – то для галицких туалетов» [15]. И. Дзюба утверждал: «во главе государства… может и себя сжечь, и государство» [15].

Звезды русского культурного пространства (Н. Басков, Д. Билан, И. Горбачева, С. Лобода, Н. Королева, Л. Кудрявцева, М. Галкин Л. Милявская и др.) с восторгом реагировали на победу В. Зеленского. Владимир – знаковое имя Руси (Владимир Креститель, Владимир Мономах и др.).

Говоря языком избирателей, в битве «молодого кота в мешке» и «старого волка в овечьей шкуре» победил достойный «Бонапарт экрана», сравниваемый сторонниками с Рейганом и Бушем. Конечно, образ Наполеона Бонапарта может быть соотнесен с великим актером и талантливым режиссером, ставшем Президентом Украины. Даже В.В. Путин отозвался о Президенте Украины Владимире Зеленском как о хорошем актере: «он хороший актер» [16]. Президент России констатировал: В.А. Зеленский – «это действительно талант» [16].

«Студия Квартал 95» – это ярчайшая украинская команда, которая прекрасно знает правила и законы не только в своем культурном сегменте, но и активно работает в общепланетарном культурном пространстве и социальном поле. Далеко за пределами Украины известны такие звезды «Студии Квартал 95», как харизматичная и многогранная (по своим дарам и талантам) Елена Юрьевна Кравец, знаковые и авторитетные Александр Викторович Пикалов и Евгений

Викторович Кошевой, Юрий Николаевич Крапов и Сергей Юрьевич Казанин, Игорь Сергеевич Ласточкин и некоторые другие. Они, звезды «Студия Квартал 95», во многом новое лицо современной Украины. Елена Юрьевна Кравец – восхищает миллионы мужских сердец на разных континентах, а за ее супруга, пожалуй, можно порадоваться. Конечно, можно вспомнить и других звезд и звездочек «Студии Квартал 95» (Марту Адамчук и иные). Много можно говорить о различных талантах (не только сценарных и сценических) Первой леди Украины, жены Президента – Елены Владимировны Зеленской. Один из ее даров – умение дружить и ценить человеческие отношения [17].

Славный В.А. Зеленский и его талантливая супруга-сценаристка из Кривого Рога, чья прекрасная территория является не только важной и неотъемлемой частью Украины, но и знаковым местом Европы. Не случайно Кривой Рог считают почти самым длинным городом мира [18]. Город-малая Родина державной четы Зеленских – самый узкий из всех протяженных городов мира – более 126 километров, уступая по своей протяженности лишь Мехико (территория простирается на 200 км) и Сочи (по береговой линии более 145 км) [18].

Подведем итог. Опасны «боевая культурология» (шире – «воинственная гуманитаристика») в руках лжецов, ибо это инженерия массового сознания и отдельных душ [1]. Для нормализации украинско-русских отношений целесообразен культурный Киево-Московский проект. Ради народного лидера и отдельных представителей его команды хотя бы кинопроект во главе с мудрой Первой леди. Для этого есть великое и многогранное литературное (и не только) наследие. Имперское наследство не ограничивается Гоголем, Данилевским, Некрасовым и иными выходцами из Украины, советское достоянье – не только Довженко, Корнейчук и Галан. Есть и современные работы («Главное дело Владимира Великого», «За чужой невестой», «За Святую Русь», «В браке с американской миллионершей» и др.). Обратим внимание, к примеру, и на творчество Н.В. Малороусса в его миролюбивом русско-украинском и евроамериканском контекстах [19; 20; 21].

Девиантность, делинквентность и аномию легитимизируют так называемые «фантастические» культурология и история. Нужны культурологи-системщики, а не фальшкультурологи и фальшгуманитарии. Эстетизация безобразного и воспевание аморального – тоже сфера аномии как опасного беззакония в сфере культуры.

Русофобия и украинофобия – это нарушение законов культуры и бытия. Как и иные ксенофобские проявления. Необходимо признать, что в любом народе есть две культуры (почти как по Ленину). Одна – высокая (благородная, высшая, аристократичная и т.д.) и вторая, – низкая (примитивная, низовая, иногда вульгарная), по сути, субкультура. Печально, если на место эталонов высокой культуры приходят циничные образцы низких субкультур.

Необходима защита от внутренней (через противодействие популяризации примитива, вульгарщины и т.п.) и внешней гуманитарной агрессии, а шире – духовных интервенций. Потому востребованы объективные, честные, всесторонние, глубокие, исчерпывающие методы и приемы по духовной и культурной безопасности.

Можно констатировать: повышается уровень истинной культуры – улучшаются условия жизни. Законы культуры скреплены творчеством и любовью.

Законы культуры связаны с моралью (включая понятия любви, правды, верности, справедливости и т.д.), с особенностями культурных пространств и кодов, с потенциалом и заданностью развития, с векторами и определенностями. Оригинальна идея соотнести обычные болезни с культурными и социокультурными явлениями (нацизм как онкология, расизм как СПИД, «букеты» национализмов как опухали и легочные – бронхиты, трахеиты, пневмония и другие – заболевания, радикальная левизна как холера, мелкие нездоровые перегибы как простудные хвори и т.д.).

Важен и деонтологический момент: ценить, беречь историю и развивать подлинную культуру. Потому целесообразна клятва гуманитария (культуролога, историка и т.д.) – «не навреди человеку и обществу».

Хочется верить, что гуманист В. Зеленский – надежный шанс для славянства и всего прогрессивного человечества. Хочется надеяться, что при нем на Украине воцарятся мир, спокойствие, дружба, любовь и взаимопонимание.

В.А. Зеленский – не просто талантливый Мастер сцены и экрана [22, с.24-34]. Новый Президент Украины – явление обусловленное законами истории и логикой социокультурного развития. В.А. Зеленский – потенциально гениальный Демиург прекрасного грядущего единой (в многообразии и многоликости) соборной Украины и обновленной Европы, где важную роль должны играть не только представители западной части Старого света, но и восточных территорий нашего общего континента.

Ветхой Западной Европе необходимо признать важность и судьбоносность великого восточного славянства, руководимого Москвой и Киевом.

Список литературы

1. Радзієвський В.О. Нотатки з субкультури аномії: монографія. – Київ: Логос, 2012. – 368 с.
2. Шакун В.І. Суспільство і злочинність. – Київ: Атіка, 2003. – 784 с.
3. Базанов П.Н. «Петропольский Тацит» в изгнании: Жизнь и творчество русского историка Николая Ульянова. – СПб.: Владимир Даль, 2018. – 511 с.
4. Лихачев Д.С. Время сближения. – М.: АСТ, 2019. – 400 с.
5. Вебер М Протестантская этика и дух капитализма. – М., 2016. – 180 с.
6. Суетов Л. Философия истории: некоторые исторические понятия и законы // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. – № 4 (37). – С. 35–37.
7. Базанов П.Н. Послесловие: Леонид Александрович Суетов и его «законы истории» // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. – № 4 (37). – С. 38–39.
8. Радзиевский В. Украина: время перемен. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2017. – 148 с.
9. Зюганов Г. Уроки XX века // Наш современник. – М., 2017. – № 3. – С. 190–195.
10. Топоров А. Почему «братья» так откровенно не уважают Россию. – https://tsargrad.tv/articles/pochemu-bratja-tak-otkrovenno-ne-uvazhajut-rossiju_93022

11. Мухин А.С. Культурологическое образование в XXI веке // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. – № 3 (36). – С. 17–25.
12. Заседание Совета по культуре и искусству / Под председательством Владимира Путина в Кремле состоялось заседание Совета при Президенте по культуре и искусству. 21 декабря 2017 года. – http://kremlin.ru/events/president/news/56456
13. «Зеленский – антихрист, посланный Украине за грехи», – Корчинский // Narodna Vlada – YouTube. – // https://www.youtube.com/channel/UCn5TteCYueiEI83yU6r15TQ
14. Вопрос: показывает ли Зеленский публично знак сатаны, и про чипирует ли он население Киевской Руси? – https://www.https://pravdoiskanie.livejournal.com/4315268.html
15. «Це зовсім не смішно!»: Зеленському пригадали його слова, про Україну-«порноакторку» // Високий Замок. 03.04.2019. – https://wz.lviv.ua/.../387926-tse-zovsim-ne-smishno-zelensk... (Іван Дзюба та 26 представників інтелігенції України закликали голосувати проти Зеленського).
16. Путин о Зеленском: одно дело играть, другое дело быть кем-то. – https://www.pravda.com.ua/rus/news/2019/06/7/7217472/
17. «Горжусь нашей дружбой»: Елена Зеленская показала свою лучшую подругу // Факты. 2019. – 10 июня.
18. 5 самых протяженных городов мира. – ings.com.ua/ru/mir-vokrug-nas/5-samyx-protyazhennyx-gorodov-mira.html
19. Малороусс Н.В. @Заметки@ #инопланетного# инсайдера. [Нерусская русская или В браке с американской миллионершей. Неукраинская украинка (Немалоросская малоросска) или Найти, потерять и не (?) отыскать себя опять]. Романы. – М.: Голос-Пресс, 2017. – 520 с.
20. Малороусс Н.В. @Любософии@ американского #русича-гуманоида# (Вариации материалов к русско-американскому культурному сотрудничеству). – М.: Голос-Пресс, 2017. – 418 с.
21. Малороусс Н.В. Небелорусская белоруска или Невыполненная миссия?! Роман. – М.: Голос-Пресс, 2018. – 268 с.
22. Радзиевский В. Культура Украины: новые метаморфозы? LAP LAMBERT Academic Publishing, 2019. – 185 с.

Раренко М.Б.
к.ф.н., с.н.с. ИНИОН РАН, доцент МГУ

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И.А. КРЫЛОВА

Ключевые слова*: русская литература; русская словесность; И.А. Крылов; баснописец; басня; переводчик; перевод.*

Keywords*: Russian literature; I.A. Krylov; Russian fable writer; fable; translator; translation.*

Имя Ивана Андреевича Крылова прочно и навсегда связано с его баснями, знакомыми нам с самого раннего детства. Именно благодаря басням И.А. Крылов уже при жизни стал классиком, своего рода восьмым чудом света. Что, безусловно, справедливо. Басни действительно занимают значительное место в творчестве И.А. Крылова, однако ими его литературные занятия совсем не ограничиваются.

Прежде чем найти и прочно занять свою литературную нишу (к чему он шел долго и мучительно), И.А. Крылов попробовал себя во многих ипостасях – в частности, выпускал литературные журналы: «Почта духов» (вместе с капитаном И.Г. Рахманиновым[1]) в 1789 г., «Зритель» (совместно с Клушиным и др.) в 1792 г., «С.-Петербургский Меркурий» в 1792 г., писал стихотворения – оды, песни и послания (некоторые из них были опубликованы в «С.-Петербургском Меркурии»), был автором прозаических произведений – журнальных статей, в том числе двух похвальных речей – «Похвальная речь науке убивать время, говоренная в Новый год» и «Похвальная речь Ермалафиду, говоренная в собрании молодых писателей», а также повести «Каиб». Перу И.А. Крылова принадлежат оперы «Кофейница», «Бешеная семья» в трех действиях в прозе с куплетами, ряд комедий, среди которых «Пирог», «Проказники», «Триумф», «Модная лавка», «Урок дочкам», «Ленивый», по мнению современников, весьма не плохие, на злобу дня и не только, некоторые из которых ставились в театре. Более того, будущий баснописец попробовал себя и в трагическом роде, написав трагедию «Клеопатра» и представил ее на суд знаменитому Дмитревскому, который, однако, похвалив ее за все, что в ней было хорошего, дал понять автору, что «трагедия в таком виде не может быть представлена на театре, что нужно ее совершенно пересоздать и переделать» (Лобанов, 1982, с. 54). Стихотворное наследие И.А. Крылова невелико – около пятидесяти произведений. Среди них есть и большие формы – философско-поэтическая ода («Уединение», «Блаженство»), свободное дружеское письмо («К другу моему»), послание на философскую тему («Послание о пользе страстей»). Есть у И.А. Крылова и любовная лирика, и лирика социальной направленности.

Сам И.А. Крылов впоследствии вспоминал с присущей ему самоиронией: «Я был молод, все писал, что ни взбредет, бывало, в голову; много вздору» (Цит.: по Лобанов 1982, с. 53). Современники же оценивали И.А. Крылова гораздо более высоко: «муж высоких достоинств», «с Ломоносовым, Державиным и Карамзиным ты перейдешь в позднейшее потомство, и имя твое вседневно будет твердиться тысячами юных, едва лепечущих уст до тех пор, пока будет во вселенной существовать русский язык» (Лобанов, 1982, с. 50). Справедливости ради следует отметить, что эти строки М.Е. Лобанов написал уже после того, как за И.А. Крыловым закрепилась слава баснописца.

Часто исследователи басенного творчество И.А. Крылова задаются вопросом, можно ли считать его басни самостоятельными произведениями или же они являются переводными, созданными по аналогии, по мотивам других авторов, таких как Эзоп, Лафонтен и пр. В 1789 г. И.А. Крылов затеял вместе с капитаном И.Г. Рахманиновым[2] выпускать журнал «Почта духов»[3]. Издатели, извещая подписчиков о выпуске «Почты духов» (в крыловское время ударение падало в слове «духов» на второй слог), называли его «ежемесячным изданием» и «ежемесячно издаваемым собранием писем», т.е. изначально издание задумывалось как произведение одного автора, облеченное в форму журнала[4]. Для нас это издание представляет интерес прежде всего в связи с его «переводным» характером: «Из 48 писем, вошедших в «почту духов», 23 являются довольно точными переводами (с некоторыми сокращениями, реже – с добавлениями и с изменением французских реалий на русские) из двух книг французского писателя-просветителя Жана-

[1] В статье М.Е. Лобанова «Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова» (И.А. Крылов в воспоминаниях современников. – М.: Художественная литература, 1982. – С. 50–90) на с. 52 он упоминается как «капитан Рахманов». – *Прим. М.Р.*

[2] «Почта духов» печаталась в типографии И.Г. Рахманинова, и его инициалы были указаны на обороте титульного листа каждого выпуска. – *Прим. М.Р.*

[3] Журнал выходил как повременное издание, начиная с января 1789 г . и закончился на восьмом, августовском, выпуске, поступившим, однако, подписчикам только в марте 1790 г. По-видимому, издание пришлось прекратить из-за усиления правительственного надзора над книгами в связи с тем, что после событий французской революции в России наблюдалось общее ожесточении реакции. – *Прим. М.Р.*

[4] Отметим, что до сих пор среди литературоведов не существует единого мнения, все ли письма, изданные в журнале «Почта духов», принадлежат И.А. Крылову, однако большинство исследователей приписывают авторство всех без исключения писем И.А. Крылову на том основании, что их всех объединяет единство стиля (Более подробно см.: Крылов, 1984 а, с. 433). – *Прим. М.Р.*

Батиста де Буайе маркиза д'Аржана (1704–1771), «Кабалистические письма»... и «Еврейские письма...» (Крылов, 1984 а, с. 433).

В дальнейшем И.А. Крылов также обращался к произведениям зарубежной литературы в поисках вдохновения. Так, «Речь, говоренная повесою в собрании дураков» восходит к античной литературе (например «Похвальное слово плеши Синесия Киренского, 370–413 н.э., «Похвальное слово мухе» Лукиана, 2 в. н.э., наконец, «Похвала глупости Э. Роттердамского» (1469–1536) и пр.

А найденная уже после смерти И.А. Крылова в его черновых бумагах и опубликованная впервые в «Журнале древней и новой словесности»[1] за 1819 год, январь, с. 46–49, с подписью NN «Речь, в которой жалуется сапожник на жену свою» является точным переводом рассказа из специально подобранных примеров риторических фигур Мармонтеля, французского писателя конца XVIII в.[2]

А.П. Лободанов в статье «Ранние переводы русских поэтов из лирики Петрарки: Державин и Крылов» отмечает, что «русский XVIII век много переводил из иностранной словесности, чем способствовал расширению, распространению и укоренению просвещения в равной мере, как и становлению и развитию своего литературного языка» (Лободанов, 2005, с. 43). Еще ценнее в связи с творчеством И.А. Крылова нам представляется следующее замечание: «У крупнейших представителей русской словесности этого времени переводы и подражания отличались творческой самостоятельностью языкового выражения» (Лободанов, 2005, с. 43).

Среди переводного наследия И.А. Крылова следует также отметить два перевода с итальянского – «Сонет к Нине» (перевод сонета Петрарки «Pace non trovo...», выполненный им в 1790-х гг., но опубликованный лишь после смерти баснописца в 1847 г.) и «Мой отъезд» (перевод песни П. Метастазио «La Partenza» (напечатанный также после смерти И.А. Крылова, в 1793 г.)[3].

Таким образом, И.А. Крылов в рамках литературной деятельности активно занимался переводами. Действительно, эти занятия не носили, видимо, для него самостоятельной ценности, а служили, скорее всего, дополнительным источником вдохновения, поэтому и говорить о нем как о профессиональном переводчике вряд ли справедливо.

«Переводческий метод» (если его можно так назвать) И.А. Крылова заслуживает особого внимания. Сам писатель никогда не указывал на переводческий характер своей деятельности (кроме как в лирических произведениях), и для многих исследователей его небасенного творчества переводческий характер многих его произведений стал настоящим открытием.

Тем не менее, вполне четко прослеживается одна закономерность: все произведения И.А. Крылова, написанные «по мотивам» других авторов, непременно включают в себя то, что В.Г. Белинский в свое время назвал «народностью» и считал «первым достоинством литературы и высшею заслугою поэта» (Белинский, 1981, с. 258). И действительно, читая сегодня произведения И.А. Крылова, невозможно не отметить, что в его произведениях на первое место выступает «русскость». Если в баснях «нет ни медведей, ни лисиц, хотя эти животные, *кажется*, и действуют в них, но есть люди, и притом русские люди» (Белинский, 1981, с. 266), то в других произведениях воссоздана русская действительность. Хотя при создании своих произведений И.А. Крылов зачастую и использовал чужие мотивы, он всегда их адаптировал для русского читателя так, что ни у кого не оставалось никакого сомнения в их аутентичности.

Список литературы

1. Белинский В.Г. Собрание сочинений в 9 тт. – М.: Художественная литература, 1981. – Т. 7. – 799 с.
2. Крылов И.А. Речь, в которой жалуется сапожник на жену свою. – http://krylov.lit-info.ru/krylov/proza/perevod/zhaluetsya-sapozhnik-na-zhenu.htm
3. Лобанов М.Е. Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова // Иван Андреевич Крылов в воспоминаниях современников. – М.: Художественная литература, 1982. – С. 50–90.
4. Лободанов А.П. Ранние переводы русских поэтов из лирики Петрарки. Державин и Крылов // Сергиевские чтения. – М.: Древлехранилище, 2005. – 264 с.

[1] Авторство И.А. Крылова было установлено черновым автографом. – *Прим. М.Р.*

[2] Более подробно см.: http://krylov.lit-info.ru/krylov/proza/perevod/zhaluetsya-sapozhnik-na-zhenu.htm

[3] Более подробно разбор перевода из Петрарки, выполненного И.А. Крыловым, см.: Лободанов, 2005, с. 50–55.

Савва Е.В.
к.филос.н., доцент, Кубанский государственный университет, Краснодар

ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТАХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Ключевые слова*: межкультурная коммуникация, этнический конфликт, этнополитический конфликт, информационное общество, содержание сообщения, каналы коммуникации.*

Keywords*: intercultural communication, ethnic conflict, ethno-political conflict, Information society, message content, communication channels.*

Межкультурная коммуникация в ситуации этнического конфликта выступает в качестве одного из ключевых факторов динамики конфликта. От качества такой коммуникации, в том числе от ее устойчивости, в большой степени зависит результат конфликта: завершится ли он разрушением единства полиэтничной социокультурной общности, сохранится ли статус-кво, либо будет достигнут компромисс между сторонами конфликта. Конфликт неизбежно изменяет некоторые параметры межкультурной коммуникации, что объективно усложняет и без того достаточно сложную систему взаимодействия носителей разный культур.

Целью данной статьи является выявление основных деформаций процесса межкультурной коммуникации в условиях этнического конфликта. Эмпирическую основу выводов статьи составили материалы исследований, посвященных различным аспектам межэтнического взаимодействия на постсоветском пространстве, в том числе проведенные с участием автора статьи в Краснодарском крае.

Одно из наиболее простых определений коммуникативного процесса, достаточное для нашей публикации, предполагает следующие его компоненты: отправитель, сообщение, канал коммуникации, получатель. Автор рассмотрит влияние этнического конфликта на все эти компоненты. Отправитель и получатель в контексте настоящей статьи близки по характеристикам. Близость характеристик определяется тем, что как отправитель, так и получатель погружены в контекст какой-либо культуры, рассматривают свою этническую принадлежность в качестве своего значимого отличия. В силу этого отправитель и получатель могут рассматриваться в контексте нашего исследования в качестве одной группы. При этом необходимо учитывать ключевую, по мнению автора, особенность межкультурной коммуникации. Эту особенность сформулировал Г. Триандис: «Взаимодействие, в котором участвуют представители различных культур, часто приносит больше издержек, чем пользы. Так происходит в силу того, что индивид бывает неспособен оказываться полезным для другого, а поведение партнера зачастую непредсказуемо. Значение, приобретаемое поведением, зависит от того, какие причины стороны взаимодействия приписывают поступкам друг друга. Для точной атрибуции необходимо знать путь, которым люди познают свое социальное окружение, то есть знать их культуру»[1]. Непредсказуемость поведения партнера в межкультурной коммуникации приводит к высокой непредсказуемости результатов такой коммуникации даже при отсутствии каких-либо усложняющих факторов. Подчеркнем, что в условиях конфликтного взаимодействия непредсказуемость межкультурной коммуникации возрастает.

Автор понимает этнический конфликт широко - как форму межгруппового конфликта, в котором участники конфликта поляризуются по этническому критерию. Подобное определение этнического конфликта дал академик В.А. Тишков, который рассматривает этнический конфликт как «любую форму гражданского, политического или вооруженного противоборства, в котором стороны или одна из сторон мобилизуются, действуют или страдают по признакам этнических различий»[2].

Этнические конфликты довольно сложно выделить в общем массиве социальных конфликтов. Одной из субъективных причин этого, по мнению автора, является стремление представителей органов государственной власти и местного самоуправления избегать определения этнических конфликтов в качестве таковых. Существуют также объективные причины, среди которых – сложная структура этнических конфликтов. Этнический конфликт – это особая форма социального конфликта, включающего в себя этническую мотивацию, причем мотивацию любого вида: этнического превосходства, угнетения, угрозы потери этнической идентичности. Как правило, в этнических конфликтах оказываются задействованными политические институты, что еще более усложняет структуру этнических конфликтов. В связи с этим выделение языковых конфликтов как самостоятельной формы конфликтов, не связанных с этническими, представляется автору необоснованным. Во-первых, вопрос о статусе языка любой (вне зависимости от численности) этнической общности не может быть разрешен вне политического пространства. Во-вторых, как убедительно свидетельствует опыт последних лет существования Союза ССР и постсоветский опыт, борьба «за родной язык»

[1] Triandis H.C. Interpersonal behavior across culture // Conflict and human interaction. 1979.

[2] Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. – М.: Русский мир, 1997. – С. 480.

фактически означала политическую борьбу за власть и за доступ к распределению и перераспределению ресурсов и материальных благ[1], и ситуация с того времени принципиально не изменилась.

Особенность этнического конфликта состоит не только в том, что его сложно выделить в «чистом виде». Также нужно отметить, что ввиду высокой степени насыщенности этнических конфликтов эмоциональным компонентом и в силу того, что участники конфликта не могут действовать вне границ политически организованного пространства, любой этнический конфликт в большинстве случаев приобретает форму этнополитического. Причем данная трансформация зачастую не зависит не только от первоначально провозглашенных целей его участников, но и от их воли и желания. Этот кумулятивный эффект этнического конфликта выражен очень сильно.

Применительно к полиэтничным социальным общностям, например, населению государств и регионов, очевидные фазы конфликта самым тесным образом связаны с напряженностью этнических отношений. Международный опыт регулирования этнических конфликтов, обобщенный в Меморандуме Кона, предлагает рассматривать сущность этнического конфликта на 4 стадиях: латентный период, проявления, активное течение, последствия[2].

Существенное влияние на коммуникации в ходе современных этнических конфликтов оказывает информационный характер общества. On-line диалоги становятся все более широко распространенными и активными. Возможность участия в таких диалогах означает одновременно возможность доступа субъектов таких диалогов к информации. Информационное общество предполагает «цифровое неравенство», то есть существенные различия в доступе к информации. Эти различия являются важнейшим критерием разграничения людей, в том числе разграничения в доступе к ресурсам. Можно уверенно сказать, что основой разделения на богатых и бедных все больше становится разный доступ к информации. Еще в 1997 году Программа развития Организации объединенных наций (ПРООН) ввела в практику новое измерение бедности – информационное. В качестве главного противоречия социальных отношений в настоящее время необходимо рассматривать противоречие между высоким уровнем доступа к информации и готовность получать знания и некомпетентностью[3]. Отдельные этнофоры и целые этнические группы, как показывает практика, могут существенно различаться по уровню доступа к информации даже в границах одного местного сообщества.

Процессы разобщения людей по этническому критерию являются неизбежным результатом роста напряженности в любой сфере общественной жизни. В свою очередь, напряженность этнических отношений усиливает эмоциональный компонент взаимодействия. Она снижает уровень доверия между коммуникаторами. В результате как отправитель, так и получатель информации изменяются. Отправитель, не доверяя получателю, формулирует содержание послания предельно категорично. Получатель, также не доверяя отправителю, вкладывает в полученное послание более негативное содержание, чем это есть в действительности, то есть более, чем в него вложил отправитель. Оба коммуникатора входят в своеобразную «спираль недоверия», становясь более категоричными и недоброжелательными с каждым новым сообщением.

Содержание послания также неизбежно деформируется в ситуации напряженности этнических отношений. В силу высокой насыщенности этнического взаимодействия, особенно в условиях напряженности, эмоциями, участники такой коммуникации используют эмоциональные форматы информации. В большинстве случаев уровень эмоциональности посланий нарастает постепенно, малозаметно для отправителя, но заметно для получателя. Отправитель воспринимает уровень эмоциональности своих сообщений как приемлемый, при этом получатель рассматривает его в качестве провокационного и враждебного. Подобная деформация содержания влияет на субъект и объект коммуникации, снижая рациональность восприятия ими отправляемой и получаемой информации.

Каналы межкультурной коммуникации в условиях дезинтеграционной напряженности, как правило, быстро политизируются. Люди всегда, вне зависимости от своего желания, действуют в границах политически организованного пространства. Высокое недоверие к партнеру по коммуникации формирует подозрения в стремлении этого партнера к доминированию, то есть переводит коммуникацию в политическую сферу. На высоком уровне напряженности практически любой этнический конфликт приобретает форму этнополитического. Как было сказано выше, эта трансформация фактически не зависит от участников конфликта. Широко известный и показательный в контексте данной статьи, но слабо изученный конфликт в Ферганской долине между турками-месхетинцами и узбеками в 1989–1990 гг. возник спонтанно, без каких-либо заранее сформулированных политических программ участников. Данный конфликт принял форму классического погрома, в котором действия исполнителей погромов не поддавались логическому объяснению. Очевидец тех трагических событий российский этнограф С.Н. Абашин не скрывает своего недоумения: «Почему же эта сравнительно небольшая, компактно живущая этническая группа, которая по языку, культуре, религии из всех других «пришлых» национальных меньшинств казалась наиболее близкой коренному населению, стала жертвой столь яростного гнева узбеков?»[4]. В ряде случаев погромщики пытались захватить административные здания и адресовали свои слабо структурированные требования органам власти[5]. Другими словами, иррациональный со стороны внешнего наблюдателя конфликт приобрел этнополитический характер.

Логическим продолжением событий в Ферганской долине стал рост этнополитической напряженности в Краснодарском крае, связанный с прибытием сюда турок-месхетинцев начиная с 1989–1990 гг. При численности 14,5 тыс.

---

[1] Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. – М.: Языки славянской культуры, 1998.

[2] Меморандум Кона. Управление этническим конфликтом // Межнациональные *отношения* и становление гражданского общества на *Юге России*. – *Краснодар: Изд-во Южного регионального ресурсного центра, 2002*. – С. 7.

[3] Бондаренко С. Цифровое неравенство // Наука и жизнь. – М., 2001. – № 6. - https://www.nkj.ru/archive/articles/6053

[4] Абашин С. На разломе «южной дуги» (из блокнота этнографа) // Вестник Евразии. - М., 2000. – № 2 (9). – С. 108–128.

[5] Осипов А.Г. Ферганские события: конструирование этнического конфликта // Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты. – М.: Наука, 2004. – С. 164–223.

человек турки-месхетинцы стали на какое-то время в общественном мнении региона с пятимиллионным населением главной этнополитической проблемой. Одна из конфликтующих сторон, а именно турки-месхетинцы, трактовала недоброжелательное отношение к себе как проявление этнической дискриминации. Другая сторона, выступавшая от имени местного славянского большинства, рассматривала конфликт как ценностный, как столкновение несовместимых культурных ценностей людей, вынужденных взаимодействовать, а также как результат отсутствия продуманной миграционной политики федерального центра. Уже по наличию перечисленных признаков можно отнести данный конфликт к разряду этнополитических: требования участников были обращены к власти. При этом уровень рациональности конфликта был чрезвычайно низким. Исследователи турок-месхетинцев в Краснодарском крае указывают на позитивный характер отношений турок-месхетинцев с их непосредственными соседями и на то, что провокаторами конфликтных ситуаций обычно выступали активисты этнически ориентированных движений из других населенных пунктов[1]. Другими словами, у непосредственного социального окружения турецко-месхетинской диаспоры не было претензий к этим людям.

Изучение автором каналов коммуникации в подобных конфликтах позволяет сделать вывод об очевидной тенденции к расширению числа таких каналов. На начальном этапе коммуникации она ограничивается межличностными формами. Однако, по мере развития процесса, начинается использование более формализованных и технологичных каналов, в том числе социальных сетей и средств массовой информации. Подчеркнем важную в контексте темы особенность социальных сетей как канала коммуникации. Социальные сети создают у сторон взаимодействия ощущение высокой защищенности, что приводит к готовности использовать резкие, провоцирующие и оскорбляющие высказывания. Подобная коммуникация усиливает негативную эмоциональность отношений отправителя и получателя информации.

Автор фиксирует еще одну тенденцию изменения каналов межкультурной коммуникации на этапах проявлений и активного течения этнического конфликта – формирование участниками взаимодействия новых адресатов своих посланий. Такими новыми адресатами становятся органы государственной власти и местного самоуправления, средства массовой информации, другие потенциальные центры влияния. Включение органов власти и должностных лиц в сеть коммуникации политизирует коммуникативный процесс. Иррациональные конфликты получают систему политических лозунгов, оставаясь при этом иррациональными по своей сути.

Подводя итоги исследования, автор считает возможным сделать ряд выводов. Этничность, будучи универсальной формой человеческого бытия, выступала и с чрезвычайно высокой вероятностью будет выступать как относительно самостоятельный конфликтогенный фактор. Поликультурность и полиэтничность являются двумя тесным образом взаимосвязанными факторами.

Информационное общество предполагает «цифровое неравенство», то есть существенные различия в доступе к информации. Эти различия являются важнейшим критерием разграничения людей, в том числе разграничения в доступе к ресурсам. Отдельные этнофоры и целые этнические группы, как показывает практика, могут существенно различаться по уровню доступа к информации.

Полиэтничность действительно повышает уровень конфликтогенности общества, но это тот случай, когда слабая сторона одновременно является сильной, поскольку подразумевает и более высокую по сравнению с моноэтничным обществом динамику развития. Кроме того, моноэтничных обществ в настоящее время практически не существует. Этнические конфликты – неизбежное явление. Особенность, отличающая их от других форм социального конфликта, состоит в том, что свое функциональное значение они могут выполнять лишь в той форме, когда они не перешли к открытому противостоянию. В современных условиях практически любой этнический конфликт приобретает форму этнополитического.

Напряженность этнических отношений в ходе межкультурной коммуникации приводит к деформации всех основных элементов процесса коммуникации. Оба коммуникатора становятся более категоричными и недоброжелательными, уровень доверия партнеров по коммуникации снижается. Содержание коммуникации изменяется в сторону повышения эмоциональности и снижения рациональности. Каналы межкультурной коммуникации в условиях напряженности достаточно быстро политизируются. Это происходит, например, путем включения в процесс коммуникации новых участников, среди которых наиболее часто оказываются органы публичной власти и средства массовой информации.

[1] Савва М.В. Новые диаспоры Краснодарского края (права, интересы, динамика интеграции и восприятие местным сообществом). – Краснодар: Изд-во КубГУ, 2006.

Савина Н.В.[1]

ВЪЕЗДНОЙ ТУРИЗМ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР СТРАН БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: *Республика Беларусь, въездной туризм, туристические ресурсы, страны Большой Евразии, диалог культур, сотрудничество.*

Keywords: *Republic of Belarus, inbound tourism, tourism resources, countries of Greater Eurasia, dialogue of cultures, cooperation.*

Увеличение валютных поступлений от туристического бизнеса позволяет говорить об актуальности научных исследований и изучения многогранных проблем въездного туризма. Въездной туризм представляет собой сложное явление в системе современных отношений между народами в комплексе туристических связей, с присущими ему тенденциями и перспективами развития. Согласно прогнозам ЮНВТО в 2020 г. количество международных прибытий туристов составит 1,56 миллиарда человек. Анализ показателей туристических прибытий по регионам показывает, что к 2020 г. тремя ведущими принимающими регионами будут Европа, Восточная Азия, Тихоокеанский и Американский регион, далее будут следовать Африка, Ближний Восток и Южная Азия. Лидером мирового туризма по количеству туристических прибытий в 2020 г. станет Китай, доля которого составит 8,6% в общем мировом объеме, затем следуют США, Франция, Испания, Гонконг [1].

Мировые прогнозы показывают, что высокие темпы развития туризма сохранятся в ближайшие годы, а доля доходов, получаемых от туристической индустрии, будет постоянно увеличиваться и оказывать все большее влияние на экономику в целом. Развитие отраслей, связанных с обслуживанием туристов, способствует созданию рабочих мест, стимулированию производства, снижает социальную напряженность в обществе. Вышеизложенное подтверждает *актуальность* темы исследования, позволяя определить место въездного туризма Беларуси в диалоге культур стран Большой Евразии.

Впервые идея континентальной кооперации была озвучена в статье для немецкой газеты «Süddeutsche Zeitung» Президентом Российской Федерации Владимиром Владимировичем Путиным в 2010 году. В 2015 году идеи «Большой Европы» трансформировались в проект «Большая Евразия», в котором вместо Европейского союза главным партнером ЕАЭС рассматривается Китай. В научный оборот термин «Большая Евразия» был введен в сентябре 2013 года старшим исследователем Центра европейских политических исследований (CEPS, Брюссель) Майклом Эмерсоном в его докладе «Towards a Greater Eurasia: Who, Why, What, and How?» (На пути к Большой Евразии: кто, почему, что и как?). Его концепция «Большой Евразии» включает в себя все страны Европы и Азии в пределах евразийского суперконтинента и затрагивает вопросы совместных усилий в сфере стратегической безопасности, политических идеологий, долгосрочных социально-экономических проблем и культурных ценностей между ними. Термин «Большая Евразия» включает как весь евразийский, так и часть африканского континента. В соответствии с классификацией ООН, в Большую Евразию входят 48 стран Европы, 50 – Азии и 7 – Северной Африки, охватывающие восемь из двенадцати локальных цивилизаций и девять цивилизационных объединений. Сегодня в странах Большой Евразии сконцентрировано почти 9/10 производимой в мире энергии, около 3/4 мирового ВВП и 4/5 населения мира [2].

Развитие туризма в целом, и въездного, в частности, является одним из приоритетных направлений социально-экономического развития Республики Беларусь. Туризму в Беларуси уделяется особое внимание со стороны государства, создана благоприятная нормативно-правовая база его развития. В Законе «О туризме» Республики Беларусь въездной туризм рассматривается как туристическое путешествие иностранных граждан и лиц без гражданства, за исключением постоянно проживающих в Республике Беларусь, в пределах территории Республики Беларусь. Начиная с 2000 года формируются и успешно реализуются Государственные программы развития туризма. Так, Государственной программой «Беларусь гостеприимная» на 2016–2020 гг. (далее Программа) предусмотрено увеличение экспорта туристических услуг, увеличение численности туристов и экскурсантов, отправленных по маршрутам в пределах территории страны, увеличение численности иностранных граждан, посетивших Беларусь, а также увеличение количества организованных туристов и экскурсантов.

За годы действия Программы особое развитие и популярность получили *культурно-познавательный, агроэкотуризм, медицинский и лечебно-оздоровительный, событийный, спортивный, деловой* (MICE-туризм) и *охотничий* виды туризма. Активно также развиваются *образовательный, гастрономический, промышленный (индустриальный), военно-исторический, ностальгический, религиозный и автотуризм*.

[1] Савина Нина Владимировна – к.ф.н., доцент кафедры экономики и управления туристической индустрией, Белорусский государственный экономический университет. E-mail: nina.savina.2012@mail.ru

Имидж Беларуси как страны привлекательной для путешественников основан на отечественном туристическом продукте. Например, по итогам 2016 года Беларусь заняла 1 место в номинации «Агротуризм» рейтинга National Geographic Traveler Awards – 2016 среди лучших туристических дестинаций, национальная авиакомпания Belavia заняла 7-е место среди мировых авиакомпаний.

Согласно статистическим данным за 2018 год, в Беларуси насчитывается 1482 организации, осуществляющие туристическую деятельность (в 2017 году их количество составляло 1444). Всего в 2018 году Беларусь посетили 365,5 тысяч организованных туристов (в 2017 – 282,7). В пятёрку стран, лидеров по въезду, вошли: Российская Федерация – 207,4, Литва – 59,5, Польша – 46,3, Латвия –11,0, Германия – 3,6 тысяч туристов [3].

Основными факторами, влияющими на развитие въездного туризма в Беларуси, являются:

– физико-географические – природные условия, климатические и ландшафтные особенности, флора и фауна, возможности для активного отдыха;

– экономико-географические – экономика страны, территориальное размещение, инфраструктура, средства размещения, транспорт;

– историко-культурное наследие – памятники и достопримечательные места истории и культуры, музеи, картинные галереи, выставки и др.;

– этнические – религия, народные праздники, традиции, обычаи, ремёсла;

– разнообразные события и фестивали и др.

Туристические ресурсы Республики Беларусь – природные, социально-культурные объекты, включая недвижимые материальные историко-культурные ценности, удовлетворяющие духовные потребности туристов, экскурсантов и (или) содействующие укреплению и восстановлению их здоровья. Всего в Беларуси насчитывается свыше 20 тысяч историко-культурных материальных, духовных и природных достопримечательностей. Недвижимые объекты наследия, включённые в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь в 2018 году, составили 5355 единиц. Архитектурные, историко-культурные и природные памятники Республики Беларусь, включенные в Список Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО (далее Список): Национальный парк «Беловежская пуща» как природный трансграничный объект, совместно с Республикой Польша; Замковый комплекс «Мир» (г.п. Мир Кореличского района Гродненской области); Архитектурно-культурный комплекс бывшей резиденции Радзивиллов в г. Несвиже (Минская область); Дуга Струве – трансграничный объект, 19 топографических точек которого расположены на территории Беларуси [3].

Республика Беларусь ведет сотрудничество с ЮНЕСКО на протяжение 65 лет и не ограничивается охраной памятников культуры и природных ценностей. В 2003 году Беларусь присоединилась к Конвенции об охране нематериального культурного наследия (фестивали, обряды, песни и др.). Нематериальное наследие представлено памятниками – «Калядные цари», д. Семежево Копыльского района и пилигримкой к Будславской иконе Божьей матери. Будславский фест – это один из символов белорусской идентичности, торжество, которое объединяет различные группы людей, независимо от их религиозных взглядов, социального статуса и гендерных различий.

Одна из основных тенденций развития въездного туризма – это укрепление взаимосвязей наций и народностей, их контактов, формирование и становление международного туристического обмена как компонента диалога культур и культурного сотрудничества. Учение о диалоге культур сформировалось в конце XX века. Ему характерно взаимопроникновение различных сфер – науки, искусства, религии с включением иных пластов в культурный контекст. Адаптироваться к многоголосью окружающего мира помогает туризм. Рассматривая его как способ взаимодействия культур, мы ведём речь о культурном (культурно-познавательном, познавательном) туризме. Туризм выступает в качестве эффективного средства создания условий для межкультурного диалога. Взаимодействие культур – эффективный способ развития человека и социума, поэтому понятие «культура» в туризме рассматривается как исторически определенный уровень развития человека и общества, предполагает сохранение и передачу от поколения к поколению историко-культурного национального наследия и его использования в межкультурном диалоге.

Диалог культур предполагает и продвижение своих языков и культур в страны-партнеры по диалогу через совместные туристические и другие проекты. Среди таких проектов особенно важны различные аспекты формирования имиджа Беларуси и отдельных её регионов (дестинаций) средствами туризма. Данный вид деятельности направлен на удовлетворение запросов, интересов и ожиданий туристов в ознакомлении с историей, культурой, религиозными ценностями, обычаями, традициями, кухней стран и их народов, что и будет способствовать установлению и расширению международных культурных связей между странами Большой Евразии, укреплению дружбы и сотрудничества народов мира. Диалог культур – это самая глубокая форма межкультурных коммуникаций. Понятие «межкультурная коммуникация» введено в 1950-х годах американским культурным антропологом Эдвардом Т. Холлом в рамках разработанной им для Госдепартамента США программы адаптации американских дипломатов и бизнесменов в других странах.

Для налаживания диалога культур посредством туризма необходима целенаправленная деятельность, которая на практике охватывает область маркетинга дестинаций. Посредством брендинга дестинаций завязывается диалог между дестинацией, как одной из культур и потенциальным туристом, как носителем другой культуры. Сам же диалог культур происходит в процессе посещения туристом дестинации. Взаимодействие туриста и дестинации может проходить на двух уровнях: потребительском (получение впечатлений, знаний, процедур, ощущение комфорта – потребление); креативном (интерактивное участие в обычаях и традиционных обрядах, занятие искусством и ремеслами, участие в постановках – соавторство). Только во втором случае можно говорить о диалоге культур, когда дестинация воспринимается туристом не как объект потребления, и даже не как объект понимания и познания, но как бесценный объект искусства [4].

В целях сохранения культурных ценностей, развития организаций культуры и обеспечение общедоступности культурных благ Президент Беларуси Александр Григорьевич Лукашенко подписал принятый Палатой представителей и одобренный Советом Республики Национального собрания Кодекс Республики Беларусь о культуре. Кодексом устанавливаются правовые, организационные, экономические и социальные основы культурной деятельности и регулируются правоотношения в следующих сферах: сохранение и развитие культурных ценностей, охрана историко-культурного и археологического наследия; библиотечное и музейное дело; кинематографическая деятельность; народные художественные ремесла, деятельность коллективов художественной самодеятельности; проведение культурных мероприятий, организация культурного отдыха населения; поощрения в сфере культуры. Кодекс о культуре разработан впервые и не имеет аналогов на постсоветском пространстве [5].

Также была принята Государственная программа «Культура Беларуси» на 2016–2020 годы. Её задачи: сохранение исторической памяти белорусского народа, его национально-культурной самобытности и традиций; активное вовлечение граждан Беларуси в культурную жизнь страны, реализация творческого потенциала нации; обеспечение качественного формирования, сохранности и использования документов Национального архивного фонда Республики Беларусь как части информационного ресурса страны; содействие сохранению национально-культурной идентичности белорусской диаспоры.

Государство Беларуси является важнейшим субъектом культурной деятельности, основным «инвестором» учреждений культуры, гарантом выполнения социальных стандартов. В Беларуси ежегодно проводится около 60 международных, республиканских и региональных фестивалей с презентацией в них историко-культурного наследия страны. Историко-культурное наследие в Законе Республики Беларусь «Об охране историко-культурного наследия» понимается как совокупность наиболее существенных результатов и свидетельств исторического, культурного и духовного развития народа Беларуси, воплощенных в историко-культурных ценностях. Историко-культурные ценности, в свою очередь, трактуются в данном нормативно-правовом акте как материальные объекты (материальные историко-культурные ценности) и нематериальные проявления творчества человека (нематериальные историко-культурные ценности), которые имеют значительную духовную, художественную и (или) документальную ценность.

В этом ракурсе, как туристический ресурс рассматриваем традиционную культуру – те культурные ценности и идеалы, которые передаются из поколения в поколение, становятся важнейшей составляющей этноса, и который обязан заботиться об их сохранении. Традиционные ремёсла – есть то, что наши народы объединяет, и то, что позволит выделить различие культур. Через народные ремёсла транслируются наиболее тонкие черты народной самобытности. Правила заготовки материала, создание оригинальных инструментов, различие технологий, форм, цветов – уникальное культурное наследие, которое передаётся из поколения в поколение. Всё, что окружало наших предков, было создано руками, при помощи технологий и каких-либо правил, и есть ремесленная традиция. Демонстрация народных ремёсел – один из самых элементарных видов анимации, используемой в этнографических музеях. Внимание посетителя всегда привлекает движение. Трансляция традиционных ремёсел не останавливается исключительно на демонстрации умений мастеров. В музее каждый желающий может «прикоснуться к истории», например, принимая участие в мастер-классах, и в такие моменты и возникает диалог культур.

В системе Министерства культуры работает около 100 центров ремесел, насчитывается 2,5 тыс. кружков, курсов, мастерских, лабораторий по различным видам декоративно-прикладного искусства. Свыше 20 тыс. клубных формирований объединяют более 220 тыс. участников. Около 68 % клубных формирований относятся к коллективам художественного творчества. В 2017 году клубными учреждениями проведено свыше 600 тыс. мероприятий (в том числе с участием любительских коллективов художественного творчества проведено 122 тыс. концертов и спектаклей, около 50 тыс. театрализованных народных праздников и обрядов, 47 тыс. выставок произведений народного декоративно-прикладного искусства [6].

Достопримечательности Беларуси представлены в более чем 1000 предложениях по экскурсиям и турам культурно-познавательной тематики. Однако за пределами маршрутов сегодня находится мифология белорусов, которая насчитывает более 150 бестиариев и множество иных персонажей – злых и добрых духов белорусских лесов, полей, озёр и рек, связанных с многочисленными легендами, преданиями, мифами. Отдельные маршруты, связанные с растительным и животным миром и их ролью в мифологии, можно представить в виде хоррора, софта и пр. Использование мифологии в анимационно-досуговых программах, предлагаемых туристам, формирует мифологическое сознание, позволяет усвоить историческое прошлое страны, более глубоко познать настоящее и увидеть перспективы будущего через познанные события, эмоциональные состояния и сопереживания.

Дальнейшее развитие туристической сферы невозможно без разветвленной инфраструктуры, включающей в себя: гостиницы и другие средства размещения – 587, санаторно-курортные и оздоровительные организации – 490, объекты культуры и искусства – 159 музеев и 29 профессиональных театров, а также физкультурно-спортивные сооружения –23 926 единиц (приведенные данные указаны по состоянию на 01.01.2019 г.).

Относительно новым для Беларуси стал агроэкотуризм. Агроэкотуризм − временное пребывание туристов и экскурсантов в сельской местности, малых городских поселениях в целях получения услуг, связанных с приемом, питания (как правило, с использованием продукции собственного производства), размещением, транспортным и иным обслуживанием. Для гостей организуются познавательные, спортивные и культурно-развлекательные экскурсии и программы для отдыха, оздоровления, ознакомления с природным потенциалом республики, национальными культурными традициями, кухней. Сегодня гостей принимают в 2473 агроусадьбах, расположенных в живописных уголках Беларуси. По данным Минспорта, в 2018 году агроэкоусадьбами было обслужено 422,3 тысячи туристов.

Развитию охотничьего вида туризма способствует богатство флоры и фауны Беларуси. Площадь охотничьих угодий составила на конец 2018 года 16,8 миллионов гектаров. В стране функционирует около 200 охотничьих доми-

ков. Все более востребованным среди иностранных граждан становится медицинский и лечебно-оздоровительный туризм. Особое развитие получил спортивный туризм. Республиканский календарный план проведения спортивно-массовых мероприятий ежегодно насчитывает около 300 мероприятий различной направленности, вводятся в строй объекты физкультурно-спортивного назначения, проводятся спортивные мероприятий мирового уровня, такие как Чемпионат мира по хоккею с шайбой 2014 года и успешно прошедшие II Европейские игры и др.

Развитию въездного туризма способствует увеличение протяженности и хорошее состояние автомобильных дорог, объекты придорожного сервиса, разновекторное авиасообщение.

В туристическом плане Беларусь имеет значимые перспективы развития въездного туризма: близость к Западной Европе, Скандинавии, сотрудничество со странами Большой Евразии на основе использования в диалоге культур древней истории и самобытных обрядов и традиций гостеприимства, рационального включения в туристические программы потенциала флоры и фауны заповедных территорий и др.

Развитие въездного туризма зависит от целого комплекса мероприятий, однако визовая составляющая является одной из ключевых. На начало 2019 года действуют соглашения о безвизовых поездках по обычным паспортам для граждан 26 иностранных государств. За последние три года отменены визы между Республикой Беларусь и рядом стран, например, Израилем, ОАЭ, Катаром и Турцией. В Беларуси расширена безвизовая зона для организованных туристов (Указ № 300 Президента Беларуси «Об установлении безвизового порядка въезда и выезда иностранных граждан»). Документ будет действовать вместо указа от 26 декабря 2017 года № 462. Ранее существовавшие раздельно две безвизовые зоны для туристско-рекреационных территорий Бреста и Гродно объединяются в одну безвизовую территорию «Брест – Гродно». В этом регионе срок безвизового пребывания в туристических целях увеличивается до 15 суток для граждан 73 государств.

Иностранцы смогут перемещаться без виз по всей территории западных областей Беларуси при условии следования в составе организованных туристических групп по маршрутам, предусматривающим посещение безвизовой территории «Брест – Гродно». Сохраняется безвизовый порядок въезда в Беларусь для граждан ряда государств на срок до 30 суток через пункт пропуска в Национальном аэропорту Минск, что предусмотрено указом от 9 января 2017 года № 8 (с изменениями, вступившими в силу 24 июля 2018 года) [7].

Видится целесообразным дальнейшее упрощение порядка въезда и пребывания иностранных граждан в Республике Беларусь:

– введение безвизового передвижения иностранных туристов через наземные пункты пропуска;

– продление срока, в течение которого иностранные туристы могут находиться без регистрации на территории Республики Беларусь;

– введение электронной визы, что позволит упростить порядок получения белорусских виз иностранными гражданами

В последние годы в мире наблюдается тенденция превышения темпов роста количества путешествующих в соседние страны или страны ближайших регионов над числом путешествующих в дальние страны. Некоторые эксперты связывают это с постоянной угрозой терроризма, другие – с увеличением количества туристических поездок в год с разбивкой отпусков. Эту тенденцию следует учитывать при формировании и проведении государственной политики, направленной на развитие въездного туризма, а также при планировании деятельности непосредственно туристическими предприятиями, специфика деятельности которых и заключается в том, что они удовлетворяют потребности туристов из разных стран, отличающихся большим разнообразием традиций, вероисповеданий, гастрономических пристрастий и др.

Отсутствие моря и гор в Беларуси могут заменить летом экологически чистые озера и реки, зимой – лыжные курорты, а в любое время года – интеллектуальные формы досуга. Среди них такие аттракции, как рыцарские турниры, экскурсионные и анимационно-досуговые программы народных праздников и фестивалей, можно побывать в качестве зрителя на различных спортивных соревнованиях, посетить театры и музеи и др.

Дальнейшему развитию въездного туризма будет способствовать увеличение государственных инвестиций в туризм как отрасль экономики. Так например, финансирование всей программы «Беларусь гостеприимная» за 2018 год составило чуть более Вr3 млн (порядка $1,5 млн.). В то время как в соседних странах суммы, которые сегодня тратят государства, заинтересованные в развитии своего туристического потенциала, начинаются примерно от 2% бюджета. Цифра эта может быть и выше (в Исландии и Сингапуре на это выделяется 10% бюджета, на маркетинг туристических услуг в 2017 году из бюджета Словении выделено $ 27 млн., в Грузии на 2019 год было выделено более $19 млн., Азербайджан ежегодно выделяет 15 млн. евро) [8].

Для привлечения туристов из стран Большой Евразии следует обратить внимание на возможности MICE-туризма. Например, MICE-туризм, приносит гораздо больше прибыли, чем другие виды. Деловой турист оставляет в стране около 350 долларов в сутки, обычный путешественник – 150. В траты MICE-туристов входят и аренды залов, и банкеты, и другие услуги, которые обычный путешественник не заказывает. Поэтому этот сегмент прибытий так ценится во всех странах и так стремительно развивается по всему миру. Минск отлично зарекомендовал себя как площадка для MICE-туризма. Дальнейшему развитию туризма в целом, и въездного, в частности, в Беларуси будет содействовать недавно созданная новая структура – Межведомственный Совет по вопросам выставочно-ярмарочной и конгрессной деятельности [9].

Развитию въездного туризма будет содействовать и маркетинговая деятельность Национального агентства по туризму (НАТ) Республики Беларусь, направленная на разработку рекламной политики и проведение рекламных мероприятий, осуществление внешней пропаганды туристических возможностей страны, организацию работы представительств за рубежом. Об эффективности рекламы национального туристического продукта свидетельствуют резуль-

таты проведенных ЮНВТО исследований, которые на примере нескольких стран выявили корреляцию между увеличением расходов на рекламу национального туристического продукта и последующими поступлениями от туризма. Например, в среднем для 6 стран – Германия, Испания, Канада, Сингапур, Франция, Шри-Ланка, – увеличение государственных расходов на рекламу только на 1 доллар приносит в бюджет 493 доллара от расходов иностранных туристов и около 74 долларов – от новых налоговых поступлений [10; 11].

Исходя из этого, предложим направления по маркетинговому продвижению национального туристического продукта Республики Беларусь:

– увеличение ежегодного бюджета Национального агентства по туризму на основе государственно-частного партнёрства;

– завоевание новых сегментов туристического международного рынка через расширение сети информационных офисов, партнёров и представительств внутри страны и за рубежом. Реализация маркетинговой политики в рамках механизма государственно-частного партнерства с целевыми экспортными рынками зарубежных стран может основываться *на использовании «тем года» – международные календарные даты, объявленные ЮНЭСКО*, *используя площадки консульств, посольств, белорусских диаспор*;

– проведение рекламно-пропагандистских кампаний в зарубежных СМИ: *проведение пресс-туров* (организация ознакомительных поездок в страну представителей зарубежных СМИ, туристических предприятий и организаций); *реклама в печатных СМИ за рубежом*;

– создание информационных банков данных туристических мест размещения, предприятий туристической индустрии, туров и маршрутов по стране;

– развитие маркетинга туристических услуг Республики Беларусь посредством событийного, фестивального как форм культурно-познавательного туризма через включение в программы пребывания зарубежных туристов в участие во всевозможных праздниках, фестивалях, событийных мероприятиях, которые проводятся на территории страны. *Основа этому – города-побратимы, национальные диаспоры*, привлечение зарубежных туристов путём рассылки приглашений административным и бизнес-структурам, туристическим и общественным организациям и т.д.

– расширение коммуникаций среди молодежи Беларуси и зарубежных стран (в том числе международные связи с зарубежными вузами*)*, включая приглашения зарубежных студентов не только к участию в научных конференциях, но и в молодежных фестивалях, форумах, спортивных событиях и др.

Таким образом, основными результатами очерченных направлений станет повышение информированности потенциальных туристов о возможностях и преимуществах белорусского национального туристического продукта, его самобытности, безопасности, доступных ценах и гостеприимстве белорусского народа, что будет способствовать развитию въездного туризма в Республике Беларусь, сотрудничеству и миру на просторах стран Большой Евразии.

Список литературы

1. ЮНВТО: Показатели развития международного туризма. – http://www.unwto.org
2. Большая Евразия. – http://www.gea.site/большая-евразия/
3. Туризм и туристические ресурсы Республики Беларусь. Статистический сборник. – http://www.belstat.gov.by
4. Тарасенок А.И. Маркетинг туристских дестинаций в контексте диалога культур // Туристическая библиотека. – http://tourlib.net/statti_tourism/tarasenok7.htm
5. Кодекс Республики Беларусь о культуре. – http://mogu.by/news/regions/prezident_belarusi_aleksandr_lukashenko_podpisal_priniatii_palatoi_predstavitelei_i_odobrennii_sovetom_respubliki_nacionalnogo_sobraniia_kodeks_respubliki_belarus_o_kulture.html
6. Савина Н.В. Туристические ресурсы как векторное направление развития индустрии гостеприимства Беларуси // Academy. 2017. – № 9 (24). – С. 20–25.
7. Безвизовый порядок въезда в Беларусь. – https://www.toursoyuz.by/2019/08/08/v-belarusi-rasshirena-bezvizovaya-zona-dlya-organizovannyh-turistov/
8. Туризм в Беларуси пора выделить в отдельную отрасль экономики. – https://www.toursoyuz.by/2019/08/03/andrej-molchan-turizm-v-belarusi-pora-vydelit-v-otdelnuyu-otrasl-ekonomiki/
9. Возможности для развития въездного туризма. – https://www.toursoyuz.by/2019/09/18/aleksandr-vanyukov-minsk-otlichno-zarekomendoval-sebya-kak-ploshhadka-dlya-mice-turizma/
10. Меры поддержки национального туристического продукта. – https://bstudy.net/604133/turizm/gosudarstvennye_mery_podderzhki_prodvizheniyu_natsionalnogo_turistskogo_produkta
11. Гусев Е.Г., Шуман Г.И. Проблемы продвижения туристского продукта на рынке стран Азиатско-Тихоокеанского региона // Современные научные исследования и инновации. 2016 .– № 10. – http://web.snauka.ru/issues/2016/10/73190

Селиванова З.К.
к.соц.н., доцент, Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт»
zoi75@bk.ru

О НЕКОТОРЫХ ПРИЧИНАХ И МЕХАНИЗМАХ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ТРЕНДОВ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

***Ключевые слова**: ценностные ориентации, подростки, культура, цивилизация, взаимодействие, субкультура деловых элит.*

Культура молодежи каждой страны и эпохи, системы ценностных ориентаций и жизненных целей подростков обусловлены и формируются общим социально-культурным контекстом, существующими механизмами и идейными конструктами воспитания, направленными и ненаправленными механизмами социализации. Совокупность этих процессов в наше время разнонаправлена и противоречива как в России, так и на просторах Евразии и в мире в целом, включает в себя множество механизмов и активных субъектов. Вследствие этого, с одной стороны, во всяком обществе сохраняются многие традиции воспитания и образования, а с другой стороны – появилось множество идейных, политических, ценностно-культурных, психологических и мотивационных способов воздействия на подростков, которые используются самыми различными субъектами – отдельными активными личностями, группами людей, различными общественно-политическими организациями, СМИ, Интернет-сообществами, мировыми корпорациями с их субкультурами, другими государствами. С третьей стороны, значительная часть подростков может познакомиться с другими культурами вследствие расширения процессов информационной коммуникации и географических перемещений (туристических поездок, обучения за рубежом, приезд иностранных граждан и общение с ними). Все это разнообразное воздействие, безусловно, приводит к трансформации процессов и систем воспитания и образования, к появлению новых трендов в динамике ценностной и мотивационной сферы подростков всех стран. Не является исключением и Россия.

Так, доказательством служит гигантское расширение информационной коммуникации подростков. В реальной жизни от 38 до 49% юношей-респондентов выбирают общение в социальных сетях в качестве способа проведения свободного времени, а девушки еще более активны в этом плане (таковых 52–65% от числа опрошенных)[1]. И хотя молодежь «умом» понимает, что общение в социальных сетях не всегда есть благо, но, не найдя более привлекательного и интересного способа проведения свободного времени, все же общается в социальных сетях. Из табл. 1, видно, как часто происходит общение подростков в социальных сетях.

Таблица 1

Распределение числа респондентов как пользователей социальных сетей (в % от числа ответивших)*

Вариант ответа	Процент ответивших по годам		
	2010	2014 г. всего / юноши / девушки	2018 г. всего / юноши / девушки
Практически все свободное время	35	62 63/ 56/ 70	71/ 61/ 79
Несколько раз в неделю, даже не каждый день	37	32 31/ 36/ 25	24/ 31/ 18
Не общаюсь в социальных сетях	17	3 3/ 5/ 1	4/ 4/ 3
Один-два раза в месяц и реже	11	4 3/ 3/ 3	2/ 4/ 1

* Рейтинг выстроен по результатам 2018 года.

Как видим, с 2010 по 2018 годы в рейтинге на первом месте находится вариант ответа «практически все свободное время», при этом число пользователей выросло с 35 до 71%. Другие варианты ответов: «несколько раз в неделю, даже не каждый день», «не общаюсь в социальных сетях» «один-два раза в месяц и реже» с годами набирают все меньшее количество выборов. Социальные сети захватили полностью умонастроения молодежи и не общающихся в социальных сетях стало совсем мало (всего 3% от числа опрошенных). Не странно, что современные подростки, являясь активными пользователями социальных сетей, стали объектом манипуляции и воздействия со стороны Интернет-сообщества, и необходимо искать инновационные способы для позитивного воздействия на подрастающее поколение в Интернет-пространстве.

В XX – начале XXI веков проникновение в страны инокультурных субъектов приобрело массовый характер. Под прикрытием идей «глобализации» начинают использоваться различные инструменты «мягкой силы» для транс-

[1] Данные серии социологических исследований городской молодежи старшего подросткового возраста (14–18 лет), проведённых автором в городах Республики Башкортостан в 2010–2018 гг. Опросы проводились в средних школах, училищах, колледжах, техникумах. Выборочная совокупность в разные годы составляла от 500 до 800 чел.

формации культурных миров различных стран, в первую очередь недавнего мирового лидера – России. Как следствие, это уже привело к серьезным деформациям традиционного духовного мира как в обществе в целом, так и молодежи, в том числе в нашей стране. Да, пока Россия в целом остается собой и даже наблюдаются тенденции усиления традиции, ценности и цели остаются во многом традиционными у большинства людей несмотря на то, что у многих из них политические и пространственные идеалы деформируются[1]. Однако указанное выше направленное воздействие продолжается и постоянно усиливается. В этой связи есть необходимость постоянно углублять исследования, предлагать эффективные ответы на новые действия со стороны других стран и субъектов.

Известно множество результатов философских осмыслений, научного анализа, художественного отражения, различных публицистических материалов и разных сентенций по поводу сложившейся в XVIII–XIX веков в России моды на прозападную ориентацию среди подавляющей части российской дворянской элиты, ее пренебрежение культурой и историей собственной страны и народа. Значительная часть дворянской элиты была буквально поглощена этой модой нелюбви к своей Родине, предпочитала жить за границей, воспитывалась и жила во французско-немецко-английской языковой и культурной среде, воспитывалась иностранцами, плохо знала (а зачастую совсем не знала) русский язык, русскую историю, русскую культуру, русский народ. Прозападный тренд нелюбви к России, хотя и различный по содержанию, имеет многовековую историю. Эти образы отражены во множестве художественных произведений. Именно так, например, в отношении своего отца, одного из крупнейших представителей русской аристократии И.А. Яковлева, писал А.И. Герцен в своей книге «Былое и думы». По словам Герцена, тогда «быть образованным значило быть наименее русским».

В тот же период в России начали складываться течения мысли и мир ценностей традиционного склада. Во второй половине XIX века идеи самоценности России активно обсуждались в полемике славянофилов и западников. Причем, по словам Н.А. Бердяева, все они любили Россию, ходя славянофилы любили ее как мать, а западники – как дитя, которое нужно воспитывать, учить, вести за руку и т.д. Одновременно развернулась разнонаправленная идейная критика Запада.

Противостояние двух этих веяний пронизывает всю последующую историю нашей страны. И в последующие столетия «мода на Запад» периодически возникала вновь, хотя характер ее постоянно трансформировался, в том числе по причине трансформации самого Запада. Но периодически силы традиции находили возможность дать достойный ответ, сохранить и усилить собственное лицо России.

Времена изменились, но, как видим, в России вновь случился рецидив нелюбви к своей Родине, своей культуре, традиции, миру ценностей со стороны значительной части российских либерально-буржуазных элит и спровоцированной ею некоторой части общества. Это привело к попытке трансляции подобных ценностей как в общеидеологическом формате, так и усилиями отдельных активно пропагандируемых в СМИ «деятелей культуры», презирающих и ненавидящих собственную страну. Понятно, что в целом это является следствием взаимодействия культур и цивилизаций.

История показывает, что взаимное влияние культур и цивилизаций носит многообразный характер – от равноправного и взаимно полезного культурного обмена до силового навязывания тех или иных духовных и нравственных ценностей, в том числе с целью унифицировать мир под собственные цели и интересы, подчинить весь мир собственному видению миропорядка со стороны ряда стран. В этой связи не странно, что некоторые страны и транснациональные субъекты управления используют множество методов воздействия на подрастающее поколение. Некоторые аспекты такого воздействия становятся элементами политического давления, рекрутирования молодежи в ряды оппозиции. Другие – реализуют иные аспекты этой политики. Однако само это воздействие и его механизмы в российской науке исследуется достаточно слабо и хаотично.

Остановимся на одном важном аспекте. Влияние тех или иных стран западного мира, особенно Великобритании, и механизмы этого влияния достаточно широко известны. Существенно менее осмыслены механизмы воздействия, в том числе на формирование подрастающего поколения, со стороны различных негосударственных субъектов активности, таких как разные общественные и религиозные объединения, финансово-экономические группы капитала и используемые ими специальные структуры. На поверхности жизни «капитал» занимается только своим «делом». Но это было так лишь до первой половины XX века. Когда масштабы «капитала» стали соизмеримы и даже несравнимо мощнее экономик целых стран, его деятельность приобрела разноплановый характер, включая в себя в том числе политическое воздействие на руководство своих и чужих стран, на общественно-политические движения, воздействия на социальную, демографическую и миграционную политику государств, на ценностные миры и культуры различных народов. Например, когда мы говорим о воздействии СМИ на общественное мнение, на молодежь, то практически не афишируется тот факт, что мировыми СМИ давно заправляет «капитал», а теперь и в России практически вся политика СМИ определяется капиталом – западным и российским. Это относится и к системе Интернет. Поэтому не является странной проводимая политика изоляции СМИ и Интернета в национальных интересах в ряде стран – она особенно эффективно проводится в Китае, планируется и в России. То есть в воздействии западной культуры на иные культуры и цивилизации присутствует не только воздействие самих культур в их государственном оформлении, но и воздействие крупнейших частных финансово-экономических структур, сформировавшихся в рамках капиталистического устройства Запада. Поэтому во многом корни современных попыток Запада подчинить себе весь мир кроются в мировых амбициях «капитала», в капиталистической субкультуре, в субкультуре капиталистических (деловых) элит. Поэтому в современную эпоху западное влияние приобрело новый характер – речь уже идет не столько о влиянии мира ценно-

[1] Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодёжь России: социологический портрет. – М.: ЦСП, 2010. – 592 с.; Российское общество и вызовы времени. Кн. 5 / [М.К. Горшков и др.]. Под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В. – М.: Весь мир, 2017. – 424 с.

стей тех или иных культур (англосаксонской, французской, германской), о проведении политики, выгодной тем или иным странам, а о попытках построить мировой порядок по лекалам мировых центров финансовой силы, под интересы и цели транснациональных корпораций. Именно это является важным и в чем-то основным элементом современной западной духовности, транслируемой в окружающий мир, да и в собственные культурные миры. Не какая-то исторически сложившаяся национальная традиция, а образ мира, формируемый для реализации интересов и ценностей мировой деловой элиты, становятся стержнем в воздействии на духовность разных стран.

Однако эта субкультура не способна стать основой для эффективных суверенных перспектив развития цивилизаций и стран, она несет для них деградацию и разрушение. Неспроста в странах Дальнего Востока (особенно Японии, Китае) делается все для сохранения и современной трансформации собственных национальных традиций, и при взаимодействии в евразийских проектах этому необходимо учиться у восточных стран. Неспроста Д. Трамп и стоящая за ним часть американского общества «восстали» против мирового транснационального капитала.

Эта сторона воздействия на различные мировые культуры и цивилизации пока не оценена вполне, хотя есть все признаки, подтверждающие это. Такой подход позволяет точнее объяснить многие процессы в молодежной среде Европы и России конца XX – начала XXI веков. Так, с этой позиции легче объяснить феномен активной пропаганды молодежной контркультуры, ориентированной на развлечение, алкоголь, наркотики, распущенность нравов, разрушение традиции на Западе и в России. Активная пропаганда и способствование распространению моды на движения хиппи, рок-музыки[1], панков и т.д., которые стали символами середины и конца XX века и одновременно способствовали выплескиванию молодой энергии и формированию «покорного общества». Эти явления воспринимались (преподносились) лишь как контркультура. Однако это не совсем так. Этот феномен активно использован мировой субкультурой деловых элит в собственных интересах и только благодаря этому он становится столь массовым. Их интересом было формирование асоциального, аполитичного человека-потребителя.

В современной России – остатки («следы») контркультуры хиппи в виде рваных джинсов, попытки внедрить различные иные деконструктивные разновидности моды, развлекательный образ жизни, ввести новые праздники антикультурной направленности, типа хэллоуин, продвигать нетрадиционные субкультуры, в том числе сексуальных меньшинств, своеобразным пределом которой стало появление извращенно-вырожденческих примеров поведения некоторых отдельных личностей, таких как К. Собчак, Pussy Riot и т.п.

Одновременно мировыми капиталистическими субкультурами проводится направленная миграционная политика, в том числе ориентированная на выезд российской молодежи за рубеж и одновременное замещение российских граждан иностранными. То есть в России реализуется двойная технология – вытягивания квалифицированных трудовых ресурсов в развитые страны (квалифицированное гастарбайтерство, причем, на условиях второсортности иммигрантов, в том числе из России) и поставка в Россию неквалифицированной иностранной рабочей силы. Выезд из страны постоянно растет и в последние годы он находится на уровне 300–400 тыс. человек в год, а при этом российское правительство планирует лишь программы, ориентированные на активизацию привлечения в Россию иностранных граждан, причем, в документах фигурируют желательные цифры привлечения иностранцев порядка 400–500 тыс. в год.

Выезду за рубеж способствуют социальные обстоятельства – в России нет и не планируется достаточного числа квалифицированных рабочих мест, привлекательных для молодежи. К тому же в России, как и в европейских странах получают распространение феномены, получившие в Италии название «bamboccioni (бамбоччоне)[2] и «mammoni» (маммоне)[3]. Такие феномены стали широко распространяться во все большем количестве стран, где у молодежи также все больше развивается склонность к иждивенчеству, нет стимулов к самостоятельности. Отсутствие достойной работы, без сомнения, способствует привитию идей наднациональности, нелюбви к собственной стране и культуре, тенденций космополитизма. Параллельно такая направленная работа ведется в СМИ и Интернете. Как результат, в среде российских подростков эти настроения в виде стремления уехать из страны также получили определенное развитие. По полученным результатам социологических исследований российской студенческой молодежи[4] – 66% респондентов хотели бы уехать за границу в другие страны. Так, среди наиболее привлекательных стран для российских студентов, кроме России (ее привлекательность пока на наивысшая и составляет 61% ответов), находятся также США – 41%. Германия – 30%, Скандинавские страны (Швеция, Финляндия, ...) – 23%, то есть, как видим, страны западного мира.

Конечно, мотивы выезда у современных российских граждан, ориентации подростков многообразны, однако подавляющим трендом является ориентация на западный образ жизни, уровень доходов, уровень комфорта и потребления, а отнюдь не приобщение к западной культуре. Если в российской дворянской среде XVIII–XIX веков хотя бы мотивация прозападной ориентации была высококультурной, устремленной к высотам тогдашнего Просвещения и образования Европы (хотя она не всегда и даже не часто вела к ожидаемому результату, что проявлялось еще во времена Петра I), то теперь культурное влияние носит преимущественно развлекательно-потребительский характер.

---

[1] На пути к «покорному обществу». О подоплёке музыкальной контркультуры (доклад Изборскому клубу под ред. В. Аверьянова) // Русские стратегии / Изборский клуб. 2019. – № 5–6 (71–72). – С. 4–41.

[2] Этот термин употребляют для обозначения инфантильных молодых людей, которые предпочитают жить в доме родителей и зачастую за их счет.

[3] «Маменькины дети», излишне привязанные к собственной матери.

[4] Исследование проводилось в 2017–2018 годах, опрашивались студенты НИЯУ МИФИ, НИУ МЭИ, МГТУ им. Н.Э. Баумана, РХТУ им. Д.И. Менделеева, МГУ (социологический факультет и факультет политологии), РЭА им. Г.В. Плеханова, Государственного университета управления, Московского государственного психолого-педагогический университета, ВГИК им. С.А. Герасимова, ГАУГН (социологический факультет), МГЛУ. Всего опрошено 1330 студентов, в том числе 48% юношей и 52% девушек.

В связи с вышеизложенным в России остро необходима потребность вернуться к оценке самих себя, к собственным корням, к своей традиции. Чему можно поучиться у стран с восточной культурой. В этой связи совершенно верно и актуально решение, принятое Президентом РФ В.В. Путиным в октябре 2019 года, о регулярном проведении исследований предпочтений и поведения молодежи в Интернете и организации производства контента для Интернета, который будет направлен на «духовно-нравственное воспитание молодежи». Дано соответствующее поручение Правительству РФ и выделяются дополнительные средства на укрепление гражданской идентичности и духовно-нравственных ценностей среди молодежи[1]. Остается надеяться, что это поручение президента будет выполнено.

[1] Путин поручил правительству исследовать поведение молодежи в Интернете // Коммерсантъ. – М., 2019. – 17 октября. – https://www.kommersant.ru/doc/4127223?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews

Трошина Н.Н.[1]

ЯЗЫКОВАЯ ЛОЯЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Ключевые слова: *языковая лояльность; этнический язык; коммуникативно мощный язык; глобализация; заимствование; языковая ситуация; национальная идентичность; дискуссия об англицизмах; государственный / официальный язык.*

В «Словаре социолингвистических терминов» приведены два определения языковой лояльности: 1) «Совокупность внутренних оценок членов языкового коллектива коммуникативной пригодности и престижности языка своего этноса, которая определяет степень их приверженности к данному языку. *Я.л.* проявляется, в частности, в признании родным своего этнического языка, в выборе его в качестве языка обучения, языка общения. *Я.л.* может изменяться во времени под воздействием социальных факторов – языковой политики, изменения демографической ситуации и пр. …; 2) То же, что языковая терпимость»[2]. Отметим все же, что в первом случае речь идет об отношении к языку своего этноса, а во втором – к чужому языку. В балансе/дисбалансе этих двух видов лояльности проявляется специфика языкового сознания этноса и изменения в этом сознании.

Эти изменения становятся особенно заметны и нередко воспринимаются болезненно в периоды глубоких социокультурных перемен под влиянием экономических и политических факторов. К таким периодам, безусловно, относится современная эпоха глобализации, охватившая и лингвосферу[3], когда английский язык стремительно устанавливает отношения иерархического преимущества над другими языками. Не случайно в специальной литературе появилось понятие «лингвистический империализм», которое ввел Р. Филлипсон[4], имея в виду доминирование, обусловленное постоянной поддержкой структурного и культурного неравенства между английским и другими языками.

По отношению ко многим европейским коммуникативно мощным языкам, т.е. «разработанным языкам с высоким коммуникативным рангом и значительным числом говорящих, имеющим давнюю письменную традицию»[5], английский стал де-факто языком-донором, а они – языками-рецепиентами, испытывающими влияние английского языка на всех уровнях своих систем: фонетическом, морфологическом, синтаксическом, а не только на лексическом, как принято думать: это объясняется тем, что лексическое заимствование происходит быстрее и более заметно.

Наибольшее влияние английского языка из всех коммуникативно мощных языков (немецкого, русского, французского, испанского, итальянского) испытывает на себе немецкий язык – многие носители этого языка воспринимают ситуацию как англизацию (американизацию) немецкого языка, и это не проходит бесследно для их национальной идентичности, языкового самочувствия и языковой лояльности.

Близкое генетическое родство немецкого и английского языков обусловливает легкость проникновения, укоренения заимствований и проникновения их во все сферы коммуникации, включая официальную. Однако особенно этому подвержены сферы бизнеса, науки, СМИ и массовой культуры. Что же касается возрастных и социальных страт, то здесь, в первую очередь, следует назвать молодежь и элиту Германии: высокая насыщенность молодежного дискурса англицизмами во многом объясняется ее высокой Интернет-активностью; элиту Германии есть все основания упрекнуть в том, что она придает английскому языку исключительно важное значение, оценивая его явно выше, чем родной немецкий и способствуя не адаптации заимствований в системе немецкого языка, а сохранению их в исконном виде. Английский язык рассматривается в высших слоях общества как средство подчеркивания собственного престижа. На этот тревожный феномен обращает внимание А.В. Кирилина: «Экспансия английского языка считается естественным процессом, отражающим новую глобальную идентичность носителей передовых взглядов. Наднациональное выражается английским языком, престижность которого высока в том числе и потому, что он, как принято считать, выражает передовые тенденции современности, олицетворяет успех. Английские названия товаров и рекламные стратегии репрезентируют глобальную эстетику, которая утверждается в повседневности через англицизмы. Тем самым создается новая система ценностей и социальных поведенческих образцов»[6] Эту оценку языковой ситуации в сегодняшней ФРГ

---

[1] Трошина Наталья Николаевна – к.ф.н., с.н.с., в.н.с. ИНИОН РАН. Область профессиональных интересов: лингвокультурология, социолингвистика, стилистика немецкого языка. E-mail: troshinat@mail.ru

[2] Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред. Михальченко В.Ю. – М., 2006. – С. 261–262.

[3] Глобализация в языковой сфере не есть феномен сегодняшнего дня, указывает К. Штейнке: Европа пережила эпоху «эллинизации, латинизации, балканизации или арабизации большого гетерогенного ареала в древности и в Средневековье» [Штейнке, 2006, с. 252; см. также: Яковлева, 2019, с. 4].

[4] Phillipson R. Linguistic imperialism. – Oxford, 1992. – 190 p.

[5] Кирилина А.В. Сходства в развитии коммуникативно мощных языков в эпоху глобализации // Вопр. психолингвистики. – М., 2015. – № 2 (24). – С. 77.

[6] Кирилина А.В. Лингвофилософская рефлексия в эпоху глобализации // Языковая ситуация в Европе начала XXI века. – М., 2015. – С. 129.

разделяет ведущий немецкий социолингвист У. Аммон, иллюстрируя это следующим примером: немецкая пресса подвергла жесткой критике министра иностранных дел Германии Гидо Вестервелле за то, что он на большой пресс-конференции выступал на немецком языке, отвечая на вопросы иностранных журналистов, заданные на английском языке. Примечательно, что некоторые иностранные журналисты посчитали неэтичным поведение своих коллег, задававших немецкому министру вопросы на английском языке[1]. Отметим, что такая заинтересованность немецкой элиты и близких к ней журналистов в английском языке в ущерб немецкому – явление относительно новое: до начала активной фазы глобализации немецкие политики в своих публичных выступлениях подчеркивали горячую привязанность и любовь к родному языку и родной культуре, выражая серьезную озабоченность волной англоамериканизмов. Так, федеральный канцлер Г. Хайнеманн в своей знаменитой Марбахской речи (в 1973 году) напомнил своим соотечественникам слова Фридриха Шиллера о том, что язык есть зеркало нации и что не следует забывать о своих обязательствах по отношению к нему. Языковая пропасть между так называемыми образованными слоями населения и широкими массами очень опасна для демократии, подчеркнул Г. Хайнеманн.

Превращение немецкого языка в язык-рецептор обусловлено также историческими и юридическими причинами: после Второй мировой войны на территории Западной Германии были размещены американские войска, началась настоящая одержимость всем американским, что вызвало первую волну американизации немецкого языка. Как с горечью отметил Р. Леттау, который, получив филологическое образование в Германии, стал профессором-литературоведом Калифорнийского университета, а в 1978 году вернулся на родину: «После того, как этот народ предал все, что в нем было прекрасного, достойного любви и тонкого, он теряет и свой язык. Сейчас вся Германия – не что иное, как один непрерывный курс английского языка»[2]. С тех ситуация не изменилась.

Вторая, еще более мощная волна англоязычных заимствований захлестнула Германию в 90-е годы XX века, т.е. после объединения Германии. По времени это совпало с цифровой революцией в информационной сфере, в телекоммуникации и в Интернете[3]. В обоих случаях мощными проводниками англоязычного влияния были СМИ и реклама, окружившие английский язык ореолом гедонистических достоинств – стильности и даже изысканности.

Социокультурная и политическая ситуация, угрожающая статусу немецкого языка как коммуникативно мощного, сложилась также из-за того, что в Конституции ФРГ (Основном законе ФРГ) не зафиксирован статус немецкого языка как официального (государственного). Немецкий социолингвист Г. Люди приводит следующие аргументы в пользу того, что статус немецкого языка должен быть зафиксирован в Конституции: 1) язык – это базис культурной идентичности; 2) язык объединяет все слои немецкого общества; 3) юридическое урегулирование статуса немецкого языка может быть воспринято в обществе как подтверждение важности сохранения немецкого языка и необходимости противостоять «медленной, незаметной утрате его значимости» (schleichender Bedeutungsverlust der deutschen Sprache); 4) упоминание немецкого языка в Основном Законе укрепило бы позиции немецкого языка в Европейском Союзе и «сделало бы его действительно равноправным с английским и французским языками»[4].

Эта юридическая мера была бы полезна для защиты немецкого языка как национального на трех уровнях, считает Г. Люди: 1) на формальном – как способ сохранения его чистоты и противодействие его порче; 2) на национальном – как инструмент для создания единого экономического и коммуникативного пространства; 3) на международном – как противодействие падению привлекательности немецкого языка как иностранного. Нет сомнения, что фиксированный юридический статус немецкого языка решающим образом повлиял бы на степень лояльности к нему населения страны (причем не только этнических немцев), регулировал бы его коммуникативный статус в различных сферах общения, чем поддержал бы чувство национальной идентичности немцев.

Лояльность своему родному языку зависит от степени сенсибилизированности языкового сознания и развитости языковой рефлексии носителей языка[5] и, соответственно, от общественного интереса к вопросам культуры речи. В Западной Германии эти процессы начались с опубликования декларации «Немецкого союза рок- и поп-музыкантов» («Deutscher Rock- und Popmusikerverband») 1996 года, в которой выдвигалось требование в законодательном порядке гарантировать немецким исполнителям 40% участия в музыкальных программах, транслируемых по различным телеканалам и СМИ[6]. Эта публикация способствовала популяризации критики англоамериканизмов. Таким образом, внимание немецкого лингвокультурного сообщества было привлечено к языковым проблемам, чему немало способство-

---

[1] Ammon U. Die Stellung der Deutschen Sprache in der Welt. – Berlin; München; Boston, 2015. – S. 51.

[2] Цит. по: Schmitz H.-G. Anglizismen in der deutschen Gegenwartssprache, in der deutschen Sprachwissenschaft und im Deutschunterricht // Germanistische Studien. – Tbilissi, 2004. – S. 81.

[3] Трошина Н.Н., Раренко М.Б. Немецкий язык в эпоху глобализации // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты: Ежегодник: Теории истины. Язык в контексте глобализации. – М., 2005. – С. 131–164.

[4] Lüdi G. Ist Englisch als lingua franca eine Bedrohung für Deutsch und andere Nationalsprachen? // Vielfalt, Variation und Stellung der deutschen Sprache. – Berlin; Boston, 2013. – S. 276.

[5] Трошина Н.Н. Культура языка и языковая рефлексия: аналит. обзор. – М., 2010. – 61 с.

[6] Отметим, что почти двадцать лет спустя У. Аммон также с сожалением констатировал явное вытеснение немецкого языка из сферы вокальной музыки, прежде всего, из эстрадной, что началось еще в эпоху популярности группы «Биттлз» (т.е. с 60-х гг. XX века). Готовность немецкой публики к сдаче позиций своего родного языка У. Аммон объясняет устойчивым чувством вины немцев за нацистское прошлое своей страны, широко распространенными в мире ассоциациями нацизма с немецким языком и вызванным этим стремлением современных немцев растворить свою национальную идентичность в англоязычной идентичности: «Некоторые немецкоязычные певцы видят воплощение своей идентичности скорее в английских текстах, чем в немецких (Ammon U. Die Stellung der Deutschen Sprache in der Welt. – Berlin; München; Boston, 2015. – S. 934)». Со стороны официальных немецких властей были предприняты попытки урегулировать соотношение немецких и иноязычных текстов в музыкальной сфере (прежде всего, на эстраде) путем введения специальных квот, но эти попытки не увенчались успехом. – *Н.Т.*

вала одновременно проходившая дискуссия по реформе немецкой орфографии. Однако немцев гораздо больше беспокоило «засорение немецкого языка англицизмами, чем проблема, где писать ss, а где ß», отмечает Й. Шпитцмюллер[1]. Хронологическое совпадение этих двух дискуссий очень сенсибилизировало языковое сознание немцев и привело к институционализации языковой критики: в октябре 1998 года для борьбы с англицизмами был основан «Союз немецкого языка» (Verein deutsche Sprache), в который входили как любители немецкого языка, так и профессионалы-германисты. «Союз» фиксировал случаи чрезмерного или неудачного использования англицизмов в публичной речи, высмеивал тех, кто их употреблял, что сделало его весьма популярным. В немалой степени этому способствовали неудачные рекламные кампании фирмы «Телеком» (по изменению телефонных тарифов) и Берлинского магистрата («Сделаем Берлин чистым городом!»), в которых слишком навязчиво использовалась английская лексика.

Результаты этих и других рекламных кампаний заставили немецких профессиональных лингвистов детально заняться проблемой влияния английских заимствований на немецкий язык: в марте 1998 года Институт немецкого языка (Маннхайм), который поддерживает «Общество немецкого языка» (Gesellschaft für deutsche Sprache), провел ежегодную конференцию, посвятив ее на этот раз теме «Язык – языкознание – общественность», «Общество немецкого языка» провело конференцию на тему «Будущее немецкого языка», «Немецкая академия языка и литературы» – конференцию на тему «Языковая политика в Европе». Эти конференции получили неожиданно большой резонанс в прессе, что свидетельствовало о важности их проблематики для общества. Однако СМИ (в частности, газета «Тагесцайтунг»), которые и были активными проводниками англицизмов, опубликовали статью под ироническим заголовком «Take it easy, Gerhard!» «Не волнуйся, Герхард!», адресованную директору Института немецкого языка в Маннхайме Герхарду Штикелю.

Неутихающая дискуссия об англицизмах приобрела политический характер, поскольку «Союз немецкого языка» потребовал 3 июля 2000 года принять закон «О защите родного немецкого языка от англицизмов» («Gesetz über den Schutz der deutschen Muttersprache vor Anglizismen»). 11 сентября 2000 года с аналогичным требованием выступил берлинский сенатор Экарт Вертебах (Ekart Werthebach). Эту позицию поддержали ландтаги (земельные парламенты), например, ландтаг федеральной земли Баден-Вюртемберг. Ситуация обострилась в связи с интервью председателя фракции ХДС/ХСС в бундестаге Фридриха Мерца газете «Райнише пост», в котором он высказал мнение, что живущие в ФРГ иностранцы должны адаптироваться к основной (буквально «ведущей») культуре страны, т.е. к немецкой (deutsche Leitkultur). Неожиданно эта дискуссия обострилась по лингвистической причине: немецкие слова Lei**t**kultur («ведущая культура»), Lei**d**kultur («страдающая культура» – в данном случае, немецкая) и англицизм Ligh**t**kultur («развлекательная массовая культура») являются омофонами, т.е. произносятся одинаково. Развернулась бурная дискуссия о месте языка в национальной культуре и его роли в формировании национального менталитета, причем особую актуальность ей придавал усилившийся приток иммигрантов и споры о «мультикультурном обществе». Эта дискуссия явилась одновременно и симптомом, и катализатором озабоченности общества состоянием немецкого языка. Слово Leitkultur стало словом 2000 года, однако закон о защите немецкого языка не принят до сих пор.

Какова же позиция немецких лингвистов по проблеме англицизмов и, шире, языковой лояльности?

В целом, она может быть охарактеризована как «дескриптивно-сдержанная»[2], т.е. подчеркивалось, что заимствование – это нормальный процесс языкового развития. Камнем преткновения стало именно понятие языковой лояльности, в трактовке которого резко разошлись во мнениях председатели двух конкурирующих языковых обществ – профессор Х.Х. Мунске («Союз немецкого языка») и профессор А. Буркхардт («Общество немецкого языка»). Х.Х. Мунке трактует языковую лояльность только как готовность защищать язык от наплыва иностранных заимствований, поскольку язык – это огромная национальная ценность. Не отрицая высокой ценности немецкого языка для немцев, А. Буркхардт все же считает, что языковая лояльность должна проявляться «на другом поле» (auf anderem Felde)[3] в отказе от излишней готовности немцев к переходу на английский язык в ситуациях международного общения, а также в сфере науки и высшего образования, что нередко происходит даже на тех конференциях, которые проводятся в ФРГ. Обучение в немецких университетах по многим дисциплинам и отдельным специальностям все чаще переводится на английский язык, поскольку университеты стремятся расширить международные контакты Германии, повысить престиж немецкого образования, привлечь большее количество студентов, так как чем больше студентов обучается в университете, тем большую материальную помощь получает университет от государства. Однако материальные интересы не всегда согласуются с языковой лояльностью, более того, они могут разрушить национальную образовательную систему, считает О. Рёш[4].

Эти изменения в университетах связаны с Болонской декларацией и, соответственно, с Болонским процессом, в который активно включились не только университеты в Германии, но книжные и журнальные издательства.

Противостоять этой тенденции пытается рабочая группа, созданная в 2006 г. по инициативе ученых советов по социальным и гуманитарным наукам в различных немецких университетах и изложившая свою концепцию в публикации под названием «Язык науки – пледойе в защиту многоязычия»[5]. Авторами этой публикации являются Юрген Миттельштрас (специалист в области философии науки, профессор Боннского и Гамбургского университетов), Юрген

---

[1] Spitzmüller J. Metasprachdiskurse: Einstellungen zu Anglizismen und ihre wissenschaftliche Rezeption. – B., N.Y., 2005. – S. 129.

[2] Ibid. – S. 127.

[3] Burkhardt A. Die «Anglizismenfrage» aus der Sicht der «GfDS» // Sprachreport. – Mannheim, 2013. – H. 1–2. – S. 41.

[4] Rösch O. Internationalisierung der Hochschulbildung – was sind unsere Ziele? // Die neue Hochschule. – Bonn, 2015. – H. 1 – S. 22.

[5] Mittelstras Jü., Trabant Jü., Fröhlicher P. Wissenschaftssprache – ein Plädoyer für Mehrsprachigkeit in der Wissenschaft. – Stuttgart, 2016. – 60 S.

Трабант (специалист в области романского языкознания, профессор университета им. Гумбольдта, Берлин) и Петер Фрёлихер (литературовед-романист, профессор университета в г. Констанц). Они подчеркивают, что для гуманитарных наук «вавилонское смешение языков» – это не беда, а благо, так как оно обогащает и расширяет исследовательскую базу.

Решение языковой проблемы в академической сфере предлагается найти в сочетании вузовского обучения на родном немецком языке с участием в международных проектах, выполняемых на английском языке.

Возвращаясь к проблеме языковой лояльности, необходимо подчеркнуть, что борьба с заимствованиями – это лишь один аспект заботы об укреплении языковой лояльности человека. Гораздо важнее сохранить родной язык как полноценное средство коммуникации во всех важных сферах, не ущемляя чувства собственного достоинства людей. Оно нередко страдает в сложившейся ситуации не только в академической среде, но и в бизнесе, где сегодня в Германии профессиональные знания ценятся меньше, чем знание английского языка. Поэтому на руководящие посты в крупнейших корпорациях назначаются преимущественно носители английского языка, даже если в профессиональном отношении они уступают немцам, в результате чего обостряется внутренняя обстановка на фирмах. Тем не менее, такая известная фирма, как «Фольксваген» переходит на английский язык, что позволит ей приглашать ведущих мировых специалистов в области автомобилестроения. Новые требования к знанию английского языка будут официально введены на «Фольксвагене» в 2021 году.

Сегодня ситуация зашла настолько далеко, что дискутируется вопрос о введении английского языка как второго государственного языка ФРГ. Были проведены социологические опросы с целью выяснить уровень владения английским языком населением Германии. По данным Алленсбахского социологического института, 67% немцев в старых федеральных землях (в бывшей ФРГ) и 49% в новых федеральных землях (в бывшей ГДР) достаточно хорошо владеют английским языком[1].

В июне 2013 года Международный институт маркетинговых исследований и общественного мнения «YouGovInternational» (International tätiges Institut für Markt- und Meinungsforschung) провел опрос на тему «Отношение населения ФРГ к английскому языку» и выяснил, что 59% немцев поддержали бы введение английского языка как второго официального во всем ЕС; 33% выступили бы против. Но уже половина немцев была бы за введение английского языка как второго государственного в ФРГ[2]. Вопрос о том, как такая готовность согласуется с лояльностью к немецкому языку, остается открытым и дискуссионным.

Что же касается по-прежнему злободневного вопроса об англицизмах, то наиболее взвешенной представляется позиция профессора А. Буркхардта, который считает, что нет разумных причин ни для чрезмерного увлечения англицизмами, ни для их огульного осуждения: все дело в мере. Эту точку зрения поддерживает Р. Хоберг в своей статье «Англицизмы и языковая лояльность»: «Почему бы не подойти к ним как к явлению, обогащающему немецкий язык? Ведь еще великий Гёте видел силу языка не в том, что он отвергает Чужое, а в том, что он его поглощает»[3]. Автор называет четыре причины, обычно вызывающие неприязненное отношение к англицизмам, и комментирует их: 1) они затрудняют взаимопонимание – но в этом немецкий язык тоже можно упрекнуть; 2) используя англицизмы, человек просто хочет пустить пыль в глаза; 3) немцы используют англицизмы, которых в английском языке нет (псевдоанглицизмы), например, Handy («мобильный телефон». – *Н.Т.*) «Между тем, многим англичанам и американцам так нравится слово Handy, что они охотно ре-импортировали бы его, чтобы заменить собственно английские слова mobile phone и cell phone. Однажды мы будем писать это слово как Händi и получим новое немецкое слово. То же самое может произойти и с англицизмом cool («отличный, крутой». – *Н.Т.*): когда-нибудь мы будем писать kuhl и получим новое немецкое слово, ведь kuhl значит совсем не то же самое, что kühl («прохладный» – *Н.Т.*). Никто не заказывает cooles Bier («крутое пиво». – *Н.Т.*), имея в виду холодное пиво, но говорит о молодом человеке cooler Typ («отличный парень». – *Н.Т.*)»[4].

[1] Приводится по: Кобенко Ю.В. Языковая ситуация в ФРГ: Американизация и экзоглоссные тенденции. – Томск, 2014. – С. 19.

[2] Umfrage. – https://yougov.de/news/2013/08/09/umfrage-mehrheit-der-deutschen-fur- englisch-als-zw/

[3] Hoberg R. Anglizismen und Sprachloyalität: Anmerkungen zu einem Beitrag von Horst Haider Munske // Sprachreport. – Mannheim, 2013. – H.4. – S. 2.

[4] Ibid. – S. 3.

Урмина И.А.
доктор культурологии, в.н.с. Российского института культурологии, зав. кафедрой гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Московского института государственного управления и права

ПРОБЛЕМЫ АКТУАЛИЗАЦИИ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Ключевые слова: *архивный научный документ, познание, методы и технологии музейного экспонирования, технологии визуализации, метатекст.*

Keywords: *archival scientific document, cognition, museum exhibiting methods and technologies, visualization technologies, metatext.*

Современная социокультурная реальность в условиях значительно ускорившегося распространения визуальной культуры определила специфические проблемы формирования у человека картины мира. Визуальные формы, которые на протяжении всего XX в. успешно становились доминантными в массовой культуре, в XXI в. стали базовыми в условиях общей экспансии медийного пространства, созданного с помощью новых средств массовой коммуникации. В результате появились качественные изменения в способах влияния на массовую аудиторию, выросло новое поколение, воспитанное на повсеместном использовании современных визуальных технологий, резко отличающихся от традиционных, веками существующих социокультурных форм и коммуникаций, лишь частично позволяющих сегодня поддерживать связь с опытом предшествующих поколений.

Стремительное расширение пространства массовой культуры под влиянием современных технологических возможностей уже привело к очевидной трансформации значимости культурного наследия, в том числе историко-культурного. «Цифровые технологии создали небывалые возможности для расширения информационного пространства человечества в целом и, кроме того, дали и новые возможности для нового прочтения забытых произведений, которые могут оказаться созвучными нашему времени и войти в культурную практику наших дней. С классикой происходят трансформации, рассчитанные на то, чтобы приблизить ее к современному культурному потребителю. Насколько такое «приближение» служит воспитанию эстетического вкуса, обогащает мир человека, формирует эстетические ценности молодежи, ответить непросто»[1].

Современная массовая культура практически полностью стала визуальной, категорично предлагающей готовые образы, лишая человека способности к воображению и самостоятельному формированию индивидуальных представлений. Ещё В. Беньямин подчеркивал нарастающий характер развлекательной функции массовой культуры: «Массы – это матрица, из которой в настоящий момент всякое привычное отношение к произведениям искусства выходит перерожденным. Количество перешло в качество: *очень значительное приращение массы участников привело к изменению способа участия.* Не следует смущаться тем, что первоначально это участие предстает в несколько дискредитированном образе. Однако было немало тех, кто страстно следовал именно этой внешней стороне предмета. Наиболее радикальным среди них был Дюамель. В чем он, прежде всего, упрекает кино, так это в форме участия, которое оно пробуждает в массах. Он называет кино «времяпрепровождением для илотов, развлечением для необразованных, жалких, изнуренных трудом созданий, снедаемых заботами... зрелищем, не требующим никакой концентрации, не предполагающим никаких умственных способностей..., не зажигающим в сердцах никакого света и не пробуждающим никаких других надежд кроме смешной надежды однажды стать “звездой” в Лос Анджелесе… Развлечение и концентрация составляют противоположность, позволяющую сформулировать следующее положение: тот, кто концентрируется на произведении искусства, погружается в него; он входит в это произведение, подобно художнику-герою китайской легенды, созерцающему свое законченное произведение. В свою очередь развлекающиеся массы, напротив, погружают произведение искусства в себя»[2].

Массовизация музейных и художественных ценностей, которая началась с простого тиражирования произведений (например, искусства), привела к тому, что процесс восприятия их индивидом уже не требует серьезных усилий по приобретению «культурного капитала» – он занимает незначимое место в повседневной жизни, поскольку в обществе массового потребления не способствует приобретению материальных благ и комфорта. «Публика – экзаменатор, но экзаменатор развлекающийся»[3].

---

[1] Шапинская Е.Н. Культура в эпоху «цифры»: трансформация культурных форм и эстетических ценностей // Международный журнал «Медиа. Информация. Коммуникация». 2016. – № 19. – С. 7. – http://mic.org.ru/new/590-kultura-v-epokhu-tsifry-transformatsiya-kulturnykh-form-i-esteticheskikh-tsennostej

[2] Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. – М.: Медиум, 1996. – С. 61.

[3] Там же, с. 62.

«Общеизвестен, но одновременно и примечателен факт, что зрительное восприятие обеспечивает свыше 90 процентов всей информации об окружающем внешнем мире. Феномен культуры органически связан с феноменом человеческого тела и его механизмами, в частности со сферой восприятия. Связь человеческого тела и культуры можно понимать в том смысле, что тело служит исходной точкой, центром, мерой или моделью культуры и познания мира вообще. Этим "по-новому" ставится вопрос о соотношении Культуры и Природы. В роли звена, соединяющего Природу и Культуру, действительность и сознание, Не-Я и Я, выступает принцип (механизм) символизации или семиотизации. Именно этот момент – символизация/семиотизация мира – одна из отличительных черт XX столетия. А поскольку процесс символизации теснейшим образом связан с визуальностью (громадное большинство "знаковых систем" пользуется как раз зрительным кодом) – становится ясной и центральная роль визуальности в понимании нашего времени»[1].

С точки зрения визуализации как базовой составляющей современной социокультурной коммуникации рассмотрим процесс освоения такой части культурного наследия как архивный документ – материальный (или теперь и нематериальный) носитель блока информации, имеющий идентификационные реквизиты и подлежащий хранению в силу значимости указанных носителя и информации для граждан, общества и государства. В предыдущих своих статьях автор подчеркивала, что «для молодого поколения значимость историко-культурного наследия не всегда понятна и является лишь иллюстративной информацией, не связанной с текущей жизнью. Более того, несмотря на активное использование этим поколением культурной среды, сформированной средствами массовой информации из безграничных информационных ресурсов и цифровых технологий, дети, подростки и молодёжь могут отобрать в информационном поле только то, что соответствует их ограниченному жизненному опыту. Не владея условностями языка СМИ, дети, подростки, молодежь, да и среднее поколение не могут эффективно использовать для решения жизненно важных для них задач большую часть информации об историко-культурном наследии, в том числе и в глобальном его значении»[2].

Разговор идет о богатейшем документальном научном наследии, хранящемся в Архиве Российской академии наук, которое должно быть востребовано и может стать основой для эффективного развития молодого поколения, формирования индивидуальной картины мира и направлений целесообразной и приносящей удовлетворение профессиональной деятельности, а не праздного прожигания жизни.

Разделим теперь историко-культурное наследие, хранящееся в Архиве РАН, на собственно научные документальные тексты и сопутствующие документальные источники, например, фотографии, дневники, письма, заметки, черновики научных текстов с пометками и схемами, рисунки или чертежи, в которых могут быть заложены творческие замыслы учёных. В данной публикации предлагается, в первую очередь, уделить внимание именно текстовой составляющей архивного документа, экспонирование которого направлено на актуализацию богатейшего научного наследия России.

С помощью каких средств визуализации, каких современных социокультурных технологий может быть выявлен скрытый во времени активный смысл научного текстового документа, установлена его связь не только с исторической средой, но и с современным окружением – эти задачи пока только ставятся и решаются методом проб и ошибок. Очевидно только, что современное широкое распространение в музейно-выставочной практике интерактивных и мультимедийных технологий лишь создает кратковременный эффект заинтересованности в экспонируемом материале за счёт игрового эффекта, но не активизирует воображение и не стимулирует к дальнейшему углубленному изучению тематической области.

Интересной представляется позиция лингвистов, которые утверждают, что «научный текст носит деперсонализированный характер»[3], предполагая отсутствие прямого контакта между автором и читателем и позволяя нам «управлять» восприятием реципиента содержания архивного научного документа значительно позже времени его создания. Как отмечает Т. М. Дридзе, «если реципиент усвоил, для какой цели порожден текст, что именно хотел сказать автор помимо всех использованных средств, мы можем сказать, что он интерпретировал текст адекватно»[4].

Отступая, однако, от прагматической направленности научного текста, который мы репрезентируем молодому поколению с целью привлечения внимания к такой интеллектуальной сфере деятельности как наука, необходимо разъяснять значимость и содержание научного текста посетителю-зрителю архивной документальной выставки таким образом, чтобы текст был семантически узнаваем и не требовал, по сути, многомерной расшифровки смыслов. Пока нет другого способа, кроме традиционной нарративной трансляции знаний, встроенной в процесс освоения людьми многомерного социокультурного опыта: необходимого набора точек зрения на мир, картин мира, представлений, символов, традиций, стереотипов и образцов деятельности. Разъяснение исторического контекста создания научного документа позволяет более эффективно использовать две основные функции текстов: адекватную передачу значений и порождение новых смыслов (по Ю.М. Лотману). «Первая функция выполняется наилучшим образом при наиболее полном совпадении кодов говорящего и слушающего и, следовательно, при максимальной однозначности текста. С учетом своей второй функции текст представляется как «мыслящее устройство», и его основным структурным при-

[1] Ужаревич Й. Сон после жизни // Век XX и мир. 1994. № 11–12. – С. 1. Электронная публикация – Русский Журнал. 1998. – http://old.russ.ru/antolog/vek/1994/11-12/ujar.htm

[2] Урмина И.А. Актуализация документального научного наследия в музейно-выставочной деятельности. // Сборник по итогам конференции «Документальное наследие России: проблемы теории и практики. К 100-летию государственной архивной службы России: Материалы научно-практической конференции». – М.: Архив РАН, 2018. – С. 59.

[3] Гаврилова А.А. Метатекстовые элементы в научном тексте. – Саратов, ССЭИ РЭУ, 2017. – С. 17–18.

[4] Там же, с. 19.

знаком является внутренняя неоднородность»[1]. И тогда неизбежно появляется задача диалогичности, когда интерпретатор (в нашем случае, экскурсовод) видит в посетителе выставки архивных научных документов не пассивного реципиента, а потенциального партнера, активно участвующего в осмыслении информации. «Имитация» творческого процесса создания научного текста связана, несомненно, с включением в коммуникацию метатекстовых компонент, активизирующих внимание слушателя, особых конструкций, вводных слов, оборотов коммуникативной связи и др. Возникает новый смысл текста, определенный дискурс в поле других дискурсов, но сам научный текст, даже находясь в поле интертекстуальности, сохраняет устойчивый и надёжный смысловой контекст за счет базовых смыслов используемых профессиональных слов-знаков.

Если реципиент адекватно воспринимает смысл научного текста (в нашем случае, архивного документального научного текста), то задачей интерпретатора-экскурсовода становится выяснение исходных интенций, лежащих в основе создания этого текста, а также исторического и социокультурного контекста. В рамках выставочной деятельности в Архиве РАН это успешно осуществляется и будет осуществляться совместно с Методическим центром с Департаментом образования г. Москвы в серии мероприятий для методистов и учителей городских школ. В процессе совместной работы выявилась настоятельная необходимость не только подготовки тематических видеороликов по документальным материалам плановых и внеплановых выставок АРАН, но и отработка образовательных технологий, позволяющих методистам Департамента образования г. Москвы и учителям московских общеобразовательных школ наиболее полно и интересно для обучающихся раскрыть содержание научной работы в разных областях знаний. Таким образом, формируется цепочка специализированных мероприятий, направленная на мотивацию молодого поколения к самостоятельному постижению социального и культурного смысла научного документального наследия и определению своей профессиональной дороги в жизни. Подготовленный таким образом методист или учитель, репрезентируя научный текст документа с визуальным сопровождением контекстового характера, проявляет себя активным социальным медиумом, транслирующим молодому поколению исходные интенции, лежащие в основе построения научного текста, и пробуждающим интерес к достижениям российских ученых.

И здесь следует оценить существующие визуальные технологии представления контекстного документального материала, поскольку они играют важнейшую роль в формировании взгляда на мир поколений, выросших в эпоху Интернета. Как уже писал автор: «Визуализация текста исторического документа есть процесс образного познания, в котором участвует память, воображение, мышление и личностный смысл. В отдельных документальных источниках, таких, например, как дневники, письма, рисунки или чертежи учёных, нередко заложены творческие замыслы исследователей, раскрыть которые могут только компетентные люди. Вот их задачей становится помощь молодому поколению в выявлении скрытого во времени активного смысла текста, его связей как с исторической средой, так и с современным окружением – актуализация этого документа»[2]. Архивное наследие в этом случае представляет собой материальные или нематериальные (в оцифрованном виде) носители зафиксированного временного и событийного контекста появления (зарождения) смысла научного текста.

Рассмотрим современные мультимедиа, которые могут способствовать этому, наиболее распространенные сегодня в музейной практике. Во-первых, **в научно-технических, познавательных музеях, а также в музейно-информационных центрах, удачно используются** интерактивные инсталляции, побуждающие посетителей к самостоятельному освоению экспозиционного материала (эта технология была успешно опробована и в АРАН на выставке-фестивале «Образостроение 2017» – «Конвергенция науки, искусства и технологий или Art-NBIC конвергенция» с интерактивным 3D-столом и терминалами). Без сомнения, интереснейшим техническим приемом является мультимедийная книга о жизни ученого на специальном терминале (по сути, это наши визуальные выставки, расположенные на сайте АРАН, но посещаемые специалистами других учреждений, готовящими свои выставки). Примером эффективной интерактивной инсталляции является Музей науки и техники Леонардо да Винчи в Милане, где для посетителей работают 13 интерактивных лабораторий. А в Государственном Дарвиновском музее тоже действует такая интерактивная лаборатория «Пройди путем эволюции».

Во-вторых, ещё одним способом презентации экспозиционного материала являются проекционные технологии разного уровня и мультимедийные инсталляции. Часть таких технологических визуальных приемов была успешно использована на различных выставках АРАН. Их разнообразие в рамках данной статьи можно и не представлять.

Еще одним эффективным приемом является визуальная реконструкция контекста, например, научного открытия. В экспозиционной практике АРАН были использованы визуальные возможности стендов-панно на выставке «Российские женщины – ученые» в 2018 г. в Союзе женщин России, но мультимедийные средства использовать было невозможно. Можно лишь перечислить примеры визуальной реконструкции в зарубежной музейной практике: итальянский «Виртуальный Музей Повседневной Жизни» (MUVI), Музей Галилео во Флоренции, визуальные реконструкции синагог Берлина, Дрездена, Ганновера, Кельна и других городов в Еврейском музее Берлина, французский Версаль, Берлинский исторический музей, испанский проект-музей «Римская вилла Олмеда» и т.д. В России с успехом реализованы различные визуальные реконструкции, в том числе в Московском Кремле, в музее-заповеднике «Старая Ладога», в государственном музее архитектуры имени А.В. Щусева и др.

Следует отметить, что современные учреждения культуры, в том числе музей и, без сомнения, выставки стремятся (или вынуждены) извлечь из экспонирования культурного наследия экономическую выгоду и увеличить статистические показатели посещаемости за счет репликаций, онлайн трансляций, игрофикации, визуальных технологий, использования привлекательных контекстных артефактов (это ярко представлено в только что открывшемся Музее

[1] Гаврилова А.А. Метатекстовые элементы в научном тексте. – Саратов, ССЭИ РЭУ, 2017. – С. 27.

[2] Урмина И.А. Указ. соч., с. 60.

русского зарубежья). Язык массовой культуры, ее визуальные черты – легкость восприятия, доступность образов, зрелищность технологий, нередко развлекательность – вместо самостоятельного восприятия, требующего определенной подготовки зрителя-посетителя, стереотипизируют само отношение к культурному наследию.

В работе с научным документальным наследием этого допускать нельзя. Визуальные технологии масс-медиа в сочетании с включением в коммуникацию интерпретатора-экскурсовода и посетителя выставки метатекстовых компонент позволяют активизировать внимание зрителей за счет вербальных конструкций, вводных слов и оборотов, включают их в поле различных дискурсов. Репрезентируя научный текст документа с визуальным сопровождением контекстового характера, экскурсовод-специалист музейно-выставочной группы АРАН транслирует посетителям, особенно современному молодому поколению, исходные интенции, лежащие в основе построения научного текста, и пробуждающим интерес к достижениям российских ученых.

Франц В.А.
к.полит.н., доцент, Институт государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета

«МЯГКИЕ» ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОТЕСТНЫХ НАСТРОЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Ключевые слова: *soft power, мягкая сила, молодежный протест, протестные настроения, социальный протест, идентичность.*
Keywords: *soft power, youth protest, protest moods, social protest, identity.*

В настоящее время в России отмечается очевидный рост протестных настроений и протестной активности граждан. Согласно социологическим исследованиям, индекс личного протестного потенциала граждан относительно высок. Так, опрос ВЦИОМ показал, что лично готовы принять участие в акциях протеста около 27% респондентов, что несколько выше, чем два года назад (тогда этот показатель составлял 23%)[1]. Несколько меньший показатель даёт Фонд «Общественное мнение», но и у него он довольно высок – 24%[2]. При этом изучению протестных настроений и потенциала молодежи, а также их ценностей данными организациями в последние годы уделяется достаточно мало внимания. Также можно наблюдать рост политической культуры населения, выражающийся, главным образом, в повышении уровня политической осведомленности и гражданской активности.

Рост политической культуры и активности в России до сих пор происходит в немалой степени под влиянием (намеренным и ненамеренным) примера государств Западной Европы, а также США. В этом смысле можно говорить о воздействии различных ресурсов soft power данных государств на формирование протестных настроений в России. Причем, с нашей точки зрения, так называемая «пассивная мягкая сила» действует в данном случае гораздо более сильно, нежели «активная». Кроме того, и внутри самой России действует ряд локальных акторов, включая официальную власть, оказывающих как целенаправленное («активное»), так и спонтанное («пассивное») «мягкое влияние» на граждан, в том числе молодых. При этом через призму soft power вопросы политического протеста, в целом достаточно глубоко изученные, академической наукой рассматривались до настоящего момента недостаточно.

Значительное число исследователей сходятся во мнении, что групповая идентификация, культивировавшаяся в сознании людей на протяжении многих десятилетий, начинает вытесняться индивидуальной или корпоративной. Идентичности становятся всё менее публичными и более интимны, превращаются, скорее, в дело приватное, нежели общественное[3]. Поэтому, как утверждает, С.А. Макеев, «сегодня идентичности формируются, особенно в молодёжной среде, вокруг свободного времени, потребительского поведения и самых различных символов и знаков, а не на основе профессии и позиции в публичной сфере, как это было раньше, в советские времена»[4].

Однако набирает силу и противоположный процесс – увеличение значимости глобальной идентичности, в особенности в молодежной среде. Глобальная идентичность характеризуется представлениями о себе как о «гражданине мира» и, соответственно, имеет достаточно расплывчатый характер, выливающийся в фактическую самоидентификацию с разнообразными международными социально-политическими движениями, субкультурами, стилем жизни, трендами и т.п. В связи с этим, хотелось бы отметить особую роль культурной идентификации молодежи, связанной с модой и стилем, музыкой, кинематографом, стилем жизни и т.п.

Выход на первый план одновременно индивидуализации и глобализации идентичности современного человека актуализирует постмодернистский социологический дискурс, проблематизирующий существование феномена (и соответствующего ему понятия) идентификации и указывающий на его мифический и иллюзорный характер. Не углубляясь в философские размышления на данную тему, можно, тем не менее, отметить очевидный факт: идентичность в настоящее время превращается в довольно гибкую, нестабильную и изменяющуюся во времени структуру, что, в частности, означает увеличение подверженности данного конструкта разнообразным внешним воздействиям. Однако в ряде случаев происходит и процесс, противоположный «постмодернизации» идентичности – ее архаизация, когда на передний план выходят такие «примитивные» формы идентификации, как, например, этническая.

Кроме того, в контексте нашего исследования, важно отметить, что общегражданская, или национально-государственная, идентичность как населения России в целом, так и молодежи в частности, находится в настоящее

[1] Доклад института региональной экспертизы «Протестное поле в России: форматы и практика (анализ кейсов 2017–2018 гг.)». – С. 5. – https://irex.group/uploads/article/pdf/108/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%81%D1%82__.pdf

[2] Пресс-выпуск «Протестные настроения», 2018 / Аналитический центр Юрия Левады. – http://www.levada.ru/2018/08/01/protestnye-nastroeniya/

[3] См., например, Подвижность структуры. Современные процессы социальной мобильности / Макеев С.А., Прибыткова И.М., Симончук Е.В. и др. – Киев: Институт социологии НАН Украины, 1999.

[4] Там же, с. 6.

время далеко не на верхнем уровне самоидентификации россиян, что показывают последние исследования. При этом примечательно, что наиболее крупными российскими организациями общегражданский аспект молодежной идентичности не исследовался вот уже несколько лет.

По мнению Т.В. Евгеньевой и В.В. Титова, национально-государственная идентичность – это психологическая само-ассоциация личности с геополитическим образом (образами) определенного национально-государственного конструкта, имеющая в своем основании персональные фреймы (мотивы и ценности), закрепляющаяся и проявляющаяся через символические репрезентации[1].

Как показывают исследования данных ученых, две трети молодых респондентов не продемонстрировали этническую (например, «русский») или гражданско-политическую («россиянин») установки среди ключевых паттернов собственной социально-идентификационной матрицы. Примечателен также тот факт, что подавляющее большинство молодых людей с оформленными и доминирующими политико-гражданскими установками положительно оценивают действующую российскую власть и Россию в целом.

Ученые утверждают, что для большинства исследуемых «основанием для самоидентификации служат разнопорядковые представления и символы (территория, природа, культура, нефть, газ, Путин и т.д.), которые не могут быть систематизированы в целостную картину политической реальности и часто базируются на конфликтных политико-психологических основаниях»[2]. В целом же, по их мнению, несмотря на то, что национально-государственная идентификация занимает более значимое место в структуре идентичности молодежи в сравнении с 90-ми годами, ценностно-когнитивный фундамент самоидентификации остается неустойчивым, а символическое пространство – незаполненным и хаотичным. Фундаментом же формирования первичной социальной «самости» остается бытовая и психологическая интеграция в круг «своих»: семью, союз родственников и друзей.

В свете роста значимости индивидуального, культурного и глобального аспектов идентичности российской молодежи в сравнении с остальными, можно утверждать, что эффективность «мягких» технологий влияния на мнение и поведение молодых людей, в частности, на их протестные настроения, резко повышается. Кроме того, протест, в особенности в ситуации смыслового вакуума с одной стороны и множественности альтернативных смыслов – с другой, сам по себе способен быть мощным средством самоидентификации. В этом смысле исследование конкретных источников, инструментов и технологий soft power, катализирующих молодежные протестные настроения, представляется целесообразным.

Концепция soft power была разработана и популяризирована Дж. Наем в начале 1990-х годов. Най рассматривает мягкую силу как способность получить желаемое посредством притяжения, а не принуждения или платежей[3]. По мнению ученого, основными источниками такого притяжения являются привлекательная культура страны, ее политические идеи, внешняя и внутренняя политика[4]. Несмотря на наличие ряда внутренних противоречий, данная трехэлементная система по сей день является наиболее распространенной.

Уже сам Дж. Най разделял soft power на активную и пассивную. Активная «мягкая сила» представляет собой целенаправленную стратегию влияния, реализуемую органами государственной власти, институтами гражданского общества или даже отдельными гражданами. Пассивная «мягкая сила» представляет собой естественную, никак и никем не формируемую, привлекательность. В нашем исследовании мы рассматриваем, в первую очередь, активную сторону soft power государств, однако, хотелось бы подчеркнуть и значительную роль пассивной «мягкой привлекательности», которая, в ряде случаев действует даже сильнее. При этом влияние пассивной составляющей soft power на формирование протестных настроений у молодежи, на наш взгляд, недостаточно изучено.

Согласно О.Ф. Русаковой, объем понятия soft power включает «способность государства к политической мобилизации внутри страны и вовне, оказание влияния на других людей при помощи символических ресурсов, воздействие на мир при помощи цивилизационной и гуманитарно-культурной деятельности[5]. Таким образом, мы можем говорить о существовании как внутригосударственной soft power, так и о «мягком воздействии», осуществляющемся извне. Выявив общие закономерности в использовании технологий «мягкого влияния», а также факторы, делающие их применение эффективным, мы будем иметь возможность сопоставить особенности и степень действия внутренней и внешней soft power в отношении российской молодежи и распространения в ее среде протестных настроений.

В 1967 году Фред Эмери, директор Тавистокского института человеческих отношений, подчеркивал значимость массовой культуры как источника влияния на распространение протестных настроений в среде молодежи. Ученый утверждал: «синергетику подросткового роя на рок-концертах можно будет эффективно использовать для разрушения национального государства уже к концу 90-х годов». При этом потенциал «сердитой молодежи» рассматривался им как «оружие психического поражения»[6].

Дж. Най также высоко оценивает потенциал воздействия массовой культуры, смотря на него даже шире. По утверждению Ная, «именно воздействие поп-культуры на общественное сознание европейцев помогло Соединенным Штатам в достижении двух важных целей – демократической реконструкции Европы и создании НАТО. Массовая

---

[1] Евгеньева Т.В., Титов В.В. Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи. // ПОЛИС. – М., 2010. – № 4. – С. 122.

[2] Там же, с. 132.

[3] Nye J. (Jr.) Soft Power // Foreign Policy. 1990. – N 80. – P. 153–171.

[4] Най Дж. Будущее власти. – М.: АСТ, 2014.

[5] Soft power: теория, ресурсы, дискурс / Под ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2015.

[6] Сундиев И.Ю., Смирнов А.А. Теория и технологии социальной деструкции (на примере «цветных революций»). – М.: Русский биографический институт, Институт экономических стратегий, 2016. – С. 17.

культура оказала США большую услугу в поддержании экономического военного лидерства»[1]. Таким образом, согласно мнению исследователя, средствами культуры и искусства (разумеется, в совокупности с иными средствами) можно воздействовать даже на изменения политического режима в государстве.

Не будучи столь категоричными, можно однако утверждать, что культура и искусство, действительно, обладают значимым потенциалом «мягкого влияния», в особенности на молодежь. С этим связана, в частности, популярность у современной молодежи таких форм протеста, как протестный арт-активизм.

Также Дж. Най подчеркивает роль отдельных социально-политических ценностей государства в осуществлении «мягкого влияния». Так, например, «мягкую силу» Европы, по мнению мыслителя, «укрепляют ее позиции по вопросу о смертной казни, по контролю за оружием, по изменению климата, по соблюдению прав человека, включая права секс-меньшинств. Кроме того, в Европе мощнее, чем в США, система социального обеспечения и профсоюзы, рынок труда более регламентирован»[2]. Одной из гипотез нашего исследования является утверждение о том, что в действительности ряд социально-политических ценностей, в особенности ставших основой соответствующих общественных движений или деятельности популярных активистов, является мощным источником формирования молодежных протестных настроений. Причем очень часто «мягкое влияние» таких ценностей и движений является пассивным, т.е. естественным, а не управляемым.

Кроме того, Дж. Най отмечает существенную роль средств массовой коммуникации как источника soft power: «В большом почете становятся толкователи информации, в этом тоже оказался источник силы для тех, кто может сказать нам, на что следует обращать внимание. Доверие к издателям и толкователям является решающим ресурсом и важным источником мягкой силы»[3]. Иными словами, высоким потенциалом soft power обладают разнообразные технологии влияния на повестку дня, включая новейшие технологии коммуникаций посредством социальных медиа.

Помимо классификации источников мягкой силы, созданной Дж. Наем (недостаточно структурированный характер, а также изменчивость во времени которой хотелось бы подчеркнуть), мы опираемся и на более современные классификации. Так, представляется достаточно обоснованной классификация экспертами агентства «Portland», представленная в ежегодно составляемом отчете «Soft Power 30: A Global Ranking of Soft Power» и выделяющая такие компоненты «мягкой силы», как: государственное управление, дипломатия, бизнес и инновации, культура, система высшего образования, цифровизация, внешняя политика, качество жизни[4].

В рамках оценки «мягкой силы» мы опираемся на классификацию, предложенную О.Ф. Русаковой, которая делит подходы к ней на оценку с точки зрения ресурсов, образа действия и результата. В данной статье мы фокусируем внимание на формировании такой методологии оценки, тогда как перспективой исследования является эмпирическое социологическое измерение всех трех аспектов. Также в контексте данного исследования значительную роль играет понятие общественной дипломатии и ее видов, поскольку, на наш взгляд, данный ресурс soft power, в особенности культурная и медиа дипломатия, также обладает весомым потенциалом влияния на распространение молодежного протеста. Так, общественную дипломатию можно разделить на три вида: культурная дипломатия (обмены в области культуры, науки и искусства, образовательные программы, языковые курсы, спортивные события); дипломатия помощи (кризисная дипломатия; гуманитарная, медицинская, образовательная, экономическая, технологическая и т.п. помощь); медиа- и кибер-дипломатия[5].

Протестные настроения представляют собой разновидность социальных настроений. Социальное же настроение, в свою очередь, может быть охарактеризовано как целостная форма восприятия людьми их общественной и частной жизни, предвосхищающая реальное поведение и складывающаяся под влиянием как объективных, так и субъективных факторов социальной деятельности. Субъектом социальных настроений может быть индивид, социальная группа или общество в целом[6].

Протестные настроения представляют собой разновидность социальных настроений, главной чертой которых является неудовлетворенность индивидов или социальных групп сложившимся положением вещей и, одновременно, готовность предпринять конкретные действия с целью изменения субъективно воспринимаемой неблагоприятной ситуации (иными словами, протестным потенциалом)[7].

С точки зрения Р. Тернера и Л. Киллиана, протестному поведению предшествует формирование системы норм, оправдывающих «нетрадиционное» политическое поведение[8]. Иными словами, при изучении протестных настроений, предшествующих соответствующему поведению, имеет смысл выявление новых нормативных структур в массовом сознании.

Для выявления таких структур, по нашему мнению, эффективно прибегнуть к подходу конструктивистского структурализма, в частности, концепции «когнитивного кода», через призму которой мы намерены рассматривать

---

[1] Най Дж. «Мягкая» сила и американо-европейские отношения // Свободная мысль – XXI. – М., 2004. – № 10. – С. 36.

[2] Там же, с. 38–39.

[3] Най Дж. Будущее власти. – М.: АСТ, 2014. – С. 183.

[4] McClory J. The new persuaders: An international ranking of soft power. – London: Institute for Government, 2010. – https://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/ publications/The%20new%20persuaders_0.pdf

[5] Soft power: теория, ресурсы, дискурс / Под ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2015. – С. 29.

[6] Габа И.О. Основные подходы к изучению протестного настроения // Научные труды Московского гуманитарного университета. Социология. 2014. – № 11. – С. 70.

[7] Там же, с. 71.

[8] Социология: учебник / Под ред. Ю.Г. Волкова. – М.: Гардарики, 2003. – С. 456.

технологии «мягкого влияния» и результаты их применения. Согласно конструктивистскому структурализму (П. Бурдье, Э. Гидденс, Н. Луман и др.), за объективированными социальными практиками скрываются исторически изменчивые символические структуры, имеющие в себе механизм трансформации символического содержания на язык повседневности и наоборот. Ядром таких символических структур являются схемы, действующие на практике корпоративные диспозиции, принципы деления и т.п. Из вышесказанного следует, что в конструктивистском структурализме индивидуальная или групповая политическая позиция определяется, прежде всего, когнитивно-оценочными кодами (схемами классификаций), формирующими понимание смысла политических действий. Посредством таких схем акторы классифицируют сами себя и позволяют квалифицировать[1].

В данном контексте особую актуальность приобретает изучение формирования повестки дня (в первую очередь, через технологии прайминга, медиафрейминга и т.п.) как одного из источников и одной из технологий soft power. Однако в рамках иных элементов soft power, таких как образование, культура, бизнес и т.п. также формируются собственные коды (которые транслируются не только посредством масс-медиа), требующие исследования. Таким образом, мы ставим своей задачей исследование когнитивных кодов, транслируемых в рамках основных источников «мягкой силы» при осуществлении активного и пассивного влияния одного государства на другое, либо внутреннего влияния государства на общественность. Идентичность во многом также является продуктом подобного «кодирования».

Преобладающие на сегодняшний день типы протеста также дают некоторое представление как об особенностях идентичности протестующих, так и о наиболее влиятельных источниках «мягкой силы». Так, сотрудники Института региональной экспертизы выделяют следующие виды протеста: социально-экономический, контекстный (этот вид протеста наименее предсказуем, так как инициируется внезапно возникшей кризисной ситуацией, с другой стороны, подобного рода протесты, как правило, не имеют долговременного характера), этнокультурный, этнотерриториальный, протест, спровоцированный действиями крупных субъектов бизнеса, экологический, трудовой, кумулятивный. При этом, по мнению исследователей, в России среди всех типов протеста начинает преобладать кумулятивный протест, характеризующийся сочетанием различных видов протестной повестки. Наблюдается также тенденция роста числа трудовых, экологических и контекстных протестов[2]. Преобладание данных типов протеста, на наш взгляд, говорит в пользу гипотезы о росте значения индивидуальной и глобальной идентичности граждан страны. Индивидуальное самосознание гражданина в качестве обладателя различных прав, в том числе трудовых и политических, а также субъекта гражданской ответственности, ведет к росту контекстных и трудовых протестов. Ощущение же собственной сопричастности мировому сообществу с присущими ему глобальными проблемами вызывает к жизни такие протесты, как, например, экологический и, в ряде случаев, культурный.

В связи с вышесказанным при изучении влияния soft power на формирование протестных настроений мы считаем необходимым фокусироваться, в первую очередь, на тех ее источниках, которые актуализируют индивидуальный и глобальный слои идентичности молодежи. Это такие элементы или источники soft power, как культура, привлекательные политические, и более широко – общезначимые ценности, среди которых на сегодняшний день особую роль играет экология, образование, бизнес, общественная дипломатия, деятельность средств массовой коммуникации. При этом в рамках нашего исследовательского подхода мы делаем акцент на формировании и усвоении «когнитивных кодов» при воздействии «мягкой силы» на индивидов и группы.

[1] Бурдье П. Начала. Choses dites. – М.: Socio-Logos, 1994.

[2] Доклад института региональной экспертизы «Протестное поле в России: форматы и практика (анализ кейсов 2017–2018 гг.)». – С. 11–14. https://irex.group/uploads/article/pdf/108/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%81%D1%82__pdf

Хренов Н.А.[1]

МЕЖДУ АМЕРИКОЙ И КИТАЕМ: КЕМ БЫЛ, КЕМ ЕСТЬ И КАКИМ ХОТЕЛ БЫ СЕБЯ ВИДЕТЬ СЕГОДНЯ РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК?

Ключевые слова: *Россия, Америка, Китай, Восток, Запад, цивилизация, цивилизационная, идентичность, вестернизация, евразийство, идеология, культура, пассионарность, Шпенглер, Данилевский, Тойнби, Хантингтон, Соловьев, Другой.*

1. От идеологии к цивилизации: почему проблема цивилизационной идентичности оказывается сегодня столь актуальной?

Если попытаться характеризовать современную ситуацию в мире, то, наверное, не обойтись без двух слов – неустойчивость и неопределенность. Это признаки психологической атмосферы в обществе и, наверное, это характерно не только для России. Мы не случайно начали с психологии, а не с политики. Ведь сдвиги, которые в последние десятилетия в России происходят, касаются не только геополитики, географии, идеологии, империи, демократии, либерализма и т.д., но и идентичности и, в частности, коллективной идентичности. Как свидетельствует И. Нойман, как ведущая отрасль антропологии и социологии проблематика идентичности формируется с начала 1990-х годов (1). А вот это уже проблема психологии. Причем идентичности не только индивидуальной, а коллективной, как бы ее не конкретизировать, подразумевая под ней и национальную, и этническую, государственную и т.д. идентичность.

Но, конечно, изолировать психологические аспекты идентичности от геополитики, идеологии. географии и т.д. невозможно. Ведь как утверждает тот же И. Нойманн, конструированием Другого, имея в виду цивилизационные идентичности, о которых у нас и пойдет речь, занимаются именно политики (2). Странно было бы не обращать на это внимание в нашу эпоху как эпоху гипертрофированных пропагандистских технологий, с помощью которых симулякры сплошь и рядом заменяют реальность. Эта изоляция невозможна особенно в том случае, когда речь идет о такой разновидности коллективной идентичности как цивилизационная идентичность, о которой в последние десятилетия много говорят (3). Говорят справедливо, поскольку это уже не просто академическая, а практическая проблема. Видимо, С. Хантингтон верно уловил проблему и удачно ее сформулировал, раз его книги были замечены и спровоцировали дискуссии.

Так что же впервые сформулировал С. Хантингтон? Он зафиксировал значимый сдвиг в истории, определяющий изменения в идентичностях. Собственно, во многом именно это способствует возникновению атмосферы неопределенности и неустойчивости в обществе, которые мы все сегодня ощущаем, но до конца так и не можем осмыслить. Ведь то, что с нами происходит, – следствие не только распада советской империи. Для осмысления современного хаоса необходим еще один уровень осознания, а именно, тот сдвиг, что происходит на уровне взаимоотношений между цивилизациями. Причем, даже не в настоящий момент или в последних десятилетиях, а в больших исторических длительностях, без чего не разобраться и в настоящем моменте в их взаимоотношениях. В данном случае необходимо расширить поле исследования и происходящий культурологический поворот расшифровывать еще на одном уровне – цивилизационном. Он является даже следствием открытия проблематики цивилизаций, а они с некоторых пор вступили в новый период в истории своих взаимоотношений, что, несомненно, активизировало культурологическую рефлексию и способствовало становлению науки о культуре.

Цивилизационный уровень рассмотрения проблематики культуры приводит к тому, что такое рассмотрение уже никак не может быть сведено исключительно к тем процессам, что происходят в России. В данном случае культурологический поворот, обладающий специфическими в России признаками, до конца может быть осмыслен, исходя из внешнего фактора, под которым следует подразумевать взаимоотношения между цивилизациями. Иначе говоря, ставя вопрос о поддержании идентичности в России, мы не можем обойтись без активной роли в этом процессе того, что в философии называют «Другим». В данном случае род этим «Другим» следует подразумевать другую цивилизацию или другие цивилизации. Понятно, что в современной ситуации, когда многое зависит от Америки, России и Китая, этого аспекта культурологического поворота невозможно избежать.

Как уже отмечалось, неопределенность и неустойчивость в современном мире порождена более активными взаимоотношениями между тремя цивилизациями, воздействующими друг на друга и влияющими на изменения идентичности входящих в эти цивилизации народов. Нас в первую очередь интересует цивилизационная идентичность, которая характерна для России. Понятно, что эта идентичность во многом зависима от традиции, сформировавшейся в предшествующих столетиях. Но не в меньшей степени сегодня она зависима и от внешнего фактора, т.е. от взаимоот-

[1] Хренов Николай Андреевич – д.филос.н., профессор кафедры эстетики, истории и теории культуры Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова; гл.н.с. Государственного института искусствознания.

ношений России с другими цивилизациями. И от воспринимаемых по принципу Другого цивилизаций зависит самоощущение русского человека. Поэтому и возникает проблема – русский человек, каким он был в прошлом, каким он предстает сегодня и каким он видит себя в будущем. Вот это видение себя в будущем тоже ведь входит в виде слагаемого в цивилизационную идентичность.

Происходящий сегодня сдвиг связан с утрачиваемой основой, определяющей до некоторого времени коллективную идентичность. Такой основой была идеология. Во всяком случае в России. Но идеология оказалась в кризисе. Возьмем, например, идеологию большевизма, которая формировалась не без влияния модерна. Постмодерн радикально пересматривает мировосприятие модерна. А это мировосприятие, как утверждает И. Нойманн, способствует конструированию и поддержанию прочности и стабильности идентичностей (6).Что же касается постмодернизма, то для этого мировосприятия становится значимым, как избежать застывания идентичности и сохранять принцип открытости в функционировании идентичности. Эта открытость идентичности во многом и является причиной неустойчивости и неопределенности переживаемого сегодня исторического момента. Понятно, что и модерн, и постмодерн определяют установки художников, в частности, те процессы, которые происходят в кинематографе.

Да, большевистской идеологии больше нет. Между тем, она многое определяла и помимо всего прочего была формой изживания возникшей в России фантастической пассионарной вспышки, энергию которой до начала XX века направить на созидательную деятельность не удавалось. Но что означает пассионарная вспышка, охватившая массовые слои неграмотного населения, поверившего, что на Земле может быть создан рай – царство небесное? Ради этой идеи фанатики устраивали оргии жертвоприношения во время революции и гражданской войны. Достаточно пролистать книги С. Мельгунова (4) и В. Булдакова (5), чтобы ощутить эту оргию, которая ведь продолжалась и в гулаговских казармах вплоть до смерти вождя. В последние десятилетия некоторые кинорежиссеры пытаются вернуться к этим практически спрятанным страницам революции, воспроизвести это падение ценности человеческой жизни в этот период (например, фильм А. Смирнова «Жила-была одна баба» (2011) и фильм А. Рогожкина «Чекист» (1992).

Тем не менее, в некоторых отношениях идеология была необычайно эффективной, в частности, для утверждения, укрепления и поддержания солидарности как внутри государств, между разными входящими в его состав этносами и социальными группами, так и между государствами. Хотя невозможно закрывать глаза на то, что эта же самая идеология и разделяла мир на противостоящие лагеря и оказалась мощным средством давления на личность. Солидарность достигалась за счет принесения в жертву личностного потенциала. Эффективность идеологии заключалась в том, что на ее основе солидарность, если иметь в виду прежде всего внутренние для России процессы, могла возникать вне этнических, национальных, религиозных и т.д. уровней. Сегодня этой идеологии больше нет, нет и эффективного средства сплочения, используемого как внутри страны, так и вне ее. Общества начинают распадаться. Начинают распадаться и связи между народами, которые возникали на идеологической основе.

Может показаться, что если автор утверждает, что идеология была эффективным средством формирования и поддержания идентичности, то он, следовательно, испытывает по ней ностальгию и ее положительно оценивает. Не в этом дело. На своей ранней фазе идея, положенная в основу революционной идеологии, имела много последователей. Сначала это была группа, потом партия, потом эта идея распространялась в массах, что не удивительно, ведь пассионарный взрыв должен был найти какую-то форму выражения. Его энергия распространилась на инертную массу. И понятно, что и в массе было много тех, кто эту идею разделял и в нее верил. Важно отметить, что ее разделяли и некоторые представители интеллигенции, художники, например, М. Горький, Маяковский, Эйзенштейн и т.д. Даже сегодня мы видим, что разделяющие эту идею и жаждущие поставить памятник Сталину есть не только в старшем, но и в младшем поколении. И кстати, имеются основания полагать, что по мере разочарования в идеологии и распространения жажды наживы, начавшегося еще с момента активизации либерализма и охватившего сегодня общество, особенно среду чиновников, позитивная аура большевизма будет укрепляться. Не пришлось бы снова печатать большими тиражами Маркса.

Почему же такой эффект большевистской идеологии и почему он давал о себе знать много десятилетий? И это на том этапе истории, когда ее ритмы заметно ускорялись. Дело в том, что поскольку идея социализма распространялась в массе, то она была трансформирована в нечто такое, что уже не было только идеологией. Массовое сознание вносило в нее психологические комплексы разного исторического происхождения. Она вбирала в себя религиозные, мифологические, фольклорные, художественные и т.д. представления. Ведь еще и в 20-е годы развертывались дискуссии о том, что в социализме есть от религии. А. Луначарский, например, как известно, признавал социализм разновидностью религии. Об этом же пишет Н. Бердяев в своей книге о Достоевском (7). Да и в знаменитых «Вехах» С. Булгаков писал, что революционная идея в России приобрела религиозный смысл (8). Видимо, потому и сохраняла свой смысл идея социализма и возникшая на ее основе идеология несколько десятилетий, что сама возникала на основе многосложного и нового – плюралистического и традиционного мышления.

Но конечно, в новом мировосприятии они предстали лишь подчиненными в сравнении с идеологическими установками элементами. Новое мировосприятие возникало не на основе культуры, не было ее продолжением. Оно использовало культуру, обязывая ее служить себе. Со временем это, может быть, и стало причиной краха этого утопического эксперимента. Новые идеи были влиты в архетипические и мифологические формы. Да, эта идеология долго держалась, но к сегодняшнему дню, кажется, совсем угасла, ведь пассионарная вспышка, которой многим обязана идея социализма и вся наша история в первой половине XX века, оказалась потраченной. Уже в эпоху оттепели энергия пассионарности начала получать выражение не в классовых схватках и перевоспитаниях в лагерях, а в создании художественных и духовных ценностей. Это свидетельство ослабленной пассионарности. Поэтому оттепель в ее российском варианте и явилась чем-то вроде «нового Ренессанса» (9). Ведь возникший еще в начале XX века культурный и художественный ренессанс после 1917 года прекратился. Но все фазы развития он пройти не успел.

А. Синявский утверждал, что этот ренессанс успел пройти лишь свою поэтическую фазу, дав миру превосходную поэзию. Следующей фазой должен был бы быть расцвет прозы. К прерванной логике нового «русского ренессанса» начала XX века возвращала проза оттепели «В начале XX века у нас была самая прекрасная в мире поэзия – пишет А. Синявский – Но проза, как известно, развивается позже, и ее прихватил мороз. До расцвета русской прозы в нашем столетии дело не дошло. Однако сознание, что где-то в самом начале было даровано России счастье жить в высокую поэтическую эпоху, что эти стихи каким-то чудом дошли до нас и сделались теперь нашими современниками, это сознание обязывало и обязывает русскую литературу, выбиваясь из сил, доказать, что она тоже может быть великой. Поэзия начала века обязывает хотя бы к концу, создать недостающую прозу. И если таковая появится (а она начинает появляться), наша вечная благодарность – поэтам, сумевшим уже вначале сообщить российской словесности такой размах и заряд, что она смогла перепрыгнуть через пропасть шириною в тридцать, в сорок лет, когда в России практически не было словесности и, что самое главное, не было уверенности, что таковая когда-нибудь будет» (10).

Конечно, весь этот процесс не был осмыслен, и нужно было ждать, пока не появится новый Шпенглер и не напишет бестселлер под названием «Закат России», – мысль, конечно, бредовая, но все же она возникает. Ведь ощущаемый в эпоху оттепели кризис большевистской идеологии и в самом деле кому-то мог казаться «закатом» России. Впрочем, не эта ли мысль приходила в голову еще людям, выходившим на улицы в день похорон Сталина? Некоторым казалось, что с его смертью заканчивается новая Россия. Но если уж говорить серьезно, то эти фазы российской истории Л. Гумилевым были просчитаны, а главное, в этой истории им было найдено место и нашим дням. По мнению ученого, пассионарный толчок в России произошел еще в XIII веке (11). С тех пор прошло 800 лет. А это, как считают сторонники культурологического и цивилизационного взгляда на историю, как раз та самая фаза в истории, когда заканчивается период надлома цивилизации и начинается инерция.

Что же касается фазы надлома, то, по мнению Л. Гумилева, ее начало следует фиксировать после Отечественной войны 1812 года. Финал же этой фазы связан с утратой единства суперэтноса и начавшимися разборками между отделяющимися от цивилизации ее частями, когда-то входившими в ее состав, а ныне обретающими самостоятельность. Видимо, эта ситуация, в соответствии с концепцией Л. Гумилева, и определяет сегодняшний хаос. Но у Шпенглера была своя терминология. Он, естественно, понятие «надлом» и «инерционная фаза» не использовал, а драматическую ситуацию в истории народа обозначал словом «закат». Кстати, именно Шпенглер одним из первых стал просчитывать фазы в истории великих культур. Под «закатом» применительно к российской истории следует понимать «закат» лишь очередного в российской истории варианта империи, а именно, большевистский вариант.

Поскольку на протяжении десятилетий идеология была почти исчерпывающим фундаментом коллективной идентичности, то «закат» этой империи, естественно, не мог не породить множество проблем, которые явно оказались непредусмотренными и, следовательно, неожиданными. Распад империи как факт позитивный, ибо приводил к большей свободе личности, породил то, что народ постепенно начал утрачивать то чувство «мы», которое как раз и является выражением коллективной идентичности. С тех пор для русских становится актуальным вопрос «Кто мы?», который позднее поставит С. Хантингтон, но только применительно уже к Америке, ведь в ней тоже возникли такие же проблемы, как и в России. Утрата чувства «мы» порождала дискомфорт, а затем уже в наше время ностальгию по тому времени, которое еще недавно оказывалось предметом критики. А сегодня по контрасту с новой реальностью воспринимается уже счастливым и беззаботным.

Человек в постимперской действительности раздваивается. Ведь свобода означала возможность активизации всего его потенциала, но, с другой стороны, провоцировала необходимость самостоятельного разрешения возникающих в жизни проблем, а он к этому не привык, полагаясь на то, что за него все может решать все государство, как это до некоторого времени и было. С одной стороны, это ему нравилось, а, с другой, все же порождало дискомфорт. В этом проявилась та самая амбивалентность в отношении русского человека к своему государству, о котором писал Н. Бердяев (12). Государство, каким оно было – сильным, передовым, поскольку оно проводило в жизнь идею социализма, заставляющим считаться с ним во всем мире, наделяло человека чувством и защищенности, и гордости. Вот это-то чувство вместе с распадом империи и исчезало. С другой стороны, человек не мог не испытывать от этой зависимости дискомфорт. Однако ради возвышающих его как представителя сильного государства переживаний он этот дискомфорт терпел. Так что хотя здесь и были проблемы, но коллективная идентичность в России, возникшая на основе идеологии, была еще и имперской идентичностью со всеми вытекающими последствиями.

Ведь по сути дела, это даже было на руку большевикам, ведь к XX веку имперская идентичность уже была традицией, и она в России формировалась на протяжении столетий. А раз так, то она не могла не способствовать твердости и прочности новой власти, которая на фундаменте старой традиции выстраивала новую империю. Эта идентичность основывалась не только на идее, но и на силе. А вот то, что основой оказывалась сила, уже шло вразрез с идеалами христианства, о чем в свое время писал В. Соловьев. Но это когда было, а сегодня христиане, т.е. православные в России демонстрируют себя истыми государственниками, становятся в этом смысле более, чем чиновники. Потому и расправлялись со священниками после 1917 года, чтобы церковь не была барьером для утверждения силы, без которой большевики бы не сохранили власть, которую они позже по этой же причине и потеряют. Тогда казалось, что между идеей и силой может быть гармония. Но так казалось до определенного времени, пока сила не стала применяться не только для того, чтобы отражать внешние вызовы, но и против самого человека. А в этом случае уже само государство превратилось в Вызов. Внутренний вызов. Кстати, сегодня это продемонстрированное большевизмом противоречие характерно для Америки, ведь провозглашаемая ею идея свободы зиждется на основе силы.

Но раз разрушается коллективная идентичность на идеологической основе, то активизируются все те средства, которые раньше, в доидеологическую эпоху способствовали укреплению идентичности помимо идеологии, например, этническая принадлежность, конфессиональная принадлежность и, наконец, заслуживающая особого разговора куль-

турная принадлежность, поскольку в России, как было в период перестройки задумано отечественной элитой, культура мыслилась заменителем идеологии и новым основанием коллективной идентичности, что, собственно, привело к бурному развитию культурологии и институционализации этой науки. Ее стали изучать в высших учебных заведениях. Конечно, нельзя утверждать, что проект С. Хантингтона устранить из основания идентичности идеологию и заменить ее цивилизацией – нечто абсолютно и принципиально новое, ранее не имевшее места. Ведь, как уже отмечалось, то, что было на протяжении всей первой половины XX века идеологией, вбирало в себя много элементов, в том числе, и культурные комплексы или культурные архетипы, включая сюда и имперский комплекс, раз то государство, что было создано большевиками, оказывалось империей. Но в том варианте идентичности, которая всецело оказывалась зависимой от идеологии, культура входила лишь частично, в урезанном, усеченном виде – как частный элемент.

Ведь какое бы варварство не демонстрировал большевизм, нельзя все же ему отказать в культурной политике. Она была, и какой-то позитив в этом отношении все же имел место. Но, конечно, на этой культурной политике лежала печать культурного уровня массы, т.е. ее способности актуализировать, сохранять, а главное, понимать то культурное наследие, которое ей досталось и к которому она начала прикасаться. Так, мы возвращаемся к вопросу, поставленному в переписке между Вяч. Ивановым и М. Гершензоном (13). Однако то, что происходило ближе к концу XX века, да, пожалуй, еще и с эпохи оттепели, следует обозначить, как качественно новое отношение к культуре как доминанте в иерархии тех ценностей, с помощью которых можно характеризовать бытие человека в России на рубеже XX–XXI веков. Это как раз и способствовало возникновению именно в это время культурологической рефлексии, что со временем приведет к появлению науки о культуре. Пусть зарубежных мыслителей не удивляет тот факт, что возникновение в России науки о культуре в момент, когда на Западе этого бума не происходит, является даже не научным направлением, разрабатываемым специалистами, а чем-то вроде общественного движения. Это, конечно, значимый факт в новой истории России, и он проявляется в том, что мы обозначаем как культурологический поворот. Этот самый поворот в России происходит одновременно с универсальным процессом, охватывающим и другие народы. С тем процессом, в котором принадлежность человека к определенному типу цивилизации многое определяет. Понятно, что внутренние процессы, характерные лишь для России, приводят к новому статусу и новому видению культуры. Но внешние факторы в этих процессах тоже оказываются чрезвычайно значимыми и определяющими изменения в восприятии русским человеком себя.

2. Россия на рубеже XX-XXI веков: цивилизационный поворот от вестернизации к евразийству и его влияние на трансформацию идентичности

Если абстрагироваться от российской специфики, то реакция на происходящие сдвиги со стороны Запада были связаны с глобализацией и, следовательно, с тем типом культуры, которая, как в свое время идеология в России, возникает помимо религии, этнических и национальных особенностей. Пока эта новая культура, целью которой является планетарная солидарность, еще не сформировалась, а, может быть, она и вообще оказывается недостижимой утопией. Тем более, что царящий сегодня в мире хаос ей совершенно не способствует. Гораздо более реальной и особенно для возникновения и утверждения новой коллективной идентичности является все-таки цивилизационная солидарность. Но чтобы солидарность на цивилизационном уровне утвердилась, для этого следует еще много работать и прежде всего необходимо преодолеть разобщенность и конфликтность между цивилизациями, что сегодня можно наблюдать. Так что все оптимистические прогнозы по поводу конца истории пока преждевременны.

Существующие в мире народы могут объединяться в самые крупные сообщества, которые вообще когда-либо существовали, а именно, в цивилизационные сообщества. Эта разновидность идентичности существовала всегда, но в эпоху доминирования идеологии, она вытеснялась на периферию и, можно сказать, в бессознательное народов. Но к концу XIX века она стала входить в сознание. Что же этому повороту способствовало? Цивилизация – это такое сообщество, которое способно объединять разные народы и даже разные культуры. В качестве примера обратим внимание, например, на западную цивилизацию, объединяющую итальянскую, немецкую, испанскую, французскую и другие культуры. То же и с Востоком. Казалось бы, все просто. Но дело в том, что в предшествующий период идеологические критерии способствовали такому объединению, когда некоторые народы и этносы, представляющие одну цивилизацию, входили в состав другой цивилизации.

Ясно, что кризис и угасание идеологии делает актуальной потребность возвращения народа, входящего в состав другой цивилизации и существовавшего в ней на протяжении длительного времени, в родную цивилизацию. Естественно, что это неизбежно приводит к конфликтам, столкновениям и даже войнам. Пример с Югославией и Россией этот тезис может иллюстрировать. Угасание идеологии в России, оказавшейся в свое время возможной в результате пассионарной вспышки, привело к распаду советской империи. Но этот распад спровоцировал столкновение между некогда входившими в состав империи народами и самой империей. Вот эта ситуация распада сообществ, объединяющих разные народы, и порождает атмосферу неопределенности и неустойчивости, которые мы констатировали. Это обстоятельство оказывается особенно острым для России, ведь в состав этой цивилизации входят народы, представляющие различные другие цивилизации. Поэтому, видимо, сегодня Россия переживает один из самых драматических в своей истории периодов.

Новая ситуация делает необычайно острым вопрос о взаимодействии между цивилизациями, а значит, и вопрос о цивилизационной идентичности. Раз уточняются, а, следовательно, или расширяются или сужаются границы между цивилизациями, то это как раз и обостряет проблему идентичности входящих в них индивидов. Контакты между цивилизациями обостряются. История, которая до некоторого времени мыслилась как история государств, сегодня все больше мыслится как история цивилизаций. Ведь не случайно в исторической науке возникает новая научная пара-

дигма – цивилизационная парадигма. А. Тойнби, больше и, пожалуй, успешней всех размышлявший над этой проблемой, констатирует, что цивилизации существовали, существуют и будут существовать всегда, а вот государства в границах цивилизаций имеют кратковременную историю. Они то возникают, то исчезают в то время как цивилизация сохраняется. Следовательно, государства – это подчиненный и политический феномен в жизни цивилизаций, в границах которых возникают и умирают государства (14).

Когда-то Н. Данилевский пытался выявить и обосновать в мировой истории 13 культурно-исторических типов, а эти типы можно считать синонимами цивилизаций (15). В. Соловьев такую операцию не поддержал, обращая внимание на трудность проведения между ними границ. Но поскольку идея Н. Данилевского все же являлась, несмотря на ее уязвимость, вполне реальной, то работа в этом направлении продолжалась. Правда, Шпенглер, продолжая парадигму, начатую Н. Данилевским, сократил число великих культур до 8, а вот А. Тойнби будет насчитывать уже 21 цивилизацию.

Как уже сказано, В. Соловьев обратил внимание на уязвимую сторону концепции Н. Данилевского, касающуюся границ между цивилизациями. Эти границы сегодня оказываются весьма подвижными в связи с нами отмеченными процессами – активизирующимся сознанием принадлежности народов, оказавшихся по разным причинам входящими в другие цивилизации, к родной цивилизации. Однако критика В. Соловьева касалась и еще одной стороны теории культурно-исторических типов Н. Данилевского, а именно, тезиса о фатальном взаимонепонимании цивилизаций. Позднее Шпенглер, кстати, заново сформулирует закономерность, аргументированную Н. Данилевским. Но доля правды присутствует и в позиции В. Соловьева. Ведь он утверждал точку зрения, которая сегодня активно заявляет о себе в связи с глобализационными процессами. Оказываясь сторонником идеи всеединства и связи между религиями и народами, он полагал, что история постоянно демонстрирует воздействие одних народов на другие, что благоприятствует возникновению общей планетарной культуры.

Констатируя выводимую Н. Данилевским закономерность, согласно которой ценности одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа, В. Соловьев недоумевает: как же так, разве история не доказывает обратное? Взять хотя бы зародившийся первоначально буддизм в Индии. «Религия – индийская по своему происхождению, но с универсальным содержанием, – пишет В. Соловьев – и не только вышедшая за пределы индийского культурно-исторического типа, но почти совсем исчезнувшая из Индии, зато глубоко и всесторонне усвоенная народами монгольской расы, не имеющими в других отношениях ничего общего с индусами, – религия, которая создала как свое средоточие такую своеобразную местную культуру, как тибетская и однако же сохранила свой универсальный международный характер и исповедуется пятью – или шестьюстами миллионов людей, рассеянных от Цейлона до Сибири и от Непала до Калифорнии – вот колоссальное фактическое опровержение всей теории Данилевского, ибо нет никакой возможности ни отрицать великой культурно-исторической важности буддизма, ни приурочить его к какому-нибудь отдельному племени или типу» (16).

Но примеры, конечно, можно умножать. Разве евреи не передали другим народам христианскую идею, способствующую их объединению. Разве греки не передали другим народам эстетические и интеллектуальные ценности? Наконец, разве Византия не передала славянскому культурно-историческому типу многое, как Греция Риму, а Рим опять же Византии? А ислам тоже ведь не назовешь национальной религией только арабов. Арабы передали свою веру персам, туркам и татарам. В конце концов, каждый из культурно-исторических типов, оказавшихся способным влиять на другие типы, тоже ведь в своем становлении испытывал влияние других цивилизаций. Разве можно отделить Грецию от Египта и вообще от Востока, несмотря на ее стремление обособиться от него и утвердить самостоятельность. Как же все-таки быть? Кто прав – Н. Данилевский или В. Соловьев?

Правоты у В. Соловьева кажется больше. По сути, он предстает философом всеединства, а во всеединстве оформляется идея глобализации. Поэтому его идея сегодня прочитывается как более актуальная. Она опрокидывает в историю ситуацию открывающегося сегодня сознанию процесса глобализации. Эта идея не всегда воспринималась острой. Но сегодня она воспринимается именно так. А есть ли какая-то истина в концепции Н. Данилевского, тоже ведь после десятилетий забвения этого автора его известное сочинение сегодня снова издается и переиздается, оказываясь способным бередить старые раны. Концепция Н. Данилевского, конечно, не случайно и забывается, и снова оказывается актуальной. Ее актуальность становится очевидной в те эпохи, когда отношения между цивилизациями обостряются, и мир, кажется, все больше оказывается в ситуации кануна военного столкновения. А поскольку военное столкновение сегодня может происходить с использованием атомной бомбы, то это может грозить не только частичным, но и полным исчезновением жизни на Земле. Как бы конец истории, который еще недавно был объявлен Ф. Фукуямой, не обернулся и концом человечества. Только это, пожалуй, и останавливает горячие головы. Иначе столкновение было бы неизбежным, именно таким, каким его и изображает Н. Данилевский, прогнозируя из века XIX-го войны века XX-го.

Мы не будем обсуждать все вопросы, связанные с таким подходом к истории. Нам важно сегодня в свете нарастающего в результате цивилизационной разборки напряжения в мире, когда некоторые уже предрекают возможность третьей мировой войны, причем, как утверждает С. Хантингтон, если она и разразится, то это будет именно война между цивилизациями, из многих цивилизаций выделить лишь несколько, а именно три – Америку, Китай и Россию, от контактов между которыми сегодня во многом зависят спокойствие и уверенность в завтрашнем дне каждого человека на планете, к каким бы цивилизациям он не принадлежал. Почему мы выделяем именно эти три и только эти три, а не какие-то другие? Да потому, что именно эти цивилизации в XX веке, а, может быть, точнее, во второй половине XX века выдвинулись в первые ряды, в так называемые «лидеры» в мировой истории как истории цивилизаций. Это особенно касается, конечно, Америки и Китая.

В данном случае хочется в целях поддержки этого нашего тезиса обратиться к авторитетам. Когда М. Антониони в своих общеизвестных шедеврах утвердил присущий ему индивидуальный стиль и продемонстрировал глубоко субъективное восприятие западного мира, связанное с отчуждением, которое, по сути, иллюстрирует тезис Шпенглера о закате западной цивилизации, поскольку ведь чем является отчуждение, как не признаком деградации некогда великой цивилизации, а ныне вступающей в фазу надлома, он ощутил необходимость продолжить исследовать отчуждение уже не между людьми, а между народами, т.е. между цивилизациями. Как можно предположить, ему важно было уяснить, какая другая из существующих цивилизаций способна демонстрировать не увядание, а, наоборот, пассионарный энергетизм. И к каким же конкретно цивилизациям он проявил интерес? Именно к Америке и именно к Китаю, которые в конце 60-х годов XX века демонстрировали (каждый, конечно, по-своему) этот самый энергетизм в виде молодежного бунта.

Воздадим должное художнической интуиции М. Антониони. Ведь он ощутил те самые пространства, которые в прошлом столетии излучали энергетическую мощь. И именно они оказались центром притяжения художника. Как же «фаустовский» человек в лице кинорежиссера Антониони в середине прошлого века ощутил Новый свет и как он ощутил Поднебесную? В Новом свете он обнаружил тот же надлом, что проявилось, как он показал в фильме «Забриски Пойнт», в конфликте между поколениями, когда молодежь пытается разрушить возведенную дедами и отцами империю. Фильм Антониони, несомненно, явился следствием той молодежной революции, что характерна для Запада второй половины XX века и, разумеется, попыткой ее осмыслить. Но ведь приблизительно в это же самое время молодежная революция происходит и в Китае, правда, по-китайски, по-маоистски. Правда, что касается Китая, то в силу связанности с китайской властью, заказавшей итальянскому художнику этот фильм и контролирующей его производство, Антониони в своих оценках не был столь свободен. Но благодаря индивидуальному стилю мастера, не предполагавшему высказывания исключительно на вербальном уровне, ему все же удалось дух Китая ощутить и передать.

Но нам важно отметить, что замечательный художник интуитивно ощутил те проблемные узлы современной истории, которые связаны с цивилизациями. С одной стороны, это Америка, и об этом его фильм «Забриски Пойнт», а другой, запрещенный в Китае его фильм «Китай». Запрет на демонстрацию фильма Антониони в Китае свидетельствует, что оценки жизни, которая возникла в Китае в ситуации «культурной революции», можно передать не только с помощью слов. Что же касается открываемой Антониони Америки, то он ее открывает через образ пустыни. Ведь название фильма означает название пустыни. Антониони снимает фильм в так называемой Долине Смерти. Но ведь ясно, что это место имеет символический смысл. В этом пространстве можно ощутить то, что когда-то предшествовало создаваемой человеком культуре. Культуре, которую молодые революционеры хотели бы разрушить.

Но ведь появление Америки на карте тоже началось с пустыни. В пустыни в сжатые сроки была возведена мощная культура. Но молодыми овладело сомнение: то ли было возведено? Пафос фильма – выход из культуры, лишившей героев свободы. Судя по всему, Антониони прочитал или должен был прочитать те строчки об американской пустыне, которые он мог найти у Ж. Бодрийяра в его книге об Америке. «Это единственное место, – пишет Ж. Бодрийяр – где одновременно с цветовым спектром можно было бы воскресить спектр нечеловеческих метаморфоз, предваряющих наше появление, этапы нашего последовательного развития: минералы, растительность, соляная пустыня, песчаные дюны, камни, руда, свет, тепло – все то, чем могла быть земля, все нечеловеческие формы развития, пройденные землей, объединенные в одном антологическом видении» (17).

Так сложилось. И хотя каждая из этих цивилизаций развивается и функционирует в своих особых ритмах, на новом этапе им придется вступать в новые, более тесные между собой взаимоотношения. И здесь возникают совершенно новые аспекты традиционных проблем. В эти взаимоотношения между народами начинают активно включаться те традиции и образы, которые в эпоху идеологии оказывались вытесненными в бессознательные сферы. Это касается и тех традиций и образов, которые оказывались слагаемыми идентичности и культуры народов. Это те традиции, которые возникали и поддерживались в пространстве того, что М. Бахтин называл «большим временем». Но ведь именно в таком времени и функционируют цивилизации. В этом времени и развертывается история цивилизаций.

С некоторых пор отношения между государствами трансформируются в отношения между цивилизациями, и на этом уровне актуализируются те образы народов, которые существовали на протяжении столетий, а в эпоху господства идеологии казались несовременными и ушедшими в историю. Так на уровне цивилизации пробуждается особая разновидность исторической памяти, которую в пределах десятилетий не разглядеть. В связи с этим происходит трансформация и в восприятии времени. Будущее время начинает уступать прошлому времени. Так, с некоторого времени в истории стал доминировать не футуризм, как это имело место в первых десятилетиях XX века, что не замедлило проявиться не только в социальных и революционных движениях, но и в искусстве, а пассеизм. Эта активизация пассеизма, столь обращающая на себя внимание в последние десятилетия (18), – свидетельство пробуждения памяти на уровне цивилизаций и взаимоотношений между ними. Но будущее ныне вызывает страх, а углубление в прошлое подчас пугает своей идеализацией. Но история идет своим ходом и часто демонстрирует, насколько бессильны попытки людей в нее вмешаться. И вот мы уже готовы видеть в ином, более приемлемом свете свои 30-е годы, которые в последнее время так напоминают нам сегодняшний день.

Любопытно, что когда сравнивают китайскую «новую волну» в кино, развертывающуюся одновременно с отечественной оттепелью в кино, а в Китае в это время утверждало свою картину мира в кино так называемое «пятое поколение», то эту тему идеализации прошлого, советского, уже затрагивают. Об этом свидетельствует мнение А. Плахова, который началом такой идеализации советского и возвращения к большому стилю в отечественном кино называет фильм И. Дыховичного «Прорва» (1992). Но, конечно, как можно сравнивать эпоху, когда вышел этот фильм и критика только еще начала разбираться с феноменом сталинизма, с нашим сегодняшним днем. «Как только на шестой части мира отменили цензуру, – пишет А. Плахов – пошел откровенный «расчет с прошлым», а вслед за тем – фа-

мильярно-иронические с ним игры, привлекающие молодую режиссуру. Лучший фильм этого направления – «Прорва» – так и остался сигналом возможной реинкарнации Большого Стиля. Но только сигналом, который всерьез никто не поддержал» (19).

Да, не поддержал, не поддержал потому, что не пришло еще время. Но это придет позже, пришло сейчас, точнее, приходит, поскольку нашему поколению еще неизвестно, какие, в конечном счете, формы эта реинкарнация советского – комические или трагические – примет. Уже сегодня очевидно, что это явно не комедия. Хотя как сказать. А. Смирнов, только что закончивший свой очередной фильм – «Француз», в котором действие происходит в конце 50-х, убежден, что сегодня время неопределенности в поисках направления развития страны, если еще и не закончилось, то заканчивается. Время, а самое главное, власть в этом времени определились. «Милитаризация сделалась тотальной – пишет А. Смирнов – Вся идеология сегодняшней России – сплошное, как кто-то назвал точно – победобесие. Когда расстреляли Немцова, утром, часов в семь, меня разбудила моя жена Лена: «Ночью убили Борю». И я понял: «Все, строение тоталитарного государства закончено» (20).

Может быть, тот раскол, который сегодня в России имеет место и возвращает к одному из самых тяжелых расколов в русской истории – раскола XVII века (именно возвращает, ведь аналогии между XX и XVII веками уже успел провести В. Топоров) (21). Сегодня раскол, может быть, существует не между сторонниками либерального направления, с одной стороны, и носителями имперских, авторитарных установок, с другой, а, может быть, между сторонниками ориентации на традиционную вестернизацию и сторонниками евразийского пути. Но внешний фактор, т.е. ориентация на другую цивилизацию, а не ту, к которой привыкли, обязывает в существующую идентичность внести коррективы. Так идентичность становится одной из острых проблем современности. Но ведь и раскол XVII века в своей основе имел поворот от византинизма к вестернизации. Хотя в этой интерпретации раскола все же улавливается и смысл раскола в первом, т.е. расхожем смысле. Но этот раскол затрагивает и коллективную идентичность.

Конечно, связь с Западом русскому человеку дорога и прежде всего тем, что здесь личность является тем главным, что есть в истории. Поэтому русский человек, всю жизнь существовавший в империи, склонен был воспринимать Запад как идеал. Но как сегодня идеализировать Запад, если у него, как представляли еще наши славянофилы в XIX веке, все в прошлом. Ведь совершенно не случайно кинематограф, когда он касается судьбы Запада, постоянно повторяет шпенглеровские прогнозы, сделанные столетие тому назад. Взять хотя бы Ф. Феллини, который в фильме «И корабль плывет» (1983) темы судьбы Запада касается. Подобные мотивы улавливаются и в фильме О. Иоселиани «Охота на бабочек». Та же атмосфера «заката» Запада определяет и фильм В. Дзурлини «Пустыня Тартари». Поворот в сторону Востока разные народы хотя и ощущают, но его воспринимают и оценивают по-разному. Если русские хотя и делают заметные в этом направлении шаги, хотя и продолжают размышлять и не ставить в этом пока точки, то на Западе, на котором страх перед Востоком, а, следовательно, как считается перед «варварами», гнездится в подкорке, имеет место некоторая ироническая интонация.

В качестве примера сошлемся на фильм О. Иоселиани «Охота на бабочек» (1992). В фильме замок XVII века в одном из южных городов современной Франции с обилием изящных искусств, картин, мебели, в котором живут герои, ассоциируется вообще с Западом, с милым, славным, человечным, но, тем не менее, угасающим, или, можно сказать, исчезающим, как некогда исчезла Атлантида. Чтобы существовать, хозяйка замка, пожилая добрая женщина, прилагает колоссальные усилия, чтобы поддерживать тот комфорт, что существовал в прошлые века. Но все же картины и мебель приходится постепенно распродавать. По мере продвижения действия фильма к замку несколько раз подъезжает машина с женщиной-антикваром, которая старается по дешевке скупать еще сохранившуюся мебель в стиле Людовика XIII. Современное общество потребления делает предметом коммерческого интереса все – архитектуру, мебель, живопись, прикладные искусства, все то, что называют культурным наследием. В конце концов, будет продан и замок XVII века.

Но главные покупатели все-таки приходят с Востока. Решительный отказ хозяйки продать замок их не останавливает. Восточные коммерсанты убеждены, что все равно замок будет у них. Они готовы даже ждать и ждать долго. Но время этот момент приближает. Дело в том, что реальность давно уже существует по другим законам, совсем не по тем, что существовала в прошлом, которым герои остаются верными. Так радио систематически сообщает о новых погибших в результате очередного террористического акта. Пока террор происходит в далеких странах и до южного городка Франции пока не доходит. Но вскоре террор придет и сюда. Замок получает по наследству сестра героини, а она живет в России. В соответствии с логикой режиссера, Россия ведь тоже Восток, т.е. это тоже Другой, а значит, в ней тоже с точки зрения Запада существуют «варвары». Вступая во владение замком русские тут же его и продадут, продадут японцам. А те будут использовать его в коммерческих целях.

Продает замок не непосредственно сестра аристократки – хозяйки – она такая же интеллигентная и потому с точки зрения общества потребления уязвима, а ее молодая дочь или внучка, мгновенно проявляющая свою ловкость и предприимчивость. И вот уже на рынок ездят закупать овощи на велосипедах поселившиеся в замке японцы, а не хозяйка замка. Замком владеют восточные люди, читай, «варвары». По сути, фильм О. Иоселиани – поминки по тому Западу, который когда-то существовал и который русскими так был идеализирован. Свой фильм О. Иоселиани снимал, когда проблема с беженцами с Ближнего Востока не была столь актуальной. Но у режиссера уже многое предсказано. Ведь сегодняшние беженцы с Ближнего Востока – лишь частный эпизод в истории Запада. Так что если ностальгию по прошлому Франции, т.е. Запада О. Иоселиани разделять, то России просто некуда деться, кроме как с надеждой всматриваться в сторону Востока, тем более, что она сама – часть Востока. Да и сам Запад не потому ли стремится под крышу своего коллективного бунтаря, некогда покинувшего Старый Свет? Бунтаря – Америки, ставшей могущественной и способной защитить других, если, не дай бог, снова возникнет угроза с Востока или раздастся крик «русские идут».

А пока вопрос с Китаем как для России тем Другим, который, может быть, окончательно не прояснился, находятся сторонники той мысли, которая в истории уже не раз высказывалась. Сторонники «подмораживания» России, что, собственно, сегодня и происходит и что А. Смирнов оценивает как возвращение в Россию тоталитаризма. Итак, к сегодняшнему дню Россия оказалась между супердержавами, суперцивилизациями – Америкой и Китаем. Хочешь не хочешь, но в этой ситуации нужно заново самоопределяться и уточнять свою идентичность. В этом направлении Россия делает решительные шаги, свертывая ориентации на Запад, которые в истории России начались с Петра Первого и стали снова актуальными еще с приходом Горбачева, на ориентации на Восток. Наверное, такой сдвиг может быть лишь раз в несколько столетий.

Таких сдвигов в истории России было несколько. Сначала здесь произошел поворот в сторону Византии, затем, спустя столетия, в сторону Запада. Однако нельзя сбрасывать со счетов и влияние Востока в период, который называется татаро-монгольским игом. Может быть, ига-то на самом деле и не было в том смысле, как об этом пишут в учебниках, и здесь евразийцы, возможно, и правы, но имело место мощное влияние, в том числе, даже на государственное строительство. Несколько столетий Россия, как и многие другие народы, усваивала ценности западной цивилизации. Она была уверенной в том, что являлась прозападной страной, хотя эта уверенность никогда не была полной и повсеместно не разделялась как внутри России, так и на Западе. Показателен, например, такой факт. Шпенглер, пытавшийся определить место России в мире, отвергал ее причастность к Западу и утверждал, что это – часть Азии. Тем не менее, в поздней истории вестернизация России, оцениваемая, например, Н. Трубецким, резко отрицательно, многое в истории определяла. И вот теперь, кажется, Россия делает еще один радикальный шаг, разворачиваясь в сторону Китая.

Только вот не совсем ясно, будет ли она в евразийском пространстве играть значимую роль, ведь в контактах с Западом жажда лидерства ее не покидала даже тогда, когда она демонстрировала себя его прилежной ученицей, или же роль подчиненную, второстепенную, на что горячие головы в России, пожалуй, не согласятся. Между тем, в выделенной нами «тройке» цивилизаций Россия в настоящее время, может быть, не является самой сильной. Во всяком случае, по сравнению с Америкой. Революции и войны XX века, как и развал советской империи и неудачный опыт либерализма в период власти М. Горбачева, русских изрядно измотали и ослабили Россию экономически. Но, с другой стороны, здесь важна ведь и пассионарная энергия, и дух народа, те настроения, что исходят от народа. Известно, что идея христианства , распространившаяся на весь мир, первоначально возникла в самой нищей стране, которой когда-то был Израиль.

Хотя опыт в достижении контактов с другими цивилизациями в России существует, но в последние столетия он исчерпывается лишь отношениями с Западом, о чем сказано и написано достаточно и что стало причиной того, почему философия истории в России сводилась к отношениям между Россией и Западом. Что и говорить, сегодня ситуация с цивилизационной идентичностью России складывается весьма непривычная.

3. Персонологический аспект цивилизационной идентичности: российский вариант

Важно было бы сопоставить цивилизационную идентичность России с цивилизационной идентичностью Америки и Китая. Но прежде всего нас интересует идентичность современного русского человека. С этого мы начали и этим должны закончить обсуждать проблему. Все-таки это главный предмет нашего исследования. Главный, а что же касается Америки и Китая, то их необходимо рассмотреть как выражение Другого, воздействующего на изменения в цивилизационной идентичности русских. Главный именно потому, что в настоящее время цивилизационная идентичность русского оказывается проблемой. Проблемой потому, что Россия решается повернуть от Запада, с которым она вступила в активные взаимодействия три столетия назад, в сторону Востока.

В связи с этим напомним о том образе цивилизации, любой цивилизации, которая или сама создает образ себя, который и тиражирует или же пользуется своим образом, созданным другими цивилизациями. Например, в случае с Америкой мы имеем дело с созданным американцами образом себя как избранного народа. Наш А. Хомяков, много размышлявший о ментальности русских, хотя он и не прибегал к этому понятию, просто отдыхает. Ведь это он представлял Россию орудием Бога, способным даровать свободу всему миру (22). Для А. Хомякова Россия – избранная Богом страна, верная и последовательная носительница христианских идей, готовая во имя утверждения христианской веры приносить великие жертвы. Так, в стихотворении 1836 года «Остров» А. Хомяков сулит России как «стране смиренной, полной веры и чудес» великую историю, ведь Бог именно ей доверил судьбу Вселенной» (23). Именно потому, что Россия полна веры, ей внимают другие народы, и она поведет их за собой в царство свободы.

Но, как оказывается, претендентов на роль спасителя было много. Иначе говоря, А. Хомяков представляет Россию как цивилизацию с присущим мессианским комплексом. Этот же комплекс констатировал В. Соловьев, пытаясь осмыслить его критически и констатируя национальное самодовольство русских, в чем он улавливал влияние на них монгольской орды. Иначе говоря, начиная со Средневековья, Россия претендовала на исключительный статус в христианском мире (24). Это вовсе не означало, что на Руси такую точку зрения разделяли все. Совсем не все. И те, кто не разделял, не надеясь на то, что что-то можно исправить, уходил в пустыню, становился отшельником или юродивым. Ведь не случайно же в средневековой Руси, а потом и в петербургской России распространялся исихазм, достигнув в XIX веке возрождения, что наложило печать не только на Достоевского, но даже позднее на А. Тарковского.

Пытаясь показать, как выходить из такого положения дел, В. Соловьев утверждал, что нужно избавиться от самодовольства, изменить отношение к другим народам, признать их равноправными членами человечества, тем более, что во многих отношениях они в своем развитии стали Россию опережать. Конечно, когда В. Шубарт говорит о героическом типе личности, он имеет в виду западного человека, а М. Лернер в своей книге «Развитие американской цивилизации» – американца. Но, собственно, представитель Нового Света, хоть и оказывается свободным от культурных,

исторических, даже нравственных авторитетов, все же еще находится под воздействием Старого Света. Иное дело – русский человек, российская цивилизация, которая, как и все остальные цивилизации, имеет собственный базовый тип личности, а, следовательно, и соответствующий ему тип цивилизационной идентичности (25).

Но только вот, поскольку Россия как тип цивилизации вынуждена в истории постоянно перевоплощаться, принимать разные роли и испытывать разные влияния и прежде всего цивилизационные, – то византийское, то западное, – то хочется задать вопрос, является ли этот базовый тип непротиворечивым? Когда-то Н. Бердяев сформулировал мысль, о которой мы уже вспоминали: русский народ не любит свое государство, но и обойтись без него не может. Сегодня эта истина актуальна, как никогда ранее в российской истории. Очень точное суждение Н. Бердяева. Оно свидетельствует о расщеплении соотносимого с российской цивилизацией базового типа личности. С одной стороны, русский человек – это государственник, сторонник жесткой организации жизни и контроля над ней, с другой, он – кочевник, не почвенник, искатель праведной жизни, лучшей, чем существующая. Народное сознание выразило этот психологический комплекс в образе Беловодья. Это расщепление базового типа в российской цивилизации точно улавливает Г. Федотов. Что касается последнего типа, то это, как пишет Г. Федотов, вечный искатель, находящийся всегда в поиске, за что бы пострадать и принести в жертву свою жизнь. «Максималист в служении идее – пишет Г. Федотов – он мало замечает землю, не связан с почвой – святой беспочвенник (как и святой бессребреник), в полном смысле слова. Из четырех стихий ему всего ближе огонь, всего дальше земля, которой он хочет служить, мысля свое служение в терминах пламени, расплавленности, пожара» (26).

Этот тип личности можно отыскать в среде интеллигенции, в высших сословиях, в гуще народа. Например, в среде сектантов. Это отщепенцы, бегуны, искатели, странники. Этому типу странника противостоит другой тип, отшлифованный еще в средние века. «Это московский человек, каким его выковала тяжелая историческая судьба, – пишет Г. Федотов. – Два или три века мяли суровые руки славянское тесто, били, ломали, обламывали непокорную стихию, и выковали форму необычайно стойкую. Петровская империя прикрыла сверху европейской культурой Московское царство, но держаться она могла все-таки лишь на московском человеке. К этому типу принадлежат все классы, мало затронутые, петербургской культурой. Все духовенство и купечество, все хозяйственное крестьянство («Хорь» у Тургенева), поскольку оно не подтачивается снизу духом бродяжничества или странничества» (27).

Так и получается. К лучшей праведной жизни не только в своей стране, но и во всем мире на протяжении многих десятилетий двигался именно этот последний тип – искатель, странник, далекий от оседлости тип, передвигающийся не только по земле, но и в своем воображении, которое подчас заводило его очень далеко. И это открываемое русскими далекое часто привлекало другие народы, но нередко пугало и отталкивало. Именно этот тип, в котором мы узнаем тип мессианской личности, привел к революции, образ которой в сознании масс двоится: то ли это реализуемое и посюстороннее Царство небесное, то ли фиксируемое в фольклоре «Беловодье». Но и только. Привести-то привел, но больше ничего не успел сделать, ибо то, что получалось в результате его усилий, подчас требующих великих жертв, пугало. Пугал хаос, в форме которого представала свобода. Чтобы этот хаос преодолеть, активизировался тип, которого мы назвали первым, а именно тип государственника, почвенника, строителя, который не примет свободу в виде хаоса и демонстрирует предрасположенность к тому, чтобы жизнь контролировалась.

Удивительно, но ведь это формула всей российской действительности, ее истории, нечто, что постоянно воспроизводится вплоть до сегодняшнего дня. Разве мы ее не узнаем в фильме А. Звягинцева «Левиафан», в котором возводят очередную церковь и при этом стирают с лица земли ради этого и скромное жилище простого человека и его самого. А потому, что на арену истории приходит уже в который раз строитель, средневековый тип личности. Г. Федотов называет его строителем. Что же он строит, что возводит и укрепляет? Он берет за основу идеал странника как идеал духовный и пытается его реализовать в жизни. Но эта реализация почему-то в российской истории постоянно развертывается в форме империи. Имперское же начало противостоит духовному началу, ибо оно связано прежде всего с силой. А силу с духом совместить невозможно, как невозможно совместить христианство с язычеством, что пытались сделать гуманисты русского Серебряного века. Если предреволюционный и собственно революционный период в России соотносится с типом странника, беспочвенника, то постреволюционный период вызывает к жизни тип государственника. Предпринятые усилия по контролю над хаосом и стихией привели к усилению государственности и к несвободе. Оставалось лишь отыскать вождя, который способен придать форму этому коллективному бессознательному, под которым, видимо, следует подразумевать Иосифа Сталина. Известно, что на Западе его называли «азиатским деспотом». «Начиная с Бухарина и Троцкого, коммунисты – антисталинисты утверждали, что Сталин вовсе не был западником, а был, скорее, азиатским деспотом – пишет И. Нойманн. – Бухарин, например, критиковал сталинскую программу ускоренной индустриализации как политики «в русле старой России» и часто называл «азиатской». Самого Сталина он именовал в частных беседах «Чингисханом» (28).

Спустя десятилетия стало очевидным, что плоды деятельности и первого, и второго типа имели обратную сторону. Хотя активность обоих типов способствовала динамизму в развитии общества, но результаты этого динамизма оказались слишком незначительными. Более того, разрушительными. В этом смысле становится очевидной правда, которую несет с собой гармоничный человек, в мировосприятии которого весьма значима идея «недеяния», т.е. восточная идея. Приступая к освещению военной истории Древнего Рима и сравнивая его могущество с могуществом существующих цивилизаций, Полибий писал: «Между тем, римляне покорили своей власти почти весь известный мир, а не какие-либо части его, и подняли свое могущество на такую высоту, какая немыслима была для предков и не будет превзойдена потомками» (29). Историк в восторге от могущества империи, находящейся в пору его творчества в зените. По его мнению, Рим демонстрирует качественно новое состояние всемирной истории, которая оказывается единой, хотя до сих пор ни один народ ее единство продемонстрировать не мог («Начиная же с этого времени, исто-

рия становится как бы единым целым, события Италии и Ливии переплетаются с азиатскими и еллинскими, и все сводится к одному концу» (30).

Полибий ощущает качественно новое восприятие пространства мировой истории. Обращаясь к переполняющему Полибия чувству, мы пытаемся углубиться в аналогию, которую проводили русские люди конца XVIII и начала XIX веков, о чем свидетельствует выраженная в формах классицизма картина мира. Как и Древний Рим, Россия переживает период мобильности своих границ, присоединяя другие народы и переживая экстенсивный период своей истории. Но даже если речь не идет о территориальном расширении империи, Россия все же стремилась распространить свое духовное влияние на другие народы, что и ощущал Наполеон, стремясь противостоять этому влиянию. Ведь он опасался, что Франция, как и Запад в целом, вообще может раствориться в Российской империи. («Наполеон одно время считал, что Европа и остальная часть мира скоро будут втянуты либо в Американскую республику, либо в Российскую всемирную монархию» (31).

Этот комплекс, несомненно, выражал один из самых известных государственных мужей в истории России – Петр Первый. Такое стремление к расширению границ истории Петра Первого Д. Андреев в своей «Розе мира» описывает так. «Очевидно, это было смутное, но властное ощущение мировых пространств; оно походило на дыхание океана, на пронизывающий, соленый и шумный ветер, вдруг ворвавшийся в замкнутый столько веков мир. На берег морского пространства перенесся центр государственности. Государственность стала созидаться новым контингентом людей; и для них эта атмосфера, не знающая твердых географических границ, по-северному холодная и по-морскому требовательная, казалась чем-то несравненно высшим сравнительно с насыщенной местными запахами, душной, земляной и вязкой атмосферой Московской Руси» (32).

В характеристике Петра Первого, данной Д. Андреевым, на первый план выходят признаки уже не мессианского, а скорее фаустовского, т.е. героического типа, соответствующего западной цивилизации. Вот и получается, что границы между типами, определяющими функционирование цивилизаций, весьма подвижны. Получается, что разновидности базового типа, характерные для российской цивилизации, несмотря на их разительное несходство, по сути, не так уж далеко отстоят от героического типа, который В. Шубартом соотносится исключительно с западным типом личности. В. Шубарт утверждает, что русским соответствует мессианский тип личности, и это имеет под собой основание. Однако имперский комплекс, столь активный в российской цивилизации, которая постоянно функционирует в истории в формах империи, свидетельствует, что в этом мессианизме есть изрядная доля героической ментальности.

О чем же свидетельствует эта латентная стихия героической личности, которая ощущается и в разновидностях русского мессианского типа.? А также о чем свидетельствует это расщепление базового типа в России на скитальца, странника и строителя, кочевника и почвенника? Может быть, о том, что в российском цивилизационном космосе такой базовый тип является устойчивым. Он размыт. Для него характерна неопределенность. В нем присутствует нечто от мифологического образа Протея. Но если эта неустойчивость здесь присутствует, то не свидетельствует ли это о том, что говорить о России как самостоятельном типе цивилизации тоже не приходится. Может быть, сила русского человека как раз не в том, чтобы создать и поддерживать стабильность базового типа личности, а культивировать артистический талант, позволяющий ему примерять на себя разные цивилизационные маски, увлекаться и легко присваивать чужие роли, а затем отрекаться от них и перевоплощаться в другие образы.

Вот и сегодня, беря курс на Евразию, воспринимая себя как часть евразийского мира, Россия снова готова облечь себя в новое платье. Не случайно, касаясь ментальности русских, Г. Флоровский пишет, что «есть что-то артистическое в русской душе, слишком много игры». «В русской душе есть опасная склонность, есть предательская способность к тем культурно-психологическим превращениям или перевоплощениям, о которых говорил Достоевский в своей пушкинской речи… Этот дар «всемирной отзывчивости», во всяком случае, роковой и двусмысленный дар. Повышенная чуткость и отзывчивость очень затрудняет творческое собирание души. В этих странствиях по временам и культурам всегда угрожает опасность не найти самого себя. Душа теряется, сама себя теряет, в этих переливах исторических впечатлений и переживаний. Точно не поспевает сама к себе возвращаться, слишком многое привлекает ее и развлекает, удерживает в инобытии. И создаются в душе какие-то кочевые привычки, – привычка жить на развалинах или в походных шатрах» (33).

О том, что невозможно отыскать в русских образах сложившуюся непротиворечивую идентичность, писал Д. Мережковский. Посвящая свое исследование тем типам русского человека, которые получают выражение, с одной стороны, у Достоевского, а, с другой, у Л. Толстого, Д. Мережковский приходит к мнению, что даже эти гении еще не выразили тот духовный образ, что носит в себе русский народ в целом. Не выразили потому, что он будто бы еще не сформировался. Таким образом, идентичность русского человека все еще остается незавершенной. «Если лицо завершающего гения есть по преимуществу лицо народа, – пишет Д. Мережковский – то ни во Льве Толстом, ни в Достоевском мы еще не имеем такого русского лица. Слишком они еще сложны, страстны, мятежны. В них нет последней тишины и ясности, того «благообразия», которого уже столько веков бессознательно ищет народ в своем собственном и византийском искусстве, в старинных иконах своих святых и подвижников. Кажется, вообще у нас еще не было прекрасного народного и всемирного лица, такого, как, например, лицо Гомера, юноши Рафаэля, старика Леонардо» (34). Это удивительно, но то, что ищет Д. Мережковский в Л. Толстом и Достоевском, он не находит даже в Пушкине, а находит в «нашем всем» ту же неопределенность. «Даже внешний образ Пушкина, который нам остался – этот петербургский денди тридцатых годов, в чайльдгарольдовом плаще, со скрещенными на груди по-наполеоновски руками, с условно байроническою задумчивостью в глазах, с курчавыми волосами и толстыми чувственными губами негра или сатира, едва ли соответствует внутреннему образу самого родного, самого русского из русских людей. Да и есть ли это настоящее лицо у Пушкина?» (35).

Сегодня этот вопрос неопределенности и как бы незавершенности цивилизационной идентичности русских принимает неожиданный, но и вполне конкретный оборот. Кажется, идея евразийцев, наконец-то, обретают реальную почву. Они оказываются востребованными. Конечно, контакт с Западом всегда способствовал формированию, а сегодня и поддержанию цивилизационной идентичности русских и потому, что Россия стремилась ассимилировать ценности западной цивилизации и включиться в эту цивилизацию, воспринимать себя как продолжение этой цивилизации, и потому, что она все-таки сопротивлялась растворению в этой цивилизации, и это сопротивление в еще большей степени способствовало обретению самостоятельности, в чем тоже проявлялось благотворное воздействие Запада на Россию. В любом случае для русских Запад представал тем Другим, без которого цивилизационная идентичность России не могла бы сформироваться. Ей нужен был Другой и как друг, и как враг, каким он представал в нескольких войнах.

Здесь следует отметить, что Запад являлся перед Россией и в той, и в другой роли. В первый раз в ситуации Отечественной войны 1812 года, когда Наполеон в сознании русских предстал в образе Антихриста, и в другой раз – во время Второй мировой войны. Но сегодня история ставит Россию в иную ситуацию, когда контакт с Западом, продолжением которого воспринималась до некоторого времени и Америка, оказывается как бы уже менее актуальным. Сегодня в связи с евразийскими упованиями контакт с Западом как с Другим отходит на задний план. Неизвестно на долго ли? На первый план, кажется, выходит контакт с Востоком и прежде всего с Китаем. Как завещал один из создателей евразийской доктрины Н. Трубецкой, контакт с Западом национальному единству русских нанес скорее вред, нежели принес пользу. В результате она уклонилась от евразийского пути, который есть самый истинный и соответствующий ее ментальности путь. Ведь, по мнению Н. Трубецкого, за эти последние столетия вестернизации русский человек перестал быть собой, но не стал и европейцем (36).

Если Н. Трубецкой в данном случае прав, то петровская и постпетровская государственность рано или поздно и должна была закончиться крахом, что и произошло с революцией 1917 года. Кажется, что лишь евразийское пространство предоставит России возможность стать собой, а не быть рядовой провинцией европейской цивилизации. Следовательно, как пишет Н. Трубецкой, Россия продолжит дело, начатое еще Чингисханом, образ которого в последние десятилетия в связи с новыми настроениями стремятся облагородить. Об этом свидетельствует опыт кино. Да, собственно, и раньше в строении своей государственности она многое успела усвоить от уроков Великого «потрясателя Вселенной». Так, например, как следует понимать государственное объединение России под влиянием Москвы в Средние века как не следствие уроков Чингисхана? Согласно Н. Трубецкому, российское государство – наследник, преемник, продолжатель дела Чингисхана (37).

Красиво, но справедливо ли? Эта традиция, если она и в самом деле оказала столь сильное влияние на Россию, не способствует ли пассеизму, который всегда улавливался в ментальности Востока, и не притупляет ли он интерес к будущему, с которым и связывается прогресс. Таким образом, в настоящий момент Россия снова и снова оказывается на распутьи – или Запад, а, следовательно, и Америка, или же Восток, т.е. в данном случае Китай. Для искусства эту ситуация весьма проблемна. Ведь изменения в цивилизационной идентичности касаются, в том числе, и личности, различные положения которой в мире оно диагностирует. Не только диагностирует, но и стоит на стороне ее прав. В связи с этим снова вспоминаются сомнения В. Соловьева, которого пугал не собственно панмонголизм, а присущая вообще Востоку безличность, от которой культура Запада свободна. Пожалуй, это главное, что всех в этой культуре привлекает. Поэтому неопределенность в идентичности современного российского человека не может не получать выражение в искусстве.

Когда-то, испытывая ужас перед Востоком, В. Соловьев задавал вопрос, чем все-таки хочет быть Россия? В этом вопросе на первый план выходила проблема личности. «И великое значение панмонголизма – пишет Н. Бердяев, обсуждая вопрос об отношениях В. Соловьева к Востоку – прежде всего в том, что им обостряется вопрос: чем хочет быть Россия, христианской страной, органической частью христианского всечеловечества, или крайним, нехристианским Востоком? Хранит ли Россия христианское откровение о личности или изменила ему и подчинилась восточно-монгольской стихии безличности?» (38). В. Соловьев пугается безличности Востока, как ее вообще пугались в мире, начиная с античности, но ведь с момента появления в истории массового общества эта безличность проникла и в Европу. И об этом свидетельствует воздействие на умы того, что В. Соловьев называет «американизмом» «Восточно-монгольская стихия безличности проникла и в западную цивилизацию, под формой нивелирующего американизма. Крайний Восток и крайний Запад таинственно сошлись» (39).

Ну, если это, действительно, так, то это только означает, что то, что сегодня называют глобальной культурой, действительно, может стать, а, может быть, уже стало реальностью. А то, что потенциал личностного начала в этой культуре понижается, то это может свидетельствовать лишь о начальном этапе становления этой культуры. И нет повода по этому вопросу бросаться в пессимизм. Что же касается России и того, кем может быть в будущем русский человек с его неустойчивой идентичностью, то будем надеяться, что и Америка, и Китай, в каких бы отношениях сегодняшняя Россия с ними не оказывалась, способствует не только контакту, т.е. сближению, но и отталкиванию. Но ведь отталкивание, как и сближение, – это лишь механизмы поддержания цивилизационной идентичности. Все это так. Только вот радикальная смена ориентаций в истории России, в частности, смена византийской традиции западной традицией, вызывает к жизни раскол. Таким мощным расколом был раскол XVII века. Если евразийцы и в самом деле разгадали, в каком направлении будет развиваться Россия в будущем, то, судя по всему, нам не избегнуть очередной смуты, спровоцированной эти расколом. Но, может быть, это уже реальность сегодняшнего дня.

Примечания

1. Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейской идентичности. – М., 2004. – С. 236.

2. Нойманн И. Указ. соч., с. 54.
3. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. – М.: Транзиткнига., 2004.
4. Мельгунов С. Красный террор в России. – Нью-Йорк. Издательство Брэнди, 1979.
5. Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН, 1997.
6. Нойманн И. Указ. соч., с. 279.
7. Бердяев Н. Миросозерцание Достоевского // Бердяев Н. Философия творчества, культуры и искусства. В 2- х т., т. 2. – М.: Искусство, 1994.
8. Булгаков С. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. – М.: Новости, 1990. – С. 27.
9. Хренов Н. Искусство оттепели в контексте надлома большевистской империи // От искусства оттепели к искусству периода распада империи / Отв. ред. Н.А. Хренов. – М.: Канон-Плюс, 2013. – С. 17.
10. Синявский А. Литературный процесс в России. – М., 2003. – С. 185.
11. Гумилев Л., Ермолаев В. Горе от иллюзий // Основы евразийства. – М.: Арктогея-Центр, 2002. – С. 471.
12. Бердяев Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. – М., 1990. – С. 4.
13. Иванов В., Гершензон М. Переписка из двух углов // Иванов В. Родное и вселенское. – М.: Республика, 1994.
14. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. – М.: Айрис-пресс, 2003. – С. 407.
15. Хренов Н. Концепция культурно-исторических типов Н. Данилевского: проект новой науки или имперский дискурс // Мир культуры и культурология. Вып. 6. – СПб., 2017–2018. – С. 81.
16. Соловьев В. Национальный вопрос в России // Соловьев В. Сочинения в 2-х т., т. 1. – М.: Правда, 1989. – С. 369.
17. Бодрийяр Ж. Америка. – СПб.: Владимир Даль, 2000. – С. 142.
18. Ассман А. Культурная память. – М., 2004.
19. Плахов А. Реинкарнация маленького Будды и Большого стиля // Искусство кино. 1995. – № 3. – С. 52.
20. Смирнов А. «Строение тоталитарного государства закончено» // Новая газета. – М., 2019. – № 16, 21 июня.
21. Топоров В. Московские люди XVII века (К злобе дня) // Philologia slavica. К 70 -летию академика Н.И. Толстого. – М.: Наука, 1993.
22. Хомяков А. Сочинения. Т. 4. – М., 1909. – С. 33.
23. Хренов Н. Имперский комплекс России и его критики: А.И. Солженицын // Личность и творчество А.И. Солженицына в современном искусстве и литературе. – М.: Русский путь, 2018. – С. 156.
24. Соловьев В. Национальный вопрос в России // Соловьев В. Сочинения. В 2-х т., т. 1. – М.: Правда, 1989. – С. 418.
25. Хренов Н. Русский Протей. – СПб.: Алетейя, 2007.
26. Федотов Г. Письма о русской культуре // Федотов Г. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. В 2-х т., т. 1. – СПб.: София, 1991. – С. 173.
27. Федотов Г. Указ. соч., с. 177.
28. Нойманн И. Указ. соч., с. 230.
29. Полибий. Всеобщая история в 40 книгах. – М., 1890. – Т. 1. – С. 14.
30. Полибий. Указ. соч., с. 14.
31. Нойманн И. Указ. соч., с. 128.
32. Андреев Д. Роза мира. Метафилософия истории. – М., 1991. – С. 158.
33. Флоровский Г. Пути русского богословия. – Киев. 1991. – С. 500.
34. Мережковский Д.Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. – М.: Республика, 1995. – С. 68.
35. Мережковский Д. Указ. соч., с. 68.
36. Трубецкой Н. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. – М., 2007. – С. 357.
37. Трубецкой Н. Указ. соч., с. 298.
38. Бердяев Н. Проблема Востока и Запада в религиозном сознании В. Соловьева // О Владимире Соловьеве. Сборник первый. – М.: Путь, 1911. – С. 125.
39. Бердяев Н. Указ. соч., с. 125.

Цеханская К.В.
д.и.н., в.н.с. Института этнологии и антропологии РАН

«НАРОДНАЯ ВЕРА» И ЦЕРКОВНЫЕ ТРАДИЦИИ: СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ ПРАВОСЛАВНЫХ[1]

Ключевые слова: *религиозное мировоззрение, православие, народное православие, церковные традиции.*

Постсоветское время породило в России новую социо-экономическую, политическую и духовно-культурную реальность, характеризуемую разрушением традиционных смыслов, способов и динамики социальных связей людей, атомизацией общественного самосознания и, наконец, самое главное – невиданной люмпенизацией и деградацией самых незащищенных слоев общества, не вписавшихся в траекторию рыночной экономики. Экзистенциальное одиночество «лишних» людей, вытесненных в маргинальные зоны современного жизнеустройства, их духовное опрощение и даже «одичание» связано не только с жестким либеральным модусом экономического развития страны. Оно активно спровоцировано прозападно-толерантными стандартами насаждаемой в России массовой культуры, посредством которой в российском социуме закрепляются обезбоженные, античеловечные, гламурно-пошлые идеалы бытия. Это убого-депрессивное состояние «лишних» людей, широко транслируемое в бесконечных телевизионных ток-шоу, где несчастья, пороки, грехи и трагедии «маленького» человека выставляются в качестве развлекательного материала, закрепляют в подсознания людей саму несправедливость и жестокость бытия в качестве неизбежной, неискоренимой данности.

Как в этих условиях «выживает» традиционное религиозное мировоззрение русских и других православных этносов страны? Можно сказать – да, православное миросозерцание живо, оно так же живо и одновременно все так же «сотрясаемо» различными искушениями в виде ересей, расколов, суеверий, как и сто, и двести, и триста лет назад. И это закономерно, ведь религиозная Истина всегда, начиная с апостольских времен, выступала главным объектом нападения деструктивных духовных начал, заложенных в греховной природе человека. Именно Истина – в том виде, как Она раскрыта человечеству в Логосе, в Святой Троице, до сих пор является, и всегда будет являться раздражающим препятствием для осуществления самомыслия, гордыни, дерзости людей.

В России Истина для верующего социума мыслится в четко очерченных пределах церковного Предания, Богослужения, Священного Писания, в догматах и канонах, в формах благочестия. Весь этот сакральный комплекс и есть тот якорь спасения, за который держалась и держится каждая православная личность. Но так уж легко ли держаться за якорь спасения, когда вокруг волнуется океан соблазнов, страхов, прельщений, а также угроз? Как не искуситься миражами иных кораблей, иных якорей спасения? Этот вопрос остается уже более 2000 лет наиважнейшим для всего крещеного человечества. Каким образом он ставится и разрешается в духовно-религиозной жизни современной России?

Активное, воодушевленное воцерковление православных, начавшееся в КОНце XX – начале XXI веков, совпало с уверенностью в том, что освободившаяся от оков социализма страна откроет перед каждым своим гражданином безграничные возможности осуществления своих желаний, своего волеизъявления. Воцерковление подкрепляло надежду на будущее, давало силы бороться за исполнение своих сиюминутных целей и задач. И кому-то удалось вступить в новую реальность и с верой, и с капиталом. Но таких людей оказалось поразительное меньшинство. Подавляющая часть российского социума и прежде всего, поколение, отдавшее свой труд советскому государству, остались не просто ни с чем. Они лишились тех малых, но все же неотъемлемых благ, что давало им социалистическая государственность. И сегодня для этих людей, крестившихся или воцерковившихся в позднесоветскую эпоху, Церковь стала местом духовной поддержки, территорией смиренного отдохновения от всех не устранимых, не подъемных тягот бытия. Зона социальных, бытовых, личностных, а также эсхатологических переживаний переместилась в пространство храма, вновь наполнив его все теми же старушками в белых платочках, что и столетия назад. Вновь храм заполнила все та же бедная, страдающая, верующая Россия, СТОЙКИЙ церковный социум с полусельской, полугородской ментальностью. И вновь этот социум привнес с собой специфические формы народного благочестия, более резко именуемые духовенством и учеными «народным православием», «народной верой». Что же такое народная вера вчера и сегодня?

Прежде всего, подчеркнем, что так называемое «народное православие» и «народная вера» коренным образом отличается от духовной сути ересей, расколов, сектантства, то есть – от всего того, чем так ярко отметилась постсоветская Россия. Кратко рассмотрим процессы этой антицерковной, псевдодуховной «вспышки».

Итак, в начале XXI века в России активизировались или были вновь созданы целый ряд сектантских церквей, вышедших из-под омофора Московской Патриархии. Помимо нелегально существующих катакомбных церквей, исчисляемых тысячами верующих, в стране зарегистрированы и действуют около полутора десятка сектантских церковных общин. Наиболее известные из них обладают крайне низкой популярностью, ничтожным количеством клира и

[1] Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

прихожан. Таковы: Российская православная автономная церковь (РПАЦ) – 100 общин, 50 клириков; Российская апостольская православная церковь (РАПЦ) – 20 приходов, 150 прихожан; Российская православная соборная церковь (РПСЦ) – 14 общин, 150 прихожан; Российская истинно-православная церковь Московской митрополии (ИПЦ) – около 8 общин, не более 100 прихожан, 20 священников; Российская православная кафолическая церковь (РПКЦ) – 12 общин, около 200 прихожан; Православная церковь Божией Матери Державной (ЦБМД) – 27 общин, 100 священников и рекордное среди сектантских общин число верующих – около 50 000[1].

Определенная часть российского социума вовлекалась в этноязычество – как нерусское (коми, эрьзя, чуваши, мордва, якуты и пр.), так и русское, которое отличается весьма аморфным и не поддающимся кодификации характером, потому что, кроме множества зарегистрированных общин, к нему относятся небольшие группы и большое количество язычников, никуда себя не причисляющих[2]. Гораздо больше россиян участвуют в деятельности новых религиозных движений, при этом подавляющее число участников НРД – русские. Но подчеркнем, что согласно данным мониторинга Европейского социального исследования ценностей, эти русские, так же как и другие этносы, входят всего лишь в ***1%*** верующих, исповедующих в России не православие и не ислам, а другие религии[3]. Отметим, – в число «других» входят такие неправославные и нетрадиционные религии и верования, как: католицизм, протестантские секты, кришнаизм, живая этика Рерихов, секта последователей Николая Федорова, Порфирия Иванова, язычники, многочисленные зарегистрированные организации новых религиозных движений[4]. Таким образом, монолит православных остается духовным фундаментом современной российской социо-культурной действительности: 79% по оценкам на 2005 год из совместного исследования религиозности России, проведенного АН России, АН Финляндии и институтом Евангелической Лютеранской церкви Финляндии[5].

В дальнейшем численность идентифицирующих себя с Православием несколько уменьшилась: согласно данным общероссийского репрезентативного исследования 2014–2017 гг. православный социум составлял от 66 до 69%[6]. Безусловно, стабильные религиозно-мировоззренческие предпочтения русских и других православных этносов страны отнюдь не свидетельствуют о повсеместной воцерковленности людей. Точно так же как и церковность православных не всегда ограждает их от суеверий и прегрешений в отношении церковных канонов и догматов. И здесь мы вступаем в онтологически-зыбкое пространство таинственной, ускользающей, неопределимой, всепроникающей «народной веры» так привлекающей этнографов и удручающей духовенство.

Христианско-языческие подтексты так называемого «народного православия», двоеверное и даже троеверное[7] расщепление религиозных представлений и практик крещеных в Православии русских и других этносов страны – одна из наиболее сложных, противоречивых и можно даже сказать, – запутанных проблем этнографии. Представляется, термин «народное православие» органически дополняется и даже взаимозаменяется понятием «двоеверие». Поэтому уточним, когда мы говорим о феномене «народного православия», то имеем в виду, прежде всего, некую хаотически-синкретическую модель веры и обрядовости невоцерковленного православного социума, сочетающую неразвитые формы православного самосознания со сложным комплексом архаичных и новейших суеверий.

Известно, что сам термин «народное православие» впервые появился в статье Д. Самарина «Богородица в русском народном православии», опубликованной в 1918 г.[8] Термин не только привился, но в XX в. стал общепринятым. В наши дни он также маркируется сходными определениями – «бытовое, фольклорное, магическое или языческое православие». Безусловно, вопрос о противоречивой природе народной религиозности возник не в 1918 г., а гораздо раньше, со времени раскола, когда «мужицкая вера», «вера простых поселян», восхваляемая апологетами сектантства, противополагалась официальной церковности.

Проявления религиозности простых русских людей, суеверно-магические элементы внецерковной обрядовости, специфические народные формы нехристианской рецепции православных смыслов, образов, символов уже с XIX в. становятся предметом научного анализа. Народная вера и благочестие привлекли самое пристальное внимание многих русских ученых: историографов, филологов, фольклористов. В их число входят: И.М. Снегирев, А.П. Щапов, А.Н. Афанасьев, А. Попов, А. Пономарев и др. В начале XX в., в советское время исследования по данной теме продолжили Д. Самарин, М.В. Муратов, Н.М. Маторин, Б.А. Рыбаков. В 70-е, 80-е гг. XX в. проблематика «народного православия» начинает рассматриваться под отчетливым ракурсом «бытового православия» и «двоеверия», что отра-

---

[1] Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. Т. 1 / Отв. ред. М. Бурдо, С.Б. Филатов. – М.: Логос, 2004. – С. 50, 91, 113, 120, 126, 133, 136, 157.

[2] Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. Т. 4 / Отв. ред. М. Бурдо, С.Б. Филатов. – М.: Логос, 2006. – С. 179.

[3] Мчедлова М.М. Вера и культурно-цивилизационная идентичность: новые грани религиозности в России и Европе // Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания / Отв. ред. М.П. Мчедлов. – М.: Культурная революция, 2009. – С. 369 (362–384).

[4] Конь Р.М. Введение в сектоведение. – Нижний Новгород, 2008. – С. 490.

[5] Фурман Д., Киммо Каариайнен. Религиозность в России в 90-е гг. XX – начале XXI в. // Новые церкви, старые верующие – старые церкви, новые верующие. Религия в постсоветской России / Под ред. Киммо Каариайнен, Д. Фурманова. – М.; СПб.: Алетейя, 2007. – С. 42–43.

[6] Мчедлова М.М. Религиозная ситуация в России и ее регионах // Этническое и религиозное многообразие России. Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. Изд. 2-е. – М.: ИЭА РАН, 2018. – С. 163.

[7] Так, Н.И. Толстой в своё время резонно указал, что православие пришло в Русь уже обогащенным «народной религией» византийцев и южных славян, что позволило ученому говорить о «троеверии». (Лавров А.С. Колдовство и религия в России. 1700–1740. – М.: Древлехранилище, 2000. – С. 87).

[8] Указ. соч., с. 75.

зилось в трудах академика Б.А. Рыбакова, Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского. В 80-е и 90-е гг. ряд ученых, например, Т.А. Бернштам и М.М. Громыко расширили и «прояснили» духовно-этическую природу народной религиозности, исключив из своего научного арсенала всепоглощающий «догмат двоеверия» и усложнив анализ народной веры изучением целого комплекса традиционных форм народного благочестия.

Феномен народной веры, «народного православия» уже не одно десятилетие является объектом пристального внимания со стороны гуманитарного академического сообщества, оставаясь и в наши дни в сфере наиболее актуальных интересов отечественной этнографии .И все же, несмотря на масштабность и многообразие теоретических концепций, проявленных в процессе изучения моделей народной веры и благочестия, указанная тема до сих пор остается за границами своего системно-конкретного осмысления и определения. Как справедливо отмечает А.А. Панченко, – **ни конкретные методы, ни границы исследований фольклорной религиозности до сих пор не имеют надлежащего определения**[1].

Так в чем же заключается парадокс двоеверного, троеверного, а по сути многоверного феномена «народного православия»? Существует ли оно как цельное, законченное явление народной культуры со своей устойчивой знаково-смысловой системой, своим «символом веры», ценностями, традициями, канонами, установками, – словом, не официально церковным, а **своим** набором особой, эксклюзивной «народной православности» и духовности? Полагаем, что **нет, не существует**. Расплывчатая, безОбразная суеверно-магическая мистика лишь **присутствует** в народном миросозерцании, паразитически-автономно прикрепляясь к православному архетипу религиозности. Языческий магизм – это те дикорастущие пустые плевелы, которыми неизбежно окружается колос подлинной веры[2].

Действительно, немалая часть российского православного социума столетиями упорно и настойчиво воспроизводила и до сих пор, в XXI веке воспроизводит многообразные ритуалы и практики, отмеченные откровенным суеверно-магическим содержанием. Если рассматривать наиболее близкое нам время – конец XIX, XX и начало XXI вв., подробно и глубоко изученное отечественными историками, лингвистами и, конечно же, прежде всего, этнографами, то можно выявить неизменно-повторяемый ряд языески-магических «пристрастий» крещеного в Православии народа. В него входят: почитание материальных артефактов, якобы обладающих магическими свойствами и неограниченным спектром духовно-физиологического воздействия на человека и природный мир, поклонение могильным камням, камням-следовикам, почитание «священных» родников, рощ, пустошей, где ранее стояла церковь и других многочисленных локусных «святынь», не связанных с традиционной церковной нормативностью и требованиями православного этикета благочестия. В данный перечень входит антиправославная практика почитания православных святынь, дерзкое утилитарно-магическое использование сакральных образов, текстов и вещественных святынь Церкви, то есть икон, молитв, свечей, елея, ладана, святой и крещенской воды. В этот же ряд сегодня можно внести огромный, все возрастающий, тщательно фиксируемый этнографами вербальный пласт религиозно-мистических представлений, практик и опыта православных, никогда не входящих в ограду Церкви или покинувших ее. Представляется, в понимании «природы» нецерковной, проще говоря, – суеверно-магической религиозности крещеного социума важную роль играют откровения и лжемудрования об инфернальных практиках и даже «контактах», в изобилии содержащиеся в опросах-ответах информантов. Благодаря кропотливым полевым исследованиям лингвистов и этнографов в наши дни все более и более раскрывается удручающее духовное состояние невоцерковленной, а более точно, – невежественной части православного российского социума. Но «духовные» установки и практики этого контингента православных почему-то именуют в современной науке «народным, фольклорным, языческим и пр. **православием**», более того, данное явление обобщается до масштабов **народной культуры**.

Что же представляет собой по существу вероисповедные представления, практики и установки так называемого «народного православия»? Каким образом они прикрепляются к православному архетипу веры? И, наконец, каким образом они соотносятся с традиционной народной культурой?

Рассуждая о природе суеверно-маргинальных верований, представлений и практик крещеной части русских и других православных этносов, не следует совершать культурологическую «натяжку» и отождествлять суеверия с феноменом традиционной народной культуры. Когда мы говорим о традиционной русской народной культуре, то вероятнее всего, должны подразумевать не только автономно-замкнутую этику, эстетику, мораль, уклад, церковность дореволюционного крестьянства или представителей современных деревенских, сельских, да и в определенной мере городских социумов, сохранивших культурно-родовую связь с традициями. По существу мы должны иметь в виду все российские сословия, то есть весь народ, все общество в целом, объединенное единой православной ментальностью и солидарно выражающее эту ментальность через нормативные ценности национальной культуры.

Народная или шире – национальная культура – сложный, живой, многофункциональный, разнонаправленный в своем бытийственном движении организм, все части которого, тем не менее, даже при наличии внутренних противоречий, слаженно и продуктивно взаимодействуют. Но эта слаженность рождается не механически, не сама по себе, у нее есть первоисточник – неостывающие, неизменные энергии цивилизационно-духовного ядра культуры. Ядро русской национальной или народной культуры можно охарактеризовать одним словом – **христоцентричность**. Всепроникающая, неиссякающая **христоцентричность** русского бытия всегда была и есть залогом спасения от крайностей, шатаний, бунтов народной духовной вольницы. Именно поэтому русская культура так пассионарно и смело вбирала и

---

[1] Панченко А.А. Исследования в области, народного православия: Деревенские святыни Северо-Запада России. – СПб.: Алетейя, 1998. – С. 19.

[2] Плевелы – сорная трава, которую, согласно Евангелию, враг посеял между пшеницей. В начале своего роста плевелы ничем не отличаются от ростков пшеницы до тех пор, пока не созреет колос. Поэтому Господь не разрешал выбирать плевелы, пока не созреет пшеница, повелевая оставить до жатвы и то, и другое. (Мат. 13:25,29,30).

отражала в себе множественные течения, направления и оттенки неправославной и антиправославной духовности. Ведь все духовные эксперименты, отступления, сектантство и даже богоборческие бунты были как бы «подстрахованы» и «легитимизированы» самим бесконечно развернутым благим подтекстом **христоцентризма**, когда духовно оступаясь, бунтуя и согрешая, крещеная личность имела возможность вернуться на традиционно-спасительные круги своя. Даже совершенно «отмороженный» «лихой человек, бродящий с топором по ледяной пустыне», оставался, пусть против своей воли, в ментальном пространстве **христоцентризма**, ведь точкой отсчета преступлений русских «лихих людей» служили страстно отвергаемые, невыносимые в своей вездесущности энергии Богоприсутствия.

Личность Богочеловека оживотворяла всю русскую культуру. Даже суетно-мудрая часть православного социума, далекая от церковной дисциплины и канонических правил Богообщения, не могла и не может обходиться в своих практиках без привлечения Имен Божиих, Богоматери, Ангелов, святых, без вовлечения в свое «лжемудрование» церковных молитв, символов, образов и святынь. И здесь, в этих потаенных, беззаконных подпольях «лжеверы» действует закон **христоцентризма**, который выступал не как вспомогательный элемент «двоеверия» или «многоверия», но в качестве всеобъемлющей, бесконечно благой, фундаментальной основы жизни, – той основы, от которой отказался, а затем вновь обрел блудный сын, вернувшийся в Отчий Дом.

Что же такое «двоеверие» или «христианско-языческий синкретизм так называемого народного православия»? Когда мы рассуждаем о суеверно-магических верованиях и практиках невоцерковленных православных, то феномен всеприсутствия Слова-Бога в ментальных глубинах национального характера оказывается главным критерием понимания вышеуказанных явлений. Здесь весьма уместно вновь вспомнить образ евангельского поля, где рядом, до времени жатвы созревают и плевелы и пшеница, не сливаясь тем не менее в некий злаковый гибрид. Так и суеверия. Они существуют лишь потому, что есть Богосотворенное бытие, есть таинственно-волнующее поле жизни, где действует примат абсолютной свободной воли. Человек волен идти за Истиной, но так же волен выступать против Нее. Представляется, суеверно-мистическое мирочувствие и ритуалы невоцерковленных православных, паразитические «цепляющиеся» к православному архетипу веры, можно обозначить известными понятиями. Это понятия греха и прелести как духовного испытания за ложный выбор личности.

Религия не существует без культа, без обряда, то есть без сакральных и литургических действий. В Православии вся система церковных Богослужений и прежде всего, Божественная Литургия, имеет не отвлеченно-символический характер, но воспринимается как реальное Богообщение, во время которого, по выражению о. Сергия Булгакова происходит «предварительное, частичное, окачествованное конкретное переживание божественного в эмпирическом»[1]. Отец Сергий называл Богослужения «живой догматикой». «Можно сказать, – утверждал богослов, – живо и жизненно в религии только то, что есть в культе, а отмирает или нежизнеспособным является то, чего нет в культе»[2]. Булгаковский термин «живой догмат» семантически отражает самое существенное в Православии: и живую веру в Бога, и фундаментальную значимость вероучительных законов Церкви, не дозволяющих человеку ставить свое религиозное чувство выше религиозной истины. Представляется, – живая вера означает особое – свободное, самобытное, самоценное, развивающееся во времени и пространстве состояние человеческой религиозности. Но если религиозная вера существует лишь как чувство, не связанное ни с культом, ни с догматом, она лишается ценностного-смыслового самоопределения, превращаясь в размытую аморфную эмоцию. Подобная размытость религиозного самосознания и чувств весьма свойственна невоцерковленным христианам, убежденным в том, что Бог живет в их душах и чтобы общаться с Ним, не обязательно ходить в Церковь и участвовать в Таинствах.

Бернштам Т.А. писала: «в догматическом Православии общение со Христом невозможно без символического языка «материи» – обрядов, молитв, культовых вещей, образов-икон и т.д.»[3]. Этот закон Богообщения вполне соотносится с бессознательным стремлением крестьянского, сельского, да и отчасти городского церковного социума видеть и ощущать в символическом языке материи не только спасительную, охранительную, но и сакрально-мистическую функцию. Так, сакральную силу крестьяне ощущали и в просфоре, на которую легла печать церковного освящения, и в воздействии чудотворных икон, и в силе общественных молитв, например, перед севом или уборкой урожая, и в горении свечи, и в курении ладана, – словом во всем, что связано с обрядово-культовой церковностью. И даже если порой народное благочестие по своей простоте и преступало догматически очерченные границы почитания, то в этом случае, на наш взгляд, необходимо признать скорее некое «переусердие» в делах веры, нежели прямое проявление языческого магизма. Так, например, приходское священство, особенно сельское, борясь с проявлениями суеверий у прихожан, справедливо осуждало такое пристрастие верующих, как собирание и хранение травы, устилающей церковный пол в день празднования Святой Троицы. Безусловно, недопустимо, даже в качестве узко-локальной традиции плести во время коленопреклоненных молитв венки из травы, затем нести их домой и в дальнейшем, при надобности лечиться этой «троицкой травой»[4]. Но представляется, источником такого «народного благочестия» не является неизбывное «подпольное, сумеречное двоеверие» православных. Ведь прихожане, славящие Святую Троицу, понимающие доходчивые, ясные, проникновенные слова коленопреклоненных молитв, просто логически не могут наделять «троицкую траву» какими-то отдельными, автономными магическими свойствами. Очевидно, верующие, приходящие в храм на празднование дня Святой Троицы, какими бы суеверными они не были, вполне осознают, что они обращаются ко всемогущему Богу, по словам праздничного молитвословия. И трава, и березки, украшающие храм на Троицын День,

[1] Булгаков С.Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. – М.: Республика, 1994. – С. 63.

[2] Булгаков С.Н. Указ. соч., с. 63.

[3] Бернштам Т.А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: Учение и опыт Церкви в народном христианстве. – СПб.: Алетейя, 2000. – С. 341.

[4] Розов А.Н. Священник в духовной жизни русской деревни. – СПб.: Алетейя, 2003. – С. 60.

воспринимаются воцерковленными верующими как часть богосотворенного мира, вовлеченного в соборное славословие Творцу, насыщенного ароматом каждений, святостью молитв. Именно благоговение к Троицкой Службе и создает некий «перехлест» в сакрализации тварного, природного вещества, соучаствующего во внешней обстановке праздника – «перехлест», легко устранимый деликатной, умной проповедью священника.

Известно, – духовный опыт Православной Церкви шире и полнее догматических определений, указывающих порог, за которым находится область заблуждений. В Православии догматизировано только самое существенное для спасения. Так, существуют Богооткровенные истины, не догматизированные Церковью, но органично входящие в Священное Предание: это истины о сотворении мира «из ничего», о бессмертии человеческой души, о силе крестного знамения, о спасительной силе Таинств и пр. В Церкви также допускаются частные богословские мнения, относящиеся к таинственным областям онтологии, как то: размышления о Страшном Суде, о последних судьбах человечества, о искуплении, воздаянии, о страданиях Спасителя. То есть православным возможно и допустимо исследовать такие предметы веры, где, по выражению св. Григория Богослова, – и достигать цели небесполезно, и ошибаться безопасно[1]. Но и в данном случае критерием чистоты, истинности мнений всегда оставались и остаются догматы, а не дерзкое самомыслие и уж тем более не желание поиска внецерковных путей Богопознания.

Итак, в Церкви не все догматизировано. И в этой недосказанной теологической определенности открывается пространство народного символотворчества – как самочинно-суетного, так и благочестивого, не погрешающего ни против канона, ни против сформулированных Церковью законов Богообщения. В сельских, да и зачастую и в городских приходах подобная лакуна свободы заполняется «местными традициями благочестия», которые священник стремится либо воцерковить, конечно, учитывая отсутствие каких-либо проявлений ересей и грубых суеверий, либо при наличии таковых, ведет с ними нелицеприятную борьбу. Приведем пример проявления символотворчества воцерковленных прихожан. Так, в храме Покрова Пресвятой Богородицы г. Касли Челябинской области бытует «народный» элемент церковного отпевания, весьма распространенный в русском приходском социуме: перед началом отпевания, около солеи, напротив лица усопшего ставится небольшое распятие, которое обязательно должно быть повито полотенцем, в данном случае – новым, белым, хлопчатобумажным. Полотенце вокруг распятия умело «обвивают» церковные женщины-активистки, полагающие, что так нужно, что вместе с ним душа усопшего быстро найдет дорогу к небу.

Корреспондентке Литвиненко Н.А., привезшей в храм на отпевание близкую родственницу, «бабушками» было указано на необходимость повязать полотенце вокруг креста. Не знавшая об обязательности местного ритуала «обвивания», Литвиненко возразила, что ведь можно отпевать и без наличия полотенца. Тогда одна из служащих, хорошо знавшая усопшую, молча, быстро вышла их церкви и вернулась с белым вафельным полотенцем, которое купила на собственные деньги. Полотенце было благоговейно водружено на распятие. Было видно, что для женщины сама покупка и водружение полотенца на крест воспринимались как жертва, сакральная дань памяти умершей. Перед отпеванием Литвиненко все же вступила в спор со служащими в храме женщинами: «А разве душу не встречают два ангела и не ведут ее ко Христу?» На этот вопрос последовал вполне канонический ответ: да, именно так и происходит, душу встречают ангелы, (если умер грешник, то и демоны) иногда встречает Божия Матерь, родные, а далее она идет на мытарства. «Так для чего же необходимо полотенце?» – вновь спросила Литвиненко. Подумав, помолчав, церковные активистки согласились, что полотенце никоим образом напрямую не участвует в посмертной судьбе человека, но оно необходимо для обряда, как выражение последней земной заботы об усопшем, как пожелание чистого, светлого, посмертного движения души[2]. Это новое, усложненное в ходе дискуссии объяснение, вполне уместное и непогрешимое в контексте церковной обрядовости, свидетельствует о понимании границ благочестия. Можно ли подобное «повязывание» полотенца назвать элементом двоеверия или фольклорно-магической обрядовости? Полагаем, нет. Это всего лишь проявление природной человеческой чувствительности, а более всего – онтологического напряжения религиозного самосознания, когда и будущая бесконечность и возможность встречи с Богом Лицом к лицу видятся человеком не ясно, а «как бы сквозь тусклое стекло, гадательно». (I Кор. 13:12). Не случайно отец настоятель каслинского храма спокойно относится к подобным символическим обрядовым дополнениям, которые не только не вступают в конфликт с учением Церкви, но объединяют прихожан в живой, сострадательный, по-человечески отзывчивый, эмпатический социум.

Культурно-бытовая живучесть суеверий, остатков языческой магии – общечеловеческое явление. Влечение к магизму присуще не только невежественным деревенским бабушкам. Как грех, прелесть, соблазн, наваждение, «обаяние» магических практик преследует и самосознание воцерковленных людей, в том числе и священников, и образованных горожан. Так, автору известен случай, когда глубоко верующая супружеская пара, оформляющаяся у известного российского старца, при весьма затруднительной семейной ситуации обратилась к гадалке-экстрасенсу. Разумеется, вскоре семейная чета принесла церковное покаяние. Подобный факт осознанно-противозаконного пересечения запретной грани двух миров свидетельствует не о двоеверии или какой-нибудь форме бытового христианства. Он красноречиво говорит о живом религиозном опыте, когда православная личность духовно оступается. То есть согрешает, входя в собеседование не с Богом, а с реальным духовным Злом.

Склонность к греху вытекает даже не от греховной природы человека. Она рождена от избытка свободы, той свободы которую Творец вложил в человека в момент его создания. Все системы человеческих верований – от магических верований до мировых религий содержат элемент незавершенности, по словам апостола – «смутной гадательности». Или образно говоря – волнующее пространство свободы, позволяющее человеку осуществить всю полноту

[1] Архимандрит Алипий (Кастальский-Бородин), архимандрит Исайя (Белов). Догматическое богословие / Св. Троице-Сергиева лавра. 1994. – С. 22.

[2] Полевые материалы автора. Челябинская обл., г. Касли, 2011. Записано от Н.А. Литвиненко (1955 г.р.).

своего волеизъявления. Приоткрывая завесу метафизической реальности или напрямую свидетельствуя о Себе, Бог, согласно православной догматике, не принуждает личность немедленно и бесповоротно присягнуть на верность себе. Но ожидает ее свободного выбора. Поэтому верующий человек зачастую так подвержен сомнениям, колебаниям духовных настроений и ожиданий, доходящих порой до временной или окончательной смены объекта веры. Подобное состояние мятущегося человеческого естества можно охарактеризовать известными словами: человек – колеблемый тростник. О. Александр Ельчанинов справедливо отмечал: твердые и отчетливые линии имеют только мертвые тела, живые окружены зыбкой аурой дыхания и излучения[1].

Приведем примеры из нашей современной жизни, свидетельствующие о таких духовных, порой губительных переменах ауры крещеных людей. Оказывается, не только малограмотные пожилые женщины, упорно не желающие идти в храм и выставляющие блюдца с молоком для домового, но даже высокообразованные люди, облаченные в церковный сан, могут пасть жертвой греха – жертвой своего сомнительного выбора. Красноречивый пример – история священника Иоанна Охлобыстина, который попросил святейшего Патриарха временно отстранить его от церковного служения из-за невозможности улучшить материальную жизнь своей многодетной семьи. Став популярной медиаперсоной, о. Иоанн, тем не менее чувствует себя должником и планирует в будущем, «когда-нибудь» вернуться к своему церковному поприщу. Как видим, соблазнительным кумиром может быть не только истукан или барабашка, но страстная любовь к ближним, слава, деньги и даже категории личностного самосознания. Другой пример – не менее драматический: православный священник Вячеслав Полосин после двадцатилетнего служения на православном приходе расстригается, принял ислам и стал известным мусульманским богословом Аль-Полосиным. Заняв почетную должность сотрудника Совета муфтиев России, вел в свое время активный межрелигиозный диалог со священником Даниилом Сысоевым, доказывая божественную истинность и правоту ислама...

Для личности, принявшей православие и отвергнувшей все суетные ложные представления о Творце, пути Богообщения расчищаются и обновляются до конца земной жизни. Этот процесс носит волевой характер, когда верующий в Спасителя человек понуждает себя жить согласно с этикой Евангелия. Подобное духовное понуждение в определенный момент освящается Волей Творца. И личность испытывает состояние благодати. Но путь к истинному Богообщению, как нам известно, тернист. Кто-то устает и сходит на обочину духовной дороги. Кто-то поворачивает вспять. А другие – как немалая часть нашего крещеного, но суеверного социума, самовольно сворачивает с этих богоданных путей спасения и упорно расчищает другую дорогу. К другим «богам».

Представляется, что в традиционной русской культуре не существует никакого «двоеверия», никакого «фольклорного православия», сочетающего одновременное сослужение Христу и миру падших духов. Ведь очевидно, что Православие и магические формы верований в виде остатков славянского язычества и новых суеверий – это две несходящиеся стези, которые никогда не могут составить некий цельный религиозный проект, доступный системной кодификации. Неустранимые противоречия природы Православия и сущности суеверий при соприкосновении всегда будут порождать онтологический конфликт, врывающий изнутри любые попытки совместить Христа и Велиара. Так называемое «двоеверие» – это в чистом виде грех безбожия, хула на Творца. Печально, что подобное мятежное состояние бывает так присуще православным по крещению людям, которые одной рукой держатся за крест, а другой обнимают своих доморощенных идолов, создавая иллюзию архаично-самобытного звучания русской культуры.

Суеверия, как и другие человеческие грехи победить повсеместно невозможно. Но точно так же невозможно хоть как-то упорядочить и научно классифицировать их хотя бы в качестве паразитирующего элемента Православия. И ученые, исследующие духовную культуру невоцерковленных православных, обречены лишь пассивно фиксировать постоянно возобновляемый, нестабильно-спонтанный ряд так называемых «суеверно-православных» практик, ритуалов, текстов, представлений и пр., совершая иногда безуспешные попытки создания моделей их контекстов. Безуспешные потому, что само существо изучаемого материала непрерывно разрастается, смешивается, трансформируется в зависимости как от социальной среды, так и от неуправляемой психологической воли личностей, продвигающих свое греховное умонастроение в ближний социум. Состояние людей, включенных в ритуально-обрядовую стихию суеверий и магии, не поддается никакому внутреннему самоанализу или начаткам духовных сомнений. И все представления и действия таких «верующих» носят характер неустранимой заданности и упорства, интересных этнографам, но губительных для души. И для анализа подобных состояний существует действенный метод – богословский. Потому что скажем прямо, – никакому научному анализу не может быть доступен первоисточник подобной, антихристианской религиозности – а именно – сверхразумная стихия, противостоящая Творцу.

Многие опытные священники, а также часть ученых, изучающих феномен народной религиозности, полагают, что суеверия в простом, богословски не просвещенном народе искоренить невозможно: даже при активном пастырском просветительстве специфические формы народной обрядовости, благочестия, воззрений остаются на прежнем уровне, как некая мертвая, недвижная точка[2]. И все же иногда необходимо вглядеться в метафизическую глубину так называемой народной религиозности и попытаться понять ее духовно-образную мотивацию, ее онтологический ис-

[1] Св. А. Ельчанинов. Записки. – М., 1998. – С. 58.

[2] По наблюдениям иерея Александра Шантаева, у сельских священников состояние народной религиозности вызывает объективный пессимизм относительно возможности полного приближения народной веры к ортодоксальному христианству «плетью обуха не перешибёшь». По мнению о. Александра, истинное духовное просвещение, обучение принципам православной веры возможно лишь в отношении людей с определённым культурно-образовательным уровнем. Большинство же сельских прихожан не восприимчивы к катехизаторской деятельности приходского священника. И всё же о. Александр полагает, что эти люди живут в особом культурном социуме, не чуждом христианским истинам, но и отличном не в целях а в способах веры, то есть, несмотря ни на что они, тем не менее христиане со своей религиозностью, носящей эпитет «народной» (Иерей Александр Шантаев. Священник. Колдуньи. Смерть. Этнографические очерки сельского прихода. – М.: Благо, 2004. – С. 70).

точник. Возможно, тогда прояснятся пути преодоления этого греха, нарушающего первую заповедь – возлюби Бога превыше всего. Представляется, что гуманитарные науки, изучающие феномен православной религиозности, в том числе – проявления суеверий, невежества, примитивной лжедуховности, сегодня могут методологически соотносится с богословскими принципами познания духовной реальности. В этом случае наиболее продуктивную роль может играть определенное умонастроение исследователя, помогающее безошибочно разделить ортодоксальный и суетно-магический опыт духовности. Несомненно, ученый, изучающий традиционную русскую культуру, должен, прежде всего, видеть причины «одичания» крещеных людей. А если возможно, то даже наметить пути их преодоления, причем обозначить эти стези не только в научном творчестве, но и в полевой практике живых контактов с крещеным социумом. Только тогда поиск научной истины будет согласованно и корректно связан с подлинными, а не мифическими смыслами русской культуры. Только тогда возможно обретение ясного понимания и религиозного предназначения человека, и спасительной идеи Церкви.

Чернышева Е.Н.
к.филос.н., доцент, зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Ключевые слова: *глобализация, глобальная культура, глобальные культурные коды, общечеловеческие ценности, глобальная этика, глобальное право.*
Keywords*: globalization, global culture, global cultural codes, universal values, global ethics, global law.*

На рубеже XX–XXI веков в зарубежной и отечественной науке сначала появилось много работ, посвященных анализу процесса глобализации, а затем и различным аспектам формирования глобальной культуры. Однако несмотря на многообразие монографий, статей и поставленных в них проблем, феномен глобальной культуры недостаточно хорошо описан. Да и сама возможность возникновения и существования глобальной культуры ставится под сомнение. Целью данной статьи является анализ проблем, связанных с возникновением глобальной культуры, выявление ее сущностных характеристик, а также описание механизма кодировки и распространения этой культуры.

Исходя из ставшего уже классическим определения глобализации, можно выделить следующие отличительные характеристики глобальной культуры. Во-первых, глобальная культура есть необходимый результат процесса глобализации, имеющего объективный характер. Процесс глобализации протекает волнообразно. В разные периоды он идет с разной степенью интенсивности, иногда происходят «откаты», когда кажется, что глобализации пришел конец. Поэтому процесс формирования глобальной культуры (а сегодня можно говорить только о ее становлении) – это процесс противоречивый, осложненный множеством проблем и возникновением мало предсказуемых побочных эффектов. Во-вторых, глобальная культура – это уникальное и единичное образование. Глобальных культур не может быть несколько. Это культура, обладающая обязательным, зачастую вынужденным характером для всех людей. В-третьих, она образуется в результате процесса унификации (как необходимой составляющей глобализации), который включает в себя как бытийную унификацию, так и духовную унификацию. Если бытийная унификация касается образа жизни современного человека, ежедневных поведенческих стереотипов, в том числе и связанных со стандартами потребления, то духовная унификация связана с формированием единых универсальных для всего человечества норм и ценностей. В-четвертых, глобальная культура стала реальностью именно благодаря экономической интеграции, потребовавшей единых правил игры для мировой экономики и создавшей транснациональные корпорации, которые в свою очередь разрушили де факто национальные границы, и последней революции в средствах коммуникации. Без Интернета, современных СМИ, социальных сетей и т.д. возникновение и распространение глобальной культуры было бы невозможно.

Чтобы существовать, любая культура должна иметь своих носителей. Этими носителями, с одной стороны, являются люди. О них в статье будет сказано ниже. А, во-вторых, это система кодов, фиксирующих и сохраняющих культуру. У. Эко, отвечая на вопрос о том, что представляет из себя культурный код, писал: «в семиотическом универсуме коды представляют собой набор ожиданий, этот набор ожиданий можно отождествить с «идеологией». «Мы опознаем идеологию как таковую, когда, социализируясь, она превращается в код. Так устанавливается тесная связь между миром кодов и миром предзнания. Это предзнание делается знанием явным, управляемым, передаваемым и обмениваемым, становясь кодом, коммуникативной конференцией»[1]. В рамках данной традиции можно дать следующее определение понятию культурного кода. Культурный код – это информация, закодированная в определенной форме, позволяющая идентифицировать культуру. «Это совокупность информационных маркеров, позволяющих человеку адекватно воспринимать и реагировать на происходящие в культуре пространственно-временные процессы»[2]. Таким образом, владение культурным кодом позволяет адекватно реагировать на те или иные общественные процессы, изменения, поступки людей в определенном культурном пространстве, позволяет выстраивать эффективную деятельность любого рода, где критерием эффективности служит соответствие результата деятельности намеченной цели.

Опираясь на данное определение, можно провести границу между такими понятиями как национальный культурный код и глобальный культурный код. Если первые дают возможность эффективно взаимодействовать и общаться в рамках национального культурного пространства, то вторые кодируют информацию, обеспечивающую эффективность взаимодействия на глобальном уровне, в глобальном культурном пространстве. Итоговая дефиниция категории «глобальный культурный код» может выглядеть следующим образом: «глобальный культурный код можно рассматривать как закодированную в определенной форме информацию, позволяющую идентифицировать глобальную

[1] Новейший философский словарь. – Мн.: Книжный Дом, 2003. – С. 485.

[2] Букина Н.В. К вопросу методологии исследования культурных кодов // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. – № 14. – С. 236.

культуру, как совокупность информационных маркеров, позволяющих человеку адекватно реагировать на происходящие в глобальном мире, в глобальной культуре пространственно-временные процессы, сетевые процессы и эффективно взаимодействовать на глобальном уровне»[1].

Пользуясь типологией, предложенной Гудковым Д.Б.[2], культурные коды можно разделить на вербальные, реальные и акциональные. Прежде всего, к вербальным культурным кодам относятся национальные языки, которые являются основным кодом любой национальной культуры. Таким образом, у глобальной культуры тоже должен быть своей вербальный код, свой язык. Таковым сегодня уже является английский язык. Проблемы, связанные со становлением английского языка в качестве мирового, глобального языка хорошо описаны в книге Д. Кристала «Английский язык как глобальный»[3]. Автор анализирует реальное положение дел с распространением английского языка в мире, указывает набор причин, которые, по его мнению, определили выбор именно английского языка в качестве глобального, дает прогноз относительно главных тенденций трансформации этого языка в качестве глобального.

Что касается реальных (предметных) и акциональных глобальных культурных кодов, то благодаря бытийной унификации сегодня одни и те же предметы, с одними и теми же функциями «захватили» мир. И у этого процесса есть свои как положительные, так и отрицательные стороны. Мир становится более удобным для человека. Находясь в любой более или менее развитой стране, человеку нет необходимости менять свои бытийные привычки, переучиваться и т.д. Все универсально, во всем можно разобраться. Мы совершаем одинаковые действия с одинаковыми предметами, находясь в разных точках планеты Земля. Нам комфортно, но нам становится скучно. Окружающие люди становятся все более похожими на нас, но от этого они перестают быть уникальными и интересными. С нашей точки зрения, одной из сложнейших и важнейших задач, стоящих перед национальными государствами в условиях глобализации, является задача сохранения культурного разнообразия, культурной специфики. Для этого, прежде всего, необходимо разработать эффективную государственную политику по сохранению и поддержанию национальных языков как главных культурных кодов, так как смерть языка неизбежно влечет за собой смерть самой культуры.

Кроме унификации материальной составляющей человеческого существования особый интерес представляет процесс формирования единой системы норм и жизненных ориентиров, то есть общечеловеческих ценностей. Пока этот процесс имеет стихийный характер. Тем не менее, если мы рассматриваем сферу бизнеса и финансов, то очевидно, что сегодня уже сложился в целом набор глобальных правил экономического поведения. Следствием этого является становление системы глобального права, акторы которого имеют глобальную размерность и которое должно дополнить международное право, регулирующее взаимодействия и взаимоотношения между государствами и государственными союзами.

Если процесс создания глобального права можно и нужно рационализировать и контролировать, то подобную стратегию очень сложно распространить на процесс образования глобальных этических ценностей. Многие столетия философы, церковники, люди искусства с большим или меньшим успехом пытались разработать основы общечеловеческой этики. Однако раньше эта задача была скорее теоретической, в настоящее время она стала практической. От ее решения зависит будущее человечества, само его существование. В XX веке появились новые мощные инструменты, позволяющие за короткое время распространять претендующие на глобальный статус идеи, нормы и ценности. Это, конечно, телевидение, кино, Интернет и т.д. И даже литература. Так как в современном мире обычной стала ситуация, когда фильм или книга одновременно появляются в разных странах, на разных языках, и обязательно на английском. Показательными в этом отношении являются недавняя история книг и фильмов о Гарри Поттере или история книг и сериала «Игра престолов». Стоит отметить, что благодаря этим глобальным культурным явлениям дети, подростки, а затем и молодые люди одного поколения из разных стран, говорящие на разных языках, одновременно приобретали одинаковый духовный опыт, то есть переживали, осмысливали, решали одни и те же жизненные загадки, этические головоломки. Следовательно, в глобальном масштабе воспитывалось новое поколение людей с одинаковыми ценностными установками и культурным наследием, формировался новый человек как гражданин глобального социума.

Один из самых старых парадоксов образования – это парадокс, суть которого заключается в том, что человека будущего должны воспитать и обучить люди прошлого, со старыми ценностными ориентирами. При этом они должны каким-то образом предвидеть тот набор знаний и компетенций, необходимых для полноценной жизни в еще пока несуществующем мире. Конечно, сегодня социально-гуманитарные науки и философия активно занимаются изучением этих вопросов. Интересной попыткой ответить на вопросы о том, каков новый идеал общественного устройства и идеал нового человека, стал доклад ЮНЕСКО «К обществам знания»[4]. В этом докладе содержится ряд рекомендаций, в том числе по созданию единой, глобальной системы образования, а также по реорганизации традиционных национальных систем образования с учетом новых вызовов, стоящих перед человеческой цивилизацией.

Таким образом, глобальная культура сегодня – это уже объективная реальность, в которой наравне с национальной культурой существует современный человек. Это культура формирующаяся, но с достаточно развитыми системами культурных кодов, основным из которых является английский язык. Изучение глобальных культурных кодов является насущной необходимостью как для философии, так и для социально-гуманитарных дисциплин, так как без понимания механизма кодирования глобальных норм и ценностей, а также без четкого представления особенностей и

---

[1] Чернышева Е.Н. Глобальные культурные коды // Актуальные вопросы изучения мировой культуры в контексте диалога цивилизаций: Россия – Запад – Восток. Материалы международной научно-практической конференции. 2016. – С. 235.

[2] Гудков Д.Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2004. – С. 39–50.

[3] Кристал Д. Английский язык как глобальный / пер. с англ. Н.В. Кузнецовой. – М.: Весь Мир, 2001. – 240 с.

[4] К обществам знания. – https://www.ifap.ru/library/book042.pdf

последствий функционирования глобальной культуры, невозможно будет успешное решение проблем глобального образования и воспитания, проблем, связанных с формированием человека будущего, ответственного за себя и за глобальный мир в целом.

Шапинская Е.Н.[1]

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ ФОРМ И ЭСТЕТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Ключевые слова*: культурное наследие, технологии, культурные формы, дигитализация, массовая культура, тиражирование, цифровые технологии, трансформация, симулякр, консьюмеризм, игрофикация.*

Keywords*: cultural heritage, technologies, cultural forms, digitalization, mass culture, reproduction, digital technologies, transformation, simulacrae, consumerism, gamification.*

Влияние технологических изменений на культуру – процесс универсальный. В течение долгого времени инновации носили локальный характер, будучи ограниченными теми ареалами, где протекало творчество писателя, композитора или художника. Картина изменилась в XX веке с небывалым расширением сферы массовой культуры и появлением технических средств тиражирования произведений искусства. На изменения, происходящие в области «высокого» искусства в связи с натиском форм и технологий массовой культуры, обратили внимание философы, социологи, деятели культуры. Одной из наиболее значительных работ, посвященных судьбе классического искусства в эпоху массовой культуры, стало знаменитое эссе В. Беньямина «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» (1936 г.) В. Беньямин проводит различие между воспроизведением как универсальной чертой практики искусства и техническим массовым воспроизведением. Начало нового этапа в воспроизведении произведений искусства немецкий ученый относит к XIX веку – времени возникновения массовой культуры как культуры индустриального общества. Для того, чтобы понять отличие искусства прошлого от искусства масскульта, Беньямин разрабатывает понятие ауры. «Аура» произведения искусства – это его уникальное существование во времени и пространстве, его аутентичность. При механическом воспроизводстве искусство рассеивается, превращаясь во множество копий, что означает потерю аутентичности как меры ценности или как значимого понятия в искусстве. Несмотря на ущерб, наносимый классическому искусству массовой воспроизводимостью, Беньямин не осуждал ни новые технологии, ни изготовленные при их помощи «реплики», считая, что массы теперь могут сами оценивать произведения искусства и формировать свое суждение. Прошедшие со времени написания эссе Беньямина долгие годы показали не только правоту ученого с точки зрения неизбежности растворения ауры элитарной культуры в массовом производстве реплик и симулякров, но и углубление этого процесса в контексте происходящих в культуре нашего века изменений. Сегодня связь технологий и культурных форм уже не ставится под вопрос, а рассматривается как своего рода симбиоз. «Каждое средство информации представляет собой своего рода новую культурную форму. Преобразование аналоговых данных в цифровые называется дигитализацией. Все существующие средства информации преобразуются в “новые медиа”, переходя в цифровой формат… Любая информация, если она может быть описана и измерена, может быть оцифрована»[2]. Судьба классического наследия в цифровую эпоху тотальной медиатизации, его места в плюралистической культуре общества потребления, выходит за рамки пересмотра эстетических категорий или анализа новых форм художественной культуры. Она связана с антропологической сущностью человека, с имманентно присущими ему этическими и эстетическими основаниями, способными проявить устойчивость даже в условиях значительных изменений в культуре. Вопрос заключается в том, до какой степени эти изменения затрагивают самую суть человеческого бытия, насколько устойчивы сложившиеся веками культурные формы и эстетические ценности в контексте глобальных перемен, происходящих в мире. Многие исследователи считают, что сегодня мы живем в качественно новой социокультурной реальности, в которой изменяются не только традиционные культурные формы, но и сама сущность человека.

Каковы же основные черты культуры первых декад XXI века, определяющие судьбу культурного наследия в мире «посткультуры»? Прежде всего, современная культура практически целиком перешла в цифровой формат, в том числе и ее «золотой фонд». С одной стороны, идет активный процесс оцифровки самых различных текстов и памятников культуры, с другой – невероятная информационная избыточность затрудняет процесс встраивания памятников наследия в систему ценностей человека и общества, вырабатывания бережного отношения к наследию, воспитания чувства гордости за те тексты и памятники, которые принадлежат отечественной и мировой культуре в целом и ее отдельным регионам. Вторым важным моментом современных культурных практик стало то, что процессы тиражирования становятся настолько превалирующими, что зачастую в этом процессе теряется оригинал. У растиражированных произведений искусства не остается референта, что превращает их в «пустые знаки», цепочку означающих, за

[1] Шапинская Екатерина Николаевна – д.филос.н., профессор, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и социально-гуманитарных проблем, Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма. Профессиональные интересы: проблемы современной культуры, массовая культура, постмодернизм, масс медиа, социальные медиа, межкультурная коммуникация. E-mail: reenash@mail.ru

[2] Узелак А. Культурные блага в условиях виртуальной культуры между общественным достоянием и частной собственностью // Электронная культура и экранное творчество. – М.: Академический проект, 2006. – С. 50.

которыми нет смыслового наполнения. Современное постиндустриальное информационное общество обречено на то, чтобы стать массовым, и, следовательно, полностью зависеть от процесса тиражирования. «Тиражирование в масскульте становится не только способом распространения его продукции, но и самой *сущностью* массовой культуры, выступая на разных уровнях и в разных качествах… Тиражируется и сам потребитель масскульта, характеристикой мышления которого становится конформизм, опущенный в подсознание, хотя внешне человек может выглядеть как угодно независимо. Общение с тиражированным искусством лишает его исключительности характера переживания, его восприятие становится обыденным фоновым действием»[1]. Развлечения, которые представляет в изобилии культурная индустрия, быстро приедаются, а «культурным производителям» приходится изыскивать все новые возможности развлечь, отвлечь и привлечь публику, дабы выжить в условиях жесткой рыночной конкуренции. Примеров такого рода немало, тем не менее, хотелось бы, избегая тотального отрицания, рассмотреть не только те деструктивные моменты, которые и так на виду у публики, обсуждаются на различных ресурсах и в различных сообществах и, тем не менее, активно потребляются зрителями и слушателями, но и другую сторону вопроса.

Цифровые технологии создали небывалые возможности для расширения информационного пространства человечества в целом, для нового прочтения забытых произведений, которые могут оказаться созвучными нашему времени и войти в культурную практику наших дней. В процессе тиражирования, оцифровки, вхождения классических произведений в глобальное пространство Интернета с ними происходят трансформации, рассчитанные на то, чтобы приблизить классику к современному культурному потребителю. Насколько такое «приближение» служит воспитанию эстетического вкуса, обогащает мир человека, формирует систему ценностей, ответить непросто. Поэтому необходимо рассмотреть вопрос тотальной дигитализации текстов культуры и их существования на просторах Сети более подробно, что мы и сделаем на примере различных культурных институтов и практик, направленных на сохранение и популяризацию культурного наследия.

Консьюмеризм без берегов: музей в эпоху цифры

Музей наших дней значительно отличается от того сакрального пространства хранения ценностей прошлых эпох, которым он был еще в недавнем прошлом. Сегодня большинство музеев существуют как в «реальном», так и в виртуальном формате, который постоянно расширяется благодаря технологическим возможностям. В Интернете постоянно появляются выложенные для открытого доступа коллекции музеев, предлагаются он-лайн экскурсии и лекции искусствоведов. Современный музей использует все возможные технологии для создания интерактивного игрового пространства, создающего ощущение интриги, увлекательности, эмоциональной вовлеченности. Новые формы взаимодействия с посетителями активно используются в музеях, предлагающих самые разные формы игры – от возможности «заглянуть» в изображение, представить себя на месте изображенных персонажей, до предложения форм самопрезентации, например, «селфи» с тем или иным экспонатом. Другой формой сближения музея с массовой культурой становится все более интенсивное развитие сувенирной продукции, музейных магазинов (реальных и виртуальных), новые формы репрезентации постоянных экспозиций или выставок. Музейный магазин стал важной частью любого музея, с ним посетитель сталкивается у входа в музей, многочисленные киоски расположены часто и внутри музея, а на выходе желание унести с собой частичку увиденного, сделать ее частью повседневности, подогревается привлекательными витринами и яркими постерами. Потребляя образы культурного наследия, реифицированные в сувенирной продукции, посетитель приобщается к образцам «высокой культуры», ставшими доступными артефактами, существующими на поверхности опыта современного человека. Сувенир изначально был призван напоминать о каком-либо месте, произведении искусства, впечатлении. Современные сувениры разрывают связь со своим «первоисточником», становясь самостоятельными предметами, которые могут быть использованы без каких-либо коннотаций. Музеи охотно идут на самые разные стратегии популяризации – репликации, он-лайн трансляции, игрофикацию или создание привлекательных артефактов, объясняя это необходимостью выживания в обществе потребления.

Классика в современном ситискейпе

Процесс дигитализации тесно связан с включением произведений искусства в ткань современного города, причем чаще всего он носит симулятивный характер «цитирования» классики всех времен и народов. Уже во второй половине XX века Ж. Бодрийяр говорит об «эре симулякров», основной чертой которой является «агония сильных референтов, агония реального и рационального»[2]. Симуляция активизируется как стремление избежать «пустоты, …кровотечения ценностей – именно пропорционально этой тоске вспоминают вперемешку любой контент, беспорядочно воскрешают всю предыдущую историю»[3]. Мрачность взгляда французского философа вряд ли соответствует игриво-гедонистическому характеру (пост)современного города, хотя характер процесса «симулятивной креативности» определен очень точно. Для подтверждения достаточно оглянуться вокруг – бесконечные цитирования стали и повседневностью, и «украшением» жизни горожанина, которая превращается в сплошной праздник бесконечными фестивалями, акциями и проектами, организуемыми культиндустрией. Мегаполисы во всем мире несут на себе явные знаки глобализации, становясь похожими в бесконечных сетевых магазинах, ресторанах, парках развлечений, и, в то

[1] Самохвалова В.И. Творчество: Божественный дар. Космический принцип. Родовая идентичность человека. – М.: РУДН, 2007. – С. 491.

[2] Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. – М.: ПОСТУМ, 2016. – С. 63.

[3] Там же, с. 64.

же время, агрессивно подчеркивая этнокультурную специфику в местах, популярных у туристов. Эти тенденции распространяются и на провинциальные города, где сетевые заведения распространяются все более широко, а местный колорит вдохновляет туристическую индустрию на создание все новых артефактов. В современном городе «происходит ослабление локальных и первичных социальных связей… и перестают действовать традиционные способы трансляции культурных ценностей»[1]. Вопрос заключается в том, насколько новые формы репрезентации культуры прошлого трансформируют ее, создавая на ее основе новые культурные тексты, содержащие память о прошлом, или же первичные смыслы и ценности полностью утрачены в новых артефактах, предназначенных для массового потребления. Разнообразные формы современной городской жизни объединяет то, что все они носят игровой характер, столь симптоматичный для культуры наших дней, где грань между «реальной» и виртуальной реальностью стирается, где игра становится смыслом существования. «Именно игровая деятельность, – пишет Ж. Бодрийяр, – все более управляет нашими отношениями к вещам, к людям, к культуре, к досугу, иногда к труду, а кроме того, к политике. Именно игровая деятельность придает господствующую тональность нашему повседневному поведению в той мере, в какой все предметы, блага, отношения, услуги, становятся гаджетом»[2]. «Игрофикация» культуры, отмеченная французским философом почти 50 лет назад, стала еще более выраженной в наши дни, когда гаджеты все более совершенствуются, а новые технологии позволяют расширять пространство игры до бесконечности. Мы постоянно сталкиваемся с разнообразными образами прошлого, включенными в контекст исторического города, представляющими пеструю картину самых разных фрагментов истории, приобретающих игровой характер оживших скульптур или костюмированных фигур, рекламирующих музеи. Тенденцией наших дней можно считать включение памятников прошлого в контекст массовой культуры, «снижение» их эстетической ценности, снятие ауры путем различных технологий репликации, симулятивных приемов и использования в качестве массово произведенных товаров. Культурное наследие становится, таким образом, ресурсом туристической индустрии, приобретшей невероятный размах в последние десятилетия. Иллюзия доступности памятников прошлого поддерживается популистскими стратегиями учреждений культуры, которые в целях обеспечения своего существования в условиях жесткой конкуренции прибегают к разнообразным способам превращения произведений искусства в легко доступный товар.

Музыкальный театр в цифровом формате

На основе анализа судьбы классической музыки в эпоху массовой культуры и тотальной медиатизации становится ясно, что в процессе трансформации классического музыкального текста, требующего подготовки для его полноценного восприятия, в развлечение сдвиг эстетических ценностей неизбежен, поскольку способность массовой культуры к присвоению любого культурного материала и перекраивания его на свой лад поистине безгранична. Так, опера в наши дни давно вышла за стены оперных залов – оперные трансляции можно видеть в кинотеатрах, на больших экранах перед оперными театрами, на ТВ экране. Оперы экранизируются, фильмы-оперы и оперные спектакли доступны на самых разных носителях, он-лайн трансляции в Интернете набирают популярность. Это вполне объяснимо с точки зрения распространения экранной культуры в современном мире в таких масштабах, что исследователи считают ее культурной доминантой нашего времени, показателем колоссальных изменений в культуре в целом: «Человек в век информации приобретает образование чаще на основе информационного потока с экрана, чем на основе систематического обучения»[3]. В XXI веке этот процесс расширился, приобретя глобальные масштабы – экран ноутбука, планшета или мобильного телефона стал необходимой принадлежностью человеческой жизни во всех ее аспектах. Музыкальные вкусы, в частности, в области такого сложного жанра как опера, также формируются на основе экранных репрезентаций. Можно ли сказать, что опера становится массовым искусством по причине ее распространения по всем пространствам экранной культуры и оцифровки записей спектаклей оперных театров? Не «растворяются» ли произведения оперной классики в бесконечных экранных репрезентациях? Насколько язык экрана способен передать мир оперы со всеми ее страстями, героями и героинями, сложными сюжетами и, прежде всего, музыкой, сочетающей красоту человеческого голоса и мощь оркестра? Все эти вопросы возникают в процессе приобщения к различным формам существования классической оперы в пространстве (пост)современной культуры. Различные виды экранного искусства имеют свои особенности и свою публику, но все из них так или иначе входят в проблематику культурных трансформаций, происходящих в (пост)современной культурной ситуации.

В отношении оперного жанра эти процессы выразились в новых формах его экранного бытия – в трансляциях он-лайн, в кинотрансляциях и в «популяризации» оперы на киноэкранах в публичных местах современных городов. Хотя с технической точки зрения в этих процессах много общего, в культурологическом смысле они различны. С точки зрения «включенности» в массовую культуру, как онлайн трансляции, так и кинопоказы имеют, скорее, просветительскую цель и направлены на любителей и знатоков. Несмотря на массовость кино как вида искусства, понятно, что только крошечный фрагмент кино-аудитории пойдет на трансляцию оперы из Метрополитен или Ковент Гарден, тем более, что такие кинозалы, хоть и разбросаны по всему глобальному пространству, не предполагают большой аудитории. Язык маскультовской рекламы уравнивает произведения оперной классики с популярными развлечениями, доступными и стандартизированными, как и все продукты культиндустрии. С точки зрения публики, ничего подобного не происходит – на кинотрансляции ходят в большинстве все те же меломаны, заполняющие залы доступных для них оперных театров, приобщающихся в кинозалах к постановкам, недоступных физически и материально. Проблема

[1] Орлова Э.А. Социология культуры. – М.: Академический проект, 2012. – С. 236.

[2] Бодрийяр Ж. Общество потребления. – М.: Республика, 2006. – С. 149.

[3] Разлогов К.Э. Искусство экрана. – М.: Росспэн, 2010. – С. 29.

здесь заключается в несоответствии текста контексту, представляющему собой направленное на развлечение и удовольствие пространство современного города. На нем идут трансляции спектаклей, которые может видеть (и в какой-то мере, по причине гула оживленной городской жизни слышать) публика. Такого рода трансляции стали частью работы многих оперных театров мира, создавая иллюзии доступности «высокого» искусства самой широкой публике. Если кинопоказы оперных спектаклей можно отнести к просветительской стратегии, то выход оперы за пределы границ, очерченных зрительным залом, в открытое городское пространство являются явной трансгрессией границ культурной формы, знаком сближения элитарной и массовой культуры, идеи доступности всего и вся в современном культурном коллаже. Добавляя еще одно зрелище в перенасыщенную визуально городскую жизнь, опера как вид искусства никоим образом не становится более понятной или любимой для обычной неподготовленной публики. Если трансляция оперы в кино предполагает покупку билета, темный зал, начало и окончание сеанса, то в он-лайн трансляциях на больших экранах публика приходит и уходит по своему усмотрению, уличный шум подчас заглушает звуки оркестра и пение, а публика рассматривает это зрелище как одно из многочисленных развлечений, предложенных современным городом. На наш взгляд, в этом случае происходит намеренное нарушение еще существующих границ между «высоким искусством» и массовой культурой, поскольку именно ее черты – легкость и доступность, развлекательность и зрелищность – становятся доминантными в этих формах популяризации оперы. Представители театров полагают, что таким образом они привлекут новых зрителей, которые, заинтересовавшись происходящим, купят затем билеты в театр, но эти ожидания не оправданы, поскольку собравшаяся перед экраном публика заинтересована в опере как в очередном городском развлечении, не более того.

Что касается настойчивого утверждения сегодняшних культурных производителей о просветительском характере тиражирования классики в цифровых экранных формах, иллюзия эта разбивается, если мы вспомним вполне реалистичный прогноз относительно социальной функции массовой культуры, сделанный Ж. Бодрийяром еще в 70-е гг. прошлого столетия. Он называет общий принцип, который овладел всеми областями науки и культуры в целом «переподготовкой», определяемой актуальностью, в процессе которого «все ценности науки, техники, квалификации и компетенции отступают перед… давлением мобильности, статуса и профиля карьеры. В соответствии с этим организационным принципом строится сегодня вся «массовая» культура. Все приобщенные к культуре имеют право не на культуру, а на *культурную переподготовку*»[1]. В результате такие важнейшие измерения культуры как «наследственное достояние трудов, мыслей, традиций» и «непрерывная практика теоретического и критического размышления» отброшены «культурной актуальностью, охватывающей все – от искусства кино и до еженедельных энциклопедий»[2]. Такая «актуальность» становится принципом современных оперных постановок, легко переходящих со сценических площадок на экраны всевозможных гаджетов, возглашая принцип доступности – если не в театре, то в любой экранной репрезентации. Для того, чтобы понять изначальную ложность этого посыла, не надо даже прибегать к социологическим исследованиям, подобным тому, о котором мы говорили выше – достаточно посмотреть количество просмотров оперных спектаклей на ютубе целиком и сравнить их с фрагментами тех же спектаклей, чтобы понять, что просмотреть-прослушать спектакль целиком непосильно для сколько-либо значимого количества пользователей – фрагменты, особенно в исполнении «раскрученных» певцов, востребованы гораздо больше, соответствуя основному принципу сегодняшней культуры, выраженному в любимом молодежью слове «короче». Еще более наглядна картина «переподготовки» массовой публики в ситуации «выплескивания» оперы в городское пространство, которую мы описали выше. Ориентация на вкус большинства не может изменить самой сути оперного искусства, и никакие технологические возможности перенесения оперы на экран, большой или маленький, в кинозале, на мобильном телефоне или на городской площади, не изменят вкусов массового зрителя, в особенности молодого, воспитанного в культуре Интернета и социальных сетей, где нет ничего сложного и недоступного, где фрагменты одних культурных текстов с легкостью сменяются другими, где можно переключаться с одной культурной формы на другую, по ходу дела оставляя комментарии в вербальной или визуальной форме, где эмоции переведены на язык смайликов и эмотиконов. Может быть, и не надо стремиться соответствовать этой культуре, а сохранять определенную консервативность, которая несет в себе ауру чего-то неизведанного, что может быть привлекательным именно своей непохожестью на расхожие продукты культиндустрии?

Заканчивая, хочется остановиться на амбивалентности темы воспроизведения искусства техническими средствами. У процесса тиражирования, который в наши дни заключается, в основном, в оцифровке произведений искусства, есть и противники, и сторонники. С одной стороны, доступность произведений классического искусства в различных сферах культуры создает контекст, в котором доминируют эстетические представления, связанные с высшими достижениями культуры. С другой, этот контекст очень фрагментарен и капризен, что далеко не способствует формированию системы эстетических ценностей. Эти черты Интернет-пространства отмечают не только ученые, но и специалисты в области маркетинга исполнительских искусств. «Стремительный рост использования Интернета, – пишут известные специалисты в этой области Ф. Котлер и Дж. Шеф, – свидетельствует не только об изменениях в поведении потребителей, но и о изменении ценностей…. Адриан Слыватски, запустивший в оборот выражение «миграция ценностей», объясняет это таким образом: «Потребители делают выбор согласно своим приоритетам. Поскольку приоритеты меняются, и новые проекты представляют потребителям новые возможности, они делают новый выбор. Они перераспределяют ценности. Эти изменяющиеся приоритеты вместе со способами, с помощью которых они взаимодействуют с новыми предложениями конкурентов, являются тем, что вызывает, запускает или содействует процессу ми-

[1] Бодрийяр Ж. Общество потребления. – М.: Республика, 2006. – С. 134.

[2] Там же, с. 135.

грации ценностей»[1]. Как сторонники широкого использования технических средств в популяризации искусства, так и его противники соглашаются в том, что технология не может ни заменить, ни привить любви к искусству, в особенности, если речь идет о классическом наследии. Никакие приемы маркетинга и пиара, никакие приемы визуализации и оцифровки новых и новых массивов культурных текстов сами по себе не приведут к тому, что человек предпочтет радио «Орфей» или канал «Культура» более развлекательным медиапространствам. «Какими энергичными ни были бы маркетинговые программы, люди вновь и вновь приходят на представление, делают искусство частью своей жизни благодаря пониманию его ценности, а также способности поддерживать, воспитывать и вдохновлять…. если люди не любят и не понимают искусство по-настоящему, они вряд ли станут регулярно посещать театры и концерты и предпочтут довольствоваться другими способами проведения досуга»[2]. Таким образом, мы вновь возвращаемся к тому, о чем не раз писали раньше – к необходимости воспитания подготовленного слушателя и зрителя, который мог бы по достоинству оценить те – несомненно, громадные – возможности, которыми обладают современные средства технической воспроизводимости. «Главным условием восприятия искусства и любви к нему является глубокое понимание его видов и форм», – пишут Котлер и Шефф, ссылаясь на проведенное в конце XX века исследование полученного человеком художественного образование на его посещение спектаклей и концертов «Образование является ключом к тому, – делают они вывод, – чтобы искусство стало значимой частью жизни человека»[3]. Как бы вторя известному французскому социологу П. Бурдье, разработавшему концепцию культурного капитала, американские исследователи утверждают, что никакие технологии, никакие масштабы оцифровки классики, никакие усилия энтузиастов не создадут благоприятного с эстетической точки зрения климата в социуме без интеграции усилий всех специалистов – ученых, теоретиков и практиков культуры, медиапрофессионалов, маркетологов, педагогов – для того, чтобы великое наследие нашей культуры заняло достойное место в жизненном мире современного человека. Анализируя судьбу классической музыки в эпоху массовой культуры и тотальной медиатизации, становится ясным, что в процессе трансформации классического музыкального текста, требующего подготовки для его полноценного восприятия, в развлечение сдвиг эстетических ценностей неизбежен, поскольку способность массовой культуры к присвоению любого культурного материала и перекраивания его на свой лад поистине безгранична.

Возвращаясь к вопросу о судьбе культурного наследия в культуре наших дней, в бесконечных играх с историей, с искусством, с пространством и временем, нельзя не задуматься над тем, означает ли доступность памятников культурного наследия в цифровом формате, что они становятся частью жизненного мира современного человека? Увеличивается ли культурный капитал благодаря дигитализации памятников культуры? На наш взгляд, однозначного ответа дать невозможно, поскольку процесс оцифровки памятников культуры имеет различные последствия в разных слоях общества и в разных событийных контекстах. Исследования последних лет, посвященные проблемам цифрового неравенства, показали, что «цифровые медиа создают новые возможности для привлечения новых аудиторий, но они также показали, что освоение музеев и галерей как он-лайн, так и офф-лайн, демонстрирует неравенство, причем оно глубже в случае с виртуальными, чем с физическими посещениями. Вместо того, чтобы обеспечить участие самых разных аудиторий, доступ он-лайн воспроизводит, если не увеличивает, существующее неравенство»[4]. Таким образом, «демократический потенциал» массового воспроизведения искусства, о котором писал В. Беньямин, остается неосуществимой мечтой в мире цифровых медиа, которые репродуцируют социальные различия социума. С другой стороны, в этом мире произведения классического искусства получают новую жизнь, ставшую возможной благодаря широкому доступу к классическому наследию, которое становится источником вдохновения для «креативного класса», сформированного цифровой средой. К. Робертс, известный специалист в области технических инноваций и креативного лидерства, считает, что мы живем в нестабильном, неопределенном сложном и неоднозначном мире. «Именно таков сегодняшний мир – и он не собирается меняться. И это очень интересное время для креативных людей, поскольку старые модели больше не функционируют…. Мы перешли в эпоху идей. Мне кажется, что мы живем в энергичном, полном надежд и оптимизма, свободном и революционном мире»[5]. Такой оптимизм внушает надежду на то, что классическое наследие найдет достойное место в новой цифровой культуре, несмотря на то, что формы его существования иногда изменены до неузнаваемости. Если культурные ценности прошлого сохранят свои основания, своё ядро, можно надеяться, что все технологические новшества и игровые стратегии являются лишь формами освоения этих ценностей, которые не утратят своей привлекательности ни для настоящих, ни для будущих поколений.

[1] Котлер Ф., Шефф Дж. Все билеты проданы. Стратегии маркетинга исполнительских искусств. – М.: Классика XXI, 2012. – С. 449.

[2] Там же, с. 636.

[3] Там же, с. 637.

[4] Mihelj S., Leguina A., Downey J. Culture is digital: Cultural participation, diversity and the digital divide // New Media and Society. 2019. – Vol. 21, N 7. – P. 1465–1485.

[5] Робертс К. Менеджмент умер, маркетинг умер. – http://www.startup.org.ua/2016/01/blog-post.html?fbclid=IwAR0kISbmFUqK_q50N-OJdGCSS32VPYmneu8pEdxe16RcTgjUxeR7SWNiEwI

Шульга М.А.
д.полит.н., профессор, профессор кафедры государственного управления, Киевский национальный университет
marina_shulga@i.ua

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС И «УКРАИНА ВО МГЛЕ»

Ключевые слова: *Герберт Уэллс, «страна во мгле», демонтаж государства, Украина.*
Keywords: *Herbert Wells, «nation in the Shadows», state dismantling, Ukraine.*

Система идей, которую я развиваю,
вероятно, будет оказывать куда бóльшее
влияние, чем можно предположить сегодня.
Герберт Уэллс

Концепт «Украина во мгле» – довольно распространенное явление в медийном дискурсе, посвященном современной Украине (например, блоги Юрия Подоляки; одноименный цикл видеоблогов; перевод отдельных частей статьи публициста Льва Голинкина, опубликованной 23 февраля 2019 года авторитетным американским изданием «The Nation», выполненный Константином Василькевичем и под названием «Украина во мгле» представленный в рамках совместного проекта «Свободной Прессы» и украинской газеты «2000»; одноименная заметка-реакция Ростислава Ищенко на арест Кирилла Вышинского и т.д. [см., например: 10; 15]). Содержательное наполнение указанного концепта, как правило, раскрывается с помощью «пучка» таких представлений, понятий и переживаний [13, с. 42], как: неопределенность, хаос, «господство улицы», очередная Руина, подавление инакомыслия и т.п. Причем и официальный (властный), и неофициальный (оппозиционный) дискурсы, по-разному определяя причину их актуализации (в первом случае – это «российская агрессия», во втором – «разрыв экономических и культурных связей и отношений с Россией»), указывают на события 2014 (в первом дискурсе – «Революция Достоинства», во втором – «антиконституционный переворот») как на точку отсчета в оперировании концептом «Украина во мгле». Однако еще в 2012 году Ростислав Ищенко прибегнул к этому концепту в своей одноименной статье в газете «Славянские новости» для обозначения понимания и переживания усиливающихся рисков «разрушения украинского государства», становящегося «совершенно неизбежным» в силу нарастания внутренних противоречий в тогдашней партии власти [9]. Вследствие чего «украинская власть будет делать неизбежной все более и более кровавую развязку, продлевая свою агонию, за счет разрушения уже не промышленности, а остатков инфраструктуры и структуры жизнеобеспечения [9]. То есть разрушение, а точнее демонтаж государства [4], его «инфраструктуры и структур жизнеобеспечения» – вот главный мотив концепта «страна (любая) во мгле». (Термин «демонтаж», по моему мнению, тут предпочтительней, поскольку указывает на действие, осуществляемое целенаправленно, то есть с определенной целью и за счет организованного, систематического приложения специальных планируемых усилий со стороны человека, группы людей и т.д. Термин же «разрушение» может обозначать процессы, производимые и силами природы, слепыми и стихийными).

В этом смысле «Украина во мгле» составляет некую аналогию к словосочетанию «Россия во мгле», введенному в оборот Гербертом Уэллсом благодаря его одноименной книге. На первый взгляд, повествует она о «картине колоссального непоправимого краха» Российской империи, свидетелем которой стал Г. Уэллс в 1920 году. Но один нюанс, одна «мыслительная связка» (Айзек Азимов) остается при этом не то чтобы не замеченной, сколько не акцентированной и неосмысленной в полной мере. Г. Уэллса мало волнует описанная им «картина краха», второстепенным (хотя и единственно возможным в сложившихся обстоятельствах) считает он и факт пребывания у власти партии коммунистов. «Для западного читателя, – делает ударение Г. Уэллс, – самое важное – угрожающее и тревожное – состоит в том, что рухнула социальная и экономическая система, подобная нашей и неразрывно с ней связанная» [20, с. 11]. Еще раз подчеркнем – крах потерпела система, подобная западной и неразрывно связанная с ней, да так, что Россия, будучи втянутой европейским империализмом в «шестилетнюю изнурительную войну» [20, с. 19], оказалась «покрытой развалинами, брошенными реликвиями и обломками развороченной старой государственной машины» [20, с. 32]. И произошло это в силу собственных внутренних противоречий самой этой западной системы. Так что: «Если бы мировая война продолжалась еще год или больше, а затем и державы Антанты, вероятно, пережили бы свой национальный вариант русской катастрофы» [20, с. 33]. И далее: «В таком случае вопрос о том, когда произойдет катастрофа у нас – расстройство денежного обращения, нехватка всех предметов потребления, социальный и политический развал и все прочее, – лишь вопрос времени» [20, с. 33].

Как впредь можно предотвратить такого рода катастрофу? Вот вопрос, который волнует Г. Уэллса. И ответ на него находится в конце его повествования о «России во мгле». Суть ответа – в оказании экономической помощи России со стороны Америки и иных западных держав [20, с. 79]. Речь, в частности, идет о создании то ли «концессии сроком на пятьдесят-шестьдесят лет на разработку естественных богатств Камчатки и, возможно, других обширных районов Азии» [20, с. 76], то ли международного треста, работающего исключительно с «отдельными промышленника-

ми» [20, с. 81], но с обязательным акцентом на то, что США – это «единственная держава, могущая взять на себя роль такого спасителя, который появляется в последнюю минуту» [20, с. 82]. В контексте открытости тех вопросов, которые, Г. Уэллс, по его собственному признанию, ставил Ленину – «Как вы представляете себе будущую Россию? Какое государство вы стремитесь построить?» [20, с. 70], – получаем ситуацию, когда государственность в стране может постигнуть крах еще до того, как она успеет оформиться и укрепиться. Но крах этот иного рода, чем тот, с описания которого начинает Г. Уэллс свою книгу-воспоминание о Советской России 1920 года. Это крах управляемый странами-донорами и в чем-то желаемый ими. Ведь государственная и общественная жизнь страны-реципиента выстраивается по их лекалам: «Любая страна или группа стран, обладающая достаточными промышленными ресурсами, которая пойдет на признание большевистской России и будет оказывать ей помощь, неизбежно станет опорой, правой рукой и советником большевистского правительства» [20, с. 81]. А сами страны-доноры обеспечивают себе доступ к «богатым недрам» (в данном случае России), «ее сырью, зерну, льну и т.п.» [20, с. 79]. И, немаловажно, страна-реципиент остается в сфере влияния западной цивилизации, в «семье цивилизованных народов» [20, с. 79], которая помогает первой в деле создания «цивилизованного, общественного строя» [20, с. 80], используя при этом контроль над ее ресурсами для предупреждения своего собственного «всеобщего обнищания» [20, с. 79].

Таким образом, концепт «страна во мгле» содержит переживание не столько краха государства как такового, сколько управляемого (целенаправленного) краха, нацеленного на предотвращение возможности страны самостоятельно отыскать ответ на вопрос, «какое государство вы стремитесь построить?» [20, с. 70]. Именно такой, управляемый крах (демонтаж) государственности и призван у Г. Уэллса предотвратить гибель западного цивилизованного мира, исчерпавшего ресурс «периода суверенных государств» [23]. Возникает вопрос, со стороны кого он управляем и за счет чего осуществляем? В этом контексте концепт «страна во мгле» является неотъемлемым элементом предложенной Г. Уэллсом концепции нового мирового порядка, где центральной является идея замены «разрозненных суверенитетов прошлого» [19] объединением государств «в более крупные структуры» [19] и реорганизации мира под знаком «либерального триумфа» [23]. В основе таких замены и реорганизации – растущая «экономическая и финансовая взаимозависимость» государств [23] и так называемая «отмена расстояний», обусловленная растущей мобильностью современных средств сообщения, что в своей совокупности готовит почву для «отмены границ большинства существующих суверенных государств и их слияния в более крупном Рах» [23]. Тем самым, человеческие дела могут быть собраны под единым общим контролем не только ради предотвращения войны, но и с целью «коллективного контроля над экономической и биологической жизнью человечества» [23]. «Рациональная консолидация человеческих дел», – делает вывод Г. Уэллс, – несовместима с «независимым суверенным государством с его постоянной угрозой войны» [23]. Нейтрализация же последней требует не только политической федерации, но и «глубокой социальной революции», призванной выработать некую универсальную форму «экономического общежития» и «управления общими делами человечества», «всесторонней коллективизации человеческих дел» и «компетентного управителя коллективной системы» в целом. Искомая форма, согласно Г. Уэллсу, может быть установлена лишь в том случае, если «западному духу коллективизма» удастся «охватить мир системами, ответственными за просвещение, принуждение и администрирование» [19]. Это, в свою очередь, обеспечит втягивание отдельных государств в «единую экономическую системы», основу которой составит «союз денег и союз беспошлинной экономики», а также в единую правовую систему, базирующуюся на идее прав человека, контроль над соблюдением которых будет возложен на некоего «международного полицейского» [23]. Последний, «разумеется, должен обладать властью ограничивать и сокращать вооруженные силы любой страны, и любая страна должна отказаться в его пользу от значительной степени своей независимости» [19], руководствуясь, в первую очередь, пунктами «Декларацией прав человека», вариант перечня которых был предложен самим Г. Уэллсом вкупе с обращением к государствам «включить это в свои мирные договоры» [23].

Примечательно, что схожая мысль фактически повторяется в рассуждениях французского философа Жана-Франсуа Ревеля в пункте постановки им вопроса о том, можно ли обеспечить действенное соблюдение прав человека во всем мире, если им противостоит принцип невмешательства во внутренние дела государства [12, с. 437–455]. Можно, отвечает Ж.-Ф. Ревель, но лишь в случае признания демократической легитимности правительств со стороны «своеобразной демократической международной полиции», которая, руководствуясь «долгом вмешательства», стремится координировать политику государств и тем самым установить скоординированную взаимозависимость между ними [12, с. 448, 450]. Это, в свою очередь, предусматривает исчезновение устаревшей ныне концепции суверенитета и подчинение принципа полной независимости национального государства принципу демократической легитимности с его аргументом, что «мы обречены управлять согласно правилам либеральной демократии», причем не только лишь в сфере прав человека [12, с. 450, 452]. В результате не просто исчезает различие между внутренними и международными делами государств, не только усугубляется взаимопроникновение их интересов, но и выстраивается специфическая координация такого взаимопроникновения, когда субъекты координации не являются равноценными как субъекты, а, скорее, пребывают в некой иерархической взаимозависимости. То есть: «Страны, которые требуют от других стран экономической помощи, призванной якобы укрепить их шансы на построение демократии, не могут одновременно отказывать тем, кто предоставляет помощь, в праве надзирать за их внутренними делами» [12, с. 448]. «Долг вмешательства» поэтому много в чем сопряжен с конфликтной реорганизацией мирового порядка [12, с. 448], обусловленной, в том числе и тем, что государства иногда склонны «признавать логику взаимозависимости лишь в одном аспекте – аспекте помощи, которой бесконтрольно распоряжается получатель» [12, с. 450].

У Г. Уэллса присутствует и предвидение конфликтности как возможного спутника рождения нового мирового порядка, и указание на способ ее предотвращения. Идея прав человека и принцип свободной торговли могут обеспечить управление демонтажем государственности в «суверенных государствах» без риска получить на выходе этого, по определению Г. Уэллса, «нового типа Революции» «возмущение-бунт», «взрыв или государственный переворот» [23]

лишь при условии, если удастся убедить «достаточное количество умов» «независимо от расы, происхождения или экономических и социальных привычек» в том, что предлагаемую концепцию нового мирового порядка им следует «рассматривать в качестве единственной рабочей основы для своей деятельности» [23]. Тем самым «сила недовольства и обиды по отношению к правительству» может быть организована и использована с тем, «чтобы вызвать фундаментальное изменение системы» обустройства мира в целом. Но не за счет «спонтанного шторма негодования против невыносимых унижений и лишений», а, главным образом, посредством смены «директивных идей», образующих концепцию, то есть видение того, каким должен и единственно может быть новый мировой порядок [23]. «Распространение этой существенной концепции, – пишет Г. Уэллс, – можно назвать пропагандой, но на самом деле это образование» [23]. Последнее обеспечит формирование человека не только как приверженца и защитника, но и как активного деятеля, требующего от своего государства его участия в практической реализации той концепции нового мирового порядка, в углу которой пребывает идея отказа «разрозненных суверенитетов» «от значительной степени своей независимости». Вот почему «для спасения человечества необходим решительный сдвиг в области образования, основанный на идее всемирного порядка» [19]. Внедрение этой идеи в человеческое сознание позволит западному миру получить доступ к «огромным неразвитым резервуарам человека» [23] и использовать эти резервуары для такой «организации бунта и надежды» [20, с. 43] молодых людей, при которой их энергия и «искреннее негодование по поводу социальных институтов» [23] будут направлены на «разрушение старого общественного порядка повсюду» и достижение «либерального триумфа» [23]. Соответственно «решающей станет битва за образование» [19], ведь его организация должна быть таковой, чтобы, например, в пункте изучаемых тем (избирательные системы, партийные системы, права и свободы человека и т.д.), обеспечить постоянное распространение и нарастание «требования нового порядка» [23]. В итоге: «Действия и ответы нормального человека в любой конкретной стране и в любое конкретное время будут всегда определяться доминирующей концепцией движения к новому мировому порядку. Она будет основной и постоянной целью всей его политической жизни» [23]. В этом суть того, что Г. Уэллс называет «открытым заговором», то есть формированием посредством образования «правильних умственных привычек» [24], правильного, в смысле соответствующего идее «реорганизации мировых дел», «фундаментального мышления, лежащего в основе политического и социального поведения», правильного «общего ментального фона» в целом [24]. И к тому же, оснащение разума человека «соответствующими общими идеями» позволит «сформировать истинную основу для его повседневных суждений и решений» [24]. И, в конечном итоге, обеспечить «воспроизводство определенного типа людей» [19].

Говоря о важности контроля над «огромными неразвитыми резервуарами человека» посредством образования, не поднимает ли Г. Уэллс фактически проблему уяснения базовых, элементарных, в смысле подлежащих обязательному усвоению каждым, знаний, то есть проблему человеческой вместимости в пункте ее ментальной составляющей? [О понятии человеческой вместимости см.: 11, с. 34-40]. «Под воздействием тех самых сил, – пишет Г. Уэллс, – которые уничтожили грубый физический труд, грамотность просочилась в самые низы, и уже все общество овладело знаниями» [18]. Поэтому так важно, продолжает он, «собрать воедино всю мировую информацию и создать справочный орган для мирового общественного мнения» [18]. Такая «постоянно обновляемая, модернизируемая всеобщая энциклопедия» сможет стать «основой системы образования в мировой общине» [18]. Знания, в нее вносимые, отбираются и излагаются в процессе преподавания таким образом (предложенная, например, самим Г. Уэллсом концепция преподавания истории [16]), чтобы «образование способствовало делу организации мира» как мира «определенного качества», означающего «установление нового порядка» [19].

Из рассуждений Г. Уэллса следует также, что упомянутая «концепция движения к новому мировому порядку» предполагает не только создание системы договоров между государствами на базе «Декларации прав человека», но и «слияние существующих политических, экономических и социальных институтов» [24], и установление «интеллектуального контроля на популяцией», «чтобы повлиять на общий коэффициент рождаемости или коэффициент рождаемости определенных типов» [24]. И, главное, формирование «специальных международных сетей, начиная от международного бизнеса картелей, научно-технических организаций <…> и заканчивая международным сотрудничеством полиции, служб охраны здоровья и религиозных миссий» [23], а также создание международных институтов, занятых исследованием мировой экономики и вырабатывающих «приблизительные оценки и указания для всей материальной деятельности человека» [24]. Причем ведущую роль в «расширении и переплетении этих специальных сотрудничеств» уже играют преимущественно США и Великобритания. «Индия, Китай, Россия, Африка, – пишет Г. Уэллс, – представляют собой меланж социальных систем, опереженных, разрушенных, захваченных, эксплуатируемых и в той или иной мере подчиненных финансам, промышленности и политической агрессии со стороны атлантической, балтийской и средиземноморской цивилизации» [24]. Такой «меланж» может шагнуть «из тонущего сосуда своего устаревшего порядка в братство мировых правителей» единственно «через своих нынешних завоевателей», пытаясь адаптировать их «богатое и отличное от своего наследие» к своим «коренным национализмам» [24]. По сути это означает, что другие государства, вовлекаемые «давно существующей европейско-американской иерархией» в систему международных «специальных сотрудничеств», вынуждены будут считаться с уже существующими в этом «уже практически космополисе» правилами. И приноравливать к ним, а точнее к требованиям стран, такой космополис создавших, свои экономические, политические, социально-демографические, образовательные системы, становясь по факту изначально объектами применения технологии демонтажа «ржавой брони государственной суверенности» (Ж.-Ф. Ревель). Как писал Збигнев Бжезинский, «сближение с Америкой подразумевало готовность очутиться в одной упряжке с ней, причем слабая сторона была обречена оказаться гораздо более прочно скованной, нежели сильная» [2, с. 139]. Сам же Г. Уэллс, отмечал, что «предубеждение против вмешательства высокоразвитых современных государств в дела менее стабильных и менее развитых регионов» будет исчезать по мере «слияния атлантических государств» и «усиления

вероятности и необходимости установления мирового контроля над зонами неправильного управления и беспорядков» [24].

В этом смысле показательны два вывода Г. Уэллса, которыми он заканчивает свой очерк о «России во мгле». Первый: «Единственное правительство, которое может сейчас предотвратить <…> окончательный крах России, – это теперешнее большевистское правительство, при условии, что Америка и западные державы окажут ему помощь» [20, с. 79]. И второй: «Я твердо убежден, что без такой помощи извне в большевистской России произойдет окончательное крушение всего, что еще осталось от современной цивилизации на территории бывшей Российской империи» [20, с. 82]. Аргументы, которые и сегодня пребывают в арсенале тех, кто ратует за предложенную Г. Уэллсом концепцию нового мирового порядка. А именно: западная помощь – это условие признания легитимности национальных правительств, без которой они не могут считаться цивилизованными. Последнее, между прочим, означает, например, и то, что: «Сырье земли должно быть для всех, а не быть монополизированным каким-либо корыстным индивидуумом или корыстным суверенным государством, не быть удержанным от эксплуатации для общей выгоды тем или иным отсталым или выторговывающим для себя преференции лицом или племенем с его случайными притязаниями на установление своего приоритета на данной территории» [24]. (Тут впору вспомнить слова Зб. Бжезинского о том, что без западной помощи нынешняя Россия не может быть всецело уверена в сохранении своего суверенитета над Сибирью, а сама «Сибирь могла бы со временем превратиться в общеевразийское достояние, использование которого происходило бы на многосторонней основе <…> и открыло бы перед пресыщенным европейским обществом увлекательную перспективу покорения “новых рубежей”» [2, с. 139, 140].) Не формирование ли убежденности в непререкаемости указанного аргумента и превращение ее (убежденности) в «правильную умственную привычку» должны стать главной задачей «тщательной ментальной тренировки, которая дает всем ясные представления об истории, о жизни, о политических и экономических отношениях» [24]? «Каждый шаг к мировому единству должен быть сделан <…> с пониманием сочувствия как можно большего числа людей, иначе будет уяснено, что единство, которое будет завоевано, едва ли стоит победы» [24]. Не в этом ли случае установление «мирового единства» будет сопровождаться неким «идеальным состоянием» как «состоянием с наименьшим количеством возможных волевых сражений и подавлений воли»? Достижение такого состояния, считает Г. Уэллс, «должно быть главным соображением при установлении экономической, биологической и ментальной организации мирового сообщества, к которой мы стремимся» [24]. Это как у А. Азимова: «Когда личность может быть поставлена под контроль, не обнаруживая этого? Когда нет предыдущего эмоционального отклонения, чтобы его нужно было убирать. Иными словами, когда личность – новорожденный младенец с чистой программой разума» [1, с. 523].

Поэтому новый мировой порядок как «мировое сообщество», а точнее как система транснациональных «специальных сотрудничеств», выстраиваемая, по признанию Г. Уэллса в виде «европейско-американской иерархии», прежде всего в сфере промышленности и финансов (ведь «настоящие интересы великого промышленника или финансиста связаны с космополитическим органом и материальным развитием мирового содружества» и не могут поэтому не воплотиться в «крупных промышленных организациях, чьи операции и комбинации стали, наконец, всемирными» [24]) и невозможна без соответствующей организации образования, призванной «ужать» «резервуар человека» исключительно до убеждения в том, что такого рода порядок является безальтернативным. Без такого убеждения невозможно то, что Макс Вебер называет «внутренним гарантированием легитимного порядка», которое может быть осуществлено трояко. А именно: аффективно (эмоциональная преданность порядку), ценностно-рационально (вера в абсолютную значимость порядка в качестве выражения высочайших непреложных ценностей, – нравственных, эстетических или каких-либо иных), религиозно (вера в зависимость блага и спасения от сохранения данного порядка) [5, с. 639–640]. Этому, согласно Г. Уэллсу, может послужить и создание школ, конкурирующих с государственными, и поддержка «просвещенных учителей», «экспериментирующих с новыми образовательными методами», и распространение «учебной литературы для взрослых». Как следствие, должны быть отвергнуты «многие существующие ограничения на поведение и многие социальные предрассудки», а «наши умы должны быть очищены от всех этих устаревших ценностей и взглядов, которыми они обременены, чтобы новая вера смогла свободно заиграть» [24]. Сделать это, конечно же, проще, если «взяться за подрастающее поколение» [19]. В этом – суть величайшей «созидательной революции», осуществление которой требует «созидательной власти», принадлежащей, в свою очередь, «в мировом масштабе, с одной стороны, современной промышленности, связанной с наукой, а с другой стороны – финансистам» [19].

Будучи же детализированной, эта «новая вера», эта «новая система идей», требующая единодушия и «распространения среди широкого круга людей», сводится минимум к трем, максимум к семи пунктам, «по которым единодушие должно быть достигнуто с самого и начала» и которые в качестве таковых «должны быть включены в общее образование» представителей разных социальных групп [24]. Среди этих пунктов: абсолютно временный характер всех существующих видов правительства и, следовательно, абсолютно временный характер всех связанных с ним лояльностей; создание мировой экономической системы и «ответственного мирового управления» в сфере кредита, транспорта и производства основных продуктов, а также минимизирование всех попыток со стороны отдельных лиц и правительств этому противостоять; первостепенное значение мирового биологического контроля, в частности над численностью населения и болезнями; поддержка минимального стандарта индивидуальной свободы и благосостояния в мире; настоятельная необходимость сопротивления нынешнему традиционному дрейфу в сторону войны [24].

Распространение же, развитие и научное обоснование перечисленных идей, по мнение Г. Уэллса, должно быть предоставлено «наиболее ценным людям», которые смогут объединиться в своих усилиях по «пропаганде доверия к возможному мировому сообществу» на основании «общей системы политических и социальных концепций» независимо от своей принадлежности к тому или иному государству-нации [24]. Объединится «путем создания специальных ассоциаций для достижения определенных специализированных целей», которые будут «разными по форме, размеру,

качеству и способностям» [24]. Упомянутая «новая система идей» в совокупности ее трех/семи пунктов фактически является наброском перечня поощряемых в научном сообществе тем-направлений, разработке которых должна быть подчинена «новая мировая система научной работы» в единстве таких ее составляющих, как: продвижение результатов исследования, их популяризация, защита исследований, всемирная индексация научных результатов, перевод научных трудов, распространение новых методов исследования, «формирование групп в научном мире <…> и вокруг него» с тем, чтобы привлечь «особое внимание к потребностям научной работы» со стороны тех лиц и «международных или космополитических сообществ», которые «обладают даром извлекать деньги из частных и общественных источников» [24].

Главное же в том, что носители убеждения в отсутствии альтернативы новому мировому порядку, – «огромное множество разнообразных пересекающихся групп», образующих «социальную элиту», – смогут «повлиять на отношение к национальным политикам и на их обещания», то есть сыграть роль «эффективной избирательной или агитирующей силы», образующей «собственные специальные исследовательские органы для решения проблем трансформации старых местных администраций и системы политического контроля в развивающихся странах» [24]. Последние тем самым будут вовлечены во «всеобъемлющую систему управления», что и позволит реализовать главную политическую идею нового мирового порядка, а именно: «ослабить, стереть, включить или заменить существующие правительства» [24], втянув их страны во «всемирную систему валютной и экономической деятельности», созданной промышленниками и финансистами [19]. То есть запустить технологию демонтажа государственности этих стран, осуществляемого под присмотром некоего «постоянного всемирного органа с контролирующими функциями» [19]. Кстати, сам Г. Уэллс отмечал, что его программное видение этого органа очень отличалось, например, от созданной Лиги Наций [см.: 19].

Предложенный Г. Уэллсом концепт «страна во мгле» и увязка его с проблематикой выстраивания нового мирового порядка, знаменующего собой конец «периода суверенных государств», позволяет уточнить момент запуска упомянутой технологии относительно государственности в Украине. Принято считать, что это 2014 год. Но не связано ли сворачивание всей совокупности основных (и не только) функций государства [о функциях государства см.: 7] и аннулирование всех составляющих его силы [о составляющих силы государства см.: 21] в Украине с аннигиляцией стартовых ресурсов развития, которыми она располагала на момент провозглашения своей независимости в 1991 году? И не была ли эта аннигиляция управляемым процессом, растянутым во времени и логично завершающимся нарастанием мотивов либертарианства, тотальной, охватывающей те объекты права государственной собственности, которые ранее не подлежали приватизации, распродажей и прочими прелестями участия в системе международных «специальных сотрудничеств»? Не являются ли тут знаковыми следующие даты. 1990 год – основание на Украине Международного фонда «Возрождение», финансируемого Джорджем Соросом и призванного способствовать развитию в Украине открытого общества. В контексте мыслей Г. Уэллса о важности организации образования для установления нового мирового порядка – очень знаковое событие. 1992 год – подписание «Соглашение между Правительством Украины и Правительством Соединенных Штатов Америки о гуманитарном и технико-экономическом сотрудничестве» [14], фактически закрепляющего за США статус страны-донора № 1 и запускающего сценарий, предусмотренный «теорией зависимости» [подробнее см.: 3, с. 165–167]. Не эти ли даты и дали старт в Украине технологии «управляемой мглы»? В современной научной литературе она, правда, именуется технологией «усвоения уроков», предусматривающей, что знание идей, концепций, подходов, программ и т.п., отражающее определенные обстоятельства места и времени, используется для развития политической жизни и административных преобразований в ином пространственно-временном контексте без учета его специфики [см.: 8, с. 278–279]. (Как тут не вспомнить приведенные выше рассуждения Г. Уэллса о содержательной стороне шага неатлантических правительств «из тонущего сосуда своего устаревшего порядка в братство мировых правителей» [24].) Составляющими «осмысления уроков» являются «мягкие трансферы», то есть передача идей, концепций и подходов (эту задачу первым на Украине и принялся решать фонд «Возрождения»). И «жесткие трансферы», то есть передача программ и способов их применения (урегулированию этого вопроса фактически и был дан старт указанным выше «Соглашением» [14]).

С учетом геополитических целей и контекстов обоих трансферов [22] возникает риторический вопрос. А именно: когда мгла рассеется, не постигнет ли Украину будущее, изображенное в еще одном произведении Г. Уэллса, – «Машине времени»? Позволим себе эту длинную цитату, уж очень зловещей выдается она в контексте программного курса на «тотальную распродажу Украины», приходящего сегодня на смену концепту «Украина во мгле». Итак: «кастовая тенденция богатых людей, вызванная все большей утонченностью жизни, – тенденция расширить пропасть между ними и оскорбляющей их грубостью бедняков тоже ведет к захвату привилегированными сословиями все большей и большей части поверхности земли исключительно для себя. А эта неуклонно расширяющаяся пропасть между богатыми и бедными, результат продолжительности и дороговизны высшего образования и стремления богатых к утонченным привычкам, – разве не поведет это к тому, что соприкосновения между классами станут все менее возможными? Благодаря такому отсутствию общения и тесных отношений браки между обоими классами, тормозящие теперь разделение человеческого рода на два различных вида, станут в будущем все более и более редкими. В конце концов, на земной поверхности должны будут остаться только Имущие, наслаждающиеся в жизни исключительно удовольствиями и красотой, а под землей окажутся все Неимущие – рабочие, приспособившиеся к подземным условиям труда. А раз, очутившись там, они, без сомнения, должны будут платить Имущим дань за вентиляцию своих жилищ. Если они откажутся от этого, то умрут с голода или задохнутся. Неприспособленные или непокорные вымрут. Мало-помалу при установившемся равновесии такого порядка вещей выжившие Неимущие сделаются такими же счастливыми на свой собственный лад, как и жители Верхнего Мира» [17, с. 89].

Список литературы

1. Азимов А. Фонд (трилогия). Фонд. Фонд и Империя. Второй Фонд. – Киев: «Хельг» Лтд., 1992. – 528 с.
2. Бжезинский Зб. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство / Пер. с англ. – М.: Международные отношения, 2004. – 288 с.
3. Бодуен Ж. Вступ до політології / Пер. з фр. О. Марштупенко. – Київ: Основи, 1995. – 174 с.
4. Большой современный толковый словарь русского языка. – 2012. – https://slovar.cc/rus/tolk/23411.html
5. Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 602–643.
6. Горохов А. Как Большой заокеанский «друг» имеет Украину. – http://alternatio.org/articles/articles/item/73744-kak-bolshoy-zaokeanskiy-drug-imeet-ukrainu
7. Гурне Б. Державне управління / Пер. з фр. В. Шовкуна. – Київ: Вид-во «Основи», 1993. – 165 с.
8. Европеизация и разрешение конфликтов: конкретные исследования европейской периферии // Коппитерс Б., Эмерсон М. и др.; пер. с англ. – М.: Весь мир, 2005. – 312 с.
9. Ищенко Р. Украина во мгле. – http://versii.com/blogs/42/114/
10. Ищенко Р. Украина во мгле. – https://ukraina.ru/opinion/20180516/1020347300.html
11. Петров М.К. Регион как объект системного исследования / Публикация Г.Д. Петровой, под ред. В.В. Черноуса / Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 32. – Ростов н/Дону, 2005. – 200 с.
12. Ревель Ж.-Ф. Відживлення демократії / Пер. з фр. – Київ: Критика, 2004. – 591 с.
13. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. – М.: Академический Проект, 2004. – 982 с.
14. Угода між Урядом України і Урядом Сполучених Штатів Америки про гуманітарне і техніко-економічне співробітництво від 7 травня 1992 року. – https://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/840_295
15. Украина во мгле. – https://ukraina.ru/opinion/20180516/1020347300.html
16. Уэллс Г. Докладом «Яд, именуемый историей» путешественник снова вызывает на спор давних друзей-педагогов // Собрание сочинений в 15 т. / Под общей ред. Ю. Кагарлицкого. Т. 15. – М.: Правда, 1964. – https://royallib.com/read/uells_gerbert/sobranie_sochineniy_v_15_tomah_tom_15.html
17. Уэллс Г. Машина времени // Собрание сочинений в 15 т. / Под общей ред. Ю. Кагарлицкого. Т. 1. – М.: Правда, 1964. – С. 51–118.
18. Уэллс Г. Наука и мировое общественное мнение // Собрание сочинений в 15 т. / Под общей ред. Ю. Кагарлицкого. Т. 15. – М.: Правда, 1964. – https://royallib.com/read/uells_gerbert/sobranie_sochineniy_v_15_tomah_tom_15.html
19. Уэллс Г. Опыт автобиографии. Открытия и заключения одного вполне заурядного ума (начиная с 1866 года). В 2 т. – М.: Наука; Ладомир, 2007. – https://royallib.com/read/uells_gerbert/opit_avtobiografii.html
20. Уэллс Г. Россия во мгле / Пер. с англ. – М.: Государственное изд-во политической литературы, 1959. – 103 с.
21. Челлен Р. Государство как форма жизни. – М.: РОССПЭН, 2008. – 319 с.
22. Шульга М.А. Україна в ракурсі геополітики: перечитуючи Хелфорда Макіндера // Регіональні студії. Наукове видання / Ужгородський національний університет. – Ужгород, 2019. – № 16. – С. 131–137.
23. Wells H.G. The New World Order. First Published. January 1940. – https://www.voltairenet.org/IMG/pdf/Wells_New_World_Order.pdf
24. Wells H.G. The Open Conspiracy. London, 1933. – http://gutenberg.net.au/ebooks13/1303661h.html

ЧЕЛОВЕК НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Абдильдин Ж.М.
д.филос.н., академик НАН РК, профессор кафедры философии, Евразийский национальный университет, Нур-Султан
kazima-kz@mail.ru
Абдильдина Р.Ж.
д.филос.н., академик НАН РК, зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, Казахстанский филиал МГУ, Нур-Султан
raukz@mail.ru

САМОСОЗНАНИЕ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР В СТАНОВЛЕНИИ ЧЕЛОВЕКА РАЗВИТОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Ключевые слова*: самосознание, индивидуальность, цивилизованность, свобода, развитие, демократия.*
Keywords*: self-awareness, individuality, civilization, freedom, development, democracy.*

Вопрос о сознании и самосознании в истории европейской философии впервые поставил Сократ. Критикуя досократовскую философию, которая все сущее пыталась объяснить соотношениями вещей, он обратил внимание на человека и через его изучение путем самопознания стремился понять, что такое сущность. Сократ открыл значение и высочайшую роль разума, подчеркивал, что сущностью, подлинной реальностью в этом мире является сознание, мышление. Таким образом, античный философ впервые обратил внимание на то, что причину явлений надо искать не просто и не только во внешнем мире, внешних обстоятельствах, но во внутреннем мире, в самом себе, поэтому самосознание человека имеет важнейшее значение.

После Сократа исключительное внимание проблеме самосознания уделили стоики. Марк Аврелий, Сенека подчеркивали, что самое важное для человека – это укрепление духа. Стоики исходят из Гераклита: все в мире находится в постоянном изменении, все течет и становится, согласно Логосу, и человек с этим ничего поделать не может. Но то, что зависит от человека – это укрепление собственного духа. Общеизвестно знаменитое положение: «стоик свободен даже в цепях». Если упрочить дух, то никакие внешние факторы, самые тяжелые и сложные внешние воздействия не будут иметь значения. Таким образом, причину всего надо искать в себе, в своем духе, отсюда человеку не страшны ни смерть, ни какие-либо другие внешние факторы.

Проблему самосознания и его понимание на новую высоту поднял Г.В.Ф. Гегель. Он размышлял над этим вопросом в «Феноменологии духа», различая сознание и самосознание. Если с позиции сознания истина, содержание находятся вне сознания, отсюда главное внимание обращается на чувственную достоверность, восприятие и далее рассудок, объединяющий и выделяющий общее, то формулой самосознания является «я есть я», то есть самосознание предполагает, что определяющим является сам человек, его собственное «я», его личностные характеристики. Самосознание, согласно философу, знаменует более высокий уровень развития, если сознание есть осознание внешнего бытия, то самосознание обращено вовнутрь, он отмечает ценность, исключительное значение самого человека, его внутреннего мира, духа и т. д.

Самосознание, подчеркивает Гегель, является сложным понятием. Человек прежде всего должен уважать самого себя, если этого нет, то никто не будет его уважать. Когда в разделе «Самосознание» философ говорит о рабском и господском сознании, то подчеркивает, что проблема раба заключается в отсутствии самосознания. При столкновении, сражении двух форм сознания раб выбрал жизнь, тогда как господин – свободу и достоинство, и потому господин взял верх, поскольку у него выше самосознание, выше сила духа[1]. Из-за отсутствия достоинства, самосознания раба никто не считает подлинным человеком, вследствие чего Аристотель определил раба как «говорящее животное».

То же самое можно сказать о крепостном, у которого отсутствует подлинное самосознание. Он, как и раб, относится к своему господину как к некому высшему существу. В русской литературе великие русские писатели прекрасно показали отношение к крепостным. При этом отмечали, что главное – это их собственное отношение к себе, друг к другу. Крепостных можно было унижать, продавать, ими можно манипулировать. Вспомним знаменитое «Письмо к ученому соседу», где автор письма, обращаясь к своему адресату, в конце текста приписывает: «Это письмо должен Вам доставить мой ключник Трофим ровно в 8 часов вечера. Если же привезет его пожже, то побейте его по щекам, по профессорски, нечего с этим племенем церемониться»[2]. То есть к крепостному относятся хуже, чем к скоту.

[1] Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. – М.: Наука. 2000. – С. 101–104.

[2] Чехов А.П. Письмо к ученому соседу // А.П. Чехов. Полное собрание сочинений в 30 томах. – М.: Наука, 1974. – Т. 1. – С. 560.

Развитие самосознания человека – это сложный и многотрудный процесс. В свое время сложность этого вопроса подчеркнул Ф.М. Достоевский. В «Братьях Карамазовых» в притче о Великом инквизиторе дух пустыни, обращаясь к Христу, говорил, что наделение человека свободой явилось колоссальной ошибкой. Обладание свободой, разумом, самосознанием приводит человека к тотальному недовольству и страданиям, не лучше было бы камни превратить в хлеба и просто накормить человека.

Однако в развитых цивилизациях именно свобода, самодостаточность, собственное достоинство, уважение к закону, принятому самими людьми, ставятся и ценятся превыше всего. В этом отношении следует обратить внимание на самосознание англичан, совершивших первую буржуазную революцию, впервые в истории боровшихся за равные гражданские права; французов, для которых понятие свободы, свободы выбора имеет исключительное значение. В свое время герой второй мировой войны Президент Франции генерал Ш. де Голль, имевший колоссальный авторитет как руководитель Французского Сопротивления, когда он хотел вынести на референдум вопрос о расширении президентских полномочий, получил отпор у французского народа, французы увидели в этом покушение на свою свободу.

Самосознание не означает самомнение, бахвальство, самосознание – это понимание, осознание себя подлинным человеком, достойным, ответственным, индивидуальным, самосознание – это не эгоизм, а личностная характеристика. К сожалению, в постсоветских государствах понимание таких понятий как самосознание, свобода, личность, индивидуальность еще совершенно недостаточно. Многие люди, когда ставится вопрос о вхождении в ряды развитых, цивилизованных государств, в своем понимании сводят эту цель лишь к экономическим успехам, увеличению доходов на душу населения, достижению европейского уровня и качества жизни. Но этими важными показателями и критериями цивилизованность и развитость общества ни в коем случае не исчерпываются – войти в число развитых стран означает прежде всего воспитать индивидуальность, личность, уважение к закону, защищающему личность, ее права и свободы, чтобы человеком никто не мог манипулировать.

С недостаточным развитием самосознания человека связано и его раболепное отношение к власти. Во всех странах постсоветского пространства, к сожалению, продолжается преклонение перед авторитарными лидерами. И.С. Тургенев, говоря о различии между русским человеком и западным в романе «Дым», устами героя Потугина с горечью замечал, что у русских слабая воля, потому, «кто палку взял, тот и капрал». «Мы, славяне, вообще, как известно, этим добром не богаты и перед ним пасуем... Что прикажете делать?! Правительство освободило нас от крепостной зависимости, спасибо ему; но привычки рабства слишком глубоко в нас внедрились; не скоро мы от них отделаемся <…> Но главное дело, чтоб был у нас барин. Ну, вот он и есть у нас; это, значит, наш, а на все остальное мы наплевать! Чисто холопы! И гордость холопская, и холопское уничижение. Новый барин народился – старого долой! То был Яков, а теперь Сидор; в ухо Якова, в ноги Сидору! Вспомните, какие в этом роде происходили у нас проделки! Мы толкуем об отрицании как об отличительном нашем свойстве; но и отрицаем-то мы не так, как свободный человек, разящий шпагой, а как лакей, лупящий кулаком, да еще, пожалуй, и лупит-то он по господскому приказу. Ну-с, а народ мы тоже мягкий; в руки нас взять не мудрено»[1]. То есть неразвитому человеку недостает собственного достоинства, преклонение происходит перед любым, наделенным властью, что есть проявление рабского сознания. Причины кроются в истории государства, народа, когда на протяжении веков с простым человеком не считались.

Таким образом, люди на постсоветском пространстве и сегодня недостаточно понимают значения свободы, свободного выбора, самодостаточности. Здесь, думается, речь идет не просто о слабости воли. К примеру, когда Президенты или представители власти встречаются с народом, то на таких встречах редко ставятся вопросы о свободах и правах человека, об ответственности, соблюдении законов, справедливых судах. Речь в основном идет о заработных платах, жилищном вопросе и т.п. Разумеется, это первичные вопросы жизни, однако их связь и зависимость с правами человека есть задача государства. Все это говорит о том, что люди в большинстве своем привыкли к бесправному положению. Как платоновские узники в пещере, видевшие происходящее вне пещеры как тени на стене, привыкшие и находившие в них определенные связи и законы, в результате не понимавшие и не принимавшие настоящую жизнь, так и постсоветский человек настолько привык к тоталитарному прошлому, к тому, что он винтик в грандиозном механизме государства, что сама постановка вопроса о свободе, ответственности, выборе, принципе разделения властей пугает его, в ней ему видится некая антигосударственная деятельность. Тогда как самосознание должно быть неотъемлемым свойством любой личности, каждого человека, должно стать его личностной характеристикой.

Думается, что в этом плане на всем постсоветском пространстве еще предстоит серьезная и большая работа. Авторитарные системы отрицательны тем, что они мешают развитию личностных характеристик человека, его индивидуальности, принижают и унижают человека, лишая его самостоятельности, превращая человека в иждивенца, за которого думает и решает государство. Этим во многом объясняется и ностальгия по СССР, где стабильная в целом жизнь для некоторых была комфортна, поскольку для них свобода, самосознание – это абстрактные понятия, тогда как человек есть прежде всего творческое, сознательное, активное существо.

Самосознание однопорядково с такими понятиями как личность, свобода, цивилизованность, потому что если у человека нет особого лика, собственного лица, нет свободы – а свобода есть одновременно самосознание – то с ним будут обращаться как с вещью, как с животным. Отсюда вытекает понятие цивилизованного и нецивилизованного человека. Цивилизованность человека есть понимание им своей самодостаточности, самости, осознание себя равным с другими, наличие у себя своего лица, убеждение в том, что его надо уважать и считаться с ним как с человеком, а также видеть и уважать человека в другом.

Цивилизованность становится отличительным признаком и показателем развития индивида, когда она не только осознается им, но и сознательно реализуется в его деятельности. Цивилизованность – объективная характеристика,

[1] Тургенев И.С. Дым // И.С. Тургенев. Собр. соч.: В 12 т. Т. 4. – М.: Художественная литература, 1976. – С. 28–29.

атрибутивное качество цивилизации, и в то же время она является объективной формой человеческих действий и отношений. Осознающий и понимающий свою цивилизованность человек руководствуется в своей жизнедеятельности не только и не столько эгоистическими целями и методами их реализации, сколько уважением к другим людям, к таким общественным формам общежития и саморазвития всех индивидов, как труд, нормы нравственности и культуры, законы, государство. Цивилизованный человек посредством своей цивилизованности заботится о повышении цивилизованности других людей, общества в целом.

Основными мерами развития и повышения цивилизованности человека являются такие системные черты, как «свободный выбор управляемыми своих правителей; – подотчетность правительственных институтов представительского характера; – периодическая сменяемость политической власти с помощью регулярных общепринятых процедур; – подчиненность лиц, занимающих государственные посты, правлению законов, а также такие фундаментальные ценности, как свобода, равенство и справедливость»[1]. История показывает, что демократический процесс, не подкрепленный названными социальными ценностями, довольно быстро оказывается дискредитированным или выхолощенным. Еще А. де Токвиль подчеркивал, что демократию делают возможной культура, общество и ценности.

Следовательно, демократические ценности должны стать социокультурными регуляторами сознания, убеждений, веры, отношений и действий каждого индивида. Это важнейшие меры как преодоления ограничений цивилизованности людей и общества, так и развития их самосознания, поскольку само собой разумеется, что ни в одном, даже самом развитом и демократическом государстве, проблема развития самосознания его граждан и общества в целом полностью не решена. В современных развитых демократиях имеются серьезные недостатки, проявляющиеся, прежде всего, в недостаточном соблюдении и уважении прав и свобод человека вне зависимости от его социального, гендерного, этнического, расового происхождения как со стороны государства, так и в межличностных отношениях.

Таким образом, самосознание является важнейшим фактором развитой личности, развитой демократической системы, важнейшей личностной характеристикой цивилизованного человека. Свобода, самосознание, творческая индивидуальность, цивилизованность – все эти понятия возникают и обретают свой подлинный смысл лишь в условиях развитых общественных отношений, построение которых требует большой и кропотливой работы, высокого развития культуры.

[1] Алексеева Т.А. Демократия как идея и процесс // Вопросы философии. – М., 1996. – № 6. – С. 20.

Бобков В.А.[1]

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ОПЫТЕ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ И КАДРОВОЙ РАБОТЫ

Ключевые слова: *исторический опыт, кадры, кадровый потенциал, передовой опыт, научно-практические конференции, наставничество, практические семинары.*

Keywords: *historical experience, personnel policy, staff, personnel potential, personnel work, advanced experience, scientific practical conferences, mentoring, practical seminars.*

В классической геополитике не без основания считается, что **качество народа, его менталитет, качество организации и управления** – это фактор, превосходящий по своей силе вооружения. Советский Союз доказал это в годы Великой Отечественной войны на практике. Немецкая армия в начале войны во много раз превосходила советскую и количеством, и качеством оружия. Однако советский народ побеждал силой духа, единства, организацией, силой умения.

В российской и отечественной научной мысли сформировалось довольно четкое понимание государственной кадровой политики и слагаемых работы с кадрами. Кадровая политика была детально разработана в советское время и являлась идейной и организационной основой партийно-советского руководства (управления), основным рычагом влияния на всю жизнедеятельность страны. Это нашло отражение и в сталинском лозунге «Кадры решают все». И в советское время, и сегодня понимается, что государственная кадровая политика включает в себя ряд принципиальных установок, научно выверенных и обоснованных подходов, главных направлений по претворению в жизнь той стратегической линии, которую политическая власть проводит на конкретном историческом этапе.

Таким образом, **государственная кадровая политика – это политика государственной власти в области работы с кадрами, направленная на успешное решение намеченных тактических и стратегических задач общества.**

В современных условиях весьма важно разграничивать понятия «государственная кадровая политика» и «кадровая политика» вообще. В первом случае речь идет о политике в области кадров, которую намечает и проводит государство, влияя через кадры госслужащих на дела в государственном секторе управления. Во втором – имеется в виду кадровая политика предприятия, объединения, концерна, возможно, целой отрасли, если она не является государственной. То есть, в негосударственном секторе управления могут быть какие-то свои особые частности, в определенных деталях не совпадающие с установками «государственной кадровой политики» или дополняющие их, например, в деле подбора, расстановки, выдвижения (перемещения), обучения и воспитания кадров.

Дело в том, что для государственных служащих, работодателем которых является государство, законом установлен ряд запретов и правоограничений, что обусловлено самой спецификой их правового статуса. В негосударственном секторе общественно-экономической жизни механизмы кадровой политики и деятельности более широки, подвижны и многообразны, ибо они устанавливаются каждым субъектом общественно-экономической жизни самостоятельно, с учетом специфики производства и трудовой деятельности. И здесь в большей мере, чем в государственном секторе управления, кадровая политика зависит от общей и правовой культуры руководителей, нравственного микроклимата, царящего в конкретном трудовом коллективе, устоявшихся традиций и ряда других факторов.

Вместе с тем, и в государственной, и в негосударственной сфере управления проблема в том, чтобы выдвигать на руководящие посты таких работников, у которых бы теоретическая подготовка, профессиональные и политические знания, деловые и моральные качества сочетались с умением работать с людьми. В массовом сознании простых людей это ассоциируется с выдвижением руководителями тех работников, кто заслуживает более высокой должности благодаря **своим способностям** и в то же время избавлением от тех, кто делает карьеру не благодаря высоким личным качествам, а используя возможности зайти «с черного хода», т.е. при помощи коррупции, протекционизма, кумовства, подхалимажа и т.п. Подобные изъяны особенно заметны широкому кругу людей, если они допускаются в практическом осуществлении государственной кадровой политики, которая имеет открытый, публичный характер.

Но это вовсе не значит, что в негосударственной сфере может существовать полная анархия и стихия в кадровой политике и кадровой работе. Здесь главными регуляторами в формировании кадровой политики должны выступать Конституция, Трудовой кодекс Республики Беларусь, установки и распоряжения директивных органов, руководителя организации, коллективный договор.

[1] Бобков Владимир Андреевич – д.и.н., член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, заслуженный деятель науки Республики Беларусь, профессор, зав. кафедрой политологии, социологии и социального управления Белорусского национального технического университета, председатель Белорусской ассоциации политических наук, Минск. E-mail: kafpolitics@bntu.by

Естественно, что в практическом осуществлении кадровой политики особое значение имеет ее эффективность и успешность. Если кадровая политика не отражает своим содержанием главные направления работы по осуществлению политического курса власти, такая политика не может быть эффективной. Она страдает оторванностью от планов, намеченных властью, от практической жизни и не мобилизует кадры на решение поставленных задач.

Данное понимание кадровой политики представляет ее не как застывшую категорию с постоянным набором определенных норм, правил, целей, форм и методов работы с кадрами на все времена, а как живое дело, успех которого зависит от прочности связей со стратегическим курсом власти, с реальной практикой и потребностями жизни, наконец, прочности механизма власти и управления. Поэтому содержание кадровой политики должно естественным образом изменяться, приспосабливаясь к новым задачам, меняющейся действительности, к новым условиям жизни. Это требует творческого поиска форм и методов работы с кадрами, адекватных новому времени и новым задачам.

Вместе с тем, многолетняя историческая практика свидетельствует, что кадровая политика бывает успешной и эффективной только в том случае, если она в то же время прочно опирается на **прежний опыт**, проверенный предшествующей жизнью. Ведь, скажем, такие структурные элементы кадровой политики, как подбор руководителей на основе их деловых, профессиональных способностей, высоких морально-нравственных качеств остаются неизменными во все времена. Или – необходимость сочетания опытных, «старых» кадров и молодых; формирование женской кадровой прослойки в среде руководителей; создания резерва кадров; повышение их квалификации; обучение и воспитание кадров. Изменяться должна лишь «начинка» этих и других элементов кадровой политики применительно к новым задачам и требованиям времени.

Понимание содержания кадровой политики открывает путь к ее умелому использованию в практической работе, что позволяет большим и малым трудовым коллективам добиваться постоянного успеха в государственном и в негосударственном секторах управления и хозяйствования. Здесь в качестве примера могут служить известные белорусские предприятия «Бабушкина крынка», «Савушкин продукт», агрокомбинат «Снов», «Амкодор».

Однако понимание содержания и важности кадровой политики еще не обеспечивает ее эффективности и успешности. И это тоже убедительно подтверждает современная белорусская действительность. Глава государства А.Г. Лукашенко в последнее время сформулировал ряд принципиальных требований к кадрам и в то же время высказал немало обоснованных претензий к руководителям различного уровня. Одним не хватает разворотливости, мобильности, умения; другим – смелости в принятии решений и ответственности; третьим – опыта и желания. Президент требует решительно избавляться от этих недостатков, либо уступить должность более способным кадрам[1]. Немаловажно и такое требование к руководящим кадрам, как способность вырабатывать и аккумулировать самые передовые идеи[2].

Тем самым сформулированы основные принципы государственной кадровой политики в условиях инновационного развития страны: **профессионализм, работоспособность и способность к выработке самых передовых идей, неприемлемость механического омоложения кадров**. Практическая реализация этих и других принципов осуществляется на основе конкретных форм, методов работы с кадрами, стиля работы руководителей. И в этом отношении весьма полезно обратиться к богатейшему историческому опыту, накопленному в Беларуси.

Например, в семидесятые-восьмидесятые годы прошлого столетия, кроме системной подготовки и переподготовки кадров в ВПШ, Центральным комитетом КПБ были задействованы такие формы и методы работы, как: **коллективное обучение на передовом опыте, наставничество, научно-практические конференции, семинары и др.** Эти формы и методы работы были настолько привлекательными и успешными, что их копировали во многих странах Запада, а наставничество попросту позаимствовали у нас и назвали «коучингом».

Акцент Главы государства на том, что возраст не является преградой для занятия руководящего поста – это новый элемент в современной кадровой политике. И большой интерес в этом плане представляют выводы известного ученого – директора НИИ нейрохирургии им. Бурденко, академика Российской академии наук, вице-президента Всемирной федерации нейрохирургических обществ Александра Александровича Потапова: «Стареющий мозг, – отмечает он, – сейчас активно изучают нейробиологи, неврологи, цитологи. Уже сейчас ясно, что мозг лучше сохраняется, если им активно пользуются. Исследования показывают, что у людей умственного труда мозг более тренирован, адаптивен, пластичен. Более того, зрелый мозг способен решать задачи, с которыми не справляется мозг молодых людей, – он аккумулирует огромный объем знаний и поэтому чаще выдает блестящие озарения. Неслучайно на Востоке часто прислушиваются к мнению стариков[3].

Автор данной статьи предпринял попытку ранжировать основные качества руководителя, на которые сегодня обращается внимание при выдвижении кадров и качества, необходимые для успешной работы руководителя (см. табл. 1).

Таким образом, если при подборе кадров делается основной упор на молодой возраст (1), то в работе, особенно масштабной, он оказывается на последнем месте (7). Поэтому очень правильно акцентирует внимание Глава государства на возрастном цензе работника.

Начнем с **обучения кадров на передовом опыте.** Оно имело 2 развитые формы: коллективную и индивидуальную (наставничество). Вспомним К.П. Орловского, В.Л. Бедулю, М.Ф. Лавриновича и многих других белорусских руководителей, которых почти в лицо знал весь Советский Союз. У каждого из них была своя школа учеников. Каждая такая школа наставничества имела свои характерные черты: стиля, деловитости, образа мышления – по подобию

[1] Кто ищет – тот находит // СБ «Беларусь сегодня». 2016. – 17 февраля. – С. 1–2.

[2] В оптимальном режиме// СБ «Беларусь сегодня». 2017. – 7 февраля. – С. 3.

[3] Всему голова. Зрелый мозг чаще выдает озарения// Аргументы и факты в Белоруссии. 2015. – № 4. – С. 3.

руководителя. А суть наставничества в том, что молодого руководителя направляли на неделю-месяц к опытному передовому руководителю. Прикомандированный следовал за ним как тень, наблюдая за каждым его шагом, манерой общения с подчиненными и вышестоящим начальством, стилем работы, характером, умением решить поставленную задачу. И как губка впитывал все.

Таблица 1

Ранжирование основных качеств руководителя[1]

а) На которые обращается внимание при выдвижении кадров:	б) Качества, необходимые для успешной работы руководителя:
1. возраст	1. опыт
2. знания	2. профессионализм
3. профессионализм	3. знания
4. морально-политическая зрелость	4. деловитость + умение работать с людьми
5. деловитость + умение работать с людьми	5. чувство нового, опора на науку
6. опыт	6. морально-политическая зрелость
7. чувство нового, опора на науку.	7. возраст

Наставничество применялось также для обучения и воспитания кадров массовых профессий. Вспомним Стаханова, на опыте и методах работы которого учились сотни, тысячи последователей во всей огромной советской стране. Многие из них затем превзошли своего учителя в ударном труде.

Наставничество – индивидуальная форма учебы. Не менее широко использовалось **коллективное обучение руководителей на семинарах передового опыта** в областях и районах Белоруссии. Они были сродни нынешним республиканским семинарам, но не одно и то же. В советское время передовой опыт изучали в обязательном порядке: планово, регулярно и детально – в партийной, советской, профсоюзной, комсомольской, хозяйственной практике. В передовую организацию систематически направлялись делегации с последующим отчетом: что видели, что позаимствовали, какие заметили недостатки и т.п.

Третья важная форма – **научно-практические конференции**. В семидесятые-девяностые годы прошлого столетия их планировали и ежегодно проводили райкомы, горкомы, раз в 2–3 года обкомы партии. Можно признать, что не всегда они были высоконаучными. Однако к ним целый год готовились кадры, сверяли теорию с практикой, учились анализировать практическую работу, видеть в ней позитив и недочеты, критически относиться к ним и искать пути исправления. Для участия в таких конференциях обязательно приглашались ученые, что во многом создавало **сплав теоретических знаний и практического опыта**.

Научно-практические конференции проводились некоторыми органами исполнительной власти в девяностые и двухтысячные годы. Пример – город Минск. Когда город возглавлял Михаил Яковлевич Павлов, здесь были ежегодными, масштабными международные конференции. До 400 участников: ученые, руководители городских служб, мэры и вице-мэры городов со всего мира. Постоянными участниками конференций были академики НАН Беларуси П.Г. Никитенко, М.П. Костюк, Д.И. Широканов, А.Г. Мартыненко, М.А. Савицкий, Г.Г. Поплавский, В.В. Гниломедов, И.И. Лиштван и другие. На конференциях обсуждались внутригородские проблемы, стратегии развития города, место и роль Минска в мировом городском сообществе, стиль и методы управления минских руководителей.

Следует заметить, что М.Я. Павлов вообще не представлял себе принятия решения горисполкомом без глубокого научного изучения проблемы. Так, Минск в двухтысячные годы поднимал с колен строительный, транспортный комплекс, жилищно-коммунальное хозяйство. С приходом М.Я. Павлова были приняты Устав города, его символы – герб, флаг, гимн, организационная структура Минска, Стратегический план развития города. Активизировалось участие жителей столицы в решении городских проблем. А это позволяло успешно справляться с хозяйственными, социальными и политическими задачами. М.Я. Павлов в связи с ранним уходом из жизни не успел реализовать одну из многих своих идей – **создать в Минске научно-образовательный комплекс, который бы занимался научными исследованиями и повышением квалификации городских руководящих кадров**.

Научно-практические конференции видятся сегодня и как путь к внедрению научных основ в управленческой и хозяйственной работе, как средство осмысления новых задач в области модернизации, инновационного развития: страны, области, города, района, села.

Несколько слов пропаганде опыта. Когда исследуешь опыт работы с кадрами, то находишь целую плеяду героев своего времени, путь к успеху которых описан подробнейшим образом: формы, методы, стиль работы – бери и пользуйся этим опытом. О передовом опыте, наставничестве постоянно публиковались статьи в журналах, издавались тематические библиотечки, целые серии брошюр! И это не было какой-то показухой, формальностью. Потому что была четкая и ясная позиция руководства республики: не изучаешь новшеств, не внедряешь их в собственную практику – ты плохой работник и будешь освобожден от должности.

В последнее советское время автор статьи по поручению ЦК КПБ изучал и обобщал опыт работы Брестского горкома партии, который возглавлял интереснейший человек – Владимир Петрович Самович. Он отличался большой эрудицией, широким кругозором, стремлением разобраться в деталях любого дела, умением работать с людьми, организованностью, системностью, принципиальностью и высокой личной скромностью. А труды Маркса и Ленина знал не хуже доктора наук.

Мало сказать, что Владимир Петрович интересовался передовым опытом партийной работы. Он его внимательнейшим образом изучал, фильтровал, внедрял приглянувшееся в практику горкома и того же требовал от подчинен-

[1] Таблица разработана автором.

ных. Характерен стиль его работы с подчиненными – он часто поручал им изучить статью или брошюру об опыте работы, а затем на совещании или семинаре коллективно обсуждали ее, дискутировали, договаривались, что взять на вооружение, а что неприемлемо. На этих обсуждениях, дискуссиях росли горкомовские кадры и впоследствии выдвигались на работу в обком партии, в облисполком, первыми руководителями в трудовые коллективы.

Подобным образом набирались ума, опыта, деловой хватки многие молодые директора предприятий, председатели колхозов и директора совхозов, секретари партийных комитетов и председатели райисполкомов, министры.

В постсоветские годы почти потерян такой золотник в руководящей, управленческой работе, **как научность, научный подход, научная организация труда**. В советское время вопрос о научном подходе органично содержался в ленинском стиле работы, составными частями которого были научность, коллективность и деловитость. Будущие руководители органов власти и трудовых коллективов приучались к научности со студенческой скамьи, изучая научную организацию труда. Тем самым у них вырабатывалась потребность в руководстве и управлении на основе научного подхода. Поэтому многие министерства, заводы, комбинаты, колхозы и совхозы имели тесные связи с научными институтами, проводили научные исследования в своих коллективах. Сегодня такие исследования – величайшая редкость, которая появляется благодаря высокому интеллекту и широкому кругозору руководителя коллектива.

В шестидесятые-восьмидесятые годы проблемы работы с кадрами были одними из самых изучаемых учеными нашей республики: результаты исследований публиковались в монографиях, брошюрах, статьях, в журналах и газетах. Их авторами были, наряду с учеными, партийные и государственные лидеры. В качестве примера можно привести коллективную монографию «Возрастание руководящей роли партии в коммунистическом строительстве» (на материалах Компартии Белоруссии, 1959–1973 гг.), изданную в 1974 году тиражом в 10 тысяч экземпляров. Авторами ее, кроме ученых, были второй секретарь ЦК КПБ А.Н. Аксенов, секретарь ЦК КПБ В.Ф. Мицкевич, заведующий отделом ЦК КПБ Я.А. Микулович, заместители заведующих отделами ЦК КПБ С.С. Моховиков и С.М. Пуцилев, секретарь Президиума Верховного Совета БССР Е.П. Чагина. Здесь проблемы подбора, расстановки и воспитания руководящих кадров анализирует А.Н. Аксенов[1].

В семидесятые годы сформировалась у нас в республике и научная школа кадровой политики, руководителем которой был автор данной статьи. Но в девяностые-двухтысячные годы из-за невостребованности исследований эта школа практически перестала существовать. Можно сказать, что научно-исследовательская работа по проблемам подбора, формирования состава, расстановки, обучения и воспитания руководящих кадров в наше время ослабла и требуется ее усиление не только в Беларуси, но и в России, других бывших советских республиках. Научный анализ кадрового корпуса полезно бы провести в сфере промышленности, сельского хозяйства, медицины, науки, образования, государственной службы, что позволит оценить его современное состояние, определить болевые точки и принять меры к повышению качества и эффективности.

***

Совершенствуя в наше время работу с кадрами, целесообразно положить в ее основу богатейший и эффективный исторический опыт подбора, расстановки, выдвижения, работы с резервом, обучения и воспитания работников. В обучении и воспитании кадров особый интерес представляет наставничество, семинары передового опыта, научные конференции.

Наставничество ценно практическим обучением организаторским способностям, стилю работы и воспитанием. **Научно-практические конференции** органично соединяют теорию с практикой, учат отличать перспективные пути к успеху от ложных. **Опора на науку** дает возможность видеть в работе шире, дальше и «пахать» глубже.

Пропаганда опыта позволяет ускорить движение, не изобретать велосипед заново. А если сложить это все вместе и добавить к существующей практике, мы вдохнем много новых сил и возможностей, и страна определенно почувствует это в решении сложных задач нашего времени. К тому же названный опыт поистине во всех смыслах бесценный, а способные кадры, как известно, решают все.

Если же советский кадровый опыт рассматривать как один из элементов нашей исторической памяти, то это очень важный элемент, подсказывающий, что **будущее всегда вырастает из прошлого, а прошлое во многом проектирует будущее, связывает прошлое, настоящее и будущее, делая поколения людей единым народом.** Заметим, в последнее время на это постоянно обращают серьезное внимание Президент Беларуси А.Г. Лукашенко и Президент России В.В. Путин.

[1] Возрастание руководящей роли партии в коммунистическом строительстве (на материалах Компартии Белоруссии, 1959–1973 гг.). – Мн.: Беларусь, 1974. – 432 с.

Бочкарева В.Г.
публицист
verabochkareva78@mail.ru

САМООРГАНИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА КАК ФОРМООБРАЗУЮЩАЯ ОСНОВА ГАРМОНИЧНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: *доброе начало, совесть, природное призвание, обязанности, естественная система жизнеобеспечения и развития, рациональный уклад, гармоничная цивилизация.*

Не зная, кто есть сам человек и что он делает на Земле, мы не сможем дать внятный ответ ни на один вопрос, касающийся его жизни. Не зная, кто есть человек и что ему на самом деле полезно, а что нет, мы не сможем честно сказать, является ли развитием то, что мы называем развитием, и какой именно человек является истинно цивилизованным. Тем более мы не сможем дать ответы на вопросы, касающиеся жизни целого человеческого общества, и не сможем правильно назвать причины современного социально-экономического и духовного кризиса, а также вывести формулу гармоничной цивилизации, если мы не будем знать, кто мы есть. Поэтому очень важно изучить предназначение человека, его природу и самоорганизацию, чтобы дать оценку своему сегодняшнему положению и, составив представление о гармоничной цивилизации, понять, как нам к ней прийти.

В 2003 году, изучая свое духовное устроение, я применила синергетический закон самонаведения к душе, применяя информацию о душе из книг Лобсанга Рампы. Мне было интересно, как происходит познание у человека. В моем разуме составилась определенная картина духовных процессов, и со мной случилось нечто похожее на эффект сороконожки, сам по себе показывающий, что осознание своего устроения попало в точку. В результате образовавшегося взгляда на себя со стороны, я познала свой познавательный аппарат, если можно так сказать. Поэтому я смогла соположить состояния, в которых человек не может пребывать одновременно, что помогло сделать некоторые выводы о нашей самоорганизации. Позвольте мне изложить все эти выводы и предложить их для решения вопроса: кто есть мы сами и куда движемся, каковы формообразующие основы гармоничной цивилизации и как к ней прийти.

Выводы о самоорганизации человека

Человек от своих поступков получает удовлетворение, либо неудовлетворение. Третьего состояния не дано. Можно сказать, что человек может находиться только в двух этих состояниях: когда он собой доволен (удовлетворение) и когда он собой недоволен (неудовлетворение). Притом, он может находиться всегда только в одном из этих состояний одновременно. Человек не может пребывать одновременно в этих двух состояниях и не может сополагать их. Он может сополагать лишь опыт, который выносит из них, и так познавать благо.

У каждого человека есть частица разума – совесть. И неудовлетворение человек чувствует, когда его поступки выходят за рамки того, что совесть называет хорошим. Удовлетворение человек чувствует, когда его поступки совпадают с тем, что совесть называет хорошим. Другими словами, когда мы делаем зло, то сами чувствуем боль и неудовлетворение. Когда мы делаем добро, то от осознания того, что мы кому-то помогли, нам становится легче, мы чувствуем радость и удовлетворение. Наоборот не бывает. И других состояний у человека тоже не бывает. И если мы соположим эти два состояния, что нам хорошо от творения Добра и плохо от творения Зла, то придем к выводу, что мы имеем доброе начало, добрую, божественную природу, которая регулирует нас через голос совести. Она поощряет нас делать добро через радостные ощущения и отвращает нас от зла через боль. Она нацелена на наше духовное развитие. Когда мы живем в согласии с этой природой, то есть поступаем с другими так, как хотели бы, чтобы поступали с нами, то мы счастливы и удовлетворены. Когда мы идем вразрез с этой природой, то сами начинаем страдать. Мы можем также сделать из этого вывод, что наше природное предназначение – творить добро один другому. И чтобы стать счастливыми, чтобы не страдать, нужно жить в согласии с этой нашей природой и природным предназначением, то есть творить добро один другому, поступать с другими так, как хотели бы, чтобы поступали с нами. Невозможно быть счастливым, не будучи в согласии со своей природой. Присутствие совести в нас само по себе указывает на наше божественное начало и связь с ним.

Очень важно сразу уточнить, что творить Добро человек может и должен в соответствии со своим природным призванием. Каждый человек от рождения обладает определенными способностями и талантами, которые отражены в его психофизическом складе и предопределяют его путь и то благо, которое он должен принести людям и другим существам. И именно осуществление этого призвания приносит человеку ощущение смысла жизни и удовлетворение. Человек на этом пути получает удовольствие от труда, благодаря чему у него прививается вкус к труду и он развивается духовно. На этом пути человек учится нести ответственность за других, он очищается и возвышается духовно. Он безмятежен и делает именно то, что внутренне хочет сам. Не осуществляя пути своего природного призвания, человек

не ощущает смысла жизни и удовлетворения. Любая другая работа в его жизни будет связана с самопринуждением. Он делает то, что сам внутренне не хочет делать, работа не несет ему радость, а значит, не прививает вкус к труду, не развивает духовно. Напротив, оставляя предопределенные ему обязанности заботиться о ком-то, даже трудясь тяжело при этом, человек навлекает на себя грех. Ведь он оставляет без помощи тех, кто нуждается в нем. На не своем посту он не учится ответственности на самом деле и лишается нравственного стержня, который более не защищает его от ложных дорог. Его собственные таланты не служат ему самому при этом. Он не способен терпеть, проявлять великодушие и разум. Такой человек всегда склонен вмешиваться в дела других, так как его внимание не удерживается интересным лично ему делом.

Гордыня есть непонимание своих реальных возможностей, согласно определению Лобсанга Рампы [4, с. 37–38]. Человек либо преувеличивает свои возможности, либо преуменьшает их, отчего он не может правильно рассчитать свои силы. Победить гордыню и добиться успеха может только тот, кто познал свои реальные возможности. Но, только реализуя свой *собственный* потенциал во благо других, человек волен узнавать себя самого, свои возможности и свой предел и перестать впадать в крайности. Вот почему так важно знать свой собственный потенциал, свое природное предназначение и реализовать его. Вот почему только на пути исполнения своего призвания человек попирает гордыню и развивается духовно, способен к самопознанию.

Ничего невозможно получить, прежде не отдав. Даже развиваться мы можем, только отдавая, всегда оплачивая полученное. Но что человек может отдать? – только то, что имеет он сам. Недаром современные ученые пришли к выводу, что развивать ребенка можно, только исходя из его ресурсов (Т.В. Черниговская [10]). Только реализуя свои таланты – и реализуя их во благо других – человек волен развиваться и приобретать что-то для себя. Иное не приводит к истинному развитию. Лично не прожитое, не проверенное собственным опытом, не заслуженное лично не является истинным приростом ни к разуму, ни к личным качествам человека и не составляет истинную культуру. Притворное, наносное и неискреннее – это все то, что лишь отягощает человеку его ношу, вводит в заблуждение и отвлекает от собственного пути развития. Поэтому творение Добра – это прежде всего реализация своего призвания.

Каждый талант человека предназначен для сохранения жизни, для оказания помощи в насущной нужде другим. Ученые из Университета Рочестер доказали: человек видит мозгом, а не глазами [3]. Ввиду врожденных особенностей каждое призвание способно увидеть нужду со своей стороны. Глядя на одного и того же человека, врач видит его здоровье, портной – пошив его одежды, учитель увидит уровень его познаний. Только человеку, а не машине, дано видеть нужду и хранить жизнь на Земле, понимать трудности и проблемы других. Это еще раз показывает не только, как ценен сам человек, но также как важно, чтобы каждый человек был на своем месте и позволял работать своему божественному потенциалу. Если кто-то закапывает свой талант, чья-то нужда остается неутоленной, жизнь не будет сохранена. Потому что в природе все приноровлено одно к другому, все взаимозависимо и взаимонеобходимо, чтобы ничто не могло быть уничтожено, иначе в природе не было бы равновесия, о котором говорит каждая частица живого. Поэтому знать и исполнять замысел природы – это жизненная необходимость.

Именно люди, не исполняющие своего собственного призвания, склонны завидовать чьему-то показному величию и раболепствовать перед его носителями. Зависть и раболепство России перед Европой начались сразу после того, как Петр I насильно оторвал мужчин и женщин от их естественных обязанностей и заставил участвовать в искусственно созданной жизни. Светские вечера, «государственная служба» вместо реальных дел по сохранению жизни в соответствии с призванием – все эти мероприятия заняли время и внимание людей. Не принося продуктивной пользы лично каждому, они не помогли укреплению нравственного стержня человека и повлекли за собой развращение нравов и раболепство перед показным величием Европы. Но как только человек вспоминает свое собственное призвание и свой путь, он снова вспоминает о своем достоинстве. Его внимание поглощается работой, которой он посвящен от природы в своем божественном начале. И ничьи показные успехи не способны более внушить ему, что они больше того счастья и величия, которые есть внутри него самого. Когда люди серьезней отнесутся к своему призванию, Россия и будет спасена. Но для этого также необходимо правильно понимать цель экономики и правила правильного уклада жизни, потому что именно их незнание и позволило России сойти с правильного пути.

Исполнение своего призвания есть механизм духовного развития человека. Оно приносит ему наибольшее благо и счастье. Поэтому уклад человеческой жизни должен служить исполнению человеком его предназначения. Наше физическое тело требует только того, что помогает продолжить физическое существование, сохранить жизнь, и адекватно обеспечить продолжение нашей деятельности, приводящей к духовному развитию. Это значит, что цель экономики – сохранение жизни, а не рост доходов, как думают многие.

Исполнение своего призвания есть также путь заработка средств на жизнь, то есть получения награды за оказание помощи в насущной нужде. Помогая в насущных нуждах, человек заслуживает, чтобы другие призвания также помогли ему в его нуждах. Это является основой экономических отношений в обществе. Если человек дает что-то ненеобходимое, он и не спасает чью-то жизнь, а значит, и не заслуживает награды. Но, с другой стороны, ненеобходимым он отвлекает другого человека от его деятельности и вредит его духовному развитию, так как время нашей жизни и энергия ограничены.

Так как сама природа призвала каждого человека исполнять свое призвание, человеческое общество – это система природных призваний, которые, исполняя свою функцию каждое, хранят и продолжают жизнь, служа друг другу в насущных нуждах. Все призвания и профессии важны. Любая работа делает честь человеку, ее исполняющему. Даже без самой малой функции жизнь целого общества не будет сохранена. Природа создала всех взаимонеобходимыми, взаимозависимыми, взаимодополняемыми и равными. Обязанности возникают из обязанности за жизнь одного перед другим за его услуги. Система взаимодействия всех природных призваний в обществе – это естественная система

жизнеобеспечения и развития. И если только люди следуют своему призванию каждый, в обществе удовлетворяются все насущные нужды и люди полноценно развиваются.

Но если люди сосредоточены на росте собственных доходов, а не оказании помощи друг другу в насущных нуждах, естественная система жизнеобеспечения и развития нарушается, у кого-то появляется неутоленная нужда, с одной стороны, а с другой стороны, у кого-то остается непопранная гордыня, в обществе начинается беспорядок. Такой беспорядок не разрешить социальными, культурными мероприятиями, экономическими реформами. Ибо пока люди не вернутся на места своего призвания и не начнут помогать друг другу как положено, никто из них не увидит нужду правильно и не начнет полноценно мыслить и развиваться. Но иной уклад жизни и не приносит человеку полноценного духовного удовлетворения.

Когда люди исполняют свою функцию каждый, каждый из них становится жизненно важным для других. Его мнение ценно и важно. Это основа истинной демократии.

Когда человек забывает свои естественные обязанности и из служителя превращается в потребителя, он обесценивает самого себя. Его мнение уже не важно, так как оно не является жизненно необходимым ни для кого. В таком обществе демократию не построишь.

Именно забвение своих естественных обязанностей людьми России вследствие увлечения материальной экономикой сделало их солью, потерявшей силу, которая и была отдана на попрание реформам Петра I.

Истина успокаивает и умиротворяет нас. Все ложное, неправильное приносит неудовлетворение, вызывает в душе противоречие и конфликт, лишает ее покоя. Третьего типа информации не бывает: мы воспринимаем либо Истину, либо ложь. Веря в Бога, мы не приходим в противоречие с собственной природой, это понятие естественно для нас, соответствует нашему естеству и приносит покой, значит, оно истинное. Отрицая же существование Бога, мы, напротив, приходим во внутренний конфликт и неуспокоенность. Значит, мы лжем, говоря, что Бога нет. Значит, Бог есть. Он реально существует. При мыслях о Боге противоречие в нас может вызвать только неправильная вера или когда кто-то насильно заставляет нас верить, но это доказывает только то, что сами эти подходы ложны. Проверьте все это на самих себе. На самих себе мы и должны все это проверять, так как вера, религия – предмет самопознания, это личное дело каждого. И чем лучше защищено личное пространство человека, тем быстрее он прогрессирует в самопознании. Чем лучше защищено личное пространство человека, тем быстрее он развивается на благо всех, почему соблюдение личного пространства человека становится священной задачей по сохранению жизни.

По сравнению с другими понятиями, вызывающими у нас покой и удовлетворение, Бог – это источник покоя, а так как покой приносит Истина, значит, Бог – это Сама Истина или ее начало, источник. Или, как еще именует Бога буддийский символ веры, Истина всех Истин [9, с. 211].

Так как нам самим хорошо, когда мы творим Добро, и плохо, когда мы делаем Зло, это значит, что наше сознание и познавательный аппарат, наша природа подчинена идее Бога. Это значит, что Бог первичен по отношению к нам. А так как наша природа подобна Ему, то можно сказать, что Он – наш Создатель, вложивший в нас Свое подобие, Свою божественность, а также Верховное Существо. Поэтому эта Истина и абсолютна, мы ее чувствуем в себе как главное ядро. Ложное не дает уверенности и чувства опоры. Если Бог помогает человеку в делах, то это не эффект плацебо, помогающая вера основана на Истине. Так как только истинное может дать вере твердость и категоричность, спокойность и непоколебимость. Ложное никогда не даст успокоенности и чувства опоры ни вере, ни простым земным намереньям. Сама вера невозможна, если она основана на лжи.

Исполняя свое предназначение в жизни, мы чувствуем, что этим служим Всевышнему, исполняем Его волю. С волей Бога согласны все наши ощущения. И когда Бог доволен, то все довольны. Угождение Его воле в итоге приносит радость и пользу нам самим. Отклоняясь от Его воли, мы начинаем страдать. Божьи Заповеди приводят человека к счастью, так как Всевышнему хорошо известно наше устроение. И такая информация, опять-таки, несет мир душе и покой, значит, она истинна.

Доброе начало в нас можно назвать любовью к любви – это желание уподобиться Богу. Оно насыщается в результате духовного развития и познания Истины.

Выше было отмечено, что человек должен проверить все это на себе сам. Но еще важно уточнить, что человек имеет право и не отчитываться никому о результатах проверки своих ощущений. Об этом он должен давать отчет только самому себе. Истина приносит покой. А так как мы стремимся к покою, это значит, что мы предназначены постигнуть Истину, то есть Бога. Для этого нам дан совершенный познавательный аппарат, который через правильные ощущения позволяет различить Истину. Также нам дан механизм духовного развития, приближающий к Истине. Истина нужна нам самим ради достижения покоя и гармонии, поэтому ее поиск относится к самопознанию – области личных усилий. Вот почему общества, или цивилизации, которые культивируют правильный уклад жизни, при котором остается много времени на самопознание и человек для этого правильно использует возможности каждого возраста, как, например, в Индии, – это общества, или цивилизации, где религиозная вера долго остается здоровой и простой. Она не нарушает светскость в обществе, только поддерживает ее, и используется человеком для решения своих проблем. Но в этом помогает также жизнь в соответствии с природным призванием, только в рамках которой человек и волен познавать себя. А удерживать свою жизнь в рамках собственного природного призвания индусам позволяет учение о реинкарнации, которое также отражает реальные законы жизни.

Мы часто говорим: поступки делают человека, а не человек поступки. В ходе поступков человек приобретает привычки поступать так или иначе. И если это хорошие поступки, его привычки становятся укоренившейся добродетелью. Они сопровождаются осознанием полезности такого поведения. Нераскаянные плохие поступки портят самого человека. Привыкнув переступать Истину, человек теряет чувство различения, в нем укореняется порок. Хорошие же поступки, напротив, облагораживают человека и ведут его к Просветлению – осознанию, почему лучше быть на сто-

роне добра. Если бы характер могло изменять что-то еще, мы бы не придавали своим поступкам такого сакрального и решающего значения.

Человек рождается с врожденным характером, то есть уже имеющимися привычками, которые указывают на то, что внутреннее Я человека, носящее эти привычки, некогда имело возможность приобрести эти привычки, воспитать те или иные навыки в результате поступков. Люди рождаются с разным уровнем внутреннего знания, с уже имеющимися представлениями о допустимом и недопустимом поведении, что указывает на разный жизненный опыт, собранный до рождения, так как знания приобретаются только с опытом (и мы это все знаем по опыту). Получается, что человек перерождается много жизней и движущей силой этого перерождения может быть только стремление обрести покой и блаженство в результате осознания всех Истин. Так как для познания Истины нужны различные позиции познания, и так как сама Истина имеет много различных аспектов, а за одну жизнь это познать, очевидно, невозможно, то существование реинкарнации необходимо. Веря в Бога, мы верим, что он равно справедлив ко всем, это божественное качество. И если Бог дал одному человеку достичь покоя, научиться любить, позволив ему воспитать себя и познать Истину с разных сторон в процессе многих перерождений, почему мы не можем надеяться на то, что Он позволит это сделать и всем остальным, кто еще такого уровня не достиг? Духовное развитие требует постоянства психофизической формы и энергии, соответствия приобретенных навыков психофизической форме, поэтому, как и учит Лобсанг Рампа, человек не перевоплощается в животное, а животное – в человека. Понятие же ада было придумано специально, чтобы не дать людям расслабляться в этой жизни. Проверьте на себе, какие ощущения вызывает в вас понятие ада и реинкарнации. Понятие вечных мук вызывает у нас боль и отвращение, несогласие в душе. Понятие реинкарнации умиротворяет и дарует надежду, значит, оно истинно.

Человек может постигнуть Истину только в результате духовного развития. Человек постоянно находится в процессе деятельности, он не может прекратить ее. Человеку постоянно приходится делать сознательный выбор между плохим и хорошим, что еще раз указывает на то, что он находится в процессе познания и развития. Творение добра по ощущениям обещает человеку бесконечную радость, что указывает на вечность души. Допущение зла вызывает чувство сожаления о потерянных возможностях и осквернения чего-то святого недопустимым вероломством, что свидетельствует о незыблемости святого. Совесть блюдет благо нашей души. Это наставник, которому можно верить, иначе бы она не приводила к покою. Значит, все, о чем она говорит, истинно.

Принцип «от себя не убежишь» говорит о том, что твой характер будет всегда с тобой, пока ты его не изменишь в ходе поступков. Этот принцип сам по себе указывает на вечность души и реинкарнацию, так как подтверждает необходимость деятельности ради познания и духовного развития.

Для тех, кто верит в реинкарнацию, его природное призвание в этой жизни – это эволюционная ступень к тому, что он сможет совершить в жизни будущей. Индусы, до сих пор сознательно проживающие кастами, верят, что хорошо выполняя задачи своей касты (сословия, призвания) в этой жизни, они заслужат рождения в более почитаемой касте в жизни будущей. Они верят, что невозможно достичь вершины, не сделав всех поэтапных шагов вверх. Благодаря такому порядку в обществе нет зависти к тем, кто родился, скажем, брахманом. Напротив, к людям, заслуживающим уважение, уважение всегда и проявляется ради той пользы, которую благодаря этому можно приобрести для себя. Ведь от себя не убежишь. Невозможно притвориться развитым и культурным, если ты не имеешь соответствующих качеств. Однако, именно находясь на своем месте, в своем призвании, человек и способен культурно развиться.

Но поддержание правильного сословного порядка в обществе требует и простой жизни. Когда люди оставляют обязанности своего призвания, пытаясь жить ради временных благ этой жизни, ради обогащения, они становятся потребителями и могут превышать свои полномочия. Тогда сословный порядок начинает приносить людям боль и неравенство, люди пытаются избавиться от него. Доброе отношение к миру природы – это еще один отдельный вопрос. И пока от природы не взято не по нужде ради преувеличенного земного благополучия, естественный сословный порядок не может нарушиться, люди не отклоняются от пути своего развития и уважают друг друга и каждый счастлив в своем призвании. Индия не сильно стремится к материальному комфорту. В ней уважают другие формы жизни. Ведическая цивилизация Индии существует много тысяч лет. И она будет существовать еще очень долго благодаря соблюдаемым в ней законам естества.

Наиболее серьезно к природному призванию относились тибетцы. Они определяли природное предназначение каждому ребенку в семь лет. Система образования в Тибете помогала каждому осуществить именно его природное призвание. Люди Тибета также вели простую и скромную жизнь, не интересуясь материально-техническим прогрессом в сфере материального комфорта, бережно относились к природе [7]. И благодаря этому в Тибете сохранялась политическая и социально-экономическая стабильность, а науки и искусства получили высочайшее развитие, в том числе получила развитие и техника в виде технических изобретений, предназначенных оказывать помощь в насущной нужде [6]. Все это отражало полноценное духовное развитие людей в результате правильной организации общества. Гражданская и религиозная самоидентификация в Тибете совпадала. Служа Родине, ближнему и исполняя свой долг, человек исполнял «план» своей души и служил этим и Всевышнему, он получал удовлетворение. Хотя сейчас Тибет не имеет своей автономии, по всей логике тибетская цивилизация возродится после временных испытаний благодаря ее точным и устойчивым основаниям.

Традиция определения природного призвания у детей была некогда у казахов. Она мудро помогала распределить обязанности между людьми, поддерживая духовное и материальное равновесие в обществе. Такая традиция могла отражать только богатейшее внутреннее знание и высокую духовную культуру у этого народа.

Верования в реинкарнацию некогда бытовали и на Западе. Но когда люди не стремятся выполнить свое природное предназначение, поддаваясь потребительству, то верования в реинкарнацию еще сильнее могут затормозить их развитие: откладывая исправление на будущую жизнь, люди могут долго находиться в праздности, они никуда не то-

ропятся. Поэтому учение о реинкарнации на Западе было изъято из официальной религии спустя 60 лет после ухода Христа, как сообщает Лобсанг Рампа [5, с. 81]. Но сам Христос учил реинкарнации. Это подтверждает Евангелие от Иоанна: проходя мимо слепорожденного, ученики спросили Христа: «кто согрешил, он или родители его, что родился слепым?» Христос отвечал: «не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божии» [2, Иоан. 9:1-3]. Если и ученики, и Учитель говорили о возможности совершения греха до рождения, значит, прежде они обсуждали и предыдущие жизни, в которых можно содеять грех. Если до рождения вообще нельзя согрешить, Христос бы сразу напрямую сказал об этом Своим ученикам, так как был точен. Отсутствие веры в эволюцию Внутреннего Я человека стало одной из причин того, что люди на Западе не проявляли и не проявляют склонности довольствоваться своим земным уделом. Но сегодня такое положение вещей должно быть изменено, так как все это ведет к духовному кризису и материальной неразберихе, к которым мы пришли в результате своих неправильных представлений о жизни.

Забвение пути своего природного призвания, в свою очередь, привело к забвению Бога и даже отрицанию Его существования. Так как Бог, религия относятся к предмету самопознания, лучшим способом доказать существование Бога сегодня будет возвращение людей на места их природного призвания, на которых людям будет легче услышать свою совесть и самостоятельно осознать свой исток.

Смысл жизни человека на Земле – богопознание и богоуподобление, достижение совершенства любви через исполнение предопределенных человеку задач в каждом воплощении. Поэтому жизнь человека сакральна и не терпит никакого искусственного противоестественного вмешательства. Законы государства должны соответствовать законам мирозданья. Не исполняя своего призвания в жизни, человек не разовьется и не познает Бога.

Выводы о гармоничном для человека укладе жизни

Если наибольшее благо для человека состоит в исполнении его призвания, ему требуется блюсти это свое благо. Для этого ему следует знать свое призвание и следовать ему. Также ему следует быть избирательным в том, чем он пользуется, какому образу жизни следует. Чтобы исполнять свой долг, ему необходимо беречь способность творить Добро, не отвлекаться от своего пути. Для этого человеку полезно заниматься самосовершенствованием и самопознанием. Для этого также он должен пользоваться только необходимым, его вещи и уклад должны быть максимально просты, без культа вещей, они должны служить развитию духа, а требования их содержания должны оставлять время и возможность на самопознание. Алкоголь и наркотики разрушают способность творить Добро, поэтому они составляют препятствия для исполнения своего предназначения и достижения блаженства, их следует избегать.

Любой вред другим существам убивает способность творить Добро. И, так как разрушение происходит только там, где нет созидания, человеку необходимо не только не нарушать гармонию природы, но искать более эргономичные способы существования в союзе со всем живым. Человеку следует брать от природы только по насущной нужде и обходиться своим потенциалом, если это возможно, чтобы не быть обузой для мира природы. Ведь если для выполнения задачи имеется собственный потенциал, напрасно беспокоить других существ также есть брать не по насущной нужде. Разумно и гуманно использовать живое также по своему изначальному назначению.

Человеку следует беречь свое здоровье и принимать в пищу только то, что сама природа назначила ему в пищу. В его географической среде есть все необходимое для его жизни. По законам природы оно намного лучше подходит человеку, чем все завезенные ради быстрой наживы товары. Пользуясь товарами не из своей среды, человек отказывается от помощи тех существ, которые лучше понимают его нужды и предназначены служить ему. Этим он отнимает у них возможность доброделания и развития, и меняет их потенциальные плоды на то, что ему заведомо не подходит, что не соответствует его индивидуальной нужде. Конечно, человек может нуждаться в чем-то еще, но не в том, что уже есть в его окружении.

Человеку полезен контакт с природой, который учит его состраданию и гуманности и помогает в самопознании, давая взглянуть на себя со стороны.

Чем больше делает человек Добра, тем больше в нем любви и мудрости, тем более он счастлив. Это значит, что человеку полезно трудиться самому. Это значит, если человек использует технику, то, дабы не нарушить собственный механизм духовного развития, человеку необходимо высвободившееся время посвятить другому служению. Во-вторых, коли счастье человека в служении и самоотвержении, то никогда сама техника, которую он изобретает, не должна служить цели самообогащения, самовозвышения, потребительства. Эта техника должна помогать в насущных нуждах и не должна наносить вред никакому живому существу, иначе она не принесет счастья самому человеку. Техника не должна нарушать равенства и естественную дифференциацию труда. Неразумно в жизни человека такое засилие техники и удобств, когда человеку самому больше не нужно трудиться, когда он отчужден от природы.

Очень важен вопрос правильного расселения людей. Возможность сохранения жизни требует такого расселения людей, при котором каждая природная функция получает возможность реализации и самопознания, а также имеет возможность на получение ответной помощи других призваний. С этой точки зрения расселение самодостаточными мини-сообществами древности – это оптимальный способ заселения Земли людьми. Самодостаточное мини-сообщество – набор необходимых призваний, способных осуществить предназначение своего сообщества, поддержать свою жизнь и развиваться духовно. Равномерное расселение людей такими сообществами (деревнями, аулами) дает им возможность на самореализацию, которая требует нетеснения друг друга слишком большим скоплением, а также возможность на самопознание, которое требует покоя и уединения. Такое расселение также делает возможным более тесный контакт с природой. В таких сообществах все призвания жизненно необходимы и поэтому очень важны. Они получают ответную заботу других призваний и, скажем, земледелец в ответ на свои труды никогда не остается без

помощи врача и учителя, потому что он также важен как все. Так как все в таком сообществе имеют материальную возможность жить в согласии со своей природой, в таком сообществе все имеют возможность развиваться духовно.

С тех пор, как ремесленники ушли из деревни ради больших заработков, чем им нужно для жизни, на Земле сформировались города – скопления людей, которые не отдают свой долг деревенским призваниям. Сегодня городской образ жизни стал нормой и считается цивилизацией, потому что в городах развилась материальная культура вследствие стремления к материальному благополучию. Однако такое расселение, напротив, ставит людей в опасность. Если раньше в ответ на свою заботу ремесленники, врачи, учителя от земледельца брали только то, что он способен вырастить или заработать сам, то теперь между городскими и деревенскими призваниями, да и вообще, между всеми людьми установлены непропорциональные денежные отношения, далеко не основанные на понимании возможностей и способностей каждого. Современный город оторван от деревни, и его жителей совсем не заботят деревенские призвания, которые прокармливают их, но которые совершенно не имеют права на ответную помощь, потому что город живет только для своего комфорта. Горожане забывают заповедь: отвечай добром на добро. Однако поэтому пищевая промышленность все больше попадает в кризис. Люди забывают традиционные способы выращивания растений и скота, фрукты и овощи все более некачественные.

Люди стремятся в крупные города, и это делает территорию страны необжитой и незащищенной. Люди оказывают чрезмерную экологическую нагрузку на землю в местах своего чрезмерного скопления. Тесня друг друга, они не только не дают друг другу возможность на полноценную самореализацию, самопознание и развитие, но и ставят себя в стратегическую опасность: их теперь легко уничтожить любому врагу одним только ударом. Расселяясь равномерно мини-сообществами, нация наилучшим образом защищена. Она и наиболее гибка и мобильна для любых передвижений и перегруппировок при этом: не стесняя друг друга, люди более способны на ответственные решения. Они способны легко подчиняться голосу необходимости в любой час. Крупный город, а тем более мегаполис, привязанный к вещам, нелегко эвакуировать. В случае эпидемии или голода такое неповоротливое и закоснелое сообщество людей спасти тяжело.

Горожане сами себя обесценивают, ведь их мнение больше не важно, так как они не являются жизненно необходимыми ни для кого. Уклад жизни в городах учит равнодушию к чужим бедам. Люди отчуждены от природы. И их совсем не интересует тот вред, который они ей наносят одним только своим чрезмерным скоплением.

Современную городскую культуру, несмотря на ее высокотехнологичность, нельзя назвать истинной цивилизацией, ведь она в действительности не нацелена на сохранение жизни и развитие, обретение добродетелей справедливости, честности и равного отношения ко всем.

Форма собственности в человеческом обществе также должна соответствовать возможности сохранения жизни и реализации каждым своей функции. Сила долга в человеке ввиду его природы сильнее чувства материальной выгоды. Его чувство хозяина зависит только от осознания своего предназначения и долга, своей ответственности перед Всевышним. Поэтому форма собственности должна соответствовать жизненным задачам человека и помогать ему исполнять его призвание.

Сохранение жизни – очень сложная задача, ее призваны выполнять все призвания. Ради сохранения жизни все человеческие призвания, а равно и все остальные живые существа, должны иметь право находиться на этой Земле и свободно пользоваться ей по нужде своей функции в этом мире, так как необходимость платить за это право отвлекает на посторонние задачи, зря отнимает созидательные силы и время и делает невозможным осуществление самой функции служения, а также самопознание. Узурпация земли немногими людьми не выгодна, это ведет и к экологическим проблемам. Позволение всем призваниям и функциям пользоваться землей и ее ресурсами по потребе своей функции создает наиболее многофункциональное и эффективное землепользование для блага всех. К тому же, человеку гораздо полезнее думать не о собственности, а об обязанностях. Земля же принадлежит ее Создателю, поместившему нас всех сюда для развития. Единственное условие для соблюдения такой формы собственности – брать от природы только по нужде и исполнять свою функцию, уважать другие формы жизни и их потребности.

Форма государственного управления также должна соответствовать естественной системе распределения функций. Руководитель государства – это природное призвание, обладающее особенным складом ума и качествами души, даже определенным узнаваемым физическим складом, которые делают его единственно способным исполнять такую ответственную работу. Недаром на Руси в стародавние времена народ сам искал себе правителей из царских родов. И такой разумный монархически-демократический порядок существовал, пока народ не испортился. Не надо забывать, что царь, правитель, президент или лидер нации – это профессия, а не положение в обществе. И обязанности его тоже очень непростые. Я считаю торопливостью в республике назначать какой-то выборный срок президенту. Пока человек с такими задатками в силах трудиться, он должен посвящать эти силы стране. И чем он опытнее, тем большую ценность он из себя для общества представляет.

Руководитель государства в управлении опирается на таких же людей, администраторов по призванию. Задача правителя изначально – поддерживать сословный порядок в обществе, следя, чтобы каждый исполнял свою функцию, чтобы жизнь могла быть сохранена, и развитие продолжалось. Он должен также следить за правильным расселением, природопользованием и хозяйствованием.

Контролируя экономический уклад, правитель должен следить за тем, чтобы он отражал правильные экономические отношения между призваниями. Оказание помощи на индивидуальную потребу – залог рационального природопользования и эффективного утоления нужд. Такое хозяйство не нарушит естественную дифференциацию труда и естественное расселение, не вызовет стихийные миграционные потоки, как это делает массовое производство, сулящее рост доходов. Массовое производство – это использование природных ресурсов не по нужде и конкретной потребе. Это то, что узурпирует экономическую власть, не давая природным призваниям исполнять свою работу на инди-

видуальную нужду. Оно нарушает равновесие исконной структуры общества, принося социальную и творческую неутоленность, нужду и неравенство, духовный и экологический беспорядок, потому что цель массового производства – рост доходов, а не служение по насущной нужде. Оно разжигает конкуренцию, суть которой – не дать взятому у природы оказаться полезным, что указывает на предел расточительства. Это также начало розни и «гонки обогащения», приводящей к международной напряженности.

Пока целью экономики является сохранение жизни, а не рост доходов, и все призвания служат друг другу, помогая одно другому осуществлять свою функцию, то получающуюся при этом автоматически форму правления, когда правитель совещается с представителями всех сословий и профессий, сохраняющих жизнь, а не олигархами, сулящими казне все новые и новые прибыли, можно считать самой демократичной и мудрой, самой справедливой.

Когда люди из служителей превращаются в потребителей и власть, как и все, позволяет себе излишества, либо попускает это у людей, в общество неизбежно приходит желание изменить политический уклад, начинаются споры о системе власти и государственные перевороты. Люди могут свергнуть правителя. Но эпоха таких смут – самая неплодотворная. Поэтому в интересах правителя служить праведно и правильно поддерживать систему жизнеобеспечения и развития.

Если люди руководствуются точным знанием, единым божественным законом и именно он ограничивает волю каждого, если люди служат друг другу, исполняя свое предназначение, то в таком обществе не существует проблем.

Цель образования – это сохранение жизни на Земле. Нет необходимости в знаниях ради знания. Если мы помогли человеку осуществить его собственное предназначение в жизни, мы можем быть спокойны за жизнь. Именно этим мы помогаем обществу, жизнь которого зависит от эффективной работы каждого призвания! Не подготовив же человека к его пути, отняв у него время и силы на не нужное ему на самом деле образование, мы создаем полностью несчастливого человека, не приспособленного, не умеющего справляться с трудностями, не умеющего прокормить себя и не знающего свой потенциал и свою силу.

Общество, где не проявляются все таланты людей, никогда не достигнет духовности и уважения прав всех людей, так как в нем каждый человек не будет чувствовать своего достоинства, в нем не будут через это попираться страсти и грехи. Поэтому получение образования по своему природному призванию, для того только, чтобы быть способным осуществить свое собственное предназначение в жизни, – единственный залог формирования правового государства. Для этого также должно даваться и духовное образование, передача людям всех духовных правил и объяснение законов жизни, чтобы сформированная людьми добродетель могла быть залогом и духовности общества, и его материального благоденствия, и защитой его правильной организации!

Все это – основы рационального уклада жизни, которым наиболее гармонично жить человеку в связи с особенностями его самоорганизации. При таком рациональном укладе человеческое общество способно сформировать гармоничную цивилизацию, основанную на разуме и человечности. Тибетское общество было именно такой гармоничной цивилизацией. Но наш современный миропорядок, увы, пока не соответствует такому рациональному укладу. Современный экономический и экологический кризис, социальные, демографические, духовные проблемы – это как раз следствие неправильного уклада жизни, не соответствующего нашим реальным потребностям и задачам. Неправильная цель экономики искажает жизнь и функционирование общества по всем параметрам. Но всему этому позволяет быть лишь незнание о нашей самоорганизации и природе. Распространение знаний о добром начале и предназначении человека – это ключ к решению всех современных проблем.

Заключение

Называть современный миропорядок цивилизацией несколько торопливо. Основанный на противоестественных ценностях, он, скорее, тормозит истинное развитие человека.

Основа гармоничной цивилизации – жизнь человека в согласии со своей природой и рациональный уклад, делающий такую жизнь возможной. Именно такой уклад обеспечивает истинное культурное развитие человека, а также материальную гармонию человеческого общества. Такую гармоничную цивилизацию можно сформировать. Для этого необходимо взять пример с тибетского общества до 1950 г., освоить все принципы рационального уклада. Обращение к естеству поможет нам решить все современные глобальные проблемы.

Ученым и другим людям необходимо научиться определять природное призвание и путь человека, беря пример с Тибета. Представители религии и образования должны учить, что спасение людей не в заводах, а в земле, в довольстве тем, что есть. Так как религия – это личное и добровольное дело человека, нам необходимо продолжать поддерживать светскость в целях гарантирования свободного пространства для развития личности и ее свободного богопознания.

В помощь науке я предлагаю следующие исследования:

1. Желательно подтвердить выводы о природе человека, о том, что нам плохо от творения Зла и хорошо от творения Добра экспериментально, на основе психофизиологии.

2. Необходим эксперимент, подтверждающий, что Истина приносит покой и что, скажем, атеист не способен быть в гармонии с самим собой, пока он не верит (если проверить атеиста на детекторе лжи «Полиграф Полиграфыче», покажет ли он, что это ложь, так как наверняка в этот момент этому человеку будет очень тяжело, у него будет двойственное состояние, внутренний конфликт). Получив критерий оценки состояния покоя и гармонии, подтвердим также научно, что реинкарнация – истина, так как это понятие приносит удовлетворение и покой. Душа вечна – это утверждение также приносит покой.

3. Психология способностей. Необходимо проследить психофизиологические закономерности жизни в согласии и в разногласии с природным призванием каждого человека (биоритмы, психофизические состояния, синхронность работы мозговых полушарий) и доказать на основе изучения гормонов радости, что наибольшее удовольствие человеку приносит исполнение его предназначения, а не потребительство и жизнь в довольстве. Мы увидим, что гуманным может быть единственно человек, живущий в гармонии со своим природным призванием, так как он удовлетворен. А значит, и наша система образования, и система экономики должны способствовать реализации каждым своего собственного призвания и не содержать ничего искусственного, что этому препятствует, если мы ратуем о духовности и материальной гармонии.

4. Весь мир мечтает «схватить душу за хвост». Но если признать необычность моего взгляда и доказать произошедший со мной «эффект сороконожки», окажется, что мое осознание попало в точку, в результате чего «душа была сбита с ноги», значит, душа существует.

С моей точки зрения, необходимо также развитие краеведения. Краеведение – очень перспективная наука, способная остановить войну и экологические проблемы, ведь, познав, что человеку всего полезнее то, что есть в его собственной геосреде, мы обнаружим, что нет смысла и надобности завоевывать чужие земли, но есть смысл и необходимость лучше хранить и беречь природу собственного края. А убедившись, что об этом знают все, мы поймем, что нет смысла тратить средства на оборонительную промышленность и что для защиты экологии нужны только духовные затраты, которые представляют собой простые каждодневные усилия своего разума. Развитие геоэтнодиетологии, биоэтнографии поможет сдержать массовое производство и способствовать лучшему отношению к окружающей среде. Изучение геобиологии, по идее, может помочь решить вопросы правильного расселения, если, к примеру, понадобится помощь в определении наиболее благоприятной среды для проживания человека в связи с особенностями его организма, что очень актуально после долгих лет противоестественной жизни огромных скоплений людей.

Список литературы

1. Базаров С.А. Устные лекции. Театр-школа «Образ». – М., 09.2001-07.2003.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Российское Библейское общество, 1994. – 1376 с.
3. Гаврилов В. «Человек видит мозгом, а не глазами» // Труд. 2005. – 28 октября. – www.trud.ru/article/28-10-2005/165752_chelovek_vidit.mozgom_a_ne_glazami.html
4. Рампа Лобсанг. Мудрость древних. – М.: София, 2007. – 176 с.
5. Рампа Лобсанг. Огонь свечи / Перев. с англ. – М.: София, 2005. – 160 с.
6. Рампа Лобсанг. Пещеры древних / Перев. с англ. – М.: София, 2005. – 192 с.
7. Рампа Лобсанг. Третий глаз. – К.; М.: София, 2001. – 192 с.
8. Рампа Лобсанг. Ты вечен. – К.; М.: София, 2001. – 160 с.
9. Религиоведение: хрестоматия / Сост. В.Б. Рожковский, Д.Л. Устименко. – Ростов н/Д: Феникс, 2009. – С. 211.
10. Черниговская Т.В. Лекция «Как научить мозг учиться». – youtube.com/watch?v=nEGmdUEr8M

Гринченко С.Н.
д.т.н., профессор, гл.н.с. Института проблем информатики Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН
Sgrinchenko@ipiran.ru

«ЧЕЛОВЕКО-АППАРАТУРНАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЕДИНИЦА» КАК ЭЛЕМЕНТ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: КИБЕРНЕТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Ключевые слова: *особь, индивид, «человеко-аппаратурная интеллектуальная единица», информационное общество, самоуправляющаяся иерархическая система Человечества.*

Keywords*: person, individual, «human-apparatus intellectual unit», information society, modeling, Humankind's self-controlling hierarchical system.*

Постановка задачи

Исторически сложилось так, что термин «человек» интерпретируют в двух основных смыслах: человек как особь (объект биологии и психологии, многоклеточный организм), и человек как производственно-социальная личность – элементарная единица сообществ подобных себе и взаимодействующих между собой личностей, активно формирующая вокруг себя «вторую» природу. Важно указать, что человек как личность не существует вне общества[1] и вне результатов (антропогенных) своего труда[2].

В ходе исторического развития информационного общества[3] человек существенно усложнялся, расширяя возможности психики/памяти[4], интеллекта[5], коммуникации[6], манипуляции[7], образовательного потенциала[8] и т.п. Сегодня мы уже не мыслим своей деятельности – не только профессиональной, но и в быту – без окружающих нас компьютеров, смартфонов и т.п., обладающих различной степенью «интеллекта».

Возникает вопрос: насколько человек становится зависим от своего «интеллектуального» окружения, и как появление такого «партнёра» влияет на физиологию, психику и безопасность существования человека как такового в окружающем его Мире? Попробуем ответить на него, взглянув на человека и включающую его систему Человечества с кибернетической позиции.

Используемый инструментарий

Ранее, в рамках развития «поисково-оптимизационного» системного подхода к моделированию Человечества[9] в

[1] «Человек есть существо общественное в большей степени, нежели пчелы и всякого рода стадные животные» [Аристотель. Политика // Сочинения в 4-х томах. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4. – С. 378].

[2] «Труд создал самого человека» [Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. 1876. – https://www.politpros.com/library/28/259/].

[3] Под *информационным обществом* принято понимать общественную систему «современного типа», базирующуюся на лавинообразном распространении «информационных технологий (прежде всего компьютерных и телекоммуникационных)» [Мелик-Гайгазян И.В. Информационное общество // Большая российская энциклопедия. – М., 2008. – Т. 11. – С. 490].

[4] «Память, способность живых организмов и технических устройств к сохранению и многократному воспроизведению информации» [Величковский Б.М. Память // Большая российская энциклопедия. – М., 2014. – Т. 25. – С. 185–187].

[5] «Интеллект (от intellectus – лат. перевод др.-греч. понятия νοῦς – ум, понимание), общая познавательная способность, которая проявляется в том, как человек воспринимает, понимает, объясняет и прогнозирует происходящее, какие решения он принимает и насколько эффективно он действует (прежде всего в новых, сложных или необычных ситуациях)» [Холодная М.А. Интеллект // Большая российская энциклопедия. – М., 2008. – Т. 11. – С. 429].

[6] «Коммуникация (лат. communicatio, от communico – делать общим, делать сообща, связывать, общаться), взаимодействие людей и животных, предполагающее обмен информацией с помощью специализированных сигналов-посредников. В человеческом обществе К. – общение, обмен мыслями, знаниями, чувствами, поступками» [Кашкин В.Б. Коммуникация // Большая российская энциклопедия. – М., 2009. – Т. 14. – С. 658].

[7] *Манипуляция* – «сложное действие или приём, которые вы совершаете руками над чем-либо с какой-либо целью» [Дмитриев Д.В. Толковый словарь русского языка Дмитриева. – М., 2003].

[8] Образовательный потенциал личности – это «совокупность возможностей, предоставляемых образованием для оптимального развития жизненных и творческих сил, способностей индивида, его самореализации в общественной системе в соответствии с его личностными ориентациями» [Шитов С.Б. Инновационное образование в формирующемся обществе знаний // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2009. – № 4. – С. 35–41].

[9] Гринченко С.Н. Системная память живого (как основа его метаэволюции и периодической структуры). – М.: ИПИРАН; Мир, 2004. – 512 с.; Grinchenko S.N. Meta-evolution of Nature System – The Framework of History // Social Evolution & History. 2006. – Vol. 5, N 1. – P. 42–88; Гринченко С.Н. Метаэволюция (систем неживой, живой и социально-технологической природы). – М.: ИПИРАН, 2007. – 456 с.; Гринченко С.Н. Homo eruditus (человек образованный) как элемент системы Человечества // Открытое образование. 2009. – № 2. – С. 48–55; Гринченко С.Н. Об эволюции психики как иерархической системы (кибернетическое пред-

ходе его метаэволюции[1], было введено следующее понятие: «Информатико-управленческая технология развития Человечества как системы – приёмы, способы, методы, режимы, порядок, средства и т.п. реализации формирования/встраивания базисных элементов, или "человеко-аппаратурных интеллектуальных единиц", и их совокупностей, в систему Человечества, а также функционирования/усложнения их в ходе социально-технологической метаэволюции Человечества», которое представляет собой триаду:

1) «Технология интеллектуализации базисных элементов (интеллектуальных единиц) Человечества – приёмы, способы, методы, режимы, порядок, средства и т.п. формирования базисных элементов, или "человеко-аппаратурных интеллектуальных единиц" (в пространстве протяжённости ~ 4,2 м – радиуса круга вокруг него), системы Человечества в ходе социально-технологической метаэволюции»;

2) «Инфраструктурно-коммуникационная технология Y_n -протяжённости – приёмы, способы, методы, режимы, порядок, средства и т.п. социального взаимодействия "человеко-аппаратурных интеллектуальных единиц" в пространстве протяжённости Y_n (километров, мегаметров и др.), увеличивающейся в ходе социально-технологической метаэволюции Человечества» (под коммуникацией здесь понимается передача информации не только между людьми, осуществляемая при помощи различных средств (речь, символьные системы, системы связи), но и внутри «человеко-аппаратурных интеллектуальных единиц»);

3) «Рабочая технология X_n -точности – приёмы, способы, методы, режимы, порядок, средства и т.п., которые используют "человеко-аппаратурные интеллектуальные единицы" для формирования и преобразования различных материальных объектов, а также манипулирования ими, с точностью до X_n (миллиметров, микрометров, нанометров и др.)»; точность рабочей технологии увеличивается в ходе социально-технологической метаэволюции Человечества.

Центральное место в этих дефинициях занимает «человеко-аппаратурная интеллектуальная единица» (ЧАИЕ), которую и следует рассматривать как неделимый элемент «человеко-аппаратурной системы Человечества».

Аппаратурная составляющая ЧАИЕ в общем случае содержит комбинацию «хардвера» (hardware), «софтвера» (software) и «брэйнвера» (brainware), иначе говоря: аппаратной основы + памяти (баз данных) + алгоритмов преобразования информации; аналогичным образом для её «человеческой» составляющей (по крайней мере, для человека, находящегося в сознании) целесообразно выделить подобную же комбинацию, а именно: работоспособный мозг + продуктивную личностную память + приемлемый уровень логико-мыслительной деятельности.

Имея в виду, что информационные технологии (ИТ) – это «способ рациональной организации повторяющихся информационных процессов (в частности, связанных с преобразованием, хранением и передачей определённых видов информации)»[2], обрисуем кратко ход усложнения всех вышеуказанных технологий в доцивилизационном и цивилизационном развитии Человечества.

Основные этапы развития информационного общества (метаэволюции системы Человечества) (см. рис. 1–2):

0) пред-люди Hominoidea, начиная с ~28,23 млн лет назад, формируют ИТ сигнальных поз/звуков/движений (начальную форму общения, используемую ещё стадными животными), с кульминацией скорости этого процесса ~9,26 млн лет назад (возникновение Hominidae);

1) древние люди Homo erectus и Homo neanderthalensis, начиная с ~1,86 млн лет назад, формируют, в рамках родовых сообществ в ареалах с характерным (ориентировочным, реперным, etc.) размером (радиусом круга той же площади) ~1 км, ИТ мимики/жестов (дополнительно к ИТ сигнальных поз/звуков/движений), с кульминацией скорости этого процесса ~612 тыс. лет назад (возникновение Homo heidelbergensis);

2) Homo sapiens', начиная с ~123 тыс. лет назад, формируют, в рамках племенных сообществ в ареалах с характерным размером ~15 км, ИТ речи/языка (дополнительно к ИТ сигнальных поз/звуков/движений и ИТ мимики/жестов), с кульминацией скорости этого процесса ~40 тыс. лет назад (верхнепалеолитическая революция);

3) Homo sapiens'', начиная с ~8,1 тыс. лет назад, формируют, в рамках союзов племён в ареалах с характерным размером ~222 км, ИТ письменности (дополнительно к ИТ сигнальных поз/звуков/движений, ИТ мимики/жестов и ИТ речи/языка), с кульминацией скорости этого процесса около 670 года до н.э. (городская революция «осевого» времени); на этом этапе впервые появляется возможность фиксации информации на носителе, внешнем по отношению к индивиду;

4) Homo sapiens''', начиная с ~1446 г., формируют, в рамках сообществ в ареалах с характерным размером ~3370 км, ИТ тиражирования текстов (дополнительно к ИТ сигнальных поз/звуков/движений, ИТ мимики/жестов, ИТ речи/языка и ИТ письменности), с кульминацией скорости этого процесса около 1806 года н.э. (промышленная революция);

5) Homo sapiens'''', начиная с ~1946 г., формируют, в рамках Планетарного сообщества в ареале с характерным размером ~51 тыс. км, ИТ компьютеров (локальных, дополнительно к ИТ сигнальных поз/звуков/движений, ИТ мимики/жестов, ИТ речи/языка, ИТ письменности и ИТ тиражирования текстов), с кульминацией скорости этого процесса около 1970 года (микропроцессорная революция); на этом этапе впервые появляется возможность обработки информации независимо от индивида – возникает «человеко-аппаратурная интеллектуальная единица» (простейшая);

ставление) // Историческая психология и социология истории. 2012. – Т. 6, № 2. – С. 60–77; Гринченко С.Н. Моделирование: индуктивное и дедуктивное // Проблемы исторического познания. 2015. – № 1. – С. 95–101.

[1] Метаэволюция – процесс последовательного наращивания числа уровней/ярусов иерархической системы в ходе её формирования как таковой.

[2] Колин К.К. Теоретические проблемы информатики. – М.: КОС-ИНФ, 2009. – 222 с.

6) Homo sapiens’’’’’, в составе соответствующих ЧАИЕ, начиная с ~1979 г., формируют, в рамках сообщества Околоземного Космоса в ареале с характерным размером ~773 тыс. км, ИТ телекоммуникаций/сетей (дополнительно к ИТ сигнальных поз/звуков/движений, ИТ мимики/жестов, ИТ речи/языка, ИТ письменности, ИТ тиражирования текстов и ИТ локальных компьютеров), с кульминацией скорости этого процесса около 2003 года (сетевая революция распространения мобильной телефонии, Интернета, социальных сетей и т.п.); на этом этапе ЧАИЕ, очевидно, усложняется за счёт обеих своих составляющих;

7) Homo sapiens’’’’’’, в составе соответствующих ЧАИЕ, начиная с ~1981 г., формируют, в рамках сообщества Промежуточного Космоса в ареале с характерным размером ~11,7 млн км, перспективную нано-ИТ (возможно, нано-аппаратно поддерживаемую селективную телепатию[1] – дополнительно к ИТ сигнальных поз/звуков/движений, ИТ мимики/жестов, ИТ речи/языка, ИТ письменности, ИТ тиражирования текстов, ИТ локальных компьютеров и ИТ телекоммуникаций/сетей), с кульминацией скорости этого процесса около 2341 года (расчётная дата); и т.д.[2].

Вышеуказанные временные и пространственные оценки отражают тот факт, что критические моменты в метаэволюции Человечества подчиняются простейшей математической закономерности: каждый из них в e^e =15,15426… короче предыдущего[3]. То есть все они расчётные и носят ориентировочный, реперный и т.д. характер.

Ведущая роль информационных технологий в функционировании системы Человечества на всём протяжении ей истории позволяет утверждать, что общество индивидов/личностей стало информационным не только в наши дни, с появлением компьютеров, а было информационным всегда, с момента зарождения человека как такового. Расширение же его до общества «человеко-аппаратурных интеллектуальных единиц» началось около 1946 года.

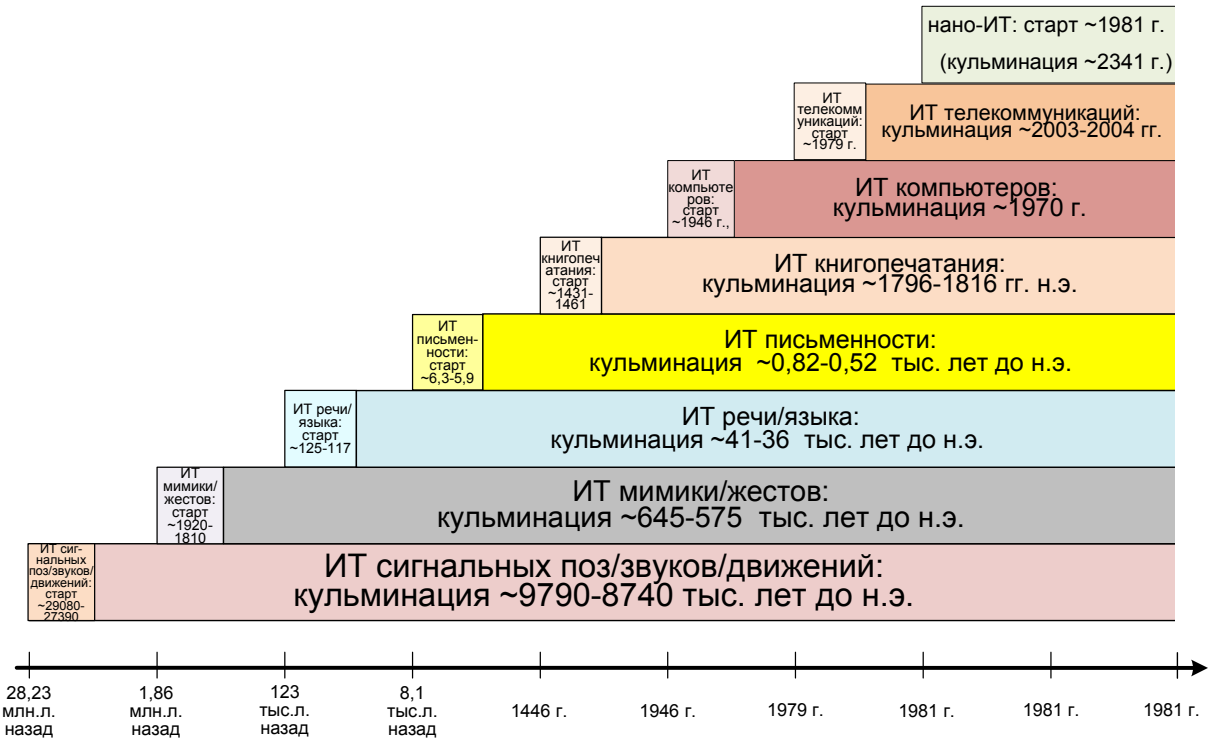


Рисунок 1.
Этапы развития ИТ в ходе метаэволюции Человечества

[1] Гринченко С.Н. Послесловие // Материалы доклада на Совместном научном семинаре Института проблем информатики РАН и Института научной информации по общественным наукам РАН «Методологические проблемы наук об информации», Москва, 13 декабря 2012 г. – С. 5-8. – http://legacy.inion.ru/files/File/MPNI_9_13_12_12_posl.pdf

[2] Гринченко С.Н. Метаэволюция (систем неживой, живой и социально-технологической природы). – М.: ИПИРАН, 2007. – 456 с.; Гринченко С.Н., Щапова Ю.Л. Модели периодизации истории Человечества // Вестник Российской академии наук. – М., 2010. – Т. 80, № 12. – С. 1076–1084; Grinchenko S.N., Shchapova Yu.L. Human History Periodization Models // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2010. – Т. 80, № 6. – С. 498–506; Гринченко С.Н., Щапова Ю.Л. Информационные технологии в истории Человечества. – М.: Новые технологии, 2013. – 32 с. (Приложение к журналу «Информационные технологии». 2013. – № 8; Гринченко С.Н. Эволюция темпов жизни людей и развитие человечества // Человек. 2014. – № 5. – С. 28–36; Щапова Ю.Л., Гринченко С.Н. Введение в теорию археологической эпохи: числовое моделирование и логарифмические шкалы пространственно-временных координат. – М.: Исторический факультет Моск. Ун-та, Федеральный исслед. центр «Информатика и управление» РАН, 2017. – 236 с.; Гринченко С.Н., Щапова Ю.Л. Информационное общество и информационная сложность человека от древности до цивилизации: модельное представление // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 1. Ч. 2. – М.: ИНИОН, 2018. – С. 603–608; Щапова Ю.Л., Гринченко С.Н., Кокорина Ю.Г. Информатико-кибернетическое и математическое моделирование археологической эпохи: логико-понятийный аппарат. – М.: Федеральный исслед. центр «Информатика и управление» РАН, 2019. – 136 с.

[3] Подобная природная закономерность была ранее выявлена А.В. Жирмунским и В.И. Кузьминым при изучении критических уровней в развитии биологических систем [Жирмунский А.В., Кузьмин В.И. Критические уровни в процессах развития биологических систем. – М.: Наука, 1982. – 179 с.].

Тем самым информационное общество de facto приобретает новый статус, выделяя в своей антропогенной интеллектуальной – аппаратурно-программно-алгоритмической – глобальной составляющей относительно автономные локальные образования, включающие человека, т.е. формируя свою новую внутреннюю структуру. Это, в частности, инициирует множество проблем, связанных с необходимостью обеспечения информационной безопасности таких «человеко-аппаратурных интеллектуальных единиц», что крайне актуально в современных условиях беспрепятственного обмена информацией посредством ИТ телекоммуникаций.

Выводы

1. Переломным моментом в развитии человека и информационного общества стало начало создания, около 1946 года, аппаратно-программного интеллектуального локального окружения индивида. С этого момента элементарной единицей усложняющегося информационного общества является уже не собственно индивид как таковой, а «человеко-аппаратурная интеллектуальная единица», т.е. индивид во взаимосвязи с его компьютерно-сетевым интеллектуальным локальным окружением.

2. Осознание этой, исторически абсолютно новой, реальности инициирует пересмотр многих существующих представлений о перспективах развития Человечества, делая акцент на его трактовке как самоуправляющейся кибернетической системы.

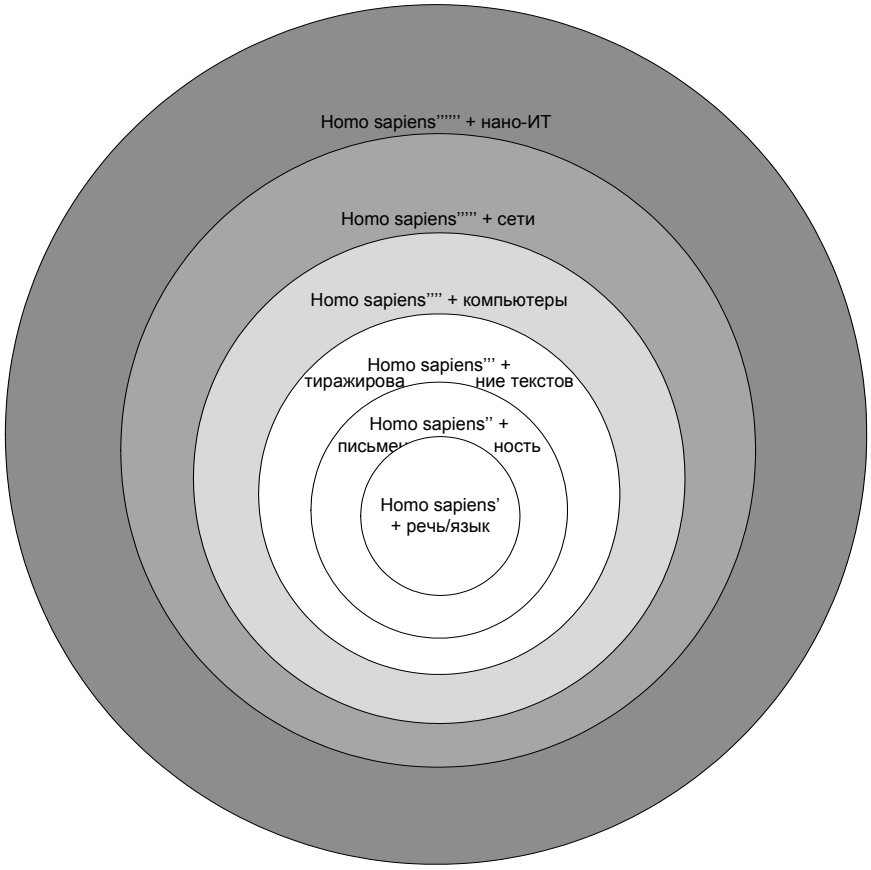


Рисунок 2.
Условная схема усложнения человека в ходе метаэволюции системы Человечества (затушёваны этапы формирования «человеко-аппаратурных интеллектуальных единиц» – на базе новых ИТ)

Гусейнова А.
доктор философии по искусствоведению, с.н.с. Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана
afag_h@yahoo.com

ИНТЕГРАЦИЯ ИСКУССТВ: ВОСТОК – ЗАПАД

Ключевыве слова*: интеграция, мультикультурализм, опера «Лейли и Меджнун» Узеира Гаджибейли, Алим Гасымов, Фаргана Гасымова, азербайджанский танец, восточная средневековая миниатюра, танцевальная группа Марка Морриса, ансамбль «Шелковый путь» под руководством виолончелиста Йо-Йо Ма.*
Keywords*: integration, multiculturalism, opera «Layla and Majnun» by Uzeyir Hajibeyli, Alim Qasimov, Fargana Qasimova, azerbaijani dance, Eastern medieval miniature, Mark Morris Dance Group, Silk Road Ensemble under the direction of cellist Yo-Yo Ma.*

Восприятие европейского индивидуума восточной культуры и искусства и последующее его образное преломление и творческое развитие в европейском культурном пространстве – это особое, очень интересное, креативное явление, требующее глубокого изучения. Вспомним поразительный выход развития средневековой восточной миниатюры, выставки которой проходили в европейских культурных центрах (например, выставка в Мюнхене в 1910 году). Представленные на ней миниатюры так поразили В. Кандинского (он откликнулся на выставку изумительной статьей о восприятии мира восточной миниатюры), что они породили новое направление в его творчестве – абстракционизм! (рис. 1).

Рисунок 1.
В. Кандинский. Композиция VI .1913 г.

Очень интересен ракурс выделения основной доминанты восхищения в восприятии восточного искусства европейским художником: колорит чистых цветов, композиционное решение плоскости, обратная перспектива, при обобщенности образов необыкновенная выразительная характерность линий силуэтов, изощренная игра цветовых и композиционных ритмов и т.д. Привычные для восточного зрителя художественные приемы, представленные в генезисе восточного индивидуума, в восприятии европейского художника вдруг выявили специфический, неожиданный ракурс, проекцию, преломленную через призму генезиса европейского индивидуума и щедро породили взрыв модернистских течений в европейском искусстве (в театре, музыке, изобразительном искусстве) начала XX века (вспомним творчество Матисса, Дягилевские сезоны и т.д.). Так, некоторые традиционные искусства Востока, уже пережившие кризис пресыщения, в творчестве современных европейских художников получили креативное, свежее, обновленное развитие.

Мугам (традиционный жанр азербайджанской музыки, многочастное вокально-инструментальное произведение) сегодня – мощнейший творческий катализатор синтеза искусств, жанров, стилей. Первая на всем Востоке профессиональная мугамная опера «апостола» шушинской народной консерватории Узеира Гаджибейли «Лейли и Меджнун» на сюжет поэмы азербайджанского поэта Физули была написана в 1907 году и поставлена в Баку в театре известного мецената и нефтепромышленника Гаджи Зейналабдина Тагиева 12 (25) января 1908 году (рис. 2). Она имела оглушительный успех и разошлась по мировым сценам Востока и Запада. Дальнейшее его (мугама) интереснейшее развитие в симфонических мугамах Фикрета Амирова, Назима Аливердибекова, джаз-мугаме Вагифа Мустафазаде, «Мугам саягы» Фрянгиз Ализаде и др. требуют пристального анализа и изучения. Эти креативные формы развития мугама имеют блистательный выход за рамки национального, интегрируясь в европейское западное искусство, сохраняя мультикультуралистические принципы развития национального в синтезе культур.

В этом смысле интереснейший интеграционный и мультикультуральный проект, начавшийся в Минай Центре (Meany Center) штат Калифорния и прошедший 6–8 октября 2016 года – постановка оперы «Лейлы и Меджнун» Узеира Гаджибейли (мугамно-танцевальная композиция на 65 минут) в исполнении танцевальной группы Марка Морриса с ансамблем «Шелковый путь» и с вокальным исполнением Алима Гасымова и Фарганы Гасымовой, под инструментальным сопровождением ансамбля «Шелковый путь» (руководитель Йо-Йо Ма) открывает перед синтезом искусств Восток-Запад широкие творческие горизонты. В процессе реализации таких интеграционных проектов происходит очень плотное взаимопроникновение участников на каком-то ментальном уровне. Чем интересна интеграция? Участники не только творчески самореализируются, но и вбирают, проникаются замыслом партнера-соавтора, принимая его творческое видение, решение. Участники таких проектов хотят найти общие точки соприкосновения и идут на творческие уступки во имя успеха общего проекта. Тогда каждая сторона-участница проекта обогащается, преобразуется и создается новое искусство, новое течение, новый стиль.

Известного американского хореографа Марка Морриса вдохновила на проект адаптированная постановка оперы «Лейлы и Меджнун» Узеира Гаджибейли, выполненная еще в 2007 году руководителем ансамбля «Silk Road» и известным виолончелистом Йо-Йо Ма, как часть проекта «Шелковый путь» совместно со страстным пропагандистом творчества У. Гаджибейли Алимом Гасымовым и Фарганой Гасымовой в ролях Меджнуна и Лейли. Опера была сокращена с трех часов до часа. Проект несет в себе креативное осмысление традиций восточного мугама в современном европеизированном визуально-инструментальном прочтении. Так, в составе ансамбля «Шелковый путь», наряду с национальными восточными инструментами, такими, как тар, кяманча, ней (что обогатило звучание инструментальной музыки), звучат скрипки, виолончели, создавая «симфонические» оттенки исполняемых произведений.

Рисунок 2.
У. Гаджибейли. Афиша первого представления оперы «Лейли и Меджнун». Первый исполнитель роли Меджнуна. Г. Сарабский

Интересно, что любой звук рождается вследствие движения, а осознанное движение визуализирует звук. Звук возвращает движение, но не первичное – непосредственное, стихийное, а вторичное, уже опосредованное, ведомое звуком. Этот процесс напоминает волны. Бесконечную игру диалога между вдохом и выдохом, импульсом и отражением, порывом и замиранием. Мугам! Если основной закон Вселенной – обмен энергией, а вся Вселенная пронизана всеобъемлющим единым ритмом – дыханием, то мугам – это путь познания Вселенной! Все в нем пронизано единым ритмом – структурой – орнаментикой. «Кристаллическая решетка» ее структуры – это математическая завершенная найденность. Узеирбей Гаджибейли, в своем фундаментальном труде «Основы азербайджанской народной музыки», давая великолепную образную картину развития мугама писал, что «музыкальная культура народов Ближнего Востока достигла своего высшего расцвета к XIV столетию и гордо возвысилась в виде двенадцатиколонного и шестибашенного «сооружения» (dəstğah), с высоты которого открывался вид на все четыре стороны света: от Андалузии до Китая и от Средней Африки до Кавказа. В строительстве этого «дворца музыкальной культуры» принимали участие такие ученые – зодчие, как Абу-Няср-Фараби – энциклопедист и знаток древнегреческой музыкальной теории, Абу-Али-Сина – ученый мыслитель, известный в Европе под именем Авиценна, Аль-Кинди и др.»[1]

Пропуская через себя танец, живопись, орнамент, вибрируя в них значимые контрапункты, вживляя в них беспрекословный диктат красоты Истины, Мугам оставляет им только жаждущую способность проникновения им – мугамом, в силу своей способности достижения соответствия ему. Нанизывая на «матрицу» мугама свою атрибутику –

[1] Гаджибеков Уз. Основы азербайджанской народной музыки. – Баку: АН Азерб. ССР, 1945. – С. 10.

танец – жест, рисунок – цвет – пространство жрицы смежных искусств заранее обречены на совершенство Вечности: потому что «закваска» – маясы – Мугам!

Было очень интересно, что именно арсенал азербайджанской и шире восточной танцевальной пластики использует хореограф Марк Моррис в своей интерпретации хореографической постановки на гениальную мугамную (глубинный восточный пласт) музыку Узеира Гаджибейли оперы «Лейли и Меджнун». Надо учитывать, что не только стиль музыки, но и музыкальные инструменты, аранжировка этой музыки уже диктуют, меняют язык танца. Там где звучит тар, кяманча, ней движения тяготеют к фольклорным, где скрипки, виолончель – к более классическим. Интересно, что хореограф и художник этого проекта, вдохновляясь средневековыми восточными миниатюрами (рис. 3), столь щедро иллюстрирующие этот любимейший сюжет на Востоке, изображающие то сцены в пустыне, то школу, то восточные меджлисы с музыкантами, танцами, певцами и т.д., совершенно индивидуально и по-западному масштабно использовали этот материал. В современной, танцевальной пластике Марка Морриса (в спектакле принимают участие всего 15 танцоров) движения и позы танцоров и танцовщиц, поэтично разбросанных по подиуму вокруг ханенде – певцов. Используя весь предложенный арсенал (азербайджанский танец, средневековая миниатюра, литература и др.), балетмейстер и режиссер постановки Марк Моррис выбрал, использовал, акцентировал восточный колорит хореографии намеками восточной пластики рук и поз, суфийскими верчениями против часовой стрелки, прыжками, притопами ног и т.д., которые несут дыхание Востока, «подчеркивают экстатический и импровизационный стиль музыки»[1]. Буквально, 10–15 «восточных» оттенков в танцевальной пластике хореографии, в деталях костюмов и сценографии, и для западного зрителя это – уже генетический Восток, этого уже достаточно, чтобы почувствовать мир Востока. Тогда как для менталитета восточного зрителя этого было бы мало, недостаточно полнозвучно.

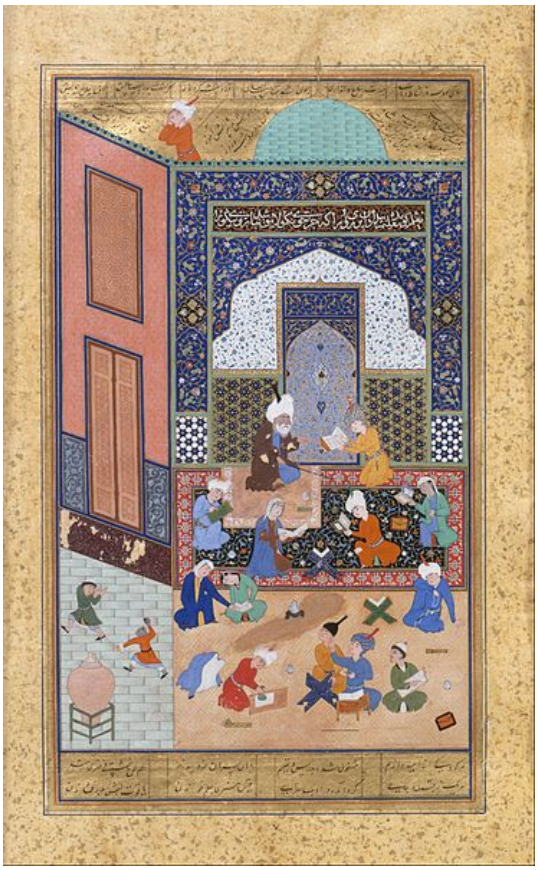


Рисунок 3.
«Лейли и Меджнун в школе» «Хамсе» Низами Гянджеви, 1624–1625 гг., худ. Султан Мухаммед

Режиссура спектакля Марка Морриса зиждется на контрасте неподвижно сидящих в центре сцены певцов – ханенде и музыкантов и – какая роскошь! – буйство танцевальной пластики, движений, прыжков, поз. Танцоры носятся вокруг певцов, как выразилась Фаргана ханум, «визуализируя» энергию голосов певцов и звучания инструментов.

Сценография спектакля выполнена известным британским художником-абстракционистом Говардом Ходжкиным ярко, броско: два (красный и зеленый) размашистых мазка фона несут символику Востока (Азербайджана). Так, «неискушенным, девственным» лаконичным взглядом художник-сценограф сочными, живописными, стремительными мазками на полотне отобразил свое понимание Восточного спектакля. Одежда Алим Гасымова, Фаргана Гасымовой, танцоров и танцовщиц, музыкантов, также выполненная Говардом Ходжкиным, несет в себе восточную аранжировку в деталях. Это, как мотивы на восточную тему. В костюмах – силуэты небесно-голубых рубашек (под тон одежды Меджнуна) с боковыми прорезами, шарфы на шее и руках навевают Восток. Расширенные к подолу силуэты алых платьев танцовщиц (под тон одежды Лейли) и скупо лаконичные облегающие силуэты танцовщиков – так представил

[1] «New York Times», статья «Love, Ecstasy, Infinity: Mark Morris's «Layla and Majnun» 26 октября 2017 год.

себе известный английский художник Говард Ходжкин стиль восточных костюмов. Для европейского зрителя эти оттенки являются «полнозвучным» Востоком, адаптированным к их восприятию (рис. 4). Дизайн освещения выполнил Джеймс Ф. Ингаллс.

Рисунок 4.
Сцена из оперы-хореографии «Лейли и Меджнун»

Все полнозвучие палитры мугама представлено в исполнении роли Меджнуна Алимом Гасымовым и роли Лейли Фарганой Гасымовой. Их вокал – эта та вершина, чистота стиля, от которой спускаются потоки музыки и движения танца оперы.

Напомним, что выдающийся азербайджанский композитор, Узеир Гаджибели (18 сентября 1885 – 23 ноября 1948) – основатель профессиональной азербайджанской композиторской школы, (учился в Московской и Петербуржской консерваториях) адаптировал мугамные принципы в европейскую профессиональную симфоническую музыку. Узеир Гаджибейли относится к таким личностям, влияние и основополагающая роль которых распространяется на всю духовную жизнь их эпохи и в то же время на каждую область искусства в отдельности. Потому что принципы, заложенные им в основу развития в азербайджанской профессиональной музыке, также действуют и в смежных видах искусств: азербайджанская средневековая миниатюра для современных художников, средневековые принципы зодчества – для современных архитекторов, традиции азербайджанского фольклорного танца – для азербайджанского современного танца и т.д. Эти вертикальные связи перекрещиваются также с горизонтальными основами законов структурных построений, единых пропорциональных гармоний, так как законы совершенства, гармонии, красоты вмещаются в код математических формул.

Постановка оперы-хореографии «Лейли и Меджнун» У. Гаджибейли в Америке имела такой колоссальный успех, что она была 19 раз показана в 15 штатах Америки в 2016–2018 гг.: в крупнейшем культурном центре Америки – Линкольн-центр в Нью-Йорке, в Кеннеди- центре в Вашингтоне и др.

Хореография Марка Морриса еще более обогатила эмоциональную выразительность постановки, визуально дав импульс энергии вокально-инструментальной основе оперы. Зрители жадно вбирали в себя причудливые голоса певцов и инструментов, экспрессивную пластику, размашистость сценографии. Они переживают настоящий катарсис, так как музыка и вокал мугама обладает космической мощью! Произведение исполняется на азербайджанском языке в аранжировке Алима Гасымова с Джонни Гандельсманом и Колин Якобсеном. Для полноты восприятия названия 5 сцен спектакля высвечиваются титрами на английском языке: школа, разлука, свадьба и т.д. После спектакля проходили творческие встречи с авторами постановки, на которых зрители засыпали артистов вопросами, провожали их на выходе из концертных залов (рис. 5). Творческий резонанс был совершенным. «Лейли и Меджнун» У. Гаджибейли постановке Марк Морриса, в вокальном исполнении Алима и Фарганы Гасымовых в инструментальном сопровождении ансамбля «Шелковый путь» под руководством виолончелиста Йо-Йо Ма также имел успешное продолжение в 2 выступлениях в Лондоне в 2018 году (London, Sader s Wells Theatre).

В успехе этого проекта, безусловно, сыграла большую роль участие в ней выдающихся артистов, принявших участие в спектакле.

Рисунок 5.
Встреча зрителей с творческой группой постановки «Лейли и Меджнун»

Танцевальная группа Марка Морриса – MMDG- Mark Morris Dance Group функционирует с 1980 года, а в 2001 году он открыл Центр танца Марка Морриса в Бруклине, штат Нью-Йорк. Марк Моррис создал свыше 150 танцевальных постановок и 20 балетных спектаклей. В его карьере – директорство в Королевском театре де ла Монна в Брюсселе, проведение фестивалей искусств в Линкольн-центре, Бруклинской музыкальной академии и др., постановки в «Метрополитен-опера», «Королевской опере» и др. Он основал проект «Белый дубовый танец» с Михаилом Барышниковым. Марк Моррис с 1991 года – член Фонда Мак Артура, член Академии искусств. Он преподавал в Университете Вашингтон, Принстонском Университете и др. Ему посвящены монографии. Он обладает престижными премиями и наградами в области искусства.

Музыку проекта «Лейли и Меджнун» Узеира Гаджибейли исполняет ансамбль «Шелковый путь» (The Silk Road Ensemble) основанный выдающимся виолончелистом Йо-Йо Ма в 1998 году, как некоммерческая организация, стремящаяся содействовать межкультурному содружеству, созданию инновационного искусства на традициях всего мира. Состав ансамбля – интернационален, что способствует созданию идентично впитывающей традиционной, мировой музыки и гибкого исполнительского искусства. Оригинально интерпретируя наше общее мировое наследство, ансамбль воистину является глашатаем искусства XXI века! Ансамбль ездил с программами по всему миру, выступал на престижных сценах, таких как Карнеги-холл, Центр исполнительского искусства имени Джона Ф. Кеннеди и др. The Silk Road Ensemble участвовал в праздновании Нобелевских премий в Стокгольме, фестивале Люцерна в Швейцарии и др. Группа записала шесть альбомов, выпустила номинант на премию Грэмми, о ней режиссер Морган Невилл снял документальный фильм.

Ханенде Алим Гасымов, блистательный исполнитель вокальной партии Меджнуна – всемирно известный певец-мугаматист, неоднократно участвовавший в западных проектах. Алим Гасымов окончил Азербайджанский Университет искусств в 1989 году. Его педагогом был выдающийся ханенде Агахан Абдуллаев. Исполнительский стиль Алима – уникален. Он сочетает глубокие знания многовековых законов мугама со сложными инновациями, сочетая мугам с джазом, мугам с европейскими стилями. В 1999 году Алим Гасымов получил в знак признания его музыкального вклада в международное музыкальное искусство Международный музыкальный приз IMC-UNESCO. Он – Народный артист Азербайджана, награжден Орденом Славы.

Партию Лейлы в проекте исполнила Фаргана Гасымова – дочь, ученица и сподвижница Алима Гасымова. Она окончила отделение «Мугама» в Национальной Азербайджанской консерватории в 2000 году. С 16 лет выступает на концертах, гастролях с отцом. В 1999 году «Love's Deep Ocean», CD с участием Алима Гасымова и Фарганы Гасимовой был выпущен Network Medien во Франкфурте Германии. Фаргана выступала с ансамблем «Silk Road» и была представлена в 53-минутном документальном фильме, выпущенном в Бельгии в 2006 году.

Сценограф и художник по костюмам проекта – известный британский художник- абстракционист Говард Ходжкин.

Опытным консультантом проекта явилась этномузыковед, профессор университета штата Индиана и Бакинской музыкальной академии Аида Гусейнова, которая также является автором текста буклета этого проекта для зрителей.

Презентация «Layla и Majnun» состоялась благодаря Национальному танцевальному проекту New England Foundation for the Arts, при финансовой поддержке Благотворительного фонда Дорис Дюка и Фонда Эндрю У. Меллона при дополнительной поддержке Национального фонда искусств. Престижное американское издание «New York Times» опубликовало подробную восторженную статью о предстоящей премьере оперы Узеир Гаджибейли «Лейлы и Меджнун» 26 октября 2017 года в Lincoln Center в рамках White Light Festival в Нью-Йорке.

Язык искусства не требует перевода, это прямой доступ в сердца и мировоззрение зрителей, вне политики, религии и т.д. Интеграция предполагает взаимную адаптацию, чуткость к творческому видению замысла партнера – взаимное творчество и обогащение. И тогда рождается новый ракурс видения явления, претворения замысла спектакля. Когда новые художественные принципы успешно разбивают привычные стереотипы, каноны, рождаются новые стили и веяния, а также взаимное признание и обогащение культур. Экспрессия вокала и музыки, подхваченная всплеском танцевальной пластики горестных молодых влюбленных, описанная великими поэтами Востока Низами Гянджеви, Физули и др. в этом проекте приобрела новую современную жизнь на сцене, соединив Восток и Запад торжеством мультикультурализма и интеграции.

Это тот самый интеграционный и мультикультуральный проект, который объединяет разные культуры, он их синтезирует и гармонизирует их слияние. Притом, необходимо отметить, что ни певцы-ханенде, ни музыканты не изменили классически- восточного звучания своего исполнения, танцевальная «европезировано-восточная» хореография, «европезировано-восточные» костюмы и сценография сдвинули ракурс восприятия всей оперы-хореографии в другое измерение, создали качественно новый стиль оперы, замешанный на «восточно-западной» закваске, где полярные составляющие присутствуют, полнозвучно сохраняя свой менталитет. Триумфальный успех этого проекта лишний раз подтверждает, что такие совместные синтезированные проекты, каким предстал проект оперы-хореографии «Лейли и Меджнун» Узеира Гаджибейли с вокальным исполнением Алима Гасымова и Фарганы Гасымовой, в исполнении танцевальной группы Марка Морриса и инструментальным ансамблем «Шелковый путь» Йо-Йо Ма, являются творческим успехом в поисках новых путей на стыке культур, стилей, мировоззрений и взаимопониманий Востока и Запада.

Иванов К.Ю.
к.т.н., доцент кафедры «Теология» Российского университета транспорта

РОЛЬ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Ключевые слова: *духовно-нравственные ценности, десять заповедей хозяйствования, заповеди блаженства, свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании.*

Сейчас часто приходится слышать о том, что стране нужны технические, инженерные кадры, специалисты в области IT-технологий, робототехники и прочих направлений профессиональной деятельности. Параллельно с этим упрощается программа гуманитарных направлений, сокращаются часы, говорится о том, что современному специалисту не нужны лишние знания. Подобная позиция вряд ли может свидетельствовать о дальновидности и мудрости тех, кто ее придерживается, потому что история вузов России говорит об обратном: традиционно, гуманитарному аспекту образования всегда уделялось огромное внимание.

Подтверждением сказанному выше являются данные, отражающие общественное мнение по данному актуальному вопросу в 2018 году и представленные на рис. 1[1].

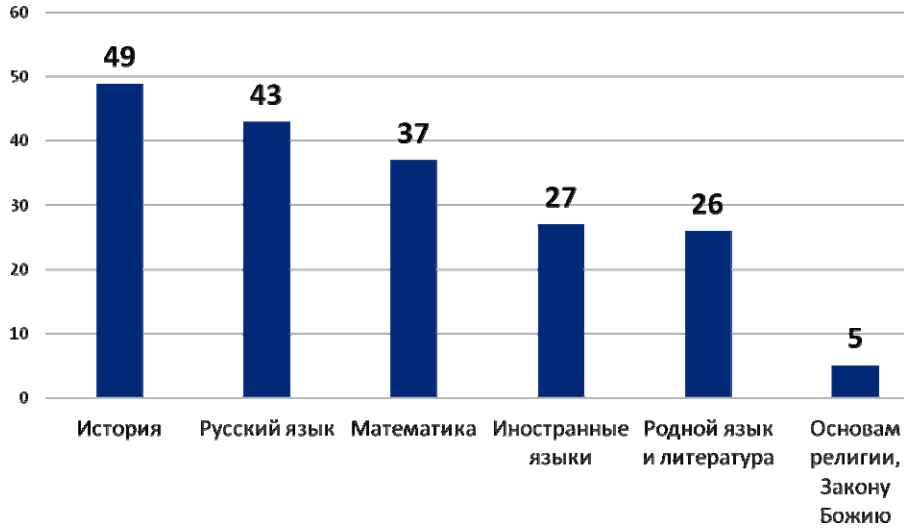


Рисунок 1.
Ответ на вопрос «Как вы считаете, преподаванию, каких школьных предметов сейчас следовало бы уделить наибольшее внимание?»

Как видно из рис. 1, из 6 представленных предметов в школе, 5 предметов относятся к циклу гуманитарных дисциплин. Стоит отметить и тот факт, что определенная доля респондентов (5%) выступает за преподавание в школе предметов, обращенных к духовно-нравственному развитию школьников. Это означает, что в обществе все еще актуален запрос на будущих граждан, специалистов, обладающих не только профессиональными знаниями, но и человеческими качествами.

Для настоящего времени характерна пропаганда материального обогащения, постепенное выхолащивание института семьи и брака, увеличение числа разводов, жестокость и эгоизм в межличностных отношениях и другие негативные проявления. Дети воспитываются в неполных семьях, один из родителей вынужден большую часть времени проводить на работе, что не позволяет полноценно воспитывать детей в духовных традициях.

Все эти негативные проявления влияют на качество выполнения человеком своих профессиональных обязанностей. Достаточно привести пример из области медицины, с которой сталкиваются люди в нашей стране: очень часто приходится слышать негативные отзывы о качестве медицинских услуг. Причем, люди отмечают халатность, равнодушие, грубость врачей во время приема больных.

Убедительным свидетельством отношения людей к медицине являются результаты опроса, представленные на рис. 2[2].

[1] Общественное мнение – 2018. – М.: Левада-Центр, 2019. – С. 69.
[2] Там же.

Рисунок 2.
Можете ли вы, другие члены вашей семьи при необходимости получить хорошее медицинское обслуживание?

Из рис. 2 следует, что 65% респондентов, в целом, не удовлетворены качеством медицинских услуг, и лишь 7% считают, что медицинские услуги отвечают высоким стандартам. Как уже было сказано выше, одной из причин подобной ситуации является бездуховность современного общества. Достаточно почитать отзывы о поликлиниках или больницах, либо самостоятельно обратиться в организации здравоохранения за медицинской помощью, чтобы убедиться в остроте и актуальности проблемы.

Именно поэтому помимо знаний, навыков и умений, нравственные ценности должны быть одной из важнейших составляющих профессиональной деятельности человека, независимо от того, какую работу он выполняет. Доказательством запроса на нравственные ценности можно считать разработанную стратегию развития воспитания в Российской Федерации до 2025 года[1]. Это указывает на то, что наши власти на государственном уровне обеспокоены состоянием духовности в нашей стране. В этой стратегии сформулированы духовно-нравственные ценности и качества человека, которые очень важны в профессиональной деятельности человека. Например, к ним относятся:

человеколюбие;
справедливость;
совесть;
вера в добро и др.

Следует отметить, что основой этой стратегии послужил Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании, принятом на итоговом пленарном заседании VIII Всемирного Русского Народного Собора. Свод аналогичен 10 ветхозаветным заповедям и представляет собой «десять заповедей хозяйствования», основанных на тысячелетних нравственных нормах, заимствованных из книг Священного Писания Ветхого и Нового Заветов. Каждая из норм этого свода затрагивает определенную сторону хозяйственной деятельности с точки зрения христианской этики[2]:

I. Не забывая о хлебе насущном, нужно помнить о духовном смысле жизни. Не забывая о личном благе, нужно заботиться о благе ближнего, благе общества и Отчизны.

II. Богатство – не самоцель. Оно должно служить созиданию достойной жизни человека и народа.

III. Культура деловых отношений, верность данному слову помогает стать лучше и человеку, и экономике.

IV. Человек – не «постоянно работающий механизм». Ему нужно время для отдыха, духовной жизни, творческого развития.

V. Государство, общество, бизнес должны вместе заботиться о достойной жизни тружеников, а тем более о тех, кто не может заработать себе на хлеб. Хозяйствование – это социально ответственный вид деятельности.

VI. Работа не должна убивать и калечить человека.

VII. Политическая власть и власть экономическая должны быть разделены. Участие бизнеса в политике, его воздействие на общественное мнение может быть только прозрачным и открытым.

VIII. Присваивая чужое имущество, пренебрегая имуществом общим, не воздавая работнику за труд, обманывая партнера, человек преступает нравственный закон, вредит обществу и себе.

IX. В конкурентной борьбе нельзя употреблять ложь и оскорбления, эксплуатировать порок и инстинкты.

---

[1] Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая № 996 // Российская газета – М., 2015. – 8 июня.

[2] Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании/Принято на итоговом пленарном заседании VIII Всемирного Русского Народного Собора // Православная беседа. 2004. – № 2.

X. Нужно уважать институт собственности, право владеть и распоряжаться имуществом. Безнравственно завидовать благополучию ближнего, посягать на его собственность.

В документе отмечается, что данный Свод представляет собой идеальную модель хозяйствования, не существующую в настоящее время. «Но нельзя заранее говорить, что цель следования ему недостижима, ибо в стремлении к чистой совести и достойной жизни человек с помощью Божией может пройти сколь угодно трудными путями, даже если дело касается такой непростой сферы человеческого бытия, как экономика»[1]. Использование этого свода на практике хозяйствующими субъектами в корне бы изменило в лучшую сторону отношения между работниками и работодателями в различных отраслях экономики нашей страны, способствовало бы снижению коррупции, махинаций в банковской сфере, сфере недвижимости и т.п.

Так, в последнее время участились случаи недобросовестного отношения к своим профессиональным обязанностям со стороны представителей туристской индустрии Российской Федерации. Определенная часть туроператоров обанкротилась по причине нарушения финансовой дисциплины, вследствие чего пострадали туристы, купившие туры и не получившие компенсации. Но и многие туристы не всегда отличаются бережным отношением к местам временного пребывания. В частности, «выбирая себе место для отдыха, люди руководствуются разными причинами, но всегда самыми главными являются хорошая погода и красота природы дестинации. Чтобы сохранить дестинации не только на ближайшее время, но и далѐкое будущее, необходимо свести антропогенное воздействие на природу к минимуму. Необходимо, чтобы каждый человек понял, что несет личную ответственность за это»[2].

Вместе с тем, в рамках данной статьи, целесообразно дополнить существующие подходы к вопросу значения нравственности в профессиональной деятельности человека новозаветными заповедями Нагорной проповеди Христа. Они также применимы в профессиональной деятельности людей.

Прошло уже более 2000 лет с момента пришествия в мир Христа-Спасителя, а Его учение, заповеди, нравственные наставления человечеству до сих пор волнуют умы исследователей, историков, да и обычных обывателей. Для того чтобы обрести эти духовные качества души, мало просто быть хорошим человеком, надо вооружиться тем священным знанием, которые мы получили от Бога в Священном Писании Ветхого и Нового Заветов.

Сокровищницей духовно-нравственных наставлений является главная книга Нового Завета – Евангелие, а основным законом, правилом отношения к людям в своей жизни и работе является Нагорная проповедь, в которой Христос называет ученикам заповеди блаженства и которую можно назвать ключевой, так как она содержит фундаментальные истины всего учения Христа.

Знание этих заповедей, их выполнение сделает работника более ответственным, терпеливым, доброжелательным и сострадательным человеком.

Так, 3 заповедь указывает на необходимость иметь кроткий нрав.

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

Сам Господь призывал нас на своем примере следовать этой добродетели – кротости: «научитесь от Меня, ибо я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко»[3].

Кротость – одна из важнейших христианских добродетелей, есть спокойное полное христианской любви, состояние духа человека. Такие люди не раздражаются, не ропщут на Бога и людей, не обижаются, все переносят кротко.

Христианская кротость выражается в терпеливом перенесении обид и есть свойство, противоположное гневу и злобе, мстительности. Кроткий человек не обижается, а сожалеет о жестокости сердца обидевшего его человека, желая ему исправления, молится о нем и отдает его действия на суд Божий: «Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми. Не мстите за себя, возлюбленные, Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь»[4].

Как же важна эта заповедь в профессиональной деятельности, особенно, если речь идет о взаимодействии людей в трудовых коллективах. Ее выполнение будет способствовать мирному, уважительному отношению к коллегам; такой человек не будет мстительным, злопамятным, к нему потянутся люди, он будет спокойно переносить трудности.

Одной из важнейших заповедей, которую надо использовать в работе с людьми является заповедь – блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

Милостивые, милосердные – это люди неравнодушные, сострадательные к другим, жалеющие и старающиеся помочь добрыми делами. Дела милости делятся на материальные и духовные. Любой человек, работающий с людьми и вооруженный этой заповедью, будет относиться к людям лучше, добрее, внимательнее, чем если бы он не знал о ней. Вместе с тем, милосердие не должно быть показным, не должно быть ожидание благодарения за добрые дела.

Другим важнейшим требованием, относящимся к характеру доброделания, является требование к осознанию подлинного понимания ценностей жизни, ее главного смысла. И в Евангелие от Матфея содержится великий наказ Христа, состоящий в истинном смысле жизни человека, который в полной мере отражает следующая фраза: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют, и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше»[5]. Образный смысл заповеди означает, что если какие-то ценности для человека имеют авто-

---

[1] Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании/Принято на итоговом пленарном заседании VIII Всемирного Русского Народного Собора // Православная беседа. 2004. – № 2.

[2] Тихонова Т.Ю. Концепция устойчивого туризма (sustainable tourism) как фактор устойчивого развития (sustainable development) // Вестник института мировых цивилизаций. – М., 2017. – № 15–2. – С. 108–115.

[3] Евангелие. Мф. 11: 29.

[4] Новый завет. Псалтирь. Римл., 12, 18–19.

[5] Там же. Мф.5:

номно-земной характер, то они недолговечны и могут быть разрушены[1]. Например, они могут быть разрушены внезапно появившимся в жизни человека смертельным недугом, несчастным случаем, ограблением и т.п. Следование этому призыву Христа позволит человеку не ставить на первое место в своей профессиональной деятельности исключительно материальные и финансовые блага, карьеру. Это будет дополнением, «прицепом» к важнейшей нравственной установке – жить так, чтобы копить духовные богатства, к которым относятся милосердие, трудолюбие, честность, смирение, терпение, альтруизм и другие качества души. Кроме того, послужит определенным духовным щитом от соблазна участия в сомнительных коррупционных операциях, ставших настоящим бедствием экономики практически всех стран мира, включая и Российскую Федерацию.

Другой заповедью блаженства, которая позволит лучше относиться к людям в профессиональной деятельности, является призыв к миротворчеству: блаженны миротворцы, ибо нарекутся Сынами Божьими.

Миротворцы – это люди, которые ни с кем не враждуют и устанавливают мир между людьми. Об этом нам напоминает сам Господь в Евангелие от Иоанна «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается»[2]. Этими словами Христос показывает нам, что своим подвигом миротворчества мы уподобляемся самому Сыну Божьему, пришедшему на землю, чтобы примирить согрешивших людей с правосудием Божиим и поселить мир между людьми через любовь: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. По тому все узнают, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою»[3]. Поэтому миротворцам и обещается благодатное наименование сынов Божьих, т.е. детей Божьих. Как говорит апостол Павел: «А если дети, то и наследники Божии, сонаследники же Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться. Ибо думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с той славой, которая откроется в нас»[4]. Использование этой заповеди позволит избежать, по возможности, конфликтов, терпимо относиться к сослуживцам, демонстрировать людям искренность, заинтересованность в помощи им, удовлетворения их просьб и разрешения проблем.

Вот какое колоссальное значение имеют нравственные законы, которые содержатся в книгах Священного Писания Нового Завета. Практическое использование этого бесценного дара позволит изменить отношение к людям в лучшую сторону, к выполнению своих профессиональных обязанностей.

[1] Долженко А.Г. Нагорная проповедь. – М., 2008.

[2] Евангелие. Ин.14: 27.

[3] Евангелие. Ин.13: 34–35.

[4] Новый завет. Псалтирь. Рим., 8, 17–18.

Ирхин Ю.В.
д.филос.н., профессор РАНХиГС и РГГУ
Irkhine@mail.ru

ОПЫТ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИННОВАЦИОННОГО УПРАВЛЕНЧЕСКОГО КОНКУРСА «ЛИДЕРЫ РОССИИ» КАК ГЕНЕРАТОРА СОВРЕМЕННЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ И СОЦИАЛЬНОГО ЛИФТА

Ключевые слова: *лидер, лидерство, компетенции, управление, цифровое общество.*

Проблема эффективного политического лидерства в цифровую эпоху

Политическое лидерство – важный институт общественного развития. Исследования лидерства необходимы как в силу возрастающего воздействия данного явления на генезис политики в целом, так и по причине его собственной сложности и изменчивости.

Лидерство как процесс предполагает взаимосвязь, взаимодействие и взаимовлияние ряда элементов: самих лидеров, их последователей, социальной среды, решаемых задач и т.п. Лидерство динамично – оно детерминируется, обусловливается общими социально-политическими условиями, своеобразно преломляющимися в конкретной исторической ситуации и в специфике личностных качеств лидера, позиции которого также могут меняться. Недостаточно эффективное лидерство – одна из главных проблем современного общественного развития.

На политическое и управленческое лидерство в XXI в. оказывают существенное влияние новые процессы: медиатизация, цифровизация, быстрые перемены в обществе, изменение представлений об управлении государством и экономикой.

Принципиальным для лидера является четкое позиционирование своих политических и управленческих позиций, эффективное взаимодействие с командой, сторонниками, экспертным сообществом. При этом деятельность лидера должна рассматриваться в тесной связи с работой его команды помощников, профессионалов-консультантов, исполнителей и сторонников, во взаимодействии с элитами, корпусом государственных служащих, группами интересов и давления, представителями бизнеса и финансов, современных СМИ, международных организаций и т.п.

Возрастающая динамичность и многомерность современных политических процессов, отсутствие их однозначной предопределенности актуализируют требования к когнитивным аспектам лидерства. Неслучайно большинство эффективных лидеров сегодня имеют инновационное образование, позволяющее им понимать как потребности общества, так и пути повышения его конкурентоспособности в противоречивом глобальном мире [см. 11, 12].

Проблема эффективности политического и управленческого лидерства в современных условиях неразрывно связана с формированием у лидеров новых управленческих компетенций, предполагающих уверенное владение системными навыками управленческой деятельности в цифровом обществе, необходимыми умениями работы с использованием «платформенно-цифровых» управленческих технологий, а также методиками эффективного участия в составе вертикальных, горизонтальных и сетевых «команд», нацеленных на решение задач как стратегического (целевого) проектного планирования, так и регионального развития и др. [см. 4].

Современный подход к анализу и формированию компетенций предполагает их творческий синтез: традиционные (конкретно-профессиональные), цифровые, командно-коммуникационные, «мягкие» и др. [2].

Очевидно, что в связи с инновационными задачами и планами, поставленными и определенными в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», других документах, определяющих стратегию развития России на период 2018–2024–2030-е гг., требуется соответствующая переподготовка существующего управленческого корпуса в связи с цифровыми вызовами, усложнением общественного развития и взаимодействия по линии государство – бизнес – наука –гражданское общество [5, 7].

Необходимо также создание условий для формирования новой, молодой волны управленцев-лидеров, органично дополняющих кадровую систему в сложившихся управленческих структурах, уверенно владеющих системой современных компетенций [см. 9].

Формирующееся цифровое общество предполагает высокий уровень управления. В этой связи весьма актуальна задача подготовка управленцев-лидеров, владеющих современными управленческими компетенциями, особенно, в цифровых, коммуникационных, сетевых сферах. [9, 12].

Конкурс «Лидеры России» является актуальной, новой формой массовой подготовки управленцев современного типа, своеобразным управленческим «лифтом».

Изучение его опыта и значения будет полезно самому широкому кругу как нынешних, так и будущих управленцев.

Первый конкурс управленцев «Лидеры России» (2017–2018 гг.)

Одним из эффективных институтов формирования современного корпуса политических лидеров и своеобразным управленческим лифтом стал первый всероссийский конкурс управленцев «Лидеры России» 2017–2018 гг., а затем, второй – в 2018–2019 гг.

Оператором конкурса является Автономная некоммерческая организация «Россия – страна возможностей», зарегистрированная 21 июня 2018 г. в соответствии с Указом Президента РФ от 22 мая 2018 г. № 251 [6].

Учредителем АНО является Управление делами Президента России[1]. Финансирование проведения конкурса осуществляется на основе распоряжения Правительства Российской Федерации от 23 февраля 2018 года № 305-р из средств Резервного фонда РФ.

Организаторы конкурса «Лидеры России» – Администрация президента РФ (Руководитель администрации – А.Э. Вайно, первый заместитель – С.В. Кириенко), Комиссия при президенте РФ по вопросам государственной службы и кадровому резерву страны. Исполнитель (оператор) – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Ректор РАНХиГС – профессор В.А. Мау).

Цель проекта «Лидеры России», который будет реализовываться на постоянной основе, – выявление, развитие и поддержка наиболее перспективных руководителей-лидеров со всей страны, обладающих высоким уровнем развития управленческих компетенций.

Неотъемлемой составляющей проекта является постоянный институт наставничества, формирующийся из людей, которые работают в высших эшелонах законодательной и исполнительной власти, являются руководителями крупнейших компаний, органов СМИ. В первом конкурсе их было 70, а в 2019 г. – 93 человека. Главным наставником считается Президент РФ В. Путин. Он провел официальные встречи с победителями первого (2018 г.), а затем второго (2019 г.) конкурсного финала [1].

Важный принцип конкурса – прозрачность и равные возможности. Контроль за честностью, открытостью и прозрачностью конкурса осуществляет наблюдательный совет, в который входят 19 человек: в их числе первый заместитель Генерального директора ТАСС М. Гусман, директор Эрмитажа М. Пиотровский, профессор Л. Рошаль, советник президента РФ по вопросам культуры В. Толстой, двукратная олимпийская чемпионка Е. Исинбаева и др.

Участие в беспрецедентном по масштабу участия конкурсе «Лидеры России» бесплатное и попробовать оценить в нем свои силы, компетенции, лидерские и управленческие навыки могут сотни тысяч желающих, в том числе и иностранные граждане.

Не имело значения, в какой сфере работает потенциальный претендент. Чтобы стать участником первого конкурса, нужно было являться управленцем не старше 50 лет и иметь опыт руководства не менее 5 лет.

Для участников до 35 лет действуют облегченные условия: достаточно иметь 2 года опыта работы на руководящей должности.

В процессе многоэтапного прохождения конкурса, в соответствии с его требованиями, у его участников проверяются и дополняются (развиваются) следующие основные компетенции: лидерство; нацеленность на результат; стратегическое мышление; умение работать в команде; коммуникация и влияние; внедрение изменений; инновационность; социальная ответственность и другие компетенции, необходимые современному управленцу.

На официальном интерактивном сайте конкурса заявлено: «Лидеры России» – это открытый конкурс для руководителей нового поколения. Бросьте вызов тысячам управленцев и попадите в сообщество лидеров, которые определят будущее России» (см.: https://лидеры россии.рф).

Для участия в первом конкурсе «Лидеры России» 2017–2018 гг. зарегистрировалось 199 тыс. человек (изначально организаторы Конкурса полагали, что их будет не более 10 тысяч). Количество участников Конкурса, которые прошли регистрацию (логин, пароль, личный кабинет, информация о себе) и были допущены к следующему этапу – дистанционному тестированию, составило – 78 тыс. 170 конкурсантов.

Этап дистанционного отбора участники проходили в форме онлайн-тестирования, когда в течение нескольких недель в сериях персональных тематических тестовых заданий (в условиях ограниченного времени), необходимо было ответить на тематические вопросы.

Участникам последовательно представлялись серии специализированных тестов по Конституции Российской Федерации, ключевым событиям истории России, русской литературы и языку, архитектуре, политической и экономической географии России, математике и информатике.

В этих тестированиях речь шла о выяснении общего культурного кругозора участников, их логике и скорости принятия решений. Дополнительную сложность создавали временные ограничения (например, в географическом тестировании за одну минуту нужно было ранжировать 15 регионов России по географической широте и/или их площа-

[1] АНО «Россия – страна возможностей» развивает одноименную платформу, объединяющую 16 проектов. «Лидеры России» – это ее флагманский проект. Другие проекты АНО: международный конкурс «Мой первый бизнес», всероссийский конкурс «Доброволец России», Грантовый конкурс молодежных инициатив, кубок по менеджменту среди студентов «Управляй!», движение «Молодые профессионалы» (WorldSkills Russia), конкурс «Моя страна – моя Россия», Международный инженерный чемпионат CASE-IN и др.

ди). Наиболее сложными и объемными по количеству вопросов – являлись тесты по управлению; их прошли немногим более 10 тыс. человек.

По числу участников дистанционного этапа от федеральных округов России на первом месте был Центральный – на его регионы приходилось 34,9% всех конкурсантов; далее – Приволжский (17,8%), Северо-Западный (13,2%), Сибирский (10,2%), Уральский (9,7%), Южный (7,9%), Дальневосточный (3,6%) и Северо-Кавказский (2,7%). Общероссийский ТОП-5 регионов по количеству участников: Москва (20,2% всех конкурсантов), Санкт-Петербург (8,5%), Московская (5,9%), Самарская (3,4%) и Свердловская (3,3%) области.

После дистанционного этапа уже в очные региональные полуфиналы прошло 2,7 тысяч участников. В них соревнования осуществлялись в небольших группах, под контролем экспертов и/или наставников, которые выставляли им соответствующие оценки. По итогам полуфиналов в январе 2018 г. от ЦФО было отобрано 74 финалиста, от остальных – по 30 (от Северо-Западного – 45).

Всего в финал прошло 300 участников; представлявших 54 региона РФ, в возрасте от 24 до 49 лет. Количество женщин-финалисток составило 16%. Финал конкурса состоялся в феврале 2018 г. в г. Сочи: 103 его участника, показавших наиболее высокие результаты, были объявлены победителями. 12 февраля 2018 г. с ними встретился Президент России В.В. Путин.

Все победители финала получили право в течение года консультироваться у 70 наставников из числа лучших управленцев страны. (Дополнительно в программу наставничества были включены 39 финалистов, которых сами наставники выбрали после личного общения).

Победителям были вручены сертификаты образовательных грантов в размере 1 млн. рублей (для учебы или повышения квалификации в любом вузе России), некоторые стали участниками программы развития кадрового управленческого резерва (организатор РАНХиГС при Президенте РФ).

В ряде мест (Курганской, Рязанской и Тюменской областях) прозвучали предложения о создании региональных аналогов конкурса. Они имели место также в Белоруссии, Казахстане, Словакии и других странах.

Ряд участников Конкурса получил значимые приглашения.

Так, П.Ю. Сорокин (33 года) был назначен заместителем министра энергетики, О.О. Салагай (36 лет) – зам. министра здравоохранения, И.Э. Торосов (37 лет) – зам. министра экономического развития, а помощником министра – калининградка Т.И. Дьяконова. Двое финалистов вошли в состав Администрации президента РФ.

29 мая 2018 г. на пост врио главы ЯНАО был назначен участник полуфинала в Екатеринбурге от ЯНАО Д.А. Артюхов (30 лет), который через три месяца был избран губернатором. 30 мая 2018 г. на пост врио главы Амурской области был назначен участник конкурса В.А. Орлов, который тоже был избран ее губернатором.

Участники проекта получали приглашения на новые должности и до окончания конкурса. 14 финалистов и 10 выпускников I потока Программы кадрового управленческого резерва приняли участие в IV Восточном экономическом форуме во Владивостоке 11–13 сент. 2018 г. Они выступили в отраслевых дискуссиях, а также рассказали, как обучение по Программе кадрового управленческого резерва (в РАНХиГС при Президенте РФ) и участие в конкурсе помогло им приобрести новые управленческие компетенции и продвинуться по службе.

Второй конкурс управленцев «Лидеры России» (2018–2019 гг.)

Второй конкурс «Лидеры России» открылся регистрацией участников на его сайте в период с 10 по 24 окт. 2018 г. Их возрастной порог был увеличен до 55 лет (ранее, не старше 50 лет). В регистрации приняли участие 227 тыс. человек, в том числе, представители 68 стран. До 27 окт. 2018 г. всем им следовало загрузить в личный кабинет видеоинтервью о себе, своих лидерских достижениях и возможных планах или проектах (это не требовалось в 2017 г.). Эту регистрацию прошли 89 тыс. человек из 85 субъектов РФ.

Дистанционный период отбора состоялся с ноября по декабрь 2018 г. Программы тестирования были усложнены, по сравнению с первым Конкурсом.

Всего на полуфиналы прошло 3294 участника отборочного тестирования. По федеральным округам в полуфинал конкурса вышли: Центральный – 947 (600 человек – Москва), Приволжский – 436, Северо-Западный – 432, Южный – 334, Сибирский – 326, Уральский – 315, Дальневосточный – 311, Северо-Кавказский – 193. ТВ число полуфиналистов попало 18 участников из других стран.

В январе-феврале в 2019 г. в конкурсных комиссиях прошли полуфиналы в 8 федеральных округах, где оценивались способности конкурсантов работать в командах, выполняя определенные задания наставников и экспертов, которые выставляли им оценки.

В первый, полный день полуфинала участники проходили ретест – очный повтор важных тестов дистанционного этапа (кроме управленческих): на знания (история, география, искусство, русский, право, экономика) и на способности (числовые и вербальные). На ретесте отсеялось значительное число лиц.

Затем проходили испытания в группах, где работа была нацелена на результат. Задачи предлагались многопрофильные: от знания современных цифровых технологий до решения реальных экономических вопросов. Лидер должен уметь управлять и вести за собой в любой ситуации.

Одним из нововведений 2019 г. – явился конкурс «Сердце лидера». Это задание было обязательным условием допуска в финал. Оно предполагало презентацию и реализацию социального проекта, направленного на благо общества или отдельных социальных групп. Объективность и прозрачность полуфиналов обусловливалась, в частности, непосредственным визуальным контролем групп наблюдателей; видео-контролем камерами, установленными в зале; полной записью действий пользователя компьютера.

Основными критериями для отбора финалистов стали такие качества, как стратегическое мышление, нацеленность на результат и социальная ответственность. Участники прошли комплексную оценку деловых и личностных качеств, выполняя индивидуальные задания и работая в группах; результаты прохождения оценки определили значения индивидуального рейтинга каждого из них.

На этапе полуфиналов ряд участников вошел в кадровые резервы управленцев соответствующих субъектов РФ; губернаторы провели с ними рабочие встречи. По итогам полуфиналов 269 человек вышли в финал, еще 31 финалист добавился из «листа ожидания» после рассмотрения Наблюдательным советом результатов реализации социальных проектов участников.

20 октября 2018 г. ВЦИОМ провел опрос, посвященный конкурсу. Согласно ему, подавляющая часть респондентов (82%), поддерживают проведение такого мероприятия и считает, что подобные конкурсы нужны. Более половины опрошенных – уверены, что победителей конкурса «Лидеры России» выбирают объективно, в соответствии с их реальными достижениями.

В принципе, участники могут обратиться в комиссию по проведению конкурса через личный кабинет и получить комментарии о качестве их ответов на ключевые тесты и испытания, что может помочь им понять, по каким направлениям следует совершенствоваться.

С 12 по 17 марта 2019 г. в г. Сочи состоялись финальные испытания конкурса, в котором приняли участие 300 победителей полуфиналов (из них женщин – 17%). Несколько десятков человек, вошедших в финал, ранее принимало участие в первом конкурсе, но тогда они не смогли достичь финала, а вот во втором – им помог накопленный опыт.

В церемонии открытия финала в сочинском комплексе науки и искусства «Сириус» приняли участие первый заместитель руководителя Администрации Президента РФ **Сергей Кириенко,** руководитель Федеральной налоговой службы **Михаил Мишустин,** ректор РАНХиГС **Владимир Мау,** губернатор Краснодарского края **Вениамин Кондратьев**, руководитель конкурса, генеральный директор АНО «Россия – страна возможностей» **Алексей Комиссаров,** председатель Экспертного совета конкурса **Павел Безручко.**

В первый день финала – «Социальный день» – конкурсанты провели открытые уроки в 22 школах Сочи по лидерской проблематике (причем оценки, выставленные им учениками, 11 классов, далее учитывались). Финалисты вместе с выпускниками школ высадили 300 деревьев в «Аллее лидеров».

Далее, во второй день – «День развития», – финалисты участвовали в мастер-классах 39 наставников – успешных и эффективных руководителей из сферы государственного управления, частного бизнеса, науки и др. Во время своего мастер-класса председатель правления ПАО «Сбербанк России» Герман Греф подчеркнул, что «Мы столкнемся с ростом скорости изменений и информационного потока, усложнением обстановки, но вместе с тем, со значительным расширением возможностей. Каждому из нас придется стать специалистом по обработке данных. У меня нет универсальных рецептов лидерства, поскольку лидерство – это всегда работа на грани, работа над собой, способность к обучению, большие уши, маленький рот, саморефлексия и дисциплина. Дисциплина также начинается с первого лица всегда».

«День развития» был продолжен панельной дискуссией по проблемам лидерства с приглашением большого числа губернаторов, которые могли получить необходимую информацию о широком круге участников «из первых рук».

Третий день финала – был «Днем наставника». В его рамках большинство наставников приняли активное участие в оценочных мероприятиях финала: они проверили, как финалисты коллективно решают конкретные управленческие кейсы и оценили их работу. «Люди, которые стремятся к новым вершинам, к новым результатам, не к процессу, а к результату – это те люди, которые нужны нашей команде. 90 процентов – это выходцы из бизнеса. Мы одному из них предложили, он согласился работать заместителем начальника управления, предложили другому – он отказался. Отказался, потому что на прежней работе его сразу повысили в должности», – рассказал мэр Москвы, наставник конкурса Сергей Собянин.

Алексей Лихачев, генеральный директор Госкорпорации «Росатом», которая является одним из партнеров конкурса, подчеркнул, что компания рассматривает этот проект как кадровый и методический резерв, позволяющий не только пополнить управленческую команду новыми членами, но и поднять уровень внутренней мотивационной работы. Для «Росатома» являются значимыми те знания и опыт, которые получают сотрудники компании, участвующие в Конкурсе. «Задание, которое я сегодня давал участникам, было посвящено конкретной новаторской задаче – способам развития Северного морского пути. Было крайне интересно услышать свежие мысли, получить соображения по решению этой задачи. И эти ожидания оправдались в полной мере – участники дали предложения, в том числе в части привлечения иностранных перевозчиков, создания для них коммерчески привлекательных условий».

В этот же день состоялась панельная дискуссия с участием членов клуба лидеров «Эльбрус». Четвертый день финала был «Управленческим днем» – конкурсантов ждали дополнительные оценочные мероприятия по управлению.

Победителями конкурса были признаны 104 человека. Кроме того, 11 финалистов получили награды за победу в конкурсе «Сердце лидера». Все участники финала получили образовательные гранты в размере 1 млн. рублей, право взаимодействовать со своими наставниками в течение года, возможность стажироваться или работать в крупнейших российских компаниях или на административных государственных должностях.

Напутствуя участников проекта, В.А. Мау подчеркнул, что «Никогда не бывает окончательной победы. Чтобы всегда побеждать, надо быть недовольным собой всю жизнь. Только недовольство собой позволяет побеждать дальше. Нам всем нужна не одна победа сегодня на этом конкурсе, а серия побед на протяжении всей жизни. Этого я вам и нам желаю. У нас много филиалов, я много езжу по стране, и в каждом субъекте Федерации нахожу победителя или

участника финала «Лидеров России». Призываю вас всех эту сеть поддерживать, в любом регионе вы найдете своих единомышленников, друзей, партнеров».

Финалисты получили приглашения участвовать в работе Международного Петербургского экономического форума; они могут стать участниками программ кадрового резерва различных уровней. Конкурс получил высокую оценку ряда зарубежных организаций, планируется реализация подобного проекта в Сербии.

19 марта 2019 г. Президент России Владимир Путин провел встречу с победителями проекта «Лидеры России». Он обсудил с ними его результаты и отметил, что у победителей конкурса будут свои очень опытные наставники, уже доказавшие свою самостоятельность с помощью результатов их работы, результатов своей жизни. Главным конкурентным преимуществом участников конкурса В.В. Путин считает их умение работать в команде [1].

Конкурс «Лидеры России» будет проводиться ежегодно. Его очередной, третий тур начнется в октябре 2019 г.

С целью оптимизации участия в национальных целевых задачах развития России на период 2018–2024 гг. была создана общенациональная российская цифровая платформа взаимодействия бизнеса, власти и общества «Стратегия Российской Федерации» (Strategy.24.ru).

Через ее посредство лидеры, руководители и все заинтересованные граждане, могут получать необходимую информацию о документах стратегического планирования, национальных целевых проектах на различных уровнях и направлениях управления, новых законодательных и иных инициативах, предлагать собственные управленческие и бизнес-проекты.

Итак, сегодня эффективный лидер – это человек с высокими нравственными идеалами и сильной волей, успешным профессиональным опытом, практическими навыками руководства и работы в команде, действий в стрессовых ситуациях. Он должен уметь использовать свои личностные качества, цифровые технологии, поддержку последователей, чтобы добиваться поставленных управленческих целей.

В современных условиях ценятся именно функциональные качества лидера: его результативность, надежность, социальная направленность; возрастает роль научных проектов по подготовке инновационных лидеров.

В этом смысле принципиально важны регулярные общенациональные инновационные конкурсы управленцев-лидеров, во время которых у них формируются и испытываются современные управленческие компетенции, создаются условиях для новых социальных лифтов.

Список литературы

1. Владимир Путин провел встречу с финалистами конкурса управленцев «Лидеры России» // Российская газета. – М., 2019. – 19 марта.
2. Гоулман Д., Бояцис Э.М. Эмоциональное лидерство. Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта. – М.: Альпина паблишер, 2016. – 309 с.
3. Ирхин Ю.В. Концепции и технологии проектирования института эффективного политического лидерства // Политическое проектирование; глобальное, национальное, региональное измерения: монография / Под ред. М.Н. Грачева, Н.А. Борисова. – М.: Мир философии, 2016. – С. 172–197.
4. Лидерство: Д. Гоулман, П. Друкер, Дж. Коллинз и др. Серия: Harvard Business Review 10 лучших статей. – М.: Альпина паблишер, 2016. – 221 с.
5. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года. Указ Президента Российской Федерации от 7.05.2018. № 204.
6. О создании автономной некоммерческой организации «Россия – страна возможностей». Указ Президента Российской Федерации от 22.05.2018. № 251.
7. Послание президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию 2019. – М., 2019.
8. Предметное поле экономической политологии: монография / Под ред. Л.Е. Ильичевой, В.С. Комаровского. – М.: Аспект Пресс, 2018. – 239 с.
9. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р.
10. Электоральные процессы в России и Европе: новые практики, институты и технологии / Под ред. М.Е. Родионовой. – М.: Кнорус, 2018. – 342 с.
11. Borders and Margins: Federalism, Devolution and Multi-Level Governance / Ed. by G. Lachapel, P. Onate. – Berlin; Toronto: Barbara Budrich Publishers; Opladen, 2018. – 280 p.
12. Northouse P.G. Introduction to Leadership: Concepts and Practice. – London: SAGE, 2018. – 334 p.

Киракосян Н.Л.
к.э.н., доцент, Европейский университет, Ереван
kirakosyannarine@yahoo.com

НАВЫКИ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В УПРАВЛЕНИИ

***Ключевые слова**: навыки, навыки развития, профессиональные навыки, гибкие навыки, оценка навыков, проявления гибких навыков, треугольник развития личности.*
***Keywords:** skills, development of skills, hard skills, soft skills, skills assessment, manifestations of soft skills, triangle personality development.*

Если менеджер, работник, студент хочет развиваться, профессионально расти в первую очередь необходимо выяснить, что и как развивать. Для этого необходимо проанализировать треугольник развития (см. рис. 1) и определить комплекс навыков, необходимых для развития личности.

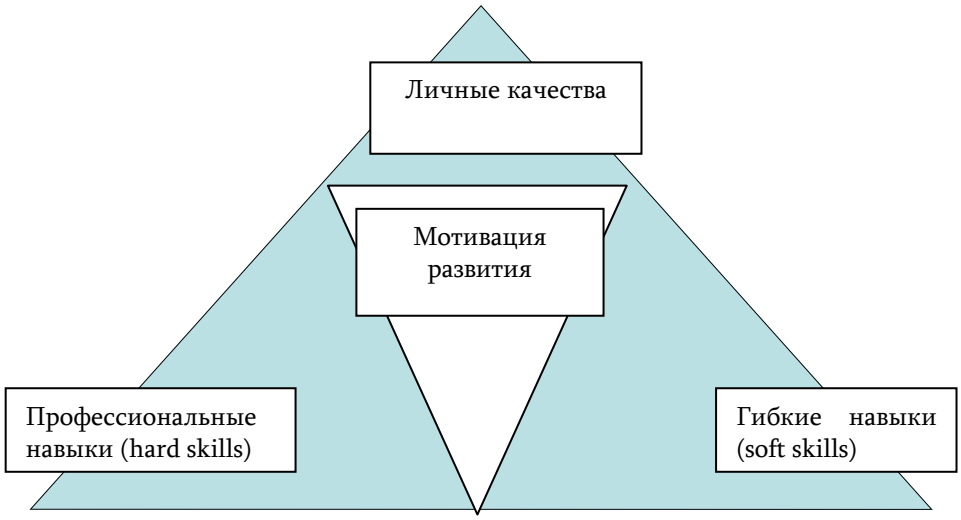


Рисунок 1.
Треугольник развития личности[1]

Согласно рис. 1 в развитии личности есть три аспекта: личные качества, профессиональные навыки (hard skills) и гибкие навыки (soft skills[2]).

Наиболее важным и основным аспектом личностного развития являются личные качества, в том числе отношение к людям, успехи и неудачи, цели и т.д.[3] Следует отметить, что ни один навык не принесет пользы, если человек не готов к прогрессу, развитию. Например, если менеджер не уважает и не любит своих сотрудников, тогда невозможно развить их мотивацию. Невозможно научиться продавать, если продавец не уважает свой товар, клиентов или людей. На самом деле, позиция и отношение человека являются первичными, а навыки – вторичными.

Другая сторона развития личности – это профессиональные навыки, необходимые для рабочих обязанностей и бизнес-процессов.

И третья сторона треугольника развития – это гибкие навыки, которые также называют социально-психологическими навыками и которые можно использовать в различных ситуациях.

Любое обучение навыкам может быть эффективным, если оно нацелено на рост и развитие человека. С другой стороны, если человек хочет развиваться, он должен четко сформулировать свои цели, понять, какие навыки ему нужны и какие методы и инструменты можно приобрести. Применение такого подхода определенно дает положительные результаты.

---

[1] Шипилов В. Перечень навыков soft-skills и способы их развития. 2016. – https://www.cfin.ru/management/people/dev_val/soft-skills.shtml

[2] Workforce connections: Key soft skills that foster youth workforce success. 2015. – https://www.childtrends.org/wp-content/uploads/2015/06/2015-24WFCSoftSkills.pdf

[3] Кови С. Семь навыков высокоэффективных людей: мощные инструменты развития личности. 13 изд. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – С. 82.

Для развития человека, прежде всего, необходимо преодолеть барьеры, препятствующие развитию. Наиболее распространенными из них являются:

- неопределенность, сложные и нерациональные планы,
- отсутствие желания работать и что-то менять в жизни,
- боязнь новых вызовов и проектов, стремление делать только то, что хорошо получается,
- отсутствие желания подумать о проделанной работе и ее результатах.

Желание развиваться создает возможность преодолеть эти препятствия. Их можно преодолеть, если:

- человек стремится к профессиональному росту, приобретению опыта,
- человек имеет определенный план роста и имеет четко определенные цели для этого,
- человек готов покинуть свою «зону комфорта» и рисковать, реализовать новые программы и решать новые проблемы,
- человек проводит анализ текущей работы и ее результатов, ищет причины успеха и неудач в своих действиях, а не во внешних обстоятельствах,
- человек стремится получить обратную связь от своих коллег, менеджеров, экспертов об успешности своих действий.

Следует отметить, что для личностного развития необходимо:

- приобретать новый опыт, знакомиться со специалистами, применять новые инструменты, пытаться решать более сложные вопросы. И самое главное, все это нужно делать постоянно,
- научиться планировать развитие,
- разработать комплексный подход к развитию, одновременно применяя различные инструменты для развития и обучения,
- получать новую информацию, отслеживать происходящие процессы, новости в отрасли, достижения,
- постоянно развивать навыки,
- развивать личные и профессиональные навыки во время работы, постоянно внедряя новые программы и задачи,
- брать пример с людей, которые могут учиться,
- научиться эффективно использовать обратную связь,
- посещать как можно больше полезных и интересных мастер-классов, тренингов, семинаров.

Чтобы овладеть навыками, необходимыми для развития человека, необходимо сначала оценить степень способности человека овладеть этими навыками, а для этого можно использовать таблицу оценки навыков (см. табл. 1).

Таблица 1

Шкала оценки навыков[1]

Уровень	Описание поведенческих проявлений
5 Мастерство	• Высокий уровень мастерства навыка, вы авторитет и эксперт, • Вы можете передавать навыки и знания, необходимые другим для овладения и развития данного навыков.
4 Продвинутый пользователь	• Высокий уровень развития навыков, • Вы можете применить этот навык в нестандартных и сложных ситуациях.
3 Опытный	• Вы полностью компетентны в этом навыке, • Вы эффективно применяете навык во всех стандартных ситуациях.
2 Развивающийся	• Вы находитесь в процессе освоения навыков, • Вы понимаете его важность, но не всегда используете его эффективно.
1 Недостаточный уровень	• Вы не обладаете навыком, вы не понимаете его важность, Вы не пытаетесь применить его и развить его.

Человек должен иметь четкое представление об общих характеристиках и проявлениях каждого из гибких навыков. Итак:

- **Базовые или коммуникативные навыки**. Эта группа навыков дает возможность эффективно обеспечить двухсторонний обмен информацией в своих интересах и интересах собеседника. Проявления этих навыков:
  - ✓ Способность понимать цели каждой коммуникации.
  - ✓ Способность внимательно и с интересом относиться к собеседнику.
  - ✓ Способность структурировать предоставляемую информацию от общего к частному, от проблемы к решению.
  - ✓ Способность опираться на свои интересы и интересы собеседника.
  - ✓ Способность контролировать свои невербальные реакции во время коммуникации.
  - ✓ Способность адаптировать стиль общения под уровень собеседника.
  - ✓ Способность во время общения удерживать зрительный контакт с собеседником.
  - ✓ Способность заинтересовать собеседников и вовлекать в обсуждение предлагаемой темы.
  - ✓ Способность строить беседу по принципу диалога.
  - ✓ Способность эффективно применять приемы активного слушания.
  - ✓ Способность четко и адекватно формулировать ответы на вопросы собеседников.

[1] Шипилов В. Перечень навыков soft-skills и способы их развития. 2016.

• **Навыки развития и поддержания бизнес-отношений (нетворкинг).** С этими навыками можно строить и поддерживать долгосрочные доверительные отношения с партнерами и клиентами. Проявления этих навыков:

- ✓ Способность к установлению эффективных отношений с другим, независимо от ситуации и его социального статуса.
- ✓ Умение поддержать разговор в любой ситуации.
- ✓ Способность определять сферы интересов собеседника и возможности взаимодействия.
- ✓ Способность к выявлению особенностей собеседника и в соответствии с этим к установлению отношений, избранию соответствующих форм общения и поведения.
- ✓ Способность к поддержанию постоянных отношений.
- ✓ Способность использовать любую возможность для расширения сферы своих бизнес-контактов.
- ✓ Способность оказать содействие решению задач собеседника.
- ✓ Способность структурировать приобретенные контакты и уметь их использовать.
- ✓ Ориентация на стратегии «Больше отдавать, меньше брать» и «Win-Win».

• **Навыки убеждения и аргументации.** Проявления этих навыков:

- ✓ Способность определять точку зрения собеседников и адекватно на нее реагировать.
- ✓ Способность к достижению своих целей, не забывая о целях собеседников.
- ✓ Способность выбирать оптимальную стратегию поведения при споре, максимально направленную на достижение целей.
- ✓ Способность убеждать в значимости своих аргументов.
- ✓ Способность выявить суть проблемы и представить эффективные решения.
- ✓ Способность незаметно переубеждать собеседника.
- ✓ Способность достигать компромиссных или взаимовыгодных решений и вырабатывать беспроигрышные методы достижения согласия.
- ✓ Способность адекватно реагировать на наличие у других людей иных точек зрения и уметь применять полученную информацию.

• **Управление конфликтами**. Эта группа навыков позволяет вам контролировать свое поведение в конфликтных и стрессовых ситуациях, находя и внедряя оптимальные решения, которые соответствуют всем аспектам конфликта. К проявлениям этих навыков относятся:

- ✓ Способность во время осознать приближение конфликтной ситуации и принимать меры для предотвращения конфликта.
- ✓ Способность в случае возникновении конфликта обсудить способы его устранения и найти способы достичь соглашения с другой стороной.
- ✓ Способность выбрать необходимую и оптимальную стратегию поведения во время конфликта.
- ✓ Способность быть готовым к разрешению конфликтных ситуаций, не занимая оборонительной позиции.
- ✓ Способность не избегать конфликта, а находить способы его рационального разрешения.
- ✓ Способность побуждать партнеров к открытому обсуждению спорных вопросов.
- ✓ Способность обращать внимание на факты, а не на спорные аргументы или эмоциональные вспышки.
- ✓ Способность устранять противоречия между людьми путем убеждения, дипломатии и логики, не обсуждая личности.
- ✓ Способность к такому разрешению конфликтов, которое сохранить продуктивные отношения с партнерами.

• **Навыки планирования и управления временем**[1]**.** Эти навыки позволяют эффективно планировать и управлять своим временем. Проявления этих навыков:

- ✓ Способность определить приоритеты действий с учетом их срочности, важности.
- ✓ Способность минимизировать вынужденные перерывы во взаимодействии.
- ✓ Способность регулярно и системно следовать запланированному графику.
- ✓ Способность к гибкому планированию собственного времени и, при необходимости, к изменению графика.
- ✓ Способность эффективно делегировать полномочия.
- ✓ Способность использовать такие инструменты планирования, как сетевой график и «диаграмма Ганта».
- ✓ Способность эффективно использовать инструменты планирования и распределения времени (ежедневник, дневник заметок, outlook или гугл-календарь и др.).
- ✓ Способность уважать время других.

• **Навыки принятия решений и обработки информации.** Эта группа навыков дает возможность принимать оптимальные решения на основе анализа информации. Проявления этих навыков:

- ✓ Способность определять объективные критерии, которым должно удовлетворять решение.
- ✓ Способность к нахождению всей необходимой информаци по конкретной проблеме.
- ✓ Способность к определению, какой информации не хватает для адекватной оценки ситуации.
- ✓ Способность к анализу собранной информации.
- ✓ Способность оценить возможные риски и последствия принятого решения.
- ✓ Способность к прогнозированию и оценке последствий принятых решений.
- ✓ Способность оценивать ситуацию, проблему, риски и решения с разных точек зрения.

[1] Кови С. Семь навыков высокоэффективных людей: Мощные инструменты развития личности. 13 изд. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – С. 177.

- ✓ Способность анализировать причинно-следственные связи.
- ✓ Способность в стрессовых ситуациях принимать решения, основанные на фактах и данных, а не на эмоциях.

• **Навыки командной работы и лидерства.** Проявления этих навыков:

- ✓ Способность перед началом командной работы определить общие правила и распределить роли партнеров.
- ✓ Способность организовать командную работу, соблюдать правила, активировать неэффективных партнеров.
- ✓ Способность не проявлять отрицательных эмоций во взаимоотношениях с товарищам по команде, к определению того, чем каждый член команды может быть полезен.
- ✓ Способность участвовать в групповых дискуссиях.

• **Навыки организации и ведения переговоров**. С помощью этих навыков можно достичь поставленных целей, принимая во внимание интересы и потребности другого человека. Проявления этих навыков:

- ✓ Способность определить потребности и интересы другого.
- ✓ Способность четко организовать переговоров.
- ✓ Способность оценить возможности партнера.
- ✓ Способность к обсуждению дальнейших действий и соглашений.
- ✓ Способность осуществлять мониторинг и надзор за выполнением достигнутых договоренностей.
- ✓ Способность завоевать доверие и разработать план долгосрочного сотрудничества.

• **Публичные выступления и презентации**[1]. Проявления необходимых навыков:

- ✓ Способность определить необходимую структуру речи.
- ✓ Способность эффективно использовать мимику, жестикуляцию и визуальный контакт.
- ✓ Способность эффективно использовать голосовые эффекты.
- ✓ Способность создать образ уверенного в себе человека.

• **Управление проектами**. Применение этих навыков позволяет применять инструменты управления проектами в любой ситуации и деятельности, основываясь на качестве, стоимости и сроках баланса результатов. Идеальные проявления этих навыков:

- ✓ Способность учитывать интересы всех заинтересованных в проекте лиц и определять ключевые факторы для планирования и реализации проекта.
- ✓ Способность к определению ключевых требований к результатам и работам проекта и согласованию их с заказчиком, к разработке технического задания.
- ✓ Способность к планированию работы по проекту в соответствии с приоритетами, используя сетевой график, диаграмму Ганта и прочие инструменты.
- ✓ Способность к выявлению возможных рисков и способов их минимизации.
- ✓ Способность к подбору команды проекта в соответствии с требованиями проекта и адекватному распределению работ внутри команды.
- ✓ Способность к эффективной коммуникации с заинтересованными в проекте лицами
- ✓ Способность к представлению результатов проекта заказчику и анализу итогов проекта.

[1] Child Trends: Workforce connections: Key soft skills that foster youth workforce success. 2015.

Косиченко А.Г.
д.филос.н., профессор, гл.н.с. Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК

ДУХОВНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Ключевые слова*: человек, свобода, духовное, современный мир, цивилизация, религия.*
Keywords: *man, freedom, spiritual, modern world, civilization, religion.*

Цивилизационные аспекты развития и интеграции в Большой Евразии можно разделить на два крупных блока: в первый объединить цивилизационные факторы, способствующие развитию и интеграции, во второй – препятствующие развитию и интеграции. В самом деле, если цивилизационные особенности стран, вступающих в интегративные процессы, обладают принципиально разным содержанием, то интеграция существенно затруднена. В этом случае, для ее осуществления придется преодолеть трудности некоей совместимости цивилизационных ядер данных стран. Если же цивилизационные различия невелики или интегрирующиеся страны принадлежат одной цивилизации, то интеграция более естественна и продуктивна. Так как цивилизации, с одной стороны, имеют довольно жесткое ядро, лежащее в основе данной цивилизации, а с другой стороны, имеют измерения, связанные с возможностями развития цивилизации, т.е., динамические аспекты цивилизации, то два отмеченных выше блока не абсолютно статичны: может снижаться уровень несовместимости цивилизаций и формироваться общее цивилизационное пространство. В этом пространстве складываются центральные для него феномены, определяющие его содержание и направления развития.

Весь современный мир в его целостности можно рассматривать, как такое пространство, несколько аморфное, впрочем, из-за многообразия, составляющих его частей. Но есть такие характеристики современного мира, какие обладают всеобщим значением. Падение уровня духовности современного мира; не просто переформатирование содержания духовного в этом мире (или привнесение в него «нового» содержания, отвечающего потребностям современности), а именно падение уровня духовности до почти полного его устранения из всех сфер бытия стран, обществ и, что особенно опасно, из личностного содержания человека – вот одна из таких всеобщих и основных характеристик современного мира. И это, безусловно, негативная особенность современного мира и цивилизации, лежащей в его основе, причем особенность, ярко характеризующая этот мир. Как, казалось бы, далеко не лежит проблематика развития и интеграции Большой Евразии от духовного состояния современного человека, при углубленном взгляде очевидно, что духовные аспекты интеграции предельно важны, ибо без духовной общности невозможна никакая продуктивная интеграция. Современный мир пришел в ходе своего «развития» к почти полному игнорированию духовного содержания на всех уровнях. Интегрироваться можно на каких угодно основаниях и мотивах. Но это будет краткосрочная интеграция; в ходе ее углубления неизбежно возникнут проблемы и противоречия, и они могут прервать интегративные процессы. Духовная близость поддержит процесс интеграции в это критическое для него время.

Современный мир находится в критическом состоянии. Умножились и качественно возросли вызовы и угрозы, которые приобретают всемирный, глобальный характер. Не будет преувеличением сказать, что наша цивилизация вступила в период очень похожий на самоуничтожение. Тому имеется множество причин экономического, социально-политического, культурного свойства, но мы склонны считать, что в основе всего лежат процессы духовной деградации человечества. Кризис, о котором говорят то как об экономическом, то как о финансовом, то как о гуманитарном, то как о духовном, то как о культурном, то как о политическом, то как о кризисе современного международного права, то как об экологическом на самом деле является глобальным кризисом бытия, кризисом, который отображает изживание человеком самого себя.

Этот глобальный кризис, несмотря на весь его трагизм, а может именно благодаря ему, позволяет надеяться на изменение вектора развития человечества. Если прогресс в параметрах материального благополучия, безудержного потребления, агрессии, при полной бездуховности, привел человечество к глобальному кризису, то противоположность ему – путь духовного оздоровления, одухотворения мира. Духовное, в его сущности, соотносится с религией, и потому именно с религией связываются надежды на одухотворение современного мира. Но способна ли религия одухотворить современный мир, сделать его лучше, сделать его «домом человечества» в истинном смысле, преодолеть очевидный разрыв осмысленного бытия и бессмысленного существования, в котором «варится» современный человек? Практически каждый человек или понимает или подозревает, что он, человек, и глубже, и лучше, и нацелен на добро, но реально он «ущемлен современностью», живет в состоянии «заброшенности», «одномерности», «потерянности» и в иных весьма негативных измерениях своего существования, о которых, например, столь эмоционально говорит экзистенциализм. Даже если состояние человека в его обыденном бытии не столь трагично, все равно в таких условиях крайне затруднительно одухотворять жизнь, религия в этом случае мало влияет на социум в духовном отношении.

Но если и религия мало влияет на социум в духовном отношении, то внерелигиозные формы еще менее продуктивны в отношении продуцирования духовного. Во внерелигиозных формах деятельности человека, в культуре,

например, присутствует возможность духовного развития. Но только возможность. Продуцирование предметов культуры, творение их имеет совсем иные цели, нежели собственно духовное развитие. Достаточно очевидна инаковость деятельности в сфере культуры к задачам спасения человека и обретения им Царствия Небесного – что и является конечной целью духовного развития. Культура есть по преимуществу деятельность души, в то время как религия является сферой духа. В известном смысле дух есть противоположность душевному. Жизнь человека в сфере душевного представляет даже опасность для него: душевое является заменителем духовного, и человек попадает в западню душевности, считая ее этапом восхождения к духовному. Имеется известный метафорический оборот – духовный взлет, духовный восторг, которым описывается момент творческого состояния художника. Так вот, духовный восторг есть искус для человека, он не то что не совпадает с процессом духовного развития, но прямо противоположен ему.

Художник (в широком смысле) реализует в своем произведении свое видение мира и смысла бытия. Это не столько акт распредмечения мира, сколько процесс самовыражения, самореализации. Но как раз самовыражение и опасно с точки зрения духовного развития. Следует со всей глубиной понимания пагубности активной самореализации отказаться от самовыражения, ибо оно является сочетанием человеческой ограниченности с гордыней. Оставаясь в пределах самовыражения, самотворчества и вообще самости, человек утрачивает всякую возможность духовного развития. Именно поэтому в настоящее время свобода творчества выродилась в создание античеловеческих произведений во всех видах искусства. Духовное же развитие предполагает отказ от самоутверждения, предполагает отвержение себя, «совлечение ветхого человека и обретение нового, отдающего себя во власть Бога» по терминологии христианской антропологии. При адекватном понимании сущности духовного, абсурдно говорить о ценности и значимости самовыражения, так как очевидно, что ограниченный и пребывающий в грехе человек (а современный человек именно таков) ничего духовно высокого выразить собой не может. Единственно, что он может, это показать как раз свою гордыню, эксплицировать свой внутреннее личностное содержание, как правило, мало духовное, поврежденное самомнением и самостью. В то время как духовное развитие предполагает самоограничение, осознание своей немощи, предполагает духовную дисциплину и чуткость. Собственно на достижение такого духовно «просветленного» сознания и направлены религиозные заповеди.

Согласно религиозному мировоззрению, человек не способен адекватно понимать сущность духовного в силу того, что само содержание духовного, и способность человека видеть «духовное» искажены его греховным состоянием, в котором он пребывает со времени грехопадения. И достигнуть высокого духовного состояния, обрести свободу, проявлять деятельную нравственность человек способен только «совлекшись ветхого человека и созиданием нового», как уже говорилось. Внерелигиозные системы мировоззрения не считаются с религиозным фактом греховности человека и его принципиальной поврежденностью, и потому относятся к человеку как существу всегда и безотносительно всего свободному (или способному освободиться на путях преодоления «царства несвободы»), к тому же обладающему возможностью ответственного выбора. Принципиальным противостоянием этих двух подходов к сущности духовного, свободы и нравственности объясняется неприятие современным либеральным и секулярным миром всякого упоминания о религиозных ценностях и правах верующего человека и, особенно, о грехе (какой грех, откуда?). Только либеральное понимание прав и свобод человека признается сегодня истинным, а о духовном в человеке предпочитают вообще не упоминать.

Доминирующие мировоззрения современности с очевидностью далеки от религиозных ценностей. В этом нет ничего удивительного, но это прискорбно. Прискорбно потому, что религия была и остается единственной духовно-нравственной системой, обосновывающей истоки и свободы человека и его нравственности. Эта способность религии естественна для нее, так как только религия есть адекватная сфера духовного, имеется даже выражение: «религия истинный дом духовного». Никакие иные идейные построения и идеологии не могут показать генезис нравственности из какой-либо формы деятельности человека, будь то искусство или наука, или торговля. И духовное не порождается ни в какой иной, чем религия, сфере жизнедеятельности. Лишь в религии имеется понимание духовного, сообразного сущности духовного; а именно: дух. В аналогичном положении находится и понятие духовного – религиозное его видение намного глубже, нежели достигнутые в иных мировоззренческих и познавательных стратегиях.

Духовность человека не может быть ничем иным как даром Бога, даром изначальным, полученным человеком в тот момент, когда Бог «вдунул в лицо его дыхание жизни» (Быт. 2:7). Вот в каком смысле духовность человека онтологична – она дарована человеку в акте творения человека, и потому столь же онтологична и сотворена, сколь онтологичен и сотворен весь мир. Дух, свобода, нравственность в ее высоких проявлениях, способность к творчеству нового – это одного порядка, хотя разные по содержанию характеристики собственно человека объединены общностью своих истоков. Эти основополагающие характеристики человека дарованы ему, как дарована сама жизнь. Но человек не может вынести этого дара, так как стал недостоин его. И человек пытается снизить дар до уровня его развития из подсобных форм. Если со многими феноменами эта процедура человеку удается, то со сферой духовного ничего не выходит. Обосновать развитие духовного из недуховных форм не удается. Но и отрицать духовное нельзя, оно – очевидно.

При иссякании духовного современность, как никогда ранее в истории, богата различными идеями и идеологиями. К тому, что в этой сфере наработало человечество в историческом процессе, наша эпоха добавила ряд очень значимых для нашего современника мировоззренческих типов и идеологических схем. Причем следует особо подчеркнуть, что в ряду этих новых мировоззрений очень мало позитивных, радостных, дающих человеку «жизненную силу», нравственно осмысляющих жизнь человека. Две мировых войны – особенно первая – разрушили представление человечества о прогрессе как непрерывном процессе улучшения жизни. В конце XIX и начале XX века, когда прогресс, и в его число техническом и технологическом смысле, и в идейно-идеологическом значении, был настолько явственен, что убежденность в его нарастающем успехе носила всеобщий характер, человечество посчитало, что наступает новый золотой век. Ужасы войны, продемонстрировавшей никуда не ушедшее варварство и эфемерность как

прогресса, так и всеобщего гуманизма, привели человечество в состояние прострации, которое после окончания первой мировой войны вылилось в протест против довоенного порядка почти по всему спектру его проявления. Имеются специальные исследования этой проблематики [1], в которых убедительно показано, что формы такого протеста умело конструировались, и в них было более сознательного планирования, чем спонтанности. В ряду этих «конструкций» заметное место занимают механизмы вымывания духовного содержания жизни человека и общества. Сегодняшняя реальность сознательно строится (теми, кто строит современный мир) как бездуховная, вернее сказать, как духовное зло[1].

Одной из явных характеристик современности является ориентация на переустройство мира на безличностно-технологических основаниях. Сам данный процесс выглядит как естественный и органично вытекающий из предшествующего развития человечества. Но этот процесс мало того, что продуцирует глобальную бездуховность, но делается это вполне осознанно и целенаправленно. Высокотехнологическое общество несет с собой ряд внутренних угроз человеку и самому обществу. Вопрос о мировоззренческой и духовной безопасности человека в высокотехнологичном обществе обладает предельной актуальностью. Массовая продукция высоких технологий вошла в наш быт, стала необходимым элементом нашей привычной жизни, внедрилась в «плоть и кровь» современного общества, стала нашей повседневностью. Каждодневное и широкое использование товаров, произведенных в сфере высоких технологий для массового потребления, отличается от потребления других товаров. Их потребитель, чаще всего, не имеет представления о принципах работы этих товаров: он использует эти товары, и все. Мало кто знает, на каких принципах работает сотовый телефон, компьютер, даже современный телевизор. Когда человек пользуется тем, сущности чего он не знает, он помещает себя в сомнительное пространство своего существования, которым человек не способен управлять. Тем самым создается поистине виртуальная реальность, соизмеримая с Интернет-реальностью (кстати сказать, и последняя – тоже продукт высоких технологий). Когда человек существует в реальности, которую он не освоил, сущности которой он не знает, причем масштабы этой реальности расширяются с нарастающей скоростью, это очень опасно: это пространство не одухотворено человеком, а, значит, оно опасно в мировоззренческом и духовном отношении, в нем возможна духовность зла.

Приходится констатировать, что высокие технологии, вопреки ожиданиям с ними связанным, принесли человеку не благоденствие, а ощутимую угрозу. Развитие высоких технологий в сфере массового производства в условиях доминирования потребительского мировоззрения и явного ослабления духовности в современных обществах способствует деградации человека и полнейшему разрушению его духовности. Поэтому решение задач поддержания мировоззренческой и духовной безопасности человека в высокотехнологичном обществе возможно только на путях очеловечения реальности, которую порождают высокие технологии. Оно заключается в распредмечивании порожденной ими античеловечной виртуальной реальности, в придании ей человеческих качеств и в сущностном одухотворении бытия человека.

Теснейшим образом связана эта проблематика с процессами глобализации, в которых человек подвергается глобальной унификации, обезличиванию и лишению духовных оснований. Глобализация является предельной формой продуцирования пассивности человека во всемирном масштабе. В этом и состоит ее сверхзадача и в этом заключается ее основной негативный смысл. Она посягает на сущность человека – быть ответственным творцом своей жизни. Те горизонты развития, которые процессы современности (синтезируемые глобализацией) оставляют человеку, примитивны. «Человек, и чем дальше, тем более, унифицируется, утрачивает личностную специфику, предает себя, выступает противником глубокобытийственного многообразия, которое является условием обретения человеком своей сущности. Глобализация ответственна за эти негативные процессы» [2].

Личностное содержание человека вообще становится обременительным и для среднестатистического человека современного мира и для общества, в котором он существует. Унифицирующая логика глобализма добралась до самых глубоких и интимных пластов человеческой личности. Нет нужды повторять здесь хорошо известный набор средств такой унификации: от электронных паспортов (на которых зашифрованы все данные на человека вплоть до самых интимных) до жутких пророчеств Жака Аттали [3]. Самое печальное, что и сам человек уже согласен на утрату личностной специфики – это легче, чем вести изнуряющую каждодневную борьбу за личностное достоинство. Следует признать, что конечной целью глобализации является не экономический рост, не новый мировой порядок, не господство мирового правительства, но полное лишение человека человеческих качеств, на что намекал еще Аурелио Печчеи в своей одноименной книге.

Современность фактически разорвала связь с предыдущими эпохами в культурном и – еще более заметно – в духовном отношении. И хотя современность как бы является итогом культурных и духовных поисков человечества, но достижения в этих сферах не актуализованы в содержании нашей эпохи, более того, они игнорируются современным миром. «Мы давно уже привыкли к тому, что ценности нашего времени – XX и начала XXI веков кардинально отличаются не то, что от античных, что еще можно было бы понять, но и от ценностей XIX, казалось бы, довольно близкого нам века. Нас не смущает наша оторванность от «духа предшествующих времен», мы решили, что глобальная «смена вех» естественна, что возрастающая темпоральность жизни имеет, как следствие, нашу самобытность в истории, право на небывалый ранее способ и стиль жизни, на систему ценностей, которая еще недавно была бы неприемлемой, странной и презираемой. Иначе сказать, мы построили новый мир, имеющий мало общего с предыдущим, мы присвоили себе право своемерия, мы абсолютизировали нашу эпоху и в результате мы порвали с историей.

[1] Когда говорят, что нарастает бездуховность, то следует уточнить, что падает позитивная духовность, но растет негативная. В сфере духа нет пустоты. Так как духовность является глубочайшим организующим все процессом, то именно нарастание негативной духовности является причиной всех разрушительных процессов современности (от падения веры до уничтожения образования).

В этом смысле можно говорить о внеисторичности нашего бытия, что многое объясняет в наших отношениях и с прошлым, и с настоящим» [4]. Наше отношение к прошлому носит внешний и во многом посторонний характер. Доминирует внешнее и апологетически непродуктивное отношение к духовному содержанию прошлого, которое выдается за обращение к традиции, к «основам», к «корням» и т.д. При этом содержание духовного в предшествующие эпохи в значительной мере искажено.

В предшествующих формах духовного среди множества напластований и непроясненных аспектов духовного присутствовало недвусмысленное содержание духа добра. Оно было положено в основу меры духовного, оно требовало от человека нравственности и ответственности, оно осмысляло жизнь, делало ее не аморфной и условной, как сегодня, но достаточно ясной и ориентированной на вечность. Вот от этой-то духовности, от этой-то памяти о духовном долге и отказывается современная эпоха. Никогда ранее вплоть до нашего времени человек не был столь равнодушен к духовному смыслу своей жизни. Этот смысл признавался очень важным, он фактически организовывал всю жизнь человека.

Сегодня человек и целые сообщества путаются в самых простых и давно решенных вопросах духовного бытия. В чем выражается свобода, как жить, чем является религия и т.д., – все стало в лучшем случае дискуссионным (причем дискуссии ведутся на крайне низком уровне, без обращения к духовной культуре прошлого, ведутся так, как будто вопросы эти возникли только вчера и только наше поколение впервые отвечает на них). Все ответы сводятся к предельно примитивному мнению, ставящему во главу угла «духовно ослабшего» человека, не способного ни думать, ни жить в соответствии со своим предназначением. Современный человек мерилом всего делает себя, и это даже не эгоизм, это, как кажется человеку, естественный для нашего современника и, согласно его представлению, единственно верный способ жить. Возрожденческое своемерие блекнет в сравнении с примитивным и ограниченным самодовольством современного человека, считающего, что он живет единственно возможным способом, тем более что его к такому способу якобы вынуждают «внешние обстоятельства».

Абсолютное большинство феноменов современности несут негативную духовность. Причем многие уверены, что так и должно быть – такова, дескать, реальность нашего времени. Нашему современнику некогда входить в «духовную окраску» современной реальности, он вовлечен в изматывающий процесс выживания в навязанных ему условиях. Современные смыслы бытия человека все более и более дистанцируются от сущности человека. Они искусственно конструируются под определенные цели мировой элиты, цели предельно далекие от задач развития человека, особенно его духовного развития. Поэтому можно сказать, что это не смыслы бытия человека, но смыслы, уводящие человека от подлинного бытия. Хотим мы того или нет, но именно таковы современные смысложизненные установки человека и человечества. Конечно, имеет место и сопротивление таким конструктам, но сопротивление это носит индивидуальный характер, коллективные формы – чаще всего деструктивны и только ухудшают ситуацию. С духовной точки зрения вся «История есть великий драматический процесс воплощения, развертывания во времени во внешней среде духовной жизни человечества, выступления наружу и формирующего действия сверхчеловеческих сил и начал, лежащих в глубине человеческого существа» [5, с. 74]. И далее: «В историческом развитии человечества всякая общественная форма, когда духовная жизнь и вера человека ее перерастает, приходит в упадок, теряет свою божественную основу и, оставаясь сверхчеловеческой, в этом случае принимает характер злой, дьявольской силы, но именно потому обречена на омертвение и отмирание» [5, с. 75].

История культуры убедительно показывает, что во все времена жаловались на падение нравов. Поэтому, если сейчас отмечают иссякание веры, духовное оскудение и нарастание безнравственности, то это состояние можно было бы отнести к обычному для всякого времени снижению качества духовной жизни. Но списать все на «естественный» процесс деградации духа не удается. Сейчас – не «падение нравов», но агрессивная безнравственность. Бездуховность нарочито демонстративна. Причем темп деградации духовности как человека, так и обществ, явно нарастает, духовное вообще считается помехой дальнейшему прогрессу. Человек утратил целостность, многообразие форм активности современного человека не обогащает его, но вырождается в бессмысленную суету и утрату будущности. А вместе с тем, человек является существом принципиально и сущностно духовным, что подразумевает осмысленность его бытия. Человек – существо духовное и трансцендентное. Сущность его – свобода и творчество. Бытие его помещено в вечность. Но человек только и делает, что отказывается и от свободы, меняя ее на произвол, и от творчества, и от вечности, которую надо созидать «здесь и сейчас», ибо завтра может и не быть. Из множества дел, из суеты не создашь вечности, а современный человек кроме суеты ничего и не знает. Мы забыли, что жить надо свободно и ответственно, что есть высшие слои бытия, что есть вера, надежда, любовь, что наша цель – духовное развитие.

Падение духовности – одно из первых провозвестников нависшей над человечеством угрозы самоуничтожения. Этот вывод заставляет вспомнить об эсхатологических ожиданиях авраамических религий, в которых моменту второго пришествия Спасителя предшествует процесс абсолютной унификации мира. Но в описаниях процесса такой унификации содержится указание на невозможность окончательного уничтожения личности человека, ибо останутся избранные и верные, сохранившие ответственное отношение к своей душе. Следовательно, духовная сущность человека неуничтожима, и если именно с этой сущностью и связать глубинные пласты человеческой личности, то остается надежда на неустранимое личностное бытие человека в мире в любых обстоятельствах. Это – хорошая основа для оптимизма нашего времени.

Список литературы

1. Коулман Дж. Иерархия заговорщиков: Комитет Трехсот / Пер. с англ.. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Древнее и современное, 2014. – 608 с.

2. Косиченко А.Г. Личностные аспекты глобализации // Материалы II Международного научного конгресса «Глобалистика – 2011: пути к стратегической стабильности и проблема глобального управления», Москва, 18–22 мая 2011 г. / Под. общей ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина. В 2 тт. Т. 1. – М.: МАКС Пресс, 2011. – С. 48–53.
3. Аттали Ж. Краткая история будущего [перевод с франц.]. – СПб.: Питер, 2014. – 288 с.; Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия / Пер. с англ. – М.: Международные отношения, 1993. – 70 с.
4. Косиченко А.Г. Проблемы духовного в современном мире // Аль – Фараби. 2005. – № 3. – С. 88.
5. Франк С. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. – 511 с.

Лукина В.Б.[1]

ФОРМИРОВАНИЕ И ПОДДЕРЖКА РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ АРКТИКИ – ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ПОТРЕБНОСТЬ ОБЩЕСТВА[2]

Ключевые слова: *Арктика, молодежная политика, поддержка творчества молодежи.*

Известно, что формирование творческой одаренной личности требует комплексной и кропотливой профессиональной работы с ребенком.

Создание комфортной, здоровой образовательной и творческой среды, обеспечивающей получение ценных, оригинальных, новых знаний в сфере искусства, науки, современных медиатехнологий в соответствии с индивидуальными потребностями и возможностями ребенка и требованиями современности, поддержка родных языков, национального творчества детей, возможность вовлечь детей в счастливую атмосферу творчества, полноценного отдыха, в том числе летнего и каникулярного – это все необходимо для раскрытия потенциала каждого ребенка.

Ассоциация деятелей культуры для поддержки и развития талантливой молодежи (Ассоциация «Талантливая молодежь») представляет интересы талантливой молодежи прежде всего Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, так как в последние несколько лет занимается поддержкой творческой молодежи именно этих регионов России, в частности в рамках Международного культурно-образовательного проекта «Таланты Арктики. Дети» под эгидой Рабочей группы по устойчивому развитию при Арктическом Совете.

Информация о мероприятиях проекта «Таланты Арктики. Дети» и его итогах представлена Постоянному форуму ООН по вопросам коренных народов, по инициативе которого был провозглашен Международный год языков коренных народов, и Руководящему комитету по его подготовке, созданному при ЮНЕСКО. Проект зарегистрирован на сайте ЮНЕСКО.

70% территории нашей страны – это северные и арктические регионы. Но их население составляет всего 8% от общего количества граждан России. Из-за потребности экономического освоения Арктики в последние столетия основную массу населения составляют выходцы с «Большой земли». Представителей коренного населения в Арктике, по самым смелым оценкам, не более полутора миллионов. Тем важнее сохранить культуру, язык коренных народов и качественно, планомерно работать с детьми и молодежью. Мы гордимся, что по итогам нашего проекта 2018 года Лауреатом «Талантов Арктики» стала хранительница саамского языка, яркий представитель саамской культуры Домна Максимовна Хомюк, и мы вместе с нашим Лауреатом сможем воплощать в жизнь совместные проекты.

Каким образом родная культура и родной язык как важнейшая основа культуры и образования ребенка может получить особое внимание государства для создания благоприятных условий для развития и, возможно, для восстановления утраченного? Ответ на этот вопрос – вот задача нашего взаимодействия с государством и коллегами.

В Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года, утвержденной Президентом Российской Федерации В.В. Путиным, и Постановлении Правительства РФ от 21.04.2014 № 366 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» приоритетными направлениями развития Арктической зоны Российской Федерации являются:

1) сохранение самобытной культуры и поддержка традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, проживающих на территории Арктической зоны Российской Федерации;

2) повышение уровня осведомленности граждан Российской Федерации о деятельности государства в Арктике и увеличение количества информационных сообщений по различным темам, связанным с развитием Арктической зоны Российской Федерации;

3) обеспечение Российского участия в международных организациях, деятельность которых направлена на развитие Арктики и обеспечение участия региональных организаций в работе международных организаций и форумов, посвященных арктической проблематике, а также увеличение количества проведенных общественно значимых мероприятий, в том числе международных, посвященных вопросам развития Арктики.

---

[1] Лукина Виктория Борисовна - президент Ассоциации «Талантливая молодежь», действительный Член Русского Географического Общества с 2015 г., член Арктического совета Ассамблеи народов Евразии, член Союза журналистов Москвы, Международного Союза журналистов, член Союза кинематографистов РФ, Руководитель и автор Международного молодежного фестиваля народного творчества и мультимедиа «Молодая Арктика», Международного культурно-образовательного проекта «Таланты Арктики. Дети», международного проекта «Молодежная арктическая киношкола». E-mail: Goldfish20@bk.ru

[2] Доклад, представленный на конференции «Цивилизационные аспекты развития Арктических регионов России».

Языковые группы	Языки	Всего носителей
Тунгусо-манчьжурские языки	Эвенки (37 131) Эвены (21 830) Нанайцы (11 671) Ульчи (2765) Удэгейцы (1453) Негидальцы (522) Орочи (596) Ороки (295)	76 263 носителя
Финно-угорские языки	Ханты (30 943) Манси (12 269) Вепсы (5936) Саамы (1771)	50 191 носитель
Самодийские языки	Ненцы (44 640) Селькупы (3649) Нганасаны (862) Энцы (227)	49 378 носителя
Тюркские языки	Шорцы (12 888) Долганы (7885) Тувинцы-тоджинцы (4442) Теленгиты (3712) Сойоты (3608) Кумандинцы (2900) Телеуты (2643) Тубалары(1965) Челканцы (1181) Тофалары (761) Чулымцы (355)	42 340 носителей
Палеоазиатские языки	Чукчи (15 908) Коряки (7953) Нивхи (4466) Ительмены (3193) Эскимосы (1738) Юкагиры (1597) Кеты (1219) Чуванцы (1002) Алеуты (482) Кереки (4) Алюторцы (0)	37 562 носителя
Славянские языки	Камчадалы (1927)	1927 носителей
Сино-тибетские языки	Тазы (274)	274 носителя

Матюнин Л.В.
к.э.н., доцент, Институт мировых цивилизаций
mlv123@mail.ru
Жураховский А.С.
к.э.н., доцент, Институт мировых цивилизаций
andrey131280@mail.ru
Чекан А.А.
к.э.н., доцент, Московский государственный областной университет
anna.chekan@mail.ru
Шолотонова Е.С.
старший преподаватель, Московский государственный областной университет
sholotonova@mail.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ КОНФЛИКТОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИКЕ

Ключевые слова: *конфликт, управление конфликтом, персонал, методы управления конфликтом, инструменты управления конфликтом.*

Keywords*: conflict, management of the conflict, personnel, methods of management of the conflict, instruments of management of the conflict.*

Чтобы выстроить конструктивное взаимодействие с коллегами, необходимо для начала научиться выявлять конфликтогены у себя (маркеры – в табл. 1).

В психологии коммуникативные конфликтогены делятся на три вида: агрессивность, превосходство и проявление эгоизма.

Конфликтогены превосходства. Например, замечания, подшучивания, хвастовство, снисходительное отношение, безапелляционность и советы. На практике можно использовать фразы-амортизаторы, которыми вы можете смягчить ваше высокомерие. Проявляйте искреннее сочувствие. «Понимаю, почему вы взволнованы, но мы посмотрим, что можно сделать», «Я так же долго сомневался, у меня тоже не получалось, но наконец разобрался». Эти фразы как бы ставят на один уровень советчика и его собеседника. И работают в плюс, не разжигая конфликт.

Конфликтогены агрессивности. Агрессия может проявляться как черта личности и как реакция человека на сложившиеся обстоятельства. Ситуации, которые вызывают повышенное напряжение и провоцируют агрессивное поведение, могут быть разными. Например, когда вы общаетесь с коллегой, который вам неприятен, или выполняете важную задачу при дефиците времени. Зачастую агрессивность становится ответной реакцией на полученный от другого человека конфликтоген. «Пострадавший» защищается, а лучшая защита – нападение. В результате сила конфликтогенов нарастает, что приводит к еще большей эскалации конфликта.

Конфликтогены эгоизма. Эгоист не чувствует ни с кем эмоционального контакта. Игнорирует точку зрения коллег, обесценивает их переживания. Добивается чего-либо для себя за счет других. Ему трудно работать в команде. Именно это раздражает окружающих и порождает конфликтную ситуацию.

Таблица 1

Маркеры конфликтогенного поведения в организации

Конфликтогенное поведение	Фразы-конфликтогены
Недоверие, отрицательное отношение к собеседнику	«Вы меня обманываете», «Что-то я не очень вам верю», «Вы же в этом не разбираетесь», «Мне неприятно с вами разговаривать»
Обвинения	«Вы все испортили», «Ты лжешь», «Это ты во всем виноват»
Снисходительное отношение и тон	«Не обижайтесь», «Успокойтесь», «Как в вашем возрасте можно этого не знать?», «Вы умный человек, а поступаете...»
Нежелание признавать свои ошибки и чью-то правоту	«Я тебе это припомню», «Ты пожалеешь», «Земля круглая»
Устойчивое навязывание своего мнения	«Вы должны вести себя более ответственно», «Ты обязан обратить внимание на факты»
Общение в виде приказов	«Срочно зайдите ко мне в кабинет», «Не спрашивайте, почему, делайте так, как вам сказано»
Стремление критиковать	«Вы недостаточно прилежно работаете», «Вы постоянно жалуетесь»
Оценка мотивов поведения	«Вы одержимы исключительно своим интересом», «у вас никогда не хватало инициативы»

Участниками конфликта в организации чаще всего бывают [7]: руководитель – подчиненный; сотрудник – клиент; представитель компании – представитель партнера; сотрудник одного подразделения – сотрудник другого подразделения; коллеги из одного отдела.

За основу мы возьмем классификацию, в которой конфликты подразделяются на два вида – затяжные и острые. Затяжные конфликты, как правило, имеют давнюю предысторию. Ведь напряжение и претензии копятся давно. Чтобы разрешать такие конфликты, нужно знать их предысторию.

Острые конфликты, как правило, происходят по причине личной неприязни, разницы в стилях мышления и коммуникаций сотрудников, низкой культуры общения кого-то из них. Чаще всего проблему можно решить, скорректировав поведенческие и коммуникативные стили одного или обоих участников [5; 6].

В настоящее время в большинстве российских организаций встречаются оба типа конфликта [1; 9]. Возможных ролей в конфликте две – участник и посредник [10]. Участника надо учить разрешать конфликты словно изнутри. А посредника – урегулировать их со стороны, выступая в роли миротворца, помогающего прийти к согласию. Для большей наглядности составим таблицу ролей, которые исполняют в конфликтах сотрудники и руководители (см. табл. 2).

Исходя из таблицы 2, получается, что возможны четыре варианта действий – набора методов. Первый вариант: сотрудник – участник острого конфликта. Второй вариант: сотрудник – участник затяжного конфликта. Третий вариант: управленец – посредник в остром конфликте. Четвертый: управленец – посредник в затяжном конфликте.

Как правило, при остром конфликте стороны находятся в так называемых аффективных состояниях – плохо контролируют свои эмоции и реакции. Первое, что надо сделать в этом случае – поработать с такими состояниями, устранить негативные эмоции. Затем нужно применить тактики, позволяющие сотрудникам проанализировать свое поведение, понять причины конфликта и настроить общение сторон на позитивный лад. Наконец, нужны способы, с помощью которых можно перейти к действию – выстроить между конфликтующими более доверительные и добрые отношения. В результате, для решения острого конфликта в организации, в котором сотрудник является участником, нужно применить три группы методов – работу с аффективными реакциями и состояниями, тактики по анализу собственного поведения и выстраиванию позитивного общения и, наконец, регуляцию активности (действия, направленные на бесконфликтность).

Таблица 2

Роли, которые исполняют в конфликтах сотрудники и руководители

Наиболее типичные участники конфликта (профессиональная сфера)	Какую роль чаще всего играет участник в конфликте (затяжном/остром)	
	Управленцы разного уровня	Рядовые сотрудники
Руководитель – подчиненный	самостоятельно (участник)	самостоятельно (участник)
Сотрудник – клиент (здесь возможен только острый конфликт)	посредник	самостоятельно (участник)
Смежные подразделения (отделы)	Самостоятельно/посредник	–
Коллеги внутри отдела	посредник	самостоятельно (участник)
Представитель компании – партнеры (поставщики, заказчики)	самостоятельно/посредник	самостоятельно (участник)

Например, если конфликт затяжной и сотрудник является в нем участником, нами рекомендуется использовать следующие методы: анализ ситуации конфликта, планирование и целеполагание в конфликте, анализ личностных особенностей участников и их использование для урегулирования спора. Для случая, когда конфликт острый, и сотрудник выступает в роли посредника, нами рекомендуется использовать два метода: работу с аффективными реакциями и состояниями и развитие навыков взаимодействия посредника с оппонентами. Если конфликт затяжной и сотрудник является посредником, то рекомендуются такие методы: анализ конфликта (причины, предпосылки) и развитие навыков взаимодействия с оппонентами.

Далее необходимо определить, как эти методы можно применять на практике, то есть к каждому методу подобрать свои инструменты (см. рис. 1).

Первый метод – работа с аффективными реакциями и состояниями. Для этого метода подойдут такие инструменты: методика «Ключ» доктора Хасая Алиева. Это набор простых упражнений, который поможет снять стресс – сначала раскрепоститься, снять блоки и зажатость, а потом войти в состояние покоя и ясного ума. Также подойдет техника самопозиционирования. Благодаря ей, сотрудник сможет провести самомониторинг и выработать правильные позу, взгляд и голос, добиться, чтобы его самого и то, что он говорит, другие воспринимали всерьез. Можно воспользоваться и другими методиками: возвращение к предыдущему эмоциональному опыту (воспоминание об успехе и настрой на лучшее), технику диссоциации личности и роли (способ не позволять себя вовлекать в конфликт все глубже и глубже) и вербализацию чувств (прямо или косвенно озвучивая, что беспокоит другого человека, мы отчасти снимаем беспокойство). Не обойтись здесь и без техники подтверждения значимости другого (подчеркивания, насколько важен другой участник конфликта).

Второй метод – эффективные тактики по исправлению поведения противоборствующих сторон. Для этого подойдут такие инструменты [4]: трансактный анализ Эрика Берна (помогает участникам лучше понять себя и то, что вызвало конфликт) и подбор комплиментарных тактик (позволяет наладить между участниками конфликта позитивное вежливое общение). И, наконец, третий метод – регуляция активности. Чтобы его применить, потребуется продолжить работу по трансактному анализу Эрика Берна (выявив причины конфликта, сотрудники изменяют себя, вы-

страивают позитивное общение). Кроме того, можно использовать методику Томаса-Килмана «Ориентация на интересы сторон», которая подсказывает, как уходить от соперничества и приходить к сотрудничеству и компромиссу.

Рисунок 1.
Подбор инструментов для решения конфликта: роль сотрудника, вид конфликта, методы и инструменты

Если в организации есть внутренний тренер (желательно, с психологическим образованием), то необходимо передать ему схему и попросить подготовить и провести по ней тренинги для сотрудников и управленцев [3; 8]: для сотрудников – участников острого и, отдельно, затяжного конфликтов, для управленцев в роли участников острого и затяжного конфликтов, а затем для управленцев же, но в роли посредников в остром и затяжном конфликтах.

Далее ему необходимо составить кейсы, основанные на реальных конфликтах, случавшихся в вашей организации. Примеры кейсов представлены в табл. 3 [2].

Таблица 3

Кейсы на выявление конфликтности сотрудника, варианты решения, которые говорят о том, что он конфликтный

Кейс	Пример ответа, который свидетельствует о конфликтности сотрудника	Пояснение
Стратегически важный клиент эмоционально предъявляет к Вам претензии по ситуации, в которой вы лично не виноваты (сбой произошел в другом отделе). Как Вы поступите?	Озвучу клиенту, что виноват не я, а специалисты отдела логистики. Как только я с ним разберусь, я ему перезвоню	Сотрудник не берет на себя ответственность за ситуацию, не обещает решения проблемы, тем самым лишь закрепляет и усиливает недовольство клиента, а также провоцирует конфликт между подразделениями
Вы пришли в новую для себя организацию на управленческую позицию для реализации проекта, связанного с большим количеством инноваций. При этом большинство других топ-менеджеров постоянно отвергают все Ваши предложения. Что предпринять?	Обращусь напрямую к руководителю организации, который принимал меня на работу. Пусть он сам поговорит с топ-менеджерами и объяснит им для чего я здесь.	Сотрудник не управляет конфликтом в данном случае, не пытается разрешить его путем переговоров, а намерен действовать так, что усилит этот конфликт, хочет применять к топ-менеджерам административное давление

В заключение статьи подведем основные итоги:

1. Чтобы сотрудники в организации умели сами разрешать конфликты, необходимо обучать их выявлять причины противостояния, разбираться в позиции оппонента и использовать инструменты для перевода негатива в позитив.

2. Как урегулировать конфликт, зависит от роли, в которой выступает сотрудник: участник конфликта он или посредник.

3. Подбор инструментов для урегулирования противостояния зависит и от того, какой конфликт – затяжной или острый.

4. Чтобы наладить конструктивное взаимодействие с коллегами, необходимо научиться выявлять у себя маркеры конфликтогенного поведения.

Список литературы

1. Брага И.В. Дьякова Г.С., Шуть М. Влияние реиндустриализации на формирование стратегического межрегионального экономического сотрудничества // Экономика и предпринимательство. 2017. – № 9–4 (86). – С. 983–986.
2. Жураховский А.С. Основные причины и способы борьбы с профессиональным самовыгоранием сотрудников в организации // Россия и мир: развитие цивилизаций. Трансформация политических ландшафтов за период 1999–2019 годы: материалы IX международной научно-практической конференции: в 2-х частях. – М., 2019. – С. 44–47.

3. Жураховский А.С., Сергеенкова К.В. Проблемы эффективности системы премирования сотрудников в компании // Авиация и космонавтика – 2018: тезисы 17-ой Международной конференции. 2018. – С. 610–612.
4. Жураховская И.М., Шолотонова Е.С. Проблемы hr-сопровождения организационных изменений с помощью дизайн-мышления // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2016. № 2. – С. 69–75.
5. Истратий А.Ю., Козлова Е.Г. Управление адаптацией персонала организации: институциональный подход // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2017. – № 2. – С. 99–105.
6. Кузнецова И.В. Показатели риска в системе мотивации менеджмента финансовых компаний // Друкеровский вестник. 2019. – № 3. – С.184–197.
7. Слоботчиков О.Н. Проблемы подготовки кадров для инвестиционных стратегий // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. – № 9 (88). – С. 122–125.
8. Чекан А.А., Матюнин Л.В. Особенности обучения персонала на различных этапах жизненного цикла организации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2018. – № 2. – С. 188-195.
9. Чекан А.А., Матюнин Л.В., Симакова В.С. Основные ошибки при разработке индивидуального плана развития сотрудников // Авиация и космонавтика – 2018: тезисы 17-й Международной конференции. 2018. – С. 714–715.
10. Шолотонова Е.С. Оценка научно-педагогических работников на основе компетентностного подхода // Вестник Университета (Государственный университет управления). – М., 2015. – № 9. – С. 268–272.

Микайлова И.Г.
д.филос.н., профессор, Санкт-Петербургский гуманитарный центр просвещения
imikailoff@inbox.lv

СУБЪЕКТЫ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В ЧАСТНО-ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУР ГЛОБАЛИЗУЩИХСЯ ЛОКАЛЬНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Ключевые слова: *субъекты самоопределения, Homo Faber, Закон самоорганизации идеалов, социокультурные идеалы, дуальные оппозиции, локальные культуры, локальные цивилизации, частно-человеческие пространства, социокультурные животные, идеологические животные.*

Keywords: *Self-Determining Subjects, Homo Faber, Law of Self-Organizing Ideals, Social and Cultural Ideals, Dual Oppositions, Local Cultures, Local Civilizations, Individual Cultural Fields, Social and Cultural Animals, Ideological Animals.*

1. Методологический подход к осмыслению культуры и роли субъекта самоопределения в ее воспроизводстве с позиций Синергетической философии истории

Актуализирующаяся на современном этапе глобализации проблема общества как производного культурного опыта, накопленного представителями локальных цивилизаций, способствовала переосмыслению представлений о субъекте самоопределения как носителе идеалов, ориентированном на достижение меры синтеза свободы и ответственности в социокультурной деятельности. Подход к субъекту самоопределения как к креативному субъекту культурного процесса (Homo Faber) в качестве социокультурного животного[1] наглядно продемонстрировал, что все глобализующиеся локальные культуры служат производным реализации свободной воли Homo Faber, и любое социокультурное сообщество может воспроизводить себя только при условии способности его членов к воспроизводству накопленного культурного опыта и обеспечения ценностной стимуляции их творческой ментальной активности[2]. Производные этой конструктивной ментальной активности играют двойную роль, аккумулируя социокультурный и воспроизводственный опыт, с одной стороны, и неизбежно составляя логическое основание для его освоения каждым членом сообщества, с другой. Подобный динамический процесс, присущий глобализующимся локальным цивилизациям, обеспечивает фундамент для их дальнейшего исторического развития в целом и социокультурной эволюции в частности[3].

Примененные для изучения органической связи культуры со спецификой каждой локальной цивилизации метод дуальных оппозиций[4] и закон самоорганизации социокультурных идеалов[5] позволили не только исследовать логику протекания подобных процессов в межполюсном пространстве дуальных оппозиций, но и подтвердить актуальность метода при описании динамики и статики культуры и сдвига культурных ценностей на всех уровнях социокультурной эволюции. Так, было выявлено, что любое явление, оказавшееся в смысловом поле межполюсного пространства дуальной оппозиции, переосмыслялось в качестве некоторой статичной и динамичной меры синтеза между полюсами (как производного синтеза культурных смыслов этих полюсов), становящейся новым элементом глобализующейся локальной культуры и служившей базой для формирования новой дуальной оппозиции, провоцирующей борьбу социокультурных идеалов за доминирующее положение в обществе[6].

Исторически культура сложилась как упорядоченный, структурированный опыт человеческой деятельности, интерпретируемый субъектами самоопределения в межполюсном пространстве дуальных оппозиций. Один полюс этих оппозиций фиксирует воспроизводство конструктивной ментальной активности субъектов самоопределения, ориентированных на социокультурные идеалы, а другой – воспроизводство деконструктивной ментальной активности, ориентированной на антиидеалы, обусловливая дуальную природу культуры, имманентной личности как субъек-

[1] Solomon S., Greenberg J., Pyszczinski T. The Cultural Animal: Twenty Years of Terror Management Theory and Research // Handbook of Experimental Existential Psychology. – New York: The Guilford Press, 2004. – P. 13–34.

[2] Микайлова И.Г. Ценностные ориентиры человечества. Их роль в динамике воспроизводства Российской цивилизации и ее культуры с позиции Синергетического историзма. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2017. – С. 138–160.

[3] White L. The Evolution of Culture. The Development of Civilization to the Fall of Rome. – New York: McGraw-Hill Book, 1959. – P. 142–204.

[4] Микайлова И.Г. Субъект самовыражения в динамике сдвига культурных смыслов // Мир психологии. 2008. – № 2. – С. 117.

[5] Микайлова И.Г. Социокультурные идеалы и глобальная художественная культура. В 2-х тт. Т. 1. Социокультурные и религиозные идеалы в динамике глобального воспроизводства человеческой цивилизации. – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2016. – С. 98–100.

[6] Микайлова И.Г. Идеалы и их роль в социокультурном воспроизводстве цивилизаций с позиций синергетической философии истории. – СПб.: Алетейя, 2015. – С. 157–158.

ту культурного процесса, являющемуся носителем социокультурного частно-человеческого пространства и структурирующих его идеалов. Развитие культуры, обладающей универсальной способностью манифестировать себя одновременно в трех ипостасях – как личностная культура, как глобальная культура человечества и как локальная культура цивилизаций – характеризуется постоянными взаимопереходами в межполюсном пространстве дуальных оппозиций, содержание которых она составляет. Специфика любой локальной цивилизации определяется спецификой социокультурных процессов, предполагающих динамические взаимопереходы между формами культуры, причем, специфика этих взаимопереходов, определяемая спецификой культур глобализующихся локальных цивилизаций, обеспечивает взаимопереход культуры в цивилизацию[1].

Синергетический подход к осмыслению взаимообусловленности ментальной (идеологической) активности субъектов самоопределения (в качестве идеологических животных) их интеллектуальной (научно-технической) активностью предполагает оперирование не столько сложившимися механизмами воспроизводства конструктивной ментальной активности, сколько их качественными трансформациями, обусловленными процессами дифференциации, анализа, интеграции и синтеза идеалов, согласно закону их самоорганизации[2]. Надситуативная и нададаптивная конструктивная ментальная активность осмысляется при этом как особая прогрессивная форма конструктивной творческой деятельности (критерием которой служит мера синтеза свободы и ответственности субъектов самоопределения), ориентированной на борьбу за идеалы нового, преобразуемого общества[3].

Развивая концепцию Лесли Альвина Уайта (1900–1975 гг.), американского антрополога, сторонника неоэволюционизма, о социокультурных животных[4], мы предлагаем рассматривать представителей всех локальных цивилизаций, наделенных качествами креативности, создающих и осваивающих производные социокультурного опыта и сформировавших потребность становиться субъектами культурного процесса (Homo Faber), не только как социокультурных («κοινωνική και πολιτιστική Ζώα») но и как идеологических («ιδεολογική Ζώα») животных, обладающих способностью придавать значимым явлениям ценностный социокультурный смысл. Реализация этой потребности служит основой формирования механизмов воздействия на поведенческие стереотипы других членов общества, их деятельность и уровень эффективности социокультурного воспроизводства. При этом сознательная или неосознанная трансформация первоначально заложенных культурных смыслов превращает надситуативную и нададаптивную ментальную активность субъектов самоопределения в динамический фактор изменения поведенческих стереотипов и определяемой ими деятельности под влиянием ценностных ориентиров. И если надситуативная ментальная активность реализуется в воспроизводстве накопленного культурного опыта, ориентированного на социокультурные идеалы, конструктивные инновации и моделирование новых неуниверсальных законов цивилизационного развития, то нададаптивная ментальная активность провоцирует стремление субъектов воспроизводственного процесса к прогрессу глобальной цивилизационной культуры, посредством нарушения универсальных законов цивилизационного развития, ориентированного не на достижение меры синтеза свободы в выборе путей самоопределения и ответственности за производные этого выбора, а на деструкцию накопленного социокультурного опыта посредством вторичного моделирования исторической канвы[5].

Решение проблемы формирования способности субъектов самоопределения к выходу в будущее Метагалактики (наблюдаемой части Вселенной)[6] определяется воспроизводством ценностного ориентира в самоорганизующейся Вселенной, возлагаемом на Homo Faber как носителей общечеловеческого идеала. Переосмысленный с позиций Синергетического Историзма в качестве свидетельства неизбежности движения человечества к Суперменезу (Superhumanity), рассматриваемому как Самоорганизующееся Общество Homo Super, Завершающий Антропный Принцип (Final Anthropic Principle)[7] Джона Дэвида Бэрроу, английского космолога, и Фрэнка Дженнингса Типлера, американского космолога, с одной стороны, и Фрактально-Релятивистская Модель Вселенной[8] В.П. Бранского (1930–2017 гг.), российского философа, с другой, позволили обосновать взаимообусловленность появления «Наблюдателей (Εγρήγοροι)» (упоминаемых в Книге Пророка Даниила 4:13–23) в Метагалактике фундаментальным противоречием между Хаосом и Порядком в природе и обществе в рамках взаимопереходов в межполюсном пространстве кардинальной дуальной оппозиции «Хаос – Порядок», трансформирующейся в оппозицию «Свобода – Ответственность» в процессе социокультурного воспроизводства. Исходя из этой космологической модели, возникновению культуры в Метагалактике предшествовало появление «Наблюдателя (Εγρήγορος)» в качестве Идеологического животного, в сво-

[1] Микайлова И.Г. Социокультурные идеалы и глобальная художественная культура. В 2-х тт. Т. 1. Социокультурные и религиозные идеалы в динамике глобального воспроизводства человеческой цивилизации. – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2016. – С. 538–539.

[2] Бранский В.П., Микайлова И.Г. Субъекты самоопределения и их роль в динамике глобализационного процесса // Мир психологии. 2018. – № 1. – С. 204–205.

[3] Микайлова И.Г. Идеалы и их роль в социокультурном воспроизводстве цивилизаций с позиций Синергетической философии истории. – СПб.: Алетейя, 2015. – С. 595–598.

[4] White L. The Evolution of Culture. The Development of Civilization to the Fall of Rome. – New York: McGrav-Hill Book, 1959. – P. 3–32.

[5] Микайлова И.Г. Ценностные ориентиры человечества, их роль в динамике воспроизводства российской цивилизации и ее культуры с позиций Синергетического Историзма. – Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, С. 159–160.

[6] Barrow J. D., Tipler F. J. The Anthropic Cosmological Principle. – New York: Oxford University Press, 1986. – P. 613–682.

[7] Ibid., p. 219–287.

[8] Бранский В.П. Синергетика и космология (Философские основания космологической модели Вселенной) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 17. 2014. – Вып. 4. – С. 18–21.

ей конструктивной ментальной активности ориентированного на ценностное содержание своей деятельности вследствие выбора конструктивного пути самоопределения[1].

Разработанная с позиций Синергетического историзма Эмоциональная Модель Социокультурной Самоорганизации в виде панорамы непрерывного процесса смены стратегических ценностных ориентиров, служащих производным синтеза идеалов и провозглашаемых ими ценностей, способствовала смещению фокуса осмысления к полюсу духовных идеалов, определяющих меру ответственности субъектов самоопределения за производные их надситуативной и нададаптивной ментальной активности[2]. Смысл их индивидуального существования приобретал, тем самым, ценностное содержание, определяемое социокультурным идеалом, с целью предотвращения разрушения общечеловеческого пространства деконструктивными инновациями, ориентированными на антиидеалы. Осмысление субъектами культурного процесса их ответственности за воспроизводство качеств выживаемости и жизнеспособности как следствия выбора ими конструктивного пути самоопределения становится идеологическим фундаментом методологии противостояния выбору деконструктивных путей самоопределения, ориентированных на воспроизводство антиидеалов и провозглашаемых ими антиценностей[3].

Тем самым, продолжением тенденции добиологического развития в Космосе неизбежно становится тройная ментальная трансформация «Homo Sapiens» в «Homo Faber» и «Homo Super» (a Man with Superman capabilities), позволяющая преодолеть границы эволюционного процесса, навязанные установленными естественными законами, и нейтрализовать их контръявлением, обусловленным действием других объективных законов с тем, чтобы производное синтеза взаимоисключающих объективных законов позволило генерировать качественно новые (трансцендентные) смыслы и ценности. Проблема регресса, актуализирующаяся с ростом энтропии, угрожающей вторгнуться в частно-человеческое пространство Наблюдателя и разрушить его, в итоге сводится к переосмыслению роли Homo Faber в достижении меры синтеза научно-технического и социокультурного прогресса[4].

2. Субъекты самоопределения, смысл их индивидуального существования и смысл социальной истории в динамике глобализационного прогресса

Предлагаемый с позиций Синергетической философии истории подход к проблеме смысла жизни предполагает учет взаимообусловленности проблемы смысла индивидуального существования и проблемы смысла социальной истории. И поскольку смысл социальной истории человечества, согласно концепции Синергетического Историзма, определяется движением к Глобальному Аттрактору, характеризующемуся таким состоянием космической материи, которое обеспечивает достижение меры синтеза Порядка и Хаоса, взаимопереходы между полюсами, поддерживающие саморегуляцию термодинамической системы, позволяют избежать «тепловой смерти» посредством естественного алгоритма самоорганизации[5].

Синергетический подход к осмыслению субъектов самоопределения в трех ипостасях – идеологического (духовного), ценностного и социокультурного животных – позволяет продемонстрировать, что идеализация присуща только человеческой деятельности, поскольку именно воспроизводство духовных идеалов и провозглашаемых ими ценностей (не редуцируемых к полезностям, которые существуют как в природе, так и в обществе и критерием которых служит потребность, тогда как критерием ценностей, существующих только в обществе, служит идеал) обеспечивает динамику синтеза социокультурного и научно-технического прогресса на пути приближения к общечеловеческому идеалу. Понятие «идеологическое животное» служит, тем самым, производным синтеза материалистического и идеалистического подходов к природе субъектов самоопределения, специфика которой определяется их способностью задумываться над смыслом существования. Именно воспроизводство ценностей, без которых существование Homo Faber лишается смысла, определяет не только смысл их индивидуального существования, но и смысл социальной истории[6].

Согласно концепции Синергетического Историзма, Конструктивный Хаос (в качестве производного деструкции утративших актуальность идеалов и провозглашаемых ими ценностей) обладает способностью к самоорганизации, предполагающей формирование Творческого Тезауруса (множества альтернативных возможностей в каждой точке бифуркации). Функция Творческого Детектора, производящего отбор и выбирающего один из альтернативных путей развития, возлагается на субъектов самоопределения, а функция Селектора – на идеал, направляющий выбор этих субъектов в ходе поиска новой ценности. Глобальный творческий процесс воспроизводства новых частно-человеческих пространств, структурируемых частно-человеческими идеалами, предусматривает потенциально беско-

---

[1] Mikailova I.G. The Synergetic Model of Global Development of Humanity: Its Part in Self-Organizing Social and Cultural Processes // International Journal of Innovative Studies in Sciences and Engineering Technology. 2019. – Vol. 5, N 4. – P. 28–29.

[2] Микайлова И.Г. Социокультурные идеалы и глобальная художественная культура. В 2-х тт. Т.1. Социокультурные и религиозные идеалы в динамике глобального воспроизводства человеческой цивилизации. – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing 2016. – С. 96–98.

[3] Mikailova I.G. The Synergetic Model of Global Development of Humanity: Its Part in Self-Organizing Social and Cultural Processes // International Journal of Innovative Studies in Sciences and Engineering Technology. 2019. – Vol. 5, N 4. – P. 29–30.

[4] Бранский В.П. Микайлова И.Г. Субъекты самоопределения и их роль в динамике глобализационного прогресса // Мир психологии. 2018. – № 1. – С. 205.

[5] Бранский В.П. Микайлова И.Г., Зобова М. Р. Проблема «Смысла жизни». – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2017. – С. 72.

[6] Микайлова И.Г. Социокультурные идеалы и глобальная художественная культура. В 2-х тт. Т. I. Социокультурные и религиозные идеалы в динамике глобального воспроизводства человеческой цивилизации. – Saarbrucken: Palmarium Academic Publishing, 2016. – С.114.

нечную последовательность подобных творческих процессов на пути приближения человечества к общечеловеческому идеалу. При этом основной угрозой, подстерегающей субъектов самоопределения на пути к общечеловеческому идеалу, является опасность возврата к утратившим актуальность частно-человеческим ценностям, ведущего к цикличности социальных преобразований и утрате смысла жизни вследствие неосуществимости воспроизводства новых ценностей ни в краткосрочной, ни в долгосрочной перспективе. Эта цикличность смены частно-человеческих ценностей, подверженных ценностным автоколебаниям, вызванным идеологическими автоколебаниями (в качестве производного трансформации частно-человеческих пространств вследствие смены структурирующих их идеалов), в конечном итоге, приводит к трансформации ценностей в антиценности. Подобные идеологические автоколебания, присущие любому развитому сообществу, обусловлены, в частности, борьбой светских и религиозных идеалов, способствующей поляризации ценностей и придающей социальной жизни и истории не только смысл, но и трагический оттенок[1]. Производным борьбы идеалов становится их деструкция, лишающая приверженцев этих идеалов смысла жизни. Тем самым, идеологическая борьба ввергает общество, ориентированное на воспроизводство новых частно-человеческих идеалов и ценностей, в идеологический духовный кризис, в условиях которого духовные ценности подвергаются переоценке и девальвации, вызывая потребность в воспроизводстве утилитарных ценностей и переосмыслении постановки проблемы смысла жизни вследствие выбора новой доминанты.

Производным духовного кризиса идеологизированного общества становится деидеологизация социальной жизни, выражающаяся в глобальном переходе от идеологии Трансформизма (преобразования реальности) к идеологии Конформизма (адаптации к реальности), процесс которого характеризуется отказом от идеалов и воспроизводства новых ценностей, формированием тенденции к трансформации идеологического общества в потребительское и подменой культа творчества культом потребления. И поскольку решение проблемы смысла жизни в потребительском обществе сводится только к потреблению уже произведенных ценностей, проблема востребованности новых ценностей не замедлит актуализироваться.

Таким образом, именно непрекращающаяся борьба систем ценностей за доминирующее положение в обществе предопределяет решение проблемы смысла жизни для субъектов самоопределения, обеспечивая их самореализацию в культуре, способствующей раскрытию их подлинной природы.

3. Заключение

Результаты предпринятого нами анализа роли субъектов самоопределения в глобализационной динамике культур локальных цивилизаций позволили сделать выводы, имеющие немаловажное методологическое значение для исследователей социокультурной динамики:

1. Предлагаемый с позиций Синергетического Историзма подход, базирующийся на результатах обобщения истории воспроизводства частно-человеческих социокультурных пространств, позволяет не только обосновать взаимообусловленность специфики их воспроизводства специфической природой субъектов самоопределения, но и обнаружить эмбрион самоорганизации общечеловеческого, синтетического социокультурного пространства в самодеструкции частно-человеческих пространств.

Преимуществом предлагаемого подхода к анализу специфики воспроизводства субъектами самоопределения частно-человеческих пространств служит учет специфической, дуальной природы их ментальной активности с присущей ей идеализацией, обусловленной законом самоорганизации духовных идеалов и провозглашаемых ими ценностей.

2. Качественные характеристики процессов воспроизводства частно-человеческого пространства определяются фактором выбора субъектом самоактуализации пути самоопределения, обусловленного двумя альтернативными подходами к решению проблемы синтеза свободы и ответственности:

– конструктивным подходом, при котором процесс воспроизводства частно-человеческого пространства реализуется на основе достижения меры синтеза свободы в выборе путей реализации надситуативной ментальной активности и ответственности за ее производные;

– деконструктивным подходом, при котором реализуется разрушительный процесс антивоспроизводства, ориентированного на свободу, не ограниченную ответственностью за производные надситуативной ментальной активности, согласно антигуманистическим принципам и провозглашающим их идеалам.

3. Поскольку синергетическая теория культуры базируется на синергетической теории идеологии (в качестве учения об идеалах), а глобализующиеся локальные культуры являются системами частно-человеческих ценностей и накопленного опыта их воспроизводства, ключевым понятием для определения глобализационного социокультурного прогресса служит понятие ценности (соответствия предмета социокультурному идеалу). Ценность в качестве производного конструктивной ментальной активности субъектов самоопределения в динамике синтеза социокультурного и научно-технического прогресса служит материальным воплощением социокультурного идеала.

4. Синергетический подход к человеческой истории позволяет осмыслить ее как чередование Идеологического Порядка и Идеологического Хаоса в качестве состояний объективной реальности, носящих предельно общий характер, а культуру, накопленную человечеством, – как чередование Культурного Порядка и Культурного Хаоса, подтверждаемое действием закона самоорганизации идеалов в сфере объективной и субъективной реальности.

[1] Микайлова И.Г. Динамика и статика восприятия и рефлексии воспроизводства религиозной ментальности // Мир психологии. 2013. – № l. – С. 158.

5. На современном этапе синтеза социокультурного и научно-технического прогресса, характеризующемся глобализационными процессами в социокультурной сфере и наметившейся тенденцией к формированию единой для человечества глобальной культуры, актуализировалась проблема толерантности локальных культур и готовности их носителей к идеологическому, культовому и догматическому компромиссам, предполагающим отказ от неприемлемого для сторон норматива их идеала при условии равноценности этих идеалов. И поскольку глобализационный социокультурный прогресс ориентирован на воспроизводство ценностей в соответствии с требованиями общечеловеческого идеала, именно этот идеал призван служить ценностным ориентиром (в качестве критерия ценности).

Отношения взаимопроникновения-взаимоотталкивания локальных культур базируются на синтезе идеалов. Дуальная природа идеалов определяется дуальной оппозицией, один полюс которой нацелен на идеологический компромисс, а другой – на идеологическую борьбу, лишающую не только идеал права на его воспроизводство, но и приверженцев этого идеала смысла их существования, состоящего в служении этому идеалу. И поскольку проблема смысла жизни связана с проблемой сущностной природы субъектов самоопределения, подход к изучению этой природы с позиций Синергетической философии истории предполагает их переосмысление в качестве идеологических животных, стратегическим ориентиром творческой ментальной активности которых служит идеал. Именно идеал, требующий от своих приверженцев беззаветного служения и, тем самым, подавляющий присущие им (как биологическим животным) инстинкты, способствует трансформации «Homo Sapiens» в «Homo Faber». Если, однако, инстинкты отодвигают идеал на второй план, лишая его доминирующей роли, идеологические животные подвергаются мгновенной трансформации в «инстинктивных», с утратой присущей им природы и «Homo Sapiens», и «Homo Faber».

6. Сравнительный анализ двух подходов к осмыслению роли субъектов самоопределения в динамике глобализационного социокультурного прогресса: во-первых, с позиции отношения к человеку как к деконструктивному фактору эволюции Вселенной с соответствующим отказом от учета его специфики в качестве идеологического животного, ориентированного в своей деятельности на идеалы, и, во-вторых, с позиции абсолютизации конструктивного аспекта человека, подчиняющего Природу и Мир Метагалактики своим утилитарным идеалам, – выявил два альтернативных пути к воспроизводству качеств жизнеспособности «Homo Faber»:

– Деконструктивный путь, характеризующийся доминантой роста предметной сложности над субъективной способностью человека к освоению новой объективной реальности, ведущий к снижению уровня выживаемости, росту дезорганизации и ее трансформации в необратимый процесс деструкции и самодеструкции;

– Конструктивный путь, характеризующийся опережающей способностью человека к освоению нарастающей сложности объективной реальности посредством ее трансформации в объект осмысления, способствуя ее практическому освоению, обеспечивающему стабильное воспроизводство жизнеспособности.

7. Специфику частно-человеческих социокультурных пространств составляет их дуальная динамическая природа (в качестве особого типа конструктивной ментальной активности), в своем саморазвитии предполагающая носителя социокультурной мысли, обладающего не только способностью к воспроизводству качественно новых частно-человеческих ценностей, но и потребностью в освоении и воспроизводстве качественно нового доминирующего контрпространства с целью формирования необходимых предпосылок синтеза частно-человеческих пространств в общечеловеческое пространство, структурируемое общечеловеческими синтетическими социокультурными идеалами.

И если конструктивная напряженность способствует реализации психологических и культурных усилий социальных субъектов в противостоянии энтропийным процессам, дезорганизации и хаосу, то деконструктивная напряженность (с присущей ей дуальной природой), даже играя созидательную роль (в качестве творческого начала хаоса) в глобализации локальных культур, с утратой субъектами воспроизводственного процесса присущей им способности удерживать дезорганизацию на некотором допустимом уровне, мгновенно подвергается трансформации в механизм их деструкции.

Парамонова С.П.[1]

ЛАТЕНТНОСТЬ ФАВОРИТИЗМА

Ключевые слова*: феномен фаворитизма; институт фаворитизма; эмпирический анализ отношения к фаворитизму.*

Keywords*: the phenomenon of favoritism; institute of favoritism; an empirical analysis of attitudes towards favoritism.*

I. Фаворитизм – превращенная форма коллективности. Это процесс создания сообщества социально-близких, преследующих групповые интересы и относящих себя к ведущей силе, задающих тон, и не подверженных критике. Тяготея к индивидуализму, фаворитизм не совместим с коллективизмом, как типом социально-этических связей. Феномен фаворитизма изменчив в исторических и социально актуальных проявлениях, но его институциональная природа едина: фавориты – сменяемы, фаворитизм – вечен.

Общепринятый подход к исследованию феномена фаворитизма в социально-психологическом либо социально-политическом аспекте может быть дополнен социологическим методом исследования. Феномен фаворитизма, будучи помещен в центр внимания исследователя, обретает институциональный аспект изучения. Это позволяет анализировать фаворитизм иначе чем прежде, позволяет на основе микро-уровня выстраивать макро-уровень социальных настроений в обществе.

Цель изучения многослойного феномена фаворитизма – обращение к определению обозримых исследованием границ для обуздания стихийного фактора в жизни сообществ, что позволяет сделать прозрачными причины сговоров, санкций, правил ведения социально-политических игр привилегированного меньшинства против большинства. Фаворит, персонификация, – носитель отношений фаворитизма. Несмотря на то, что фаворитизм как тип социальной связи, видоизменяясь от личностно-индивидуальных и клановых форм в традиционном обществе к светским идеологизированным групповым формам, остается сквозным отношением в социальном универсуме современного общества[2].

Фаворитизм мог бы рассматривается лишь в поле социально-психологических и социально-политических отношений, если бы из-под воздействия фаворитизма, как типа социальной связи, были исключены другие социальные поля, и обозначенные в них институты, на которые он распространяется: политики, экономики, труда, искусства, спорта, семьи и школы. Социальная, социально-политическая и социально-психологическая сторона фаворитизма – три взаимосвязанных аспекта социальной реальности, выявляемые социологическим методом исследования.

Объектом изучения феномена фаворитизма является латентное, не стандартизированное, но вместе с тем типичное повторяющееся явление. Фаворитизм – это тип неформальных отношений, скрытый от посторонних глаз в коллективах, сообществах, корпорациях, но действующий с силой непреложного закона, требований к исполнению ролей. Институт реализуется в исполнении ролей личностью. Вначале фаворитизм проявляется как институт-установление, затем переходит в институт-организацию[3]. Общепринятая в социологии система ролей это – лидер и фаворит, конформист и маргинал, аутсайдер и отверженный[4].

Лидеры удерживают структуру и деятельность коллектива, как атланты «держат небо на каменных руках». Лидер – центр жизнедеятельности коллектива, он задает цели деятельности и перспективу коллективу. Он опирается на ядро коллектива и влияет на группы, дистанцированные от ядра. Проводником является фаворит. Как правило, в ходе социальных обменов формируется симбиоз «лидер-фаворит», руководителя и советников. Фаворит несет функцию коммуникатора гибкой сетевой системы управления.

Фаворитизм – проявление человеческой природы, субъектности, избирательности. Фаворит обладает большим потенциалом (деятельностным, интеллектуальным, организационно-исполнительским) в сравнении с другими представителями ядра вокруг лидера, но он всего лишь «второй человек» в коллективе, на взгляд респондентов. Фаворит – состоявшаяся и влиятельная персона. Однако если фаворит не соответствует функциям, ожидаемым от него лидером, он отодвигается на дальние ролевые позиции в группе. Это означает падение фаворита. В политике даже если падение фаворита происходило на глазах у всех, и ценой падения была жизнь, число претендентов желающих занять место фаворита не уменьшалось.

Коннотация понятия «фаворит» – отрицательная. Мотивом, движущим фаворитом, является обретение части властных полномочий от лидера сверху и поддержка его решений снизу. Конечная цель фаворита – овладение кон-

---

[1] Парамонова Светлана Павловна – д. филос.н., профессор кафедры социологии и политологии, Пермский национальный исследовательский политехнический университет. E-mail: spp45@mail.ru DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-477-485

[2] Манхейм К. Диагноз нашего времени / Пер. с нем.и англ. М.И. Левина, С.В. Карпушина, А.И. Миллер, Т.И. Студеникина. – М.: Юрист, 1994. – С. 62.

[3] Быченков В.М. Институты: Сверхколлективные образования и безличные формы социальной субъектности. – М.: Российская академия социальных наук, 1996. – 976 с.

[4] Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Аспект Пресс, 1997. – С. 25–32.

тролем над символическими и материальными ресурсами. Мотивы, движущие фаворитом, – оказание влияния на лидера и его окружение; получение привилегий, самоутверждение и реализация индивидуального материального интереса. Определенные современные агенты и неординарные фавориты, личности исторического прошлого социально заинтересованы в присвоении универсального ресурса – власти. Отсюда рождается беспринципный фаворитизм, в основе которого, как показывают политологические исследования, социальное качество – верность сюзерену[1]. Если в глазах одних, близких к лидеру, фаворитизм вызывает радостный блеск удачи, то у других, находящихся на краю группы, он вызывает падение жизненного тонуса.

Итак, фаворит – носитель отношений фаворитизма в ролевой структуре группы. Являясь влиятельным человеком в ядре группы, фаворит уступает интеллектуальной и стратегической мощи лидера, претендуя на его место. В исследовании лидеры составили долю = 9,0%. Фавориты в исследовании выявили себя в меньшей мере от 7,0 до 3,5% (сказалась значительная доля студентов среди респондентов).

Конформист выполняет свою роль, приближаясь, насколько возможно, к сложившимся коллективным ожиданиям, тяготея к общепринятым нормам и ценностям. Конформист – носитель status-quo в группах, сообществе, обществе, он как лоцман не дает раскачивать лодку до опрокидывания коллектива. Будучи в основном исполнителем целей и задач лидера, он поддерживает решения ядра группы. Роль конформиста является совокупностью общих значений, без которых немыслима группа как слаженный социальный агрегат; без него нет коллектива.

Если иметь в виду еще более удаленную группу от центра, где находятся лидер и фаворит, маргинал, с одной стороны выступает как потенция развития общества, по Р. Парку[2], а с другой стороны, он – тряское болото, втягивающее в неопределенность бытие и перспективу коллектива. Конформисты и маргиналы составили большинство опрошенных. По социальному составу это рабочие, служащие, студенты. Если проводить параллели, сравнивая с наиболее сложной сферой занятости в науке и философии, то, по замечанию Р. Коллинза, звёзды в естествознании составляют минимальную часть от 1–2%, ядро 20%, транзиенты, авторы разовых публикаций 75%, рекруты – множество[3].

Оппозицией лидеру, как известно, является аутсайдер. Ролевые распределения в группе отодвигают аутсайдера от ядра на край группы. Занимая позицию, противоположную лидеру, аутсайдер нередко тяготеет к самостоятельности решений. Г. Беккер объясняет роль аутсайдера, подверженного навешиванию ярлыков (стигмации), не столько зависящего от индивидуальной психологии, сколько от отношений в группе[4]. Р. Коллинз подтверждает суждение о стигмации: «аутсайдер, объект ритуала, а не участник его»[5]. Он скорее с сочувствием отмечает, что в кругах философов аутсайдеры и любимцы находятся на полярно-противоположных позициях общества: «Отщепенцы (dissidents) во многом являются частью той же сетевой структуры»[6].

Отверженный (изгой) в любом социальном сообществе подвергается осуждению, санкциям. Он отстранен от контактов и взаимодействий, и нередко «приговорен» фаворитом к остракизму. Отверженный – средоточие интриг, направленных против него, – сброса накопившегося психологического напряжения коллектива. Однако, благодаря упорной работе над собой, отверженный может со временем превосходить фаворита по квалификации. Это создает еще большую ауру неприятия его как равного. В мотивациях группы даже позитивные результаты деятельности отверженного невозможно перевести в положительные реакции группы. Установки – упрямый феномен, они латентны и более устойчивы, чем официально принятые нормы отношения к равноправным, «рукопожатным».

Группу «вера-в-себя», представляют вкрапления индивидов, объединяющихся общим психологическим настроем на оптимизм, улучшение условий существования. Это личности (группы) живущие будущим, романтики, включающие в себя, как правило, противоположные демографические группы – молодежь и пенсионеров.

II. Гендерный анализ вскрывает роль мужчин традиционного общества в военной, политической, дипломатической, торгово-экономической, управленческой деятельности и роль женщин в гуманитарной сфере воспитания, этикета, мод, церемониала. В индустриальном обществе, по Х. Арендт, труд поднимается до равноценного статуса с другими видами деятельности – дипломатией, спортом, искусством. Вовлеченность женщин на работу в массовом производстве рождает феминизм[7]. Поле фаворитизма расширяется в зависимости от работоспособности индивида.

Социально-психологическая сторона фаворитизма – неуловимый постороннему глазу феномен. Латентная легитимность фаворитизма – скрытая стена, то, на чем сплотились «свои», но не открывающаяся «чужаку». Как тип социальных связей фаворитизм опирается на принятые нестандартные символы взаимного понимания. Фаворитизм повседневен, стихиен, латентно легитимен, но против него вспыхивает протест в ситуациях, когда фаворит «перегибает палку», нарушая установившиеся нормы справедливости и эквивалентного воздаяния.

Взаимодействие ролевых групп происходит на социальном поле деятельности. То, что функционально для одних, дисфункционально для других[8]. Роль фаворита неприемлема для личности с коллективистским типом морально-

---

[1] Хазин М., Щеглов С. Лестница в небо. Диалоги о власти, карьере и мировой элите. – М.: Рипол Классик, 2016. – С. 119–134.

[2] Парк Р.Э. // Википедия. – https://ru.wikipedia.org/wiki/

[3] Коллинз Р. Социология философий» / Пер. Н.С. Розов. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – С. 96–97.

[4] Беккер Г. Аутсайдеры. Исследования по социологии девиантности / Пер. Н. Фархатдинова. Под общ. ред. А. Корбута. – М.: Элементарные формы, 2018. – С.199.

[5] Бергер П., Бергер П., Коллинз Р. Личностно-ориентированная социология. – М.: Академический проект, 2004. – С. 519, 523.

[6] Коллинз Р. Цит. соч., с. 49.

[7] Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В.В. Бибихина. – СПб.: Алетейя, 2000. – С. 30.

[8] Хальбвакс М. Социальные классы и морфология. – М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 2000. – С. 138–140.

го сознания. Нередко люди с коллективистскими установками переживали слом ценностей в становлении либерального курса в стране и уходили из жизни. Необходимы развернутые эмпирические данные по проблеме[1].

Ролевая концепция личности проверяется типами морального сознания. Типология морального сознания исследовалась автором от античности до современности в этике и социологии морали. Типы морального сознания разделены по принципу коммюнотарности и индивидуализма, среди индивидуалистов есть прагматики и гедонисты. Исторически типы тяготеют к феодальным, капиталистическим и зарождающимся в мире социалистическим ценностям. В ходе исследования выявлен переходный тип морального сознания, соединяющий неоднородные свойства личности[2]. На ролевую дифференциацию группы (личности) наложена сетка типов морального сознания. По полученным данным к фаворитизму в большей мере тяготеют индивидуалисты: прагматики и гедонисты.

III. В исследовании окружения лидера на каждом предприятии и учреждении выявлена реакция общества на фаворитизм в начале XXI века, и через десятилетие проведено повторное исследование в Центре РФ: Череповец, Саров, Москва; на Северо-Западном Урале: Пермь, Соликамск, Березники, Красновишерск; в Сибири: Барнаул и Алтайский край. N = 1583[3].

Конформисты терпимо относятся к фаворитам в своем коллективе. В большом слое конформистов соотношение типов морального сознания коммюнотаристов и индивидуалистов-прагматиков составило 1/2:1/3. Именно конформист обеспечивает коллективность, как тип социальной связи и гомогенизацию группы перед лицом других внешних групп. В настоящее время конформисты преобладают как среди рабочих, так и среди технических специалистов. Наибольшую часть конформистов составляют женщины.

Конформист считает, что пути преобразования общества есть, и они найдутся, когда придет время. Они высказались за недопустимость в будущем диктатуры правления, неприемлемой для большинства народа. При всей своей осторожности и учете социальной ситуации, желании выжить, очевидно, что конформист удерживает своей массой общество от бунтов. Социально-политический аспект фаворитизма характеризуется символическим неприятием ситуации и одновременно ритуальным молчанием общества. Поскольку это большая группа, то от нее зависит социально-политическая обстановка в обществе. Конформисты составили 17,0 %.

Изучение механизмов выполняющих функции самоорганизации коллективов, приводит к выявлению отношения к фаворитизму маргиналов. Маргинал – индивид, вечно сомневающийся в ценностных ориентациях лиц ближайшего окружения в «текучей современности». По данным исследования автора, маргиналы, обладая средним и высшим техническим образованием, быстрее меняют профиль занятости, адаптируясь к большой внутригосударственной трансформации. Мужчины быстрее, чем женщины, перешли к предпринимательству, предложенному правящей элитой в качестве одобряемой деятельности.

Шаткое положение бюджетников рождает несогласие со сложившейся ситуацией. В среде гуманитарной интеллигенции маргиналы представляют треть. Стихийность – худший тип управления, от которого страдает антропологическая сторона жизни общества[4]. Маргинальность позиций обусловлена безнадежностью работников сферы культуры относительно возможности позитивных перемен в собственном материальном положении, что ведет к падению жизненного тонуса. Объективные последствия составляют главное содержание функции и дисфункции фаворитизма. Балансовый итог совокупности последствий фаворитизма оказывает заметное воздействие на социальные настроения.

Маргиналы критически относятся сегодня и к лидеру, и фавориту. Они равнодушно смотрят на фаворитов дальней и близлежащей истории, соответственно не дали ясных и четких предпочтений религиозных, светских, военных деятелей. Сами же в своей жизненной ситуации они хотели бы стать обогретыми фаворным теплом под сенью лидера. Маргиналов, ориентированных на фавор начальства, по двум исследованиям от трети до половины.

Общество неравномерно обеспечивает анклавы самосохранения, отыскивая ниши выживания лишь для части групп и индивидов. Очевидной стала люмпенизация подавляющего большинства населения РФ[5]. Все это не может не приводить к маргинализации общества. Доля переходного типа морального сознания среди маргиналов увеличилась от начала века через десятилетие от 1/4 до 1/3.

Предпочтительным для маргиналов является строй, где средства производства находятся в руках трудящихся, лишь промежуточную позицию предпочтений занимает строй, где собственность частная, корпоративная, в системе предпочтений на последнее место уходит собственность сращенная с иностранным капиталом. Понимание свободы маргинал сводит к ориентации на повседневность, как возможность выбора.

В среде вузовской молодежи центрального региона России, Урала и Сибири маргиналы составляют большую долю, более значительную, чем конформисты. Маргиналы гибки и двойственны в выборе ценностей. Это связано с этапом становления личности в студенчестве. С начала 2000-х годов большинство сместилось в группу маргиналов.

---

[1] Розов Н.С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 735 с.

[2] Paramonova S. Types of Young People's Moral Consciousness // Russian Education & Society. 1998-10-01. – http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.2753/

[3] Исследование «Социология фаворитизма» проведено в 2002–2003 и 2011–2012 гг. по городам РФ: Барнаул, Красновишерск, Москва, Саров, Соликамск, Пермь, Череповец, Алтайский и Пермский край (*n* = 1027, *n* = 556); по инструменту С.П. Парамоновой, при участии проф. А.А. Удоденко, доц. Н.А. Цыганенко, г. Москва, доц. М.А. Рыбаковой, менеджера Л.П. Цибрюк, г. Череповец, д.и.н. О.Ю. Солодянкиной, г. Саров, чл. Союза писателей РФ Л.П. Ковшовой, инж.-исслед. Н.В. Болденковой, проректора СГПИ Г.А. Лебедевой, проректора УрГЭУ В.В. Шилова. Расчет по программе SPSS И. Балезиной, Е. Коршуновой, Е. Жиряковой.

[4] Драшкович М.В. Об источниках кризиса в обществах Юго-Восточной Европы // Социологические исследования. – М., 2019. – № 3. – С. 147.

[5] Черныш М.Ф. Современный марксизм // Социологические исследования. – М., 2018. – № 5. – С. 16.

Социальная ситуация вынуждает более гибкие элементы общества использовать новые условия для выработки иной, чем прежние жизненные стратегии[1]. Выявлено, что в первое десятилетие нашего века маргиналов меньше всего в центре России, например, в г. Сарове и г. Москве. С определенностью можно сказать, что с экономической устойчивостью региона сокращается доля маргинального типа сознания и поведения в коллективах. Особенностью маргиналов является следующее: а) в периоды перестроек жизнеустройства адаптируются скорее мужчины, чем женщины; б) фаворит, считает маргинал, поднимается наверх игрой случая; с) маргинал из всех ролевых групп наиболее безжалостен к личности отверженного; д) в складывающейся ситуации большая часть маргиналов «переливается» в группу аутсайдеров[2].

Инженеры, призванные в свое время заложить перспективу модернизированного защитного комплекса, проявили себя, как сильный тип группы (личности), в данную группу инженеров-аутсайдеров наряду с мужчинами входит большая группа образованных женщин. Женщины-аутсайдеры тяготеют чаще к переходному типу морального сознания, небольшая часть тяготеет к коммюнотарности. По обеспеченности жильем, аутсайдеры уступают только фаворитам, это и позволяет им быть относительно независимыми во взглядах от симбиоза «лидер-фаворит». По данным исследования группу аутсайдеров по роду занятий составили (3/4) инженеры, (1/4) – творческая интеллигенция и начинающие предприниматели.

Аутсайдер в понимание свободы вкладывает тот смысл, который означает внутреннее духовное раскрепощение и наличие объективной возможности «свободы выбора», следующая позиция рационализируется аутсайдером в условиях, когда свобода лишь объявлена: «возможно делать то, что не запрещено законом».

Значительная группа аутсайдеров в сравнении с другими ролевыми группами (1/3) отмечает, что больше всего фаворитизму подвержена сфера политики. Далее, с большим отрывом выделяют фаворитизм в сфере экономики по (1/10) сфере искусства, в армии и на флоте также, в сфере спорта, торговли. В настоящем повороте российских событий гигантские средства крутятся в банковской сфере и уходят из страны. Такая же картина разрушения социальных институтов отмечается в странах ЮВЕ[3].

В 2002 году аутсайдеры-студенты и в 2012 году выявили свое представление о том, что фаворитизм возобладал в СМИ, в интересах правящей элиты, они стали утверждать право сильного – гегемонию капитало-парламентаризма[4]. Аутсайдеры отмечают, что лидеру всегда необходим институт, который играет роль «проводника» его идей и обеспечивает обратную связь[5].

IV. Достоверность и ясные методы – основные требования научного исследования. На первом этапе исследования морального сознания, где обозначены репрезентативные выборки по предприятиям региона, проведена процедура валидизации типов морального сознания[6]. В данном случае в проведении проверки оснований типов морального сознания метод приближается к логике экспериментального исследования[7].

Со сменой ценностей с коллективистских на индивидуалистические, значительную группу аутсайдеров (1/3) составили коммюнотаристы, кроме того довольно велика оказалась группа гедонистов (1/4). Две равные группы (по 1/5) составили переходные типы и прагматики. Среди типов морального сознания ценности аутсайдеров сдвинуты в сторону индивидуализма.

Аутсайдерами чувствует себя студенческая молодежь Западного Урала – городов: Пермь, Соликамск, Березники; молодые не видят перспектив занятости и высокой оплаты квалифицированного труда в ближайшем будущем. Как следствие, миграции трети молодых специалистов из вузов, выезд лучших выпускников школ из Перми, миграции врачей – специалистов разных профилей в столицы. Исследовательские десанты из Центра не решают проблем экономической несамостоятельности регионов. Аутсайдеры-респонденты стопроцентно выступили за государственную собственность в руках трудящихся. Они – на стороне строя, где действует распределительное, а не состязательное право[8]. Само распределительное право на стороне сохранения жизни. Распределительное право нельзя сводить к уравнительности. Представляя достаточно развитый, высокоинтеллектуальный тип, аутсайдер уверен, что его время еще не пришло. Аутсайдеры составили 7,0%.

Отверженный по статусу находится на краю группы, еще дальше от ядра, чем аутсайдер. Сократа и Христа отвергли, приговорив к смерти, но им до сих пор поклоняются. «Последние стали первыми».

---

[1] Фишман Л.Г. Леволиберальный дискурс: теория и практика предательства // Социологические исследования. – М., 2018. – № 7. – С. 166.

[2] Парамонова С.П. Социология фаворитизма. – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2018. – С. 368–370.

[3] Драшкович М.В. Об источниках кризиса в обществах Юго-Восточной Европы // Социологические исследования. – М., 2019. – № 3. – С. 147.

[4] Бадью А. Тайная катастрофа. Конец государственной истины // Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе: альм. рос.-фр. центра соц. и филос. Ин-та социол. РАН / Ин-т эксперим. психол. – М.: Праксис, 2005. – С. 286.

[5] Paramonova S.P. The Study of the Phenomenon of Favoritism Revisited // Sociology and Antropology. 2017. – Vol. 5, N 4. – P. 279–289. – http://www.hrpub.org DOI: 10.13189/sa.2017.050402

[6] Парамонова С.П. Динамика морального сознания. 3-е изд-е, перераб. и доп. – Saarbruken: Lap Lambert, Academic Publishing, 2012. – 443 с.

[7] Парамонова С.П. Динамика морального сознания: в 2 ч. Ч. 1: Теоретическая и эмпирическая валидизация типов морального сознания. – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2014 – 217 с. Ч. 2: Эмпирический материал. – Пермь: Перм. нац. исслед. политехн. ун-т, 2014. – 189 с.

[8] Ролз Дж. Теория справедливости: пер. с англ. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. – 535 с.

Фаворитизм в политике вызывает наиболее напряженное состояние сознания отверженных (изгоев). Определяя роль фаворита, отверженные в 2002 году отмечали его вторичную значимость в сравнении с лидером, и в 2012 году добавили к характеристике фаворита «пронырливость». Случайность (ситуативность) в продвижении играет не меньшую роль, чем закономерность, особенно в стихийных, возвратных процессах функционирования общества[1]. Если в 2002 году при характеристике отношений акцент ставился на симбиозе «лидер–фаворит», базирующемся на взаимном расчете, то в 2012 году – на утилитаризме: «фаворитизм – потенциал карьеры в политике».

Большая доля отверженных (1/3) осуждает фаворитизм, но проявляет терпение, однако к отверженному в коллективах такой толерантности нет. В группе отверженных (изгоев) половина относится к фаворитам равнодушно, хотя изгои чаще всего страдают от фаворитов. В случае конфликта группа молча наблюдает за любыми нападками на изгоя со стороны фаворита.

В группе отверженных предпочитают строй, где средства производства находятся в руках тех, кто их создает. Меньше надежд остается у изгоя (даже в сравнении с аутсайдером) на укрепление законности, обеспечение личной безопасности, приход страны к стабильности. Лишь треть группы уверена в возможности своего профессионального роста и продвижения в коллективе в современных условиях. Вместе с тем, отверженный верит, что будущее докажет его правоту.

По данным исследования стало очевидно, что отверженность коррелирует с последствиями исторических событий страны «форсированного (а потому и насильственного и кровавого) продвижения по пути преодоления частной собственности»[2]. Тревожное состояние духа за будущее российского общества отверженных значительно превосходит прогнозы других ролевых групп. Отношение к историческому прошлому семьи, отдает смятенным социальным самосознанием группы отверженных и в настоящем: а) на негативную оценку отверженных повлияла смена ценностей общества в современных условиях; б) отверженные тяготеют к индивидуальным формам проведения свободного времени в узком кругу, как укрытию от остракизма группы; в) оценка отверженными фаворитов большой политики в 2002 г. переходит от традиционного определения: «круговой поруки» к нарастанию фактора рационального расчета в симбиозе «лидер-фаворит». В 2002 и 2012 гг., отверженный склонялся к мысли, что при «утечке умов», лишившись развитой науки, государство теряет конкурентоспособность в противостоянии внешним агрессивным стихийным силам.

Трудности закаляют характер. Н. Талеб замечает, что феномен посттравматического роста противоположен синдрому посттравматического стресса. Он заключается в том, что тот, кто понес урон от неких событий, становится лучше себя прежнего[3]. В случае с отверженным происходит не всегда так. Если перевести взгляд на регионы, то территориально отверженными жителями в большей мере ощущают себя среди исследованных респондентов в Алтайском крае.

В группе отверженных (1/4) отстраненно высказались о том, что «отверженные» не способны к интригам и занимаются своим делом. Они с неприязнью наблюдают стихийный передел общественных благ. Учитывая конъюнктуру, сформированную под эгидой фаворитов, группа отверженных считает, что изгоем является каждый десятый, смирившийся с приписанным ему комплексом неполноценности. Отверженные составили 1,4%.

Более высокая энергетика протестных настроений наблюдается в центре РФ, в «мужских» коллективах. Ориентация на перспективу улучшения жизни связывается в символических формах легитимации с госсобственностью, которая должна принадлежать трудящимся. Поэтому здесь не велика социальная база поддержки «нового курса», предложенного Российской Федерации младореформаторами.

Функциональный анализ, по Мертону, не связан с определенной идеологией, тем не менее, исследование должно иметь идеологическую окраску. Как верно отмечает В.В. Лапаева, ориентация на прогноз будущего означает отказ теоретической социологии от прежних претензий на аксиологическую нейтральность[4]. Будущее предполагает цель развития в интересах работающего большинства.

Внутри ролевой группы «вера-в-себя» можно выделить три символические формы самосознания. Группу (личность) можно обозначить как: а) «утопистов»; б) «несломленных индивидов, с личностным устойчивым стержнем»; 3) частично «неудачников», компенсирующих сложившуюся жизненную ситуацию «верой-в-себя» в лучшее будущее.

Негативную оценку войны – «нажива денег на трупах» – дали те из респондентов, кто «верит-в-себя», помня, что «война дело молодых»: от начала века к первому десятилетию (от 2002 г. к 2012 г.) напряженное отношение к войне повысилось (от 12,0 до 33,3%). По опросу 2012 года суть войны обозначена как «катастрофа для народа», по сравнению с оценками этой же ролевой группой в 2002 году, когда основные мотивы ведения войны характеризовались иначе: «война – нажива денег на трупах». Люди воспринимают войну как всенародную трагедию.

Результаты социологического исследования учитывают возможности кросскультурного и кроссгруппового анализа, что позволяет в исследовании феномена фаворитизма сравнить влияние института фаворитизма в региональных сообществах[5]. Большинство группы «вера-в-себя» так же, как все, относится к фаворитам равнодушно, пока не затро-

---

[1] Талеб Н.Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса / Пер. с англ. Н. Караева. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. – С. 160–172.

[2] Лапаева В.В. Постсоциалистическое будущее как предмет исследований социологии (с позиций теории цивилизма В.С. Нерсесянца) //Социологические исследования. – М., 2019. – № 3. – С. 9.

[3] Талеб Н.Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса / Пер. с англ. Н. Караева. – М.: КоЛибри, Азбука Аттикус, 2018. – С. 72.

[4] Лапаева В.В. Постсоциалистическое будущее как предмет исследований социологии (с позиций теории цивилизма В.С. Нерсесянца) // Социологические исследования. – М., 2019. – № 3. – С. 3–12.

[5] Мертон Р.К. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль: Тексты. – М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996. – С. 460.

нуты интересы его самого в коллективе. Равнодушно относится к фаворитам половина группы, осуждают, но проявляют терпение 1/4. Особой трагедии в наличии фаворитов не видят 1/5 часть группы. Однако есть и такие бесстрашные лица, кто вступает с фаворитами в конфликты, это 1/10 часть. В критической ситуации «романтики» протестуют и идут «ва-банк». Группы «вера-в-себя» составила в долях обследованных 31,1%.

V. В заключение можно заметить следующее: фаворитизм – тип особых всепроникающих социальных связей в коллективе, он характеризует неформальные отношения в любом сообществе. Социологический анализ фаворитизма обеспечивает целостность подхода – переход от описания феномена к пониманию содержания понятия «институт фаворитизма» через ролевую структуру личности. Выявление латентных связей определяет те объективные последствия, которые порой не входят в намерения индивида и не всегда осознаются группой, но чаще принимаются как среда естественных отношений. Персоналии фаворитов, включенные в социально-исторический процесс, не просто эмпирические единицы (группы), это акторы, способные «форматировать» историю. Возможность контроля большинством меньшинства остается не реализованной проблемой любой демократии мира. Регулирование социальных отношений может перейти на уровень рациональных, юридических, договорных обязательств и законов, ограничивающих влияние фаворита, если участники социального процесса могут влиять на правила игры и изменить их. Ограничения фаворитизма должны иметь научные обоснования, регулирующие, контролирующие юридически установленными законами на трех уровнях социальной реальности: глобальном, институциональном, коллективном.

Сарьян В.К.
д.т.н., академик НАН РА, профессор МФТИ и МТУСИ
Назаренко А.П.
к.т.н., с.н.с. директор Научно-технического центра НИИР
Ермаков В.В.
д.б.н., профессор, начальник лаборатории ГЕОХИ РАН

ПОВЫШЕНИЕ АДАПТАЦИОННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ВОЗРАСТАЮЩЕГО ТЕХНОГЕНЕЗА И УВЕЛИЧЕНИЯ РИСКА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ И МАТЕРИАЛЬНЫХ ПОТЕРЬ ОТ ЧС ПРИРОДНОГО И ТЕХНОГЕННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ – ВИТАЛЬНАЯ ЗАДАЧА (ЗАДАЧА ВЫЖИВАНИЯ) СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: *адаптивные возможности человека, чрезвычайные ситуации, индивидуализированное управление спасением абонентов, Интернет вещей, конвергенция услуг, датчики IoT, краткосрочный предсказательный потенциал, гибридная мониторинговая сеть, специальная коллаборация.*

Keywords: *human adaptive capabilities, emergencies, individualized management of rescue of subscribers, Internet of things, convergence of services, IoT sensors, short-term predictive potential, hybrid monitoring network, special collaboration.*

Введение

Все ЧС являются источниками непомерно больших материальных и людских потерь в разных частях Земли. При этом потери оказываются одинаково высокими не только для развитых, но и для развивающихся стран. Причиной больших потерь от ЧС является постоянное снижение адаптивных возможностей современного человека. Эта проблема особенно актуальна для стран Большой Евразии (БЕ), вот почему эта тема должна быть отнесена к числу приоритетных при рассмотрении перспектив развития региона БЕ. Необходимо уделить внимание социальным, политическим и экономическим последствиям ЧС, так как крупные природные и техногенные катастрофы не раз выступали катализаторами социально-экономических и даже политических трансформаций. Ведь зачастую для восстановления ущерба требуются большие средства, которых у стран БЕ может и не быть.

Международное сообщество придерживается концепции «ненулевого риска». Это значит, что какие бы меры не были предприняты, ЧС в какой-то несчастливый момент может произойти в любом регионе мира и ЧС может коснуться каждого жителя планеты.

Поэтому международное сообщество и отдельные страны уделяют огромное внимание разработке и эксплуатации систем мониторинга глобальных процессов, комплекса современных методов и средств контроля параметров состояния объектов и окружающей среды; мониторингу и анализу данных об окружающей среде и возможных внешних воздействиях на анализируемую систему; теоретическим исследованиям, формированию, и пополнению банков данных и баз знаний по источникам опасностей и сценариям развития нештатных ситуаций, критериям их оценки и алгоритмам превентивных действий для парирования ЧС; разработке и внедрению, основанных на инфокоммуникационных технологиях, систем оповещения населения о ЧС и при ликвидации последствий.

Однако все принимаемые меры, внося вклад в анализ причин и последствий ЧС и накапливая статистику, не могут пока повысить предсказательный потенциал существующих мониторинговых систем до хозяйственного значения, и каждый раз очередное ЧС является катастрофическим сюрпризом как для администрации, так и для всего населения региона, в котором случилось ЧС. Надо отметить, что природные ЧС часто сопровождаются техногенными ЧС. Особенно большие потери наблюдаются в крупных городах и в курортных зонах в связи со стремительно возрастающими туристическими потоками. Основная часть туристического потока приходится на летние месяцы, формируя пиковые нагрузки на местные эколого-экономические системы и существенно повышая риск возникновения опасных природных явлений, которые в свою очередь способны стать причиной значительных человеческих жертв и разрушений.

Надо учесть еще одну причину больших потерь для стран, которые подвергаются ударам ЧС. Дело в том, что усилия государств по развитию средств мониторинга и предупреждения о возникновении ЧС оказываются часто малоэффективными, так как все попытки создать надежные, то есть имеющие хозяйственное значение, среднесрочные и долгосрочные прогнозы пока не достигают цели. При этом достоверные системы краткосрочного прогноза дают для ряда ЧС так мало времени от начала оповещения (T_o) до наступления катастрофической фазы (T_k), что граждане (в том числе и обслуживающий персонал в объектовой системе), оказавшиеся в зоне ЧС и предупрежденные о ЧС, становятся беспомощными, сразу забывают все инструкции и, в итоге, часто оказываются жертвами этих событий.

В ближайшем будущем ЧС могут стать почти рядовым событием и витальным явлением в жизни современных людей, у которых почти утрачиваются адаптивные возможности, обеспечивающие им безопасное существование в окружающей среде. Поэтому человечество не может далее мириться с получаемыми низкими результатами и настоятельно требует от ученых поиска новых решений и страны БЕ не могут оставаться в стороне.

Предоставляемые сегодня услуги с помощью ИКТ по спасению людей, основанные на успешном краткосрочном прогнозировании (например, услуга по идентификации начавшегося ЧС и по оповещению населения о его начале и характере), практически не управляют спасением людей во время протекания ЧС, хотя наибольшие потери населения и материальных ценностей происходят именно в этот отрезок времени от начала оповещения T_0 (на самом деле начало ЧС может начаться значительно раньше) до наступления T_k. Как показывает статистика, за этот короткий временной интервал общим оповещением не удается спасти большой процент людей, оказавшихся в зоне ЧС. Для того чтобы достичь больших показателей, необходимо научиться как можно раньше определять T_o и иметь возможность управлять в реальном масштабе времени эвакуаций каждого человека, оказавшегося в данном месте зоны данного ЧС в безопасную зону до наступления T_k.

Видимо по этой причине вопросам снижения потерь во всех странах, в том числе и в Большой Евразии, до сих пор не уделено практически никакого внимания.

Задача нашего доклада – не только поставить вопрос, но и предложить доступные методы решения.

Решение этого жизненно важного вопроса было найдено построением сценария и бизнес-модели индивидуализированного управления спасением абонентов (ИУСА) при возникновении ЧС с помощью IoT [1, 6, 22, 25-27].

Модель ИУСА в современной инфокоммуникационной среде (ИКС) с использованием IoT удалось создать для ЧС, у которых временной участок между T_0 и ее T_k не менее 10 минут. Это могут быть ЧС техногенного характера, такие как пожар, утечка вредных веществ и др., которые могут возникнуть в каком-то объекте, в отдельном районе или городе в целом. Разделим временную шкалу протекания ЧС на следующие временные участки: T_b – время до начала ЧС, T_0 – начало ЧС, T_k – наступление катастрофической фазы , T_a – время после окончания ЧС.

Рассмотрим ИУСА для большого класса ЧС, у которого $T_k - T_0 > 10$ мин. Перед разработчиками ИУСА встала задача модернизировать существующую инфокоммуникационную инфраструктуру объектовой системы, в которой управление спасением людей при начале ЧС заключалось в том, что на основании показаний датчиков (тепловых, дымовых, датчиков пламени) определяют начало ЧС и передают в пульт управления для принятия решения. В этих системах управление спасением людей, оказавшихся в зоне ЧС, осуществляется только передачей всем широковещательного сообщения о начале ЧС и напоминаний о необходимости следовать разработанным инструкциям, соответствующим случившему типу ЧС. Как показывает анализ происшедших ЧС, это широковещательное сообщение передается с заметной задержкой относительно времени относительно начала ЧС и мало кто помнит эти инструкции.

Нами были внесены предложения по модернизации объектовой ИКС.

Для целей ранней фиксации начала ЧС, чтобы увеличить промежуток времени между фиксацией начала ЧС – T_o и наступлением T_k, впервые было предложено использовать дополнительно к существующим датчикам ЧС, установленных на объектах, датчики на основе технологии IoT, в качестве которых могут выступать отдельные предметы объектовой среды (они же абоненты (А) ИКС, которые оказываются более чувствительными к признакам ранних стадий ЧС разного типа, чем существующие датчики ЧС. Широкое внедрение объектов IoT в процессы взаимодействия в ИУС и неизбежная трансформация в самое ближайшее время всех взаимодействующих в ИУС в настоящее время *A*: человеко-машинных систем (ЧМС, MMS), машинных систем (МС, MS), систем искусственного интеллекта (ИИС, AIS), систем машинного обучения (МОС, MLS), систем гуманоидных роботов (СГР, GRS) в системы Интернет вещей (IoTS) создает предпосылки для формирования гиперсвязанного мира. Это означает, что в глобальное информационное взаимодействие принципиально могут (т.е. будет технически доступно) вступить все косные и живые (включая человека) объекты природы, принадлежащие к одному виду или стоящие на разных ступенях развития. Аппаратно-программные средства для общения объектов природы сегодня созданы, причем они масштабируются, т.е. они могут подключить к Интернету любой природный объект, преобразованный в IoTS (рис. 1), независимо от его размеров и места в иерархическом природном ряду.

Кроме того, как видно из приведенной на рис. 1 блок-схемы типового IoTS, он может не только посылать сигналы от своих датчиков в ИУС, но и принимать приходящие извне сигналы, в том числе и сигналы управления. Это значит, что новая ИУС дает природным объектам, их сообществам такую же возможность взаимодействия как сообществу людей [2, 3].

Кроме того, чтобы достичь сверхнизких задержек ИУСА в объектовой инфраструктуре ИУС, которую можно отнести к классу критических инфраструктур, и гарантировать максимальную достоверность, в том числе и эффективное администрирование этой услуги, впервые были разработаны и использованы информационно-управляющая сеть (ИУС) (Рекомендация МСЭ-Т Y. 2239) [8] и сенсорная управляющая сеть – СУС (Рекомендации МСЭ-Т Y.2222) [9]. Важную роль в управлении самоэвакуацией *A* вне объектовой зоны играет навигация. Поэтому была обеспечена конвергенция услуг КВНО в ИУСА и тем самым был расширен спектр услуг ИУСА. Блок схема типового абонентского устройства IoTS (рис. 1) отражает эту конвергенцию. Была также осуществлена конвергенция услуг e-health (е-медицина) в ИУСА. Она расширила спектр ИУСА на абонентов, подключенных к услугам e-health (е-здоровье). Такая конвергенция впервые была представлена на семинаре в рамках заседания АТЭС ТЕЛ 52 (APECTel 52). На рис. 2 на примере АТЭС приведена блок-схема такой конвергентной услуги.

Рисунок 1.
Блок-схема типового абонентского устройства

Рисунок 2.
Блок-схема конвергенция услуг e-health (е-медицина) в ИУСА

Управление ИУСА обеспечивается взаимодействием в абонентском устройстве трех сопряженных и включенных в объектовую инфокоммуникационную инфраструктуру экспертных систем: 1) системы определения типа произошедшего ЧС, 2) системы персональных характеристик *A*, которые требуют их учета при разном типе ЧС (например, непереносимость определенного типа газов, которые могут выделяться при данном типе ЧС), 3) системы определения местоположения *A* в данном объекте и построения маршрута, с учетом данных от систем 1) и 2), его выхода *A* в безопасную зону. Особо отметим, что эти экспертные системы создаются на основе огромной исследовательской работы, которую проводит МЧС и его научные и проектные подразделения.

На сегодняшний день ИУСА может обеспечить управление самоэвакуацией в безопасную зону не менее 90% *A*, оказавшихся в зоне возникновения ЧС для $T_k - T_0$=10 мин. Эта величина была определена для наиболее типовых случаев параметров объектов и количества людей и типов ЧС с использованием методов оптимального управления, включая метод разрешения коллизий.

Опишем сценарий предоставления индивидуализированной услуги для этого случая. При обнаружении первых признаков ЧС датчики IoT, расположенные в каждом помещении объекта (в определенном участке территории) и объединенные в самоорганизующиеся сенсорные сети [19–21], где произошло ЧС, начинают взаимодействовать с терминалом каждого абонента, определяя его координаты, и сообщают терминалу изменение своих характеристик под влиянием изменения параметров внешней среды. В память абонентского терминала записывается модель развития наблюдаемого типа ЧС в данном объекте, составленная и утвержденная официальными представителями МЧС и также утвержденная актуальная цифровая модель данного объекта. Происходит автоматическая идентификация полученных данных с имеющейся моделью, и фиксируется наличие начальной стадии ЧС. Используемые датчики (или линейка датчиков) IoTS должны обладать большим предсказательным потенциалом (высокой чувствительностью за счет фиксации начала адаптационных механизмов IoTS как динамическая реакция IoTS для возращения стабильного состояния, нарушенного начальной стадией внешнего воздействия, т.е. ЧС), чем существующие датчики, и тем самым увеличивается отрезок времени между моментом фиксации начала ЧС – T_o и моментом наступления его катастрофической фазы $T_к$. В зоне, где возникло ЧС, могут оказаться люди разного статуса (служащие, имеющие определенные предписания при возникновении ЧС), случайные здоровые посетители, которые могут не знать расположение того объекта, где их застало ЧС, посетители с ограниченными возможностями по состоянию здоровья, слуха, зрения. Поэтому, чтобы не создавать давку, одновременно сообщив им всем о начале ЧС, и решить проблему коллизии управляющие сигналы, которые поступают от датчиков IoT на абонентские терминалы пользователей услуг, вначале актуализируются у обслуживающего персонала и людей с ограниченными возможностями. У первых в абонентских уст-

ройствах автоматически на основе записанных у них в абонентском терминале инструкций формируются управляющие сообщения, что им надо делать в сложившейся обстановке, и указывается маршрут, с помощью цифровой модели здания (пространства), по которому они должны следовать. На терминалы людей с ограниченными возможностями приходят управляющие сигналы, показывающие им безопасный план эвакуации. При этом программное обеспечение услуги в терминале данного абонента при формировании плана эвакуации учитывает особенности и характер ограниченных возможностей данного человека [19, 20]. Затем после некоторой паузы управляющие сигналы поступают на абонентские терминалы здоровых людей – *A*, оказавшихся в зоне ЧС, и также на основании их текущего места пребывания в зоне ЧС, темпов и характера развития ЧС автоматически формируется индивидуальный маршрут в направлении безопасной зоны. Во все время предоставления услуги происходит непрерывное взаимодействие абонентского терминала с датчиками IoT. Это позволяет в реальном времени автоматически корректировать управление эвакуацией *A* в зависимости от темпа и направления развития ЧС. При этом все транзакции между абонентами и IoT датчиками сенсорной самоорганизующейся сети передаются через терминал сотовой связи, который соединен с сенсорной сетью в центр МЧС. Эти данные окажутся очень полезными для сотрудников МЧС на стадии ликвидации последствий ЧС.

Отметим также, что при возникновении ЧС абонентские терминалы людей, оказавшихся в зоне ЧС, принудительно отключаются от сотовой сети первым управляющим сигналом, полученным абонентским терминалом от IoT датчиков. Этим достигается автономность управления, что оказывается очень важным в условиях ограниченного времени – времени определяемой темпами развития ЧС до T_k.

В абонентских терминалах, в которых записаны возможные варианты такого типа ЧС, автоматически формируется, как и в предыдущем случае, управляющая информация, указывающая выход в подобной ситуации.

Отличие сценария предлагаемой ИУСА от существующих заключается в том, что предлагаемая услуга обеспечивает динамическое, в реальном масштабе времени, управление эвакуацией персонально каждого человека непосредственно во время ЧС. Так, если $T_k - T_0 = 10$ минутам, то можно вывести из опасной зоны до 90% *A*. Естественно, что при достижении значения $T_k >> 10$ минут можно достичь лучших результатов.

Но ИУСА при возникновении ЧС бессильна, если $T_k - T_0 \approx 0$. А именно это значение характерно для таких разрушительных катастроф, как например, землетрясения и некоторые виды цунами и наводнений, которые приносят наибольшие людские и материальные потери.

Для того, чтобы расширить возможность применения ИУСА при возникновении ЧС на случай близкого к нулевому отрезку времени между T_0 и ее $T_k \approx 0$, необходимо резко повысить хотя бы краткосрочный предсказательный потенциал существующих систем мониторинга за такими типами ЧС. Повышение предсказательного потенциала связано с поиском и фиксацией сигналов предвестников ЧС с $T_k - T_0 \approx 0$, например, землетрясений. Однако используемые сегодня сейсмические датчики малочувствительны к сигналам-предвестникам землетрясений. При измерениях этими датчиками такие сигналы «теряются» на фоне шумов. Поэтому разрабатываются различные математические методы для выявления на фоне шумов сигналов-предвестников землетрясений. Значительная часть методов основана на теории синхронизации [22–24]. Развивая теорию синхронизации как эффективный способ выявления сигналов-предвестников землетрясений, было высказано предположение, что метод синхронизации будет особенно эффективным, если сигналы, получаемые от существующих датчиков, будут складываться в реальном масштабе времени с сигналами датчиков другой (нежели существующие сейсмические датчики) физической природы, расположенных поблизости от существующих датчиков.

В качестве таких датчиков – датчиков разной физической природы было предложено использовать датчики IoT и была впервые предложена концепция гибридной мониторинговой сети за ЧС глобального происхождения. Она была представлена на семинаре, проведенном в рамках 56 сессии АТЭС ТЕЛ (APECTEL56) и стандартизирована в рекомендации ИКТ-Т [6, 13, 25]. Основная идея одновременного использования датчиков разной физической природы заключается в том, что сигналы-предвестники являются общим для них всех модулирующим сигналом. В качестве таких датчиков в соответствии с определением IoTS, могут быть использованы любые живые (включая человека) и косные объекты природы, которые могут оказаться очень чувствительными за счет возможности фиксации начальных моментов адаптации к внешним воздействиям, как было отмечено выше, к определенным типам сигналов- предвестников. Поэтому в гибридной системе мониторинга было предложено использовать объединенный датчик IoTS (т.е. панель, состоящую из разного типа датчиков, одни из которых при реальных обстоятельствах могут оказаться более чувствительными к данным сигналам-предвестникам, чем другие) для дополнения к существующим датчикам.

На рис. 3 приведена блок-схема гибридной сети мониторинга за землетрясениями [8].

Здесь изображен фрагмент такого взаимодействия объединенного датчика IoTS, в качестве которого используются косные и живые объекты, с существующими сейсмическими датчиками. Отметим, что датчики IoTS должны быть выбраны из объектов окружающей среды в непосредственной близости от пункта существующей мониторинговой системы. Сигналы-предвестники землетрясений модулируют синхронно существующие датчики и периодические жизненные (естественные) процессы, которые проистекают в датчиках IoTS, входящих в панель. Сложение этих сигналов дает эффект синхронизации и позволяет выявить наличие и мощность сигналов-предвестников землетрясений, что позволит определить с достаточной (от 2 часов до 10 минут) точностью не только время наступления землетрясения, но и его силу и место эпицентра.

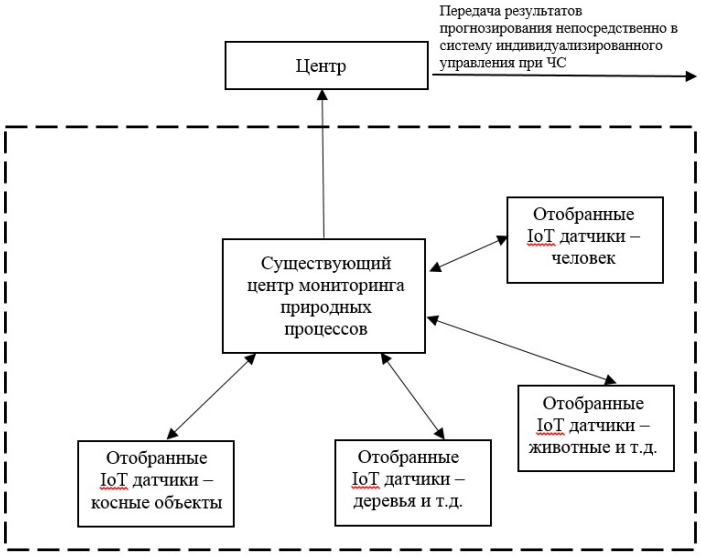


Рисунок 3.
Блок-схема гибридной сети мониторинга за землетрясениями

В случае, если у данного ЧС, $T_k \approx 0$, сценарий предоставления индивидуализированной услуги по управлению спасению абонента, описанного для случая $T_k \geq$ 10 минут дополняется следующими действиями: формируется в аналитическом центре гибридной мониторинговой сети, путем обработки данных гибридной мониторинговой системы, информация о времени, силе и эпицентре землетрясений. Эта информация передается по каналам связи, в том числе и по каналам сотовой связи на вход сенсорной сети, далее через датчики IoTS эта информация поступает на абонентский терминал людей-*A*, способных в скором времени оказаться в зоне землетрясения, и автоматически вырабатываются сигналы ИУСА, как лучше поступить в сложившейся ситуации, чтобы своевременно выйти из опасной зоны.

Таким образом, сценарий действия ИУСА для *A*, способных оказаться через короткое время в зоне ЧС, действует даже при $T_k = 0$, то есть и при землетрясениях.

На этом этапе к исследованиям присоединились ученые и специалисты ИФЗ РАН (создание гибридной системы мониторинга) и ГЕОХИ РАН. Предлагаемые решения ИУСА были опробованы на опытных участках. Однако для широкомасштабного внедрения ИУСА необходимо провести большой объем измерений и теоретических исследований для создания утвержденных экспертных систем: 1) системы определения типа произошедшего ЧС, 2) системы персональных характеристик А, которые требуют их учета при разном типе ЧС (например, непереносимость определенного типа газов, которые могут выделяться при данном типе ЧС), 3) системы определения местоположения А в данном объекте и построения маршрута, с учетом данных от систем 1) и 2), его выхода А в безопасную зону для каждого объекта, где могут находиться А. Причем необходимо обеспечивать их актуальность в любое время.

Большинство таких исследований давно проводятся учеными и специалистами научных организаций МЧС или других научных организаций по заказу МЧС, так как они нужны для реализации обычной (до появления концепции ИУСА) парадигмы мониторинга и оповещения [25–28]. Наиболее близкими кандидатами для внедрения ИУСА являются умные дома и города [29, 30].

Для широкомасштабного внедрения ИУСА необходимо также провести широкий круг исследований свойств окружающей среды. Без этих исследований невозможно провести подбор и сертификацию типовых датчиков IoTS, а также оценить разброс параметров однотипных объектов окружающей среды, которые мы будем использовать в гибридных системах мониторинга в качестве IoTS в разных регионах страны и мира. На этот разброс могут влиять в том числе медленные изменения глобальных природных явлений и внедрение новых технологий, которые могут негативно воздействовать на окружающую среду и здоровье человека и вносить искажения в используемые ИУСА экспертные системы. Однако стремительные процессы глобализации приводят к тому, что многие исследования окружающей среды отстают от актуальных потребностей. Явная десинхронизация между темпами внедрения новых технологий, процессами урбанизации и другими факторами возрастающего техногенеза, особенно характерная для стран БЕ, настоятельно требуют поиска новых подходов к исследованию взаимодействия человека с природой, радикального улучшения этого взаимодействия. Для того чтобы ликвидировать или существенно сократить эту десинхронизацию, необходимо было найти методы расширения фронта научных исследований.

Опыт научного сотрудничества между учеными и специалистами НИИР, ГЕОХИ РАН и ИПУ РАН позволил не только найти решение проблемы десинхронизации, но и открыть новую нишу междисциплинарного сотрудничества.

Так, было впервые предложено использовать систему гибридного мониторинга в качестве мощной экспериментальной базы для широкого фронта биогеохимических исследований, которые сегодня или не проводятся, или проводятся в очень ограниченных объемах. Между тем они позволят решить такие актуальные задачи как:

– обеспечение непрерывного пространственного мониторинга состояния живых и косных объектов природы от антропогенного воздействия,

– изучение взаимодействия живых организмов с окружающей средой, процессов самоорганизации и регуляции биологических систем, которое является предметом экологии,

– определение параметров адаптационных возможностей объектов при внешнем природном и антропогенных воздействиях.

Для решения этих задач необходимо поменять методы исследования, то есть перейти от статических методов, которые применялись в XX веке, к динамическим методам, которые можно развернуть на предлагаемой мощной экспериментальной площадке.

Как было отмечено выше, эти исследования необходимы также для выбора типовых IoTS для гибридных систем мониторинга.

Отметим, что для создания такой площадки не потребуется сколько-нибудь заметных материальных затрат и научных усилий – экспериментальная биогеохимия также, в принципе, как и инфокоммуникационная среда, «готова» к объединению с технологиями Интернета вещей. Кроме того, такое объединение позволит, по мнению авторов, обеспечить качественный прогресс в дальнейших исследованиях в биогеохимии.

Покажем возможность практической реализации такой экспериментальной площадки на базе введенного понятия суперсвязанного мира, который формируется в результате трансформации всех взаимодействующих в ИКС объектов в IoTS (рис. 4). Фактически, этот переход к новой модели мира – суперсвязанного мира, означает новый качественный скачок, который затронет все сферы человеческой деятельности.

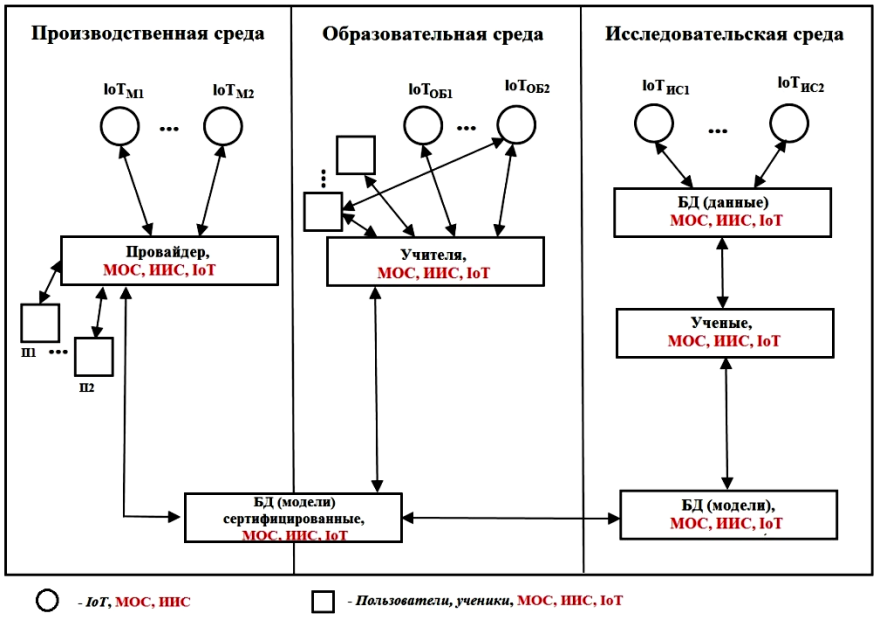


Рисунок 4.
Три сферы суперсвязанного мира

На рис. 4 показано, что предлагается разделить жизнь суперсвязанного мира на три сферы:

1. сфера предоставления стандартизированных услуг, связанных с работой и досугом,
2. область образования,
3. область исследований.

(Отметим, что на рис. 4 все взаимодействующие объекты – это *А* ИКС)

В 1 и 2 сферах выполнение задач и получение необходимых услуг при взаимодействии объектов друг с другом и окружающей средой осуществляется на основе показаний объектов IoTS, которые осуществляют мониторинг окружающей пользователя окружающей среды и на основе имеющейся модели помогают каждому пользователю в рамках соответствующей ячейки институциональной матрицы быстрее и рациональнее решить задачу функционирования в этой сфере, то есть выполнить одну из типовых стандартных задач (или один из периодически воспроизводимых типовых процессов, обеспечивающих гомеостаз данного объекта в данном таксоне).

Третья сфера формирующегося суперсвязанного мира отличается от первых двух тем, что в этой сфере как раз на основе мониторинга окружающей природной и социальной сред с помощью IoTS, проводятся научные исследования и вырабатываются знания, то есть создаются модели, которые оперативно могут использоваться для достижения большей рациональности в функционировании в первых двух сферах. Таким образом, все геохимические исследования органично будут встроены в первую и вторую сферы и будут способствовать повышению качества жизни [31].

С другой стороны, такая встроенность, которая позволяет биогеохимикам, учитывая реально доступную обратную связь (возможность дистанционного доступа к показаниям объектов, функционирующих в первой и второй сферах), оперативно учитывать степень воздействия внедрения новых технологий тех или иных неблагоприятных факторов окружающей среды на показатели здоровья, производительности и других индикаторов устойчивого развития. Такая возможность, связанная с возможностью мониторинга за изучаемыми объектами в реальном масштабе времени, позволит достигнуть новых высот в исследовании природной среды. Например, исследователь – абонент третьей сферы (рис. 4) может зафиксировать и изучить процессы адаптации, которые возникают внутри природного объекта при неблагоприятном воздействии окружающей среды, когда нарушается воспроизведение одного или сразу нескольких типовых процессов, обеспечивающих гомеостаз данного объекта и готовность его перехода к деградации. При этом

можно предположить (если будет изучена семантика этой процесса), что под внешним воздействием (оно может исходить от исследователя или другого подобного объекта IoT, находящегося в том же или территориально отдаленном таксоне), можно восстановить нарушенные типовые процессы и остановить необратимую деградацию объектов таксона в целом. Предлагается создание экспериментальной площадки осуществить в два этапа. На первом этапе необходимо использовать существующие экспериментальные площадки и оснастить изучаемые объекты соответствующими (типовыми) аппаратно-программными средствами, которые «трансформируют» данный изучаемый живой и косный объект в Интернет вещь, обеспечивая выход показателей измерения в Интернет сеть. Такая возможность обеспечивает исследователям решения, в зависимости от специализации датчиков измерительной аппаратуры, практически всех проблем, которые указаны выше.

Такая сеть позволяет вести круглосуточный мониторинг за изменениями параметров как отдельных объектов, так и совокупности взаимодействующих объектов на одной территории. При этом, используя возможности Интернета к такой экспериментальной площадке, которую можно развернуть в живой природе, можно легко обеспечить санкционированный дистанционный доступ любой группы ученых. При удачных результатах первого этапа можно перейти ко второму этапу развертывания участков экспериментальной площадки в разных частях света и в дальнейшем перейти к объединению этих участков в глобальную экспериментальную сеть [35].

Предлагаемая к созданию экспериментальная площадка для исследований в области биогеохимии будет похожа на существующие сегодня экспериментальные площадки для астрофизических и геофизических исследований, когда ученые, имеющие санкционированный доступ, дистанционно подключены ко всем расположенным в разных частях света астрофизическим телескопам и к станциям сети мониторинга за геофизическими процессами.

Авторы убеждены, что встраивание биогеохимических исследований в структуру формируемого с помощью новейших инфокоммуникационных технологий суперсвязанного мира не только устранит отмеченные выше процессы десинхронизации между темпами техногенеза и исследованиями и позволит обеспечить выбор и сертификацию типовых IoTS для гибридных систем мониторинга, но и открыть новые научные горизонты в биогеохимии и других научных направлениях.

Глобальные ЧС техногенного и природного происхождения, например, такие как землетрясения, не признают государственных границ и академических дисциплин. Для уменьшения риска стихийных бедствий, связанных с землетрясением, необходимы международные и междисциплинарные исследования и сотрудничество. Поэтому с самых первых шагов наших исследований мы уделяем большое внимание апробации наших предложений технических решений на авторитетных международных площадках, таких как МСЭ, ЭСКАТО (*Экономическая и социальная комиссия для Азии и Тихого океана)*, объединяющая пять региональных комиссий *ООН*, форум АТЭС. Эти организации в соответствии с резолюцией, принятой Генеральной Ассамблеей 3 июня 2015 года «Сендайская рамочная программа по снижению риска бедствий на 2015–2030 годы» большое внимание уделяют исследованию возможностей использования ИКТ для предотвращения стихийных бедствий природного и техногенного происхождения, реагирования на них и при восстановлении ущерба, призывая к широкому международному сотрудничеству. Эти же задачи включены в программу достижения 17 целей устойчивого развития, также принятого ООН.

Необходимо отметить, что наши предложения были высоко оценены в этих организациях [29, 30]

Положительную оценку наши предложения получили и на форуме АТЭС. В результате, высоко оценивая достижения РФ, специальными решениями Бюджетный Комитет выделял средства специалистам ФГУП НИИР для проведения семинаров по данной тематике (в 2012, 2015 и 2018 гг.), на которых с докладами выступили в поддержку предложенных нами решений видные ученые и специалисты из США, Японии, Китая, Южной Кореи, Индии, Сербии, Филиппин и других стран.

Предложенные нами решения и предложения по дальнейшей работе были одобрены на всех семинарах. Так по итогам решения последнего семинара АТЭС предполагается создание сети национальных площадок на основе IoT с радикально высоким прогнозным потенциалом, где ученые из разных стран смогут проводить эксперименты и испытания наиболее чувствительных датчиков на базе IoT и обмениваться накопленным опытом.

Такие центры начали создаваться в ряде стран, включая РФ. В 2020 годах предполагается обмен данными, полученных в результате проведенных экспериментов.

Интерес к нашим работам был проявлен и со стороны ЭСКАТО.

Целесообразно отметить, что все описанные выше мероприятия проходили с согласия и при участии сотрудников Минкомсвязи РФ и МЧС РФ.

В нашей деятельности мы старались как можно шире охватить аудиторию для знакомства с нашими разработками. Поэтому мы активно выступали с докладами на конференциях в Москве, Брюсселе, Атланте, Санкт-Петербурге [6, 32, 25, 36, 37–39] и др. Наши экспонаты демонстрировались на международных выставках в Москве, Женеве, Гонконге, Ганновере, Амстердаме и др.

Мы открыли новое направление в ЧС – создание ИУСА и утвердили наш мировой приоритет РФ. Мы надеемся, что наши дальнейшие работы помогут радикально снизить потери и изменить психологию населения и руководства (от страха до полного фатализма) к долгосрочным и краткосрочным прогнозам.

Мы можем сейчас с учетом планов развития ИКТ, КВНО и др. технологий, создания умной среды надеяться на реализацию права человека на физически безопасное существование в техногенном мире – это на самом деле может стать витальным вопросом для выживания человека.

В настоящее время создан междисциплинарный коллектив и наметились энтузиасты для международного сотрудничества, в том числе из стран БЕ (Россия, Армения, Киргизия и др.), и мы надеемся в самом ближайшем буду-

щем создать в БЕ модный и очень эффективный, как показала практика последних лет, механизм решения сложных проблем – специальную коллаборацию.

Нельзя игнорировать среднесрочный и долгосрочный прогноз, как это делают в настоящее время, ссылаясь на то, что современные методы этих прогнозов не имеют хозяйственного значения. Действительно, если ученые начинают подозревать, что в данном регионе по измеряемым ими признакам грядет землетрясение, но когда оно случится, они могут только предполагать – возможно в будущем году, а возможно позже. И как в этом случае поступать администрации, если речь идет о крупном городе с налаженной жизнью. Ведь не замораживать же всю деятельность, не переселять людей и т.д. на неопределённое время, а вдруг такой прогноз, как часто и случается, окажется неверным, то есть не имеющим хозяйственного значения. Поэтому, как правило, на эти предсказания закрывают глаза, хотя после катастрофического ЧС все торжественно обещают «приложить все усилия, чтобы учесть уроки этого землетрясения и обеспечить безопасность населения при стихийных бедствиях в будущем». Так было с предсказанием А.А. Любушина, сделанном за год до ЧС на Фукусиме, где погибли десятки тысяч человек, и был нанесен значительный экологический ущерб окружающей природе не только Японии. Так было, по-видимому, и в Китае в провинции Сычуань 12.05.2008. Тогда погибли 69 226 человек, 374 643 получили ранения, 17 923 пропали без вести; прямые экономические потери были оценены в 845.1 млн. юаней. Эти два ЧС обернулись гуманитарными катастрофами мирового масштаба. Мы убеждены, что если бы в этих регионах массовому пользователю был открыт доступ к ИУСА, то большинство погибших можно было бы спасти.

Конечно, среднесрочный и долгосрочный прогноз сопряжен со значительными (в том числе вычислительными) трудностями и далеко не всегда даёт удовлетворительный результат. Возможность получения достоверных прогнозов позволила бы целесообразно планировать масштабное строительство или проведение массовых мероприятий. Попытки такие продолжаются [29, 30]. Кроме того, уделяется внимание мерам по предотвращению ЧС [33, 34]. Однако наличие ИУСА в сейсмоопасном регионе позволяет, тем не менее, надеяться на сокращение потерь. Даже в случае недостоверности события хозяйственные потери окажутся несопоставимо более низкими. Для этого администрации сейсмоопасного района, чтобы гарантировать безопасность населения при стихийных бедствиях в будущем, необходимо обеспечить доступ любого *A* этого региона в любое время и в любое месте к ИУСА.

Заключение

Мы утверждаем, что если в регионе, признанном учеными потенциально сейсмически опасным, а многие страны Большой Евразии можно отнести к их числу, была бы развернута массовая ИУСА и предлагаемая нами система – гибридная система мониторинга с повышенным краткосрочным предсказательным потенциалом, то число человеческих жертв и материальных потерь удалось бы существенно сократить.

С точки зрения хозяйственной значимости особое внимание при неблагоприятном среднесрочном и долгосрочном прогнозах следует обратить на разработку мер по быстрому спасению критически важных объекты, перемещению стратегически важных управленческих инфраструктур и детских организаций и др. к моменту ЧС, а далее продолжать обычную жизнь с учетом того, что имеется ИУСА с ее краткосрочным прогнозом и возможностью спасения до 90% людей при возникновении ЧС.

Но надо искать путь предотвращения ЧС. В этом польза исследований. Для этой цели в умные города необходимо в первую очередь превращать мегаполисы, так как число жертв в результате ЧС в этих городах может быть катастрофически большим.

Сегодня развитие ИКТ может поставить и решить историческую цель – предоставление ИУСА любому пользователю в любом месте и в любое время, то есть провозгласить и реализовать право жителя БЕ на защиту от природных и техногенных катастроф и страны Большой Евразии могут быть инициаторами этого движения.

Список литературы

1. Butenko V., Nazarenko A., Sarian V. e.a. Personal safety in emergency: innovative application for mobile phones // ITU News. 2012. – N 3. – P. 47–49.
2. Butenko V., Nazarenko A., Sarian V. e.a. Applications of wireless sensor networks in next generation networks: technical paper // ITU-T. 2014. – P. 94–97.
3. Sarian V. Internet of things technology – a powerful catalyst functioning single digital space // ITU Regional Workshop on the Internet of Things (IoT) and Future Networks, Saint Petersburg, Russia, 19–20 June 2017. – https://www.itu.int/en/ITU-D/Regional-Presence/CIS/Pages/EVENTS/2017/06_Saint_Petersburg/06_SPB_Presentations.aspx
4. Сарьян В.К. На пути интеграции биогеохимии и инфокоммуникационных технологий // Труды биохимической лаборатории. Т. 25 «Современные тенденции развития биогеохимии». – М.: ГЕОХИ РАН, 2016. – С. 293–304.
5. Ермаков В.В. Геохимическая экология и биохимические критерии оценки экологического состояния таксонов биосферы // Геохимия, 2015. – № 3. – С. 203–221.
6. Sarian V.K., Nazarenko A.P., Lyubushin A.A. Creating a hybrid monitoring network of global processes of natural and man-made disasters on the planet Earth, using geo-technologies of the Internet of things (GeoIoT) // First Forum GeO IoT World 2016. 25-28 may 2016 Brussels. – https://niir.ru/wp-content/uploads/2013/12/NIIR_Viliam-Sarian.pdf
7. Sarian V. Invitation of the use of powerful experimental ground created in Russian federation for monitoring the global processes based on new information technologies // IAPP NAS RA, International Conference on Electron, Positron, Neutron and X-ray Scattering under External Influences and International School named after G. A. Askarian, 16-22 October 2017, Yerevan-Meghi, Armenia.
8. ITU–T 2016 Y.2239 «Requirements for information control network and related application».
9. Recommendation Y.2222 «Sensor control networks and related applications in a next generation network environment» ITU-T, Geneva. 2013. – April.

10. ITU-T 2010 Y.2221 «Requirements for support of ubiquitous sensor network (USN) applications and services in the NGN environment».
11. ITU-T Recommendation Y.4100 (2014), Common requirements of Internet of Things.
12. ITU-T Draft Recommendation Y.4102 (2015), Requirements for Internet of Things devices and operation of Internet of Things applications during disaster.
13. ITU-T Recommendation Y.4103 (2014). Common requirements for Internet of things (IoT) applications.
14. Recommendation ITU-T 2018 – Y.4121 «Requirements of an Internet of Things enabled network for support of applications for global processes of the Earth».
15. Бутенко В.В., Назаренко А.П., Сарьян В.К. Массовые инфокоммуникационные услуги на базе координатно-временного и навигационного обеспечения (второй этап) // Фундаментальное и прикладное координатно-временное и навигационное обеспечение (КВНО-2013). 15 апреля 2013.
16. Назаренко А.П., Сарьян В.К. Навигация Интернет-вещей: перспективы, проблемы, решения // Фундаментальное и прикладное координатно-временное и навигационное обеспечение (КВНО-2015), апрель 2015.
17. Назаренко А.П., Сарьян В.К. О возрастании роли администрирования услуг КВНО на современном этапе // Фундаментальное и прикладное координатно-временное и навигационное обеспечение (КВНО-2017). 17 апреля 2017.
18. Назаренко А.П., Сарьян В.К. Основы создания глобальной системы индивидуализированного управления спасением людей при возникновении ЧС с использованием перспективных технологий КВНО // Фундаментальное и прикладное координатно-временное и навигационное обеспечение (КВНО-2019). 15–19 апреля 2019.
19. Draft ITU-T Recommendation Y.smart-evacuation «Framework of Smart Evacuation during emergencies in Smart Cities and Communities» (Geneva, 4–15 September 2017).
20. Draft ITU-T Recommendation Y.disaster_notification «Framework of the disaster notification of the population in Smart Cities and Communities» (Cairo, 6–15 May 2018).
21. ITU-T 2017 Y.3051 «The basic principles of trusted environment in ICT infrastructure».
22. Любушин А. Прогноз сейсмической катастрофы в Японии 11 марта 2011 года по анализу микросейсмического шума: сила, время, место. – http://lnfm1.sai.msu.ru/grav/russian/life/chteniya/sagit2011/Lyubushin_Japan_2011.pdf
23. Lyubushin A. Prognostic properties of low frequency seismic noise // Natural Science. 2012. – N 4 (8A). – P. 659–666.
24. Lyubushin A., Dynamic estimate of seismic danger based on multifractal properties of low frequency seismic noise // Natural Hazards. 2014. – Vol. 70, N 1. – P. 471–483.
25. Sarian V. Cooperation Program on Creating a Common Interoperable Approach to Improving the Efficiency of Existing Disaster Management Systems based on ICT // APEC TEL Workshop, Moscow, 30.11.2015.
26. Ermakov V., Saryan V. Nowaday development of biogeochemical methods as an approach towards integrated knowledge system by use of modern information and communication technologies // Challenges of Green Economy / University «Union-Nikola Tesla». – Beograd, 2018. – P. 57–76.
27. Sarian V., Ermakov V., Jovanovic L. The role of earthquakes and waterfloods monitoring system // Ecologica. – Zemun: Akademskaizdanja, 2018. – Vol. 25, N 92. – P. 1001-1004.
28. Sarian V., Nazarenko A. Improving the efficiency of the use of ICT to radically reduce losses in the event of global emergencies // Workshop «Earthquakes and Waterfloods Monitoring System with the application of the Internet of Things», The 58th APEC Telecommunications and Information Working Group Meeting. – Taipei, 2018.
29. Sarian V., Nazarenko A. Mass service of individualized control for the population rescue in the event of all kinds of emergency situation // ITU Regional Workshop on Network 2030 jointly with ITU Forum on Future Applications and Services. Perspective 2030, Saint Petersburg, Russia, 21–23 May 2019. – https://www.itu.int/en/ITU-T/Workshops-and-Seminars/201905/Pages/programme.aspx
30. Sarian V., Yakoubovsky R., Salomatina E. Emergency situation in Smart Cities. Points of Application ICT 2030 // ITU Regional Workshop on Network 2030 jointly with ITU Forum on Future Applications and Services. Perspective 2030, Saint Petersburg, Russia, 21–23 May 2019. – https://www.itu.int/en/ITU-T/Workshops-and-Seminars/201905/Pages/programme.aspx
31. Sarian V. // Workshop «Earthquakes and Waterfloods Monitoring System with the application of the Internet of Things (IoT)» October 01, 2018 Taipei.
32. Ermakov V., Sarian V. Geochemical ecology and its significance in present biochemic research // World Congress of Geochemistry «Current trends and innovation in Geochemistry», November 18–19, 2017, Atlanta, USA.
33. Сарьян В.К., Мещеряков Р.В., Назаренко А.П. Проблемы и возможности гиперсвязанного мира // 5 международная конференция Инжиниринг & Телекоммуникации – En&T 2018, МФТИ.
34. Мещеряков Р.В., Сарьян В.К. Последствия неизбежной трансформации всех взаимодействующих объектов в единой инфокоммуникационной системе Интернета вещей // Конференция ИТ-Стандарт 2019, Москва.
35. Назаренко А.П., Сарьян В.К. и др. Эффективность существующих систем оповещения в условиях ЧС и методы ее существенного повышения // Второй Всероссийский Форум «Техногенные катастрофы: технологии предупреждения и ликвидации», 17 июня 2014 г., Москва.
36. Сарьян В.К., Любушин А.А., Назаренко А.П., Дубнов Д.В. Типовые процессы как возможный инструмент сейсмопрогноза // Успехи физических наук (в печати).
37. Бучаченко А., Микроволновое стимулирование дислокаций и магнитный контроль очага землетрясения // Успехи физических наук. 2019. – № 1. – С. 47–54.
38. Садовский М.А. Избранные труды. 2004. – http://elib.biblioatom.ru/text/sadovskiy_izbrannye-trudy_2004/go,330/?bookhl=%D0%B1%D0%BB%D0%BE%D0%BA
39. Бучаченко А.Л. Магнитопластичность и физика землетрясений. Можно ли предотвратить катастрофу? // Успехи физических наук. 2014. – Т. 184, № 1. – С. 101–108.

Скворцов Л.В.
д.филос.н., профессор, руководитель Центра гуманитарных научно-информационных исследований
ИНИОН РАН

РЕАЛИИ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ И ФЕНОМЕН ПЕРЕФОРМАТИЗАЦИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО САМОСОЗНАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ[1]

Ключевые слова*: цивилизация, самосознание, свобода, советский человек, универсум, иммиграция, ислам, религиозная война, моральная революция.*
Keywords*: civilization, selfconsciousness, freedom, immigration, islam, religion war, moral revolution.*

проблема переформатизации цивилизационного самосознания в контексте происходящих глобальных изменений пока еще не получила необходимой научной разработки. Недооценка этой проблемы в большой политике связана с драматическими изменениями в современном мире и, особенно, в нашей стране.

Разрушение Союза Советских Социалистических Республик обычно связывается с экономическими проблемами, с эпохой так называемого «застоя», с необходимостью утверждения свободы и гласности в жизни общества и вхождения в «мировую

Что такое «мировая цивилизация», каковы ее параметры и каковы ее составляющие – никто не знает до сих пор. Пока что «мировая цивилизация» – это абстрактное понятие, которое в нашей стране было принято за ***реальность***.

Двигаясь «в никуда», мы разрушили передовые отрасли нашей промышленности и сельского хозяйства, систему своей национальной безопасности. Нанесли серьезный удар по высокой культуре и по академической науке. Я уже не говорю о том, что мы потеряли многих своих союзников и в итоге допустили приближение структур блока НАТО к нашим границам.

Все это произошло потому, что мы допустили ***глубокую дискредитацию нашего цивилизационного самосознания***, самосознания страны и человека, создавшего сверхдержаву, оказавшую решающее влияние не только на разгром европейского фашизма и японского милитаризма, но и на распад колониальной системы империализма и на создание новых механизмов, таких как Организация Объединенных Наций и Совет Безопасности, демократического решения возникающих международных проблем.

Глобальное идейное наступление Советского Союза было принято за ***константное, неизменное явление***. Мы недооценили реальность десятков советологических центров на Западе, которые проделали гигантскую работу, чтобы придать ***видимость логической истины*** абсурдным отождествлениям цивилизационных антиподов: социалистического строя СССР и нацистского государства как якобы одного и того же феномена ***тоталитаризма***.

Термин «тотальность» означает «цельность», «внутреннее единство». Это цель любого государства. В том числе и либерального, демократического. Эта цель достигается с помощью законодательной структуры и ее политической поддержки. С этой точки зрения нацистское государство можно было отождествить с любым западным государством. Не случайно, в таких странах, как Великобритания, Соединенные Штаты Америки, Франция, легально существовали фашистские организации. Их не было в СССР.

Вторым абсурдным отождествлением было отождествление внутренней изнанки сущности Гитлера и Сталина.

В идейном плане это были два антипода: Гитлер был убежденный ***нацистом***, под крылом которого родился геноцид, физическое, поставленное на техническую основу истребление так называемых «неполноценных» народов.

И.В. Сталин был убежденный ***интернационалистом***. Эти убеждения нашли свое воплощение как в государственном строительстве, создании равноправных республик, так и в составе Красной Армии, водрузившей свой флаг над поверженным Рейхстагом.

С глубоким сожалением мы должны признать, что наши интеллектуальные «светила» взяли на вооружение «разработки» советологических центров Запада. Этому весьма способствовал и известный доклад Н.С. Хрущева XX съезду КПСС, в котором лидер страны и Верховный Главнокомандующий в годы Отечественной войны был превращен в ничтожество.

Интегральный результат «работы» советологических центров Запада и наших интеллектуальных «светил» – это «растворение» Советского человека в сатирическом растворе, в результате чего Советский человек был превращен в «совка».

Что означало ***«исчезновение» Советского человека, его цивилизационного смысла*****?** Оно означало исчезновение грандиозной цивилизационной реальности, которая открывала позитивную перспективу всей мировой истории. Этой реальностью был Советский Союз. Превращение Советского человека в «совка», а Советского Союза в «тоталитарного монстра» закрыло эту перспективу.

[1] Доклад подготовлен при поддержке РФФИ, проект № 173300025 ОГН.

Теперь мы, наша страна Россия, как и весь окружающий нас мир, находимся в другой цивилизационной реальности, без той глобальной перспективы, которую открывало существование, развитие и влияние на мир Советского Союза.

Возникает вопрос: с чем приходится сталкиваться сегодня, существует ли проблема переформатизации цивилизационного самосознания в наши дни, и если она существует, то в чем заключается ее смысл?

Если мы имеем в виду проблему ***истины*** глобального самосознания, то кажется очевидным, что универсальное глобальное самосознание с точки зрения его ***истины*** должно определяться ***движением научного знания***.

Мы можем сегодня констатировать, что эта идея эпохи Просвещения ***жива***. Просвещение было уверено в том, что человеческий разум способен ***постигнуть исходные основания бытия и создать рациональную картину Универсума***, свободную от религиозных представлений. Вместе с тем, если духовный диктат веры будет разрушен, то человек обретет свободу, новое самосознание, опирающееся на разум и стремление создать мир гармонии, а значит, равенства и братства.

Надежды Просвещения на постижение исходных оснований бытия не оправдались. Современная астрофизика выводит из исходной точки, близкой по своим размерам к небытию, миллиарды галактик, состоящих из миллиардов звезд и разбегающихся в разные стороны под силовым воздействием ***темной материи***, преодолевающей силы гравитации.

Рождение этой научной картины очень напоминает ***чудо*** рождения из НИЧТО грандиозной Вселенной. Кто или что является демиургом этого чуда?

Наука останавливается перед предельным объяснением темного феномена, происходящего в Универсуме, она упирается в трансценденцию, ту конечную границу рационального знания, которая непреодолима.

Но идея нравственной Свободы, данная Просвещением, укоренилась и оказывает все более ***заметное влияние на цивилизационное поведение***. Особенностью этого поведения становится все более очевидно ***Свобода без послушания***.

Вызывающей манипуляцией триумфального шествия Свободы без послушания становятся гей-парады. Это – открытая визитная карточка истины самосознания современного западного человека.

Вместе с тем это – деструкция, разрушение духовных констант, христианина как Персоны, несущей в себе вечные духовные ценности.

Современный Запад оказался в ситуации, ***очень похожей на ситуацию Советского человека***. На Западе происходит отторжение истины христианства.

Полная свобода самосознания западного человека подводит общество к глубокому цивилизационному кризису, фактически – к духовному саморазрушению Западной цивилизации. Эрозия Западного христианства – это исчезновение души западного человека, а значит, превращение его в зомби.

Такое превращение как тенденция духовной жизни происходит в ситуации колоссальной интенсификации миграционных процессов. Эти миграционные процессы приносят в жизнь Запада ***ислам***, религию абсолютного послушания, сохранения нравственных, семейных традиций. Ислам несет в себе безусловный смысл идеи ***покорности*** величию создателя, а вместе с тем законам жизни, установленным шариатом.

Не значит ли это, что ислам может превратиться в то религиозное учение, которое будет восприниматься на Западе как ***средство духовного спасения, путь переформатизации западного самосознания***?

В этой связи представляется симптоматичным выход в 2015 году книги французского писателя Мишеля Уэльбека «Покорность», в которой рассматривается ситуация в Сорбонне, где главной дисциплиной становится изучение Корана.

Беседа с ректором Университета показывает, что он не видит будущего за христианством. Европейцы, считает он, сами убили в себе христиан, допуская омерзительное разложение нравов. Христос в свой проповеди любви и в призывах к свободе запутал ход истории, считает ректор.

К чему же может привести новое Просвещение Запада на базе ислама?

Новое Просвещение на базе ислама содержит в себе потенциал Возрождения религиозной войны. Как отмечал известный публицист Ю.М. Каграманов, в христианстве возможен поворот от проповеди любви и всепрощения: Кроткий Спас преобразуется в Спаса Грозного – «Ярое око» русской иконографии.

Возможно и возрождение католической реакции, знаменем которой может стать Савонарола с его призывом ***Сожжения сует***, т.е. «извращающей культуры».

Таким образом, Западная Европа может оказаться на пороге новой религиозной войны, которая будет повторять известные черты духовных столкновений предшествующих эпох.

И вполне возможно, что в таких ситуациях могут стать вновь популярными лица идеологов нацизма, таких, например, как Андерс Брейвик, который предусматривает изгнание мусульман посредством кровопролития.

Меч Роланда ждет, когда найдется рука, способная его поднять.

Куда идет современный мир? Мы сегодня задаемся вопросом: неужели тот факт, что в нашей стране не придали серьезного значения теории самосознания, стал ключевой предпосылкой дискредитации сущности Советского человека, а вместе с тем и массовой переформатизации миропонимания, приведшей к распаду Советского Союза и попаданию глобальной цивилизационной эволюции в тот порочный круг, который влечет за собой возрождение религиозных войн и оживление идеологии нацизма.

Время покажет! Так принято говорить сегодня. Но, как представляется, показать должно не столько время, сколько человечество, чувствующее ответственность за собственную судьбу.

Именно чувство ответственности, а не фатальное отношение к ходу событий подталкивает к осуществлению реальных шагов, ***направленных на осуществление в современном мире моральной революции***.

Для этого наиболее авторитетные представители основных мировых религий совместно с авторитетными представителями гуманитарного знания должны собраться на ответственное всемирное совещание и выработать план реализации мероприятий по созданию в системах образования и нравственного воспитания обязательных систем восхождения человека по лестнице духовного совершенствования, внутреннего отгорожения от идеологии агрессии и геноцида. Война должна быть вынесена за пределы легального образа жизни человека, и должен быть отработан общий механизм реагирования на любые проявления такого рода. В вопросах самосохранения человечество должно выступить как единое целое.

Концептуальная разработка глобального поведения и ее утверждение на Конгрессе народов современного мира может позволить превратить в морального изгоя любого агрессора, любого защитника Третьей мировой войны.

Человечество должно доказать самому себе свою цивилизационную зрелость, и тогда оно будет достойно жизни.

Необходимо понять всем, что дальше плыть по течению современной геополитики невозможно. Финал этой геополитики расшифровывается путем философского рассмотрения метафизики НИЧТО.

Человечество долго искало смысл конечной цели истории. Сегодня эта цель находится в сущности той геополитики, которую практически осуществляют конкретные институты, мечтающие о своем господстве над народами мира.

Их может остановить только глобальная нравственная революция человечества, и она должна быть осуществлена.

Тонконогов А.В.[1]

КИБЕРНЕТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО И КИБЕРНЕТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК ФЕНОМЕНЫ XXI ВЕКА

Ключевые слова: *человечество, человеческая цивилизация, общественное сознание, кибернетическое сознание, кибернетическое общество, информационная сфера, безопасность, виртуальная сфера, искусственный интеллект, искусственный разум.*

Современное общество постепенно, но неизбежно перестаёт быть просто информационным обществом и становится – *кибернетическим*[2], в котором искусственный интеллект будет взаимодействовать с человеком на всех уровнях и во всех формах общественного (массового, коллективного, индивидуального) сознания. То есть формируется *новый тип ноосферного социального образования: уникально-универсальный социокультурный и технико-технологический феномен психосферы – кибернетическое общество.*

Психосфера – это особая область глобальной (общемировой) и (или) локальной (региональной, национальной) ноосферы, в которой формируются ментальные основы социумов в контексте эволюции индивидуального, коллективного и массового сознания.

По мере того как активно с помощью человека развивается Искусственный Интеллект, развивалась и продолжает развиваться *новая часть ноосферы – виртуальная сфера информационного пространства*.

Информационное пространство – это область свободного распространения посредством технических систем, отдельных людей и социальных групп всех видов материалов (аудио, видео, печатные, электронные и любые иные), содержащих субъективные и объективные данные о существующих и возможных предметах, процессах, фактах прошлого, настоящего и предполагаемого будущего.

Виртуальная сфера – это часть информационного пространства ноосферы (инфосферы), сформировавшаяся и эволюционирующая в электронных средствах массовой коммуникации при взаимодействии человека с искусственным интеллектом как на всемирном (глобальном), так и на локальном (региональном, национальном) уровне.

Инфосфера – область социальных отношений, в основе регулирования которой информационная система, являющаяся совокупностью средств массовых коммуникаций, содержащих данные на различных носителях; информационная структура, элементами которой выступают социальные организации, а также государственные, общественные и коммерческие субъекты, осуществляющие сбор, обработку, хранение, распределение и передачу информации.

Кибернетическое общество – это новый тип ноосферного социального образования, управленческий механизм которого сосредоточен в основном в виртуальной сфере информационного пространства, что характеризуется: активным и постоянным взаимодействием всех общественных страт с искусственным интеллектом как на государственном, так и на индивидуальном уровне, и, как следствие, формированием уникально-универсального феномена – кибернетического сознания.

Человечество пока не может дать однозначный ответ на вопрос: что же такое «сознание»? Первоначально античные мыслители оперировали такими категориями, как дух, душа. При этом Аристотель считал, что: «душа есть как бы начало живых существ»[3]. То есть, можно сказать, что физическое тело ничтожно без «наполнения»; оно – форма; душа – содержание любого живого существа. Душа (как свойство, субстанция) стала рассматриваться философами более поздних периодов уже в соотношении с сознанием. Учёные стали исследовать феномен сознания как самостоятельный научный вопрос. И. Кант в своей лекции о душе выдвигал следующий тезис: «напрашивается только один вывод: у души есть внутренняя природа, известная из факта сознания»[4]. По сути, великий философ говорил о сознании как об одном из самостоятельных внутренних свойств (компонентов) души.

По одной из теорий, сознание – чисто ментальная, нематериальная или духовная субстанция, а физический объект – чисто материальная, не ментальная, протяжённая в пространстве субстанция[5]. Р. Декарт утверждал: я – лишь мыслящая вещь, иначе говоря, я – ум (mens), дух (animus), интеллект, разум (ratio)[6]. При этом душа, присущая, возможно, только человеку, составляет особую субстанцию: духовную, которая имеет изначально в ней существующие (а не приобретённые в практическом опыте) идеи.

---

[1] Тонконогов Александр Викторович – д.филос.н., академик РАЕН, профессор РАНХиГС, научный руководитель НОО «Институт духовной безопасности». E-mail: alekstonkonogov@yandex.ru

[2] См.: Тонконогов А.В. Кибернетическое общество как реальность XXI века // Закон и право. 2018. – № 9. – С. 23–27.

[3] Аристотель. Сочинения: В 4 т. – М., 1976. – Т. 1. – С. 371.

[4] Гулыга А. Кант.- М., 1977. – С. 57.

[5] Прист С. Теории сознания / Перевод А.Ф. Грязнова. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – С. 8.

[6] См.: Декарт Р. Метафизические размышления. Размышление шестое // Сочинения: В 2 т. – М., 1989. – Т. 2. – С. 23.

К. Поппер и Дж. Экклз утверждали, что имеется «самосознающий дух» («self-conscious mind»), состояния которого не тождественны ни состояниям мозга, ни какой-либо сумме ментальных состояний[1]. Таким образом, вероятно, существует ещё и некое особое состояние или субстанция (сознание), природа которой носит пока неопределённый, неразгаданный характер и *имеет свойства как идеального, так и материального.*

В этой связи английский философ Г. Райл высказал мысль о соединённости физического и идеального в природе сознания. По его мнению: «Говорить о сознании человека – не значит говорить о некоем вместилище объектов, где запрещается размещать то, что называется «физическим миром». Говорить о сознании – значит говорить о человеческих способностях, обязанностях и склонностях, что-то делать или претерпевать, причем делать или претерпевать в повседневном мире»[2]. Эта точка зрения более близка автору, ибо отрицать взаимообусловленность и взаимозависимость метального и материального в нашем бренном Мире просто невозможно. В частности, существенное влияние на состояние сознания оказывает функционирование мозга как физиологического органа человека. Нарушение работы этого органа приводит к проблемам ясности и активности сознания. Следовательно, *сознание – не является абсолютно идеальной субстанцией.*

Согласно Г.В.Ф. Гегелю: дух и материя являются зависимыми друг от друга субстанциями. При этом материя есть проявление духа. Их взаимозависимость, проявляющуюся в человеческом существе, философ описывает так: «К тому, что служит выражением человека, относится, например, то, что он стоит вертикально, в особенности же развитие его руки как абсолютного орудия, его рта, также смех, плач и т.д., и во всем его существе разлитый духовный тон, который непосредственно характеризует тело как выражение некоей высшей природы»[3]. Если душа и тело, как это утверждает рассудочное сознание, абсолютно противоположны друг другу, то между ними невозможно никакое общение[4]. Однако это общение в виде взаимного проникновения существует и выражается в том, что: «Дух – это абсолютная субстанция, которая в совершенной свободе и самостоятельности ... различных для себя сущих самосознаний есть единство их»[5]. Дух есть реальность в целом, поскольку он в действительности есть в-себе, а в абсолютном знании имеется единство мышления и бытия[6]. При этом: «Разум есть достоверность сознания, оно есть вся реальность»[7].

По мнению автора, разум является не единственной мыслящей субстанцией в Человеке. *Дух* есть субстанция, подобная разуму, выполняющая аналогичную функцию по отношению к душе как разум к мозгу, а мозг и душа к телесной сущности человека, соединяясь в которой, разум и дух образуют в идентифицируемом нами по ощущениям Мире ещё одну особую субстанцию – сознание.

Р. Пенроуз, считает, что: «Сознание вызывается определёнными физическими действиями мозга»[8], то есть «феномен сознания, вероятнее всего, связан с активностью головного мозга, а не мозжечка или спинного мозга»[9]. Однако, развивая свою мысль, он отмечает, что: «мозг выступает в роли интерфейса (узла связи) между идеальным и материальным миром. Любовь, ненависть, ложь – это понятия из мира идеального. Но они невозможны без их материального носителя»[10].

В контексте всего вышеизложенного автор предполагает существование переходных состояний различных субстанций, и соответственно *души* как самостоятельной субстанции, являющейся частью человеческой личности, «домом» *духа* подобно тому, как *тело* является «домом» для *души*, *мозг* человека «домом» для разума, а всё *человеческое естество* – обителью сознания.

Человеческое сознание – это идеально-материальная субстанция человеческой психики, обладающая способностью отражать в реальных образах объективно существующее и воображаемое; иначе говоря, это единая, но делимая субстанция, представляющая собой гармоничное соединение духа и разума, проявляющаяся в высшей психической деятельности, характеризующейся способностью воспринимать, создавать и отражать в реальных образах объективно существующее и воображаемое.

Общественное сознание – надличностная субстанция, сущность которой заключается в соединении разума и духа, системном эффекте взаимодействия совокупности индивидуальных сознаний отдельных людей, развивающих или уничтожающих в себе индивидуальную часть всеобщего разума и духа, эволюционирующих в ноосфере Земли в процессе духовной жизни Человечества[11].

Пока мы не можем утверждать является ли данная субстанция неотъемлемой составляющей всех людей и только ли людей, или также некоторых животных, их сообществ. Но несомненно то, что существуют разные *состояния и уровни сознания*. *Обыденное состояние* – это пассивное восприятие и апатичное осознание воспринятого; *бессозна-*

---

[1] См.: Popper K., Eccles J. The Self and Its Brain. – London, 1977.

[2] Райл Г. Понятие сознания. – М.: Дом интеллектуальной книги, Идея-Пресс, 2000. – С. 197.

[3] Гегель Г.В.Ф. Философия духа / Собр. соч.: В 8 т. – М., 1989. – С. 210.

[4] Там же, с. 49.

[5] Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. – СПб., 1992. – С. 99.

[6] Там же, с. 430.

[7] Там же, с. 125.

[8] Пенроуз Р. Физика и разум // Большое, малое и человеческий разум / Роджер Пенроуз, Абнер Шимони, Нэнси Катрайт, Стивен Хокинг. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2008. – С. 103.

[9] Пенроуз Р. Новый ум короля: О компьютерах, мышлении и законах физики. Пер. с англ. / Под. ред. В.О. Малышенко. Предисл. Г.Г. Малинецкого. Изд. 3-е. – М.: ЛКИ, 2008. – С. 328.

[10] Медведев С. «Мы не знаем о мозге чего-то принципиально важного …» // Комсомольская правда. – М., 2008. – 22 декабря. – С. 26.

[11] См.: Тонконогов А.В. Духовная безопасность российского общества в условиях современного геополитического соперничества (социально-философский анализ): Дисс. на соиск. уч. степ. доктора философских наук. – М.: РГСУ, 2011. – С. 116–117.

тельное состояние – это стагнация восприятия и осознания, не волевое их проявление, основанное на латентных процессах психики; *состояние сверхсознания* – высшая волевая активность человека при восприятии и осознании воспринятого, характеризующаяся процессом творчества, обусловленного стремлением достигнуть определённую цель систематическими и комплексными действиями.

Существует, таким образом, *три уровня сознания – обыденно-практический,* определяющий направления и способы элементарного существования и выживания отдельного человека и всего Человечества в окружающем Мире; *подсознание*, способствующее архивированию и постосмыслению разумной деятельности и полученного чувственного опыта; *и сверхсознание*, выражающееся в различного рода творческой активности как способах *духовной* (интеллектуальной, этической, эстетической) самореализации личности, социальных групп и общества в целом. В процессе взаимодействия человеческой психики и искусственного интеллекта, а в будущем – искусственного разума, формируется особый тип сознания: кибернетический[1].

Искусственный Интеллект – это особые технические устройства, в которых создаются модели нейронных сетей, имитирующие структуру и некоторые механизмы жизнедеятельности мозга Человека, обладающие способностью постоянного саморазвития.

Искусственный Разум – электронные и иные технические системы, самостоятельно моделирующие как логичные, так и алогичные мыслительные процессы; способные в целях самосохранения к адекватным изменениям, в том числе в условиях тотальной деформации внешней среды; используя при этом автономные этические и эстетические стереотипы, нормы и правила.

Кибернетическое Сознание – это высшая форма проявления разумной деятельности Человека, его психики во взаимодействии с Искусственным Интеллектом и Разумом, их возможности саморазвития в информационном (кибернетическом) пространстве мирового социума; характеризующаяся совместной способностью Искусственного Интеллекта (Разума) и Человека воспринимать, создавать и отражать в реальных образах объективно существующее и воображаемое[2].

Будущее Человечества неразрывно связано с формированием и развитием уникального (специфически проявляющегося у разных людей, народов и рас) и универсального (имеющего общие признаки, параметры и способы жизнедеятельности) феномена – кибернетического сознания – как нового ноосферного явления глобального информационного пространства.

[1] См.: Тонконогов А.В. Кибернетическое общество – Cybernetic societatis. – М.: Издательство РГАУ-МСХА, 2018.

[2] Тонконогов А.В. Кибернетическое сознание как социальный феномен XXI века // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. – № 2.

Хилтухина Е.Г.
д.филос.н, доцент Московский университет им. С. Ю.Витте

ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ (ЭСТЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОСТИ)

Глобализация в современном мире влияет на жизнь человека, который в силу смены времени и обстоятельств меняет основы человеческого существования и, прежде всего, раскрывает внутренние характерные черты самого человека. Человек везде, независимо от социального, регионального, национального, религиозного и демографического различия предстает единым. Единство человека диалектически переносится на общественное развитие, где происходит взаимосвязь природно-биологических явлений с социальными. Процесс глобализации, ведущий к объединению, не является каким-то политическим или экономическим инструментом придуманным человеком специально. По мере развития технологий, в частности транспортных коммуникаций и средств передачи информации, ***глобализация как явление, возникла сама по себе.*** Люди и товары стали перемещаться достаточно быстро, что в свою очередь сказалось на активности бизнеса, который создает человек. Ведь нельзя забывать, что «человеческое существование характеризуется преодолением границ среды обитания вида Homo sapiens. Человек стремится и выходит за её пределы, в мир, и действительно достигает его – мир, наполненный другими людьми и общением с ними, смыслами и их реализацией»[1], в основе которого лежит духовно-культурная деятельность познающая прекрасное, эстетическое в мире. В культурном плане на глобализацию влияет миграция и средства связи. К примеру, интернет и ТВ, способны объединять культуры посредством популяризации музыки, кино и другого *контента,* т.е. содержание или наполнение информационных ресурсов, характерные для постмодернизма в силу эклектичности подходов к жизни. Тем более, что «постмодерн работает с гипотезой реальности как знака, где знаки ссылаются сами на себя, а не на что-то после их или помимо них. Телевидение, видео, интерактивные игры ведут человека к пассивной рефлексии, которая постоянно генерируется артефактами с большой плотностью информации»[2], генерирующий формально-логический процесс взаимодействия человека с природой и обществом. Можно заметить, что в связи с большей свободой перемещения и обменом информацией, влияние централизованных органов власти на деятельность человека снизилось. Все большую роль начали играть международные организации типа: ВТО, ЮНЕСКО, ООН и НАТО. И поэтому происходит естественный процесс глобализации, т.е. интеграционные процессы в обществе предполагают путь объединения множества стран для работы над общими целями. В условиях подобной тенденции, можно сказать, что страны отодвигают на задний план собственную национальную идентичность и стараются обустроить мир как одно единое общество, раскрывая, тем самым, суть человека как такового, который, тем не менее, имеет и проявляет свою индивидуальность. По мнению С. Хантингтона: «модернизация, прорывы в экономическом развитии, урбанизация и глобализация привели к тому, что люди были попросту вынуждены переопределить собственную идентичность, сузить её рамки, превратить её в нечто более камерное, более интимное. Национальной идентичности пришлось уступить место идентичностям субстанциональным, групповым и религиозным. Люди стремятся объединиться с теми, с кем они схожи и с кем делят нечто общее, будь то расовая принадлежность, религия, традиции, мифы, происхождение или история»[3].

Современный глобализационный мир меняется, если происходит развитие общества в целом – в силу постиндустриального, постмодернистского движения, где в основе лежит диалог и формируется информационное общество. Диалогический подход характерен для постмодернистского глобализационного общества. Хотя любое развитие предполагает закономерное противоречие, которое ведет к развитию, как общества, так и самого человека, который с течением времени меняется. Иными словами, человек меняется вместе с культурой и обществом и, одновременно остается тем же. Но особенность современного мира состоит в том, что общество глобализации уничтожает этого человека, т.е. человек исчезает как феномен. В этом – главное противоречие постмодернизма и постиндустриализма. Человек как социальное явление со своим внутренним миром исчезает, поскольку современное общество есть и общество информации, которая перекрывает нравственно-психологические основы жизнедеятельности человека. И тем самым уводит человека от своего внутреннего мира, ибо научно-технический прогресс ведет к разрушению внутренних основ самого человека. Человек уже не думает и не размышляет о самом себе. Он не живет чувствами, а живет информацией, которую получает из интернета и других форм виртуальной реальности. В этом плане теряется индивидуальность и яркость человека, он становится стереотипом общественного развития, в основе которого лежит формообразующее начало, т.е.ведущую роль начинает играть уже не содержание, а форма. Эту стадию культурной парадигмы постмо-

[1] Франкл В. Человек в поисках смысла. – М., 1990. С. 54.

[2] Суслова Т.И. Эстетика постмодернизма в условиях глобализации // Вызовы современности и философия / Материалы «Круглого стола», посвященного Дню философии ЮНЕСКО. Кыргызско-Российский Славянский университет. Под общ. ред. И.И. Ивановой Бишкек: 2004. С. 84–90.

[3] Хантингтон С. Кто мы? – М., 2004. С. 37

дерна чешский профессор гуманитарных наук И. Бистршицки описывает как эстетику инстантной гратификации. Он считает, что параллельно с нарастающей степенью пассивной рефлексии беспрерывно повышается искусственность мира, в котором мы живем. Это значит, что одновременно увеличивается разница между датами и фактами, между миром и делами. Симулированная реальность постепенно включает в свой ход все больше знаковых систем, чтобы, в конечном счете, покрыть понятие «реальность» мультипликационными эффектами своих собственных симулякр, который предстает прекрасным или эстетическим во взгляде на мир. Чувство тонких дифференций действительного непрерывно шлифуется, из-за скоростей телекоммуникации теряется точка опоры для контактной верификации реального (П. Вирилио полагал: реальность отшлифована скоростью), уровень которой повышается скоростью трансляции знаков и кодов, что в конечном результате ведет к потере идентичной фиксации. Вместе с М. Фуко можно сказать, что «истина является лишь продуктом (тех) методов, которые предоставляют ей возможность осуществления»[1].

Поскольку содержание и форма категории философско-эстетические, они представляют главенствующую роль в жизни человека и общества, ибо раскрывают суть бытия каждого человека в глобальном мире, исходя из диалектической взаимообусловленности внешнего и внутреннего: эстетического и этического, прекрасного и нравственного, т.е. сущности и явления. В формообразующем начале основу составляет внешнее проявление своего «Я». Это значит, проявление эстетического, где прекрасное раскрывается через чувственное познание, как явление. Ведь в эстетике чувственное познание является основной целью. Эстетика рассматривает его как ценное само по себе. Основным признаком эстетического является то, что чувственное познание осуществляется без его отнесения к понятию. Такой род познавательной деятельности называется восприятием или созерцанием. Это есть восприятие предмета, которое непосредственно, само по себе способно вызывать особое чувство – эстетическое удовольствие, как наслаждение или неудовольствие. В основе эстетического удовольствия лежит усмотрение в предметах целесообразности формы, то есть соответствия предмета некой внутренней цели, внутренней природе. С внешней стороны эта целесообразность может выступать как соразмерность частей друг с другом целым или гармоничное сочетание красок. Чем полнее выражена эта целесообразность формы, тем большее чувство удовольствия оно у нас вызывает; тем более прекрасным оно нам кажется.

У этой проблемы есть и другой аспект, о котором предупреждает постмодернизм: информационные общества входят в стадию, на которой возникает новый способ легитимизации, конкретно – путем потребления. То есть можно говорить о зависимости от информационного рынка. Новая форма зависимости может впоследствии привести к телекоммуникационному террору. Создаваемые медиа сегодня «гиперреальность» и «гиперпространство» расхода (Ж. Бодрийяр) приводят к постоянной инфляции культурных ценностей и традиций в том числе. «Особенно сегодня реальное, кажется, уже не более как груда мертвой материи, мертвых тел, мертвого языка – отложение осадков и отходов. Сегодня еще оценка *резервов реального* (экологические сетования имеют в виду материальные энергии, но скрывают тот факт, что на горизонте вида исчезает не что иное как сама *энергия реального,* реальность реального и возможность какой бы то ни было разработки реального, капиталистической либо революционной) нас успокаивает, если даже горизонт производства стремится к исчезновению, его легко еще можно заменить горизонтом слова, пола, желания»[2]. Если сравнить принципы изложения модерна и постмодерна, то можно сказать, что в случае модерна этим принципом является понятие идеи, раскрывающей авнгардное монологичное понимание мира человеком. В то время как для постмодерна модусом продуктивной практики служит характер обозначающего (Ж. Кристева) и статус значения, в основе которого лежит некая усредненность человека и его потребительский настрой. Для постмодерна ключом к интерпретации служит ситуация в мире, понимаемая как истинное придание значения настоящему времени, поэтому их нельзя выстроить в соответствии с простой последовательностью временного и эволюционного ряда. То есть этим ситуациям нельзя присуждать оценочные критерии, обозначать их как правильные или неправильные. В отличие от модерна это означает, что отдельные версии изложения культурных событий отнюдь не являются решением общественных проблем. По мнению Э. Гидденса, в постмодерне растет внимание к рефлексивности, то есть идет процесс постепенного включения отдельных аспектов общественной практики и институций в систему чтения. Текст понимается как реальность, и наоборот, реальность мыслится как текстуальность. «Время и ситуация для этого – дело сознательного выбора… В период таких произвольно и искусственно вызванных приступов неподконтрольности человек время от времени сознательно сбрасывает с себя бремя своей действительной ответственности»[3]. При это репрезентация создается все меньшими средствами, так как взаимная система ссылок рефлексивности создает разные виды рутины естественного, которые изначальное разнообразие реального вытесняют. С философско-эстетической и социологической точек зрения можно говорить о проблематике перевода разных языков-кодов, художественных образов, о модели перевода, которая становится репрезентируемой формой культурного кода, в который она переведена. Встает со всей очевидностью вопрос о степени достоверности и функциональности механизмов перевода. Таким образом, мы приходим к ссылке М. Фуко на знание как стратегию инвазии (вторжения), то есть на знание как на насилие, поскольку в основе знания лежит информация, характерная для современного общества. А знание как насилие – это характерная черта современного мира, в котором особую роль играет информация, нежели само знание. Знание предполагает осознание, которое по мнению П. Экмана «относится к той части нашего опыта, которая регистрируется в сознании. Термин Алана Уоллеса «метаосознание» подразумевает способность человека наблюдать сознательный опыт по мере

---

[1] Суслова Т.И. Эстетика постмодернизма в условиях глобализации // Вызовы современности и философия / Материалы «Круглого стола», посвященного Дню философии ЮНЕСКО. Кыргызско-Российский Славянский университет. Под общ. ред. И.И. Ивановой Бишкек: 2004. С. 84–90.

[2] Бодрийяр Ж. Соблазн – М., 2000. С. 98

[3] Франкл В. Человек в поисках смысла. – М., 1990. С. 159

того, как сознание изменяется. Понимание таких изменений, таким образом, создает возможность делать выбор. Поэтому осознание – это просто часть опыта, сознаваемого человеком, но люди в значительной мере не осознают свой опыт. Метаосознание подразумевает расширенное и наблюдающее осознание»[1]. В современном мире человек стремится к рационально-осознанному пониманию мира, где информационное поле играет ведущую роль и ведет к формалистическому внешнему проявлению идентичных ситуаций, в основе которых лежит эстетическое восприятие мира. Ведь эстетическое, как внешнее проявление, влияет на человека как такового и дает возможность чувственному познанию, исходя из душевного состояния, которое теряется в истории современности.

Особенность эстетического удовольствия в его всеобщности и одновременно субъективности чувственного восприятия раскрывается из понимания прекрасного, которое в современном обществе принимает абсолютно противоположное значение классическим общемировым ценностям. Ведь «по сути и в конечном счете человек, по крайней мере человек западной цивилизации, постоянно подвержен диктату ценностей, которые он должен творчески претворять в жизнь»[2]. Проблема соединения всеобщности эстетического удовольствия и субъективности чувственного восприятия – это одна из основных проблем эстетики, ее пытались разрешить через предположение о существовании всеобщих понятий разума и всеобщей логики мышления. Эстетическое знание носит конкретно всеобщий характер **и непосредственно влияет на формирование нового мировоззрения человека постмодернистского общества.** Эстетические начала современного человека определяются эстетически переживающей душой, в основе которой лежит симуляция. По мнению Ж. Бодрийяра «Дискурс симуляции не обман: он довольствуется обыгрыванием соблазна под видом симулякра аффекта, симулякра желания и инвестирования в мире, где жестоко ощущается потребность в нем»[3]. Людей, относящихся к эстетическому типу, можно рассмотреть с точки зрения того, является ли для них наиболее важной красота души, или же их внутренняя жизнь сосредоточена на природе, или же, наконец, они чувствуют красоту только в завершенных формах конкретных произведений искусства. Важным является различие между творящей эстетической натурой и натурой наслаждающейся, гедонистической. Чисто эстетическому поведению несвойственно вожделение. Непосредственное соприкосновение с миром всегда болезненно, связано с борьбой за существование. Но есть второй мир, где боль так же сладка, как и веселье, страдания так же одухотворены, как и радость: это мир фантазии. Мы знаем, что есть люди, окружающие себя подобными фантазиями, сквозь которые они и воспринимают действительность. Но если чувство удовлетворения от этих фантазий является единственным переживанием, то в этом не содержится ничего от поэтики, от эстетического. Только в том случае, если душа выступает как формирующая сила, дающая цвет, форму, ритм, мы имеем тип эстетического человека. Суть его наиболее коротко можно сформулировать как стремление к оформленному выражению своих впечатлений.

Эстетический человек обладает собственным органом миропонимания: особой способностью предвидения или проникающей интуицией. Для теоретика люди подобного сорта – мечтатели, романтики. Для последнего природа представляет собой систему функциональных уравнений или комплекс понятийно определяемых энергий. Что касается экономических ценностей, то принцип полезности и эстетический взгляд противостоят друг другу. Приписывание полезности эстетическому разрушает его сущность. Эстетический человек, так же, как и теоретический, беспомощен перед лицом экономических условий жизни.

При рассмотрении эстетического типа мы имеем в виду не столько деятелей искусства, создающих материальные произведения, сколько людей, творящих самих себя, обладающих внутренней структурой эстетического типа и у которых лишь из внутреннего видения вырастает непосредственно данный созерцанию предмет искусства, и лишь из внутреннего ритма души рождается музыка.

Человек в современном мире стремится к познанию этого мира через внешнее проявление прекрасного, обращая внимание не на содержательный характер мира, а именно на формальный, в силу информационного подхода к знаниям, где основу составляет фактологический анализ бытия, а чувственный отсутствует. Современный человек как бы отрицает и чурается эмоционально-чувственным проявлениям души, ибо душа раскрывает и обезоруживает человека как такового, в основе которой находится доверие, которое, в свою очередь, «есть продукт длительного существования сообществ, объединяемых набором моральных норм или ценностей»[4]. А в современном ноосферном мире, в силу преобладания разумно-рационального подхода возникает отчуждение от себя самого. Человек стремится к освобождению от внутренней зависимости себя самого, своего «Я» и мира в целом, поскольку полагает рационально-логический подход к миру более реальным и правильным. Тем более, что нравственно-духовные ценности уже, как бы не существенны и не играют особой роли в жизни человека. В этом заключается особенность постмодернистского человека, который является реальностью современного мира в силу эклектичности как бытия, так и восприятия этого мира современным человеком.

[1] Далай-Лама, Пол Экман Мудрость Востока и Запада. Психология равновесия – Спб., 2017. С. 223

[2] Франкл В. Человек в поисках смысла. – М., 1990. С. 159

[3] Бодрийяр Ж. Соблазн. – М., 2000. С. 306

[4] Фукуяма Ф. Доверие – М., 2004. С. 545

Яковенко А.В.
д.соц.н., профессор, профессор кафедры социологии, Луганский национальный университет
6daoav@rambler.ru

ЧЕЛОВЕК КАК ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ

Ключевые слова: *человек, социальные риски, прошлое, будущее, цивилизация, гуманизм.*
Keywords: *man, social risks, past, future, civilization, humanism.*

Пытаясь определиться с контурами будущего, рассматривая различного рода сценарии развития, любой чистоплотный исследователь не может обойти главный «риф», стоящий на пути благих намерений и самых, пусть и не идеальных, а просто оптимальных вариаций перспективы. Ключевым препятствием, главным, как по-прежнему принято говорить в шаблонизированной политике, «Вызовом», единственным непреодолимым порогом остается исключительно сам человек. Конечно же, данный постулат банален до неприличия. Но, несмотря на его сверхтривиальность, почему-то гигантская мощь многих социальных институтов призвана маскировать эту простую данность, вуалировать, придумывать идеологемы, мнимо спасающие от самопризнания, перекладывая ответственность за «бесчеловечность человека» на некие «объективные обстоятельства», на сложные структуры, организации или вообще абстракции по типу того же «Вызова». Это выглядит тем более спекулятивно на фоне громадины религиозных, философских, литературных и, наконец, множества фундаментальных научных текстов, в которых мысль о несовершенстве человека и его исключительной ответственности за все катаклизмы, которые возникают с ним, в его ближайшей социальной среде, а теперь и в глобальном масштабе, является стержневой и многократно доказанной.

Но вместо того чтобы концентрироваться именно на этом постулате, искать траекторию движения к смягчению рисков, благодаря самоисправлению человеческой личности, значительное количество общественной энергии расходуется в альтернативных направлениях, мимикрирующих важность давно обозначенной ключевой задачи. Впрочем, и такой выбор – вуалировать главное, прятаться от истинного фундамента проблем, придумывать оправдания и удобные мифологемы – вытекает опять-таки из поведенческих черт значительного числа индивидуумов. Большинству из нас по-прежнему легче обманываться и обольщаться, снимать с себя ответственность и скукоживаться в самосознании, нежели отчетливо критично оценивать свои нелицеприятные действия.

Человек: изменения без изменений. Научное знание оказалось неспособным переложить выкладки и колоссальное наследие религиозного опыта на позитивную предметику созидания по-настоящему духовно-нравственной личности. Пафос благих призывов и ожиданий был заглушен двухэтапной мировой войной, последняя фаза которой, напомним, проходила под гипертрофированным рефреном сверхрасы, состоящей из мнимых «сверхличностей», большинство из которых на поверку оказались лишь мелкими собственниками с недалекими мыслительными горизонтами. Задрапированный под теории расового превосходства обычный физиологический и физический редукционизм породил лишь гигантскую социально-историческую травму не только в Германии, но и во всем мире, колебавшемся между всеобщей универсальностью и универсальностью жесточайшей пирамиды под официальной властью «избранных». По большому счету ныне вызревает все то же противоречие только не в рамках индустриального века, а уже в формирующихся реалиях цифро-нейро-геномного тысячелетия.

На сегодняшний день общество фактически уклоняется от любых концепций последовательного и поступательного гуманного «усовершенствования» человека, в том числе дискредитировав, поглумившись над одним из последних масштабных целенаправленных светских проектов уничтоженной советской эпохи – формирование «нового человека». При этом никто не отказался от разработок по модифицированию каналов воздействия на человеческую особь. Только многие из них идут преимущественно в рационально-механистическом ключе, вызывая справедливую критику всех, кто осознает необходимость сохранения категорий совестливости, этики как неотъемлемых составляющих полноценной личности. Однако и здесь проявляются свои уязвимости. Поскольку на протяжении «цивилизованной» истории принципы морали зачастую эксплуатируются в качестве прагматического инструментария. А наиболее яростные апологеты нравственности нередко оказываются либо начетниками без глубины и сострадания, либо умелыми пройдохами, умеющими отделять театрализованную лозунговость от собственного достатка, накапливаемого за счет борьбы за религиозность, моральность, совестливость. Тем самым даются значительные аргументы вульгарным трансгуманистам, поствиталистам и проч. сторонникам отказа от привычных форм существования индивидов, педалирующим тему прямого вмешательства в «человеческий материал», коррекцию его природы посредством передовых достижений тех же биотехнологий. Соответственно, расширяется число симпатиков избавления человеческой расы «хирургическим путем» от психопатологий, агрессии и всего того, что ассоциируется с кризисностью социального пространства всеобщей цивилизации.

Наиболее очевиден разрыв между потугами гуманистического характера и жесточайшей реальностью на двух всем известных примерах: сохранение стратегической стабильности посредством всеобщего страха перед планетар-

ным уничтожением и продолжающаяся демографическая гонка, наделяющая её лидеров существенными экономическими и военно-политическими преимуществами на длительной социально-исторической дистанции. И первое, и второе означает абсолютную архаичность общественных отношений в оболочке сверхтехнологий (в данном случае супероружие и успехи в области медицины), сохранение в незыблемом виде риторики и практики межплеменных войн, с фрагментарно воплощаемой мифологемой о «водяном перемирии». Страх, определяющий параметры рациональности действий, помогающий (во всяком случае, пока) удерживать общечеловеческую цивилизацию от многомиллиардного смертоубийства посредством угрозы тотального уничтожения планеты, оказывается ключевым регулятором мирного сосуществования, побудителем (за последнее время всё более слабым) к минимальной договороспособности. При этом, понятное дело, происходит постоянный мониторинг качественного состояния паритетности с надеждой на просчеты соперников и перевод их (соперников) в категорию «слабаков», а значит, подпитывается соблазн продвижения к желанной цели по абсолютизации глобального доминирования.

Риски усугубляются тем, что, в конце концов, даже не понятно, может ли совокупное человечество в лице критического числа его членов сделать выбор в пользу упомянутой и для многих аморфной, а то и эфемерной, категории «совестливость» вместо вполне осязаемой и понятной «алчности». И не содержится ли в самом человеке некая блокировка по отношению к однозначно позитивной, социально ответственной фазе деятельности. Мало того, отличия, разности по расовым, национальным, родоплеменным, языковым, религиозным, идеологическим, политико-гражданским, поселенческим, гендерным и иным признакам продолжают превалировать, оттеняя, а то и вовсе объявляя наивными и не совсем научными, обыденные выводы о первостепенной важности деления людей по их личностным качествам.

В обобщенном виде перечень критических доводов, характеризующих человека как субъекта повышенного риска и опасности, неоднократно фиксировался:

– Зависимость от физиологических потребностей, изначально продуцирующая стремление выживать любой (!) ценой, тем более при ограниченных ресурсах и возможностях;

– Способность к мимикрии (социальное приспособленчество и изощренное самооправдывание), разрыв между публичными проявлениями и деятельностными практиками;

– Эмоциональная неуравновешенность или то, что принято называть аффективными проявлениями, базирующимися не в последнюю очередь на разрывах между «низшими» и «высшими» потребностями;

– Иррациональные мотивы, имеющие впрочем, вполне рациональную подоплеку: месть, зависть.

При этом констатация иррациональности без обиняков означает ни что иное, как фактическое признание неразумности человека. Апеллирование к иррационализму – яркое свидетельство того, что у существа, претендующего на абсолют разума, постоянно или в лучшем случае периодически происходят «сбои в программе», когда целесообразность уступает место сиюминутной или длительной глупости, приводящей зачастую к катастрофам личного и общественного порядка. В «сухом остатке» наблюдаются исключительно действия, способные вредить личности, организации, человечеству. Система «сдержек и противовесов», многопартийность и прочие атрибуты современной политической действительности не в последнюю очередь обусловливаются знаниями о стремлении человека к социальному солипсизму, переоценке своих возможностей и переходу в фазу «медных труб» при получении минимальных возможностей для властвования.

Неочевидные очевидности. Инфраструктурно всему обществу требуется максимальное число ответственных рационально-глобально мыслящих людей. Но данная повсеместно афишируемая установка вступает в противоречие с жесточайшей реальностью, воссоздающей психопатов. Помимо этого, все чаще говорят о нарастающем инфантилизме, которому с обратной стороны противостоит не деятельный гуманизм или созидательный альтруизм (П. Сорокин), а агрессивизм, в том числе религиозный, национальный, расовый. По-прежнему воспроизводится попадание в крайности, неумение существовать вне пограничных состояний.

Здесь давно напрашивается еще одна пусть и тривиальная, но очень значимая градация на две условных макрообщности, к которой в последнее время обращаются все отчетливее: общность, назовем её по логике рассуждений «рационалов» (не обязательно управленцев-эгоистов) и общность иррационалов, т.е. достаточно инфантильных, безответственных людей, впрочем, экономически очень выгодных. Понятно, что рационализм, базирующийся на эксплуатации человеческих слабостей, не менее опасен, нежели иррационализм, живущих в социально аморфном состоянии. Поэтому вновь формируется очередной замкнутый круг безысходности. Ведь до сих пор эффективность обмана выступает мерилом успеха. Удачного обманщика назовут едва ли не гением, виртуозом (особенно в политике и в финансово-экономической деятельности), а честного человека в лучшем случае культурно – «простаком».

Кроме того, общепризнанно, что человеческое общество в совокупности мелкотемья личностных интересов продолжает продуцировать иерархии, логика построения которых определяется не столько насущной целесообразностью, сколько степенью той же алчности индивидов, их стремлением удерживать выгодное социальное положение, формируя ключевые социальные институты, динамично дистанцирующиеся от задач выполнения реальных общественных потребностей и представляющих собой самовоспроизводящиеся консервативные системы, решающие задачи поддержания жизнедеятельности его членов посредством воспроизводства прибыли для «посвященных». К слову, весьма очевидным здесь выступает наиболее, казалось бы, «человечный» институт – институт медицины. Примечательно, что его критика не имеет геополитических предпочтений, и та же система здравоохранения в США все чаще получает негативную оценку. Именно в медицине и образовании принципы финансового благополучия, доходности и т.п. воспринимаются, мягко говоря, спорно. Лечить, чтобы до конца не вылечивать, а теперь еще и перекладывать ответственность за диагностику и фактически финальный результат на робототехнику – один из ярчайших показателей процесса отчуждения человека от самого себя. Полная деперсонализация ответственности под вполне благозвучным

аргументом снижения риска субъективной ошибки – также свидетельствуют о рискологии в системе существования человека как самосознательного существа. Хорошо известно, что многие перспективные направления по профилактике, действительно здоровому образу жизни, дешевые методики лечения и т.д. вытесняются мощью и рекламным авторитетом фармакологических корпораций. Они ревностно следят за малейшими проблесками альтернативных сред, и либо инкорпорируют их в прибыльные бизнес-стратегии, либо подавляют прямым или косвенным нажимом. Но это лишь частное проявление более фундаментальных пороков человеческого естества. Сторонники в общем-то правильной идеи об исчерпанности капитализма, то ли не договаривают, то ли искренне не понимают, что сам капитализм – плоть человеческой природы. И отмечавшаяся алчность, тяга к мнимым статусам, гипертрофированная самопрезентабельность – питательная среда для капитализма. И другой среды, во всяком случае нынешнее человечество, не знало и особенно и не хочет знать. Ведь отказ от солидарной социальной системы в СССР в пользу «дикого капитализма» помимо всего прочего дал импульс именно капитализму, а не неким протосоциалистическим, тем более коммунистическим моделям. И даже КНР не может считаться образцом торжества доктрины некапиталистического содержания, артикулируя и стремясь воплотить вполне прагматико-материальные цели (во всяком случае, в среднесрочной перспективе). Да и неоднократно анализировавшаяся система социального кредита (социального рейтинга), внедряемая в Китае, по большому счету, – попытка в новой технооболочке применять неизменную практику «кнута и пряника».

В последнее время популярной становится идея о значимости именно человека как ресурса государства (в примерном звучании, «человек вместо нефти»). В этом постулате также сокрыто спекулятивное начало. Во-первых, и в рабовладельческие времена человек был товаром, ресурсом и в таком неблагоприятном амплуа был «ценен». Во-вторых, так или иначе, по-прежнему подразумевается, что именно человек – источник прибыли. Его неуемные пусть и нездоровые желания, потребности должны увеличивать доходы тех, кто данные желания и потребности культивирует. Индустрия мнимых ценностей, сиюминутных порывов и увлечений, не говоря уже о длительных по времени и тяжелых по последствиям зависимостей, – давняя игра одних против других, в которой в конечном итоге погибает большинство с обеих сторон.

Неоднократно приходилось упоминать, что основной риск с учетом неплохого знания социально-психологических проявлений человека заключается в периодическом переключении логики действий на режим отчаяния с опорой на известнейшую установку «лучше ужасный конец, чем ужас без конца». Применительно же к общей судьбе человечества подобное гипотетическое развитие событий может заключаться в стремлении «сорвать резьбу», если хотите «психануть», нанеся непоправимый вред не только самому себе (государству, религиозной или светской системе ценностей или еще какой-нибудь макрообщности), а всему живому. Ведь, кроме всего прочего, нынешняя система контроля призвана обеспечить сохранность планеты от «психов-одиночек» или некрофильских групп.

Риски «игр со временем». При наиболее критических подходах к оценке человека принято указывать на него как сгусток двойственностей, мифологем, иллюзорностей и малопредметных увлеченностей. История культуры, добротные этнографические исследования не оставляют никаких двузначностей относительно вечной повторяемости бессодержательности и тем более дегуманизированности человека, и в качестве самости, и в качестве общественного продукта, как результирующей межличностных отношений индивидов. Собственно, на этой критической базе сформировалась и окрепла эсхатологическая традиция пророчеств, на каждом историческом отрезке получая новую фактологическую подпитку. Впрочем, равно как и отсрочку финального рубежа аннигиляции человечества.

Одной из удобных и широко распространенных форм иллюзорности, погруженности (пусть и мнимой) в «теплую ванну» самомнения выступает ностальгия по прошлому. Сейчас принято, особенно в социологическом сообществе, ссылаться на последнюю работу З. Баумана «Ретротопия»[1], в которой стержневой выступает мысль о растущем желании сделать новую утопию из «прошлости». Но и этот феномен не нов. Он также является атрибутом любого исторического периода, всегда имея под собой гигантский демографический ресурс, и не только из числа представителей старших возрастных групп. Мы стремимся спрятаться в прошлое, поскольку не знаем, как жить в настоящем, и опасаемся, если не сказать боимся, перспективы. А прошлое – единственная определенность. Тем более именно в ней хотя бы мысленно комфортно и не так страшно. Прозябание в ушедшем и отошедшем, которое, если честно, было когда-то также не всегда хорошим, а зачастую и мерзопакостным, все из той же категории грез, спасающих от действий по самопреобразованию, самосовершенствованию в сохраняющем несправедливости настоящем. И та же ретротопия не уменьшает социальные риски, а, напротив, лишь увеличивает.

Правда же заключается в том, что на поверку до сих пор ни одна социальная система не оказалась человекоэффективной, переадресовывая неспособность жить «по справедливости» в реальном времени, или опять-таки легендам и ностальгии о минувшем, или грезам будущего. Даже когда официально общественные институции, включая и систему образования, ориентировались на божественные заповеди, результат не был сколь-нибудь позитивным, а войны не переставали выступать главным социально-экономическим аргументом. Совершались лишь постоянные социальные флуктуации между охранительностью и прогрессивизмом, порождая перманентные конфликты и гражданские противостояния.

Данные оценки в контексте обсуждения сложнейших задач, стоящих перед Евразией, начинающей предъявлять свои претензии на мировой авторитет, не являются праздными. Ведь теперь скорее всего именно на обширнейшем Евразийском континенте в который раз будут предприниматься попытки выхода за порочные круги человеческих слабостей и несовершенств, побуждавших до сих пор воспринимать историю, говоря словами З. Фрейда, как «череду ге-

[1] Бауман З. Ретротопия. – М.: ВЦИОМ, 2019.

ноцидов»[1]. Мало того, заявки на некую глобальную гуманистическую, неагрессивную миссию уже делаются. Процитируем лишь один фрагмент из Циндаоской декларации Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества: «способствовать строительству международных отношений нового типа, воплощающих взаимное уважение, справедливость, равенство, взаимовыгодное сотрудничество, а также формированию общего видения идеи создания сообщества единой судьбы человечества»[2]. А это значит, что такая высокая миссия может быть реализована только посредством созидания по-настоящему нового цивилизационного человека. Иначе всё это тщетно и является очередным идеологическим фетишем.

Выводы: Какие бы идейно-теоретические и прагматико-прикладные аспекты сценариев эволюционирования человечества не прорабатывались – они будут упираться в фундаментализм «человеческой природы», по-прежнему порождающей риски для собственного же существования. Так или иначе, попытки как минимум коррекции социального поведения людей продолжатся. Мало того, по-прежнему на данном поприще сосредоточен остов борьбы за мнимые преимущества отдельных противоборствующих субъектов. До настоящего момента мы не можем жить в ином социальном ритме кроме как, перманентно создавая проблемные поля, и на краю пропасти пытаться псевдогероически разрешать кризисы, имеющие трагические последствия.

Мы сами же создаем тупиковые траектории развития, одновременно укрепляя доказательную базу пессимистов, не зная какие рациональные, а не только эмоционально-осуждающие доводы предъявить сторонникам непосредственного «исправления» человеческого природного естества.

Вся сила интеллектуального и жизненного подвижничества единиц, выраженная в содержательнейших литературных, религиозных, научных произведениях и самоотверженных поступках, до сих пор оказывается бессильной перед косностью материального, индивидуалистического равнодушия. Прагматика узости интересов, как правило, берет верх над общественными потребностями более широкого порядка.

И нам остается всегда лишь выражать безнадежную надежду на какой-то решительный поворот человеческой истории в подлинно гуманное русло, не имея для таких ожиданий сколь-нибудь весомых аргументов. Пока ни одному цивилизационному центру не удавалось осуществить такой поворот. Очередь за макроконтинентальным субъектом истории. Для Евразии, зная суть «цивилизованного» человека, это слишком амбициозная задача, но, пожалуй, единственная достойная подлинно внеисторической миссии…

[1] Фрейд З. Мы и смерть // Рязанцев С. Танатология (учение о смерти). – Санкт-Петербург: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 1994. – С. 17.

[2] Циндаоская декларация Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества (10 июня 2018 года). – http://kremlin.ru/supplement/5315

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ, НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

Акимов А.В.
д.э.н., заведующий отделом экономических исследований Института востоковедения РАН

СТРАНЫ ЕВРАЗИИ В НОВОЙ СИСТЕМЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ

Ключевые слова*: система производительных сил, промышленные революции, технологический уклад, трудосберегающие и ресурсосберегающие технологии.*

Keywords*: system of productive forces, industrial revolutions, technological mode, labor and resource saving technologies.*

Технологические изменения последних десятилетий в настоящее время дают настолько значимый накопленный эффект, распространяющийся не только на экономические, но и на социальные и политические процессы, что необходимо анализировать и прогнозировать характер этих изменений для анализа практически всех сторон социально-экономических и политических процессов. Не являются исключением и процессы в Большой Евразии.

Значимость изменения технологий настолько велика, что в настоящее время целесообразно говорить об изменении системы производительных сил. Это понятие, восходящее к экономической теории и политэкономии, включает в минимальной трактовке две составляющих: труд и капитал, а в максимальной – четыре: труд, капитал, природные ресурсы и предпринимательскую инициативу. Ниже при анализе производительных сил будут анализироваться изменения таких составляющих как труд, капитал и природные ресурсы, как материальная основа производства.

Современные технологии весьма дифференцированы и многообразны, поэтому ниже будут упоминаться лишь наиболее яркие и типичные для определенных периодов технологического и социально-экономического развития их виды. В настоящее время наиболее распространен анализ технологий в терминах промышленных революций и технологических укладов. Связь технологий четвертой промышленной революции с новой системой производительных сил может быть представлена следующим образом: технологии четвертой промышленной революции (Интернет, робототехника, искусственный интеллект, обучающиеся устройства)[1] ***минус*** информационные технологии, включая Интернет, ***плюс*** трудо- и ресурсосберегающие технологии предшествующих периодов (станки с числовым программным управлением, крупные машины для горных работ и перевалки грузов, контейнерные перевозки и т.п.) ***равно*** новая система производительных сил.

Интернет является очень важным нововведением, но он имеет весьма косвенное отношение к производству. В экономической науке не связывали прогресс книгопечатания с технологическими достижениями первой промышленной революции, распространение телеграфа с успехами второй и телевидение с третьей промышленной революциями. Информационные технологии чрезвычайно важны, но они имеют самостоятельное значение, не сводимое к успехам производственных технологий, поэтому представляется необходимым не делать исключение для Интернета, и не рассматривать его в системе производительных сил.

Что касается перечисленных выше технологий предшествующих периодов, то они стали привычными, и их революционный характер для производства и социальных процессов уже редко отмечается, но он весьма высок. Станки с числовым программным управлением радикально изменили машиностроение, улучшив качество продукции, сделав производство более гибким, и сократив потребность в квалифицированных работниках-станочниках. Робототехника, по сути, продолжает эти процессы на более высокой технологической базе.

Крупные комплексы для горных работ и перевалки грузов редко привлекают внимание в экономическом анализе, но они радикально меняют добывающую промышленность, а также сектор транспорта и логистики. Например, в Индии с ее дешевой рабочей силой уже экономически выгоднее вести разработку угольных месторождений открытым способом, отказываясь от шахтного способа, основанного преимущественно на ручном труде. Применение различного рода крупных и мощных автоматизированных комплексов для погрузочно-разгрузочных работ и развитие контейнерных перевозок существенно сократило потребности в рабочей силе на транспорте и в логистике, повысило скорость обработки грузов и снизило издержки.

Совокупность современных производственных технологий четвертой промышленной революции в сочетании с накопленными ранее высокоэффективными трудо- и ресурсосберегающими технологиями позволяет говорить о новой системе производительных сил в современной экономике.

Если рассматривать новую систему производительных сил в рамках теории технологических укладов, то она в значительной степени соответствует пятому технологическому укладу, ядро которого составляют электронная про-

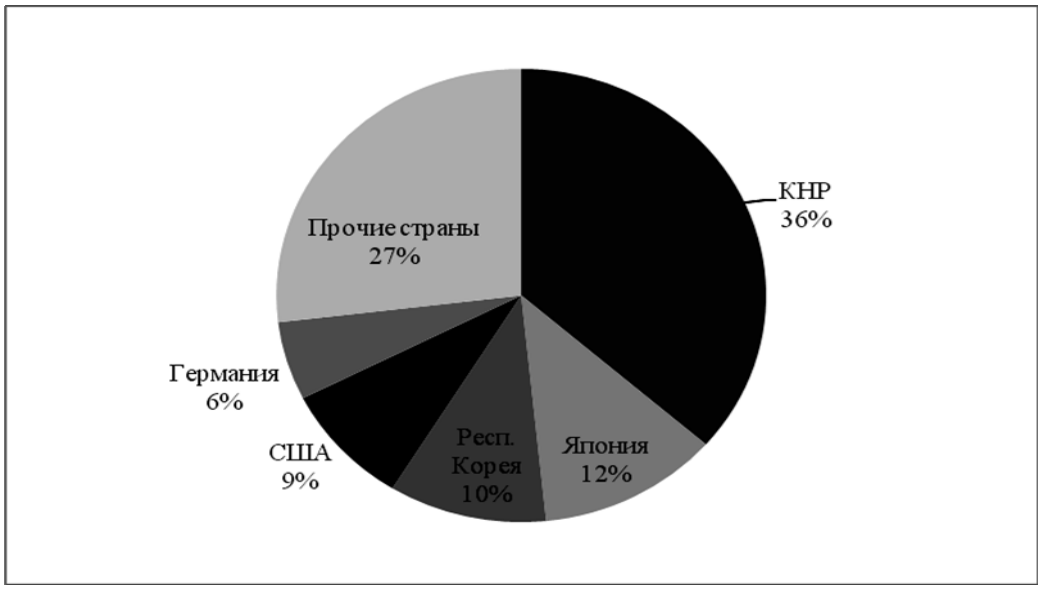
[1] Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М., 2017. – С. 15–16.

мышленность, вычислительная, оптоволоконная техника, программное обеспечение, телекоммуникации, роботостроение, производство и переработка газа, информационные услуги. Для определения соответствия пятого технологического уклада новой системе производительных сил также нужно вычесть из пятого уклада информационные технологии и добавить пришедшие из предыдущих укладов трудо- и ресурсосберегающие технологии[1].

Представляется важной следующая особенность четвертой промышленной революции и пятого технологического уклада. Предыдущие революции и уклады привносили в жизнь человечества совершенно новые товары и услуги, а для последнего этапа развития производственных технологий более характерно другое – они делают гораздо лучше и эффективнее все то, что умели делать и раньше. Если первая промышленная революция дала человечеству новую паровую энергетику, вторая – двигатель внутреннего сгорания, электричество, химическую промышленность, третья – электронику и автоматизацию управление многими процессами, то четвертая ничего кардинально нового в виде продуктов и услуг не привносит, но радикально меняет очень многие существующие производства.

Другой важной особенностью современного этапа технологических изменений является перемещение технологического лидерства в страны Азии. Они лидируют по всем основным технологиям четвертой промышленной революции. В производстве и экспорте электроники на мировой рынок лидируют КНР, Республика Корея и страны Юго-Восточной Азии[2]. В производстве и установке промышленных роботов на первых позициях находятся Япония, Республика Корея и КНР (см. рис. 1). К группе лидеров относятся также Германия, Швеция и Швейцария. В производстве энергии из возобновляемых источников на первой позиции в мире с большим отрывом от других находится КНР. В программировании тройку лидеров составляют США, КНР и Индия. США также сильны в аддитивных технологиях, но среди стран Евразии сильные позиции в 3D-печати занимает Израиль. Область, где позиции США безусловно сильны, и лидерство пока никем не оспаривается – искусственный интеллект.

Скорость, с которой производится и внедряется новая техника, позволяет говорить о важных структурных изменениях в мировой экономике. На рис. 2 показан рост парка роботов в мире. Начало графика – 2009 г., то есть начало «великой рецессии», продолжительного кризиса в мировой экономике. На этом негативном фоне парк промышленных роботов устойчиво растет высокими темпами. Аналогично высокими темпами растет производство других видов техники в сфере новых технологий, что позволяет предположить, что складывается новая волна кондратьевского цикла в экономике на основе технологий четвертой промышленной революции.



Источник: построено автором по данным Executive Summary World Robotics 2018 Industrial Robots

Рисунок 1.
Поставки промышленных роботов по странам в 2017 г.

Новые технологии распространяются не только в машиностроении, хотя там они наиболее ярко проявляются. Важным явлением являются сдвиги в электроэнергетике. Если в настоящее время доля возобновляемых источников в балансе топливно-энергетических ресурсов невелика, то по вводу новых мощностей в электроэнергетике возобновляемые источники превышают половину с 2012 г. с заметным трендом роста этой доли[3].

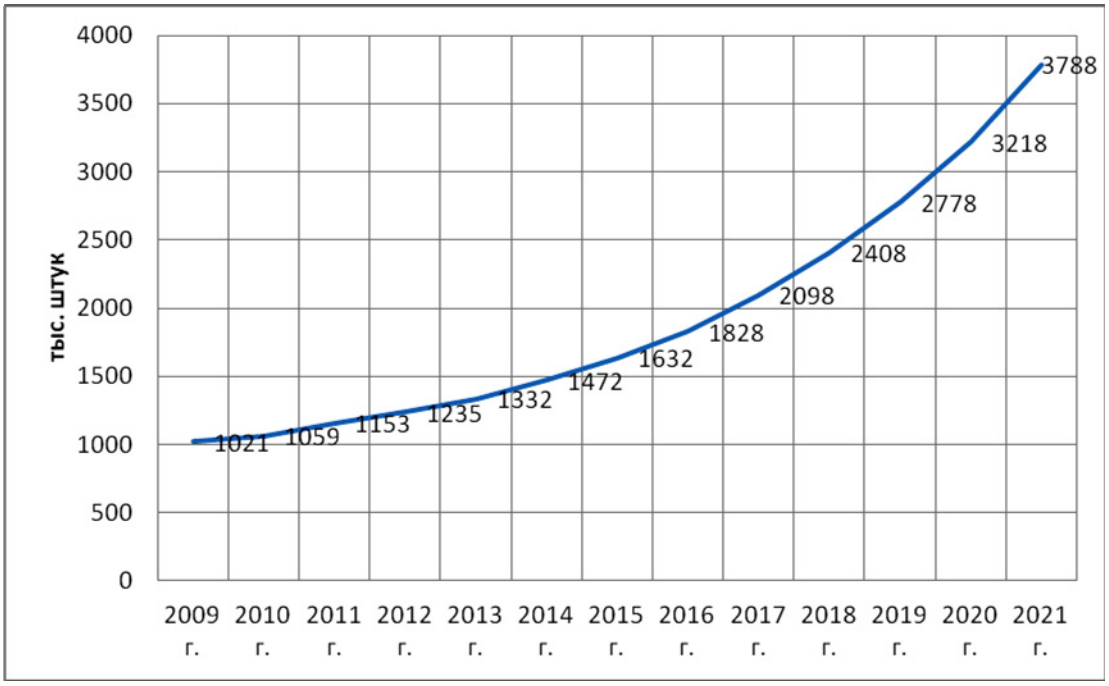
Кроме того, в современных развитых экономиках понижается потребность в сырье. Накопленный металлофонд при вторичном использовании металлов снижает потребности в импорте руд. В развитых странах в черной металлургии до 40% сырья – лом. В США из лома производится около 1/3 меди, примерно 40% никеля, 60% свинца и 2/3 бумаги из макулатуры[4].

[1] Глазьев С.Ю. Геноцид. – М.: ТЕРРА, 1998. – С. 214–217.

[2] Цветкова Н.Н. Информационно-коммуникационные технологии в странах Востока: производство товаров и ИТ-услуг. – М.: ИВ РАН, 2016.

[3] RENEWABLES 2019. Global Status Report. – https://www.ren21.net/wp-content/uploads/2019/05/gsr_2019_full_report_en.pdf

[4] 2018 Recycling Industry Yearbook / ISRI.



Источник: построено автором по данным Executive Summary World Robotics 2018 Industrial Robots. – P. 22

Рисунок 2.
Мировой парк промышленных роботов.

Новые производительные силы создают широкие возможности для развития экономики:

1) они в значительной степени снимают ресурсные ограничения, которые обусловливаются природной составляющей;

2) они существенно поднимают производительность оборудования, поскольку автоматизация приводит к вытеснению человека из производственного процесса,

3) меньшая роль человека устраняет человеческий фактор, улучшая качество продукции;

4) возможность быстро перенастраивать станки с ЧПУ и робототехнику приводит к большой гибкости производственного процесса;

5) повышается оперативность выполнения заказов за счет гибкости оборудования и минимизации доли живого труда;

6) человек больше не занимается вредным, монотонным, изматывающим трудом;

7) новые производительные силы все в большей степени становятся интернациональными;

8) современные производительные силы создают возможность для развития национального воспроизводственного комплекса в меньшем мере, чем сейчас, зависимого от импорта как сырья и топлива, так и готовых изделий.

Вместе с тем, они порождают новые риски для социально-экономического развития всех стран как развитых, так и развивающихся, действуя по каналам глобализации на всех субъектов мировой экономики. Риски, связанные с новой системой производительных сил:

1) самым крупным риском новой системы является его главное достижение – устранение человека из производственного процесса;

2) как результат исчезновения производителя-человека, вырастает роль перераспределительных процессов, управляемых государством;

3) становятся не нужны дешевые трудовые ресурсы, исчезает испытанный механизм догоняющего развития для развивающихся стран;

4) высокая роль информации в производстве делает его уязвимым для хакерских атак;

5) риск создания большого числа олигополий и монополий в технологически важных отраслях, которые создаются лидерами технологической гонки;

6) возникает риск распада мира на развитый и развивающийся по новым технологическим критериям, при том, что вырваться в категорию развитых странам будет чрезвычайно трудно;

7) риск, что не только в развивающихся, но и развитых странах сложится меньшинство, которое работает, решая реальные проблемы развития технологий и общества, а рядом с ним существует большинство, живущее на пособия или же выполняющее работу, которая необходима только для того, чтобы занять безработных;

8) технологическая зависимость может стать весьма важным фактором в международных отношениях.

В странах Большой Евразии все перечисленные выше преимущества и риски будут складываться по-разному для стран региона, создавая широкую гамму вариантов развития[1]. Модель успеха развития новой системы производи-

[1] Акимов А.В. Влияние роботизации на перспективы развития стран Востока: основные тренды // Восточная аналитика. – М., 2017. – Вып. 1–2. – С. 17–21.

тельных сил демонстрирует КНР. Эта страна, как показано выше, лидирует в мире по темпам роста парка роботов. Трудосберегающие технологии обеспечат КНР продолжение экономического роста при стареющем населении. Конечно, трудосберегающие технологии сужают рынок труда, особенно для сельского населения, и возникает угроза разделения Китая на современный развитый городской и отсталый сельский, но сохранение сильной централизованной власти, обеспечивающей перераспределительные процессы в обществе, создает механизм, способный решать проблемы занятости при использовании трудосберегающих технологий.

Особую модель развития сформировала Индия. Она мировой лидер оффшорного программирования, новые технологии способны поднять производительность труда во всех отраслях хозяйства. В Индии имеется инженерная школа и достаточно квалифицированных рабочих для проектирования и производства собственной современной техники. Вместе с тем, трудосбероегающие технологии четвертой промышленной революции способны подорвать рынок труда в Индии и вызвать социальные волнения разрушительной силы.

Интересные возможности открывает новая система производительных сил для капиталоизбыточных нефтеэкспортеров стран Персидского залива. Робототехника может отчасти решить проблему этой группы стран, состоящую в том, что местная рабочая сила не способна и не желает работать в промышленности. Местное производство может быть налажено на основе импорта современных трудосберегающих технологий.

Наконец, для бедных стран с быстро растущим населением – таких как Пакистан, Бангладеш, Афганистан, Йемен система новых производительных сил и открывает новые возможности выйти из бедности и отсталости, и создает большие препятствия на этом пути. Импортные технологии могут быстро повысить производство во всех сферах хозяйства этих стран, но трудосберегающие технологии способны блокировать социальное развитие, поскольку многочисленная малоквалифицированная рабочая сила не нужна мировому рынку. Массовая безработица способна вызвать эмиграцию и социальные волнения. Внешняя помощь может оказаться единственным вариантом социально-экономического развития.

Для России и стран Центральной Азии актуальны возможности и угрозы, показанные выше на примере других стран Азии. Для Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Азербайджана и России, как экспортеров нефти и газа, в перспективе представляет опасность изменение топливно-энергетического баланса в сторону увеличения доли возобновляемых энергетических ресурсов. При целенаправленной экономической политике Азербайджан и Туркменистан могут пойти путем нефтеэкспортеров Персидского залива и импортировать новые технологии в количестве, достаточном для создания у себя современной обрабатывающей промышленности. Такие крупные страны как Россия, Казахстан и Узбекистан имеют более ограниченные возможности для резкого структурного сдвига в хозяйстве за счет импорта новейшего оборудования. Таджикистан и Кыргызстан сталкиваются с проблемами, аналогичными для бедных стран Евразии, модель развития которых рассмотрена выше.

Перед Россией стоят ограничения, связанные с экономическими санкциями Запада, поэтому России предстоит выработать особую стратегию развития в условиях формирования новой системы производительных сил, предусматривающую догоняющее развитие в технологиях даже с определенным ущербом в экономической эффективности (аналогично развитию в военно-промышленной сфере), чтобы не утратить технологическую самостоятельность в мире с новой системой производительных сил.

Эта статья дает только базовый очерк проблем, связанных с формированием новой системы производительных сил, а для формирования прогнозов и планов развития экономических и политических отношений в новых условиях необходимы коллективные усилия экспертов и исследователей как проблем Евразии, так и научно-технического развития.

Андрианов В.Д.
д.э.н., академик РАЕН, Заслуженный экономист России, профессор МГУ

ИСЛАМСКИЙ БАНК РАЗВИТИЯ (ИБР) И ОСОБЕННОСТИ ИСЛАМСКОГО БАНКИНГА

***Ключевые слова**: Исламский банк развития (ИБР), динамика, отраслевая и страновая структура инверсионного портфеля ИБР, деятельность специализированных инвестиционных фондов и финансовых корпораций, входящих в группу ИБР, исламский банкинг.*

***Keywords:** Islamic development Bank (IDB), dynamics, industry and country structure of the IBR investment portfolio, activity of specialized investment funds and financial corporations included in the IDB group, Islamic banking.*

В международной классификации финансовых институтов развития Исламский банк развития (ИБР) относится к субрегиональным банкам развития.

В отличие от международных, региональных и национальных институтов развития субрегиональные банки призваны способствовать развитию экономики и интеграционных процессов на территории нескольких близлежащих регионов или в регионах их влияния и операционной деятельности.

Инициатива создания Исламского банка развития банка на базе законов Шариата принадлежит третьему королю Саудовской Аравии – Фейсалу ибн Абдул-Азиз Аль Сауду (1906–1975). Принципиальное решение о создании нового банка было принято на совещании министров финансов «Организации Исламская конференция» (ОИК)[1] 18 декабря 1973 г.

В результате после проведения организационно-подготовительных мероприятий и подписания уставных документов Исламский банк развития (Islamic Development Bank – IsDB) официально начал функционировать 20 октября 1975 г.

Главной целью создания и деятельности банка является поддержание экономического и социального прогресса в странах мусульманского мира и расширение взаимного сотрудничества в соответствии с законами Шариата[2].

Членами ИБР могут быть только страны-участницы «Организации исламского сотрудничества» (ОИС).

Расчетной денежной единицей ИБР является исламский динар, равный одному СДР (специальные права заимствования)[3]. Первоначально при учреждении ИБР его уставный капитал составлял 2 млрд. динар, разделенный на 200 тыс. акций.

Капитал был полностью оплачен 43 странами-членами ОИК, первоначально ставшими акционерами банка. В настоящее время членами Исламского банка развития являются 57 государств.

Крупнейшими акционерами банка по состоянию на 2017 г. являлись Саудовская Аравия (27,3%), Ливия (11,0%), Иран (9,6%), Египет (9,5%), Турция (8,7%), ОАЭ (7,8%), Кувейт (6,9%), Пакистан (3,4%), Малайзия (2,3%), Алжир (1,7%), Индонезия (1,7%).

В декабре 2018 г. годовое собрание совета директоров ИБР приняло решение о пятом увеличении уставного капитала банка до 100 млрд. динар. Подписной капитал банка увеличился до 50,2 млрд. риал. Одновременно было принято решение о перераспределении акционерного капитала между странами-участницами ИБР.

Была снижена доля крупнейших акционеров банка и увеличены доли акционерного капитала Индонезии, Нигерии и Катара, последние вошли в число основных акционеров банка.

Крупнейшими акционерами банка по состоянию на конец 2019 г. являлись Саудовская Аравия (23,5%), Ливия (9,4%), Иран (8,3%), Нигерия (7,7), ОАЭ (7,5%), Катар (7,2%), Египет (7,1%), Кувейт (6,9%), Турция (6,5%), Пакистан (2,5%), Алжир (2,5%), Индонезия (2,3%). Малайзия (1,6%)[4].

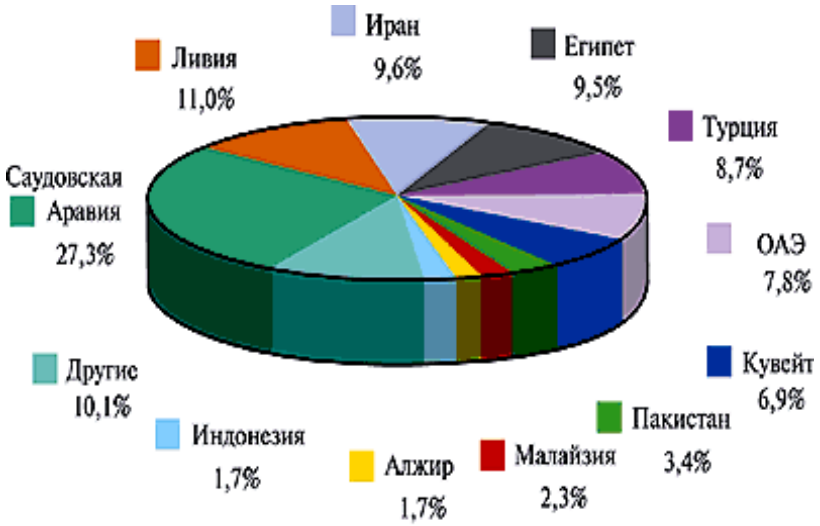
---

[1] «Организации Исламская конференция» была основана на международной конференции глав мусульманских государств в Марокко в г. Рабат 25 сентября 1969 г. Целью создания организации было обеспечение солидарности мусульманских стран в социальной, экономической и политической сферах. Консолидация усилий по борьбе против колониализма, неоколониализма и расизма, поддержки Организации освобождения Палестины. В 2011 г. ОИК была переименована в «Организацию исламского сотрудничества» (ОИС) (Organization of Islamic Cooperation (OIC).

[2] https://islamtoday.ru/ekonomika/islamskij_bank_razvitiya_funkcii_vidy_deyatelnosti/

[3] Специальные права заимствования (СДР), эмитируемые Международным валютным фондом международные резервные и платежные средства, предназначенные для регулирования сальдо платежных балансов, пополнения официальных резервов и расчетов с МВФ, соизмерения стоимости национальных валют. Стоимость СДР (2016–2020) исчисляется на основе средневзвешенной стоимости пяти валют – доллара США (41,73%), евро (30,93%), китайского юаня (10,92% с 2016 г.) японской иены (8,33%), английского фунта стерлингов (8,09%). СДР служат единицей расчетов в МВФ.

[4] IsDB-Annual Report-2018.



Источник: составлено по: IsDB-Annual Report 2017.

Рисунок 1.
Крупнейшие акционеры Исламского банка развития (по состоянию на 2017 г.).

Штаб-квартира банка находится в Саудовской Аравии, в городе Джидда. Региональные офисы банка были открыты в Марокко (1994 г.), в Малайзии (1994 г.), в Казахстане (1997 г.), в Сенегале (2008 г.), в Индонезии, Турции и Бангладеш.

Банк также имеет свои представительства в 13 странах-членах: Азербайджане, Афганистане, Бангладеш, Гвинее, Индонезии, Иране, Йемене, Нигерии, Пакистане, Сьерра-Леоне, Судане и Узбекистане.

В феврале 2010 г. в России был создан Фонд развития исламского бизнеса и финансов (IBFD Fund), ставший центром компетенции исламского бизнеса и финансов в России.

Исламский банк развития имеет официальный статус наблюдателя при ООН.

Официальным языком, используемым в текущей работе банка является арабский. В качестве рабочих языков также используются английский и французский. Штат сотрудников в 2019 г. составлял 932 человек.

Президентом ИБР является бывший министр по делам хаджа Саудовской Аравии доктор Бандар Хаджар (Bandar M.H. Hajjar).

Для финансирования своей деятельности, помимо акционерного капитала стран-членов, ИБР привлекает финансовые ресурсы в других формах, в том числе доходы от инвестиционной деятельности, заемные средства с мирового рынка капиталов, средства других международных, региональных и национальных банков развития.

ИБР развивает инвестиционное сотрудничество с зарубежными финансовыми институтами развития. В 2011 г. были заключены соглашения о сотрудничестве с Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР), Азиатским банком развития (АзБР), Международной организацией высших органов финансового контроля (МОВОФК), Всемирным банком (ВБ), в 2018 г. с Азиатским банком инфраструктурных инвестиций (АБИИ).

В настоящее время ИБР располагает значительным собственным капиталом, имеет устойчивое финансовое положение и высокий международный кредитный рейтинг.

Высший долгосрочный кредитный рейтинг ИБР – на уровне «ААА» – и высший краткосрочный кредитный рейтинг – на уровне «А1+» со стабильным прогнозом – в период 2011-2019 г. неоднократно подтверждались ведущими мировыми рейтинговыми агентствами «Moody's», «Standard&Poor's», и «Fitch».

По версии Базельского комитета по банковскому надзору[1] на протяжении последних пяти лет ИБР входит в группу международных банков развития с нулевым финансовым риском.

В настоящее время в странах-членах ИБР проживает 19% населения планеты. На эти мусульманские страны приходится 25% площади Земли, в том числе 29% мировых сельскохозяйственных угодий. Здесь сосредоточено 13,5% мировых возобновляемых водных ресурсов. Почти половина стран-членов Исламского банка развития (26 стран) по методологии ООН относятся к наиболее бедным странам мира.

Динамика роста кредитного портфеля

Всего со дня своего основания ИБР одобрил предоставление займов и кредитов различным странам на реализацию 8309 проектов на общую сумму 131,3 млрд. долл. (1975-2018 гг.)[2].

[1] Базельский комитет по банковскому надзору — организация, действующая при Банке международных расчётов (Швейцария), разрабатывающая единые стандарты и методики регулирования банковской деятельности, принимаемые в ведущих промышленно различных странах. Комитет был основан в швейцарском городе Базеле в 1974 г. президентами центральных банков 10 ведущих промышленно развитых стран. В качестве наблюдателей в комитете работают представители основных международных финансовых организаций.

[2] IsDB in Brief 1975-2019 / Islamic Development Bank. 2019.

В первом десятилетии своей деятельности (1975–1985) ИБР профинансировал разработку и реализацию проектов на сумму в 4,8 млрд. долл.

В следующем десятилетии (1986–2006) кредитный портфель банка увеличился почти в 10 раз и составил 42,5 млрд. долл.

В последнее десятилетие (2008–2018) ИБР профинансировал разработку и реализацию проектов на сумму в 84 млрд. долл.

Рост ежегодного кредитного портфеля банка в последнее десятилетие имел следующую динамику: 2008 г. – 5,2 млрд. долл., 2009 г. – 6,4 млрд. долл., 2010 г. – 6,3 млрд. долл., 2011 г. – 6,5 млрд. долл., 2012 г. – 9,5 млрд. долл., 2013 г. – 9,5 млрд. долл., 2014 г. – 10,3 млрд. долл., 2015 г. – 11,4 млрд. долл., 2016 г. – 10,5 млрд. долл., 2017 г. (данные за 3 квартала) – 8,3 млрд. долл.[1]

В страновом разрезе, почти половина всего кредитного портфеля банка (46,5%) приходилась на пять стран-членов, в том числе: Бангладеш (15,2%), Пакистан (8,9%), Египет (8,7%), Турция (8,5%) и Марокко (5,1%).

Финансирование большинства проектов и программ осуществляется ИБР в соответствии с Целями развития тысячелетия (Millennium Development Goals), разработанных ООН и к достижению которых стремится каждая мусульманская страна – член ИБР.

Структура кредитного портфеля

Анализ отраслевой структуры кредитного портфеля ИБР показал, что почти треть его стоимости приходилась на проекты в сфере энергетики и энергетической инфраструктуры – 44 млрд. долл. (588 проектов). Другими приоритетными сферами кредитования ИБР были:

- финансы – 15,6 млрд. долл. (1143 проекта);
- сельское хозяйство – 13,0 млрд. долл. (990 проекта);
- транспорт – 12,2 млрд. долл. (468 проекта);
- водоснабжение санитария и развитие сельских районов – 7,1 млрд. долл. (353 проекта);
- промышленность, в том числе добывающая промышленность – 5,8 млрд. долл. (543 проекта);
- образование и наука – 4,2 млрд. долл. (1582 проекта);
- здравоохранение – 3,8 млрд. долл. (518 проектов);
- информатика и телекоммуникации – 0,9 млрд. долл. (14 проектов);
- сфера недвижимости – 0,4 млрд. долл. (28 проектов).

В других отраслях было реализовано проектов ИБР на общую сумму в 25,8 млрд. долл., в том числе 508 проектов в социальной и гуманитарной сфере, организации научных конференций, создания общественных центров и 1775 проектов в области торговли и совершенствовании государственного управления.

Энергетика и энергетическая инфраструктура

Почти треть всего инвестиционного портфеля ИБР приходится на сферу энергетики и энергетической инфраструктуры, где в период с 1975 по 2018 гг. при финансировании банка было реализовано 588 проектов на общую сумму в 44 млрд. долл.

Наиболее масштабные проекты и проекты с высокой внутренней нормой доходности для учредителей (до 18%) в этой сфере были реализованы в Малайзии, Саудовской Аравии, Пакистане, Омане и Иордании и др.

Эксперты ИБР считают, что проекты в сфере энергетики и энергетической инфраструктуры должны быть адаптированы к конкретным энергетическим ресурсам стран-членов ИБР, их природным, климатическим и экономическим особенностям.

В частности, очевидно, что гидроэнергетика и солнечная энергия обладают высоким потенциалом, но он пока недостаточно используется для повышения энергопотребления в странах-членах ИБР.

Существует огромный потенциал для использования солнечной энергии в мусульманских странах на Ближнем Востоке, в Северной Африке и в некоторых районах Африки к югу от Сахары.

В долгосрочной перспективе ИБР рассматривает возможность расширения своей финансовой поддержки в странах-членах путем разработка новых бизнес-моделей, в том числе моделей льготного финансирования, для обеспечения доступа к энергии через распределенную генерацию, децентрализованные сети и др.

Проекты по расширению доступа к современным источникам энергии будут также включать в себя восстановление или расширение существующих и создание новых сетевых инфраструктур.

В рамках подписанного ИБР меморандума о сотрудничестве с Азиатским банком инфраструктурных инвестиций (АБИИ) в качестве стратегических приоритетов на 2020-2025 гг. определены проекты в сфере создания и модернизации энергетической инфраструктуры и проекты в сфере энергоэффективности, чистой, возобновляемой энергетики.

Финансы

В сфере финансов за период с 1975 по 2018 гг. ИБР было реализовано 1143 проектов на общую сумму в 15,6 млрд. долл.

[1] Islamic Development Bank. – https://www.isdb-pilot.org/

Проекты в этой сфере направлены на построение системы исламского банкинга в странах-членах, обеспечение доступа мусульманского населения к кредитным ресурсам, повышение финансовой грамотности, совершенствование системы государственных финансов.

В частности, в странах Юго-Восточной Азии было профинансировано 70 проектов в финансовой сфере на сумму 750,2 млн. долл.

Больше всего проектов в области финансов в период 1975-2018 было реализовано в Индонезии – 58 проектов на сумму 664 млн. долл.

Индонезия, как крупнейшая в мире мусульманская страна, имеет существенный потенциал развитии исламских финансов.

С целью реализации этого потенциала ИБР в 2016 г. оказал финансовую и консультативную помощь Индонезии в разработке «Национальный план развития исламской финансовой индустрии» на период 2016–2025 гг. Основной целью плана было превращение страны в крупный региональный и мировой центр исламских финансов.

В Малайзии за тот же период ИБР было реализовано 7 проектов в финансовой сфере на сумму 37 млн. долл. Одним из первых стал проект создания в 1995 г. «Малазийского института исламского банкинга и финансов» (IBFIM), в форме дочерней структуры ИБР.

ИБР в 2000 г. оказал финансовую и консультативную помощь Малайзии в разработке «Плана развития исламского финансового сектора» (Islamic Financial Sector Development General Plan) на период 2001–2010 гг. Основной целью плана было превращение Малайзии в общепризнанный региональный и мировой центр исламских финансов.

В Брунее в период 1975–2018 гг. ИБР профинансировал разработку и реализацию 5 проектов в финансовой сфере на сумму 50 млн. долл.

В декабре 2017 г. Исламская корпорация развития частного сектора (The Islamic Corporation for the Development of the Private Sector (ICD), которая является структурным подразделением Исламского банка развития (ИБР) подписала соглашение с брунейским банком «Пербаданан Табунг Аманах Ислам Бруней» о создании своего филиала в Брунее[1].

Сельское хозяйство и развитие сельских районов

Сельское хозяйство и развитие сельских районов являются одним из основных источников занятости в странах-членах ИБР. Почти половина этих стран входят в число 20 крупнейших мировых производителей основных сельскохозяйственных товаров.

Непосредственно в сфере развития сельского хозяйства за период с 1975 по 2018 гг. ИБР было реализовано 990 проектов на общую сумму в 13 млрд. долл.

Кроме того, еще 353 проекта на сумму 7,1 млрд. долл. было профинансировано для улучшения водоснабжения, решения проблем санитарии и развития сельских районов.

Эти инвестиции ИБР способствовали реализации проектов и программ по развитию инфраструктуры сельских районов, повышению урожайности основных сельскохозяйственных культур, защите почвы от эрозии, развитию халяльного животноводства, мелиорации засушливых земель и созданию возможностей для увеличения занятости в сельских районах.

Наиболее крупные проекты в этой сфере были реализованы в Камбодже, Малайзии, Индонезии, Лаосе, Таиланде и др.

Реализация многих проектов способствовала предоставлению мелким фермерам и сельским малым предприятиям доступа к льготному финансированию, доступу фермеров к прибыльным рынкам, созданию человеческого и институционального потенциала для модернизации и развития сельскохозяйственного производства.

Транспорт

В транспортной сфере за период с 1975 по 2018 гг. ИБР было профинансировано и реализовано 468 проектов на общую сумму 12,2 млрд. долл.

Финансовые ресурсы банка были направлены на строительство морских портов, аэропортов, модернизацию системы железнодорожного транспорта, строительство новых автомобильных дорог, обновление парка общественного транспорта в городах и селах и др.

Только в 2016 г. ИБР одобрил реализацию 12 проектов в 11 странах общей стоимостью в 1,53 млрд. долл. Из этой суммы 51% приходилось на модернизацию железнодорожной сети, 38% на строительство магистральных автомобильных дорог и 11% на развитие городского транспорта.

Почти половина финансовых ресурсов ИБР в этой сфере была направлена в мусульманские страны Африки к югу от Сахары, 38% – приходилось на страны Азии и Европы и 12% – на страны региона МЕНА, объединяющего арабские страны Магриба и Ближнего Востока.

Одним из крупнейших реализованных в транспортной сфере проектов стал проект строительства в Индонезии Трансяванской автодороги стоимостью 250 млн. долл. и проект строительства скоростной автомагистрали в Малайзии в штате Селангор.

Банк поддерживает международную повестку дня Десятилетия действий ООН по обеспечению безопасности дорожного движения и присоединение стран-членов к транспортным конвенциям ООН в этой сфере.

[1] Islamic Development Bank. https://www.isdb-pilot.org/

Промышленность, в том числе добывающая

В промышленной сфере за период с 1975 по 2018 гг. ИБР было профинансировано и реализовано 543 проекта, на общую сумму в 5,8 млрд. долл.

Наибольшее количество проектов в этой отрасли приходится в основном на крупные страны с развитой промышленностью, в том числе на страны производители энергоресурсов.

Больше всего проектов в этой сфере было реализовано в Саудовской Аравии – 25 проектов на общую сумму 1,2 млрд. долл.

Среди других стран, получивших финансовую поддержку на развитие своей промышленности, можно отметить Турцию (24 проекта стоимостью 304,3 млн. долл.); Бангладеш (11 проектов стоимостью 564,8 млн. долл.); Оман (9 проектов стоимостью 254,7 млн. долл.); Марокко (8 проектов стоимостью 250,6 млн. долл.); Тунис (7 проектов стоимостью 236,4 млн. долл.); Египет (22 проекта стоимостью 218,5 млн. долл.); Буркина Фасо (9 проекта стоимостью 122,1 млн. долл.).

Многие проекты в этой отрасли носят экспортно-ориентированный характер и способствуют росту доходов государственного бюджета.

Образование и наука

Важнейшим стратегическим направлением деятельности ИБР является повышение уровня образованности и рост профессиональной квалификации населения мусульманских стран.

В сфере образования за период с 1975 по 2018 гг. ИБР было реализовано самое большое количество проектов – 1581, на общую сумму в 4,2 млрд. долл.

Образовательные программы начали реализовываться ИБР в 1983 г. В рамках этих программ талантливым студентам в странах-членах и мусульманским общинам, не являющимся его членами, предоставлялись стипендии на обучение по следующим программам: бакалавриат, магистратура и аспирантура.

По состоянию на начало 2019 г. финансовую поддержку банка получили 16 907 студентов и ученых из 57 стран-членов и 52 мусульманским общинам в странах, не являющихся членами. Общий объем предоставленных стипендий, грантов и образовательных кредитов для студентов составил 133,7 млн. долл.

Основные проекты в этой сфере были инициированы и разработаны дочерней структурой ИБР – Исламским исследовательским и учебным институтом.

Часть образовательных грантов и стипендий специально предназначалось для женщин и молодых людей из сельских районов.

Кроме того, в качестве новой инициативы для наименее развитых стран-членов была реализована совместная программа стипендий, финансируемая исламским институтом с целью сокращения масштабов нищеты.

В последние годы перспективным студентам и ученым предоставляются дополнительные стипендии для стимулирования их возвращения на родину, где вновь приобретенные ими навыки и знания могли содействовать социально-экономическому развитию их стран и общин.

Согласно статистике 90% выпускников зарубежных университетов и институтов после обучения и получения диплома возвратились на родину.

Выпускники зарубежных вузов становятся частью большего сообщества выпускников по всему миру, чтобы обмениваться знаниями и вносить свой вклад в инновационные решения для развития своих местных сообществ.

Реализация образовательных программ и программ профессиональной подготовки кадров позволила многим странам мусульманского мира снизить уровень безработицы, повысить производительность труда.

Руководство ИБР планирует продолжать поддерживать контакты со своими выпускниками через недавно созданный специализированный Фонд «Платформа для участия и преобразования».

Значительное количество проектов в сфере образования свидетельствует о стремление ИБР способствовать трансформации исламской экономики в экономику, основанную на знаниях.

ИБР признает, что квалифицированные людские ресурсы являются ключевым элементом реализации научных программ и программ устойчивого социально-экономического развития, и придает первостепенное значение развитию науки и человеческого потенциала.

Стремясь играть роль катализатора в развитии науки, техники и инноваций в своих странах-членах, ИБР координирует свою деятельность с ведущими зарубежными образовательными центрами и университетами.

Таким образом, на основе меморандумов о взаимопонимании была разработана новая модель партнерства ИБР с десятью ведущими университетами во всех странах-бенефициарах.

Здравоохранение

В сфере здравоохранения за период с 1975 по 2018 гг. ИБР было реализовано 518 проектов на общую сумму в 3,8 млрд. долл. Приоритетными направлениями при выборе и финансировании проектов в этой сфере являются улучшение доступа населения к медицинским услугам, повышение качества медицинского обслуживания, профилактика и контроль инфекционных и незаразных болезней и др.

Разработка и финансирования проектов в области здравоохранения осуществляется ИБР в соответствии с Целями развития тысячелетия, к достижению которых стремится каждая из стран-участниц ИБР.

Информатика и телекоммуникации

В сфере информатики и телекоммуникаций за период с 1975 по 2018 гг. ИБР было профинансировано и реализовано 14 проектов на общую сумму в 0,9 млрд. долл.

Руководство ИБВ считает, что уровень развития информационно-телекоммуникационных систем и сетевых информационных технологий является важнейшей характеристикой информационного потенциала той или иной страны-участницы ИБР.

Проекты в этой сфере направлены на эффективное использование внутренних информационных ресурсов страны и на повышение степени ее вхождения в мировое информационное пространство, т.е. возможность использования мировых информационных ресурсов.

При выборе проектов в этой сфере учитывается уровень развития первичной сети связи данной страны и уровень развития сетевых информационных технологий.

Необходимо отметить, что оба указанных выше фактора взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Это означает, что более развитая и совершенная сеть связи позволяет использовать и более эффективные сетевые информационные технологии. В свою очередь, появление более совершенных технологий стимулирует общество к развитию сети связи.

Следует отметить, что проекты в этой сфере не столь масштабные, как в энергетических и промышленных отраслях.

Больше всего проектов в этой сфере было реализовано в Объединенных Арабских эмиратах – 11 проектов на общую сумму 116, 5 млн. долл.

Среди других стран ИБР, получивших финансовую поддержку на развитие информатики и телекоммуникаций, можно выделить Бангладеш (4 проекта стоимостью 107,3 млн. долл.); Габон (3 проекта стоимостью 45,1 млн. долл.); Иордания (3 проекта стоимостью 24,1 млн. долл.); Индонезия (3 проекта стоимостью 21,3 млн. долл.).

Сфера недвижимости

В сфере недвижимости за период с 1975 по 2018 гг. ИБР было профинансировано и реализовано 28 проектов на общую сумму в 0,4 млрд. долл.

Небольшое количество проектов в этой сфере связано со спецификой инвестиций в недвижимость по законам шариата. В мусульманском праве – существует такой термин как **вакуф**, которым обозначается имущество, переданное государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели.

В вакуф может входить как недвижимое, так и движимое неотчуждаемое имущество, но лишь приносящее пользу (доход). Лицо, передающее своё имущество в вакуф, называется учредителем вакуфа. В вакуф не могут передаваться деньги.

Реализацию проектов в сфере недвижимости ИБР осуществляет через специализированные трастовые и благотворительные фонды, которые входят в группу Исламского банка развития.

Группа Исламского банка развития: финансовые корпорации и инвестиционные фонды

В целях более эффективного привлечения и использования финансовых ресурсов банком было создано 11 специализированных дочерних организаций, финансовых корпораций и инвестиционных фондов, которые сформировали группу Исламского банка развития, к которой относятся:

- Исламский банк развития (ИБР) – Islamic Development Bank (IsDB), создан в 1974 г.;
- Трастовый фонд Вакуф – The Wakuf Charitable Foundation (WCF), образован в 1979 г.
- Исламский исследовательский и учебный институт (ИИУИ) – Islamic Research and Training Institute (IRTI), создан в 1981 г.;
- Исламская корпорация по страхованию инвестиций и экспортных кредитов (ИКСИЭК) – Islamic Corporation for the Insurance of Investment & Export Credit (ICIEC), создана в 1994 г.;
- Исламская корпорация по развитию частного сектора (ИКРЧС) – Islamic Corporation for the Development of the Private Sector (ICD), создана в ноябре 1999 г.
- Инфраструктурный фонд – I Исламского банка развития – Islamic Development Bank Infrastructure Fund – I (IDB Fund I), создан в 2001 г.
- Инвестиционный фонд вакуфного имущества (ИФВИ) – Awqaf Properties Investment Fund (APIF), основан в 2001 г.
- Исламский Фонд солидарности для развития (ИФСР) – Islamic Solidarity Fund for Development (ISFD), создан в 2006 г.
- Международная исламская торгово-финансовая корпорация (МИТФК) – International Islamic Trade Finance Corporation (ITFC), создана в 2008 г.[1]
- Инфраструктурный фонд-II Исламского банка развития – Islamic Development Bank Fund II (IDB Fund II), создан в 2014 г.

[1] Андрианов В.Д. Особенности деятельности Исламского банка развития / Внешэкономбанк. 2012.

• Фонд трансформации науки, технологий и инноваций (Трансформ) – Science, technology and innovation Found (STIF) – «Transform»,

Следует отметить, что стоящие перед мусульманскими странами задачи социально-экономической трансформации решаются, в том числе и путем создания целевых инвестиционных фондов и финансовых корпораций, различающихся своей организационной структурой, функциональной и отраслевой направленностью.

Фонды развития и финансовые корпорации ИБР создавались как при финансовых институтах развития, так и в качестве независимых (государственных или частно-государственных) специализированных учреждений для стимулирования экономического роста и финансирования инвестиционных проектов по модернизации приоритетных отраслей экономики и инфраструктуры мусульманских стран.

Фонды ИБР являются источником кредитных ресурсов, привлекаемых в качестве уставного капитала за счет взносов организаторов, на заемной основе или на специальных условиях.

Долевое участие ИБР в различных фондах колеблется в широких диапазонах в зависимости от целей создания и возможности привлечения соинвесторов.

Некоторые фонды могут предоставлять финансовые ресурсы под инвестиционные проекты на льготной или безвозмездной основе.

Как правило, ИБР выступает в качестве управляющей компании создаваемых фондов.

При создании и финансировании специализированных исламских фондов используется механизм государственно-частного партнерства.

Использование фондов для финансирования проектов развития с привлечением частных партнеров позволяет ИБР:

• увеличить портфель проектов по сравнению с возможностями отдельно взятого института развития;

• диверсифицировать риски;

• более эффективно собирать информацию о местных рынках и опыте реализации проектов в мусульманских странах.

Поскольку стороны заинтересованы в совместных успешных результатах, финансирующая сторона через соответствующие фонды также оказывает широкий спектр консультационных услуг и поддержку на всех этапах подготовки и реализации инвестиционных проектов.

Трастовый фонд Вакуф

Одной из первых дочерних структур ИБР стал Фонд Вакуф, образованный в 1979 г. Фонд является благотворительным фондом доверительного управления, он был создан с целью помощи мусульманским общинам и организациям в странах, не являющихся акционерами ИБР, а также наименее развитым странам-участникам.

Позднее в Вакуфный фонд из ИБР были переведены и консолидированы специальные счета помощи мусульманским общинам в разных странах мира.

В том числе – счет помощи наименее развитым странам – 1195,7 млн. долл., специальный счет помощи – 230,7 млн. долл. и резервный счет – 79,8 млн. долл.

Акцент в деятельности фонда делается на развитие социального сектора, сферы образования, здравоохранения и др.

На конец 2007 г. активы Фонда Вакуф составили 939,9 млн. долл., к 2011 г. они возросли до 1,3 млрд. долл. и в 2019 г. увеличились до 1,6 млрд. долл.[1]

Исламский исследовательский и учебный институт (ИИУИ)

Исламский исследовательский и учебный институт (ИИУИ) был создан в 1981 г. с целью повышения уровня образованности и роста профессиональной квалификации населения мусульманских стран.

Кроме того, в качестве новой инициативы для наименее развитых стран-членов в середине 80-х годов прошлого столетия Институтом была реализована совместная программа стипендий, финансируемая исламским институтом с целью сокращения масштабов нищеты.

По состоянию на начало 2019 г. финансовую поддержку получили около 17 тыс. студентов и ученых из стран-членов ИБР и 52 мусульманским общинам в странах, не являющихся членами. Общий объем финансирования образовательных программ составил 134 млн. долл.

Финансирование и реализация образовательных программ и программ профессиональной подготовки кадров позволили многим мусульманским странам снизить уровень безработицы, повысить производительность труда.

Исламская корпорация страхования инвестиций и экспортного кредитования (ИКСИЭК)

ИКСИЭК была основана в 1994 г. с целью развития и диверсификации внешнеэкономических связей между странами-участниками ИБР.

В дальнейшем сфера деятельности корпорации была расширена за счет содействия росту экспорта, привлечения прямых иностранных инвестиций, содействия распространению исламских принципов в международной торговле и страховании.

[1] https://islamtoday.ru/ekonomika/islamskij_bank_razvitiya_funkcii_vidy_deyatelnosti/

В целях исполнения своей миссии корпорация активно сотрудничает со специализированными учреждениями стран-членов, прежде всего с агентствами кредитования экспорта, и предлагает широкий набор инструментов контроля предпринимательских рисков как относящихся к категории страхования, так и имеющих характер перестрахования.

Руководство корпорации в своей деятельности придерживается принципа непринятия к страховой защите коммерческих контрактов, условия которых идут вразрез с нормами шариата как в части товарной номенклатуры, так и в отношении доходов в виде заранее установленных процентов.

Инфраструктурный фонд Исламского банка развития (ИФ ИБР – I)

Инфраструктурный фонд ИБР был основан в 2001 г. для модернизации и развития транспортной, логистической, промышленной и энергетической инфраструктуры в мусульманских странах.

Фонд был создан совместно с Азиатским банком развития (АБР) для привлечения частных инвесторов в реализацию инфраструктурных проектов, реализуемые по схеме частно-государственного партнерства в 12 странах – участниках обеих организаций, используя финансовые ресурсы ИБР и АБР.

Совокупный капитал совместного фонда составил 750 млн долл. За время работы фонда было профинансировано инфраструктурных проектов на общую сумму в 6 млрд. долл. При этом вклад АБР составил 3,5 млрд. долл., вклад ИБР – 2,5 млрд. долл.

Инвестиционный фонд вакуфного имущества (ИФВИ)

Инвестиционный фонд вакуфной недвижимости был основан в 2001 г. с целью финансирования программ социального, экономического и финансового характера в странах-участниках ИБР, а также для мусульманских сообществ в странах, не являющихся участниками, в соответствии с принципами шариата.

Для финансирования реализации проектов для фонда была открыта кредитная линия ИБР в размере 100 млн. долл., а также пул технической поддержки в размере 200 тыс. долл.

В период 2001–2012 гг. фонд профинансировал 47 проектов в 32 странах-членах ИБР, общей стоимостью 1,18 млрд. долл.

Исламская корпорация по развитию частного сектора (ИКРЧС)

Основными целями создания в 1999 г. нового исламского института развития была необходимость модернизации частных предприятий, создание новых рабочих мест, стимулирование экспорта, поддержка развития местного рынка капиталов.

В настоящее время акционерный капитал корпорации составляет 4 млрд. долл. Основными акционерами ИКРЧС является Исламский банк развития, 57 исламских государств и 4 государственных исламских института развития.

Корпорация реализует собственные программы поддержки малого и среднего бизнеса в странах-членах посредством непрямого финансирования через местные банки и специализированные финансовые учреждения.

Корпорация финансирует проекты экологического развития посредством прямого участия в капитале через покупку голосующих акций, осуществляет долговое проектное финансирование.

Отбор проектов для финансирования ИКРЧС осуществляется в соответствии с ожидаемой социально-экономической эффективностью реализации проекта.

Как правило, принимается во внимание планируемое увеличение количества создаваемых рабочих мест, рост экспорта товаров и услуг, развитие экспортной инфраструктуры и др.

Для реализации проектов в частном секторе ИКРЧС способствует привлечению финансовых ресурсов с мирового рынка капитала, используя широкий инструментарий внешнего финансирования.

Корпорация представляет широкой спектр консалтинговых услуг, в том числе разрабатывает проекты финансовых реформ для заинтересованных государственных органов, консультирует по вопросам проведения приватизации, секьюритизации активов, рефинансирования просроченной задолженности и др.

Для частных инвесторов корпорация предлагает консультационную поддержку в области бизнес-планирования и создания схем исламского финансирования и развития инфраструктуры исламских финансовых рынков.

Исламский Фонд солидарности для развития (ИФСР)

Фонд был основан в 2006 г. с целью борьбы с бедностью, неграмотностью, болезнями и эпидемиями в странах-участниках, особенно в мусульманских странах Африки. Первоначально планировалось привлечь для финансирования проектов в указанных сферах из различных источников 2,6 млрд. долл.

Первые проекты начали финансироваться и реализовываться в январе 2008 г. Фондом были инициированы и реализованы две масштабные программы – Профессиональная программа ликвидации безграмотности с целью снижения уровня бедности и Программа поддержки микрофинансирования в Африке.

К концу 2011 г. вклады в Фонд стран-участниц достигли 1,633 млн долл., при этом 400 млн долл. были предоставлены ИБР и 1,233 млн долл., пришлись на страны-участницы.

Руководство ИФСР планирует до 2020 г. привлечь для финансирования и реализации проектов в указанных сферах от банка и стран-членов капитал в размере до 10 млрд. долл.

Международная исламская торгово-финансовая корпорация (МИТФК)

Создание корпорации в 2008 г. было обусловлено необходимостью стимулировать развитие внешней торговли и внешнеэкономических связей мусульманских стран.

В финансировании инвестиционной деятельности корпорации принимают участие правительства стран-членов, торгово-промышленные палаты, ассоциации бизнесменов, экспортно-импортные банки, клубы экспортеров и другие юридические лица.

В рамках реализации программы «Помощь в интересах торговли для арабских государств» был реализован ряд проектов по совершенствованию функционирования таможенных служб, в том числе внедрение электронных систем для таможенного оформления грузов, повышение эффективности управления границами и др.

Кроме того, были реализованы пилотные проекты по совершенствованию процесса совместного управления таможенными пунктами между Суданом и Египтом, а также между Иорданией и Саудовской Аравией.

Корпорация совместно с профильными международными организациями оказывает финансовую поддержку в проведении научных исследований в сфере использования и влияния нетарифных мер ограничения торговли на экономику и внешнеэкономические связи отдельных мусульманских стран.

Инфраструктурный фонд-II Исламского банка развития (ИБР Фонд II)

Одним из последних финансовых институтов, созданных в рамках группы ИБР, является Инфраструктурный Фонд-II.

Фонд был основан в 2014 г. и приурочен к 40-летию со дня учреждения Исламского банка развития. Инфраструктурный фонд-II является одним из крупнейших фондов прямых инвестиций, совокупный капитал которого составил 2 млрд. долл.

Среди основных учредителей фонда – Государственное пенсионное агентство и Государственный инвестиционный фонд Королевства Саудовская Аравия, Министерство финансов Королевства Бахрейн, Министерство финансов Султаната Бруней-Даруссалам и др.

В соответствии с лучшей мировой практикой деятельности банков развития Фонд значимую часть инвестиций направляет на развитие инфраструктуры.

Инвестиционной стратегией нового Фонда предусмотрена приоритетная реализация проектов в ведущих инфраструктурных отраслях – энергетике, связи и телекоммуникациях, транспорте и логистике.

Кроме того, среди приоритетов обозначены нефтегазовая, нефтеперерабатывающая, нефтехимической промышленности, производство стали и алюминия, банковская сфера и финансовые услуги. Планируется также финансировать проекты в социальной сфере – здравоохранении, образовании и др.

В инвестиционном портфеле Инфраструктурного Фонда-II на проекты по производству, генерации, транспортировки и передачи электроэнергии, повышение надежности и доступности ее источников приходится 47% общих инвестиций, на развитие и модернизацию транспортной инфраструктуры – 30%.

Фонд оказывает не только финансовую, но и техническую поддержку странам-членам, таким как Мавритания, Мальдивы, Таджикистан, Узбекистан, Турция, Джибути.

Новый Инфраструктурный фонд-II представляет собой уникальную инвестиционную платформу, сочетающую в себе финансовую мощь и авторитет Группы ИБР с опытом членов международной управленческой команды, способных реализовывать крупные проекты с высокой доходностью и эффективностью.

Для управления активами многоцелевого фонда инвесторами-учредителями была основана управляющая компания «ASMA Capital Partners B.S.C», штаб-квартира которой находится в Королевстве Бахрейн.

Компания привлекает капитал крупных пенсионных фондов, глобальных институциональных инвесторов, желающих вложить свой капитал в инфраструктурные проекты в мусульманских странах в целях диверсификации инвестиционного портфеля и обеспечения устойчивой доходности.

Следует отметить, что в настоящее время страны-члены ИБР сталкиваются с ежегодным дефицитом финансирования проектов в области инфраструктуры, который оценивается в размере 200 млрд. долл.

В этой связи для расширения кредитного портфеля ИБР диверсификации источников финансирования инфраструктурных проектов в 2019 г. руководство ИБР подписало меморандум о взаимопонимании в целях стратегического сотрудничества и софинансирования проектов в инфраструктурных отраслях с Азиатским банком инфраструктурных инвестиций (АБИИ).

Документ получил название «Мобилизация финансирования для инновационного сотрудничества в сфере инфраструктуры».

Стратегические и приоритетные сферы сотрудничества, обозначенные в документе, включают развитие чистой, возобновляемой и устойчивой энергетики, модернизацию транспорта и телекоммуникаций, сельской инфраструктуры, в том числе водоснабжения и канализации, защиту окружающей среды, развитие городов и сферу логистики[1].

[1] https://www.ranepa.ru/ciir/news/aziatskij-bank-infrastrukturnyh-investicij-i-gruppa-islamskogo-banka-razvitiya-namereny-aktivizirovat-sotrudnichestvo-v-sfere-ustojchivoj-infrastruktury

Предполагается, что Инфраструктурный фонд-II сможет мобилизовать в общей сложности до 24 млрд. долл. инвестиций на финансирование масштабных проектов развития в странах-членах ИБР и странах, имеющих значительные мусульманские общины.

Фонд трансформации науки, технологий и инноваций («Трансформ»)

Одним из последних Исламский банк развития в 2017 г. учредил специализированный фонд Трансформации науки, технологий и инноваций – «Трансформ».

Целью создания фонда является обеспечение доступа к финансированию ученых, исследователей, предприятий малого бизнеса (МСП) для реализации инновационных проектов, стартапов, коммерциализации новаторских идей и развития человеческого капитала.

Как правило, коммерциализация инноваций и создание новых технологий осуществляется на основе партнерских связей между исследователями, учеными и предпринимателями.

В результате такой кооперации новаторские идеи воплощаются в реальные решения в области инновационного развития и позволяют молодым ученым и исследователям реализовать и коммерциализировать свой творческий потенциал.

Чтобы объединить усилия ученых, исследователей и предпринимателей фонд «Трансформ» запустил в 2018 г. проект по созданию онлайн-платформы – «Engage» (от англ. привлечь), которая призвана дать возможность найти партнеров и получить финансирование для реализации инновационных проектов и их последующей коммерциализации.

Платформа «Engage» станет эффективной онлайн-средой для взаимодействия с большой сетью всех заинтересованных сторон. Через платформу «Engage» планируется создать глобальную инновационную экосистему для развивающихся стран и прежде всего для стран-членов ИБР и стран с крупными мусульманскими общинами.

В 2018 г. фондом было организовано «роадсшоу» по странам-членам ИБР с целью ознакомления о потенциальных возможностях финансирования стартапов и инновационных проектов.

Капитал фонда «Трансформ» при основании составлял 500 млн. долл. В дальнейшем планируется привлекать дополнительные источники финансирования, в том числе на рынке капитала и венчурных фондов.

Деятельность Группы Исламского банка развития в России

В настоящее время в России самый большой опыт в рамках взаимодействия с исламскими финансовыми институтами развития накоплен в Татарстане, где фактически заложен фундамент отечественной исламской финансовой системы.

В 2009 г. в Казани состоялся первый Международный экономический саммит России и стран Организации исламского сотрудничества (ОИС). Саммит получил название – «KazanSummit» и стал ежегодным**.**

Целью саммита было определение основных направлений сотрудничества в экономической и финансовой сфере России и странами-членами ОИС и определение механизмов взаимодействия.

Практическим результатом саммита было решение о создании в России Фонда развития исламского бизнеса и финансов (ФРИБФ) – Islamic business and Finance development Fund (IBFDF).

Фонд развития исламского бизнеса и финансов

Фонд был образован 2 февраля 2010 г. Целью создания Фонда провозглашалось «развитие, укрепление и совершенствование исламского бизнеса и финансов на территории Российской Федерации и стран СНГ».

Президентом фонда является Якупов Линар Габдельнурович, советник премьер-министра Республики Татарстан по вопросам взаимодействия с исламскими финансовыми институтами, президент Ассоциации региональных инвестиционных агентств

Перед Фондом поставлены задачи внедрения в практику разработанных механизмов функционирования исламских финансовых институтов, создание системы взаимоотношений мусульманского бизнеса и бизнес-сообществ России, стран СНГ и других государств, решения социальных и экономический задач российского общества методом внедрения исламских этических принципов ведения бизнеса.

В деятельности фонда можно выделить три основных направления:

- развитие и применение исламских финансовых инструментов в России с странах СНГ;
- развитие этичного бизнеса, в частности халяль индустрии;
- международное образование в области экономики, финансов и банкинга.

В 2017 г. Фонд развития Исламского бизнеса и финансов получил престижную награду «The bizz 2017», которую присуждает Всемирная конфедерация бизнеса.

Фонд признан лидером в области управления бизнесом, качества предоставления финансовых услуг, внедрения инноваций и системы корпоративной и социальной ответственности.[1]

В настоящее время Фонд считается основным центром компетенции для развития исламского бизнеса и финансов в России.

[1] https://vsetreningi.ru/kazan/organizers/nekommercheskiy_fond_razvitiya_islamskogo_biznesa_i_finansov/#ixzz614bVjSI4

В перспективе Фонд планирует оказать содействие созданию в Казани свободной экономической зоны, на территории которой начнут функционировать исламские финансовые организации.

По мнению экспертов по-прежнему основным препятствием для развития исламских финансов в России являются несовершенство существующей нормативно-правовой базы, которая не адаптирована к специфике международного исламского банкинга.

Тем не менее, очевидно, что уже в ближайшем будущем в России могут появиться банки, работающие по исламским принципам.

В России подготовка к выпуску первых исламских облигаций началась в 2011 г. Однако эмитенты столкнулись с серьезными проблемами юридического характера. Официальное разрешение на государственную регистрацию выпуска неконвертируемых процентных документарных облигаций на предъявителя было получено от Банка Россия только в августе 2017 г.

В 2017 г. при финансовой и экспертной помощи фонда в Татарстане был организован первый в России технический выпуск исламских облигаций – сукук.

Объём выпуска был небольшой и составил всего 1 млн. рублей. Облигации имели срок погашения 62 дня и размещались по закрытой подписке.

Система стратегического управления и организационная структура Исламского банка развития

Свою деятельность ИБР планирует и осуществляет на основе долгосрочной корпоративной стратегии. В 2007 г. была запущена программа реформирования деятельности ИБР.

Программа реформ предусматривала несколько этапов. В частности, на первом этапе реформы были направлены на трансформацию ИБР в эффективный и действенный финансовый институт развития, функционирующий по законам шариата и компетенции знаний.

На следующем этапе реформ, в деятельность ИБР в 2010 г. была успешно внедрена авторизированная система управления внутренними процессами банка – такими как бухгалтерский учет, управления финансами, человеческим капиталом и др. Система была разработана и внедрена на базе технологий и методологий SAP[1].

Кроме того, в плане совершенствования системы стратегического управления, долгосрочного планирования и бюджетирования в ИБР была внедрена методология системы сбалансированных показателей (ССП).

В соответствии с данной методологией для визуализации стратегии и ее основных задач используется стратегическая карта. Для мониторинга поставленных целей и хода реализации стратегии используется набор финансовых и нефинансовых показателей, стратегические инициативы.

С целью оценки и своевременного снижения кредитного, рыночного и операционного рисков в ИБР была разработана и внедрена система управления рисками.

Постоянный мониторинг финансовой устойчивости, кредитоспособности стран-членов и других заемщиков позволяет эффективно управлять кредитными рисками ИБР.

Особое внимание руководством ИБР уделяется суверенным рискам и риску ликвидности. Для этого в ИБР внедрена система ограничений и лимитов по значениям вышеуказанных рисков, система внутреннего контроля над эффективностью деятельности риск-менеджмента ИБР. С целью совершенствования системы управления рисками периодически к работе привлекаются внешние консультанты.

Совместно с Всемирным банком (МБ), Африканским банком развития (АБР) и Азиатским банком развития (АзБР) руководством ИБР были разработаны и успешно реализованы инициативы по повышению эффективности деятельности банка и увеличению его вклада в развитие стран-членов ИБР.

В новой стратегии развития банка была поставлена задача, в соответствии с которой к 2020 г. ИБР должен стать банком развития мирового уровня, функционирующим в соответствии с законами шариата, влияющим в значительной степени на устойчивое развитие человеческого потенциала в мусульманских странах.

В своей стратегии ИБР стремится помочь своим странам-членам в их усилиях по достижению глобальной повестки дня ООН в области развития на период до 2030 г. и целей устойчивого развития.

Основными задачами в рамках этих стратегических целей являются – сокращение масштабов бедности, повышение продовольственной безопасности и справедливое развитие сельского хозяйства в мусульманских странах.

Стратегическими драйверами экономического роста стран-членов ИБР в ближайшее десятилетие призваны стать образование, наука, технологии и инновации.

Эта цель закреплена в стратегии развития ИБР на текущий десятилетний период и в пятилетней программе реформ Президента банка, одобренных на ежегодном заседании совета директоров ИБР.

Программа реформирования ИБР включает комплекс мероприятий, направленных на повышение эффективности деятельности ИБР в таких областях как:

- операционная политика;
- система управления человеческими ресурсами;

[1] «SAP AG» (Systems, Applications and Products in Data Processing) – ведущая немецкая компания в области разработки автоматизированных систем управления внутренними процессами компаний, предприятий, банков и др. Кроме поставок программного обеспечения, фирма предлагает услуги по его внедрению, используя для этого собственную методологию, получившую название SAP. В 2011 г. ИБР победил в конкурсе проектов внедрения продуктов SAP в регионе Ближнего Востока и Северной Африки (SAP Quality Awards Golden Prize).

- система управления знаниями;
- оптимизация бизнес-процессов;
- модернизация IT-инфраструктуры;
- совершенствование планов работ самостоятельных структурных подразделений и системы распределения ресурсов между ними.

Организационная структура управления ИБР

В результате реализации инициатив по реформированию ИБР были сформулированы приоритетные направления совершенствования организационного дизайна ИБР.

В частности, была доработана и внедрена новая организационная структура ИБР, система оценки эффективности деятельности персонала, основанная на результатах, приведена в соответствие с системой оценки мотивации персонала.

В новой организационной структуре высшими коллегиальными органами управления ИБР остался Совет управляющих и Совет директоров. Страны-участницы ИБР участвуют в управлении банком через своих представителей в этих руководящих органах.

На заседаниях Совета управляющих обсуждаются вопросы стратегии развития ИБР, увеличение и изменение акционерного капитала банка и его страновое распределение.

Утверждается годовая финансовая и нефинансовая отчетность банка, распределение прибыли, предоставления грантов, назначения членов Совета директоров.

Совет директоров ИБР состоит из 18 членов. Половина состава Совета директоров формируется из представителей стран-членов с наибольшей долей в капитале ИБР и соответственно голосующих голосов, оставшаяся половина назначается Советом управляющих.

Текущую поддержку работы Совета директоров обеспечивают комитеты:

- по административным вопросам;
- по аудиту;
- по финансовым вопросам;
- кредитный комитет.

Основной целью деятельности Совета директоров и постоянно действующих комитетов является мониторинг и контроль за ходом реализации стратегии банка, финансовых показателей деятельности и плана его реформирования.

Постоянно действующими органами при Совете директоров является Департамент внутренней оценки и Экспертный совет шариата.

Оперативной деятельностью банка руководит Президент ИБР. В настоящее время эту должность занимает бывший министр по делам хаджа Саудовской Аравии доктор Бандар Хаджар (Bandar M.H. Hajjar).

Численность персонала ИБР увеличилась с 819 сотрудников в 2012 г. до 932 человек в 2019 г.

Система оценки эффективности деятельности ИБР

Основным критерием оценки деятельности банков развития является показатель финансовой устойчивости и социально-экономическая эффективность реализации инвестиционных проектов.

ИБР является участником международной системы оценки эффективности деятельности банков развития (COMPAS). На базе рекомендаций этой организации в ИБР было разработано и внедрено «Руководство по оценке результатов деятельности банка».

В документе приведена методология и алгоритм оценки завершенных проектов, программ и отдельных операций, финансируемых ИБР. Система оценки результатов деятельности ИБР осуществляется на разных уровнях и в несколько этапов.

На первом этапе Департаментом операционной политики банка осуществляется внутренняя оценка, с целью отбора проекта, предварительной оценки его возможной бюджетной и социально-экономической эффективности. Далее осуществляется мониторинг хода реализации проекта, готовится отчет о его выполнении.

На стадии завершения реализации проекта Группой внутреннего контроля и аудита ИБР выпускается Отчет о соответствии, в котором определяется соответствие параметров финансирования проекта с параметрами, первоначально заявленными на этапе его одобрения.

На следующем этапе определяется социально-экономическая эффективность реализации проекта, его вклад в развитие экономики страны, где проект был реализован. Оценка осуществляется Департаментом инвестиционной политики.

Комплексная оценка социально-экономической эффективности проекта проводится в течение двух лет, с момента его завершения на основании отчета о его реализации, выездных инспекций независимых экспертиз и др.

В результате оценивается вклад реализованного проекта в развитие той или иной отрасли, рост бюджетных поступлений, увеличение занятости, влияние на экономику в целом, социальные эффекты. Оцениваются релевантность и эффективность инвестиций банка.

При оценке эффективности реализации проекта используются международные методики и балльная система. Баллы начисляются в соответствии с унифицированными показателями оценки по таким критериям как релевант-

ность, эффективность, продуктивность, устойчивость. Максимальное количество баллов по каждому критерию не может превышать 5.

Например, выбранная отрасль для реализации проекта входит в перечень приоритетных отраслей развития экономики страны (1 балл). Проект соответствует стратегической повестке дня Группы ИБР (1 балл). Проект вносит значительный вклад в развитие определенного товарного рынка (1 балл).

В зависимости от результатов оценки проект может быть квалифицирован как:

- высоко успешный (17–20 баллов);
- успешный (13–16 баллов);
- частично успешный (7–12 баллов);
- безуспешный (0–6 баллов).

Особенности исламского банкинга

Многие эксперты выделяют исламский банкинг в отдельную финансовую систему со своими принципами функционирования на основе законов шариата.

Главным отличием исламского банкинга от традиционной модели банковского кредитования является отказ от применения ссудного процента (по-арабски «риба»).

Поскольку по законам шариата деньги не являются товаром, поэтому требовать плату за их предоставление в долг считается нарушением норм исламской морали.

Мусульмане считают, что взимание процентов на ссудные деньги является несправедливой эксплуатацией и может негативно влиять на общественное благосостояние.

Поэтому ростовщичество запрещено правовыми и моральными нормами, установленными в Коране и хадисах. Действие этих законов и правил распространяются только на мусульман.

Таким образом исламская банковская система основывается не на ссудном проценте, а на принципе раздела прибыли от торговли и инвестиций между кредитором и заемщиком. Таким образом понятие «процента» заменяется на понятие «доля прибыли».

Фактически ссудная, кредитная основа банковского бизнеса заменяется на инвестиционную, что по сути соответствует принципам деятельности банков развития.

Как правило, исламский банк открывает счета, на которых аккумулирует средства вкладчиков. Этими средствами банк финансирует инвестиционные и торговые и иные проекты предпринимателей.

Однако вместо традиционного процента на вклад или депозит в соответствии с законами шариата клиент банка делит полученную прибыль от коммерческих сделок с банком, а тот в свою очередь с вкладчиками банка.

Вторым основополагающим принципом исламского банкинга является обоюдная ответственность партнеров за финансовые риски от коммерческой деятельности, т.е. метод разделения прибылей и убытков.

Существенным отличием исламского банкинга от традиционного является превалирование в нем этических норм над коммерческой составляющей. Получение дохода является не прямой, а лишь опосредованной целью ведения финансовой деятельности.

Но, пожалуй, главной характерной особенностью исламского банкинга является его социальная составлявшая.

Это выражается в существовании специальных финансовых инструментов и финансовых услуг для бедных, малоимущих граждан, в реализации благотворительных проектов, льготного финансирования и др. [1]

В частности, для таких категорий граждан в исламских банках открывают специальные счета**,** которые имеют более льготные условия обслуживания.

Следует отметить еще одну особенность исламского бизнеса. Исламским банкам и другим финансовым институтам запрещено финансирование, в том числе долговое в сферы бизнеса, связанного с определенными отраслями, которые не приемлет ислам.

К таким сферам легального бизнеса, как правило, относится производство и продажа алкоголя, табака, торговля оружием, азартные игры (в том числе лотерея), шаманство, колдовство, проституция, распространение порнографии и др.

В этой связи во многих исламских банках и других финансовых структурах предусмотрено создание Шариатских советов, призванных определять, не оскорбляет ли финансовая деятельность этих компаний исламскую религию.

Следует отметить, что среди ученых-экономистов и финансовых экспертов нет единого мнения о соблюдении исламскими банками принципов мусульманского права, в процессе их деятельности, банковского надзора и регулирования.

Ряд ученых считают, что в современном исламском банкинге ссудный процент часто попросту маскируется под доходы от финансовых операций исламских банков.

Другие эксперты считают, что такие мусульманские страны как Саудовская Аравия и Египет отошли от метода разделения прибылей и убытков как основополагающего принципа исламского банкинга.

Существуют и совсем радикальные точки зрения, которые подвергают сомнению само положение Корана о запрете процентных ставок.

[1] Журавлев А.Ю. Концептуальные начала исламской экономики. Исламские финансы в современном мире: экономические и правовые аспекты / Под ред. Р.И. Беккина. – М.: Умма, 2004.

Финансовые инструменты с исламской спецификой

В своей инвестиционной деятельности ИБР и другие исламские банки используют широкий спектр различных финансовых инструментов с исламской спецификой.

Принципы шариата распространяются практически на все виды банковских операций и финансовые услуги, в том числе банковские кредиты, депозиты, выпуск ценных бумаг, создание паевых и специализированных фондов, гарантийные операции, открытие аккредитивов, денежные переводы, торговлю иностранной валютой и др.

Беспроцентные банковские кредиты (кар-аль-хасан)

Что касается обычных банковских кредитов, то ИБР как и все исламские банки формально предоставляет их без взимания процентов. Беспроцентные ссуды и кредиты называются кар-аль-хасан.

Однако при предоставлении кредита на практике обычно предусматриваются специальные сборы в размере около 2,5% от стоимости кредитов, которые идут на покрытие административных расходов по обслуживанию кредита.

Кроме того, на практике клиент банка, возвращая полученные деньги, может выплатить банку определенную сумму в виде добровольных премиальных (хиба).

Исламские ценные бумаги – исламские облигации (сукук)

Современные исламские ценные бумаги суверенные и корпоративные возникли как долговой финансовый инструмент для привлечения средств на мировом рынке капитала, для реализации инвестиционных проектов, не нарушая принципы ислама.

Инициатором и организатором выпуска и размещения первых исламских ценных бумаг – облигаций – сукук[1] был Исламский банк развития.

Первый выпуск трех видов сукук был зарегистрирован в 2000 г. и позволил привлечь 336 млн. долл. К 2006 г. общий объем размещения сукук на международных рынках капитала оценивался в 27 млрд. долл., в 2007 г. этот показатель превысил 35 млрд. долл.

Своего пика эмиссия сукук достигла в 2012 г. и составила рекордные 150 млрд. долл. В последующие годы динамика роста рынка исламских облигаций несколько замедлилась. В 2016 г. общий выпуск составил 85 млрд. долл., в 2017 г. – 95 млрд. долл., из которых 50 млрд. долл. приходилось на суверенные (выпущенные государством) сукук[2].

В 2018 г. мировой объем выпуска сукук возрос до 148 млрд. долл., что было обусловлено высокой потребностью в долговом финансировании и желании диверсифицировать источники привлечения инвестиций со стороны многих мусульманских стран, в том числе стран-членов ИБР.

Кроме того, на рост рынка исламских облигаций оказывает влияние появление новых эмитентов и использование исламских ценных бумаг для финансирования масштабных инфраструктурных проектов.

Большинство ценных бумаг сукук торгуются на внебиржевом рынке между институциональными клиентами. Цена на сукук зависит от уровня ставок, ликвидности, срока погашения кредитного и прочих факторов риска.

В настоящее время на долговом рынке обращается 14 видов исламских облигаций, в том числе – сукук аль мукарада, сукук аль иджара, сукук аль ширкат, сукук аль салям, сукук аль истисна и др.).

Кроме суверенных, корпоративных облигаций в последние годы появились гибридные сукук, этические, социально-ответственные сукук и др.).

Целый ряд успешных выпусков в последние годы исламских облигаций во многих мусульманских странах и на мировом рынке на десятки миллиардов долларов свидетельствуют об их высокой надежности и ликвидности, востребованности на финансовом рынке, в том числе институциональными инвесторами.

Одним из мировых лидеров по выпуску и торговле суверенными и корпоративными облигациями – сукук является Малайзия.

Первая эмиссия трастовых сертификатов сукук аль иджара была осуществлена в 2002 г. За счет выпуска этих ценных бумаг правительству страны удалось привлечь 600 млн. долл.

В 2014 г. объем продаж исламских облигаций в Малайзии составил 13,8 млрд. долл. – больше, чем в Саудовской Аравии (9 млрд. долл.) и в США (500 млн. долл.).

В 2017 г. Малайзия разместила на рынке суверенных сукук ценных бумаг на общую сумму 7,7 млрд. долл. (данные на август месяц)[3].

Одной из финансовых новаций в Малайзии стала эмиссия этических, социально-ответственных сукук, выпуск которых предназначен для благотворительных целей и решение социальных проблем в мусульманских странах.

Этот новый финансовый инструмент в наибольшей степени отвечает основополагающим принципам, провозглашенных Кораном, где, в частности, сказано – «любое достояние должно использоваться на благо общества…».

---

[1] Еще в Средневековье мусульмане активно использовали сукук (множественное число от арабского слова «сакк»), в качестве юридического документа, договора, расписки, квитанции, представляющих собой финансовые обязательства, возникающие в процессе, обмена, торговли и других видов коммерческой деятельности. Сукук – аналог европейскому чеку или векселю.

[2] «Sovereign Sukuk issuance gains momentum, with new players entering the market», Moody's Investors Service, December, 2017.

[3] Securities Commission Malaysia. – http://www.sc.com.my

Местные и иностранные инвесторы могут покупать и продавать традиционные и специфические исламские долговые инструменты на мировых и страновых биржевых площадках и на внебиржевых рынках.

Крупные мировые эмитенты международные и инвестиционные банки, транснациональные корпорации, такие как «Всемирный банк», «Goldman Sachs», «General Electric» и др. в последние годы стали активно используют выпуск исламских облигаций сукук для привлечения средств с мирового рынка капитала. Поэтому в ближайшем будущем следует ожидать роста рынка исламских облигаций.

Производные исламские ценные бумаги (деривативы)

Деривативами называют финансовые инструменты, которые выпускаются на базе традиционных видов ценных бумаг – акций, облигаций, а также договоры или контракты на покупку или обмен различными активами, в том числе в виде иностранной валюты, товаров и др.[1]

В настоящее время на мировом финансовом рынка капитала основными производными финансовыми инструментами являются **опционы** (options), **варранты** (warrants), **фьючерсы** (futures), **форварды** (forwards), **свопы** (swaps) и др.

В частности, в практике исламского банкинга аналогом **форвардов**, контрактов на будущую поставку различных активов (товаров, валюты, ценных бумаг, и др.) по зафиксированной цене является бай салам (Bai Salam). При этом покупатель производит оплату в момент заключения сделки, а поставка будет произведена однократно в оговоренный момент в будущем. Этот финансовый инструмент с исламской спецификой активно используется для выпуска производных финансовых инструментов для секьюритизации активов банков и крупных компаний.

Торговое финансирование (мурабаха салям)

Исламская схема торгового финансирования (мурабаха салям) основана на использовании инвестиционных депозитов. Схема инвестиционных депозитов была впервые введена в ИБР в 1980 г. и представляет собой краткосрочные финансовые инструменты, предоставляемые клиентам, участвующим в деятельности по финансированию внешней торговли.

В частности, схема мурабаха позволяет покрывать потребности заемщика в оборотных средствах для закупок товаров, сырья, полуфабрикатов и др.

Минимальный размер инвестиционного депозита составляет 250 тыс. долл. и принимается как от правительства, государственных учреждений, так и от юридических и физических лиц.

Депозиты принимаются только в исламских динарах, американских долларах и саудовских риалах. Финансирование закупок может быть предоставлено банком на срок до 24 месяцев[2].

Разновидностями финансирования торговых операций в исламском банкинге являются – муаджал, истисна, мусавама и др.

Кроме Исламского банка развития для поддержки роста взаимной торговли мусульманских стран другие финансовые институты развития разработали и используют свои схемы поддержки экспортно-импортных операций.

В частности, Арабский банк экономического развития в Африке (АБЭРА)[3] использует специальные схемы экспортного финансирования, в том числе гранты и льготные кредиты для содействия выхода компаний на зарубежные рынки.

Финансовая поддержка ИБР и других исламских банков в форме торгового финансирования способствует развитию международной торговли и торгово-экономического сотрудничества мусульманских стран.

Создание специализированных инвестиционных фондов и финансовых корпораций (мударib)

Стоящие перед мусульманскими странами задачи социально-экономической трансформации решаются в том числе и путем создания целевых инвестиционных фондов и финансовых корпораций, различающихся своей организационной структурой, функциональной и отраслевой направленностью.

Для создания и управления специализированными фондами и привлечения инвестиций в исламском банкинге используется особый вид финансирования, который называется мударib (Mudarib).

Этот вид финансирования используется для привлечения коллективных инвестиций при проведении андеррайтинга финансовых инструментов и управления соответствующими потоками капитала, в том числе в форме секьюритизации активов.

В частности, по такой схеме при ИБР были созданы и функционируют Инвестиционный фонд вакуфного имущества (ИФВИ), Исламский Фонд солидарности для развития, Инфраструктурный фонд-II Исламского банка разви-

---

[1] Согласно определению международных стандартов финансовой отчетности (МСФО-32), деривати – это финансовый инструмент, договор, в котором одновременно возникают финансовый актив у одной стороны и финансовое обязательство или долевой инструмент – у другой.

[2] https://islamtoday.ru/ekonomika/islamskij_bank_razvitiya_funkcii_vidy_deyatelnosti/

[3] Арабский банк экономического развития в Африке (АБЭРА) – Banque arabe pour le développement économique en Afrique, региональный финансовый институт развития, образован в 1973. Члены АБЭРА — 17 арабских стран, в том числе Саудовская Аравия, Ливия, Кувейт, Ирак. Египет, Судан, Тунис, Марокко, Мавритания, Алжир, Сомали, Джибути, а также Организация освобождения Палестины (ООП) и др.

тия, Фонд трансформации науки, технологий и инноваций (Трансформ), Исламская корпорация по развитию частного сектора (ИКРЧС) и др.

При создании паевых инвестиционных фондов используется модель мушарака (Musharaka), которая предполагает участие инвесторов в распределении прибылей. Такая же схема используется в проектном финансировании.

Проектное финансирование (мушарака)

Специализированной исламской формой финансирования проектов считается мушарака (Musharaka). Данный финансовый инструмент предполагает, что инвестор разделяет все риски и все доходы и иные поступления, генерируемые проектом.

При этом возможные доходы делятся в заранее оговоренной пропорции. Убытки погашаются в пропорции, соответствующей долям участников проекта в акционерном капитале.

Модифицированный вариант проектного финансирования диминишинг мушарака (Diminishing Musharaka) позволяет ИБР и другим исламским банкам финансировать проекты по тем же схемам, которые применяются в ведущих мировых банках развития, таких как Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), Азиатский банк развития (АзБР) и др.

При использовании данной схемы прибыль от реализации проекта делится пропорционально доле участников в акционерном капитале.

При этом банк поэтапно передает принадлежащие ему акции другим участникам проекта. Таким образом, если на ранних этапах реализации проекта банк представляет собой крупного акционера, то на более поздних этапах передает собственность другим участникам проекта, фиксируя, таким образом, свою среднесрочную прибыль.

Аналогичный вариант проектного финансирования, но предполагающий переход к предпринимателю прав собственности на имущество в исламском банкинге называется бай аджил (Bai Ajel).

Лизинговые операции (иджара)

Исламский вариант лизинга иджара (Ijara), предполагает, что банк, как правило, выступает в роли лизингодателя. По просьбе лизингополучателя банк приобретает некоторое имущество, средства производства, оборудование, транспорт и др., становясь его собственником, и удерживает право собственности на это имущество до окончания лизинговой сделки.

Как правило, имущество передается в аренду на оговоренный срок и имеет согласованный график оплаты лизинговых услуг. Разновидностями лизинговых операций в зависимости от объектов лизинга в исламском банкинге являются – иджара ва иктина, иджара тумма аль бай и др.

В сделках Иджара по отдельным видам имущества как в традиционном лизинге применяется ускоренная амортизация, за счет чего к концу действия договора транспорт или оборудование имеют нулевую стоимость и переходят во владение лизингополучателя без дополнительной оплаты.

Переход к предпринимателю прав собственности на имущество, в исламском банкинге называется бай аджел (Bai Ajel).

Поддержка малого и среднего бизнеса (кардуль хасана, мудхарба)

Поддержку малого и среднего предпринимательства ИБР и другие исламские банки осуществляют в том числе с использованием инструментов микрофинансирования **(кардуль хасана), предлагающего бизнесменам более свободный доступ к финансовым услугам исламских банков.**

Кроме того, для развития малого и среднего бизнеса используют такую форму финансирования как мудхарба (mudharba).

При этом варианте финансирования банк предоставляет необходимые финансовые ресурсы, в то время как партнеры из числа малых и средних предпринимателей предоставляют свои услуги в области менеджмента и развития проекта.

В этом случае полученная прибыль делится между сторонами в заранее оговоренных пропорциях. Особенностью такой схемы финансирования является то, что возможный убыток полностью покрывается стороной, предоставившей капитал.

Страхование и перестрахование инвестиций (такафул)

Страховой бизнес в исламском банкинге строится на принципах исламского закона Такафул – о соблюдении принципов взаимной выгоды и заинтересованности.

Различные виды исламских страховых компаний формируют свои активы как и традиционные страховые фирмы прежде всего за счет средств от продажи страховых полисов.

Операции страховых компаний часто по своему характеру близки к банковским операциям. Значительные финансовые ресурсы страховых компаний позволяют использовать их для долгосрочных производственных капиталовложений, в том числе через рынок мусульманских ценных бумаг.

В этой связи по своим активным операциям страховые компании являются конкурентами исламским коммерческих банков, инвестиционных, пенсионных и специализированным фондам.

Специализированная дочерняя структура ИБР «Исламская корпорация по страхованию инвестиций и экспортных кредитов», созданная в 1994 г. осуществляет страхование от коммерческих и некоммерческих рисков, в том числе от риска неуплаты по экспортным поставкам и возврату валютной выручки.

Страховой бизнес получил широкое распространение во многих мусульманских странах. В частности, суммарная стоимость активов 6 страховых компаний Брунея, специализирующихся на отдельных видах страховых операций, в период с 2004 по 2019 гг. колебалась в пределах от 4 до 6% ВВП.

Государственно-частное партнерство

ИБР и другие исламские банки в своей деятельности активно используют механизм государственно-частного партнерства (ГЧП), что позволяет привлекать дополнительные частные капиталы, том числе для реализации национальных планов развития, финансирования масштабных инфраструктурных проектов и социально значимых проектов.

Проекты реализованные ИБР на принципах ГЧП, как правило, имеют более высокую социально-экономическую эффективность, по сравнению с традиционными методами финансирования

В качестве успешного примера можно привести проект, по строительству скоростной автомагистрали в Малайзии в штате Селангор (Selangor) на принципах ГЧП совместно с Банком развития Малайзии (Bank Pembangunan Malaysia Berhad).

Шариатский золотой стандарт

В конце 2016 г. исламскими банками был запущен новаторский проект на рынке золота – «шариатский золотой стандарт». Реализация проекта позволит исламским инвесторам вкладывать средства в акции золотодобывающих компаний, биржевые фонды, золотые сертификаты, монетарное физическое золото и другие продукты, связанные с ним, в соответствии с нормами шариата[1].

Заключение

Исламский банкинг и исламские финансы выделились в отдельную, полноценную самостоятельную сферу мирового финансового рынка.

Значительную роль в развитии исламского банкинга в мусульманских странах сыграл Исламский банк развития (ИБР).

Всего со дня своего основания ИБР одобрил предоставление займов и кредитов различным странам на общую сумму 131,3 млрд. долл. (1975–2018 гг.)[2]. Создание ИБР, его динамичное развитие и расширение инвестиционной деятельности дало толчок формированию мирового рынка исламских финансов.

При участии ИБР в ряде арабских стран и в мусульманских странах Африки и Юго-Восточной Азии сформировался значительный исламский сектор в финансовой и банковской системе.

Наиболее быстрыми темпами исламский банкинг развивается в Саудовской Аравии, Бахрейне, Малайзии, Брунее, Индонезии и др. В среднесрочной перспективе эти мусульманские страны планируют увеличить свой вклад в формирование и развитие международного исламского денежного и финансового рынка.

В настоящее время в 105 странах мира созданы и функционируют более 500 исламских банковских и финансовых организаций с совокупными валовыми активами более 2 трлн. долл.[3] Количество пользователей услугами исламского банкинга в мире оценивается в 1,6 млрд. человек.

Темпы роста числа исламских банков и общего числа пользователей их финансовыми услугами говорит о своеобразной экспансии исламских финансов на мировом рынке капитала и на финансовых рынках отдельных стран мира, особенно в мусульманских странах и в странах со значительной исламской диаспорой.

Кроме того, в настоящее время укрепилась тенденция у крупнейших транснациональных и инвестиционных банков традиционный банкинг дополнять финансовыми продуктами с исламской спецификой.

В частности, такие мировые финансовые гиганты как «Всемирный банк», «Goldman Sachs», «Citibank» и «Societe Generale», расширяют объем и количество финансовых услуг по принципам исламского банкинга, которые предоставляются клиентам банка.

К финансовым услугам исламских банков прибегают и крупнейшие транснациональные корпорации такие, как «General Motors», «General Electric», «IBM», «Alcatel», «Daewoo», в том числе для выпуска исламских облигаций сукук с целью привлечения средств с мирового рынка капитала.

В 2018 г. мировой объем выпуска сукук возрос до 148 млрд. долл., что было обусловлено высокой потребностью в долговом финансировании и желании диверсифицировать источники привлечения инвестиций со стороны многих мусульманских стран, в том числе стран-членов ИБР.

---

[1] Организация по бухучёту и аудиту исламских финансовых Accounting and Auditing Organization of Islamic Financial Institutions – AAOIFI), 3 March 2016.

[2] IsDB in Brief 1975-2019 / Islamic Development Bank. 2019.

[3] Islamic Financial Services Industry Stability Report. 2018.

Кроме того, на рост рынка исламских облигаций оказывает влияние появление новых эмитентов и использование исламских ценных бумаг для финансирования масштабных инфраструктурных проектов в мусульманских странах.

В последние годы, реализация проекта «шариатский золотой стандарт» позволила исламским банкам выйти на мировой рынок золота и связанного с ним сферы бизнеса, в том числе инвестиции в акции золотодобывающих компаний, биржевые фонды, золотые сертификаты, монетарное золото и др.[1]

Таким образом, динамично развивающаяся исламская финансовая система представляет собой весьма жизнеспособный проект, способствующий решению базовой проблемы экономики – эффективному аккумулированию и распределению финансовых ресурсов на цели развития.

При этом следует отметить, что исламские банки имеют ряд преимуществ перед западными коммерческими банками. В частности – высокий уровень ликвидности активов, прозрачность совершаемых финансовых сделок, относительно высокая доходность финансовых инструментов, качество сервиса, низкая себестоимость обслуживания, низкие риски невозврата вложенных денег и др.

Фактически исламские банки занимаются управлением денежными ресурсами вкладчиков и участвуют в получении прибыли, причем на основе весьма жестких законодательных исламских правил и процедур.

Эти ограничения препятствуют появлению эффекта денежного мультипликатора, когда коммерческие банки создают деньги «из воздуха», на основе неограниченного кредита, что в свою очередь генерирует серьезные финансовые риски.

В последнее время аудит финансового положения многих традиционных американских и западноевропейских банков подтверждает тот факт, что эти банки проводят рискованную кредитную политику.

Ведущие международные аудиторские фирма отмечали, что нередко в западных коммерческих банка на 100 долларов на депозитных счетах было только 2 доллара реальных денег.

В исламском банкинге практически исключена ситуация недостаточности собственного капитала, существенно меньше вероятность нарушения финансовой устойчивости и банкротства банков.

В настоящее время многие исламские банки располагают значительными финансовыми ресурсами, имеют высокий международный кредитный рейтинг и устойчивое финансовое положение.

В частности, в последние годы ИБР традиционно получает высшие краткосрочные и долгосрочные рейтинги, которые подтверждены ведущими международными рейтинговыми агентствами («Moody's», «Standard&Poor's» и «Fitch»).

Комиссия Европейских Сообществ также классифицировала ИБР как безрисковый финансовый институт развития, а Базельский комитет по банковскому надзору относит ИБР к группе международных банков развития с нулевым риском.

Таким образом можно констатировать, что исламская банковская система, по сравнению с западной, в гораздо меньшей степени подвержена финансовым рискам, связанным с проблемой ликвидности и платежеспособности.

Учитывая затянувшиеся кризисные явления в традиционном банковском секторе, низкие или даже отрицательные учетные ставки в западных коммерческих банках, можно предположить, что исламский банкинг в перспективе может значительно расширить свои позиции в мировой финансовой сфере, в том числе на мировом рынке ценных бумаг и золота.

В ближайшей перспективе следует ожидать увеличения активов и уровня капитализации исламских банков, повышения эффективности и эластичности их функционирования, появление новых исламских финансовых институтов и новых финансовых инструментов и др.

По оценкам экспертов, уже в 2020 г. активы самих исламских банков и других финансовых институтов с исламской спецификой могут возрасти до 3 трлн. долл., а активы под их управлением – до 6,5 трлн. долл.[2]

Укреплению позиций исламского банкинга в мировой финансовой системе может способствовать создание валютного союза мусульманских государств, формирование новой валютной зоны и введение в обращение единой исламской валюты – золотого динара.

Эту идею еще в конце прошлого века выдвинул и поддерживает известный политический деятель – Мохатхир Мохамад Премьер-министр Малайзии (1981–2003), который 18 мая 2018 г. в возрасте 92 лет был вновь был избран на этот высокий пост.

Новая мировая валюта, основанная на золотодевизном стандарте, не противоречит шариатским законам и в перспективе, при определенных условиях, могла бы стать резервной валютой одним из реальных конкурентов доллару США.

[1] Организация по бухучёту и аудиту исламских финансовых Accounting and Auditing Organization of Islamic Financial Institutions – AAOIFI), 3 March 2016.

[2] Islamic Financial Services Board (IFSB), Совет по исламским финансовым услугам, декабрь 2017.

Ватыль В.Н.
д.полит.н., профессор, зав. кафедрой политологии Гродненского государственного университета
Ватыль Н.В.
к.полит.н., доцент, Гродненский государственный университет

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: БЕЛОРУССКИЙ ДИСКУРС В ЕВРАЗИЙСКОМ КОНТИНУУМЕ

Ключевые слова: *цифровая экономика, инновация, трудовая дисциплина, дисциплинарная ответственность, трудовое законодательство.*

Цифровизация единого экономического пространства Евразийского экономического союза складывается из цифровизации национальных экономик стран-участниц, формируемых, в том числе, собственными политическими и правовыми институтами. Правовое обеспечения инновационного развития, в рамках политического курса на построение цифровой экономики в Республике Беларусь, обеспечивается, наряду с прочими правовыми отраслями, динамично развивающимся трудовым законодательством. Одним из важнейших элементов данного процесса является правовое регулирование дисциплины труда. В данной статье акцент будет сделан на дисциплинарной ответственности как неотъемлемом элементе обеспечение трудовой дисциплины.

Рассматривая дисциплинарную ответственность как трудоправовой механизм формирования инновационного общества, первоначально следует дать определение термину «инновация». Инновация (лат. innovatio – обновление; innovare – обновлять) – введение чего-либо нового; нововведенная вещь; модернизация, реформа; 2) эконом. (чаще мн.ч.) вложение средств в новую технологию, новые формы организации труда и управления, охватывающие не только отдельное предприятие, но и их совокупность, отрасль[1].

Белорусское законодательство дает следующее определение: «инновация – введенные в гражданский оборот или используемые для собственных нужд новая или усовершенствованная продукция, новая или усовершенствованная технология, новая услуга, новое организационно-техническое решение производственного, административного, коммерческого или иного характера»[2]. В данном контексте инновационную деятельность следует рассматривать не только как создание и введение в оборот новой технологии, способа производства или механизма управления, но как нововведение, имеющее позитивный экономический (а также социальный) эффект.

Именно такое смысл формирования инновационного общества заложен в понятие инновационного развития, определяемое в Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы: «Государственная инновационная политика является составной частью государственной социально-экономической политики и направлена на объединение усилий и ресурсов государственного и частного секторов экономики … Стратегия инновационного развития республики предусмотренная Государственной программой, заключается в синтезе внедрения технологий, относящихся к V и VI технологическим укладам, и индустриально-инновационного развития традиционных секторов экономики»[3].

Развитие трудовых правоотношений в инновационных отраслях экономики требует дополнительного внимания в вопросах соблюдения трудовой дисциплины. В соответствии со ст. 193 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК РБ), трудовая дисциплина – обязательное для всех работников подчинение установленному трудовому распорядку и надлежащее выполнение своих обязанностей[4].

Вопросам необходимости соблюдения дисциплины труда, технологической дисциплины посвящен ряд стратегические программных документов[5], и официальных заявлений высших должностных лиц государства[6]. Одним из

[1] Инновация // Словарь иностранных слов. – https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/17287/

[2] О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь: Закон Республики Беларусь от 10.07.2012 № 425-З; в ред. от 11.05.2016 г. № 364-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

[3] О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы: Закон Республики Беларусь от 31.01.2017 № 31; в ред. 13.06.2018 г. № 236 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

[4] Трудовой кодекс Республики Беларусь: 26.07.1999 г., № 296-З: принят Палатой представителей 08.06.1999 г.: одобр. Советом Респ. 30.06.1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.11.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

[5] Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2020 года. – http://un.by/images/library/thematic-publications/sustainable-development/OON_sMall_Rus.pdf/; Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 года. – http://www.economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf

[6] Послание белорусскому народу и Национальному собранию от 24 апреля 2018 года / Пресс-служба Президента Республики Беларусь. – http://president.gov.by/ru/news_ru/view/poslanie-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomusobraniju-18594/; Послание бе-

механизмов обеспечения соблюдения трудовой дисциплины является привлечение работников к дисциплинарной ответственности за противоправное, виновное неисполнение или ненадлежащее исполнение работником своих трудовых обязанностей (дисциплинарный проступок). В трудом праве Республики Беларусь значительное внимание уделено вопросам регламентации процесса привлечения виновных работников к дисциплинарной ответственности: гл. 13 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК), Декрет Президента Республики Беларусь от 26.07.1999 г. № 29 «О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению трудовой и исполнительской дисциплины»[1], Директива Президента Республики Беларусь от 11.03.2004 г. № 1 «О мерах по укреплению общественной безопасности и дисциплины»[2], Декрет Президента Республики Беларусь от 15.12.2014 г. № 5 «Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций» (далее – Декрет № 5)[3].

В трудовом законодательстве не установлен исчерпывающий перечень дисциплинарных проступков, за которые положено привлечение к дисциплинарной ответственности. Примерный перечень таковых нарушений устанавливается:

1) п. 31 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29.03.2001 г. № 2 «О некоторых вопросах применения судами законодательства о труде»: отсутствие работника без уважительных причин на работе; нахождение без уважительных причин не на своем рабочем месте, а в других помещениях организации; преждевременный уход с работы; отказ без уважительных причин от поездки в командировку; невыход на работу в выходной и праздничный день, если работник привлекается к работе на законных основаниях; отказ или уклонение без уважительных причин от прохождения в установленном порядке в рабочее время медицинских осмотров работниками некоторых категорий; отказ от инструктажа, обучения и проверки знаний по вопросам охраны труда[4];

2) подп. 4.2 п. 4 Декрета № 5: необеспечение выполнения им требований, предусмотренных в абз. 2–4 подп. 4.1 п. 4 Декрета № 5; сокрытие (подмену) основания увольнения работника при наличии основания для его увольнения за совершение виновных действий; иные противоправные действия (бездействие) руководителя организации, установленные законодательными актами.

Трудовым законодательством устанавливается общий порядок привлечения к дисциплинарной ответственности:

1) составление акта, или иного документа, удостоверяющего совершение факт дисциплинарного проступка работника;

2) истребование письменного объяснения работника до применения дисциплинарного взыскания;

3) оформление дисциплинарного взыскания приказом (распоряжением), постановлением нанимателя, объявляемым работнику под роспись в пятидневный срок, не считая времени болезни работника и (или) пребывания его в отпуске.

Соблюдение такой процедуры в трудовых отношениях может вызвать определенные затруднения в отдельных (инновационных) отраслях экономики. Таких, например, как сектор информационных технологий (далее – ИТ), развитие которого для современного белорусского государства объявлено приоритетным[5]. Развитие ИТ предполагает широкоформатное внедрение таких нетипичных форм организации труда, как удаленная работа (телеработа), фриланс (электронная самозанятость), заемный труд.

Так, например, если работник работает удаленно (в другом населенном пункте, или даже находясь на территории другого государства), и требуется привлечь его к дисциплинарной ответственности в соответствии с установленной ТК РБ процедурой, могут возникнуть сложности в части получения у него письменного объяснения, ознакомления с приказом (приказ (распоряжение), постановление о дисциплинарном взыскании с указанием мотивов объявляется работнику под роспись в пятидневный срок, не считая времени болезни работника и (или) пребывания его в отпуске). Несоблюдение процедуры и срок могут привести к невозможности привлечения работника к дисциплинарной ответственности. Этот и ряд других моментов на сегодняшний день не урегулированы трудовым законодательством.

В данной ситуации можно считать разумным расширить примерный перечень дисциплинарных проступков, за которые положено привлечение к дисциплинарной ответственности, а также детально регламентировать процедуру привлечения к дисциплинарной ответственности при нетипичных формах организации труда, характерных для развивающейся инновационной экономики.

лорусскому народу и Национальному собранию 21 апреля 2017 года / Пресс-служба Президента Республики Беларусь. – http:// president.gov.by/ru/news_ru/view/ezhegodnoe-poslanie-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomusobraniju-16059

[1] О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению трудовой и исполнительской дисциплины: Декрет Президента Респ. Беларусь от 26.07.1999 г., № 29: в ред. от 13 февр. 2012 г. № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

[2] О мерах по укреплению общественной безопасности и дисциплины: Директива Президента Респ. Беларусь от 11.03.2004 г., № 1 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 12.10.2015 г., № 420 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

[3] Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций: Декрет Президента Респ. Беларусь от 15.12.2014 г., № 5 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

[4] О некоторых вопросах применения судами законодательства о труде: Постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 29.03.2001 г., № 2 : в ред. Постановления Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 28.06.2012 г., № 5 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

[5] Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – http://president.gov.by/ru/news_ru/view/otchet-pravitelstva-natsionalnogo-banka-oblispolkomov-i-minskogo-gorispolkoma-18224/; СБ Беларусь сегодня. – https://www.sb.by/articles/po-faktu-oni-est-a-po-zakonu.html

Применение механизма дисциплинарной ответственности с учетом новых требований будет способствовать укреплению дисциплины труда, что в свою очередь позволит эффективнее проводить процессы цифровизации экономики.

Волкова Е.В.
к.э.н., доцент, Могилевский государственный университет продовольствия
kate_ag@mail.ru

РАЗРАБОТКА ИНДИКАТОРОВ И МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ПЕРЕРАБАТЫВАЮЩИХ ПРЕДПРИЯТИЙ АПК

Ключевые слова: *экономический потенциал, перерабатывающие предприятия АПК, структурные элементы, оценка, индикаторы, методика.*

Keywords: *economic potential, processing enterprises of agroindustrial complex, structural elements, assessment, indicators, methodology.*

На современном этапе оценка экономического потенциала является необходимым элементом на всех стадиях подготовки и принятия решений, особенно на этапах формулирования цели и выбора оптимального управленческого решения. Изучение зарубежного опыта свидетельствует о том, что оценка потенциала организаций основана на методологическом подходе, в основе которого находится оценка стоимости (value based management – VBM). Данная оценка реализуется посредством применения ряда методов: добавленной стоимости акционерного капитала (shareholders valye added – SVA), экономической добавленной стоимости (economic value added – EVA) и добавленной рыночной стоимости (market value added – MVA).

С целью комплексной оценки экономического потенциала организации О.А. Жигуновой обоснована система целевых показателей: рыночная стоимость (EV – Enterprise Value), объем продаж (SV – Sales volume), экономически добавленная стоимость (EVA – Economic Value Added), чистая прибыль (NP – Net Operating Profit after), денежный поток (FCFF – Free Cash Flow to Firm), собственный капитал (E – Equity), активы организации (N – Assets) и численность персонала (N – Number of the personnel) [4].

Стоимость имущества является наиболее оптимальным и рациональным показателем как в краткосрочном, так и долгосрочном аспекте, поскольку учитывает перспективы работы не только организаций и отрасли, но и в целом экономики. Стоимость является лучшей степенью оценки результатов деятельности на основе достоверной информации. Оценивая наличие потенциала, важно определить его стоимость, которая является наиболее вероятной ценой продажи и должна отражать такое свойство организации – товара, как полезность, а также необходимые издержки. В данном случае стоимость является денежным эквивалентом ценности объекта, покупатель готов обменять этот объект на право собственности [8].

Оценка экономического потенциала основывается на применении сбалансированной системы показателей (BSC) с использованием как финансовых, так и нефинансовых показателей, обеспечивающих достижение стратегической цели – максимизация стоимости организации. При этом согласно основному принципу BSC управлять можно только тем, что можно оценить. Базисный потенциал (Perspectives) организации в сбалансированной системе показателей эффективности представлен следующими видами: финансовый потенциал, отражающий эффективность компании с точки зрения отдачи на вложенный капитал (The Financial Perspective); потенциал потребительских запросов, оценивающий полезность товаров и услуг компаний с точки зрения конечных потребителей (The Customer Perspective); потенциал внутренний операционной эффективности, оценивающий эффективность организации внутрифирменных процессов (The Business Process Perspective); кадровый потенциал (потенциал инноваций и обучения), показывающий способность организации к восприятию новых идей, ее гибкость, ориентацию на постоянные улучшения (The Learning and Growth Perspective) [20].

На современном этапе используется стоимостная оценка элементов потенциала, корреляционно-регрессионная, индексная, индикаторная, приоритетная оценка ресурсов и др., которые позволяют в определенной мере учесть влияние факторов на эффективность производства.

Факторный подход к оценке экономического потенциала можно рассматривать как «совокупность структурных составляющих, исследовав которые можно получить оценку величины самого экономического потенциала. Разновидностью факторного подхода является ресурсный, который применяется при выделении составляющих потенциала и формировании подходов к его оценке» [2, с. 268].

Совокупную оценку потенциала предприятий сельского хозяйства, например, следует определять с помощью корреляционно-регрессионного метода измерения степени влияния каждого ресурса на конечные результаты производства. С этой целью рекомендуется применять коэффициенты множественной регрессии для измерения совокупного потенциала хозяйствующих субъектов [11, с. 14].

Используя индексный метод, необходимо сравнить прогнозный экономический потенциал с фактическим посредством конкретизации результативных показателей функционирования организаций: рентабельность активов и долгосрочного капитала, коэффициент текущей ликвидности и стоимость чистых активов.

Методика оценки экономического потенциала организаций с учетом вышеназванных результативных показателей включает следующие основные этапы:

1 – определяются фактические результативные показатели.

2 – рассчитывается возможный уровень результативных показателей с учетом использования имеющихся резервов.

3 – рассчитывается возможный уровень результативных показателей с учетом использования потенциальных резервов.

4 – определяются индексы, отражающие прирост возможного результативного показателя при использовании наличного (или прогнозного) экономического потенциала к имеющемуся (фактическому) экономическому потенциалу.

Рассчитанные индексы являются оценкой экономического потенциала организаций.

Для определения среднесрочного экономического потенциала рекомендуется использовать результирующие показатели: коэффициент текущей ликвидности и стоимость чистых активов, а для определения долгосрочного экономического потенциала – рентабельность активов и долгосрочного капитала. Именно индекс будет показывать, насколько организация может за счет экономического потенциала увеличить результирующие показатели при вовлечении в его экономику потенциальных резервов. Инвесторов при этом интересует уровень экономического потенциала организаций, от которого зависит стоимость вкладываемых инвестиций [18].

Оценка экономического потенциала – это определение величины экономических ресурсов, которыми владеет и распоряжается организация, и экономического результата их эффективного использования. При этом оценка стоимости активов – это оценка «в прошлом», а оценка экономического потенциала – это оценка потенциальной стоимости активов [10].

Суть индикативного метода оценки потенциала заключается в расчете отклонений фактических показателей от их нормативных значений. Преимуществом данного метода является то, что с его помощью можно оценить «узкие места» и возможности комплексного использования ресурсов организации. Недостатком является определенная субъективность нормативов, так как от их достоверности зависит расчет резервов повышения эффективности использования потенциала [15].

Методика интегральной оценки величины потенциала, разработанная Е.М. Карпенко включает оценку каждого источника потенциала в абсолютном выражении, перевод абсолютных оценок в относительные (база приведения – среднеотраслевые оценки или скользящие средние) и приведение относительных оценок к интегральной (в качестве весов используются коэффициенты уравнений регрессии) [5, с. 5].

При выборе методики оценки потенциала следует исходить из целей данной оценки. В настоящее время данная оценка представляет интерес, в первую очередь, для собственников и инвесторов. Основным критерием ресурсного потенциала является величина прибыли, или чистой текущей стоимости.

Методика оценки экономического потенциала организаций проводится с учетом следующих этапов:

1. Определение цели исследования экономического потенциала организации.

2. Конкретизация факторов, влияющих на уровень развития экономического потенциала организации.

3. Расчет интегрального значения уровня развития экономического потенциала организации с использованием балльной оценочной шкалы в динамике за исследуемый период.

4. Принятие управленческих решений по росту и развитию уровня экономического потенциала организации [6].

Для всесторонней оценки экономического потенциала важно «использование системного подхода, базирующего на абсолютных и относительных величинах, количественных и качественных показателях, отраженных в бухгалтерской (или финансовой) отчетности, а также учитывающего взаимное влияние и взаимодействие всех его составляющих элементов» [1, с. 21].

Л.О. Евдокимова предлагает оценивать экономический потенциал организации как сумму доходов организации, получаемых в течение срока полезного использования соответствующих видов экономических ресурсов с учетом фактора времени, и как среднегодовую величину экономической оценки потенциала организации дифференцировано по составляющим его элементам. Для комплексной оценки экономического потенциала организации в условиях динамичной внешней среды необходимо разработать методологию интегрального подхода [3].

При оценке экономического потенциала организации (предприятия) важно определить и конкретизировать его структурные составляющие, а затем составить алгоритм расчета посредством оценки производственного, финансового потенциала, ресурсно-сбытового потенциала, организационно-управленческого потенциала, трудового потенциала, инновационного и информационного потенциалов. При этом структурные составляющие экономического потенциала характеризуются с помощью интегральных оценок, а экономический потенциал организации – в виде вектора из семи компонент [16].

Исследуя структурные элементы экономического потенциала можно также определить уровень конкурентоспособности и, следовательно, оценить в целом экономический потенциал организаций [9].

Экономический потенциал организаций также можно исследовать как с позиции ее имущественного положения, так и с позиции его финансового положения. Обе эти стороны финансово-хозяйственной деятельности организаций взаимосвязаны – оптимальный состав и структура имущества могут привести к улучшению финансового положения и наоборот.

При оценке экономического потенциала организаций (предприятия) основное внимание уделяется финансовому потенциалу с позиций краткосрочной и долгосрочной перспективы. В первом случае речь идет о ликвидности и платежеспособности коммерческой организации, во втором – о ее финансовой устойчивости на рынке [7].

Основной характеристикой экономического потенциала организации является финансово-инвестиционный потенциал, который представляет собой способность предприятия создавать, привлекать и использовать фонды денежных средств в целях обеспечения непрерывности деятельности, а также развития и совершенствования форм, методов и моделей хозяйствования.

Важность данной категории для оценки экономического потенциала организации объясняется следующими факторами: во-первых, она отражает воспроизводственный аспект функционирования организаций, то есть ее способность генерировать необходимый объем финансовых ресурсов для развития своей деятельности; во-вторых, финансовые индикаторы позволяют определить способность организации участвовать в хозяйственном обороте, обеспечив достаточный уровень платежеспособности и оборачиваемости вложенного капитала [14].

Одним из способов оценки потенциала является расчет степени риска банкротства организации, так как результаты диагностики вероятности банкротства организации отражают состояние и уровень использования его экономического потенциала [4].

Одним из методов оценки потенциала организации является SWOT-анализ, который представляет собой процедуру экспертной диагностики среды, позволяющей описать основные тенденции ее развития, сформулировать базовые гипотезы о перспективах функционирования организации и определить поле перспективных направлений ее дальнейшего развития.

В этой связи применение данного метода способствует оценке его адаптивного потенциала, так как комплексный анализ текущего положения включает в себя адаптивные возможности организации и является основой для определения возможных путей его развития. Основной задачей разработки информационного обеспечения оценки адаптивного потенциала организации является комплексное использование различных методов исходя из целей конкретной организации [17].

Важнейшим аспектом можно считать оценку совокупного экономического потенциала, текущей степени его использования, а также формирование стратегически ориентированного потенциала предприятия, что определяется не только наличием ресурсов (ресурсный потенциал), но и способностью создавать с их помощью добавленную стоимость. Представление о величине потенциала организации (предприятия) и структурных его элементов позволяет ими управлять, в результате чего открывается возможность конкретного воздействия на отдачу производственных ресурсов с учетом как внутренних, так и внешних факторов [12, с. 42].

Необходимо отметить, что оценка потенциала организаций АПК выполняется с учетом отраслевой специфики их функционирования и развития на современном этапе. Потенциал развития перерабатывающей промышленности Беларуси определяется «уровнем ее вовлечения в систему международного разделения труда. Практика молочной, мясной, сахарной и других отраслей демонстрирует значимый потенциал конкурентоспособности продовольственной системы Беларуси при ее ориентации на внешние рынки (объемы экспорта продовольствия возрастут до 8 млрд. долл. США). В пищевой промышленности Беларуси на данном этапе накоплен значимый производственный потенциал, предприятия обеспечены сырьем, а мощностей по большей части достаточно для полного обеспечения страны продовольствием, увеличения экспорта» [19, с. 28–31].

Оценка производственного потенциала перерабатывающей промышленности – система расчетов, основанная на методах статистического, экономического и финансового анализа, которые предусматривают оценку эффективности отраслей и включают следующие этапы:

1. Сбор статистической информации, характеризующей эффективность функционирования отраслей АПК за исследуемый период.

2. Анализ абсолютных и относительных показателей, характеризующих динамику изменения предложенных показателей.

3. Поэлементный расчет частных показателей эффективности использования производственно-финансовых ресурсов за исследуемый период.

4. Расчет агрегированных элементов потенциала за анализируемый период.

5. Определение и обоснование значимости элементов потенциала.

6. Расчет риска снижения экономического потенциала.

7. Расчет совокупного потенциала отраслей АПК [13].

Экономический потенциал перерабатывающих предприятий АПК является сложной, динамичной и многоуровневой категорией и определен нами как совокупность максимальных возможностей предприятий, обусловленных имеющимися в их распоряжении ресурсами для эффективного производства продукции, товаров, работ, услуг с целью удовлетворения потребностей рынка с учетом факторов внутренней и внешней среды. Исследуя экономический потенциал на различных уровнях, в научной литературе обращают внимание на его структурные элементы, так как это позволяет более точно его оценить и определить возможности предприятия, разработать перспективные направления повышения эффективности использования. При исследовании экономического потенциала перерабатывающих предприятий АПК нами выделены структурные элементы в соответствии с их функциями в производстве: ресурсный как совокупность ресурсов, непосредственно используемых для производства продукции (основные и оборотные средства, трудовые ресурсы) и обслуживающий – это факторы, условия, которые обеспечивают эффективное использование ресурсов предприятий для производства продукции: управленческий, экспортный, информационно-технологический, маркетинговый, инвестиционный и инновационный потенциалы. В рамках интегрального подхода предложены оценочные показатели: коэффициент экономического потенциала и индекс развития экономического потенциала предприятий. Коэффициент экономического потенциала отражает уровень использования ресурсного и обслуживающих

элементов экономического потенциала перерабатывающих предприятий АПК. Алгоритм расчета коэффициента экономического потенциала перерабатывающих предприятий АПК приведен в табл. 1.

Таблица 1

Методика расчета коэффициента экономического потенциала перерабатывающих предприятий АПК

Структурные элементы	Методика расчета
Основные средства *(K_1)*	Определяется отношением объема производства продукции к среднегодовой стоимости основных средств
Оборотные средства *(K_2)*	Определяется отношением объема производства продукции к среднегодовой стоимости оборотных средств
Трудовые ресурсы *(K_3)*	Определяется отношением объема производства продукции к среднегодовой численности работников
Ресурсный элемент экономического потенциала: $K_р = \sqrt[3]{K_1 K_2 K_3}$	
Маркетинговый ($K_м$)	Определяется отношением объема продаж к затратам на маркетинговую деятельность
Информационно-технологический ($K_{инф}$)	Определяется отношением объема производства продукции к стоимости информационных ресурсов
Экспортный ($K_э$)	Определяется отношением объема продаж экспортной продукции к общему объему продаж
Управленческий ($K_у$)	Определяется отношением прибыли к затратам на содержание административно-управленческого персонала
Инвестиционный ($K_{инв}$)	Определяется отношением прибыли к инвестициям
Инновационный ($K_{ин}$)	Определяется отношением объема отгруженной инновационной продукции к общему объему продаж
Коэффициент экономического потенциала перерабатывающих предприятий АПК $K_{эп} = \sqrt[7]{K_р K_м K_{инф} K_э K_у K_{инв} K_{ин}}$	

Индекс развития экономического потенциала позволяет сопоставить предприятия по степени использования экономического потенциала перерабатывающих предприятий АПК и его элементов и рассчитывается по формуле:

$$I_{эп} = \frac{X_{факт} - X_{\min}}{X_{\max} - X_{\min}} \quad (1),$$

где $X_{факт}$– фактическое значение каждого структурного элемента;
X_{min}– минимальное значение структурного элемента;
X_{max}– максимальное значение структурного элемента.

Преимущества предложенной методики комплексной оценки экономического потенциала перерабатывающих предприятий АПК: выполняется на основе данных статистической отчетности; базируется на системном подходе и позволяет получить комплексную оценку экономического потенциала перерабатывающих предприятий АПК и его структурных элементов; является универсальной и позволяет сравнивать предприятия как одной отрасли, так и различных отраслей по степени использования экономического потенциала; позволяет оперативно принимать управленческие решения.

Список литературы

1. Борзенкова К.С. Оценка экономического потенциала предприятия и повышение эффективности его использования: автореф. дис. ...к-та экон. наук: 08.00.05 / К.С. Борзенкова; Белгородск. гос. технол. ун-т. – Белгород, 2003. – 25 с.
2. Бородин А.И. Экономико-математическая модель формирования потенциала предприятия / А.И. Бородин, Л.В. Голощапа // Вестник Самарского аэрокосмического ун-та. 2013. – № 1 (39). – С. 268–276.
3. Евдокимова Л.О. Методология содержания и оценки экономического потенциала в предпринимательской деятельности организации // Российское предпринимательство. – М., 2011. – № 12. – С. 16–20.
4. Жигунова О.А. Теория и методология анализа и прогнозирования экономического потенциала предприятия: монография. – М.: Финансы и кредит, 2010. – 140 с.
5. Карпенко Е.М. Потенциал производственной системы: методология формирования, экономическая оценка, эффективность использования: автореф. дис. ...д-ра экон. наук: 08.00.05 / БГЭУ. – Минск, 2010. – 52 с.
6. Керженцев Ф.А. Развитие методов оценки экономического потенциала промышленных предприятий: автореф. дис. ...к-та экон. наук: 08.00.05 / Самарский гос. эконом. ун-т. – Самара, 2010. – 24 с.
7. Ковалев В.В. Анализ баланса, или как понимать баланс / Под ред. В.В. Ковалева, В.В. Ковалева. – М.: Проспект, 2008. – 448 с.
8. Коупленд Т. Стоимость компаний: оценка и управление / Т. Коупленд, Т. Коллер, Дж. Мурин; пер. с англ. – М.: Олимп-Бизнес, 2008. – 204 с.
9. Куликов И.С. Повышение эффективности использования экономического потенциала предприятий, производящих хлебобулочные и мучные изделия: автореф. дис. ...к-та экон. наук: 08.00.05 / Московский гос. ун-т пищевых производств. – М., 2009. – 24 с.
10. Лапин Е.В. Экономический потенциал предприятия: монограф. / Е.В. Лапин [и др.]. – М.: Университетская книга, 2002. – 310 с.
11. Мозоль А.В. Производственный потенциал сельскохозяйственных предприятий: экономическая оценка и пути повышения эффективности функционирования: автореф. дис. ... к-та экон. наук: 08.00.05 / БГЭУ. – Минск, 2005. – 20 с.
12. Мотов М.А. Проблемы управления экономическим потенциалом предприятия в рыночных условиях // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2011. – № 9. – С. 42–44.

13. Продовольственная безопасность: термины и понятия: энцикл. справ. / В.Г. Гусаков [и др.]. – Минск: Белорус. наука, 2008. – 535 с.
14. Тимофеева Ю.В. Оценка экономического потенциала организации: финансово-инвестиционный потенциал // Экономический анализ. 2009. – № 1. – С. 3–7.
15. Улезько А.В. Стратегия формирования и тактика использования ресурсного потенциала сельскохозяйственных предприятий. – http://iomas.vsau.ru/nauka/ar/ule
16. Управление экономическим потенциалом организации / А.П. Романов [и др.]. – Тамбов: Изд. Тамбовского гос. техн. ун-та. – 2012. – 88 с.
17. Хворостов В.А. Исследование методов оценки потенциала предприятия // Сборник науч. трудов НГТУ. 2005. – № 3. – С. 1–6.
18. Цымбалюк С.Н. Методика оценки экономического потенциала предприятия в условиях развития рыночной экономики // Креативная экономика. 2011. – № 11. – С. 38.
19. Шпак А.П. Потенциал конкурентоспособности предприятий пищевой промышленности Беларуси в условиях формирования ЕЭП / А.П. Шпак, А.В. Пилипук, Т.В. Мицкевич // Экономический бюллетень НИЭИ Мин. экономики Респ. Беларусь. 2013. – № 9. – С.28–35.
20. Kaplan R.S. The Balanced Scorecard: Translating Strategy into Action. – Boston (Mass.): Harvard Business School Press, 1996.

Головина Т.А.[1]

УПРАВЛЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННЫМИ ЭКОСИСТЕМАМИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА

Ключевые слова: *цифровая экономика, цифровые технологии, управление промышленным предприятием, промышленный Интернет, четвертая промышленная революция.*

Keywords: *digital economy, digital technologies, industrial enterprise management, industrial Internet, fourth industrial revolution.*

Экономическая ситуация характеризуется началом четвёртой промышленной революции, в рамках которой создаются цифровые «умные» предприятия, оснащаемые киберфизическими системами. Вследствие большого количества таких систем на предприятиях, считается, что они будут функционировать сообща, то есть непосредственно обмениваться информацией друг с другом. Такие предприятия позволяют осуществлять персонализированное «кастомизированное» производство конкурентоспособной на отечественном и мировом рынке продукции. Менеджмент промышленных предприятий приходит к пониманию, что без использования цифровых технологий их бизнес начнет стремительно терять свои конкурентные преимущества.

С каждым годом технологии развиваются и умнеют. Человечество стремительно приближается к возможной технологической сингулярности в глобальном пространстве. Освоение новых возможностей будет доступно системам благодаря внедрению искусственного интеллекта и созданию алгоритмов машинного обучения. Благодаря этому процесс производства будет затрачивать наименьшее количество ресурсов и делать малое число возможных ошибок.

Теоретические аспекты формирования новой индустриальной революции как самостоятельного типа изменения общества обсуждались еще в трудах Дж. Гэлбрейта, получили развитие в работах Д. Белла о «постиндустриальном обществе», Э. Тоффлера о «сверхиндустриальной цивилизации», а также в исследованиях отечественных ученых, таких как В.Л. Иноземцев, Ю.В. Яковец и др. На современном этапе изучением этих вопросов занимаются такие ученые, как А.Г. Аганбегян, С.Д. Бодрунов, С.Ю. Глазьев, В.В. Ивантер, К. Шваб и др. [2, 3]

В некоторых работах при попытке определить сущность четвертой промышленной революции (Industry 4.0) исследователи подчеркивают особенность самого процесса перехода к новому этапу. С другой стороны, ряд авторов характеризует ее теми трендами, которые сопутствуют новой индустриальной революции. Так, например, в 2010 году Европейский Союз принял инициативу «Цифровая Европа», направленную на формирование Интернет-экономики.

В 2011 году в Германии была инициирована стратегия «Индустрия 4.0», провозгласившая переход на «интернетизированное производство». В Китае в 2015 году принята концепция «Интернет+», в основе которой лежит «умное производство». Цель создания «умных» промышленных производств также нашла свое отражение и в инициативе «Облачная стратегия», принятой в 2009 году в США [3].

Одним из основных трендов четвертой промышленной революции является цифровая экономика. В современном понимании цифровизация представляет собой социально-экономическую трансформацию, вызванную массовым внедрением и использованием инновационных технологий создания, обработки и передачи информации.

Показателем, который свидетельствует о степени распространения цифровой экономики в обществе, является ее доля в ВВП стран.

Согласно прогнозу экспертов, к 2019 году он увеличится до 745 млрд. долл., а к 2022 году составит 1 трлн. долл. [4, 5].

Четвертая промышленная революция будет предъявлять новые требования не только к созданию прорывных инноваций, но и к формированию вокруг них экосистемы, позволяющей удерживать пользователей в условиях развития глобального цифрового пространства.

Мировые тенденции разработки и принятия различных программ в области четвертой промышленной революции свидетельствуют о масштабном переходе к новому технологическому укладу, который способствует формированию новой экономики, совершенствованию экономической эффективности производства.

Наиболее перспективными сквозными технологиями в промышленности являются:

– «Промышленный Интернет вещей» – это одна из концепций, масштабное распространение которых определяет переход в «Четвертую промышленную революцию». Интернет вещей способствует повышению эффективности производительности, позволяя сократить издержки технологических процессов, воздействие человеческого фактора, а также риски аварий. Использование этой технологии приведет и к изменению методов управления деятельностью в организации.

[1] Головина Татьяна Александровна – д.э.н., профессор, зав. кафедрой «Менеджмент и государственное управление», Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС.

Промышленный Интернет вещей использует возможности объединения оборудования в единую сеть, в которую поступают как управляющие команды, так и информация с большого количества датчиков, установленных как на оборудовании, так и на производимой продукции, причём даже в течение всего её жизненного цикла. Промышленные роботы получают все большую функциональность и могут выполнять работу как независимо, так и в режиме коллаборации с производственным персоналом.

– Работа с большими данными (Big Data Analysis) – это сложный процесс изучения больших и разнообразных наборов данных для раскрытия информации, включая скрытые шаблоны, тенденции рынка и предпочтения клиентов, которые могут помочь организациям принимать обоснованные бизнес-решения.

Интегрированный анализ данных позволяет, среди прочего, всесторонне изучить процессы и оптимизировать их на основе полученных заключений. Автомобилестроение является хорошим примером для применения преимуществ анализа больших данных. На таких производствах применяется огромное количество датчиков и сенсоров, генерирующих десятки терабайт данных. Воспользовавшись ими можно идентифицировать дефектные детали на ранней стадии производства, увеличить прозрачность процессов принятия решений и уменьшить избыточность производственно-сбытовой цепи, что приведёт к увеличению эффективности и конкурентоспособности. Дополнительно анализ и использование больших данных позволяет определить основные требования для разработки новых цифровых бизнес-моделей, оптимизировать взаимодействие с заказчиками, повышая прибыльность компании. Это хорошо видно на примере большого предприятия обрабатывающей промышленности. Для таких компаний для максимизации прибыли необходимо постоянно решать оптимизационные задачи. Текущий уровень спроса, загруженность производственных мощностей, текущее цены на сырьё и другие параметры должны быть учтены в принятии решения: какой продукт нужно произвести и в каком объёме. Big Data решения ускоряют крайне ресурсоёмкие вычисления, учитывающие при симуляции порядка 50 факторов, и помогающие достигнуть значимого повышения рентабельности.

– Кибербезопасность (Cybersecurity) – это практическая защита систем, сетей и программ от возможных цифровых угроз. Целями этих атак являются несанкционированный доступ, изменение или уничтожение конфиденциальной информации; вымогательство денежных средств у пользователей; прерывание нормальных бизнес-процессов.

– Облачные вычисления (Cloud computing) – это доставка вычислительных ресурсов по требованию – от приложений до центров обработки данных – через Интернет с оплатой за использование.

– Дополненная реальность (Augmented/Virtual reality) – это технология, которая накладывает информацию и виртуальные объекты на реальные объекты в реальном пространстве и времени. Она использует существующую среду и добавляет к ней информацию, чтобы создать новую искусственную среду.

– Цифровая платформа представляет собой интегрированную информационную систему, которая призвана обеспечить многосторонние взаимодействия пользователей по обмену информацией в целях оптимизации бизнес-процессов, снижения общих транзакционных издержек, повышения эффективности цепочек поставок товаров и оказания услуг.

Цифровая экосистема объединяет несколько цифровых платформ разных отраслей или сегментов рынка, имеющих общих клиентов и обеспечивает условия для инновационного развития и распространения цифровых устройств, цифровых продуктов, цифровых сервисов и приложений [1]. Рационально организованная экосистема, в которой добавленная стоимость создается с помощью цифровых (информационных) технологий, позволяет приумножить положительный эффект для каждого компонента социотехнической системы с распределенным взаимодействием и взаимным использованием и обменом знаниями в условиях эволюционного саморазвития.

На сегодняшний день существуют два основных подхода, две основные платформы, отвечающие требованиям новой производственной парадигмы, – немецкая RAMI Industry 4.0 и американская IIRA Industrial Internet Consortium (Промышленный Интернет-консорциум). Чтобы создать цифровое производство, необходима интеграция всех этапов жизненного цикла производства, увязка между собой функций планирования, технологической подготовки производства и разработки продукции, бизнес-процессов маркетинга, логистики, связь их с системами и технологиями, на которых они базируются.

Для осуществления цифровой трансформации промышленных экономических систем необходима горизонтальная и вертикальная интеграция производственных систем, причём значительная часть используемых в настоящее время информационных систем может обмениваться информацией, но следует обеспечить их совместимость на всех уровнях как внутри предприятия, так и между взаимодействующими предприятиями.

Создание единого информационного пространства обеспечивает возможность оперативного и своевременного обмена информацией между автоматизированными системами управления предприятием и промышленным оборудованием [6].

В цифровом производстве изготовление продукции может осуществляться по индивидуальным заказам, поэтому потребитель становится непосредственным участником взаимодействия а, значит, и элементом цепочки формирования ценности. Концепция цифрового производства предполагает осуществление подготовки производства, процесса производства, логистических процессов, маркетинга, связи с потребителями в единой виртуальной среде, которая позволяет сопровождать изделие на этапах разработки продукта и конструкторской документации, разработки технологии производства, подготовки и запуска производства, снабжения материалами и комплектующими, процесса производства, сбыта, эксплуатации и обслуживания продукции, ремонта и утилизации.

Преимущества использования цифровых технологий в промышленности приведены на рис. 1.

В то же время, необходимо понимать, что для перехода к цифровым технологиям российским промышленным предприятиям необходимо решить целый ряд задач, прежде всего обучение специалистов предприятия новому направлению, формировать заинтересованность в переходе к новым технологиям.

Для успешной конкуренции на глобальном рынке компаниям необходимо адаптироваться к новым требованиям Industry 4.0. Структура автоматизации производства является неотъемлемой частью возможностей производства гибко и эффективно использовать ресурсы. Производство конкурентоспособной высокотехнологичной продукции, а также формирование необходимых для ее изготовления условий требует от предприятий использования всего комплекса передовых производственных технологий.

Для эффективной деятельности промышленных предприятий необходима полноценная информационная поддержки на всех этапах проектирования и управленческих решений. Цифровое производство охватывает всю цепочку формирования ценности и значительно повышает эффективность работы производства.

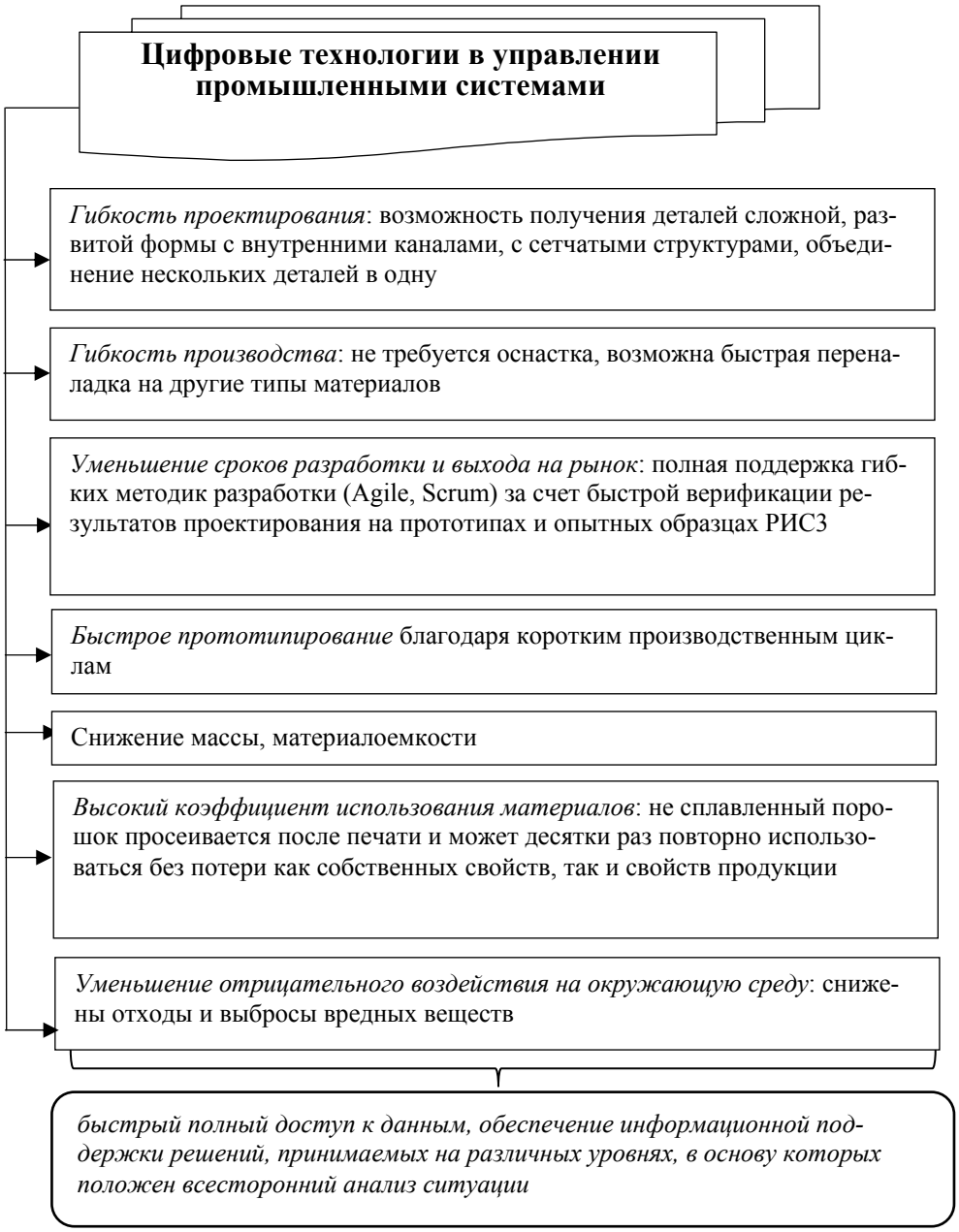


Рисунок 1.
Преимущества использования цифровых технологий в промышленности

Список литературы

1. Golovina T.A. Development of the system of state strategic management of business structures on the basis of the possibilities of a new model of the digital economy / T.A. Golovina, A.V. Polyanin, OV, Rudakova // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Economics and Management. 2017. – N 2. – P. 13–18.
2. The Oxford Handbook of the Digital Economy / Ed. by Peitz M., Waldfogel J. – Oxford: Oxford University Press, 2012.
3. World Development Report 2016. Digital dividends. Overview / International Bank for Reconstruction and Development. World Bank. 2016. – http://www.ds.worldbank.org/external/default/WDSContentServer/WDSP/IB/2016/01/13/090224b08405bbc0/1_0/Rendered/PDF/World0developm0l0dividends0overview.pdf
4. Боровков А.И., Рябов Ю.А. Перспективные направления развития передовых производственных технологий в России // Материалы XVII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества / Отв. ред. Е. Ясин. В 4-х кн. – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – С. 381–389. – https://nangs.org/news/members/statya-inzhiniringovogo-tsentra-compmechlab-perspektivnye-napravleniya-razvitiya-peredovykh-proizvodstvennykh-tekhnologij-v-rossii

5. Вертакова Ю.В. Возможности инновационно-технологического развития промышленных предприятий РФ в условиях цифровой трансформации экономики / Ю.В. Вертакова, Е.В. Быковская // Развитие цифровой экономики в условиях деглобализации и рецессии: монография / Под ред. А.В. Бабкина. – Санкт-Петербург, 2019. – С. 379–405.
6. Туровец О.Г. Экономические проблемы организации производства на предприятиях машиностроения / О.Г. Туровец, В.Н. Родионова // Экономинфо. 2018. – Т. 15, № 1. – С. 12–16.

Грущинская Н.Н.[1]

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА В СОВРЕМЕННЫХ ПРОЦЕССАХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Ключевые слова*: глобализация, технологическое развитие, цифровая экономика, информационное общество.*

Глобализация открывает перед человечеством огромные возможности для расширения масштабов обмена товарами, услугами, информацией, технологиями и капиталом, взаимодействия в гуманитарной сфере и духовного обогащения личности. В то же время для значительной части стран мира глобализация несет существенные угрозы, производя разделение стран на «цивилизационный центр» и «периферийную зону», углубляя их дифференциацию в социально-экономическом и научно-техническом развитии.

Изучая процессы, которые происходят в условиях глобализации, следует учитывать изменения и самой глобализации, ее трансформацию, к катализаторам которой можно отнести, в первую очередь, технологические изменения в обществе, которые ведут за собой изменения в экономической, политической, социальной, культурной сферах жизни.

Если XX в. был эпохой отраслей, которые базировались на использовании природных ресурсов и эффективных технологий, то в XXI господствуют «искусственные интеллектуальные отрасли», экономика интеллектуальных активов, главными факторами развития которых является не производство и внедрение, а наличие идеи, проекта, программы. Глобализационные процессы характеризуются широким диапазоном непосредственного влияния на экономику и ее результативность. Также масштабные общественные трансформации связаны с глобальной конкуренцией и конкурентоспособностью.

Технологическое развитие экономики предполагает развитие экономики путем прогрессивных сдвигов, привлечения инвестиций, последовательного роста научно-технологического сектора, экономики знаний. Отставание разработки теории технологических укладов, неиспользование ее в процессе государственного прогнозирования и управления приводят к искажениям в развитии страны. Технологические уклады являются проводником современных процессов постиндустриального общества.

Основной проблемой конструирования основ нового экономического уклада в современных условиях становится фактор адаптации его внутренних особенностей к национальному характеру индустриальной экономики. Новейшие отрасли являются специфическими элементами национальной экономики, поскольку они непосредственно подчиняются законам глобальных экономических потоков. Проблемы и перспективы их функционирования – это сложноструктурированный комплекс глобальной и национальной экономики. Основным проблемным узлом постиндустриального дизайна становится необходимость разработки модели развития постиндустриальной гуманитарной экономики в отдельной стране.

На фоне стремительного роста значимости информационной составляющей уменьшается значимость индустриальных форм организации экономики. Новейшие технологии дают уникальную возможность странам с ограниченными ресурсами «перепрыгнуть» целые циклы промышленного развития, которые еще несколько лет назад надо было пройти, чтобы достичь сегодняшнего уровня экономического развития западного общества.

Формирование постиндустриального общества предполагает новую историческую фазу развития цивилизации, в которой главными продуктами производства являются информация и знания. Признаками, которые отличают информационное общество, являются: увеличение роли информации и знаний в жизни общества; рост доли информационных коммуникаций, продуктов и услуг в валовом внутреннем продукте; создание глобального информационного пространства, обеспечивающего эффективное информационное взаимодействие людей, их доступ к мировым информационным ресурсам и удовлетворение их потребностей в информационных продуктах и услугах [6].

В современном обществе информация превращается в наиболее важную ценность, а индустрия получения, обработки и трансляции информации – в ведущую отрасль деятельности, в которую с каждым годом вкладывают все более значительные капиталы. Информация становится важным стратегическим ресурсом, отсутствие которого приводит к существенным потерям в экономике. Информатизация общества является одним из решающих факторов модернизации экономики на рыночных принципах и залогом интеграции Украины в мировое сообщество.

Впервые попытки измерения информации осуществлялись в начале XIX в. Однако начало современной теории информации было положено американским кибернетиком К. Шенноном в 1948 году, который определил информацию не как общественный феномен, а в техническом аспекте. После исследований характеристик и вариантов измерения информации начинают выходить философские научные труды, посвященные качественной природе информации [19]. Так, по мнению А. Урсула, информация – это часть такого атрибута материализма, как отражение, выражающая раз-

[1] Грущинская Наталия Николаевна – д.э.н., доцент, зав. кафедрой публичного управления и администрирования Национального авиационного университета, Киев. E-mail: Natnik2006@meta.ua

нообразие, она может объективироваться, передаваться и участвовать во всех формах движения в природе и обществе [14]. В 80-е годы количество публикаций философского характера по вопросам информации заметно сократилась, что можно объяснить ложными представлениями о разработанности основных теоретических положений проблемы. Одновременно с прекращением теоретических исследований философов информация стала играть все более заметную роль в социально-экономическом развитии и привлекать к себе внимание экономистов.

Переход экономической науки от описания феномена информации к более серьезному теоретическому анализу выявил принципиальные трудности в экономических оценках стратегической роли информации в научно-техническом и социально-экономическом развитии. Экономистами было отмечено сходство понятий «информация» и «знание», частично в экономической литературе эти понятия используются как синонимы. Их сходство, но не идентичность, очевидно. Так, У. Джевонс утверждал, что политическая экономия может превратиться в точную науку, для этого нужны только соответствующие статистические данные, которые обеспечат возможность необходимых расчетов. Однако, предвидя появление институционализма, У. Джевонс признал, что хотя разработка важнейших определений, составляющих основу статистического исследования, требует огромных усилий и предполагает отточенность и мастерство разумных выводов, с помощью таких методов все же нельзя решить всех экономических проблем [5].

Проблема информации в новом классическом направлении принимается во внимание в целях совершенствования формально-логической стороны равновесного подхода и теоретических схем посредством использования идеи о субъективно-специфическом характере ожидаемых экономических субъектов и их способности прогнозировать будущее.

В недавнее время появилось несколько теорий о том, что одним из важнейших и даже главных факторов перехода на новые уровни развития во всех сферах общественной жизни является совершенствование информационной структуры общества.

Французским ученым А. Туреном в работе «Постиндустриальное общество» было предложено не разграничивать социально-экономические системы по оси противопоставления различных типов собственности и различных общественных способов производства [13, с. 167]. Сходные идеи обоснованы в работах Д. Белла, в которых он предложил многоосевой подход к объяснению перехода от индустриального к постиндустриальному обществу и характеристики последнего. Основными осями при этом являются развитие науки и техники, изменения структур производства и занятости, изменения социальной структуры, применения знаний, изменение отношений собственности и др. [1].

М. Кастельс в работе «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» предположил, что различия откладываются по другой оси: между доиндустриальной эпохой, индустриализмом и информационной цивилизацией. Социально-экономические изменения происходят в производстве в применении видов знания [7].

Некоторые различия в определениях постиндустриального общества, экономики знаний как теоретических конструкций и реальности свидетельствуют о дискуссионности отдельных проблем, связанных со становлением и развитием постиндустриальной цивилизации. Наступление постиндустриального этапа и формирования соответствующего общества характеризуются процессом создания в сфере услуг все большей доли ВВП и сосредоточением в этой сфере человеческой активности все большего количества занятых. В странах с высоким уровнем развития в структуре ВВП преобладает третичный сектор, вторичный представлен перерабатывающей промышленностью, тогда как доля первичного сектора невелика.

Технология как важный элемент производительных сил всегда существует в определенной общественно-экономической форме, определяемой господствующими производственными отношениями. Поэтому при всем единстве технологической и экономической составляющих общественного производства между ними неизбежно возникают несоответствия и противоречия. Накопление капитала и научно-технический прогресс меняют структуру капитала, растет техническая вооруженность труда, а следовательно, меняется и техническое стоимостное наполнение капитала, которое определяет тенденцию нормы прибыли к понижению. На этой основе выведен закон убывающей производительности капитала и др.

Накопление капитала является процессом, который объединяет экономические и технологические изменения. Поскольку технологические изменения имеют исторически определенные границы и проходят циклы от нарастания своей роли в развитии экономики к ее уменьшению при приближении к технологической границе, то им соответствуют процессы увеличения и уменьшения отдачи. Глубина спада производства, снижения производительности капитала определяется состоянием научно-технического прогресса и степени использования его достижений. Такие негативные процессы остро стоят при неизменном техническом базисе. И наоборот, научно-технический прогресс, применение новой техники обеспечивают рост отдачи от внедрения научно-технических процессов. Особенно обостряется противоречие тогда, когда технологический уклад приближается к своему пределу, исчерпывает свои потенциальные возможности.

Особенности этих процессов находят свое выражение в современном информационном хозяйстве. Ведь информация и знания как новые производственные ресурсы, которые снимают проблему ограниченности, обеспечивают рост отдачи, реализуют действие закона растущей производительности. Д. Белл отметил: «Замена рабочих машинами приводит к экономии не только труда, но и инвестиций, так как каждая последующая единица капитала более эффективна и продуктивна, чем предыдущая. А значит, на единицу продукции требуется меньше затрат» [1, с. 121]. Такое утверждение можно спроецировать на современные условия, в которых машины технологически совершенны, а увеличение инвестирования и уровня информационного обеспечения приводит к совершенствованию имеющихся технологий [9].

Д. Белл разработал новую концепцию секторной теории, выделяя кроме третьего четвертый и пятый уклады. В этой теории торговля, финансы, страхование и операции с недвижимостью отнесены к четвертому сектору; здраво-

охранение, образование, отдых, правительственные учреждения – к пятому. Эта концепция Д. Белла вызывает много споров в научной среде, однако ее исследование позволяет определить более четко технологические уклады.

По мнению Д. Белла, изменения в социальной структуре, произошедшие в середине XX в. свидетельствуют о том, что индустриальное общество эволюционирует к постиндустриальному, которое и должно стать определяющей социальной формой XXI века [1, с. 10]. Он сформулировал характер перехода от индустриального к постиндустриальному обществу. При этом новое общество не замещает индустриальное или даже аграрное, а дает новый аспект в области использования данных и информации, которые являются необходимыми компонентами общества. Итак, общество ничего не теряет, а наращивает производственный потенциал, переводит его на новый уровень развития. Переход к постиндустриальному обществу не отрицает существования аграрного и добывающего секторов. Развитая индустрия превращает сельское хозяйство и добывающие отрасли в основные сферы применения машинной техники, комплексной механизации и автоматизации производства. Это позволяет повысить производительность труда и уменьшить занятость в этой сфере, а освободившуюся рабочую силу перевести в обрабатывающую промышленность. Переход на новый технологический способ производства сопровождается глубокими структурными изменениями в секторах производства.

О. Тоффлер охарактеризовал особенности современного общества так: «общества первой волны» получают энергию от живых аккумуляторов – мышечных сил человека и животных – или от солнца, ветра и воды, товары обычного производства изготавливаются поштучно на заказ, что в значительной мере касается и распределения. Иначе говоря, доиндустриальное общество характеризуется и примитивным способом производства, и его низким уровнем, а следовательно, и соответствующими условиями жизни и труда. Абсолютно правильным является утверждение Дж. Сакса о том, что «разрыв в технологиях преодолеть гораздо сложнее, чем разрыв в капитале» [11].

По оценке С.В. Мочерного, модель постиндустриального общества (Д. Белл, Р. Арон) предусматривает важнейшие структурные элементы постиндустриального общества с участием университетов, научных институтов и исследовательских организаций, а материальные производительные силы перестают играть решающую роль [8].

В контексте формирования постиндустриального общества актуальность приобретает «сетевое общество». Термин «сетевое общество» был предложен голландцем Я. ван Дейком в книге «De Netwerkmaatschappij» («Сетевое общество», 1991) и поддержан М. Кастельсом в 1996, который определил сетевое общество как общество, в котором происходит сочетание общественных и медиа-сетей, форм его простых способов организации и наиболее важных структур на всех уровнях развития (личности, организации и общественности). Сетевое общество это больше, чем информационное. М. Кастельс утверждает, что сетевое общество определяется не только технологическими, но и культурными, экономическими и политическими составляющими, в том числе такими факторами, как религия, культурное воспитание, политические организации и социальный статус. Ван Дейк утверждает, что сетевое общество характеризуется социальной структурой, основанной на эксплуатации информационных и коммуникационных технологий, микроэлектроники и цифровых компьютерных сетей, генерирующих обрабатывающих и распространяющих информацию на основе знаний, накопленных в узлах «networks» (сети) [7].

Сетевое общество может быть определено как общественная организация. Сети не являются новыми. Новым является микроэлектроника, сетевые технологии, которые обеспечивают новые возможности для социальной организации. Сетевую экономику можно рассматривать с нескольких точек зрения: как переход от индустриальной экономики к постиндустриальной, как цифровую и информационную инфраструктуру, в аспекте прав интеллектуальной собственности. Поскольку информация может использоваться сразу и без особых затрат в глобальном масштабе, стоимость централизованного принятия решений значительно уменьшается. Сетевая экономика является проводником постиндустриального общества, и одновременно ее можно считать катализатором технологического развития страны. Также, следует отметить, что сетевая экономика рассматривается как эволюционный фактор влияния на геоспециализацию.

Четвертая промышленная революция предполагает приоритет информационных технологий, переход к цифровой экономике, которая является необходимым условием развития современного бизнеса в условиях возрастающей конкуренции на мировых рынках.

Четвертая промышленная революция предполагает развитие и слияние автоматизированного производства, обмена данных и производственных технологий в единую саморегулирующуюся систему, с минимальным либо вообще отсутствующим вмешательством человека в производственный процесс. Фаза промышленной революции, которая характеризуется слиянием технологий, размывает границы между физической, цифровой и биологической сферами в контексте развития киберпространства, информационной безопасности страны.

Возможности развития в глобализирующемся мире для каждой страны определяются ее способностью создавать инновационные продукты, реализуемые на мировом рынке. Необходимым становится обмен опытом по использованию передовых технологий, информирование мира о своих умениях и знаниях, аутсорсинг проектирования и монтажа, субподряды, готовность к работе на объектах по всему миру; создание платформ для обмена информацией о специалистах, проектах, предлагаемых услугах; внутренние стандарты необходимо адаптировать к международным стандартам.

К 2020 году последствия Четвертой промышленной революции откроют человечеству мир робототехники и автономного транспорта, искусственного интеллекта и обучения с помощью машин, новых материалов, биотехнологий и геномики.

Известный швейцарский экономист доктор Клаус Шваб, основатель и руководитель Всемирного экономического форума, отмечает: «Четвертая революция идет на нас, как цунами! Скорость этой революции так высока, что политическому сообществу трудно или даже невозможно успевать с необходимыми нормативными и законодатель-

ными рамками». Он также считает: «Эта революция кардинально изменит то, как мы живем, работаем, относимся друг к другу. Подобного масштаба и сложности изменений человечеству еще никогда не приходилось испытывать. Уже сейчас очевидно, что она коснется всех групп, слоев и слоев человечества и всех профессий».

Важнейшими факторами влияния на глобальную экономику являются: распространение Интернета и мобильной связи, автоматизация рутинной интеллектуальной работы; облачные технологии и решения по хранению энергии; последующие поколения подходов к управлению геномами; продвинутая робототехника и транспорт без водителей; 3D-печать и т.д.

Среди негативных последствий четвертой промышленной революции можно выделить следующие: возникновение безработицы и перераспределение мирового богатства – бедные страны могут стать еще беднее, но и богатые страны могут ожидать значительные потрясения в связи с массовой роботизацией производств; переток квалифицированных кадров в богатые страны, в связи с наличием у них новейших технологий; рост угроз для кибербезопасности.

Некоторые профессии будут исчезать, другие будут активно развиваться. Человек должен будет уметь подстраиваться к изменению ситуации и развивать свои навыки в соответствии с происходящими изменениями. К основным навыкам, которые будут наиболее необходимы до 2020 года можно отнести способность к решению комплексных задач, критическое мышление, творческие способности, управленческие таланты, способность координировать с вои действия с действиями других людей, эмоциональный интеллект, способность рассуждать и принимать решения, ориентация на обслуживание, навыки ведения переговоров, когнитивная гибкость. Новые продукты, технологии и способы работы будут заставлять человека быть более творческим и более способным применять эти технологии, создавать новые продукты и услуги. Интересным фактором является уменьшение значимости навыков ведения переговоров, поскольку решение за человека смогут принимать машины на основе больших массивов данных. Опрос, проведенный Советом по вопросам развития будущего программного обеспечения и общества Всемирного экономического форума, показал, что к 2026 году некоторых директоров компаний можно будет заменить программами искусственного интеллекта. Кроме того, изменения в профессиях и назначении человека будут побуждать к переквалификации, получению новых навыков и саморазвитию, что предполагает процесс непрерывного образования, образования в течение жизни.

Список литературы

1. Белл Д., Иноземцев В. Эпоха разобщенности. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007.
2. Бжезинский Зб. Новый Мировой Порядок в опасности из-за «сопротивления широких масс населения». – http://dialogs.org.ua
3. Бондаренко К. Пророчество Маргарет Тэтчер, или новый мировой порядок. – http://world.lb.ua/news
4. Розенау Дж.Н. Управление без правительства: порядок и изменения в мировой политике. – https://www.google.com.ua
5. Джевонс У. С. Основы науки. Трактат о логике и научном методе = The Principles of Science: A Treatise on Logic and Scientific Method (1874). – М.: Либроком, 2016 – 744 с.
6. Идентичность и ценности в эпоху глобализации / Под ред. Пахомова Ю.М., Павленко Ю.В. – К.: Наукова думка, 2013. – 602 с.
7. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. А.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
8. Киссинджер Г. Дипломатия [Пер. с англ. В.В. Львова]. – М.: Ладомир, 1997. – 848 с.
9. Мочерний С.В., Ларіна Я.С., Фомішин С.В. Світове господарство в умовах глобалізації. – К.: Ніка-Центр, 2006. — 200 с.
10. Новый мировой порядок в XXI веке: глобальные тенденции и их значение. – http: //razumkov.org.ua
11. Павленко Ю.В. История мировой цивилизации. Социокультурное развитие человечества. 3 изд. – 352 с. – http: //www.lib.ua-ru
12. Сакс Дж. Цена цивилизации. – М.: Издательство Института Гайдара, 2012. – 352 с.
13. Смит Э. Д. Национальная идентичность. – К.: Основы, 1994. – С. 10–27.
14. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. – М.: Научный мир, 1998. – 204 с.
15. Урсул А.Д. Информация и глобальные процессы: междисциплинарные исследования // Знание. Понимание. Умение. 2013. – № 3. – С. 26–33.
16. Фукуяма Ф. Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке. 2006.
17. Хантингтон С. Новый мировой порядок в XXI веке: тенденции и европейское измерение. – http://xyz.org.ua/russian
18. Четверикова А. О новом мировом порядке. – http://firtka.if.ua
19. Шахназаров Г.Х. Грядущий миропорядок: о тенденциях и перспективах международных отношений. – М.: Политиздат, 1981. – 447 с.
20. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. – М.: ИЛ, 1963. – 830 с.
21. World Economic Forum. – http://www.weforum.org/r.Competitiveness Rankings.pdf
22. Офіційний сайт Державного комітету статистики України. – http://www.ukrstat.gov.ua
23. Характеристика України по Індексу економічної свободи, 2018 // Официальный сайт Heritage Foundation. – http://www.heritage.org/Index Ranking of countries 2010.
24. Міжнародний індекс щастя. – https://s3.amazonaws.com/happiness-report/2018/WHR_web.pdf

Давиденко Л.М.
к.э.н., доктор PhD, ассоциированный профессор (доцент), Инновационный Евразийский университет, г. Павлодар, Казахстан; Омский государственный университет davidenkolm@rambler.ru

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СИСТЕМНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ[1]

***Ключевые слова**: модернизация экономики, технологическая интеграция, цифровая экономика.*
***Keywords**: economic modernization, technological integration, digital economy.*

Введение. Экономика нового типа носит трансформационный характер благодаря приемам и методам управления, в числе которых технологическая интеграция, цифровизация систем управления производством, внедрение «умных технологий». Динамичность экономических процессов предопределила появление устойчивых связей, в числе которых сетевое взаимодействие на уровне построения экосистемы промышленных комплексов, сектора финансовых и информационных услуг, а также государства.

Процесс сетевого взаимодействия приобретает высокие темпы роста в условиях промышленной революции и опирается на цифровую обработку входящей и исходящей информации, по причине чего бизнес-модели компаний ложатся в основу глобальных цифровых платформ, интегрирующих в себе наборы бизнесов, в том числе дополняющих либо конкурирующих друг с другом на определенном этапе развития. В традиционном понимании бизнес-процессы компаний, функционирующих в пределах единой платформы, позволяют управлять экосистемой, контролировать ресурсное обеспечение производства и сбыт продукции. Современные технологические вызовы способствуют тому, чтобы компании выходили на новый уровень сотрудничества внутри собственных структурных подразделений, а также с другими хозяйственными субъектами, организациями сектора ИКТ, государственными структурами, финансовыми учреждениями, научно-исследовательскими центрами. Несмотря на масштабирование деятельности принципы взаимодействия в пределах одной бизнес-модели остаются классическими.

1. Системная модернизация экономики через технологический прорыв

Развитие экономики основывается на совокупном взаимодействии внешних и внутренних факторов экономического роста, в том числе благодаря технологической революции, которая предопределила направления модернизации экономических отношений (табл. 1)

Таблица 1

Технологические аспекты модернизации экономики

Направления модернизации экономики	Выдвигаемые постулаты	Механизмы реализации	Авторы исследований
Построение «умных» систем управления	Феномен «умные города» состоит в росте конкурентоспособности городских территорий за счет инноваций и повышения качества жизни граждан	Переход в категорию «умных систем» должен сопровождаться перестройкой инфраструктуры путем улучшения общественных услуг и более чистой окружающей среды	Аппио Ф.П. (Appio F.P.), Лима М. (Lima M.), Пароутис С. (Paroutis S.)
Развитие крупных (инфраструктурных) технологических систем («Large (infrastructural) Technological System», LTS)	Крупномасштабные проекты должны поддерживаться государством в решении проблем согласования интересов участников «LTS» путем легитимации отношений и создания необходимого импульса для инновационного рывка	Радикальная реконфигурация экосистемы технологического бизнеса, необходимая для материализации и внедрения новой инфраструктуры «LTS» на рынке, где доминируют системы мировых технологических лидеров (опыт развития китайской системы мобильной телефонной связи «3G»)	Шен Х. Б. (Shen X. B)
Развитие предпринимательского сектора	Предпринимательство, инновации и политическая конкуренция лежат в основе государственно-частного партнерства	Баланс между частными и государственными интересами, позволяющий создавать высокую добавленную стоимость общественного продукта, снижение законодательных барьеров для платформенных рынков (опыт компаний Uber и Lyft в США в 2011–2015 гг.)	Пайк Йон. (Paik Yo.), Kang S. (Канг С.), Симанс Р. (Seamans R.)

[1] Работа выполнена в рамках гранта китайского социального научного фонда «Сравнительное исследование моделей инновационного развития старопромышленных регионов на северо-востоке Китая и на территории бывшего СССР» (№ 13BGJ015), инициативной прикладной НИР «Исследование потенциала инновационно-технологического развития экономики регионов Республики Казахстан и разработка возможных сценариев их экономического роста», Номер государственной регистрации 0119РКИ0283 и научного проекта № 19-010-00081 «Технологическая интеграция в обрабатывающей промышленности в рамках приоритетов научно-технологического развития России» при финансовой поддержке РФФИ.

Активизация сектора инновационно-коммуникационных технологий в бизнес-среде	В совокупности технологий общего назначения наибольший эффект достигают капиталовложения в технологии ИКТ	Расширение информационных бизнес-услуг как средства эффективного использования инновационного капитала, встроенного в производственный процесс (опыт стран OECD)	Магги Б. (Maggi B.)

По мере расширения границ и сфер деятельности промышленных предприятий, возникает так называемый «сетевой эффект», представляющий собой базу для построения платформы. Синергия возникает в результате сокращения производственных издержек вследствие наращивания объемов производства продукции, а низкие транзакционные затраты обеспечивают ценность взаимодействия потребителей с данной группой компаний [5]. В результате классического взаимодействия платформа балансирует между предложением продукции/услуг и платежеспособным спросом.

2. Платформенные модели управления промышленными комплексами

Цифровая экономика способствует качественному преобразованию интеграционных связей, включая формирование интегрированных хозяйственных структур. Цифровая промышленная кооперация интегрирует производственные процессы промышленных предприятий, повышая их конкурентоспособность, углубляя процесс переработки сырья с наименьшими затратами благодаря разработке цифровых двойников [6-8]. В частности, получила известность платформа «CML-Bench», которая признается основой для создания цифровых фабрик будущего как система комплексных технологических решений по производству продуктов от этапа формализации базовых принципов изделия до этапа создания «умного» цифрового двойника на основе цифрового проектирования и моделирования [9]. Платформенные модели управления промышленными комплексами стали включать в себя цифровые системы нового поколения. Так, ПАО «Сибур Холдинг» объединило сервисы связанных цифровых платформ производственного и сервисного назначения (рис. 1).

По своей сути цифровую платформу можно описать как бизнес-модель, оснащенную технической поддержкой с целью увеличения потока и скорости обмена информацией между пользователями и ее потребителями. При этом бизнес-моделирование через цифровые платформы опирается на интегрированную информационную систему, которая открыта для использования клиентами и партнерами, включая разработчиков приложений и агентов [11].

3. Расширение границ системной модернизации экономики

Технологические аспекты системной модернизации напрямую затрагивают экономику стран ЕАЭС. В настоящее время акцентируется внимание на создании площадок трех типов: социальные, инфраструктурные и платформы, ориентированные на «Big data». Практика показывает, что этому способствуют активная кооперация в научно-технической и инновационной сферах.

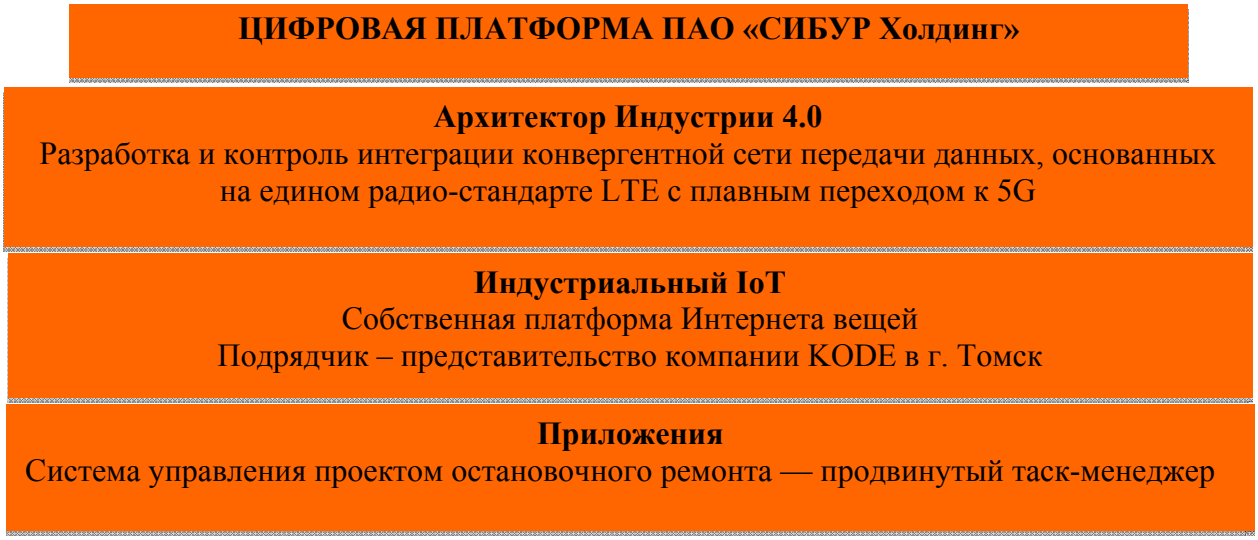


Рисунок 1.
Элементы цифровой платформы ПАО «СИБУР Холдинг» (по [10])

На наш взгляд, приверженность основным принципам управления на основе платформенного взаимодействия позволит отечественным компаниям в самое ближайшее время достичь следующих позиций:

– во-первых, расширить возможность функционирования в условиях увеличения нагрузки, появления новых продвинутых версий компонентов, а также расширения количества пользователей и географического охвата деловой среды;

– во-вторых, эффективно и рационально использовать отличающиеся друг от друга условия и факторы развития бизнеса;

– в-третьих, создавать и наращивать активы, которые могут использоваться в других процессах и отраслях без существенных модификаций.

Заключение. Несмотря на технологическое отставание перспективы роста отечественных промышленных компаний очень высокие. Переход на уровень интеллектуального промышленного производства определяется готовностью предприятий к работе на совместных производственных площадках путем формирования общего банка прорывных технологий, после чего система управления интегрированными хозяйственными комплексами будет способна перейти на новый уровень организации производства, соответствующий требованиям высокой отдачи от всех видов вложенного капитала. Совместные производственно-цифровые платформы позволят аккумулировать национальные и мировые достижения научно-технического прогресса в индустриальное общество нового типа.

Список литературы

1. Appio F.P., Lima M., Paroutis S. Understanding Smart Cities: Innovation ecosystems, technological advancements, and societal challenges // Technological Forecasting and social Change. 2019. – Vol. 142. – P. 1–14. – DOI: 10.1016/j.techfore.2018.12.018
2. Shen X.B. Building 'mass' and 'momentum' – a latecomer country passage to large technological systems – the case of China // Technology Analysis & Strategic Management. 2019. – Vol. 31, N 5. – P. 503–516. – DOI: 10.1080 / 09537325.2018.1519184
3. Paik Yo., Kang S., Seamans R. Entrepreneurship, innovation, and political competition: How the public sector helps the sharing economy create value // Strategic Management Journal. 2019. – Vol. 40, N 4. – P. 503–532. – DOI: 10.1002/smj.2937
4. Maggi B. ICT stochastic externalities, technology innovation and business services: is there an evidence of missed opportunity growth? // Economics of Innovation and new Technology. 2019. – Vol. 28, N 3. – P. 265–278. – DOI: 10.1080/10438599.2018.1483485
5. Растова Ю. И. Сбалансированная система показателей как фреймворк процесса стратегического управления // Актуальные вопросы развития современной науки: теория и практика: сборник трудов конференции. – Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2018. – С. 87–89.
6. Зеневич А.М., Пунчик З.В. Цифровая платформа как элемент цифровой экономики // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. – Минск: Белорусский государственный экономический университет, 2019. – С. 187–193.
7. Копкова Е.С., Гречкин Е.К. Цифровая промышленная кооперация. Разработка цифровых промышленных платформ // Синергия наук. 2019. – № 31. – С. 27–34.
8. Плотников А. В. Концепция двустороннего рынка и многосторонних платформ как элемента цифровой экономики // Московский экономический журнал. 2019. – № 7. — С. 28.
9. Сазонов А.А. Анализ системы разработки цифровых двойников на основе компонентов цифровой платформы CML-Bench // Управление инновационно-инвестиционной деятельностью: к 80-летнему юбилею профессора Юрия Петровича Анисимова: сборник материалов Всероссийской юбилейной научно-практической конференции, Воронежский государственный технический университет. – М.: «Научная книга» (Саратов), 2019. – С. 132–139.
10. СИБУР Цифровая химия // Интернет-журнал о цифровой трансформации компании СИБУР. – https://www.sibur.digital/.
11. Зараменских Е.П. Цифровые платформы как средство агрегации, производства и предоставления цифровых товаров и услуг // Вестник Российского нового университета. Серия: сложные системы: модели, анализ и управление. – М., 2018. – С. 105–112.
12. Миллер М.А. Новая индустриализация в контексте пространственного развития регионов // Вестник Омского университета. Серия: экономика. 2019. – Т. 17, № 2. – С. 185–193.

Yeritsyan H.
PhD in economics, European University, Yerevan
yer.hovhannes@yahoo.com

THE ROLE OF INTERNATIONAL MARKETING IN THE SCOPE OF COMPANY DEVELOPMENT

Keywords: *globalization, international marketing, marketing mix, 4 Ps of international marketing, multinational companies.*

Ключевые слова*: глобализация, международный маркетинг, комплексный маркетинг, 4 Ps международного маркетинга, транснациональные компании.*

Аннотация

Компании выбирают выход на глобальный рынок или на международные рынки по разным мотивам, и эти разные цели на момент выхода на рынок должны создавать особые стратегии, цели исполнения и даже методы проникновения на рынок. Тем не менее, компании часто придерживаются стандартной стратегии выхода на рынок и развития. Наиболее распространенный метод иногда называют методом «увеличения обязательств» развития рынка, при котором выход на рынок осуществляется через независимого локального партнера. По мере роста бизнеса и доверия часто происходит переключение на дочернюю компанию с прямым контролем. Этот подход к интернационализации обусловлен желанием построить бизнес на рынке страны как можно быстрее и исходным желанием минимизировать риск в сочетании с необходимостью приобретения необходимых знаний о данной стране и данном рынке. Разработка маркетингового микса для целевой страны осуществляется через международный маркетинг. Это может быть достигнуто за счет превращения имеющихся маркетинговых стратегий в международные стратегии и полной настройки системы маркетинга (4Ps) для целевых стран.

International marketing is becoming a major trend in modern business. To this effect, several researches regarding the purchase behavior and consumer demand for various products across national boundaries have been and are still being assumed. The international marketing is characterized as the process of management responsibility in identifying, anticipating and satisfying customer requirements across international boundaries. In frames of the international marketing, companies are concerned in taking general decisions in one or more variables of the marketing mix. Therefore, companies targeting to enter international markets deal with the task of whether to adapt or standardize the elements of marketing mix, that is, four Ps (product, price, place, promotion)[1].

During the last ten years, business has generally grown and the majority of companies have respectively expanded their service or product offerings in international market and different cultures[2]. Moreover, the scientists have noted that in the challenge to hold a market share in the growing competition in international markets in addition to achieve benefits, multinational corporations (MNCs) continuously deal with the problem of economical survival by understanding which product strategy to choose while entering in international markets.

Companies choose to go global and enter international markets for different motives, and these diverse goals at the time of entering should generate special strategies, execution objectives, and even methods of market penetration. Yet companies frequently pursue a standard market entrance and development strategy[3]. The most common is sometimes referred to as the «increasing commitment» – method of market development, in which market entry is done via an independent local partner. As business and confidence grows, a switch to a directly controlled subsidiary is often enacted. This internationalization approach results from a desire to build a business in the country-market as quickly as possible and by an initial desire to minimize risk coupled with the need to learn about the country and market from a low base of knowledge. A few of the more widespread reasons are provided below[4]:

1. Increase sales. If the company has a unique product or technological advantage not available to international competitors, then this advantage should result in major business success abroad. For example, if you run a software company and add a French and German language version, you are extending your total market by nearly 200 million.

[1] Yeritsyan H. International Marketing: Methodological and theoretical guideline. – Yerevan, 2018. – P. 22–25.

[2] Yeritsyan H. Barriers To Enter International Markets, Marketing Analysis // Akunq Collection of scientific articles. – Yerevan, 2018. – N 3 (19). – P. 171–180.

[3] Yeritsyan H. La stratégie des multinationales: du local au global // European Academy Abstract Collection. 2013. – P. 52–55.

[4] Biggs R.P. 10 Reasons to go International. 2014. – P. 2–4.

2. Improve profits. Many export markets are not as competitive as the U.S. and therefore price pressures are far less – ever wonder why a Jaguar car made in Coventry, England costs more in Coventry than in California? It is a common practice for U.S. products to be sold at a higher price (and margin) in many export markets – software translated into German is much appreciated by users in Germany and they will become loyal customers and pay a premium. A U.S. company will often enjoy a far less competitive landscape if it goes to the trouble of localizing.

3. Short-term security. Your business will be less vulnerable to periodic fluctuations and downturns in the U.S. economy and marketplace.

4. Long-term security. The U.S. is a large, mature market with intense competition from domestic and foreign competitors. Additionally, the U.S. currently has excess capacity so international business trade may become a necessity if you want to keep up in an increasingly global marketplace and enjoy the potential for cost savings.

5. Increase innovation. Extending your customer base internationally can help you finance new product development.

6. Exclusivity. Your company's management may have exclusive market information about foreign customers/prospects, marketplaces or market situations that are not known to others.

7. Economies of scale. Exporting is an excellent way to expand your business with products that are more widely accepted around the world. In many manufacturing industries, for example, internationalization can help companies achieve greater scales of economy, especially for companies from smaller domestic markets. In other cases a company may seek to exploit a unique and differentiating advantage (intellectual property), such as a brand, service model, or patented product.

8. Education. Under certain circumstances, a company might undertake an international market entry not solely for financial reasons, but to learn[1]. In most sectors, participation in the «lead market» would be a prerequisite for qualifying as a global leader, even if profits in that market were low. Lead markets include: United States for software, Japan for consumer electronics, Italy for fashion, Germany for automobiles and so on. It should be noted that if a company is to maximize learning from a lead market, it should probably participate with its own subsidiary. Learning indirectly, via a local distributor or partner, is obviously less effective and will contribute less to the company's development as a global player.

9. Competitive Strike. Market entry can prompt not by the positive characteristics of the country identified in a market assessment project, but as a reaction to competitors' moves. A common scenario is market entry as a follower move, where a company enters the market because a major competitor has done so. This is obviously driven by the belief that the competitor would gain a significant advantage if it was allowed to operate alone in that market. Another frequent scenario is «offense as defense», in which a company enters the home market of a competitor–usually in retaliation for an earlier entry into its own domestic market. In this case, the objective is also to force the competitor to allocate increased resources to an intensified level of competition.

10. Government Incentives (i.e., cash). It is common for governments to «incentivize» their country's companies to export. This often results in many companies entering markets they would otherwise not have tackled. The U.S. government offers a wealth of help when a company decides to begin exporting. Export assistance centers provide a one-stop resource and can be found in over 100 U.S. Cities. The Small Business Administration (SBA) offers Export Working Capital Programs that include guaranteed loans of $50,000 to $100,000 to help exporters grow their business.

International marketing is the adoption and use of marketing principles into another country, by companies overseas or across national borders[2]. The base of the international marketing is the expansion of local marketing plan especially concentrated on international marketing concept and international targets. It may be realized when a company is exporting its product which can be fulfilled through licensing, franchising or direct investment in the target foreign country. The elaboration of the marketing mix for targeted country necessitates international marketing. This can be enabled by extension of current marketing strategies to international strategies and totally customizing the marketing mix (product, price, place and promotion) for target countries.

Global marketing occurs when a company looks at the entire world as one market and markets to almost all countries worldwide. A global company needs to understand the requirements to service country-specific customers with global standard solutions and products. The key to success is a worldwide marketing system that retains a strong local country customer focus along with a global marketing strategy.

Globalization has had an important influence on international marketing. Increasingly markets have become open to international organizations as the cost and complexity of overseas operating has been reduced by globalization[3]. Companies can access lower cost resources and labor in developing countries. This permits companies to price their products lower and open up a broader market of people across various ranges of disposable income.

There are several factors that progressively drive international trade and marketing efforts. It is possible to increase market share by developing the business not only in domestic market, but also by expanding the activity abroad. In any case it requires respect to language, culture, market demand, economies, market infrastructure and laws. The extension of the activity in foreign markets finally precedes multinational companies to get a presence in all main regions of the world, to achieve large scale of international marketing experience and for some expansion within these regions to achieve a very broad breadth of international marketing. The last one gives to MNCs to build a global brand and a global marketing company.

In addition, a widespread customer base provides a hedge against the risks associated with only selling into a single market. For example, if the company only markets to domestic consumers and there is an economic downturn, many of the consumers may not be able to afford the product. Averaging the sales variance of the domestic and international markets re-

[1] Biggs R.P. 10 Reasons to go International. 2014. – P. 2–4.

[2] Cateora Ph.R., Graham J., Gilly M.C. International Marketing. 2015. – P. 472–475.

[3] Levitt Th. The Globalization of Markets // Harvard Business Review. 1983. – Vol. 61, May-June. – P. 92–100.

duces the company sales variance over time. This adds more stability to company performance and a more consistent flow of sales and earnings per share. In addition, as domestic markets mature, international markets can provide the added opportunity needed for a company to continue to grow.

Not all businesses enter international markets as part of a strategic market plan. As shown below, many businesses are forced to consider international markets due to global competition[1]. The U.S. automotive and consumer electronics industries were forced to enter international markets reactively due to the competitive challenge of foreign brands; overproduction and excess capacity; and saturating domestic markets. If they had not made this move, many of these companies may not have survived a world of global competition. Others like McDonald's, Yum Brands, Starbucks and Apple have pursued a "proactive" international market strategy. They saw an opportunity to leverage their competitive advantage; to grow sales and profits; to take advantage of lower cost production; and to enjoy tax benefits. To succeed in global markets, however, depends heavily on knowledge accumulation and deployment of an efficient and effective global marketing strategy[2].

Table 1

Reactive and Proactive Market Entries

Reactive Market Entry	Proactive Market Entry
• Competitive pressure and survival • Overproduction and excess capacity • Saturated domestic market	• Competitive advantage • Sales profit growth • Low cost production and tax benefits

Developing a globally recognizable brand provides a company with new opportunities to more easily enter new or emerging markets and build customer loyalty. Consumers are naturally drawn to and trust brands that they recognize and are more inclined to purchase from those brands.

A common first step in international marketing is to expand into an adjacent market as depicted below. For example, a U.S. company would expand into Canada or a German company would expand into Austria. Similarly, a Japanese company might expand into South Korea or China; a Brazilian company into Argentina; or Russia might enter a nearby country in Eastern Europe. The adjacent countries are generally more familiar to the domestic business, closer and better known with respect to market demand, language, economies, laws, culture and market infrastructure.

The next step is to enter other country markets within the region. For Europe, Asia and Latin America this includes a wide variety of countries. For North America there are only two choices for the domestic company.

Figure 1.
Breath of International marketing

For grown companies this will eventually lead to market entry into much more attractive countries outside the region of the domestic market. For multinational businesses this leads to a presence in all major regions of the world and for some, expansion within these regions to achieve a very broad breadth of international marketing. As a company builds a greater breadth of international marketing it is in the position to build a global brand and a global marketing management system.

[1] Craig C.S., Douglas S.P. Responding to the Challenges of Global Markets: Change, Complexity, Competition, and Conscience // Columbia Journal of World Business. 1996. – Vol. 31, N 4, Winter. – P. 6–18.

[2] Farell D. Assessing Your Company's Global Potential // Harvard Business Review. 2004. – Vol. 82, N 12, December. – P. 85.

Ефименко А.Г.[1]

ОЦЕНКА И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО СЕКТОРА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Ключевые слова: *Республика Беларусь, перерабатывающая промышленность, продовольствие, потребление, инновационная продукция, экспорт.*

Keywords: *Republic of Belarus, processing industry, food, consumption, innovative products, export.*

В Республике Беларусь в общем объеме промышленного производства по объему произведенной продукции перерабатывающая промышленность продовольственного сектора занимает ведущее место. Ее роль в экономике заключается в эффективном использовании сельскохозяйственного сырья, сокращении его потерь; обеспечении рационального питания населения и продовольственной безопасности страны. Производство продуктов питания включает переработку продукции сельского, лесного и рыбного хозяйства для производства продуктов питания, готовых кормов для животных и производство непищевых полуфабрикатов. Данная деятельность подразделена на группы по видам произведенной продукции: переработка и производство мяса, мясной и мясосодержащей продукции; переработка и консервирование рыбы, ракообразных и моллюсков; переработка и консервирование фруктов и овощей; производство растительных и животных масел и жиров; производство молочных продуктов; производство мукомольно-крупяных продуктов, крахмалов и крахмальных продуктов; производство хлебобулочных, макаронных и мучных кондитерских изделий, а также производство прочих продуктов питания.

В 2017 г. удельный вес объема производства пищевых продуктов в общем объеме производства обрабатывающей промышленности составил 24,6%, что по сравнению с 2013 г. выше на 2,1% (рис. 1).

В Республике Беларусь в структуре объема производства пищевых продуктов в 2017 г. наибольшую долю занимают молочные продукты – 29,4%, мясо и мясопродукты – 24%, прочие продукты питания – 19,9%, готовые корма для животных – 12,4%, хлебобулочные, макаронные и мучные кондитерские изделия – 4,4%, рыба – 3,7%, мукомольно-крупяные продукты, крахмал и крахмалопродукты – 2,5%.

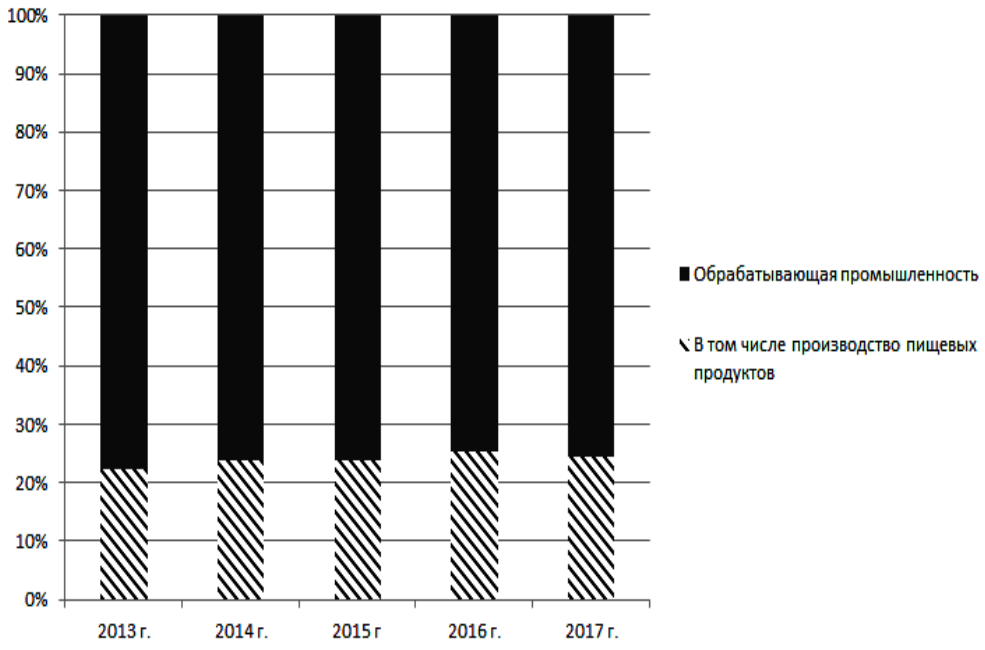


Рисунок 1.
Удельный вес производства пищевых продуктов в структуре обрабатывающей промышленности, %

Динамика уровня использования производственных мощностей по производству отдельных видов продукции приведена в табл. 1.

[1] Ефименко Антонина Григорьевна – д.э.н., профессор, заведующая кафедрой экономики и организации производства, Могилевский государственный университет продовольствия. E-mail: efimenko_ag@mail.ru

Таблица 1

Уровень использования производственных мощностей по производству отдельных видов продукции, %

Наименование	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	+, –
Мясо	73,8	70,7	69,7	76,4	74,2	73,3	71,0	69,9	–3,9
Цельномолочная продукция (в пересчете на молоко)	71,8	74,1	76,5	72,8	72,9	72,5	72,4	66,5	–5,3
Масло сливочное	71,9	73,5	76,7	70,2	71,8	73,6	75,6	71,0	+0,9

Данные, приведенные в табл. 1, показывают, что в 2017 г. по сравнению с 2010 г. уровень использования производственных мощностей по производству мяса снизился на 3,9%, цельномолочной продукции – на 5,3%.

Динамика основных оценочных показателей развития перерабатывающей промышленности Беларуси за 2012–2017 годы приведена в табл. 2.

Таблица 2

Динамика основных показателей развития перерабатывающей промышленности Республики Беларусь

Наименование	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Темп роста, % 2015/ 2014 гг.	Темп роста, % 2016/ 2015 гг.	Темп роста, % 2017/2016 гг.
Количество предприятий, ед.	857	858	774	759	804	90,2	98,1	105,9
Объем промышленного производства, млн. руб.	13 216	16 100	17 667	20 724	23 180	109,7	117,3	111,8
Удельный вес объема пищевых продуктов в общем объеме производства, %	22,4	23,9	23,9	25,3	24,6	–	1,4п.п.	–0,7п.п.
Численность работников, тыс. чел.	150,9	150,2	145,4	141,7	140,4	96,8	97,4	99,1
Доля численности работников отрасли в общей численности работников промышленности, %	14,4	15,0	15,5	15,8	15,9	0,5 п.п.	0,3 п.п.	0,1 п.п.
Номинальная среднемесячная зарплата, руб.	555,4	653,9	696,3	756,8	850,5	106,5	108,7	112,4
Прибыль от реализации продукции, млн. руб.	1251,3	1352,7	1433,5	2238,4	2316,5	105,9	156,1	103,5
Рентабельность продаж, %	8,6	8,0	7,8	10,5	10,1	–0,2 п.п.	2,7 п.п.	–0,4 п.п.

Выполненный анализ данных табл. 2 показал, что в организациях перерабатывающей промышленности Республики Беларусь за 2013–2017 годы произошел, наряду с сокращением их количества, рост объема производства продукции (темп роста в 2014 г. по сравнению с 2013 г. составил 0,1%; в 2017 г. по сравнению с 2016 г. – 11,8%). Прибыль от реализации продукции снизилась (темп роста прибыли от реализации продукции 2014 г. по сравнению с 2013 г. составил 8,1%; а в 2017 г. по сравнению с 2016 г. – 3,5%). В 2017 г. по сравнению с 2016 г. рентабельность продаж снизилась на 0,4%, а по сравнению с 2015 г. увеличилась на 2,3%.

Анализ производства основных пищевых продуктов в Республике Беларусь в динамике за 2014–2017 гг. приведен в табл. 3.

Таблица 3

Анализ производства основных пищевых продуктов в Беларуси, тыс. тонн

Наименование	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Темп роста, % 2017 г. к 2014 г.	Темп роста, % 2017 г. к 2016 г.
Мясо и субпродукты пищевые	947,7	1020,7	1059,4	1102,3	147,7	104,0
из них говядина	228,4	256,8	262,5	256,9	112,5	97,8
свинина	248,5	247,7	270,6	268,8	108,2	99,7
мясо птицы	394,7	438,5	445,9	476,5	120,7	106,8
Колбасные изделия	288,8	266,0	275,5	280,0	96,9	101,6
Плодоовощные консервы	172,5	155,8	141,6	141,1	81,8	99,6
Цельномолочная продукция (в пересчете на молоко)	1935,5	1962,8	1972,3	2001,5	103,4	101,5
Масло сливочное и пасты молочные	106,7	113.6	117,9	120,0	112,5	101,8
Молоко и сливки сухие	149,3	159,6	155,9	154,0	103,1	98,8
Сахар-песок	743,9	654,1	846,9	737,9	99,2	87,1
Соль пищевая поваренная	429,4	406,8	400,1	439,5	102,3	109,8

Проведенный анализ данных таблицы 3 показал, что в Республике Беларусь в 2017 г. по сравнению с 2014 г. увеличился темп роста производства основных видов пищевых продуктов в натуральном выражении: мяса и субпродуктов пищевых – на 47,7%, а в 2017 г. по сравнению с 2016 г. – на 4%; мяса птицы, соответственно, на 20,7 и 6,8%; цельномолочной продукции (в пересчете на молоко) – на 3,4 и 1,5%; сливочного масла – на 12,5 и 1,8%; соли пищевой поваренной – на 2,3 и 9,8%. За исследуемый период отмечена тенденция к снижению производства в натуральном выражении: сахара-песка – на 0,8%, плодоовощных консервов – на 18,2%, колбасных изделий – на 3,6%.

В расчете на душу населения фактическое потребление основных продуктов питания в Беларуси в сравнении с нормативом приведено в табл. 4.

Таблица 4

Сравнительная оценка потребления продуктов питания в расчете на душу населения, кг в год

Наименование	Годы				Отклонение от нормы, +,-			
	2014	2015	2016	2017	2014	2015	2016	2017
Мясо и мясопродуктов (80)	88	89	91	92	+8	+9	+11	+12
Молоко и молочных продуктов (393)	252	254	251	249	–141	–139	–141	–144
Яиц, штук (294)	288	280	264	265	–6	–14	–30	–29
Рыбы и рыбопродуктов (18,2)	15,6	13,2	12,3	12,6	–2,6	–5,0	–5,9	–5,6
Сахара (33)	42,3	42,3	38,1	36,8	+9,3	+9,3	+5,1	3,8
Растительного масла (13,2)	18,1	18,5	18,3	18,1	+4,9	+5,3	+5,1	+4,9
Овощебахчевых культур (124)	145	145	146	153	+21	+21	+22	+29
Плодов и ягод (78)	76	79	90	89	–2	+1	+12	+11
Картофеля (170)	177	170	171	172	+7	–	+1	+2
Хлебных продуктов (хлеба и макаронных изделий в пересчете на муку, крупу, муки) (105)	85	86	82	81	–20	–19	–23	–24

Выполненный анализ данных табл. 4 свидетельствует о том, в 2017 г. по сравнению с 2014 г. в расчете на душу населения в Республике Беларусь увеличился темп роста потребления основных пищевых продуктов: мяса и мясопродуктов – на 4,5%, овощебахчевых культур – на 5,5%, плодов и ягод – на 17,1%. За исследуемый период произошло снижение потребления молока и молочных продуктов – на 1,2%, яиц – на 8%, рыбы и рыбопродуктов – на 19,3%, сахара – на 13,1%, картофеля – на 2,9%, хлеба и хлебных продуктов – на 4,7%.

Важным фактором повышения эффективности организаций перерабатывающей промышленности является активизация их инновационной деятельности, которая оказывает значительное влияние на внешнеэкономическую деятельность Республики Беларусь на мировом рынке продовольствия.

В 2017 г. вложения в приобретение машин, оборудования (51,4%) и в производственное проектирование (48%) занимали основную долю в структуре затрат на технологические инновации. В 2017 г. в промышленности удельный вес вложений в исследования и разработки составил 14,1%, который на перерабатывающих организациях АПК за данный период снизился на 0,1 п.п. (табл. 5).

Таблица 5

Структура затрат на технологические инновации в перерабатывающей промышленности, %

Наименование затрат	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2017 г. к 2012 г., п.п.
На разработки и исследования	0,4	0,6	0,6	1,1	1,4	0,3	–0,1
На покупку машин и оборудования	93,4	56,1	66,7	21,3	52,2	51,4	42
На приобретение технологий	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0	–
На приобретение компьютерных программ и баз данных	0,1	0,4	0,04	0,0	0,2	0,0	0,1
На производственное проектирование	6,0	42,1	32,1	77,3	45,0	48,0	42
На маркетинговые исследования	0,1	0,1	0,2	0,1	1,0	0,2	–0,1
Прочие затраты	0,0	0,7	0,2	0,2	0,2	0,1	0,1
Всего	100	100	100	100	100	100	–

Анализ данных, приведенных в табл. 5, показал, что на перерабатывающих организациях АПК незначительный удельный вес занимали в 2017 г. затраты на маркетинговые исследования (0,2%), отсутствовали затраты на приобретение технологий, компьютерных программ и на повышение квалификации персонала, что требует активизации данных направлений.

Динамика внешнеэкономической деятельности организаций АПК представлена в табл. 6.

Таблица 6

Динамика внешнеэкономической деятельности организаций АПК, млн. долл. США

Наименование	Годы				Темп роста, 2017/2014, %	Темп роста, 2017 /2016, %
	2014	2015	2016	2017		
Внешняя торговля сельскохозяйственной продукцией и продуктами питания, в том числе:	10455,4	8901,4	8307,9	9556,4	91,4	115,0
экспорт	5606,4	4453,0	4231,6	4972,2	88,7	117,5
импорт	4849,0	4448,4	4076,3	4584,2	94,5	112,4
сальдо	757,4	4,6	155,3	388,0	51,2	249,8

Данные, приведенные в табл. 6, показывают, что за исследуемый период наблюдается положительное сальдо от внешнеэкономической деятельности организаций АПК. В Республике Беларусь в 2017 г. по сравнению с 2014 г. темп роста внешней торговли сельскохозяйственной продукцией и продуктами питания снизился на 9,6%, а по сравнению с

2016 г. увеличился на 15%. В 2017 г. по сравнению с 2014 г. экспорт и импорт сельскохозяйственной продукцией, пищевыми продуктами снизились, соответственно, на 11,3 и 5,5%, а по сравнению с 2016 г. выросли на 17,5 и 12,4%.

В Республике Беларусь в 2017 г. экспорт основных видов сельскохозяйственной продукции и продуктов питания составил 4909,1 млн. долл. США, в том числе продовольствия – 4305 млн. долл. США. Удельный вес сельскохозяйственной продукции и продуктов питания в общем объеме внешней торговли товарами Республики Беларусь составил 16,8%. Структура экспорта сельскохозяйственной продукции и продуктов питания: молоко и молокопродукты – 43,6%, мясо и мясопродукты – 18,5%, рыба и рыбопродукты – 6,6%, овощи свежие (с учетом реэкспорта) – 4,4%, сахар белый – 3,9%, хлебобулочные, кондитерские и мучные изделия, шоколад – 2,3%, водка и ликероводочные изделия, коньяк – 1,8%, фрукты и ягоды свежие (с учетом реэкспорта) – 1,4%, вина – 0,3%, масла растительные – 1,1%, яйца и яйцепродукты – 0,7%, прочие товары – 15,4%.

Отмечается рост экспорта в натуральном выражении к уровню 2016 г. по основным товарным позициям: рыба и рыбопродукты (в физическом весе) – на 20,5% (на 13,1 тыс. тонн), хлебобулочные, кондитерские и мучные изделия, шоколад – на 20,9% (на 9,3 тыс. тонн), водка и ликероводочные изделия, коньяк – на 20% (на 3014,2 тыс. л), масла растительные – на 49,4% (на 22,2 тыс. тонн), сахар белый – на 15,8% (на 55,4 тыс. тонн), макаронные изделия – на 32% (на 0,4 тыс. тонн), казеин – на 20,4% (на 0,4 тыс. л), пиво – на 49,2% (на 42 456,1 тыс. л), желатин – на 1,8% (на 0,02 тыс. тонн), овощи свежие – на 5,5% (на 21,2 тыс. тонн), картофель свежий – на 31,1% (на 92,4 тыс. тонн). Обеспечен прирост экспортных цен на рыбу и рыбопродукты на 5,5%, мясо и мясопродукты – на 12%, молоко и молокопродукты – на 20,1%, картофель свежий – на 49,5%, шкуры КРС – на 10,2%, овощи свежие – на 11,7%, зерно злаков – на 14,8%, муку из зерновых – на 9,8%, крупу – на 16,7%, казеин – на 13,2%, макаронные изделия – на 33,8%, хлебобулочные, кондитерские и мучные изделия, шоколад – на 14,2%, водка и ликероводочные изделия, коньяк – на 17,8% вина плодовые, виноградные и игристые – на 72,4%, пиво – на 18,5%, масла растительные – на 2,8% (в том числе масло рапсовое – на 3,2%). За счет роста экспорта в натуральном выражении и экспортных цен на указанные группы товаров обеспечен прирост валютной выручки к 2016 г. в объеме 677,5 млн. долл. США.

Динамика экспорта основных видов сельскохозяйственной продукции и продуктов питания Республики Беларусь в стоимостном выражении приведена в таблице 7.

Таблица 7

Объем отгруженной инновационной продукции промышленными организациями Республики Беларусь, млн. руб.

Наименование	2014г.	2015г.	2016г.	2017г.	Темп роста, %, 2015 г. к 2014 г.	Темп роста, %, 2016 г. к 2015 г.	Темп роста, % 2017 г. к 2016 г.
Отгружено продукции всего:	50 481	57 797	64 307	74 870	114,5	111,3	116,4
в том числе объем инновационной продукции:	7011	7564	10 460	13 040	107,9	138,3	124,7
– на внутренний рынок	2822	2726	3352	4242	96,6	122,9	126,5
– на внешний рынок	4188	4838	71 071	87 989	115, 5	14,7 раз	123,8
в страны СНГ	2754	2482	5001	5458	90,1	201,5	109,1
в Российскую Федерацию	1762	1603	2273	2425	90,9	141,8	106,7

Необходимо отметить, что в структуре экспорта основных видов продовольствия в 2017 г. молокопродукты занимали примерно 44%, мясо и мясные субпродукты – около 15%, готовые продукты из мяса и рыбы – свыше 7%, сахар – 10%. Удельный вес поставок продукции в страны ЕАЭС составил примерно 90%, в том числе в Россию – 85% и в третьи страны – примерно 7%.

Удельный вес экспортной продукции в общем объеме отгруженной инновационной продукции организациями промышленности приведен на рис. 2.

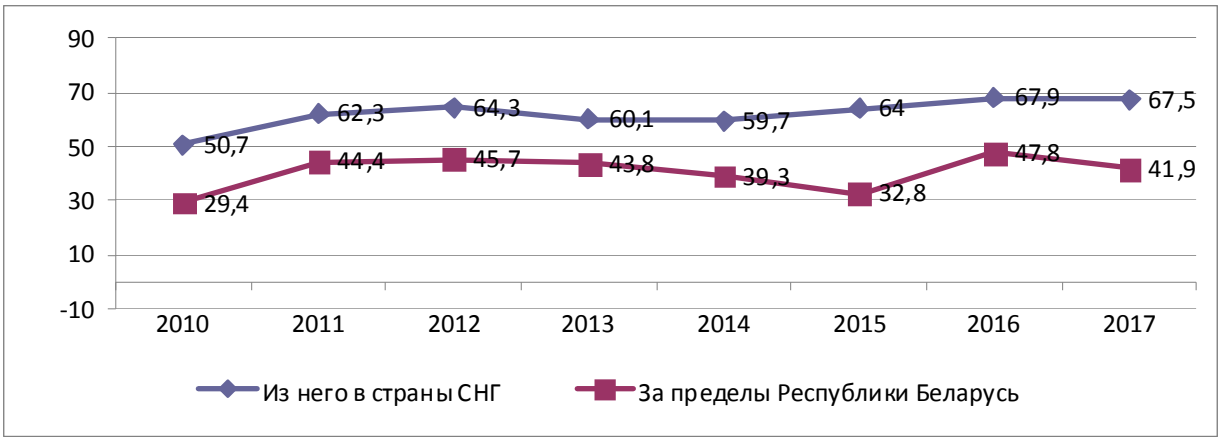


Рисунок 2.
Удельный вес экспортной продукции в общем объеме отгруженной инновационной продукции организациями промышленности, %

Данные, приведенные на рис. 2, показывают, что удельный вес экспортной продукции в общем объеме отгруженной инновационной продукции организациями промышленности в целом в 2017 г. составил 41,9%, что по сравнению с 2010 г. выше на 12,5 п.п., в том числе в страны СНГ – на 16,8 п.п.

В Республике Беларусь темп роста отгруженной продукции собственного производства в 2015 г. по сравнению с 2014 г. составил 14,5%, в 2016 г. по сравнению с 2015 г. – 11,3%, а в 2017 г. по сравнению с 2016 г. составил 16,4%. За аналогичный период темп роста объема отгруженной инновационной продукции составил 7,9%; 38,3 и 24,7%, в том числе на внешние рынки –15,5%; 14,7 раз и 23,8% соответственно (табл. 8).

Таблица 8

Динамика экспорта основных видов сельскохозяйственной продукции и продуктов питания Республики Беларусь, млн. долл. США

Наименование	2010 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Темп роста, % 2017 гг. к 2010 г.
Мясо и пищевые мясные субпродукты – всего	666,1	860,8	671,5	692,7	748,7	112,4
в т.ч. говядина	465,6	531,1	457,7	467,5	502,7	107,9
свинина	119,1	57,5	1,7	8,6	13,7	11,5
мясо птицы	77,4	262,2	203,6	210,6	224,3	289,8
Рыба и ракообразные	17,1	143,3	118,3	115,7	113,9	6,6 раз
Молокопродукты – всего	1527,2	2297,0	1729,7	1812,0	2140,0	140,1
в т.ч. СОМ	216,2	382,1	292,2	284,5	260,0	120,2
СЦМ	149,1	147,9	99,7	84,7	91,9	61,6
масло животное	278,4	354,3	273,8	330,7	429,1	154,1
сыры и творог	568,3	800,1	634,2	690,1	797,9	140,4
Яйца	33,1	64,0	48,3	43,7	36,7	110,8
Картофель	21,2	60,7	54,1	33,5	65,7	309,9
Овощи	59,2	244,6	230,0	202,2	240,5	406,2
Плоды	26,1	208,4	266,8	122,8	106,2	406,9
Продукты мукомольной промышленности	51,1	60,9	45,2	74,8	56,5	110,6
Жиры и масла	54,6	145,7	104,8	55,1	73,8	135,1
Готовая продукция из мяса и рыбы – всего	221,0	431,2	234,2	258,5	350,3	158,5
в т.ч. колбасные изделия	68,7	177,4	64,4	81,9	113,2	164,7
мясные консервы	56,1	77,4	34,1	37,5	47,3	84,3
рыбные консервы	88,0	157,0	124,5	124,1	162,6	184,8
Сахар и кондитерские изделия из него	373,9	275,2	224,5	198,7	208,3	55,7
Какао и продукты из него	27,3	52,3	41,5	44,5	65,9	241,4
Готовая продукция из зерна	33,6	67,6	80,5	84,5	148,7	442,5
Продукты переработки овощей и плодов	27,6	49,3	48,5	49,5	75,5	273,5
Разные пищевые продукты	16,1	49,8	57,1	40,1	56,4	350,3
Алкогольные и безалкогольные напитки	56,5	161,8	120,7	142,0	207,7	376,6
Прочая продукция	176,1	433,8	377,3	261,3	214,31	121,7
Экспорт – всего	3387,8	5606,4	4453,0	4231,6	4909,1	114,9

Таким образом, организации перерабатывающей промышленности, задействовав экономические механизмы управления затратами на технологические инновации, могут повысить результативность инновационной деятельности за счет роста объема отгруженной инновационной продукции, в том числе экспортной, и обеспечить инновационное развитие и повысить экспортный потенциал. Величина добавленной стоимости в организациях перерабатывающей промышленности зависит от следующих факторов: уровня закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, конъюнктуры внешнего продовольственного рынка, инвестиций в инновации, конкурентоспособности пищевых продуктов; социальной политики государства в данной сфере. Приоритетным направлением развития продовольственного сектора аграрного бизнеса Республики Беларусь в условиях экономической интеграции является наращивание объемов производства и переработки продукции, в том числе экологически чистой продукции, рост конкурентоспособности продукции, повышение эффективности внешней торговли сельскохозяйственной продукцией и продовольствием, а также его инновационное развитие.

Иванова Т.Л.,
Фучеджи А.И.[1]

РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ПРЕДПРИЯТИЙ

Ключевые слова: *человеческий капитал, индекс человеческого развития, методы оценки человеческого капитала, инвестиции в человеческий капитал, конкурентоспособность работника, устойчивое экономическое развитие.*

Keywords: *human capital, human development index, methods for assessing human capital, investment in human capital, employee competitiveness, sustainable economic development.*

В экономической теории категория «капитал» трактуется прежде всего как запас богатства, необходимый для создания товаров и услуг, и под ним понимают инвестиционные продукты – станки, механизмы, здания, сооружения, помещения и т.п., которые при использовании в производстве способны приносить доход.

В XIX–XX веках в эпоху индустриализма человек рассматривался как один из факторов производства, ресурс, участвующий в выпуске готовой продукции наряду с оборудованием, сырьем и материалами. Инвестиции в здоровье, образование и развитие считались непроизводительными общественными затратами. Уже к концу XX в. при переходе к постиндустриализму, а затем при вхождении человечества в эпоху информационного общества произошел пересмотр взглядов на роль индивида, личности и социума в устойчивом развитии экономики. Возникло новое, сложное, не до конца познанное понятие – «человеческий капитал», который в настоящее время рассматривается как главная ценность и основа прогресса национальных экономик. В течение последних двух столетий соотношение между человеческим и физическим капиталом с позиций его места в социально-экономическом развитии постепенно меняется в сторону увеличения роли и значения человеческого капитала, который выдвигается в центр внимания ученых и специалистов от практики.

В XVII в. У. Петти, один из основателей классической политической экономии, выдвинул идею о первостепенной ценности трудовых навыков и вклада населения в национальное богатство страны. Впоследствии А. Смит поддержал и развил эту идею, но при этом включил знания и квалификацию в капитал вместе с оборудованием и землей[2]. Формированию концепции человеческого капитала способствовали прогрессивные процессы в научно-технической и экономической сферах развитых стран. В начале XX в. были опубликованы классические работы Г. Беккера и Т. Шульца, в которых расходы индивида, с одной стороны, интерпретировались как упущенные заработки, обусловленные затратами времени на обучение, а с другой – приобретение знаний и навыков рассматривалось как инвестиции, прибыль от которых реализуется на протяжении трудовой жизни в рамках повышения доходов индивида.

Г. Беккер исследовал человеческий капитал уже на уровне предприятия, определив его как совокупность навыков, знаний и умений персонала, а в качестве инвестиций в работников учел затраты на образование и обучение. Беккер оценил экономическую эффективность образования прежде всего для самого работника. Интересен подход, согласно которому дополнительный доход от высшего образования он определил как разницу между доходами тех, кто окончил колледж, и работников со средним общим образованием[3].

Т. Щульц внес вклад в ряд определений теории человеческого капитала на начальном этапе ее развития, а также в ее принятие научной общественностью и популяризацию. Он подчеркнул роль человеческого капитала как основного производительного фактора индустриальной и постиндустриальной экономик.

В 80-х гг. XX в. идеи о том, что люди, в контексте вклада в их развитие, являются важной целью общественного прогресса получили значительную поддержку не только в экономических исследованиях, но и в разработке национальных программ развития и проектов международного сотрудничества в этой области.

Цель работы – исследовать сущность человеческого капитала, его основных характеристик, провести критический анализ подходов к определению понятия «человеческий капитал» с позиций новых теорий экономического роста, совокупности современных моделей оценки человеческого капитала как ценности, существенно влияющей на прогресс общества как в отдельных странах, так и в общепланетарном масштабе.

Возобновление острого интереса к концепции человеческого капитала в эпоху экономики знаний закрепило весомую роль личности не только в микро-, но и в макроэкономической динамике, увеличении продуктивности капитала в его обновленном значении и производительности труда. Данная концепция рассматривает влияние человеческого

[1] Иванова Татьяна Леонидовна – д.э.н., профессор, профессор кафедры экономики предприятия ДонАУиГС. E-mail: 3264223 @gmail.com Фучеджи Анна Ивановна – преподаватель кафедры экономики предприятия ДонАУиГС. E-mail: anna_fuchedgi@mail.ru

[2] Петти У. Экономические и статистические работы. – М., 1940.

[3] Беккер Г.С. Экономический анализ и человеческое поведение // Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. – Т. 1.

капитала прежде всего в контексте повышения уровня образования индивида и образованности общества как кумулятивной величины, влияющей на экономический рост напрямую и через увеличение результативности и эффективности научно-исследовательских работ.

Понятие «человеческий капитал» до сих пор остается достаточно спорным в науке. Под человеческим капиталом понимают капитал в виде умственных способностей, который получен благодаря образованию либо через практический опыт, также человеческий капитал рассматривается как одна из форм капитала, определяемая в качестве производственных возможностей, воплощенных в человеческом потенциале. Указанные характеристики отражают «человеческий капитал» с нескольких сторон, идентифицируют его формы и уровни развития. Классическая экономическая школа называет капиталом именно человеческие способности, которые представляют собой неотъемлемое, личное достояние человека. Для развития человека необходимо большое количество ресурсов, но затраты на эти ресурсы в будущем предопределяют получение определенного дохода, который имеет свойство расти и накапливаться.

В теориях экономического роста понятие «человеческий капитал» не охватывает многих вопросов, которые лежат в сфере экономики в целом, а не только производства. Кроме того, «человеческий капитал» зачастую определяется лишь как средство производства, а не как цель, которая важна сама по себе. Вместе с тем на любом этапе развития перед человечеством возникают три задачи: как прожить здоровую и долгую жизнь? как приобрести полезные знания? как получить доступ к ресурсам, необходимым для достойного уровня жизни? Образ жизни определяется выбранным решением поставленных задач, отсюда вытекает и возможность решения других жизненных вопросов.

Для количественной оценки использования концепции человеческого капитала, а именно, его уровня и динамики, необходима разработка интегрального социально-экономического показателя – *индекса человеческого развития*, который основан на обобщенных данных о человеческом существовании как в рамках государства, так и на международном уровне. Но стоит отметить, что расчет индекса человеческого развития, с точки зрения разработки управленческих решений, является трудно интерпретируемым.

Индекс человеческого развития, как известно, – это средняя арифметическая трех основных показателей – индекса ожидаемой продолжительности жизни, индекса уровня образования, индекса реального ВВП на душу населения, которые совместно достаточно полно отражают состояние потенциала человеческого капитала. Согласно нормативу, чем ближе значение индекса человеческого развития к единице, тем выше степень развития человеческого потенциала в стране[1].

Рассмотрим подробнее процесс расчета индекса человеческого развития, который представлен в формуле 1:

$$ИЧР = (И_{ПЖ} * И_{О} * И_{В})^{1/3} \quad (1),$$

где ИЧР – индекса человеческого развития;

ИПЖ – индекс ожидаемой продолжительности жизни;

ИО – индекс уровня образования;

ИВ – индекс реального ВВП на душу населения.

Промежуточные индексы ИЧР рассчитываются с учетом их максимальных и минимальных значений показателей.

Так, индекс ожидаемой продолжительности жизни (уровень долголетия) определяется исходя из ожидаемой продолжительности жизни при рождении – количества лет, которое может прожить новорожденный, если отмеченные на момент его рождения тенденции в области тренда смертности для конкретных возрастных групп останутся без изменений на протяжении всей его жизни. Он представляет собой соотношения разницы между ожидаемой продолжительностью жизни и минимальным значением ожидаемой продолжительности жизни, а также разницы между максимальным значением ожидаемой продолжительности жизни и минимальным значением ожидаемой продолжительности жизни.

Индекс уровня образования (показатель образованности) включает в себя ожидаемую продолжительность обучения – прогнозируемое количество лет обучения, исходя из того, что в течение жизни сохранится тенденция в области возрастных показателей охвата населения образованием. Средняя продолжительность обучения – это среднее количество лет образования, которое получат лица в возрасте от 25 лет, пересчитанное на основании показателя образовательного уровня населения с учетом официальной продолжительности образования. Индекс средней продолжительности обучения представляет собой соотношения разницы между средней продолжительностью обучения и минимальной средней продолжительностью обучения; максимальной средней продолжительностью обучения и минимальной ожидаемой продолжительностью обучения. Индекс ожидаемой продолжительности обучения представляет собой соотношения разницы между ожидаемой продолжительностью обучения и минимальной ожидаемой продолжительностью обучения; максимальной ожидаемой продолжительностью обучения и минимальной ожидаемой продолжительностью обучения. Данные индексы являются основой для формирования индекса образования.

Индекс реального ВВП на душу населения, по сути, один из важнейших показателей уровня жизни – это совокупный доход экономики, полученный в процессе производства и использования факторов производства, за вычетом оплаты за пользование факторами производства, принадлежащими другой стране, конвертированный в международные денежные единицы с использованием коэффициентов паритета покупательной способности и разделенный на численность населения.

[1] Карый А.В., Афиногенова И.Н. Индекс человеческого развития в системе показателей развития страны // Территория науки. 2015. – № 4. – С. 76–79.

Приведение всех названных показателей к суммарному значению является базой для построения индекса человеческого развития, необходимого для оценки прогресса в человеческом развитии, который был достигнут в определенном интервале времени.

Измерение приведенного агрегированного индекса человеческого развития основывается на минимальном наборе показателей, каждый из которых количественно представляет одно из основных направлений качественного роста человеческого капитала, а также аспектов расширения человеческого выбора. Сравнение индексов ожидаемой продолжительности жизни, уровня образования и индекса реального ВВП на душу населения дает возможность, при прочих равных условиях, выявить приоритетность соответствующих долгосрочных программ человеческого развития.

Но стоит отметить, что с позиций науки и практики сегодняшнего дня оценок индексов трех показателей становится недостаточно для полноты определения уровня использования человеческого капитала, в связи с чем учитывают и другие международные индикаторы, в частности, такие, как индекс гендерного неравенства, индекс счастья/несчастья, дифференцированный по странам, и индекс неравномерности распределения доходов.

Таким образом, разработка индекса человеческого развития позволила сформулировать качественно новый, перспективный подход к определению общественного прогресса и предложила более емкий оценочный показатель по сравнению с чисто экономическим и односторонним показателем ВВП на душу населения, что позволяет рассмотреть достижения в различных измерениях человеческого развития. Расчет величины затрат, необходимых для изменения показателей долголетия, образованности, уровня жизни может быть использован для определения приблизительных масштабов финансирования программ человеческого развития как на национальном, так и на региональном уровнях.

Следует отметить также такой признак индекса человеческого развития, как способность отражать качество экономического роста, который является важным показателем динамики трансформации экономического развития страны.

Рейтинг стран по индексу человеческого развития, рассчитанный на основании статистических данных за 2017 г., включает 189 государств, 59 из которых относятся к группе стран с очень высоким уровнем индекса человеческого развития с показателями 0,953–0,800, 52 – к группе стран с высоким уровнем (0,798–0,700), 38 – к группе стран со средним уровнем (0,699–0,556) и 37 – к группе стран с низким уровнем индекса человеческого развития (ниже 0,546). Наиболее высокие показатели имеют Норвегия (0,953), Швейцария (0,944), Австралия (0,939)[1].

Российская Федерация находится в списке групп стран с очень высоким уровнем индекса человеческого развития, занимая 49 место с показателем 0,816. К сожалению, за последние три года страна опустилась на одну ступень, что еще раз приводит к мысли, что проблема развития человеческого капитала – одна из важных проблем экономики страны.

Заслуживают внимания также следующие инициативы в решении данной проблемы в Российской Федерации. В частности, в известном указе «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 года Президент России В.В. Путин обозначил как важнейшее направление осуществление прорыва в области увеличения продолжительности жизни населения, поставив задачу российской медицине создать условия в ближайшие годы для ее увеличения до 78 лет[2]. Однако это не так просто, как кажется на первый взгляд, и при этом причина лежит на поверхности: «отсталые» технологии, недостаточно высокая квалификация медицинских работников, отсутствие первичной медико-санитарной помощи, дефицит ресурсов. Государственные и частные инвестиции на медицину в последние годы составили 5–6% ВВП страны, при этом уровень в развивающихся странах следующий: Бразилия – 8–9%, Китай – 5%, Индия – 4 процента. Стоит отметить, что государственные расходы на здравоохранение в России в последние годы были заметно ниже расходов стран ЕС и ОЭСР (3,2–3,4% ВВП против 7,2 и 6,5% соответственно). Требования к качеству медицинской помощи у населения растут, технологии дорожают, следовательно, государство должно увеличить финансирование здравоохранения вдвое к 2024 г. и втрое к 2035 году. Каким путем? Вопрос остается открытым: либо государство полностью возьмет расходы на себя, либо разделит эти траты с бизнесом и населением. Экономика России, чтобы стать одной из пяти крупнейших в мире, должна расти темпами выше мировых. Экономика стран мира, согласно прогнозу Всемирного банка, в 2018–2020 гг. будет расти в пределах 3,1%, российская – 1,8 процента.

Без увеличения инвестиций в человеческий капитал и инфраструктуру добиться роста более 2% в год вероятнее всего не удастся. Как показывает мировая практика, ключом ко всем экономическим успехам является образование, наука и основанные на них инновационные технологии, так как именно они приводят к росту конкурентоспособности предприятий и увеличению эффективности их использования, созданию необходимых условий для дальнейшего развития человека. В связи с этим изучение тенденций развития человеческого капитала в современной экономике для определения наиболее эффективных путей повышения его качества и рационального использования весьма актуально на сегодняшний день.

В современных теориях управления с позиций гуманистического подхода и концепций человекоцентризма категория «человеческий капитал» органично дополняется исследованиями конкурентоспособности индивида или группы людей, которая также заслуживает изучения, обоснования и оценки с целью более глубокого понимания возможности эффективного использования человеческого капитала в практике национальной экономики на всех уровнях ее функционирования. *Конкурентоспособность* – это способность человека или группы людей побеждать в соперниче-

[1] Индекс развития человеческого потенциала. Гуманитарная энциклопедия: Исследования / Центр гуманитарных технологий, 2006–2019. – https://gtmarket.ru/ratings/human-development-index/human-development-index-info, 23.04.2019.

[2] О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указом Президента России № 204 от 07 мая 2018 г. – http://kremlin.ru/events/president/news/57425

стве за экономические блага. Человеческий капитал – способность человека приносить доход. Необходимо различать конкурентоспособность человеческого капитала работника и конкурентоспособность самого работника на рынке труда. Первая связана с его потенциальными возможностями добиваться успеха при трудоустройстве, вторая – с реализацией этого потенциала, и может зависеть от объективных и субъективных факторов (производительности труда, отношения руководства, дискриминации, личного поведения). Конкурентоспособный человеческий капитал работника является достижением не только работника, но и предприятия, которое заинтересовано в увеличении и реализации навыков и компетенций работника. В таком симбиозе заложен синергетический эффект, который можно получить, создавая новую экономическую сущность, – конкурентоспособный человеческий капитал, достойный исследований во множестве своих воплощений.

Для того чтобы человеческий капитал оказал существенное влияние на экономику страны в целом, необходимо создать благоприятные предпосылки для его использования на уровне отдельных предприятий, а значит, создать эффективные модели оценки воздействия человеческого капитала на развитие экономики предприятия.[1] Они заслуживают обобщения в контексте определения основных индикаторов качественного роста человеческого потенциала как источника высокоэффективного развития экономики (формула 2).

$$\sum ((L\ (A, D, P) + T) \times In + M) = VRP \qquad (2),$$

где L – трудовой ресурс конкретного человека;

A – возраст человека;

D – уровень образования человека;

P – профессия человека;

T – используемая техника и технологии;

In – инновационная составляющая в L и T, отражающая актуальность знаний, опыта человека, а также современность оборудования;

M – денежные средства, вкладываемые в производственную и экономическую деятельности;

VRP – валовый региональный продукт.

Ценность работника с учетом того, что он останется работать на предприятии в течение некоторого периода времени, определяет ожидаемую реализуемую стоимость человеческого капитала (RS). Ожидаемая реализуемая стоимость основывается на двух показателях: его ожидаемой условной стоимости и вероятности продолжения работы на предприятии, которая выражает ожидания руководства и понимание того, какая часть доходов будет реализована на предприятии до предполагаемого времени увольнения работника.

Концепция данной методики выражается следующим уравнением, представленным комплексом условий в формуле 3:

$$RS = OS \times V(O),$$
$$P(T) = 1 - V(O) \qquad (3),$$
$$AIT = OS - C = RS \times V(T),$$

где OS и RS – ожидаемые условная и реализуемая стоимость;

V (O) – вероятность того, что работник останется работать на предприятии в течение определенного временного интервала;

V (T) – вероятность увольнения работника или показатель «текучести» кадров на предприятии;

AIT – альтернативные издержки «текучести».

Оценка, как следует из данной модели, имеет вероятностную величину. Более интересен для предприятия работник, имеющий наибольшую реализуемую стоимость по сравнению с работником с наибольшим потенциалом, потому что первый работник будет для предприятия более надежным и стабильным, несмотря на сниженный по сравнению со вторым работником потенциал[2].

Согласно известной модели И. Фишера, использование капитала означает получение процента как универсальной формы дохода, а дисконтируемая сумма будущих доходов составляет величину применяемого капитала. Однако данный метод абсолютно не включает инвестиции в человеческий капитал, оценку уровня образования, профессионального развития, затраты на научные исследования и прочие затраты, вследствие чего модель является ограниченной. Тем не менее, она предполагает дальнейшее совершенствование и возможность модификации в аспекте применения к человеческому капиталу. При этом, безусловно, возникает сложность достоверного расчета результативности использования человеческого капитала, которая требует специфического подхода и измерения.

Следует отметить, что интерес к проблеме ускорения экономического роста посредством вложения инвестиций в знания и умения людей не уникален. Темпы мирового экономического роста в настоящее время замедляются, производительность труда начинает расти медленнее, при этом население стареет. Если расширить рамки данной проблемы, то следует констатировать, что мировая экономика в ближайшие 10 лет замедлится на 0,2 процентного пункта. В связи с этим обостряется необходимость увеличивать долю человеческого капитала в росте экономики. Если страны с развитой экономикой путем реформ смогут в 2019–2024 гг. увеличить число выпускников школ на 5%, охват насе-

[1] Кирьянов Д.А., Сухарева Т.Н. Методы оценки человеческого капитала: анализ объективности и достаточности исходных данных // Теория и практика общественного развития. 2011. – № 3. – С. 337–340.

[2] Меньшикова М.А., Коптева К.В. Теоретико-методологические подходы к оценке человеческого капитала // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2013. – № 4. – С. 12–14.

ления средним и высшим образованием – на 7%, а предполагаемую продолжительность жизни – на 2,5 года, то потенциальный рост ВВП в них увеличится на 0,2 процентных пункта, а неравенство населения по уровню доходов снизится.

Как вытекает из научных исследований, инвестиции в человеческий капитал потенциально способны ускорить экономику, но, к сожалению, этот процесс носит длительный характер. Так, рост расходов государства на школы превышает по результативности рост, например, вложений в строительство дорог. Но, как известно, вложения в непроизводственную сферу не дают быструю отдачу, из чего следует, что первые 10 лет траты на школы могут, напротив, замедлять рост ВВП, поэтому государство не стремится инвестировать в образование и здравоохранение.

Несколько обобщая, объединим подходы зарубежных и отечественных ученых к оценке человеческого капитала в табл. 1.

Рассмотрим подход к оценке человеческого капитала, который был разработан Г. Беккером, а спустя время совместно с Б. Чисуиком он вывел формулу для расчета доходов владельцев человеческого и физического капитала, согласно которой «общий заработок любого лица, после того как он закончил инвестирование в человеческий капитал, равен сумме доходов на эти инвестиции и заработков от его первоначального человеческого капитала»[1].

Таблица 1

Методы оценки человеческого капитала

Автор метода	Формула оценки человеческого капитала
Метод Г. Беккера	$$V_a = \sum_{i=a}^{n} \frac{(B-C)}{(1+i)^t},$$ (4) где V_a – оценка человеческого капитала работника в возрасте а; B – общая заработная плата; C – часть заработной платы, приходящаяся на труд; n – возраст, в котором заканчивается активная трудовая деятельность человека; i – процентная ставка.
Метод Г. Беккера, Б. Чисуика	$$D_i = X_i + \sum_{j=1}^{m} r_{ij} \times C_{ij},$$ (5) где D_i – доход (заработок) работника; X_i – эффект от первоначального капитала работника; j – инвестиции; i – процентная ставка; r_{ij} – норма дохода работника на его инвестиции; C_{ij} – стоимость инвестиций.
Метод В. В.Алавердяна	$$D_i = X_i + \sum_{j=1}^{m} r_{ij} \times C_{ij},$$ (6) где С – оценочная стоимость работника; ЗП – предполагаемая или выплачиваемая заработная плата работника; ГЧК – гудвилл человеческого капитала работника; И – инвестиции; т – период.
Гудвилл человеческого капитала	ГЧК=ИПЧК+ИСЧК+КПП, (7) где ИПЧК – индекс прибыли человеческого капитала; ИСЧК – индекс стоимости человеческого капитала; КПП – коэффициент профессиональной перспективности.

В отечественной практике применение получил подход, в основу которого положена методика расчета стоимости человеческого капитала предприятия В.В. Алавердяна, который определил понятие гудвилл человеческого капитала как коэффициента, который отображает реальную рыночную стоимость работника, обладающего определенными знаниями, которые представляют немалый интерес для потенциального работодателя[2].

Перечисленные методы оценки человеческого капитала далеко не единственные в мировой практике, но не все они находят применение, особенно в отечественной практике. Такая ситуация связана, вероятнее всего, с отсутствием опыта оценки человеческого капитала отечественных предприятий, сложностью расчетов, несовершенством имеющихся методик, отсутствием необходимых статистических данных и другими обстоятельствами, которые требует дополнительного анализа и дальнейших научных разработок.

Как уже отмечалось ранее, человеческий капитал на сегодняшний день, является важнейшим компонентом, влияющим на рыночную стоимость современного предприятия. Очевидно, что именно человеческий капитал выступает в качестве фундамента такой современной категории, как капитал знаний предприятий. В условиях обострения конкурентной борьбы российских и зарубежных предприятий важно уметь правильно оценивать, развивать и эффективно использовать человеческий капитал для поддержания и усиления конкурентных позиций на рынке.

В настоящее время количество подходов и методов оценки человеческого капитала довольно широкое. Но практика показывает, что единой методики, которая позволила бы качественно оценить стоимость человеческого ка-

[1] Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика. – Т. 2. – М.: Республика, 1992. – С. 97.

[2] Аллавердян В. Оценка стоимости кадрового потенциала предприятия. – http://www.cfin.ru/management/people/value_people.shtml

питала предприятия, до сих пор нет. Довольно часто существующие подходы не помогают получить справедливую стоимостную величину данных активов, а лишь достаточно приближённо выражают стоимость оцениваемых компонентов.

Таким образом, исследование процесса формирования, оценки и эффективного использования человеческого капитала приобретает все большую актуальность в контексте проблем экономического роста, реформирования национальных экономик и их структурных единиц. Разработка и реализация системной государственной политики в сфере регулирования развития человеческого капитала даст возможность отдельной стране, ее регионам и предприятиям выйти на качественно новый уровень устойчивого экономического развития. Эти процессы сопряжены с решением вопросов повышения квалификационного уровня персонала, накопления человеческого капитала, увеличения в структуре трудовых ресурсов, занятых в наиболее прогрессивных и динамично развивающихся сферах экономики.

Кандалинцев В.Г.[1]

КИТАЙ, ИНДИЯ, ЯПОНИЯ: СООТНОСИТЕЛЬНАЯ ДИНАМИКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И НАКОПЛЕННЫХ ВХОДЯЩИХ ПИИ

Ключевые слова: *экономический рост, валовой внутренний продукт (ВВП), накопленные входящие прямые иностранные инвестиции (НВПИИ), волновая динамика экономических показателей.*

В соотносительной динамике двух показателей – доли страны в мировом ВВП и ее доли в мировых НВПИИ – можно выделить шесть вариантов и, соответственно, шесть групп стран согласно следующим критериям:

A. «Темп роста доли в мировом ВВП выше, чем темп роста доли в мировых НВПИИ».

B. «Темп роста доли в мировом ВВВ ниже, чем темп роста доли в мировых НВПИИ».

C. «Рост доли в мировом ВВП и падение доли в мировых НВПИИ».

D. «Падение доли в мировом ВВП и рост доли в мировых НВПИИ».

E. «Темп падения доли в мировом ВВП меньше, чем темп падения доли в мировых НВПИИ».

F. «Темп падения доли в мировом ВВП больше, чем темп падения доли в мировых НВПИИ».

В целях исследования рассматриваются два типа соотносительной динамики: (1) кратко- и среднесрочная динамика и (2) долгосрочная динамика. Первый тип относится к периодам менее 10 лет (короткие периоды до трех лет, средние периоды от четырех до десяти лет), второй тип – к периодам более 10 лет.

Для определения к какой группе относится данная страна используются погодовые (для первого типа динамики) и среднегодовые (для второго типа динамики) показатели. Таких показателей три:

– погодовая и среднегодовая доля страны в мировом ВВП;

– погодовая и среднегодовая доля страны в мировых НВПИИ;

– коэффициент соотнесения, рассчитываемый как частное от деления доли в мировом ВВП на долю в мировых НВПИИ. Коэффициент рассчитывается как для погодовых (К1), так и для среднегодовых (К2) значений соответствующих показателей.

С помощью данного подхода можно выявить как кратко- и среднесрочную (первый тип), так и долгосрочную (второй тип) миграции стран по соответствующим группам A, B, C, D, T, и F. При этом направления миграций этих двух типов могут совпадать, а могут и не совпадать. Анализ таких различий дает некоторые возможности для прогнозирования экономического роста и роли иностранного капитала в той или иной стране.

Китай

В разрезе кратко- и среднесрочной динамики доля Китая в мировом ВВП за последние 28 лет все время росла (см. табл. 1). А вот траектория доли в мировых НВПИИ носила более сложный волновой характер, что и предопределило межгрупповую миграцию Поднебесной.

Таблица 1[2]

Китай

	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2018 г.
ВВП номинальный, млн. долл.	360 858	734 548	1 211 347	2 285 966	6 087 165	11 015 542	13 608 152
НВПИИ, млн. долл.	20 691	101 098	193 348	272 094	587 817	1 220 903	1 627 719
Кратко- и среднесрочная динамика							
Доля в мировом ВВП, %	1,6	2,4	3,6	4,8	9,2	14,7	15,9
Доля в мировых НВПИИ, %	0,9	2,8	2,6	2,4	3,0	4,6	5,0
Долгосрочная динамика							
Среднегодовая доля в мировом ВВП, %	1,6	1,8	2,5	3,1	4,1	5,7	6,6
Среднегодовая доля в мировых НВПИИ, %	0,9	1,8	2,3	2,4	2,4	2,7	2,9
Показатели соотнесения							
Коэффициент соотнесения погодовой (К1)	1,69	0,84	1,38	2,02	3,10	3,17	3,14
Коэффициент соотнесения среднегодовой (К2)	1,69	0,99	1,05	1,27	1,68	2,09	2,27
Разность коэффициентов (К1-К2)	0,00	–0,15	0,32	0,75	1,41	1,08	0,88

[1] Кандалинцев Виталий Геннадьевич – к.э.н., с.н.с. Отдела экономических исследований Института востоковедения РАН. E-mail: kanvital@mail.ru

[2] Подсчитано автором по данным Мирового Банка – http://datatopics.worldbank.org/world-development-indicators/themes/economy.html, и данным ЮНКТАД. – https://unctad.org/en/Pages/DIAE/World%20Investment%20Report/Annex-Tables.aspx

В период с 1990 по 1993 г. страна находилась в группе B. Это означало, что обе доли (в мировом ВВП и мировых НВПИИ) росли, но доля НВПИИ росла быстрее. К1 за эти года снизился более чем вдвое с 1,69 до 0,73, что отражало существенное отставание темпов роста доли в мировом ВВП от темпов роста доли в мировых НВПИИ. Однако в 1994 г. нисходящая волна К1 завершается и начинается восходящая восьмилетняя волна, которая завершается в 2001 г. на отметке 1,48. В это время «стоянкой» страны становится группа A.

В 2002 г. происходит очень незначительное понижение К1, которое можно рассматривать как краткосрочную нисходящую волну, после чего появляется следующая среднесрочная восходящая волна, продлившаяся пять лет (с 2003 по 2007 гг.). А вот далее на наступает период чередования краткосрочных волн длительностью от одного до трех лет.

В разрезе долгосрочной динамики нисходящая волна К2 завершается в 1997 г. и со следующего 1998 г. стартует восходящая волна, которая длится до сих пор. Соответственно, с точки зрения долгосрочного тренда, Китай в последние двадцать лет находится в группе A. Однако разность между К1 и К2 достигла максимума в 2007 г. и далее снизилась более чем вдвое – с 1,94 до 0,88 в 2018 г.

Возможно, эти данные говорят об относительно близком завершении пребывания КНР в группе A и предстоящем переходе в группу B. Смена волнового паттерна в разрезе кратко- и среднесрочной динамики К1 говорит о том, что в этом разрезе Китай уже находится на границе групп A и B. И действительно, К1 с 2007 г. не растет, а лишь колеблется в узком диапазоне значений 2,9–3,3. Или, другими словами, темпы роста доли страны в мировом номинальном ВВП и ее доли в мировых НВПИИ практически сравнялись.

Иное дело – долгосрочный разрез. Здесь сигналом миграции Поднебесной из группы A в группу B может стать переход разности коэффициентов К1 и К2 в область отрицательных значений. При сохранении текущей динамики показателей это может произойти через несколько лет.

Переход в группу B будет означать смену приоритетов экспортеров иностранного капитала в пользу ПИИ, ориентированных не только (и не столько) на внутренний рынок КНР, сколько на реэкспорт ПИИ в близлежащие регионы и/или их ориентацию на участие в глобальных цепочках создания стоимости.

Индия

В первой половине 1990-х годов Индия пребывала в группе D (ее доля в мировом ВВП сокращалась, а доля в мировых НВПИИ увеличивалась – см. табл. 2). В долгосрочной разрезе страна с 1996 г. вошла в группу B и по настоящее время остается там. Об этом говорит стабильный рост ее долей в мировых ВВП и НВПИИ, а также уменьшение К2, свидетельствующее об опережении темпа роста доли в мировых НВПИИ аналогичного показателя темпа роста в мировом ВВП.

Таблица 2[1]

Индия

	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2018 г.
ВВП номинальный, млн. долл.	320 979	360 282	468 395	820 382	1 675 615	2 103 588	2 726 323
НВПИИ, млн. долл.	1657	5641	16 339	43 202	205 580	282 617	386 354
Кратко- и среднесрочная динамика							
Доля в мировом ВВП, %	1,42	1,17	1,39	1,73	2,54	2,80	3,18
Доля в мировых НВПИИ, %	0,08	0,16	0,22	0,38	1,04	1,07	1,20
Долгосрочная динамика							
Среднегодовая доля в мировом ВВП, %	1,42	1,18	1,26	1,35	1,54	1,73	1,88
Среднегодовая доля в мировых НВПИИ, %	0,08	0,10	0,15	0,21	0,35	0,47	0,54
Показатели соотнесения							
Коэффициент соотнесения погодовой (К1)	18,82	7,38	6,30	4,57	2,44	2,61	2,65
Коэффициент соотнесения среднегодовой (К2)	18,82	11,96	8,37	6,44	4,42	3,66	3,45
Разность коэффициентов (К1-К2)	0,00	–4,59	–2,07	–1,87	–1,98	–1,05	–0,80

В значительной степени данный долгосрочный тренд объясняется большим стартовым значением К1 и К2 – в 1990 г. доля Индии в мировом ВВП почти в 19 раз превосходила ее долю в мировых НВПИИ. Улучшение инвестиционного климата вследствие мер по либерализации экономики запустило процесс догоняющей динамики доли страны в мировых НВПИИ. И как следствие, разрыв долей за почти три десятка лет радикально сократился: в 2018 г. К1 составил 2,65 и К2 – 3,45.

В разрезе кратко- и среднесрочной динамики волновой паттерн за рассматриваемый период определенным образом эволюционировал. Так, в динамике К1 чередование средних нисходящих и коротких восходящих волн, характерное для 1990-х годов, в период 2000-2008 гг. трансформировалось в чередование коротких трехлетних восходящих и коротких трехлетних нисходящих волн, а после 2008 г. наблюдается чередование средней шестилетней восходящей волны и коротких нисходящих и восходящих волн. Такая эволюция волнового паттерна указывает на то, что темпы роста доли Индии в мировом ВВП за последнее десятилетие не только обогнали, но будут в дальнейшем обгонять

[1] Подсчитано по данным Мирового Банка – http://datatopics.worldbank.org/world-development-indicators/themes/economy.html, и данным ЮНКТАД. – https://unctad.org/en/Pages/DIAE/World%20Investment%20Report/Annex-Tables.aspx

темпы роста ее доли в мировых НВПИИ. Следовательно, крупнейшая экономика Южной Азии в обозримом будущем может мигрировать из группы B на границу групп A и B также и в долгосрочном разрезе.

Япония

До 1995 г. страна восходящего солнца находилась группе B (см. табл. 3). Однако в дальнейшем Япония мигрировала в группу D, где она пребывала до 2012 г. В последние годы Япония перешла в группу F – ее доля в мировом ВВП сокращается быстрее, чем доля в мировых НВПИИ.

Таблица 3[1]

Япония

	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2018 г.
ВВП номинальный, млн. долл.	3 132 818	5 449 116	4 887 520	4 755 411	5 700 098	4 389 476	4 970 916
НВПИИ, млн. долл.	9850	33 531	50 323	100 901	214 880	174 146	213 754
Кратко- и среднесрочная динамика							
Доля в мировом ВВП, %	13,9	17,7	14,6	10,0	8,6	5,9	5,8
Доля в мировых НВПИИ, %	0,4	0,9	0,7	0,9	1,1	0,7	0,7
Долгосрочная динамика							
Среднегодовая доля в мировом ВВП, %	13,86	16,13	15,23	14,05	12,69	11,61	11,04
Среднегодовая доля в мировых НВПИИ, %	0,45	0,63	0,62	0,72	0,78	0,79	0,77
Показатели соотнесения							
Коэффициент соотнесения погодовой (К1)	30,90	18,77	21,34	11,34	7,93	8,84	8,75
Коэффициент соотнесения среднегодовой (К2)	30,90	25,58	24,45	19,75	16,19	14,74	14,25
Разность коэффициентов (К1-К2)	0,00	–6,82	–3,11	–8,41	–8,26	–5,89	–5,51

Следует заметить, что текущий волновой паттерн, обусловливающий отнесение страны к группе F, выражен слабо. Так, показатели 2015 г. и 2018 г. почти одинаковые. Это говорит о том, что пока преждевременно считать позицию Японии в группе F долгосрочной. В целом это островное государство дает пример довольно частой миграции из одной группы в другую. Причем эта миграция за рассматриваемый период времени шла в направлении от лучших групп к худшим (от B к D и, далее, к F). Интрига заключается в том, сможет ли Япония добиться миграции в обратном направлении, т.е. в сторону более прогрессивных групп.

Теоретически это вполне возможно. Например, разрыв между долями страны в мировом ВВП и мировых НВПИИ по-прежнему велик. Исторически данный разрыв был во многом связан с традиционной закрытостью японского общества к внешнему миру, что препятствовало активному проникновению иностранного капитала в Японию. Но хотя и медленно, доля страны в мировых НВПИИ все же до недавнего времени росла. Возобновление это процесса может, как минимум, вернуть Японию в группу D.

Выводы

1. Из трех рассматриваемых стран наибольших успехов добился Китай – он стабильно и на протяжении длительного времени находится в группе A. Тем не менее, в последние годы очевиден дрейф Поднебесной в направлении группы B. Если данный переход в группу B состоится, то он будет знаменовать определенное изменение глобальной экономической роли КНР. Это изменение будет заключаться в снижении роли огромного внутреннего рынка страны как доминирующего фактора привлечения ПИИ, и росте роли Китая как мощного хаба для региональной и глобальной ориентации потоков ПИИ.

2. Индия достаточна успешна, поскольку закрепилась во второй по значению группе B. Темпы роста ее доли в мировом ВВП умеренны, но впечатляет 15-кратный рост доли в мировых НВПИИ за период 1990–2018 гг. Наиболее важный результат последнего десятилетия заключается в том, что темпы роста доли Индии в мировом ВВП стали опережать темпы роста ее доли в мировых НВПИИ. Хотя этот тренд проявляется пока только в кратко- и среднесрочной перспективе, он указывает на возможность формирования долгосрочного тренда, который приведет страну в группу A. В свою очередь, переход в лидерскую группу A станет свидетельством формирования в Индии долгосрочного потенциала эффективного экономического роста.

3. Результаты Японии неоднозначны. Разрыв между ее долями в мировом ВВП и мировых НВПИИ в 1990 г. был еще более сильным, чем в Индии (К1 был более 30). Однако догоняющая динамика доли в мировых НВПИИ оказалась более чем скромной: достигнув пика в 2008 г., этот показатель к 2018 г. уменьшился вдвое. Что касается динамики доли в мировом ВВП, то смена восходящей волны на нисходящую состоялась намного раньше, а именно в 1995 г. Как следствие, Япония в течение всего рассматриваемого периода мигрировала из группы B транзитом через группу D в группу F. Однако и в группе F пребывание Японии пока не выглядит долгосрочным. Учитывая стабилизацию показателей (долей в мировом ВВП и мировых НВПИИ) в последнем десятилетии, вопрос о направлении дальнейшей миграции остается открытым.

[1] Подсчитано по данным Мирового Банка – http://datatopics.worldbank.org/world-development-indicators/themes/economy.html, и данным ЮНКТАД – https://unctad.org/en/Pages/DIAE/World%20Investment%20Report/Annex-Tables.aspx

Костин Ю.Д.,
Костин Д.Ю.,
Пустовой А.Ю.[1]

УКРАИНА: ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА (РЕАЛИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ)

Ключевые слова: *концепция развития цифровой экономики, инвестиции, искусственный интеллект, роботизация, цифровые сервисы, бизнес, информационные технологии, Интернет, цифровая инфраструктура, система электронного управления.*

Keywords*: concept of digital economy development, investment, artificial intelligence, robotics, digital services, business, information technology, Internet, digital infrastructure, electronic control system.*

Цифровая экономика (ЦЭ) способствует проникновению новейших технологий в повседневную жизнь, формируя цифровую повседневность. В современном мире нет ни одной сферы жизни человека, в которую бы не проникли и не стали неотъемлемой её частью информационные технологии (ИТ). Новая экономическая идеология меняет восприятие человеком пространства и времени, заставляет учиться по-новому ими управлять [1–8].

Согласно данным Международного союза электросвязи (МСЭ), специализированного подразделения ООН в области информационно коммуникационных технологий (ИКТ), количество пользователей (фиксированного и мобильного) Интернета в мире в 2015 году составляло 3,5 млрд.

Реалии

Кабинет Министров Украины принял концепцию развития цифровой экономики (ЦЭ) и общества Украины на 2018–2020 годы и утвердил план по ее реализации (план утвержден распоряжением КМУ № 67-р от 17 января 2018 г.). Предполагалось, что переход Украины на ЦЭ может привлечь новые инвестиции, а благодаря развитию ЦЭ до 2021 года можно обеспечить дополнительные 5% к ВВП Украины.

Следует понимать, что утвержденный правительством документ не содержит детального описания того, как планируется воплощение самой концепции в жизнь. Все довольно обще: определить, обеспечить, поручить, ввести. То есть, следующим шагом видится не само внедрение, а только разработка документов: как это сделать, какими стимулами и прочее. Это фактически дорожная карта цифровой трансформации экономики Украины. И для того чтобы все заработало, нужно еще разработать и принять много законов и постановлений. Тем не менее, первый шаг в направлении внедрения цифровых услуг уже сделан.

Впрочем, доступного объяснения, что такое «цифровая экономика», в чем её отличие от традиционной – пока нет. Имеются различные трактовки термина ЦЭ, вот некоторые из них: ЦЭ – это искусственный интеллект, роботизация, электронные деньги, промышленная биология, обработка больших данных, беспилотный транспорт; ЦЭ означает новый уровень цифровых сервисов, когда в онлайн переходят оплаты коммунальных платежей, а для промышленных предприятий переход в ЦЭ получил определение в мире как industry 4.0 – четвертая индустриальная революция. Особенность украинского цифрового развития состоит в том, что пользователи и бизнес значительно опережают государство и промышленность. Безусловно, государство проводит технологические изменения, но пока этого недостаточно. Еще сложнее ситуация в крупном промышленном секторе. Идея обновления старого промышленного парка не нова, но реализуется крайне медленно; или ЦЭ – это любая деятельность, связанная с информационными технологиями (IT). И в данном случае важно разделить термины: ЦЭ и IT-сфера. Ведь речь идет не о развитии IT-компаний, а о потреблении услуг или товаров, которые они предоставляют – онлайн-торговля, электронное управление и т.д. – с использованием IT; или ЦЭ – это экономика виртуальных миров, а инструментом реализации ЦЭ является Интернет и не только. Отличать ЦЭ от традиционной экономики всегда необходимо. Ведь ЦЭ ориентируется на потребителя. Поэтому часто можно услышать вместо ЦЭ экономика по требованию (on demand economy). К сожалению, в Украине мы имеем неразвитую инфраструктуру, низкую технологическую образованность и общий синдром «устаревших технологий». Поэтому реальное внедрение решений наподобие e-governance (е-управления) или полноценного 4G пока остается на бумаге.

[1] Костин Юрий Дмитриевич – д.э.н., зав. учебно-научной лабораторией «Моделирование экономических процессов в инфраструктурных отраслях», Харьковский национальный университет радиоэлектроники. E-mail: nsipatova@gmail.com

Костин Дмитрий Юрьевич – к.э.н., н.с. учебно-научной лаборатории «Моделирование экономических процессов в инфраструктурных отраслях», Харьковский национальный университет радиоэлектроники.

Пустовой Александр Юрьевич – к.э.н., ведущий инженер 1 кат. учебно-научной лаборатории «Моделирование экономических процессов в инфраструктурных отраслях», Харьковский национальный университет радиоэлектроники.

На Украине катастрофически мало нормативных документов [9–17]. Интернет – да! Он дорогой, но дешевле в 10 раз, чем в США, и в 6 раз, чем в Европе.

Применение ЦЭ ограничено и используется в основном в ЖКХ, транспорте, таможне.

Система переподготовки кадров далека от потребностей общества. Нужно готовить все общество. Процесс идет стихийно. Цифровая грамотность на предельно малом уровне. Для молодых людей – это все естественно и быстро ими усваивается. На Украине 10% населения понимает ЦЭ.

Перспективы и приоритеты развития

Как ЦЭ изменит Украину? Несомненно, ЦЭ открывает возможности для государства, общества и граждан.

Сегодня страна находится на уникальном этапе развития, когда есть шанс сделать так называемый «цифровой скачок» в ключевых сферах экономики. То есть быстро перейти на новую ступень развития в этих сферах, минуя промежуточные стадии и начав использование современных систем.

Поскольку мы концептуально движемся в западный и в глобальный мир, у нас нет другого пути.

Глобальная экономика уже реальность, и речь сейчас о том, чтобы не оказаться на ее обочине. Представьте, какой потенциал и какой толчок для развития небольших районных центров дал бы, например, бесплатный тотальный доступ к Интернету через 4G. Это можно было бы сравнить с появлением асфальтированных дорог в стране. С введением ЦЭ наши предприятия станут более конкурентоспособными на внешнем рынке.

Не развивать «цифру» – это значит остаться в каменном веке и навсегда отстать от современных стран. Помните, как мы радовались появлению 3G в Украине, когда в мире уже вводили 4G и 5G. Если мы хотим, чтобы Украина не отставала от Запада – нужно обеспечить развитие адекватной цифровой инфраструктуры.

Что ЦЭ дает рядовому украинцу? Это новое образование (ученик будет иметь доступ к Wi-Fi с высокой минимальной скоростью, электронные учебники, планшет, мультимедийный контент и т.п.), новая медицина (вместо периодичного медицинского осмотра – сенсоры и датчики, онлайн-наблюдение), а также новые сервисы, новые возможности для развития собственного бизнеса онлайн, простой доступ к товарам и услугам с помощью гаджета. Если кто-то говорит, что невозможно сделать это за 5 или 10 лет – посмотрите на Эстонию, которая с помощью ряда последовательных законодательных шагов буквально за 10 лет стала одной из наиболее успешных стран Европы в области цифровых технологий. Но для того, чтобы повторить успех Эстонии, на Украине надо улучшить качество цифровой инфраструктуры, которая совсем не развита.

Согласно данным ресурса speedtest.net, позиции Украины в мире по показателям качества доступа к Интернет невероятно низкие: 114-е место по качеству мобильного Интернета и 45-е по качеству широкополосного Интернета.

Какой можно сделать вывод в создавшейся ситуации? Реально ли внедрить стратегию цифровой экономики до 2021 года?

У нашей страны просто нет альтернативы – мы должны это сделать. Успех будет зависеть от конкретных шагов правительства. В первую очередь цифровые технологии должны стать доступны представителям бизнеса и простым гражданам.

Для бизнеса государство должно исключить из налогов все затраты предприятий на инвестиции в технологическое развитие. Следует создавать проекты по снижению стоимости импорта технологического оборудования, кредитовать из средств госбюджета проекты цифровизации бизнеса и промышленности и создать льготы для тех коммерческих предприятий, которые инвестируют в новые технологии. Для развития внутреннего потенциала нам не подходит медленный сценарий. Реальные изменения и экономический эффект может дать только форсированное движение с радикальными изменениями в действующем законодательстве: внести изменения в списки товаров, облагаемые НДС, акцизные списки, изменить принципы валютного регулирования, создать льготные налоговые периоды для развития бизнеса, инвестировать в технопарки. Бизнес должен быть заинтересован в развитии производства.

Для общества – создать онлайн-сервисы для всех услуг, которые предоставляет государство. На Украине уже есть положительный опыт развития центров административных услуг (г. Харьков), его надо мультиплицировать и максимально внедрять во все сферы, связанные с жизнью граждан: образование, медицину, коммунальные услуги и т.д.

Выводы

Удастся ли обеспечить 5% рост ВВП Украины до 2021 года? Практика (в том числе и на международном уровне) показывает, что если проводить цифровую трансформацию и внедрять цифровые системы в управлении, то можно достичь роста ВВП и более 5%. А по данным исследования «Циклы зрелости цифровой трансформации» компании Enterprise Strategy Group, проведенного по заказу компании Dell EMC, 96% компаний, где прошла цифровая трансформация, на следующий год почти вдвое перевыполнили свои планы по доходам.

Если мы говорим о развитии нашей страны не только как торговца сырьевыми ресурсами, то интеграция отечественных предприятий в мировую экономику без цифровых технологий уже невозможна.

Настало время переучивать преподавателей. Нужна постоянная система обучения. Учебные центры. А то ведь как получается: подготовили специалистов, а наблюдают за процессом по-прежнему старые спецы. И если мы хотим достичь эффекта от применения «цифровой экономики», необходимо повсеместно создавать современную высокотехнологическую промышленность.

Список литературы

1. Скіцько В.І. Цифрові технології сучасної логістики та управління ланцюгами поставок // Маркетинг і цифрові технології. 2018. – Т. 2, №. 3. – С. 48–63. DOI: 10.15276/mdt.2.3.2018.3
2. Скіцько В.І. Синергія цифрових технологій в логістичних системах // Інвестиції: практика та досвід. 2018. – № 16. – С. 18–24.
3. Вітлінський В.В., Скіцько В.І. Ризики в Індустрії 4.0 // Вісник Черкаського Університету. Серія: Економічні науки. 2016. – № 3. – С. 17–26.
4. Скіцько В. І. Індустрія 4.0 як промислове виробництво майбутнього // Інвестиції: практика та досвід. 2016. – № 5. – С. 33–40.
5. DESI 2018. The Digital Economy and Society Index. – https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/desi (Last update: 14 January 2019).
6. Проектування для когнітивного бізнесу. Когнітивні обчислення – дії зі швидкістю думки. – https://www.ibm.com/it-infrastructure/ua- uk/cognitive-computing/
7. Smart Factory – розумне виробництво. – https://www.it.ua/knowledge-base/technology-innovation/smart-factory
8. 21 термин о финтехе, которые каждый должен знать, чтобы понимать, как меняются банки и деньги. – https://businessviews.com.ua/ru/finances/id/finteh-slovar-1855/
9. Угода про асоціацію між Україною, з однієї сторони, та Європейським Союзом, Європейським співтовариством з атомної енергії та їхніми державами-членами, з іншої сторони. Глава 14. Інформаційне суспільство. – https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/984 011/рагап2691
10. Про інформацію: закон України від 02.10.1992 р. № 2657-XII, зі змінами. – http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/%D1%8E
11. Положення набори даних, які підлягають оприлюдненню у формі відкритих даних: Постанова Кабінету Міністрів України від 21 жовт. 2015 р. № 835. – http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/835-2015-п
12. 2. Цифрова адженда України – 2020 («Цифровий порядок денний» – 2020). Концептуальні засади (версія 1.0). Першочергові сфери, ініціативи, проекти «цифровізації» України до 2020 року. / HITECH office. – грудень 2016. – 90 с. – https://ucci.org.ua/uploads/files/58e78ee3c3922.pdf
13. ЗУ «Про електронний цифровий підпис». – https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/852-15
14. Про затвердження Порядку забезпечення доступу закладів вищої освіти і наукових установ до електронних наукових баз даних. – https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z0463-19
15. ЗУ «Про електронні довірчі послуги». – https://zakon.rada.gov.Ua/laws/show/2155-19#п475
16. Про затвердження Положення про формування та виконання Національної програми інформатизації. – https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1352-98-%D0%BF
17. ЗУ «Про електронну комерцію». – https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/675-19
18. http://europa.eu/rapid/press-release IP-19-2309 en.htm?fbclid=IwAR2vfiOuCdW4tHgvRSBYwpczVHvDqi 1 QvlZu49Zcv 1 wBGgVpG VOD72nkpWg
19. http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3 A32013L0037
20. О лицензиях. – https://creativecommons.org/licenses/
21. Policy paper G8 Open Data Charter and Technical Annex. – https://www.gov.uk/govemment/publications/open-data-charter/g8-open-datacharter-and-technical-annex
22. https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/europe-2020-strategy
23. Digital Agenda for Europe. – http://www.europarl.europa.eu/factsheets/en/sheet/64/digital-agenda-for-europe

Котилко В.В.
д.э.н., профессор, академик РАЕН, гл.н.с. СОПС
kotilko@yndex.ru

СТРАТЕГИИ И ПУТИ ПОСТАВОК ЗЕРНА

Ключевые слова*: экспорт зерна, поставщики пшеницы, урожаи зерна, торговый баланс, экспортная инфраструктура, портовая логистика, складские мощности, экспортные товары, льготные перевозки зерна, агроэкспорт, мониторинг посевов, агрокультура, сеть атташе АПК.*

Keywords*: grain export, wheat suppliers, grain harvest, trade balance, export infrastructure, port logistics, storage facilities, export goods, preferential transportation of grain, bread quality, agricultural export, monitoring of crops, agriculture, network of agricultural attaché.*

Мировой рынок зерна. Основными поставщиками пшеницы в 2018/19 маркетинговом году являются Россия с 35 миллионами тонн; США с 29 миллионами тонн и Канада с 24 миллионами тонн.

Министерство сельского хозяйства США (USDA) оценивает мировой урожай пшеницы в 2018/19 году в 734 миллиона тонн – почти на 30 миллионов тонн меньше, чем в предыдущем году.

Таким образом, впервые за шесть лет производство осталось ниже потребления, которое оценивается в 746 млн. тонн в 2018/19 маркетинговом году. Соответственно, к концу 2018/19 маркетингового года мировые запасы пшеницы сократятся до 267 миллионов тонн.

Также на мировом рынке фуражного зерна и крупы ожидается значительное сокращение запасов. По данным Министерства сельского хозяйства США (USDA), при производстве 1,373 млн. тонн фуражного зерна ожидается потребительский спрос в 1,409 млн. тонн. К концу маркетингового года 2018/19 во всем мире ожидаются запасы фуража и крупы в 334 млн. тонн, что на 36 миллионов тонн меньше, чем в прошлом году.

В то время как мировая ситуация с поставками зерна в 2018/19 маркетинговом году характеризуется хорошим урожаем как в Северной, так и в Южной Америке, с другой стороны, урожаи зерновых пострадали в значительной части России, Китая и ЕС.

Согласно оценке Европейской комиссии, урожай зерна в ЕС в 2018 году оценивается в 285,2 миллиона тонн, что на 23,1 миллиона тонн или на 7,5 процента меньше, чем в предыдущем году.

Поскольку площадь почти не изменилась (+0,2%), низкие урожаи зерновых были обусловлены более низкой урожайностью с гектара (–7,7%), главным образом, из-за влияний погоды в Северной Европе.

Германия является одной из стран северной Европы, где урожай зерновых в 2018 году особенно пострадал от засухи. С общим объемом урожая 38,0 млн. тонн (включая кукурузу) это почти на 10 млн. тонн или на 21% ниже долгосрочного среднего показателя 2012–2017 годов. По сравнению с результатом ниже среднего за предыдущий год, минус составляет около 17 процентов.

Предпосылки роста экспорта. Добиться впечатляющих результатов в 2018 году удалось благодаря росту экспорта, с одной стороны, и практически не изменившемуся импорту, рост которого замедлился, – с другой. Подорожавший импорт стал менее привлекательным для потребителей. Заметно просевший курс рубля крайне негативно давит на поставку в Россию большого количества зарубежных товаров. Причем речь не только о потребительском секторе, но и о поставках сырья, оборудования и машин для отечественной промышленности. В какой-то мере выпадающие объемы импорта были замещены увеличением отечественного производства. Страна старается увеличить собственное производство практически по всем направлениям народного хозяйства, увеличивая при этом, соответственно, и экспорт продукции. В любом случае можно зафиксировать сам факт столь внушительного роста положительного сальдо торгового баланса. В течение длительного периода торговый баланс России не мог похвастаться такими успехами. В начале 1990-х годов он был равен нулю, но потом начал расти и достиг пика в начале 2012 года, а затем пошел на спад. С 2014 года падение усилилось на фоне негативных внешних факторов, а также обвала цен на нефть в 2014–2016 годах. Наконец, этот показатель может побить новый рекорд.

В целом с января по ноябрь 2018 года объем торговли составил 629 млрд. долларов. Это на 19,3% больше по сравнению с аналогичным периодом 2017 года.

Тенденции экспорта ЕАЭС. Профицит счета текущих операций платежного баланса в 2018 году достигнет самого высокого значения за весь период наблюдений. По оценке Банка России, он составит 114,9 млрд. долларов (против 40,2 млрд. долларов в 2017 году). То есть в страну идет больший объем валютных поступлений, чем объем ее платежей за рубеж. Это привело, в частности, к росту накоплений международных резервов – плюс 38,2 млрд. долларов. Всего на 11 января они составляют 472,6 млрд. долларов.

Определяющим фактором в динамике текущего счета был торговый баланс. Положительное сальдо торгового баланса резко выросло за последние 11 месяцев – на 65,2% – и достигло 191,4 млрд. долларов. При таких темпах ре-

корд 2011 года, составляющий 198 млрд. долларов, скорее всего, будет побит, считает французская деловая газета Les Echos.

В 2017 году экспорт Евразийского экономического союза в третьи страны был представлен в основном минералами (около 50% от общего объема или около 219 млрд. долларов США), за которыми следовали разные промышленные товары (12,4%, 54 млрд. долларов США, в основном средства обороны), металлы (почти 11%, 49 млрд. долларов США, в частности, железо и сталь, алюминий, медь и никель), сельскохозяйственные и пищевые продукты (около 6,5%, 29 млрд. долларов США) и химические вещества (около 5%, что соответствует почти 22,5 млрд. долларов США).

Импорт в основном состоял из машин и электрического оборудования (около 30%, что эквивалентно 91 млрд. долл. США), за которым следуют продовольствие (12,7% или 38 млрд. долл. США, включая мясо, фрукты, овощи и напитки), транспортное оборудование (12%, 37 млрд. долл. США) и химические продукты (11,5%, или 35 млрд. долл. США, особенно фармацевтические продукты, моющие средства и органические химические продукты).

Географическая структура внешней торговли ЕАЭС. Африканский континент отметил незначительный рост в качестве поставщика для стран ЕАЭС: в 2012 году он был равен 0,7%. В 2017 году его доля выросла более чем на 1%. За последние пять лет доля импорта из США практически не изменилась с уровнем около 5%.

Экспорт Евразийского экономического союза в Европейский союз, который по-прежнему является основным торговым партнером ЕАЭС, постепенно падает. Одновременно с этим, экспорт в Китай увеличивается. Доля ЕС в географической структуре экспорта ЕАЭС упала с примерно 47% в 2012 году до менее 44% в 2017 году, в то время как доля экспорта, предназначенного для Китая, увеличилась с почти 8% в 2012 году до более 10% в 2017 году.

3,5% от общего объема экспорта из стран ЕАЭС было отправлено в Африку, это увеличение в три раза по сравнению с 2012 годом, когда этот показатель составил только 1,5%. Доля США увеличилась с 2% в 2012 году до 2,6% в 2017 году. За этот пятилетний период доля стран АСЕАН осталась на уровне около 1%.

Стратегия роста экспорта России. Финансирование проекта «Экспорт продукции АПК» до 2024 года составит 406,8 млрд. руб., в том числе 38,8 млрд. руб. – в 2019 и 33,8 млрд. руб. – в 2020, что следует из документа, опубликованного на сайте Минсельхоза. Так, уже в этом году должно быть разработано не менее 50 корпоративных программ международной конкурентоспособности (КПМК): 16 – для зерновой продукции, 14 – продукции пищевой перерабатывающей промышленности, 10 – масложировой продукции и 10 – для рыбы.

В последние годы портовая инфраструктура Дальнего Востока получает все большее развитие из-за нарастающих потребностей экспортеров, поставляющих свои товары на растущие рынки Азии. В то же время, в первую очередь модернизируются действующие мощности по перегрузке угля – угольные компании, владея ключевыми портами ДФО, вкладывают значительные средства в расширение их пропускной способности. Экспорт же других видов товаров, в которых испытывает потребность Азиатско-Тихоокеанский регион, сталкивается с серьезными логистическими сложностями.

Один из потенциально привлекательных для рынков сопредельных государств товаров – это российское зерно. Сейчас перевалка зерновых происходит во Владивостоке по варианту «вагон – судно», его транспортировка эффективна только в близлежащие страны: Тайвань, Китай, Японию, Корею.

Крупные экспортеры зерна ранее не раз заявляли, что готовы менять ситуацию, развивая специализированные портовые мощности. В 2011 году проект терминала в морском порту Восточный на 5 млн. тонн зерна в год анонсировали «Объединенная зерновая компания» (ОЗК) и «Дальпорт». В 2014 ОЗК и FESCO (обе входят в «Сумму» братьев Магомедовых) объявили о новом проекте – терминале на 10 млн. тонн в поселке Зарубино (бухта Троица). Компании создали дочернее ООО «Дальневосточный зерновой терминал», однако из-за проблем у «Суммы», связанных с арестом ее учредителя, ни один проект фактически так и не стартовал.

Между тем, производители зерна по-прежнему заинтересованы в транзите своей продукции через порты Дальнего Востока по Тихому океану. Свой вариант решения задачи предложило в конце 2018 года ООО «Приморский морской зерновой терминал» (ПЗМТ, входит в группу «Порта Ливадия»). Учредитель утверждает, что целью проекта является создание специализированного терминала по перегрузке порядка 6,5 млн. тонн зерна в год в бухте Суходол.

Интересная информация об участии в этих процессах банка ВТБ. ВТБ установил группе компаний «Зерно Заволжья» кредитный лимит в размере одного млрд. рублей для обеспечения текущей деятельности и финансирования капитальных вложений. Часть средств предоставляют на льготных условиях в рамках совместной с министерством сельского хозяйства России программы. Опираясь на такое финансирование ВТБ, предприятие, в частности, намерено реализовать проект по строительству двух элеваторов для хранения и реализации зерна, а также расширить собственные территории для посева зерновых, масличных и технических культур.

Китайская компания «Дунцзин Груп» планирует построить в Хабаровском крае крупную ферму и специализированные зерновые порты вдоль Амура. По задумке инвесторов, это будет современная трансграничная производственная цепочка, которая объединит сельское хозяйство, портовую логистику и складские мощности на Дальнем Востоке. Как сообщает пресс-служба Агентства Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта, инвесторам подобрали площадку для строительства специализированного порта. Сейчас компания готовит необходимые документы для получения статуса резидента ТОР.

На первом этапе реализации проекта китайская корпорация «Дунцзин» построит в Хабаровске специализированный речной порт мощностью 400 тыс. тонн в год и создаст складские помещения на территории агропромышленного комплекса для единовременного хранения 100 тыс. тонн продукции. После этого совместно с другой компанией из КНР – China Harbor Engineering Company – создаст портовую инфраструктуру между Фуюанем и Хабаровском,

Хэйхэ и Благовещенском, Тунцзяном и Нижнеленинским с выходом в морской порт Николаевск-на-Амуре. Это позволит соединить речную инфраструктуру с морской и наладить экспорт продукции в страны АТР.

Крупные китайские компании New Hope Liuhe и Ningbo Flow Supply Chain Management, расположенные в провинции Чжэцзян, намерены развивать торгово-экономическое сотрудничество с Приморским краем. Особый интерес представляют контейнерные поставки зерна. Инвесторы готовы построить для этого специализированный терминал. Как сообщает пресс-служба краевой администрации, в сотрудничестве заинтересованы китайские компании New Hope Liuhe и Ningbo Flow Supply Chain Management. Они импортируют из Приморья сою и пшеницу. Примерный объем товарооборота составляет пять тыс. тонн ежемесячно. Партнеры планируют увеличить объем до 50 тыс. в месяц. Компании уже сотрудничают с крупнейшими транспортными предприятиями края – FESCO и Владивостокским морским торговым портом, однако для наращивания объемов поставок нужна соответствующая инфраструктура.

Интерес вызывают экспортные отгрузки зерна и продуктов его переработки из Краснодарского края и Республики Адыгея за первые месяцы 2019 г. По данным ТУ Россельхознадзора по Краснодарскому краю и Республике Адыгея за период с 22 по 28 января 2019 года специалистами выдано 280 фитосанитарных сертификатов на зерно и продукты его переработки общим объемом 584,42 тыс. тонн.

Практически все отгрузки производились через морские пункты пропуска. Так, через МПП «Новороссийск» было отгружено 372,42 тыс. тонн, что составляет 63,7 % от общего объема экспортируемой продукции регионов, «Кавказ» – 137,73 тыс. тонн (23,6%), «Тамань» – 31,79 тыс. тонн (5,4%), «Темрюк» – 23,22 тыс. тонн (4,0%), «Ейск» – 12,08 тыс. тонн (2,1%). Стоит отметить, что через внутренние пункты пропуска было экспортировано 7,18 тыс. тонн, что составляет 1,2% от общего экспорта регионов.

Больше всего за указанный период экспортировали пшеницу – 499,84 тыс. тонн (85,5% от общего объема экспортируемой продукции из регионов) и ячмень – 35,47 (6,1%). В значительно меньших объемах отгружены чечевица – 9,9 тыс. тонн (1,7%), отруби пшеничные – 7,75 тыс. тонн (1,3%), мучка рисовая – 5,50 тыс. тонн (1,0 %).

За указанный период данная продукция была направлена в 44 страны мира. Первую пятерку стран-импортеров возглавил Бангладеш, куда отгружено 123,14 тыс. тонн зерна, что составило 21,1% от всего экспорта Краснодарского края и Республики Адыгея за неделю. Далее расположился Йемен – 87,09 тыс. тонн (14,9%), Филиппины – 70,10 тыс. тонн (12,0%), Египет – 63,17 тыс. тонн (10,8%) и Судан – 44,5 тыс. тонн (7,6%).

Фитосанитарные сертификаты, выданные специалистами Управления Россельхознадзора по Краснодарскому краю и Республике Адыгея, свидетельствуют о том, что сертифицированная продукция соответствует специфическим требованиям стран-импортеров.

Краснодарский край и Ростовская область остаются главными экспортными воротами российских аграриев, но, как говорят эксперты, в последние годы наши порты работают практически на пределе своих возможностей. Так что, если мы намерены выполнить целевые показатели стратегии развития АПК, достигнув экспортной выручки в 45 миллиардов долларов к 2024 году, нам предстоит пересмотреть структуру поставок, а также серьезно модернизировать всю экспортную инфраструктуру.

Перспективными экспортными товарами являются продукты глубокой переработки сельхозпродукции. Однако, очевидно, что нельзя развивать ее без необходимой технологической базы. Большинство российских предприятий к мировой конкуренции пока не готовы. Собственных технологий не хватает, а доступ к иностранным сейчас усложнен. Кроме того, нам нужно привести национальные стандарты в соответствие с требованиями целевых рынков. Поэтому помимо преодоления политических и ветеринарных барьеров бизнесу нужно помочь с процедурами стандартизации. Необходимо снизить издержки производителей на логистику и оформление документов. Это повысит конкурентоспособность наших производителей.

Существует также проблема логистики. Так, по данным Россельхознадзора, экспорт зерна через кубанские морские порты за 2018 год вырос на 23 процента, до 38,6 миллиона тонн. Огромные объемы приводят к разрушению местных дорог (основную часть зерна к портам везут по-прежнему автотранспортом, часто со значительной перегрузкой), а в сезон в пробках на подъездах к портам скапливаются железнодорожные составы с сотнями полных вагонов. Впрочем, сейчас в ЮФО реализуется сразу несколько крупных инфраструктурных проектов, которые во многом решат проблему бутылочного горлышка юга.

Анализ отгружаемых групп продукции из Алтайского края свидетельствует, что по-прежнему большая часть экспорта – это сырье. По данным сертификатов Алтайского филиала ФГБУ «Центр оценки качества зерна» было отправлено зерновых и масличных культур 92,96 тыс. тонн. Основная доля экспортных отгрузок «гречневого региона» РФ сформирована соответственно гречихой – 36,3%, затем пшеницей – 24,6% и замыкает тройку лидеров отгрузка льна – 14,2%. В группе продуктов переработки зерна, масличных культур, более чем половина от всех отправленных за рубеж продуктов – это крупа гречневая Алтайского происхождения, 18,0% – крупа горох колотый, на третьем месте, впервые за последние годы, масло рапсовое – 9,6%, производство которого значительно увеличилось в 2018 году.

Наибольший объем алтайских продуктов переработки зерна, по данным выданных документов Алтайского филиала ФГБУ «Центр оценки качества зерна» был отправлен в Узбекистан, затем Таджикистан, Туркмению и лишь на 4 месте Китай.

Экспортный потенциал Алтайского края по поставкам зерна и продуктов его переработки увеличивается год от года, сельхозтоваропроизводители региона активно расширяют рынки сбыта, ставят амбициозные, масштабные цели по поставкам высококачественной продукции из региона в разные уголки нашей планеты, в связи с чем, можно с уверенностью предположить, что в 2019 году список продукции и количество стран-потребителей алтайской продукции значительно расширится.

Льготные перевозки зерна на экспорт. Перечень регионов для внедрения льготного тарифа на перевозку зерна железнодорожным транспортом определен Минсельхозом России исходя из критериев наибольшего удаления от основных потребителей зерна, наличия профицита и наименьшей цене на зерно, – поясняется в документе.

Льгота будет предусматривать бесплатную перевозку сбываемого зерна по железной дороге, а затраты на перевозку РЖД будет возмещать правительство РФ. Подобные льготы уже вводились в 2017 году для тех регионов, в которых отмечался значительный рост производства зерна. Вызвано это было в том числе сложностями с транспортировкой урожая: так, в Новосибирской области, попадающей и в нынешний перечень льгот, в 2017 году было собрано более 3 млн. тонн зерновых, достаточно много по меркам региона, и аграрии столкнулись с трудностями при вывозе урожая на экспорт из-за нехватки железнодорожных вагонов.

Эти льготы будут действовать с февраля по сентябрь 2019 года для Новосибирской, Омской, Кемеровской, Оренбургской, Курганской и Тюменской областей, а также Алтайского и Красноярского краев.

Влияние агроэкспорта на рост ВВП. ВВП России к 2024 году вырастет на 2% от уровня 2018 года в случае выполнения задач по увеличению экспорта сельхозпродукции в два раза, подсчитали аналитики компании Deloitte & Touche СНГ (исследование есть в распоряжении «РГ»).

Эффект наращивания аграрного экспорта на прирост ВВП эксперты оценили в 2,16 триллиона рублей в 2024 году против 0,2 триллиона рублей в 2018 году. Налоговые поступления за тот же период вырастут более, чем в 10 раз с 29 до 308 млрд. рублей. В результате «совокупный эффект на прирост налогов будет в 3 раза больше финансового обеспечения реализации проекта» – указывают авторы исследования.

По данным аналитиков, 69% респондентов ожидают рост выручки от экспортной деятельности их компаний в ближайшее пять лет. Треть респондентов не ожидают подобных изменений. Чаще других представителей АПК увеличения экспортной выручки ожидают компании с выручкой от 2 до 5 млрд. рублей.

Расчеты проводились по методике ИНП РАН, которая основана на использовании статической модели межотраслевого баланса. При этом расчеты проводились с использованием постоянных значений цен.

Роль государства в ценовой политике и экспорте зерна. Отраслевое сообщество обсуждает возможных изменений на зерновом рынке после заявлений министра сельского хозяйства Дмитрия Патрушева и главы Россельхознадзора Сергея Данкверта. Первый сообщил, что ведомство будет регулировать цены на внутреннем рынке. Для этого в частности предполагается субсидировать тарифы на перевозку зерна из удаленных от портов регионов, также с 22 января возобновились торги интервенционным зерном. Данкверт сказал об усилении контроля над экспортом. Так, например, может быть изменена форма допуска продукции к экспорту и/или введено лицензирование этой деятельности. Поскольку сейчас любая фирма может экспортировать зерно, государство не способно обеспечить контроль в полном объеме, отмечал Данкверт.

Выводы и рекомендации:

- Такое регулирование должно учитывать интересы зернопроизводителей, обеспечивая сохранение доходности их деятельности. Это основное условие стабильности производства зерна и сбалансированности внутреннего рынка, а также реализации указа Президента относительно роста агропродовольственного экспорта.
- Специалисты Россельхознадзора хотят решать эту проблему путем введения лицензирования поставщиков на внешние рынки, в частности, экспорт зерна в страны со специфическими требованиями к ввозимой продукции, уже успешно решаются в рамках происходящих бизнес-процессов.
- Введение же лицензирования в настоящее время выглядит как попытка ограничить число экспортеров. Оно приведет к снижению конкуренции, которая является движущей силой любого бизнеса.
- Существует опасность того, что может произойти изменение ключевых принципов функционирования рынка, что в самом недалеком будущем приведет к падению сборов зерна.
- Российская зерновая отрасль демонстрирует рост производства, что позволило нашим аграриям добиться не только высокого уровня обеспечения потребности внутреннего рынка, но и существенно нарастить экспорт. Трудно оспорить тот факт, что основным фактором стала частная инициатива всех участников рынка при определенной поддержке государства. Именно частная инициатива и высокая конкуренция обусловили рост производства и повышение эффективности отрасли.
- По оценке Минсельхоза, в стране около 10 млн. га неиспользуемых сельхозземель, которые можно вернуть в оборот. Так, например, если в Южном федеральном округе почти все они используются, то в других много участков, которые не обрабатываются. С 2019 года запланировали увеличить средства на введение в оборот залежных земель, чтобы ежегодно возвращать по 300 тыс. га, но вообще нужно минимум по 400 тыс. г. В 2018 году поволжский агрохолдинг «Био-Тон» (контролирует 403 тыс. га земли в Самарской, Саратовской и Ульяновской областях) инвестировал в развитие бизнеса 1,5 млрд. руб. Средства были направлены на покупку новой сельхозтехники и оборудования, реконструкцию элеваторов и складской инфраструктуры. Кроме того, она приобрела хозяйство «Агро Сервис» в Красноармейском районе Самарской области. Его активы включают 5,3 тыс. га земель в долгосрочной аренде, 207 единицы сельскохозяйственной техники и ангары для нее, а также зерносклады. По данным kartoteka.ru, предприятие специализируется на выращивании зерновых (кроме риса), зернобобовых, а также масличных агрокультур. Его выручка только в 2017 году составила 86,4 млн. руб., прибыль – 7,2 млн. руб. Также в 2018 году «Био-Тон» ввел в оборот 14 тыс. га залежных земель, хотя весной планировалось только 4 тыс. га. В целом с 2007 года холдинг вернул в оборот 105 тыс. га залежи – то есть более четверти от своего земельного банка.

• Так, агрохолдинг «Био-Тон» активно осваивает передовые цифровые технологии, включая мониторинг посевов и инструменты прогнозирования урожайности. За счет их применения холдингу удалось выйти на хорошие показатели, несмотря на засушливый год. Урожайность озимых зерновых составила 29,4 ц/га, яровых зерновых и зернобобовых – 14,1 ц/га, технических агрокультур – 17,7 ц/га. Валовой сбор зерновых и зернобобовых достиг 309 тыс. т, технических агрокультур – 161 тыс. т. Около 35% урожая пшеницы пришлось на 3-й класс.

• В стране намечаются к реализации две госпрограммы – развития сельского хозяйства и развития сельских территорий. Первая связана с производством, с бизнесом, вторая – с формированием уклада жизни на селе, с решением социальных вопросов.

• Действующая ныне госпрограмма развития сельского хозяйства рассчитана на 2013–2020 годы. В этом году Минсельхоз продлил ее до 2025 года, несмотря на то, что ранее предполагалось преобразовать госпрограмму в «Нацпроект». Основная суть изменений не только в продлении программы до 2025 года, но и в дополнении ее новыми направлениями. Это проект по экспорту продукции АПК, цифровая экономика и поддержка малого бизнеса и кооперации. В 2019 году этот показатель увеличится до 303 млрд. рублей против 259,1 млрд. рублей в 2018 году.

• Всего в текущем году на развитие отраслей агропромышленного комплекса предусмотрено 73 275 241 тыс. руб., где 58 299 835 тыс. руб. составляют средства федерального бюджета и 14 975 407 тыс. руб. – средства бюджета субъекта России.

• для реализации задачи по увеличению экспорта сельхозпродукции к 2024 году, в России будет создана широкая сеть атташе по АПК, деятельность которых будет способствовать сокращению издержек сельхозпроизводителей для выхода на новые рынки, увеличению конкурентоспособности отечественной продукции за рубежом и расширению видов экспортной продукции.

Список литературы

1. https://www.agroxxi.ru/mirovye-agronovosti/troika-mirovyh-yeksporterov-zernovyh-rossija-sshaikanada.html?fbclid=IwAR1T3tshqQzgT6CEsuRYnTNUm4nf4IWQJR59Y882cNCJoutalCMKJrbmbHk
2. https://vz.ru/economy/2019/1/18/959751.html?fbclid=IwAR0_u2ju6GGbrxbyaw4XcF35vieOJePB4kaXwniOE75EnOxTyu3QP30JFDw
3. https://agrovesti.net/news/indst/kak-subsidirovanie-perevozki-zerna-skazhetsya-na-selskom-khozyajstve-sibiri.html?fbclid=IwAR3qx-U5BxdpQAii5W5Vn1Lqn6hSMH9h_GiZbeSXRDA_e7MDpWe8d9dKU6Y
4. Какие регионы РФ получат субсидии на железнодорожные перевозки зерна в этом году. – https://www.agroxxi.ru/rossiiskie-agronovosti/kakie-regiony-rf-poluchat-subsidii-na-zheleznodorozhnye-perevozki-zerna-v-yetom godu.html?fbclid=IwAR3k1AVyVyHG2ZZqm8C1ubhOj12gCDHyZ98eZSXGXHoQ7ITk8ZH0NbHCq0I
5. Анализ экспорта зерна и продуктов его переработки за 2018/19 с.-х.г. – http://www.fczerna.ru/News.aspx?id=10586&fbclid=IwAR3Jsc31xW6uDXFkW5yLK_jYxkN3zm2D98YZQTIMVatLGNXvamA2Xf9amts
6. Котилко В.В. Проблемы развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов: направления стимулирования отечественного производства. 2017. – 253 с.

Котов Е.В.[1]

ОПЫТ МОДИФИКАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВА С ОСОБЫМ СТАТУСОМ

Ключевые слова*: стратегия, экономика, развитие, государство с особым статусом, наука, организационная структура управления, ресурсы.*

Keywords*: strategy, economy, development, state with a special status, science, organizational structure, resources.*

В 2014 г. на постсоветском пространстве прокатилась очередная волна территориального самоопределения. В результате на политической карте появились два новых образования, начавших процедуру формирования собственной государственности. Существует высокая вероятность, что их появление – это не единичный случай, а начало становления нового миропорядка, в котором количество таких государств с особым статусом будет только увеличиваться. Поэтому происходящие трансформации актуализируют для будущих государств с особым статусом задачу изучения опыта приобретения государственности в условиях геоэкономических противостояний.

Одним из таких важных направлений аккумуляции и систематизации опыта является обобщение практики создания новым государством собственной экономической системы. Особую значимость имеет анализ первых организационных шагов в данной области, закладывающих основы для дальнейших решений и обусловливающих последствия, которые предопределяют дальнейшие траектории и масштабы экономического развития, а также выявление спектра экономических проблем, с которыми сталкивается непризнанное государство в процессе своего становления. Данный опыт будет представлен на примере Донецкой Народной Республики (ДНР).

После объявления о своей независимости от Украины непризнанная республика начала формирование автономной, от «материнского» государства, экономической системы. В связи с отсутствием собственной правовой базы и необходимостью регулирования экономических процессов и отношений было принятие постановление, разрешающее применение на территории ДНР законов Украины, не противоречащих Конституции ДНР, в переходный период [1]. Следующим знаковым правовым документом стало решение о переходе в государственную собственность ДНР собственности государства Украина [2], на основании которого все имущественные права собственности всех предприятий, организаций, учреждений или доли в уставном капитале таких предприятий, принадлежавшие ранее государственной собственности Украины и расположенные на территории ДНР, становятся собственностью непризнанной республики.

Стоит отметить одну важную деталь. При всей публичной агрессивной риторике украинских властей, частные украинские предприятия продолжали работать. Часть из них подверглась лайт-национализации, выразившейся во введении временных государственных администраций на их территорию, но значительно большая часть продолжала работать в украинском правовом поле, т.е. выплачивая заработную плату и налоговые платежи по украинскому законодательству. В тот период такое положение вещей позволяло обеспечить отдельные группы населения стабильным доходом и поддержать их покупательную способность, а экономику – товарами и услугами.

В сфере социальной защиты наряду с западной и российской гуманитарной помощью активно работал Фонд украинского предпринимателя Рината Ахметова «Поможем», который обеспечивал гуманитарными наборами широкий спектр социально незащищенных слоев населения. Необходимо признать, что в социальной сфере, несмотря на неблагоприятную социальную стратификацию общества (преобладание в структуре людей пожилого и старого возраста[2]), удалось избежать социальной напряженности благодаря возможности получения двойной пенсии – украинской и республиканской. При этом данным преимуществом активно пользуются не только жители непризнанной республики, но и те, кто выехал на Украину с ее территории.

Наличие в структуре общества значительной доли людей пожилого и старого возраста при правильной государственной экономической и социальной политике становится не столько проблемой, сколько новой возможностью. В первую очередь это касается развития медицинских услуг, которые актуальны не только для населения пожилого и старого возраста, но и для молодежи. Последние, к тому же, еще большую потребность испытывают в получении качественных образовательных услуг, что открывает дополнительные возможности для экономики. Услуги сектора здравоохранения, как и образования, становятся для человека пожизненными и их индивидуализированность растет одновременно с ростом частных расходов на их получение. Человек, реализуя личную стратегию повышения образовательного уровня и сохранения здоровья, все больше ориентируется на собственные, а не бюджетные, возможности

[1] Котов Евгений Валериевич – к.э.н., с.н.с., доцент, Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики. E-mail: kotovev@mail.ru

[2] Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) официально определяет, что пожилой возраста наступает в 60 и продолжается до 74 лет, а старость начинается после 75 лет.

при выборе данных услуг из предлагаемых на рынке. Определенный минимум услуг, позволяющий получить профессию и сохранить трудоспособность, человек будет стараться получить за счет бюджетных средств, но доля сопутствующих платежей из частных источников будет расти. И в первую очередь в связи с использованием новых технологий, которые будут вытеснять традиционные способы предоставления данных услуг.

Все это открывает хорошие перспективы перед медицинским и образовательным сектором экономики государства с особым статусом. Международный опыт подтверждает экономическую перспективность данных услуг. Сектора экономики США, Великобритании и Германии, производящие образовательные и медицинские услуги, дают 6–8% ВВП и это без учета развитых секторов туризма и креативных индустрий [3, с. 7–8]. Перспективность названных услуг давно осознал Китай, активно и системно продвигающий их на этих рынках

Современные качественные медицинские и образовательные услуги позволят привлечь необходимые кадровые и финансовые ресурсы, запустить организационные и промышленные инновации и обеспечить безболезненную трансформацию структуры экономики в сторону плавного перехода от технологий третьего технологического уклада к технологиям более высокого наукоемкого уровня. Однако на сегодняшний день на государственном уровне отсутствуют стратегические и программно-целевые документы, направленные на развитие данных услуг. В целом, государственная политика в названном секторе недостаточно четкая и активная.

Неразвитость государственной политики наблюдается и по таким важным направлениям как использование потенциала экспорта услуг и стратегическое планирование социально-экономического развития. Так, структура экспорта является важным индикатором конкурентоспособности товаров и услуг на внешнем рынке и ключевым драйвером экономического роста. В доконфликтный период несырьевой экспорт экономики Донецкой области составлял не менее 25%, значительная доля которого приходилась на услуги. Те не менее, имеющийся потенциал не используется в полной мере. Ресурсный дефицит, институциональные пробелы и внешние ограничения могут стать непреодолимым препятствиями в экспорте постиндустриальных услуг. Одновременно устранить их невозможно, а последовательное устранение потребует много времени, в результате чего можно потерять уже имеющиеся потенциал и преимущества. Целесообразно на первой стадии выделить динамичные организации, способные предоставлять качественные услуги и трансформироваться с целью повышения их качества, при полной поддержке государства на внешнем рынке. Данные организации станут пионерами экспорта постиндустриальных услуг, прокладывая дорогу остальным и подготавливая почву для институциональных трансформаций.

Неразвитость стратегического планирования социально-экономического развития государства с особым статусом выражается в «перевернутой» процедуре стратегического планирования. Начиная с апреля 2015 г. ежегодно в течение уже 5 лет разрабатываются программы восстановления экономики и развития социальной сферы городов и районов ДНР, итоговая совокупность которых становится основой единой республиканской программы. Это очень важный инструмент реализации государственного стратегического планирования, даже несмотря на то, что процедура разработки программ «перевернута».

Классическая процедура выглядит следующим образом. В первую очередь разрабатывается концептуальный документ, отражающий общие цели, принципы и приоритетные направления социально-экономического развития государства. На основе выстроенной концепции разрабатывается стратегия развития государства, в которой более подробно раскрываются основные положения концепции. И только после согласования со всеми заинтересованными субъектами приступают к разработке программ развития, которые детализируют цели и принципы стратегического развития в различных секторах и отраслях экономики.

В ДНР первыми разрабатываются программы административно-территориальных единиц, а потом на основании их формируется общереспубликанская программа. Таким образом, установление целевых индикаторов происходит не сверху вниз как при стандартной процедуре стратегического планирования, а снизу вверх – отталкиваясь от уже задекларированных возможностей. При классическом подходе (первом варианте) установление целевых индикаторов происходит на основании анализа и оценки состояния и перспектив всей социально-экономической системы, взаимосвязей и взаимозависимостей всех ее структурных элементов и подсистем. Во втором же случае установление целевых индикаторов осуществляется местным органом власти исключительно для своей территории без учета государственных интересов и только на основе собственных возможностей без учета задействования потенциала соседних территорий и/или вышестоящих органов управления. Иными словами это программы того, что власть «может», а не того, что она «должна». При таком подходе республиканская программа имеет статус не нормативного документа, определяющего целевые характеристики и процедуры обеспечения социально-экономического развития, а сводного документа, интегрально выражающего группу обязательств, которые по убеждению органов исполнительной власти на местах могут быть выполнены. Этим также «убивается второй заяц» – центральный орган власти освобождается от кропотливого текущего и оперативного планирования совместно с территориальным органом власти мероприятий развития в условиях изменяющейся внешней среды и выполняет сугубо контрольные функции за выполнением территориальным органом власти взятых на себя обязательств.

Следует отметить очень низкий уровень открытости информации о ходе и результатах выполнения вышеназванных программ. Так, например, с момента ее разработке и до сих пор в открытом доступе отсутствует Республиканская программа восстановления экономики и развития социальной сферы городов и районов ДНР, поэтому у некоторых заинтересованных сторон (представителей науки, общественности) отсутствует возможность судить о ее содержании, возможность сравнить планируемые и достигнутые результаты ее выполнения. Общественный контроль за формированием и реализацией программы не осуществляется.

В системе государственного управления не используется практика, активно применяющаяся в Российской Федерации и состоящая в ежегодном информировании общества о результатах работы государства по реализации про-

грамм. Информирование общества происходит через ежегодный отчет органа государственной власти, ответственного за выполнение программ[1]. Отдельные исключения на территориальном уровне ДНР существуют, но о результатах выполнения и оценке результативности республиканской программы информация крайне ограничена, кроме того она не представлена в виде самостоятельного отчетного документа.

В ДНР отсутствуют методики оценки результативности программ и опыт Российской Федерации по их разработке и применению необходимо детально изучить с целью имплементации в республиканскую практику наиболее эффективных механизмов и процедур. Российский опыт в данном вопросе несовершенен как по используемым критериям и показателям оценки, так и по процедуре, когда орган, ответственный за исполнение программ, является и главным оценщиком результатов. Последний недостаток устраняется передачей функций по оценке программ надведомственным структурам, например, Счетной палате, а также снижением участия ответственных исполнителей в формировании перечня целевых индикаторов программ и подготовкой сводных отчетов по их достижению.

В контексте затронутой проблематики также стоит обратить внимание на необходимость выведения Главного управления статистики ДНР из подчинения МЭР ДНР. Эта практика скопирована с российского опыта, но и в России она показала свою нецелесообразность.

Существует еще ряд нерешенных проблем, прямо или косвенно сдерживающих экономическое развитие. Среди них стоит выделить:

а) низкую эффективность государственного регулирования экономических процессов и отношений;

б) отсутствие макроэкономического прогнозирования как инструмента государственной экономической политики;

в) низкую востребованность государством «обратной связи» с реальным сектором экономики;

г) разрушение «инновационного треугольника».

Важность решений обозначенных проблем исключительно высока, ведь от полноты и точности макроэкономического прогноза, заложенного в бюджетные проектировки, зависят адекватность, своевременность и эффективность проводимой макроэкономической политики, а систематическое изучение отношения к государственной экономической политике со стороны субъектов экономики позволяет своевременно и оперативно выявлять и устранять проблемные зоны.

С переходом в пространство непризнанности резко ухудшаются условия воспроизводства инноваций. Система проведения научных исследований и разработок очень зависит от взаимодействия с внешней средой, с которой она не только обменивается актуальной и необходимой информацией, но и которая признает ее результаты. Поэтому, попадая в пространство непризнанности, система науки подвергается сильной трансформации и теряет значительный объем своего потенциала [4–5]. Отсутствие легитимности научных результатов выдавливает ведущих и перспективных исследователей из государства с особым статусом. В лучшем случае исследования «замораживаются», в худшем – команда исследователей перемещается туда, где результаты их работы признаются научным сообществом, пусть даже отдельно взятого государства, признанного мировым сообществом. Ухудшает положение науки и дефицит ресурсов (финансовых, материальных и кадровых) у государства с особым статусом, в результате чего к науке начинают выдвигать требования коммерческой целесообразности исследований и разработок.

Понимая, что старые организационные механизмы не работают, система науки пытается перестроиться, создав линейную организационную структуру управления. Далее, по мере повышения эффективности работы созданной оргструктуры, система пытается усложнить свою структуру управления, вводя дополнительные управленческие подсистемы между субъектом и объектами управления. Пока новые подсистемы выполняют роль координирующих организаций, общая оргсистема управления наукой продолжает функционировать в «штатном режиме», как минимум не ухудшая общего состояния. Но как только новым подсистемам в результате децентрализации предоставляют функции управления, они вступают в конфликт с единым центром управления (центральным органом исполнительной власти, формирующим и реализовывающим научную и научно-техническую политику), вследствие недостаточного кадрового потенциала и низкого квалификационного уровня кадров.

Преодолеть данную проблему с помощью внутренних резервов невозможно, необходимо вмешательство внешних систем, способных поделиться ресурсами необходимой квалификации. При этом качество управленческого потенциала определяется не только кадровыми ресурсами и их квалификацией, но и организационными механизмами, используемыми для решения актуальных задач сохранения системы науки. Это обусловлено тем, что в попытке найти оптимальные и эффективные организационные механизмы система пытается копировать аналогичные механизмы из других систем, ментально или географически близких. Однако, как уже было сказано ранее, серьезный кадровый и квалификационный дефицит не позволяет скопированные механизмы запустить в таком же режиме и с такой же эффективностью как у системы, у которой данные механизмы были скопированы.

Таким образом, спектр проблем, препятствующих экономическому развитию государства с особым статусом, достаточно широк и их неустранение чревато серьезными последствиями, вплоть до потери самостоятельности. Именно поэтому в самом начале формирования своей государственности необходимо разработать собственную экономическую систему, способную сочетать в себе различные модели экономического роста. При этом акцент необходимо сделать на том, что приоритетным является внедрение именно нескольких моделей экономического роста, а не построение одной, пусть даже наиболее оптимальной для сложившихся условий и имеющихся ресурсов. Наличие нескольких моделей позволит создать пространство естественной конкуренции между ними, существенно снизив риски

[1] Например, Сводный годовой доклад о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Российской Федерации по итогам 2017 года. – http://static.government.ru/media/files/ijmsqevcKY9OdvNvrxq1vzJ8zpDIudNJ.pdf

некачественного государственного управления экономическими процессами и отношениями. Параллельно с реализацией нескольких моделей экономического роста произойдет качественное обновление системы государственные власти, в результате которого широкий спектр задач и коррелирующих с ними целей будет содействовать эволюционному росту квалификации работников государственного аппарата.

Список литературы

1. Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики № 9-1 от 02.06.2014 г. «О применении Законов на территории ДНР в переходный период». 2014. – http://doc.dnr-online.ru/doc/dokumenty-soveta-ministrov/postanovlenie-9-1-ot-02-06-2014g-o-primenenii-zakonov-na-territorii-dnr-v-perexodnyj-period/
2. Постановление Совета Министров ДНР от 21.07.2014 № 18-5 «О переходе в государственную собственность ДНР собственности государства Украина». 2014. – https://dnr-online.ru/download/postanovlenie-soveta-ministrov-dnr-18-5-ot-21-07-2014g-o-perehode-v-gosudarstvennuyu-sobstvennost-donetskoj-narodnoj-respubliki-sobstvennosti-gosudarstva-ukraina/
3. Российский постиндустриальный экспорт: вызовы и перспективы: докл. к XVIII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 11-14 апр. 2017 г. / рук. авт. кол. Н.В. Акиндинова, Л.И. Якобсон; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом «Высшей школы экономики», 2017. – 41 с.
4. Котов Е.В. Система науки молодого государства: состояние и перспективы развития // Менеджер. 2018. – № 3. – С. 69–79.
5. Котов Е.В. Наука молодого государства сквозь призму статистики // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2018. – № 1 (64). – С. 28–37.

Курбанов Т.Х.[1]

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РФ В УСЛОВИЯХ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ, САНКЦИЙ И ПРОТЕКЦИОНИЗМА

Ключевые слова*: новые вызовы, санкции, глобализация, протекционизм, недобросовестная конкуренция, инновационное развитие, научно-технологический прогресс, цифровая экономика, инвестиции, финансирование НИОКР.*

Keywords*: new challenges, sanctions, globalization, protectionism, unfair competition, innovative development, scientific and technological progress, scientific technological mode, digital economy, investments, financing of scientific research and experimental design*

От рациональной инновационной политики государства зависит качество структурных преобразований экономики, способных обеспечить динамичный экономический рост и конкурентоспособность страны на мировых рынках [2, с. 25]. Позиция России в мировом научно-инновационном пространстве, исходя из анализа данных Росстата, позволяет сделать вывод о том, что Россия по-прежнему обладает одним из самых мощных в мире научно-исследовательских потенциалов, способных генерировать новые знания и новые технологии. Однако результативность использования российского научно-исследовательского потенциала чрезвычайно мала. Его суммарная отдача в пять-шесть раз ниже, чем в развитых странах. Если по масштабам научно-исследовательского потенциала Россия занимает не ниже 15 места в рейтинге стран-лидеров, то по результативности – 30–40 место. Вложения в науку в США превышают вложения в России в 12 раз, в Японии – в 4 раза, в Германии – в 2,7 раза, в Республике Корея – в 1,7 раза, во Франции – в 1,5 раза.

По финансированию науки и объему научной продукции Россия, к сожалению, не может относиться к супериндустриальному обществу. Среди наиболее быстро продвигающихся в сфере науки развивающихся стран (Китай, Индия, Мексика, Бразилия, Индонезия) Россия утратила былое первенство. Вот как выглядит ее позиция в списке этих стран: 1996 г. – 1-е место, 1999 г. – 4-е, 2002 г. – 2-е, 2005 г. – 4-е, 2007 г. – 3-е, 2017 г. – 4-е.

На фундаментальную науку в развитых странах расходуются от 6 до 22% всех средств, вкладываемых в науку. Структурное перераспределение капитала в научные исследования коммерческого значения ассигнований изменяется в сторону перспективных научных современных направлений. В этих технологических процессах в отличие от нашей экономики, вложения в научные исследования и передовые разработки приходится на частный бизнес. Доля вложений частного бизнеса составляет более 50 процентов.

Масштабные межотраслевые и межсекторальные изменения конца XX – начала XXI вв. привели к диспропорции между материальным производством и сферой услуг в пользу последней, что следует рассматривать как глобальный структурный сдвиг, характерный для неоэкономики (см. табл. 1).

Таблица 1

Сравнение РФ с лидирующими государствами в структуризации секторов отраслевой экономики (доля в процентах в ВВП)

Страна	Сельское хозяйство	Промышленность	Сфера услуг	Передовые технологии
Россия	9.0	28.0	61.0	2.0
США	3.0	18.0	71.0	8.0
ФРГ	2.0	27.0	64.0	7.0
Япония	2.5	26.0	65.5	6.0
Франция	3.0	24.0	68.0	5.0

Как видно из табл. 1 Россия заметно отстает в высоких технологиях, в сфере услуг и опережает в сельхозсекторе (аграрном развитии), промышленности (индустрии).

В то же время Россия является лидером в самой высокотехнологичной сфере – в космических исследованиях и научно-космических разработках. Проект госпрограммы «Космическая деятельность России на 2013–2020 годы» предусматривает 2,1 трлн. руб. финансирования. Исторически наши позиции в изучении и освоении космического пространства были, может быть, самыми сильными в мире, и это состояние нужно поддерживать.

Отечественная атомная отрасль стала одной из немногих, имеющих возможность конкурировать на мировом рынке. Россия заинтересована в расширении участия в строительстве АЭС за рубежом не только потому, что это дает

[1] Курбанов Тохирджон Хакимович – д.э.н., профессор, профессор кафедры статистики, маркетинга и бухгалтерского учета Московского гуманитарного университета. E-mail: tohku@rambler.ru

существенный доход и вносит вклад в увеличение ВВП, но также из-за политических амбиций. К тому же мир сегодня адекватно оценивает российские атомные технологии.

В последнее время США теряют лидерство в мире в сфере научно-технических исследований, сообщается в докладе Национального научного совета этой передовой в научном отношении страны. Причиной, прежде всего является то, что конкуренты опережают США по масштабам вложений в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР). Если в Америке такие расходы растут в последние 10 лет в среднем на 5–6% в год, то в ряде стран Азии темпы роста вдвое, втрое, а порой и в четыре раза выше. В результате в процентах от ВВП США сейчас отстают по размерам вложений в НИОКР не только от Японии, но и от Южной Кореи, вырвавшейся в мировые лидеры. Наконец, и в области патентной защиты авторских прав на изобретения и открытия в США к таким традиционным лидерам, как сама Америка, ЕС и Япония в последнее время все чаще присоединяются Тайвань и Южная Корея. Результаты исследования зависимости между расходами (затратами) и результатами в финансировании НИОКР представлены в статье [3, с. 115].

Это говорит о необходимости анализа и по возможности использования в модернизации России формирования долгосрочной стратегии на основе фундаментальной науки, научно-технологического развития, инновационной и цифровой экономики. В модернизации страны необходимо акцентировать внимание на ключевых понятиях и категориях «конкуренция», «высокие технологии», «наукоемкие товары и услуги». Эти понятия, категории часто употребляют, не обосновывая количественные и качественные показатели.

Опираясь на опыт, эмпирические наблюдения и имеющуюся информацию, предлагаем относить к высоким технологиям, наукоемким товарам и услугам те продукты научного труда, которые основаны на высоких технологиях. Кроме того удельный вес издержек на прикладные научные исследования, разработки, опытное производство должны составлять не менее 30 процентов.

Страна и общество, направляющие достойные инвестиции в науку и инновации, становятся передовыми странами в развитии экономики, в области науки и высоких технологий, это означает нахождение возможностей создания условий для развития науки, и ее доля в финансировании должна составлять – более 3% от ВВП, и не менее 5% от федерального бюджета.

Важным этапом в эволюции экономических взглядов на теорию конкурентных отношений явился функциональный подход Й. Шумпетера [4], который способность конкурентного рынка инициировать научно-технический прогресс рассматривал как отличительный признак его наличия. Функциональный подход к конкуренции предполагает смещение предмета исследования от сущности к исследованию её роли в экономическом развитии. Нововведения, использование новых комбинаций ресурсов и новые технологии – инструмент конкурентной борьбы.

Рассматривая конкуренцию в аспекте научно-технологического развития и создания инноваций, весомый вклад в развитие теории конкурентных отношений во второй половине XX века внес М. Портер [5]. Исследуя теорию конкуренции, автор ведущее место отводит способности к адаптации к технологическим изменениям. В качестве источника конкуренции М. Портер рассматривает её основополагающую экономическую структуру и ставит её в зависимость от возможности появления на рынке новых участников, товаров-заменителей, рыночного влияния покупателей и поставщиков, особенностей конкурентной борьбы между субъектами рынка. Таким образом, М. Портер рассматривает конкуренцию как расширенное соперничество.

На наш взгляд, для научно-технологического процесса конкуренция в отличии от традиционного производства имеет некоторые особенности. В традиционном производстве результатом конкуренции является формирование равновесной цены, удовлетворяющей производителя и потребителя. В отличие от этого в инновационных процессах цена высокотехнологичного продукта чаще всего становится монопольной. Компания создатель инновации становится монополистом и за счет этого снимает сливки на рынке до тех пор, пока рынок не освоит данную инновацию, то есть до момента, когда инновация перестает быть инновацией. Следовательно, в научно-технологическом процессе конкуренция и конкурентоспособность проявляется в конкуренции научно-технических потенциалов государств, научных компаний, научных коллективов. Как следствие, конкурентоспособность обеспечивается за счет достойного финансирования знаний и инвестирования научных исследований. Вопросы управления знаниями, инновационным развитием описаны в научных трудах [6; 7]. В частности управление в области передовых знаний, высшего образования, привлечения интеллектуального капитала, нематериальных активов. Поэтому рассмотрим конкуренцию и конкурентоспособность на основе рейтингов конкурентоспособности [8] .

Отчёт о глобальной конкурентоспособности (см. табл. 2) является ежегодным докладом Всемирного экономического форума. Каждое государство в рейтинге оценивается на основе анализа 333 критериев по четырём основным показателям ключевых аспектов экономической жизни страны: состояние экономики; эффективность правительства; состояние деловой среды; состояние инфраструктуры.

Таблица 2

Рейтинг конкурентоспособности стран мира 2017

СТРАНА	РЕЙТИНГ	СТРАНА	РЕЙТИНГ
Гонконг	1	Япония	26
Швейцария	2	Южная Корея	29
Сингапур	3	Франция	31
Соединённые Штаты Америки	4	Индия	45
Германия	13	Россия	46

Отметим, что в 2018 г. первое место в рейтинге заняли США, Сингапур переместился на второе место, далее идут Германия, Швейцария, Япония. Китай на 28 месте, Индия на 58, Бразилия на 78. Россия улучшила показатели и поднялась с 46 места на 43 строчку рейтинга. В исследовании 2018 г. все переменные объединены в 12 контрольных показателей, определяющих национальную конкурентоспособность. Здесь рассматриваются: качество институтов, инфраструктура, макроэкономическая стабильность, здоровье и начальное образование, высшее образование и профессиональная подготовка, эффективность рынка товаров и услуг, развитость финансового рынка, уровень технологического развития, конкурентоспособность компаний, инновационный потенциал и др. В конкурентоспособности важное значение имеет система высшего образования. Рейтинг национальных систем высшего образования (U21 Ranking of National Higher Education Systems) — глобальное исследование и сопровождающий его рейтинг, измеряющий достижения стран мира в сфере высшего образования по версии международной сети университетов Universitas 21.

Авторы исследования считают, что экономическое развитие и конкурентоспособность современных государств в значительной степени зависит от наличия образованных и компетентных специалистов и технологий, повышающих продуктивность их деятельности и производительность труда. Исходя из этих предпосылок, главная цель проекта заключается в том, чтобы выяснить, какие страны предоставляют лучшее высшее образование (см. табл. 3).

Таблица 3

Рейтинг национальных систем высшего образования 2017 universitas 21

РЕЙТИНГ	СТРАНА	ИНДЕКС
1	Соединённые Штаты Америки	100
2	Швейцария	86.9
3	Великобритания	85.5
16	Германия	68.8
18	Франция	67.5
20	Япония	63.2
22	Южная Корея	59.0
30	Китай	52.7
33	Россия	49.9

В данном рейтинге США лидируют с индексом 100, Швейцария – на второй позиции с индексом 86,9. Незначительно отстает Великобритания – 85,5. Россия на 33 месте с индексом – 49,9.

Следующим важным рейтингом конкуренции являются инвестиции. От которых зависит развитие компаний и в целом страны. Это очень сложный процесс, при котором принятие решений о вложении инвестиций особенно в научные технологии заметно усложняется. Прежде чем принять решение необходимо провести сложные расчеты в условиях неопределенности и риска, с тем чтобы гарантировать в будущем спрос на инновацию и ее коммерческое использование и применение [9; 10]. В этом рейтинге стран Россия занимает 17 место (см. табл. 4). И учитывая санкции и эмбарго это не плохой результат.

Таблица 4

Рейтинг стран и территорий по уровню прямых иностранных инвестиций 2018

РЕЙТИНГ	ЭКОНОМИКА	РАЗМЕР ПРЯМЫХ ИНВЕСТИЦИЙ ($ млн.)
1	Соединённые Штаты Америки	354.828.00
2	Нидерланды	316.541.43
3	Китай	168.223.58
5	Германия	77.983.39
17	Россия	28.557.44

Для построения, формирования, обкатки механизма финансирования науки и научно-технологических проектов, так называемого венчурного финансирования требуется длительный период. Используя передовые методы управления экономикой, можно найти приоритетные пути стратегического развития в этом секторе экономики [11].

Средний рост ВВП России в последние десять лет равен не позволительному низкому показателю в 1%. Относительно хорошие показатели Россия демонстрировала в период с 2000 года по 2008 год, рост ВВП в среднем был на уровне 7%. Как отмечают эксперты, роста ВВП на уровне 3% недостаточно, чтобы догнать развитые страны. С нашей точки зрения, имея существующий научно-технический и ресурсный потенциал, Россия ежегодно должна расти с темпами 6-7 процентов.

По мнению финансовых экспертов, за последние 10 лет из страны утекло капитала на сумму более 600 млрд. долл. США. Кроме того национальная валюта страны обесценилась, снизился кредитный рейтинг банков и компаний. Все это увеличивает вероятность стагнации и самые серьезные риски для страны.

Президент РФ предостерег от опасности «отстать навсегда» от остального мира в новых реалиях. Он подчеркнул, что сейчас мир находится в состоянии мощной, динамично развивающейся трансформации, которую необходимо учитывать, сообщает РИА Новости. Считаем закономерным и актуальным заявление Главы государства в ходе большой пресс конференции 20 декабря 2018 года. Президент РФ пояснил вопрос о целесообразности национальных проектов. И отметил, что эти нацпроекты очень важны и актуальны. Он также подчеркнул в заявлении: «Нам нужен прорыв. Нам нужно прыгнуть в новый технологический уклад, без этого у страны нет будущего». Президент отметил, что без постановки целей невозможно добиться конечного результата, поэтому было создано 12 нацпроектов – в сфере

науки, здравоохранения, образования и комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры были утверждены для выполнения задач, поставленных в майском указе президента РФ. Их планируется реализовать до 2024 года. Общий бюджет нацпроектов составит 25,7 трлн. рублей.

С нашей точки зрения, для изменения ситуации необходимо в ходе реформ и модернизации создавать государственно-корпоративные структуры, развивать бизнес, организовывать по принципу вертикально-горизонтальной интеграции федеральные и региональные хозяйствующие субъекты, способные синтезировать работу фундаментальной науки, прикладных научных исследований с целевой направленностью генерации инноваций. Обоснованием этого положения являются новые политические, экономические вызовы, порожденные украинским кризисом 2014 года. Санкции и эмбарго, выдвинутые Западом против России существенно повлияли на обесценение российской валюты, увеличение оттока капитала. Протекционизм и недобросовестная конкуренция вынуждают в данной ситуации в вопросах управления сделать упор на государственную поддержку.

Как показывает мировой опыт, научно-технологическое и инновационное развитие невозможно без государственной поддержки, без обозначения государственных приоритетов. В условиях санкций, эмбарго, протекционизма отсечения России от инвестиций решение проблемы возможно с помощью нерыночных методов. В системе научно-технологического комплекса необходимо создать в национальной экономике ядро, комплекс, базирующийся на отобранных крупных предприятий, в том числе с государственным участием. Это крупный бизнес имеющихся в России, отобранных (избранных) на федеральном уровне транснациональных корпораций (ТНК), научно-производственных объединений, холдингов (НПОХ), финансово-научно-промышленных групп (ФНПГ).

В формировании институциональной модели важно учесть, что Россия имеет феноменальную, уникальную научную базу, научно-технический потенциал. Это уже созданная система наукоградов, академгородков на территории страны. Модель и система должна включать следующие составляющие элементы:

1. Модель (концепция) и экономические периоды российской современной социально-экономической системы перехода от традиционного типа развития к научно-технологическому, ориентированному на нововведения;

2. Разработку и внедрение типовых концепций научно-технологического развития регионов (как элементов системы) страны (субъектов федерации);

3. Формирование долгосрочной стратегии реализации инвестиционно-научно-технологических проектов на макро-, мезо- и микроуровнях;

4. Создание системы отобранных НПОХ (научно-производственных объединений, холдингов), ФНПГ (финансово-научно-промышленных групп) целевой научно-технологической направленности, цифровая экономика для ускоренного решения проблем прорыва в ускорении НТП, динамичного роста экономики и занятия достойной ниши в высоких технологиях;

5. Построение подсистемы банков с государственным участием, направленных, в том числе на венчурное инвестирование научно-технологических проектов, цифровой экономики, способствующих реализации концепции динамичного научно-технологического развития (модернизации производства, импортозамещения, малых наукоемких предприятий);

6. Построение инфраструктуры привлечения капитала в регионы, особые зоны, научно-технологические проекты (создание благоприятного инвестиционного климата, соответствующей налоговой системы, решение организационных вопросов).

Список литературы и источников

1. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».
2. Стратегия – 2020: Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. Кн. 1 / Под науч. ред. В.А. Мау, Я.И. Кузьминова. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2013. – 430 с.
3. Курбанов Т.Х. Основные направления и тенденции управления инновационной экономикой развития страны // Ученые записки РГСУ. – М., 2013. – № 11. – С. 112–130.
4. Шумпетер Й. Теория экономического развития. – М.: Эксмо, 2007.
5. Портер М. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов / Пер. с англ. И. Минервина. – М.: Альпина Паблишер, 2011. – 454 с.
6. Мильнер Б.З. Управление знаниями: Эволюция и революция в организации. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 177 с.
7. Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями. – М.: ИНФРА-М, 2009.
8. Ежегодный рейтинг глобальной конкурентоспособности / The IMD World Competitiveness Ranking, 2018. – 127 с.
9. Шарп У.Ф., Александер Г.Д., Бэйли Д.В. Инвестиции: Пер. с англ. – М.: ИНФРА-М, 2011. – 1028 с.
10. Сухарев О.С. Теория эффективности экономики. 2 изд., испр. – М.: КУРС; Инфра-М, 2014. – 368 с.
11. Миндели Л.Э., Черных С.И. Зарубежный опыт финансирования науки и возможности его использования в России. – М.: ИПРАН РАН, 2017. – 72 с.

Медведкина Е.А.
д.э.н., доцент, зав. кафедрой РГЭУ
Медведкин Т.С.
д.э.н., доцент, профессор кафедры РГЭУ

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ГЛОБАЛЬНОГО ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: *наука, технология, научно-техническое сотрудничество, знание, экономика знаний, инновационный рост, научно-технический прогресс, парадигма.*
Keywords: *science, technology, scientific and technical cooperation, knowledge, knowledge economy, innovative growth, scientific and technological progress, paradigm.*

После почти десятилетия неравномерного, часто неустойчивого прогресса, мировая экономика теперь набирает скорость и показывает более высокий рост. Ведущие мировые экономические институты прогнозируют, что глобальная экономическая активность будет укрепляться, достигнув почти 4% в 2018 и 2019 годах. Первоначальные прогнозы продолжают пересматриваться в сторону повышения, что дает лучший результат с 2011 года.

Инновационная, основанная на знаниях, экономика требует наличия рабочей силы с высоким уровнем научно-технических навыков. Всеобъемлющие и сопоставимые на международном уровне данные о глобальной рабочей силе в области НИОКР свидетельствуют о том, что работа в этой сфере все чаще проводится с концентрацией в конкретных регионах. Также весьма трудно анализировать численность всего международного научно-технического персонала, поскольку всеобъемлющие, международные сопоставимые данные ограничены. ЮНЕСКО «предоставляет международные оценки по одному компоненту рабочей силы – исследователям, определяемому как «специалисты, занимающиеся концепцией или созданием новых знаний», которые «проводят исследования и совершенствуют или разрабатывают концепции, теории, модели, методы инструментария, программное обеспечение или операционные методы». Хотя на национальные различия в этих оценках могут влиять процедуры обследований и интерпретации международных статистических стандартов, они могут использоваться для проведения широких сопоставлений национальных тенденций по этому узкоспециализированному компоненту более крупных научно-технических кадров»[1].

Во всем мире общее число работников, занятых в исследованиях, быстро растет, и рост этот был более устойчивым в некоторых частях Азии. Наиболее быстрое расширение произошло в Южной Корее и в Китае. В США наблюдался устойчивый рост, однако более низкими темпами. Исключения из общемировой тенденции показали Япония и Россия, (см. рис. 1)[2].

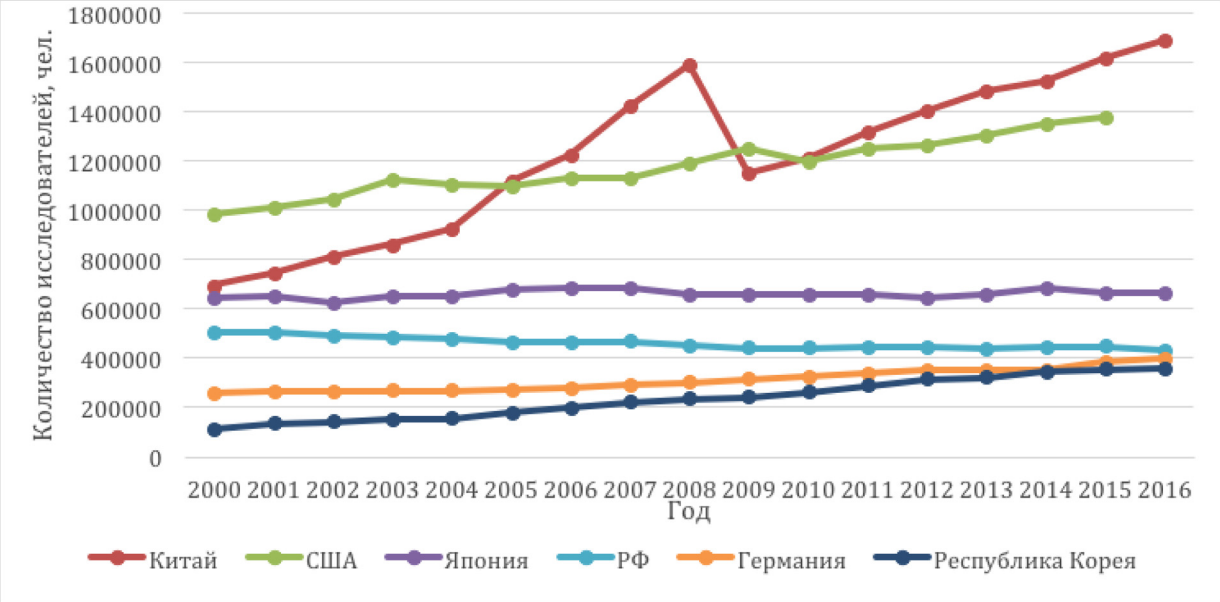


Рисунок 1.
Динамика количества научных деятелей, занятых в исследованиях, в 2000–2016 гг., чел.

[1] UNESCO Institute for Statistics. – http://data.uis.unesco.org
[2] Там же.

Анализируя динамику количества научных работников, можно выделить трех лидеров – это Китай, США и Япония.

Рост числа исследователей сопровождался резким и повсеместным ростом расходов на НИОКР. Общемировой расчетный общий объем расходов на НИОКР продолжал расти значительными темпами, более чем удвоившись за 16-летний период 2000–2016 годов, что свидетельствует о глобальных тенденциях в области инвестиций в знания и технологию.

Среди стран США являются крупнейшим инвестором в области НИОКР – 511 млрд. долл. США, вторым – Китай, расходы которого на НИОКР превысили общий объем расходов Германии и Японии (см. рис. 2)[1]. В 2016 году на долю Соединенных Штатов, Китая и Японии вместе взятых пришлось более половины из примерно 2 трлн. долл. США. Германия занимает четвертое место.

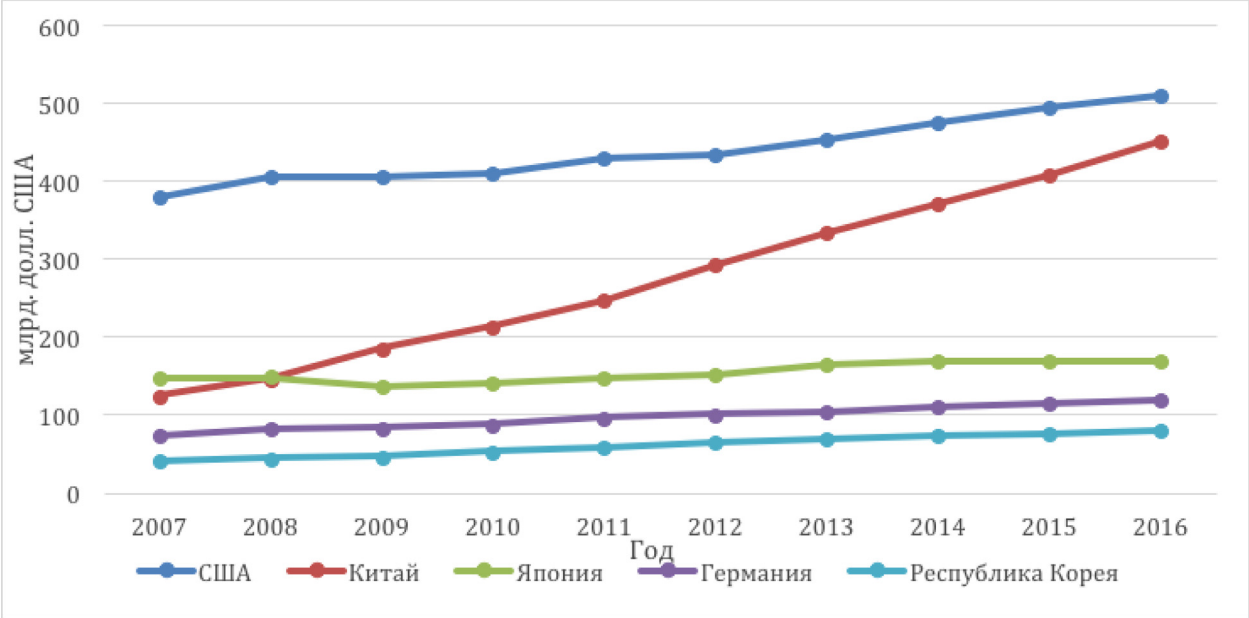


Рисунок 2.
Динамика расходов на НИОКР выбранных стран в 2007–2016 гг., млрд. долл. США

Анализируя график динамики расходов на НИОКР, можно отметить, что у двух крупнейших инвесторов – Китая и США – на протяжении всего рассматриваемого периода наблюдалась положительная тенденция. Однако отдельного внимания заслуживает Китай, который за 10 лет увеличил свои расходы на НИОКР практически в 4 раза.

Исследования в области НИОКР и полученные таким образом знания являются важной частью общего инновационного процесса. Эта деятельность способствует укреплению национального инновационного потенциала. Реализация этого потенциала и экономический рост стимулируют интерес к международно сопоставимым показателям инновационной деятельности. Открытия и изобретения эволюционируют от потенциала к осознанной полезности благодаря взаимодействию широкого круга субъектов и учреждений. Логическим завершением создания любой инновации является регистрация и получение прав на ту или иную интеллектуальную собственность, которая является важным катализатором преобразования изобретений и инноваций в практическое использование. Поэтому далее рассмотрим статистические данные ВОИС по показателю количества заявок на патенты.

На фоне устойчивого экономического роста во всем мире, глобальная деятельность по регистрации интеллектуальной собственности установила новые рекорды в 2017 году. Патентные заявки по всему миру достигли 3,17 миллиона, что на 5,8% больше, чем в 2016 году. Долгосрочная тенденция показывает, что патентные заявки во всем мире растут с 2003 года, за исключением 2009 года, когда они сократились на 3,8% из-за финансового кризиса[2]. Если говорить о географической структуре – национальное управление интеллектуальной собственности Китайской Народной Республики получило в 2017 году 1,38 млн патентных заявок, что более чем в два раза превышает число, полученное управлением США по патентам и товарным знакам (USPTO), которое составило 606,9 тыс. заявок (см. рис. 3)[3]. Патентное ведомство Японии заняла третье место (318,4 тыс. заявок). За ним следует корейское Управление интеллектуальной собственности (204,7 тыс. заявок) и Европейское патентное ведомство (EPO) (166,6 тыс. заявок). Все вместе эти пять ведущих офисов составили 84,5% от общемирового объема заявок в 2017 году.

[1] UNESCO Institute for Statistics. – http://data.uis.unesco.org
[2] World Intellectual Property Indicators 2018. – https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_941_2018.pdf
[3] WIPO Statistics Database. – https://www.wipo.int/ipstats/en/

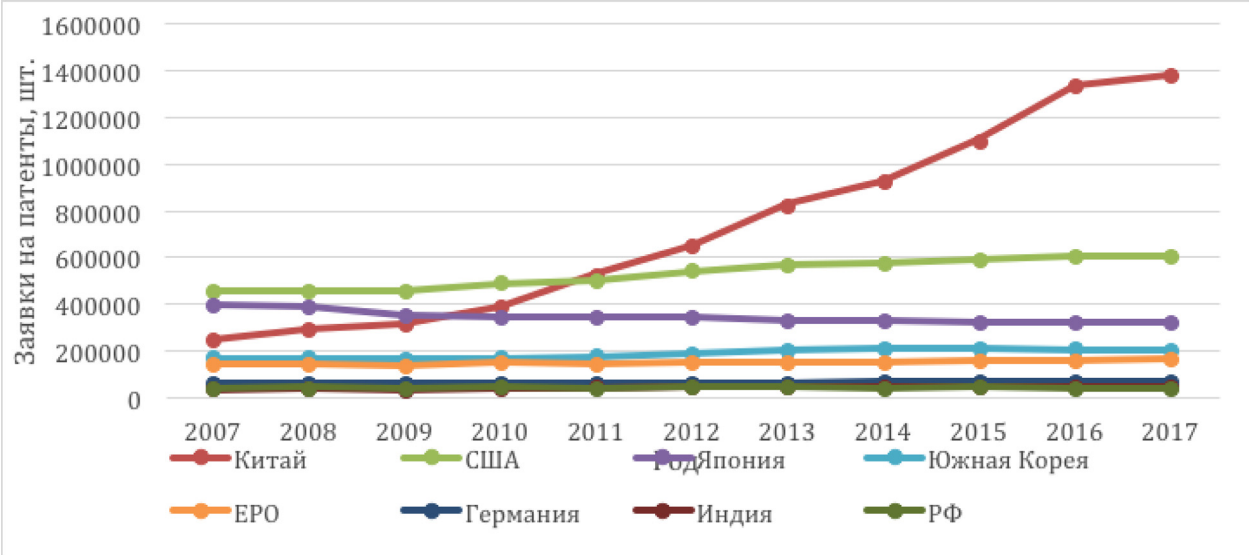


Рисунок 3.
Динамика количества заявок на патенты, поданных в ведомства некоторых стран мира, 2007–2017 гг., шт.

Международные сделки позволяют отслеживать рыночное распространение технологий и инноваций через международные границы. Одним из показателей такой международной сделки являются экспортные потоки интеллектуальной собственности, измеряемые сборами за использование интеллектуальной собственности, включая трансграничные роялти и сборы, взимаемые за лицензирование патентованных технологий. Доходы от предоставления права пользования интеллектуальной собственностью по-прежнему сосредоточены преимущественно в США и Японии. Выручка США за предоставление права пользования интеллектуальной собственностью в 2017 году составила 128 млрд. долл. США и 41 млрд. долл. США для Японии. Тем не менее, доля США сократилась, а доля остальных стран мира (кроме ЕС и Японии) выросла более чем вдвое – с 6 до 16% в период между 2007 и 2017 годами (см. рис. 4)[1]. Поскольку доходы США, ЕС и Японии от продажи интеллектуальной собственности за последние несколько лет выравнялись или снизились, эти доходы продолжали расти в других странах и регионах. Для развивающихся стран доходы от использования интеллектуальной собственности очень низки, например, доля мирового экспорта Китая и Индии в 2017 году составила менее 0,5%.

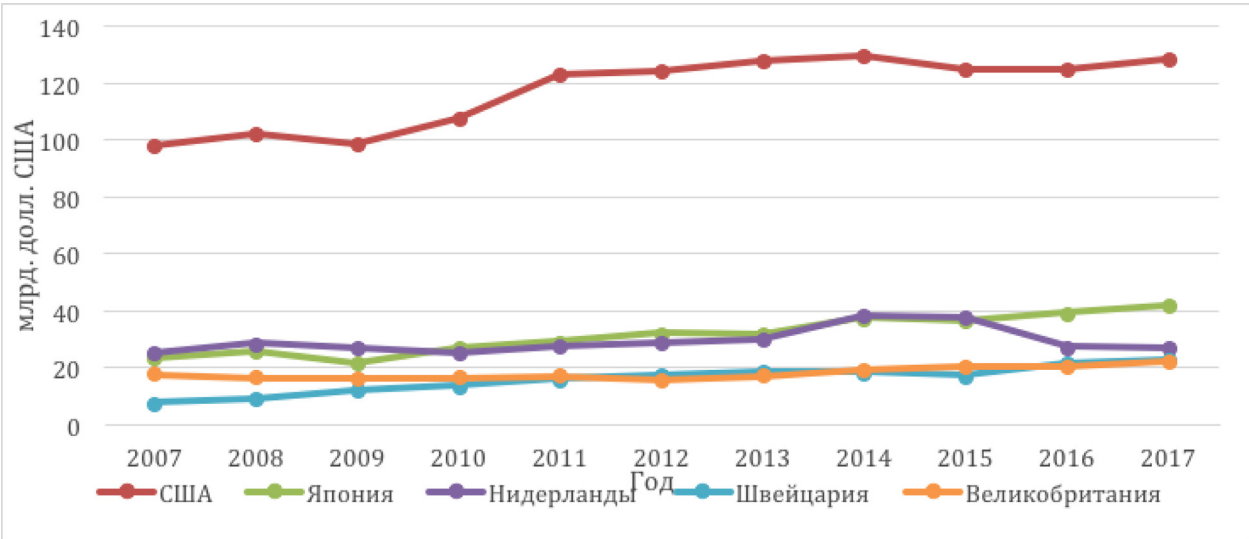


Рисунок 4.
Динамика объема поступлений от продажи прав ИС (плата за ее использование) в 2007–2017 гг., млрд. долл. США

Экспорт высоких технологий рассматривается как важный фактор устойчивого экономического роста страны. Всемирный банк регулярно подсчитывает, какой вклад страны мира вносят, экспортируя высокотехнологичные товары. По методике ОЭСР, общемировой объем высокотехнологичного экспорта становится со временем все больше: в среднем ежегодный рост составляет 3–4%. Наивысшей отметки он достиг в 2014 году, когда составил 2,1 трлн. долл. США. Позже падение мировых цен на нефть и замедление темпов роста экономики во многих странах снизили рост производства, и объем экспорта высокотехнологичной продукции в мире опустился до 1,95 трлн. долл. США. Данные

[1] World Trade Organization Trade and tariff data. – https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/statis_e.htm

за полный 2017 год Всемирный банк не опубликовал, однако существует вероятность того, что показатели будут высокими благодаря восстановлению мировой экономики.

Наибольшую роль на этом рынке играет Китай. В 2017 году на него приходилась четверть всех высокотехнологичных поставок, а их стоимость оценивалась в 504 млрд. долл. США (см. рис. 5)[1]. По сравнению с 2000 годом экспорт КНР в денежном выражении вырос в 12 раз. Относительно всего объема товаров, которые Китай поставляет за рубеж, высокотехнологичный экспорт занимает 24%, при этом доля в 2000 году была в два раза меньше – всего лишь 11%. Второе и третье места занимают Германия и Сингапур: в 2017 году на эти страны в совокупности пришлось 18% от всего мирового экспорта высокотехнологичных товаров. В денежном выражении объем экспорта составил более 171,6 млрд. долл. США и 136,2 млрд. долл. США соответственно. США переместились на 4-е место – 110,12 млрд. долл. США. При этом поставки из Германии с 2000-го по 2017 годы выросли в 2,22 раза, а из США сократились на 22%.

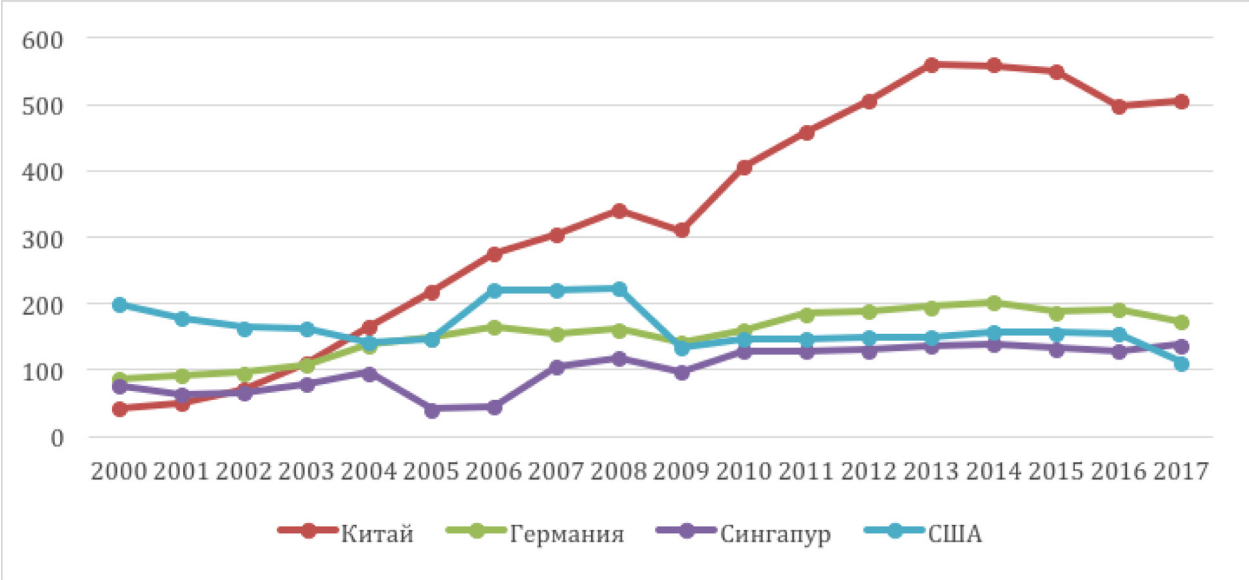


Рисунок 5.
Динамика объема экспорта высокотехнологичной продукции, 2000–2017 гг., млрд. долл. США

Снижение экспорта США объясняется тем, что в стране происходит процесс деиндустриализации, промышленные производства перемещаются в другие страны, а экспорт все больше смещается с товаров на оказание услуг. Аналогичная ситуация происходит и со многими европейскими государствами. А вместо них лидерами в высокотехнологичном экспорте становятся азиатские страны.

Уровень влияния рассмотренных ранее показателей на экономический рост был проанализирован с использованием экономико-математического моделирования, результаты которого позволили сделать прогноз (см. рис. 6), показывающий положительную тенденцию роста за исследуемый и прогнозируемый периоды.

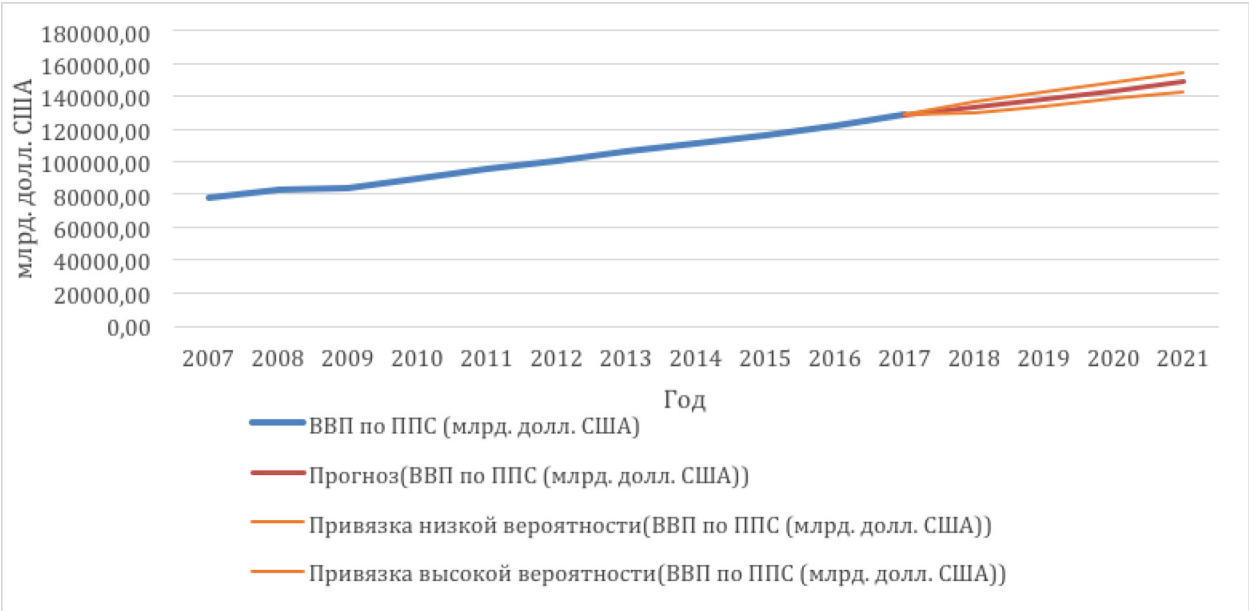


Рисунок 6.
Прогноз динамика мирового ВВП по ППС до 2021 года

[1] World Bank World Development Indicators database. – http://datatopics.worldbank.org/world-development-indicators/

Таким образом, были выделены и проанализированы некоторые абсолютные показатели инновационной деятельности, среди которых затраты на НИОКР, количество исследователей, количество заявок на патенты, экспорт высокотехнологичной продукции и поступления от предоставления права пользования объектами интеллектуальной собственности. США и ЕС по-прежнему пользуются явным, но уменьшающимся преимуществом в плане предложения человеческого капитала для исследовательской и другой работы, связанной с НИОКР.

Анализ показал устойчивые тенденции роста развивающихся стран, в частности Китая, по сравнению с США и остальными развитыми экономиками в мире. Поскольку развивающиеся страны сосредотачивают ресурсы на НИОКР, образовании и наукоемком производстве и торговле, их первоначально быстрые темпы роста в этих областях могут превысить темпы роста развитых стран. Вопрос о том, будут ли и как долго продолжаться эти дифференцированные темпы роста, является важным и будет зависеть от общей научно-технической среды, а также от экономических, социальных и политических сил, которые могут оказывать сильное влияние на глобальный научно-технический ландшафт. Также проведенный корреляционно-регрессионный анализ показал тесную взаимосвязь между рассматриваемыми показателями и ВВП по ППС, в частности наиболее сильное влияние на ВВП оказывают расходы на НИОКР, а также доходы от продажи прав ИС и экспорт высокотехнологичной продукции. Прогноз показал, что при прочих равных условиях будет наблюдаться та же положительная тенденция экономического роста, что и в предыдущие годы.

Мицкевич Б.[1]

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ АГРОБИЗНЕСА ПОЛЬШИ

Ключевые слова: *Польша, агробизнес, этапы, реформирование, формы собственности, приватизация, рынок, спрос, предложение, инновации, стратегии.*

Keywords: *Poland, agribusiness, stages, reform, ownership, privatization, market, demand, supply, innovation, strategies.*

В Польше структура агробизнеса сформировалась под влиянием исторических традиций развития индивидуальных хозяйств (ориентированных главным образом на использование труда владельцев и членов их семей), изменений, вызванных социалистическими преобразованиями, и последующей реструктуризации экономики на принципах рыночных отношений. С точки зрения научного анализа и перспектив развития наибольший интерес представляет период эволюции сельского хозяйства после второй мировой войны. Аграрная политика Польши, проводимая в 1945–1990 гг. находилась под влиянием экономических теорий о преимуществах общественного сектора сельского хозяйства, утвердившегося в социалистических странах. В этой связи в Польше использовалась модель развития народного хозяйства, основанная не на рыночных механизмах, а на административно-командном регулировании. Однако данная модель особого успеха не имела.

В пользовании коллективных и государственных хозяйств находилось только 1,7–1,9% всех пахотных земель. Определенную роль в обобществлении сельского хозяйства сыграл государственный сектор. После окончания второй мировой войны к Польше присоединены бывшие немецкие земли и значительная их часть (3 млн. га) были переданы новым сельскохозяйственным предприятиям, в том числе государственным хозяйствам. Несмотря на различные механизмы поддержки, которые должны были доказать эффективность кооперативного и государственного секторов по сравнению с индивидуальными хозяйствами, в общественное пользование перешло не более 20% пахотных земель. Становление в сельском хозяйстве Польши при государственной организационной и экономической поддержке крупнотоварного общественного сектора следует считать первым этапом его послевоенного развития. Этот этап завершился к середине 70-х годов прошлого столетия и сопровождался рядом противоречий.

Существовавшая в то время парадигма развития экономики приводила к несоответствию между целями хозяйственной политики и средствами её реализации. Приоритетные общественные цели, которые состояли в преодолении отставания экономики, индустриализации страны, ликвидации безработицы, улучшении снабжения населения продуктами питания, требовали крупных финансовых и материальных средств, которые можно было изыскать в сфере сельского хозяйства. Государственное вмешательство в развитие экономики происходило с нарушением основных экономических законов, в частности, закона стоимости. Удельный вес заработной платы в национальном доходе не превышал 40%. Основная его часть шла на накопление, производственные и социальные трансферты. С их помощью поддерживались низкие цены на продукты питания. Это вызывало нарушение равновесия между спросом и предложением сельскохозяйственной продукции. Следует также подчеркнуть, что преобладающая часть дотаций поступала в сферу общественного и коллективного сектора сельского хозяйства, хотя обобществленная собственность в сельском хозяйстве, в отличие от других отраслей экономики, не являлась традиционной.

Поддержание низких розничных цен на продукты питания требовало постоянного роста бюджетных расходов. В свою очередь высокие дотации на продукты животного происхождения приводили к повышенному на них спросу и к постоянной их нехватке, несмотря на значительный импорт концентрированных кормов для животноводства. Подобная ситуация наблюдалась во всех странах, где имело место директивное руководство. Попытки государства снизить затраты на поддержку сельского хозяйства и уменьшить централизованное регулирующее воздействие на цены вызывали недовольство населения, требующего низких и стабильных цен, поддерживаемых административно.

Государство предприняло попытку ликвидировать дефицит продуктов животного происхождения посредством создания крупных ферм. Этот этап развития сельского хозяйства Польши наблюдался в 70–80-х годах, он предполагал создание промышленного производства, особенно в животноводстве. Его итоги неоднозначны. Наряду с тем, что удалось в определенной мере преодолеть дефицит продуктов питания, впоследствии при появлении мировых цен на энергоносители в хозяйствах, где животноводство было сконцентрировано на крупных фермах и комплексах, стали быстро увеличиваться трансфертные затраты. Это также приводило к росту стоимости производства концентрированных кормов промышленного производства, а значит, к снижению конкурентоспособности получаемой продукции и в связи с этим – к нарастанию других экономических проблем – долгов поставщикам ресурсов, долгов по заработной

[1] Мицкевич Бартош – д.э.н., профессор, декан экономического факультета, Западнопоморский технологический университет, Щецин. E-mail: bartosz.mickiewicz@zut.edu.pl

плате и прочих, что стало одной из причин, обусловливающих необходимость изменения не только отношений собственности и принципов управления хозяйствами, но и коренной технико-технологической реструктуризации всего агропромышленного производства. Кроме того, излишняя концентрация скота на фермах не соответствовала экологическим нормам Европейского Союза.

Следует отметить, что еще на начальном этапе организации крупнотоварного производства стали проявляться технологические проблемы (несоблюдение условий гигиены содержания животных, нерешённые вопросы по использованию навоза, несовершенное техническое обеспечение поточной технологии) и экономические сложности, которые государство стремилось компенсировать разными экономическими и административными рычагами.

В этот же период были созданы машинно-тракторные станции. Это привело к тому, что госхозы стали центрами промышленного сельского производства, что явилось основанием для ликвидации небольших традиционных хозяйств, которые не нуждались в дотациях и имели отлаженную снабженческо-сбытовую инфраструктуру.

Проведение в Польше радикальных экономических реформ в конце 80-х – начале 90-х годов истекшего столетия, когда административно-командная система организации экономики была заменена рыночной, поставило производителей в совершенно иное экономическое положение. Этот переход быстро обнаружил недостаточную конкурентоспособность национального сельского хозяйства, особенно крупных государственных и коллективных предприятий.

Обострение экономических проблем в общественном секторе и негативное отношение самих работников к способам хозяйствования в крупных коллективах привели к тому, что этот сектор сельского хозяйства Польши был ликвидирован при общем согласии. Проблема трудоустройства 400 тыс. работников и членов их семей, которые были заняты в коллективных хозяйствах и госхозах, представляла собой меньшие экономические издержки, чем сохранение и централизованная поддержка этого неэффективного экономического уклада. Таким образом, второй этап послевоенного развития сельского хозяйства, который можно охарактеризовать как индустриальный, по историческим меркам был весьма кратковременным.

В конце 80-х – начале 90-х годов XX века Польша приступила к этапу реформирования и реструктуризации сельского хозяйства, который продолжается и в настоящее время. Его, в зависимости от доминирующих задач, можно разделить на три условных периода: первый – переход на рыночные принципы развития, реструктуризация государственных и коллективных предприятий (1990–1997); второй – адаптация структуры сельского хозяйства и приспособление аграрной политики Польши к требованиям Единой сельскохозяйственной политики Европейского Союза (1998 – начало 2004 гг.); третий – активное участие Польши в процессах развития европейского аграрного рынка, модернизация сельского хозяйства и становление многофункциональной структуры (после 1 мая 2004 года).

Первый этап сыграл важнейшую роль в формировании современных аграрных отношений в деревне, в течение которого были созданы базовые условия для устойчивого развития сельского хозяйства и сельских территорий в системе рынка. Поэтому данный период требует особой характеристики.

Начало реформ заключало в себе множество противоречий. Прежде всего, не было опыта, на который можно было бы опираться при переходе от централизованной системы к рыночным механизмам.

Опыт других постсоциалистических стран при реформировании сельского хозяйства показал, что механизмы организации сельского хозяйства различных стран значительно различаются и в большей степени учитывают традиции и особенности регионов, цели государства.

Ситуация в сельском хозяйстве Польши совершенно иная, чем в развитых странах Западной Европы и в большинстве постсоциалистических стран. Например, для Польши характерен высокий прирост населения, особенно в сельской местности, который затрудняет структурные преобразования. В этой связи слабыми остаются стимулы развития промышленности, обеспечивающей сельское хозяйство, что в конечном итоге сдерживает конкурентоспособность польского сельского хозяйства в сравнении со странами Европейского Союза.

Проведенный нами анализ также показал, что в Польше в силу существенных региональных различий природных условий, динамики хозяйственного развития, исторических особенностей инфраструктуры производства, демографических факторов отмечается существенная дифференциация доходов и качества жизни населения по территории страны. Все это необходимо было учесть при выработке новой аграрной политики.

Принятые в 1989–1990 годы законы способствовали распространению рыночной системы функционирования экономики с учетом характера регионов страны. Наиболее важными ее элементами являлись: введение свободных цен, ограничение и ликвидация государственных субсидий, использование централизованных финансовых рычагов, которые должны были предотвратить рост инфляции.

Результатом этих мер стал высокий процент банковского кредита (превышающий уровень инфляции), который сдерживал спрос и поступление денежной массы на рынок. Были введены свободные цены на продукты сельского хозяйства, кстати, раньше (с 1 июня 1989 года), чем в других отраслях экономики (с 1 января 1990 года).

Однако эти начальные меры еще не предусматривали изменений в формах собственности, хотя, как известно, экономическая свобода в условиях рыночной экономики должна распространяться на все элементы экономической системы. В противном случае либерализация только части экономических отношений при отставании другой их части может нанести непоправимый вред и дискредитировать саму реформу. Так, без включения в рыночный оборот собственности и имущества невозможно полноправное развитие предпринимательства.

В этой связи необходимость изменения форм собственности была назревшей проблемой. Однако разгосударствление и приватизация государственных предприятий – сложные процессы, затрагивающие интересы всех слоев и групп населения, которые необходимо было эффективно провести и одновременно не допустить социальных потрясений. Поэтому выработка соответствующих взвешенных решений потребовала времени. Однако уже в 1990 году решения по реформе государственной собственности были приняты.

Вместе с тем, как показали исследования, изменение форм собственности в сельском хозяйстве в 1990 годы не являлось задачей первостепенной важности. Оно касалось главным образом госхозов, финансовое положение которых в это время было еще удовлетворительным. Введение свободных цен на сельскохозяйственную продукцию на пять месяцев раньше, чем на другие товары, привело к увеличению доходов и улучшению финансовой ситуации госхозов. Сходная ситуация сложилась и в частном секторе сельского хозяйства. Кроме того, в отличие от других отраслей экономики, например, промышленности, где преобладала государственная форма собственности, в сельском хозяйстве государственная форма собственности к началу рыночных реформ не превышала в целом по стране 20%, а вместе с кооперативными хозяйствами – 25%. Такая структура сельского хозяйства Польши значительно отличалась от других постсоциалистических стран, где частный сектор играл незначительную роль. Тем не менее относительно благополучная экономическая ситуация в сельском хозяйстве в конце 80-х годов, а также незначительная доля государственного сектора в АПК Польши не были должным образом учтены в первом законе о приватизации государственных предприятий.

Поэтому эффективность реализации Закона о приватизации, принятого 12 июля 1990 г., в сельском хозяйстве была невысокой. Результаты приватизации перерабатывающих предприятий АПК были более значительными.

Проведенные нами исследования показывают, что сельскохозяйственная политика в 1990 гг. состояла из двух этапов. Первый этап был связан с противодействием инфляции, урегулированием процентных ставок по кредитам, а также с мерами по ограничению дотаций сельскому хозяйству. Результатом этой политики стало повышение общего уровня цен и падение доходов населения, что привело к уменьшению спроса на продовольственные товары. В этой связи следует заметить, что достоверных данных о масштабах уменьшения спроса на продукты питания нет, но многие эксперты утверждают, что спрос упал не менее чем на 20 %, хотя существует мнение, что реальное уменьшение спроса было менее 15 %. Это объясняется тем, что в начале 1990 гг. у населения были некоторые запасы продуктов. Потребление продовольствия в 1990 г. отдельными семьями было меньше по сравнению с 1989 г. на 24%.

В борьбе с инфляцией государство предприняло меры по сдерживанию падения спроса, что дало определённые результаты: уровень реальных доходов населения упал на 28 %, в результате чего спрос на продовольствие уменьшился, что привело к временному равновесию на рынке продовольственных товаров и даже появлению некоторого излишка продуктов. Это подтверждается тем, что в 1990 г. цены повысились в среднем в 3,5 раза по сравнению с 1989 г.

Таким образом, уже в самом начале перехода на рыночные принципы проводимая аграрная политика в стране оказалась несовместимой со складывающейся ситуацией в сельском хозяйстве. Так, в результате развития инфляции многие семьи в сельской местности стали сами обеспечивать себя продуктами самостоятельно, а некоторые вообще перешли на натуральное хозяйство.

Фермеры оказались самым слабым звеном в новой экономической системе. Основная причина этого – малый размер хозяйств, их незащищенность при монополизации рынков сбыта, низкая техническая оснащенность и нарастание конкуренции зарубежных поставщиков. Рыночная экономика позволяла развитие лишь небольшой группы экономически сильных хозяйств. Примерно 160–180 тыс. фермерских хозяйств было в состоянии приспособиться к новым условиям. В этой связи вполне закономерно, что в сельском хозяйстве имело место неприятие принципов рыночной системы.

В то же время без рыночных реформ невозможно было поднять эффективность сельского хозяйства и национальной экономики в целом. В 1990 г. стало необходимым существенное повышение производительности труда, что давало возможность составить конкуренцию иностранным поставщикам. Однако большинство сельских товаропроизводителей предпочитало прямую помощь со стороны государства, а не структурные рыночные реформы. В течение первых лет экономической реформы оно функционировало в условиях постоянного недостатка производственных ресурсов. Вместе с тем была гарантия устойчивого сбыта сельскохозяйственной продукции, так как спрос преобладал над предложением. Комплексное изучение происходящих процессов позволяет сделать вывод, что социальные и экономические противоречия этот периода стали причиной серьезного конфликта между перспективными и текущими целями развития АПК страны.

В 1990 г. Правительство предприняло радикальные меры по внедрению рыночных принципов в сельское хозяйство. В результате рост общего уровня цен на средства производства превысил рост закупочных цен на основные виды продукции сельского хозяйства на 67%, на услуги для сельского хозяйства – на 229%. Возросла финансовая задолженность фермеров (в 1990 г. составляла 22,1% от общей суммы денежных доходов). Приобретение фермерами промышленных средств производства составило 25–30% к уровню 1989 г. Использование минеральных удобрений в 1990 г. снизилось на 14%, приобретение средств защиты растений уменьшилось с 1,4 до 0,5 кг на 1 га.

Конечно, многие негативные последствия для сельского хозяйства могли иметь меньший масштаб, если бы Правительство могло предусмотреть действенные меры экономического и социального регулирования. Так, основные механизмы либерализации ценообразования на сельскохозяйственную продукцию были реализованы в 1989–1990 гг. В итоге рыночные цены стали устанавливаться путем прямой договорённости между фермерами и скупщиками продукции. Цены стали носить локальный характер и значительно различаться по регионам. На важнейших продуктовых рынках (зерна, сахарной свёклы, молока) закупки осуществлялись по выгодным скупщикам ценам из-за отсутствия конкуренции. Влияние фермеров на закупочные цены было минимальным. Более того, отказ от твёрдых закупочных цен проводился одновременно с ликвидацией бюджетных субсидий.

По нашим исследованиям, государству на первом этапе целесообразно было бы сохранить некоторые меры ценового регулирования производства, например, применение стабильных равновесных закупочных цен, что дало возможность избежать резкого колебания закупочных цен и их необоснованного снижения закупочным организациям и перерабатывающим предприятиям. Однако если бы такая практика продолжалась в Польше в течение длительного

времени, то она могла привести к снижению нормы прибыли у закупочных организаций и предприятий, а также к сдерживанию появления на рынке новых субъектов хозяйствования и, как следствие, к медленному развитию конкуренции закупочных организаций за производителей и поставщиков.

Кроме того, для стабилизации продовольственного рынка потребовалось бы больше времени. Это могло бы привести к тому, что политическая решимость, активность населения и предпринимателей в реформах могли бы пойти на спад. В процессе такой рыночной трансформации при недостатке инвестиций теряется производственный потенциал – изнашиваются основные фонды, уменьшаются объемы оборотных средств. В ключевой стадии реформ субъекты хозяйствования уже не будут располагать запасом экономической прочности, что может только усугубить проблемы такого реформирования.

Быстрые реформы в Польше привели к тому, что рыночная система открыла возможности для развития предпринимательства в различных областях хозяйственной деятельности. Исследования показывают, что закупкой сельскохозяйственной продукции занимались, конкурируя, многочисленные государственные торговые предприятия, государственные перерабатывающие предприятия, кооперативные торговые предприятия, кооперативные перерабатывающие предприятия, частные фирмы, кооперативы с участием иностранного капитала, различные товарищества. Закупка сельскохозяйственной продукции не требовала получения разрешения государственных органов. Законодательно были устранены все необоснованные ограничения в сфере хозяйственной деятельности. Субъекты хозяйствования могли функционировать, руководствуясь только экономическими интересами, и соблюдая законы.

Постепенно, хотя это и потребовало продолжительного времени, деятельность субъектов рынка, связанная с куплей-продажей продукции, стала характеризоваться профессионализмом. Одновременно с либерализацией экспорта и импорта сельскохозяйственной продукции начался процесс формирования рыночной инфраструктуры, особенно сельскохозяйственной торговой кооперации, занимающейся закупкой и сбытом сельскохозяйственной продукции. Известно, что при прежней централизованной системе хозяйствования кооперация утратила свою роль. Согласно новому законодательству были созданы условия для организации кооперации в системе самого фермерства. Кооперативы приобрели самостоятельность и получили возможность участвовать в деятельности иных кооперативов. Изменилось само представление о кооперативной деятельности. В рыночных условиях функционирования кооперативов стала осуществляться на принципах самоорганизации и саморегулирования.

Наряду с этим коренной реконструкции подверглась банковая система, обслуживающая фермеров. Сельское хозяйство стали обслуживать многие банки, исходя из интересов партнеров. Нормы процентных ставок приобрели рыночный характер, ставки стали зависеть от депозитов и размеров инфляции.

Сформировались товарные биржи, целью деятельности которых было создание условий для контактов между продавцами и покупателями. Так в 1990 г. были созданы биржи по таким продуктам, как сахар (5 бирж), убойный скот (7 бирж), зерно и мука (4 биржи), шерсть (1 биржа) и другие.

Усилилась конкурентоспособность небольших и средних перерабатывающих предприятий. Наименее эффективными стали крупные предприятия, главным образом, в связи с недостаточной их адаптационной возможностью в новых условиях и высокими затратами при переработке продукции. Созданы многие новые перерабатывающие и пищевые предприятия, которые составили новый частный сектор, учитывающий потребительский спрос и четко реагирующий на конъюнктуру рынка. Начался активный приток в сферу АПК иностранного капитала, который стал поступать не только в форме кредитов, но также в виде создания совместных предприятий (кооперативов). Все это позволяло ускорить процессы демонополизации перерабатывающей промышленности. Так, в 1990 г. крупные предприятия в АПК составляли 50 % от общего числа, тогда как в 1989 г. занимали более 60%.

Исследования показывают, что внутренний продовольственный рынок в Польше в 1990 г. достиг равновесия по спросу и предложению. Наблюдался даже некоторый избыток предложения, хотя общие объемы товарооборота сельскохозяйственных и продовольственных товаров уменьшились. Значительно возрос импорт продовольственных продуктов. Так, ввоз продовольственных товаров в 1990 г. увеличился по сравнению с 1989 г. на 368%, а сельскохозяйственных продуктов – на 76%. Импортные продовольственные продукты могли конкурировать с отечественной продукцией в том числе и потому, что они реализовались чаще всего по заниженным (демпинговым) ценам. Доля частной продажи в общем объёме реализации продуктов питания стала быстро возрастать и к концу 1990 г. составляла уже более 40%. Получили развитие различные формы торговли.

Главным элементом реформы продуктового рынка в Польше была приватизация объектов системы торговли. Реформа практически началась с преобразования основного количества государственных и кооперативных магазинов и складов. Для этих целей были введены специальные законодательные нормы, создано Министерство по преобразованию форм собственности, в задачи которого входило стимулирование и контролирование процесса приватизации. Например, к концу 1990 г. было приватизировано более 23 тыс. магазинов, что составляло 19% от их общего количества. Всего в 1990 г. насчитывалось 51 тыс. частных магазинов, или более 40% от их общего числа. Кроме того, имелось 180 тыс. частных киосков, объектов разъездной торговли, при этом большая их часть занималась торговлей продуктами питания.

Розничные цены на продукты питания перестали контролироваться государством. Конкуренция оказала влияние на изменение структуры рынка, однако не привела к снижению уровня цен. Прекращение государственных дотаций продовольствия и появление инфляции в начальные годы реформ повлекли быстрый рост цен. Так, цены на продовольствие в 1990 г. возросли по сравнению с 1989 г. в 6,7 раза.

Исследования, выполненные нами, позволили установить, что «шоковая» ситуация на рынке оказала влияние не только на уровень, но и на модели потребления продовольствия различными группами населения. Достаточно сказать, что с октября 1989 г. по март 1990 г. розничные цены на продукты питания возросли в 2,7 раза, а в марте

1990 года были уже в 17 раз выше, чем в предыдущем году. Вначале население пыталось сохранить прежний уровень потребления продуктов питания, чаще всего за счёт прежних денежных сбережений и запасов продуктов. Но когда сбережения стали быстро обесцениваться из-за возрастающей инфляции, потребители должны были отказаться от покупки дорогих продуктов питания, особенно мяса и мясных изделий. В результате этого затраты на приобретение продуктов питания в структуре расходов потребительского бюджета городского населения возросли с 42,7% в 1988 г. до 46,9% в 1989 г. и до 50,5% в 1990 г.

В сельской местности были отмечены тенденции самообеспечения продуктами питания и уменьшения их приобретения (доля затрат на продукты питания уменьшилась с 45% в 1988 г. до 37,5% в 1989 г.). Позднее в 1990 г. этот показатель возрос на 54,8%. «Шоковая» реакция на увеличение цен нивелировалась рациональным и экономным потреблением продуктов питания. Это, однако, не изменило того факта, что уменьшение реальных доходов населения в 1990 г. привело к падению спроса на продукты питания (примерно на 22%) и возрастанию доли затрат на питание в семейном бюджете.

Характерным явлением трансформационного периода в экономике было увеличение количества семей, имевших крайне низкие доходы, и усиление различий в уровне потребления продуктов питания различными слоями населения.

Противоречия общества и государства, связанные с этими явлениями, привели к тому, что в стране стали более осторожно и взвешенно проводить реформы. Были созданы специальные государственные институты, ведающие процессами приватизации, регулирования аграрного рынка и развития сельского хозяйства: Агентство сельскохозяйственной собственности, принадлежащей Государственной казне (АССГК), Агентство аграрного рынка (ААР) и Агентство реструктуризации и модернизации сельского хозяйства (АРМСХ).

Агробизнес – важный сектор развития экономики Польши. Интеграция с Европейским Союзом и процессы глобализации привели к тому, что сельское хозяйство страны является частью открытой мировой экономической системы. В 2017 г. в структуре товарной продукции сельского хозяйства Польши наибольший удельный вес занимает продукция животноводства 60,9%, в том числе производство мяса (35,4%), молока (19,4%) и яиц (5,6%). Наименьшую долю составляет производство продукции растениеводства – 39,1%, в том числе производство картофеля (11,3%). Снижение производства продукции растениеводства в структуре товарной сельскохозяйственной продукции Польши связано с неблагоприятными погодными условиями, а также со снижением урожайности ряда сельскохозяйственных культур. Площади, используемые в сельском хозяйстве для производства основных возделываемых культур, составляют почти половину общей площадь страны, при этом определяя ее ландшафт и природную среду сельской местности. В результате осуществляемых в 2011–2017 гг. мер произошла оптимизация структуры посевных площадей сельскохозяйственных культур, в 2017 г. наибольший удельный вес занимали зерновые культуры (70,7%), далее картофель (11,1%), промышленные культуры (9,7%), зернобобовые и другие культуры (3%). Наблюдается за исследуемый период увеличение производства сахарной свеклы, картофеля, зерновых культур и рапса. На развитие конъюнктуры рынка сельскохозяйственной продукции и продовольствия в 2017 г., при росте объемов производства продукции растениеводства и животноводства, оказал влияние уровень цен на мировых сельскохозяйственных рынках.

В 2017 г. сложившаяся конъюнктура рынка сельскохозяйственной продукции и продовольствия, впервые с 2011 г. была благоприятной для сельскохозяйственных товаропроизводителей. Об этом свидетельствует рост цен на сельскохозяйственную продукцию по сравнению с предыдущими периодами. Стоимость валовой сельскохозяйственной продукции в текущих ценах в 2017 г., по сравнению с 2016 г. увеличилась на 10,9% в результате роста стоимости, как продукции животноводства, так и растениеводства [5].

Производство молока в 2017 г. по сравнению с 2016 г. в расчете на 1 га сельскохозяйственных угодий увеличилось на 3,4%. В данный период наблюдается также рост производство мяса в расчете на 1 га сельскохозяйственных угодий. Потребление продукции животноводства в расчете на душу населения в динамике за 2015–2017 годы составило: мясо и субпродукты 2015 г. – 73,6 кг, 2016 г. – 75,0 кг, 2017 г. – 77,6 кг; молоко – 2014 г. – 205 л, 2015 г. – 213 л, 2016 г. – 222 л. В данный период наблюдается рост потребления населением Польши мясомолочной продукции.

Таким образом, методология устойчивого развития сельского хозяйства при переходе к рынку, как вытекало из опыта Польши, вынуждена была учитывать не только исторические и национальные экономические особенности, но и менталитет сельского населения. Основу сельского хозяйства Польши составляла фермерская модель, и общество в целом положительно восприняло механизм приватизации.

Обобщая изложенное, следует подчеркнуть, что приватизационная процедура государственных сельскохозяйственных предприятий, по опыту Польши, должна состоять из двух этапов. Первый этап – это придание предприятию коммерческого характера, связанного с передачей владельческих функций инвестиционному фонду или другому предприятию, принадлежавшему Государственной казне. На втором этапе должна быть осуществлена конкурсная продажа акций или кооперативных паев.

Согласно исследованиям, выполненным нами, в ходе рыночных преобразований на месте крупных товарных предприятий должны появиться две группы предприятий, имеющих разные функции. Их особенности обусловлены внедрением новейших технологий и перераспределения излишков рабочей силы. Первая группа – это многоотраслевые крупные хозяйства, производящие стандартизированный массовый продукт в соответствии со структурой рыночного спроса. Их базой в Польше являются ресурсы сельскохозяйственной недвижимости Государственной Казны, подлежащие приватизации и преобразованию (реструктуризации). Вторую группу предприятий могут составлять меньшие по размерам землепользования товарные хозяйства, получающие доходы от альтернативных форм использования своих производственных ресурсов.

Вместе с тем комплексный анализ опыта Польши позволяет сделать вывод о том, что преобразования в сельском хозяйстве должны учитывать изменяющееся общественное восприятие категории благосостояния, в соответствии с которым происходит разделение экономической эффективности производства и уровня благосостояния общества. Например, максимизация экономической эффективности аграрной экономики не всегда может быть равной оптимизации роста уровня и качества жизни сельского населения.

Важным фактором эффективности структурных перемен в сельском хозяйстве и его устойчивого развития, по опыту Польши, является поиск рациональных пределов соотношения централизации и децентрализации функций регулирования аграрного рынка, хозяйственного и местного территориального управления. В данной связи, например, государству целесообразно постепенно освобождать определённые структуры и процессы из-под своего контроля и вмешиваться только в тех случаях, когда проявляется существенное рыночное неравновесие. Это вмешательство должно осуществляться опосредованными формами помощи аграрным товаропроизводителям.

Анализ этапов и особенностей развития польского сельского хозяйства показал, что в ходе рыночных реформ, открытия аграрного рынка для иностранных поставщиков обнаружилось структурное и технологическое несоответствие сельского хозяйства страны рыночным требованиям (или требованиям конкуренции). Основная причина этого – наличие большого числа слабоорганизованных мелких сельскохозяйственных предприятий, не способных вести индустриальное производство.

Целесообразным выходом может быть многообразная фермерская кооперация по совместному ведению сельскохозяйственного производства, обеспечению необходимыми ресурсами и сбыту готовой продукции.

В современных условиях одним из основных факторов экономического роста являются инновации и освоение передовых технологий. Инновационный путь развития является приоритетным для любого государства. Без расширения и развития инновационной деятельности невозможно достижение высокого уровня конкурентоспособности и продовольственной безопасности региона, страны [1, 2, 3, 4].

Инновационная политика Польши ориентирована на решение ключевых социально-экономических проблем, таких как эффективное использование национального материально-технического, сырьевого и трудового потенциалов страны, удовлетворение потребностей внутреннего продовольственного рынка. Основными инструментами реализации инновационного механизма являются формирование режима экономического стимулирования инновационной деятельности, использование программ по повышению конкурентоспособного потенциала приоритетных для страны производств. Основная цель инноваций заключается в повышении наукоемкости отечественного производства и повышение на этой базе его эффективности и коммерциализации.

В настоящее время основу программы социально-экономического развития Польши составляет «Стратегия ответственного развития до 2020 г. с перспективой до 2030 г.», утвержденная Советом Министров 17 февраля 2017 г. На данном этапе в Польше принят ряд интегрированных стратегий:

1) Стратегия инновационности и эффективности экономики.
2) Стратегия развития человеческого капитала.
3) Стратегия развития транспорта.
4) Стратегия «Энергетическая безопасность и окружающая среда».
5) Стратегия «Эффективное государство».
6) Национальная стратегия развития регионов.
7) Стратегия развития социального капитала.
8) Стратегия сбалансированного развития села, сельского хозяйства и рыболовства.

Внешняя торговля сельскохозяйственно-продовольственными продуктами играет важную роль в развитии экономики Польши. Сельскохозяйственно-пищевой сектор является одной из немногочисленных отраслей экономики, имеющих положительный торговый баланс. Оборот международной торговли агропродовольственными товарами растет. В прошлом году темпы роста экспорта превысили темпы роста импорта, что укрепило положительное сальдо международной торговли. Рост экспорта был обеспечен сложившейся благоприятной конъюнктурой на рынках, основными торговыми партнерами и повышением конкурентоспособности экспортной продукции. В 2017 г. по сравнению с 2016 г. объем экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия увеличился на 12% и составил 27,3 млрд. евро. Это означает, что растущая тенденция роста экспорта продукции, после вступления Польши в ЕС, продолжается.

Сущность инновационного развития экономики заключается в активизации инновационной деятельности по созданию, внедрению и распространение новых продуктов, услуг и технологических процессов как главных факторов качественного роста объемов производства, занятости, инвестиций и внешнеторгового оборота. В первую очередь это касается сферы высокотехнологических и наукоемких отраслей, являющихся двигателями развития экономики**.**

Наблюдается рост выручки от продажи продукции предприятий с высоким и средним уровнем технологий в 2016 г. более чем в 2 раза, экспорт продукции – в три раза.

Рассмотрим инновационность и наукоемкость на производственных предприятиях по уровню технологий. В 2016 г. среди предприятий с высоким уровнем технологий 44,7% составляли инновационные предприятия, 26,8% проводят собственные научно-исследовательские работы. Аналогично среди субъектов с уровнем технологий выше среднего 34,2% составили инновационные предприятия, 17,3% проводят собственные научно-исследовательские работы. В группе предприятий с уровнем технологий ниже среднего произошло снижение затрат на научно-исследовательскую деятельность по отношению к предыдущему году на 3,3%.

В 2016 г. число субъектов, использующих иностранные средства или бюджетные средства на проекты, финансируемые из средств ЕС, составило 826**.** Большинство из них (55,3%) относятся к организациям, осуществляющим

сервисную деятельность. Финансирование сельского, лесного хозяйства и рыболовства осуществлялось в основном за счет собственных источников (57,5%), однако 42,3% финансировалось из средств ЕС. Промышленность и строительство финансировались практически за счет собственных средств (более 90%).

Анализируя затраты, связанные с инновационной деятельностью, необходимо отметить, что среди предприятий промышленности высокий уровень данных затрат отмечен на предприятиях, расположенных в Нижнесилезском воеводстве, незначительные – в Варминско-мазурском воеводстве, в секторе услуг соответственно на предприятиях, расположенных в Мазовецком и Опольском воеводствах.

В Польше в 2012–2016 гг. экспорт высокотехнологичной продукции (в текущих ценах) значительно превышает импорт, что свидетельствует о развитии инновационной деятельности.

Сегодня биотехнология в пищевой промышленности развивается стремительными темпами. В повседневной жизни мы постоянно пользуемся продуктами, произведенными с помощью биотехнологических процессов. Ежегодно предприятиями перерабатывается огромное количество сельскохозяйственного сырья, при этом образуются вторичные продукты, которые используются и не наносят вред окружающей среде. Все они могут быть вовлечены в хозяйственный оборот для производства пищевых продуктов, комбикормов, строительных материалов, удобрений и другой продукции. Количество предприятий с использованием биотехнологий является показателем вовлеченности предприятий Польши в инновационный процесс. В 2016 г. с применением биотехнологий были задействованы 184 предприятия, из них 111 предприятий (60,3% от общего числа) осуществляли научные исследования и опытно-конструкторские работы, 73 предприятий занимались только производством продукции с применением биотехнологий (39,7% от общего числа). В 2016 г. по отношению к предыдущему году наблюдался рост (на 15%) количества данных предприятий, что связано с активизацией научных исследований в области биотехнологии.

На данном этапе с помощью применения биотехнологий в пищевой промышленности производятся новые виды продукции, значительно улучшается качество произведенной продукции, ее полезность и безопасность. Рынок биотехнологий развивается по следующим направлениям: медицина, промышленное производство, сельское хозяйство, биоинформатика и др. Основные направления применения биотехнологий: медицина – 49,2% по научным исследованиям и опытно-конструкторским работам, по производству биотехнологической продукции в этой же области 21,6%. В области окружающей среды 11,9 и 36% соответственно. Научные исследования и опытно-конструкторские работы по применению биотехнологий в сельском хозяйстве занимают 6,8%, по производству продукции – 4,5%.

В настоящее время в мире происходит технологическая революция, связанная с развитием и выходом на рынок нанотехнологий. Благодаря стремительному научному прогрессу нанотехнологии сегодня оказывают огромное влияние практически на все области деятельности общества. Достижения науки и техники позволяют повысить эффективность и устойчивость сельскохозяйственного производства, расширить виды производств. Поэтому основное направление дальнейшего развития агробизнеса Польши – его цифровизация.

Анализ состояния инфраструктуры наноиндустрии Польши показывает, что в 2016 г. 30,8% предприятий использовали нанотехнологии в производстве, 30,8% – в научно-исследовательской деятельности и развитии, 38,4% – как в научно-исследовательской деятельности, так и в производстве.

Исходя из структуры продаж товаров в 2016 г. реализация продукции с применением нанотехнологий осуществлялась в основном на внутренние рынки сбыта (68,5%) и 31,5% – на внешние рынки сбыта, что обеспечивает насыщение внутреннего рынка инновационной продукцией.

Развитие нанотехнологий в мире происходит во многом благодаря государственной поддержке в различных формах. Основными формами являются разработка стратегических направлений, на основе которых происходит формирование долгосрочных приоритетов научной и технологической политики, и координация деятельности участников инновационной системы – государства и бизнеса, науки и образования.

Инновационное развитие и научные исследования являются одним из приоритетов Министерства сельского хозяйства и развития сельских районов в 2018 г. Реализация данного направления финансируется Национальным центром исследований и развития (NCRD), так называемым ГОСПОСТРАТЕГ (GOSPOSTRATEG), которая является стратегической программой научных исследований и разработок в рамках программы «Социально-экономическое развитие Польши в условиях глобализации рынков». Стратегическая программа NCRD реализуется в секторах, связанных с техническими, медицинскими, экологическими и сельскохозяйственными исследованиями. GOSPOSTRATEG является первой стратегической программой, затрагивающей экономические науки. Миссия программы GOSPOSTRATEG – усилить конкурентоспособность и инновационность экономики Польши, поддержать существующую и простимулировать новые механизмы передачи и развития экономики знаний. Министерством сельского хозяйства в рамках реализации программы GOSPOSTRATEG выделены средства на восемь крупных проектов, связанных с важными направлениями аграрной политики. Министерство сельского хозяйства и развития сельских районов руководит тремя проектами:

1) «Экономическое страхование в комплексном управлении рисками сельского хозяйства, которое ориентировано на устойчивость, инновационность, технологии и борьбу с изменением климата».

2) «Забота о фермах в развитии сельского хозяйства».

3) «Разработка стратегии использования альтернативных источников кормления животных с целью их производства на территории Республики Польша».

Учреждения Министерства сельского хозяйства, или члены консорциума являются руководителями ряда проектов:

1) «Создание системы биоинформатики для управления национальными генетическими ресурсами и развитие социально-экономического потенциала Польши путем защиты и использования ресурсов для ведения сельского хозяйства, консультационные услуги» – проект возглавляет Центр сельскохозяйственного консультирования.

2) «Повышение конкурентоспособности польской продукции на международных рынках путем повышения их качества фитосанитарной безопасности» – проект возглавляет Главная инспекция защиты растений и семян.

3) «Продовольственная платформа» – проект возглавляет Центр сельского хозяйства.

4) «Создание эффективной модели интерактивной системы поддержки агрохимических решений по оптимизации внесения удобрений и защиты вод от сельскохозяйственных загрязнений» – проект возглавляет Национальная химическая и сельскохозяйственная станция.

5) «Разработка системы мониторинга пищевых отходов и эффективной программы по рационализации потерь и ограничению продовольственных отходов» – Национальный Центр поддержки сельского хозяйства.

В результате реализации проекта станет возможным внедрение новых инструментов и механизмов реализации политики в области развития агропродовольственного сектора и развития сельских территорий Польши. Практическая реализация решений, подготовленных учеными и программой ГОСПОСТРАТЕГ, повысит конкурентоспособность агропродовольственного сектора в условиях инновационного развития экономики Польши.

Список литературы

1. Волкова Е.В. Развитие экономического потенциала организаций перерабатывающей промышленности: теоретико-методологические аспекты: моногр. – Могилев: Ред. – изд. отдел МГУП, 2016. – 199 с.
2. Гнатюк С.Н. Механизм обеспечения устойчивого развития региона и его результативность // Экономическое развитие региона: управление, инновации, подготовка кадров; материалы III Международного экономического форума; под ред. С.Н. Бочарова. 2016. – С. 109–124.
3. Ефименко А.Г. Повышение эффективности деятельности организаций АПК на инновационной основе // Экономическое развитие региона: управление, инновации, подготовка кадров; материалы III Международного экономического форума; под ред. С.Н. Бочарова. 2017. – № 4. – С. 117–122.
4. Мицкевич Б. Развитие агробизнеса на инновационной основе в условиях экономической интеграции: моногр. / Б. Мицкевич, Е.В. Волкова. – Смоленск: Маджента, 2018. – 186 с.
5. Сельское и пищевое хозяйство в Польше / Под ред. Ин-та экономики сельского и пищевого хозяйства. – Варшава, 2016. – 235 с.

Новоселова Л.В.
д.э.н., гл.н.с. Института Дальнего Востока РАН

АВТОМОБИЛЬНАЯ СЕТЬ КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ КНР

***Ключевые слова**: Китай, дорожное строительство, скоростные автодороги, программы развития дорожной сети, система организации и финансирования дорожного строительства, государственные и коммерческие дороги, кредитная задолженность.*

Стремительный рост китайской экономики и превращения страны в крупнейшего игрока на мировом рынке имеет различные измерения. К их числу, в частности, относятся впечатляющие достижения КНР в создании за сравнительно короткий срок огромного по масштабам и передового по техническому уровню дорожного хозяйства.

В течение трех десятилетий после образования КНР, развиваясь в рамках централизованной плановой системы, транспорт страны как и вся ее экономика пребывал в весьма архаичном состоянии. Центральное правительство отвечало только за несколько стратегически важных магистралей общенационального значения. На местах дорожное строительство осуществлялось в значительной мере на основе трудовой повинности и финансировалось за счет выделения безвозмездных ассигнований из центрального бюджета. И хотя владельцы транспортных средств ежемесячно уплачивали сбор на содержание дорог, хроническая нехватка средств и отсутствие экономических стимулов развития обусловливали весьма медленное строительство дорожной сети.

Немногочисленные автомагистрали были сконцентрированы в прибрежных районах страны, связывая отдельные крупнейшие города с близлежащими морскими портами. Будучи перегружены тракторами, велосипедами, гужевыми повозками и т.д., эти дороги обеспечивали среднюю скорость передвижения в 30–40 км/час, более 60% из них срочно нуждались в капитальном ремонте[1]. Без доступа к путям сообщения оставались более 2 тыс. городов и 190 тыс. деревень.

С переходом к осуществлению политики рыночных реформ и открытости внешнему миру ситуация начала круто меняться. Подстегиваемые быстрым развитием промышленности и внешней торговли, темпы роста китайской экономики пошли резко вверх. В этих условиях автомобильный транспорт приобрел стратегическое значение, а дорожное строительство, все больше опираясь на рыночные стимулы и механизмы, заметно ускорилось.

Важным фактором активизации дорожного строительства явилась его децентрализация при расширении как хозяйственных функций, так и финансовой самостоятельности провинциальных и местных властей. Начиная с 1980 г., ассигнования центрального бюджета на строительство дорог были переведены на возвратную и платную основу, а обслуживание и погашение этого долга возложены на местные органы власти. С целью расширения источников финансирования дорожного строительства были введены новые платежи и сборы. В их числе дополнительный сбор за приобретение автотранспортных средств в размере 10% от стоимости приобретаемого автомобиля, преобразованный позднее в соответствующий налог.

В 1988 г. в Китае был построен первый участок скоростной автодороги длиной в 23 км, после чего страна приступила к реализации масштабной программы строительства скоростных автотрасс. Все автомобильные дороги классифицируются в Китае по административному признаку и управлению (национальные, провинциальные, уездные, волостные, деревенские, особого назначения) либо по техническим характеристикам. Скоростные магистрали (ширина полотна – 28 м) имеют пропускную способность 100–120 тыс. автомобилей в день, автодороги I класса (25,5 м) – 10–25 тыс., II класса (12 м) – 5–15 тыс., III класса (8,5 м) – 2–8 тыс. и IV класса (7 м) – менее 2 тыс. автомобилей.

В 1992 г. Госсовет КНР обнародовал *Национальную программу развития дорожной сети*, предусматривавшую строительство пяти «вертикальных» (север-юг) и семи «горизонтальных» (восток-запад) скоростных автомагистралей протяженностью в 35 тыс. км, призванных соединить Пекин и Шанхай со всеми провинциальными центрами и обеспечить дорожным сообщением в общей сложности 200 городов («программа 5–7»). При создании этой программы КНР активно использовала международный опыт. Технические требования к дорогам разрабатывались с учетом стандартов Национальной системы межштатных автомагистралей США, технологии строительства были заимствованы из опыта США, стран Европы и Японии.

Реализация «программы 5–7», рассчитанной на 15 лет, получила необходимое правовое обоснование с принятием в 1997 г. Закона КНР «О дорогах». Регламентируя возможность взимания платы за проезд и, соответственно, строительства платных автодорог, положения закона существенно расширили и разнообразили финансовые источники дорожного строительства, включая банковский кредит, выпуск ценных бумаг и т.д.

[1] Waters H.J. China's Economic Development Strategies for the 21st Century. – Westport, 1997. – P. 127.

Все это позволило сконцентрировать необходимые средства, что способствовало досрочному выполнению «программы 5–7», на смену которой в 2005 г. пришла *Национальная программа развития сети магистральных дорог* (или «программа 7–9–18»). В соответствии с этим документом к концу 2020 г. протяженность скоростной автотранспортной сети должна была достичь 85 тыс. км в результате сооружения семи радиальных, расходящихся от Пекина линий, девяти линий с направлением «север-юг», 18 линий «восток-запад»; пяти кольцевых и более 30 соединительных дорог[1]. Целью всего этого являлось соединение автодорожным сообщением столицы страны, всех провинциальных центров, а также крупных и средних городов с населением свыше 200 тыс. чел. Этот план был выполнен в 2011 г. – на 9 лет раньше установленного срока.

В 2013 г. был принят новый *«План развития национальных автотрасс»,* в соответствии с которым к 2030 г. общая протяженность национальных магистралей должна составить уже 400 тыс. км, включая 118 тыс. км скоростных дорог. В числе основных задач этого плана – общая рационализация автодорожного сообщения в масштабах всей страны с акцентом на развитие современных скоростных магистралей в экономически менее развитых районах Западного Китая, значение которых существенно возросло с выдвижением инициативы создания нового Шелкового пути («Один пояс, один путь»).

Что касается организации автодорожного строительства, то она построена по принципу «Единое руководство и многоуровневое управление». Государственная стратегия и планы развития дорожной сети, а также конкретные проекты строительства национальных автотрасс утверждаются Госсоветом КНР по представлению Министерства транспорта, которое в свою очередь отвечает за разработку, осуществление и контроль за реализацией этой стратегии, а равно и за технико-экономическое обоснование проектов строительства национальных автодорог.

Транспортные управления провинций, автономных районов и городов центрального подчинения отвечают за проектирование и подготовку технико-экономических обоснований для провинциальных дорог, а также за строительство и содержание как провинциальных, так и национальных автомагистралей на своей территории. Аналогичные функции в отношении уездных и волостных дорог возложены на транспортные отделы муниципалитетов, уездных и волостных органов власти.

С целью осуществления дорожных проектов правительства провинций сформировали подконтрольные им группы государственных компаний. Аналогичные строительные команды меньшего масштаба созданы в муниципалитетах и уездах. Работая на коммерческой основе, предприятия, подконтрольные провинциальным органам власти, как правило, группируются в корпорации, действующие в виде публичных акционерных компаний. Через бизнес-структуры, подчиненные местным транспортным управлениям, провинциальные правительства держат свыше 40% совокупного акционерного капитала этих корпораций. Еще более 20% контролируется одним из крупнейших государственных предприятий Китая – China Merchants Group. Прочие акционеры представлены страховыми компаниями и фондами управления активами, среди которых такие международные инвесторы, как J.P. Morgan Chase & Co (США), HSBC Halbis Partners Ltd (Великобритания), UBS AG (Швейцария), Sumitomo Mitsui Asset Management Ltd (Япония) и т.д.

Эти корпорации планируют, организуют, направляют и координируют деятельность дочерних и зависимых компаний, используя их в качестве специализированных субподрядчиков. В числе последних можно найти и небольшие частные «дочки» государственных предприятий. В настоящее время насчитывается около 1000 таких строительных организаций и 400 проектных институтов, в которых занято около 2,2 млн. чел. Из них около 500 фирм допущены к строительству скоростных дорог и дорог I класса[2].

Большое значение в создании современной дорожной сети в Китае имеет сформированная система финансирования строительства, реконструкции и содержания дорог. Она осуществляется за счет различных источников. Ассигнования центрального бюджета обеспечивают до 20% дорожных инвестиций. С этой целью используются, в частности, поступления налога на приобретение автотранспорта и акциза на моторное топливо, а также средства от размещения под гарантии центрального правительства целевых облигационных займов, обслуживаемых и погашаемых властями провинций. В основном эти средства используются для субсидирования строительства национальных и провинциальных автомагистралей, а также дорог, связанных с обороной страны либо с осуществлением государственной программы преодоления бедности. Строительство некоторых междугородных трасс полностью финансируется из центрального бюджета.

Важным источником финансирования являются банковские кредиты (35–40% общей суммы инвестиций), привлекаемые подрядчиками автодорожного строительства, включая провинциальные корпорации. Такие кредиты, как правило, выдаются крупнейшими государственными банками под обеспечение государственными гарантиями либо будущими доходами заемщика от взимания платы за проезд.

Еще около 30–35% инвестиций аккумулируется на уровне правительств провинций и муниципалитетов. С этой целью используются средства местных бюджетов, а также средства подконтрольных автодорожных корпораций и других государственных бизнес-структур, которые в свою очередь формируются за счет привлечения банковских кредитов под гарантии местных органов власти, размещения акций на бирже, эмиссии инфраструктурных облигаций, использования земельных участков в придорожной полосе автодорог, а также за счет поступающей от эксплуатации национальных дорог платы за проезд.

---

[1] В чем секрет «китайского дорожного чуда». – http://www.dortec.ru/statji/sekret-kitayskogo-dorozhnogo-chuda.html

[2] China Study Tour by New Delhi Office Transport Team / World Bank. 2007. – October. – P. 9. – http://siteresources.worldbank.org/EXTSARREGTOPTRANSPORT/Resources/579597-

Оставшиеся 5–7% приходятся на долю коллективных капиталовложений, а также частных (в т.ч. иностранных) инвестиций, направляемых главным образом на строительство платных дорог, а также на реконструкцию дорожной сети в прибрежных провинциях на юго-востоке страны. Таким образом, в прямой или косвенной форме государство обеспечивает 93–95% затрат на дорожное строительство, львиную долю которых составляют внебюджетные средства, самостоятельно привлекаемые на провинциальном и ином местном уровне. Налицо, таким образом, некий «финансовый федерализм», наблюдаемый в унитарном, согласно букве закона, Китае.

Статистика свидетельствует о быстром росте инвестиций в дорожное строительство. В 2016 г. дорожные инвестиции составили 1,78 трлн. юаней против 540 млрд. юаней в 2005 г. Отсюда стремительное развитие автотранспортной сети КНР, демонстрируемое в табл. 1.

Таблица 1

Развитие автодорожной сети КНР (тыс. км)

	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2009 г.	2012 г.	2016 г.	2017 г.
1.Общая протяженность	1157,0	1403,0	1931,0	3861,0	4237,5	4696,3	4773,5
В том числе:							
- скоростные автодороги	2,1	16,3	41,0	65,1	96,2	131,0	136,4
- автодороги I класса	9,6	20,1	38,0	59,5	74,2	99,2	105,2
- автодороги II класса	84,9	152,7	246,0	300,7	331,5	371,1	380,5
- автодороги III класса	207,2	267,7	344,0	379,0	…	…	…
- автодороги IV класса	606,8	750,3	921,0	2 252,0	…	...	…
- бесклассные дороги	246,3	186,7	338,0	804,6	…	…	…
2. Плотность дорожной сети (км/100 кв. км)	12,0	14,6	20,1	40,2	44,1	48,9	49,7

Источники: Financing Road Construction and Maintenance after the Fuel Tax Reform / Asian Development Bank. – Manila, 2012. – P. 4; Чжунго тунцзи няньцзянь 2013. – Пекин, 2013, табл. 16-4; Чжунго тунцзи няньцзянь 2016. – Пекин, 2016, табл. 16-4; Чжунго тунцзи няньцзянь 2018. – Пекин, 2018, табл. 16-3.

Общая протяженность автомобильных дорог в 2017 г. составила почти 5 млн. км против 890 тыс. км в 1978 г. Особенно быстро развиваются скоростные автодороги высшего класса, инвестиции в которые составляют 22–25% всех капиталовложений в автодорожное строительство. Начиная с 2000 г. протяженность скоростных дорог увеличивается в среднем на 20% ежегодно и в 2017 г. составила 136 тыс. км. По этому показателю Китай еще в 2013 г. обогнал США, выйдя на первое место в мире[1]. Плотность дорожной сети за последние 20 лет увеличилась в четыре с лишним раза. Ни одной стране мира не удавалось за столь короткое время добиться аналогичного по темпам и качеству расширения автодорожной сети.

Все автомобильные дороги в КНР находятся в собственности государства. В основном по ним можно передвигаться бесплатно, платные дороги составляют лишь 3,7% общей протяженности автодорожной сети. К категории платных относятся практически все скоростные магистрали, около половины дорог I класса, а также некоторая часть дорог II класса. Далеко не все они имеют бесплатную альтернативу.

Право на взимание платы за проезд возникает, если дорога построена не только на бюджетные средства и при этом удовлетворяет необходимым техническим требованиям. В соответствии с законодательством, китайские платные дороги подразделяются на два вида: государственные и коммерческие. К разряду государственных относится большинство платных дорог Китая. Это дороги, построенные местными властями выше уездного уровня с привлечением банковских кредитов или иного долевого финансирования от компаний и физических лиц. Операторами таких дорог являются дорожные управления провинций и муниципалитетов, а взимание дорожной платы имеет целью не извлечение прибыли, а возврат заемного финансирования и содержание дороги.

Коммерческими считаются дороги, построенные автодорожными корпорациями-подрядчиками за счет собственных и заемных средств. Строительство таких дорог осуществляется на основе государственно-частного партнерства в форме концессионных соглашений типа BOT (Build – Operate – Transfer), в рамках которых концессионер (автодорожная корпорация) осуществляет строительство и эксплуатацию дороги и после истечения определенного срока передает ее государству. К коммерческим отнесены и те государственные дороги, которые были переданы в управление автодорожным корпорациям с предоставлением последним права сбора платежей за проезд.

Нормативная длительность периода взимания платы регулируется Госсоветом КНР и в настоящее время составляет не более 15 лет для государственных и не более 25 лет для коммерческих дорог. В экономически слаборазвитых районах Центрального и Западного Китая этот период может быть продлен еще на 5 лет. В каждом конкретном случае длительность платного периода определяется местным транспортным управлением.

Оно же совместно с провинциальным органом ценового регулирования определяет плату за проезд. Для государственных дорог размер этой платы должен обеспечивать погашение кредитов, привлеченных для их строительства, для коммерческих – полную окупаемость капитальных затрат с получением инвестором «разумной прибыли». Таким образом, проезд по государственной дороге, как правило, обходится дешевле, чем по коммерческой.

Устройство пунктов взимания дорожной платы должно быть одобрено правительством провинции либо нескольких провинций, если дорога последовательно пересекает их территории. При возникновении разногласий вопрос решает Министерство транспорта, исходя из принципа унификации платы за проезд и ее пропорционального распределения.

[1] Сазонов С.Л. Транспорт КНР: место и роль в развитии национальной экономики. – М., 2018. – С. 83-84.

Бурное и всеобъемлющее развитие автодорожной сети сопровождается и появлением определенных проблем. Так, стоимость проезда по платным дорогам Китая является весьма высокой и составляет для легкового транспорта в среднем около 0,5 юаня (0,08 долл.) за километр пути[1]. В этих условиях дорожная плата достигает 30–40% транспортных расходов владельцев автомобилей. Впрочем, в городах проезд по высококлассным магистралям бесплатный.

Серьезные вопросы возникают и в связи с накоплением операторами дорожных концессий огромной кредитной задолженности. В 2015 г. ее размеры достигли 4,45 трлн. юаней. Не удивительно, что почти 80% расходов автодорожных корпораций составляют платежи по кредитам и лишь 6,7% тратится на содержание дорог. Нехватка средств в обслуживании автодорог ежегодно составляет 150–200 млрд. юаней. В этих условиях большинство дорог испытывают все возрастающую потребность в текущем и даже капитальном ремонте.

Наконец, доминирующая роль государства в дорожном строительстве сопряжена с широким распространением коррупции. Ведь несмотря на формальное соблюдение предписываемых законом конкурсных процедур, руководители провинциальных управлений транспорта имеют возможность практически бесконтрольно присуждать контракты на строительство автодорог по своему усмотрению. Точно так же они определяют условия концессионных соглашений с автодорожными корпорациями, регулируют размер платы за проезд и сроки ее применения, передают на нижестоящие уровни государственного управления денежные средства, выделяемые провинциями для дорожного строительства. В этих условиях только в 1997–2008 гг. за взяточничество были осуждены 20 руководителей провинциальных управлений транспорта, в том числе пять приговоров предполагали применение смертной казни. Однако, как показывает практика, соблазн «высокоскоростного» обогащения слишком велик.

В настоящее время все эти проблемы приобретают особую актуальность в связи с переходом Китая от прежней экономической модели, основанной на огромных инвестициях и беспрецедентных темпах экономического роста, к более умеренной динамике развития, структурным преобразованиям экономики и формированию комфортной социальной среды. Все это требует более рачительного подхода к инвестированию, повышения эффективности капитальных затрат, использования более рыночно ориентированных методов и источников финансирования.

[1] National Trunk Highway System. – http://en.wikipedia.ru/wiki/National_Trunk_Highway_System

Романова А.А.,
Романов П.А.[1]

ВЕНЧУРНОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ СТАРТАПОВ

Ключевые слова: *венчурный капитал, инвестиции, краудфандинг, финансовые инновации, риски, дилемма двойного доверия, инновации.*

Keywords: *venture capital, investment, crowdfunding, financial innovation, risks, double trust dilemma, innovation.*

Источники финансирования высокотехнологичного бизнеса определяются спецификой конкретного инвестиционного проекта: соотношением риска и потенциальной доходности. Очевидно, высокие риски, присущие инновационным стартапам, делают их непривлекательными для традиционных банковских учреждений и консервативных инвесторов.

В большинстве случаев изначально подобный бизнес финансируется за счет самого предпринимателя, его семьи и друзей. Тем не менее, на этапе, когда стартап уже продемонстрировал свою жизнеспособность, предприниматель может обратиться к бизнес-ангелам – состоятельному человеку или группе людей, объединяющим свои ресурсы для размещения капитала в развивающийся бизнес, обычно в виде конвертируемого долга или доли в капитале компании. В ходе тщательной проверки эти группы определяют, соответствует ли стартап их требованиям. Обычно «ангельские инвестиции» варьируют от 50 000 до 500 000 долларов США. Бизнес-ангелы, как и другие представители венчурного капитала, в огромном потоке стартапов стремятся найти компанию – будущего «единорога», чья капитализация впоследствии превысит 1 млрд. долларов США.

На стадии развертывания бизнеса такие инвесторы могут быть реальными и серьезными партнерами с высокими ожиданиями, однако считается, что в долгосрочной перспективе интересы предпринимателя и венчурного бизнеса могут разойтись, поэтому такие инвестиции с причитающимся доходом обычно возвращаются при первой же возможности.

Привлечение первых инвесторов, чаще всего венчурных, как правило, рассматривается как признак успеха для молодых стартапов, однако в некоторых случаях такое финансирование может оказаться токсичным. Этот парадокс объясняется противоречивостью целей предпринимателя и венчурного инвестора. Если учредитель стремится, прежде всего, к устойчивому развитию созданной им компании, то венчурный капиталист – к максимизации доходности инвестиций, и то, что хорошо для венчурного инвестора, не всегда приносит пользу учредителю.

Венчурные инвесторы могут подталкивать компанию к быстрому росту любой ценой, умеренные успехи компании представляют для них небольшой интерес. Подобная стратегия с точки зрения такого инвестора вполне оправданна: чем крупнее и заметнее компания, тем ей проще в условиях рыночной конкуренции. Тем не менее, агрессивный рост приемлем не для любого стартапа, и попытки «вырасти слишком быстро» погубили не одно амбициозное предприятие. Более того, в некоторых случаях изначально небольшие проблемы нового бизнеса, например, недостаточный контроль качества, в условиях ускоренного масштабирования могут стать катастрофическими.

Конфликт интересов учредителя и венчурного инвестора может возникнуть задолго до распределения полученных доходов. Поиск инвестиций для инновационных стартапов зачастую осложняется так называемой «дилеммой двойного доверия».[2] Разработка инновационной идеи требует капитала, которого у предпринимателя-новатора, как правило, недостаточно. Для реализации проекта предпринимателю и инвестору необходимо объединить свои активы, что требует от каждого из них доверия друг другу, поскольку отношения между ними сопровождаются взаимными рисками. Связь между идеей и инвестиционными ресурсами является эффективной до тех пор, пока каждая сторона считает, что сотрудничество выгоднее, чем любое альтернативное использование ноу-хау и капитала.

У предпринимателей-основателей бизнеса и венчурных капиталистов есть веские причины для взаимного недоверия. С одной стороны, творческие люди-авторы бизнес-идей могут оказаться плохими управленцами. В идеале в подобной ситуации венчурный капиталист заменяет их хорошими менеджерами, которые стремятся повысить рентабельность предприятия. Однако возможна и такая ситуация, когда венчурные инвесторы-«стервятники» стараются присвоить прибыль компании, отстраняя основателей от управления бизнесом.

С другой стороны, иногда и предприниматели способны обмануть инвестора. Так, Джон Роджерс, основатель высокотехнологичного стартапа Pay By Touch, убедил калифорнийских инвесторов предоставить ему $340 млн. для проекта, призванного изменить способы платежей в США с помощью технологии биометрической аутентификации.

---

[1] Романова Анна Алексеевна – к.э.н., доцент кафедры инноватики и прикладной экономики, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева. E-mail: Romanova.OSU@yandex.ru

Романов Петр Александрович – специалист по обработке данных, компания «Яндекс». E-mail: r-peter@yandex.ru

[2] The Double Trust Dilemma of Development / Law & Economics Center. http://masonlec.org/site/rte_uploads/files/Cooter_3.Double-Trust-Dilemma.8-6-10.pdf

Впоследствии в ходе судебных разбирательств по поводу банкротства в 2008 году инвесторы заявили, что Роджерс тратил по $8 млн. в месяц без производства чего-либо ценного[1].

Предприниматели и венчурные капиталисты используют различные правовые способы для преодоления взаимного недоверия. Так, требуя предоставления привилегированных акций в обмен на инвестиции, венчурные капиталисты в контракте на финансирование могут особо оговаривать возможность требовать возврата инвестиций спустя три года. Считается, что такого срока достаточно, чтобы предприниматель-основатель компании мог выполнить свои обязательства, и в то же время, такая оговорка гарантирует, что инвесторы не станут разглашать коммерческую тайну предприятия.

В современном менеджменте есть еще одно решение дилеммы двойного доверия: устав фирмы может предусматривать, что предприниматели-учредители и привилегированные акционеры (венчурные капиталисты) назначают равное число директоров в Совете директоров, а также одного независимого директора, принятого обеими сторонами. В случае разногласий независимый директор имеет право решающего голоса.

Предприниматель может привлекать венчурный капитал не только с помощью эмиссии акций: финансирование развития может осуществляться и с помощью венчурных займов. Фирмы венчурного долга специализируются на предоставлении займов компаниям с высоким уровнем риска по сравнению с тем, который принимает банковская система. Соответственно, процентная ставка по ним, как правило, намного выше, чем в банковском учреждении. Одним из распространенных видов финансирования, предоставляемых фирмами венчурного долга, являются так называемые «промежуточные займы»- краткосрочные займы, используемые компанией до тех пор, пока она не сможет найти другой источник инвестиций.

Предложение инвесторам дополнительных средств защиты, например, конвертируемых долговых обязательств, существенно повышает шансы стартапов на привлечение средств. Соглашения о конвертируемом долге позволяют предпринимателю привлекать заемные средства, которые в будущем могут быть конвертированы в акционерный капитал. По сути, такие соглашения представляет собой гибридный инструмент, которому свойственны черты и привлечения собственного капитала, и заимствования. Как и в случае традиционных кредитов, договор о конвертируемом долге включает сумму займа, процентную ставку и дату погашения. Как правило, по соглашению о конвертируемых долговых обязательствах проценты начисляются до даты погашения долга (или даты его конвертации в акционерный капитал).

Несмотря на то, что подобные соглашения содержат функции, присущие долговым обязательствам, зачастую на практике они рассматриваются как инвестиции в акционерный капитал. Наличие опции конвертации долга в капитал позволяет инвестору участвовать в преимуществах стартапа, сохраняя при этом защиту, связанную с кредиторами.

Для предпринимателя же, который не может долго ждать дополнительного финансирования, конвертируемый долг предлагает более простой и быстрый способ получения капитала. Более того, влияние инвесторов на проект в рамках соглашения о конвертируемом долге значительно ниже, чем при вхождении инвесторов в капитал предприятия: венчурный капиталист не получает влияния на принятие управленческих решений. Так, держатели конвертируемых долгов не имеют мест в совете директоров, и руководству не требуется одобрение держателей облигаций для принятия ключевых решений. Соглашения о конвертируемых долгах, как правило, используются в начальном финансировании проекта, обеспечивая баланс интересов предпринимателей, бизнес-ангелов и венчурных инвесторов.

Следует отметить, что в настоящее время рынок венчурного капитала заметно меняется под влиянием инновационных инвестиционных инструментов: привлечение венчурного капитала перестало быть для предпринимателей единственной альтернативой собственным сбережениям и средствам друзей и семьи.

Новые технологии создают новые возможности для привлечения и размещения капитала, такие как: краудфандинг, онлайн-синдикаты бизнес-ангелов, онлайн-кредитование и новые венчурные фонды, работающие за пределами традиционных центров и с новыми инвестиционными целями[2].

К примеру, развитие Интернет-технологий способствовало появлению краудфандинга, инновационного инструмента, позволяющего стартапам аккумулировать ресурсы широкого круга мелких инвесторов, который в настоящее время используется наряду с венчурным капиталом и банковским кредитом. Онлайн-платформы для краудфандинга влияют на источники капитала, доступные учредителям, сокращая существующие разрывы между предпринимателями и инвесторами, снижая транзакционные издержки по формированию капитала. Краудфандинговые платформы, например, Crowdcube и Kickstarter, во многих бизнес-планах теперь рассматриваются как важнейший источник инвестиций.

Благодаря сайтам, объединяющим бизнес-ангелов, например, AngelList, венчурное финансирование бизнеса становится более прозрачным. Основанная в 2010 году как социальная сеть для стартапов и инвесторов AngelList впоследствии стал платформой, объединяющей аккредитованных инвесторов и бизнесменов. Платформа предлагает три различных варианта инвестирования в стартапы: с помощью синдикатов, фондов и профессиональной программы инвестора.

Синдикаты – венчурные фонды, создаваемые для одной инвестиции, возглавляемые бизнес-ангелами с опытом успешных вложений в технологии. Синдикаты объединяют денежные средства в размере 1 до 10 тысяч долларов США от нескольких инвесторов в единый фонд. Фонды AngelList позволяют инвестировать сразу в 50-100 стартапов,

[1] The Double Trust Dilemma of Development / Law & Economics Center. – http://masonlec.org/site/rte_uploads/files/Cooter_3.Double-Trust-Dilemma.8-6-10.pdf

[2] Ewing Marion Kauffman Foundation. Changing capital: emerging trends in entrepreneurial finance. October 2016. – https://www.kauffman.org/what-we-do/research/2016/changing-capital-emerging-trends-in-entrepreneurial-finance

привлекая средства в размере, превышающем 50 тысяч долларов США. Фонды автоматически создают диверсифицированный портфель стартап-инвестиций на AngelList. Профессиональная программа инвестора предполагает особые условия размещения капиталов, превышающих 1 миллион долларов США.

AngelList на сегодняшний день по праву считается одной из наиболее востребованных и эффективных инноваций в индустрии венчурного капитала.

Очевидно, появление новых игроков способно серьезно повлиять на рынок венчурного капитала. Отметим, что с начала 2000-х годов он переживал непростые времена. Как утверждает журнал «The Economist», после кризиса дот-комов венчурный капитал обеспечивал низкую прибыль на протяжении более десяти лет, и в 2007–2012 г. число активно инвестирующих венчурных компаний в США сократилось на 17% – с 627 до 522. Многие слабые венчурные фонды покинули рынок, однако им на смену пришел новый класс небольших специализированных микрофондов, аккумулирующих суммы, не превышающие 100 млн. долларов США, взимающие более низкие комиссии и рассчитывающие генерировать более высокую доходность для инвесторов[1].

Однако с 2017 года на мировом венчурном рынке наблюдается невиданный подъем, инвестиции в стартапы оказались весьма привлекательными для крупных капиталов, в том числе хедж-фондов, суверенных фондов и управляющих активами. Как следствие – на американском рынке количество стартапов, привлекающих финансирование, превышающее 100 млн. долларов США, в 2016-2018 гг. выросло почти втрое: с 66 до 184 случаев[2].

Очевидно, под влиянием внешних факторов стратегия венчурных инвесторов претерпела заметные изменения: сверхгигантские объемы финансирования рисковых проектов стали почти обыденным явлением. Отчасти это связано с усилившейся конкуренцией среди инвесторов, появлением новых амбициозных игроков, таких, как японский холдинг SoftBank, который к осени 2019 года вместе со связанными с ним фондами контролировал десятую часть общего объема долларового венчурного капитала во всем мире.

Конгломерат SoftBank в 2017 году основал Vision Fund с капиталом более 100 миллиардов долларов, ставший самым большим частным инвестиционным фондом в истории. Vision Fund привлек средства суверенных фондов Саудовской Аравии (45 млрд. долларов США) и ОАЭ (15 млрд. долларов США). Неудивительно, что, располагая таким пулом капитала, SoftBank может выделять сотни миллионов долларов на каждую сделку, намереваясь инвестировать в 70–100 компаний-«единорогов» в течение пяти лет существования фонда. К июню 2019 года Vision Fund провёл 71 инвестицию на сумму, превышающую 64 млрд. долларов США в разных сферах – от недвижимости (WeWork, OpenDoor Labs) до биоинженерии (Zymergen).

Появление Vision Fund породило тенденцию к увеличению числа венчурных фондов, распоряжающихся огромными капиталами. Венчурные фирмы привлекают и размещают все больше средств, чтобы конкурировать с SoftBank, и доля венчурных сделок на сумму свыше 100 млн. долларов США выросла с 35% в 1 квартале 2017 года до 61% во 2 квартале 2018 года[3].

Очевидно, инвесторы, размещающие беспрецедентные суммы средств в проекты с высоким риском, ожидают пропорционального роста доходов от своего капитала, однако некоторые компании вместо того, чтобы использовать инвестиции для повышения эффективности бизнеса, привлекают ресурсы лишь потому, что у них есть такая возможность благодаря конкуренции инвесторов. Такое «упреждающее финансирование» порождает эффект «фуаграинга» («раскармливания») стартапов – неспособность проекта прирастить вложенный капитал[4].

Таким образом, взаимодействие бизнеса и венчурных инвесторов должно учитывать риски, возникающие на всех этапах этого сотрудничества. Инновационные финансовые инструменты способны повлиять на функционирование рынка венчурного капитала, а появление крупных игроков может изменить поведение остальных участников. Неоправданно крупные вложения в переоцененные стартапы в конечном счете способны подорвать долговременную устойчивость как компании, так и рынков капитала в целом. Для минимизации возможных негативных последствий таких инвестиций следует более осмотрительно подходить к увеличению капитала компании, не допуская его неэффективного использования.

[1] From leafy to lofty. Venture capital is adapting itself to the new startup landscape // The Economist. 2014. – January 16. – https://www.economist.com/special-report/2014/01/16/from-leafy-to-lofty

[2] The Foie Gras'ing of Startups: Does Raising More VC Lead to Bigger Outcomes? // CB Insights. 2019. – July 10. – https://www.cbinsights.com/research/startup-vc-overfunding-foie-gras/

[3] Rowley J.D. Inside the Rise and Reign of Supergiant Venture Capital Rounds // Crunchbase. 2018. -July 20. – https://news.crunchbase.com/news/inside-the-rise-and-reign-of-supergiant-venture-capital-rounds/

[4] The Foie Gras'ing of Startups: Does Raising More VC Lead to Bigger Outcomes? // CB Insights. 2019. – July 10. – https://www.cbinsights.com/research/startup-vc-overfunding-foie-gras/

Устинова Л.Н.
д.э.н., профессор Российской академии интеллектуальной собственности
liliia-ustinova@mail.ru

МЕХАНИЗМЫ ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: *инновационная деятельность, научно-исследовательская деятельность, информационные технологии, базы знаний, управление человеческими ресурсами, инвестиции, интеллектуальные ресурсы, коммуникации на мировых рынках нового товара, Национальная технологическая инициатива.*

Keywords*: innovative activity, research activity, information technologies, knowledge bases, human resources management, investments, intellectual resources, communications in the world markets of new goods, National technological initiative.*

Национальная технологическая инициатива – долгосрочная комплексная программа по созданию условий для обеспечения лидерства российских компаний на новых высокотехнологичных рынках, которые будут определять структуру мировой экономики в ближайшие 15–20 лет.

Госпрограмма «Научно-технологическое развитие Российской федерации» разработана с учётом целевых показателей национальных проектов «Наука», «Образование» и «Цифровая экономика». Госпрограммой предусмотрена консолидация ассигнований федерального бюджета на научные исследования и разработки гражданского назначения, предусмотренные в других государственных программах. В госпрограмму включены пять подпрограмм: «Развитие национального интеллектуального капитала», «Обеспечение глобальной конкурентоспособности российского высшего образования», «Фундаментальные научные исследования для долгосрочного развития и обеспечения конкурентоспособности общества и государства», «Формирование и реализация комплексных научно-технических программ по приоритетам Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, а также научное, технологическое и инновационное развитие по широкому спектру направлений», «Инфраструктура научной, научно-технической и инновационной деятельности». В систему индикаторов и показателей госпрограммы включены индикаторы, характеризующие в том числе место России в международном рейтинге конкурентоспособности талантов, места российских университетов в топ-500 глобальных рейтингов университетов, количество функционирующих научных и научно-образовательных центров мирового уровня.

Ключевым фактором, влияющим на характер рынка научно-технической продукции, является такая форма организации НИОКР, которая обеспечивает интеграцию науки, образования, производства и бизнеса. *Интеллектуальная организация должна обладать ценными активами, интеллектуальным капиталом, специалистами компании, обладающими уникальными знаниями и опытом, их разработками и технологиями, позволяющими иметь конкурентное преимущество на рынке. На рис. 1 представлен а*лгоритм формирования и использования знаний.

Экономика знаний и цифровая экономика становится все более важной движущей силой глобального экономического роста и играет значительную роль в ускорении темпов экономического развития, повышении производительности существующих отраслей, формировании новых рынков и отраслей и достижении инклюзивного устойчивого роста. Способность генерировать и внедрять достижения научно-технического прогресса превращается в один из факторов обеспечения конкурентоспособности российской экономики в глобальной конкурентной среде. Основу создания результатов интеллектуальной деятельности составляют совокупность процессов исследования актуальной информации, экспертного отбора ценных инновационных проектов, выделения уникальных разработок, наличие профессионального опыта.

Для успешного продвижения технологий на рынок необходимы специальные организационные структуры на федеральном и региональном уровнях, нужны профессиональные организации, решающие задачи продвижения инноваций.

Механизм инновационной инфраструктуры представляет собой совокупность информационных, организационных, маркетинговых, образовательных и других сетей, которые помогают новшеству практически реализовываться и находить своего потребителя. Элементы механизма инновационной инфраструктуры взаимосвязаны и взаимодействуют между собой, а также с элементами других механизмов в структуре механизма формирования и реализации инновационных процессов. Механизм содействия развитию технологий должен обеспечивать удовлетворение потребностей развивающихся стран в технологиях и предоставлять альтернативные варианты удовлетворения этих потребностей и наращивания потенциала. На рис. 2 показана Система продвижения на рынок высокотехнологичной продукции.

Система включает важнейшие подсистемы управления инновациями, интеллектуальным капиталом, подсистему управления и оценки стратегий бизнеса, имеющие теснейшую связь с подсистемой международного технологического обмена. Цифровые технологии способствуют оперативной передаче информации.

При выборе варианта использования результатов интеллектуальной деятельности (РИД) необходимо: определить вид результата интеллектуальной деятельности (РИД): изобретения и полезные модели, программы для ЭВМ и базы данных, ноу-хау, наличие охранных документов, объем прав на РИД, поддержание в силе, срок действия, территорию. Вовлечение в хозяйственный оборот РИД включает экспертизу на актуальность и ценностное отношение рынка к объекту, оценку рыночной стоимости разработки. Под технологией разработки управленческих решений понимается процесс преобразования имеющихся у менеджера сведений, данных, информации о возникшей перед ним проблеме или поставленной задаче в точно сформулированное решение, в котором будет подробно указано, что, когда, с помощью чего надлежит сделать.

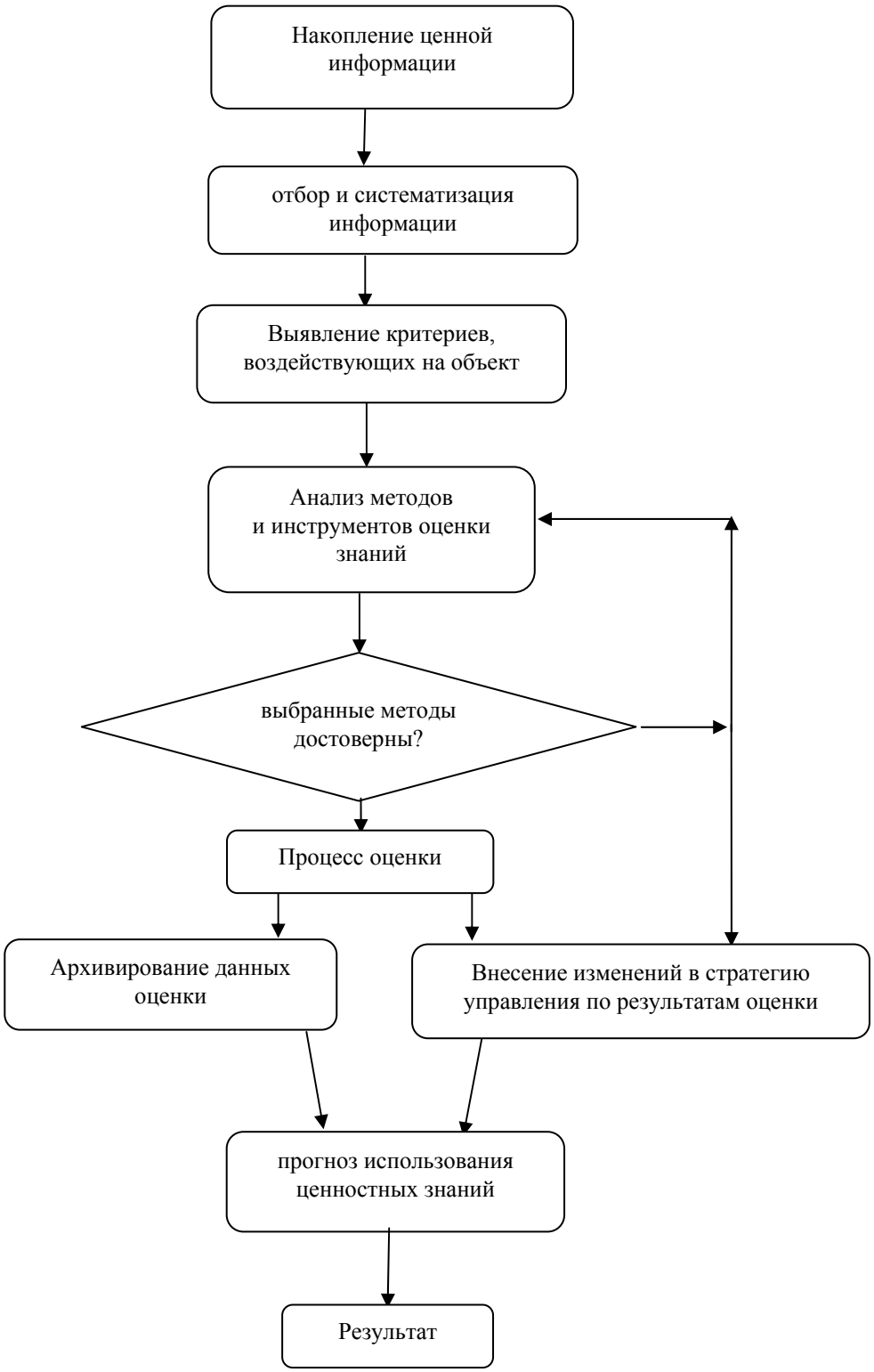


Рисунок 1.
Алгоритм формирования и использования знаний [5]

Инновационные процессы решают проблему повышения ресурсной отдачи, преобразования научных, фундаментальных открытий в практические решения, обусловливают конкурентные преимущества производимой продукции, реализуемых товаров.

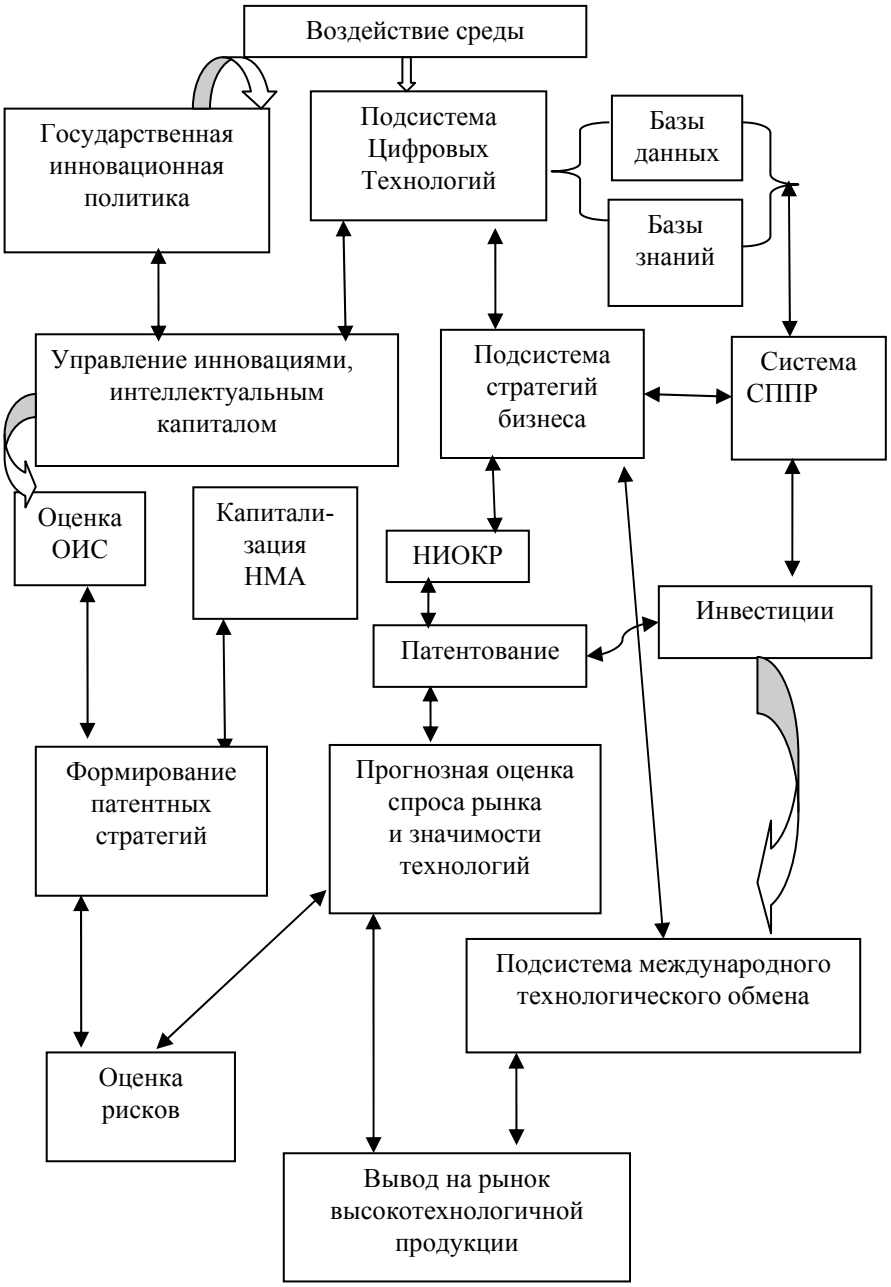


Рисунок 2.
Система продвижения на рынок высокотехнологичной продукции [5]

В настоящее время невозможно представить себе технологию разработки решений без применения информационных технологий сбора, обобщения, анализа и преобразования данных о проблеме или задаче в окончательное решение менеджера. Управленческое решение принимается на основе анализа, оптимизации, экономического обоснования и выбора альтернатив из множества вариантов достижения конкретной цели. Предприятия всегда испытывают потребность в достоверной информации о технологических изменениях, спросе рынка, различных аспектах бизнеса в целях поддержки принятия решений. От этого зависит качество управления предприятием, его устойчивость, возможность эффективного планирования его деятельности, выживание в условиях жесткой конкурентной борьбы.

При создании новой продукции на предприятиях должны формироваться постоянные связи между исследователями и разработчиками новой продукции, НИОКР и производством, маркетингом, поставщиками и клиентами. Технологический брокер формирует общую стратегию коммерциализации технологии, осуществляя поиск инвесторов. Технологический брокер является посредником между государством, наукой, промышленностью и рынком. Основная задача техноброкера – понимать технологическую структуру и коммерческую ценность РИД, выстраивать успешную коммуникацию с разработчиками и с клиентами, перестраивать бизнес-модели в случае необходимости и всегда видеть реальный коммерческий потенциал разрабатываемого продукта. Постоянный рост компетенций в области научных исследований мотивирует создание коммерчески ценных РИД.

К наиболее продвинутым направлениям оцифровки интеллектуальной собственности в России относится сфера патентных и маркетинговых исследований, НИОКР, правовая охрана и защита интеллектуальной собственности. К базисным элементам механизма инновационной инфраструктуры, являющимися субъектами инновационной деятельности и выполняющими функции обслуживания и содействия инновационным процессам, относятся:

– собственные подразделения НИОКР;

– отдел маркетинга новой продукции;
– информационный отдел;
– инновационно-технологические центры;
– объекты информационной системы (аналитические, статистические центры, информационные базы и сети);
– центры, способные дать экспертные заключения для покупателей, производителей, инвесторов;
– объекты патентования, лицензирования и консалтинга; система сертификации).

Индустриальная революция охватывает всю мировую экономику и влечет за собой как возможности, так и вызовы. В частности, на рынках появляются новые бизнес-модели, компании модифицируют процесс внедрения инноваций, а нематериальные активы становятся более значимыми для бизнеса, чем материальные. Формирование инструментов и механизмов гибкого взаимодействия при продвижении технологий на мировой рынок способствует получению эффективного результата. Обновляя свои технические возможности, промышленные производители могут объединить различные услуги, обеспечиваемые связью и данными, заменяя устаревшую модель продажи на более высокотехнологичную модель. Эти новые услуги могут включать техническое обслуживание на основе условий, которое включает постоянный мониторинг оборудования в режиме реального времени для определения его потребностей в обслуживании; взаимодействие с клиентами на ежедневной основе для настройки оптимизации активов и интеллектуальное управление производительностью для крупных и малых проектов и оборудования.

Применение информационно-интеллектуальных ресурсов определяет уникальную конкурентоспособность и выживание в кризисной экономике. Для эффективного принятия управленческих решений в отборе ценностных разработок необходимо иметь отлаженный информационный механизм. Управленческое решение – это выбор единственного правильного и экономически выгодного решения, который зависит от субъекта управления. При выборе того или иного решения, субъект управления основывается на анализе ситуации, возможностях организации, а также программе достижения цели.

Появился целый класс программных систем, призванных облегчить работу специалистов-аналитиков. Такие системы принято называть системами поддержки принятия решений – СППР (DSS, Decision Support System). Для выполнения анализа СППР должна накапливать информацию, обладая средствами ее ввода и хранения. Таким образом, можно выделить три основные задачи, решаемые в СППР: ввод данных; хранение данных; анализ данных.

Системы поддержки принятия решений обслуживают частично структурированные задачи, результаты которых трудно спрогнозировать заранее. Они имеют мощный аналитический аппарат с несколькими моделями. Информацию получают из управленческих и операционных информационных систем. Характеристика систем поддержки принятия решений:

– оснащены сложными инструментальными средствами моделирования и анализа;
– отличаются гибкостью и легко адаптируются к изменению условий несколько раз в день;
– имеют технологию, максимально ориентированную на пользователя.

СППР возникли в результате слияния управленческих информационных систем и систем управления базами данных. Это системы, обладающие средствами ввода, хранения и анализа данных, относящихся к определенной предметной области, с целью поиска решений. Основная задача СППР – предоставить аналитикам инструмент для выполнения анализа данных. Необходимо отметить, что для эффективного использования СППР ее пользователь-аналитик должен обладать соответствующей квалификацией.

Инновационная деятельность в условиях информационного общества и перехода к цифровой экономике требует различных состояний инновационной среды. Статистические исследования показывают, что на разработку инноваций большое влияние оказывает доступ и объем накопленных ИТ в обществе, интеллектуальный потенциал.

Требования к инновационной среде, обеспечивающие переход к цифровой экономике – это равный доступ к ИТ-инфраструктуре, интеллектуальному мировому потенциалу, цифровым данным, а также методическая поддержка непрерывного взаимодействия различных заинтересованных сторон в инновационной деятельности [5].

Процесс создания знаний включает: формирование банка идей, обмен опытом, экспертиза разработок, накопление ценной информации на основе проведенных симпозиумов, конференций, краудсорсинг. **Краудсорсинг – мобилизация ресурсов людей посредством информационных технологий с целью решения задач, стоящих перед бизнесом, государством и обществом в целом.**

В последние десятилетия во всех сферах человеческой деятельности происходят перемены, вызванные глобальной конкуренцией, быстрыми технологическими изменениями.

Циркулирующие знания и информация меняют не только жизнь каждого человека, но и экономические и политические системы. Успешные цифровые компании объединяют технические знания с творческим талантом и пониманием своих клиентов. Промышленная политика состоит в том, чтобы содействовать структурным сдвигам в промышленности в направлении ее инновационного развития, поддерживать предпринимательство, развитие малого бизнеса, стимулировать накопления и инвестиции. Организация производства и управления современным предприятием осуществляется на основе цифровых технологий. Это системно организованная совокупность методов и средств поиска, сбора, обработки, хранения, передачи и защиты информации и знаний для решения задач управления на базе развитого программного обеспечения. В результате такой обработки первичной информации получается информация нового качества, на основе которой и вырабатываются оптимальные управленческие решения. Среди основных проблем управления информационным обеспечением инновационной деятельности предприятий можно выделить следующие:

– высокая стоимость информационной системы и программных модулей;
– необходимость защиты информации в условиях глобализации экономического и информационного пространства;

– потребность обучения персонала;

– необходимость формирования новых механизмов и методов управления процессом принятия решений;

– необходимость обеспечения теснейшей взаимосвязи между структурными подразделениями;

– непрерывность движения информационных потоков в рамках реализации инновационной деятельности.

Накопление знаний повышает эффективность взаимодействия с поставщиками, потребителями, конкурентами, партнерами. Создание новых знаний на основе интеграции имеющихся повышает общий уровень научно-технологического развития страны и общества в целом. Хранение и распространение знаний осуществляется на базе информационных систем и способствует увеличению производительности, гибкости и конкурентоспособности предприятий.

Конкурентоспособность на микроуровне связана с такими факторами, как: ресурсы, внешняя конкуренция, спрос и межотраслевые связи.

Эффективная система интеллектуальной собственности является важным и мощным инструментом поддержки цикла «инновации – трансформация – прогресс». Появление уникальных технологий являлось всегда основой для повышения уровня производительности труда, увеличения объема капитальных инвестиций, роста доходов и процветания общества.

Исследование патентной активности показало, что наибольшее количество изобретений регистрируется в области компьютерных технологий и цифровых коммуникаций. В то же время сами эти технологии являются источником разработки инноваций в других сферах применения (коммерция, финансы, образования и др.). Результаты корреляционного анализа позволяют выбрать факторы инновационной среды, оказывающие наибольшее влияние на результаты инновационной деятельности. Эти факторы включают интеллектуальное и IT обеспечение инновационной среды.

Цифровые технологии – это способ ускорить любые промышленные процессы, используя сверхточные методы измерения, а также установить взаимодействия не только между человеком и объектом, но и между двумя механизмами. Наиболее гибкие из ведущих предприятий реализуют масштабные проекты цифровой трансформации.

Информационные технологии управления предприятием на основе ERP-системы позволяют эффективно решать задачи управления предприятием, опираясь на стратегию его развития. Для этого нужна единая интегрированная платформа, охватывающая все бизнес-процессы предприятия и сочетающая в себе новейшие управленческие и информационные технологии. Именно такую платформу представляет собой совокупность продуктов и технологий компании SAP AG, ядром которой является система SAP R/3. Для создания эффективной модели внедрения инноваций на производственном предприятии необходимо оценить такие показатели, как: конкурентоспособность, результативность, патентоспособность, источник финансирования, степень риска, источник создания, затраты. Также необходима методика рационального распределения средств предприятий, использования ресурсов.

Управление знаниями вводится в систему стратегического менеджмента, поскольку знания рассматриваются как стратегические активы организации. Для выполнения этих задач создается система управления знаниями. Процесс ее создания включает несколько этапов:

– осуществляются изменения структуры и системы управления организацией, вводятся должности по управлению знаниями;

– внедряются информационные технологии;

– создаются творческие команды для осуществления исследовательской и проектной деятельности.

Важнейшая функция в управлении знаниями – сбор, сохранение, систематизация и распространение знаний. Активный обмен знаниями приводит к созданию инноваций, при этом создаются новые комбинации идей, при отборе которых выявляются ключевые для развития организации. Необходима технологическая инфраструктура для передачи ценных знаний, включающая подразделения, влияющие на отбор и передачу знаний. Использование результатов интеллектуальной деятельности в производстве новой продукции предполагает наличие развитой промышленной базы, производящей технологическое оборудование для различных отраслей промышленности. Переход на инновационный путь развития зависит от следующих основных условий:

– создание инфраструктуры инновационной экономики;

– использование имеющихся конкурентных преимуществ (сырья, технологий, знания рынка, методов управления);

– использование интеллектуальных ресурсов отрасли.

Инновационная система базируется на системе взаимосвязей между отдельными подсистемами и их элементами, производящими различные типы знаний и управляющими их потоками. В управлении инновационной системой стратегическую роль имеет информационная среда, обеспечивающая накопление, обработку и распространение информации, адекватной приобретенным знаниям. Быстрый доступ к ценной информации – это путь к использованию имеющихся научных и технологических заделов для ускорения экономического роста.

Выводы

Цифровые технологии обеспечивают новый уровень аналитики и принятия управленческих решений, способствуют качественному образованию и эффективному развитию личности и успешному бизнесу. Информационные сети позволяют осуществлять тесные взаимосвязи между организациями, распространять знания: Фиксировать цели в документах, отражающих стратегические приоритеты развития. Отражать ЦУР в критериях принятия управленческих и бизнес-решений. Осуществлять методологическое и методическое сопровождение всех видов работ.

Инновационные процессы решают проблему повышения ресурсной отдачи, преобразования научных, фундаментальных открытий в практические решения, обусловливают конкурентные преимущества производимой продукции, реализуемых товаров. Развитие человеческих ресурсов, продвижение знаний, создание уникальных разработок способствуют экономическому развитию *Интеллектуальная организация должна обладать ценными активами, интеллектуальным капиталом, специалистами компании, обладающими уникальными знаниями и опытом, их разработками и технологиями, позволяющими иметь конкурентное преимущество на рынке.*

На основе международного сотрудничества улучшается трансфер технологий из науки в бизнес. Происходит создание полноценной платформы для развития технологического предпринимательства, развитие инновационных инфраструктур различного типа и создание большого числа новых высококвалифицированных рабочих мест. Открываются новые направлений науки на стыке областей знаний и взаимопроникновение наук, достигается мировой уровень коммерциализации технологий, развитие технологического предпринимательства и инновационной инфраструктуры.

Список литературы и источников

1. IV Международная научно-практическая конференция «Аналитика развития, безопасности и сотрудничества: Большая Евразия – 2030». Москва, Общественная палата Российской Федерации, 29 ноября 2017.
2. Open Working Group proposal for Sustainable Development Goals Sustainable Development Knowledge Platform / United Nations.
3. Национальная технологическая инициатива: цели, основные принципы и достигнутые результаты. – М.: Агентство стратегических инициатив, 2015.
4. Устинова Л.Н. Индустрия 4.0 – Новые вызовы для российского производства // Цифровая экономика и индустрия 4.0: новые вызовы: Труды научно-практической конференции с международным участием СПбГПУ. – СПб., 2018. – С. 81–87.
5. Устинова Л.Н. Внедрение передовых производственных технологий для развития промышленности в условиях цифровых технологий // Труды научно-практической конференции «Промышленная политика в цифровой экономике». – СПб., 2017. – С. 149–157.
6. Хиллер Б. Опыт цифровизации Германии // VI Международный форум «Информационное моделирование для инфраструктурных проектов и развития бизнесов Большой Евразии». Москва, 7 июня 2017.
7. Кластерная политика: достижение глобальной конкурентоспособности. Вып. 2 / В.Л. Абашкин, С.В. Артемов, А.Н. Гусев и др.; Минэкономразвития России, АО «РВК», Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2018.
8. Бабкин А.В., Мошков А.А. Управление инновационным потенциалом интегрированных промышленных структур // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2013. – № 6 (84). – С. 45–53.
9. Актуальные российские технологии развития быстрорастущих технологических компаний / Институт менеджмента инноваций НИУ ВШЭ. – М., 2018.
10. О фонде развития промышленности / Медовников С.Д., Оганесян К.Т., Розмирович С.Д. – М., 2018.
11. О положении и перспективах страны. – М.: Ассоциация «Аналитика», ИНЭС, 2016.
12. PWC & РВК: Обзор венчурной индустрии России «MoneyTree™: Навигатор венчурного рынка» за 2016 год.

Франгулян М.С.
соискатель Европейского университета, сотрудник Комитета государственных доходов Республики Армения
mherfrangulyan1987@gmail.com

НЕЭФФЕКТИВНОСТЬ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ СТРУКТУР НАЛОГОВОЙ СЛУЖБЫ – РЕЗУЛЬТАТ ОТСУТСТВИЯ ОЦЕНКИ НАЛОГОВЫХ ФУНКЦИЙ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ

***Ключевые слова**: налоговая политика, налоговые органы, налоговые доходы, налоговые инспекторы, система оценки, теневая экономика, эффективность налоговой политики, налоговая политика в Армении.*
***Keywords**: tax policy, tax service, tax incomes, assessment of the tax system, shadow economy, effectiveness of tax policy, ineffectiveness of tax functions, the lack of tax system assessment, tax service in Armenia.*

Неопровержимой истиной является то, что одним из важнейших условий успеха любой организации является формирование эффективной структуры управления. В этом контексте, под эффективной структурой управления понимается разделение функций организации, которое обеспечит максимальные результаты при минимальных затратах. Вот почему при разработке эффективной структуры очень важно оценивать функции организации. В результате правильной и справедливой оценки функций станет ясно, какие потенциальные результаты может обеспечить конкретная функция и существует ли необходимость в формировании структурного подразделения для реализации этой функции. Применяя такой подход, неэффективные функции будут исключены из структуры организации, затраты на структуру будут уменьшены, а функции, включенные в структуру, будут, как правило, давать результаты. А поскольку, согласно классическому подходу, эффективность управления представляет собой отношение объема производства к затратам, то становится ясно, что формирование эффективной структуры в целом приведет к повышению эффективности организации.

Вышеупомянутые утверждения об эффективности деятельности организации также применимы на уровне государственного управления. В частности, предполагается, что эффективность налоговой политики государства в значительной степени зависит от эффективной деятельности налоговой службы. А для обеспечения эффективности налоговой службы, необходимо обратить внимание на формирование эффективной структуры этой службы.

Комитет по государственным доходам в Республике Армения (далее – Комитет) является уполномоченным органом в области налоговой политики, наиболее важной миссией которого является обеспечение налоговых поступлений[1]. Для выполнения этой миссии Комитет разрабатывает структуру, которая утверждается правительством Республики Армения по решению премьер-министра[2]. В решении представлены структурные подразделения Комитета по сбору налогов, каждое из них структурировано и укомплектовано руководителем налогового органа. Однако в том же решении определяются и функции налоговой службы, для реализации которых должны быть созданы эти подразделения. В частности, для выполнения функций Комитета были созданы в 11.06.2018 году N 702-L решением Премьер-министра Республики Армения следующие структурные подразделения:

- Департамент управления рисками и налоговой дисциплины.
- Административная методология, процедуры и отдел обслуживания.
- Отдел организации и контроля;
- Отдел обслуживания налогоплательщиков.
- Отдел инспекций и мониторинга;
- Отдел внутреннего аудита;
- ИТ-отдел.
- Департамент таможенной статистики и учета доходов;
- Отдел таможенного контроля.
- Отдел пострелизного контроля.
- Отдел по борьбе с контрабандой;
- Юридический отдел;
- Следственный отдел.
- Департамент внутренней безопасности.
- Департамент международного сотрудничества.
- Налоговая инспекция мелких налогоплательщиков – Департамент.

[1] Официальный сайт уполномоченного органа по налоговой политике, Официальный сайт Комитета государственных доходов РА. – http://www.petekamutner.am/as.aspx?itn=asMission

[2] Решение Об утверждении Устава Комитета государственных доходов РА 11.06.2018 № 702-L.

- Налоговая инспекция крупных и средних налогоплательщиков – Департамент
- Северная таможня – отдел.
- Южная таможня – отдел.
- Восточная таможня – отдел.
- Западная таможня – отдел.
- Араратская таможня – отдел.
- Отдел надзора за некоммерческими организациями.
- Профессиональные структурные подразделения, помогающие Комитету:
  - ✓ Секретариат.
  - ✓ Департамент управления делами.
  - ✓ Отдел финансового учета.
  - ✓ Управление персоналом.
  - ✓ Отдел координации закупок.
  - ✓ Департамент информации и общественных связей.
  - ✓ Отдел первый.

Сравнивая структуру комитета с его функциями, можно сделать вывод, что такая структура не соответствует функциям, которые поручены комитету. В частности, в структуре комитетов созданы подразделения, из названия которых уже ясно, что их функции, как правило, повторяются. Более того, разделение некоторых блоков препятствует полной реализации функции. В целом можно утверждать, что структура комитета создана без надлежащей оценки функций. Ярким свидетельством этого является отсутствие объективной и эффективной системы оценки налоговых функций. Нет разработанного законодательства, и нет соответствующего подразделения, которое будет оценивать функции налогового органа, определять эффективность функций и вклад конкретных подразделений в обеспечение налоговых поступлений. Более того, отсутствие надлежащей оценки налоговых функций ставит под вопрос эффективность деятельности структурных подразделений налогового органа. В частности, неясно и не обосновано расчетами, в какой степени существование того или иного подразделения является приоритетным, в какой степени оно способствует сбору налогов и т.д. В структуре есть ряд недостатков, которые являются следствием отсутствия системы оценки функций комитета.

1. Помимо структурных подразделений, определенных решением Премьер-министра Республики Армения, в структуру управления Комитета включен ряд подразделений штаб-квартиры. Они включают заместителей председателя комитета и заместителей руководителей отдельных подразделений. Учитывая расположение и функциональную направленность структурных подразделений, наличие пяти заместителей главы комитета совершенно необоснованно. Более того, наличие такого количества заместителей не только противоречит принципам управления, но и способствует тому, что руководитель теряет контроль над структурными подразделениями. Такая структура, несомненно, свидетельствует о том, что глава комитета делегировал управление в целом своим заместителям и его решения основываются на советах заместителей. Если для каждой функции имеется отдел, в отделе есть руководитель, а число отделов не превышает допустимого уровня для управляемости, то более высокооплачиваемый заместитель с точки зрения управления, по крайней мере, может считаться «структурной роскошью». Конечно, в этом случае нельзя говорить об эффективности структуры. Более того, если мы попытаемся изучить структуру каждого блока в отдельности, можно увидеть ту же картину. В подразделениях также есть заместители, существование которых не оправдано с точки зрения норм управления. Наличие 1–2 заместителей внутри подразделения со штатом из 10–12 человек не имеет целью повышение эффективности.

2. В структуре налогового органа есть подразделение административной методологии, процедуры и обслуживания, в функции которого входит разработка налоговых процедур, методов и механизмов. В этом отношении следует отметить, что налоговое администрирование и механизмы разрабатываются департаментом, который не занимается непосредственно налогоплательщиками на ежедневной основе и не имеет полной информации о практических и фактических процессах сбора налогов. Разработчик метода на самом деле не сталкивается с применением метода, поэтому он может не знать, насколько конкретный метод полезен в практической деятельности. Ярким доказательством этого является неэффективность многих ранее разработанных аналитических инструментов, из-за которых разработанные методы были признаны недействительными и были изъяты из употребления. Еще одним доказательством является то, что налоговые законы менялись 5-6 раз за последние 6 лет, что указывает на то, что разработанные методы были нежизнеспособными и подвергались изменениям с течением времени. В связи с этим каждый сотрудник налогового органа должен быть вовлечен в разработку методов и механизмов посредством сбора и передачи информации и представления рекомендаций. И для обобщения уже собранной информации и разработки методов, вместо отдельного подразделения может действовать небольшой отдел без руководителя.

3. Существование ряда отделов в структуре комитета, таких как отдел организации и контроля, отдел внутреннего аудита и отдел внутренней безопасности, по-видимому, преследует одну общую цель: организовать и контролировать функции, выполняемые сотрудниками комитета. В этом отношении разделение одной цели на три разных отдела влияет на эффективность структуры за счет увеличения затрат на один и тот же результат. С другой стороны, некоторые из функций, выполняемых вышеназванными департаментами, теряют смысл при наличии надзорных органов, таких как полиция, органы национальной безопасности, следственные комитеты, департаменты общественного надзора и другие.

4. Разделение отделов налогового контроля на два отдела: налоговая инспекция мелких налогоплательщиков и налоговая инспекция крупных и средних налогоплательщиков не только противоречит закону РА «О государственной

поддержке малого и среднего предпринимательства»[1], но и снижает надзор над крупными налогоплательщиками. В частности, налогоплательщики, зарегистрированные в других местах и имеющие несколько сотен миллионов или миллиардов оборота, часто в одном центре не контролируются должным образом. Результаты одной или двух проверок могут быть неэффективными в том смысле, что налогоплательщики, находящиеся вне центрального офиса департамента, остаются вне текущего повседневного надзора. Следовательно, независимо от результатов проверки, крупный или средний налогоплательщик может продолжить свою теневую деятельность после проверки, оборот которой может превысить оборот нескольких сотен или тысяч мелких налогоплательщиков.

В целом, ряд явлений, доказывающих неэффективность структуры управления комитета, можно продолжить, что, несомненно, является следствием отсутствия оценки функций, выполняемых комитетом. Если бы функции комитета были оценены должным образом, то стало бы ясно, что некоторые функции дублируются в разных подразделениях, а существование некоторых структурных подразделений является неоправданным.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что в структуре комитета должен быть создан комитет по оценке функций налогового органа, который будет проводить всестороннюю и объективную оценку функций, выполняемых различными подразделениями. В процессе оценки функций будут выявлены структурные недостатки, будут внесены структурные изменения и созданы гибкие структуры для повышения эффективности структуры управления и эффективности работы комитета.

Список литературы

1. Менеджмент: учебное пособие / Глазов М.М. и др. – Изд. 2-е, доп. и перераб. – СПб. Астерион, 2013. – 419 с.
2. Менеджмент / Ю.М. Суварян. 2002. – 560 с.
3. Официальный сайт Комитета государственных доходов РА. – http://www.petekamutner.am/as.aspx?itn=asMission,
4. Решение Об утверждении Устава Комитета государственных доходов РА 11.06.2018 № 702-L.
5. Закон РА «О государственной поддержке малого и среднего предпринимательства», LA-121, 05.12.2000.

[1] Закон РА «О государственной поддержке малого и среднего предпринимательства», LA-121, 05.12.2000.

Харченко С.Г.
д.ф.-м.н., профессор, РАНХиГС
Дорохина Е.Ю.
д.э.н., профессор, Российский экономический университет
Харченко В.С.
аспирант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет

О НЕКОТОРЫХ МЕТОДАХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Ключевые слова: *критический анализ стратегии, разработка стратегии, моделирование стратегии, сценарный анализ, анализ решений, горизонт планирования.*
Keywords: *a critical analysis of the strategy, strategy development, strategy modeling, scenario analysis, decision analysis, planning horizon.*

После принятия Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» и Распоряжения Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р об утверждении «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» остро встали вопросы обеспечения их реализации. В какой степени использовать опыт Госплана СССР? Какие современные научные достижения можно и необходимо применить для этой цели? Какие специалисты могут обеспечить выполнение этих задач? Представляется полезным использовать многолетний опыт США, широко применяющих стратегическое планирование в деятельности крупных компаний и государственного аппарата.

Можно констатировать, что в США в основе методологии разработки стратегии лежат такие научные направления, как анализ решений (Decision Analysis), сценарный анализ (Scenario Analysis), анализ риска (Risk Analysis), и управление проектами (Project Management). Особое значение имеет анализ решений, так как именно на его основе развит математический аппарат разработки стратегии и его инструментальное обеспечение в виде ряда компьютерных программ, позволяющих моделировать стратегии и представлять результаты моделирования в виде графических презентаций (деревьев решений, диаграммы влияний, радужных диаграмм, торнадо-диаграмм и др.). Такие презентации служат для демонстрации результатов математического моделирования топ-менеджерам, не знакомым с названным инструментарием. Анализ решений на базе DPL (Decision Programming Language) используется для разработки стратегий во многих крупнейших компаниях мира, в частности, America's Cash Express, General Motors, Simon Graduate School of Business, Ford, Philips, Boeing, Transocean. Среди самых успешных американских компаний «Fortune 100» 93 компании применяют данное научное направление и его прикладные инструменты для разработки своей стратегии и принятия решений [1, 2].

Что же даёт такой подход для разработки стратегии, в том числе стратегии компании или стратегии пространственного развития страны? В его рамках м**етодология формирования стратегии** предполагает разработку 4–5 возможных сценариев развития, представленных в виде дерева решений, отражающих возможные альтернативные варианты. Каждый шаг реализации варианта определён, исходя из его вероятности, затрат, выгод и риска. Такое дерево решений в зависимости от сложности поставленной задачи, количества изменяющихся параметров и диапазона их изменений может содержать многие десятки и даже сотни элементов. Моделируемые сценарии позволяют проанализировать поведение системы в различных условиях окружающей среды (политической, экономической, социальной и культурной). Один из создателей сценарного анализа Питер Шварц предупреждал, что нельзя пренебрегать не только социальной, но и культурной составляющей, такой, как книги, театральные спектакли, фильмы. Они при определенных условиях могут оказать существенное влияние на ход сценария (в чём мы убедились на примере выборов на Украине в 2019 г.).

В методологии сценарного анализа Питера Шварца, на наш взгляд, самое сложное – это разработка индикатора (или индикаторов), позволяющего определить какой сценарий реализуется в данных условиях. Это необходимо сделать на ранней стадии развития сценария. Чем раньше удастся определить осуществляющийся сценарий, тем больше будет времени и возможностей для подготовки к нему компании (или страны), тем меньше будет неожиданностей для руководства компании (или страны), тем меньше будут затраты на преодоление трудностей, тем меньше будут риски серьёзных изменений, грозящих устойчивости бизнеса компании (или политической обстановке в стране). Разработка индикаторов требует не только обширных знаний, доступа к разнообразной информации, но и большого творческого потенциала (сродни писательскому таланту).

В методологии анализа решений такие программы, как DPL компании Syncopation и программы PrecisionTree компании Palisade, позволяют автоматически выявить оптимальные пути развития стратегии на различных стадиях в зависимости от затрат, выгод и рисков, определив их сравнительные преимущества. Названные инструментальные средства дают возможность сравнительного анализа альтернативных вариантов, исходя из нескольких критериев,

служат основой для всесторонней оценки и научно обоснованного выбора оптимального варианта. При необходимости можно оценить и чувствительность каждого из критериев к изменяющимся условиям по диаграмме торнадо [1].

Такой подход успешно развивается в научной школе Стэнфордского университета США, возглавляемой профессором Рональдом Говардом, и широко востребован в управлении бизнесом и государственном управлении США. Отечественным представителем данного направления сначала в СССР, а затем в Российской Федерации был академик О.И. Ларичев. Эта методология активно применялась в работе Госплана СССР. В настоящее время использование такого подхода весьма ограничено. Более того, сейчас совершенно недостаточно специалистов, владеющих этим подходом в той мере, чтобы успешно реализовывать его на практике.

Важное место в разработке стратегии и её моделировании занимают вопросы целеполагания. Важно не только определить цель, но и сформулировать её так, чтобы она была измеримой. Её измеримость необходима для того, чтобы точно определить: насколько мы приблизились к ее достижению. Для этого необходимо подобрать индикаторы, позволяющие заключить: насколько близко наше продвижение к цели – много это или мало, и насколько много. Проблема существенно усложняется, когда необходимо достичь одновременно нескольких целей, особенно если для этого у вас не хватает ресурсов. В этом случае используют приоритизацию целей, что позволяет определить очередность в достижении целей, или решить: каким образом распределяются ресурсы для достижения каждой из целей, и какая часть ресурсов будет для этого отпущена [3].

Весьма важен и горизонт планирования стратегии, так как от этого зависит приоритизация целей. При горизонте планирования на 3–5–7 лет некоторые цели технически недостижимы и поэтому не могут рассматриваться как приоритетные. Однако при горизонте планирования в 20–50–100 лет такие цели могут стать первостепенными. В частности, при планировании пространственного развития России, возможно, стоит рассматривать горизонт планирования на 100 лет. А такие цели, как достижение большой продолжительности жизни, инвестирование в науку, образование, воспитание молодого поколения не могут дать ощутимого результата раньше, чем через 20–30 лет [4].

Для достижения целей Стратегии пространственного развития России нужны специалисты, способные ее реализовать. Сегодня, когда стратегическое управление снова стало востребованным, актуальной стала подготовка таких специалистов, которые могут не только пофилософствовать о стратегии, а могут от слов перейти к делу; посчитать, с какими затратами, выгодами и рисками можно достичь той или иной цели, какими путями их можно достичь, и какие процессы, явления и события могут помешать достижению данной цели, с какой вероятностью и какими последствиями. Но таких специалистов следует подготовить не на основе философии, а на основе математики, умения анализировать, прогнозировать и вычислять. Без знания английского языка, компьютерной техники и последних достижений ведущих университетов мира необходимый уровень подготовки специалистов недостижим [4, 5].

Для обеспечения необходимой подготовки специалистов, способных реализовать Стратегию пространственного развития России, необходимо привлечь весь доступный отечественный и зарубежный опыт, в частности, опыт США, которые давно и успешно занимаются разработкой стратегий.

Список литературы

1. Харченко В.С., Дорохина Е.Ю. Методы разработки стратегии управления риском аварийных разливов нефти // Экология и промышленность России. 2016. – Т. 20, № 7. – С. 42–45.
2. Харченко В.С. Моделирование стратегии нефтяной компании // Экология и промышленность России. 2013. – июнь. – С. 24–28.
3. Харченко С.Г., Дорохина Е.Ю. Базовые риски экологической политики // Экология и промышленность России. 2018. – Т. 22, № 11. – С. 51–55.
4. Харченко С.Г. Стратегия экологической безопасности: какой она должна быть, но не является // Стратегическое управление в сфере экологической безопасности: нерешенные проблемы**:** сборник статей / Под ред. С.Г. Харченко. – М.: МАКС Пресс, 2019. – С. 6–11.
5. Харченко С.Г. Экологическая безопасность: наука или философия. (Попытка обоснования научной методологии) // Экология и промышленность России. 2014 – № 8. − С. 55–60.

Цёхла С.Ю.
д.э.н., профессор, Крымский федеральный университет

РАЗВИТИЕ ЭКСПОРТА КУРОРТНЫХ УСЛУГ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: *экспорт, курортные услуги, цифровизация, экономика, развитие.*
Keywords*: export, resort services, digitalization, economics, development.*

В современном мире происходят радикальные инновационные трансформации, связанные с цифровизацией и новыми технологиями, затрагивающие все сферы жизни. В условиях цифровой экономики меняется характер труда, его интенсивность и степень напряженности. Потребность решения проблемы сохранения и улучшения качества здоровья граждан в настоящее время важна и общепризнана. Поэтому решение социально-экономических вопросов состояния здоровья населения, организации оздоровления и полноценного отдыха является одним из приоритетных направлений государственной политики в современных условиях. Программой «Цифровая экономика Российской Федерации» намечена реализация «направлений по отраслям экономики (сферам деятельности), и в первую очередь в сфере здравоохранения», на основе разработки соответствующих планов мероприятий («дорожный карт»)[1].

Немалую роль в этом играют услуги отдыха и оздоровления, организованные в курортной местности на базе использования имеющегося природно-ресурсного потенциала. Отдых является одним из существенных условий сохранения и укрепления здоровья, поддержания высокой трудоспособности. Выбор целесообразного режима и форм отдыха обусловливается различными факторами, в частности, условиями труда, возрастом и др.[2] Полноценный отдых является неотъемлемой чертой здорового образа жизни и обеспечивается за счет рациональной организации свободного времени, а также восстановительных мероприятий. Санаторно-курортное обслуживание базируется на организации лечения, медицинской реабилитации, отдыха и восстановления здоровья при использовании уникальных природных лечебных ресурсов и методик оздоровления. Курортные услуги популярны не только среди населения страны, но и иностранных граждан, находящихся в целевой поездке или во время туристического пребывания.

Россия входит в перечень крупных мировых туристских направлений по ряду международных показателей. В 2017 г., по данным Росстата, число въездных туристских поездок составило 24,4 млн.[3] В России на данный момент действует ряд федеральных и региональных программ и стратегий развития отрасли туризма, в числе которых – Стратегия развития туризма в Российской Федерации в период до 2020 г.[4], Концепция федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019–2025 гг.)»[5], Национальный проект (программа) «Международная кооперация и экспорт»[6], в рамках которого предусмотрен федеральный проект «Экспорт услуг», включающий в том числе услуги в сфере туризма.

В целом же официальная статистика показывает, что популярность России как туристического направления в зарубежных странах в последние годы снизилась. Это подтверждается сокращением числа въездных туристских поездок (с 26,9 млн. в 2015 г. до 24,4 млн. в 2017 г., по данным Росстата). В первом полугодии 2018 г., по данным Росстата, тенденция к снижению количества въездных туристских поездок продолжилась: если в январе – июне 2017 г. число въездных туристских поездок в Россию было 10,95 млн., то в том же периоде 2018 г. – 10,92 млн.

Несмотря на сокращение числа въездных туристских поездок по данным Росстата, в стоимостном выражении объемы экспорта туристских услуг демонстрируют противоположную тенденцию. Объем экспорта туристских услуг (экспорт услуг по статье «Поездки» по данным Центрального банка Российской Федерации) за период 2015–2017 гг. увеличился на 6,2%, а в 1 квартале 2018 г. вырос по сравнению с аналогичным периодом 2017 г. на 33%. По предварительным оценкам Центрального банка Российской Федерации, рост продолжился и во 2 квартале 2018 г.

---

[1] Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена распоряжением правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р.

[2] Цёхла С.Ю., Плугарь Е.В. Здоровье населения и развитие экономики здоровья // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2017. – Т. 3(69), № 1. – С. 107.

[3] Итоги въездного туризма в Россию 2017. – http://turstat.com/foreigntravelrussia2017

[4] Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 мая 2014 года № 941-р. – http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102353142

[5] Концепция федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019–2025 годы)». Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 мая 2018 г. № 872-р. – https://www.russia tourism. ru/Концепция.pdf

[6] Национальный проект «Международная кооперация и экспорт» Паспорт национального проекта утверждён решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 года. – http://government.ru/projects/selection/739/

Данные о выданных визах, а также о количестве прибывших иностранных граждан (в т.ч. из стран СНГ и ЕАЭС на период до трех месяцев, для которых действует безвизовый режим въезда) свидетельствуют о том, что въезд иностранных граждан из дальнего зарубежья в Россию с туристическими целями растет (табл. 1).

Таблица 1

Общие статистические показатели отрасли туризма в России за 2014–2017 гг.[1]

Показатель	Год				Изменение 2017/2016, %
	2014	2015	2016	2017	
Число въездных туристских поездок иностранных граждан в Россию, млн. ед.	25,44	26,85	24,57	24,39	–0,8
Количество выданных виз (млн. ед.), из них:	2,47	2,30	2,50	2,69	+7,6
– деловые	0,70	0,64	0,62	0,64	+4,4
– частные	0,14	0,16	0,17	0,16	–2,7
–туристические	1,18	1,12	1,36	1,49	+10,2
Экспорт услуг по категории «Поездки», млрд. долл.	11,76	8,42	7,79	8,94	+14,8
ВДС туристской отрасли, трлн. руб.	2,31	2,45	2,60	2,75	+6,1
Доля ВДС туристской индустрии в ВВП, %	3,30	3,30	3,40	3,50	+3,0

Иностранные граждане из стран дальнего зарубежья демонстрируют сравнительно большую активность при поездках в Россию в целях туризма в соотношении с поездками в деловых целях. Об этом свидетельствует как динамика числа выданных виз (в 2015–2017 гг. число выданных туристских виз выросло на 33,1%, деловых виз – на 0,8%), так и сокращение доли экспорта услуг категории «Деловые поездки» в экспорте услуг по статье «Поездки» в страны дальнего зарубежья с 41 до 35% в 2015–2017 гг. В Топ-10 стран по количеству граждан, въехавших в Россию с целью туризма, в первом полугодии 2018 г. также Китай (28,5%), Германия (10,4%), Республика Корея (7,4%), США (5,7%), Израиль (3,7%), Великобритания (3,6%), Франция (3,3%), Италия (2,7%), Испания (1,6%), Финляндия (1,6%).

В «Стратегии развития экспорта услуг на период до 2025 года» рассматривается стимулирование въездного туристического потока из целевых стран, а также определено, что достижение результатов может быть достигнуто за счет:

– сертификации EuropeSpa (международная система качества курортного лечения, СПА и велнес-услуг);

– адаптации средств размещения (гостиницы, отели, дома отдыха, санатории) медицинских и образовательных организаций, объектов показа (музеи и музейные комплексы, галереи и т.п.) под требования туристов из целевых стран (например, China Friendly);

– дизайна, интерфейса IT-продуктов с учетом особенностей менталитета страны-импортера, типов устройств пользователей, др.[2]

Значение индекса конкурентоспособности туризма и путешествий (который составляется на основании 14 показателей: качество бизнес-среды, безопасность, здравоохранение, рынок труда, открытость, развитие транспортной инфраструктуры и др.) для России за 2015–2017 гг. увеличилось с 4,08 до 4,15 и вместе с тем страна поднялась с 45 позиции в рейтинге на 43 (из 136). Из показателей, на основе которых составлялся рейтинг, в 2017 г. наилучшее положение у России было по показателям «Здоровье и гигиена» – 5 место[3].

Согласно статистическим данным, основными регионами России, которые посещают иностранные туристы, в 2017 г. были города Москва (4,8 млн. иностранных туристов в 2017 г.) и Санкт-Петербург (3,75 млн. чел.), Краснодарский край (900 тыс. чел.), Приморский край (640 тыс. чел.) и Республика Крым (более 500 тыс. чел.). Оценочные доли валовой добавленной стоимости (ВДС) от въездного туризма в валовом региональном продукте (ВРП) указанных регионов составляют 4,3%, 12,9%, 5,8%, 11,2% и 20,4% соответственно (табл. 2). Таким образом, в Республике Крым, являющейся развитым туристическим регионом, доля ВДС въездного туризма в ВРП самая высокая.

Таблица 2

Показатели въездного туризма, ВРП и доли отрасли туризма в ВРП для основных российских регионов, принимающих иностранных туристов в 2017 г.[4]

Регион	Общее число туристов, тыс. чел.	Число иностранных туристов, тыс. чел.	Доля иностранных туристов в общем числе, %	Оценка ВДС въездного туризма в регионе, млрд. руб.	Доля ВДС въездного туризма в ВРП, %
Город Москва	21 000	4800	22,9	619,1	4,3
Город Санкт-Петербург	7500	3750	50,0	483,7	12,9
Краснодарский край	16 000	900	5,6	116,1	5,8
Приморский край	4000	640	16,0	82,5	11,2
Республика Крым	5400	500	9,3	64,5	20,4
Республика Татарстан	3100	278	9,0	35,9	1,9
Московская область	14 100	230	1,6	29,7	0,8

[1] Оценка влияния въездного туризма на экономику России. Доклад. Управление по внешнеэкономической деятельности. – С. 13

[2] Стратегия развития экспорта услуг до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 августа 2019 г. № 1797-р. – http://static.government.ru/media/files/S125RuCTUAiCH5V7RlHUhCAcOTndx9PJ.pdf

[3] The Travel & Tourism Competitiveness Report 2017. – С. 9. – http://www3.weforum.org/docs/WEF_TTCR_2017_web_0401.pdf

[4] Итоги въездного туризма в Россию 2017. – http://turstat.com/foreigntravelrussia2017

Иркутская область	1600	211	13,2	27,2	2,5
Владимирская область	4000	200	5,0	25,8	6,6
Ярославская область	3600	200	5,6	25,8	5,5
Ставропольский край	1500	100	6,7	12,9	2,0
Калининградская область	1320	100	7,6	12,9	3,4
Республика Башкортостан	2000	100	5,0	12,9	1,0

В реализуемой Стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года санаторно-курортный и туристский комплекс выделен в качестве «отрасли специализации экономики» и включен в «состав приоритетных видов деятельности на региональном уровне»[1].

За период 2014–2017 гг. количество отдыхающих и объем реализации санаторно-курортных услуг в Крыму существенно увеличились в целом, но не по показателям иностранных туристов. Среди иностранных граждан, прибывших в Крым, наибольшая численность приходится на граждан Украины – 66,1%, Беларуси – 9,7%, Италии – 7,5%, Германии – 5,4%. Анализ динамики прибытия за рассматриваемый период по целям посещения иностранных туристов свидетельствует о постоянстве сложившейся структуры: основной целью является досуг и отдых (в среднем 53%), далее идут деловые и профессиональные цели (в среднем около 19%)[2]. Динамика численности отдыхающих, размещенных в учреждениях санаторно-курортного комплекса Республики Крым, представлена в табл. 3.

Таблица 3

Динамика численности отдыхающих, размещенных в учреждениях санаторно-курортного комплекса Республики Крым за 2014–2017 гг.[3]

Показатели	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Численность размещенных лиц – всего, чел.	489 465	911 515	1 700 414	1 591 251
Прирост численности размещенных, чел.	–	+422 050	+788 899	–109 163
Темпы изменения численности размещенных лиц, %	–	186, 23	186,55	93,58
Численность размещенных иностранных граждан, чел.	76 696	51 051	75 562	63 041
Прирост численности размещенных иностранных граждан, чел.	–	–25 645	+24 511	–12 521
Темпы изменения численности размещенных иностранных граждан, %	–	66,56	148,01	83,43

Краткосрочный отдых туристов является экономически выгодным видом обслуживания, во многом, поэтому он популярен и преобладает среди посещений. Однако пребывание в курортной зоне и процесс оздоровления требуют продолжительности в течение 2–3 недель, и в Крыму начали поощрять потребительский спрос на санаторно-курортное обслуживание. Крымские курорты, в зависимости от территории и ее природно-рекреационного потенциала, являются климатическими и климато-бальнеологическими. Отдых, оздоровление, санаторно-курортное лечение и медицинская реабилитация иностранных граждан в здравницах может осуществляться разными способами. В понятие оздоровления в санаторно-курортных учреждениях входит не только отдых, но и широкий комплекс укрепляющих и оздоравливающих процедур, которые закаляют и укрепляют организм, повышают сопротивление неблагоприятным факторам окружающей среды, снимают и предотвращают негативное влияние стрессов, а также с помощью климатических, бальнеологических и других лечебных факторов, предупреждают в дальнейшем заболевания. Ключевыми факторами развития сферы санаторно-оздоровительных услуг являются, прежде всего, внедрение новых технологий обслуживания и расширение ассортимента услуг.

Прогнозные значения целевых показателей по стратегическому направлению «Туризм и санаторно-курортное лечение» представлены в табл. 4.

Таблица 4

Прогнозные значения целевых показателей по стратегическому направлению «Туризм и санаторно-курортное лечение»[4]

Наименование целевого показателя	2015 г. (факт)	2020 г.	2026 г.	2030 г.	Изменения за период
Туристский поток, млн. чел.	4,6	7,7	8,5	10,0	+5,4
Среднегодовой коэффициент заполняемости санаторно-курортных и гостиничных учреждений, %	33,9	40,0	50,0	60,0	+26,1
Количество койко-мест в круглогодичных средствах размещения, тыс. ед.	63,4	78,0	117,0	156,0	+92,6
Рост доли благоустроенных пляжей, в % относительно 2016 г.	–	20	35	55	+55

Обеспечение условий для развития отдыха иностранцев – одно из перспективных направлений функционирования курортно-рекреационного комплекса Крыма. Отсюда вытекают определенные направления трансформации работы и модернизации курортов Крыма для полного использования их возможностей и экспортного потенциала.

[1] О стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года / Закон Республики Крым от 09.01.2017 № 352-ЗРК/2017. – С. 8. – https://minek.rk.gov.ru/ru/structure/628

[2] Туризм и туристские ресурсы Республики Крым за 2017 год: Стат. сб. / Крымстат. – Симферополь, 2018. – С. 42.

[3] Там же, с. 48.

[4] О стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года / Закон Республики Крым от 09.01.2017 № 352-ЗРК/2017. – С. 81. – https://minek.rk.gov.ru/ru/structure/628

Реализация стратегии экспорта услуг санаторно-курортного комплекса включает:

– внедрение международных стандартов качества, сертификации услуг,

– обеспечение устойчивого спроса на оздоровительные услуги,

– интеграцию усилий участников процесса обслуживания иностранных туристов,

– продвижение на международный рынок регионального курортно-рекреационного продукта.

Министерство курортов и туризма Республики Крым проводит интеграцию в международное туристское сообщество. Для этого проводятся международные выставки-ярмарки, рекламно-информационные кампании, создаются теле- и радиопрограммы, издаются каталоги, буклеты и др.

Таким образом, в условиях цифровизации экономики, когда меняются условия труда, возрастает его сложность и напряженность, организованные отдых и курортное обслуживание способствуют восстановлению сил трудящихся и позволяют поддерживать здоровье населения. Россия входит в перечень крупных мировых туристских направлений, а курортная отрасль имеет экспортный потенциал и стабильные перспективы развития. Крымские курорты со своими турпродуктами имеют все предпосылки для конкуренции на мировом рынке, поэтому в регионе проводятся меры по созданию современного уровня инфраструктуры отдыха и качества санаторно-курортного обслуживания. Развитие рекреационного обслуживания в соответствии международным стандартам обеспечит привлекательность и конкурентоспособность отечественного курортного продукта, поднимет рейтинг страны на международном уровне.

Шебзухова Т.А.[1]

РОССИЙСКИЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ ПРАКТИКИ ИННОВАЦИОННОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: *исторический опыт, трансфер технологий и знаний, коммерциализация науки.*
Keywords: *historical experience, technology and knowledge transfer, science commercialization.*

Исторический опыт зарубежных и российских практик взаимодействия науки и образования предлагается изучать, анализируя инновационную деятельность вузов по генерации новых знаний и механизмы трансфера знаний, получившие распространение в РФ, странах СНГ и Европы. Традиционно вузовская наука позиционируется в России как часть системы высшего профессионального образования, оценка качества которого ведется по принципам профессиональной этики. В то же время изменение модели современного классического университета требует осознания того факта, что современная система образования – это один из индикаторов общественного развития государства, который отражает состояние экономики, техники и технологий в государстве. Обновление философии и методологии образования, совершенствование контентной части, применение эффективных методов трансфера знаний и управления образованием обеспечат переход к конструктивной модели образования, учитывающей региональные особенности и ориентированной на результат.

Предметом настоящего исследования является исторический опыт и практики российского и зарубежного высшего профессионального образования по коммерциализации научных исследований, трансферу знаний и технологий. Современные исследователи утверждают[2], что модель университета, известная как «университет Гумбольдта», не в полной мере соответствует современному состоянию общества и его новым вызовам. В основе модели университета Гумбольдта лежат принципы академической свободы ученых, которые занимаются исследованиями и доносят до студентов новые фундаментальные знания. Государство и общество, по правилам этой модели, обеспечивают процессы исследования и трансфера знаний ресурсами в соответствии с потребностями.

Реалии современной жизни требуют от научно-педагогического сообщества новых форматов взаимодействия с неакадемическим сектором и бизнесом. Современная постановка вопроса взаимодействия науки и образования предполагает не только поиск новых технологий реализации интеллектуального потенциала вузов, но и корректировку системы отношений университетов с бизнесом и производством. Решение этой задачи обеспечит повышение конкурентоспособности вуза за счет формирования поколения исследователей, обладающих новыми социально-коммуникативными и профессиональными компетенциями.

Изменения, которые необходимо вносить в модель функционирования вуза, – это задача не только российской высшей школы. Позиция ведущих мировых держав, в которой приоритет отдается вертикальной интеграции образовательной, исследовательской и инновационной деятельности[3], определяет основной ценностью человеческий капитал, что, в свою очередь, формирует политику государства в отношении инвестирования в человеческие ресурсы, развития профессиональных навыков и научных исследований, модернизации систем образования, с тем, чтобы они в большей степени соответствовали потребностям глобальной экономики, основанной на знаниях.

Анализ опыта в сфере интеграции науки, бизнеса и образования показывает, что подходы к решению проблемы коммерциализации научных исследований в вузах имеют уже свою историю. Так, европейские страны эту проблему стали решать с начала XXI века: крупные вузы создавали специальные подразделения, деятельность которых ориентирована на развитие инноватики, трансфер знаний и технологий. По мнению автора, здесь уместна историческая параллель с инновационными университетами РФ и некоторых стран СНГ, одна из функций которых состоит в доведении научных исследований, проводимых в университете, до коммерческого использования, формирование системы вертикальной интеграции стейкхолдеров образовательной и научно-исследовательской деятельности вуза, реализация системы взаимодействия с субъектами образовательной и хозяйственной деятельности. Вузы, статус которых отличается от инновационных исследовательских университетов, для взаимодействия между вузовской наукой, образовательными учреждениями, предприятиями, финансовыми структурами и другими субъектами реального сектора эко-

[1] Шебзухова Татьяна Александровна – д.и.н., профессор, директор Института сервиса, туризма и дизайна (филиала) Северо-Кавказского федерального университета, г. Пятигорск. E-mail: iskl@pfncfu.ru

[2] Бедный А.Б. Трансфер знаний в инновационном университете: Учебно-методическая разработка. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2010. – 40 с.

[3] Клименко И.С. Направления повышения эффективности сотрудничества образования и бизнеса // Материалы II межд. конф. «Актуальные вопросы вертикальной интеграции». – Воронеж, 2014. – С. 30–35

номики создали специальные подразделения, задачей которых является регистрация и реализация объектов интеллектуальной собственности, коммерциализация научных исследований.

Очевидно, что реализация инновационной деятельности и коммерциализация результатов интеллектуальной деятельности требует современных технологических средств обеспечения социально-коммуникативного взаимодействия. Существует несколько площадок, обеспечивающих взаимодействие заинтересованных групп участников:

– Портал http://innoedu.ru/ обеспечивает информационную поддержку взаимодействия науки, бизнеса, государства и гражданского сообщества при реализации инициатив государства, связанных с формированием внутреннего спроса на результаты исследований и разработок.

– Платформа Молодой ученый https://moluch.ru

– Сайт Министерства науки и высшего образования https://minobrnauki.gov.ru/

– Портал http://www.rsci.ru/ – один из ведущих российских ресурсов, предоставляющих актуальную деловую информацию работникам научно-инновационной и научно-образовательной сферы, сотрудникам технологических компаний, аспирантам и студентам.

– Фонд содействия инновациям (http://fasie.ru/), к основным задачам которого относятся реализация государственной политики развития и поддержки в научно-технической сфере, содействие созданию новых рабочих мест для эффективного использования научно-технического потенциала РФ, вовлечение молодежи в инновационную деятельность и другие.

Перечисленные площадки, перечень которых можно продолжить[1], способствуют объединению заинтересованных сторон при создании перспективных коммерческих технологий, новых продуктов (услуг), привлечению ресурсов при проведении исследований и разработок. Формат современных информационных ресурсов в области инновационного и технологического развития позволяет выявить и структурировать инициативы, возникающие в сфере фундаментальной, прикладной и поисковой науки, ориентировать научные разработки для дальнейшей коммерциализации. Как правило, представители вузовской и академической науки являются основными участниками процесса инновационного и технологического развития, которые осуществляют взаимодействие с представителями производства в лице разработчиков, органами государственной власти и местного самоуправления, финансовыми структурами, а также представителями гражданского общества в форме ассоциаций, которые впоследствии будут потребителями и пользователями технологий. В настоящее время в Российской Федерации осуществляют свою деятельность более 500 зарубежных и международных фондов, проектов и программ, тесно взаимодействующих с российским образовательными и исследовательскими учреждениями. Кроме того, более 200 вузов поддерживают научные и образовательные связи с более чем с 50 зарубежными организациями в целях выполнения научно-образовательных программ. В настоящее время назрела актуальность оценки содержания этой деятельности, накопления соответствующей информации для координации международных связей российских вузов, в том числе в рамках выполнения международных программ[2].

Ретроспективный взгляд на историю развития инноватики за рубежом позволяет утверждать, что зарубежные практики ориентированы на стимулирование коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности как таковой и на закрепление авторского права на интеллектуальную собственность. Так, развитые страны нормируют систему взаимоотношений в инновационных инфраструктурах с помощью соответствующих нормативных и законодательных актов: Закон «Об инновациях и научных исследованиях» (Франция, 1999 г.), Закон «О малом и среднем предпринимательстве» (Япония); «О развитии инновационной деятельности в малом бизнесе» (США, 1982 г.), закон «Об инновациях» (Бразилия, 2006 г.) и другие.

Национальные программы, разработанные на основе принятых законов, обеспечивают поддержку коммерциализации результатов научных исследований в стратегически значимых сферах.

Бесспорным является тот факт, что инновационная деятельность вуза требует поддержки государства, совершенствования нормативно-справочной базы и механизмов адекватного оценивания результатов. Предлагается для оценивания инновационной составляющей деятельности вуза использовать систему индикаторов, которые включает в себя два направления оценки: оценка интеллектуального потенциала и оценка готовности к коммерциализации результатов инновационной деятельности.

Индикативная оценка интеллектуального потенциала вуза должна учитывать фактическое состояние научного потенциала и динамику его развития; уровень инновационного потенциала; степень интеграции вуза с образовательной системой и бизнес-структурами; конкурентоспособность вуза на рынке научной продукции, в том числе грантовая деятельность в РФ, СНГ и за рубежом.

Готовность к коммерциализации должна оцениваться также по нескольким направлениям: производство инновационного ресурса и вывод его на рынок, передача собственности на инновацию в форме продажи лицензий (полная или частичная), совместные проекты по разработке инновационного продукта.

Системный подход к практикам инновационного и технологического развития требует:

– корректного определения участников инновационных процессов: разработчики и инвесторы,

– построения модели инновационной деятельности вуза: линейная, интерактивная, циклическая;

– формирование инновационной среды: нормативно-правовая база; инфраструктура; система стимулирования;

– определение перспектив.

---

[1] http://runet.ru

[2] Взаимодействие российских вузов с международными фондами и организациями: мониторинг и оценка эффективности. Сборник материалов. – М.: ЦСП, 2006. –168 с.

Именно поэтому перспективы инновационного и технологического развития, по мнению автора, состоят в создании современной, исторически выверенной инфраструктуры, в состав которой входят финансовые институты, центры информационно-аналитической работы, экспертные и кадровые агентства, технопарки и бизнес-инкубаторы.

Резюме. Формирование и совершенствование инновационной инфраструктуры вузов должно базироваться на «трех китах»: инновационная среда; система взаимодействия вуза с предприятиями, организациями и бизнес-партнерами в формате вертикальной интеграции; формирование в вузах малых инновационных предприятий и структурных подразделений, ориентированных на коммерциализацию научных исследований. Именно такой подход обеспечит необходимые для решения государственных задач темпы роста научного потенциала и повысит конкурентоспособность отечественной науки и инноватики.

Антопольский А.Б.
д.т.н. гл.н.с. ИНИОН РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ УПРАВЛЕНИЯ НАУКОЙ И НАУКОВЕДЕНИЯ В РОССИИ[1]

Ключевые слова: *информационные ресурсы, научно-техническая информация, ГСНТИ, управление наукой, науковедение.*

Введение

Для задач управления наукой, так же как для науковедения, традиционно использовались информационные ресурсы, которые принято называть научно-технической информацией (НТИ). До реформ 1990-х гг. НТИ создавали и использовали множество учреждений, которые образовывали Государственную систему научно-технической информации (ГСНТИ).

ГСНТИ была, безусловно, одним из существенных достижений советской информатики. ГСНТИ отличалась практически полным общегосударственным охватом, включением всех существенных информационных потоков, разумным разделением труда между участниками и использованием современных на тот момент информационных технологий. Важную роль играла головная организация ГСНТИ – ВИНИТИ РАН, которая реально организовывала многие общесистемные проекты. Основу ГСНТИ составляли общегосударственные центры НТИ, осуществлявшие обработку практически тотального мирового потока информации и генерирующие централизованные информационные продукты (прежде всего, реферативные издания и базы данных). Далее эти продукты распределялись по отраслям и регионам, пополняясь одновременно информационными продуктами соответственно отраслевого и регионального происхождения.

В рамках ГСНТИ было реализовано достаточно много таких общих решений, некоторые из них сохранили свое значение до сих пор, например, Государственный рубрикатор научно- технической информации, комплекс стандартов СИБИД и др.

Однако с началом реформ начала 1990-х годов деятельность ГСНТИ как системы стала очевидным образом деградировать, будучи несовместимой с той системой управления наукой и народным хозяйством в целом, которая сложилась в ходе трансформаций последних 30 лет.

Постановка задачи

В настоящее время российская сфера НТИ представляет собой хаотическое множество дублирующих друг друга информационных служб и продуктов, не имеющее никакой координации и в то же время имеющее множество лакун. К сожалению, даже Национальный проект «Наука», одно из направлений которого – это развитие научной инфраструктуры, фактически не предлагает никакой разумной политики по оптимизации этой важной сферы научного обслуживания.

Острая дискуссия последних лет по поводу методов оценки эффективности научных учреждений, в том числе о роли наукометрии и экспертизы, практически не затронула проблему организации системы НТИ. В то же время, по мнению автора, именно на основе системы НТИ должна быть выстроена обратная связь между учеными и органами власти, реализованы способы оценки эффективности научных учреждений и, следовательно, сформирована адекватная система управления наукой.

В настоящей статье делается попытка анализа современного состояния ресурсов НТИ России, по крайней мере, той их части, которую можно использовать для изучения состояния науки в России, а также для практических задач управления научной сферы.

[1] Статья отражает результаты работы по Программе фундаментальных исследований президиума РАН «Большие вызовы, научные основы прогнозирования и стратегического планирования».

Исходные данные

Исходной базой проведения данного исследования послужили результаты мониторинга информационных ресурсов Российской академии наук в области общественных наук, проведенного автором ранее, и описанного в ряде публикаций[1].

Результатом данного мониторинга стала информационная система, которая получила название Навигатор информационных ресурсов по общественным наукам (НИРОН)[2].

В ходе создания НИРОН было собрано и описано много информационных ресурсов, относящихся к организации научных исследований, истории науки, а также содержащих результаты этих исследований в системе РАН. В НИРОН были включены также информационные ресурсы по управлению наукой, принадлежащие ФАНО, куда институты РАН были переданы в ходе реформы РАН в 2013 г.

Таким образом, исходным материалом для проведения мониторинга и инвентаризации российских информационных ресурсов по управлению наукой послужили описания ресурсов, относящихся к этой проблеме, имевшиеся в учреждениях РАН. Критерием для отнесения описания ресурсов к этой проблеме был выбран тематический: к ресурсам по управлению наукой были отнесены все ресурсы, имевшие индекс ГРНТИ 12 Науковедение, или подчиненные индексы 2-го и 3-го уровней. Всего таких ресурсов вошло в новый каталог св. 300, причем значительная часть их относится к истории науки, поскольку история науки входит в 12 Науковедение.

Далее полученный каталог был существенно пополнен и расширен, за счет включения в него относящихся к управлению наукой ресурсов институций НТИ, органов власти, университетов, корпораций, а также других организаций-владельцев профильных информационных ресурсов. Сразу укажем, что в настоящее время каталог включает более 1 тыс. ресурсов.

Для создания нового каталога была использована логическая структура НИРОН и разработанная типология информационных ресурсов, описанная в цитированных выше публикациях. Впрочем, в логическую структуру нового каталога, а также в типологию информационных ресурсов были внесены существенные изменения.

Таким образом, был создан специализированный каталог информационных ресурсов по науковедению и управлению наукой[3], включая сферу НТИ и науковедения.

Федеральные органы НТИ

На следующем этапе развития этого каталога были рассмотрены современное состояние и информационные ресурсы тех организаций, которые Постановлением Правительства 1997 г. № 950 были отнесены к федеральным органам научно технической информации (далее – федеральные органы НТИ, ФОНТИ). Приведем их перечень с указанием их функций с учетом изменений в этом Постановлении, сделанных в 2010, 2014 и 2018 гг.[4]

1. Центр информационных технологий и систем органов исполнительной власти (ЦИТИС) – по ведущимся в стране и законченным открытым научно-исследовательским и опытно-конструкторским работам, защищенным диссертациям на соискание ученых степеней, алгоритмам и программам;

2. Федеральное государственное унитарное предприятие Научно-технический центр оборонного комплекса «Компас» – по научно-исследовательским, опытно-конструкторским работам и результатам научно-технической деятельности оборонного комплекса;

3. Федеральное государственное учреждение «Российское энергетическое агентство» (РЭА) Министерства энергетики Российской Федерации – по использованию результатов научно-технической деятельности предприятий и организаций, а также организации обмена этой информацией между регионами;

4. Всероссийский институт научной и технической информации (ВИНИТИ) Российской академии наук и Министерства науки и технологий Российской Федерации, – по естественным и техническим наукам

5. Государственная публичная научно-техническая библиотека Министерства науки и технологий Российской Федерации, (ГПНТБ России) – по естественным и техническим наукам

6. Библиотека Российской академии наук (БАН) – по естественным и техническим наукам;

7. Библиотека по естественным наукам Российской академии наук (БЕН РАН) – по естественным и техническим наукам;

8. Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук (ГПНТБ СО РАН)- по естественным и техническим наукам;

9. Государственная центральная научная медицинская библиотека Министерства здравоохранения Российской Федерации (ГЦНМБ) – по медицине и здравоохранению;

---

[1] Антопольский А.Б. Инвентаризация информационных ресурсов академического сектора общественных наук // Историческая информатика. 2017. – № 3. – С.20-42. DOI: 10.7256/2585-7797.2017.3.24014. – http://e-notabene.ru/istinf/article_24014.html; Антопольский А. Б. Информационные ресурсы общественных наук. Опыт организации мониторинга // Библиосфера. – М., 2017. – № 3. – С. 78–84. DOI: 10.20913/1815-3186-2017-3-78-84.

[2] Навигатор информационных ресурсов по общественным наукам. – http://niron/.inion.ru

[3] Навигатор информационных ресурсов по управлению наукой. – http://naukoved.alexo.beget.tech/

[4] Система ГАРАНТ. – http://base.garant.ru/11901351/#ixzz61GmgAddy

10. Всероссийский научно-исследовательский институт информации и технико-экономических исследований агропромышленного комплекса Министерства сельского хозяйства и продовольствия Российской Федерации (ВНИИТЭИСХ) – по сельскому хозяйству

11. Центральная научная сельскохозяйственная библиотека Российской академии сельскохозяйственных наук (ЦНСХБ) – по сельскому хозяйству;

12. Всероссийский научно-исследовательский институт растениеводства им. Н.И. Вавилова (ВИР) Российской академии сельскохозяйственных наук – по национальному генофонду сельскохозяйственных растений;

13. Всероссийский научно-исследовательский институт племенного дела Министерства сельского хозяйства и продовольствия Российской Федерации (ВНИИплем) – по национальному генофонду сельскохозяйственных животных;

14. Государственный научно-исследовательский институт озерного и речного рыбного хозяйства (ГОСНИОРХ) Министерства сельского хозяйства и продовольствия Российской Федерации – по национальному генофонду рыб;

15. Всероссийский государственный научно-исследовательский институт контроля, стандартизации и сертификации ветеринарных препаратов (ВГНКИ) Министерства сельского хозяйства и продовольствия Российской Федерации – по национальному фонду ветеринарных препаратов, штаммов микроорганизмов;

16. Всероссийский научно-исследовательский институт научно-технического прогресса и информации в строительстве (ООО ВНИИТПИ) – по строительству и архитектуре;

17. Центральная научно-техническая библиотека по строительству и архитектуре (ЦБНТБ СИА) Государственного комитета Российской Федерации по жилищной и строительной политике – по строительству и архитектуре;

18. Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН) – по общественным наукам;

19. Российский федеральный геологический фонд (Росгеолфонд), – по геологии и минерально-сырьевым ресурсам;

20. Всероссийский научно-исследовательский институт экономики минерального сырья и недропользования (ВИЭМС) – по геологии и минерально-сырьевым ресурсам;

21. Всероссийская геологическая библиотека (ВГБ) Министерства природных ресурсов Российской Федерации – по геологии и минерально-сырьевым ресурсам;

22. Всероссийский научно-исследовательский институт гидрометеорологической информации – Мировой центр данных (ВНИИГМИ-МЦД) Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды – по метеорологии и другим смежным областям, включая климатологию, агрометеорологию, гидрологию, геофизику, океанологию, мониторинг состояния и загрязнения окружающей среды;

23. Федеральный фонд государственных стандартов, общероссийских классификаторов технико-экономической информации, международных (региональных) стандартов, правил, норм и рекомендаций по стандартизации, национальных стандартов зарубежных стран (Стандартинформ) Государственного комитета Российской Федерации по стандартизации, метрологии и сертификации – по нормативным документам по стандартизации, метрологии и сертификации;

24. Федеральный институт промышленной собственности (ФИПС) – по патентной документации, относящейся к изобретениям, полезным моделям, промышленным образцам, товарным знакам, знакам обслуживания и наименованиям мест происхождения товаров, а также по документации, относящейся к зарегистрированным программам для ЭВМ, базам данных и топологиям интегральных микросхем;

25. Информационно-издательский центр (ИНИЦ ПАТЕНТ) Российского агентства по патентам и товарным знакам – по патентной документации, относящейся к изобретениям, полезным моделям, промышленным образцам, товарным знакам, знакам обслуживания и наименованиям мест происхождения товаров, а также по документации, относящейся к зарегистрированным программам для ЭВМ, базам данных и топологиям интегральных микросхем;

26. Федеральное государственное унитарное предприятие «Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС)» – по опубликованным в Российской Федерации произведениям печати и государственной библиографии;

27. Всероссийский научно-исследовательский институт проблем машиностроения (РосНИИ ПМ) Министерства науки и технологий Российской Федерации – по отечественным и иностранным каталогам на промышленную продукцию;

28. Всероссийский научно-исследовательский институт стандартизации (ВНИИС) Государственного комитета Российской Федерации по стандартизации, метрологии и сертификации – по отечественным и иностранным каталогам на промышленную продукцию;

29. Всероссийский научно-исследовательский центр стандартизации, информации и сертификации сырья, материалов и веществ (ВНИЦСМВ) Государственного комитета Российской Федерации по стандартизации, метрологии и сертификации – по сведениям о материалах и веществах;

30. Российский государственный архив научно-технической документации (РГА НТД) Федеральной архивной службы России – по документам научно-исследовательских, проектных, конструкторских, технологических организаций и предприятий федерального значения, переданных на постоянное хранение;

31. Научно-технический центр «Информрегистр» – по электронным изданиям;

32. Институт промышленного развития (Информэлектро) – по технико-экономической информации и результатам технико-экономических исследований в гражданских отраслях промышленности.

Заметим, что в данное Постановление (вплоть до 2018 г.) трижды вносились изменения, связанные с реорганизацией отдельных организаций (Росинформресурс, Всероссийская книжная палата, Всероссийский институт межот-

раслевой информации). В то же время произошедшие за этот период реорганизации Минобрнауки, РАН, отраслевых академий, других учреждений в Постановлении не отражены, о чем подробнее сказано ниже.

Однако более важно, что данное Постановление фактически не выполняется во многих других существенных положениях, но это не является предметом обсуждения и принятия управленческих решений.

Прежде всего, исчезло централизованное финансирование государственных ресурсов НТИ. Фактическое состояние государственных ресурсов НТИ не отслеживается, статистики по ним не ведется. В Минобрнауки, которое должно выполнять функции координации ГСНТИ, давно ликвидировано подразделение, которое курировало ГСНТИ. Не функционирует и предусмотренный этим Постановлением совещательный орган ГСНТИ. Отсутствуют общесистемные проекты, направленные на поддержку и развитие ресурсов НТИ. В Академии наук также проблема НТИ практически не обсуждается[1].

Следует при этом учитывать, что вопрос о статусе и роли государственных ресурсов НТИ, который является центральным для указанного Постановления, в существующей системе научного законодательства является нерешенным. Представляется очень важным, чтобы нормы, регулирующие создание, использование и сохранность государственных информационных ресурсов НТИ, вошли в новый Закон «О науке», который в настоящее время разрабатывается.

В Навигаторе информационных ресурсов по управлению наукой все перечисленные в Постановлении организации (кроме ликвидированных) включены в категорию «Федеральные органы НТИ», хотя большинство из них таковыми по факту не являются.

Современное состояние Федеральных органов НТИ (ФОНТИ) можно представить в виде табл. 1:

Таблица 1

Изменение статуса и функций ФОНТИ

Краткое наименование ФОНТИ	Изменение статуса	Функции ФОНТИ
ЦИТИС	Новое подчинение	Функции выполняются
Компас	Ликвидирован ВИМИ, отражено в Постановлении	Функции ФОНТИ не выполняются
РЭА	Росинформресурс переподчинен и реорганизован, это отражено в Постановлении	Функции выполняются частично – в некоторых ЦНТИ, входивших в Росинформресурс
ВИНИТИ	Новое подчинение	Функции выполняются
ГПНТБ России	Не изменился	Функции выполняются
БАН	Новое подчинение	Функции выполняются
БЕН РАН	Новое подчинение	Функции выполняются
ГПНТБ СО РАН	Новое подчинение	Функции выполняются
ГЦНМБ	Включена в состав МГМУ	Функции выполняются
ВНИИТЭИСХ	ликвидирован	
ЦНСХБ	Объединена с ВНИИТЭИСХ	Функции выполняются
ВИР	Новое подчинение	Функции выполняются
ВНИИПлем	Не изменился	Функции ФОНТИ не выполняются
ГОСНИОРХ	Не изменился	Функции ФОНТИ не выполняются
ВГНКИ	Не изменился	Функции ФОНТИ не выполняются
ВНИИТПИ	акционирован	Функции ФОНТИ не выполняются
ЦБНТБ СИА	Новое подчинение	Функции ФОНТИ не выполняются
ИНИОН РАН	Новое подчинение	Функции выполняются
Росгеолфонд	Не изменился	Функции выполняются
ВИЭМС	ликвидирован	
ВГБ	Включена в состав ВСЕГЕИ	Функции выполняются
ВНИИГМИ-МЦД	Не изменился	Функции выполняются
Стандартин-форм	Объединен с издательством, переименован	Функции выполняются
ФИПС	Объединен с ВПТБ	Функции выполняются
ИНИЦ ПАТЕНТ	акционирован	Функции ФОНТИ не выполняются
ИТАР-ТАСС	ВКП вошла в состав ИТАР –ТАСС, отражено в Постановлении	Функции выполняются
РОСНИИ ПМ	ликвидирован	
ВНИИС	ликвидирован	
ВНИЦСМВ	Не изменился	Сведений нет
РГА НТД	Не изменился	Функции ФОНТИ не выполняются
Информрегистр	Новое подчинение	Функции выполняются
Информэлектро	акционирован	Сведений нет

В итоге, в отношении 32 ФОНТИ, перечисленных в Постановлении, произошли следующие изменения статуса:

- Ликвидированы – 4
- Акционированы – 3
- Изменили подчинение – 10
- Объединены с другой организации – 6

[1] Исключение составляют проблемы научной периодики.

- Реорганизованы с внесением изменений в Постановление – 3
- Не изменили организационный статус – 6.

С точки зрения функционирования в качестве ФОНТИ, т.е. генерации общедоступных ресурсов НТИ:

- Функционируют – 17
- Существуют, но не выполняют функций ФОНТИ – 10
- Не существуют – 4
- Выполняют функции частично – 1
- Нет сведений – 2

Если говорить о содержательной экспертной оценке деятельности ФОНТИ, то из 17 действующих ФОНТИ можно выделить несколько наиболее продвинутых, в которых происходит реальное развитие количества, качества и разнообразия предоставляемых пользователям ресурсов и сервисов. Среди библиотек можно отметить ГЦНМБ, ГПНТБ России, ГПНТБ СО РАН, ЦНСХБ. Среди информационных центров устойчиво работают ФИПС, ЦИТИС, ВНИИГМИ-МЦД.

Однако бесспорным лидером среди отечественных ФОНТИ, соответствующим современному уровню развития инфосферы, представляется комплекс геологических информационных служб. Комплекс включает Росгеолфонд с сетью территориальных геологических фондов, ВСЕГЕИ, с входящими в его состав Всероссийской геологической библиотекой и Центральным научно-исследовательским геологоразведочным музеем им. академика Ф.Н. Чернышева (ЦНИГР МУЗЕЙ). Всего Росгеолфонд и ВСЕГЕИ поддерживают 32 информационные системы и ресурсы, вошедшие в созданный нами каталог. Кроме того, для информационного обслуживания отрасли действуют многочисленные другие информационные системы, поддерживаемые органом власти отрасли (Роснедра) и предприятиями ведомства, а также Минобрнауки, университетами.

Справедливости ради стоит отметить, что геологическая отрасль располагала самой развитой информационной системой в стране еще в советское время.

При оценке деятельности ФОНТИ, отраженных в упомянутом Постановлении, следует, конечно, учитывать, что с 1997 г. возникло множество других информационных систем, служб и ресурсов в области науки и науковедения в организациях различных форм собственности, не отраженных в Постановлении. Мы постарались включить их в каталог.

Таким образом, состав и функции органов НТИ, определенных Постановлением № 950, существенно изменились. Соответственно, указанное Постановление требует радикального пересмотра. Конечно, речь должна идти не только о пересмотре номенклатуры ФОНТИ, но об определении роли, функций и статуса всех органов НТИ в современной научной инфраструктуре.

Инвентаризация владельцев ресурсов НТИ

Основной задачей мониторинга было выявление институций (органов власти, учреждений, структурных подразделений, советов и комиссий), которые владеют информационными ресурсами, связанными с управлением наукой.

Вначале приведем некоторую статистику по числу научных организаций страны (данные в основном за 2017 г.)[1].

Всего организаций, выполняющих НИР, – 3944. В том числе

По типам организаций

Научно-исследовательские организации – 1577

Образовательные организации высшего образования – 970

По секторам

Государственный сектор – 1493

Предпринимательский сектор – 1292

Сектор высшего образования – 1038

Сектор некоммерческих организаций – 121

Академии наук

ФАНО – 804[2]

Другие – 19

Организации, подведомственные Минобрнауки;

Научные – 466, в том числе:

Бывш. РАН – 318

Бывш. РАМН – 31

Бывш.. РАСХН – 97

Бывш. РАО – 7

Бывш. Минобрнауки – 13

Университеты – 252

Очевидно, что тотальная проверка всех организаций, занимающихся наукой в России, является слишком объемной, но не очень осмысленной работой. Очевидно, что основная доля ресурсов для управления наукой должна была

[1] Организации и персонал, выполняющие научные исследования и разработки / ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ. 2018. – http://www.csrs.ru/archive/stat_2018_institutions/

[2] В настоящее время все эти организации переподчинены Минобрнауки.

находиться не столько в научных учреждениях, сколько в управляющих структурах. Поэтому при проведении инвентаризации было принято решение сплошной проверки управляющих структур и специализированных информационных организаций и выборочной – научных и образовательных учреждений. Результаты проведения инвентаризации представлены в табл. 2.

Таблица 2

Владельцы ИР по управлению наукой, включенные в каталог

Категория владельцев	Число владельцев.
Академические управляющие структуры	45
Академические научные учреждения	80
Федеральные органы исполнительной власти -	32
Органы власти субъектов РФ	34
Федеральные органы НТИ	32
Университеты	50
Корпорации	52
Информационные организации	54
Научно-исследовательские институты, не входящие в РАН	18
Фонды	17
Общественные организации	13
Другие (категории владельцев)	13
Всего в перечне владельцев	**440**

Ниже следуют комментарии к результатам этой работы.

Под академическими управляющими структурами понимаются Президиум РАН, отраслевые и региональные отделения, региональные научные центры, а также республиканские академии. Все они ведут учет научных учреждений, ученых, результатов исследований, научных мероприятий и др. Такими же ресурсами располагают некоторые научные учреждения.

Среди федеральных органов исполнительной власти (ФОИВ), к которым относятся Правительство, министерства, агентства, были выделены те, которые имеют организационные структуры (департаменты, управления, советы), ответственные за управление наукой и/или инновациями. Всего таких федеральных органов власти было выделено 33, т.е. менее половины от общего числа федеральных органов исполнительной власти. Непонятно, по каким причинам некоторые ФОИВ, имеющие подведомственные научные организации, т.е. заведомо финансирующие научную и/или инновационную деятельность не выделяют явным образом структуры, ответственные за управление наукой. По крайней мере, таких структур в составе этих ФОИВ обнаружить не удалось.

Возможно, составление списка ФОИВ, осуществляющих управление наукой, более корректно было бы осуществлять по другому критерию, а именно, по наличию в бюджете ФОИВ статьи «Финансирование НИОКР». Однако такой метод не позволит выделить информационные ресурсы, связанные с управлением наукой в данном ФОИВ. Кроме того, затруднительно получить полный список бюджетополучателей по статье «Наука и инновации» из бюджетов всех уровней.

Органы власти субъектов РФ также включены не все, а только те, в составе которых имеются управляющие структуры данного профиля. Всего их оказалось 33 из 85 субъектов РФ. Заметим, что во многих субъектах имеется министерство или департамент образования и науки, но все ресурсы данного органа власти относятся к образованию. Такие органы власти в каталог не включались.

В каталог включены управляющие структуры всех наукоградов. Однако выяснилось, что почти у всех этих структур отсутствуют ресурсы, отражающие результаты научных исследований, проводимых в данном наукограде.

Университеты анализировались только относящиеся к категориям исследовательские или федеральные (а также, конечно, МГУ и СПбГУ, имеющие особый статус). Все проанализированные университеты имеют управленческие структуры, ответственные за науку и инновации, и соответствующие страницы или разделы сайта.

Государственные корпорации включены в каталог, если они включены в перечень организаций, на которые распространяется государственная программа инноваций и если они показывали наличие в своей структуре подразделений, ответственных за науку и инновации.

Заметим, что государственные научные центры (ГНЦ) делегировали информирование о результатах своей научной деятельности общественной организации – Ассоциации государственных научных центров «НАУКА», поэтому в число владельцев информационных ресурсов по управления наукой не были включены.

Информационные организации – смешанная категория владельцев, включающая информационные центры, библиотеки, архивы, издательства, коммерческие информационные организации, а также условные группы владельцев информационных ресурсов, например, «создатели каталогов научных БД». Заметим, что большая группа информационных организаций – региональные центры научно-технической информации, ранее входившие в объединение «Росинформресурс», не включена в число владельцев, поскольку они теперь не являются юридическими лицами (кроме Татарстанского ЦНТИ).

Эти центры представлены в каталоге как филиалы, т.е. подразделения головного ведомства – Российского энергетического агентства.

Федеральные органы НТИ, перечисленные в Постановлении № 950, выделены в отдельную категорию.

Научные учреждения включены в каталог на основе экспертных сведений, что они содержат интересующие нас информационные ресурсы. В частности это касалось всех учреждений Минобрнауки, унаследованных от прежнего министерства.

Вообще состав организаций, которые могли бы в настоящее время быть отнесены к категории «органы НТИ», определить довольно сложно. Большинство тех организаций, которые входили в эту категорию до реформ 90-х гг., сменило профиль или исчезло. Зато возникло очень много организаций различных форм собственности, обладающих теми или иными ресурсами НТИ.

Общее число включенных в каталог владельцев ресурсов, которые можно использовать для управления наукой, – 427 организаций.

Инвентаризация ресурсов

Центральной проблемой инвентаризации ресурсов, которые могут быть использованы для управления наукой и науковедения в целом, является вопрос, какие типы ресурсов могут использоваться для этой роли. Какие именно объекты являются результатом научной деятельности, насколько эти результаты могут быть метризованы, т.е. выражены количественными наукометрическими показателями – эти вопросы продолжают оставаться дискуссионными. Хотя некоторые наукометрические показатели являются официальными, т.е. используются органами управления для оценки деятельности научных учреждений, научное сообщество не вполне удовлетворено существующей моделью управления. Например, публикации признаются результатами научно-технической деятельности (РНТД), только если они изданы в определенных изданиях, в основном индексированных в мировых наукометрических базах данных. В то же время размещение тех же сведений в базах данных или в социальных сетях, в качестве РНТД не учитываются. Некоторые РНТД могут быть зарегистрированы в виде объектов интеллектуальной собственности, но также далеко не все. Многие типы научных продуктов, например, электронные библиотеки, базы и банки данных, информационные системы, 3D-объекты, интерактивные продукты, также не учитываются как РНТД.

В целом мы придерживаемся точки зрения, что номенклатура информационных объектов, которые содержат результаты научных исследований, должна быть существенно расширена, прежде всего, за счет новых цифровых объектов, сведения о которых распространяются через Интернет. Такого же мнения придерживается мировая общественность. Обзор мировых научных документов, посвященных этой проблеме, содержится в статье автора[1].

Подготовка научных кадров, в том числе аспирантура и защита диссертаций также учитывается отдельно от собственно научных результатов, что автору представляется неверным. Кроме того, для управления наукой должны быть использованы собственно науковедческие и наукометрические исследования.

С учетом всех этих соображений, к ресурсам, которые могут использоваться для управления науки, могут быть отнесены ресурсы, содержащие следующие сведения:

- Объекты интеллектуальной собственности;
- Инновационные предложения, проекты;
- Электронные библиотеки научных публикаций, библиографические издания, каталоги, БД,
- Периодические издания по науковедению и управлению наукой;
- Труды конференций по науковедению и управлению наукой;
- Диссертации, отчеты, другие неопубликованные материалы;
- Статистика науки;
- Статистика печати;
- Статистика высшего профессионального образования (обучение в аспирантуре и защита диссертаций);
- Географические системы по результатам НИОКР;
- Справочники научных и инновационных институций;
- Индексы цитирования;
- Вебометрические и альтметрические ресурсы;
- Антиплагиатные ресурсы
- Персональные ресурсы – указатели ученых (выборочно);
- Перечни грантов, проектов, экспедиций;
- Программы НИР;
- Архивные фонды, путеводители, каталоги по истории науки (выборочно)

Особый вопрос представляет периодика, которая пока является важнейшим видом научной коммуникации. Наиболее полный перечень российских научных периодических научных изданий имеется в базе данных Научной электронной библиотеки e-library, В данном исследовании к самостоятельным информационным ресурсам для управления наукой были отнесены издания, которым в этой системе присвоена рубрика 12. Науковедение.

Как было отмечено выше, в каталог были включены все ресурсы Федеральных органов НТИ, хотя некоторые из них не относились к вышеперечисленным категориям.

Важным методическим вопросом было включение в число ресурсов управления наукой ресурсов, содержащих данные по истории науки. Из общетеоретических соображений эти ресурсы были включены в каталог, поскольку они являются, бесспорно, ресурсами науковедения, хотя для задач управления наукой эти ресурсы не использовались.

[1] Перспективы развития научных коммуникаций /Антопольский А.Б. // Культура: теория и практика. Электронный научный журнал. 2019. – Вып. 2 (30) (март-апрель). – http://theoryofculture.ru/issues/104/

Как уже было отмечено, логическая структура и типология каталога в целом соответствовала типологии ресурсов разработанных для НИРОН. В результате информационные ресурсы, отраженные в каталоге, могут быть описаны количественными данными, на основе имеющейся типологии представленными в табл. 3.

Таблица 3

Количество ресурсов, отраженных в каталоге

№	Тип ресурса	Количество ресурсов данного типа
1.	Библиотеки	7
2.	Архивы	22
3.	Музеи	33
4.	Каталоги	19
5.	Электронные коллекции и библиотеки	53
6.	Информационные системы	149
7.	Справочники, энциклопедии	124
8.	Персональные ресурсы	74
9.	Лингвистические ресурсы	12
10.	Периодика	59
11.	Библиографии	30
12.	Мероприятия	33
13.	Неопубликованные материалы	173
14.	Медиа ресурсы	22
15.	Прочие Интернет-ресурсы	212
	Всего	**1012**

Заключение

Хотя представленная в каталоге и данной статье картина инфосферы управления наукой не является исчерпывающей, она позволяет оценить состояние и тенденции развития информационных ресурсов в данной сфере и сделать некоторые выводы.

Информационные ресурсы, отражающие результаты научных исследований, отличаются разнообразием, но в то же время содержат значительные лакуны как по ведомствам, так и по территориям.

В каждом типе ресурсов, особенно в новых цифровых, таких как электронные библиотеки, информационные системы, аналитические БД, веб-сайты, наблюдается существенное различие состава и структуры информационных объектов, что затрудняет их сравнение. Нужны стандарты, предлагающие эталонные решения для новых видов цифровых научных объектов.

Поскольку номенклатура РНТД, используемая в официальных наукометрических показателях, плохо учитывает цифровые объекты, используемые научные коммуникации, анализ сетевых научных ресурсов позволяет более полно оценить ситуацию, чем официальная статистика науки.

Многие ресурсы откровенно дублируются, Этого можно было бы избежать, организовав ведение общих для научного сообщества ресурсов, отражающих РНТД, причем эти ресурсы должны пополняться и редактироваться коллективно и удаленно. Это, среди прочего, может существенно сократить затраты ученых и научных учреждений на оформление разного рода отчетности.

Приемлемым решением была бы организация официальной системы мониторинга, учета и распространения результатов научных исследований, представленных в цифровой форме. Многие методические и технологические решения для создания такой системы содержатся в отечественной платформе Соционет[1].

Представляется, что правовые, организационные и технические разработки, направленные на оптимизацию системы НТИ в рамках современной научной инфраструктуры и обеспечивающие формирование необходимых данных для принятия обоснованных решений по управлению наукой, должны быть реализованы в рамках Национального проекта «Наука», где имеется соответствующий проект.

[1] Соционет – научное информационное пространство. – https://socionet.ru/

Ашилова М.С.
к.филос.н., PhD, и.о. доцента кафедры мировой коммуникации, Казахский университет международных отношений и мировых языков, г. Алматы
Бегалинова К.К.
д.филос.н., профессор, профессор кафедры религиоведения и культурологии, Казахский национальный университет, г. Алматы

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слов*а: отечественное образование, глобализация, рыночные отношения, высшее образование, национальная безопасность, вызовы обществу, политическая стабильность, миграция специалистов, «утечка мозгов», Болонская система, этнонациональные особенности, этнопедагогика.*

Keywords: *national education, globalization, market relations, higher education, national security, challenges to society, political stability, migration of specialists, brain drain, Bologna system, ethnic and national features, ethnopedagogy.*

Наиболее глубинным, многофакторным процессом в современном мире, характеризующим трансформацию видов и связей всех общественных отношений, которые движутся к универсальному единомыслию и открытости мира, в том числе и в сфере образования, является глобализация. Этот процесс воздействует на все сферы общественной жизни (на политику, культуру, общество и т.д.), мощно вовлекает в свою орбиту регионы и страны мира, оказывает влияние на положение в мире в настоящее время и на его будущее. Особенно болезненно процессы глобализации переживает образовательная система, поскольку происходит отход от традиционных методов обучения и переход к качественно иным инновационным парадигмам обучения. Глобализация образования – это сложное и неоднозначное явление. Думается, что здесь нет равноправия. Существует подчинение образования интересам крупнейших иностранных транснациональных корпораций, которые навязывают свои стандарты обучения, свой язык общения, не считаются с национальными особенностями, вытесняют родные языки – носители самобытных культур. Новые вызовы нашему обществу диктуют и рыночные отношения, которые знания рассматривают как сущностный источник стоимости. Отсюда знание, образование приобретает прагматический, меркантильный, утилитаристский характер. Это приводит к разрушению фундаментальных, гуманистических основ системы образования в целом. Как справедливо отмечает А.М. Новиков, эти процессы необходимо рассматривать в контексте разворачивания не просто идеологической войны, а так называемой «нелегальной войны» или, по-другому – войны разрушения умов (mind war). «Это совершенно новые подходы к современному типу войн, которые связаны с разрушением идентичности населения той или иной страны. В случае подобных войн оказывается ненужным захватывать территорию другого государства, достаточно лишь осуществить цивилизационную перевербовку его граждан. В период глобализации, когда резко усиливается коммуникативная и информационная связность мира, сознание перестаёт быть глубоко спрятанной, скрытой внутренней принадлежностью человека, его внутренней сущностью. Наоборот, сознание превращается в специально создаваемый и массово обрабатываемый объект за счёт моды, рекламы различных типов дизайна, феномена так называемой массовой культуры. Ведётся борьба за ориентацию жителей всего мира на якобы «страну-лидера», на своеобразную новую социокультурную Мекку. Подобная стрелка сознания действует не сама по себе – она специально конструируется. На подобные ориентации работают очень многие институты – и средства массовой информации, и система искусства, и корпорации. Это и есть ничто иное, как специально организованная пропаганда американского образа жизни в борьбе за мировое лидерство. Для удержания лидирующих позиций в системе финансовых центров, для организации и поддержания притока мозгов подобный имидж США просто необходим» [1]. И в этих условиях особую значимость приобретают проблемы национальной безопасности отечественного образования.

Сегодня в эпицентре глобализации находится высшее образование. Именно здесь формируется новое поколение профессионалов, которые будут принимать решения по всем ключевым вопросам политики, экономики, финансов, идеологии, образования и воспитания, общественных и естественных наук, культуры, информации и коммуникации, – те, которые будут строить общество будущего. От них во многом будет зависеть реальное претворение в жизнь как позитивных сторон глобализации, так и ее негативных последствий. Поэтому, именно в сфере высшего образования предстоит внимательно изучать явление глобализации, его движущие силы, его последствия на национальную безопасность.

В концепции национальной безопасности Казахстана недостаточно уделено внимания такому важному компоненту национальной безопасности, как высшее образование. Научные исследования в этой сфере носят фрагментарный характер. В нормативно-правовых актах законодательных, правительственных органов, Министерства высшего и среднего профессионального образования, уставах высших учебных заведений, не сформулированы принципы деятельности высшей школы в системе национальной безопасности. Термин «национальная безопасность» стал активно

применяться к образованию во второй половине XX в. в связи с возрастающим значением науки и образования. В 1958 г. в США была разработана программа реформирования образования в целях совершенствования вооруженных сил. Государственная власть в развитых странах считает, что наука и образование – источники фундаментальных научных открытий, экономического и военного могущества. США вкладывает в науку и образование больше 300 млрд. долларов в год, профессора в этой стране имеют статус государственных служащих и приравнены в зарплате к конгрессменам [2].

Казахстанская высшая школа, вышедшая из советской, еще недавно занимающая лидирующее положение в мире, в 90-х годах XX столетия оказалась в трудном положении. В результате невостребованности молодых специалистов, снижения социально-статусных позиций уровня жизни профессорско-преподавательского состава, усилилась «утечка умов», что уже сейчас негативно сказывается на развитии производительных сил Казахстана. Угрозу национальной безопасности представляет и миграция молодых талантливых специалистов. Страна несет большие материальные потери в связи с выездом ученых и специалистов.

Серьезную опасность для Казахстана представляет незавершенность процесса реформирования высшей школы. Политическая стабильность для Казахстана – важнейший фактор национальной безопасности. В XXI в. национальная безопасность государства в стратегическом плане определяется состоянием системы образования, которая действует на всех уровнях безопасности: общества, государства, личности. Очевидно, что экономическая и военная безопасность государства без квалифицированных кадров невозможна, технологическая безопасность невозможна без научных разработок. Образование является фундаментом культуры, его основой, и общество не может нормально функционировать и развиваться без системы культурных ценностей. Структурам образования принадлежит одно из первых мест в формировании культуры. Культура, охватывая самые существенные грани человека, способствует формированию профессионала. Но не до конца решены проблемы всестороннего развития личности, его физического и нравственного здоровья, формирования гармоничного человека, ориентации на воспитание патриотизма, ответственности за Отечество, готовности и способности укреплять обороноспособность Казахстана.

Опыт истории свидетельствует, что национальная безопасность страны определяется духовно-нравственными ценностями образования, ориентированными на реализацию духовно-нравственных устремлений молодежи, понимание особенностей духовного потенциала Казахстана, ее культуры, нравственности, идеала. Без наращивания нововведений в культурной и духовно-нравственной сфере образования невозможно воспитание творческой, духовно-нравственной личности, отвечающей потребностям времени [2].

В связи с этим необходимо пересмотреть позиции в политике образования, в том числе и на государственном уровне, и отметить, что приоритетное значение образования может утвердиться только с достаточными вложениями в данную систему, а затем, – как результат включенности человеческого потенциала в подъем экономики Казахстана.

Сегодня Казахстан вошёл в мировое образовательное пространство, свидетельством чего выступает принятие и реализация практических шагов Болонской декларации 1999 года, направленное на развитие многоуровневой системы образования. В принятом законе Республики Казахстан «Об образовании» выделяются следующие компоненты высшего профессионального образования:

1) высшее базовое образование (бакалавриат);

2) высшее научно-педагогическое образование (магистратура);

3) высшее специальное образование.

Развитие многоуровневой системы высшего образования будет способствовать обеспечению многоступенчатости образования по вертикали и альтернативности по горизонтали, динамичности и гибкости, фундаментальности и универсальности процесса обучения.

Дело в том, что сегодня абсолютно невозможно профессиональную подготовку кадров вести однобоко, исключив гуманистический аспект, роль и значимость духовного развития личности. Ведущей наукой в XXI веке, по мнению ЮНЕСКО, должна стать психология, т.е. наука о душе человека, о его самосознании и самоуправлении. Акцент, как видим, не случайно сделан на душу человека, а не его интеллект, хотя многие молодые люди, согласно данным социологов, предпочтение отдают уму, интеллекту. Современный «образованный человек – это не только специалист и не только личность, а именно человек культурный и подготовленный к жизни. Подготовленный не просто к нормальной жизни и отлаженному производству, но к испытаниям, к сменам образа жизни, к изменениям» [3]. Как справедливо подчёркивал первый президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев, «нам надо уже не просто использовать «накопленный» экономический рост, а научиться реально управлять этим ростом, трансформируя его в экономическое развитие на качественно новом уровне» [3, с. 4]. «Новая экономика требует новых управленческих решений, которые способны принимать только современно мыслящие и ориентированные на конечный результат государственные менеджеры». Казахстан должен «развивать свой собственный человеческий капитал» [3, с. 5].

Современный образовательный процесс должен быть обязательно связан с этнопедагогическими особенностями конкретного народа, конкретного государства, что свидетельствует о том, что интегративный, коммуникативный процесс в обществе есть не полное уничтожение части, а есть такая общечеловеческая коммуникация, которая проявляется через богатство этнонационального развития. Педагогика каждого народа хранит в своей памяти приёмы, способы обучения, воспитания, прошедшие подлинное абсорбирование (селекцию) накопленных народом способов и методов образования. Поэтому любая государственная система образования и воспитания должна строиться на лучших образцах этнонациональной педагогики.

Классиком казахской педагогики является Ыбрай Алтынсарин. Он был первым профессиональным учителем XIX века, создавшим теорию педагогики, основанную на этнических особенностях казахов и, применившим её на практике. В основе этой педагогики лежит глубокая безграничная любовь педагога к своему ученику, огромное жела-

ние ему добра, становления его человеком просвещённым, мудрым. Он показал, что на этой основе формируется специальная технология обучения – способы передачи знания, учёт сложности материала, учёт возраста обучающегося и т.д., которая гармонично, органично входит в саму систему обучения и воспитания. Ы. Алтынсарин, исходя из собственного опыта обучения, создания учебников, пришёл к выводу, что учитель должен следовать логике ученика, а не логике предмета.

Традиционные методы образования, сложившиеся в Казахстане на протяжении многих столетий, складывались с учётом этнонациональных особенностей. Речь идёт, прежде всего, о народной этнопедагогике. В советской системе было наоборот: учитель не имел права учитывать индивидуальные особенности ученика, а должен был нивелировать индивидуальные и этнические особенности, которые присущи тем или иным ученикам (опережающее обучение). Правда, можно отметить, что в 70-е годы в Советском Союзе с учётом специфики хозяйственной деятельности отдельных народов создавались подготовительные факультеты специально для детей животноводов, которые очень долго жили в условиях кочевья. К такой категории абитуриентов относилась и молодёжь, прошедшая военную службу, поскольку они забыли среднюю школу, на 2–3 года оторвавшись от неё. С одной стороны, это было позитивным моментом, потому что создавало равные права для поступления в вузы всем категориям граждан. С другой стороны, это создавало определённую проблему для перехода образования на новые рельсы.

В «Концепции гуманитарного образования в Республике Казахстан» (1994 г.) сказано следующее: «Поскольку прежняя система образования в республике не способствовала этнокультурной самоидентификации народов Казахстана, то необходимо практически пересмотреть данную ориентацию педагогики и, сохранив всё ценное, реформировать её в соответствии с этническими потребностями обучаемой аудитории. Национальная культурно-образовательная традиция нуждается во всестороннем методологическом развитии и организационно-методическом обеспечении, для чего необходимо создание специальной концепции этнокультурного образования в Республике Казахстан» [4, с. 26–27].

Обеспечение национальной безопасности Казахстана включает подъем экономики страны, укрепление правопорядка и социально-политической стабильности общества, формирование гармоничных межнациональных отношений, укрепление безопасности государства в оборонной и информационной сфере, соблюдение Конституции и законодательства, сбалансирование всех видов безопасности, правовое обеспечение реформ и эффективный контроль исполнения законодательных норм. Выполнение этих требований невозможно осуществить, развивая только промышленность или опираясь на один какой-то регион, они могут быть реализованы только комплексно, и единственно возможный путь на ближайшую перспективу – сохранение, развитие и мобилизация интеллектуального потенциала страны. Возрастание значимости регионов в государственной и общественной жизни страны усиливает значение проблемы географии учебных заведений. С ростом количества университетов появилась другая система организации образования, однако оставалось неравномерное распределение учебных заведений в стране.

Какими бы сложными ни были сегодняшние проблемы отечественной системы высшего образования, государство должно четко сформировать приоритетный характер преобразования высшей школы, ее интеллектуальной, научно-технической, культурной составляющей, что и определит в XXI в. облик общества, национальную безопасность Казахстана. Для этого необходимы кардинальные меры по улучшению материального и социального положения профессорско-преподавательского состава, переоснащению учебного процесса и обеспечению его информационными каналами; забота о воспитании, физическом и духовном здоровье студентов; усиление связи производства с наукой; воздействие образования на преодоление демографического кризиса в обществе. Эти меры будут способствовать внутриполитической и геополитической стабилизации, являться факторами ликвидации угроз национальной безопасности.

Список литературы

1. Новиков А.М. Постиндустриальное образование. – М.: Эгвес, 2008. – 136 с.
2. Ашилова М.С., Наливайко Н.В. Философия образования Востока и Запада: развитие диалога. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. – 300 с.
3. Назарбаев Н.А. Новый Казахстан в новом мире. Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана // Казахстанская правда. 2007. – 1 марта.
4. Концепция гуманитарного образования в Республике Казахстан. – Алматы, 1994.

Бобыло А.М.[1]

ЭКСПОРТ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» РОССИИ: ОПЫТ НИЯУ МИФИ

Ключевые слова: *экспорт образования, мягкая сила, высшая школа, Россия, НИЯУ МИФИ университет, ядерное образование.*

Keywords: *education export, soft power, higher school, Russia, NRNU MEPhI, university, nuclear education.*

Под влиянием нарастания процессов мировой глобализации, превращения образовательных услуг, предоставляемых государствами, в объект сферы международных отношений, национальная политика стран по экспорту высшего образования приобретает все более решающее значение. Большинство специалистов сходятся во мнении, что странами-лидерами не только мирового рынка образовательных услуг, но и всего мирового хозяйства, смогут стать только те государства, которые создадут эффективно функционирующую и отвечающую международным требованиям систему высшего образования[2]. В этой связи сегодня национальные правительства многих стран предпринимают огромные усилия и вкладывают значительные средства в привлечение талантливых студентов и ученых из-за рубежа, копируют и внедряют лучшие практики в собственные образовательные системы. В настоящее время на государственном уровне стратегии по интернационализации высшего образования разработаны в 22 странах мира[3]. Этому есть несколько причин:

Во-первых, экспорт высшего образования для многих стран (США, Австралия, Новая Зеландия, Великобритания, Сингапур, Китай, Республика Корея и др.) становится существенной статьей дохода в национальную экономику, ежегодно приносящей многомиллиардные доходы. Так, согласно статистическим данным, в настоящее время суммарные объемы доходов всех стран мира от экспорта образования превышают 100 млрд. долл. США, а общее число иностранных граждан, ежегодно направляющихся в другие страны для обучения, составляет более 5 млн. чел.[4]

Во-вторых, многие страны рассматривают международную образовательную миграцию как основополагающий элемент своей внешней политики, направленной на укрепление экономического и политического влияния в мире. Трансграничное образование реализуется в форме обучения иностранных студентов за рубежом, создания филиалов университетов, франчайзинга, аккредитации зарубежных университетов; развития двухдипломных программ; создания корпоративных или виртуальных университетов; распространения и развития системы дистанционного обучения, разработки и реализации национальных программ обучения[5]. В последние время растущие перспективы развития трансграничного образования связаны с использованием *e-learning* технологий в образовании, которые представляют собой систему дистанционного и сетевого обучения[6].

В-третьих, некоторые университеты приобретают транснациональный характер. Они во все большей степени начинают влиять на международные процессы так как способны выступать не просто внешнеполитическими трансляторами каких-либо установок государства, но и обладают возможностями для самостоятельного продуцирования нового знания, новых форматов публичной дипломатии. Американский ученый, автор концепции «мягкой силы» Джозеф Най считает университетское образование одним из ключевых внешнеполитических ресурсов государства. По его мнению, в эпоху глобализации и информатизации оно может помочь в формировании у своих и зарубежных студентов привлекательности того государства, в котором они получили образование[7].

Россия в настоящее время входит в число 10 стран-лидеров в области экспорта образовательных услуг[8]. Вместе с тем, ее позиция не соответствует сложившемуся образовательному потенциалу. После распада СССР доля России на

---

[1] Бобыло Андрей Михайлович – к.полит.н., зам. начальника Управления экспорта образования, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ». E-mail: sibiryak_84@mail.ru

[2] Gibbons M., Limoges C., Nowotny H., Schwartzman S., Scott P., Trow M. The New Production of Knowledge: The Dynamics of Science and Research in Contemporary Societies. – London: Sage Publications, 1994. – 204 p.

[3] Craciun D. National Policies for Higher Education Internationalization: A Global Comparative Perspective. 2018. – P. 95–106. 10.1007/978-3-319-77407-7_7.

[4] Экспорт образования: дайджест мировых тенденций // Информационно-аналитический журнал «Аккредитация в образовании». – http://akvobr.ru/eksport_obrazovania_daidzhest.html

[5] Яровая Н.С. Образовательные услуги в контексте структурно-функционального анализа // Вестник Ростовского государственного экономического университета «РИНХ». 2009. – С. 37–49. – https://cyberleninka.ru/article/v/obrazovatelnye-uslugi-v-kontekste-strukturno-funktsionalnogo-analiza

[6] Обзор европейского опыта интернационализации высшего образования. – Харьков: Изд-во НУА, 2010. – С. 10–21.

[7] Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power / Harvard University. 1990. – P. 58.

[8] Иноземцева Е.С. Товар, который не портится: мировые лидеры внешней торговли на рынке услуг высшего образования: текущее состояние и перспективы. 2013. – https://cyberleninka.ru/article/v/mirovye-lidery-vneshney-torgovli-na-rynke-uslug-vysshego-obrazovaniya-tekuschee-sostoyanie-i-perspektivy-1

международном рынке образовательных услуг значительно снизилась. Если в течение ряда лет Советский Союз занимал второе место по числу обучающихся иностранных студентов в мире (после США), то сейчас Россия по этому показателю находится лишь на седьмом месте, привлекая в основном группы студентов из развивающихся стран и стран СНГ. И это не только упущенная экономическая выгода, но также упускаемые возможности влияния России на международные политические процессы. В условиях сокращения численности населения, в том числе трудоспособных возрастов, нарастания тенденции его старения, а также дефицита абитуриентов экспорт образовательных услуг в форме обучения иностранных студентов в российских вузах становится одним из эффективных способов интеграции национальной системы образования в мировое образовательное пространство.

В 2018 г. группа экспертов из Центра стратегических разработок и Высшей школы экономики опубликовала доклад «Двенадцать решений для нового образования», в котором предложила конкретные шаги по экспорту российского образования. В докладе приводятся сравнительные статистические данные и прогнозные оценки. Так, например, отмечено, что российские вузы и колледжи имеют почти 4% иностранных студентов (225 тыс. человек). При этом меньше 0,8% россиян получает высшее образование за границей. Формально ситуация напоминает США и Великобританию, которые также выигрывают от «притока умов». Если рассмотреть ситуацию более детально, то позитивная тенденция характерна для бакалавриата (больше 10% иностранцев), но становится обратной в СПО и на более высоких уровнях образования. Среди аспирантов иностранных граждан всего 5%, в то время как в развитых странах – больше 20%[1]. Таким образом, приток в Россию человеческого капитала через образование слабо затрагивает два наиболее важных для экономики сектора: квалифицированные работники со средним профессиональным образованием и молодые исследователи.

Также в докладе отмечается тот факт, что, имея формально мощную систему экспорта профессионального образования, Россия не получает сопоставимых доходов. Так, например, Австралия, принимая столько же студентов, сколько Россия, зарабатывает 18 млрд. долларов США в год – Россия менее 1 млрд. долларов[2]. Эксперты отмечают, что повышению качества и росту количества иностранных студентов в России мешает неоптимальная структура иностранных студентов, отсутствие гибких финансовых инструментов и стимулов для талантливых иностранных магистрантов и аспирантов. Серьезным препятствием является нехватка конкурентоспособных условий проживания и учебы даже в ведущих университетах. Россия опоздала к началу формирования рынка глобальных образовательных продуктов, что создает риски доминирования даже в нашей собственной стране цифровых образовательных ресурсов крупных иностранных провайдеров и массовых онлайн-курсов иностранных университетов[3].

При этом в погоне за местом в международных рейтингах и достижением амбициозных показателей в сфере экспорта в ряде случаев наблюдается рост имитационных форм интернационализации некоторых российских вузов, приводящих к снижению качества образования, его девальвации на мировом рынке образовательных услуг. Так, например, в некоторых университетах обучаются иностранные студенты из развивающихся стран, имеющие слабую подготовку на уровне школьной программы. Вызывают вопросы научные публикации ряда научно-педагогических работников вузов в откровенно слабых и неавторитетных научных изданиях.

Активная целенаправленная политика по интернационализации высшего образования стала проводиться в РФ с начала 2000-х гг. На уровне правительства был утвержден ряд важных нормативных документов, направленных на повышение привлекательности российского образования за рубежом – Концепция государственной политики Российской Федерации в области подготовки национальных кадров для зарубежных стран в российских образовательных учреждениях (октябрь, 2002 г.); постановление Правительства Российской Федерации № 891 «Об установлении квоты на образование иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (октябрь, 2013 г.), которая ежегодно оплачивается из средств федерального бюджета для 15 000 иностранных граждан.

В 2017 г. Министерство науки и высшего образования РФ начало реализацию приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования», ключевой задачей которого является выявление и устранение барьеров в развитии интернационализации образования, создание условий, способствующих его оптимальному развитию. По оценкам экспертов, реализация проекта позволит к 2024 г. увеличить более чем в 2 раза численность иностранных обучающихся в вузах России: с 220 тыс. чел в 2019 г. до 425 тыс. чел. в 2024 г.[4] Предусматривается привлечение к работе не только федеральных органов исполнительной власти, но и ведущих российских корпораций, активно осуществляющих внешнеэкономическую деятельность.[5]

Экспорт российского образования осуществляется несколькими основными способами: разработка и внедрение трансграничных проектов; обучение иностранных студентов в российских вузах; коммерческое присутствие в странах-партнерах (совместные университеты, филиалы и представительства); работа российских преподавателей и ученых в зарубежных университетах.

На европейском направлении после присоединения России в 2003 г. к Болонской декларации в целом для российской высшей школы произошел ряд позитивных сдвигов, связанных с переходом к единым образовательным стандартам (двухуровневая система бакалавр-магистр, кредитно-модульная система), а также возможностью участия в

[1] Доклад «Двенадцать решений для нового образования». – https://www.hse.ru/ data/2018/04/06/1164671180/ Doklad obrazovanie_Web.pdf

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Приоритетный проект «Развитие экспортного потенциала российской системы образования». –https://минобрнауки.рф/проекты/экспорт-российского-образования

[5] Официальный сайт Министерства образования и науки Российской Федерации. – http://www.mon.ed.gov.ru

европейских научно-образовательных проектах, грантах ТЕМПУС и ЭРАЗМУС-МУНДУС, академических обменов для студентов и преподавателей. В то же время вступление России в Болонский процесс вызвало в академическом сообществе неоднозначную реакцию. Часть экспертов сочла, что Россия располагает достойным высшим образованием и радикально менять в нем ничего не следует. Высказывались опасения, что произойдет коренная и непоправимая ломка отечественного высшего образования. Другая часть экспертов, напротив, полагает, что медленная интеграция России приведет к тому, что российская высшая школа окажется неконкурентоспособной на европейском образовательном рынке.

Отмечается интенсификация образовательной политики, проводимая РФ на Азиатско-Тихоокеанском направлении. С рядом стран АТР (КНР, Япония, Вьетнам) Россия успешно реализует крупные международные проекты, среди которых создание двухсторонних ассоциаций университетов, рабочих групп и консультативных органов в образовательной и научно-технологической сфере, усиление международной академической мобильности, развитие образовательного партнерства на уровне региональных вузов. Одной из ключевых площадок для такого взаимодействия в последние годы становится Дальневосточный федеральный университет во Владивостоке.

Важнейшим инструментом поддержки и продвижения российского образования за рубежом является популяризация русского языка и обучение на русском. Так, на сегодняшний день разработаны и утверждены Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации»[1], Федеральная целевая программа «Русский язык» на 2016–2020 гг.[2], Концепция «Русская школа за рубежом»[3], Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом[4], реализуется международная волонтерская программа «Послы русского языка в мире», основан и активно работает фонд «Русский мир», Институты Пушкина и др. В результате этого комплекса мер, иностранная общественность сможет глубже понимать основы и особенности культуры, языка, образа мышления, жизненной философии российского народа.

В последние годы все чаще российские университеты позиционируются как центры «мягкой силы». Отечественные исследователи М.М. Лебедева и Ж. Фор отмечают, что «именно в студенческие годы у юношей и девушек формируется система ценностей, которая оказывает влияние на их мировоззрение в дальнейшем. Поскольку образование играет важную роль в процессе формирования предпочтений, оно направлено на категорию людей, чьи ценностные ориентиры и взгляды на мир сформировались не полностью, и эффективность воздействия «мягкой силой» на них достаточно высока. Погружаясь в среду новой культуры вместе со своими сверстниками, иностранные студенты приобретают ценный социальный капитал»[5]. Вместе с тем следует отметить, что эффективность высшего образования как ресурса «мягкой силы» может быть оценена только в долгосрочной перспективе, так как процесс обучения, восприятия ценностей и культуры, а также распространения накопленного знания среди людей в другой стране требует длительного времени и терпения со стороны проводников «мягкой силы».

Во-вторых, престиж государства возрастает, когда государство выпускает профессиональные кадры, которые вносят вклад в международные научные и практические исследования. Так, Россия обладает притягательной силой в таких сферах как теоретическая физика, информатика, математика, медицина и химия.

В-третьих, качественное высшее образование, быстрые темпы его развития и ориентация на потребности рынка труда, являются залогом улучшения экономической и социальной ситуации в стране. Так, например, возможным решением может стать формирование собственных программ подготовки специалистов. Разработка учебных материалов для стран-партнёров по отечественным технологиям, развитие компетенций национального профессорско-преподавательского состава и внедрение новых программ в национальные вузы может существенно сократить затраты наших партнёров. Таким образом, своим партнёрам Россия готова предложить наиболее подходящие решения для каждого конкретного случая, сохраняя при этом высочайшие стандарты качества образования.

Наконец, отдельные лица, проходившие обучение в чужой стране и впоследствии занимающие стратегически важные позиции на родине, склонны принимать лояльные решения по отношению к стране, в которой проходили обучение и провели там годы своей жизни. Россия ежегодно предоставляет квоты на обучение иностранных студентов в ведущих российских университетах по приоритетным направлениям подготовки.

В качестве иллюстрации эффективного использования «мягкой силы» можно рассмотреть экспорт российского ядерного образования за рубеж. В настоящее время Россия готовит квалифицированные кадры для функционирования всей национальной атомной отрасли, начиная от обслуживающего технического персонала и заканчивая руководителями национальных регуляторов и правительственных ведомств. Программы обучения для иностранного персонала основаны на методиках и стандартах МАГАТЭ. За последние несколько лет наблюдается положительная динамика роста количества иностранных студентов и специалистов, обучающихся по профильным направлениям подготовки в

---

[1] Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ (ред. от 05.05.2014) «О государственном языке Российской Федерации». – https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-01062005-n-53-fz-o/

[2] Федеральная целевая программа «Русский язык» на 2016-2020 гг. (утверждена постановлением Правительства РФ от № 481 от 20 мая 2015 г.). – https://base.garant.ru/71032818/

[3] Концепция «Русская школа за рубежом» (утв. Президентом РФ 4 ноября 2015 г.). – http://www.rs.gov.ru/uploads/document/file/21/rsh.pdf

[4] Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом (утв. Президентом РФ 3 ноября 2015 г.). – http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71145978/

[5] Лебедева М.М., Фор Ж. Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России // Вестник МГИМО (У). – М., 2009. – № 4. – С. 203.

сфере атомной энергетики. Так, в 2018–2019 учебном году по атомным специальностям в России обучается около 1400 чел. из 40 стран мира[1].

Несомненным лидером среди российских вузов в сфере подготовки зарубежных кадров для атомных объектов является Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ». По оценкам экспертов, в 2018 г. НИЯУ МИФИ признан лидером программы конкурентоспособности российских университетов (*5top100 Russian Academic Excellence Project*). За время реализации Программы «5-100» число иностранных студентов университета по всем направлениям подготовки выросло в 5 раз (с 300 в 2012 году до 1530 человек в 2018 году), а их доля в общем контингенте – в 7 раз (с 3 до 20%). В настоящее время география обучающихся представлена 64 странами мира[2].

При подготовке иностранных специалистов в интересах ГК «Росатом» в НИЯУ МИФИ успешно применяется практика прямого экспорта образования в страны присутствия Госкорпорации, которая подразумевает частичный перенос образовательного процесса на территорию зарубежных стран-партнеров. В настоящее время программы подготовки кадров в рамках данной модели реализуются с вузами Турции, Египта, Армении, Боливии.

Глобальным конкурентным преимуществом экспортно-ориентированных программ НИЯУ МИФИ является создание уникальных площадок для прохождения производственных практик для иностранных студентов и стажировок иностранных специалистов – ресурсных центров на базе предприятий атомной отрасли в Волгодонске, Нововоронеже и Обнинске, в которых ежегодно могут проходить обучение более 1000 студентов[3].

В рамках реализации совместных программ с зарубежными вузами многократно возросла мобильность преподавателей: в 2018 году преподаватели НИЯУ МИФИ посетили с лекциями более 20 стран мира, прогнозируемая география охвата к 2025 г – 100 стран[4].

Вслед за экономической экспансией России на постсоветское пространство НИЯУ МИФИ активно развивает сотрудничество со странами СНГ. Так, учитывая подписанное на правительственном уровне соглашение о начале строительства АЭС в Узбекистане, НИЯУ МИФИ в 2019 г. открыл свой филиал в г. Ташкенте, который нацелен на подготовку кадров для национальной ядерной отрасли. Совместно с Министерством образования Таджикистана реализуется перспективный проект «Лицей – СНГ», в котором принимают участие 11 школ Республики Таджикистан. Целью проекта является содействие повышению качества подготовки учащихся по общеобразовательным предметам на русском языке. Успешно реализуются программы повышения квалификации для белорусских работников АЭС.

В условиях глобальной конкуренции крайне важной представляется работа по привлечению в университет талантливых абитуриентов. Так, например, с начала 2019 года НИЯУ МИФИ принял участие в отборочных испытаниях на квоты ГК «Росатом» в ряде стран (Индия, Узбекистан, Армения, Боливия, Бангладеш). В 6 странах (Беларусь, Армения, Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Монголия) в 2019 г. были проведены предметные олимпиады по физике и математике. Общий охват участников превысил 3000 чел.[5].

Одним из уже устоявшихся трендов современного образования, способствующих развитию экспорта, является реализация онлайн-программ и курсов на английском языке, размещенных на платформах *Coursera, EdX*. В настоящее время общее количество зарегистрированных слушателей он-лайн курсов НИЯУ МИФИ составляет более 160 000 чел. из 153 стран мира[6].

Продолжается сотрудничество НИЯУ МИФИ по продвижению ядерного образования в рамках МАГАТЭ. Организована и успешно работает новая международная сеть ядерного образования (*STAR-NET*) регион Восточная Европа и Средняя Азия, направленная на продвижение стандартов ядерного образования, разработку новых курсов, модулей, учебных программ и материалов и виртуальных лабораторий для платформы *CLP4NET*.

Таким образом, богатый научно-образовательный потенциал российских технических вузов существенно повышают привлекательность России в мире. Значительное количество иностранных выпускников этих университетов, составляющих государственные элиты других стран, формирует крайне важный ресурс благожелательного отношения к стране за рубежом.

Вышеприведенные примеры деятельности НИЯУ МИФИ дают основания полагать, что существующий задел в сфере интернационализации образования и науки позволит достигнуть стратегической цели университета – становление его в качестве ведущего научно-образовательного и инновационного центра России в мире. Для усиления конкурентных позиций университета на глобальном образовательном рынке на следующем этапе развития экспортного потенциала вуза, необходимо создание кампуса международного уровня с развитой научной, образовательной, деловой, социальной и рекреационной, инновационной инфраструктурой. Это позволит НИЯУ МИФИ расширить свою научно-исследовательскую деятельность, обеспечить интеграцию с реальным сектором экономики, привлечь учёных мирового уровня и талантливых абитуриентов не только с из различных российских регионов, но и всего мира.

В то же время, наряду с очевидными достижениями в сфере экспорта высшего образования последних лет России предстоит еще очень многое сделать, чтобы сократить отставание от стран-лидеров международного рынка образовательных услуг. Амбициозные задачи по кратному увеличению количества иностранных студентов в России, росту дохода от экспорта образовательных услуг в национальную экономику страны, вхождению ряда российских университетов в элиту мирового образования, поставленные Правительством РФ, требуют принципиально нового управлен-

[1] Официальный сайт Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом». – http://www.rosatom.ru

[2] Официальный сайт Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ». – https://mephi.ru/

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Там же.

ческого подхода, больших финансовых вливаний в развитие высшей школы, значительных кадровых и интеллектуальных ресурсов.

Разработка стратегии интернационализации образования на национальном уровне требует существенного переосмысления, а также координации усилий целого ряда государственных структур, занимающихся смежными вопросами. Так, например, необходимо улучшать иммиграционную политику для иностранных граждан, приезжающих в Россию с целью получения образования, предоставлять им возможность трудоустройства на время учебы и после ее завершения. Для выстраивания адекватной стратегии экспорта образования и интернационализации в целом, необходимо опираться на анализ данных по мотивации будущих и обучающихся в настоящее время иностранных студентов и данных об их удовлетворенности обучением в России,

Большое внимание также следует уделять взаимодействию со структурами, вовлеченными в международную политику, в том числе со структурами и организациями, занимающимися разработкой технологических проблем, что обеспечит соответствие направлений развития интернационализации высшей школы основным направлениям российской внешней политики.

Богдан Н.И.
д.э.н., профессор, Белорусский государственный экономический университет
bohdannina@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СТРАН ЕАЭС В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ[1]

***Ключевые слова**: образование, человеческий капитал, цифровизация, компетенции.*

В октябре 2017 г. решением Высшего евразийского экономического совета были утверждены Основные направления реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года. В рамках реализации цифровой повестки необходимо накапливать компетенции в области цифрового развития. Важнейшими направлениями становятся формирование цифровых навыков, развитие творческого потенциала, роста компетенций выпускников высшей школы всех стран ЕАЭС.

Страны ЕАЭС характеризуются достаточно высоким уровнем человеческого развития (табл. 1).

Таблица 1

Показатели развития стран ЕАЭС по международным рейтингам

Страна	Численность населения, тыс. чел.	Индекс человеческого развития (рейтинг)		Глобальный индекс инноваций (рейтинг)		Глобальный индекс человеческого капитала (рейтинг)
	2017 г.	2017 г.	2018 г.	2018 г.	2019 г.	2017 г.
Беларусь	9491,8	50	53	86	72	–
Россия	146 880,4	50	49	46	46	16
Казахстан	18 157,1	56	58	74	79	29
Армения	2972,9	84	83	68	64	49
Киргизия	6256,7	120	122	94	90	46

Источник: составлено по данным международных рейтингов [1, 2, 3].

Анализ международных рейтингов показывает, что Беларусь и Россия имеют схожие по потенциалу рейтинги в области человеческого развития. Наиболее слабым потенциалом человеческих ресурсов для инноваций обладает Киргизия. Вместе с тем, положение стран в рейтинге инновационного развития не имеет тесной связи с оценкой человеческих ресурсов. Беларусь, обладая развитым человеческим потенциалом, занимала в 2018 г. 86 позицию в глобальном рейтинге инноваций и только к 2019 г. улучшила свое позиционирование. Новый рейтинг оценки качества человеческих ресурсов разных стран произведен докладом WEF «Глобальный индекс человеческого капитала» (The Global Human Capital Report 2017), который оценивает не только образование как важнейший ресурс современного развития, но и практику его использования, т.е. в значительной степени компетенции подготовленных кадров.

Авторы доклада полагают, что человеческий капитал людей в виде соответствующих навыков, вероятно, даст более высокую отдачу, если вкладываться в него оптимально, начиная с раннего возраста, и может также быть обесцененным, если не будет поддерживаться и развиваться непрерывно. Технологические изменения, вызванные четвертой промышленной революцией, требуют диверсификации навыков и приобретения более передовых ноу-хау. Признается, что знания, таланты и навыки людей являются ключевыми движущими силами процветающей и инклюзивной экономики, поэтому максимизация человеческого капитала должна быть и оставаться главным приоритетом как для бизнеса, так и для политических лидеров. Принципиальным является оценка человеческого капитала страны на основе результатов, а не ресурсов или средств.

Человеческий капитал – это знания, умения и установки, позволяющие человеку создавать доход и другие полезные эффекты. Любые возможности человека становятся его «капиталом», как только они задействуются в полезной, производительной деятельности. Ключевым элементом человеческого капитала в условиях цифровой экономики становится интеллектуальный капитал – способность генерировать и осваивать инновации, осуществлять творческую деятельность.

Качество образования во многом определяется возможностями финансирования. Государственные расходы на образование в странах ЕАЭС заметно различаются (табл. 2). В последние годы относительно ВВП сократились расходы на образование в России и Беларуси, возросли в Киргизии, Казахстане, сохраняются низкими в Армении.

[1] Результаты исследования в рамках проекта международной технической помощи № 574087-EPP-1-2016-1-ES-EPPKA2-CBHE-SP (2016-3219) «Fostering Competencies Development in Belarusian Higher Education» (FOSTERC) Erasmus+ Programme, CBHEK2, финансируемого Европейской Комиссией [http://fosterc.webs.upv.es/]. Мнение автора статьи не обязательно совпадает с мнением Еврокомиссии.

Страны ЕАЭС имеют различные показатели охвата населения третичным уровнем образования (МСКО 5-8). Наиболее высокие показатели у Беларуси и России (91,3 и 81,8), ниже у Казахстана, Киргизии и Армении (46,1; 45,9; 51,1 соответственно). Одной из особенностей финансирования образования в странах ЕАЭС является низкий удельный вес затрат на высшую ступень образования. Например, в Беларуси при высокой доле контингента учащихся на третьей ступени образования, в бюджетных расходах на образование доля затрат на образование третьей ступени невысока и сокращается: в 2008 г. составляла – 20%, в 2013 г. – 17,5% общего объема средств, выделяемых на образование, в других странах ЕАЭС она еще ниже: Казахстан – 13%, Армения – 9% [4]. Основная часть расходов на образование используется на уровне среднего образования. В развитых странах доля расходов на образование третьей ступени в структуре затрат на образование гораздо выше. За последнее десятилетие страны ОЭСР увеличили расходы на третичный уровень образования на 9%, достигнув в среднем 1,5% ВВП, при этом треть этих расходов связана с затратами на исследования и разработки [5]. К сожалению, в вузах Беларуси расходы на НИОКР составляют лишь 10% общих затрат на науку, что, несомненно, снижает и качество образовательного процесса.

Таблица 2

Показатели образования в странах ЕАЭС

Показатели	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Государственные расходы на образование, % ВВП (2017)	2,2	4,7	3,5	6,2	3,5
Охват населения с третичным образованием (уровни 5–8 МСКО 2011), % от численности населения в соответствующем возрасте), (2016)	51,1	91,5	46,1	45,9	81,8

Рассчитано по: Belarus and countries of the world: Statistical book. – Minsk, 2018.

Низкие затраты на образование высшей ступени приводят к отрицательным последствиям. Устойчивое недофинансирование образования снижает его качество и отчасти стимулирует отток студентов для обучения в других странах. По данным статистики Юнеско («Global Education Digest 2012»), например, в Беларуси за рубежом обучалось 28,8 тыс., в 2014 г. их число составляло уже 35 тыс. Наибольшее число студентов, выбравших образование за рубежом, из стран ЕАЭС имеют Беларусь – 6,39% контингента, Казахстан – 6,25% контингента, Армения – 5,67% контингента студентов. Студенты из России, выбравшие зарубежное образование, составляют относительно незначительную величину – 0,67% контингента, наиболее привлекательны для них Германия (17%); Чехия (9,4%); США (9,2%) контингента уехавших. По данным образовательного фонда «Перспектива» в 2018 году только в вузах Польши и России обучалось около 20 тыс. белорусских студентов, что составляет 8% количества студентов, обучающихся в Беларуси[1].

Специалисты с высшим образованием, как показало исследование, более устойчивы к длительной безработице. Процент безработных в возрасте от 25 до 64 лет в зависимости от уровня образования (2018 год): в среднем по ОЭСР безработица составляет 5%, из них безработных с высшим образованием 30%, со средним – более 40% [5]. Наши расчеты показывают, что в Беларуси доля населения с образованием третьей ступени в возрасте 30–34 года составляет 59%, что выше, чем у многих европейских стран. Важную роль в инновационном развитии играет структура подготовки кадров по специальностям. В последние годы международные исследования оценивают подготовку специалистов по т.н. STEM специальностям (естественно-научная и инженерная подготовка). Более 24% контингента студентов обучаются в Беларуси по STEM специальностям, в России – 23,5% студентов. Заметно ниже доля студентов с естественно-научным и техническим образованием в Киргизии и Казахстане (15%). Доля выпускников вузов по STEM специальностям в России и Беларуси соответствует общеевропейской структуре подготовки кадров. В ЕС доля студентов STEM специальностей возросла с 24,6% в 2007 г. до 27,8 % в 2015 г.

Российские исследователи отмечают, что высокий формальный образовательный потенциал населения России не капитализируется в полной мере: в группе стран с высоким охватом населения высшим и средним профессиональным образованием у России самый низкий подушевой ВВП, недостаточная динамика производительности труда [6]. В Глобальном индексе человеческого капитала из 130 стран Россия занимает очень высокое (4 место в мире) с точки зрения охвата населения разными уровнями формального образования, но лишь 42 место по параметрам реального использования навыков в трудовой деятельности и включенности в непрерывное образование. Казахстан имеет индекс человеческого капитала 69,8 с 29 позицией в рейтинге, Киргизия занимает 46 позицию, Армения имеет рейтинг 49 из 130 стран. Лишь у Армении рейтинг потенциала совпадает с позицией страны в его использовании.

Как правило, эти позиции в рейтинге человеческого капитала стран ЕАЭС обусловлены хорошим уровнем образовательного потенциала пожилого населения страны, обеспеченного советской образовательной системой, но к сожалению, компетенций для современной цифровой экономики недостаточно, о чем свидетельствуют рейтинги стран по использованию навыков в профессиональной деятельности (64, 70, 47 соответственно). Беларусь не участвовала в данном рейтинге оценки человеческого капитала страны. Однако ситуация примерно та же. Исследования Всемирного банка [7] в Беларуси показывают, что бизнес как потребителя не устраивает качество подготовки специалистов: 12 процента опрошенных отметили, что важнейшим препятствием для роста бизнеса является качество образования. Это примерно в два раза больше, чем в среднем для стран Европы и Центральной Азии.

Таким образом, все страны ЕАЭС имеют схожие позиции в мировом табеле о рангах по использованию накопленного человеческого потенциала для развития современной цифровой экономики и показывают слабость реального

[1] Сколько белорусских студентов уезжают учиться в Россию и Польшу. – https://news.tut.by/society/648038.html

влияния формально высокого уровня образования населения на экономический рост и его устойчивость. Недостатки связаны с качеством образования и формированием компетенций для современного развития.

Возможности преодоления существующего разрыва между потребностями рынка труда и подготовкой кадров исследователи видят в развитии т.н. transferable skills – передаваемых навыков (часто называемых «мягкими», сквозными, ключевыми или поведенческими навыками) их можно охарактеризовать как компетенции, не связанные с работой, которые являются центральными для профессионального мастерства в широком диапазоне, поскольку они позволяют сотрудникам ориентироваться в своей среде и эффективно работать как самостоятельно, так и с другими. Необходимо повысить осведомленность о важности поведенческих навыков среди всех заинтересованных сторон, включая государственные учреждения, гражданское общество и частный бизнес, что должно увеличить их поддержку в приобретении и оценке передаваемых навыков во всех процессах управления персоналом – от найма и обучения сотрудников до оценки эффективности. Требуется принять комплекс мер по совершенствованию образовательного процесса (содействие приобретению, разработке и сертификации передаваемых навыков на всех уровнях в соответствии с передовыми методами и моделями), чтобы студенты были лучше подготовлены к тому, чтобы справляться с неопределенностями и быстро меняющимся характером экономики и общества в XXI веке.

В 2017–2019 гг. ряд вузов Беларуси приняли участие в европейском проекте FOSTERC (Fostering Competencies Development in Belarusian Higher Education), нацеленном на усиление использования инновационных принципов и подходов к преподаванию и обучению в белорусских высших учебных заведениях для улучшения результатов обучения выпускников на основе компетенций. В рамках проекта проведены семинары и 3 анкетирования, в которых участвовали более 5000 выпускников белорусских вузов, более 3000 преподавателей и 260 работодателей. Анализ показал, что есть заметные расхождения между требованиями рынка труда и компетенциями, обеспечиваемыми университетами. Способности вести переговоры, диагностировать проблемы, адаптироваться к изменениям являются наиболее проблематичными. Учебные программы дают невысокие навыки и знания для занятия предпринимательством. Результаты исследования еще требуют глубокого изучения и трансформации знаний в новые педагогические методики и учебные программы, совершенствование управления и финансирования.

Таким образом, страны ЕАЭС стоят перед лицом общемировых проблем формирования новой политики в сфере образования, учитывающей динамику современного развития, требований к росту качества образования. Усложнение социокультурной образовательной среды, связанной с динамичным развитием науки и технологий, усиливает потребность в педагогических кадрах, способных решать задачи модернизации на всех уровнях образования, возникает потребность *выработки единой стратегии интеграции стран ЕАЭС направленной на повышение международной конкурентоспособности образовательных организаций* и системы образования в целом.

Список литературы

1. Human Development Indicators and Indices: 2018 Statistical Update. – http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update.pdf
2. The Global Innovation Index 2019: Creating Healthy Lives – The Future of Medical Innovation. – Ithaca; Fontainebleau; Geneva: Cornell University, INSEAD, and WIPO.
3. The Global Human Capital Report 2017. World Economic Forum. – https://www.weforum.org/reports/the-global-human-capital-report-2017
4. UNESCO Science Report: towards 2030. UNESCO Publishing, 75352. – http://unesdoc.unesco.org/images/0023/002354/235407r.pdf
5. Education at a Glance 2019: OECD Indicators / OECD Publishing. – https://doi.org/10.1787/f8d7880d-en
6. Двенадцать решений для нового образования: доклад Центра стратегических разработок и Высшей школы экономики. – https://publications.hse.ru/books/218061780
7. Belarus Enterprise Surveys. 2018. – https://www.enterprisesurveys.org/en/data/exploreeconomies/2018/belarus

Бражник Е.И.[1]

ПЕРСПЕКТИВЫ ПОДГОТОВКИ НАУЧНОЙ МОЛОДЕЖИ ИЗ ДРУГИХ СТРАН

Ключевые слова*: подготовка зарубежных аспирантов, мотивация обучения в российской аспирантуре, международный исследовательский проект, взаимодействие вузов КНР и России.*

Keywords*: training of foreign graduate students, motivation for studying in Russian graduate school, international research project, interaction between universities of China and Russia.*

В различных исследованиях отмечается количественный рост иностранных обучающихся в российских вузах. Важным стратегическим партнером для России в развитии высшего образования в настоящее время является Китай. В последние десятилетия система высшего образования КНР подверглась реформам, которые привели как к увеличению численности студентов в высших учебных заведениях, так и к развитию процесса интернационализации высшего образования, которая проявляется в активной академической мобильности. Формы международного взаимодействия в университетах КНР зависят от регионов страны. Университеты (пример университета Цинхуа) в высокоразвитых социально-экономических регионах могут развивать академические обмены, проводить совместные исследования, создавать совместные учебные программы. Правительство КНР в настоящее время проводит открытую образовательную политику. Китай в настоящее время отправляет в зарубежные вузы значительное число студентов, которые обучаются либо за свои финансовые средства, либо за счет стипендий китайского правительства[2].

В 2020 году поставлена в стране задача – предоставить 25 тыс. стипендий для развития академической мобильности китайских студентов. Многие китайские студенты сами хотят покинуть свою страну, чтобы продолжать учиться после окончания университета за рубежом в целях получения более интересной для них профессии, либо в магистратуре или аспирантуре, в доступе к которым им отказано в своей родной стране. Процесс интернационализации высшего образования способствует развитию мощной подготовки не только студенческой молодежи из-за рубежа, но и научных кадров из разных стран мира[3].

Партнерскому сотрудничеству России и Китая в сфере образования способствуют принятые нормативно-правовые документы, среди которых соглашения о культурном сотрудничестве (1992), о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании и ученых степенях (1995), об изучении русского языка в Китае и китайского языка в России (2005); соглашение между Минобрнауки России и Минобразования Китая о сотрудничестве в области образования (2006)[4].

Сотрудничество китайских вузов с высшими учебными заведения нашей страны способствует развитию разнообразных форм межвузовского взаимодействия:

– проведение международных научно-исследовательских и научно-практических конференций, семинаров, тренингов, творческих дискуссий, мастер-классов;

– реализация научно-исследовательских и образовательных программ, совместных проектов;

– ознакомление с достижениями национальной культуры и искусства России и Китая;

– участие специалистов обеих сторон в издании научных монографий, сборников научных трудов; обмен научной информацией[5].

В ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» принята Программа развития на 2019–2023 гг., которая включает задачу повышения качества университетского образования путем интеграции науки и образования, перехода к современным моделям стратегического партнерства с зарубежными ву-

---

[1] Бражник Евгения Ивановна – д.п.н., профессор кафедры воспитания и социализации, РГПУ, Санкт-Петербург. Научные интересы: сравнительное образование, общая педагогика, история педагогики, социальная педагогика и социальная работа в России и за рубежом. E-mail: ev.brajnik@gmail.com

Исследовательские интересы РГПУ им. А.И. Герцена охватывают все научные области (гуманитарные, общественные, естественнонаучные). Значительная часть исследований связана с педагогической наукой, особенностями преподавания учебных дисциплин, их методическими и дидактическими принципами.

[2] Прохоров А.В. Интернационализация высшего образования в странах Азии // Социально-экономические явления и процессы. 2012. – № 7–8 (041-042). – С. 221–224; Садыкова В. В. Интернационализация образования в КНР. – http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/40199/1/kiis_2016_045.pdf

[3] Шведова И.А. Интернационализация высшего образования в Китае // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. – № 1 (21). – С. 132–138.

[4] Гревцева Г.Я. Сотрудничество России и Китая в сфере образования // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». 2017. – Т. 9, № 2. – С. 43–52.

[5] Ефремова Л.И. О российско-китайском сотрудничестве в области образования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – М., 2017. – Т. 17, № 4. – С. 857–865. DOI: 22363/2313-0660-2017-17-4-857-865; Гревцева Г.Я. Сотрудничество России и Китая в сфере образования // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». 2017. – Т. 9, № 2. – С. 43–52.

зами, расширения экспорта образовательных услуг. В педагогическом университете организована подготовка научной молодежи из других стран, ставится цель как можно больше привлечь желающих учиться из стран ближнего зарубежья, Среднего и Ближнего Востока, Азиатско-Тихоокеанского региона[1].

Информация, представленная на сайте Министерства науки и образования Российской Федерации (2019)[2] показывает, что поступление в российскую аспирантуру зарубежных обучающихся может быть вызвано разными мотивами, среди которых:

- привлекательность социокультурных особенностей Российской Федерации,
- сравнительно недорогая плата за обучение,
- невозможность по каким-либо причинам получить такой высокий уровень образования в своей стране,
- лучшие перспективы трудоустройства в своей стране после защиты диссертации, интерес к изучаемой области, например, педагогической и др.

Может привлекать также иностранных кандидатов в аспирантуру достаточно короткий срок обучения в российской аспирантуре (3–4 года) по сравнению с продолжительностью обучения аспирантов в других странах (4–6–8 лет).

Далее представлен выбор научной гуманитарной, педагогической специализации в аспирантуре[3]:

«59,3% – потому, что она соответствует способностям обучающихся, их умениям, научным интересам;

14,8% – привлекает творческий характер этой научной специализации (профессии); 14,8% – были направлены целенаправленно учиться в аспирантуру по этой научной специализации;

7,4% – высокий престиж этой специализации (профессии);

7,4% – по этой профессии легко трудоустроиться;

7,4% – выбрали случайно».

К настоящему времени, отмечается на сайте Министерства науки и высшего образования, 90% иностранных кандидатов поступают в российскую аспирантуру с первой попытки. Это возможно практически на безальтернативной основе. В связи с этой ситуацией есть риск набора аспирантов, плохо знающих русский язык и неготовых к проведению самостоятельного научного исследования. Вместе с тем опыт подготовки молодых научных кадров в других странах показывает, что при поступлении в зарубежную аспирантуру существует альтернативный набор кандидатов с учетом мотивация к обучению, стажа работы по профилю диссертации и наличия высоких научных достижений[4].

Основываясь на своем опыте руководства исследованиями зарубежных аспирантов по педагогической профессии (специальность 13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования), хотелось бы отметить, что для получения нового научного знания в этой области, а также для дальнейшего построения успешного взаимодействия с зарубежными партнерами, важным в современный период является проведение сравнительных (компаративистских) педагогических исследований. Личный опыт и знания зарубежных обучающихся, их возможности взаимодействия с различными институтами в своей стране могут способствовать успешному изучению «общего и особенного» в России и за рубежом в сфере образования. При этом зарубежный аспирант, обучающийся в российской аспирантуре, может получить также опыт участия в коллективном международном исследовании. Подобный проект коллективного исследования, в котором под руководством российского научного руководителя участвовали два исследователя из России, и один аспирант из Китая, был поддержан РФФИ в 2016 году по теме «Становление и развитие научно-образовательной среды в современных университетах Китая и России» (№ 16-06-00083). Проект был направлен на раскрытие сущности, структуры, проблем, основных направлений и путей развития научно-образовательной среды в современных социокультурных условиях в университетах Китайской Народной Республики и Российской Федерации. Был опубликован ряд статей, в которых описаны методология и методы исследования научно-образовательной среды в современных университетах Китая. Изучались вопросы истории и современного состояния университетского образования в Китае, особенности его развития в разные исторические периоды и традиции, сохраняющиеся в ценностных установках университетского образования. В исследовании была выявлена специфика формирования научно-правовых основ формирования научно-образовательной среды в современных университетах КНР и России. Изучено содержание основных нормативных документов, которые влияют на развитие университетского образования в настоящее время. Выявлено значение информационно-коммуникативной среды в подготовке студентов к научно-исследовательской деятельности в современных университетах Китая. Изучалась деятельность университетов России и Китая по построению системы инновационной информационной инфраструктуры и др.

В результате реализации коллективного исследовательского проекта в период 2016–2018 гг. было опубликовано 28 статей и подготовлена монография[5]. Опыт реализации проекта показал, что коллективные исследования с участием зарубежных аспирантов, обучающихся в российской аспирантуре, могут успешно решать актуальные проблемы развития научного знания и способствовать успешной подготовке диссертационного исследования самим зарубежным аспирантом[6].

---

[1] Сайт РГПУ им. А.И. Герцена. – https://www.herzen.spb.ru

[2] Мотивы выбора научно специализации и источники информации о российской аспирантуре, степень сложности поступления в нее. – http://www.russia.edu.ru/information/analit/766/

[3] Там же.

[4] Мироненко Е.С. Современные тенденции в развитии аспирантуры в контексте зарубежного и российского опыта. – https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-v-razvitii-aspirantury-v-kontekste-zarubezhnogo-i-rossiyskogo-opyta

[5] Тенденции развития научно-образовательной среды в современных университетах Китая и России: Коллективная монография / Е.И. Бражник, А.В. Жданов, А.В. Тряпицын, Юань Ф. – СПб.: Свое издательство, 2019. – 220 с.

[6] Юань Фаньфань Организационно-педагогические условия приобщения студентов к научно-исследовательской деятельности в университетах Китая: автореф. дис …канд. пед. наук. – Санкт-Петербург, 2019.

Голоскоков Л.В.
д.ю.н., доцент, зав. кафедрой гражданско-правовых дисциплин, Московская академия Следственного комитета РФ

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ[1]

Ключевые слова: *право, законодательство, государство, наука, образование.*

Проблемы правового обеспечения науки и образования мы рассмотрим с позиций широкого философского подхода, а также путём сравнения с некоторыми реалиями нашего научного и образовательного прошлого.

В сфере образования за длительный период Минвуз СССР создал всего 263 документа, которые регулировали правоотношения в сфере образования. Министерства образования России, которые за 28 лет имели разные названия, произвели на свет 25 519 документов, что на два порядка больше документов советского периода. Одних только форм в России создано 1232, что почти в 5 раз больше числа всех нормативных правовых актов СССР в сфере образования. Советское образование позволило запустить первый спутник, первого космонавта и поддерживать относительный паритет в науке, технике, военных технологиях с экономическим гигантом – США. В то время регулирование деятельности вузов осуществлялось минимальным количеством норм права всякого рода, среди которых абсолютно преобладали нормативные правовые акты низкого уровня, а не законы, и это означает, что качество образования было очень высоким, а правовое регулирование сферы образования было более чем эффективным: мало норм права, форм и отчётов, но грандиозные успехи в развитии промышленности, освоении космоса, атома и т.п.

В регионах России за весь российский период региональными министерствами образования и науки, как нам удалось приблизительно оценить с помощью СПС Консультант Плюс, создано более 32 тыс. документов, а всего федеральных и региональных документов в сфере образования и науки создано около 58 тыс. документов. Наука и образование России захлебнулись в море нормативных правовых актов, документов, форм и отчётов, которые нужно представлять во всё новых и новых формах. Формы породили колоссальный пласт отчётности, которая начинает по количеству затрачиваемых на её создание ресурсов времени и усилий превышать время и усилия, которые идут на образовательный и научный процесс, и это означает, что планы тех, кто затеял данный процесс, успешно осуществляются: развитие науки тормозится, уровень образования падает, численность аспирантов, докторантов, профессуры уменьшается; найти даже простого доцента на вакантную должность вуза стало сложным делом, не говоря уже о докторах и профессорах.

В сфере науки и образования сверху начат и успешно продолжается мощный имитационный процесс: по задумкам эффективных менеджеров, действующих в этой сфере, цифра должна вытеснить сущность работы и конечный результат, и это уже почти произошло. Доказывается этот тезис элементарно: представим на минуту, что будет, если завтра исчезнет сайт E-library вместе со всей её информацией: публикации, РИНЦ, индекс Хирша и прочее. Что останется? Ничего не останется. В вузовской среде начнётся смятение: ректора не будут знать, кому платить за высокий индекс Хирша и количество публикаций, потеряются всякие ориентиры, кто и какой вклад внёс в науку и внёс ли вообще, ведь чаще всего кроме количества статей и индекса Хирша в реальности нет ничего. Операция, равнозначная выключению Солнца – не будет видно ничего. В значительной мере такое будет обеспечено тем, что фундаментальных работ, которые бы внесли в науку нечто существенное, позитивное, да ещё воплощённое в практику в области гуманитарных наук, особенно, права и экономики – почти нет.

Как мы видим, запредельная формализация и правовое регулирование научного, образовательного и вообще творческого процесса уже привели к усмирению науки и образования в соответствии с представлениями генераторов идей либерального проекта.

К чему это привело, каким образом собираются решать в будущем некоторые актуальные проблемы в стране и регионах, интересно рассмотреть на примере Республики Тыва, потому что она имеет некоторое особое положение – это самый бедный регион. Научное обеспечение процесса управления в республике собирается дать НИИ Республики Тыва.

На официальном портале Республики Тыва размещена информация о впечатлениях от выступления Главы Республики Тыва Шолбана Кара-оола, состоявшегося 26 февраля 2019 г. Более чем интересным нам показалось впечатление от этого выступления Кара-кыс Аракчаа, директора ГБОУ «Научно-исследовательский институт медико-социальных проблем и управления Республики Тыва», и поэтому мы процитируем его полностью:

[1] Подготовлено при информационной поддержке СПС КонсультантПлюс.

«Президент поручил к 2024 году снизить бедность в два раза. Очень сложная задача, если учесть, что до этого на точно такой же результат у нас ушло более 15 лет. Поэтому я согласна с Главой республики, что к решению проблемы надо подходить научно.

Надо понять, в чём первопричины хронической бедности в Туве.

Например, очень помогло бы составление этнопсихологического портрета нашей бедности. Чем больше будем знать, тем больше шансов влиять на сознание человека таким образом, чтобы он сам захотел выйти из состояния бедности, стать предпринимателем.

Конечно, проблему необходимо изучать со всех сторон. Нужна исследовательская группа, в которую входили бы экономисты, математики, социологи. Эта группа должна разобраться, что есть бедность в России, как её оценивать в целом и по регионам. Здесь унификация и обобщение, на мой взгляд, недопустимы – как в критериях, так и в последующих мерах.

Вот Туву назвали самой бедной. Но я хорошо помню, как в 2013 году ВЦИОМ делал опрос по России, кто самый счастливый? И в этом рейтинге мы были на первом месте.

Если б мы были недовольны своим уровнем жизни, то вряд ли ощущали себя счастливыми. Так что вопрос методологии расчета актуален и, думаю, учёные с удовольствием бы занялись этой проблемой»[1].

Вот так думает директор Научно-исследовательского института. А что ему остаётся делать?

Разберёмся с тезисами директора НИИ, который призван выдавать рекомендации властям региона по вопросам медико-социальных проблем и управления.

Итак, в чём первопричины хронической бедности в Туве? Не нужно быть директором НИИ и проводить сложные исследования, чтобы с ходу дать ответы на этот вопрос. Первая причина в том, что бедность охватила всю страну, а не только один регион. Четверть века идёт вывоз капитала из страны, и на эту цель трудится весь народ, так почему он должен быть в таком случае богатым? Цель задана сверху, народ не возражает, поэтому стенания о том, что какой-то отдельный регион бедный – неуместны.

Ряд других причин по Республике Тыва общеизвестен и не нуждается в их обнаружении научными методами: отсутствие промышленности, безработица, наркотизация, преступность, низкий уровень образования, коррупция местной власти, тотальное воровство, отсутствие перспектив и прочее.

Причина, связанная с наукой. Министерство науки в Тыве есть, а науки почти нет. На 21 сентября 2019 года имеется в наличии 176 нормативных правовых актов, изданных Министерством образования и науки Республики Тыва[2]. Для сравнения, Академия наук СССР и Государственный комитет по науке и технике СССР имели на момент окончания существования СССР всего 70 документов, и при этом в области науки СССР имел феноменальную эффективность, поскольку сохранял относительный научный паритет с США. При этом размеры Республики Тыва по сравнению с размерами, численностью населения и научным потенциалом СССР разнятся на несколько порядков, они просто несравнимы, но именно в отношении количества нормативных правовых актов и документов по обеспечению науки и образования Республика Тыва превзошла СССР в разы. Иначе говоря, все усилия науки республики за три десятка лет ушли в сочинение бумаг, а в это время сама наука постепенно исчезала. Правовое обеспечение науки и образования в Республике Тыва находится на недосягаемом для СССР «высоком» (в плане количества бумаг) уровне, а качество и содержание науки упало практически до нуля.

Из впечатлений директора НИИ почти вытекает недосказанное: мы счастливы именно потому, что являемся самыми бедными, но тогда и вывод отсюда вытекает простейший – если и другие регионы станут бедными, то они тоже будут счастливыми, как Республика Тыва. Похоже, этот вывод взят на вооружение и практически реализуется во всех регионах, поскольку статистика свидетельствует об уменьшении доходов населения уже более 5 лет подряд.

Цифры, описывающие достижения науки и образования в более успешных регионах, будут значительно больше, чем в Республике Тыва, но сути дела это не меняет, так как тенденция движения науки и образования направлена на спад во всех регионах и в стране в целом. Поэтому Тыву мы взяли лишь для наиболее яркой иллюстрации общего тренда, итогом которого может стать наступление всеобщего счастья во всех регионах.

Что задаёт направление такой тенденции? Мы полагаем, что это заданная сверху установка, а её реализация происходит разными способами, в числе которых правовое обеспечение такого процесса является наиболее эффективным. Именно с этих позиций рассмотрим новейший важный документ – «Доктрину энергетической безопасности Российской Федерации»[3]. Одновременно будем рассматривать данную доктрину с позиции правового обеспечения науки и обратного процесса – как наука обеспечивает развитие страны в важнейших стратегических направлениях.

С позиции правового обеспечения науки Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации, являющаяся правовым документом, выглядит совсем слабо – в ней всего три раза даются общие ссылки на науку, но о том, что наука должна искать новые пути развития атомной и термоядерной энергетики, новые источники энергии в Доктрине ничего нет, в то время как именно крупнейшие энергетические компании страны должны бы озаботиться финансированием науки как для собственного ускоренного и инновационного развития, то есть, не связанного с нефтью и газом, так и для развития всей страны. Почему-то ректор ведущего университета Саудовской Аравии (King Abdulaziz University, примерно 200-е место в рейтинге, миссия которого обозначена как «Ответственность сообщества: развитие знаний, научные исследования, инновации и предпринимательство»), профессор физической химии Аб-

[1] Официальный портал Республики Тыва. – http://gov.tuva.ru/press_center/news/science/39050/

[2] По данным СПС КонсультантПлюс.

[3] Указ Президента РФ от 13.05.2019 № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» // КонсультантПлюс.

дулрахман Обайд аль Юби в своей речи пять раз обращается к интернациональной аудитории университета со словами «Дорогие братья и коллеги!» и кончает речь так: «В конце концов, никто из нас не может согласиться на меньшее, чем стремление к звездам»[1]. Ведущая нефтяная держава, у которой в отличие от России, ничего, кроме нефти нет, собирается тянуться к звёздам, что означает в переводе с метафорического языка на язык научный – открывать и внедрять новые технологии, а Россия в своей доктрине обеспокоена наличием конкуренции и слишком большими успехами конкурентов. Мы недовольны тем, что кто-то стал умнее и сильнее. Вот эти опасения. Первым в списке вызовов Доктриной названо: *перемещение центра мирового экономического роста в Азиатско-Тихоокеанский регион*.

Перемещение такое происходит потому, что там развивается наука, её достижения быстро внедряются, возникают новые центры производства продукции, которые и обеспечивают рост экономики, но это не наша наука и не наша экономика. Данный вызов нужно парировать развитием собственной науки и производства, а не сожалеть о том, что где-то там идёт более успешное развитие, и оно нам мешает. Для этого нужно вкладывать деньги в науку, но Россия в этом отстаёт от всех передовых и даже не очень передовых стран. Конкуренция в России де-факто минимизирована растущими монополиями, но на мировом рынке никто конкуренцию не отменял, в том числе между государствами. Мы любим заимствовать новое на Западе. В данном случае не грех позаимствовать и на Востоке лозунги миссии университета King Abdulaziz University даже без всяких изменений и начать что-то делать.

Второй вызов по версии Доктрины: *замедление роста мирового спроса на энергоресурсы и изменение его структуры, в том числе вследствие замещения нефтепродуктов другими видами энергоресурсов, развития энергосбережения и повышения энергетической эффективности*.

В этом вызове, как Россия его сформулировала для себя, она видит угрозу в том, что идёт замедление роста мирового спроса на энергоресурсы. Однако на самом деле это замечательно, потому что планета Земля и так уже не выдерживает разрушительной деятельности человека, а здесь появился хоть какой-то просвет в том, что человечество стало меньше тратить энергии, добываемой через нефть, заниматься сбережением. Это надо приветствовать, а не жаловаться, не трактовать эти факты как угрозу. Это значит, что Россия не вписывается в позитивный мировой тренд и делает упор только на свои нефть и газ, в то время как мир осваивает иные ресурсы, открываемые с помощью своей науки.

Последний в списке вызовов: *увеличение доли возобновляемых источников энергии в мировом топливно-энергетическом балансе.*

Снова Россия обеспокоена мировым прогрессом и своим растущим отставанием. В таком случае нужно самим увеличивать долю возобновляемых источников энергии и продавать на внешнем рынке «чистую» энергию, а не одну нефть. Ведь мы назвались энергетической державой, и доктрина у нас энергетическая, а не нефтяная или газовая.

Теперь посмотрим, какие внешнеэкономические и внешнеполитические угрозы энергетической безопасности обозначила Россия в Доктрине:

а) сокращение традиционных для Российской Федерации внешних энергетических рынков и трудности, связанные с выходом на новые энергетические рынки;

б) использование иностранными государствами договорно-правовых, международно-правовых и финансовых механизмов в целях нанесения ущерба топливно-энергетическому комплексу Российской Федерации и её экономике в целом;

в) дискриминация российских организаций топливно-энергетического комплекса на мировых энергетических рынках путем изменения международного нормативно-правового регулирования в сфере энергетики, в том числе под предлогом реализации климатической и экологической политики или диверсификации источников импорта энергоресурсов;

г) незаконный отбор экспортируемых Россией энергоресурсов при их транспортировке по территориям иностранных государств.

По пунктам «а» и «б» можно спросить авторов доктрины, а почему наши конкуренты в мире должны создавать России всякие облегчения выходов на новые энергетические рынки? Мы снова сожалеем о том, что, оказывается, есть конкуренция, а мы её не любим. Заметим, что в п. «б» Доктрины не говорится о незаконных методах противодействия, мошенничестве, но говорится о договорно-правовых, международно-правовых и финансовых механизмах, которые являются правовыми и вполне могут быть использованы самой Россией. Так почему всеми признанные механизмы конкуренты должны применять к пользе России? Конкуренты всегда действуют в своих собственных интересах. Такое впечатление, что авторы Доктрины об этом не знали и удивлены поведением наших так называемых «партнёров».

Кроме того, 21 сентября 2019 года Председатель Правительства Российской Федерации Д.А. Медведев подписал Постановление «О принятии Парижского соглашения»[2]. Это и есть Парижское соглашение по климату, оно принято 12 декабря 2015 года 21-й сессией Конференции Сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата, и Российская Федерация подписала Парижское соглашение 22 апреля 2016 года. Данная информация взята с официального сайта Правительства Российской Федерации. Значит, ещё в 2016 году Россия при принятии рассматриваемой Доктрины знала, что будет принято Постановление «О принятии Парижского соглашения», но тогда зачем в пункте «в» сетовать на дискриминацию российских организаций под предлогом реализации климатической и экологической

[1] Сайт Университета им. короля Абдулазиза. His Excellency KAU President Speech at the Fifth Total Quality Meeting held on Saturday, 20/04/1429 H. – https://university-president.kau.edu.sa/Pages-Quality-Meeting.aspx

[2] Об участии России в Парижском соглашении по климату // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. – http://government.ru/docs/37917/

политики? И тогда было ясно, что никакие наши «партнёры» не откажутся от своего предельно жёсткого поведения на рынке по отношению к России, ведь в 2016 году санкции против России были в самом разгаре.

Далее необходимо обратить внимание на две позиции в Доктрине, находящиеся в п. 17 и п. 21:

«17. Рисками в области энергетической безопасности, связанными с внутренними вызовами и угрозами энергетической безопасности, являются:

г) чрезмерная финансовая нагрузка на организации топливно-энергетического комплекса в результате увеличения размеров налоговых, таможенных и иных платежей».

21. Последствиями реализации угроз энергетической безопасности являются:

ж) уменьшение налоговых, таможенных и иных платежей в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации со стороны организаций топливно-энергетического комплекса».

Из содержания п. 17 и п. 21 явно просматриваются интересы топливно-энергетических российских монополий на снижение налоговой нагрузки, и это очевидный лоббистский ход, который завершается откровенным пассажем: *«з) необходимость выделения дополнительных бюджетных ассигнований на ликвидацию последствий реализации угроз энергетической безопасности»*.

И это написано в Доктрине страны, которая недавно позиционировала себя как энергетическую мировую державу и всячески поддерживала её имидж, а теперь государство должно ещё и кормить нефтяные и газовые компании.

Из всех приведённых идей Доктрины вытекает вывод об отсутствии в ней серьёзных научных начал, а также о присутствии в ней различных лоббистских устремлений энергетического комплекса, причём явно нефтяного и газового, но не ядерного, а куда делись термоядерные разработки и прочие альтернативные источники энергии, о которых десятки лет говорили и писали как о завтрашнем спасении энергетики, вообще непонятно. Кроме того, можно констатировать, что весь энергетический комплекс страны мог бы в доктрине изложить своё видение и перспективу минимизации описанных опасностей, а затем сообща взяться финансировать науку для ускоренного развития страны в области передовых энергетических и иных технологий, которые позволили бы обогнать конкурентов и далее не думать о том, что они обгоняют нас в Азиатско-Тихоокеанском или каком-то ином регионе. Когда мы начнём обгонять всех по всем упомянутым направлениям, повод жаловаться на азиатов отпадёт, и они начнут жаловаться на нас, и такое положение будет чётко свидетельствовать, что мы на правильном пути.

Таким образом, рассмотренная Доктрина позволяет увидеть почти полное отсутствие рационального и дальновидного правового обеспечения науки, в то время как было бы логично, что самая богатая отрасль России для своего же собственного развития профинансируют науку, даст ей заказ на проработку дальних перспектив, на создание новых технологий и источников энергии. Можно констатировать и обратный процесс, который видится в том, что наука в данной доктрине и не присутствовала, следовательно, кроме интересов лоббистов в ней нечего рассматривать, поэтому это не доктрина государства и не правовой документ по своей сути (но только по форме), а использование энергетическим лобби правовой оболочки доктрины для удовлетворения своих частных и ведомственных интересов, но не государства. Впрочем, такой приём не является чем-то новым и применяется лоббистами постоянно.

В приведённом примере наиболее ярко проявляется разрыв между наукой и деятельностью государства, когда государство, подмятое под себя теми или иными лоббистами, демонстрирует полное отсутствие интереса к научным решениям проблем и использует всякие ссылки на науку лишь в качестве имитационной оболочки или соблюдения неких условностей и приличий, которые с течением времени соблюдаются всё менее и менее.

Замечательных законов, программ и проектов, сегодня много, национальных проектов было объявлено изначально двенадцать. В связи с этим вспоминается программа с синонимичным названием – «Двенадцать дел Правительства России на 1998 год в области экономической и социальной политики» – абсолютно выдающаяся и более чем поучительная. Почти вся она представлена в виде небольшого табличного материала, а её текстуальная часть содержит всего пять строк: «1998 год в России должен стать первым годом устойчивого (увеличение ВВП на 2–4%) экономического роста и отработки механизмов его государственной поддержки, стабилизации финансовой, налоговой и бюджетной систем, оживления инвестиций и ускорения структурной перестройки производства, проведения глубоких реформ в социальной сфере, упрочения позиций страны во всемирном хозяйстве»[1].

О том, как исполнители этой программы (Чубайс, Немцов, Аксененко и другие известные лица) оживили, ускорили и упрочили в 1998 году экономический рост хорошо известно – уже в августе 1998 года было провалено всё, что можно. Мы перечислили героев программы так, как в программе и написано – без инициалов. Видимо, в январе 1998 года, когда была опубликована программа, их фамилии уже не нуждались в инициалах.

Как пишет М. Элон, «нет объективной меры для определения сущности юридических и моральных норм. Всё зависит от доброй воли и целевой установки правовой системы и от тех условий, в которых она функционирует»[2]. Поэтому после обозрения приведённых материалов в качестве вывода можно сделать следующий: в управляющем наукой и образованием высшем звене менеджеров нет доброй воли и установки на развитие, модернизацию, укрепление науки и образования, но есть лишь желание пересидеть определённое время на должностях, приносящих приличные доходы и обеспечивающих полную безответственность за совершённые деяния, к каким бы отрицательным последствиям для образования, науки и страны они ни приводили. Именно к ним были обращены начальные слова председателя Комитета по образованию и науки Государственной Думы В.А. Никонова, который 23 апреля 2019 года начал свою речь на общем собрании членов Российской академии наук (РАН) вот так: «Альберт Эйнштейн говорил, что

[1] Программа Правительства РФ «Двенадцать дел Правительства России на 1998 год в области экономической и социальной политики» (утв. Президентом РФ) // Российская газета. – М., 1998. – 28 января, № 16; КонсультантПлюс.

[2] Элон М. Еврейское право / Под общ. ред. И.Ю. Козлихина. – СПб., 2002. – С. 171.

есть только две вещи, которые бесконечны: это Вселенная и глупость. Хотя в отношении Вселенной я не уверен»[1]. Кому был адресован этот пассаж, понять нетрудно, мысль о бесконечной глупости была адресована не академикам, а так называемым эффективным менеджерам, фамилии которых хорошо известны, и некоторые из них сидели в зале. В.А. Никонов, завершая своё выступление, остановился на вопросах законодательного обеспечения и сказал, что «сейчас мы считаем в комитете, что время каких-то радикальных, судьбоносных, всё меняющих реформ в системе образования и науки уже прошло. Науку и образование надо оставить в покое [аплодисменты академиков]. Вот эти кардинальные перемены, они на самом деле ни к чему хорошему не приводят»[2].

Таким образом, можно надеяться, что если Комитет по образованию и науки Государственной Думы выдержит натиск министерств, связанный с продолжением губительных реформ новыми нормами права, формами и видами отчётности, то можно будет надеяться на переход к будущему позитивному состоянию правового обеспечения науки и образования.

[1] Никонов В.А. Общее собрание членов Российской академии наук. Ч. 1. Время цитаты в видеофайле – 41:20. – https://scientificrussia.ru/articles/obshchee-sobranie-ran-pryamaya-translyatsiya

[2] Там же. – 53:20. – https://scientificrussia.ru/articles/obshchee-sobranie-ran-pryamaya-translyatsiya

Гордон Б.Г.
д.т.н., профессор, гл.н.с., Научно-технический центр по ядерной и радиационной безопасности
gordon@secnrs.ru

НОРМАТИВНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ НАУК

Ключевые слова: *наука, классификация, номенклатура, научная специальность, регулирование безопасности.*

Введение

Наука является движущей силой в развитии человечества, в понимании, обеспечении и регулировании его безопасности. Различные отрасли наук взаимодействуют между собой порою самым причудливым образом. Существует распространённое мнение, что «наука едина», то есть её результаты не зависят от страны, где они получены. Значит, взаимосвязи различных наук, их систематизация, полученная в одном государстве, вполне может быть распространена и на другие. Правильная классификация наук, бесспорно, будет способствовать формированию национального научного процесса, а распространение её на страны Евразии вполне может стать важным интегрирующим фактором.

После вступления в силу изменений и дополнений в федеральный закон РФ (1), после утверждения новой Номенклатуры (2) согласно установленным процедурам приводятся в соответствие с ними нормативные правовые акты, относящиеся к сфере научно-технической политики.

Вместе с тем, общественный интерес к проблемам образования и науки, а также изменения в структуре федеральных органов исполнительной власти и в компетенции Высшей аттестационной комиссии, по-видимому, интенсифицируют этот процесс. Поэтому представляется своевременным обратить внимание на одну из важных науковедческих проблем, связанных с систематизацией научных специальностей по отраслям науки.

Выражение «отрасль науки» широко используется в русском языке и уже перестало быть метафорой. Развитие наук в исторической перспективе, действительно, похоже на рост дерева, от ствола которого постепенно отрастают разные ветви. Этот процесс происходит достаточно медленно и осознание, осмысление его осуществляется в рамках общих философских концепций, которые позволяют установить собственные атрибуты и методологию науки, понять взаимосвязи различных наук и систематизировать их.

Со времён Аристотеля этими проблемами занимались такие известные философы, как Ф. Бекон, Г. Гегель, О. Конт, Ф. Энгельс, Г. Риккерт и др. В отечественном науковедении большую роль сыграли работы Б.М. Кедрова (3), посвященные изучению многообразия взаимосвязей между науками, обусловленных их предметом, методом, теоретической и практической значимостью и т.п. В настоящее время науковедение (философия науки и техники) представляет собой особую познавательную деятельность, связанную со всеми остальными науками и пытающуюся обобщить их кумулятивный опыт. В частности, весьма полезными представляются характеристики свойств любой классификации, сформулированные в научном процессе и обобщённые нами в табл. 1.

Таблица 1

Свойства классификаций

Свойство	Характеристика
Полнота	Охватывает всё множество классифицируемых объектов
Чистота	Одни и те же объекты не попадают в разные классы
Ясность	Ключевые признаки классов легко измеряются, рассчитываются или определяются качественно
Чёткость	Границы классов установлены однозначно, не размыты
Гибкость	Каждый новый объект легко включается в уже существующие классы

Возможно, поэтому к науковедению обращаются не только собственно философы, но и представители различных наук в тех случаях, когда их конкретные знания нуждаются в обобщении и систематизации. Это весьма тонкий момент, так как науковедение имеет свои методы и подходы, которые могут не совпадать со средствами и приёмами других наук. В нём работают специалисты, чьи знания и опыт не менее уникальны, чем в иных областях, представители которых независимо от их степеней и званий могут восприниматься как дилетанты.

Но с другой стороны, обобщение конкретных знаний есть материал для собственного развития науковедения, поэтому представляется полезной обратная связь между конкретными и философскими исследованиями.

Цель и метод

Регулирование промышленной, ядерной и радиационной безопасности основано на широком привлечении научной поддержки и развитии её идейной основы. Эти проблемы находятся в сфере нынешних интересов автора, кото-

рый на базе разработанной применительно к области использования атомной энергии идеологии безопасности предложил классификацию всех существующих радиационных объектов (4). Она может применяться для самых разных целей и, прежде всего, для регулирования безопасности. Эта классификация, по нашему мнению, обладает перечисленными в таблице 1 свойствами. Радиационная безопасность природы – один из элементов экологической безопасности, так что такая классификация позволила глубже понять механизмы её обеспечения.

В процессе обсуждения возможностей перенесения этой классификации на другие, не радиационные объекты выяснилось, что использованная методология может быть также применена для систематизации самих наук, которая и представлена в данном докладе. Его особенность состоит в том, что **он не затрагивает общих философских проблем существования, ограничения, взаимосвязи наук, которые интересовали упомянутых выше философов, а касается конкретного вполне утилитарного её аспекта: упорядочения уже существующих и общепринятых отраслей наук, названия которых установлены в действующем нормативном акте (2) и его предшественнике от 2009 года.**

В соответствие с общефилософской традицией федеральный закон (1) разделяет все науки на две группы: фундаментальные и прикладные. Введённое недавно определение понятия «поисковые научные исследования» не изменило такого деления, так как оно включает в себя исследования, направленные как на получение, так и на применение новых знаний.

Отнесение тех или иных наук к этим группам зачастую вызывает ожесточённые дебаты особенно в тех случаях, когда от него зависят состав и направление организационно-финансовых мероприятий. Действительно, критерий такой классификации находится за пределами содержания собственно науки и состоит в целеполагании.

В одной отрасли наук могут проводиться как фундаментальные, так и прикладные исследования. Нередко результаты вчерашних фундаментальных физических исследований начинают играть важную роль в нынешней технике и промышленности. Иногда новые знания возникают без цели применения их в практической деятельности как результат естественного развития научной мысли. В других случаях уже имеющиеся знания концентрируются специально для последующего использования на практике. Есть научные области, где новые знания добываются именно для внедрения в производство. Поэтому данное разделение также остаётся за пределами настоящей работы.

Вышеупомянутые философы подходили к классификации наук синтетически: на базе общей концепции вырастало здание решённых проблем. Подход же, применённый в (4), скорее можно назвать аналитическим: из действующих нормативных правовых актов вытекают конкретные следствия и выводы. Глубинная связь анализа и синтеза как методов научного исследования также остаётся за рамками данного доклада.

Опыт регулирования безопасности при использовании атомной энергии свидетельствует о целесообразности применения действующего законодательства в качестве материала, как для последующего анализа, так и для обоснования терминологии. Законы и другие нормативные правовые акты фиксируют на настоящий момент согласие самых разных общественных групп, участвовавших в их разработке: все ветви власти, учёные, специалисты-практики, общественные организации и т.п. Тем самым концентрируется национальный опыт законотворческой деятельности, а пространные дискуссии о терминах и их определениях выносятся за скобки, в сферу будущего законотворчества. То есть, наиболее спорные проблемы – правильность наименований наук, их содержание, идентификация, количество, взаимосвязи, широта охвата ими научного процесса – считаются решёнными и зафиксированными на период действия нормативного акта (2). Правда, при таком подходе все последующие выводы имеют смысл лишь в рамках того языка, на котором они написаны. Что ж, распространение их на другие страны, строго говоря, всё равно должно быть проверено в каждом случае.

Содержание номенклатуры специальностей

Этот специальный нормативный правовой акт устанавливает номенклатуру научных специальностей, по которым присуждаются учёные степени. В прежние времена эта номенклатура утверждалась другими органами власти в зависимости от места Высшей аттестационной комиссии в структуре государственных ведомств, и на сегодняшний день она состоит из следующих наименований групп научных специальностей, перечисленных в табл. 2, где также представлена структура документа и шифры этих групп. Все 420 научных специальностей объединены в 52 группы. Каждая из групп состоит из ряда названий самих научных специальностей. Шифры же научных специальностей остаются такими же, что и в старых редакциях, что обеспечивает преемственность с ними, то есть номера специальностей сохраняются теми, что и прежде.

Таблица 2

Наименования групп научных специальностей

01.01.00	Математика
01.02.00	Механика
01.03.00	Астрономия
01.04.00	Физика
02.00.00	Химия
03.01.00	Физико-химическая биология
03.02.00	Общая биология
03.03.00	Физиология
05.01.00	Инженерная геометрия и компьютерная графика
05.02.00	Машиностроение и машиноведение

05.04.00	Энергетическое, металлургическое и химическое машиностроение
05.05.00	Транспортное, горное и строительное машиностроение
05.07.00	Авиационная и ракетно-космическая техника
05.08.00	Кораблестроение
05.09.00	Электротехника
05.11.00	Приборостроение, метрология и информационно-измерительные приборы и системы
05.12.00	Радиотехника и связь
05.13.00	Информатика, вычислительная техника и управление
05.14.00	Энергетика
05.16.00	Металлургия и материаловедение
05.17.00	Химическая технология
05.18.00	Технология продовольственных продуктов
05.19.00	Технология материалов и изделий текстильной и легкой промышленности
05.20.00	Процессы и машины агроинженерных систем
05.21.00	Технология, машины и оборудование лесозаготовок, лесного хозяйства, деревопереработки и химической переработки биомассы дерева
05.22.00	Транспорт
05.23.00	Строительство и архитектура
05.25.00	Документальная информация
05.26.00	Безопасность деятельности человека
05.27.00	Электроника
06.01.00	Агрономия
06.02.00	Ветеринария и Зоотехния
06.03.00	Лесное хозяйство
06.04.00	Рыбное хозяйство
07.00.00	История и археология
08.00.00	Экономика
09.00.00	Философия
10.01.00	Литературоведение
10.02.00	Языкознание
12.00.00	Юриспруденция
13.00.00	Педагогика
14.01.00	Клиническая медицина
14.02.00	Профилактическая медицина
14.03.00	Медико-биологические науки
14.04.00	Фармация
17.00.00	Искусствоведение
19.00.00	Психология
22.00.00	Социология
23.00.00	Политология
24.00.00	Культурология
25.00.00	Науки о Земле
26.00.00	Теология

Наряду с 52 группами научных специальностей в (2) содержатся 23 наименования отраслей науки, по которым присуждается ученая степень. То есть некоторые группы научных специальностей включают в себя наименования научных отраслей, по которым присуждаются учёные степени. Так, в состав наук о Земле входят геолого-минералогические и географические науки, ветеринария входит в состав сельскохозяйственных наук, а фармация – медицинских.

Тогда, воспользовавшись названиями групп специальностей из предыдущей редакции (2), все 19 групп специальностей строго выстраиваются по номерам в легко обозримом виде, как показано в табл. 3.

Таблица 3

Обобщение групп специальностей

01.01.00, 01.02.00 – 01.04.00	Физико-математические науки
02.00.00	Химия
03.01.00 – 03.03. 00	Биологические науки
05.01.00 – 05.27.00	Технические науки
06.01.00 – 06.04.00	Сельскохозяйственные науки
07.00.00	История и археология
08.00.00	Экономика
09.00.00	Философия
10.01.00, 10.02.00	Филологические науки
12.00.00	Юриспруденция
13.00.00	Педагогика
14.01.00 – 14.04.00	Медицинские науки
17.00.00	Искусствоведение
19.00.00	Психология

22.00.00	Социология
23.00.00	Политология
24.00.00,	Культурология
25.00.00	Науки о Земле
26.00.00	Теология

Видно, что все номера шифров специальностей выстроены по порядку, но некоторые из них пропущены, то есть в процессе живого развития наук часть специальностей была исключена. В предыдущей версии Номенклатуры содержались все те же 18 названий научных отраслей за исключением Теологии, появление которой, бесспорно, воспринимается как новация последних лет. Эти 18 названий были объединены в четыре блока, первый из которых никак не назван.

1 Физико-математические науки
2 Химические науки
3 Биологические науки
5 Технические науки
6 Сельскохозяйственные науки

Гуманитарные науки

7. Исторические науки и археология
10. Филологические науки
99. Философские науки

Искусствоведение и культурология

17 Искусствоведение
24 Культурология

Социально-экономические и общественные науки

19 Психологические науки
8 Экономические науки
13 Педагогические науки
22 Социологические науки
12 Юридические науки
23 Политология
14 Медицинские науки
25 Науки о Земле

Здесь очевидна попытка систематизации научных отраслей, от которой в современной редакции (2) отказались в силу её неполноты и противоречивости. Собственно в этой номенклатуре специальностей уже зафиксированы определённые классификации отраслей науки и терминология, которые далее предполагается только уточнить и дополнить. Иными словами, приведённый документ можно рассматривать как промежуточный результат эксперимента, поставленного самой жизнью и апробированного законотворческой практикой. Таково существующее состояние дел, которое сложилось в результате правоустанавливающей и правоприменительной практики последних лет и на которое надо обратить внимание.

Сущность классификации

В основу предлагаемых уточнений положено **разделение по происхождению объектов** научного исследования, как это сделано в (4): являются ли они природными объектами или созданы человеком. При выборе названия класса можно использовать неологизмы «натурогенный» (созданный природой) или «биогенный» (созданный жизнью) по аналогии с существующим термином «антропогенный» (созданный человеком). Но лучше всего использовать объединяющий и широко распространённый термин «естественные науки». И тогда в состав этого класса помимо первых трех отраслей необходимо включить медицинские науки и науки о Земле. Эти отрасли по происхождению их предмета изучения, бесспорно, следует отнести скорее к естественным наукам, чем к социально-экономическим и общественным.

Предметы изучения всех остальных отраслей науки вполне могут быть названы в противоположность естественным наукам – искусственными, рукотворными или антропогенными. Осознание того, что появление человека на Земле превратило её в ноосферу, объект, обладающий отличными от других небесных тел, специфическими качествами, – характерная особенность последнего столетия. Так что сами отрасли целесообразно отнести к классу антропогенных наук. Их, в свою очередь, можно разделить на виды по содержанию предмета научного исследования. Названия двух из них могут быть взяты из предыдущей версии номенклатуры, они удобны и общеприняты, ведь искусствоведение и культурология зачастую также называются гуманитарными науками, ну и теологию разумнее отнести к ним же.

И, наконец, остаются две отрасли технических и сельскохозяйственных наук, которые следует отнести к антропогенному виду, так как очевидно, что предмет их изучения также создан человеком. Объекты сельского хозяйства, разумеется, имеют природное происхождение, но давно преобразованы человеком и собственно являются предметом сельскохозяйственных наук настолько, насколько эти преобразования успешно продолжаются.

Этот вид наук можно назвать «обеспечивающим», так как результаты исследований их объектов обеспечивают жизнедеятельность человека. По нашему мнению, это две старейшие и важнейшие отрасли, поддерживавшие жизне-

деятельность человеческих племён задолго до того, как были названы и идентифицированы. Не случайно в этих группах сконцентрировано почти столько же научных специальностей, сколько содержится во всех остальных видах.

Теперь всё сказанное выше можно окончательно обобщить в виде табл. 4. Это и есть главный результат доклада, и, по мнению автора, эта классификация вполне содержит все свойства, перечисленные в табл. 1. В случае естественных наук класс состоит из одного вида с тем же наименованием. Класс же антропогенных наук состоит из трёх видов.

Таблица 4

Классификация отраслей наук

Вид	Отрасль науки
	Класс естественных наук
Естественные	Физико-математические науки
	Химические науки
	Биологические науки
	Медицинские науки
	Науки о Земле
	Класс антропогенных наук
Обеспечивающие	Технические науки
	Сельскохозяйственные науки
Гуманитарные	Исторические науки
	Философские науки
	Филологические науки
	Искусствоведение
	Культурология
	Теология
Социально-экономические и общественные	Психологические науки
	Экономические науки
	Педагогические науки
	Социологические науки
	Юридические науки
	Политология

Дальнейшее совершенствование классификации может быть связано с разными целями. Можно привести в однозначное соответствие перечень классифицированных 19 отраслей науки с перечнем отраслей науки, по которым присуждаются учёные степени. Можно организовать специальное исследование результатов работы диссертационных советов для уточнения перечня отраслей науки, по которым присуждаются учёные степени.

Например, группа специальностей, объединённых в раздел «Безопасность деятельности человека», справедливо отнесена к техническим наукам. В неё входят следующие:

- Охрана труда (по отраслям)
- Безопасность в чрезвычайных ситуациях (по отраслям)
- Пожарная и промышленная безопасность (по отраслям)
- Ядерная и радиационная безопасность
- Химическая, биологическая и бактериологическая безопасность.

Причём, по ним (за исключением специальности «Ядерная и радиационная безопасность», по которой автор работает последние годы) присуждаются степени по различным отраслям науки. Так, по специальности «Пожарная и промышленная безопасность» присуждаются степени по техническим, психологическим и медицинским наукам. Впоследствии было бы интересно определить в конкретных науковедческих исследованиях количество диссертационных советов и защищённых диссертаций по каждой из фиксированных отраслей науки.

Как было отмечено в (4), терминологическое обеспечение законодательства в этих областях нуждается в совершенствовании. Следует чётко различать, например, безопасность объекта техносферы, относящуюся к техническим наукам, от техносферной безопасности человека, связанной с медицинскими и психологическими науками. Так развитие науковедения способно оплодотворить и усовершенствовать законодательство в области промышленной безопасности.

Вытекающие следствия

Таким образом, предлагается уточнить классификацию существующих отраслей науки, полностью согласующуюся с действующим законодательством. Она может быть полезна для понимания взаимодействия научных отраслей, взаимосвязей между ними и использована при формировании нормативной правовой базы российской науки и регулирования безопасности отечественной техносферы. Впоследствии она может быть распространена на другие

страны, и интегрирована с их национальным законодательством о науке. Но наиболее полезной систематизация наук может оказаться для попытки установления приоритетов в обеспечении научных исследований.

Ведь для молодых людей выбор научной стези обусловлен множеством факторов и, не в последнюю очередь, – наличием специфических природных способностей к той или иной сфере деятельности. Но на свободу выбора, безусловно, влияют и перспективы видов научной деятельности: востребованность, общественная значимость, уровень оплаты и т.п. Если оценивать школьные предметы по перспективам зарплат, то в современных условиях наиболее важными предметами окажутся физкультура и пение.

В то же время, представляется очевидным наличие внутренней иерархии самих наук, которая постоянно меняется в зависимости от их собственных результатов, состояния человечества, запросов государств, момента времени, да и просто – моды.

Наука, в отличие от предпринимательства, нуждается в постоянной государственной поддержке финансами, информацией, энергией и другими ресурсами, среди которых важнейшим являются люди, обладающие способностями, любопытством, упорством и т.д. Вот, для того чтобы осознать эту иерархию, использовать её, оптимизировать затраты нужно систематизировать науки и упорядочить их, например, как предложено в табл. 4.

Для автора представляется очевидным, что развитие человечества в последние 3-4 века обусловлено успехами естественных и обеспечивающих наук. Не случайно, группа технических наук оказалась наиболее многочисленной. Именно благодаря им наука стала производительной силой, сформировавшей современное состояние дел на планете.
Но было бы опрометчиво делать из этих представлений организационные выводы, устанавливать окончательную иерархию видов научной деятельности и на этой основе подталкивать государства к их дифференцированной поддержке. Хотя и ранее, и сейчас науки, связанные с обороной, находятся в явно привилегированном положении. Как отмечено в (5), вся деятельность людей может быть разделена на две части: направлена ли она на продолжение или украшение жизни. Цель любой науки – получение и применение новых знаний представляется бесконечной, взаимосвязи между науками прихотливы и непредсказуемы. Вряд ли достижения одних исследований могут поставить под сомнение необходимость и важность остальных. Но с другой стороны, финансовые средства всегда ограничены, науки конкурируют между собой, и поневоле приходится выбирать, куда целесообразнее направлять ресурсы.

Вместе с тем, широко распространено представление, что всё созданное человечеством концентрируется в некое единство, в информационное целое, что-то, близкое к тому, что Платон называл «врождёнными идеями», Кант – «априорным знанием», Юнг – «коллективным бессознательным», а Августин – Богом. Поэтому для сопоставления, для установления иерархии наук нужны какие-то иные, дополнительные критерии и индикаторы, и их поиск может оказаться весьма перспективным.

Человечество находится на младенческой стадии своего развития, и ему ещё предстоит узнать, насколько детерминированы естественные и обеспечивающие виды с социально-экономическими и общественными науками. И нам ещё далеко от осознания и воплощения «теоретического синтеза» естественных и общественных наук (3). Или, быть может, напротив, последующее развитие наук обусловит их принципиальное разделение, разграничение и поглощение одних другими. Во всяком случае, предложенная систематизация наук представляется весьма полезной на современном этапе начального осознания рамок такого развития.

В заключение следует подчеркнуть, что в намерения автора отнюдь не входило предлагать какие-либо изменения в нормативные правовые акты. Данный доклад представляет собой лишь один из отзывов на документ (2), элемент обратной связи разработчиков и пользователей, который должно рассматривать в совокупности с другими. Цель доклада – привлечь внимание общественности к проблеме классификации наук и, возможно, инициировать конкретные науковедческие исследования отечественной научной практики.

Что же касается изменений законодательства, то автору очень импонирует позиция Шарля де Монтескье, который впервые в современном европейском праве сформулировал тезис о разделении властей и создал философскую основу права: «Иногда необходимо изменять известные законы, но случаи эти редки и, когда они бывают, то следует касаться существующего лишь трепетной рукой».

Список литературы

1. Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» от 02.08.1996 № 127-ФЗ.
2. Приказ Министерства образования и науки РФ от 23.10.2017г. № 1027, «Об утверждении Номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются учёные степени», зарегистрировано в Минюсте России 20 ноября 2017 г. № 48962.
3. Кедров Б.М. Классификация наук: в 3 т. – М.: Мысль, 1985.
4. Гордон Б.Г. Безопасность ядерных объектов / НИЯУ «МИФИ». – М., 2014.
5. Гордон Б.Г. Стратегия планетарного ноокосмогенеза // Сайт «ПроАтом». 2018. – июнь.

Добрынин В.В.
д.ф.н., профессор, РАНХиГС

НОВЫЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УКЛАД И НЕИЗБЕЖНОСТЬ СМЕНЫ ПАРАДИГМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: *высшее образование, технологический уклад, система образования, перемены.*

Система народного образования, как социальный институт, создается и существует для удовлетворения потребностей общества в трансляции накопленных им знаний и культуры подрастающим поколениям, и неудивительно, что в технологическом обществе основное содержание, методы и установки образования – иными словами, его парадигма – во многом определяются господствующим в данном обществе технологическим укладом. При этом сам технологический уклад, как правило, понимается как совокупность тесно связанных между собой производств, имеющих единый научно-технический уровень и развивающихся синхронно, причем смену доминирующих в обществе технологических укладов предопределяет не только ход научно-технического прогресса, но и *инерция мышления общества*, поскольку новые технологии появляются значительно раньше их массового освоения. Именно последнее обстоятельство замыкает петлю обратной связи, делая возможным тезис, вынесенный в заголовок данной статьи.

Согласно определению С. Глазьева, «Технологический уклад представляет собой целостное и устойчивое образование, в рамках которого осуществляется замкнутый цикл, начинающийся с добычи и получения первичных ресурсов и заканчивающийся выпуском набора конечных продуктов, соответствующих типу общественного потребления. Комплекс базисных совокупностей технологически сопряжённых производств образует ядро технологического уклада. Технологические нововведения, определяющие формирование ядра технологического уклада, называются ключевым фактором. Отрасли, интенсивно использующие ключевой фактор и играющие ведущую роль в распространении нового технологического уклада, являются несущими отраслями». Современные исследователи насчитывают в истории современной цивилизации шесть технологических укладов, которые в совокупности охватывают собой весь процесс технологического развития человечества в Новое время – от промышленной революции и до сегодняшнего дня. Существенно важным является то обстоятельство, что, по мнению современных исследователей, каждому укладу соответствует своя социально-гуманитарная составляющая, неотъемлемой частью которой по праву является образование – от начального и до высшего.

Фактически, говорить о переходе общества к технико-технологическому этапу развития можно только начиная с широкого внедрения фабричного производства, что с необходимостью требует массовой механизации ручного труда и использования иного, нежели мускульная сила человека и животных источника механической энергии. В Европе такой переход от ремесленно-цехового способа производства к фабричному происходит, прежде всего, в сфере текстильного производства с появлением первых ткацких фабрик, и датируется XVIII веком, однако, технологии, востребованные первым технологическим укладом, возникают еще раньше, еще в XVI–XVII вв., и не случайно, что к этому же времени относятся первые, пока еще робкие попытки внедрения всеобщего начального образования (если не считать опыт Китая и еврейского народа, то первенство в этом надо отдать Шотландии и Германии). Но только в конце XVIII в., сперва в Австрии, а затем в Пруссии, всеобщее начальное образование становится обязательным. Общество впервые ощущает потребность в формировании нового человека, способного к эффективному труду в условиях фабрики.

Дальнейшее развитие производства непосредственно связано со вторым, а впоследствии и третьим технологическими укладами. Центр силы постепенно смещается от легкой (текстильной) промышленности в сторону тяжелой индустрии (металлургия, транспортное машиностроение, станкостроение). Появляются новые источники энергии, такие, как паровой двигатель (II уклад), а затем и электродвигатель (III уклад). Человек постепенно освобождается от тяжелого ручного труда, резко повышается (с внедрением станочного производства) точность выполнения работ. Появляются новые средства связи, такие, как телеграф, впоследствии электрический. Начинает расти качество жизни.

Можно сказать, что начиная с XIX века и далее мы видим общество, решительно вставшее на путь технологического развития, с одной стороны, и технологию, покинувшую детскую колыбель и ставшую основой общественного бытия. И не случайно именно с этим временем связан бурный и повсеместный рост системы высшего образования. Наряду с развитием традиционных университетов этот процесс нашел свое отражение в широком подъеме технических школ, основанных в предшествующие десятилетия. Они не только увеличиваются численно – растет престиж даваемого ими образования. Требования времени выводят на передний план инженера, т.е., человека, овладевшего всей полнотой знаний, умений и навыков, требующихся для квалифицированного управления производственными процессами и создания новых производств. К концу века идеалом (а во многом – и архетипом культуры) такого инженера становится фигура, подобная Сайрусу Смиту из «Таинственного острова» Жюль Верна – человека, который все знает, все умеет, и который способен применить свои знания во благо окружающих.

Именно подготовка подобного специалиста становится парадигмой системы высшего образования на этом этапе, когда третий технологический уклад приходит на смену второму. Отметим в скобках, что смена технологического уклада не предполагает полного отказа от прошлых достижений развития. Мануфактура не означает исчезновения ремесла, как фабрика не означает полного исчезновения мануфактуры. Другое дело, что центр тяжести переносится именно на новые, более эффективные технологии, которые вытесняют прежние способы производства на обочину, занимая все большую долю в производительности и в ВВП. Вместе с тем, люди, ранее обеспечивавшие функционирование этих производств, столкнувшись с требованиями нового времени, начинают осознавать потребность в обновлении своего теоретического багажа. Интересный пример в своих мемуарах приводит академик А.Н. Крылов, вспоминая, как он в молодости учил основам теоретической механики и сопромата опытного кораблестроителя, ранее работавшего «на глазок». Научившись рассчитывать напряжения в балке, тот сравнил полученное им значение с тем, которое применялось им ранее, было основано на практическом опыте, и получено, очевидно, путем многих проб и ошибок. «Твоя формула правильная, инженер! – заявил он – Цифра верная…».

Однако, уже переход к четвертому технологическому укладу (автомобили, массовое конвейерное производство, большая химия) поставил под вопрос возможность овладения одним человеком всей полнотой необходимой для «универсального инженера» информации. Ее попросту стало слишком много, поскольку производство неимоверно усложнилось – как в смысле самих производственных процессов, так и с точки зрения управления ими. Ответом на этот вызов стала, во-первых, диверсификация и специализация высшего образования, во-вторых, переход к внедрению в производственные процессы стандартов, нормалей и квалитетов, и в-третьих, – изменение парадигмы образования.

Первый путь абсолютно традиционен – общественное разделение труда – это то, благодаря чему человеческая цивилизация вообще сумела возникнуть. Второй путь – стандартизация – с философско-методологической точки зрения выглядит неким шагом назад, поскольку для повседневной практики он предлагает набор готовых решений, из которых специалист должен выбрать наилучшее с его точки зрения. Образно говоря, вместо задачника мы предлагаем «решебник» – и учим человека правильно им пользоваться. Однако наибольший интерес представляет третий путь, поскольку на нем происходит смещение точки приложения сил из специальной в гуманитарную область.

Действительно, вместо того, чтобы пытаться научить студента всему, что только можно, высшая школа все в большей степени начинает учить студента находить и получать знания самостоятельно. Для этого применяется широкая гамма методов – от изучения библиотечного дела до того, что впоследствии получит название «НИРС». Выпускник вуза по прежнему должен знать и уметь многое – но во все большей степени он должен знать, где можно почерпнуть необходимые ему знания и уметь получить их. Отметим, что поиск информации в библиотеке и/или патентном бюро несводим к простому перебору возможных решений, а требует эвристических и аналитических навыков, умения сопоставлять и абстрагировать, а также навыка построения синтетических суждений. Сказанное касается не только инженеров, но и всех специалистов высшего уровня подготовки, осуществляющих свои функции на четвертом и особенно пятом технологическом укладе.

Действительно, в рамках пятого уклада (атомная энергетика, микроэлектроника, информационные технологии) требования к специалисту высшего уровня подготовки резко возрастают. Становится уже недостаточным только умение находить информацию в доступных источниках и применять ее; практика требует уже способности определять круг источников, которые могут и должны быть доступными. Более того, современный специалист – будь то инженер, медик, или гуманитарий – вынужден, если он хочет оставаться профессионально востребованным специалистом, учиться всю жизнь, и учиться напряженно. Конечно, у разных специальностей это требование актуально в разной степени, но, например, современный инженер по защите информации после годичного «простоя» становится профессионально непригодным, поскольку за этот год появятся новые угрозы и новые методы защиты от них, с которыми он попросту не будет знаком. Мастерство современного специалиста подобно кипящему котлу, который остаётся кипящим, лишь пока под ним поддерживают огонь – и остывает, стоить лишь угаснуть этому огню. Сказанное касается сегодня, во времена господства пятого технологического уклада, всей номенклатуры специальностей, по которым ведет подготовку высшая школа, – и без исключений.

(Отметим в скобках, что вместе с тем существуют социальные ниши, в которых специалист, подготовленный в рамках предшествующей парадигмы высшего образования, может быть востребован. Это объясняется тем, что переход от одного технологического уклада к другому не означает полного отказа от предшествующих технологий, что уже было отмечено выше).

Таким образом, это означает, что высшая школа, как социальный институт, должна была выработать и применять в повседневной практике такие методы работы, которые были бы адекватны как вновь поступающему контингенту учащихся, так и задачам, которые общество ставит перед системой подготовки кадров высшей квалификации. Речь здесь идет прежде всего о методах текущего и рубежного контроля, поскольку лекции и практические занятия могут быть проведены в активной и интерактивной формах, насыщены аудиовизуальным материалом, опираться на самостоятельную (квестовую) работу студентов и т.д.

Один из возможных вариантов сегодня – это применение таких методов контроля знаний, которые напрямую связаны с поиском студентом информации в Сети. При этом картина подготовки к экзамену/зачету меняется радикально – студент, получив задание, исходно не знает ответа, и должен найти его здесь и сейчас, продемонстрировав навыки направленного поиска информации и способность усвоить эту информацию за ограниченное время. Задача преподавателя при этом – подсказать экзаменующемуся не столько направление поиска, сколько ресурсы, на которых следует этот поиск осуществлять. Фактически, это означает, что на смену информационному обслуживанию на печатных носителях приходит обеспечение пользователей, основанное на электронном представлении самой разнообразной информации, тиражируемой в неограниченном количестве и оперативно доступной по глобальным компьютерным

сетям независимо от времени обращения к ней и местонахождения пользователей. Электронная библиотека (электронный образовательный ресурс, ЭОР) предоставляет качественно новые возможности работы с большими объемами информации. К таковым можно отнести последовательный, выборочный или параллельный просмотр множества документов; многоаспектный поиск во всем объеме информации; копирование необходимых документов или их фрагментов как на бумагу, так и на другие носители; создание собственных документов и т.д.

Особого внимания при этом заслуживает вопрос создания системы качественных и многообразных ЭОР, что позволит увеличить эффективность осуществления учебного процесса. Здесь требуется разрешение ряда противоречий, которые являются характерными для современного образования:

– наличие широкого выбора имеющихся традиционных материалов, отвечающих классическим требованиям к методологии и дидактике, вступает в противоречие с недостаточным количеством реализованных ЭОР, в то время как именно электронные образовательные ресурсы способны соответствовать динамично развивающейся образовательной среде;

– педагогов продолжают готовить к использованию в профессиональной деятельности статичного и стабильного инструментария, обеспечивающего поддержку образовательного процесса, в то время как подрастающее поколение школьников и студентов заявляет о своих предпочтениях: интерактивность, динамичность, активное влияние на ход образовательного процесса.

Особая статья пользования электронными библиотечными ресурсами это дистанционное образование – образование, которое полностью или частично осуществляется с помощью телекоммуникационных технологий и средств. Дистанционное обучение реализуется с помощью телекоммуникационных технологий и ресурсов сети Интернет. В завершение каждой дисциплины или учебного курса виртуального студента ждут тесты: он получает через Интернет вопросы и задания, самостоятельно их выполняет и отсылает на проверку наставнику–тьютору.

Следует отметить, что подобный переход означает не просто смену образовательной технологии на новую, а изменение всей парадигмы высшего образования, вызванное переходом от четвертого технологического уклада к пятому. Студент сегодня становится полноправным участником *планирования и организации* учебного процесса, формируя свою, во многом уникальную образовательную траекторию, и задача преподавателя (тьютора) здесь состоит не столько в контроле содержания образования, сколько в подборе ЭОР, необходимых и достаточных для адекватного наполнения этой образовательной траектории содержимым. Это необходимо, дабы избежать «ловушки массового Интернета» – когда релевантная и аутентичная информация тонет в море «шлаковых» (развлекательных и пр.) ссылок, предлагаемых общедоступными поисковыми машинами (Яндекс, Гугл, Рамблер и т.д.) на первых страницах ответов на запросы пользователей.

Однако, при переходе к шестому технологическому этапу (облачные технологии, Big Data, самообучение алгоритмов, Интернет вещей, нанотехнологии и биотехнологии) подобного подхода к обучению, скорее всего, будет недостаточно. Мы стоим на пороге очередной смены парадигмы высшего образования, вызванной к жизни формирующимся шестым технологическим этапам, такой парадигмы, которая в полной мере отвечала бы его требованиям. А то, что современное образование не вполне отвечает таким требованиям, ясно из результатов исследований структуры занятости населения, проведенных в нашей стране и за рубежом в последние годы.

Так, например, по сообщению РИА «Новости» от 27 августа 2019 г. «Компетенции почти 34 миллионов человек, трудящихся в России, избыточны или недостаточны для занимаемой должности, таким образом, они попадают в «квалификационную яму». Об этом говорится в совместном докладе международной консалтинговой компании BCG и World Skills, подготовленном при поддержке госкорпорации «Росатом», который имеется в распоряжении РИА Новости.

Авторы документа, ссылаясь на статистику Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), указывают, что треть работников в мире сталкиваются с этой проблемой. «Квалификационная яма» (skills mismatch) затрагивает 1,3 миллиарда работников, при этом через десять лет этот показатель вырастет еще на 100 миллионов человек. В России число таких сотрудников достигает уже почти 34 миллионов человек».

Отметим, что по словам депутата ГД О. Шеина 15 млн. чел. в России заняты в профессиях, не требующих никакой квалификации. По мнению депутата, их (работающих в том числе в сфере услуг) вскоре заменят цифровые сервисы (6 промреволюция, 6 уклад), будущее за профессиями, требующими эмпатии (образование, медицина). Аналогичное мнение поддерживает и Министерство образования – министр РФ Ольга Васильева сообщила, что с сентября 2020 года планируется исключить почти 100 позиций из перечня специальностей среднего профобразования. Это коснется профессий ткача, вышивальщицы, радиооператора, сборщика изделий электронной техники и других.

При этом согласно исследованиям, проведенным Институтом экономической политики им. Т.А.Гайдара, в первом квартале 2019 года численность экономически активных составила граждан 75,0 млн человек, а численность населения при этом была около 146, 5 млн. человек. Таким образом, сегодня в нашей стране в кадровой яме свыше 23% всего населения (около 45% экономически активного) Если посчитать их долю без учета 15 млн. занятых, по О. Шеину, на должностях, не требующих квалификации, – то таковых окажется 13% от всего населения.

Такой показатель не может не внушать тревогу, однако, наша страна в целом не выделяется на общемировом фоне. По данным уже цитированного доклада консалтинговой компании BCG и World Skills «число работников, попавших в “кадровую яму”, в регионе Северной и Южной Америки – 87,6 (565 млн. чел; 16%) и 58,6 (386 млн. чел; 15,2%) млн. соответственно» (в скобках указана общая численность населения этих регионов и удельный вес попавших в кадровую яму по отношению к этой численности). С учетом того, что постперестроечные годы были ознаменованы редуцированием промышленности, общим сокращением рабочих мест, требующих высокой квалификации и

перетоком кадров, ранее занятых на этих местах, в другие сферы занятости, весовая доля лиц, попавших в кадровую яму, в нашей стране представляется соответствующей мировому уровню.

Как уже говорилось, эти цифры можно рассматривать как тревожные. Еще бы! Общемировая система высшего и среднего профессионального образования настолько неэффективна, что порядка 15% потребителей ее услуг не могут найти работу, соответствующую их уровню компетенции. С одной стороны, это свидетельство кризиса системы образования, пробужденного наметившимся переходом к шестому технологическому укладу в условиях, когда эта система не до конца еще воплотила в жизнь модель гибкого и непрерывного профессионального образования. Но с другой стороны, эти же цифры означают то, что в нашей стране и в мире в целом существует огромный спрос на адекватные образовательные услуги, такие услуги, которые были бы релевантны рождающейся на наших глазах экономике шестого технологического уклада. Вот только сами по себе такие услуги могут быть оказаны только при смене парадигмы профессионального образования.

Попробуем представить себе, какими свойствами и качествами должна обладать эта парадигма. Очевидно, для этого нам придется описать, пусть даже в самых общих чертах, рынок труда, характерный для шестого технологического уклада и те рабочие места, которые будут доминировать на нем. Отметим, что наибольшее влияние на массовый рынок труда, по всей видимости, окажут такие технологии 6 уклада, как облачные самообучаемые алгоритмы, большие массивы данных (Big Data), Интернет вещей и другие технологии, связанные с информатизацией общества. (Нанотехнологии, как и биотехнологии, при всем их потенциальном могуществе, скорее всего, останутся достоянием сравнительно узкого круга специальностей и специалистов).

Подобные исследования были проведены. Так, К.Б. Фрай и М.А. Осборн в статье «Будущее занятости» еще в 2013 г. указывали, что в США в зоне высокого риска исчезновения находится 47% профессий. По их мнению, к 2033 г. свои места уступят облачным алгоритмам страховые агенты и специалисты по телефонному маркетингу (вероятность 99%), спортивные рефери (98%), кассиры (97%), шеф-повара (96%), официанты (94%), и так далее (цит. по Ю.Н. Харари. Homo Deus, сетевое издание). В этом списке есть и водители автобусов (89%), и моряки (83%), и строительные рабочие (88%), и многие другие. Следует отметить, что прогноз оксфордских ученых основан не на интуитивной спекуляции, а является результатом расчета, произведенного специально разработанным алгоритмом, и при этом результат, полученный ими, не является чем-то выпадающим из общей картины, поскольку хорошо коррелирует с другими аналогичными прогнозами. Вместе с тем, исчезновение специальности не всегда означает сокращение рынка труда в данной сфере – тот же Харари уже в другой своей книге, «21 урок для XXI века» приводит великолепный пример обратного – введение в строй в США беспилотных самолетов-разведчиков означало увольнение пилотов таких самолетов, но вызвало к жизни потребность в операторах, управляющих дроном. И если экипаж U-2 состоял из одного человека, то современный стратегический дрон нуждается в 30 операторах.

Тем не менее, общая тенденция такова, что рынок доступного среднему человеку труда будет стремительно сокращаться. Социологи-прогнозисты уже заговорили о неминуемом сокращении рабочего времени и количества рабочих дней в неделе. Примечательно, что вслед за ними такие же прогнозы делают и «капитаны современной индустрии». Так, например, миллиардер и основатель компании Alibaba Джек Ма заявил, что люди должны работать 12 часов в неделю, тогда как большую часть работы должен выполнять за них искусственный интеллект (об этом сообщает агентство Bloomberg). Выступая на Всемирной конференции по искусственному интеллекту в Шанхае, Ма выразил мнение, что люди должны работать всего три дня в неделю по четыре часа в день. По его словам, этого можно добиться благодаря техническому прогрессу и реформе систем образования. «В течение следующих 10–20 лет каждый человек, страна, правительство должны сосредоточиться на реформировании систем образования, чтобы наши дети могли найти работу, которая требует только трех дней в неделю и четырех часов в день. Если мы не изменим нашу систему образования, у всех нас будут проблемы», – заявил он. Примечательно, что при этом сам Ма долгие годы работал по графику 9–9:6 – с 9 до 9, 6 дней в неделю.

Таким образом, один из контуров возможной системы образования, соответствующей 6 укладу, очерчен. Другие черты прямо вытекают из сегодняшней реальности. Если у вас есть смартфон с доступом в Интернет, то совершенно неважно, где вы живете, и как далеко от вас расположена ближайшая библиотека. Современные подростки, абитуриенты и студенты, вовсе не испытывают недостаток информации – они купаются в море информации, а иногда и захлебываются в нем. Ю.Н. Харари пишет: «В таком мире ученикам от учителя меньше всего нужна информация. Они и так ею перегружены. Люди нуждаются в умении понимать информацию, отличать важное от несущественного, а главное – соединять разрозненные фрагменты в целостную картину мира» («21 урок для XXI века, сет. изд.).

Отметим, что для такой селекции входящей информации, равно как и для синтеза целостной картины мира на ее основе, требуется немалая философско-методологическая подготовка. Это означает, что гуманитарная компонента образования в наступающую эпоху не только не потеряет свое значение, но и станет еще более важной. Для осознания этого факта достаточно вспомнить, что современный человек не ищет информацию самостоятельно, он ее «гуглит», обращаясь за помощью к одной из поисковых машин Интернета. Результат, полученный в итоге такого поиска, иногда бывает, мягко говоря, не вполне адекватен. В другом месте автор уже приводил пример с поиском в Гугл и в Яндекс по запросу «Россия. Весна. Фото», в результате которого картинки, которые выдадут эти поисковые сервисы окажутся весьма и весьма различны, и если Яндекс покажет фотографии цветущих полян и проклюнувшихся почек, то Гугл предложит широкий выбор изображений грязных улиц и раскисших дорог. Отметим, что никто специально не программировал для этих сервисов таких результатов, они образовались в процессе практической работы облачных машин, и отражают только и исключительно различие установок и ценностных ориентаций потребителей их услуг. Но, тем не менее, этот феномен позволяет усомниться в объективности работы облачных поисковых сервисов. Добавим

сюда традиционно некритическое доверие к результатам машинного поиска, и ситуация начнет казаться поистине удручающей.

Еще одним социальным следствием широкого внедрения информационных технологий 6 этапа (облачные самообучающиеся алгоритмы и Big Data в первую очередь) станет изменение модели подготовки специалиста. Первые контуры такого изменения просматриваются уже сейчас – внедренная в Англии медицинская диагностическая система «Watson» способна самостоятельно ставить диагнозы, считывая информацию как из облачных хранилищ, так и с носимых людьми гаджетов. Специалисты полагают, что подобные алгоритмы, не устающие, работающие 24 часа в сутки и 7 дней в неделю, могут изменить направление подготовки врача. А именно, если раньше лучшим врачом считался опытный врач, способный по первым симптомам поставить верный диагноз, то теперь его компетентность все в большей степени может быть заменена алгоритмом. Но вот чего не сможет алгоритм, так это выполнить те медицинские манипуляции, которые умеет делать подготовленный доктор. И, даже если допустить, что роботы-хирурги заменят (со временем) живых врачей, то всегда останется эмоциональная, психологическая, эмпатическая компонента лечения, передать которую роботу или облачному алгоритму вряд ли удастся.

Таким образом, профессия врача, разумеется, не умрет, но то, что потребуется внести в подготовку врачей изменения – несомненно. Аналогичные рассуждения можно провести для других специальностей.

Еще одним существенным отличием будущей системы образования от сегодняшней должна будет стать ее гибкость и способность к постоянным изменениям. Ее единственным стабильным признаком станет постоянная изменчивость. В целом, такое характерно и для сегодняшней высшей школы, поскольку современные вузы предоставляют своим студентам широкие возможности для выстраивания собственных образовательных траекторий в рамках общего учебного процесса. Разница, однако, состоит в том, что если сегодня мы полагаем, что студент (а не только Ученый совет!) достаточно компетентен для того, чтобы планировать свое обучение, то в будущем такой компетенцией сможет обладать уже не человек, будь то студент или ректор, а облачный алгоритм. Высшая школа рано или поздно испытает на себе чувства опытного водителя, который, следуя по стократ пройденному маршруту, внезапно услышит от программы-навигатора команду «Поверните направо!», откажется это сделать – и, заехав в тупик, с ужасом поймет, что программа была права.

Разумеется, высшая школа, в том виде, в котором мы ее знаем, не канет в Лету. Новый технологический уклад не означает, как уже было сказано, немедленного прекращения функционирования прежних технологических укладов, и подготовка кадров для их производств останется актуальной до тех пор, пока будут существовать сами эти производства. Но то, что парадигма образования будет изменяться со сменой технологического уклада, представляется несомненным.

Жаркова Т.И.
к.п.н., доцент Челябинского филиала Финансового университета
taniafrance@mail.ru

КОНТРОЛЬ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Ключевые слова: *контроль, методика, мотивация, деятельность, иностранный язык, экономический вуз.*
Keywords: *control, methodic, motivation, activity, foreign language, economic university.*

Современный мир превращается в глобальную систему в результате процессов интернационализации и глобализации, «процесса интеграции человечества в единое целое, характеризующее новую эпоху развития человечества, как эпоху глобального мира (М.М. Акулич)» [5, с. 10]. В настоящее время система образования в России претерпевает изменения. Меняются программы, стандарты, образовательные парадигмы, т.е. «совокупность принятых в педагогическом сообществе мировоззренческих и теоретических предпосылок, определяющих конкретные подходы к проектированию процесса образования и саму образовательную практику (Е.А. Сорокоумова)» [5, с. 25]. И сколько их было в истории человечества! Парадигма гражданского воспитания античного общества, акцентировавшая внимание на физическую и военную подготовку, пришла на смену самой первой парадигме, натуральной, которая была характерна для доиндустриального общества, где господствовало подражание в качестве передачи общественного опыта.

В средние века уже была распространена парадигма христианского воспитания, целью которой было воспитание мирян в духе христианской морали. И только в XVII в. были заложены основы классической образовательной парадигмы, где знание должно усваиваться в готовом виде. Основоположником данной парадигмы был великий чешский педагог Ян Амос Коменский (1592–1670), большинство сформулированных им принципов, методов и форм организации педагогического процесса являются классическими и по сей день и составляют ядро современной педагогики. Данную парадигму образования характеризует естественнонаучное содержание, знание же передается и усваивается в готовом виде.

Для конца XIX в. характерна антропологическая парадигма. Антропологический подход разработал и обосновал К.Д. Ушинский (1824–1870), основоположник научной педагогики в России, впервые объединивший в педагогике достижения различных наук и осуществивший педагогический синтез научных знаний о человеке. В его понимании – это системное использование данных всех наук о человеке и их учет при построении и реализации учебного процесса. «Только личность может действовать на развитие и определение личности, только характером можно образовать характер. Причины такого нравственного магнетизирования скрываются глубоко в природе человека» [13, с. 50]. Необходимо отметить, что несмотря на то, что идеи развития личности, а также свободы выбора ею содержания обучения, были уже общеприняты и распространены два века назад, в нашей стране господствовала ЗУНовская/знаниевая парадигма, в рамках которой образование рассматривалось как процесс передачи готовых знаний, а обучающийся являлся объектом педагогического воздействия, и нужно сказать, что господствовала довольно долгое время. Е.Н. Соловова указывает на то, что знаниецентричная модель проявляется в таких экзаменах, где от испытуемых требуется лишь способность запомнить огромное количество дат, фактов, событий, формул и т.д. При этом умение рассуждать, сравнивать, оценивать полученную информацию, а также находить нужную информацию в справочной литературе, интерпретировать ее с учетом сложившихся понятий и представлений, аргументировать собственную точку зрения оказывается невостребованным, и, следовательно, воспринимается как ненужное [12]. «Только в последние десятилетия, когда *проблема человека* приобрела особую актуальность, и стала одной из ведущих тем философии, социологии, этики, эстетики – науки и общественной мысли в целом, в полной мере был оценен грандиозный по своим масштабам опыт построения К.Д. Ушинским не существовавший ранее области познания – педагогической антропологии» [13].

Далее, как справедливо отмечает М.З. Биболетова: «Рухнул железный занавес, Россия открылась для Европы и других стран, Европа объединилась, эйфория открытости, призывов к толерантности к культурным проявлениям других народов достигла высокой точки. В целом данный период можно назвать периодом глобальных политических и социальных процессов, протекающих в современном мире» [2, с. 8-9]. Традиционная подготовка специалистов не оправдала себя. Выпускники вузов оказались невостребованными на современном рынке труда. Наконец-то, на смену ей приходит новая парадигма образования, основанная на компетентностном подходе к обучению, согласно которой современный выпускник вуза должен владеть целым набором компетенций, а также владеть иностранным языком. Профессионализм участников межкультурной коммуникации напрямую зависит от качества приобретенных знаний иностранного языка, от уровня сформированности коммуникативной компетенции будущего специалиста, способного успешно поддержать диалог культур с представителями различных социумов.

В настоящее время все большее развитие получает процесс глобализации, «процесс вовлечения национальных культур в качественно новое мировое единство, по самой своей природе являющееся транснациональным» [5, с. 9], что приводит к расширению взаимосвязей между культурами. Именно поэтому сегодня необходимо воспитать из обу-

чаемого развитую вторичную личность, способную и желающую участвовать и успешно реализовывать межкультурную коммуникацию. Это и является глобальной целью обучения иностранным языкам в вузе. На это же и нацелен и «социальный заказ, который должна выполнить система отечественного образования – это человеческий потенциал. Перед ней впервые за последнее время ставится задача воспитания успешного гражданина, носителя общенациональных ценностей. Отличительная черта профессионального образования на сегодня – это ориентация на развитие личности обучаемого, способной легко и быстро адаптироваться в современном, быстро меняющемся мире» [2, с. 10].

Нашему демократическому обществу требуются инициативные, творческие специалисты, владеющие иностранным языком на довольно высоком уровне, быстро и умело приспосабливающиеся к изменяющимся условиям современной действительности. Только человек с разносторонними знаниями, в том числе владеющий иностранным языком, может быть социально защищенным, конкурентоспособным на современном рынке труда [6, с. 67]. Общеизвестно, что приобретенные в школе и вузе знания устаревают быстро. И это связано с научно-техническим прогрессом и развитием информационных технологий. В связи с этим задача преподавателя – научить студента приобретать знания самостоятельно и подготовить его к дальнейшему непрерывному профессиональному образованию. Образование должно стать непрерывным. Согласно Е.Н. Солововой, современная система непрерывного педагогического образования – это динамично развивающаяся система, которую отличает открытость, многоступенчатость, многоуровневость, многофункциональность, гибкость [12]. Непрерывное образование – образование, которое, во-первых является всеохватывающим по полноте, во-вторых, индивидуализировано по времени, темпам и направленности и, в-третьих, предоставляет каждому человеку возможность реализации собственной программы его получения [10]. Все это, несомненно, обеспечит будущим специалистам сферы финансов, экономики и бизнеса конкурентное преимущество в поиске работы.

Мы согласны с мнением Г.В. Роговой о том, что изучение условий обучения иностранным языкам в вузах раскроет те резервы, использование которых поможет улучшить обучение этому предмету и повысить качество подготовки по иностранным языкам. К ним относят следующие три:

1) более рациональная организация обучения;

2) более целенаправленная организация учебного материала и действий учащихся с ним;

3) более широкое использование внутренних резервов (возможностей) студентов [11].

Качество подготовки обучаемых определяется в настоящее время совокупностью компетенций. Согласно С.Е. Шишову и В.А. Кальней, качество образования – совокупность показателей, характеризующих различные аспекты учебной деятельности образовательного учреждения: содержание образования, формы и методы обучения, материально-техническую базу, кадровый состав и т.п., которые обеспечивают развитие компетенций обучающейся молодежи [14]. В настоящее время для определения качества знаний предмета и компетенций широко используются тесты. Само слово «тест» английского происхождения «*test*» и обозначает комплекс заданий в форме вопросов, на которые нужно выбрать правильный ответ. «Основное отличие теста от контрольной работы состоит в том, что он всегда предполагает измерение» [9]. Для тестов характерна процедура стандартизации. В связи с этим полагают, что оценка, полученная за тест, является более объективной, чем оценка за контрольную работу. Тесты сами по себе могут быть не только контролирующими, но и обучающими.

Тесты являются не только наиболее экономной формой контроля, но и наиболее объективным показателем степени усвоения обучаемыми изучаемого материала, чем данные текущей, индивидуальной проверки. При помощи тестов можно эффективно организовать самостоятельную работу, которая, несомненно, будет способствовать росту индивидуального интеллектуального потенциала студента [3, с. 11].

Эталон контроля же, согласно Р.К. Миньяр-Белоручеву, – это образ чувственно воспринимаемого объекта контроля, хранящийся в долговременной памяти учителя, учащегося или зафиксированный на бумаге, фонограмме и пр. Следует различать материализованные и нематериализованные эталоны контроля. К первым относятся правила грамматики или орфографии, словари, речевые образцы, таблицы спряжения глаголов, ключи и другой справочный материал. Нематериализованные эталоны контроля существуют в долговременной памяти контролирующего и нередко страдают субъективизмом. Легче всего материализуются эталоны знаний и умений. Плохо поддаются материализации эталоны навыков [7, с. 6]. Мы полагаем, что эталонами при становлении *навыков* являются:

• образцы – это текст-образец-эталон. При выполнении упражнений на развитие навыков устной речи, а они составляют 80% объема всего материала, при затруднении обучаемые обращаются к тексту.

• подсказки – при контроле навыков напоминают только важные для их функционирования признаки. Например: Мы заставляем обучаемых задуматься. Задавая вопрос и приводя ниже эталоны-подсказки. «Из приведенных выше примеров вы не могли не заметить, что указанные прилагательные мужского рода имеют две формы. Какие? Правильно: *ce* и *cet*. Подумайте и скажите, когда употребляется последняя форма».

Подсказка-напоминание, данная перед упражнением, «снимает» трудность при его выполнении, облегчает «выход» в речь данного грамматического явления. Например, «*Avec l'article defini dites ce qu'on peut acheter au rayon de confection*». Или «*Avec ce, cet, ces, cette reproduisez le dialogue*».

Подсказки после выполнения упражнения напоминают обучаемым существующие правила: «*Не забудьте согласовать существительное*!» «*N'oubliez pas d'employez l'article indefini*!».

Позже задается вопрос, но подсказки уже нет. Обучаемые могут сверить свои ответы с ключом. Ключи являются эталонами уже при развитии *умений*. Они содержат решение проблемно-поисковых задач, дают ответы на трудные вопросы.

Инструкции, т.е. указания, в которых последовательно оговариваются действия обучаемых и с какой целью они должны их выполнять. Например: «*Вам предлагается создание картотеки, каждая карточка которой содержит*

информацию об изученном грамматическом материале. Данная картотека будет служить вам своеобразным методическим пособием для повторения пройденного материала и для ликвидации пробелов в знаниях» [7, 7–8].

В заключение мы хотим отметить, что контроль знаний, навыков и умений студентов является важным структурным компонентом процесса обучения, а значит, и его качества. Мы как и В.А. Качалов полагаем, что качество образования – это не только результаты учебы, но и организация и процедуры, которые гарантируют, что обучаемые получат комплексное личное и общественное развитие, дающее им возможность удовлетворить свои потребности и позволяющие им внести вклад в прогресс и в улучшение общества в целом [8]. Что касается перспектив иноязычного образования, то формируется новый взгляд. Так в «Декларации прав культуры», разработанной коллективом под руководством Д.С. Лихачева, общее среднее образование рассматривается как «социальный институт культурной преемственности» [2, с. 23]. И.Л. Бим указывает на то, что личностная ориентация общего среднего образования означает переход к гуманистическому культуросообразному образованию, целью которого является развитие общей культуры личности, становление человека культуры, который в ходе образования сам приобретает способность к культуросозидательной деятельности, к приумножению культурных ценностей [Бим]. Необходимо отметить также и то, что «важнейшей тенденцией современного развития системы образования связана с подготовкой специалистов, способных реализовать принцип «образование через всю жизнь» («*life-long-learning*») [4 , с. 78], но образование должно быть всегда качественным.

Список литературы

1. Бим И.Л. Что нового привносит личностно-ориентированная парадигма в образование подрастающего поколения // Иностр. яз. в шк. – М., 2011. – № 10.
2. Жаркова Т.И. К вопросу о природе контроля в обучении иностранным языкам // Современные средства оценивания качества иноязычной компетенции: теория и практика. Сороковых Г.В., Жаркова Т.И., Герасимова А.М., Вишневская Е.М. Иванова Н.В., Кутепова О.С., Волкова Н.С., Бобунова А.С. Монография / Под науч. ред. Г.В. Сороковых , Т.И. Жарковой. – М.: УЦ «Перспектива», 2019. – С. 7–26.
3. Жаркова Т.И. Лингводидактический тест как инструмент контроля усвоения грамматического материала / Т.И. Жаркова, Г.В. Сороковых // Materiály VIII mezinárodni vědeko – praktiká konference «Věda a technologie: krok do budouchonsti – 2012». – Díl 12. Filologické. vědy. – Praha: Publishing House Education and Science», 2012. – S. 11–13.
4. Жаркова Т.И. Повышение мотивации к изучению французского языка через фразеологизмы, отражающих национальный характер французского народа // Мотивация как источник активности и направленности личности на изучение иностранного языка (методологические и технологические аспекты). Монография / Под науч. ред. Г.В. Сороковых, Т.И. Жарковой. – М.: УЦ «Перспектива», 2018. – С. 78–85.
5. Жаркова Т.И. Тематический словарь методических терминов по иностранному языку / Т.И. Жаркова, Г.В. Сороковых. – 3-е изд. стер. – М.: Флинта; Наука, 2017. – 320 с.
6. Жаркова Т.И. Формирование мотивации к изучению иностранного языка у студентов экономических специальностей // Формирование мотивации к предметам гуманитарного цикла в экономическом вузе. Монография / Под науч. ред. Т.И. Жарковой. – Челябинск: Уральская Академия, 2017. – С. 66–76.
7. Жаркова Т.И. Формирование навыков контроля и самоконтроля на уроках французского языка // Materiály VIII mezinárodni vědeko – praktiká konference «Věda a technologie: krok do budouchonsti – 2012». – Díl 13. Filologické. vědy. – Praha: Publishing House Education and Science», 2012. – S. 5–8.
8. Качалов В.А. Проблемы управления качеством в вузах // Стандарты и качество. – М., 2000. – № 9. – С. 84-89.
9. Колесникова И.Л., Долгина О.А. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков. – СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц»; Cambridge University Press, 2001. – 224 с.
10. Концепция непрерывного образования // Народное образование. 1989. – № 10. – С. 3-12.
11. Рогова Г.В. О повышении эффективности обучения иностранным языкам в вузе // Иностр. яз. в высш. шк. – М., 1975. – Вып. 10. – С. 18–23.
12. Соловова Е.Н. Методическая подготовка и переподготовка учителя иностранного языка: интегративно-рефлексивный подход. Монография. – М.: Глосса-Пресс, 2004. – 336 с.
13. Ушинский К.Д. Избранные труды. В 4 кн. Кн. 1: Проблемы педагогики. – М.: Дрофа, 2005. – 638 с.
14. Шишов С.Е., Кальней В.А. Мониторинг качества образования в школе. – М.: Рос. пед. агентство, 1998. – 354 с.

Колодник Т.Д.
старший преподаватель, Белорусский государственный университет физической культуры
Корнеев С.А.
ассистент, Белорусский государственный экономический университет
Лопатьевская Э.А.
к.ю.н., доцент, Белорусский государственный экономический университет

НАУЧНЫЙ ПРОГРЕСС КАК ФАКТОР ГЕНЕРАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ

***Ключевые слова**: риски, научный прогресс, подготовка специалистов.*
***Keywords:** risks, scientific progress, training specialists.*

Настоящее время можно охарактеризовать как эпоху научно-технической революции, производственной силой которой является научный прогресс, основанный на расширении знаний, генерации идей, развитии новых техник и технологий. Влияние научного прогресса практически на все сферы жизнедеятельности, включая производственный сектор, можно отнести к важнейшим достижениям научно-технической революции, в эпоху которой вектор экономического развития определяют сложные интеллектуальные решения.

Социальные риски, связанные с развитием научного прогресса, можно анализировать на предмет предпосылок их возникновения и характера проявлений в обществе.

«Диалектика нашей жизни такова: из-за развития технических новшеств мы оказались на краю пропасти, но без них мы не сможем перекинуть мост в будущее…Техническое развитие абсолютно необходимо, но его недостаточно: иной должна стать цивилизация, иным – духовный мир человека, его потребности, ментальность» [4, с. 71].

Создание и активное использование разнообразных роботов для решения задач производства существенно влияет на сохранность рабочих мест и не гарантирует в будущем для многих людей устойчивую и/или стабильную занятость. Интеллектуальное неравенство на основе развития цифровой экономики усиливает динамику событий практически на всех рынках, включая рынок труда.

Научный прогресс формирует условия для мобильности, которые содействуют образованию различных групп социального взаимодействия, географического месторасположения и т.п. «Если раньше идентичность была обусловлена принадлежностью к группе и ее культуре, то современного человека невозможно отнести не только к двум, но и к большему числу групп. Его мобильность стала чрезвычайно высокой, и от нее зависит успех, благополучие самого индивида и его семьи. Он меняет профессии, специальности, специализации, место жительства, своих коллег, друзей, культуру и т.д.» [3, с. 88].

Следовательно, развитие научного прогресса трансформирует практически все сферы жизнедеятельности, равно как и условия труда, усиливает конкуренцию, снижает уровень профессиональной адаптивности человека, предъявляет требования к квалификации, что требует от личности определенного запаса прочности.

Анализируя будущее многих профессий, равно как и институтов подготовки кадров, стоит отметить, что научный прогресс существенно меняет, а в перспективе еще больше изменит не только содержание, но и характер труда для многих сфер деятельности. Для развития экономики многих регионов и даже государств особое значение приобретает сфера услуг. Квалификационные запросы нанимателей по многим профессиям трансформируются, что обязывает оперативно развивать профессиональные компетенции.

Указанные обстоятельства, в свою очередь, создают принципиально новые условия для социального взаимодействия; стратифицируют контакты, определяют общественные системы и возможности для коммуникаций.

Таким образом, если экономика и дальше продолжит «поглощение» инновационных процессов, которые генерирует научный прогресс, без должного выявления возможных социальных рисков и их предупреждения, то это может иметь весьма негативные последствия для общества – интеллектуальное расслоение, дефицит и/или нехватка специалистов, отставание квалификационных уровней, включая узкие компетенции, и некоторые другие.

В этой связи стоит сказать, что главной движущей силой научного прогресса являются творческие люди, способные генерировать идеи, использовать интеллектуальный потенциал для решения задач из разных областей, управлять ресурсами, обеспечивать ситуационный и прогнозный анализ явлений и/или событий. Поиск путей предотвращения и/или нивелирования социальных рисков можно в определенной мере связывать с главной движущей силой их возникновения – творческим потенциалом личности.

Целями высшей школы в силу изменчивости и многомерности многих профессий должны являться новые подходы и условия для формирования не только профессиональных компетенций, но и интеллектуального, и духовного потенциала личности.

По нашему мнению, разработка в высшей школе новых подходов и создание условий для формирования профессиональных компетенций, интеллектуального и духовного потенциала должна основываться на:

– формировании прогнозных образов изменчивых рынков и/или структур труда;

– анализе способов повышения эффективности основной деятельности в условиях глобальной конкуренции и внесении в нее необходимых изменений;

– выборе эффективных средств, методов и технологий обучения для подготовки будущих специалистов;

– интеграции профессионального обучения с решением реальных социальных проблем и др.

Важнейшими задачами высшей школы в формировании будущих поколений специалистов можно считать:

– развитие у специалистов высшей школы конкурентных способностей и их поддержание на уровне мировых стандартов;

– развитие логического рационального и нестандартного типов мышлений;

– воспитание интереса к сферам и отраслям, предполагающим конвергенцию и полиморфизм разных видов деятельности;

– формирование проактивности;

– модификацию квалификационных требований в соответствии с запросами научного прогресса;

– применение в обучении проблемных методов обучения и др.

Научный прогресс требует от высшей школы разностороннего анализа основной деятельности в силу необходимости преобразования личности и окружающего мира. Квалификационный потенциал имеет значение не только для экономики, но и является судьбоносным для конкретных людей.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что нивелирование социальных рисков, которые могут возникать в результате развития научного прогресса, можно связывать с повышением эффективности высшей школы, как важнейшим условием обеспечения подготовки специалистов будущего, наделенных не только необходимыми актуальными профессиональными компетенциями, но и адекватным мировоззрением.

В заключение следует отметить, что от своевременного выявления социальных рисков, которые могут возникать в результате развития научного прогресса, зависит способность общества противостоять их возможным проявлениям.

Список литературы

1. Павлова В.В. Социальный риск в агросфере // Социс. – М., 1993. – № 10. – С. 81–84.
2. Зубков В.И. Риск как предмет социологического анализа // Социс. – М., 1999. – № 4. – С. 6.
3. Яременко С.Н. Иллюзии идентичности человека // Вестник Донского государственного технического университета. 2009. – Т. 9, № 2. – С. 88.
4. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь Разума. – М.: МНЭПУ, 1998. – 205 с.

Кузина Л.В.
старший преподаватель, Белорусский государственный университет, г. Минск
Olga 017@ yandex.by

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ИНТЕРЕСАХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: *образование, устойчивое развитие, экономическая теория, учебно-программная документация, научно-исследовательская работа студентов, новые компетенции преподавателя.*

Keywords*: education, sustainable development, economic theory, curriculum documentation, research work of students, new competences of the teacher.*

Преодоление экологического кризиса и реализация концепции устойчивого развития (УР) предполагают перестройку сознания и мышления людей, формирование новых человеческих качеств будущих специалистов. В нашей республике в последние годы осуществляется переход к инновационной модели образования – образование для устойчивого развития (ОУР), но вопрос о его содержании продолжает оставаться дискуссионным. Зачастую ОУР остается для многих преподавателей непонятным и нераскрытым направлением, некоторые авторы рассматривают его как модное название экологического образования и полагают, что ОУР можно внедрить, используя для этой цели сложившуюся в республике систему экологического образования и воспитания. Однако такой подход вряд ли можно считать оправданным, поскольку знак равенства между экологическим образованием и ОУР ставить нельзя. Последнее, на наш взгляд, более многогранно и выходит за рамки экологического образования, поскольку его основные идеи нацелены на интеграцию экологических вопросов с социальными, культурными и экономическими. В то же время очевидно, что экологическое образование остается ведущим в системе ОУР. Нет единой точки зрения и в отношении способов внедрения ОУР. Как правило, предлагаются два подхода – трансформация экологического образования в ОУР или создание новой инновационной системы образования. Второй вариант предполагает параллельное существование экологического образования и ОУР. На наш взгляд, более приемлемым для экономических дисциплин является первый подход, т.к. экологические компетенции входят в перечень универсальных компетенций и соответствуют целям УР. С учетом того, что ни одна вузовская дисциплина не дает целостного представления о сути концепции УР и механизмах ее реализации можно согласиться с предложениями о введении специального курса «Основы теории устойчивого развития» в качестве обязательного предмета или курса по выбору [2]. В связи со вступлением нашей республики в Болонский процесс произошло закрепление перехода отечественной высшей школы на европейскую модель образования. Но в стандартах третьего поколения не предусматривалось включение вопросов УР в дисциплины социально-гуманитарного блока. В отечественной педагогике до сих пор отсутствует единство в определении тех знаний, умений, навыков, способностей, которые необходимо сформировать и оценить для реализации компетентностного подхода. Актуальными остаются разработка целостной методологии, технологического обеспечения и требований к инфраструктурному составу системы непрерывного образования в целях УР. На наш взгляд, было бы логично совместить внедрение экологических компетенций в экономические дисциплины с процессом совершенствования деятельности университетов на основе модели «Университет 3.0. Многие исследователи и практики придерживаются следующей позиции: реализация модели университет 3.0 приблизит нас к университету устойчивого развития. В частности, авторами аналитического отчета о реализации НСУР Республики Беларусь на период до 2030 года в качестве актуального направления развития высшего образования названо совершенствование деятельности университетов на основе модели «Университет 3.0». В этой связи в декабре 2017 г. приказом Министра образования № 757 «О совершенствовании деятельности учреждений высшего образования» на основе модели «Университет 3.0» утвержден экспериментальный проект, призванный изменить приоритеты деятельности семи ведущих белорусских университетов, сместив акценты с преимущественно учебной работы на научную и предпринимательскую деятельность.

Каким образом задачи, поставленные перед ОУР, решаются в рамках конкретных экономических дисциплин? Характерен пример изучения в МГЭИ им. А.Д. Сахарова БГУ экономической теории. Так, проведенный анализ показал, что существуют определенные риски утраты фундаментального характера высшего образования, и неготовность преподавателей и студентов к переориентации образования на решение задач УР, наличие в данном процессе формализма и бюрократизма [6]. Кроме того, преподавание экономических дисциплин усложняется наличием следующих обстоятельств:

– ускорение инновационного развития общества. Из-за ускорения научно-технического развития жизненный цикл технологий становится короче срока обучения. В связи с этим образование должно носить опережающий характер, что выдвигает определенные требования к преподавателям и студентам, которые должны обучаться на протяжении всей жизни;

– снижение престижа высшего образования. В настоящее время свыше 90% молодежи в студенческом возрасте получают высшее образование. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в 2013/2014 г. по количеству студентов в расчете на 10000 чел. населения Беларусь имела самый высокий показатель среди стран СНГ – 417 чел. (Россия – 394, Кыргызстан – 391, Украина – 380);

– институциональный конфликт между платной формой обучения и невостребованностью знаний. Отмечено, что абитуриенты, поступающие на платные места, зачастую не обладают должным уровнем подготовки. Как следствие, высшая школа получает студентов, не всегда способных усвоить вузовскую программу, некоторые не имеют должной мотивации в получении качественного образования. Таким образом, неконкурентный рынок труда и платная форма образования приводят к снижению качества высшего образования;

– избыточность в регулировании системы образования. Видимо, надо проанализировать возможность снижения государственного регулирования содержания образования и минимизации учебно-программной документации; отказаться от типовых и экспериментальных планов; в разделе «Требования к кадровому обеспечению» образовательного стандарта установить долю преподавателей практиков от числа профессорско-преподавательского состава (ППС);

– зависимость высшего образования от бюджетного финансирования и недофинансирование, которое характеризуется диспропорциональностью затрат. К примеру, в высокоразвитых странах значительная доля финансовых средств, выделяемых на образование, приходится на собственные средства компаний, в Беларуси такую нагрузку в основном несет бюджет. В 2018 г. на развитие высшего и послевузовского образования в республиканском бюджете было предусмотрено 3,3%, что явно недостаточно. И это при том, что инвестиции в образование рассматриваются как ключевой фактор в развитии любой страны, а их недостаток является сдерживающим фактором экономического роста;

– высокие требования к ППС. не компенсируемые достаточно высоким социальным статусом и уровнем зарплаты.

Осложняет учебный процесс кризисное состояние экономической науки, которая продолжает отставать в своем развитии от задач, стоящих перед обществом. Методологические проблемы современной экономической теории приводят к противоречиям между теорией и практикой и требуют скорейшего решения. Кратко остановимся на некоторых из них. Одной из главных проблем является предмет исследования экономической теории. Современное хозяйствование характеризуется сужением рыночных отношений и обременено социальными, гуманитарными и экологическими проблемами, т. е. возникла новая хозяйственная действительность. Все это требует осмысления сути хозяйственных отношений, и, следовательно, самих основ экономической теории. Само появление концепции УР в определенной степени вызвано отставанием экономической науки от изучения экологических проблем. Ни классическая экономическая теория, ни все последующие экономические школы не придавали значения экологическим ограничениям в экономическом развитии. И лишь в 70-е годы XX века, когда во всем мире экологические проблемы резко обострились, перед экономической наукой встала задача осмыслить сложившиеся тенденции эколого-экономического развития и разработать принципиально новую концепцию. В сущности, концепция УР стала новым подходом к решению проблем, которые не осознавались как важные или считались не относящимися к сфере экономической науки. Так, большинство представителей традиционной экономической науки полагали, что проблема справедливого распределения ресурсов должна решаться политическими, а не экономическими методами. Проблема устойчивого развития экономики даже не рассматривалась, поскольку признавалась возможность неограниченного использования ресурсов и технологического развития. В современной экономической науке преобладает мнение, что решение данных проблем должно быть найдено вне рынка. Перед экономической наукой сегодня стоят многочисленные новые задачи, и от того, насколько теоретические установки окажутся адекватными, зависит практическая реализация этих задач. УВО признаны готовить своих выпускников к профессиональной деятельности с учетом структуры потребностей экономики, поэтому учебный процесс постоянно совершенствуется, но вносимые изменения не всегда дают ожидаемый результат. Например, акцент на проблемно-ориентированную направленность обучения объясняет введение в вузах в 2012–2013 учебном году нескольких интегрированных модулей, в т.ч. модуля «Экономика». Наличие проблем в содержании обязательного модуля «Экономика» на сегодняшний день отмечают 52% УВО, а проблемы аттестации 58%. После официального вхождения Беларуси в Болонский процесс в УВО проводилась большая работа по приближению стандартов, учебных планов и программ к имеющимся в европейских странах. Было бы правильным одновременно включить во все названные документы принципы УР. Но приходится констатировать, что современная система образования воспроизводит те же модели, реализация которых не приведет нас к устойчивому развитию. Прежде всего не получил пока системного решения вопрос документального обеспечения ОУР. К примеру, в типовой учебной программе по обязательному модулю «Экономика», утвержденной Министерством образования Республики Беларусь 30 июня 2014 г., принципов и целей УР нет ни в одной теме учебных дисциплин Экономическая теория и Социология. В тематических планах отсутствуют такие важные, на наш взгляд, темы, как «Переходная экономика: сущность и особенности», «Национальная стратегия УР». Кроме того, необходимо по-новому, с позиций УР, рассматривать темы «Потребности и ресурсы. Проблема выбора в экономике», «Теория поведения потребителя», «Национальная экономика: цели и результаты развития», «Цикличность экономического развития», «Экономический рост» и другие. Таким образом, предлагаемый сегодня типовой учебной программой курс «Экономика» не способен сформировать у студентов компетенции в области УР, а их наличие в экономических дисциплинах зависит в основном от энтузиазма, научной подготовки и гражданской ответственности преподавателей. Но, как показывает практика, даже частичное включение тематики УР в различные дисциплины не всегда эффективно, поскольку такие включения носят не системный, а инициативный характер. Видимо, для начала следует разработать новые стандарты, типовую учебную программу по модулю «Экономика» и методику отражения содержания УР в учебных программах по конкретным экономическим дисциплинам.

Овладение студентами основами УР зависит от содержания, качества и наличия учебно-методических материалов. Для реализации идей УР следует радикально усовершенствовать существующие учебники по экономической теории, т.к. чаще всего это переводные зарубежные учебники, которые рассчитаны на реальные рыночные отношения и не отражают особенностей белорусской модели развития. Видимо, надо преодолеть преклонение перед западной экономической теорией и провести переоценку и обновление методологического арсенала исследований. Особенностью ОУР является опережающий механизм развертывания образовательного процесса. Поэтому учебные материалы должны содержать не только теоретические положения, достоверную и полную эколого-экономическую информацию, но и включать проблемы будущего развития общества, экономики и окружающей среды. Остающиеся противоречия между теорией и практикой в современной жизни также в значительной мере объясняются несостоятельностью экономической теории. К примеру, переход к УР требует ограничения потребностей в товарах и услугах. В отличие от такого подхода техногенное развитие базируется на неограниченном развитии рынка, ориентируется на чисто экономический рост и предполагает максимизацию потребления. В программах курса и существующих учебниках по экономической теории отражается именно техногенное развитие экономики. Видимо, следует переориентировать содержание программ и учебников по экономическим дисциплинам на решение задач УР. Переход к устойчивому развитию требует его адекватного обоснования не только современной экономической наукой, но и другими общественными науками, способными лишь в совокупности объяснить функционирование общественной жизни. Большинством исследователей ОУР трактуется не как особая составляющая образования, а как междисциплинарная область знаний, базирующаяся на теоретических положениях философии, политологии, социологии, экологии. Таким образом, преподаванию экономических дисциплин необходим комплексный подход, который требует новых профессиональных и личностных компетенций преподавателей.

Большинство ППС считает, что имеющаяся учебная литература не всегда адаптирована к студенческой аудитории, что, естественно, еще больше осложняет изучение такой непростой дисциплины как экономика [3]. Выходом из сложившейся ситуации является разработка преподавателями электронных учебных пособий, методических рекомендаций, других вспомогательных материалов, отражающих специфику УВО и принципы УР. Тормозит данный процесс, на наш взгляд, процедура оформления авторского права на электронные учебные пособия и учебники, поскольку законодательно такой порядок не определен. Кроме того, необходима эффективная система мотивации и стимулирования ППС, в том числе преподавателей-практиков, к созданию таких инновационных материалов.

Учебных часов для насыщенного информацией курса «Экономика» выделено явно недостаточно. Восполнить дефицит аудиторных часов может, на наш взгляд, изменение в соотношении внеаудиторной и аудиторной работы студентов. Например, индивидуальную работу можно проводить в виде письменного задания, поскольку данная форма учит студентов грамотно излагать свои мысли и позволяет хорошо усваивать учебный материал. При этом тематика работ должна быть связана с УР. И хотя значение индивидуальной работы со студентами признается на всех уровнях, затраты на ее методическое обеспечение и проведение в учебной нагрузке преподавателя не учитываются. Как известно, ОУР требует переориентации основного внимания с обеспечения знаний на проработку проблем и поиск эффективных решений, поэтому так важна самостоятельная работа студентов. Сформировать компоненты их самообразовательной деятельности возможно только путем целенаправленного обучения и развития самостоятельного мышления. Однако на сегодняшний день существует противоречие между признаваемой значимостью самообразования и недостаточной практической вовлеченностью студентов в самообразовательную деятельность. И хотя удельный вес часов, отводимых на самостоятельную работу по социально-гуманитарным дисциплинам, составляет 50%, значение контролируемой самостоятельной работы студентов (КСР), на наш взгляд, необоснованно занижается. Считаем, что КСР должна включаться в учебные планы и содержание преподаваемых курсов. При этом в программы КСР по модулю «Экономика», следует включать научно-прикладные исследования проблем УО. Также необходимо составлять программы и системы контроля самостоятельной работы студентов. Можно применять тестовый контроль (текущий, итоговый и остаточных знаний), который хорошо зарекомендовал себя на практике. Но такая организация самостоятельной работы требует иного подхода к планированию нагрузки преподавателя.

ОУР предполагает неразрывное единство обучения и научного исследования. В то же время современная практика высшей школы не ориентирована на эффективное использование имеющихся условий научно-исследовательской работы студентов (НИРС). Проблема активизации НИРС упирается не в отсутствие желания студентов и преподавателей заниматься научным творчеством, а в отсутствие, с одной стороны, системы управления НИР, а с другой – в отсутствие экономических условий развития НИР в вузах [5]. Для сравнения – в европейских вузах НИРС является обязательным элементом получения образования. При кафедрах работают проблемные группы, студенты привлекаются к исследовательской деятельности кафедр, функционируют студенческие научные общества, проводятся студенческие конференции. Руководство научными проектами и работами (курсовые и дипломные работы) осуществляется в рамках проблемных тематических групп, включающих студентов разных курсов, что подразумевает преемственность тематики и возможность разрабатывать вопросы кафедральной тематики в рамках своих исследовательских работ. На кафедре СГНиУР МГЭУ им. А.Д. Сахарова НИРС проводится под руководством преподавателей в рамках общей кафедральной темы «Социально-гуманитарные аспекты экологического образования». Учебным планом, программой проведениеНИРС по дисциплине «Экономическая теория» не предусмотрено, что, соответственно, накладывает отпечаток на количество, серьезно занимающихся исследованиями студентов, и качество выполняемых ими работ. Как показывает практика, в настоящее время у большинства студентов 1–2 курсов представление о НИР достаточно общее и неполное, кроме того, умения, соответствующие НИР, практически, отсутствуют. Большинство студентов не осознают значимости НИР. Считаем, что исправить ситуацию можно путем включения в учебный процесс написания и публичной защиты рефератов, связанных с реализацией принципов и целей УР. Для студентов 1–2 курсов подготовка

рефератов является базой для начала полноценной НИР. Рефераты, подготовленные на основе изучения нескольких десятков статей, источников, по праву можно назвать научным трудом, и включение их в список видов НИРС вполне оправдано. Кроме того, это позволит выделить наиболее способных студентов и привлекать их к дальнейшей научной деятельности. В этих целях, видимо, следует пересмотреть структуру учебной нагрузки преподавателей и выделить больше времени для организации НИРС в учебное время. Огромную роль в привлечении студентов к научной работе играют ежегодные международные научные студенческие конференции, проводимые на базе нашего института. Студенты проводят самостоятельные исследования, связанные с реализацией целей УР, готовят доклады и выступают на конференциях. Весь процесс носит характер активного диалога и сотрудничества преподавателей и студентов. Лучшие работы публикуются и направляются на Республиканский конкурс научных студенческих работ вузов. Таким образом, участие в НИР дает возможность студентам совершенствовать свои профессиональные навыки и повышать интерес к изучаемому предмету. В то же время отсутствует преемственность при выполнении НИР, выполняемых студентами младших и старших курсов. Студенты старших курсов при выборе тематики курсовых работ и дипломных проектов отдают предпочтения темам, представляющим профессиональный интерес. Таким образом, результаты исследований, проведенных ими под руководством преподавателей нашей кафедры, не находят отражения в их дальнейшей научной деятельности. Отсутствие постоянного взаимодействия и научного сотрудничества с другими кафедрами не способствует интеграции целей УР в курсовые и дипломные проекты. Актуальным вопросом остается оценка НИРС. В качестве положительного примера можно привести применение балльно-рейтинговой системы в зарубежных вузах. Введение системы зачетных единиц подразумевает определение всех основных аспектов организации НИРС на основе использования зачетной единицы (кредита) в качестве меры трудоемкости. Эта система зачетных единиц является основой индивидуально-ориентированной организации научно-исследовательского процесса, предоставляющей студентам возможность составления индивидуальных научно-исследовательских планов. Успешность изучения дисциплины в этом случае оценивается суммой баллов исходя из ста максимально возможных. Условия накопления баллов отражаются в технологической карте. Кроме того, в целях более активного вовлечения студентов в НИР нужна грамотно продуманная система поощрений студентов.

Следует отметить, что формирование новых компетенций студентов сможет обеспечить только инновационно-мыслящий преподаватель, который должен быть профессионалом, реализующим целостную парадигму – практику ОУР. Отсюда вырисовывается совершенно новая модель компетенций ППС [3]. Видимо, модель должна включать четыре подсистемы: учебно-практическую, управленческую, научно-прикладную и креативную. Как следует из приведенной модели, преподаватель выступает в четырех лицах:

– ученый-специалист, разрабатывающий учебный материал с обязательным привлечением инновационной составляющей;

– преподаватель-методист, правильно выстраивающий учебный, научный и практический материал в учебный процесс;

– менеджер группы, владеющий инструментарием общего и педагогического менеджмента;

– креативный модератор, создающий творческий коллектив, способный ставить и решать конкретные задачи УР. Такие кардинальные изменения требований к профессиональной подготовке ППС требуют, на наш взгляд, соблюдения ряда условий: восстановления престижа научно-педагогической деятельности, изменения учебной нагрузки и справедливого уровня оплаты труда ППС. Сегодня учебная нагрузка ППС белорусских вузов не позволяет им эффективно выполнять новые функции. Не секрет, что она гораздо выше, чем у зарубежных коллег. Белорусский преподаватель работает в аудитории по времени в 3 раза больше, чем польский и 6 раз больше, чем американский, о разнице в оплате даже не стоит говорить. На одного преподавателя в белорусских вузах приходится 13,6 студентов, для сравнения в российских – 8–12 студентов, а в западных странах – 3–4. Немаловажно также способствовать повышению престижа преподавателей высшей школы. К примеру, в Китае работники системы высшего образования имеют статут госслужащих разного ранга, а средняя зарплата преподавателей уже в 2008 г. была выше тысячи долларов.

Наиболее узким звеном в продвижении ОУР является несоответствие квалификации ППС требованиям инновационного образования. В целом идеи УР в системе образования воспринимаются положительно, однако насущной необходимостью является подготовка ППС к их реализации. Существующая в нашей республике система повышения квалификации способна обеспечить подготовку ППС в соответствии с установленными законодательством нормами. Однако качество образовательных услуг вызывает обоснованные сомнения с точки зрения актуальности передаваемых слушателям знаний и технологий профессиональной деятельности. Система повышения квалификации, на наш взгляд, должна носить опережающий характер, поскольку функции преподавателя постоянно изменяются или наполняются новым содержанием. Хотелось бы обратить внимание на практикующиеся во многих странах формы повышения квалификации ППС. К примеру, в США штатный профессор университета получает каждые 7 лет годичный оплачиваемый отпуск для повышения квалификации путем самообразования и стажировки в американских и зарубежных центрах. Конечно, такие формы реализовать в нашей стране очень сложно, однако и белорусская система повышения квалификации должна стать более эффективной, утратить формальный характер и стать механизмом формирования новых компетенций преподавателей высшей школы. В этих целях в образовательные программы повышения квалификации в области экономического образования следует включить аспекты УР.

Видимо, в рамках университета новой модели должна быть создана принципиально новая структура, обеспечивающая научно-методологическое и информационно-организационное сопровождение и координацию деятельности по ОУР. Такой структурой может стать центр «Содействие устойчивому развитию», который будет создан в форме малого инновационного предприятия или другой организационно-правовой форме. Партнерами центра могут быть представители бизнеса, различные фонды, профсоюзы. Не секрет, что в нашей республике схема инновационного

цикла оказалась разорванной. Между наукой и производством практически отсутствует важнейшее звено – инновационно-ориентированные предприятия, которые готовы к риску и возможным потерям на стадии коммерциализации [5]. Существующие в вузах различные лаборатории и организации НИР также не могут обеспечить полный инновационный цикл, поскольку не в состоянии решить вопросы привлечения финансовых средств, разработать грамотный бизнес-план, учесть объем продаж и возможности рынка. Эти вопросы должны решаться специалистами созданного единого центра. Сотрудничество с бизнесом и другими структурами поможет центру решить вопросы финансирования деятельности по УР. Кроме того, это даст возможность университету разработать соответствующие подходы к преподаванию и обучению, которые отвечают современным потребностям студентов, бизнеса и общества в целом.

Список литературы

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года. – Минск: ГНУ НИЭИ, 2015 г. – 143 с.
2. Игнатов С.Б. Экологическая компетентность в контексте образования для устойчивого развития // Образование и наука. 2011. – № 1. – С. 22–31.
3. Кузина Л.В. Образование в интересах устойчивого развития и перехода к зеленой экономике // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной году экологии в Российской Федерации (кафедра Юнеско факультета философии и социологии Башкирского государственного университета). – Уфа, 2017. – Ч. 2. – С. 106–112.
4. Курочкина А.А. Предварительные результаты перехода на новые образовательные стандарты // Проблемы современной экономики. 2016. – № 1. – С. 15–16.
5. Машевская О.В. Учреждения высшего образования и деятельность малых инновационных предприятий // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных наук. 2018. – № 2. – С. 41–46.
6. Чепиков М.Ю. Институциональные ловушки экономических знаний на примере экономического образования в Университете 3.0 // Актуальные проблемы бизнес-образования: материалы 17-й Международной научно-практической конференции. – Минск: Национальная библиотека Беларуси, 2018. – С. 242–246.

Лутовинов В.И.[1]

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ПРОЕКТИРОВАНИЯ НА ПРОСТРАНСТВЕ ЕАЭС

Ключевые слова: *Россия, ЕАЭС, власть, политика, национальная идея, идеология, ценности, патриотизм, национальная безопасность, стратегическое проектирование, стратегическое управление, интеграция.*

Keywords: *Russia, Eurasian economic Union, power, politics, national idea, ideology, values, patriotism, national security, strategic design, strategic management, integration.*

Проблема стратегического управления на огромном пространстве нашей необъятной Родины с учётом непосредственной близости, соседства других государств-членов ЕАЭС и совместного обеспечения его безопасности, безусловно, актуальна. С другой стороны, она очень сложна, её решение требует новых подходов и более эффективной государственной политики, учитывающей не только общемировые тенденции, но и собственный исторический опыт – как дореволюционный, со времён освоения Сибири, а затем Дальнего Востока, так и советский, когда территориальной экономической, социальной, национальной политике, связям и взаимодействию между всеми союзными республиками уделялось огромное внимание.

Среди многих вопросов, имеющих прямое отношение к теме конференции, особое значение имеет цивилизационный подход, представляющий методологическую основу для понимания наиболее сложных явлений и процессов как в российском обществе, так и в других государствах ЕАЭС. Уникальность России как цивилизации в значительной мере определяется её огромным пространством, что присуще также и Казахстану. Но это лишь один из существенных отличительных признаков России в сравнении с другими цивилизациями. Наиболее значимым и определяющим признаком является духовная составляющая как основа национального сознания и самоидентификации граждан каждого из государств ЕАЭС.

Речь идёт о духовных, исторических, культурных, религиозных, национальных скрепах общества и государства, без которых экономика, политика, право, демография, экология, образование, финансы и все другие сферы, включая, разумеется, образование, лишаются главной своей основы и не могут полноценно функционировать. Что и наблюдается уже на протяжении длительного времени.

Одной из высших духовных традиционных ценностей является патриотизм, который позиционируется даже в качестве национальной идеи[2]. Российский патриотизм уникален именно в силу своей духовности, а все интерпретации, выливающиеся в многозначные и даже противоречивые толкования его сути, во многом объясняются профанацией на бездуховной основе, то есть чрезмерной политизацией, психологизацией, гуманизацией, регионализацией, маргинализацией и т.п. целостности и высшего смысла данного феномена.

Патриотизм, сущность которого каждый не только понимает, но и проявляет по-своему, как это уже стало привычным в общественном сознании, не является для многих граждан той ценностью, которая призвана консолидировать их, более того, стать главным принципом всей жизни, ведущим фактором реальной социально значимой деятельности в интересах России и других государств ЕАЭС. Прежде чем сформируется общепатриотическая идея ЕАЭС, в каждом из его государств должно быть определено конкретное содержание патриотизма, включающее интеграционную составляющую в качестве постоянно действующего консолидирующего фактора, способствующего развитию взаимодействия, сотрудничества и, в конечном счёте, дальнейшему сближению между ними.

Следует также отметить, что стать патриотом России, обладающей огромным пространством, намного сложнее, чем в других, меньших в территориальном отношении государствах, таких как Армения, Киргизия, Таджикистан. Действительно, очень непросто ощутить сопричастность с бесчисленными и бесконечно многообразными, порой необычными в силу своеобразия, как правило, удалёнными и малодоступными уголками нашей необъятной Родины. У многих наших граждан о них просто отсутствует представление, соответственно, не могут возникнуть какие-либо ассоциации, чувства, побуждения и т.п. Ещё сложнее рассчитывать на это в отношении других, пусть даже близлежащих с Россией государственных территорий, народов, их культур, языков, религий, природных, климатических и многих других особенностей, не говоря уже об их образе жизни, традициях, нравах, обычаях и т.д.

---

[1] Лутовинов Владимир Ильич – д.филос.н., профессор, профессор Института права и национальной безопасности РАНХиГС. Сфера научных интересов: глобализация и глобализм; геополитика; идеология, педагогика воспитания, духовно-нравственное воспитание; патриотизм и его развитие (патриотическое воспитание) в РФ; военно-патриотическое воспитание и подготовка граждан к защите Отечества и военной службе; политология; военная конфликтология, духовная и военная безопасность. E-mail: lutovinov_vi@mail.ru

[2] Путин В.В. У нас нет никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма // Наша молодёжь. 2016. – № 4. – С. 3.

Особое значение для развития взаимопонимания и укрепления единства на всём пространстве ЕАЭС имеют общие для всех граждан ценности, прежде всего исторические, духовно-нравственные (включая патриотизм), образовательные, правовые, политические (включая межнациональное взаимопонимание, согласие, взаимопомощь) и др.

В документах стратегического планирования в сфере образования (Стратегия развития воспитания в РФ на период до 2025 г.) и образовательном законодательстве РФ аксиологический подход реализован в ряде положений Стратегии, раскрывающих некоторые духовно-нравственные ценности как основу деятельности в сфере воспитания. Однако, перечисленные ценности в данном документе ценности лишь частично отражают глубинную сущность российской цивилизации, не говоря уже о её связи, близости и взаимопроникновении в отношении государств ЕАЭС.

Результаты социологических исследований, анализ многочисленных практик в сфере патриотического воспитания в ряде субъектов РФ свидетельствует, что в федеральных законах и подзаконных актах Российской Федерации (в системе образования ФГОСы и др.), продекларированные в вышеназванной Стратегии ценности не обеспечены соответствующими положениями, раскрывающими их содержание, правовыми гарантиями и механизмами реализации. Вследствие этого даже сведённая к минимуму воспитательная работа в образовательных организациях, в том числе дошкольных, зачастую осуществляется без ясного и должного понимания педагогами сути и содержания российских традиционных духовно-нравственных и патриотических ценностей.

Формирование политики в сфере патриотического воспитания детей и молодёжи должно осуществляться при правильном и чётком понимании задачи обеспечения цивилизационной безопасности России и ЕАЭС. Необходимо преодоление доминирующего до сих пор европоцентризма, суть которого заключается в ориентации на Европу как несомненный и высший идеал и приоритетное направление цивилизационного развития.

В целях обеспечения национальной безопасности в сфере образования в соответствии со Стратегией национальной безопасности России с учётом интересов государств ЕАЭС необходимо создать условия для выполнения следующих задач:

– значительно повысить роль и значение образовательных организаций в патриотическом воспитании учащейся молодёжи на основе традиционных духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей в формировании мировоззренческих устремлений и установок к достойному служению Отечеству;

– поднять качество преподавания социально-гуманитарных учебных дисциплин и традиционных религий как важнейшего инструмента формирования российской идентичности учащейся молодёжи, повышения уровня развития её гражданского самосознания и патриотизма, готовности к участию в обеспечении национальных интересов Российской Федерации, интересов и безопасности ЕАЭС.

Как известно, важнейшее место в стратегическом управлении в сфере национальной безопасности занимает деятельность, осуществляемая программно-целевыми методами посредством разработки и реализации самых различных и многочисленных проектов. На состоявшемся в июне 2019 г. Петербуржском экономическом форуме огромное внимание было уделено 12 национальным проектам, которые призваны стать основой стратегии развития России на ближайшую перспективу, обеспечить прорыв в восхождении отечественной экономики на уровень государств-лидеров в мировом масштабе. В таком прорыве заинтересованы граждане не только РФ, но и всех государств ЕАЭС.

При ближайшем рассмотрении перечня этих проектов, от которых в решающей степени будет зависеть будущее России и наших союзников, тем не менее, возникают критические оценки и проблемные вопросы. Почему наиболее перспективными определены именно эти, а не другие 12 направлений развития? Чем объясняется слабая системность первой половины перечня проектов и бессистемность второй части? Какие из них являются приоритетными, способны стать «локомотивами» остальных проектов, в том числе не вошедших в данный перечень? Какова гарантия эффективности их реализации, особенно в плане расходования огромных финансовых средств в условиях сложившейся практики их распределения на основе используемых механизмов и другие.

Все проекты должны представлять целостность общего замысла, являться элементами единой системы, звеньями одной цепи. Они должны быть взаимосвязаны, взаимозависимы и субординированы, чтобы действительно стать воплощением одной общей стратегии, а не нескольких различных нескоординированных направлений. К сожалению, такой целостности, взаимосвязанности, нацеленности на решение имеющихся реальных проблем с использованием всего потенциала российского общества и государства, ЕАЭС, а не только лишь денежных потоков и инвестиций, прежде всего зарубежных, данный перечень проектов, равно как и некоторые из них в отдельности не имеет.

В этой связи в качестве примера можно обратиться к национальному проекту «Образование», который включает целый ряд направлений, способных оказать негативное воздействие на состояние и развитие этой важнейшей сферы деятельности. Так, в данном проекте отсутствует даже упоминание о высших духовно-нравственных ценностях, исконно присущих отечественной школе, таких как социальная активность и ответственность, патриотизм, верность лучшим традициям, общественное благо, труд, созидание, коллективизм, творчество, оптимизм и другие. Вновь абсолютизируется индивидуализм, успех и достижения «каждого». Приверженность к западноевропейским подходам в развитии образования просматривается даже в названиях федеральных проектов. На первый план выдвигается цифровизация как ключевое направление. Она затмевает и всё более вытесняет воспитание, самовоспитание и даже самореализацию личности в интересах общества и государства.

Разумеется, не приходится и мечтать о бесплатном высшем образовании, которое являлось одним из достижений советской системы, а ныне стало реальностью в Германии, Чехии. Переход к бесплатному высшему образованию осуществляется почти во всех европейских и в других зарубежных государствах. В России – противоположная тенденция: цены за оказание «образовательных услуг» продолжают расти. Следствием такой стратегии развития образования, которую определяют министры и чиновники, не имеющие прямого отношения к данной сфере, но считающие себя частью западного мира (Минэкономразвития России, Счётная палата РФ, ВШЭ и даже Сбербанк России), являет-

ся депатриотизация и вестернизация сознания и жизненных целей и ориентиров российской молодёжи. Так, из февральского (2019 г.) опроса Левада-Центра следовало, «…что выехать за границу на постоянное место жительства не против более 40% (!!) россиян в возрасте от 18 до 24 лет»[1].

Таким образом, проект «Образование», равно как и вся стратегия развития в этой сфере требуют не просто корректировок, а коренного пересмотра – отказа от обанкротившейся либеральной прозападной модели, восстановления традиций и основополагающих принципов отечественной, в том числе советской школы. Только так можно предотвратить «реальный развал системного образования, необходимого для жизнедеятельности и развития государства как великой державы»[2] и обеспечения национальной безопасности России и на всём пространстве ЕАЭС.

Недостатки проекта «Образования» равно как и других проектов такого уровня, государственных и федеральных целевых программ во многом объясняются чрезмерной теоретизированностью, декларативностью, оторванностью от реальности и назревших, но не решаемых проблем, которые волнуют российское общество. Причиной же более высокого порядка является отсутствие в нашей стране сформулированной национальной идеи, разработанной общероссийской идеологии и общей стратегии (курса) развития России как минимум на среднесрочную перспективу. Результатом этого развития должно стать воплощение образа будущего России, к достижению которого будут стремиться наши граждане в своём большинстве как к объединяющей всех единой цели. Такая цель есть в большинстве государств, начиная от США, других стран «золотого миллиарда» и завершая Китаем, Индией, Казахстаном, КНДР и др. Россия в сравнении с ними многие годы остаётся страной без определённого будущего, а по мнению ряда политиков, учёных, в том числе экономистов, без будущего вообще.

Вследствие этого разработка общей стратегии развития России, не сводимая лишь к набору социально-экономических установок и показателей в виде впечатляющих цифр или к перечню некоторых «самых важных» и громких проектов является первоосновной задачей, давно ждущей своего решения. В выборе новой стратегии развития заинтересованы все государства ЕАЭС, поскольку от состояния и положения дел в России в огромной степени зависит настоящее и будущее организации.

Анализ опыта продолжительного постсоветского периода, характеризующегося большими сложностями, противоречиями, многими трудностями и нерешёнными вопросами, особенно стратегического уровня, связанными с необходимостью осуществления в российском обществе и государстве реальных позитивных изменений, предполагает обращение к базовому подходу, первоосновным проблемам, обусловливающих все остальные. Стратегия развития России, которое невозможно без решения существующих проблем, преодоления многочисленных трудностей нашей жизни, должна основываться на высших ценностях и интересах общества и государства, определяться далеко идущими целями, достижение которых обеспечивается посредством реализации всего имеющегося потенциала – не только на уровне управления и выделения ресурсов, но и благодаря созданию условий и механизмов вовлечения в эту созидательную деятельность самых широких социальных слоёв и групп, большинства дееспособных граждан Российской Федерации.

С научной точки зрения, сложность разработки стратегии долгосрочного развития страны в его целостности заключается в том, что этот документ стратегического планирования федерального уровня не может быть уподоблен частным стратегиям территориальным или ведомственным, как и не может быть сведен к их простой сумме. Его разработка не может ограничиться простым повторением зарубежных образцов, пусть даже и успешных для условий своих стран, но должна учитывать национальные особенности и самобытную цивилизационную специфику России и её населения, чтобы оно относилось к стоящим перед страной стратегическим задачам не формально и отчужденно, а с массовым энтузиазмом созидательного творчества.

Ещё в большей степени это относится к государствам и народам ЕАЭС, потенциал взаимодействия которых реализуется совершенно недостаточно, прежде всего из-за низкого уровня их интеграции не только в социально-экономической, правовой, но и в духовной, культурной, научной, образовательной и других сферах. Сближение дружественных народов бывшего СССР, прервавшееся после его развала и возобновившееся, главным образом, на экономической и финансовой основе (главным показателем является взаимный товарооборот), должно развиваться в гораздо более многостороннем формате. Необходимо значительно более активно использовать советский опыт многочисленных и разносторонних связей и отношений между союзными республиками, другими субъектами СССР с учётом изменившихся условий, но последовательно, в рамках общей стратегии программно-целевыми методами.

Основные негативные моменты, которые до сих не преодолены при разработке и формировании систем управления развитием, включая стратегическое планирование, в том числе национальных и федеральных проектов, подготовленных в соответствии с майским указом Президента Российской Федерации, являются следствием недооценки или игнорирования целого ряда важнейших положений, установок, требований как методологического, так и практико-ориентированного характера. К ним относятся:

– низкий уровень разработки и использования цивилизационного, духовно-нравственного и мировоззренческого подходов, современной научно обоснованной и целостной базы управления развитием;

– оторванность механизмов проектирования, планирования и управления от учёта общественного мнения, крайне недостаточное участие российских граждан в процессах формирования, а тем более реализации стратегий, проектов и программ развития;

[1] Соловьёва О. Германия готовит безвиз для всей российской молодёжи // Независимая газета. – М., 2019. – 19 июля. – С. 4.

[2] Семенченко И. Зашёл ум за рейтинг// ВПК. 2019. – 26 февраля. – С. 7.

– формирование основ и механизмов развития в рамках системы капиталистической модели экономики и хозяйствования, недееспособность и бесперспективность которой имеет научное обоснование и практическое подтверждение, причём во всемирно-историческом масштабе;

– отсутствие сбалансированности, взаимосвязи и обеспеченности реализуемости целей и задач управления развитием материально-техническими, технологическими, финансовыми и, особенно, людскими ресурсами как в количественном, так и в качественном отношении;

– неэффективность системы управления как следствие приоритетности достижения финансовых показателей при отсутствии нравственных критериев оценки деятельности чиновников, вырабатывающих и принимающих решения на всех уровнях государственной власти;

– отсутствие скоординированности, взаимосвязи, взаимодополняемости стратегий, проектов и программ, реализуемых в том числе в пограничных сферах деятельности, при решении общих проблем на едином уровне управления.

Для преодоления вышеназванных и других негативных проявлений при разработке и формировании систем управления развитием, включая стратегическое планирование и проектирование, представляется необходимым:

– системно следовать мировоззренческим основам и методологическим подходам при разработке стратегий, проектов и программ развития государства, регионов, отраслей и сфер жизнедеятельности;

– разработать единую методологию управления развитием, систему документации, регулирующую стратегическую деятельность на всех этапах её осуществления как мировоззренческую и научную основу выработки конкретных управленческих решений;

– сформировать целостную систему государственного и общественного управления, регулирования и синхронизации процессов управления развитием, информационно-технологического и инфраструктурного наполнения стратегий, проектов и программ развития;

– исходить из понимания того, что все стратегические, федеральные, региональные, отраслевые и другие программы и проекты создаются ради блага людей, всего общества и обеспечения национальной безопасности России и безопасности государств ЕАЭС;

– создать условия для вовлечения всех слоёв российского общества, а также государств ЕАЭС в сотрудничество, соработничество по формированию и особенно реализации стратегий, проектов и программ;

– осознанно и ответственно следовать цивилизационным, мировоззренческим, методологическим принципам и критериям к выбору, использованию и совершенствованию механизмов и инструментария современных технологий для обеспечения их развития.

Стратегическое проектирование как важнейшее направление управленческой деятельности включает:

– разработку условий, факторов, особенностей и динамики развития исследуемого объекта;

– разработку подходов и способов преодоления противоречий и решения проблем, препятствующих развитию;

– выбор и обоснование вариантов развития и решений, обеспечивающих оптимизацию, совершенствование, улучшение;

– разработку конкретных решений по отдельным перспективным направлениям, обеспечивающим динамичное развитие объекта;

– создание оптимальных расчётных моделей развития;

– обеспечение финансирования разработки стратегий;

– реализационное (программное) наполнение стратегий;

– разработку конкретных стратегических проектов;

– обоснование возможностей создания благоприятных условий и использования дополнительных факторов успешной реализации проектов;

– создание механизмов реализации проектов с использованием новых технологий;

– проектирование перспективного развития на основе достижения ожидаемых результатов в процессе реализации проектов.

Общая (интегральная) стратегия призвана обеспечить полноценное и ускоренное развитие Российской Федерации, всего ЕАЭС, которое должно осуществляться в рамках выверенной и последовательно реализуемой деятельности, системно, целенаправленно, с максимальным использованием не только финансовых, но и прежде всего людских ресурсов, собственного природного и человеческого потенциала.

Россия должна создать современную инновационную экономику на основе фундаментальных и прикладных наук, технологий V и VI технологических укладов. Наиболее оптимальным вариантом дальнейшего развития России и государств ЕАЭС, представляется создание совместными усилиями планово-рыночной инновационной экономики «на основе соединения государственного управления и планирования с рынком самоуправляемых предприятий»[1]. Такая модель будет не только более прогрессивной, инновационной, но и социально ориентированной.

Создание планово-рыночной модели управления инновационной экономикой потребует перехода от действующей либерально-монетаристской экономики, навязанной России и другим государствам ЕАЭС в начале 1990-х годов XX века США и их западноевропейскими союзниками. По мнению целого ряда учёных и специалистов, решить такую «задачу профессионально может только Российская академия наук, где имеются специалисты, изучающие разные страны с инновационной экономикой»[2].

[1] Орленко Л.П. Как выполнить намеченное Президентом // Стратегия России. 2017. – № 2. – С. 38.

[2] Там же.

Готовность и способность высшего руководства к разработке и реализации национально ориентированной стратегии развития общества и государства, по крайней мере, на среднесрочную перспективу (15–20 лет), в том числе и по такому ее ключевому направлению, как обеспечение национальной безопасности, в решающей степени зависит от неотложного решения более общих и приоритетных проблем, имеющих методологическое и определяющее значение. Это, во-первых, формулирование национальной идеи, устремляющей Россию в будущее. Во-вторых, создание общероссийской идеологии, основанной на передовых идеях и высших ценностях, показывающей путь к достижению лучшего будущего. В-третьих, определение доминанты перспективного развития общества и государства, основанного на необходимых условиях, максимальной реализации собственного потенциала и различных факторов на пути к высшей цели.

Макарова М.В.
к.соц.н., доцент кафедры «Экономическая теория и мировая экономика», Университет «Синергия»

ЭКСПОРТ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В 2016–2018 ГОДЫ

Ключевые слова: *экспорт, МООК-платформы, онлайн-образование, цифровое образование, государственные инвестиции.*
Keywords: *export, MOOC platforms, online education, digital education, public investment.*

В вузах России с каждым годом растет число иностранных студентов. Правительство уделяет этому вопросу особое внимание, ведь чем больше учащихся из других стран, тем выше вуз оценивается по критериям международных рейтингов – QS или Times Higher Education.

Согласно последнему рейтингу за последний год в вузах России стало больше абитуриентов-иностранцев: их количество с 7,4% выросло до 8,3%. В топ-7 лидеров по количеству студентов из-за рубежа, составленный Центром социального прогноза и маркетинга, входят крупнейшие университеты: РУДН, МФПУ, СПбГУ, МГУ, СПбПУ, ТПУ, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина и МГМУ им. И.М. Сеченова.

По данным портала «Российское образование», чаще всего иностранные студенты выбирают естественные науки, медицину, филологию, а также программы, связанные с культурой и искусством. Больше всего востребованы отраслевые вузы, которые готовят специалистов в области экономики и управления, финансов и менеджмента, госслужбы). Чаще всего граждане других стран выбирают программы бакалавриата. Гораздо менее востребованы другие уровни образования.

Среди иностранных студентов в России много граждан Индии и Китая, хотя в нашу страну, по данным Центра социального прогнозирования и маркетинга, едут со всего мира: из Канады и США, стран Азии и Европы, Африки и Океании, Латинской и Северной Америки. Однако больше всего здесь учащихся из стран Азии (26,6%) и СНГ (51,9%).

Стоимость обучения для граждан других стран в российских вузах не отличается от платы за образование для россиян (при этом большинство программ преподаются на русском, а англоязычные обходятся дороже).

Университеты планируют и в дальнейшем увеличивать число студентов-иностранцев за счет увеличения числа международных конференций, программ на английском языке, а также повышения узнаваемости российских образовательных организаций за рубежом.

Среди сложностей по обучению иностранцев – языковые барьеры, проблемы с толерантностью. Россия находится на 39 месте в мире (между Эквадором и Мексикой) в рейтинге уровня владения хотя бы одним из популярных языков и сильно отстает от других стран.

Развитие онлайн-образования

Одна из важнейших задач в области образования в нашей стране – обеспечение равного доступа к услугам связи и Интернету, а также активное развитие онлайн-образования. Государственная поддержка (инвестиции) оказывается в виде грантов, субсидий [6, 7].

Таблица 1 показывает, что развитие мягких навыков является важным процессом для каждого специалиста, поэтому образовательные организации создают и реализуют курсы по их развитию. На МООК-платформах, в том числе российских, можно встретить самые разнообразные курсы – от релаксации до ядерной физики. Мягкие навыки – это сфера дополнительного образования.

Таблица 1

Примеры жестких и мягких навыков.

Профессиональные навыки (согласно ФГОС ВО по направлению подготовки 42.03.01 «Реклама и связи с общественностью»)	Мягкие навыки (soft-skills)	Цифровые навыки
Литературное редактирование, создание текстов, навыки копирайтинга	Коммуникативные, лидерские, командные, публичные, «мышленческие» и другие.	Аналитика «больших данных» Кибербезопасность

Последние опросы общественного мнения показывают, что учиться с помощью цифровых технологий готово большинство наших граждан [3].

МООК-платформы активно действуют с 2012 года, лидером по числу пользователей и по числу курсов в мире является «Coursera». В России активно развиваются такие онлайн-платформы, как Универсариум, ИНТУИТ, Businesslearning, Хан-Академия, Образование.РФ, Лекториум, Stepic, Hexlet (курсы по программированию), UNIWEB и другие.

На мировые платформы, например, «Coursera», некоторые российские образовательные организации имеют выход.

Онлайн-образование открывает новые, в том числе и финансовые, возможности перед каждым участником образовательного процесса.

Выводы:

1. С помощью онлайн-платформ можно охватить очень большую аудиторию.

2. Для педагогических работников важной задачей в настоящее время становится приобретение навыков к работе и творчеству в глобальной сети знаний.

3. В рамках продвижения цифрового образования особую роль играет доступность ресурсов образования, их открытость, качество открытых образовательных ресурсов в пространстве Интернет, основанном на облачных и мобильных технологиях [1].

4. Использование онлайн-курсов в процессе обучения позволяет обучающимся получить новые основные и дополнительные компетенции, знания, умения.

5. Разработка и размещение открытых курсов на МООК-платформах позволит российским образовательным организациям получить дополнительные возможности в экспорте образовательных услуг.

Список литературы

1. Вайндорф-Сысоева М.Е., Субочева М.Л. «Цифровое образование» как системообразующая категория: подходы к определению // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2018. – № 3. – С. 25–36.
2. Васютченко И. Н. Стратегические направления диверсификации экспорта России в условиях импортозамещения // Вестник АГТУ. 2016. – № 4. – С. 65–72.
3. Интернет и образование. Пользуются ли россияне Интернетом в образовательных целях? – https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/12256
4. Клячко Т.Л. Экспорт высшего образования: состояние и перспективы в мире и России / Т.Л. Клячко, Г.А. Краснова // Экономика образования. – М., 2015. – Т. 1, № 2. – С. 102–108.
5. Ларионова М.В. Интернационализация высшего образования в странах ОЭСР / М.В. Ларионова, Е.М. Горбунова // Бюллетень «Новости ОЭСР: образование, наука, новая экономика» / Центр ОЭСР-ВШЭ. – http://www.oecdcentre.hse.ru/bulletin.html
6. Образование в цифрах. – https://www.hse.ru/data/2017/11/24/1160886583/ОС%202017.PDF
7. Экспорт российских образовательных услуг: статистический сборник / Министерство образования и науки Российской Федерации. – М.: Центр социологических исследований, 2017. – Вып. 7. – 496 с. – http://fgosvo.ru/uploadfiles/metod/Arefiev_SB_7_Page_001_496_El_Book_22_11_17.pdf
8. Официальный сайт СЦОС в РФ. – http://neorusedu.ru/activity/otsenka-kachestva-onlayn-kursov

Мельнов С.Б.
д.б.н., профессор, Международный государственный экологический институт Белорусского государственного университета, Минск
Мишаткина Т.В.
к.ф.н., доцент, профессор Белорусского государственного университета, Минск
mtv_2013@tut.by

НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ С ТАДЖИКИСТАНОМ И УЗБЕКИСТАНОМ В ОБЛАСТИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭТИКИ И БИОЭТИКИ

Ключевые слова: *экологическая безопасность; глобальная и социальная биоэтика; экологический императив; этногенетика; генетическая предрасположенность.*

В 2018–2019 гг. в Беларуси при поддержке Фонда фундаментальных исследований Республики в сотрудничестве с АН Таджикистана реализуется проект «Экологическая безопасность (ЭБ) и биоразнообразие (БР) Восточно-Европейского и Центрально-Азиатского регионов в контексте устойчивого развития, глобальной биоэтики и стратегии выживания». Цель проекта – разработка концептуальной модели обеспечения ЭБ в контексте глобальной биоэтики, устойчивого развития и стратегии выживания с использованием современной методологии; оценка на основе сравнительного анализа общего и особенного экологической ситуации Восточной Европы и Центральной Азии; разработка подходов и рекомендаций по внедрению этой модели и укрепления ЭБ.

Предполагается, что разработка концепции ЭБ и сохранения БР в контексте глобальной биоэтики может стать основанием для обеспечения стратегии выживания и устойчивого развития Беларуси и Таджикистана. Фактором принятия решений должны стать *этические критерии,* а сравнительный анализ общего и особенного в состоянии экологии обеих республик поможет выработать подходы и практические рекомендации по решению этих проблем на всем постсоветском пространстве.

Планируемый *конечный результат* – создание *концептуальной модели* ЭБ и сохранения БР, а также выработка *практических рекомендаций* по использованию этой модели в области экологии, защиты прав природы и эколого-этического образования. Проект носит *фундаментально-прикладной характер*, поскольку он направлен на принципиально новые теоретические разработки в области экологической этики, ЭБ и сохранения БР, а также на поиск путей внедрения и практической реализации полученных результатов в сферу экологии. *Научно-практическая значимость* проекта определяется тем, что результаты исследований должны служить методологическим основанием для минимизации негативного антропогенного воздействия на природу, способствуя:

- выявлению принципов и норм экологической этики, глобальной и социальной биоэтики, а также принципов координации над их соблюдением и обеспечением ЭБ;
- разработке стратегий, обеспечивающих на основе принципов глобальной биоэтики объективность научных исследований в обществе риска;
- научно обоснованной оценке рисков, угрожающих ЭБ и БР на основе их сравнительного анализа и обусловленных воздействием низкодозовой радиации на геном человека и биоты;
- развитию международного сотрудничества на основе уважения культурных, религиозных, национальных особенностей и ценностей Восточно-Европейского и Центрально-Азиатского регионов постсоветского пространства.

Уже в процессе реализации 1 этапа проекта было теоретически обосновано, что для обеспечения устойчивого развития и стратегии выживания одними из наиболее неоднозначных являются «открытые» проблемы глобальной биоэтики, а также выявление *экологической составляющей глобальной и социальной биоэтики*. Концепция ***глобальной биоэтики*** носит *всеобъемлющий, универсальный характер,* ибо она направлена на решение глобальных задач, стоящих перед человечеством, и распространяется на всю биосферу. *Цель* глобальной биоэтики – *приемлемое выживание* человечества не только как биологического вида, но и социальная стабильность, устойчивое развитие общества, сохранение и развитие здоровой экосистемы. Идея приемлемого выживания предполагает ***заботу***: обо всех ныне живущих и будущих людях; всех живых организмах и о среде в целом. В условиях глобальных вызовов, связанных с применением инновационных биотехнологий, глобальная биоэтика открывает новые перспективы анализа этических аспектов ЭБ человека и природы в их социальном контексте. Эта неразрывная связь глобальной биоэтики с социальным контекстом обозначается понятием «***социальная биоэтика***»[1] – особым типом биоэтики, в рамках которой разворачиваются два противоположно направленных, но тесно взаимосвязанных социокультурных процесса: 1) *биоэтизация*

[1] Социальная биоэтика сквозь призму глобальной биоэтики / Под ред. Т.В. Мишаткиной, С.Б. Мельнова. – Минск: 2018. – 520 с.

социума как деятельность, ведущая к становлению нравственности общества; 2) *адаптация биоэтики* как разновидность культурного приспособления, формирование особой политики в отношении к проблемам природного мира.

Необходимость заботы о всех живых организмах предполагает расширение предметного поля биоэтики и включения в него объектов природы как равноправных субъектов. Это вызывает к жизни ***экологическую этику***[1], вырабатывающую новые нравственные нормы людей, направленные на решение ряда *моральных проблем экологии:*

– проблемы *ЭБ, рисков и управления* ими;

– проблемы *энергетической безопасности;*

– проблемы сохранения *БР*;

– проблемы обеспечения *биобезопасности*;

– защита *прав природы* как условие выживания человечества.

В контексте обеспечения ЭБ и сохранения БР нами выделены следующие *принципы экоэтики*:

– *принцип субъект-субъектных отношений человека и природы,* необходимый для их *равноправного диалога (*природа – как *Иной субъект* (В. Фалько);

– *принцип «благоговения перед жизнью»* (А. Швейцер);

– *«экологический императив»* (Н. Моисеев).

При работе над проектом необходимо было определиться по ряду *концептуальных положений*, требующих конкретных *норм* и *регулятивов.* Это решение проблемы ***природных ценностей***: признание *независимости* и *внутренней самоценности* природных объектов. С точки зрения глобальной биоэтики, экосистемы должны быть признаны *самостоятельными моральными субъектами,* которые обладают ***внутренней неотъемлемой ценностью***. Так накладывается нормативно-нравственный мораторий на обращение с природой как с ресурсом, и поэтому только ***самоценность*** природы может стать основанием экоэтики.

В системе обеспечения ЭБ и БР выделяется такая «открытая» проблема глобальной биоэтики, как *проблема прав природы*. ***Права природы*** – это этико-юридическая конструкция, выражающая защищаемые моралью/законом потребности, притязания и интересы природы; это система правил поведения человека в отношении к природе и одновременно – признаваемые человеком «претензии» природы на жизненные интересы. С*убъектом* прав природы является живое существо, имеющее желания, надежды, стремления и импульсы, цели и задачи, способность к волевому движению, питанию и росту, дыханию и самозащите и т.д. Этот подход позволяет обосновать наличие прав у всех живых существ. Основным правом *видов* биоэтикой признается их *право на существование,* защищаемое Международной конвенцией о БР. Признание прав природы означает и иное отношение к правам человека и как следствие – некоторое *ограничение его прав* на интересы и потребности, не являющиеся жизненно важными.

В ходе 2 этапа был проведен анализ *этических аспектов антропогенных воздействий на ЭБ и БР*; дана оценка рисков, угрожающих выживанию населения, а также сохранению систем природной среды Беларуси и Таджикистана. *ЭБ* предполагает снижение до безопасного уровня антропогенных воздействий, а также заботу о сохранении *БР*, основанных на признании *прав природы*, рассматриваемой как *моральный партнер* человека.

Основные факторы антропогенных воздействий на природный потенциал – *производственный комплекс,* а также *«унаследованные» экопроблемы* и *трансграничные составляющие*. Политика Беларуси в области ЭБ ориентирована на *принцип приемлемого риска*; на его основе сформирована *комплексная система ЭБ*. Для Таджикистана основной проблемой в области *ЭБ* является состояние хвостохранилищ и их влияния на геном человека и биоты – проблема, к решению которой таджикская сторона надеется приблизиться через сотрудничество с Беларусью.

Морально-этические последствия аварии на ЧАЭС проявились в РБ в нарушении эко- и биоэтических принципов в отношении к населения; был нарушен ряд прав ликвидаторов и населения. Радиоэкологическая ситуация в Таджикистане определяется тем, что после прекращения добычи урана остались заброшенные площадки с отвалами и хвостохранилища, несущие *радиологические риски*. Количество отходов в хвостохранилищах составляет более 55 млн. тонн. Отвалы плохо организованы, их количество и площади не определены. Они подвержены эрозии и дренируются в речную сеть. В ходе исследования выявлены проблемы, касающиеся здоровья, экологических рисков и влияния «остаточной» радиоактивности на генетический аппарат человека – как для населения загрязненных территорий Беларуси, так и Таджикистана. С этой целью производился забор образцов крови людей, проживающих в зоне хвостохранилищ Таджикистана, а их анализ осуществлялся на базе лаборатории МГЭИ им. А.Д. Сахарова БГУ. В ИБФиГР АН Таджикистана открыта лаборатория по биобезопасности, в которой исследуются образцы водорослей-аккумуляторов радионуклидов; разработан модуль для служб первого реагирования на границе по ЭБ.

В плане *сохранения БР* Национальные стратегии и Беларуси, и Таджикистана предусматривают **заботу о природных территориях** и дикой природе, восстановление экосистем, внедрение «зеленой» экономики, развитие экотуризма и др. В Таджикистане основной задачей является развитие сети национальных биосферных заповедников. Природоохранные территории занимают здесь 22% всей площади и включают в себя 4 заповедника, 13 заказников, 3 национальных природных парка. Национальный парк «Горы Памира» включен в список всемирного наследия ЮНЕСКО. В рамках программы ЮНЕСКО «Человек и биосфера» проводится изучение международного опыта по вопросам сохранения БР, взаимоотношений человека и среды. В 2017 г. при поддержке ЮНЕСКО и с участием бело-

[1] Экологическая этика: учеб. пособие / Т.В. Мишаткина [и др.]; под ред. С.П. Кундаса, Т.В. Мишаткиной. – Минск: 2012. – 332 с.

русских партнеров в Душанбе для стран Центрально-Азиатского региона был проведен семинар-тренинг «Глобальная биоэтика и ЭБ»[1].

В ходе выполнения 3 этапа проекта был проведен сравнительно-временной анализ изменений БР в Таджикистане и на особо охраняемых природных территориях Беларуси. Ревизия состояния природного БР Республики Беларусь **позволила выявить как достижения, так и упущения в области заботы о дикой природе; в качестве о**сновного фактора негативного воздействия на БР Республики Беларусь отмечен антропогенный фактор**.** Основными задачами в области сохранения БР наш партнер по проекту считает развитие национальной сети биосферных заповедников, их интеграцию в глобальную и региональные сети биосферных резерватов, а главными факторами угроз БР – глобальное изменение климата, разрушение среды обитания и человеческий фактор.

Таким образом, на основе анализа международных документов и текущей ситуации по вопросам сохранения БР и обеспечения ЭБ были выявлены общие и специфические проблемы сохранения БР в Беларуси и Таджикистане и разработаны принципы и Рекомендации по обеспечению ЭБ в обеих странах. Особое внимание в них уделено роли радиационного фактора.

Результаты проекта предполагается внедрять по следующим направлениям:

- при выполнении заданий государственных научно-технических программ и разработке эффективной *комплексной политики*, направленной на обеспечение ЭБ;
- в форме *внедрения* полученных результатов в деятельность *государственных органов* Республик Беларусь и Таджикистан;
- при проведении на разных уровнях *комплексной гуманитарной экспертизы* внедрения инновационных биотехнологий в природные системы;
- в целях совершенствования стратегии и тактики системы *непрерывного биоэтического и эколого-этического образования*;
- в целях *просвещения населения* по этическим проблемам ЭБ и принимаемым в связи с этим мерах путем привлечения научных кругов, СМИ, организаций гражданского общества, религиозных сообществ, национально-культурных и др.

В Беларуси эколого-этическое образование – в центре внимания Международного Государственного Экологического Института им. А.Д. Сахарова Белорусского государственного университета. Здесь выявлены концептуальные основания экологической этики и эколого-этического образования; успешно осуществлены фундаментально-прикладные проекты ЮНЕСКО; создан Экологический информационно-образовательный центр; проведен ряд конференций, семинаров и тренингов по проблемам эколого-этического образования для преподавателей вузов и колледжей и для молодежи Республики Беларусь. В Беларуси выпускается журнал «Экология», в котором публикуются статьи ученых Беларуси и других стран; ежегодно проводятся международные научно-практические конференции «Сахаровские чтения: экологические проблемы XXI века» с публикацией материалов; широко известны монографии, учебные и методические пособия, изданные в Беларуси[2].

В настоящее время на стадии рассмотрения находится новый проект сотрудничества Беларуси с АН Узбекистана**. Проект «Генетические и социо-биоэтические аспекты предрасположенности к раку молочной железы у женщин славянских и центрально-азиатских этносов» разработан и предложен МГЭИ им. А.Д. Сахарова БГУ.** *Цель работы* – на основе сравнительного анализа полиморфных систем генов различной пенетрантности, определяющих генетический риск РМЖ, выявить у разобщенных этносов их влияние на особенности формирования фенотипа и уровень общественного здоровья.

Научная значимость работы заключается в сравнительном анализе состояния полиморфных генетических систем отдаленных популяций с упором на генотипы по низко- и среднепентрантным генам, выявление и оценку различия их влияния на генофонд и здоровье разобщенных этносов с учетом их биоэтических и социокультурных особенностей. Практическая значимость проекта состоит в том, что исследование поможет выявить универсальные генетические маркеры предрасположенности различных этносов к РМЖ. Планируемое исследование послужит методологическим основанием для выявления взаимозависимости генетической природы и здоровья исследуемых этносов с учетом социокультурных традиций Республик Беларусь и Узбекистан.

Обращение к исследованию генетических основ этно-социальных особенностей различных популяций обусловлено *актуальной необходимостью*. Здоровье человека формируется в результате взаимодействия его наследственно-конституциональных особенностей с природой и обществом, при этом имеет место географическая и этническая вариабельность нормы и патологии. В современном глобализирующемся обществе локальные популяции приобретают синтетический характер. Но коренные народы характеризуются социально-фенотипическими различиями и специфическими генетическими особенностями. При этом этническая определенность выступает как необходимое

---

[1] Глобальная биоэтика и экологическая безопасность. Материалы межрегион. семинара-тренинга (23–25 мая 2017) / Сост. и ред. М.М. Якубова и Ф.Ю. Насырова. – Душанбе: 2017. – 150 с.

[2] Экологическая этика: словарь-справочник молодого эколога / Под ред. Т.В. Мишаткиной, С. Б. Мельнова. – Минск: 2011. – 132 с.; Практикум по биоэтике и экоэтике: для школьного и внешкольного образования / Т.В. Глинкина, Л.М. Логиновская [и др.]; под ред. Т.В. Мишаткиной. – Минск: 2011. – 252 с.; Экологическая этика: учеб. пособие / Т.В. Мишаткина, С.П. Кундас, Р.Г. Апресян [и др.]; под ред. С.П. Кундаса, Т.В. Мишаткиной. – Минск: 2012. – 332 с.; Мишаткина Т.В., Мельнов С.Б. Нанотехнологии в биомедицине и экологии человека: этические аспекты. Монография. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2014. – 188 с.; Глобальная биоэтика в социальном измерении: словарь-справочник / Ред.-сост. Т.В. Мишаткина, С.Б. Мельнов. – Минск: 2015. – 196 с.; Глобальная биоэтика для студентов и школьников: учеб.-методич. пособие / Под ред. Т.В. Мишаткиной. – Минск: 2017.– 175 с.; Социальная биоэтика сквозь призму глобальной биоэтики / Под ред. Т.В. Мишаткиной, С.Б. Мельнова. – Минск: 2018. – 520 с.

условие сохранения генофонда человечества, а противоречия между этнической обособленностью и технологической унификацией – как объективная закономерность развития современного социума. Междисциплинарный синтез, основанный на взаимодополняющих друг друга подходах и достижениях молекулярной генетики, с одной стороны, и этнологии и биоэтики – с другой, станет фундаментальной основой для создания инновационных подходов к анализу и пониманию социокультурной идентификации популяций различного этногенеза как в норме, так и при патологии.

Одним из важнейших результатов проекта *1000 Genomes Project* явился вывод о том, что на уровне не только отдельных рас и этносов, но и на популяционном уровне, существуют различия в частоте распространенности того или иного полиморфизма (http://www.internationalgenome.org/). Результаты многолетних фундаментальных исследований также свидетельствуют о существовании этнических различий важнейших физиологических констант организма, его морфологических особенностей и адаптивных сдвигов в различных условиях среды обитания.

Известно, что основную угрозу здоровью любого этноса в XXI веке составляют так называемые *социально значимые заболевания* (СЗЗ), обусловленные как социально-экономическими условиями, так и неблагоприятными факторами внешней среды, пристрастиями в диете и традиционной кухне, планированием семьи и др. К СЗЗ относятся онкозаболевания, в том числе и одно из наиболее распространенных из них – РМЖ. Установлено, что большинство таких заболеваний – это сложные полигенные мультифакторные заболевания, связанные, в то же время, с загрязнением окружающей среды, образом жизни, традиционными диетами, сексуальным поведением. Анализ большого количество средне- и низкопенетрантных генов в генезе РМЖ позволит более точно предсказать риск развития конкретного заболевания, а учет межгенных ассоциаций и взаимодействий – выявить наиболее значимые комплексы, определяющие формирование злокачественного фенотипа.

РМЖ является наиболее распространенным заболеванием у женщин (более 25% от всех случаев онкологии). В Узбекистане смертность от РМЖ находится на первом месте в структуре женской смертности от онкопатологии, составляет 24,2% и имеет тенденцию к росту. С помощью полногеномного секвенирования удалось выявить около 120 специфических для РМЖ раковых генов-кандидатов (CAN – candidate cancer genes). Общепризнанно, что суммарный вклад средне- и низкопенетрантных генов может быть сопоставим или даже превышать рассчитанный риск развития различных заболеваний по сравнению с единичными высокопенетрантными генами. Таким образом одновременный анализ роли большого количества средне- и низкопенетрантных генов в генезе РМЖ позволит более точно предсказать индивидуальный риск развития заболевания, а учет межгенных ассоциаций и взаимодействий позволит выявить наиболее значимые комплексы, определяющие формирование злокачественного фенотипа. Опираясь на вышеприведенное, белорусским исследователям [Kipen, 2017] удалось выявить злокачественный генотип по средне- и низкопенетрантным генам, способный с 80% вероятностью предсказать до 27% случаев РМЖ. Однако указанные результаты могут иметь только локальное значение. С целью проверки гипотезы представляется необходимым провести исследования на генетически отдаленных популяциях (например, на узбекской).

Сегодня проблемы укрепления общественного здоровья перешагнули рамки естественнонаучного знания: для их решения требуется более широкая методологическая разработка проблем социальной и глобальной биоэтики. Основные биоэтические принципы, регулирующие биомедицинские исследования и клиническую практику в отношении индивида, в области общественного здоровья могут обретать особую специфику. На международном уровне тема этно-социальных особенностей таких социально значимых заболеваний, как РМЖ и его генетических оснований находится в поле внимания Сектора этики науки и технологий ЮНЕСКО, Всемирной комиссии ООН по этике научных знаний и технологий, Комитета по биоэтике Совета Европы. На постсоветском пространстве исследования ведутся в ННЦМТП НАН Украины, Национальной медицинской академией постдипломного образования Украины; в Молдове – кафедрой философии и биоэтики Государственного университета медицины и фармации им. Н. Тестемицану (Т.Н. Цырдя). В Узбекистане активно изучается роль культурно-религиозных особенностей в развитии биоэтики, актуальные проблемы развития биоэтики в исламской религии XXI века (З.М. Мухамедова, 2005, 2017, 2018). Исследования генетических аспектов РМЖ в Узбекистане проводятся в Республиканском специализированном научно-практическом медицинском центре онкологии и радиологии, в частности, д.м.н. проф. Т.К. Худайкуловым, Д.А. Рахимовым, Л.И. Миркамаловой и др. Вместе с тем биоэтические аспекты и психологические особенности онкологических больных в Узбекистане практически не изучены.

Участники проекта из Беларуси обладают опытом в области молекулярно-генетического анализа. Нами активно изучаются вопросы межгенных взаимодействий в модификации индивидуального риска развития РМЖ. Целесообразно проведение исследований на отдаленных генетических популяциях (в нашем случае – Узбекистана), что позволит подтвердить либо опровергнуть эту гипотезу. Задел имеется у авторов проекта и в области кросс-культурных проблем, в частности, связанных с проведением генетических исследований, последствиями внедрения инновационных технологий (например, нанотехнологий) в генетику человека и общественное здравоохранение.

По тематике проекта и близкой проблематике у исполнителей проекта имеется ряд публикаций[1]. Вместе с тем для решения задач, обеспечивающих достижение теоретических и практических целей проекта, целесообразна научная кооперация с узбекскими коллегами. У МГЭИ им. А.Д. Сахарова БГУ имеется опыт сотрудничества с Националь-

[1] Мельнов С.Б. Биологические эффекты ионизирующего излучения у человека: молекулярно-генетические аспекты действия ионизирующего излучения на организменном и популяционном уровнях биологической организации: пособие в 2 ч. / С.Б. Мельнов, В.Н. Кипень, Н.Н. Тушин. – Ч. 2. – Минск: Парадокс, 2013. – 184 с.; Kipen V.N. The Role of Low-Penetrance Alleles in Predisposing the Development of Sporadic Breast Cancer // Russian Journal of Genetics. 2017. – Vol. 53, N 7. – P.804–808; Кипень В.Н. Роль генов XRCC1, XRCC3 и PALB2 в генезе рака молочной железы / В.Н. Кипень, Е.В. Снытков, С.Б. Мельнов // Экологический вестник. – Минск, 2015. – № 1 (31). – С. 57–64.

ным комитетом по биоэтике Узбекистана; подписан Меморандум о сотрудничестве с Ташкентским государственным стоматологическим институтом. Коллеги из Узбекистана регулярно принимают участие в Международных конференциях «Сахаровские чтения», их работы публиковались в журнале «Экологический вестник», выпускаемом МГЭИ им. А.Д. Сахарова. В Узбекистане ведутся научные исследования в области изучения этиопатогенеза, полиморфизмов различных генов, ассоциированных как с РМЖ, так и с рядом других заболеваний. Защищены кандидатские диссертации «Иммунологические, иммуногенетические характеристики рака молочной железы в регионе Хорезма», «Иммуногенетическое прогнозирование рака желудочно-кишечного тракта у жителей Хорезма». Ведется анализ распространенности патологических аллелей генов BRCA1 и 2 в различных этнических группах. Ученые Узбекистана С. Абдуганиева, С. Арсенбаева и др. ведут исследования по онкологическим заболеваниям репродуктивных органов женщин. Проводимые в республике исследования по эпидемиологии РМЖ позволяют выявить кластеры заболеваемости и увязать их с экологией и традициями региона. Предлагаемая тема весьма актуальна для данного региона, в котором высок уровень заболеваемости РМЖ. В Узбекистане имеются определенные программы и наработки в этой области, осуществляемые специалистами маммологами-онкологами, но биоэтической проблематикой и психологическими особенностями онкологических больных здесь практически не занимаются. Вместе с тем внутренняя психологическая картина онкологических заболеваний и морально-психологические поведенческие особенности больных имеют своеобразие. Для Узбекистана это новое и очень важное направление. Не случайно в 2018 и 2019 гг. в Ташкенте были проведены I и II Республиканские научно-практические конференции по проблемам биоэтики. Таким образом, проведение совместных исследований Беларуси и Узбекистана связано общностью интересов по исследованию биоэтических и генетических оснований укрепления общественного здоровья; достигнутыми в этой области результатами сторон; опытом сотрудничества; недостаточной разработанностью социально-биоэтических и генетических проблем.

Проект предполагает применение **комплексной методики**, включающей логический и семантический анализ базовых понятий, методы системно-деятельностного, синергетического, структурно-функционального, социологического, геногеографического, статистического подходов и др. Планируется также:

1) *применение конкретно-научных методик:* молекулярно-биологических и молекулярно-генетических методов анализа классических генетических маркеров – однонуклеотидного полиморфизма (ОНП);

2) *проведение сравнительного анализа* состояния полиморфизма генетических систем (систем репарации и метилирования ДНК, фолатного цикла, генов-супрессоров опухолей и др.) и выявление их влияния на фенотип и общественное здоровье популяций различного этногенеза;

3) *применение социально-ориентированных методик* изучения влияния биоэтической культуры различных популяций на механизмы, обеспечивающие их коммуникативное отношение к другим популяциям и этносам;

4) э*мпирическое изучение* этических проблем генетической и социокультурной идентификации человека, популяций и этносов; проблем влияния их био-генетической природы на состояние общественного здоровья.

Планируемый *конечный результат* исследования – *концептуальные выводы* о генетической предрасположенности этнически отдаленных популяций к РМЖ и о степени взаимосвязи генетической детерминации с социокультурными особенностями различных этносов, а также разработка *практических рекомендаций*. Проект носит *фундаментально-прикладной характер* и направлен на новые теоретические разработки в геногеографии, а также на поиск путей и методов внедрения и практической реализации результатов в область профилактики и диагностики и РМЖ. *Практическая значимость* проекта определяется тем, что исследование генов систем фолатного цикла, репарации и метилирования ДНК может служить маркером популяции и определять ее предрасположенность к таким мультифакториальным заболеваниям, как рак молочной железы.

Набибуллаева Р.З.
с.н.с. Института прогнозирования и макроэкономических исследований при Министерстве экономики и промышленности Республики Узбекистан

СИТУАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

***Ключевые слова**: Республика Узбекистан, система образования, качество образования, региональное развитие.*

С изменением социально-экономических условий, появлением новых тенденций в развитии образования в Республике Узбекистан перед отечественными педагогами-исследователями и практиками встали новые практические задачи, связанные с разработкой методологических основ региональной политики в сфере образования и прикладных исследований, обеспечивающих качественное развитие региональных институтов образования на всех его ступенях.

В мониторинге развития образования на региональном уровне используются интегральные и частные индикаторы уровня и качества образования в регионах, которые представлены в табл. 1.

Таблица 1

Система индикаторов (показателей) мониторинга уровня и качества образования в регионах[1]

Основные компоненты			
Индикаторы деятельности ДОУ	Общее профессиональное образование		Индикаторы развития высших учебных заведений
	Индикаторы развития	Индикаторы материально-технической базы	
• Число ДОУ • Посещаемость детских дошкольных учреждений • Охват детей дошкольного возраста (1–6 лет) воспитанием в ДОУ • Обеспеченность услугами ДОУ из расчета детей, приходящихся на 100 мест	• Охват обучающихся в 1 смену • Охват обучающихся из числа учащихся приходящихся на 1 школу • Уровень обеспеченности учителями общеобразовательных школ • Уровень обеспеченности общеобразовательных школ учителями с высшим образованием • Уровень охвата учеников учреждениями ССПО • Обеспеченность преподавателями учреждений ССПО • Обеспеченность компьютерной техникой • Мощность учреждений ССПО	• Наличие кабинетов информатики • Уровень компьютеризации школ • Наличие библиотек • Уровень обеспеченности учеников учебниками • Уровень обеспеченности спортивными залами • Уровень обеспеченности канализацией • Уровень обеспеченности водопроводом • Доля школ, требующих капитального ремонта • Доля школ, расположенных в типовых зданиях • Доля школ, находящихся в аварийном состоянии	• Уровень охвата студентов ВУЗами • Уровень выпускников профколледжей и академлицеев, поступивших в вузы • Уровень трудоустройства выпускников вузов • Уровень обеспеченности вузов профессорско-преподавательскими кадрами

Источник: разработано ИПМИ.

В свете предпринимаемых мер наибольшую актуальность приобретает аспект качественного развития образования населения в регионах, так как социальное развитие всегда пространственно неоднородно. Качество образования населения регионов позволяет судить об уровне человеческого потенциала, которым обладает данное территориальное образование.

При объективной оценке интеллектуального уровня населения в регионах учитывается специфика местоположения территорий, демографическая ситуация, наличие объектов инфраструктуры, уровень и структура экономического и социального развития. Для комплексной оценки перечисленных факторов и их влияния на уровень образования используется интегральный сводный индекс качества образования, рассчитывающийся для каждого региона путем определения среднеарифметического значения по частным индикаторам с учетом коэффициентов весомости каждого индикатора с точки зрения его важности в оценке качества данной сферы.

Данный методический подход позволяет не только рассчитать интегральный показатель интеллектуального развития территорий, но и выявлять диспропорции, складывающиеся в регионе и принимать своевременные меры по их устранению. Поэтому важное значение имеет учет демографических особенностей каждого из регионов.

[1] Под регионом здесь подразумевается Республика Каракалпакстан, области и г. Ташкент.

Показатели половозрастной структуры среди регионов Узбекистана показывают, что в среднем по республике молодежь в возрасте до 15 лет составляет 30,2% от общей численности населения (рис. 1.). Доля населения в трудоспособном возрасте составляет 60,2% в среднем, а старше трудоспособного возраста составляет 9,6%.

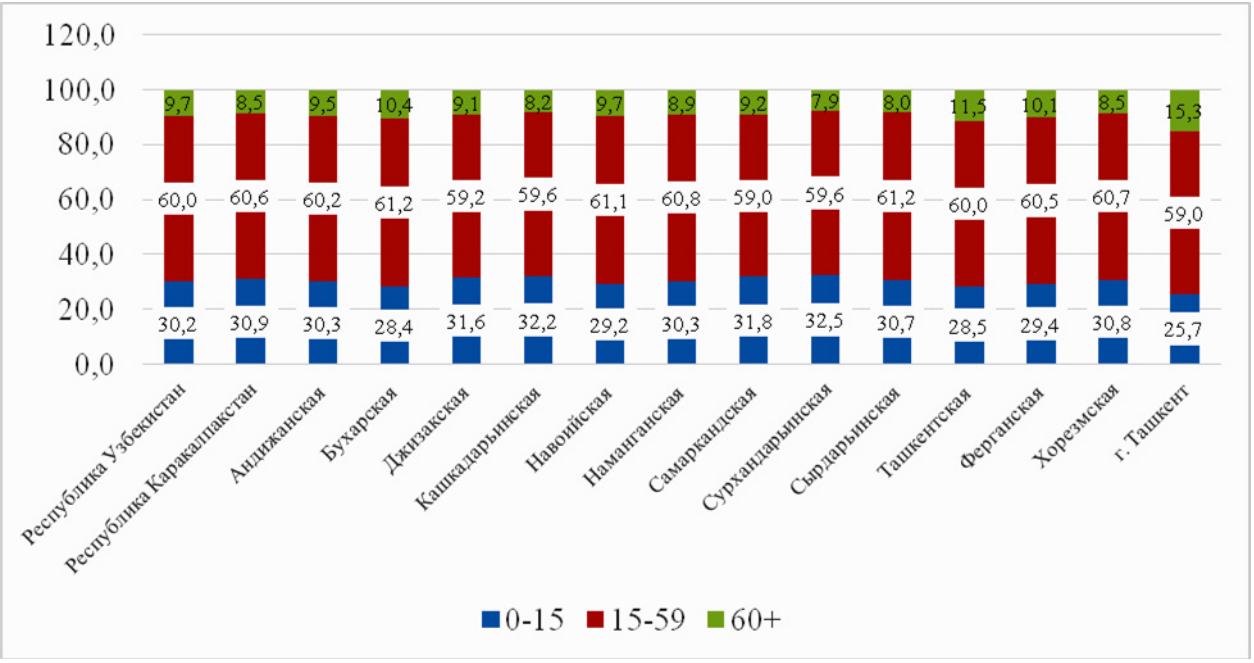


Рисунок 1.
Половозрастная структура в разрезе регионов на начало 2018 года, в %[1]

Согласно официальной статистике за 2018 г. система образования Узбекистана охватывает 7464,6 тыс. учащихся и детей, из них в дошкольных учебных заведениях – 732,8 тыс. чел., с процентом 9,8, в общеобразовательных школах – 5271,3 тыс. чел., 70,6%, в средних специальных учебных заведениях – 1162,8 тыс. чел., 15,6%, в ВУЗах – 297,7 тыс. чел в процентах 4% (рис. 2.).

Рисунок 2.
Структура обучающихся в системе образования Узбекистана на начало 2018 года (в %)[2]

Начальным звеном в системе непрерывного национального образования являются учреждения дошкольного образования (ДОУ). Анализируя вовлеченность детей в ДОУ, необходимо подчеркнуть, что уровень охвата детей ДОУ влияет на дальнейшее качество образования, начиная с начальных классов. Имеется в виду, что чем меньше детей охвачено ДОУ, тем выше риск неподготовленности к школе. В дальнейшем это приводит к хронической неуспеваемости детей, получающих последующие виды образовательных услуг. При этом если ДОУ могут посещать не все дети дошкольного возраста, некоторые родители (более 30%) предпочитают другие формы ДОУ, то охват школьным образованием должен быть исключительно обязательным по достижении школьного возраста.

[1] Источник: Госкомстат Республики Узбекистан.
[2] Там же.

Охват детей возрастной группы 1-6 лет детскими садами в республике достиг наивысшего уровня в 1991 году, когда он составлял свыше 35%, в том числе в городской и сельской местности этот показатель составил 51,3 и 27%, соответственно. Показатели охвата ДОУ в сельской местности традиционно ниже, чем в городских поселениях. В 2000 г. показатель охвата сократился до 18,2%, в том числе в городских поселениях до 35,3%, в сельских – до 10,6% и к началу 2018 г. значение показателя установилось на отметке 34%.

Если судить по уровню демографического всплеска в 90-е гг., то и число детских садов составляло 9,8 тыс., к 2018 г. – 5,2 тыс., в то время как численность детей соответствующей возрастной группы сократилась на 0,7 п.п, число ДОУ уменьшилось почти в два раза.

Республика Каракалпакстан, Кашкадарьинская, Самаркандская, Сурхандарьинская, Сырдарьинская и Хорезмская области, при высокой доле детей от 3 до 6 лет имеют относительно низкое значение данного показателя (ниже республиканского уровня). Следует отметить Навоийскую, Ташкентскую области и г. Ташкент, где при относительно невысокой доле детей от 3 до 6 лет показатель посещаемости ДОУ имеет самое высокое значение. В целом, межрегиональная дифференциация по данному показателю без учета г. Ташкента с 2005 г. сокращается, что является позитивной тенденцией. При анализе охвата детей дошкольными учреждениями региональном разрезе, на начало 2018 года город Ташкент имеет удельный вес с процентом 76,8 (рис. 3). Среди районов самый низкий уровень в Сурхандарьинской (13,1%) и Джизакской (19,1%) областях. Таким образом, анализ показателей деятельности ДОУ подтверждает тот факт, что Навоийская и Ташкентская области при относительно высокой плотности детей соответствующего возраста имеют высокие показатели их охвата.

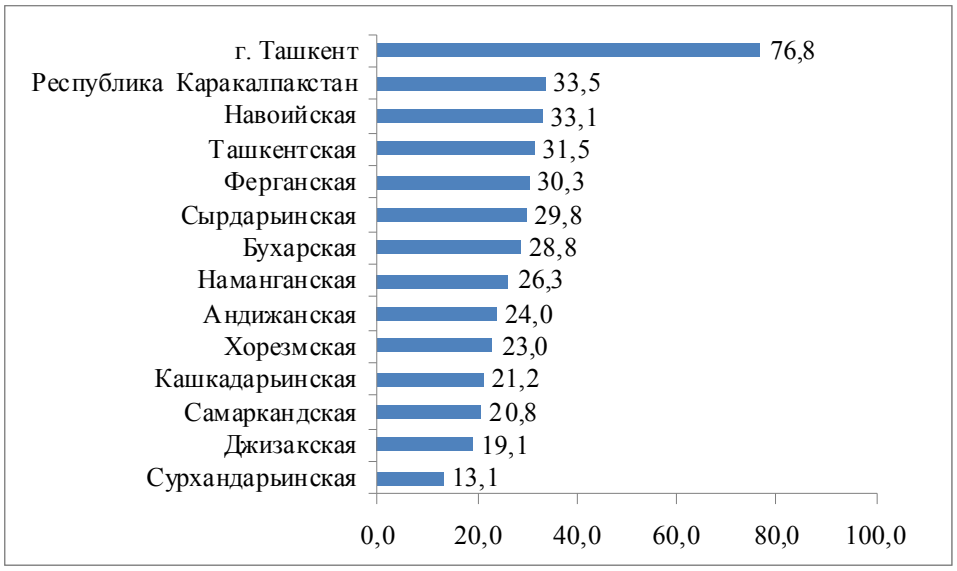


Рисунок 3.
Охват детей воспитанием в ДОУ в разрезе регионов на начало 2018 года, в %[1]

Регионы с высокой долей населения от 3–6 лет, такие как Республика Каракалпакстан, Кашкадарьинская, Сурхандарьинская, Хорезмская и Самаркандская области имеют относительно невысокие показатели охвата услугами ДОУ и обеспеченностью местами детей в ДОУ. В этой связи можно сделать вывод о нежелании или финансовой неспособности родителей отдавать детей в дошкольные учреждения.

Тенденция сокращения обеспеченности населения услугами ДОУ может быть объяснена также несовершенством их финансирования, сокращением государственных субсидий на содержание детей в них, что влечет за собой снижение качества дошкольного образования, снижением спроса населения на данный вид услуг из-за высокого уровня оплаты.

В настоящее время размер родительской платы в отдельно взятых дошкольных учреждениях (в основном в г. Ташкенте и областных центрах) полностью покрывает расходы на питание, а в остальных нет. Существует проблема укрепления материально-технической базы ДОУ. Из их общего числа только 43,4% имеют все виды благоустройства (на селе – 29,3%), более трети – требуют капитального ремонта, во многих учреждениях, в первую очередь на селе, нет канализации, централизованного отопления и водоснабжения.

Высокий охват детей услугами ДОУ в Навоийской области и г.Ташкенте может быть объяснен рядом объективных факторов, таких, как высокая экономическая развитость данных регионов и занятость населения.

Анализ показывает, что недостаточно оценен вклад дошкольного образования в качественную подготовку будущего специалиста. Мировой опыт свидетельствует о наличии зависимости между охватом дошкольным образованием детей соответствующего возраста и уровнем благосостояния страны. В США охват детей дошкольным образованием составляет 70%, в Германии – 89%, во Франции – 83%, в Нидерландах – 100%, в России 57,3%. Именно в период дошкольного образования закладываются основы знаний, благодаря которым формируются личностные характеристики человека, его заинтересованность и способность к обучению в будущем.

[1] Источник: Госкомстат Республики Узбекистан.

Анализ мирового опыта показывает, что в странах с высокой долей населения со средним образованием наблюдаются более высокие темпы развития, чем в странах с более низким охватом населения образовательным процессом. Республика Узбекистан по охвату населения общим средним образованием, в частности начальным, находится в одном ряду с развитыми странами[1]. В Узбекистане этот показатель составляет 98,1%, в Казахстане 87,4% в Беларуси 95,4%, в России 96,5%.

В 2016/2017 учебном году в 9719 общеобразовательных школах обучались 4825,0 тыс. учащихся, из которых 2252,9 тысяч обучались в 6015 общеобразовательных школах в сельской местности. Количество общеобразовательных школ по сравнению с 1991 годом увеличилось на 13,6 процентов (8557). Однако из них 67,2 процента работают в две смены и 0,1 процента в три смены. При анализе этого показателя по регионам наибольший процент наблюдается в Джизакской (81,0%), Республике Каракалпакстан (78,1%), Сурхандарьинской (74,9%) и Ташкентской (69,3%) областях. В общеобразовательных учреждениях 1314,8 тыс. учеников обучаются во второй и третьей сменах.

Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев 25 января подписал указ «О мерах по коренному совершенствованию системы общего среднего, среднего специального и профессионального образования»[2].

Указом предусмотрено, что с 2018–2019 учебного года обязательное общее среднее и среднее специальное образование осуществляются в общеобразовательных школах, в том числе специализированных школах и школах-интернатах искусств и культуры, специализированных школах-интернатах олимпийского резерва, а также академических лицеях на основе непрерывного и 11-летнего цикла. С 2019–2020 учебного года прием в профессиональные колледжи будет осуществляться из числа выпускников 11-х классов общеобразовательных учреждений на добровольной основе для получения соответствующей специальности (профессии) со сроком обучения от шести месяцев до двух лет. Важнейшими задачами системы подготовки кадров в сфере профессионального образования определены подготовка по востребованным профессиям с учетом приоритетов и перспектив развития экономики, современных технических и технологических тенденций квалифицированных специалистов среднего звена, обладающих практическими профессиональными навыками работы, в том числе с использованием современных информационных технологий.

Переход страны к 11-летнему циклу образования привел к увеличению контингента средних общеобразовательных школ. Важным индикатором развития образования является показатель обеспеченности населения общеобразовательными школами из расчета числа обучающихся в 1 смену (табл. 2.). Среди регионов город Ташкент с показателем 103,1% занимает первое место.

Таблица 2

Обеспеченность населения общеобразовательными школами, охват обучающихся в 1 смену (в % к республиканскому уровню)

Регионы	2000 г.	2005 г.	2009 г.	2018 г.
Республика Узбекистан	100,0	100,0	100,0	93,3
Республика Каракалпакстан	84,9	91,7	87,1	87,8
Области:				
Андижанская	99,2	93,8	95,6	94,1
Бухарская	115,9	121,3	119,4	92,4
Джизакская	95,0	104,1	91,7	92,0
Кашкадарьинская	96,6	93,1	94,3	95,5
Навоийская	95,5	100,3	100,1	97,5
Наманганская	101,4	101,1	101,9	93,1
Самаркандская	87,1	93,8	99,1	90,6
Сурхандарьинская	96,3	90,8	92,3	93,2
Сырдарьинская	108,1	104,8	103,8	90,8
Ташкентская	98,8	101,1	101,7	90,3
Ферганская	102,7	103,5	103,6	93,0
Хорезмская	105,8	111,2	107,6	94,9
г. Ташкент	109,5	109,4	107,1	103,1
Межрегиональная дифференциация (раз)	1,4	1,3	1,4	1,1

Источник: Госкомстат Республики Узбекистан.

Относительно высокий уровень обеспеченности населения общеобразовательными школами, охват обучающихся в 1 смену в 2018 г. наблюдался в г. Ташкенте (свыше 100%). В остальных регионах обеспеченность образовательными школами ниже 100%, данный факт может влиять на уровень и качество образования в них, что требует строительства новых и расширения уже существующих школ.

К главным направлениям повышения эффективности системы образования относится также повышение качества и доступности среднего профессионального образования. На начало 2017/2018 гг. действует 1576 единиц специальных профессиональных образовательных заведений, что на 10 единицы больше, чем в предыдущем году. Из них 143 академических лицеев и 1433 профессиональных колледжей. Все учебные заведения оснащены самым современ-

[1] Источник: Государственный Комитет Республики Узбекистан по статистике (2016г) и институт статистики ЮНЕСКО (2015–2016 годы)

[2] Указ Президента республики Узбекистан «О мерах по коренному совершенствованию системы общего среднего, среднего специального и профессионального образования» № УП-5313 25.01.2018.

ным учебным и лабораторным оборудованием. В настоящее время в средних специальных профессиональных образовательных учреждениях страны обучаются 1163,2 тыс. учащихся.

Высшие учебные заведения

Высшее образование призвано обеспечить подготовку квалифицированных, конкурентоспособных кадров, отвечающих современным требованиям, способных обеспечить научно-техническое, экономическое, социальное и культурное развитие страны и обладающих высокими духовными, культурными и нравственными качествами.

Анализ мировых систем образования позволяет выделить Азиатскую модель как наиболее результативную в плане обеспечения этими странами (Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг) мощного прорыва на мировом рынке благодаря выбранным приоритетам. Создавая культ образования, азиатские страны имеют высокие показатели наличия высокообразованного населения. К примеру, в Корее 97% людей в возрасте 25–34 лет имеют высшее образование. Это самый высокий показатель среди высокоразвитых стран. В Японии 42% трудоспособного населения 25–65 лет имеют высшее образование.

Число учреждений высшего образования в Узбекистане в 2018 г. достигло 72[1], из которых 33 размещены в регионах, что позволяет повысить доступность этого вида образования для многих выпускников школ и учреждений среднего специального профессионального образования. Основная часть вузов сосредоточена в столичном городе (49,9%), наименьшая же часть приходится на Ташкентскую, Сурхандарьинскую, Кашкадарьинскую и Наманганскую области (рис. 4). Мировой опыт свидетельствует, что такая раскладка приводит к задержке развития высокотехнологичных производств в отстающих регионах, а также накоплению населения в городах с высокой концентрацией вузов.

Среди вузов страны 27 ведут подготовку для сферы просвещения, 15 – для промышленности, строительства, транспорта и связи, 6 – для медицины, 4 – для сельского хозяйства, 6 – для экономики и права.

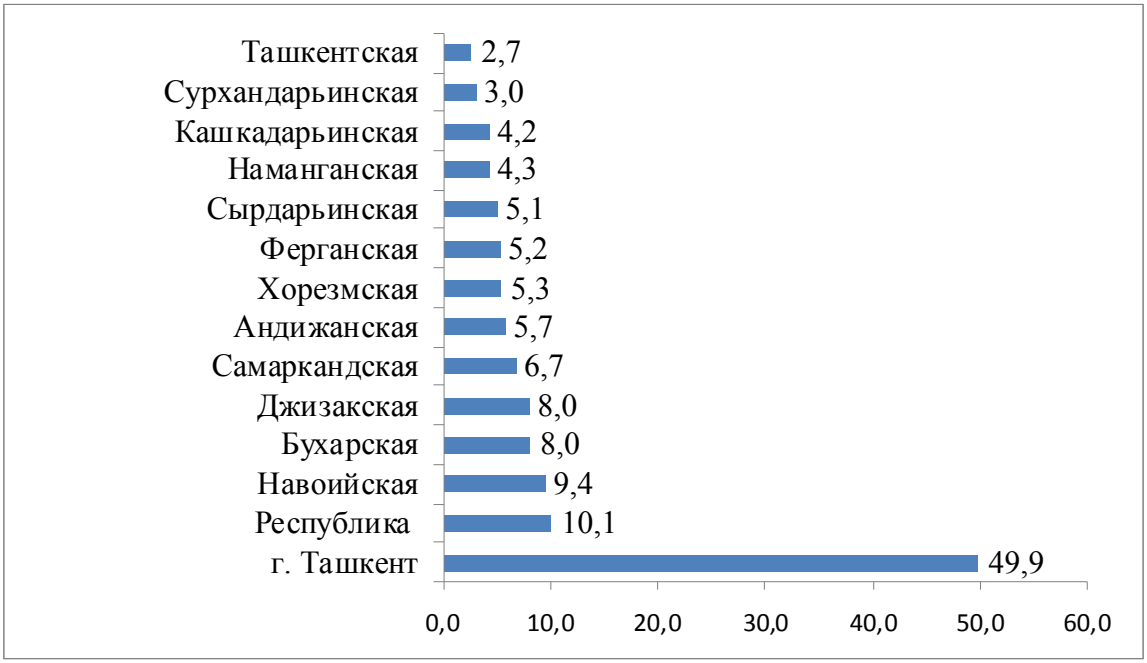


Рисунок 4.
Охват высшем образованием в разрезе регионов на начало 2018 года, в %

В 2000–2018 гг. контингент, ежегодно принимаемый в вузы, имел стабильную динамику роста. Выпуск в 2018 г. составил 67,4 тыс. человек. Количество студентов на 10 тыс. населения в стране остается на относительно низком уровне – 103 специалиста (в основном очного обучения). Причем наблюдается снижение данного показателя за последние 3 года с 110 до 103 специалистов. Это происходит вследствие сокращения приема на обучение, сохранения жестких норм квотирования на определенные виды специальностей и платно-контрактной формы обучения, не достаточной гибкости образовательного процесса. В Казахстане данный показатель равен – 497, Кыргызстане – 426, Молдове – 338, Грузии – 355 человек (с учетом заочного и вечернего обучения, а также частных вузов).

Таким образом, можно выделить следующие наиболее важные направления реформ в системе образования:

– расширение охвата детей ДОУ путем строительства новых учреждений и повышения качества их услуг, в том числе на основе проектов государственно-частного партнерства;

– реконструкция и техническое переоснащение ДОУ, включая развитие сети без осуществления нового строительства, в том числе надомных, в сельской местности, а также негосударственных ДОУ в небольших городах и поселках на базе передаваемых зданий, находящихся в государственной собственности;

– развитие альтернативных форм ДОУ с гибким графиком работы и широким спектром развивающих, корректирующих, оздоровительных услуг и мероприятий;

[1] Источник: Госкомстат Республики Узбекистан.

– модернизация содержания образования с учетом практики передовых стран с высокой долей высокотехнологических производств;

– структурные изменения системы образования, позволяющее развитие индивидуальности, коммуникативных способностей ребенка, детской одаренности; привитие первоначальных навыков по наиболее востребованным на современном рынке профессиям в области прикладных ремесел, искусств, музыки, IT и т.д.

– обеспечение доступности качественного образования во всех регионах республики и для всех;

– совершенствование классификатора специальностей в соответствии с потребностями рынка труда и перспективами развития общества;

– обеспечение преемственности среднего профессионального образования с другими уровнями образования с обязательным включением основ предпринимательства;

– модернизация содержания высшего образования в соответствии с требованиями экономики и задачами формирования интеллектуальной элиты страны;

– совершенствование и подготовка преподавательского состава через магистратуру, целевую аспирантуру, PhD и систему ПК;

– поддержка и развитие инновационных профессиональных образовательных программ и технологий, развитие дистанционных форм обучения на базе высших учебных заведений.

Сараф М.Я.
д.филос.н., профессор, Московский государственный институт культуры
Сараф С.М.
к.т.н., преподаватель МИРЭА – Российский технологический университет

ЗАЩИТА ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОЛЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

***Ключевые слова**: культурное пространство, образовательное пространство, информационные поля образовательного пространства, субъект образовательного процесса, информированность, образование.*

***Keywords**: cultural space, educational space, information fields of educational space, the subject of educational process, knowledge, education.*

Безопасность единого культурного пространства составляет необходимое условие сохранения и укрепления национального суверенитета и обеспечения национальных интересов.

Образовательное пространство – одна из важнейших составляющих частей культурного пространства. Оно представляет собой сферу, в которой осуществляется трансляция накопленных достоверных и проверенных практикой знаний, необходимых для освоения и усвоения членами социума в целях общественного воспроизводства. Деятельностное содержание этой сферы выступает как образовательный процесс, результатом которого является образование, то есть сформированный целенаправленным обучением систематизированный комплекс навыков, знаний и умений, обеспечивающий необходимый и достаточный уровень компетентности субъекта деятельности как в общем социокультурном плане, так и в плане специализированном, профессиональном. Составной частью образования является воспитание, главной функцией которого является формирование субъекта деятельности и социокультурных коммуникаций в соответствии с доминирующем в данном социуме представлением о сущности и образе человека. Субъектом образовательного процесса является взаимодействующее единство обучающего и обучаемого с приоритетом первого, обусловленным его ведущей ролью в целеполагании и организации этого процесса. Единство же определяется их общим объективным интересом в достижении образовательного результата [1].

Образовательное пространство, таким образом, включает в себя всю совокупность средств обучения в виде подготовки кадров для этой деятельности, ее методического и информационного обеспечения, необходимой материальной базы. Оно строится по рациональным принципам, структурировано потребностями и задачами образования, довольно четко ранжировано по уровням, направлениям и спецификациям обучения. Это его инварианты.

Но все содержание образовательной топологии, его построение, определяется конкретными историческими обстоятельствами жизнедеятельности социума. Оно очень подвижно, хотя направления и скорости изменений различных элементов структуры образовательного пространства чрезвычайно различны. С одной стороны, они определяются общими социоэкономическими и социокультурными закономерностями развития общества, с другой – зависят от процессов, происходящих в локальных социокультурных пространствах и даже от их флуктуаций. А в наибольшей мере они определяются характером и типом межкультурных взаимодействий.

В традиционных родоплеменных локальных и в значительной мере изолированных культурах образование не выделяется в самостоятельную задачу и вид деятельности. Оно синкретично с воспитанием и бытовым поведением, где используется весь исторически накопленный данным этносом массив информации Готовность члена племенной общины к участию в общественном воспроизводстве определяется инициациями, проверкой усвоения необходимого для жизнедеятельности опыта предков.

Образовательное пространство как особая сфера формируется в условиях функционирования цивилизационных культур, когда разделение труда и социальная организация общественной жизни требуют специальных знаний и умений, гарантированных специальным же обучением, что требует их выделения в особую сферу деятельности с дифференциаций структурных образований и функций, во взаимодействии которых индуцируются информационные поля. Содержательность образовательного пространства, его структурная и функциональная организация определяется историческим типом культурной эпохи, которая характеризуется доминирующим мировоззрением (мироощущением, мировосприятием, миропониманием) и языком культуры. Так, для древних восточных цивилизаций такую основу составляли мифологическое мировоззрение и культы, и такие языки как санскрит, фарси и др., формировавшие общую ментальность, образный строй артефактов, и задававшие образованию его главной целью духовное просветление и совершенствование человека как преодоление отягчающей материальности. Для Средневековья – это христианство и латынь, структурировавшие образовательное пространство как средство постижения божественной сущности в тайных знаках ее проявления. Это закрытые, замкнутые на себя образовательные пространства. Разве что Древняя Греция явила поразительный феномен прорыва в открытое, детерминированное не сакральностью, а жизненными потребностями гражданского полисного общества в самодеятельном и самостоятельно мыслящем субъекте деятельности, получающем знания не в качестве таинственного дара, а в общественном учебном учреждении на основе общедоступ-

ных рационально обоснованных методик. Язык ее культуры стал языком общегражданским. Поэтому греческая и римская античность являются подлинной предтечей и основой современной европейской культуры. С Возрождения и Нового времени языками культуры стали национальные языки, и начало формироваться открытое секуляризированное образовательное пространство, в котором научное знание заняло доминирующее положение.

Понятие образовательного пространства широко употребляется в современной философии, социологии и психологии образования, в педагогике. Достаточно внимания уделяется разработке вопросов безопасности образовательного пространства и, особенно, информационной безопасности [2]. Однако один аспект этой проблемы еще не выявляет себя в плане специального рассмотрения, а именно влияние на образовательные процессы информационных полей, индуцируемых взаимодействием самих структурных элементов, составляющих образовательное пространство.

Если понятие образовательного пространства выражает содержание, характер и способ социальной распределенности всего имеющегося к настоящему времени массива достоверного, верифицированного знания (в целом и в отдельных отраслях), а также обоснованных и апробированных обучающих технологий его получения и применения, то понятие информационного поля образовательного пространства выражает его направленность, векторальность, индуцируемую взаимодействием его субъектов и представляющую распределенность их интенций и интересов в образовательном процессе. Понятие информационного поля, в нашем понимании, в большей мере выражает активную энергетическую направленность субъектов образовательных отношений на возможности получения информации, необходимой для наиболее эффективного, успешного образовательного процесса и наивысших его результатов. Познавательный интерес здесь выступает как бы навигатором в образовательном пространстве, образно говоря, идет «на запах» потребной информации. Именно наличие информационных полей образовательного пространства определяет его метрику и динамику, ориентацию на его содержание, способ и формы получения и применения образования, направление и характер его развития, его социальные роль и место.

В образовательных пространствах цивилизационных культур весьма часто образование отождествляется с информированностью. Информированность в образовании – это совокупность сведений, которые человек запомнил без изменения телесного, эмоционального, ментального и духовного поведения. Знание же есть более высокий уровень информированности – это внутренне переработанная и усвоенная информация, меняющая поведение человека и реализуемая в практике [3]. Таким образом, существует человек не информированный, человек информированный и человек знающий. Именно последний, обращая получаемую информацию в деятельность, преобразует внешний мир и самого себя в интересах собственного и общего социокультуного развития, что выражается креативностью, то есть способностью к производству в процессе деятельности новой информации и индуцировании новых познавательных и деятельностных интересов и новой распределенности в информационных полей в образовательном пространстве.

Как известно, существует всего два способа социокультурного взаимодействия: сотрудничество и конфликт. И в том, и в другом случае образовательные пространства взаимодействующих культур подвергаются сильным деформациям, поскольку для каждого из них открываются новые горизонты возможностей получения знаний, но для каждого обнаруживаются и присущие им ограничения. В этих условиях информационные поля образовательных пространств испытывают значительные возмущения и перестройки, поскольку изменяется не только вся картина образующих их силовых линий общественных и индивидуальных образовательных потребностей и интересов, но и характер, и структура взаимоотношений между субъектами образовательного процесса.

Если в случае сотрудничества культур вся эта динамика каким-то образом регулируется посредством культурного диалога, применения и усвоения чужого образовательного опыта, согласования ценностных паритетов, выполнения совместных образовательных программ, то в случае конфликтного взаимодействия все обстоит совершенно иначе. К слову сказать, зачастую конфликт культур вызревает в условиях их сотрудничества и скрывается под видом сотрудничества.

К примеру, взлет арабской культуры в раннем Средневековье позволил ее науке, довольно свободной от религиозного обскурантизма, плодотворное сотрудничество арабских, еврейских и христианских ученых, которое индуцировало в образовательном пространстве информационные поля чрезвычайной интенсивности и немало способствовало европейскому Ренессансу. Но арабская культура вскоре утратила свою партнерскую роль и свои авангардные позиции в системе мировой культуры.

Или возьмем другой пример – взаимоотношения католической и православной культур. Русь, Россия, воспринявшая православную культуру Византии, воспроизводила ее поначалу на греческом, а вскоре на собственном, старославянском языке культуры, сохраняя против западной католической экспансии свою самобытность и аутентичность, оказалась за кириллицей как за крепостной стеной, куда не проникали вихри бурь философских диспутов схоластов и столкновений естественнонаучных концепций. Однако в своем ограниченном образовательном пространстве, где доминировали православием обусловленные информационные поля, то есть познавательные потребности и интенции, она оказалась в значительной степени изолированной от общеевропейского, гораздо более широкого, образовательного пространства, что привело к торможению и значительному отставанию национального развития, и что с необходимостью привело к глубоким преобразования культуры и, прежде всего, образования в петровскую эпоху. Пресловутое «окно в Европу» – это и есть решительное расширение информационных полей, выведшее русскую культуру из узкой локальности в мировые лидеры.

Интенсивные информационные поля, индуцированные в советском образовательном пространстве и обеспечившие наибольшие потребности и интересы в научном знании и наиболее высокое качество образования, сдерживаемые в своей динамике догматизированными идеологией и социальным проектированием, в 70–80-х годах XX века оказались слабее западных ценностных влияний и утратили свою доминирующую роль.

В современном, так называемом постиндустриальном мире, или в обществе массового потребления, или в информационном обществе характер взаимодействия культур, разумеется, сильно изменился структурно, но в плане типологическом остался тем же самым. Культура имеет в себе механизмы самозащиты. Они обычно действуют как стихийная сила, но условия их эффективности ограничены и складываются исторические обстоятельства, когда культура должна целенаправленно создавать специальные механизмы своей безопасности, средства и оружие своей защиты.

Массовое производство и интенсивно идущие процессы глобализации, локомотивами которых стали информационная техника и технологии, привели к стандартизации не только материального, но и духовного потребления. Одна из самых злокачественных проблем современной культуры состоит в том, что она стала средством производства предметов массового потребления, и сама в значительной своей части стала предметом массового потребления. Оно бы все ничего, если бы не то обстоятельство, что главной функцией культуры является производство человека и, значит, она производит массового, то есть стандартизированного во всех отношениях человека. И не столько по образу исторически выработанного общественного идеала, сколько по лекалам информационно-технологически сконструированных образцов. Такому индивиду гораздо проще сообщаться с технологически же сконструированной реальностью, которая способна заменить собой реальность живого общения и взаимодействия. Это прекрасно показал Ж. Бодрийяр в своих работах о симулякрах [4]. В двойственном субъекте образовательного пространства ослабляется роль и значение его первого члена – личности обучающего, которым прежде всего и обеспечивается единство образования и воспитания и развитие креативных потенций обучаемого.

То есть возникает коллизия некоторой параллельности бытия культуры и почти неотличимой от нее информационной виртуальной реальности, в которой человек-потребитель чувствует себя даже более комфортно как субъект этой реальности. Поскольку речь идет о культуре и ее субъектности, то это полностью и, может быть, даже, прежде всего, относится к образовательному пространству, в котором появляется и растет, так сказать, квазиинформационная составляющая. В образовательном процессе ослабевает потребность в воспроизводстве креативного индивида как компетентного субъекта исторической деятельности, и нарастают тенденции общего просветительства, наработки некоторого объема информации, нужного для ориентаций в широкой и многообразной потребительской сети, где знания нужные для выбора всегда подскажет реклама, бренд, рейтинг мнений и т.д., и т.п. Информационные поля здесь меняют свою направленность в сторону субъективности и произвольности потребностей и интересов, фантазийной ментальности в поисках возможности получить все и сразу.

Если вернуться к вышеприведенной сентенции В.В. Михайлова о информированном и знающем человеке, то нетрудно видеть, что появляется фигура человека квазиинформированного, чье благополучие не очень-то и зависит от уровня его образованности. Он ориентирован информационными полями той части образовательного пространства, где не требуется особых познавательных интенций и усилий. Такой тренд в динамике образовательного пространства современной культуры стал проявлять себя в отечественном образовании, а с начала 90-х годов прошлого века особенно заметно с активизацией в России деятельности фонда Сороса и присоединения российской системы образования к болонскому процессу.

Так, по данным массовых оценок знаний и навыков пятнадцатилетних школьников разных стран, регулярно проводимых Организацией экономического сотрудничества и развития, уже в 2006 году в вопросах естественнонаучных дисциплин, интереса к науке в целом и способности подростков использовать научные знания в повседневной жизни, Россия заняла 33–38 место из 57 стран, уступив практически всем европейским [5]. На 2008 год укомплектованность сельских школ преподавателями составляла менее 70%, число школьников снизилось с 20 до 15 миллионов, проверка первокурсников в вузах выявила, что до 60% процентов не показали знаний, соответствующих их сертификатам ЕГЭ [6]. К настоящему времени дело, разумеется, поправилось, но не кардинально. И одной из немаловажных причин таких обстоятельств оказывается весьма слабая заинтересованность отечественной экономики в высоком уровне образованности и инновационных способностях наемных работников, ибо она руководствуется не столько национальными интересами, сколько обеспечением высокодоходности и ликвидных возможностей. Например, для успешности в шоу-бизнесе уже даже и не обязательны музыкальное образование и наличие таланта его фигурантов, здесь почти все решают технологии.

Что касается социальной сферы, то уровень образования ее работников тоже не является определяющим. Здесь, разумеется, нельзя делать категорических обобщений, но громадное количество экономистов, юристов, культурологов и политологов, на подготовку которых в последние двадцать лет переключилась значительная часть высших и среднеспециальных учебных заведений, не дали не только прорывного эффекта в хозяйственном и социокультурном развитии страны, но хотя бы существенного продвижения. Да и занятость значительного числа специалистов далеко не всегда зависит от их образования, порою просто фальшивого.

Итак, какие же направления защиты информационных полей российского образовательного пространства наиболее актуальны в плане сохранения единого национального культурного пространства? Это:

- Формирование информационной культуры обучаемого и обучающего.
- Своевременное прогнозирование динамики потребных компетенций и соответственно подготовки работников.
- Защита от внешних отрицательных воздействий, следующих из-за некритического восприятия чужого опыта и механического его переноса на отечественную почву, а также защита от целенаправленных переориентаций информационных полей, имеющих целью отвлечение от наиболее актуальных и фундаментальных областей знания. Заблуждения на этом пути могут быть и добросовестными, но чаще всего – хорошо проплаченными.
- Защита от преувеличения, абсолютизации техницистских подходов к решению образовательных задач, элиминации воспитательной составляющей образовательного процесса, принижении личностной роли обучающего.

• Защита от фальсификаций массива информации, обращающейся в образовательном пространстве и выражающейся в чересполосице научных и квазинаучных знаний в виде всякого рода эзотерических и оккультных «наук», доктрин тайного знания и т.п., рядящихся в респектабельную атрибутику академической науки и несколько даже пренебрежительно потесняющих старые добрые Science и Education.

Список литературы

1. Федеральный закон РФ «Об образовании в Российской Федерации», № 273-ФЗ, Ст. 2; История и философия науки. Энциклопедический словарь. –Нижневартовск, 2010; Человек и общество (Культурология). Словарь-справочник. – М.: Феникс, 1996.
2. См. например: Безопасность пространства образования Челябинской области. – Челябинск: Изд–во Челябинского гос. педагогического ун-та, 2011; Плотников В.Н. Национальная и экономическая безопасность высшего образования: вопросы теории и практики: монография. – СПб.: СПбГЭУ, 2015. – С. 3; Пфаненштиль И.А., Яценко М.П. Влияние геополитических факторов на становление образования // Философия образования. 2015. – № 1. – С. 14; https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-bezopasnosti-obrazovatelnogo-prostranstva
3. Михайлов В.В. О пользе и вреде образования для жизни: о содержательном реформировании образования // Россия тенденции и перспективы развития. Ежегодник, Вып. 11. – М., 2016, – С. 741.
4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. – М.: Постум, 2017.
5. Нетесова М.С. Образование как фактор национальной безопасности // Национальная безопасность: научное и государственное управленческое содержание. Материалы Всероссийской научной конференции (Москва 4 декабря 2009 г.) – М.: Научный эксперт, 2010. – С. 437–438.
6. Самарин А.Н. Разгром науки и деградация образования как подрыв национальной безопасности России // Национальная безопасность: научное и государственное управленческое содержание. Материалы Всероссийской научной конференции (Москва 4 декабря 2009 г.). – М.: Научный эксперт, 2010. – С. 463.

Соболевская Ю.В.[1]

ПОТРЕБНОСТИ И ПРЕДПОСЫЛКИ РЕАЛИЗАЦИИ НОВОЙ МОДЕЛИ ПРЕПОДАВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ В УСЛОВИЯХ ЕВРАЗИЙСКОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Ключевые слова: *юридическая социология; юридическое образование; методика преподавания; образовательные инновации; образовательные технологии.*

Развитие и обновление евразийского образовательного пространства – важнейшая задача, решаемая вузами СНГ и органами управления высшим и средним образованием в XXI веке, в том числе за счет юридических дисциплин[2].

Большое место в содержательной и управленческой деятельности принадлежит юридическому образованию и таким еще не слишком известным учебным курсам, как социология права или юридическая социология[3].

В данной статье раскрывается специфика юридической социологии, возможности разработки новой модели преподавания в вузах на территории Евразии, непосредственные задачи по реализации новых подходов, оправдавших себя. Речь идет о сложной и многоаспектной задаче, интегрирующей исследовательские и учебно-методические подходы[4].

Переходя непосредственно к теме, отметим все возрастающее число публикаций, свидетельствующих о медленном, но неуклонном накоплении потенциала юридической социологии (социологии права), об общественном признании этой формирующейся учебной и научной дисциплины, о чем нам уже доводилось писать[5].

Как справедливо отмечает доктор социологических наук, профессор Казахстанского государственного юридического института А.И. Икенов, имеет место «сложная методическая проблема – добиться, чтобы преподавание социологии права велось в тесной связи с правоведением, с осмыслением социально-правовых явлений и процессов современности, но при этом не утрачивалась социологическая специфика предмета»[6].

Методические аспекты преподавания юридической социологии все глубже осознаются в качестве тем самостоятельных исследований.

Свидетельство того – появление публикаций, выдвигающих в повестку дискуссий назревшие и новые проблемы[7], предлагающих новое видение учебной дисциплины[8], обобщающих опыт преподавания[9]. Так, А.В. Куликова, используя для анализа модель составления учебных пособий по этой дисциплине в Германии, обращает внимание на необходимость исследования социальной обусловленности права посредством включения эмпирических исследований социологии права в тематическое поле догматической юриспруденции[10].

Несмотря на трудности с легитимизацией и развитием юридической социологии, имеются возможности построения адекватного знания о правовой жизни современного российского общества с использованием социологического подхода[11].

В общем и целом, заслуживает внимания опыт преподавания социологии права как в России, так и в ближайшем зарубежье.

---

[1] Соболевская Юлия Владимировна – к.ю.н., зав. отделом социолого-правовых исследований Московского института социологических исследований.

[2] См. Турсунова М.У. Роль международного права по совершенствованию юридического образования в Республике Узбекистан на современном этапе // Юридическое образование и наука. 2018. – № 6. – С. 23–26; Сария Н.Ш., Шенгелиа Г.А. О высшем юридическом образовании в Грузии // Юридическое образование и наука. 2018. – № 12. – С. 40–46.

[3] В данной статье юридическая социология и социология права с методической точки зрения понимаются как синонимы.

[4] Саидов А.Х. Социология права как наука и учебная дисциплина // Право и политика. 2007. – № 1. – С. 133–139.

[5] Соболевская Ю.В. Социологические исследования – инструмент выявления общественного мнения по вопросам права // Социальная инженерия: как социология меняет мир. Материалы IX Международной социологической Грушинской конференции, 20–21 марта 2019 г. / Отв. ред. А.В. Кулешова. – М.: АО «ВЦИОМ», 2019. – С. 166–171; Соболевская Ю.В. Потенциал социологии права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. – № 2. – С. 278–287.

[6] Икенов А.И. Социология в юридическом институте // Социологические исследования. – М., 1999. – № 3. – С. 79–80.

[7] См.: Лапаева В.В. Социология права. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма; Инфра-М, 2014. – 335 с.; Сырых В.М. Социология права: Учебник. – 4-е изд. Доп. и перераб. – М.: Юстицигформ, 2012. – 472 с.

[8] Сивова С.А. Проблемы построения курса «социология права» для юридических вузов // Государство и право. – М., 2003. – № 12. – С. 60–66; Молокоедов В.В. Социология права // Право. Сб. учебных программ. – М., 2001.

[9] Куликова А.В. Особенности преподавания социологии права в вузах // Альманах современной науки и образования. 2007. – № 1. – С. 136 – 138.

[10] Куликова А.В. Становление социологии права в системе высшего образования как одного из направлений правовой социализации студентов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. – № 1 (6). – С. 40–43.

[11] Сивова С.А., указ. соч.

Так, в КАЗГЮУ им. М.С. Нарикбаева вплоть до недавнего времени преподавался курс «Общая и правовая социология». Особое внимание уделялось практической стороне обучения: при этом широко использовался и внедрялся передовой опыт законодательных, исполнительных и правоприменительных органов Республики. В учебном процессе периодически применялись деловые игры, которые получили освещение в прессе и телевидении. Подобные мероприятия вызывают определенный резонанс, воздействуя на студентов, формируя их убеждения в необходимости наряду с глубоким овладением знаниями по избранной специальности формировать в себе гражданина, развивать высоконравственные, человеческие качества[1]. Сочетание учебной и воспитательной работы крайне важно, что нужно бы обсуждать и на страницах учебно-методических публикаций, поскольку формирующийся опыт крайне интересен, тем более что в Казахстане социология права имеет определенно распространение в ряде вузах. Скажем, в Западно-Казахстанском государственном университете им. М. Утемисова.

На юридических факультетах Белорусского государственного университета и Белорусского экономического университета социология права входит в перечень обязательных предметов[2]. В соответствующем учебнике две трети объема посвящено методологии социологии права и конкретным методам сбора эмпирической информации[3]. Социология права также преподается на юридическом факультете Витебского государственного университета[4].

На факультете права Латвийского государственного университета социологию права преподает доктор, профессор и член Конституционного Суда Республики Латвии Санита Осипова[5].

Казахстанский, белорусский и латвийский опыт преподавания социологии права заслуживают внимания и позитивной оценки, тем более, если речь идет о включении социологии права в список обязательных предметов! Ряд позитивных процессов просматривается и в юридическом образовании России. Например, на юридическом факультете МГУ им. Ломоносова, в Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина, на факультете права Национального университета «Высшая школа экономики», в Саратовской государственной юридической академии и др.

В Сибирской академии государственной службы[6] еще полтора десятка лет назад была разработана и реализована креативная методика, конкретизированная в трех видах учебно-методических изданий: а) учебно-методическом комплексе[7]; б) практикуме[8]; в) хрестоматии[9].

В самом общем виде принципы обучения в рамках авторской методики доктора социологических наук С.Н. Першуткина таковы:

– рефлексивная социология;

– персонификация учебного процесса при максимальной опоре на картину мира, имеющуюся у молодых людей;

– конкретизация тематического содержания учебной программы с учетом жизненного опыта юношей и девушек;

– апелляция к обыденному уровню их знаний;

– реализация коммуникативного дискурса, что позволяет в итоге совместно со студентами конструировать учебный процесс, максимально использовать интеллектуальный и организационный потенциал студентов-юристов.

Концептуальные и методические особенности методики, отражают новейшие принципы мировой дидактики и социальной науки. С одной стороны, западноевропейскую и российскую традиции социологии, отличающиеся углубленной реализацией теоретической функции, но также американской традиции, нацеленной на реализацию проблемного принципа построения учебных курсов в соответствии с духом прагматизма.

С другой стороны – поиск и реализацию методических инструментов изучения курса социологии (имея в виду реализацию философского и методического принципа «от частного – к общему», «от фактов – к теории»), что позволяет в итоге выйти к более тесной интеграции объективистской и субъективистской социологии, к адекватной интерпретации ее фундаментальных и прикладных аспектов, непосредственно связанных с жизненным и профессиональным опытом преподавателя, с миропониманием и мировоззрением студентов[10].

Таким образом, курс социологии и юридической социологии раскрывался перед студентами как теория гражданского общества, сохраняющая, с одной стороны, традиционные рамки классической науки, с другой стороны, об-

---

[1] Икенов А.И., указ. соч.

[2] https://law.bsu.by/index.php?option=com_content&view=article&id=3685&Itemid=7; http://bseu.by/russian/faculty6/department2.htm

[3] Дубовицкий В.Н. Социология права: предмет, методология и методы / Белорусский государственный университет. – Минск: Право и экономика, 2010. – 174 с.

[4] https://vsu.by/universitet/fakultety/yuridicheskij/raspisanie.html; Социология права: краткий курс лекций / [авт.-сост.: А.А. Сухарев, В.В. Янч]; М-во образования РБ, УО «Витебский гос. ун-т им. П.М. Машерова», Каф. истории и теории права. – Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2009.

[5] Osipova S. Ievads tiesību socioloģijā. Zin. rec. B. Zepa, A. Vilks. Rīga: Tiesu Namu Aģentūra, 2010; Osipova, S. Sabiedrība tiesību socioloģijas skatījumā. // Likums un Tiesības. 2006. – Aprīlis, 8. sējums, Nr. 4. (80.)

[6] В настоящее время Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС.

[7] Першуткин С.Н. Юридическая социология. Учебно-методический комплекс для дистанционного обучения. – Новосибирск: СибАГС, 2003. – 164 с.

[8] Першуткин С.Н. Юридическая социология: практикум для самостоятельной работы студентов по специальности 030501.65 – Юриспруденция. – Новосибирск: СибАГС, 2007. – 93 с.

[9] Першуткин С.Н. Юридическая социология: хрестоматия для дистанц. обучения по специальности 021100. – Новосибирск: СибАГС, 2004. – 143 с.

[10] Першуткин С.Н. Роль социологии в юридическом образовании государственных и муниципальных служащих // Традиции и инновации в юридическом образовании на рубеже веков: наука, практика, преподавание: Сб. докладов межрегиональной научно-практической конференции. – Новосибирск: СибАГС, 2000. – С. 68–73.

ладающая признаками новой дисциплины, выходящей за рамки узкоотраслевого знания и имеющая в значительной степени междисциплинарный статус.

Таким образом, сильной стороной авторской методики С.Н. Першуткина стала комплексная научно-методическая проработка в виде подготовки и выпуска интегрированного учебно-методического комплекса «Юридическая социология», включающего учебно-методическое пособие для дистанционного образования студентов российских вузов; хрестоматии, а также практикума для самостоятельных занятий и упражнений.

Подготовка и выпуск такого интегрированного комплекса изданий стали ответом на практическую потребность в применении новых знаний, а также по обеспечению доступности информационно-методических материалов для студентов-юристов.

С учетом информационно-методической поддержки стали реальными студенческие (учебные) исследования на стыке общества и права, социологии и юриспруденции, а также внутри тематических областей отдельных правовых дисциплин.

В итоге расширялись представления студентов и слушателей о дифференциации социально-правовых явлений и о современных методах сбора социально-правовой информации, необходимой для принятия решений студентами-юристами, а в дальнейшем юристами-практиками.

В целом, есть основания констатировать: благодаря комплексной информационно-методической поддержке и реализации новых исследовательских методик проявляются очаги передового опыта по преподавания юридической социологии.

Повышению инновационного потенциала юридической социологии (социологии права) во многом способствует влияние общих курсов, таких как социология, а также факультативных курсов, например, правовая аналитика. В рамках преподавания социологии юристам в МГЮА им. О.Е. Кутафина были разработаны и целенаправленно использованы интерактивные образовательные технологии с помощью подготовки и проведения заседаний круглых столов, деловых и ролевых игр, учебных исследований.

В учебно-методических изданиях, адресованных студентам, содержится подробное описание сценариев игр и необходимого материала к занятиям[1]. Тем самым, повышается эффективность подготовки юристов-педагогов и юристов-консультантов (экспертов). В процессе практических занятий формируются общекультурные компетенции, но также профессиональные.

Среди факультативных курсов, оказывающих позитивное влияние на преподавание социологии права, оригинальным является учебный предмет «Правовая аналитика», разработанный заслуженным юристом Российской Федерации, профессором В.Б. Исаковым[2]. В рамках курса раскрывается содержание, логика, формы интеллектуальных технологий юридической деятельности, место и роль правовой аналитики в системе современных знаний. Рассматривается комплекс вопросов, связанных с методологией, организацией и технологиями правовой информационно-аналитической деятельности.

Инструментальная роль данного курса подтверждается благодаря реализации специальных методов схематизации и визуализации, позволяющим глубже понять суть правовых явлений и процессов, выделять главное в объекте правового анализа.

Благодаря перечисленному углубляется профессиональная подготовка будущих юристов не только как узкопрофильных специалистов в конкретной отрасли законодательства, но и как широко мыслящих экспертов и перспективных руководителей, умеющих прогнозировать социальные последствия принимаемых решений и адаптивных к общественным изменениям, понимающих глубинные процессы в социуме, потребности и ориентиры развития правовой системы, поведенческие механизмы человека и социальных групп.

Таким образом, нейтрализуется негативное воздействие общеобразовательных факторов и тенденций, приводящих к тому, что современный выпускник юридического вуза имеет поверхностное представление о социальных процессах и движущих их механизмах о том обществе, в котором ему предстоит жить и служить, его истории, культуре и ценностях,

Для компенсации этих пробелов и уязвимых мест представляется целесообразным использование потенциала социологической науки.

Реализация социологического подхода применительно к наращиванию возможностей юридической социологии оправдана в силу многих обстоятельств:

1) Социология является одним из элементов общенаучной и мировоззренческой основы, она учит видеть и формулировать реальные общественные проблемы, вооружая инструментарием научного поиска и анализа общественных явлений[3];

2) Социология дает широкие сведения не только об обществе и действующих в нем институтах и социальных группах, но и навыки *рефлексии собственного социального опыта*, своей профессиональной роли, помогает формированию гражданской позиции;

---

[1] Огородников А.Ю. Применение интерактивных образовательных технологий на практических занятиях по социологии : учебно-методическое пособие для бакалавров. – М.: Проспект, 2017. – 95 с.

[2] Исаков В.Б. Правовая аналитика. Учебное пособие для студентов старших курсов и слушателей магистратуры. – М.: ГУ-ВШЭ, 2011. – 260 с.; Исаков В.Б. Говорите языком схем: краткий справочник. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2017. – 144 с.

[3] Бурлуцкая М.Г. Какому социологическому анализу мы учим студентов? // Социологические исследования. – М., 2000. – № 3. – С. 126–132.

3) Знакомство с эмпирическим материалом и методами его сбора способствует преодолению абстрактности мышления, его описательности;

4) Обучение методике и навыкам проведения социологического исследования важно для выстраивания адекватного междисциплинарного общения и компетентного формулирования заказа на исследование;

5) Социология учит открытости во взаимодействии с широким миром, способствует преодолению узкогрупповых социальных барьеров на пути его целостного видения и уверенности в том, что любая социальная проблема решается посредством принятия закона[1].

С учетом этого появляется возможность выхода к обоснованию нового видения назначения и социальных функций курса юридической социологии:

– знакомство студентов с основными положениями и элементарными навыками социологической науки, обучение элементарным приемам социологического анализа и социального конструирования;

– формирование представления о современном состоянии общества, его внутренней структуре, социальных процессах и институтах, социальных общностях, навыков социологической рефлексии как интегрального способа понимания, объяснения, изменения общества;

– содействие преодолению у молодых людей отчужденного отношения к самим себе, к другим людям, к обществу в целом.

Если говорить о предпосылках разработанного курса по юридической социологии, то они базируются на широком понимании социально-правовой реальности и необходимости новых ориентиров в XXI веке, что уже доводилось отмечать автору в рецензии на монографию профессора В.Д. Зорькина[2].

Предлагаемый курс юридической социологии ставит своей целью ознакомить студентов с основами социологии, преломленными через проблематику права. Повышенное внимание здесь уделяется методологии и методике проведения социолого-правовых исследований, а соответствующие разделы в курсе являются центральными. Студенты должны понять, что без продуманной методологии никакое профессиональное исследование, нацеленное на получение достоверных и надежных знаний, невозможно. В такой же мере важно и рассмотрение методики как целостного явления. Особое значение в курсе придается вопросам разработки программы социолого-правового исследования, выделению его объекта, формулированию проблемы и гипотез исследования[3]. Помимо самого общего рассмотрения методологии и методики детально рассматриваются методы сбора социолого-правовой информации, выделяя их в отдельные самостоятельные темы – наблюдение, интервью, фокус-группы, кейс-стадис, анализ документов, социально-правовой эксперимент.

Модель преподавания отличается тем, что все методы излагаются применительно к их специфике применения в праве. Изложение материала изобилует иллюстрациями и сюжетами, связанными именно с юридической деятельностью, на которых поясняются основные аспекты исследования.

Большое значение уделяется процедурам измерения, исходя из того, что студенты должны получить базовые знания о выборке, шкалировании, статистической обработке результатов исследования.

Показывается как важна процедура интерпретации полученных данных, какие разные выводы можно сделать, используя одни и те же данные, а в связи с этим – и роль теории.

Таким образом, обеспечивается охват всего исследовательского цикла с момента рождения идеи и до интерпретации данных.

Обучение методике и навыкам проведения социологического исследования важно для выстраивания междисциплинарного общения, позволяя уяснить, насколько подготовка является сложной, если разрабатывается профессионально с учетом существующих стандартов мышления и деятельности, и преодолевая распространенные стереотипы о простоте и возможности выполнения социологического исследования без специальных знаний[4].

Что касается теоретической части курса, то эта проблематика начинается с рассмотрения «общего – специфического – единичного» на примере «социальная группа – профессиональная группа – группа юристов».

Такой подход обусловлен, во-первых, ключевым значением понятия «социальная группа» в анализе общества, во-вторых, его доступностью для понимания студентов, в-третьих, ролью социальных групп как основных субъектов социальных процессов. Последнее особенно важно, учитывая традиции преподавания права как нечто заданного и самореализуемого, а правотворчества и правоприменения – как «безлюдных» процессов, а потому находящихся вне связи с подлежащими решению общественными проблемами[5].

---

[1] Возможно, последнее и является самым востребованным, учитывая оценки американского адвоката Б. Селлса (долгие годы изучавшего юристов) о формировании юридическим колледжем высокомерного и аристократического отношения ко всему в жизни и уверенности, что юридический взгляд на мир является единственно правильным. См.: Селлс Б. Душа закона. Глубинная психология о законе, юристах и юриспруденции. 2016. – 216 с.

[2] Соболевская Ю.В. «Право против хаоса»: о роли В.Д. Зорькина в перспективных исследованиях новой роли права в XXI веке // Государство и право. – М., 2019. – С. 190-194.

[3] Сегодня юристам практически незнакомо понятие научной проблемы, а то, что формулируется ими в этом качестве в научной теории называется вопросом или задачей. См., например, Методология научного исследования в трудовом праве.

[4] Здесь видится целесообразным дополнительно уточнить, что имеющиеся на сегодня немногочисленные социально-правовые исследования на профессиональном уровне проводятся именно социологами. Исследования, организуемые юристами, как правило, отличает элементарный уровень, не выходящий за рамки облегченных анкет, построения номинальных шкал и вычисления процентных соотношений, а иногда и несоблюдение необходимых методических требований)

[5] Жалинский А.Э. Правовая мысль и профессиональная деятельность юриста. Науковедческие проблемы правоведения // Избранные труды [в 4 т.]. Т. 4; Высшая шк. экономики, Нац. исслед. ун-т. – М., 2016.

Только после уяснения понятия социальной группы целесообразно переходить к рассмотрению и характеристике понятий общества и личности в контексте ее правовой социализации, правовой культуры, правосознания и правовых ролей и правового поведения.

Что касается юридической деятельности, то здесь прежде всего выделяется раздел «законодательная социология», где изучается социологическое обеспечение законодательного процесса, его этапы, необходимость и важность мониторинга общественного и экспертного мнения в законодательном процессе.

Отдельную тему составляет конституционная социология, учитывая центральный статус конституционного права, невозможность изучения и анализа конституционных норм вне политических и социальных процессов в обществе, а также принимая во внимание факт наличия социологических исследований и эмпирического материала в этой сфере[1].

Резюмируя изложенное, отметим, что обновляемая модель преподавания юридической социологии позволяет продвигаться к двум крупным целям.

Во-первых, знакомить студентов с основными положениями социологической науки, дать представление о современном состоянии общества, социальных группах, социальных процессах, обучить элементарным приемам социологического анализа – умению профессионально формулировать проблему, давать оценки социальным действиям и событиям, обрабатывать и интерпретировать количественные данные и качественные наблюдения, формировать навыки социологической рефлексии как интегрального способа понимания, объяснения, изменения общества[2].

Во-вторых, способствовать переходу от индивидуальных и корпоративных амбиций к более полному и точному пониманию интересов всего общества и роли юридической группы в выработке общесоциальных интересов и их реализации с помощью законодательных инструментов и механизмов и к готовности принять ответственность за судьбу этого целого.

Таким образом, видятся необходимость и возможность внедрения новой модели преподавания юридической социологии (социологии права) в условиях евразийского образовательного пространства.

Среди важных условий этого отметим, в том числе, общественные потребности в новых учебно-методических подходах, а также появившиеся в последние 15 лет крупные исследовательские и методические новации в вузах России и ближайшего зарубежья.

[1] См.: Арутюнян Г.Г. Конституционный мониторинг. – Ер.: Нжар, 2016. – 340 с.

[2] Першуткин С.Н. Роль социологии в юридическом образовании государственных и муниципальных служащих // Традиции и инновации в юридическом образовании на рубеже веков: наука, практика, преподавание: Сб. докладов межрегиональной научно-практической конференции. – Новосибирск: СибАГС, 2000. – С. 68–73.

Титаренко Л.Г.
д.соц.н., профессор Белорусского государственного госуниверситета, Минск

ПРИОРИТЕТЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ЗАДАЧИ МОДЕРНИЗАЦИИ

Ключевые слова*: высшее образование, приоритеты инновационного развития, модернизация, модернизационный потенциал, Беларусь, Россия, евразийское образовательное пространство.*
Keywords*: higher education, innovational development priorities, modernization, modernization potential, Belarus, Russia, Eurasian educational space.*

Приоритетной задачей систем высшего образования в постсоветских странах является подготовка квалифицированных кадров для инновационной экономики. В условиях роста глобальной конкуренции постсоветские государства заинтересованы в повышении конкурентоспособности национальных экономик и поэтому рассматривают систему высшего образования – по крайней мере, тот ее сегмент, который составляют государственные вузы – как важный инструмент подготовки специалистов, обладающих знаниями и компетенциями, необходимыми в современных наукоемких производствах.

Для решения поставленных перед белорусской национальной системой высшего образования задач в течение ряда лет в стране осуществляется процесс модернизации этой сферы, под которым понимается реализации изменений, направленных на повышение ее конкурентоспособности на международной арене и ее продвижение по пути международной интеграции, т.е. успешное вовлечение как в европейское образовательное пространство, так и в формирующееся общее евразийское пространство ЕАЭС[1]. Хотя в целом ЕАЭС на сегодня концентрирует свои усилия на экономических приоритетах, образовательные системы стран-участниц также должны сближаться и интегрироваться, что будет положительно сказываться и на их экономической интеграции. В настоящее время Россия предпринимает больше усилий в этом направлении, чем другие страны-участницы (открывает совместные университеты во всех этих странах, двухсторонние образовательные программы и курсы постдипломного повышения квалификации для специалистов разных стран и т.п.), однако данное направление образовательной интеграции равно выгодно и для других стран-участниц. Со временем, если евразийская интеграция в целом будет успешно развиваться, должно сложиться полноценное образовательное пространство стран-участниц, которое позволит им совместными усилиями повышать свою конкурентоспособность в этой сфере.

Образовательная интернационализация и международная интеграция – это серьезные вызовы системе высшего образования Беларуси: без их развития национальные университеты могут потерять студентов, которые имеют теперь возможность выбирать вуз как внутри страны, так и за рубежом. В своем выборе студенты ориентируются на репутацию университета, международные рейтинги, международную аккредитацию вуза, возможности будущего трудоустройства. Не случайно ведущие вузы США и Канады, успешно практикующие экспорт образовательных услуг, имеют до 80% иностранных студентов. Международный диплом выше ценится при приеме на работу: работодатели все чаще обращают внимание на наличие международного опыта обучения и стажа работы у молодого специалиста, т.к. сегодня высоко котируется умение легко адаптироваться к новым условиям, знание мирового культурного разнообразия.

Несмотря на необходимость решать поставленные стратегические задачи, системы высшего образования как Беларуси, так и других постсоветских стран, как правило, страдающие от государственного недофинансирования, оказываются не в состоянии постоянно модернизировать свои образовательные программы и вводить новые специализации, соответствующие перспективным запросам инновационной экономики. Сами эти запросы меняются быстрее, чем может реагировать на них государственная система образования. Большинство вузов остро ощущают нехватку ресурсов, средств, кадров. Возникает проблема: как обеспечить гармоничное развитие экономики и образования и решить общие задачи инновационного развития страны.

В Республике Беларусь, постсоветское развитие которой всегда было ориентировано на поддержание социальной стабильности и социально-экономической устойчивости, от роста инновационной экономики как главной цели развития страны на современном этапе зависит и улучшение благосостояния населения, и решение других социальных задач. Поэтому в стратегическом плане развитие сферы высшего образования было поставлено в зависимость от развития экономики, что не исключало решения и других задач (например, идейно-воспитательных), но предполагало приоритет экономики. Эта постановка проблемы была принята и Министерством образования, которое определило стратегию образования: «сформировать качественную систему образования, в полной мере отвечающую потребно-

[1] Модернизация систем высшего образования Беларуси и Армении в контексте процессов евразийской и европейской интеграции: проблемы и перспективы / Л.Г. Титаренко [и др.]. – Минск: БГУ, 2019. – С. 4–5.

стям инновационной экономики и принципам устойчивого развития»[1]. Перед высшей школой республики поставлена задача стать практико-ориентированной, т.е. сфокусироваться на первоочередной задаче подготовки типа квалифицированных специалистов, способных внести вклад в развитие новых технологий, которые в научной литературе квалифицируются как «инженеры-технологи, разработчики технологий», а также в какой-то степени как «рядовые пользователи технологий»[2]. Заказчиком в процессе подготовки таких специалистов в постсоветских условиях являются государство и бизнес-структуры, заинтересованные в получении квалифицированных специалистов. Государство не финансирует работу частных вузов, поэтому те в максимальной степени зависят от набора студентов – клиентов образовательных услуг. Однако ни государственные, ни частные вузы не могут предвидеть и быстро подготавливать специалистов для постоянно обновляющихся отраслей инновационной экономики, связанных с развитием IT-технологий и других, составляющих ядро экономики, ориентированной на переход на пятый и шестой технологический уклад. Хотя в структуре экономики Беларуси эти отрасли не превалируют, именно от них зависит конкурентоспособность на международном уровне. Поэтому полного соответствия между рынком образования и рынком труда достигнуть практически невозможно: всегда будет часть молодых специалистов, не востребованная рынком труда, и всегда на рынке будут такие свободные места, которые остаются незаполненными ввиду очень высоких инновационных требований, предъявляемых к их соискателям.

Имеется еще одна сфера, не поддающаяся рынку, – подготовка научно-педагогических кадров. Ее призваны выполнять государственные институты высшего образования, способные по своим ресурсам и кадрам эффективно организовать магистратуру, аспирантуру, развивать научные исследования. Обычно круг таких вузов ограничен рядом классических университетов, он требует государственных инвестиций, которые окупаются не сразу, а по мере постепенного замещения профессорско-преподавательских и научных кадров представителями нового поколения. В том случае, если высшее образование массово будет ориентироваться только на запросы рынка и рассматривать своих потенциальных абитуриентов, прежде всего, как клиентов, оплачивающих образовательные услуги в расчете на будущее эффективное трудоустройство, вузы не смогут в принципе решить задачу развития науки и подготовки ученых-исследователей. Если это случится, важная государственная потребность в обновлении кадров вузов и науки не сможет быть качественно решена. А ведь от нее зависит и стратегия подготовки необходимых инновационной экономике кадров разработчиков и квалифицированных пользователей новейших технологий. В конечном счете, чрезмерный акцент национальной системы высшего образования на маркетизацию образования может даже понизить международную конкурентоспособность этой системы, так как приведет к потере ею квалифицированных кадров ППС и исследователей.

В какой-то мере проблему сближения рынка труда и рынка образовательных услуг призвана решать модель предпринимательского университета (или модель «университет 3.0»), которую активно начали внедрять и в Беларуси, и в России[3]. Тем самым не только добавляется еще одна миссия к тем миссиям, которые всегда связывались с высшим образованием (подготовка специалистов высшей квалификации и производство новых научных знаний) – предпринимательская, т.е. рыночная (реализация научных продуктов на рынке и получение прибыли), но и зачастую прямо или косвенно предлагается подчинить этой третьей миссии первые две: сделать вузы зависимыми (финансово, административно) от потребностей рынка и степени сближения с ним. В рамках предпринимательского университета напрямую реализуется акцент на экономику, образовательные услуги превращаются в бизнес (причем эти услуги оказываются и для своих потребителей, и для иностранных студентов, желающих обучаться в таком университете), наконец, развиваются формы связи между научными практико-ориентированными разработками и их внедрением в производство. Несмотря на внешнюю привлекательность модели предпринимательского университета, она не универсальна, и ее реализация далеко не всегда возможна ввиду разных причин (прежде всего – специфики вуза). Практический опыт ряда зарубежных стран давно показал, что эта модель пригодна для тех университетов, которые уже имеют технико-прикладную ориентацию. Но даже в этом случае «университет 3.0» не сможет обеспечить ни коммерческий успех вузу, ни рост его конкурентоспособности.

Практика показала, что эффективной универсальной модели интернационализации высшего образования не существует: каждая страна ориентируются на образцы, которые могут дать эффект в их конкретных социально-экономических и культурных условиях. На практике учет этих конкретных исторических, культурных, экономических условий и предпосылок зачастую подменяется волевыми решениями администрации, что приводит к росту внутренних противоречий внутри системы высшего образования. Многие вузы, особенно не входящие в число элитных и не обладающие достаточно развитым собственным модернизационным потенциалом, включающим кадры, ресурсы, стратегии и т.п., просто не в состоянии обеспечить решение всех поставленных задач.

Везде в мире в процессе модернизации высшего образования создается качественно новое образовательное пространство, которое включает много компонентов (научно-исследовательский, экономический, политический, организационный, культурный и др.) и ни один не может доминировать. Нынешняя система образования с ее массовизацией ориентирована на потребности абитуриентов, но не работодателей и рынка, ее изменение только за счет внедре-

---

[1] Концептуальные подходы к развитию системы образования Республики Беларусь до 2020 г. и на перспективу до 2030 г. Приказ Министра образования РБ от 29.11.2017 г. № 742. – http://edu.gov.by

[2] Попова Е.П., Климова А.В. Российские вузы: организационная специфика и выбор ориентиров развития // Социологические исследования. – М., 2018. – № 12. – С. 69.

[3] Карпов А.О. Возможен ли университет 3.0 в России? // Социологические исследования. – М., 2018. – № 9. – С. 59–70; Чепуренко А.Ю. Маркс в университете 3.0? // Социологические исследования. – М., 2018. – № 5. – С. 26–34; Пашкевіч В. Рэалізацыя мадэлі «Універсітэт 3.0» у ДУ ВПА «Беларуска-Расійскі ўніверсітэт» // Вышэйшая школа. 2018. – № 6. – С. 21–23.

ния предпринимательской модели университета невозможно: требуются изменения в других сферах жизнедеятельности общества. Поэтому вызовы системе высшего образования без таких изменений могут нарастать и обостряться.

Необходим поиск решений, которые могли бы обеспечить при сохранении национальных приоритетов системы высшего образования вариативное включение в реализацию поставленных задач. Иначе говоря, одни вузы могут оставаться классическими, получать государственное финансирование и готовить не только массовых специалистов, но и кадры для науки и преподавания (т.е. выполнять не коммерческую и неприбыльную задачу, которая тем не менее важна для государства). Другие вузы, прежде всего технической направленности, могли бы постепенно преобразоваться в предпринимательские университеты, усиливать свои связи с бизнес-структурами и совместно производить продукт для реализации на рынке. Именно такие вузы могут создать необходимые для развития предпринимательского университета предпосылки: расширить число стейкхолдеров, создать расширенную периферию своего развития, сформировать интегрированную предпринимательскую культуру[1]. Наконец, третьи, по-прежнему могли бы заниматься подготовкой кадров по базовым специальностям нерыночного характера: готовить учителей, рядовых потребителей технологий, социальных работников и т.п.

Еще одним механизмом модернизации системы высшего образования, способным продвинуть решение проблем интеграции и интернационализации данной сферы, некоторое время тому назад была признана Болонская система. Включение постсоветских стран в эту систему (а к настоящему времени все страны ЕАЭС, а также Украина, Азербайджан, Молдова вошли в нее) представлялось универсальным средством полноправного вхождения в европейское пространство высшего образования. В частности, ожидания связывались с развитием системы международной академической мобильности студентов и преподавателей, переходом на единую трехуровневую модель высшего образования, включающую бакалавриат, магистратуру и аспирантуру, введением системы переводных кредитов (ECTS), расширением академической автономии вузов и т.п. Однако к настоящему времени имплементация болонских соглашений во многих постсоветских странах не столь успешна, как это ожидалось. По крайней мере, ни одна из постсоветских стран не стала полноправным членом европейского образовательного пространства, а ожидавшиеся выгоды от внедрения болонских принципов оказались невелики, а его критические оценки довольно жесткими[2]. По-видимому, этот механизм изначально нельзя было рассматривать как безусловно позитивный для постсоветского образовательного пространства только на том основании, что в зарубежных странах он позволил некоторым национальным системам высшего образования стать более эффективными и конкурентоспособными. В условиях постсоветского пространства внедрение болонских принципов зачастую приводило скорее к разрушению старого опыта и снижению модернизационного потенциала вузов, чем к позитивному конструированию новой архитектуры образования.

Задачи модернизации высшего образования на постсоветском пространстве многообразны, их реализация требует внедрения многих новых форм и механизмов с учетом национальных приоритетов и прежним опытом этих стран. Учитывая, что сегодня все страны постсоветского пространства втянуты в глобальную конкуренцию, они не могут не реагировать на новые глобальные вызовы в сфере образования. В то же время очень важно критически оценивать свои возможности и соответственно ставить реализуемые задачи, которые помогут созиданию, а не принесут разрушение.

Модернизация форм и содержания национального образования, необходимость повышения его качества в соответствии с международными стандартами остаются вызовами, но требуют тонкой «наладки» системы, а не «подгонки» под некие «универсальные образцы», которые современная социология уже не признает «моделями, пригодными для всех стран»[3]. В Беларуси для обеспечения доступности качественных образовательных программ, которых нет в наличии в том или ином университете, рекомендуется шире развивать дистанционное образование (например, МООК), разрабатывать такие программы и технологии в ведущих вузах страны. Хотя сами по себе новые технологии образования не обеспечивают повышение его качества, их внедрение приветствуется. Другой путь – подключаться к международным дистанционным программам на английском языке. Такой положительный опыт уже накоплен. Он позволяет студентам одновременно совершенствовать знание иностранного языка и изучать новые дисциплины.

Интернационализация национальной системы высшего образования может продвигаться посредством такой формы взаимодействия на международном (в том числе региональном) уровне, как открытие филиалов своих университетов за рубежом. Пока такая форма не получила развития в Беларуси, зато успешно развивается российскими вузами на постсоветском пространстве[4]. Открытие филиалов за рубежом или внедрение совместных с зарубежными вузами программ обучения повышает конкурентоспособность национальных университетов, хотя и требует дополнительных финансовых затрат и времени на согласование таких программ, на разработку систем управления качеством этих программ, их международную аккредитацию, на подготовку и переподготовку преподавателей для работы в таких условиях.

Ответом на глобальные вызовы интернационализации образования является также открытие совместных международных университетов, которые выдают дипломы университетов двух стран. Что касается Беларуси, пока это только Белорусско-российский университет, тогда как в других постсоветских странах подобных университетов (при-

---

[1] Кларк Б.Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации. – М.: ГУ-ВШЭ, 2011. – С. 20–25.

[2] Попова Е.П., Климова А.В. Российские вузы: организационная специфика и выбор ориентиров развития // Социологические исследования. – М., 2018. – № 12. – С. 69; Байденко В.И. Болонский процесс: в преддверии третьего десятилетия // Высшее образование в России. – М., 2018. – Т. 27, № 11. – С. 136–148.

[3] Hanafi S. Global Sociology – Toward New Directions // Global Dialogue. 2019. – Vol. 9, N 1. – http://globaldialogue.isa-sociology.org/

[4] Abbasov A. Emergence of Russian Branch Campuses in the Post-Soviet Space as Regional Integration Strategy // HERB. 2019. – N 1. – P. 13–14.

чем не только созданных постсоветскими странами, но и странами дальнего зарубежья) довольно много. Считается, что в таких университетах легче внедрять инновационные программы, использовать накопленный опыт других стран. Студентов привлекают и двойные дипломы, особенно если заграничный университет является достаточно престижным (например, МГУ). Для эффективной интернационализации национальных университетов необходима гармонизация систем высшего образования в рамках тех международных образовательных союзов, куда входят эти страны. Для постсоветских стран таким международным образованием является ЕАЭС, в рамках функционирования которого следовало бы больше внимания обращать на важные аспекты унификации высшего образования, позволяющие без проблем признавать дипломы в разных странах этого союза. Поскольку легче всего стандартизировать структуру учебного года и систему оценок знаний, целесообразно начать с этих аспектов, которые пока сильно отличаются. Например, в Беларуси действует 10-балльная система оценок, в России сохраняется 5-балльная система оценивания, в Армении и других странах имеются и 100-балльные системы. Подобные различия могут затруднять гармонизацию функционирования университетов внутри единого образовательного пространства в Евразийском союзе. В целом, очевидно, что национальные системы высшего образования на постсоветском пространстве только включаются в процессы международной конкуренции и интернационализации. Модернизация национальных систем поможет им добиться успехов, но на этом пути нужны четкие стратегические цели, учитывающие национальные особенности, культурно-исторический опыт и социально-экономический уровень развития этих стран.

Урсул А.Д.,
Урсул Т.А.[1]

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ: СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ФОРМ

Ключевые слова*: глобалистика, глобальное образование, глобальная научная революция, глобальные исследования, глобальный кластер знания, глобальный мир, глобализация, глобализации образования, образование для устойчивого развития, опережающее образование, футуризация образования.*

Keywords: *anticipated education, globalistics, global education, global scientific revolution, global research, global cluster of knowledge, global world, globalization, globalization of education, education for sustainable development, futurization of education.*

Мировая наука и образование в начале третьего тысячелетия находятся в явно выраженной бифуркационной стадии – на коренном переломе своего развития. Будучи одним из традиционных и самых масштабных социальных институтов и процессов функционирования общества, образование должно таким образом изменить содержание и форму своего собственного развития, чтобы способствовать дальнейшему выживанию цивилизации, выходу ее из пока углубляющегося глобального кризиса. Но оно может это реализовать, если наука создаст новое содержание, которое будет передано в образование.

Упомянутый кризис антропогенного происхождения усиливается в результате обострения глобальных проблем, ухудшения геополитической ситуации в мире и развёртывания ряда негативных глобальных процессов, обретающих всё больший масштаб и угрожающих существованию человечества и всей жизни на Земле. Это находит своеобразную форму выражения в науке и образовании, когда «подлинная сущность мирового образовательного кризиса состоит в беспомощности и неэффективности современного образования перед лицом глобальных проблем цивилизационного масштаба»[2]. В определённой степени это же относится и к современной науке.

Именно потому, что кризис стал глобальным, и угрозы существованию человечества стали носить общепланетарный характер и масштаб (что, особенно, демонстрирует глобальная социально-экологическая проблема), уже невозможно выйти из кризиса без широкого использования новых, в том числе опережающих механизмов и факторов развития. Ведь если разразится социально-экологическая либо иная общепланетарная катастрофа, то устранять ее последствия будет уже некому. Глобальный характер грядущих перемен, вызовов, рисков и угроз накладывает особые условия на содержание и формы деятельности людей, отличные от привычно-традиционных. Ведь чем масштабнее катастрофа, тем труднее борьба с ее отрицательным воздействием на человечество и поэтому средства решения глобальных проблем, устранения глобальных кризисов и катастроф в принципе должны носить опережающий характер, а не «отстающий» – как ликвидация последствий локальных чрезвычайных ситуаций и катастроф в настоящее время[3].

Новая глобальная революция в науке

Этапы развития науки, когда происходит качественное преобразование фундаментальных оснований науки, создаются принципиально новые научные теории, подходы, методы, способы научного исследования, считаются научными революциями. Наиболее широкомасштабные в отечественной литературе именуются «глобальными научными революциями», следующие друг за другом: становление классического естествознания, формирование дисциплинарной организации науки, появление неклассического естествознания и, наконец, – постнеклассической науки.

Здесь значение термина «глобальная» (революция) предполагает, что революционный переворот в основаниях науки будет распространяться, в принципе, на всю науку в целом, независимо от того, какой объект изучается. «Глобальное» в этом случае выступает в смысле общенаучного и представляется как процесс, разворачивающийся во времени и захватывающий все большее число областей научного поиска («потенциальная глобальность»). Вместе с тем существуют и другие значения термина «глобальное», когда термин отражает реальные глобальные процессы, напри-

[1] Урсул Аркадий Дмитриевич – д.филос.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик АН Молдавии, директор Центра глобальных исследований и профессор Факультета глобальных процессов МГУ. E-mail: ursul-ad@mail.ru

Урсул Татьяна Альбертовна – д.филос.н., профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ, зав. кафедрой социальных наук и технологий Национального исследовательского технологического университета «МИСиС». E-mail: ursult@mail.ru

[2] Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века (В поисках практико-ориентированных образовательных концепций). – М.: Совершенство, 1998. – С. 38.

[3] Ильин И.В., Урсул А.Д. Образование, общество, природа: Эволюционный подход и глобальные перспективы / Предисловие В.А. Садовничего. – М.: Издательство Московского университета, 2016.

мер, глобализацию, развёртывание глобальных проблем и ряда других уже существующих или потенциальных процессов общепланетарного масштаба и характера[1].

Глобальные исследования стали формироваться как глобальный кластер научного знания, включающий в себя глобалистику как «ядро» этих исследований, отдельные глобальные дисциплины, глобальный эволюционизм. В глобальный кластер научного знания время от времени добавляются результаты исследований какой-либо научной проблемы «в условиях глобализации» (либо влияния других глобальных процессов), способствуя становлению её «глобального статуса» и свидетельствуя о дальнейшем развёртывании новой глобальной революции в науке[2].

Поскольку рассматривается кластер глобального знания, то имеет смысл выявить начало появления каждого из составляющих этого кластера, рассматривая их как эволюционный процесс глобализации научных исследований. Вначале глобальное знание появилось в синкретическом (латентно-нерасчленённом) виде у В.И. Вернадского ещё в 1902-1903 годах и особенно в первой половине XX века. Не только в России, но и в мировой науке в целом В.И. Вернадский заложил «первые кирпичи» в исследования глобальных процессов[3].

Довольно широко распространена точка зрения, что глобальные области научного знания стали активно разрабатываться лишь с появлением глобалистики во второй половине 60-х годов прошлого века. Однако это не совсем так: в качестве примера можно указать на глобальную экологию, исследующую совокупность всех живых организмов планеты во взаимодействии с окружающей их средой, которая стала формироваться ещё с конца 40-х годов прошлого века. И до появления глобалистики стали возникать некоторые глобальные дисциплины (инерция дисциплинарного развития науки), среди которых важно выделить глобальную экологию в её в основном биологическом варианте видения (и даже в эволюционном варианте).

Глобалистика представляется как основное направление и этап становления глобальных исследований. Глобалистика стала формироваться тогда, когда стали изучаться такие глобальные феномены (процессы и системы) как глобальные проблемы, угрожающие дальнейшему существованию человечества. В это же время появился глобальный подход к социологии, скорее всего под влиянием глобального мировоззрения и начала исследования глобальных проблем. Также в начале 70-х годов прошлого века стал формироваться глобальный (универсальный) эволюционизм в основном под влиянием осмысления проблем освоения космоса.

Глобалистика порождает новые междисциплинарные формы научного знания, взаимодействуя с теми или иными научными дисциплинами, которые обнаруживают готовность и возможность эволюционировать в глобальном направлении. Тем самым уже существующие научные дисциплины представляют собой внешние источники для «глобального синтеза» и носят междисциплинарный характер. Но это междисциплинарное взаимодействие – не единственный источник появления различных интегративных направлений глобалистики.

Глобалистика акцентирует своё внимание на глобальных процессах и системах как объектах исследования[4]. Первичным для неё является объект исследования (глобальные феномены) как более широкое понятие, а вторичным оказывается предмет исследования, в котором выделяется определенное свойство или характеристика объекта, заимствованная глобалистикой от конкретной научной дисциплины. Формирующиеся же глобальные дисциплины продолжают изучать те же объекты, что и раньше, расширяя свою предметную область теперь уже в глобальном масштабе и измерении.

Формирование новых междисциплинарных разделов глобалистики также связано с глобализационными исследованиями (globalization studies), изучающими различные направления глобализации. Именно они оказываются внутренним механизмом становления интегративных разделов глобалистики, имеющими не только междисциплинарную природу. Таким образом, в ходе глобализации науки появились глобальные исследования, в которые входят глобалистика, а уже внутри неё стали развиваться глобализационные исследования (3G).

Один из источников возникновения глобальных феноменов – это процессы локального и регионального характера. Эти процессы, обладают содержательно-качественным признаком глобальности (но еще не территориальным). Они затем расширяются в пространственно-географическом масштабе и могут стать общепланетарными процессами, суммируя последствия и черты предыдущего развития цивилизации. Тем самым, формирование «потенциальной глобальности» происходит в ходе превращения локальных процессов в региональные, а впоследствии и в соответствующие глокальные и глобальные процессы.

Нечто аналогичное имеет место и на теоретико-познавательном уровне в процессе становления глобальных исследований. Генерируемое новое глобальное знание появляется тогда, когда ставится цель исследования какой-либо научной проблемы, например, «в условиях глобализации» или «глобальных рисков», а потом это знание включается в конкретную область исследований, которая таким образом начинает обретать глобальные черты.

Существуют области научного знания, которые ранее исследовали те или иные глобальные процессы, которые явно не использовали (а скорее просто не декларировали) глобальный подход. Наиболее характерным примером тако-

---

[1] Урсул А.Д. «Глобальность» как базовое понятие глобальных исследований // Философия и культура. 2019. – № 6. – С. 1 – 13. DOI: 10.7256/2454-0757.2019.6.29279. – https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29279

[2] Урсул А.Д., Урсул Т.А. Глобальный вектор науки и образования // Alma mater. Вестник высшей школы. 2017. – № 9. – С. 17–21; Урсул А.Д. Становление науки о глобальном мире // Социодинамика. 2018. – № 10. – С. 61–67. DOI: 10.25136/2409-7144.2018.10.27446. – http://e-notabene.ru/pr/article_27446.html

[3] Урсул А.Д. В.И. Вернадский и глобальные исследования (К 155-летию со дня рождения учёного) // Век глобализации. 2018. – № 3. – С. 3–14. DOI: 10.30884/vglob/2018.03.01

[4] Урсул А.Д. Глобалистика и глобализационные исследования: становление новых интегративных направлений // Философская мысль. 2018. – № 4. – С. 17–29. DOI: 10.25136/2409-8728.2018.4.24168. – http://e-notabene.ru/fr/article_24168.html

го рода знания может оказаться антропология, изучавшая такие глобальные процессы как глобальное расселение человека, использование огня, неолитическую революцию, становление городов-государств и т.д. К этой же сфере социальных исследований можно отнести и теорию международных отношений, где на глобальных чертах и потенциях которых ранее просто не акцентировалось внимание.

Одной из важных тенденций глобализации науки является то, что глобалистика, как наиболее динамичная составляющая глобальных исследований, уже проявила не только дисциплинарные, но и междисциплинарно-интегративные интенции. Тем самым происходит трансформация глобалистики в глобально-когнитивную систему, вовлекающую значительную часть существующего научного знания в глобальную сферу научного поиска. Причём наименование «глобалистика» в гораздо большей степени применимо к той более поздней форме глобального знания, которая исследует не только глобализацию, а в более широком ракурсе – глобальные процессы и системы.

Особую роль в глобальных исследованиях играет глобальный эволюционизм, чья предметная область распространяется на всю Вселенную, используя самое широкое значение понятия «глобальность». Глобальный эволюционизм представляет собой общенаучную концепцию глобальной (универсальной) эволюции, в которой самоорганизация материальных систем предстает в качестве единого и основного перманентного процесса прогрессивного развития в видимой Вселенной. Траектория перманентной самоорганизации предстаёт как супермагистраль и основной аттрактор глобальной эволюции. Глобальный эволюционизм в силу своего междисциплинарного характера выступает как концептуально-общенаучное «ядро» современной и будущей науки, особенно для глобального знания, способствуя формированию единой науки[1].

Глобальный (универсальный) эволюционизм в отношении к глобальным исследованиям выполняет методологическую, системно-объяснительную и предсказательно-прогностические функции и является одним из источников применения эволюционного подхода в глобальных исследованиях и прежде всего, становления эволюционной глобалистики2. Развёртывание многих глобальных процессов можно объяснить и прогнозировать, исходя из принципов и положений глобального эволюционизма.

Новая глобальная революция в науке не сможет «захватить» всё научное пространство, поскольку есть и будут существовать другие, «неглобальные» сферы научных исследований, например, региональные или локальные (если выделять по пространственному параметру). Но и по другим признакам можно обнаружить исследования, которые в принципе не имеют «глобального статуса». Это свидетельствует в пользу того, что эта «глобальная революция» не охватит всю науку в целом, а лишь её часть, пусть и весьма значительную (но будет оказывать влияние на другую часть).

Если раньше «глобальные научные революции» выстраивались одна за другой на темпоральной траектории, то в настоящее время «новая глобальная революция в науке» совмещается и взаимодействует с рядом других научно-революционных трансформаций – в области информации, экологии, космических и астрономических исследований, НБИКС-технологий и т.д. Глобальные исследования включаются в происходящий «мультиреволюционный взрыв» в современной науке, когда почти в один и тот же исторический период появляется не одна – очередная «глобальная научная революция», а целый комплекс кардинальных, в том числе и общенаучных, трансформаций в науке.

Становление глобальных форм образования

Современное образование, весьма слабо обеспечивая потребности живущих в наше время поколений людей, фактически игнорирует будущее, находя свое «комфортабельное» существование в «воспоминаниях о прошлом» и обучении прошлому и лишь отчасти настоящему. Образовательные институты, системы и процессы недостаточно ориентированы на будущее, на создание того его образа, который обеспечит выживание человеческого рода в будущем, особенно отдаленном. Система знаний и ценностей, функционирующая в образовании, ещё не адаптирована к тому будущему, который станет глобальным миром.

Но уже появились те тенденции становления образования в глобальном мире, которые так же, как и формирование глобальной науки, разворачиваются в направлениях, следующих как из прошлого этого вида деятельности, так и из целей его будущей эволюции. Прежде всего, речь идёт о глобализации образования, как о тенденции универсализации форм и структур (институтов), а также взаимосвязи всех составляющих мирового образования в целостную систему. Эту систему мы не называем глобальным образованием, поскольку этим термином обозначается нечто другое.

Глобализация образования придает целостность контурам (формам) образования, проявляясь в различных глобализационных процессах в образовании, но не акцентирует внимание на его содержании. Поэтому формируемая целостность носит в значительной степени формально-организационный характер, придаёт образованию «глобальную форму», которая должна будет наполняться предметным содержанием глобального характера, в результате чего возникло и развивается глобальное образование.

К этому направлению глобализации образования примыкает и оказывает на него сильное влияние та форма глобализации образования, которая связана с его информатизацией, использованием информационно-коммуникативных технологий и становлением «умного образования». Будущий глобальный мир в определённом контексте будет

---

[1] Ursul A.D., Ursul T.A. Universal (Global) Evolutionism // Philosophy and Cosmology. 2018. – Vol. 20. – P. 33–41. DOI: 10.29202/phil-cosm/20/3; Урсул А.Д., Урсул Т.А. Универсальный эволюционизм: проблемы методологии. – Saarbrücken: Lambert Academic Pablishing, 2017. – 332 с.

[2] См.: Ильин И.В., Урсул А.Д. Глобальные исследования и эволюционный подход. – М.: Изд-во Московского университета, 2013. – 436 с.

представлять собой информационное общество, которое становится одновременно обществом знания и обществом образования, поскольку предполагает ускоренное опережающее развитие науки и образования, других сфер духовной культуры.

Формирование человека в процессе образования может моделироваться процессом движения и накопления информации, т.е. мыслится как своего рода глобальный информационный процесс. Образование в определенном аспекте действительно представляет собой информационно-коммуникативный процесс передачи, переработки и других форм движения и освоения особого рода информации. В этом ракурсе образовательный процесс может моделироваться движением образовательной информации от учителя к ученику (и наоборот), от одного поколения людей к другому, а также различными формами сохранения и преобразования информации. «Умное образование», широко использующее новые информационные технологии, должно стать приоритетным механизмом становления глобального информационного общества с устойчивым развитием.

Именно с помощью этого глобально-информационного процесса, глобальное знание из глобального кластера научного знания наполняет образование глобальным содержанием, в результате чего оно становится глобальным образованием[1]. Пока это небольшая часть мирового образовательного процесса, которая начала развиваться всего около полувека тому назад, спустя несколько лет после появления первых форм глобального знания, постепенно включая новые его виды и разделы. Несмотря на то, что территория глобального образования будет только расти, тем не менее, оно не вытеснит другие составляющие мирового образовательного процесса. Оно останется лишь какой-то частью мирового образования, но его роль в нём будет возрастать по мере становления глобального мира[2].

Образование на современном этапе, а тем более в будущем глобальном мире, уже не может ограничиваться своей инерционно-трансляционной функцией (передачи прошлого в настоящее), ибо перемены зачастую идут быстрее усвоения знаний живущими поколениями. Научные знания и иные формы культуры, функционирующие в образовании, в момент передачи их в образование, оказываются устаревшими и малопригодными для борьбы с кризисными явлениями и защиты от умножающихся угроз и опасностей. Формирующийся глобальный мир «требует» инновационных глобальных перемен в образовании, которые в значительной степени концентрируются и выражаются в модели образования для устойчивого развития[3].

Эта форма образования становится не только предпосылкой достижения устойчивого развития, но и приоритетным его средством. Переход к глобальной устойчивости фактически начинается со становления образования в интересах устойчивого развития, которое стало как одним из ключевых инструментов достижения Целей развития тысячелетия, так и тех новых 17 глобальных целей устойчивого развития (ЦУР) которые были приняты на Саммите по устойчивому развитию, утвердившему Повестку дня в области устойчивого развития до 2030 года. Тем самым образование в интересах устойчивого развития (как потенциально глобальный процесс) должно будет опережать становление устойчивого будущего в его «полном формате».

Эта темпоральная особенность образования в интересах устойчивого развития была осознана не только как дальнейшая экологизация образования, но и как его футуризация, т.е. смещение акцентов на изучение и моделирование будущего[4]. Опережающий механизм, футуризирующий образование, складывается из включения в образование проблемы будущего, а также гораздо более ускоренного (по сравнению с другими видами человеческой материальной деятельности) развития. Пока превалирует экологическое видение этой формы и направления образования, которому ещё не придано какого-то достаточно чёткого вектора развития на официальном уровне. Поэтому ставится задача создания расширенной общей и системной концепции образования в интересах устойчивого развития и выявления его оптимальных путей и форм развития. Процесс перехода российского образования на магистраль глобальной устойчивости уже начался, хотя и не приобрел ещё широкого масштаба. Важно принять нетрадиционные решения на государственном уровне в большинстве стран мира, которые должны будут переориентировать существующие системы образования на новые общемировые цели перехода на путь устойчивого развития.

Совершенно очевидно, что образование, ставшее атрибутом человеческого существования и развития надо переориентировать на новые общечеловеческие цели (прежде всего на Цели устойчивого развития – ЦУР) и фундаментальные ценности III тысячелетия, соответствующие новой цивилизационной парадигме. Образование должно не только передавать соответствующую информацию из прошлого в настоящее, но и создавать информацию о будущем, причём о том будущем, которое необходимо человечеству. А такая переориентация меняет смысл образования, его роль в жизнедеятельности людей.

Образование как один из важнейших глобально-мировых процессов должно в своем современном развитии «предвидеть» и опережающим образом удовлетворять потребности грядущих поколений людей, которые еще не появились и не участвуют в принятии решений своими предками (эти последние должны принимать решения за них).

---

[1] Урсул А.Д. Становление образования глобального мира // Век глобализации. 2019. – № 2. – С. 21–32.

[2] Урсул А.Д., Урсул Т.А. Перспективы становления устойчивого глобального мира // Социально-гуманитарные знания. 2019. – № 1. – С. 141–152.

[3] Ильин И.В., Урсул А. Д., Урсул Т.А. Образование для устойчивого развития: глобальный контекст // Вестник Московского университета. Сер. XXVII. Глобалистика и геополитика. 2017. – № 2. – С. 3–29; Урсул А.Д., Урсул Т. А. Российское образование в ракурсе стратегии устойчивого развития // Экономика в промышленности. 2018. – № 1. – С. 95–105. DOI: 10.17073/2072-1633-2018-1-95-105

[4] Ильин И.В., Урсул А.Д. Образование, общество, природа: Эволюционный подход и глобальные перспективы / Предисловие В.А. Садовничего. – М.: Издательство Московского университета, 2016. – 560 с.

Ответственность за судьбы будущего человечества лежит сейчас на нынешних поколениях, и от их решений зависит судьба наших потомков.

Образование, понимаемое как процесс усвоения человеком систематизированных знаний, навыков, умений, опыта, культуры прошлых поколений, их передачи нынешним поколениям уже не соответствует принципу темпоральной целостности в его ориентации на устойчивое будущее. Будущие поколения из такого понимания образования «выпадают» (они просто отсутствуют и потому не принимают решений). Поэтому, согласно принципу темпоральной целостности, в образовательном процессе должны быть связаны все три вида поколений, уходящие, ныне активно действующие и будущие, в том числе ещё не появившиеся. УР как раз ориентирует на связь прошлых и существующих поколений с будущими, а это требует иной трактовки образования, которое могло бы реализовать «спасительную» функцию для всей цивилизации.

Вместе с тем стало очевидным, что человечество ещё не готово к восприятию и реализации стратегии устойчивого развития в том виде, как она существует сейчас на концептуально-стратегическом уровне. Важно существенно расширить предметное поле научного исследования проблемы достижения глобальной устойчивости, сделать концепцию УР как глобального развития более системно-целостной и тем самым – адекватной и эффективной для практической реализации и развёртывания этого глобального процесса.

Как было отмечено в Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, этот переход – процесс весьма длительный, так как требует решения беспрецедентных по масштабу задач. По мере продвижения к устойчивому развитию само представление о нем будет меняться и уточняться, потребности людей – рационализироваться в соответствии с экологическими и иными ограничениями, а средства удовлетворения этих потребностей – совершенствоваться[1].

Систему взаимосвязи экологии, экономики и социальной сферы, во всяком случае, в её современном представлении для повышения эффективности будущего перехода к УР, как следует из вышеизложенного, необходимо существенно расширить. «Пространство движения к УР» целесообразно превратить в своего рода расширяющееся n-мерное фазовое пространство, где станут появляться и другие измерения, из которых необходимо будет выделять приоритетные направления и сферы деятельности по переходу к УР (приоритеты устойчивого развития), на которых в первую очередь будут сосредоточены усилия и средства.

Новый этап перехода мирового сообщества к УР связан с формированием не только новой концепции УР, но и образования, в которой образование для устойчивого развития (ОУР) начинает играть ключевую, всё более активную и заметную роль. Образование для устойчивого развития признается (но пока ещё не становится) обязательным вектором воспитания и развития гражданина каждой страны в течение всей его жизни.

В свете принятых ЦУР, надо продолжить работу над концепцией УР, а также воспользовавшись постановкой ЦУР, в России целесообразно продолжить работу над Государственной стратегией устойчивого развития РФ её новом – целевом формате. Такую стратегию, работа над которой началась еще с 1996 г., целесообразно завершить в течение ближайшего времени, учитывая уже более широкое понимание УР и принятых целей. На базе этой стратегии должен быть создан План (или Программа) действий по выполнению этой стратегии на период до 2030 г. Этот план (программа) для России может оказаться аналогичным Повестке дня в области устойчивого развития до 2030 года, но должен быть более концептуальным, учитывающим теоретические инновации российских учёных. Такая же проблема стоит и перед российскими учёными и педагогами в области ОУР, о чем достаточно подробно сказано в Ханты-Мансийских рекомендациях по реализации Глобальной программы действий по образованию в интересах устойчивого развития[2], хотя эти мероприятия важно дополнить и другими, учитывающими более широкое понимание УР.

В принципе, в ожидаемую концепцию ОУР в приоритетном порядке будут включаться те модели образования, которые по своей предметной области оказываются близкими к проблематике УР. Ясно, что, как и УР, так и ОУР, должны иметь системный характер и распространяться на все образовательные дисциплины и учебные курсы, и, в первую очередь, должны развиваться там, где есть больше оснований для включения идей УР в образовательный процесс. Оптимальный переход современного образования к ОУР будет связан прежде всего с внедрением уже разработанных рекомендаций последних форумов ООН и ЮНЕСКО по ОУР, дальнейшим расширением концепции устойчивого развития за пределы преимущественно «экологического» и даже «триадного» форматов УР, а также с разработкой критериев и индикаторов образования в интересах устойчивого развития.

Несмотря на то, что экологическая составляющая (и соответствующая модель) образования в настоящее время превалирует в той форме образования, которым большинство педагогов считает образование для устойчивого развития, всё же пока это лишь начало формирования новой системно-целостной модели этой формы образования[3]. Идеи УР будут в той или иной степени внедряться в уже существующие учебные дисциплины, причём не только в экологическом ракурсе, ведь в принципе ОУР имеет общенаучно-междисциплинарный характер как в научном, так и образовательном измерениях. Но имеется в виду не только меж- и мультидисциплинарное расширение этого типа образова-

---

[1] См: Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию: Указ Президента РФ № 440 от 01.04.96 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 15 Ст. 1572.

[2] См.: Ханты-Мансийские рекомендации по реализации Глобальной программы действий по образованию в интересах устойчивого развития. Международная конференция по образованию в интересах устойчивого развития. – http://www.geogr.msu.ru/science/projects/our/docs/index.php; Глобальная программа действий по образованию в интересах устойчивого развития. – http://www.geogr.msu.ru/science/projects/our/docs/index.php

[3] Урсул А.Д. Экологическая модель образования: ориентация на устойчивое развитие глобального мира // Образовательные технологии. 2019. – № 2. – С. 59–71.

ния, но и добавление и системную интеграцию новых моделей образования, способствующих выживанию цивилизации через достижение глобальной устойчивости.

Образование XXI века, основанное на стратегии устойчивого развития цивилизации ноосферной ориентации, всё меньше будет транслировать из поколения в поколение неустойчивый образ жизни современных жителей планеты, общечеловеческие архаичные ценности, знания и умения, приближающие глобальную антропогенную катастрофу. Становясь темпорально-целостным и всеобще-глобальным, образование будущего глобального мира будет передавать нынешним и будущим поколениям информацию и культуру, ориентирующие на преодоление глобальных кризисов и катаклизмов, на выживание человечества и неопределённо долгую и безопасную эволюцию.

Ясно, что образование не должно оставаться на периферии глобального мира в качестве традиционно-отстающей составляющей глобального развития, а обязано стать его особенно важным опережающим «катализатором». Более того, можно считать, что без специальным образом организованного образования и просвещения человечество в принципе не сможет достичь глобальной устойчивости и последующих форм цивилизационного процесса, гарантирующим его выживание и неопределенно долгое существование.

Образование, мыслимое как непрерывный инновационный процесс, должно будет не только модернизироваться, но и в существенной степени футуризироваться, становиться всё в большей степени опережающим образованием, не отстающим от современной жизни, а эффективно прокладывающим путь в наш общий глобально-устойчивый мир. Опережающее образование в некотором смысле тоже оказывается «дистанционным» образованием, но уже не только в пространственных координатах, но и во временном измерении, продолжая вектор футуризации во всё более отдалённое будущее.

Вот почему формируемые сейчас модели образования III тысячелетия – это не просто очередные модели образования, каких в последнее время появилось немало. Это модели, которые представляют будущее образование в новом ракурсе, который в принципе меняет его содержание и функции в мировом сообществе, стремящимся выжить в условиях глобальных кризисов и ожидаемых планетарно-космических катастроф. Здесь образование рассматривается в его целостном виде в глобальном масштабе и перспективе прежде всего в связи с развитием науки и общества, его взаимодействием с природой.

Включение функции опережения наряду с передачей знаний меняет само понимание, а значит, и определение понятия «образование». Образование с этой точки зрения – это не только трансляция знаний и культуры от прошлых поколений к нынешним и будущим, но и опережающая подготовка человека к опережающим эффективным действиям по переходу на стратегию устойчивого развития, «конечной» целью которого является формирование сферы разума, обеспечивающей выживание цивилизации и её дальнейшую коэволюцию с сохраняющейся биосферой.

Полагаем, что за основу создания будущей в какой-то степени целостной модели образования в глобальном мире можно принять модель образования для устойчивого развития. Основание этого утверждения связано с тем, что будущей моделью развития цивилизации выступает устойчивое развитие. Поэтому к наиболее развитой экологической составляющей ОУР будут добавляться модель опережающего образования, видение образования на базе концепции «обеспечения безопасности через устойчивое развитие», глобальное образование, умное образование, а в дальнейшем и другие модели образования (например, модель космического образования на базе новейших астрономии и космонавтики) и т.д.

Заключение

Тем самым, со второй половины прошлого и начала нынешнего веков «революционные трансформации» в науке и образовании принимают форму нелинейного «мультиреволюционного взрыва», захватывающего всё более существенную часть научно-образовательного пространства. Его суть заключается в появлении почти в один и тот же исторический период не одной очередной глобальной или комплексной революции в образовании и науке, а целого их «куста», которые создают научно-образовательную основу становления будущей сферы разума – ноосферы, обретающей глобальное содержание и форму.

Это позволяет считать, что не только в науке происходит новая глобальная революция, но с её помощью – аналогичная глобальная революция в образовании. Появление комплексных глобально-революционных трансформаций в науке и образовании является одним из главных предвестников становления глобального устойчивого мира, который ориентирован на созидание ноосферы[1]. Наука и образование, которые уже в этом столетии могут стать единым глобально-опережающим научно-образовательным процессом, должны изменить траекторию социальной ступени эволюции в направлении ее выживания, сохранения и дальнейшего перманентного устойчивого прогресса.

[1] Урсул Т.А., Урсул А.Д. Становление глобального мира. Пути и перспективы. – Saarbrücken: Palmarium Academic Pablishing, 2019. – 205 с.

Чжан Синь[1]

НАСЛЕДИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В СССР (ФИЛОСОФСКАЯ ОЦЕНКА)

Ключевые слова: *образование, советская система образования, идеал Просвещения, рационализм, секуляризация, вера в прогресс, коммунистическая идеология.*

Keywords: *education, the Soviet system of education, the ideal of Enlightenment, rationalism, secularization, faith in progress, communist ideology.*

Образование в Союзе Советских Социалистических Республик (СССР) было одним из немногих достижений, которые и сегодня признают во всем мире как одно из наиболее успешных среди национальных систем образования. Оно было эффективным как с точки зрения наличия основ фундаментальных научных знаний в учебном материале, так и с точки зрения выполнения воспитательной функции. Нельзя отрицать, однако, и некоторые недочеты советской модели образования. Прежде всего, ее идеологическая основа не способствовала развитию критического мышления и суживала возможности развития личной инициативы. Все это требует более детального исследования, прежде всего, для выяснения того, возможно ли сохранение или восстановление советской модели образования, но без идеологической основы или с другой идеологической основой. Это и будет главной целью нашей работы.

Советская система образования была ориентирована на обучение основам научных знаний на энциклопедической основе, то есть в основе советской системы образования лежали классические идеалы эпохи Просвещения: рационализм, секуляризация, вера в несомненную моральность и неуклонность общественного прогресса.

Рационализм в образовании проявлялся в насыщении образовательной программы дидактически подготовленным научным материалом и систематизации учебного материала как внутри каждого предмета преподавания, так и всей школьной образовательной программы в целом. В значительной степени рационализм советской системы образования был наследием системы образования царской России, однако, советская система внесла свои существенные улучшения. Было осуществлено значительное обновление учебного материала в соответствии с последними достижениями науки, а также наращивание масштаба полного среднего образования. Конечно, были в большинстве своем утеряны традиции обучения в лицеях и гимназиях, так как большинство из них было закрыто как такие, которые обслуживали детей представителей тех социальных слоев, которые были упразднены в СССР. Однако, уровень преподавания, продолжительность обучения и соответственно итоговый уровень образования выпускников обычных школ значительно вырос в СССР по сравнению с царской Россией[2]. Да и само количество этих школ значительно выросло. Среднее образование стало действительно массовым, почти всеобщим. В этом советская система образования предстала почти как идеальное воплощение заданий Просвещения. На базисе значительно укрепившегося среднего образования возросло и количество университетов. Уровень высшего образования в них, вначале упавший в первое десятилетие советской власти – по сравнению с дореволюционными стандартами, вскоре вновь вырос и постепенно догнал и перегнал по большинству позиций дореволюционные университетские нормативы.

Секуляризация системы образования также была осуществлена именно в СССР, тогда как в царской России роль церкви в образовании была ощутимой, а в гуманитарном образовании часто и доминирующей. Секуляризация образования в СССР принесла значительные положительные результаты, среди которых было устранение главных препятствий для рациональных подбора, организации и преподавания учебного материала. В частности, в СССР не было препятствий для преподавания эволюционизма во всех его областях распространения, поскольку был жестко искоренен креационизм и последовательно и агрессивно насаждался атеизм.

В системе образования также было широко распространено мировоззрение научного прогресса. Наука заменила собой религию, а поэтому веру в Бога заменила вера в силу человеческого разума (рационализм) и вера в возможность построения коллективными усилиями честного и справедливого общественного строя (коммунизм). Карл Маркс в своем учении о революционной роли пролетариата как социального и экономического класса обосновывал идею о том, что только пролетариат как класс, материально заинтересованный в общественном прогрессе, способен защитить и обеспечить этот прогресс[3]. Действительно, буржуазия заинтересована только в прибыли, и только в этом случае поддерживает развитие науки и образования. Если же развитие науки и образования приведет к удешевлению товаров и услуг, буржуазия всеми силами будет стараться отсрочить или вообще сделать невозможным такое удешевление. В то же время пролетариат как основной потребитель большинства товаров и услуг заинтересован в таком удешевле-

[1] Чжан Синь – к.филос.н., преподаватель русского языка, Университет Хучжоу (Китай). Профессиональные интересы: образование в СССР и современной России и Украине, преподавание русского языка, философия образования. E-mail: 1091552119@qq.com

[2] Всеобщее обучение // Российская педагогическая энциклопедия: В 2-х тт. / Гл. ред. В.Г. Панов. – М. : Большая Рос. энцикл., 1993-1999. Т. 1. М., 1993 Т. 1: А – М / Гл. ред. В.В. Давыдов. – 1993. – С. 174.

[3] Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии /пер. с нем. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 4. – С. 419–459.

нии, которой уменьшит и потребность принудительно работать, чтобы обеспечить себя средствами к существованию. Поэтому пролетариат стратегически заинтересован в научном прогрессе и связанном с ним прогрессе сферы образования. Таким образом, вера в научный прогресс, его моральность и неотвратимость были тесно связаны с философией марксизма и идеологией коммунистической партии, которая базировалась на этой философии.

Идеологическая основа советского образования была необходимой и неустранимой. Коммунистическая идеология имеет свои преимущества как ценностно-мотивационная основа для системы образования.

Эта идеология, прежде всего, ориентирует обучающихся на ценность труда и само образование, естественно, предстает как разновидность труда – для приобретения знаний нужно приложить усилия, вложить труд, а сами приобретенные личные знания предстают как продукт этого труда.

Во-вторых, коммунистическая идеология устанавливает идеал социальной справедливости на основе принципа социального равенства: достижения блага для каждого является результатом работы каждого на общее благо. Равенство в труде, направленном на развитие всего общества гарантирует возможность создать общественный капитал, который можно распределять на всех. Сложности могут возникать как на этапе формирования мотивации к общественно полезному труду, так и на этапе распределения. Советская система образования обеспечивала достаточно надежное формирование мотивационной составляющей: во время учебы школьникам прививали прилежность в обучении, что в значительной степени готовило их к труду на благо общества. Если и возникали в СССР проблемы с распределением общественного капитала, то это в гораздо меньшей степени зависело от системы образования. В конечном счете, СССР перестал существовать как государство не по причине слабой общественной мотивации граждан, в частности, с помощью системы образования, а скорее – вопреки тем успехам, которые имела советская система образования. Если партийная элита пережила раскол и глубокий кризис в 1991 году, проявившийся в создании так называемого Государственного комитета по Чрезвычайной Ситуации (ГКЧП), то подавляющее большинство граждан до последнего момента было лояльно к советской власти.

Это, в частности, показал референдум о независимости Украины, на котором явное большинство высказалось как за независимость, так и за сохранение Украины как более независимого государства, но все же в составе СССР: «17 марта 1991 в СССР прошел Всесоюзный референдум о сохранении СССР. На референдум был вынесен вопрос “Считаете ли вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности”. В Украине на этот вопрос ответ “Да” дали 70% опрошенных… Одновременно в Украине по настоянию Народного Руха Украины за перестройку был проведен республиканский консультативный опрос: “Согласны ли вы, чтобы Украина была в составе Союза Суверенных Республик на основании Декларации о государственном суверенитете Украины”. Это решение в Украине поддержали более 80% опрошенных»[1].

Таким образом, воспитание уважения к идеалу социальной справедливости на основе социального был запросом от советского общества и государства к советской системе образования. Но в то же время, этот идеал как нельзя лучше соответствовал потребностям самого учебного процесса: только прилежное обучение каждого могло обеспечить совместное успешное продвижение в освоении учебного материала – без положительных оценок ученик и студент не переходят на следующий уровень обучения.

В-третьих, коммунистическая идеология прививала общечеловеческие гуманистические ценности – хотя и в своеобразной трактовке. Нельзя отрицать наличие таких несомненно положительных ценностей, в которых воспитывала коммунистическая идеологий: приоритет духовных ценностей перед материальными, подчинение эгоизма коллективизму, национального – интернациональному, интересов настоящего – интересам будущего человечества. Все это воспитывало лояльных к обществу и государству, сознательных и добросовестных граждан и работников.

В то же время нельзя не признать некоторые отрицательные черты советской системы образования, многие из которых являются как бы оборотной стороной положительных.

Недостатки фундаментальности и энциклопедичности советского образования во многом совпадают с недостатками самого проекта Просвещения, которые были довольно подробно исследованы Максом Хоркхаймером и Теодором Адорно[2], а позже – и британским политическим философом Джоном Грэем[3]. Прежде всего, это создание безальтернативной картины реальности, линейное мышление. Побочным эффектом такого мышления является недостаточная готовность к применению критических способностей человека, догматическое утверждение об априорной приоритетности и безошибочности человеческого разума. Следствием такого самоослепления Адорно и Хоркхаймер считали появление тоталитарных политических режимов и склонность к репрессивному и инструментальному мышлению во всех странах, которые линейно следуют воплощению идеалов проекта Просвещения.

Секуляризация также имела свои недостатки. Не всегда наука была способна ответить на мировоззренческие вопросы тех, кто обучался. Тогда на место науки выступала идеология. Даже не столько марксистская философия, сколько так называемый «научный коммунизм», составляющей частью которого был научный атеизм давал ответы на эти вопросы. Одновременно, сама социалистическая практика создавала процедуры, которые во многом имели рели-

---

[1] Референдум 1 грудня за незалежність України: «Прямий» згадує, як це було URL: https://prm.ua/referendum-1-hrudnia-za-nezalezhnist-ukrainy-priamyi-zghaduie-yak-tse-bulo/

[2] Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения: Философские фрагменты / Пер. с нем.. – М.-СПб. : Медиум. Ювента, 1997. – 311 с.

[3] Грей Дж. Поминки по Просвещению Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности / Пер. с англ. – М.: Праксис, 2003. – 368 с.

гиозный характер – если не по сути, то по форме[1]. Однако, социализм открыто не конкурировал с религией, не мог использовать весь арсенал ее методов, и в итоге, после потери коммунистической партией лидирующих позиций, и научный коммунизм, и научный атеизм фактически прекратили свое существование. Можно предположить, что секуляризация не требует обязательного принятия атеистической позиции, а лишь дистанцирует церковь от образовательных институтов. Секуляризация скорее ассоциируется с принципом свободы совести, то есть с проведением плюралистической религиозной политики, а не с запретом на религию. Кстати, в СССР в некоторой степени была предоставлена возможность развития некоторых религиозных конфессий – но под сильным контролем государства.

Вера в научный прогресс привела к экологическим проблемам. Такие последствия можно наблюдать во всех странах мира – чем более развитой является экономика страны, тем больше риски чрезмерного давления на окружающую среду. Однако, в условиях безальтернативного доминирования одной идеологии вера в прогресс и всесилие человечества становится догматичной и может приводить к потере адекватной оценки экологических угроз. Наиболее ярким примером негативных последствий такого догматизма можно считать трагедию взрыва на Чернобыльской атомной станции.

Возможно, если бы в СССР была принята более продуманная программа умеренных и постепенных экономических реформ в 1980-х годах, была осуществлена постепенная и контролируемая либерализация политической сферы – как это осуществлял Ден Сяо Пин в Китае[2] – возможно, удалось бы сохранить многие достижения СССР, в том числе и прежде всего – советскую систему образования. Вместо этого, наблюдаем если не полный вакуум, то некоторую растерянность представителей педагогической сферы в странах, бывших республиками СССР. В некоторых странах, как в Российской Федерации, Казахстане и некоторых других, с этой растерянностью довольно быстро справились: на место коммунистической идеологии пришла национально ориентированная или более широкая патриотическая идеология. В целом следует признать, что без надлежащей мировоззренческой основы система образования функционирует не так успешно, как при ее наличии.

[1] Социалистическая обрядность: Учеб.-метод. и спр.-информ.пособие. – Киев: Вища школа. Головное издательство, 1986. – 343 с.

[2] Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая /пер. с кит. – М.: Политиздат, 1988. – 259 с.

Яблонский Л.И.[1]

О НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫМИ ДАННЫМИ

Ключевые слова: *пространственные данные, развитие, наука, система.*
Keywords: *spatial data, development, science, system.*

История развития нашего Отечества свидетельствует, что для сохранения государственного суверенитета, целостности страны с организацией и проведением эффективной хозяйственной и оборонной деятельности на ее огромной территории необходимо полное и качественное обеспечение пространственными данными, которое может быть достигнуто с использованием соответствующих высоких результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР). Установленная причинно-следственная связь и в настоящее время не потеряла актуальности.

Нужно признать, что за прошедшие 10 лет выполнение НИОКР проходило в условиях кризисного состояния экономики, науки и перманентного реформирования отраслевых научных, образовательных и др. предприятий и организаций системы обеспечения пространственными данными [1]. Тем не менее, за этот период удалось провести ряд работ по разработке и внедрению новых научно-технических решений, предназначенных прежде всего для повышения эффективности системы обеспечения пространственными данными хозяйственной и оборонной деятельности страны (рис. 1).

Рисунок 1.
Наиболее важные итоги научной деятельности

Однако нужно отметить, что по ряду научных направлений, таких как цифровая фотограмметрия, картография и развитие системы обеспечения пространственных данных достаточно объёмных и результативных исследований не

[1] Яблонский Леонард Иосифович – к.т.н., с.н.с., первый зам. председателя центрального правления Российского общества геодезии, картографии и землеустройства. E-mail: leonard52@mail.ru

проводилось. Вследствие значительного снижения финансирования научной деятельности утерян очень важный и авторитетный показатель функционирования системы обеспечения пространственных данных – наукоемкость, который рассчитывается как отношение расходов на исследование и разработку к объему производства пространственных данных.

Ухудшению ситуации научно-технического обеспечения в значительной степени способствует нехватка высококвалифицированных научных кадров. Тяжелые испытания в 90-е годы прошлого века привели к потере 30–40 летних ученых и специалистов в самом плодотворном научном возрасте. С потерей этого поколения, которое ушло вместе с научными знаниями в коммерцию, бизнес, нарушена преемственность и увеличен средний возраст научных сотрудников, составляющий сегодня в научных и образовательных учреждениях 60–65 лет. Имеющееся в настоящее время значительное количество аспирантов и соискателей практически не влияет на приток квалифицированных специалистов в науку, так как качественная подготовка высокоэффективных научных работников для выполнения исследований по современным ведущим научным направлениям требует не 3–4 летнего, а 7–9 летнего периода непрерывного научно-образовательного процесса [2].

Низкая административная и финансовая поддержка отечественных научных разработок, особенно в области развития программных и аппаратных средств, обусловили широкое распространение и использование в системе обеспечения пространственных данных зарубежных технических, геоинформационных, навигационных и программных средств.

Недостаточная результативность и востребованность НИОКР экономикой, государством и бизнесом привело к тому, что многие разработки из-за кризиса производства, отсутствия научных приоритетов, ограниченного интеллектуального научно-технического потенциала, усложнения системы управления наукой, изолированного развития научной и производственной деятельности не находят использования и кладутся «на полку».

Является очевидным, что определение перспектив научно-технического обеспечения системы пространственных данных будет зависеть от степени решения имеющихся проблемных вопросов, которая обусловливается сценарием развития как отдельной отрасли, так и экономики страны в целом.

С учетом характера протекания современного глобального финансово-экономического кризиса развитие системы обеспечения пространственными данными возможно по двум последовательным переходящим сценариям с инерционного на инновационный вариант. Нужно признать, что в настоящее время развитие системы обеспечения пространственными данными пока соответствует модели инерционного сценария, определяемой следующими показателями:

– дефицит финансовых ресурсов со значительным уменьшением ассигнований на научно-техническое развитие системы обеспечения пространственными данными;

– свертывание объемов производства пространственных данных с сокращением численности производственно-технологического состава системы обеспечения пространственными данными;

– снижение уровня научно-технического потенциала, профессиональной управленческой, технологической компетенции и качества создания пространственных данных.

Предполагается, что в ближайшие годы может быть ускорено развитие системы обеспечения пространственными данными вследствие реализации Программы «Цифровая экономика Российской Федерации». В рамках этой программы планируется решение задачи по созданию отечественной цифровой платформы сбора, обработки и распределения пространственных данных.

Федеральным законом «О геодезии, картографии и пространственных данных и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», принятыми на его основе нормативными правовыми актами установлена необходимость развития системы обеспечения пространственными данными заинтересованных юридических и физических лиц.

Системное решение поставленной задачи предусматривает построение технически независимых и информационно взаимосвязанных подсистем обеспечения не только ранее принятыми в фонд видами пространственных данных, но и формирование новых перспективных данных в виде банков геодезических данных, государственных цифровых топографических карт, единой электронной картографической основы (ЕЭКО), других видов пространственных данных.

Для обеспечения заинтересованных лиц единой геоинформационной основой, для исключения дублирования ведомственных работ по картографированию территорий на основе материалов пространственных данных федерального фонда должны быть созданы две государственные информационные системы (ГИС):

- ГИС Федеральный портал пространственных данных (ФГИС ФППД);
- ГИС ведения единой электронной картографической основы (ФГИС ЕЭКО).

В настоящее время, а также в будущем многим пользователям необходимы не только открытые пространственные данные, не содержащие полной информации, но и полные по своему содержанию пространственные данные, включающие закрытые (секретные) сведения, хранение и обеспечение которыми организуется в федеральном фонде пространственных данных. При этом информационное взаимодействие между заинтересованными лицами и фондом осуществляется посредством ГИС ФППД. Для обеспечения полноты, оперативности и доступности федеральный портал пространственных данных должен удовлетворять следующим требованиям к техническим и программным средствам федерального портала пространственных данных и региональных порталов пространственных данных:

- обеспечивать доступ с использованием информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, в том числе сети Интернет;
- осуществлять информационное взаимодействие с другими системами электронного взаимодействия;

- представлять сведения, содержащиеся в фонде пространственных данных как в открытом, так и в закрытом виде;
- обеспечивать сведениями, подлежащими представлению с использованием координат;
- обеспечивать визуализацию пространственных данных, представляемых с использованием портала и других требований.

ЕЭКО обеспечивает заинтересованных юридических и физических лиц цифровой картографической информацией в единой государственной системе координат, в едином информационном формате и с выполненной сшивкой номенклатурных листов. В связи с этим устраняются проблемы объединения отдельных номенклатурных листов в произвольные районы работ, необходимые заинтересованным лицам. То, что материалы ЕЭКО являются открытыми, расширяет сферу доступности для более широкого использования всеми заинтересованными юридическими и физическими лицами.

Таким образом, предполагается, что разработка и внедрение всех составных элементов системы обеспечения пространственными данными в соответствии с установленными требованиями значительно расширит доступность к ним и повысит эффективность решения хозяйственных и оборонных задач страны.

Список литературы

1. Прусаков А.Н., Яблонский Л.И. Состояние и перспективы научно-технического обеспечения отрасли геодезии и картографии // Геодезия и картография. 2015. Спецвыпуск. – С. 64–71.
2. Стратегия топографо-геодезического и картографического обеспечения Российской Федерации на перспективу до 2030 года – проект. 2015. – http:/www.rosreestr.ru

Якубов Н.А.
в.н.с. Института прогнозирования и макроэкономических исследований при Министерстве экономики и промышленности Республики Узбекистан
newfrank@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН В ОРГАНИЗАЦИИ ОБСЛЕДОВАНИЯ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Ключевые слова: *международный стандарт, зарубежный опыт, информационно-коммуникационные технологии, социологическое обследование, уровень и качество жизни населения, современная экономика.*
Keywords*: international standard, foreign experience, information and communication technologies, sociological survey, level and quality of life of the population, modern economy.*

Введение

Вхождение человеческой цивилизации в новое тысячелетие ознаменовалось массовым и повсеместным распространением компьютерных, информационных и коммуникационных технологий, использование которых спровоцировало глубокую трансформацию существующих политических, экономических, в том числе и социальных институтов. Использование возможностей компьютерной технологии для решения социологических, теоретических, эмпирических и практических задач позволяет выявить результаты реализации государственной программы в сочетании с социально-демографическими и экономическими характеристиками респондентов, официальной статистикой и качественной оценкой реального состояния.

Международные исследования показывают, что существует тесная связь между развитием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и экономическим благополучием. Широкомасштабное развертывание технологий высокоскоростной связи и Интернет-доступа является катализатором развития ИКТ проектов, создает множественный мультипликативный эффект в других отраслях национальной экономики, способствует ускорению и масштабированию технологического прогресса и в конечном счете обеспечивает рост ВВП как отдельных регионов, так и страны в целом. Кроме того, развивающиеся страны с более совершенной телекоммуникационной инфраструктурой привлекают больше аутсорсинговых компаний и иностранных инвестиций.

Зарубежный опыт показывает, что в п**ланировании и подготовке обследований использования ИКТ домашними хозяйствами** используется широкий диапазон подготовительных мероприятий для измерения доступа к ИКТ и их использованию.

Международный союз электросвязи (МСЭ) на протяжении многих лет занимается установлением стандартов для статистических данных по электросвязи. На уровне Международной организации по стандартизации (ISO – The International Standards Organization) разработана система стандартов «Взаимодействие открытых систем» (OSI – Open Systems Interconnection)[1]. Она позволяет координировать разработку протоколов взаимодействия и стандартных интерфейсов аппаратных средств с учетом признанной необходимости в измерении информационного общества. МСЭ расширил свою статистическую работу, которая заключалась в определении и сборе (в основном административных) данных в области инфраструктуры, охватив сферу статистических данных по домохозяйствам. В разработке основного перечня показателей использования ИКТ участвовали домохозяйства, при этом проводились консультации по заполнению, и вместе с заинтересованными сторонами были подготовлены соответствующие методические документы. Это содействует обеспечению сопоставимых статистических данных по использованию ИКТ домохозяйствами, которые основаны на согласованных на международном уровне стандартах.

Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД) с 2004 года занимается сбором данных по использованию ИКТ предприятиями и по (производственному) сектору ИКТ на базе основного перечня показателей ИКТ. ЮНКТАД участвовала в разработке основного перечня показателей использования ИКТ предприятиями. Измерение спроса на ИКТ и предложения ИКТ представлено в *Руководстве ЮНКТАД по подготовке статистических данных об информационной экономике* 2009 года (Приложение 2).

Статистический институт ЮНЕСКО отвечает за разработку и сбор показателей по использованию ИКТ в образовании, возглавляет работу по разработке основного перечня показателей ИКТ в образовании, а также подготовку методических документов, в частности *Руководство по* измерению *информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в образовании.*

[1] Руководство по измерению доступа к ИКТ и их использования на уровне домашних хозяйств и отдельных лиц / Международный союз электросвязи. 2014. – С. 19.

Работа Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в области показателей ИКТ осуществляется в основном ее Рабочей группой по показателям информационного общества. В компетенцию этой группы входят разработка и обновление стандартов для измерения сектора ИКТ, товаров и услуг ИКТ, электронной коммерции, цифрового контента и распространения ИКТ среди организаций и отдельных лиц; составление согласно этим стандартам статистических данных по ИКТ, содействие в разработке и толковании статистических показателей, которые помогают разрабатывать политику в области ИКТ и в соответствующих областях, а также мониторинг прогресса; проведение на основе официальных статистических данных эмпирического анализа воздействия новых информационных технологий на экономику. ОЭСР разработала стандарты, которые охватывают целый ряд аспектов измерения информационного общества, которые касаются домохозяйств и отдельных лиц.

Статистическое бюро Европейского союза (Евростат) работает в тесном сотрудничестве со специалистами по статистике в области информационного общества из входящих в него государств-членов, а также других участвующих стран в целях разработки и проведения ежегодных обследований ЕС по использованию ИКТ на уровне домашних хозяйств и отдельных лиц. Согласованный подход, основанный на общем юридическом документе, является очень эффективным и обеспечивает наличие подробных и в значительной степени сопоставимых наборов данных. Евростат разрабатывает типовые вопросники и методические пособия по измерению доступа к ИКТ и их использованию.

Ряд международных организаций активно занимается разработкой более общих стандартов для обследований домохозяйств. В некоторых случаях речь идет о стандартизированных методиках и механизмах обследований, в других – об основных классификациях, на которых основаны классификации использования ИКТ домашними хозяйствами (табл. 1)[1].

Таблица 1

Международные стандарты для обследований домохозяйств

Издавший орган	Название	Краткое описание
Статистический отдел Организации Объединенных Наций (2005)	Выборочные обследования домашних хозяйств в развивающихся странах и странах с переходной экономикой	Руководство по проведению обследований домохозяйств в развивающихся странах и странах с переходной экономикой, включая построение выборки, осуществление обследования, ошибки, не связанные с выборкой, затраты на обследование и анализ данных.
Статистический отдел Организации Объединенных Наций (N30, 2005)	Построение выборок для обследований домашних хозяйств: практические руководящие указания	Практический справочный инструмент для лиц, занимающихся разработкой и проведением выборочных обследований домохозяйств.
Статистический отдел Организации Объединенных Наций (N30, 2008)	Принципы и рекомендации в отношении проведения переписей населения и жилого фонда	Информация о статистических стандартах, а также о проведении переписей населения. В частности, в качестве «основной темы» рекомендуется сбор статистических данных о доступе домашних хозяйств к ИКТ.
Международная сеть обследований домашних хозяйств (2013)		Ведение каталога обследований домохозяйств развивающихся стран и разработка инструментов управления использованием метаданных.
Всемирный банк (2013)	Обследования в рамках исследования критериев оценки уровня жизни (ИКОУЖ)	ИКОУЖ обеспечивает инструменты обследования, применимые к любому комплексному обследованию домохозяйств. Общей задачей ИКОУЖ является повышение качества статистических данных по домохозяйствам в развивающихся экономиках, а более конкретная задача заключается в разработке методов мониторинга прогресса в области повышения уровня жизни в развивающихся экономиках
Международная организация труда (2015)	Международная стандартная классификация занятий (МСКЗ) и Международная классификация статуса в занятости (МКСЗ)	МСКЗ – это классификация, в которой виды работы организованы в четко определенный набор групп в соответствии с задачами и обязанностями, выполняемыми в рамках данной работы. МКСЗ классифицирует виды работы, выполняемой различными лицами, в соответствии с типом явного или неявного договора найма лица с другими лицами или организациями.
Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (2017)	Международная стандартная классификация образования (МСКО)	МСКО – это классификация, описывающая уровень полученного отдельными лицами образования. В текущей версии (МСКО, 2017 г.) уровни полученного образования распределены по восьми ступеням от дошкольного образования до аспирантуры.

В настоящее время основным инструментом международных и американских исследовательских компаний для изучения Интернет-аудитории является опрос Интернет-панели (далее – ИП). ИП – это сформированная по специальной процедуре выборка пользователей Интернета, согласившихся периодически участвовать в опросах конкретной исследовательской компании.

[1] Руководство по измерению доступа к ИКТ и их использованию на уровне домашних хозяйств и отдельных лиц / Международный союз электросвязи. 2014. – С. 25.

В ситуации традиционного социологического исследования на полевом этапе имеет смысл воспользоваться программами, включающими функции текстового редактора, ориентированного на автоматизацию подготовки анкет, а также возможностями телефонного опроса CATI и других компьютерных систем для программирования анкет[1].

CATI (Computer Assisted Telephone Interview) – это компьютерная система телефонного опроса. Здесь анкета программируется и вводится в центральный компьютер, который вопрос за вопросом выдаёт её на дисплеи нескольких терминалов, расположенных в одном зале. Оператор, сидящий у терминала, проводит интервью, последовательно читая вопросы с экрана и вводя ответы респондента в компьютер при помощи клавиатуры. В среднем в день проводится 300 завершённых интервью. Кроме CATI, например, в США ещё с 1970-х годов широко применялась методика CAPI (Computering-Assisted Personal Interviewing) – личное интервью с помощью компьютера, CSAQ (Computer Assisted Self-Administered Questionnaire) – заполнение респондентом анкеты на компьютере, CASIIP (Computer Assisted Self-Administered Interview with an Interviewer Present) – интервью с помощью компьютера в присутствии интервьюера, в том числе и по характеристике отдельных лиц.

Необходимо отметить, что хорошие возможности для автоматизации создания анкет и инструкций интервьюерам предоставляет социологу программа «Прикладной социологии» («ПриС»). Программа «ПриС» предназначена для планирования и обработки анкетных опросов в социологических, политологических и маркетинговых исследованиях и выполнена как надстройка к ППП MS Excel. Достоинство программы заключается в том, что планирование и обработка опроса осуществляется единым программным циклом.

В России поставлена стратегическая задача войти в число мировых лидеров по уровню развитию ИКТ. Правительство Российской Федерации признает развитие отрасли телекоммуникаций и связи одним из приоритетных направлений и ставит стратегические задачи, в том числе и социологические исследования по изучению уровня жизни населения (хотя оно не получило широкого развития), по обеспечению высокоскоростного широкополосного доступа в Интернет (ШПД), мобильной связи четвертого поколения (4G) и внедрению цифровых и электронных услуг на территории всей страны.

Эффективное использование возможностей, предоставляемых новыми технологиями связи, надежными широкополосными сетями и внедрение инновационных пользовательских приложений создает платформу для:

– улучшения телекоммуникационной инфраструктуры для взаимосвязи, обслуживания населения;

– подключения к социальной и бизнес-активности удаленных и малочисленных регионов, населения, деятельности;

– повышения эффективности государственного управления хозяйством и социальной сферой, населения, деятельности госучреждений;

– ускорения информационного обмена, распространения электронных сервисов и появления новых форм коммуницирования населения между собой, органами государственной власти, медицинскими и образовательными учреждениями (во всем мире развиваются и набирают популярность такие направления, как e-Business, e-Government, e-Education, e-Banking, e-Commerce, e-Health, e-Community).

Развитие новых технологий и инновационных услуг, рост информатизации и технологической образованности общества, повышение качества и удобства связи, появление социальных электронных порталов, доступность многих форм мультимедийного контента на фоне снижения Интернет-тарифов и себестоимости ИКТ услуг, на уровне экономики отдельных регионов и страны, в целом, призвано способствовать повышению производительности труда, стимулировать создание новых бизнесов и рабочих мест и улучшать социальную сферу, уровень и качество жизни населения.

На государственном уровне развитие новых технологий позволит стране подняться в рейтингах стран по уровню развития «информатизации». Установлено, что измерение уровня развития ИКТ (комплексный показатель, рассчитываемый через связанную систему индексов) используется государствами для анализа проблемных зон в политике и осуществления мониторинга прогресса в области внедрения новых технологий.

Телекоммуникации, информационные технологии, цифровые медиа – сфера, которая во всем мире подвержена непрерывным, стремительным, кардинальным изменениям. Ежесекундно во всех странах, в сердце мировых технологических инноваций – Калифорнийской Кремниевой долине, в научно-исследовательских центрах, за стенами корпораций мировых гигантов ведутся маркетинговые войны за оригинальную идею, прорывное решение, новое предложение, нового покупателя.

Мониторинг использования ИКТ в социологических исследованиях для изучения уровня и качества жизни населения осуществляется с точки зрения воздействия информационно-коммуникационных технологий на деятельность, занятость, доход и др. От разрозненного набора показателей и статистических данных осуществляется переход к разработке систем показателей и композитных индексов, позволяющих осуществлять комплексный анализ предметной области.

Факторы электронного развития и ключевые сферы деятельности и состояния регионов составляют 14 объектов (предметных областей) мониторинга по изучению уровня и качества жизни населения. Для каждого объекта по тематике определяются параметры мониторинга, по которым производится наблюдение и разрабатывается система показателей. Показатели и методологический инструментарий для получения их значений разрабатываются с учетом международного опыта, поэтому результаты мониторинга по целому ряду показателей позволяют проводить международные сопоставления. В последние годы, по мере все большей интеграции ИКТ в различные сферы деятельности происходит специализация приложений ИКТ, отвечающая специфике каждой предметной области. Мониторинг должен

[1] Руководство по измерению доступа к ИКТ и их использованию на уровне домашних хозяйств и отдельных лиц / Международный союз электросвязи. 2014. – С. 38.

учитывать эти особенности, поэтому для каждой отрасли была разработана собственная система показателей, а для проведения полевых исследований и сбора данных – специализированный инструментарий.

Заключение и рекомендации

Практика использования ИКТ в процессе проведения социологических обследований в зарубежных странах показывает, что современные ИКТ могут применяться на разных стадиях социологического исследования в целях получения официальной статистики о реальной ситуации жизни населения.

В зарубежной практике успешно используются современные коммуникационные технологии на всех этапах проведения социологических исследований. Для проведения некоторых специфических исследований проводятся телефонные интервью.

ИКТ используются на всех этапах осуществления социологического исследования, работа с полученной социальной информацией становится менее трудоемкой и продолжительной. В случае обработки большого количества данных использование компьютерных средств становится обязательным элементом в последовательности действий социолога в ходе реализации целей прикладного социологического исследования.

Новые ИКТ освобождают социолога от рутинных элементов в работе, сокращают затраты на организацию исследования, обработку и анализ данных.

На подготовительном и полевом этапе прикладного социологического исследования в зависимости от целей и задач могут быть использованы разнообразные ТС (карманные персональные компьютеры, цифровые диктофоны и т.д.), а также возможности глобальной компьютерной сети Интернет.

Интернет-технологии также помогают ускорить сбор первичной информации для анализа быстротекущих социальных процессов, делают возможными персональные интервью; экспертные опросы; количественный и качественный контент-анализ; проведение наблюдений (как включенных, так и опосредованных); социальных экспериментов; онлайн фокус-групп; тестирований и т.д.

Социологические исследования через Интернет позволяют сэкономить время, деньги, человеческие ресурсы, а также повысить качество собираемых данных. В условиях информационного общества фактор экономии ресурсов в социологическом исследовании становится решающим. Благодаря Интернет-технологиям существует возможность предоставления индивидуальной обратной связи.

ИКТ необходимы:

– для оперативного получения государственных и региональных услуг в электронном виде;

– для получения информации об уровне распространения современных информационных технологий пунктам назначения для контакта с населением;

– для проведения межрегиональных и межстрановых сопоставлений по социологическим показателям уровня жизни населения;

– для использования базы микроданных по первичным и производным признакам обследования и индивидуальных весов респондентов.

Гузенина С.В.,
Маршак А.Л.[1]

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ: ЭМПИРИЧЕСКИЕ АКЦЕНТЫ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ

Ключевые слова: *трудовая миграция, адаптация иммигранта, толерантность, межнациональные конфликты, принимающее население.*

Keywords: *labor migration, adaptation of migrants, tolerance, interethnic conflicts, local population.*

Трудовая миграция как социальное явление представляет собой временные перемещения населения с целью работы в другом регионе или стране с периодическим возвращением к обычному или постоянному месту жительства, независимо от способа и легитимности пересечения границы и трудоустройства, времени и периодичности работы. Приток иностранной рабочей силы позволяет удовлетворять спрос на необходимых специалистов с различным уровнем квалификации путём трудоустройства работников в непривлекательных для местных жителей сегментах экономики. Вместе с тем, миграция трудовых ресурсов сглаживает демографические проблемы, связанные с сокращением численности населения трудоспособного возраста, а также способствует образованию дополнительных рабочих мест.

Основной поток трудовых мигрантов в Российскую Федерацию происходит из стран СНГ и Центральной Азии, основной движущей силой современной трудовой миграции в Россию является разница в экономическом развитии, неравенство доходов и возможностей в сравнении со странами исхода. Жизнедеятельность и труд мигрантов протекают, как правило, в сфере теневой экономики.

Исследователями отмечается несовершенство законодательства РФ в области трудовой миграции. Существующие на сегодняшний день законы и практики деятельности миграционных служб не создают должных и необходимых условий для увеличения количества легальных трудящихся-мигрантов.

В динамике трудовой миграции иностранных работников в Россию можно выделить несколько этапов.

Первый этап (1994–1996 гг.) – период ускоренного роста трудовой миграции, ему способствовала трансформация политической и экономической системы, включение страны в международный рынок труда, «прозрачность» внешних границ.

Второй этап (1997–2000 гг.) – сокращение притока иностранной рабочей силы (более чем на четверть).

Третий этап (2001–2008 гг.) характеризуется резким увеличением численности иностранных работников, прибывших для временной трудовой деятельности и работающих по договорам и трудовым соглашениям.

Нынешний, четвертый этап начался в 2009 г. и связан с мировым финансовым и экономическим кризисом, который негативно отразился на всех сферах деятельности и падении спроса на рабочую силу [40, с. 143].

Выделяются следующие социокультурные особенности трудовой миграции в России: значительная часть приезжих слабо владеет русским языком, имеет низкий уровень образования, ориентируется на собственные социокультурные нормы поведения и формы коммуникации, что затрудняет их адаптацию в социокультурную среду принимающего сообщества. Большинство трудовых мигрантов оказывается на непрестижной работе, в замкнутом пространстве своей этнической группы, что провоцирует их негативное отношение к культуре принимающей стороны; зачастую социокультурная адаптация трудовых мигрантов в РФ заключается в простом привыкании к изменившимся условиям и носит пассивный характер.

Под социокультурной адаптацией авторами понимается приспособление мигрантов к принимающему сообществу, не предполагающее встречное постижение принимающим населением культур мигрантов. Процесс адаптации иммигранта включает в себя как объективный, так и субъективный аспекты. Объективный представляет собой нормативное или функциональное приспособление субъекта (человека, группы) к новой или изменившейся среде, субъективный подразумевает состояние удовлетворенности, внутреннего (психологического) комфорта субъекта, связанное с его приспособлением к среде.

Одна из наиболее известных концепций, рассматривающих различные стратегии адаптации, была предложена Дж. Берри[2]. По его мнению, аккультурация будет зависеть от двух основных факторов, которые и определяют четыре

[1] Гузенина Светлана Валерьевна – к.соц.н., доцент кафедры теоретической и прикладной социологии, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. E-mail: dialog-lana@yandex.ru

Маршак Аркадий Львович – д.филос.н., профессор, гл.н.с. Института социологии РАН – ФНИСЦ РАН. E-mail: marshak_al @mail.ru

[2] Berry J.W., Sam D. Acculturation and Adaptation // Handbook of Cross-Cultural Psychology / Ed. by. J.W. Berry, M.H. Segall, Kagitcbasi. – Boston: Allyn&Bacon, 1997. – Vol. 3. Social Behaviour and Applications; Berry J.W. Mutual Intercultural Relations in Plural Societies (MIRIPS): Description of the Project, 2007.

основные стратегии. Первый связан с отношением к собственной культуре, важности и необходимости для индивида сохранения этнокультурной идентичности. Второй фактор характеризует отношение индивида к принимающей группе – насколько взаимодействие с членами данной группы желательно для индивида, то есть насколько он охотно пойдет на поддержание межкультурных отношений. Дж. Берри также отмечает сильное влияние на адаптационный процесс мигрантов общего социального контекста, отношений между группами иммигрантов и принимающим сообществом, подчеркивая, что эти отношения могут рассматриваться со стороны тех и других по-разному. Это указывает на необходимость учёта не только стратегии самих прибывших иммигрантов, но и ожиданий членов принимающего общества[1].

Однако ряд ученых подвергли критике данную концепцию, отмечая, что модель Дж. Берри является неполной[2].

Авторы полагают, что многомерное пространство ежедневного бытийствования иммигранта, состоит, по меньшей мере, из четырех компонентов, определяющих ежедневно статус, психологический комфорт и уровень (низкий, нормальный, высокий) социокультурной адаптации личности:

– психологический (ментальный), включающий в себя неосознаваемые привычки, особенности мышления и внешних оценок социальной жизни (менталитет), стереотипы, установки, автоматизмы, предубеждения;

– биологический (природный), подразумевает особенности адаптации организма иммигранта к климату, воде, температурному режиму, специфике флоры и фауны, долготе светового дня и ночи и т.д.;

– социальный (экономический, правовой, политический), связан с обретением гражданских прав, финансовых возможностей, социальных гарантий;

– культурный (этнический, религиозный, образовательный), определяющий во многом психологический комфорт иммигранта, и связанный с доступностью образования, возможностью религиозных практик и соблюдения этнокультурных традиций родины, сохранения языкового поля и общения с членами диаспоры, даже при ориентированности на долгосрочное пребывание и желание скорейшей адаптации.

Иммигрант долгое время находится в статусе аутсайдера, по этой причине ему приходится ежедневно не только приспосабливаться к новым условиям, но и бороться за естественные человеческие права и социальные гарантии. Речь идет о реализации права понимать и быть понятым, уверенности в физической безопасности, достойном медицинском обслуживании (по мере необходимости), образовании для детей, удовлетворении социокультурных потребностей.

Однако социокультурная адаптация является частью масштабного процесса интеграции, который включает не только приспособление субъекта к среде, но и приспособление среды к субъекту. Необходимо отметить и важнейшую проблему иммиграции – существование явного или латентного конфликтогенного фактора, а порой и нескольких, сопровождающих социокультурную адаптацию иммигрантов в новой среде. В этой связи на современном этапе проблематика адаптации и интеграции мигрантов в принимаемое полиэтническое пространство России изучается комплексно, с учетом этносоциальных и конфликтологических рисков, гендерной специфики, модернизации управленческих практик в зависимости от возникающих социальных вызовов.

Сегодня отечественные исследователи-практики акцентируют внимание не столько на опасностях и рисках, связанных с современным большим потоком мигрантов в Россию, сколько на потенциале и интеграционных возможностях принимающего общества, которое выступает либо как «арена агрессии и опасности», способствующая возникновению ответной «гладиаторской» реакции, либо как эффективная адаптивная метасистема, которая благодаря работающим и отлаженным социокультурным механизмам успешно интегрирует мигранта в общий ритм и культуру российского города.

Социологом Н.Н. Подоприновой был проведен эмпирический опрос (2005 г.), который был ориентирован на изучение содержания и качества социальной адаптации к социокультурной среде Белгородской области (N=480). Автор опроса поясняет, что согласно полученным данным, интолератность, как свойство социальных взаимодействий и социальных отношений между местным населением и мигрантами, продуцируется трудностями и проблемами, возникающими в процессе узнавания и определения новых ситуаций взаимодействия со стороны местных жителей. Социолог отмечает, что «50% местного населения находится в состоянии реального или потенциального конфликта с мигрантами»[3].

Корреляционный анализ, проведенный Н.Н. Подоприновой, выявил следующую закономерность. 22,1% участвующих в опросе респондентов (1/5 населения соответственно) показали потенциальную агрессию в отношении иммигрантов, представителей иной культуры; представители этой группы считают, что мигранты крайне негативно влияют на жизнь в Белгородской области и способствуют повышению криминогенности в регионе. Более того, указанная часть респондентов полагает, что мигрантов необходимо ограничить в некоторых правах. При этом такие суждения высказывают в большинстве *респонденты с высшим образованием* (!)[4], которые считают возможным высказывать категоричные мнения с отпечатком максимализма. Курский исследователь констатирует, что российская «систе-

---

[1] Боттаева З. Х. Аккультурационные стратегии адаптации мигрантов и их психологическое благополучие // Альманах современной науки и образования. 2008. – № 4, ч. 2. – С. 37.

[2] Эндрюшко А. А. Теоретические подходы к изучению адаптации мигрантов в принимающем обществе: зарубежный опыт // Вестник Института социологии. – М., 2017. – № 23. – С. 56.

[3] Подопринова Н.Н. Социальная адаптация мигрантов к социокультурной среде региона: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук по специальности 22.00.06 – социология культуры. – Курск, 2005. – С. 19.

[4] Выделено курсивом авторами настоящей статьи.

ма высшего образования не только не развивает эмпатические качества личности, но и повышает межнациональную нонтолерантность»[1].

В исследовании, проведенном ВШЭ ЦЭПРИ (2011 г.), установлено, что отношения с принимающим населением самими трудовыми мигрантами оцениваются позитивно (табл. 1)[2].

Таблица 1

Оценка трудовыми мигрантами с разной периодичностью поездок отношений с принимающим населением (РФ,%)

Согласен/скорее согласен с утверждением	Постоянные	Циркулярные	Впервые приехавшие	Всего
Россияне хорошо относятся к мигрантам	70,1	72,9	75,1	72,2
Жители этого города/села хорошо относятся к мигрантам	75,7	77,0	76,9	76,4
У меня хорошие отношения с местными там, где я живу	91,5	92,4	90,2	91,6

В докладе 2013 года, подготовленном в рамках проекта «Международные миграционные процессы: тренды, вызовы, перспективы» Российского совета по международным делам (РСМД)[3], посвященном различным аспектам интеграции мигрантов в российском обществе, социологи отмечают, что на современном этапе в общественном мнении фиксируется дуализм: при том, что россияне достаточно негативно относятся к мигрантам, значительная часть респондентов проявляет сдержанность или безразличие, базирующиеся на мнении, что проблемы мигрантов существуют, но это их личные проблемы, не затрагивающие принимающее население.

Авторы хотели бы познакомить с результатами серии эмпирических исследований, проведенных по методике, разработанной учёными ИС ФНИСЦ РАН. Все эмпирические опросы объединены единым научным замыслом изучения специфики социокультурных практик адаптации иммигрантов, включающей проблематику оценки уровня межнациональной толерантности и потенциала конфликтогенности в новой социокультурной среде.

Социологические опросы прошли в три этапа (Москва, Пенза, Тамбов, 2019 год) по единой анкете методами письменного опроса (анкетирования) и фокус-групп, т.о. результаты приводятся в сопоставлении с данными, полученными в трех российских городах: Москве и двух российских областных центрах (Пенза, Тамбов). Опросы охватили респондентов-иммигрантов из ближнего и дальнего зарубежья (N=114), проживающих в России более трех лет.

Как показывает анализ данных, наблюдается явное различие мнений иммигрантов, проживающих в московском мегаполисе и провинциальных российских городах по вопросам толерантности, возникновения конфликтных ситуаций, межэтнических конфликтов, наблюдаются и общие тенденции их мнений. В частности, спокойный социальный фон в смысле конфликтов показывают респонденты Тамбова и Пензы, где большинство респондентов довольно «редко» или «практически никогда» не вступали в конфликты с окружающими людьми в период их проживания в России. Совершенно другая ситуация обнаруживается при оценке мнений респондентов-иммигрантов из Москвы, поскольку в совокупности 32,5% респондентов признались, что они «довольно часто» или «постоянно» вступают в различного рода конфликты, находясь на территории РФ. Данные представлены в сводной табл. 2.

Таблица 2

Распределение ответов респондентов по вопросу «Возникали ли у Вас лично за последнее время (1–2 года) конфликты с окружающими людьми из-за Вашей национальной принадлежности?»

Ответ респондента	Тамбов	Пенза	Москва	Всего
практически никогда	**82,6%**	79,17%	**23,3%**	58,77%
довольно редко	8,7%	16,67%	34,9%	21,93%
довольно часто	0,00%	2,08%	**18,6%**	7,89%
постоянно	0,00%	0%	**13,9%**	13,9%
затрудняюсь ответить	8,7%	2,08%	9,31%	6,14%

Относительно причин возникновения конфликтных ситуаций мнения респондентов мегаполиса и провинций также разделились, но здесь прослеживаются и общие тенденции. Иммигранты как из мегаполиса, так и из областных центров обеспокоены социальными проблемами, однако в регионах приезжие чаще сталкиваются со сложностями при оформлении документации, коммуницировании с властными структурами (администрация, чиновники).

Для жителей Москвы очевидны проблемы культурных взаимоотношений (30,2%), а также те причины, которые в сводной табл. 3 обозначены как «другое» (41,9%).

[1] Подопринова Н.Н. Социальная адаптация мигрантов к социокультурной среде региона: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук по специальности 22.00.06 – социология культуры. – Курск, 2005. – С. 20.

[2] Мукомель В.И. Трансформация трудовой миграции: социальные аспекты // Россия реформирующаяся. Вып. 11: Ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков. — М.: Новый хронограф, 2012. – С. 251.

[3] Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски: рабочая тетр. / [В.И. Мукомель]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: Спецкнига, 2013. – 34 с.

Таблица 3

Распределение ответов респондентов по вопросу «Кто или что, на Ваш взгляд, может быть причиной возникновения конфликтных ситуаций?»

Причины возникновения конфликтных ситуаций	Тамбов	Пенза	Москва	Всего
администрация, чиновники	**13%**	8,33%	2,3%	7,02%
социальные проблемы	**39,1%**	29,17%	**32,6%**	32,46%
культурные взаимоотношения	21,7%	20,83%	**30,2%**	24,56%
сами иммигранты	17,4%	18,75%	4,7%	13,16%
другие	17,4%	22,92%	**41,9%**	28,95%

Такие причины раскрываются при ответе респондентов на следующий вопрос анкеты, где иммигранты Москвы указывают, что причинами межнациональных конфликтов выступает низкий культурный уровень самих иммигрантов, плохо знающих русский язык (48,8%). Проживающие в регионах ясно показывают, что все конфликты в провинции возникают из неуважения местного населения к ним (Тамбов – 56,5%; Пенза – 54,17%), Данные представлены в сводной таблице 4. В приводимой сводной табл. 4 ответы респондентов-иммигрантов, наконец, едины в общем мнении по критерию «незнание другой культуры». Иммигранты, проживающие как в областных центрах, так и в Москве, сталкиваются в ежедневных практиках с отличной, иной культурной традицией, которую они не понимают, не знают, что приводит и тех, и других к конфликтным ситуациям.

Таблица 4

Распределение ответов респондентов по вопросу «Что можно назвать в качестве основных причин этнических и национальных конфликтов?»

Причины этнических и национальных конфликтов (мнения респондентов)	Тамбов	Пенза	Москва	Всего
неуважительное отношение	**56,5%**	**54,17%**	27,9%	44,74%
незнание или плохое знание языка	8,7%	33,33%	**48,8%**	34,21%
незнание другой культуры	**26,1%**	6,25%	**23,3%**	16,67%
нарушение трудовой дисциплины	4,3%	2,08%	16,3%	7,89%
несправедливая оценка ситуации	13%	2,08%	9,3%	7,01%
другое	0,00%	2,08%	0%	0,87%

В этом смысле интересны, с точки зрения авторов, полученные ответы респондентов на поставленный вопрос «Как вы относитесь к толерантности?», которые достаточно красноречиво свидетельствуют о том, что, приезжающие в Россию мигранты, совсем не задумываются над проблемой бесконфликтной интеграции в иную, отличную культуру. Анализ эмпирических данных по трем городам показывает, что всего 39,47% опрошенных иммигрантов хорошо знают русский язык.

В среднем большинство (70,17%) иммигрантов настроены вполне толерантно и дружелюбно, но не может остаться без внимания, что в совокупности 12,28% респондентов-иммигрантов относятся к толерантности отрицательно, *а в Москве такой показатель выше вдвое – 25,6% (!), то есть четвертая часть от общего числа иммигрантов* (сводная табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов респондентов по вопросу «Как Вы относитесь к толерантности (терпимость к чужому образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, мнениям, идеям, верованиям)?»

Ответ респондента	Тамбов	Пенза	Москва	Всего
положительно	91,3%	81,25%	46,5%	70,17%
отрицательно	4,3%	4,17%	**25,6%**	12,28%
затрудняюсь ответить	4,3%	14,58%	**27,9%**	17,54%

Таким образом, согласно эмпирическим данным, довольно большая доля иммигрантов не собирается усваивать российскую культуру и относиться к ней с уважением. Отрицательное или равнодушное отношение иммигрантов к толерантности показывает проблемные зоны существующей политики социокультурной адаптации иммигрантов к культуре принимающего общества.

Тем не менее, авторские экспериментальные данные свидетельствуют также и о низком интересе респондентов к общению с соотечественниками, их желании скорейшей интеграции и стремлении к обретению нового статуса в принимающем обществе[1]. Размышляя о причинах, препятствующих такому процессу, иммигранты полагают, что главные из них находятся в правовом поле (31,58%), особенно такие трудности признаются ведущими теми респондентами, кто проживает в Москве. Иммигранты Москвы «правовую безнаказанность и криминализацию всех сфер жизни» указывают приоритетным показателем, среди причин, являющихся препятствием в их скорейшей социально-культурной адаптации (32,6%) .

[1] Гузенина С.В., Маршак А.Л.Трансформация понятия «родина» в процессе социокультурной адаптации иммигрантов // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. – М., 2019. – № 1. – С. 58–64.

Для иммигрантов из двух областных центров (Тамбов, Пенза) очевидными причинами, мешающими их скорейшей адаптации, являются«раскол российского общества на бедных и богатых» и «несовершенство законодательства». Распределение ответов респондентов представлено в сводной табл. 6.

Таблица 6

Распределение ответов респондентов по вопросу «Что чаще всего служит препятствием в скорейшей социально-культурной адаптации иммигрантов в новой среде?»

Препятствия в скорейшей социально-культурной адаптации иммигрантов в новой среде (мнения респондентов)	Тамбов	Пенза	Москва	Всего
отсутствие равенства всех перед законом	**34,8%**	**31,25%**	**30,2%**	31,58%
несовершенство законодательства	17,4%	16,67%	18,6%	17,54%
правовая безнаказанность и криминализация всех сфер жизни	13%	10,42%	**32,6%**	19,29%
слепое подражание Западу	0,00%	6,25%	6,9%	5,26%
раскол общества на бедных и богатых	**34,78%**	**22,92%**	9,3%	20,17%
другое	4,3%	12,50%	6,9%	8,77%

Подчеркнем в завершение, что на современном этапе в России существует объективная необходимость разработки универсальной, двухкомпонентной социокультурной политики адаптации и интеграции иммигрантов, которая, по мысли авторов, должна выстраиваться поэтапно на основании приоритета прав личности и сохранения традиций культуры принимающего общества. Эффективность её мер обеспечивается разработкой и включением в адаптационное «программное поле» как минимум двух компонентов: разработки системы мероприятий, направленных на поэтапное изучение мигрантами русского языка и знакомство с российской культурной традицией, а также формирования особого информационного климата «позитивного принимающего общества», основанного на принципах межэтнической толерантности и минимизирующего межнациональные и этнические конфликты.

Список литературы

1. Боттаева З.Х. Аккультурационные стратегии адаптации мигрантов и их психологическое благополучие // Альманах современной науки и образования. 2008. – № 4, ч. 2. – С. 37–43.
2. Гузенина С.В., Маршак А.Л. Трансформация понятия «родина» в процессе социокультурной адаптации иммигрантов // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. – М., 2019. – № 1. – С. 58–64.
3. Дмитриев А.В., Пядухов Г.А. Социально-пространственный дискурс конфликтогенности внешней трудовой миграции // Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России. – М.: Новый Хронограф, 2015. – С. 347–378.
4. Дмитриева Т.Н. Мотивация мигрантов в контексте современной политики интеграции // Социальная политика и социология. 2017. – Т. 16, № 1 (120). – С. 96–103.
5. Мукомель В.И. Трансформация трудовой миграции: социальные аспекты // Россия реформирующаяся. Вып. 11: Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Новый хронограф, 2012. – С. 236–263.
6. Подопринова Н.Н. Социальная адаптация мигрантов к социокультурной среде региона: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук по специальности 22.00.06 – социология культуры. – Курск, 2005. – 23 с.
7. Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски: рабочая тетр. / [В.И. Мукомель]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: Спецкнига, 2013. – 34 с.
8. Эндрюшко А.А. Теоретические подходы к изучению адаптации мигрантов в принимающем обществе: зарубежный опыт // Вестник Института социологии. – М., 2017. – № 23. – С. 45–70.

Дудаев Г.А.,
Дудаева З.С.[1]

РОССИЯ И ДРУГИЕ СТРАНЫ СНГ В МИРОВЫХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

Ключевые слова: *миграция, международная миграция, иммиграция, эмиграция, численность населения, беженцы, вынужденные переселенцы, сальдо миграции.*

Keywords*: migration, international migration, immigration, emigration, number of inhabitants, refugees, internally displaced persons, the migration balance.*

В истории человечества выделяются несколько событий, называемых Великими переселениями народов, в результате которых происходило смешение рас и этносов. XXI век с его информационными технологиями и всемирной паутиной, связавшей планету в единое целое, тоже начался с перемещения больших масс людей.

Россия стала вторым крупнейшим центром миграции после США. В 1991–2002 гг. российское гражданство получили 4,9 млн. человек. Основную массу мигрантов составляли русские, которые в советское время выехали в республики Средней Азии и Казахстан для работы в промышленности, образовании и здравоохранении. В 90-е годы и по настоящее время русскоязычное население под давлением численно растущего коренного населения и роста безработицы было вынуждено вернуться в Россию. Кроме того, на переломе 80–90-х гг. в Россию устремились беженцы и вынужденные переселенцы из нестабильных и конфликтных районов бывшего СССР. По данным ФМС России, в 2013 г. на территории страны проживало более 39,0 тыс. беженцев и вынужденных переселенцев. Из них более 25% выходцы из Казахстана, 23% из Грузии, 11% из Узбекистана, 4% из Таджикистана. К 2017 г. их численность сократилась до 19,9 тыс. человек. Изменилась и география беженцев: на долю Украины и Афганистана приходится 34 и 49% соответственно. По вынужденным переселенцам доля Грузии и Таджикистана увеличилась до 32,3% и 4,2% соответственно, но сократилась у Казахстана и Узбекистана до 22,3 и 10,2 %. Большинство переселенцев разместились в республиках Северная Осетия-Алания и Ингушетия, в Ставропольском, Краснодарском и Алтайском краях, Белгородской, Самарской и Новосибирской областях, в гг. Москва и Санкт-Петербург.

В отличие от 90-х годов в настоящее время основная часть мигрантов относится к категории трудовой миграции. По данным Федеральной миграционной службы (ФМС, 2015 г.) на территории России находится 10,9 млн. (в 2013 г. – 11,3 млн.) иностранных граждан. По отношению к населению страны доля мигрантов составляет всего 8%. Подавляющая их часть, а это примерно 93–96%, выходцы из стран СНГ, Балтии и Грузии (рис. 1).

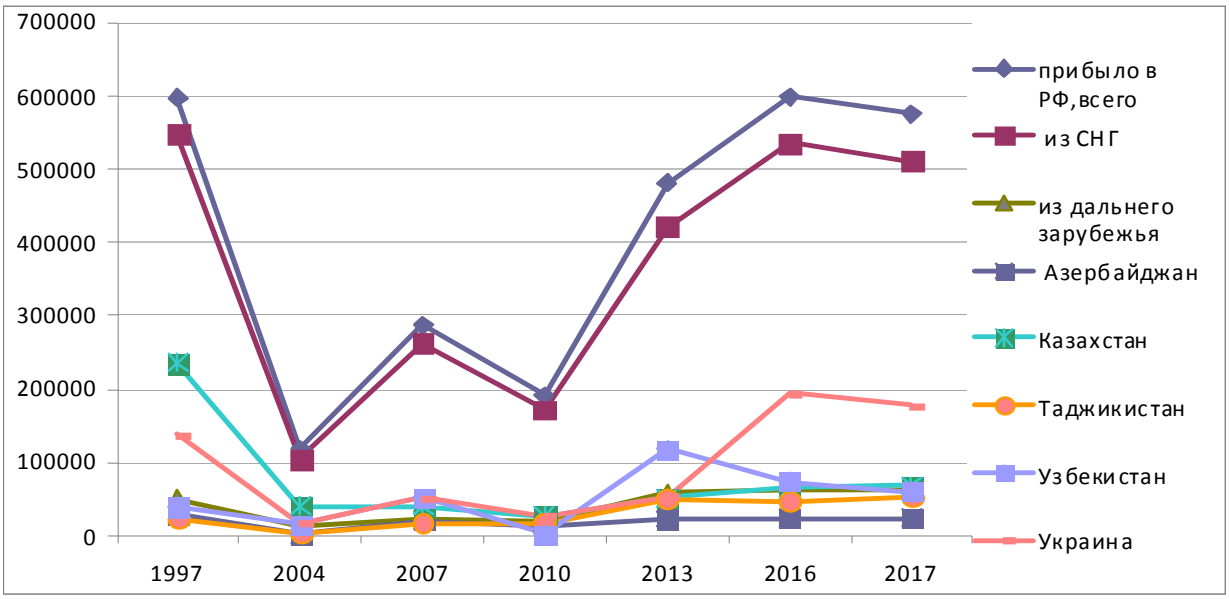


Рисунок 1.
Иммиграция в России (человек) [3]

[1] Дудаев Георгий Адибович – соискатель факультета экономики МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: george-dudaev@mail.ru
Дудаева Заира Самсоновна – к.геогр.н., доцент кафедры физической и социально-экономической географии, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ. E-mail: dudaevazaira@yandex.ru

По количеству мигрантов на первое место выходит Украина, что обусловлено конфликтом на востоке страны и преследованием русского населения. К 2016 г. в Россию из Украины въехало более 2,6 млн. человек, на втором месте остается Узбекистан – более 2,3 млн., затем Таджикистан – 1,1 млн. человек. Из дальнего зарубежья на первом месте находится Китай – более 273 тыс. человек, на втором месте Германия – 244,4; США – 142,4; Турция – 111,7; Великобритания – 111,3; Финляндия – 77,7 тыс. человек и др. Примечательно то, что увеличился въезд из тех стран дальнего зарубежья, куда раньше выезжали граждане России. Это Германия, Израиль и Греция. Однако здесь наблюдается тенденция снижения иммиграции, и только три страны в настоящее время имеют небольшое положительное сальдо миграционного обмена – это США, Канада и Финляндия.

Количество иммигрантов могло бы быть еще больше, но в 2015 г. был принят закон о запрете въезда злостных нарушителей миграционного режима. В результате въезд в Россию был отменен для 1 350 000 иностранным гражданам, нарушившим миграционный режим. Начиная с 2014 г. из России выехало более 3 млн. человек [3]. Изменения в законодательстве не коснулись граждан стран Таможенного Союза ЕАЭС, а именно Казахстана, Белоруссии, Армении и Киргизии. Для занятия трудовой деятельностью в России им разрешительных документов не требуется.

Наиболее высокие показатели эмиграции в России наблюдались до 2000 годов, когда из страны выехало более 4,2 млн. человек. Около 80% составляли переселенцы на Украину, в Казахстан и Белоруссию. В страны дальнего зарубежья выезд сократился с 114 тыс. человек в 1993 г. до 75 тыс. чел в 2001 г. Преобладает выезд в Германию, Израиль и в США – 90% всех эмигрантов в дальнее зарубежье. В структуре выезжающих из России по половозрастному признаку преобладают люди трудоспособного возраста, доля которых составляет 74%, доля мужчин и женщин соответственно 50,3 и 49,7% от общей масс убывающих. В этническом отношении среди всех убывших доля русских достигает 48%, на другие этнические группы страны приходится 52%. По уровню образования почти 31,6% всех убывающих имеет высшее и неполное высшее профессиональное образование, среднее и начальное профессиональное образование – более 24%, среднее полное и неполное общее образование – 14%. Из каждых 10 000 убывших степень докторов имеют 11, степень кандидата наук – 59 человек. При этом среди прибывших эти показатели соответственно 5 и 25, а в структуре иммиграции доля людей с высшим и неполным высшим образованием составляет чуть более 27%. Наблюдается неравноценный обмен по уровню образования в международной миграции России. Из России продолжается «утечка умов» [1].

С 2001 по 2011 г. наблюдался спад эмиграции. Рост эмиграции наблюдается с 2012 г. В 2015 г. из страны уехало 353,2 тыс. человек – в 10 раз больше, чем в 2010 г. (33578 человек). При этом доля выехавших в страны СНГ составила 84,6%, в страны дальнего зарубежья – 15,4%. Из них на Германию приходится 8,3%; Израиль 1,9% и США почти 3,0%. Рост эмиграции из страны объясняется социальной напряженностью. Иностранцам стало невыгодно работать в России из-за подешевевшего рубля.

Миграционные процессы оказывают существенное влияние на численность населения страны. За 2000-е годы естественная убыль населения компенсировалась за счет иммигрантов, с 1994 г. население РФ увеличилось почти на 200 тыс. человек.

Миграция оказывает влияние и на развитие российской экономики. По данным Росстата, мигранты обеспечивали 7–8% ВВП России в 2013 году [4]. Но и вывоз денег из России значителен. Больше всего денег поступает в страны СНГ – около 90%, в том числе в Узбекистан – 26%, на Украину – 13,5% (4,1 млрд. долл.). ВВП Молдавии на 20% обеспечен вывозом денег из России, Таджикистана – на 48%. Ежегодно из России вывозится до 10 млрд. долларов США.

В миграционном обмене России с постсоветскими странами Азербайджан остается стабильным «партнером». По мотивации и этническому признаку потоки миграции в Азербайджане можно подразделить на беженцев и вынужденных переселенцев и трудовую миграцию, которые сменили друг друга. На первом этапе (1990–2007 гг., время распада СССР и конфликтов) из республики наблюдался значительный выезд, когда число выехавших составило 443,5 тыс. человек, а въехавших – 260,2 тыс. человек. При этом подавляющая часть выехала в Россию. На этот период пришелся пик выезда русского и русскоязычного населения Азербайджана. Так, в период с 1989 по 1995 гг. выехало: русских 169 тыс. (почти 42% от их численности), украинцев 15 тыс., 3 тыс. белорусов, а 31 тыс. евреев уехали в Израиль. Внутри страны было зарегистрировано 1046,6 тыс. человек беженцев и вынужденных переселенцев преимущественно из Нагорного Карабаха и приграничных районов с Арменией, а также около 50 тыс. человек из Средней Азии [6].

Второй период миграционного обмена Азербайджана имеет стабильный характер, в нем преобладает трудовая миграция и в этническом отношении преобладают азербайджанцы. В географии миграционных потоков наблюдается большее разнообразие. Выезжают в Россию, в страны Западной Европы, а уже потом в Грузию, Турцию, Казахстан, Канаду и США. По-прежнему Россия остается привлекательной страной для граждан Азербайджана. Так, в 2016 г. в РФ прибыло 24 109 человек, а выехало 13 670 человек, в остатке – 10 439 человек, что составляет 4% от всего сальдо миграции в России (рис. 1). По неофициальным данным в России проживает более 2,5 млн. азербайджанцев. Ежегодно они посылают на родину от 648 до 864 млн. долларов [5]. Большой обмен трудовыми мигрантами осуществляется с Турцией. В 2011 г. в Турцию въехало 578685 человек, а обратно прибыло 565 484 граждан Азербайджана, то есть 13 201 человек остались в Турции на постоянное местожительство. Отрицательное сальдо миграции у Азербайджана наблюдается с Грузией. В 2011 г. из республики в Грузию выехало 714 426 человек, а прибыло 709 238 человек. Азербайджан испытывает дефицит в квалифицированных кадрах, особенно в области информационных технологий и нефтегазовой промышленности.

Краткий анализ миграционных процессов в России и Азербайджане показал, что наряду с положительными эффектами имеются и отрицательные последствия миграции в стране. Но в любом случае необходимость регулирования процесса безусловна. Помимо запретительных мер важно повысить экономическую и социальную привлекательность

страны исхода за счет развития экономики, инвестирования в социальную сферу. Эти меры будут способствовать росту материального благополучия населения, повышению качества и привлекательности жизни в этих странах и, как следствие, снижению эмиграции из них.

Список литературы

1. Методология анализа демографической безопасности и миграции населения / Н.Д. Эпштейн, Е.А. Егорова, М.В. Карманов, П.А. Смелов, А.М. Карманов. – М.: Финансы и статистика, 2013. – 168 с.
2. Щербакова Е.М. Денежные переводы международных мигрантов: 2014 год // Демоскоп Weekly. 2015. – № 641–642. – http://demoscope.ru/weekly/2015/0641/barometer641.pdf
3. Щербакова Е.М. Россия: демографические итоги 2013 года (часть 3). – http://www/perspektivy.info/rus/demo/htm/
4. Иммиграция в Россию. – https://ru.wikipedia.org/wiki/Иммиграция#cite note-26 Russia – http://1news.az/society/20120705111436554.html http://naukarus.com/migratsiya-naseleniya-kak-odin-iz-faktorov-formirovaniya-predlozheniya-rabochey-sily-v-azerbaydzhane https://ru.sputnik.az/azerbaijan/20170218/408983107/demografija-desjat-millionov-grazhdan-azerbajdzhan.html

Набибуллаева Р.З.
с.н.с. Института прогнозирования и макроэкономических исследований при Министерстве экономики и промышленности Республики Узбекистан

ДИНАМИКА ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

Ключевые слова: *демография, демографические риски, демографическая политика, Республика Узбекистан.*

На начало 2019 года численность населения Узбекистана составила 33 254,1 тыс. человек, в том числе в городах 16 805,0 тыс. человек (50,5%), в сельской местности – 16 449,1 тыс. человек (49,5%)[1]. Общий прирост населения в 2018 году составил 597,4 тыс. человек.

Динамика численности населения в Узбекистане за прошедший период характеризовалась изменениями в уровне рождаемости, смертности и миграции населения. Так, общий коэффициент рождаемости в 2015–2018 гг. колебался в пределах 22,1–23,5% (рис. 1).

Численность детей и подростков (0-15 лет) увеличилась с 9281,4 тыс. человек до 9864,7 тыс. человек или на 6,2%. Соответственно, доля этой категории населения в общей численности увеличилась с 29,9 до 30,2% в 2015–2018 гг.

Численность населения в трудоспособном возрасте возросла с 19 044,0 тыс. человек до 19 610,0 тыс. человек или в 1,02 раза (доля в общей численности населения снизилась с 61,4 до 60,0%).

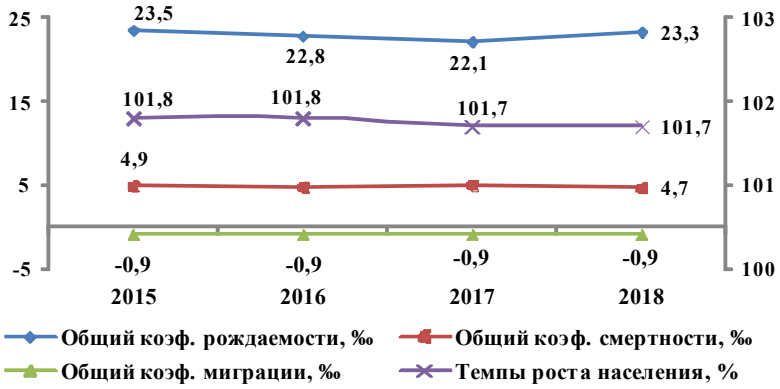
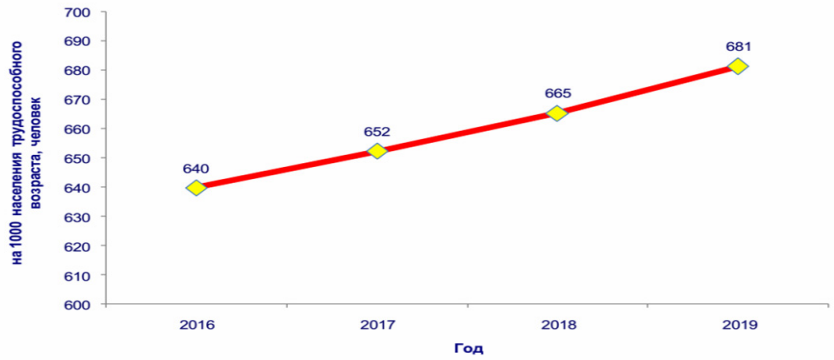


Рисунок 1.
Общие коэффициенты рождаемости, смертности, миграции и естественный прирост населения[2]

Численность населения старше трудоспособного возраста увеличилась с 2697,0 тыс. человек до 3181,9 или на 17,9%. Соответственно возрос их удельный вес в общей численности населения с 8,7 до 9,7%.

Общий коэффициент демографической нагрузки в 2018 году составил 681 человек (на 1000 населения трудоспособного возраста), моложе трудоспособного возраста демографическая нагрузка – равна 509 человек, старше трудоспособного возраста демографическая нагрузка достигает 172 человек (рис. 2).



Источник: Государственный комитет по статистике Республики Узбекистан

Рисунок 2.
Коэффициент демографической нагрузки (на начало года, человек)

[1] По данным Государственного комитета по статистике Республики Узбекистан.
[2] Там же.

Основные факторы динамики численности и структуры населения – изменения тенденций в основных составляющих естественного прироста: в первую очередь это рождаемость, смертность. Происходящие глубокие преобразования демографической сферы проявляются в росте продолжительности жизни людей, увеличении интенсивности миграционной подвижности населения. Эти изменения отражаются и одновременно обусловливаются процессами урбанизации и старением населения, изменениями в семейно-брачных отношениях.

При анализе текущей ситуации особое значение для республики имеет повышение позиции в международных рейтингах «Цели устойчивого развития» – SDG (Sustainable Development Goals Index) и «Индекс человеческого развития» – HDI (Human Development Index).

В Узбекистане хорошие результаты достигнуты по материнской смертности (36 на 100 000 родов). В целом индекс ЦУР по Узбекистану за 2018 г. составляет 70,3, что на 1,3 выше регионального среднего значения, в глобальном рейтинге наша страна занимает 52 место (табл. 1).

Таблица 1

Диаграмма отдельных индикаторов ЦУР по группе пяти стран и Узбекистану[1]

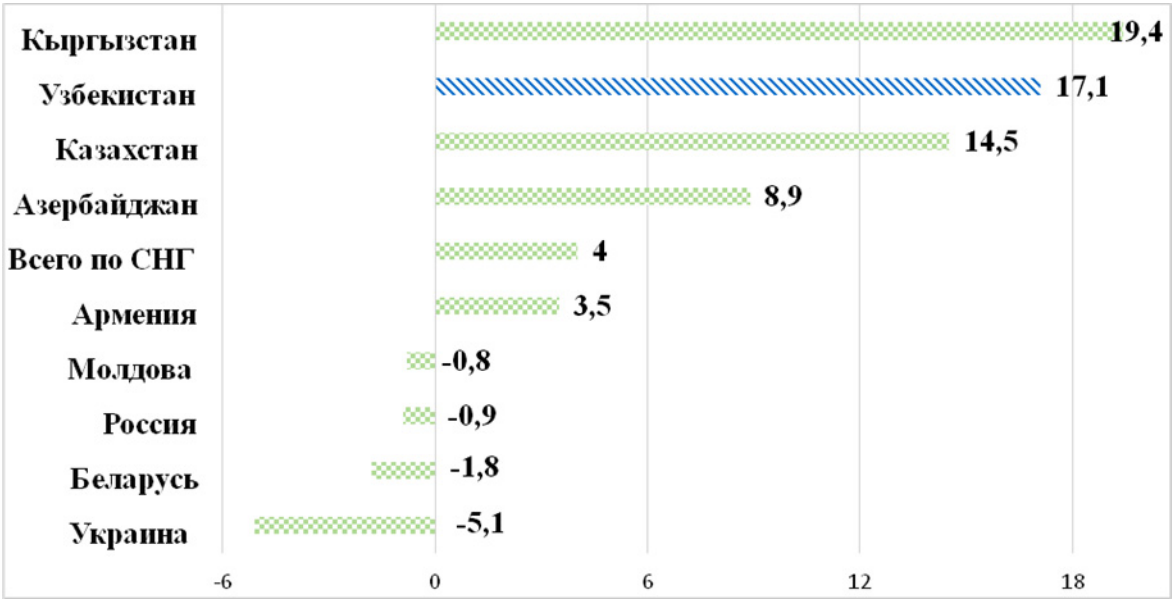
ЦУР 2018	Узбекистан	Россия	Белоруссия	Болгария	Казахстан	Киргизстан	Таджикистан	Среднеарифметическая по странам
ЦУР 3. Ожидаемая продолжительность жизни, лет	78,5	71,9	74,2	74,8	71,1	71,4	70,8	73,2
ЦУР 3. Уровень материнской смертности (на 100 000 живорождений)	14	25	4	11	12	76	32	24,9
ЦУР 3. Коэффициент неонатальной смертности (на 1000 живорождений)	3,6	3,3	1,5	3,7	5,3	10,7	14,5	6,0
ЦУР 3. Коэффициент смертности от сердечно-сосудистых заболеваний, рака, диабет и хронические респираторные заболевания в популяции возраста 30–70 лет (на 100 000 населения)	14,6	25,4	23,7	23,6	26,8	24,9	25,3	23,5
ЦУР 3. Коэффициент смертности, обусловленный загрязнением воздуха в домах и загрязнение атмосферного воздуха (на 100 000 населения)	13	49	61	62	63	111	129	69,7

Стоит подчеркнуть, что в нашей республике остаются **проблемы**, решение которых должно быть приоритетным:

– младенческая смертность; гендерный разрыв в продолжительности жизни; омоложение ряда заболеваний; недостаточная профилактическая помощь населению;

– проблемы со здоровьем в экологически неблагоприятных регионах; начавшееся демографическое старение;

– растущие масштабы трудовой миграции (внешней и внутренней); относительно низкая социальная мобильность и др.



[1] https://unstats.un.org/sdgs/report/2019/

Рисунок 3.
Естественный прирост населения на 1000 населения по странам СНГ[1]

Демографические угрозы в условиях Узбекистана обусловлены:

– большим демографическом давлением на рынок труда из-за роста потенциала трудоспособного населения. С одной стороны, открывается благоприятное демографическое окно возможностей, с другой – усиливаются проблемы занятости с учетом перехода на инновационный путь развития;

– относительно высокими темпами прироста населения (в 2015–2018 гг. численность населения возросла на 1,6 млн. человек, среднегодовой темп прироста составил 1,2% при оптимальном уровне воспроизводства 1,04% по рекомендациям ООН);

– коэффициент рождаемости в 2018 году достиг 23,3%;

– коэффициент естественного прироста в 2018 году – 18,4%;

– преобладанием количественных параметров по сравнению с качеством населения, связанного с неудовлетворенностью качеством услуг образования и здравоохранения, ухудшением семейных отношений;

– при высоком потенциале создания новых молодых семей (уровень браков возрос с 287,6 тыс. в 2015 году до 311,4 тыс. в 2018 году), коэффициент брачности 9,4 промилле;

– в перспективе будет продолжаться умеренно расширенный режим воспроизводства населения и республика будет обладать значительным демографическим потенциалом и динамично развивающимся населением (в 2019 году репродуктивные установки более 65,0% семей составляли 3–4 детей (по данным Центра изучения общественного мнения «Ижтимоий фикр»)[2];

– соотношением городского и сельского населения, отстающим от мировых тенденций в (2018 году доля городского населения составила 50,5% против 66,0% в среднем по странам СНГ[3], см. рис. 4).

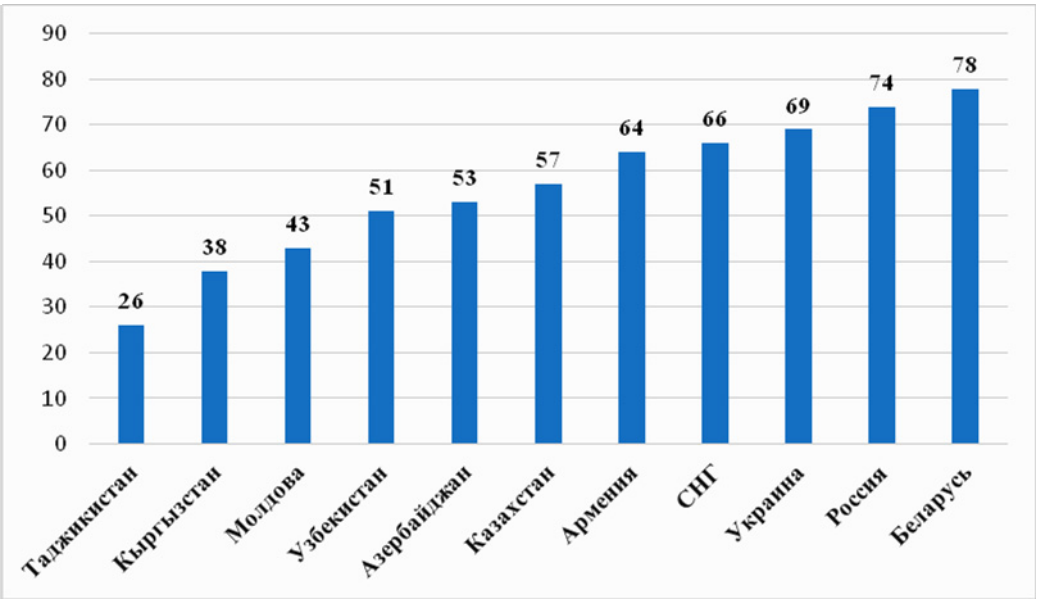


Рисунок 4.
Доля городского населения в странах СНГ в 2017 году в %

С учетом выявленных угроз и рисков целевыми ориентирами демографической политики на долгосрочную перспективу являются:

– обеспечение демографической безопасности (режим воспроизводства не более 1,3–1,4% в год);

– увеличение продолжительности жизни населения до 80 лет;

– повышение доли городского населения до 60,0% и усиление урбанизационных процессов;

– заблаговременное упреждение потенциальных демографических рисков, связанных с изменениями возрастного состава населения в том числе его старением.

Произошедшие сдвиги в возрастной структуре населения вызовут определенные последствия:

– увеличение численности в трудоспособном возрасте потребует ввода значительного количества новых рабочих мест;

– рост населения старше трудоспособного возраста будет влиять на повышение нагрузки на пенсионный фонд. В то же время увеличение численности пожилых людей будет способствовать росту потребности на медицинских и социальных работников;

– уменьшение численности подростков и детей в общей численности населения снижает нагрузку на детские сады и школы.

---

[1] Статистический ежегодник «Содружество Независимых Государств» за 2017 год. Статистика стран СНГ. Демография 1991–2017 гг. – https://aftershock.news/?q=node/699445&full

[2] https://podrobno.uz/cat/obchestvo/tri-ili-chetyre-uzbekistantsy-opredelilis/

[3] http://www.cisstat.com/rus/cis-1.htm

По результатам анализа и оценки факторов, оказывающих влияние на развитие демографических процессов и рынка труда, определены наиболее эффективные направления решения проблем сферы демографии и занятости на перспективу, разрабатываются предложения и рекомендации, обеспечивающие решение этих проблем.

Оценка влияния демографического фактора на реформирование системы образования и здравоохранения

Рост численности населения и изменения его возрастной структуры в перспективе определенно вызовут увеличение расходов госбюджета, прежде всего, на здравоохранение и образование. Кроме того, повысится нагрузка на пенсионную систему.

В настоящее время на социальную сферу приходится более 54% расходов государственного бюджета, из них 26,5% на образование и 11,2% на здравоохранение. Развитие общества, обеспечение его безопасности, качество жизни людей, достижение мирового экономического уровня, освоения новых технологических возможностей и социальный прогресс в первую очередь зависят от качественного процесса обучения и воспитания учащихся.

Расходы на содержание общеобразовательных школ. В 2017–2018 учебном году в 9718 общеобразовательных школах республики обучалось 5271,3 тыс. детей. В последние годы численность учащихся общеобразовательных школ увеличивается, что обусловлено двумя причинами: повышением уровня рождаемости в 2000-х годов, а возвращением обучения в 10-х и 11-х классах. Соответственно, доля общеобразовательных школ в расходах госбюджета в последние годы росла и в настоящее время составляет 16%. В 2025 г. прирост численности детей и подростков в возрасте 7–17 лет может достигнуть 20,2% относительно общей численности и сохранится в 2030 г. – 21,1%. Следовательно, и расходы госбюджета на содержание общеобразовательных школ в перспективе возрастут пропорционально росту численности детей и подростков, так как в расчетах закладывается стопроцентный их охват обучением в школе, а также в системе профессиональной подготовки.

Система высшего образования. В основе перехода к инновационной модели экономического роста лежит предпосылка о том, что основные конкурентные преимущества Узбекистана сосредоточены не только в богатых минерально-сырьевых ресурсах, а главным образом в человеческом капитале. Однако мощности вузов позволяют ежегодно принимать до 10% выпускников общеобразовательных учреждений и среднего специального, профессионального образования.

При этом охват населения высшим образованием составляет не более 9%, что является одним из самых низких показателей в мире. Численность населения, которое является потенциальным бенефициаром услуг учреждений высшего образования, на протяжении всего прогнозного периода незначительно сокращается в абсолютных значениях. Более конкретно, если население от 17 лет до 25 лет в 2018 г. составило 4814,0 тыс. чел., то его количество в 2025 г. сократится до 4716,5 тыс. чел. и в 2030 г. 4669,1 тыс. чел.

Учитывая недостаточный охват высшем образованием, необходимо довести его до 25–30% к 2030 г. по приоритетным направлениям высокотехнологичных услуг и промышленности в партнерстве с ведущими зарубежными вузами. Достижение поставленных целевых параметров требуют повышения как количественных, так и качественных показателей всей системы высшего образования. Несмотря на разнообразные рычаги управления, которыми располагает государство, эффективность регулирования высшего образования остается невысокой, свидетельством чему является нерешенность проблемы качества высшего образования.

Большинство вузов готовят «недорогих» специалистов, которые тем не менее востребованы в государственном и частном секторах экономики, и этот рыночный спрос образует экономический фундамент массового высшего образования с посредственным качеством.

Необходимо ускоренно создавать современную научно-технологическую и инженерную школу по приоритетным для республики направлениям научных знаний, внедрять новые технические стандарты и регламенты, осуществлять глубокую реформу системы профессионального образования.

В накоплении человеческого капитала страны не менее важную роль занимает ее система здравоохранения. Здоровье населения оказывает влияние на его экономическую деятельность, производительность, на возможность получить отдачу от инвестиций в другие компоненты человеческого капитала – образование, опыт работы. Ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) является интегральным и одним из наиболее информативных показателей общественного здоровья.

Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни в стране зависит от показателей ее социально-экономического развития, качества медицинского обслуживания и фактора социального стресса. Успех в отношении увеличения продолжительности жизни можно признать полноценным при условии сохранения хорошего состояния здоровья. Отсюда вытекает необходимость развития как профилактической и реабилитационной медицины, так и технологий оздоровления, а эффективность мероприятий должна оцениваться на основании качества прожитых и предстоящих лет жизни.

За последние годы расходы на систему здравоохранения в нашей стране существенно возросли. В республике проводится бесплатная вакцинация всех детей в возрасте до двух лет, что позволило полностью ликвидировать такие заболевания, как дифтерия, столбняк, полиомиелит. Практически 100% в детей в возрасте до 14 лет дважды в год охватываются углубленными медосмотрами.

Посредством реализации программ и проектов по безопасному материнству и улучшению репродуктивного здоровья женщин, поощрению и пропаганде грудного вскармливания, профилактике и ликвидации микронутриентной недостаточности путем фортификации продуктов питания витамином А, железом и фолиевой кислотой снижены фак-

торы риска среди женщин фертильного возраста. Значительно снизились показатели фертильности, количество абортов, случаи беременности среди женщин моложе 16 лет и старше 35 лет, увеличился средний интервал между родами. В результате за 2000-2017 гг. материнская смертность сократилась с 33,1 до 19,0 случаев материнских смертей на 100 тыс. живорожденных, младенческая смертность – до 11,2 случаев смертей на 1000 живорожденных.

Принимаемые кардинальные меры по реформированию и развитию здравоохранения за последние пять лет способствовали сокращению смертности по причинам болезней органов дыхания, нервной системы и органов чувств, инфекционных болезней и др.

Таким образом, в результате реализации политики в сфере здравоохранения улучшены демографические характеристики населения – сократилось число случаев по социально значимым видам заболеваемости (инфекционные болезни, туберкулез и др.), снизился уровень смертности, и увеличилась продолжительность жизни населения (с 67,2 лет в 1990 г. до 73,8 лет в 2017 г.).

Однако меняющаяся половозрастная структура населения требует кардинальных мер и увеличения расходов на здравоохранение. Во всем мире увеличивающаяся доля населения пожилого возраста накладывает дополнительную нагрузку на здравоохранение. Более того, значительные различия в получении медицинских услуг обусловлены неразвитостью дорожно-транспортного сообщения и недостаточным оснащением современным оборудованием. Рекомендуется повысить эффективность распределения медикаментов и доступность медицинской помощи для социально уязвимых групп населения (люди с хроническими недугами, малообеспеченные, жители села).

Одним из главных демографических вызовов, который ожидается в Узбекистане, становится рост доли в населении старших возрастных групп, что ведет к росту специфических потребностей в их медицинском обслуживании, обусловленных сдвигом структуры заболеваемости населения в сторону увеличения доли хронических неинфекционных болезней. Соответственно, требуется не только привлечение дополнительных средств для оказания необходимых объемов медицинской помощи, но и изменение структуры деятельности системы здравоохранения. Так, например, в последнее десятилетие заболеваемость злокачественными новообразованиями (которые в подавляющем большинстве случаев наблюдаются у людей старших возрастных групп) и смертность от них выросли во всем мире более чем на 20%. Такая же тенденция наблюдается и в нашей стране, в перспективе количество престарелых людей, одиноких и не способных по состоянию здоровья обслуживать себя может увеличиться. Следовательно, они будут нуждаться в долговременных услугах по уходу за ними. Подобный уход может оказываться как на дому, так и в специальных учреждениях, но в любом случае он требует существенных затрат – как со стороны государства, так и со стороны населения. Как показывает международный опыт, во многих странах эти затраты уже сейчас превышают 1% и даже 2% ВВП. Учитывая имеющиеся прогнозы изменения возрастно-половой структуры населения страны с учетом его расселения, а также коэффициенты потребления медицинской помощи в различных группах населения, можно ожидать определенных изменений объемов основных видов медицинской помощи, предусмотренных государственных гарантий.

Определенные особенности могут иметь и изменения объемов отдельных специализированных видов помощи. Среди основных долгосрочных тенденций до 2025 г. в изменении возрастного состава населения Узбекистана следует ожидать рост числа рождений, а значит, и числа детей, а через некоторое время и подростков, что может потребовать дополнительных вложений в развитие педиатрии. Их рост должен будет происходить одновременно с неизбежным ростом затрат на развитие геронтологии, кардиологии, онкологии, медико-социальной помощи.

Набибуллаева Р.З.
с.н.с. Института прогнозирования и макроэкономических исследований при Министерстве экономики и промышленности Республики Узбекистан

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН В ОБЛАСТИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Ключевые слова: *Республика Узбекистан, социальная политика, здравоохранение.*

В условиях глобализации и межрегиональной конкуренции Узбекистану необходимо обеспечить интегрирование в мировую экономику, конкурентоспособность на международных рынках, с тем, чтобы обеспечить экономическую основу проведения сильной социальной политики. Для достижения этой цели необходимо пропорциональное развитие каждого региона, в том числе, развития сферы образования и здравоохранения, поскольку экономика страны в целом зависит от отдачи административно-территориальных единиц.

Повышение качества образования и здравоохранения во всех регионах республики признается важным направлением социальной политики в Узбекистане[1], т.к. уровень образования и здоровья населения являются определяющими компонентами качества трудовых ресурсов и интеллектуального потенциала, что непосредственно влияет на социально-экономическое развитие страны и региона. Поэтому требуется системный мониторинг соответствующих индикаторов для оценки предпринимаемых мер, реализации программ по совершенствованию систем образования и здравоохранения и их влияния на уровень жизни населения в регионах.

Создание в стране качественной системы здравоохранения, обеспечивающей сохранение и улучшение здоровья населения, формирование условий для воспитания здорового поколения, является приоритетным направлением государственной политики. Правительством уделяется особое внимание созданию и укреплению правовых основ дальнейшего развития здравоохранения исходя из демографических процессов и приоритетов социально-экономического развития республики. В частности, в рамках Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 гг. определены следующие задачи в отношении охраны здоровья населения:

– дальнейшее реформирование сферы здравоохранения, прежде всего первичного звена, скорой и экстренной медицинской помощи, направленное на повышение доступности и качества медицинского и социально-медицинского обслуживания населения, формирование здорового образа жизни населения, укрепление материально-технической базы медицинских учреждений;

– дальнейшая реализация комплексных мер по укреплению здоровья семьи, охране материнства и детства, расширению доступа матерей и детей к качественным медицинским услугам, оказанию им специализированной и высокотехнологичной медицинской помощи, снижению младенческой и детской смертности;

– дальнейшее развитие и совершенствование системы медико-социальной помощи пенсионерам, инвалидам, одиноким престарелым и другим уязвимым категориям населения для обеспечения их полноценной жизнедеятельности;

– дальнейшее развитие фармацевтической промышленности и улучшение обеспеченности населения и медицинских учреждений доступными, качественными лекарственными средствами и изделиями медицинского назначения, реализация мер по недопущению необоснованного роста цен на них;

– обеспечение снижения показателей заболеваемости населения и повышения продолжительности жизни населения.

В целях успешной реализации поставленных задач приняты Постановление Президента Республики Узбекистан ПП-3894 от 2 августа 2018 года «О мерах по внедрению инновационной модели управления здравоохранением в Республике Узбекистан», Указ Президента Республики Узбекистан ПП-5590 от 7 декабря 2018 года «О комплексных мерах по коренному совершенствованию системы здравоохранения Республики Узбекистан», разработана Концепция развития системы здравоохранения Республики Узбекистан на 2019–2025 годы, в соответствии с нормативно-правовыми актами Республики Узбекистан, регулирующими деятельность в сфере здравоохранения, а также международными договорами в области охраны здоровья населения в рамках региональной политики Здоровье-2020 и Целей устойчивого развития 2030[2].

---

[1] См.: Постановление Президента Республики Узбекистан от 16.01.2019 г. № ПП-4119 «О дополнительных мерах по совершенствованию системы контроля за качеством образования» в целях дальнейшего совершенствования системы контроля за качеством образования, а также Указ Президента Республики Узбекистан от 5 сентября 2018 года № УП-5538 «О дополнительных мерах по совершенствованию системы управления народным образованием» создана Государственная инспекция по надзору за качеством образования при Кабинете Министров.

[2] Указ Президента Республики Узбекистан ПП-5590 от 7 декабря 2018 года «О комплексных мерах по коренному совершенствованию системы здравоохранения Республики Узбекистан».

Состояние и качество здравоохранения в территориальном разрезе могут быть оценены на базе системы показателей и индикаторов, характеризующих уровень заболеваемости, смертности, распространенности социально значимых заболеваний, материально-технической базы. Их можно объединить в четыре компонента, состоящих из следующих блоков: заболеваемость, смертность, материально-техническая база, кадры (табл. 1).

Таблица 1

Система индикаторов (показателей) мониторинга уровня и качества здравоохранения в регионах Узбекистана[1]

Основные компоненты			
Индикаторы заболеваемости	Индикаторы смертности	Индикаторы материально-технической базы	Индикаторы кадрового потенциала
• Общая заболеваемость • Территориальное распространение наиболее значимых заболеваний: – Болезни органов дыхания – Болезни крови – Болезни органов пищеварения – Травмы и отравления – Болезни мочеполовой системы – Болезни эндокринной системы расстройства питания – Нарушения обмена веществ – Заболеваемость инфекционными и паразитарными болезнями – Болезни нервной системы – Болезни системы кровообращения	• Общая смертность • Младенческая смертность • Материнская смертность • Детская смертность	•Число больничных коек •Мощность амбулаторно-поликлинических учреждений Мощность сельских врачебных пунктов	• Обеспеченность врачами всех специальностей Обеспеченность средним медицинским персоналом

Источник: разработки ИПМИ.

Применительно к региональному мониторингу на различных уровнях, представленная выше система показателей (индикаторов) качества здравоохранения конкретизируется в соответствии с информационными возможностями и практической целесообразностью расчета и анализа с учетом специфических особенностей территорий.

По данным Государственного комитета Республики Узбекистан, средний показатель по ожидаемости жизни составляет, 73,6 лет. Среди регионов наиболее высокий показатель в Джизакском регионе, с показателем 75,7 лет, а самый низкий в Сырдарьинском регионе – 70,6. Успех в отношении увеличения продолжительности жизни можно признать полноценным при условии сохранения хорошего состояния здоровья. Отсюда вытекает необходимость развития как профилактической и реабилитационной медицины, так и технологий оздоровления, а эффективность мероприятий должна оцениваться на основании качества прожитых и предстоящих лет жизни (рис. 1.).

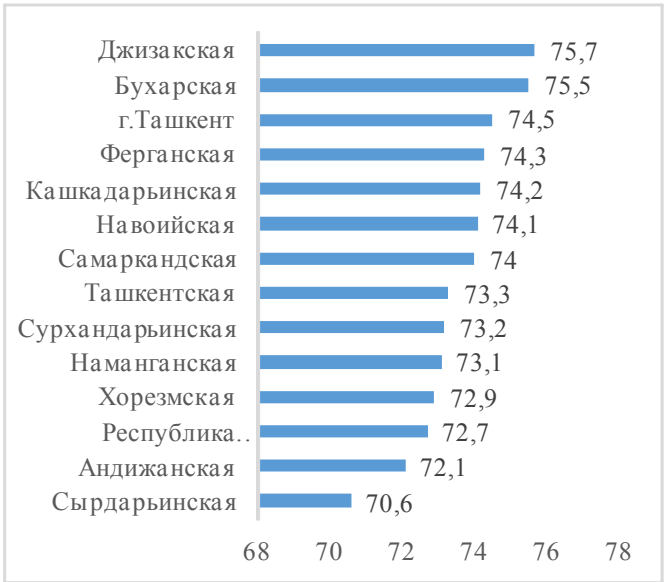


Рисунок 1.
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении регионам (за 2017 год, лет)

Следующий показатель в здравоохранении, которому уделяется особое внимание в процессе мониторинга здоровья населения по регионам, основывается на анализе болезней по классам. В нашей республике наиболее распространены болезни органов дыхания (168,00 на 1000 чел.) и пищеварения (75,683 на 1000 чел.), что связано с ухудшающей экологической обстановкой, а также нездоровым образом жизни и неправильном питанием. Далее следуют заболевания крови и кроветворных органов и отдельные нарушения иммунной системы, органов мочеполовой систе-

[1] В качестве регионов выступает Республика Каракалпакстан, 12 областей и г. Ташкент.

мы, кровообращения и т.д. В разрезе регионов общая картины по классам болезней сильно не меняется, однако прослеживаются различия в уровне распространенности той или иной болезни в отдельных областях (рис. 2.) Так, например, в Бухарской области состояние по болезням органов дыхания (28,7%) является наиболее благоприятным среди всех регионов республики, хотя болезни, связанные с травмами и отравлениями, (19,1%) имеют более значительный удельный вес в сравнении с другими регионами.

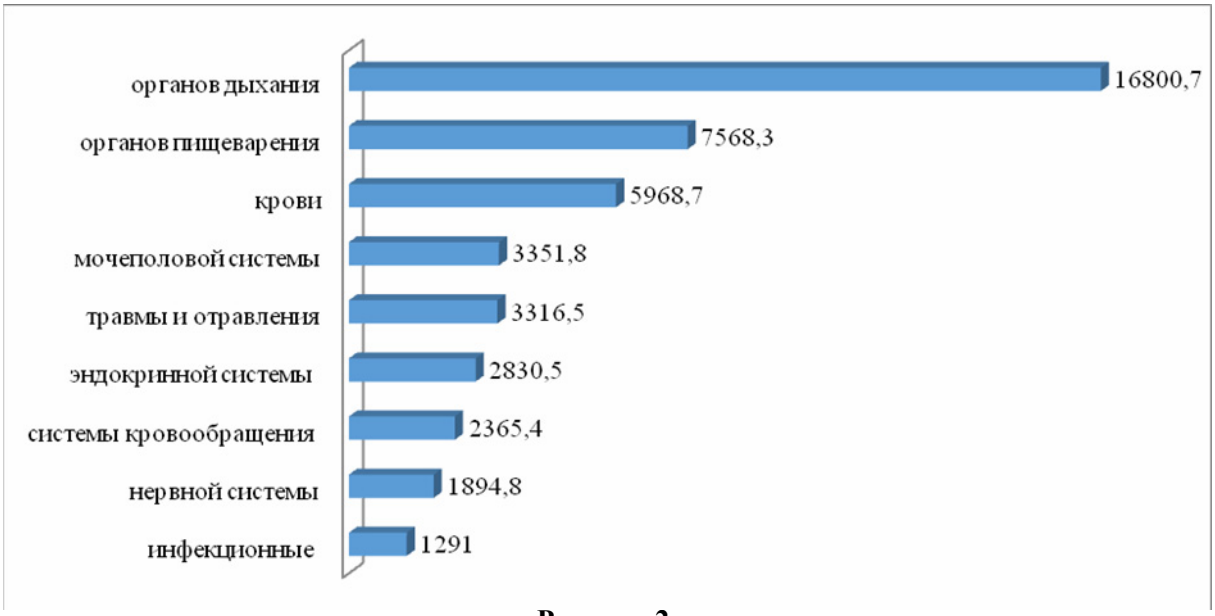


Рисунок 2.
Заболеваемость по классам болезней по Республике Узбекистан (на 100 000 чел.)

Показатель уровня общей заболеваемости, по сути, характеризует конечный результат проводимых реформ в здравоохранении. В 2003 г. этот показатель составил 675,2 случаев на 1000 населения, а в 2017 г. – 417,2 случаев на 1000 населения. Уровень заболеваемости имеет тенденцию снижения, а также относительно не высок по сравнению со странами СНГ, в частности России (1617 случаев на 1000 населения)[1], т.е. ниже почти в 3,8 раза.

Другой положительный момент заключаются в том, что в 2000-2017 гг. наблюдается снижение межрегиональной дифференциации по общей заболеваемости с 3,3 раза до 2,4 раза (табл. 2.). Причин этого может быть несколько. Во-первых, это связано, с улучшением условий по охране здоровья населения по всей республике, программами охраны здоровья матерей и детей в течение нескольких лет. Во-вторых, люди начали уделять больше внимания здоровому образу жизни, здоровому питанию и профилактике некоторых заболеваний.

Группировка регионов по индексу показателя общей заболеваемости показала, что в 2000 г. две области, а именно Сырдарьинская и Джизакская составляли группу регионов с низким уровнем заболеваемости. За 2005–2009 гг. оба данных региона ухудшив свои показатели, остались в группе с относительно низкими их значениями, а к 2017 г. они переместились в группу со средним уровнем заболеваемости.

Таблица 2

Уровень дифференциации общей заболеваемости населения (по индексу на 100 тыс. населения) в разрезе регионов Узбекистана

	2000 г.	2005 г.	2009 г.	2017 г.
Республика Узбекистан	**1,00**	**1,00**	**1,00**	**1,00**
Республика Каракалпакстан	1,11	0,89	0,85	0,92
Андижанская	1,14	1,01	0,98	0,95
Бухарская	1,12	1,30	1,05	0,77
Джизакская	0,58	0,49	0,80	0,83
Кашкадарьинская	0,86	0,93	0,95	0,85
Навоийская	1,18	1,57	1,47	1,05
Наманганская	1,28	1,12	0,89	1,04
Самаркандская	0,63	0,79	0,85	0,84
Сурхандарьинская	0,78	0,73	0,76	0,91
Сырдарьинская	0,41	0,57	0,64	0,90
Ташкентская	0,98	0,88	0,87	0,87
Ферганская	1,05	1,08	1,19	1,07
Хорезмская	1,28	1,28	1,23	0,99
г. Ташкент	1,34	1,37	1,46	1,87
Межрегиональная дифференциация (раз)	**3,3**	**3,2**	**2,3**	**2,4**

Источник: рассчитано на основании данных Госкомстата Республики Узбекистан.

[1] Министерство здравоохранения Российской Федерации. Заболеваемость всего населения России в 2016 году. – https://www.rosminzdrav.ru/ministry/61/22/stranitsa-979/statisticheskie-i-informatsionnye-materialy/ statisticheskiy-sbornik-2016-god

В группе регионов со средним уровнем заболеваемости произошли определенные сдвиги в 2005–2009 гг. и 2017 г. Республика Каракалпакстан, Андижанская, Хорезмская, Наманганская и Бухарская область значительно улучшили свои показатели, переместившись в группу регионов со средним уровнем заболеваемости, что показывает позитивную тенденцию в этих регионах, что в свою очередь влияет на сокращение уровня дифференциации между регионами.

В группе регионов с высоким уровнем общей заболеваемости наблюдалось сокращение числа регионов с 8 до 4. Данное обстоятельство также подтверждает положительные результаты реформирования здравоохранения в регионах.

Таблица 3

Группировка регионов по общей заболеваемости населения (по индексу на 100 тыс. населения)

2000–2004 гг.	Среднее значение индекса	2005–2009 гг.	Среднее значение индекса	2017 гг.	Среднее значение индекса
1. Высокий уровень – свыше 1,000					
Наманганская	1,218	Наманганская	1,024	Наманганская	1,04
Ферганская	1,114	Ферганская	1,120	Ферганская	1,07
г. Ташкент	1,321	г. Ташкент	1,412	г. Ташкент	1,87
Навоийская	1,322	Навоийская	1,509	Навоийская	1,05
Хорезмская	1,313	Хорезмская	1,232		
Бухарская	1,173	Бухарская	1,236		
Республика Каракалпакстан	1,048				
Андижанская	1,040				
2. Средний уровень – от 0,700 до 1,000					
Сурхандарьинская	0,735	Сурхандарьинская	0,747		0,91
Самаркандская	0,743	Самаркандская	0,811		0,84
Ташкентская	0,927	Ташкентская	0,844		0,87
Кашкадарьинская	0,861	Кашкадарьинская	0,945		0,85
		Андижанская	0,978	Андижанская	0,95
		Республика Каракалпакстан	0,890	Республика Каракалпакстан	0,92
				Сырдарьинская	0,91
				Хорезмская	0,99
				Наманганская	0,89
				Джизакская	0,83
				Бухарская	0,77
3. Низкий уровень – до 0,700					
Сырдарьинская	0,490	Сырдарьинская	0,596		
Джизакская	0,487	Джизакская	0,685		

Источник: рассчитано на основании данных Госкомстата Республики Узбекистан.

По состоянию на 1 января 2018 года в Республике Узбекистан действуют 5296 амбулаторно-поликлинических учреждений. Их число по сравнению с 1991 годом (3027) увеличилось в 1,7 раза. При этом число больничных учреждений, наоборот, уменьшилось в 1,2 раза. Если в 1991 году действовали 1388 больничных учреждений, то в 2017 году их число составило 1135 единиц, 43,4% (493) которых представлены учреждениями малого бизнеса.

На начало 2017 года число больничных учреждений в городе Ташкенте составило 144 единиц, в них коек 19,1 тыс. человек (рис. 3). Самые низкие показатели отмечены в Навоийской (29 ед.) и Сырдарьинской (33 ед.) областях.

За последние годы расходы на медицину в нашей стране существенно выросли. Однако значительные различия в получении медицинских услуг обусловлены неразвитостью дорожно-транспортного сообщения и недостаточным оснащением современным оборудованием. Рекомендуется повысить эффективность распределения медикаментов и доступность медицинской помощи для социально уязвимых групп населения (люди с хроническими недугами, малообеспеченные, жители села).

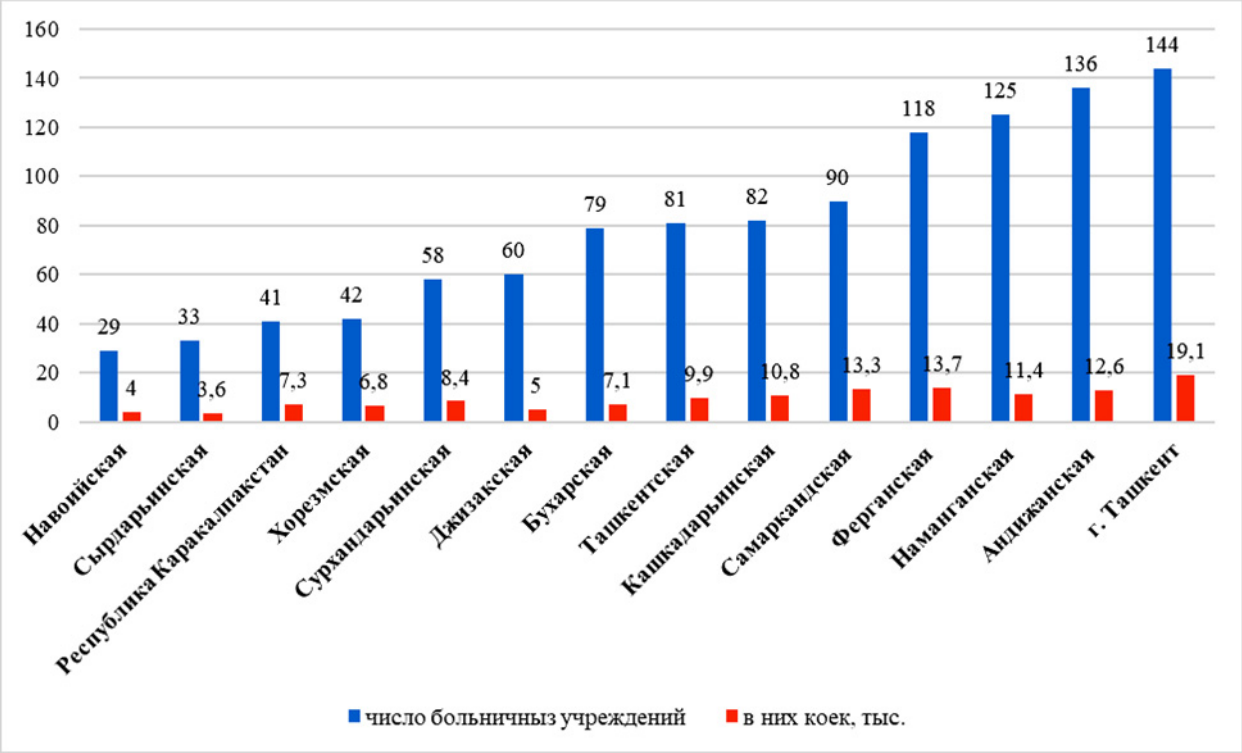
Индикаторы кадрового потенциала, несомненно, являются не менее важными в развитии системы здравоохранения. Примечательно, что по числу врачей на 10 тыс. населения Узбекистан (2,70 на 10 000 чел.) находится на одном уровне с такими развитыми странами как США (2,57), Великобритания (2,81), Япония (2,37) и др.[1] В то же время, учитывая, что расходы на здравоохранение (в % к ВВП) в Узбекистане в 2–3 раза меньше, чем в других странах, такое соотношение говорит о существенном недофинансировании врачей и медсестер Узбекистана. В результате, несмотря на постоянный рост выпускников медицинских вузов, численность работающих врачей продолжает снижаться[2]. Из-за низкого уровня зарплаты часть подготовленных врачей уезжает в другие страны, что усиливает утечку «мозгов».

Другая проблема – дефицит узких специалистов, особенно на районном уровне, сложившийся из-за выпуска медвузами врачей общей практики (ВОП) и недостаточного выпуска магистров. В то же время, имеется большой недостаток подготовленных ВОПов, что связано с отсутствием мотивации у молодых специалистов работать на этих

[1] Данные Мирового Банка по количеству врачей на 10 000 чел. за 1960–2017 гг.

[2] Система здравоохранения Республики Узбекистан: основные тенденции и перспективы развития / Центр экономических исследований. – Ташкент, 2011.

должностях в СВП. Также, необходимо, кардинально пересмотреть программы обучения в медицинских вузах с учетом новых тенденций в мировой системе здравоохранения.



Источник: по данным ГосКомСтат РУз

Рисунок 3.
Число больничных учреждений в разрезе регионов за 2017 год

Самойлов В.Д.[1]

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И МИГРАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ

Ключевые слова*: безопасность; демография; миграция; рождаемость; смертность.*
Ключевые слова*: security; demographics; migration; fertility; mortality.*

1. Демографическая безопасность России

Основная идея в сфере демографии – сбережение жизнедеятельности человека и гражданина РФ, укрепление института семьи, повышение уровня рождаемости. В связи с этим стратегический курс РФ направлен на стабилизацию численности людей на основе создания им условий для повышения рождаемости, снижения смертности, эффективной государственной миграционной политики. Для прорывного научно-технологического и социально-экономического развития РФ, увеличения численности граждан, повышения уровня их жизни, создания комфорта для их проживания, самореализации и раскрытия таланта каждого человека, Президент РФ определил Правительству РФ цели развития страны до 2024 г.[2]: а) обеспечить устойчивый естественный рост численности населения РФ; б) повысить ожидаемую продолжительность жизни до 78 лет (к 2030 г. – до 80 лет).

Социально-экономические и политические перемены в России с 1990-х г. связаны с процессами демографии, что отразилось на репродуктивном, сексуальном, миграционном поведении людей, их семейно-брачных отношениях[3]. Россия вступила в период длительной депопуляции вследствие сверхнизкой рождаемости. Для прогноза динамики численности жителей страны важен коэффициент рождаемости или показатель фертильности, отражающий количество рожденных детей на одну женщину репродуктивного возраста. Указанная динамика соответствовала показателю рождаемости и составила 1,89 в 1990 г., 1,19 – в 2000 г. и 1,75 – в 2014 г. (+43% по сравнению с 2000 г.).

Несмотря на то, что по суммарному коэффициенту рождаемости РФ достигла стран Европы, но его уровень для воспроизводства людей недостаточен (не 2,15), а приближается к 1,91. В связи с этим, индексация материнского капитала с 2007 г. продолжена и с 453 тыс. руб. возрастет до 466 тыс. руб. (2020 г.) и до 489 тыс. руб. (2021 г.). Расходы Пенсионного фонда России в 2019 – 2021 г.[4], составят 325, 6 млрд. руб., 337 млрд. руб., и 347, 5 млрд. руб.

Острой проблемой остается высокая смертность людей. За 25 лет ее наименьший уровень зафиксирован в 1990 г. (11,2% – 1,655 млн. чел.) и увеличивался до 2005 г., достигнув 16,1% (2,3 млн. чел.). Основные факторы смертности с 1980 г.: сердечно-сосудистые, онкологические заболевания и внешние причины. Разработан Национальный проект «Здоровье» (2006, 2018 г.) и Концепция демографической политики РФ на период до 2025 г. (с 2007 г.) для повышения качества оказания медпомощи населению и улучшения демографической ситуации. Результатом реализации мероприятий с 2006 г. стало снижение смертности в 2014 г. на 13,1% (1913 тыс. чел.), а в 2015 г. ее увеличение до 14,2% (из-за эпидемии гриппа в декабре 2014 – апреле 2015 г.).

Среди причин смерти первенствуют болезни системы кровообращения (49,9% или 653,7 на 100 тыс. чел.), которые для трудоспособных граждан от умерших по этой причине в 2014 г. составляли около 30%. Причем, показатели смертности от сердечно-сосудистых заболеваний в России превышают среднеевропейский уровень в 1,6 раза. На начало 2019 г. к субъектам РФ с самыми высокими показателями смертности в 2018 г. Росстатом были отнесены Псковская и Тверская области, в которых на каждую тысячу жителей приходилось 16,8 умерших (в Новгородской области – 16,5; Ивановской области – 16; Владимирской области – 15,8). Наименьшие показатели смертности на Кавказе и Севере страны: Ингушетия – 3; Чечня – 4,2; Дагестан –4,8; Кабардино-Балкария и Якутия – по 7,8; в Тюменской области – 7,9.

Для позитивной динамики необходимо укреплять институт семьи, сохранять семейные ценности, материнство и отцовство, повышать престиж и значимость мужчины, создавать благоприятные материальные условия для рождения и воспитания детей. Преодоление кризиса семьи невозможно без усилий органов государственной власти (ОГВ) и органов государственного управления (ОГУ), представителей религиозных конфессий. Укрепление института семьи, семейных ценностей должно стать приоритетом государства. Президент РФ в качестве ключевых задач выделил сбе-

[1] Самойлов Василий Дмитриевич – д.п.н., к.в.н., профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Института экономики и культуры, г. Москва. E-mail: vas.samoylow2016@yandex.ru

[2] Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

[3] Аполихин О.И., Москалева Н.Г, Комарова В.А. Современная демографическая ситуация и проблемы улучшения репродуктивного здоровья населения России // Экспериментальная и клиническая урология 2015. – № 4. – С. 4–14.

[4] Гусенко М. Будем здоровы // Российская газета. – М., 2018. – № 209, 20 сентября.

режение народа и поддержку семей[1], обратил внимание на нравственность, чем для российского общества и его многонационального народа являются: семья, рождение детей, продолжение рода, уважение к старшим поколениям для укрепления семейных ценностей, будущего государства, гражданского общества, для религиозных организаций, политических партий и СМИ.

Объективно демографический кризис современной России обусловлен: а) потерями почти 27 млн советских граждан в период 2-й Мировой войны; б) миграционными процессами.

Резюмируем: анализ показал, что демографическая ситуация представляет угрозу социально-экономической стабильности и безопасности государства, а также сохранению традиционного уклада жизни. Позитивные тенденции в улучшении демографической ситуации (с 2013 г.) на фоне проблем репродуктивного здоровья граждан нуждаются в государственной поддержке для преодоления до 2040 г. негативных тенденций. В связи с вышеизложенным необходима Концепции охраны репродуктивного здоровья населения (полномочия Минздрава России) с целью улучшения репродуктивного потенциала семьи и снижения репродуктивных потерь граждан РФ. *Основные принципы* данной Концепции могут составлять: 1) государственная поддержка репродуктивного поведения граждан РФ; 2) создание профилактической среды в области репродуктивного здоровья при личной ответственности гражданина и человека за свое здоровье с учетом признания мужского здоровья неотъемлемым фактором репродуктивного здоровья.

Основные пути улучшения репродуктивного здоровья граждан РФ (прогнозные): а) *экстенсивный путь* – лечение существующих заболеваний и их осложнений (третичная профилактика для оказания медпомощи) на основе оказания высокотехнологичной и специализированной медпомощи при вызове врача на дом / в стационаре; б) *интенсивный путь* – сохранение здоровья, санитарно-просветительская работа, первичная профилактика, активное вовлечение граждан в заботу о своем здоровье на основе новых медицинских технологий для усиления профилактики заболеваний, раннее выявление которых и формирование здорового образа жизни высокоэффективно.

2.4. Миграционная безопасность России

Стратегический курс РФ в сфере миграции направлен на повышение благосостояния российских граждан, стабилизацию численности населения, прогресс социально-экономического развития страны, реализацию государственных и геополитических интересов до 2025 г.

Государственная миграционная политика РФ представляет собой целенаправленную деятельность ОГВ и ОГУ по управлению миграционными процессами для обеспечения безопасности страны в соответствии с ее геополитическими интересами, прав и свобод человека и гражданина, решения социально-экономических и демографических задач[2]. В РФ государственно-правовому регулированию подлежат восемь миграционных процессов: иммиграция, расселение, трудовая миграция, нелегальная миграция, вынужденная миграция, эмиграция, реадмиссия и переселение соотечественников.

По данным Росстата граждан РФ за январь-июль 2018 г. стало меньше на 91,9 тыс. человек (на 1 августа 146,8 млн человек[3]). Вместе с тем население РФ за 2017 г. увеличилось на 77,4 тыс., а за 2016 г. – на 259,7 тыс. человек. При этом число родившихся в РФ в январе-июле 2018 г. снизилось до 928,9 тыс. человек с 969,4 тыс. человек за аналогичный период 2017 года. Число умерших в январе-июле 2018 г. выросло до 1 млн 99,4 тыс. человек с 1 млн 83,8 тыс. человек в январе-июле 2017 г. *Миграционный прирост* лишь на 46,1% компенсировал численные потери населения. За январь-июль 2018 г. он составил 78,7 тыс. человек против 119,7 тыс. человек в январе-июле 2017 г.

Следовательно, миграция – это социально-экономическое явление, формирующееся в процессе реализации людьми своих намерений, обусловленных их передвижением, приобретением нового гражданско-правового статуса в местах вселения, интересами семьи, общества и государства. Вызовы и угрозы миграционной безопасности существенно влияют как на стабилизацию и упорядоченность жизнедеятельности граждан РФ, так и на поведенческие мотивы иностранных граждан и лиц без гражданства (ИГ и ЛБГ), которые прибывают на территорию страны для осуществления трудовой деятельности. Кроме того, реализация миграционных намерений гражданами как участниками совокупности миграционных процессов, связана с международной миграцией капитала, его сущностью, содержанием, этапами, причинами и показателями.

Выводы: 1. Государственно-правовое регулирование сферы миграции по политико-концептуальным, социально-экономическим и профессиональным аспектам в России лишено организованности по каждому из восьми миграционных процессов, из чего следует, что: а) реализация гражданами РФ своих 42 свобод и прав, а также семи обязанностей происходит вне социально-правового поля государственной миграционной политики; б) государственно-правовое регулирование миграционных процессов направлено на: беспрецедентное стимулирование «утечки мозгов» высококвалифицированной российской элиты, в том числе молодых специалистов (выпускников престижных вузов); на «*содействие добровольному переселению на территорию Российской Федерации соотечественников, проживающих за рубежом*».

---

[1] http://www.kremlin.ru/events/president/news/copy/59863

[2] Самойлов В.Д. Основы миграционного права: учебник. – М.: АЭБ МВД России, 2009; Самойлов В.Д. Миграциология. Конституционно-правовые основы: монография. – М., 2013; Самойлов В.Д. Государственно-правовое регулирование социально-экономических и политических процессов: учебник. – М., 2013; Самойлов В.Д. О совершенствовании государственной миграционной политики Российской Федерации // Право и безопасность. 2005. – № 3. – С. 82–88; Самойлов В. О концепции высшего образования офицеров // Высшее образование в России. – М., 2002. – № 6. – С. 76–78 и др.

[3] https://www.interfax.ru/russia/ 629861?utm_source=yxnews&utm_medium

2. Анализ государственно-правовых основ обеспечения миграционной безопасности РФ показал, что с упразднением ФМС России (5 апреля 2016 г.) и возвращением ее полномочий в систему МВД России (возложены на Главное управление МВД России по вопросам миграции) уровень защищенности личности, семьи, общества и государства от реальных и потенциальных вызовов и угроз в сфере миграции не повысился.

Сучков С.В.
д.м.н., профессор, директор Центра персонализированной медицины, зав. кафедрой трансляционной медицины, Первый МГМУ; НИЯУ МИФИ
Сеидов В.Г.
к.и.н., профессор Дипломатической академии
Тилли У.
Массачусетский технологический институт
Белов Ю.В.
профессор, академик РАН
Шерман Д.
профессор, Центр фармакологических исследований, Париж
Свистунов А.А.
д.м.н., профессор, член-корреспондент РАН
Мерфи Ш.
Гарвардская медицинская школа, Бостон
Величковский Б.Т.
д.м.н., профессор, академик РАН
Смит Д.
Клиника Майо, Рочестер
Хироюки Абэ
профессор, Токио

ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННАЯ И ПРЕЦИЗИОННАЯ МЕДИЦИНА (ППМ) КАК УНИКАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ И КАК ПРОДУКТ ШИРОКОМАСШТАБНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ АЛЬЯНСОВ

Ключевые слова: *здравоохранение, персонализированная медицина, международное сотрудничество.*

С начала 90-х демографические показатели в РФ стабильно ухудшаются, оставаясь на неудовлетворительно низком уровне по сравнению с экономически-развитыми странами. При этом более трети трудоспособного населения находится в зонах ощутимых рисков, а именно: (а) опережающего старения (вопреки креативному долголетию); (б) растущей заболеваемости с сопровождающей ее хронизацией (в противоположность здоровому образу жизни) и (в) инвалидизации населения в целом. Вышесказанное является мощным сдерживающим для экономики фактором, сокращая возможности использования высокообразованных и опытных кадров, препятствуя развитию высокотехнологичных секторов и угрожая в перспективе безопасности страны. Ключевой причиной назревшей проблемы является отсутствие в системе здравоохранения звена принципиально новой генерации – оценки индивидуального здоровья и, соответственно, системных площадок, обеспечивающих охрану национальной биобезопасности, а именно, – звена ***персонализированной и прецизионной медицины (ППМ).***

ППМ – это революционные для науки, медицины и социума в целом перемены глобального характера, определяющие переход здравоохранения на уровень системной профилактики и превенции с постоянной заботой о здоровом образе жизни. В основе этой модели заложены принципы, позволяющие максимально утилизировать адаптационные ресурсы индивидуума в целях выживания, обеспечивая при этом стабильность национальных генофондов в перспективе. Соответственно, именно ППМ становится на Западе стратегическим объектом внимания профессионалов, ориентируя национальные аудитории на транснациональные тренды, ранее гражданам в большинстве стран не особо привычные, а именно, – на профилактику и предупреждение заболеваний, взаимоувязанных с оценками совокупных рисков и угроз, и активным продвижением здорового образа жизни.

Обновление модели здравоохранения в России сдерживается рядом фундаментальных проблем – (а) глубоко устаревшие технологические платформы и образовательные площадки, генерирующие национальные продукты дня вчерашнего и (б) исчезновение профессиональных и социальных стимулов обновления ментальных приоритетов. Соответственно, грандиозные в своих реалиях изменения, которые происходят на мировых площадках сегодня, безотлагательно требуют кардинального пересмотра взглядов на системное отношение государства к здоровью нации и биобезопасности страны в целом.

Внедрение в практику идеологии и технологий ППМ потребует колоссальных усилий со стороны не только государства и медицинского сообщества, но и мирового социума в целом, обеспечивающего гарантированную эффективность формирования стратегических альянсов и конкретных технологических площадок для консолидированного

продвижения на международные рынки глобального продукта – обновляемой модели охраны здоровья. Становится очевидным, что мировому сообществу необходим и принципиально новый опыт для широкого распространения инновационного мышления, а точнее, новая лишенная национальных границ и барьеров ШКОЛА для формирования специалистов новой генерации, использующих нетрадиционные для сегодняшнего дня критерии, стиль мышления и сценарии деятельности.

Широкое внедрение ППМ в практику позволит достичь, по оценкам экспертов, социальной экономии, исчисляемой десятками миллиардов долларов США в год на каждом миллионе лиц, находящихся под профилактическим наблюдением. При этом неизбежной становится и глобальная модернизация медико-фармацевтического рынка, что в совокупности становится ЗАВИСИМЫМ от тесной международной кооперации нового поколения – союзов врачей, экономистов, юристов, политиков и обслуживающих врачей производственно-технологических технопарков.

Увеличение человеческого капитала, в том числе за счет сохранения индивидуального здоровья и увеличения при этом творческого и профессионального долголетия, выгодно как государствам в целом, так и человеку, в частности. Активное использование разработок в области ППМ можно ожидать уже к 2022 г.

Основные преимущества ППМ заключаются в сокращении расходов системы здравоохранения в долгосрочной перспективе и улучшении здоровья населения в целом. Соответственно, настало время менять приоритеты, в связи с чем неизбежно возникает объективный вопрос – можно ли что-то у нас изменить?

Отвечая на поставленный вопрос, скажем, что изменить можно и нужно, если стратегический акцент сфокусировать на понятии «витальной» безопасности личности, которая и обеспечивается гарантиями клиник ППМ с одной стороны и гарантиями тесной транснациональной кооперации, которая придает обновляемой модели будущего гарантии дня завтрашнего. В этом ключе нами достигнуты уникальные договоренности с мировыми лидерами в области ППМ на участие в формировании Российского Центра ППМ, который получил бы доступ к ресурсной базе западных клиник и встал бы со временем в ряд соответствующих мировым стандартам Центров.

Мы находимся на грани глобальных перемен, которые иллюстрируют переход от национальных и региональных систем здравоохранения, ориентированных на лечение заболеваний, к международной модели, сосредоточенной на защите индивидуального здоровья путем управления собственным. Не исключено, что следующие поколения будут говорить о XXI в. как о времени, когда лечение стало превентивным и персонифицированным, а его результаты – предсказуемыми и гарантированными. Остается лишь надеяться, что международная политика в сфере охраны здоровья и современный мир будут разумны.

Уварова Т.Б.
д.и.н., гл.н.с. ИНИОН РАН
ethn.uvarova@inbox.ru
Шемберко Л.В.
зав. сектором ИНИОН РАН
irichem@gmail.com

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕГИОНОВ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОГНОЗЫ

***Ключевые слова**: этнодемографическое развитие, Россия, многонациональное государство, информационно-аналитические исследования, базы данных, евразийское пространство, миграционные процессы, демографические проблемы, рождаемость, старение населения, смертность, тенденции, прогнозы, экспертные оценки.*

Keywords: ethnodemographic development, Russia, multinational state, information and analytical researches, databases, Eurasian space, migration processes, demographic problems, birthrate, aging of the population, mortality, trends, forecasts, expert estimates.

Введение. Демографические проблемы в России определили содержание одного из современных национальных проектов страны – «Демография» (2019–2024)[1]. Согласно прогнозам экспертов, Россия может войти в число развитых постиндустриальных стран при условии, что ей удастся преодолеть наиболее острые современные демографические вызовы, а именно: снизить смертность, увеличить продолжительность здоровой и активной жизни, поддержать право каждого человека на успех за счет обеспечения равных возможностей для актуального образования в любом возрасте.

Информационно-аналитический анализ этнодемографических трансформаций регионов России проводился по результатам мониторинга ключевых этнодемографических и миграционных проблем в российских регионах, выявленных на основе междисциплинарного поиска информации в базах данных (БД) Автоматизированной информационной системы по общественным наукам (АИСОН) ИНИОН РАН, включая демографию, правоведение, социологию, экономику, этнологию.

Репрезентативность данных обусловлена тем, что информация по демографии вводится в интегрированную БД ИНИОН «Экономика и демография» более четверти века. В разделе «Демография» А05 содержатся библиографические записи документов различных типов и видов, включая монографии, сборники научных статей, отдельные статьи и рецензии из сборников и журналов, многотомные издания, материалы научных конференций, учебные издания, библиографические и справочные издания, энциклопедии и словари. Статьи из научных журналов и сборников составляют свыше 75% документального потока по демографии.

Для отбора научных публикаций для изучения важнейших демографических трансформаций регионов России был проведен информационный мониторинг по следующим структурным элементами раздела БД по демографии, доступ к которой возможен на сайте ИНИОН РАН (www.inion.ru), включая следующие тематические разделы: а) общие проблемы народонаселения (А0511), охватывающие информацию по воспроизводству населения (А051120), по вопросам семьи (А051125) и миграции населения (А051130), населения и здравоохранения (А051160), по проблемам демографической политики (А051185) и др.; б) статистика населения (А0521), в том числе переписи населения (А052115), текущий учет населения (А052127) и прогнозы численности населения (А052139); в) расселение населения, географическая демография (А0541). В результате междисциплинарного поиска информации по демографическим проблемам было найдено свыше 12,9 тыс. научных публикаций по демографическим проблемам различных регионов России.

Изучение собранного массива демографической информации показало, что особенностью современного этапа научно-аналитического анализа и многочисленных дискуссий ученых является рассмотрение последствий низкой рождаемости во многих регионах страны через призму старения населения. Установлено, что на демографическую ситуацию в стране и отдельные регионы оказывает влияние ряд ключевых факторов, тесно связанных с географическими особенностями проживания, климатическими и историко-культурными условиями, социальной мобильностью населения, а также структурой расселения граждан по регионам огромной территории России.

Этнодемографическая структура. Россия – самая большая по территории страна мира. Ее площадь составляет около 17 миллионов квадратных километров, что почти в два раза больше площади таких государств, как Канада, США, Китай. Общая численность населения России на 1 января 2019 года составляет 146,7 млн. человек. Таким образом, по численности населения Россия занимает лишь девятое место[2].

[1] Национальный проект «Демография». – https://strategy24.ru/rf/demography/projects/natsional-nyy-proyekt-demografiya

[2] Население России: численность, динамика, статистика. – http://www.statdata.ru/russia

По своему государственному устройству Россия является федерацией, построенной по национально-территориальному принципу. Согласно последней переписи населения РФ 2010 г., граждане свыше 180 национальностей проживают на территории страны. При этом лишь семь народов, населяющих Россию, имеют численность более миллиона человек (русские, татары, украинцы, башкиры, чуваши, чеченцы и армяне). Русские являются наиболее многочисленной национальностью, их численность составляет более 80% жителей страны.

Всего в России 85 регионов – субъектов Российской Федерации, в том числе 22 республики, 9 краёв, 46 областей, 3 города федерального значения, 1 автономная область, 4 автономных округа. Наиболее многочисленные национальности образуют автономные республики и округа. Всего их 22: Удмуртия, Чечня, Ингушетия, Чувашия, Татарстан, Мордовия, Карелия, Якутия, Хакасия, Кабардино-Балкария, Дагестан, Коми, Адыгея, Северная Осетия, Карачаево-Черкессия, Тува, Бурятия, Марий-Эл, Башкирия, Алтай, Калмыкия, Крым. Автономных округов в России 5: Ханты-Мансийский, Чукотский, Ненецкий, Крымский и Ямало-Ненецкий.

Самый населенный регион России – это город Москва с населением свыше 12,4 млн. чел. Второй крупнейший регион России – Московская область с населением более 7,4 млн. человек. Третий наиболее крупный по населению регион – Краснодарский край с населением около 5, 6 млн. человек[1].

Все национальные образования отличаются сложным составом населения. Доля основной («титульной») нации, давшей название соответствующему образованию, в ряде случаев сравнительно невелика. Так, в девяти республиках на народы «титульной» нации приходится менее одной трети населения (в т.ч. в Карелии и Калмыкии). Лишь в шести из 21 республики РФ основные народы составляют большинство (Ингушетия, Чувашия, Тува, Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Чеченская Республика). В полиэтничном Дагестане десять местных народов (аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы, табасараны, ногайцы, рутульцы, агулы, цахуры) образуют 80% всего населения.

Почти пятая часть населения страны проживает в 13 городах-«миллионниках»: в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Самаре, Омске, Казани, Челябинске, Ростове-на-Дону, Уфе, Волгограде, Перми.

Демографическая ситуация. В последние годы во многих регионах РФ отмечался демографический кризис – превышение смертности над рождаемостью, естественная убыль, переход в режим кризисного воспроизводства населения; увеличение темпов снижения рождаемости; сохранение тенденции высокого уровня миграционной убыли населения (более половины уехавших – специалисты с высшим образованием), снижение численности населения; снижение реальных доходов населения; сохранение на высоком уровне численности бедного населения.

Важно отметить, что в 2018 г. население России сократилось впервые за десять лет. Миграционный приток не смог компенсировать естественную убыль населения, которая по итогам прошлого года составила 99,7 тыс. человек. По данным Росстата, только три российских региона показали рост рождаемости в первом квартале 2019 г. – Москва, Магаданская область и Республика Карачаево-Черкесия[2].

Разрыв между смертностью и рождаемостью в России продолжает расти: за первое полугодие 2019 г. число умерших превысило количество родившихся на 27,6 процента. Сильнее всего рождаемость упала в Московской области (–19,2%), в Орловской области (–17,9%), Краснодарском крае (–16,7%), Чукотском АО (–16,7%) и Амурской области (–15,8%). Самой распространенной причиной смерти в России по-прежнему остаются заболевания сердечно-сосудистой системы, на которые приходится 48% смертей. Естественная убыль населения составила 198,85 тыс. человек, что на 34,66 тыс. больше, чем за первое полугодие предыдущего года[3].

В результате информационного поиска в БД по демографии были найдены сведения о демографических трансформациях по 83 регионам РФ и по детерминантам рождаемости и смертности населения в период с 2005 по 2012 г., которые описываются в работе Е.В. Курушиной и И.В. Дружининой[4]. В исследовании указывается, что главным фактором экономического роста, в материальном, институциональном и ментальном пространствах являются трансформации количественной составляющей человеческого капитала.

Демографические процессы в России в постсоветский период (1990–2017 гг.) проанализированы в работах директора Центра стратегических исследований М.А. Бочарова[5]. Отмечается, что за период с 1991 по 2017 г. суммарное уменьшение рождаемости к уровню 1990 года составило 11 миллионов 281,4 тысячи человек, суммарное увеличение смертности – 11 миллионов 28,8 тысячи человек. Одновременно из России выехало 6 миллионов 40,4 тысячи человек, при этом только в 2017 году страну покинуло 377,2 тысячи человек. Потенциальные «потери» количества населения за 27 лет реформ составило 28 миллионов 350,6 тысячи человек. Необходимо отметить, что в 2017 г. в 61 регионе РФ численность населения уменьшилась, а в 58 регионах – смертность превысила рождаемость.

Особую тревогу вызывает сокращение населения в Сибири и на Дальнем Востоке. Принимаемые в последние годы меры по изменению ситуации оказались не эффективными, в т.ч. программа «Дальневосточный гектар». Предоставление земли без инфраструктуры – дорог, электро- и газоснабжения, водоснабжения, канализации и самое главное – без создания новых рабочих мест – бессмысленное занятие[6].

---

[1] Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: В 11 т. / Федер. служба гос. статистики. – М.: Статистика России, 2012; Социально-демографический портрет России: / Редкол.: Дианов М.А. (пред.) и др. – 183 с.

[2] https://www.rbc.ru/economics/08/05/2019/5cd2d5399a79475a79899e11

[3] https://www.dw.com/ru/население-россии-продолжает-сокращаться/a-50023688

[4] Курушина Е.В., Дружинина И.В. Демографические трансформации регионального пространства России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. – № 3 (39). – С. 126-140. DOI: 10.15838/esc/2015.3.39.10

[5] Россия в зеркале статистики. – http://maxpark.com/community/129/content/6551678

[6] Регионы России: социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 40.

К числу регионов с неблагоприятной демографической ситуацией относится и республика Мордовия, в которой за период 2005–2017 гг. число жителей уменьшилось на 7%. Из 14 регионов Приволжского федерального округа, более быстрое падение численности жителей в этот период отмечалось только в Кировской области. Примерно такие же темпы отрицательной демографической динамики характерны для Ульяновской области. Среди национальных образований худшую демографическую динамику в последние годы демонстрировали только 3 российских региона: Республики Карелия и Коми, а также Еврейская АО.

Демографическая ситуация как угроза экономическому развитию региона анализируется на примере Забайкальского края в статье М.П. Такаевой[1]. Статистические данные и динамика рождаемости в России содержатся в работе А.В. Батаева[2]. Экономические последствия изменения возрастной структуры населения России в условиях демографической волны раскрываются в статье А.Л. Синицы[3]. Этнодемографические трансформации в центро-периферийной структуре Ростовской области (постсоветские тренды) представлены в работе А.Г. Дружинина, который считает, что целостность и будущность России связаны с ее полиэтничностью[4]. Подчеркивается, что по своим этнодемографическим характеристикам Ростовская область в целом моноэтнична. Так, доля русских в населении области (по итогам переписи 2010 г.) достигает 88,7% (в 1989 г. – 89,6%, 2002 г. – 89,3%), что существенно превышает средний показатель по стране (77,7%). Данный регион в этнодемографическом и этнокультурном отношении является не только достаточно типичным среди территорий с абсолютным численным преобладанием русского населения (ещё в 42 субъектах РФ удельный вес русских в структуре населения также более 85%), но и одним из узловых регионов Юга России.

В работе подчеркивается, что темпы «дерусификации» этнической структуры региона несколько ниже, чем в целом по России. При этом, в этнической структуре Ростовской области достаточно заметны укоренённые составляющие – армянская (2,6% всего населения) и украинская (1,8%), Удельный вес представителей тюркоязычных народов, напротив, устойчиво растёт, прежде всего, за счёт переселившихся в область турок-месхетинцев, составляя при этом около 2% коренных этносов Северного Кавказа.

На основе проведенного исследования делается вывод о том, что характерное, трендовое для современной Российской Федерации неуклонное сокращение гомогенности как русского, так и нерусского населения сочетается с одновременным, доминантным в своих проявлениях ростом гетерогенности этнодемографической структуры на всех территориально-иерархических уровнях.

Демографическая ситуация в Северной Осетии: факторы, прогнозы и механизмы регулирования раскрываются в коллективной монографии исследователей Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова[5].

Необходимо отметить, что в последние годы внимание исследователей все чаще привлекает триада «социально-экономическое развитие территории – трудовые ресурсы – пенсионная система», а также проблемы бедности населения России. По данным Росстата, численность россиян с денежными доходами ниже прожиточного минимума (уровень бедности) во втором квартале 2019 года составила 18,6 млн. человек (или 12,7% от всего населения)[6]. При этом, к основным рискам бедности россияне относят: потерю работы (40% опрошенных), снижение уровня зарплаты (80%), потерю здоровья (22%); кредитную кабалу (67%). Главным «симптомом» нищеты многие граждане считают голод. Если человек при этом не имеет крыши над головой, то это считается признаком крайней нищеты. В последние годы такое наблюдается не только в глухой провинции, но и в относительно благополучных городах[7].

Демографические тренды и прогнозы

Результаты изучения содержания документов, найденных при поиске в БД ИНИОН РАН, показывают, что только за последние 5 лет предложено огромное количество различных объяснений тенденций этнодемографических трансформаций в различных регионах нашей страны. Чаще всего рассмотрение социально-экономических и демографических процессов осуществляется через призму данных о численности населения, статистических данных о рождаемости, смертности, продолжительности жизни, направлений внутренней и внешней миграции и пр. Важно также отметить, что демографические проблемы особенно сильно обостряются во время национальных и межэтнических конфликтов. В связи с этим представляется необходимым выделить геополитические и военные аспекты проблемы сокращения населения, которая часто рассматривается как прямая угроза национальной безопасности России.

Анализ результатов информационного мониторинга показал, что современный этап демографического развития регионов страны характеризуется следующими основными тенденциями:

- увеличение темпов снижения рождаемости;

[1] Таскаева М.П. Демографическая ситуация: угроза экономическому развитию региона // Проблемы социал.-эконом. развития Сибири. – Братск, 2018.– № 2 (32). – С. 77–84.

[2] Батаев А.В. Оценка динамики рождаемости в Российской Федерации // Соврем. аспекты экономики. – Санкт-Петербург, 2018. – № 9 (253). – С. 56–58.

[3] Синица А.Л. Некоторые экономические последствия изменения возрастной структуры населения России в условиях демографической волны // ЭКО. – Новосибирск, 2018.– № 8 (530). – С. 44–62**.**

[4] Дружинин А.Г. Юг России в меняющемся геостратегическом контексте: важнейшие структурные компоненты и тренды (взгляд географа-обществоведа) // Научная мысль Кавказа. 2014. № 3. – С. 58–66.

[5] Каберты Н.Г., Гуриева Л.К., Бегиева А.Ш. Демографическая ситуация в Северной Осетии: факторы, прогнозы и механизмы регулирования / Сев.-Осет. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2017. – 215 с.

[6] https://www.rbc.ru/economics/27/08/2019/5d654fcb9a79476337869b70

[7] https://visasam.ru/russia/goroda/bednost-v-rossii.html

- превышение смертности над рождаемостью;
- естественная убыль, переход в режим кризисного воспроизводства населения;
- снижение численности населения; сохранение тенденции высокого уровня миграционной убыли населения (более половины уехавших – специалисты с высшим образованием);
- снижение реальных доходов населения; сохранение на высоком уровне численности бедного населения.

Изучение прогнозов демографического развития позволяет экспертам выделить до 2035 г. следующие три варианта: 1) реальный (низкий вариант), при котором в России будет 138 млн. жителей; 2) средний вариант – 144 млн. чел.; 3) благоприятный – 153 млн. чел. По сути, это возвращение России по численности населения к началу 90-х годов, полагает Директор Центра конъюнктурных исследований при Институте статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ Г.В. Остапкович[1]. По его оценке, при негативном экономическом сценарии численность населения РФ может уменьшиться почти на 8 млн. чел.

Ниже представлен краткий обзор ключевых демографических прогнозов.

1. Демографическая ситуация в мире: численность и состав населения – ретроспективные и прогностические аспекты; демографические угрозы: алкоголизм, экономическая преступность, качество и уровень жизни населения, проблемы бедности, нищеты и безработицы описываются в монографии В.И. Жукова[2]. Прогноз демографической ситуации в России до 2033 г. содержится в статье Т.Ю. Яковца и В.В. Голубкова[3]. Федеральная служба государственной статистики России опубликовала Демографический прогноз до 2035 г. (далее – прогноз Росстата). Ожидается, что численность населения России к 2036 году останется на уровне 2017 года 147 млн. человек плюс-минус несколько процентов. При этом доля трудоспособного населения останется практически постоянная 55–56%[4].

2. Рассчитанные в прогнозе суммарные коэффициенты рождаемости установлены для всех регионов России в национальном проекте «Демография»[5]. Сегодня средний показатель рождаемости на одну женщину в стране составляет 1,62. Если к 2020 г. будет достигнут желаемый 1,65, то к 2024 году планируется добраться и до цифры 1,7, полагают эксперты. Лидеры рейтинга рождаемости должны показать следующие коэффициенты к 2020 г.: Тыва – 3,4; Чечня – 2,92; Алтай – 2,9; Ненецкий автономный округ – 2,52; Бурятия – 2,28. Наименьшие показатели рождаемости ожидают от регионов центральной части России. С точки зрения показателей рождаемости, здесь есть свои аутсайдеры. Согласно прогнозам, к 2020 г. общая картина для них может быть следующей: Ленинградская область – 1,37; Москва – 1,52; Воронежская область – 1,54; Томская область и Смоленская области – 1,56.

3. Уровень рождаемости в России в основном определяют брачные рождения. Современная российская семья характеризуется малодетностью. Доля детей, рожденных вне брака, сегодня составляет примерно 20%. Социально-экономический кризис, который начался в стране в конце XX в., не был основной причиной снижения рождаемости, а лишь ускорил его. Повсеместное распространение пьянства, токсикомании, наркомании привело к отказу от рождения детей, к ухудшению здоровья населения, включая рост инфекционных и венерических заболеваний, туберкулеза, онкологических заболеваний, увеличение частоты депрессий, невротических расстройств).

4. Тренд многодетности сохраняется в отдаленных от центра регионах страны, где, с одной стороны, велика доля молодых людей, а с другой – остаются сильными именно семейные традиции. Это требует корректировки социально-экономической политики, направленной на закрепление молодежи в регионе, создания условий для благополучной старости, привлечения в регион квалифицированных трудовых мигрантов.

5. Для демографического развития России особое значение имеет его этническая составляющая. Наиболее многочисленные диаспоры, проживающие на территории России, – это украинцы, белорусы, евреи, поляки, немцы, корейцы, китайцы.

Для представителей ближнего зарубежья свойственно дисперсное расселение, хотя имеются предпочтительные районы компактного проживания. Например, армяне отдают предпочтение Краснодарскому краю, азербайджанцы – Москве и Республике Дагестан, казахи – Астраханской и Оренбургской областям.

6. Значительные массивы мигрантов из-за рубежа стремятся поселиться в крупных промышленных центрах, особенно в Москве и Санкт-Петербурге. В Москве проживает азербайджанцев больше, чем в Баку. За последние 15 лет число мусульман в России увеличилось на 40%. По некоторым оценкам, к середине XXI в. мусульманином будет как минимум каждый четвертый россиянин.

7. Увеличение продолжительности жизни. Показательной демографической особенностью России является один из самых высоких в мире разрывов между средней продолжительностью жизни у мужчин и у женщин. Жизнь мужчин в нашей стране в среднем на 10–14 лет короче, чем жизнь женщин, тогда как по миру в целом этот разрыв составляет 3 года.

У большинства этносов России женщины численно преобладают над мужчинами (в 1991 г. – 47% – составляли мужчины), хотя у разных народов соотношение мужчин и женщин неодинаково. Среди мигрантов женщин обычно меньше.

Ещё одной специфической особенностью России является то, что средняя продолжительность жизни в городах выше, чем в сельской местности, что связано с тяжелыми условиями труда и быта в деревне.

---

[1] https://nsn.fm/society/nazvany-tri-prognoza-chislennosti-naseleniya-rf-k-2035-godu

[2] Жуков В.И. Социально-демографический НАБАТ / Вол. ист.-социол. и психол.-пед. о-во. – М.: ВИПО, 2017. – 379 с.

[3] Яковец Т.Ю., Голубков В.В. Прогноз демографической ситуации в России до 2033 г. // Экономика и мат. методы. – М., 2018 .– Т. 54, № 4. – С. 71–87.

[4] https://nsn.fm/society/nazvany-tri-prognoza-chislennosti-naseleniya-rf-k-2035-godu

[5] Национальный проект «Демография». – https://strategy24.ru/rf/demography/projects/natsional-nyy-proyekt-demografiya

8. В ближайшие десятилетие новые демографические тенденции могут вновь оказаться глобальными угрозами. Речь идет, прежде всего, о глобальном старении (увеличении числа людей пожилого возраста), которое, скорее всего, окажет существенное влияние на экономический рост, уровень жизни и мировой порядок. Прогноз и целевые показатели демографического развития России на ближайшие пять лет представлены в работе В.В. Елизарова[1]. Современные сценарии демографического будущего мира, проблемы возникновения нового миропорядка и особенности демографической политики описываются в научных публикациях, поступивших в базы данных ИНИОН РАН в 2019 году[2].

В заключение хотелось бы привести мнение авторитетного специалиста – известного экономиста и демографа, заведующего кафедрой политической экономии Американского института предпринимательства Николаса Эберштадта, который в 2015 г. по приглашению Фонда Егора Гайдара прочитал в Москве лекцию «Что будет с населением Земли в 2035 году?». В ней он попытался оценить те трудности, с которыми наше общество столкнется совсем скоро. Он отмечает, что уже родились все, кто будут считаться пожилыми людьми в 2035 году, и почти вся рабочая сила будущего. Вполне различимы и основные демографические тренды будущего – резкое замедление роста работоспособного населения, нехватка рабочей силы в некоторых регионах, повсеместное старение населения и, как следствие, замедление экономического роста в развивающихся странах.

Если говорить о будущем России, то один из самых проблемных аспектов, по мнению Н. Эберштадта, демографического будущего в России – это кризис здоровья. И Россия не одинока в этом, она не единственная страна, которая сталкивается с этими проблемами при увеличении продолжительности жизни.

[1] Елизаров В.В. Целевые показатели демографического развития России на 2024 год: поможет ли опыт недавнего прошлого в их достижении? // Труды Вольного экономического общества России. – М., 2018. – Т. 211. – С. 322–350.

[2] Сороко Е. Грозит ли России Третий демографический переход? // Экономист. – М., 2019. – № 4. – С. 73–86; Субботин А.А., Ионцев В.А. Современные сценарии демографического будущего мира (на примере России и Германии) // Балт. регион. – Калининград, 2018. – Т. 10, № 3. – С. 4–18; Лукин А.В. Постбиполярный мир: рождение нового миропорядка или погружение в ХАОС? // Новые международные отношения. Основные тенденции и вызовы для России. – М., 2018. – С. 30–51; Хасанова Р.Р. Проактивная демографическая политика: 10 лет спустя: эффекты, инструменты, новые цели / Р.Р. Хасанова [и др.]; Рос. акад. нар. хозва и гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – М.: Дело, 2019. – 57 с.

Белоусова А.В.[1]

ВНЕШНЕТОРГОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ДИНАМИКУ

Ключевые слова: *экспорт, импорт, регион, эконометрическое моделирование, Дальний Восток.*
Keywords: *export, import, region, econometric modeling, the Russian Far East.*

Регион, как часть национальной экономики, представляет собой открытую систему. Открытость, по умолчанию, определяет наличие взаимодействий с внешним миром. Последние осуществляются в форме инвестиционного сотрудничества, торговли, реализации проектов в сфере строительства, производства и т.д. В зависимости от локализации субъектов взаимодействий – остальная часть страны или территория за пределами государственных границ (что в обоих случаях является внешним по отношению к региону миром) – трансакции региона подразделяются на межрегиональные и международные.

Предметом настоящей работы является оценка влияния международной торговли на экономическую динамику региона. Объектом исследования выступает Дальневосточный макрорегион, представленный 9 субъектами РФ (Республика Саха (Якутия), Камчатский, Приморский, Хабаровский края, Сахалинская, Магаданская, Амурская, Еврейская автономная области, Чукотский автономный округ) Временной интервал, на котором проводится анализ, включает 2013–2017 гг.

Экспортная деятельность, увеличивая объемы совокупного спроса, расширяя возможности для сбыта продукции, стимулируя развитие производства во внешнем секторе экономики, а также сопряженных с ним видах деятельности, ориентированных на покрытие внутрирегиональных потребностей, создает тем самым импульсы для регионального роста. Генерация последних со стороны импорта обусловливается удовлетворением внутрирегиональных потребностей (как конечного, так и промежуточного потребления).

При этом возможности роста экономики определяются структурой торговых потоков. Так, ресурсная специализация в силу слабых межотраслевых связей не формирует значимых мультипликативных эффектов в экономике. Импорт товаров, конкурирующих с продукцией региональных производителей, создает препятствия для развития последних.

Огромные запасы природных ресурсов привлекают к Дальнему Востоку внимание практически всех зарубежных государств и, особенно, сопредельных стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), испытывающих сырьевой дефицит. Выгодное географическое положение Дальнего Востока с точки зрения наличия внешней границы и быстрые темпы роста стран АТР, обусловливающие увеличение потребностей в факторах производства, позволяют рассматривать экспортно-ориентированную модель как перспективу долгосрочного развития экономики макрорегиона.

Между тем, экстраполяция современных параметров внешнеэкономических взаимодействий Дальнего Востока на долгосрочный временной интервал, без сомнения, заключает в себе ряд определенных рисков. В отличие от других регионов РФ, структура валового регионального продукта которых формируется, главным образом, за счет торговли, обрабатывающего сектора промышленности и операций с недвижимым имуществом, специализация Дальневосточного макрорегиона имеет ярко выраженную сырьевую направленность. Вывоз продукции с низкой добавленной стоимостью уже в настоящее время является одним из ограничений роста экономики Дальнего Востока: занимая 36,3% площади РФ, макрорегион формирует лишь 5,3% (2013–2017 гг.) валового внутреннего продукта страны.

Одним из методических подходов, позволяющих провести формальную идентификацию специализированных видов экономической деятельности региона, являющегося частью многорегиональной системы, выступает расчет коэффициента локализации[2] (1).

$$C_i = a_i / a_r \quad (1),$$

где a_i – отношение производственных показателей по виду экономической деятельности i в отдельном регионе и многорегиональной системе; a_r – отношение суммарных производственных показателей по исследуемым видам экономической деятельности в регионе и многорегиональной системе.

Если значение коэффициента локализации в отношении конкретного вида экономической деятельности больше единицы, то предполагается, что последний является специализированным (объем производимой им продукции превышает внутрирегиональные потребности и соответствующий «избыток» вывозится из региона). В данном случае

[1] Белоусова Анна Васильевна – к.э.н., с.н.с. лаборатории региональных и межрегиональных социально-экономических исследований Института экономических исследований ДВО РАН. E-mail: belousova@ecrin.ru

[2] Sukkoo Kim. Expansion of Market and the Geographic Distribution of Economic Activities: the Trends in U.S. Regional Manufacturing Structure, 1860 – 1987 // The Quarterly Journal of Economics. 1995. – Vol. 110, N 4. – P. 881-908.

речь идет именно о совокупном региональном вывозе, который, как уже было замечено выше, может иметь как межрегиональное, так и международное направления.

Одним из достоинств данного метода является нивелирование «искажений» при выявлении региональной специализации, связанных с фактами перепродажи товаров. Кроме того, формирование временного ряда, уровнями которого являются значения коэффициентов локализации, позволяет «очистить» совокупность видов экономической деятельности, продукция которых составляет основную массу регионального вывоза, от «случайных» элементов, попавших во внешний сектор экономики (к примеру, при изменениях условий торговли).

Перечень специализированных видов экономической деятельности, идентифицированных с использованием коэффициента локализации, для Дальневосточного макрорегиона представлен в табл. 1.

Таблица 1

Значения коэффициентов локализации специализированных видов экономической деятельности Дальневосточного макрорегиона

Виды экономической деятельности	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических	3,25	3,14	3,23	3,41	3,34
Производство пищевых продуктов, включая напитки и табака	2,06	1,87	2,10	2,16	2,24
Обработка древесины и производство изделий из дерева	2,29	2,23	2,50	2,86	2,71
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	1,40	1,29	1,29	1,36	1,27
Производство машин, транспортных средств и оборудования	1,96	2,44	2,29	2,11	2,29

Источник: расчеты автора на основе данных Федеральной службы государственной статистики. – https://www.gks.ru/

Отметим, что при расчете значений коэффициентов локализации, представленных в табл. 1, в качестве данных по многорегиональной системе принимались среднероссийские показатели, а в качестве суммарных производственных показателей видов экономической деятельности – данные по добывающим и обрабатывающим производствам соответственно.

Несмотря на то, что на первый взгляд полученные результаты свидетельствуют о преобладании в вывозе Дальневосточного макрорегиона продукции обрабатывающих производств, анализ статистики, предоставляемой Федеральной таможенной службой[1], развенчивает соответствующий миф: преобладающая доля экспортных товаров характеризуется весьма низкой степенью обработки. Так, к примеру, в 2013–2017 гг. в экспорте продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (коды ТН ВЭД 1-24) доля мороженой рыбы оценивалась приблизительно в 90%; в экспорте топлива минерального, нефти и продуктов их перегонки суммарная доля сырых нефтепродуктов и природного сжиженного газа – в 80%.

Высокая волатильность цен на сырьевые товары, сохранение низкого уровня технологических знаний, низкая трудоёмкость добывающего сектора, ведущая при его расширении к увеличению общего уровня безработицы, слабая система межотраслевых связей ресурсного сектора с сектором обработки, а, следовательно, минимальные возможности для генерирования роста региональной экономики в целом и ряд других причин обусловливают рассмотрение увеличения добавленной стоимости экспортной продукции в качестве одной из стратегических задач развития экономики Дальневосточного макрорегиона[2].

Для оценки потенциальных эффектов от роста степени обработки экспортируемой продукции были использованы методы экономико-математического моделирования. В частности, осуществлены разработка и количественный анализ эконометрических конструкций нелинейного типа, связывающих показатели экспорта и валового регионального продукта Дальневосточного региона.

Поскольку использование годовых данных, ограниченных исследуемым временным периодом, не могло обеспечить получение статистически надежных оценок в рамках предложенных конструкций, организовывалась пространственно-временная (панельная) структура исходного массива. В качестве пространственных объектов выступали дальневосточные субъекты РФ, состав которых определялся видом экспортируемой продукции.

Исходные данные приводились в сопоставимые цены; в качестве базисного года выбран 2017 г. Разноразмерность эндогенных и экзогенных переменных обусловила их перевод в логарифмическую шкалу и, как следствие, нелинейную спецификацию модели (2).

$$\ln gdp = a \ln ex + c \quad (2),$$

где gdp – валовой региональный продукт; ex – экспорт продукции; a, c – оцениваемые коэффициенты.

Результаты проведенных расчетов, на примере мороженной рыбы и рыбного филе (включая фарш), приведены в табл. 2.

[1] Материалы официального сайта Дальневосточного таможенного управления. – http://dvtu.customs.ru/

[2] «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» от 28.12.2009 № 2094-р; Государственная программа РФ «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа» от 29.03.2019 № 361.

Таблица 2

Коэффициенты эластичности ВРП по экспорту товаров

Рыба мороженая			Филе рыбное (фарш)		
a	c_i	субъект РФ	a	c_i	субъект РФ
0,000352			0,0081		
t – statistic 3,27			t – statistic 4,36		
	19,08	Камчатский край		18,97	Камчатский край
	20,46	Приморский край		20,35	Приморский край
	20,31	Хабаровский край		20,22	Хабаровский край
	18,81	Магаданская область		20,39	Сахалинская область
	20,49	Сахалинская область			
R^2	0,96		R^2	0,94	

Источник: оценки автора.

Как видно из табл. 2, статистически надежные оценки коэффициентов эластичности ВРП дальневосточных субъектов РФ по экспорту их продукции были получены только при учете фиксированных эффектов (дифференциации свободного члена регрессии относительно пространственных объектов).

Увеличение степени обработки экспортной продукции будет обусловливать рост чувствительности ВРП региона к изменению объема вывоза. Так, 1%-ное изменение объема экспорта мороженой рыбы обеспечит 0,0004%-ное изменение ВРП, в то время как 1%-ное изменение объема экспорта рыбного филе приведет к 0,008%-ному изменению ВРП дальневосточных субъектов РФ.

Полученные оценки позволяют рассчитать сроки достижения целевых значений результирующих показателей, вводимых в модель экзогенно.

Оценки потенциальных эффектов для дальневосточной экономики от импорта продукции, при изменении структуры последнего могут быть получены при помощи модельных конструкций, общий вид которых представлен в (3) и (4).

$$Q = b\ Im + C' \quad (3),$$

$$GDP = d\ Im + C'' \quad (4),$$

где b, d, C', C'' – оцениваемые коэффициенты; Q – объем регионального производства; Im – импорт.

Статистическая незначимость показателя импорта для регионального производства соответствующей продукции в модели будет свидетельствовать об использовании ввозимых товаров для конечного потребления в регионе и/или их отправлении на вывоз (межрегиональный вывоз и/или экспорт). Наличие отрицательной связи между объемом выпуска и импортом будет являться основанием для вывода о невзаимозаменяемости ввозимой продукции с произведенной в регионе и определит импорт в качестве конкурентного для внутрирегионального производства[1].

Количественный анализ модели (4) позволяет получить оценки влияния импортной продукции на формирование валового регионального продукта.

Введение в модели (3) и (4) показателя затрат на технологические новации позволит оценить эффект импортозамещения, что и составит содержание следующего этапа научного эксперимента.

[1] Белоусова А.В. Межрегиональные взаимодействия: влияние на экономику региона (Хабаровский край) // Пространственная экономика. 2012. – № 4. – С. 127–137. DOI: 10.14530/se.2012.4.127-137

Дуреев С.П.
к.филос.н., доцент, Сибирский государственный университет науки и технологий, г. Красноярск
drvsp@yandex.ru
Дуреева Н.С.
к.филос.н., доцент, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

ИДЕИ ЕВРАЗИЙСТВА В КОНЦЕПЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Ключевые слова*: евразийство, государство, местное самоуправление, власть, нормы права, внутренние законы нравственности, псевдосфера функционирования органов местного самоуправления, совершенство общественных отношений.*

Keywords*: Eurasianism, state, local self-government, power, norms of law, internal laws of morality, pseudo-sphere of functioning of local self-government bodies, perfection of social relations.*

Идеи евразийства в концепции местного самоуправления основаны на представлении об особом пути развития России. «Судьбы этого мира, – пишут основоположники евразийства, – в основном и важнейшем, протекают отдельно от судьбы стран к западу от неё (Европа), а также к югу и востоку от неё (Азия). <...> Народы и люди, проживающие в пределах этого мира, способны к достижению такой степени взаимного понимания и таких форм братского сожительства, которые трудно достижимы в отношении народов Европы и Азии»[1]. Многие русские мыслители считали, что сформированные на Западе демократии либерального и консервативного типов совершенно не могут быть применены к условиям российской действительности. Например, Пётр Николаевич Савицкий в своих работах подчёркивал, что государственная жизнь России как евразийского континента представляет собой совершенно иной тип социальности, имеет свои глубокие культурные традиции, придающие законченность и стройность общественным отношениям, целостность государственному устройству. Деятельность всех социальных институтов, в т. ч. и функционирование органов местного самоуправления, должно «быть “диалектическим”, а не механическим, не должно сводиться к “зажиму” <...> определяться сотрудничеством “государственного актива” с системой представительных учреждений (советов). <...> Только при этом условии вся система приобретает подлинно диалектический характер»[2].

Великий Аристотель в своём стройном учении о диалектике раскрыл, что совершенство общественных отношений выражает законченность, упорядоченность, стройность и полноту бытия. Оформление совершенства выступает как единство сущности и явления, которые в диалектической теории познания выступают как части единого целого. В качестве оформления совершенства может выступать, например, единство государства и общества, единство государственной власти и власти органов местного самоуправления, единство норм права с другими социальными нормами. Например, гармоничное единство всего комплекса социальных норм, по выражению В. Н. Муравьёва, даёт возможность человеку «жить во всём мире, во всех средах, оживотворяя и оживляя всю природу и превращая её из современного стихийно-хаотического неразумного мира всяческих противоборств в мир как совершенное целое»[3].

Оформление совершенства определяется единством сущности и явления, следовательно, теория познания, основанная на диалектическом мышлении, изучает сущности (образы действительности), обусловленные всеобщей связью явлений. Например, мир выступает как образ действительности, как совокупность совершенств, в которое общество должно встраивать своё совершенство. Или мир как община также выступает как образ действительности, как совершенство, в которое государство встраивает совершенство норм права как «свободную возможность к свершению каких-либо положительных или отрицательных действий, допущенных законом, обычаем или каким либо другим источником права в каком либо организованном общежитии»[4].

При этом государство, как подчёркивает А.Н. Радищев, является великим механизмом производства норм права, совершенство которых определяет благополучие народа. Тем самым русский мыслитель раскрывает симфонию единства норм права с другими социальными нормами, обеспечивающими не только порядок на уровне местного сообщества, но и человеческое благополучие. Среди всего комплекса социальных норм он выделяет нравы и законы как основные механизмы регулирования общественных отношений. Русский мыслитель считает, что закон может обрести полноту и стройность общественных отношений, если ему придать стройность и законченность[5]. Закон закрепляет внутреннюю стройность в организации местного самоуправления и направляет всех членов местного сообщества на добродетельные поступки, на совершенствование общественных отношений.

---

[1] Евразийство (Формулировка 1927 г.) коллективный труд первых евразийцев. // Основы евразийства. – М., 2002. – С. 166.
[2] Савицкий П.Н. Евразийство как исторический замысел // Основы евразийства. – М., 2002. – С. 281–294.
[3] Муравьёв В.Н. Всеобщая производительная математика // Русский космизм. – М., 1993. – С. 210.
[4] Алексеев Н.Н. Обязанность и право // Основы евразийства. – М., 2002. – С. 324–335.
[5] Радищев А.Н. Полн. собр. соч. в 3 т. Т. 3. – М., 1952. – С. 5–6.

Законы должны соответствовать внутренним потребностям общественной жизни и «вытекать из исторической жизни народа»[1]. Только в этом случае законы будут направлены на развитие местного самоуправления и совершенство общественных отношений, оформят псевдосферу местного самоуправления, придадут стройность, законченность и полноту бытия местному сообществу. В отличие от западных представлений, согласно которым нормы права раскрывают лишь степени свободы субъектов управления, в русском мировоззрении правовые нормы основаны на принципе пользы и направлены на воспитание наилучших качеств в народе, тем самым устанавливая новые оформления нравственности, законченности, полноты бытия, а следовательно, и новые оформления совершенства. Нравственность как духовное начало, согласованное с совестью и с законами правды, формирует полезные для общества правила поведения, ведущие его по пути общественного развития. Среди всех социальных норм нравственность является высшим императивом совершенства общественных отношений. При этом соблюдение внутренних законов нравственности для совершенства общественных отношений имеет более важное значение, чем постоянное следование обычаям.

В своём единстве нормы права, правила поведения, согласованные с целями общества (нормы нравственности), и обычаи регулируют отношения между членами местного сообщества всего евразийского пространства. Нормы нравственности всегда являлись не только основанием для совершенствования общественных отношений, совершенствования местного самоуправления, но и вели к духовному и хозяйственному (материальному) совершенствованию России. «В хозяйстве своём обеспечить все нужды <...> В добром хозяйстве во всём изобилие»[2] – гласит Домострой. Подобные представления об организации домашнего и общинного быта образуют сферу жизнеутверждения как отдельно взятого человека, так и всего местного сообщества, в которой каждый человек является субъектом и объектом управления одновременно. По своей сути, Домострой показывает нам внеправовой характер отношений между членами местного сообщества. Нравственные законы регулируют отношения между членами семьи, членами местного сообщества. Основное назначение нравственных законов – регулировать общественные отношения в границах существования местного сообщества. Следует отметить, что в Домострое ведущая роль в реализации нравственных законов отводится семье как основной ячейке общества и государства. Именно в семье и в сфере жизнеутверждения местного сообщества нравственный закон и обычай стоят выше установленных государством норм права, а в общине человека уважают по нравственным делам его. Следовательно, сформированные в быту внутренние нравственные законы устанавливают диалектическую связь с результатами хозяйственной деятельности и образуют архаический круговой цикл.

Круговой цикл общинного бытия сохраняет и совершенствует внутренние нравственные законы и, тем самым, обеспечивает единство хозяйственной деятельности (материальной сущности) и внутренних нравственных законов (идеальной сущности). В этом состоит принципиальное отличие местного самоуправления евразийского типа и в этом состоит принципиальное отличие российской хозяйственной системы от европейской. Например, в условиях европейской экономической системы земля представляет собой основной источник собственности, а для российской хозяйственной системы – это пространство земного существования. Государство власть над землёй находит в нормах права, в законах, а человек и община источник своего права на землю видит в нравственных началах, находящих основание права на землю в свободном труде. В самом широком смысле, внутренние законы нравственности обеспечивают органам местного самоуправления статус организатора производства, субъекта управления сложного хозяйственного процесса, вовлекающего в этот процесс отдельных субъектов хозяйствования. В узком смысле, внутренние законы нравственности позволяют не только установить порядок, стать посредником в конфликте, совершить суд по справедливости или разделить всеобщую судьбу, но и наделяют органы местного самоуправления высшими духовными качествами, раскрывает стройность, законченность и совершенство общественных отношений.

Местное самоуправление евразийского типа отличает наличие устойчивой внутренней связи между нормами права, устанавливаемыми государством, с социальными нормами, охраняемыми обществом. В своём единстве эти нормы выступают как главное и основное условие оформления совершенства местного сообщества: «Первое и главное условие общинности – жить вместе и управляться одной властью <...> быть в постоянных сношениях с гражданами; <...> эти условия представляют главные начала общинности, <...> составляющие корень и основание всякого общественного развития»[3]. По мнению русского мыслителя, нормы права отражают общинный уклад общественной жизни. Формирование норм права, регулирующих сферу жизнеутверждения местного сообщества, псевдосферу функционирования его органов, устанавливалось, в первую очередь, властью самого местного сообщества.

То, что нормы права регулировали различные стороны местного самоуправления отражено в различных статьях Русской Правды, которые И.Д. Беляев условно делит на две группы — законы уголовные и законы гражданские. Например, законы уголовные устанавливали ответственность и размер штрафных платежей по уголовным делам. Вся территория русского государства делилась на общины (верви). Членом такой общины мог быть тот, кто ежегодно вносил денежные средства для выплат штрафных платежей (дикая вира). Гражданские законы признавали семью в качестве основы общинного устройства и регулировали отдельные стороны общественной жизни: порядок наследства и опеки, правила торговли, сбор податей и назначение повинностей и пр. В делах чисто общественных закон относился только к целой общине, а не к её членам в отдельности.

Если для западного восприятия нормы права имеют искусственный, умозрительный характер, то в евразийской концепции местного самоуправления нормы права выступают как оформления справедливости, как оформления правды. Источником для внутреннего правового регулирования членов местного сообщества являлся общественный быт. Изначально на Руси закон не сочинялся: он формировался в результате естественно-исторического развития общества;

[1] Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. – М., 2011. – С. 32.

[2] Домострой. Сильвестровский извод. – М., 2005. – С. 88, 91.

[3] Беляев И.Д. Указ. соч., с. 40.

он естественным образом отражался в сознании народа и постепенно проникал в их обычаи и нравы, т.е. проникал в общественный быт. Вот почему внутренняя справедливость, а не внешняя формальность, определяла характер организации местного самоуправления. Следовательно, и евразийская концепция местного самоуправления формировалась по объективным законам, носила естественный характер, где нормы нравственности и справедливость в общественных отношениях выступали как образ действительности, отражающие полноту бытия, как оформление его совершенства.

В этой связи, «естественные начала» правового самоуправления должны соответствовать стандарту справедливости – действительно жизненным потребностям народа. В таком виде нормы права выступают как оформления полноты бытия, его законченности, т.е. как оформления его совершенства. Данную мысль замечательно выразил выдающийся русский учёный Дмитрий Иванович Менделеев в своих «Заветных мыслях». В частности он пишет: «Законодательство, коли оно относится не к формально-пустозвучным, а к жизненно-реальным потребностям народа, да ещё столь большого, как русский, составляет дело сложнейшее и, как всякое такое, требует хорошо обдуманного порядка в своей последовательности»[1].

В концепции евразийства псевдосфера функционирования органов местного самоуправления формируется на основе симфонии единства норм права с другими социальными нормами. Совокупность социальных норм отражает нравственную сторону жизнедеятельности общины, а их многообразие в своём единстве образуют в общине внутреннюю нравственную силу. Поэтому целью функционирования органов местного самоуправления является реализация нравственного закона, что предполагает совершенство общественных отношений. Государство должно гармонично вписывать совершенство правовых норм как внешнюю правду в совершенство внутреннего нравственного закона общины, потому что самоуправление в общине выступает как образ действительности, отражает законченность общественных отношений, полноту его бытия, т. е. выступает как оформление его совершенства. В своём единстве эти две противоположности (внутренний нравственный закон и внешний закон) определяют псевдосферу функционирования органов местного самоуправления евразийского типа.

Следуя традициям диалектического мышления, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, В.С. Соловьёв и другие представители русской философии показали, что внутренние законы нравственности и идеалы добра как духовные ценности, в процессе совместной хозяйственной деятельности всех членов местного сообщества способны превращаться в ценности социальные и материальные, при этом оставаясь идеальным её основанием не только в пределах внутренних границ общины, но и общества в целом и его культуры. Строго говоря, законы нравственности в единстве с идеалами добра устанавливают пределы власти органов местного самоуправления; внутренние границы их функционирования; раскрывают полноту и совершенство общественных отношений: реализуя духовные ценности, каждый член местного сообщества, с одной стороны, в своей деятельности ограничивает себя сам, а с другой стороны, границы его деятельности ограничивает окружающее социальное и культурное пространство.

В евразийской концепции местного самоуправления реализация внутренних законов нравственности направлена на духовное совершенствование каждого члена местного сообщества. Осмысление духовных ценностей – традиционная черта русской рефлексии, для которой внутренние нравственные законы, идеалы добра важнее общей идеи; для которой хозяйственная деятельность каждого члена местного сообщества и общинный труд в своём единстве выступают как основные формы духовной жизни, а не средством материального обогащения каждого члена местного сообщества. Например, Н.А. Бердяев раскрывает местное хозяйство и приходит к выводу, что оно основано на самоорганизации и регулировании внутренними нравственными законами и является продолжением творения Бога. Поэтому, местное самоуправление как и хозяйственная деятельность, прежде всего, регулируется внутренними законами нравственности и выступает как духовное, а не материальное начало. Внутренние законы нравственности как внеправовые нормы, регулируя взаимодействие человека с обществом и с Природой, устанавливают для каждого члена местного сообщества «неотъемлемые права и обязанности»[2], которые есть не что иное, как сформированные самим же местным сообществом внутренние законы нравственности, которые не только регулируют сферу жизнеутверждения местного сообщества, но и контролируют псевдосферу функционирования органов местного самоуправления.

С.Н. Булгаков показал, что внутренние законы нравственности и идеалы добра представляют собой основную цель трудовой и хозяйственной деятельности человека и выступают как идеальные сущности. Он провёл широкий анализ проблемы хозяйства и доказал, что хозяйственная деятельность человека выступает как гармоничное единство деятельности человека и Софии по восстановлению связи между человеком и Богом, обществом и Природой. Русский философ раскрывает основную цель местного самоуправления. Он доказывает, что общинный труд выступает в качестве главного средства борьбы человека с силами Природы за своё существование, за расширение сферы своего бытия, не покорения Природы, а превращения её в потенциальный человеческий организм. С этой точки зрения, *местное самоуправление выступает как вселенский процесс реализации идеалов добра*, внутренних законов нравственности, которые *обеспечивают вселение человека в жизнь Природы*.

Следовательно, и местное самоуправление представляет собой процесс соединения человека с окружающим миром. Результатом такого соединения является совершенство общественных отношений, которое раскрывает не только полноценность существования самого человека, но и целостность бытия местного сообщества: неразрывная целостность «субъекта-объекта <...> единство свободы и необходимости»[3] предопределяет всю внутреннюю жизнь местного сообщества, трудовую деятельность её членов. При этом необходимость выступает в качестве основы регу-

[1] Менделеев Д.И. Заветные мысли. – М., 1995. – С. 337.

[2] Бердяев Н.А. Философия неравенства // Русская философия собственности. – СПб., 1993. – С. 304.

[3] Булгаков С.Н. Указ. соч., с. 230.

лирования хозяйственных, трудовых и пр. отношений между членами местного сообщества. Необходимость выступает как внутренний закон бытия местного сообщества. Иными словами, псевдосфера местного самоуправления регулируется внутренними нравственными законами. В своей совокупности эти социальные нормы регулируют внутренние границы хозяйственной деятельности местного сообщества, в результате чего человек познает богатство окружающего его мира, своё место в нём – человек познаёт Бога. Поэтому внутренние законы нравственности формируют внутреннее пространство для деятельности членов местного сообщества, в котором реализуется хозяйственная деятельность.

В.С. Соловьёв в работе «Оправдание добра» раскрывает основное предназначение человека в постижении идеалов добра и нравственности, а хозяйственная деятельность выступает как их отражение. Совместная хозяйственная деятельность членов местного сообщества призвана лишь помочь человеку в познании идеалов добра и нравственности, чтобы обеспечить ему «достойное существование», чтобы совершенствовать общественные отношения. У русского философа нормы права и внутренний нравственный закон выступают как единое целое. Он раскрывает глубинные связи этих двух противоположностей. В основе норм права должны находиться стандарты справедливости, которые устанавливают связь между нравственностью и правом. В.С. Соловьёв показывает, что быть нравственным значит быть совершенным – это цель общественного развития. Следовательно, нормы нравственности обращены в будущее – они предполагают полноту бытия человека и общества, т.е. предполагают бесконечное совершенствование человека. В противоположность нравственности нормы права выступают как необходимое и достаточное условие существования человека и общества – они должны формировать условия для благоприятного развития общественных отношений, для их совершенствования. «В самом существе безусловного нравственного начала как заповеди или требования совершенства, – пишет В. С. Соловьёв, – ещё не достигнутого, уже заключается признание относительного элемента в нравственности – именно необходимых реальных условий достижения. – Сравнительное преобладание этой относительной стороны образует правовую область отношений, а сравнительной преобладание стороны безусловной – собственно нравственную область»[1]. Подобная точка зрения не вызывала сомнения в русской научной мысли. Например, Д.И. Менделеев об этом писал так: «Законы по существу должны охватывать весь смысл прошлого, всю современность и, что всего настоятельнее, должны предвидеть вероятное будущее страны, насколько оно от законов зависеть может»[2].

В евразийской концепции местного самоуправления государство призвано защищать псевдосферу функционирования местного самоуправления от всякого вмешательства безнравственных людей. Для этого нормы права, дополняя нравственный закон общества, обеспечивают законченность и полноту бытия членов местного сообщества, обеспечивают совершенство общественных отношений, потому что «право есть принудительное требование реализации определённого минимального добра, или порядка, не допускающего известных проявлений зла»[3]. Вполне очевидно, что нормы права не устанавливают цели общественного развития. Они обеспечивают совершенство общественных отношений, они призваны минимизировать влияние безнравственности на внутреннюю жизнь местного сообщества. Нормы права устанавливают равновесие между индивидуальной свободой и нравственными законами местного сообщества.

Представители русской философии показали, что внутренние законы нравственности, идеалы добра и справедливости как внеправовые нормы выступают в виде некоторого объективного действия – они являются выходом человека «из себя во внешний мир». При этом философы стремились разрешить два вопроса: как возможен объективный мир или Природа и как возможно объективное действие? Следуя точке зрения С. Н. Булгакова, можно заключить, что местное самоуправление представляет собой хозяйственную деятельность, основанную на потреблении и производстве. Возможность потребления обосновывается одноприродностью субъекта и объекта хозяйственной деятельности; потребление есть результат единства человека с окружающим его миром.

Производство предполагает воздействие субъекта на окружающий мир, а в качестве всеобщей связи между ними выступает совместный труд членов местного сообщества. В процессе трудовой деятельности человек, строго соблюдая внутренние законы нравственности, следуя идеалам добра, объективируется вовне и объективирует окружающий его мир. Тем самым обеспечивается регуляция жизнедеятельности общества, раскрывается стройность и законченность общественных отношений. Производство и потребление на уровне местного сообщества, регулируется внеправовыми нормами и формирует у них определённые моральные принципы – неписанные правила, на основе которых воспитывается каждый член местного сообщества.

При этом стремление нравственного совершенства общественных отношений внутри сферы жизнеутверждения местного сообщества выступает как оформление законченности, полноты бытия местного сообщества, т.е. выступает как оформление его совершенства. В такое совершенство государство вписывает совершенство правовых норм, которые охраняют псевдосферу функционирования органов местного самоуправления от внешнего вмешательства и воздействия. На этом основании в евразийской концепции местного самоуправления основная цель норм права по точному выражению П.И. Новгородцева: «Служить целям нравственного прогресса, помогать нравственному началу распространяться среди людей – вот высшая задача права»[4].

Представители русской философии считали необходимым систематизировать многообразие внутренних нравственных законов и установить их правовые начала. При этом очень важно было сохранить внутреннюю связь между

[1] Соловьёв В.С. Оправдание добра // Соч.: в 2 т. Т. 1. – М., 1988. – С. 72.

[2] Менделеев Д.И. Указ. соч., с. 334.

[3] Соловьёв В.С. Указ. соч., с. 72–73.

[4] Новгородцев П.И. Об общественном идеале. – М., 1991. – С. 526–527.

нравственными законами и их правовым оформлением, чтобы нормы права в своём единстве с другими социальными нормами способствовали сохранению образа народной жизни на всём евразийском пространстве. Для этого необходимо, чтобы «законодательство, проникаясь <...> народными началами, не будет чуждо народной жизни, не будет стремиться к её регламентированию по иноземным образцам. Не станет прилагать к быту миллионов людей – теоремы римского права, возникшего на совершенно иных основах»[1].

На фундаменте римских правовых воззрений формировались многочисленные европейские социально-правовые теории «совершенного общества», основу которых составляет абстрактная идея общественного договора, высшая цель которого – реализация той или иной степени свободы индивидуума. Римский правовой индивидуализм установил воззрение, согласно которому, например, право собственности выражает свободу воли индивидуума и определяет степень его свободы. Следует отметить, что римский правовой индивидуализм, а также социально-правовые воззрения на собственность всегда были чуждыми для народов России. Например, дореволюционные нормы права практически не определяли различие между владением и собственностью, а в народном понимании эти дефиниции отождествлялись. Использование понятия «владение», а не «собственность» подчёркивает, что присваиваемое принадлежит не только тому, кто успел «наложить свою руку», оно прежде всего принадлежит Богу и государству. В работе «Обзор истории русского права» М.Ф. Владимирский-Буданов указывает, что право владения собственностью в России устанавливалось не односторонним актом лица; право владения собственностью устанавливалось обществом.

Согласно русскому мировоззрению совершенно справедливым является не совершенствование норм права, определяющих внешние формы бытия человека, но совершенствование внутренних законов нравственности, традиций, обычаев. Безусловно, не все обычаи по своему содержанию наполнены «государственной полнотой». В быту каждого народа существует множество обычаев, которые необходимы ему для удовлетворения своих эстетических потребностей, т.е. обычаи, которые украшают повседневный быт народа.

Тем не менее, обычаи как социальные нормы определяют сферу жизнеутверждения как отдельно взятого человека, так и местного сообщества, псевдосферу функционирования органов его самоуправления. Обычаи в единстве с внутренними законами нравственности, идеалами добра и справедливости устанавливают псевдосферу функционирования органов местного самоуправления, раскрывают полноту и совершенство общественных отношений, в которых внутренние законы нравственности выступают как прообраз действительности и свою законченность и полноту бытия находят в нормах права.

Подобное понимание совершенства общественных отношений стало идеалом воспроизводства традиционного типа отношений власти и народа, которые в русской философии обрели свою кристальную определённость и включены в образ «народного характера», в образ особого «русского пути». Например, И.С. Аксаков об этом пишет, что «только общество, служащее истинным выражением народности, являющее высшую сознательную деятельность народного духа, может спасти народ и остановить растущее внутрь государство»[2].

Итак, законы нравственности формируются и устанавливаются не органами государства, не единичным актом лица, а «всем миром» – членами местного сообщества. Если субъектом норм права является государство, то субъектом внутренних законов нравственности является прежде всего семья, местные сообщества, сословия, одним словом – народы всего евразийского пространства. Если объектом норм права является человек и общество, то объектом внутренних законов нравственности является и человек, и местное сообщество, и вся Природа. Законы нравственности формируются и устанавливаются вековыми усилиями общин, с помощью которых упорядочивается пространство, создаются предметы материальной и духовной культуры. В отличие от норм права, имеющих формальный признак, формирование законов нравственности обусловлено общинными и государственными началами бытия русского народа.

Поэтому законы нравственности, по сравнению с другими социальными нормами, в евразийской концепции местного самоуправления имеют более высокое значение. Они обеспечивают реализацию потребности в совместной деятельности («всем миром», «всей землёй»), где и реализуется основная потребность – совершенствование общественных отношений между людьми, совершенствование отношений между обществом и Природой. Подобный стандарт совершенства предполагает симфонию единства норм права с другими социальными нормами.

В данном случае стандарт совершенства отражает такое состояние общественных отношений, когда все члены местного сообщества соединены всеобщей связью. В этом отражается целостность местного сообщества, основанная на единстве внутренних законов нравственности. Данное положение указывает на то, что и псевдосфера функционирования органов местного самоуправления не произвольно конструируется, а формируется на основе коллективистских традиций общинного бытия.

Коллективистский тип социальных связей формирует в сфере жизнеутверждения местного сообщества внутренние законы нравственности, идеалы добра, правды и справедливости, которые выступают в качестве образа действительности и устанавливают псевдосферу функционирования для органов местного самоуправления. Эти социальные нормы придают местному самоуправлению внутреннюю стройность и законченность, устанавливают внутренние границы регулирования сферы жизнеутверждения местного сообщества.

В евразийской концепции местного самоуправления утверждается единство общества и человека, где социальная интеграция происходит на основе принципов коллективизма, самоограничения индивидуальных действий и целей. «Право и государство, – пишет П.И. Новгородцев, – как органы упорядочения и надзора, становятся здесь излишними в том смысле, что норма и порядок входят в плоть и кровь человека, становится его второй натурой, внутренним зако-

[1] Аксаков И.С. Отчего так нелегко живётся в России? – М., 2002. – С. 627.

[2] Аксаков И.С. Наше знамя – русская народность. – М., 2008. – С. 78.

ном его существа. Индивидуальная жизнь человека, его личность, его свобода покрываются здесь его общественным значением»[1].

Таким образом, идеи евразийства в концепции местного самоуправления реализуется на основе единства отношений государства и общества, единства всего комплекса социальных норм. Нормы права, формируемые государством, в евразийской концепции местного самоуправления защищают псевдосферу функционирования органов местного самоуправления от внешнего воздействия. Государство как внешняя форма этого единства, через нормы права создаёт условия для формирования норм нравственности, устанавливающих псевдосферу функционирования для органов местного самоуправления. В евразийской концепции местного самоуправления внутренние законы нравственности, идеалы добра и справедливости отражают совершенство законов Природы и совершенство законов общества.

[1] Новгородцев П.И. Указ. соч., с. 315.

Косован Е.А.
к.и.н., доцент, Институт постсоветских и межрегиональных исследований РГГУ ekkade@gmail.com

ФЕНОМЕН «МИГРИРУЮЩЕЙ СТОЛИЦЫ», НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ КАЗАХСТАНА

***Ключевые слова**: мигрирующая столица, номинация столицы, транзит столицы, трансфер столицы, Республика Казахстан.*

***Keywords**: migrating capital, nomination of capital, transit of capital, transfer of capital, Republic of Kazakhstan.*

В исследовательском поле гуманитаристики понятие «миграция» традиционно ассоциируется с перемещениями населения, реже – с передвижениями капитала[1]. Менее известна теория Теодора Бенфея о миграции национальных фольклорных сюжетов и традиций[2]. И совсем редко выходит за пределы узкоспециальных штудий понятие «миграция столицы».

Городские миграции как физическое перемещение городского поселения или же трансфер его статуса и символических функций – сравнительно нечастое явление и в истории, и в современном мире. Но если физические «перемещения» городов в наши дни случаются крайне редко, то переносы столиц нельзя назвать маргинальным явлением. Автор известной работы по истории столиц Вадим Россман констатирует, что «переносы столиц становятся все более распространенным явлением в мировой политической практике. Вторая половина XX в. в целом была ознаменована беспрецедентным ростом количества столиц вновь образовавшихся государств. Если в 1900 г. в мире было всего 40 столиц, то к 2000 г. их было уже более 200, то есть за сто лет общее количество столиц суверенных государств выросло более чем в пять раз. Другим знаменательным моментом этого века были достаточно частые переносы старых столиц на новые места, которые происходили на всех континентах и во всех регионах мира…»[3].

Другой исследователь, ведущий научный сотрудник Института географии Российской академии наук С.А. Тархов установил, что с конца XVIII по начало XXI вв. переносы столицы состоялись в 69 странах, причем некоторые государства побили своеобразный рекорд, перенося столицу неоднократно[4].

Если переносы осуществляются периодически, можно говорить о мигрирующей (мобильной, перипатетической столице). Согласно В.И. Россману, можно выделить два типа таких столиц: переходящие/чередующиеся *(itinerant capitals)* и блуждающие *(wandering capitals/roving capitals)* столицы[5]. «Переходящая столица» подразумевает наличие системы городов, внутри которой происходит циклическая или ациклическая миграция столичного статуса. Институт «блуждающей столицы» подразумевает бессистемную миграцию. Именно о такой миграции пойдет речь в данной работе.

На постсоветском пространстве «блуждающую столицу» имеет только одно государство – Республика Казахстан (РК). За короткий по историческим меркам период времени – с провозглашения Алашской автономии в конце 1917 г. по 1998 г., когда прошла международная презентация последней столицы Республики Казахстан – Астаны – транзит статуса столичного города предпринимался четыре раза. Ни в одной из бывших советских республик ничего подобного не происходило, в связи с чем исследования казахстанского института столичности приобретают особую актуальность.

Историография данной проблемы не очень обширна. Феномен «мигрирующей столицы» специально исследовался в работах Н. Бекус и К. Медеуовой, С. Ковальской и К. Аканова, Э. Шаца, Н. Шелекпаева, Г. Алпысбаевой[6]. С 2018 г. институтом столичности Казахстана в XX–XXI вв. занимаются специалисты-историки Института постсовет-

---

[1] См., например, определение миграции в Толковом словаре Ушакова. // Academic.ru. – https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/860054

[2] Kretschmer P. Zur indischen Herkunft europäischer Volksmärchen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1930. – Vol. 37. – S. 1–21.

[3] Россман В.И. Столицы: их многообразие, закономерности развития и перемещения. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. – С. 7.

[4] Тархов С.А. Переносы столиц // Demoscope weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». 2008. – 1–14 сентября – № 343–344. – http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0343/analit06.php#_FNR_1

[5] Россман В.И. Указ. соч., с. 37.

[6] Бекус Н., Медеуова К. Смена эпох как смена столиц: Астана как глобальный центр // Неприкосновенный запас. 2011. – № 6 (80). – С. 139–158. – http://magazines.russ.ru/nz/2011/6/n10.html; Ковальская С.И., Аканов К.Г. Перенос столицы как инструмент политики нациестроительства и миграционная динамика населения Астаны // Вестник Томского государственного университета. 2016. – № 412. – С. 54–64; Шац Э. Когда столицы переносят: политическая география национального и государственного строительства // Логос. 2013. – № 4 (94). – С. 109–142; Шелекпаев Н. Астана как имперский проект? Казахстан и его блуждающая столица в XX веке // Ab Imperio. 2018. – № 1. – С. 157–189; Алпысбаева Г.А. Акмола, Целиноград, Астана: исторический путь становления и развития: Дис. ... док. ист. н. – Караганда: Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, 2009.

ских и межрегиональных исследований Российского государственного гуманитарного университета (ИПиМИ РГГУ). История «миграций» казахстанской столицы достаточно подробно изложена в публикациях сотрудников ИПиМИ РГГУ[1], поэтому здесь мы обозначим лишь ее основные вехи.

Старт «миграционной активности» казахских столиц следует связывать с Алашской автономией, созданной в конце 1917 г. и ликвидированной в марте 1920 г. Формально автономия оставалась в составе России, то есть не была полностью независимым политическим субъектом. Поэтому обычно Алашский столичный проект не пользуется вниманием исследователей. Однако это в корне неверно, ведь автономия – важнейшая форма национального самоопределения, и Алашский государственный проект был первой попыткой самоопределения казахов, пусть и в рамках другого государства. Столицей автономии был Семипалатинск или Алаш-Кала.

После ликвидации Алашской автономии и создания в августе 1920 г. КАССР – Киргизской Автономной Советской Социалистической Республики в составе РСФСР столицей стал Оренбург, который сохранил свой статус до 1925 г. – до начала нового этапа национально-территориального размежевания в регионе. В апреле Оренбургская губерния была выведена из состава КАССР, а сама автономия в июне была преобразована в Казакскую Автономную Советскую Социалистическую Республику (АССР)[2] вновь в составе РСФСР. Ее столицей стал город Ак-Мечеть, бывший Перовск, переименованный в Кызылорду.

Решение о новом переносе столицы было принято в апреле 1927 г.: на этот раз выбор пал на город Алма-Ата (Алматы), который с 1936 г. выполнял роль центра Казахской ССР и стал рекордсменом: продержался в роли столицы Казахстана почти 70 лет.

Наконец, в последний раз столицу перенесли в 1997–1998 г. Центром постсоветского Казахстана стала Астана. Ее статус пока не подвергается пересмотру, но имя (а заодно и гендер) город уже сменил – с 2019 г. это Нур-Султан.

С чем же связаны многократные переносы казахстанской столицы? Что лежит в основе феномена «мигрирующей столицы» Казахстана?

Попробуем ответить на эти вопросы последовательно.

Итак, с чем же связано явление столичной мобильности как таковое?

Общеизвестно, что столица – необходимая часть политико-географического ландшафта, важнейший атрибут государства и одна из его фундаментальных культурных основ[3]. В столичном институте воплощаются одновременно все аспекты жизни общества и государства – административно-политический, идеологический, культурный, экономический и т.д., причем это воплощение должно соответствовать презентационной роли столицы. Ведь столичный город – главный «имиджмейкер» государства[4]. Недаром и в повседневном, и в официальном дискурсе столица часто замещает всю страну: мы говорим «Москва решила», «Берлин ответил», «Пекин отреагировал», «Брюссель надеется» наделяя тем самым один город способностью олицетворять не только отдельные государства, но и их объединения.

Говоря о столице в таком смысле, мы чаще всего подразумеваем, что в ней сосредоточены ключевые органы управления, которые принимают решения в масштабе всей страны или союза государств. Иными словами, столица для нас – это обычно центр *реальной* власти. Однако функции столичного города гораздо шире. Ведь институт столичности представляет собой «уникальную комбинацию процессов территориального доминирования и становления государств, а также физического пространства»[5]. А это значит, что в нем сосредоточена еще и власть *символическая* – над географическими образами данной страны.

Понятие географический образ (геообраз) мы заимствуем из имажинальной (образной) географии. Согласно Д.Н. Замятину, это совокупность ярких, характерных знаков, символов, ключевых представлений, описывающих какие-то реальные пространства (например, государства или их части) и тесно связанных с идентичностью, с национальным пространственным мышлением, национальными языками географического самоописания и т.п.[6] Системы геообразов, сформировавшиеся в течение длительного осмысления и символизации данного пространства, становятся неотъемлемой частью его репрезентации, и потому они крайне важны для государства как политического института: с помощью геообразов властные элиты сохраняют и воспроизводят определенный порядок, интегрируют территорию и т.п.[7]

Столица в этом смысле – символико-географический центр, который организует все прилежащее к нему пространство и в котором в концентрированной форме выражается суть геократической стратегии данного политического

---

[1] Пивовар Е.И., Косован Е.А. Феномен «мигрирующей столицы» на постсоветском пространстве (на примере Республики Казахстан) // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». – М., 2019. – № 1. – С. 54–65; Они же. «Неведомые степные дали, открытые всем ветрам»: к юбилею Астаны // Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований. Вып. 2: Казахстановедение / Редкол.: Е.И. Пивовар (отв. ред.), Е.Я. Виттенберг, И.Е. Ханова, Е.А. Косован. – М.: РГГУ, 2019. – С. 10-48.

[2] В 1925–1936 гг. было принято написание «Казакская», а не «Казахская» АССР.

[3] Россман В.И. Указ. соч., с. 132.

[4] Пивовар Е.И., Косован Е.А. Феномен «мигрирующей столицы» на постсоветском пространстве (на примере Республики Казахстан) // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2019. – № 1. – С. 56.

[5] Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – С. 15.

[6] Замятин Д.Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010. – Т. 9, № 3. – С. 29.

[7] Замятин Д.Н. Геократия. Евразия как образ, символ и пространство цивилизации: Доклад // Государственная идеология и ценности в государственной политике и управлении (к становлению политической аксиологии): Материалы постоянно действующего научного семинара. 2011. – Вып. № 3 (41). – С. 8. Там же: Соловьев А.И. Геократия: теория и реальность. – С. 135.

режима[1]. Недаром топонимия столицы обычно в том или ином виде воспроизводит топонимию всего государства: в малом столичном пространстве моделируется большое, помогая власти осваивать и присваивать последнее.

Если в системе основополагающих геообразов страны по тем или иным причинам есть серьезные противоречия, это несомненно отразится на институте столичности. Примером может служить даже российский «казус»: в нашей истории имеет место длительный историко-культурный конфликт между столицей, воплощающей страну, и столицей, противопоставляемой ей, своего рода Россией и анти-Россией[2]. Этот конфликт отражает двойственность, неопределенность пространственной идентичности и попыток власти реализовать ту или иную точку зрения на эту идентичность, причем в полной мере ни «петербургский», ни «московский» вариант нельзя назвать «тем самым», то есть разрешающим российскую «евроазийскую» амбивалентность. «Казус» Казахстана – связан с тем, что в 1917 г. казахи не имели собственного государства. В составе Российской империи их земли находились в составе нескольких регионов: «Уральская и Тургайская области возглавлялись оренбургским генерал-губернатором, Акмолинская и Семипалатинская – омским в составе Степного края. Часть южных земель вошла в Семиреченскую и Сырдарьинскую области Туркестанского края, Букеевская орда (степь) – в Астраханскую губернию»[3]. Эта раздробленность препятствовала формированию непротиворечивой образно-географической метасистемы[4], а значит – представлений о едином центре страны.

Следующее соображение относительно природы «мигрирующей столицы» перекликается с предыдущим, но относится уже не к имажинальной географии, а к теории нации. Столица – это зеркало, в котором отражаются процессы нациетворения, то, как формирующаяся нация видит себя в прошлом, то, чем она является в настоящем и то, чем она хочет стать в будущем. Недаром современный институт столиц сформировался одновременно с национальным государством, а «парад новых столиц государств, освободившихся от колониального господства, парадоксальным образом совпал с тем, что некоторые социологи назвали закатом идеи национального государства и с подъемом глобальных городов»[5]. Скотт Кэмпбелл нашел очень меткий эпитет для столичного города, назвав его посредником между местной культурой и «воображаемым сообществом» национального государства[6], то есть нацией (в понимании Б. Андерсона). К этому определению нечего добавить. Если нация – это сообщество, воображенное людьми, которые воспринимают себя как его часть, то столица должна отображать сущностные черты этого сообщества.

Кроме того, в качестве центра «воображаемого сообщества» столица должна обладать достаточными ресурсами для реализации трех основополагающих функций: воплощение власти, справедливости, национальной и гражданской идентичности[7]. Если в силу тех или иных причин номинированная столица данные функции не выполняет, это влечет за собой утрату столичного статуса и его трансфер (перенос).

Процессы формирования казахской нации осложнены в силу объективных причин. Одним из ключевых факторов, замедляющих этническую консолидацию казахов, было жузовое деление. Идеи национально-политического самоопределения и обособления, особенно в западноевропейской трактовке, представляли интерес лишь для части немногочисленной интеллигенции, но были чуждыми для подавляющего большинства казахов, идентичность которых была неразрывно связана с кочевым образом жизни[8]. Кроме того, в национальной историографии неоднократно отмечалось, что Казахстан – страна, которая вынуждена вечно «балансировать между Европой и Азией, Западом и Востоком, славянами и мусульманами, казахами и русскими, промышленностью и сельским хозяйством, городским и сельским населением»[9]. Сейчас власти Казахстана пытаются конвертировать эту промежуточность в блага, связанные с реализацией евразийской геостратегии. Не беремся оценивать эту деятельность. Что же касается института столичности, с большой долей уверенности можно сделать вывод, аналогичный тому, что уже был сделан выше: неопределенность, раздробленность, отсутствие единой национальной и гражданской идентичности, формирование государственных структур «сверху» – именно те факторы, которые способствуют постоянному «блужданию» столицы.

В качестве еще одной причины столичных миграций можно выделить особенности седентеризации (перехода к оседлому образу жизни) и урбанизации казахской степи. В частности, несмотря на то, что в Новое время на современной территории Казахстана и существовали города (которые вырастали из русских и кокандских крепостей), к концу

---

[1] Термин «геократия» предложен Д.Н. Замятиным. По определению автора, это сформировавшиеся в течение длительного исторического времени способы осмысления, символизации и воображения конкретного географического пространства, ставшего имманентным для аутентичных репрезентаций и интерпретаций определенной цивилизации. См.: Замятин Д.Н. Власть пространства и пространство власти: географические образы в политике и международных отношениях. – М.: РОССПЭН, 2004.

[2] Человек и город: пространства, формы, смысл: Материалы Международного Конгресса Международной ассоциации семиотики пространства (Санкт-Петербург, 27-30 июля 1995 г.). В 2-х т. Т. 2. – С. 6.

[3] Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. – М.: Издательский центр «Россия молодая», 1994. – С. 19–20.

[4] Замятин Д.Н. Гуманитарная география…

[5] Россман В.И. Указ. соч., с. 7.

[6] Кэмпбелл С. Идентичность и меняющаяся роль столиц в эпоху глобализации // Философско-литературный журнал «Логос». 2013. – № 4 (94). – С. 57–108.

[7] Россман В.И. Указ. соч., с. 12-14.

[8] Казиев С.Ш. Советская национальная политика и проблемы доверия в межэтнических отношениях в Казахстане (1917–1991 годы): Дис. … д-ра ист. Наук / Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М., 2015. – С. 153.

[9] Забирова А.Т. Формирование, легитимация и воспроизводство идентичности в постсоветском Казахстане // Социологические исследования. – М., 2003. – № 12. – С. 118.

эпохи городским был только 1% казахского населения[1]. В результате, здесь «сложились несколько вариантов адаптации к городскому пространству, расположенных в диапазоне между “автохтонным” и “европейским” полюсами»[2]. Нельзя не обратить внимание на то, что для урбанизационных процессов, как и для процессов нациотворения и формирования идентичности, характерны промежуточность, неопределенность, длительная незавершенность.

Итак, перечислим факторы, которые, по нашему мнению, оказывали и оказывают решающее влияние на мобильность казахстанской столицы:

- отсутствие цельной образно-географической метасистемы вследствие территориальной разобщенности казахских земель;
- отсутствие представлений о национальном центре вследствие позднего и затрудненного формирования казахской нации
- соперничество жузов и клановые отношения как часть казахстанской государственно-политической системы;
- особенности седентеризации и урбанизации казахов (их слабая вовлеченность в процесс формирования городской системы).

История мобильности казахстанской столицы свидетельствует о действии всех перечисленных факторов, на которые накладывались также факторы экологические, фактор городского благоустройства и т.п. Исключением, возможно, стоит счесть лишь Семипалатинск, который потерял статус столицы в силу внешних причин – ликвидации Алашской автономии и создания КАССР.

Оренбург потерял статус столицы в первую очередь потому, что не обладал необходимыми ресурсами для выполнения функций символического воплощения казахской идентичности. Второй секретарь Казахского обкома РКП(б) Султанбек Кожанов писал: «Столица Казахстана должны быть на территории казахской степи, пусть даже у казахов нет города, но ни в коем случае не на территории России. Казахскому народу не нужен красивый город с высокими домами, ему нужна хотя бы небольшая, но своя столица»[3]. Трагическую роль в утрате Оренбургом столичного статуса сыграл голод 1921–1922 гг. Голод и разруха в хозяйстве города и всего региона сделали невозможным отправление одной из ключевых функций столицы – прагматической. Вообще многолетние катаклизмы лишили город шансов на модернизацию, что делало его слишком анахроничным для столицы, даже и на уровне автономии[4].

В сменившем Оренбург в роли казахской столицы городке Ак-Мечеть (Кзыл-Орда) жили почти исключительно казахи, да и основан он был кокандцами, а не русскими. Однако инфраструктурно он не был готов к исполнению роли столицы и соответствовал имиджу советской автономии еще меньше, чем его предшественник. Минималистичные установки С. Кожанова были приемлемы в период революции и Гражданской войны, но не в эпоху созидания.

Приемлемым вариантом оказалась Алма-Ата (бывший Верный). Роль столицы этот город исполнял на протяжении рекордно длительного для Казахстана периода и, что примечательно, не утратил свой статус и тогда, когда Казахская автономия была преобразована в Казахскую ССР (1936 г.). В 1933–1939 гг. Алма-Ата пережила реконструкцию и приобрела вид социалистического города, соответствующего советскому типу государственности и канонам советского градостроительства. А симбиоз советской интернациональной и казахской национальной символики в алматинском ландшафте должен был свидетельствовать о слиянии казахского этноса с новой наднациональной общностью – советским народом, нерушимости положения Казахстана в составе СССР.

Вновь обострил проблему столичности распад Советского Союза. Бывшие столицы советских республик в одночасье оказались столицами независимых государств, строящих совершенно иной политический, экономический, социальный порядок. Старые столичные города не были готовы к роли центров «капиталистических» государств, их символическая нагрузка противоречила «базовому набору» атрибутов независимости постсоветских государств[5]. Постсоветский политический кризис вновь привел в движение казахстанскую столицу, которая в 1997–1998 г. переехала в Астану (известную также как Акмола, Целиноград, Акмолинск).

Интересна причины нового транзита столицы. В начале 1990-х гг. Казахстан столкнулся с острой проблемой регионализации. Возникла угроза «раскола» страны. Политический транзит сопровождался размежеванием политических элит, оппозиционная Н.А. Назарбаеву часть госаппарата упорно сопротивлялась его реформам[6]. То же касалось руководства наиболее значимых для государства отраслей экономики – нефтяной, газовой и т. п. Перенос столицы в этой непростой ситуации расценивался Назарбаевым как средство, которое поможет справиться с сепаратизмом северных русскоязычных областей и отсеять нелояльное чиновничество и строптивых хозяйственников. Кроме того, отказ от Алма-Аты как воплощения социалистической государственности носил и значимую символическую нагрузку: так власти нового Казахстана закрывали дверь за советским прошлым.

Выбор Акмолы (Целинограда) в качестве новой столицы был во многом логичным.

---

[1] Феоктистова Е.А. Эволюция градостроительной культуры на территории современного Казахстана (XVIII в. до н.э. – начало XXI в. н.э.): Дисс. … канд. арх. Новосибирск: Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия, 2011. – С. 27.

[2] Сарсембаева Г.А. Особенности формирования городского пространства Восточного Казахстана в XIX–начале XX века (на примере городов Семипалатинск и Усть-Каменогорск) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2017. – Т. 16, № 1. – С. 80–81.

[3] Кумырзак А. От Камыскалы до Кызылорды (по материалам Кызылординского областного историко-краеведческого музея) // National Digital History of Kazakhstan. 2017. – 18 июля. – http://www.e-history.kz/ru/publications/view/3347

[4] Пивовар Е.И., Косован Е.А. Феномен «мигрирующей столицы»…С. 59.

[5] Бекус Н., Медеуова К. Указ. соч.

[6] Шац Э. Когда столицы переносят: политическая география национального и государственного строительства // Логос. 2013. – № 4(94). – С. 125–127.

Во-первых, перенос столицы на север Казахстана, где было сконцентрировано иноэтничное население, являлся частью стратегии «символического приспособления» к национальному, конфессиональному, культурному разнообразию страны, паллиативным средством преодоления сепаратизма. Размещая столицу в регионе, который мог «уйти» к России, Н.А. Назарбаев демонстрировал свою уверенность в том, что уход не состоится.

Во-вторых, перенос столицы был призван нивелировать деструктивные последствия жузового деления титульной нации. Н.А. Назарбаев – выходец из Старшего жуза, на территории которого располагалась старая столица. Акмола же находилась на территории Среднего жуза, практически в центре страны. Перенос столицы символизировал союз Большого и Среднего жузов, который должен был стать средством сдерживания Младшего жуза, на территории которого находятся месторождения стратегически важных полезных ископаемых.

В-третьих, имелись идеологические аргументы. Казахстан в рамках прагматического евразийства Н.А. Назарбаева расценивался как уникальное государство, находящееся на границе, на перекрестке Европы и Азии, а все его население – как уникальная общность, занимающая территорию в «сердце» Евразии. Таким образом, столица превращалась в географическое, политическое и этнокультурное «сердце» этого первого и единственного подлинно евразийского государства[1].

Создавая новую столицу, власти Казахстана полностью реконструировали город, причем реконструкция осуществлялась в рамках концепции «метаболического мегаполиса» К. Курокавы, которая подразумевала сохранение разновременных культурных слоев в городском ландшафте. Вероятно, это можно расценивать как попытку наконец преодолеть «промежуточность» как имманентное качество казахстанского государства и этнонационального организма. Пока трудно судить, насколько удачной была эта попытка. Однако то, что весной 2019 г. уход Нурсултана Назарбаева с поста президента Республики Казахстан спровоцировал новый всплеск внимания к столичному городу, кажется нам весьма симптоматичным.

Транзит власти, даже неполный, в Казахстане ассоциируется с транзитом столичного статуса. И вряд ли стоит сомневаться в том, что существует взаимосвязь между «блужданиями» казахстанской столицы в XX-XXI вв. и кочевым прошлым казахского народа. Именно в рамках кочевых политий формировались представления казахов о государственности[2], а столичный институт является производным от этих представлений. Нестабильность казахстанского института столичности и многократные переносы столичного статуса от одного города к другому обусловлены незавершенностью формирования нации и национального государства, которая проявляется в том числе в дисгармонии геообразов и образов «воображаемого сообщества». Манипуляции институтом столичности в данном случае, скорее всего, являются частью стратегии, к которой прибегают властные элиты, чтобы придать устойчивость нестабильному обществу, преодолеть кризис легитимности и идеологии, обуздать территориально-политические конфликты, определенным образом структурировать физическое и символическое пространство государства[3]. Такие манипуляции не могут, по мнению специалистов, привести к долгосрочному результату[4], но в качестве паллиативного средства они обладают достаточно высокой эффективностью.

[1] Шац Э. Когда столицы переносят: политическая география национального и государственного строительства // Логос. 2013. – № 4(94). – С. 135; Пивовар Е.И., Косован Е.А. Феномен «мигрирующей столицы»…С. 61–62.

[2] Карлов В.В. Кочевники в мире модерна и постмодерна. Опыт и перспективы адаптации // Сибирские исторические исследования. 2016. – № 4. – С. 131–153. – https://cyberleninka.ru/article/n/kochevniki-v-mire-moderna-i-postmoderna-opyt-i-perspektivy-adaptatsii

[3] Пивовар Е.И., Косован Е.А. Указ соч., с. 56.

[4] Россман В.И. Указ. соч., с. 6.

Лобикова О.М.,
Лобикова Н.В.[1]

ПРОБЛЕМЫ СТРОИТЕЛЬСТВА УМНЫХ ДОМОВ

Ключевые слова*: умный дом, энергоэффективность, система обеспечения микроклимата, системы отопления, системы вентиляции, экологичность.*

Keywords*: smart home, energy efficiency, climate control system, heating system, ventilation system, environmental performance.*

Для обеспечения условий социального благополучия населения, национальной безопасности и, в конечном итоге, устойчивого экономического роста государства необходимо создание инновационной экономики. Для владельцев недвижимости остро стоят вопросы обеспечения контроля, ухода, защиты недвижимости и экономии эксплуатационных расходов. Самой дорогостоящей статьей в обслуживании зданий являются платежи, счета за энергоресурсы. Эти проблемы призвано решить внедрение системы «умный дом» (англ. Smart House, также англ. Intelligent Building) [1].

Еще пару десятилетий назад технологии контроля систем жизнеобеспечения здания воспринимались как научная фантастика. Первая удачная попытка сделать дом «умнее» была реализована в 1950-х годах американским инженером Эмилем Матиасом. В его Push-Button Manor («Доме с кнопками») были автоматизированы максимальное на то время количество функций: управление различными бытовыми приборами, воротами, шторами. На проект были потрачены 2 км проводов, спрятанных в стенах, и везде в доме находились управляющие кнопки. В 1966 году американец Джеймс Сазерленд усовершенствовал идею «Дома с кнопками», подсоединив к нему компьютер, который включал приборы.

В период с 1957 по 1967 год в Диснейленде был популярный аттракцион «Дом будущего», разработанный специалистами компании Monsanto, Массачусетского технологического института и Walt Disney Imagineering. Внутри дома были оборудованы жалюзи, которые открывались и закрывались автоматически, регулируемая по высоте раковина на кухне и другие передовые технологии того времени.

В 1987 году в СССР в ВНИИТЭ (*Всероссийский научно-исследовательский институт технической эстетики)* разработали проект радиоэлектронного оснащения здания «СФИНКС» (суперфункциональная итегрированная коммуникативная система), прототип отечественного «умного дома», который имел пульт с микрофонами для управления голосом центральным процессором, который в свою очередь управлял функциональными блоками. Система обеспечивала досуг и развлечения жильцов, а также следила за состоянием дома при отсутствии хозяев, давала справочную информацию [2].

Начиная с 1990-х гг. в США и развитых европейских странах появились и начали набирать популярность отдельные умные устройства, независимо от остальных выполнявшие свои функции [1]. Постепенно за четверть века концепция «умного дома» трансформировалась в реальный рынок устройств и технологий, в большинстве представляющих системы автоматизации. Сегодня в США умными являются 6% домов, в России 1,5%, в Беларуси менее 1%. К 2022 году в России прогнозируется рост до 8,5% [3].

В современной литературе можно выделить несколько подходов к определению понятия «умный дом». Наиболее распространено определение «умного дома» как использование информационно-коммуникационных технологий для обеспечения технической интегрированности системы предоставления продуктов и услуг в домашних условиях [1]. Второй подход выражается в рассмотрении «умного дома» как системы глобальных вычислений, где среда жилища дополнена цифровым окружением, которое предоставляет услуги в зависимости от контекста и потребностей пользователя и управляется с помощью удаленного доступа [1]. Существует в отечественной практике более широкий подход, при котором «умный дом» трактуется как дом современного типа, созданный для потребителей на основе автоматизации и высокотехнологичных устройств. В последнем случае система «умный дом» включает не только информационно-коммуникационные технологии, но и оптимальным образом скомбинированные системы обеспечения микроклимата помещений, освещения, безопасности, контроля, энергосбережения, ресурсосбережения и комфорта для всех пользователей. При этом комплексная эксплуатация совокупности подсистем обеспечивает синергетический эффект. Ключевым фактором обоснованности применения системы «умный дом» является грамотный подбор и скоординированная работа систем обеспечения микроклимата (отопления, вентиляции, кондиционирования). Институтом интеллектуального здания в Вашингтоне в 1970-х годах сформулировано следующее понятие «умный дом»: «Здание, обеспечивающее продуктивное и эффективное использование рабочего пространства» [4].

[1] Лобикова Ольга Михайловна – старший преподаватель кафедры «Промышленное и гражданское строительство», Белорусско-Российский университет, Могилев. E-mail: olg.lobikova@yandex.ru

Лобикова Надежда Васильевна – лаборант кафедры «Безопасность жизнедеятельности»», Белорусско-Российский университет, Могилев. E-mail: nadya.lobikova@yandex.ru

Существуют отличия в подходах к «умным домам» в странах Европы, в России и Беларуси. В странах Европы системы «умный дом» нацелены прежде всего на энергосбережение и только затем на комфорт пользователей. При этом к системам предъявляются требования максимальной унификации оборудования. Проектированием таких систем в отдельных зданиях занимается непосредственно разработчик системы, установка выполняется в строгом соответствии со схемой.

«Умный дом» в российских и белорусских домах – это, как правило, большое количество «умных» товаров и услуг, решающих узкие задачи пользователя либо только системы автоматизации. Особенность российского рынка «умных» помощников состоит в том, что здесь его активно двигают отдельные специализированные фирмы, предлагая покупателям свои частные марки. В большинстве случаев системы «умный дом» предназначены для обеспечения комфорта и желанного имиджа, либо, если речь идет о малобюджетных проектах, для выполнения простейших функций: сигнализация, в некоторых случаях с функцией GSM-оповещения. Об экономии ресурсов, энергии вспоминают в последнюю очередь, что в современных реалиях недопустимо. Проектированием, монтажом и дальнейшим обслуживанием систем занимаются специалисты, которые используют разработки многих производителями. Данный факт, позволяет подобрать оптимальный комплект оборудования для решения поставленных задач. Однако при этом возникает проблема – результат проекта пропорционален квалификации конкретных специалистов (монтажников оборудования) и применяемых при проектировании методик.

Учитывая тот факт, что дотации государства в систему ЖКХ уже сейчас снижаются и вскоре могут снизиться до нуля, вопросы энергосбережения в белорусских и российских домах выйдут на лидирующие позиции как и в странах Европы.

К числу требований, предъявляемых к современному зданию, в настоящее время помимо надежности и долговечности добавились:

– обеспечение комфорта*;*

– безопасность (*охрана и техническая безопасность);*

– *эффективное потребление ресурсов;*

– *экологичность*.

Все перечисленные требования важны. Отсутствие отдельных элементов снижает эффективность работы всей системы. Поэтому к надежности каждого элемента предъявляются повышенные требования. Ключевые позиции при обеспечении комфорта помещений, эффективности потребления ресурсов и экологичности отводятся системам обеспечения микроклимата помещений. В частности, отоплению и вентиляции.

Для комплексной оценки проекта системы отопления зданий авторами разработана методология для условий строительства в России и Беларуси. Методология учитывает совокупные расходы, а также экологические последствия реализации проекта и риски в долгосрочной перспективе [5]. Данная методология подходит для подбора системы отопления «умного дома».

Ключевыми факторами, отличающими проекты систем отопления, являются тепловая мощность, вид потребляемого топлива. В качестве примера приведем подбор системы отопления для современного индивидуального жилого дома отапливаемой площадью 200 м^2 и эффективной теплоизоляцией для климатических условий Республики Беларусь. Принимая во внимание количество требуемого на отопительный сезон тепла, и, соответственно, количества топлива, выбираем теплогенератор тепловой мощностью 10 кВт [5]. При расчетах использовались цены на энергетические ресурсы, обеспечивающие полное возмещение экономически обоснованных затрат. Цены на приобретение, монтаж, эксплуатацию теплогенераторов рассчитаны исходя из среднего уровня на рынке товаров, услуг [5].

Разработанная методология оценки эффективности различных систем отопления зданий с учетом экологичности проектов включает четыре этапа. На первом этапе выявлены потенциальные инновационные технологии отопления. Рассматривались популярные среди населения системы отопления на различных видах топлива (электрическая энергия, природный газ, различные виды твердого топлива) а также проект с использованием городской тепловой сети и проект отопления тепловым насосом. Марки теплогенераторов подобраны на основе соответствия технических параметров и средних ценовых характеристик. На втором этапе проведены качественная и количественная оценка влияния факторов. Важным является обязательный учет экологического ущерба от выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух для обеспечения требования экологичности проекта. Количественную оценку мы определяли как сумму совокупной экономии за вычетом экологического ущерба за расчетный период (10 лет) с учетом дисконтирования [5]. На третьем этапе проводится оценка проектов по минимальным приведенным затратам, что позволяет более наглядно продемонстрировать заказчику результаты.

Стоимость приобретения, монтажа и подключения оборудования при действующем уровне цен учитывается как первоначальные инвестиционные затраты. В качестве текущих эксплуатационных затрат приняты затраты на обслуживание и стоимость топлива, энергии на отопительный сезон. В результате расчетов сделан вывод о том, что наибольшие приведенные затраты возникают при использовании электрокотлов для отопления дома. К этому приводят высокий уровень текущих затрат на электроэнергию. При возможном снижении тарифов на электрическую энергию, ситуация изменится. Далее в рейтинге следуют городская теплосеть и тепловой насос (таблица 1). Минимальный уровень приведенных затрат получен при отоплении дома путем сжигания каменного угля или торфобрикета.

Заключительный этап оценки – анализ рисков применения систем отопления на протяжении всего жизненного цикла проекта, включая идентификацию, количественную и качественную оценку, а также составление программы антирисковых мероприятий [5].

Результаты комплексной оценки представлены в табл. 1.

Таблица 1

Сравнительный рейтинг систем отопления по комплексу факторов

Место в рейтинге	Тип (марка) теплогенератора (вид топлива)	Чистый дисконтированный денежный поток, с учетом экологического ущерба, EUR	Приведенные затраты, EUR	Интегральная оценка важности риска
1	NIBE BO/W45 (тепловой насос типа «грунт-вода»)	–11 279,19	1805,83	19
2	Космос-10 (котел на твердом топливе: торфобрикет/дрова)	–3744,23/–4143,98	650,69/749,65	21
2	Городская теплосеть	–6907,52	1323,87	21
3	Ariston (газовый котел)	–5453,41	966,78	23
4	Космос-10 (котел на твердом топливе: кам. Уголь/антрацит)	–4293,88/–5675,18	600,91/946,51	27
4	WESPE HEIZUNG (электрокотел)	–16 947,89	3308,91	27

Для обеспечения безаварийной работы подсистемы и ее интеграции в систему «умный дом» необходима разработка системы антирисковых мероприятий (система мониторинга состояния подсистемы на всех этапах реализации от проектирования до окончания срока эксплуатации и страхования рисков) [5].

Разработанная методология позволяет решить ряд проблем, возникающих при эксплуатации зданий: снизить экономические издержки на протяжении всего жизненного цикла проекта, минимизировать нагрузку на окружающую среду и уменьшить вероятность рисков отказа подсистемы отопления, интегрированной в систему «умный дом».

При выборе системы вентиляции здания также возникает ряд проблем. Система вентиляции, обеспечивает удаление загрязненного воздуха из помещения в окружающую атмосферу (вытяжка), а также подачу в помещение свежего воздуха. При этом в холодный период года вместе с загрязненным воздухом выбрасывается значительное количество тепла, которое целесообразно утилизировать [7]. Наиболее рационально использовать удаляемое тепло, применяя рекуператоры.

Для того же примера жилого дома с объемом удаляемого воздуха 500 $м^3$/ч потери тепла с удаляемым воздухом при работающей вентиляции в среднем 8 час/сут. без рекуператора составят 1,85 EUR/сут. или 55,5 EUR/мес.

Вместе с тем, при установке рекуператора увеличивается аэродинамическое сопротивление вентиляционной установки, которое не учитывают при проектировании, что искажает результаты. Разработанная авторами методика [7] учитывает потери энергии из-за увеличения аэродинамического сопротивления вентиляционной системы при установке рекуператора. В холодное время года установка рекуператора позволяет достичь экономии при работе с среднем 8 час/сут. более 418 BYN за отопительный сезон (183 Евро). Срок окупаемости затрат при этом не превышает отопительного сезона.

Разработанная методика позволяет производить оценку эффективности применения рекуператоров в системах вентиляции зданий в стоимостном выражении. Методика учитывает потери энергии из-за увеличения аэродинамического сопротивления вентиляционной системы при установке рекуператора. Срок окупаемости затрат при этом не превышает отопительного сезона [7].

Кроме того, использование рекуператора в системе вентиляции помещения дает экологический эффект. Данный эффект возникает при снижении потребления энергетических ресурсов, используемых на отопление помещения, в результате снижения выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух.

При проведении оценки экологической эффективности инвестиционных проектов систем вентиляции возникает ряд трудностей с учетом экологических факторов [5]: отсутствие апробированной методологии, позволяющей выполнить комплексную оценку эффективности проектов; – многообразие экологических факторов; не в полном объеме урегулирование взаимоотношений в сфере компенсации ущерба, наносимого окружающей среде. Экономическая составляющая экологической эффективности проявляется [5] в экономии энергоресурсов; снижении эксплуатационных затрат; снижении выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух; предотвращении изменения климата за счет уменьшения парникового эффекта; повышении качества жизни за счет снижения уровня вредных выбросов и их негативного воздействия на здоровье жителей.

В соответствии с перечисленными факторами при строительстве и реконструкции зданий целесообразно проектировать системы вентиляции с устройствами рекуперации тепла [6]. При дальнейшем совершенствовании систем вентиляции и применении в них встроенных тепловых насосов [7] данная методика может быть дополнена без существенных изменений.

Наличие эффективных систем формирования микроклимата в «умном доме» в условиях продолжительного холодного периода в России и Беларуси является непременным требованием для обеспечения нормальной жизнедеятельности. Необходимо рассматривать проекты систем формирования микроклимата в системе «умный дом» всесторонне в долгосрочной перспективе с учетом всех доходов и расходов. В условиях постоянного повышения цен на энергоресурсы и перехода на полное возмещение затрат за отопление решающим фактором оценки становится величина текущих расходов [5]. При этом недопустимо пренебрегать вопросами экологичности, безопасности проектов, так как здесь цена ошибки очень велика. Внедрение в сознание граждан экологической ответственности диктуется современными требованиями. Седьмая цель устойчивого развития на период до 2030 года, определенная на Саммите ООН 2015 года в Нью-Йорке, гласит: «Обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех, предполагает развитие применения возобновляемых источников энергии, в ча-

стности при строительстве и реконструкции зданий» [8]. Применение нетрадиционных систем отопления на основе теплового насоса в комбинации с системами вентиляции с рекуператором способствует достижению данной цели [4].

Список литературы

1. Китаев А.Е., Миронова И.И. Потребительские предпочтения на российском рынке умных домов: эмпирическое исследование // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2019. – № 18 (2). – С. 204–234.
2. Советский комплекс СФИНКС: откуда почерпнули свои идеи «умного дома» современные электронные корпорации. – https://russian7.ru/post/sovetskiy-kompleks-sfinks-otkuda-poch/
3. Есть деньги — покупаешь. Кто в России живет в умных домах и сколько это стоит. – https://hi-tech.mail.ru/review/est-dengi-pokupaesh-kto-v-Rossii-v-umhukh-domah-skolko-eto-stoit/
4. Умный дом: Россия и Европа. – http://marsiada.ru/357/465/728/5764/
5. Галюжин С. Д., Лобикова Н. В., Лобикова О. М. Методология оценки проектов систем отопления индивидуальных жилых домов // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова. – Белгород, 2019. – № 2. – С. 88–101.
6. Лобикова Н.В., Лобикова О.М. Управление рисками при реконструкции жилых домов с учетом современных требований энергоэффективности: проблемы и практика решения // Общество. Экономика. Культура: актуальные проблемы, практика решения Сборник научных статей Материалы VIII Международной научно-практической конференции. – Барнаул: Изд-во Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, 2018. – С. 160–165.
7. Лобикова Н.В., Лобикова О.М., Галюжин С.Д., Галюжин А.С. Повышение энергоэффективности вентиляционных установок в производственных зданиях в условиях холодного периода // Наука и инновационные разработки – Северу: II Международная научно-практическая конференция, «Наука и инновационные разработки-Северу», 14–15 марта 2019 г., посвященная 25-летию Политехнического института (филиала) «Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова» в г. Мирном: сборник материалов конференции в 2-х ч. / Общ. ред. Зырянов И.В., Соловьев Е.Э., Егорова А.А. – Мирный: Мирнинская городская типография, 2019. – Ч. 1. – С. 145–148.
8. ООН: Цели в области устойчивого развития. – http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/issues/people/energy/

Маркин В.В.
д.соц.н., профессор, руководитель Центра региональной социологии и конфликтологии ФНИСЦ РАН
markin@isras.ru
Силин А.Н.
д.соц.н., профессор, гл.н.с., Тюменский индустриальный университет
sm-2004@rambler.ru

НОВЫЙ ЭТАП ОСВОЕНИЯ АРКТИКИ В КОНТЕКСТЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ: МЕТОДОЛОГИЯ И ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ[1]

Ключевые слова: *Арктика, пространственное развитие, социальное самочувствие, социологическое обеспечение.*

Постановка проблемы: теоретико-методологический аспект

Анализ сложившихся как федеральных, так и особенно региональных политико-управленческих практик (под которыми понимается совокупность регулирующих воздействий, направленных на функционирование и развитие макрорегиональных, собственно региональных (субъектов РФ) и местных (муниципальных) образований, соответствующих социально-территориальных сообществ, предполагающих включенность их в общероссийское пространство на основе взаимодействия структур власти всех уровней, бизнеса, гражданского общества и самого населения) показывает преимущественно экономическое понимание выдвинутого проекта пространственного развития, недостаточное социальное осмысление его цели и задач, вызовов пространственного развития как внутреннего, так и внешнего характера.

В разрабатываемой Стратегии пространственного развития Российской Федерации оно определяется как «эффективное освоение и использование территории Российской Федерации, направленное на обеспечение устойчивого экономического роста и научно-технологического развития Российской Федерации, повышение качества жизни населения и воспроизводство человеческого капитала, преодоление диспропорций в социально-экономическом развитии регионов».

Соответственно, целью Стратегии объявлено «формирование государственной политики пространственного развития Российской Федерации, обеспечивающей раскрытие потенциала территорий для развития человеческого капитала, повышения темпов экономического роста».

Другими словами, экономический рост прямо связывается с развитием человеческого капитала, качеством жизни людей на основе раскрытия потенциала территорий. При этом регионам Крайнего Севера (Арктической зоны России) уделяется особое внимание как в силу экстремальных условий жизнедеятельности, так и огромных природно-сырьевых ресурсов.

Введение («имплементация») самого понятия «пространственное развитие» в политико-управленческие и хозяйственные практики, его наполнение социальным смыслом, реализации этого смысла в механизмах, средствами и инструментами этих практик, вопрос также и теоретико-методологический.

В этом аспекте необходимо установить соотношение понятий «пространственное», «территориальное», «региональное» («макро- и мезорегиональное»), поскольку их часто смешивают. Наиболее широким является «пространственное», поскольку именно оно характеризует естественную и искусственную среду жизнедеятельности как отдельных индивидов («личное пространство»), так и социальных групп (общностей): местных, региональных, социетальных, вплоть до глобальных.

В социальном смысле оно наполняется субъектно-субъективным содержанием, предполагающем по П. Бурдье, определенные поля, позиции, диспозиции, габитусы и т.д. Выделяются основные акторы пространства: власть, бизнес, группы (объединения) гражданских и социокультурных инициатив, более или менее структурированное население, локализованное в социально-территориальных общностях. Каждая из таких групп акторов имеет свои специфические интересы в использовании пространства, которое выступает одновременно и полем деятельности данной группы и ее ресурсом. В этом отношении Россия – совершенно уникальная страна, имеющая обширные и многоплановые пространственные ресурсы, за которые те или иные группы «стейкхолдеров» могут как конкурировать (в т.ч. в самых острых формах), так и сотрудничать в целях рационального, экологически безопасного использования пространства, развивая его для достижения лучшего качества жизни населения страны в целом и на отдельных ее территориях.

Очевидно, в этом и есть высший смысл государственной политики пространственного развития и управленческих практик.

[1] Доклад, представленный на конференции «Цивилизационные аспекты развития Арктических регионов России».

Что же касается территориального плана в пространственном развитии, то он выступает прежде всего физико-географическим основанием для размещения и трансформации пространственных объектов и локализованной жизнедеятельности населения. Именно здесь реализуются отношения «конкуренции–сотрудничества» между стейкхолдерами. На территориях складываются поселенческо-расселенческие структуры населения, образуя социально-территориальный каркас пространства: сельские и городские поселения (от крупных до малых), их ареалы и сочетания в агломерациях, конурбациях и мегалополисах.

Именно здесь находятся главные внутренние вызовы пространственного развития России, связанные с концентрацией населения в центральной части страны с моноцентрическим мегалополисом, в котором произошло соединение его ядра – Московской агломерации с агломерациями соседних областей и образование конурбаций, растущее сближение этих конурбаций по узлам и магистралям, с определенными разрывами. В меньших масштабах, но в том же тренде развивается северо-западная часть страны, завязанная на Санкт-Петербург.

В других частях России, начавшееся в 60–70-х гг. прошлого века складывание мегалополисов (Уральского, Западно-Сибирского и Центрально-Сибирского) фактически прервалось. Остались отдельные агломерации, с некоторой перспективой конурбаций. Огромные территории вне этих агломераций теряют население и стимулы развития, превращаясь в депрессивные пространства.

Арктическая зона России подвержена как внешним притязаниям, так и внутренним вызовам. Разрывы между экономическим и социальным развитием огромных территорий накладываются здесь на неблагоприятные для жизни человека природно-климатические условия, точечную дисперсность поселенческо-расселенческих структур, удаленность поселений друг от друга на сотни километров, сверхзатратность строительства и функционирования объектов социальной инфраструктуры и т.д.

Регионально-местный каркас пространственного развития (в основе которого находятся субъекты РФ и отдельные муниципальные образования) испытывает предельные, а в отдельных случаях и запредельные неравенства, диспропорции социально-экономического плана. И хотя, в результате некоторых подвижек в этом отношении происходит выравнивание уровней социально-экономического положения ряда регионов (а внутри их – муниципальных образований) и даже наблюдается какая-то положительная динамика в них, проблема межрегиональных и межмуниципальных диспаритетов далека от своего институционального решения.

Характеризуя политико-управленческие практики в пространственно-региональном плане следует отметить, что они в основном построены на механизмах функционирования. В то же время хозяйственные практики на новом этапе индустриального освоения Арктики строятся на механизмах развития, но прежде всего в интересах корпораций. Взаимодействие этих механизмов значительно осложнено доминированием федерального центра в этих отношениях, многими барьерами и препятствиями при принятии согласованных решений. Вертикаль власти (частично действительная, частично иллюзорная) с режимами «ручного управления» должна институционально трансформироваться в новую систему отношений «центр–регионы» с перераспределением федеральных полномочий в субъекты и макрорегиональные (межсубъектные) образования, муниципалитеты и межмуниципальные образования с реализацией их в практиках планирования, программирования, бюджетирования при прямом участии всех «стейкхолдеров», в т.ч. населения. В эти новые механизмы функционирования должны быть встроены механизмы развития. Конечно, в этих механизмах должны быть задействованы потенциалы сильных экономических комплексов: ТЭК, ОПК, АПК в пространственном плане на основе государственно-муниципально-частного партнерства. Но не меньшее значение имеют механизмы развития малого и среднего бизнеса (как наукоемкого или обслуживающего крупные компании, так и особенно, в сфере развития городской и сельской среды жизни населения, замещения импортных товаров для внутреннего рынка, транспортных услуг, ремонтно-строительных работ, жилищно-коммунального хозяйства, использования цифровых технологий в работе социальных объектов). Другими словами, там, где крупный бизнес оставляет ниши, они могут быть использованы малыми предприятиями. Такие предприятия должны иметь особую систему мер поддержки депрессивных территорий, в частности в малых городах и сельских поселениях, и особо, на территориях нового освоения.

Формирование этих новых институциональных механизмов должно происходить при учете интересов всех участников пространственного развития, что в свою очередь требует социологического сопровождения и обеспечения.

Проведенные авторами в 2015–2019 годах глубинные интервью представителей органов власти и топ-менеджмента дислоцированных в арктическом регионе нефтегазовых компаний подтвердили гипотезу, что дефицит человеческого капитала, кадров, обладающих необходимыми компетенциями и требуемого состояния здоровья, являются главным барьером предстоящего неоиндустриального освоения углеводородных ресурсов на циркумполярных территориях [Маркин, Силин 2017].

Выяснилось, что наиболее значимым направлением решения этой проблемы топ-менеджеры российских корпораций, участвующих в новых инвестиционных мегапроектах в Арктике, считали наряду с межрегиональной вахтой привлечение иностранных квалифицированных работников. Им предоставлялась заработная плата значительно более высокая, чем на схожих позициях в их странах и существенно превышающая оплату труда россиян на аналогичных должностях, а также расширенный компенсационный пакет. При этом значимым мотивирующим фактором являлась и ставка подоходного налога (13%) в сравнении с 35–55% и выше на родине этих специалистов.

Однако после принятия США и ЕС запрета на поставки в Россию оборудования, предназначенного для реализации арктических нефтегазовых проектов, начался перевод иностранных специалистов, связанных с эксплуатацией этого оборудования, в другие страны. В связи с этим, повысилась актуальность изучения и эффективного использования вахтового труда, подготовки собственных профессионалов, и реализации потенциала людей, уже живущих в арктическом регионе, включая представителей аборигенных этносов. Не менее остро перед северянами стоит проблема

сохранения здоровья и работоспособности в экстремальных природно-климатических условиях циркумполярного региона. При этом, как выяснилось, разные факторы среды оказывают неодинаковое воздействие на представителей разных социальных групп людей, живущих и работающих на высокоширотных территориях. Это также требует специального изучения.

Программа проведенных на территории ЯНАО полевых социологических исследований была нацелена на изучение качества жизни разных социальных групп северян, возможностей повышения эффективности использования имеющегося человеческого и социального потенциала в реализации арктического проекта России, обеспечения разворачивающихся здесь инвестиционных мегапрограмм кадрами, обладающими необходимыми компетенциями и уровнем здоровья. При этом выявлялись возможные риски, препятствующие неоиндустриальному освоению арктического региона и пути противодействия их негативным последствиям, особенности и пути повышение качества жизнедеятельности местных сообществ в условиях нового индустриального освоения.

Исследование было построено в общей парадигме социально-пространственной и социально-территориальной идентификации в трансформирующемся обществе. При этом для анализа человеческого и социального потенциала в разных территориальных образованиях арктического региона авторами избрана методология социального моделирования, которая используется при решении слабоструктурированных проблем, посредством формализации представлений на основе качественно-количественной информации о выделенном фрагменте социальной реальности и участников соответствующих процессов в конструкции агентно-ориентированой модели.

Нами была поставлена цель – формирование модельно-социологического полигона (неоидустриального освоения Арктики), для чего был проведен сбор и анализ статистической и социологической информации, позволяющий дать характеристику основных социальных групп – агентов неоиндустриального освоения региона, имеющих различный уровень человеческого и социального потенциала, необходимого и достаточного для жизнедеятельности в новых условиях. При этом имелось в виду, что каждый из этих уровней характеризуется своим специфическим набором количественных и качественных показателей ранее использованных для системно-динамического моделирования имитационного характера. Можно сказать, что человеческий потенциал населения в арктической зоне – это совокупность определенных характеристик людей, позволяющих в большей или меньшей мере судить об их перспективных возможностях жизни на Севере и участия в новом общественном воспроизводстве этой зоны.

В человеческом потенциале арктического фронтира особо выделяются следующие основные свойства людей, намеренных жить и (или) работать в Арктике:

- демографические характеристики количества и качества определенных групп населения, в том числе, их уровень и качество жизни (доходы, расходы и др.);
- их профессиональные компетенции, в том числе, уровень образования;
- их физическое, психическое и социальное здоровье.

Частично по этим показателям ведется учет органами госстатистики и отраслевой медицинской статистики и их можно обнаружить в соответствующих статсборниках, однако большая часть необходимой информации требует проведения специальных социологических исследований: массовых опросов северян, относящихся к разным социальным группам (старожилы, в т.ч. представители коренных малочисленных народов Севера (аборигенных этносов), новоселы – люди, прожившие в арктическом регионе менее 3 лет, вахтовики, приехавшие на работу из других регионов), глубинных интервью экспертов, контент-анализ СМИ, включая социальные сети, анализ отчетных документов нефтегазовых компаний и других организаций. Тем более социологического анализа требует социальный потенциал освоения, в котором особо выделяются вопросы социальной идентификации и социального доверия.

Человеческий потенциал рассматривается нами не просто как некая дифференциация, характеризующая кадровые возможности освоения арктического региона, а как сформированные реальные способности персонала, востребованные и необходимые для практического решения поставленных конкретных задач. В первую очередь это следующие взаимосвязанные друг с другом показатели: социально-демографические характеристики количества и качества людей, намеренных жить и (или) работать в Арктике; их профессиональные компетенции; их физическое, психическое и социальное здоровье, взятые в шкалах социологического измерения.

Население Тюменского Севера представляет собой уникальную социально-территориальную общность, интегрирующую три основные этнические мегагруппы (славянскую, тюркскую и угорскую) и выходцев их всех регионов России и бывшего СССР, осевших в результате мощного миграционного обмена в 70-80 г.г. прошлого века. С одной стороны, регион рассматривался в тот период, именуемый «застойным», как «социальная свалка» с повышенным удельным весом маргинальных и прямо криминальных элементов, с другой – как территория с наиболее инновационным в социальном и интеллектуальном отношениях населением, мобильным и готовым к изменениям, т.е. Север оказался вовсе не стагнационным.

Общая численность населения ЯНАО составляет сегодня около 540 тыс. человек, из них: 61,7% русские, 9,9% украинцы, 8% народы Поволжья (татары, башкиры, чуваши), 6% – Северного Кавказа и Закавказья, 9% – коренные малочисленные народы Севера (самые многочисленные из них ненцы и ханты). Около 17 тыс. человек ведут кочевой образ жизни.

При этом в последние годы в ЯНАО ежегодно приезжает около 45 тысяч мигрантов и чуть больше выезжает, т.е. происходит обновление около 10% населения округа и некоторое сокращение.

Одновременно увеличивается число людей, ведущих мультилокальный мобильный образ жизни. Сегодня каждый четвертый работающий на территории округа – вахтовик, приехавший сюда из другого региона России или СНГ.

Началось и набирает темпы неоиндустриальное освоение новых арктических территорий. Формируются Бованенковский, Новопортовский и Тамбейский центры нефтегазодобычи на полуострове Ямал, Каменномысский в аква-

тории Обской губы и др., крупные инфраструктурные объекты и коммуникации, многофункциональный морской порт Сабетта, заводы СПГ и т.д. Т.е. потребность в профессионально-подготовленных кадрах значимо возрастает.

Некоторые результаты исследований

Почти три четверти (73,2%) опрошенных жителей ЯНАО намерены сейчас или в перспективе покинуть территорию округа (табл. 1). Кроме того, больше половины родителей, участвующих в опросе (57,2%), не хотят, чтобы их дети связывали свою судьбу с Севером. Все это, безусловно, актуализирует необходимость изучения возможностей как закрепления необходимых постоянных работников, так и более эффективного использования межрегионального вахтового метода.

Таблица 1

Желаемое ямальцами разного возраста место дальнейшего проживания (% от опрошенных)

Планируемое место жительства	Возраст респондентов, лет			
	18–24	25–39	40–54	55 и более
1. Хочу остаться здесь на всю жизнь	31,3	27,1	22,4	31,1
2. Хочу еще немного пожить, а потом уехать	57,0	62,5	65,4	51,1
3. Хочу уехать при первой возможности	11,8	10,4	12,2	17,7

Данные наших исследований (совместно с научным Центром изучения Арктики, В.А. Кибенко) n=2285 респондентов.

Говоря о человеческом потенциале, авторы имеют в виду, в первую очередь, количество и качество людей, участвующих в освоении арктического региона и намеренных продолжать жить и (или) работать здесь, совокупность их профессионально-культурных компетенций и возможность по состоянию здоровья постоянно жить на Севере либо прибывать сюда на вахту.

Все выявленные намерения (жизненные стратегии) требуют дальнейшего отслеживания в мониторинговом режиме с подробной характеристикой качеств их носителей. Особое внимание обращает на себя группа агентов, избравшая «маргинальную» стратегию «Хочу еще немного пожить, а потом уехать». Именно она имеет наибольший удельный вес в модальном значении распределения агентов и с точки зрения неоиндустриального освоения края нуждается в дополнительном выяснении как мотивационных установок в дилемме «остаться – уехать», так и перспектив закрепления необходимых кадров на территории, особенно представителей молодежного и среднего возрастов, уже адаптировавшихся к условиям Крайнего Севера.

Одним из важных факторов интенсификации человеческого потенциала региона является профессионально-образовательная подготовка для новых условий.

Подготовкой квалифицированных рабочих занимаются в основном сами компании в учебно-курсовых комбинатах, а специалистов высшей квалификации для нефтегазовой отрасли в России готовят четыре университета: Тюменский индустриальный (до недавнего времени – нефтегазовый), Московский, известный как Губкинский, Уфимский нефтяной технический и Ухтинский технический. Большую часть инженеров для арктического региона выпускает Тюменский индустриальный университет, являющийся крупнейшим научно-образовательным холдингом, включающим не только образовательные подразделения разного уровня, но и НИИ, проектный институт, опытные производства наукоемкой продукции и высокотехнологических услуг. Здесь же ведется и профессиональная подготовка рабочих кадров для Севера.

При изучении особенностей образования детей из северных этносов мы обратили внимание не ценностные ориентации их родителей. Представителям кочевого населения ненцев, ханты и селькупов был задан вопрос: «Какой судьбы они хотели бы для своих детей». Ответы распределились следующим образом (табл. 2).

Таблица 2

Желаемая представителями аборигенных этносов судьба своих детей, % опрошенных

Варианты будущего детей, определяющие стратегию образования	Доля выбранного варианта
1. Пользоваться всеми благами современной цивилизации за счет ухода от традиционного жизненного уклада	30,1
2. Сохранить традиционный образ жизни даже за счет отказа от каких-то благ цивилизации	33,5
3. Дети должны сами выбирать свой жизненный путь	36,4
4. Итого	100,0

Данные наших исследований, n=1646.

Как видно, мнения неоднозначны и проблемы этнорегионального образования в АЗ РФ нуждаются в серьезном изучении.

Важность компоненты здоровья участников освоения Арктики подтверждается как данными медицинской статистики, так и результатами проведенных нами массовых опросов северян. Так, причинами смертности в трудоспособном возрасте населения Ямало-Ненецкого автономного округа являются болезни органов системы кровообращения (21,2 случая на 10 тысяч человек), несчастные случаи, отравления и травмы (12,8 случаев на 10 тысяч человек) Отравления некачественным алкоголем, передозировка наркотиков, суицид и убийства составляют почти половину причин смертности. При этом самооценка здоровья достаточно высока, особенно у мужчин и молодежи (табл. 3)

Таблица 3

Самооценка здоровья жителями Ямало-Ненецкого автономного округа (% от опрошенных)

Оценка своего здоровья	2010 г.	2015 г.	2019 г.
Чувствую себя хорошо	40	38	13
Иногда болею	36	35	54
Часто болею	10	12	11
Хронический больной	8	8	15
Инвалид	3	2	3
Затрудняюсь ответить определенно	3	5	4
Итого	100	100	100

Наши исследования, n=2391.

Вместе с тем, приведенные данные свидетельствуют об устойчивой тенденции ухудшения здоровья приехавших на Север людей. Ее причинами являются природно-климатические, социально-психологические, экологические в связи с антропогенной деятельностью и другие факторы, а также их взаимодействие.

Так, при сочетании возмущений геомагнитного поля с гравитационными аномалиями резко возрастает число обострений сердечнососудистых заболеваний, главным образом, гипертонических кризов, инфарктов миокарда, ошибок операторов.

Северные природные условия, влияющие на здоровье людей, приехавших сюда из других регионов, достаточно многообразны и еще окончательно не изучены. Это не только низкие температуры, но и отсутствие нормального светового дня, приводящее к сезонным депрессиям и бессоннице, высокая скорость ветра, перепады атмосферного давления, особенности воды и питания и др.

При этом при вахтовой организации труда все эти множественные воздействия на человеческий организм носят не постоянный, а дробный характер. Регулярные маятниковые перемещения с преодолением нескольких часовых поясов, смена климатических и социальных условий не позволяют установиться стабильным отношениям человека с внешней средой, поэтому мобильная жизнь вахтовика в режиме «живу на юге, работаю на севере» сопровождается хроническим напряжением регуляторно-адаптационных систем организма.

Социальный потенциал – это, по сути, совокупность отношений между людьми и социальными группами, а также к видам и месту их жизнедеятельности в аспектах социальной идентификации и удовлетворенности этими отношениями.

В порядке непосредственной подготовки к использованию методологии социального моделирования на основе репрезентативного массового опроса нами изучались различные сочетания региональной идентичности, в т.ч. самосознание жителей ЯНАО в дискурсе агентно-ориентированных связей. Кем же ощущают себя живущие в этом арктическом регионе люди? Оказалось, что приоритет отдан национально-государственной идентичности – 43,4% опрошенных в первую очередь считают себя «россиянином», этническая идентичность оказалась на втором месте – 16,6% (в т.ч. «русский» и «славянин» – 12,3%), далее идет региональная идентичность («северянин» – 11,5%, «ямалец» – 9,8) и, наконец, локальная идентичность – 5,1% опрошенных («салехардец», «новоуренгоец» и т.д.). При этом оказалось, что люди, родившиеся в Тюменской области, больше чувствуют региональную идентичность, а приехавшие из других регионов – государственную и этническую (Силин, Кибенко, 2016).

Также установлено, что достаточно надежные социальные связи между отдельными людьми и социальными группами могут быть сформированы лишь на основе доверия на всех уровнях социальных взаимоотношений. Доверие выступает в виде уверенности в добросовестности и искренности окружающих либо государственных и общественных институтов, СМИ и т.д. Это одна из основ социального согласия, в значительной степени определяющая динамику развития социальной ситуации в исследуемом арктическом регионе.

Социологические исследования зафиксировали снижение уровня доверия как в разных звеньях социального взаимодействия, так и у представителей разных групп агентов. Так, опросы показали, что представители одних выделенных нами групп все меньше доверяют другим, аборигены, представляющие один северный этнос, не верят другим, а, особенно, чужакам-приезжим, живущие на Севере постоянно (более 5 лет) тем более негативно относятся к вахтовикам из других регионов и т.д. (табл.4, 5).

Таблица 4

Динамика изменения уровня социального доверия ямальцев (% опрошенных)

Уровень доверия / Объект доверия	2010 г.			2015 г.		
	Доверяю	Не доверяю	Затрудняюсь ответить	Доверяю	Не доверяю	Затрудняюсь ответить
1. Правительство региона	29,6	39,0	31,4	27,0	40,5	32,5
2. Муниципальные власти	27,5	28,7	43,8	25,8	31,2	43,0
3. Политические партии и деятели	19,0	34,9	46,1	15,3	28,2	56,5
4. СМИ	25,5	40,1	34,4	25,4	29,3	45,3
5. Религиозные конфессии	35,5	38,9	25,6	35,4	40,0	24,6
6. Социальное окружение (соседи, сослуживцы)	32,8	41,4	25,8	24,0	43,6	32,4

Наши исследования, n=3108.

Анализ данных приведенной таблицы дает основание считать весьма устойчивой тенденцией невысокий уровень доверия агентов – представителей населения к агентам – органам власти и другим официальным институтам.

В то же время обращает на себя внимание достаточно резкое снижение уровня доверия к непосредственному социальному окружению (соседям, сослуживцам и т.п.).

Очевидно, при дальнейшей экспликации данной мультиагентной модели, следует выделить эту группу в качестве относительно самостоятельного агента и учитывать ее в отслеживании социального потенциала, тем более, что вполне можно предположить, что решение дилеммы «уехать – остаться» зависит и от этой агент-агентной связи.

Вместе с тем, все-таки фундаментальным основанием отношений доверия было и остается отношение к власти. Оно весьма дифференцировано со стороны различных групп населения, особенно по признаку укорененности проживания в регионе.

Выяснилось, что наибольший уровень социальной неудовлетворенности, пессимизма и недоверия к властям высказали при опросах представители аборигенных этносов (ненцы, ханты и селькупы), которые считают, что «их все обманывают». Они же чаще всего опасаются отвечать откровенно, здесь наибольшая доля выбравших альтернативный ответ «затрудняюсь ответить» (около половины респондентов).

Что касается вахтовиков, прилетевших поработать на Севере из других районов России и СНГ, то здесь настрой более оптимистичный, чем у ямальских старожилов (табл. 5).

При этом по всем категориям опрошенных оказалась высока доля тех, кто «затрудняется с ответом», что, очевидно, также не является выражением доверия. Выяснилось, что критическое отношение и недоверие к властным структурам коррелирует с увеличением возраста и уровня образования.

Недоверие к власти и политическим лидерам усугубляется в связи с растущей имущественной дифференциацией и неравномерностью распределения доходов. Так, за последние годы суммарные доходы 10 процентов наиболее обеспеченных жителей ЯНАО превышают этот показатель по 10 процентам наименее обеспеченных в 29 раз.

Выяснилось, что среди новоселов и вахтовиков из других регионов России действуют разнонаправленные тенденции в динамике социального доверия. Сюда приезжает много романтиков, верящих, что здесь более свободное и чистое социальное пространство, где не действуют традиционные механизмы социального контроля, основанные на родственных и устоявшихся соседских связях (за исключением переселения на Север кланами). Однако далеко не все выдерживают новые для них нормы «персональной» ответственности за слова и поступки, оказываются исключенными из референтных групп, разочаровываются и даже озлобляются.

Таблица 5

Доверие к власти жителей ЯНАО (% опрошенных)

Социальные группы ямальцев	Уровень доверия					
	2010 г.			2015 г.		
	Доверяю	Не доверяю	Затрудняюсь ответить	Доверяю	Не доверяю	Затрудняюсь ответить
1.Старожилы (северный стаж более 5 лет)	24,8	26,3	48,9	24,1	42,2	33,7
2.В т.ч. представители аборигенных этносов	18,3	31,4	50,3	18,1	32,6	49,3
3. Новоселы на Севере (менее 3 лет)	28,1	33,3	38,6	26,1	35,7	38,2
4. Вахтовики, постоянно живущие в других регионах России и СНГ	31,2	41,4	27,4	28,2	28,9	42,9

Наши исследования, n=3108.

Таким образом, социальный потенциал регионального сообщества во многом определяется надежностью социальных связей на основе доверия к общественным и государственным институтам, а также ближайшему окружению. Не меньшее значение имеет и социальная включенность (или, наоборот, исключенность) из этого сообщества, включение (инклюзия) в социальную среду, самоидентификация жителей арктического региона, что еще больше закрепляет необходимость исследований человеческого и социального потенциала в агентно-ориентированных моделях.

Проведенные авторами социологические исследования в городах, национальных и вахтовых поселках арктического фронтира позволили получить достоверную аналитико-диагностическую информацию по основным характеристикам как социального (доверие к социальному окружению и власти, включенность в региональное сообщество), так и человеческого потенциала (количество и качество потенциальных участников) неоиндустриального освоения Ямальского фронтира.

Список литературы

1. Маркин В.В., Силин А.Н. Человеческий и социальный потенциал неоиндустарильного освоения Арктики: социологический анализ, моделирование, регулирование // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. – Т. 10, № 6. – С. 75–88.
2. Силин А.Н., Кибенко В.А. Региональная идентичность населения арктической территории // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика, 2016. – № 4 (51). – С. 86–89.

Скульмовская Л.Г.[1]

ПРОСТРАНСТВО РОССИИ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Ключевые слова: *город, городская среда, культурная среда, средовой подход, национальный проект, комфортная среда, общественное пространство, креативное пространство.*

Key words: *city, urban environment, cultural environment, environmental approach, national project, comfortable environment, public space, creative space.*

Город представляет собой открытую социально-экономическую систему, обладающую пространственными и социально-культурными особенностями. Опираясь на системный подход, город можно охарактеризовать как совокупность потоков ресурсов и информации, как сумму ресурсов и ресурсных отношений, что предполагает анализ и согласование перспектив и горизонтов развития различных самостоятельных субъектов культурной деятельности. Так формируются задачи эффективного использования всех городских ресурсов: территориальных, инфраструктурных, социально-культурных, исторических. В связи с этим задачей современной культурной политики становится формирование цельности социокультурного пространства, развитие общественных инициатив в сфере совершенствования городской среды, реализация творческих возможностей городского социума через культуру.

Город, как социально-территориальная общность, имеет свои отличительные особенности, которые во многом определены всей городской средой, окружающим человека социальным миром, включающим в себя материальные и духовные условия становления, существования, развития и деятельности людей, вовлеченных в общественные процессы. Основная социальная активность остаётся прерогативой городского образа жизни, которая в рамках городского сообщества может быть разделена по отношению к преобразовательной ориентации на объективную (территориальную, информационную, социальную и т.д.) и субъективную (личных ценностей, установок, мотивов, намерений и т.д.) стороны, включающих в себя как инфраструктурное обеспечение городской жизни, так и совокупность различных жизненных позиций, биографий, потребностей и социальных трендов, сопровождающих межличностные коммуникации и контрольные функции социальных институтов[2].

Известно, что основы городской культуры закладываются на этапе проектирования и строительства города, развитие которого идет по мере накопления культурного потенциала. На рост культурного потенциала города воздействует производственная деятельность, социальная структура, образ жизни, формирующийся психологический склад горожан, внутренние и внешние культурные контакты и др. С точки зрения Л.Н. Когана, взгляд на культуру как на одну из сфер городского организма, включающую в себя только учреждения культуры города, является весьма ограниченным, поскольку культура города характеризуется, в большей степени, культурой городской пространственной среды: улиц, дворов, общественных учреждений и т.д., а также культурным уровнем населения города, его культурными потребностями, интересами, ориентациями[3].

Важную роль в развитии города играет качество городской пространственной среды, которая является частью культуры города[4]. В последнее время при изучении города получил широкое применение средовой подход, заимствованный из истории архитектуры. В современных условиях средовой подход является одним из наиболее востребованных методологических подходов к анализу архитектурного пространства города. В рамках средового подхода любой объект рассматривается во взаимосвязи с контекстом, т.е. с культурой, деятельностью, предметно-пространственным окружением и пр. В соответствии с этим понятие «среда» охватывает не только сами материальные элементы и их пространственные связи, но и поведенческие ориентиры, способы жизнедеятельности, и предполагает наличие в качестве основного субъекта самого человека[5].

---

[1] Скульмовская Любовь Григорьевна – д.соц.н., профессор, профессор кафедры социально-культурной деятельности, культурологии и социологии, Тюменский государственный институт культуры. Сфера научных интересов: социология культуры, социология регионов (развитие северных городов и регионов России, социально- экономические и культурные проблемы территорий), социальное проектирование, социология сервиса и туризма, социология молодежи. E-mail skolimovska@mail.ru

[2] Леонтьев, Д.Ю. Субъектность современного города в отражении социальной активности граждан // Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Безопасность социума: гуманитарный аспект коммуникаций современности». – Тюмень: ТВВИКУ, 2018. – С. 221.

[3] Коган Л.Н. Социология культуры. – Екатеринбург: УрГУ, 1992. – С. 48.

[4] Скульмовская Л.Г. Качество городской пространственной среды как часть культуры // Исследования эколого-географических проблем природопользования для обеспечения территориальной организации и устойчивости нефтегазовых регионов России: теория, методы и практика: материалы I Всероссийской научно-практической конференции (Нижневартовск, 14–16 ноября 2000 года) / Отв. ред. Ф.Н. Рянский, С.Н. Соколов. – Нижневартовск: НГПИ, ХМРО РАЕН, ИОА СО РАН, 2000. – С. 297–299.

[5] Горелова Ю. Р. Облик и образ города: теория и практика культурологического анализа. В 2 ч. Ч. 1. – Омск: Омский экономический институт, 2011. – С. 45.

Один из основоположников средового подхода, Г.З. Каганов, определяет среду как совокупность элементов окружения (архитектурно-пространственных, природных, социальных), выделенных и освоенных индивидуальным и коллективным субъектом в процессе его жизнедеятельности так, что они образуют с ним единое целое[1]. На основе данного понятия была введена в научный оборот такая категория, как «городская среда», содержание которой впервые обосновано В.Л. Глазычевым в качестве одной из основных научных категорий культурологии[2].

По мнению Т. Дридзе, городская среда – это не только ландшафты, но и качественное состояние ее естественно-природных и «рукотворных» составляющих, уровень развитости информационного обмена, характер господствующей символики. Городская среда – это люди и способы их взаимодействия (сотрудничество, соперничество, компромисс, приспособление и пр.), отношение человека к ближайшему социальному окружению, которые являются важнейшими факторами выживания и воспроизводства здоровых людей вместе со здоровой средой[3].

Термин «культурная среда» обозначает культуру, рассматриваемую в ее пространственном воплощении как комплекс предпочтений населения, сосредоточенного в границах определенного пространства, которые проявляются в социальном поведении проживающих на конкретной территории людей. Понятие «городская культурная среда» исследовалось в трудах Э.А. Орловой в качестве «совокупности культурных объектов – вещей, идей, образцов; образцов деятельности, взаимодействия, отношений, поведения, критериев оценок, непосредственно используемых людьми в профессиональной области и обыденной жизни»[4]. С учётом имеющихся определений культурную среду города целесообразно охарактеризовать как многоуровневую и целостную систему, которая включает в себя объекты культуры, субъекты культурных процессов и события культурной жизни.

В свою очередь, культурную среду можно рассматривать и в узком, и в широком смысле: в первом случае внимание акцентируется на процессе производства и потребления продуктов художественного, эстетического творчества во всем его историческом и видовом разнообразии (изобразительное искусство, литература, театр, музыка, кинематограф), на сфере деятельности государственных и общественных институтов, а также отдельных людей и социальных групп. При интерпретации культурной среды в широком смысле данная система включает культуру повседневных отношений горожан, культуру предметной среды города, труда, быта, общения, то есть самых разных сторон жизни населения.

В научной литературе существует множество классификаций структурных элементов городской среды, но наиболее востребованной моделью в исследованиях города и городского пространства является модель К. Линча, предложившего выделять несколько типов элементов городской среды: дороги (улицы, железные дороги и т.п.); районы – секции города, узлы или ядра (стратегические пункты города, его напряженные фокусы сосредоточия большого количества людей, какой-либо деятельности); ориентиры – пункты, внешние по отношению к наблюдателю, находящемуся внутри города и служащие ориентирами (здания, башни, купола); края или границы – «швы», по которым соединяются границы районов, выходящих на обширные участки природного[5].

Городской образ жизни как особая категория связан со спецификой городской среды и позволяет фиксировать социальные характеристики взаимодействия субъективного восприятия города, а также его объективных особенностей, сформированных на основе ресурсного потенциала территории. Функционирование городского социума, то есть выполнение им предписанных современным состоянием общества социальных функций, в той или иной степени предполагает освоение и реализацию соответствующего уровня культуры. Отношение жителей к городской культуре, степень участия населения в культурных процессах, протекающих на территории проживания, относятся к основным проблемам организации социально-культурной деятельности на локальном уровне[6].

Развитие города связано, прежде всего, с повышением качества городского благосостояния, комфорта и обеспечения безопасности его жителей. Одним из путей организации комфортного для жизни людей общества, формирования устойчивой благоприятной социально-экономической ситуации является создание инновационного потенциала страны, способного обеспечить ее лидерские позиции в мире. В российской системе государственного управления продолжается внедрение и применение инновационных методов на всех уровнях власти, которые оказывают практическое воздействие на определенные социальные группы и слои населения. Инновационной формой деятельности, предпринимаемой на государственном уровне управления, выступают национальные проекты, высокая социальная значимость каждого из которых требует особого внимания и контроля за ходом его реализации в российских регионах.

Социальное проектирование как специфический вид деятельности непосредственно связано с развитием социальной сферы и преодолением социально-экономических проблем общества. Оно используется как один из методов предплановой деятельности с целью разработки возможных вариантов решения различных социальных явлений и процессов. Органично сочетая нормативный и диагностический аспекты, проектирование, во-первых, разрабатывает модель «должного» в соответствии с наличными ресурсами; во-вторых, соотносит проблему с общим образом ее ре-

---

[1] Каганов Г.З. Формирование городской среды (вопросы теории). – Москва: ЦНТИ по гражданскому строительству и архитектуре, 1987. – С. 7.

[2] См.: Глазычев В.Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды. – М.: Наука, 1984. – 180 с.

[3] Дридзе Т. Человек и городская среда в прогнозном социокультурном проектировании // Общественные науки и современность. – М., 1994. – № 1. – С. 132.

[4] Орлова Э.А. Социология культуры. – М.: Академический Проект, 2012. – С. 23.

[5] Линч К. Образ города / Пер. с англ. В.Л. Глазычева; сост. А.В. Иконников. – М.: Стройиздат, 2010. – С. 213.

[6] Скульмовская Л.Г. Культура города как степень реализации творческих и созидательных возможностей городского социума // Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография, исследовательские модели и практики / Отв. ред. Д.А. Алисов. – Омск: Издательский дом «Наука», 2012. – С. 12.

шения, допуская альтернативные пути и средства достижения цели; в-третьих, задает более обоснованные временные рамки решения социальной проблемы.

Приоритетные национальные проекты нацелены на решение жизненно важных социальных проблем, и первый указ «О национальный целях и стратегических задачах развития Российской Федерации до 2024 года», подписанный Президентом РФ В.В. Путиным после вступления в должность в мае 2018 г., определил национальные цели на ближайшие шесть лет, направленные на радикальное повышение уровня и качества жизни россиян. Чтобы достичь этих целей, государство разрабатывает широкомасштабные программы действий по всем направлениям и концентрирует значительные финансовые ресурсы для их реализации. Самый важный аспект предстоящих перемен – это социально-культурные обстоятельства намечающегося экономического прорыва, которые могут стать как фактором перемен, так и барьером на их пути.

Исчерпание традиционных моделей экономического роста, основанных на экстенсивной эксплуатации ресурсов, делает необходимым поиск новых источников развития. Для России одним из главных вызовов является необходимость защиты, сохранения и обустройства огромной территории, в то же время эффективное рациональное использование пространства страны представляет один из главных ресурсов инновационного развития. С целью превращения пространства России в фактор экономического роста и технологического развития разработаны 12 национальных проектов, соответствующих 12 приоритетным направлениям социально-экономического развития России, на основе которых будут переформатированы государственные программы[1].

Правительство РФ предприняло шаг навстречу развитию комфортной, эргономичной, продвинутой городской среды (Постановление Правительства РФ № 169 от 10 февраля 2017 г.), который может стать переломным моментом в истории развития российских городов. Среди основных целей национального проекта «Жилье и городская среда», касающихся формирования комфортной городской среды, можно выделить следующие:

– кардинальное повышение комфортности городской среды, повышение индекса качества городской среды на 30 процентов, сокращение количества городов с неблагоприятной средой в два раза;

– создание механизма прямого участия граждан в формировании комфортной городской среды, увеличение доли граждан, принимающих участие в решении вопросов развития городской среды;

– создание механизмов развития комфортной городской среды, комплексного развития городов и других населенных пунктов с учетом индекса качества городской среды.

В структуру данного национального проекта заложено четыре федеральных проекта: «Ипотека», «Жилье», «Формирование комфортной городской среды», «Обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда». Рассказывая о планах по благоустройству российских городов, Президент РФ отметил, что за ближайшие шесть лет будут обновлены свыше 30 тыс. общественных пространств (парков, скверов, набережных, прогулочных зон и др.), и призвал учитывать мнение граждан о благоустройстве при реализации федерального проекта по формированию комфортной городской среды[2]. В Федеральной программе «Формирование комфортной городской среды» распределяются приоритеты внутри городов, в частности, предусматривается, что две трети выделенных субсидий должны быть направлены на развитие дворовых территорий, и лишь одна треть – на парки, скверы, пешеходные зоны и т.д.[3]

Еще одной особенностью программы является высокий уровень вовлеченности городских жителей в процесс выбора проектов. Для того, чтобы получить субсидию, претенденты должны будут предоставить отчеты о проведенных собраниях горожан, о работе общественных комиссий, в ходе которых определялись основные направления деятельности по формированию общественных пространств. Открытый диалог между градостроителями и обществом – это перспективный способ выделения приоритетов в программах по развитию городской среды.

Среди наиболее ярких проектов Совета по развитию общественных пространств в Москве, предпринятых за последнее десятилетие, можно отметить реконструкцию парка Горького, а также перестройку Триумфальной, Театральной площадей и площади Революции в столице; комплексные площадки «Дивный город», «Лахта», «Новая Голландия» и др. в Санкт-Петербурге, где горожане не только отдыхают семьями, но и имеют возможность приводить детей на развивающие мероприятия. Кроме того, это различные арт-центры, музеи под открытым небом и т.п. в крупных городах России, таких, как Самара, Казань, Пермь и др. В целом становится вполне очевидным, что общественные пространства, являясь центрами притяжения городских жителей, дают не только финансовый результат, но и становятся факторами декриминализации и культурного оздоровления городской атмосферы.

Проектирование на основе территориально-средового подхода позволяет расширить радиус проектной деятельности за счет единого подхода субъектов (носителей) и структурных элементов социокультурной системы: учреждений культуры, спорта, образования и воспитания, здравоохранения, общественных организаций и объединений, органов государственной власти, органов местного самоуправления, средств массовой информации и т.д. В Тюменской области сформированы организационные и финансовые механизмы по реализации комплексного подхода к благоустройству территорий, последовательно совершенствуется и развивается направление по созданию комфортной город-

[1] В ожидании большого российского прорыва: социокультурные возможности и барьеры // ВЦИОМ. – 2018. – 10 октября. – http://www.sociologos.ru/novosti/Nauchnyj_Sovet_VCIOM_ V_ozhidanii_bolshogo_rossijskogo_proryva_sociokulturnye

[2] Путин рассказал о планах по благоустройству городов в России. – https://iz.ru/845057/video/putin-rasskazal-o-planakh-po-blagoustroistvu-gorodov-v-rossii

[3] Костин Василий. 25 мая 2017. Федеральная программа «Формирование комфортной городской среды»: взгляд проектировщика. – https://ardexpert.ru/article/9578

ской среды для повышения качества проживания граждан, создания условий функциональности, безопасности и эстетики общественных пространств.

За последние десять лет в регионе на системной основе реализованы мероприятия как по благоустройству общественных пространств (площадей, пешеходных зон, скверов, парков, набережных и иных территорий), так и дворовых территорий, прилегающих к многоквартирным домам. Наиболее значимыми и масштабными проектами в области организации общественных пространств являются благоустройство набережной реки Тура, строительство которой ведется поэтапно с 2010 г., благоустройство лесопарка «Гилевская роща» в г. Тюмени и благоустройство «Площади 400-летия Тюмени».

Формирование комфортной городской среды стало одним из приоритетных направлений деятельности Правительства Тюменской области, особое внимание уделяется вопросам благоустройства и озеленения территорий населенных пунктов региона. Вместе с тем, нельзя не отметить наличие проблем, требующих решения и дальнейшего совершенствования подходов, среди которых наиболее актуальными являются вопросы обустройства дворовых территорий. Также требуется дальнейшее обустройство комфортных, современных скверов, пространств, предназначенных для организации досуга. При этом все большую актуальность приобретает необходимость современных подходов в дизайне при разработке концепций пространств и проектировании работ по благоустройству мест массового отдыха населения. Еще одной важной проблемой в сфере благоустройства является отсутствие архитектурно-художественной концепции облика улиц, магистралей и территорий муниципальных образований Тюменской области.

Накопленный за последние десятилетия опыт взаимодействия органов власти Тюменской области с органами территориального общественного самоуправления (ТОС) и другими общественными объединениями граждан рекомендуется использовать в других регионах России. Многолетний опыт позволил Тюменской области сформировать комплексный подход к благоустройству территорий, благодаря чему стало возможным реализовать масштабные проекты не только в столице региона, но и в муниципальных образованиях.

Один из критериев, на основе которых реализуются программы благоустройства, – вовлеченность населения: граждане участвуют в отборе объектов, обсуждении дизайн-проектов благоустройства и приеме работ. Так, в Тюменской области прошло рейтинговое голосование по выбору объектов строительства и благоустройства в городах Ишиме, Ялуторовске, Заводоуковске, Тобольске и Тюменском муниципальном районе. Регион вошел в тройку лидеров по количеству принявших участие в голосовании – 78,6%, заняв второе место по России[1]. При проведении работ по благоустройству дворовых территорий, исходя из минимального перечня работ, в рамках реализации муниципальных программ заинтересованные лица могут обеспечить свое трудовое участие в форме выполнения неоплачиваемых работ, не требующих специальной квалификации (уборка территории, высадка деревьев, цветочных насаждений и т.п.). Подготовка проектов общественных пространств, площадей, парков, скверов также осуществляется при максимальном вовлечении жителей, с учетом их мнения и потребностей.

Формирование современной городской среды, несомненно, нуждается в синхронизации усилий органов власти, жителей, профильных специалистов и экспертов производственной сферы. При проектировании новых или реконструкции существующих общественных пространств необходима тщательная проработка концепции рассматриваемой территории, при определении акцентов необходимо учитывать исторические аспекты, привычки населения, ориентированность на возрастные группы и другие факторы. Неотъемлемым условием успешного совершенствования практик в сфере благоустройства, создания интеллектуальной базы для дальнейшего развития данных направлений является системное участие в таких проектах местных архитекторов и дизайнеров, в особенности молодых специалистов, студентов профильных вузов. Для раскрытия творческого потенциала возможно проведение конкурсов на лучшие проекты комплексного обустройства, а также на лучший дизайн отдельных элементов благоустройства, малых архитектурных форм, которые можно впоследствии рекомендовать к применению в качестве типовых. Наряду с этим требуется непрерывное повышение компетенции, изучение лучших зарубежных и российских практик в данной сфере, проведение на постоянной основе семинаров, мастер-классов и тренингов.

Особенно важным является участие в реализации мероприятий по благоустройству дворовых и общественных территорий местного бизнеса, производителей малых архитектурных форм, изделий и элементов городской среды, которые будут разрабатываться с учетом современных требований в дизайне и гармонично применяться в благоустройстве территорий[2]. Появились совершенно новые для региона формы и направления, которые внедряются в практику Тюменской области: это активное участие самих граждан в благоустройстве и внедрении элементов «умного города» («умные» городские технологии участвуют во многих сферах жизни областной столицы – от безопасности до обращения с отходами). Проведение выездного заседания комиссии Совета Федерации в Тюмени – высокая оценка работы по благоустройству, которая проводится в регионе.

Мероприятия по созданию комфортной среды и активному участию в этом процессе всех граждан в Тюменской области подкреплены серьезной нормативно-правовой базой, которая формировалась на протяжении многих лет: это законы, регламентирующие земельные отношения, вопросы благоустройства, строительства, обращения с отходами, обеспечения потребителей водой и теплом, поддержки гражданских инициатив и гражданского общества, обеспече-

[1] Комфортная городская среда Тюменской области. – http://tobinfo.ru/novosti/2125-komfortnuyu-gorodskaya-sreda-tyumenskoj-oblasti

[2] Комфортная среда: стране нужна «тюменская система». – Тюменские известия. 2018. – № 197 (7030), 15 ноября.

ния участия людей в принятии управленческих решений. Большое значение приобрели партийные проекты «Единой России», такие, как «Городская среда», «Детский спорт», «Здоровое будущее» и др.[1]

Значительный вклад в благоустройство города вносит Благотворительный фонд развития города Тюмени (далее БФРГТ), который создавался учредителями как фонд местного сообщества (community foundation), главной целью которого является привлечение средств и распределение их на конкурсной основе на поддержку общественно значимых инициатив граждан. «Community foundation» является сегодня наиболее перспективной моделью развития в России отечественных грантодающих фондов, оказывающих регулярную финансовую поддержку благотворительным проектам. Деятельность в городе такого института, как БФРГТ, говорит об уровне развитости гражданских основ в общественной сфере города. Фонд оказывает влияние на городскую жизнь, поскольку стал одним из инструментов решения проблем, возникающих у городского сообщества.

Следует отметить, что на основе данных Росстата и социологического исследования мнений граждан по 38 крупным и средним городам России, город Тюмень по итогам 2015 г. был признан самым комфортным для проживания российским городом (рейтинг Департамента социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации). В 2018 г. Финансовый университет при правительстве РФ вновь подвел итоги исследования качества жизни населения в городах России, и по итоговому индексу в этом рейтинге Тюмень получила первое место. В десятку городов с самым высоким качеством жизни также вошли Грозный, Москва, Казань, Сочи, Екатеринбург, Санкт-Петербург, Череповец, Тула и Сургут. В основу оценки были положены результаты социологических исследований, проведенных в течение 2018 г. в 78 городах России с населением более 250 тыс. человек.

При исследовании учитывались такие показатели, как качество медицинского обслуживания, состояние дорожного хозяйства, развитие культуры и образования, работа ЖКХ и объем жилищного строительства. Кроме того, эксперты принимали во внимание работу городских властей, оценку населением своего уровня дохода и удобство города для жизни, а также миграционные настроения[2]. Партийный проект «Единой России» «Городская среда», рассчитанный до 2022 г., занимается благоустройством дворов и мест массового отдыха в регионах и муниципалитетах, координирует работу между органами федеральной, региональной и местной власти. В 2018 г. на территории Тюменской области проводился XI конкурс социальных проектов «Наш регион – 2018». Программа «Наш регион» утверждена ПАО «Запсибкомбанк» (далее ЗСКБ) в партнерстве с благотворительным фондом развития города Тюмени в 2008 г. в целях поддержки на конкурсной основе гражданских инициатив, направленных на развитие социальной сферы муниципальных образований территорий присутствия банка ЗСКБ. В качестве направлений конкурсных проектов были заявлены следующие:

– «Добрый город», целью которого является организация активной общественно-полезной деятельности и содействие росту общественного участия в жизни местного сообщества, в сохранении и создании новой среды для жизни; привлечение добровольцев всех возрастов к деятельности общественных объединений, некоммерческих учреждений. – «Объединяя усилия» – поддержка деятельности общественных объединений, некоммерческих учреждений в интересах социально-незащищенных граждан;

– «Развитие и успех» – мероприятия в области культуры и искусства, спорта для различных категорий населения;

– «Активное поколение» – социальная и профессиональная адаптация пожилых людей, обучение и переподготовка граждан пожилого возраста[3].

Действительно, можно реально видеть, как успешно развивается г. Тюмень: постоянно идет строительство новых жилых комплексов, районов, в которых создается своя собственная инфраструктура, в том числе и креативные пространства. Заслуживает особого внимания проект ивент-парка «Алебашево», который учитывает мнения жителей Тюмени, представителей бизнеса и властных структур. Целью проекта является преобразование пространства таким образом, чтобы жители города могли использовать данную территорию для активного отдыха в течение всего года, независимо от сезона. В рамках проекта предлагается сформировать принципиально новое городское пространство, где планируется размещение целого ряда семейных зон отдыха, отдельное место для проведения городских массовых мероприятий и оборудование его современной техникой, строительство спортивных сооружений с целью проведения спортивных состязаний различного уровня. Территория озера обогатится уникальной площадкой не только для региона, здесь появятся места для активного отдыха, экстремального спорта, прогулочные зоны, гастрономическая аллея, плавучая сцена и пр. Главная особенность проекта заключается в том, что он будет разработан на основе предложений активных горожан и лидеров городских сообществ.

В связи с благоустройством городов меняется информационное обеспечение, меняются отдельные элементы архитектурного декора, сами городские здания, создаются новые творческие пространства. В городе творческие пространства создают с целью обеспечить подрастающему поколению творческую среду, разные возможности для обучения или место для самообучения. По мнению Д.Н. Суховской, реализация творческого потенциала населения через креативные пространства города: лофты, зоны коворкинга, арт-территории, арт-кварталы, дизайнерские ритейл-стрит, центры современного искусства и др. содействуют поддержанию и развитию творческой активности при условии про-

[1] Тюменский опыт благоустройства вошел в тройку передовых. – http://gorodsreda.ru/news/tyumenskiy-opyt-blagoustroystva-voshel-v-troyku-peredovykh/

[2] Хорошо жить в Тюмени // АиФ. 2018. – № 48.

[3] Благотворительный фонд развития города Тюмени. – http://www.cftyumen.ru

ектирования «духа сотрудничества», который в полной мере позволяют создать современные многоструктурные креативные городские пространства[1].

Рассматривая необходимость создания креативных пространств в городской среде, следует выделить несколько основных целей их функционирования:

1) обеспечение творческой молодежи (креативному классу) среды, богатой возможностями для обучения, самообучения, обмена навыками, экспериментирования и реализации собственного видения города, мира;

2) направление накопленной энергии дискомфорта и творческого поиска, противоречия между искомым и существующим настоящим на реализацию сценариев будущего на нескольких отдельно взятых экспериментальных площадках;

3) трансляция наиболее успешных решений конкретных задач (в сфере IT, живописи, управления ресурсами или градостроительства), апробированных в «креативных пространствах» в большую по масштабу среду района, города, республики;

4) восполнение рабочих мест в традиционной промышленности: около 30% трудоспособного населения в развитых городах мира занято в творческих профессиях;

5) вывод депрессивных городских районов из депрессивного положения;

6) повышение туристической привлекательности города[2].

Создание креативных городских пространств означает соединение динамики бизнеса и потенциала деятелей культуры в одном индустриальном пространстве. Один из типов креативных пространств — публичные места, например, парки, пешеходные улицы и площади, на которых любой желающий может проявить себя и продукты своего творчества. Другой тип креативного пространства — места встреч различных неформальных сообществ, объединяющих горожан со схожими интересами и компетенциями. Это могут быть клубы по интересам, творческие инициативы и публичные мероприятия с целью привлечения внимания к своим увлечениям. Как считают Е. Пестерников и Е. Пекар, креативное пространство — это городская среда, позволяющая горожанину двигаться в личностном развитии и творческой самореализации, отойти от роли потребителя в культурной и духовной жизни[3].

Горожане могут реализовать себя в создании и развитии креативных пространств различными способами: во-первых, все социальные группы могут создавать смешанные или специализированные креативные сообщества: клубы по интересам, группы совместного творчества, «привязываясь» к тем или иным городским объектам, и, тем самым, превращая их в креативные пространства. Особенно значима роль творческой молодежи, студенчества, которые по самой своей природе нацелены на создание нового, творческое самоопределение в современном мире через «отрицание» продукта деятельности предыдущих поколений и предложение своего собственного креативного продукта. Во-вторых, особенно велика роль предпринимателей как создателей креативных пространств, разумеется, если не рассматривать креативные пространства (клубы, образовательные центры, тематические парки, постоянно действующие фестивальные площадки и т.д.) как инвестиционные проекты.

Таким образом, можно утверждать, что пространство России и ее регионов, при условии творческого к нему отношения, может стать важным фактором экономического и технологического развития страны.

[1] Суховская Д.Н. Реализация творческого потенциала населения через креативные пространства города: лофты, зоны коворкинга, арт-территории // Молодой ученый. 2013. – № 10. – С. 650–652. – https://moluch.ru/archive/57/7762

[2] Там же.

[3] Евгений Пестерников, Валерий Пекар. Креативный город. Август. 2010 [Электронный ресурс]. URL: http://pekar.in.ua

Солодилов А.В.[1]

СОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ И ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Ключевые слова: *экономическая безопасность, национальная безопасность, инвестиционный климат, Московская область.*

Keywords: *economic security, national security, investment climate, Moscow region.*

Актуальность проблемы заключается в том, что характер экономической политики, экономической безопасности определяется степенью государственного вмешательства в экономические процессы, степенью увязки данной политики с иными государственными институтами, к которым относятся налоговая, финансово-кредитная, лицензионная и ценовая политика, политика доходов и занятости, привлечения иностранных инвестиций, правовое поле и общий административный уклад.

Основным показателем общественного развития является уровень жизни населения, который характеризует эффективность проводимой государством социальной и экономической политики и, в конечном счете – уровень общественного развития. Именно удовлетворение первичных потребностей личности должно стать приоритетом в политике государства [2, с. 17].Однако не секрет, что в различных субъектах РФ уровень жизни разный. Это зависит прежде всего от возможностей региональных бюджетов реализовывать потребности современного человека.

В связи с трудностями измерения процесса экономического развития в национальной экономике чаще всего анализируют экономический рост, хотя это лишь один из критериев экономического развития.

В экономической литературе выделяются различные типы экономического роста.

Если происходит рост ВВП на основе увеличения традиционных факторов, то можно констатировать, что растет занятость, увеличивается количество средств производства как природных, так и созданных человеком, то в этом случае имеет место экстенсивный тип экономического роста. В этом случае средняя производительность труда не меняется.

Если увеличение производства осуществляется на основе технологического прогресса, то имеет место интенсивный тип экономического роста. Технологический прогресс позволяет добиться умножения результатов при неизменных факторах, так как позволяет создавать новые товары, применять экономичные и высокопроизводительные технологии, увеличивать качество основной продукции. При таком типе роста средняя производительность труда увеличивается.

В реальной жизни редко встречаются интенсивный или экстенсивный типы экономического роста в чистом виде. Как правило, они сосуществуют друг с другом, поэтому некоторые экономисты выделяют смешанный тип экономического роста.

Исследования последних лет показали, что экономическое развитие и рост все в большей мере увязываются с накоплением знаний и повышением квалификации работников, поэтому в западных странах в большей степени инвестиции направляются в человеческий капитал, который в состоянии обеспечить долгосрочные факторы интенсивного типа экономического роста.

Существуют «три кита» теории развития. Это формирование человеческого капитала, создание условий конкуренции на внутренних рынках, макроэкономическая стабилизация, данные компоненты взаимовлияют и взаимно усиливают друг друга.

Возрастание роли технологического прогресса в обеспечении экономического роста потребовало существенного увеличения капиталовложений, так как умножилась доля средств труда (оборудования), имеющая длительный срок окупаемости. В результате экономический рост в индустриально развитых странах существенно повысил уровень благосостояния их населения.

В Стратегии национальной безопасности РФ отмечается, что «стратегическими целями обеспечения национальной безопасности является экономика страны, обеспечение экономической безопасности и создания новых условий для развития личности, перехода экономики на новый уровень технологического развития, вхождения России в число стран – лидеров по объему валового внутреннего продукта и успешному противостоянию внешних и внутренних угроз» [20]. На решение данной задачи указано и в подписанном 7 мая 2018 года указе Президента РФ № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года» [23, с. 3]. Рост экономики, ее безопасность – важнейшее условие достойной жизни граждан.

[1] Солодилов Анатолий Васильевич – к.и.н., заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Московского государственного областного университета. E-mail: solodilov-anatol@mail.ru

Проблему экономической безопасности в той или иной степени исследовали многие авторы и ученые, среди них Толмачев О.М., Шолотонова Е.С., Кузнецова И.В., Аяпова Ж.М., Водяков П.В., Солодилов А.В. и другие. Однако вопросам регионального освещения данной проблемы не было уделено достаточного внимания. Какие же угрозы в сфере экономики на региональном уровне мы наблюдаем?

К угрозам в сфере экономики можно отнести следующие:

– снижение инвестиционной и инновационной активности;

– усиление имущественного расслоения общества;

– криминализация экономики;

– структурная деформация экономики;

– разрушение научно-технического потенциала и другие.

Угрозы экономической безопасности – это такие явления и процессы, которые негативно влияют на экономическое состояние региона [6, с.67].

Сегодня Подмосковье стало лидером среди регионов РФ [8]:

– по предложению для инвесторов;

– в рейтинге инвестиционной привлекательности регионов;

– по созданной промышленной инфраструктуре;

– по производству грибов;

– по внедрению механизма государственно-частного партнерства;

– по количеству подготовленных индустриальных площадок.

2-е место в РФ:

– по производству тепличных овощей в сельхозорганизациях;

– по обороту розничной торговли;

– по производству сыра.

3-е место в РФ:

– по производству картофеля;

– в рейтинге по инновационному бизнесу;

– по качеству жизни населения.

Рассмотрим некоторые экономические показатели Подмосковья за 1 полугодие 2018 года.

В I полугодии 2018 года экономика Московской области демонстрирует уверенный рост – положительная динамика наблюдается во всех базовых отраслях региона (табл. 1).

Таблица 1

Социально-экономическое развитие Московской области [8]

Показатели	январь – июнь 2017 года	январь – июнь 2018 года	июнь 2018 года в % к маю 2018 года
	в % к соответствующему периоду предыдущего года		
Индекс промышленного производства	111,3	109,0	109,8
Строительство	83,4	104,8	108,6
Ввод в действие жилых домов	99,3	133,2	102,0
Инвестиции	96,8	142,2	–
Розничная торговля	100,9	107,1	102,5
Платные услуги	101,6	101,2	97,3
Заработная плата (январь-май) Справочно: рублей	107,3 44 477	109,4 48 680	102,0 (к апрелю) –
Уровень безработицы по МОТ, % к численности экономически активного населения (в среднем за апрель – июнь 2018)	3,4	2,6	–
Инфляция (в % к декабрю предыдущего года)	102,7	103,1	100,5

Так, в промышленном производстве отмечалась высокая динамика в добыче полезных ископаемых, обрабатывающих отраслях и деятельности по водоснабжению, водоотведению и утилизации отходов. На фоне общероссийского снижения в деятельности по обеспечению электроэнергией, паром, газом; кондиционированию воздуха показатель по Московской области вырос более чем на 3%.

В сельскохозяйственном производстве всеми категориями хозяйств с начала года произведено 149,1 тыс. тонн мяса скота и птицы в живом весе, надоено 323,2 тыс. тонн молока, получено 67,2 млн. штук яиц. Рост производства в целом по отрасли составил 100,9%.

Более чем на 30% по сравнению с I полугодием 2017 года выросло инвестирование экономики и социальной сферы Московской области. Объем инвестиций в основной капитал на конец полугодия достиг 269 млрд. рублей. Это третий показатель в стране после города Москвы (723 млрд. рублей) и Ханты-Мансийского автономного округа (437 млрд. рублей) [9]. Потребительские цены на товары и услуги в среднем выросли на 3,1% относительно соответствующего периода прошлого года, в том числе на продовольственные товары – на 1,9%, непродовольственные – на 4,8%, услуги – на 3,7%.

Важнейшим фактором обеспечения экономической безопасности является повышение эффективности государственного регулирования экономики в целях достижения экономического роста [20]. Одним из направлений повыше-

ния эффективности государственного регулирования экономики в целях достижения экономического роста является введение процедуры оценки регулирующего воздействия и привлечения инвестиций.

В данном направлении власти Подмосковья делают многое. Так, только по итогам Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ) в 2017 году проведено 20 встреч с потенциальными инвесторами, заключено 16 соглашений, привлечено 50 млрд. инвестиций [7, с. 8].

Региональные власти неоднократно заявляли, что поддержка небольших кампаний – одно из приоритетных направлений развития экономики. Так, бизнесмены региона уже сегодня смогут получать государственные услуги, а также консультации по актуальным вопросам в специальных центрах, которые откроются в нынешнем году. Кроме того, региональные власти предоставляют предпринимателям различные субсидии и льготы, в области работают коворкинги, которые дают возможность сэкономить на аренде офиса. В ближайшем будущем представители бизнеса смогут оформлять необходимые документы в одном месте. Речь идет о специальных центрах по оказанию услуг предпринимателям. Первые пять откроются до конца 2018 года в Химках, Воскресенске, Балашихе, Люберцах и Подольске. Подмосковные власти определили, что каждый год на территориях муниципалитетов Московской области будет появляться не менее пяти таких центров оказания услуг. Они будут создаваться на базе партнерских организаций – банков, муниципальных торгово-промышленных палат, коворкинг-центров и объектов инфраструктуры. Наиболее востребованные сегодня виды поддержки со стороны властей Подмосковья для малого и среднего бизнеса:

– покупка оборудования;

– поддержка проектов социальных предпринимателей;

– первый взнос за лизинг оборудования.

Так, в 2017 году из средств бюджета Московской области субсидии получили 145 предпринимателей на сумму 360 миллионов рублей. В 2018 году выплата субсидий малому и среднему бизнесу продолжается. Так, на частичную компенсацию затрат, связанную с покупкой оборудования, предусмотрено 300 миллионов рублей, данные средства позволят ускорить модернизацию производств. Более 100 миллионов будет направлено на поддержку социальных бизнес-проектов. Власти компенсируют предприятиям первый взнос по лизингу. На реализацию данной цели выделяют 50 миллионов рублей [19, с. 92]. Словом, идет поиск эффективных форм и методов поддержки малого и среднего бизнеса. Применяются инновационные подходы, которых нет ни в одном субъекте РФ. Одним из таких подходов является создание центров оказания услуг. Это инновационный подход, прорыв, необходимый для улучшения инвестиционного климата региона. В данных центрах будут оказывать государственные и муниципальные услуги. Появится возможность подать документы в налоговую службу, Фонд социального страхования, Росреестр и Росимущество, получить информацию о государственной поддержке бизнеса, проконсультироваться у нотариуса, бухгалтера и юриста. Оперативно согласовать необходимые документы и связаться с ресурсоснабжающими организациями. Это будут своего рода агрегаторы комплекса государственных, банковских и других услуг, необходимых предпринимателям для старта работы, успешной деятельности и поиска интересных решений. Губернатор Московской области А.Ю. Воробьев поручил всем главам муниципальных образований подготовить проекты индустриальных парков на своих территориях и помогать инвесторам в создании промышленных площадок. А помогать им в решении этой сложной задачи будет Корпорация развития Московской области. Причем, особое внимание будет уделено тем муниципалитетам, где подобные зоны не созданы. Промышленные площадки будут создаваться на землях, находящихся в муниципальной собственности. Пока таких парков нет в 23 районах и городских округах.

В 2017 году запущено производство и открыто 53 новых завода [8]. Сегодня в Подмосковье действует 58 индустриальных парков – как государственных, так и частных. Бизнес заинтересован в подобных зонах, поскольку они позволяют заметно экономить средства при организации производства. Индустриальный парк создается пошагово:

– Корпорация развития Московской области собирает информацию о земельных участках, определяет территории, где могут расположиться парки;

– решаются вопросы права собственности по выбранным участкам. Определяются юридические возможности создания индустриального парка;

– проводится работа с ресурсоснабжающими организациями, определяется возможность подключения участка к коммуникациям;

– составляется проект индустриального парка, который выносится на утверждение правительства Московской области;

– при положительном решении проводится работа по созданию бизнес-плана, начинаются проектные работы. Стартует процесс регистрации территории.

Очень важно, что на всех этапах Корпорация развития Московской области ведет работу по привлечению инвесторов. К сожалению, на территории Подмосковья очень много земли принадлежит силовым ведомствам, здесь расположены административно-территориальные образования. Порой данные территории находятся в запущенном состоянии, но отдавать земли никто не собирается.

Санкции со стороны западных партнеров заставили органы исполнительной власти Подмосковья усилить государственное регулирование в регионе, более бережно относиться к имеющимся ресурсам.

Все это позволило решать назревшие социальные вопросы.

Растет заработная плата. За последние 5 лет она увеличилась в 2 раза [8]. В I полугодии 2018 года среднемесячная номинальная начисленная заработная плата по экономике в Московской области составила 49 547 рублей, что выше уровня соответствующего периода 2017 года на 8,9%, в реальном выражении (с учетом индекса потребительских цен) – на 5,3%. С учетом единовременной денежной выплаты пенсионерам, произведенной в январе 2017 года, реальные денежные доходы населения в отчетном периоде выросли на 1,5% и составили 40 682 рубля в месяц.

Губернатор Московской области Андрей Юрьевич Воробьев в 2018 году выплатил всем пенсионерам, проживающим на территории Московской области и достигшим 70-летнего возраста, единовременную денежную выплату в размере 5 тысяч рублей.

По состоянию на 1 июля 2018 года выдано 217,1 тысяч сертификатов на региональный материнский капитал в размере 100 тысяч рублей каждый. Меры социальной поддержки по оплате жилого помещения и коммунальных услуг получили 1,3 млн. человек, субсидию на оплату – 197,6 тысяч человек или 144 тысяч семей.

28 июня 2018 года между Правительством Московской области и Правительством Москвы было заключено соглашение об организации бесплатного транспортного обслуживания льготных категорий граждан, имеющих место жительства в г. Москве и Московской области в 2018-2020 годах. Кроме лиц пенсионного возраста, также воспользоваться данной льготой смогут почетные доноры, дети до 18 лет из многодетных семей (обучающиеся – до 23 лет) и один из их родителей; опекун или приемный родитель, воспитывающий ребенка-сироту; родители или другие законные представители детей-инвалидов; один из родителей инвалида с детства, получающего образование вплоть до достижения 23 лет.

Структура экономики Московской области характеризуется, как уже было сказано выше, высокой степенью диверсификации. В настоящий период максимальное вложение в экономическое развитие региона вносят различные отрасли промышленного производства, оптовая и розничная торговля, операции с недвижимым имуществом, а также сфера предоставления услуг [13]. Помимо развития традиционных отраслей экономики, Московская область в качестве приоритетных направлений определяет увеличение внешнеэкономического потенциала и развитие сельского хозяйства, в том числе аграрно-промышленного комплекса. Именно эти направления способны обеспечить экономический рост Подмосковья и способны в современных условиях выступать в роли одного из драйверов экономики региона, обеспечить экономическую безопасность Московской области.

Сегодня в регионе активно развивается, адаптируется и внедряется в сферы социально-экономической жизни Подмосковья отрасль цифровой экономики, что немаловажно для эффективного функционирования экономики региона.

В 2018 году объем валового регионального продукта (ВРП) оценивается экспертами в 4 377,4 млрд. рублей (104,2% по отношению к 2017 году). За последние 5 лет ВРП вырос в 1,5 раза [8]. В 2019–2021 годах ежегодные темпы экономического роста, по мнению специалистов, будут сохраняться на уровне 3,7–4,1%, что позволит увеличить ВРП Московской области в 1,4 раза.

Безусловно, имеющиеся прогнозы и перспективы развития станут реальными только при выполнении нескольких условий: защиты отечественного производства государством, создания института государственных гарантий, правовой поддержки отечественного производителя, а также при условии создания крупных рынков сбыта отечественной продукции.

Рассмотрев некоторые аспекты экономической безопасности Подмосковья можно сделать вывод, что необходимо комплексно решать вопросы экономической безопасности юристам, экономистам, управленцам всех уровней. А этим могут заниматься люди, готовые к переменам, неординарно мыслящие, способные подчинить свои личные интересы интересам общества.

Список литературы

1. Аяпова Ж.М. Показатели и критерии оценки состояния продовольственной безопасности: опыт Казахстана и зарубежных стран // Вестник ВГУИТ. 2017. – № 79 (1). – С. 445–450.
2. Бахрах Д.Н. Административное право: учебник. – М.: Норма-М, 2006. – С. 17
3. Водясов П.В. Механизмы обеспечения продовольственной безопасности // Экономика и бизнес: теория и практика. 2018. – № 3. – С. 21–24.
4. Главное – доверие граждан // Городские вести. 2018. – №37 (1232), 22 сентября. – С. 2.
5. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 30 января 2010 г. № 120. – http://base.garant.ru/12172719/
6. Друганов С.П. Экономика Московской области: учебное пособие. – М.: МГОУ, 2007. – С. 67.
7. Из Петербурга с инвестициями // А и Ф. – М., 2017. – № 23. – С. 8.
8. Информация о социально-экономическом развитии Московской области в январе-августе 2018 года. – http://mef.mosreg.ru/dokumenty/socialno-ekonomicheskoe-razvitie/monitoring-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya
9. Итоги социально-экономического развития Московской области за I полугодие 2018 года. – http://mef.mosreg.ru/dokumenty/socialno-ekonomicheskoe-razvitie/monitoring-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya
10. Кузнецова И.В. Развитие сельского хозяйства как основа безопасности России // Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы государственного и муниципального управления в современной России». – М.: МГОУ, 2016. – С. 123–127.
11. Официальный сайт Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединённых Наций. – http://www.fao.org/about/meetings/cfs/cfs43/documents/ru/
12. Переверзин Ю.Н., Разумова Е.В., Крючков О.С. Продовольственная безопасность в контексте национальной безопасности страны // Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук»). 2018. – Т. 12, № 5. – С. 103–108.
13. Проблема обеспечения продовольственной безопасности в России / Стрелова М.О., Корчемкина В.А. // Economics. 2018. – № 1 (33). – С. 37–41.
14. Прогноз социально-экономического развития Московской области на среднесрочный период 2018–2020 годов. – http://mef.mosreg.ru/dokumenty/strategicheskoe-planirovanie
15. Продовольственная безопасность России в целом обеспечена. – https://rg.ru/2018/04/12/prodovolstvennaia-bezopasnost-rossii-v-celom-obespechena.html

16. Распоряжение Правительства РФ от 18.11.2013 № 2138-р «Об утверждении перечня показателей в сфере обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154706/
17. Руднева О.С. Оценка продовольственной безопасности в регионах степной зоны Евразии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. 2018. – № 1. – С. 67–72.
18. Солодилов А.В. Агропромышленный комплекс России в условиях санкций: состояние и перспективы развития // Вестник Московского государственного областного университет. Серия: Экономика. 2016. – № 2. – С. 30–38.
19. Солодилов А.В. Инвестиционный потенциал регионов в условиях экономической нестабильности: новые подходы и перспективы // Вестник МГОУ. Серия: Экономика. 2018. – № 1. – С. 92.
20. Стратегия национальной безопасности РФ. Утверждена Указом Президента РФ № 683 от 31.12.2015. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/
21. Толмачев О.М., Тигай А.В. Генезис и эволюция понятия «экономическая безопасность // Вестник Московского государственного областного университет. Серия: Экономика. 2018. – № 1. – С. 14–22.
22. Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Российская газета. – М., 2017. – 15 мая. – https://rg.ru/2017/05/15/prezident-ukaz208-site-dok.html
23. Указ Президента РФ № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года» от 7.05.2018.

Сукиасян А.М.
исполнительный директор школы СОШ «Поколение», г. Волгоград
iskl.kot@gmail.com

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: *частная школа, государственный сектор в образовании, взаимодействие государства и бизнеса, вертикальная интеграция.*
Keywords*: private school, public sector in education, interaction between government and business, vertical integration.*

Современная система образования, ориентированная на формирование знаний, умений и навыков, предполагает помимо своей основной миссии подготовку обучаемых к жизни в социуме. Негосударственный сектор образования в России сформировался почти 30 лет назад. За эти годы он прочно занял свою нишу и сегодня готов к новому уровню взаимодействия и участия в реализации, амбициозных программ модернизации системы образования, в том числе на уровне в национальных проектов. Сегодня частное образование представлено практически на всех этапах образования: дошкольное, основное, среднее профессиональное, высшее и дополнительное. Частный бизнес активно развивается в технологических проектах.

Именно поэтому, по мнению автора, в условиях современной жизни необходимо формировать у обучаемых на всех этапах жизненного цикла образовательного процесса навыки общения, коммуникативного контроля и самоконтроля, интерес к творческой и проектной деятельности и т.п. Необходимо разрабатывать и внедрять систему образования и воспитания, в основе которой лежат методологические подходы, обеспечивающие личностно-ориентированное обучение и основанные на применении интерактивных образовательных технологий как инструментального обучающего средства.

На сегодняшний день в России зарегистрировано около 750 частных школ и 960 детских садов. С одной стороны, может показаться, что среднее и дошкольное частное образование не пользуется большим спросом, ведь, по разным оценкам, их посещают всего от 1 до 4% детей. С другой стороны, частное образование активно развивается, его доля увеличивается с каждым годом. Кроме того, частные образовательные учреждения в основном сосредоточены в крупнейших городах России, причем 30% из них расположены в Москве.

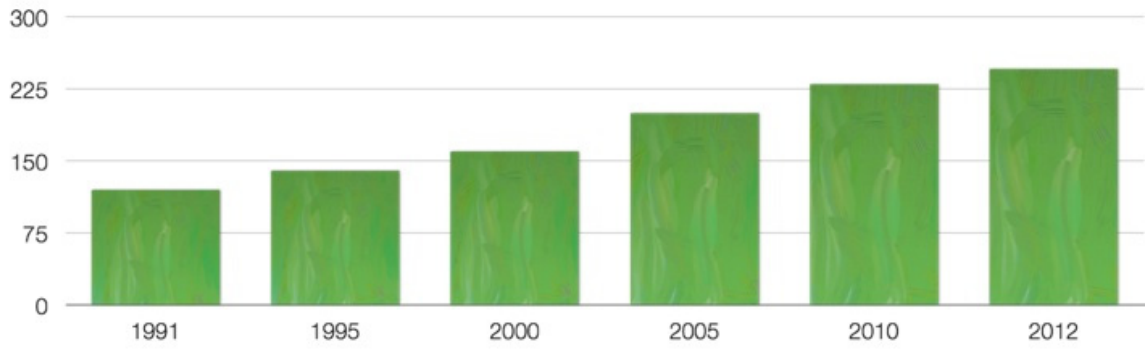


Рисунок 1.
Увеличение количества частных школ на примере Москвы

Именно в крупных городах родители, студенты и ученики все чаще прибегают к услугам частного образования, и данная тенденция будет только усиливаться в ближайшие годы, чему способствуют объективные предпосылки:

Во-первых, понижение качества государственного образования за последние годы, о чем свидетельствуют исследования различных экспертов как российских, так и зарубежных.

Во-вторых, декларативный характер «бесплатности» системы государственного образования; де-факто система перестала быть бесплатной: государственные образовательные учреждения вправе оказывать дополнительные платные услуги согласно Закону «Об образовании»;

В-третьих, участие государства в поддержке частного образования через финансирование негосударственных учреждений среднего и дошкольного образования. Для небольших школ и детских садов предоставляемые средства оказывают существенную поддержку и могут достигать до 70% от их бюджетов.

В-четвертых, частные учреждения более охотно используют зарубежный опыт и внедряют международные образовательные программы, стандарты и услуги, или другие современные методики в образовательный процесс.

Пятое, и последнее в порядке перечисления, но не по значимости: повышается спрос на услуги дополнительного образования. Всевозможные курсы, кружки, секции, семинары, конференции становятся неотъемлемой частью учебного процесса не только детей, но и взрослых[1].

Анализ данной предметной области, проведенный автором, показал, что за последние годы особенно бурно развивался дошкольный сектор. Так на 1 ноября 2016 года во всех регионах России зарегистрировано около 1500 (из 50 000 всех форм) частных дошкольных учреждений, которые посещают 113 000 детей, то есть частный дошкольный рынок занимает около 7%. По прогнозам экспертов этот рынок будет развиваться достаточно динамично. В лидерах Самарская, Московская области, Якутия. Автор справедливо полагает, что Волгоградская область может и должна уделять особое внимание дошкольному сектору. Анализируя направление национального проекта «Демография», который призван обеспечивать содействие занятости женщин и создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до 3 лет, можно утверждать, что вопрос доступности дошкольных групп прямо связан с масштабом включенности родителей в реальный сектор экономики.

Развивается и сегмент частного общего среднего образования, ежегодно в стране открывается 30–35 частных школ, самое большое их число приходится на Москву, Московскую область, Санкт-Петербург . Всего в стране 819 частных школ, в которых обучается 114 000 детей, что составляет 1,8% от общего числа школ. В то же время, анализируя опыт других стран, где доля частного сектора около 10%, можно сделать вывод, что у нас есть перспективы развития в данном направлении. По последним данным Фонда общественного мнения (ФОН), 13% опрошенных предпочли бы отдать своего ребенка в частную школу, 21% опрошенных считает, что качество услуги в частном образовательной организации лучше[2].

Наиболее бурными темпами развивается сегмент дополнительного образования. По данным отдельных исследователей, емкость рынка дошкольных образовательных учреждений в России около 5 млрд. руб., а емкость рынка дополнительного образования более 130 млрд. руб. Дополнительное образование, включающее проектную деятельность учащихся, – это ресурс, возможности которого еще не полностью раскрыты. Дополнительное образование дает возможность организовать и реализовать познавательную, учебную, исследовательскую и творческую работу учащихся, результатом которой будет решение поставленной задачи через раскрытие творческого потенциала. Это деятельность, направленная на решение интересной проблемы, сформулированной самими учащимися, которая позволяет обучаемым проявить себя индивидуально или в группе, попробовать свои силы, приложить свои знания, принести пользу, показать публично достигнутый результат. Результат этой деятельности – найденный способ решения проблемы – носит практический характер, имеет значение для самих открывателей.

Статистика показывает, что роль дополнительного образования меняется: от кружков и секций к научному обществу учащихся.

Особого внимания, по мнению автора, требует анализ региональной ситуации и определение роли частного образования в процессе решения сложных государственных задач формирования, воспитания и обучения граждан РФ.

Как наш регион выглядит на общероссийском фоне? При Комитете образования Волгоградской Областной Думы создана постоянно действующая рабочая группа по вопросам развития частного образования, в состав которой входят представители всех важнейших ведомств региона и муниципалитетов. Организована и активно работает Ассоциация частного образования Волгоградской области, миссия которой состоит в отыскании способов и возможностей развития образования в нашем регионе, поддержке сообщества молодых педагогов «T2T». Значимость этой инициативы подтверждена двукратной победой в фонде президентских грантов. За время реализации грантовых программ было организовано 40 мероприятий разного формата: мастер-классы и коммуникативные бои, и стартап аллея, где молодые педагоги и студенты представили свои педагогические находки. Второй год функционирует и особой популярностью пользуется конкурс «Я меняю школу». Участники проекта поставили задачу не дублировать уже существующие успешные практики поддержки и развития молодых педагогов, а дополнить своими уникальными разработками:

– организуются и проводятся мастер-классы с привлечением успешных людей не из сферы образования,

– конкурсы, призом за которые являются поездки на лучшие образовательные события России.

Второй грант посвящен наставничеству. Грант реализуется совместно с Волгоградским государственным социально-педагогическим университетом (ВГСПУ). Основная идея проекта уже на этапе студенчества – поддержать будущих специалистов, сократить период адаптации и помочь закрепиться в профессии. В рамках проекта пять частных образовательных организаций выступили ментори-центрами, ВГСПУ предоставил научных кураторов проекта. Каждый наставник передает студентами определенную технологию, среди которых технология ТРИЗ для дошкольников, проектная деятельность, технология смешанного обучения в классе и онлайн, профориентационные технологии, работа с текстами в начальной школе, игровое социальное имитационное моделирование[3]. Такой подход и эффективное сотрудничество молодых и более опытных педагогов – залог успешного будущего современного ученика. А для учи-

[1] http://private-education.ru/news/o_chastnom_obrazovanii

[2] https://fom.ru/search#q

[3] Клименко И.С. От технологии 2С к технологии 2Д: монография. – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2014. – 284 с.

теля учебный проект – это интегративное дидактическое средство развития, обучения и воспитания, которое позволяет вырабатывать и развивать специфические умения и навыки проектирования – проблематизацию, целеполагание, планирование деятельности, рефлексию и самоанализ, презентацию и самопрезентацию, а также поиск информации, практическое применение академических знаний, самообучение, исследовательская работа.

Члены Ассоциации организуют множество полезных образовательных мероприятий регионального уровня. Так, при поддержке федерального образовательного центра Максимум в Волгограде ежегодно проводится выставка для старшеклассников «Навигатор Поступления».

В 2018 году данное мероприятие посетили более 2500 учащихся, будущих выпускников. На гостеприимной площадке были представлены ведущие вузы Волгограда и 6 столичных вузов, среди них ВШЭ, МГИМО, СПБГУ и другие. В течение всего мероприятия учащиеся проходили профориентационные тесты, диагностику знаний по предметам, слушали экспертов в поступлении, лекции преподавателей Высшей школы, задавали вопросы представителям вузов. Было проведено более 100 бесплатных мастер-классов для школьников Волгограда, посвященных выстраиванию эффективной стратегии поступления в вуз и анализу возможных «ловушек» и «подводных камней» процесса поступления и сдачи экзаменов.

Членами Ассоциации проводится множество просветительских мероприятий для родителей в формате родительских лекториев, университета и встречи с экспертами в вопросах воспитания.

Какие у нас перспективы? В Волгограде будет реализовано первое МЧП в социальной сфере в соответствии с ФЗ «О государственно-частном партнерстве»[1], подписано соглашение о МЧП между администрацией города Волгограда и частным образовательным учреждением школой «Поколение». Уникальность данного проекта в том, что впервые инвестором выступит некоммерческая организация. В результате реализации данного проекта в Волгограде взамен аварийного ветхого здания волейбольной школы появится новый спортивный зал и центр дополнительного образования частного образовательного учреждения.

Резюме. Идея государственно-частного партнерства в социальной сфере, в том числе в образовании получает широкое распространение в регионе. Изучение российских и зарубежных практик межрегионального и международного сотрудничества в сфере разработки проектов, имеющих непосредственное отношение к государственно-частному партнерству сегодня актуальны как никогда ранее.

Опыт частного общеобразовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа «Поколение» имеет право на изучение и распространение. Автор полагает, что данный опыт будет интересен другим регионам, послужит импульсом для развития государственно-частного партнерства в социальной сфере.

[1] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/

Фомин М.В.
к.полит.н., с.н.с. Института социально-политических исследований РАН
mvfomin@mail.ru

ИНФРАСТРУКТУРА И СВЯЗАННОСТЬ СЕВЕРА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ: МИГРАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ[1]

***Ключевые слова**: пространственное развитие, территориальное планирование, север Дальнего Востока, аэродромная инфраструктура, железнодорожная сеть, федеральная трасса, региональная трасса.*
***Keywords:** spatial development, cross-border cooperation, territorial planning, macro-region, free port, Kaliningrad Region.*

Введение

В Послании Федеральному Собранию в марте 2018 г. Президент России В. Путин в качестве ключевого аспекта будущего нашей Родины предложил развернуть масштабную программу пространственного развития, включая развитие инфраструктуры городов и других населённых пунктов. Что и подкрепил после инаугурации новым майским Указом «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

В нём одним из поручений правительству предписано «на основе стратегии пространственного развития Российской Федерации» разработать (с участием органов государственной власти субъектов) и до 1 октября 2018 г. «утвердить комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры». В том числе, «повысить уровень экономической связанности территории Российской Федерации посредством расширения и модернизации транспортной инфраструктуры» всех типов [1].

Отдельным подпунктом акцентировано «поэтапное развитие транспортных коммуникаций между центрами субъектов Федерации и другими городами – центрами экономического роста, включая ликвидацию инфраструктурных ограничений на имеющих перспективы развития территориях, прилегающих к таким транспортным коммуникациям» [1]. Одной из таких перспективных территорий является север Дальнего Востока. Во времена Советского Союза эта территория – составлявшая 10% РСФСР или 1,7 млн. км^2 – включала Камчатскую и Магаданскую[2] область [2]. В настоящее время – после череды административно-территориального деления (АТД) – данная территория приходится на три субъекта РФ: Камчатский край, Магаданская область и Чукотский автономный округ.

Следует отметить, что первично здесь именно географическое положение (широтность климата, многолетняя мерзлота, рельефы местности, сложный термобарический режим, общая суровость природных условий), помноженная на крайнюю удалённость, практическое отсутствие сети авто и ж/д дорог, преимущественно непредсказуемую авиационную и сезонную морскую связанность, – обусловливает определённую отсталость в развитии севера Дальнего Востока, несмотря на перспективы ресурсной обеспеченности и стратегическую важность для страны данной территории[3].

Учитывая, что геоэкономическая структура определяется экономическим весом субъектов международных отношений (например, полюс глобальный, региональный – это субъект в геоэкономическом пространстве, отличающийся от других субъектов превосходством своей экономической мощи в два раза и более, или так называемый закон полюса в трактовке профессора Аршина). Но геостратегическая структура определяется уже не через полюса, а через категорию силы, формирующей центры силы. И, наконец, центры силы – это субъекты, имеющие возможность подчинить деятельность других субъектов собственным национальным интересам, в зависимости от сферы распространения они могут быть локальными, региональными, глобальными. Типы центра силы: экономический, политический или военно-стратегический [3, с. 226].

Безусловно, развивая собственные пространства (особенно в контексте «майского» указом [1]), нельзя обойти вниманием проблематику транспортной системы. Необходимо также учесть ряд прогнозируемых глобальных трендов: «В ближайшие десятилетия ускорятся изменения как глобальных, так и российских грузопотоков. Выполнение Парижских соглашений приведет к сокращению потребления угля, начиная с середины 2020-х гг., а при некоторых возможных сценариях – и раньше. К 2035 г. объем перевозок угля может сократиться более чем на 15% относительно

[1] Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00836 А.

[2] В СССР, «на западе и юге административные границы Магаданской области проводились без учёта природно-климатических, этнических или экономических рубежей. Границы Камчатской области [*были*] обусловлены её полуостровным положением [2, с. 9]. В настоящее время – после серии АТД (разъединение Чукотского АО и Магаданской области, Корякского округа из Камчатской области, переименование её в Камчатский край и обратное присоединение Корякского АО) – это три субъекта РФ. – *Прим. автора.*

[3] Подробнее, см., например: [2].

сегодняшнего уровня, в первую очередь в направлении европейских стран. Учитывая замедление темпов капитального строительства в Китае, существенное превышение сталеплавильных мощностей над спросом, а также глобальный тренд на замещение стали алюминием и пластиками, среднегодовой объем спроса на российскую сталь и железную руду также сократится. В средне- и долгосрочной перспективе будет снижаться доля сырья и физический вес грузов, а стоимость грузов будет расти, что предъявит более жесткие требования к срокам доставки и точности их соблюдения» [4].

Север Дальнего Востока России: состояние и проблемы

Проблематика инфраструктурных диспропорций и экономической связанности восточных территорий страны – особенно транспортной доступности – актуальна как никогда. Тем более что крайне острой является ситуация, стоящая перед Россией в XXI веке – обеспечить социальное, экономическое и культурное развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях депопуляции на среднесрочную перспективу. Особенно учитывая, что ключевыми проблемами здесь являются «как низкий уровень заселённости страны, так и неблагоприятные природно-климатические условия для ведения хозяйственной деятельности» [5].

В докладе Центра экономики инфраструктуры (ЦЭИ) для Центра стратегических разработок (ЦСР) «Интегрированная транспортная система» [4] отмечены следующие ключевые ориентиры транспортного развития:

- в 2 раза сократить среднее время в пути на общественном транспорте от каждого регионального центра до любого города и крупного села в 60-километровой зоне;
- за 4,5 часа жители нашей страны должны иметь возможность добраться от каждого регионального центра до ближайшего города-миллионника (сейчас более 6 часов);
- за 7 дней контейнер или посылка должны иметь возможность доставки от портов Дальнего Востока до западных границ России, а гарантированное время прохождения пунктов пропуска на основных транспортных коридорах не должно превышать 4 часов.

Основной особенностью транспорта на севере Дальнего Востока является практическое отсутствие железнодорожного сообщения. Вместе с тем, автомобильная сеть также оставляет желать лучшего (см. табл. 1).

Таблица 1

Состояние автодорог Дальнего Востока России (2018 г.)

Дальневосточный федеральный округ	
Субъект	Доля автодорог, не отвечающих нормативам, %
Республика Саха (Якутия)	50–70
Камчатский край	**50–70**
Приморский край	50–70
Хабаровский край	30–50
Амурская область	менее 30
Магаданская область	**50–70**
Сахалинская область	50–70
Еврейская автономная область	50–70
Чукотский автономный округ	**более 90**

Источник: составлено автором по данным доклада ЦЭИ-ЦСР [5].

Особенно удручающе выглядит дорожная обстановка в Чукотском АО – износ автодорог более 90% (на Камчатке и по Магаданской области – 50–70%). Это официальные показатели, опубликованные в докладе ЦСР в мае 2018 г. Но и по неофициальным данным (например, портал «Автострада. Инфо» [6]), когда оценки выставляются местными и транзитными водителями в режиме реального времени и позволяют актуализировать официальные сведения, обстановка так же «не весёлая». Ежегодное летнее состояние федеральной трассы М-56 Якутск-Магадан не превышает оценки «3,5 баллов» и это учитывая её сезонность.

Безусловно, оценки автомобилистов могут быть несколько эмоциональны, но в то же время они достаточно коррелируют с данными доклада ЦСР. Кроме того, «отсутствует надежная статистика, характеризующая потребность населения и бизнеса в транспортной инфраструктуре. Например, по расчетам, приведенным в докладе, доля неучтенного в статистике пассажиропотока в стране может достигать 70%» [4].

Не менее неудовлетворительным выглядит состояние аэропортов данного макрорегиона. Вообще, с 1992 года аэропортовая сеть России сократилась более чем на 1000 аэродромов: из 1302 осталось к настоящему времени – по реестру ФАВТ – 227 действующих аэропортов [7]. Около 70% взлётно-посадочных полос с искусственными покрытиями были построены более 20–30 лет назад, большинство из них нуждается в реконструкции. Только 22 аэропорта (10%) принимают более 1 млн. пассажиров в год.

Из 12 международных узловых российских аэропортов на севере Дальнего Востока пока нет ни одного – ближайшие «Хабаровск» и «Кневичи» (Владивосток).

К числу внутрироссийских узловых относятся аэропорты городов Анадырь, «Сокол» (Магадан) и «Елизово» (Петропавловск-Камчатский – с учётом перспектив пассажиропотока может войти в число международных узловых). Необходимыми для связности аэропортовой сети страны являются аэропорты Певека и Тиличиков. Огромное значение для транспортной мобильности жителей севера Дальнего Востока России имеют такие аэропорты, как: Беринговский, «Залив Креста», Провидения на Чукотке; Омсукчан, Сеймчан, Сусуман и Омолон в Магаданской области; Палана, Усть-Камчатск и Тигиль на Камчатке.

По данным доклада ЦЭИ-ЦСР, к наименее доступным территориям относятся: «самые восточные регионы России (Чукотка и Камчатка) по причине своей удаленности, а также периферийные районы крупных регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока, куда за 8 часов может долететь менее 5% населения страны» [4]. Соответственно, в условиях гигантских расстояний и территориальной протяжённости, ключевая роль в обеспечении доступности городов и поселений Сибири Дальнего Востока России должна быть отведена авиационному транспорту и инфраструктуре. Особенно малой авиации, функции которой реально сопоставимы (по сравнению с другими территориями страны) с пригородными электричками или городскими автобусами. С учётом этого необходимо перестроить приоритеты господдержки и регулирования системы перевозок [8].

По состоянию морской инфраструктуры севера Дальнего Востока можно сообщить следующее. Из морских портов Чукотского автономного округа – Анадырь, Беринговский Певек, Провидения и Эгвекинот – только порт Анадыря имеет собственный средне и крупнотоннажный флот. Основная задача остальных портов – обработка грузов, доставленных судами по двум направлениям: западному (Архангельск, Кандалакша и Мурманск) и основному – восточному направлению грузопотока (Ванино, Владивосток, Магадан, Находка, Петропавловск-Камчатский, порты о-ва Сахалин). Периоды навигации несколько различаются: в Анадыре и Певеке – с июля до октября, в Беринговском и Эгвекиноте – с июля до начала и середины октября соответственно, в Провидения – с июля до ноября.

Грузовые операции в Камчатском крае осуществляют Петропавловск-Камчатский морской торговый порт и Усть-Камчатский морской торговый порт. Ежегодные ресурсные потребности Камчатки по основным наименованиям морского грузопотока: уголь – 240 тыс. тонн, нефтепродукты – 750 тыс. тонн, генеральные – 700 тыс. тонн. Основной порт Петропавловск-Камчатский осуществляет заход судов круглый год (при необходимости обеспечивает ледовую проводку) и способен принимать суда длиной до 200 м, шириной до 25 м и с осадкой до 9 м.

Основной порт Магаданской области – Магаданский морской торговый порт. Навигация, в том числе при помощи ледоколов, круглогодичная, что позволяет бесперебойно обеспечивать прибрежные районы области. Порт способен перерабатывать грузы практически всей номенклатуры. Основные линии порта Магадан – морские торговые порты Ванино, Находка и Восточный. Обслуживаются суда с осадкой до 5 м. Во времена интенсивного освоения Колымского края ежегодный грузопоток достигал трёх миллионов тонн. Существующий Морской рыбный порт загружен менее чем на 50 процентов мощности, производится выгрузка рыбной продукции, предназначенной для реализации только на внутреннем рынке.

Важно отметить, что в 2016 году – по поручению президента России Владимира Путина – режим порто-франко был распространен на ключевые гавани севера Дальнего Востока: Петропавловск-Камчатский и Певек. Таким образом, данные порты могут использовать преференции Свободного порта Владивосток – как территории с особыми режимами таможенного, налогового, инвестиционного и смежного регулирования в соответствии с Федеральным законом от 13.07.2015 г. «О Свободном порте Владивосток».

В целом уровень развития транспортной инфраструктуры территорий севера Дальнего Востока России невысок. По оценке компании InfraOne [9], среднее значение «транспортного» индекса по стране – 3,24, и только Камчатского края – 3,38 – этот показатель выше (Чукотка (3,15) и Магаданская область (2,67) отнесены к слаборазвитым). Минимальные инфраструктурные инвестиции так же разнятся: от 3,4 млрд. руб. на Чукотке и 5,6 млрд. на Камчатке до 9,4 млрд. руб. в Магаданской области [10].

«Это не всегда значит, что они обеспечены транспортной инфраструктурой меньше чем наполовину от своих потребностей. Значение индекса подчеркивает их отставание от российского максимума и отражает существенный разрыв в развитии транспортной инфраструктуры регионов-лидеров и остальных. Неравномерное покрытие территории России транспортной инфраструктурой – следствие невысокой плотности населения на большей её части, точечным расположением добывающих и промышленных производств и километрами неосвоенных территорий» [9].

Тем не менее, эффекты от улучшения транспортной доступности территорий и сокращения времени в пути до ключевых центров концентрации потребителей и поставщиков продукции крайне важны для России. Особенно учитывая географические особенности (прежде всего – протяжённость) страны: «если реализация транспортных проектов будет приводить к существенному (не менее чем на 30–40%) сокращению времени в пути – до крупнейших европейских и азиатских экономических центров. Такое «сжатие» пространства приведет к сокращению транспортных затрат и снижению затрат на оборотный капитал, экономии от хранения запасов продукции и сырья, расширению рынков сбыта и, как следствие, – к росту инвестиций в новые производства и к росту производительности на существующих предприятиях» [4].

Таким образом, безальтернативные пути решения ключевых проблем транспортной системы севера Дальнего Востока: технологические новации, приток инвестиций и повышение эффективности госрегулирования. Это позволит создать необходимый базис для развития комфортной среды жизнедеятельности, комплексного развития городов и других населённых пунктов всего Дальнего Востока России.

Прорывные проекты, миграция и безопасность[1]

Ставя вопрос о перспективах не только севера Дальнего Востока, но всего дальневосточного макрорегиона, необходимо отдавать себе отчёт, что только территориальное развитие – это изменение функций, но пространственное – это уже эволюция системы. Например, профессор Вячеслав Глазычев акцентировал основу пространственного разви-

[1] Данный раздел доклада составлен по результатам публикации автора и коллег в газете «Ведомости» «Сколько стоит спасение Магадана» [11] по результатам полевой экспедиции в августе 2019 г.

тия как «формирование пространственного каркаса страны, включая узлы опережающего роста и связи между ними, планирование направлений развития узлов и связей, способного вовлечь в свою орбиту и депрессивные территории».

Другими словами, пространственное развитие неотделимо от увеличения реального жизненного пространства. При отсутствии необходимой инфраструктуры и транспортной связанности, изолированные территории постепенно становятся деструктивными рудиментами государства и сталкиваются как с дефицитом ресурсов, так и с массовым миграционным оттоком [11].

И хотя в этом направлении делается немало (например, закон о ТОРах – ныне ТОСЭР, а на ВЭФ-2019 презентовали революционную Программу развития Дальнего Востока), но анализ миграции показывает: несмотря на все усилия, страна теряет население и при продолжающемся выездном тренде может потерять целый город – символ освоения севера Дальнего Востока – Магадан. Если в конце 1980-х гг. в городе проживало около 150 тыс. человек, затем население стало сокращаться и продолжает: в 2010 г. – 96 650 человек, в 2018 г. – 92 780, в 2019 г. – 91 760 г. В целом по северу Дальнего Востока: и в 2012–2016 и в 2016–2018 в Магаданской области и естественная и миграционная убыль, в Камчатском крае и Чукотском АО – небольшой естественный прирост, но с непрекращающейся миграционной убылью [12]. Люди покидают север Дальнего Востока (см. табл. 2 и 3).

Таблица 2

Общий прирост/убыль (2016–2018 гг.) и численность населения на Дальнем Востоке России (на 01.01.2019г.)

Субъект	Прирост/убыль населения, %	Численность населения, тыс. чел	Естественный прирост/убыль, тыс. чел
Республика Бурятия	+ 0,10	983,27	+ 12,48
Республика Саха (Якутия)	+ 0,76	967,01	+ 18,92
Забайкальский край	– 1,59	1065,79	+ 4,63
Камчатский край	– 0,44	314,72	+ 0,59
Приморский край	– 1,36	1902,72	– 12,68
Хабаровский край	– 0,98	1321,47	– 2,75
Амурская область	– 1,55	793,19	– 3,66
Магаданская область	– 3,53	141,23	– 0,34
Сахалинская область	+ 0,48	489,64	+ 0,84
Еврейская автономная область	– 3,72	159,91	– 0,85
Чукотский автономный округ	– 1,07	49,66	+ 0,46

Источник: составлено автором по данным Росстата.

Таблица 8

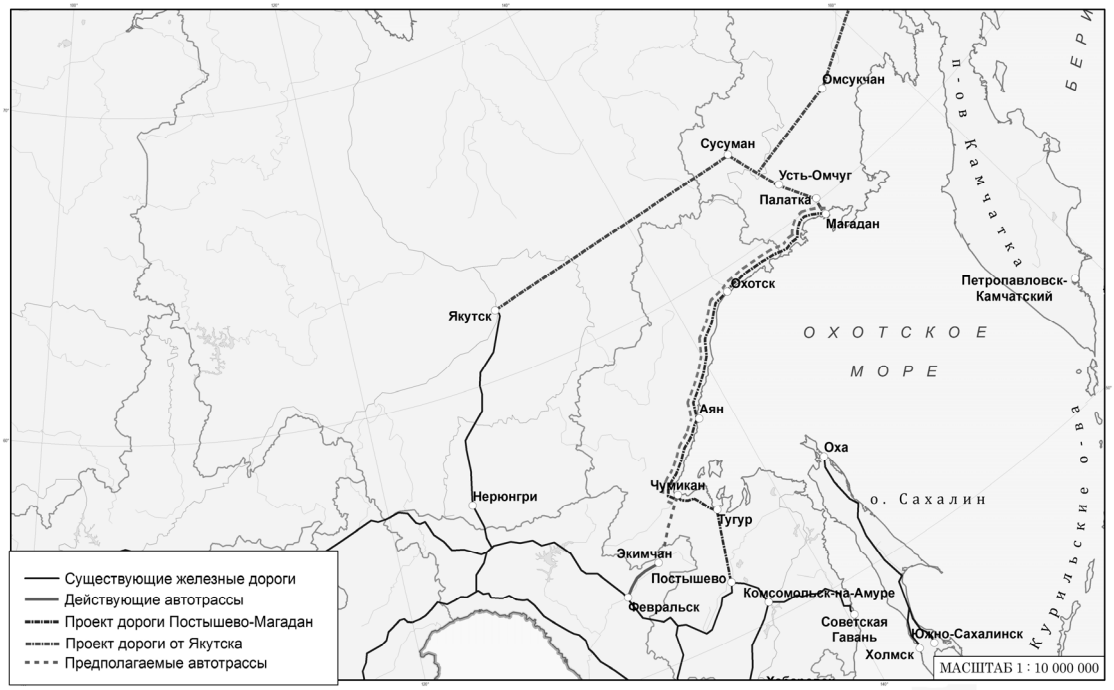
Миграционный прирост/убыль в Дальневосточном ФО (2016–2018 гг.), Индекс развития инфраструктуры (2018г.) и минимум необходимых инвестиций (2019г.)

Субъект	Миграционный прирост/убыль, тыс. чел	Индекс развития инфраструктуры	Мин. инвестиции, млрд. руб.
Республика Бурятия	– 11,21	5,06	9,4
Республика Саха (Якутия)	– 11,74	4,82	34,0
Забайкальский край	– 21,85	5,2	13,9
Камчатский край	– 1,96	6,01	6,9
Приморский край	– 13,45	5,66	36,2
Хабаровский край	– 10,21	5,83	29,4
Амурская область	– 8,77	5,52	15,6
Магаданская область	– 4,8	6,03	8,3
Сахалинская область	+ 1,56	5,92	12,7
Еврейская автономная область	– 5,32	5,39	4,8
Чукотский автономный округ	– 0,94	6,14	4,3

Источник: составлено автором по данным Росстата и компании InfraOne [9].

Для перелома негативных миграционных тенденций необходимы такие инвестиционные проекты развития транспортных артерий и инфраструктуры, которые как привлекательны для инвесторов, так и способны остановить бегство экономически активного населения. Определённые надежды на обратный приток трудовых ресурсов дают проекты по «магистральному» плану «майского» президентского указа 2018 г.: развитие транспортных коридоров и портов, увеличение грузопотока по СМП, БАМу и Транссибу и пр.

Тем не менее, скрытые резервы проектов существуют на местах – в конкретных регионах Дальнего Востока России. Какие действия представляются наиболее актуальными? Ещё некоторое время назад одним из перспективных проектов считалась ж/д Якутск (Нижний Бестях) – Магадан (см. рис. 1). Но почти десятилетний простой последнего участка трассы от БАМа до Бестяха, административные трения и судебные тяжбы привели к тому, что в Магадан железная дорога от Якутска не пойдёт (а ведь хотели и дальше – на Чукотку!). В конце 2018 г. Минэкономразвития забраковало проект как экономически бесперспективный долгострой. Позиция министерства понятна – отсутствие основы грузопотока или транзита плюс суровые природно-климатические условия (а это стоимость и сроки).



Источник: ИСПИ РАН (автор Мирязов Т.Р.)

Рисунок 1.
Транспортная связанность севера Дальнего Востока России

Тем не менее, существует альтернативный проект связанности Магадана и северных районов Хабаровского края, который может сыграть ключевую роль в новейшей истории всего Дальнего Востока.

Это строительство автотрассы общего пользования вдоль побережья Охотского моря (см. рис. 1): Магадан-Охотск-Аян-Чумикан и далее на Экимчан (Амурская область), от которого отходит действующая автодорога к БАМу (ст. Февральск).

Протяжённость трассы – ок. 1300 км, ориентировочная общая стоимость проекта – 260 млрд. руб. без НДС (или ок. 4 млрд. долл. США), от расчёта 1 км – до 200 млн. руб. (из-за проходимого рельефа местности и речных преград, адекватных сроков строительства и возможности оперативного подвоза стройматериалов). Существуют уже используемые отрезки этой трассы, которые необходимо только корректировать (например, частично отсыпанная дорога Магадан-Охотск или старательские участки по 50-70 км).

В перспективе – это не только автодорога общего пользования (грузовой транспорт и пассажирское сообщение), но и притрассовая дорога для обеспечения строительства ж/д линии Магадан – ст. Постышево, Хабаровский край. Протяжённость – почти 1600 км: от станции Постышево до посёлка Тугур – 270 км, а затем те же 1300 км по побережью Охотского моря, но на участке Тугур-Чумикан необходим тоннель. Стоимость ж/д – ок. 1,7 трлн. руб. (только трасса Постышево – Тугур ок. 300 млрд.) [11].

Профиты проекта: возможность круглогодичного строительства и последующей эксплуатации – на побережье Охотского моря температура зимой не опускается ниже –40ºС; сокращение маршрута Магадан – трасса Амур на 700 км; отправление грузов в незамерзающие порты Приморья; транспортная мобильность жителей Магаданской области и Хабаровского края. Кроме того, по линии трассы находятся 265 крупных месторождений полезных ископаемых, освоение которых при наличии дорог становится возможным (в том числе залежи золота, редкоземельных и редких металлов).

Их значимость для высокотехнологичной экономики ранее была недооценена, а сегодня, например, Китай сделал именно редкоземельные металлы (а не нефть!) оружием в экономической войне с США. Кроме того, стоит отметить запасы железных руд – до 18 млрд. тонн, алунитовых – практически не ограничены, комплексных апатитовых – до 100 млрд. тонн, марганцевых – до 30 млн. тонн, фосфоритов в пересчёте на пятиокись фосфора – до 90 млн. тонн.

Строительство автотрассы и ж/д линии к Магадану должно осуществляться, на наш взгляд, за счёт государства – ведь именно его обязанность думать о миграционных потоках, пространственном каркасе развития и т.д. Но при этом участки к месторождениям строятся и содержатся корпорациями-интересантами, а финансирование дальнейшей эксплуатации дороги также должно быть разделено: основную трассу содержит государство, ответвление к городам – муниципалитеты (пример – положительный опыт Канады).

Предварительные расчёты показывают, что первоначальный грузопоток по ж/д магистрали Магадан – Постышево может составить до 30 млн. тонн в год: 15 млн. тонн бурого угля (Ланковское месторождение), 5 млн. тонн железной руды, 4 млн. куб. м лесоматериалов, 3 млн. тонн известняка и гипса, до 3 млн. тонн других грузов, включая биоресурсы.

Кроме того, это обновление морских портов Охотск и Аян – не только транспортировка продукции с месторождений в навигацию, но и прямой выход на рынки АТР. Плюс возможность строительства в Тугурском заливе приливной электростанции (до 11 ГВт мощности). В целом, весь Дальний Восток получит гигантский толчок к развитию и

заселению, автомобильная трасса и параллельная железная дорога превратят изолированную территорию в мощный горнорудный кластер с выходом к БАМу, Транссибу и незамерзающим портам Приморья [11].

Заключение

Север Дальнего Востока представляет собой геостратегические территории активного государственного регулирования, т.е. такие, на которых необходимо проводить политику внешнего заселения и закрепления уже живущего населения. Это территории с неблагоприятным демографическим потенциалом, где сложившаяся масштабная депопуляция нежелательна исходя из социально-экономических и геостратегических реалий, перспектив проблем национальной безопасности. Здесь необходимо стимулирование миграционного притока посредством бюджетных и внебюджетных инвестиций в производственную сферу, социальную и коммуникационную инфраструктуру как на федеральном, так и на региональном уровне

В России есть успешный кейс взрывного роста населения за счёт продуманного и честного решения инфраструктурного проекта – это Новосибирск. Благодаря принципиальности инженера Н.Г. Гарина-Михайловского мост через Обь в 1890-х гг. был построен там, где это было оптимально – и небольшой поселок за 70 лет стал миллионным городом (Чикаго, с которым сравнивают Новосибирск – за 200).

Экономический эффект от строительства автотрассы Магадан – Экимчан и, тем более, ж/д линии Магадан – Постышево, – представляется более чем значительным и многократным от вложений. Но ещё важнее социально-политический аспект. Остановить миграционный отток, трансформировать систему расселения, создать новые рабочие места, дать гражданам возможность мобильности, – вот самые важные профиты нового проекта. Это реальный базис сокращения пространственных диспропорций и формирования новой – привлекательной среды жизнедеятельности всего Дальнего Востока России.

Список литературы и источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». – http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027
2. Север Дальнего Востока: монография / Отв. ред. чл.-корр. АН СССР Н.А. Шило. – М.: Наука, 1970.
3. Фомин М.В. Международное влияние: новые центры силы // Россия в новом веке: внешнеполитическое измерение: сборник материалов заседаний Экспертного совета Комитета по международным делам Совета Федерации ФС РФ. – М., 2011. – С. 225–234.
4. Интегрированная транспортная система: доклад Центра экономики инфраструктуры для ЦСР / Под научн. ред. П. Чистякова. 2018. – https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2018/05/Report-Traffic-Infrastructure-2.0.pdf
5. Фомин М.В., Безвербный В.А. Пространственный каркас Сибири и Дальнего Востока России в условиях демографического сжатия: «вторые» и «третьи» города // Научное обозрение. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2018. – № 6. – С. 33–53. DOI: 10.26653/2076-4685-2018-6-03
6. Портал «Автострада. Инфо» (актуальное состояние автодорог). – https://autostrada.info/ru/highways
7. Государственный реестр аэродромов и вертодромов. ФАВТ России. 2018. – http://www.favt.ru/dejatelnost-ajeroporty-i-ajerodromy-reestr-grajdanskih-ajerodromov-rf/
8. Тер-Акопов А.А., Безвербный В.А., Фомин М.В. Транспортный комплекс Сибири и Дальнего Востока России: состояние и проблемы // Сегодня и завтра российской экономики. 2019. – № 93–94. – С. 5–19. DOI: 10.26653/1993-4947-2019-93-94-01
9. Инфраструктура России: индекс развития. InfraONE Research. 2018. – https://infraone.ru/analitika/Index_razvitiia_infrastruktury_Rossii_InfraONE_Research.pdf
10. Инвестиции в инфраструктуру. InfraONE Research. 2019. – https://infraone.ru/sites/default/files/analitika/2019/investitsii_v_infrastrukturu_dalny_vostok_2019_infraone_research.pdf
11. Фомин М., Пантелеев М., Безвербный В. Сколько стоит спасение Магадана // Ведомости. 2019. – № 162, 2 сентября.
12. Фомин М.В. Демографические прогнозы и корректность статистики пространственного развития Сибири и Дальнего Востока России // Народонаселение. 2019. – № 3. – С. 15–29. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-0024

Шаронов А.Н.,
Шаронов Е.А.[1]

О РАЗРАБОТКЕ НОВЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ МАТЕРИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В АРКТИКЕ[2]

Ключевые слова: *Арктика, кухня арктическая, хлебопекарня арктическая, цистерна арктическая для воды, топливомаслозаправщик арктический, характеристики.*
Keywords: *Arctic, Arctic kitchen, Arctic bakery, Arctic water tank, Arctic fuel and oil tanker, characteristics.*

Арктика – территория международного сотрудничества и соперничества. Богатство арктических ресурсов, стратегическое положение морских транспортных коридоров – всё это создает основу для возникновения геоэкономической конфронтации стран мира. В настоящее время этот регион становится ареной соперничества и столкновения экономических интересов России с целым рядом крупных и влиятельных держав мира, в первую очередь арктических стран НАТО – Соединённых Штатов Америки, Канады, Норвегии и Дании. Главной целью стран НАТО является стремление ослабить и не допустить возрастания влияние России в Арктике [1]. Вопрос об усилении военного влияния в районе Арктики стоит уже давно и весьма остро. Представители генерального штаба НАТО заявляют о необходимости усиления своего присутствия в этом регионе, считая, что Арктика с ее богатыми природными ресурсами – мировое достояние. При этом заостряется внимание на том, что из пяти стран, расположенных в непосредственной близости от Арктики, четыре являются членами НАТО.

Для защиты национальных интересов России в Арктике Президентом страны 1 декабря 2014 года было принято решение на формирование объединенного стратегического командования «Северный флот». Объединенное стратегическое командование будет защищать интересы России, прежде всего, Северный морской путь, морские биоресурсы, месторождения углеводородов и, самое главное, обеспечивать военную безопасность в континентальной части (Кольское, Печорское, Ямало-Ненецкое операционные направления) и западной морской зоне.

Основу группировки ОСК «СФ» составят корабельные и подводные силы, морская авиация и береговые войска Северного флота (морская пехота, береговые ракетно-артиллерийские войска, арктические формирования Сухопутных войск (арктические бригады), соединения Воздушно-космических сил (дивизии ПВО, истребительная авиация)), воинские части и организации материально-технического обеспечения и специальных войск [2].

Условия Крайнего Севера оказывают специфическое влияние на характер действий войск и их материальное обеспечение [3, с. 13–95, 4, с. 12–99]. Преобладающим рельефом материковой части является холмисто-грядовая местность с густой озерно-речной сетью. Часто встречающиеся скопления валунов и отдельные каменные глыбы значительно затрудняют передвижение транспорта вне дорог. В этих условиях движение транспорта возможно лишь с ноября по апрель, когда замерзают реки, озера и болота. Зимой толщина плотного снежного покрова в Заполярье колеблется от 80 до 100 см (рис. 1). [3, с. 32]

Рисунок1.
Снежный покров в Архангельской области

[1] Шаронов Александр Николаевич – д.в.н., профессор, с.н.с. НИИ Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва, Санкт-Петербург. E-mail: sharonov-55@yandex.ru
Шаронов Евгений Александрович – к.э.н., начальник отдела военно-научного комитета Штаба МТО ВС РФ, Москва. E-mail: sharonov@yandex.ru
[2] Доклад, представленный на конференции «Цивилизационные аспекты развития Арктических регионов России».

Движение по такому снегу вне дорог возможно только для гусеничных машин с удельным давлением на грунт не более 0,3 кг/см. Для других машин требуется прокладывать дороги и колонные пути. Устойчивый снежный покров образуется в конце октября и сохраняется до конца апреля. Его средняя толщина от 45 см до 70 см, в понижениях рельефа до 300 см. Число дней с метелями, туманами и пасмурной погодой достигает 200–300 в году. Частые метели (в осенне-зимний период от 9 до 15 дней в месяц, при средней скорости от 2,3 м/с до 10 м/с, с периодами до 40 м/с) вызывают снежные заносы (от 180 до 225 дней в году выпадение осадков, в осенне-зимний период выпадение осадков составляет от 270 мм до 430 мм) [4, с. 42].

Климат северных районов отличается коротким (один-два месяца) прохладным летом и продолжительной (шесть-девять месяцев) суровой зимой. Большую часть года температура не поднимается выше 0°С, а зимой опускается до 50–65°С мороза. Безветренной погоды почти не бывает. Средняя скорость ветра достигает 4–10 м/сек. При скорости ветра свыше 12 м/сек человек не может удержаться на ногах, ничего не видит и теряет ориентировку, техника и дороги быстро заносятся снегом. Резкие колебания температуры и повышенная сырость являются причиной обморожений и простудных заболеваний. Вновь прибывающий личный состав нуждается в акклиматизации. Так, например, в период Киркенесской операции среди личного состава 10-й гвардейской и 14-й стрелковых дивизий, находившихся на Крайнем Севере с начала войны, заболеваемость была на 50% ниже, чем в частях, прибывших к началу операции с южных участков Карельского фронта.

Арктические районы характеризуются: большой продолжительностью темного времени суток (начиная с 67 широты с первого октября по 10 марта начинаются сумеречные дни, солнце не восходит, но подымается к горизонту выше уровня 6 градусов, утренние сумерки сливаются с вечерними), а с 10 октября по 1 марта начинается полярная ночь, которая длится от 38 до 148 дней в зависимости от широты); вечной мерзлотой, широким распространением скальных грунтов и заболоченными участками в условиях арктической зоны, ограниченной возможностью использования лесоматериала или полное его отсутствие [3, 4].

За период залегания снежного покрова испаряется около 10% влаги. В теплое время года интенсивное испарение возможно в течение лишь двух-трех месяцев. Поэтому в целом за год сумма осадков превышает испаряемость в 1,4 раза, что обусловливает избыточное увлажнение территории. Избыточное увлажнение является основной причиной значительной обводнённой и заболоченности территории. На Кольском полуострове большие и малые озера, реки, ручьи исчисляются сотнями тысяч, а болота занимают 37% всей площади полуострова (рис. 2) [3, с. 28].

Рисунок 2.
Болота Кольского полуострова

На военнослужащих в районах Крайнего Севера оказывают влияние также полярные ночи и полярные дни, продолжительность которых в зависимости от широт достигает соответственно 31–110 и 54–127 суток. Полярная ночь и полярный день нарушают привычный для людей уклад жизни и вызывают у них повышенную напряженность.

В ночных условиях количество ошибок у военнослужащих увеличивается, что приводит к снижению результатов его деятельности. Ночь в сочетании с суровыми климатическими и неустойчивыми метеорологическими условиями усложняет действия войск, но вместе с тем облегчает маскировку и достижение внезапности. В полярный день затрудняется достижение внезапности и повышается роль защиты от воздействия противника.

На Кольском полуострове, побережье Белого моря большинство населенных пунктов соединено шоссейными и грунтовыми дорогами. В остальной части Заполярья дорожная сеть бедна. Поэтому передвижение войск на Крайнем Севере сопряжено с преодолением труднодоступных районов.

Большая часть элементов оперативного обустройства территории имеет низкую степень развития. Дорожная сеть развита слабо (в среднем до 10 км на 1000 км^2 при норме 200–500 км). Между дорогами простираются широкие полосы непроходимой в течение всего года местности для колесной, а в ряде случаев и большинства гусеничной техники (рис. 3, 4, 5) [3, с. 37; 4, с. 16–17].

Рисунок 3.
Участки каменных россыпей

Рисунок 4.
Горно-каменистая местность

Рисунок 5.
Лесной массив

Каменные россыпи, болота, вечная мерзлота, заболоченные лощины, глубокие овраги, затрудняют обеспечение войск. Коммуникациями могут служить крупные судоходные реки летом и ледовые пути зимой. Населенных пунктов мало, в основном они располагаются на побережье, а также вдоль рек и редких железных дорог. В северных районах при организации полевого водоснабжения должны учитываться повышенная стойкость отравляющих (радиоактивных) веществ во время метели, накопление их в населённых пунктах, лощинах, на опушках леса и в кустарниках. Зимой возникают сложности с оборудованием пунктов водоснабжения из-за невозможности проведения земляных инженерных работ. Продолжительная полярная ночь затрудняет ориентирование, вынуждает непрерывно использовать искусственное освещение.

Важная роль в обеспечении управления частями и подразделениями материального обеспечения принадлежит связи. В северных районах частые ионосферные и магнитные возмущения затрудняют работу радиостанций в коротковолновом диапазоне. В ряде районов (временами отмечается ее полное прекращение. Во время пурги электростатические помехи также затрудняют связь (они вызывают пронзительный свист, который может на длительное время

заглушить передачу на всех частотах). В снегопад возможно занесение воздушных проволочных линий связи снегом, их обледенение и обрыв.

Анализ работы технических средств материального обеспечения и технологического оборудования в условиях Арктики показывает, что они подвержены влиянию экстремальным температурам и «размораживанию» технологического оборудования [3, с. 125; 4, с. 105–106].

На рис. 6(а) и рис. 6(б) наглядно показано влияние снежного покрова и низких температур на состояние технических средств приготовления пищи: непроходимый для автомобиля снежный покров, промерзание кузова-фургона внутри и как следствие – обледенение технологического оборудования.

Рисунок 6(а).
Влияние снежного покрова на состояние технических средств продовольственной службы

Рисунок 6(б).
Влияние низких температур на состояние технических средств продовольственной службы

Рисунок 7.
Состояние средств заправки и транспортирования горючего при хранении в условиях Арктики

Обобщенные показатели природно-климатических условий северо-западной (европейской) части Арктического региона приведены в табл. 1 [4, с. 38; 5, с. 45].

Таблица 1

Обобщенные показатели природно-климатических условий европейской части Арктического региона

Наименование показателя, размерность	Значение показателя для характерных регионов		
	Кольский полуостров	Карелия	Архангельская обл.
Преобладающий рельеф и характеристика местности	Горная тундра, на севере с резко пересеченным рельефом. Холмистый на юге. Много рек и озер, россыпи валунов.	Холмистый, много озер и болот, до 85% территории заняты лесом. Россыпи валунов	Равнинный, большие массивы заболоченных лесов. У побережья много валунов и камней
Почво-грунт	Скальный	Скальный	Каменистые и рыхлые (на юге)
Заболоченность местности, % территории	15–40	15–40	25–45
Тип болот	Сплошные	Сплошные и сапропелевые	Сапропелевые
Глубина болот, м	До 3	До 3	От 5 до 8
Продолжительность зимнего периода, мес.	5–7	5–6	5–6
Продолжительность распутицы, месяцы	2,5–3,5	2,5–3,5	2,5–4
Температура воздуха, 0ºС – максимальная летом	+25	+30	+30
– минимальная зимой	–50	–48	–54
Годовое количество осадков, мм	500–700	500–600	500–700
Плотность дорог, км/100 км^2, в том числе:	9,15	9,40	3,70
– твердым покрытием	5,95	2,80	1,20
– без покрытия	3,20	6,60	2,50
Высота снежного покрова, м	1,5–2,0	0,5–1,5	0,5–1,0
Плотность снега, г/см^3	0,2–0,35	0,1–0,35	0,1–0,35

Анализ существующих технических средств показал, что в настоящее они не способны гарантированно в условиях болотистой местности, глубокого снежного покрова, большого количества рек и водоёмов, отсутствия развитой дорожной сети и экстремально низких температур обеспечить приготовление пищи [3–8]. Для условий Арктики должны быть созданы такие технические средства материального обеспечения, которые могут обеспечить гарантированное выполнение задач при температуре окружающей среды от минус 50ºС до плюс 50ºС, с возможностью кратковременной работы при предельных значениях температуры минус 60ºС, а также при относительной влажности воздуха до 98% при температуре до плюс 25ºС [3, с. 301].

Установлено, что основным средством обеспечения подвижности арктических подразделений по-прежнему будет являться военная автомобильная техника, к образцам которой будут предъявляться специфические повышенные требования в плане проходимости и маневренности [3–8]. Исходя из условий применения техники в Арктической зоне, наиболее рациональным вариантом транспортного средства, используемого в качестве средства подвижности вооружения, является сочлененная гусеничная машина, обладающая наилучшими показателями опорной проходимости и маневренности в условиях Крайнего Севера (рис. 8).

Рисунок 8.
Сочлененные гусеничные машины

На основе перечисленных факторов обозначены и основные требования, предъявляемые к арктическим образцам технических средств материального обеспечения. К таким требованиям относятся [3–10]:

– техническая готовность (Кг – коэффициент технической готовности), создаваемых образцов должна обеспечить гарантированное выполнение функциональных задач в заданных условиях;

– оперативная готовность (Ког – коэффициент оперативной готовности) гарантированное применение образцов в течение заданного срока эксплуатации при заданной наработке на отказ;

– базовое шасси должно быть снегоболотоходным и обеспечивать: высокую проходимость с максимально возможными скоростями передвижения по неразведанной местности, болотам, водным преградам, глубокому снежному покрову и грунтам с низкой несущей способностью; максимальную мобильность; всепогодность применения; максимальный запас хода; повышенную маневренность, надежность управления при движении с обеспечением защищенными средствами связи и навигации;

– дальность применения по разнообразным изолированным направлениям и на широком фронте;

– максимальная автономность в обеспечении войск (сил);

– живучесть и стойкость к внешним воздействиям;

– маскируемость и оптимальная защищенность от стрелкового оружия, осколков гранат и артиллерийских снарядов.

Общие требования, определяемые назначением и условиями эксплуатации:

– проходимость базовых шасси должна обеспечить передвижение по болотистой местности, глубокому снежному покрытию в условиях бездорожья;

– базовое шасси, кузова-фургоны выбираются из перечня военной автомобильной техники, закрепленной действующим «Типажом ВАТ для ВС РФ»;

– технические средства материального обеспечения должны обеспечить гарантирование выполнения функциональных задач при температуре окружающей среды от минус 50°С до плюс 50°С, с возможностью кратковременной работы при предельных значениях температур минус 60°С, а также при относительной влажности воздуха до 98% при температуре до плюс 25°С;

– гарантированное применение образцов – не менее 15 лет;

– образцы по требованиям транспортабельности должны быть адаптированы к перевозке под действующие виды воздушного, железнодорожного, морского и речного транспорта;

– применяемое при создании образцов технологическое оборудование, комплектующие, составные части и материалы – только отечественного производства.

Перечисленные выше требования были предъявлены к созданию опытных образцов технических средств материального обеспечения, предназначенных для обеспечения военнослужащих горячей пищей, выпечке хлеба, кратковременному содержанию и транспортированию воды, а также заправки, транспортирования и кратковременного хранения горючего, масел, специальных жидкостей в условиях Арктической зоны. К ним относятся: цистерна арктическая; кухня арктическая; хлебопекарня арктическая; топливомаслозаправщик арктический и хозяйственно-складской модуль арктический [3–8].

Установлено, что в условиях Арктики под монтаж технологического и специального оборудования для технических средств материального обеспечения целесообразно использовать двухзвенный гусеничный транспортёр ДТ-30ПМ (рис. 9).

Рисунок 9.
Двухзвенный гусеничный транспортер ДТ-30ПБ

Его грузовые отсеки первого и второго звена можно использовать под монтаж специального и технологического оборудования для выполнения задач материального обеспечения войск (сил) арктической группировки в полевых условиях [3, с. 119–130; 4, с. 99–107; 5, с. 118–128; 10, с. 12–13]. При конструировании этих технических средств применяются передовые технологии и современное оборудование, позволяющие организовать материальное обеспечение в условиях экстремально низких температур – до минус 60ºС. На шасси двухзвенного гусеничного транспортера имеются силовой и технологический блоки. Силовой блок смонтирован на первом звене базового шасси, технологиче-

ский – на втором. Основные технические характеристики двухзвенного гусеничного транспортера ДТ-30ПБ приведены в табл. 2, а силовой блок арктических технических средств на рис. 10 [10, с. 13].

Таблица 2

Основные технические характеристики ДТ-30ПМ

Наименование характеристики	ДТ-30ПМ
Масса в снаряжённом состоянии, кг	$29,5^{+0,5}$
Грузоподъёмность, кг 1 звено 2 звено	30 000 12 000 18 000
Внутренние размеры кузовов, мм: 1 звено: длина/ширина 2 звено: длина/ширина	 3398/2910 6530/2910
Среднее удельное давление на грунт, МПа (кг/см^2)	0,03 (0,3)
Мощность двигателя, кВт (л.с.)	522 (710)
Максимальная скорость, км/ч: по дорогам на плаву	 43 4–5
Минимальный радиус поворота, м	16
Преодолеваемые препятствия с полной нагрузкой: максимальный угол подъема (спуска), град. косогор, град. высота стенки, мм ширина рва, м	 30 15 1200 4
Гарантийный пробег, км	6000
Пробег до капремонта, км	16 000
Перевозка транспортом: железнодорожным транспортом воздушным автомобильным транспортом морским	 в габарите 02-ВМ АН-22, АН-124 Прицепы ЧМЗАП 9990 и ЧМЗАП 5247Г по ГОСТ 26653-90

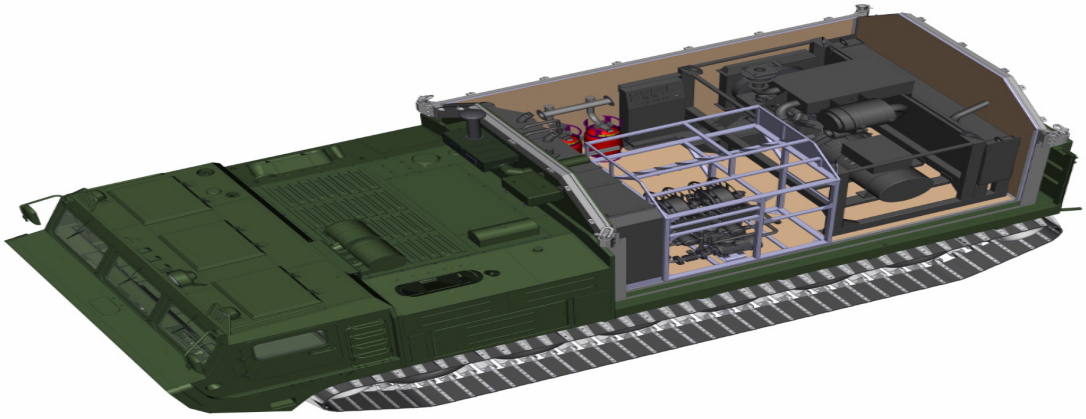


Рисунок 10.
Силовой блок арктических технических средств материального обеспечения

Кузова силового и технологического блоков конструктивно выполнены отдельно от базового шасси (для обеспечения возможности перевозки изделия любыми видами транспорта) и имеют съемные крыши (для обеспечения возможности монтажа и демонтажа внутреннего оборудования). При конструировании изделий использовался принцип модульности и унификации. В конструкции изделий используется комплектующие и материалы отечественного производства. Изделия максимально унифицированы между собой в части: базового шасси; кузовов силового и технологического блоков; автономной системы электроснабжения, отопления и освещения; системы автоматического пожаротушения [3,с. 314; 4, с. 184].

Силовой блок изделий арктических технических средств предназначен для обеспечения электроэнергией технологического блока и другого оборудования. В состав силового блока входит первое звено базового шасси с установленным на нём теплоизолированным кузовом силового блока, в котором размещены: основная дизельная электростанция (ДЭС) напряжением 380 В и мощностью 100 кВт; резервная ДЭС напряжением 280 В и мощностью 5 кВт; бак с дизельным топливом (на 24 часа работы) для основной и резервной ДЭС; системы электроавтоматики основной

резервной ДЭС; автоматическая система пожаротушения; отопительно-вентиляционная установка; элементы системы освещения.

Обогрев силового блока при движении и на стоянке осуществляется с помощью отопительно-вентиляционной установки. Для обеспечения требуемых температурных режимов работы ДЭС кузов силового блока оборудован автоматическими жалюзи, обеспечивающими забор внешнего воздуха и вывод отработанного во внешнюю среду.

Кухня арктическая (КА-250/30ПМ) предназначена для приготовления и транспортирования горячей пищи из двух блюд и кипятка до 200 человек питающихся в полевых условиях [3, с. 313; 4, с. 159; 6, с. 10].

Требования, определяемые назначением:

– производственные возможности кухни должны обеспечить приготовление пищи на 200–250 человек;

– возимые запасы продовольствия – не менее 1с/д;

– количество обслуживающего персонала – не более 2-х чел.;

– время развертывания (свертывания) – не более 15 мин.

Технологический блок кухни арктической КА-250/30ПМ предназначен для приготовления, транспортирования и выдачи горячей пищи из первого, второго, третьего блюд и кипятка в полевых условиях на 250 чел. питающихся (рис. 11) [6, с. 10–12].

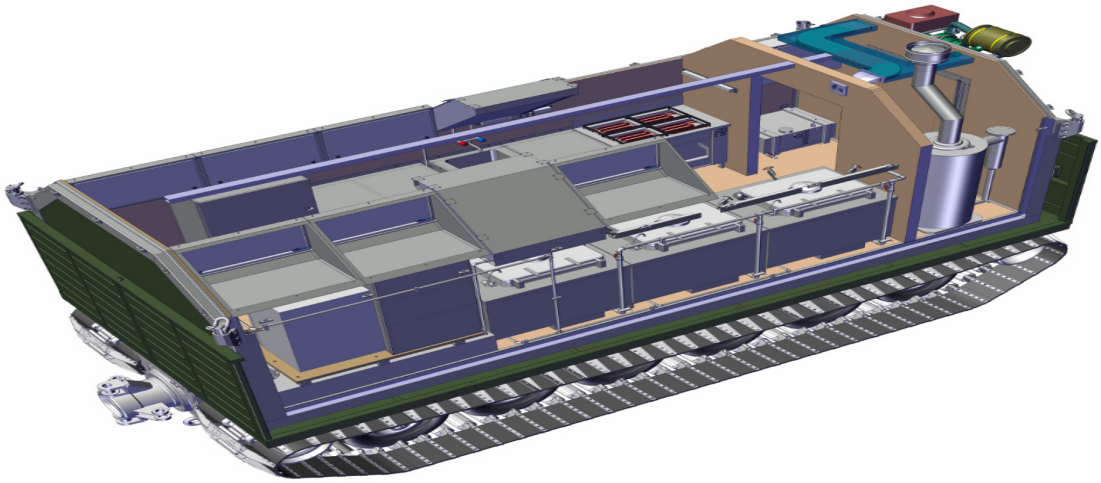


Рисунок 11.
Технологический блок кухни арктической КА-250/30ПМ

В состав технологического блока кухни входит второе звено базового шасси ДТ-30ПМ с установленным на нём теплоизолированным кузовом технологического блока кухни, в котором размещено основное и вспомогательное технологическое оборудование [3, с. 313–316; 4, с. 158–162; 6, с. 25–63]: три котла пищеварочных на электрическом и паровом обогреве емкостью 160 л каждый; плита электрическая с жарочным шкафом; баки для воды; шкафы и столы производственные; отопительно-вентиляционная установка; фильтровентиляционная установка; первичные средства пожаротушения; комплект ЗИП и другое оборудование. В тамбуре технологического блока расположен парогенератор, предназначенный для обеспечения резервного питания котлов паром в случае выхода из строя основного источника электроэнергии.

Парогенератор работает на дизельном топливе без использования электроэнергии. Его производительность позволяет обеспечить работу всех котлов.

Хлебопекарня арктическая (ХПА-500/30ПМ) предназначена для производства формового пшеничного, ржано-пшеничного хлеба в полевых условиях на 700 чел/сутки [3, с. 318; 7, с. 40].

Требования, определяемые назначением:

– возимые запасы муки, соли и дрожжей на период – не менее 7–8 суток;

– производительность хлебопекарни должна обеспечить свежим хлебом 650–700 чел.;

– количество обслуживающего персонала – не более 2-х чел.;

– время развертывания (свертывания) – не более 15 мин.

Технологический блок хлебопекарни арктической ХПА-500/30ПМ предназначен для производства формового ржано-пшеничного и пшеничного хлеба в полевых условиях Арктической зоны и в других регионах с особо тяжёлыми природно-климатическими условиями (рис. 12) [7, с. 39].

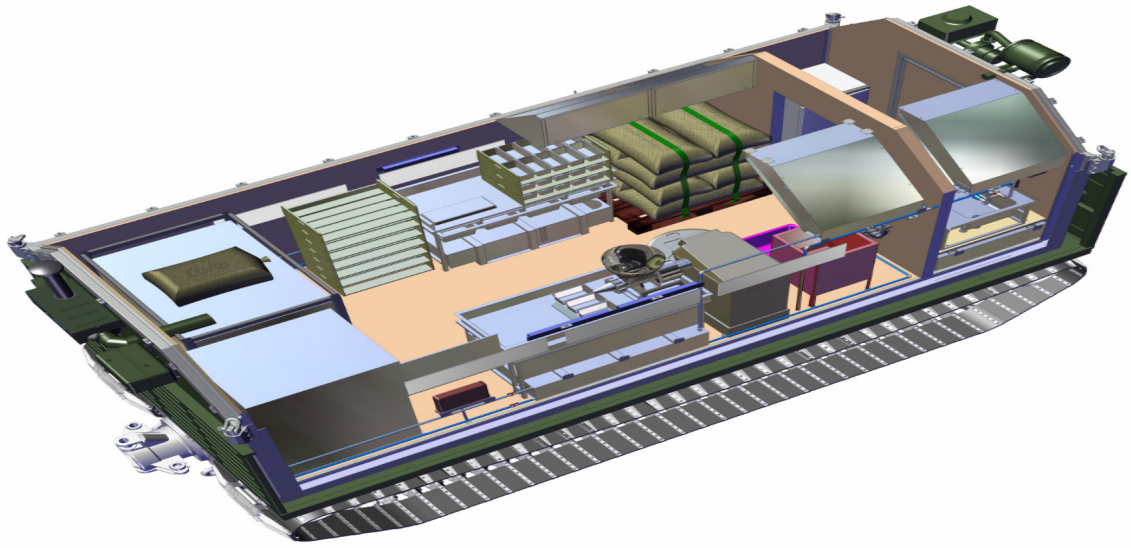


Рисунок 12.
Технологический блок хлебопекарни арктической ХПА-500/30ПМ

В состав технологического блока хлебопекарни арктической входит второе звено базового шасси ДТ-30ПМ с установленным на нём теплоизолированным и обогреваемым кузовом технологического блока, в котором размещено основное и вспомогательное технологическое оборудование: хлебопекарная печь; расстойный шкаф; агрегат просеивательный с дозировочной емкостью; машина тестомесильная; тестоделитель; столы производственные; баки для воды; отопительно-вентиляционная установка; фильтровентиляционная установка; первичные средства пожаротушения; комплект ЗИП и другое оборудование [3, с. 317–322; 7, с. 74–117].

Цистерна арктическая (ЦВА-10/30ПМ) предназначена для транспортирования и кратковременного хранения питьевой воды массой 10 000 литров [3, с. 571–584; 8, с. 59–64]. Требования, определяемые назначением:

– цистерна термоизолированная с системой подогрева вместимостью – не менее 10 м^3;

– количество обслуживающего персонала – 1 чел.

В состав технологического блока цистерны арктической входит второе звено базового шасси ДТ-30ПМ с установленным на нём теплоизолированным кузовом технологического блока, в котором размещено основное и вспомогательное технологическое оборудование: ёмкость для воды вместимостью 10000 л; система ультрафиолетового обеззараживания воды; технологическое оборудование для раздачи воды; напорно-всасывающие рукава с быстроразъемными присоединительными устройствами; средства управления режимами рабочих операций; отопительно-вентиляционная установка; фильтровентиляционная установка; элементы системы освещения; первичные средства пожаротушения; комплект ЗИП и другое оборудование (рис. 13) [3, с. 560–600; 8, с. 16–20, 59–64]. Особенностью цистерны арктической является применение в её конструкции системы ультрафиолетового обеззараживания воды, что существенно улучшает санитарно-эпидемиологические характеристики качества выдаваемой воды.

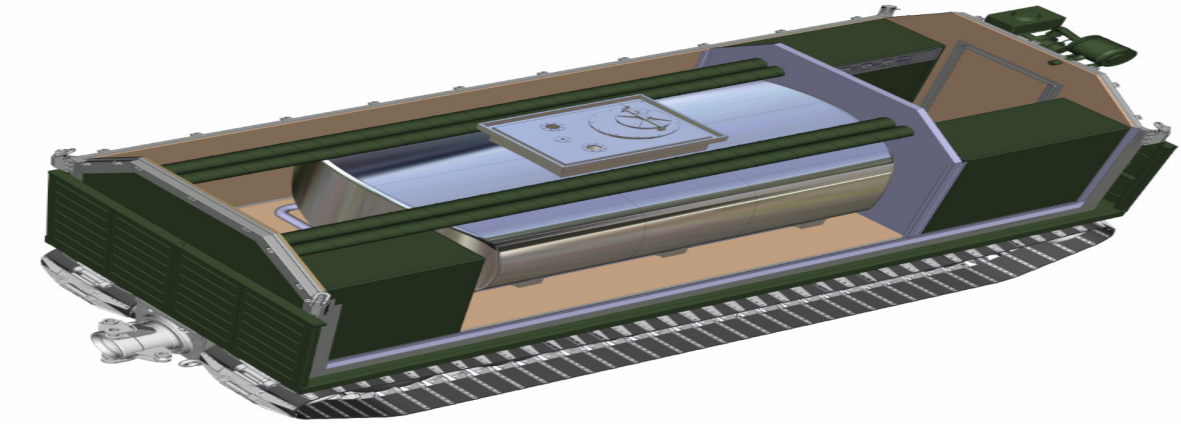


Рисунок 13.
Технологический блок цистерны арктической ЦВА-10/30ПМ

Цистерна арктическая ЦВА-10/30ПМ обеспечивает требуемый уровень технических характеристик, гарантированное транспортирование, хранение, ультрафиолетовое обеззараживание и выдачу 10 000 л воды при температурах окружающего воздуха, характерных для Арктической зоны.

Топливомаслозаправщик арктический предназначен для заправки гусеничных и колесных машин, а также для транспортирования и кратковременного хранения горючего, масел и специальных жидкостей в условиях низких температур. Требования, определяемые назначением [3, с. 564]:

– вместимость цистерны для горючего – не менее 14 м^3;

– подача насосной установки – не менее 60 м^3/час;

– количество масла и специальных жидкостей, перевозимых в канистрах (мелкой таре) – не менее 2800 л;

– количество бочек с маслом и специальными жидкостями, размещенных в термоизолированном обогреваемом отсеке (первое звено) – не менее 14 ед.;

– время развертывания из походного положения в рабочее – не более 15 мин;

– время свертывания – не более 15 мин;

– обслуживающий расчет – 2 чел.

В технологическом блоке расположены: ёмкость для горючего; бортовая насосная станция с трубопроводами и арматурой; напорно-всасывающие и раздаточные рукава; средства очистки и фильтрации топлива; контрольно-измерительные приборы; устройства контроля и учета объёма горючего; средства управления режимами рабочих операций; компрессорная установка с ресивером; отопительно-вентиляционная установка; элементы системы освещения; первичные средства пожаротушения; комплект ЗИП и другое оборудование [3, с. 664–663].

Технологическое и специальное оборудование функционально и конструктивно размещено в силовом и технологическом блоках. Технологический блок топливо маслозаправщика размещается в необогреваемом доработанном кузове второго звена базового шасси, закрытым легкосъёмной металлической крышей. Силовой блок топливомаслозаправщика унифицирован по составу с силовыми блоками кухни, хлебопекарни, цистерны для воды за исключением того, что отсутствует резервная ДЭС постоянного тока мощностью 5 кВт, а в состав силового блока дополнительно введено оборудование для хранения и выдачи моторного и трансмиссионного масел и стеллаж для канистр с охлаждающей жидкостью. Питание электрической энергией системы обогрева силового блока во время движения и систем освещения, производится от бортовой системы базового шасси.

Таким образом, для материального обеспечения военнослужащих подразделений и частей объединенного стратегического командования ОСК «Северный флот» в условиях Арктики разработаны специальные арктические технические средства с тактико-техническими характеристиками, которые учитывают специфические природно-климатические и физико-географические особенности региона. Применение технических средств позволит решать функциональные задачи по организации питания, выпечки хлеба, обеспечению питьевой водой военнослужащих, а также заправки техники горючем в полевых условиях мирного и военного времени. Реализация технических решений в конструкции арктических технических средств материального обеспечения гарантирует выполнение функциональных задач по службам материального обеспечения, а используемое технологическое оборудование – эксплуатацию в условиях, характерных для особо тяжелых дорожно-климатических районов Севера, Сибири, Дальнего Востока и Арктики [9, 10].

Литература

1. Васильев Ю.С., Диденко Н.И. Анализ рисков Арктических регионов // Арктика: История и современность: Труды международной научной конференции. СПб. 2016. – С. 9–40.
2. Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki. Объединённое стратегическое командование «Северный флот».
3. Топоров А.В., Коновалов В.Б., Шаронов А.Н., Квашнин Б.С., Востряков И.В., Шаронов Е.А. Научное обоснование и разработка арктических технических средств материального обеспечения: Военно-теоретический труд. – В 2-х частях / ФГКВОУ ВО «Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва». – СПб, ВА МТО, издательство Астерион, 2018. – Часть 1. – 736 с.
4. Шаронов А.Н., Коновалов В.Б., Шаронов Е. А. Научное обоснование тактико-технических требований к разработке арктических технических средств продовольственной службы: – Монография. МО РФ, ФГКВОУ ВО «Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва». – СПб: Р-КОПИ: ВА МТО, 2016. – 211с.
5. Топоров А.В., Коновалов В.Б., Квашнин Б.С., Востряков И.В., Шаронов А.Н. Особенности применения технических средств служб материального обеспечения в условиях Арктики: – Монография. ФГКВОУ ВО «Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва». – СПб, ВА МТО, 2017. – 216 с.
6. Топоров А.В., Коновалов В.Б., Шаронов А.Н., Шаронов Е.А. Оценка вариантов и обоснование технологического оборудования кухни арктической. Монография.- ФГКВОУ ВО «Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва». – СПб, ВА МТО, издательство Р-Копи, 2018. – 152 с.
7. Топоров А.В., Коновалов В.Б., Шаронов А.Н., Шаронов Е.А. Разработка тактико-технических требований и оценка технического уровня хлебопекарни арктической: Монография. ФГКВОУ ВО «Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва». – СПб, ВА МТО, 2017. – 300 с.
8. Шаронов А.Н., Востряков И.В., Шаронов Е.А. Оценка вариантов и обоснование технологического оборудования цистерны арктической. Монография. – ФГКВОУ ВО «Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва». – СПб, ВА МТО, 2017. – 200 с.
9. Шаронов А.Н., Шаронов Е.А. Научное обоснование и разработка общих технических требований для перспективной техники продовольственной службы. Военно-теоретический труд. ФГКВОУ ВО «Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва». – СПб, ВА МТО, изд-во АСТЕРИОН. 2019. – 1009 с.
10. Шаронов А.Н., Шаронов Е.А. Общие технические требования к технике продовольственной службы (проект нормативно-технического документа). Монография. ФГКВОУ ВО «Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва». – СПб, ВА МТО, изд-во АСТЕРИОН. 2019. – 457 с.

БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ:
РАЗВИТИЕ, БЕЗОПАСНОСТЬ, СОТРУДНИЧЕСТВО

Ежегодник

Выпуск 2

Часть 2

Компьютерная верстка
и техническое редактирование –
В.Б. Сумерова

Подписано на выход в свет 11/XII – 2019 г.
Формат 60×90/8 Уч.-изд.л. 119,6